

Весь Волкодав

Содержание

1. «Волкодав. Истовик-камень»	2
2. «Волкодав»	141
3. «Волкодав. Право на поединок»	451
4. «Волкодав. Знамение пути»	735
5. «Волкодав. Самоцветные горы»	915
6. «Волкодав. Мир по дороге»	1077

Мария Семенова
Волкодав:
Истовик-камень

Мой прадед был из тех, кто не сберёг свободы.
Подраненный в бою, пощады запросил
И в доме у врага оставшиеся годы
Прозвание «раба» без ропота носил.

Должно быть, он сперва хранил в душе надежду
Вернуться в прежний мир: «Судьба, не разлучи!..»
...Но вот хозяин дал и пищу, и одежду,
И кров над головой в неласковой ночи.

И больше не пришлось в заботе о насущном
Решать и знать, что жизнь ошибки не простит.
Хозяин всё решит, хозяин знает лучше,
За ним рабу живётся и сыто и в чести.

Свободному закон не очень мягко стелет,
Свободный, он за Правду стоит порой один...
Ну а раба – не тронь! За ним его владелец.
А провинится раб – ответит господин.

И женщину он даст – супругу не супругу,
Но всё ж таки утеху толковому рабу...
...И время потекло по замкнутому кругу,
В котором повелось усматривать Судьбу.

И прадед мой не слал ей горьких поношений,
Не возносил молитву о разрешенье уз.
Ведь право рассуждать, ответственность решений —
Кому-то благодать, кому-то тяжкий груз.

И прежняя свобода – закрытая страница —
Всё более казалась полузабытым сном.
Иною стала жизнь – и мысли об ином...
...А правнукам его свобода и не снится.

1. Пёсий вой

Отгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым мертвенным серебром. Было тихо, лишь ветер, вечно дующий в этих местах, заставлял вершины сосен еле слышно шептаться. Ветер дул всегда в одном направлении – с гор. Его так и называли: «горыч». Отдельно стоявшие, окраинные деревья росли согнутыми в вечном поклоне этому ветру, с сучьями, вытянутыми в одну сторону, как флаги. Горыч зарождался высоко, на замороженных ледниках, где горело холодное сизое солнце и не было места ни зверю, ни человеку. Здесь, внизу, на прожаренной, как сковородка, равнине, смертоносное дыхание льдов становилось живительно-влажным и позволяло вырасти лесу. Не худосочному степному кустарнику, проникшему жилистыми корнями на много саженей сквозь сухие бесплодные недра, а настоящему лесу!

Темноволосый мальчик, то шагавший, то пытавшийся устало бежать по старой дороге, пугливо косился по сторонам, и даже отупляющее изнеможение не могло заставить его смотреть исключительно под ноги. Ему было страшно. Он решился войти сюда только потому, что остаться одному было ещё страшнее. Случись на то его воля, он нипочём бы не согласился здесь жить. Другое дело, до сих пор его согласия спрашивали очень редко. И вряд ли спросят в дальнейшем. Таков был порядок вещей, предопределённый задолго до его рождения, и оспаривать этот порядок у мальчика даже мысли не возникало. Но неужели там, где судьба скоро отведёт ему жить и прислуживать новому господину, тоже не окажется ни полей, ни степи, ни открытого неба – ничего, кроме этих ужасных деревьев повсюду?..

Мальчика звали Каттай, что на древнем, лишь в книгах оставшемся языке означало «ремесленник, делающий кирпичи». Там, где он вырос, люди не привыкли к лесам. Вокруг стольного города Гарната-ката расстилались пастбища, пашни да виноградники, а между ними – лиственные рощи, видимые на просвет. Леса, которые можно было пересечь пешком за неполных полдня, считались дремучими чащобами. Людская молва населяла их хищными страшилищами, которыми пугали не только детей...

Каттай был мальчиком не из самых отчаянных, а проще говоря – послушным и робким, и боялся того, чего ему с младенчества велено было бояться. Но теперь он видел, что «страшные» леса его родины против здешних были – как игрушечная лошадка против свирепого боевого коня-хара, чьи копыта и морду хозяин-воин после сражения не спешит обтирать от вражеской крови. Воистину, эти леса были способны смутить не только десятилетнего уроженца западного Халисуна! Здесь воззвали бы к своим Богам даже многоопытные лесовики родом из баснословных северных дебрей, о которых никто не мог с уверенностью сказать, существуют ли они на самом деле. Взять хоть дорогу, по которой из последних сил переставлял ноги маленький странник. Лишь отъявленный лжец сказал бы о ней, будто её здесь *проложили*. О нет! Она смиренно *пролегла* там, где лес ей позволил. Ради неё не валили деревьев. Наоборот – это дорога благоговеино и опасно гибала чудовищные стволы! Стволы столь громадные, что внутри каждого можно было бы изваять целый дом. И не маленький дом. С просторными жилыми хоромами, кухней и помещением для рабов. Наверное, даже небольшому скотному дворику нашлось бы местечко...

Подумав так, Каттай ужаснулся посетившим его святотатственным мыслям. У него дома лишь у кустарника брали ветви, необходимые для корзин, а на окраину леса смиренно ходили не с топором – с верёвкой для хвороста. Что, если могущественный дух этой чащи услышал помыслы нечестивца, и из-за деревьев вот-вот ринутся разъярённые демоны?..

Измученные ноги так и приросли к месту. Мальчик пугливо огляделся по сторонам и заплакал. Его шаровары отяжелели от пыли, простую неподпоясанную рубаху густыми разводами выбелил пот, а желудок, пустой со вчерашнего дня, от усталости уже перестал требовать пищи. Жажда сделала слёзы густым жгучим рассолом, нехотя истекавшим из глаз. В десятке шагов от дороги слышалось ласковое воркование лесного ручья, но Каттай так и не решился приблизиться к нему, чтобы умыть лицо и напиться. Демоны всё не появлялись. Страх вновь погнал мальчика вперёд, и он сперва зашагал, потом неловко побежал по

дороге. Наверное, он так и умрёт, догоняя караван, от которого отстал. Если даже его не схватят лесные духи, то наверняка съедят звери или доконает усталость. Но пока он ещё жив и может идти – он не остановится и не повернёт из этого леса назад. Ибо горе тому, кто не исполняет своего Предназначения и не считается с ним... Каттай давился слезами и размазывал их рукавом по грязным щекам. Лес, облитый луной, еле слышно роптал, отвечая на его бессловесную жалобу. Морщины обросшей лишайниками коры складывались в бородастые лики, ветви двигались и клонились в неторопливой беседе... Мудрый лес, видевший всё и знающий всё. Он многое мог бы поведать Каттаю в остережение и науку. В том числе о предназначении и судьбе. И о жизни, которая не всегда послушна даже Богам – ибо Лес был определённо старше некоторых Богов...

Но в огромных голосах Сущего каждый слышит лишь то, что способен постичь. А по дороге бежал всего лишь маленький мальчик. Голодный, напуганный мальчик, вовсе не расположенный созерцать величественные бездны Вселенной...

Солнечные лучи уже благословляли лесные вершины, и на косматых головах великанов, где ночью играли и прятались звёзды, одна за другой вспыхивали огненные короны. Свет и тепло медленно сползали вниз по стволам, но слишком долг был путь до подножий, до вросших в землю корней. Не скоро будет озарена маленькая поляна, не скоро над нею развеется пронизанный косыми отсветами туман...

Середину поляны занимало глубокое круглое озеро. Редкие путешественники, проезжавшие здесь, не удосужились дать озеру имя, но передавали друг другу, что вода, сквозь которую было видно кремнистое дно, очень вкусная и холодная. Она не испортится, если запасти её в бурдюках для путешествия через засушливые равнины. А если выкупаться – даже целебная. Как говорили, делала она мужчин ещё более мужественными и привлекательными для женщин. Может быть, именно из-за холода и чистоты, а впрочем, кто знает?

На прибрежном камне стоял молодой раб и держал в руках полотенце. Полотенце было из тех, что умели делать лишь халисунские ткачи, непревзойдённые мастера хлопка. Эти мастера исхитряются класть нити удивительным образом, уподобляя ткань мохнатой меховой шкуре, причём с обеих сторон. Подобное полотенце дивно впитывает влагу и приятно массирует тело. Рассказывают, будто не один тайный подсыл отдал жизнь за попытку увидеть ткацкий станок, порождающий подобное чудо. Многие пробовали своим умом изобрести нечто подобное и повторить знаменитую халисунскую работу, но до сих пор никто не преуспел. Оттого полотенце стоило больше, чем невольник, бережно державший его наготове для господина, и сам раб о том знал.

Ни другого берега, ни даже середины озера не было видно в тумане. Оттуда, из неспешно вихрившихся ключев, плескали на камень бодрые волны, поднятые сильными руками пловца, и время от времени раздавался довольный мужской смех. Потом в тумане произошло движение, и над водой смутно обрисовались плечи и голова человека, вброд шедшего к берегу. Фыркая и весело отдуваясь, мужчина поднялся на отлогий камень, и раб сразу накинул на него полотенце. Крепкое, стройное тело хозяина было пупырчатым и красным после холодной воды.

– Хорошо ли выкупался мой господин? – почтительно спросил юноша. В левом ухе у него висела серьга – крупная бусина из твёрдого дерева на железном шпеньке, с выжженной надписью на саккаремском: «Ксоо Тарким». Пережиток давно минувших времён, когда воинственные предки Ксоо Таркима пригвождали пленников к шестам за уши, а клейма выжигали на теле. С тех пор, по воле Богини, в Саккареме многое изменилось. Кое-кто полагает, что люди сделались милосердней, а кое-кто – что они стали просто слабей. Теперь случается и так, что грамотный и сметливый невольник правит хозяйством, а господин живёт в праздной лени, даже не умея читать. Но Тарким из славного рода Ксоо был не таков. О нет, совсем не таков!

– Вода пробуждает к долгому дню, полному преодолений, – дружески отвечал он

слуге. – Я оденусь сам, а ты, Белир, скорее неси чай.

Ещё две тени, неслышно маячившие в тумане, тотчас подались прочь и растаяли. Господин выкупался. Теперь можно брать воду на питьё и пищу для невольников...

Немного погодя Ксоо Тарким сидел на ковре и с наслаждением потягивал чай, крепкий, горячий, в меру сдобренный сладким мельсинским вином: Белир хорошо знал пристрастия господина. Рядом с чайником лежали на блюде всего два жареных пирожка. По утрам Тарким никогда не ел много, ибо полагал, что брюхо, набитое спозаранку, лишает бодрости мыслей. Ему нравилось это безмянное озеро, неизменно дававшее его караванам желанную передышку, нравился краткий момент праздности после купания, который он всегда позволял себе здесь утром: посидеть за чаем и помечтать, просто *помечтать* о грядущих свершениях дня...

Ему нравился даже ветер-горыч, всегда ровно и неизменно тянущий в одну сторону. Ветер уносит прочь скверные запахи каравана, позволяя дышать чистым лесным воздухом. Увы, уже нынче к вечеру благодать кончится. Сегодня они заночуют в предгорьях, и Белир вытащит из хозяйских вьюков толстое меховое одеяло и тёплый кафтан...

Между тем солнечные лучи достигли земли и прогнали остатки тумана, льнувшие к древесным корням, и стал виден караван, расположившийся на том берегу. Ах, где вы, благородные путешественники минувшего, воины и торговцы, имевшие – если верить книгам – дело лишь с пряностями и серебром!.. Караван Ксоо Таркима был не из тех, на которые приятно смотреть. На лужайке у берега щипали траву четыре саврасые лошадки некрупной, но сильной и очень выносливой нардарской породы. Когда придёт пора трогаться в путь, их впрягут в стоящую под деревьями повозку. Повозка большая и вместительная; в ней путешествует имущество Таркима и много зерна, засыпанного в мешки. То, которое получше, – на корм коням. То, которое дешевле и хуже, – на кашу для трёх десятков людей. Потому что эти так называемые люди лучшего обращения поистине не заслужили. К задку повозки намертво приделана длинная и толстая цепь, а к цепи попарно – кто за правую руку, кто за левую – прикованы рабы. В этом заключается необычность. В пристойном караване рабы идут сами, а дети, нежные красавицы и старики со старухами даже едут в возках. Но у Таркима такие рабы, что ни один здравомыслящий человек себе подобных не пожелает. Месяц назад все они сидели за тюремной решёткой – воры, грабители и мошенники, пойманные с поличным, – и в старые славные времена, о которых так тоскует Таркимов отец, Ксоо Хармал, их давно бы уже казнили на рыночной площади, когда приходит весна и настаёт время очищать тюрьмы. Нынешний шад, да прольётся ему под ноги дождь, ограничил смертную казнь, и теперь подвалы освобождают иначе. Скопившийся за зиму сброд продают за бесценок торговцам, а те выбирают мужиков поздоровее и доставляют на рудники. И без цепей тут не обойтись, ведь разбойный люд не ценит продления жизни, дарованной милосердием шادا, и только думает о том, как бы сбежать. Потому идут Таркимовы рабы грязными, нечёсанными и немытыми, потому и выглядит его караван до того непотребно, что самому хозяину неохота смотреть. Одно благо – недалеко осталось шагать. А там, в Самоцветных горах, за сильных парней дадут настоящую цену. Золотом и дорогими камнями. Даже не спрашивая о строптивости нрава. Там из самых опасных, благодаря которым Тарким в пути некрепко спит по ночам, живенько повышибут дурь...

* * *

...Надсмотрщики неторопливо шли вдоль цепи, черенками копий и просто пинками поднимая тех, кто ещё спал или притворялся, что спит. Рабы огрызались в ответ, переругиваясь на нескольких языках. В большом котле, подвешенном над огнём, булькала ячменная каша.

Размышления хозяина каравана были прерваны внезапным возгласом одного из надсмотрщиков. В дальнем пути следует быть готовым решительно ко всему, но

неожиданное всегда застаёт врасплох, иначе оно называлось бы по-другому. Ксоо Тарким тревожно вскинул голову, едва не расплескав из чашки душистый чай: «Что? Неужели за ночь кто-то пропал?..»

Оказалось, однако, что в караване произошла не убыль, а прибыль. Туман рассеялся окончательно, открыв дорогу, накануне выведшую их к озеру. И Тарким увидел, что по дороге, хромя и спотыкаясь, из последних сил плёлся мальчишка.

– Каттай?.. – искренне изумился торговец. – Во имя запylённых сандалий Хранящей-в-пути!.. Вот уж не думал, что он найдётся. Да ещё сумеет нас догнать!..

Правду молвить, вчера он почти обрадовался, когда после дневного привала они недосчитались маленького паршивца. Его, конечно, искали, но больше для виду. От такого раба немного толку в дороге, да и на рудниках за него большой цены не дадут. Тарким его и купил-то больше из желания выручить старого знакомого, неожиданно испытавшего затруднение в деньгах... Пропал – и да будет к нему милостива Богиня. И что же? Потерявшийся было мальчишка стоял тут как тут, грязный, измученный... но, по всей видимости, невредимый. Вот он разглядел Ксоо Таркима и хотел было к нему побежать, однако ноги вконец отказались повиноваться. Надсмотрщик, широко улыбаясь, подхватил его и понёс. Он вообще-то немногим отличался от своих подопечных, этот надсмотрщик; его звали Харгелл («Наверняка не настоящее имя», – время от времени думал Тарким), невольники боялись его жестокой руки, а рожа у Харгелла была самая что ни есть воровская, и Тарким нимало не сомневался, что в одном из городов Нарлака по нему скучала верёвка. Но вот мальчишку нёс так, словно тот был его собственным сыном, утраченным и вновь обрётённым. Торговец удивился, глядя на них, и помимо воли ощутил, как отозвалось что-то внутри.

Харгелл приблизился и поставил было Каттая перед хозяином, но мальчик немедленно упал на колени:

– Мой господин!.. Прости ничтожного раба, мой великодушный и милостивый господин...

Тарким безуспешно попробовал напустить на себя строгость:

– Прощу, если правдиво расскажешь, что с тобой приключилось.

– Вчера, – всхлипнул Каттай, – ничтожный раб сильно стёр ноги, мой господин. Раб устал и крепко заснул под кустом. Он не слышал, как караван отправился в путь. Когда раб проснулся, вокруг никого не было, а солнце уже клонилось к закату...

Его с детства приучили к тому, что в присутствии хозяина раб не должен говорить о себе «я»: это привилегия свободного человека, право, которое предки Каттая утратили давным-давно.

Тарким отхлебнул чаю.

– И ты побежал меня догонять?

– Да, мой милостивый господин...

В эту ночь, один-одинёшенек на лесной дороге, Каттай ничего так не хотел, как вновь оказаться в караване хозяина. И вот это сбылось, и немедленно навалился новый страх, страх наказания. Нерадивых рабов, слишком крепко засыпающих под кустами, по головке не гладят. А если поведение Каттая будет истолковано как попытка побега, прекращённая из-за боязни погибнуть в незнакомых местах?..

Хорошо было лишь то, что кончилась неизвестность, кончился этот бег навстречу неведомому. Теперь только выслушать приговор господина – и принять свою судьбу, какой бы она ни была.

Но Тарким не первый год торговал невольниками и, конечно, видел мальчишку насквозь. Он отпил ещё чаю и велел:

– Разуйся и покажи мне ноги.

Каттай неверными движениями распутал завязки сапожек, когда-то нарядных, а теперь до такой степени забитых пылью, что невозможно было разобрать даже их цвет. Эти сапожки на прощание подарила ему мать. «Служи верно и преданно, куда бы ты ни попал, –

говорила она. – Раб, зиждущий честь господина, будет вознаграждён от Богов...» Босые ступни Каттай являли самое жалкое зрелище. Их сплошь покрывали волдыри, большей частью лопнувшие и запёкшиеся кроваво-грязными корками. Пот и сукровица пропитали кожу сапог, растворив краску, и она перешла на человеческое тело, украсив природную смуглость бурыми полосами.

– Почему ты не пошёл босиком? – спросил Тарким. – Так ты сохранил бы и ноги, и обувь. Посмотри, во что ты себя превратил! Мозоли-то заживут, а вот сапоги теперь только выбросить...

– С позволения милостивого господина, ничтожный раб вырос в городе... – дрожа с головы до пят, выговорил Каттай. – Он не умеет долго ходить босиком... Он не надеялся догнать караван, если разуется...

Тарким взял с блюда второй пирожок.

– Харгелл! – окликнул он надсмотрщика (и Каттай вздрогнул, отчаянно прижимая к груди материны сапожки). – Проследи, чтобы этот раб хорошенько промыл ноги, и дай ему мази из горшочка, что под крышкой с красной полоской. Пусть едет сегодня в возке, а дальше посмотрим.

– Мой великодушный и добросердечный господин... – начал было Каттай, но слёзы облегчения хлынули таким потоком, что перехватило горло, и он не смог ничего больше сказать. Он хотел было подняться, но теперь, когда напряжение отпустило, израненные ступни не выдержали соприкосновения с колючей травой, и Каттай вновь повалился на колени. Подошёл Харгелл, поднял его на руки и понёс к берегу озера. Обветренная, в шрамах, рожа надсмотрщика кривилась в непривычной улыбке. Таркима, наслаждавшегося последними мгновениями отдыха, даже посетила ленивая мысль о странной нежности, что порой возникает у зрелых мужчин к молоденьким мальчикам. Эта мысль не задержалась надолго. Он слишком давно знал Харгелла. И его хозяйшку, ожидавшую восьмого ребёнка.

Когда караван тронулся в путь, Каттай уже крепко спал на мешках. Он даже не почувствовал, как тронулась с места повозка. Сапожки, почти совсем отчищенные от пыли, лежали у него под головой, и завязки от них он на всякий случай привязал себе к пальцу.

Маленький халисунец проснулся, когда день давно уже перевалил полуденную черту. Его разбудил изменившийся ритм колёсного скрипа, и он испуганно вскинулся на своём ухабистом ложе, спросонок решив, что вновь задремал под кустом и прозевал уход каравана. Но обмотанные тряпицами ступни тут же чиркнули по тугим выпуклостям мешка, Каттай вздрогнул, ахнул и сразу всё вспомнил. Он открыл глаза. Над ним тяжело трепетал кожаный полог, ограждавший зерно от птиц и дождя. Сзади возок был открыт, и там, вечера, неистово синело солнечное небо, а в нём плыли, удаляясь, белые облака и последние высокие вершины отступившего леса.

Утром, у озера, Каттай вволю напился воды. После долгой ночной гонки она была воистину благословенна, но теперь часть её ощутимо просилась наружу. Мальчик приподнялся и выглянул из повозки.

Там тянулась прочь и колебалась на весу длинная толстая цепь. Её звенья были покрыты густой ржавчиной всюду, где не тёрлись одно о другое. Через каждые два локтя от неё отходили цепи потоньше, увенчанные парами железных челюстей. В этих челюстях, запертых особым замочком, плотно и прочно удерживались человеческие руки. Колёса и копыта коней взбивали тонкую пыль, и она садилась на лица, волосы и одежду мужчин. Шедшие впереди успели за время пути стать одинаковыми буро-серыми близнецами, различимыми только по росту.

– Ага! – проворчал тот, что шагал слева. Одно ухо у него было отсечено. Вероятно, ещё в юности, когда впервые попался на краже. – Сопливый царевич проснулся, мать его шлюха! Как почивалось, вельможа?..

Каттай лишь втянул голову в плечи и ничего не ответил на незаслуженные слова. Он не первый день был с ними в пути. Иногда на привалах он помогал Харгеллу и другим

надсмотрщикам раздавать кашу. После того как один из рабов в благодарность запустил в него камнем, а ещё двое звероподобных попробовали схватить – Каттай понял: господин Тарким собрал в своём караване вовсе не тех благонравных невольников, которых, бывало, ставила ему в пример его мать.

– Отстань от мальчонки, Корноухий, – почти добродушно проворчал тащившийся справа. И сплюнул, выхаркивая из горла дорожную пыль: – Во имя ложа Прекраснейшей, рухнувшего во время весёлых утех! Ты-то сдохнуть готов, только чтобы другому не было лучше.

В караване почти не употребляли имён, обходясь прозвищами, придуманными на месте. Этого раба звали Рыжим: прежде чем все цвета уничтожила грязь, у него была густая шапка тугих рыжих кудрей.

Шедший слева выругался на неведомом Каттаю наречии и яростно дёрнул цепь, чем тут же вызвал сильные проклятия сзади. Каттай слышал когда-то: раньше «поводки» от общей цепи крепили к ошейникам. Потом от этого отказались. Не потому, что железные обручи натирали невольникам шеи, – из-за драк, приносящих хозяевам караванов убыток. Конечно, прикованные за руку тоже дрались – а как же без этого, если своенравные и задиристые мужчины оказываются насильно скучены вместе! – но шеи друг другу ломали всё-таки реже.

– Я тоже стёр ноги!.. – рычал между тем Корноухий. – Дома мы, бывало, таких домашних любимчиков... Которые задницу готовы лизать за сладкий кусок...

– Вот тут ты не прав, – спокойно возразил Рыжий. – Ты ведь тоже всё слышал. Мальчишка ни о чём не просил. Ему сказали – лезь в повозку, он и полез...

На самом деле Рыжий Каттаю даже нравился. Он был единственным, кто за миску каши говорил ему «спасибо», и некоторым образом чувствовалось, что человек он учтивый, быть может, даже образованный. Но сейчас они с Корноухим рассуждали так, словно Каттая здесь вовсе не было. Так позволительно вести себя свободным господам на торгу, когда они выбирают раба и спорят о его достоинствах: один, как водится, хвалит, а другой всем недоволен. Каттай ощутил не то чтобы обиду – ему давно объяснили, что потомкам пленников как бы не положена утраченная их предками гордость. На него просто напала глухая тоска: «И зачем они говорят обо мне так, ведь, во имя Лунного Неба, я никому из них плохого не сделал?..» Он отвернулся и, стараясь опираться в основном на колени, пополз обратно под полог.

Скоро ему повезло. Примерно посередине обнаружилось место, где тяжёлые мешки, наваленные один на другой, неожиданно открывали сплетённое из толстых веток дно повозки. Солнечные лучи косо стлались над землёй, и внизу можно было разглядеть колеи и неспешно проплывавшую траву. Здесь Каттай облегчил наконец свою телесную надобность. Как раз когда он наново подвязывал и поправлял шаровары, повозка в последний раз охнула, наехав на кочку, и остановилась совсем. Впереди сделались слышны голоса. Каттай пробрался ещё дальше вперёд, оказавшись прямо за спиной возчика, и выглянул сквозь кожаную шнуровку.

Он сразу увидел господина Ксоо Таркима. Тот сидел на своей лошади, перекинув в знак миролюбия левую ногу через седло, и разговаривал с двумя мужчинами, стоявшими возле дороги. Немного поодаль щипал травку ослик, впряжённый в оглобли. Тележка на двух больших деревянных колёсах напомнила Каттаю кое-что виденное ещё дома: её кузов представлял собой прочную и довольно большую – каждая сторона почти в размах рук – клетку. В городе Гарната-кат, где жил раньше Каттай, во дни больших праздников в таких клетках возили по улицам леопардов из зверинца государя шулхада. Клетка и теперь была не пуста. Только вместо опасных диких зверей в ней сидели двое мальчишек немного старше Каттая. Русоволосые и светлоглазые, они сперва показались Каттаю близнецами. Один из них просто сидел, свесив между прутьями ноги. Второго держал за шею ошейник, крепившийся короткой цепью к угловой стойке.

– Поторопись, почтенный, ибо солнце скоро закатится, – говорил один из мужчин, такой же стройный и чернобородый, как и Тарким, – а мы – добропорядочные торговцы и не

закключаем сделок после ухода Надзирающего-за-Правдой!

– Потороплюсь, – невозмутимо отвечивал Ксоо Тарким, – если только вы убедите меня, что мне в самом деле пригодятся эти двое оборвышей. У меня в караване и так уже есть малолетний раб, с которым я не знаю, что делать. Я купил его исключительно из сострадания к другу. Но это по крайней мере учтивый и преданный мальчик, из которого добрый господин с лёгкостью воспитает слугу для личных покоев. А ваши, как я посмотрю, сущие зверёныши! Их ещё учить и учить хорошему поведению, да и то – скорее палку сломаешь. Какого хоть они племени?

Путешественники беседовали на языке Саккарема, хотя лишь один из них был уроженцем этой страны. Но справный купец, ездящий повсюду, знает, что не видать ему удачи в делах, если не овладеет он речью трёх великих торговых держав: просвещённой Аррантиады, блистательного Саккарема и вечно воюющей страны чернокожих – Мономатаны. Таркиму ответил второй, коренастый, наделённый рано наметившимся брюшком:

– Мы не спрашивали этих невольников сами, ибо не можем с ними объясниться, но человек, продавший их нам, утверждал, будто они принадлежат к диковинному народу, обитающему далеко на севере, там, где всё время ночь и зима. Тот человек именовал сей неведомый народ «веннами»...

Тарким не позволил себе показать даже тени любопытства.

– Там, куда я веду своих рабов, – проговорил он не без некоторой брезгливости, – не нужны будут диковинки, годные только, чтобы их показывать на базаре. И там вряд ли обрадуются заморышам, измождённым от долгого заточения в клетке!

Однако его собеседники уже поняли: если бы их предложение совсем не заинтересовало хозяина каравана, он давно бы раскланялся и уехал себе дальше. Но нет ведь – терпеливо сидел, перекинув ногу через седло, в то время как пегая кобыла ощипывала приглянувшийся куст, а рабы, прикованные к длинной цепи, усаживались на землю передохнуть.

– Эти подростки только выглядят необученными зверёнышами, почтенный. На самом деле они не отказываются от пищи и, видимо, окажутся способны кое-что понимать, конечно, если попадётся хороший наставник...

Тарким рассмеялся:

– О-о, в Самоцветных горах, как я слышал, наставников всего двое, но оба такие, что способны управиться с каким угодно строптивцем. Люди говорят, их зовут Голод и Кнут. А скажите-ка, почтенные, если ваши юные рабы столь многообещающи, почему вы их держите в клетке? Неужели эти славные дикари всё-таки пытались бежать?

– Мы скажем тебе правду, как подобает добропорядочным торговцам, хотя эта правда и не является украшением для нашего товара. Они вправду пытались бежать, и не однажды. Тот, что сейчас сидит на цепи, к тому же ещё и кусается, точно самая злобная из собак. Зато оба отменно жилисты и сильны, и ты, благородный сын Ксоо, ещё вспомнишь нашу встречу добром. В рудниках ты поистине возьмёшь за них хорошую цену...

– Тогда почему, – поинтересовался Тарким, – вы не отвезёте их туда сами? Даже если я их куплю, я ведь не заплачу вам за них так щедро, как заплатили бы там!

– Увы, третий, путешествующий с нами по дорогам земли, заболел, – ответил чернобородый. – Мы, право же, опасаемся, что не успеем туда и обратно до снега.

– И почему я вечно выручаю кого-нибудь из беды?.. – вздохнул Ксоо Тарким. – Сколько же вы, мои почтенные, просите за этих худосочных мальчишек, наверняка утративших подвижность и притом ещё непослушных?..

Владельцы невольников обрадованно начали торг. Каттай жадно следил из повозки за тем, как прихотливо колебалась цена, как разговор перескакивал с достоинств товара к сочетанию благосклонных звёзд на следующий месяц – и затем обратно. Каттаю почему-то очень хотелось, чтобы Тарким купил обоих подростков. Может быть, оттого, что в караване у него совсем не было сверстников. Вдобавок Тарким казался справедливым и милостивым

господином. По крайней мере умеющим вознаграждать за добрую службу. «Если твой новый хозяин будет к тебе слишком строг, да не смутит это тебя и да не отвратит от праведного служения, – наставляла мать. – Порою Лунное Небо посылает нам испытания, решая о нашей судьбе и о судьбах наших потомков...»

Наконец Тарким и обрадованные торговцы ударили по рукам: двое мальчишек, клетка и ослик переменили владельцев.

– Как же я буду звать своих новых рабов? – поинтересовался напоследок Тарким. – Имена-то хоть у них есть?

– У дикого народа веннов, почтенный, нет не только имён, но даже и достойной уважения веры. Они считают себя детьми различных животных. Этим двоим тебе очень легко будет запомнить. Тот, что сидит в углу клетки, зовётся Волчонком. А тот, на котором ошейник, – Щенок.

– И правда легко, – рассмеялся Тарким. – Собака и должна быть в ошейнике. А волк – сидеть в клетке!

Двое подростков явно не разумели саккаремского языка, но, естественно, понимали, что речь шла о них. Каттай видел: Волчонок так вцепился в прочные деревянные прутья, что побелели суставы, светло-карие глаза горели огнём. Щенок, напротив, сидел совсем неподвижно, обхватив костлявые коленки руками и полузакрыв глаза. «Что толку метаться, – как бы говорил весь его вид, – если всё равно ничего поделаться нельзя?.. Лучше я подожду, пока настанет мой день...»

Истину рёк тот, кто первым подметил мастерство халисунских лекарей. Мазь из горшочка под крышкой с красной полоской вправду оказалась почти чудодейственной. Весь день Каттай осторожно ощупывал свои ступни и под вечер обнаружил, что волдыри перестали причинять боль. К тому времени древний лес остался далеко позади, превратившись в подобие тучи, синевшей у горизонта. Теперь дорога шла по заросшей густым кустарником пустоши; ровная прежде земля всё более вспучивалась холмами. С самых высоких вершин уже были видны впереди белые вершины, словно парившие в безоблачном небе. Каттай смотрел на них заворожённо. Он знал от людей, что наверху будет холодно. Гораздо холоднее, чем в стольном городе Гарната-кат в самую ненастную зимнюю ночь. Что ж, у Каттая была с собой связанная мамой тёплая безрукавка. И хорошее шерстяное одеяло...

Седоусый возчик-сегван, правивший лошаадьми, пустил его к себе на скамеечку.

– Видишь тот куст? – спросил он, и кнут в его руках щёлкнул, небрежно снимая муху с крупа одного из коней. – Небось думаешь, это обычное держидерево или ракета? Присмотрись как следует к его листьям, малец. Этот кустик – самый настоящий дуб, вот как!

– Дуб?..

– Да. Это оттого, что здесь сухо и холодно и всё время дуют сильные ветры.

Каттай сказал:

– В городе, где я вырос, есть умельцы, которые выращивают карликовые деревца. Эти мастера обладают особым искусством, и деревца очень дорого стоят. – Подумал и добавил: – Больше стоят, чем я.

Возница расхохотался:

– А на острове, где вырос я, самые высокие деревья доставали мне лишь до колена, а большинство было ещё меньше. Вот так проживёшь жизнь и потом только поймёшь, как надо было обогащаться!..

Погода стояла в самом деле нежаркая, и Каттай поймал себя на том, что прячется от ветра за свисающим пологом. Потом он заметил небольшую пещерку, словно выгрызенную кем-то в песчаном склоне холма. Сердце сразу заколотилось: вот они, знаменитые каменоломни!.. Он отважился спросить:

– Это уже рудники?..

На сей раз возчик не стал смеяться над его наивностью, лишь покачал головой:

– Когда мы к ним подъедем, малыш, ты их сразу узнаешь.

Перед самым заходом солнца Тарким вывел караван к берегу речушки и велел останавливаться на ночлег. Каттай натянул сапожки и попробовал осторожно пройти, и у него получилось. Он помог Харгеллу таскать воду для костра и собрал в кустах сухих веток на растопку. «Всегда будь полезен своему господину, – говорила мать. – Не сиди без дела, это грешно!»

Несколько раз он проходил мимо клетки с мальчишками из «дикого племени, рекомого веннами». Каттаю хотелось заговорить с ними, но он не отваживался. Да и как с ними заговоришь?.. Чего доброго, ещё зарычат или залают в ответ. Сами они большей частью сидели тихо, лишь изредка перебрасываясь словом-другим. Каттай внимательно и с любопытством вслушивался в их речь. И нашёл, что она в самом деле была ни на что не похожа. А уж он в родном Гарната-кате каких только купцов не видал!..

В конце концов столкнуться с новоприобретёнными сумел не кто иной, как Харгелл. И, если подумать, ничего удивительного в том не было. Надсмотрщику приходится иметь дело с рабами из самых разных народов, и грош ему цена, если он не сумеет объяснить каждому, что от него требуется!

Когда начали раздавать кашу, Харгелл подошёл к клетке и стал обращаться к мальчишкам поочерёдно на всех наречиях, которые знал, начиная со своего родного нарлакского. И скоро пришёл к выводу, что народ веннов обитал действительно где-то далеко и притом в отчаянном захолустье, там, где не имели понятия о языках великих торговых держав. Харгелл был уже готов махнуть на свою затею рукой, потом вспомнил, что продавшие рабов вроде бы упоминали северные края, и решил наудачу испытать сегванскую речь. Хотя на сегванов – что береговых, что островных – юные невольники были похожи меньше всего...

И вот тут ему неожиданно повезло. При первых же словах на лице напряжённо слушавшего Волчонка отразилось искреннее облегчение.

– Я понимаю тебя, – сказал он Харгеллу. Выговор был довольно неуклюжим (как, впрочем, и у самого надсмотрщика), но вполне членораздельным.

– Ты забыл добавить «господин», – наставительно поправил Харгелл. Жизнь научила его: в таких вещах раба следовало вразумлять без промедления. И без поблажек.

– Я... недавно, – медленно ответил Волчонок. – Я ещё не привык...

– Господин!

– Г-господин...

В руках у Харгелла была длинная палка, необходимая в его ремесле. А может, просто урок оказался не первым.

Довольный надсмотрщик посмотрел на Щенка и обратил внимание, что тот, оказывается, впервые утратил невозмутимость: сидел напрягшись всем телом, и глаза у него были весьма нехорошие. Харгелл даже подумал, что парень был странно похож на своего четвероногого тёзку... на взъерошенного пёсего детёныша, из которого обещает вырасти ого-го какой Пёс. С во-о-от такими зубами... Харгеллу это не понравилось. Строптивные юнцы, если сразу не выбить из них дурь, очень скоро превращаются в опасных рабов. Не успеешь оглянуться, как щенячью шёрстку заменит щетина свирепого кобеля... «Впрочем, – сказал он себе, – мне-то что за печаль? Всё равно скоро его продавать...»

– А этот, – спросил он Волчонка, – тоже понимает меня?

– Да... господин. Он умеет говорить по-сегвански.

– Тогда почему он ведёт себя так, словно Боги забыли наделить его речью?

– Он не любит сегванов...

– Не слышу!

Волчонок спохватился:

– Он не любит сегванов, господин. У них было немирье, и он поклялся о мести.

– А почему ты сидишь просто так, а он – на цепи? Из-за побегов небось? Говорят, он даже кровь кому-то пустил?

Волчонок оглянулся на своего товарища. Надо было отвечать, и он проговорил неохотно, словно совершая вынужденное предательство:

– Он сын кузнеца, господин, и дважды открывал замок, которым запирается клетка.

– Это правда? – Харгелл живо повернулся к Щенку. – Ты! Тебя спрашиваю!

Тот не пожелал открыть рот, и Харгелл ткнул его палкой. Ткнул умело, больно, в рёбра. Со второго раза Щенок поймал и перехватил палку. Надсмотрщик, понятно, её тотчас высвободил, но про себя отметил, что рука у Щенка оказалась на удивление сильная. Паренёк между тем посмотрел на него серо-зелёными глазами и плюнул сквозь решётку. Не в Харгелла – просто так, наземь. И отвернулся.

Харгелл отлично знал подобное состояние, которое переживает иной пленник, только что проданный в рабство: «Ну, бейте, убивайте меня, я вам покажу, как умирают воины моего рода...» Нет уж. Пускай этим занимаются, если глупости хватит, надсмотрщики там, в Самоцветных горах. У него, Харгелла, работа другая – доставить туда всех рабов живыми и по возможности невредимыми. Он, конечно, обломает тех, кто даст ему повод. Но с большинством пускай возьмётся их новые господа...

Он кивнул, довольный, что сумел-таки объясниться с мальчишками и, что гораздо важнее, разведать нрав того и другого. Уважающему себя надсмотрщику следует знать всё о своих подопечных. Хотя бы им предстояло путешествовать вместе всего несколько дней... Он пошёл прочь, кивнув Каттаю, безмолвно присутствовавшему в сторонке:

– Накорми их.

Каттай помчался было бегом, но стёртые ноги тотчас напомнили о себе, отозвавшись болью. Всё же он поспешил как мог и вскоре вернулся с миской и ложками. Тут оказалось, что миска между прутьями не проходила, а каша была достаточно жидкая: наклонишь – немедленно выльется. Тогда Каттай натянул рукава курточки на ладони, чтобы не жечь рук, и сказал по-сегвански:

– Ешьте, я подержу.

«Всегда будь полезен другим рабам, – учила мать. – Особенно таким, которые в неволе недавно. Они могут не знать обычаев и по незнанию совершить проступок, за который будут наказаны...»

Юные венны, проголодавшиеся за день, с готовностью взяли деревянные ложки. Щенку, с его цепью, было трудно зачёрпывать сквозь решётку, он ел медленнее, и Каттаю показалось, что Волчонку досталась большая доля. Щенок ничего по этому поводу не сказал. Каттай вымыл миску и принёс мальчишкам глиняный кувшин с водой из реки.

Вечерами Ксоо Тарким иногда позволял себе пороскошествовать – если, конечно, позади был удачно прожитый день, за который не грех себя немного побаловать. Нынешний вечер был как раз из таких. Его караван безбедно одолел дневной переход: никто не свалился замертво, не поранился, не заболел, послушная пегая кобыла ни разу даже не споткнулась... и от рудников его отделяло чуть меньшее расстояние, нежели накануне. Тарким полулежал у костра, блаженно вытянувшись на ковре (шутка ли – день-деньской провести в седле, присматривая за людьми!), не спеша жевал только что поджаренную лепёшку и копчёное мясо, очень тонко, как он любил, нарезанное старательным Белиром. Тарким ужинал не спеша, растягивая удовольствие. Он смотрел на огонь сквозь большой стеклянный бокал, любуясь отсветами огня. Он был доволен собой. Те двое торговцев, что продали ему венских мальчишек, определённо присочинили себе больного товарища, чтобы он, Ксоо Тарким, не уличил их в неопытности. Конечно, они просто боялись застрять в Самоцветных горах, запертые снегом, который сделает перевалы непроходимыми. Тарким отхлебнул ещё немного славного мельсинского вина, в меру хмельного, сохранившего золотой аромат любовно возделанного винограда. Он-то был опытным торговцем и в Самоцветные горы шёл не впервые. А потому очень хорошо умел выбрать время для подобной поездки – в самом конце лета, в месяце Яблок, который обычно считают неподходящим для путешествия по горам. Это мнение тех, кто редко высовывается за городские ворота. Послушать их, так надо

было бы вести караван весной, когда только-только устанавливается тепло. Глупцы! Где ж им знать, что лишь к поздним Яблокам на перевалах успевают просохнуть талая грязь, в ущельях успокаиваются безумные реки и можно более не опасаться лавин, а воздух ещё остаётся более-менее тёплым, пригодным для дыхания!.. К тому же Тарким давно следил за погодой и знал приметы, позволяющие судить, каковы окажутся ниспосланные Небом лето и осень. Эти приметы описаны в книгах, и горе купцам, не читающим книг, ибо те составлены мудрецами. Такими, например, как достославный Зелхат, домашний лекарь и наставник саккаремского шادا... Таркиму не нравилось слово «шад», он, как и многие образованные саккаремцы, полагал его варварским сокращением от «шулхада» – воистину державного, произнести-то приятно, титула государя соседней страны. Видно, правы те, кто помнит, сколько раз Халисун древности воевал – и порой завоёвывал! – ничем не знаменитых в ту пору соседей, даря им на память слова для обозначения правителя, советника, военачальника... И самые красивые родовые имена, такие, например, как у него, Ксоо Таркима.

Иные люди, не читавшие книг, ныне полагали, будто Саккарем ВСЕГДА был могущественным и великим. Тарким слышал краем уха: не так давно эти невежды, склонившие к себе ухо молодого шادا, отправили в ссылку Зелхата Мельсинского. Тот якобы оскорблял державность Саккарема, описывая его некогда униженное положение и не усматривая в том ничего стыдного. Всякой стране, говорил Зелхат, свойственно переживать эпохи величия и упадка. Ну и что с того, если несколько столетий назад Халисун был воинственной и сильней? Где теперь бывшие завоеватели и бывшие покорённые?.. И что станет с ними, если подождать ещё полтысячи лет?..

«Надо будет, – подумал Тарким, – по возвращении домой раздобыть его последнюю книгу. Конечно, через кого-нибудь, чтобы не обвинили в крамоле. Но если он и об истории написал так же занятно, как о земном устройении, рискнуть, право же, стоит...»

Ощувив, что под влиянием отдыха и вина мысли всё более устремляются прочь от насущных забот завтрашнего дня к возвышенному и радующему пытливым ум, молодой торговец улыбнулся и подозвал верного Белира:

– Принеси каррикану.

Слуга исчез в сгустившейся темноте, чтобы вскоре вернуться, бережно неся на ладонях истинное сокровище своего господина. Каррикану отличала благородная красота формы, выработанной столетиями. Это совсем особенная красота. Каждая крохотная деталь служит своему назначению, ни одной невозможно убрать, чтобы не нарушить целостности, но и прибавить что-либо решительно невозможно. Для подобного совершенства сущее надругательство даже шёлковый бант, который в последнее лето так полюбили столичные щёголи, те, что покупают себе дорогой инструмент, а сами толком в руках-то его держать не умеют, уже не говоря об игре...

Каррикана, которую любовно устраивал на коленях Тарким, стояла, пожалуй, побольше, чем весь нынешний его караван. Она была редкостным старинным изделием, достойным искушённого ценителя. Дека со струнами была посажена на точёный деревянный короб, округлый и гладкий, своими очертаниями неуловимо напоминающий прекрасное женское тело. По одну его сторону блесстел полировкой длинный ряд клавиш. Стальные язычки нависали над струнами, готовые своими поцелуями пробудить их к звучанию. Тарким держал каррикану, словно хрупкую бабочку или птицу, готовую улететь. Потом закрыл глаза и опустил пальцы на клавиши.

Каррикана от его прикосновения ожила и издала звук густого медового тона. Тарким смаковал его, как смакуают изысканное вино. Первый звук ещё дрожал в темноте, расходясь вместе со светом и дымом догорающего костра, когда вдогонку ему полетели другие. Тарким, наверное, всё же далеко было до придворных музыкантов шулхада, ну так те с рассвета до заката не выпускают свои карриканы из рук, совершенствуя тонкости мастерства. А ему, чтобы позволять себе вот такие мгновения, целый день приходится посвящать грязной, малопочтенной и к тому же небезопасной работе. Сопровождать три

десятка висельников в Самоцветные горы! Это вам не в шулхадовых виноградниках о поэзии рассуждать...

Золотые угли дышали щедрым теплом. Они ещё выдыхали языки пламени: в царстве огня возникали и рушились города, вспыхивали косматые солнца, проваливались в небытие величественные хребты...

Всё же Ксоо Тарким играл так, как дано немногим любителям. Каррикана в его руках пела сразу тремя голосами. Голоса сплетались и расплетались, следуя прихотливому течению мысли великого Хпаа Вурната, оставившего эту музыку людям. Сведущие знатоки уверяли Таркима, что Лунному Небу было угодно наделить его безошибочным слухом и тонким пониманием красоты. Без сомнения, они правы: его место не здесь, среди пустоши с её вечно воющим ветром, во главе каравана грубых скотов, ошибочно именуемых людьми. Когда-нибудь он скопит достаточно денег, отойдёт от дел и примется коротать неспешные дни в цветущем саду, с любимой карриканой и книгами. Может, он даже сам напишет книгу о своих путешествиях. Он назовёт её «Пыль на моих сапогах»...

...Ах, этот несносный ветер. И зачем он воет так громко, мешая приобщаться к бессмертию великого сына Хпаа...

Ветер?..

Выпитое вино, жар костра и паче того музыка успели увести мысли Таркима весьма далеко в область приятного, но не настолько, чтобы торговец рабами вовсе утратил привычную бдительность. (А будь по-другому, давно бы лежал где-нибудь с перерезанным горлом, отлучённый от жизни одним из тех, кого вёл продавать.) Уловив некую неправильность в окружающем мире, Тарким тотчас насторожился и сел, обрывая мелодию.

Выл не ветер. В темноте пел свою одинокую песню волк.

Настоящей опасности для каравана волки не представляли: сытые в эту пору, они самое большее напугают привязанную кобылу. Тем не менее Тарким начал поспешно подниматься, уже открывая рот, чтобы на всякий случай кликнуть Харгелла...

...И сообразил, что снова ошибся. Не волк.

Собака.

После долгого любования огненным царством ночь над пустошью была для его глаз черней болотной воды, но воображение успело нарисовать ему эту собаку. Огромного, мохнатого, страшного своей свирепостью пса с глазами, горящими бешеной зеленью. Не приведи Лунное Небо столкнуться с таким один на один...

...Но тут слуха Ксоо Таркима достигли ругань Харгелла и резкий стук, который могла произвести только палка надсмотрщика, с силой шарахнувшая по деревянной решётке. Пугающее видение сразу пропало, зато вспомнилась кличка одного из приобретённых сегодня юных рабов: Щенок. Так вот, значит, кто испоганил великую музыку, заставив опечаленно удалиться тень божественного Вурната!..

По мнению Таркима, с людей, оказавшихся способными на подобное святотатство, следовало живьём сдирать кожу.

Когда он подошёл к клетке, возле неё стоял разъярённый Харгелл. Надсмотрщик тяжело дышал и с отвращением смотрел на свою палку, валявшуюся сломанной под ногами. Новую здесь, посреди пустошей, вырезать было просто не из чего. Перепуганный Каттай держал масляный светильник с фитильком, выдвинутым до отказа. Ветер колебал плюющийся копотью огонёк. У Щенка всё лицо было в крови, губы разбиты. Но молящего взгляда, свойственного наказанному рабу, не было и в помине. Если бы не клетка и цепь – точно бросился бы на Харгелла... чтобы тут же погибнуть, конечно. Съёжившийся Волчонок плотно вжался в свой угол, стараясь отодвинуться от него как можно дальше...

– Ты! – неожиданно сказал ему Харгелл, и он вздрогнул. А надсмотрщик поднял и протянул ему тот из обломков своей палки, что был покороче: – Ну-ка всыпь ему! Двадцать раз, и я буду считать!

Волчонок спрятал в коленях лицо и попытался отодвинуться, укрыться, насколько позволяла теснота клетки.

– А не то я отлуплю его сам! – рявкнул Харгелл. И громыхнул палкой по прутьям: – А потом выколочу пыль из тебя! И ты получишь в полтора раза больше, чем он!

Гнев, снедавший Таркима, поневоле уступил любопытству. Хозяин каравана остановился и стал ждать, чем кончится дело. Когда доходило до сбивания спеси со слишком дерзких рабов, равного Харгеллу было трудно найти.

Волчонок между тем принял какое-то решение и протянул руку за палкой. Примерился, сглотнул, трудно перевёл дух... и ударил вскинувшего руки Щенка по плечу.

– Раз... два... – начал считать Харгелл. И вдруг заорал: – А ну стой, ублюдок прокажённого и горбуньи!!! Я сказал – БИТЬ, а не мух отгонять!.. Бей в полную силу, не то живо раком поставлю и...

По части угроз многоопытный нарлак тоже был мастером, какого не всякий день встретишь. Где же сообразить перепуганному мальчишке – увечить товар, предназначенный для продажи, не станут уже потому, что это невыгодно. Он видит лишь всклоченную седоватую бороду, занесённую палку и рот, из которого яростно брызжет слюна и летят чудовищные непотребства. Он способен думать лишь о том, что случится, если этот могучий и страшный человек разойдётся уже как следует...

Волчонок съёжился ещё больше, всхлипнул, заплакал – и стал бить. Каттай крепко зажмурился. Он не первый раз видел, как бьют провинившегося раба. Его прежний владелец дал тридцать плетей нерадивому слуге, упустившему из дому породистую хозяйскую кошку, и тот ещё сидел потом на воде и хлебе, пока беглянка не отыскалась (чтобы в должный срок родить самых что ни есть простецких котят). «Если тебе кажется, что наказание несправедливо, хорошенько подумай ещё раз», – говорила мать. О нет, конечно, милостивого господина Ксоо Таркима было не за что упрекнуть. Щенок помешал его отдыху и вынудил прервать чудесную музыку. И теперь получал удары, наносимые не Харгеллом и подавно не Волчком, а своей собственной дерзостью...

Но масляный светильничек всё сильнее дрожал в руках у Каттая, и перед зажмуренными глазами плыли зелёные пятна. Что-то было неправильно. Мама, мудрая мама, посоветоваться бы с тобою сейчас...

Он не видел, как Харгелл обернулся к Таркиму и – куда только подевалась вся его недавняя ярость – довольно улыбнулся углом рта.

Порою люди, не желая зла,
Вершат настолько чёрные дела,
Что до таких блистательных идей
Не вдруг дойдёт и записной злодей.

Один решил «раскрыть тебе глаза»
И о любимой сплетню рассказал.
Другой тебя «приятельски» поддел —
А ты от той подначки поседел.

Подумал третий, что державы друг
Обязан доносить на всех вокруг.
И вот – донёс... За безобидный взор
Тебе прочитан смертный приговор.
И жизнь твоя приблизилась к черте...
А ведь никто худого не хотел.

Порою люди, не желая зла,
Вершат настолько чёрные дела...

2. «Это – самый дешёвый раб...»

Следующее утро выдалось холодным. Ветер в кои веки раз стих, и над пустошью повис влажный серый туман. Не самый густой, бывал и погуще – стольный город Гарната-кат, где вырос Каттай, стоял на берегу океана, и оттуда иной раз наползало сущее молоко. Взмахнёшь рукой – и видишь, как между пальцами завиваются белёсые пряди! Каттаю нравился туман, нравилось приходившее вместе с ним ощущение тайны и то, какими новыми и непривычными становились знакомые улицы и дома... Проснувшись и выглянув из повозки, он от души понадеялся, что господин не прикажет ехать дальше: стёртые ноги Каттая хоть и зажили благодаря мази, однако оставались ещё нежными, отдых пришёлся бы им кстати... Но нет – Белир уже взнуздывал и седлал лошадь хозяина. Путеводная колея дороги была отлично видна, она не даст заблудиться, и Тарким объявил, что не намерен терять даже часть дня, пригодную для путешествия.

– А то мало ли какую задержку пошлёт нам назавтра Лунное Небо! Ещё не хватало вправду угодить на обратном пути в снегопад, ибо как можем мы доподлинно знать, который день будет свыше для этого избран!

Книги книгами – а десяток дней Тарким всегда держал про запас. И разбазаривать попусту этот запас вовсе не собирался, понимая, что тут ценой может стать жизнь.

Немного позже Каттай завладел миской каши и двумя деревянными ложками и направился, обходя лагерь, туда, где вчера стояла двухколёсная клетка. Она никуда не делась за ночь. Возле неё Каттай заметил Таркима и Харгелла. Оба смотрели себе под ноги, разыскивая что-то в траве.

Каттай подошёл к надсмотрщику и шёпотом спросил его:

– Господин мой, что потерял наш почтенный хозяин?

Сперва Харгелл хотел отмахнуться от услужливого мальчишки, но всё же решил, что зоркие глаза юнца всяко не помешают в поисках, и ответил:

– Ключ от клетки. Должно быть, вчера выронил из кошеля.

...Ключ. Маленький железный ключ, тронутый ржавчиной и утративший способность блестеть. С обрывком конопляной верёвки, привязанным к колечку... Мысленно Каттай сразу увидел его. Он поставил миску и, отойдя на несколько шагов в сторону, вправду поднял ключ из травы.

– Вот он, мой господин.

Двое мужчин подняли головы, Тарким взял ключ и удивлённо кивнул, а Харгелл хмыкнул:

– Уж не ты ли стибрил его и теперь подбросил, чтобы заслужить похвалу?

Каттай отчаянно покраснел и ответил не надсмотрщику, а самому Ксоо Таркиму:

– В доме прежнего господина ничтожного раба часто хвалили за то, что он находил пропавшие вещи...

Харгелл недоверчиво мотнул бородой, но больше ни в чём подозревать Каттая не стал и ушёл вслед за Таркимом. Каттай подобрал миску и ложки и подошёл к клетке.

Волчонок так и трясся от холода, глаза у него были красные, опухшие от бессонной ночи и слёз, и одно ухо, побагровевшее, казалось вдвое больше другого – Харгелл съездил-таки его палкой, доказывая свою ярость. Щенок выглядел ещё хуже. Он посмотрел на протянутую миску и отвернулся, еле заметно покачав головой. Пёсий вой не прошёл ему даром. Разбитые губы запеклись двумя чёрными бесформенными струпьями, неспособными касаться даже остуженной пищи. И уже было видно, что один передний зуб ему вышибли. Харгелл? Или?..

Каттай принёс Щенку большую кружку воды. Тот медленно выпил её, а потом вдруг сказал по-сегвански:

– Спасибо.

Волчонок давился и хлюпал носом, но всё-таки съел всю кашу один.

Всё утро, пока солнце, пробившееся сквозь облака, не разогнало туман, Каттай ехал на козлах рядом с возницей. Седоусый сегван показался мальчику странно задумчивым. Его настроение передавалось коням, а может, всему виной был туман: мохноногие гривастые лошадки шагали ещё неторопливей обычного, и чмокание возчика не добавляло им прыти. Коников взбадривало лишь резкое щёлканье кнута, проносившегося над одинаковыми рыжеватыми крупами. На жёстких щетинках грив оседали капельки влаги.

– Дядя Ингомер, тебя что-то тревожит? – спросил наконец Каттай (возчик был из свободных, но разрешал называть себя просто по имени, потому что Каттай ему нравился). – Ты тоже боишься, что снег ляжет раньше обычного?

«Если другие кажутся невесёлыми, постарайся разузнать о причине, – говорила мать. – Может статься, истина не столь ужасна, как представляют иные. А если она и вправду страшна, ты хоть будешь знать, чего следует опасаться...»

– Снег!.. – буркнул возница. – Ты когда-нибудь бывал в горах, паренёк?

– Нет, – сознался Каттай.

– Здесь, на равнине, снег выпадает только затем, чтобы без следа растаять под солнцем, когда приходит весна. В горах же зима стоит круглый год, лишь становится то крепче, то мягче. Там снег пополняет тела ледяных великанов. Эти великаны коварны и охочи до жестоких забав...

Каттай, правду молвить, лёд-то видел только по праздникам Зимнего Солнцеворота, когда на базарной площади от щедрот шулхада народу раздавали «сладкую радость» – битые круги подслащённого замороженного молока. Готовили его, говорят, где-то далеко, в горах нардарского пограничья, а ко двору доставляли на быстрых лодках, несомых течением полноводной Гарнаты. Друзья отца, могучие каменотёсы, дружным клином шли в давку и щедро делились удивительным лакомством. Поэтому всё связанное со льдом и морозом было для Каттая окрашено сладостью. И даже теперь, когда он попробовал вообразить ледяных великанов, они представились ему изваянными из молочно-белых искрящихся глыб, пахнущих праздником.

– Если хочешь побольше узнать о снеге и холоде, спроси у нас, островных сегванов! – продолжал Ингомер. – Мы-то всё знаем об этом проклятии мира. Мы живём на севере, и у нас, чтобы встретить ледяных великанов, не нужно подниматься за облака. Это оттого, что наши острова расположены совсем рядом с краем земли, там, где на неё опирается небо. Небо над Островами – как наклонная крыша, видишь?.. – Сегван сложил две ладони, чтобы Каттаю было понятней. – Облака застревают под ней, и из них всё время сыплется снег...

– И умножаются великаны, – тихо проговорил Каттай.

– Вот именно, умножаются. И ещё распухают, точно обжора, который заедает пиво блинами. Этот обжора скоро перестает влезать в своё прежнее платье, так?

– Так. – Каттай вспомнил супругу прежнего господина, вечно примерявшую свой девичий пояс: подобных поясков ей теперь понадобилось бы штуки четыре.

– Ну а великан, разрастаясь, может заполнить собою весь остров, и под его тяжестью остров начинает тонуть в море, как болотная кочка, на которую наступили ногой. Говорят, прежде Падения Тьмы наши края были благодатны и изобильны. У нас выращивали пшеницу, и я сам однажды нашёл в земле бивни слона... совсем такого, как водятся в Мономатане, только мохнатого. А теперь половину островов поглотил лёд, а на остальных растёт только ячмень, да и того не всякий год наскребают даже на пиво!

Каттай задумался о том, почему Ингомер не сказал «даже на хлеб». У него-то дома выразились бы именно так. Ну, может, добавили бы: «...и виноград уродился годным лишь на изюм»...

– Остров, где я вырос, называется островом Розовой Чайки. Я видел его на картах, которые каждое утро рассматривает хозяин, но сомневаюсь, чтобы его ещё можно было найти, путешествуя на корабле. Хотя это был не маленький остров... Наш двор стоял в вершине залива, где к морю выходила хорошая пахотная долина. Когда мой дед был молодым, там рос лес. Потом сосны перестали приносить шишки, а корни у них загнили,

поскольку земля больше не хотела оттаивать летом. Когда родился мой отец, мёртвый лес уже перевели на дрова, а в долину высунул пятки ледяной великан. Когда родился я, ледяная стена была в одном поприще от забора, огороды превратились в болото, а деревья выросли крохотными, ещё меньше, чем здесь. Когда мне было столько зим, сколько тебе, мой род решил последовать за другими, покинувшими острова, и уехать на кораблях за море, в счастливый край, который ваши племена поделили на страны, а у нас его называют попросту Берегом. Уходить решили весной. За зиму великан проломил пятками тын и приблизился к самому дому. А потом ночи стали короткими, но морозы не прекращались. И морской лёд оставался по-прежнему прочным. Тогда мы поняли, что лето не наступит совсем. Когда великан начал разрушать дом, мы вытащили из сараев корабли и поволокли их через ледяные поля на катках, надеясь добраться до чистой воды. Это был страшный путь, паренёк...

– Я понимаю, – проговорил Каттай ещё тише прежнего.

– Ты? Что ты можешь понимать! – возмутился сегван. – У вас здесь только поливай – подсолнечная лузга прорастёт!..

«Если услышишь речи спесивца – лучше смолчи, – говорила мать. – Но когда доведётся беседовать с человеком понимающим и разумным, не бойся объяснить ему его заблуждение. Если, конечно, он не слишком важный вельможа...»

Ингомер был Каттаю не ровня, но уж точно не из родовитых господ, и мальчик отважился пояснить:

– Когда прежний шулхад насытился днями, он велел приготовить себе Посмертное Тело. Ты, может быть, видел их в Саду Лан, что разбит к востоку от города...

Ингомер, пребывавший мыслями на далёком острове Розовой Чайки, не сразу сообразил, о чём толкует мальчишка.

– Какой-какой ещё сад?..

– В нашем городе иные зарабатывают деньги, показывая его приезжим. Если ты не был там, то побывай, когда возвратишься. Там много цветов и деревьев и высятся Посмертные Тела, в которые помещают земные останки шулхадов. Мастера вытёсывают их из красивого и прочного гранита, который ломают в десяти днях пути от столицы. Изваяние должно соответствовать величию и мощи правителя, чтобы после его смерти от народа не отвернулась удача. Никакая повозка не может выдержать каменного веса, и множество рабов везёт Посмертное Тело, как вы везли корабли, – на катках. Туда проложена дорога, но каждый раз что-то случается, и один или два раба гибнут. У нас говорят, это хорошо: они добавляют свою кровь к мощи шулхада... – Каттай вздохнул и осенил себя знаком Ущербной Луны: – В прошлый раз там погиб мой отец... да вознесёт его душу Лан Лама на Праведные Небеса.

Ингомер помолчал, подумал и ответил:

– Значит, ты вправду способен уразуметь, о чём я говорю. – Но сразу ревниво хлопнул себя по колену: – Только нам пришлось хуже! У нас под ногами был лёд, а поверх льда – глубокий снег. Иногда плотный, а иногда – как рыхлый песок. И ещё торосы, которые приходилось либо обходить, либо прорубать. Сначала мы тащили пять кораблей, потом оставили два – только чтобы всем поместиться. Самую большую «белуху»... и боевую «косатку», ибо тому, кто бросит «косатку», незачем называться сегваном. Вот так мы шли, паренёк...

Туман казался серым коконом, окутавшим караван. Он нехотя расступался, открывая дорожные колеи, и вихрился по сторонам повозки, желая снова сомкнуться. Скрипели деревянные колёса, глухо топали копытами неторопливые кони, изредка звякала позади цепь и слышалась ругань ссорившихся рабов... Ссоры, впрочем, не затягивались и в драку не перерастали – Харгелл был начеку. И двумя короткими палками управлялся не менее ловко, чем одной длинной.

– У тебя погиб отец, а у меня – старший брат, – всё ещё ворчливо проговорил Ингомер. – Многие не дошли до чистой воды и не увидели Берега, и он в том числе. Он был

сильным и красивым парнем и, знаешь, из тех, кто, если несут дерево, хватается не за верхушку, а за комель... Ну да ты понял, о чём я говорю.

Каттай кивнул.

– Вот он и надорвался однажды. А у него был охотничий пёс... Настоящая сегванская лайка, островная, их, сколько я знаю, пробуют разводить и на Берегу, но там им не житьё: одно-два поколения, а потом паршивеют и вымирают... У нас собакам редко дают имена, только самым лучшим, так вот, немного было равных этому псу. Его звали Быстрый. Когда мой брат не смог больше идти, я впряг Быстрого в саночки, и он два дня вёз брата по снегу, а на третий день мой брат умер. В том походе мы не давали умершим погребального костра, потому что никто не знал, сколько ещё осталось идти и сколько потребуется дров. Вот и брата мы похоронили просто во льду.

Тут Ингомер угрюмо замолчал и долго не произносил ни слова, и Каттай не решался спросить его, к чему он затеял этот рассказ.

– Мы завалили тело и двинулись дальше, – наконец сказал Ингомер. – Но Быстрый с нами не пошёл. Я хотел увести его, но он меня не послушал. Кое-кто говорил, будто он тоже надорвался, пока тащил санки, но я-то знал, что это было не так. Он лежал на могиле и смотрел нам вслед, а потом завыл. Мы шли медленно, потому что приходилось копать и утаптывать снег для корабельных катков. Мы долго-долго слышали его вой...

Ингомер вновь замолчал, хмуря брови и мрачней всё больше.

– А чего ради я тебе всё это рассказываю, – проворчал он затем. – Нынче ночью я видел во сне брата и с ним Быстрого. Была метель, и Быстрый бежал в упряжке, а брат сидел на саночках и махал мне рукой... – Ингомер несколько раз согнул и разогнул корявые пальцы, что-то подсчитывая: – Сегодня четвёртый день седмицы, день нашего громовержца Туннворна, и, во имя Его трёхгранного кремня, сон должен быть вещим!.. И зачем только я нанялся в эту поездку?..

Он помолчал ещё, потом переложил кнут из руки в руку и мотнул кудлатой седеющей головой.

– А всё из-за того, что тот парнишка-венн в клетке, Хёгг его задеря, вчера был ну точно как Быстрый. Аж мурашки по спине поползли! Я-то думал – ни с чьим его голос не перепутаю!..

В середине дня туман наконец разошёлся, а вечер задался тихим и солнечным. Самоцветные горы, приблизившись, уже не казались в темнеющем небе мазками пепельной кисти. Они громоздились вещественно и тяжеловесно, заполняя и стискивая горизонт, и надо всем господствовали три высоченных зубца – Большой, Южный и Средний. В лучах заходящего солнца они были невероятно красивы. Вершины горели холодным алым огнём, ниже этот пламень становился малиновым и постепенно остывал до глубокого пурпурного, чтобы затем перейти в непроглядную черноту, кутавшую предгорья. Рабы, перешёптываясь, смотрели на это завораживающее диво. Ни у кого не было охоты скорее познакомиться с ним вблизи. Ксоо Тарким и Харгелл знали, что с этого времени следует ждать отчаянных попыток побега, и Харгелл велел младшим надсмотрщикам держать ухо востро.

Он как раз делил их на стражи, когда Каттай, призванный Таркимом, подбежал к хозяйскому костру.

– Мой милостивый господин звал своего ничтожного?..

– Да, звал. Послушай-ка внимательно, мальчик. В котором кулаке у меня камешек?

Это было совсем просто. Каттай никогда не ошибался, когда мама подзывала его: «Ну-ка, в какой руке у меня печенье, сынок?..»

Он ответил:

– В левом кулаке, господин. Только, с твоего позволения, не камешек, а монетка. Серебряная...

– Маленький паршивец видел, как ты её прятал, – недоверчиво заявил Таркиму Харгелл.

Но торговец рабами лишь покачал головой.

– Теперь отвернись, Каттай. А ты, Харгелл, сам проследи, чтобы он не подглядывал.

Нарлак ничего не делал наполовину. Он встал перед Каттаем и втиснул его лицо себе в живот, в полу заскорузлой кожаной куртки, густо пропахшей пылью, дымом и потом. Каттай едва мог вздохнуть, а уж о том, чтобы подсматривать, и речи не шло.

Когда Харгелл наконец его выпустил, перед Таркимом лежал большой пёстрый платок, расстеленный на траве.

– Под ним кое-что спрятано, – сказал торговец Каттаю. – Укажи мне, где это лежит и что это такое. Не прикасаясь к платку!

И снова Каттай ответил без запинки, ни на мгновение не задумавшись:

– Там ничего нет, господин мой. Если только тебе не было угодно укрыть дохлого жука, лежащего вот тут, и норку, вырытую земляным червём, – вон там...

Тарким переглянулся с Харгеллом; мальчику показалось, будто на лице господина промелькнуло радостно-тревожное выражение. Ни дать ни взять Тарким обнаружил нечто столь редкостное и удачное, что сам себе боялся поверить. Каттай даже подумал: неужто Лунное Небо наделило хозяина свойством всё время что-то забывать и терять и он радуется невольнику, умеющему найти любую пропажу?.. Было бы воистину хорошо, если бы «под это дело» (как выразался дядя Ингомер) милостивый господин Тарким решил оставить его при себе... Каттай подумал и всё-таки решил, что на растеряху его нынешний хозяин нисколько не был похож. Наоборот: всякая вещь у него занимала своё, раз и навсегда определённое место. Такой нигде не позабудет не то что кошелёк с деньгами или родительский амулет – даже щепочку, которой чистил в зубах...

– Проведи его кругом лагеря, – велел торговец Харгеллу, – и вернись. Белир! Быстро сюда!.. Да лопату с собой захвати...

«Значит, – идя рядом с надсмотрщиком, гадал про себя Каттай, – господин хочет, чтобы я делал для него что-то иное. Но что?..»

Ему представилась палатка, поставленная на рыночной площади. Люди платят по денежке и входят туда, а он, Каттай, угадывает, у кого в кулаке лежит позолоченный орешек. Это была бы хорошая и сытая жизнь...

Когда они с Харгеллом вернулись к костру, возле ковра, на котором возлежал Ксоо Тарким, возвышалась кучка песка. Упыхавшийся Белир сидел в сторонке на корточках, рядом стояла воткнутая лопата. Видно было, как тщательно он гладил ею песок, делая кучу со всех сторон одинаковой.

Каттай подошёл, и Тарким нетерпеливо обратился к нему:

– Можешь мне рассказать, что зарыто в песке?

Он очень волновался. Каттай понял: его ответ был важен для господина. Мальчик невольно напрягся, и за лобной костью стало сгущаться тёмное облачко боли. Такого с ним ещё не бывало. Он зажмурился и протянул ладони вперёд. Хозяин каравана дёрнулся было – «Не прикасаясь!..» – но всё-таки промолчал. И правильно сделал. Мальчишке понадобилось на раздумье всего несколько мгновений.

– Моему господину, – сказал он, – было угодно зарыть здесь три камня: серый, зелёный и беловатый. А ещё под серым лежит медная монетка. Это нардарская монетка в одну двадцать пятую лаура...

Хозяин каравана стиснул угол подушки.

– Разрой песок, Белир...

Всё было так, как сказал Каттай. И камешки, и монетка, за которую дома можно было купить у булочника половинку свежей лепёшки...

Тарким резко выдохнул – он всё это время, оказывается, не дышал – и с величайшим облегчением откинулся на ковре, закрывая глаза.

Харгелл скривился так, словно в рот ему попала какая-то гадость:

– Я видел уличных чародеев, угадывавших, сколько горошин ты вытащил из мешочка. Мне рассказали, как они это делают, и с тех пор я всегда обманывал их. Вытаскивал три, а

сам думал: «четыре! четыре!», и они тоже говорили «четыре». Это ведь ты положил монетку и камни. Мальчишка просто подслушал, что было у тебя на уме!

Каттай смотрел то на одного, то на другого. Боль покинула его лоб и переползла в затылок и шею. Он мог бы сказать – и доказать! – надсмотрщику, что действительно видел. Но не отваживался.

– Милый мой Харгелл, – проговорил Тарким, не открывая глаз. – Ты пытаешься уберечь меня от разочарования, и я тебе благодарен. Я действительно сам положил и монетку, и камни. Но я подумал об уличных фокусниках чуть раньше, чем ты. И я вытряхнул монетку из кошелька не глядя, чтобы самому не знать ни её достоинства, ни места чеканки. И Белир не увидел её, потому что я велел ему отвернуться. Что ты скажешь на это, мой добрый Харгелл?..

Надсмотрщик поскрёб нечёсаную бороду и ответил:

– Скажу, что мальчишке надо бы дать хлеба с маслом, сколько в брюхо войдёт.

– Ну так и дай!.. – неожиданно громко расхохотался Тарким. – А ты, Каттай, вот что. С завтрашнего дня можешь ехать в повозке или идти пешком, как сам пожелаешь. А если вдруг кто обидит – не жди, сразу жалуйся мне или Харгеллу. Понял, малыш?

Каттаю действительно дали ломоть хлеба, настоящего белого хлеба из запасов хозяина, огромный ломоть, отрезанный от целой ковриги. Ксоо Тарким знал, чем запастись в дорогу! Замечательный мастер испёк этот хлеб таким образом, что мякиш не черствел даже после долгого путешествия в кожаном коробе. Конечно, коврига не казалась только что вынутой из печи, но была мягкой и плесенью не отдавала. После однообразной каши, которой кормили рабов, этот хлеб, да ещё и густо намазанный маслом, показался Каттаю самым вкусным, что он когда-либо ел. Он единым духом умял половину ломтя. Потом неизвестно отчего вспомнил о сидевших в клетке Щенке и Волчонке. У обоих кости выпирали сквозь кожу, и матери не дали им в дорогу вязаных безрукавок, отгоняющих холод. «Помоги тому, кому плохо сегодня, и на завтра кто-нибудь поможет тебе...»

Каттай представил, как проглотили бы эту пищу Богов двое оголодалых мальчишек, и очередной кусок застрял у него в горле. Ему расхотелось доедать хлеб. Надо было, пожалуй, сразу разделить его натрое... Каттай собрал с колен крошки и огляделся, чувствуя, как подкатывает тоска. Он ещё не согрешил, но уже видел себя преступником. Господин наказал своих рабов, особенно Щенка. Получается, он, Каттай, вознамерился пойти против господина?.. Ну, не то чтобы против...

Порка за этот проступок ему, может, и не грозила. Но если его застанут у клетки, хозяйского благоволения ему больше не видать уже точно. И как быть с Предназначением? «Мы должны быть добрыми слугами, сынок. И тогда от нашей крови когда-нибудь родится Достойный. Тот, кто совершит Деяние, дарующее свободу...»

«Я не буду перечить моему господину, – мысленно ответил он матери. – Я просто сделаю так, чтобы двое его рабов одолели дорогу немножко более сытыми и здоровыми». Он поднялся и направился к клетке, пригибаясь, словно воришка, и на ходу придумывая оправдания на случай, если будет-таки застигнут.

Ему повезло. Харгелл резался в кости с другими надсмотрщиками у большого костра, освещавшего цепь и рабов, а Ингомер всю храпел, завернувшись в попону, прямо на земле под ногами у своего любимца-коренника. Саврасый, привязанный на длинной верёвке, осторожно переступал через сегвана, выискивая траву посочней. Никто не перехватил Каттая, не спросил, что это он тут делает, не вынудил врать. Пробираясь к клетке, он даже разделил хлеб пальцами надвое, чтобы сразу сунуть мальчишкам. Из-за спешки и темноты куски получились неравными, но это было не так уж и важно. Главное, что всё удалось!

Юные венны не спали. Волчонок жадно схватил протянутый хлеб и один кусок сунул Щенку, во второй впился зубами. Каттай заметил мелькнувшую корку: Волчонок взял себе тот край, что был побольше.

Щенок, прежде чем есть, подержал хлеб на ладони, словно молясь. Он жевал медленно.

Разбитый рот плохо слушался и болел. Потом он спросил Каттая, сидевшего возле колеса:

– Ты – раб?

Он не сказал «тоже». Каттай поддел пальцем деревянную бирку-серьгу, оттягивавшую левое ухо.

– Разве ты не видел у меня это?..

– Видел. Но не знал, что это такое.

Каттай пояснил:

– Господин не надевает тебе свой знак, потому что скоро продаст.

– Тебя не ведут на цепи и не везут в клетке, – сказал Щенок. – Почему же ты не убегаешь?

Каттай улыбнулся: вот и ему выдался случай наставить не знающего истин. Он ответил:

– Потому что негоже бегать от Предназначения.

– Какого предназначения?..

Каттай объяснил, и венны переглянулись.

– Кто научил тебя такой чепухе?.. – хмыкнул Волчонок.

– Моя мама.

Волчонок поёрзал на жёстком деревянном полу.

– У нас чтут матерей, – проговорил он затем. – Давай выбросим то, что я нечаянно сказал, в отхожее место. Я не хотел обидеть тебя.

Каттай улыбнулся впотьмах.

– Я раб и сын рабов. У меня нет гордости, которую можно ранить словами.

– Этот Достойный с его Деянием... – вновь подал голос Щенок. – Кто тебе сказал, что это – не ты сам?

– Я?.. – изумился Каттай. Потом вспомнил: – Двести лет назад в нашем городе сразу много рабов совершили Деяние. Это было во время Последней войны. Полководец Гурцат Великий хотел захватить город. Под стенами встал отряд в два раза больше нашего обычного войска. Тогда государь шулхад вооружил всех мужчин и даже рабов. За доблесть в сражении им была обещана вольная...

– И они её получили?

– Да. Потому что, как говорят, именно ярость рабов помогла разбить осаждающих. Шулхад Эримей был великий правитель...

Щенок придвинулся ближе, насколько позволила цепь. Он сказал:

– Не хочешь бежать сам – так выпусти нас!

Каттаю стало страшно. Ему показалось, глаза венна светились в ночи, как два изумруда.

– Нет, нет!.. – зашептал он, отползая прочь по траве. – Нет, что ты... нет... Я добрый раб... Я не могу предать господина...

Щенок хотел сказать что-то ещё, но Каттай слушать не стал. Он вскочил и убежал прочь, спотыкаясь в потёмках. Забрался в повозку, ставшую за эти дни такой родной и привычной, свернулся там на мешках и неслышно заплакал. Что-то в нём жутко и томительно отозвалось на слова о побеге, что-то затрепетало в груди, словно домашняя птица, услышавшая из поднебесья зов вольных собратьев...

Но слишком искусно подрезаны были крылья, и птица даже не попыталась взлететь.

* * *

Самоцветные горы были труднодоступны и славились этим. Старинные летописи гласили: давным-давно, когда безымянный старатель впервые обнаружил драгоценные жилы-верховки (легенда рассказывала о подстреленном олене: зверь, силясь встать, сорвал копытами пласт земли с травой, и на солнце засверкали баснословные россыпи), завоёвывать дармовое богатство отправилось превеликое множество народу. Охотники за камнями

повалили из всех ближних держав. Саккаремцы, нарлаки, халисунцы, нардарцы... шли люди даже из Вечной Степи и из Потаённой Страны Велимор. В одиночку закладывали неглубокие копанки, по двое-трое били первые шурфы¹ – «напытки»... Всем казалось: только бы отыскать «то самое» место – и за богатством, валяющимся под ногами, останется лишь нагнуться...

Кому-то действительно повезло. Большинство, как водится, просчиталось.

Потомки самых удачливых стали хозяевами рудников и теперь наслаждались богатствами, не поддававшимися никакому исчислению. Дети менее удачливых пошли к ним в услужение, став рудознатцами и гранильщиками камней. Но большинство тех, кто устремился к Трём Зубцам с котомками и кирками, так и не увидели не то что рубинов и золота – даже самого паршивенького крошащегося червеца...²

Так говорил Харгелл, и Каттай ему верил. Трудно не поверить, когда говорит Харгелл. Харгелл жесток, как сама жизнь, и, подобно ей, мало расположен к ласковым сказкам.

Караван Ксоо Таркима только-только втянулся в предгорья, а дорога уже стала опасна. Она косо тянулась вверх по склону холма, и обе её стороны были укреплены сваями и плетнём. Иначе сверху могли посыпаться камни, а сама дорога – съехать оползнем вниз. Харгелл утверждал, будто такие рыхлые склоны были куда страшнее нависающих скал. Наверное, он знал, что говорил. Каттай только пробовал вообразить, сколько дерева и из какой дали потребовалось привезти, чтобы построить эту дорогу. А какого людского труда она, наверное, стоила!..

– Труда?.. – расхохотался Харгелл. – Труд – это то, что делает наш хозяин. Он сам ставит себе урок, он знает, чего хочет, и не жалуется, когда тяжело. А рабов, строивших эту дорогу, всё время подгоняли кнутами и грозили оставить без жратвы, если они не выполнят назначенного на день. Такие не трудятся, а ищачат!

Каттай посмотрел на вереницу невольников, угрюмо и молча одолевавших подъём.

– Каждый из них либо грабил, либо убивал, либо обманывал, – заметил Харгелл. – Их сюда привели их собственные дела. Пусть отработывают то, что отняли у добрых людей!

«И Щенок с Волчонком? – невольно испугался Каттай. – Они тоже у кого-то срезали кошелёк?...»

На сей раз Харгелл превратно истолковал его взгляд.

– Вот кому незачем бояться кнута, так это тебе. Ты ещё там, чего доброго, даже и в господу выйдешь...

В другое время Каттай непременно набрался бы храбрости и расспросил его, почему это господин велел дать ему хлеба с маслом и что за удивительная судьба ожидала его в Самоцветных горах. А уж от слов «даже и в господу выйдешь» у него просто захватило бы дух: то есть как??? Мне скажут, что я ДОСТОИН, мне дадут свободу и назовут ГОСПОДИНОМ???

Но не теперь! С самого утра Каттая преследовало острое, как головная боль, ощущение некоей неправильности и зловещего напряжения повсюду вокруг. Почти так было однажды, когда у него на ноге случился нарыв: воспалённая шишка зрела и зрела, чтобы наконец прорваться и вытечь. Вот и сегодня весь день в нём росло зудящее беспокойство. Откуда-то шёл глухой гул: так стонали бы прочные дубовые балки, не в силах выдержать навалившийся груз. Гул этот оставался неразличимым для обыкновенного уха, лишь Каттай слышал его... да ещё кони, беспокойно прядавшие ушами. Когда наконец мальчик понял, в чём дело, он отчаянно схватил надсмотрщика за руку и закричал:

– Дядя Харгелл, здесь опасно!.. Дядя Харгелл!..

Он даже не думал, поверит ли ему свирепый нарлак. Но тот поверил. Сразу и без

¹ Шурф – в горном деле: разведывательный колодец.

² Червец – старинное название красного граната.

лишнего слова. Он был слишком опытен. Такие, если видят, что смиренный домашний пёс вдруг схватил из колыбели младенца и бежит с ним на улицу, – мысленно благодарят за предупреждение и тотчас бросаются следом. А не ищут дубину, чтобы прибить взбесившегося кобеля.

– Ингомер!.. – заорал Харгелл во всю силу лёгких. – Гони!..

Сам же кинулся к невольникам, ругаясь в девяносто девять петель и ревя что было мочи:

– Бегом, вонючие отродья водяной крысы! Бегом!..

Говорят, никто на свете не умеет материться так, как надсмотрщики. Наверное, это правда. Они имеют дело со всеми народами света и прекрасно знают, что самое оскорбительное для арранта, а что – для жителя шо-ситайнских болот. Поэтому до них далеко и проигравшим битву наёмникам, и саккаремским купцам, обнаружившим, что их надули, и даже чёрным головорезам с кораблей, охраняющих морские границы империй Мономатаны.

Но в эти мгновения Харгелл утратил всю свою изобретательность. Должно быть, оттого рабы не стали переругиваться с ним и спорить и тяжело затрусили вперёд, подхватив цепь. А Ингомеру даже не пришлось пускать в ход бич. Услышав «Гони!», он для начала лишь привстал и чмокнул губами – и кони обрадованно зарысили, а потом поднялись в галоп. Цепь натянулась и заскрипела. Кони налегали, люди, ругаясь, прибавляли шаг.

Крутой склон над дорогой усеивали большие угловатые валуны. Иные с полновесный арбуз, иные – с сарай. Они лежали так, словно в древности некий великан небрежно, словно плохой пахарь, разбрасывал их горстями – где густо, где пусто. Там и сям виднелись глубокие борозды: после дождей и особенно по весне валуны скатывались, наваливаясь и напирая один на другой...

...Нынче была уже далеко не весна, и дождь последний раз шёл дней пять назад, но от судьбы не уйдёшь. Нескольким камням просто «пришёл кон»³ скатиться, и если случай вывел под обвал людей и повозки – значит, так тому и следует быть. Первый валун с треском и рокотом выехал на дорогу, едва не сметя ослика и клетку с мальчишками-веннами. Длинноухий с перепугу рванул вперёд так, что повозка встала на одно колесо, но выправилась и продолжала катиться. Следующий камень, поменьше, пронёсся, подпрыгивая и раскалываясь на ходу, перед самыми мордами упряжных коней. Саврасые шарахнулись, насколько позволяла дорога, однако хода не сбавили. Им не меньше, чем людям, хотелось убраться подальше от опасного места, и, в отличие от людей, они хорошо знали, как это сделать. Пегая кобыла под Ксоо Таркимом бесилась и ржала, взвываясь на дыбы и желая нестись вперёд во всю прыть. Молодой купец сдерживал её крепкой рукой. Не дело хозяину убежать, бросая работников и товар. Тарким лишь поглядывал вверх, силясь угадать, откуда покатится новый валун.

– Стыд вам, алчные духи предгорий! – прокричал он, силясь быть услышанным за грохотом и треском обвала. – Я ли не подарил вам вчера две лепёшки и зайца!.. Во имя рваной накидки Хранящей-в-пути, да постигнет вас справедливая кара...

Словно в ответ на угрозу, над головами бегущих людей раздался чудовищный скрежет, отчасти похожий на смех. Так, забавляясь ничтожными притязаниями смертного, мог бы расхохотаться сам холм. Где-то там, выше по склону, докатившиеся сотрясения нарушили равновесие целого гнезда валунов, и глыбы двинулись вниз. Крупные обломки набирали скорость обманчиво-медленно. Они величаво и тяжеловесно вращались, приминая хрустящие осыпи, и от ударов срывались новые камни. Мелкие камешки неслись вниз прыжками по десять сажений, отскакивая и жужжа на лету, словно выкинутые из пращи...

Один небольшой, пуда на два, валун уже упокоился на дороге – но только затем, чтобы лечь под колесо повозке-клетке. Повозка подпрыгнула и всё-таки перевернулась. Осёл тоже

³ «Пришёл кон» – выражение, означающее наступление рокового момента в судьбе.

упал и забился, истошно крича, пытаясь подняться. Это никак не удавалось ему – мешали оглобли. Новый камень вылетел из тучи пыли, окутавшей всё кругом, и со свистом пронёсся над самой клеткой. Волчонок завизжал и затряс было прутья, потом скорчился в комок, скуля и силясь хоть как-то прикрыть ладонями голову. Щенок, с белыми скулами, как мог выпрямился и стал нараспев произносить некие слова. Кто знал обычаи его племени, тот понял бы – он пытался с достоинством принять смерть. И перечислял имена тех, с кем должен был встретиться за её чертой. Тарким оглянулся на опрокинутую повозку, но не стал посылать к ней никого из надсмотрщиков. Это – позже, когда выдохнется обвал. А если клетку засыплет совсем, значит, туда и дорога. Никто не скажет про Ксоо Таркима, будто он рисковал своими работниками ради двух – может быть, уже мёртвых – невольников и осла...

Каттай, пригибаясь, бежал возле заднего колеса конной повозки. Тарким наклонился к лошади и, схватив за шиворот, вскинул лёгкого мальчишку перед собой на седло. Оставлять своё главное сокровище на произвол духов предгорий Тарким был вовсе не расположен!

Как оказалось, купец очень вовремя о нём позаботился. Прыгнув вперёд, пегая поравнялась с упряжными лошадьми, и в этот момент из-за повозки послышался глухой удар и почти сразу – страшные крики, а сама повозка остановилась так, словно её колёса приросли к дороге разом и насмерть – до того резко, что два передних коня повалились на колени.

Но на этом коварство духов предгорий оказалось исчерпано. Валуны больше не покидали своих вековых гнёзд, прекратился грохот и гул, лишь кое-где, зловеще шурша, продолжали осыпаться мелкие камешки. Обвал кончился. Упряжные кони, привыкшие к опасностям дальних дорог, успокоились сразу, горячая нравом пегая ещё поплясала, но, когда начала оседать пыль, перестала рвать узду и она. Тарким повернул кобылу и поехал взглянуть, что же случилось.

Кусок скалы размером с халисунскую винную бочку въехал в самую голову вереницы рабов и накрепко прижал к земле цепь. Вместе с цепью придавило троих рабов. Один был мёртв – ему разmozжило всю левую половину тела. Второй, с ногами, превращёнными в кисель до самого паха, взмахивал свободной рукой, словно плыл через тёплое озеро. Его лицо сияло блаженной улыбкой – так бывает, когда хлынувшая боль превосходит все мыслимые пределы и гаснущий разум просто отказывается её постигать. Широко раскрытые глаза смотрели в серое небо, но то, что они там видели, уже не принадлежало этому миру. Рядом на земле сидел Рыжий. Его левую ступню пригвоздил и, видимо, искалечил острый край камня. Рыжий мотал головой и кусал губы, едва удерживаясь, чтобы не завывать в голос.

А от четвёртого остался только кусок цепи, перерубленной ударом валуна о валун. Теперь этот раб во все лопатки улепётывал прочь, назад, туда, откуда пришёл караван. Это был Корноухий.

Харгелл, подоспевший на место раньше Таркима, уже гнался за беглецом. Раненые и тем более погибшие под обвалом могли потерпеть, но поимка удравшего никакому отлагательству не подлежала. Вместе с Харгеллом за Корноухим бросились ещё двое надсмотрщиков – таких же сытых и выносливых, как их предводитель. Корноухий мчался, прыгая через камни, с отчаянной быстротой спасающего свою жизнь. Но после нескольких седмиц в караване удирать от надсмотрщиков было всё равно что от сторожевых кобелей. Настигнут, прижмут и...

Корноухий, при всей его прыти, понял это уже возле опрокинутой клетки. Погоню отделил от него какой-то десяток шагов, и беглец сделал единственное, что ему ещё оставалось, – выпрыгнул за край дороги и, кое-как соскользнув по растрёпанным сваям, лохматым от свежих щепок, начал спускаться на осыпь. Но и тут судьба уготовила ему неудачу.

Корноухий был уличным вором. Он промышлял на торгу в большом городе и уж там-то, в своей Четверти, отлично знал каждый закоулок и тупичок. Уж там-то он играючи удирал и от разгневанного прохожего, хватившегося мошны, и от стражников, которым вроде бы полагалось знать город не хуже воров... Дальняя окраина Самоцветных гор оказалась куда менее милостива к карманнику. Думая только о том, как бы ещё на шаг

отдалиться от Харгелла с помощниками, Корноухий с разгона запрыгнул на большую кучу камней, начал перескакивать с одного на другой...

...И не сразу почувствовал, что камни зашевелились и поехали у него под ногами. Это было совсем свежее нагромождение валунов; глыбы, ещё горячие от соударений, не успели толком улечься и обрести хотя бы шаткое равновесие. Тяжесть человеческого тела оказалась достаточна, чтобы побеспокоить их вновь.

– Стой, дурень!.. – заорал сверху Харгелл. Но для раба, ударившегося в побег, это «стой!» имело только один смысл. Корноухий оглянулся, блеснув сквозь пыльную бороду оскаленными зубами, и прыгнул ещё дальше вперёд...

Он наконец понял свою ошибку, когда огромный и казавшийся таким надёжным валун начал с потрясающей лёгкостью поворачиваться под ним, грозя сбросить. Корноухий испуганно вскрикнул и подался назад. Камень, как ни удивительно, успокоился. Беглец снова оглянулся и увидел, что преследователи остановились поодаль, на песчаном откосе, где им ничто не грозило. Он осторожно переступил, затеяв очередной прыжок... Валун тотчас отозвался зловещим раскачиванием, камни помельче зазвенели, как мельничные жернова. Корноухий мигом раздумал прыгать и замер, как изваяние.

– Эй, малый!.. – опять подал голос Харгелл. – Послушай-ка, что скажу! Не шевелись, пропадёшь!..

Беглец и сам успел это уразуметь. Любое неловкое или плохо рассчитанное движение грозило сбросить его в каменную молотилку, переломать кости, расплющить...

– Я брошу тебе верёвку! – закричал Харгелл. – Держись крепче, мы тебя выдержим!

Корноухий молча смотрел, как один из надсмотрщиков взобрался обратно на дорогу и вскоре вернулся с мотком прочной пеньковой верёвки. Харгелл примерился и очень ловко метнул её Корноухому. Она скользнула по драным, потерявшим форму и цвет башмакам бывшего вора. Тому достаточно было нагнуться, чтобы схватить её. Но он не нагнулся. Подобным образом иногда ведут себя люди, придавленные опасностью столь грозной, что душевных сил не остаётся даже для шага к спасению. Так ребёнок, застигнутый пожаром, боится выпрыгнуть за окно в сажень высотой и замирает, не двигаясь ни туда, ни сюда...

Опытный Харгелл сразу понял, что здесь дело было в ином. Он поднял руку:

– погоди, малый! Ты небось думаешь, я тебя вытащу, а потом запорю, так?.. Клянусь, никто тебя пальцем не тронет!.. – В самом деле, ещё не хватало увечить поркой раба, предназначенного для скорой продажи. Но Корноухий не пошевелился. Тогда нарлак расстегнул ворот, вытащил чтимый символ своего племени – позеленевший от пота бронзовый трилистник Святого Огня – и прилюдно поцеловал в знак нерушимого слова: – Это видел?.. Ну, держи верёвку, болван!..

Снова свистнул упругий витой конец, брошенный умелой рукой. Бросок вышел ещё удачнее первого: верёвка упала на камень и осталась лежать возле ног бегльца. Корноухий долго молча смотрел на неё. Потом оглянулся на камни, шатко замершие над крутизной. И наконец прямо поглядел на Харгелла. На своих недавних товарищей, по-прежнему связанных, как гроздь, придавленной цепью... Пыль успела опасть, и они с дороги хорошо видели его, а он – их.

– Пусть надсмотрщики в рудниках меня вот сюда поцелуют!.. – вдруг громко и торжествующе заорал Корноухий, и Харгелл понял, что было у него на уме, ещё прежде, чем беглец оттопырил тощий зад и хлопнул себя ладонью. – Пускай поцелуют!..

И Корноухий принялся, хохоча, плясать на своём камне, и тот немедленно затанцевал вместе с ним, раскачиваясь всё сильнее. Корноухий бесстрашно подпрыгивал и хлопал себя по пяткам, верша свадебный танец своей родины, южного Саккарема. Из-под многопудовой глыбы с треском и скрежетом стали выворачиваться камни поменьше, вся груда начала шевелиться, словно под ней пробудилось и собралось вылезти наружу нечто громадное. Надсмотрщики поспешно попятились: новый обвал грозил захватить ту часть склона, где они находились. Потом большой камень начал медленно опрокидываться.

Позже кое-кто говорил, будто в последний миг Корноухий пытался схватить верёвку,

так и не вытянутую Харгеллом. Кое-кто слышал, будто его отчаянный хохот якобы перешёл в полный ужаса вопль... Так было или нет – никто уже не узнает наверняка. Валун перевернулся. Величавое движение тяжёлой скалы лишило равновесия всю грудку камней, и они сперва сдвинулись, а потом, поднимая тучи песка, всё быстрее покатались по склону. Чтобы остановиться и обрести упокоение уже в самом низу, на дне глубокого распадка между холмами...

Могильный курган бывшего вора, который не пожелал идти, как баран на привязи, в рудники Самоцветных гор.

Каменные жернова провернулись и замерли, смолов в пыль то, что судьбе было угодно между ними вложить.

– Я старый осёл!.. – сказал Харгелл досадливо. – Надо было поймать его петлёй, и вся-то недолга! Так ведь побоялся, дурак, что парень отскочит и сорвётся в обвал...

Он сматывал верёвку. Вернее, то, что от неё осталось: разможжённые, перебитые лохмотья.

– Теперь только мешки завязывать. Ещё и верёвку испортил, холера.

Двое мальчишек-веннов в опрокинутой клетке были живы и, судя по всему, серьёзно не ранены. А вот Рыжему досталось так, что не позавидуешь. Когда надсмотрщики вернулись к повозке, он по-прежнему сидел на земле, сжав руками лодыжку придавленной камнем ноги, и негромко стонал. По его лицу, смывая застарелую грязь, ручейками скатывался пот. Над Рыжим, задумчиво теребя усы, стоял Ксоо Тарким. Когда подошёл Харгелл, он спросил его:

– А с этим что будем делать? Посоветуй.

– Прикончить, – пожал плечами нарлак. – Даже если рана не воспалится, за три дня пути, что нам остались, он съест каши на большую сумму, чем ты за него выручишь на руднике.

Тарким заколебался... Он и так потерял сегодня троих. Каттай, державший повод пегой кобылы, упал на колени и прижался к сапогам торговца.

– Не вели убивать его, мой милостивый господин! Он хороший! Он всегда был добрым рабом!.. Позволь, я буду ухаживать за ним и отдавать ему свою кашу...

– А мальчонка-то молодец, – припомнил Харгелл. – Это ведь он предупредил меня, что сейчас начнётся обвал!

Тарким нахмурился, размышляя.

– Откуда ты, раб? – наконец обратился он к Рыжему.

Тот долго молчал – смысл сказанного медленно доходил до него сквозь обречённость и боль.

– Я аррант, – выговорил он затем. Не добавив положенного «господина».

– Грамотный небось? – обрадовался Тарким. Приканчивать раба ему не хотелось. – Каким ремеслом ты владеешь?

– Я был учителем... Я учил детей Управителя нашей столицы. Меня звали Тиргеём...

– Учитель, – усмехнулся Тарким. – Что-то многие нынче избавляются от учителей. Вот и наш благословенный шад, да прольёт Богиня дождь ему под ноги, отправил недавно в ссылку своего наставника, славного Зелхата, прозванного Мельсинским. Жаль, что так вышло, редкого ума был старик... За что же ты угодил в рабство, аррант? Небось целовался с дочерью своего Управителя вместо того, чтобы обучать её грамоте?..

Тиргей выговорил медленно, сквозь зубы:

– Я разошёлся во мнении с придворным астрологом Управителя... Я предостерегал, когда тот пророчил успех... И этот лжеучёный обвинил меня в клевете на Царя-Солнце, к которой я никогда не был причастен...

– Ну, это все они так говорят, – фыркнул Харгелл. Он вытащил из ножен, пристёгнутых к левой руке, боевой нож, которым никогда не пользовался за едой, и деловито погладил им мозолистую ладонь, правая лезвие, точно брадобрей бритву. – Сплошные праведники на цепи, только хари почему-то разбойничьи. А послушать, так каждого – ни за что ни про что!

– О чём же ты пытался предостеречь Управителя, раб? – спросил Тарким. Каттай по-прежнему стоял перед ним на коленях, с проснувшейся надеждой глядя на своего великодушного господина.

Тиргей еле слышно ответил:

– О проходе сквозь гору, которым тот собирался украсить главную дорогу к столице. Мои разыскания убедили меня, что там текут под землёй неукротимые воды... А придворный астролог... он утверждал, будто поток не может проникнуть сквозь гору... с одного склона на другой...

Тарким щёлкнул пальцами, припоминая:

– Ага! Мне один ваш купец недавно рассказывал за бокалом вина... Что-то там такое о заваленном тоннеле в Карийских горах и о реке, внезапно поменявшей течение... Не удивлюсь, если Царь-Солнце скоро выгонит такого дурака Управителя. Харгелл!..

– Что, хозяин? – с готовностью встрепенулся надсмотрщик. – Добить?..

– Нет. Вели рабам подналечь и откатить этот камень. Впряги коней, если потребуется. Да смотрите, ногу ему совсем не оторвите!..

Харгелл пожал плечами, спрятал нож и принялся командовать невольниками, собирая их вокруг камня. Тарким же пошёл выяснять, почему всё то время, пока решалась судьба Тиргея Рыжего, возчик Ингомер безучастно сидел на своих козлах. Равнодушие к участи раба ещё можно было понять, но сегван даже ухом не повёл, когда речь зашла о его драгоценных конях! Это было поистине удивительно и заставило торговца насторожиться.

Тарким обошёл повозку и окликнул:

– Ингомер! Эй, Ингомер, ты что там, уснул?..

Выходец с Островов не пошевелился и не ответил.

– Дядя Ингомер, – забеспокоившись, Каттай полез к возчику на сиденье.

Сегван пристально глядел на своих любимых саврасок, крепко держа вожжи и чуть приоткрыв усатый рот, словно собираясь отдать команду коням. Но в его глазах не было ни движения, ни жизни, а по левому виску на кожаный плащ стекали, густея, тёмные тяжёлые капли. Крохотная каменная чешуйка, отлетевшая при соударении глыб, промчалась вдвое быстрее самой проворной стрелы и ударила Ингомера в голову, убив наповал. Он, наверное, не испытал боли, не успел ничего понять и даже не заметил, как умер. Просто шагнул с дороги, прорезанной в склоне холма, на знакомые снега, взвихренные северной метелью. И сразу увидел могучего пса, запряжённого в лёгкие, быстрые санки. И брата, махавшего из санок рукой: «Вот наконец и ты, Ингомер!»

Эти саночки некогда строились на одного, но много ли места нужно бесплотной душе? И вот уже свищет под полозьями снег: «Поедем домой, брат. Ты видишь – вон он показался впереди, наш остров Розовой Чайки. Он ждёт нас...»

Клетку с мальчишками-веннами вновь поставили на колёса, и ослик, по счастью, тоже не пострадавший, потащил её дальше. Только теперь он шагал у конца цепи, привязанный за уздечку; надсмотрщик, который вёл его раньше, занял место на козлах вместо погибшего Ингомера. Тело возчика погребли под скалой, и Харгелл, знакомый с верой сегванов, выбил на камне три треугольника – знак громовержца Туннворна. Но никто не стал возиться и хоронить двоих рабов, убитых скатившимся валуном. Их просто сбросили с крутизны вниз, на каменистую осыпь, и маленькая лавина с шуршанием унесла трупы долой с глаз.

– Вот и с нами так будет, когда доберёмся на рудники... – проговорил невольник, шедший последним в строю. От пережитого страха его потянуло беседовать, и он говорил по-сегвански, чтобы юные венны его поняли. – Всех нас уморят работой и сбросят в отвал, кого раньше, кого позже. Я-то старик, я успел пожить, а вас жалко. Я выпустил бы вас, если бы мог...

Пыль, глубоко въевшаяся в кожу и волосы, не давала определить возраст. Сколько лет могло быть могучему телом мужчине, назвавшему себя стариком? И сорок пять, и все шестьдесят... Как и большинство рабов в караване, он был родом из Саккарема. Другие

невольники называли его Дистеном, что значило просто «должник». Щенок по обыкновению промолчал, а Волчонок спросил:

– Этот человек... ну... этот самый... что пытался бежать... Корноухий. Надсмотрщик ведь обещал его не наказывать. Значит, он... это самое... выбрал смерть под камнями оттого, что не хотел попасть на рудник?

– Да. И скоро мы все пожалеем, что не нам выпала его доля.

Волчонок поскрёб выгоревшие на солнце вихры.

– Там так плохо? Нас будут всё время бить, чтобы работали?..

Пожилой раб усмехнулся:

– Бить будут тех, кто не выполнит дневного урока, но это не главное. Мы будем работать глубоко в недрах, там, куда не заглядывает солнце. В подземных забоях только горят факелы, из-за которых воздух делается тяжёлым и почти негодным для дыхания. И там всё время смрад, потому что вокруг много людей, годами не мывшихся и не менявших одежды. Все они ещё и справляют нужду прямо там, где работают... – Он помолчал и добавил: – А драгоценные камни, которые вот так добываются, сияют потом в коронах вельмож. Ими украшают себя дочери государей... И купчихи, дорвавшиеся до богатства...

Щенок впервые подал голос:

– Ты говоришь так, как будто сам побывал там.

Он сильно шепелявил из-за отсутствия переднего зуба.

Дистен передёрнул плечами.

– Я слышал рассказ человека, вышедшего оттуда...

– Вышедшего? – насторожил уши Щенок. – Как же это у него получилось?

А Волчонок добавил:

– Ты говорил, все попадают в отвалы...

– На самом деле не все, просто среди нас, тех, кто здесь в караване, едва ли отыщется способный спастись. Я по крайней мере такого не вижу... – Цепь дёрнула Должника вперёд, он споткнулся и, выругавшись, некоторое время шагал молча. Потом продолжал: – Ты парнишка вроде неглупый... посуди сам. Кое-кого берут в надсмотрщики, и тем людям живётся в самом деле неплохо. Они одеваются в крепкую одежду и едят досыта, а всей работы – присматривать за другими. Вот как у нашего Харгелла... – Тут он предусмотрительно понизил голос до шёпота: – Мать которого, без сомнения, нынче без передыху кроют в преисподней самые гнусные демоны... Чья жеребцовская плоть, я уверен, напоминает утыканные шипами дубины...

– Не оскорбляй его мать, – перебил Щенок. – Она не хотела вырастить своего сына жестоким!

Дистен не обиделся. Лишь невесело рассмеялся – взрослый, опытный человек, беседующий с мальчишкой.

– Видно, правду говорят про вас, веннов, будто женщин у вас чтут навроде Богинь... Ты все свои двенадцать или сколько там зим просидел в лесу, парень, и ум твой – как новенький кувшин, ещё ничем не наполненный. Ты не видел людей. Когда жизнь как следует обомнёт тебя на своём гончарном кругу, ты поймёшь: всякий человек таков, каким его отец с матерью вырастили...

– Мать с отцом, – упрямо прошепелявил Щенок.

– На сей счёт ты тоже своё мнение переменишь... И не спорь со мной!

– Расскажи ещё про рудник, Дистен, – попросил Волчонок. – Ты говорил про надсмотрщиков...

– Вот попадёте туда, сами и увидите.

– Нам надо побольше узнать заранее, чтобы выбраться оттуда, – сказал Щенок.

– Выбраться? Ты надеешься выбраться?

– Я должен.

– Что?..

– У меня остался враг. Я убью его.

Пожилой саккаремец по достоинству оценил уверенность, прозвучавшую в голосе прикованного цепью подростка.

– Вот пройдёт десять лет, тогда уже и сочтёмся, кто прав... если ноги до тех пор не протянем. По крайней мере вспомнишь меня... Ну так вот. Надсмотрщикам, как я сказал, живётся лучше всего. Ещё есть надежда у тех, кто молится Богам-Близнецам. Жрецы этих Богов иногда приезжают в Самоцветные горы и выкупают единоверцев... Да, правильно говорят – знал бы, где падать придётся, соломки бы подстелил. Ведь этот же мой приятель... В свой храм звал... Так нет бы мне, дурню, хоть порасспросить, что там у них как...

– Они скажут: «Святы Близнецы, прославленные в трёх мирах!» – совершенно неожиданно для саккаремца пояснил Щенок. – А ты, если веруешь, должен ответить: «И Отец Их, Предвечный и Нерождённый...»

Дистен изумился до такой степени, что забыл смотреть под ноги и снова споткнулся. На сей раз никто не стал его дёргать, наоборот, было слышно, как невольники по цепочке передавали сказанное Щенком. Как знать! Может, эти слова когда-нибудь помогут выжить тому, кто их запомнит!

– Ты-то откуда... всё это, парень?.. – сумел наконец выговорить Должник. – Или правду болтают, будто их вера распространилась уже по всему миру?.. И дошла даже до ваших диких лесов?..

Щенок ответил:

– В доме моего рода жил старец, молившийся Близнецам. Он умел занятно рассказать о своём поклонении. Он был достойным и мужественным. Мне нравилось его слушать.

Рабы на цепи начали волноваться, загомонили:

– Пусть ещё расскажет о Близнецах!..

Харгелл, шагавший рядом с повозкой, начал оглядываться. Его помощники прошли вдоль вереницы, держа палки наготове, и громкие голоса постепенно утихли.

– Расскажешь, парень, всенепрременно расскажешь, когда остановимся на ночлег, – вновь шёпотом заговорил Дистен. – Может, кто-то из них, помоложе, вправду сумеет... – Поразмыслил о чём-то, и глаза на грязном, в разводах соли лице вдруг блеснули: – А если даже и нет, у людей обязательно должна быть надежда. Никогда не отнимай надежду, сынок... – Юный венн промолчал, и саккаремец вздохнул невесело и тяжело: – Я вот хоть и старик, а тоже всё на что-то надеюсь. Лунное Небо мне свидетелем, таки попытаюсь обмануть жрецов, если увижу. И если при мне надсмотрщики будут вызывать на поединок – ведь обязательно выйду...

– На поединок?..

– Да. Приятель мой говорил – иногда они развлекаются единоборством. Если победит безоружный раб, ему дана будет свобода. Только со времени Сошествия Тьмы раб ещё ни разу не побеждал...

– Значит, ты погибнешь, как Корноухий сегодня.

– Поживи с моё, парень, и поймёшь, что Корноухий выбрал для себя далеко не худшую смерть. Он не стал дожидаться, пока его заперют кнутами, он не захотел дышать дурным воздухом, от которого лёгкие вываливаются горлом, изгрызенные рудничной болезнью. Поистине, я знал людей, которые назвали бы его смерть подвигом! Вы погодите немного, ещё кое-кто наверняка станет рассказывать, будто на самом деле он увернулся от обвала и убежал...

Щенок упрямо возразил:

– Его раздавило. Мы были близко. Мы видели.

– Может, и так, только ты не вздумай спорить с теми, парень, кто скажет тебе, что он уцелел.

– А то что будет? Побьют?..

– Ты погубишь их легенду и сам себе не простишь, когда это поймёшь.

Щенок задумался и промолчал, а Волчонок кивнул:

– Он смело держался.

– Да. И те, кто будут рассказывать, ещё вложат ему в уста удивительные и прекрасные речи. Так родится сказание о герое, сынки...

Щенок вдруг сказал:

– А по-моему, глупо он умер, этот Корноухий. Да не обидится на меня его дух за эти слова...

– Вот как? – усмехнулся Дистен. – И что бы ты стал делать, оказавшись вместо него там на камнях?

– Я не оказался бы на камнях. Если бы мою цепь перебило, я не бросился бы бежать прямо сразу, пока надсмотрщики настороже и тотчас увидят меня. Я прикрыл бы оборванную цепь хоть тряпкой, хоть собственной горстью. И удрал, скажем, ночью, когда всё успокоится!

– А ты из живучей породы, малыш, – заметил Дистен.

Харгелл подошёл к ним, поигрывая палками. Он ловко подбрасывал их одной рукой. Подбрасывал обе вместе и ловил, не роняя. Кто отважится дерзить человеку, чьё оружие растёт прямо из ладони, послушное малейшему движению пальцев?

– Я вам поговорю о побегах!.. – зарычал он на невольников. – Вот попадёте в забой, там и мечтайте!.. А пока – не спать на ходу!..

Щенок отвернулся. Он успел уяснить, что прямой взгляд мог быть истолкован как дерзость и стать причиной побоев. Он отвёл глаза... И увидел, как далеко позади каравана, над снежником, край которого срезал унёсший Корноухого обвал, быстро промелькнули две крылатые тени.

– Что это было? – спросил он Дистена, когда Харгелл ушёл обратно к повозке. – Они полетели туда, где случился обвал...

– Трупоеды, – был ответ. – Падальщики. Тут много таких птиц. Я слышал, они промышляют в рудничных отвалах, куда сбрасывают умерших рабов...

Щенок молча кивнул и снова стал смотреть назад, где промчались над белизной рыжее и чёрное пятнышки. В горах расстояния обманчивы, но у охотника, выросшего в лесу, было очень острое зрение. И потом, он же близко видел камни, мимо которых они пролетели. Он знал, какими бывают орлы. Так вот: не родилась ещё птица, чьи крылья обладали бы подобным размахом. И были вдобавок устроены совсем не по-птичьи, а скорее как у летучей мыши, но мышь – маленькая, а эти...

И ещё: он мог бы поклясться, что на спине у каждого из могучих летунов сидело по всаднику. Щенок долго смотрел в ту сторону, но удивительные существа так больше и не показались. А потом дорога повернула, огибая громаду холма, и место, где случился обвал, окончательно пропало из виду.

Три громадные горы, прозванные Большим, Средним и Южным Зубами, ещё несколько дней неторопливо шествовали навстречу каравану Ксоо Таркима. Иногда они совсем скрывались за обрывистыми вершинами соседей, потом вновь вырастали перед глазами, величаво поворачиваясь, смотря по тому, как шла дорога. Сколько бы ни говорили, будто все три внутри были пронизаны, словно мышинными норами, ходами-выработками, снаружи этого нипочём нельзя было заподозрить. Горы как горы – ни замков на склонах, ни дыма подземных плавилен, струящегося из-под скал. Никогда не подумаешь, что внутри Зубов и под ними располагалось своего рода маленькое государство с правителями, небольшим войском... и тысячными скопищами рабов. В которые очень скоро должны были влиться ещё несколько десятков людей...

Дорога день за днём поднималась всё выше. Тарким не зря корпел над книгами, выбирая для своей поездки наилучшее время. Уже далеко внизу остались последние жилистые рощи, уже рукой подать было до границы вечных снегов, но дни стояли тёплые и погожие, так что идти было иногда даже жарко. Купцу, таким образом, не пришлось тратиться на тёплую одежду для рабов. Только на одеяла – ночами, когда солнце уходило с небес, близкие вершины дышали леденящим морозом. Лужи, натаявшие за день, к утру

покрывались ледком. Каждый вечер из повозки, из-под мешков, вытаскивали по два бревна в рост человека. Надсмотрщики разводили костёр, и вереница рабов скучивалась кругом огня. Харгелл с подручными несли стражу, зорко следя, чтобы в течение ночи рабы менялись местами и никто не мёрз во внешнем кругу, выпихнутый более сильными.

А потом однажды к полудню – и это был ослепительный, весёлый солнечный полдень, с синими и медно-розовыми отсветами по белизне близкого снега – пегая кобыла вынесла Таркима на очередной перевал и звонко заржала, что-то увидев там, впереди. Спустя несколько мгновений слуха рабов в караване достигло ответное ржание. И это было не эхо. Из-за скалы на повороте дороги подавала голос другая лошадь. Люди увидели, как Тарким привстал в стремях и помахал кому-то рукой.

– Никак встретил рудничную стражу!.. – сказал Дистен, и в его голосе прозвучала тоска. Шагать целый день прикованным за руку, а по ночам пытаться согреться у скудного костерка – занятие не из самых весёлых, но в путешествии успел установиться какой-никакой быт, сложилась приязнь или неприязнь с соседями по веренице... И от Таркима, а паче от Харгелла с помощниками уже более или менее знаешь, чего ждать... И вот всё снова ломается, и совсем скоро будет новый хозяин, новые надсмотрщики, новый труд... и ты не можешь ничего изменить, не можешь даже отдалить это неведомое или приблизить, можешь только переставлять ноги, увлекаемый общей цепью... точно осуждённый, восходящий на плаху. Да, собственно, ты и есть этот осуждённый, ты так же, как он, уже не вполне принадлежишь миру живых, потому что тебя не просто продадут новым владельцам – здесь каторга, где путь раба безрадостен и тяжёл и кончается обыкновенно в отвалах...

Дистен нашёл глазами нестерпимо-яркое горное солнце и несколько мгновений прямо, не моргая, смотрел на него. Потом из глаз потекли слёзы, и он отвернулся.

– Запомните это солнце, ребятаки, – сказал он Щенку и Волчонку. – Может, больше вы его не увидите уже никогда...

Напряжение и страх многих делают говорливыми; то, о чём не удосужились расспросить друг друга дорогой, вдруг предстаёт жизненно важным. Волчонок спросил:

– За что тебя сюда продали? Ты тоже был вором, как Корноухий?

Дистен по кличке Должник ответил:

– Я был гончаром. Я занял денег и не смог вовремя расплатиться. Я отдал дом и имущество, потом продал в рабство себя самого, чтобы моя семья не пошла по миру. А спустя год оказалось, что человек, которому я был должен, обманом помешал мне выплатить долг. Я не смог заставить его отвечать перед законом: у нас в Саккареме раб не имеет права пойти к судье и пожаловаться на свободного. Но есть законы превыше тех, что установлены шадом... Я пошёл и убил этого человека. Когда стали разбираться с наследством, обман вскрылся, и моя жена с дочерьми получила наш дом обратно...

– Почему же они не выкупили тебя? – спросил Щенок.

Дистен внезапно озлился:

– А твоя семья почему тебя не выкупила? Ты был непочтительным сыном? И с чего это я должен держать ответ перед тобой, мальчишка?

У Щенка стало такое лицо, с каким наступают на недавно перебитую и неизвестно, надёжно ли зажившую ногу. Он сказал:

– Хорошим или плохим я был сыном, это я узнаю, когда умру и предстану перед Прародителем Псом. А выкупить меня некому, моей семье больше нет. И не разговаривай со мной, если не хочешь, не очень-то велика была радость беседовать с тобой по-сегвански!

Дистен вздохнул и некоторое время молчал.

– Сегодня мы все разойдёмся в разные стороны, – проговорил он затем. – И мало верится мне, чтобы судьба опять нас свела. Вы мне, ребяташки, во внуки годитесь, но не хочется мне, чтобы на меня хоть кто-то сердце держал... Простите меня.

Щенок отозвался за обоих:

– И ты прости нас, почтенный гончар.

У рудничных стражников, встретивших караван, кони оказались ничем не похожи на пегую красавицу под седлом Ксоо Таркима. Низкорослые, мохнатые, очень крепкие и коротконогие, они легко несли всадников и рысили по ухабистой дороге с уверенностью, выдававшей настоящую горную породу. Такие не ошибутся на тропе, повисшей над пропастью, не испугаются близкого камнепада и взберутся на любую крутизну, точно снежные козы. И масть у всех трёх была одинаковая – буланая.

Всадники, одетые в тёплые куртки мехом наружу, тоже выглядели похожими, как родные братья: бородатые, кряжистые, сильные даже на вид. У каждого слева при седле висел маленький тугой лук в налучи, справа – полный колчан стрел. И ещё по длинному аркану из жёсткой, прочной верёвки.

Один из них, молодой, уже спешил, и свирепый Харгелл от души обнимал его, вслух называя племянником. Старший остался в седле; Ксоо Тарким беседовал с ним, точно с добрым знакомым. А тот, проезжая мимо вереницы рабов, смотрел на них по-хозяйски. Прикидывал, не тратя времени зря, кого на какую работу можно поставить...

Он придержал лошадь возле задка повозки и заглянул внутрь. Оттуда на него напуганно смотрели Каттай и Тиргей Рыжий, чья замотанная тряпками нога покоилась высоко на мешках. Под взглядом всадника аррант передвинул ногу и попытался прикрыть её свободным краем мешка. Хоть и понимал, что это было всё равно бесполезно.

– Станных рабов мне привозят в этом году! – Рудничный распорядитель вроде смеялся, но шутка была шуткой только наполовину. – Я-то думал, Тарким, хоть ты меня порадуешь добрым товаром, но и ты туда же, смотрю! Что у тебя тут? Хилый сопляк, который пустую-то тележку с места не сдвинет. И калека, навряд ли пригодный даже в гранильщики...

– Я слышал, судьбе было угодно сделать несравненного мастера Армара косоглазым и сухоруким, – скромно заметил Тарким. – Как же сильно, друг мой Шаркут, ты заблуждаешься, пытаешься судить об этих двоих по их внешнему виду! Скажу даже больше: я собирался показать их тебе самыми последними, после других, не наделённых столь удивительными достоинствами. Ибо мальчишка, названный тобой сопливым и хилым, на самом деле – самый дорогой невольник в моём караване. Не гневайся, друг мой, но я за него собираюсь запросить с тебя втрое дороже, чем вон за того мускулистого здоровяка...

Шаркут поднял бровь.

– Даже так?

– Даже так. Его зовут Каттай, и прими мой совет – обращайся с ним ласково. Он наделён даром искать в земле воду и рудные жилы. Ты когда-то показывал мне своих лозоходцев, так вот, ни один из них не обладает и четвертью его силы. Его способность я обнаружил, правду молвить, случайно, но даже теперь, совсем необученным, он поистине видит землю насквозь!..

– Даже так? – повторил Шаркут.

– Даже так. Ты можешь поверить мне на слово, а можешь испытать его сам. А когда начнёшь со мной торговаться – подумай, во сколько он обошёлся бы тебе взрослым и прошедшим полную выучку. Отмечу особо, что это послушный и понятливый мальчик...

Распорядитель кивнул.

– Я поверю тебе на слово. И без торга дам твою цену.

Он знал, что Ксоо Тарким не будет обманывать. И не потому, что приезжает в Самоцветные горы уже пятый или шестой раз и до сих пор неизменно был честен. Просто купцу, однажды попытавшемуся надуть Шаркута или иного распорядителя рудников, придётся навсегда забыть дорогу сюда. А то и за жизнь свою начать опасаться.

Каттай прошептал еле слышно:

– Ничтожный раб благодарит тебя за доброе слово, мой великодушный и милостивый господин...

Распорядитель перевёл насмешливый взгляд на Тиргея.

– Ну а про безногого ты что мне расскажешь?.. Он тоже стоит втрое дороже обычного раба и ты, конечно, убедительно объяснишь мне почему?

Его буланный конёк был по плечо пегой кобыле, но всё время воинственно прижимал уши и порывался затеять с ней ссору, так что всадникам приходилось держаться на расстоянии и разговаривать громко.

Тарким ответил:

– Он повредил ногу уже в пути, когда нас накрыло обвалом, и, право, уже выздоравливает. Он аррант, и вскоре ты убедишься, что, сохранив ему жизнь, я сберёг для тебя истинное сокровище. Хромота не мешает ему в той работе, на которой от него будет больше всего толку. Этот раб образован, ему случалось спорить с придворными мудрецами вельмож, приближенных к самому Царю-Солнцу...

Тиргей горько скривил губы, но, конечно, ничего не сказал. Если бы он совсем не держался за жизнь, у него было множество случаев распроститься с нею и раньше.

– И какой же мне прок от его учёности? – повёл плечами Шаркут. – Он изобретёт мне трубу, по которой вода сама наверх побежит?.. Знаешь, достопочтенный сын Ксоо, не привози ты мне больше аррантов. Они только горазды болтать, а хороших работников я что-то среди них немного встречал...

– Даже так?.. – дружески передразнил Тарким. – А что ты скажешь, узнав, что этот молодой раб совершил учёные разыскания в Карийском хребте, обнаружив не замеченное другими?..

Когда всадники отъехали прочь, Каттай (его от волнения и страха колотила сильная дрожь) посмотрел на арранта и увидел, что тот плакал.

Ксоо Тарким и Шаркут не спеша миновали всю вереницу рабов, и о каждом невольнике торговец поведал всё, что узнал при покупке или во время дороги. Распорядитель внимательно слушал, задавал вопросы, кивал. У Шаркута были колючие маленькие глаза и необъятная память. Тарким знал: его собеседник, обходя рудники, не нуждается ни в каких списках рабов. И так помнит о каждом всё, что необходимо.

Когда настал черёд клетки с двоими мальчишками, Ксоо Тарким небрежно кивнул на Щенка.

– Это – самый дешёвый раб. Боги не расщедрились для него на способности и таланты, зато вложили в сердце беспокойный и дерзостный нрав... Впрочем, ты, я уверен, без труда его обломаешь.

– Венны!.. – буркнул распорядитель. – Был тут у нас один лет двадцать назад, так хлебнул я с ним лиха. В жизни своей не встречал более тупой и злобной скотины...

Они вновь выехали вперёд, обогнав повозку и упряжных коней, и Тарким сказал:

– А насчёт второго мальчишки скажи Церагату – пусть получше приглядится к нему. Из него, по-моему, будет толк...

«Если б исполнение желаний
Мне, о Небо, даровало Ты,
Я б весь мир избавил от страданий,
Весь народ – от горькой нищеты.

Пусть дождутся люди урожая,
Что никто от века не косил.
Ну а если б чудо продолжалось,
Я б ещё корову попросил...»

Так молился пахарь у дороги,
Что вела к деревне через лес,
И, однажды вняв, благие Боги
Ниспослали вестника с Небес.

«Что ж – проси! Ты этого достоин.
Ныне день, любезный чудесам.
Но учти: соседу дастся вдвое
От всего, что вымолишь ты сам!»

И крестьянин, поглядев сурово,
О заветном высказался вслух:
«Пусть издохнет у меня корова,
Чтобы он недосчитался двух!..»

3. Зеница листвы

«Разными народами правят разные Боги, сынок. Мы поклоняемся Лунному Небу, и это наиболее мудро. Когда ты станешь взрослым, ты убедишься, что лик Земли изменяется от страны к стране, но Небо неизменно, куда бы ты ни приехал. Если соскучишься по мне, взгляни на Луну: знай, я тоже буду смотреть на неё. Но никогда не забывай поклониться местным святыням. Лунному Небу угодно, чтобы, живя в некотором краю, мы чтили Тех, кто присматривает за ним...»

Подземные ходы, во всех направлениях пронизавшие Южный Зуб, были наполовину естественные, наполовину – искусственные, прорубленные в камне человеческими руками. В самых старых выработках, где довелось побывать Каттаю, их уже трудно было различить. Время и влажные наплывы почти сгладили следы кирки и зубила, некогда ровный пол усеяли камни, сброшенные с потолка... А всего через сотню шагов их сменяли изначально природные пещеры, давно обжитые человеком и полностью утратившие естество. Прямоугольные дыры забоев, ровные спуски для тележек с рудой, ниши для имущества, выбитые в стенах...

В большом подземном зале, где преклонил колени Каттай, никто не колотил молотками по клиньям, и здесь всегда было темно. Неписанный закон воспрещал входить сюда с факелом; можно было лишь оставить у входа рудничный фонарь и идти внутрь, полагаясь на милость Белого Каменотёса. Когда Каттай впервые пришёл сюда помолиться, ему было страшно. Он успел наслушаться историй о том, как покинутый фонарик неожиданно гаснет, и недостойный, явившийся просить милости Белого, в ужасе мечется, сиюсь отыскать выход... пока внезапно не ощутит на своих плечах глинисто-влажные, холодные руки...

Люди говорили – при жизни Белый Каменотёс был рабом. Его продал в Самоцветные горы собственный брат, воспылавший греховной страстью к его юной жене. Одни обвиняли молодую женщину в нечестивом сговоре со злым братом, другие утверждали, будто несчастная красавица вскоре умерла с горя, а третьи – что она якобы дошла до самого правителя страны, пытаясь выручить мужа... Легенды от века разноречивы, и тут уж ничего не поделаешь. Люди расходились во мнениях даже о том, к какому племени принадлежал проданный. Саккаремцы утверждали, будто он вырос в Мельсине, халисунцы спорили с ними до хрипоты и кулаков, называя своим, и в этот спор вмешивались даже нарлаки и мономатанцы, хотя их мало кто слушал. Да происхождение Белого было, если подумать, не так уж и важно. Мало ли откуда угодил в рудники человек, мало ли кем он был раньше – военачальником, обвинённым в измене, или грабителем, что с кистнём в рукаве поджидал поздних прохожих и наконец попался городской страже!.. Главное – как он прожил отмеренное Хозяйкой Тьмой и чем эта жизнь запомнилась людям. Так вот, Белый сразу пришёлся не по нраву надсмотрщикам, был поставлен в один из самых жутких забоев... и погиб, когда выработка обрушилась. А на следующий день в рудники приехала то ли его жена, то ли раскаявшийся брат – с выкупом за несправедно осуждённого. Но мёртвые не оживают. И выкуп пошёл на то, чтобы извлечь тело, растерзанное камнями, и дать ему

достойное погребение в подземной пещере...

И таково было напряжение духа, сопровождавшее земную жизнь и уход Каменотёса, что после смерти Боги даровали ему право остаться в Самоцветных горах – помогать утратившим надежду, выводить к свету заблудившихся в лабиринте пещер...

И карать тех, кто заслуживал кары.

Это было очень давно. Так давно, что могилу Белого Каменотёса показывали и здесь, в недрах Южного Зуба, и под Большим, и под Средним. И, конечно, на каждом прииске уверяли, что у них-то и находятся истинные останки, а у соседей погребены всего лишь праведные рабы, лазавшие за телом в отвалы. Все три могилы были местом молитв, на всех оставляли вещицы погибших, всем трём приписывали чудеса – то благие, то неистово наказующие...

Маленький огонёк, забранный в стекло от вечного сквозняка подземелий, ровно и ярко горел за спиной у склонившего колени Каттая. Тьма в пещерном зале была ощутимо плотная и густая. Отсветы фонаря не могли рассеять её, лишь порождали блики в зеленовато-белых кристаллах, густо покрывших тёмные камни. По полу и стенам вились пушистые игольчатые листья, жили хрупкой каменной жизнью прозрачные, как иней, цветы... Чтобы разрушить их, достаточно было дыхания, и Каттай старался дышать как можно тише и медленней. Посередине пещеры высилась большая куча камней. Под ней спал Белый Каменотёс.

Прямо перед лицом мальчика свисала позеленевшая от времени медная цепочка с подвеской-полумесяцем – знаком Лунного Неба. Кто и когда её сюда положил, Каттаю знать было неоткуда, но именно она в своё время избавила его от страха перед грозным Каменотёсом. «Господин мой! – вслух проговорил он тогда. – Отец, меня породивший, ломал и обрабатывал камни, как Ты. И умер, как Ты, полив кровью свой труд. Вот я пришёл к Тебе, чтобы жить здесь и исполнять своё Предназначение. Так будь же мне отчасти отцом...»

Белый Каменотёс тогда ничего ему не ответил. Во мраке не колыхнулась зыбкая тень, не затеплился призрачный огонёк, следуя за которым можно было, как говорили, выйти в Потаённый Занорыш⁴... где сохраняется от праздных глаз сам Истовик-камень... Но, отколы ни возмись, смоляную тьму пещеры разорвала крыльями большая летучая мышь. Зверёк пронёсся так близко, что Каттай различил светящиеся бусинки глаз... Летучие мыши в рудниках обитали повсюду. Но в пещере Каменотёса Каттай до сего дня их ни разу не видел. Был ли это знак благоволения и покровительства? Каттаю нравилось думать, что был. «Всякая кажущаяся случайность имеет свой смысл, – однажды сказала мама. – Надо только суметь её правильно истолковать...»

– Здесь, в Самоцветных горах, всё не так, как тому следует быть по природе вещей... – Мастер лозоходец закашлялся и вытер слезящиеся глаза. – Здесь лежат рядом камни разных пород, таких, которым следовало бы расти в земле за сто дней пути один от другого, а встречаться только на столе ювелира!.. Ну вот где это видано, чтобы в одной копи добывали и Венец Рассвета, и Око Волны?..

Когда-то рудокопы вгрызались в толщу горы, просто следуя направлению жил, но это было давно. Теперь рудники делились на уровни, и с одного на другой вели скрипучие деревянные лестницы. Мастер лозоходец спускался по ним медленно, опираясь на клюку и то и дело останавливаясь перевести дух. Шаркут не торопил его. Другой раб живо пересчитал бы ступеньки, но стариком дорожили.

– А где видано, чтобы камни охотнее разговаривали с мальчишкой, в глаза их никогда не выдавшим, чем с тобой, проведшим здесь всю жизнь? – хмыкнул Шаркут. Его голову охватывал плотный кожаный обруч со стеклянным фонариком надо лбом, за ремнём торчал свёрнутый кнут, а на левом бедре висели потёртые ножны с кинжалом. Ходить под землю

⁴ *Занорыш* – полость в породе, заполненная друзами («щётками») самоцветных кристаллов.

без оружия считалось опасным.

Каттай следовал за двоими мужчинами почти на цыпочках. Шаркут много раз испытывал его способности и неизменно оставался доволен. Но сейчас должно было совершиться НАСТОЯЩЕЕ ДЕЛО, и Каттай волновался – до дурноты, до дрожи в коленках. Что будет, если у него не получится?.. Наверняка Шаркут разочаруется в нём, лишит своей милости и отправит таскать неподъёмную тачку с рудой...

Он набрался смелости и обратился к мастеру лозоходцу:

– Прости моё невежество, господин мой, но почему Венец Рассвета не может соседствовать с Оком Волны?

– «Господин»!.. – развеселился Шаркут. – Ты у нас уже господином заделался, Каломин! А ты, мальчишка, ослеп и не видишь, что перед тобой такой же невольник, как ты сам?..

В ухе у Каломина вправду висела невольничья серьга. Но не простая бирка, как у Каттая, а самая настоящая серьга – серебряная, тонкой и красивой работы. Насколько мальчик успел понять, она означала право свободно расхаживать по всему руднику. Рабы называли её по-разному: ходачиха, ходырка, ходец, хожень. Она была знаком особого положения. Вооружённые стражники, бдительно стерёгшие все ворота наружу, рабов с «ходачихой» пропускали туда и обратно безо всяких расспросов. Каттай прижал ладони к груди и глубоко поклонился.

– Прежний господин, у которого ничтожному рабу выпало счастье служить, научил его чтить украшенных знаниями... и прожитыми годами. Будет ли ему позволено называть мастера Каломина хотя бы «сэднику» – «достигшим возраста уважения»? Там, где я вырос, так величают мудрых наставников...

Шаркут кивнул, забавляясь, а старик остановился и ответил с видимым отвращением:

– И мне говорят, будто этот болтливый недоросль, не подозревающий об основах основ, способен меня превзойти!.. Да как ты можешь постичь расположение жил, сопляк, если не знаешь даже того, что Око Волны загустевает из солёной воды, задержавшейся на морском дне, а Венец Рассвета есть кристалл пламени, что присутствует в раскалённой лаве, изрыгаемой подземным огнём!.. И если ты хоть раз назовёшь меня этим своим словом, я огрею тебя палкой, чтобы ты сразу понял, какого возраста я достиг!..

Клюка у него была гнутая, деревянная, узловатая, казавшаяся полированной от долгого употребления. Она смутно блеснула, когда он погрозил Каттаю. Злые языки утверждали, будто ею-то он и пользовался вместо вещей лозы своего ремесла. Раздражённая речь далась мастеру нелегко – он опять остановился, согнувшись в приступе кашля, на впалых щеках выступили багровые пятна. Каломин сердито замолчал, утёрся обтрёпанным рукавом и начал спускаться дальше. Каттай только вздохнул. Он совсем не хотел состязаться со стариком и думать не думал ни о каком превосходстве. Наоборот: он до смерти боялся осрамиться и хотел по дороге вызнать хоть что-нибудь о повадках изумруда, или, по-рудничному, Зеницы Листвы (здесь, под землёй, избегали называть самоцветы их истинными именами, и в особенности если камень был редкий и дорогой; так охотник в лесу избегает прямо упоминать хитрого и опасного зверя), чью жилу, нырнувшую на двадцать первом уровне за скалу, они и шли посмотреть... Что ж! «Если обладающий знанием вначале откажется поделиться с тобой – не горюй, – наставляла мама. – Он просто не знает тебя и не успел убедиться, что ты достоин доверия. Ты ещё найдёшь способ снискать его расположение. Или встретишь другого, кто согласится тебя вразумить...»

Уровни в рудниках отсчитывались сверху вниз. Позади остались шестой и десятый, а потом и пятнадцатый. Воздух делался всё более тяжёлым и спёртым, и в нём начинало ощущаться тепло, шедшее из земных недр. Каттай знал: под Большим Зубом, где число уровней перевалило уже на четвёртый десяток, в самых нижних забоях от жары нечем было дышать.

На семнадцатом уровне кончилась главная лестница, и для того, чтобы спуститься ещё

ниже, пришлось для начала пройти по длинному штреку.⁵ Он был весь вырублен в скале, но серо-жёлтый камень, пронизанный паутинами трещин, оказался ненадёжен, и через каждые несколько шагов потолок подпирали деревянные крепи. Между ними справа и слева чернели отверстия штреков поменьше, ведущих в забои. Они тянулись далеко в недра горы. Если туда заглянуть, можно было услышать скрежет колёс и увидеть вереницы приближающихся огоньков. Это горели фонарики каторжан, кативших тачки с рудой. Один за другим они появлялись из темноты и шли все в одну сторону, с натугой катя полные тачки. Худые, жилистые мужчины в лохмотьях, называвшихся когда-то одеждой, иные – почти совсем голые. Сплошь покрытые рудничной пылью, глубоко ввевшейся в кожу, так что на тёмно-серых лицах, лоснящихся от пота, выделялись только рты и глаза. Все – в ошейниках. Намертво заклёпанных и снабжённых крепкими ушками. Здесь, в подземелье, нет ночи и дня, но есть время, выделенное для сна. Когда настанет это благословенное время, тачки заберёт новая смена, а в ушки проденут длинную цепь, и невольники вповалку заснут на камнях. Кому-то, ещё способному думать и чувствовать, приснится небо и солнце, но большинство провалится в черноту без сновидений. Чтобы проснуться к началу ещё дного безрадостного дня – или того, что они принимали за день... Одинаковые косматые бороды, нечёсанные волосы, сальными космами прилипшие к спине и плечам... Тусклые глаза нехотя отрывались от каменного пола с выглаженной колёсами дорожкой посередине, скользили по распорядителю, мастеру и Каттаю... и вновь упирались в пол или в спину идущего впереди. По штреку туда и сюда прохаживались надсмотрщики. Они почтительно здоровались с Шаркутом, кивали мастеру Каломину, а на Каттая не обращали внимания.

И хорошо, что не обращали. Каттай уже успел представить себя таким, как здешние невольники – босым (оттого, что сапожки протёрлись о камень и свалились с ног кожаными лоскутами...), постепенно тупеющим за непосильной работой... забывшим, как его звали и откуда он родом...

«Вот что будет со мной, если сегодня я оплошаю!..»

Они почти достигли лестницы, уводившей на самые глубокие уровни, когда навстречу попался ещё один раб. Он был не просто в ошейнике, как все, – на руках и ногах звякали, раскачиваясь, кандалы. И он не мог бы избавиться от тачки, даже если бы захотел. К ней, точно пуповина, тянулась от его пояса цепь. Невольник поднял лохматую курчавую голову, и Каттай увидел острые злые глаза. Совсем не такие, как у других. А в следующий миг закованный человек повернул тяжёлую тачку и с рычанием устремился прямо на них.

Каттай прирос к полу. Ему показалось – ярость раба была устремлена на него одного. Каломин что-то сипло пролаял, что именно – мальчик не понял... Надсмотрщики оказались далековато, но Шаркут отреагировал мгновенно, с убийственным хладнокровием. Тяжёлый кнут словно сам собой вылетел у него из-за пояса и с шипением зазмеился навстречу бегущему.

Удар был метким и страшным. У себя дома Каттай однажды видел казнь незначительного вельможи, злоумышлявшего (как объявил глашатай) против государя шулхада. Палач, вооружённый кнутом, с четвёртого удара убил осуждённого... Люди говорили, за такое милосердие ему было щедро заплачено. Так вот – тот палач мог бы у Шаркута многому поучиться. Раба отбросило и сбило с ног, гружёная тачка упала набок и всей тяжестью придавила цепь-пуповину. Досадливо ругаясь, подбежали двое надсмотрщиков. Бунтовщика высвободили и вздёрнули на ноги, живо просунув ему между спиной и локтями толстую палку. Другие невольники катили свои тачки мимо. Редко кто поднимал глаза посмотреть, что произошло. Каждый знал, сколько тачек он вывез и сколько ещё осталось до назначенного урока. Не выполнишь его – ляжешь спать голодным.

Это было гораздо важнее всего, что мог выкинуть непокорный...

Распорядитель свернул свой кнут и подошёл.

⁵ *Штрек* – горизонтально расположенная горная выработка, не имеющая выхода на поверхность.

– Ну? – сказал он. – Когда наконец прекратишь свои шуточки, носорожье дерьмо?..

Каттай тут только рассмотрел, что невольник был чернокожий. Красивый, очень крепкий мужчина с точёным и выносливым телом воина, ещё не сломленным каторгой. По выпуклым мышцам груди пролёг глубокий, сочащийся кровью след от удара. Шаркут знал, как бить, чтобы остановить и должным образом наказать, но не изувечить. Он помнил, во что обошёлся руднику этот невольник, и цена ещё не была им отработана.

– Если ты, Мхабр, в бою так же ловко орудовал копьём, как здесь тачкой, не удивляюсь, что малыши пепонго взяли тебя так легко! Или ты сам сдался в плен?

Мономатанец даже с заломленными руками возвышался над распорядителем на добрых полторы головы – Шаркут при всей своей силе был кряжист, но невысок.

– А что они сотворили над твоей женой, вождь? Эти ловкие маленькие пепонго, я слышал, так здорово умеют укрощать рослых, полногрудых красавиц сехаба...

Чёрного воина держали умеючи и крепко, он не мог ни ударить, ни пнуть ногой. Он посмотрел на Шаркута и плюнул. Не в него, просто себе под ноги. По верованиям его родины – а там давали пощаду врагу, схватившемуся за древко оружия, – это было страшнейшее оскорбление. «Я настолько не желаю иметь с тобой ничего общего, что нас не свяжет даже плевок!..»

Шаркут, как выяснилось, это очень хорошо знал. Его кнут снова вылетел из-за пояса, он перехватил рукоять, как дубинку, и её увесистый конец, выточенный из твёрдого дерева, врезался мономатанцу под рёбра. А потом, долей мгновения позже, так, что два удара почти слились, – в самый низ живота.

Надсмотрщики выпустили чернокожего, и он свалился, не в состоянии вздохнуть. Некоторое время он только корчился, судорожно дёргаясь и извергая зелёную желчь. А потом, когда смог наконец набрать в лёгкие воздух, – он закричал.

Его гордость воина начала-таки давать трещину...

– Этого в забой, – велел Шаркут. – Приковать и заклеить, а дальше посмотрим.

И, более не оглядываясь, пошёл дальше, к лестнице. Рабов в рудниках – тысячи, и строптивцев среди них гораздо больше, чем ему хотелось бы. Примерно накажи одного, проявившего открытое непокорство – и, глядишь, десять других хорошенько подумают, прежде чем отважиться на какую-то дерзость... Мастер Каломин потащился за распорядителем, вполголоса продолжая бранить мономатанца, едва не раскрошившего о стену его старые кости. Каттай больше не приставал к рудознатцу с расспросами. Маленького халисунца трясло так, что челюсть не стояла на месте, а пальцы сделались ватными. Сейчас для него наступит время испытания, и он ошибётся. За лобной костью пульсировала уже знакомая боль. Он обязательно ошибётся. Чудесная способность, которую обнаружил в нём господин Ксоо Тарким, оставит его и больше не возвратится. Его признают бесполезным. Его прикуют и заклеят, как несчастного мономатанца. А когда он выбьется из сил – скажут, что он лентяй и не желает работать. Господин распорядитель вытащит кнут и...

В глазах потемнело. Каттай остановился, привалившись к стене – шершавой, с торчащими углами камней. Сейчас он упадёт. Даже ещё не добравшись до двадцать первого уровня. И его сразу признают ни к чему не годным. Сейчас он упадёт...

– Эй, мальчишка! Ты что там, уснул? – прозвучал голос Шаркута.

– Я... – с трудом выдал Каттай. – Я... я сейчас...

– А ты у нас, оказывается, неженка, – насмешливо, но совсем не гневно проговорил распорядитель. – Рудничной пыли не нюхал. Привыкай!.. Ну-ка, нечего раскисать!..

Каттай, сделав усилие, отлепился от стены и поплёлся следом за ним.

Мало найдётся камней, равных изумруду. Благо торговцу, завладевшему Зеницей Листвы! Даже самый дешёвый, золотистого отлива камень принесёт немалый достаток, а уж тёмный, хвойного цвета, безусловно чистый красавец будет продан даже прибыльнее алмаза. Благо и носящему при себе изумруд. Владелец чудесного самоцвета никогда не

пожалуется на зрение, его не тронет ядовитая гадина и до конца жизни не побеспокоят скверные сны. Его сердце останется неподвластно отнимающей силы болезни и устоит перед заговором-присушкой. Он не заболит чумой, не утратит хладнокровия и не потеряет надежды...

Надежда может пропасть лишь у того, кто этот самый изумруд добывает.

Ибо здесь, под Южным Зубом, дивные дорогие кристаллы сидели в граните. И гранит этот отличался редкой несокрушимостью. Забой на двадцать первом уровне пользовался среди каторжан весьма дурной славой. В нём погибали люди, и те, кто там бывал, утверждали: когда удавалось выворотить очередной кусок скалы, на поверхности излома бывали видны чёткие письмена, серо-багровые по розовому. Их никто не мог прочитать, но рудокопы не сомневались – то были проклятия. Гора гневалась и страшно грозила двуногим паразитам, святотатственно проникшим в её плоть...

Южный Зуб нередко наказывал тех, кто тревожил его своими зубилами и кайлами. Но для каторжан изумрудной копи он приберёг, похоже, самое скверное. Жила, в которой сидели великолепные, тёмного блеска камни, внезапно истончилась и пропала, вильнув за пустой гранитный желвак. Этот гранит не нёс даже вросших в камень проклятий, да они и не требовались: закалённый металл, высекая искры, со звоном отлетал прочь.

Каттай и мастер Каломин должны были порознь определить, что в действительности содеялось с жилой. То ли иссякла она, и тогда забой надлежит бросить; то ли продолжается в глубине, а значит, следует, не считаясь с затратами, желвак обойти или прорубить – и тогда копи обретут новую жизнь...

* * *

Рабы, обычно трудившиеся в забое, теперь сидели кучкой возле входа в него. Каттай обратил внимание, что двое были прикованы цепью к кольцу на стене. Ошейники на тощих жилистых шеях, на руках и ногах – кандалы... Вместо одежды – вшивые лохмотья, утратившие уже всякую форму и цвет. У того и у другого даже сквозь слои грязи просматривалось клеймо на груди: три зубца в круге. Один из двоих всё время кашлял. Другие рабы старались держаться подальше от закованных. Каттай не сумел как следует рассмотреть добытчиков самоцветов – только вереницу глаз, поблескивавших в вечной полутьме. Факелы на передвижной подставке озаряли вход в забой тусклым трепетным светом. Они нещадно коптили, стена и потолок возле них покрылись жирными хлопьями сажи...

Старик Каломин ощупал возле тела потёртый мешочек – кожаный, испещрённый письменами его родины, призванными отгонять дурной глаз. Судя по треугольной форме, мешочек был вместилищем чудодейственной рогульки, спутницы рудознатца. «Значит, всё же не посох!..» Старец первым скрылся в тёмной дыре. Каттай не видел, что там происходило, но мог себе представить. Лозоходцев за работой он встречал ещё дома. Вот мастер добирается в самую голову забоя, вот вытаскивает рогульку и берёт её в обе руки. Вот он творит молитву и сосредотачивается, со всей строгостью отгоняя лишние мысли... Так, чтобы в целом мире остались лишь знакомые ветви, ставшие продолжением пальцев... Вот рогулька улавливает неслышимый зов изумрудов, угнездившихся в толще гранита, по ту сторону желвака... и едва ощутимо вздрагивает в руках... Мастер оглядывается на затаившего дыхание Шаркута, и улыбка торжества раздвигает на его лице морщины, навеки, казалось бы, сведённые недовольной гримасой...

...Каттай сразу понял, что не ошибся. Распорядитель, конечно, велел Каломину помалкивать до поры о том, что ему рассказала вещая лоза, и тот послушаться не посмел, но спрятать самодовольный блеск глаз было не в его силах. Каттай увидел, как невольники, молчаливо и вроде бы равнодушно сидевшие у стены, заметно ожили при появлении старика. Мальчик знал почему. Когда истощался драгоценный забой, дух, живший в нём, взамен вынутых самоцветов получал благодарственную жертву.

Раба.

Мало кто из каторжников, надорванных подневольным трудом, не звал каждодневно к себе смерть. Но в таком облике её почему-то не желал ни один!

– Давай теперь ты, – подтолкнул Каттая Шаркут. – Да шевелись, сонная муха!

Каттай шагнул к тёмному зеву забоя, отстранённо чувствуя, как подламываются колени. Боль, родившаяся во лбу, уже отдавалась мучительным биением в висках, а ведь он ещё не успел не то что коснуться руками камней – даже к ним подойти!..

В какой-то миг мальчик был готов броситься на колени перед Шаркутом, отказываясь от испытания. Он почти решил именно так и поступить – и, нетвёрдо ступая, шагнул из штрека в забой, на дощатые мостки, по которым выкатывались тачки с рудой: настелить доски здесь оказалось дешевле, чем выглаживать твёрдый гранит. Идя по скрипучим мосткам, Каттай как можно отчётливее представил мерцающий густой еловой зеленью изумруд, вкраплённый в блестяще-розовую породу... устремил вперёд свои чувства, пытаясь позвать сокрывшийся камень... Так, как ещё дома «звал» затерявшуюся пуговку или иголку...

Гора молчала. Изумрудная жила не отзывалась... если не считать очень слабенького эха откуда-то из-под ног. А впереди – впереди была тишина. Глухая, ватная тишина. Вроде той, что стояла в спальне хозяйина, обитой толстенными коврами из Мономатаны...

Мостки кончились. Шаркут молча шёл следом, неся в руке факел. Его свет казался Каттаю ослепительно ярким, но собственная тень мальчика рождала полосу черноты – ступив на неровный каменный пол, Каттай едва не споткнулся. Его руки упёрлись в несокрушимый желвак, перегородивший забой. Каттай мог бы сказать, насколько толст был этот желвак. Но за ним не угадывалось ни изумрудов, ни даже плохонького зелёного шерла.⁶ Лишь прежняя пустота. Равнодушная и глухая. «Вот здесь меня и заруют. Меня принесут в жертву, как самого бесполезного. Духу горы всегда дарят именно таких. Я потерял свою способность искать...»

– Ну и что там? – деланно-равнодушно осведомился Шаркут.

Каттай не отважился обернуться. Его посетило мгновенное искушение сказать то же, что, по всей видимости, сказал Шаркуту старик: «Надо обойти камень, и за ним откроется если не сам Потаённый Занорыш, так его меньшей брат, полный благородных кристаллов...» Эти слова было так легко выговорить, но у Каттая не повернулся язык. «Никогда не лги господину, – учила мать. – Всегда говори ему правду, даже тогда, когда сам боишься её. И если у тебя испросят совета, дай совет честный, а не тот, который, как тебе кажется, твоему хозяину хотелось бы услышать. Истина всё равно выйдет наружу...»

Боль сдавила затылок и стала распространяться по шее. Мальчик с трудом прошептал:

– Я не вижу здесь Зеницы Листвы... Здесь была очень богатая жила, но её всю выбрали, мой господин...

– Так, – буркнул Шаркут. – Ну ладно, пошли.

Каттаю явственно услышалось в его голосе недовольство. «Вот и всё. Я утратил свой дар... если вообще когда-либо обладал им... Я даже не умею пользоваться рогулькой... Я никак не выучу правильных названий камней, для меня они просто красные, зелёные, бесцветные и голубые... Мастер Каломин – великий рудознатец, состарившийся в недрах, а я кто?!»

На полдороге наружу Каттай остановился так, словно внезапно что-то услышал. Припал на колени, по локоть запустил руку под широкую доску мостков... и выволок наружу обломок гранита с растущим из него маленьким изумрудом. Должно быть, камень выпал на повороте из тачки раба. Вкраплённый в него самоцвет был в основном мутным, но посередине просвечивал и играл кусочек, вполне годный в огранку. «Всё-таки я хоть что-то нашёл... Хотя бы этот жалкий обломок...» Шаркут взял его у Каттая, осмотрел в свете

⁶ Шерл – другое название турмалина.

факела и, хмыкнув, бросил в поясной кошель.

Когда они вышли в штрек, распорядитель кивнул надсмотрщику, глядевшему за рабами:

– Каломин говорит – жила забирает вправо, и там-то расположена её богатейшая часть. Пускай обходят желвак!

Шаркут по своему положению мог бы иметь даже домик на плече горы, там, где на широкой ровной площадке стоял целый городок для наёмных мастеровых. Однако распорядитель не очень-то дорожил правом сидеть по вечерам на крыльце, глядя, как солнце уходит за горы нардарского приграничья. Он предпочитал возможность в любой час дня или ночи (а в подземельях – не всё ли едино? Тем более что рабы, сменяя друг друга, работали круглосуточно...) без задержки оказываться в штольнях⁷ и штреках Южного Зуба, наизусть ему памятных. Мало ли где что может случиться!.. Велиморец Шаркут был из тех, кто принадлежит только делу, избранному им для себя в жизни. Он и устроил себе жильё внутри горы, на двенадцатом уровне, там, где рудная жила когда-то коснулась поверхности. Теперь каменные стены были обшиты деревом, в углу топилась печь с дымоходом, выведенным наружу: оттого воздух в покоях обретал сухость и чистоту. Имелось даже маленькое окно. Передвинь толстую деревянную крышку – и увидишь, что там, снаружи: солнце или метель. Шаркут окошко открывал редко, предпочитая завешивать стену толстым ковром.

Жильё распорядителя состояло из двух хоромин – прихожей и спальни. Каттай помещался в прихожей, на тюфячке, набитом сеном. Сено было с горных лугов и пахло незнакомыми травами. Его косили для лошадей: буланых верховых коньков, на которых надсмотрщики встречали караван Ксоо Таркима, и ещё нескольких, уже совсем низкорослых – по пояс стоящему человеку. Этим малышам завязывали глаза, чтобы они не свихнулись от бесконечного кружения, и они без усталости вращали глубоко под землёй тяжёлые колёса подъёмников. Надсмотрщики берегли и любили лошадок. Каттай сам видел, как Шаркут бережно щупал ногу захромавшего конька и чем-то мазал её, а потом велел дать пегому как следует отдохнуть и посулил выпороть коновода. Умные маленькие животные ценились гораздо выше рабов...

Несколько дней Каттай просидел тише мыши, боясь отлучиться из своего угла дальше отхожего места. После приснопамятного похода на изумрудную жилу грозный распорядитель про него точно забыл. Не испытывал его способность искать, не учил ошупью отличать рубин от простого красного лала⁸... Непривычный к пещерам, Каттай страшно истосковался по небесному свету, но язык не поворачивался попроситься выйти наружу – хотя жильё Шаркута располагалось не так уж далеко от главных ворот. А по ночам ему всё время снился забой. И желвак, перегородивший истечение Зеницы Листвы. Сны были гораздо красочнее недавно пережитой реальности с её вонью и мраком, против которого бессильно боролось коптящее факельное пламя... Во сне выработку заливали потоки нестерпимого света, и сколы ярко-розового гранита были живой плотью, израненной и кровоточащей. Она вздрагивала и корчилась под руками, но Каттай снова и снова замахивался ржавой киркой... вколачивал в раны камня деревянные клинья и поливал их кипятком, чтобы разбухли... Снова и снова гранит с глухими стенами лопался, распадаясь на угловатые глыбы, они катились по полу, невнятно и медленно грохоча, и в книге каменных проклятий открывалась новая страница – ещё страшней предыдущей. Во сне Каттай был способен понять подземные письма, но, проснувшись, не мог вспомнить ни слова. Только сердце отчаянно колотилось, и было неясно, удастся ли вовремя добежать до нужника...

⁷ Штольня – горизонтально расположенная горная выработка, имеющая выход наружу.

⁸ *Лал* – другое название ювелирной шпинели (самоцвета, иногда сходного с рубином, но уступающего ему в блеске и твёрдости и ценимого меньше). Употребляется и как общее название красных драгоценных камней.

Он пробовал молиться Лунному Небу, но сам плохо верил, что Там его слышат. Может ли достичь Неба молитва, исходящая из-под земли?..

Шаркута не бывало дома целыми днями, а когда он всё-таки появлялся, то едва взглядывал на Каттая. Короткий взгляд был испытующим. Дескать, оставить тебя здесь ещё ненадолго – или пора уже запрягать в рудничную тачку?.. Которую, по всему судя, ты и пустую не сдвинешь, куда там с породой?..

Каттай догадывался: в изумрудном забое сейчас шла отчаянная работа. Наверное, именно такая, какая снилась ему каждую ночь, а может, даже ещё страшнее и яростнее. Пока он сидел и боялся на своём тюфячке, невольники ломали упрямый гранит, они кашляли, задыхаясь от копоти и каменной пыли, но надсмотрщикам не требовалось подгонять их бичами. Всем хотелось, чтобы увиденное Каломином сбылось и жила продолжилась, а значит, даже тот прикованный раб со сгнившими лёгкими – самый негодный – пожил ещё, прежде чем копь иссякнет уже окончательно и его принесут в жертву... И высекают искры кирпичи, и тяжёлые кувалды без передышки мозжат головки клиньев: а вдруг – ещё один удар, и откроются небывалой красоты камни, предсказанные стариком?..

Долгое ожидание кончилось неожиданно. Распорядитель явился к себе в середине дня, что случалось исключительно редко, и хмуро сказал Каттаю:

– Пошли.

«Куда?.. Должно быть, ТУДА... Сейчас меня отдадут духу горы... – Он поднялся медленно-медленно, не веря, что ЭТО творится действительно с ним. – Мама...»

– Ты что?.. – нахмурил брови Шаркут. – Заболел?

– Нет, мой господин... – выдавил Каттай. Перед глазами замелькали крохотные огоньки, окаймлённые тьмой. Плавающие собственным огнём самоцветы в чёрной породе... Мамины вышитые сапожки, слишком лёгкие для подземелий, сохранялись у него под постелью. Он подумал, что для смертного часа следовало бы переобуться именно в них. Нагнулся – и плашмя рухнул обратно на тюфячок. Свет и тьма перестали существовать.

Каттай никогда прежде не терял сознания. Он почти сразу очнулся, но не понял, что произошло, и в первый миг решил, что не ко времени заснул и мать его будит. Потом до рассудка достучался голос Шаркута, раздражённо ворчавшего:

– Уж я потолкую с этим Ксоо Таркимом, когда он сюда приедет на будущий год! Раздобыл мне лучшего из всех лозоходцев, что я на своём веку видел, – но такого неженку, нелёгкая его забори!..

Разум Каттая ещё не совсем водворился назад в тело, но мальчик мгновенно понял то, что следовало понять. *Никто не собирался приносить его в жертву. Он оказался прав, а старый Каломин, усмотревший за желваком новые залежи изумрудов, – ошибся...*

Распорядитель взял Каттая за руку и отвёл его в кузницу. Там молчаливый работник разрубил и вынул из уха мальчика бирку, где всё ещё значилось имя Ксоо Таркима, и заменил её на серебряное колечко с личным знаком Шаркута. «Ходачиха»!.. Каттай не успел рассмотреть колечко как следует. Только отметил, что серьга, означавшая право свободно ходить по всему руднику, была на удивление изящной работы. Совсем как та, что носил мастер Каломин.

Дома Каттая часто посылали за ворота с разными мелкими поручениями. За лекарем, когда болел господин. К булочнику за сладкой сдобой для госпожи... Он видел на улицах жестокие драки мальчишек. Стольный Гарната-кат был некогда воинским поселением и даже спустя много веков делился на Сотни: Зелёную, Синюю, Красную... Между Сотнями существовала определённая ревность. Взрослые горожане выплёскивали её на торгу, где решались дела. Юнцы почём зря колотили сверстников, осмелившихся пересечь раз и навсегда установленные границы. Каттая не трогали – рабская серьга в ухе служила ему надёжной защитой, – но он видел, как размазывал слёзы и кровавую юшку подросток, отважившийся без выкупа заглянуть к ним в Зелёную Сотню. Видел хищную радость на

лицах соседских мальчишек и камни, что летели вслед удиравшему чужаку... «Сегодня для них другая Сотня – вражеский город, – сказала по этому поводу мама Каттая. – А потом встретятся, к примеру, где-нибудь в Нарлаке: „Ты откуда?“ – „Из Гарната-ката!“ – „И я!!!“ – и обнимутся, точно братья после разлуки...»

Каттай часто вспоминал теперь эти слова. За время путешествия в караване Ксоо Таркима он не то чтобы особенно сдружился со Щенком и Волчонком. Они были слишком другими. Они не говорили на его языке и совершали выходки, которых у доброго невольника и в мыслях быть не должно. Так что робкий Каттай их скорее побаивался. Но при всём том, когда он о них вспоминал, двое чужеземцев казались ему необъяснимо родными. Мама была права: встретив их теперь, Каттай обоих «земляков по каравану» обнял бы воистину как братьев...

В кузнице обнаружилось окошечко, прорубленное в скале. Пока Шаркут о чём-то разговаривал с мастеровыми, Каттай подошёл и, поднявшись на цыпочки, выглянул наружу – благо деревянная задвижка была отодвинута ради погожего дня. Солнце било прямо в окно, и Каттай только тут как следует понял, до какой степени соскучился по его свету. Он зажмурился и некоторое время просто стоял, блаженно ощущая тёплые лучи на лице и впитывая их, впитывая...

– Эй! – тут же окликнул его один из работников, склонившийся над маленьким верстачком. – А ну-ка отойди! Не заслоняй!

Каттай отпрянул от окошка. На самом деле работать парню он не мешал – свет падал мимо верстачка. Работник взъелся на Каттая, срывая какое-нибудь зло. Или вовсе просто ради того, чтобы показать – и он может на кого-то прикрикнуть. Каттай ещё не успел этого сообразить, а Шаркут уже взял работника за ухо и грозно навис:

– Я смотрю, Ретмар, ты у нас по водяному вороту сильно соскучился? Это ведь мы тебе мигом устроим...

Парень съёжился и посерел. До него запоздало дошло, что на мальчонку, приведённого Шаркутом, да с серебряной серьгой (о которой ему самому не приходилось даже мечтать) вряд ли стоило рывкать. А Каттай живо представил себе водяной ворот: нечто подобное тому огромному колесу, что подавало воду из Гарнаты наверх, в дома и сады богатых горожан, – только расположенное в подземелье. Холодном, мокром и затхлом. Не иначе, работа на таком колесе была самым страшным, что с человеком могло случиться в Самоцветных горах... Каттай вспомнил, что вроде бы даже слышал издали тяжёлый скрип и ругань надсмотрщиков, когда Шаркут водил его в самые нижние уровни... Наверное, колесо вращали десятки чем-то провинившихся рабов, и их всё время пороли...

Тут подошёл распорядитель мастерской – в противоположность Шаркуту, высокий, тощий и бледный, ничуть не похожий на кузнеца. Он и говорил совсем не так, как Шаркут. Медленно, тихо, без ругани. Насколько заметил Каттай, его ранг распорядителя был пониже, чем у Шаркута, но ненамного. Он сказал:

– Со всем почтением, друг мой, – я, кажется, до сих пор не трогал каторжников, занятых у тебя на добыче камней...

Шаркут в ответ усмехнулся:

– Посмотрел бы я, как бы тебе понравилось, если бы мои рудокопы стали заирать лучшего из твоих кузнецов.

Ухо работника, неосторожного на язык, он между тем всё-таки выпустил.

– О-о, – поднял бровь тощий распорядитель, – так это и есть новый рудознатец, о котором все говорят? Правду молвить, я-то думал – люди врут о его возрасте. Я был уверен, тебе привезли умудрённого старца...

«Я не рудознатец, я лозоходец! Хотя и это тоже неправильно... Я просто ЧУВСТВУЮ... Я просто иногда ВИЖУ сокровище...» О Каттае снова говорили так, словно его тут вовсе не было. Двое свободных, двое хозяев оценивали раба.

– Ты поосторожней с этим сопливым, – шутя предостерёг Шаркут. – Не удивлюсь, если он лет через пять вольную заработает и ещё над нами господином заделается... Скоро

испытаю его в топазовых залежах, на новой голубой жиле: чует сердце, помучит нас проклятая, за нос поводит...

Невольник по имени Ретмар низко склонился над верстачком, уткнувшись в работу. Сегодня он не поднимет головы и больше не произнесёт ни единого слова. Каттай последний раз оглянулся на него и вновь высунулся в окошко.

Далеко внизу он увидел дорогу, по которой тачками вывозили в отвалы пустую породу. Здесь работали те, кто, по мнению надсмотрщиков, не мог вынести духоты и мрака забоев: подростки и невольники послабее. И вот Каттаю померещилось нечто знакомое в двух тощих долговязых фигурках, вместе толкавших одну большую тележку.

Когда они с Шаркутом вышли из мастерской, мальчик отважился спросить:

– Не случилось ли моему добродетельному господину поставить туда веннов, привезённых достойным Ксоо Таркимом?..

Распорядитель посмотрел на него сверху вниз. Он был очень доволен Каттаем. Все сомнения остались позади – невзрачный с виду паренёк полностью оправдывал неумеренные хвалы, что расточал ему Тарким. Он действительно *видел* так, как на памяти Шаркута не удавалось ещё никому, и обещал с лихвой возместить потраченные на него деньги. Подобных рабов надо баловать и беречь...

– Ступай проведай своих приятелей, если охота, – напутствовал Шаркут. И строго предостерег: – Смотри только, на заблудись где-нибудь в выработках, куда может завести тебя любопытство! И не суйся близко к тем рабам, которые прикованы. Это опасные люди!

Мы своих хороним близких...
Годы, дни и месяца
Расставляют обелиски
На пустеющих сердцах.

Помяну... Рукою голой
Со свечи сниму нагар:
Кто-то был обидно молод...
Кто-то был завидно стар...

А другой живёт и ныне.
Только тропки разошлись...
Только друга нет в помине...
Это тоже обелиск.

4. «Ты ещё назовёшь меня господином!»

Снег не успел пока вмерзнуть в скалы и закутать их толстым ковром до новой весны. Первое, ещё непрочное покрывало было дырявым и тонким и чётко обрисовывало укрытые ямы и камни. Тем не менее склон Южного Зуба из тускло-бурого, ненадёжно зеленеющего книзу, стал искристо-белым, точно спина горного кота поздно осенью после линьки. Лишь отвалы выделялись на фоне сверкающий белизны. Ночной снегопад тоже присыпал их – все сплошь, кроме той породы, что была вывалена уже сегодня. Двое юных рабов выкатили полную тележку на самый край деревянных мостков. Мостки были весьма почтенного возраста, но отменно прочные – не обрушатся! – и хорошо огороженные. Они нависали над глубоким ущельем. По слухам, ходившим среди каторжан, когда-то это ущелье было необыкновенно красиво: изломанные утёсы, быстрая речка, мирно певшая свою песенку летом, зато весной ворочавшая валуны... Но владельцы Самоцветных гор богатели не на созерцании красоты, и в ущелье стали сбрасывать пустую породу. Великолепные скалы теперь стояли в ней по колено, а река не знала покоя, всё время прокладывая себе новое

русло. Ещё, если верить слухам, бытовавшим в каменоломне, некий невольник однажды попытался бежать, спрыгнув вниз. Конечно, у него ничего не получилось с побегом. Он сразу переломал ноги и кричал целые сутки, пока падавшая сверху порода его не завалила и не прикончила... Но не дело рабам губить и калечить себя по своему произволу! С тех пор на площадке у края мостков поставили стражника. И просеянный камень не просто вываливали прямо через край, как когда-то. Теперь вниз вела деревянная воронка с решёткой, и особый раб отпирал, а потом запирали её движением рычага. Этого невольника не любили. У него была слишком лёгкая должность. К тому же чуть не до прошлого года сюда ставили грамотного, чтобы заодно вёл счёт тележкам и тачкам, притащенным остальными. Рано или поздно такой раб, «считала», как его называли, принимался жульничать – приписывал своим друзьям чужие ходки, а с остальных начинал требовать за хорошие записи плату... Ну а чем может заплатить каторжник, который сам себе-то не принадлежит?.. Только едой – чтобы избежать кнута, предназначенного для нерадивых... Оттого с каждым новым «считалой» повторялось одно и то же. Сперва он отъедался и начинал гордо, почти по-хозяйски, смотреть на менее везучих каторжан... А потом погибал. Падал с лестницы, проваливался в колодец-воздуховод, спотыкался прямо под тяжеленную волокушу... или ещё как-нибудь иначе сворачивал себе шею. Старший назиратель Церагат и распорядитель Шаркут неизменно перетряхивали весь рудник: случайно?.. конечно, не случайно! тогда кто?.. как?.. – но истины докопаться, что интересно, ни разу не удалось.

Теперь всё делалось по-другому. Бессловесный раб отпирал-запирал воронку, а тележки и тачки подсчитывал надсмотрщик, причём каждый день новый. Надсмотрщики в Самоцветных горах гибли редко. Уж если такое происходило, то – от настоящего несчастного случая, засвидетельствованного десятками глаз. Если надсмотрщик, да притом многими ненавидимый, кончал жизнь где-нибудь в отдалённом забое – весь забой распинали. Так гласил закон, установленный даже не Шаркутом, а кое-кем повыше него...

...Тележка, подкаченная юнцами, вмещала полторы «взрослые» тачки. Для двоих мальчишек – как раз. От ворот и почти до самой воронки подростки, жились, толкали её вдвоём. На последних шагах один остался у рукояток, второй забежал вперёд – открывать бортик, чтобы скорее высыпалась порода. Надсмотрщик-считала начертил на своей доске ещё одну палочку и, ёжась, плотнее запахнул меховой полушубок. До коренной зимы было ещё далеко, а он уже мёрз: из ущелья всё время поддувал ледяной ветер. Надсмотрщика звали Гвалиором, он сам был горец из Нардара и с детства привык к близости снежных вершин, но этот ветер пробирал до костей даже его. «Ох, Священный Огонь!.. Нет бы будочку какую поставили... Распорядителю, что ли, сказать? А он небось ответит: тебе надо – на свои деньги и ставь...» Лишних денег, понятно, не было. Гвалиор служил здесь третий год, зарабатывая деньги на женитьбу, и откладывал каждый грош.

В его родных местах свадьба была делом дорогостоящим. Обычай, прибывший в Нардар ещё с первыми переселенцами из Нарлака (и давно умерший на исконной прародине), требовал от жениха «пира на весь мир» и весомые подарки всем родственникам невесты. На это могли запросто уйти сбережения всей жизни, и оттого большинство мужчин из небогатых семей женились достаточно поздно. Тот, кто рано обзаводился семьёй, иногда потом всю жизнь отдавал долги...

Гвалиор и завербовался-то в рудничные надсмотрщики ради заработка, позволявшего лет этак за пять-семь накопить на скромную свадьбу. В родной деревне у него осталась девушка, согласившаяся подождать. Гвалиор пересылал домой деньги со своим двоюродным дядей Харгеллом, работавшим у купца Ксоо Таркима. Дядя всякий раз привозил ему от невесты письмо, написанное грамотным соседом. До очередного каравана оставался почти целый год...

Нардарец вздохнул и вытянул из-за пазухи плоскую стеклянную флягу, на дне которой перекачивался и позвякивал о стенки небольшой аметист: дабы крепкое вино, согревая, не лишило пьющего ясности в мыслях. Гвалиор отхлебнул из неё и посмотрел на подростков. Вот от кого, наоборот, валил пар! Они со своими тачками и тележками не ходили, а бегали.

Из недр горы – по выложенной камнем дороге сюда, на повисшие над пропастью мостки – и потом обратно в раскрытые ворота штольни, вокруг которых инеем оседал тёплый воздух, поднимавшийся изнутри. Ноги, обмотанные драным тряпьем, не осязали холода, пропитавшего камни. Будешь ползать, точно варёная муха – не выполнишь дневного урока, а значит, не получишь еды!..

Мальчишки, конечно, сами вели счёт привезённым тележкам. Но тот из них, что открыл, а потом вновь запер бортик, на всякий случай спросил:

– Сколько у нас, господин Гвалиор?

Он неизменно спрашивал об этом, вываливая породу. Второй, такой же нечёсанный и длинноволосый, вообще не открывал рта. Надсмотрщик посмотрел на дощечку, обвёл на ней очередные четыре палочки и лениво ответил:

– Тридцать две. Можете передохнуть.

– Спасибо, господин Гвалиор!

Колёса застучали по плотно пригнанным камням – мальчишки торопились в штольню, в относительное тепло. Тридцать две вывезенные тележки означали половину дневной работы. А стало быть – передышку. Скоро будет еда... За несколько недель, проведённых здесь, на задворках громадного рудника, юные невольники успели многому выучиться. Вначале, увидев, как оставили голодным «ленивого», они заторопились с работой – и надсмотрщик, посмеиваясь, велел им до еды привезти тридцать третью тележку, а потом и тридцать четвёртую. «Успеете притащить сорок, – сказал он, – получите полуторную прибавку в еде...» Это был другой считала, не Гвалиор. Они переглянулись и решили попробовать. И успели. И действительно получили полуторную добавку. Но на другой день едва справились с обычным уроком, потому что у обоих трещали и жаловались все жилы. «Не гонитесь вы лучше за этой лишней жратвой, – посоветовал им парень постарше, одноглазый вельх. – Она здесь хуже голода убивает...» Парень знал, что говорил. С тех пор они подгадывали тридцать вторую тележку как раз ко времени еды. Так, чтобы и передышка выдалась чуть подлиннее, и за тридцать третьей уже не отправили...

Невольники один за другим кончали работу и подходили к воротам. Самыми последними туда вернутся подбиральщики. Это – младшие ребята, которых ещё бесполезно впрягать в тележки и тачки и вообще ставить к тяжёлой работе. Для них сваливают в отдельную кучу каменное крошево, вывезенное из-под мётел и веников рудничных подметал. Там, глубоко внутри горы, другие невольники перетаскивают из забоев «крушец» – руду с притаившимися в ней самоцветами. Что-то неизбежно высыпается из тачек, корзин и мешков, падая на пол... В давно прошедшие времена каменный мусор просто утаптывали ногами. Потом, когда в загаженных штреках Среднего Зуба полы приблизились к потолкам, их начали чистить – и среди дерьма и всяческой дряни нашли один из великолепнейших рубинов за всю историю прииска! Его сразу отправили в Сокровищницу и нарекли «Гурцатом Великим», по имени древнего полководца. Кое-кто теперь утверждал, будто объявился этот рубин совершенно иначе и гораздо торжественней, а историю про дерьмо сочинили рабы, выпоротые за недосмотр. Где тут был вымысел, где истина – толком теперь не ведал никто, но с тех-то пор в каждой копи завели подметал, и весь мусор очень тщательно просматривали. Этим и занимались маленькие подбиральщики. И у них добавочную порцию давали тому, кто среди обломков породы отыщет что-нибудь ценное. Случалось такое редко.

Гвалиор снова отхлебнул из заветной фляжки, мечтая о том, как его сменят. У края дороги ворошил кучу мусора тощенький белоголовый мальчонка. С утра он несколько раз подходил к надсмотрщику, показывая находки. В его глазах светилась отчаянная надежда, но Гвалиор, осмотрев камень, всякий раз отрицательно мотал головой и выкидывал «драгоценность» с мостков. А про себя гадал, дотянет мальчишка до весны или нет. Если только Гвалиору не примерещилось, он уже кашлял – и очень нехорошо, не так, как от обычной простуды...

Мимо заморыша проходили подростки с опорожненной тележкой. И надсмотрщик

увидел, как один из двоих – не тот, что с ним разговаривал, а второй, молчаливый, – вдруг сунул руку за пазуху, нашарил там что-то и кинул подбиральщику, ползавшему на коленях возле своей кучи. Тот от испуга и неожиданности сначала отпрянул. Потом потянулся за брошенным камнем... и вдруг, схватив его, со всех ног кинулся к Гвалиору.

– Находка! – повторял он на ломаном нарлакском языке, на котором они объяснялись. – Находка!..

На грязной ладони лежал довольно крупный обломок, сперва показавшийся Гвалиору куском гнилой деревяшки. Надсмотрщик с неохотой взял его, повертел и хотел уже было выкинуть, как все предыдущие... Но краешек «деревяшки» оказался отколот ровно и чисто, и, когда Гвалиор повернул камень к солнцу – внутри вспыхнула, словно засветилась, узкая золотисто-зелёная полоса. Нардарец поплевал, потёр рукавом... Так и есть! Настоящий кошачий глаз!⁹ Хранящий любовь, берегающий от измены и сглаза, а по слухам – способный даже сделать своего владельца невидимым в опасном бою!..

Гвалиору не хватило бы полугодового заработка, чтобы купить такой камешек. А мальчишка, принёсший его, рассчитывал всего-то на лишний сухарь. Смех да и только!.. Надсмотрщик кивнул маленькому подбиральщику, спрятал камень в кошель и перевернул дощечку, собираясь поставить против имени мальчишки одинокую метку... Внезапное движение, подмеченное краем глаза, заставило его оглянуться.

– Во имя пепла и погасших углей, чтоб вам!.. – вырвалось у нардарца.

Опрокинутая тележка лежала на боку, а двое подростков, только что так дружно её толкавшие, катались по земле, орудуя кулаками, словно два взбешённых зверёныша. Гвалиор кинулся к ним, выдёргивая из-за пояса кнут. Ему ведь рассказывали, с чего началось кровавое, не без труда усмирённое восстание под Большим Зубом сорок три года назад. С самой обычной драки рабов, вовремя не разнятой. Тогда у обоих нашлись поблизости земляки и друзья, тут же схватившиеся за свои ломы и кирки – орудия, изначально не предназначенные для боя, но очень грозные в рукопашной. Когда же наконец вмешались надсмотрщики, яростные враги с редким единодушием обратились на них!

Только не хватало, чтобы опять разразился такой же бунт, да его потом ещё и приписали оплошности Гвалиора!.. Кнут взвился над сцепившимися подростками и перетянул обоих:

– А ну встать! Живо встать, крысоеды!

Они откатились в разные стороны, ошпаренные плетёным ремнём, и вскочили, одинаково тяжело дыша. У одного был уже зажат в руке камень. Второй – молчаливый – утирал кровь из-под носа.

– Тележку поднять! И живо отсюда вон, нечистое отродье!..

Подростки исполнили приказание, враждебно и свирепо косясь один на другого.

– И если увижу, что снова дерётесь, – предупредил Гвалиор, – во имя Чёрного Пламени, с обоих шкуру спущу!

– Мы поняли, господин...

Колёса тележки снова закрипели, подпрыгивая на неровностях каменной вымостки. Гвалиор проводил юнцов глазами. Конечно, они при первом же случае снова намнут холки друг другу. Тем более что оба из одного племени. Известно же, никто не бьёт крепче, чем свой своего, и тем более – бывший друг!

Ну и пускай дерутся, если охота. Но только где-нибудь в другом месте. Не здесь, перед отвалами. Хотя бы в шаге от ворот, но – уже в штольне, уже внутри горы. Там, где держит ответ другой надсмотрщик, не Гвалиор...

Нардарец смотал длинный кнут и сунул его за ремень. Белобрысый маленький подбиральщик всё топтался с ним рядом и тихо, невнятно поскуливал, боясь, как бы в

⁹ *Кошачий глаз* – общее название самоцветных камней с золотисто- или серо-зелёными переливами, напоминающими игру радужной оболочки кошачьего глаза. Экземпляры, имеющие ювелирную ценность, встречаются достаточно редко и поэтому очень дорого ценятся.

суматохе про него не забыли. Временами он кашлял. Когда Гвалиор повернулся к нему, он затрясся, как осиновый листок на ветру, но не побежал. Может, он сейчас угодит под горячую руку и страшный кнут распластает его на камнях, если не вовсе вышибет жизнь?.. Однако упустить возможность и не напомнить о себе – это было страшней...

– Принесут жратву – скажешь, что у тебя сегодня находка. Хорошая находка, – кивнул ему Гвалиор. – Не поверят – сбегаешь за мной, я сам им скажу.

Каттай уже понял, что снег в Самоцветных горах не был ни сладким, ни праздничным... Совсем наоборот. Он оказался негостеприимным и страшно холодным. Вязаная мамина безрукавка, на которую – смешно даже вспомнить – Каттай так надеялся в дороге, теперь лежала под тюфячком, рядом с вышитыми сапожками. То и другое было здесь бесполезно...

Каттай очень боялся заплутать по дороге к отвалам. Подземные выработки и переходы сплетались в сложный и запутанный лабиринт, и целиком его удерживали в памяти лишь немногие знатоки вроде Шаркута. Нет, конечно, здесь было совсем не то, что в безлюдной дикой пещере, где, сбившись с пути, можно не найти выхода и погибнуть. Это даже не лес, через который он, помнится, бежал целую ночь!.. Любой надсмотрщик указал бы Каттаю верное направление. Но хорошо ли получится, если господину распорядителю донесут, что его «лучшего лозоходца» пришлось вести за руку, ибо сам он оказался неспособен пойти и вернуться?..

И Каттай отправился тем путём, который уже хорошо знал. Вниз до семнадцатого уровня, потом снова вверх, на пятнадцатый, и ещё раз вниз – всё разными лестницами. Подходя к боковым воротам, он заранее пригладил пальцами волосы, чтобы сразу видна была серьга. Там стояли два вооружённых стражника, и Каттай невольно робел. Он ещё не выходил здесь один. Что, если его не захотят выпустить?..

Двое усатых мужчин с копьями и в кольчугах в самом деле окинули внимательными взглядами темноволосого мальчика в добротной (хотя и великоватой) овчинной шубке. Возможно, им бросилось в глаза несоответствие его возраста отличительному знаку, блестящему в мочке левого уха, но если и так – они ничего не сказали. У них было много других дел. Навстречу Каттаю в ворота затаскивали большое бревно. Бревно было тяжёлое, рабы суетились вокруг, подкладывая катки, и он сразу вспомнил возчика Ингомера с его рассказом о переселении с острова Розовой Чайки. Бревно ёрзало на катках, грозя задеть и испортить механизм, управлявший опускной решёткой ворот. Каттай поспешно пробежал мимо и впервые за полтора месяца по-настоящему вышел под открытое небо.

И задохнулся от беспощадной, режущей глаза белизны и от жестокого холода, разлитого в воздухе.

Там, где заснеженных склонов касался солнечный свет, снег, казалось, пылал. Каттаю почти захотелось назад, в привычные подземелья, в духоту и факельную полутьму. Он вытер заслезившиеся глаза и зашагал по объездной дороге к отвалам. «Никогда не оставляй начатого, – говорила мама. – Лучше уж совсем не берись...»

Идти пришлось довольно долго: в отличие от штреков, более или менее прямо пронзавших толщу горы, дорога огибала выступы и отроги. Зато Каттай сразу понял, что пришёл навестить веннов весьма даже вовремя. Рабы складывали опустевшие тачки и устраивались передохнуть. Скоро будет еда.

Щенок и Волчонок сидели рядом со своей тележкой – по разные стороны. И смотрели тоже в разные стороны, старательно отворачиваясь один от другого. Каттаю вначале показалось, что они его не узнали.

– У тебя хорошая одежда, – сказал Волчонок. – И кормят тебя, я вижу, неплохо! Чем ты занимаешься?

Их со Щенком штаны и рубашки давно превратились в рваньё, взгляды были отчётливо несытые. Каттай остро ощутил различие между ними и собой. Ему вдруг стало стыдно собственного благополучия.

– У тебя «ходачиха», – заметил Щенок.
– Как ты её раздобыл? – почти одновременно спросил Волчонок.
Каттай наконец ответил:
– Господин Шаркут сделал меня своим лозоходцем...
– Я слышал, это большое искусство, и ему надо долго... – удивился было Щенок, но Волчонок жадно перебил:
– Как это у тебя получилось?
Каттай совсем смутился.
– Господин Шаркут говорит, у меня дар от Богов... Если мне дадут подержать в руках самоцвет, я потом вижу, где он прячется в камне. Мы ходили в изумрудный...
Но у Волчонка, думавшего разузнать нечто полезное, разом пропало всё любопытство, и он лишь отмахнулся:
– Пожрать бы лучше принёс.
Щенок хмуро посмотрел на него, но ничего не сказал. Волчонок же подумал и спросил:
– А живёшь где?
– В покоях у господина...
У юного венна снова разгорелись глаза.
– А где у него покои? Здесь или... ТАМ?
– «Там»?.. – не понял Каттай.
На сей раз Волчонок отмахнулся чуть ли не со злобой:
– Да что с тобой разговаривать. «Ходырку» нацепил, а сам не знает ни шиша...
Щенок поднялся на ноги.
– Пойдём, я тебе покажу.
Каттай удручённо последовал за ним. «А ведь мог бы я догадаться хоть кусочек хлеба утром отложить...»
– Не сердись на него, – сказал Щенок. – Он неплохой парень. Только всё время есть хочет.
– А ты?.. – вырвалось у Каттая.
Щенок пожал плечами.
– Я тоже. Но не так сильно, наверное.
Он увёл Каттая шагов на полсотни в сторону по дороге, туда, где он заворачивала за скалу. Надсмотрщик Гвалиор проводил их бдительным взглядом, но не окликнул. Рабы часто ходили туда, особенно молодые и ещё не утратившие тщетных надежд.
– Смотри... – сказал Каттаю Щенок и вытянул руку.
Дорога здесь вилась над глубоким обрывом. В двух саженях под нею в скалу были вделаны бревенчатые опоры и на них растянута широкая прочная сетка – улавливать всё, что могло вольно или невольно свалиться.
Но туда Каттай смотреть не стал. За ущельем поднималась утёсистая гряда – ни дать ни взять зубастая челюсть дракона, превращённого в камень. Превращение случилось очень, очень давно; иные зубы успели выветриться и выщербиться, а другие вовсе выпали вон. И там, где вместо заснеженного камня была пустота, открывался вид на долину. Очень далёкую и от этого немного ненастоящую. Долина была круглая, удивительно правильной формы. Если бы Каттай проходил в горщиках хоть одну десятую того срока, что посвятил этому ремеслу мастер Каломин, он бы знал – такая долина называется «цирк». Но он не знал. И просто глазел, бездумно любуясь внезапно представшим чудом. Горный воздух, особенно прозрачный и чистый из-за мороза, позволял многое рассмотреть там, вдали.
– Эта долина... – наконец выговорил Каттай. – Она вправду... зелёная? Или мне кажется?..
– Вправду, – сказал Щенок. У него были длинные, ниже плеч, русые волосы. Они торчали из-под тряпья, из которого он смастерил себе нечто вроде шапки. Ветер раздувал грязные спутанные пряди, давно не знавшие иного гребня, кроме пятерни.
Каттай, словно зачарованный, смотрел и смотрел вдаль... Как часто бывает, глаза

постепенно привыкали, начиная различать всё больше подробностей. Каттай рассмотрел дом, хороший каменный дом с забором, из-за которого выглядывали кроны фруктовых деревьев. Не удалось только оценить, велик ли был сад, – мешала скала. Каттай, впрочем, не сомневался, что сад был роскошный. Ещё бы!.. При таком-то особняке!..

А в небе над чудесной долиной, словно знак, нарочно посланный Каттаю, висел узкий лепесток молодого месяца.

– Кто там живёт?.. – отчего-то шёпотом спросил Каттай.

Щенок коротко ответил:

– Хозяева.

Хозяева!.. Потомки тех, кто пришёл сюда первыми и был здесь удачлив. Тех, кто первыми нашёл драгоценные камни и сумел на них разбогатеть, не отдав свои сокровища ни разбойникам, ни обманщикам-купцам. Они разведали эту долину и по праву заняли в ней плодородные земли... Хозяева, у которых даже такой важный и грозный человек, как распорядитель Шаркут, – всего лишь слуга на побегушках...

– Если Боги моего народа... – негромко, но с ощутимым внутренним напряжением выговорил Щенок, – если Боги моего народа не совсем ещё забыли о справедливости, пусть эта Долина однажды провалится в самую утробу земли!..

Каттай встрепенулся. В памяти вновь прозвучало не так давно сказанное Харгеллом: «Ты ещё там, чего доброго, даже и в господу выйдешь...» Он внезапно ощутил, что это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** может произойти. И произойти **СКОРО**. Молодой месяц ниспослал ему вдохновение: он впервые отважился помыслить о своём даре лозоходца как о ниспосланной Лунным Небом возможности совершить Деяние. Деяние, дарующее свободу. Что, если ему вправду суждено вернуть утраченное далёкими предками – и честь честью оставить потомкам?.. «Я сразу поеду домой, в Гарната-кат, и мама увидит, что зря прощалась со мной навсегда. Я выкуплю её у нашего господина. И отца – пускай он хотя бы после смерти станет свободным, и Лан Лама перенесёт его душу из чертогов праведных рабов в чертоги достойных людей...»

– Щенок, – начал он, – я... я... – Но мысль, посетившая Каттая, была слишком дерзкой, чтобы он осмелился выговорить её вслух. Он запнулся и сказал иначе: – Щенок, я, наверное, буду находить разные богатые жилы... Я буду очень стараться... Господин Шаркут будет вознаграждать меня... И я выкуплю вас с Волчонком, как только смогу. И Тиргея... И Дистена-Должника...

Щенок усмехнулся так, словно был старше Каттая не на два-три года, а на все сто. Он сказал:

– Спасибо тебе.

Но у него, похоже, было своё понятие о Деянии, потому что он вдруг спросил:

– А видел ты Бездонный Колодец?

...О-о-о! Колодец видели все, работающие внутри горы, и Каттай, естественно, тоже – тем более что с распорядителем он изрядно полазил по штрекам. На самом деле Колодец только так назывался. Это была круглая и гладкая, словно оплавленная, дыра, но не в полу (как надлежало бы колодцу), а в стене двадцать седьмого нижнего уровня. Почти сразу дыра круто загибалась вверх, и рассмотреть, что же там дальше, не удавалось даже с помощью яркого фонаря.

– Его в самом деле пробил Горбатый Рудокоп? – спросил Щенок.

Каттай поёжился.

– Так говорят...

«Нет уж, – подумал он по себя. – Если, милостью Лунного Неба, мне вправду суждено выйти на свободу, пусть меня выведет моё доброе служение, а не этот страшный Колодец...»

Скрип колёс заставил их оглянуться. Двое рабов катили по дороге тележку с высоким плетёным кузовом. В нос ударил сильный запах вяленой рыбы. Невольникам, работавшим у отвалов, везли еду.

Следом за первой двигалась вторая телега, побольше, и в неё была запряжена сильная

невозмутимая лошадь. Каттай узнал сноповозку – на таких телегах с длинными бортиками, сделанными из жердей, у него дома возили с полей хлеб. Только на этой телеге были навалены снопы совсем другой жатвы. Между жердями в беспорядке торчали неподвижные, навсегда окоченевшие руки и ноги. Два десятка голых тел – сломанные темницы освободившихся душ – завершали своё последнее странствие. Мальчик отступил к скальной стене, пропуская повозку, и мимо него, совсем близко, проплыло обтянутое бесцветной кожей лицо с глазами, которых никто не потрудился закрыть. Ни в коем случае не встречайся взглядами с мёртвым!.. – но Каттай ничего с собой поделывать не смог. «Всех нас уморят работой и сбросят в отвал, кого раньше, кого позже...» – зловеще отдалось в ушах сказанное когда-то Дистеном.

На родине Каттая телегу-сноповозку ещё называли «одриной»...

Если хорошенько подумать – рыба высоко в горах должна была быть дорогой и изысканной пищей. Откуда её бралось здесь столько, чтобы кормить самых распоследних рабов? Вшивых оборвышей-подростков, занятых на отвалах?.. Этого доподлинно не ведал никто. Одни утверждали, будто плоские, в две ладони размером, рыбёшки от века населяли подземные озёра и речки, которыми изобиловали Самоцветные горы. Другие клялись, что рыбу выращивали в особых прудах и первоначально она была туда выпущена для стола Хозяев, но вдали от родных вод то ли измельчала, то ли оказалась недостаточно вкусной. Тогда-то придумали вялить её и солить и отдавать в пищу невольникам. Тем, кто ломал в забоях неуступчивую породу, вероятно, давали достаточно, чтобы продолжали дышать и добывать самоцветы, с мальчишками же обходились проще: опрокидывали плетёный кузов тележки и вываливали всё наземь – по рыбке на каждого. Когда надсмотрщик-считала был из тех, что посправедливей, невольники подходили один за другим и получали свою пищу согласно отметкам на его доске. Когда считала был побессовестней – вокруг рыбной кучки начиналась давка и драка. И если положенное тебе успевал перехватить кто-то более сильный, наглый и ловкий – жаловаться было некому...

Когда у отвалов стоял Гвалиор, раздача еды обычно происходила спокойно. Молодой нардарец не издевался над каторжниками, нарочно или по равнодушию путая количество ездов, и при нём можно было не сомневаться: уж если ты что заслужил, это ты и получишь.

Старший назиратель Церагат, сопровождавший одрину с мертвецами, подошёл к нему. Если на распорядителя Шаркута достаточно было посмотреть один раз, чтобы убедиться: вот человек, всю жизнь проведший среди грубых рабов и таких же грубых надсмотрщиков! – то Церагат внешне производил совсем иное впечатление. Он был высокого роста, с ухоженной шелковистой бородкой, тонкими чертами и высоким лбом мудреца. Тяжёлый кнут у него на поясе казался чужеродным предметом: вместо него бы чернильницу и футлярчик для перьев, на худой конец – небольшой изящный кинжал... Они с Гвалиором о чём-то беседовали, по очереди отхлёбывая из винной фляги, когда у повозки с едой очередь дошла до белоголового заморыша-подбиральщика.

– Находка!.. – сказал он рабу, раздававшему пищу. И ткнул грязным пальцем в сторону Гвалиора: – Находка!..

Схватил свои полторы рыбёшки и поспешил в сторонку, чтобы торопливо сжевать, заедая снегом пересоленную и костлявую плоть... Но не тут-то было. Крепкая пятерня сгребла мальчишку за шиворот.

– Отдавай живо!.. – прошипел Волчонок. – Не твоё!.. Не заслужил!.. Слышишь, мокрица?!

Мальш-подбиральщик что было силы вцепился в свой обед, прижимая его к тощей груди, и отчаянно завертел головой, ища глазами Гвалиора. Волчонок не дал ему окликнуть надсмотрщика – живо сшиб с ног и стал выдирать рыбёшку из судорожно стиснутых пальцев.

– Дай сюда, тварь...

Дохленький подбиральщик отбивался неожиданно упорно. Когда отбирают последнее,

даже и заморыши, бывает, проявляют внезапную силу. Белобрысый как-то умудрился перевернуться к земле и сжаться в комок: хочешь – бей, хочешь – топчи, а своего не отдам!.. Вконец обозлённый Волчонок в самом деле стал было пинать мальчишку ногами, потом схватил с земли камень... Но тут ему самому досталось по скуле кулаком, и достаточно крепко.

– Не трогай!.. – сказал Щенок.

– Это должна была быть наша прибавка!.. – тоже по-веннски заорал на него Волчонок. – Это мы камень нашли!.. В нашей тележке лежал!.. Всякую падаль подкармливать?!..

В полусотне шагов от них, на повисших над ущельем мостках, надсмотрщик Гвалиор дёрнулся было вперёд, второй раз за полдня хватая из-за пояса кнут – причём ради тех же самых дерьмецов-веннов!.. Церагат удержал его за плечо.

– погоди... Дай присмотрюсь.

Волчонок прокричал что-то ещё и ударил Щенка камнем, но тот довольно ловко заслонился рукой, и камень неожиданно рассыпался, оказавшись просто комьями рыхлой земли, прихваченными морозцем. Щенок сгрёб бывшего друга, так что у того лопнуло на спине тряпьё, кое-как скреплённое для тепла, и отшвырнул его прочь. Он был ненамного, но всё же сильней. Зато Волчонка жгла изнутри злоба, явно толкавшая не только бить, но и убивать. Он сразу вскочил и опять бросился на Щенка, как попало всаживая кулаки. Тот не остался в долгу – и оба, потеряв равновесие, завалились наземь. Покатались, молотя без разборки, вскрикивая и рыча... Это было не обычное мальчишеское «толковище», после которого, утерев носы, вместе отправляются удить рыбу. Это была взрослая и страшная драка, готовая закончиться смертью.

Маленький подбиральщик, скорчившись едва ли в двух шагах, торопливо грыз рыбу. Всю как есть, с головой, костями и чешуёй. Скорей, скорей, пока не отняли...

Надсмотрщики подоспели разнять веннов как раз вовремя, не позволив совершиться убийству и не дав позабывшим всё на свете парням вместе скатиться с дороги. Утихомирить и отодрать друг от друга двоих тощих юнцов даже здоровым крепким мужчинам оказалось не так-то легко. Но наконец это им удалось, и Щенка с Волчком, разъярённых, брыкающихся, растащили в разные стороны, награждая полновесными тумачами.

– Оставить без еды. Обоих, – приказал Церагат.

– Ты дурак, – сказал Щенку Гвалиор. – Если бы ты убил его, тебя самого заковали бы и отправили вниз. В такие забои, где больше месяца не живут! Ты ещё глуп и не знаешь, какие страшные норы здесь есть!..

Щенок вдруг спросил:

– Вроде Бездонного Колодца, да? А правду говорят, будто там можно выйти на волю?..

– Ещё раз забудешь назвать меня «господином» – быстренько зубов поубавлю, – пообещал Гвалиор. – А ну, живо за работу, бездельники!

Разговоры о Колодце и свойствах, приписываемых ему рудничной легендой, среди надсмотрщиков не поощрялись. А среди рабов – и подавно.

В это время Волчонок, которого всё ещё держал за шкуру старший назиратель, дёрнулся из его рук и бешено заорал:

– Ты ещё МЕНЯ назовёшь господином, ты, дерьмо вшивое!..

За этот выкрик он получил немедленно по затылку. В четверть силы: поменьше болтай! Гвалиор же мысленно позавидовал старшему. Его дело – разгрузить одрину в отвал, и можно идти. А ему, Гвалиору, до самого вечера торчать здесь. Присматривая за сумасшедшими подростками, готовыми, оказывается, чуть что, друг дружку сожрать!..

Для начала он решил развести Щенка и Волчонка, дав каждому по тачке – небольшой, чтобы не надорвали до времени животы. Потом вспомнил: надо было что-то делать ещё и с заморышем-подбиральщиком. Оставить на прежнем месте? Так Волчонок обязательно прибьёт его или, улучив время, вовсе спихнёт вниз... Гвалиор был опытным надсмотрщиком и быстро нашёл выход.

– Ты! – ткнул он пальцем в сторону Волчонка. – Бегом в штольню, скажи, чтобы тебе тачку дали! Трёхчетвертную...

– Погоди, – вмешался Церагат. – Я передумал. Этого я с собой заберу.

– Забирай, – передёрнул плечами Гвалиор. И соскоблил со своей дощечки одну черту. – А ты, – это уже относилось к Щенку, – возьмишь вашу тележку. Будешь её таскать вместе с недомерком-сегваном...

Волчонок, уже трусивший к воротам вслед за Церагатом, при этих словах остановился и захохотал. Издевательски и громко – нарочно затем, чтобы услышал бывший напарник.

– С кем?.. – спросил Щенок, и голос его, наоборот, прозвучал совсем тихо. – С каким ещё сегваном?

– Вот с этим, – решительно кивнул Гвалиор, хотя нутром уже почувствовал: наскочила коса на камень. – Давай шевелись, если ещё и без ужина не хочешь остаться!

– Я буду возить тележку один, – проговорил Щенок по-прежнему негромко и ровно. – Считаю, если хочешь, мои ездки ещё и на... этого. Но работать я с ним не буду.

Надсмотрщик мысленно проклял своё мягкосердечие. Рабы явно не понимали справедливого отношения, принимая его за слабость. Начни их жалеть – и дождёшься, что они тебе совсем на голову сядут. Видно, правы были те, кто говорил ему: это полуживотные, признающие только силу кнута!..

Ещё не хватало отступить перед недоноском... который даже господином называть его не желал. Кнут Гвалиора уже в который раз за день возник из-за пояса и обвился вокруг ног венна:

– С кем велено, с тем и будешь работать!

Он, конечно, хлестнул далеко не так, как умел. Не подрубить ноги, даже не снять кожу – только обжечь. Всё равно удар был такой, что мальчишке полагалось бы упасть на колени, съёжиться от боли и заорать дурным голосом на весь отвал, вымаливая прощение... клянясь немедленно выполнить всё, что приказал *господин* ...

Молодой венн остался стоять как стоял – прямо. Только стиснул побелевшие губы, да в глазах разгорелся очень нехороший огонёк. Гвалиор был далеко не глупцом. Ему хватило одного мгновения, чтобы понять: парня можно запороть насмерть, но с места он не сойдёт. А чего доброго, ещё и кинется в драку. Ну и что тогда с ним делать? Убить?..

Мысленно Гвалиор пожелал торговцу Ксоо Таркиму свернуть шею на горной дороге или, того лучше, попасться жадным разбойникам. (Нет, конечно, не теперь, когда дядя Харгелл вёз домой его заработок: как-нибудь позже, потом!..) Чтобы неповадно было доставлять на рудник строптивых дикарей, не ценящих собственной жизни!.. Вслух же надсмотрщик рявкнул:

– Один так один! Пуп развяжется – туда и дорога!

И для острастки наподдал венну ещё. Тот по-прежнему молча повернулся и пошёл туда, где они с Волчонком оставили тележку. К вечеру его будет колотить жестокая лихорадка, но пока он держался так, словно кнут его вообще не коснулся. Гвалиор смотрел ему в спину, раздражённо крутя и дёргая длинный плетёный ремень. Потом вытащил фляжку и сделал один за другим три длинных глотка. Такие, как этот парнишка, либо погибают сразу, либо, наоборот, живут в руднике долго, становясь сущим проклятием для надсмотрщиков. А что? Может, Щенку и суждено-таки стать Псом... К тому времени Гвалиора здесь уже несколько лет как не будет. Ну и слава Священному Огню...

Тут он услышал позади себя плач и оглянулся. Маленький подбиральщик, оказавшийся сегваном, сидел на мёрзлой земле и горько плакал, держа в руках недогрызенную рыбёшку.

Белые цветы «девичьего льда»¹⁰ всё так же неувыдаемо цвели во тьме подземного зала... В рудничном фонарике Каттая застрял фитилёк, маленькое пламя светило неверно и

¹⁰ *Девичий лёд* – другое название гипса.

тускло. Каттай не стал затевать починку фонарика в двух шагах от могилы Белого Каменотёса, оставил его у входа как есть. Погаснет – значит, погаснет... Каттай больше не боялся Каменотёса и поступил так не из страха, а просто из уважения. Он опустился на колени и тихо проговорил:

– Здравствуй, отец.

Своего собственного отца он помнил плоховато и не мог бы с уверенностью сказать, что в этих воспоминаниях было истинно, а что – досоздано воображением по материным рассказам. Что же касается Каменотёса, предания о его внешности были столь же разноречивы, как и о происхождении. Однако, думая о ком-то, обязательно начинаешь видеть перед собой облик, пусть сколь угодно расплывчатый. Вот и Каттай, мысленно беседуя с Ушедшим-во-Тьму, помимо воли старался представить его. Для него Белый Каменотёс был рослым бородатым мужчиной в широком кожаном фартуке, закрывающем ноги и грудь. Он весело смеялся чему-то, и за спиной у него была зелень ветвей, а над головой – яркое солнце.

– Пожалуйста, помоги мне в добром деле, отец...

Где колыхались на тёплом ветру те зелёные ветки? В усадьбе прежнего господина? Или в Саду Лан, куда принесли тело погибшего раба и где оно несколько времени соседствовало с изваянными из камня Посмертными Телами великих вельмож?.. Или, может, то были дивные сады Праведных Небес, куда когда-нибудь возьмут и Каттая?..

«Я выкуплю на свободу маму и отца и обязательно заплачу за их свадьбу. Чтобы они стали супругами по закону, а не просто „суложью“ – рабом и рабыней, повадившимися вместе спать...»

Каменная могила молча высилась перед ним в темноте. По бокам и за нею с невидимого потолка тянулись известковые сосульки сталактитов. Местами вросшие в пол, они окружали могилу, словно колоннада, слабенький свет фонарика их едва достигал. Когда там, среди каменных столбов, возникло некое движение, Каттая всё-таки окатило ледяным страхом, он дёрнул головой, оглядываясь на свой фонарик...

Оказывается, движение не померещилось ему, но это было всего лишь бесплотное движение тени. Вокруг оставленного фонарика затеяли игру летучие мыши. Три или четыре зверька (Каттай видел только мельтешение крыльев) гонялись друг за дружкой, чертя в воздухе вокруг стеклянного колпачка немыслимо ловкие круги и фигуры. Каттай забыл про молитву и испугался, как бы мыши не опрокинули светильник, и тотчас же именно это и произошло.

Любопытный маленький летун ухватил зубами колечко наверху фонаря и попытался его поднять, но не сумел. Светильник с налобным кожаным обручем оказался для него слишком тяжёл. Он лишь заколебался, толком не оторвавшись от щербатого пола, и всё. Мышь досадливо взвизгнула, разжала челюсти и вспорхнула, а фонарик перевернулся.

Безвестные мастера, придумавшие его для рудокопов, предусмотрели многое. Но не всё. Рудничный люд всё же редко повисает вниз головой, или, того хуже, даёт свои фонари таскать летучим мышам. Масло, налитое в «непроливающийся» медный сосудик, всё-таки пролилось. И вспыхнуло от, казалось бы, едва тлевшего фитилька.

Жирно коптящее пламя взвилось на добрый локоть над полом. Мыши успели шарахнуться в стороны и пропали, скрывшись из глаз. Вспышка огня ненадолго рассеяла тьму, царившую в пещере десятками, если не сотнями лет. Она озарила уходящий в вышину потолок, и Каттай увидел страшные глыбы, безмолвно и грозно (а главное – ненадёжно: он это ощутил обострившимся чутьём лозоходца) нависшие над головой. Чихни погромче – и не избежешь кары Каменотёса!.. Вобрали свет пламени и заискрились невозможными радугами щётки крохотных кристаллов, усеявших стены и пол... Каттай слышал про замечательные шкатулки, что выделявали в мастерской под Большим Зубом ученики великого мастера Армара. Обладали ли те шкатулки хоть долей великолепия, которым сверкнула на свету усыпальница Белого Каменотёса?.. Звёзды с тысячами лучей, прихотливо раскиданные по стенам, мерцали всеми цветами от золотистого до пурпурного и зелёного. Если бы некий

живописец, взяв кисть, перенёс на картину даже бледное подобие увиденного Каттаем – другие художники, никогда не бывавшие в недрах, тотчас же заклевали бы беднягу, дружно приговорив: «Такого не бывает!» В сиянии каменной радуги дивные самородные колонны сталактитов, сами по себе достойные восхищения, уже казались грубоватыми и простыми – как обычный дроворубный топор, угодивший на один лоток с бусами и перстнями. Однако среди ноздреватых колонн вились и переплетались тонкие хрустальные нити, невесомо дрожавшие в воздухе, готовые рассыпаться не то что от громкого чиха – даже от простого дыхания. Подобные кристаллы не могли существовать по самой природе вещей. И тем не менее это были кристаллы...

Но Каттай не любовался дивом, столь внезапно явленным его взгляду. Он даже не думал о том, сочтёт или нет Белый Каменотёс святотатством эту вспышку пламени, залившую светом пещеру его упокоения. Мальчик смотрел, не отрывая глаз, на некий предмет, лежавший среди посмертных – от ушедших ушедшему, – приношений. Дар мёртвого раба был сработан из перекрученного жиловатого дерева, покрытого наростами и узлами. Один конец был загнут и матово блестел, отполированный за долгие годы мозолистой ладонью его обладателя...

Это была клюка мастера Каломина, развенчанного рудознатца, принесённого – за бесполезностью – в жертву духу иссякшего изумрудного забоя...

Горбатый Рудокоп, в отличие от Белого Каменотёса, был свободным человеком, нанявшимся в рудники по своей собственной воле.

Горбуны часто немощны и болезненны, но этот, похожий на обезьяну, был, напротив, чудовищно силён. Хотя уже очень немолод. Откуда он вёл свой род и почему решил наняться в каменоломни, теперь не ведал никто. А очень может быть – не ведал и тогда. Потому что, даже согласно самым перевернутым и путаным легендам, Горбатый не рассказывал о себе ничего. Просто приехал с караваном рабов – но не как раб, а как вольный попутчик, заплативший древнему предшественнику Таркима звонкой монетой. И пошёл к тогдашнему распорядителю Южного Зуба наниматься горщиком-проходчиком. В мешке у него звякали инструменты, и знающий человек даже по этому звяканью мог распознать превосходную сталь. Но распорядитель посмотрел на седую бороду Рудокопа, на его ковыляющую походку, на торчащий горб – и лишь отмахнулся: «Ступай себе, дед!»

Но избавиться от «деда» оказалось непросто. Он покачал головой и вызвал распорядителя на состязание. Ну конечно, не самого – хотя тот, как и нынешний Шаркут, в совершенстве владел всеми рудничными ремёслами, кроме, может, огранки. Горбатый просто предложил ему выбрать двоих самых выносливых рудокопов и пообещал посрамить их, сделав больше, чем они успеют вдвоём. Распорядитель, забавляясь, на состязание согласился...

И был посрамлён – как ему Горбатый и обещал. Неистовый старик разбивал и выламывал камень так, что только брызги летели, а камень был не какой-нибудь крохлый песчаник – чёрный радужник.¹¹ Правители, едва ступившие на трон, спешат заказать его себе для гробницы: доставленную глыбу обтёсывают и шлифуют по двадцать лет – как раз подоспеет ко времени, когда правитель состарится и умрёт!

Так вот, кайло Горбатого его рубило, может, и не совсем так, как колун – сосновые дрова, но похоже. Говорят, распорядитель забыл даже разгневаться на старика, выигравшего у него спор. Тотчас взял на службу, назначил щедрую плату, поставил над рабами-проходчиками...

И скоро о своём решении пожалел. Потому что с того самого дня повелись в руднике чудеса.

Шестеро невольников и седьмой Горбатый, ушедшие в забой добывать из слоистого

¹¹ *Радужник* – лабрадорит, твёрдый камень от тёмно-серого до чёрного цвета, иногда с радужным блеском.

сланца пополам с горным салом,¹² вишнёво-кровяные венисы¹³ не вернулись обратно. Надсмотрщик, нёсший стражу, забеспокоился с большим опозданием – только когда из забоя перестали выкатываться тачки с рудой, а звон и грохот ударов металла по камню сделался подозрительно глухим и далёким. Он схватил факел и пошёл смотреть, но сначала не увидел ничего, кроме тучи пыли – до того плотной, что трудно было понять, где же кончается клубящаяся пыль и начинается камень. Надсмотрщика взяла жуть, но он оказался не робкого десятка и пошёл вперёд ощупью, стараясь поскорей добраться туда, где всё ещё звенели кайла рабов и безошибочно угадывался голос дивной стали, привезённой Горбатым...

...А потом его рука ощутила сплошной сланец с торчащими в нём твёрдыми «ягодами» венисов. Забой кончился. Постепенно осела пыль, и стало видно, что он был пуст – ни души. Горбатый Рудокоп и шестеро невольников подевались неизвестно куда. Когда надсмотрщик прибежал с выпученными глазами к своему старшему и рассказал, что полдюжины горщиков ушли из забоя прямо сквозь твердь, чудесным образом сомкнувшуюся позади – ему не поверили. Решили – напился и с пьяных глаз понёс околесицу...

Но вскоре после того случая в одной пещере, где подневольные каменотёсы устраивали круглое помещение для водяного ворота, их снова собралось ровно шестеро, и через некоторое время к ним присоединился седьмой. Седобородый и с огромным горбом. Вышагнул то ли из тучи раздрающей лёгкие пыли, то ли прямо из толщи стены... «Я вас научу, – сказал он оторопевшим невольникам, – как надо правильно камень рубить!» И научил. Расчертил на неровной стене некое подобие двери – и быстро-быстро, так что глаз не поспевал уследить, заработал своим звонким кайлом...

Слухи на приисках распространяются быстро. Быстрее пожара, когда по чьей-то неосторожности загорается жирный камень-огневец. Люди рассказывали: был и ещё случай, когда полдюжину рудокопов дополнил седьмой. И всех увёл за собой. И ещё...

Наживший седые волосы распорядитель люто приказал ни в коем случае не ставить каторжников на одну работу по шестеро...

Это было давно. Последний раз Горбатого видели сто лет назад. Вот только хозяева до сих пор боялись его. И до сих пор, припав ухом к стене, иногда можно было слышать вдали звон певучего кайла, без усталости рубящего камень. И до сих пор невольники правдами-неправдами старались собраться шестеро вместе, а надсмотрщики бдительно следили, чтобы этого не произошло.

А новичкам, кто не сразу верил в Горбатого, показывали Бездонный Колодец. Тот самый, пробитый в чёрном мерцающем радужнике двадцать седьмого нижнего уровня. И кому какое дело, что ход был слишком узким и гладким и никаких глыб здесь явно не выламывали! Все знали – именно тут Рудокоп состязался с проходчиками распорядителя. И победил. И когда он последний раз ударил киркой, всё «чело» забоя рухнуло вперёд, открыв пустоту. Оттого Колодец и назвали Бездонным. Туда Горбатый не позвал с собой никого. Но за сто лет нашлось несколько смелых рабов: отчаявшись дожидаться Горбатого, они сами отправлялись искать его в Бездонный Колодец. Обратно не пришёл ни один.

Что с ними случилось, не знали ни каторжники, ни надсмотрщики. Храбрецов, готовых сунуться в Колодец просто ради того, чтобы посмотреть, куда он ведёт, что-то не находилось. Но завет, передаваемый и хранимый поколениями рабов, гласил: Бездонным Колодцем можно выйти на волю. Откуда пошёл такой сказ, теперь никто не мог объяснить. Лишь поговаривали, что дыма без огня не бывает. Называли даже имена могучих людей, сумевших пройти путём Рудокопа.

Мономатанец Рамаура по кличке Шесть Пальцев.

Кракелей Безносый из Халисуна.

¹² *Горное сало* – минерал тальк.

¹³ *Вениса* – старинное название граната.

И Лигирий Умник, аррант.

«Ложная надежда – это плохо! —
Учит нас прославленный мудрец. —
Если сил осталось на два вдоха
И куда сильнее чужой боец,

Если видишь сам, что дело худо
И уже удачу не догнать —
Надо ли надеяться на чудо?
Лучше поражение признать...»

Но тогда как быть, коль самый-самый
Врач, к кому явился ты на суд,
Разведёт беспомощно руками:
«Тут и Боги жизни не спасут!»

Это значит – воспринять как благо
Темноту – и ждать своей судьбы,
Позабыв про гордость и отвагу,
Не пытаясь взвиться на дыбы?..

Ну уж нет! По древнему закону,
Что ещё никем не отменён, —
Кто себя признает побеждённым,
Только тот и правда побеждён.

5. Кремнёвый дикарь

Прав был Дистен-Должник, причисливший Щенка к живучей породе. Во всяком случае, упрям парнишка был страшно. Спустя несколько дней, когда Гвалиору снова пришла очередь стоять на мостках у отвалов, он убедился: Щенок в самом деле таскал увесистую тележку один. И, что самое удивительное, пупок себе покамест не надорвал. Только щёки провалились уже окончательно, потому что ездки, которые он успевал совершить, записывались на двоих – ему и отвергнутому им напарнику.

Гвалиор остановил его.

– Ты, венн, всё-таки дурень. Ты, наверное, хочешь поскорей сдохнуть?

Щенок ответил:

– Нет. Не хочу.

Обломки пустой породы с грохотом ссыпались вниз по деревянному жёлобу, обитому медным листом. Щенок тяжело переводил дух. Сквозь драное тряпье было видно, как ходят у него рёбра. По рёбрам тянулся вспухший красный рубец.

– Тогда почему с Аргилой не работаешь?

– Он сегван.

– Тебе-то чем сегваны не угодили?

Молчание.

«Во имя священного меча первого Лаура, и какого рожна я с ним цацкаюсь!»

– А кнутом за что получил?

Венн посмотрел на рдарцу прямо в глаза.

– За то, что не сказал «господин».

– Хватит языком болтать! – рявкнул Гвалиор. – Работай иди!

Маленький подбиральщик Аргила поначалу всё ходил за Щенком, пытался помочь ему с тележкой, но угрюмый венн его прогонял. Отчаявшись, Аргила снова принялся перебирать и просеивать мусор, вывезенный из штольни. Он шмыгал носом и утирал сопли грязным оборванным рукавом. Сегодня ему не везло.

Вельможи халисунской столицы, где довелось вырасти Каттаю, гордились своими конями. Само слово «вельможа» по-халисунски звучало как «харрай» – «всадник». Знатные мужи страны были потомками доблестных воинов, тех, что годами не покидали седла, обороняя селения от врагов и завоёвывая новые земли. Конечно, те времена давно миновали. Видавшие виды кольчуги сменились золотыми нарядами, а в боевой плети стали ценить слоновую кость резной рукояти и ювелирную выделку шара, более не предназначенного сокрушать вражьи шлемы и черепа. Уже два века назад, во дни Последней войны, Гарната-кат был спасён яростью рабов, а вовсе не подвигами знатных воителей... Однако по сей день никто и слушать не стал бы военачальника, если он не принадлежал к роду харраев. И вовсе разорившимся и потерявшим честь считали вельможу, если он не мог больше содержать боевых коней-харов для себя и для мужчин своего рода.

Считалось, что знатному человеку не по достоинству идти в гости или по делу пешком, – даже в пределах своей собственной Сотни. Славных коней покупали за огромные деньги, их получали в наследство и выменивали, отдавая десятки рабов. Особенно ценились горбоносые скакуны, доставляемые из-за моря, из страны Шо-Ситайн. Какой бы масти ни был такой конь, его шерсть обязательно отсвечивала золотом – ибо в начале времён шо-ситайнские Боги создали его из южного ветра, напоённого солнцем.

Родство с ветром всего лучше чувствовалось на праздничных ристалищах. На обширном загородном лугу, где могучие хары летели во весь опор под маленькими цепкими всадниками в ярких коротких плащах. И гулкая земля звенела под копытами, словно тугой барабан...

Мохнатый буланый конёк, за чью пышную гриву крепко держался Каттай, ни за что не догнал бы, наверное, на скаковом кругу тех стремительных великолепных красавцев. Но и они, надо думать, сейчас же простудились и умерли бы в Самоцветных горах. Если ещё по дороге сюда не переломали бы тонких ног, сорвавшись с ненадёжной тропы...

Второй конёк, следовавший за верховым, вёз на своей спине тяжёлый, объёмистый вьюк. Буланую лошадку вёл под уздцы крепкий подросток в хороших сапожках и меховой курточке. Волчонок. Господин Церагат, забравший парня с общих работ возле отвалов, взял его в обучение. Ученик оказался способным. Кнута и серьги-«ходачихи» он пока ещё не получил, но старший назиратель хвалил его и даже иногда ставил присматривать за другими рабами. Теперь молодой венн был добротнo одет и ел досыта, и горный мороз лишь разрумянивал его, а не пробирал мучительной дрожью, вытягивая последние силы. Каттай сидел на седле перед Шаркутом и жадно смотрел по сторонам.

Сколько хватал глаз, вблизи и вдали вырастали один из-за другого, вздымаясь, величественные хребты. Немыслимо далеко угадывались вершины, рядом с которыми сам Большой Зуб сошёл бы за невысокий холмик предгорий. Ни зверь, ни человек никогда не поднимались в это царство смерти и льда... А небо над сплетениями хребтов было не голубым, как дома, а густо-синим с отчётливой фиолетовой тенью. И невыносимо яркое солнце плыло в нём не в ореоле золотого сияния, а как бы само по себе – одиноким огненным шаром, чей пламень горел в синей черноте, не озаряя её...

– Войдёшь в Сокровищницу – поменьше глазей, – ворчливо наставлял распорядитель. – И руки ни к чему не тяни. Не то их тебе сперва отсекут, а потом уже разберутся, чего ради ты ими камни-то лапал!..

Когда под копытами буланого конька перестал хрустеть снег, Каттай оторвался от созерцания дальних кряжей и стал смотреть на дорогу.

Шаркут вёз его туда, куда не смела сунуться вечная зима окружающих гор, – в Долину. Ту самую, чьи зелёные сады Щенок показывал Каттаю, стараясь не лязгать зубами на

холодном ветру. Почему-то Каттай ожидал, что им вот-вот встретится многочисленная и очень придиричивая стража, но увидел всего двух человек. Они играли в кости под навесом возле края дороги, прислонив копыя к стене. Они поприветствовали Шаркута, как давнего знакомого, и вновь вернулись к игре. Только позже Каттай сообразил – а от кого было ставить стражу Хозяевам? Племена известных своей свирепостью горцев обитали очень далеко. И в эту сторону никогда не совались, считая три Зуба проклятым местом. Долину сплошным кольцом окружали высоченные стены скал, а единственную дорогу, по которой можно было проехать, надёжно перекрывал рудник...

– Господин Шаркут, – подал голос Волчонок, – а мне можно будет Сокровищницу посмотреть?

Распорядитель строго покосился через плечо.

– А ты за лошадьми будешь присматривать, чтобы они по куче перед дверью не наложили!

– Да будет по твоему слову, господин мой, – отозвался Волчонок. Ему, сыну свободного племени, слово «господин» когда-то жгло язык так же, как и Щенку. Но того никакие побои до сих пор не вынудили поставить словесную печать на своём рабстве. А Волчонок – ничего, свыкся. Вряд ли невольничья доля станет для него чем-то самим собой разумеющимся, как для Каттая. Однако выгоды из неё извлекать он обучился вполне. Вот и теперь он выговорил формулу покорности настолько смиренно, что Шаркут немного смягчился.

– Ну... может, позволю камень до порога нести. Там посмотрим.

– Спасибо, господин мой!

Долина открылась внезапно. Из-за скалы потянуло навстречу тёплым ветром, и у Каттая слегка закружилась голова: он только тут понял, как давно не дышал ароматами живой земли и влажных, роскошно зеленеющих листьев. Он и вонь-то рудничную почти перестал замечать, чувствовал её, только возвращаясь снаружи... Он даже испугался, как бы не показаться могущественным Хозяевам пропитанным этой самой вонью, но тут они обогнули скалу, и он увидел Долину.

Почему-то после памятного созерцания сквозь расщелину он представлял её себе ровным травяным полем, на котором там и сям стоят окружённые садами дворцы. Ничего подобного! Долина была почти круглой, поперечником в несколько поприщ, и все эти поприща состояли из довольно крутых холмов, выглядевших, точно пузыри на чём-то густом и кипящем. Пузыри давным-давно застыли и обросли пышным лесом. Здешний лес имел весьма мало общего и с листовыми рощами западного Халисуна, где вырос Каттай, и с хвойными дёбрами родины Волчонка, и с древним Лесом, окраину которого им довелось повидать. Здесь всё было невероятно, просто вызывающе роскошным. Уж если папоротник – так в два человеческих роста, если цветок – так с суповую миску величиной!.. Вот что делают влага и тепло, идущее прямо из-под земли... По мнению Каттая, примерно так должны были выглядеть Праведные Небеса. Волчонок сразу расстегнул меховую куртку, потом снял её совсем и бросил на спину лошади поверх кожаного вьюка. Кровли жилищ, покрытые красным и розовым сланцем, выделялись небольшими яркими островками. Каттай начал гадать, который же из этих домов окажется Сокровищницей. Однако Шаркут сразу направился к холму посередине Долины. Этот холм стоял несколько особняком от других и отличался ещё и тем, что был совсем голым. Когда подъехали ближе, в склоне холма обнаружилась дверь и возле двери – привратник. «Значит, Хозяева судили драгоценным самоцветам храниться там, где им, волею Лунного Неба, от века положено!» – догадался Каттай.

Шаркут спустил его наземь с седла, и распорядитель с привратником прошли внутрь, а они с Волчонком остались снаружи. За конями, кстати, в самом деле оказалось необходимо присматривать. По обе стороны двери в стенах были устроены ниши. Оттуда тянулись цепи с приделанными к ним прочными ошейниками. Цепи удерживали на привязи двух великолепных зверей – громадных, белых, словно иней под солнцем, снежных котов. Один

из них, ко всему уже безразличный, лежал отвернувшись, и даже роскошная шуба не могла скрыть выпирающих рёбер. Возле самого носа зверя стояла миска еды. Нетронутое мясо сплошь облепили мухи. Другого кота, видимо, поймали недавно. Он беззвучно скалился на людей, выпуская и втягивая длинные когти. Но бросаться не пробовал, видно, цепь успела кое-чему научить. Его миска тоже стояла нетронутая. Каттаю доводилось слышать кое-что о снежных котах. Пленённые, они либо отказывались от воды и пищи и умирали, либо срывались-таки с цепи – и уж тут пощады не приходилось ждать никому. «Я выпустил бы вас, если бы мог... – отдалось в ушах мальчика сказанное некогда одним пожилым гончаром. – Я выпустил бы вас, если бы мог...»

Лошадям не нравилось соседство с грозными хищниками, они беспокойно косились, переступали и рады были бы немедленно убежать.

– Как думаешь, мы увидим кого-нибудь из Хозяев?.. – шёпотом спросил Волчонок. И, пока юный халисунец обдумывал, привлечёт ли найденный им камень внимание столь важных господ, – ещё раз огляделся кругом и сказал: – Доброе место, эта Долина! Я бы всё отдал, чтобы здесь жить...

«А немногого оно нынче стоит, твоё „всё“, – невольно подумал Каттай. – У тебя же ничего нет. Даже сапоги на ногах – и те не твои. Ты и сам себе не принадлежишь! Если бы некий Бог вот сейчас предложил тебе заплатить, что бы ты ему отдал?.. – И ответил сам себе: – Разве только нечто отобранное у других...»

– А ты бы хотел жить здесь? – блестя глазами, спросил Волчонок.

Каттай мотнул головой:

– Нет!

И лишь мгновение спустя осознал, что **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** не хотел бы, получив свободу, выстроить здесь себе дом. Хуже того: он дал бы голову на отсечение, споря с Волчонком, назвавшим Долину **ДОБРЫМ** местом. «Как же так, почему?» Вечное тепло, дивный цветущий лес, по которому так славно было бы ездить верхом на маленькой послушной лошадке?.. Ой, нет! Не гулять по песчаным тропинкам – во весь опор мчаться прочь, как можно дальше отсюда... Он поймал себя на том, что сжимается и втягивает голову в плечи, словно в присутствии неясной, но огромной опасности. «Да почему же?!» Каттай был уверен, что святотатствует, но всё-таки напряг своё особое чувство, непрошенный дар Лунного Неба...

...И то, что он ощутил в недрах здешней земли, его ужаснуло.

Он вспомнил сказанное Щенком: *Если Боги моего народа не совсем ещё забыли о справедливости, пусть эта Долина однажды провалится в самую утробу земли...* О нет! Каковы бы ни были Боги, снискавшие поклонение веннского племени, – ни о чём Они не забыли... И поистине страшной грозила оказаться Их справедливость...

Когда тяжёлая дверь Сокровищницы раскрылась у него за спиной, Каттай даже вздрогнул.

– Пошли! – сказал Шаркут. Волчонок шагнул было, но распорядитель лишь дёрнул бородой: – Останешься здесь!

– Да сбудется по желанию и слову моего господина...

Внутри, как и следовало ожидать, Сокровищница оказалась величественна и громадна. Каттай, правда, так и не понял, была ли то природная пещера внутри холма-«пузыря» или же каменотёсы древности, вырубившие её, так искусно придали ей естественный вид. Подземная полость состояла из множества объёмов, разграниченных глыбами и колоннами; неровные, невыглаженные, но очень удобные тропки вились вдоль стен, сходясь, расходясь и опоясывая неправильные очертания залов. Никаких факелов или фонариков Каттай не заметил. Свет проникал сверху – дневной свет, собранный в тонкие яркие лучики. Отражённый, преломлённый умело поставленными и спрятанными зеркалами, он веерами расходился из-под потолка и медленно двигался по стенам, переползая с самоцвета на самоцвет.

Ах, что за камни были здесь собраны!..

Казалось, все недра Самоцветных гор вывернулись наизнанку лишь затем, чтобы украсить Сокровищницу. Внутренность каждого закоулка напоминала богатейший, немислимо щедрый забой. Только не было здесь вонючих каторжников, низведённых судьбой до полуживотного состояния. Не орали, не матерились надсмотрщики, не свистели кнуты... Не чадило в спёртом воздухе коптящее масляное пламя. Камни представляли в сиянии и тишине.

...Чистейший рубин не меньше мужского кулака величиной. Тщательно огранённый, он сиял тревожно-алым огнём в зелёном, как бархатный лесной мох, скальном гнезде. Вглядись в его глубину – и отступит тоска, вернутся утраченные силы, по-новому застучит сердце, наполняясь безудержной беспощадностью...

...Топаз, золотой, словно осенний лес под спокойным безоблачным небом... словно выдержанное халисунское вино, которое пьют не спеша, ибо оно настраивает на размышление о вечном... Камень громаден, силуэт его чем-то напоминает человека, сидящего на земле в позе мудрого созерцания. Пусть Боги, Которым мы поклоняемся, позволят нам когда-нибудь стать подобными этому каменному мудрецу. Так же, как он, усмирить в себе опасные страсти, неверность и гнев и принимать любое мгновение жизни с безмятежностью и блаженством...

Некоторые самоцветы Каттай узнавал, о других ему вполголоса рассказывал Шаркут. Каттай старался запомнить каждое слово, понимая, что другой поездки в Сокровищницу может и не случиться...

Потом мальчик заметил, что в подземелье шла своя особая жизнь. Где-то слышались приглушённые голоса, то тут, то там на дорожке попадались слуги в опрятных белых передниках. У них были в руках ведёрки и тряпки – для того, чтобы дивные камни радовали глаз своей вечной игрой, Сокровищнице требовался уход. Чистка от пыли была необходима неприступным алмазам, чьи россыпи Каттай успел заметить вдали, там, где из-под высоко вознесённого потолка падал целый сноп ярких лучей...

Каттай и Шаркут перешли по деревянному мостику глубокий, дышащий холодными брызгами поток, без которого Сокровищница была бы поистине не совершенна. Тут Каттай неожиданно увидел, как двое рабов, засучив повыше портки, извлекали из бегущей воды широкое деревянное решето. Выглядело оно так, словно часто и подолгу находилось в воде. За рабами пристально наблюдал седобородый старик с посохом, чем-то напомнивший Каттаю мастера Каломина. Когда же солнечный свет коснулся того, что покоилось в решете, мальчику показалось, будто у ручья вспыхнуло пламя.

– Господин Шаркут!.. – испугался он. – Что это?..

На ум ему успели явиться мысли о грозной справедливости далёких венских Богов: а что, если она уже начала совершаться?..

– А-а, заметил! – Распорядитель даже свернул с дорожки, по которой они шли, и приблизился к рабам. Те с видимой натугой переносили тяжёлый камень прочь от ручья, чтобы поставить на место. – Это огнистый опал, по-нашему – Пламя Недр. Слава Южного Зуба... – Почесал бороду и добавил с видимым сожалением: – Бывшая слава...

– Почему? – удивился Каттай.

– Потому, что залежи огнистых опалов иссякли. Три года назад. А ведь ради них двадцать девятый уровень начали, самый нижний...

– Иссякли, как... тот изумрудный забой, куда ты водил меня, господин?..

– Нет, не так. Зеница Листвы исчезла вместе с гранитом, в котором её находили. А здесь – порода осталась, но самоцветов в ней больше нет.

Каттай набрался решимости:

– Не объяснит ли мой господин, почему Пламя Недр отмачивают в ручье? Ведь Пламя... и вода...

На его родине огонь возле воды не только не разводили, но даже не упоминали, чтобы не оскорбить ни одну из стихий.

Шаркут был не особенно словоохотлив, но за него неожиданно ответил старик:

– Ты, маленький лозоходец, может быть, вправду видишь скалы насквозь, но рудословию ты совсем не обучен. Это плохо. Значит, ты не умеешь правильно истолковать внятное твоему духовному оку. Надо бы тебе посидеть в мастерских гранильщиков и послушать, о чём они толкуют за верстаками!

– О бабах и выпивке, – хмыкнул Шаркут.

Старик, похоже, знал его слишком хорошо, чтобы препираться. Он лишь отмахнулся и продолжал:

– Там тебе расскажут: есть камни и камни. Есть такие, которые ничем не пронять. Вот алмаз: бросай его на наковальню, бей сколько хочешь молотом, сломай то и другое – а его и не поцарапаешь. Жги его пламенем, трави самыми едкими зельями – он даже не потемнеет! Лозоходцам из рабов, которые открывали алмазные залежи, в старину давали свободу. Есть и другие камни, почти столь же совершенные: рубин, сапфир...

– Сапфир?

– Это синий камень, он как небо. Его у нас не добывают, ну да не о нём речь. Я про то, что есть самоцветы, которым нужен уход. Видел ты когда-нибудь бирюзу?

«...Или встретишь другого, кто согласится тебя вразумить», – вспомнил Каттай. А вдруг этот словоохотливый и наделённый мудростью старец позволит называть его сэднику?..

– Говорят, бирюза – это претворённые в земле кости умерших от любви. Любовь прихотлива, оттого бирюза – камень привередливый. Она темнеет и портится от масла, которым мы заправляем светильники, но делается красивой и блестящей от животного жира и крови. Поэтому воины и охотники любят вделывать её в рукояти кинжалов. Вот так и опал, разлучённый с недрами, где вырос, порою начинает болеть. У несведущих людей он тускнеет и теряет всю красоту. Малосведущие опускают опал в воду, но тем самым зачастую только портят его, ибо не ведают, какой должна быть вода. Благородное Пламя Недр оживает лишь в чистейших, прозрачайших горных ручьях, а от скверной либо неподходящей влаги может даже переменить цвет...

У старика висела в морщинистой мочке уха такая же «ходачиха», как у Каттая. Но не серебряная, а – с ума сойти! – из чистого золота. Вот такой раб. Это был сам Хранитель Сокровищницы, о котором ещё на руднике говорил Каттаю Шаркут. Как выразился распорядитель, старый невольник обитал здесь ВСЕГДА. И, сколько помнил его Шаркут, был всё таким же согбенным и седобородым. Время, казалось, проходило мимо него, как миновало оно самоцветы, с давних пор заменившие ему и семью, и друзей. Раб, не имевший права распорядиться собою самим, распоряжался чудовищными богатствами, которые не каждый из владык этого мира удостоен был созерцать, и сами Хозяева никогда не перечили его воле. По его слову устанавливались на лишь им предназначенные места камни, вновь привезённые из копей, а прежнее собрание меняло свой облик, обустроиваясь по-иному, и новый порядок расположения камней неизменно оказывался краше былого. Сокровищницу учредили деды нынешних Хозяев, и другого Хранителя у неё не было никогда. Притом поговаривали, будто гадание о её судьбе принесло однажды ответ: «...И не будет». Тут впору задуматься, а не был ли вечный старец в родстве с Белым Каменотёсом и с самим Горбатым Рудокопом, создателем Бездонного Колодца!..

– Здесь, в Сокровищнице, живут особые камни, – продолжал Хранитель. – Каждый из них – лучший в своём роду. Поэтому у каждого есть своё имя. Вот «Гурцат Великий». Там, за колонной, – «Осень мудрости». А этот, – старик любовно погладил сияющий внутренним пламенем бок опаловой глыбы, и Каттай невольно испугался, как бы знаток самоцветов не обжёг себе руку, – называется «Мельсина в огне». Ему нет равных!

– Ему нет равных... – повторил Каттай зачарованно.

Хранитель нахмурился и ворчливо повернулся к Шаркуту.

– Ну а ты что мне принёс? Небось золотой самородок, который на поверку окажется

обманкой, золотом дураков? ¹⁴ Или какой-нибудь никчёмный булыжник, где чешуйки слюды тебе показались Звёздами Бездны?.. Что ж, мы тут как раз пол взялись чинить, нам всякая каменюка сгодится...

Распорядитель опустил к ногам старца тяжёлый меховой свёрток, с величайшим бережением привезённый в конском выюке. Не спеша расстегнул ремни и раскрыл толстую, густую овчину.

– Смотри сам, дед.

Он был опытен и сложил свою ношу не абы куда. В это место падал с потолка солнечный луч – многократно отражённый и оттого ставший мягким, рассеянным. У Каттай отчаянно заколотилось сердце. Здесь, в Сокровищнице, он только что насмотрелся чудес, по сравнению с которыми его собственная находка уже казалась незначительной, серенькой и невзрачной. В самом деле – только на починку пола пустить...

Между тем внутри овчины обнаружился кусок блестяще-синего шёлка. И в этом шелку лежал не очень большой – со среднюю дыню – продолговатый валунок льда. Отполированный и идеально прозрачный. Лёд, застывший столь давно и столь крепко, что ни жар солнца, ни – подавно – тепло человеческих рук уже не могли его отогреть. О том, что эта вода была когда-то живой и текучей, напоминали только замороженные внутри кочки земли, поросшие заиндевевшей травой. Казалось – колоски и траву в хрустальной глубине до сих пор оведал неосязаемый ветер...

– Кремнёвый дикарь!..¹⁵ – с законной гордостью проговорил Шаркут. Хотя, конечно, Хранителю никаких пояснений не требовалось.

Старик разгладил бороду и, не отрывая взгляда от камня, только спросил:

– Твой мальчишка нашёл, я полагаю?.. То-то ты его сюда и привёл?

– А знаешь, где нашёл-то? – довольный тем, как Хранитель воспринял подношение, засмеялся Шаркут. – Нипочём не догадаешься. В стенке штольни, возле самых ворот. Камень как камень, лежал себе и лежал! Добрых пять лет на него крепь опиралась. А мой малявка пристал – стукни да стукни. Я стукнул, корку отбил, потом рукавом протёр – и аж глаза заслезилась!.. Красавец, а? Этот малый, как подрастёт, чего доброго, сам Истовик-камень сыщёт...

В его голосе звучала почти отеческая гордость за своего лозоходца.

– Не упоминал бы ты всуе... – неодобрительно буркнул Хранитель.

И в это время Каттай учуял запах. Несильный, но явственный. Запах сразу ему не понравился. Зачарованный великолепием Сокровищницы, он успел было отвлечься от чёрной жути, накотившей на него снаружи, но тут ощущение вернулось сразу и прочно. «Почему, во имя Лунного Неба?..» Запах вроде бы даже не нёс в себе ничего особо пугающего – ни разложения, ни крови. Так могло бы пахнуть сдобное печенье, забытое и завалившееся в коробке. Беда только – ни к какому печенью этот сладковато-затхлый душок касательства не имел. Было в нём что-то... Каттай бы не взялся толком сказать... неестественное, неправильное. НЕХОРОШЕЕ...

Ему сразу захотелось зажать пальцами нос, а лучше вообще не вдыхать, пока они с Шаркутом не выберутся наружу. Тем не менее мальчик сперва оглянулся, а потом даже сделал шаг в сторону – посмотреть, откуда же пахнет и что там такое. Это была дерзость, конечно, непростительная, и он сразу вернулся. По счастью, старик и распорядитель, занятые кремнёвым дикарём (который Каттай, зная, что поименовать камень ему никто не позволит, всё же именовал про себя «Степное предзимье»), не обратили на короткую отлучку раба никакого внимания. А может, и запаха не учуяли, ибо давно привыкли к нему.

¹⁴ *Золото дураков* – минерал пирит, железный колчедан. Кристаллы пирита обладают латунно-жёлтым металлическим блеском, поэтому неопытные старатели часто принимают его за золотую руду.

¹⁵ *Кремнёвый дикарь* – горный хрусталь.

За извитыми и складчатыми, точно обвисшие знамёна, колоннами Каттай увидел огромную глыбу. Цельный занорыш, вырубленный в руднике и притащенный сюда невероятными, должно быть, трудами. Уж верно, не обошлось без погибших невольников, как дома, в Гарната-кате, когда очередному вельможе доставлялось его Посмертное Тело... Каменотёсы проделали в глыбе дверь со ступеньками, и хитроумно направленные лучи (не то запрятанные светильники, поди разбери) заставляли кристаллы вареника,¹⁶ крупно выстилавшие занорыш, сиять мрачным багрово-фиолетовым светом. А посередине было устроено ложе. И на этом ложе, всё громче постанывая то ли от муки, то ли от наслаждения, ворочалась обнажённая женщина. Не особенно молодая, совсем не стройная и не очень красивая. И с нею был мужчина. Раб. Грязный, косматый рудокоп из забоя, прикованный цепью к стене. За ним, поигрывая в руке кнутом, наблюдал дюжий надсмотрщик. Очень скоро раба предадут мучительной смерти, по прихоти Хозяйки возрождая легенду о древней царице, казнившей мужчин после ночи любви. Пока же она извивалась в бесстыдном приступе страсти, и на рыхлом бледном теле переливались драгоценности, перед которыми всё праздничное убранство государыни шулхаддаты показались бы горстью побрякушек из захудалой лавчонки...

И надо всем этим плыл, завиваясь из маленькой курильницы, гнилостно-сладкий дымок. Угрюмое свечение камней и его окрашивало зловещим пурпуром...

– ...Я так прямо на шёлке бы и оставил, – убеждал Хранителя Шаркут.

– Ну да. Ты ещё овчинку подстели, чтобы ему лежалось помягче...

Когда они садились на отдохнувших коней, собираясь в обратный путь, негаданно подсмотренное в Сокровищнице продолжало висеть перед внутренним взором Каттая. Однако вместе с холодным ветром за пределами Долины явились иные, более важные мысли, и примерно посередине дороги мальчик отважился спросить:

– Не прогневается ли великодушный и милостивый господин мой, если ничтожный раб попросит его растолковать одну малость?..

– Спрашивай, – разрешил Шаркут. Каттай удачно выбрал время: властелин и гроза Южного Зуба пребывал в самом добром расположении духа.

– Господин мой, правда ли то, что сказал почтенный Хранитель? О том, что рабу, отыскавшему россыпь Звёзд Бездны, в старину давали свободу?..

– Правда. Только при мне подобного уже не случалось.

– Господин мой... А что, если бы некий раб вновь нашёл под Южным Зубом жилу Пламени Недр?..

Шаркут некоторое время раздумывал, покачиваясь в седле в такт шагу буланого. Волчонок, ехавший сзади, внимательно прислушивался к их разговору.

– Я думаю, – сказал наконец распорядитель, – для такого раба наградой была бы по крайней мере половина выкупа на свободу. Только у кого же получится то, что не удалось никому?..

В этот день на руднике Южного Зуба произошло ещё одно событие. Оно было не очень значительным в истории прииска. Куда такой мелочи против бунта каторжан или убийства надсмотрщика! Всего-то стычка между рабами, да и те были – смех сказать, подростки, таскавшие в отвал тележки с пустой породой. Этот случай не породил не то что легенд – даже и пересудов. Хотя для одного из рабов он кончился смертью, а у другого – направил в иное русло судьбу.

Считалой возле деревянной воронки нынче стоял надсмотрщик Бичета. Он тоже беспристрастно вёл свои записи, но большинство мальчишек его недолюбливало. Только несколькими самым взрослым, сильным и наглым он был по душе. Когда привозили еду,

¹⁶ *Вареник* – красно-фиолетовый аметист.

Бичету всего менее заботило её справедливое распределение. Ещё не хватало возиться! Поскорей вывернуть всю корзину прямо на землю – расхватывай, кто сколько успеет...

Тут уж вступал в силу закон, неизбежно возникающий на любой каторге – под какими небесами и в каком летосчислении она бы ни находилась: «Сдохни ты сегодня, а я завтра!» Сильные становились сильнее. Слабые – ещё больше слабели.

По первости, когда Гвалиор поставил подбиральщика Аргилу в напарники со Щенком, маленького сегвана не трогали даже самые отъявленные наглыши. Все помнили свирепую драку двух веннов, начавшуюся из-за Аргилы. Все видели, какие тележки в одиночку таскал упрямый Щенок. Он не был задирой и целыми днями молчал, но связываться с ним ни у кого охоты не возникало.

Потом те, кто присматривался, заметили: сопливец-сегван никаким особым расположением Щенка, оказывается, не пользовался. Венн мимо него проходил, как мимо пустого места, не глядя. Кто-то решил – это оттого, что из-за него довелось рассориться с соплеменником. Другие подслушали разговор Щенка с Гвалиором: «Почему с Аргилой не работаешь?» – «Он сегван!..» А один парень, пятнадцатилетний уроженец Северного Нарлака, запоздало припомнил рассказанное когда-то Волчонком: «На них прошлой весной морские сегваны напали, весь род до смерти перебили...»

Этот парень – звали его Сфенгар – не отличался великим умом. Зато у него всю росли усы, и кормёжка в стражу Бичеты была для него сущее удовольствие, случай наесться почти досыта. Обобранные редко отваживались противиться. А когда всё же отваживались – он их легко вразумлял.

В его родной стране, Нарлаке, был край, именуемый Змеевым Следом. Теми местами всякий год – да не по одному разу – проносились жуткие смерчи, поднимавшиеся из моря. Крутящиеся хоботы ломали деревья, опрокидывали скалы, изменяли течение рек. Оттого внутри Змеева Следа не было ни городов, ни деревень. Зато там мыли золото, встречавшееся в покинутых руслах, – жестокие бури переворачивали землю, точно целые орды землекопов с лопатами, и тот, кому сопутствовало везение, вполне мог в одночасье разбогатеть. Сбежавший из дому мальчишка примкнул было к одной бродячей артели охотников за золотом, но не столько работал или помогал, сколько втихаря таскал у других намытый песок. Попавшись наконец, Сфенгар был крепко избит и выгнан с пожеланием затеряться в Проклятых Снегах. Так оно с ним, собственно, и произошло. Он пристал к разбойникам, грабившим вольных старателей... и вместе с ними угодил в руки воинам, присланным одним из государей Северного Нарлака. Молодой полководец Альпин известен был тем, что с душегубами не церемонился. Главаря удавили петлёй и зарыли прямо на месте, а остальную шайку продали в рабство. Кого куда. В том числе и в Самоцветные горы.

Здесь Сфенгар увидел, как иные его сверстники становились надсмотрщиками. Ему тоже захотелось ходить с кнутом и в крепкой одежде, а не в дырявом рванье. Беда только, господин Церагат, почему-то сразу отличивший Волчонка, на него никакого внимания не обращал.

Что ж, были другие способы насладиться силой и властью! Сопляка Аргилу, попытавшегося сунуться за рыбёшкой, отшвырнул прочь меткий пинок. Когда же подбиральщик поднялся и опять было полез в общую давку, его остановил сжатый кулак молодого нарлака. Бить даже не пришлось – хватило и зрелища. Былой воришка держал в другой руке сразу три рыбки.

– Проголодался?.. – ласково спросил он Аргилу. И помахал своей добычей у него перед носом: – Всем здесь хорошо, только хорошеньких девочек что-то я давненько не видел... Ну так как? Понял? Будешь моей хорошенькой девочкой?..

Маленький сегван отчаянно замотал головой и попятился. Потом остановился. В животе у него от голода звенело, точно в пустом котелке, по которому ударили камнем. Он видел других невольников – как правило, молодых и пригожих, которые становились «девочками». Это были самые униженные создания, рабы рабов, потерявшие даже своё последнее право – привилегию называться мужчинами. «Девочки» вызывали у него жалость

и отвращение пополам с ужасом, они казались чем-то непоправимо замаранными... Но... их некоторым образом ценили и оберегали... с ними делились едой...

От этого было только страшнее, как будто люди, больные смертельной болезнью, получали от неё выгоду и удовольствие.

Аргила заплакал, не в состоянии ни податься навстречу, ни уже окончательно повернуться и убежать. Костлявые рыбёшки, в которых обычный едок уловил бы и плесень, и весьма скверный посол, в этот миг были для несчастного подбиральщика олицетворением всего самого вкусного и спасительно-сытного. Что в конце концов победило бы – отвращение или голод?.. Это осталось неизвестным. Судьба, до сих пор не слишком-то милосердная к маленькому сегвану, неожиданно расщедрилась и избавила его от тягостного решения.

– Ну? – Сфенгар снова помахал рыбёшками и сам сделал шаг к своей жертве. – Пойдёшь со мной, мой хорошенький? Уж я тебя не обижу...

Рядом с ним стояли трое его ближних друзей – конечно, тоже нарлаки, ибо на руднике всякий искал себе земляков. Друзья выглядели такими же мордастыми, как их предводитель. Они слышали краем уха, будто где-то на приисках были невольники, которые никогда не работали сами. Дневной урок за них выполняли другие, боявшиеся умереть ночью от удара цепью по голове или от гвоздя, вбитого в ухо. «Вселяющие страх» и в неволе жили неплохо... Когда-нибудь они четверо тоже станут такими! Даром, что ли, уже теперь надсмотрщик Бичета смотрел на них благосклонно и даже не думал вступаться за мальчишку-сегвана. А что ему? Если невольники запуганы и забиты – только легче службу нести...

В это время из ворот штольни появился Щенок. Тридцать вторая тележка, означавшая право передохнуть и поесть, далась ему нелегко. Он опоздал к раздаче и теперь устало бежал по заснеженной дороге – удастся ли схватить хоть что-нибудь, хоть отлетевшую рыбью голову? Или, если повезёт, заметить целую рыбку, кем-то оброненную в толкотне?..

Со дня драки с Волчонком Аргилу он старательно не замечал. Но никуда тут не денешься, это закон: если поклялся кого-то или что-то не замечать, на самом деле только за ним и следишь. Щенок сразу увидел происходившее между мальчишками. Его никто не просил вмешиваться, ему не было дела до невезучего сына ненавистного племени... Он подошёл к Сфенгару сзади и сгрёб его за плечо.

До сих пор они ни разу не сталкивались. Сфенгар не трогал Щенка и не пытался его задирать, предостерегаемый, вероятно, неким безошибочным животным чутьём. Ну а венн с самого начала держался особняком.

И вот теперь – сошлись. Из-за чего же? Из-за ничтожного, грязного, маленького сегвана. До которого Щенку, как он сам заявил, не было ни малейшего дела. Однако Сфенгару показалось, будто на плече у него сомкнулись клещи. Мальчишка-венн был тощим, но крепким и жилистым – иначе надселся бы за своей полуторной тележкой уже давно. Сфенгару потребовалось усилие, чтобы его отшвырнуть, не выронив при этом рыбёшек, зажатых в кулаке.

– Не лезь не в своё дело, сын потаскухи!

Рабы в каменоломнях принадлежали к самым разным народам. Поэтому каждый, кто не был совсем уж безнадежно глуп от природы, через некоторое время научался худо-бедно изъясняться на нескольких языках. И первыми чужими словами, которые постигал невольник, были, естественно, бранные. Сфенгар выругался на родном языке. Обычной нарлакской речью Щенок ещё не владел. Но ругательство понял прекрасно.

Он упал, сбитый с ног, и трое друзей-нарлаков сразу подскочили к нему, осыпая пинками. Всё же он сумел как-то подняться и отскочить прочь. Сфенгар крикнул ему, потирая плечо:

– Недоносок будет делать, что я ему скажу, ясно? А ты вали отсюда, пока самого девочкой не сделали!..

Щенок ему не ответил ни слова. Грязные космы на его голове были заплетены в две

косы, перевязанные обрывками тряпок. Он сдёрнул эти тряпки, пальцами растрепал косы и пошёл на Сфенгара. На его друзей, ожидавших с любопытством, что будет, он даже не смотрел.

Если бы Сфенгар был поумней, он с самого начала повёл бы себя по-другому. И даже сейчас ещё не поздно было со всех ног броситься к надсмотрщику Бичете: убивают!.. Спаси!..

Но если бы Сфенгар был поумней, он бы давно пребывал, как Волчонок, в учении у господина Церагата. А не стоял здесь, глядя на подходившего к нему венна. И не орал бы, запихивая свою добычу для сохранности за гашник штанов:

– Тоже на коленках приползёшь, чтобы я оставил пожрать!..

Надсмотрщик Бичета почуял неладное раньше него и уже бежал к ним, выхватывая кнут. Но вовремя вмешаться он не успел. Щенок прыгнул вперёд. Драться он умел ненамного лучше других мальчишек, но вот ярости и быстроты ему было не занимать. Сфенгар опоздал защититься: кулак венна своротил ему нос, они вцепились друг в друга и упали уже оба. Рыбёшки вывалились в затоптанный снег и, конечно, были тут же утащены голодной ребятнёй. Молодой нарлак был тяжелей и сильнее, но сразу стряхнуть венна не смог. А потом всё произошло очень быстро, гораздо быстрее, чем можно про то рассказать. Венн улучил мгновение и снова оправдал своё прозвище – укусил Сфенгара за руку и сжал челюсти, точно собака. Нарлак с воплем подхватил с земли булыжник и свободной рукой стал колошматить им Щенка почём попадая. Тот тоже зашарил возле себя по земле, ища какое-никакое оружие, и судьба подсунула ему осколок серого гранита, тяжёлый и острый, словно зубило. Одно движение – и этот камень с размаху ударил Сфенгара прямо в лоб над глазами.

...Раздался влажный треск, от которого у всех, кто слышал, шевельнулись волосы. И голубые, как у многих нарлаков, глаза Сфенгара сразу закатились под лоб, словно желая увидеть, что же это такое произошло. Его руки и ноги ещё трепетали, грудь ещё пыталась вобрать воздух, но зрачки уже угасали, рот раскрылся в последний раз, издал невнятный хрип – и застыл.

Тут Щенка хватил поперёк спины кнут запоздало примчавшегося Бичеты. Ещё, ещё!.. Венн покатился по земле, безуспешно пытаясь заслониться локтями. А потом вдруг... перехватил кнут движением, невозможным для скрученного болью, переставшего что-либо понимать существа. Бичета успел посмотреть венну в глаза – и ощутить мгновенный укол страха, в котором он позже долго не признавался даже себе самому. Мальчишка не защититься пытался – он имел в виду его, Бичету, убить!.. Как убил Сфенгара!.. Но мгновение минуло и прошло: надсмотрщики, стоявшие в воротах штольни, не дремали. Они живо подоспели на помощь Бичете. Щенка немедленно прижали к земле, и кто-то уже сдёргивал с пояса нарочно придуманную снасть для скорого усмирения подобных рабов – две железные полосы с углублениями для рук, смыкавшиеся особым замком.

Немедля послали за господином Церагатом. Когда тот пришёл, работа на отвалах кипела вовсю, словно никакого происшествия не было вовсе. Рабы бегом таскали тележки и тачки, подбиральщики молча рылись в кучах породы, битый камень с грохотом скатывался из воронки в деревянные желоба. Только лежало у заиндевелой скальной стены тело Сфенгара, так и не ставшего «вселяющим страх». Щенок висел рядом, вздёрнутый за вывернутые запястья. Церагат мельком посмотрел на убитого – невелика потеря! – а потом, и очень внимательно, – на подвешенного. То, что он увидел, сразу вызвало смутное беспокойство. Говорят, нрав в человеке таится, словно пламя в кремне, и это действительно так, – но таится не от Церагата. Слишком опытен был старший назиратель и людей видел насквозь. Парнишке полагалось бы подвывать, скулить, плакать в голос и умолять о пощаде, но он упрямо молчал, лишь в кровь искусал без того разбитые губы, и его глаза старшему надсмотрщику ой как не понравились. «В какого же зверя вырастет этот зверёныш, если продержится ещё хоть несколько лет?.. А он ведь продержится...»

– Выпороть, – хмуро приказал Церагат. – Сорок плетей. Потом, коли не сдохнет –

заклеймить. Заковать. И – на семнадцатый уровень.

Четыре копыта, облезлая шкура...
По грязной дороге плетётся понуро
Забывшая думать о чём-то хорошем,
Давно ко всему безразличная лошадь.
Она родилась жеребёнком беспечным,
Но скоро хомут опустился на плечи,
И кнут над спиной заметался со свистом...
Забылась лужайка в ромашках душистых,
Забылось дыхание матери рыжей...
Лишь месяц копыта дорожную жижу,
И только сгибается всё тяжелее
Когда-то красивая, гордая шея.

Четыре копыта, торчащие рёбра...
Скупится на ласку хозяин недобрый.
А жизнь повернуться могла по-другому —
Ведь где-то сверкают огни ипподрома,
Там тоже есть место обидам и бедам,
Но мчатся по гулкой дорожке к победам
Могучие кони, крылатые кони...
И кутают их золотые попоны.
Им, лучшим, награды и слава – но кто-то
Всегда занимается чёрной работой.
Чтоб им предаваться волшебному бегу,
Тебя спозаранку впрягают в телегу,
И если до срока работа состарит —
Другого коня подберут на базаре.

Четыре копыта, клокастая грива...
А время обманчиво-неторопливо,
И сбросишь, достигнув однажды предела,
Как старую шерсть, отболевшее тело.
Ругаясь, хомут рассупонит возница...
Но ты не услышишь. Ты будешь резвиться
В лугах, вознесённых над морем и сушей,
Где ждут воплощения вечные души.
Опять жеребёнком промчишься по полю,
Неся не людьми возвращённую волю —
Большие глаза и пушистая чёлка,
Четыре копытца и хвостик-метёлка.

6. Росстани

17

Каттай думал, что привык к подземельям. Он, конечно, пока ещё знал Южный Зуб не так, как господин Шаркут и надсмотрщики, работавшие здесь годами. Но по крайней мере

¹⁷ Росстани – место, где разделяются, расходятся дороги.

уже не боялся заблудиться в сплетении штолен, штреков и отвесных колодцев, которые вначале казались ему неотличимыми один от другого. Он говорил с камнем, и камень понемногу начинал говорить с ним. Скоро Каттай совсем сделается здесь СВОИМ...

Так ему казалось. Когда он в одиночку спустился на двадцать девятый уровень, он сразу понял, до какой степени ошибался.

Ибо здесь было по-настоящему жутко.

Двадцать девятый уровень, начатый ради опаловой жилы, оказался весьма невелик. Кроме одного-единственного, быстро выработанного забоя, здесь не было совсем ничего. Здесь не жили даже вездесущие летучие мыши. Каттай долго стоял возле устья забоя, не решаясь войти.

Самоцветные горы представляли собой невероятное смешение рудных жил, которым действительно полагалось бы встречаться за сто дней пути одна от другой. Как будто кто-то высыпал наземь содержимое драгоценной шкатулки – да так и оставил, небрежно завалив сверху породой и льдом... Господин Шаркут говорил: было очень похоже, что здесь, на двадцать девятом, проходчики наконец добрались до скальной подошвы, до основания гор, до самого корня. Ниже начинался матёрый щит Земли, отделивший Верхний Мир от Исполдного. Если рыть вглубь и вглубь, со временем можно достигнуть... чего? Обиталища мёртвых?..

Подумав об этом, Каттай вдруг ощутил над собой все до последнего уровни выработок, всю неисчислимую толщу, отделявшую его от дневного света и воздуха, и ему стало жутко. Вход в забой был пятном черноты, осязаемо вещественной и зловещей. Слабенькое пламя фонарика было бессильно против Госпожи Тьмы, чьи владения определённо начинались поблизости... Ко всему прочему, здесь стояла тишина. Как показалось Каттаю – неестественная тишина. Беспредельный и беспорядочный грохот железа о камень, так явственно различимый повсюду в рудниках, не докатывался сюда. Каттай помедлил, переступил с ноги на ногу, облизнул пересохшие губы... и приложил ухо к стене.

Сначала ничего не было слышно.

Потом он различил редкие, очень далёкие, певучие размеренные удары. Они возникали на самой грани слуха, так что Каттай не был уверен, вправду ли он что-то услышал или ему всё-таки примерещилось. Только рубашку на спине почему-то промочил пот.

Он отдернул голову от стены и понял, что ему было гораздо страшней, чем когда Шаркут вёл его в изумрудный забой и он боялся, оплошав, угодить следом за Щенком и Волчонком к тяжёлой тачке с рудой...

Чего здесь-то было бояться?.. Господин Шаркут даже не знает, куда он отправился, и не накажет его за неудачу...

Может разгневаться только дух несчастного раба, подаренного незримо владыке иссякшей опаловой копи...

Каттай поспешно оглянулся посмотреть, не стоит ли кто за спиной. Сзади, как и следовало ожидать, было пусто. Каттай вслух помянул Лунное Небо (священные слова осыпались на пол штрека, как бессильная горсть сухой пыли) и заставил себя подумать о выкупе на свободу, половину которого должна была ему принести эта жила, если он сумеет отыскать её продолжение. Навряд ли господин распорядитель желал его обмануть... Ему ведь надо, чтобы лозоходец в лепёшку расшибался, открывая новые залежи. А чего ради лезть из кожи рабу?.. Каттай снова вспомнил ярость невольников, когда-то спасшую Гарната-кат. Только ради свободы! И если бы тех рабов обманул государь, пообещавший им вольную, – больше на защиту столицы не поднялся бы ни один...

Каттай собрал воедино всё своё небогатое мужество, зачем-то прикоснулся рукой к серьге-«ходачихе», судорожно сглотнул – и шагнул вперёд, в темноту. Упругая тьма неохотно расползлась в стороны, медленно уступая свету фонарика. «Не гордись, будто отогнал меня, маленький человечек. Скоро ты отсюда уйдёшь, и я опять займу своё место. И буду здесь ещё долго-долго после того, как превратятся в прах твои кости...»

– Я выкуплюсь на свободу, – шёпотом, поскольку горло окончательно пересохло,

ответил Каттай. – А потом выкуплю маму, отца и всех, кого захочу!

«Ну-ну, попытайся, маленький человечек. А я посмотрю, что у тебя выйдет...»

Пламя Недр живёт в мягкой породе, похожей на бурую застывшую пену. Там, где эта порода выходит на поверхность, кажется, будто твёрдые скалы некогда плавилась и текли, а потом застыли опять. Может, так оно на самом деле и происходило, только давно, очень давно. В то время на лике земли было много огненных гор вроде тех, что мореходы до сих пор видят на островах Меорэ. Говорят, эти горы извергают такие тучи пепла, что день превращается в ночь. Их вершины лопаются, словно перезревшие чирьи, и наружу истекает жидкий огонь. Когда он встречается с водой, вверх с грохотом и шипением вздымаются облака пара. А текучее пламя снова окаменевают. Но, поскольку это всё-таки огонь, хотя и окаменевший, – камень получается совершенно особым. Он плавает в воде, и морские течения доносят его обломки до самых берегов Мономатаны...

Вблизи Самоцветных гор не было моря, куда могло бы стечь жидкое пламя. Излившись здесь, оно застыло громадными толщами. Время проложило в нём трещины, и в этих-то трещинах, словно кровь в ранах, каплями собрались остатки неистребимой сути огня. Так завелись под землёй благородные камни, рождённые от небывалого союза воды и огня и несущие поэтому в себе и одно, и другое...

Закрыв глаза, Каттай стоял возле стены, которую в забоях именовали «челом». Стоял, простирая к ней раскрытые ладони, и слушал. Камни не отзывались. Каттай не знал, сколько лозоходцев побывало здесь до него – и удалилось ни с чем. Много, наверное. Он тоже ушёл бы, оставив бесполезную выработку Госпоже Тьме... но что-то удерживало.

Тишина под его пальцами была НЕ ТАКОЙ, как в иссякшем изумрудном забое. Там его мысленный зов проваливался в пустоту, не порождая ни эха, ни отклика. То, что он чувствовал здесь, больше напоминало толстый ковёр на стене – вроде тех, которыми были увешаны домашние покои господина Шаркута. Ковры скрадывали шаги, изменяли звук слышимой речи... и могли многое спрятать. Например, тайную дверь...

Каттай даже снял со лба влажный от пота кожаный обруч с фонариком. Наклонился положить его наземь... и чуть не выронил от испуга. Прямо на него смотрел пустыми глазницами череп. То, что было когда-то лицом, менявшимся от гнева, радости или страха, начисто объели рудничные крысы; лишённая плоти мёртвая голова хранила вечную усмешку, как если бы её обладатель знал нечто, превосходящее разумение Каттая и прочих живых, и смеялся над их тщетой оттуда, где он теперь пребывал.

Это был череп раба, принесённого в жертву. Здесь, на этом месте, его и убили, когда стало ясно, что последний стусок Пламени Недр, вырубленный им и его товарищами, – действительно ПОСЛЕДНИЙ.

Каттай опустил перед черепом на колени.

– Прости меня, мёртвый, ушедший на Праведные Небеса своей веры. Я пришёл сюда вовсе не затем, чтобы тревожить твои кости. Позволь, я тебе расскажу...

С удивившей его самой ясностью представил себе «Мельсину в огне» и начал говорить. Череп слушал, не перебивая. Каттай только собрался поведать ему о матери и отце, когда с его глаз словно бы начала спадать пелена. Умолкнув на полуслове, он поднялся, осторожно перешагнул разворошённые крысами кости и снял с пояса свой молоток рудознатца. Маленький стальной молоточек на крепкой рукояти из рябины, подарок господина Шаркута. Каттай даже не стал поднимать с пола фонарик – примерился и ударил по большой глыбе, которую некогда вывернули из толщи, но не стали ни колотить, ни пилить, сочтя совершенно пустой.

Молоточек Каттая отбил довольно большой кусок шершавого камня, только годившегося сводить с пяток мозоли. И... в самой середине пористой черноты свежего скола вспыхнул словно бы живой переливчатый глаз. У Каттая перехватило дыхание. Пламя Недр!.. Самое что ни есть настоящее!.. Увидев один раз, его трудно не признать вдругорядь. Даром что попавшийся самоцвет был совсем маленьким и к тому же не огненным, как

«Мельсина», а радужно-синим. Куда только подевался весь страх! Каттай принялся крушить податливую породу и наконец выломал кусочек размером с кулак, весь в прожилках и пятнах замечательного опала. Велико было искушение немедля броситься с ним прямо к распорядителю, но мальчик сдержался. Сунул драгоценную находку за пазуху и вернулся в чело забоя, уверенный, что теперь-то «ковёр на стене», устроенный здесь неведомо кем, больше не помешает ему.

Простёртые ладони снова замерли в полувершке от неровностей шершавой породы, изборождённой ударами зубила. Тщетными, отчаянными ударами, нанесёнными в последней попытке что-нибудь обнаружить. Каттай столь явственно ощутил это отчаяние, словно ему довелось испытать его самому.

А между тем Пламя Недр было здесь. Рядом. На расстоянии каких-то пядей. Люди, трудившиеся в забое, потеряли надежду, когда им оставалось буквально ещё одно усилие. Рои, созвездия, россыпи самоцветов простирались далеко в глубину, делаясь по мере удаления всё прекрасней, и там, далеко в толще, Каттай различил дыхание поистине великих камней. Камней, способных затмить и «Мельсину», и не только её...

– Вот видишь, – сказал он черепу, и собственный голос от возбуждения прозвучал незнакомо. – Тебя принесли в жертву зря. Духу этого забоя ещё не ко времени была твоя кровь...

Говоря так, он не переставал слушать недр... и его тайного слуха внезапно достиг ещё один голос, вернее, Каттай наконец сумел его вычленил и понять.

Хороня шёпот драгоценных камней, из непроглядной глубины, оттуда, где в самом деле покоились корни гор, невнятно и грозно вещала та же самая Опасность, чьё присутствие он впервые уловил подле Сокровищницы. Голос был огромным и тёмным и вселял дрожь. «НЕ ЛЕЗЬ СЮДА, МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК. ОТСТУПИСЬ. А ТО КАК БЫ НЕ ПРИШЛОСЬ ПОЖАЛЕТЬ...»

– Нет, – вслух ответил Каттай и нагнулся за фонариком. – Я не отступлюсь и не пожалею. Это моё Деяние, и я должен его совершить!

Маленькое пламя за перевитым проволокой стеклом безо всякой причины металось и вздрагивало, порываясь угаснуть. Каттай даже подумал, не кончается ли в светильничке масло, – хотя помнил, что, собираясь сюда, заправил его самым тщательным образом... Если бы он в этот миг оглянулся, то вместо своей тени на стене увидел бы чужую. Незнакомая тень была громадна и сгорблена и воздевала руку в отвращающем жесте...

Но Каттай ушёл из забоя не обернувшись. А потом достиг лестницы и помчался вверх по ступенькам так, словно у него за спиной выросли крылья. Господин Шаркут обещал ему *по крайней мере* половину выкупа на свободу. А сколько ещё жил, не меньших по щедрости, скрывает жадная Тьма?!

На семнадцатом уровне добывали камень златоискр, или попросту искряк.¹⁸ Красивый самоцвет, состоящий словно бы из бесчисленных крохотных блёсток, красиво переливающихся на свету, однако ничего уж такого ценного и особенного. Не яшма и подавно не рубин с изумрудом. Редкие куски златоискра удостаивались чести быть вставленными в серьги и перстни знатных красавиц. Основная часть добытого самоцвета шла на поделки куда как попроще. В мастерских несравненного Армара из искряка вырезали ручки для ножей и серебряных ложек, подсвечники и печатки... Всё – маленькое, ибо полосы достойного камня в породе бывают шириной еле-еле с ладонь.

Того, кто носит при себе златоискр, не оставит счастливое настроение, его разум всегда будет ясен, а дух – бодр...

А если этого вдруг не произойдёт, неожиданное бессилие талисмана объяснят чем угодно. Неподходящей оправой, несоответствием камня звезде, под которой родился его

¹⁸ *Златоискр, искряк* – минерал авантюрин.

обладатель... Кто при этом вспомнит запоротых рудокопов, ослепших гранильщиков, исподничих,¹⁹ умерших от рудничного кашля?..

Костлявый долговязый подросток лежал возле стены лицом вниз. Он лежал так скоро третьи сутки, грязный, голый и сплошь в засохшей крови. Иногда он приходил в себя и пробовал пошевелиться, но из этого мало что получалось. Сорок плетей и взрослого невольника скорее всего загонят в могилу. А уж мальчишку – подавно. Щенок умирал. Достаточно было один раз посмотреть на него, чтобы это понять. Тем не менее – приказ Церагата! – на шее у него заклепали железный ошейник. Не выскользнешь и не вырвешься. И на руках-ногах при малейшем движении звякали кандалы, соединённые цепью. Лишние, как и ошейник. А на груди ещё кровоточило недавно выжженное клеймо. Рослый чернокожий невольник, мономатанец-сехаба, работавший поблизости, время от времени посматривал на парнишку. Он сам был точно так же закован и заклеймён. Несколько раз он давал венну напиться и пытался кормить его, но Щенок не ел. Лишь приоткрывал мутные глаза – и отворачивался...

– Тебе-то какое до него дело, Мхабр? – спрашивал чёрного великана напарник, безногий калека, уроженец южного Халисуна. – Меня на себе тащишь, мало тебе? Ещё его собрался? Да он всё равно не жилец!

Когда-то давно изувеченный, халисунец теперь был способен лишь ползать на четвереньках. Он занимался тем, что начерно обкалывал от пустой породы глыбы и куски златоискра, вырубленные могучим сехаба. А ещё он необыкновенно метко поражал камнями здоровенных наглых крыс, то и дело перебежавших забой. Этих крыс невольники ели.

– Я знаю, что делаю, – всякий раз отвечал Мхабр. – Ты тоже слышал, за что выпороли этого парня и как он держался. Я не стану ручаться, что сумел бы вынести такое без звука! И Боги моего народа не пустят меня в Прохладную Тень, если я буду равнодушно смотреть, как уходит из него жизнь!

Однажды, когда им дали поесть и унесли из забоя факел, что означало разрешение невольникам поспать, чернокожий подобрался к венну и устроил его голову у себя на коленях. Сдвинул, насколько мог, вверх от запястий мешавшие ему кандалы и долго тёр руки, нараспев выговаривая какие-то слова на своём языке. Если бы халисунец мог видеть его лицо, он понял бы, что сехаба принял некое решение – из тех, что стоят недёшево. Но в забое было темно. Отблески света, проникавшие издали, из главного штрека, не позволяли толком ничего рассмотреть, лишь заставляли изломанные жилы искряка по стенам мерцать таинственной зеленью. Тем не менее безногий всполошился:

– Ты что там бормочешь, чёрная рожа?.. Колдовать затеял никак?.. Смотри, обвала нам на головы не нашепчи!

По рассечённым шрамами губам мономатанца блуждала всё та же отрешённая полуулыбка. Он проговорил медленно и торжественно:

– Одиннадцать поколений моих предков были Теми-Кто-Разговаривает-с-Богам. Они умели просить Небо о дожде, а распаханную Землю – о плодородии. Но вся их сила перешла по наследству к моей маленькой младшей сестре. Мне же выпала лишь ничтожная толика. Поэтому я и стал всего только вождём... А теперь, во имя Лунного Неба, которому ты молишься, и шести пальцев славного Рамауры, что первым одолел Бездонный Колодец, – прошу тебя, помолчи! Я и так могу и умею немного, так хоть ты не мешай!

– Наш Кракелей ничем не уступит твоему Рамауре... – вполголоса пробормотал халисунец. Но всё-таки уважил Мхабра и замолчал.

Поступки чернокожего напарника были понятны ему далеко не всегда. Например, вот эта его возня с веннским мальчишкой. Правду молвить, другие рабы не могли взять в толк, чего ради мономатанец его, бесполезного калеку, всячески поддерживал и защищал. Но это-то как раз было понятно и правильно. А вот нынешнее...

¹⁹ *Исподничий* – человек, имеющий дело с работой в глубоком подземелье – «испode».

Между тем Мхабр продолжал говорить, роняя во мрак тяжёлые, как расплавленная лава, слова. Он звал и по крохам собирал воедино свою тайную силу. Ему было трудно. Даже величайший колдун мало что может содейть в ошейнике и с закованными руками, а он и плохоньким колдуном-то себя никогда не считал. Но ради юного воина, чью жизнь уже приготовилась забрать Хозяйка Тьма, определённо стоило попытаться. Воззвать к могуществу предков – и ошутить в своих жилах его огненный ток... Хотя бы единственный раз за всю жизнь...

Мхабр снова и снова повторял формулу сосредоточения, мысленно заставляя себя как можно более удалиться от мерзкой вещественности забоя с его застоявшейся темнотой, с его вонью, сотканной из запахов отчаяния, унижения и нечистот. И когда всё это перестало существовать для него, искристо-зелёные сколы каменных жил отразили тонкое золотое свечение, окутавшее кисти его рук. Ненадолго. Совсем ненадолго...

...А веннского подростка из рода Серого Пса посетило видение. Нечто вторглось и разогнало багровые облака бреда, и он увидел себя лежащим на земле в месте, показавшемся странно знакомым. Откуда бы ему так хорошо знать жухлую вытоптанную траву и деревья с плоскими макушками, чья пернатая листва отливала багрянцем при свете ночных костров?.. Однако во сне ничему обычно не удивляешься, и он принял это как должное. Он лежал на пушистой шкуре большого зверя, жёлтой с чёрными, точно нарисованными, разводами, и мохнатые звёзды смотрели на него с бархатно-близких небес, а вокруг, образуя сплошное кольцо, горели костры, и глухо доносился из-за стены огня рокот множества барабанов.

В освещённом кругу прямо перед Щенком стоял человек. Его тело было глянцево-чёрным, словно выточенным из камня кровавика.²⁰ Он стоял прямо и гордо, как подобает воителю, – почти обнажённый, лишь курчавую голову, бёдра и голени украшали роскошные белые перья. Их глаза встретились, и неожиданно человек начал танцевать. Его танец, подчинявшийся замысловатому ритму, не походил ни на что, виденное до сих пор венном. Движения, то плавные, то хищно-стремительные, завораживали, в них была своего рода речь, и Щенок необъяснимо понимал всё, что хотел сказать ему чернокожий. «Наши судьбы схожи, меньшей брат. Твой род истреблён. Моё племя сметено и рассеяно по земле. Наша встреча будет недолгой: я отдам тебе то, что ещё способен отдать, и уйду, ибо хребет моего духа сломан. Ты же...»

Танцор припал к самой земле и завис над ней, поддерживаемый только пальцами рук и ног. Потом взвился в прыжке – и босая ступня в прах растёрла фигурку человека с кнутом, вылепленную из сырой глины. Новый прыжок, крылатый взмах белых перьев – и рассыпалось под ногой изображение дородного бородастого воина в сегванской одежде.

«Ты осилишь путь, которого не пройти мне...»

Перед глазами Щенка завихрились клочья тумана, совсем как когда-то дома, когда портилась погода и вершины холмов, окружавших деревню, тонули в дождевой мгле. Он вроде успел заметить, как чернокожий танцор устремился к трём остроконечным горкам песка... А может быть, это ему лишь показалось.

Умолкли рокочущие барабаны, и всё окончательно расплылось...

Теперь Каттай улыбался, вспоминая, какой страх терзал его поджилки, когда он попал на семнадцатый уровень в самый первый раз. Они с господином Шаркутом и мастером Каломином шли тогда в изумрудный забой проверять иссякшую жилу, и он, Каттай, трясся и потел в предчувствии неудачи, а мастер был уверен в себе и брезговал вразумить несведущего мальчишку. И чем кончилось? Камни, о которых так много знал Каломин, перестали откликаться на его зов, и дух забоя потребовал мастера себе в жертву. Он, помнится, горько заплакал, увидев посох старика на могиле Белого Каменотёса. Он даже чувствовал себя виновным в его смерти и, приходя помолиться, старательно отводил глаза от

²⁰ Кровавик – минерал гематит, разновидность железной руды.

резной деревянной клюки. Теперь он понимал: зря. Каждый сам выращивает собственную судьбу. Вот и мастер рудознатец выбрал свой путь... чтобы в конце концов быть упокоенным в недрах, которые любил, в самой утробе земли, на глубине, коей удостаивались немногие. А он, Каттай, всё лучше и отчётливей слышал подземные голоса, и эти голоса указывали ему дорогу к свободе. «Праведное служение непременно будет вознаграждено», – говорила мама. И была, как обычно, права. А ещё она говорила, что всякий раб непременно окажется у такого хозяина, которого на самом деле достоин. Странно даже вспомнить, как, наслушавшись рассказней в караване, он ночь за ночью не спал из-за жутких снов о неведомых Самоцветных горах. Воистину, он тайно мечтал, чтобы господин Ксоо Тарким раздумал его продавать и оставил у себя в услужении! Господина Шаркута не зря боялся весь Южный Зуб, распорядитель в самом деле был грозен и весьма тяжёл на руку – но только с неразумными, чьё непослушание вызвало его гнев. Чего бояться честному и старательному? «Скоро я добуду вторую половину своего выкупа, мама. Потом поработаю здесь ещё, пока не накоплю денег. Я заберу Щенка, Волчонка и Тиргея с Дистеном, чтобы они смогли вернуться домой. Я тоже вернусь и буду самым молодым богачом, которого видел Гарната-кат. Я выкуплю тебя, мама, и заплачу за отца. Я выстрою для нас дом...»

Ему вправду казалось, будто мать могла его слышать.

На семнадцатом уровне царила всё такая же тепловатая духота. Всё так же мерцали, возникая из темноты штреков, огоньки налобных фонариков, и вереницы одинаково безликих рабов сливались в общем коридоре в сплошное многоногое нечто. Плыли по стенам, переламываясь на угловатых брусках крепей, сутулые тени бредущих, металась под потолком летучие мыши... Пронзительно голосили колёса тележек и тачек, сипло вырывался воздух из множества лёгких, забитых рудничной пылью, шаркали по камню десятки ороговелых босых ног... Нескончаемый поток двигался к подземным мельницам, где дробили и промывали добытый крушец. Воду для промывки поднимали из подземных потоков огромные скрипучие ворота. Их вращали мохнатые маленькие лошадки с завязанными глазами. А в иные, по слухам, впрягались особо наказуемые рабы...

Каттаю не было нужды спрашивать дорогу. Он хорошо знал ещё не все уровни, но семнадцатый помнил наизусть. Да и без того было нетрудно определить, откуда везли камень-златоискр. Примерно посередине большого штрека Каттай свернул вправо и долго шёл по длинному узкому ходу, то и дело прижимаясь к стене, чтобы не угодить под катящиеся навстречу тележки. Безошибочно узнаваемые удары многих кирок, доносившиеся спереди, делались всё слышней. Потом по сторонам безо всякого видимого порядка начали открываться тесные норы забоев: тонкие жилы самоцвета сплетались и расходились в необъятной толще горы, словно прихотливо раскинутая паутина. Рабы с порожними тачками ныряли в эти норы и вновь появлялись уже нагруженными. Каттай добрался до самого конца штрека и, пригнув голову, проник в отдалённый забой.

Здесь трещал и плевался смоляной факел, вставленный в кольцо на стене, и при его неверном свете работали трое. Чернокожий гигант размеренно заносил и обрушивал кайло, одну за другой выламывая искрящиеся зелёными блёстками глыбы. Тут же усердно стучал молотком безногий калека. У него отсутствовали не только ступни, но и половина пальцев на правой руке. Тем не менее он очень ловко срубал пустую породу, отделяя лучшие, пригодные для камнерезного дела куски. А третьим был рослый длинноволосый подросток. Когда-то он носил штаны и рубашку, но то, что прежде называлось одеждой, успело превратиться в лохмотья, кое-как болтавшиеся на бёдрах. Он двигался с мучительным упрямством недавно вставшего на ноги. Всю спину и бока покрывали широкие, ненадёжно засохшие струпы: драная шкура, натянутая прямо на кости. Кайло было ему ещё не по силам, и он как мог помогал взрослым каторжникам – оттаскивал камень, вырубленный сехаба, нагружал тачки, подавал и пододвигал куски под молоток халисунца... Тот за что-то был страшно сердит на него и без конца обзывал дармоедом, ходячим несчастьем и лесным пнём. Подросток не отвечал.

– Здравствуй, Щенок, – сказал Каттай.

Ему вдруг опять стало стыдно собственного благополучия, сытости и добротной одежды. Стыд был необъяснимым, ведь всё, что досталось Каттаю, он заработал честным служением. Если бы венн не перечил надсмотрщикам и не дрался с другими рабами, а думал о том, как лучше потрудиться для господина...

– Слышишь, Пёс, – оглянулся калека. – Тебя спрашивают!

«Пёс?.. – удивился будущий вольноотпущенник. – Ну да... конечно...» Венн с натугой отвалил в сторону очередной камень, поднял голову и увидел Каттая. Узнал его. Он сказал:

– И тебе поздорову, лозоходец...

Тут Каттай понял, что зря поименовал его детским прозвищем. Щенячьи дни для Пса кончились – на самом деле уже давно. Чудом не убив, безжалостный хлыст надсмотрщика содрал все остатки ребячьего: так линяет зверёныш, меняя детский пух на щетину взрослого и грозного зверя.

– Я поесть принёс... – вконец смутился Каттай. И торопливо развернул маленький узелок: – Вот...

Добрая горбушка чёрного хлеба. Полоска копчёного мяса. И самое драгоценное – луковица. Лакомство и спасение для исподничих, давно позабывших, в какой стороне восходит солнце на небесах. Всё вместе – не очень голодному человеку на один зуб.

Чернокожий исполин отвернулся к стене и замахнулся кайлом, звякнув цепью о деревянную рукоять. Ворчливый халисунец незаметно проглотил слюну и сказал:

– Ты ешь, Пёс. У нас на вечер ещё та крыса припрятана.

«Крыса?!..» – ужаснулся Каттай. Он вообще-то слышал, чем пробавлялись голодные рудокопы, но чтобы взаправду...

Пёс церемонно поклонился ему, принимая узелок.

– Мы благодарим тебя за угощение, лозоходец. Мы надеемся, ты не откажешься разделить его с нами?

Каттай почувствовал: ещё немного – и он самым неподобающим образом разревётся.

– Я не оскорблю тебя отказом, достойный венн. Позволь только, я сам отделю свою долю...

Крошечка хлеба. Волоконце мяса. Сухая чешуйка от луковицы.

– Мхабр! Динарк! – позвал Пёс. Было очевидно, что без своих товарищей он к еде не притронется.

– Я уже заслужил половину свободы... – глотая подступающие слёзы, проговорил Каттай. – Я открыл опалы, которые считали иссякшими... Внизу, на двадцать девятом... Я и тебя обязательно выкуплю...

Ох, эти разговоры о свободе, никогда-то они не доводят невольников до добра!.. Каттая словно подслушали – за спиной раздался резкий щелчок кнута, хлестнувшего для начала по камню.

– Ну-ка живо за работу, крысоеды! – приказал звонкий, совсем молодой голос. – А ты, недоносок, пшёл вон из забоя, пока поперёк задницы не получил!..

Каттай вертанулся на месте. Надсмотрщик смотрел на него сзади, да ещё против света, и оттого не сразу узнал. Зато ему самому пламя факела било прямо в лицо. Это был Волчонок... или, лучше сказать, Волк? Доботно одетый, раздавшийся в плечах... кормленный и сильный даже на вид. И в руке у него вился и змеился кнут. Которым он явно выучился ловко владеть. И с превеликой охотой пускал его в ход, наслаждаясь недавно полученной властью...

Он, впрочем, тотчас заметил, как блеснула в ухе у «недоноска» серебряная серьга, и сообразил, что сморозил не то.

– Здравствуй, Волк, – негромко сказал ему Каттай.

– Ты, что ли?.. – проворчал юный надсмотрщик. – Ты... ну... это... лучше ступай, в общем, отсюда. А эти... я им... – Он выругался «в четыре петли», как определил бы знаток надсмотрщичьей брани. – Обленились вконец!

– Они не обленились, – ровным голосом ответил Каттай. – Они оставили работу, потому что я пришёл к ним и говорил с ними по праву, вручённому мне господином Шаркутом. Я расспрашивал их о благородных камнях, которые добываются под Южным Зубом и которые здесь ещё могут быть найдены. Если ты, Волк, хочешь за это кого-нибудь наказать, начни с меня. Я думаю, господин старший назиратель Церагат и господин распорядитель Шаркут оценят твоё рвение по достоинству...

Молодой надсмотрщик залился краской, заметной даже в факельном свете. Его собственная «ходачиха» была самой простой, медной. Такому, как он, полагалось первым здороваться с маленьким лозоходцем и кланяться ему за десять шагов. Ответить было нечего, и Волк в сердцах щёлкнул кнутом. Тугой плетёный ремень оставил на потолке полосу, сшибив неплотно державшийся камень. Волк повернулся и молча ушёл из забоя обратно в штрек. Было слышно, как там он заорал на кого-то, недостаточно расторопно катившего тяжёлую тачку. Снова свистнул кнут – и, судя по долетевшему вскрику, прошёлся на сей раз не по камню...

– Матёрые, они меньше лютуют, – заметил калека-халисунец. – Да...

– Что ж не полютовать, если никто в ответ по морде не даст, – кивнул Мхабр. – Такое искушение! Вот ему и не справиться, сосунку. Ничего... лет через десять остепенится. Если только раньше его никто не убьёт!

Пёс не сказал ничего, лишь нахмурился. Будто в ответ на слова чернокожего из неведомых закоулков памяти выплыло нечто, чего наяву он совершенно точно никогда видеть не мог. Глиняная фигурка надсмотрщика, в прах растираемая чьей-то ногой... Откуда бы такое? Случается же – мы вспоминаем мгновение сна, даже вспоминаем, что сновидение казалось мудрым и значительным, но что там было ещё – хоть тресни...

Каттай вдруг всхлипнул, сорвался с места и убежал, почти не разбирая дороги.

– Как думаешь, Пёс? – проводив его глазами, спросил безногий Динарк. – Он тебя выкупит?

Молчаливый венн хотел было передёрнуть плечами, но изорванная кожа на лопатках болезненно натянулась, и он не кончил движения.

Мхабр выбрал трещину в камне и нацелился кайлом:

– Что-то я не слыхал, чтобы до сих пор здесь кто-то хоть самого себя выкупил...

– Да катись ты до самого Беззвёздного Дна со своим поганым языком, чёрная рожа!.. – возмутился вспыльчивый халисунец. – Ну вот кто тебя просил последней надежды парня лишать?!

– Ты про какого парня-то говоришь? – усмехнулся сехаба. – Про нашего Пса или про лозоходца?

– Про обоих, – оскорблённо буркнул Динарк. – Ты ещё начни всех убеждать, будто тот малый, сумевший удрать из последнего каравана, на самом деле не убежал, а погиб под обвалом!.. С тобой тогда знаешь что сделают? Самому небольшой обвал быстренько подгадают...

Мономатанец загнал в трещину клин.

– По мне, так лучше заранее знать свою долю, чем предаваться ложным надеждам. Как-то легче уходить в Прохладную Тень, если вдруг что...

Венн нагнулся и подал ему кувалду. Мхабр взял её... и вдруг согнулся в неудержимом приступе жестокого кашля. Чёрное лицо на глазах сделалось серым, по подбородку потекла кровь. Так, словно в грудь великану попала стрела, трусливо пущенная из засады.

– Ну вот!.. – в голосе халисунца звучали слёзы. – Я тебе говорил!.. Что же это ты учинил над собой, дурень разнесчастный!..

На двадцать девятом уровне, совсем недавно покинутом и забытом, теперь кишмя кишели рабы и всюю кипела работа. Распорядитель Шаркут ничуть не усомнился в реальности Пламени Недр, довольно-таки сбивчиво описанного Каттаем, и без промедления отрядил туда порядочное количество народа, вооружённого всем необходимым для

проходки. Только, к некоторому разочарованию юного лозоходца, вместо того чтобы сразу ломать камень «чела», рудокопы под водительством Шаркута стали для начала переделывать всю выработку. Первым делом из верхних уровней спустили толстые створки, выкованные в рудничных мастерских, и весьма добросовестно вмазали их возле входа в забой, там, где пористое ложе Пламени Недр сменялось несокрушимым гранитом. Створки, как сразу заметил любопытный Каттай, были очень плотно – волос не пролезет – пригнаны одна к другой и к каменной ободверине. Открывались они внутрь забоя, а смыкал их могучий и довольно хитрый замок. Такой, что снаружи ворота достаточно было просто захлопнуть, потянув на себя, – и всё, обратно только ключом. Огромным, только что выкованным серебристым ключом, висевшим на поясе у Шаркута.

«Как же доверяет мне господин распорядитель, – с бьющимся сердцем думал Каттай. – Он даже в глаза ещё не видел опалов, но полагает, что я в самом деле обнаружил сокровище, которое следует охранять!»

Когда испытывали работу только что подвешенных створок, под ноги Шаркуту попался череп принесённого в жертву раба. Он мешал воротам закрываться, и распорядитель небрежным пинком отшвырнул его прочь. Череп, пролежавший на одном месте лет двадцать, самым непристойным образом закувыркался в воздухе, потом ударился о стену, и нижняя челюсть у него отвалилась. От этого вечная усмешка мёртвой головы из неопределённо-надменной стала зловещей. Не только Каттай – все, кто видел, втянули головы в плечи, ни дать ни взять ожидая появления призрака. А юный лозоходец почему-то вспомнил об Опасности, про которую он, как и обо всём прочем, без утайки поведал распорядителю. «Что вдруг, если эти ворота – не для охраны опалов, а... от НЕЁ?»

Он, впрочем, оставил промелькнувшую мысль и почти тут же забыл. И правда – Опасность была непредставимо громадна. Отсроченная кара Богов, превосходящая всякое человеческое разумение. Защититься от Неё с помощью каких-то жалких ворот, пусть даже выкованных из металла? От кары Богов – с помощью изделия человеческих рук?..

Каттай очень обрадовался, заметив среди каторжан, согнанных работать на «его» уровне, саккаремца Дистена. Бывший горшечник выглядел поседевшим и согнутым. Так, словно все года его жизни, о коих он вскользь упоминал по пути, в одночасье на него навалились. Каттай помнил его пожилым крепким мужчиной, а встретил воистину старика. Рудники не молодили и не красили никого – кроме, может, Хозяев... да и это после увиденного в Сокровищнице было сомнительно.

– Здравствуй, дядя Дистен, – подошёл к нему Каттай.

– И ты здравствуй, малыш, – удивился Должник. Сergyа-«ходачиха» в ухе Каттая настолько изумила его, что он даже протянул руку потрогать: – Так, значит, не врут люди, будто здешнюю жилу усмотрел некий шустрый мальчонка? А я-то не верил, старый дырявый кувшин! И ты в самом деле чувствуешь камни в земле?..

– Я уже наполовину выкупился, дядя Дистен. Господин Шаркут сам мне сказал. Когда я выкуплюсь совсем и поеду домой, я обязательно тебя заберу. И Тиргея, и...

Горшечник усмехнулся:

– Спасибо, малыш.

Распорядитель Шаркут самолично присматривал за работой в забое. Когда он счёл наконец, что всё было готово, и велел-таки рубить «чело», Каттай стоял рядом с ним. Это само по себе было удивительной честью и в другое время заняло бы все его мысли, но не теперь. Каттай был уверен, что не ошибся, однако сердце колотилось у горла. А что, если всё-таки?.. А вдруг?..

Всякая человеческая способность, если пользоваться ею внимательно и с умом, обостряется и оттачивается. Иногда совершенствование происходит постепенно, иногда же становится заметно не сразу, но зато потом прорывается, как водопад. Стоя подле Шаркута, Каттай напряжённо всматривался в «чело», освещённое сразу несколькими факелами. Кирки рабов врезались в пористый податливый камень, откалывая его неровными, рваными

глыбками. Тяжёлый, острый металл, заносимый равнодушными руками, плохо гнущимися от застарелой усталости... Каттай вдруг осознал: для простых рудокопов опаловая жила значила совсем не то, что для него. Он успел полюбить камни, таившиеся в глубине, для него они были живыми. И радужно-чёрные, целое созвездие которых зависло в мрачном великолепии совсем рядом, и огненные, чьи тревожные пламена застыли чуть дальше, и...

Да как вообще могло быть, что другие рабы оставались слепы и глухи к тому, что так ясно чувствовал он сам?..

– Господин Шаркут, вели им остановиться!.. – вырвалось у Каттая. – Они его покалечат!..

– Стоять!.. – немедленно рявкнул Шаркут. Проходчики, знавшие его нрав, так и шарахнулись от стены. – А ты говори толком! Покалечат кого?..

– Камень, – робко ответил Каттай. – Не прогневайся на ничтожного раба своего, мой милостивый господин... Но там, в стене, чудесный самоцвет, и его только что зацепили... Его могут разбить...

Летучая природа стихии огня, из которой некогда возникли опалы, вправду наделила их хрупкостью. Требуется сноровка и немалая осторожность, чтобы извлечь дивный камень и неповреждённым перенести на верстак ювелира. Шаркут стремительно прошагал к стене и придирчиво осмотрел её.

– Где?

Каттай припал на колени, погладил ладонью ничем вроде бы не примечательный выступ.

– Вот он, мой великодушный и милостивый господин... Вели обколоть его здесь и ещё здесь...

– Слышали? – обернулся Шаркут. – Обколоть!

Костлявый невольник с кожей, отливавшей медью сквозь грязь, опасно поднял зубило и молоток. Несколько ударов, нанесённых так бережно, словно он не камень рубил, а птенчику помогал выбраться из скорлупы... И на мозолистую ладонь легло нечто с миску размером, по форме напоминавшее морскую двустворчатую раковину. Это нечто было заметно тяжелее пористой породы, способной плавать в воде. Шаркут нетерпеливо выхватил камень из руки рудокопа. Каттай взволнованно приплясывал рядом, но распорядитель всё сделал сам. Поскоблил «раковину», сдунул пыль... Обнажился след кайла: острый стальной зуб в самом деле нарушил непрочную корочку самоцвета и на полную вошёл в его тело, оставив на переливчато-нежной поверхности грубый след.

– Ты рубил? – хмуро спросил Шаркут меднокожего.

Невольник попятился. Но, видимо, Шаркут угадал, потому что другие рабы отскочили ещё дальше прочь, оставляя виновного с распорядителем один на один. Замерший в страхе Каттай ждал, что его всесильный покровитель выхватит из-за пояса кнут, но тот обошёлся без оружия – одним кулаком. Ему не потребовалось замаха. Каттай не успел даже толком увидеть, что именно содеял Шаркут. Меднокожий просто улетел на несколько шагов прочь и свалился к ногам своих товарищей. Его нос превратился во влажный бесформенный ком, брызгавший во все стороны красным, глаза закатились. Какое-то мгновение Шаркут неподвижно стоял возле освещённой стены, под обжигающими открытой ненавистью взглядами рудокопов. Ну-ка, мол, чья возьмёт?.. Кто отважится броситься, кто хотя бы шёпотом выговорит: «Ублюдок!»?.. Ну?!.

Их было не меньше пятнадцати человек, все с зубилами и кайлами в руках, но с места не двинулся ни один.

– То-то же, – вслух выговорил Шаркут. Повернулся и в сопровождении трепещущего Каттая вышел вон из забоя. Каттай прошёл мимо Дистена, но не решился ни заговорить с ним, ни даже поднять на саккаремца глаза. За их спинами невольники возобновили работу.

Способность видеть сквозь недра не обманула Каттая. Прекраснейшие опалы в самом деле начали попадаться один за другим, причём именно в том порядке, в каком он

предсказал их появление. Сперва чёрные, таящие невероятную радугу, – счастливые камни, в чьей власти острота зрения и укрощение подлых страстей. Затем огненные, созерцание которых гонит прочь обмороки и грусть. Ради лучшего из них, высотой почти в человеческий рост, пришлось расширять выход наверх. Камень мягко закутали, взвалили на волокушу и со всеми предосторожностями отправили гранильщикам Армара. Там его очистят от корки и загрязнённых кусков, бережно отшлифуют... Но даже теперь, необработанным и нетронутым, самоцвет обещал далеко превзойти прославленную «Мельсину в огне». Чего доброго, прежний камень ещё вынесут из Сокровищницы и продадут, а новый установят на его месте под именем «Славы Южного Зуба». Как знать!..

...За огненными опалами последовали царские, названные так оттого, что именно ими была с давних пор увенчана корона аррантского Царя-Солнца, – тёмно-красное ядро с изумрудно-зелёной каймой. Цвета, излюбленные не только высшими Домами просвещённой державы...

Каттай очень пёкса о судьбе «своего» забоя: не иссякает ли снова? И если так, то не сочтёт ли господин Шаркут добытые богатства слишком скудными и не могущими послужить половиной Деяния?.. Его мучили смутные опасения. Он не понимал их природы, только то, что день ото дня они становились сильнее. Не жалея ног, он спускался на двадцать девятый, в жару, духоту и подземную вонь. Иногда – сопровождая распорядителя. Иногда – в одиночку.

Однажды Каттай пришёл туда и увидел, что все рудокопы в забое прикованы за ошейники к длинной цепи, укреплённой возле «чела». Лица у всех были как у приговорённых, и работа, понятно, двигалась куда медленнее, чем накануне. Лишь нескольким позволено было передвигаться свободно. Трое налегали на крепкие лаги, взваливая на волокушу очередной крупный камень, даже сквозь напластования грязи мерцавший алыми бликами в молочно-голубой глубине. Ещё трое тачками вывозили пустую породу. Эта работа считалась наиболее лёгкой. Каттай присмотрелся и с ужасом увидел на спинах у всех шестерых свежие следы кнута.

К его некоторому облегчению, присматривал за рудокопами знакомый надсмотрщик – Бичета, и Каттай отважился к нему подойти.

– Господин мой, что случилось? Почему все закованы?..

Бичета передёрнул плечами. Мальчишка-лозоходец был рабом, однако этот раб носил серебряную «ходачиху», и сам Шаркут ему покровительствовал. Поэтому Бичета неохотно, но всё же ответил:

– По приказу распорядителя. За непокорство.

«Сохрани и помилуй Лунное Небо! За непокорство?..» Каттай ужаснулся ещё больше и не отважился на дальнейшие расспросы. Он посмотрел на Дистена, работавшего дальше всех от «чела». Вот уж кто был, по мнению Каттая, воистину добрым рабом! Это верно, старый горшечник когда-то убил негодяя, причинившего его семье зло, но законное наказание принимал с твёрдостью и достоинством... Чтобы такой человек да вдруг взялся проявлять непокорство?..

Выждав, Каттай подгадал время, когда Бичета ушёл сопроводить до подъёмника вновь выломанную самоцветную глыбу, и подбежал к Должнику:

– Дядя Дистен!.. Чем вы все здесь провинились?..

Взгляд саккаремца показался мальчику каким-то далёким.

– Вчера, – медленно ответил горшечник, – один из нас увидел на стене тень. И это была не его собственная тень, малыш. Она грозила рукой – вот так – дескать, уходите поскорее отсюда! – и у неё торчал на спине горб. Я не буду тебе говорить, о чём мы сразу подумали. Сегодня мы замешкались перед входом в забой, а когда нас погнали вперёд, шестеро попытались войти сюда раньше других. О чём подумали надсмотрщики, я тебе говорить тоже не буду. Этим шестерых тотчас отделили и наказали, и я уверен, что покойные матери тех, кто порол... Ну да Богиня их, впрочем, наверняка уже простила... а остальных посадили на цепь. Вот так, малыш...

– Дядя Дистен! – взмолился Каттай, против воли чувствуя себя в чём-то непоправимо виновным. – Дядя Дистен, ты потерпи! Я тебя обязательно выкуплю!..

Ответить Должник не успел. Возле входа в забой появился вернувшийся Бичета, и прикованные рудокопы усерднее застучали кирками. Никому не хотелось лишний раз испробовать на себе его кнут. Каттай поспешно отошёл от Дистена, чтобы не навлечь на него гнев надсмотрщика, и пробрался к самому «челу».

Оттуда как раз извлекали очередную бесформенную глыбу, таившую внутри самородок Пламени Недр. Каттаю не требовалось полсуток путешествовать по переходам и шахтам, чтобы взглянуть на уже обработанные камни, он и без Армаровых гранильщиков знал: чем дальше, тем чище, крупнее и ярче становились опалы. Вот и этот камень: половина его была белёсо-голубой и таила внутри алые и зелёные отблески. А другая половина... В ней голубизна и двойная игра цветов сходили на нет, уступая место зёрнам мозаики всех мыслимых переливов. Эти зёрна были подобны ночному сиянию в небесах, о котором, вспоминая родной остров, рассказывал бедный Ингомер...

Таких самоцветов Каттай ещё не встречал. Даже в Сокровищнице. Потому что до сего дня их просто не было. Их никто не находил здесь, никто не извлекал из земли.

Каттай подбежал к «челу» и торопливо, жадно протянул к нему руки: что там, в толще?.. Есть ли другие подобные камни? Достойные если не державных властителей, то их дочерей и супруг?.. Таким ли окажется круглый, с большую тыкву, опал, который только-только начали вырубать из стены?..

...Дыхание Опасности, пронизавшее всё его существо, повеяло настолько грозно и мощно, что он еле устоял на ногах. Так вот она, истинная причина беспокойства, мучившего его все эти дни!.. Головная боль, о которой он, правду молвить, начал понемногу уже забывать, шипастым железным обручем впиалась в темя и виски. Такой обруч во время прилюдных казней затягивал на преступниках палач государя шулхада... Каттай громко вскрикнул и бросился к выходу из забоя...

...Чтобы напрямиком налететь на Шаркута, как раз туда вступавшего.

– Господин мой!.. – Каттай начисто забыл обхождение, присущее добрым невольникам, и ухватил распорядителя за обе руки сразу. – Господин мой, трижды милостивый и великодушный...

– Что ещё? – остановился Шаркут.

– Господин мой, вели скорее вывести всех оттуда!..

Распорядитель сбросил его руки и сам встряхнул Каттая за плечи, словно тонкое деревце.

– Не ори, как блажной! Дело говори!

– Милостивый господин мой, ничтожный раб не сумел верно истолковать предупреждение... Вели скорей вывести всех оттуда, ИБО ТАМ СМЕРТЬ! И она близко!.. Прикажи, пусть они не трогают камень, за который взялись, пускай всё оставят, как есть, и скорее уходят из этого страшного места...

Невольники, побросав работу, смотрели на распорядителя и Каттая. Кто-то начал тихо молиться.

Шаркут прожил почти всю жизнь под землёй. Он гораздо лучше самого Каттая понял, о чём тот говорил.

– Ты, – сказал он юному лозоходцу. – Чтобы я тебя здесь больше не видел. Живо наверх. И если кому-нибудь попадёшься ниже двадцать седьмого, будешь свою половину выкупа заново отрабатывать. Ну?! Оглох?!

Каттай упал на колени.

– Мой господин... всемилостивый и украшенный всяческой добротой... Вели ничтожному рабу отработать десять раз по десять таких половин... только пусть скорее заложат самыми тяжёлыми камнями этот забой...

Шаркут его не дослушал.

– Забери, – кивнул он Бичете.

Надсмотрщик живо сгрёб Каттая за шиворот, вздёрнул с колен и потащил к лестнице. Тот пробовал отбиваться, впервые забыв, что не смеет перечить свободному:

– Мой господин!..

Распорядитель повернулся к нему спиной. И шагнул в забой, вытаскивая из-за пояса не дающий промаха кнут:

– За работу, дармоеды! Вы там! Заснули?!

Тугой ремень рванул воздух, произведя громкий хлопок. Эхо метнулось в каменной дыре, металлические створки отозвались едва слышным звоном.

– Мало ли что там примерещилось сопляку! – рявкнул Шаркут. – Оно-то ещё обрушится или нет – а я с вас точно шкуру спущу!.. Ну? С кого начать? Мигом ведь за яйца подвешу!

Это он мог. Это он очень даже мог... В дальнем конце забоя глухо, обречённо стукнуло о камень кайло. Потом другое и третье...

– То-то же... – Распорядитель свернул кнут в кольцо, однако убирать за пояс не стал. И начал прохаживаться между воротами и «челом», особенно подгоняя рудокопов, бережно вырубавших породу кругом огромного, только что найденного опала. Каким бы судом его ни судили – Шаркут был далеко не труслив...

Бичета уже вёл Каттая по деревянной лестнице, приближаясь к подъёмнику, когда ЭТО случилось. Каттай без конца вертел головой, оглядываясь на забой, и увидел ВСЁ. От первого до последнего мига.

Он увидел, как опаловую глыбу сумели наконец потревожить в её вековечном гнезде. Вот она шевельнулась... и вдруг её движение сделалось самопроизвольным, уже не зависящим от усилия человеческих рук... и откуда-то из-под камня, ярко блеснув в факельном свете, неожиданно высунулся длинный и тонкий, как вязальная спица, клинок. Он вонзился в живот ближайшему рудокопу, легко прошил человека насквозь, дотянулся до стены, и из неё полетели во все стороны камни. Невольник запоздало ощутил боль, с воплем рванулся прочь... Узкий клинок рассёк тело почти пополам, и вопль захлебнулся. Рудокопы бросили самоцветную глыбу и отскочили в стороны, насколько позволила цепь, но стронутый ими камень уже не мог успокоиться. Он медленно поворачивался, вздрагивая и готовясь выпасть наружу, и с каждым движением из щели между ним и стеной высовывались новые сверкающие клинки...

Свист, грохот... Страшные крики людей...

Шаркут бешеными скачками нёсся к выходу из забоя. Он зачем-то прикрывал руками голову. От удара подземных мечей, разрубающих камень, не даст обороны ни шлем, ни щит, ни лучшая кольчатая броня... Но какое дело до разума существу, наступаемому смертью?

Прикованных рудокопов, конечно, никто не удосужился освободить.

Надсмотрщик Бичета, остолбеневший от увиденного, споткнулся на лестнице, потерял равновесие и выпустил Каттая. Тот, рванувшись, скатился обратно вниз и бросился внутрь забоя, крича:

– Дядя Дистен!.. Дядя Дистен!..

Величественный и жуткий голос подземной стихии мгновенно похоронил его крик. Он подскочил к горшечнику и стал отчаянно дёргать и тянуть цепь. Откуда-то брызгало горячим, невозможно горячим водяным паром. Шаркут с перекошенным лицом промчался мимо них и принялся сводить створки ворот.

– Бичета!.. – ревел он, надсаживаясь от усилия. – Бичета!..

Пар быстро заволакивал и наполнял забой, под ногами хлюпала непонятно как оказавшаяся здесь вода, но факелы ещё горели, и Каттай увидел, как целый веер мечей срезал бок опаловой глыбы, и там на один-единственный миг ослепительно сверкнула мозаичная радуга – старый Хранитель за сердце схватился бы, если бы смог увидеть её...

А в следующий миг невольник, прозванный Должником, схватил Каттая поперёк тела и вышвырнул за ворота, прокричав в ухо:

– Кернгорм! Меня звали Кернгорм!..

Каттай очень отчётливо расслышал его...

Шаркут и Бичета с лязгом свели блестящие створки. Тяжело и внятно сработал, запираясь, замок, ключ от которого больше никогда не будет использован. Некоторое время за дверьми продолжало глухо гроыхать... Лежавший на полу штрека Каттай вроде бы различал крики, стук и царапанье, проникавшие сквозь металл... Несколько певучих ударов... Они очень быстро отдалились и затихли в земной глубине...

Рудокопов, оставшихся запёртыми в забое, было восемнадцать человек.

Три раза по шесть.

Венн по имени Пёс проснулся посреди ночи – или того, что они здесь принимали за ночь: времени, когда рабы спали, свернувшись, кто как мог, в мелком каменном крошеве. Без факела в каменной дыре было почти совсем темно, но Пёс с некоторых пор обнаружил, что его глаза начали привыкать к подземному мраку. Во всяком случае, потёмки, нарушаемые лишь отблесками из штрека, были для него куда прозрачнее, чем для Мхабра или Динарка.

Проснувшись, Пёс повёл глазами и увидел сегвана Аргилу. Заморыш-подбиральщик сидел по обычаю своего племени на корточках и смотрел на него. Он сказал:

– Здравствуй, Пёс.

Он говорил шёпотом, чтобы не потревожить халисунца и чернокожего, спавших вблизи.

Пёс впервые ответил:

– И тебе поздорову, Аргила.

Почему-то он не удивился приходу сегвана, хотя, кажется, с чего бы это подбиральщику, работнику вконец распоследнему, не удостоенному никаких привилегий, вот так запросто разгуливать среди ночи по штрекам. Аргила же пояснил:

– Я теперь подметальщиком... – И улыбнулся так, как одиннадцатилетний мальчишка на самом деле улыбаться не должен: – Церагат говорит, на отвалах я скоро сдохну, а внутри горы ещё сколько-то протяну и смогу поработать...

Тощенькое мышинное лицо обрамляли свалывшиеся сосульки бесцветных волос. Пёс подумал о том, что последний раз Аргиле, наверное, голову мыла ещё мать. Аргила разжал кулак и что-то протянул на ладони:

– На, возьми, это тебе... кремнёвый дикарь... Там мой остров.

Пёс взял протянутый камень. Он помнил, как отчаянно пытался маленький подбиральщик найти в просеянных кучах руды хоть что-нибудь ценное и тем заработать лишний кусок плохо провяленной рыбы. Потомственного морехода от одного вида этой рыбы должно было, прямо скажем, стошнить. Пёс же видел, как Аргила едва не дошёл до потери достоинства, когда ему посулили объедки. И вот теперь он отдавал в подарок находку, благодаря которой мог действительно наесться досыта. Может, даже и не один раз. Камень – дивной воды кремнёвый дикарь размером в полкулака – был прозрачен и чист, и внутри виднелись пушистые заснеженные сосны. Крохотные, но самые что ни есть настоящие, неизвестно какой причудой подземных Богов туда помещённые...

Аргила вдруг спросил:

– Тебе снятся сны, венн?

Пёс кивнул.

– Снятся.

– А мне перестали, – сказал Аргила и опять улыбнулся. – Раньше я часто видел свой остров. Мы называли его островом Старой Яблони...

Пёс помедлил, но всё-таки проговорил:

– Вы тоже ушли из-за ледяных великанов?

– Нет. У нас есть свой великан, но маленький и совсем не злой. Он живёт в седловине горы, между вершинами. Я поднимался туда... Там высятся красные скалы, обросшие мхом... И растут цветы, их у нас называют «детьми снегов», они похожи на маленькие белые звёзды... Из-под великана течёт ручей, прыгающий по камням... Гора прикрывает долину от

ветра, и сверху растёт сосновый лес, а внизу – яблони... К нам всегда собирается множество кораблей. Осенью – за яблоками, за мёдом и всякими лакомствами, которые умеют делать только у нас... А весной – за яблочным вином... И просто чтобы полюбоваться, как цветут наши сады... Тогда устраивают праздник и большой торг... Корабли приходят и с острова Печальной Берёзы, и с острова Закатных Вершин...

– Закатных Вершин?.. – настороженно переспросил Пёс.

– Да. Там раньше жил кунс Винитарий. Туда тоже пока ещё не добрались великаны, но храбрый кунс не стал дожидаться гибели и увёл своё племя на Берег...

Пёс выдохнул. Аргила услышал нечто вроде стоны и рычания одновременно.

– А не было, – спросил венн, – у этого Винитария прозвища «Людоед»?

– Было, – удивился Аргила. – Мой отец говорил, так прозвали кунса за то, что он в молодости отведал плоти пленного недруга. Так поступали в старину, перенимая мужество достойных врагов, но теперь люди измельчали, и племени Закатных Вершин не очень понравилось деяние кунса... А ты откуда знаешь о нём?

Венн долго молчал. Наконец выговорил:

– Мы позволили ему занять земли рядом с нашими, через реку, и у нас был мир. Мы верили слову кунса и не ждали предательства. В нашем роду было двадцать восемь женщин и тридцать мужчин. Теперь нас больше нет.

– Есть ты, – тихо сказал Аргила.

Пёс смотрел мимо него.

– Нет. Меня тоже нет.

Аргила не стал спрашивать почему. Он только вздохнул:

– А на нас напал молодой Зоралик с острова Хмурого Человека. Люди говорят, он всё хочет доказать старому кунсу Забану, будто тот ему и вправду отец. Он на многих нападает, но пока ему не очень везёт. Вот и у нас он не решился высадиться на берег и захватил всего лишь лодку, с которой мы, мальчишки, ставили ярус на камбалу... Зоралик очень гневался из-за неудачи и всех нас продал аррантам... а они... У тебя на родине выпадал зимой снег?

– Да. Наши леса похожи на те, что в твоём камне.

– У нас тоже было много снега и почти весь залив зимой замерзал. Я бегал на коньках... Дедушка выточил их из бычьей кости, чтобы не стёрлись, я крепко завязывал ремешки... Не говори, что тебя нет. Ты есть... Прощай, брат.

Пёс ответил:

– И ты прощай, брат.

...Однажды в деревню потомков Серого Пса пришёл высокий седобородый старик, назвавшийся Учеником Близнецов, и попросил разрешения обосноваться поблизости.

«Старые люди не должны селиться одни, – сказала большуха. – Как вышло, что ты живёшь сиротой?»

Пришелец объяснил, что так велела ему его вера. Он собирался выстроить в лесу шалаш или выкопать над берегом Светыни пещерку. Но на другой же день почувствовал себя худо – простыл в пути – и волей-неволей задержался в большом доме, где за ним присматривали старухи и ребятя. Когда же старик выздоровел, наступила зима, и жреца никуда не пустили. Мыслимое ли дело – дать гостю уйти в метель и мороз, на верную гибель?

Щенок отлично помнил его морщинистые руки, добрые глаза и длинную, пышную бороду. Сколько было волосков в той бороде, столько же и рассказов о Близнецах жило в памяти старика. Серые Псы слушали его с любопытством, коротая за домашней работой зимние сумерки. Иногда же, наоборот, жрец просил их рассказать о своей вере. Однажды он попросил мальчишек смастерить ему костяное писало и надрать гладкой берёсты с поленьев, приготовленных для очага.

«Зачем тебе?» – спросили его.

«Запишу ваши сказания», – ответил старик.

Куда подевались те берестяные листы, испещрённые чужеземными письменами? В ночь разгрома старый мудрец взывал к милосердию, творил священное знамение и пытался прикрыть собой раненых и детей. Пока кто-то из комесов Людоеда не снёс ему мимоходом седую голову с плеч...

Каттай сидел на своём тюфячке в передней комнате покоев Шаркута. Сидел очень неподвижно и тихо и смотрел в щель не до конца прикрытой двери, что вела во внутреннюю хоромину. Горное сено в тюфячке успело слежаться и утратить былой аромат, колючие стебельки лезли наружу сквозь ткань. Несколько дней назад Каттай хотел попросить у своего покровителя немного соломы или нового сена и почти собрался с духом, но что-то помешало ему. А теперь это не имело никакого значения.

Каттай держал на коленях маленький узелок и смотрел в щель. Он не торопился. Он ждал. «Прости, мама. Я в самом деле очень хотел тебя выкупить...»

Сразу три опала из числа найденных на «его» двадцать девятом уровне удостоились отправки в Сокровищницу. Большой чёрный, из-за которого Шаркут своротил нос меднокожему; умелая полировка превратила ущерб, нанесённый камню, в его достоинство, позволив обнажить внутренние слои с их сине-зелёными переливами. Затем огненный, мысленно прозванный Каттаем «Славой Южного Зуба». И третий. Наполовину облачно-голубой с кровавыми бликами, наполовину искристый, мозаично-многоцветный...

«...И выстроить дом. Я так хотел, чтобы всем было хорошо...»

Даже теперь Каттай ничего не мог с собою поделаться – всё представлял, каким вышел бы из мастерской Армара тот последний самоцвет, оставшийся неизвлечённым. Самый прекрасный. Не узнавший прикосновения подпилков и шлифовальных кругов, лишь удар подземных мечей, поливших его человеческой кровью... Как играла и сияла бы его вечная радуга в тонких лучах, направляемых с потолка, среди прозрачных брызг чистого ручейка...

«А может, это был сам Истовик-камень, никому не дающийся в руки? Вот и я лишь увидел его, а коснуться так и не смог...»

В перечне дурных страстей, от коих якобы оберегали опалы, первой значилась жадность. «Что же вы, камни? Почему никого не остановили?.. Чего ради помешали мне зорче увидеть Опасность?.. А может... может, я сам не захотел вовремя заметить её?..» Ответ покоился далеко внизу. По ту сторону навечно запертой двери.

На сей раз, отправляясь с камнями в Долину, Шаркут не посадил Каттая перед собой на седло. Каттай был наказан. Нет, его не приковали на цепь и не стали пороть. Шаркут просто забрал его «ходачиху» и запретил покидать покои – разве что по нужде. Вернувшись, распорядитель нетерпеливо отпер дверь опочивальни и прошагал внутрь, зажав в кулаке нечто, показавшееся Каттаю маленькой деревянной коробочкой. У него не было этой коробочки, когда он уезжал. Он не сказал ни слова и даже не потрудился как следует прикрыть за собой дверь. Так ведёт себя человек, боящийся опоздать на свидание с чем-то очень для него дорогим... Скоро обоняния юного халисунца достиг уже знакомый сладкий запах, чуть заметно приправленный оттенком затхлости и разложения. Мальчик благословил Лунное Небо, поняв, что в одной самой последней милости ему всё же не будет отказано.

«Я уповал на праведное служение... Я хотел быть добрым рабом...»

Во внутреннем покое серебро звякало о стекло, булькала жидкость – сперва из бутылки в глубокую чашу, потом из чаши в горло жаждущего человека... Когда всё затихло, Каттай осторожно поднялся на ноги и вошёл.

В углу хоромины стоял стол, служивший не для еды. Он был вечно завален образцами камней и породы, бумажными и пергаментными листами с рисунками уровней и толстыми книгами – в одних, оставленных предшественниками Шаркута, нынешний распорядитель что-то искал, другие составлял сам, и они были ещё не закончены. Сюда же, на стол, он бросил отобранную «ходачиху» Каттая. Он не стал её прятать, зная, что послушный маленький раб без спросу ни к чему не притронется.

Сейчас Шаркут сидел за этим столом, неестественно выпрямившись, так, словно у него

одеревенел позвоночник, и смотрел в одну точку. Рот распорядителя был приоткрыт, по бороде протянулась нитка тягучей слюны. Перед ним стояла круглая чаша с лужицей недопитого вина, собравшейся на вогнутом дне. А подле чаши – резная деревянная коробочка с откинутой крышечкой. Внутри коробочки виднелась щепоть ничем вроде бы не примечательных мелких кристаллов. На вид – та же соль. Только серая.

Щедрая награда, оплаченная восемнадцатью жизнями...

...А там, куда был устремлён неподвижный взгляд распорядителя, на столе покоился кусок резного сердолика величиной примерно в полкирпича. Камень любви, навеки привязывающий к женщине сердце мужчины... Он был слоистым – где потемнее, где посветлее, где нежно-телесного цвета. Неведомый камнерез – уж не сам ли Шаркут – искусно изваял сидящую женщину и двух маленьких девочек, смеющихся у неё на коленях. Над ними склонялся цветущий розовый куст, у ног женщины ласково тёрлась большая пушистая кошка... Каттай знал, кому предназначались Посмертные Тела, вырезанные из сердолика. Жене Шаркута и двум его дочерям. Они умерли от заразной болезни. Много лет назад. После чего, собственно, он перебрался сюда и забыл обо всём, кроме своего дела.

Наверное, Шаркут был сейчас с ними: разговаривал, смеялся, ощущал знакомое прикосновение рук...

Каттай взял со стола «ходачиху» и беззвучно вышел, держа в руках узелок.

«Прости меня, мама...»

Блаженное забытьё, вызываемое дурманом, растворённым в вине, обычно длится недолго. Зато пробуждение неизменно оказывается мучительным. Когда из-за хребтов на востоке выплыло позднее зимнее солнце, Шаркут вернулся из странствия по иным мирам и – как всегда в таких случаях, злой, с раскалывающимся от боли затылком – крикнул своего лозоходца. Каттая тоже ожидала честно заслуженная награда. У Шаркута была приготовлена для него нить о четырёх глиняных бусинах, каждая с хитроумной печатью на обожжённом боку. По числу камней, найденных мальчиком для Сокровищницы. «Заполнишь эту нить целиком, – собирался сказать Каттаю распорядитель, – будет тебе вольная...»

К изумлению, а потом и к некоторому испугу Шаркута, лозоходец не отозвался. Не примчался, как обычно, бегом, спрашивая, что будет угодно его милостивому господину. Надсмотрщики, разосланные на поиски, вернулись ни с чем. Каттая не сумели найти ни в отхожем месте неподалёку, ни у глубокого колодца с подъёмником, за работой которого ему так нравилось наблюдать... Ни даже в забое, где махал киркой его клеймённый приятель-венн.

Каттай просто исчез.

Через несколько дней другой лозоходец, гораздо менее даровитый, пришёл помолиться Белому Каменотёсу. И там, на могиле, увидел среди священных даров резную серебряную серьгу. Тогда поняли, что вдогонку восемнадцати рабам ушёл девятнадцатый. К оставленной им «ходачихе» так никто и не отважился притронуться.

«Дай мне руку, отец. Проводи меня...»

Псу снился сон.

Из беспредельного моря поднималась двуглавая гора, окутанная облаками. В распадке между вершинами, там, где из-за близости к престолу Небес не смел расти даже мох, лежал, сверкая на солнце, маленький белоснежный ледник. Плечи горы окутывал изумрудный плащ хвойного леса, а ниже, в уютной долине, сбегавшей к морю, стояли дворы. Длинные дома под тёплыми, низко нахлобученными земляными крышами, поросшими густой зелёной травой. И за каждым – розовые и белые облака, непонятно каким чудом удерживаемые на тверди. Это цвели яблони. И пчёлы хлопотливо гудели над ними, торопясь собрать медовый сок и пыльцу...

Венн из рода Серого Пса проснулся и понял, что увидел чужой сон. Сон, который никогда больше не приснится маленькому Аргиле... Некоторое время Пёс лежал с

открытыми глазами, хмурясь и разглядывая знакомые извивы слоёв на шербоном каменном потолке. Это бывает: только что лёг – и внезапно пробуждаешься, чувствуя себя так, будто полностью отдохнул. Пёс знал обманчивость подобного ощущения. Если поверить ему, позже расплатишься головокружением и дрожью в ногах. А венну предстояло рубить твёрдый камень и за безногого халисунца Динарка, и – наполовину – за чернокожего Мхабра, то и дело сгибавшегося в убийственных приступах кашля...

И тем не менее.

«Я выйду отсюда. Я убью Людоеда».

Пёс был ещё очень молод. И, как все юные, в своих размышлениях устремлялся сразу к главному, не задерживаясь на мелочах. Он не тратил времени всуе, прикидывая, каким образом вырвется на свободу. Его заботило нечто гораздо более важное. Он собирался справиться с воином, вкушавшим плоть храбрых недругов за много лет до того, как у Серого Пса народился ещё один правнук.

«Я убью Людоеда. Тогда наши мёртвые получают отмщение, и их душам позволено будет вновь обрести на земле пристанище плоти...»

Он видел кунса Винитария в бою, со щитом и тяжёлым копьём. Он видел Харгелла с его палкой, и эта палка чуть не повышибла ему все зубы. Он видел рудничных надсмотрщиков и их кнуты, против которых не решались пойти крепкие рабы с кувалдами и кайлами...

От Винитария свирепые надсмотрщики разбежались бы, как цыплята от ястреба. И первым убежал бы Харгелл.

«Моего отца так и не взяли мечом. Только стрелой в спину. А я Волчонка-то паршивого не сумел как следует вздуть, когда мы схватились. Что же я сделал не так?»

Пёс поднялся, стараясь поменьше звякать цепями. «Когда я бросил Аргиле обломок кошачьего глаза, Волчонок стоял слева, допустим, вот здесь... Он закричал и схватил меня за плечо, замахиваясь кулаком... вот так... Я взял его руку и повернул... вот так... и Волчонок полетел было наземь, но сразу вскочил... да...»

Цепь, увлечённая размашистым движением, всё-таки зацепила камень, издав отчётливый лязг. Пёс поспешно подхватил её, но лучше бы он этого не делал! Прислонённые к стене, рядом стояли вверх рукоятками оба кайла, тяжёлый лом и молоток халисунца вместе с зубилом. И кто только додумался оставить все инструменты стоймя, вместо того чтобы честь честью сложить их на полу?.. «Ты сам и оставил». Расплата за глупость воистину недолго заставила себя дожидаться. Одно кайло потянуло за собой другое, Пёс, дёрнувшийся поймать, второпях промахнулся закованными руками, и стук, с которым пришлось о камень толстые деревянные рукояти, показался оглушительно громким. Зазвенел, падая, молоток, тонко отозвалось зубило. Последним весомо и звучно прочертил по стене лом. Пересчитал все выбоины и впадины камня и наконец обрушился на пол, чтобы ещё и подпрыгнуть на нём. Эхо со стоном промчалось по забою, невыносимо заметалось меж стен, словно в кузнице, когда отцовы помощники брались за кувалды...

Мхабр с Динарком немедленно встрепенулись и сели, продирая глаза и силясь спросонья что-то сообразить. Оба, как и Пёс, только-только легли.

– Ты что же это делаешь, болван несчастный!.. – первым насел на него халисунец. – Дубина, сопляк репоголовый, шишка еловая!.. Плясать взялся посреди ночи?..

Смущённый Пёс молча выслушивал многопетельные поношения. Несправедливыми их никак нельзя было назвать.

– Хватит ругать парня, Динарк, – проговорил Мхабр. В душном забое его полуголоое тело лоснилось, как выточенное из блестяще-чёрного камня кровавика, и Псу опять показалось: сейчас, вот сейчас он вспомнит нечто очень важное... Однако смутное видение забрезжило и исчезло, он лишь натолкнулся на обвиняющий взгляд халисунца. Пёс не знал, что с калеки была Мхабром взята жестокая клятва: если, мол, венн когда-нибудь и проведает о его слишком щедром подарке, то не от Динарка. А мономатанец продолжал: – Ты, я вижу, зря времени не теряешь. Правду ли говорят, будто тебя заковали и выжгли клеймо за то, что

ты кому-то возле отвалов голову проломил?

Серый Пёс давно не считал себя обязанным отвечать всякому, кто его брался расспрашивать. Но сехаба говорил так, словно имел на то право. Так говорят только наделённые Правдой Вождя. Вдобавок Пёс чувствовал себя виноватым: помешал людям спать. Он нехотя буркнул:

– Может, и проломил...

Мхабр усмехнулся:

– А двигаешься, словно никогда крови человеческой не видал и видеть не хочешь.

– Что?..

– Ты муху-то не сумеешь прихлопнуть, если ноги будешь ставить так, как сейчас. И дышать, как сейчас дышишь.

Пёс на это мог бы возразить, что злополучный Сфенгар был даже не единственным, чью душу ему довелось отправить на святой суд Небес. Первым стал молодой воин-сегван: в ночь предательства человек Людоода ловил за волосы мать, но встретил копьё двенадцатилетнего сына. Сегван уже замахивался мечом, однако лёгкое охотничье копьецо оказалось проворнее... Глупо, впрочем, было бы хвалиться тем, что случилось давно. И объяснялось отнюдь не умением и мастерством, а отчаянной яростью мальчишки, вступившегося за мать. Лучше вспомнить, как бестолково он пытался расквасить морду Волчонку. Каким жгуче-неожиданным оказался удар кнута Гвалиора, прекративший их драку. Как позже он не сумел отбиться от надсмотрщиков, когда его подвешивали на стене... И Пёс промолчал, соглашаясь и признавая, что Мхабр молвил сущую правду.

Сехаба тяжело поднялся. Чёрного исполина, выросшего под жарким солнцем Мономатаны, рудничный кашель приканчивал буквально на глазах. Выносливость и прежняя сила исчезали день ото дня. Скоро, очень скоро Хозяйка Тьма отпустит его душу в Прохладную Тень... Но Мхабр выпрямился и повёл плечами, и в его осанке появилось грозное величие, по которому люди безошибочно узнают вождя. Даже голого, исхудалого и в кандалах. Он сказал:

– Я был воином. Вот смотри, как это делается у нас...

С тобой хоть однажды было такое?
Чтоб небо кружилось над головой,
Чтоб чёрные точки перед глазами
Метались огненными роями?
Чтоб воздух горло палил на вдохе,
Не достигая бьющихся лёгких,
И на лопатках прела рубаха,
Мокрая от безотчётного страха?
И ты сознаёшь: свалилось на темя
Такое, что вылечит только время,
Но в завтра тебе заглядывать жутко,
Ты хочешь вернуть минувшие сутки,
Где было уютно и так тепло,
Где ЭТО еще не произошло...

...Бывало? И длилось больше чем миг?
Тогда ты Отчаяние постиг.

7. Последний привет

Как утверждали сведущие люди, некогда здесь грохотал подземный поток. Много лет назад умелые проходчики отвели его в сторону; тогда ещё не были построены водяные

мельницы, и вода только мешала. Осушенное русло потока – несколько больших залов, соединённых между собой «дудками»,²¹ – теперь всю использовалось людьми. В наклонных колодцах вырубали ступени, в отвесных поставили скрипучие лестницы и подъёмники для руды. В залах, где некогда покоились не видевшие света озёра, после спуска воды начали было стёсывать камень, выравнивая полы, загромождённые упавшими глыбами. Но отступились, вовремя осознав непомерную огромность работы. Это был труд на десять поколений вперёд. Его бы, несомненно, предприняли, пожелай Хозяева устроить в залах дворцы. Но потомки первых старателей предпочитали жить сейчас, а не в сомнительном будущем, и к тому же почти не показывались на руднике. И затею с полами благополучно забросили, ограничившись деревянными мостками, опиравшимися где на подтёсанную скалу, где на прочные сваи. Однако в некоторых нижних залах сохранились участки, обработанные ещё тогда, в старину. И, как водится, рудничная молва наделяла эти клочки ровной скалы особыми свойствами и едва ли не святостью. Предание гласило, будто здесь, каждый в своё время, трудились и Горбатый Рудокоп, и Белый Каменотёс. Потому-то всё, что могло на этих площадках случиться, происходило исключительно по магию и под присмотром незримых покровителей рудничного люда.

По крайней мере невольники в это верили свято...

Надсмотрщик Гвалиор неторопливо шагал вдоль длинной вереницы позвякивающих цепями каторжников. Он жил в Самоцветных горах вот уже скоро шесть лет, и рабы хорошо знали его. Всем было известно – он не начнёт без дела орать и размахивать во все стороны кнутом. Оттого, когда он сопровождал невольников с одних выработок на другие, они вели себя смиренно и шли, куда он приказывал, не затевая препирательств и ссор. Чтобы в следующий раз к ним не приставили какого-нибудь зверюгу, назначенного Церагатом... Оттого и сам Гвалиор, вместо того чтобы настороженно озираться и держать оружие наготове, просто шёл, думая о приятном. Скоро в очередной раз приедет благородный саккаремец, добродетельный купец Ксоо Тарким. С ним прибудет двоюродный дядя Гвалиора, Харгелл. Он увезёт домой скопившийся заработок и письмо для невесты. А Гвалиор получит ответ девушки на послание, написанное им в прошлом году...

Какой она стала теперь, его Эреза? Наверное, повзрослела, стала полнотелой красавицей. Была ведь совсем девчушкой, когда расставались... Пугливой, голенастой девчушкой...

Гвалиор нахмурился, вздохнул и подумал о заветной фляжке с аметистом на донце, сохраняемой во внутреннем кармане одежды. Правду молвить, письмо, полученное год назад, его не слишком обрадовало. Гвалиор читать умел плохо, он, собственно, кроме этих её писем, ничего и не читал. Зачем ему, он ведь не рудослов, не разметчик и не мастер гранильщиков... Но даже будь он грамотеем из грамотеев, таким, как Шаркут, – легко ли с определённой рассудить по короткой грамотке, нацарапанной даже не самой девушкой, а с её слов соседом?.. Которому скромная нардарская невеста, конечно, ни за что не доверила бы сокровенного?..

И всё-таки... Он долго не мог понять, что же ему не понравилось в её письме, но потом сообразил. Она обращалась словно бы не к будущему супругу, а к чужому человеку, с которым ей приходится быть милой и вежливой не по душевной склонности, а просто потому, что так принято...

Наверное, Гвалиор вовсе поглупел от рудничного смрада, вот ему и мерещилось. Конечно, она просто отвыкла и немного подзабыла его за все эти годы. А может, даже чуточку побаивается его нынешнего, ждёт и в то же время страшится его возвращения. Она помнит застенчивого и ласкового паренька, а вернётся матёрый мужик, огрубевший, видевший мир, привыкший к дракам и ругани. Как принять его, как заново разглядеть в нём того, кого украдкой целовала когда-то?..

²¹ Дудка – вытянутый в длину подземный проход естественного или искусственного происхождения.

«Здравствуй, Эреза, – в тысячный раз начал он мысленно повторять своё давным-давно приготовленное послание, и по телу безо всякого вина разбежалось тепло. – Мне осталось здесь служить год, самое большее два. Тогда я вернусь вместе с дядей Харгеллом, и мы сыграем нашу свадьбу. Не очень пышную, но перед людьми будет не стыдно...»

Голова длинной цепочки кандалников преодолела последнюю ступеньку довольно крутого хода и выползла в обширный зал. Гвалиор оставил радостные мысли о будущей свадьбе и поспешил вперёд. В этом зале имелась «святая» площадка. А значит, следовало держать ухо востро.

Большая пещера была хорошо освещена. Вернее, здесь горели всё те же масляные светильники, что и повсюду, и не в большом количестве, – просто камень и свисавшие с потолка сталактиты были почти совсем белыми в тех местах, где их не успела покрыть жирная копоть. Поэтому здесь всегда казалось светлее, чем в соседних залах, прогрызенных водой в бурой и почти чёрной породе.

И Гвалиор сразу увидел, что сбылись его худшие ожидания. По краю «святой» площадки прохаживался молодой надсмотрщик, которого Гвалиор очень хорошо знал. Этого парня – тогда ещё мальчишку – привёз на рудник всё тот же торговец рабами, Ксоо Тарким. С тех пор прошло четыре года. Мальчишка стал молодым мужчиной, ловким, широкоплечим. А кроме того, жестоким и очень опасным. Настолько, насколько может быть опасен сын дикого племени, отошедший от порядка жизни, установленного предками. Любимец и выученик Церагата по-прежнему оставался рабом, но среди надсмотрщиков рабов была половина, и свободные не очень-то задирали перед ними носы. Так гласил воистину мудрый закон, существовавший столько же, сколько и сам рудник. Надсмотрщики должны быть заодно. А уж если приспичит выяснять между собой отношения – то как мужчина с женщиной, а не как хозяин и раб. Так вот, насколько Гвалиору было известно, с этим парнем предпочитали не связываться. По мнению многих, он очень хорошо соответствовал своему родовому прозвищу: Волк.

Как раз когда Гвалиор выбрался по крутым ступенькам из дудки, Волк похлопал себя руками по бёдрам и с широкой ухмылкой обратился к кандалникам:

– Эй, крысоды! Ну что... это самое... хочет кто-нибудь на свободу?..

Это был ещё один закон, испокон веку чтимый в Самоцветных горах. Иногда надсмотрщиков тянуло развлечься, и тогда кто-нибудь из них предлагал рабам поединок, ведь истинный вкус удовольствию доставляет некоторый оттенок опасности. Вызвавшегося раба расковывали, и он – с голыми руками или с камнем, выхваченным из-под ног – должен был драться против надсмотрщика, вооружённого кнутом и кинжалом, а нередко ещё и в кольчуге. Тем не менее желающий находился всегда, ибо тому, кто побьёт надсмотрщика, обещали свободу. Длился же поединок до смерти. И тот, с кого перед сражением снимали оковы, знал, что больше ему их не носить. Он или выйдет на свободу, или погибнет. До сих пор, как все отлично знали, надсмотрщики побеждали неизменно: таким путём на свободу за всю историю Самоцветных гор не вышел ещё ни один человек. Однако раб для поединка раз за разом отыскивался. Иные думали – кто-то же станет когда-нибудь первым, так почему бы не я? Всё должно с кого-то начаться, так почему не с меня?.. Для других схватка с надсмотрщиком становилась способом самоубийственной мести...

Гвалиор лишь досадливо покачал головой, когда из вереницы, которую он сопровождал, отозвался дрогнувший от волнения голос:

– Найдётся!

Говорил молодой вельх, проведший неполный год под землёй. «А ведь чуял я, что этим всё кончится!..» Вельх, как многие его соплеменники, был отчаянным, горячим и дерзким до безрассудства. Гвалиор не единожды отводил от него гнев других надсмотрщиков, спасая от порки, а может быть, и от смерти. Паренёк, однако, всё же нашёл где свернуть себе шею. Соседи-кандалники невольно от него откачнулись, а он остался стоять гордо и прямо, отделённый ото всех незримой стеной одиночества... и обречённости. Уж таков был этот народ. Герои вельхских сказаний шли в свою последнюю битву, сопровождаемые целым

хором знамений и пророчеств, сулящих погибель. Им снились недобрые сны, а верные кони не желали становиться в колесничную упряжь и обнюхивали хозяев, роняя горькие слёзы... Какие сны посещали в эту ночь юношу-вельху, никто уже не узнает. «Не терпится тебе на тот свет, – мысленно плюнул Гвалиор. – Что ж...» Он знал, как звали парня. Мал-Нахта. Мал-Нахта из семьи Белой Гривы, осевшей на востоке, на самой границе Вечной Степи.

Гвалиор ничего не смог бы сделать для него, даже если бы захотел. Вызвавшемуся на поединок обратной дороги нет.

Волк, конечно, привёл с собой работника, вооружённого зубилом и молотком, и тот – нога за ногу – поплёлся расковырять вельху. Именно поплёлся. Никто никогда не видел, чтобы этот работник спешил или хоть делал что-нибудь споро. У такого дело в руках не горит, от него не дождёшься ни яркой вспышки души, ни ответа на шутку. У него и лицо-то было *медленное*, похожее на плохо пропечённый блин: широкое, толстогубое, с глазами, точно у мороженой рыбины...

Мал-Нахта нетерпеливо шагнул ему навстречу, а когда молоток стукнул по обушку зубила – запел. «У мужчины, идущего в бой, должна звучать в душе песня, – говорил его народ. – Слышишь ли ты её, воин?..»

Это была старинная баллада о каком-то благородном воителе, который во имя чести пошёл даже против воли Богов – за что и был после смерти взят Ими прямо на небеса.

...Строптивного и горячего вельху тем не менее до сих пор не считали опасным. Поэтому работнику пришлось освободить его лишь от ошейника. Мал-Нахта мотнул головой и убрал пятернёй с глаз сальные космы, бывшие когда-то светлыми прядями, волнистыми и густыми, – истинным украшением воина.

– Ну, иди сюда, – усмехнулся Волк.

И вельх пошёл. Пошёл, на глазах распрямляясь, сбрасывая груз рабства и становясь красивым, мужественным и гордым. Но Гвалиор поймал себя на мысли: это идёт не боец, готовый зубами выдирать победу в беспощадной схватке без поддавок и правил. Это шествует на последнее священнодействие герой, посвятивший себя Богам. Таких прославляют сказители. Но таким и место в сказаниях, а не в настоящем сражении...

Под ноги Мал-Нахте попался продолговатый обломок камня, заострённый с одного конца. Юноша проворно нагнулся за ним и стиснул в ладони. Камень лёг в руку ухватисто и удобно. «Не иначе, кто-то из рабов обтесал и подбросил сюда, – тотчас пришёл к верному выводу Гвалиор. Почти шесть лет работы надсмотрщиком его многому научили. – Вот хитроумные стервецы!..»

Волк ждал противника, опустив руки и не спеша братья ни за кнут, ни за кинжал.

– Эй, вельх! – сказал он затем. – Ты кое-что забыл, как я посмотрю. Или твоя мать родила тебя не от мужа? Ваше племя, я слышал, дерётся всегда голяком! Поди сними штаны, я тебя подожду!

Вельхи действительно уважали благородную наготу воина, идущего на святой бой. Волк хорошо знал, что делал: оскорбление угодило точно в цель. Мал-Нахту точно хлестнуло, он бросился вперёд, пригибаясь и готовя руку с оружием-камнем. Волк того только и ждал. И с ответом не оплошал. Он чуть посторонился... и встретил невольника жестоким и быстрым пинком в колено, начисто раздробившим сустав.

Толпа кандальников качнулась и сдавленно ахнула, потом загудела. Собственно, едва начавшийся поединок был кончен. Сильный и яростный вельх так ничего и не смог поделаться против Волка, не сумел даже коснуться его. Теперь он умрёт. Униженный и беспомощный. Как многие прежде него – и как предстоит ещё многим...

Мал-Нахте понадобилась вся сила и гордость духа, чтобы не завывать от боли, внезапно заслонившей весь мир. Он скорчился на каменной площадке, скрипя зубами и стискивая изувеченное колено, но потом всё же разомкнул руки и приподнялся.

Волк не торопясь обходил его кругом, выжидая с усмешкой: ну что, дескать, всё?.. Ничего больше не будет?.. Так-таки и не удастся развлечься?..

Вслух он сказал:

– А я думал, вы, вельхи, способны на большее. Значит, правду люди болтают, будто вы... как его... только и умеете заводить вражеские рати в болота! Честный бой – не для вас!..

Молодой раб вряд ли толком слышал его. Даже сквозь многомесячную грязь на забывших солнце щеках было видно, что боль в разбитом колене отогнала от лица всю кровь, оставив кожу изжелта-восковой, как у мертвеца. Вельх, наверное, понял, что гибель, почти обещанная самим выходом на поединок, сделалась уже неминуемой.

Оставалось лишь принять её с достоинством. Совершить последний поступок. О котором никогда не узнают дома. Никогда не узнают и не запомнят...

Мал-Нахта привстал, опираясь на здоровую ногу, и снова запел. Спутанные волосы падали ему на лицо, но кто-то разглядел: он не открывал глаз. Чтобы не так видны были текущие из них слёзы страдания. Чтобы не поддасться искушению жалко заслониться руками, когда Волк станет его убивать...

Гвалиору не хотелось на это смотреть, и он не смотрел. Ему, надсмотрщику, положено было приглядывать за порядком, за тем, чтобы каторжники не начали бушевать и не бросились все разом, учиня бунт. Такое тоже случалось когда-то...

А Волк не торопился. Он вытащил из-за пояса кнут, развернул его... и хлестнул вельха, нацеливая меткий удар как можно унизительнее:

– Я же сказал – иди снимай штаны, я подожду!..

Мал-Нахта вздрогнул, но продолжал петь. Волк ударил его ещё дважды, однако голос гибнущего только обрёл некую глубину и торжественность. Он, сроднившийся с мыслью о смерти, уже видел перед собой такие пределы, куда обиды брэнной плоти просто не могли долететь. Как и оскорбления, вылетающие из человеческих уст. Волк понимал немного по-вельхски. Он решил не дать рабу довершить песнь и тем самым, возможно, наслать на него, Волка, проклятие. Решено – сделано! Молодой надсмотрщик нахмурился, вынул кинжал, взял Мал-Нахту за волосы и быстрым движением, ни слова не говоря, рассёк ему горло. Этак спокойно и деловито, словно курице, предназначенной в суп.

Ему, собственно, с человеком разделаться и было всё равно что курице голову отвернуть. Все это знали, но пускай лишний раз убедятся, не вредно. Среди кандальников, смотревших на поединок, были закоренелые насильники и убийцы. Но были и такие, кто крысу-то, повадившуюся в забой, камнем пришибить не мог...

Волк легко отступил, чтобы не замарать новые кожаные штаны. Мал-Нахта захлебнулся кровью и свалился набок, утрачивая достоинство, которое силился сохранить. Тело, уже не направляемое гаснущим сознанием, забилося некрасиво и непристойно. Перерезанные сосуды струями и брызгами извергали из него жизнь. Потом алое биение начало утихать и наконец совсем успокоилось. Руки, вскинутые было к шее, вытянулись, из них ушёл суетливый судорожный трепет. Лицо вельха, перекошенное внезапной гримасой изумления, ужаса, смертной муки и понимания конца, стало разглаживаться. Пока не застыло, вновь сделавшись красивым, спокойным и чистым...

Волк нагнулся и вытер клинок о тряпьё его одежды, где оно осталось не заляпано кровью.

– Убрать падаль! – распорядился он громко.

Двое служителей из тех, что сбрасывали мёртвых в отвалы, взяли называвшегося Мал-Нахтой за руки и ноги и равнодушно закинули в тележку – неестественно податливое тело сложилось в ней так, как никогда не сложилось бы живое, имеющее потребность дышать. Надсмотрщики немедля погнали толпу кандальников дальше, через большой подземный зал, к следующей дудке, к деревянным ступеням... в новые выработки и забои. Зашаркали по мосткам бесчисленные босые ступни, потащились, брякая, ножные цепи опасных, и кто-то первым завёл известную всему руднику Песню Отчаяния.

Не ждите, невесты! Не свидимся с вами:
Живыми уже не вернёмся домой.

Сокрытые камнем, ушедшие в камень,
Мы избраны вечной Хозяйкою Тьмой.

Она нам постелет роскошное ложе,
Подарит, лаская, прекраснейший сон —
Что странником неким, случайно заходим,
Последний привет будет вам донесён...

Гвалиор угрюмо шагал вдоль вереницы рабов, держа наперевес короткое, с толстым древком копьё... когда его отточенный службой взгляд выхватил в безликой, равномерно колышущейся толпе ещё двоих старых знакомых. У одного в бороде и волосах, чёрных от природы, было полно седины, а обе ноги отсутствовали ниже середины голени — с того места, где у него, Гвалиора, начинались сапоги. Второй был молодой дикарь из племени веннов, ровесник и бывший друг Волка. Такой же рослый и широкоплечий, но, в отличие от Волка, не наживший на костях мяса и жира — лишь кандалы опасного. Он тащил безногую на закорках, и тот, держась за его плечи, всю венна ругал.

— ...О чём толкую, ты, лесной пень!.. — расслышал Гвалиор. — Знаю, примериваешься... И думать не моги, ясно тебе?!

Венн покосился на Гвалиора, когда тот подошёл. Большинство рабов за косою взгляд на надсмотрщика тотчас схлопотали бы по загривку, но Гвалиор не ударил.

— А то я не знаю, что у тебя на уме!.. — сказал он венну. — Обдумываешь, где и в чём ошибся этот бедняга!.. И уж ты-то, конечно, его ошибки не повторишь!..

Венн промолчал, размеренно шагая вперёд.

— Вот и я ему о том же, — подхватил халисунец. — Ты, господин, человек разумный и справедливый, ну хоть ты ему объясни!.. Погибнет зазя, кто тогда обо мне, калеке, заботиться будет? А?.. Тебе Мхабр перед смертью что завещал?..

На сей раз венн по имени Серый Пёс даже не повернул головы, продолжая ровно шагать вверх по ступенькам. Хотя мог бы ответить обоим. Например, так: «Вождь сехаба, умирая, велел мне быть воином. Это значит — внимательно слушать себя и тот мир, в котором живу. И если выпадет биться с человеком без чести, я не поведу себя так, словно передо мной — благороднейший из героев...» И Гвалиору он мог бы сказать: «Для начала я повязал бы волосы, чтобы не лезли в глаза. И не бросился бы первым на Волка, даже если бы он всячески оскорбил мою мать. Напавший сразу обнаруживает свои сильные и слабые стороны и позволяет их использовать тому, с кем сражается. И вместо того, чтобы петь геройскую песнь, я хоть камнем бы Волку в глаз ткнул, когда он резать меня подошёл. Или ещё что-нибудь сделал. Не стоял бы перед ним, как баран...»

Но Серый Пёс не сказал совсем ничего, и этому тоже имелась причина. «Если волк уже уволок козлёнка, всякий скажет тебе, что проще пареной репы было бы ему помешать. Все мы очень умные, когда смотрим со стороны, — и я в том числе. Сам-то я каков буду молодец, когда настанет моё время выйти на поединок? А я выйду. Настанет ещё мой день. Если раньше не погибну где-нибудь в забое под рухнувшими камнями. Дважды я выскакивал и калеку выдёргивал — удастся ли в третий?..»

— Его звали Мал-Нахта! — мрачно проговорил Гвалиор. — Мал-Нахта кланд Ладкенн Эах — из семьи Белой Гривы! Если ты, сопляк, так здорово знаешь, как надо было биться, почему ты сегодня не вышел вместо него?

— Вот правильно!.. — обрадовался халисунец. — Втолкуй, втолкуй ему, господин! А ты что молчишь, дубина стоеросовая?..

Венн опять промолчал. Гвалиор на него осердился и, наверное, всё-таки пустил бы в ход кнут — чтоб проявлял впрёд должное уважение, а то — ишь, волю-то взял!..

Но в это время навстречу веренице кандалников по истёртым от времени деревянным ступеням скатился подросток с медной простенькой «ходачихой» в мочке левого уха — будущий надсмотрщик, новая гордость Церагата, так хорошо знающего людей.

– Гвалиор, Гвалиор! – запыхавшись от быстрого бега по лестницам, окликнул он нардарца. – Ступай скорее к Западным, там караван показался! Тарким твой приехал! – И радостно вытянул из-за пояса размочаленный, от кого-то унаследованный кнут со следами старательной, но пока неумелой починки: – А я тебя подменю!..

Тарким, собственно, ещё не приехал. Западные, или, правильнее, Западные-Верхние ворота были просто расположены высоко и удобно на склоне Южного Зуба и как бы господствовали над долиной – той самой, единственной, тянувшейся сюда из низин. Отсюда можно было различить несколько витков пути, змеившегося по склонам. Заяц не пробежит незамеченным, уж куда там отряду в несколько десятков людей! В старину, когда во внешнем мире происходили крупные войны и на Самоцветные горы ещё пробовали нападать, у Западных-Верхних всегда стояла неусыпная стража. Однако те времена давно миновали. Правители внешнего мира поняли, что с Хозяевами рудника торговать куда выгодней, нежели воевать. Случиться, однако, могло по-прежнему всякое, и оттого дозор держали по сию пору. Только теперь он больше высматривал не вражеские отряды, а купеческие караваны. Десятник, стоявший старшим в страже ворот, с ухмылкой протянул Гвалиору большой, в ладонь, камень заберзат,²² отполированный наподобие чечевицы:

– Посмотри, парень, и скажи встречать, Церагат разрешил. Они с Шаркутом уже выехали. А за тобой тоже сразу послали, да, видать, не вдруг нашли...

Гвалиор забыл даже поблагодарить, хоть и следовало бы. Распорядитель и старший назиратель, значительные и занятые люди, не позабыли его, вызвали встречать караван... Чечевица была отшлифована далеко не идеально (почему, собственно, камень и не выставили на продажу, а отдали стражникам наблюдать за дорогой). Прозрачный заберзат делал прямые линии волнистыми, очень смешно искажая всё видимое, и к тому же, в силу собственной природной окраски, замещал все цвета золотисто-зелёными. Однако Гвалиор долго не мог оторвать от него глаз, и сердце у него трепетало. Пятнистое чудище, размеренно переставлявшее невозможно кривые ходули, конечно же, было пегой лошадей Ксоо Таркима. А в шедшем поодаль карлике с удивительной бородой и кручёным посохом только слепец не признал бы дядю Харгелла!..

Караваны ждали с радостным нетерпением, каждый приезд был событием. В подземных копиях работали тысячи рабов, за ними надзирали несколько сотен надсмотрщиков – целый обособленный мир, маленькое самостоятельное государство. Даже побольше того, с которого при первых Лаурах началась родина Гвалиора, Нардар. Но даже надсмотрщикам недосуг было ходить по чужим выработкам, знакомиться и любопытствовать, а уж рабам... рабов и подавно не спрашивали, чего бы им хотелось. Где поставили (а то вовсе приковали), там и трудись. Пока не оттащили в отвал... Люди видели каждый день те же самые, давно примелькавшиеся лица. А величайшими новостями были трижды перевернутые слухи о драке в забое или о том, что такая-то копь неожиданно начала иссякать.

Поэтому любой караван с волнением встречали все. От распорядителей до последнего замурзанного подбиральщика. Купцы привозили всамделишные, непридуманные новости из внешнего мира – пищу для пересудов до самого следующего лета. Кроме того, у многих где-то осталась родня. И у надсмотрщиков, и у рабов. Удивительно ли, что каждого новичка, будь то каторжник или вольнонаёмный, первым делом буквально выжимали досуха, с болезненной жадностью расспрашивая – откуда, брат? Из каких мест? А о такой-то семье краем уха ничего не слышал?... Что??? Повтори-ка?... Эй, лозоходец, не в службу, а в дружбу! Будешь на девятнадцатом уровне, скажи там, чтобы передали Кривому – у него мать умерла...

²² *Заберзат* – хризолит, прозрачный самоцвет золотисто-зелёного цвета, имеющий ювелирную ценность.

Буланую кобылу, на которой ездил Гвалиор, звали Ромашка. Дома он привык к крупным лошадям. К таким, чья холка приходилась ему вровень с глазами, если не выше. Он помнил, как впервые собрался сесть на Ромашку: «Это ж не лошадь, это коза какая-то! Да она, как в седло полезу, вверх копытами свалится...» Мохнатая кобылка в самом деле была ему росточком едва до груди. Однако под весом небольшого всадника лишь устойчивей расставила короткие крепкие ножки – и пошла шагом, рысью, а потом даже галопом! Шустренькая оказалась, выносливая. И очень надёжная. Гвалиор полюбил и зауважал её после того, как однажды весной они вместе чуть не угодили в разлив горной реки, неожиданно вспухшей из-за прорыва ледникового озера высоко над верховьями. Ромашка тогда вовремя почувствовала опасность – и одолела несколько саженей почти отвесной крутизны, спасая седока и себя. С тех пор Гвалиора перестала смущать внешность кобылы: всячески баловал любимицу и ездил только на ней.

Он со всех ног примчался в конюшню и поседлал лошадку трясущимися руками. Дядя Харгелл отдаст ему письмо от Эрезы, он сразу прочтёт его... и будет читать снова и снова целую зиму, всякий раз вычитывая нечто новое, сразу не понятное, не замеченное... Уздечка, кусок пушистого упругого меха на спину, пёстрый войлок, седло!.. Вот так всегда – ждётся, ждётся, ждётся. И вдруг то, чего ждал, наступает стремительно и внезапно, и оказывается, что ты его почти прозевал, и надо поспешать бегом, чтобы не опоздать совсем безнадёжно! Церагат и Шаркут со свитой уехали уже далеко, Гвалиор пустился их догонять. Он выехал из ворот шагом, чтобы ради своего нетерпения не мучить Ромашку. Однако она ощутила его состояние и сама прибавляла шаг, пока не побежала семенящей рысцой.

Небо над Тремя Зубьями было совсем ясным; солнце, отражаемое вечным снегом на склонах, понемногу клонилось к закату. Долина круто уходила вниз. С дороги, по которой ехал Гвалиор, она просматривалась хуже, чем от ворот. Казалось, она упиралась прямо в скопление крутых, чёрных против солнца – только нестерпимо горели шапки ледников – гор. Гвалиор поймал себя на странной мысли: он толком не помнил, что же находится там, за ущельем, стиснутым отвесными каменными громадами. Он не был там вот уже почти шесть лет. «Эреза... Девочка, что же ты мне на сей раз прислала в письме? Станет ли у меня тепло на сердце, когда я его прочитаю? Эреза...»

Караван был самый обыкновенный. Точно такой же, как год назад, и два года, и три. Повозка, запряжённая упорными выносливыми лошадьми, надсмотрщики с палками, длинная скрипучая цепь... Пропылённые, усталые, заросшие бородами лица прикованных рабов. Их глаза, в которых безнадёжность мешалась с ожиданием и безумной надеждой... Разбойники, попавшиеся воры, приговорённые к смерти убийцы. Несостоятельные должники, слишком смелые песнопевцы... грамотеи, набравшиеся странных мыслей из книг, запрещённых повелением государя... Последние две-три сотни шагов Ромашка одолела галопом. Опять сама, без просьбы и понукания. И звонко заржала, приветствуя сородичей.

Ксоо Тарким тоже не изменился с прошлого лета. Кажется, не нажил ни новой седины в усах, ни жирка на животе – да и с чего бы, если подумать, ему наживать благополучный жирок?.. Они с Церагатом и распорядителем Шаркутом уже осматривали медленно бредущих рабов, обсуждая, кто к какой работе пригоден.

– А лозоходца нового ты мне не доставил, Тарким? Вроде того мальчишки, халисунца, как бишь его звали... Каттаем?

– Да, верно, Каттаем... О, до чего же быстро летит время! Нет, друг мой Шаркут, подобного ему я тебе не доставил. С такими, ты ведь понимаешь, везёт только раз в жизни, и этот раз для нас с тобой, увы, уже миновал. Но, прошу тебя, приглядишься получше вот к этому старику... да-да, ты ещё проехал мимо него, едва посмотрев. Ты, наверное, счёл его слишком старым и слабосильным? Тебе следует знать, что он весь путь прошёл сам, не отсиживаясь в повозке...

– Даже так?

– Да, друг мой. Даже так. Я, как водится, случайно заметил в нём качества, могущие

тебе пригодиться...

Гвалиору бросилось в глаза, что дядя Харгелл, издали, конечно, заметивший его приближение, не принялся махать, как обычно, рукой, а, едва посмотрев, снова отвёл взгляд. Так, словно ещё на несколько мгновений хотел сделать вид, будто не заметил двоюродного племянника. У молодого надсмотрщика так и ёкнуло сердце. «Что-то случилось? С матерью, с отцом? Или... с Эрезой? Неужели с Эрезой?..»

– Дядя Харгелл?..

Харгелл, которого никто не заподозрил бы в какой-либо чувствительности, сунул руку в поясной кошель и вложил в ладонь остолбеневшему Гвалиору нечто маленькое, круглое.

– На, держи... Другие твои подарки она тоже вернула, почти все. Я их сюда не попёр, уж ты извини, у твоих дома оставил. А колечко велено было из рук в руки тебе передать. Вот.

Это был недорогой, простенький перстенёк, купленный годы назад совсем бедным тогда Гвалиором. Купленный для смешливой девчушки – на память, в знак верности и постоянства. Медный перстенёк даже не с камешком... какое понятие он тогда имел о камнях, да и мог ли позволить себе! – с обыкновенным, самым дешёвым речным перламутром. Должно быть, первые годы Эреза носила его, не снимая. Металл истёрся, а перламутр стал тёмнее от царапин, и краешек его откололся. Каким смешным был этот дар нищего влюбленного рядом с сокровищами, к которым он теперь каждый день прикасался...

– За кого она вышла? – тупо спросил Гвалиор.

– Эй, парень, ты смотри только не затевай ничего! – обеспокоился Харгелл.

– Да не затеваю я ничего, дядя, – отмахнулся Гвалиор. Странно, но он не чувствовал ничего, кроме внезапно навалившейся усталости. – Так за кого?

Мысленно он успел перебрать всех жителей своей деревни и разных людей, на его памяти туда заезжавших. Кто предложил его невесте больше, чем собирался предложить он?.. Сын лекаря, к отцу которого издали добирались страдающие глазными болезнями? Ученик кузнеца, ещё при Гвалиоре обещавший превзойти своего наставника в мастерстве?.. Залётный ухарь-купец, этакий молодой Тарким, с лёгкостью выложивший деньги на свадьбу?..

– За пастуха Мария, – нехотя ответил Харгелл.

«За... пастуха?» Мысли двигались тяжело, точно полусонные рыбины в осеннем пруду. Гвалиор помнил Мария, названного в честь знаменитого кониса. Родители часто дают сыновьям имена великих мужей, надеясь привлечь к ним удачу. Если бы удача обращала на это внимание, на свете перевелись бы несчастные, обиженные людьми и Богами. Гвалиор помнил лачугу отца Мария и обноски, в которых вечно ходил пастушонок, росший без матери.

– Он что... клад нашёл? Или... – тут молодой надсмотрщик выдавил судорожную улыбку, – ...золотую жилу открыл?..

– Ты, мальчик, совсем одичал здесь в горах, – хмуро пояснил Харгелл. – Ты не знаешь, что делается на свете. Нынешней весной государь конис издал новый закон!.. Его объявляли повсюду, даже до нашей глухомани добрались, чтобы никто не мог притвориться, будто не слышал. Так и называется – «О разорительных свадьбах». Теперь мужчина может жениться, если даст женщине кров над головой и корову в хлеву. Понял, малыш?

– Но... как же? – выговорил Гвалиор. Для него, коренного нардарского горца, свадьба без трёхдневного пира и подарков всем родственникам была как бы и не свадьбой вовсе, а... чем-то ненастоящим. Игрой понарошку... Вроде как у ярмарочных лицедеев, когда один другому при всём народе рубит голову большущим мечом... а потом оба идут лакомиться пивом в трактир...

– А вот так, – пожал могучими плечами Харгелл. – Сказано, государь уважает и чтит обычай предков, но и бедствие, происходящее от его ревностного исполнения, спокойно видеть не может... Ну, и немилость Священного Огня, если вдруг таковая случится, падёт пусть на него одного, а не на народ. Вот так-то... Короче, Эреза твоя с Марием тут же...

Они, если честно тебе сказать, уже года два как друг по дружке вздыхали...

«Два года! Пока я тут нам с ней на свадьбу копил!..»

Вслух Гвалиор не сказал ничего, продолжая рассматривать колечко, лежавшее у него на ладони. В жилом покое, полагавшемся ему на руднике, хранилась запертая шкатулка с камнями. Честно купленными в счёт заработка. Хранитель Сокровищницы на эти бы камешки самое большее плюнул, но Гвалиор каждый вечер любовно раскладывал их перед собой на столе, заново составляя украшения для Эрезы... Всё представлял, как она будет в них выглядеть... Что подойдёт к её русым волосам, что – к зелёным глазам... «Ох, Священный Огонь и Чёрное Пламя! Зачем всё?!»

Харгелл продолжал рассказывать. Он-то сам был женат уже лет пятнадцать и только жалел, что новый закон опоздал к его собственной свадьбе. И жил бы небось побогаче теперешнего, и на проклятую работу – в надсмотрщики – не пошёл... Сидел бы дома с женой, вишни в садике собирал!

Впрочем, волею государя кониса устанавливался новый порядок возврата долгов теми, кто уже был женат, – дабы и нынешний закон соблюсти, и тех, кто когда-то помог нищему жениху, не обидеть. Харгелл, увлечшись, только собрался поведать об этом двоюродному племяннику, но вовремя заметил, что тот перестал его слушать.

– Письма никакого не написала? – всё тем же ровным голосом спросил Гвалиор.

– Письмо!.. – спохватился Харгелл. Сунул руку за пазуху и вытащил коричневатый лист, сложенный в несколько раз и порядком измятый. – Ну да, конечно. Держи. Только не от неё, а от матери.

– Спасибо, дядя Харгелл, – кивнул Гвалиор. – Ну, поеду я. Меня там подменили, вернуться надо бы...

Ромашка бродила поблизости нерасседланной, щипала короткую, но сочную горную травку. Ей, как всякой лошади, кормиться нравилось куда больше, чем таскать на себе человека, но привычка к покорности была выработана поколениями – кобыла трусцой подбежала на зов и ткнулась мордой в руку нардарца. Гвалиор рассеянно погладил мягкий нос, поскрёб пальцами густую, подстриженную ёжиком гриву... «Зачем всё?..» Короткий вопрос, на который не было ответа, звучал и звучал, словно эхо под сводами обширной пещеры. Гвалиор молча забрался в седло, и Ромашка деловито зашагала обратно к воротам.

Вереница усталых рабов доплетётся туда ещё не особенно скоро...

Потом говорили, что первым поднял тревогу мальчишка-надсмотрщик, которого Гвалиор так и не явился сменить. Тогда нашлись видевшие, как нардарец спускался по рудничным лестницам вниз, покачиваясь и что-то бормоча. Обеспокоенный Церагат отправил людей на нижние уровни. И на двадцать седьмом почти сразу кто-то поднял небольшой аметист, заключённый в сеточку из серебряных нитей, – камень, спасающий, как всем известно, от опьянения. В нескольких шагах обнаружилась и фляжка, из которой Гвалиор его вытряхнул. Она была пуста, но из неё пахло вином.

И самоцвет, и фляжка валялись совсем рядом со входом в Бездонный Колодец.

Харгелл очень винил себя в происшедшем и хотел сразу лезть за племянником, но его удержали.

– Ты не жил здесь, под землёй, ты не понимаешь, – сказал Церагат. – Может, твой родственник ещё жив, а может, Скрытые уже сожрали его тело и завладели душой. Ты смел и силён, но туда смогут проникнуть лишь те, кто знает тайную жизнь недр. Только опытные исподничьи... Да и они скорее всего назад не вернуться. Эй!.. Объявить всюду!.. Если кто из рабов отважится пойти в Бездонный Колодец и доставит Гвалиора живым – получит свободу!..

Южный Зуб загудел снизу доверху.

Подобного не помнило не только нынешнее поколение каторжан; ничего похожего не сохранили даже бережно передаваемые легенды времён Горбатого Рудокопа и Белого

Каменотёса. Случалось, люди уходили в Колодец, но вышедших из него не было. Там, в глубине, таился пробитый Горбатым лаз наружу из рудника. А на пути к нему подстерегало множество погибелей. Таких, что обычному человеку туда лучше было и не соваться...

И вот теперь рабам предлагали исполнить неисполнимое. Пойти и вернуться. Да ещё вернуть добровольно заплутавшего в чертогах Хозяйки Тьмы...

И за это обещали СВОБОДУ...

Довольно долго никто не откликнулся на посулы глашатаев Церагата. Потом как прорвало: охотники начали вызываться один за другим. Большинство было отвергнуто прямо на месте – всякие немощные и больные, решившие попытать счастья просто потому, что нечего осталось терять. Тех, от кого можно было дожидаться толку, повели к Церагату. Старший назиратель придирчиво оглядел всех, в сорок петель выругал своих бестолковых посыльных – и выбрал двоих. Эти двое стояли теперь возле чёрной, с призрачно-радужным блеском, стены штрека на двадцать седьмом уровне и слушали Церагата.

Один был рыжеволосый молодой аррант, тонколицый и кудрявый, как многие его соплеменники. Он заметно хромал из-за некогда раздробленной, а потом неправильно сросшейся ступни. По этой причине его чуть не обошли Церагатовы подручные... за что старший назиратель прилюдно обозвал их никчёмными дармоедами и пустой породой, годной только в отвал. Аррант ещё пытался не опуститься до животного существования. Он выглядел опрятнее многих, работавших рядом, и даже побитая ранней сединой борода, простиравшаяся по щекам чуть не до глаз, выглядела не такой длинной и косматой, как у других.

– Пойдёшь вот с этим, Тиргей, – сказал ему Церагат.

Аррант не сдержал усмешки. Старший назиратель прекрасно знал, как его на самом деле зовут, однако все четыре года Тиргей слышал из его уст лишь свою невольничью кличку – «Рыжий». По имени же удостоился только теперь...

Потом он посмотрел на своего будущего напарника и едва не попятился, вспомнив про себя сандалии Посланца, столько раз уносившие своего божественного хозяина от беды.

Перед Тиргеем стоял молодой раб, ещё по-мальчишески угловатый, но в ручных и ножных кандалах опасного. На ошейнике у него висела особая бирка, означавшая, что уже здесь, на руднике, он убил человека. Даже и теперь надсмотрщик держал наготове копьё, направленное ему в рёбра. Кандальник сумрачно, исподлобья, поглядывал на арранта, и ничего доброго этот взгляд, по-видимому, не сулил. Тиргей присмотрелся и понял, что из них двоих юный варвар был гораздо более сильным. «Да он же меня пристукнет и съест, чтобы продержаться и дойти до потайного лаза Горбатого...»

Он успел почти пожалеть, что ввязался в затею с Колодцем, но тотчас одёрнул себя: «Ну убьёт. Ну съест. Много потеряю?..»

– Этого расковать, он пойдёт первым, – деловито распорядился Церагат. – Ошейник оставить.

Харгелл, беспокойно топтавшийся возле стены, неожиданно подошёл к Тиргею и сунул что-то ему в руку:

– На, держи, хромой... Мало ли что вы там встретите, вдруг пригодится...

Он не узнал Тиргея. Мудрено ли, если вспомнить, сколько рабов прошло через его руки за годы работы надсмотрщиком!.. Тиргей зато узнал его сразу. Каждый человек для себя единствен и неповторим... Аррант отнюдь не забыл горную дорогу, слепящую боль в раздробленной камнем ноге и блеск отточенного клинка: «Даже если рана не воспалится, за три дня пути, что нам остались, он съест каши на большую сумму, чем ты за него выручишь на руднике... Ну так что, хозяин? Добить?..»

...Тиргей взял протянутое Харгеллом и изумлённо уставился на добротный боевой нож в потёртых кожаных ножнах с ремешками для пристёгивания к запястью. «Неужели тот самый, которым он меня собирался?..» Потом заметил краем глаза недовольное лицо Церагата и то, как слегка заметался стражник с копьём: за кем следить, кто сделался

опасней? Лохматый дикарь или вооружённый аррант?..

Тиргей невозмутимо застегнул маленькие пряжки.

– Спасибо тебе, господин. Ты, верно, родственник Гвалиору?

– Я его дядя... – Сказал бы кто Харгеллу ещё нынче утром, что не далее как к вечеру он будет едва ли не дружески разговаривать с рабом! Не орать, не приказывать, а объяснять и почти просить, надеясь на сострадание! Совсем недавно он счёл бы подобное унижением. И, пожалуй, призвал бы в свидетели Священный Огонь – уж с кем с кем, а с ним подобного не случится! Он продолжал, сам не зная зачем, просто потому, что говорить было легче, чем молчать: – Так случилось, что я принёс Гвалиору очень скверную весть...

Тиргей кивнул. Сплетни на руднике распространяются быстрее пожара. Однако он промолчал. Не дело невольнику выказывать осведомлённость в делах господина. Работник выколупывал застрявшую заклёпку, торопливо снимая с напарника арранта ручные кандалы. Когда упрямая заклёпка наконец выскочила, молодой варвар не спеша развёл руки и с наслаждением потянулся. Впервые свободно за несколько лет.

«Хорошо всё-таки, что это он пойдёт первым, не я, – подумал Тиргей. – И что у меня при себе будет боевой нож...»

Им дали на каждого по мотку крепкой верёвки, по котомке еды и по кожаной бутылке с водой. Позволили сбросить лохмотья и одеться более-менее тепло и добротно... Рудничные каторжники ходили по штрекам босыми, либо в немыслимых опорках, связанных из лохмотьев. Двое походников всунули ноги в крепкие сапоги. И аррант понял, что, оказывается, до этого мгновения даже не подозревал, как глубоко может взволновать и обрадовать столь незначительная примета достойной человеческой жизни. «А что, если мы вправду отыщем там Гвалиора и вернёмся назад, и с нас снимут ошейники? Или, во имя всех Богов Небесной Горы, найдём ход Горбатого, выводящий наружу?..»

– Хватит чесаться, идите! – приказал Церагат. – Живо!

Напарник Тиргея по-прежнему молча и довольно медлительно подошёл к гладкой, словно проплавленной в чёрном камне-радужнике, дыре – началу Колодца. Взялся руками за край и неожиданно быстрым движением подтянулся внутрь. Втащил за собой на верёвке котомку... Легко перевернулся и полез вверх, упираясь спиной и ступнями в гладкие стенки хода. «У меня так не получится, – испугался Тиргей. – Я не смогу. Сейчас подведёт больная нога, и Церагат поймёт, что ошибся. Он прогонит меня, а в Колодец отправит другого...»

На самом деле он подошёл к отверстию, почти не хромяя. И дерзко проговорил, обернувшись:

– Спасибо за ножик, Харгелл! Чего доброго, действительно пригодится!

Подпрыгнул и забрался в дыру почти так же ловко, как напарник, лишь один раз взбрыкнув в воздухе ногами, чтобы помочь телу перенести тяжесть за край. И тоже принялся карабкаться вверх по отвесной чёрной трубе. «Уж не этот ли радужник я буду вспоминать, думая про Истовик-камень?..» Луч налобного светильничка зажигал в скале мимолётные мерцающие переливы...

Когда я умру, я не сгину, как искра во тьме.
Когда я умру, я очнусь на высоком холме.
Там, где не бывает ни горестно, ни одиноко,
Очнусь оттого, что большая собака лизнёт меня в щёку.

И я потянусь, просыпаясь, и на ноги встану,
И вдаль посмотрю сквозь жемчужные нити тумана.
Умытым глазам не помеха рассветная дымка —
Свой путь разгляжу до конца, до заветной заимки.

Тропой через лес, где тяжёлые ветви – как полог,
Где голову гладят зелёные лапищи ёлок,

А если решу отдохнуть на пеньке у дорожки,
Тотчас на колени запрыгнут пушистые кошки,
И там, где траву водяную течение клонит,
Без страха ко мне подойдут любопытные кони...
Чего им бояться – созданиям доброго мира,
Где только сухие поленья и рубит секира?

И вот наконец сквозь прогалину леса – увижу
Дымы очагов и дерновые низкие крыши:
Там встретить готовы меня без большой укоризны
Все те, кто был мною любим в завершившейся жизни,
Готовы принять и судить не особенно строго
Все те, кто меня обогнал на небесных дорогах.
Обиды и гнева не будет во взглядах знакомых...
И я улыбнусь. И почувствую сердцем: я дома.

8. Бездонный колодец

...Двое походников стояли в относительно небольшой, величиной с обычный жилой покой аррантского городского дома, пещере.

– Во имя десяти когтей Кромешника, затупившихся о подножие утёса, где радовалась солнцу Прекраснейшая!.. – вырвалось у Тиргея. – Ни один рудокоп, Горбатый или без горба, здесь отродясь не работал!..

Он-то уж мог определить разницу между старой выработкой, пусть сколь угодно заплывшей каменными сосульками, и природным творением. Зря ли он ползал на брюхе в опасных пропастях Карийского хребта, изучая подземные воды и их сокрытую жизнь!.. Ни одна человеческая рука не смогла бы так тщательно обнажить стволы древних деревьев, окаменевших, неведомо как оказавшихся погребёнными в толще горы и превратившихся за века в столбы серовато-белого ногата!..²³ Всё сохранилось, уже неподвластное времени: рисунок коры, созревшие шишки... кольца на изломе высохшей ветки... лишь стало каменным, а после пришла вода. Она проточила рыхлые слои и унесла их с собой, но не совладала с твёрдым ногатом. Возникла пещера – и стоял в ней тысячелетней давности лес, когда-то засыпанный пеплом и золой и теперь вновь открытый для взора... Открытый безо всякого участия зубила или резца. Горбатый Рудокоп здесь если и побывал, то только как равнодушный или восторженный зритель. Пещеру эту он не прорубал и с проходчиками тогдашнего распорядителя в ней не состязался!..

Пол, обточенный подземным ручьём, был достаточно гладок, Тиргей бегал от стены к стене и, по разбуженной привычке, говорил и говорил вслух. Так, словно его внимательно слушали учёные спорщики, облачённые в бело-зелёные одежды познания.

– И таким образом я полагаю, что легенды, связывающие Горбатого Рудокопа с этой системой пещер, следует если не признать полным и окончательным вымыслом, то уж по крайней мере подвергнуть весьма пристрастной проверке...

О, это была великолепная речь. Не утеснённая страхом перед внезапным появлением надсмотрщика... или трусливым коварством придворного звездочёта. Выговорившись, Тиргей наконец вспомнил, перед кем блистал учёностью и красноречием. И запоздало подумал, что этот человек, пожалуй, способен был наплевать на все доводы разума и попросту вышибить зубы оскорбителю рудничной легенды. Он оглянулся на варвара. Тот сидел, откинувшись спиной к каменному стволу, и невозмутимо ел. Маленькими кусками,

²³ *Ногат* – другое название оникса (разновидности агата).

смакуя, жевал сухую лепёшку. Тиргей успел с облегчением решить, что напарник его просто не слушал, но тут молчаливый варвар вдруг подал голос – едва ли не в первый раз за всё время похода:

– Эта ваша Прекраснейшая...

«Конечно. Что он, бедняга, мог воспринять, кроме упоминания о Богине любви и радостей плоти...»

– Люди говорят, – продолжал варвар, – будто Ей поклоняются с кровавыми жертвами...

Он говорил по-аррантски плохо и слишком старательно.

– Что?! – искренне возмутился Тиргей. – Да какой выродок тебе наплёл подобную чушь?!

Напарник враждебно посмотрел на него и вновь намертво замолчал, занявшись едой.

Из маленького зала, где остался дремать в темноте каменный лес, дальше в глубину горы вёл всего один узенький лаз. Рассмотрев его, Тиргей не отказал себе в удовольствии мысленно поторжествовать: ещё один камешек на его чашу весов в споре, бывал или не бывал здесь Горбатый!.. Торжествовать, впрочем, пришлось недолго. Варвар скинул рубаху и штаны и ужом нырнул в лаз. Тиргей пополз следом за ним, выпростав правую руку вперёд, изо всех сил перекосив плечи и без конца застревая. Подобные ходы в Карийских горах называли, причём очень заслуженно, шкуродёрами. Как бесстрашно он их исследовал в одиночку, даже думать не думая, что может не суметь вылезти обратно и останется под землёй навсегда!.. И почему он так верил, будто пещеры окажутся благосклонны к нему и не захотят погубить?.. Что ж – самое скверное с ним вправду случилось не в отвесных колодцах и шкуродёрах, а при ясном свете дня, наверху, где он и опасности-то не ждал... «Как же Гвалиор здесь прошёл? Он ведь куда крупнее меня...»

Тиргей распластался, повернув голову набок, и выдохнул, чтобы сделаться совсем плоским.

«И не такой тощий, как мой варвар...»

Правая рука цеплялась за неровности камня и тянула вперёд, пальцы здоровой ноги толкали, оскальзываясь и срываясь.

«Ну да, он же выкинул аметист и осушил целую фляжку, то есть пьян был мертвецки. А пьяному, как известно, всё нипочём...»

Ему показалось, что камень, больно царапавший спину, был ощутимо горячим.

«Гвалиор, Гвалиор, да покарает тебя Владычица Сновидений!.. И чего ради ты не улёгся да не заснул под ногатовыми деревьями, а пополз дальше, в эту лисью нору? Или духи подземелья давно похитили тебя и увели к себе в камень, а мы с варваром сейчас упрёмся в тупик и найдём себе здесь могилу...»

Горячая глыба над спиной у Тиргея ПОШЕВЕЛИЛАСЬ. Ему не почудилось: в толще что-то произошло. Налитая внутренним жаром скала пошевелилась и просела – скорее всего, едва заметно для глаза. Но зажатый под ней человек взвыл от ужаса, как смертельно раненное животное, и рванулся что было сил. Сейчас он будет раздавлен – медленно, словно в пыточной под грузом, сокрушающим внутренности и рёбра... будет задушен... изжарен живьём...

Его схватили за вытянутую правую руку и так поволокли вперёд, что плечо едва не выскочило из сустава. На шершавинах камня остались лепестки кожи. Взмокший и исцарапанный аррант кувырком выкатился из узкого хода под высокие своды. Он всхлипывал и никак не мог отдышаться. Налобный фонарик варвара мелькал над ним в темноте, полосуюя витавшую в воздухе муть. «Это что, пыль? Откуда?» Напарник Тиргея вдвигал под ненадёжную глыбу плоский обломок, поставленный на ребро. «Значит, не померещилось...» Тряские руки натянули на голову тугой кожаный обруч со светильничком. Пламя за прочным стеклом мерцало тускло и неохотно, грозя вовсе угаснуть. «Чем это здесь пахнет? Какая мерзкая вонь... И почему воздуху не хватает?..»

– Огневец горит! – сказал варвар. – Вставай, не сиди!

Они нашли Гвалиора в дальнем конце той же пещеры, где тлел подземный пожар. Нашли по несусветному храпу, эхом отдававшемуся от стен. Молодой надсмотрщик лежал возле стены, подтянув к животу колени («Даже штанов не порвал в шкуродёре!» – зло восхитился Тиргей) и спал, по-детски сунув руку под щеку. Доброе хмельное вино, дар солнца, всё же сотворило доброе дело. Нардарец отправился в Колодец за избавлением от опостылевшей жизни. А вместо этого – без ущерба одолел страшный лаз, мало не сгубивший двух опытных подземельщиков. Не задохся в дыму. Не иначе как молитвами матери перешагнул, вряд ли заметив, две очень коварные трещины, пролёгшие поперёк подземного зала... (А что ему их замечать: он ещё по дороге к Колодцу умудрился где-то оставить свой налобный светильник и шёл в темноте, не смущаемый видом смертельных опасностей.) Бездонный Колодец оказался пьяному по колено! Даже когда ноги окончательно перестали его держать, Гвалиор выбрал, чтобы свалиться, самое удачное место. Возле широкой дыры, уходившей отвесно вниз. Оттуда с гудением вырывался сильный холодный ветер и раздавался шум падающей воды. Ветер отгонял сочившийся из трещин угар и запах пожара, но если бы Гвалиор сделал ещё хоть один шаг вперёд, он бы сорвался. Слабые фонарики двоих рабов мало что смогли осветить за краем пропасти. Тиргей бросил камешек и долго слушал, как тот с цоканьем отлетал от уступов. Распознать, где находилось дно, ему так и не удалось. «Был здесь или не был Горбатый... Что, если росказни о проходе наружу – всё-таки не враньё?!»

Они с варваром сидели возле спящего Гвалиора, погасив светильнички, чтобы зря не жечь масло, и разговаривали под невнятное бормотание ветра.

– Я вырос около Арра, нашей столицы... если её название что-либо тебе говорит. Я был наставником детей Управителя города. А потом...

– Я знаю.

– Откуда?..

Напарник арранта усмехнулся в темноте. Будь у них свет, Тиргей бы заметил, что у его не очень-то словоохотливого товарища отсутствовал передний зуб.

– Ты меня не помнишь. Я изменился.

– Погоди... как...

– Тебе сломало ногу, когда погиб Корноухий.

– А ты... Не может быть! Неужели... Щенок?!

– Теперь люди чаще зовут меня Псом, потому что я вырос.

– Мне иногда кажется, что прошла целая жизнь...

– Тебя отправили в Колодец за то, что очень умён?

– Ну... я смыслю кое-что в горном деле и подземельях...

– Да. Я слышал, как ты рассуждал возле деревьев. Я только понял не всё.

– Спрашивай, друг мой. Я попробую объяснить.

– Зачем ты размахивал руками, когда говорил?

– Это очень просто. – Тиргей положил больную ногу поверх здоровой и стал её растирать. Неправильно сросшаяся ступня от ходьбы и работы быстро начинала неметь. – Мудрые люди, чьи книги я читал дома, подметили, что всякий человек одновременно ведёт две беседы. Одну – словами, а другую – малыми движениями тела. И бывает так, что тело очень внятно глаголет о сокровенном, даже когда уста по какой-то причине вынуждены молчать...

– Ещё как внятно, – фыркнул венн.

– Я говорю не об ударе кулаком по зубам!.. – возмутился бывший учитель.

– Я тоже. Ты что, никогда не любовался красотой женщин, аррант?..

– Погоди!.. – Тиргей ощутил укол любопытства. – Я вычитал в одной учёнейшей книге, будто вашим племенем правят женщины. А мужчины, как это ни противоестественно, рады им подчиняться. Неужели мог ошибиться великолепный Зелхат?..

– Мы находим противоестественным, когда мужчина бреет честную бороду и ходит без

штанов, как делаете вы, арранты. Нашим женщинам вправду дарована справедливая мудрость, но это не мешает им быть влекущими и прекрасными. И рожать мужчин, а не сопляков!

На миг воцарилось молчание.

– ...В других случаях легко изблечить словесную ложь, если знаешь, как употребить свои глаза, – строго продолжал Тиргей. – Разным народам в разной степени свойственно прибегать к зримой речи. Вероятно, это оттого, что вы, северяне, вечно кутаетесь в меха, у нас же, в Аррантиаде, прекрасное человеческое тело гораздо меньше прячут от солнца. Мы позволяем ему свободно говорить...

– Вот как ты сейчас. Опять руками размахиваешь.

– Я не разма... Пстой, как ты догадался?

– Я вижу в темноте.

– Каким образом?.. Это у тебя от рождения?

– Нет. Здесь научился.

– Сколько встречал невольников, которые, наоборот, начинают в сумерках слепнуть! Благородный Аледан связывает их болезнь с плохой пищей. Но ты...

– Люди называли нас Серыми Псами. Предок посылает мне свои качества, чтобы я выжил.

Тиргей рассмеялся:

– Ты вправду веришь, будто твой предок был собакой?..

Венн промолчал. Как-то так промолчал, что Тиргей и без ночного зрения понял – вопрос обидел его. Аррант вздохнул, задумался и сказал:

– Многие верят, будто Корноухий на самом деле остался жив и сбежал... Мне однажды вторую ногу чуть не сломали, когда я попробовал разубеждать. Не следует отнимать у людей то, во что они верят. Даже если тебе ведома истина. А всего тщательней надо избегать навязывать своё мнение, когда речь идёт о чём-то, изменяющемся от народа к народу. Пресные пшеничные лепёшки не пойдут впрок тем, кто привык к кислому ржаному тесту, и наоборот. Поэтому нельзя утверждать, что один хлеб во всех отношениях лучше другого. Так же и с верованиями, которые суть пища души. Не сердись, венн.

– Что такое Истовик-камень, аррант?

– Он... как бы тебе объяснить... Понимаешь, он есть, но в то же время его нет. В том смысле, что его вещественность – не как у рубина, играющего в перстне. Это камень камней, высший, содержащий в себе все самоцветы земли. Он является ими всеми – и ни одним...

Тиргей не был уверен, что Серый Пёс хоть что-то поймёт из его довольно путаных объяснений, но венн медленно проговорил:

– Мы знаем Древо, соединяющее миры. Оно – не дуб, не ясень и не сосна. Но оно порождает семена всех деревьев и трав, ибо вмещает их сути...

– Именно так, – обрадовался Тиргей. – То же можно сказать о Небесной Горе, седалище и святыне Богов... я имею в виду, наших аррантских Богов... Спроси, какая она, и один человек опишет тебе благодатный зелёный холм, украшенный дворцами небожителей. Другой уподобит Гору сверкающему снежному пику, застывшему в недоступной смертному красоте. А третий осмыслит её просто как собрание всего светлого и высокого, что есть в самом человеке. Ты можешь взобраться на любую гору земли, но потом придётся спускаться, и мгновение торжества останется в прошлом. А к Небесной Горе можно подниматься всю жизнь, что-то обретая в пути. Так и с Истовиком-камнем, друг мой. Найди прекраснейший алмаз, и тебя за него убьют в переулке. А Самоцвет самоцветов ты не повесишь на цепочку и не вправишь в браслет. Ты просто будешь искать его, находя по пути гораздо больше, чем предполагал...

– Я не люблю камни, – хмуро сказал венн. – И горы не люблю. Я что-нибудь другое лучше буду искать!

– Если я не ослышался, ты надеешься выжить...

– А ты нет?

– Я – не особенно.
– Зачем же сюда полез?
– Потому что надоело просто так гнить в забое и ждать, пока оттащат в отвал. Тебе тоже, наверное?
– Я выйду отсюда.
– Ты ещё очень молод, венн. Я завидую тебе. У тебя есть надежда исполнить то, что не удавалось ещё никому. Ты видишь перед собой жизнь, которую мог бы прожить...
– Нет. Я вижу смерть.
– ?..
– Моя семья осталась неотомщённой. Дети Серого Пса не вольны снова родиться. У меня есть враг. Я убью его. И больше мне жить незачем.

Гвалиор, наверное, мог бы проспать ещё неведомо сколько. Но ветер из колодца дышал сущим льдом – у двоих рабов, одетых куда менее тепло, вскоре перестал попадать зуб на зуб. Тогда Тиргей взял надсмотрщика за уши и начал драть безо всякой пощады, зная, что таким образом можно достичь скорого протрезвления. Действительно, Гвалиор зашевелился, потом начал ругаться. И наконец разлепил опухшие веки... чтобы увидеть лучи двух фонариков, направленные ему прямо в лицо. С похмелья они показались ему ослепительно яркими, он не признал язычков пламени, знакомо плясавших за выпуклыми стёклами. Два страшных глаза во мраке!

– Кто здесь? – заслоняясь ладонью, спросил он хрипло и с плохо скрытым испугом. – Кто?..

– Тиргей Рыжий и Пёс, – ответил аррант. – Церагат послал нас выручить тебя, Гвалиор.
– Куда? Кого?.. – прохрипел надсмотрщик. И по привычке рявкнул: – Ты забыл сказать «господин»!.. Кнута захотел, раб?

Оплеуха, которой наградил его Пёс, была жестокой, внушительной и полновесной.

– Это в забоях тебя кто-то звал господином, а здесь – Бездонный Колодец! – Венн говорил очень спокойно. – И ты будешь держать верёвку, как все!

– Бездон... – Взвившийся было Гвалиор тяжело сел на камни, охнул и начал тереть ладонями лицо. Щёки были чужими и мокрыми, с глубоко вмятыми в кожу крошками камня. Он наконец вспомнил всё. Как приехал Харгелл, как стало ясно, что письмо к Эрезе, весь год носимое в памяти, останется ненаписанным... как, жалея себя, он единым духом до дна выхлебал фляжку – а вино в ней силы и крепости было немалой, лёгкого глотка хватало вполне, чтобы до кончиков пальцев ног разбежалось тепло... И как потом, пьяный в стельку, он брёл по штрекам и лестницам – сам не зная куда и в то же время очень хорошо зная... Дорого он дал бы теперь, чтобы фляжка снова оказалась при нём, да хорошо бы с живительной капелькой, сохранённой на дне. Голова была набита паклей, пропитанной какой-то дрянью, вкус во рту стоял такой, словно он закусывал содержимым непотребного ведра, желудок то стискивала чья-то невидимая рука, то вновь отпускала. Гвалиор охнул, мотнул головой... Резкое движение вконец нарушило шаткое равновесие у него в животе. Край колодца оказался весьма кстати – некоторое время надсмотрщика мучительно выворачивало наизнанку. Так, что потом между рёбрами долго болели все мышцы. Судорожно напрягавшееся тело охватил жар, ледяной ветер не поспевал сушить на лице пот... Гвалиор почувствовал на своём ремне руку, придерживавшую его, чтобы не свалился.

Внутренности не скоро иссякли и успокоились, но наконец дышать стало легче. Даже пакля из головы начала исчезать. Зато ощущение жара сменилось жестоким ознобом. Гвалиор понимал, что сотворил глупость, отправившись умирать из-за непостоянной девчонки. Однако Смерть ещё не приблизила к нему Своего Лица, и гордость пока что говорила в полную силу. Гвалиор заскрипел зубами и пробормотал:

– Я не вернусь...

– И не надо, – легко согласился аррант. – Нам, понимаешь, пообещали свободу, если мы тебя назад приведём. Но мы слышали от кого-то, что здесь, в Колодце, есть выход

наружу. И говорят также, будто некоторым смелым людям в прежние времена удавалось его найти. Почему бы нам вместе не поискать его, Гвалиор?

Скоро они поняли, что подъём по скользкой гладкой дудке, шкуродёр и подземный пожар были всего лишь предвестниками истинных трудностей. Отвесная пропасть, как выяснилось, состояла из двух колодцев, связанных наклонным проходом, загромождённым камнями. У исподних были с собой две длинные, прочные верёвки; оба раза их пришлось связывать вместе, и еле-еле хватало. Ветер, дувший в колодцах, был живым и злонамеренным существом. Он загонял верёвку в трещины стен, откуда её удавалось извлекать только с величайшим трудом, и швырял струи падающей воды, стараясь облить медленно ползущих людей. Вода же была такова, что пальцы в ней тотчас немели и переставали слушаться, превращаясь в бесполезные деревяшки.

Больше всех, по мнению Тиргея, доставалось Псу. Аррант, с его ногой, помощник товарищам нынче был никудышный, но худо-бедно спускался вниз сам. Гвалиор, при его службе надсмотрщика, много времени проводил на ногах и потому не особенно отяжелел от выпивки и обильной еды... Однако его ладони целых шесть лет мозолила только рукоятка кнута – а пользовался он им, правду сказать, не особенно часто... То бишь подземный разыскатель из Гвалиора был, как из венна поэт. Несколько раз нардарец был очень близок к тому, чтобы сорваться. Однажды его подхватил Тиргей, а подоспевший Пёс выволол обратно на безопасный карниз. Другой раз он висел на руке Пса, пытаясь хоть за что-нибудь зацепиться, но только срывал ногти, пока аррант торопливо обматывал его вокруг пояса верёвкой, надёжно привязанной к выступу камня...

Когда все трое, измученные и мокрые, но умудрившиеся не потерять драгоценных налобных фонариков, наконец достигли дна пропасти, – первое, что они там увидели, был раскинувшийся на камнях человек.

Вернее, то, что от человека осталось.

Тело лежало на сухом месте, крысы и даже летучие мыши здесь не водились; холод и ветер всё ту же натягивали кожу на переломанных костях, пока не создали мумию. Особенно трудиться ради этого стихиям не пришлось, ибо достался им тощий каторжник. На ссохшейся шее мертвеца виднелся ошейник, на лодыжках и запястьях остались обручи от кандалов. Человек, нашедший здесь свой конец, сумел как-то разбить цепи, но железные «браслеты» сбросить так и не смог.

– Может, из-за них он и сорвался. Или просто сил от голода не хватило, – задумчиво проговорил аррант и присел на корточки перед мёртвым. Ему, учёному, ни чуда жизни, ни чуда смерти бояться было нечего. – Смотрите-ка! – воскликнул он погодя. – А я, кажется, знаю, кто это такой! Доводилось вам слышать про Рамауру Шесть Пальцев?

Венн молча кивнул, а Гвалиор мрачно сказал:

– Кто же не слышал о нём, самом славном из выбравшихся на волю через Колодец...

Рамаура, герой рудничных сказаний, был чёрным мономатанцем, наделённым от Богов своей страны удивительной смекалкой и силой. Он якобы убил надсмотрщика, что пытался перехватить его у входа в Колодец, отыскал при нём ключ, снял с себя кандалы – и бежал. Люди передавали даже слова какого-то его соплеменника, встретившего Рамауру уже на свободе... Это было годы назад.

На самом деле все эти вёсны и зимы он лежал здесь, в недрах Южного Зуба, и его кровь давным-давно высохла на груди битых камней. Лишь на черепе сохранились остатки курчавых волос. А руки были действительно шестипалыми. Он мог умереть сразу, сорвавшись с большой высоты. А мог долго-долго лежать, беспомощный и одинокий, вмятый падением в каменные острия, и молиться о смерти, и Хозяйка Тьма медленно приближалась к нему для последнего поцелуя...

Гвалиор угрюмо подытожил:

– Во имя золы и отгоревших углей!.. Одной легенде конец!

Идти дальше оказалось несколько легче. Подземный поток больше не проваливался в отвесные пропасти, а мчался, падая каскадами, из одного пещерного зала в другой.

– Правду говорят сведущие люди: в этих горах всё не так, как надлежит быть по природе вещей! – ворчал Тиргей Рыжий. – Вода течёт вниз, и, если я ещё что-нибудь понимаю, мы должны быть много глубже двадцать девятого уровня... замурованного четыре года назад. Я бывал на разных уровнях и хорошо помню, как становилось чем ниже, тем жарче! А здесь? Посмотрите на эти сосульки! Мы всё время спускаемся – и делается холодней! Там, где мы нашли Рамауру Шесть Пальцев, даже не очень шёл пар изо рта!..

– Может, мы приблизились к поверхности? – с надеждой предположил Гвалиор. – Северный склон Зуба покрыт ледником, и с весны до осени из-под него в самом деле вытекает река!

– Честно говоря, – нахмурился аррант, – я затрудняюсь точно определить, в какую сторону мы движемся...

– На восток, – буркнул венн.

– Откуда ты знаешь?..

Серый Пёс молча пожал плечами: дескать, знаю, и всё. Стали бы ещё допытываться, откуда ему известно, что правая рука – это правая, а левая – левая.

– Снова твой предок помогает тебе?..

Венну послышался в голосе Тиргея оттенок насмешки, и он не стал отвечать. Наклонный ход то сужался, то расширялся, вода с грохотом мчалась по нагромождениям каменных глыб, потом растекалась озерцами. Иногда эти озерца удавалось обойти, иногда же приходилось одолевая вплавать. Тогда походники в очередной раз стаскивали одежду, сворачивали её в тугие узлы и старались не вымочить.

– Во имя гарпуна Морского Хозяина, примёрзшего к скале, где умывалась снегом Прекраснейшая!.. Я ведь купался в ледяных озёрах, когда лазал по Карийским горам!.. – лязгая зубами, жаловался Тиргей. – Не иначе, я был тогда гораздо жирней! Или просто моложе. Я что-то не помню, чтобы холод так меня донимал...

Они одолели ещё одно озерцо и прыгали на берегу, стараясь по возможности обсушиться и разогнать кровь. Из двух фонариков теперь горел только один: масло следовало беречь. Крохотное пламя освещало низкие неровные своды и тугую струю воды, уходившую из озера вниз. Там, внизу, слышался рёв и смутно белело облако клокочущей пены, в которую, дробясь о камни, превращался поток. Дальше царила осязаемо плотная – хоть ножом режь – стылая темнота.

– На-ка, пожуй... – Венн протянул трясущемуся Тиргею ломтик жирной рыбы, вынутый из мешка. Исподничих собирали в поход люди, очень хорошо знавшие, какая пища лучше всего восстанавливает иссякающее под кожей тепло.

– А тебе? – забеспокоился аррант. – Поешь сам!

Серый Пёс мотнул головой.

– Я когда-то на всю жизнь рыбы наелся...

Гвалиор молча нахмурился. Он-то знал, о какой рыбе говорил бывший мальчишка-тележник с рудничных отвалов. Ему вдруг стало совестно своего сытого тела, он подумал, что костлявого Пса холод наверняка пробирал гораздо сильнее, чем его самого. А венн спросил Тиргея:

– Таркиму дали за тебя цену, поскольку ты много знаешь о горах и камнях. Как вышло, что ты оказался здесь?

Аррант, дожёвывая рыбу, влез онемевшими ногами в штаны.

– Как раз в камнях, друг мой, если ты имеешь в виду самоцветы, я разбираюсь не особенно хорошо. Я больше посвящал свои занятия измерениям и счислению, потребному, дабы прокладывать ходы под землёй...

– Я слышал, – сказал Гвалиор, – ты неплохо потрудился, когда били колодец между шестнадцатым уровнем и восемнадцатым, где протекает река. Его уже начинали долбить лет десять назад, но дудки, говорят, не сошлись...

– Это была работа, которой я горжусь, – просто ответил Тиргей. – Увы, мне не позволили довести её до конца. Я предложил Шаркуту устройство, с помощью которого вода сама себя поднимала бы к мельницам. Он не поверил, что такое возможно, и сказал, что вполне обойдётся силой рабов...

– Из-за этого тебя в забой и отправили?

– Нет. В своё время я постарался изучить всё связанное с горами... и, видимо, в определённой степени преуспел... себе на беду. В частности, меня привлекала тайна чёрного бальзама, отыскиваемого на неприступных утёсах. Это очень могущественное лекарство. Я сам видел, как смазанная им печень только что зарезанного барана срасталась, даже будучи извлечённой из тела. А сломанная нога моего раба...

– Кого-кого?..

– Да. Моего раба. Он сломал ногу в пещере, помогая мне перетаскивать снаряжение. Я смазал ему ногу чёрным соком горы, и кость зажила много правильнее и быстрее, чем в обыкновенном лубке.

– А когда тебе самому покалечило ногу, – заметил Пёс, – тебя чуть не добили.

– Увы, друзья мои, счастье воистину переменчиво... как промолвил Посланник, лоя свой сандалии, удравшие из-под ложа утех. Так вот, я даже позволил себе предположить, каким именно образом чудесное вещество зарождается в недрах земли...

– В наших горах его до сих пор не встречали, – заметил Гвалиор.

– Я это тоже заметил. Шаркут и предложил мне попробовать воссоздать природный бальзам, заливая самородной смолой тела крепких рабов... живых рабов... с тем чтобы лекарство восприняло наибольшую силу...

– И что ты?

– Я отказался.

Надсмотрщик лишь хмыкнул:

– Если Шаркут пожелает, он сделает это и без тебя. Никто ему не помешает и не запретит. А то найдётся другой знающий человек, поговорчивей...

– Может, и найдётся. Но перед Небесным Судом я буду чист.

Учёный аррант насчитал двадцать два спуска, происходивших под ударами ледяных водопадов. О возможном возвращении назад походники не говорили, только у Гвалиора вырвалось:

– Не хотел бы я, чтобы все эти спуски превратились в подъёмы!

Наконец поток вырвался в очень большой зал. Об истинных его размерах судить было трудно, потому что пещеру почти сплошь заполнял лёд. Он лежал на полу, покрывал толстым слоем стены и потолок. Наплывы, наросты, целые колонны сияли в свете фонариков прозрачной голубизной, а между ними, словно заблудившаяся душа, угрюмо и жалобно завывал ветер.

– Вот это да!.. – внезапно изумился Тиргей. – Смотрите-ка! Вода не капала с потолка! ОНА БИЛА СНИЗУ!..

Действительно, ледяная колонна, возле которой он стоял, имела форму оплывшего огарка. Но огарка перевернутого: так, словно на прозрачный столб постепенно намерзали струи, взлетающие вверх.

– А это что?.. – тревожно подал голос Гвалиор. Аррант и Пёс поспешили к нему. Нардарец стоял возле глыбы, имевшей вид почти правильной полусферы. Внутри неё застыл вихрь густых красных капель. И... висела человеческая голова, словно острым клинком отсечённая от тела...

– Подземные мечи... – прошептал Пёс. И замер, прислушиваясь: не раздастся ли вновь еле слышное, но грозное потрескивание камня, предвестник смертоносного бедствия? Напарник-халисунец, сам вот так потерявший обе ступни, рассказывал ему о тонких, словно волоски, трещинах, из которых со свистом вылетала неустойчивая смерть...

– Там, где они появляются, всегда появляется и вода, – сказал Гвалиор. – Этот

бедолага, похоже, угодил как раз под удар.

Аррант очень внимательно разглядывал голову, вмороженную в лёд. Лёд был прозрачнее самого лучшего хрусталя. Он позволял рассмотреть и цвет полужакрытых глаз, и каждую ресницу погибшего. И длинный шрам, навсегда изуродовавший лицо. Шрам тянулся сплошной мертвенной линией от виска до виска, вместо кончика носа круглел бесформенный ком с корявыми отверстиями бывших ноздрей. Гвалиор отвёл глаза. Такими рубцами награждали каторжников меткие кнуты. Вроде его собственного.

– Кажется, ещё одной легендой меньше, – невесело проговорил Тиргей. – Трудно, конечно, с уверенностью утверждать... Но среди людей, якобы сбежавших на свободу через Колодец, мне называли халисунца Кракелея. По кличке Безносый...

Ни Пёс, ни Гвалиор не возразили ему.

Надежда на то, что рано или поздно впереди забрезжит дневной свет и откроется пусть сколь угодно головоломный, но выход – эта надежда постепенно начала таять. Ко всему прочему, Бездонный Колодец на всём своём протяжении был не слишком широк. Походники не нашли гигантских подземных залов, где в нагромождении свалившихся глыб могли бы таиться оставшиеся незамеченными боковые ходы. Самой обширной была пещера, где они нашли голову Кракелея, но и её почти всю заполнял лёд...

Счёта времени не потерял, кажется, только Пёс. Но и он не был вполне уверен, сколько суток они путешествовали в Колодце. Много, наверное. Аррант с тревогой поглядывал на запасы масла для налобных фонариков. Мысль о возвращении посещала его всё настойчивей. Ещё не хватало, чтобы где-нибудь посреди отвесной пропасти они лишились последнего света!..

Несколько раз в стенах подземного хода Тиргей замечал бирюзу. Потом стали попадаться ярко-голубые потёки, и с этого момента аррант отсоветовал товарищам пить воду из потока, вдоль которого они спускались:

– Если мои знания стоят хоть ломаного гроша, здесь повсюду залежи медных руд. И вещества, источаемые ими в воду, для человека суть смертельные яды!

Гвалиор проворчал:

– Мы, по-моему, здесь скорее от холода сдохнем, чем от отравы...

Аррант, словно в подтверждение его слов, сипло закашлял и вытер слезящиеся глаза. У себя дома он слыл опытным исследователем пещер. Он уходил под землю на полдня, а бывало – и на день. Никто не гнал его в темноту недр, не грозил наказанием и не манил несбыточными надеждами... И он знал, что снаружи его ожидает ласковое, тёплое южное солнце... такое синее, синее небо...

Серый Пёс, ушедший далеко вперёд на разведку, вдруг издал настолько громкий и неожиданный вопль, что аррант и надсмотрщик вскочили с камней, на которые только-только присели передохнуть. Обычно Пёс молча уходил осматривать путь, так же молча возвращался и на все расспросы просто мотал головой: ничего нового, мол...

– Что там?... – во всю силу лёгких закричал Гвалиор.

Эхо его голоса ещё гудело в тёмном тоннеле, когда в ответ донеслось очень внятное:

– ...СВЕТ!!!

Гвалиор и Тиргей сорвались с мест, и как они мчались к Псу по ненадёжным шатающимся глыбам – не мог позже вспомнить ни один, ни другой. Под землёй, если хочешь выжить, камень, зашевелившийся под рукой или ногой, надо покидать как можно быстрее: отступать прочь или прыгать. Наверное, так и происходило. Они до того стремительно бросались со скалы на скалу, что те просто не успевали перевернуться и гроыхали одна о другую уже за спиной у исподничих. Ни аррант, ни нардарец думать не думали, что могут сорваться и переломать себе кости, – и, вероятно, именно поэтому спустились с последней крутизны целыми и невредимыми.

Они оказались в длинной, вытянутой пещере. Здесь поток клокотал и бурлил, всасываясь в толщу песка и бесследно в ней исчезая. Весь пол пещеры был устлан мелким

песком, и о том, какова была его толщина, оставалось только гадать. На поверхности песка виднелась ровная мелкая рябь вроде той, которую можно увидеть возле берега на морском дне. Её пересекали отпечатки человеческих ног: Пёс, прыгнувший с каменной осыпи примерно в том же месте, где Тиргей и Гвалиор, сломя голову умчался вперёд. Туда, где проточенный водой коридор резко сворачивал влево. Туда, откуда исходил неяркий голубоватый СВЕТ...

Тиргею показалось, будто он различил в воздухе токи солнечного тепла, ароматы цветов и свежей травы. Какая хромота, какое беспрестанное онемение в больной левой ноге?.. Аррант рванул по плотному слежавшемуся песку, словно бегун-победитель на игрищах в честь Морского Хозяина...

Сворачивая за угол, он запнулся и едва не упал, но выправился и... едва не налетел на Серого Пса, неподвижно стоявшего посередине прохода. Гвалиор выскочил из-за поворота мгновением позже и с размаху ткнулся в спину арранту.

Свет, так похожий на голубой утренний, предвещающий скорый восход, оказался порождён вовсе не в сферах небес. Узкий проход здесь расширялся округлым, правильной формы залом, две трети которого занимало подземное озеро.

Оно-то и светилось. Ничем не тревожимая вода испускала ровное, мертвенное сияние, озарявшее свод и стены пещеры. Казалось, над поверхностью даже поднимался светящийся призрак тумана...

С той стороны, где стояли походники, песчаный берег отлого уходил в бирюзовую воду. По бокам стены поднимались из озера высокими отвесными складками: самый искусный скалолаз, умеющий повисать на кончиках пальцев, не смог бы пробраться по ним. Но подобное предпринимать было и незачем – свечение воды позволяло хорошо рассмотреть все морщины и трещины камня... и убедиться, что вход и выход в эту пещеру имелся только один. Тот, по которому они и пришли. Дальше идти было некуда. Легенды Бездонного Колодца обманули их, приведя в тупик.

И не только их.

В самом дальнем конце озера, очень хорошо видимый против света, лежал на воде тёмный человеческий силуэт. Именно НА ВОДЕ: озеро, словно отказываясь принимать, выталкивало его на самую поверхность, тело лежало, словно на столе. Едва заметное течение вращало его противосолонь – медленно, медленно...

Когда его развернуло к ним боком, Тиргей, присмотревшись как следует, с горечью ударил стиснутым кулаком о ладонь:

– Такая переносица может быть только у арранта из хорошей старой семьи!.. Боги Небесной Горы милостивы ко мне – я повстречал соплеменника! Пусть не видать мне на том свете берега, где сушит волосы Прекраснейшая, если это не Лигирий Умник...

Его голос странно отдался в гулком объёме пещеры.

Серый Пёс вдруг повернул голову, потом очень низко нагнулся, словно заметив под ногами нечто внятное только ему... и рысцой побежал в сторону. К большому камню, единственному на берегу странного озера. Это был то ли валун, вросший в плотный песок, то ли макушка большой скалы, выроставшая снизу, из скального пола. Пёс скрылся за камнем и не появлялся так долго, что Гвалиор и Тиргей волей-неволей побрели следом за ним.

По ту сторону скалы, обхватив колени руками и опустив на них голову, сидел мальчик лет десяти или одиннадцати. Темноволосый, в халисунской вязаной безрукавке и лёгких вышитых сапожках. Рядом на песке лежала тёплая курточка и при ней – хорошие крепкие башмаки. Перед тем, как сесть здесь и уснуть, мальчик для чего-то снял то и другое, предпочтя одежду, которая, видимо, была ему дорога. У него были смуглые руки с красивыми, длинными пальцами. Серый Пёс, стоя перед ним на коленях, гладил эти пальцы, словно пытаясь согреть, и тихо повторял:

– Каттай! Не спи, Каттай!.. Нельзя спать...

Потрясённые Гвалиор и аррант тоже узнали маленького лозоходца.

– Он не отзовётся, Пёс, – тихо проговорил Тиргей.

Ни разложение, ни иссыхание не коснулись плоти Каттая. Действительно, казалось – вот сейчас он пошевелится и откроет глаза... чтобы искренне изумиться при виде старых друзей: «Как вы переменились! Неужели я так долго проспал?»

Мальчик, мечтавший о посмертной свадьбе для выкупленных родителей, просидел здесь, под камнем, полных четыре года. А мог бы просидеть, нисколько не изменившись, и четыре века. Во всём подобный живому, только совсем неподвижный. И холодный, очень холодный. Дыхание подземного озера навсегда усыпило его – и оно же отогнало тлен прочь от его тела.

Серый Пёс отвёл со лба Каттая вьющиеся тёмные пряди, даже в смерти не потерявшие блеска. Тиргей не ожидал, что свирепый и нелюдимый венн окажется способен на такое бережное прикосновение.

Лицо Каттая не запечатлело ни отчаяния, ни муки. Наоборот – он слегка улыбался. Должно быть, хорошими и добрыми снами одарила Хозяйка Тьма его безгрешную душу...

Серый Пёс поднялся с колен.

– Надо дать ему погребение. Так, как мы похоронили кости Рамауры и голову Кракелея.

– А за этим, как его, Лигирием я сейчас сплаваю, – предложил Гвалиор. Он уже потянулся расстегнуть поясной ремень, но аррант перехватил его руку:

– Нет, нет, друг мой, не приближайся к этой воде! Она убьёт тебя, как убила и Лигирия, и Каттая!

Озеро словно услышало его слова. Его поверхность неожиданно забурлила, извергая новые клубы светящегося тумана. К песчаному берегу побежали медленные тяжёлые волны. Каждая новая волна выплёскивалась чуть дальше предыдущей.

– Оно дышит! – ахнул Тиргей. Знаток пещер, прочитавший множество книг, первым сообразил, что следовало делать: – Бежим!..

Озеро между тем кипело ключом и словно вспухало, всё быстрее захватывая очередные пяди песка. Вода наступала с обманчивой медлительностью: вдруг оказалось, что она обошла камень Каттая и справа, и слева, оставив походникам для бегства лишь узенький перешеек. Да и тот был уже подтоплен – Гвалиор пробежал по нему, увязая по лодыжку. Бросившийся следом аррант поскользнулся и плашмя упал прямо в воду. Серый Пёс подхватил его и буквально вышвырнул на сухое. За эти мгновения плотный песок окончательно превратился в зыбун, но венн и не стал пробовать его перейти – вскочил на валун и вырвался из ловушки одним звериным прыжком...

– Ты как?.. – Он хотел протянуть руку арранту, но тот лишь отмахнулся.

– Лучше не прикасайся ко мне, пока я хорошенько не вымоюсь...

Скала, давшая Каттаю последний приют, высилась одиноким островком среди светящегося разлива. Её окружала узкая, не более двух локтей, полоска нетронутого песка. Верно, это был-таки зуб, вздымавшийся со скального основания: всякий иной камень давно погрузился бы и исчез. Языки бирюзового тумана вились и окутывали его, растворяя угловатый силуэт в своей мертвенной голубизне...

Когда трое людей добрались до единственного выхода из пещеры, Тиргей сразу устремился под водопад. Ему казалось, он побывал не в воде, а в чём-то тяжёлом и липком, словно слизистая медуза, выброшенная на берег и полежавшая под солнечными лучами. Водопада почти не достигало сияние озера, и было хорошо видно, как с тела и одежды арранта сбегали синевато светящиеся струйки. Поток, с силой падавший сверху, был невыносимо холодным, но отвращение, которого преисполнился Тиргей, оказалось сильнее. В конце концов Серый Пёс просто выволок его из воды:

– Хватит полоскаться! Пока до смерти не замёрз!..

Гвалиор, глядя на Тиргея, тщательно вымыл свои сапоги. Потом поделился с аррантом тёплой одеждой, но тот всё равно отогрелся не скоро. Его перестало колотить, только когда Пёс откупорил небольшую кожаную бутылку и заставил арранта сделать несколько глотков. Гвалиор сразу уловил запах своего любимого крепкого, сладкого вина, но ничего не сказал.

Потом Тиргей отошёл помочиться. Он возился в темноте подозрительно долго, а вернувшись, смущённо пояснил:

– Мне всё мерещится, будто эта дрянь проникла сквозь кожу и растворилась во мне. Я боялся, не начну ли светиться уже и изнутри...

– Ну и как? – спросил Пёс.

– Да ничего. Хвала Прекраснейшей, обошлось.

Гвалиор вытащил из полупустого мешка кусок жирной рыбы и разделил натрое. Он сказал:

– Здесь, похоже, никакого выхода нет. Надо возвращаться.

Луч фонарика на лбу Пса упёрся ему в лицо, успев по дороге высветить поднятую бровь Тиргея. Молодой надсмотрщик поёрзал на камне, опуская глаза:

– Раньше я говорил, что не хочу возвращаться. Я и теперь не хочу. Но вы стали моими друзьями. Вам ведь дадут свободу, если вы меня приведёте...

Не всему ещё жизнь научила,
Больно стучая носом о дверь:
Если что-то тебе посулили —
Ты посулам не очень-то верь.

Пусть ты сам никогда не забудешь,
Если слово кому-то даёшь,
Но тебя – вот уж истинно – люди
Подведут просто так, ни за грош.

Это очень жестокая мудрость,
Но у жизни таких – хоть коси:
Никого, как бы ни было худо,
Никогда ни о чём не проси.

Те же люди, кого не однажды
Из дерьма доводилось тянуть,
Или прямо и просто откажут,
Или всяко потом попрекнут.

Что бы ни было завтра с тобою,
Ты завета держись одного:
Никогда не сдавайся без боя
И не бойся – нигде, никого.

Передряги бывают – не сахар,
Станет видно, насколько ты крут:
Никому не показывай страха,
А не то – налетят и сожрут.

Жизнь – не очень красивая штука...
Все мы чаем добра и любви,
А она нам – за кукишем кукиш...
Так восславь её, брат. И – живи...

9. Золото дураков

Как и следовало ожидать, путь наверх оказался много труднее спуска. Руки соскальзывали с мокрых камней, неверные глыбы вывёртывались из-под ног, чтобы с грохотом уйти вниз, в крошечную темноту, предоставляя повисшему человеку подтягиваться на очень ненадёжной опоре...

Тиргей старался не жаловаться, но уставал заметно быстрее Гвалиора и Пса. Однажды, едва не сорвавшись, он ударил о камень и вдребезги разбил свой фонарик.

– Никакого толку с меня, один убыток!.. – вырвалось у него.

– Если бы не ты, – сказал ему Гвалиор, – мы бы сейчас с Каттаем рядом сидели.

Пёс промолчал, лишь внимательно оглядел арранта. Однажды в забое он видел, как отлетевший кусок породы разбил налобный светильник раба, и вспыхнувшее масло попало тому на лицо. Тиргей оказался более везучим. От стекла осталась лишь проволочная сеточка, но маленькая медная ёмкость для масла вполне уцелела, и при ней фитилёк. Так что светильник мог даже гореть – только не под водопадом и не на подземном ветру. Поразмыслив, Пёс отдал испорченный фонарик Гвалиору, Тиргею же надел на голову свой собственный.

– А ты? – вздохнул аррант.

Венн хмыкнул:

– Ты встречал хоть одну собаку, которая бы не видела в темноте?

Подъём вдоль прыгающего по скалам потока, озёра, вынуждавшие пускаться вплавь, леденящие струи водопадов... Время остановилось. Так, как остановилось оно для вмороженной в лёд головы смелого Кракелея. И для Каттая, навеки оставшегося любоваться бирюзой смертоносного озера... «Рано или поздно всё кончится, – убеждал себя Тиргей. И сам себе не верил. – Во имя шлема Посланца, оплавленного силой страстного поцелуя!.. Неужели когда-то бывало, что я жаловался на жару? Неужели солнце казалось мне слишком жгучим, меховое одеяло – удушливым, а благодатные угли очага – слишком обильными?.. О Вседержитель, что же Ты вовремя не остерёг недоумка, не выучил ценить тепло и уют...» Ему уже случалось испытывать это ощущение, когда холод проникает внутрь тела столь глубоко, что кажется – выгнать его оттуда уже не удастся до смертного часа. Тиргей помнил: прежде на смену убийственному холоду обязательно приходило тепло, и зубы медленно, постепенно, но всё-таки переставали стучать. «Но на сей раз этого не будет. Не будет...»

Раньше он был полным сил, крепким и закалённым мужчиной. Он лазал в пещеры, считавшиеся недоступными, и выходил победителем. Четыре года на руднике без остатка выели эту крепость. Поджарое молодое тело уподобилось иссохшему старческому. Да ещё покалеченная нога... Ох, эта нога. От холода и чрезмерных усилий он совсем перестал её чувствовать. Не только ступня перестала слушаться, но и колено. Нога подламывалась и скользила. Тиргей повисал на руках, задыхаясь, силясь разогнать радужные круги перед глазами.

«Нет, до похода в Колодец я всё-таки годился на большее. Я мог согреться работой. А теперь не могу...»

Аррант пытался думать о свободе, обещанной там, впереди. Все четыре года на каторге он был готов совершить невозможное, только чтобы обрести её снова. И вот теперь до неё оставалось всего лишь двадцать два подъёма под водопадами... Нет, уже не двадцать два, меньше! Сколько-то они прошли, но он давно сбился со счёта. Потом отвесная пропасть, подземный пожар и лаз-шкуродёр. Совсем недавно Тиргей воскликнул бы – и только-то?.. Есть о чём говорить!!!

Теперь...

Он вдруг осознал, что даже мысль о свободе не может заставить его сделать ещё одно усилие. Вот это было совсем скверно. Он потерял из виду сапоги Гвалиора, бережно переступавшие по карнизу мокрой скалы. Зажмурился, беззвучно заплакал и понял, что настал последний конец.

На миг ему стало жалко себя, он вспомнил залитые солнцем черепичные и

тростниковые крыши Арра и с пронзительной ясностью ощутил: больше он никогда их не увидит. В ушах стоял глухой гул, глаза совсем перестали что-либо различать. Узкий выступ камня, на который он опирался здоровой ногой, крошился и грозил вот-вот отколоться совсем. Следовало быть честнее с друзьями, и так слишком много делавшими для него. Тиргей зажмурился и отпустил пальцы, которыми держался за скалу. Нащупал конец верёвки, охватывавшей его вокруг пояса, и рывком распустил петлю. Жаль только налобного фонарика, который он с собой унесёт...

Он уже начал валиться назад, когда железная пятерня сгребла его за шиворот и, остановив падение, так рванула обратно и вверх, что Тиргей чуть не разбил тот самый светильник, который недавно жалел.

– Ещё чего выдумал!.. – прошипел Пёс, затаскивая его, точно мешок с трухой, на ровную широкую площадку. – На-ка, глотни!..

И снова откупорил заветную бутылку со сладким вином.

Некоторое время аррант просто лежал, не зная и не желая знать, где они оказались. Ему было, собственно, всё равно, на каком свете он находился. Но толика солнца, равнодушно и неохотно проглоченная, тем не менее пустилась в путь по его жилам, ускоряя ток крови и разнося по телу тепло. Спустя время аррант открыл глаза. Посмотрел вверх и... увидел над собой тускло-багровое светящееся пятно. Ему сразу вспомнилось мёртвое озеро, и он чуть слышно прошептал:

– Снова обман. Это не дневной свет...

– Это горит огневец, – раздался рядом голос Гвалиора. – Пожар, похоже, распространился, пока нас не было.

«Значит, в самом деле конец». Тиргей вспомнил горячий камень, представил, в какое раскалённое жерло должен был превратиться шкуродёр... и снова закрыл глаза. Он лежал совсем рядом с грудой камней, под которой они погребли несчастного Рамауру. Он не мог видеть себя со стороны, но если бы мог, зрелище вызвало бы у него грустную и понимающую улыбку. Заострившиеся черты и тёмные круги под глазами, различимые даже сквозь грязь... Полумертвец, лежащий рядом с уже упокоенным. Тиргей слегка даже позавидовал Рамауре. Тому не надо было больше вставать, лезть куда-то, подхлестывая гаснущую волю... бороться за жизнь, ставшую непосильной...

«Да что же со мной такое? Пока мы спускались, тоже было холодно и тяжело. Но я совсем не думал о смерти...»

Пещера, где когда-то – тысячу лет назад – Пёс и Тиргей отыскивали спавшего пьяным сном Гвалиора, в самом деле изменилась неузнаваемо. Если раньше в ней всего лишь чувствовался тяжёлый смрад горящего огневца, то теперь по одной из стен пролегла широкая и длинная – от пола до потолка – вишнево рдеющая полоса. Это светился слой камня, что отделял пласт, захваченный пожаром, от внутренности пещеры. Вонючий дым истекал сквозь трещины. О том, что будет, если раскалённая порода не выдержит и обрушится, не хотелось даже и думать.

Тем не менее в пещере было тепло. Даже жарко!

О, это долгожданное тепло...

Тиргей, которого Пёс и Гвалиор вытянули наверх из отвесной пропасти на верёвке (он пытался помогать им, но мало что удавалось), беспрерывно кашлял от горячего смрада и вспоминал книгу, прочитанную давно, ещё в детстве. Некого человека, Ученика Богов-Близнецов, схватили жестокие люди и за праведную веру приговорили к сожжению на костре. Было раннее осеннее утро, на земле лежал иней, и он ступал по нему босыми ногами. И когда костёр подождли, первое, что ощутил Ученик Близнецов, было доброе, согревающее тепло...

Того человека, конечно, спасли; книга-то была про чудеса Близнецов, призванная убеждать всё новых людей следовать по пути божественных Братьев. Тиргей в Близнецов так и не уверовал, оставшись с Богами Небесной Горы своих предков. Но вот это переживание

смертника, которому близившаяся смерть для начала ласково обогрела замёрзшие ноги, – запомнилось ему крепко. На всю жизнь...

Мог ли он тогда, мальчишкой, предположить, что однажды на другом континенте будет сидеть глубоко в недрах горы, блаженно прижимаясь спиной к стене пещеры, нагретой подземным пожаром, будет бояться этого пожара и в то же время радоваться даруемому им теплу...

Серый Пёс уже нырнул на разведку в лаз-шкуродёр, и Гвалиор сидел на корточках возле узкой дыры, стараясь расслышать, жив ли он ещё там, внутри. Что будет, если ход окажется завален? Или раскалён до такой степени, что сквозь него окажется невозможно проникнуть? А если венн вовсе застрянет посередине, зажатый сдвинувшимися камнями?..

Другого лаза в пещеру, где стоял окаменевший лес, не было.

«Во имя страсти Морского Хозяина, коей не нашлось в этом мире преград!.. – молча взмолился Тиргей. – Боги Небесной Горы, взываю!.. О молнии Тучегонителя, укротите это опасное пламя... Ты, Белый Каменотёс, и ты, Горбатый Рудокоп... Если вы вправду некогда вершили свои жизни здесь, под землёй, – помогите прошедшим по вашему следу...»

Был ли это звон, всё ещё стоявший в ушах, или внутри стены действительно отозвался певучий удар стали о камень?..

Косматая голова венна возникла в отверстии так неожиданно, что Гвалиор отшатнулся.

– Как там? Что?.. Там можно пройти?..

«Внутри лаза развернуться нельзя, – подумал Тиргей. – Значит, он вышел с той стороны. И возвратился. Поистине благодарю Тебя, Вседержитель...»

Серый Пёс мельком покосился на рдеющую полосу и только бросил:

– Быстрее!..

Тиргей зашевелился возле стены. «Нет, это не для меня. Я же не смогу. Я задохнусь или застряну. И они не сумеют вытащить меня на верёвке, как из пропасти Рамауры. Чего ради им снова подставлять собственные головы, спасая мою?.. Я останусь здесь. Кинжал Харгелла всё ещё у меня, так что заживо гореть не придётся...»

Тут Пёс взял арранта за плечи и довольно крепко встряхнул. Тиргей поднял голову и недоумённо моргнул: ему показалось, будто глаза венна светились в полумраке пещеры. Двумя зеленоватыми звериными огоньками, совсем не похожими на отражения багрового света, испускаемого раскалённой стеной. И вообще он до того смахивал на большую взъерошенную собаку, что Тиргею сделалось не по себе. Всё-таки прав был мудрец Тагиол Аррский, утверждавший, что самые необычные верования на чём-то да зиждутся...

– Ты пойдёшь первым! – прошипел венн, и аррант увидел у него на руках свежие волдыри. Видно, внутри лаза впрямь было горячо.

– Я?.. Почему?

– Ты. Потому что я так сказал. – Серый Пёс не улыбнулся, а скорее ощерился. У него не доставало переднего зуба, что делало оскал весьма нехорошим. – Мы поползём следом, и если ты застрянешь, погибнем все!

Тиргей невольно вспомнил, как испугался этого человека, когда перед походом с них сбивали оковы. А потом слушался его, не прекословя. «Мне тридцать два года, – подумал он с некоторой даже обидой. – Я видел мир, меня уже называли учёным и прочили великое будущее... А ему, варвару этому, – исполнилось ли семнадцать?..» Аррант сделал усилие и поднялся, тщетно пытаясь сморгнуть чёрные точки, плававшие перед глазами. Разогнать их не удавалось, и он понял, что впитавшаяся в кости усталость была ни при чём. У него в самом деле что-то происходило с глазами. «Я что, слепну?..» Но даже и об этом раздумывать сразу стало некогда: прямо перед ним оказалось входное отверстие лаза. Он мог бы поклясться высохшими морями, что за время похода к мёртвому озеру эта дыра сделалась в два раза уже... Беда только, его клятвы никого не интересовали. Аррант ещё продолжал внутренне ужасаться, а голова и вытянутая рука уже ввинчивались в шкуродёр, и ноги привычно искали опору, чтобы протолкнуть извивающееся тело дальше вперёд...

Глыба, несколько дней назад показавшаяся ему горячей, была теперь попросту

раскалена, словно печной свод. И на прежнем месте её, судя по всему, удерживал лишь камень, подсунутый Псом. Годы назад, ещё в доме столичного Управителя, Тиргей однажды случайно заглянул на кухню и увидел, как повара готовили рыбное блюдо. Так вот, ради достижения особого вкуса мелкие осетры должны были оказаться на сковороде хотя и выпотрошенными, но ещё живыми. Приглашённый в тот день к обеду, он отказался, сославшись на нездоровье... «Я думал, будто понимаю страдания несчастных рыбёшек. Глупец!.. Я начинаю приближаться к подобию понимания только теперь...»

Тиргею понадобилось отчаянное напряжение воли, чтобы преодолеть затопившие разум ужас и боль и заставить-таки себя втиснуться, обдирая кожу, под пышущую жаром плиту. «Венн выше меня ростом. И шире в плечах. Но он смог проползти. Значит, и я...»

Ему казалось, его так всунули головой в печь, и он извивался и бился в ней целую вечность. «Если я застряну, то погублю всех...» Палящий огонь сместился к ногам, потом вовсе отодвинулся прочь. Спёртый, вонючий воздух, в котором еле тлел налобный светильник, показался напоённым благословенной прохладой. «О дивные струи подземных водопадов! Как можно было роптать на судьбу и не радоваться вашим объятиям!..» Тиргей страстно хотел подарить себе мгновение отдыха, но не решался, понимая, что потом заставить себя сдвинуться с места будет труднее, чем просто продолжать ползти. «Я не имею права остановиться...» И он полз. «Только не застрять...» Выворачивая колени и локти. «Не то все вместе со мной...» Заставляя хребет гнуться так, как ему не положено от природы...

...Пока не выкатился в пространство обширной пещеры и слабенький луч фонарика не озарил древесную кору прямо у него перед лицом. Каменную кору дерева, занесённого или заваленного десятки столетий назад... Аррант стал гладить его, содрогаясь всем телом. Он судорожно, со всхлипом, дышал, ему казалось – вот-вот зарыдает, но слёз не было. Наверное, все высохли от невыносимой жары.

Гвалиор и Пёс вывалились из шкуродёра следом за ним – такие же измученные, ободранные и в волдырях, но живые. Оба подползли к Тиргею на четвереньках. Гвалиор хотел что-то сказать, Пёс же настороженно оглянулся, и тут по другую сторону лаза раздался чудовищный стон, от которого подвинулась твердь под ногами. В пещере, оставленной походниками, что-то с ужасающим скрежетом расползлось и рушилось. Содрогания камня говорили о нарастающем напряжении. Вот оно достигло предела... и глухой рокот оборвался страшным свистящим ударом.

Из шкуродёра, по которому только что проползло трое людей, с громким фырканьем вырвался длинный факел огня. Он метнул по стенам непроглядные тени, разом осветив каменный лес. Тиргей увидел совсем близко перед лицом кору древней сосны – она казалась бы живой, если бы не была такой белёсой. Озарилась и ярко блеснула даже бледно-жёлтая бусина застывшей смолы с замурованным в ней маленьким муравьём... Рванный язык пламени лизнул сапоги нардарца – тот испуганно вскрикнул и с необыкновенным проворством, каким одаряет только неожиданная опасность, перекатился подальше от пламени. Дохнуло удушливым жаром – и факел опал, померк, втянулся обратно в лаз... БЫВШИЙ лаз, навсегда запечатанный подземным огнём. Никто больше не проникнет в отвесную пропасть, не поклонится костям Рамауры и Кракелея, не залюбуется смертоносной голубишной дышащего озера... Остался рассыпанный по полу сноп догорающих искр, да в глазах у людей – медленно гаснущие отражения пламени...

После вспышки огненно-яркого света пещеру вновь затопила крошечная темнота. И в этой темноте Серый Пёс вдруг прыгнул прямо с места, даже не поднимаясь. Он сшиб и отбросил начавшего вставать Гвалиора. Одновременно с его прыжком где-то возле потолка прозвучал резкий хруст, и вниз с тяжёлым шумом и треском полетели обломки.

Окаменевшее дерево, чью кору Тиргей несколько мгновений назад готов был с благодарностью целовать, не выдержало сотрясений, нарушивших его тысячелетний покой. Толстый сук, засохший, ещё когда на соседних ветвях зеленели листья и хвоя, обломился у основания. И рухнул, раскалываясь на лету. Куски бело-серого ногата, за которые мастера-камнерезы отдали бы немалые деньги, с порядочной высоты грохнули о неровный

каменный пол и разлетелись вдребезги. Они посекали кору «своего» дерева, добавив к её природным неровностям новые шрамы. Свистнули над головой Тиргея и осыпались, громко стуча по кожаной куртке Гвалиора, залубеневшей от жара.

– Где ты там, венн? – тревожно позвал молодой надсмотрщик, когда всё успокоилось и судороги недр прекратились. – Живой?

Пёс не сразу, но всё-таки отозвался из темноты:

– Живой...

Голос у него был осипший и сдавленный. Тиргей приподнялся на локтях и крутил во все стороны головой, пока не нащупал его лучом налобного фонарика. Венн, с пегим от пыли, копоти и свежих порезов лицом, сидел под деревом на полу, неестественно перекосив плечи, и прижимал к рёбрам левую руку. Правая у него, похоже, не действовала.

– Тебе больно, Пёс? Больно?..

Отвечать не хотелось, но в голосе Тиргея слышалась искренняя забота, и венн буркнул:

– Может, и больно...

На самом деле было терпимо, если не двигаться. Если же двигаться... «О-ох!...» Гвалиор с аррантом тщательно вправили куски перебитой ключицы и туго запеленали рёбра разорванной рубашкой надсмотрщика, но любая попытка шевельнуться всё равно отдавалась мерзкой, парализующей болью, от которой начинало останавливаться дыхание. Серый Пёс не впервые ломал кости и знал, что начальные несколько суток, пока заживление ещё не вступило в свои права, – самые трудные. Вот только никто ему здесь, в Бездонном Колодце, эти несколько суток не даст. И без того на исходе запасы сухарей и воды (они пили из потока, но где он теперь, этот поток!) и масла для светильников – из двух ныне зажигали только один, с уцелевшим стеклом, потому что на него масла шло меньше. Одно добро – стена, в которой остался заваленный лаз, грелась весьма ощутимо, и в пещере было тепло...

Серый Пёс лежал в темноте, раздумывал, как быть, и слушал тихий разговор Тиргея с Гвалиором.

– Ты теперь как? Уедешь к себе в Аррантиаду или здесь останешься, вольнонаёмным?

– Уеду, конечно. У меня там брат и родители, и я уже пятый год гадаю, что с ними случилось...

– Ты из богатой семьи?

– Нет, что ты. Мой отец и старший брат мостили дороги... – Тиргей вздохнул. – И до сих пор мостят, если Боги Небесной Горы к ним хоть сколько-нибудь благосклонны...

– А помнится, ты рассказывал, как тебя сопровождал раб.

– Я не мог никого уговорить пойти со мной в Драконовы пещеры, которые молва населила чудовищными змеями. Пришлось потратиться на раба... – Аррант тихо засмеялся, смех перешёл в кашель, весьма не понравившийся Псу, но Тиргей справился и закончил: – ...каковой раб, на моё счастье, был чужестранцем и знать не знал о заблуждении суеверных.

– Мне тоже кое-что рассказывали про Самоцветные горы, когда я сюда собирался, – хмыкнул в ответ Гвалиор. – Чего только я тогда ни наслушался! Вот уж где, мол, сущее гнездилище всяческой нечисти...

«Правильно говорили», – угрюмо подумал Пёс, но вслух ничего не сказал.

– Будто бы тёмная звезда, с которой началась Пожирающая Ночь, ударила прямо сюда, – продолжал Гвалиор. – А горы, стало быть, вроде как шрам от удара. И где-то здесь под землёй живут чужие Боги. Они только ждут, чтобы люди прорыли ход поглубже и выпустили Их наружу, в наш мир. А драгоценные камни – приманка, которую Они повсюду рассыпали!

«И это правильно, – снова промолчал Пёс. – У нас Самоцветные горы называют Железными, потому что ими заперто Зло...»

– Вряд ли стоит удивляться подобным рассказам, – вздохнул Тиргей. – Драконовы пещеры тоже называются так потому, что в незапамятные времена там якобы жил огнедышащий дракон. А нынешние змеи, которых все так боятся, в глазах людей суть его

измельчавшие правнуки. Дракон утаскивал в подземелье людей. В основном красивых девушек, конечно...

Гвалиор неразборчиво пробормотал что-то о красивых девушках, которые именно этого и заслуживают.

– И ты знаешь, что оказалось на самом деле? – вновь зазвучал в темноте голос Тиргея. – В старину Аррантиада состояла из множества городов-государств, воевавших друг с другом. Сильные постепенно завоевали слабых, и в конце концов державу возглавил единый Царь-Солнце... Так вот, пока это происходило, совершались жестокости, перед которыми меркнут даже зверства вашей Последней войны. Там, в пещерах, стойко оборонялось войско и всё население маленького города Феда, чьи развалины ещё можно видеть неподалёку. Захватчики два месяца не могли их выбить оттуда. Тогда они завалили все входы, какие нашли, и большими мехами стали нагнетать дым. Я обнаружил под землёй огромные груды костей... Люди лежали вповалку – мужчины в доспехах, женщины, которых они не смогли защитить... дети, ещё сжимавшие в руках игрушки... Когда я их обнаружил, я поспешил в библиотеку и прочёл в старинных хрониках то, что сейчас рассказываю тебе. Да, друг мой... Я немало времени провёл под землёй, движимый сперва любопытством учёного, а теперь – палкой надсмотрщика... Но, во имя бороды Вседержителя, завившейся кольцами после поцелуя Прекраснейшей! В своих странствиях ни на земле, ни под землёй я не встречал существ более страшных, чем мы, люди...

«Вот это правда святая». Серый Пёс пошевелился, одолел дурнотную слабость и поднялся на ноги.

– Ты, – сказал он Гвалиору, – я знаю, ещё хранишь свой кнут. Ударь меня им.

– Что?.. – опешил нардарец. – Тебя? Зачем?..

– Просто ударь.

– Нет, я не могу! Ты – мой друг, и ты теперь свободный человек... Ну, то есть будешь свободным, когда мы выберемся отсюда...

Пёс усмехнулся:

– Такого, кто меня называет рабом, я и просить бы не стал.

– Ты что!.. – забеспокоился аррант. – Разбередишь себе всё!..

Пёс только покосился на него и ничего не сказал.

Гвалиор пожал плечами, неохотно встал, размотал плотно увязанный кнут и замахнулся. Он хотел достать Пса несильно и не больно, просто по сапогам. Ничего не получилось. Едва его рука и плечо пошли назад, чтобы дать длинному ремню должный разгон, – венн то ли шагнул, то ли прыгнул вперёд, и его пальцы коснулись горла надсмотрщика. Гвалиор близко заглянул в его глаза, вздрогнул и понял, что увидел в них чью-то смерть. А Серый Пёс отошёл на прежнее расстояние и потребовал:

– Ударь ещё.

На сей раз Гвалиор сосредоточился, поняв, что от него требуется, и кнут свистнул со всей стремительностью, на какую опытный надсмотрщик был способен. Конец ремня громко щёлкнул, взвиваясь над полом... но этот удар, как и первый, пропал вхолостую: Пёс снова успел сделать движение ещё во время замаха. Его пальцы несильно ткнулись в шею нардарца. Тиргей с большим неодобрением следил за происходившим. Потом отвернулся и гулко закашлял в кулак. Гвалиор тщательно свернул своё оружие и сказал:

– Мне говорили, я ловок с кнутом. Не знаю, право же, что у тебя на уме, но тебе, наверное, следует знать... Волк бьёт быстрее меня. Гораздо быстрее...

Венн хмуро посмотрел на надсмотрщика. Потом на арранта. Плечо и рёбра сводила беспощадная боль. Гвалиор сел на подостланную куртку и сказал арранту, продолжая прерванный разговор:

– Если окажется, что Тарким уже уехал, придётся-таки тебе поработать здесь вольнонаёмным. Новый караван придёт только будущим летом!

– Как это уедет? – забеспокоился Тиргей. – Тарким?.. Я же видел его, он очень беспокоился о твоей судьбе! И Харгелл... он ведь дядя тебе... Даже кинжал мне дал...

– Дядя-то дядя, – пожал плечами Гвалиор. – А перевалы как заметёт – тут и плакали все барыши и его, и Таркима. То есть я не знаю, конечно... Но на то, что они меня дожидаются, я бы свой заработок не поставил. И ты, если вдруг что, сильно-то не печалься. Вольным тут, сам знаешь, неплохо живётся. За зиму ещё и денег накопишь, пригодятся небось...

Тиргей тихо ответил:

– Я бы лучше всё-таки сразу уехал.

И снова закашлялся, а потом никак не мог успокоить дыхание. Серый Пёс слишком хорошо помнил людей, у которых начинались приступы такого вот обессиливающего, неудержимого кашля. Он слышал, будто человека ещё можно спасти, если перехватить болезнь в самом начале. И нужно-то для этого немного. Воздух, не осквернённый затхлой сыростью подземелий. Солнце. Хорошая пища...

То есть – свобода.

Он тяжело поднялся.

– Хватит здесь сидеть. Идти надо.

Гвалиор поставил на ноги Тиргея и почти весело спросил венна:

– А ты, Пёс? Тоже сразу уедешь?

Венн молча кивнул, но потом сообразил, что другие не так хорошо видели в темноте, и отозвался:

– Да.

– Врага своего пойдёшь убивать?..

«Да. Только сперва я наведуось в Саккарем и узнаю, что случилось с семьёй горшечника Кернгорма по прозвищу Должник. И в халисунскую столицу Гарната-кат, где, может быть, ещё живёт мать Каттая...»

Но это была очень длинная речь, и Серый Пёс ответил коротко:

– Да.

В узкую гладкую дыру, неизвестно какой силой проточенную сквозь толщу чёрного радужника, Гвалиор пошёл первым. Двое рабов всё-таки не слишком доверяли Церагату и прочим надсмотрщикам и сочли за лучшее пустить нардарца вперёд. За Гвалиором двинулся Тиргей. Аррант неуверенно подошёл ко входному отверстию и ощупал его руками. Венну это очень не понравилось. Он ничего не сказал, но Тиргей сам обернулся к нему:

– Друг мой, не сможешь ли ты мне поправить светильничек? Что-то он у меня еле горит...

На самом деле налобный фонарик арранта светил ровно и ярко – теперь масла можно было не жалеть, и фитилёк выдвинули до предела.

– Нечего поправлять, – проворчал Серый Пёс. – Масло кончается.

Обвязал Тиргея верёвочной петлёй и остался наверху – страховать. Аррант начал спускаться, и большая нога почти сразу его подвела, отказавшись надёжно упираться в стену колодца. Тиргей всей тяжестью повис на верёвке и с ужасом подумал, как, наверное, нелегко приходится Псу. Он кое-как нашупал опору... чтобы тут же вновь соскользнуть и повиснуть. Венн начал опускать его – медленно, осторожно. Тиргей сделал ещё попытку что-то предпринять, потерпел окончательную неудачу и ощутил, как потекли по щекам злые слёзы отчаяния и бессилия. Только подумать, что совсем недавно он не спускался здесь, а поднимался наверх! И притом САМ!..

«Не-ет, хватит кривить душой. Ты во всём винишь усталость и раздавленную ступню, хотя отлично знаешь, что заболел. Не цепляйся за соломинку! С тобой что-то случилось в Колодце. Что-то очень скверное...»

Пытаясь упереться спиной в стену, он сильно ткнулся затылком и чуть не потерял обруч с фонариком. Поспешно схватился за него... и обжёг руку о маленькое стекло.

«Масло, значит, кончается?.. Нет, во имя ноши Целителя, у меня в самом деле что-то с глазами...»

Липкая, плотная, светящаяся вода мёртвого озера, в которую он с размаху окунулся

лицом. И долго потом не мог отделаться от ощущения, будто текучая слизь пропитала его, проникла вовнутрь...

«Но ведь я её всю быстро смыл!..»

Стены колодца, где, как он помнил, должны были играть сине-зелёные радуги, выглядели так, словно он смотрел на них сквозь тонкую плотную ткань.

«Значит, недостаточно быстро...»

Серый Пёс продолжал опускать его на верёвке. В какой-то миг ноги арранта коснулись дна, косо уходящего в сторону, и одновременно он услышал совсем рядом человеческие голоса. Тиргей знал, что звуки в пещерах распространяются великолепно, и на мгновение даже задумался, почему же их не было слышно гораздо раньше – ещё наверху. Новая загадка Колодца, требующая объяснения?.. Или ему уже и слух стал изменять?..

Он отвязал верёвку и ногами вперёд скользнул по гладкому, словно отполированному, наклонному ходу. Этот ход был длиной всего несколько локтей – поистине самых лёгких за время их путешествия. Тиргей вывалился в штрек, увидел хотя и тусклые, но всё-таки различимые факелы... множество факелов... вполне отчётливые силуэты людей... Некоторые показались ему даже знакомыми...

Он широко, победно улыбнулся им, сполз на пол и остался лежать.

Тиргей не потерял сознания. И спустя некоторое время ощутил, как чьи-то руки стали отстёгивать с его предплечья ножны с боевым ножом Харгелла.

– Оставь, оставь... – слабо засопровтивлялся арронт. И услышал в ответ:

– Тебе оружия не полагается, раб.

Голос принадлежал надсмотрщику Бичете. Тиргей приподнялся на локте:

– Я больше не раб. Мы привели Гвалиора...

– ГОСПОДИНА Гвалиора, крысоед! Вот снимут с тебя ошейник, тогда и будешь звать его просто по имени!

Тиргей понял: что-то не так. Что-то происходило совсем не так, как они ожидали. И было похоже, что спрашивать бесполезно, но арронт не удержался и спросил:

– А где он? Гва... то есть господин Гвалиор?..

Бичета расхохотался:

– Так и будет он тебя дожидаться. Поважней дела есть.

У него за спиной из Колодца с шорохом выскользнул Серый Пёс.

Гвалиор проснулся оттого, что началось землетрясение. Гора содрогалась и корчилась, готовясь навсегда упокоить его в недрах Колодца, и плоская каменная плита, на которой он задремал, стала неотвратно скользить к погибельному обрыву...

Он вскочил с отчаянно колотящимся сердцем... И едва не снёс головой плотный кожаный верх караванной повозки. Он лежал не на камне, а на мешках, набитых припасами. И не было никакого землетрясения. Просто чмокнул губами человек, сидевший на козлах, и упряжные кони влегли в хомуты, стронув с места повозку.

Гвалиор утёр пот, мгновенно и обильно оросивший лицо, и со стоном поник обратно на своё жёсткое ложе. Неподалёку, у заднего бортика, виднелась из-под мешков толстая ржавая цепь, свёрнутая за ненадобностью. Кожаные занавески были раздвинуты. Мимо и прочь уплывал каменистый склон, обросший мхом и жилистыми пучками травы. Гвалиор не имел никакого понятия, где теперь шёл караван, но, похоже, до уровня кустов и деревьев он ещё не спустился. Выше склона было видно синее-синее небо. Оно показалось нардарцу неестественно ярким.

Вставать не хотелось: любое движение отзывалось головной болью и отвратительной тошнотой. Гвалиор попробовал сообразить, как очутился здесь, на этих мешках. Вспомнить удалось не особенно много. Они вышли из Колодца... То есть он вышел первым – и сразу угодил в объятия дяди Харгелла, и, понятное дело, не смог воспротивиться, когда тот, обрадованный спасением племянника, потащил его выпить «капельку малую» за счастливое

возвращение. «Погоди, там ещё двое! Серый Пёс и Тиргей...» – «А куда они денутся? Сейчас подойдут. Я тут твоего любимого халисунского припас...» Дальнейшие воспоминания очень быстро сделались смутными...

Поборов тошноту, Гвалиор встал на четвереньки, подобрался к бортику и выпрыгнул наружу. Дневной свет – а солнце уже клонилось к закату – показался ему ослепительным, больно режущим глаза. Молодой нардарец прищурился, озираясь. Он с первого взгляда узнал стиснутую обрывами долину и дорогу, плавно змеившуюся к предгорьям. Шесть зим и лет он мечтал, как будет спускаться по ней, всё реже оглядываясь на острые пики Самоцветных гор... как сияющая пирамида Южного Зуба будет отодвигаться и отодвигаться назад, за спину... в прошлое... Неужели сбылось?! Как-то иначе виделось ему окончание опостылевшей службы... Но, если подумать, – что происходит в точности так, как мы себе представляли?.. Гвалиор узнал пегую кобылу, верхом на которой рысил впереди каравана купец Ксоо Тарким. Надсмотрщики и наёмные стражники, сопровождавшие купца, частью шли пешком, частью тоже ехали на лошадях. Рядом с повозкой размеренно и неумолимо шагал Харгелл, с детства не любивший седла.

Ни Тиргея, ни Серого Пса не было видно.

– Здоров же ты дрыхнуть, родич, – сказал Гвалиору Харгелл. И добавил с восхищением: – Но и пьёшь, точно бездонная бочка! Сразу видно нашу породу!

«И зачем я опрокинул ту первую кружку...»

– Дядя, а где двое, с которыми я пришёл из Колодца?

Харгелл отмахнулся:

– Мальчик мой, ты там больше не служишь. Мы едем домой! Стоит ли вспоминать о каких-то рабах?

Он старался говорить весело, но от его тона у Гвалиора ёкнуло сердце. Он присмотрелся и увидел на руке Харгелла знакомые ножны. Очень знакомые ножны...

– Не о «каких-то», – сказал он упрямо. – Венн и аррант выручили меня. Им за это обещали свободу, и они были поистине достойны освобождения! Разве с них не сняли ошейники?

– Нашёл о чём беспокоиться...

Гвалиор даже остановился.

– Так Церагат не сдержал слова! Почему?..

– Парень, ты меня удивляешь. Слово, данное рабу, не считается настоящим словом, которое надо держать. Никто не притянет тебя к ответу, если ты нарушишь его.

– Не учи меня, дядя. Я просто к тому – кто у них там следующий раз полезет в дыру вроде Колодца, если Церагат сулит свободу, а потом её не даёт?

– А я тебе, молокосос, на то и старший родственник, чтобы учить, пока своего ума не наживёшь!.. Церагат, если хочешь знать, тут вообще ни при чём. Он велел собрать в большом зале сотенную толпу невольников и поставил перед ними твоих дружков. И сказал: эти двое, мол, утверждают, будто до конца прошли Бездонный Колодец и никакого выхода наружу там не нашли! Зато-де разыскали мёртвые кости всех тех беглецов, о ком вы сложили свои дурацкие легенды, что якобы они выбрались, – какого-то Шестипалого и других!.. Он называл имена, но я не запомнил.

– Ясно...

– И что сам, дескать, Колодец пробит в камне вовсе не Кривобоким Проходчиком или как там его, а промыт водой, как все природные пещеры. Да ещё и удостоверить эти рассказы больше нельзя, потому что там очень кстати загорелся пласт горячего камня и всё как есть начисто замуровал! Словом, вот вам ваш Колодец и все ваши надежды! Ну так как – дадим этим ребятам свободу?..

– И каторжники сказали – нет?

– Ха!.. Да они их камнями закидали бы, если бы не стража. Вот что получается, когда людям открывают всю правду про то, во что они так долго верили!.. Только крик стоял: «На ворот их!.. На ворот!..» Короче, Церагат никакого слова не нарушал... – Харгелл усмехнулся,

мотнул головой, погладил усы. На руке блеснула рукоять боевого ножа. Он всё косился на неё, словно она царапала его совесть. Он сказал: – Аррант, хилый этот, с него что взять... только заплакал. Но венн!.. Одно слово – дикарь. Я уж думал, не иначе кого-нибудь убьёт, пока скрутят!.. Ну и чего добился? Глядишь, отправили бы обратно в забой... а так – измордовали до полусмерти и приковали вдвоём с тем же аррантом водяной ворот крутить. Не позавидуешь...

– Да, – пробормотал Гвалиор. – Не позавидуешь.

У него холодным глиняным комом лежало в душе то особое ощущение, которое люди описывают просто и коротко: всё пропало. Сверкающий самородок оказался обманкой, золотом дураков... Наверное, Серый Пёс и Тиргей чувствовали примерно то же. Только гораздо, гораздо больней и острей... У них ведь речь шла не о сбежавшей дуре-невесте и не об окончании добровольной, в общем-то, службы. Он посмотрел на повозку и увидел свой заплечный мешок, куда заботливый родственник уложил все его пожитки. Гвалиор молча выволок мешок через борт и взвалил на спину.

– Погоди!.. – остановился Харгелл. – Ты куда это ладишься?

– Я не пойду с тобой, дядя, – спокойно сказал Гвалиор. «Я уже дважды сглупил, послушав тебя. Я зря нанялся в надсмотрщики. И стократ зря соблазнился твоей „капелькой малой“. Третьего раза не будет...»

– Ты дурак! – рассердился Харгелл. – Неблагодарный притом. Змеев хвост и скользкое брюхо! Тебя дома ждут!.. Я им обещал тебя привезти!

Гвалиор поправил широкие ремённые лямки.

– Мне уже не пять зим, дядя, чтобы меня привозить-отвозить... предварительно напоив до бесчувствия...

– Я о тебе заботился, недоумок! Ты там ещё бы в драку полез!

– А что касается дома... – не слушая, продолжал Гвалиор. Выудил из поясного кармашка перстень с потрескавшимся перламутром, подаренный когда-то Эресе, и со всего плеча закинул далеко на розовеющий снежник: – Ей, если спросит, так и передай: мол, плюнул да и выкинул в Проклятые Снега. А матери с отцом я за эти годы столько денег прислал, что в нашей Богами забытой глуши им до смерти всего не потратить. Теперь себе на жизнь что-нибудь заработаю. Может, с этими новыми законами и вправду женюсь...

– Мне-то не ври, племянник. Ты ведь не ради денег хочешь остаться, а из-за этих двоих! Во имя Священного Огня, золы и углей!.. Как есть круглый дурак!..

Гвалиор с ним спорить не стал. Он сказал:

– Отцу с матерью от меня поклонись.

Повернулся и зашагал назад по дороге, туда, где в лучах вечернего солнца ослепительным огнём горели три Зуба. Караван Ксоо Таркима не успел как следует отдалиться от Западных-Верхних ворот – Гвалиору предстояло идти всего ночь и ещё полдня. «Может, я и в самом деле дурак...»

Харгелл всё-таки догнал непослушного племянника. Он больше не пытался его удержать, просто некоторое время шагал рядом, как положено при расставании. А потом торопливо отстегнул и сунул ему ножны с ножом:

– На, возьми... Будешь хоть меня вспоминать.

Зубов отточен ряд
И нехорош мой взгляд:
Я – пёс!
За тысячу шагов
Учуёт злых врагов
Мой нос.

Кого-то подстегнёт,
Кого-то отпугнёт

Мой вид.
Я схватки не ищу,
Но в жизни не спущу
Обид!

Щетина на хребте.
Сверкают в темноте
Клыки.
Я – зверь среди зверей.
Ну – у кого острее
Клинка?!.

...А ты со мной не схож.
Ты кроток, тонкокож,
Несмел.
Ты в драке не боец.
Ты вражеских сердец
Не ел!..

Ты только мудрых книг
Величие постиг.
Твой нрав
Опередил наш век.
Ты просто – человек.
Ты – прав!

Неблизок твой рассвет.
Покамест даже нет
Свечи!..
Но я, матёрый зверь,
Прошу уже теперь:
Учи...

10. Волкодав!

Воды для промывки руды требовалось много. Очень много. Вороты на семнадцатом уровне скрежетали круглые сутки, заглушая даже писк летучих мышей, гнездившихся под потолком...

Здесь трудились только опасные, да и то не всякие, а лишь наказанные за немалые провинности. Эту работу считали очень тяжёлой.

В забое каторжник может хотя бы иногда опустить кайло и немного перевести дух. Или, если Белый Каменотёс наведёт его на богатую часть жилы, невольник добудет красивые и ценные камни, а значит – какую-то добавку отдыха и еды...

На вороте всё не так. Прикованные рабы толкают и толкают тяжёлое неподатливое бревно, наматывая нескончаемые круги внутри каменного мешка. Их усилие вращает прочный деревянный столб с шестернёй особой формы. Эта шестерня цепляет другую, и вращение передаётся на вал, расположенный уже горизонтально. На валу сидит большое колесо с черпаками, укреплёнными на спицах. Черпаки подхватывают воду из подземного озера, потом опрокидываются в жёлоб. Если надсмотрщик замечает, что какое-то колесо вращается медленнее других или воды в жёлобе стало меньше, он разворачивает кнут и идёт подгонять дармоедов... Так что – никаких передышек.

И ещё немаловажное обстоятельство. Здесь не водятся крысы. А значит, каторжник будет есть только то, что ему принесут. Вернее, сбросят сверху на каменный пол...

Рабы на воротах не видят ни озера, ни колеса. Только деревянный рычаг, до тёмного блеска отполированный мозолистыми ладонями предшественников. Только круг неровных тёсаных стен. Только шестерни, стонущие над головой...

Лошадям, приставленным к подобной работе, сердобольно завязывают глаза, чтобы они не спятили от однообразного кружения. О невольниках так не заботятся. Иногда наверху стены им оставляют факел. Иногда – нет, и тогда они работают в темноте. А на что им, собственно, свет? Небось и во мраке ворот не потеряют. И с пути не собьются...

Это последнее особенно верно. Кругом каждого ворота можно заметить нечто вроде канавки, замкнутой в кольцо. На самом деле это тропинка, протёртая, протоптанная в твёрдом камне босыми ногами рабов. Потому что ворота ненамного младше самого рудника, и с самого первого дня их вращают невольники.

Мыши роняют на головы рабам вонючий помёт. Порой липкие «гостинцы» перепадают надсмотрщикам, и тогда те, ругаясь в сорок петель, грозят вот ужо взяться и начисто извести мерзких зверьков. Но своды пещеры высоки и недоступны, так что мыши могут не бояться угроз.

* * *

Сквозь толщу камня донёсся тяжёлый удар, потрясший, казалось, всю гору. Короткий глухой рокот сопровождал его, и всё стихло.

В яму, где безостановочно скрипел ворот, почти не достигал свет – лишь тусклые отблески с потолка. В темноте шаркали ноги двоих людей. Слышалось напряжённое дыхание одного и сиплое, торопливое – другого. Так дышат за непосильной работой, когда лёгкие, изъеденные болезнью, беспомощно трепещут в груди и никак не могут вобрать достаточно воздуха, а сердце выпрыгивает наружу из горла. Когда этот человек согнулся в приступе кашля, с другого края ямы глухо зарычал второй голос:

– Сядь на бревно! Зачем опять слез?

Тиргей сплюнул далеко в сторону, чтобы плевок не попал под ноги напарнику: в слюне была кровь, и аррант полагал, что она может быть ядовита. Он виновато отозвался:

– Пёс, брат мой, я же не могу позволить тебе делать одному всю работу...

Он сам понимал, что в действительности помощи от него давно уже не было никакой.

– А я не позволю, чтобы тебя пришибли и выкинули в отвал! Влезай, говорю!..

Толстое бревно находилось на уровне живота стоящего человека, там, куда сами собою ложатся ладони согнутых рук. Кажется, чего проще – закинул ногу и сел верхом, словно на невысокий забор!.. Увы, нынче для арранта даже такое усилие было почти за пределами мыслимого. К тому же рычаг двигался, плыл над полом, и останавливать его было нельзя, чтобы не угодить под кнуты... Тиргей скорбно подумал о том, как когда-то, в иной и радостной жизни, где его тридцать два года ещё были бы молодостью, он легко вскакивал на играющего, пляшущего красавца коня... И светило солнце... Дарило не ценившим этого людям свой щедрый, ласковый жар...

Многого он тогда не ценил. А теперь оглядывался из прижизненной могилы: «И о такой-то чепухе я ухитрялся печалиться?!..»

Солнце, солнце... Его он тоже больше никогда не увидит.

Он поднял голову, ловя остатками зрения скудное зарево факелов, проникавшее в их преисподнюю, и начал привычно внушать себе: «Я дома. Стоит синяя летняя ночь, и я иду по дороге, обсаженной стройными тополями. Я вижу, как обрисовываются против неба их зубчатые верхушки. Они шепчутся, хотя я не чувствую ветра. Я хорошо знаю эту дорогу. Лимонные рощи посылают мне свой аромат: значит, скоро покажутся стены благословенного Арра...»

Воображение неизменно выручало его, давая силы, выручило и теперь. Тиргей

собрался с духом, перехватил для опоры цепь, тянувшуюся к бревну, и неуклюже повис на рычаге. Он чуть не соскользнул на другую сторону, но удержался с помощью всё той же цепи. Ещё немного отдохнул – и благополучно сел на бревно.

– Вот так-то лучше, – буркнул из темноты венн.

– Как же мне отблагодарить тебя... – прошептал Тиргей еле слышно. «Я знаю, что обречён. И ты тоже это знаешь, брат мой. Если бы не ты, мне давно сломали бы шею и увезли мой труп на *одрине*. А так я ещё зачем-то живу...» Потом Тиргей вспомнил, как полгода назад, когда их только приковали к этому вороту, он в приступе чёрного отчаяния позволил вырваться нечастой жалобе вслух. «Я прочёл множество книг, пытаюсь наполнить знаниями свой разум, – горестно сказал он тогда Серому Псу. – Я восторгался учёностью великих людей, живших прежде меня, я рвался продолжить открытые ими пути и лелеял надежду добавить в сокровищницу премудрости хоть одну крохотную золотую пылинку. Скажи мне теперь, зачем я корпел по библиотекам, вникая в тайны науки? Зачем мёрз и обдираю кожу в пещерах, устанавливая и опровергая какие-то истины? Зачем всё, если отныне имеет значение только дубина надсмотрщика, которая очень скоро разобьёт мою голову? Или я сам сдохну здесь, заеденный вшами...»

Венн тогда ему не ответил, и Тиргей успел запоздало укорить себя. На что вздумал жаловаться дикарю, который слова-то такого – КНИГА – никогда небось не слышал!.. Молодой варвар, треть своей недлинной жизни проведший в каторжных подземельях, был одним из самых порядочных и надёжных людей, с которыми доводилось встречаться арранту. Уже не говоря о том, что из Бездонного Колодца они с Гвалиором без него не выбрались бы ни вместе, ни врозь. Но учёность, творческое озарение, чувство прекрасного – всё это для венна явно были такие же потёмки, как для него, Тиргея (так, увы, и не названного Аррским или Карийским), – способность Пса видеть ночью или предугадать падение камня...

Так он рассудил про себя и устыдился собственной слабости. Но на другой день – то есть по прошествии нескончаемого кружения за рычагом и короткого времени, когда им разрешено было поспать, – венн вдруг сказал Тиргею: «Научи меня». – «Что?..» – не понял аррант. И услышал: – «Ты сожалел о премудрости, которая умрёт вместе с тобой. Ты учитель. Ты кого-то учил...»

Тиргей, помнится, горько рассмеялся в темноту. «Что же я смогу здесь тебе преподавать?..» – «Я услышал здесь чужие языки, – ответил Пёс. – Мономатанский, халисунский, саккаремский. Твой я знаю хуже...»

Тогда Тиргей крепко задумался. А потом... стал читать дремучему жителю леса классические поэмы. Одну за другой. Всё то, что никак не желали слушать дети столичного Управителя. К его изумлению и восторгу, венн большую часть запомнил наизусть с первого раза. Понятные и непонятные слова – всё вместе, как музыку. «Вот что значит нетронутый ум, – восхитился Тиргей. – Ум, не обременённый излишними знаниями, чистый, словно свежий пергаментный лист: что хочешь на нём, то и пиши...»

Он и теперь, сидя верхом на рычаге ворота, начал взывать к тени бессмертного Тагиола:

Есть и ещё одно чудо среди тех, что Богами
Созданы для украшения лика земного,
Нам же, творение зрящим, – на радость и диво...

Низкий голос Пса немедленно отозвался из мрака, который был прозрачен для его глаз, а для слепнущего арранта – совершенно непроницаем:

Это – вода. Говорливый ручей под горою,
Там, где душистым шиповником скалы увиты,
Капли дождя, что мы в детстве ловили в ладони,

Маленький пруд, где весёлые вьются стрекозы,
И сокрушительный вал океанского шторма...

– Друг мой, рассказывал ли я тебе о самотёчном винте?..

– Да. Воде кажется, что она всё время течёт вниз, но на самом деле она поднимается.

– Этот способ изобретён вовсе не мною, у нас в Аррантиаде им пользуются с незапамятных времён, но Церагат не стал меня слушать, даже когда я принёс действующую модель. Этот невежда сказал, что предпочитает действовать по старинке: на его век, мол, хватит. А ведь самотёчный винт, вращаемый одной лошадкой или осликом, заменил бы все эти ворота, на которых работаем мы с тобой и другие несчастные!..

Серый Пёс молча слушал его возмущённые речи. «Вот что делает с человеком учёность. Небось ни разу не помянул предательства Церагата, из-за которого мы здесь оказались. Но самотёчного винта ему до сих пор не может простить...»

– А вот тебе другой способ поднимать воду наверх, – продолжал Тиргей. Воодушевившись, аррант выпрямился на своём неудобном сиденье, его руки по давней привычке что-то строили в воздухе, оживляя рассказ. – Этот способ вообще не требует усилия животного или раба, нужна только бурная подземная речка вроде тех, которые тут в изобилии. Представь, брат мой!.. Река направлена в дудку, проложенную каменотёсами. Дудка перегорожена дверцей, и мощная пружина стремится открыть её против течения. Поток сильнее пружины, он увлекает дверцу и захлопывает её. Но воду, словно разогнанную повозку, невозможно сразу остановить! И она исчерпывает своё движение, устремляясь в трубку, уходящую вверх!..

Он помолчал, успокаивая дыхание, чтобы не раскашляться.

– Но когда вода утихомиривается, пружина превозмогает её неподвижный напор, и дверца вновь открывается. И так раз за разом – до бесконечности!.. – Тиргей помолчал ещё и виновато сознался: – Это я уже изобрёл сам.

«Вот только я никогда не увижу, способно ли работать начертанное моим мысленным оком. Даже в модели. Не говоря уже про большое устройство для промывки руды... Да о чём я! Я его и нарисовать-то теперь вряд ли смогу. А ведь надеялся, трижды глупец, что меня за него на свободу отпустят...»

Венн спросил:

– Вы, арранты, все такие учёные?..

Тиргей даже рассмеялся.

– Что ты! Мой отец и старший брат так и остались неграмотными. Они мостили дороги, зарабатывая деньги, чтобы я смог учиться. Они хотели, чтобы я сделал то, чего не удалось им... – Он вдруг о чём-то задумался, вздохнул и после долгого молчания проговорил совсем другим тоном: – Друг мой, брат мой, я хочу тебя попросить... Так повелось, что из нас двоих чаще я подчиняюсь твоей воле, чем ты моей, но, во имя слезы Вседержителя, что растопила камень со следами Прекраснейшей!.. Умоляю, послушайся хотя бы однажды! Я встану перед тобой на колени, если это тебя убедит!.. Когда надсмотрщики решат меня добить, пожалуйста, не пытайся меня защитить...

Серый Пёс промолчал. Но Тиргею показалось, что ворот заскрипел пронзительнее и резче. «Хоть бы смазывали его, что ли...»

– Потому что теперь мой черёд завещать тебе нечто такое, что не удалось сделать мне самому. Мы с тобой хотели получить свободу, так? Мы выбрали неправильный путь. Свободу, как и честь, не крадут, не покупают и не берут в дар. Её можно только завоевать... – Подумал и закончил: – Помнишь, что я тебе говорил? Про Истовик-камень?.. Я его не нашёл, сколько ни пытался. А ты – сможешь...

Серый Пёс насторожился, заметив свет факела и одновременно услышав наверху чьи-то шаги, приближавшиеся к яме. Привычная настороженность едва не побудила его дать знак арранту, чтобы скорее слез с ворота и сделал вид, будто крутит его... Но шаги

принадлежали Гвалиору, и венн успокоился.

Скоро с неровного края упала верёвочная лестница, и молодой нардарец спустился на дно.

– Здравствуй, Пёс... – шепнул он и сунул в руку венну большой ломоть хлеба. Почти половину пресной белой лепёшки из тех, которыми питались надсмотрщики. Даже с остатками масла. Кто-то из вольнонаёмных бросил её, не доев. А Гвалиор изловчился украдкой подобрать и принести сюда.

– Тиргею отдай, – сказал Пёс.

– У меня и для него есть. Я сегодня богатый.

– Здравствуй, Гвалиор, – подал голос аррант.

Надсмотрщик подошёл к нему и вручил такой же добротный кусок. И вправду богатство, суший праздник, далеко не всякий день перепадавший двоим голодным рабам! Венн принялся жевать, заставляя себя не спешить и стараясь не обронить ни крошки. У него дома пекли совсем другой хлеб. Чёрный хлеб, пышный, ноздреватый, душистый, способный целую седмицу лежать в коробе не черствея...

Здесьний беззаконный народ был способен только вот на такие лепёшки. По людям и хлеб! Хотя, если разобраться, хлеб-то ни в чём не был повинен. Такие уж руки его испекли, а потом бросили наземь...

Гвалиор между тем осветил своим налобным фонариком напарника венна, сидевшего на рычаге, и то, что он увидел, ему весьма не понравилось. Это был почти бесплотный призрак того полного жизни Тиргея, что лазил за ним, пьяницей несчастным, в Бездонный Колодец. Рыжие кудри учёного и так-то были сплошь побиты безвременной сединой, но теперь они ещё и заметно редели. Да и завитков, некогда по-аррантски крупных и тугих, как будто сделалось меньше... Гвалиор пригляделся... Так и есть! Волосы арранта постепенно переставали курчавиться. Надсмотрщик внутренне содрогнулся. Он сам видел однажды, как распрямились волосы недавно умершего: вместо шапки крутых завитков на погребальную подушку расчёсанной паклей легли безжизненно-вялые пряди... Да. Озеро Каттая дышало воистину смертью. Безликой, неосязаемой и безгласной...

Гвалиор вытащил из-за пазухи фляжку.

– На, выпей. Станет теплее.

Тиргей кротко улыбнулся и протянул руку мимо фляжки.

– Спасибо...

Тем временем возле венна закрутилась в воздухе большая, с голубя, летучая мышь. Когда-то все они казались ему одинаковыми, но теперь он выучился их различать. Этот молодой самец был доверчивей и любопытней других. Он не пытался уволочь у Пса еду, но всякий раз, когда тот брал в руки кусок, подлетал, садясь иногда на самый рычаг ворота, и внимательно наблюдал. Сначала венн прогонял его: «Самому мало!» Потом однажды увидел, как аррант предложил зверьку крошку, а тот съел. «Если у тебя живот не принимает, мне бы отдал», – зло подумал Пёс, но тотчас устыдился. В памяти всплыли сказания мудрых старух о Великой Ночи, длившейся, как известно, тридцать лет и три года. О том, как звери выходили из заметённых снегом лесов к жилищам людей в надежде на пропитание и тепло – и люди с ними делились...

С тех пор венн всякий раз протягивал пещерному летуну на ладони крохотную толику пищи. Тот пока ещё страшился брать прямо с руки, опасаясь подвоха. Серый Пёс клал ему крошки на бревно ворота. День ото дня маленький охотник садился всё ближе...

Гвалиор упёрся ладонями в ворот, налёг и начал толкать, давая Псу короткую передышку. Он всегда так делал, когда ему удавалось их навестить.

– Скажи, что за работы происходят поблизости? – спросил надсмотрщика Тиргей. – Мы всё время чувствуем сотрясения...

– Штрек новый рубят, – отозвался нардарец. – Выше уровнем. Жила там одна очень хитрая, с другой стороны подобраться хотят. Только камень очень уж ненадёжный. Всё время глыбы вываливаются.

Тиргей с досадой хлопнул себя по колену.

– Взялись всё-таки!.. Ох, накличут беду! Говорил же я и Шаркуту, и Церагату – там такого обвала можно дожидаться...

Всем троем вспомнилась давняя история с двадцать девятым уровнем и огненными опалами. Но вслух о ней не упомянул никто. Распорядитель и старший назиратель сами в опасный штрек точно уж не полезут. И надсмотрщиков не пошлют. А жизни рабов, чьей кровью будут политы добытые камни, для того и другого значат очень немного...

Серый Пёс слушал молча. Он несколько раз бывал под обвалом. Дважды ему удавалось ощутить грозное напряжение нависших слоёв и вовремя отскочить прочь, выдёргивая с собой напарника – безногого калеку. Один раз их всё-таки накрыло, и Пёс полсуток простоял на четвереньках, удерживая придавившую глыбу, – пока их с халисунцем не откопали. Собственно, откапывали не их. Жила там была уж больно хорошая, и её не захотели терять...

Венн отнял от бревна одну руку, щипнул чуть-чуть хлеба и протянул плясавшему в воздухе зверьку. Тот быстрее заработал крыльями... и Серый Пёс впервые ощутил прикосновение его коготков. Пушистое чёрное тельце так и не опустилось всей тяжестью ему на ладонь, перепончатый летун ещё не вполне утратил настороженность, но острая мордочка всё-таки ткнулась в руку человека, схватив угощение. Зверёк перелетел на бревно и стал чинно есть, придерживая кусочек когтистыми сгибами крыльев... Серый Пёс вспомнил собак, живших у него дома, вспомнил своего любимца – косматого кобеля знаменитой веннской породы, огромного, небрежливового волкодава, наделённого редкой свирепостью и благородством... Ну то есть как сказать – «своего»? Венны рода Серого Пса полагали, что принадлежат своим собакам не меньше, чем те – им. А то и поболее. Как родичи отца, Снегири, и красногрудые птицы, безбоязненно залетающие в избы... Кто чей? Поди разбери... Кобель был стар. Он родился в ту же весну, что и его двуногий побратим. Когда мальчик учился ходить, он придерживался за длинную шерсть терпеливого друга. Когда подрос – стал ходить с ним на охоту, и разумник-пёс присматривал за сорванцом, чтобы тот глупостей каких не наделал... Как он степенно и бережно брал лакомство из руки. Чуть касаясь, вежливо, осторожно – и не заподозришь рядом с ладонью двухвершковых клыков, готовых мгновенно обнажиться при шорохе незнакомых шагов!.. Последний раз мальчик-Пёс видел побратима при свете пламени, лизавшего крышу общинного дома. Кобель, утыканный стрелами, так и не разомкнул зубов на горле загрызенного сегвана...

– ...Ты только из-за нас не лезь, пожалуйста, на рожон, – сказал Гвалиору Тиргей. И добавил, мягко улыбнувшись: – Что же мы делать-то будем, если Церагат обозлится и тебя выгонит?.. Как есть пропадём...

У летучих мышей, обитавших под сводом пещеры, появились детёныши.

– Вот это да! – изумился Тиргей, когда сверху начал раздаваться пронзительный писк и Серый Пёс объяснил арранту, в чём дело. – Стало быть, я не ошибся в расчётах и наверху сейчас действительно начался месяц Тучегонителя!.. Кстати, знаешь ли ты, брат мой, что мыши обыкновенно избирают в качестве родильного чертога одну какую-то пещеру – и поколение за поколением возвращаются только в неё, чтобы дать жизнь очередному потомству?

– Хорошую же пещеру они для этого присмотрели... – проворчал венн.

Тиргей развёл руками.

– Возможно, друг варвар, они жили и рожали здесь за много веков до того, как в эти горы пришли первые люди!

Крылатый самец, научившийся доверять Серому Псу, уселся на ворот между его ладонями и громко заворковал. В голосе зверька венну отчётливо послышалась гордость. «Не иначе, отцом стал? Или старшим братом новорождённого малыша?..»

– А ты дарил когда-нибудь жизнь? – вдруг спросил он арранта.

– Любовь – дарил, – улыбнулся Тиргей. И добавил с покаянной усмешкой: – Ведь каждый раз, дурень, боялся, кабы чего не случилось. Ребёнка то бишь... А теперь как

подумаю, что там, может, дочка или сынок уже бегают, так на душе и потеплеет. Всё-таки... продолжение. – Он не стал спрашивать Серого Пса, изведал ли тот чудо, именуемое благосклонностью женщины. Тиргей помнил мальчика двенадцати лет от роду, посаженного в деревянную клетку.

– Эта ваша Прекраснейшая... – начал было венн. Но осёкся и замолчал: в памяти всплыл разговор на поляне окаменевшего леса.

– Я помню, ты как-то спрашивал про Неё, – сказал аррант. – И я ещё тебя осмелел, что, мол, за выродок тебе наплёл, будто Ей ставят страшные храмы в дебрях лесов и поклоняются с кровавыми жертвами... Не сердись. Я не хотел обидеть тебя. Я не подумал о том, что у вас, должно быть, столь же мало известно о нашей стране, как и у нас – о веннских лесах. Понимаешь, всякий человек видит свою родину центром Вселенной, а остальное мироздание – захудалыми окрестностями. Каждый полагает свой народ избранным среди прочих и думает, что о нём не слыхал только полный невежда...

«Особенно если этот народ создал могущественную державу, если его корабли посетили все уголки подлунного мира, а слово „аррант“ сделалось почти равнозначно слову „учёный“. Мы впали в соблазн неумеренной гордости и стали считать, что уж нас-то просто обязан знать каждый. Знать, восхищаться и завидовать. Мы залюбовались собственной мудростью и, кажется, утрачиваем способность слушать других...»

Вслух он сказал:

– У нас любят повествовать о Прекраснейшей. Эти рассказы бывают забавными и озорными... что порой принимается несведущими за непочтительность... но никто не поминает Её с тревогой и страхом! Ибо Она – восторг, Она – счастье, Она – благодать, осеняющая человека!.. Она – радость!.. И кто в любовном угаре способен убить соперника, или неверную возлюбленную... или себя, как наш Гвалиор... тот совершает ужасный грех перед ликом Её. И храмы во славу Прекраснейшей стоят не в далёкой и опасной чащобе, а в хороших людных местах, и там всегда веселье и праздник. Ибо Прекраснейшая учит тысяче способов отражать ликование духа в радостях плоти. Вот чему она учит. Счастливому дарению жизни!.. А вовсе не отнятию священного дара. Так что тот, кто наболтал тебе об ужасах служения Ей, брат мой варвар, тот бессове... тот взялся говорить о том, в чём поистине ни бельмеса не смыслит!

Бывший учитель всё-таки закашлялся и, задохнувшись, прижал руки к груди. Потом сердито отвернулся, пытаясь отскрести с бороды кровь.

– Ты всё время называешь меня варваром, – дождавшись, пока он отдышится, проговорил Серый Пёс. – Это слово встречается и в песнях, которые ты рассказываешь. Что оно значит?

Тиргей смущённо потёр ладонью бревно ворота, который по-прежнему вращал за них обоих злой и выносливый венн. «Вот как раз то, о чём я сам только что рассуждал. Вообразившие себя мудрыми перестают слушать других...»

– Когда некий народ скверно осведомлён о соседях и не признаёт в них людей, равных себе, – сказал он наконец, – в его языке появляется слово, обозначающее всех чужих. Есть ли такое слово у вас?

– Есть. «Немые». Это оттого, что их речь непонятна.

– А у нас, не умея постигнуть язык иноплеменников, высокомерно считали, будто у них и не речь вовсе, а тарабарщина, лишённая смысла. Этакое «вар-вар-вар»... Вот и прижилось слово «варвар». – Тиргей помолчал, потом честно добавил: – Так у нас иногда называют не только не-аррантов, но и некоторых своих. Перенесённое на соплеменника, слово «варвар» делается бранным... Оно обозначает того, кто себя ведёт недостойно жителя просвещённой страны, кто уподобляется дикарю, способному только драться, пить вино и приставать к женщинам...

– И правильно, – хмыкнул венн. – Обозвать родного чужим – хуже не выругаешь!

Тиргей не видел, как блеснули его глаза в темноте, но понял по голосу – Серый Пёс достойно оценил его искренность. Он пообещал:

– Я не буду больше так тебя называть, брат мой.

* * *

Около месяца голые маленькие мышата оставались при мамках: грелись их теплом, сосали молоко. Потом, когда с подросшими детьми стало труднолетать, мышихи – вся стая в течение одного-двух дней – взялись приучать мелюзгу к самостоятельности. Дети, конечно, оставаться одни не хотели. Они изо всех силёнок хватались за родную тёплую шерсть, но матери, ради их же блага, выпутывались из цепких лапок и улетали на промысел. Чтобы вскоре возвратиться – каждая к своему отчаянно верещащему чаду.

Писк и визг под гулкими сводами вот уже второй день стоял такой, что Серый Пёс поначалу именно ему приписал чувство тревоги, прочно угнездившееся в душе. Когда прямо над головой всё время галдят, плачут и жалуются маленькие зверьки – поневоле начнёшь озираться, высматривая неведомую опасность!

Однако отмахнуться от царапающего беспокойства не удавалось. За шесть лет на каторге Серый Пёс привык доверять нелюдским чувствам, что даровал ему, последнему оставшемуся потомку, мохнатый Прародитель. Он как следует прислушался к себе и понял: где-то притаилась беда!.. Венн даже понял, что именно вот-вот должно было произойти... когда стены, своды и пол – вся неизмеримая громада горы стала *раскачиваться*. Медленно и жутко и поначалу совершенно беззвучно. Потом прорезался и звук, чудовищно низкий, воспринимаемый даже не слухом, а чем-то большим, чем слух, – поистине, всем существом. От этого звука Серый Пёс упал на колени, и разогнанный вихор потащил его за собой. Он почти потерял сознание, а из носа потекла кровь. Колеблемые стены готовились сдвинуться и раздавить ничтожные человеческие существа, пол, утративший надёжность, уплывал из-под ног, со свода пещеры, оставляя там и сям белые звёзды разлетевшейся крошки, сыпался каменный дождь...

Это совсем рядом, в сотне саженей от пещеры, сразу и по всей длине «схлопнулся», перестав существовать, только что прорубленный штрек. Не помогли ни заботливо возведённые каменные опоры, ни целый лес крепей, которыми думали удержать неустойчивую породу... Громадные глыбы, очень ненадёжно склеенные плотным песком, долго подгадывали мгновение. А потом просто чуть-чуть – на неполную сажень – осели все разом, не оставив никакого следа от жалкой норки, прогрызенной двуногими. Злой дух подземелья не стал дожидаться, пока самоцветная жила иссякнет и ему подарят раба. Он сам взял себе жертву. И не одну, а сразу восемь. Да ещё прихватил надсмотрщика из свободных, некстати заглянувшего в новый забой.

...Но всё это станет известно только потом. А покамест две хрупкие человеческие пылинки, обращённые вселенской судорогой в трепетное ничто, просто утратили способность думать и сопоставлять. Наверное, так себя чувствовали их далёкие предки много столетий назад, когда с неба ударила тёмная звезда и началась Великая Ночь...

Венн пришёл в себя раньше арранта: тот просто повис на бревне рычага, беспомощный, весь в пыли и свежих кровотокающих ссадинах от упавших камней. Теперь, когда отпустил невыносимо низкий рокот обвала и Серый Пёс вновь обрёл слух, его ушей достиг отчаянный крик, звучавший совсем рядом. Он поднял голову...

Мышата, ещё не наученные летать, в отсутствие мамок сползались в большие клубки ради безопасности и тепла. Детёныши прекрасно умели висеть вверх тормашками, цепко держась за малейшие неровности камня. Но всё имеет предел: докатившееся сотрясение сбросило вниз один из живых клубков. И, видимо, подземному духу, только что погубившему целый штрек, показалось мало доставшихся жертв. Мышата угодили прямо в механизм ворота. Они висели на шестерне горизонтального вала, и неумолимое вращение должно было вот-вот затянуть их туда, где скрипели, соприкасаясь, косые крупные зубья. Взрослые мыши полоумно металась взад и вперёд, подхватывая детей и утаскивая обратно под своды, но им было не успеть. Перед лицом Серого Пса на мгновение завис пушистый

чёрный самец, тот, что брал хлеб у него из руки. Завис, пронзительно прокричал и исчез. Венн доводился побратимом собакам, а вовсе не летучим мышам, но двух толкований этого крика быть не могло. «Да сделай же что-нибудь, человек!..»

По счастью, ворот уже двигался медленнее обычного. Однако инерция тяжёлого колеса оставалась почти непреодолимой. Серый Пёс до предела натянул цепи и упёрся ногами в пол, но его ступни сразу заскользили по шершавому камню вперёд – колесо его усилий попросту не заметило. За те месяцы, что венн здесь проработал, ворот останавливали только однажды, ради мелкой починки. Серый Пёс чуть не надорвался потом, когда пришлось вновь его запускать.

Мыши закричали отчаянней и засновали вдвое быстрее: до жующих, перемалывающих зубьев осталась какая-то пядь.

Пса между тем подтащило туда, где в камне пола была вырублена канавка для нечистот. В забоях рабы справляли нужду кто где мог, но ворот – другое дело; его осматривают и чинят вольнонаёмные мастеровые, для них должен быть устроен удобный подход. Тиргей только начал шевелиться и понимать, что обвал их не зацепил, когда венн достиг канавки и, используя её край как опору, почти лёг навзничь в последней попытке остановить колесо.

Сперва ему показалось, что он взялся двигать стену. Его подняло и согнуло, как лук, он понял, что вот сейчас что-нибудь лопнет: или хребет, или жила во лбу, или кишка в животе... Он не сразу поверил себе, когда колесо начало замедлять ход. Вал затрясло, зубья шестерён застучали, заклацали: у голодного хищника отнимали облюбованную добычу. Чёрный самец зубами и лапками сгрёб сразу двоих последних малышей и, тяжело работая крыльями, взмыл с ними вверх. Зубья прожевали пустоту в том месте, где только что находились мышата, и наконец замерли. Колесо остановилось.

Оборвался нескончаемый скрежет, и венн услышал, как на другом конце ворота подал голос Тиргей.

– Теперь тебя, наверное, накажут... если руки в суматохе дойдут, – тихо выговорил аррант. – Но, во имя всех Богов Небесной Горы, как же правильно ты поступил, брат мой... как же правильно ты поступил...

Серый Пёс выпрямился и, ощериваясь от натуги, что было сил навалился грудью на ворот. Ему снова показалось, будто он пытался сдвинуть с места всю гору.

* * *

Каторга в Самоцветных горах давно прекратила бы своё существование, завершившись грандиозным бунтом и побегом рабов – если бы каждый из сотен надсмотрщиков не знал досконально свои обязанности и не исполнял их строго и точно. Причём именно там, где ему было велено *назирать*. Что бы ни произошло рядом, или на соседнем уровне, или под сопредельной горой...

Казалось бы, что такое не вовремя остановленный ворот? По сравнению со страшным обвалом, случившимся неподалёку?.. Мелочь, вряд ли стоящая, чтобы её замечать.

Действительно, четверо надсмотрщиков, отряженные в тот день наблюдать, чтобы не иссякло трудолюбие опасных, прикованных к рычагам, сами поначалу оглохли, ослепли и перестали понимать, на котором свете находятся. Но вот смолк грохот и гул, перестали сыпаться с потолка осколки камней, и выучка взяла своё. Кто-то заглянул в желоба, по которым струилась вода, вычерпанная колёсами. И увидел, что почти всюду она продолжала худо-бедно, но течь. И только один жёлоб оказался подозрительно пуст. Вместо потока, коему полагалось отступать от отметки на стенке не более чем на ладонь (уже за подобное оскудение рабов полагалось немедля пороть), виднелось чёрное осклизлое дно. По нему не катилось даже плохонького ручейка. Что такое? Рухнул крупный обломок и начисто сломал механизм?.. Убило рабов?.. Хотя нет, в этом случае колесо ещё долго вращалось бы само по себе...

Гадать и строить предположения надсмотрщики не привыкли. Если что-то идёт не так, как положено, следует немедленно выяснить почему. И, если требуется, примерно наказать виноватых. Трое из четверых сразу отправились взглянуть на ворот, с которого не поступала вода. Возле жёлоба уже никого не было, когда по нему, набирая силу, неровными толчками потёк возобновлённый ручей.

Первым в каменную яму заглянул надсмотрщик Бичета. Ворот оказался тот самый, где работали венн и аррант, и, что бы там у них ни произошло во время обвала, теперь всё выглядело почти как всегда. Колесо, хоть и медленнее обычного, но вращалось, поднимая тяжёлые черпаки и опрокидывая их в отверстие жёлоба; двое каторжников налегали на концы рычага. Когда над краем возник горящий факел и замаячили силуэты надсмотрщиков, они подняли головы.

– Почему останавливались? – рявкнул Бичета.

– Камень попал в шестерни, господин!.. – немедленно отозвался аррант. – Никак выбить не удавалось!..

– А-а, – протянул Бичета и уже отступил было прочь, удовлетворённый ловкой выдумкой Тиргея... И вот тут на арранта накатил роковой приступ кашля. Было ли тому виной непосильное напряжение, когда, невзирая на ругань и запреты Серого Пса, он ему помогал разгонять неподатливое колесо?.. Или он слишком громко ответил надсмотрщику, отчего и скрутил лёгкие безжалостный спазм?.. Никому уже не было суждено это узнать. Тиргея скрутило в три погибели, он почти потерял сознание и упал на колени, и цепь поволокла его по полу.

До сих пор на глазах у надсмотрщиков с ним такого не происходило, ибо впрягаться в работу Пёс ему давно уже не позволял, а приближение чужих шагов слышал издалека. Да и пристально Тиргея никто не рассматривал...

И вот – случилось.

– Этот больше не работник, – покачал головой Бичета. Он был опытен и мог отличить временное нездоровье крепкого раба от воистину последней болезни. Он деловито добавил: – Надо заменить.

Заменить! .. Как ни худо было Тиргею, он расслышал эти слова. Они отдались высоко под сводами пещеры и породили эхо, метнувшееся между стен. *Заменить!*.. Для каторжника это был приговор. Того, кто *перестал быть работником*, путь ожидал очень короткий. Его добивали – и «одрина» увозила тело в отвал.

А на освободившееся место ставили другого раба, крепче. Ещё не слишком изношенного неволей...

Все те месяцы, что они с венном провели здесь, у ворота, Тиргей предвидел – однажды именно так с ним и произойдёт. Ему казалось, он успел даже примириться с подобной судьбой...

О Боги Небесной Горы!.. Как же он ошибался!.. Как закричало о жизни всё его существо!..

– Я добыю? – спросил Бичету второй надсмотрщик, помоложе, ретивый в делах, от которых воротили нос даже выдавшие виды старожилы рудника. Его звали Волк.

Бичета кивнул.

Рассказывали, будто в давно прошедшие времена каторжников, приговорённых к *замене*, попросту вели на отвалы – и удар тяжёлой быстрой дубинки настигал их уже там. Но скоро выяснилось, что вытаскивать на поверхность мёртвое тело куда менее хлопотно, чем выводить смертника. Даже еле шевелящегося, как Тиргей. Иные, в ком дух умирал раньше тела, шли безропотно и умирали без звука. Но другие являли столь внезапную и яростную волю если не к жизни, то к мести, что именно из-за них некогда было решено больше не рисковать. Волк пинком сбросил вниз верёвочную лестницу и ловко соскочил в яму.

Тиргей, не сводя с него глаз, силился подняться с колен и что-то тихо кричал. Для

Бичеты и остальных это был бессвязный крик обречённого смерти и сознающего неотвратимый конец. И только Серый Пёс расслышал:

– Нет, брат мой!.. Нет!.. Ты ещё сможешь... выйти отсюда... прощай...

Венн так рванул цепи, что поколебались здоровенные зубчатые костыли, глубоко всаженные в бревно. Летучие мыши с тревожными криками носились над самыми головами людей. Надсмотрщик Волк рассмеялся, взял арранта одной рукой за волосы, второй – под подбородок... и точным коротким движением сломал ему шею. Равнодушно, без ненависти и злобы. «Заменить!» Самое обычное дело... Серый Пёс ощутил, как взвивается из потёмков души и окутывает весь мир багровая пелена. Он вновь рванул цепи, и один костыль вылетел. Каким-то краем сознания он даже чуть удивился, насколько легко это ему удалось.

– Осторожно, Волк, осторожно!.. – закричал сверху Бичета. И сам прыгнул вниз, ибо видел: ещё чуть – и Церагатова любимца надо будет спасать. Третий надсмотрщик, раб-халисунец по имени Линобат, последовал за Бичетой, почти не отстав.

Они подоспели как раз вовремя. Венн всё так же молча и жутко рванулся ещё раз, и вылетел второй и последний костыль. Обручи кандалов оставили глубокие кровавые вмятины на запястьях, но Серый Пёс не стал отвлекаться на подобные пустяки. Он бросился прямо на Волка. И, как потом говорили, покрыл половину немаленькой ямы одним звериным прыжком.

Он не смотрел ни вправо, ни влево. Он видел перед собой только мёртвого Тиргея и рожу ненавистного Волка, чью глотку он намерен был разорвать. Но то же самое бешенство, что дало ему силы сорваться с цепи, сделало его уязвимым. Будь рядом Мхабр, он бы объяснил глупому юнцу: воин, которому так вот застилает глаза безудержный гнев, достигает немногого. Этот воин или получает первую же стрелу, или весь его яростный напор расшибается, как прибой о скалу, о чьё-то хладнокровное мастерство... Но Мхабр был далеко – в Прохладной Тени. Кнут Бичеты хлестнул Серого Пса по ногам, сбив грозящий смертью прыжок к шее надсмотрщика. Венн потерял равновесие и упал, но сразу вскочил и, не издав ни звука, опять бросился в бой...

На сей раз его встретили два кнута одновременно: Волк и Линобат не были большими друзьями, но очень хорошо умели действовать вместе. Окровавленного Пса вновь отбросило к стене. После этого он не должен был подняться. Но он поднялся. Новый рывок – молча, напролом, помимо рассудка...

– Ах ты!.. – возмутился Линобат. Неукротимая ярость Пса почему-то очень обозлила его. Как это? Обречённый безмолвно терпеть вдруг поднялся с колен, да ещё и в драку полез?.. А может, всё дело было в том, что сам Линобат так и остался невольником. При медной «ходачихе» и даже вооружённый, но, по сути, – такой же раб, как и Пёс... Халисунец шагнул вперёд, замахиваясь кнутом, но этот короткий шаг оказался ошибкой. Венн так и не сумел пройти сквозь удар, как ему удавалось когда-то с Гвалиором. Но он всё-таки достал надсмотрщика. Цепью. Тяжёлое ржавое звено с приделанным к нему кованым костылём шарахнуло Линобата по голове и отправило его душу прямо в халисунскую преисподнюю, где никогда не бывает льющегося под ноги дождя...

Но это было и всё, на что хватило Серого Пса. Волк с Бичетой, раздосадованные гибелью Линобата (а кто поручится – возможно, даже отчасти напуганные) окончательно сшибли венна с ног и больше не давали подняться.

Один из летучих зверьков, крупный чёрный самец, вдруг яростно завизжал и понёсся, щеря острые зубы, Волку в лицо. Тот от неожиданности шарахнулся, и кнут, предназначенный Серому Псу, гулко хлопнул в воздухе. Молодой, быстрый на руку надсмотрщик часто развлекался, пробуя сбить летящую мышь, но зверьки неизменно оказывались слишком проворны. Случайности было угодно впервые верно направить его руку только теперь. Воинственный визг сменился криком боли: не в меру отважный летун жалко кувырнулся в воздухе, шлёпнулся на пол... и с проворством отчаяния юркнул под неловко вывернутое плечо уже неподвижного венна.

Волк, выругавшись, замахнулся было опять, но Бичета остановил его:

– Хватит! Сбегай-ка лучше, Церагата сюда позови!

* * *

На свете всё-таки не без добрых людей.

Робкий и бессловесный раб-подметальщик, что мыл полы в жилищах надсмотрщиков, самым дерзновенным образом растолкал крепко спавшего Гвалиора:

– Господин, господин мой!.. Что-то случилось! Все бегут на семнадцатый нижний, где ворота...

Мальчик не обманул. Все не все, но многие действительно бежали на семнадцатый уровень. И обвал, накрывший целый штрек, в торопливых разговорах поминали как нечто сугубо второстепенное. Ну да, там убило надсмотрщика. Жаль парня, конечно. Но что подделаешь, если Белый Каменотёс не захотел подпустить проходчиков к жиле!.. Под землёй бывает по-всякому – и погибший понимал, на что шёл, когда нанимался сюда...

А вот когда каторжник проламывает надсмотрщику голову цепью – это случай особый. Это убийство. Это почти наверняка – казнь.

Когда Гвалиор, движимый очень нехорошим предчувствием, скатился с последней лестницы и вбежал под высокие своды пещеры на семнадцатом уровне, он сразу увидел, что одно из колёс – ТО САМОЕ колесо – замерло в неподвижности. Вокруг ямы горели факелы и столпилось довольно много народа. Молодой нардарец не помнил, как протолкался к самому краю...

Он сразу понял: предчувствие не обмануло. Только всё оказалось намного хуже, чем он себе представлял. Тиргей лежал под стеной – бесформенная груда скомканного тряпья, когда-то бывшая человеком. Неестественно повёрнутую голову ореолом окружали волосы, разметавшиеся по камню, – старчески редкие, почти совсем седые... и прямые, точно солома. В двух шагах от арранта скорчился Серый Пёс. Окровавленный до такой степени, словно его поливали чем-то красным из большого ведра. Цепи протянулись по полу, как издохшие змеи. Их венчали тяжёлые костыли, с мясом выдранные из бревна. С венна не сводил глаз надсмотрщик Волк, кнут у него в руке нетерпеливо и влажно подрагивал, переливаясь в факельном свете: ну-ка, мол, попробуй шевельнись! Ну-ка!.. Ужо я тебе!.. Серый Пёс не шевелился. Не потому, что боялся Волка, просто его дух витал далеко от располосанного тела и не спешил водворяться назад. Старший назиратель Церагат стоял около остановленного ворота и едва заметно качал головой, оглядывая развороченные, оцетинившиеся занозами дыры в бревне рычага. Только этого, мол, ко всем прочим заботам мне не хватало!..

Гвалиор оттолкнул какого-то зеваку-вольнонаёмного и прыгнул вниз, в яму, как раз в тот момент, когда Церагат, кончив созерцать бревно, повернулся и кивнул на неподвижного венна, негромко приказав:

– Этого распять.

Волк сунул кнут за пояс и с видимым предвкушением изготовился было тащить Пса за ноги, но Гвалиор успел преградить ему путь:

– Погоди.

Молодой надсмотрщик зло оскалился, но он был рабом, а нардарец – свободным, и Волк был вынужден отступить.

Старший назиратель недовольно повернулся к ним.

– Что такое? Я приказал...

Гвалиор хмуро ответил:

– Эти двое спасли мне жизнь, Церагат. Я обязан им кое-чем. Один из них уже погиб. Не убивай хотя бы второго.

– Не ослышался ли я, парень? Ты просишь за раба, убившего одного из надсмотрщиков? Да ты знаешь хоть, что этот дикарь Линобату голову проломил?..

Люди, столпившиеся по краю ямы, недовольно загудели. Многих из них Гвалиор знал,

кое-кого считал своими друзьями. По крайней мере с очередного заработка вместе грели душу за фляжкой вина... При мысли, что многие забудут теперь его имя, а на пирушку уже точно больше не позовут, к сердцу подступил холодок. Он напомнил себе: в Бездонный Колодец никто из этих друзей-собутельников за ним почему-то не бросился. Полезли венн и аррант. «Да. Но они пеклись о тебе, как о родном, только потому, что за тебя живого им обещали свободу. И ты с ними давно расплатился. Сколько подкармливал...» Вслух он сказал:

– Венн оттолкнул меня, когда я должен был погибнуть под камнем. Помнишь, он со сломанными рёбрами назад вылез? Это тогда и произошло. А Линобат был таким же рабом, как и он. И надсмотрщиком – никудышным!

– А это имеет значение? – нехорошо сощурился Церагат. – Кто-то будет решать, плох надсмотрщик или хорош, и позволит рабам нападать? Уж не ты ли взялся об этом судить?

– Нет. Но Линобат остался должен мне двадцать лауров. Для меня это немалые деньги. Он выпросил их у меня почти год назад, поклявшись, что отдаст через три дня. А без венна я бы в Колодце... двадцать раз погиб. И если для тебя долг перед рабом так же ничтожен, как и данное ему слово, то я тебе вот что скажу. Я предлагаю КУПИТЬ у тебя его жизнь. Я дам за Линобата цену, которую ты назовёшь. И буду оплачивать содержание венна, пока он не поправится или не умрёт... – Второе было гораздо вероятнее. – Вычти эти деньги из моего заработка. Если не хватит, я буду работать в долг... Но не вели казнить его, Церагат. Эта казнь тебе только встанет в убыток.

Старший назиратель насмешливо подбоченился.

– Год работы бесплатно, Гвалиор. За всё про всё. Даже если твой венн сдохнет прямо здесь и сейчас. Ну как? Не велика цена? Целый год, а? За облезлого Пса-то? Идёт?..

Внутренне нардарец покачнулся и застонал. Но внешне ухитрился остаться невозмутимо спокойным. Когда-то более опытные надсмотрщики учили его оставлять смущение и страх при себе, ни в коем случае не показывая рабам: «Это звери, сынок... Чуть попятятся – сожрут!» Кто мог знать, где и как пригодится усвоенная наука!

И Гвалиор сказал:

– Год жизни прочь, но без венна не было бы у меня и этого года. Так что – идёт, Церагат. Цена справедливая!

– Куплено, – кивнул Церагат. С края ямы в нардарца ударил оглушительный смех. Старший назиратель повелительно вскинул руку: – Венна не трогать!..

Волк очень неохотно спрятал кнут и с ворчанием подался прочь. Слово старшего назирателя на руднике было законом, против которого даже он, дерзкий, не решался идти.

Церагат подозвал работников и ткнул пальцем через плечо, указывая на медленно стынущие останки Тиргея:

– А эту пададь – в отвал.

Несчастный Тиргей всё-таки не ошибся в расчётах: наверху стояло действительно лето. В Самоцветные горы приходили караваны и привозили самых разных людей. Рабов и свободных...

Однажды в рудниках появились Ученики Близнецов. Им не было нужды пристраиваться к купеческим караванам. Жрецы располагали достаточными богатствами, чтобы снаряжать свои собственные. И даже более. Почти каждый год они выкупали на свободу сколько-то единоверцев.

Золотом или дорогими камнями хозяев самоцветного прииска удивить было трудно, но Ученики привозили нечто гораздо более ценное. Невзрачные с виду, крохотные серенькие кристаллы. Знающие люди воскуряли их на особых жаровнях. Или растворяли в больших чашах вина – и на сутки-двое погружались в блаженство...

Слух о приезде жрецов мгновенно распространился по подземельям. Все, кто мог, кинулись расспрашивать почитателей Близнецов об их поклонении. Иные, не скупясь, учили друзей священным знакам своей веры и тому, как следовало отвечать на вопрос: «Почему,

признавая Единого, мы молимся Близнецам?» Другие, наоборот, отмалчивались. Вдруг жрецы выкупят обманщиков, а истинно верующих освободить уже не смогут?..

Серый Пёс знать не знал о переполохе в пещерах. К вороту – их с Тиргеем вороту – давно приковали двух других бедолаг, чем-то провинившихся в общем забое. Они крутили тяжеленный рычаг, без конца переругиваясь: обоим казалось, будто напарник ленился и ловчил. Ворот отсчитывал десятки и сотни вращений, снова и снова проплывая над венном, но тот вряд ли видел его, даже когда открывал ненадолго глаза. Он зыбко плыл между жизнью и смертью, и надсмотрщик не знал, стоило ли тратить на него ежедневную чашку воды. Серый Пёс лежал запоротый по сути насмерть, вновь приняв наказание, которого не положено выдерживать человеку. Только рядом больше не было Мхабра, готового поделиться собственной жизнью. А год, откroенный у Гвалиора, исчислялся всего лишь деньгами. Их не перельёшь в жилы друга, не вдохнёшь в сердце, готовое замереть навсегда...

Жрец – сегван по имени Хономер – пришёл в сопровождении Волка, которому было поручено водить его по пещерам. Серый Пёс не сразу заметил их, потому что перед ним шествовали вереницы чёрно-багровых теней, торжественно низвергавшиеся в мерцающую чёрно-багровую бездну. Волк ткнул его черенком копья, и раб медленно повернул голову.

Все почему-то уверены, будто жрецы – это непременно седобородые старцы с глазами, в которых тлеет нездешнее пламя. Ну, с пламенем всё было в порядке, но Хономер оказался на удивление молод. Старше Серого Пса, но заметно моложе несчастного Тиргея, не достигшего аррантского возраста зрелости. Тем не менее двуцветное одеяние Ученика (половина алая, половина зелёная – в память о Путиях божественных Братьев) отливало яркими красками: признак немалого сана. Он внимательно посмотрел на раба... Того ослепил близко поднесённый факел, и он устало опустил веки. Жрецу показалось, будто возле покрытого струпьями плеча шевельнулись лохмотья, и оттуда на миг выглянули два крохотных светящихся глаза. Впрочем, это, скорее всего, блеснули при огне осколки руды...

– Святы Близнецы, чтимые в трёх мирах! – раздельно проговорил Хономер.

Волк предупреждал его, что полумёртвый каторжник был диким язычником. Серый Пёс действительно довольно долго молчал. Но потом всё же ответил:

– И Отец Их, Предвечный и Нерождённый...

Он хорошо помнил, как приветствовали друг друга Ученики Близнецов. Старик, долго живший в доме рода, всегда радовался, когда веннские дети здоровались с ним словами его веры...

Волк молча стоял за спиной Хомера, похлопывая свёрнутым кнутом по ладони.

– Нет Богов, кроме Близнецов и Отца Их, Предвечного и Нерождённого! – провозгласил жрец.

Много лет спустя Серый Пёс с неохотой и стыдом вспоминал охватившее его искушение и миг колебания, который – из песни слова не выкинешь – всё-таки был. Сказать, что свобода и жизнь властно манили его, – значит ничего не сказать. У него было дело, которое он обязательно должен был сделать, прежде чем умереть. Долг, который следовало непременно отдать.

Ради этого стоило пойти на обман. Да какой там обман – всего-то вытолкнуть из себя два слова неправды. И кто осудил бы его за такую неправду?..

«Нет».

– Я молюсь своим Богам... – выговорил он медленно. И тяжело закашлялся, уткнувшись лицом в пол. Страшный рудничный кашель, сжёгший Мхабра, Тиргея и тысячи других, наконец-то достал и его.

– Догнивай же в мерзости, ничтожный язычник! – Ладонь жреца вычертила между ними в воздухе священное знамя – Разделённый Круг. Надсмотрщики видели, как, освобождая единоверцев, брат Хономер сам промывал гнусные нарывы и перевязывал раны. Но от язычника он отошёл, брезгливо подхватив полы двуцветного одеяния. Волк молча удалился следом за ним.

Первые несколько месяцев Гвалиору казалось, что год, назначенный Церагатом, не истечёт никогда. Над ним подтрунивали, без конца измеряя оставшийся срок то в кружках пива, не выпитых нардарцем, то в непотребных девках, которых он мог бы купить на свой так глупо упущенный заработок. Гвалиор от этих насмешек поначалу зверел, потом заставил себя хохотать вместе с другими, и остро словам очень скоро стало неинтересно его поддевать. Седмицы, как по волшебству, сразу побежали быстрее. Когда однажды он спохватился – оказалось, что год истёк накануне.

И в тот же день всё кончилось. Действительно – ВСЁ.

Причём далеко не так, как он себе представлял.

...Пещера. Дымный чад факелов. Крылатые тени, мечущиеся под потолком. Косматая, позвякивающая кандалами толпа...

Вереницу рабов вели через подземный зал с высокими белёсыми стенами, тот, где когда-то трудился Горбатый Рудокоп и была святая площадка. Гвалиор очень не любил, когда ему приходилось сопровождать невольников через эту пещеру, но, как выразились бы у него дома, «судьба придёт – под лавкой найдёт». По краю площадки, забавляясь послушно выющим кнотом, прохаживался надсмотрщик по прозвищу Волк.

– Эй, крысоды! – крикнул он с вызовом. – Ну что, хочет кто-нибудь на свободу?

– Скажите этому посрамлению его рода... – сейчас же отозвался из глубины толпы низкий, сдавленный голос. – Я!!!

У Гвалиора похолодело на сердце. «Я не смог уберечь Тиргея. А теперь потеряю ещё и тебя... Священный Огонь! За что?..»

Говорил молодой раб, которого считали необыкновенно опасным и всё время держали на одиночных работах, да притом в укороченных кандалах, чтобы не мог ни замахать, ни как следует шагнуть. Он и теперь, в первый раз за полгода, шёл в общей веренице только потому, что его переводили в новый забой.

А на плече у него сидела большая летучая мышь. С крылом, некогда разорванным ударом кнута.

– Ты? – с притворным удивлением сказал невольнику Волк. – Давненько я тебя не видал! Стало быть, ещё не подох?

Серый Пёс ничего ему не ответил, потому что обычай его народа не велел разговаривать с врагом, которого собираешься убивать, а Гвалиор неожиданно рассмотрел на другой стороне площадки стоявшего там Церагата. Старший назиратель чему-то слегка улыбался – удовлетворённо, уверенно. Тогда окончательно похолодевший нардарец понял, что появление Волка и вызов, брошенный им в толпу, – всё это было далеко не случайно. И далеко не случайно произошло именно сегодня. На другой день по окончании оговорённого срока...

Церагат держал слово, данное свободному. Но держал присущим лишь ему способом...

Между тем поединок обещал стать достопамятным зрелищем. Оба были веннами, а венны славились как неукротимые воины, даже и с голыми руками способные натворить дел. Кое-кто знал, что этих двоих в своё время привёз на рудник один и тот же торговец рабами, Ксоо Тарким, и поначалу они очень дружили. Потом, правда, их пути разошлись... Семь лет спустя в круге факельного света стояло двое врагов. Двое молодых мужчин, оба невольники. Серый Пёс, год тому назад замученный насмерть и всё-таки выживший. И Волк, его палач...

Пугливо косившийся работник расковал Серого Пса. Сначала он освободил ему ноги, потом потянулся к ошейнику, но тут же, вскрикнув, отёрнул руку: Нелетучий Мыш цапнул его за палец острыми, как иголки, зубами. Из толпы рабов послышался злорадный хохот и замечания сразу на нескольких языках:

– Пониже, пониже его укуси, маленький мститель...

– Нас калёным клеймом метил, а сам визжит, как недорезанный поросёнок!..

И кто-то уже подначивал:

– Покажи ему, Серый Пёс, покажи...

Но Серый Пёс не стал обращать внимания на такую мелочь, как рудничный холуй, по ошибке именовавшийся кузнецом. Он накрыл ладонью злобно шипевшего Мыша, и работник снял с него ошейник, а потом, в самую последнюю очередь, освободил руки. И скорее убрался в сторонку, обсасывая прокушенный палец. Серый Пёс повёл плечами, заново пробуя собственное тело, отвыкшее от свободных движений. И шагнул вперёд. Волк ждал его, держа в правой руке верный кнут, а в левой – длинный кинжал с острым лезвием, плавно сбегавшим от рукояти к гранёному, как шило, острию. И тем и другим оружием Волк владел очень, очень неплохо. В чём неоднократно убеждались и каторжники, и другие надсмотрщики, все, у кого хватало дерзости или глупости с ним повздорить.

– Ну? – сказал он, пошевеливая кнутом. – Иди сюда.

Он был сыт и силён, этот Волк. Сыт, силён, ловок и уверен в себе. Серый Пёс стоял перед ним, немного пригнувшись, и не сводил с него взгляда. «Не смотри на руку противника, – когда-то поучал его Мхабр, вождь сехаба. – Это всего лишь часть, зависящая от целого. Не смотри ему и в глаза: они могут завлечь тебя и обмануть. Направь свой взгляд на Средоточие, где рождается и умирает любое движение...»

Толпа кандалников замерла. Было слышно, как где-то в углу капала с потолка сочащаяся вода.

Все ждали: вот сейчас кнут Волка метнётся лоснящимся извивом, словно охотящаяся гадюка, режет соперника по глазам... Вышло иначе. Волк стремительно подался вперёд, выбрасывая перед собой руку с кинжалом, нацеленным рабу в живот.

Тот мгновенно отшатнулся назад, уходя от неминуемой смерти.

Толпа глухо загудела, заволновалась. Притиснутые к дальней стене карабкались на выступы камня. Кто-то пытался опереться на чужое плечо, кто-то упал, нещадно ругаясь. Почему-то каждому хотелось воочию узреть этот бой, о котором, действительно, потом сложили легенды.

Двое противников снова неподвижно стояли лицом к лицу, и теперь уже мало кто сомневался, что Волк пустит в ход кнут. И опять вышло иначе. Волк ещё раз попытался достать Серого Пса кинжалом, рассчитывая, наверное, что тот не ждал повторения удара.

Раб снова умудрился отпрыгнуть и сохранить себе жизнь, но выпад оказался наполовину обманым: кнут всё-таки устремился вперёд. Он с шипением пролетел над самым полом, целя обвить ногу Серого Пса и, лишив подвижности, подставить его под удар клинка. Раб с большим трудом, но всё же успел перепрыгнуть через змеившийся хвост. Волк, однако, отчасти добился своего. Лёгкое движение локтя, и кнут в своём возвратном движении взвился с пола, сорвав кожу с плеча раба. Серый Пёс, как позже говорили, не переменялся в лице. Вместо него охнула толпа.

– Иди сюда! – выругавшись, сказал Волк. – Твоя мать была кошкой, не чуравшейся кобелей!

Тень Мал-Нахты предостерегающе воздела бесплотные руки... Но Серый Пёс ничем не показал, что слышал эти слова. Он давно отучил себя попадаться на такие вот крючки. Нет уж. Он ещё схватится с Волком грудь на грудь, но сделает это по-своему и тогда, когда сам сочтёт нужным. А вовсе не по прихоти надсмотрщика. И если он погибнет, это будет смерть, достойная свободного человека. Бойца...

Кнут Волка всё же свистнул верхом, метя по лицу, но Серый Пёс вскинул руку, и плетёный ремень, рассекая кожу, намотался ему на предплечье. Теперь противники были намертво связаны, потому что выпускать кнут Волк не собирался. Лезвие кинжала поплыло вперёд, рассекая густой спёртый воздух. Рыжие отсветы факелов стекали с него, точно жидкий огонь. Гранёное остриё неотвратимо летело в грудь Серому Псу, как раз в дыру лохмотьев, туда, где под невытой кожей и напряжёнными струнами мышц отчётливо проглядывали рёбра. Правая ладонь раба пошла вверх и в сторону, наперехват, успевая, успевая поймать и до костного треска сдавить жилистое запястье надсмотрщика...

И в это время гораздо более опытный Волк пнул его ногой. Серый Пёс мало что мог противопоставить сноровистому Волку, кроме звериной силы и такой же звериной

решимости умереть, но перед этим убить. Неожиданный удар пришёлся в живот и согнул тело пополам, и кинжал с отвратительным хрустом вошёл точно туда, куда направлял его Волк, и Серый Пёс понял, что умирает, и это было воистину так: когда он попытался вздохнуть, изо рта потекла кровь. Однако он был ещё жив. И пока он был жив...

Волк поздно понял, что на погибель себе подобрался слишком близко к умирающему рабу. Торжествуя победу, он не отскочил сразу, думая вколотить кинжал до крестовины, и эта ошибка стоила ему сперва зрения, а через миг – и жизни. Рука Серого Пса, дёрнувшаяся было к пробитому боку, вдруг выстрелила вперёд, и растопыренные пальцы, летевшие, точно железные гвозди, прямо в глаза, стали самым последним, что Волку суждено было в этой жизни увидеть. Волк успел жутко закричать и вскинуть ладони к лицу, но тем самым он только помог Серому Псу поднять вторую руку, ибо кнут, надетый на запястье кожаной петлёй-паворозом, по-прежнему связывал поединщиков, словно нерасторжимая пуповина. Серый Пёс взял Волка за горло и выдавил из него жизнь. Мёртвый Волк бесформенной кучей осел на щербатый каменный пол, и только тогда с левой руки победителя сбегали петли кнута, оставив после себя сочащуюся красной кровью спираль.

– ВОЛКОДАВ!.. – не своим голосом завопил из глубины толпы кто-то, смекнувший, как называют большого серого пса, способного управиться с волком. А из боковых тоннелей, тесня бушующих каторжан, бежали надсмотрщики: небывалый исход поединка запросто мог привести к бунту.

Отгороженный от недавних собратьев плотной стеной обтянутых ржавыми кольчугами спин, Волкодав ещё стоял на ногах, упрямо отказываясь падать, хотя по всем законам ему давно полагалось бы упасть и испустить дух. Он зажимал рану ладонями, и между пальцев прорывались липкие пузыри. Он твёрдо знал, что у него хватит сил добрести до ворот, ведущих к свободе, – где бы они ни находились, эти ворота...

...Старший назиратель Церагат не сразу сумел оторвать взгляд от изуродованного тела Волка, своего любимца. Его лучший цепной зверь лежал безнадежно мёртвый, и жизнь его была отнята – кем же? Рабом, воплощавшим в себе всё то, что Церагат в рабах ненавидел. Этот парень однажды разрушил легенду, доброе столетие питавшее надеждой каторжников Самоцветных гор. Разрушил – но, оказывается, только затем, чтобы на смену развенчанной легенде прямо на глазах у людей породить новую...

И на сей раз – доподлинную...

Подобного Церагат допустить не желал и не мог.

Никакой свободы этот Серый Пёс, уже наречённый, словно в особую насмешку над ним, Церагатом, прозвищем Волкодава, получить не должен. И не получит! Глотку ему перерезать – и в отвал!.. Бессмысленный обычай поединков, неизвестно какими недоумками заведённый, всё равно уже давно пора прекратить. А если надсмотрщикам станет скучно, пусть дерутся между собой. Или рабов одного с другим стравливают... И «святую» площадку – завалить камнями немедля...

Он уже открывал рот для приказа, но его опередили.

– Не делай этого, Церагат, – прошипел ему в ухо Гвалиор. – Во имя справедливого меча первого Лаура – не делай!

В голосе нардарца звучало некое особенное веселье – бесшабашное, удалое... и, как старший назиратель по опыту знал, куда более опасное, чем хрипло выкрикнутые угрозы. Это веселье, обычно не свойственное Гвалиору, мигом заставило Церагата напрячься и замереть. И... Он в том не поклялся бы, но ему померещилось едва ощутимое сквозь одежду прикосновение к пояснице остро отточенного клинка. Каждый надсмотрщик, Гвалиор в том числе, носил длинный кинжал. Тяжёлый кинжал, оружие, вовсе не предназначенное для тайного извлечения из ножен...

В отличие от боевого ножа, носимого на предплечье. Ножа с лезвием всего в пядь – укрывай хоть в рукаве, если охота. Пяди железа, всаженной сзади, с лихвой хватит, чтобы мгновенно оборвать жизнь...

Церагат закрыл рот, так и не произнеся ни звука. И остался молча смотреть, как уходил

прочь Серый Пёс по прозвищу Волкодав.

* * *

...Венн плохо помнил, как его вели каменными коридорами штреков. Сознание меркло, многолетняя привычка брала своё, и ноги переступали короткими шажками, ровно по мерке снятых с них кандалов. Постепенно делалось холоднее: то ли оттого, что приближалась поверхность, выстуженная вечным морозом, то ли из-за крови, которая с каждым толчком сердца уходила из тела и чёрными кляксами отмечала его путь. Почти всюду эти кляксы мигом исчезнут под сотнями тяжело шаркающих ног, – эка невидаль, кровь на рудничных камнях! – но кое-где пятна сохранятся, и рабы станут показывать их друг другу и особенно новичкам, убеждая, что легенда о завоевавшем свободу – не вымысел...

А пока Волкодав просто шёл, поддерживаемый неведомо какой силой, и вся воля уходила только на то, чтобы сделать ещё один шагок и не упасть. Перед ним проплывали мутные пятна каких-то лиц, но он не мог даже присмотреться как следует, не то что узнать. Шаг. Держись, Волкодав. Держись, не умирай. И ещё шаг. И ещё...

Мелькнула дремучая борода распорядителя Шаркута, с которым, сидя на лошади, беседовал купец Ксоо Тарким.

– Это – самый дешёвый раб, – небрежно кивнул торговец на Волкодава. – Никакого толку с него не будет, помяни моё слово.

Шаркут согласно кивнул.

– Эти венны, они все такие. В жизни своей не встречал более тупой и злобной скотины...

– Я думал, не найдётся способных выйти отсюда, – перебил Шаркута седобородый горшечник. – Я ошибался. Меня звали Кернгорм...

Из-за его спины вышел Каттай. Он взял Волкодава за руку и несколько шагов шёл с ним рядом, поддерживая и ведя. Он сказал:

– Я хотел выкупить маму... Расскажешь ей, хорошо?

Отодвинув чьи-то ноги, по обыкновению на четвереньках высунулся калека Динарк.

– Ты о чём себе думаешь?.. – напустился он на венна. – Ты куда это собрался? А мы как же тут без тебя?..

– Отстань от парня, старый ворчун, – утихомирил халисунца чернокожий Мхабр. Подпёр Волкодава крепким плечом... и тот с изумлением обнаружил, что вождь сехаба одного с ним роста. Как так? Раньше Мхабр всегда был для него великаном... – А вот драться как следует ты по-прежнему не умеешь, – пожурил венна мономатанец. – Объяснял я тебе, объяснял... Кто же так от ножа отбивается?.. Ну ничего. Выучишься ещё.

– Обязательно выучится, – кивнул маленький Аргила, появившийся с другой стороны. Странно, но его замызганная ладошка источала не меньшую силу, чем ручища могучего Мхабра: – Я жил на острове Старой Яблони... Ты не забудешь?

– Не забуду... – пообещал им Волкодав. – Ничего не забуду...

Почему все они так уверенно говорили о его будущем, когда он умирал?..

Аргилу сменил Тиргей, облачённый в белую льняную рубашку и сандалии на тонких ремнях. Венн стал ждать, что тот ему скажет, но аррант не сказал ничего. Только одобрительно кивал головой в рыжем золоте завитков – словно благословлял...

Перед самыми воротами, когда уже и Тиргей оставил его, Волкодав оглянулся через плечо.

За ним шёл Волк.

Совсем другой Волк, не тот, чью зверски ощеренную рожу он видел перед собой в поединке. У Волка, не ставшего надсмотрщиком в отпущенные ему девятнадцать, было чистое лицо хорошего и озорного веннского парня.

– Спасибо, – шепнул этот парень и отступил назад, в темноту.

Ворота начали открываться.

...И ударил огромный, невыносимый свет, яростно паливший даже сквозь мгновенно захлопнувшиеся веки. Это горело беспощадно-сизое горное солнце, повисшее в фиолетовом небе перед самым устьем пещеры. Протяни руку – и окунёшься в огонь. Волкодав услышал, как закричал от ужаса Нелетучий Мыш, чудом уцелевший во время поединка. Потом раздался голос вроде человеческого, сказавший:

– Вот тебе твоя свобода. Ступай.

Резкий мороз на какое-то время подстегнул отуманенный болью разум, и Волкодав попробовал оглядеться, плотно сощутив исходящие слезами, напрочь отвыкшие от дневного света глаза. Прямо перед ним голубел на солнце горб ледника, сжатый с двух сторон отвесными скалами ущелья. Волкодав ступил на снег и пошёл, отчётливо сознавая, что в спину ему смотрят рабы, занятые в отвалах и на подъездных трактах. Они должны запомнить и рассказать остальным, что он УШЁЛ. Наверное, он упадёт и умрёт за первой же скалой. Но пусть они запомнят, что он УШЁЛ на свободу. УШЁЛ САМ...

Ему сказочно повезло: он не сорвался ни в одну из трещин и не замёрз, переломав ноги, в хрустальной, пронизанной солнечными отсветами гробнице. Боги, которых он не захотел предать, хранили его. Он уходил всё дальше и выше, время от времени чуть приоткрывая слепнувшие глаза, чтобы видеть, как постепенно придвигается исполинский, чёрный против солнца утёс. За ним его уже не смогут разглядеть с рудничных отвалов. За ним он должен будет неминуемо свалиться и умереть. Но не прежде. Ни в коем случае не прежде... «Истовик-камень!.. – осенило вдруг венна. – Так вот ты какой...» Чёрные, обросшие льдом камни приближались мучительно медленно. Солнце напоролось на острую вершину скалы и замерло там. Волкодаву казалось – он уходил прямо в этот огромный свет, чтобы без остатка в нём раствориться. Тиргей говорил, к Истовику-камню человек может идти всю свою жизнь... чтобы никогда его не достигнуть... Волкодав шёл целую вечность, и жизни в нём оставалось всё меньше.

Потом с отвалов увидели, как чёрная точка, ползшая через горб ледника, поравнялась и слилась со скалой. Хватаясь за выступы камня, Волкодав завернул за утёс, и больше никто уже ничего не мог различить вдалеке.

Осталась лишь цепочка алых следов, упрямо пролётшая вверх и вперёд по иссиня-белому горному снегу.

Кому-то показалось, будто из-за гольца на другой стороне перевала к утёсу скользнули две большие крылатые тени... Но из-за слишком яркого света никто не брался утверждать наверняка.

Июнь—октябрь 2000

Мария Семенова Волкодав

Одинокая птица над полем кружит.
Догоревшее солнце уходит с небес.
Если шкура сера и клыки что ножи,
Не чести меня волком, стремящимся в лес.

Лопоухий щенок любит вкус молока,
А не крови, бегущей из порванных жил.
Если вздыблена шерсть, если страшен оскал,
Расспроси-ка сначала меня, как я жил.

Я в кромешной ночи, как в трясине, тонул,
Забывая, каков над землёй небосвод.
Там я собственной крови с избытком хлебнул —
До чужой лишь потом докатился черёд.

Я сидел на цепи и в капкан попадал,
Но к ярму привыкать не хотел и не мог.
И ошейника нет, чтобы я не сломал,
И цепи, чтобы мой задержала рывок.

Не бывает на свете тропы без конца
И следов, что навеки ушли в темноту.
И ещё не бывает, чтоб я стервеца
Не настиг на тропе и не взял на лету.

Я бояться отвык голубого клинка
И стрелы с тетивы за четыре шага.
Я боюсь одного – умереть до прыжка,
Не услышав, как лопнет хребет у врага.

Вот бы где-нибудь в доме светил огонёк,
Вот бы кто-нибудь ждал меня там, вдалеке...
Я бы спрятал клыки и улёгся у ног.
Я б тихонько притронулся к детской щеке.

Я бы верно служил, и хранил, и берёг —
Просто так, за любовь! – улыбнувшихся мне...
...Но не ждут, и по-прежнему путь одинок,
И охота завывать, вскинув морду к луне.

1. Замок Людоода

Отгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым призрачным серебром. Человек по имени Волкодав шагал через лес – с холма на холм, без троп и дорог, широким шагом, размеренным и неутомимым. Он не прятался. Не хоронился за деревьями, не избегал освещённых прогалин, не пригибал головы, хотя босые ноги по давней привычке несли его вперёд совершенно бесшумно. Связанные тесёмками сапоги висели у него на плече. На другом плече, держась коготками, сидел пушистый большеухий чёрный зверёк. Когда Волкодав перепрыгивал через валежины или нырял под нависшую ветку, зверёк, чтобы сохранить равновесие, разворачивал крылья. Тогда делалось видно, что это летучая мышь и что одно крыло у неё разорвано почти пополам.

Волкодав помнил эти места наизусть, как свою собственную ладонь. Он знал, что доберётся до цели прежде, чем минует полночь. Копьё покачивалось в его руке, блестя в лунном луче. Короткое копье с прочным древком и широким, остро отточенным наконечником, снабжённым перекладной, – на крупного зверя.

Останавливался он всего дважды. В первый раз – возле большой засохшей осины, что стояла у скрещения давно заброшенных лесных троп. Вытащив нож, Волкодав проколол себе палец и начертал на обнажённом, лишённом коры стволе священный Знак Огня – колесо с тремя спицами, загнутыми посолонь. Кровь казалась чёрной в холодном, мертвенном свете. Волкодав прижался к дереву обеими ладонями и лбом и постоял так некоторое время. Губы его беззвучно шевелились, перечисляя какие-то имена. Потом он снял заплечный мешок, положил копье и ссадил Нелетучего Мыша на гладкое древко, осторожно отцепив от своей рубахи его коготки. Зверёк, однако, расставаться с ним не пожелал: подпрыгнув, привычно вскарабкался по одежде на прежнее место и устроился на плече Волкодава, крепко ухватившись зубами за толстую льняную ткань – на тот случай, если человек вновь попробует его отодрать. Волкодав покосился на него и молча полез вверх.

Достигнув первой ветки, он повис на руках, потом стал раскачиваться. Скоро ветка затрещала и обломилась под его тяжестью. Волкодав со звериной ловкостью приземлился в мягкую лесную траву. Упёрся коленом и переломил ветку на несколько частей. Ему не было дела до посторонних ушей, способных услышать хруст. Вновь вытащив из ножен тяжёлый боевой нож, Волкодав принялся расщеплять обломки. Вышел изрядный пучок лучины. Каждую щепку Волкодав смочил кровью из пальца, потом убрал их в кошель на поясе. Поднялся, поклонился дереву и зашагал дальше.

Второй раз он остановился, когда с высокого, крутого холма перед ним открылась деревня. Взгляд Волкодава мгновенно отыскал один из домов под низко нахлобученной земляной крышей – и больше не покидал его. Посередине крыши, возле охлупня, светилось отверстие дымогона. Когда-то, очень давно, в этом доме жил мальчик из рода Серого Пса. Жил от самого рождения и до двенадцати лет. На двенадцатую весну мужи рода должны были отвести его в мужской дом для испытаний, назвать мужчиной и, сотворив обряды, наречь новым именем. Не младенческим домашним прозвищем, а настоящим именем, которое ни в коем случае нельзя открывать чужаку. Это имя будут знать только самые близкие люди. Да ещё жена, когда ему придёт время жениться. А прежде чем уводить его лесными тропами, собирались устроить пир, на котором должно было хватить места всем: и родне, и соседям, а может, даже и чужеземцам – сегванам кунса Винитария, поселившимся за поворотом реки...

Но именем мальчика так и не нарекли. Потому что в самый канун праздника наёмные воины кунса Винитария пристегнули мечи к поясам и напали на спящую деревню ночью, по-воровски. Как говорили, задуман был этот набег не ради пленников или наживы – ради захвата обжитых земель и устрашения окрестных племён. Явившись гостем, Винитарий устраивался в этих местах надолго...

Мальчик, сражавшийся как мужчина, остался в живых по дурной прихоти победителей. На него спустили собак, но злющие кобели, сколько их ни натравливали, врать его так и не

стали: подбегали, сердобольно обнюхивали и отходили прочь... Потом было хуже. Восемь неудачных побегов, четыре рабских торга, досыта унижений. И наконец строптивый щенок Серого Пса угодил в Самоцветные горы, в страшный подземный рудник...

В доме раскрылась дверь. Острые глаза Волкодава различили девичий силуэт, мелькнувший на фоне освещённого прямоугольника. Притворив дверь, девушка пошла по тропинке к берегу реки – туда, где, несмотря на поздний час, вился дым над крышей кузницы и раздавался мерный стук молотка. Волкодав мог бы поклясться: девка несла ужин кузнецу, припозднившемуся с работой.

Точно так же, как его мать когда-то носила ужин отцу...

Что за люди жили теперь в его доме? К кому спешила девчонка – к родителю, брату, жениху?..

Волкодав вдруг сел наземь, обхватил руками колени и, содрогнувшись всем телом, опустил на них голову. Нелетучий Мыш подлез под руку человека и, дотянувшись, крохотным язычком лизнул его в щёку. Волкодав судорожно вздохнул, широкая ладонь накрыла зверька, глядя мягкую шёрстку. Потом он выпрямился. На залатанной коже штанов остались два мокрых пятна.

Поднявшись, Волкодав поправил за плечами мешок, взял копьё и зашагал вниз.

Кузнец только-только успел взять в руки корзинку, принесённую юной невестой, когда дверь вновь закрипела. Кузнец недоумённо обернулся – кого принесло некстати? – увидел вошедшего... и миг подхватил молот, а невесту оттолкнул назад, загораживая собой.

Человеку, стоявшему на пороге, пришлось нагнуться в дверях. Густые русые волосы, изрядно подёрнутые сединой, падали ниже плеч, схваченные на лбу ремешком. На худом, обветренном, как еловая кора, лице недобро горели серо-зелёные глаза. Горели, как показалось кузнецу, адским огнём. Нос у человека был перебит, по левой щеке, от века до челюсти, пролёг шрам, прятанный нижним концом в бороде. Грабитель, насильник, убийца?.. Всё, что угодно.

Незванный гость обшарил кузницу взглядом, словно бы не сразу заметив парня и девушку. Однако потом его взгляд скользнул по вскинутому в защитном движении молоту кузнеца. Скользнул и вернулся. И, каковы бы ни были первоначальные планы пришельца, он тотчас о них позабыл. Он медленно поднял руку и протянул её к молоту:

– Дай сюда.

Низкий, сдавленный голос мог вогнать в дрожь кого угодно. Как повёл бы себя кузнец, окажись они с Волкодавом один на один, неизвестно. Но за спиной у него всхлипывала от ужаса веснушчатая девчонка-невеста, и он только крепче перехватил дубовую рукоятку:

– Поди вон!

– Дай сюда, – повторил Волкодав на языке сегванов, не двигаясь с места. – Это не твоё.

– Поди по-доброму! – оправившись от первого испуга, огрызнулся кузнец. Он ведь разглядел, что перед ним был не кунсов подручный. И не наёмник из тех, что бродили из замка в замок, не брезгуя лёгкой добычей, когда та шла в руки. К тому же ночной гость, судя по всему, был один, и кузнец, первый парень в деревне, несколько осмелел. Неужто не оборонит себя и подругу?

Но Волкодав шагнул вперёд, и кузнец полетел в сторону, так и не поняв, с какой стороны пришёлся удар. Девчонка вскрикнула, метнулась к нему и обняла в жалкой попытке отстоять любимого от расправы. Однако Волкодаву больше не было дела ни до девушки, ни до парня. Нагнувшись, поднял он молот, которым его отец столько лет ковал лемехи и серпы. На наковальне и теперь лежал недоделанный серп. Волкодав отодвинул его в сторону, положил на наковальню своё копьё и примерился молотом к блестящему наконечнику. Он даже не оглянулся, когда кузнец зашевелился возле стены, а потом, цепляясь за руку невесты, выскочил наружу.

Спустя немного времени к кузнице с вилами и топорами собралась половина деревни.

Не забыли и колдуна, прихватившего горшочек живых углей и пучок трав, любимых Богами – изгонять злого духа, если незванный гость и вправду окажется таковым.

Ударов молота больше не было слышно, но незнакомец находился всё ещё там. За дверью негромко звякал металл – похоже, он перебирал инструменты. Люди начали поглядывать друг на друга и на безобразно распухшую челюсть кузнеца: почему-то никому не хотелось входить в кузницу первым. Но тут дверь растворилась сама, и Волкодав встал на пороге – чёрный силуэт, охваченный сзади жаркими отсветами из горна. Луна, светившая сбоку, не озарила лица, лишь зажгла в глазах бледное пламя. Люди начали перешёптываться. Волкодав не спеша обвёл их взглядом и вдруг спросил по-сегвански:

– Кто живёт в замке за поворотом реки?

Иные позже клялись, что его голос порождал эхо. Несколько мгновений прошло в тишине, потом кто-то ответил:

– Благородный кунс Винитарий...

А из-за спин прозвучал озорной мальчишеский голос:

– Людоед!..

Ибо никакая сила не удержит дома мальчишек, когда отцы и братья бегут куда-то с оружием. И никакая сила не воспретит им лишний раз выкрикнуть прозвание грозного кунса, за которое, услышь только стражники, в лучшем случае ждала жестокая порка.

Огонь ярче прежнего вспыхнул за спиной Волкодава. Непроглядная тень шарахнулась по траве, глаза засветились. Люди подались ещё на шаг назад. Когда же Нелетучий Мыш забрался по волосам на голову Волкодаву, угрожающе развернул крылья и зашипел, – деревня бросилась наутёк. Исчез даже колдун. Он был мудр и понял раньше других: против *этого* духа не помогут ни угли, ни священные травы.

После молодой кузнец всё-таки вернулся в опустевшую кузню, заново раздул горн и осмотрел своё имущество. Всё было на месте, кроме старого-престарого молота. Они долго гадали вместе с невестой, что бы это значило.

Кунс Винитарий появился у Серых Псов в конце лета. Он прибыл на потрёпанном боевом корабле и сошёл на берег во главе трёх десятков суровых, обветренных мореходов. Он рассказал Серым Псам, что пришёл с миром. Он искал новую родину для своего племени. На праотеческом острове делалось всё невозможнее жить из-за медленно расплзавшихся ледников.

Серых Псов не удивили подобные речи. Венны знали, что островным сегванам последние сто лет в самом деле приходилось несладко. Даром, что ли, они всё больше переселялись на материк. Горе, когда внуки селятся не там, где умерли деды! Посоветовавшись, Серые Псы указали светловолосому кунсу ничейные земли на том берегу Светыни. Страна веннов кончалась по сю сторону. А до страны сольвеннов на западе было ещё далеко.

Винитарий сердечно благодарил за ласку...

Откуда было знать Серым Псам, что островное племя давно уже прозвало своего заботливого вождя Людоедом...

Волкодав стоял в тени густых ив и смотрел через реку на замок, возвышавшийся над крутым, обрывистым берегом. Он хорошо видел комесов – дружинных воинов Людоеда, разгуливавших туда-сюда по бревенчатому забралу. Он знал: им его не разглядеть. Ещё он видел, что хозяин был дома. Над остроконечной кровлей лениво трепыхался флаг. Тот самый флаг, что долгих одиннадцать лет снился ему во сне.

Сняв заплечный мешок, Волкодав опустил его наземь. Нелетучего Мыша при нём больше не было. Некоторое время назад Волкодав оставил его у входа в пещеру, где под потолком гнездились его соплеменники. Зверёк отчаянно верещал и пытался бежать за человеком, с которым привык чувствовать себя в безопасности, но Волкодав ушёл не оглядываясь. Может быть, Нелетучий Мыш и сейчас ещё полз по его следу, плача и путаясь

в траве короткими лапками. Волкодав прогнал эту мысль прочь.

Порывшись в мешке, он вытащил лепёшку, размахнулся и забросил её далеко в воду. Если комесы заметят всплеск, пусть думают – рыба играет. В роду Серого Пса не было принято обижать Светынь, праматерь-реку, оставляя её без приношения. И уж в особенности когда затевалось что-нибудь важное. Стачив с плеч рубаху, Волкодав положил её поверх мешка и оставил лежать. Может, пригодится кому. Привязал своё копьё к запястью петлёй, чтобы не потерялось. Без плеска вошёл в воду и нырнул прежде, чем его могли увидеть со стен.

Плыл он в основном под водой, лишь изредка поднимаясь к поверхности. Помогая ему, Светынь гнала мелкие волны: поди различи мелькнувшую голову среди ряби, в неверных бликах лунного света...

Вынужденный осторожничать, Волкодав плыл долго, но наконец высокий береговой обрыв укрыл его от глаз ночных сторожей. Тогда он вынырнул и бесшумно двинулся вдоль берега. В каждой крепости, стоящей близ озера или реки, непременно имеется потайной водовод. В ином случае крепость не обязательно и штурмовать. Достаточно осадить, и рано или поздно она падёт сама, не вытерпев жажды.

Волкодав знал, в каком месте под берегом находился водовод, тянувшийся внутрь замковых стен. Если человеку непременно нужно что-либо выведать, он это выведает. Дай только время.

Достигнув приметной каменной россыпи на берегу, Волкодав начал нырять и с пятой или шестой попытки нащупал устье подземного хода. Вынырнув, он глубоко вдохнул и выдохнул несколько раз. Потом снова наполнил лёгкие воздухом – и ушёл вниз.

«Мама, беги! – Серый Пёс двенадцати лет от роду подхватил с земли кем-то брошенную сулицу и кинулся наперерез молодому комесу, выскочившему из-за амбара. – Мама, беги!..»

Бывалый воин не глядя, небрежно отмахнулся окровавленным мечом. Однако молокосос оказался увёртлив. Меч свистнул над русой головой, не причинив вреда, мальчишка метнулся под руку севана, и тонкое, острое жало сулицы воткнулось тому в лицо, как раз под бровь.

«Мама, беги...»

Когда его взяли, брат того комеса сам натравливал на мальчишку собак. И яростно спорил со своим вождём, но Винитарий остался твёрд и прикончить избитого пленника не позволил. На счастье, сказал он. На счастье.

Замок Люоеда строили толковые мастера. Нечего было и надеяться одолеть весь ход до конца, не встретив препоны. И точно, вскоре вытянутые руки Волкодава коснулись железной решётки, между прутьями которой не смог бы протиснуться человек. Волкодав подёргал их. Ни один прут не поддался. Тогда он наудачу обхватил ладонями средний, упёрся ногами и налёг что было силы. В руднике он вращал тяжёлый ворот, поднимавший воду из подземной реки. Предельное усилие мигом сожгло остатки воздуха в груди, но наконец прут поддался и со скрипом вышел из гнёзд – сперва одним концом, потом и обоими. Путь был расчищен, но Волкодав, повернувшись, рванулся назад, за новым глотком воздуха. В тоннеле вполне могли встретиться другие решётки или ещё что-нибудь не лучше. Стоило ли рисковать?

Отдышавшись, он снова нырнул и, миновав решётку, быстро и осторожно поплыл вперёд, обшаривая рукой каменный свод над головой. Оказавшись, по всем расчётам, внутри замковых стен, он стал ожидать появления впереди слабого пятнышка света, которое означало бы, что колодец недалеко. Замок был невелик, но пятнышко не появлялось. Волкодав не удержался от мысли о незадачливых мстителях, многие сотни которых в разные времена сложили головы кто за тридцать земель от цели, а кто и на самом пороге. Сколько их приходилось на каждого из тех, о чьей мести потом сложили легенды? А ведь всем небось

думалось: ну уж нет, со мной-то этого не произойдёт, не имеет права произойти...

Лёгкие начали мучительно гореть. Волкодав понял, что не успеет вернуться назад, и решил: застряв здесь, его мёртвое тело по крайней мере отравит Людоеду колодец. Он ещё быстрее заработал ногами – не мог же этот тоннель, в самом деле, тянуться бесконечно. Как вдруг, совершенно неожиданно, его рука пробила поверхность воды. Волкодав мгновенно отдёргнул её. Близость воздуха сделала удушье нестерпимым. Всё-таки Волкодав пересилил себя и медленно, очень медленно приподнял голову над водой.

Он хорошо видел в темноте. В руднике никто не заботился о том, чтобы у рабов было достаточно света. Он без труда различил каменные ступени и колесо с толстой заржавленной цепью, уходившей в какую-то трубу, и понял, куда его занесло.

Плох тот замок, из которого не предусмотрено тайного выхода, а лучше – нескольких. Цепь, намотанная на колесо, по всей видимости, поднимала решётку. А тоннель был как раз такой длины, чтобы выплыть, не задохшись, наружу. Значит, водовод мог служить и для отправки гонца, и для спасения драгоценной жизни хозяина. Занятно. И уж вряд ли о нём в замке знали все. Скорее, лишь самые приближённые.

Тоннель вёл дальше, теперь уже явно к колодцу, но Волкодав в него не полез. Гораздо больше шансов незаметно проникнуть в замок подземельями, чем через двор. Всякое подземелье когда-нибудь открывают. Не в эту ночь, так на следующую. Или через неделю. Он подождёт. Он умел ждать.

Выбравшись из воды, Волкодав тщательно отжал волосы и штаны, чтобы не выдать себя мокрыми следами или случайным шлёпаньем капель. Отвязал копьё от руки и двинулся вперёд по узкому каменному коридору.

Довольно скоро путь ему преградила тяжёлая дубовая дверь. Запертая. Ну конечно. Тайный лаз и должна отделять от остальных подвалов ничем не примечательная, но надёжная и постоянно запертая дверь. Если её не удастся открыть, придётся вернуться в тоннель и попробовать колодец. Так что лучше бы удалось.

Волкодав не обнаружил на двери ни ручки, ни скважины для ключа и не очень этому удивился. Ещё не хватало в суматохе поспешного бегства разыскивать запропастившийся ключ. Между прочим, это говорило ещё и о том, что дверей на его пути вряд ли окажется много.

Как же она открывается?

Толстые доски были прошиты множеством бронзовых заклёпок. Три из них при сильном нажатии чуть-чуть подались под пальцами. Волкодав прижался к двери ухом: всё тихо. Он начал нажимать заклёпки по очереди, в разном порядке. Ничего не происходило. Тогда он придавил две заклёпки руками, а третью – головой. Глубоко внутри стены тотчас зажурчала вода, наполнявшая какой-то сосуд. Дверь вздрогнула и поехала в сторону. Судя по всему, её не открывали очень, очень давно: раздался отвратительный визг. По мнению Волкодава, на этот звук должна была сбежаться половина комесов. Но когда он с копьём наготове выглянул в открывшийся коридор, там не было ни души. Лишь где-то за поворотом тускло чадил факел, вставленный в скобу на стене.

Дверь за спиной Волкодава начала закрываться. Тайный ход сам заботился о том, чтобы сохранить себя в тайне. Волкодав не стал тратить время на разгадывание заклёпок с другой стороны. Возвращаться не придётся.

Сперва он почувствовал запах. Так мог бы пахнуть мертвец, пролежавший десяток лет в могиле и притом одолеваемый болезнями и телесными нуждами. А раз так, заключил Волкодав, запах исходил от живого. Стало быть, за поворотом коридора находился скорее всего узник. И миновать его не удастся.

Какой-нибудь свихнувшийся в долгом заточении бедолага, который при виде неожиданного посетителя завопит так, что на его вопли уже точно сбежится стража, прохлопавшая скрежет двери...

Жизнь давно отучила Волкодава задумываться при виде подобных препятствий. Если сумасшедший откроет рот для крика, он оглушит его прежде, чем тот издаст хотя бы звук. А не будет другого выхода, так и проткнёт. Небось тот не много от этого потеряет. Волкодав шагнул за поворот.

Строитель, отменно позаботившийся о безопасности замка, почему-то забыл устроить в нём какие следует темницы и пыточные застенки. Похоже, Людоеду пришлось оборудовать их уже потом, на скорую руку. У стены коридора стояла железная клетка, служившая, насколько можно было судить, и тем и другим. В клетке неподвижно лежал немислимо худой человек, закованный в цепи. Тёмные глаза смотрели прямо на Волкодава, и тот сразу понял, что перед ним был не сумасшедший. Неподалёку от клетки в стене коридора виднелась ещё одна дверь: следы в пыли говорили о том, что она вела наружу. Волкодав осторожно двинулся вперёд, мимо клетки, но тут узник заговорил.

– Уважаемый... – чуть слышно произнёс он по-сегвански, и Волкодав запоздало сообразил, что обитатель клетки был слеп. Зрячий сразу смекнул бы, на каком языке к нему обращаться. – Мне кажется, ты прибыл снаружи, – продолжал узник. – Ты крадёшься, как кот: значит, ты не гонец, которого ждал бы Винитарий. Скажи, юноша, какое время года теперь на земле?

– Весна, – неожиданно для себя ответил Волкодав. Узник безошибочно распознал едва заметный акцент и перешёл на его родной язык, язык племени веннов.

– Весна... – повторил он и вздохнул. – Черёмуха цветёт, наверное.

Тело его было одной сплошной раной повсюду, где его не прикрывали вонючие тряпки. Усеянная язвами кожа туго обтягивала рёбра, чуть-чуть вздрагивая против того места, где полагалось быть сердцу. Он заговорил снова:

– Сделай мне ещё одно благодеяние, юноша. Прикончи меня. Это тебя не затруднит и не задержит...

Что ж, Волкодаву приходилось видеть искалеченных воинов, умолявших товарищей подарить им скорую смерть. Одного такого он два дня тащил на плечах, не слушая ни проклятий, ни просьб.

Он заметил, как что-то насторожило слепого, а в следующий миг и сам различил неторопливое шарканье башмаков. Потом в дверной замок с той стороны всунули ключ. Волкодав отступил обратно за угол ещё прежде, чем дверь начала открываться. Дальнейшее зависело от того, пожелает ли узник выдать его. Волкодав предпочёл бы до последнего не поднимать шума.

А что, если в подземелье пожаловал сам Людоед?..

Нет, на это надеяться глупо, столько везения сразу попросту не бывает. И потом, вряд ли Людоед пришёл бы один. Хотя...

– Хозяин велел спросить тебя ещё раз, – долетело из-за угла. Голос принадлежал не Людоеду. Говоривший явно не привык к долгим беседам. Зато привык к ежедневной выпивке и обильной, жирной еде. Дверь громко лязгнула, закрываясь.

– В который уже раз ты приходишь сюда, – с бесконечной усталостью отозвался человек в клетке. – Мог бы и запомнить, что я всегда тебе отвечаю.

Что-то стукнуло об пол, и вошедший хмыкнул:

– С вами, волшебниками, никогда наперёд не знаешь.

Волкодав беззвучно вышел из-за угла. На низкую скамейку рядом с клеткой усаживался человек в капюшоне, надвинутом на лицо. Завязки кожаного передника едва сходились на мясистой спине. Нагнувшись, он вынимал из деревянной коробки орудия своего ремесла. Он испуганно вскинулся только тогда, когда Волкодав прислонил своё копьё к стене, нарочно лязгнув наконечником. В роду Серого Пса полагали зазорным бить в спину. Даже людоедов. Или палачей.

У палача висел на поясе широкий тесак, оружие мясника. Мускулистая рука метнулась было к нему, но слишком поздно. Пальцы Волкодава сдавили и смяли его горло. Палач

забыл про тесак и попытался разомкнуть эти пальцы, потом перестал дёргаться и обвис. Волкодав разжал руки. Тяжёлое тело мешком соскользнуло на пол и осталось лежать с неестественно вывернутой шеей. Волкодав нагнулся и срезал с пояса мёртвого большую связку ключей.

– Если хочешь, я расскажу тебе, как пробраться в сокровищницу, – послышалось из клетки. – Только заклинаю тебя твоими Богами, юноша... выполни мою просьбу. После его шеи моя не покажется тебе слишком толстой...

Волкодав опустил на корточки перед решётчатой дверцей и принялся подбирать ключ.

– Лучше расскажи, – проворчал он, – как найти Людоеда.

Он не ждал вразумительно ответа, но узник откликнулся тотчас.

– Ты найдёшь его на самом верху, в опочивальне... если, конечно, сумеешь пройти туда. Сегодня кунсу подарили рабыню, и он, должно быть, уже встал из-за стола.

Третий или четвёртый ключ щёлкнул в замке. Дверца повернулась на отроду не мазанных петлях.

– А не врёшь? – буркнул Волкодав. – Тебе-то почём знать.

– Я сказал правду, – ответил узник и запрокинул голову, подставляя тощую, в струпьях, грязную шею. Волкодав мельком глянул на неё и на то, как пульсировали под кожей набухшие жилы. Его народ считал смерть удавленника нечистой. Бедняга, зная, дошёл до предела, если его устраивала и такая. Волкодав молча взял иссохшую руку узника – тот дёрнулся от прикосновения – и отомкнул кандалы, угадав ключ сразу и безошибочно. Он хорошо знал, какими ключами они запирались. Если он и удивился чему, так разве только прекрасной форме кисти и длинным пальцам – с вырванными, впрочем, ногтями.

– Спасибо, юноша, – прошептал узник растроганно. – Так, значит, я умру не в цепях...

На это он явно не рассчитывал.

– В том конце коридора есть дверь, – сказал ему Волкодав. – У тебя, верно, хватит ума отыскать заклёпки, на которые надо давить. Дальше будут ступеньки и тоннель с водой. Набери побольше воздуха, ныряй и плыви влево. Там решётка, но средний прут я выломал. Потом почти сразу река. Хочешь жить, вылезешь.

Для него это была очень длинная речь. Он поднялся и, забрав копьё, ушёл в дверь, сквозь которую явился палач. Он уже не слышал, как узник, ощупывая бессильной рукой растворённую дверцу клетки, чуть слышно пробормотал:

– Я знаю... Я выстроил этот замок...

Волкодав крался переходами спящего замка и думал о том, почему палачи всех известных ему стран отправлялись терзать свои жертвы, как правило, по ночам. Должно быть, затем, чтобы пресветлое Солнце, всевидящее Око Богов, не прозрело непотребства даже сквозь толщу каменных стен. Он не встречал ещё ни одного палача, который не был бы трусом.

Правду сказать, каменными в доме Людоеда были только подземелья, основания защитных стен да подклет. Всё остальное было сработано из добрых дубов, украшавших когда-то родные холмы Волкодава.

Скоро окончится срок их тягостного служения... Время от времени Волкодав извлекал из поясного кошелья осиновые лучинки и всовывал их куда мог, в любую щель между брёвнами. Лучинки были мокрыми, следы крови на них расплылись и стали почти не видны. Ничего. Сделать своё дело им это не помешает.

Никто так и не преградил Волкодаву дорогу. Всего нескольких воинов встретил он, поднимаясь наверх. Трое были сегваны, единоплеменники Людоеда. Остальные – наёмники, сами давно позабывшие, какой народ породил их себе на позор. По мнению Волкодава, спрятаться от них не сумел бы разве что младенец. А уж на него за последние одиннадцать лет кто только не охотился...

Дважды он миновал что-то вроде молодечных, где спали мертвецким сном славно

повеселившиеся комесы. Оба раза Волкодава брало искушение наклонить масляный светильничек или подправить факел таким образом, чтобы огонь смог добраться до стальных занавесей. Оба раза он отказывал себе в этом и неслышно скользил дальше. Преждевременный переполох его никак не устраивал.

Ещё он думал о том, с какой стати палач назвал человека в клетке волшебником. Если Волкодав вообще что-нибудь понимал, справному чародею давно следовало бы умчаться на другой конец света, предварительно рассчитавшись с обидчиком и раскатив замок по брёвнышку. Хотя как знать – вдруг на него сразу надели оковы, а потом долго не давали воды? Поди поколдуй, когда скованы руки и хочется пить.

Стало быть, волшебники тоже иногда попадают впросак. Совсем как обычные люди. Ну не колдовством же, в самом деле, скрутил его Людоед...

Теперь пленный чародей, скорее всего, уже плыл по реке. Вот где воды сколько угодно...

А что, если Людоед в самом деле баловался колдовством? А что, если он с самого начала знал о появлении Серого Пса и дал ему проникнуть так далеко лишь затем, чтобы перехватить на самом пороге?

Волкодав запретил себе думать об этом. Так охотник, собравшийся в лес, изо всех сил гонит мысль о медведе.

Он вынул из кошеля последнюю щепку и вогнал её между нижними венцами стены. Чем бы ни кончилось дело, этой силы Людоеду не одолеть. Нет от неё ни оберега, ни обороны. Только Боги могут остановить её, а больше никто. Так что если кунс Винитарий ещё не выучился летать...

Перед Волкодавом был узкий винтовой вход. Он вёл вверх. Волкодав прикинул высоту башни, какой он видел её с реки. Вход наверняка был последним. Волшебник сказал – наверху. Значит, близка дверь и – можно не сомневаться – стражник перед дверью опочивальни.

Пронзительный девичий крик, донёсшийся сверху, и почти сразу скрип половиц под переминающимися сапогами сказали Волкодаву, что он не ошибся.

И ещё. Даже если Людоед вправду умел колдовать, сейчас он был явно занят другим.

Волкодав пошёл вверх по входу. Он знал, как уговорить не скрипеть любые ступени, даже самые голосистые.

Девушка наверху опять закричала – долгим, отчаянным криком. Волкодаву не раз приходилось слышать такой крик. Он скользил вперёд, забираясь всё выше. Он очень рассчитывал увидеть воина прежде, чем тот увидит его. Пригнувшись, одолел он последний виток входа и выпрямился во весь рост.

Перед ним, в десятке шагов, виднелась широкая спина стражника, обтянутая кожаной курткой. Из-под нижнего края куртки торчала кольчуга. Прикинув к двери, воин пытался то ли посмотреть, то ли подслушать, как там, внутри, развлекался его хозяин.

Волкодав негромко постучал согнутым пальцем по внешней стене. Стражник вздрогнул и обернулся. Он даже не схватился за меч, будучи вполне уверен: кто-то из старших застал его на месте преступления и сейчас учинит разнос.

Тяжёлый нож, брошенный Волкодавом, по рукоять вошёл ему в глаз.

Прыгнув вперёд, Волкодав подхватил начавшее падать тело, потихоньку опустил его на пол и высвободил нож. Потом осторожно примерился к двери плечом. Так и есть: заперто.

Кунс Винитарий, крупный светлородый мужчина, стоял возле ложа, наматывая на кулак тугую волну смоляных шелковистых волос. У его ног на полу извивалась нагая рабыня – пятнадцатилетняя красавица с нежным, нетронутым телом и повадками дикой кошки. Сапог Винитария давил ей в поясницу, рука тянула за волосы, заставляя тоненькое тело беспомощно выгнуться. Людоед смотрел на неё сверху вниз, как на лакомое блюдо, только что поданное к столу.

Это выражение не успело сразу пропасть с его лица, когда дверь затрещала и рухнула внутрь. Рухнула безо всякого предупреждения: если бы снаружи долетел стук оружия или шум схватки, он бы непременно услышал.

Винитарий мог бы поклясться, что никогда раньше не видел стоявшего в проломе мужчину. Больше всего тот был похож на полудикого, невероятно свирепого пса из тех, что не попятятся и перед целой стайей волков. Он держал в руке короткое копьё с широким, остро отточенным наконечником. Левое плечо кровоточило, рассажено о дверь.

– Ты кто? – рыкнул кунс. Он, впрочем, успел уже заметить сапоги стражника, торчавшие из-за двери, и понять – незнакомец заглянул сюда отнюдь не случайно. На миг Винитарий даже прислушался, не штурмуют ли замок. Но нет. Человек с копьём был один. Хёгт знает, как он перелез через стену, как миновал бдительную охрану, как сумел без звука разделаться со стражником у двери. Но в любом случае он был очень, очень опасен. А дружина, как ни кричи, прибежать уже не успеет.

Людоед не был трусом.

– Ты кто? – повторил он, пытаясь выиграть время.

Волкодав молча пошёл вперёд по мономатанским коврам, когда-то великолепным, но теперь изрядно засаленным. Он не стал напоминать кунсу о роде Серого Пса и о мальчике, которого тот не добил когда-то, испытывая судьбу. Заговорить с врагом – значит протянуть между ним и собой незримую, но очень прочную нить, которая делает невозможным убийство. Не стал он и предлагать Винитарии поединка. Ему незачем было просить справедливости у Богов. Он пришёл казнить Людоеда. Божий Суд для этого не потребен.

Винитарий выпустил волосы девочки. Та мигом откатилась прочь, в угол, и приподнялась на колени, забыв о своей нагоде и во все глаза следя за двоими мужчинами, потому что в одном из них ей вдруг померещился избавитель.

Винитарий был опытным воином и не утратил былой сноровки, даже порядочно разжирев. Он кинулся к оружию, висевшему на стене, с удивительной быстротой, которой на первый взгляд трудно было от него ожидать. Но в это время Волкодав метнул копьё. Оно пробило живот Людоеда, отбросило его назад, со страшной силой ударило в стену и застряло, насмерть зажатое расщеплённым бревном.

Не минует цели удар, который готовили одиннадцать лет. А минует – значит, не Волкодав его наносил.

Несколько мгновений Людоед непонимающе смотрел на свой живот и на перекладину копья, глубоко вмятую в тело. Потом схватился за древко и закричал. Жутким, бессмысленным криком смертельно раненного зверя.

Рёв Людоеда раскатился по всему замку – только глухой или мёртвый мог бы не слышать его.

Но Волкодав знал, что комесы не прибегут.

Его босые ноги уже ощутили тяжкую судорогу, докатившуюся сквозь дубовые перекрытия и толщу ковров. Потом донеслись испуганные голоса. Где-то там, внизу, ворочались брёвна стен, колебались потолки, вздыбливались полы, с чудовищным треском расходились добротнo спряженные углы. Никакая сила не превозможет буйную силу дерева, возросшего у перекрестья лесных троп и там же засохшего. Только Боги могли бы остановить её. Но Боги вмешиваться не захотят. В этом Волкодав был уверен.

Пригвождённый Людоед всё ещё ворочался и утробно хрипел, всё ещё пытался неведомо зачем выдернуть из раны копьё. На ковре под ним расплывалась тёмная лужа. Волкодав не смотрел на него. Он повернулся лицом к югу, туда, где пролегал животворный путь Солнца, где выросло вечное Древо, зиждущее миры, где в горнем океане зеленел Остров Жизни, священная Обитель Богов. Туда, на этот Остров, ушли дети Серого Пса. Один Волкодав пережил всех, чтобы вернуться и отомстить за истреблённый род, за поруганный дом, за осквернённые очаги. И вот месть совершилась. Что же осталось? Немного. Спеть Песнь Смерти и шагнуть навстречу пращурам с погребального костра, в

который вот-вот превратится замок Людоеда...

Волкодав закрыл глаза, опустил руки и запел.

Этими словами его далёкие предки провожали и напутствовали умерших. Их произносили воины его племени, оставшись в одиночку против сотен врагов. Волкодав всего дважды внимал Песни Смерти: когда хоронили прабабушку, потом деда. Цепкая память мальчишки запечатлела и сохранила услышанное. А дальше у него было целых одиннадцать лет, чтобы накрепко затвердить каждое слово. Чтобы стократ повторить Песнь по всем вместе и по каждому врозь...

Торопится время, течёт, как песок,
Незванная Гостья спешит на порог.
С деревьев мороз обрывает наряд,
Но юные листья из почек глядят.

Доколе другим улыбнётся заря,
Незванная Гостья, ликуешь ты зря!
Доколе к устам приникают уста,
Над Жизнью тебе не видать торжества!

Знала ли её теперь хоть ещё одна живая душа? Или сегодня древняя Песнь звучала в самый последний раз, потому что у Серого Пса больше не родятся щенята?

Незванная Гостья, в великом бою
Найдётся управа на силу твою.
Кому-то навеешь последние сны,
Но спящие зёрна дождутся весны.

Пол ходил ходуном, раскачиваясь всё сильнее. Жирный дым начавшегося пожара царапал горло, вползая в открытую дверь. Души тех, за кого отомстили, смогут воплотиться вновь и жить на земле.

Волкодав мельком подумал: удастся ли довершить Песнь...

Не удалось.

К его коленям прижалось что-то живое. Дрожащее. Плачущее. Неохотно открыв глаза, Волкодав посмотрел вниз и увидел рабыню. Несчастливая нагая девчонка смотрела на него с ужасом и надеждой. Губы её шевелились, по нежным детским щекам катились слёзы, голубые глаза молили спасти. От Людоеда, ещё задышавшегося у стены. От похотливых наёмников, которым она должна была достаться назавтра. Из замка, готового рассыпаться под ногами...

В это время со стороны раскрытого окна-бойницы послышался пронзительный писк. Волкодав вскинул голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как в комнату, усердно работая перепончатыми крыльями, влетели два больших нетопыря. Они держали в лапках длинную палку: посередине её вверх тормашками висел Нелетучий Мыш. Заметив Волкодава, он радостно заверещал. Нетопыри взвились под потолок, и Мыш, отцепившись, свалился точно на голову другу.

– Пропадёшь! – сказал Волкодав и попытался выпутать его из волос, чтобы снова усадить на палку и выпроводить вон. Нелетучий Мыш весьма чувствительно укусил его за палец. И пропищал что-то своим – знать, поблагодарил. Те бросили палку и вмиг умчались в окно.

– Ну, как знаешь... – пробормотал Волкодав, начиная понимать, что умереть, как мечтал, ему не дадут. Две лишние жертвы на его погребальном костре – это уж слишком. Нагнувшись, он перехватил ножом верёвку, стягивавшую за спиной локти рабыни. Сдёрнул

с ложа плотное покрывало, пропорол посередине дыру и натянул на девчонку. Схватил её за руку и побежал вниз по всходу.

Волкодав никогда не забывал мест, где ему довелось пройти хоть однажды. Он мчался назад с уверенностью гончего пса, летящего по свежему следу. Он помнил, где воткнул свои щепки и где видел факелы и светильники, учинившие пожар. Когда огонь наконец преградил ему путь, он задумался лишь на мгновение, соображая, удастся ли проскочить к следующему всходу. Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы из огня навстречу ему с рёвом вылетел ополоумевший стражник. Волкодав отскочил прочь, но тот незряче пробежал мимо: одежда горела на нём, роняя дымные клочья. Девчонка в ужасе завизжала. Волкодав сгрёб её в охапку, сунул ей в руки Мыша, выдранного наконец из волос, замотал обоих в покрывало и, пригнувшись, кинулся сквозь пламя.

Влажные волосы и кожаные штаны лишь отчасти предохранили его. Ему показалось, что с обнажённого торса и босых ног начали сдирать кожу. Кое-как заслонив локтем глаза, он стрелой пролетел десять шагов и уже выбежал с другой стороны, когда стена по правую руку надсадно охнула, оседая. Дымящееся, обугленное бревно выскочило из неё, крутанулось внутрь коридора и с силой ударило Волкодава в бок, швырнув его на пол. Он сразу вскочил, понимая только, что ещё жив и ещё может бежать. Вторая лестница была прямо перед ним, как он и рассчитывал. Он бросился к ней и помчался вниз, прыгая через четыре ступеньки. Где-то далеко наверху ещё раз взвыл Людоед. Взвыл так, что было слышно даже сквозь гул пожара и крики мечущихся людей. Должно быть, огонь добрался до опочивальни. Потом вой затих – уже навсегда.

Волкодав напарывался на воинов ещё несколько раз. Большинство ни на что не обращали внимания, занятые поисками ближайшей двери наружу. Лишь один что-то заподозрил при виде полуголого, покрытого копотью незнакомца, чуть не волоком тащившего за собой зарёванную девчонку. Наёмник схватился было за меч, но Волкодав, не останавливаясь, метко пнул его в пах, чтобы впредь не лез не в своё дело. Воин согнулся, хватая ртом воздух пополам с хлопьями гари. Обойдя его, Волкодав проскочил в дверь, что вела вниз, в подземелье. Захлопнул её и на всякий случай повернул ключ, по-прежнему торчавший в скважине замка с внутренней стороны.

В подвале сизыми волнами плавал удушливый дым, но заглянуть сюда, кажется, никто так и не додумался. Дышать было нечем, настенный факел еле чадил, треща и плюясь синеватыми язычками. Девочка слабо вскрикнула при виде мёртвого палача. Потом ещё раз – когда увидела клетку.

Волкодав выругался. Освобождённый им узник, оказывается, не сумел даже толком выползти из клетки сквозь открытую дверцу. Сил едва хватило только на то, чтобы выпростать голову и плечи. Он лежал лицом вниз, измождённые руки трепетали, пытаясь сделать ещё усилие.

Волкодав выругался снова и, почти не замедлив шагов, нагнулся и подхватил его свободной рукой. Костлявое, чудовищно грязное тело показалось ему невесомым. Узник дёрнулся, охнул, невнятно пробормотал «спасибо» и повис, точно мокрая вонючая тряпка. Ещё несколько мгновений, и Волкодав стоял перед дверью, что вела к тайному ходу, одну за другой ощупывая заклёпки: не поддастся ли какая-нибудь.

Он был не вполне уверен, что сумеет высадить эту дверь, если не разыщет скрытых пружин.

– Дай мне, юноша... – прошептал узник. – Я знаю...

Волкодав спорить не стал. Обхватил ладонями его рёбра и поднял его перед собой, лицом к двери. В конце концов, этот малый безошибочно навёл его на Людоеда. Почём знать – а вдруг не врёт и теперь.

Левая рука Волкодава чувствовала сумасшедший стук сердца, метавшегося в бесплотной груди. Длинные пальцы пробежали по гладким струганым доскам, нашли одну

из заклёпок и, к некоторому удивлению Волкодава, отбили по ней замысловатую дробь. Почти сразу в недрах стены начала переливаться вода, послышался знакомый скрежет, и дверь поехала в сторону.

Но в это время откуда-то сверху долетел страшный удар и затем – тяжёлый, медленный грохот. Замок Людоеда превращался в пылающие руины. Дрожь сотрясла пол и стены подвала, упала каменная плита, с шумом посыпался песок и мелкие камешки. Факел зашипел и погас, оставив беглецов в кромешной темноте. Но хуже всего было то, что дверь, отойдя от стены на три ладони, остановилась. Волкодав налёг изо всех сил, пытаясь раскатать и сдвинуть её. Тщетно.

Ему не понадобилось примериваться к щели, чтобы понять: для него, единственного из троих, она была слишком узка. Он пожал плечами и улыбнулся в первый раз за долгое, долгое время. Итак, Песнь Смерти всё-таки будет допета. Теперь ему с лихвой хватит для этого времени. Знать бы только, с какой стати Хозяйке Судеб понадобилось захлопывать ловушку как раз тогда, когда он всерьёз понадеялся выжить.

Почему ему не дали скорой и честной смерти в рушащемся замке, заперев вместо этого, точно крысу, в зловонном подвале вместе с трупом задушенного палача?..

Может, Боги отсрочили его гибель ради того, чтобы он спас этих двоих? Какая участь им предназначена?..

А может, сидевшего в клетке не зря величали волшебником? Что, если он успел запятнать себя столь страшным пособничеством Тьме, что выпустивший его должен был неминуемо занять его место и сам принять последние муки, которых тот избежал?

Волкодав выдрал из волос верещащего, кусающегося Мыша и вновь отдал девочке, завернув в край покрывала, чтобы он не исцарапал ей руки. Подвёл её к двери – она не видела в темноте и испуганно жалась к нему – и вытолкнул наружу. Гибкое тело проскользнуло в щель без труда.

– Там будут ступеньки, не поскользнься, – сказал он ей, поднимая беспомощного волшебника и отправляя его следом за ней. – Слезай в воду и плыви налево, в тоннель. Не бойся решётки, она сломана. Вытащи с собой эту кучу костей и Мыша, если сумеешь. Давай шевелись.

Он оказался совсем не готов к тому, что за этим последовало. Девчонка отчаянно зарыдала, выскочила обратно сквозь щель и неловко обняла его впотьмах, уткнувшись мокрым лицом в его голую грудь. Волкодав ошарашенно замер и какое-то время стоял столбом, не в силах пошевелиться или заговорить. Потом оторвал её от себя и выпихнул на ту сторону, напутствовав крепким шлепком пониже спины:

– Пошла, говорю!

А у самого мелькнула кошунственная мысль: не попробовать ли дверь, через которую они с ней вбежали сюда. Проход наверняка завалило, но мало ли...

И на что понадобилось этим двоим – и Мышу – заново будить в нём желание жить, если всё должно было кончиться именно так?

– Дитя моё... – услышал он тихий голос волшебника и понадеялся, что тот лаской сумеет сделать то, чего он не сумел грубостью. Однако волшебник сказал: – Дитя моё, не сумеешь ли ты дотянуться до третьего сверху камня в дальней стене, в углу напротив двери?

– Зачем?.. – всхлипнула девчушка.

– Речь идёт о том, – гаснущим голосом пояснил волшебник, – чтобы наш добросердечный друг сумел к нам присоединиться... Если дотянешься, надави нижний угол...

Человек, наделённый ростом Волкодава, легко достал бы третий камень, даже не поднимаясь на цыпочки. Рабыня была меньше его на две головы. Она ощупала стену и принялась прыгать – молча, упорно, в кромешном мраке раз за разом пытаясь ударить занесённым кулачком по нужному месту. Волкодав устало сел на пол и попытался не думать о нечаянном объятии, о прикосновении тоненького, трепещущего тела. Возбуждение битвы

догорало в нём, к обожжённой коже было не прикоснуться, а правый бок налился болезненным жаром и, кажется, опухал.

– Надо было по-другому расположить сенсоры, – пробормотал волшебник. – Хотя...

Волкодав не понял мудрёного слова. Но спрашивать не стал.

– Хватит! – зарычал он в темноту. – Убирайтесь!

На тех двоих это не произвело ни малейшего впечатления.

– Дитя, – удивительно спокойно сказал волшебник. – Подойди сюда. Сядь. Вот так. Дай руку... Я знаю, что сейчас у тебя получится. Ты можешь. Попробуй.

И девчонка допрыгнула. Со сто первого, а может, с двести первого раза. Крепкие ноги бросили вверх лёгкое тело, и разбитый в кровь кулачок пришёлся по нижнему углу камня, третьего сверху в дальней стене. Сперва ничего особенного не произошло. Но потом какая-то неодолимая сила навалилась на дверь, с одинаковой лёгкостью сокрушая дубовые доски и толстые бронзовые заклёпки. Поднявшийся Волкодав вскинул глаза, зрячие в темноте, и увидел, что каменная притолока начала медленно опускаться. Он слышал, как охнул волшебник, задетый отлетевшим обломком. Опустившись примерно до середины двери и раскрошив её в щепы, притолока остановилась. Волкодав вышиб ногой остатки досок и живо оказался на той стороне. Снова поднял волшебника и молча зашагал вперёд, туда, где ожидали ступени и холодная вода в каменном тоннеле, сулившая волю.

Солнце близилось к полуденной черте. Волкодав сидел на берегу речной заводи, обхватив руками колени, и не думал ни о чём.

Вчера он собирался по собственной воле оборвать свою жизнь. Чем бы ни кончилось дело, такие решения никогда не проходят даром, даже если навеял их минутный порыв. А для Волкодава это была цель, к которой он шёл одиннадцать лет. Ради которой жил. Ради которой бессчётное число раз оставался в живых. Он никогда не загадывал, что там может быть после. После?.. Зачем? Для кого и для чего? «После» попросту не было.

Вчера кончилась жизнь. Дальше...

Волкодав сидел неподвижно и смотрел перед собой, точно в стену, и в голове было пусто, как в раскрытой могиле, в которую забыли опустить мертвеца.

Волшебник лежал неподалёку, подставив солнечным лучам счастливое слепое лицо, – чисто вымытый, уложенный на дырявое покрывало и в него же закутанный. Нелетучий Мыш, никогда не доверявший чужим, преспокойно сидел у него на животе и не думал противиться внимательным пальцам, ощупывавшим порванное крыло.

Волкодаву было, собственно, наплевать, и всё-таки в душе шевелилась тень праздного любопытства. Накануне он был уверен, что выволок из подземелья древнего старца, но теперь видел, что ошибся. Спутанные бесцветные космы, полные грязи и насекомых, после знакомства с корнем мыльнянки и костяным гребешком, отыскавшимся в мешке Волкодава, превратились в пушистые пепельные кудри, отросшие в заточении до ягодич. Волшебник всё просил состричь их покороче, но Волкодав отказался наотрез. Сидя в клетке, простительно было поглупеть. Но уж не настолько. Едва выйти на волю и тут же бросить свои волосы на потребу нечисти и злым колдунам!.. Только этого не хватало!..

Ещё у него были глаза, каких Волкодав не видал доселе ни разу: тёмно-фиолетовые, немного светлевшие к зрачку. Когда он улыбался – а улыбался он часто, – в глазах вспыхивали золотые, солнечные огоньки. Что же до тела, то оно, несмотря на уродливую худобу, тоже было вовсе не старческим.

Волкодав не собирался расспрашивать.

Девчонка бродила по колено в воде, наряженная в запасную рубаху Волкодава с непомерно длинными для её рук рукавами. Пальцами ног она ловко нащупывала на дне прошлогодние водяные орехи, вытаскивала их и складывала сушиться на берегу. Орехи были съедобны и даже вкусны, а сок их считался целебным. Этим соком они с Волкодавом уже несколько раз с головы до ног обмазывали безропотно терпевшего волшебника. Потом Волкодав натёр им свои собственные ожоги. Девчонка хотела помочь ему, но он ей не

позволил.

Она была не просто хороша собой. Ибо некрасивых лиц у пятнадцатилетних девчонок не бывает вообще, если только судьба к ним хоть сколько-нибудь справедлива. Она была невероятно, просто бессовестно хороша. Волкодав то и дело косился на неё. Такую легко представить себе ведущей на шёлковой ленточке кроткую серну. А может, и царственного леопарда.

Чтобы посягнуть на подобное, нужно в самом деле быть Людоедом...

Только подумать: если бы вчера он не сумел выломать под водой прут из решётки. Или открыть дверь в подвал. Если бы стражники были меньше пьяны и перехватили его по дороге наверх. Если бы, наконец, он промазал, бросая копьё... хотя нет, этого быть не могло...

Только подумать, что сейчас она билась бы в лапах гогочущих ублюдков. Или бесформенным комочком лежала где-нибудь в чулане, замученная до полусмерти...

– Чем здесь пахнет? – вдруг подал голос волшебник. – Такой знакомый запах...

Волкодав долго молчал, потом ответил:

– Черёмуха цветёт.

Вот уж чего ему совсем не хотелось, так это говорить. Вдобавок ко всему говорить было больно: помятые рёбра невыносимо отзывались на каждое движение, на каждый вдох.

– Черёмуха, – повторил волшебник и блаженно улыбнулся.

Девочка бросила обсыхать ещё один орех и выбралась из воды:

– Нарвать тебе, господин?

– Что ты, – испугался слепой. – Она живая... пускай цветёт.

Оба говорили по-веннски: волшебник – очень чисто, девочка – с сильным южным акцентом. Волкодава раздражала их болтовня. Он отвернулся, успев, впрочем, заметить, как девочка под села к волшебнику, вытащила гребешок и принялась расчёсывать и охорашивать его длиннющую бороду.

Вчера большой и сильный мужчина едва не остался на верную смерть в подземелье – ну как было не повиснуть с плачем у него на шее? Зато сегодня помощь и ласка требовались другому, и этот другой был, в отличие от него, разговорчив и добр.

– Волкодав прав, а Людоед – нет, – снова совсем неожиданно подал голос волшебник. Обращался он, кажется, к девочке, но Волкодав даже вздрогнул – сначала от удивления, потом от боли в боку:

– Что?..

Своего имени он им не называл, это уж точно.

– Ничего, – с непритворным удивлением ответил волшебник. – Прости, если я обидел тебя. Я вспомнил присловье твоего народа, кажется, единственное про Людоеда... Кто ты, юноша?

Этим словом Волкодава не назвал бы ни один зрячий. Интересно, что сказал бы волшебник, если бы мог видеть его шрамы, седину в волосах и сломанный нос. Отвечать не хотелось, и Волкодав промолчал. Но отвязаться от бывшего узника, вдосталь намолчавшегося в клетке, оказалось не так-то просто.

– Сначала, – продолжал тот, – я принял тебя за грабителя. Когда ты вернулся с девочкой, я решил было, что ты её родственник. Но вы с ней из разных племён, и, по-моему, ты ей не жених. Прости моё любопытство, юноша, – кто ты?

Волкодав молча отвернулся. Чего бы он ни отдал за то, чтобы снова оказаться в одиночестве.

– Ну а ты, дитя? – спросил волшебник. – Как тебя звать?

Волкодав прислушался.

– Ниилит, господин...

Волкодав решил про себя, что это имя удивительно ей подходило. Полевые колокольчики на закатном ветру: Ниилит...

– Откуда же ты?

– Из Саккарема, господин... Я сирота.

Такого не бывает, сказал себе Волкодав. *Сирота – это когда совсем никого нет, ни двухродных, ни трёхродных, ни по отцу, ни по матери... когда вовсе некому заступиться.*

– Мои родители умерли во время мора... да будет коротка их дорога и широк мост, – продолжала она тихо. – Дядя с тётей вырастили меня. Они были добры ко мне. Они хотели продать меня в жёны соседу. Потом приехали торговцы рабынями, и меня продали им...

Племя Волкодава испокон веку считало саккаремцев распутным и бесчестным народом, совершенно недостойным щедрого солнца, богатой земли и прочих неумеренных благ, доставшихся им безо всякого на то права, не иначе как по недосмотру Богов. Но чтобы так!.. Чтобы свою плоть!.. Самое святое, что на свете есть!..

Давить надо такую родню.

– Ты хотела бы вернуться туда, Ниилит? – спросил волшебник.

– Нет, нет! – вырвалось у неё. – Я хочу быть с тобой, господин... и с тобой, господин. – Это относилось уже к Волкодаву, и его губы тронула кривая усмешка. – Да прольётся дождь вам под ноги...

– Хорошенькие мы господа, – негромко засмеялся волшебник и тотчас поправился: – Я, по крайней мере. Моё имя Тилорн.

Волкодав сперва не поверил своим ушам, а потом понял, что от долгого сидения в клетке тот и вправду несколько тронулся. У самого Волкодава человеческого имени не было вообще, но даже и прозвища он нипочём не назвал бы всякому встречному. Враг может лишиться жизни только тело, а злой колдун – утащить на поругание душу. Он сказал, не сдержавшись:

– Наверное, ты из Богов! Я слышал, они не боятся называть свои имена!

– Из Богов?.. – в незрячих глазах замерцали солнечные искры. – Нет, что ты. Я даже не волшебник, хотя так меня кое-кто и называет. Просто... моя вера учит, что к чистому грязь не липнет, даже если знать имя.

Вот ты со своей верой в клетку и угодил, хотел сказать ему Волкодав, но не сказал. Во-первых, чужая вера – слишком тонкая штука, трогать её – греха не оберёшься. Во-вторых, с Богами его собственного народа случались вещи похуже, чем с этим Тилорном. В-третьих, к Тилорну грязь, кажется, в самом деле не липла.

И, наконец, всё это было ему, Волкодаву, попросту безразлично.

– А ты что, храброе сердечко? – продолжал Тилорн, почёсывая жмурившемуся Мышу под подбородком. – Я бы вылечил тебе крыло. Надо только острый нож, иголку с шёлковой ниткой да крепкого вина – продезинфицировать...

Тут уж равнодушие Волкодава улетучилось, как сдутый ветром туман:

– Что?..

– Проздезинфицировать, – внятно повторил Тилорн. – Видишь ли, друг мой, инфекция – это зараза, которая попадает в раны и заставляет их воспаляться и гнить. Крепкое вино её убивает. Стало быть, дезинфицировать – это...

– Я спрашиваю, в самом деле можешь или треплешься? – перебил Волкодав. – Ты же слепой. Да и он рехнётся от боли, пока будешь шить!

Тилорн слегка пожал костлявыми плечами:

– Достань то, что требуется, и убедись сам. – И после некоторого раздумья со вздохом добавил: – А сейчас, юноша, не сможешь ли ты мне подняться? Ноги, увы, отказываются мне служить, а я... м-м-м... не хотел бы осквернять покрывало, которым меня столь заботливо обернули...

Волкодав нагнулся и взял его на руки, точно ребёнка. Рёбра ответили сумасшедшей болью, от которой перед глазами встали зелёные круги. Ладно, не в первый раз. И, видят Боги, не в последний. Волкодаву показалось, будто он медленно пробуждался от долгого, очень долгого сна. Ветер был тёплым и в самом деле нёс запах черёмухи. Надо, чтобы Мыш снова летал. Надо купить крепкого вина и шёлковых ниток. Надо приодеть девчонку Ниилит и раздобыть ей хоть какие-никакие бусы на шею. Хотя бы из крашеного стекла, которое

коробейники усердно выдают за халисунские сапфиры. Да подкормить этого Тилорна, в чём душа держится...

Пустота, зиявшая впереди, постепенно заполнялась.

Он унёс больного мудреца за кусты, помог выпрямиться и проворчал:

– Называй меня Волкодавом.

Отчего не ходить в походы,
И на подвиги не пускаться,
И не странствовать год за годом,
Если есть куда возвращаться?

Отчего не поставить парус,
Открывая дальние страны,
Если есть великая малость —
Берег родины за туманом?

Отчего не звенеть оружием,
Выясняя вопросы чести,
Если знаешь: кому-то нужен,
Кто-то ждёт о тебе известий?

А когда заросла тропинка
И не будет конца разлуке,
Вдруг потянет холодом в спину:
«Для чего?..»
И опустишь руки.

2. Хрустальная бусина

Пещера. Дымный чад факелов. Крылатые тени, мечущиеся под потолком. Кровь, забрызгавшая стены и пол.

Рослый, костлявый парень вниз лицом лежит на полу. Его руки и ноги накрепко зажаты в колодки. Надсмотрщик по прозвищу Волк отбрасывает окровавленный кнут, зачерпывает горсть крупной соли и вываливает на обнажённую спину. Парень в колодках корчится, но не издаёт ни звука. Под его плечом, прижавшись к человеческому телу, всхлипывает от боли и страха большеухий чёрный зверёк с крылом, только что разорванным ударом кнута.

Колодки в рудниках были каменные, до блеска отполированные телами бесчисленных и безымянных рабов...

Содрогнувшись всем телом, Волкодав проснулся и понял – дело худо.

Над холмами занимался хмурый рассвет. Капли дождя сползали по краю полога и звонко плюхались в лужу, из которой торчали мокрые головешки. Каким славным теплом дышали они вчера вечером. Теперь тепла не было и в помине.

Во всём мире не было больше тепла, кроме тех жалких крох, что ещё сохранялись под старым плащом... Во всяком случае, с той стороны, где плечо Волкодава упиралось в костлявую спину Тилорна...

По груди и спине вовсю гуляли мурашки, лопнувшие волдыри взялись хрупкими корочками. Серый полусвет казался ослепительно ярким и больно, до слёз, резал глаза. Память тела, просыпавшаяся всякий раз, когда Волкодаву бывало по-настоящему плохо. Правый бок вспух подушкой и отвратительно ныл.

Девчонка Ниилит спала по другую сторону Тилорна: чёрные кудри, выбившиеся из-под плаща, переплелись с его пепельными. Волкодав осторожно отодвинулся, сел, задыхаясь от боли, и подоткнул облезлую шерстяную ткань, чтобы им не было зябко.

Нелетучий Мыш по давнему обыкновению висел на распорке, поддерживавшей полог. *Скоро взлетишь*, мысленно пообещал ему Волкодав. Зверёк тут же раскрыл светящиеся бусинки глаз, сладко зевнул и снова спрятал ушастую голову под крыло. Он давно оставил ночной образ жизни, привыкнув спать в любое время, когда не происходило ничего интересного. Волкодав выбрался под мелкий холодный дождик и первым долгом оглядел круг, которым накануне вечером обвёл свой маленький лагерь. За ночь никто не приблизился к этому кругу, не попытался нарушить его. Волкодав покосился на деревянную распорку, считая зарубки. Две зарубки – два дня. Сегодня третий.

Он знал, что ночью пойдёт дождь, и позаботился запастись сухими дровами. Холод донимал Волкодава, что-то противно сжималось в груди, мешая дышать. Он заново разжёг костёр, принёс воды и повесил над огнём котелок. Ещё раз перешагнул круг и, нагнувшись, стал собирать молоденькие листья земляники.

Когда-то давно, очень давно маленький мальчик из рода Серого Пса увидел человека, вышедшего к деревне на лыжах, с мешком за спиной. Человек этот сел на снег у околицы и ждал, ни с кем не разговаривая и не поднимая глаз, пока из общинного дома не вышла большуха и, коротко расспросив, не провела его в ворота.

«Кто это?» – спросил мальчик у матери.

«Это сирота, – ответила мать. – Он из племени вельхов. У него не осталось никого из родных. А имуществва – только то, что в мешке».

Весь день мальчику очень хотелось пойти в большой дом и поближе рассмотреть удивительного человека, у которого – надо же! – не осталось ни родственников, ни своей избы. Сирота – значит, делай что хочешь, всё равно никто ответа не спросит. Зато и его самого любой мог обидеть, не опасаясь отмщенья, потому что мстить будет некому...

И мальчик стал думать о том, как интересно быть сиротой, но потом вспомнил, как впервые пошёл один на охоту – и ужаснулся, поняв, что сироту никто не ждал из зимнего леса домой, к тёплому очагу, к миске со щами.

А через несколько месяцев, накануне той ночи, когда мальчику должны были наречь имя, сирота-вельх сражался за семерых и всё пел какую-то песню на своём языке – пел, пока не свалился зарубленным.

Верно, у вельхов тоже была своя Песнь Смерти...

Котелок закипел. Волкодав снял его с огня, бросил в воду пригоршню сладко пахнувших листьев, закрыл крышкой и отправился к ручью умываться.

Добрый запах скоро разбудил Ниилит. Увидев, что девчонка проснулась, Волкодав достал нож и сделал на распорке ещё одну зарубку. И решил, что сегодня, пожалуй, не грех уже и заплести волосы. Сыновья Серого Пса распускали их только для большого дела, требовавшего высокого сосредоточения духа. Например, перед охотой на медведя.

Или мстью...

Одёргивая рубаху, Ниилит выбралась из-под плаща, поклонилась Волкодаву и скрылась в мокрых кустах. Волкодав расчесал волосы надвое и заплёл с каждой стороны по косе, пропуская пряди снизу вверх в знак того, что большое дело совершено. На девятый день он заплетёт их иначе, отдавая сделанное прошлому...

– Господин, ты заболел, – сказала вернувшаяся Ниилит, и Волкодав недовольно подумал, что колотивший его озноб был, оказывается, замечен со стороны. Он нехотя поднял голову, и девчонка тут же протянула руку, – пощупать лоб. Самоуправства над собой Волкодав не терпел никогда. Он еле сдержался, чтобы тут же не оттолкнуть её. Но пальцы Ниилит оказались лёгкими и прохладными – не холодными, а успокаивающе прохладными, – и отталкивать её расхотелось.

– У тебя жар, господин, – сказала она и отняла руку.

Он молча кивнул. А то он сам не знал, что у него жар. И была охота об этом болтать. Как будто от разговоров он вот прямо так и поправится. Или необходимость идти куда-нибудь пропадёт.

– Если бы я был хоть чуть посильнее, я бы мог... – подал голос Тилорн. Волкодав не удостоил его ответом. Тилорн поднёс к лицу ладонь, зачем-то поводит ею перед глазами и со вздохом убрал руку под плащ.

У них было с собой несколько печёных рыбин. В самый первый день, ещё у реки, Ниилит попросила Волкодава вырезать ей из орешника копьёцо. Он удивился про себя, но просьбу исполнил, и Ниилит, выросшая в плавнях Саккарема, принялась с удивительной ловкостью острожить сазанов, кормившихся в заводи, а потом сноровисто испекла добычу в углях костра, обмазав глиной поверх чешуи.

Пока Волкодав помогал калеке умыться, Ниилит вытащила толстую рыбину и принялась её чистить. Волкодава замутило от одного духа съестного. Ниилит подала ему сазаний бок на свежем листе лопуха. Он молча мотнул головой и отвернулся. Девочка не посмела его уговаривать и отошла кормить Тилорна. Волкодав равнодушно слушал, как тот похваливал и стряпню, и стряпуху. Нелетучий Мыш, спустившись с насеста, трудился в сторонке над плавниками и мясистым хвостом.

Щербатая глиняная чашка была одна на троих. Волкодав в самую последнюю очередь приложился к травяному взвару и обнаружил, что тот успел порядком остыть. Волкодав с отвращением проглотил его и выплюнул угодивший в рот вялый листок. Ещё раз покосившись на третью зарубку, он поднялся и ушёл в лес, чтобы через некоторое время вернуться с тонким, ровным стволиком молодой осины, остро заточенным с одного конца. Обжёг его на костре и протянул Ниилит:

– Держи!

Он залил костёр водой. Бог Огня, как известно, смертельно обижается, если костёр затаптывают ногами. Угли зашипели – сперва сердито, потом жалобно. Когда же умолкли, Волкодав накрыл их снятой накануне дерниной. Случайный глаз вряд ли заметит следы ночлега.

Возле полога стояла большая корзина: Волкодав сплёл её там же, на речном берегу, пока Ниилит ловила сазанов. В эту корзину он усадил Тилорна, завёрнутого от дождя в покрывало, и тот уже привычно подогнул колени к подбородку. Волкодав просунул руки в верёвочные лямки, взял мешок и кивнул Ниилит:

– Пошли.

– Мне очень совестно отягощать тебя, Волкодав, – сказал Тилорн. – Но, коли уж так получается, не скажешь ли, куда мы идём?..

Волкодав почему-то вдруг вспомнил о том, как они с Ниилит только что помогали увечному мудрецу в самой простой нужде, потом обмывали беспомощное нагое тело, заново смазывая бесчисленные болячки, а Тилорн только благодарил, сокрушённо вздыхал и, стыдясь, пытался шутить. Для того, чтобы так принимать помощь, тоже требовалось мужество. Волкодав в этом кое-что понимал.

– На торговый путь мы идём, – сказал он. – Здесь неподалёку деревня... Большой Погост. Там останавливаются купцы, которые едут в Галирад.

– Галирад... – припоминая, повторил Тилорн и уточнил: – Это в стране сольвеннов?

Корзина плавно покачивалась. Нелетучий Мыш подрёмывал на плече Волкодава, Ниилит шла рядом, неся оба копьёца, ореховое и осиновое.

– Да, это там, – сказал Волкодав. И впервые не стал дожидаться дальнейших расспросов, пояснив: – Лучше всего туда по Светыни... но если нас будут искать, то скорей всего у реки.

– Ты хочешь пристать к купцам? – поинтересовался Тилорн.

– Не пристать, – проворчал Волкодав. – Я наймусь. Торговым гостям часто нужны

воины... добро охранять. Доберёмся до Галирада, там посмотрим, что дальше.

Они шли целый день, почти не делая остановок: Волкодав не желал тратить времени зря. Он устроил всего один привал, у крохотного родничка. Ниилит, Тилорн и Нелетучий Мышь доели сазана. Волкодав снова отказался от еды.

– Господин... – жалобно начала было Ниилит, но длинные пальцы Тилорна легли на её руку.

– Не надо, дитя, – сказал он тихо. – Наш избавитель, верно, знает, что делает.

Волкодав опустился на колени у родничка и долго, с наслаждением пил. Поднявшись, он поклонился родничку, точно щедрой хозяйке, не поскупившейся на угощение прохожему.

Когда проглянувшее под вечер солнце стало цеплять вершины дальних холмов, Волкодав начал присматривать место для ночлега. В этот вечер он выбирал его особенно придирчиво. Он равнодушно прошёл мимо нескольких очень славных на вид уголков, где было в достатке и воды, и простора для ветерка, способного сдуть комаров. И наконец остановился в добрых двух сотнях шагов от ближайшего ручейка, под большим старым дубом, широко раскинувшим упругие ветви. Волкодав поставил корзину в самых его корнях, разгрёб старые листья и уложил Тилорна. Тот благодарно улыбнулся и вздохнул, блаженно вытягивая тощие ноги.

Солнце садилось за прозрачной занавесью дождя: полнеба горело холодным малиновым пламенем, а на востоке, упираясь в склон холма, торчком стояла короткая красноватая радуга.

Волкодав приволок толстую валежину и долго кромсал её, оголяя белое сухое нутро. Он развёл костёр поодаль от дуба, чтобы не потревожить и не обидеть славное дерево. Когда солнце до половины ушло в закатные тучи, он выбрался из-под полога и принялся чертить круг, охватив им, как обычно, и костёр, и колышки растяжек, и дерево, давшее им приют. Только на сей раз он чертил его не ножом, а отцовским молотом, волоча его по земле.

Озноб продолжал трясти Волкодава, он долго не мог согреться и уснуть. Но наконец под широким старым плащом, укрывшим сразу три тела, скопилось какое-то подобие тепла. Волкодав слушал ровное дыхание Ниилит и думал о дряхлых стариках, на чьё ложе укладываются юные девушки – не для утех, какие уж там утех, просто ради тепла, иссякающего в тронутой осенней стужей крови... Потом он всё-таки уснул.

Огонь медленно поедая длинную валежину, озаря очерченный круг.

Его разбудил надсадный, полный ужаса визг, раздавшийся неподалёку. К тому времени, когда сонная муть кое-как отпустила разум, Волкодав уже стоял во весь рост, сжимая в кулаке нож, выхваченный из ножен. Дикая боль в боку, причинённая резким движением, огненным бичом хлестнула сознание, и Волкодав заметил, что место Ниилит под плащом пустовало. Заметил осиновый кол, бездельно прислонённый к дереву... Потом он увидел саму Ниилит.

Волкодав сразу понял, что произошло. Днём они пересекали торфяное болото, и девочка набрала несколько горстей прошлогодней клюквы, крупной, тёмно-красной, на длинных иссушённых хвостиках. Эту клюкву они вечером отправили в котелок. Напиток вышел отменный. Ниилит без конца прикладывалась к нему и одна одолела чуть не полкотелка. Ничего удивительного, что ночью ей понадобилось в кустики. И где ж было вспомнить спросонья строгий наказ Волкодава – из круга не выходить...

Зато теперь...

Отчаянно визжа, Ниилит мчалась через поляну к костру. Её глаза были двумя белыми кругами. А за ней...

За Ниилит шёл Людоед. Именно шёл, тяжело и вроде бы неторопливо переставляя плохо гнувшиеся ноги. Но Волкодав сразу понял, что Ниилит от него не убежать.

Значит, ещё раз, Людоед...

Венн додумывал эту мысль, уже летя полуторасаженными прыжками вперёд. Нет,

шедшая навстречу тварь не была живым Людоедом, сумевшим как-то выбраться из горящих развалин и чудесно исцелиться от раны. Людоед был мёртв. Мёртвым, стеклянным взглядом глядели его глаза, в неподвижном оскале блестели сквозь бороду зубы, а низ рубахи, сапоги и штаны сплошь покрывала чёрная слизь. Убивший нечист, и его нечистота притягивает души убитых, помогает им обрести подобие плоти.

Мёртвый пришёл за живыми...

Силы и разум одновременно покинули Ниилит – упав, она осталась лежать неподвижно. Волкодав перелетел через неё и сшибся с чудовищем.

Руки и ноги всё сделали сами. Венну понадобилось три быстрых движения, чтобы скрутить Людоеда и вжать его в землю, удерживая за вывернутую руку. Теперь отрезать голову и...

Людоед начал подниматься.

Живой человек не мог бы этого сделать. Мёртвый смог.

Под пальцами венна затрещали сухожилия и суставы: Людоед равнодушно ломал собственное тело. Вот когда Волкодаву стало страшно. По-настоящему страшно. Содрогаясь от отвращения, он принялся кромсать ножом холодную, тронутую тлением плоть. Успеть бы! По вере сегванов, ожившему мертвецу следовало отсечь голову и приложить её к заду. По вере веннов...

Очнувшаяся Ниилит опять завизжала. И тут Волкодав услышал неожиданно громкий крик Тилорна:

– Колом его, девочка! Осинovým!..

Нож не извлекал крови, просто полосовал мертвечину. Людоед продолжал неотвратимо подниматься. Сил у него не убавится, пока голову связывает с телом хотя бы лоскут. Кажется, Тилорн кричал ещё, но Волкодав от напряжения и страха не слышал уже ничего.

Потом что-то скользнуло мимо его левого плеча и воткнулось в мертвеца. Осинový кол!.. Людоед забился, пытаясь избавиться от страшного кола, но Волкодав бросил нож и, перехватив осиновую жердь, вгонял её глубже и глубже, пока она не коснулась земли.

И тогда... Венну показалось, будто измятая трава расступилась, а труп внезапно прирос к земле и не мог больше оторвать от неё ни руки, ни ноги. А потом земля начала втягивать силившегося вырваться Людоеда, всасывая его всё глубже, смыкаясь над его локтями, над коленями, над лицом...

Волкодав выпустил кол только тогда, когда на поверхности не осталось ничего, кроме распрямившейся травы. Кол, однако, продолжал уходить в землю и наконец скрылся целиком.

Вот теперь всё. Больше Людоед не вернётся.

Волкодав подобрал испоганенный нож и старательно вытер. Руки ощутимо дрожали. Надо будет не забыть обжечь лезвие на огне, стоня остатки скверны. Ниилит отчаянно рыдала, закрыв руками лицо.

– Господин... – пыталась выговорить девочка. – Господин...

Волкодав нагнулся и взял её на руки. Казалось, в помятом боку сидело разом несколько стрел. Ниилит судорожно обхватила его шею, рубаха на груди мгновенно промокла от слёз.

– Эх ты, котёнок, – сказал он негромко, со всей лаской, на какую был способен. И понёс Ниилит обратно к костру.

Когда Волкодав кинулся навстречу страшному гостю, Нелетучий Мыш, конечно, без промедления пустился следом. Одна беда – короткие лапки едва донесли его до черты нарушенного круга. Он мигом вскарабкался вернувшемуся Волкодаву на плечо и укусил его за ухо, досадуя, что не привелось вместе побороться с напастью.

Тилорн ждал их, приподнявшись на локте. Слабые пальцы учёного сжимали ореховое копьёцо. *Что ж, и оно могло бы помочь,* подумалось Волкодаву. *Орешник – священен. Но в таком деле осинový кол всё-таки надёжней.*

– Что это было?.. – шёпотом спросил Тилорн, когда Волкодав кое-как разжал на своей шее руки Ниилит и заставил её забраться под плащ. Венн вынул из мешка молот, возобновил круг, сел по другую сторону Ниилит и сказал:

– Это идут те, кого я убил три дня назад.

Тут ему померещилась в правой ноздре знакомая сырость, и он торопливо провёл рукой по усам: не течёт ли кровь. С тех пор, как ему сломали на каторге нос, подобное приключалось нередко. Нет, кажется, на сей раз миновало.

– Господин... – Ниилит снова заплакала, прижавшись к его колену.

– Ладно, я тоже хорош, – проворчал Волкодав и неуклюже погладил её по голове. Волосы были мягкими и пышными, как густой шёлк. *Если высытять на них мешок лесных яблок, подумалось Волкодаву, до земли не докатится ни одно.* – Зря пугать не хотел. Если бы круг... – Он махнул рукой, отчаявшись объяснить что-нибудь толком. Слишком долго рассказывать, что воин, убивший врага, должен самое малое три дня париться в бане, строго постясь, не ступая на землю, не показываясь солнцу и, уж конечно, не разговаривая ни с кем. И всё это ради того, чтобы мстительные души не сумели отыскать погубителя.

Но рассказывать Волкодав не умел. И не любил.

– Может, ещё кто явится, – проговорил он наконец. – Ничего, не достанут.

Немного попозже пришёл палач – уродливо вспухший и оттого казавшийся ещё толще, чем был при жизни. Голова, покрытая капюшоном, моталась на сломанной шее. Тогда, в подвале, Волкодав так и не увидел его лица. Разглядывать эту рожу теперь ему хотелось ещё меньше.

Наткнувшись на круг, палач поднял руки, ощупывая невидимую преграду. Потом, переступая боком, двинулся вдоль черты – не найдётся ли где слабого места. Шагнув было под сень дуба, но тут же отскочил обратно – ни дать ни взять сунулся в огонь.

Ниилит тихонько заскулила и заползла под плащ с головой. По мнению Волкодава, вполне можно было укладываться и преспокойно спать до утра: мёртвый палач и иные, кого ещё там принесёт, будут бессильно болтаться у священной черты, точно куски дерьма, попавшие в прорубь, а на рассвете пропадут сами собой. Но Ниилит, придавленная ужасом, дрожала между ним и Тилорном. Шорох шагов из-за круга грозил свести её с ума. Тилорн молчал, однако Волкодаву хватило одного взгляда на горе-чародея – тому тоже было очень не по себе. Ворча сквозь зубы, Волкодав поднялся, снова вытащил молот и, повернувшись к мертвецу, начертал в воздухе Знак Грома: шесть остроконечных лепестков, заключённых в круг-колесо.

– Во имя Грозы! – сказал он палачу. – Пошёл вон!

Струя лилового пламени бесшумно упала то ли с дубовых ветвей, то ли с самого неба и обтекла труп. Палач начал корчиться так, словно его вздёргивали на дыбу. Милосердная земля схватила его за ноги и быстро втянула в себя. Мать-Земля всегда жалеет детей, даже самых негодных.

Волкодав вернулся под дуб и улёгся, безуспешно стараясь побережь больной бок. Тилорн гладил по голове лежавшую между ними Ниилит, повторяя:

– Не плачь, маленькая... всё хорошо... Не плачь...

Волкодав вспомнил тяжёлый шёлк её волос под своими пальцами... и как она жалась к нему те несколько мгновений, что он нёс её на руках... Нелетучий Мыш посверкивал светящимися зрачками, вися вверх тормашками на деревянной распорке. Постепенно Ниилит пригрелась, перестала всхлипывать и уснула, свернувшись калачиком.

Перед самым рассветом Волкодава разбудило негромкое, но полное кровожадной ярости шипение Мыша. Волкодав открыл глаза и увидел, что у черты, безмозгло тычась в запретную пустоту, переминалось ещё двое. У одного вместо правого глаза зияла бесформенная дыра, другой пришлец был покрыт копотью и почти гол, если не считать клоков сгоревшей одежды. Этим хватит немного. Волкодав не стал ждать, пока Ниилит проснётся и опять испугается, увидав нежить. Он приподнял голову и шёпотом произнёс

несколько самых мерзких ругательств, которые знал. Мертвецы тотчас поблекли и растаяли, смешавшись с густым холодным туманом...

Большой Погост – это были уже коренные земли сольвеннов.

Когда-то здесь стояла самая обычная деревня-весь, в которой, как и во всякой веси, жил один-единственный род. На широкой поляне в лесу высился большой общинный дом, окружённый домиками поменьше, а в домиках обитали женщины и мужчины, называвшие себя Соловьями. Местное предание гласило, что в самом начале времён прародительница племени заслушалась соловьиного щёкота и отдала свою любовь прекрасному юноше, которым обернулся неказистый с виду певец. Другие соловьи запомнили и выучили песню, спетую им для любимой, и по весне она до сих пор оглашала благоухающие черёмухой леса. А старухи и старики ещё помнили, как лунными ночами молодые девушки нагими уходили в чашу, мечтая понравиться красавцу-оборотню. Что ж, после ночи, проведённой в лесу, у некоторых в самом деле начинали расти животы...

Всё это любопытный Тилорн мало-помалу, слово за слово вытянул из неразговорчивого Волкодава в течение нескольких дней. Тот отвечал урывками, односложно и неохотно. Когда же Тилорн пытался выспросить что-нибудь о его собственном роде – вообще смолкал на полдня. Другое дело, времени, как и терпения, у Тилорна было хоть отбавляй: к Большому Погосту они шли ещё четверо суток.

Шагая вперёд, Волкодав поначалу всё косился на Ниилит – выдержит ли дорогу. Но девчонка неумоимо шлёпала босыми пятками и даже умудрялась по дороге нарвать кислицы или ещё чего-нибудь вкусного для котелка.

После сражения с мертвецами у них разом протухла вся рыба, и Волкодав уже было задумался, не ограбить ли позабытую беличью кладовую. Но вечером они остановились у озера, и Ниилит мигом наловила лягушек, которых, оказывается, она умела удивительно вкусно поджаривать.

– Это лягушки, господин, – смущённо обратилась она к слепому. – У нас их едят. Если твоя вера не воспрещает...

– Не воспрещает, – улыбнулся Тилорн. – Хотя, если честно, мой народ давно уже не убивает живые существа ради того, чтобы насытить желудок.

Волкодав наконец отпустил жар, и он тоже протянул руку к еде. Вера Тилорна показалась ему странноватой, но он видывал и похлеще. Да. На каторге он ловил крыс, водившихся в подземельях. И ел их сырыми. А ведь были среди рабов и такие, кто предпочитал умереть с голоду, но не поступиться своей верой, осуждавшей нечистую пищу...

Волкодав прожевал хрустящую лягушачью лапку и потянулся за следующей.

За последние сто лет у Соловьёв многое изменилось.

Род, безвылазно сидевший в непроходимом лесу и знать не знавший никого, кроме ближайших соседей, нежданно-негаданно оказался на оживлённом торговом пути. Начали останавливаться заезжие гости, и крохотная безымянная весь обрела имя: Большой Погост. Иные птенцы Соловья, виданное ли дело, спорхнули с насиженных поколений мест, унеслись неведомо куда вить новые гнёзда. Зато близ старых гнёзд начали селиться чужие, пришлые люди. Появились даже такие, кто не охотился и не пахал земли. Некоторые, с ума сойти, держали постоянные дворы, готовили еду и варили пиво гостям, стелили им постели и тем жили с весны до весны. И, самое удивительное, жили неплохо...

Скоро, того и гляди, явится во главе храброй дружины боевой галирадский боярин и выстроит крепость-городок, начнёт с купцов пошлину собирать...

Словом, никто не оборачивался вслед Волкодаву, шедшему по улице со своей корзиной и Нелетучим Мышом, примостившимся на плече. Большой Погост успел утратить любопытство, насмотревшись на самых разных людей. Здесь не особенно удивились бы даже чернокожему из Мономатаны, одетому в набедренную повязку из пёстрой шкуры питона.

Подумаешь, бродяга-венн, несущий на спине обросшего волосами калеку. Если кто из троих и притягивал лишние взгляды, так разве что красавица Ниилит, боязливо державшаяся за руку Волкодава и одетая – тьфу, стыдоба! – в мужскую рубаху.

Волкодав остановился перед воротами гостиного двора. Над ними, колеблемая ветром, качалась и поскрипывала вывеска: могучий конь, влекущий сани с поклажей. Коня когда-то выкрасили белым, и краска не совсем ещё с него облупилась.

– «Белый Конь»! – без запинки прочла Ниилит. Волкодав покосился на неё. Волшебник и прехорошенькая девчонка, умеющая читать. Очень даже неплохо.

Двор за воротами оказался почти пуст, если не считать нескольких рослых бронзовых халисунцев, которые, оживлённо переговариваясь, укладывали какие-то тюки в крепкую, на высоких колёсах повозку. Волкодав кивнул им, как подобает вежливому гостю. Халисунцы на миг прервали болтовню и кивнули в ответ.

Дверь стояла гостеприимно распахнутой. Волкодав откинул пёструю занавеску и вошёл внутрь.

Было около полудня, и корчма не могла похвастаться многолюдьем. Служанка протирала столы, а на усыпанном соломой полу расположился молодой работник. Бережно подтёсывая, он приспособливал новую ножку к длинной скамье.

Волкодав спустил с плеч корзину, вынул из неё Тилорна и усадил на лавку возле двери. Ниилит тотчас села рядом, обхватила клонившееся тело, подперла. Тилорну, точно младенцу, ещё предстояло учиться сидеть самому. Мудрец улыбнулся Ниилит и виновато вздохнул.

Волкодав подошёл к стойке. Корчмарь, протиравший глиняные кружки вышитым полотенцем, сейчас же оставил своё занятие и подался вперёд, всем видом изображая радушие. Он был из восточных вельхов: Волкодав понял это по вышитой повязке на лбу.

– Благо тебе, добрый хозяин, под кровом этого дома, – обратился он к вельху на его родном языке. – Хорошо ли бродит нынче пиво в твоих котлах?

– Благодарение Богам, в нашем доме всё хорошо, – откликнулся тот и опустил ладонь на деревянную стойку, защищаясь от возможного сглаза. – Урожай ячменя, по воле Трёхрогого, был отменный, и по его же воле не переводится у нас солод... – тут он окинул рослого Волкодава оценивающим взглядом, – ...в чём господин мой может убедиться и сам, если пожелает освежиться с дороги. Кроме того, у нас есть славные жареные поросята, пища воинов. Есть каша, молоко и творог для больного и сладости для красавицы. Что господин мой прикажет подать?

Волкодав с усмешкой похлопал рукой по тощему кошелю, висевшему на ремне. Звяканье раздалось далеко не сразу: трём медным грошам понадобилось время, чтобы собраться в одном углу.

– Моя удача, – сказал Волкодав, – нынче такова, что я ищу не жареных поросят, а работы. Может, подскажешь, почтенный, не пригодился бы охранник кому-нибудь из купцов, едущих в Галирад?

– Сегодня, боюсь, я тебя ничем не обрадую, – ответил вельх. – Впрочем, завтра должен прибыть досточтимый Фитела: он всегда останавливается у меня, чем я по праву горжусь. Попытай счастья. Только, сказать тебе правду, его обозы всегда очень хорошо охраняются. Если желаешь, у меня наверху есть комнаты для ночлега...

– В жилище достойного мужа мы вошли. – Волкодав церемонно поклонился. – Мы заночуем у озера. А утром, если не возражаешь, снова заглянем к тебе.

И он повернулся идти, но хозяин перегнулся через стойку и осторожно придержал его за рукав. Он сказал:

– Нет нужды ночевать у озера, если можно остановиться под крышей. Я ничего не возьму с тебя за постой.

По совести говоря, комната оказалась не слишком роскошной. Тем не менее в ней была

кровать – самая настоящая деревянная кровать с одеялом, подушкой и чистыми, пускай небелёными, полотняными простынями.

– Может быть, Ниилит... – нерешительно начал Тилорн, но Волкодав молча уложил его и накрыл одеялом. – С ума сойти... – прошептал учёный, глядя мягкую, хорошо выделанную овчину. – С ума сойти... Я уже и забыл, как всё это выглядит...

Я тоже, подумал Волкодав, но вслух, конечно, ничего не сказал. Медяки снова стукнулись один о другой, случайно встретившись в кошеле, и его вдруг посетила шальная мысль: *а что, если в самом деле сладостей для Ниилит?.. Нет, чепуха. Уж лучше чашку молока да кусок белого хлеба Тилорну...*

В это время в дверь постучали. Волкодав кивнул, и Ниилит, стоявшая у входа, открыла.

Через порог шагнул корчмарь с плетёным подносом в руках. Была на том подносе деревянная тарелка с хорошим ломтём жареной свинины, большая миска пшённой каши на молоке, кружка пива, хлеб и несколько пряников. Корчмарь улыбался, глядя на Волкодава.

– Я решил, – сказал он, – что подкрепиться вам всё-таки не помешает. Гость не должен оставаться голодным, раз уж вошёл в дом.

– А не проторгуешься ты так, достойный хозяин? – не торопясь принимать поднос, хмуро спросил Волкодав. – Никто ведь не знает, как скоро я смогу возратить тебе долг...

– ...и сможешь ли вообще, – подхватил тот и поставил еду на подоконник. Отломил кусочек хлеба, макнул в жир и угостил Мыша. Чёрный зверёк сперва угрожающе распахнул крылья, но потом передумал, взял хлеб и с аппетитом принялся есть. – Я не первый год живу и торгую в этих местах, – продолжал корчмарь. – Я знаю твой народ и давно понял, что венны никогда не забывают долгов... – Тут его взгляд как бы невзначай скользнул по косам Волкодава, говорившим о недавно исполненной мести. – А кроме того, господин мой, я усвоил, что люди куда как глазасты и склонны всё замечать. Стало быть, очень скоро вся округа прослышит о том, что корчмарь Айр-Донн не отказал в ночлеге и пище храбрецу из племени веннов, который совершил некое достойное дело и оттого временно обеднел. Поживёшь с моё на этом перепутье...

Не договорив, он вновь улыбнулся, вышел за дверь и без стука притворил её за собой.

– Спасибо тебе, добрый Айр-Донн, – запоздало подал голос Тилорн.

Нелетучий Мышь прожевал хлеб и пощекотал Волкодава крылом, выпрашивая добавку.

Вечером, выбравшись во двор подышать, Волкодав засмотрелся на старую яблоню, росшую подле крыльца. Раскрывшиеся цветы нежно-розовым облаком окутывали её до самой верхушки, но узловатый, исковерканный ствол и корявые сучья говорили о трудно прожитом веке.

Так, бывает, немолодая женщина вынет из сундука красно-белое свадебное платье, приложит к груди – и задумается и вновь станет похожа на ту юную красавицу, которой когда-то была...

– Эгей!.. – В высоком окне дома появился мальчишка и, желая, как видно, покрасоваться перед незнакомцем, махнул с подоконника прямо на дерево. Взвились оборванные лепестки, жалобно охнули столетние ветви. Большой сук, не выдержав, надломился и повис: белая трещина пролегла меж ним и стволом.

Волкодав за ухо спустил наземь прыгуна:

– Живо неси вар и верёвку...

– А ну её!.. – отбежав в сторонку, раздосадованно прокричал сорванец. – Она уж и яблочко-то не даёт!

– Сказано тебе – неси, вот и неси, – строго заметил Айр-Донн, вышедший на крыльцо. – Слушай, что старшие говорят! – И, когда тот убежал, пояснил смотревшему на него Волкодаву: – Это мой сын. Баловник, сил нет. А яблоня, почтенный, в самом деле пустоцвет. Всякий год срубить собираюсь, а погляжу, как цветёт, и отступлюсь. Если бы ещё и яблоки были...

Мальчишка принёс вар и лыковую верёвку, и Айр-Донн увёл его в дом: сын собирал со

столов пустые кружки, помогал мыть посуду. Оставшись один, Волкодав надёжно подвязал сук и замазал рану, чтобы не завелась гниль. Потом сел наземь и прислонился спиной к изогнутому стволу.

По двору туда и сюда ходили люди, из корчмы доносился приглушённый гул голосов. Цветущие ветви рдели над головой Волкодава, тихо светясь в предзакатном розовом небе...

Такие же яблони росли у него дома...

Как всегда, при мысли о доме слева в груди заняло глухо и тяжело. Волкодав закрыл глаза и, откинув голову, прижался к дереву затылком. Какие яблоки чуть не до нового урожая хранились в общинном подполе, в больших плетёных корзинах, – румяные, сочные слитки благословенного солнца... Какой дух всегда был в том подполе, войдёшь – и точно мать в щёку поцеловала... Ни один Серый Пёс не дерзнул бы обидеть старую яблоню. Это ведь всё равно что обидеть женщину, которая с возрастом утратила материнство и сменила рогатую бисерную кичу на скромный платок...

Кто теперь полными вёдрами разбрасывал под яблонями навоз, кто подпирал жердями тяжёлые, клонящиеся ветви, кто благодарил за добро?

Старое, мудрое дерево с заботливой лаской смотрело на молодого бестолкового парня...

Давно уже к Волкодаву никто не подходил незамеченным. А тут, поди же ты, не услышал шагов. Потому, может, и не услышал, что не было в них ни зла, ни угрозы. Мягонькие пальчики погладили его руку, и он мгновенно вскинулся, открывая глаза. Перед ним стояла девчушка лет десяти. Стояла и смотрела на него безо всякого страха: ведь рядом не было взрослых, которые объяснили бы ей, что широкоплечие мужчины с поломанными носами и семивершковыми ножами в ножнах бывают очень, очень опасны. Одета она была в одну длинную, до пят, льняную рубашонку без пояса, перешитую из родительской. Такие носят все веннские дети, пока не войдут в лета. Реденькие светлые волосы свисали на плечи из-под тесёмки на лбу. Только и поймёшь, что не мальчик, по одинокой бусине, висящей на нитке между ключиц.

– Здравствуй, Серый Пёс, – сказала девочка. – Что ты такой грустный сидишь?

– И ты здравствуй, – медленно проговорил Волкодав, в самом деле чувствуя себя громадным злым псом, которого ни с того ни с сего облепили, кувыркаясь, глупые маленькие щенята. И, как тот пёс, он замер, не смея пошевелиться: не оттолкнуть бы, не испугать... А в сознании билось неотвязное: *и у меня был бы дом... была бы и доченька...*

– Зря ходишь одна, – сказал он наконец. – Люди... всякие бывают...

Она склонила голову к плечу и застенчиво улыбнулась ему. Бывают, мол, но я-то ведь знаю, что ты не из таких. Волкодав неумело улыбнулся в ответ и сразу вспомнил о своих шрамах и о том, что во рту не хватало переднего зуба: улыбка его вовсе не красила. Однако волшебное существо смотрело ясными серыми глазами, упорно отказываясь бояться. Потом подняло руки к шее:

– Хочешь, я тебе бусину подарю?

Тут Волкодав сообразил наконец, что уснул под яблоней и угодил в сказку. Веннские женщины дарили бусы женихам и мужьям, и те нанизывали их на ремешки, которыми стягивали косы. С гладкими ремешками показывались на люди одни вдовцы и те, до кого женщина ещё не снисходила. Вмиг разучившись говорить, Волкодав сумел только молча кивнуть головой. Девочка живо распутала нитку, надела гранёную хрустальную бусину на его ремешок, закрепила узелком. И засмеялась, довольная удавшейся хитростью:

– А мне все говорили, у меня, у дурнушки, никто и бус не попросит...

– Ты подрастай поскорее, – прошептал Волкодав. – Там поглядим.

И горько пожалел про себя, что оставил объевшегося Мыша отсыпаться на вколоченном в стену деревянном гвозде. То-то было бы радости – дай мышку погладить...

– Где живёшь-то? – спросил он, разгибая колени. – Давай провожу. Мать, поди, с ума уже сходит.

И заметил, что девочка в самом деле была худенькая и маленькая для десяти лет. Пока он сидел, они с ней смотрели друг другу в глаза, но стоило подняться, и она еле достала макушкой до его поясного ремня. Волкодав осторожно взял тёплую доверчивую ладошку и пошёл с девочкой со двора.

Оказывается, её семья, как и Волкодав со своими, была здесь проездом. Только остановилась на другом конце Большого Погоста, у дальней родни. Когда Волкодав с девочкой приблизились ко двору, навстречу из ворот выбежала красивая полная женщина. Увидела их и, всплеснув руками, остановилась. Волкодаву хватило одного взгляда на расшитую кикку и красно-синюю с белой ниткой понёву: женщина была дочерью Пятнистых Оленей, взявшей мужа из рода Барсука.

– Здравствуй, Барсучиха, – поклонился Волкодав.

– И ты здравствуй... – замялась она, близоруко пытаясь высмотреть знаки рода на его рубахе или ремне. Ей, впрочем, было не до того. Она шагнула вперёд, ловя за руку дочь: – Спасибо, добрый молодец, что привёл непутёвую! Вот я тебе, горюшко моё...

И тут, в довершение всех бед, на глаза ей попалась искристая бусина, ввязанная в волосы Волкодава.

– Ай, стыдодейка!

Мать вольна в своём детище: захочет – накажет, а то и проклянет, тут даже Богам встревать не с руки. Но оплеуха, назначенная дочери, пришлась в подставленную ладонь Волкодава.

– Меня бей, – сказал он спокойно.

На голоса из ворот выглянул осанистый мужчина в хороших сапогах, с посеребрённой гривной на шее. Заметив подле своих рослого незнакомца, он поспешно направился к ним.

– Ты, добрый молодец, здесь что позабыл? – спросил он, загораживая жену. Косы недавнего убийцы не минули его глаз. Волкодав покосился на девочку. Та стояла повесив головку, а в дорожную пыль возле босых ног капали да капали слёзы. Не обращая внимания на гневливых родителей, Волкодав опустил перед ней на колени.

– Не поминай лихом, славница, – сказал он негромко. – Матерь свою слушай, а и тебе спасибо за честь.

Выпрямился во весь рост и пошёл обратно, туда, где смутно белела в сумерках вывеска Айр-Доннова двора. За его спиной женщина поясняла супругу, что свирепый с виду молодец ничем не обидел ни её, ни дитя. Супруг же крутил усы и молча прикидывал, не разбойник ли из ватаги Жадобы явился в Большой Погост.

– Он чей хоть? – спросила жена. – Не разглядел?

– Серый Пёс, – ответил муж, думая о своём.

Женщина не поверила:

– Да их уж двенадцатый год как нет никого.

Он пожал плечами:

– Выходит, есть.

Через несколько дней они узнают о том, как на Светыни сгорел замок кунса Винитария по прозвищу Людоед, вспомнят косы Волкодава – и не будут знать, радоваться им или бояться.

Зачем кому-то в битвах погибать?
Как влажно дышит пашня под ногами,
Какое небо щедрое над нами!
Зачем под этим небом враждовать?..

Над яблоней гудит пчелиный рой,
Смеются дети в зарослях малины,
В краю, где не сражаются мужчины,

Где властно беззащитное добро,

Где кроткого достоинства полны
Прекрасных женщин ласковые лица...
Мне этот край до смерти будет сниться,
Край тишины, священной тишины.

Я не устану день и ночь шагать,
Не замечая голода и жажды.
Я так хочу прийти туда однажды —
И ножны ремешком перевязать.

Но долог путь, и яростны враги,
И только сила силу остановит.
Как в Тишину войти по лужам крови,
Меча не выпуская из руки?..

3. Купец едет в город

Торговец Фитела вёл свой род из береговых сегванов. Это был стройный чернобородый мужчина с умным, тонким лицом и холёными пальцами, привыкшими к перу и чернилам. Восемь телег, нагруженных его товарами, въехали на подворье Айр-Донна, как и было обещано, утром следующего дня. Рядом с телегами ехала на низкорослых выносливых лошадаках охрана — четырнадцать молодцов один к одному. Пересчитав их, Волкодав опечалился и с упавшим сердцем подумал, что Фителу будет ой как непросто уговорить взять ещё одного. Сегваны крепко уважали число семь, это он знал. И уж кому держаться счастливых чисел, как не купцу!

Тем не менее Волкодав должен был попробовать. И не просто попробовать, а добиться своего.

Он подошёл к Фителе, когда тот покончил с завтраком и, откинувшись спиной к скоблёным брёвнам стены, с удовольствием смаковал саккаремское вино, выставленное для дорогого гостя Айр-Донном.

— Лёгких дорог тебе, почтеннейший Фитела, — поздоровался Волкодав.

— И тебе добро, сын славной матери, — учтиво ответил купец. У сегванов род числили по отцу, но Фитела знал, как разговаривать с венном.

— Люди передают, — сказал Волкодав, — будто в здешних лесах опять неспокойно.

Чёрные волосы Фителы стягивал тонкий серебряный обруч, посередине лба в этот обруч был вделан небольшой изумруд. Изумруд заискрился, когда Фитела покачал головой:

— Я не нанимаю новых охранников в десяти днях пути до Галирада.

Волкодав улыбнулся:

— Мудрейший Храман не советовал снимать кольчугу тотчас после сражения. Мало ли какой враг таится в кустах.

Если Фитела повторит свой отказ, останется только уйти. Но сегван посмотрел на него с пробудившимся любопытством.

— Мудрость Храмана превыше скромного разумения смертных, — сказал он и отпил вина. — Возможно, ты и прав. Однако я почему-то не вижу при тебе оружия, подобающего наёмнику, а мои люди не заметили в стойле боевого коня.

— Я надеюсь, что оружие и коня дашь мне ты, — невозмутимо проговорил Волкодав. — И ещё мне понадобится место на телеге: со мной молодая девушка и больной друг.

— Вот это да! — восхитился Фитела и поставил кубок на стол. Двое охранников, молодой и постарше, сидевшие поблизости за пивом, дружно расхохотались. — И всё-таки, —

продолжал купец, – что-то я никак не пойму, зачем бы мне платить лишнему воину, венн.

Волкодав пожал плечами:

– Если я лишний, прикажи тем, кому ты платишь, выкинуть меня отсюда.

Это была испытанная уловка, срабатывавшая до сих пор безотказно. Двое, потягивавшие пиво, были явно не из худших в отряде, иначе навряд ли они бы сидели подле купца. Оба носили волосы связанными в пышный хвост на затылке. *Островные сегваны*, определил Волкодав. Краем глаза он перехватил озабоченный взгляд Айр-Донна. Корчмарь уже прикидывал, во что обойдётся его заведению молодецкая забава гостей.

– А что ты думаешь, и прикажу, – весело ответил торговец и позвал: – Авдика!

Молодой воин отставил пузатую кружку, взял прислонённое к стенке копьё и подошёл.

– Да, хозяин?

– Выкинь отсюда этого человека.

– Сейчас. – И Авдика пошёл к Волкодаву, держа копьё вперёд черенком. Если не считать ножа, Волкодав был безоружен. Невелика честь пускаться против такого в ход остриё. Авдика был моложе венна и несколько меньше ростом, но плечист, крепок и явно не новичок в драке. – Давай-ка отсюда! – сказал он и замахнулся.

Волкодав не двинулся с места. Когда Авдика ударил – надо заметить, вполсилы, – он вскинул руку, и оскепище, встретившись с ней, отскочило.

– Вот ты как, – проворчал молодой воин. Мигом перевернул копьё, и наконечник грозно нацелился в живот Волкодаву. Охранник шагнул вперёд...

Относительно того, что было дальше, немногочисленные видоки позже расходились во мнениях. Кое-кто божился, будто Волкодав стремительно нагнулся и подхватил юношу под колени. Другие утверждали, что он поймал его за руку, рванул на себя и бросил через плечо. На самом деле венн не сделал ни того ни другого, но не в том суть. Сапоги Авдики мелькнули в воздухе. Молодой сегван полетел кувырком и с треском обрушился на пол, мало не за порог. Волкодав остался стоять, держа в руке его копьё.

– Сколько твоих воинов я должен победить, чтобы перестать казаться тебе лишним, почтенный купец? – спросил он негромко, силясь хоть как-то успокоить лютую боль в правом боку.

– Пожалуй, хватит двоих. – Фитела был совершенно серьёзен. Его охранники один за другим вбегали на шум и останавливались у входа, не вполне понимая, в чём дело. – А ну-ка ты, Аптахар!

Аптахар был кряжист и широкоплеч, в кудрявой бороде поблескивали серебряные нити. В нём не было стремительной гибкости юнца, но широкие ладони и толстая шея говорили сами за себя.

И вновь мало кто понял, что произошло. Вроде бы Аптахар для затравки толкнул венна в грудь, и венн вроде бы покачнулся. Но потом Аптахар, дело неслыханное, почему-то потерял равновесие. Спустя некоторое время он лежал на полу, и Волкодав, сидя на нём верхом, легонько придерживал его правую руку. Аптахар лежал очень смиренно: напряжённый локоть был готов затрещать. Волкодав выпустил его и встал. От боли в боку по вискам тёк пот и подкатывала дурнота. Оставалось только надеяться, что они этого не заметят. По счастью, корчма была не особенно ярко освещена...

Поднявшийся Авдика стоял перед купцом, смущённо опустив голову.

– Ну, что скажешь? – спросил его Фитела. – Делить мне вашу плату на пятнадцать вместо четырнадцати? Или не делить?

Молодой воин pokrылся малиновыми пятнами, но ответил честно:

– Этот человек мог покалечить меня, хозяин.

– Мог, – кивнул Фитела и повернулся к Аптахару: – А ты что скажешь?

Тому, похоже, не было нужды опасаться за свою репутацию. Разминая и ощупывая локоть, он проворчал:

– Я не знаю, кто учил его драться, но, по мне, так и Хёгг с ней, с этой пятнадцатой долей, чем парень в нужный момент будет не у нас, а у Жадобы.

Фитела допил вино, поставил кубок на стол и промокнул губы обшитым кружевами платочком.

– Чем там болен твой друг? – спросил он Волкодава. – Надеюсь, не проказой?

Невысокая мохноногая лошадка мерно рысила у колеса телеги, в которой лежал Тилорн и сидела Ниилит. Ниилит держала вожжи: возница, очень довольный неожиданной подменой, клевал носом, прислонившись к обшитым кожей тюкам. Что было в тех тюках, Волкодав не знал и знать не хотел.

Фитела дал новому охраннику три серебряные монеты, но Айр-Донн так и не взял с него платы.

– Когда-нибудь после рассчитаешься, – сказал корчмарь. – Когда в самом деле разбогатеешь.

Пришлось Волкодаву раздобыть белой краски и подновить вывеску. Не уходить же из дому, ничем не отдарив за добро. Краска попалась отменная: он так и не сумел как следует оттереть её от рук и вычистить из-под ногтей. Зато денег оказалось более чем достаточно для того, чтобы купить Ниилит хорошую рубашку из тонкого льна, шерстяную сольвеннскую безрукавку, плетёный пёстренький пояс и кожаные башмачки-поршни. Не помешал бы плащ, но плащ, как и синие стеклянные бусы, пришлось отложить на потом. Хорошенько поразмыслив, Волкодав употребил оставшиеся деньги на просторную рубаху для Тилорна и ещё выторговал тонких стиранных клоков – на повязки. Болячки и язвы, оставленные заточением, заживать не спешили.

Тилорн ликовал по поводу обнов едва не больше девчонки. Волкодав успел заметить, как радовала бывшего узника всякая мелочь, говорившая о возвращении к достойной человеческой жизни. Чего уж тут не понять. Гораздо удивительнее было другое. Осчастливив нехитрыми подарками Тилорна и Ниилит, Волкодав поймал себя на том, что и сам готов был улыбаться неизвестно чему.

– А себе ты что-нибудь купишь, господин? – смущаясь, спросила Ниилит.

Он пожал плечами:

– У меня всё есть.

В самом деле, его одежда ещё не собиралась разваливаться, а оружие, как и было обещано, Фитела ему дал. Волкодав сам выбрал прочное, с широким жалом копьё, могучий веннский лук, оплетённый берёстой, и два топора: один на длинном топорище – для рукопашной, другой на коротком – чтобы можно было метать. Не помешал бы и меч, но меч – оружие особенное, просто так его не дают и не берут.

Когда-то, очень давно, маленький мальчик из рода Серого Пса впервые задумался о том, как это, должно быть, горько и страшно – жить бездомным сиротой, у которого все пожитки вполне умещаются в полупустом мешке за спиной. А теперь он и сам вот уже двенадцатый год другой жизни не знал. И узнает ли – не у кого спросить...

Сидя на послушной лошадке, Волкодав придерживал копьё правой рукой, упревая его в стремя, и прикидывал, что на привале надо будет сделать для него петлю вроде тех, какими пользовались другие. Лук в налучи покачивался слева при седле, справа висел берестяной тул с двумя десятками стрел. Стрелы Волкодав тоже выбирал сам, следя за тем, чтобы ушко у каждой было выкрашено в свой цвет, смотря по тому, каков наконечник. Чтобы в бою можно было сразу выхватить нужную, не раздумывая и не ошибаясь.

День миновал без каких-либо происшествий. Дорога, не нарушенная ни переправой, ни буреломом, вилась между песчаных холмов, поросших добрыми соснами. Ветер шевелил пушистые ветви, пятна света и тени плясали по лесной траве, по выюкам на телегах, скользили по лицу Тилорна. Некоторое время тот напряжённо хмурился, потом обрадованно заявил:

– Я уже различаю тени и свет! Даже очертания иногда!

– А я думал, тебя ослепили, – сказал Волкодав.

Тилорн улыбнулся.

– Нет. Это от плохой еды и... м-м-м... переживаний. Ты же, друг мой, кормишь меня столь незаслуженно хорошо, что я, чего доброго, не только вновь стану видеть, но и растолстею...

Волкодав вдруг почувствовал себя так, словно это ему, а не Тилорну предстояло вскоре прозреть. Необычное ощущение крепко засело в душе. И до самого вечера, пока они не выехали на широкую поляну у озера и Аптахар не распорядился устроить привал, Волкодав волновался неизвестно о чём и всё думал, что бы такое сделать, чтобы зрение поскорей вернулось к Тилорну. Ничему-то он, старый пёс, в жизни своей не научился.

На ночь телеги поставили в круг и на каждой с внешней стороны укрепили по два щита. Посередине круга поставили палатку для Фителы. Разложили костёр и повесили над ним железный котёл. Волкодав уже не слишком удивился, когда Ниилит взяла большую деревянную поварёшку и принялась хозяйничать у котла.

Он натянул свой полог возле колеса повозки, постелил покрывало, потом вынул из телеги Тилорна и, взяв на руки, унёс его за пределы круга.

– Смех и грех, – молвил калека, управившись со своими делами и пытаясь одёрнуть длинную рубаху. Ладони Волкодава обнимали его рёбра, без труда поддерживая тщедушное тело. – Смех и грех! – повторил Тилорн и смущённо вздохнул. – Когда лежу или когда ты вот так держишь, ну прямо сейчас горы сверну. А стоит попробовать... Поставь меня, пожалуйста, на землю, друг Волкодав.

Волкодав, подумав, чуть-чуть развёл ладони. Какое-то время Тилорн и вправду стоял, шатаясь из стороны в сторону и поводя руками. Потом его колени беспомощно подломились. Волкодав не дал упасть – подхватил и понёс обратно к костру.

– Не спеши, – посоветовал он Тилорну. – Куда торопишься?

– Мне так стыдно обременять тебя, – ответил тот. – Ума не приложу, что бы мы без тебя делали, друг мой! Хотя, правду сказать, поначалу я очень опасался за девочку...

Волкодав едва не споткнулся. Ему словно плеснули в лицо водой, холодной и грязной.

– Что? – спросил он, надеясь услышаться.

– Я обидел тебя? – что-то почувствовав, неподдельно перепугался Тилорн. И торопливо принялся объяснять: – Я... ну ты же сам... ты – молодой, сильный мужчина, а Ниилит, как я понимаю, очень красива... я же тебя совершенно не знал... я боялся, что ты... Волкодав! Я обидел тебя?

Волкодав молча прошёл между телегами, уложил учёного под полог, укрыл шерстяным плащом. Тот всё ещё пытался что-то говорить и даже поймал его за руку. Волкодав выдернул руку и, мало что видя перед собой, ушёл на другую сторону лагеря, к берегу озера, где паслись стреноженные кони. И там долго стоял неподвижно, глядя на лёгкий туман, завивавшийся над водой.

Далеко за озером, за лесами атели, рея в прозрачном воздухе, снеговые зубцы гор. Их ещё озаряли лучи солнца, ушедшего за горизонт. Волкодав хорошо помнил, как его, напрочь отвыкшего от света, в лохмотьях, с многолетними шрамами от цепей на шее, запястьях и лодыжках, вытолкнули из пещеры на голубой горб ледника, под беспощадное морозное солнце. *Вот тебе твоя свобода,* сказали ему. *Иди.* И он пошёл, шатаясь, скользя босыми ногами по плотному снегу, зажимая ладонью рану в боку...

За спиной прошуршали шаги. Волкодав узнал походку Авдики и не стал оборачиваться.

– С девкой поссорился? – спросил молодой сегван и понимающе кивнул: – Бывает.

– Бывает, – сказал Волкодав.

– Слушай, венн... – Авдика помедлил, отвёл глаза, потом решил: – Знаешь, я что-то так и не уразумел, как это ты меня ринул наемни у Айр-Донна. Может, покажешь, если не жалко?

Волкодав пожал плечами. Ему было не жалко. Эта ухватка не входила в число запретных, которые нельзя передавать стороннему человеку. Он пересадил Нелетучего Мыша на холку своему коню, щипавшему травку неподалёку. Конь повернул голову, незлобиво обнюхал Мыша, с которым успел уже познакомиться, потом фыркнул и снова опустил морду к траве. Цепляясь за шерсть, Нелетучий Мыш забрался ему в гриву и принялся слизывать соль.

Авдика поднял копьё и, как тогда в корчме, наставил его на Волкодава. Венну почему-то вдруг померещилось в нём некое сходство с тем комесом, которого он убил одиннадцать лет назад... Наверное, всё дело было в светлых волосах и в причёске.

– Смотри, – начал он объяснять. –левой отводишь остриё, вот так. Правой перехватываешь оскепище...

Древко снова начало неудержимо выворачиваться из рук молодого сегвана. Авдика попытался удержать, но вместо этого волей-неволей побежал кругом Волкодава. Потом ноги выскочили из-под него. «Смерч подхватывает и уносит соломинку». Авдика растянулся на земле, хохоча и поминая трёхгранный кремень Туннворна.

– Как, как ты меня? А ну, ещё раз...

Волкодаву же показалось, будто у края поляны остановился кроткий серенький ослик и с вышитого седла на них с Авдикой зорко и пристально посмотрела смуглая седая старушка.

Кан-киро веддаарди лургва, мысленно сказал ей Волкодав. *Именем Богини, да правит миром Любовь. Вот видишь, Мать Кендарат, и у меня теперь есть ученик...*

Когда Ниилит позвала есть, Волкодав явился к костру с котелком – для Тилорна. Юная стряпуха сварила густую похлёбку из ячменя, заправив её салом, жареным луком и ещё чем-то душистым, на саккаремский лад. Ниилит позволили распоряжаться съестными припасами по своему разумению, и было похоже, что жалеть о том не придётся.

Купец Фитела, как пристало вождю, первым отведал приготовленную снедь, за ним Аптахар. Фитела ничего не сказал, только улыбнулся и удовлетворённо кивнул. Аптахар же крякнул, провёл рукой по усам и потрепал Ниилит по плечу:

– Третий год хожу с тобой, Фитела, и ни разу ещё не ложился спать голодным, но, во имя детородного чрева Роданы, такой еды у нас до сих пор не бывало!

– Смотри, избалуешь молодцов, – обращаясь к Ниилит, заметил купец. – Этак они у меня, чего доброго, осетров и солёных орешков требовать станут.

Ниилит заёрзала на месте, моргая смущённо и немного испуганно. Как следовало понимать эти слова – как похвалу или как упрёк?.. Воины со смехом и прибаутками уселись в кружок и друг за другом, по старшинству, начали опускать ложки в котёл. Когда очередь дошла до Волкодава, он наполнил свой котелок и отнёс его Тилорну.

– Волкодав... – страдая, начал было тот, но ответа не дождался. Волкодав усадил его, вручил ложку и котелок и молча ушёл. Сел на своё место и принялся за еду. Возможно, похлёбка была в самом деле навариста и вкусна. Но он никакого вкуса так и не ощутил.

Когда Фитела раздавал хлеб, Волкодаву досталась большая горбушка. Он разломил её и половину съел, половину отложил. После вечера они с Ниилит мыли опустевший котёл, и тогда он размахнулся и забросил оставшийся кусок чуть не на середину озера, отдаривая за ласку.

– Выкупайся, если хочешь, – предложил он Ниилит. – Я постерегу.

Там, куда упал хлеб, гулко плеснула крупная рыба. И опять всё стало тихо. Жившие в озере приняли подношение и пообещали не пугать Ниилит.

– Спасибо, господин, – тихо поблагодарила она и ушла за куст раздеваться. Волкодав сел спиной к озеру, обхватил руками колени и уставился в сгущавшуюся темноту.

Око Богов видело, Боги знают: он радовался, как последний щенок, тому, что уцелел... тому, что оказался вдруг не один...

Ниилит плескалась в озере у него за спиной. Она плавала, точно лягушонок, и ничуть не боялась тёмной воды с её холодными ключами и всякими тварями, живущими в глубине.

И в особенности когда он, Волкодав, стерёг на берегу.

Тёплый тихий вечер был очень хорош, и обозники допоздна засиделись возле костра. Порывшись в своих пожитках, Авдика вытащил арфу – пустотелый деревянный короб с деревянными же рогами, сомкнутыми в кольцо. Оказывается, молодой сегван неплохо управлялся с пятью струнами и к тому же знал уйму песен, от героических до смешных и непристойных. Пели почти все, не исключая самого Фителы, и даже Волкодаву временами хотелось присоединиться. Он с некоторым удивлением осознал и это желание, и собственную нерешительность. Он не умел веселиться.

Явился однажды Комгалу в ночном сновиденье
Могучий и грозный, украшенный мудростью Бог... —

жалостно выводил Авдика вельхскую балладу времён Последней войны.

Помимо собственной воли Волкодав начал вспоминать песни, которые удивили бы походников, но на ум упрямо лезла всего одна. Её сложили рабы в Самоцветных горах, и называлась она Песней Отчаяния.

О чём ты споёшь нам, струна золотая?..

У каторжников, годами работавших под землёй, никаких струн не было и в помине. Но струнам *полагалось* быть, и притом золотым, а иначе и петь незачем.

О чём ты споёшь нам, струна золотая?..
Здесь камень холодный безгласен и слеп.
Здесь вечная ночь, а зари не бывает.
Здесь тщетной надежды прижизненный склеп...

Венн произносил про себя старинные слова, послужившие отходной молитвой сотням людей. В Самоцветных горах живые обитали в могиле, а мёртвые, наоборот, уходили на свет. Только мёртвые. И он, Волкодав. Единственный. Чёрный мрак штолен и косматое сизое солнце, повисшее перед самым входом в пещеру...

В рудничном отвале твой путь оборвётся,
Где мёртвые смотрят последние сны,
И горное солнце, холодное солнце
В слепые глаза поглядит с вышины...

Он вырвался, но от себя ведь не уйдёшь. У того, кто семь лет пел Песнь Отчаяния и Песнь Смерти, душа смерзается ледяным комом. Может, бывают среди людей и такие, кто даже оттуда сумел бы вынести в сердце радость и доброту. Но к Волкодаву это не относилось. Ещё четыре года после тех семи он сам истреблял в себе человека. Он должен был стать воином. Убить Людоеда. И умереть. Всё. Сколько ни вразумляла, сколько ни отогревала его Мать Кендарат, ничего у неё так и не получилось. Теперь... А теперь, наверное, было слишком поздно.

Его очередь нести стражу наступала после полуночи, когда всего больше хочется спать. Волкодав не ложился. Весенняя ночь была прозрачна и светла для его глаз, привыкших к подземному мраку. Сначала он как следует освоился с луком, оттянув тетиву до правого уха сперва четырьмя пальцами, затем тремя и наконец двумя. Лук, сработанный из берёзы, можжевельника и лосиных жил, был отменно силён. Его рога так и выгибались вперёд, если снять тетиву. Волкодав поставил на травяном взгорке несколько прутьев и хорошенько

пристрелял лук. Теперь, случись бой, на него и впрямь можно будет положиться. Спрятав лук, он занялся топором – тем, у которого было короткое топорище. Когда, подброшенный, он начал уверенно возвращаться рукоятью в ладонь, Волкодав несколько раз метнул его в обрубки прутьев, торчавшие из травы. Авдика долго следил за ним, приподнявшись на локте. Волкодаву было всё равно.

Он не слишком удивился, увидев своим напарником Аптахара. Ясное дело, у Фителы не было никаких оснований вот так прямо сразу доверять новому, только сегодня нанятому охраннику. Да ещё венну. С веннами сегваны ладили далеко не всегда.

– Не люблю вашего племени! – ворчливо заявил ему Аптахар. – Вы, венны, мне должок задолжали!

Волкодав усмехнулся про себя. У него дома считали верхом неприличия усомниться в человеке, с которым случилось разделить кров и еду. Хлеб свят. Вкусившие от одного хлеба – родня. Чем иногда кончалась такая доверчивость, Волкодав тоже отлично знал. Он не собирался рассказывать Аптахару о том, как сам когда-то относился к сегванам.

– Ну и девка у тебя, – обойдя с ним несколько раз кругом телег, проговорил Аптахар. – Хороша!

– Может, и хороша, – сказал Волкодав.

– Что-то я не видел, чтобы ты с ней миловался, – продолжал Аптахар. – Слушай, венн, а не уступишь для сына? Глянулась моему Авдике, прямо сил нет. Уж мы бы тебя не обидели. Два коня серебром. Идёт?

– Она не рабыня, чтобы я её продавал, а ты покупал, – спокойно сказал Волкодав. – Она сама знает, с кем ей миловаться. – Он не стал упоминать об очень нехорошей смерти человека, посягнувшего на Ниилит. – Твой сын будет славным воином, – добавил он, подумав. – Он попросил меня объяснить приём, которым я его повалил.

Аптахар не без гордости разгладил пальцем усы.

– Вот он тебя им и скрутит, когда станете бодаться из-за девчонки.

– Быть может, – сказал Волкодав, – после этого он попросит меня объяснить ему ещё какой-нибудь приём.

Аптахар сначала нахмурился, потом собрался захохотать, но вовремя сообразил, что переполошит весь отряд, и ограничился широченной улыбкой и добродушным тычком, пришедшимся Волкодаву как раз в незажившие рёбра.

Когда Аптахар разбудил двоих на смену, Волкодав к своему положу не пошёл. Он улёгся возле потухшего костра, прижался большим боком к земле и закрыл глаза. Он уже засыпал, когда его плечо тронула маленькая рука. Ниилит стояла подле него на коленях.

– Господин, – прошептала она. – Пойдём, господин!

Волкодав молча смотрел на неё и не шевелился. Ниилит потянула его за руку:

– Тилорн очень просит, чтобы ты простил его, господин...

У меня тоже имя есть, подумал Волкодав. Вслух же сказал:

– Я не знаю, о каком Тилорне ты говоришь.

Ниилит всхлипнула, прижалась лицом к его ладони и принялась твердить, дрожа и задыхаясь от слёз:

– Господин... нам холодно без тебя, господин...

Пришлось-таки Волкодаву подняться и, преодолевая себя, пойти с ней. Хорошо хоть, у Тилорна хватило ума больше не заговаривать с ним. Наверное, понял, что уже всё сказал. Он лишь тоскливо вздохнул, когда Волкодав забрался на своё место и повернулся к нему спиной, постаравшись не прикоснуться ни плечом, ни коленом.

Розовый отблеск зари медленно полз по северному краю небес. Нелетучий Мыш сидел на телеге, на самом верхнем тюке. Раскрывая крылья, он поворачивался туда-сюда и негромко щебетал, а потом настораживал уши – не послышится ли ответ. Он знал, что неподалёку в лесу гнездились его сородичи, и неуверенно ждал – не слетит ли подруга?..

Утром Волкодав подошёл к Аптахару, неся Нелетучего Мыша на запястье.

– В чём дело? – сердито буркнул Аптахар. Близко знавшие его шутили, что по утрам к нему лучше не обращаться: Аптахар, мол, гуляет всю ночь, зато потом просыпается к полудню.

– Он беспокоится, – сказал Волкодав. Действительно, чёрный зверёк непоседливо переступал по руке, озирался по сторонам и то и дело шипел, разворачивая крылья.

– Ну и что? – раздражённо спросил Аптахар.

– К нему прилетали дикие мыши, – объяснил Волкодав. – Похоже, они видели кого-то в лесу.

– Наденем кольчуги? – предложил подошедший Авдика, и Волкодав подумал про себя, что юноша, верно, не прочь был с ним подружиться. Не иначе, ради Ниилит. А может, ради кан-киро.

– Иди на своё место, венн! – приказал Аптахар. Он вовсе не был намерен прислушиваться к новичку только из-за того, что им случилось вместе стоять на страже. Волкодав пожал плечами и отошёл. Однако успел услышать, как Фитела, усаживаясь на коня, заметил:

– Если припоминаешь, Аптахар, я плачу тебе за доставленный в целости груз, а не за то, чтобы сберегались кольчуги.

Некоторое время Аптахар, багровея, молча наматывал на палец длинный полуседой ус. Потом возвысил голос:

– Надеть брони!

Невысокая мохноногая лошадка мерно рысила у колеса телеги. Вот только ехал Волкодав не так, как вчера: не с той стороны повозки, где помещался Тилорн, а с противоположной. Лесное солнце вновь скользило по лицу учёного, но тот больше не ловил его глазами, радуясь возвращению света, и не изводил Волкодава вопросами, разузнавая о местах, которые они проезжали, и о том, кто как живёт-может в здешних лесах... Ниилит держала вожжи, тоже совсем как накануне, но саккаремских песенок не мурлыкала. Волкодав смотрел на жёсткую, жилистую травку, которой заросли неглубокие дорожные колеи, и пробовал убедить себя, что был не прав.

Окажись здесь Мать Кендарат, вот ведь всыпала бы непутёвому...

В самом деле, откуда мог знать Тилорн, что его слова были худшим оскорблением для мужчины из рода Серого Пса? Что веннская Правда велела мерзкому насильнику измерить шагами собственные кишки? Что тот, кого облыжно винили в кощунстве над женщиной, не брал в оплату ни золота, ни серебра – только жизнь?..

Тилорн говорил по-веннски без запинки, чуть не лучше самого Волкодава. Значит, знал. Должен был знать. Но если знал, тогда почему?.. За что?.. И как он испугался, когда смекнул, что сморозил не то. Так притворяться нельзя. Или всё-таки можно?..

И не поквитаешься с ним, с калеккой, иначе станет вовсе незачем жить. Волкодав продолжал мыть и кормить его и нёс, когда требовалось, за куст или дерево. В конце концов, без Тилорна он бы так и не вышел из подземелий сгоревшего замка. И, что гораздо важнее, навряд ли отыскал бы Людоеда. Таких долгов венны тоже не забывали.

Волкодав хорошо знал, что такое оскорбление и месть, что такое долг крови. Но вот обида... Обидеть может только друг. Обида – это когда тебя насмерть ранит кто-то, к кому ты успел привязаться...

Подобного с ним ещё не бывало.

День стоял жаркий и душный: охранники парились в бронях и шлемах, надетых на меховые подшлемники, и на все лады поддразнивали Волкодава. По их дружному мнению, он испугался тени, и добро бы ещё своей, а то – мышинной. Он знал, что нужно было отшучиваться. Справный воин никогда не осердится на чепуху, разве что срежет зубоскала ответной насмешкой на потеху товарищам. Но этой премудрости Волкодав так и не обучился. Поэтому он молчал.

Две густые ели начали падать одновременно: одна впереди повозок, другая – чуть позади. И сразу полетели стрелы – почти в упор, с обеих сторон.

Охранникам Фителы пришлось бы несладко, будь они без кольчуг. На их счастье, нападавшие не ожидали от них такой предусмотрительности и запаслись в основном срезнями – стрелами с широкими наконечниками, способными пробить грудь человека и выпустить кровь коню. Однако в кольчуге такая стрела застрянет и, ранив, убить всё-таки не убьёт. Спешившиеся обозники живо бросили на левую руку щиты и, ругаясь, принялись отстреливаться.

Волкодаву понадобилось мгновение, чтобы выдернуть из налучи натянутый лук и не глядя вырвать из берестяного тула стрелу. Ещё миг спустя стрела ушла туда, где между деревьями в подлеске мелькнуло что-то живое. Из чащи послышался крик.

У Волкодава не было шлема, и Нелетучий Мыш, покинув его плечо, повис на затылке, мёртвой хваткой вцепившись в перекинутые за спину косы. Ему было не привыкать.

Если Волкодав что-нибудь понимал, нападавших было примерно столько же, сколько и обозников. Стало быть, всё зависело от количества стрел. Если разбойники принесли с собой по два тула – тогда дело плохо.

Стрелы начали иссякать одновременно у тех и у других. Вот в чаще глухо протрубил рог, и разбойники с рёвом хлынули на дорогу. Вместо лиц жутковато белели берестяные личины. Грабители были на удивление славно вооружены. Один из троих, ринувшихся к телеге Волкодава, размахивал даже мечом. У другого было копьё, третий тянул руку к секире, болтавшейся в матерчатом чехле у ремня. Он соображал на бегу, придётся ли драться с одиноким охранником или можно сразу хватать с телеги мешки. Его товарищ с размаху пырнул Волкодава копьём. Тот поймал мелькнувшее жало краем щита и, прыгнув в сторону, что было силы пнул в рёбра третьего грабителя, уже схватившегося за бортик телеги. Он почувствовал, как хрустнули кости, разбойник с криком свалился. Посмотрим, сумеет ли подняться. На узкой обочине было не развернуться, кусты мешали противникам Волкодава напасть на него разом. Он увернулся от свистнувшего меча, успел заметить опасный взмах копья и тут же, не раздумывая, ударил сам. Ему случалось пропарывать кольчуги, но бок всё ещё немилосердно болел, и он нацелил свой удар в горло. Широкий отточенный наконечник почти перерезал шею разбойника. Тяжёлое тело безжизненно повалилось, ломая кусты. Волкодав высвободил копьё и сразу отскочил назад, к телеге. Если повезёт, меченосец всадит клинок в деревянный бортик повозки и мгновение промешкает...

Однако тот неожиданно остановился шагах в пяти, так, чтобы не вдруг достало копьё.

– Послушай-ка, венн, – сказал он. Поправил съехавшую личину и слегка опустил щит, желая обезопасить себя от коварного удара в живот. – Оглянись кругом: ваших уже добивают. Ты, я вижу, неплохо дерёшься, незачем без толку пропадать такому молодцу. Я бы замолвил за тебя словечко Жадобе. Не прогадаешь!

И тут с другой стороны телеги раздался вскрик Тилорна и почти одновременно – отчаянный вопль Ниилит.

Волкодав прыгнул вперёд, как рысь на охоте, и ударил ногой в нижний край разбойничьего щита. От такого удара не было обороны. Его противник отлетел назад и умер, ещё не коснувшись земли. Кому-нибудь могло показаться, что он, раскрыв рот до ушей, кусает собственный щит, но Волкодав этого уже не видал. Он не стал обегать телегу кругом. Схватился за бортик и махнул верхом, прямо через тюки, в которых обильно торчали засевшие стрелы.

Он успел охватить взглядом сражение, ещё кипевшее кое-где у повозок, увидеть Фителу, умело орудовавшего длинным, тонким мечом. Он успел заметить Тилорна, прижавшего ладони к окровавленному лицу. И конного разбойника, уже исчезавшего среди елей. На седле перед ним кричала и билась Ниилит, перекинутая через холку коня.

Волкодав схватил один из двух своих топоров, тот, что был покороче, – и метнул.

Топор со свистом перевернулся в воздухе... но лошадь резко вскинула задом,

перепрыгивая валежину, и тяжёлое лезвие, нацеленное между лопаток седоку, ударило её в круп.

Лошадь дико завизжала и рухнула на всём скаку. Волкодав прыгнул с телеги, перелетев через скорчившегося Тилорна, через какого-то разбойника и одного из охранников – кажется, Авдику, – что катались, вцепившись друг другу в глотки, возле колёс. Мягкая лесная земля спружинила под ногами. Волкодав мгновенно вскочил и помчался туда, где визжала и молотила копытами лошадь. Спешенный разбойник нисколько не пострадал. Он тоже был на ногах и уже удирал в лес, таща Ниилит. Девчонка сопротивлялась отчаянно – упиралась, пыталась схватиться за еловые ветки, укусить его руку. И кричала:

– Волкодав!.. Волкодав!..

– Зови громче, – посоветовал ей похититель. Потом обернулся и увидел погоню: – Ага, вот и твой дружок подоспел.

Он разглядел хрустальную бусину, украшавшую волосы Волкодава.

Больше всего венн боялся, что разбойник струсит и попробует заслониться девчонкой. То есть Волкодава это ничуть не смутило бы, но Ниилит и так натерпелась достаточно страху, зачем её ещё хуже пугать... Боги не пустили. Стоило лиходею немного отвлечься, оценивая противника, – и острые зубы Ниилит глубоко впились в запястье.

– Кусаетесь, сучка!..

Рукоять меча опустилась на черноволосое темя. Не слишком сильно, не насмерть – просто чтобы полежала тихонько, покуда приканчивают дружка.

Секира Волкодава встретила и отшвырнула просвистевший меч. На мече была кровь. Чью голову он успел рубить? Тилорна?..

– Северный ублюдок! – по-сольвенски сказал разбойник Волкодаву, и тот не сомневался, что это был его родной язык. – Ты идёшь через наши земли вместе с вельхами и сегванами. С ними и подохнешь!

Волкодав не ответил. Длинный меч вновь свистнул, целя ему по ногам. Волкодав легко ушёл от удара, перепрыгнув через летящий клинок. Меч был великолепен. Если довелось обладать таким, следовало бы владеть им получше. Очнувшаяся Ниилит приподнялась и, не имея иного оружия, запустила в похитителя подвернувшейся шишкой. Шишка безобидно отскочила от облитого кольчугой плеча.

Венн понимал, что перед ним был опытный воин. Опытный и жестокий. Но высокомерный. Привык побеждать сразу. Значит, можно попробовать одурачить его.

Отбивая очередной удар, Волкодав запутался ногой в можжевелевом корневище и упал на колено, едва не выронив топор. Его противник одним движением развернул тяжёлый меч и, крикнув, с силой рубанул сверху вниз. Ниилит пронзительно завизжала. Разбойник почти уже видел перед собой распластанное надвое тело, но вместо русой головы меч со звоном и скрежетом прошёл по толстому кованому обуху. Лезвие секиры тотчас скользнуло вперёд, и уже разбойник взвыл дурным голосом: его меч и два пальца правой руки упали в траву.

У него хватило ума сразу броситься наутёк. Петляя, кинулся он за пушистые ёлки, в густую поросль ольхи. Волкодав мог бы без особого труда догнать его или выследить по пятнам крови из раны. Он даже шагнул было вперёд, но остановился. Не годилось бросать напуганную девчонку одну. Жива, цела – и добро.

Ниилит повисла у него на шее. Она не плакала, только дрожала всем телом. Волкодав гладил растрёпанные чёрные кудри и думал, что непременно найдёт для неё такой дом, где в эти волосы никогда больше не вцепится ничья жадная лапа. А если такого дома нет на земле, он его выстроит.

Он подобрал меч разбойника и пошёл назад, на дорогу. Уж если конник сцапал девчонку и поскакал прочь, значит, о победе в схватке речи не шло. И точно – спереди раздавались голоса перекликавшихся обозников. Нападение было отбито.

В горячке погони Волкодаву казалось, будто он удалился от дороги на какой-то десяток шагов. На самом деле пробежал он не менее сотни. Ниилит попевала за ним, путаясь в

вереске. Она всё старалась схватиться за его поясной ремень, но пальцы соскальзывали.

Если головорез что-нибудь сделал с Тилорном, думал Волкодав, я его выслежу. И выпущу ему кишки.

Он ещё остановился возле упавшего коня. Увидев людей, тот приподнял голову, застонал и попробовал встать. Но не смог. Задние ноги не двигались.

Как назло, конь был белый, без единого пятнышка. Венны знали, что именно такие влекли по небу солнечную колесницу. Волкодав опустиллся подле него на колени, снял седло и расстегнул уздечку, окованную узорчатым серебром, освобождая коня.

– Скачи на Небо, лошадка, – негромко проговорил он, глядя мягкие ноздри. – Скачи по вечному Древу сквозь небеса, за синий Океан, на серебряные луга. Там тебе Матери соткут новое тело, скроют новую шубку краше нынешней. Станешь опять жеребёнком, опять родишься на свет. Да скажи Старому Коню, что злой человек привёл тебя на м#253;ку, а Серый Пёс отпустил.

Ниилит не заметила, когда он успел вытащить нож. Конь затрепетал и затих. Судорожно вздымавшийся бок опал в последний раз...

Ниилит отшатнулась прочь, всхлипнула и побежала к дороге. Волкодав поднял меч, седло и узду и пошёл за ней.

Тилорн был не только жив, но даже впервые без посторонней помощи ухитрился сесть на телеге, и у Волкодава отвалился камень от сердца. Калека всё пытался утереть с лица кровь, но, конечно, только больше размазывал. Ниилит суетилась подле него, смачивая из фляги тряпицу.

Подойдя к телеге, Волкодав бросил наземь добычу, оттолкнул руки учёного и сам принялся осторожно и быстро ощупывать его голову. Десять длинных пальцев с нежными зародышами ногтей немедленно обхватили оба его запястья, и Волкодав отметил, что пожатие учёного обрело какое-то подобие силы.

– Волкодав! – страдающим голосом выговорил Тилорн. Разбитые губы плохо повиновались ему. – Сними с меня шкуру, я заслужил! Я не ведаю ваших обычаев и сам не знаю, о чём болтает мой поганый язык. Ну, ударь меня! Выругай!.. Только не уходи!

Волкодав вспомнил, как этот человек разговаривал с палачом, и удивился. Но всего удивительнее был комок, застрявший в горле у него самого.

– А катись ты в... – буркнул он наконец. Оставил Ниилит унимать кровь, всё ещё сочившуюся из ноздрей у Тилорна, обошёл телегу и стал снимать оружие и одежду с троих разбойников, валявшихся у колёс.

Несколько обозников было ранено в стычке, но тем, если не считать вспоротых кое-где выюков, потери и ограничились. Вечером у костра Волкодав чистил отобранный у разбойника меч, вполуха слушая рассуждения Фителы о том, что, мол, в следующую поездку надо будет взять с собой чутких собак.

– Нынче обошлись Волкодавом, – блеснул крепкими зубами Авдика. Охранники захохотали так, что Аптахар даже толкнул сына локтем и бросил на венна быстрый взгляд – не обиделся ли. Волкодав не обиделся. Его предок в самом деле был псом, который избавил праматерь племени от лютых волков, а потом, как водится, обернулся статным мужчиной. На что обижаться?

Мягкой тряпочкой он в сотый раз протирал уложенный на колени клинок. Меч был веннский, отличной старой работы. Неведомый мастер долго варил чистое железо с жирным чёрным камнем, вынутым из земли, а потом заботливо дал остыть, не понукая ни сквозняком, ни холодной водой. Неспешно выгладил, выласкал молотом на наковальне и наконец умыл особым жгучим настоем, отчего на клинке проявился узор – буро-серебряные полосы шириной в палец, хитро свитые и много раз повторённые от кончика до рукояти. Волкодав не нашёл на мече никакого клейма. Понимающему человеку это уже само по себе говорило кое о чём. Волкодав слышал от отца – великие мастера прежних веков никак не

помечали свои клинки, полагая, что люди и так их отличат. Краем глаза он ловил завистливые взгляды охранников. Все видели, что на железном обухе его секиры красовалась изрядная зарубка, клинок же нисколько не пострадал. За такие мечи на торгу дают равный вес золота и не жалуется на дороговизну.

Надо будет справить для него какие следует ножны...

– Ниилит сказала мне, – негромко проговорил Тилорн, – что ты... что тебе пришлось прикончить коня.

– Пришлось, – сказал Волкодав и легонько щёлкнул ногтем по лезвию. Звон был высоким и чистым.

– Его совсем нельзя было выходить? – спросил Тилорн. – Если он сломал ногу, я бы попробовал...

Волкодав повернулся к нему. Учёный лежал на животе, подперев кулаком подбородок, и пальцем дразнил Нелетучего Мыша, путавшегося в его бороде.

– Он сломал спину, – сказал Волкодав. – Я метил в седока, но промахнулся.

Тилорн вздохнул:

– Меня ты не прикончил.

– Надо было, – проворчал Волкодав. Положив меч себе на голову, он с силой пригнул к плечам рукоять и округлое остриё. Отпущенный клинок распрямился, точно пружина. Можно вставить его в расселину камня и повиснуть всем телом, он не сломается. Теперь Волкодав точно знал, что узор – не подделка, что меч перерубит гвоздь и разрежет пушинку, упавшую на лезвие.

Тилорн долго собирался с духом и наконец решился.

– Пожалуйста, не сердись на меня, – начал он виновато. – Я невежда, которого надо учить и учить. Сделай милость... растолкуй мне, чем всё-таки я обидел тебя.

– Людоедом ты меня обозвал, вот что, – сказал Волкодав.

– Как? – ужаснулся Тилорн. – Я...

Волкодав поставил локти на меч, и тот едва заметно прогнулся. Волкодав долго молчал. Как объяснить чужаку, что там, наверху, есть Великая Мать, Вечно Сущая Вовне, которая однажды в день весеннего равноденствия родила этот мир вместе с Богами, людьми и девятью небесами? Как рассказать ему, что Хозяйка Судеб, Богиня закона и правды – женщина? И ещё о том, как из другого мира прилетела пылающая гора, и Отец Небо заслонил Мать Землю собой?..

Позже любопытный Тилорн ещё расспросит его и мало-помалу вызнает всё. В частности, и то, что ни один венн не лёг бы наземь ничком, приникая к ней, как к жене, если только не справлялся обряд засеваания поля. Ну там ещё на войне или на охоте, когда другого выхода нет. Но пока до этого было далеко, и Волкодав мрачно молчал, отчаиваясь подыскать нужное слово.

– Женщины святы! – сказал он наконец. И больше ничего не добавил.

...Оказывается, в ватаге у Фителы было заведено освобождать от ночной стражи воинов, отличившихся в стычке. Но когда осмотрели раненых, выяснилось, что наслаждаться заслуженным сном Волкодаву не придётся.

Он молча пожал плечами, забираясь под полог: пускай разбудят его, когда настанет черёд...

– Мне кажется, сегодня ты убивал, – осторожно сказал ему Тилорн.

– Убивал, – сказал Волкодав, не вполне понимая, куда клонит учёный.

– Значит, – продолжал тот, – на третью ночь они снова придут?

Волкодаву показалось, что Ниилит перестала дышать в темноте, заново переживая минувший ужас и боясь услышать «да».

– Не придут, – сказал он.

– Это потому, что был бой? Твоя вера отличает его от убийства?

– Не в том дело, – проворчал Волкодав. – Ночью будет гроза... никто не приходит

после грозы.

– Прости моё любопытство, – помолчав, спросил учёный. – Там, под дубом... Когда ты осиновым колом... Что это было?

– Души, – сказал Волкодав.

– Но мне показалось, ты сражался с чем-то материаль... с чем-то вещественным...

Волкодав долго думал, прежде чем ответить.

– Души бывают разные, – проговорил он наконец. – У праведника она – как светлое облачко... Боги призывают её, и она улетает. А у таких, как Людоед или тот палач, и души как трупы.

Пчёлы, прятаясь в дуплах, лошади, с фырканием нюхавшие воздух, и Мыш, порывавшийся влезть за пазуху, не обманули его. Глубокой ночью, как раз когда Волкодав вдвоём с Аптахаром обходили телеги, с запада, со стороны Закатного моря, выползла громадная туча. В её недрах беззвучно трепетали красноватые молнии. Потом стали доноситься глухие раскаты. Проснувшиеся обозники с благоговейной робостью смотрели в охваченные пламенем небеса. Один из воинов, молодой вельх, осенял себя священным знаменем, выводя ладонью разделённый надвое круг. Ниилит сжалась в комочек и что-то шептала, закрыв глаза и уши руками. Её народ считал грозу немилостью Великой Богини.

Когда налетел дождь, Аптахар залез под телегу и позвал к себе Волкодава, но тот не пошёл. Выбравшись за составленные повозки, венн повернулся туда, где молнии хлестали чаще всего. Поднял голову к разрывающимся небесам и начал тихо молиться.

– Господь мой, Повелитель Грозы, – шептали его губы. – Ты, разящий холодного Змея золотым своим топором... Мертва душа моя, Господи, в груди пусто... Зачем я? Зачем ты меня к себе не забрал?..

Живые струи умывали шрамы на обращённом к небу лице, текли по щекам, сбегали по бороде и туго стянутым косам. Близкие молнии зажигали огни в хрустальной бусине, надетой на ремешок. Громовое колесо катилось за облаками. На какой-то миг морщины изорванных ветром туч сложились в суровое мужское лицо, обрамлённое чёрными с серебром волосами и огненно-золотой бородой. В синих глазах пылало небесное пламя.

– **Иди**, – сказал гром. – **Иди и придешь**.

На другой день вдоль дороги всё чаще стали попадаться селения. Дыхание западного ветра сделалось ощутимо солёным. Потом кончился лес, и повозки выкатились на большак, по которому сновали туда-сюда конные и пешие. К полудню у дальнего небоската показалось бескрайнее голубое море, а впереди выросли деревянные башни стольного Галирада.

«Оборотень, оборотень, серая шёрстка!
Почему ты начал сторониться людей?»

«Люди мягко стелят, только спать жёстко.
Завиляй хвостом – тут и быть беде».

«Оборотень, оборотень, ведь не все – волки!
Есть гостеприимные в деревне дворы...»

«Может быть, и есть, но искать их долго,
Да и там с испугу – за топоры».

«Оборотень, оборотень, мягкая шубка!
Как же ты зимой, когда снег и лёд?»

«Я не пропаду, покуда есть зубы.
А и пропаду – никто не вздохнёт».

«Оборотень, оборотень, а если охотник
Выследит тебя, заноса копьё?..»

«Я без всякой жалости порву ему глотку,
И пускай ликует над ним вороньё».

«Оборотень, оборотень, лесной спаситель!
Сгинул в тёмной чаще мой лиходея.
Что ж ты заступился – или не видел,
Что и я сама из рода людей?
Оборотень, оборотень, дай ушки поглажу!
Не противна женская тебе рука?..
Как я посмотрю, не больно ты страшен.
Ляг к огню, я свежего налью молока.
Оставайся здесь и живи...»
...а серая
Шкура потихоньку сползает с плеча.
Вот и нету больше лютого зверя...

«Как же мне теперь тебя величать?..»

4. Старый мастер

Волкодав шёл по улице, неся под мышкой завернутый в тряпицу меч. У меча по-прежнему не было ножен, но годится ли гулять по городу с обнажённым клинком? Аптахар присоветовал ему мастерскую, и Волкодав отправился искать её, оставив своих в гостинном дворе и строго-настрога воспретив Ниилит в одиночку высовываться за ворота. За комнату было уплачено на седмицу вперёд. Благо Фитела не обманул, рассчитался честь честью.

Город Волкодаву не нравился. Слишком много шумного, суетящегося народа, а под ногами вместо мягкой лесной травы – деревянная мостовая, на два вершка устланная шелухой от орехов. Босиком не пройдёшься. Калёными орехами здесь баловались все от мала до велика, женщины, мужчины и ребягня. Волкодав сперва неодобрительно косился на лакомок, потом, неожиданно смягчившись, надумал купить горсточку – побаловать Ниилит.

Люди оборачивались ему вслед, ошибочно полагая, что он не замечает их взглядов. Сольвенны считали веннов лесными дикарями и про себя слегка презирали, не забывая, впрочем, побаиваться. За глаза болтали всякое, что взбрело на ум, но в открытую дразнить не решались, спасибо и на том. Венны почитали сольвеннов распустёхами и бесстыдниками, покинувшими завещанный от предков закон.

И что любопытно: ни один сольвенн не стерпел бы, вздумай при нём, скажем, сегван охаивать веннов. И венн кому угодно оборвал бы усы, услышав из чужих уст хулу на сольвеннов. Два племени ещё не забыли о родстве, и что бы там ни было между ними – свои собаки грызутся, чужая не встречай.

Язык у двух народов был почти един, вот только здесь, в Галираде, называли всход – лестницей, петуха – кочетом, а тул – колчаном. Непривычно, но отчего не понять. Хуже было то, что они говорили «малако» и «карова» и глумливо морщились, слушая веннское оканье. Волкодав за свой выговор пошёл бы на каторгу ещё раз.

Город раскинулся между морской бухтой, приютившей многошумную гавань, и каменистым холмом, где высился кром – деревянная крепость. В крепости жил со своей дружиной кнес по имени Глузд. Кроме кнеса, в городе был ещё совет думающих старцев, избиравшихся от каждого конца. Этому совету подчинялась стража, глядевшая за порядком на улицах Галирада.

Улицы спускались к тусклому голубому морю, лениво пошевеливавшимся под тёплым безветренным небом. Вдали виднелись подёрнутые туманной дымкой лесистые горбы островов. Самые дальние, казалось, реяли над водой, не касаясь собственных отражений. Местные волхвы, насколько было известно Волкодаву, толковали этот знак то как добрый, то как дурной, сообразно расположению звёзд. С моря пахло водорослями, рыбой, смолёным деревом... и ещё чем-то, наводившим на мысли о дальних странах и чужих небесах. Волкодаву нравилось море. Больше, чем море, он жаловал только родные леса.

Чем ближе к гавани, тем больше разного народа встречал Волкодав. Иных он сразу узнавал по цвету кожи,говору и одеждам, других видел впервые. Здесь, близ устья Светыни, у скрещения удобных дорог, торг шёл, как говорили, от самого рождения мира.

Улицы в нижнем городе были вымощены не в пример лучше окраинных: поверх плотно спяженных горбылей бежали гладкие доски. Не стало и ореховой шелухи – улицы подметались. Волкодав невозмутимо шагал сквозь шумный водоворот разноплеменной, разноязыкой толпы. Больше всего ему бы хотелось вдруг оказаться где-нибудь на берегу лесного озера, возле уютного костерка. Там по крайней мере никто не орёт тебе в ухо, нахваливая товар...

Лавки, харчевни и мастерские теснились впритирку одна к другой. Волкодав косился на прилавки, раздумывая о том, чего ради послал его сюда Аптахар, – ведь ясно, что мастера на окраине взяли бы за ту же работу намного дешевле... Сегван подробно объяснил ему, как пройти, но Волкодав, не любивший городов, чувствовал себя немного неуверенно. Он, впрочем, скорее вернулся бы назад, чем пустился в расспросы. Ещё не хватало, чтобы какой-нибудь сольвенн с этакой усмешечкой начал объяснять дремучей деревенщине, где тут мастерская старого Вароха. Наконец, с большим облегчением углядев среди пёстрога множества нужную ему вывеску – красный щит и пустые ножны при нём, – Волкодав толкнул дверь и вошёл. Сколько труда положил он когда-то, пока не навывих вошёл под чужой кров вот так, без приглашения, непрошеным переступить святую границу порога. Ничего, жизнь вразумила...

Где-то внутри дома тотчас откликнулся колокольчик, и навстречу посетителю, сильно хромая, вышел хозяин – угрюмый старый сегван. Волкодав с первого взгляда опознал в нём вдовца. Из-за спины мастера любопытно выглядывал остроглазый мальчонка. *Внучок*, решил Волкодав. *Или младшенький поздний сынок, ненаглядная память об ушедшей подруге...*

– Доброе утро, почтенный, – сказал он с поклоном. – Много ли нынче работы?

Он уже понял, что мастерская знавала лучшие дни. Что ж, тем лучше: может, хоть втридорога не сдерут.

– Милостью Храмна, не жалуемся, – коротко ответил хозяин. – Господин витязь, верно, желает ножны к мечу?

Волкодав едва не поправил старика. Он не состоял в дружине, а значит, и витязем называться не мог. Но потом сообразил, что мастеровой и мальчишку назовёт мужчиной, лишь бы тот что-нибудь купил. Но что за обыкновение у них здесь, в городе, – прямиком переходить к делу, не заводя разговора! То ли дело было у Айр-Донна, в «Белом Конне». Волкодав принялся разворачивать меч:

– Не найдётся ли у тебя к нему ножен, почтенный?

Прекрасный клинок невольно притянул взгляд, заставил заново оглядеть себя от кончика до рукояти... Если бы Волкодав смотрел не на меч, а на старого мастера, он увидел бы, как вздрогнула его борода. Но он того не заметил и поднял глаза, услышав:

– Такой меч вдевать в покупные ножны – что красавицу в обноски рядить... Не

оскорбляй его, витязь. Дай лучше я сниму мерку, и завтра к вечеру ножны будут готовы.

Волкодав задумался над его словами. В глубине души он был уверен, что меч всё поймёт и не обидится на него... однако нелишнее было и побаловать добрый клинок: оплатит, небось. Но более всего подкупило Волкодава то, что дед, видно, знал своё дело и не кривил душой в ремесле, предпочитая потерять единственного, быть может, за целый день покупателя.

– А сколько возьмёшь? – спросил он наконец.

– Смотри какая кожа, какие украшения... – начал было старик, но тут же осёкся и проговорил почти умоляюще: – Я сделаю тебе очень хорошие ножны. Они будут стоить столько, сколько в другом месте возьмут за готовые: полчетверти коня серебром.

Сколько раз Волкодав бывал в больших городах, столько же и попадался на том, что шёл в первую же лавчонку, не разведав сперва, что делается в соседней. А уйти без покупки, уже заведя разговор с продавцом, венну не позволяла совесть. Потому, может, и мало было среди веннов купцов?

– По рукам, почтенный, – сказал Волкодав и принялся отсчитывать задаток. – Снимай мерку.

Почему-то мастер решил начать не с меча, а с него самого.

– Как будешь носить? У бедра или за спиной?

– За спиной.

– С какой стороны рукоять – слева, справа?

– Справа.

Старик водил писалом по навощённой дощечке-цере, делая какие-то пометки. Волкодав обратил внимание, что Нелетучий Мыш насторожённо озирается по сторонам, а когда мастер вытащил шнурок с узелками и хотел обмерить Волкодава через плечо – зашипел и едва не цапнул его за палец. Пришлось взять обозлённого зверька в руки, а дед вдруг заворчал на мальчика:

– Что зря лавку просиживаешь? Сбегай-ка лучше к дядьке Бравлину, скажи, пусть в гости заглядывает, совсем забыл старика... Пряжку нагрудную, господин витязь, где делать?

Волкодав показал, отметив про себя, что мальчишка исчез молча и стремительно – ни дать ни взять, по очень важному делу. Нелетучий Мыш плевался и шипел, пытаясь высвободиться. Дед между тем поглядел в свои записи, нахмурился, прикинул что-то в уме и попросил Волкодава повернуться спиной:

– Как ещё ляжет, долог изрядно...

Волкодав послушно повернулся, уважая хромоту старика, но меча на прилавке не оставил. Это его и спасло.

...Когда дверь с треском распахнулась и через порог с криком «Руби вора!» ворвалось сразу четверо стражников, Волкодав прыжком отлетел в пустой угол ещё прежде, чем ум его успел родить осознанную мысль об опасности. И только поэтому жилистые руки старого мастера, протянувшиеся сзади к его шее, схватили пустоту.

Стражники едва не проскочили мимо с разгону. Когда же повернулись – Волкодав стоял в углу, слегка согнув разведённые колени и держа меч перед собой, а Мыш, взобравшись ему на голову, воинственно разворачивал крылья.

– Ну? – спросил Волкодав и ощерился, показывая выбитый зуб. – Может, хоть скажете, за что собрались рубить?

Три молодца, стоявшие против него, начали переглядываться. Они видели: этот парень шуток не шутил, чего доброго вправду зарубит, кто сунется. Четвёртый был седоусый крепыш с витой бронзовой гривной на шее и при старшинском поясе в серебряных бляхах. Он открыл рот, собираясь ответить, но мастер его опередил.

– Я могу забыть лицо, но никогда не спутаю меч, – сказал он и дрожащей рукой провёл по бороде. Было видно, что этого часа он ждал очень, очень давно. – Ты – Жадоба!.. Сам я не

в силах тебе отомстить, но в этом городе, по счастью, Правда не перевелась...

– Я не Жадоба! – сказал Волкодав.

– Лжёшь, – ровным голосом ответил старик. – Немногие знают тебя в лицо, потому что ты надеваешь личину, когда идёшь насиловать и убивать. Но я знаю твой меч и то, что другому ты его ни за что не доверишь даже на время. То-то ты и зашёл в мою мастерскую, ведь здесь почти никто не бывает...

– Я не Жадоба! – мрачно повторил Волкодав и про себя в который раз проклял разбойников. Не убив по дороге, они, похоже, собирались прикончить его здесь, чужими руками. Даже если он и уложит всех четверых, далеко уйти ему не дадут.

Седоусый наконец подал голос.

– Рожя у тебя, прямо скажем, разбойничья, – сообщил он Волкодаву. – А что, может кто-нибудь подтвердить, что ты не Жадоба?

Наконец-то Волкодав услышал разумное слово.

– В гостином дворе Любочады живёт Фитела, сегванский купец, – сказал он старшине. – Его люди тебе растолкуют, кто я такой.

– Сходи, – кивнул тот одному из своих молодцов. И сам заступил его место, следя, чтобы Волкодав не вздумал броситься в дверь.

– Не бойся, не побегу, – сказал Волкодав. – Пускай тать бегаёт!

Он ждал, что занятый делами купец пришлёт самое большее Авдику. Если, конечно, стражнику вообще повезёт застать кого-нибудь в гостином дворе. К его искреннему изумлению, Фитела пожаловал сам, да ещё с Аптахаром... и с Ниилит. Девчонка тут же кинулась к Волкодаву. Стражники дёрнулись перехватить её, но гибкая Ниилит вывернулась из-под рук и оказалась рядом с венном.

– Ещё и потаскушку свою... – плюнул старик.

– А вот за это, дед, я тебе бороду выдеру, – пообещал Волкодав. – Не посмотрю, что седея. – И зарычал на Ниилит: – Я тебе что сказал – дома сидеть!..

А про себя подумал, что так и не купил ей синие бусы. Себя небось не забыл, бегом побежал заказывать ножны...

– Здравствуй, почтенный Бравлин, – обратился между тем Фитела к старшине, и Волкодав сперва удивился, но потом рассудил, что купец был здесь не впервые и наверняка знал полгорода. – Что это здесь произошло с моим человеком?

– И ты здравствуй, Фитела, богатый гость, – ответил Бравлин. – И ты, Аптахар. Случится-то ничего пока не случилось. Только вот мастер Варох признал его меч и говорит, что это – Жадоба.

– Во дела! – восхитился Аптахар и звонко хлопнул себя по бедру ладонью: – Нет, дружище Бравлин. Жадобу словить, конечно, дело доброе, но нынче ты промахнулся.

– Пожалуй, – согласился купец.

– Что вы можете сказать об этом человеке? – кивнув на Волкодава, поинтересовался Бравлин.

– Ничего, кроме хорошего, – ответил Фитела без раздумий.

Аптахар же добавил:

– Он венн, мы зовём его Волкодавом.

Бравлин с сожалением посмотрел на налившегося багровой краской Вароха. Он спросил:

– А давно ли вы его знаете?

Аптахар принялся загибать пальцы и ответил:

– Четырнадцать дней.

Фитела согласно кивнул.

– Так-так! – встрепенулся старик.

Бравлин со вздохом развёл руками:

– Ничего не поделаешь. В кром надо идти, пускай кнесинка судит.

– Кнесинка? – переспросил Аптахар.

– Ну да, кнесинка Елень. Кнес-то нынче в отъезде, – кивнул Бравлин. И повернулся к Волкодаву: – Ты, парень, давай-ка сюда меч. Выйдешь чист перед государыней – получишь назад.

– Не дам! – сказал Волкодав.

Бравлин покосился на своих молодцов, но Аптахар перехватил взгляд старшины.

– Не советую, Бравлин, – сказал он спокойно. – Я видел его в деле... ребят погубишь и его живым не возьмёшь. Давай лучше я буду ручателем, что он не сбежит по дороге. Ведь не сбежишь, Волкодав?

– Пусть тать бегаёт! – повторил Волкодав.

– Мой человек хочет сказать, – вмешался Фитела, – что, пока он не назван преступником, ему нет нужды ни убегать, ни отдавать оружие. Он рад будет предстать перед кнесинкой и не сомневается в её мудрости и справедливости, но до тех пор в его свободе не властен никто. Так, Волкодав?

Тот кивнул. А про себя в который уже раз поразился способности учёных людей облекать складными словами всё то, над чем сам он размышлял бы полдня.

Кром зовётся так оттого, что, во-первых, отгораживает самую укромную часть поселения, а во-вторых, строят его из кремённо-твёрдого камня и самого лучшего, кремлёвого леса. Галирадский кром стоял на неприступном скалистом холме под защитой знатного рва и крутого вала, над которым высились бревенчатые стены. Если какой-нибудь враг надумает взять Галирад и проломит внешние укрепления, обширный кром примет защитников города и, чего доброго, позволит им отсидеться, пока гонцы летят за подмогой. Волкодав отметил про себя, что ров был ухожен, а земляной вал покрыт глиной и обожжён. Видно, кнеса не зря прозывали Глуздом, то есть Разумником. Посмотрим, в отца ли удалась дочь...

Если бы суд судить предстояло, скажем, кнесичу – какому-нибудь безумному юнцу, годящемуся Волкодаву в молодые братья, – он не ждал бы для себя добра. Юнец поверит наговору, прельстится честью схватить Жадобу... Иное дело кнесинка. Суд женщины – священный суд Хозяйки Судеб.

Им пришлось довольно долго ждать во дворе, но наконец Бравлин разыскал старшего витязя и, почтительно сняв шапку, изложил ему происшедшее. Могучий седой боярин выслушал и скрылся за дверью, и Волкодав обратил внимание, что у ворот сразу прибавилось отроков. Если кнесинка признает в нём Жадобу...

Потом слуги расстелили у крыльца пушистый ковёр и утвердили на нём резное деревянное кресло-столец. Волкодав предпочёл бы, чтобы его судили так, как было принято дома, – под праведным деревом или на берегу чтимой реки. Он нахмурился. Сольвенны с их Правдой большого доверия ему не внушали.

Но тут на крыльце появилась кнесинка Елень, и он мигом обо всём позабыл.

Кнесинка была прекрасна. Дочери вождей всегда бывают прекрасными. Это так же верно, как и то, что большуха всегда разумна и справедлива, а муж её – первый охотник и храбрейший воин в роду. Вожди – лучшее, что есть у народа, ими он и Богам предстоит...

Кнесинка выглядела едва ли не ровесницей Ниилит. У неё была русая коса толщиной в руку и серые глаза, как два лесных родника. На чистом лбу красовался серебряный венчик, усыпанный зелёными, в цвет клеток понёвы, камнями. Дивное диво, девичья красота!.. Ниилит легко было обхватить в поясе пальцами; кнесинка была полнотела. Ниилит была диким котёнком, стремительным и пугливым. Кнесинка, привыкшая к почтению и любви, выступала белой лебедью...

– Гой еси, государыня, – в пояс поклонились пришедшие.

– И вам поздорову, добрые люди, – приветливо ответила она, усаживаясь в кресло. Её взгляд задержался на лице Волкодава. – Боярин Крут Милованыч мне рассказывает, – она кивнула на рослого седоголового воина, стоявшего по правую руку, – что здесь человек,

которого другой посчитал за Жадобу?

– Истинно, государыня, – тотчас ответил Варох. – Вот он, Жадоба! – И вытянул узловатую руку, указывая на Волкодава. – Я узнал его по мечу!

– Покажите мне этот меч, – сказала кнесинка Елень. Волкодав молча размотал тряпицу и подошёл к девушке, держа меч на ладонях. Он заметил, как поползла к ножнам рука красивого молодого боярина, стоявшего слева от кресла. Волкодав не удостоил его даже взглядом и отступил, сложив узорчатый клинок к ногам кнесинки на ковёр.

– Он пришёл ко мне заказывать ножны, – продолжал старый мастер. – Думал небось – коли я не бойко торгую, так нечего и бояться! А я его сразу признал!..

Волкодав угрюмо смотрел на свой меч, поблёскивавший на ковре.

– А что скажут очистники? – кнесинка Елень повернулась к Фителе. – Молви слово, почтенный гость.

Фитела с поклоном вышел вперёд.

– Этого человека, – начал он, – я впервые увидел в Большом Погосте, в корчме Айр-Донна, две седмицы назад. Он пришёл наниматься в охранники...

– Он был один? – быстро спросила кнесинка.

– Нет, госпожа, он сразу предупредил меня, что с ним ещё двое: девушка, которую ты здесь видишь, и больной друг – слепой, весь в язвах. Я нанял его и...

– В Большом Погосте? Так близко от Галирада?

– Я и не хотел нанимать его, госпожа, но он сумел доказать, что лишним не будет.

– Накостылял мне по шее, – хмыкнул Аптахар. – Прости, государыня кнесинка.

– При нём уже был тогда этот меч? – продолжала расспрос кнесинка Елень.

– Нет, он добыл его через два дня, когда на нас напали люди Жадобы.

– Ещё бы!.. – перебил старый Варох. – Сам и навёл!..

– Нет, – сказал Фитела. – Наоборот, он нас предупредил.

– Каким образом? – наклонила голову правительница.

– Он держит ручную летучую мышь – вон она сидит у него на плече. Эта мышь начала беспокоиться, и он сказал нам, что, верно, в лесу недобрые люди. Я велел надеть кольчуги, и только поэтому разбойники не перестреляли нас, как зайцев... Сам Волкодав уложил троих в рукопашной и ещё одного – из лука.

– Волкодав? – переспросила кнесинка.

– Да, так мы его называем... Вот после того боя, госпожа, и появился у него добрый меч.

Вокруг тем часом собрался любопытствующий народ: витязи из дружины, городские стражники, просто жители и купцы, пришедшие в кром по делам.

– Кто видел, как он добыл меч? – спросила кнесинка.

– Встретился со своими, они ему и передали, – сказал Варох.

– Я не видел, – развёл руками Фитела.

– И я, – поскрёб бороду Аптахар.

– Я видела!.. – с неожиданной отчаянной смелостью вышла вперёд Ниилит. – Да прольётся дождь тебе под ноги, венценосная шаддаат...

– А ты давно ли с ним, девица? – повернулась к ней кнесинка. – Не твоя ли бусина у него в волосах?

– Нет, венценосная шаддаат, – ответила Ниилит. – Я встретила его почти месяц назад... он спас меня от насильника и с тех пор хранит, как сестру! Там, на дороге, один из разбойников схватил меня на седло и хотел увезти. Господин Волкодав догнал его, они бились... он ранил разбойника в руку, и тот убежал, выронив меч. Клянусь в том, госпожа! Если я лгу, пускай у меня... пускай у меня никогда не будет детей!

– Э, парень! – сказал Аптахар. – Да ты никак самого Жадобу и ограбил!

– Как был ранен разбойник? – вступил в разговор боярин, стоявший справа от столца. Волкодав молча забрал в кулак два пальца правой руки – указательный и большой.

– А я говорю – лжа всё!.. – затопал ногами старый Варох. – Вели, государыня, железо

нести!.. Потягаюсь с ним перед Богами, как ваша Правда велит!

– А что, – сказал левый боярин. – Пускай бы потягались, сестра. Сразу узнаем, кто виноват, да и позабавимся заодно.

Сестра, отметил про себя Волкодав.

– погоди, старче, – неожиданно поднялась с кресла кнесинка Елень. – Скажите мне, думающие бояре, батюшки моего верные ближники! И вы, сведомые горожане! Был ли Жадоба когда в плену, носил ли оковы?

– Не был! – тотчас отозвалось сразу несколько голосов.

– Не был, кнесинка, – сказал правый боярин, и левый согласно кивнул головой. Государыня Елень между тем пристально глядела на Волкодава, и тот не мог понять, что она рассматривала: то ли бусину, то ли щёлкавшего зубами Мыша, то ли что-то у него на шее... Он уже думал поправить ворот рубахи, когда кнесинка обратилась к нему:

– Подойди сюда, Волкодав. Засучи рукава и покажи мне руки.

Он подошёл, развязывая на запястьях тесёмки. Потом завернул рукава и вытянул руки перед собой. Руки как руки: костистые, оплетённые выпуклыми тёмными жилами, в мозолях, шрамах и свежих пятнах, оставленных отболевшими волдырями. Чуть повыше запястий на коже красовались две широкие, плохо зажившие полосы, и Волкодав смекнул наконец, к чему присматривалась мудрая девушка. На шее у него был точно такой же след. От ошейника.

– Этот человек – не Жадоба! – громко произнесла кнесинка Елень свой приговор, и даже Варох принуждён был промолчать. – Тебе, мастер, – обратилась она к старику, – незачем с ним ссориться. Вот моё слово: сделай ему ножны, как договаривались, и за ту цену, о которой у вас шла речь. Ты же, Волкодав, вправе требовать за обиду виру в четверть коня серебром...

Волкодав пожал плечами. Ему хотелось только одного – поскорее убраться отсюда и как следует вымыться. Правильно же делала мать: когда отец, продав яблоки и мёд, возвращался с торгового дома, она не сразу допускала его к общему столу, кормила из отдельной посуды. Чего, кроме скверны, можно набраться в городе, где гостя, вступившего под кров, обвиняют неведомо в чём и отдают стражникам на расправу?!

– ...Но я прошу тебя, благородный венн, не держать сердца на мастера Вароха, – говорила тем временем кнесинка. – Это верно, он пренебрёг святостью крова... но, если бы ты знал его горе, ты непременно простил бы его...

Волкодав немедля кивнул, хотя, по его мнению, ни о каком прощении речи быть не могло. А кнесинка Елень продолжала:

– Я не осмеливаюсь судить его, ибо сама не знала подобного. Прими же эту виру из моих рук! Пусть знают наши братья, храбрые венны, что и в Галираде есть Правда.

Боярин передал ей несколько серебряных монет местной чеканки. Кнесинка наклонилась и подняла меч.

– Я знаю, что ещё не раз услышу об этом мече, – сказала она, протягивая Волкодаву узорчатую рукоять. – Я знаю, что теперь он в достойных руках.

Бравлин вышел проводить их за ворота детинца.

– Ты вот что, парень, – сказал он Волкодаву. – Если будет охота подработать до осени, покуда твой купец назад не поедет, – приходи, спросишь меня... рад буду.

– Благодарствую, – кивнул Волкодав. И подумал, что скорее удавится.

– Мы с Авдикой всегда нанимаемся, – сказал ему Аптахар. – Ты куда сейчас – домой? Или, может, выпьем зайдём? После этаких-то дел...

Волкодав посмотрел на солнце, неспешно клонившееся к далёким горам.

– Нет, я ещё на рынок... пошли, Ниилит.

– Ножны завтра будут готовы, – глядя в сторону, буркнул мастер Варох. – Вечером заберёшь.

– Обойдусь я без твоих ножен, – сказал Волкодав.

– А я – без твоих денег!.. – Голос старого севана сорвался. Трясущейся рукой выгреб он из сумки задаток и швырнул под ноги Волкодаву. Тот молча повернулся и пошёл прочь вместе с Ниилит, пугливо ухватившейся за его локоть. Внук старика бросился собирать раскатившиеся монеты и тут же получил за это от деда по спине костылём, но Волкодав того уже не видал.

Рыночная площадь Галирада раскинулась у самого берега. По утрам к дубовым пристанищам подходили лодьи рыбаков, полные тугих слитков живого чешуйчатого серебра; торговля начиналась чуть свет и длилась допоздна, а весной и летом, в пору светлых ночей – круглые сутки. Волкодав понять этого не мог. Древний закон не признавал сделок, заключённых после заката, без присмотра справедливого Ока Богов. Ни один венн не стал бы покупать или продавать что-либо ночью, сольвенны же... Да, чего доброго, скоро этот народ вконец перестанет рождать женщин, подобных кнесинке Елень...

– Что ты хочешь купить, господин? – набравшись храбрости, спросила Ниилит. Волкодав не мог взять в толк, с какой стати она, всюю смеявшаяся с Тилорном, с ним самим ужасно робела. *Наверное, я плохой человек*, усмехнулся он про себя. *Доброго человека ни котёнок, ни девушка не заботится...*

– Бусы хочу купить, – проворчал он в ответ. – Одной такой голубоглазой, черноволосой саккаремской красавице. Может, присоветуешь, какие ей подойдут?

Он изумлённо остановился, когда Ниилит едва не заплакала:

– Господин... не обижай меня, господин...

Волкодав заметил краем глаза, что на них стали оглядываться. Ну и пускай оглядываются. Он взял Ниилит за плечи и легонько встряхнул:

– В чём дело, девочка?

Она закрыла руками лицо:

– Я же только правду сказала о тебе, господин...

Волкодав беспомощно выпустил её и еле сдержался, чтобы не плюнуть на деревянную мостовую. Решила, стало быть, что он надумал её отблагодарить за честные слова на суде. Давно уже Волкодав не чувствовал себя до такой степени дураком. И ведь не на кого пенять – сам во всём виноват. Выбрал времечко для подарка.

В который раз пожалел он о том, что Хозяйка Судеб, дающая каждому смертному его долю, обделила его способностью красно говорить. Он заставил Ниилит отнять ладони от лица и сказал:

– Я с самого начала хотел купить тебе бусы. Это нехорошо, когда девка без бус. Захочешь приветить жениха, и подарить нечего будет... Думал завтра пойти с тобой, присмотреть... а сегодня меня мало стражники не зарубили... у этого, как его там... вот я и решил: вдруг до завтра ещё на что-нибудь напорюсь...

Собственное косноязычие привело его в отчаяние, но Ниилит смотрела ему в глаза и, верно, сумела прочесть там всё то, что он тщетно пытался выразить словами. Она вновь захлюпала носом, но уже совсем по другой причине:

– Прости меня, господин...

Волкодав притянул её к себе и с большим облегчением провёл ладонью по нежным щекам, утирая слёзы:

– Ладно, сестрёнка... Пойдём, что ли, бусы-то выбирать?

– Пойдём, – прошептала Ниилит, держась за его руку, и в первый раз забыла назвать его господином.

Лавок и лавочек, где торговали украшениями, было несусветное множество. День прочь, куда все обойдёшь. У некоторых на дверях красовались изображения змей – нарисованные, а то и резные.

– Знаешь, зачем это? – спросил Волкодав. Ниилит помотала головой, и он объяснил: – Это знак для воров. Лавочку по ночам сторожат ядовитые змеи, так что, мол, не

обессудьте...

Ниилит засмеялась, а Волкодав поймал себя на том, что впервые говорит с нею легко и спокойно. Совсем как Тилорн.

– Давай пойдём туда, где нету змей, – предложила Ниилит.

– Не любишь змей?

Ниилит лукаво блеснула голубыми глазами:

– Где нет змей, там, наверное, подешевле...

Девочка понимала, что денег у него хватит разве что на стекляшки.

– Когда-нибудь я тебе куплю настоящие, сапфировые, – сказал Волкодав.

Она почему-то насторожилась. Потом спросила:

– Тебе нравятся сапфиры?

Волкодав пожал плечами и честно ответил:

– Их, по крайней мере, не было там, где я сидел на цепи.

В конце концов они облюбовали открытый лоток, за которым стоял молодой сольвенн, почему-то переодевшийся уроженцем Аррантиады.

– Здравствуй, почтенный, – сказал ему Волкодав.

– Благословенна пыль на дороге, приведшей тебя сюда, о воин, – отвечив тот церемонно, старательно подражая выговору и манере аррантов. Волкодаву стало смешно. *Что ж,* сказал он себе, *иные в самом деле охотнее растёгивают кошельки, если думают, что покупают заморский товар.* Не все же видели, как он, с первого взгляда, что баснословные камни на самом деле происходили из стекловарной мастерской за углом.

– Чем же ты хочешь порадовать красавицу, доблестный воин? – осведомился торговец. – Вот несравненное ожерелье из мономатанских чёрных алмазов. Вот чистейшие изумруды из тайных копей Вечной Степи: я бы поведал тебе об извилистых и поистине удивительных путях, которыми попал ко мне каждый из них, но, боюсь, рассказ мой задержал бы тебя до утра...

Нелетучий Мыш между тем слез с хозяйского плеча на лоток и попробовал укунуть густо-вишнёвую прозрачную бусину, показавшуюся ему съедобной. Чуть не сломал зуб и, оскорблённо плюясь, взбежал по руке Волкодава от греха подальше на привычное место.

– Сапфиры, – сказал Волкодав. – Вот эти, если я тебя правильно понял, настоящие халисунские?

– О да! – благоговейно сложил руки купец и едва не забыл об акценте, обрадованный легковерием лесного невежды: – Счастливые жители Халисуна находят их на дне глубоких озёр... Иные считают их слезами райских птиц, удручённых разлукой. Ты, без сомнения, знаешь, что цвет камня зависит от глубины, на которой он зародился. Те, что посветлее, лежат у самой поверхности, почти невидимые в воде. Поэтому они дешёвы. Зато тёмные и самые прекрасные добывают из страшных пучин, и почти каждый оплачен кровью ныряльщика, ибо во мраке подводных пещер гнездятся когтистые твари...

Волкодав терпеливо слушал болтовню лжеарранта, искоса наблюдая за Ниилит. Он видел, как она склонилась над ниткой некрупных синих бус – чуть-чуть темней её глаз. Вкус у девчонки был безошибочный. Она даже хотела взять бусы в руки, но последние слова продавца заставили её отшатнуться. Она испуганно посмотрела на Волкодава: неужели он всё-таки надумал купить ей настоящие камни?..

– Может быть, поищем стеклянные?.. – взмолилась она шёпотом.

Волкодав положил руку ей на плечо и широким жестом обвёл весь прилавок:

– Выбирай любые, какие нравятся.

Испуг в глазах Ниилит сменился неподдельным ужасом. Она молча указала на самую дешёвую кучку водянисто-голубых, почти бесцветных бусин неправильной формы. Они даже не были снизаны в ожерелье.

– Ну уж нет, – сказал Волкодав и повернулся к торговцу: – Вон те, синие, – почём?

Лжеаррант воздел руки к небу:

– Горе, горе мне!.. Необходимость спешного отъезда вынуждает меня распродавать чудесные сокровища поистине за бесценок... Три четверти коня серебром. В убыток себе продаю...

Услышав непомерную цену, Ниилит ахнула и дёрнулась было из-под руки Волкодава, но, конечно, не вырвалась. Он же не спеша положил на прилавок свой меч, постаравшись, чтобы с него при этом наполовину съехала тряпка, и принялся так же неспешно развязывать кошель.

– Мы, венны, предпочитаем покупать у достойных людей, – проговорил он удовлетворённо. – Да, будь я здешним правителем, я бы приказал отрубить руку всякому, кто торгует подделками. Сам я так и поступил с одним человеком, продавшим мне якобы золотое обручье с рубинами. Полгода спустя я узнал, что отдал трёхмесячный заработок за никчёмную латунь и презренные стекляшки. Я долго разыскивал негодяя, но уж когда разыскал...

Он видел, как заметался торговец. Волкодав очень надеялся, что сметливый мошенник найдёт единственно правильный выход из положения, и не ошибся. Торговец подхватил нитку, облюбованную Ниилит, и уставился на неё так, словно впервые увидел.

– Горе, горе мне! – вновь вскричал он, и на сей раз вполне искренне, к немалому удовольствию Волкодава. – Это ожерелье попало ко мне только вчера, и я не заметил крохотной царапинки на одном из камней, вот здесь, с краю. Таким образом, за эти чистейшие, несравненные камни...

– ...будет вполне достаточно полутора серебряных монет, – назвал Волкодав точную цену. И улыбнулся.

– Ах, доблестный воин, – вздохнул лжеаррант и протянул бусы Волкодаву. – Видят Боги, в убыток себе продаю...

Волкодав расплатился и застегнул на шею Ниилит крохотный замочек. Посмотрел в её смеющиеся, сияющие глаза, и рука сама потянулась погладить шёлковые волосы, заплетённые в тугую толстую косу.

– Пошли, – сказал он и забрал меч с прилавка. – Мудрец наш там уже извёлся поди.

Напоследок они ещё свернули к причалам: Ниилит, выросшая у моря, так и тянулась посмотреть на корабли. Нелетучий Мыш висел у неё на руке. Держась одной лапкой за её палец и помогая себе сгибами крыльев, ушастый зверёк запихивал в рот мочёное яблоко, которым угостила его сердобольная торговка.

Подумав немного, Волкодав купил с ближайшего лотка сладкую слоёную булочку для Ниилит.

– А тебе? – сразу спросила она.

Волкодав улыбнулся:

– Я не сладёна.

Ниилит принялась уговаривать его, и наконец, сдавшись, он отщипнул кусочек. Плюшка показалась ему удивительно вкусной.

А вокруг чем только не торговали! Грушами и яблоками, заботливо сбережёнными с прошлого года и не потерявшими ни вида, ни вкуса. Ранней зеленью, успевшей налиться соками в солнечных уголках, укрытых от ветра. Рыбой девяноста девяти сортов и засолов. Грибами, засушенными на нитках или выдержанными в бочках под гнётом. Копчёными гусями и живой птицей в ивовых клетках. Пирогоми, от одного запаха которых голова шла кругом...

Волкодаву до смерти хотелось купить сразу всего и устроить пирушку, побаловать Тилорна с Ниилит да и себя самого... Он всё-таки опустил руку, уже тянущуюся к кошельку. Рановато вздумалось баловаться. Надо будет завтра пойти на улицу кузнецов расспросить, не нужен ли кому подмастерье-молотобоец...

Сольвенские и сегванские лодьи стояли на песке, вытасценные за линию прилива на дубовых катках. Для тяжёлых кораблей, приходивших из Аррантиады, был устроен

настоящий причал из вбитых в дно свай, покрытых добротной бревенчатой вымосткой. Аррантских кораблей было немало. Благодарные мореходы даже воздвигнули на торговой площади бронзовую статую своего Бога. Здоровенный мужик, всклокоченный и голый, попирал гранитный валун, гневно замахаясь гарпуном, зажатым в могучей руке. Когда сольвенские купцы ссорились с аррантскими, Медному Богу, случалось, натягивали на голову мешок. А то и начищали иные части изваяния до весёлого солнечного блеска.

Сегодня подле Медного Бога вовсю стучали топоры: плотники возводили посреди торгового дощатый помост.

Ниилит любовалась парусниками, уверенно называя, откуда какой. Два или три из них она уже видела дома и теперь радовалась им, точно старым знакомым.

Волкодав обратил внимание на одно судно, недавно причалившее к берегу. Команда снимала и сворачивала паруса, у борта суетились грузчики, а по сходням спускались несколько мужчин в долгополых одеяниях, сшитых из двух половин: справа серая ткань отливала краснотой, слева – зеленью. У тех, что шли впереди, цвета одежд были поярче. У тех, что держались сзади – побледней.

– Это, должно быть, с острова Толми, – сказала Ниилит. – Там живут жрецы Богов-Близнецов.

...Однажды, когда Волкодав был маленьким мальчиком, к ним в деревню пришёл высокий седобородый старик, назвавшийся Учеником Близнецов, и попросил разрешения обосноваться поблизости.

«Старые люди не должны селиться одни, – сказала большуха. – Как вышло, что ты живёшь сиротой?»

Пришелец объяснил, что так велела ему его вера. Он собирался выстроить в лесу шалаш или выкопать над берегом Светыни пещерку. Но на другой же день начал кашлять и волей-неволей остался в большом доме, где за ним присматривали старухи и ребяты. Когда же старик выздоровел, наступила зима, и жреца никуда не пустили. Мыслимое ли дело – дать гостю уйти в метель и мороз, на верную погибель?

Волкодав отлично помнил его морщинистые руки, добрые глаза и длинную, пышную бороду. Сколько было волосков в той бороде, столько же и рассказов о Близнецах жило в памяти старика. Серые Псы слушали его с любопытством, коротая за домашней работой зимние сумерки. Иногда же, наоборот, жрец просил их рассказать о своей вере. Однажды он попросил мальчишек смастерить ему костяное писало и надрать гладкой берёсты с поленьев, приготовленных для очага.

«Зачем тебе?» – спросили его.

«Запишу ваши сказания», – ответил старик.

Куда подевались те берестяные листы, испещрённые чужеземными письменами? В ночь разгрома старый мудрец взывал к милосердию, творил священное знамение и пытался прикрыть собой раненых и детей. Пока кто-то из комесов Людоеда не съёс ему мимоходом седую голову с плеч...

Волкодав не стал рассказывать о нём Ниилит.

...Сладкая булочка всё-таки не пошла ему впрок. А ведь мог бы, кажется, уже усвоить: стоит только пригладить на заливке вздыбленную щетину, и сейчас же что-нибудь случится. Что-нибудь скверное.

Волкодав пребывал в таком неприлично добром расположении духа, что, заметив впереди стайку мальчишек, азартно швырявших в воду камни, не сразу разобрал, чем именно они занимались.

И только когда с воды долетел тонкий, жалобный визг, Волкодав прищурился против света, мгновенно насторожившись. Вечернее солнце било в глаза, но всё-таки он разглядел: в десятке шагов от причала, осыпаемый градом камней, барахтался лопухий щенок.

Дальше всё происходило гораздо быстрее, чем можно про то рассказать. Волкодав

сунул Ниилит завернутый в тряпку меч и, ни слова не говоря, прыгнул вперёд. Нелетучий Мышь подавился яблоком, выронил его, расправил крылья и ринулся с руки Ниилит, но разорванная перепонка в который раз его подвела. Мышь шлёпнулся на деревянную мостовую и пронзительно закричал, кляня своё увечье.

Причал между тем огласился истошным рёвом. Волкодав расшвырял малолетних палачей безо всякой пощады, а рука у него была тяжеленная. Разогнав мальчишек, он быстро глянул вниз. Ленивые волны колыхались между осклизлыми сваями. Там, где только что сучил лапками несчастный малыш, расходились медленные круги.

Волкодав без раздумий прыгнул в холодную воду.

Косые лучи отражались от поверхности, почти не проникая в глубину, но он рассчитал точно. Вытянутые руки почти сразу нащупали мягкое, ещё шевелившееся тельце. Оттолкнувшись ногами от каменистого дна, Волкодав вынырнул, перехватил наглотавшегося воды щенка за задние лапки и сильно встряхнул. Оживая, тот закашлялся и заплакал. Волкодав подплыл обратно к причалу. Ему повезло – было время прилива, вода стояла высоко. Рванувшись вверх, он ухватился свободной рукой за край настила, подтянулся и вылез.

– А ну, подай сюда щенка!

Навстречу ему уже шёл широкоплечий папаша одного из сорванцов. Сын опасливо прятался за спиной разгневанного родителя. Левый глаз у него стремительно заплывал, зато правый смотрел на Волкодава с нескрываемым злорадством. Грозный батюшка нередко охаживал наследника плёткой. Зато с ним можно было ничего не бояться. И никого.

Двое стражников появились из собравшейся толпы и остановились посмотреть, что происходило.

Волкодав отдал щенка Ниилит и стал отжимать подол рубахи.

– Много воли забрал, венн! – багровея лицом, зарычал мужчина и рванул его за плечо, заставляя обернуться. – Не в лесу у себя!.. Не твой псёныш, не тебе о нём и радеть! Подай сюда, говорю!

Довольно долго Волкодав молча смотрел на него. Потом улыбнулся. Он знал, какая у него была улыбка. Иные люди задумывались, стоило ли продолжать разговор.

– Своего сына, – сказал он набычившемуся сольвенну, – ты так воспитал, что он горазд мучить всякого, кто слабей. Значит, пускай не обижается, когда и с ним так же.

Мокрая одежда плотно облепила его плечи. Ему не пришлось стряхивать чужую руку – мужчина убрал её сам. Брехливый дворовый кобель, привыкший лаять на всякого встречного-поперечного, разлетелся из-под ворот и нарвался на молчаливого волкодава. Да. Связываться из-за паршивого щенка с диким венном, покрытым шрамами и вдобавок явно способным сломать в ладони подкову... Узвлённая гордость, однако, пересилила опаску:

– Ты-то в моём сыне не волен!

– Как я погляжу, это вправду твой сын, – сказал Волкодав. – Весь в тебя. Наверное, ты хочешь вызвать меня на поединок?

И покосился на Ниилит, баюкавшую израненного щенка. Она, между прочим, держала под мышкой его меч.

Вызывать его на поединок сольвенн не захотел. Повернувшись, он зашагал прочь, пытаясь сберечь остатки достоинства под изумлённым взглядом сынка, которого, оказывается, начали с некоторых пор в присутствии родителя безнаказанно обижать всякие проходимцы.

Было видно, что с каждым шагом обида нашёптывала в ухо сольвенну всё громче, а осторожность – всё тише. Отойдя на добрый десяток шагов, он обернулся:

– В Самоцветных горах таких надо дер...

...Видоки утверждали потом, будто венн покрыл разделявшее их расстояние одним звериным прыжком.

– Ххахх!.. – изумлённо выдохнул краснолицый и, пролетев спиной вперёд полных полторы сажени, с плеском обрушился в воду. Стражники побежали к Волкодаву, но,

приблизившись, остановились – он не пытался улизнуть и стоял спокойно, опустив руки. Сольвенн, отплёвываясь, хватался за скользкие сваи. Он был непререкаемым участником кулачных потех, смыслил кое-что в рукопашной и понимал, что должен был благодарить всех Богов сразу.

– За что ринул доброго человека? – спросил Волкодава старший из стражников. – Что он тебе такого сказал?

Волкодав ответил ровным голосом:

– Этот добрый человек сказал, что таких, как я, в Самоцветных горах надо держать.

Стражник обернулся к толпе:

– Верно, люди?

– Верно, – отозвалось сразу несколько человек, не иначе битых когда-то краснолицым. Волкодаву показалось, что стражник вздохнул с облегчением. Уж верно, ему не хотелось лишних хлопот.

– Ступай, парень, с миром, – проговорил он.

Удар кулаком за подобное пожелание в самом деле был наказанием невеликим. Ниилит отдала Мышу яблоко, подобранное с мостовой, и подставила ладонь, но Мыш к ней не пошёл: ещё не хватало, чтобы Волкодав опять что-нибудь учинил без него. Настрадавшийся щенок всхлипывал и дрожал на руках у Ниилит. Волкодав забрал у девушки меч, и, более не останавливаясь, они зашагали к постоялому двору Любочады.

Ухмыляющиеся друзья извлекли краснолицего из воды. И он, недолго думая, сорвал зло на сыне: наградил звонкой затрешиной по другой щеке.

Волкодав знал, что постыдно сорвался. Что было достаточно просто растолкать недоносков, а бить совсем не обязательно. Но ничего с собой он поделаться не мог.

Для кого в одиннадцать лет ничего не значит плач раненого щенка, кто способен весело швырять в него камень за камнем...

Дети. Голодные, вишивые, ободранные подростки, ползающие на четвереньках по обледенелой горной дороге. Исцарапанные руки просеивают каждый комочек породы, выпавшей из тачек и корзин взрослых рабов. Не затерялся ли где крохотный обломок самоцвета, не прилипла ли невесомая золотая пылинка?..

И другие дети. Совсем другие. Сытые, крепкие, разругавшиеся на морозе. В меховых сапожках, с длинными кнутами в руках. Такие же рабы, как и те, вишивые. Каждый из юных надсмотрщиков знает, что, провинившись, вполне может оказаться среди оборвышей. И те ему, скорее всего, в первую же ночь выцарапают глаза. Каждый из полуголых знает: стоит как следует захотеть – и он вполне может заработать меховые сапожки и кнут. Если, конечно, допустят те, кто уже ходит с кнутами...

Немногие решают пробиваться наверх: одни быстро тупеют, обретая скотское безразличие к происходящему, других держит страх, третьих – бессилие, четвёртых – гордость и злоба...

В ту осень, как раз перед тем, как снег завалил перевалы, торговец рабами привёз на рудник двоих веннских мальчишек, одногодков, пытавшихся дорогой вместе бежать. Один из них стал надсмотрщиком по кличке Волк. Другого семь лет спустя прозвали Волкодавом...

Едва поставив ногу на нижнюю ступень восхода, Волкодав насторожённо замер. В их комнате что-то происходило. Сквозь поддверную щель проникали отсветы неведомо кем зажжённой лучины. Было видно, как двигалась шаткая тень. Чуткий слух Волкодава различил какие-то вздохи...

Вокруг за добротными дощатыми столами вовсю ели и пили постояльцы и просто захожие гости. Было там и трое охранников Фителы. Волкодав знал, как мало это значило. В самой многочисленной и весёлой толпе можно безнаказанно похитить и убить человека, была

бы сноровка. Никто и в толк не возьмёт...

Он удержал Ниилит за руку и жестом приказал ей оставаться внизу, а сам пошёл вверх по всходу – без видимой спешки, но совершенно бесшумно. Он не стал тревожить завёрнутый в тряпку меч, но, когда он рывком распахнул незапертую дверь, правая рука его лежала на рукояти боевого ножа.

И пальцы, готовые выхватить оружие, сразу разжались, а Нелетучий Мыш, воинственно подобранный на плече, разочарованно встряхнулся и принялся вылизывать большое крыло.

Посреди комнаты, лицом к двери, стоял роскошный среброволосый мудрец. Пепельные кудри, казавшиеся седыми в скудном свете лучины, падали ему на спину и плечи, по груди разметалась пушистая борода. Белая льняная рубаха ниспадала до пят. Тёмно-фиолетовые глаза испуганно смотрели на Волкодава...

– Поднялся, значит, – проворчал Волкодав и убрал с ножа ладонь.

– Друг мой!.. Так это ты!.. – ахнул Тилорн и шагнул к нему, протягивая руки. – Друг мой!.. Ты понимаешь, я только сегодня окончательно прозрел...

И Волкодав запоздало сообразил, что, прожив с ним целый месяц бок о бок, калека знал его лишь по голосу. И, конечно, до смерти перепугался при виде грозного незнакомца, внезапно выросшего в дверях. Так перепугался, что не признал даже Нелетучего Мыша на плече.

– Друг мой, – повторил Тилорн и, качнувшись навстречу Волкодаву, обнял его. – Как же я за тебя волновался...

– И за девочку, – хмыкнул тот.

Тилорн поднял подозрительно блестящие глаза и улыбнулся.

– Да. И за девочку... Э, да ты весь вымок! Каким образом?

Он тихо ахнул, когда Ниилит, вынырнув из-за спины Волкодава, протянула ему слабо шевелившегося щенка. Две головы, пепельная и черноволосая, склонились над злополучным малышом.

Волкодав положил меч на стенную полницу над лавкой и пошёл вниз. Кухня, где варились, жарились и пеклись яства для гостей, поглощала несметное количество дров, а прислуги, как водится, было в обрез. Оттого упыхавшиеся работники только радовались постояльцу, вздумавшему размяться, а госпожа Любочада сама награждала добровольного помощника щедрой мисой еды. Что было, понятное дело, вовсе не лишним...

Волкодав мерно заносил над головой тяжёлый колун и думал о доме, которого у него не было. Только после убийства Людоеда он стал думать о том, что и у него мог опять быть дом. Как же ясно он видел его. Яблони в цвету, клонящиеся розовые ветви на тёплую дерновую крышу. Пушистый серый пёс, спящий на залитом предвечерним солнцем крыльце. Дорожка между кустами малины, утоптанная босыми ногами детей. И женщина, выходящая из дому на крыльцо. Эта женщина прекрасна, потому что любима. Она вытирает мокрые руки вышитым полотенцем и зовёт ужинать мужчину, колющего дрова...

Волкодав вздохнул. Некоторое время назад ему начало было казаться, будто женщина была черноволосой и голубоглазой, но он уже видел, что ошибся. Ниилит выйдет совсем из другого дома и позовёт за накрытый стол совсем другого мужчину. И тот, скорее всего, отложит в сторону не колун, а гусиное пёрышко и глиняную чернильницу...

Ниилит несколько раз пробегала мимо него в портомойню и назад. Наверное, отстирывала тряпки, перемазанные в щенячьей крови. *Не выживет*, думал Волкодав, обрушивая свистящий колун на корявые, узловатые пни, которые, как он подозревал, работники не первый день откладывали в сторонку. *Только не говорите мне про безгрешных младенцев, не выучившихся различать зло и добро и не смыслящих в одиннадцать лет, что это больно, когда бьют. Когда самого, тут, небось, каждый сразу смекает. Вытянется, выдурится? Пожалуй. Видали мы таких. Иным и шею сворачивали...*

Смолистые поленья, разорванные колуном, со звоном били в брёвна забора. Тилорн, которого терзал в подземелье толстомордый палач, по крайней мере хоть знал, за что терпел. А этот малыш, замученный юными дерьмецами ради забавы? Что скажет он Старому Псу, когда зашумит над ним крона вечного Древа?..

Волкодав поднимался по всходу, натянув рукава на ладони, чтобы не так жгла пузатая миса, доверху полная тушёного гороха со свиной. Волкодав не слишком удивился бы, раздайся из-за двери безутешное всхлипывание Ниилит... Но когда из комнаты долетело жизнерадостное щенячье тявканье, а потом – дружный смех в два голоса, он чуть не выпустил мису из рук. Как назло, дверь открывалась наружу. Обжигаясь, Волкодав прижал мису к груди и распахнул дверь свободной рукой.

Ниилит и Тилорн сидели рядом на деревянной кровати, а на полу у их ног возились Нелетучий Мышь и щенок. Бестолковый кутёнок припадал на передние лапки и весело прыгал вперёд, норовя ухватить Мыша. Тот, умудрённый множеством драк, шипел и шлёпал его здоровым крылом, отскакивая в сторону.

На мягкой шкуре щенка не было не то что ран – даже и пятнышек крови.

– Знаешь, за что его хотели утопить? – спросил Тилорн. – У него животик был слабый... пачкал без конца. Теперь больше не будет.

– Так, – сказал Волкодав. Поставил мису на столик возле окна и повернулся к Тилорну. – Значит, ты и в самом деле колдун.

Тот отмахнулся:

– Да ну, какой из меня...

– А почему у тебя руки дрожат? – спросил Волкодав. Действительно, учёный выглядел так, словно это он, а не Волкодав только что наколол целую поленицу дров.

– Я... – замялся Тилорн. – Видишь ли, лечение... м-м-м... потребовало некоторых усилий. А поскольку я ещё, к сожалению, не вполне...

– Ну так ешь, – сказал Волкодав и положил на стол ложки. Потом кивнул на Мыша: – Ты и его так же собираешься?

– С ним сложнее, – серьёзно ответил Тилорн. – Его, как я понял, ранили много лет назад...

– Пять.

– Со старыми ранами всегда хуже, – вздохнул Тилорн. – Придётся зашивать... Нет, нет, больно ему не будет, это я обещаю... А как вышло, что ему порвали крыло? Или ты его уже таким подобрал?

– Кнутом попало, – проворчал Волкодав.

– Никогда бы не подумал, – изумился Тилорн. – Летучие мыши настолько проворны и юрки...

Уважая своего защитника и кормильца, они ели по-веннски: в очередь зачёрпывали из мисы, а потом клали ложки на стол чашечками вниз, чтобы не осквернила какая-нибудь нечисть.

– Меня защищал, вот и получил, – сказал Волкодав.

Ему сразу пришлось пожалеть о вырвавшихся словах. Тилорну с Ниилит тут же понадобилось узнать, как это случилось. Рассказывать Волкодав не умел. И не любил. Но Тилорн, судя по всему, обладал способностью разговаривать даже пень. Или венна, что было лишь немногим труднее. Миса опустела едва наполовину, когда Волкодав, к своему удивлению, довольно связно поведал ему о том, что в рудниках он вращал ворот, доставлявший воду из подземной реки. Воды для промывки руды требовалось много, и вороты скрежетали круглые сутки, заглушая даже писк летучих мышей, гнездившихся под потолком. Однажды в соседней пещере рухнула глыба, и докатившееся сотрясение сбросило с потолка целый клубок новорожденных мышат – прямо в механизм. Разогнанный ворот остановить было непросто, но Волкодав его остановил. И удержал. И не двигался с места, пока мыши не перетаскали детей. Первым ворвался в пещеру надсмотрщик по прозвищу

Волк...

– Этот дурачок всё крутился там, пока с меня шкуру спускали, – сказал Волкодав. – Ну и схлопотал.

– Я только сегодня узнал, что ты был на каторге, – помолчав, заметил Тилорн.

Волкодав пожал плечами:

– Было бы чем хвастаться...

И, положив ложку, пододвинул мису Тилорну с Ниилит – доедайте.

Тилорн осторожно проговорил:

– Мне трудно представить, чтобы ты совершил преступление...

– А я и не совершал, – сказал Волкодав.

Распрашивать его далее учёный не стал. *Решил, наверное, что я был взят в плен в бою, подумал Волкодав. Не хочет напоминать о бесчестье...*

Он не стал разубеждать Тилорна и объяснять, как было дело. Зачем?..

Косой дождь, подгоняемый резким ветром, кропил в потёмках заливные луга, шептал над кладбищем-буевищем, хранимым могучими стволами берёз, и поливал мокрые дерновые крыши маленькой лесной деревни. В деревне жили венны рода Пятнистых Оленей.

В глухой предупреденный час раскрылась набухшая дверь гостевого дома, и наружу воровато выглянули двое. Ни души! Двое выбрались вон и осторожно двинулись вдоль стены. Ничто не предвещало неудачи: к рассвету доверчивые Олени не найдут даже следа постояльцев, пущенных скоротать непогожую ночь. Потом кто-нибудь додумается заглянуть в клеть и найдёт там выпотрошенные короба. Люди, самолично видевшие веннские вышивки бисером, сулили за них золотые горы. Только вот купить у веннов эти вышивки было не легче, чем девушек в рабство.

Ещё, кажется, в клетке спал кто-то из хозяйских детей. Не помеха! Дети не успеют и пискнуть...

Дойти, куда намечали, вора́м не пришлось. Впереди, в сырой тьме, вдруг загорелись два недобрых зеленоватых огня. Потом небо разорвала первая за всю ночь молния. Перед дверью клетки, словно кого-то заслоняя собой, стоял пёс. Громадный, с крупного волка. Широкогрудый. И удивительно страшный. Он не лаял, даже не рычал, но жёсткая щетина грозно стояла дыбом, и в свете мертвенной вспышки блестели, точно клинки, ощеренные клыки.

Двое бывалых и далеко не пугливых мужчин не помнили, как оказались там, откуда пришли, как мокрыми трясущимися руками задвинули щеколду. Когда дыхание перестало со всхлипами рваться вон из груди, они попытались вспомнить, что же их так напугало. Подумаешь, пёс!.. Потом вспомнили, и по спинам вновь побежал холодок. ГЛАЗА. Они напоролась не на простую собаку. У страшного серого зверя были ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ГЛАЗА.

Ночью он проснулся оттого, что мерзлячка Ниилит, зябнувшая даже под одеялом, прижалась в поисках тепла к его боку. Раньше она тоже просыпалась от этого, ужасно смущалась и, бормоча извинения, отодвигалась в сторонку. Потом привыкла, и теперь просыпался один Волкодав.

Да. А ведь поначалу он в самом деле начал было мечтать...

Ниилит не расставалась с дарёными бусами, даже спала в них. Венн уже знал, что, сам того не ведая, необыкновенно ей угодил. В её семье передавалось из поколения в поколение прекрасное сапфировое ожерелье. Умиравшая мать оставила его Ниилит. Теперь его носила дочь родственника, продавшего Ниилит в рабство.

Волкодав повернул голову и посмотрел на полоску мутного синеватого света, сочившегося сквозь ставни. Над Галирадом медленно плыла бледная летняя ночь. *Вот бы знать, снились ли кому в эту ночь такие же странные сны?.. Видел ли ещё кто себя собакой у порога клетки?..*

Глядя снизу вверх, венн долго рассматривал точёный профиль Тилорна, спавшего на

кровати, и впервые думал о том, что мудрец был красив. Мудрость, мужество, красота... И такого человека Людоед держал в клетке, пытками добываясь... чего? Чтобы он ему алмазы вываривал из дерьма?..

Я выстрою дом, думал Волкодав. Ему и Нишилт. Мы уйдём в верховья Светыни, туда, где самый корень веннского племени... И там я выстрою дом.

Есть ли такое место на свете, где можно выстроить дом, и мужчина, уходя из него, не станет бояться, что в его отсутствие дом ограбят и спялят враги? Где не швыряют камнями в щенков, а красивая девушка, встретив в лесу незнакомого мужчину, безо всякого страха говорит ему «здравствуй»? Где цветут яблони и зреет малина, где шумит вековой бор, а ледяные ручьи с хрустальным звоном сбегают со скал...

Волкодав подумал о Богах, которые одни только, наверное, и знали ответ. ИДИ, сказано было ему. ИДИ И ПРИДЕШЬ...

Потом он вспомнил жрецов, встреченных на причале.

Было дело – в рудники приехал Ученик Близнецов. Приехал выкупать рабов на свободу. Золотом или дорогими камнями хозяев самоцветного прииска удивить было трудно, но жрец привёз нечто гораздо более ценное: невзрачные с виду, крохотные серенькие кристаллы. Знающие люди растворяли их в больших чашах вина и на сутки-двое погружались в блаженство.

Слух о жреце мгновенно распространился по подземельям. Когда же рабы проведали, что выкупал он только единоверцев, все кинулись расспрашивать почитателей Близнецов. Иные, не скупясь, учили друзей священным знакам своей веры и тому, как следовало отвечать на вопрос: «Почему, признавая Единого, мы молимся Близнецам?» Другие, наоборот, отмалчивались. Они опасались, что жрец выкупит обманщиков, а истинно верующих освободить уже не сможет.

Серый Пёс знать не знал о переполохе в пещерах. Он зыбко плыл между жизнью и смертью, и надсмотрщик не знал, стоило ли тратить на него ежедневную чашку воды.

Жрец пришёл в сопровождении Волка, которому было поручено водить его по пещерам. Серый Пёс не сразу заметил их, потому что перед ним шествовали вереницы чёрно-багровых теней, торжественно низвергавшиеся в мерцающую чёрно-багровую бездну. Волк ткнул его черенком копья, и раб медленно повернул голову.

Жрец оказался на удивление молод. Тогда ему было примерно столько лет, сколько Волкодаву теперь. Несмотря на молодость, его двухцветное одеяние отливало яркими красками, что говорило о немалом сане. Он внимательно посмотрел на раба. Тот был венном: жрец сразу понял это по прядям грязных волос, заплетённых в подобие кос и перетянутых обрывками тряпок. Факел ослепил раба, и он устало опустил веки. Жрецу показалось, будто возле покрытого струпьями плеча шевельнулись лохмотья, и оттуда на миг выглянули два крохотных светящихся глаза. Впрочем, это скорее всего блеснули при огне осколки руды...

«Святы Близнецы, чтимые в трёх мирах!» – отдельно проговорил жрец. Волк предупредил его, что полумёртвый раб был диким язычником. Серый Пёс действительно довольно долго молчал. Но потом всё же ответил:

«И Отец Их, Предвечный и Нерождённый...»

Он хорошо помнил науку старого жреца и знал, как приветствовали друг друга Ученики Близнецов. Старик всегда радовался, когда веннские дети здоровались с ним именно так...

Волк молча стоял за спиной жреца, похлопывая свёрнутым кнутом по ладони.

«Нет Богов, кроме Близнецов и Отца Их, Предвечного и Нерождённого!» – провозгласил жрец.

Серый Пёс ничего не знал о выкупе из неволи, но безошибочное чутьё подсказывало ему – от его ответов на вопросы жреца зависело нечто очень важное. Может быть, даже свобода. И жизнь.

Много лет спустя он с неохотой и стыдом вспоминал охватившее его искушение и миг колебания, который – из песни слова не выкинешь – всё-таки был.

«Я молюсь своим Богам...» – выговорил он медленно. И закашлялся, уткнувшись лицом в пол.

«Догнивай же в мерзости, ничтожный язычник!» – Ладонь жреца вычертила между ними в воздухе священное знамя – Разделённый Круг. Надсмотрщики видели, как, освобождая единоверцев, он сам промывал гнусные нарывы и перевязывал раны. Но от язычника он отошёл, брезгливо подхватив полы двухцветного одеяния. Волк молча ушёл следом за ним.

Откуда мог знать Серый Пёс, что Боги, которых он не предал тогда, всего через год выведут его из подземного мрака...

Снаружи делалось всё светлей. Вот медленно процокала копытами лошадь водовоза. Потом скрипнула, пропуская кого-то, калитка двора. Волкодав слышал, как заворчала свирепая сука, охранявшая двор, но ворчание почти сразу сменилось умильным повизгиванием. Должно быть, пришёл кто-то знакомый. Хватит валяться, сказал себе Волкодав. Некоторые тут собирались работы искать. Хорош работник, который спит до обеда...

Беззвучно поднявшись, он накрыл своим одеялом свернувшуюся калачиком Ниилит и тихо двинулся к двери. Нелетучий Мыш тотчас раскрыл глаза и потянулся к нему со своего гвоздя. Вчера он в очередной раз убедился, что бывает, если хотя бы ненадолго оставить Волкодава без присмотра, и повторять оплошность не собирался. Попробуй не возьми его – небось переполошит весь дом. Заверещит, как блажной. Волкодав подставил ему руку, потом нагнулся и потрепал по загривку проснувшегося щенка. С кем, с кем, а с собаками он ладил отлично. Куда лучше, чем с людьми. *Спи*, мысленно велел щенку Волкодав. Пушистый хвостик вильнул туда-сюда по полу, и сонный малыш снова опустил голову на лапы. Подняв сапоги, Волкодав вышел и притворил за собой дверь.

Выбравшись на крыльцо, он немедленно понял, кого приветствовала скрипучей песней калитка. На толстом бревне, уложенном вдоль забора нарочно для заходящих гостей, сидел и грелся на ласковом утреннем солнышке старый Варох. Внучок, устроившийся у его ног, гладил собаку, тащил из мохнатого уха толстого, насосавшегося клеща. А на коленях у старика лежал свёрток. Длинный, узкий свёрток. Волкодав без труда догадался, что именно прикрывала от сглаза плотная рогожа.

Он остановился на верхней ступеньке крыльца, не очень понимая, как себя вести. Между тем старик открыл глаза и сразу посмотрел на него.

– Здравствуй, мастер, – без особой охоты поздоровался Волкодав. Был бы сегван помоложе, он, пожалуй, и вовсе бы промолчал.

– И ты здравствуй, – отозвался Варох. И добавил, помедлив: – Подойди, парень. Уважь старика.

Делать нечего, Волкодав подошёл.

– Сядь, – сказал мастер и похлопал ладонью по гладкому бревну рядом с собой. – Я хочу кое-что тебе рассказать...

Волкодав сел, искоса поглядывая на внука, который тем временем оседлал псину и дёргал длинную шерсть, упрашивая встать и покатать его по двору. Собака вставать не хотела и только беззлобно морщила нос.

– Ты, верно, заметил, что мастерская моя не та, что была раньше, – начал старый сегван. – Когда-то рядом со мной трудились два моих сына. Даже витязи из крома приходили заказывать у нас щиты и ножны к мечам...

Волкодав молча слушал его, косясь на отблески бронзы между растрепавшимися кое-где нитями рогожи.

– Я пришёл сюда, в Галирад, ещё до великой битвы у Трёх Холмов, когда жадности

островных кунсов был положен предел, – продолжал мастер Варох. – Ты, парень, верно, сражался тогда?

– Нет, – сказал Волкодав.

– И я не сражался, – вздохнул старик. – Мои сыновья были наполовину сольвеннами, а сам я считал – раз уж мы со своего острова не на дикий берег пришли, так надо вежество понимать... – Варох снова вздохнул, потёр ладонью колено и вдруг сказал: – Ну, про Жадобу-то ты всё, поди, знаешь...

Волкодав покачал головой.

– Откуда мне, – ответил он мастеру. – Только то, что он вроде знатного рода... и вас, сегванов, не жалует.

– Не жалует, – усмехнулся старик. Нелетучий Мыш, спустившийся на бревно, любопытно обнюхивал его руку – на сей раз безо всякой враждебности или боязни. – Не жалует, – повторил Варох. – Его батюшка был из тех, кто после Трёх Холмов встал за то, чтобы всех нас спровадить обратно за море. А не вышло – подался в лес и начал сам по себе воевать... Батюшка одних нас ненавидел, сын всех без разбору резать повадился...

Узловатые пальцы Вароха теребили рогожку.

– Один раз мы поехали на ярмарку к западным вельхам, – выговорил он глухо. – У нас было целых три повозки... Сыновья взяли жён и детей, хотели... порадовать... И ведь не одни ехали, большой обоз был... Кто ж знал, что половина разбойников в охранники нанялась... Жадоба... Нас с внучком за мёртвых сочли, зверям бросили на дороге...

Голос Вароха сорвался, старик не договорил. Волкодав молчал.

– Теперь ты понимаешь, почему вчера я... так хотел, чтобы ты оказался Жадобой, – справившись с собой, продолжал старый сегван. – Прости меня, парень. Вот, возьми... – Он откинул рогожу: на коленях у него лежали прекрасные ножны цвета старого дерева, перевитые длинным ремнём. – Я работал всю ночь, – сказал старик не без гордости. – Боялся... кабы ты к другому кому не пошёл... Сделай милость, прими... не обижай...

– Сейчас меч принесу, – сказал Волкодав.

Тилорн, которому лечение щенка, видно, и впрямь недёшево обошлось, спал по-прежнему крепко. Ниилит плела косу, присев на край деревянной кровати у него в ногах. Она улыбнулась Волкодаву и поклонилась ему, но тут же испуганно вскочила: он протянул руку к лежавшему на полке мечу.

Волкодав прижал палец к губам и помахал ладонью – нечего, мол, бояться. Забрал меч и кошелёк с деньгами и вернулся во двор.

Узорчатый клинок вошёл в ножны, как нога в хорошо знакомый сапог. Ни ноготка лишку, ни волоска недостачи. Крестовина легонько шёлкнула о фигурную оковку устья, снабженную ушком для «ремешка добрых намерений». Волкодав перевернул ножны и с силой встряхнул их несколько раз. Меч и не подумал вываливаться. Волкодав перекинул ремень через плечо и застегнул пряжки. Потом завёл руку, и рукоять легла в ладонь удобно и точно. Волкодав потянул меч наружу. Тот вышел спокойно и плавно, не застревая, одним движением, сулившим немедленный удар. Волкодав улыбнулся и вернул меч в ножны, без труда поймав устье кончиком лезвия.

– Ты настоящий мастер, Варох, – сказал он с уважением. – Хотя погоди! Вчера ты обмерил только меня, а меч, помнится...

Хромой сегван улыбнулся в ответ и покачал седой головой.

– Какая мерка? Мне один раз посмотреть...

Волкодав развязал кошель:

– Полчетверти серебром, так?

Мастер проворно поднялся и удержал его руку.

– Не обижай, парень, – проговорил он негромко. – Ты зарубил троих разбойников и ещё одного, говорят, застрелил, а у Жадобы меч отобрал и правую руку ему изувечил... которой

он... За это я тебе не то что ножны... Всю лавку свою...

– Спасибо на добром слове, дед, – сказал Волкодав. – Только плату всё же возьми. Тебе внучка растить... самому есть-пить надо... Не возьмёшь, выйдет, опять тебя Жадоба ограбил.

Он отсчитал монеты и, не слушая уговоров, высыпал их Вароху в ладонь. Старый сегван долго смотрел на блестящее серебро, и белая борода вздрагивала всё сильнее. Потом он вдруг шагнул к Волкодаву и обнял его.

– Ты заходи к нам... сынок, – сказал он и судорожно вздохнул, тщетно пытаясь скрыть подступившие слёзы. – Заходи как-нибудь, а? Девочке твоей поясок справим... плетёный... с застёжками...

Утратив в неволе надежду на солнечный свет,
Душа замирает, и сердце смолкает в груди.
И кто-то шепнёт: «Всё равно избавления нет...»
Кто сломленным умер в темнице – ты их не суди.

И тех не суди, кто, не вынеся груза цепей,
Спасть не умея и тщась досадить палачам,
Все счёты покончил в один из безрадостных дней...
Не лучше ли сразу конец – и себе, и цепям?

Не смей укорять их за то, что они не смогли
С таким совладать, что не снилось тебе самому.
На собственной шкуре попробуй сперва кандалы...
А впрочем, не стану такого желать никому.

Я знал и иных – кто оковы едва замечал,
Строку за строкой составляя в рудничной пыли
Трактат о любви и о битве вселенских начал...
Те люди – что солнца: они и во мраке светлы.

Я был не таков. Я был зол и отчаянно горд.
Я знал, для чего меня Боги от смерти хранят.
Сперва отомстить за измену, за лютый разор —
Тогда только пращурсы примут с почётом меня.

Я смертью за смерть расплатился и кровью за кровь.
За всех, кто до срока ушёл в беспредельную тьму.
За всех, превращённых в клубки из когтей и клыков...
Такого я тоже не стану желать никому.

5. Переспорить жреца

Меч висел за спиной, прихваченный к ножнам за крестовину «ремешком добрых намерений». Нелетучий Мыш успел уже подробно исследовать ножны и нашёл их малосъедобными, зато очень удобными для лазания туда и сюда.

Волкодав не спеша шёл по улице, и настроение у него было вполне под стать небу, сплошь затянутому серыми облаками. Вот уже битых три дня он безо всякого толку обходил ремесленные мастерские. Кузнецы, кожеяки и мостники, подгонявшие один к другому деревянные горбыли мостовой, с уважением поглядывали на его широкие плечи и покрытые

мозолями ладони. Но разбойничья, как выразился Бравлин, рожа и шрамы, оставленные оружием и кандалами, раз за разом делали своё дело. Никто не спешил брать к себе бывшего каторжника, человека наверняка беспокойного, а то и опасного... да ещё венна. Волкодав знал, что всегда может разыскать седоусого старшину. Тот наверняка поможет, раз обещал. Но при мысли о том, чтобы куда-то бежать и по приказу того же Бравлина рубить какого-нибудь «вора», ни в чём, как *потом* выяснится, не виноватого... Нет уж.

Волкодав шёл по улице и думал о родных лесах, и делалось ему всё тошней. Дома ему хватило бы с собой простого поясного ножа, ну там – лука со стрелами для охоты. Меч, оружие воинское, в лесу не потребен. А здесь?.. После происшествия у Вароха Волкодав без меча за ворота не выходил. И ремешок, перехлестнувший рукоять, был таков, чтобы в случае чего удара не задержал.

Ещё он думал о том, как хорошо было бы приберечь оставшиеся деньжата, купить парусную лодку и уйти на ней в верховья Светыни, в коренные веннские земли... кабы не замок Людоода, обугленные развалины которого поганили берег в самом начале пути.

Будь он, как прежде, один, он легко обошёл бы замок лесами. Со спутниками вроде Тилорна и Ниилит придётся ждать осени, когда купцы поедут из Галирада назад.

Нет, всё же слава Богам, что он был теперь не один...

Иногда Волкодаву казалось – он так и не придумает выхода. Иногда же – всё как-нибудь образуется, надо лишь чуть-чуть подождать.

Сегодня утром Тилорн в очередной раз осмотрел крыло Мыша и велел Волкодаву купить крепкого вина, убивающего заразу. Шагая вперёд, венн неспешно высматривал харчевню почище, и было ему, правду сказать, слегка жутковато. Как если бы покупка вина таила в себе нечто необратимое, вроде первого надреза ножом. Тилорн обещал, что Мышу больно не будет. Но кто поручится наверняка?..

Нелетучий Мыш чувствовал его состояние, и, не понимая причины, ластился к человеку. От этого совесть мучила Волкодава ещё больше. Наконец, облюбовав дверь, из которой вкусно пахло свежими пирожками, Волкодав нагнул голову и вошёл.

Он сразу заметил стражников, добрый десяток которых – с Бравлином во главе – расположился за столом возле двери. Молодые стражники баловались рукоборством. Закатывали рукава, утверждали локти на столе и мерились силой, ругаясь и хохоча.

Волкодаву, точно мальчишке, захотелось немного поглазеть на борцов, однако сначала следовало исполнить задуманное. Он ограничился поклоном Бравлину и сразу прошёл к стойке.

Корчмарь ему не понравился. Посмотрев на него один раз, Волкодав понял, что до Айр-Донна этому типу было далеко. Случается, человек, привыкший иметь дело по преимуществу с иноземцами, задумывается о неоглядной ширине мира и обретает мудрость, а с нею и доброту. Бывает и наоборот: иной начинает драть нос и вроде бы даже стесняться кровной родни.

И не поговоришь с таким, и путешественника, попавшего в беду, он удавится, а даром не приютит...

– Что подать, почтенный? – спросил он Волкодава.

Спросил вроде вежливо, но так, что венн сразу вспомнил и свою рубаху, залатанную на локтях, и уродливый шрам на левой щеке, и пыльные сапоги. Он сказал:

– Маленькую склянку прозрачного вина. Очень крепкого, такого, чтобы горело.

Корчмарь слегка поднял брови. То ли просьба Волкодава показалась ему странноватой, то ли веннское оканье уж очень резало слух. Так или иначе, он кивнул и скрылся в низенькой двери позади стойки.

– ...жрецы Богов-Близнецов, – коснулся ушей Волкодава обрывок случайного разговора. – Проповедуют на площади. Сходим, что ли, послушаем?..

Волкодав повернулся к стойке спиной, и, облокотившись, стал смотреть, как боролись стражники. Верх держал белоголовый верзила с плечами, проходившими, должно быть, не

во всякую дверь. Могучие парни громогласно подбадривали схлестнувшихся в единоборстве друзей. Кто-то в горячах уже бился об заклад на вынутую из уха серьгу...

Седоусый Бравлин поймал взгляд Волкодава и, казалось, хотел что-то сказать, но не успел: вернулся корчмарь и с лёгким пристуком поставил на стойку изящный пузырьёк, в котором плескалось с полчашки бесцветной жидкости. Волкодав вытащил пробку и понюхал. Как раз то, что надо. Любопытный Мышь тоже сунул нос к отверстию скляночки и, чихнув, брезгливо отпрянул.

– Сколько с меня? – спросил Волкодав.

– Шесть медных монет. Надеюсь, ты умеешь считать до шести, – ответил корчмарь чуть-чуть громче, чем следовало. Волкодав заметил краем глаза, что головы начали поворачиваться в их сторону. – Но я, – продолжал хозяин заведения, – с удовольствием отдам тебе даром это вино, если ты покажешь нам прямо здесь, как пьют его у вас, в веннских лесах. Поистине лишь дикарская глотка способна...

– Я бы показал, только мне оно не для питья, – медленно и очень спокойно выговорил Волкодав. – Ты человек просвещённый, знаешь, наверное, что значит «*продезинфицировать*»...

Развязал кошелек и принялся отсчитывать монеты.

Судя по выражению лица корчмаря, он ждал, что лесной житель расшумится, а то и грохнет скляницу об пол, – десять стражников, надо думать, вмиг его утихомирили бы. Или вправду попытается проглотить содержимое на потеху гостям...

– Не знаешь, – удовлетворённо кивнул Волкодав. И посоветовал: – Книжку почитай, может, найдёшь где.

Аккуратно выложил на стойку одну подле другой шесть медных монет, взял пузырьёк и направился к двери.

На сей раз, однако, он не смог преодолеть искушения и задержался возле стола, у которого сгрудились стражники. Один из молодых воинов сейчас же заметил:

– Ишь какой славный меч у этого венна. А драться им он, интересно, умеет?

Длинные языки немедленно завертелись:

– Да вряд ли: он, как все венны, больше дубиной...

– То-то ему нос на сторону и свернули.

Бравлин счёл за благо предостеречь молодцов:

– Потише, ребята. Что толку попусту ссориться.

Волкодав молча повернулся и пошёл прочь, а Нелетучий Мышь презрительно плюнул в обидчиков.

– Эй, венн! – немедленно раздалось сзади. – Ты куда?

Волкодав остановился. Потом не спеша повернулся к ним лицом.

– Морды вам бить пока вроде не за что, – задумчиво проговорил он, пожимая плечами. – Да только и всё слушать, что вы несёте...

Кто-то из стражников захохотал, хотя, по мнению Волкодава, ничего смешного в его словах не было. Ещё один весело бросил:

– Чего ждать, если у них бабы верховодят.

Дружный смех сопровождал это замечание, и Волкодав призадумался, не слишком ли поспешным было его замечание насчёт битья морд.

– Иди сюда, парень, – сказал ему Бравлин. – Покажи моим дуралеям, каких мужчин рожают ваши женщины.

Уйти сделалось невозможно. Волкодав нахмурился и шагнул обратно к столу.

Вообще-то венны не жаловали состязаний, полагая их лишним поводом для обид. «*Если я тебя одолею – ты огорчишься. Если ты одолеешь – я огорчусь. Зачем?*» Сам Волкодав одно время зарабатывал на жизнь, нанимаясь стражником, телохранителем, вышибалой в кабаки. Надо ли говорить, что у каждого нового хозяина его обычно встречал

отказ. И косой взгляд уже нанятого молодца. Тогда-то, вдохновлённый отчаянием, Волкодав впервые воспользовался старой, как мир, уловкой, славно выручившей его в Большом Погосте. Он стал предлагать сопернику помериться сноровкой и силой – конечно, у хозяина на глазах. Тут уж отказа не случилось. Поначалу Волкодав нередко бывал бит. И жестоко. Он не горевал. Он умел терпеть. Он учился, благо Кан-Кендарат была тогда ещё с ним. Он знал, что должен очень многому научиться, если вправду хочет вернуться домой и разыскать Людоеда...

Бравлин освободил ему место рядом с собой. Волкодав поправил за спиной меч и сел на скамью. Напротив ухмылялся тот белоголовый верзила; ладони у него были что сковородки, а правый рукав закатан выше локтя. Раздень обоих, и он выглядел бы куда внушительнее Волкодава. Венн тоже распутал тесьму на запястье. При виде кандалных рубцов сзади послышалось одобрительное «О-о-о!». Волкодава это всегда раздражало. Молокососы, близко не нюхавшие неволи, почему-то любили предстать этакими знатоками, намекнуть неизвестно на что. Дурачье. Щенки бестолковые.

Они поставили локти на стол и сцепили ладони. Свободной рукой Волкодав на всякий случай накрыл Мыша, беспокойно возившегося на плече. Откуда было знать маленькому зверьку, что тут затевалось – безобидная возня или нешуточный поединок? Ещё укусит кого.

...Соперник Волкодава удивительно долго пристраивался и примеривался, ёрзая туда-сюда по скамье. И только когда он из румяного сделался багровым и, тяжело дыша, навалился грудью на кромку стола, венн запоздало сообразил, что молодой стражник давно уже боролся всерьёз. Просто он даже издали не видал Самоцветных гор. Не говоря уж о том, чтобы ворочать там неподъёмные глыбы. И, что гораздо важнее, не знал, на что способны люди, для которых давно истёрлась разница, жить или умереть. Волкодав вздохнул. Унижать парня ему не хотелось.

– Всё, – сказал он и распрямил пальцы.

Ещё мгновение его соперник продолжал давить что было сил. Потом до него дошло. Его ладонь обмякла, и он перевёл дух. Как показалось Волкодаву, с большим облегчением.

При виде такого чуда половина стражников пришла в большую задумчивость и умолкла. Другая половина, наоборот, зашумела: каждый рвался самолично помериться с венном.

Волкодав поднялся и перешагнул скамью, выбираясь из-за стола.

– Пстой, парень, – начал было Бравлин.

Волкодав мотнул головой:

– Всё, хватит. Дел много.

На сей раз никто не напутствовал его ядовитыми замечаниями и не проезжался по поводу мужчин, которые слушаются женщин. Тем не менее Волкодаву было почти совестно. Честь племени отстаивают не в дурацком рукоборстве за корчемным столом. И силу, если есть, по каждому пустяку в ход не пускают. Оставалось утешаться тем, что он, вообще говоря, не напрашивался.

И надеяться, что всё случившееся не повлияет на лечебные свойства вина...

Выходя, Волкодав заметил краем глаза, что Бравлин покинул стол и направился за ним.

Ноги сами собой понесли его на торговую площадь, к изваянию Медного Бога. Всё-таки ему часто вспоминался седобородый жрец, с которым когда-то давно, в детстве, свела его жизнь. Послушать старика, так на всех девяти небесах не было никого великодушнее, милосерднее и мудрее его Блинецов. Он говорил о них точно отец о рано умерших сыновьях. Вот уже одиннадцать лет Волкодав тщетно силился понять, какое отношение имели Боги старика к тем злопамятным и недобрым созданиям, которыми пугали людей другие носители двухцветных одежд...

Площадь была запружена любопытным народом, но высокий рост, позволявший смотреть поверх большинства голов, в который раз выручил Волкодава.

Неподалёку от Медного Бога возвышался дощатый помост, сколоченный плотниками

накануне. Перед помостом плечом к плечу стояли стражники, и за их спинами, в окружении отцовской дружины, сидела в резном деревянном кресле кнесинка Елень. Насажение новой веры часто начинают с правителей. Что примет вождь, то рано или поздно примут и люди. *А кроме того, хмыкнул про себя Волкодав, в присутствии кнесинки возмущённые горожане всё же вряд ли набросятся на жрецов и побросают их, как водилось в Галираде, с пристани в воду.*

На помосте стояло несколько священнослужителей, но Волкодав первым долгом посмотрел не на них. Его внимание привлёк воин, державшийся позади жрецов и как бы ожидавший своего часа. Это был настоящий гигант, облачённый в двухцветную броню. Лицо скрывала кованая личина, повторявшая черты усатого человеческого лица и тоже разрисованная в две краски. Волкодав знал, что Ученики Блинецов весьма придирчиво отбирали воинов, достойных носить двухцветные брони. И выбирать было из кого. Наёмники слетались к ним, как мухи на мёд. Ещё бы! Платили жрецы хорошо, а кроме того, стоило надеть освящённую кольчугу, и любой удар кулака становился подвигом в святой битве за веру.

Что он тут делает? Охраняет жрецов?..

Потом Волкодав разглядел на помосте ещё одного человека. Этот был одет по-аррантски – в сандалии да тонкую льняную рубаху без рукавов, длиной по колено. Человек был примерно ровесником Волкодаву, но, в отличие от него, очень хорош собой. Вот только выглядел он замороженным и голодным; Волкодаву бросились в глаза синяки на голых ногах и подозрительные пятна на грязной рубахе. Юноша стоял неподвижно, низко опустив кудрявую голову и крепко прижимая к груди несколько толстых растрёпанных книг...

А у переднего края помоста стоял проповедник. Он тяжело дышал – видимо, только что кончил вдохновенную речь. Волкодав с сожалением понял, что опоздал. Что ж, вряд ли они приплыли сюда ради одной-единственной проповеди. Подождём, услышим ещё.

– Скажи пожалуйста, досточтимый Ученик, – заговорила кнесинка Елень. – Я, наверное, недослышала. Ты рассказывал, что твой Бог един. Как же вышло, что вы поклоняетесь Блинецам?

– Это я, в скудости разума своего, не сумел внятно выразиться, госпожа, – с поклоном отвечивал жрец. – Когда Бог решил явить себя людям, человеческая плоть была измерена и найдена слишком хрупким сосудом, неспособным вместить Его дух. И была избрана женщина, ожидавшая рождения двойни. И воссияло над нею...

Дальше Волкодав не слушал. Он ощутил, как над губой выступил внезапный пот, и торопливо провёл рукой по усам. Он никогда не забывал мест, увиденных хотя бы однажды. Лица он запоминал куда хуже. Но этот голос остался в его памяти навсегда. *«Догнивай же в мерзости, ничтожный язычник...»*

Нелетучий Мыш взъерошил чёрную шёрстку и негромко, но с вызовом зашипел. Всякому, кто вздумает обижать Волкодава, придётся сперва иметь дело с ним!

Волкодав снова посмотрел на арранта. Тот вдруг поднял золотоволосую голову, и взгляды их на мгновение встретились. Только на мгновение, но Волкодав вздрогнул. В зелёных глазах парня ему почудился отчаянный призыв, чуть не вопль: *«Помоги!»* Вопль, впрочем, тут же оборванный. Аррант знал, что выручать его было слишком опасно.

Волкодав немного подумал и начал протискиваться вперёд.

Спустя некоторое время дошла очередь до юноши с книгами. Его толкнули в спину, и он обречённо шагнул вперёд, оказавшись подле жреца.

– А вот живое свидетельство того, до какой низости может докатиться пренебрегший священными истинами Блинецов, – указывая на молодого арранта, провозгласил жрец. – Этот человек пытался спасти от очистительного костра книги лжепророков и лжеучителей, дабы смущать и вводить в искушение умы и души непосвящённых... – Проповедник осенил себя знаменем Разделённого Круга. – Вот эти книги: он сам носит их, ибо людям

благочестивым грешно до них даже дотрагиваться...

– Каждое учение драгоценно! – неожиданно громко и убеждённо перебил пленник. Зелёные глаза непокорно блеснули: – Уничтожь их, и мир обеднеет!

– Учения, о которых глаголешь ты, неразумный, – что грязь на ногах, – едва ли не с жалостью покачал головой жрец. – Её трудно избежать, пока идёшь по дороге. Но прежде нежели входить в дом и ступать на прекрасные ковры, грязь следует смыть.

– Ты называешь грязью золотую пыль, по крупице собранную человеческим разумом! – не сдавался аррант.

– С каких это пор божественные истины собираются нашим разумом, тёмным и бедным? – спросил жрец.

Волкодав, успевший достичь передних рядов, только вздохнул. Когда заходила речь о какой-нибудь бредовой, совершенно невыполнимой затее, венны предлагали натаскать воды решетом, сегваны советовали вычерпать море, арранты же – переспорить жреца. Парень, похоже, забыл поговорку. А может, просто нечего было терять...

Проповедник взирал на книжного юношу со скорбью и сожалением, словно на опасно больного:

– Если к божественным откровениям подходят с убогими мерками разума, значит, можно подходить к ним и со столь же убогими мерками силы... Осмелюсь назвать это последнее даже более оправданным, ибо Боги в своём всемогуществе даруют победу не тому, кто крепче телесно, а тому, за кем правда. Вот наш воин...

Рука в красном рукаве вытянулась в сторону окованного сталью верзилы. Всё правильно, подумал Волкодав. Боги могущественны и справедливы, однако всё-таки лучше, если правдоборец сноровист, сыт и силен.

– На его благородном клинке пребывает благословение Близнецов, – продолжал жрец. – Я знаю, ваше племя чтит праведность поединка. Найдётся ли здесь кто-нибудь, кто дерзнёт...

– Найдётся! – почти сразу отозвались из толпы. К помосту уже проталкивался светловолосый детина в тяжёлой сольвеннской кольчуге. Если он чем и уступал полосатому, то ненамного.

– Я не хотела бы осквернять убийством сегодняшней день, добрый Ученик, – заметила кнесинка.

– Мы проехали уже семь городов, государыня, – с поклоном отвечивал жрец. – Наш воин всего только даст твоим подданным убедиться в могуществе истинной веры. Для этого нет нужды отнимать жизнь.

Светловолосый миновал стражников и забрался на помост. Развязав ремешок, он вытащил из ножен длинный прямой меч. *Невежа*, поморщился про себя Волкодав. Меч у парня был хорошей нарлакской работы, красивый и дорогой, с двумя красными камнями, вделанными в рукоять.

– Доброго слова не стоят твои Близнецы! – дерзко бросил жрецу сольвенн.

Проповедник усмехнулся:

– Посмотрим, как ты это докажешь...

И отошёл благословить своего воина на праведный бой.

Волкодав покосился на галирадских волхвов, сидевших чуть позади резного кресла кнесинки Елень. Волхвы слушали молча, с непроницаемыми лицами. Они не вмешивались в спор. Вероучений в Галираде бытовало бессчётное множество – по числу стран, откуда прибывали в город купцы, а уж съезжались сюда воистину со всего света. И никто не посягал изгонять или свергать чуждых Богов, и даже Медный Бог, аррантский Морской Хозяин, терпеливо сносил не всегда почтительное обращение...

Вот начался поединок, и Волкодав сразу понял, что противники были вполне достойны друг друга. Тяжёлые мечи невесомо порхали в крепких руках, мелькая, точно серебристые рыбки, играющие в пруду. Волкодав слышал, как неподалёку от него шёпотом переговаривались две девушки. Общим хотелось, чтобы сольвенн изловчился и сшиб с

двухцветного шлем. Вот бы глянуть, хорош ли собой?..

Волкодав внимательно смотрел на поединщиков, придерживая одной рукой кошель с деньгами. Он всегда так делал, когда оказывался в толпе.

Между тем происходившее на помосте нравилось ему всё меньше и меньше. Сначала он сам толком не понимал почему. Потом понял. И снова начал потихоньку проталкиваться вперёд.

Бой был подстроен. Подстроен от начала и до конца. Но подстроен здорово. Волкодав это заметил только потому, что сам полных четыре года немного видел, кроме сражений и поединков.

Он ещё додумывал эту мысль, когда великан ударил. Рослый, тяжёлый телом, он был быстр. Очень быстр. Зато сольвенн как будто вообще не заметил угрожающего движения. Волкодав, которого самого тысячу раз выручала именно быстрота, распознал смертоносный замах в самом зародыше. Он видел, как вспыхнул на солнце, чертя великолепную дугу, отточенный меч. И как этот меч в последний миг обернулся плашмя, и удар, которому полагалось бы рассечь хулителя Близнецов пополам, только швырнул его на колени.

Стало тихо. Ни стука клинков, ни выкриков зрителей. Сольвенн охнул и выронил оружие. И опустил голову, униженно стоя на четвереньках. Боги-Близнецы восторжествовали.

– Лишь чистая вера святит меч воина, даруя победу! – торжественно провозгласил жрец. И обратился к толпе: – Пусть этот человек идёт с миром. Не гибели людской мы ищем, но лишь вразумления. Дерзнёт ли ещё кто-нибудь из вас сразиться с воителем, осенённым...

– Дерзнёт, – проворчал Волкодав. Раздвинул плечом обернувшихся стражников и оказался лицом к лицу со жрецом.

Тот со спокойным презрением смотрел на него с высоты помоста:

– Кто ты, восстающий на Тех, чьи имена прославлены в трёх мирах?

Не узнал, подумалось Волкодаву. Ещё он не отказался бы выяснить, почему жрец обошёл этим вопросом первого поединщика. А впрочем, не всё ли равно.

– Я молюсь своим Богам и не восстаю на чужих, – сказал он мрачно. Потом кивнул на арранта: – Скажи лучше, отдашь ты его мне, если побью твоего молодца?

Жрец окинул его оценивающим взглядом.

– Не слишком ли ты самонадеян, язычник?

Волкодав промолчал.

– Ты не победишь, – сказал жрец. – Хотя... мне ли, неприметному, судить о путях Близнецов? Победи, – тут он улыбнулся, – и твори над ним, что пожелаешь.

Волкодав кивнул и, расстегнув нагрудную пряжку, снял перевязь с ножнами. Подошёл к кнесинке и с поклоном протянул ей рукоять:

– Развяжи, государыня, ремешок.

Кнесинка Елень распутала узел и тихо сказала:

– Не погуби себя, Волкодав.

Запомнила, радостно поразился он. А вслух сказал:

– Как уж получится, госпожа.

Потом он посмотрел на то место в толпе, где только что стоял сам, и не слишком удивился, увидев там Бравлина. Волкодав сунул ему в руки ножны и скляночку с вином:

– Подержи!

Склянка могла разбиться, а к новым ножнам он ещё попросту не привык и боялся, что они ему помешают. Бравлин взял то и другое и неуверенно протянул руку к Мышу:

– Зверюшку-то...

Мыш громко щёлкнул зубами, и седоусый старшина поспешно отдернул ладонь. Вокруг с облегчением засмеялись. Бравлин сперва нахмурился и покраснел, но затем разгладил усы и тоже улыбнулся.

– Давай, парень! – сказал он Волкодаву. – Не посрами!

Тот уже шёл к помосту, и привычный Мыш хватался за косы, перебираясь с его плеча

на затылок.

Взобравшись на возвышение, Волкодав всей шкурой ощутил взгляды толпы. Не самое большое удовольствие, когда на тебя таращится полгорода. Дикий венн, как всегда лезущий не в своё дело. Волкодав нахмурился и погнал лишние мысли прочь.

Вытащив из поясного кармашка кусок тесьмы, он повязал им лоб, чтобы пот не тёк в глаза и не мешал драться. Двухцветный воин преклонил колени, и жрец, что-то шепча, начертал в воздухе над его шлемом Разделённый Круг. Волкодав повернулся лицом к солнцу, проглянувшему в разрыве туч.

«Око Богов, Податель Всех Благ, пресветлое Солнце, – мысленно обратился он к небесному пламени. – Пускай Близнецы мирно правят теми, кто им поклоняется. Но зачем этот человек говорит мне, будто Тебя – нет?..»

Кое-кто потом утверждал, будто серебристый узор на лезвии его меча блестел удивительно ярко.

– Зови, зови своих божков, – прервал его молитву насмешливый голос жреца.

Толпа ответила обиженным гулом, а кнесинка Елень, нахмурившись, покосилась на могучих бояр, стоявших слева и справа от её кресла. Не пора ли, мол, намекнуть заезжему проповеднику, чтобы выражался учтивей?..

«Благослови мой меч, прадед Солнце, – не снисходя до перебранки со жрецом, молча попросил Волкодав. – Я хочу вызволить этого парня: ну разве дело – силой заставлять верить в Богов...»

– Он не мешал тебе, когда ты заклинал Близнецов, – бесстрашно подал голос аррант.

– Когда говорят с истинными Богами, помешать не может ничто, – сказал жрец и отступил в сторону, освобождая место для поединка.

Переспорить жреца, зло подумал Волкодав и повернулся к сопернику. Человек, способный согласиться на подставной бой, ни доверия, ни уважения ему не внушал. Но с ним по крайней мере можно поспорить на понятном языке, без зауми и словесных кудрей...

Они приветствовали друг друга взмахом меча, потом сошлись, и народ загудел снова. Двухцветный был до того здоров и могуч, что жилистый, как ремень, Волкодав рядом с ним казался шуплым подростком.

– Куда ему, – раздавалось из толпы. – Да полосатый его живьём съест!

– Мыслимо ли, против этакой силы...

Молодой аррант горестно покачал головой и крепче прижал к себе книги...

Сыт и силён, думал Волкодав, ловя и отбивая удар за ударом. Очень силён. И всегда был сыт. Вот только силушкой привык тешиться всё больше над безответными. Как этот книгочей. А когда-то, небось, был доблестным воином...

Волкодав медленно пятился вдоль кромки помоста, оценивая соперника, привыкая и приспособляясь к нему. Площадь за его спиной разочарованно вздыхала. И правда, мол, – мыслимое ли дело?.. Волкодав знал: на взгляд обычного человека, он выглядел куда менее проворным, чем светловолосый сольвенн. Потому что тот заранее знал, каким будет каждый удар, а он дрался по-настоящему, без подсказки, и полосатый был противником, каких поискать. Помалкивали только опытные рубаки да немногочисленные венны, стоявшие в толпе. Они-то видели: двухцветный злился и вкладывал в свои удары всё большую силу, нападал всё стремительней и опасней. Вот только цели его удары почему-то не достигали.

Потом Волкодав отчётливо услышал голос Бравлина, обращавшегося к кому-то из горожан:

– На сколько бьёмся, что венн победит?

– Никак лишние деньги завелись, старшина, – прозвучало в ответ. Волкодаву некогда было рассматривать, с кем там договаривался его нечаянный знакомец.

– Вчера жалованье получил за две седмицы, – усмехнулся Бравлин.

Собеседники начали спорить и наконец сошлись на полутора четвертях серебра, из чего Волкодав заключил, что стражники жили не бедно. Или Бравлин просто рассчитывал, что

отдавать не придётся...

Двухцветный между тем свирепел. Сумасшедшему венну с великолепным мечом просто неоткуда было взяться. Но ведь взялся же. И дрался всерьёз. Очень даже всерьёз. Полосатый хорошо знал себе цену. Вдобавок он загодя усвоил приёмы, любимые галирадскими витязями, и вполне был готов если не к лёгкой победе, то к равному спору с любым здешним воителем. Белобрысый Плишка был тоже силён, но он побил бы его и в настоящем бою. Что за нелёгкая принесла сюда венна? Этот венн дрался, словно забытый Богами хулитель веры был его родным братом. И дрался мастерски! Весь натиск гиганта точно проваливался в пустоту, только на мече неведомо каким образом возникали зарубки.

Два тяжёлых клинка взлетали, кружились, ткали в воздухе стремительную паутину. Потом всё кончилось.

Полосатый злился всё больше, теряя терпение и осторожность. Каждый раз, соприкасаясь с клинком Волкодава, его меч выходил из повиновения и словно по собственной воле чертил в воздухе кренделя, норовя выскочить из ладони. Воин жрецов был готов сожрать венна живьём. Все уговоры насчёт непролития крови были давно и прочно забыты. Он убьёт этого дикаря, так унижавшего его своим мастерством. Беда только – после каждого выпада приходилось заново отыскивать венна взглядом: тот всякий раз успевал пропасть неизвестно куда. Глаза начала затягивать багровая пелена бешенства. Никогда ещё двухцветный не ведал поражения в поединке. Очередной свистящий замах канул в никуда, полосатого развернуло кругом. И прямо перед собой он увидел испуганные глаза пленного книгочая, следившего за схваткой. Из-под расписной личины донёсся сдавленный рык. Меч стремительно и кровожадно взмыл над головой...

Волкодав возник между ним и аррантом, как по волшебству. Узорчатый меч взвился в его руке, встречая страшный удар.

Веннский кузнец, живший давным-давно, не подвёл далёкого внука. Раздался звон и хруст. В руках у двухцветного осталась рукоять с обрубок в полпяди длиной. Не разобравшись в горячке, обезоруженный воин ещё попробовал замахнуться. Потом с руганью швырнул бесполезную рукоять Волкодаву в лицо.

Узорчатый меч перехватил её в воздухе – не ровен час, ещё поранит кого – и уронил наземь в двух шагах от помоста. Потом змеей метнулся вперёд и, приподняв кольчужную бармицу, свисавшую с личины на грудь, упёрся в подбородочный ремень шлема.

– Снимай рукавицы, – негромко приказал Волкодав. Рубаха на нём промокла насквозь. Он тяжело дышал, но старался говорить ровно. Ни у кого не должно быть сомнений относительно того, кто победил.

Двухцветный, надо отдать ему должное, заколебался... Но меч Волкодава передвинулся с ремня, коснувшись податливой кожи, и в голубых глазах за прорезями личины ярость и непокорство сменились жалостью к себе. *Удивительное дело, подумалось Волкодаву, до чего дорожат собственной жизнью люди, привыкшие с безнаказанной лёгкостью отнимать её у других...*

Двухцветный медленно стащил одну рукавицу, потом другую. Бросил их на помост.

– А теперь шлем, – сказал ему Волкодав.

Из-под шлема появилась копна кудрявых чёрных волос, слипшихся от пота, и густые усы. Побеждённый был весьма недурён собой. Небось, в самом деле нравился девкам. Волкодав отвёл меч от его шеи и повернулся к проповеднику. Нелетучий Мышь успел вернуться на плечо и гордо раздувал пушистую грудку, считая победу по крайней мере наполовину своей.

– Так я забираю этого человека, – сказал Волкодав. И кивнул на арранта. Тот смотрел на него широко распахнутыми глазами, явно не веря случившемуся.

Волкодав низко поклонился кнесинке, прыгнул с помоста и пошёл за ножнами и пузырьком. Бравлин встретил его широченной улыбкой: полторы четверти коня серебром были деньгами вовсе не маленькими. Аррант пугливо оглянулся на своих недавних мучителей, потом судорожно прижал к груди книги и неуклюже слез наземь следом за

Волкодавом.

Толпа весело шумела и улюлюкала, отпуская малопрстойные шуточки по поводу Богов-Близнецов и их слуг. Надобно думать, жрец произнёс достаточно грозную проповедь. Люди всегда рады посмеяться над тем, чем их собирались пугать.

Однако мир неизбежно перевернулся бы, если бы Ученик Близнецов позволил кому-нибудь другому оставить за собой последнее слово. Вот он торжественно воздел руки к небу, и голос, привыкший к гулкой пустоте храмов, без труда разнёсся над площадью:

– Благословенна премудрость Близнецов, прославляемых в трёх мирах, и Отца Их, Предвечного и Нерождённого! Внемлите же, маловерные, что за кару назначили Они отступнику, который предпочёл сумерки отречения свету истинной веры. Они сделали его рабом дикого варвара, коснеющего в язычестве. Может ли выпасть худшая доля еретика, мнящему себя просвещённым?..

Да, устало сказал себе Волкодав, застёгивая нагрудную пряжку и пряча в кошель хрупкую скляночку. *Переспорить жреца!*

Они шли по улице.

– Куда мы идём? – спросил аррант. Волкодав ответил не сразу, и юноша, метнув на грозного избавителя опасливый взгляд, сокрушённо поправился: – Куда ты ведёшь меня... хозяин?

– На постоялый двор, – проворчал Волкодав. – Вымоешься, поешь... а там оставайся или иди, не держу.

Арранту понадобилось время, чтобы переварить эти слова. Потом он нерешительно проговорил:

– Брат Хономер отдал меня тебе в...

Голос его дрогнул.

Брат Хономер, мысленно повторил Волкодав.

– Меня... Эврихом звать, – помолчав, сказал юноша. – Тебя же, я слышал... кнесинка Волкодавом назвала...

– Может, и назвала, – буркнул Волкодав. Если бы Эврих не представился сам, он нипочём не стал бы выпрашивать. На кой ему имя человека, с которым он самое позднее завтра утром распрощается навсегда. А уж своё ему открывать...

– Спасибо тебе, – говорил между тем Эврих. – Видно, не перевелись ещё благородные люди...

Замолчишь ты или нет, подумал Волкодав.

...Потом он спрашивал себя, уж не его ли злая досада сглазила Эвриха. Они были в двух шагах от гостиного двора Любочады, когда навстречу им попался прохожий: среднего роста человек с удивительно незапоминающейся внешностью, каких в любой толпе с избытком. Он миновал их, пройдя с той стороны, где шёл со своими книжками Эврих...

Сперва Волкодаву показалось, будто аррант остановился, споткнувшись. Он покосился на неуклюжего спутника... и тотчас крутанулся всем телом, оборачиваясь назад. Незаметного прохожего нигде не было видно. А Эврих неподвижным взглядом смотрел сквозь Волкодава, и на лице у него было изумление, смешанное с какой-то детской обидой. Он медленно клонился вперёд, и верхняя книга из стопки, которую он нёс, уже готова была упасть. А по низу его короткой рубахи быстро растекалась и капала на деревянную мостовую густая алая кровь.

Вездесущие мальчишки прыгали на месте, указывая за угол:

– Туда, туда побежал!..

Догнать, ошпарила Волкодава мгновенная мысль. *И убить.* Да, он догонит убийцу. И тот пожалеет, что родился на свет. Но вот аррант к тому времени изойдёт кровью уже наверняка.

Упасть Эвриху так и не пришлось. Волкодав подхватил его на руки. Эврих слабо

застонал и затих. Кровь толчками уходила из широкой раны внизу живота. Книги в тяжёлых кожаных переплётках рассыпались по мостовой...

– Соберите! – рявкнул Волкодав мальчишкам. И сломя голову кинулся в раскрытые ворота, потом через двор. Постояльцы, попадавшие навстречу, в ужасе шарахались прочь.

Волкодав взлетел по всходу, прыгая через ступеньки, и с силой пнул ногой дверь. Ударившись о косяк, она отошла наружу, и Волкодав ворвался в комнату. Тилорн, стоявший у залитого солнцем окна, испуганно обернулся.

– Спаси его, если можешь, – тяжело дыша, сказал Волкодав.

Из коридора, ненамного отстав от него, появилась Ниилит. Она уже второй день трудилась на кухне, помогая то стряпухе, то судомойке. Увидев во дворе Волкодава, она сразу бросила все дела и побежала за ним. Ниилит подхватила свёрнутое покрывало, – то самое, унесённое из замка Людоеда, – и живо расстелила на полу. Волкодав опустил на него умирающего. Лицо Эвриха казалось прозрачным, губы посерели, и лишь на шее слабо трепыхался живчик.

Тилорн уже стоял подле него на коленях. Длинные пальцы учёного коснулись лба арранта – бледного, в холодных бисеринах пота.

– Спасти можно, боюсь только, мне не справиться одному, – сказал он. – Помогите, друзья...

– Что делать-то? – хрипло выговорил Волкодав.

– Обнимите меня. И ни в коем случае не разжимайте рук...

Волкодав и Ниилит бросились рядом с ним на пол и крепко обхватили его с двух сторон. Ладони Тилорна легли на окровавленный живот Эвриха, справа и слева от раны.

Сейчас будет молиться, понял Волкодав. *Позовёт кого-нибудь на подмогу...* Он ошибся: Тилорн молиться не стал, по крайней мере вслух. Зато у Волкодава вдруг замелькали перед глазами огоньки. Так бывает, если долго сидеть на корточках, а потом сразу вскочить. Он почувствовал, как холодеют уши и нос. Тилорн забирал у него часть жизненной силы, чтобы каким-то образом перелить её в тело Эвриха. Точно так же он, наверное, поступил и со щенком. Вот только пёсий малыш помещался на ладонях, а сегодня они пытались спасти человека.

Волкодав хотел было оттолкнуть прочь Ниилит, но для этого требовалось высвободить по крайней мере одну руку, и он не отважился.

Огоньков перед глазами становилось всё больше. *Ну уж нет,* подумал Волкодав, стискивая зубы и чувствуя, как бежит по вискам пот. *Только попробуй мне помереть. Ещё чего выдумал. Я тебя для этого у жрецов отнимал?.. Где Правда ваша, Боги?.. Почему всякий говнюк, напяливший жреческое облачение, может от вашего имени...*

– Всё, – слабым и бесконечно усталым голосом выговорил Тилорн. – Если это не помогло... Ниилит, девочка моя, посмотри...

Волкодав открыл глаза. К его ужасу, рука учёного, перемазанная запёкшейся кровью, слепо шарилась в воздухе. Ниилит схватила её своими двумя.

– Посмотри, как он, – попросил её Тилорн.

– Ты... – начала было она, но Тилорн перебил:

– Со мной ничего не случится. Взгляни, как его рана.

Ниилит склонилась над Эврихом. Вдвоём с Волкодавом они приподняли арранта и стащили с безвольного тела рубаху. Волкодав отметил про себя, что Эврих дышал уверенно и ровно, и губы из серых сделались просто бледными. Аррант выглядел голодным, измученным и ослабевшим, но никак не умирающим. Волкодав нахмурился. Может, это пережитое напряжение шутило с ним шутки, давая увидеть то, что ему хотелось увидеть?.. Ниилит проворно размотала набедренную повязку арранта. Нагота больного мужчины для неё мало что значила.

Широкая рана, только что зиявшая в тощем животе Эвриха, почти затянулась. Глубокая царапина, слегка сочившаяся сукровицей, – и ничего больше. Если не считать отпечатков

ладоней Тилорна, выделявшихся на бледной коже, как два красных солнечных ожога. Шкурка слезет, решил про себя Волкодав...

Он обернулся к учёному, и весьма вовремя: тот потихоньку оседал на пол. Волкодав сгрёб его в охапку и ощутил немалое искушение вlepить горе-чародею какую следует затрещину. Как ни смутно было для него сделанное Тилорном, он понял одно: прежде чем прибегнуть к жизненной силе друзей, мудрец вычерпал свою собственную чуть не до дна.

– Ты что над собой учинил?.. – зарычал Волкодав. Видят Боги: будь он вполонину так зол во время поединка с двухцветным, лежать бы тому на помосте разрубленным на сорок девять кусочков. – Я тебя спрашиваю! Опять ослеп?..

– Нет. То есть я... – оправдывался Тилорн. – Несколько дней, и я буду в порядке...

– Сейчас, – сквозь зубы сказал ему Волкодав. – Ты сделаешь это сейчас.

Больше всего он боялся, что Тилорн скажет нет, и этим всё кончится. Тилорн ведь не из тех, кого можно заставить.

– Потом... – просящим голосом ответил учёный, безуспешно сисясь разжать на своих плечах пальцы Волкодава. – Потом... Когда ты выспишься и как следует поешь...

– Я сказал, сейчас, – повторил Волкодав. Он знал, что делает глупость, что Тилорн был прав... что такими делами тоже лучше заниматься, когда сыт и силён... Но ничего с собой поделать не мог. Только подумать, что едва начавшего оживать Тилорна снова ждала беспомощная слабость... слепота... – Я сказал, сейчас!

Если он что-нибудь понимал в людях, Тилорну стало стыдно. Сообразил, наверное, что заставляя друзей заново возиться с бессильным – это уж слишком. Слабые пальцы оплели запястья Волкодава... Когда-то на руках у Серого Пса умирал человек, которого венн считал своим другом. Тоже, между прочим, аррант. Умирал, замученный непосильной работой и рудничным кашлем, выевшим лёгкие. Как же молил Богов Серый Пёс, упрашивая взять частицу его силы и отдать двадцатилетнему старику, так и не посмотревшему перед смертью на солнце... Он и сам кашлял после побоев, но умирать не собирался. И, уж конечно, ни лечить волшебством, ни с небесами разговаривать он не умел до сих пор. Но допустить, чтобы Тилорн... чтобы он опять...

На этот раз он не стал зажмуриваться и увидел, как мало-помалу прилила краска к бледным щекам Тилорна, как начали разгораться живым светом глаза. Сам он, кроме нарастающей слабости и холодка в позвоночнике, ничего особенного не ощущал. Видно, Тилорн до смерти боялся ему повредить. Вот сейчас он откроет рот и скажет: «Всё, хватит». Поняв это, Волкодав крепче стиснул его запястья и напряг, как умел, волю, сисясь перелить, передать Тилорну... неведомо что...

– Всё, хватит, – тихо проговорил Тилорн. – Я же не упырь какой-нибудь.

И отпустил руки.

– А ну встань, – велел Волкодав. – Пройдись.

Тилорн послушно поднялся, шагнул к окну и вернулся.

– Ты и с самого начала *так* мог? – сидя на полу, спросил Волкодав. Вставать ему не хотелось. – Что же ты сразу-то?..

– Я... – замялся Тилорн. – Я не счёл удобным...

– Предпочёл ехать на мне верхом, – хмыкнул Волкодав.

Тилорн сперва смутился и покраснел, но потом мотнул головой.

– Я думаю, друг мой, – сказал он, – *это* отняло бы у тебя куда больше сил, нежели обуза моего брэнного тела.

Волкодав презрительно скривил губы. Вставать с полу ему, однако, по-прежнему не хотелось. Собственно, он даже не был вполне уверен, что сумеет подняться. Последний раз с ним было подобное, когда он выбрался из замка Людоеда – с помятыми рёбрами и в пузырях от ожогов. Тогда ему тоже хотелось только одного... закрыть глаза и спать, спать...

Внезапная мысль обожгла его: если с ним такое, то что же с Ниилит?.. Он разодрал успевшие склеиться веки. К его удивлению, Ниилит была на ногах и бодро сновала по комнате. Он услышал, как в дверь постучала детская рука, и повернул голову. Ниилит

приоткрыла дверь. В щели мелькнули сразу три любопытные мальчишеские рожицы, но жадное любопытство мгновенно стёр ужас. Дети любят страшные сказки, любят, чтобы их слегка попугали. Но когда страшное приключается в жизни... Книги тяжело бухнули об пол, и топоток босых пяток стремительно удалился по коридору. Потом послышался голос Авдики. Молодой сегван помог Ниилит собрать книги и внёс их в комнату. Внутренность комнаты больше походила на поле брани, но Авдике было не привыкать. Ниилит схватила тряпку и исчезла за дверью. *Подтирать побежала,* сообразил Волкодав. *Там же всюду пятна – и по всходу, и во дворе, и на мостовой...* Авдика проводил девушку глазами.

– Да нет, ничего, – донёлся голос Тилорна. – Теперь им обоим только выспаться и...

Во сне всё воспринимаешь как должное, и Волкодав не особенно удивился, увидев себя самого. Однако потом разглядел, что на том, другом, была больно уж смешная одежда: сплошь кожаная, не разделённая на штаны и рубаху, да к тому же неподпоясанная.

– Ну? – усмехнулся неведомый гость. – Узнаёшь?

Волкодав молча смотрел на него, не зная, как отвечать. И надо ли вообще отвечать.

Тот вздохнул, сделал какое-то движение... и перед Волкодавом оказался его меч, вдетый в новенькие кожаные ножны.

– Теперь узнаёшь? – снова делаясь человеком, поинтересовался меч.

Волкодав только и нашёлся спросить:

– Почему ты похож на меня?..

– А на кого мне, по-твоему, походить? – хмыкнул тот. – На Жадобу?.. – Подумал и добавил: – Если хочешь знать, мы с тобой похожи. Я тоже долго жил под землёй.

– Тебя положили в могилу? – сразу угадал Волкодав. – Кем он был?

Меч скрестил ноги, устраиваясь поудобнее.

– Он был сыном большухи рода Ежса. В двенадцать лет ему нарекли имя, и они с отцом поехали в род Скворца – просить бус у дочери тамошней госпожи. Она той весной как раз вскочила в понёву...

Волкодав вспомнил беленькую девочку, одарившую его искристой хрустальной горошиной, и улыбнулся. Ей, малышке, выкут понёву ещё годика этак через три. Тогда и придёт ей пора дарить ясную бусину тому, кто достоин. Вспомнит ли она случайную встречу в «Белом Коне»? Или послушает мать, которая наверняка скажет ей, что та бусина не считается? А может, всё-таки не позабудет старую яблоню и Серого Пса, которого не надо было бояться?

Когда-нибудь он разыщет её...

– Еженок понравился Скворушке, – продолжал меч. – Их хорошо принимали. Но на третий день в деревню забежал бешеный волк. Еженок был крепким и храбрым парнишкой. Он оборонил девочку и ударил зверя ножом, но тот успел его укусить.

Волкодав молча кивнул. Он видел бешеного волка и помнил, как сам чуть не умер от страха.

– Он умер, и Скворушка взяла в мужья его брата, – сказал меч. – Потому что теперь у них знали, кто такие Ежи. Но прежде оба рода послали к великому кузнецу и попросили выковать меч, которого незачем было бы стыдиться и кнесу.

Лучшими кузнецами всегда были мы, Серые Псы, подумал Волкодав.

– Лучшими кузнецами тогда были Серые Псы, – сказал меч. – Они даже не ставили на мечах своих клейм: знающему человеку и так было ясно, кто выковал. Так я появился на свет. Меня похоронили вместе с Ежонком, и я пролежал под землёй двести лет. Могилу разорил Жадоба, и в его руке я впервые попробовал крови.

Он произнёс это с таким отвращением, что Волкодав не удержался и сказал:

– Все мечи проливают кровь.

– Мечи исполняют то, для чего их ковали, – прозвучало в ответ. – Меня сделали для того, чтобы я отгонял зло.

– Я тоже дрался тобой, – заметил Волкодав. – Может, мне тебя... назад отнести?

– Тот курган для меня – как для тебя твой прежний дом, – ответил меч. – Ты ведь не будешь больше там жить... Жалко, не я могильному вору пальцы отсёк, – добавил он со вздохом. – Ладно, спасибо Создавшим Нас и на том, что дерёшься ты не хуже других...

Волкодав промолчал.

– Мы, мечи, не любим неправедных рук, – сказал его удивительный собеседник. И вновь принял своё истинное обличье, но голос, звонкий голос узорчатой стали, продолжал звучать: – Ты сам видел, как я бросил Жадобу. А тебя не покину, пока ты меня бесчестить не станешь...

Всё расплылось. Волкодав перевернулся на другой бок, и никакие сны его больше не посещали.

Ещё не проснувшись толком, Волкодав понял, что остался в комнате один. И ещё, что час был не ранний. Пахло стряпнёй, доносился скрип половиц, голоса, чей-то смех, время от времени – лай собак и крик петуха. Жизнь гостиного двора шла своим чередом.

Вставать до смерти не хотелось, и Волкодав позволил себе редкое удовольствие: несколько блаженных мгновений между бодрствованием и сном...

И тут же на него навалился кашель.

Он сел, торопливо вскидывая ладони к лицу, и сразу подумал, что вчерашняя самонадеянность грозила дорого ему обойтись. Это был совсем не тот кашель, которым наказывает человека случайно подхваченная простуда. Это подавала голос рудничная сырость и темнота. Волкодав знал: ещё год-два на каторге, и лежать бы ему где-нибудь в отвалах, на вековечном горном морозе. Ему повезло, Боги вывели его на свободу. Но те, чьё искусство отогнало от него смерть, предупреждали, почти как кнесинка Елень: побереги себя, Волкодав. Он только кивал. Дел в жизни у него оставалось немного. Стать воином. И разыскать Людоеда. А дальше...

Он провёл рукой по губам и посмотрел на ладонь. Ладонь была чистая. *Пока.*

Стало быть, вчера он всё-таки надорвался. Причём по собственной глупости. Дрался на поединке. Помогал колдуну тащить с того света раненого арранта. Приводил в божеский вид самого колдуна. И всё в одно утро. Жаловаться не на кого.

Нелетучий Мыш спрыгнул с насеста, которым служил толстый деревянный гвоздь, и жалобно запищал, прижимаясь к груди Волкодава. Венн усмехнулся и погладил зверька, пытавшегося поделиться с ним теплом. Совсем как когда-то.

– Вот так, – сказал он Мышу. – Надо будет крыло тебе поскорее поправить.

Как он и ожидал, Тилорн с Эврихом и Ниилит обнаружились внизу. Они сидели за столиком возле окна, распахнутого на залитый солнцем двор, и о чём-то увлечённо беседовали. Щенок лежал на полу у ног Ниилит. Волкодав кивнул и вышел наружу.

Он мылся с остервенением, раз за разом обливаясь холодной колодезной водой и докрасна надирая кожу обтрёпанным полотенцем. Потом вернулся в корчму.

– Ели? – остановившись у стола, спросил он своих.

– Спасибо!.. – хором отозвались Ниилит и Тилорн. Эврих нерешительно улыбнулся. Он ещё не взял в толк, как вести себя с Волкодавом.

Венн ссадил Мыша на стол и направился к стойке. Когда-то он долго раздумывал, позволительно ли пускать зверька на стол, почитавшийся у его народа Божьей Ладонью, или следовало кормить его на полу. Потом насмотрелся, как в придорожных кабаках эту самую Ладонь били спяну кулаком, царапали ножами, а то и попросту оскверняли... и решил, что от чисто плотного маленького Мыша ей уж точно никакой обиды не будет. Да и не с Божьей ли Ладони питалась всякая живая тварь...

Служанка за стойкой стояла к нему спиной, облокотившись на гладкую вощёную доску и болтая с судомойкой, выглянувшей передохнуть.

– Лес привезли с Зелёных Озёр, – поясняла она подруге, видимо, пересказывая слышанное от кого-то из постояльцев. – Гуляют, говорят, страсть! Хоть бы нас обошли.

Возчики тамошние...

Волкодав порылся в кошеле и негромко сказал:

– Сделай милость, красавица, покорми.

– Господин не показывался с позавчерашнего утра, – поворачиваясь к нему, игриво хихикнула розовощёкая молодая служанка, и Волкодав запоздало сообразил, что проспал почти двое суток. – Господин, наверное, был занят чем-нибудь... весьма утомительным...

– Дай кружку молока, если есть, – сказал Волкодав. – Ещё кусок хлеба и блюдо.

– Может быть, яичницу с салом? – спросила служанка.

При мысли о пузырящихся яйцах и сале, жарко шкворчащем на сковороде, у Волкодава потекли слюнки. Он мысленно взвесил свой кошелек. Деньги, что отсчитал ему Фитела, таяли медленно, но неотвратно.

– Молока и хлеба, – повторил он. – На два медяка.

Держась за край когтистыми сгибами крыльев и опустив мордочку в блюдо, Нелетучий Мыш уплетал любимое лакомство: хлеб, размоченный в молоке. Волкодав жевал свою краюху, запивая из кружки. Он очень любил молоко. И всегда вспоминал, как впервые вволю напился его, выйдя из рудника. Молоко было замечательное, с роскошных горных лугов, – парное, целебное, жирное. Но что после этого делалось в его животе, отвыкшем от человеческой пищи!..

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Тилорн.

Волкодаву не надо было смотреть в зеркало. Он сам знал, что выглядит скверно. Он пожал плечами. Врать он так и не выучился, а значит, разговор следовало направить в другое русло. Он приподнял пальцем дальний край блюдечка, чтобы Мышу было удобней, и сказал:

– Иголку с ниткой я купил, вино принёс. Когда шить будешь?

Тилорн провёл рукой по бороде, и Волкодав отметил про себя, что ногти у него на пальцах почти совсем отросли. Тилорн подумал и кивнул:

– Пожалуй, хоть сегодня.

Волкодав молча кивнул в ответ. Не сознаваться же, что глубоко в животе вдруг стало пусто и холодно.

– Позволь спросить... – осторожно кашлянул Эврих. – О каком шитье идёт речь?

– Речь идёт о том, чтобы вот этот маленький храбрец снова начал летать, – сказал Тилорн. – У него, если ты заметил, крыло порвано. Сейчас доест, и я тебе покажу.

Мыш вправду не выносил, когда его беспокоили за едой. Но вот с блюда исчезла последняя капелька, и зверёк благодушно позволил учёному растянуть на столе покалеченное крыло. Тилорн стал водить пальцем по разорванной перепонке, объясняя Эвриху, каким именно образом он собирался перекроить и составить лоскутки кожи. Эврих слушал внимательно и с явным знанием дела, только время от времени напряжённо хмурил блестящие золотистые брови.

– Просвещённейший Аледан, – заметил он наконец, – советует умащивать раны, во имя скорейшего их заживления, мёдом.

– Особенно старые и неизлечимые, – вдруг подала голос Ниилит. От волнения саккаремский акцент был заметней обычного. – А к только что нанесённым Зелхат Мельсинский советует прикладывать свежую печень, дабы ток крови не распространил лихорадку по всему телу...

Она выпалила это единым духом и смущённо покраснела. Волкодав посмотрел на Эвриха и увидел, как на его лице промелькнула тень раздражения. Стоит ли, дескать, пригожей юной девушке вступать в разговор двоих учёных мужей? Девушки должны быть красивы. И хватит с них.

Потом раздражение пропало, сменившись изумлением и любопытством.

– Тебе знакомо имя великого Зелхата, дитя? – спросил Эврих. – Но откуда?..

Ниилит залилась румянцем гуще прежнего и даже придвинулась поближе к Тилорну, рядом с которым сидела. *Не ко мне*, подумал Волкодав, сидевший по другую сторону. *К Тилорну. А если бы перед ней был не безобидный учёный спорщик, а настоящая опасность?..*

Что-то подсказывало Волкодаву, что и в этом случае она кинулась бы к Тилорну. И, пожалуй, заслонила бы его собой. Вот только Тилорн вряд ли это позволил бы. Мудрец обнял девушку за плечи, и его движение никто не назвал бы чисто отеческим.

– Я читала книги благородного Зелхата... – чуть слышно выговорила Ниилит.

– Наверное, что-нибудь из «Родника Исцеления»? – допытывался Эврих.

– Да, и эту тоже...

Тилорн улыбался с такой гордостью, как будто это он сам научил Ниилит грамоте и приохотил её к книгам. Книги, подумал Волкодав, молча слушая, как увлечённо болтали между собой три спасённых им человека. Сам он ни одной книги в своей жизни не прочитал. А они? Штук по десять каждый, наверное. Может, даже и больше. Из вежливости они говорили по-сольвенски, но Волкодав, знавший этот язык не хуже своего родного, в скором времени потерял нить разговора, а потом и вовсе перестал что-либо понимать.

Глубоко внутри, точно хищный сом под корягой, пробудилась глухая обида. Так, наверное, обижается юный отрок, когда могучий боярин, прошедший сотню сражений, небрежно выбивает у него из руки меч и спешит сойтись в потешном поединке с равным себе по искусству.

Нелетучий Мыш лежал кверху брюшком, нежась под ласковыми и осторожными руками людей. Волкодав поставил кружку на стол и ушёл на крыльцо. Странно. Он никогда не завидовал богачам и знатным вельможам, у которых ему доводилось служить. Зато этим троим, которых он, вообще говоря, одевал и кормил... он был едва ли не зол на них оттого, что они запросто рассуждали о чём-то, ему решительно недоступном...

Спустя некоторое время сзади пискнула дверь, и на крыльце появился Эврих.

– Куда же ты ушёл, благородный варвар? – весело спросил он Волкодава. – Тебе, верно, показался неинтересным наш разговор?

Волкодав не ответил, но у той его половины, которая считала себя собакой, шевельнулась на загривке щетина. Эврих глубоко, с наслаждением вздохнул и сел рядом с ним на тёплые, удивительно гостеприимные доски.

– Какой человек!.. – проговорил он и положил руку Волкодаву на колено. – Если бы ты только знал, варвар, какому светочу знаний тебе выпало счастье служить!.. Подобные умы приходят раз в пятьсот лет, чтобы оправдать существование мира...

Волкодав опять промолчал, неприязненно поглядывая на руку Эвриха на своём колене. Тот ничего не видел и не замечал, вдохновенно продолжая:

– ...И подобного человека дремучий дикарь держал в клетке и всячески истязал! Друг мой варвар, ты не знаешь, что такое неволя и пытки. Моли же своих Богов, чтобы тебе никогда...

– Почему ты называешь меня варваром? – мрачно спросил Волкодав.

Эврих оторопело умолк.

– Я... – Он заметно смутился, на скулах выступил неровный румянец. – Поверь, я ничего плохого... Я аррант, а у нас принято называть этим словом всех, кто не принадлежит...

– Ну да, – по-аррантски, со столичным выговором сказал ему Волкодав. – А также тех, кто принадлежит, но горазд только драться, пить вино и бегать за женщинами. Я не прав?

Эврих неподдельно изумился:

– Где ты так овладел нашей божественной речью?..

Волкодав не ответил.

Эврих поёрзал на месте, помолчал и наконец предложил извиняющимся тоном:

– Хочешь, я тебя читать научу?

– Нет! – сказал Волкодав. Эврих не удосужился для начала спросить его, был ли он грамотен. Ниилит с Тилорном он этого тоже, между прочим, не говорил.

Эврих тяжело вздохнул, помолчал ещё какое-то время, потом поднялся.

– Я, наверное, злоупотребил твоим гостеприимством, благородный воитель, –

проговорил он негромко. – Я надеюсь, ты позволишь мне забрать с собой книги...

Волкодав поднял голову и хмуро посмотрел на него снизу вверх.

– И далеко собрался? – спросил он арранта. – До первого угла? Или до второго?

– Я учился воинскому искусству, – обиженно выпрямился Эврих. – Я умею...

Волкодав не спеша поднялся и отряхнул кожаные штаны.

– Давай, – сказал он. – Показывай, что умеешь. Если живот не болит. Сойдёшь мимо меня с крыльца – отпущу.

...Давай, давай, думал он, разглядывая переминавшегося арранта. Отощал в плену у жрецов и наверняка ослаб, но сложен отменно. Сразу видно, этот народ не только поколениями воспевал телесную красоту, но и старался облагородить дарованное природой...

Волкодав попробовал мысленно сравнить себя с Эврихом и нашёл, что они различались примерно так же, как пушистый домашний любимец – и лютый цепной зверь, которого боится даже хозяин. Кудрявый беленький пёсик тоже может попасть в беду, исхудать и завшиветь. Но подкорми его, расчеши, приласкай – и он прежний. А ведь, казалось бы, и клыки есть, и когти на лапах...

Эврих нерешительно двинулся вниз, перешагнул ступеньку и попробовал оттолкнуть Волкодава с дороги. Венн вскинул руку, и его пальцы несильно ткнули Эвриха в шею, по обе стороны горла.

– Никуда ты не пойдёшь, – безразлично проговорил Волкодав. – Ты убит.

Возле крыльца, радуясь дармовому развлечению, уже стояло несколько любопытных.

– Как это убит?.. – отшатнулся аррант.

Волкодав пожал плечами, не убирая руки.

– А как по-твоему, что будет, если я хорошенько сожму? А потом дёрну к себе?

Эврих слегка позеленел и попытался отвести его пальцы. С таким же успехом он мог бы двигать стену.

– Это нечестно, – обиделся он. – Я не успел...

Волкодав кивнул.

– Скажи это убийце, который там тебя дожидается.

Эврих закусил губу. Венн был прав, но сдаваться юноша не собирался. К тому же он действительно знал кое-какие ухватки. *Если бы вместо меня перед ним стояло соломенное чучело, подумалось Волкодаву, этому чучелу, вероятно, пришлось бы несладко.* Он поймал мелькнувшую руку Эвриха и, обхватив кисть, слегка повернул её внутрь. Аррант тихо ахнул и согнулся в три погибели, уложив голову на сгиб свободной руки Волкодава.

– Опять убит, – сказал венн. В настоящем бою у Эвриха уже трещали бы позвонки. Волкодав выпустил арранта и усмехнулся: – Хоть бы через перильца высигнул, что ли. А то прёшь напролом, как...

Он не особенно ждал, чтобы Эврих поспешил воспользоваться советом. Но тот сразу стрельнул глазами в сторону и тем себя выдал.

Молоденькая служанка, выглянувшая из дому, сперва испугалась, потом прыснула смехом: красивый молодой аррант застыл в нелепой позе, пригвождённый к резным перильцам жёстким коленом Волкодава. Венн посторонился, давая девушке пройти, и не спеша выпустил Эвриха.

Тот чуть не плакал от бессильной ярости и унижения.

– Хватит? – спросил Волкодав. – Или ещё куда-нибудь идти собираешься?

– Ты... – задохнулся Эврих. – Ну да, ты сильней... И думаешь, что от этого...

Ага, сильней, подумал Волкодав. Причём намного. А ещё я быстрее. И выносливей. И драться учён. Именно поэтому они до тебя не очень-то доберутся...

– Поди к хозяйке, дров ей наколешь, – сказал он вслух. Добрый труд и сытная еда – вот что, по его понятиям, нужно было арранту.

Эврих с ненавистью выкрикнул ему в лицо:

– Не пойду!

Повернулся и убежал в дом.

Волкодав вздохнул и пошёл рубить дрова сам. Нравились они с Эврихом друг другу или не нравились, а лишний рот следовало кормить.

Он встал возле колоды так, чтобы одновременно видеть ворота и дверь, и принялся за работу. Никто не войдёт во двор незамеченным. И не выйдет. Ещё не хватало, чтобы аррант, оскорбившись, в самом деле сбежал. И остался валяться где-нибудь под забором, получив в живот ещё один нож. Или стрелу в затылок...

Насчёт чёрного хода, ведшего через кухню, Волкодав не беспокоился: по заднему двору днём и ночью разгуливала злющая и очень чуткая псица. Сам он подружился с нею сразу и прочно. Он умел, как учили в его роду, мысленно облекать себя в пёсью серую шкуру. Благодаря этой способности самые злые собаки на него не только не бросались, но даже не лаяли, угадывая жоака. Бывало и так, что он собакам приказывал, и они понимали...

...А может, я ему мстил, спросил себя Волкодав. *За то, что пришлось надсесться, спасая жизнь обормоту. За то, что он умеет читать, а я не умею. Шибко умный, мол... И вообще, не забывай смотри, что ты мне по уши... что я тебя от жрецов... что ты у меня вот где сидишь...*

Волкодав поставил очередной чурбак на колоду и взмахнул колуном.

А ну его, подумал он затем, уворачиваясь от неудачно отлетевшего полена. *Пуускай думает что хочет. Не буду я ничего ему растолковывать. Да и не растолкую, всё равно не поймёт. Я одним способом только убеждать умею... Но со двора ты у меня не пойдёшь. Никуда не пойдёшь.*

Дверь скрипела, открываясь и закрываясь, люди входили и выходили. Когда на крыльце появился Эврих, Волкодав не бросил работы. У арранта в руках не было книг. Значит, решил всё же остаться.

Он несколько удивился, когда Эврих пошёл прямо к нему. Стараясь не глядеть на Волкодава, молодой грамотей поднял второй колун и поставил на свободную колоду чурбак. Если Волкодав что-нибудь понимал, вид у Эвриха был немного пристыженный. Кто его вразумил? Ниилит, Тилорн, Авдика или сама госпожа Любочада, выглянувшая из кухни?.. Волкодав не стал интересоваться.

Наколов десятка два поленьев, Эврих положил колун, тоскливо посмотрел на свои руки и присел передохнуть. Волкодав продолжал работать. От его ладоней могли приключиться мозоли у топорщика, но никак не наоборот. Они с Эврихом так ничего и не сказали друг другу.

В полдень Тилорн попросил у Волкодава нож и, попробовав пальцем, убедился в его отменной остроте. Крепкие нитки из халисунского шёлка вместе с тонкой иглой уже плавали в маленькой чашке, опущенные в вино. Устроившись за столиком, Тилорн взял Нелетучего Мыша на ладонь, пристально посмотрел ему в глаза, потом слегка дунул в мордочку. Светящиеся бусинки сейчас же закрылись. Зверёк сладко зевнул, но, вместо того чтобы повиснуть вверх лапками и закутаться в крылья, попросту обмяк у Тилорна на ладони. Положив Мыша на чисто выскобленный стол, учёный расправил его большое крыло и, велел Эвриху придерживать, начал протирать перепонку мягкой тряпочкой, обмакнутой всё в то же вино...

Волкодав полагал, что успел-таки насмотреться в своей жизни всякого. Он убивал. Он спасал от смерти. Он наносил раны и зашивал раны. В том числе на своей собственной шкуре. Но при мысли о том, как отточенное лезвие вот сейчас рассечёт тонкую, беззащитную кожу Мыша...

– Я... могу как-нибудь?.. – выговорил он сипло. – Ну... как тот раз...

– Да нет, – сказал Тилорн. – Мы справимся, он ведь маленький.

Мы, подумал Волкодав.

– Мы с Ниилит, – ни дать ни взять подслушал его мысли Тилорн. И покосился на

смущённую девушку: – Если бы ты знал, какие силы ей доступны...

Волкодав вышел из комнаты и притворил за собой дверь.

Некоторое время он неподвижно стоял, прижимаясь к двери лопатками, и ждал, холодея, чтобы изнутри вот-вот раздался отчаянный крик Мыша. Такой же, как тогда, когда ему попало кнутом. Однако Мыш молчал. В комнате было почти совсем тихо, только время от времени негромко говорил что-то Тилорн. Волкодав слышал голос, но слов разобрать не мог. Он пожалел о том, что не спросил мудреца, долго ли они провозятся. Но в комнату возвращаться не стал.

Между тем внизу, в корчме, нарастал подозрительный шум. Волкодав невольно прислушался, и шум ему не понравился. *Для вечерней пирушки ещё рановато. Значит, просто кто-то кого-то не полюбил. Бывает,* сказал себе Волкодав и покосился в сторону вихора. *Для того, чтобы поссориться, великого ума обычно не надо. Если сейчас ещё и скамейки падать начнут...*

На пол с тяжёлым стуком опрокинулось сразу две скамьи. Послышался истошный визг служанок, невнятный мужской рык и глухие шлепки, какие производит кулак, с маху врезающийся в тело. Волкодав вздохнул, нахмурился и пошёл на шум. У госпожи Любочады было двое здоровенных работников, но нарочитой охраны она не держала. Её постоянный двор любили и знали. У неё останавливались торговые гости и при них – оружные, умеющие драться ватажники. Всегда найдётся кому унять забияк, выставить вон не в меру расходившегося буяна...

Волкодав ещё не успел достичь лестницы, когда навстречу ему, подхватив подол, опрометью взлетела перепуганная служанка. Та самая, что сватала ему яичницу с салом. За девушкой, ругаясь, гнался незнакомый мужчина, крупный, сивобородый, раза в два старше самого Волкодава. *Бес в ребро,* хмыкнул тот про себя. *Давай, приятель. Попугал девку, и будет. Теперь меня пугай.*

Заметив венна, служанка пискнула и спряталась у него за спиной. У её преследователя поблёскивал в кулаке нож, а на поясе висел свёрнутый кнут. Возчик, сообразил Волкодав. Из той ватаги, про которую он слышал утром в корчме.

Вообще-то он был не против молодецких потех. Хотя сам в них участия не принимал никогда. Если такой уж зуд в кулаках, почему бы, в конце концов, по доброй охоте и не почесать их друг о друга. Но чего ради при этом крушить скамьи и переворачивать столы, топчя по полу добрую еду и пугая людей? А уж гоняться с ножом за девчонкой – это вовсе ни в какие ворота не пролезало.

– Остынь, – посоветовал он мужчине. Волкодав не очень надеялся, что тот послушает, и заговорил больше в знак того, что убивать задиру не собирался. Возчик ринулся на него, грозя ножом. Широкоплечий бугай, захмелевший ровно настолько, чтобы Светынь была по колено. Не удивительно, что девочка бежала, как от смерти. Волкодав и сам испугался бы. В давно прошедшие времена.

Он не стал бить – просто без большой спешки отступил в сторону и чуть-чуть подправил буяна за рукав, чтобы тот уж точно не промахнулся лбом мимо стены. Брёвна оказались крепче. Врезавшись в них с разбегу, возчик обвалился на пол и остался лежать.

Так ли я использую твою науку, Мать Кендарат?..

Волкодав поднял укатившийся нож, снял с забияки пояс с ножнами и всё вместе отдал служаночке:

– Побереги для меня.

Оружие, отобранное в драке, по праву переходило к отнявшему. Что с бою взято, то свято.

Оседлав оглушённого возчика, Волкодав сноровисто обмотал ему запястья длинными завязками от его же собственных башмаков. Чтобы не мог ни высвободиться, ни встать. Оставив его на полу, венн пошёл к лестнице.

Он сразу увидел внизу Авдику и Аптахара. Отец с сыном держались вблизи стойки, не подпуская разгулявшихся молодцов к кухонной двери, за которой, как все хорошо знали, сохранялись запасы выпивки и еды. И прятались молоденькие стряпухи. Двое сегванов действовали ловко и слаженно – любо-дорого поглядеть. Авдика заметил Волкодава и обрадованно махнул ему рукой. За городскими стражниками наверняка уже побежали, но, пока суд да дело, любая подмога кстати.

Подумав немного, Волкодав спустился вниз, но от лестницы далеко отходить не стал. Ещё не хватало, чтобы буяны забрались наверх и начали безобразничать, пугая жильцов...

Между тем ко всходу устремился крепкий парень, несколько не уступавший Волкодаву ростом. Наверное, решил разузнать, куда это запропал пустившийся за девчонкой приятель. А может, просто увидел нового человека и на всякий случай решил для начала влить ему между глаз?.. Волкодав знал свою внешность. Трезвые люди обычно остерегались с ним связываться. Пьяные же, наоборот, принимались его задираить. По крайней мере когда видели его впервые. Он давно отчаялся понять почему.

Волкодав перехватил кулак, устремившийся ему в лицо, и слегка провёл детину вперёд, помогая потерять равновесие и опереться подмышкой на выставленное плечо. И отправил возчика мимо себя в проход между лестницей и столами, хорошенько приложив об пол. В бою он, пожалуй, грохнул бы парня о ступени и наверняка сломал ему спину, но нынче боя не было – обычная потасовка. Ему случалось подрабатывать вышибалой в придорожных корчмах. Местные драчуны довольно быстро усваивали, что кулаками махать лучше где-нибудь в другом месте. Хотя ни одной проломленной головы на его счету не было.

Волкодав по-прежнему держался у лестницы, решив её постеречь. И правильно сделал: спустя некоторое время поверженный возчик зашевелился на полу и начал вставать. И не просто вставать. Рука его упорно тянулась к ножнам на поясе.

Удивительное дело, вздохнул про себя Волкодав, ну почему большинство людей воображают, что делают вдвое значительней и грознее, стоит им схватиться за нож?.. Волкодав успел бы убить парня тридцать три раза, пока тот вставал. Причём голыми руками. Ладно, пусть идёт, ежели ума нет...

И тот пошёл, безбожно ругаясь и – как казалось ему самому – очень умело метя снизу вверх нешуточных размеров ножом. Вот такие детинушки и творят в пьяном угаре неведомо что. А когда улетучивается хмель и настаёт пора отвечать, режут белугой и сами ужасаются собственным лихоедством. Которых и припомнить-то толком не могут. А жалостливый народ с готовностью роняет слезу и просит судей не брать греха на душу, не губить саженное «дитятко», молодость его пожалеть, не бесчестить родительские седины.

Положим, тот, связанный наверху, успел бы сцапать служанку...

Увечить громилу Волкодав всё же не стал, хотя и считал, что следовало бы. Он выгнулся в сторону, уходя от удара (а был бы не так проворен, получил бы все шесть вершков железа прямо в кишки), после чего перегнул парню локоть и подхватил выпавший нож. «Чёрно-белая ласточка пьёт на лету из горной реки». Возчик взвыл от боли и попытался достать венна кулаком, но короткое движение обеих рук вновь утомонило его на полу. Теперь уж надолго.

Волкодав снял с пришибленного возчика пояс и забросил его наверх лестницы, откуда уже несло неразборчивое рычание связанного. Венн видел, как из потёмки коридора выглянула бледная растрёпанная служаночка и забрала ремень. *Интересно, сколько поясов она соберёт, покамест наконец не явятся стражники. Или они не всюду попевали так споро, как тогда в мастерскую Вароха, за мнимым Жадобой?..*

Он судил несправедливо. Едва он успел подумать о стражниках, как они с топотом ввалились внутрь через кухню: видимо, с улицы, по которой они прибежали, так было быстрей. Их примчалось не меньше десятка, все молодые, крепкие и настроенные решительно. Гуляк вынесло во двор, точно волной. Волкодав проводил глазами тех и других и подумал, что теперь уже дело как-нибудь завершится и без него. Он повернулся ко всходу, собираясь подняться наверх и проведать, как дела у троих лекарей... И остановился, холодея

от самого настоящего страха. Драка ненадолго отвлекла его; *а вдруг там... а вдруг Мыша уже...*

В это время со двора послышались крики. В криках звучала злоба и боль, и Волкодав оглянулся. Выкрики сопровождались громкими хлопками, которые мог производить только кнут. Кнут, заносимый многоопытной и умелой рукой. Волкодав нахмурился. Потом мрачно сжал зубы и пошёл на крыльцо. Кнутов он очень не любил. И когда под кнутом кричат – тоже.

Во дворе действительно оборонялся один из пьянчужек. Взятый стражниками в кольцо, возчик не подпускал их к себе, страшая тяжёлым длинным бичом из тех, что даже на щите оставляют отметину. Пьяный или трезвый, владел он им как собственной рукой. Стражники, конечно, могли бы смять его числом, но для этого кто-то должен был шагнуть первым. И получить как следует. Кровавую полосу через всё брюхо, если не выбитый глаз. Все это понимали, и желающих было немного. Вот отскочил в сторону Аптахар и тяжело сел наземь, ругаясь по-сегвански и по-сольвенски: на его штанине возле колена проступила кровь. Авдика тоже помянул волосатые Хёгговы шульни и кинулся было мстить за отца, но гранёный конец кнута тут же разорвал рубашку на его боку. Молодой сегван закричал в голос и, упав, поспешно откатился прочь. Аптахара и Авдику Волкодав считал своими друзьями. Не особенно близкими, но всё же. Он увидел, как один из стражников поднял с земли лук и потянул из тула стрелу.

Волкодав молча пошёл вперёд, и стражник опустил лук, а остальные заинтересованно обернулись. Возчик явно способен был снять кнутом слепня с уха любого из своих упряжных коней, не потревожив при этом ни шерстинки. *Стегал ли он когда-нибудь самих коней,* подумал Волкодав. *Нет, вряд ли. Наверное, он их любил и берёг. В Самоцветных горах надсмотрщики, случалось, тоже баловали приبلудившуюся живность...*

Волкодав почувствовал, что звереет. Он понимал, что сейчас опять сделает глупость, но эта мысль прошла каким-то краем сознания, а ноги уже несли его вперёд, навстречу громко щёлкавшему кнуту. Бывало, надсмотрщик выходил на поединок с крепким рабом, не имея иного оружия, кроме кнута. И этого обычно хватало. Если бы возчик был менее пьян, он, возможно, присмотрелся бы к лицу Волкодава и удрал без оглядки. Но он присматриваться не стал. Он расхохотался и стегнул венна кнутом. Вернее, то место, где венн был мгновение назад. Волкодав уже летел к нему, распластываясь в прыжке. Левая рука, выброшенная вперёд, мёртвой хваткой стиснула кнутовище. Между тем как правая сложилась в кулак и...

Перед его умственным взором предстала маленькая старушка верхом на смирном, мышастого цвета ослике. Она строго смотрела на Волкодава и грозила ему пальцем, укоризненно покачивая головой.

Венн остановился, понимая, что был очень близок к убийству. Ещё хуже, чем тогда, на причале. Что-то жуткое рванулось наружу и, остановленное у самого края, снова уползло в потёмки души. Стыд и срам. И наука на будущее.

Кажется, один только возчик так и не понял, что едва не погиб. Ему, правда, было особо и некогда поразмыслить об этом, потому что Волкодав обошёл без кулака – попросту пнул его в колено и сшиб с ног. Подскочившие стражники в один миг скрутили гуляку.

– А ты, венн, и убить можешь, – задумчиво сказал Волкодаву старшина. Тот запоздало сообразил, что дышит точно вытщенная рыба, и задумался, как надлежало понимать эти слова. Как похвалу? А может, как предостережение? Ни в том ни в другом Волкодав не нуждался. А впрочем, наверное, не зря порядочные люди не хотели брать его на работу.

– Может, и могу, – буркнул он сквозь зубы и повернулся идти.

– погоди, венн, – остановил его старшина.

Волкодав оглянулся, и воин передал ему снятый с возчика пояс:

– Держи. Ты побил, тебе и владеть.

Волкодав мыл пол. Это был ещё один надёжный способ изрядно скостить плату за стол

и постой. Волкодав знал, что хозяйка навряд ли оставит его добровольный труд без милостивого внимания. Ещё он знал, что рано или поздно начнутся почти неизбежные смешки по поводу мужчин, до того привыкших слушаться женщин, что им уже и женская работа нипочём. Замечаниями насчёт неподходящей работы бывалого каторжника пронять было трудно. Если же ядовитые языки слишком распускались, он их укорачивал испытанным средством, столь же нехитрым, сколь и надёжным. Поворачивался лицом и вставал во весь рост. Действовало безотказно. Во всяком случае, на трезвых людей.

Сняв рубаху и закатав штаны по колено, Волкодав вымел наружу солому, которой по сольвенскому обычаю усыпан был пол. Обмакнул тряпку и принялся тереть половицы в углу, под одним из столов. И почти сразу же, совсем некстати, через порог шагнул человек.

Волкодав скосил глаза и признал в нём одного из вчерашних гуляк. Того крепкого, которого пришлось успокаивать дважды. Под глазом у парня красовался великолепный синяк, да и шей по сторонам он старался особенно не крутить. Что он здесь потерял? Сквитаться решил?.. Волкодав равнодушно отвернулся от него и вновь принялся за работу.

Некоторое время возчик молча переминался с ноги на ногу, глядя, как равномерно двигается его спина. Волкодав не оглядывался, и наконец сзади послышалось робкое:

– Эй, венн...

Волкодав не спеша повернул голову. Здоровенный парень тискал в ладонях кожаную шапку, и чувствовалось, что одна рука у него болит до сих пор. То есть вид у детинушки был совсем не задиристый. Скорее наоборот: смущённый и даже просящий. На всякий случай Волкодав не стал отвечать, но тряпку положил. Послушаем, что скажет.

И парень, не поднимая глаз, попросил:

– Отдай мне мой пояс с ножом, венн.

Сквозь бурый загар на его лице проступала яркая малиновая краска. Он помялся ещё и добавил совсем тихо:

– Пожалуйста...

Волкодав сел на корточки, сложил руки на коленях и поинтересовался, глядя на него снизу вверх:

– А с какой стати мне его тебе отдавать?

Тот так и не отважился посмотреть ему прямо в глаза, и Волкодав подумал, что краснеть подобным образом можно было только от стыда.

– Мне... от батюшки он... – глядя в сторону, ответил сольвенн.

У Волкодава на дне заплечного мешка хранилось сокровище: старый-престарый молот, которым некогда работал его отец. Единственное наследие, чудом перешедшее ему от родни. Волкодав скорее согласился бы отрубить себе руку, чем его потерять. А этому вот дурню предстояло вернуться домой и рассказывать там, как сберегал родительскую памятку. Что утратил её не в правом бою, защищая жизнь друга или добро. Что напился пьяным и сдуру замахнулся заветным ножом на встречного венна, как выяснилось, слишком ловкого драться...

Волкодав едва не велел молодцу выкатываться подобру-поздорову вон из харчевни. Но посмотрел ещё раз на густо-малиновую рожу молодого сольвенна... и передумал. Парень, как видно, стыда ещё не забыл, и у Волкодава, человека далеко не мягкосердечного, что-то шевельнулось внутри. Бросив тряпку, он поднялся на ноги, отметив про себя, как попятился горе-драчун, и ушёл по всходу наверх. Благо помнил, который из трёх поясов отнят был у просителя.

Нелетучий Мыш спал на подушке, целиком запелёнутый в чистую тряпочку. Наружу выглядывала только ушастая голова да задние лапки. Зашивание крыла увенчалось отменным успехом, но на всякий случай Тилорн почти не позволял зверьку просыпаться: только для еды, да и то не полностью. Полусонный Мыш глотал хлеб с молоком и вновь сладко засыпал, не обращая ни малейшего внимания на повязку. Волкодав хотел погладить пальцем чёрную мордочку, но не отважился. Взял пояс и вышел так же тихо, как и вошёл.

Самое обидное, нож был заметно лучше двух оставшихся: длинный, с крепким,

хорошей работы клинком и гладкой костяной рукоятью. Рукоять эта, правду молвить, ввела Волкодава в некоторое сомнение. Выглядела она не отцовым наследием, а скорее так, будто её купили на торгу седмицу назад. Скажем, поставили вместо старой, надтреснутой. Волкодав пригляделся к лезвию. Умелый кузнец расположил между железными полосами тонкую стальную пластину: снашиваясь при работе, такие клинки сами себя точат. Вот только лезвие вовсе не было стёрто или выедено возле основания, как случается у старых ножей.

Волкодав пожал плечами. Вряд ли парень соврал ему. Если он врал, значит, либо сам был глупцом, либо его держал за беспросветного дурака. И на то и на другое было мало похоже. Скорее, старый батюшка действительно подарил наследнику нож. Только не прадедовский, а ещё тёпленький, с наковальни. Мало ли что в жизни бывает. Волкодав взял пояс и спустился по лестнице вниз.

Он шёл по ступенькам и думал о том, что, наверное, должен был что-то сказать. Что-нибудь насчёт того, чтобы больше не срамился. Он знал, что промолчит. Такое говорить без толку. Рожоного ума нет, не дашь и учёного. А есть, сам всё поймёт.

Он отдал парню нож, и тот только что не бухнулся перед ним на колени:

– Спасибо, венн...

Волкодав повернулся к нему спиной и вытащил из ведра тряпку.

В крохотной комнатке, предназначенной для одного-единственного человека, оказалось уже четверо постояльцев. Погода держалась тёплая, и Волкодав решил, что кому-то придётся уйти ночевать во двор. А лучше, если двоим. Волкодав рассудил, что одним из двоих будет он сам. Вторым же... Он снял с деревянного гвоздя свой старый шерстяной плащ и позвал Эвриха:

– Пошли.

Молодой аррант двинулся следом за ним послушно, хотя и без большого желания. Но едва он успел сделать шаг, как мимо него проскользнула Ниилит.

– Лучше я... – сказала она и, смутившись почти до слёз, низко опустила пушистую голову. Эврих уставился на неё в немом изумлении. Волкодав посмотрел на девушку, потом на весело шутившегося Тилорна. Коротко кивнул и повесил на руку плащ.

Эврих проводил их глазами...

– Какое сокровище! – сказал он, полагая, что Волкодав уже не мог его слышать. – Какое сокровище! И какому зверю досталось!..

Тилорн сел на кровать и широко улыбнулся. В отличие от Эвриха, они с Волкодавом хорошо знали саккаремский закон: молодой девушке ни в коем случае не следует ночевать наедине с человеком, которого она считает своим женихом.

– Ниилит действительно сокровище, – сказал он Эвриху. – А в остальном, друг мой, ты заблуждаешься. Весьма даже заблуждаешься!

Волкодав принёс несколько охапок соломы, которую предполагалось назавтра разбросать по полу корчмы. Ниилит постелила тёплый старый плащ, сняла башмачки и скоро уснула, по обыкновению свернувшись калачиком. Волкодав лежал рядом с ней и смотрел в бледное небо, слушая невнятный шум затихающего города. Бок и бедро ощущали нежное, доверчивое тепло её тела, и Волкодав вспоминал виденное когда-то в детстве: громадный грозный пёс, растянувшийся на солнышке у крыльца... и маленький трёхцветный котёнок с коротким хвостиком-морковочкой, устроившийся возле самой его морды, в каком-то верхке от страшных клыков...

Потом он в который уже раз подумал о девочке, чья хрустальная бусина по-прежнему висела у него на ремешке. Волкодав улыбнулся. Он обязательно разыщет её. Через несколько лет, когда она войдёт в возраст невесты. И если его самого до тех пор не убьют. Может, она к тому времени начисто позабудет хмурого парня, сидевшего под розовой яблоней. А может, и не забудет. Пускай всё совершится так, как отмерила Хозяйка Судеб. Пускай себе идёт

замуж за кого пожелает, за него ли, не за него. Волкодав знал, что всё равно будет благодарен этой девочке до конца своих дней. Потому что именно она объяснила ему, что он всё-таки жив. Одиннадцать лет перед этим он был мёртв. Даже хуже мёртвого. Как ещё назвать человека, тысячу раз уходившего от смерти единственно ради того, чтобы убить другого человека и умереть самому?.. И лишь в тот вечер впервые дрогнул в нём замороженный кусок льда, который другие люди называли душой, впервые шевельнулась в груди частица тепла...

Двадцатитрёхлетний мужчина, из-за седины и шрамов выглядевший на все сорок, вспоминал маленькую девочку, которой только ещё предстояло стать девушкой, смотрел в небо и улыбался неизвестно чему.

Где ты, Мать?
Как мне встретить Тебя, как узнать?
Почему далеко до родного крыльца?
Почему не могу даже толком припомнить лица?..
Кто обрёл нас друг друга по свету искать?

Где наш дом?
Отражаются звёзды в реке подо льдом.
Я утраты считать разучился давно.
Не сыскать ни следа, и на сердце темно...
Кто судил нашу жизнь беззаконным, жестоким судом?

Отзовись!
Может быть, мы у разных племён родились?
Может, разных Богов праотцы призывали в бою?
Всё равно я узнаю Тебя. И колени склоню.
И скажу: «Здравствуй, Мать. Я пришёл. Вот рука —
обопрись...»

6. Старик и старуха

Волкодаву везло.

Во-первых, крыло у Мыша заживало надёжно и быстро и обещало стать крепче нового. Тилорн сулился вскоре снять швы и утверждал, что зверёк снова сможет летать.

Во-вторых, Волкодав выбрал время и наведаясь в мастерскую Вароха. Он ведь пообещал старому сегвану, что непременно заглянет его навестить: данное слово требовалось сдержать. Был и достойный предлог — он собирался попросить мастера приделать к ножнам особый насест для Мыша. Кончился его поход в мастерскую тем, что Варох не только притащил треугольную петельку из жёсткого негнувшегося ремня, но и пригласил Волкодава переехать к нему жить:

— Дом большой, а семья — сам видишь... С внучком вдвоём, точно в могиле...

Волкодав поразмыслил и принял приглашение, понимая, что старику это было едва ли не нужнее, чем им четверым. В тот же день он распрощался с госпожой Любочадой — добрую хозяйку искренне огорчил уход постояльцев, — и, захватив скарб, по-прежнему легко умещавшийся в заплечном мешке, отвёл своё, так сказать, семейство в дом к старику.

Тилорн, для которого это была первая за долгое, долгое время прогулка, радовался, как мальчишка. Любопытство учёного не знало предела. Дай ему волю, он, пожалуй, добрался бы до мастерской через месяц. Волкодав прекрасно понимал это и неумолимо влёк друга вперёд, не давая разговориться ни с уличным продавцом калёных орешков, ни с меднолицым

всадником из страны Шо-Ситайн. При этом от венна не укрылось, с каким раздражением поглядывал на него Эврих. Ну ещё бы. Невежда, неграмотный варвар, взявшийся указывать мудрецу. *Интересно, думал Волкодав, что ты запоёшь, если снова появится тот убийца с ножом. Хотя нет, ничего ты, скорее всего, не запоёшь. Ты его и увидишь-то не успеешь. А я успею. Может быть. Потому что я, в отличие от тебя, настороже...*

К его немалому облегчению, до мастерской они добрались без каких-либо приключений. Варох принял их со всем радушием, и Волкодав, которому случалось время от времени жить у добрых людей, в очередной раз сравнил про себя жизнь в доме с жизнью на постоялом дворе. *Двор, он и есть двор,* сказал себе венн. *Кто-то уехал, кто-то приехал, никому до остальных нету ни малейшего дела. Если только те, остальные, его не ограбили и не обсчитали. А дом, на то он и дом, чтобы каждый стоял за всех. И все вместе – за каждого...* Ниилит мигом вымела с кухни расплотившихся пауков. Волкодав, помогавший ей убирать, лишний раз подивился тому, как быстро дичают мужчины, оставшиеся без мудрой женской руки. Вскоре в доме, кажется, впервые за полтора года, запахло пирогами. А Тилорн с Эврихом, посоветовавшись, уговорили хозяина привесить рядом с прежней вывеской новую, поменьше и поскромнее: чернильницу да перо. И на другой день уже принимали первого посетителя – купца, надумавшего составить письмо. После его ухода они чуть только не плясали, потрясая двумя большими серебряными монетами.

На радостях учёные принялись вразумлять грамоте дедова малолетнего внука. Смышлёный мальчишка, всего на четверть сегван, носил сольвенское имя: Зуйко.

– Ты не выгонишь нас, если другие дети станут ходить?.. – спросил Вароха Тилорн. Варох, насидевшийся в одиночестве, не возражал. Волкодав же смотрел на шустрого внука, постигавшего хитроумное искусство читать, и молча завидовал. Он и сам сел бы с ним рядом. Если бы там был один только Тилорн. Без Эвриха. Который немедленно отмочит что-нибудь такое, после чего останется только голову ему оторвать. Или не скажет, но велика радость всё время сидеть на иголках и ждать...

Впрочем, везение продолжалось, и вскоре Волкодаву попался кольчужник, согласившийся обменять две разбойничьи брони на одну веннскую, по его мерке.

Надо было бы радоваться, но Волкодав всё больше мрачнел. Он по опыту знал, что подобное везение ничем хорошим у него не кончалось.

С самого дня стычки на лесной дороге он не вытаскивал взятых кольчуг. Теперь он осмотрел их и обнаружил следы ржавчины и спёкшейся крови. Прежде чем нести к броннику, кольчуги надлежало хорошенько почистить. Волкодав запасся мелом и древесным углём и отправился на морской берег, думая устроить костёр. Город изрядно-таки ему надоел.

– Можно мне с тобой?.. – запросилась Ниилит.

Волкодав не стал возражать. Отчего бы и не побаловать девчонку, так любившую море?

Они шли по городской улице среди кишашего, суетящегося, снующего люда. Волкодав поглядывал на вывески, пестревшие справа и слева и обозначающие то корчму, то скобяную лавку, то пекарню, где можно разжиться свежими калачами. Волкодав только повёл носом, втягивая сдобный аромат, и вздохнул. Одно из веннских проклятий гласило: *«Чтоб тебе всю жизнь есть хлеб, не матерью испечённый»...*

Он давно уже обратил внимание, что на иных вывесках, кроме ярко раскрашенных, всякому внятных знаков из дерева или кованой меди, красовались ещё и буквы. И неожиданная мысль осенила его. Ниилит ведь тоже умела читать. И не только по-саккаремски. Айр-Доннов «Белый Конь» стоял уже в сольвенской земле, а значит, и надпись на вывеске была сделана по-сольвенски...

– Ниилит, – попросил он. – Читай мне вывески. Все, где буквы есть...

Ниилит удивилась его просьбе, но послушно стала читать. Волкодав хмурился, напряжённо запоминая. Запоминать оказалось неожиданно тяжело, хотя на память он не

жаловался никогда. Буквы – это не следы в лесу и не силуэты птиц, летящих над головой. Наука грамоты напоминала ему скорее ухватки рукопашной или приёмы с оружием, которые тело усваивает само и само же пускает в ход, когда приходит нужный момент. Волкодав видел, как читали учёные люди. Они не задумывались над каждой закорючкой в отдельности, а сразу схватывали полстраницы. Точно так же он сам отражал вражеский наскок, с мечом или без меча, не задумываясь над каждым движением руки или ноги...

Но самое скверное – очертания сольвенских букв были начисто лишены какого-либо понятного смысла. Волкодаву доводилось видеть всевозможные письмена, в том числе и такие, что обозначали сразу целое слово. *Наверное*, рассудил он, *их было не в пример легче запоминать. Эти же...*

– Сколько всего букв? – спросил он Ниилит.

– Сольвенских? Тридцать шесть.

Волкодав подумал и переменял своё мнение. Во всех известных ему языках было не тридцать шесть слов, а гораздо, гораздо больше. Он стал было прикидывать, сколько разных слов можно составить из тридцати с лишним букв... но сразу понял, что этого ему не сосчитать до гробовой доски.

Ниилит искоса поглядывала на своего спутника и медленно, внятно читала ему всё новые вывески, особенно стараясь в тех случаях, когда произносилось не так, как было написано. Она сразу поняла, зачем ему всё это понадобилось. Поначалу она едва не лягнула глупость и не присоветовала ему обратиться к Эвриху или Тилорну, но, благодарение милостивой Богине, вовремя прикусила язык. Волкодав был горд и очень упрям, это она уже поняла. Если он решил поучиться именно у неё, значит, была какая-то причина. Ниилит хотела расспросить его, но не решалась. С Волкодавом надо бояться только небесного грома, но и запросто обо всём с ним не поговоришь, это всё-таки не Тилорн. Волкодав больше напоминал ей растение сарсан, водившееся в её родных местах. Тронь его, и плавучий лист сейчас же свернётся в зелёный, утыканный колючками шар...

Волкодав вдруг остановил её, поймав за плечо:

– Погоди... попробую сам.

Он не дал себе поблажки. Вывеска над дверью корчмы состояла аж из двух слов, а рядом был изображён здоровяк с огромным ножом, схвативший за крутые рога упирающегося барана.

– «Бараний Бок», – осторожно, точно идя по болоту, прочитал Волкодав. – Правильно?

– Правильно! – радостно подтвердила Ниилит, заглядывая ему в глаза. И добавила искренне: – У тебя очень хорошо получается. Ты такой умный!

Только Эвриху этого не говори, подумал венн. *Упадёт ведь*. Воодушевлённый успехом, он с ходу прочитал ещё две вывески и ни разу не ошибся, хотя в одной из надписей встретила незнакомая буква. Вот только чувствовал он себя так, будто полдня грёб, и всё против течения. Он вспомнил, как Эврих колот дрова и с непривычки сразу нажил мозоли. Ум тоже можно намозолить, оказывается.

– Ты мне как-нибудь потом нарисуй все буквы, – попросил он Ниилит. – Хорошо?

– Сама-то ты как грамоте обучилась? – спросил он немного погодя, когда оба сочли, что для первого раза более чем достаточно.

Ниилит почему-то опустила голову.

– Меня научил наш почтенный сосед... да прольётся дождь ему под ноги, если только Лан Лама ещё не унёс его душу на праведные небеса...

Волкодав вспомнил:

– Тот самый, что ещё хотел купить тебя в жёны?

Ниилит только кивнула.

Ну ничего себе сосед, подумалось венну. Ниилит как-то рассказывала о нищем городишке между плавнями и океаном, где ей довелось вырасти. В подобной дыре сойдёт за великого грамотея любой, кто способен кое-как нацарапать своё имя. А уж учить... Да кого –

соседскую дочку! Волкодав знал Саккарем, страну робких женщин и спесивых мужчин, мнивших о себе гораздо больше, чем следовало бы. Нет, тут определённо крылась какая-то тайна. Волкодаву и прежде случалось об этом задумываться, другое дело, сперва ему было всё равно, а потом стало не до того.

– Нечасто, наверное, встречаются такие соседи, – заметил он осторожно. Сам он до смерти не любил, когда его заставляли рассказывать о себе. Значит, и другому вполне могло не понравиться его любопытство.

– Он был похож на Тилорна, – печально ответила Ниилит. – Если бы они встретились, они бы обязательно подружились. Они даже похожи немного... бороды, волосы... Только Тилорн на самом деле молодой, а Учитель был старым...

– И хотел купить тебя в жёны? – подозрительно спросил Волкодав.

Ниилит порозовела под его взглядом.

– Всё... совсем не так, как ты думаешь, – сказала она венну. – Он жил у нас в ссылке, не имея ничего, кроме своих знаний. Он сам так говорил. Он хотел многому меня научить. Он просто не мог иначе забрать меня у родни...

– Уж не он ли и книги тебе давал? – спросил Волкодав. – Того великого лекаря. Белката... как там его?

– Зелхата, – сказала Ниилит. – Благородный Зелхат отбывал у нас ссылку после того, как молодой шад изгнал его из Мельсины...

– Вот как, – проворчал Волкодав. И надолго замолчал.

Галирадцы, избалованные щедротами Морского Хозяина, с давних пор привыкли пополнять запасы дров на морском берегу. После каждого шторма волны исправно выбрасывали то ободранные коряги, то обломки разбитых корабельных досок, а то и целые брёвна. Всё это до последней щепки сгорало в прожорливых очагах и печах Галирада и служило горожанам немалым подспорьем. Дрова в Галирад привозили издалека, потому что рубить лес вблизи города давным-давно воспретили волхвы.

А ещё город помнил, как пять лет назад в прибрежных валунах застрял громаднейший ствол в ошмётках чёрной коры, до того неподъёмный, что вытащить его не смогла даже упряжка могучих тяжеловозов. Тогда ствол начали пилить, но пилы и топоры с трудом его брали. Древесина же оказалась цвета кленового листа осенью. Породу дерева опознал чернокожий мономатанский торговец:

– Это благословенный маронг, драгоценный, как слононая кость. Он не гниёт, почти не горит и отгоняет болезни. Он чёрен снаружи и красен внутри, как истинный человек. Срубить его – всё равно что убить человека. Тот, кто срубит маронг, целый год живёт в отдельной хижине, не ест за общим столом и не смеет прикоснуться к жене...

Всё лето до осени плотники разделявали чудовищный ствол, точно китобои тушу пойманного кита, а волхвы с молитвами обходили каждую доску посолонь, отгоняя возможное зло. Ибо никто не может быть полностью уверен в неведомом.

В тот год купеческий Галирад натерпелся немалого страха. Что случилось бы с городом, кончилось по-иному великая битва у Трёх Холмов, так и осталось никому не известным. Уж верно, сидел бы теперь в городе какой-нибудь сегванский кунс, приехавший с далёкого острова, и всем заправлял по-своему, по-сегвански. Иные теперь ворчали, что, может, было бы не так уж и плохо. Но это теперь, когда пережитый страх отодвинулся и стал забываться. Известно, после драки всякий умён, особенно если самому не досталось. А тогда, пять лет назад, те же самые люди последнего ратника готовы были носить на руках, не говоря уже о дружинных витязях и о самом кнесе. Посовещавшись, галирадские старцы решили свезти драгоценный маронг в крепость и подарить государю Глузду – хоромам на обновление...

Вблизи города бережливые галирадцы подметали берег, словно метлой. Волкодаву и Ниилит пришлось довольно долго шагать вдоль края воды, прежде чем на глаза им попало несколько более-менее сухих деревяшек, пригодных в костёр. Городские башни были ещё

отлично видны, но в эту сторону местные старались не забредать. Волкодав знал почему. Море здесь врезалось в сушу узким заливом; в сотне шагов от того места, где он растеплил свой костерок, прибрежные валуны превращались в самые настоящие скалы. Чем дальше в глубь залива, тем выше и неприступней делались поросшие густым лесом кручи. А в самой вершине вздымался исполинский каменный палец, величественный даже на фоне островерхих снежных хребтов. Говорили, во время штормов прибой там вздымался на страшную высоту. Волкодав пригляделся: несмотря на ясное солнце в тёплых голубых небесах, у основания пальца, где он вырос из скальной гряды, белёсыми ключьями плавал туман. Он клубился там всегда – не зря же приметчивые галирадцы испокон веку прозывали голый каменный монолит Туманной Скалой. И со времён столь же отдалённых почитали это место как *странное*. Тоже, наверное, не зря. Уже на памяти нынешнего поколения сразу два человека пропали там без следа. Вошли в туман и не вышли. Хотя другие люди проходили насквозь безо всякого вреда для себя. Отчаянные парни обследовали утёс от основания до самой макушки, цеплявшей облака. Но так и не обнаружили ни трещин, ни глубоких пещер. Волхвы же, по их словам, чувствовали присутствие силы. Ещё волхвы говорили, что иные пещеры, мол, видны не всем и не всегда.

Словом, благоразумные галирадцы старались обходить Туманную Скалу стороной, и, наверное, правильно делали. Есть святые места. Есть недобрые. А есть и такие, что попросту предназначены не для людей. И всё тут.

Волкодав обжигал кольчугу над огоньком костра и думал о том, что вполне мог бы сделать это и дома. Причём даже с большим удобством. Решил, видите ли, погулять. Зато Ниилит, радуясь свободе, разделась за валуном и немедленно полезла в воду. Волкодав присматривал вполглаза за тем, как скрывалась в мелких волнах и снова показывалась её черноволосая голова. Скрывалась она надолго: Ниилит ныряла на удивление отважно, ничуть не боясь глубины. Море здесь было далеко не такое тёплое, как у неё в Саккареме, но девчонка блаженствовала. С неё станется натаскать морских звёзд, объявить их съедобными и немедленно зажарить на костре. Волкодаву тоже хотелось в воду. Он непременно окунётся, но только погодя, когда доделает дело.

Он сразу заметил всадников, выехавших из леса между ними и городом. Трое мужчин на рослых, сытых конях. Волкодав оглянулся на Ниилит: та как раз вынырнула, держа в каждой руке по двустворчатой раковине с миску величиной. Всадники ехали шагом. Они ехали в их сторону, но явно никуда не спешили. Лиц было не разглядеть, и Волкодав присмотрелся к плащам. *Не витязи. И не городская стража. Жадоба с разбойниками?.. Комесы Людоода?..*

– Ниилит, – негромко позвал Волкодав.

Она стояла по шею в воде: он видел только её голову, белые плечи, обвитую бусами шею и руки, занятые раковинами. Всё остальное – смутным пятном сквозь прозрачную рябь.

– Возьми одежду, – ровным голосом сказал Волкодав. – И плыви на ту сторону. Доплывёшь?

Залив здесь был около полуверсты шириной. Случись что, вряд ли там они её легко достанут из луков.

– Я попробую испугать лошадей... – отозвалась Ниилит. – Мне Тилорн объяснял. У меня получится...

– Получится, но лучше не надо, – сказал Волкодав. – Посмотрим ещё, что у них на уме.

Ниилит бросила добытые раковины на берег:

– Может, они не со злом?..

– Может, и не со злом, – сказал Волкодав. – Плыви давай.

Ниилит зашла за валун... Венн не особенно удивился, когда она появилась оттуда одетая. Пожалуй, он швырнул бы её обратно в воду, если бы не знал, что это всё равно бесполезно. Вот уж верность хуже всякой измены. Ниилит жалобно посмотрела на него голубыми глазами, в которых плескался отчаянный страх. Подобрала свои раковины и,

усевшись подле костра, принялась ковырять щепочкой крепко сжатые створки. От мокрой косы по рубахе между худеньких лопаток уже расплывалось сырое пятно. Волкодав протянул ей нож. В случае чего он всегда успеет его схватить...

Всадники между тем приближались. Двое – здоровенные мужики, явно понимавшие толк в рукопашной. Третий, сухопарый старик, был почти безоружен, если не считать короткого кинжала на поясе, но и тот казался скорее драгоценной игрушкой, чем оружием воина. Такие не для серьёзного дела. Разглядев это, Волкодав несколько успокоился. Вельможа с телохранителями, скорее всего. А коли так, следовало ждать не стычки, а разговоров.

По крайней мере вначале...

Он посматривал на подъезжавших, продолжая невозмутимо чистить кольчугу. Только передвинулся на самый край камня, на котором сидел, и поставил ноги так, чтобы можно было сразу вскочить. Луков при незнакомцах не было видно, кони по таким камням близко не подойдут. А пешком, да на мечях, троих он не очень боялся.

– Здравствуй, Волкодав, – вежливо остановившись в десятке шагов, сказал ему старец. Волкодав, помедлив, отозвался:

– И ты здравствуй, добрый человек. Только, не сердись, что-то я тебя не припомню.

Ниилит уже вскрыла обе раковины и ловко резала упругое бледно-розовое мясо, насаживая кусочки на прутик.

– Зато тебя, Волкодав, многие знают, – улыбнулся старик. – Многие наслышаны о том, как ты рубил головорезов Жадобы, а потом одолел воина, которому платили жрецы... они, кстати, выгнали его и теперь ищут на его место кого получше. Они ещё не приходили к тебе?.. Впрочем, всё это не важно. Важно то, что немногие сравнятся с тобой один на один, Волкодав.

– Спасибо на добром слове, – медленно проговорил венн. Подобная известность его не слишком устраивала, но об этом следовало поразмыслить как-нибудь потом, на досуге.

Вряд ли старый козёл приехал сюда только затем, чтобы меня похвалить, подумал он, тщась определить, к какому племени принадлежал его собеседник. Широкие сегванские штаны, сапоги доброй вельхской работы, сольвеннская безрукавка из крашеного сукна... а поверх всего – дорогой плащ, вытканый в Аррантиаде. И говорит по-веннски, как венн, даром что волосы стрижены. Тем-то и плох большой город, что народ в нём весь перемешивается, не разберёшь по человеку, кто таков и откуда. Гадай тут, как себя с ним вести. Разве это дело?..

– Многие наслышаны и о том, как люди Жадобы предлагали тебе перейти на их сторону и сулили долю в добыче, но ты отказался, – продолжал между тем незнакомец. – Верность достаточно дорого ценилась во все времена...

– Садись к костру, – сказал Волкодав. – Угощайся, чем Боги миловали, да и поговорим... если найдётся о чём... – Старик немного промешкал в седле, оглядываясь на телохранителей, и венн усмехнулся: – А ещё говоришь, будто что-то про меня слышал...

Один из молодцов спешил поддержать хозяину стремя, а потом, когда тот подошёл к костерку и сел против Волкодава, встал за спиной старика. Волкодав же посмотрел, как прыгал с камня на камень могучий телохранитель, и понял, что в случае чего это будет страшный противник. Сильный, как медведь, и притом лёгкий, как кот.

– Я знаю твой народ, – сказал вдруг старик. – У вас считают невежливым, если кто-то сразу заговаривает о деле, не побеседовав сперва о том и о сём. Твой народ мудр, но его обычай хорош, если никуда не спешишь, а нового человека видишь раз в полгода...

Зачем уж так-то, подумал Волкодав. *Хватил тоже, полгода. Раз в месяц, а может, даже и чаще!*

– Какова жизнь, таков и обычай, – продолжал старик. – Я вот каждый день встречаюсь со многими людьми и с каждым должен договориться. Так что не суди меня строго... Я приехал сказать тебе, венн, что в этом городе есть люди, знающие, как оковать золотом твой меч.

– Что за люди? – спокойно спросил Волкодав. А сам подумал: *честный человек, которому понадобился, скажем, охранник, мог бы прийти нанимать его прямо на постоянный двор или к Вароху, ни от кого не таясь.*

– Это люди, умеющие обогатить себя и других, – ответил старик. – Очень, очень разумные люди. – И добавил, помолчав: – Надеюсь, венн, твоя верность ещё не принадлежит никому, кроме этой красавицы?

Ниилит застенчиво улыбнулась.

– Принадлежит, – сказал Волкодав. – Моим друзьям и человеку, давшему мне кров.

– А теперь послушай меня, – сказал незнакомец и слегка наклонился вперёд. – На свете много влиятельных и богатых людей, которым докучают враги. Ты понимаешь, о чём я говорю?

– Понимаю, – спокойно сказал Волкодав. Он не первый раз слышал о себе, что ему, вздумай он пойти в наёмные убийцы, цены не было бы.

– Кроме того, – продолжал старик, – есть немало знатоков воинского искусства, готовых выложить изрядные деньги, только бы увидеть, как сражаются настоящие бойцы. Зрители бьются об заклад, и воинам достаются щедрые награды. Особенно победителю...

– Я знаю, – кивнул Волкодав. – Я благодарю тебя и надеюсь, что скоро сыщутся воины, готовые тебе послужить.

– Но не ты?

Потому что мне не всё равно, кого убивать, подумал Волкодав. *И ради кого.* Он уже хотел ответить: «Нет, не я», и неизвестно, как повернулся бы разговор дальше, но в это самое время Волкодав ощутил в груди знакомое жжение. А в следующий миг – захлебнулся неудержимым кашлем, выронив недочищенную кольчугу.

– Я хочу дожить век спокойно... – с трудом выговорил он, отдышавшись и сообразив, что рудничное наследие могло-таки один раз ему удружить.

От старика не укрылось, как венн посмотрел на ладонь, которой утирал рот. И то, с какой тревогой дёрнулась к нему красивая девка. Венн не притворялся, и у нанимателя сразу пропал к нему весь интерес.

Он с сожалением поднялся, и дюжий телохранитель заботливо отряхнул сзади его узорчатый плащ. Волкодав понимал кое-что в людях и радовался про себя, что не пришлось говорить «нет».

Уже садясь на коня, старик сунул руку в поясной кошель и вытащил первое, что попало, – большую золотую монету. Сколько их он каждый день таскал при себе? И сколько прямо на месте перешло бы к Волкодаву, вздумай тот сделаться его наёмным бойцом?.. Или кем там ещё?.. Старик не глядя бросил монету Ниилит на колени. Тронув поводья и рысью поехал прочь по песку.

Когда всадники вновь скрылись в лесу, Ниилит отдала Волкодаву монету и спросила почему-то шёпотом:

– Ты заболел?..

– Нет, – равнодушно сказал Волкодав, продолжая чистить кольчугу.

– А кто это был?..

Волкодав покачал головой.

– Не знаю. Думаю только, Жадоба у него самое большее на посылках.

На обратном пути, идя через торговую площадь мимо Медного Бога и полуразобранного помоста, Волкодав свернул в один из проходов между рядами. Он помнил, что как-то видел там человека, торговавшего книгами.

Этот человек и теперь сидел на своём месте, у доверху заваленного лотка. В отличие от других продавцов, он не надрывал горла, нахваливая товар, не хватал прохожих за рукава и плащи. Сидел себе на раскладной, хитро вытесанной скамеечке, и, подперев рукой подбородок, что-то читал. Судя по всему, торговля книгами была для него не делом, а скорее так, удовольствием. Чем он на самом деле зарабатывал себе на жизнь?

Прежде чем окликать его, Волкодав осмотрел прилавок. Книги были на разных языках, и почти каждая, если верить внешнему виду, прожила долгую и полную опасностей жизнь. Волкодав обежал взглядом пухлые фолианты в деревянных и кожаных переплётках, стоившие, наверное, целые состояния, и потянулся к невзрачной серенькой книжице, решив, что она, по своей малости, была здесь и самой дешёвой. Положив промокший мешочек с раковинами у ног, он взял книжицу в руки и осторожно раскрыл посередине: удастся ли разобрать хоть одно знакомое слово?.. Благо за погляд, как известно, денег не берут. Он успел только увидеть, что буквы внутри были-таки сольвенскими.

– Доблестный воин равнодушен к поэзии? – подняв голову, неожиданно осведомился торговец, и отвлёкшийся Волкодав едва не выронил книжку. Вообще-то застигнуть его врасплох было непросто: вот что делает с человеком учёность! А торговец продолжал: – Не правда ли, у Видохи Бортника не всё одинаково хорошо, но попадаются и отменные строки?

Пока Волкодав соображал, как ответить, не теряя достоинства, на выручку ему пришла Ниилит. Грамотности у венна хватило ровно настолько, чтобы по крайней мере не держать книжку вверх ногами. И Ниилит, высунувшись из-за его локтя, негромко прочла нараспев:

Верша свой круг, назначенный от века,
Роняет Небо наземь хлопья снега,
И кутает особенная нега
Седой Земли немеющий покров.
Сравню ли их с четою стариков?
Всё та же в тихой ласке их любовь...

Волкодаву приходилось слушать странствующих сказителей. Ниилит вполне могла бы прокормиться, читая людям стихи. Он побился бы об заклад, что она знала их великое множество. А может, и сама сочиняла. Так говорить песнь может только тот, кто знает, как управляться со словом.

– А я-то думал, наше время совсем оскудело даровитыми людьми! – восхитился книготорговец. – Сказать по правде, я не смел и надеяться, чтобы последний труд обласканного Богами Видохи обрёл здесь достойных ценителей... Я так полагаю, славный воин, ты покупаешь? Переплёт, правда, плохонький, совсем не такой, какому надлежало бы быть. Зато всего полтора коня серебром...

Волкодав покачал головой и мысленно охнул, а вслух спросил:

– Нет ли у тебя, почтенный, какой-нибудь совсем простой книжки? С самыми простыми словами...

– Для тех, кто только овладевает искусством читать?

– Да.

Нагнувшись, продавец раскрыл обшарпанную берестяную коробку и извлёк даже не то чтобы книгу – просто тетрадь из нескольких кожаных листков, сшитых вместе толстыми прочными нитками. Он протянул её Волкодаву, и тот взял. На первой же странице красовались сольвенские буквы. Все тридцать шесть штук. Четыре столбика, в каждом по девять.

– *Вирунта!* – сказал продавец.

Волкодав не понял и на всякий случай промолчал.

На второй странице были уже слова. Вверху листа – короткие, внизу – подлиннее. Потом слова, идущие друг за другом, как выюнные лошади или повозки в купеческом караване. В конце книжечки их было уже столько, что у Волкодава слегка зарябило в глазах.

– Благородный воин не только ценит стихи, но и учит грамоте сына?

Волкодав закрыл кожаную тетрадь. В конце концов, Тилорн с Эврихом действительно вразумляли грамоте веснушчатого Зуйко, так что особо врать и не понадобится...

– Это я сам не умею читать, – проговорил он спокойно. – И про Видоху твоего первый раз слышу. Но я хочу научиться. Сколько ты просишь за эту книгу?

– Три четверти коня серебром, – улыбнулся торговец. – Поистине, воин, затрата окупится.

– Я подумаю, – сказал Волкодав. – Спасибо, почтенный.

Они купили сладкого лука, который Ниилит собиралась поджарить на конопляном масле вместе с моллюсками, и зашагали домой. Волкодав с мрачным упорством читал все вывески подряд и, конечно, ошибался, принимая «Рыжего Кота» за «Ражего Кита», и наоборот. И рычал на Ниилит, когда она пыталась подсказывать.

– Что такое «*вирунта*»? – спросил он, уже подходя к мастерской.

Ниилит подумала и ответила:

– Так сольвенны называют порядок своих букв. По первым семи.

Волкодав не выдержал:

– Тоже сосед научил?

Ниилит лукаво скосила голубые глаза.

– Нет, я их просто увидела в той книжке, что ты смотрел... – Потом перестала улыбаться и сказала: – Ты, наверное, всё-таки простыл. Ты так кашлял...

– Может, и кашлял, – сказал Волкодав.

Ниилит, робея, предложила:

– Мы бы полечили тебя...

Волкодав промолчал. Ниилит только вздохнула, не решаясь настаивать.

Проводив её домой, Волкодав отправился к кольчужникам. Идти туда надо было опять-таки мимо торговой площади и всевозможных питейных заведений, в изобилии её окружавших. Несмотря на то что день едва перевалил полуденную черту, в этом месте вполне можно было нарваться на раннего пьяницу. Волкодав, от греха подальше, прибавил шагу.

Быстро пройти, однако, не удалось. Едва он свернул за угол, как с противоположной стороны показались всадники, рысью ехавшие навстречу, – видимо, в кром. Посередине на вороном халисунском жеребце красовался молодой боярин. Волкодав узнал его без труда: тот самый, что стоял по левую руку кнесинки, когда она судила их со старым Варохом. Имя боярина было Лучезар, но Волкодав про себя так и называл его Левым. Очень уж напоказ, по его мнению, тянул он руку к ножнам, когда кнесинка велела Волкодаву приблизиться. За что такого любить?..

Венн посмотрел на приближавшихся всадников и усмехнулся в усы. Впереди и по бокам боярина скакали шустрые отроки, и у каждого в руках покачивалось копьё. Не ровен час, вдруг да обидит кто-нибудь вельможу! Даром, что тот с пелёнок драться учился. Мальчишкам, похоже, даже хотелось, чтобы сыскался такой неразумный. Хоть один на весь Галирад. То-то бы уж они его...

Волкодав отступил назад, к стене какого-то дома, и подумал: галирадские сольвенны по крайней мере не ломали шапок, повстречав на улице витязей своего кнеса. Пока ещё не ломали. Наверное, скоро начнут...

И в это время мимо него пробежала какая-то бедно одетая, неухоженная старуха и с плачем устремила наперерез боярину, пытаясь ухватиться за стремя. *Просительница*, успел решить Волкодав. *Ищет Правды боярской. А может, защиты от сильного человека...*

Отроки между тем не упустили долгожданного случая себя показать. Не позволили бабке не то что коснуться стремени – даже и приблизиться к своему господину. Юный воин сейчас же оттеснил её лошадьё, опрокинув на мостовую. Наклонившись в седле, он хотел ещё наподдать наглой оборванке древком копья... Но не ударил, потому что над старухой, припав на одно колено, уже стоял рослый венн с длинным рубцом на левой щеке. Венн ничего не сказал, просто поднял голову и посмотрел на юнца, и тот внятно понял: ещё одно движение, и ему настанет конец. Причём конец этот, вероятно, будет ужасен. Отрок торопливо толкнул коня пятками и поскакал следом за своими.

Убедившись, что возвращаться никто не собирался, Волкодав поднял старуху:

– Не ушиблась, бабушка?

Та только плакала, закрыв руками лицо. Плакала так, словно у неё на глазах убивали родню. Волкодав поправил повой, стыдно сползший с ошипанной седой головы. Женщина, похоже, была из восточных вельхов, но слишком много времени провела на чужбине: от прежнего только всего и осталось, что замысловатая, тонкая вязь зелёной татуировки на коричневой высохшей кисти. Да вместо сольвеннской понёвы – плащ на плечах, сколотый дешёвой булавкой. Линялая старухина рубаха, явно перешитая с чужого плеча, была опрятно заштопана, а на локтях виднелись тщательно притачанные заплаты. *Служанка*, рассудил Волкодав. *А то и вовсе рабыня.*

– Успокойся, вамо, – сказал Волкодав на языке её родины. – Кто тебя обидел?

Услышав вельхскую речь, старуха подняла голову, посмотрела ему в лицо тёмными опухшими глазами и попыталась что-то сказать, но слёзы лишили её голоса.

– Над... мой Над... Сколько зим... – только и разобрал Волкодав.

Он огляделся по сторонам. Люди шли мимо, и те, кто не видел случившегося, с любопытством оглядывались на старую женщину, рыдающую в объятиях вооружённого мужчины. Мать встретила сына. А может быть, провожает? Хотя нет, скорее, всё-таки встретила.

Праздные взгляды не особенно понравились Волкодаву, и он повёл бабу в сторону – туда, где виднелась приветливо распахнутая дверь корчмы. Это был тот самый «Бараний Бок», чью вывеску он разбирал утром. Волкодав перешагнул высокий порог и почти перенёс через него старуху: та не отнимала рук от лица и покорно плелась, куда он её вёл. Вряд ли у неё были причины особо доверять похожему на разбойника венну, но Волкодав понимал, что она его толком и не разглядела. Ей было просто всё равно: так ведут себя на последней ступени отчаяния, когда кажется, что дальше незачем жить. Он знал, как это бывает.

Корчма оказалась на удивление обширной. Вот чему Волкодав поначалу дивился в больших городах: дома здесь лепились вплотную друг к другу, чуть не лезли один на другой, чтобы хоть бочком, хоть вполглаза, а высунуться, показаться на улицу. Входишь вовнутрь, думая: на одной ноге придётся стоять – глядишь, ан от двери до стойки добрых двадцать шагов...

Народу внутри хватало. Час был самый что ни на есть подходящий для ужина, то есть дневной еды, когда солнце стоит на юге. Все, кто не имел в городе своего очага, стремились в харчевни перекусить. Сюда же спешила и добрая половина тех, кто вполне мог поесть дома. Харчевня – это ведь не просто щи, каша да пиво. Это и старые друзья, и новые знакомства, нередко куда как полезные для деловитого горожанина. И просто свежие люди со своими разговорами, а порою с самыми интересными и удивительными побасенками...

Обежав корчму намётанным взглядом, Волкодав нашёл длинную скамью, совсем пустую, если не считать одного-единственного молодого парня, по виду – подмастерья кожевника. Венн подвёл туда старуху и усадил в дальнем от парня конце, но тот встрепенулся, торопливо передвигаясь поближе:

– Занято здесь... люди вот сейчас подойдут.

Волкодаву захотелось вышвырнуть кожевника вон, для начала приложив рыльцем о гладко оструганную, отеческую Божью Ладонь, но он сказал только:

– Потеснятся.

– Занято, говорю! – недовольно повторил подмастерье.

Волкодав тоже повторил, на сей раз сквозь зубы:

– Потеснятся.

Дальше спорить с ним усмарь не решился и обиженно замолчал. Волкодав остановил пробегающую мимо хорошенькую служанку:

– Принеси, красавица, холодной простокваши для бабушки...

Вообще-то воду, молоко, простоквашу, квас и даже пиво в галирадских корчмах подавали даром – но только тем, кто заказывал что-нибудь поесть. Поэтому Волкодав вручил

девушке грош, и та, кивнув, убежала.

– Сейчас, вамо, – сказал Волкодав.

Питьё отвлекает, заставляет человека думать ещё о чём-то, кроме своих страданий, и тем помогает если не успокоиться, то хоть немного собраться с мыслями. Служанка вернулась из погреба и поставила перед Волкодавом запотевшую кружку. Волкодав пододвинул её женщине:

– Пей.

Старуха безучастно взяла кружку и поднесла к губам.

– ...и вот тогда-то она и спустила на нас своих веннов, – достиг ушей Волкодава громкий и слегка хмельной молодой голос, донёсшийся из глубины корчмы, оттуда, куда уже не доходил дневной свет из двери, лишь жёлтое мерцание масляных светильничков на длинных поллицах по стенам. Голос был знакомый, и Волкодав сразу насторожился. Другое дело, он ничем этого не выдал и не стал оборачиваться.

– Сущие зипунники, – продолжал говоривший. – Пять или шесть рыл, каждый – трёх аршин ростом и в плечах полтора. Чтoб мне, если вру!.. И где только таких набрала!.. Ну, то есть мы их сперва разбросали, да потом сразу два облома меня за руки взяли, а третий прямо в глаз ка-ак...

Это был один из возчиков. Тот, которому Волкодав вернул отобранный нож. Не очень понятно, зачем вообще ему понадобилось хвастаться бесславно оконченной дракой. Тем более, если он спьяну принял одного противника за пятерых. Но вот то, что двое ВЕННОВ якобы держали его за руки, а третий калечил беспомощного кулаком...

Парень между тем вовсе отпустил вожжи.

– Тогда они у меня добрый нож и отняли, – поведал он слушающим. – Мужики они, ясно, здоровущие, только я им всё одно нос натянул. Сила силой, а и умишко надо иметь. Прихожу я, значит, на другой день, отыскиваю жоака ихнего... Сказать вам, что он там делал? Плевки наши на полу подтирал...

Дружный хохот сопровождал эти слова.

– Так вот, подхожу я этакой скромницей и ну ему свинью за бобра продавать: нож, мол, батюшкин, от родителя перешёл. Смилосоудствуйся, стало быть, не дай от срама погибнуть. Он, простота, тут же сопли распустил и его мне из своей конуры бегом назад вынес. Хоть бы посмотрел, ума палата, – нож-то новёхонький...

На сей раз хохот вышел пожиже. Не все в Галираде успели забыть, как надо стыдиться родителей, не всем выходка возчика показалась смешной. Другое дело – лишний раз зацепить веннов, это да!

От Волкодава не укрылось, как опасно покосился на него подмастерье. Волкодав кивнул ему на старуху:

– Присмотри, чтобы никто не обидел.

А сам поднялся на ноги и неторопливо пошёл в сторону стойки.

Возчика он разглядел почти сразу. Тот сидел к нему спиной, и стол перед ним был сплошь заставлен пустыми кружками. Рядом лакомились пивом несколько местных парней. Кто-то отпустил очередную шуточку «...и вот приходит венн в город», все засмеялись. Волкодав продолжал идти, и наконец молодой возчик заметил, что сидящие напротив него по одному перестают его слушать и сами замолкают, глядя куда-то вверх его головы. Он раздражённо оглянулся...

На него сверху вниз смотрел тот венн с постоялого двора Любочады. Смотрел, не мигая. И молчал. И был примерно таким, как он сам только что расписывал. Саженого росту парень, сплетённый из железных узловатых ремней. А над плечом у него тускло посвечивала тяжёлая крестовина меча. Венн терпеливо ждал, пока не станет совсем тихо. И за этим столом, и за соседними. Потом он заговорил. Не очень громко, но слышно.

– Если ты считаешь себя мужчиной, вставай и держи ответ за свои слова, – сказал Волкодав. – А не встанешь, значит, ты просто мешок с дерьмом. И ничего больше.

Опять стало тихо. Уже вся корчма смотрела на них.

– Эй, полегче там, венн... – проворчал кто-то за спиной Волкодава. Волкодав не стал оборачиваться и отвечать. Он стоял очень спокойно и неподвижно, опустив руки. И ждал. И смотрел на обидчика, не отводя глаз.

Тот, конечно, успел опрокинуть в себя порядочное количество кружек, но был далеко не так пьян, как в день драки. Умирать ему не захотелось. Он опустил голову и сгорбился на скамье, пряча глаза.

Видя, что вставать он вовсе не собирается, Волкодав резко нагнулся и быстрым движением, за которым мало кто успел уследить, выдернул нож из ножен на поясе возчика. Тот самый нож. Взяв тремя пальцами крепкое лезвие, Волкодав сломал его, как лучинку. Бросил на пол обломки и пошёл молча, не оглядываясь, к столику у двери. Туда, где оставил старуху. Он знал, что успеет услышать, если возчик всё-таки вздумает выкинуть глупость. Или не возчик, а кто-нибудь другой. Но ничего не случилось. К тому времени, когда он вернулся за стол, корчма гудела совершенно по-прежнему.

Каково бы ни было горе, нельзя рыдать без конца. Что-то переполняется в душе, и раздирающее отчаяние сменяется тупым безразличием. Вот и старая вельхинка, согнувшись над опорожненной кружкой, вытирала красные от слёз глаза, но больше не плакала.

Подмастерье, видевший, как Волкодав ходил к стойке, встретил его со всем почтением и даже указал ему на старуху: мол, присмотрел. А когда через некоторое время шумной ватагой ввалились его друзья и начали сетовать, что места на скамье маловато, – замахал на них руками:

– Ничего, потеснитесь...

– Рассказывай, бабушка, если хочешь, – сказал Волкодав.

...Её звали Киренн. Сорок зим назад, юной девушкой, вошла она со своим любимым на честное брачное ложе. Свадьбу, которой следовало бы состояться осенью, против всякого обыкновения справили в конце весны, потому что соседи-саккаремцы грозили войной и мужчины племени, дети Серебряного Облака, отправлялись сражаться. Пусть юноша-жених, рассудили старейшины, обретёт любимую и хотя бы продолжит себя потомством, если ему суждено будет пасть. И он ушёл, её Над кланд Аркатнейл, стройный, как молодой тополь, сильный, как сто быков, и румяный, как утренняя заря. Ушёл, чтобы не вернуться...

Судьба была немилостива к юной жене. Боги не послали ей наследника, а другой раз замуж она не пошла, ибо воины рассказали ей, что её Нада не было среди павших. Однажды Киренн ушла из дому и тоже не возвратилась. Она отправилась в Саккарем, надеясь разыскать там мужа. И, конечно, не разыскала, только сама угодила в рабство. Долго носило её, точно маленькую щепку в быстрой реке, и наконец прибило к берегу: девять зим назад здесь, в Галираде, добросердечные земляки-вельхи выкупили Киренн из неволи. Благо великой цены за неё, постаревшую и беззубую, уже не заламывали. Так она и осталась здесь жить – прислужницей у одной доброй вдовы...

И вот сегодня, когда Киренн отправилась на рынок за зеленью для хозяйкиного стола, ей случилось пройти мимо аррантского корабля, грузившегося перед близким отплытием. И вот там-то... у мостков, по которым вкатывали наверх бочки со знаменитой галирадской селёдкой... стоял... с писалом в руке и вощёной дощечкой на груди, на плетёном шнурке... с рабским ошейником на шее...

– Он всё такой же, мой Над... – Скоблёную Божью Ладонь снова оросили прозрачные капли слёз. – Всё такой же красивый... только седой совсем...

Увидев её, старый Над схватился за сердце и чуть не умер на месте. А потом бросился к ней, но на руки подхватить, как когда-то, уже не сумел. Рука у него нынче была только одна, вторую он потерял в юности, в том самом первом и последнем бою. Но как

же крепко он обнял её этой своей единственной уцелевшей рукой!..

Так они и стояли, забыв про весь белый свет. Пока строгий окрик надсмотрщика не заставил очнуться, не сдёрнул со счастливых небес...

– А потом что? – спросил Волкодав.

А потом она сбивала покалеченные старостью ноги, металась по городу, пытаясь собрать выкуп за мужа. Кораблю предстояло сегодня же отправиться в плавание, и аррант Дарсий, хозяин Нада, вовсе не намеревался ждать. Обезжав сородичей-вельхов, Киренн бросилась на торговую площадь, к звонкому кленовому билу, которым испокон веку призывали честной народ обиженные и терпящие горе. Киренн не родилась в Галираде и даже не была сольвенной. Кто бы мог ждать, что горожане станут выслушивать всклокоченную старуху?.. Ан нет же, не только выслушали, но даже стали метать к её ногам деньги. Большею частью, понятно, медяки, но попадалось и серебро.

Собралось два с половиной коня.

Осталось ещё четыре с половиной...

То ли глумился Надов хозяин-аррант, то ли вправду непомерно высоко ценил однорукого невольника, никому не дававшего пальца запустить в хозяйское добро. Прилюдно пообещал отпустить его за семь коней серебром. Не более, но и не менее: беда, коли грошика неостанет. А когда его следующий раз в Галирад занесёт, про то и сам он не ведал. Может, вовсе более не припожалует...

– Вот тогда, значит, ты к боярину... – сказал Волкодав.

Киренн кивнула. Что такое семь коней для боярина? Для витязя дружинного, ратной добычей и милостью кнеса взысканного без меры?.. Чёрное серебряное стремя, к которому так и не допустили старуху, одно стоило больше. Ну так Левый, он левый и есть. На правую сторону не вывернется. Может, и не зря следовала за ним бдительная охрана. Не грех такого резать...

– Пошли, – сказал Волкодав. Поднялся и взял Киренн за плечо. – Пошли, вамо, выкупим твоего деда.

Не веря себе, вельхинка обезжала глазами его латаную некрашеную рубаху и облезлые кожаные штаны и почти засмеялась:

– Да ты... Да ты сам-то, сынок...

– У меня есть чем заплатить, – сказал Волкодав. И от необратимости этих слов глухо стукнуло сердце. – Пошли, почтенная Киренн кланд Аркатнейл.

Волкодав сразу понял, что они со старухой чуть-чуть не опоздали.

Большой, низко сидевший аррантский корабль ещё стоял у причала, но последние приготовления к отплытию споро заканчивались. Вот-вот на обеих мачтах поднимутся пёстрые квадратные паруса. Упадут в воду причальные канаты. И судно медленно поползёт прочь от берега, на ходу втягивая в себя якорный трос, свитый из крепчайшей халисунской пеньки...

Однорукого Нада Волкодав увидел тотчас же. Несчастный старик переминался у схода, вглядываясь в толпу. Он и вправду был высок и плечист и, верно, в юности был куда как хорош. А на шее у него болтался бронзовый ошейник. Просвещённые арранты надевали на рабов ошейники с крепким ушком для цепи, чтобы в случае непокорства легче было приковывать для наказания. Вот Над высмотрел свою Киренн, потом шедшего за нею рослого венна... Волкодав видел, что поначалу Над принял его за старухино сына. Может, даже и за своего собственного. Мало ли, мол, где, у какого племени мог вырасти тот сын... Потом раб понял свою ошибку и только вздохнул.

В это время, обогнав Волкодава и Киренн, к сходням быстрым шагом подошёл коренастый, крепко сбитый рыжебородый мужчина.

– На корабль! – повелительно махнув рукой, приказал он старику. – Отплываем сейчас!
– Прошу тебя, Накар... – согнулся несчастный невольник. – Пожалуйста, позови господина...

– Может, тебе прямо Царя-Солнце сюда привести? – огрызнулся Накар. – А ну живо наверх, пока я тебе вторую руку не выдернул!..

Волкодав посмотрел на обширную тучу, понемногу казавшую из-за небоската тупые белоснежные зубы. Аррантские корабельщики любили отплывать перед бурей: надо было только вовремя миновать скалистые острова, а там уж попутный ветер доносил их чуть не до самого дома. Мореходы они были отменные и в открытом океане никаких штормов не боялись.

Старый Над в отчаянии повернулся к жене...

– Почтенная шёнвна Киренн, – подал голос Волкодав. – Скажи этому рыжебородому, что я прошу его позвать сюда господина.

Мало кого он не любил так, как надсмотрщиков.

– Хозяин отдохнуть лёг! – не дав женщине раскрыть рта, рявкнул Накар. И вновь повернулся к Наду: – А ты лучше не зли меня, вельх...

– Почтенная шёнвна Киренн, – медленно, с тяжёлой ненавистью повторил Волкодав, – пусть этот позор своего рода, ублюдок, зачатый на мусорной куче, приведёт сюда своего господина. И скажи ему так, почтенная Киренн: если он ещё раз откроет свою вонючую пасть, то подавится собственными кишками.

Накар, человек тёртый, сообразил, почему венн предпочёл обращаться к нему через старуху. Дюжего надсмотрщика испугать было непросто, но дело-то в том, что Волкодав его и не пугал. Он его попросту собирался убить.

Это подействовало лучше всяких угроз. Сдавленно бормоча про себя, Накар взбежал по сходням на судно. А заодно и подальше от висельника-венна. Через некоторое время возле борта появился хозяин – молодой аррантский купец в кожаных сандалиях и добротном синем плаще поверх короткой рубахи из тонкого золотистого шёлка. Такая же лента придерживала надо лбом ухоженные тёмные кудри.

– О-о, Над! – удивился он. – Да никак за тебя в самом деле выкуп собрали?

Старика затрясло, он беспомощно оглянулся на Волкодава.

– Это ты, что ли, – по-аррантски обратился к купцу Волкодав, – при людях обещал отпустить его за выкуп в семь коней?

Дарсий перебрался через борт и зашагал вниз по сходням. Накар шёл следом за хозяином, на ходу предупреждая:

– Господин мой, это очень опасный мерзавец...

Дарсий только отмахнулся. При этом сдвинулась пола плаща, и стал виден короткий кривой меч, висевший на левом боку. Дарсий, похоже, считал, что владеет им мастерски. Может, так оно и было.

– Во имя Вседержителя, варвар, как хорошо ты говоришь на нашем языке! – сказал он Волкодаву. – Кто ты? Для простого наёмника у тебя слишком правильный выговор...

– Это ты обещал отпустить однорукого за выкуп в семь коней? – повторил Волкодав.

– Я, – кивнул Дарсий. – И я от своих слов не отказываюсь. Вот только, любезный варвар, прости, но по твоему виду никак нельзя заподозрить, чтобы твою мощну отягощала хоть четверть коня, не говоря уже о семи. Уж не хочешь ли ты предложить себя вместо него?.. – Киренн ахнула, а купец окинул Волкодава с головы до ног оценивающим взглядом знатока и покачал головой: – Нет уж, избавь меня Боги Небесной Горы от подобных рабов. Так что...

– У меня есть чем заплатить, – сказал Волкодав.

Расстегнув на груди новенькую блестящую пряжку, он вытянул из ушек длинный ремень и снял меч со спины. Ему показалось, будто в спину сейчас же потянуло ледяным сквозняком. Взяв ножны в левую руку, правой он вытянул из них чудесный буро-серебристый клинок, отчётливо понимая, что совершает это в самый последний раз.

– Возьми, – сказал он арранту.

У Дарсия слегка округлились глаза.

– Ты их сын? – спросил он изумлённо.

– Нет, не сын, – сказал Волкодав.

– Тогда кто же ты?..

– Я принёс тебе выкуп, – сказал Волкодав. – Возьми его.

Купец словно очнулся и, не отрывая глаз от меча, небрежно кивнул надсмотрщику:

– Накар, сними с Нада ошейник. Я отдаю раба этому человеку.

Он, видно, в самом деле неплохо разбирался в оружии и понимал, что клинок – не подделка. Аррант взял меч, и Волкодав почти услышал беззвучный крик, полный ярости и отчаяния, от которого пусто и холодно стало в груди. Хмурый Накар поклонился хозяину, убежал на корабль и довольно долго не возвращался. Видимо, ключ, отпиривший ошейники, использовался нечасто, а значит, и убран был далеко.

– Варвары, дикое племя, а делают же... какая жемчужина для моего собрания! – вполголоса говорил между тем Дарсий. Он поворачивал и любовно гладил блестящее лезвие, и Волкодав понял, как чувствует себя муж, у которого на глазах начинают лапать жену. – Этот меч стоит гораздо больше семи коней, – сказал ему Дарсий. – Я велю позвать мастера оружейника, и он назовёт точную цену. Всё, что свыше семи коней, будет тебе возвращено. Какие монеты ты предпочитаешь? Или, может быть, драгоценные камни? У меня как раз есть неплохие изумруды из Самоцветных гор...

– Я не стану разменивать его на серебро, – сказал Волкодав. – Так ты отпускаешь раба?

– Конечно, отпускаю, но...

Волкодав кивнул и молча шагнул мимо него к старому Наду. Наверное, следовало бы дожждаться, пока вернётся Накар и честь честью отомкнёт на шее деда ошейник, который тот, плохо веря себе, медленно поворачивал замочком вперёд. Наверное. Возле замочка виднелось очень хорошо знакомое Волкодаву ушко, предназначенное для цепи. Венн взялся обеими руками за ошейник, и тот заскрипел, а потом лопнул вместе с кожаной подкладкой. Волкодав разогнул его до конца и выкинул в воду.

– Хорошо, что твой меч такой дорогой! – весело засмеялся аррант и шутя погрозил Волкодаву пальцем: – Ты испортил мою собственность, варвар. Я ведь отдал тебе только раба, но не ошейник.

– Счастливо тебе, купец, – сказал Волкодав.

В это время между корабельщиками, глазевшими через борт, появился рыжебородый Накар.

– Долго возишься! – махнул ему Дарсий. В другой руке у него был меч Волкодава. – И тебе счастливо, варвар, – сказал он, ступая на сходни. Взошёл – и дюжие мореходы живо втащили мостки на корабль, а береговые работники принялись разматывать причальные тросы. Яркие клетчатые паруса затрепыхались на ветру, одевая мачты под дружное уханье команды. Ветер держался как раз отвальный; до грозы он наверняка унесёт их за острова.

Волкодав не стал смотреть, как отходит корабль. Он смотрел на обнявшихся, плачущих стариков и думал о том, есть ли у этих двоих где приклонить голову на ночь. И что скажет Варох, если он ещё и Нада с Киренн к нему приведёт...

Он заметил, как подогнулись колени у старика, и успел подумать: нежданно свалившееся счастье тоже поди ещё перенеси, тут, пожалуй, в самом деле голова кругом пойдёт... Волкодав подхватил начавшего падать Нада и увидел, что старик перестал дышать.

Венн поспешно уложил его сверху лицом на бревенчатый настил, выглаженный сотнями и сотнями ног. Он знал, как подтолкнуть запнувшееся сердце, как заново раздуть пригасшую было жизнь...

– Не буди его, – тихо сказала ему Киренн. – Пусть спит...

Волкодав хотел возразить ей, но передумал.

Киренн села подле мужа и стала гладить пальцами его лицо, с которого уже пропадали

морщины.

– Теперь мы с тобой не расстанемся, – тихо повторяла она. – Теперь мы с тобой никогда не расстанемся... Ты погоди, я сейчас...

Солнечный свет внезапно померк, и Волкодав невольно оглянулся в сторону моря, но почти сразу услышал позади себя тихий вздох и увидел, что Киренн уже не сидела, а лежала подле мужа, упокоив голову у него на груди. Они встретились, чтобы никогда больше не расставаться.

Грозовая туча всё выше поднималась на небосклон, словно гигантская пятерня, вздетая из-за горизонта. Она обещала аррантскому кораблю хороший ветер и то ли проклинала, то ли благословляла... Вершина тучи горела белыми жемчугами, у подножия бесшумно вспыхивали красноватые зарницы. Вот окончательно спряталось солнце, и лиловые облачные кручи превратились в тёмно-серую стену, медленно падающую на город...

Наверное, души Нада и Киренн уже шагали, обнявшись, по прозрачным морским волнам на закат, туда, где стеклянной твердыней вздымался над туманами Остров Яблок, вельхский рай Трёхрогого – Ойлен Уль...

Предвидя близкий дождь, торговцы сворачивали лотки и палатки, а покупатели спешили приобрести то, зачем пожаловали на рынок; торговаться было особо некогда, и те и другие всю этим пользовались. Люди оглядывались на двоих неподвижных стариков и Волкодава, стоявшего подле них на коленях. Иные качали головами и шли прочь, иные задерживались. В особенности те, кто делился с Киренн медью и серебром.

– Значит, всё-таки выкупила мужа? – спрашивали Волкодава.

И он отвечал:

– Выкупила.

Клубящаяся окраина тучи тем временем нависла уже над головами, по морю пошли гулять свинцовые блики. Площадь быстро пустела, только Морской Бог аррантов по-прежнему грозил неизвестно кому своим гарпуном. Волкодав встретился глазами с красивым юношей-вельхом, никак не желавшим уходить, и сказал ему:

– Сходи к вашему старейшине, пускай людей пришлёт...

Домой Волкодав возвращался уже под проливным дождём. Он медленно шёл пустыми улицами, на которых не было видно даже собак. Молнии с треском вспарывали мокрое серое небо, но Волкодав не молился. Бог Грозы и так ведал, что творилось у него на душе. Вот, значит, зачем был доверен ему добрый меч, наследие древнего кузнеца. Волкодав, правда, насчитал всего два стоящих дела, зато людей было трое. Меч помог ему отбить Эвриха у жрецов. И устроить так, чтобы чета стариков успела обняться здесь, на земле, прежде чем уже навеки обрести друг друга на небесах. Волкодав знал вельхскую веру. Тот, кто умер рабом, и на Острове Яблок окажется у кого-нибудь в услужении. Над и Киренн ушли свободными. Ушли рука в руке. Может быть, в следующей жизни им не придётся искать друг друга так долго.

Говорят же, что отправляться в путь во время дождя – благая примета...

На острове Ойлен Уль Над выстроит дом для любимой, и станут они жить-поживать. А там, чего доброго, сыщется парень, который захочет стать им сыном. Поистине за это стоило отдать меч, так что жалеть было не о чем. Да и навряд ли разумный клинок надолго задержится у человека, не стоившего, по глубокому убеждению Волкодава, доброго слова. Не таков он, чтобы согласиться безропотно висеть на стене. А может, он и вовсе надумает уйти вместе с кораблём в зелёную морскую пучину, выполнив всё, что ему было на земле предназначено?..

Не о чем сожалеть.

Волкодав вымок насквозь, вода сплошными ручьями лилась по волосам и лицу и сбегала вниз, уже не впитываясь в липнувшую к телу одежду. После того как вельхи, согласно своему обычаю, унесли умерших посуху в лодке, он долго ещё сидел на набережной, глядя в серую стену дождя, непроницаемо смыкавшуюся в десятке шагов. А

потом встал и побрёл без особенной цели. Он озяб, но в тепло не торопился. Ему было всё равно.

Не о чем сожалеть. Почему же Волкодаву хотелось завывать, как воеет голодный пёс, позабытый уехавшими хозяевами на цепи?..

День, придавленный глыбами туч, угас быстрее положенного. Когда Волкодав приплёлся в мастерскую Вароха, вокруг уже густели синеватые сумерки. Волкодав остановился под навесом крыльца, стащил рубашку и обтёрся ею, потом стал выжимать. Первым его почуял щенок. Раздалось звонкое тьяканье, в дверь с той стороны заскреблись коготки. Наверное, малыш встал на задние лапы и всюю вертел пушистым хвостом, приветствуя Вожака. Волкодав потянулся к двери, но тут она сама раскрылась навстречу. Щенок с радостным визгом выкатился ему под ноги, однако Волкодав сейчас же про него позабыл, онемело уставившись на того, кто открыл ему дверь.

Человек этот был подозрительно похож на Тилорна. Тот же рост, та же болезненная худоба и длинные, изящные пальцы. Те же тонкие черты бледного, с провалившимися щеками лица. Те же тёмно-фиолетовые глаза, в которых почти всегда дрожали готовые вспыхнуть добрые золотые искорки смеха. Но это был не Тилорн. Вместо роскошного серебряного мудреца перед Волкодавом стоял совсем молодой мужчина с ровно и коротко подстриженными пепельными волосами и без каких-либо признаков бороды и усов. И одет он был не в белую рубаху до пят, а в обычную мужскую одежду, висевшую, правда, на тощем теле мешком.

– Вот видишь, как опасно оставлять меня без присмотра, – голосом Тилорна сказал человек. Было видно, что он готовился от души посмеяться, но вид одеревеневшего лица Волкодава вселял в него всё большее смущение. – Мы сделали, как велит ваш обычай, – поспешно заверил он венна. – Всё сожгли, а что осталось, зарыли...

Мог бы и не рассказывать, с бесконечной усталостью подумал Волкодав и сам слегка удивился собственному равнодушию. *Остригся и остригся. Если совсем дурак и не понимаешь, что половину жизненной силы сам себе откромсал, – дело твоё. Если считаешь, что я тебе из-за прихоти бороду обкорнать не давал...*

Из глубины дома появился Эврих и сразу спросил:

– А где твой меч, Волкодав?..

– Да, действительно?.. – спохватился Тилорн.

Волкодав молча обошёл их и пересёк мастерскую, стараясь не наследить. Выбравшись на заднее крыльцо, он сел на влажную от капель ступеньку и стал слушать, как шумел дождь. Тилорн остался внутри дома и что-то говорил Эвриху, но Волкодав не стал напрягать слух. Он не думал ни о чём, а в голове было пусто, как в раскрытой могиле.

...Пещера. Дымный чад факелов. Крылатые тени, мечущиеся под потолком. Косматая, позвякивающая кандалами толпа.

Иногда надсмотрщиков тянуло развлечься, и тогда кто-нибудь из них предлагал рабам поединок, поскольку истинный вкус удовольствию доставляет некоторый оттенок опасности. Вызвавшегося раба расковывали, и он – с голыми руками или с камнем, выхваченным из-под ног, – должен был драться против надсмотрщика, вооружённого кнутом и кинжалом, а нередко ещё и в кольчуге. Тем не менее желающий находился всегда, ибо тому, кто побьёт надсмотрщика, обещали свободу. Длился же поединок до смерти, и тот, с кого перед сражением снимали оковы, знал, что больше ему их не носить. Он или выйдет на свободу, или погибнет. Надсмотрщики побеждали неизменно: таким путём на свободу за всю историю Самоцветных гор не вышел ещё ни один человек. Однако раб для поединка находился всегда. Иные думали – кто-то же станет когда-нибудь первым, так почему бы не я? Всё должно с кого-то начаться, так почему не с меня?.. Для других схватка с надсмотрщиком становилась способом самоубийства...

И вот настал день – или не день, кто его разберёт в подземной ночи? – когда вперёд

вышел надсмотрщик по прозвищу Волк:

«Эй, крысоеды! Ну что, хочет кто-нибудь на свободу?»

«Я», – сейчас же отозвался низкий, сдавленный голос. Говорил молодой раб, которого считали очень опасным и всё время держали на одиночных работах, да притом в укороченных кандалах, чтобы не мог ни замахнуться, ни как следует шагнуть. Он и теперь, в первый раз за полгода, шёл в общей толпе только потому, что его переводили в новый забой.

«Ты? – с притворным удивлением сказал ему Волк. – Ещё не подох?»

Серый Пёс ничего ему не ответил, потому что не годится разговаривать с врагом, которого собираешься убивать.

Между тем поединок обещал стать достопамятным зрелищем. Оба были веннами, а венны славились как неукротимые воины, даже и с голыми руками способные натворить дел. Кое-кто знал, что этих двоих в своё время привёз на рудник один и тот же торговец рабами и мальчишки пытались дорогой вместе бежать. Потом, правда, их пути разошлись, и теперь, семь лет спустя, в круге факельного света стояли двое врагов. Двое молодых мужчин, оба невольники. Серый Пёс, год тому назад замученный насмерть и всё-таки выживший. И Волк, его палач...

Пугливо косившийся работник расковал Серого Пса. Сначала он освободил ему ноги, потом потянулся к ошейнику, но тут же, вскрикнув, отдёргнул руку: Нелетучий Мышь цапнул его за палец острыми, как иголки, зубами. Из толпы рабов послышался злорадный хохот и замечания сразу на нескольких языках:

«За другое место его укуси, маленький мститель...»

«Нас калёным клеймом метил, а сам визжит, как недорезанный поросёнок!..»

А кто-то подначивал:

«Покажи ему, Серый Пёс, покажи...»

Но Серый Пёс не стал обращать внимания на такую мелочь, как рудничный холуй, по ошибке именовавшийся кузнецом. Он накрыл ладонью злобно шипевшего Мыша, и работник снял с него ошейник, а потом, в самую последнюю очередь, освободил руки. И скорее убрался в сторонку, обсасывая прокушенный палец. Серый Пёс повёл плечами, заново пробуя собственное тело, отвыкшее от свободных движений. И шагнул вперёд. Волк ждал его, держа в правой руке кнут, а в левой – длинный кинжал с острым лезвием, плавно сбегавшим от рукояти к гранённому, как шило, острию. И тем и другим оружием Волк владел очень, очень неплохо. В чём неоднократно убеждались и каторжники, и другие надсмотрщики, все, у кого хватало дерзости или глупости с ним повздорить.

«Ну? – сказал он, пошевеливая кнутом. – Иди сюда».

Он был сыт и силён, этот Волк. Сыт, силён, ловок и уверен в себе. Серый Пёс стоял перед ним, немного пригнувшись, и не сводил с него взгляда.

Все ждали: вот сейчас кнут Волка метнётся лоснящимся извивом, словно охотящаяся гадюка, резнёт соперника по глазам... Вышло иначе. Волк стремительно подался вперёд, выбрасывая перед собой руку с кинжалом, нацеленным рабу в живот.

Тот мгновенно отшатнулся назад, уходя от неминуемой смерти.

Толпа кандальников глухо загудела, заволновалась. Притиснутые к дальней стене карабкались на выступы камня. Кто-то пытался опереться на чужое плечо, кто-то упал, нещадно ругаясь. Почему-то каждому хотелось воочию узреть этот бой, о котором действительно потом сложили легенды.

Двое противников снова неподвижно стояли лицом к лицу, и теперь уже мало кто сомневался, что Волк пустит в ход кнут. И опять вышло иначе. Волк ещё раз попытался достать Серого Пса кинжалом, рассчитывая, наверное, что тот не ждал повторения удара.

Раб снова умудрился отпрянуть и сохранить себе жизнь, но выпад оказался наполовину обманным: кнут всё-таки устремился вперёд. Он с шипением пролетел над самым полом, чтобы обвить ногу Серого Пса и, лишив подвижности, подставить его под

удар клинка. Раб с большим трудом, но всё же успел перепрыгнуть через змеившийся хвост. Волк, однако, отчасти добился своего. Лёгкое движение локтя, и кнут в своём возвратном движении взвился с пола, сорвав кожу с плеча раба. Серый Пёс, как позже говорили, не переменялся в лице. Вместо него охнула толпа.

«Иди сюда! – выругавшись, сказал Волк. – Иди сюда, трус!»

Серый Пёс ничем не показал, что слышал эти слова. Он давно отучил себя попадаться на такие вот крючки. Нет уж. Он ещё схватится с Волком грудь на грудь, но сделает это по-своему и тогда, когда сам сочтёт нужным. А вовсе не по прихоти Волка. И если он погибнет, это будет смерть, достойная свободного человека. А значит, он и драться станет как свободный человек, а не как загнанная в угол крыса...

Кнут Волка всё же свистнул верхом, метя ему по лицу, но Серый Пёс вскинул руку, и кнут, рассекая кожу, намотался ему на руку и застрял. Теперь противники были намертво связаны, потому что выпускать кнут Волк не собирался. Лезвие кинжала поплыло вперёд, рассекая густой спёртый воздух. Рыжие отсветы факелов стекали с него, точно жидкий огонь. Гранёное остриё неотвратно летело в грудь Серому Псу, как раз в дыру лохмотьев, туда, где под немой кожей и напряжёнными струнами мышц отчётливо проглядывали рёбра. Правая рука раба пошла вверх и в сторону, наперехват, успевая, успевая поймать и до костного треска сдавить жилистое запястье надсмотрщика...

И в это время гораздо более опытный Волк пнул его ногой. Серый Пёс ещё научится предугадывать малейшее движение соперника, да не одного, но пока он этого не умел и мало что мог противопоставить сноровистому Волку, кроме звериной силы и такой же звериной решимости умереть, но перед этим убить. Неожиданный удар пришёлся в живот и согнул тело пополам, и кинжал с отвратительным хрустом вошёл точно туда, куда направлял его Волк, и Серый Пёс понял, что умирает, и это было воистину так: когда он попытался вдохнуть, изо рта потекла кровь. Однако он был ещё жив. И пока он был жив...

Волк поздно понял, что на погибель себе подобрался слишком близко к умирающему рабу. Торжествуя победу, он не отскочил сразу, думая вколотить кинжал до крестовины, и эта ошибка стоила ему сперва зрения, а через мгновение и жизни. Рука Серого Пса, дёрнувшаяся было к пробитому боку, вдруг выстрелила вперёд, и растопыренные пальцы, летевшие, точно железные гвозди, прямо в глаза, стали самым последним, что Волку суждено было в этой жизни увидеть. Волк успел жутко закричать и вскинуть ладони к лицу, но тем самым он только помог Серому Псу поднять вторую руку, ибо кнут, прихваченный к запястью кожаной петлёй-наворозом, по-прежнему связывал поединщиков, словно нерасторжимая пуповина. Серый Пёс взял Волка за горло и выдавил из него жизнь. Мёртвый Волк бесформенной кучей осел на щербатый каменный пол, и только тогда с левой руки победителя сбегали петли кнута, оставив после себя сочащуюся красной кровью спираль.

«Волкодав!...» – не своим голосом завопил из глубины толпы кто-то, смекнувший, как называют большого серого пса, способного управиться с волком. А из боковых тоннелей, тесня бушующих каторжан, бежали надсмотрщики: небывалый исход поединка запросто мог привести к бунту.

Отгороженный от недавних собратьев плотной стеной обтянутых ржавыми кольчугами спин, Волкодав ещё стоял на ногах, упрямо отказываясь падать, хотя по всем законам ему давно полагалось бы упасть и испустить дух. Он зажимал рану ладонями, и между пальцами прорывались липкие пузыри. Он знал, что у него хватит сил добрести до ворот, ведущих к свободе, – где бы они ни находились, эти ворота. Ещё он знал, что надсмотрщики откроют ворота и выпустят его, не добив по дороге. Потому что оставшиеся рабы рано или поздно проведут истину, а значит, потешить душу поединком не удастся больше никому и никогда. За что драться невольнику, если не манит свобода?

...Он плохо помнил, как его вели каменными переходами. Сознание меркло, многолетняя привычка брала своё, и ноги переступали короткими шажками, ровно по мерке снятых с них кандалов. Постепенно делалось холоднее: то ли оттого, что приближалась поверхность,

выстуженная вечным морозом, то ли из-за крови, которая с каждым толчком сердца уходила из тела и чёрными кляксами отмечала его путь. Почти всюду эти кляксы мигом исчезнут под сотнями тяжело шаркающих ног – эка невидаль, кровь на рудничных камнях! – но кое-где пятна сохраняются, и рабы станут показывать их друг другу и особенно новичкам, убеждая, что легенда о завоевавшем свободу – не вымысел...

А пока Волкодав просто шёл, поддерживаемый неизвестно какой силой, и вся воля уходила только на то, чтобы сделать ещё один шаг и не упасть. Перед ним проплывали мутные пятна каких-то лиц, но он не мог даже присмотреться как следует, не то что узнать. Шаг. Держись, Волкодав. Держись, не умирай. И ещё шаг. И ещё.

...И ударил огромный, нечеловеческий свет, грозивший выжечь глаза даже сквозь мгновенно захлопнувшиеся веки. Это горело беспощадно-сизое горное солнце, повисшее в фиолетовом небе перед самым устьем пещеры. Протяни руку – и окунёшься в огонь. Волкодав услышал, как закричал от ужаса Нелетучий Мышь, чудом уцелевший во время поединка. Потом раздался голос вроде человеческого, сказавший:

«Вот тебе твоя свобода. Ступай».

Резкий мороз на какое-то время подстегнул отуманенный болью разум, и Волкодав попробовал оглядеться, плотно сощуриив исходящие слезами, напрочь отвыкшие от дневного света глаза. Прямо перед ним голубел на солнце изрезанный трещинами горб ледника, стиснутого с двух сторон чёрными скалами ущелья. Волкодав ступил на снег и пошёл, сознавая, что в спину ему смотрят рабы, занятые в отвалах и на подъездных трактах. Они должны запомнить и рассказать остальным, что он ушёл. Наверное, он упадёт и умрёт за первой же скалой. Но пусть они запомнят, что он **ушёл** на свободу. **Ушёл сам...**

Ему сказочно повезло: он не сорвался ни в одну из трещин и не замёрз, переломав ноги, в хрустальной, пронизанной солнечными отсветами гробнице. Боги хранили его. Он уходил всё дальше и дальше, время от времени чуть приоткрывая слепящие глаза, чтобы видеть, как медленно придвигается скала, за которой его уже не смогут разглядеть с рудничных отвалов и за которой он должен будет неминуемо свалиться и умереть. Он шёл к ней целую вечность, и жизни в нём оставалось всё меньше. Цепляясь за обледенелые камни, он обогнул скалу и свалился, но почему-то не умер сразу, только перестал видеть, слышать и думать. Нелетучий Мышь перебрался ему на грудь, прижался, распластываясь, и жалко заплакал.

Волкодав уже не видел, как невесомо скользнули над ним две большие крылатые тени, а немного погодя к распростёртому телу пугливо приблизились хрупкие, большеглазые существа, очень похожие на людей...

...Почувствовав, как разгорается глубоко в груди медленный огонёк боли, Волкодав затравленно огляделся кругом и уткнулся лицом в колени, второй раз за один день наступивший жестоким приступом кашля. Лёгкие точно посыпали изнутри перцем, хотелось вывернуть их наизнанку, ошмётками, ключьями вышвырнуть из себя вон... Рёбра свело судорогой, Волкодав задохнулся и не сразу почувствовал на своих плечах чьи-то руки. Это было уже совсем скверно. Он хотел стряхнуть их с себя, но сразу не сумел – держали цепко. Его заставили выпрямиться, и к голой груди прижались две твёрдые узенькие ладошки. Ниилит... Ниилит? Тут Волкодав понял, что его собрались лечить волшебством. Допустить подобного непотребства он не мог и хотел вырваться, встать, но кашель с новой силой скрутил его, и отбиться не удалось.

А крепкие ладошки знай скользили, гладили тело, и зелёные круги, стоявшие перед зажмуренными глазами, начали таять. От рук Ниилит распространялось чудесное золотое тепло, которое гнало, гасило багровый огонь и успокаивало, успокаивало...

Волкодав окончательно пришёл в себя и открыл глаза. На миг ему показалось, будто от рук Ниилит вправду исходило слабое золотое свечение. Но только на миг.

– Тебе жить надоело?.. – сипло зарычал Волкодав. Встряхнулся и обнаружил, что держали его, вернее, поддерживали, вдвоём. Тилорн подпирал сзади, самым непристойным образом глядя его мокрую голову, а Эврих обнимал за плечи, заглядывая в глаза, и на лице у

него было искреннее сострадание. Почему-то это вконец озлило Волкодава, и он решил-таки вырваться.

– Не беспокойся за Ниилит, друг мой, – сказал ему Тилорн. – Я знаю, чего ты боишься, но этого не случится. В здешнем мире женщинам дано больше, чем нам. Я вот мужчина, и я способен только отдавать свою силу... или направлять чужую, если человек сам этого хочет. Ниилит же способна призывать то, что твой народ именует Правдой Богов, а мой – энергией Космоса...

Недоверчиво слушавший Волкодав сразу припомнил: после лечения Эвриха он, крепкий мужик, воин, обессилел так, что не сумел даже подняться и два дня потом отсыпался. Тогда-то ведь и привязался к нему рудничный кашель, казалось бы, давно и прочно изжитый. А Ниилит ходила как ни в чём не бывало, возилась по хозяйству, отмывала окровавленный пол...

Наверное, они были правы. И уж во всяком случае понимали, что делали. Вот только Волкодав до того не привык к помощи, что, в отличие от Тилорна, не умел принимать её как надлежало. Особенно когда она здорово смахивала на самопожертвование. Он открыл рот, чтобы сказать Ниилит спасибо, но тут подал голос Эврих:

– Где ты подхватил такой кашель, варвар? Я думал, уж тебе-то никакой дождь нипочём... – Волкодав злобно посмотрел на него, и молодой аррант неожиданно расхохотался: – О, вижу, ты сердисься. Значит, тебе не настолько уж плохо, как мы было подумали...

Мужчины взялись его поднимать, но Волкодав легко стряхнул их и встал сам.

– Пошли в дом, – сказал Тилорн. – Хватит здесь мёрзнуть.

Что до Ниилит, она попросту взяла венна за руку и потащила в дверь.

Войдя, Волкодав только тут заметил, что в доме топился очаг – заступа от холодной сырости, которой тянуло снаружи. Мальчишка Зуйко, гордый порученным делом, держал над углями медный ковшик на длинной деревянной ручке. Из ковшика пахло мёдом, липовым цветом, вереском и чем-то ещё. Ниилит вручила Волкодаву дымящуюся чашку, и он выпил без разговоров. Ниилит была здесь единственным человеком, от которого он стерпел бы любое самоуправство. Даже если бы она взялась лоб ему щупать. Он сказал, ни к кому в отдельности не обращаясь:

– Спасибо...

Всего же более он был им благодарен за то, что они больше не расспрашивали его, куда он подевал меч.

Утро занялось ветренное, розовое и чисто умытое. Вскоре после того, как поднялось солнце, в дом к Вароху, шлёпая сапогами по ещё не просохшей после обильного ливня мостовой, припожаловал старшина Бравлин.

– Пошли со мной, парень, – поздоровавшись с хозяином и жильцами, сказал он Волкодаву.

– Куда ещё? – насторожился подозрительный венн.

– В кром, – сказал стражник. – Государыня кнесинка меня нарочно послала, потому что ты меня вроде как знаешь. Она велела, чтобы ты сейчас же пришёл.

– Зачем? – поднимаясь, хмуро спросил Волкодав.

– Больно любопытный ты, парень, – проворчал Бравлин. – Придём, сам всё и узнаешь.

– Может, нам тоже пойти? – осторожно спросил Тилорн. Эврих и Ниилит встревоженно оглянулись на Вароха, но мастер только пожал плечами.

– Незачем, – буркнул Волкодав. И пошёл с Бравлином со двора.

Живя на чужбине, всякий поневоле держится соплеменников. Вот и вельхи, обитавшие в Галираде чуть не со дня основания крома, целиком заселили две длинные улицы. Ближний путь в крепость пролегал мимо, но Волкодав хорошо слышал долетавшие с той стороны обрывки песен и нестройное, но усердное гудение вельхских «пиобов» – костяных дудок,

питавшихся воздухом из кожаного мешка. Песни, все как одна, были задорные и весёлые. По вере вельхов, покойных до самого погребения не покидали одних и всю забавляли плясками и весельем, дабы отлетающие души преисполнились благодарности к сородичам, порадовавших их праздником. А уstraшенная Смерть подольше не заглядывала в дом, где её подвергли посрамлению и насмешкам...

Бравлин и Волкодав пересекли подъёмный мост, который мало кто из горожан видел поднятым, и вошли в кром. Бравлин сказал что-то отроку, стоявшему в воротах, и парень, кивнув, убежал. Волкодав обратил внимание, что посередине двора уже был разложен ковёр и стояло деревянное кресло для кнесинки. Дружина понемногу сходилась с разных сторон, занимая по чину каждый своё место. *Совсем как тогда*, зло подумал Волкодав. Он не любил неизвестности, потому что ничем хорошим она обычно для него не кончалась, и внутренне ошестинился. *Опять суд?.. Да на сей-то раз с какой бы стати?..*

На всякий случай он обежал глазами лица бояр. Лучезара-Левого не было видно, и на том спасибо. Зато присутствовал тот, кого Волкодав про себя называл Правым, – боярин Крут Милованыч, седой, немереной силы воитель с квадратным лицом и такими же плечами. Он и теперь стоял справа от кресла, пока ещё пустого. Он взирал на Волкодава с хмурым недоумением, и тот, присмотревшись, именно по его лицу догадался: дружинные витязи не лучше его самого понимали, зачем кнесинке понадобилось в несусветную рань собирать их во дворе.

Юная правительница, впрочем, не заставила себя дожидаться. Как только Бравлин подвёл Волкодава к краю ковра, дверь в покои кнесинки растворилась, и Елень Глуздовна вышла на крыльцо. Она держала в руках тщательно свёрнутый тёмно-серый замшевый плащ.

– Гой еси, государыня, – сейчас же поклонились все стоявшие во дворе.

– И вам поздорову, добрые люди, – отозвалась она.

Выпрямившись, Волкодав сразу встретился с ней глазами. Потом перехватил сердитый и непонимающий взгляд Правого и насторожился ещё больше. Между тем кнесинка села в своё кресло, оглядела недовольных бояр, покраснела и не без вызова вздёрнула подбородок. Она сказала:

– Подойди сюда, Волкодав!

Волкодав осторожно ступил на пушистый ковёр и остановился в двух шагах от неё. Кнесинка Елень ещё раз огляделась и тоже встала, оказавшись ему по плечо, хотя кресло было снабжено подножкой. На щеках молодой государыни пылали жаркие пятна, но голос не дрогнул ни разу. Она громко и звонко выговорила осенённую временем формулу найма телохранителя:

– Я хочу, чтобы ты защищал меня вооружённой рукой. Заслони меня, когда на меня нападут!

Волкодав настолько не ожидал ничего подобного, что на мгновение попросту замер, растерявшись. Но потом опустился перед кнесинкой на колени и глухо ответил:

– Пока я буду жив, никто недобрый не прикоснётся к тебе, госпожа.

Краем уха он услышал возмущённый ропот дружины. И окончательно понял, что добра ждать нечего.

– И ещё я хочу, чтобы ты принял от меня вот это...

Кнесинка принялась разворачивать плащ – прекрасной выделки плащ на коротком, но очень густом и тёплом меху. Он сам по себе был воистину роскошным подарком – а ведь и последняя рогожа оборачивается драгоценной парчой, когда её дарит вождь. Волкодав, однако, сразу заметил, что в складках плаща скрывался некий предмет. А потом у него попросту остановилось сердце. Потому что кнесинка вытащила наружу и протянула ему его меч.

Сначала он решил, что ему померещилось. Но нет. Те самые ножны цвета старого дерева, обвитые наплечным ремнём, с жёсткой петелькой, притачанной сбоку для Мыша. Та самая блестящая крестовина и рукоять, которую он успел запомнить до мельчайшего листика хитроумного серебряного узора... Волкодав взял меч, ощутил на ладонях знакомую

тяжесть и заподозрил, что это был всё же не сон.

Дружина ошарашенно и с обидой смотрела на дочку своего вождя. Вернётся кнес, что-то скажет! Кабы за ушко дитяtko не ухватил. Какой ещё телохранитель, зачем, если каждый из них, испытанных воинов, горд за неё умереть?.. Да и от кого охранять-то? Горожане на руках носят, заморские купцы лучшими товарами поклониться спешат... Нет, подай ей охранника. И кому же себя поручила? Чужому, пришлому человеку, каторжнику, кандалы носившему не иначе как за разбой!.. Убийце!.. Иноплеменнику!.. *Венну!*..

Волкодав спиной чувствовал эти взгляды и прекрасно понимал, чего следовало ждать. Но ему было безразлично.

Позже ему расскажут, что аррантский корабль вместо попутного ветра нарвался на бешеный встречный. И всю ночь болтался за внешними островами, прячась от бури. А купцу Дарсию, прикорнувшему в хозяйском покойчике, приснился могучий, облачённый в страшные молнии неведомый Бог. «ЖИВО РАЗВОРАЧИВАЙ КОРАБЛЬ, – будто бы сказал этот Бог перепуганному арранту, – И ЧТОБЫ МЕЧ, К КОТОРОМУ ТЫ ПОСМЕЛ ПРОТЯНУТЬ РУКУ, НЕ ДАЛЕЕ КАК НА РАССВЕТЕ БЫЛ У КНЕСИНКИ ЕЛЕНЬ. А НЕ ТО...»

Надо ли говорить, что купец с криком проснулся и сейчас же велел ставить короткие штормовые паруса. А потом – рубить якорный канат из дорогой халисунской пеньки, поскольку якорь за что-то зацепился на морском дне. И с первыми проблесками зари уже бежал по мокрой улице к кромке...

В свой черёд Волкодав узнает об этом и с запоздалой благодарностью припомнит обещание меча не покидать его, доколе он сам его не осквернит недостойным деянием. Но всё это будет потом, а пока он стоял на коленях, смотрел на кнесинку и молчал.

Когда во Вселенной царило утро
И Боги из праха мир создавали,
Они разделили Силу и Мудрость
И людям не поровну их раздали.

Досталась мужчине грозная Сила,
Железные мышцы и взгляд бесстрашный,
Чтоб тех, кто слабей его, защитил он,
Если придётся, и в рукопашной.

А Мудрость по праву досталась жёнам,
Чтобы вручали предков заветы
Детям, в любви и ласке рождённым, —
Отблеск нетленный вечного Света.

С тех пор, если надо, встаёт мужчина,
Свой дом защищая в жестокой схватке;
Доколе ж мирно горит лучина,
Хозяйские у жены повадки.

И если вдруг голос она повысит,
Отнюдь на неё воитель не ропщет:
Не для него премудрости жизни —
Битва страшна, но в битве и проще.

7. Никто

Вскоре Волкодав заподозрил, а чуть позже и доподлинно убедился: его юная благодетельница и сама толком не знала, зачем ей, собственно, телохранитель. Когда кнесинка удалилась в свои покои, а раздосадованные витязи потянулись кто куда, к Волкодаву подошёл мятельник – особый слуга, ведавший одежаниями дружины и семьи самого кнеса.

– Пойдём, господин, – сказал он венну. – Елень Глуздовна велела тебе одежду красивую подобрать.

Да куда уж ещё-то, подумал Волкодав, прижимая к груди подаренный плащ. Но вслух, конечно, ничего не сказал и послушно последовал за уверенно шагавшим слугой. По дороге он начал прилаживать через плечо ремень от ножен, но сразу спохватился и стащил его обратно: небось всё равно сейчас придётся снимать.

Мятельник был седобород, осанист и исполнен достоинства. Настоящий старый слуга из тех, что блюдут честь дома паче самого хозяина. Он привёл Волкодава в просторную клеть, где на сундуках были уже разложены наряды, которые он навскидку счёл подходящими для высокого и крепкого венна. Волкодав обежал их глазами, затосковал и понял, что мятельник имел очень смутное представление о том, кто такие телохранители и чем они занимаются. Да и откуда бы ему? Обитатели крома в большинстве своём были воины, не только не нуждавшиеся в охране, но и сами способные за кого угодно постоять. Зачем рядом с кнесинкой ещё один вооружённый боец? Разве только для красоты. Вот слуга и разложил по пёстрым крышкам несколько негнущихся от вышивки свит и к ним новомодные узкие штаны. В них с грехом пополам ещё можно было стоять или сидеть, но, скажем, на лошадь вспрыгнуть – срама не оберёшься: сейчас же треснут в шаг.

Волкодав неслышно вздохнул и повернулся к старику.

– Как тебя зовут, отец?

– Зычком, – ответил мятельник.

– А по батюшке?

Слуга удивлённо помедлил, потом разгладил бороду:

– Живляковичем...

– Нет ли у тебя, Зычко Живлякович, мягкого кожаного чехла? – спросил Волкодав. – Такого, чтобы кольчугу покрыть.

Кивнув, мятельник сдвинул в сторону поблёскивавшее цветным шёлком узорочье, безошибочно раскрыл один из сундуков, и скоро Волкодав уже примеривал тонкий, хорошо выделанный буроватый чехол. Он спускался до середины бёдер, а на руках доходил почти до локтей. Глаз у старого слуги был намётанный. Волкодав подвигал плечами, наклонился, присел и понял, что чехол точно ляжет поверх кольчуги и не станет мешать. За чехлом последовали штаны вроде тех, что уже носил Волкодав, только поновей, и лёгкие сапоги с завязками повыше щиколотки. И, наконец, простая, безо всякой вышивки, рубашка из толстого полотна.

– А ты, добрый молодец, прямо на рать собираешься, – заметил Зычко.

Волкодав хотел по обыкновению проворчать «Может, и собираюсь», но передумал и ответил:

– В таком деле не знаешь, когда ратиться выпадет. Спасибо тебе пока, Живлякович.

Потом он разыскал боярина Крута. Волкодав обнаружил старого воина на заднем дворе. Раздосадованный выходкой молодой государыни, Правый отводил душу, рвякая на безусых отроков, орудовавших дубовыми потешными мечами. Этот-то рык, слышимый на всю крепость, и подсказал Волкодаву, где его искать.

Посмотрев на боярина, он сначала усомнился, стоило ли с ним вообще заговаривать. И подумал, что имя Правого – Крут – очень смахивало на ладно севшее прозвище. А может, и было-таки прозвищем, потому что истинные имена у сольвеннов тоже знала только родня

да ещё близники-побратимы. Полуголые, лоснящиеся от пота отроки уворачивались, прыгали и рубили увесистыми, гривен на двадцать пять, деревяшками во все стороны, низом и над головой. Боярин ходил среди гибких юнцов медведь медведем и раздавал нескладёхам отеческие затрещины. Он поспевал это делать без большого труда: годы его, седовласого, ещё не скоро догонят. Он заметил наблюдавшего за ним Волкодава и не подал виду, только побагровел ещё больше, но венн не уходил, и наконец Правый сам позвал его:

– Эй, ты там! Поди-ка сюда!

Волкодав осторожно опустил наземь пухлый свёрток с плащом и одеждой и подошёл.

– Почему я должен тебе доверять?.. – сверля его пристальным взглядом маленьких серых глаз, осведомился боярин. В его голосе Волкодаву послышалась неподдельная горечь. Он немного помолчал, обдумывая ответ, и спокойно проговорил:

– Потому, что госпожа мне доверяет.

– Тебе она госпожа! – прорычал Правый. – А мне – дочь родная! Почём мне знать, что ты, висельник, её не обидишь?

Волкодав поневоле припомнил норовистых, тяжёлых на руку молодцов, которые обхаживают друг друга, толкаясь крутыми плечами и обдумывая, стоит ли драться уже как следует. Драться определённо не стоило. Значит, кто-то должен был уступить.

– Скажи лучше, воевода, грозил ли кто Глуздовне? – негромко спросил Волкодав. – Были какие-нибудь письма подмётные? Или разговор недобрый кто слышал?

– Не было ничего, – чуть-чуть остывая, буркнул Крут. – И на что ты ей, обормот?

– Нужен, не нужен, то не нашего с тобой ума дело, – сказал Волкодав. – Велела, надо служить. Есть ли ещё телохранители у госпожи?

– Нету! – по-прежнему нелюбезно, но уже без былой лютой враждебности ответил боярин. – Допрежь не было, и ты недолго пробудешь.

– Как госпожа велит, так и станется, – сказал Волкодав. – Спасибо за науку, воевода.

В тот день Волкодав пробыл в крое недолго, но наслушаться успел всякого. Кто-то из витязей интересовался, не был ли он намерен всё время торчать возле кнесинки и провожать её до двери задка. Другие предполагали, что венн собирался воевать с блохами, буде таковые начнут грозить кнесинке из пуховых перин. Третьи ядовито пророчили, что блохи если и заведутся, то разве с самого венна и перепрыгнут: с кем поведёшься, от того, мол, и наберёшься. Волкодав выносил злословия молча и так, словно к нему оно вовсе не относилось. Он всегда так поступал, когда был на службе. Только то имело значение, что могло повредить госпоже. Что же касалось его самого – грязь не сало, высохло и отстало...

Кнесинка Елень из своих покоев более не появлялась. Ждала, наверное, пока схлынут пересуды. Только выслала отрока, который вручил Волкодаву мешочек серебра и передал изустный наказ: ныне отправляться домой, а завтра рано поутру прибыть к той же двери. Государыня, мол, кнесинка поедет на торговую площадь, где ей поклонятся вновь прибывшие купцы.

– А почему не купцы к госпоже? – спросил Волкодав.

– Так искони заведено, – важно ответил мальчишка. – Кнесам не для чего затворяться от добрых людей. Купцами же Галирад славен!

Дома Волкодава ждали с большим нетерпением. Пока его не было, к мастеру заглянул знакомый молодой вельх и поведал о вчерашнем происшествии со стариком и старухой – поведал чисто по-вельхски, с великим множеством красочных подробностей, за достоверность которых и сам не поручился бы, ибо половину выдумал на ходу. Когда же возвратился из крома Волкодав, да при мече, да с кошельком полновесного серебра, да с объёмистым мягким свёртком в руках... взволнованные вопросы хлынули градом.

– Я теперь самой кнесинки телохранитель, – коротко пояснил венн. – Она мне и меч отдала.

Больше он ничего так и не добавил, но понимающему человеку было ясно: за одно это

он готов был хранить кнесинку без всяких плат. Наутро его служба должна была начаться уже по-настоящему, и он, ещё раз наскоро осмотрев отчищенные разбойничьи кольчуги, сунул их в мешок и засобирался к броннику, до которого не дошёл накануне.

– Я с тобой. Можно? – тут же попросился Тилорн. И пообещал: – Я быстро дойду. Я не буду больше зевать по сторонам. Честное слово!

Проходя мимо «Бараньего Бока», Волкодав невольно отыскал глазами место, где пробежала мимо него старая Киренн. Пробежала, чтобы через мгновение растянуться на мостовой, так и не прикоснувшись к заветному боярскому стремени.

– Здесь я вчера встретил ту женщину, – неожиданно для себя сказал венн Тилорну.

Тилорн, усердно старавшийся идти быстро, спросил:

– Ты его видел потом, этого вельможу?

Волкодав покачал головой:

– Нет, не видел.

Деликатный Тилорн не стал спрашивать, что будет, когда они встретятся. *А ничего не будет, наверно,* сказал себе Волкодав. Хотя, честно признаться, утром в кресле он с некоторым напряжением ждал, чтобы красавец боярин вышел откуда-нибудь из двери. Но если Лучезар стоял слева от кнесинки всякий раз, когда та судила и рядила или кого-нибудь принимала, это значило – хочешь, не хочешь, а придётся стукаться с ним локтями. Стукаться локтями... Волкодав помимо воли задумался о завтрашнем выезде к торговым гостям, вспомнил кнесинку в кресле во время проповеди жрецов, вспомнил стоявших рядом бояр и начал прикидывать, где следовало держаться ему самому. Он предпочёл бы чуть-чуть позади кресла, за правым плечом. Чтобы был, случись вдруг что, простор для немедленного рывка и размаха правой рукой. Но если встать там, прямо перед носом окажется седой затылок старого Крута. Волкодав был чуть повыше ростом, но именно чуть: через голову не посмотришь. Да и поди сдвинь его, семипудового, если потребуется прыгнуть вперёд. Если же встать слева... Обеими руками Волкодав владел одинаково хорошо, но его заранее замутило при одной мысли о том, что тогда уже точно придётся стукаться локтями с Лучезаром, а тот, пожалуй, станет кривиться и утверждать, что от немывтого венна псиной разит...

Волкодаву случалось охранять самых разных людей, мужчин и женщин, но всё больше в дороге. Да и с такими важными особами, как кнесинка, дела он ещё не имел. Встать впереди, у подлокотника кресла?.. Сейчас тебе. Правый, пожалуй, своими руками придушит. И поди объясни ему, что с телохранителем чинами считаться – как с... вот именно, с серым сторожевым псом, впереди хозяина, бывает, бегущим...

До улицы оружейников они с Тилорном добрались без хлопот, если не считать того, что все встречные вельхи им кланялись.

– Здравствуй, почтенный, – сказал Волкодав, входя в мастерскую бронника.

– И тебе поздорову, венн, – ответил мастер Крапива, русобородый кряжистый середович. – Вчера я тебя ждал... Ладно, люди поведали. Цела твоя наречённая, не продана. Идём, посмотришь.

И он повёл Волкодава во двор, куда в хорошую погоду выносили на честный солнечный свет продажные брони. Галирадские мастера обычно работали на заказ, но в нынешние времена всё чаще случалось, что и просто на торг.

Доспех же здесь делали самый различный. Кольчуги мелкого, крупного, плоского и двойного плетения и даже такие, что не составлялись из отдельных колец, а вязались из длинной проволоки целиком. Подобные кольчуги было трудно чинить, да и использовали их не для серьёзного дела, а больше покрасоваться. Ещё во дворе у мастера Крапивы были выставлены дощатые брони: сплетённые из железных пластинок на ремешках и иные, на сплошной коже, к которой пластинки пришивались или приклёпывались одним краем и красиво заходили одна за другую, как чешуйки на рыбе. Многие воины считали их надёжней

кольчуг. Волкодаву в своё время приходилось пользоваться тем и другим. Равно как и сражаться с соперниками, облачёнными во всевозможный доспех. И, если бывала возможность, он всему предпочитал полупудовую веннскую кольчугу с воротником в ладонь и рукавами до локтя. Такая отлично держала любой случайный, скользящий удар и не стесняла движений. А прямого удара меча, топора или стрелы не удержит и литой нагрудник из тех, что недавно начали делать береговые сегваны, любители конного боя...

Волкодав пришёл за кольчугой, которую высмотрел себе ещё позавчера. Он тогда обошёл почти все мастерские и увидел её чуть ли не в последней по счёту, но уж когда увидел – едва смог отвести взгляд. Испросив позволения, он натянул через голову шуршащее воронёное кружево, и ему показалось, что плечи обхватили тяжёлые дружеские руки. Так, наверное, его меч чувствовал себя в ножнах, сработанных старым Варохом. Спереди кольчуга простиралась на полторы пяди ниже промежности, сзади была несколько покороче, чтобы удобней сиделось в седле. Вот уж надёжа так надёжа!.. Волкодав долго перебирал лоснящиеся кольца, заваренные наглухо или скреплённые крохотными заклёпками, обнаружил кое-где следы умелой починки и не нашёл, к чему бы придраться. И работа, и качество металла были бесскверны. Приснится, как меч, что-то расскажет...

Совсем не грех отдать за такую обе разбойничьи, куда более жидкие и без воротничков. Только деревенский народ стращать, чтобы живей выносил снедь и добро.

Волкодав вытащил их из котомки – серебристо сверкающие, отчищенные, отодранные от ржавчины и остатков засохшего кровавого налёта. Мастер Крапива бегло окинул их многоопытным глазом и удовлетворённо кивнул. Купцу или там путешественнику в дороге сгодятся.

– По рукам? – с бьющимся сердцем спросил Волкодав.

– По рукам.

Волкодав ещё подержал красавицу броню на ладонях, не торопясь прятать в котомку. Тилорн, только сейчас появившийся из мастерской, подошёл к нему и заинтересованно потянулся потрогать, но в последний момент отдернул пальцы:

– Можно?

Волкодав улыбнулся:

– Можно, не кусается.

– Я думал, мало ли, верование какое-нибудь... – любясь синеватыми бликами на ровных, отглаженных кольцах, пояснил Тилорн.

Верование действительно было, но хорошему человеку многое позволяется.

Волкодав отметил про себя, что следом за учёным из двери мастерской выскочил безусый ученик и, отозвав Крапиву в сторонку, стал что-то говорить ему встревоженным шёпотом. Венн тотчас заподозрил, что зря оставил Тилорна там, внутри, без присмотра, и насторожил уши, но в это время Крапива повернулся к ним сам.

– Ты кто такой? – грозно хмуря брови, обратился он к Тилорну. – Для кого мои тайны выпытываешь?

– Я? – ахнул Тилорн. – Я не выпытывал никаких тайн, добрый мастер. Я просто спросил этого славного паренька, каким способом у вас здесь воронят!..

Волкодав спрятал кольчугу и повесил сумку на плечо. «Ремешок добрых намерений» висел на его ножнах развязанным: кнесинка собственноручно распустила его и снабдила деревянной биркой со своим клеймом в знак того, что оно было разрешено её благоволением. Хвататься за меч Волкодав, понятно, не собирался. Он даже не двинулся с места, но про себя прикинул, как они с Тилорном станут уходить, если бронник вздумает кликнуть дюжих учеников.

– В жабьем молоке запекают! – рявкнул сольвенн. – Так и передай, подсыл бледнозадый!

– А не зря тебя Крапивой прозвали, – показывая в усмешке выбитый зуб, сообщил мастеру Волкодав. – Не бранись попусту, дольше проживёшь. Этот человек – не подсыл. Он книг прочитал больше, чем ты за свою жизнь колец заклепал. Поговори с ним, он ещё тебя

поучит, как воронить.

– Идите-ка вы оба отсюда! – налился кровью Крапива. – Вот уж правда святая: нельзя с веннами по-хорошему...

– Мой добрый друг изрядно преувеличивает мои познания, – со спокойным достоинством ответил Тилорн. – Но кое-что в металле я действительно понимаю и, возможно, в самом деле навёл бы тебя на какую-нибудь бесполезную мысль. Мой народ, уважаемый, обитает очень далеко отсюда, и у нас есть присловье: одна голова хорошо, а полторы лучше...

– Голова?.. – Сольвенн от удивления позабыл гневаться. – Какая ещё голова?..

Тилорн заулыбался уже совсем весело:

– Ах да... видишь ли, у нас полагают, что человек думает головой.

Крапива пожевал губами, изумляясь про себя необъятности заблуждений, бытующих у разных племён. Ему-то было хорошо известно, что мысли и знания помещаются у человека в груди.

А Тилорн, воспользовавшись его замешательством, деловито подошёл к дорогой, разве витязю по мощне, серебряной броне, провёл длинным пальцем по мерцающим пластинам и сказал:

– Я вижу, вы покрываете доспехи серебром и, наверное, изредка золотом. Если хочешь, мастер Крапива, я предложил бы тебе иные покрытия, воздвигающие не менее надёжную преграду для ржавчины и очень красивые. Скажи, есть ли у тебя знакомые среди кожевников и ткачей?

– Ну... – замялся Крапива. – Может, и сыщутся... У кого кожу-то беру...

– Тогда... только не сочти опять, будто я выпытываю! Красят ли они кожу и ткани одними лишь соками трав или, может быть, применяют химич... иные вещества? Скажем, красные или жёлтые кристаллы, хорошо расходящиеся в воде и весьма ядовитые? Они служат для дубления и ещё для того, чтобы краска прочнее держалась. Особенно синяя, серая, чёрная...

– Да чего только не болтают, – уклончиво ответил Крапива, но и скудного намёка оказалось достаточно. Тёмные глаза Тилорна разгорелись охотничьим задором:

– Вели, добрый мастер, раздобыть таких кристаллов да закажи у стекловара несколько глубоких чаш из хорошего стекла, чистого и прозрачного. Я покажу тебе, как напитать поверхность железа другим металлом, не боящимся даже морской воды!

– Напитать? – не поверил бронник. – Железо же! Что туда впитается? Это тебе не доску олифить...

– Видишь ли, – принялся объяснять Тилорн, – железо, как и прочие вещества, состоит из мельчайших, незримых простым глазом частичек. При определённых условиях можно...

– Ты колдун! – объявил Крапива и осенил себя Катящимся Крестом, отгоняя возможную скверну. – Уходи!

– Он не колдун, – сказал Волкодав. – Он учёный. – Подумал и добавил: – Не видел, как он за серебро брался? За железо?.. – Крапива молчал, и Волкодав хлопнул Тилорна по плечу: – Пошли. Я ещё лук хотел посмотреть.

– Погоди, – вдруг поднял руку мастер. – Добро, поставил я чаши, купил твою отраву... дальше-то что?

Тилорн потребовал лоскут берёсты побольше и чем на нём рисовать. Кончилось тем, что Крапива клятвенно пообещал Волкодаву накормить Тилорна за свой счёт вечерей, а потом отрядить двоих унотов, сиречь учеников, чтобы в целостности и сохранности проводили мудреца домой. И Волкодав отправился к мастеру-лучнику, безбоязненно оставив друга одного у чужих. Он знал: Крапива всё сделает, как обещал, и, надо ли говорить, никто Тилорна даже пальцем не тронет. Потому что обижать человека, за которого заступается венн, – всё равно что в прорубь на Светыни зимой голому прыгать. С большим камнем на шее.

Настало утро. Волкодав явился в кром, когда солнце только-только являло из-за небоската огненный край. Позёвывающие отроки в воротах пропустили его, ни о чём не спросив. Видно, были упреждены.

Волкодав пришёл в новой одежде и в кольчуге, чуть-чуть казавшейся из рукавов чехла. Отроки за его спиной переглянулись, думая, что он не заметит. Он не стал оборачиваться.

Во дворе было ещё безлюдно, только в поварне звонко смеялись чему-то молодые стряпухи, да из выгородки, где стояла хлебная печь, шёл чудесный дух поспевающего печева. Волкодав пересёк двор, постоял возле уже знакомого крылечка, потом присел на ступеньку.

На душе у него было не особенно весело. Вчера вечером Тилорн пробудил наконец Мыша от спячки и торжественно заявил, что зверёк снова может летать. При этом он ввернул ещё одно непонятное слово: «технически». Волкодав спросил, что это значило, и Тилорн пояснил: крыло, мол, совершенно выздоровело, ни плохо сросшихся костей, ни грубых рубцов. Даже мышцы почти не ослабли, потому что Мыш был очень подвижен, драчлив и всё время порывался взлететь...

Беда только, сам Мыш упорно отказывался понимать, что здоров. Если раньше он нипочём не желал признавать себя за калеку, без конца срывался в полёт, расшибался и возмущённо кричал, то теперь его как подменили: он первым долгом юркнул Волкодаву за пазуху и долго отсиживался там, испуганно всхлипывая. Когда он наконец осмелел и вылез наружу, Волкодав стряхнул его с ладони над мягкой постелью:

– Лети, дурачок.

Мыш упал, даже не попытавшись развернуть крылья. И заплакал так, что щенок поджал хвостик и сочувственно заскулил. Тилорн покачал головой, сказал что-то на неведомом языке, взял Мыша в руки и сотворил чудо. Он посмотрел зверьку в глаза, и светящиеся бусинки враз помутнели, как бывает у пьяных. Мыш начал зевать, но не заснул. Тилорн легонько подтолкнул его пальцем:

– Лети.

Мыш сейчас же вспорхнул, с отвычки неуклюже поднялся под потолок и вернулся.

– Он может летать, – сказал Тилорн. – Но не хочет. Боится. Я заставил его на время забыть страх, и он полетел. Но чтобы он совсем перестал бояться – тут надо поработать...

А надо ли было резать, подумал Волкодав. *Уж как-нибудь дожил бы век...*

– Взять его за лапу и выкинуть в окошко, – посоветовал Эврих. – Чтобы другого выбора не было.

Ниилит ойкнула, а Волкодав хмуро предупредил:

– Я тебя самого выкину. Может, тоже летать научишься.

Так и вышло, что нынче он оставил Мыша дома: мало ли что тот учудит в самый ненужный момент. Остаться Мыш не хотел. Пришлось Тилорну снова погрузить его в полусон...

Дверные петли были хорошо смазаны, но Волкодав загодя распознал старческие шаги и шарканье веника. Он поднял голову, уже зная, что выйдет не кнесинка. И точно. На крыльце появилась высохшая, сморщенная старуха, наверное, годившаяся в матери хромому Вароху.

– Здравствуй, бабушка, – сказал Волкодав.

Старуха окинула его неожиданно зорким, подозрительным взглядом и зашипела, грозя веником:

– Ишь, расселся, бесстыжий!.. А ну, иди отсюда! Ходят тут...

Волкодав смиренно поднялся и отступил в сторону. Бабка покропила водой и принялась подметать и без того чистое крыльцо. Особенно она трудилась полынным веником там, где он только что сидел. *Рабыня,* сообразил Волкодав. *Но у таких рабынь сами хозяева по одной половице на цыпочках ходят. Нянька, наверное. Не иначе, государыню кнесинку в люльке качала, а может, и самого кнеса. Или супругу его...*

– Ты, что ли, девочки нашей охранитель? – осведомилась старуха.

– Верно, бабушка, – кивнул Волкодав. – А не скажешь ли...

Он хотел спросить, скоро ли встанет госпожа, прикидывая, как бы успеть перекинуться словечком с боярином Крутом. Но старуха с усилием разогнула согбенную спину, чтобы снова пострадать его веником:

– У-у-у тебе...

И с тем скрылась в избе.

Волкодав задумчиво почесал затылок и снова сел на красноватую маронговую ступеньку.

Спустя некоторое время опять послышались шаги. На сей раз шёл мужчина. Он приближался из-за угла, со стороны дружинного дома. Волкодаву что-то очень не понравилось в его походке, но, пока он размышлял, что же именно, у крыльца явил себя Лучезар.

Вот уж кого Волкодаву хотелось видеть всех менее.

– Что-то проходимцы разные зачастили... – увидев его, немедленно сказал Левый. Волкодав ничего не ответил. Только равнодушно посмотрел на боярина и снова уставился себе под ноги. Отвечать ему, ещё не хватало.

– А ну встать, собака, когда витязь с тобой разговаривает! – взвился Лучезар.

Во всём Галираде, наверное, едва набрался бы десяток людей, понимавших венские знаки рода, и молодой боярин к их числу явно не принадлежал. Иначе, желая оскорбить Волкодава, он нипочём не обозвал бы его собакой. Волкодаву стало почти смешно, но он опять ничего не сказал. И, уж конечно, не пошевелился.

Разговор мог забрести далеко, но в тот раз обоим повезло. Дверь раскрыла сильная молодая рука: на пороге стояла кнесинка Елень.

Волкодав сразу поднялся, кланяясь государыне. Левый не поклонился. Он смотрел только на Волкодава, не отводя глаз, и во взгляде его была смерть.

– Оставь, Лучезар! – сказала кнесинка. – Это мой телохранитель. Он сидит здесь потому, что я так приказала.

Левый опустил длинные ресницы, а когда вновь поднял их, на лице было уже совсем другое выражение. Томное и презрительное.

– А, вот оно что, – проговорил он лениво. – Я же не знал, сестра. И зачем, думаю, проходимцу тут торчать? Ещё украдёт что...

Кнесинка быстро и с испугом покосилась на Волкодава. Тот стоял, как глухой, с деревянным лицом.

– Не обижай его, он ничем этого не заслужил, – сказала она Лучезару. И повернулась к телохранителю: – А ты что молчишь?

Волкодав пожал плечами:

– Так я ведь на службе, государыня. Я тебя стерегу... а не себя от всякого болтуна... – Левый, в жизни своей, вероятно, не слышавший подобного обращения, на миг онемел, и Волкодав медленно, с удовольствием dokonчил: – Вот если бы он на тебя умышлять вздумал, я бы ему сразу голову оторвал.

Кулак боярина метнулся к его подбородку, но подставленная ладонь погасила удар. Волкодав в полной мере владел искусством бесить соперника, вроде не причиняя ему вреда, но и к себе прикоснуться не позволяя. Лучезар попытался достать его левой, но венн отбросил руку боярина, а потом поймал его локти и притиснул к бокам. Волкодав знал сотни уловок, позволявших скрутить Левого куда надёжней и проще. Он нарочно выбрал самую невыгодную. Ещё не хватало сразу показывать Лучезару всё, на что он, Волкодав, был способен. Пускай Лучезар показывает. Если умеет. А он, скорее всего, умеет. Да и разумно ли вовсе унижать его при «сестре»...

Лучезар, конечно, драться был далеко не дурак. Венн сразу понял, на какого противника напоролся. Витязь – это не городской стражник, вчерашний тестомес, ещё не отмывшийся от муки. Это – воин. И воинами с колыбели воспитан. Самому кнесу любимый

приёмный сын, если не побратим. Боец из бойцов, всякому ратоборству обученный. Лучезар был сноровист и могуч... Вот только почему он двигался, словно с похмелья? Боярин зарычал и рванулся освободиться... Волкодав удержал его без особых хитростей, хотя и с трудом.

По счастью, борьба продолжалась какие-то мгновения. Кнесинка Елень бесстрашно сбежала к ним с крыльца. *Псов грызущихся разнимать*, подумалось Волкодаву. Он оттолкнул боярина и сам отступил назад, тяжело дыша. Сейчас она велит ему навсегда убираться с глаз. И будет, несомненно, права. Его она прежде видела всего-то три раза. А Левый её сестрой называет. Рассказывать ей про старую вельхинку Волкодав не собирался.

– Ступай, Лучезар, – сказала вдруг молодая правительница. – Ступай себе.

И боярин ушёл. Он дрожал от ярости и озирался на каждом шагу. Но ни слова более не добавил.

Волкодав смотрел в спину кнесинке и тоже молчал, ожидая заслуженной расправы. И тут... сперва он ощутил в одной ноздре хорошо знакомую сырость, потом поднял руку, увидел на пальце ярко-алую каплю и понял, что Левый, сам того не ведая, ему всё-таки отомстил. Короткое, но лютое напряжение дало себя знать. Так нередко бывало с тех пор, как в каменоломне ему покалечили нос. И всегда это случалось в самый неподходящий момент. Ругаясь про себя, Волкодав выдернул из поясного кармашка всегда хранившуюся там тряпочку и стал заталкивать её в нос. Хорошо ещё, вовремя спохватился и не осквернил кровью ни крыльцо, ни новенький дарёный чехол...

Кнесинка обернулась к нему, и глаза у неё округлились.

– Прости, госпожа, – виновато проговорил Волкодав, и в самом деле готовый провалиться сквозь землю.

Девушка быстро оглядела двор – не видит ли кто – и решительно схватила его за руку: – Пойдём!

Её пальцы не сошлись у него на запястье, но пожатие было крепкое. Она потащила венна на крыльцо, потом в дверь и дальше в покои.

– Нянюшка! – окликнула она на ходу. – Принеси водицы холодной!.. А ты садись. – Это относилось уже к Волкодаву, и он послушно сел на скамью у самого входа.

Из другой комнаты выглянула старуха, посмотрела на него, вновь скрылась и наконец вышла с пузатым глиняным кувшином и большой глиняной миской.

– Хорош заступничек... – ворчала она вполголоса, но так, чтобы он слышал. – Самому няньки нужны...

– Запрокинь голову, – велела кнесинка Волкодаву.

– А ты иди, дитяtko, – погнала её старуха. – Иди, не марайся.

Она утвердила миску у него на коленях, плеснула ледяной воды, дёрнула Волкодава за волосы, заставляя нагнуться пониже, смочила тряпицу и приложила ему к переносью. Потом цепко схватила за средний палец и туго перетянула ниткой по нижнему краю ногтя.

– Спасибо, бабушка, – пробормотал он гнусаво.

Человек, у которого идёт из носу кровь, жалок и очень некрасив. *Выгонит*, с отчаянием думал Волкодав, следя, как редуют падающие в миску капли. *Как есть выгонит. Да и правильно сделает. Дружину верную приобидел, с боярином ссору затеял, а теперь ещё и срамным зрелищем оскорбил. На что ей...*

– Как ты?.. – спросила кнесинка. Волкодав поднял глаза. Она смотрела на него с искренним состраданием. – Как, лучше тебе?.. Да с чего хоть?..

Волкодав неохотно ответил:

– Поломали когда-то, с тех пор и бывает.

– Молодь бесстыжая, – заворчала старуха. – Беспрочее. Всё по корчмам, всё вам кулаками махать... Нет бы дома сидеть, отца с матерью радовать...

Волкодав промолчал. Кровь наконец успокоилась; он осторожно прочистил ноздрю и на всякий случай загнал внутрь свежую тряпочку. Если не очень присматриваться, со стороны и не заметишь. Нянька унесла миску и полотенце. Волкодав встал, и тут кнесинка

заметила кольчугу, видневшуюся из-под чехла.

– Это-то зачем? – изумилась она. – От кого? Сними, люди добрые засмеют. Совсем, скажут, умом рехнулась...

Говоря так, она слегка покраснела, и Волкодав понял, что досужая болтовня её всё-таки задевала. И правда, чего только не скажут острые на язык галирадцы, углядев при любимой кнесинке телохранителя-венна, снаряжённого, точно сейчас в бой! Ещё, посмеются, шлем бы нацепил. Можно подумать, на неё три раза в день нападают! Волкодав расстегнул ремень и стащил с себя чехол, потом и кольчугу.

– Положи тут, – сказала кнесинка. – Вернёмся, заберёшь.

–хлопот тебе из-за меня, госпожа, – сказал Волкодав.

Кнесинка только махнула рукой:

– Поди в конюшню, я конюху велела коня тебе какого следует подобрать.

Волкодав поклонился и вышел.

Когда стала собираться свита, он заметил среди русоголовых сольвеннов смуглого чернявого халисунца, дородного и одетого вовсе не по-воински. Волкодав захотел узнать, кто это такой, но тут как раз появился Крут, и венн сразу подошёл к нему.

– Здравствуй, воевода, – сказал он Правому. – Перемолвиться надо бы.

– О чём ещё? – спросил Крут недовольно.

Волкодав отозвал его чуть в сторону от остальных и сказал:

– Я хочу попросить тебя, воевода... Когда встанешь у кресла госпожи, держись на один шаг дальше вправо, чем ты обычно стоишь.

– Что?.. – темнея лицом, зарычал Крут.

– погоди гневаться, – Волкодав примирительно поднял ладонь. Потом принялся чертить на земле носком сапога. – Смотри, вот кресло государыни. Я встану вот здесь, чтобы всё видеть, но и на глаза особо не лезть. Если ты чуть-чуть отодвинешься, мне будет удобней.

У боярина зашевелились усы:

– А пошёл ты, дармоед...

Волкодав вспомнил осенившее его давеча сравнение и тихо ответил:

– Я – пёс сторожевой, воевода. Где лягу, там и ладно, лишь бы стерёг.

Договаривал он уже боярину в спину.

Толстый халисунец Иллад оказался лекарем. Он прижился в крепости ещё со времени детских хворей кнесинки, до сих пор пользовал её по мере необходимости и считал своим неременным долгом сопровождать Елень Глуздовну на все выезды вроде сегодняшнего.

– Госпожа чем-то больна? – насторожился Волкодав. Кнесинка выглядела здоровой и крепкой, но мало ли...

– О чём спрашиваешь! – возмутился Иллад. – Как тебе не стыдно!

– Не стыдно, – сказал Волкодав. – Если госпожа больна, я должен это знать. Я её охраняю.

– Госпожа пребывает в добром здравии, и да сохранит её Лунное Небо таковой ещё девяносто девять лет, – поджав губы, ответил халисунец.

– Тогда зачем... – не подумавши начал Волкодав, но лекарь досадливо двинул с места на место расписной кожаный короб и перебил:

– Затем же, зачем и ты! Только от меня, в отличие от тебя, иногда есть толк!

Конюх Спел приготовил Волкодаву очень хорошего коня. Это был крупный серый жеребец боевой сегванской породы. Мохноногие, невозмутимо спокойные, такие лошади казались медлительными и тяжеловатыми, но были способны по первому знаку к стремительным и мощным рывкам и вдобавок славились понятливостью. То есть как раз то, что надо. Покладистый конь взял с ладони нарочно припасённую горбушку, дохнул в лицо и

потёрся лбом о плечо венна. Вот и поладили. Волкодав похлопал коня по могучей мускулистой шее, взял под уздцы и повёл наружу, провожаемый одобрительным взглядом слуги.

Когда садились в сёдла, Волкодав хотел помочь кнесинке Елень – государыня, облачённая в длинное платье, ездил на лошади боком, опирая обе ноги на особую дощечку, – но боярин Крут, только что не оттолкнув телохранителя, шагнул мимо и сам поднял «дочку» в седло. Тут Волкодав озлился и твёрдо решил, что по приезде на площадь встанет там, где сочтёт нужным, и пусть Правый выставляет себя на посмешище, если больно охота. Но старый боярин, легко вскочив на своего вороного, свирепо оглянулся на телохранителя и толкнул коня пятками, заставляя его отступить от белой кобылицы кнесинки, и у Волкодава сразу полегчало на сердце.

Былые навыки вспоминались сами собой. Как только выехали за ворота, внимательный взгляд Волкодава хватко заскользил по крышам, по верхушкам крепких бревенчатых заборов, по лицам галирадцев, вышедших поприветствовать государыню. Сколько ни твердили ему, что, мол, ни чужой, ни тем более свой нипочём не станет на неё покушаться, Волкодав был настороже. И, вообще говоря, без кольчуги чувствовал себя голым.

Когда-то он наблюдал за тем, как охраняли правителей в больших городах Халисуна и Саккарема. Если этим владыкам случалось выходить к народу, на всех крышах расставляли стрелков, вгонявших стрелу в перстенёк за двести шагов. И давали наказ при малейшем подозрении спускать тетиву без лишних раздумий. Да и среди слуг добрая половина всегда были переодетые стражи... И народ всё знал и всё воспринимал как должное. Здесь не то. Поступить так здесь значило смертельно оскорбить галирадцев. Одного его ей, может быть, ещё простят...

Вот и думай, телохранитель, как себя вести, чтобы и кнесинку оградить, и с городом её не поссорить...

На площади Волкодав бросил поводья слуге (тот машинально подхватил их и только потом спросил себя, почему бы венну самому не отвести своего коня, а заодно и боярских) и сразу встал подле кнесинки, за правым плечом. Боярин Крут, сопя и покусывая седые усы, пошёл чуть впереди и правее. Волкодав с благодарностью отметил, что старый воин зорко обозревал ту часть круга, которую он видеть не мог. Лучезар-Левый шагал с другой стороны. Кажется, он решил вести себя с Волкодавом единственным способом, который ему оставался: вообще его не замечать. По крайней мере на людях.

Поклонившись народу, кнесинка Елень опустилась в старинное кресло. Пропел серебряный рог, и Волкодав впился взглядом в первого приблизившегося купца. Это был рослый, могуче сложенный, чёрный как сажа мономатанец, чьи тростниковые корабли ошвартовались у пристани перед рассветом. Купец был одет в долгополое жёлто-красное одеяние, отороченное крапчатым мехом: у него на родине зимой было гораздо теплее, чем в Галираде летом. Чернокожий отлично говорил по-сольвенски и держал речь сам, без толмача. Он привёз на торг дерево – чёрное, жёлтое и красильное, – а также слоновую кость и двадцать три чёрных алмаза. Два таких алмаза лежало в красивых деревянных шкатулках, которые он поднёс кнесинке Елень. Та уже вытащила круглую деревянную бирку, чтобы вручить ему в знак разрешения на торговлю, но тут мономатанец звонко хлопнул в розовые ладоши, и двое слуг бережно вынесли вперёд высокую корзину, сплетённую из пухлого тамошнего камыша. Купец расплылся в улыбке, сияя ослепительными зубами, и, сняв полосатую крышку, запустил в корзину длинные руки. Потом выпрямился и протянул кнесинке глиняный горшок. В горшке сидел невзрачного вида кустик, весь усыпанный белыми снежинками мелких цветков. Наверное, под здешним солнцем кустику было холодно: его укрывал большой стеклянный пузырь, не иначе, выдутый нарочно ради этого случая. Мономатанцы недаром славились как искусные стекловары...

Правительница большого и богатого города мигом позабыла всякую важность. Она всплеснула руками и выпорхнула из кресла, словно самая обычная девочка, которую добрый друг побаловал маковым пряником.

– Ой, Шанака-сао! Санибакати ларимба...

Это значило – вот уж угодил, так угодил.

Оказывается, она говорила по-мономатански не хуже, чем купец Шанака – по-сольвенски. И, похоже, пестовала садик со всякой заморской зеленью. Неподвижно стоявший Волкодав едва заметно напрягся: огромный чернокожий отдал горшок с кустиком слугам и дружески обнял подбежавшую кнесинку.

– Это мой сын, Глуздовна, нарочно для тебя отыскал. Два дня лазил! Улыбка Гор любит много, много солнца и... э-э-э... того, что птицы роняют!

Голос у него был зычный. В толпе, сошедшейся поглазеть, послышался смех.

После мономатанца на разостланный ковёр ступил венн из рода Синицы. Волкодав ощущал его точно таким же колючим взглядом, что и всех остальных. Венн поклонился кнесинке чёрными соболями, знаменитыми серебристыми лисами и большой кадью огурцов, которые его племя умело солить совершенно особенным образом, всем соседям на посрамление. По мнению Волкодава, запах от кадки шёл дивный. Краем глаза он заметил, как сморщил тонкий нос Лучезар.

Время шло. Торговые гости сменяли друг друга и удалялись, гордо неся заветные бирки. Кнесинка Елень для каждого находила доброе слово, и Волкодав отметил, что она со многими, не с одним Шанакой, беседовала на их родных языках. Понятно, это льстило купцам. И побуждало их приехать ещё да других с собой приманить.

Яркое утреннее солнце светило Волкодаву в правый глаз. От долгого стояния на одном месте начали тяжелеть ноги. Он стал чуть-чуть покачиваться с пятки на носок, разгоняя кровь. Он видел, что кнесинка была довольна богатыми подношениями. Подарки отнесут в крепость, одни – в сокровищницу, другие – на кухню, а потом используют как надлежит. На житьё и награды храброй дружине, на починку кромовых стен, на оружие и доспех для раздачи городским ратникам, случись вдруг воевать...

Близился полдень. Волкодав в который раз позавидовал зевакам из местных, вольным стоять или уйти, и порадовался тому, что череда купцов иссякала.

Предпоследним вышел поклониться кнесинке молодой уроженец далёкого Шо-Ситайна, меднолицый, с длинным хвостом светлых, точно пакля, волос и раскосыми голубыми глазами. Его страна лежала за морем, ещё дальше Аррантиады, и славилась замечательными табунами, пасшимися в необозримых степях. Там не строили больших кораблей, и этого шо-ситайнца, одного из первых в Галираде, привёз сюда отчаянный сольвенский мореход. Волкодав видел, как кнесинка пометила что-то на вощёной досочке-цере. Наверное, постановила наградить предприимчивого корабельщика. Цера у неё была можжевелевая, с красивым резным узором из переплетённых стеблей на другой стороне. Волкодав разглядел его, потому что она держала досочку на коленях, челом вниз от солнца. К cere на шёлковом витом шнуре было подвешено писало – костяное, с навершием в виде лопаточки для стирания испорченных букв.

Шо-ситайнец, конечно, не знал языка, и ему помогал наёмный толмач. Благо людей, умеющих объясняться на всевозможных наречиях и желающих тем заработать, в Галираде было с избытком. Всего седмицу назад, ища работы, Волкодав и сам с отчаяния подумывал пойти в толмачи, но скоро отступился. Рылом не вышел, объяснили ему.

Почему-то его взгляд то и дело возвращался к человеку, переводившему для молодого купца. Это был мужчина, каких в любой толпе из ста сотня: невысокий, рыжеватый, неопределённого возраста (что угодно от тридцати до пятидесяти), с какими-то смазанными, незапоминающимися чертами лица. Такой с одинаковым успехом сойдёт и за сегвана, и за вельха, и за сольвенна. Может быть, именно поэтому Волкодав, любивший знать, с кем имеет дело, присмотрелся к нему повнимательнее. Что-то смущало его в этом человеке, но вот что?.. Его одежда?.. Насмотревшись на весьма пёстро одевавшихся галирадцев, особенно после встречи с тем стариком на морском берегу, Волкодав вряд ли удивился бы даже саккаремским штанам при мономатанских сандалиях. Нет, не то. Рыжеватый малый был одет

вполне по-сегвански...

И вот тут до него дошло. Узор на рубашке причислял толмача к одному, совершенно определённом племени. А синие кисточки на сапогах – к другому!

Этот человек – не тот, за кого себя выдаёт!

Усталость и неизбежную сонливость как рукой сняло. Волкодав подобрался, готовясь к немедленным действиям. Больше всего ему хотелось подхватить кнесинку на руки, закрывая собой. Нет, нельзя...

– ...На шеях его колесничных коней пребывает сила, грохот и страх врагам, – спокойно и складно переводил между тем толмач, и шо-ситайнец поглядывал на него с благодарностью. Волкодав живо представил себе хохот и улюлюканье горожан, возмущение кнесинки, и полную неповинность сегвана, второпях купившего хорошие сапоги и, вот незадача, не успевшего переменить кисточки. Волкодав ещё раз обшарил его взглядом, но не заметил никакого оружия.

Почему же в потёмках души продолжало звучать тревожное било, ни дать ни взять зовущее на пожар?..

– Позволь же, государыня, из рук в руки передать тебе три сокровища наших благословенных степей, трёх белых, как молоко, скакунов, никогда не слышавших ни грубого окрика, ни посвиста плети...

Купец отступил чуть в сторону, обернулся и махнул рукой слугам выводить косящихся, прижимающих уши красавцев – жеребца и двух кобылиц. Послышался восхищённый ропот: кони оказались действительно превыше всяких похвал. И, кажется, Волкодав был единственным, кто на них не смотрел. Он смотрел только на толмача. Тот, как и купец, тоже подался в сторону, только в противоположную, чего настоящий толмач не сделал бы никогда. А потом, продолжая улыбаться, вдруг сунул обе руки в рукава, а взгляд стал очень холодным. В эту долю мгновения Волкодав успел понять, что уже видел его раньше, и догадаться, почему убийца вырядился именно сегваном. Ради этих вот широких рукавов, не утеснённых завязками...

Дальше всё происходило одновременно. Кнесинка Елень не успела испугаться. Её отшвырнуло прочь вместе с креслом – прямо на боярина Лучезара, – а пригнувшийся Волкодав, как спущенная пружина, с места прыгнул на толмача, стоявшего в четырёх шагах от него. Уже в полёте его догнал крик кнесинки. Ему почудилось прикосновение: что-то прошло по его груди и по левому боку, почти не причинив боли. Значит, он всё-таки не ошибся. Как всегда в таких случаях, время замедлило для него свой бег, и он увидел, как досада от испорченного броска сменилась на лице убийцы страхом и осознанием гибели. Потом искажённое лицо и руки со второй парой ножей, уже изготовленных для метания, подплыли вплотную. Ножи так и не ударили. Ударил Волкодав. Кулаком. Под подбородок. И услышал короткий хруст, какой раздаётся, когда переламывают позвоночник.

Он свалился в пыль рядом с обмякшим телом убийцы, и время снова потекло, как всегда.

Первой его мыслью было: оградить госпожу. Однако дружина обо всём уже позаботилась. Кнесинку подхватили, укрыв за необъятными, надёжными спинами. Волкодав слышал её голос, испуганный, недоумевающий. Поднялся и Лучезар, которого сшибло тяжёлое кресло. Вот уж кто был вне себя от ярости. Он указывал пальцем на Волкодава и кричал:

– Вор!..

К счастью для венна, народ посчитал, что боярин указывал на убитого. Перепуганные кони громко ржали и порывались лягаться. Слуги повисали на уздечках, с трудом удерживая могучих зверей. Шо-ситайнскому купцу уже заломили за спину руки, а над толпой, распространяясь, точно волна от упавшего камня, витал клич: «Бей сегванов!»

– Это не сегван! – тщетно разыскивая взглядом боярина Крута, во всю мочь закричал Волкодав.

Правый не отозвался, и венн понял, что надо что-то предпринимать самому. Однажды, очень далеко отсюда, он видел, как изгоняли из большого города каких-то иноплеменников, иноверцев, на которых свалили пропажу золототканого покрывала из местного храма. Это было страшно. Волкодав мигом представил себе, как добрые галирадцы камнями и палками гонят за ворота Фителу, Авдику, Аптахара, громят и без того бедную мастерскую старого хромого Вароха... Да как сами станут жить после такого?.. Волкодав поднялся, и тут Боги пришли ему на выручку: из людской круговерти вынырнул стражник – тот самый белоголовый крепыш, с которым он когда-то мерился силами за корчемным столом.

Волкодав мёртвой хваткой взял его за плечо:

– Это не сегван, парень! Слышишь?.. Скажи Бравлину...

– Он тебя ранил, – присмотрелся стражник.

По рубахе венна, по груди и по левому боку, в самом деле расплывались два тёмных пятна. Волкодав отмахнулся:

– Скажи всем, что этот убийца – никакой не сегван! Понял? Давай!

Белоголовый оказался понятливым. Он кивнул и напролом пошёл сквозь толпу, точно вепрь сквозь камыши. Мало-помалу стражников в толчее сделалось больше, и вспыхнувшие кое-где драки прекратились сами собой, а выкрики стали реже и тише.

Зато к Волкодаву подошли сразу четверо витязей во главе с Крутом. Одним из четверых был Лучезар.

– Вор! – прямо глядя на венна, немедленно обвинил его Левый. Теперь уже не могло быть сомнений, на кого он указывал. Волкодав промолчал.

– Иди, Лучезар, проследи, чтобы купца отвели в кром, но никаких обид не чинили, пока не разберёмся, – хмуро проговорил Правый. – И так ещё кабы вину заглаживать не пришлось. А ты, парень...

– Сговорился, вор! – повторил Лучезар. – Сам разбойник и разбойника нанял! Отличиться надумал!.. Да и шею дружку сломал, чтобы остаток доплачивать не пришлось...

– Что скажешь, парень? – спросил Крут.

Волкодав ответил:

– Госпожу не зашибло?

– Не зашибло, – сказал Крут. – Так ты слыхал, что боярин говорит? Чем докажешь, что чист?

В это время к ним подошёл ещё один витязь.

– Вот они, ножички, – сказал он, показывая на ладони два широких, как ложки, клинка без рукоятей. – Один в донце кресла застрял, еле вынули, другой... ещё чуть – не в пряжку бы ремня, так бы в живот мне и угодил.

Боярин Крут осмотрел сияющее лезвие и опять повернулся к Волкодаву:

– Чем докажешь, что чист?

Тот вдруг ощерился, точно цепной пёс, надумавший сбросить ошейник:

– А вот этим мечом!.. У нас за клевету виры не спрашивают!..

Нет, не зря государь Глузд со спокойной душой оставлял дочери город. Юная кнесинка заставила расступиться дружину и во второй раз за одно утро бесстрашно развела готовых к убийству мужчин.

– Вы!.. – властно прозвучал её голос. – Лекаря сюда! Где Иллад?

– Вели, госпожа, чтобы не обижали сегванов, – сказал Волкодав. – Это не сегван на тебя покушался.

– А кто же? – спросил Крут.

– Никто, – сказал Волкодав. – Они называют себя «никто». Осмотри тело, и где-нибудь в потаённом месте, я думаю, увидишь помету... Знак Огня, только наизнанку.

– Тьфу, – плюнул Левый. – Нечего было ему шею ломать. Уж мы бы порасспросили...

Волкодав не ответил.

– Боярин дело говорит, – сказал Крут.

Волкодав усмехнулся одним углом рта, неприятно и зло:

– Счастлива земля, где не знают этих убийц...

– Сам-то ты откуда знаток выискался?

– Вот именно, сам, – сказал Лучезар.

Волкодав пропустил это замечание мимо ушей, а Круту ответил:

– Ты меня уже тридцать три раза висельником назвал. Кому же, как не мне, с убийцами знаться...

– Хватит! – притопнула вырезным башмачком кнесинка Елень. – Ступай, Лучезар. Купца обиходь, но, смотри, пальцем не трогай... Эй, где Иллад? А ты, Волкодав, сказывай толком. Какие такие убийцы?

– У них своя вера, госпожа, – сказал венн. – Они поклоняются Моране Смерти и думают, что совершают благодеяние, убивая за деньги. Он ничего не сказал бы на допросе, только славил бы свою Богиню за муки и смерть...

Кнесинка, не дослушав, оглянулась:

– Иллад! Где Иллад?..

Сделалось ясно, что всё это время она мало что замечала, кроме пятен на его рубахе.

– Ты ранен!

Волкодав пожал плечами:

– Это не те раны, которые помешали бы мне служить, госпожа.

Из-за меня, было написано у неё на лице. Из-за меня всё. В меня летели ножи! А если бы я не велела тебе оставить дома кольчугу...

Как выяснилось, Иллад успел сладко задремать на своём кожаном ящике. Он благополучно проспал и покушение, и всеобщую суматоху, и переполошённо подхватился только тогда, когда кто-то из воинов взял его за плечи и хорошенько встряхнул. Он неуклюже подбежал к кнесинке, переваливаясь с ноги на ногу и отдуваясь:

– Что с тобой, государыня?..

– Не со мной! – отмахнулась она. – Мой телохранитель ранен, перевяжи его!

Волкодав не был тяжело ранен. Ножи, предназначенные кнесинке, лишь резанули его, оставив две глубокие борозды. Порезы, конечно, болели и кровоточили, но ни о какой опасности не было речи. Если бы Волкодава спросили, он бы сказал, что вполне достаточно пока перетянуть их какой-нибудь тряпкой почище, а потом, в крепости или дома, промыть и, может, зашить. Однако никто его мнения не спрашивал. Кнесинка считала, что он пострадал за неё и к тому же по её вине, и тем было сказано всё. Торговец пряностями, чья палатка находилась неподалёку, провёл их с Илладом под матерчатый кров и оставил наедине.

Палатка благоухала перцем, корицей и ещё тысячей всевозможных приправ. Иллад раскрыл свой ящик и принялся перебирать коробочки и склянки, стараясь не поворачиваться к Волкодаву спиной. Его движения показались венну не слишком уверенными. *Ещё бы, подумал телохранитель. Домашний лекарь, привыкший состоять при здоровых, в общем-то, людях, которых приходилось врачевать разве от нечастой простуды да последствий непривычной еды... И вдруг его, мягкотелого, кидают на горячую сковородку: спросонья тащат зашивать раны, да кому! Свирепому венну с неведомым прошлым, может быть, даже и тёмным!..*

Волкодав сложил на пол ремень и ножны и стащил рубашку, оставшись голым по пояс. Рубашку пришлось отирать от тела в тех местах, где её успела приклеить кровь. По счастью, ножи были отточены на совесть и разрезали её, как бритвы, ровно и чисто. Если осторожно отстирать и зашить, она ещё послужит...

Иллад наконец нашёл что искал и повернулся к терпеливо ожидавшему Волкодаву, держа в руке малюсенькую чашечку и стеклянный пузырёк. Присмотрелся – да и застыл, тараща глаза. Волкодав не очень понял, что такого особенного увидел в нём лекарь. А халисунец вдруг кинулся вон из палатки со всей скоростью, на которую были способны его короткие ноги.

– Госпожа!.. – беспрепятственно долетел сквозь тонкую просвечивающую стену его

испуганный голос. – Именем Лунного Неба заклинаю: скорее удали от себя этого человека!..

– О чём ты, Иллад? – удивилась кнесинка.

– Он опасен, госпожа! – захлёбывался лекарь. – Он может причинить тебе зло!

Волкодав начал кое о чём догадываться. Нагнувшись, он вытянул из кожаного короба полосу белого шёлка и решил сам сделать повязку, потому что кровь стекала по животу и левому боку, грозя испортить хорошие кожаные штаны.

– Говори толком! – досадливо зарычал снаружи боярин Крут.

– Этот венн – клеймённый каторжник, госпожа, – заторопился халисунец. – Он бывал в руках палача, его страшно пытали! Он преступник! Он...

– Иллад, – перебила кнесинка.

– Госпожа, я...

– Вернись и помоги ему, Иллад, – сказала кнесинка, и Волкодав подумал, что серебряный колокольчик, оказывается, умел звучать как стальной. – Ты слышишь, Иллад?

Волкодаву показалось, будто несчастный лекарь всхлипнул.

Вновь зашевелилась дверная завеса. Вернувшийся Иллад натолкнулся на враждебный взгляд серо-зелёных глаз и, видно, тут только сообразил, что телохранитель отчётливо слышал каждое его слово. Руки у него задрожали. Клеймённый преступник явно собирался резать его. А кнесинка, та самая кнесинка, которая когда-то в пелёнках лежала у него на коленях...

Кнесинка Елень решительно откинула входное полотнище и шагнула внутрь.

– Этот человек спас мне жизнь, Иллад! – сказала она резко. – Делай что надлежит!

Следом за нею, второпях чуть не своротив плечом опорный столбик, в палатку влез Крут. Покинуть «дочку» на съедение лютому венну он определённо не мог.

– Вели, госпожа, чтобы не обижали сегванов, – повторил Волкодав.

Она нетерпеливо кивнула:

– Я велю.

– Сделай это сейчас, пока лекарь меня лечит, – глядя ей в глаза, сказал Волкодав. – Беды не нажить бы.

– Тебя-то не спрашивали, – проворчал Крут.

Кнесинка дёрнула плечиком, повернулась и вышла. Боярин остался в палатке, и Волкодав опять забеспокоился, не случилось бы чего с госпожой, но тут же увидел на колеблемой ветром стене тени витязей, окруживших девушку, и тревога улеглась. От боярина не укрылся его взгляд.

Между тем на бедного Иллада жалко было смотреть. Он вытащил из короба ещё один пузырёк – насколько можно было унюхать в пропитанной запахами палатке, в первой склянке помещался сок тысячелистника, запирающий кровь, а во втором – жгучая, с желчью, настойка на крепком вине. Такой прижигают мелкие царапины да синяки, чтоб быстрее проходили, а открытые раны – только смазывают вокруг.

– За что на каторге был, венн? – спросил Крут.

Волкодаву не хотелось об этом распространяться. Он повернул голову, собираясь проворчать «Ни за что», но тут лекарь, доведенный до совершенного душевного смущения, перепутал бутылочки и полил ему едким, только узор на клинках травить, настоем прямо на рану.

Волкодав зашипел от неожиданности и шарахнулся прочь. Борозду на груди охватил жидкий огонь, от которого побелели глаза и на несколько мгновений всё перестало слушаться. Иллад тоже отпрянул, не понимая, в чём дело. Потом посмотрел внимательнее на скляночку у себя в руке – и схватился за голову.

– Вот что, иди-ка отсюда, пока до греха не дошло... – Боярин Крут взял лекаря за пухлое плечо и слегка подтолкнул, направляя в сторону выхода. – Сам всё сделаю! А ты, венн, повернись. Подними руку...

Отдышавшийся Волкодав вскоре понял, что старый витязь, как и положено воину, в ранах разбирался отменно.

– Как ты догадался, что это не толмач, а убийца? – ворчливо спросил Крут, продевая изогнутую полумесяцем иголку и ловко затягивая узелок.

Было зверски больно, но Волкодаву случалось терпеть и не такое. Он пояснил про сапоги и рубашку и добавил:

– А когда он полез в рукава, я его просто узнал. Он пытался убить того парня, которого я увёл у жрецов. Кто-то платит ему, а купец, я думаю, и не знал ничего...

Правый завязал ещё узел и спросил чуть ли не с обидой:

– Почему же ты всё увидел? И поспел девочку оборонить? А мы, дружина...

Волкодав подумал и сказал:

– Вы, дружина, к открытому бою привычны. А я четыре года только и делал, что таких вот лиходеёв заугольных высматривал.

Боярин свёл вместе края второй раны, велел ему придерживать и принялся на чём свет стоит костерить Иллада, обзывая лекаря, самое мягкое, коновалом.

– Ну, меня он пока ещё не положил, – усмехнулся Волкодав. Он поразмыслил ещё и сказал Круту: – Кто-то хочет, чтобы госпожа умерла. Я не могу быть при ней круглые сутки, воевода. Надо, чтобы было по крайней мере ещё два человека. Хорошо бы ты их подобрал, ты после кнеса всем здесь отец. А я их научу всему, что умею...

– Умелец хренов!.. – запыхтел боярин. – Скажи лучше, почему кольчугу, лапоть, не вздел?..

Волкодав сказал:

– Не подумал.

Когда он вышел наружу, кутая полуголое тело в заимствованный у боярина плащ, ему помстились с другой стороны палатки какие-то невнятные звуки. Волкодав нашёл глазами кнесинку, удостоверился, что она под надёжным присмотром, и пошёл проверить, в чём дело.

Он не особенно удивился, найдя за палаткой халисунца. Толстый Иллад горько плакал, укрывшись от людских глаз под свесом шатра. Венн подошёл бесшумно, и лекарь его не заметил. Некоторое время Волкодав стоял неподвижно, хмуро глядя на халисунца. *А ведь добрый лекарь, наверно. Очень добрый. Тоже небось книги читал и про Зелхата Мельсинского слышал. Поди, семьдесят семь болезней по глазам узнаёт и ещё тридцать три – по ладони. За что его так? Какие-то покушения, убийства... телохранители хуже всяких убийц... Тут не то что с испугу скляночки перепутаешь – самого себя забудешь как звали. Что ж его теперь казнить за оплошность?*

Волкодав опустился рядом на корточки и тронул лекаря за колено. Иллад увидел его и заслонился руками. Венн раздвинул полы плаща:

– Посмотри, всё ли он правильно сделал.

Иллад торопливо высморкался и стал смотреть.

– Я сжёл тебе рану, телохранитель... рубец будет...

Волкодав пожал плечами. *Одним больше.*

– Ты вот что, – сказал он халисунцу. – Кто-то хочет погубить госпожу. Сегодня нож бросили, завтра не вздумали бы отравить...

– Ножи!.. – всплеснул руками Иллад. – А вдруг они тоже отравлены?

– Был бы на них яд, – сказал Волкодав, – я бы здесь не сидел.

Больше всего питомцы Смерти любили мгновенное зелье, которому было достаточно попасть хотя бы на кожу. Человек умирал прежде, чем лекарь успевал поднести противоядие. Надёжное оружие против правителей, чем-то не угодивших Моране.

Иллад подхватился с земли и убежал, забыв отряхнуться от пыли. Волкодав подумал о том, что у каждого убийцы водились свои привычки. Этот, может быть, славился как непревзойдённый мастер ножей. И вовсе никогда не связывался с ядом. Эвриха он, во всяком случае, пырнул удивительно ловко. И чистым ножом. Но мало ли что. Да и яды бывают разные. А вдруг кровь уже разносит по телу тайную смерть?.. Глубоко в животе возник

тяжёлый ледяной ком. Что ж, если Иллад найдёт отраву и распознает её, будет ещё можно надеяться...

Волкодав поправил наплечный ремень, подошёл к кнесинке и молча встал у неё за спиной.

На обратном пути в кром Волкодав ехал по-прежнему справа от госпожи, держась чуть позади. Никто уже не оспаривал у него этого места.

Город успел прослышать о покушении. Народ покинул дома и ремесленные мастерские, чтобы толпами встать вдоль улиц. Каждый хотел убедиться собственными глазами, что любимая государыня жива и здорова.

Кони выступали медленным шагом, кнесинка Елень махала горожанам рукой. Волкодав знал, как чувствует себя человек, которого только что пытались убить. Наверняка девчонке за каждым углом мерещился новый метатель ножей и хотелось только одного – поскорее добраться домой, забиться под одеяло и три дня носа наружу не казать. Может, именно так она и поступит. Оставалось только удивляться выдержке юной правительницы, которая одолевала страх, позволяя народу на себя насмотреться...

По дороге случилась только одна неожиданность. Когда проезжали близ мастерской Вароха, Волкодав, озирая толпу, вдруг увидел своё «семейство», выбегавшее из переулка. Все были здесь: и Тилорн, и Эврих, и Ниилит, и Зуйко. Даже старый мастер ковылял во всю прыть, сноровисто работая костылём. Лица у них были полоумные: ни дать ни взять потеряли самого близкого человека. Волкодав видел, как они заметили его... и остановились, точно налетев на невидимую препону. Потом Ниилит бросилась на шею Тилорну и, кажется, разрыдалась, а Эврих ухватил дедова внука и с неожиданной силой подкинул его чуть не выше заборов. Волкодав хотел помахать им рукой, но передумал и только кивнул. Вечером, вернувшись домой, он узнал, как в мастерскую Вароха прибежали соседи-сольвенны. Они принесли весть о покушении и собрались защищать дом от разграбления, ибо уже распространился слух о неминуемом изгнании сегванов. Потом ко взрослым добавились ребята – уличанские приятели Зуйко, – и слухи начали разрастаться подобно снежному кому. Люди передавали, что на торговой площади состоялась целая битва, а телохранитель-венн закрыл собой кнесинку и, конечно, погиб. Предсмертные слова, которые он якобы при этом произнёс, уже гуляли по городу в нескольких вариантах. Кое-кто утверждал, будто, испуская дух, он то ли говорил Елень Глуздовне о любви, то ли сознавался в страшных грехах. Другие божились, будто он завещал оставить своё тело у Туманной Скалы. Третьи намекали на какие-то пророчества чуть не о конце света, сделанные умирающим...

Волкодав приехал на добром коне и в новенькой рубашке, которую, гордясь оказанной честью, подарил ему один из купцов на торгу. По пятам за ним бежала стайка мальчишек. Иные спрашивали, не видел ли он венна, погибшего за кнесинку. Они, наверное, нечасто видели у себя в городе веннов. А потому и не распознали его кос, заплетённых, как полагалось убийце.

Волкодав совсем не собирался рассказывать дома про свои раны, да и раны, по его мнению, не стоили особого разговора. Не тут-то было. Тилорн с Ниилит немедленно обо всём догадались и, когда разошлись по домам успокоенные соседи, затеяли лечить его волшебством. Волкодава это не слишком обрадовало, но пришлось уступить.

– Лекарь искал на ножах яд... – на всякий случай сказал он Тилорну.

Ладонь учёного мгновенно оказалась у его груди. Тилорн помедлил, сосредоточенно хмурия брови и словно к чему-то прислушиваясь. И уверенно ответил:

– Никакого яда нет.

Потом за него взялась Ниилит и принялась водить руками, поднося к швам кончики пальцев. Тилорн внимательно следил за её действиями, что-то подсказывал, но большей частью одобрительно кивал головой. Волкодаву казалось, будто под повязкой копошились крохотные горячие искры.

– Теперь я не смогу всё время быть дома, – сказал он Эвриху, который сидел здесь же и заинтересованно наблюдал. – Надо тебе научиться защищаться как следует. Мало ли...

– Ну, я тоже могу за себя постоять, – сказал вдруг Тилорн.

Оно и видать, подумал Волкодав. А вслух потребовал:

– Покажи.

– Эврих, встань, пожалуйста, у двери... – начал было мудрец.

Волкодав решительно поднял руку:

– На мне.

– Ты же ранен!

– Ничего.

– Тогда, – сказал ему Тилорн, – попробуй подойти ко мне от двери.

Волкодав встал у двери. Тилорн развернул ноги, слегка присел, выставил руки ладонями вперёд и несколько раз глубоко вздохнул.

– Пока ты собираешься... – проворчал Волкодав. Он хотел сказать – семь раз зарежут, – но тут глаза у Тилорна засветились, как два аметиста, и с коротким возгласом «Ха!» он прыжком переставил ноги и резко толкнул ладонями воздух.

Волкодав пошатнулся. Ничего подобного он не ожидал. Больше всего это было похоже на удар в голову, только вот нанесли его с расстояния в несколько шагов, и к тому же не прикасаясь. Удар невидимым кулаком. И довольно-таки ощутимый. Одновременно ему показалось, будто Тилорн стал выше ростом, грозно раздался в плечах и... куда только подевался кроткий мудрец! Перед ним стоял беспощадный, яростный воин, способный – что-то нашёптывало Волкодаву, что это было действительно так, – следующим ударом вовсе вышибить из него дух. Венн с изумлением услышал внутри себя некий голос, уговаривавший отступить и уносить ноги...

Волкодав пригнулся, как против сильного ветра, и двинулся на Тилорна. Следующее «Ха!» учёного чуть не заставило его споткнуться, но он продолжал идти. Если он что и умел, так это отвечать яростью на ярость. И беспощадностью на беспощадность. Жизнь научила. Хакнуть в третий раз Тилорн попросту не успел. Прыгнув вперёд, Волкодав мигом скрутил его и прижал к полу. И грозный воин немедленно испарился, словно мираж, к которому подошли слишком близко. На Волкодава снизу вверх смотрел прежний Тилорн, улыбающийся, взмокший и виноватый.

Волкодав выпустил его и сказал:

– Всё-таки ты колдун.

– Так я и знал, что ты это подумаешь, – огорчился Тилорн и принялся оправдываться: – Это совершенно такие же приёмы, как и те, которыми владеешь ты сам. Только основаны они не на ловкости тела... хотя и на ней тоже... но ещё и на сосредоточении мысли, позволяющей направлять, скажем так, духовный удар...

Волкодав оглянулся на Ниилит:

– Значит, вот ты как лошадей пугать собиралась.

Ниилит молча кивнула, а Тилорн продолжал:

– Эти приёмы позволяют обезопасить себя от зверей. Да и недоброго человека можно прогнать...

Волкодав заметил:

– Меня ты не больно прогнал.

– Я осторожничал, – гордо объявил Тилорн. – Ты мой друг, и ты всё-таки ранен. Если ты заметил, я тебя по больному месту не бил. И потом, я сам ещё не вполне... – Тут он запнулся, покраснел и честно добавил: – По правде говоря, я бы и тогда с тобой, наверное, не совладал.

– Ты очень сильный, – подтвердил Эврих.

Тилорн покачал головой:

– Не в том дело.

– Как же ты, такой ловкий, в клетку попал? – спросил Волкодав.

Тилорн пояснил, что владеющего волшебной борьбой тоже можно смять числом и взять измором. Что, собственно, с ним и произошло. Волкодав решил последовать своему давнишнему правилу: осваивать любой увиденный приём, даже самый на первый взгляд нелепый. Он попросил Тилорна показать. Тилорн поставил на лавку полено и долго объяснял венну, как вызывать в себе ненависть, как обращать её в силу и затем метать в супротивника. И правда, по мановению его ладони полено взлетало, как сдунутое, и звонко брякалось в стену. Волкодав долго пробовал, но у него так и не получилось. Наверное, кое-что ему было всё-таки не дано. Он умел только гасить лучину, издали направляя на неё развёрнутую ладонь. Так венны проверяли себя перед поединком, желая узнать, достигнуто ли внутреннее равновесие. Он не стал ничего говорить, хотя и был задет за живое.

Трое суток он не садился в доме за общий стол и ночевал во дворе, у маленького костерка, внутри круга, вычерченного на земле. На третью ночь он не спал вовсе, но никто не пришёл. *Должно быть, рассудил венн, Морана Смерть сразу забрала своего последователя к себе.*

Как он и предвидел, кнесинка Елень в самом деле несколько дней не выходила из крома и даже из своих хором показывалась редко. Однако потом всё пошло совершенно как раньше. С той только разницей, что теперь никто уже не фыркал и не насмешничал по поводу телохранителя-венна. Волкодав невозмутимо стоял у кресла государыни, за правым плечом, обманчиво-спокойно сложив на груди руки, и над локтями из рукавов кожаного чехла выглядывала кольчуга. Он её и не пытался скрывать.

Однажды на рынке его зазвал к себе какой-то купец и попытался вручить подарок – дорогой красивый кинжал. Купец уверял, что не ищет никаких милостей кнесинки. Волкодав поблагодарил, но подарка не взял.

Тилорн по-прежнему пропадал у мастера Крапивы. Дюжие уноты провожали учёного туда и обратно. Вдвоём с Крапивой они сходили к стекловару Остею и заказали чаши, причём повторилась почти та же история, что и в мастерской бронника. Любознательный Тилорн начал задавать вопросы и, понятно, сейчас же принят был за подсыла. Потом – уличён в колдовстве. Кончилось же тем, что Остей и Крапива чуть не за бороды взяли друг друга, оспаривая, кому завтра принимать у себя мудреца.

Добрый бронник страшно гордился тем, что самой кнесинки телохранитель облекал себя в кольчугу, приобретённую у него в мастерской. И ходил гоголем, пока кто-то из соседей не умерил его гордость, справедливо заметив:

– Было бы с чего пыхиться, если бы о твою кольчугу те ножи притупились. А так...

Неслышные тени придут к твоему изголовью
И станут решать, наделённые правом суда:
Кого на широкой земле ты подаришь любовью?
Какая над этой любовью родится звезда?

А ты, убаюкана тихим дыханием ночи,
По-детски легко улыбнёшься хорошему сну,
Не зная, не ведая, что там тебе напроорочат
Пришедшие властно судить молодую весну.

И так беззащитно-доверчива будет улыбка,
А сон – так хорош, что никто не посмеет мешать,
И, дрогнув в смущенье, хозяйки полуночи зыбкой
Судьбы приговор погодят над тобой оглашать.

А с чистого неба льёт месяц свой свет серебристый,

Снопы, и охапки, и полные горсти лучей,
Черёмуха клонит душистые пышные кисти,
И звонко хохочет младенец – прозрачный ручей.

И что-то овеет от века бесстрастные лица,
И в мягком сиянии чуда расступится тьма,
И самая мудрая скажет: «Идёмте, сестрицы.
Пушкой выбирает сама и решает сама».

8. Прогулки верхом

Волкодав стоял на заднем дворе крома, на площадке для стрельбы из лука, и бил в цель. Если не упражняться, любая сноровка забывается. Он стрелял по-всякому: и просто так, и лёжа, и навскидку с поворота, и бросаясь кувырком через голову, и с коня, сидя на нём охлябь. А заодно приучал Серка слушаться только коленей, голоса и свиста, без поводьев.

Увидев подошедшую кнесинку, он опустил лук и поклонился:

– Здравствуй, госпожа.

– Как твои раны? – первым долгом спросила она. – Заживают?

Он ответил:

– На мне быстро всё заживает, госпожа.

– Ты хорошо стреляешь, – похвалила правительница и потянулась к луку: – Покажи.

Это был могучий веннский лук, высотой до груди стоящему человеку, спяженный добрым мастером из можжевельника и берёзы, оклеенный сухожилиями и рогом и повитый сверху берёстой. Он был способен стрелять и в лютый мороз, и под дождём. Кнесинка взвесила его на ладони, потрогала вощёную кожаную тетиву, и тетива негромко загудела. Страшное оружие. Из таких вот и пробивают дубовую доску за двести шагов.

Девушка внимательно и с явным знанием дела осмотрела лук и не нашла нигде кнесова знамени. Всю воинскую справу Волкодав покупал сам, за свои деньги.

– Ничего в оружейной не берёшь, – заметила кнесинка. – Что так?

– Я не витязь, госпожа, – сказал он. – Я не должен зависеть от вождя.

Кнесинка посмотрела на его руки и спросила:

– Ни щитка, ни перчаток не носишь... Не боишься пораниться?

Неловко спущенная тетива в самом деле могла покалечить. Волкодав сказал:

– В моём деле загодя не изготвишься, госпожа.

Елень Глуздовна попробовала натянуть лук и едва сдвинула тетиву. Чтобы удержать её, как полагалось, возле правого уха, требовалось усилие, равное весу взрослого человека.

Она немного вымученно улыбнулась и спросила:

– А ножи метать умеешь?

Волкодав кивнул:

– Умею, госпожа.

– Покажи.

Венн вытащил из ножен тяжёлый боевой нож и наотмашь, не целясь, запустил им в деревянный столб, сплошь разлохмаченный прежними бросками упражнявшихся. Нож слетел с ладони, перевернулся и засел, войдя в дерево на два вершка. Волкодав сходил за ним и пришёл назад, пряча клинок на место. Кнесинка задумчиво наблюдала за ним.

– Я не хочу, чтобы ты ссорился с Лучезаром, – сказала она погодя.

Волкодав ответил:

– Я не ссорюсь с твоим братом, госпожа.

Она неожиданно попросила:

– Научи меня владеть оружием, Волкодав.

Он подумал и осторожно поинтересовался:

– Прости, госпожа, но ты ведь выросла при дружине. Как вышло, что ты оружие не обучена?

Елень Глуздовна ничего ему не ответила. Только почему-то покраснела, повернулась и молча ушла. Выбрав время, Волкодав в тот же день расспросил Правого. Боярин строго посмотрел на него: что ещё за любопытство? – но затем, видно, рассудил, что телохранитель навряд ли спрашивал ради пустой забавы. И поведал венну, что мать кнесинки была знаменитой воительницей: государь Глузд поначалу состоял у неё простым воеводой. Она погибла в бою с морскими сегванами, и Глузд, оставшийся растить несмышлёную дочку, поклялся, что не допустит для неё такой же судьбы.

– Кнес её сам не учил и нам заповедал, – предупредил он Волкодава.

Тот кивнул:

– Спасибо за науку, боярин...

Ворчливый Крут отдал ему в учение двоих отроков, Лихослава и Лихобора. Благо им, по сугубой незнатности их рода, Посвящение в витязи предстояло вовсе не обязательно. Близнецов так и прозывали: братья Лихие. Славные парни дружно недолюбливали Лучезара, а посему особенность новой службы пришлось им как раз по вкусу. Это ж надо – никто из дружины был им теперь не указ! Даже бояре!

– Только я, – сказал Волкодав, и ребятам не захотелось с ним спорить. Он же добавил: – И кнесинка, но только в том, что охранных дел не касается.

Гораздо трудней показалась братьям другая наука: обращать внимание лишь на то, что могло как-то коснуться госпожи, пропуская мимо ушей ехидные замечания и даже прямые обиды, обращённые на них самих.

Каждое утро добрый Серко приносил Волкодава в крепость, и венн спускал с отроков по сорок потов. Сперва они слегка дичились его, но потом привыкли, зауважали и даже порассказали ему немало занятного. Почему-то он испытал немалое облегчение, узнав, что Лучезар вовсе не был кнесинке братом, ни родным, ни двухродным. Её прабабушка доводилась его прадеду сватьей. Лучезар, правда, при каждом удобном случае именовал кнесинку сестрой, зато она его братом – никогда. А ещё была у молодого боярина одна странность. Временами он запирался у себя и не показывался целые сутки, а то и двое. При этом Лучезар отговаривался нездоровьем, но скорее всего именно отговаривался: телесной крепости в нём было на троих.

Когда близнецы упомянули об этих странных отлучках, что-то сдвинулось в памяти Волкодава, точно струна самострела, насторожённого у звериной тропы. Он сразу вспомнил походку Левого, так не понравившуюся ему в день покушения, и спросил:

– А не бывает ли боярин, перед тем как запирается, раздражителен и зол?

Братья переглянулись и разом кивнули льяными вихрастыми головами:

– Ещё как бывает!..

Тогда Волкодав крепко заподозрил, что Левый был приверженцем серых кристаллов, дарующих блаженство, дивные сны наяву... и шаркающую походку после пробуждения. Он ещё в Самоцветных горах насмотрелся на любителей сладкой отравы. И знал, что она в конце концов творила с людьми. Он не стал ничего говорить отрокам и так же подробно расспросил их обо всех остальных обитателях крепости, до самого последнего конюха и раба. Справный телохранитель должен знать всё. И про молодую чернавку, сошедшуюся с витязем, и про обиженного слугу, быть может, затаившего зло. И про то, в каких местах кнесинка любит собирать грибы. И про боярина, который, того гляди, совсем станет рабом серого порошка – а значит, и людей, его доставляющих...

По вечерам Ниилит лечила его своим волшебством, и через какое-то время он с радостным удивлением обнаружил, что перестал кашлять.

Очень скоро Хозяйка Судеб вновь столкнула их с Лучезаром лбами.

Как-то утром, стоя на заднем дворе крома, Волкодав объяснял братьям Лихим

мудрёное искусство внезапного боя: стоял, стоял человек безмятежно... и вдруг взрывается вихрем сокрушительных и мгновенных ударов. Видеть подобное отрокам раньше почти не приходилось. Волкодав знал, что в дружинах таким боем гнушались. Братья Лихие тоже сперва морщили носы, потом перестали. Удел витязя – честные битвы грудь на грудь да гордые поединки. Телохранитель – дело иное. Ему лишь бы соблюсти того, кого взялся охранять, живым и во здравии. А честь и славу пусть добывают другие...

Мыш, сидевший на плече у Волкодава, вдруг забеспокоился и зашипел. Венн оглянулся и увидел шедшего к ним Лучезара. За молодым боярином следовало двое мужчин, которых он сейчас же узнал, а узнав – насторожился. Один был тот черноволосый воин жрецов; похоже, они и впрямь выгнали неудачника. Вышелушили, как рака, из полосатой брони. А второй... второй был его тогдашний противник-сольвенн.

– Вот ещё двое телохранителей для сестры, – сказал Лучезар, обращаясь к Правому, который редко пропускал случай взглянуть на Волкодава и отроков. – Воины что надо и к тому же не галирадцы. Ни с кем здесь, в городе, сговариваться не начнут.

Крут нахмурился и спросил черноволосого:

– Как звать тебя? И почему с проповедниками за море не уплыл?

– Звать меня Канаон, сын Кавтина, а род мой – воины, – отвечивал тот. Судя по акценту, его родиной был Нарлак, лежавший к северо-западу от Халисуна, за горами, которые сольвенны называли Замковыми, а венны – Железными. – Проповедники меня отрешили, – продолжал Канаон, и было похоже, что он на них по-настоящему обозлился. – В семи городах мечом за их веру стоял, мил да хорош был. Ан стоило один раз оплошать...

Он посмотрел на Волкодава и сразу отвёл глаза.

– А ты? – повернулся Правый к сольвенну.

Парень назвался птичьим именем – Плишкой. По его словам, он был сиротой и вырос батраком у земледельца-сегвана, потом сбежал от него и сделался наёмником. И вот уже семь лет странствовал по белу свету, зарабатывая мечом. При этом он нажил какие-то неприятности от Учеников Близнецов и тогда на площади собрался было поквитаться, но не совладал. А когда те уже уехали, увидел Канаона, чуть не плачущего в корчме. Былые противники хлебнули вместе пивка и тут же уговорились держаться друг дружки. Так, вместе, и пришли они к боярину Лучезару, ибо прослышали, что госпоже кнесинке могут пригодиться наёмные телохранители...

Складно, подумал Волкодав. Складно и славно. Ишь ведь, у Правого уже и брови от переносицы в стороны расступились. Да. Жили-были два хоробрых воителя и ратились честно, а потом взяли да побратались. Чего тут не понять!

Крут повернулся к нему:

– Ты-то что скажешь, венн?

Волкодав пожал плечами, глядя повисшего на рубахе Мыша, и равнодушно ответил:

– Скажу, что, пока я при кнесинке, этим двоим подле неё не бывать.

Плишка и Канаон растерянно переглянулись: ничего подобного они, похоже, не ждали. Рука Лучезара опустилась на меч.

– А не много на себя берёшь, венн? – заворчал Крут.

Волкодав спокойно сказал:

– Ты меня спросил, я ответил.

– Чего боишься?.. – осведомился Крут.

Плишка хмыкнул:

– Бойтся, кнесинка нас вперёд него жаловать станет.

Канаон заулыбался: мужественное, тёмное от загара лицо, голубые глаза, белые зубы из-под чёрных усов. Красивый малый, уж что говорить. Да и Плишка был хорош собой, гораздо хорош. Волкодав сказал:

– Один из них побил другого, а я побил победителя.

– Ну и что? – фыркнул Крут. – Если ты их побил, они, по-твоему, плохо дерутся? Отроками, небось, только двор не метёшь...

– Может, дерутся они и неплохо, – сказал Волкодав. – Но к госпоже, покуда жив, я их не подпущу.

– Обижает, венн, – покачал головой Плишка. – Смотри, каяться не пришлось бы.

– А ты молчи, тетеря! – рявкнул вдруг Правый. – Поговори мне тут!

Канаон вполголоса пробормотал по-сольвенски нечто, касавшееся башмаков и пояса бабушки Волкодава. За подобные слова у веннов вызывали на поединок, и все это знали. Братья Лихие не отрываясь смотрели на наставника. Волкодав стоял, как глухой.

Лучезар слушал разговор, постепенно белея от бешенства. Рука его танцевала по рукояти меча, но дальше этого дело покамест не шло. Не ему, дружинному воину, прилюдно задираться с бывшим рабом...

– Пошли! – коротко бросил он наёмникам. И те удалились следом за ним, нехорошо оглядываясь на Волкодава. Когда же скрылись, на него напустился Крут:

– А теперь, парень, сказывай толком! Почто обидел добрых людей?.. – И свирепо оглянулся на замерших рядом близнецов: – Брысь!..

Лихобор и Лихослав по привычке дёрнулись с места, но потом переглянулись – и остались стоять где стояли. Боярин, видя такое непослушание, начал наливаясь гневом и открыл рот прикрикнуть... Волкодав опередил его, кивнув:

– Ступайте.

Братья исчезли.

– Ну, парень!.. – Крут не знал, сердиться или смеяться. Поскрёб пятернёй в бороде и продолжал: – Ты с теми двоими словом не перемолвился, а уж я-то вас, веннов, знаю. Значит, прикидываешь, не доведёт ли судьба насмерть рубиться!.. Почему?

– Потому, что они лгали, – сказал Волкодав. – Они давно знают друг друга. А тот бой был подставным. Таким людям у меня веры нет...

И тем, кто таких людей сестре в телохранители сватает, добавил он про себя.

– А не на собственный хвост оглядываешься? – хмыкнул боярин. – С чего взял-то?..

Волкодав усмехнулся:

– Я зверь травленный, воевода, вот и оглядываюсь... Когда они бились, Плишка угадывал удары, которые нельзя угадать. А потом не заметил самого простого, которым нарлак его и свалил...

Крут, презирая деревянные мечи, вытащил из ножен свой боевой и потребовал:

– Покажи!

Волкодав показал. Ему не удалось коснуться боярина, но дело было не в том.

– Ты ловишь их, как я тогда, – сказал он Правому. – А Плишка защищался, будто заранее знал.

Боярин опустил меч и спросил:

– Сколько тебе лет?

– Двадцать три.

– А сражаешься сколько?

– Четыре...

– А я – с *четырёх*, – с мальчишеской досадой заявил Крут. – В тот год твой отец, не знаю, родился ли! Почему ты сразу увидел то, что я понял только теперь?

Волкодав сказал:

– Наверное, ты всё с честными воинами дело имел, воевода. Не как я, с висельниками.

Следующий день выдался тёплым и солнечным. Молодая кнесинка решила покататься на лошади и велела Волкодаву собираться:

– Поедешь со мной.

Боярин Крут подозвал кого-то из витязей помоложе и начал распоряжаться, приказывая седлать коней для десятка молодых, но Елень Глуздовна остановила его:

– Только телохранитель, больше никого не надо.

– Как так?.. – всплеснул руками старый храбрец. – А худых людей, неровен час,

повстречаешь?..

Кнесинка, взбегавшая на крыльцо одеваться, смерила его взглядом:

– Тот раз твои десять молодцов меня защитили? Или он один?..

И скрылась за дверью, и боярин, не имея возможности оттрепать её, как надлежало бы, за ухо, выплеснул раздражение на Волкодава:

– Ну, венн...

Волкодав посмотрел ему в глаза и ответил:

– Я тоже считаю, воевода, что десяток воинов был бы надёжней. Но раз госпожа сказала, значит, быть по сему. А наше с тобой дело – проследить, чтобы никто её не обидел...

Братья Лихие с завистью смотрели в спину Волкодаву, выезжавшему с кнесинкой за ворота. Они понимали, что им эта честь будет доверена ещё очень нескоро.

Серко выгибал могучую шею, размеренно бухая подкованными копытами в деревянную мостовую. Если бы кто ни попадя носился по городу вскачь, мастера-мостники навряд ли поспевали бы перестилать разбитые горбыли, а горожане вконец разорились бы, собирая деньги на починку улиц под своими заборами. Оттого в городе исстари воспрещено было пускать лошадей вскачь всем, кроме витязей и спешных гонцов. Волкодав видел, как разлетались щепки из-под копыт, когда Лучезар нёсся со свитой. Кнесинка, уважая прадедовское установление, ехала шагом.

Добрые галирадцы приветствовали свою государыню, кланялись ей, отступали с дороги, махали вслед. Перепадало внимания и Волкодаву. Ему некогда было вежливо кланяться в ответ, как это делала кнесинка. И даже думать о том, как вот эти люди совсем недавно с ухмылкой оглядывались на него, шедшего заказывать ножны. Он сидел в седле, точно кот перед мышинной норой, и на плечах под кожаным чехлом тихонько поскрипывала кольчуга, а у седла висел в налучи снаряжённый лук. Волкодав озирали уличный люд, держа руки у поясного ремня. Руки непроизвольно дёрнулись, когда наперерез кнесинке устремился юный сын пекаря. Плечи парнишки обвивала широкая перевязь лотка, заваленного вкусно пахнущим печеньем и пирожками. Кнесинка взяла пирожок и что-то сказала безусому продавцу, кивнув в сторону телохранителя. Парнишка отступил, пропуская серебристую кобылицу, и протянул лоток Волкодаву. Венн взял маленькую булочку с маком и бросил продавцу грошик. Ещё не хватало, угощаться задаром. Мальчик ловко, на лету, подхватил денежку и поспешил прочь, распираемый законной гордостью. Не далее как завтра вся улица сбежится покупать сдобу из печи, из которой сама кнесинка не брезговала отведать!.. Он так и не узнал, что слишком резвое движение навстречу кнесинке вполне могло стоить ему жизни.

Волкодав отщипнул кусочек булочки и дал Мышу.

В середине лета на Галирад, случалось, опускалась влажная удушливая жара, но этот день был совсем не таков. Лёгкий ветер гнал по небу маленькие белые облака. Летучие тени скользили по цветущим лугам, невесомо перебегали полноводную Светынь и спешили вдаль по вершинам лесов, синевших на том берегу. Такие дни сами собой западают в память и потом вспоминаются, точно благословение Богов.

– Куда ты хочешь поехать, госпожа? – спросил Волкодав, когда городские ворота и большак с вереницами гружёных возов остались позади.

– К Туманной Скале! – обернувшись, ответила кнесинка. И пояснила: – Оттуда видно море, острова и весь город. Я давно там не была.

Волкодав поймал себя на том, что любит её. Она сидела в седле уверенно и прямо, глаза сверкают, нежные щёки разрумянились от солнца и свежего ветра, маленькие руки крепко держат поводья стремительной кобылицы... Можно представить себе, какова была её мать-воительница. Волкодав покачал головой и сказал:

– Нет, госпожа. Больно далеко, да и место глухое.

Чистый лоб кнесинки от переносья до серебряного венчика перечеркнула морщинка: телохранитель отказывался повиноваться!.. Стало быть, случается и такое. Серые глаза неожиданно разгорелись задором:

– Моя Снежинка быстрее... Поскачу, не догонишь!

Волкодав смотрел на неё без улыбки.

– Может, и быстрее, госпожа, – сказал он наконец.

Кнесинка покосилась на аркан, висевший у него при седле. Она видела, как он его бросает. Она вздохнула:

– Ты, Волкодав, видать, мне жизнь спас для того, чтобы я сама удавилась... Ладно, там дальше на реке славная заводь есть, да и город видать...

Венн кивнул и тронул пятками жеребца.

Место оказалось действительно славное. Травянистую полянку на возвышенном речном берегу окружали могучие старые сосны, разросшиеся на приволье не столько ввысь, сколько в ширину. Да, хорошее место. И вплотную незаметно не подобрёшься, и издали не больно-то выстрелишь.

Под берегом, за узкой полоской мелкого песка, лежала просторная заводь, едва тревожимая ветерком. Длинный мыс, по гребню которого в ряд, точно высаженные, стояли одинаковые деревья, отгораживал заводь от стремнины. В тёмном зеркале, отражавшем небесную синеву, лежали белые звёзды водяных лилий. А вдаль и правда виднелись гордые сторожевые башни стольного Галирада.

Волкодав спешил сам и снял с седла кнесинку. При этом он несколько мгновений держал её на весу и успел подумать: *совсем не тяжела на руках, даром что полнотела...*

– Снежинку не привязывай, – велела Елень Глуздовна. – Она от меня никуда.

Ласковая кобылица доверчиво сунулась к нему, когда он взял её под уздцы. Волкодав всё-таки привязал её, но на длинной верёвке, чтобы могла и травы себе поискать, и поваляться, и в воду войти. Серку такой свободы не досталось. Славный жеребец и так уже начал красоваться перед тонконогой Снежинкой. Пускай охолонет. Волкодав увёл его на другой конец прогалины и оставил там, утешив кусочком подсоленного хлеба. И вспомнил: венны всегда ставили жеребцов и кобылиц у клетки, в которую удалялись молодожёны. Нарочно затем, чтобы кони призывно ржали и тянулись друг к другу, приумножая людскую любовь...

– Что творишь!.. – встретила его кнесинка, уже сидевшая на разостланной попоне. – Я же сказала, она от меня никуда!

Волкодав почти ждал, чтобы она поспешила освободить любимицу, но кнесинка осталась сидеть.

– Может, и так, госпожа, – сказал он. – Её могут испугать. Или попробовать увести.

Кнесинка досадливо вздохнула, отвернулась и стала смотреть на реку и город.

...Негоже, хмуро думал Волкодав, обегая настороженным взглядом редкие сосны, заводь и деревья на мысу. Позвала бы с собой подружек, дочек боярских или хоть няньку. Было бы с кем и побеседовать, и поиграть, да ведь и стыд оградить, если придёт охота купаться... Венны испокон веков лезли в реку все вместе, мужчины и женщины, и ничего непристойного в том не находили. Волкодав знал, что сольвенны судили иначе.

...А десяток отроков как раз встал бы за соснами, чтобы никто недобрый на семь перестрелов приблизиться не сумел...

– Ты всегда такой... как лук напряжённый? – спросила вдруг кнесинка. Оказывается, она наблюдала за ним, рыскавшим глазами кругом.

Волкодав ответил:

– Всегда, госпожа, когда кого-нибудь стерегу.

Она похлопала по расстеленной попоне рядом с собой:

– Что стоишь, сядь.

Волкодав сел, но не рядом, а напротив – спиной к реке, лицом к лесу. Из воды всё же

навряд ли кто выскочит. Мышь слез с его плеча и отправился ловить кого-то в лесной мураве.

– А простым боем ты драться умеешь? – спросила кнесинка Елень. – Без оружия, одними руками?

– Умею, госпожа, – кивнул он. – Да ты видела.

Кнесинка решительно посмотрела ему прямо в глаза:

– Научи меня, Волкодав.

Ну вот, опять за своё, вздохнул он про себя. Ему совсем не улыбалось попасть, как зерну на мельнице, между бегуном и поставом. Вслух он сказал:

– Боги не судили женщинам драться, госпожа. Их мужчины должны защищать.

Она смотрела на него, как сердитый маленький соколёнок.

– А не случилось рядом мужчины? А ранят его или, сохрани Боги, вовсе убьют?.. Совсем не мочь за себя постоять, плакать только? Умолять?.. Одну такую послушали!..

Волкодав отвёл взгляд. Кнесинка была права. И всё-таки...

– Если хочешь, госпожа, я тебе покажу, как вырываться, – проговорил он неохотно.

Начало было положено.

– Покажи!

Волкодав обхватил правой рукой своё левое запястье:

– Когда схватят, люди обычно вырываются вот так... – он потянул руку к себе, – ...а надо вот так. – Он наклонил сжатый кулак прочь от себя, одолевая сопротивление одного пальца вместо четырёх.

Кнесинка Елень попробовала сделать то же и убедилась, в чём выгода. Она поджала скрещённые ноги и наклонилась к нему:

– Ну, держи, вырываться стану!

Волкодав взял её за руку. Кнесинка высвободилась одним ловким движением, без ошибки повторив показанный приём. Потом, правда, она посмотрела на свою руку и нахмурилась. Венну неоткуда было знать, о чём она думала. А думала она о том, что осторожные пальцы телохранителя были способны запросто превратить её руку в кисель. И вряд ли спас бы даже створчатый серебряный браслет в треть вершка толщиной, застёгнутый на запястье. Она спросила:

– А если... не вырваться? Тогда что?

– Если свободна вторая рука, госпожа, бей в глаза.

Он объяснял ей, как покалечить, а то и убить человека, и говорил спокойнее, чем другие люди – о том, как лучше варить мясную уху. Кнесинка поневоле содрогнулась, а он ещё и предложил:

– Попробуй, госпожа.

Её решимость учиться таяла, как снег по весне. Она поднесла было руку, но тут же уронила её и замотала головой:

– Не могу... страшно.

– Страшно, – кивнул Волкодав. – Решиться надо, госпожа. Промедлишь, сама пропадёшь.

Кнесинка закусила губы и попробовала. Венн легко отдернул голову и сказал:

– Этого обычно не ждут, только крика и слёз.

– А если за обе руки держат?

– Тогда бей коленом в пах, госпожа. Это очень больно. А если схватили сзади, попытайся ударить в лицо головой. Или ногой в голень. И бей, коли бьёшь, не жалеючи, изо всей силы. И сразу.

Он видел, как ужасала её лютая кровожадность ухваток, которые он объяснял. Она-то надеялась постигнуть, как остановить, отбросить врага... да унести ноги. Ан выходило, что жестокость не одолеть без жестокости, свирепость – без ещё худшей свирепости... Где сыскать такое в себе?

Кнесинка смотрела на угрюмого бородатого парня, сидевшего против неё, и телохранитель-венн вдруг показался ей выходцем из другого мира. Холодного и очень

страшного мира. Который она, выросшая в доброте и довольстве, за дубовыми стенами крома, за щитами отцовской дружины, едва знала понаслышке. А теперь размышляла: что же за жизнь должен был прожить этот человек? Что сделало его таким, каким он был?..

– Ты мог бы убить женщину, Волкодав? – спросила она.

Он ответил не задумываясь, совершенно спокойно:

– Мог бы, госпожа.

Кнесинка Елень знала, как высоко чтит женщин его народ, и содрогнулась:

– Представляю, что за бабища должна быть, если уж ты, венн...

Волкодав мельком посмотрел на неё, отвёл глаза и медленно покачал головой:

– Лучше даже не представляй, госпожа.

Где она была теперь, та... то посрамление женщин, которому он при встрече съёс бы голову без разговоров, дай только удостовериться, что это вправду она? Может, всё там же, в Самоцветных горах. А может, и нет.

– А ребёнка? – спросила она. – Ребёнка ты мог бы убить?

Волкодав подумал и сказал:

– Сейчас не знаю. Раньше мог.

Сказал и заметил: кнесинка сделала усилие, чтобы не отшатнуться. Откуда ей было знать, что он сразу вспомнил подъездной тракт рудника. И детей на дороге.

Кормили их так. Привозили корзину вяленой (и откуда только брали в горах?) рыбы. Сколько подростков, столько же и рыбёшек. Всё вываливалось в одну кучу наземь. Кто смел, тот и съел. Серому Псу было тринадцать лет, когда один из них, пятнадцатилетний, надумал пробиваться в надсмотрщики. И начал с того, что повадился отбирать еду у тех, кто был послабей. Однажды, когда он кулаками отвоевал себе уже третью рыбёшку, Серый Пёс подошёл к нему и взял за плечо. Хватка у него уже тогда была – не больно-то вырвешься. Парень обернулся, и Серый Пёс, не сказав ни слова, проломил ему голову камнем.

Ещё в памяти Волкодава упорно всплывали малолетние ублюдки, которых он расшвырял тогда на причале. Хотя он и понимал, что вспоминать о них вовсе не стоило, а уж кнесинке говорить – и подавно.

– Вы, венны, очень держитесь за родню, – неожиданно сказала она. – Как вышло, что ты живёшь не в семье?

Похоже, она успела решить, что его выгнали из дому за преступление. Волкодав долго молчал, прежде чем ответить. Разговор нравился ему всё меньше.

– У меня нет семьи, госпожа.

Она посмотрела на бусину, переливавшуюся в его русых волосах, и решила похвастать знанием веннских обычаев:

– Но ведь ты женат? Или это подарок невесты?

Волкодав улыбнулся. Кнесинка ещё не видела, чтобы он так улыбался.

– Той, что подарила мне эту бусину, всего десять лет, госпожа.

Елень Глуздовна уселась поудобнее и попросила:

– Расскажи мне о себе, Волкодав.

Рассказывать о себе ему совсем не хотелось. Он снова начал осматриваться кругом и молчал так долго, что девушка не выдержала:

– Здесь никого нет, кроме тебя и меня. Поехала бы я сюда с тобой, если бы не доверяла тебе?

Волкодав подумал о том, что тоже вполне ей доверяет и, уж конечно, ни в коем случае не имеет в виду её обижать. Просто, чем меньше наниматель знает о телохранителе, тем обычно и лучше. Складно и красно объяснять он, однако, не выучился. Он так и ответил:

– Я плохо умею рассказывать, госпожа...

В это время из-за куста, гулко хлопая крыльями, взлетела большая тёмная птица. Волкодав мгновенно прижал кнесинку к земле, одновременно подхватывая лук и бросая стрелу к тетиве... и только тогда осознал, что это был всего лишь безобидный глухарь, едва перелинявший и надеявшийся отсидеться в кустах. Следом за птицей на открытое место

выбрался Мыш, и Волкодав понял, кого следовало благодарить за переполох. Он ослабил тетиву, глубоко вздохнул и выпустил кнесинку.

– Ну ты меня напугал... – выговорила она, и голос жалко дрожал.

Бедная девочка, до чего же ей страшно, осенило вдруг Волкодава. Храбрится, требует, чтобы оружнему или на худой конец простому бою её учил... в глухое место без охраны рвётся скакать... а у самой от малейшего шороха сердчишко, как хвост овечий, трепещет. Ну я и бревно, коли сразу не понял...

Он решил подбодрить её и сказал:

– Я тоже испугался, государыня.

У неё совсем по-детски запрыгали губы:

– Мне страшно, Волкодав... мне так страшно... скорее бы отец возвратился... Всё время крадутся... ночью, впотьмах...

Уткнулась лицом в ладони – и слёзы хлынули.

Волкодав пересел поближе и обнял девушку, не забывая поглядывать кругом. Гордая кнесинка прижалась к нему и расплакалась ещё отчаянней. Он ощущал, как колотится её сердце.

– Не бойся ничего, госпожа, – сказал он тихо. Помолчал и добавил: – Подумай лучше, как глухарь-то напугался.

Кнесинка подняла голову и попыталась улыбнуться сквозь слёзы. *Сколько ей лет, подумал Волкодав. Шестнадцать? Семнадцать?.. Самая пора бы со сватами беседовать да доброго мужа присматривать. Такого, чтобы никто чужой впотьмах ночью не крался и даже сон дурной за семь вёрст облетал...*

Он сказал:

– Не плачь, государыня. Хочешь, поедем домой?

Она кое-как утёрлась:

– Нет... погоди.

Тоже верно, размышлял Волкодав, спускаясь следом за нею к берегу заводи. Поддайся страху один раз – потом попробуй избавься. Кнесинка умылась, пригладила волосы и стала совсем прежней, если не считать припухших век и покрасневшего носа. Пока доедет до города, всё и пройдёт.

– Отец говорит, я в людях смыслю, – окрепшим голосом сказала она Волкодаву. – Я стану угадывать, а ты меня поправляй. Хорошо?

Он неохотно ответил:

– Как скажешь, госпожа.

– Ты дерёшься так, что дядька Крут тебе удивляется. И честь блюдёшь. Значит, ты был витязем, – решительно начала молодая правительница. – Наверное, ты был ранен в бою, попал в плен и угодил в рабство... – Она выжидательно смотрела на Волкодава, но венн молчал, и она нахмурилась: – Нет, не то. Крут говорит, ты всего четыре года... И как получилось, что тебя не выкупили из неволи?

Волкодав покачал головой:

– Всё было не так, госпожа.

Продолжения не последовало, и кнесинка поняла: больше она не выжмет из него ни слова. Он просто сидел и смотрел на неё. И молчал. Страшный человек. Опасный каторжник, клеймённый убийца. Кнесинка вдруг почувствовала, что доверяет этому страшному человеку полностью, бездумно и беспредельно. Она захотела сказать ему об этом, но не нашла слов, поперхнулась и спросила ни с того ни с сего:

– Почему ты пришёл в Галирад, Волкодав?

Он пожал плечами.

– Мне было всё равно, госпожа.

Мыш, уставший ползать в траве, вернулся к нему и устроился подремать на ременной петельке, притачанной к ножнам меча. Кнесинка подумала о том, что городской человек, решив спрятаться, бежит в лес и воображает, будто там его никто не найдёт. А лесной

житель, наоборот, полагает, что легче всего затеряться в большом городе. Ещё она подумала, что такому, как Волкодав, затеряться ой как непросто. Такие не умеют сидеть тише воды, ниже травы. Такие без конца заступаются за осуждённых еретиков и за нищих старух и с мрачным достоинством ждут приговора, когда их приводят в суд по навету.

Волкодав заново обшарил взглядом светлое редколесье, отмечая успевшие сдвинуться тени. Любопытная пищуха опустила на низкую ветку, посмотрела на него сперва одним глазом, потом другим, вспорхнула и полетела ловить комаров.

– Всё-таки ты должен научить меня сражаться, – решительно проговорила кнесинка. – Ты – мой телохранитель, не батюшкин... меня и слушай, не его. – Венн молчал, и она, опустив голову, тихо добавила: – Я не посягаю быть воительницей, как моя мать. Я просто не хочу больше бояться... – И вскинула голову, глаза снова заблестели задором: – Я слышала, как забавляются лучшие бойцы твоего племени. Кто-нибудь разгоняет на них тройку, и они ударом в оглоблю опрокидывают всех трёх коней! Ты так можешь?

– Не знаю, – сказал Волкодав. – Я не пробовал.

Кнесинка хитровато посмотрела на него снизу вверх, из-под ресниц, и вздохнула:

– Наверное, врут люди.

– Не врут, – сказал Волкодав.

– А ты сам видел?

– Видел. Только это была не забава.

– А как?..

– Лошади понесли на ярмарке, – ответил он неохотно. – Нас, детей, затоптали бы, если бы отец не остановил.

– Твой отец был воином? – спросила кнесинка.

Волкодав отрицательно мотнул головой. И опять намертво замолчал.

А через несколько дней случилось то, чего он ждал с самого начала, и в особенности – после того, как Лучезар привёл бывшего полосатого и Плишку. Третий явился сам, и осталось только предполагать, подслушал ли он какой-нибудь разговор на торгу или смекнул сам. Это был молодой белобрый сегван, но, при всей его молодости, сегванского в нём было намного меньше, чем в старой Киренн – вельхского. Волкодав хорошо знал эту породу наёмников, которые путешествовали из страны в страну вслед за войнами и войсками, давно и прочно забыв дорогу домой. Самого его никакой заработок не заставил бы к ним примкнуть. Хотя и звали. И до хрипоты объясняли дремучему бестолковому венну, что война, мол, – такое же ремесло, как и все остальные...

Сегвана он заприметил почти от самых ворот и немедленно понял, что было у того на уме. Вот парень о чём-то спросил отроков, и они стали объяснять, указывая в сторону хором кнесинки. Сегван направился дальше, и один из отроков пошёл вместе с ним. Не столько пояснить дорогу, сколько ради того, что пришлец был оружен и явно не дурак в рукопашной.

Кнесинка как раз отдыхала у себя. Волкодав сидел на крылечке, и Нелетучий Мыш грелся на послеполуденном солнышке, устроившись у него на колене. Привлечённая чем-то, над ступеньками закружилась большая муха; зверёк хищно насторожил уши и даже подпрыгнул, но не полетел.

– Эх ты, – сказал ему Волкодав.

Сегван подошёл и остановился в нескольких шагах. Встал довольно нахально, так, чтобы на ноги венна падала тень. Мыш враждебно зашипел и перебрался повыше, угрожающе пригибаясь и расправляя чёрные крылья.

– Ты, что ли, Волкодав? – спросил сегван.

Некоторое время венн щурился на него против света, прикидывая, стоило ли отвечать. Наконец решил, что стоило, и проворчал:

– Может, и я...

– Я тебя побью хоть на мечах, хоть на ножах, хоть так! – не тратя попусту времени, взял быка за рога отчаянный малый. – Я буду охранять кнесинку вместо тебя, потому что

лучше сражаюсь!

Это был вызов. К отроку, подошедшему вместе с сегваном, присоединился второй, потом третий. Появились братья Лихие. Подъехали два молодых витязя и остановились чуть поодаль, делая вид, будто происходившее у крыльца их нисколько не интересовало.

– Как звать-то, храбрец? – не спеша проговорил Волкодав.

– Сперва побей, – ответил тот насмешливо, – тогда и спрашивать станешь.

Волкодав прислонился спиной к гладкой стойке крылечка, устраиваясь поудобнее.

– Да ты трус никак! – обрадованно сказал ему сегван. – Хёгг сожри твои кишки! Правду же говорят: венн молодец против овец, а против стоящего бойца...

Волкодав не ответил и не пошевелился, и разочарованные зрители поняли, что вставать он не намеревался.

– Ты, должно быть, ни шиша не умеешь, – продолжал сегван, но уже не напряжённо, как поначалу, а с отчётливо различимым презрением. Вытащив из ножен меч, он стремительно закрутил его в воздухе, ловко перехватывая и кидая из руки в руку.

– А вот так можешь? А так?!

– Могу, – безразлично сказал Волкодав. Он прекрасно понимал, чем был занят непрошенный гость. Так часто ведут себя перед поединком, стараясь смутить соперника, а себя раскалить самое меньшее докрасна. Смущаться Волкодав ни в коем случае не собирался. Драться – тоже. Этот парень, наверное, был куда как неплох в схватке, коли оставался до сих пор жив, с его-то норовом. Неплох, но не умён. Иначе повнимательней слушал бы, что говорили в городе о кнесинке и её телохранителях, да и пришёл знакомиться по-хорошему. Во всяком случае, не считал бы, что кнесинка рада будет нанять его вместо человека, только что спасшего ей жизнь. *Нет*, подумал Волкодав. *Когда я сам занимался примерно тем же, чем ты сейчас, я вёл себя по-другому. И ещё я понимал, что дочь правителя города – это не купчиха, боящаяся воря.*

«Сперва Побей» между тем со стуком вогнал меч назад в ножны и выхватил сияющий боевой нож чуть не в три пяди длиной. Волкодав знал, что островные и береговые сегваны порою предпочитали их даже мечам. И уж владели ими...

– А так можешь?!

Парень ловко кинул нож себе за спину, и тот взвился над левым плечом, чтобы точно лечь рукоятью в подставленную ладонь.

– Не пробовал, – сказал Волкодав. – А зачем?

– А вот зачем!..

Он вдруг скакнул на полшага вперёд, низко пригибаясь, и Волкодав успел подумать: нож, верно, свистнет сейчас в него, кабы резьбу на стене маронговой, красивой, не попортил... но что именно собирался делать сегван, узнать ему не довелось. Потому что Мыш, и без того обозлённый, окончательно убедился: на них с Волкодавом собирались напасть. Он яростно закричал и бесстрашно ринулся на обидчика, в очередной раз забыв, что кнут надсмотрщика Волка когда-то отнял у него способность летать. Равно как и то, что волшебник Тилорн ему эту способность вернул. Мыш попросту взмахнул крыльями и бросился сегвану в лицо...

И полетел.

И вдруг сообразил, что ЛЕТИТ.

Он метил укусить человека за нос, но от неожиданности промахнулся и оцарапал ему щёку. Боевой клич сменился воплями ужаса. Бестолково кувырнувшись в воздухе, зверёк пушистым комочком метнулся обратно к Волкодаву и юркнул за пазуху.

Весь полёт занял мгновение. Сегван, которому вдруг понеслось в лицо что-то чёрное, истошно орущее и злобно щёлкающее зубами, выронил нож и отшатнулся, запоздало вскидывая ладони. Споткнувшись, он потерял равновесие, взмахнул руками и неловко сел наземь.

Отроки и молодые витязи, собравшиеся у крыльца, дружно грянули хохотом. Тому, кто явился славы искать, такой хохот хуже боевых стрел. Сегван вскочил, бешено озираясь.

Волкодав надеялся, что у него хватит ума пересилить себя и посмеяться вместе со всеми. Не хватило. Парень сгрёб оброненный нож и со всех ног кинулся за ворота. Не бывать ему телохранителем кнесинки, не бывать.

Волкодав вытянул из-за пазухи взъерошенного, скалящегося Мыша и высоко подбросил его на ладони. Мышь по привычке жалобно завизжал, но потом развернул крылья и приземлился с достоинством.

– Ну вот, давно бы так, – сказал ему Волкодав. – Всё, хватит придуриваться!

Они снова стояли на прибрежной поляне, только теперь рядом с кнесинкой был не один Волкодав, а все трое телохранителей. Венн взялся-таки учить молодую правительницу давать отпор, а заодно натаскивал и братьев Лихих. Опять же было кому посмотреть вокруг, пока двое других катали друг друга по высохшим сосновым иголкам и больно впивавшимся шишкам...

Храбрая кнесинка привезла на дне седельной сумки мужские порты, облачилась в них за кустом и потребовала, чтобы её не щадили:

– Взаправду жалеть ведь не станут...

– А синец вскочит, госпожа? – спросил Лихослав.

Вот именно, подумал Волкодав.

– Нянька увидит, расшумится... – сказал Лихобор.

– Да знает она! – снимая с головы серебряный венчик и по примеру Волкодава повязывая лоб широкой тесьмой, сообщила им кнесинка.

Венн смотрел на неё, нежную, домашнюю, полнотелую, стоявшую в нелепых мужских штанах между двумя крепкими, поджарыми, злыми в драке парнями, и было ему невесело. *Почему, в сотый раз спросил он себя, сильный присваивает себе какие-то права только потому, что силен? У силы есть одно святое право – защищать того, кто слабей. Женщину, ребёнка, калеку... Ответ, справедливое Око Богов, что же это за мир, где мудрым и добрым приходится учиться жестокости? Где женщина, созданная ласкать и рожать, готовится убивать и калечить? Просто потому, что без этого самой недолго пропасть?..*

Волкодав успел уже обучить всех троих хитрому навыку падать в любую сторону, не расшибаясь и не ломая себе руки-ноги, а потом сразу вскакивать, не охая и не держась за отбитые бока. Настал черёд самого простого приёма.

– Держи меня за руку, госпожа, – сказал он. – Нет, не этой, другой. Крепче держи, ты нападаешь. Или у меня нож, а ты поймала. Вот так.

Кнесинка ухватила его повыше запястья и стала держать. Волкодав отшагнул вбок, слегка повернул кисть, присел, нырнул, и рука кнесинки оказалась невозможным образом выкручена. Всё это венн, науки ради, проделал очень медленно и осторожно, но «нападавшей» только и оставалось, что ахнуть и неуклюже завалиться. Это называлось «Благодарность Земле». Кнесинка поднялась на ноги, кусая губы и хмурясь.

– Теперь ты меня роняй, госпожа, – сказал Волкодав.

Братья Лихие, стоявшие рядом, пробовали повторять их движения.

Елень Глуздовна пошевелила рукой, зажатой в его ладони, и смущённо пробормотала:

– Да я же тебя с места не сдвину...

– Сдвинешь, государыня, – пообещал Волкодав. И добавил: – Ты меньше меня, тебе ещё и удобней.

Как и в какую сторону отступать, кнесинка уяснила с третьего или с четвёртого раза. Потом пустила в ход вторую руку, но просунула её не сверху, как полагалось, а снизу. Волкодав поправил и посоветовал не спешить, следить разом за руками и ногами. Кнесинка попробовала нырнуть, но слишком рано, и он легко удержал её:

– С этим погоди, не то опрокинут.

В конце концов она всё сделала правильно и от души выломала ему руку, укладывая на землю. Близнецы, привычные к потасовкам, постигли приём гораздо раньше неё и уже всю

валяли один другого по поляне, только знай отряхивали сухие иголки, липнувшие к потным лоснящимся спинам. Волкодав ещё несколько раз дал кнесинке себя повалить, потом подозвал Лихобора, а девушку поручил Лихославу. И почти сразу понял, что поспешил. Первый блин вышел комом. Взрослый парень был намного сильнее кнесинки, вот только соразмерять силёнку не научился: молодая правительница зашипела сквозь зубы и принялась яростно тереть помятую кисть. Лихослав испугался, бросился её поднимать. Кнесинка села, и из глаз сами собой хлынули слёзы. Она вытирала их о штанину и сердито шмыгала носом. Сама рада была бы остановиться, но не могла. Волкодав отлично помнил себя мальчишкой и знал, что это такое. Обида тела, ни за что ни про что наказанного неожиданной болью. Так бывает, когда моешь пол, хочешь выпрямиться и с маху бьёшься головой о Божью Ладонь. Ещё он знал, что пуще всего сейчас кнесинке хотелось всё бросить, сесть на лошадь и ускакать домой. Туда, где ждёт лавка, застланная пуховой периной. И мисочка с финиками и мытым изюмом для услаждения души. И руки-ноги никто оторвать не норовит... Зачем муки принимать, пусть бы мужики друг друга ломали. Ей – себя холить, ей – по садику с цветами заморскими неспешно гулять...

Трое мужчин сидели на корточках вокруг и на всякий случай помалкивали, и о том, что телохранителям следовало ещё и озиаться по сторонам, памятовал один Волкодав.

Кнесинка встала, решительно высморкалась и что было силы вцепилась здоровой рукой в запястье Лихослава:

– Давай!

– Государыня... – струсил отрок.

Волкодав вмешался:

– Давай, Лихослав, только... во всю силу – со мной одним.

Юнцу всегда охота скорей прихвастнуть едва добытым умением, скорее пустить в ход науку, особенно воинскую... Волкодав был старше братьев всего-то года, может, на три, но, думая так, чувствовал себя едва ли не дедом мальчишкам. Лихослав с запозданием, но всё же сообразил, что здесь, как и на мечях, не сразу хватают острые боевые клинки, сперва балуются деревянными. И в памяти затвердится, и не убьёшь никого...

Он крутанулся, ринул кнесинку и уложил её в колючую травку, но на сей раз – с примерной осторожностью. Ещё придёт время жилы в схватке тянуть. Потом они поменялись местами, кнесинка шмякнула оземь парня на голову больше себя и топнула ногой:

– Не моги поддаваться!

Когда ехали домой, Волкодав заметил, что она берегла левую руку. Он задумался, как обычно, с трудом подыскивая слова, и, только когда впереди уже замаячила городская стена, наконец спросил:

– Надо ли трудить себя так, госпожа? Не ты нас, мы тебя хранить уряжались...

Слова он нашёл всё же не самые разумные. Едва выговорив, сам понял это и стал ждать: сейчас осердится и скажет – без тебя, дескать, знаю, что надо мне, чего не надо. Кнесинка сдвинула брови и стала поправлять серебряные обручья, хотя багровые пятна начавших проступать синяков и так были надёжно спрятаны рукавами.

– Я дочь вождя, – сказала девушка. – Если я взялась, я не должна отступать.

Дочь вождя, подумал Волкодав. Самое печальное, что получалось у неё на удивление хорошо. Верно же говорят: за что ни возьмутся вожди, всё у них спорится лучше, чем у обычных людей. Может, потому и спорится, что помнит хороший вождь, на ком держится удача народа. Вот и дочерям вождей нету равных ни в красоте, ни в ловкости, ни в уме. Ни в стойкости душевной...

А ещё говорили, будто лицом и телом кнесинка Елень была суцная мать. Мать-воительница. Вот и думай: к добру это? Или не к добру?..

Лето близилось к исходу, и в городе всё чаще поговаривали о том, что государь Глузд,

мол, совсем скоро вернётся. Волкодав не очень любопытствовал, куда он уехал, но всё же узнал: кнес проводил лето в большой и могущественной стране Велимор, договариваясь там о торговле и, случись что, о военной подмоге. Нет, не то чтобы кто-нибудь угрожал Галираду или, тем более, могучему Велимору. Просто сольвенны хотели заручиться добрым расположением сильного и воинственного соседа. Что же до Велимора, то и ему, верно, небезразлична была дружба крепкой северной державы. Ибо, как всем было хорошо известно, Галирад никому себя доселе в обиду не давал...

В Велиморе Волкодав не бывал и знал эту страну больше по слухам. Лежала она, как говорили, в самом сердце Замковых гор, и вели туда считанные дороги, все как одна проходившие извилистыми глухими ущельями. И было у этих ущелий одно общее свойство. На некотором расстоянии от входа скалы совсем перекрывали их, смыкаясь над головами. Все, кто бывал в Велиморе, в один голос утверждали, что в этих каменных тоннелях было удивительно неуютно. Гораздо хуже, чем в обычных теснинах или даже пещерах. Стоило, однако, выйти из-под сплошного свода по ту или другую сторону – и мерзкое ощущение пропадало бесследно...

Но тем не исчерпывались велиморские чудеса. Высоки и едва проходимы были заснеженные кряжи Замковых гор – не даром сольвенны выводили это название то ли от «зáмка», то ли от «замкá», – но уж и не таковы, чтобы вовсе невозможно было их одолеть. Находились бесстрашные скалолазы, которые взбирались на неприступные кручи и даже пересекали весь горный край, попадая из страны сольвеннов напрямик в Нарлак. Так вот: те, кто пренебрегал путеводными ущельями, предпочитая иные дороги, не находил между хребтами никаких признаков большой и богатой страны. То есть вообще ничего, кроме роскошных лугов, ослепительного снега на вершинах да немногочисленных горских племён, беспощадно резавшихся друг с другом. К слову сказать, ни о каком Велиморе обитатели внутренних долин слухом не слыхивали.

Те же, кто, втягивая голову в плечи, проходил под давящими сводами скал, рассказывали о городах, окружённых исполинскими каменными стенами, о великолепных дворцах, изобильной торговле и о мириадах рабов, день и ночь приумножавших достаток державы...

Когда велиморцев спрашивали, в чём же тут дело, они обычно посмеивались и отвечали, мол, Боги хранят их страну, не допуская неведомых и недобрых людей. Поэтому кое-кто ещё называл Велимор *Опричной* Страной, сиречь особенной, отдельной, несхожей. Велиморцам такое название не особенно нравилось, они предпочитали именовать свою страну Потаённой.

Но самое удивительное, по мнению Волкодава, заключалось в другом. Ему приходилось иметь дело с уроженцами Потаённой Державы, и однажды он с изумлением убедился: своего, коренного, только ему присущего народа в Велиморе отроду не было. Там жили сегваны, вельхи, нарлаки, халисунцы, сольвенны и невесть кто ещё, но не было единого своего языка, обычая и веры. Ни дать ни взять обнаружили когда-то и заселили пустую землю выходцы из всех племён, обитавших вокруг...

Если бы кто спросил Волкодава, он мог бы рассказать, что его народ издавна с большим недоверием относился к Замковым горам и ко всему, что исходило оттуда. Венны называли эти горы *Железными* и утверждали, будто ими, как железным замкóм, Бог Грозы запер когда-то Тёмных Богов и всякую нечисть, воспретив показываться в дневной мир. Сольвенны тоже помнили кое-что из древних легенд. «Опричный» в их языке было словом вовсе не лестным. Соплеменники Волкодава выражались ещё непочтительней. Именовали Опричную, она же Потаённая, страну – *Кромешной*. Что, в общем, в старину тоже попросту значило – «лежащая наособицу, КРОМЕ»...

Над теми, кто в это веровал, люди грамотные и просвещённые дружно смеялись.

Как и предвидел Волкодав, боярину Круту страшно не понравились бесконечные отлучки молодой кнесинки. И то сказать, виданное ли дело! Вместо того чтобы чинно гулять

возле крома, пряхь, почивать у себя в горнице или, на худой конец, возиться с цветами (занятие для чернавки, но ладно уж, чем бы дитя ни тешилось...), его «дочка» скакала с троими телохранителями неизвестно куда. Иногда она брала с собой сокола, отговариваясь охотой, но дичи назад почему-то не привозила. Только выглядела усталой, как будто гонялась самое меньшее за кабаном.

Боярин рад был бы учинить ей какой следует расспрос, а то и отеческой рукою оттрепать за уши непослушное дитище. Да только как подступиться, чтобы в случае чего ей же не вышло стыда?

Поразмыслив, Крут решил для начала хорошенько взяться за венна. Благо таинственные отлучки кнесинки начались именно с его появлением в кроме.

Однажды он отозвал телохранителя в сторонку и крепко сгрёб за рукав.

– Куда девочку чуть не каждый день тащишь? – зарокотал он грозно. – Почему она, как с вами съездит, ходит, словно вы её там палками били?

Волкодав посмотрел на крепкие узловатые пальцы, державшие его рукав. Он мог бы вырваться, но не стал этого делать. Он ответил ровным голосом:

– Госпожа едет, куда пожелает, а мы её сопровождаем. А когда останавливаемся, госпожа делает то, что ей по душе. А мы следим, чтобы никто её не обидел.

Если он что-нибудь понимал, боярину до смерти хотелось свернуть ему нос в противоположную сторону. Но Правый удержался. Толку не будет, а греха уж точно не оберёшься. Если не самого настоящего срама. Да и стоило ли ссориться с висельником, за которым «дочка» всяко была как за стеной... На том, стало быть, и завершился их разговор.

Выждав время, боярин взял за грудки обоих братьев Лихих. Но и тут ему суждена была неудача. Два молодых негодяя предпочитали угождать своему наставнику, а не воеводе, и молчали, как истуканы. Тогда Крут поразмыслил ещё и отважился на последнее средство. Явившись в хоромы к кнесинке, он завёл с нею разговор о девичьем стыде и о том, что батюшка-кнес, возвратившись, не иначе как спустит с него, седобородого, шкуру, прослышав, что он, недотёпа, куда-то отпускал дитяtko без подобающей свиты. Всё рассчитав наперёд, хитрец воевода для начала принялся навязывать в спутницы кнесинке целый курятник боярских дочек и иных знатных девиц. Вроде сестры Лучезара, Варушки, красивой, но неумной и вечно сонной девки. При мысли о том, что Варушка и ещё с десятка таких же станут сопровождать её во время поездок верхом, Елень Глуздовна пришла в ужас и довольно легко согласилась брать с собой хотя бы старую няньку. Чего, собственно, и добивался боярин. Он был одним из немногих, кого вредная старуха не гнала за порог помелом, а, считая приличным человеком, всячески приваживала и ласкала.

На другой день Волкодав сидел на крыльце и слушал сквозь приоткрытую дверь, как нянька собирала корзиночку еды и заодно порицала своевольное дитяtko, не желавшее сидеть дома.

– Мёд выложи, нянюшка, – сказала ей кнесинка. – И пряники выложи. Принеси лучше сала, хлеба, мяса копчёного да луковку и чеснока головку не позабудь...

Старуха возмущённо молчала некоторое время, потом прошамкала:

– Яблоки выкладывать не буду, ты уж как хочешь. И пряники оставлю. В водичке размочу, мне, беззубой, как раз...

Посадив в седло кнесинку, Волкодав покосился на братьев Лихих, собиравшихся держать стремя няньке. Он думал, ей выведут ослика или, на худой конец, послушного мула. Ничего подобного. Конюх подвёл старой бабке тёмно-гнедого вёрткого мерина, и седло на нём было мужское. Парни приблизились, нерешительно переглядываясь. Старуха зашипела на них, мигом собрала подол бесформенной чёрной рубахи, под которой обнаружили чёрные же шаровары, и вспрыгнула в седло так, будто с детства не слезала с коня. Волкодав только головой покачал. Нянька вела свой род из племени ичендаров, обитавшего, между прочим, в тех самых Замковых горах.

Добравшись на полянку, он послал близнецов осмотреть лесочек и убедиться, что

никто не заметил частых наездов кнесинки и не приготовил засады. Потом дал юной правительнице переодеться в мужские штаны и стал объяснять, что делать, если схватили сразу за обе руки. Нянька тем временем устроилась на попоне возле корзинки со съестными припасами, разложила шитьё и принялась за работу. Кнесинка погода тоже сделает несколько стежков. Чтобы можно было не кривя душою ответить, чем занимались: «Мы шили!»

– Силой даже не пробуй, государыня, – наставлял Волкодав. – Он всё равно будет сильнее. Да не спеши, само после придёт...

Кнесинка, нахмутив брови, сосредоточенно вырывалась. Венн держал её чуть повыше запястий, очень осторожно, чтобы в самом деле не наградить синяками, но ей казалось, будто руки заперли в выстланные жёсткой кожей колодки. Ищи не ищи слабинку, нет её.

– Вам, мужикам, о силе хорошо рассуждать, – промучившись некоторое время безо всякого толку, обиделась девушка. – Сами чуть что...

Старуха отложила вышивку, потом проворно поднялась и подошла к ним.

– А ну,пусти девочку! – взъелась она на Волкодава. – Такому только доверься, все руки поотрвёт!

– Нянюшка! – возмутилась кнесинка Елень.

Волкодав выпустил её и повернулся к старухе.

– Я-то не оторву, – сказал он. – Я к тому, чтобы другой кто не оторвал. – И протянул руку: – Хочешь, убедись, что госпоже нет обиды...

Коричневая, морщинистая старухина лапка с удивительной быстротой исчезла под длинным, до пят, чёрным шёлковым волосником. Когда она вынырнула наружу, в ней подрагивала острая, точно стилет, длинная шпилька. Блестящее лезвие до половины покрывала засохшая желтоватая плёнка.

– Уж как-нибудь и дитяtko обороню, и себя!..

Она, вероятно, в самом деле что-то умела. Лет этак пятьдесят назад, когда её посадили над колыбелью матери нынешней кнесинки. Зря, что ли, она прозывалась Хайгал – Разящее Копьё. Да. Волкодав мог бы одним щелчком избавиться и от шпильки, и от старухи. Что там он – любой из братьев Лихих, к которым она благополучно встала спиной...

– Грозна ты, бабушка, – сказал Волкодав миролюбиво. – Как же ты врага встретишь, если уж меня, телохранителя, ядовитой булавкой потчевать собралась.

– Нянюшка, – повторила кнесинка Елень.

Бабка смотрела на них тёмным старческим взором, не торопясь уступать. Наверное, она и сама понимала – сколько она ни хорохорься, молодые ловкие парни оборонят «дитяtko» гораздо лучше неё. Но просто так сознаться в этом она не могла. Зачем ей, старой, тогда на свете-то жить?..

Волкодав строго покосился на ухмылявшихся близнецов и сказал кнесинке:

– Успокой няньку, госпожа, пускай видит, что ты и сама себя отстоишь.

Когда кнесинка в третий раз грянула его оземь, старуха заулыбалась, а после седьмого спрятала наконец свою шпильку. За это время Елень Глуздовна совершила, кажется, все мыслимые ошибки; если противник не вовсе дурак, он вывернулся бы из любого положения, давая отпор. Волкодав ещё объяснит ей это. Но не теперь.

Нянька растаяла окончательно, когда подошло время передохнуть, и её девочка, ополоснувшись в реке, вместе с троими прожорливыми молодцами взялась за свежий хлеб и вкусное мясо. Не понадобилось её уговаривать, как дома, отведать кусочек...

Дальнейшего ни близнецы, ни Волкодав сами не видели. Но кто-то из вездесущих и всезнающих слуг подсмотрел, как боярин Крут подступил к старой рабыне с какими-то расспросами. О чём он пытался дознаться, осталось, правда, никому не ведомо. Ясно было одно: ничего из тех расспросов не вышло. Бабка только таинственно закатывала глаза...

Однажды вечером в кром прилетел маленький, усталый сизый голубь. Он юркнул в голубятню, и там его сразу заметил молодой сын рабыни, приставленный ухаживать за

птицами. Юноша осторожно изловил кормившегося голубя и побежал с ним к боярину Круту. Воевода снял со спинки сизаря крохотный мешочек и бережно вытащил письмо, начертанное на тончайшем, полупрозрачном листе. Такие делали из мягкой сердцевины мономатанского камыша, расплющенной и высушенной на солнце. Крут прочитал письмо и пошёл к кнесинке Елень.

Волкодав знал только, что с голубем прибыло послание от государя Глузда. О чём говорилось в письме, никто ему, телохранителю, докладывать не стал, а сам он не спрашивал. Он видел только, что кнесинка сделалась задумчива и, пожалуй, даже грустна. Это удивило его. Она любила отца и с нетерпением ждала его, так почему?.. Волкодав сперва решил даже, что кнес заболел и задерживается в Велимор, но потом понял, что дело было в чём-то другом. Если бы кнес заболел, Елень Глуздовна, надо думать, бегом бросилась бы в храм – советоваться и молиться. Но нет. Кнесинка говорила с волхвами не чаще обычного. И вообще вела себя почти как всегда. В конце концов Волкодав решил, что дело его не касалось.

Он надеялся, глупец, что кнесинка удовольствуется несколькими простыми приёмами, позволяющими себя отстоять от случайного наглеца. А того лучше, не пересилит отвращения к жестокому и совсем не женскому делу. Ничуть не бывало. Она метала нож, примеривала руку к мечу и стреляла из самострела. Благо тот взводился с помощью рычага и не требовал такой силы, как лук.

Как-то раз, когда кони уже рысили домой, кнесинка Елень спросила Волкодава, как женятся венны.

– Когда девушка вырастет, парни приходят просить бус, – ответил он. – Если мать позволяет. Потом она одного из них выберет...

Кнесинка выслушала его и надолго задумалась. Волкодав видел, что она хотела о чём-то спросить его, но не решалась. Несколько раз она почти собиралась с духом и даже открывала рот, но в последний миг всё же отступалась. И наконец спросила совсем о другом:

– А бывает, что девушку выдают не за того, за кого она сама хочет?

Волкодав считал себя человеком пожившим и кое-что повидавшим, но привыкнуть к тому, что у большинства народов девушку *выдавали*, так и не мог. У веннов девушка *брала себе мужа*. Он ответил:

– Бывает, когда это нужно для рода... Но так чаще поступают не с девушкой, а с парнем.

– А случается, что девушка идёт против воли и убегает с тем, кто ей нравится?

– Случается, госпожа, – кивнул Волкодав. – Редко, правда. У нас не считают, что это хорошо.

Веннская Правда состояла из многих законов, и был между ними один, осуждавший не в меру властных родителей, чьи дети, отчаявшись избежать постылого брака, накладывали на себя руки. В роду Серого Пса такого, по счастью, никогда не бывало, и Волкодав не стал ничего рассказывать кнесинке. Зачем?..

Она же вдруг решила и, отводя глаза, наконец-то задала мучивший её вопрос:

– А может ли ваша девушка... сама сказать мужчине, что он ей понравился?

Волкодав ответил:

– Так чаще всего и делается, госпожа. – Поразмыслил и добавил: – Та, что подарила мне бусину, сама ко мне подошла...

– Да она ж дитё несмышлёное! – неожиданно рассердилась кнесинка Елень. – Во имя Золотых Ключей! Десять лет!.. Что, вот так сунула тебе бусину, и женись?..

– Она дала, а я взял, госпожа, – терпеливо объяснил Волкодав. – Мог не брать. А жениться... Может, она кого получше найдёт... Или мать не восхочет...

Тем более, что матери-то я не больно понравился, добавил он про себя. Что ж, бусина в его волосах маленькую баловницу ни к чему не обязывала. По веннскому обычаю, радужная горошина на ремешке у холостого мужчины обозначала лишь, что он собирался

хранить верность подарившей её. Пока она не возьмёт его в мужья. Или не предпочтёт кого-то иного...

Кнесинка, однако, за что-то рассердилась на телохранителя и вдруг погнала кобылицу. Волкодав без промедления ударил пятками Серка. Учёный жеребец тотчас встрепенулся и в несколько могучих скачков, которыми славилась его порода, настиг не успевшую набрать скорость Снежинку. Волкодав схватил кобылицу под уздцы и остановил.

Он ждал, что госпожа напустится на него за самоуправство, но нет. Кнесинка неподвижно сидела в седле, опустив голову, и как-то жалко, пришибленно молчала. Волкодав тоже ничего не сказал. Подоспевшие близнецы виновато переглядывались, понимая, что от них двоих кнесинка могла бы и ускакать.

Елень Глуздовна вздохнула и двинулась дальше понурым, медленным шагом...

Уже показались впереди островерхие галирадские башни, когда дорога вынесла навстречу возвращавшимся одинокого всадника. Волкодав сразу узнал боярина Крута и только вздохнул. Было ясно: на сей раз Правый твёрдо вознамерился вызнать всё, что он, по его мнению, обязан был знать. То-то он и отроков с собой не привёл. На случай, если всё же всплывёт какой-нибудь срам.

Он поставил вороного поперёк дороги, потом спешил и сложил руки на широченной груди. И захочешь, не больно объедешь. Только кто же захочет воеводу прославленного невежливо объезжать. Крут смотрел на Волкодава. Тот, приблизившись, остановил Серка и тоже спрыгнул на землю.

– Куда каждый день с кнесинкой шастаешь? – мрачно спросил Крут. – От убийцы её спас, так и думаешь, всё тебе дозволено? Отвечай, говорю!

Волкодав ответил ровным голосом:

– Госпожа едет, куда хочет и с кем хочет, а мы с тобой, воевода, ей не указ.

Боярин, багровея, шагнул ему навстречу. Волкодав остался стоять где стоял. Оружия в ход он пускать не собирался, а там как получится.

Елень Глуздовна не стала дожидаться, пока упрямство и преданность доведут этих двоих до беды.

– Волкодав, – позвала она и протянула руку, и венн снял её с лошади. Кнесинка подошла к боярину и спросила: – Ты, Крут Милованыч, за мной присматривать взялся?

Она всё-таки не произнесла совсем уже непоправимого слова. Не осведомилась – ты ли, мол, боярин, у меня, у кнесинки, ответа хочешь спросить?.. Нет. Она слишком любила старого отца товарища, чтобы так его обижать.

– А вот и взялся! – рявкнул Крут. – Батка твой вернётся, как перед ним встану? Девка твоя, скажу, с троими оторвиголовами... а я, старый дурак, спокойно дома сидел?

– С троими *телохранителями*, дядька Крут, – неожиданно спокойно поправила девушка. Не зря всё же она судила суд, принимала чужестранных купцов и говорила с галирадским народом. – Из которых, – продолжала она, – двоих ты мне, дядька, сам подобрал, а третий от меня верную погибель отвёл. Кому из троих у тебя веры нету, боярин?

Старая Хайгал молча злорадствовала, сидя в седле.

Крут посмотрел на братьев Лихих, на одного и другого, а по Волкодаву только мазнул взглядом и тем выдал себя с головой. Венн вздохнул, попутно отметив про себя, что близнецы не забывали оглядывать кусты, поле и кромку дальнего леса. Кое-чему он их всё-таки успел научить.

Правый между тем гуще налился кровью:

– Вот что, девка, как на колено-то уложу да крапивой...

Кнесинка, продолжая наступать на него, повторила:

– Кому из них у тебя веры нету, боярин?

И тогда Крут сделал ошибку. Он сгрёб её за руку.

Волкодав понял, что сейчас сделает кнесинка, чуть не раньше её самой и мгновенно взопрел. Ей не больно-то давался этот приём. А уж против боярина, ещё до её рождения

носившего меч... Он ошибся. Кнесинка, вдохновлённая обидой, всё проделала безукоризненно. И... быстро. Удивительно быстро. Сторонний человек не успел бы за ней проследить. Стоял, стоял себе важный боярин и вдруг, взыв, тяжело бухнулся вниз лицом. Кнесинка сразу выпустила его и вскочила.

– Не зашибла, дядька Крут?.. – спросила она, краснея.

Волкодав видел, что ей было неловко. Дядька всё-таки. На коленях её когда-то держал, баюкал сиротку. Лежать сбитому на земле – последнее дело, но Правый почему-то не спешил подниматься. Только приподнялся на локте и, растирая широкое жилистое запястье, смотрел снизу вверх. На смущённую кнесинку, хмурого венна, неудержимо расплывавшихся близнецов и на старуху в седле. Когда их глаза встретились, Разящее Копьё проворно показала ему язык.

– Я хотел, чтобы госпожа могла за себя постоять, – сказал Волкодав. – Даже если всех нас убьют. И меня, и их, – он кивнул на братьев, – и тебя...

– А коли так, нечего меня выгораживать! – оглянувшись, перебила кнесинка Елень. – Не ты чего-то там хотел, а я тебя заставляла!

– Ну что, пенё сивобородый? – поинтересовалась нянька. – Всё понял? Уразумел, чем девочка тешилась? Или ещё объяснить?

Правый наконец поднялся и, не отвечая, принялся вытряхивать забитые пылью штаны. Кнесинка обошла его, стараясь заглянуть в глаза, – не разобиделся ли? Дальнейшее, по мнению Волкодава, тоже легко было предугадать. Боярин сцапал «дочку» мгновенным движением, которого она, похоже, и не увидела. Перегнул-таки юную правительницу через колено и принялся отеческой дланью награждать увесистыми шлепками пониже спины...

Волкодав вмешиваться, конечно, не стал.

А через несколько дней в крепость прилетел ещё один голубь, и глашатаи разнесли по городу счастливую весть: кнес возвращается, кнес домой едет из Велимора. Да ещё и грамоту везёт о любви и согласии с великим южным соседом. Радуйтесь, люди!

И люди радовались.

День, когда кнес возвратился в город, выдался промозглым и серым. По-осеннему скорбный дождь зарядил ещё накануне. Временами небо уставало плакать, но никуда не пропадала тяжёлая мгла, начинавшаяся от самой земли. Неторопливый ветер гнал с моря пологие ленивые волны, и почти по воде ползли мокрые космы нескончаемых туч. Город намохлил и потускнел, даже зелёная трава на крышах как будто утратила цвет. В такую погоду хотелось сидеть в четырёх стенах и заниматься чем-нибудь домашним, слушая, как потрескивает в печи. И думать не думая о мозглом сумраке снаружи. Который, положи руку на сердце, и днём-то не назовёшь. Сколько помнил себя Волкодав, отсидеться в непогоду под крышей у него не получалось ни разу. У него дома было заведено: женщина и кошка хозяйствуют в избе, мужчина и собака – во дворе. А потом он семь лет не видел не то что дождя или снега – вообще позабыл, как выглядят небо, солнце и тучи. Вчера вечером, предвидя долгую непогоду, кнесинка велела ему назавтра остаться дома, поскольку и сама никуда из крепости не собиралась. Но едва выговорила, как по раскисшему большаку, нещадно разбрызгивая грязь, в город прискакал конный гонец и сообщил, что на другой день следовало ждать кнеса. И, конечно, дочь-кнесинка собралась встретить отца. Волкодав знал, что её будут отговаривать, но она не слушает.

Когда тучи, кропившие землю, из непроглядно-чёрных сделались синеватыми, он оседлал Серка, надвинул на голову негнувшийся капюшон плотного рогожного плаща и поехал в кром.

Он ехал по тёмной безлюдной улице, никого, кроме редких стражников, не встречая, и думал: когда они соберутся и поедут встречать кнеса, куколь с головы придётся откинуть – из-под него много ли разглядишь! – и сырость невозбранно склеит волосы, потечёт за шиворот, пропитывая рубашку, оставляя разводы на добром замшевом чехле... Спасибо

хоть, воронёная кольчуга рже неподвластна...

Только вчера ликующий Тилорн показал ему то, над чем они с мастером Крапивой бились пол-лета: железную ложку. Её покрывала блестящая, как зеркало, светлая металлическая плёнка. Всю, кроме кончика ручки, за которую – первый блин комом – ложку опускали в раствор.

– Скоро Крапива будет покрывать этим кольчуги! – сказал учёный. – Представляете, какую цену станут арранты заламывать за свои вещества, если только прознают?

Ложка была торжественно подарена Ниилит, и девушка немедленно испытала её в деле: принялась размешивать зелёные щи, неспешно кипевшие в горшке на глиняной печке. Ложка жглась, и Ниилит обернула черенок тряпкой. Волкодав вспомнил, что кристаллы, которыми пользовался Крапива, слыли отравой, и спросил Тилорна, можно ли будет есть после этого щи. Насколько ему было известно, учёные о таких мелочах помнят не всегда. Тилорн только отмахнулся. Он переживал за тоненькое покрытие не меньше, чем сам Волкодав – за Мыша, когда зверьку выправляли крыло. Ниилит переживала и за ложку, и за Тилорна, и за щи. У неё на родине ничего похожего не варили, рецепт принадлежал Волкодаву, и Ниилит ни в чём не была уверена. Любопытный Зуйко (с которого взяли страшную – ешь землю! – клятву молчать об увиденном) притащил за руку деда, а с дедом явился в кухню и Эврих, помогавший пропитывать растопленным воском кожаные заготовки. С плеча венна сорвался взволнованный Мышь и с писком завертелся под потолком... Вся семья в сборе. Наконец ложку, не вытирая, извлекли из горшка и дали обсохнуть. Ниилит смыла и соскребла с неё остатки щавеля... Чудесное покрытие засверкало как ни в чём не бывало. Тилорн подхватил Ниилит и пустился с нею в пляс подле печи.

– Витязям таких надо наделать, – посоветовал Волкодав. – Небось сразу позабудут делиться, кому серебряными есть, кому костяными...

...И вот он ехал в крепость под унылым дождём, казавшимся ещё холоднее из-за раннего часа, и думал о блестящих, как весенние ледяные кружева, кольчугах, которых скоро наплетёт мастер Крапива. И, надо думать, живо прославится. В таких кольчугах хорошо скакать на врага, катиться железной волной, наводя ужас голыми бронями... Волкодав ни за что не стал бы менять на них свою воронёную. Как, впрочем, и привычную деревянную ложку – на эту блестящую, которую, не завернув в конец рукава, в руку-то не возьмёшь, а уж рот жжёт...

Было не по-летнему холодно, и он надел под кольчугу сразу две рубашки, а между ними – шерстяную безрукавку, тайком связанную Ниилит. Безрукавка была из серого собачьего пуха. Волкодав, не привыкший к подаркам, сперва растерялся, потом, приглядевшись, растаял.

– Это чтобы ты... больше не кашлял, – страшно смущаясь, пояснила ему Ниилит. Венн благодарно обнял её, а потом спросил, почему она выбрала именно такой цвет. О своём роде он не говорил никому. Юная рукодельница смутилась ещё больше:

– Ну... волкодавы, они... серые такие...

Очертания домов и башен начинали понемногу проступать в темноте, когда жеребец принёс его в кром. Кнесинка завтракала, и Волкодав по привычке обосновался на крыльце. Он прекрасно знал, что бдительная нянька всё равно не пустит его даже во влазню. Нечего, скажет, топтать мокрыми сапожищами по красивому и чистому полу. Волкодав стал думать о том, как они сейчас поедут встречать кнеса, и вдруг вспомнил слышанное от боярина Крута: государь, мол, поначалу состоял у покойной правительницы простым воеводой...

А что, хмыкнул он ни с того ни с сего. Кто поручится, что ещё через сто лет добрые галирадцы не станут припоминать одного из своих прежних кнесов: сперва, мол, был у тогдашней кнесинки простым телохранителем?..

Мышь высунул нос из-за пазухи, понюхал сырой воздух и снова спрятался в привычное тепло – досыпать. Рядом с крыльцом был просторный навес, устроенный нарочно затем, чтобы в непогоду ставить коней. Волкодав обтёр благодарно фыркавшего Серка, криво

усмехаясь бесстыдной, неизвестно откуда взявшейся мысли. Не умела пёсья нога на блюде лежать...

Братья Лихие неслышно возникли из-за угла и стали тихо-тихо красться к нему, хоронясь в глубоких потёмках.

– Утро доброе, – негромко сказал им Волкодав.

Из темноты долетел слитный вздох, и братья подошли, уже не таясь.

– Как заметил-то?.. – спросил Лихослав. Редкое утро они не задавали Волкодаву этого вопроса. Тайком подойти к нему было безнадежной затеей, но упорные близнецы не оставляли попыток.

– Я вижу в темноте, – сказал венн.

– Научишь? – сразу спросил Лихослав. Он был старшим из двоих и нравом побойчее.

Рассудительный Лихобор толкнул брата в бок локтем:

– Ты что, с этим только родиться...

– Я в руднике научился, – сказал Волкодав. – Привык в темноте.

К его ужасу, близнецы переглянулись чуть ли не с завистью. Оба были принаряжены. Когда они вывели коней, те оказались вычищены так, словно братьям предстояло красоваться на них посреди торга, а не скакать по грязи. Первый раз – всегда первый раз, что там ни говори. Первая любовь, первый бой... первая поездка в свите кнесинки... Хочешь, не хочешь – запомнится на всю жизнь.

Большак на подступах к городу давно уже собирались замостить, да не деревянными брёвнами, как было принято у сольвеннов, а камнем, по-нарлакски. Все сходились на том, что камень не скоро расплющится под колёсами повозок и подкованными копытами коней и уж точно не будет каждую весну и каждую осень расползаться непролазным болотом. Не было согласия лишь в том, кому расстёгивать на общее дело мошну. И потому хорошее общее дело, как водится, не двигалось с места.

Дорога сперва вела вдоль Светыни, потом свернула на юг, мимо Туманной Скалы, утопавшей в низких облаках, и лошади сразу пошли легче. По велиморскому тракту до сих пор ездило не так уж много народа, а значит, и грязи особой здесь пока не было. Пока. Если всё пойдёт так, как задумывали кнес, дружина и премудрые галирадские старцы, – станет Галирад ещё одними морскими воротами Велимора. Тогда-то повозки по этой дороге покатаются одна вперёд другой. И, может, сыщутся наконец денежки на каменную мостовую. Если только опять что-нибудь не помешает...

Кнесинка Елень жадно смотрела вперёд, и Волкодав видел, что она сильно волновалась. Вот-вот покажется из тумана знакомый стяг – белая птица, мчащаяся по алому полю, – и отец-государь прижмёт к сердцу красавицу дочь, с самого начала весны соблюдавшую для него город. Что ж разумная кнесинка трепетала, словно мальчишка перед Посвящением в мужчины? Боялась, кнес не похвалит?.. За что?..

– Увидишь их, госпожа, не скачи сразу вперёд, – предупредил её Волкодав, когда сядились на лошадей. – Только если отца узнаешь доподлинно. Мало ли...

– Ишь, раскомандовался, совсем стыд потерял!.. – тут же заворчала Хайгал. Волкодав не стал отвечать, да и что ответишь вредной старухе, но кнесинка согласилась неожиданно кротко:

– Как скажешь...

Вместе с нею встречать вождя ехал со своими отроками Лучезар. Отроки, сидевшие на крепких и быстрых конях, рассыпались далеко вперёд по дороге – высматривать передовых всадников кнеса. Сам Лучезар ехал подле «сестры» и вначале всё пристраивался по правую руку, тесня конём Волкодава, но кнесинка велела ему занять место слева, и послушаться боярин не посмел, хотя и рассердился. А Волкодав на сей раз встал чуть впереди. Он ехал, откинув на спину плотный рогожный капюшон и чувствуя, как под одеждой расползается сырость. Он не оглядывался на близнецов, чьи кони рысили позади Снежинки. А что оглядываться. Каждый из троих до последнего движения знал, как в случае чего поступать.

Кнесинка молчала, съёжившись под плащом из дублёной кожи, не пропускавшим дождь. *Словно не отца любимого едет встречать, подумалось Волкодаву, а... Чего-то она ждала от этой встречи, чего-то не особенно радостного. Э, осенило его вдруг, да уж не просватал ли её многодумный родитель?.. То-то она взялась выпрашивать, как и что с этим у веннов и бывает ли, чтобы за нелюбимого... Такое на ум взбрести может, только если самой вот-вот предстоит. Ну как есть просватал! За кого-нибудь из нарочитых мужей Велимора, и догадай милостивая Хозяйка Судеб, чтобы не был вовсе уж старым, злым и противным...*

Волкодаву стало жаль кнесинку, которую он не то что выручить из этой беды – даже и словом разумным утешить не мог. Ещё он подумал о том, кто к кому, если всё действительно так, жить переедет. Кнесинка в Велимор? Или знатный жених – к новой родне и новым союзникам?.. И, если переезжать выпадет кнесинке, пожелает ли она взять его, Волкодава, с собой? И что тогда делать Тилорну, Ниилит, Эвриху и деду Вароху с внучком Зуйко?..

Вот так, усмехнулся он про себя. Ни они без меня, ни я без них. Семья. Моя семья...

И тут из-за серой завесы дождя, ослабленный расстоянием, но ясный и звонкий, долетел голос рога.

Елень Глуздовна, понятное дело, вмиг позабыла все обещания и ударила пятками кобылицу. Волкодав, нарочно ради этого державшийся чуть впереди, перехватил поводья. И не выпустил даже тогда, когда из мокрой мглы вынырнул растрёпанный отрок:

– Кнес!.. Кнес едет, сам видел!.. Да вон уже показались...

Сквозь пелену дождя и вправду можно было разглядеть силуэты всадников. Слышался смех, радостные голоса.

– Догоняй, сестра! – боярин Лучезар послал вперёд жеребца и ускакал по травянистой дороге.

– Ты уже слышишь голос отца, госпожа? – спросил Волкодав.

Кнесинка Елень только кивнула в ответ. Она смотрела на Волкодава с каким-то чуть ли не отчаянием. Так, словно не хотела, чтобы он её отпускал. Венн убрал руку с поводьев и сказал:

– Поедем, госпожа.

Снежинка под ней танцевала, просилась скакать следом за всеми. Кнесинка решилась, дала ей волю, и кобылица, резво взяв с места, полетела вперёд.

Наверное, Елень Глуздовна действительно удалась в мать. Невысокий широкоплечий мужчина, отечески обнимавший её, был темноволос и кудряв. Единственное, что у него было общего с дочерью, это серые, родниковой чистоты глаза. Кнесинка взahlёб плакала и прижималась к его груди, нимало не заботясь о том, что кожаный плащ распахнулся и холодный дождь всю кропил зелёные клетки понёвы.

– ...А уж отошала-то, отошала, одни косточки! Без отца никак совсем есть перестала? Я-то считал, только в Велиморе красавицы тощими да бледными стараются быть, думал, наши умней... Ан и ты туда же! – скрывая дрожь в голосе, ласково выговаривал кнес. Потом посмотрел поверх головы дочери и встретился взглядами с Волкодавом, державшимся в двух шагах. Венн молча поклонился ему. Глузд Несмеянович внимательно оглядел нового человека и легонько тряхнул дочь за плечо: – А это ещё кто при тебе? Не припомню такого...

– Это, родич, веннский головорез, – усмехаясь, пояснил Левый. – Твоя дочь слишком добра, государь: кормит твоим хлебом прихлебателей разных...

Кнесинка вскинула голову и уставилась на Лучезара. Если бы речь шла не о прекрасной девушке, Волкодав сказал бы, что смотрела она свирепо. И ещё. Наверное, Лучезар давно уже баловался дурманящим порошком. В здравом разуме люди так себя не ведут. Не совершают по несколько раз одни и те же ошибки.

– Это мой телохранитель! – звенящим голосом сказала кнесинка Елень.

– Вот как? – удивился кнес. – Да кому ты, кроме меня, надобна, чтобы тебя

сторожить?.. – И указал рукой Волкодаву: – Ладно, езжай с отроками, венн. Потом разберёмся.

Волкодав не двинулся с места.

– Если венн молчит, значит, есть причина, – проговорил кнес, и взгляд стал очень пристальным. – Ты говорить-то умеешь, телохранитель?

– Нос ему добрые люди сломали, а вот язык вроде как ещё не отрезали, – хмыкнул Лучезар. – Хотя, право же, стоило бы...

– Прости, государь, – негромко сказал Волкодав. – Я дочери твоей служу, не тебе.

Витязи и слуги, ездившие с кнесом в Велимор, с любопытством поглядывали на странного малого, которого неведомо зачем приблизила к себе кнесинка. Глузд Несмеянович, однако, смотрел на Волкодава с чем-то подозрительно похожим на одобрение:

– От кого ж её здесь, со мной, охранять? Разве сам чадо отшлёпаю...

– Госпожа меня кормит, чтобы я стерёг, – сказал Волкодав. – Вот я и стерегу, государь.

Тут снова вмешалась кнесинка и стала торопливо рассказывать отцу, как её хотели убить на торгу. Встрял в разговор и Лучезар. Он по-прежнему не скрывал своей нелюбви к своенравному венну, правда, в сговоре с убийцей более не обвинял. Теперь, по его словам, выходило, что он раньше всех заметил опасность и первым поспел бы заслонить сестру от злодея, если бы его не сбил с ног нескладёха телохранитель.

Волкодав ехал по правую руку от кнесинки, чуть позади, и молчал. Ему было всё равно. Несколько раз он чувствовал на себе пытливый взгляд кнеса. Ну и пускай смотрит. Волкодав занимался своим делом – стерёг, а беседа вождей его не касалась.

Поближе к городским воротам дорогу запрудили горожане, соскучившиеся по своему кнесу. Похоже, Глузда Несмеяновича в Галираде любили не меньше, чем его разумницу дочь. Счастливый город, думалось Волкодаву. Когда вождю протягивают для благословения детей, это кое-что значит. Обрывки выкриков достигали его слуха: жители приветствовали кнеса и спешили заверить его, что кнесинка правила ими воистину мудро и справедливо. Волкодаву оставалось только надеяться, что крики и шум не помешают ему распознать, скажем, шёпот извлекаемого из ножен кинжала. Или негромкое гудение натягиваемой тетивы...

Боги, однако, ныне с улыбкой взирали на Галирад. И посольство, и встречавшие добрались до крома безо всякой помехи.

В крепости кнес сразу же затворился в гриднице со старшей дружиной и помощницей-дочерью. Были, похоже, какие-то дела, которые требовалось безотлагательно обсудить. Волкодав повёл Серка в конюшню, рассуждая про себя о том, что у веннов подобного не бывало. Там человека, вернувшегося из дальнего странствия, денька три продержали бы в отдельной клетке, не больно допуская в общую жизнь дома. А вдруг он, шастая по неведомым краям, набрался какой-нибудь скверны?.. А вдруг он – и не он вовсе, а злой дух, похитивший человеческое обличье?..

Наверное, всё же прав был старик, с которым ему довелось разговаривать тогда на берегу. Какова жизнь, таков и обычай. Что станет с большим купеческим городом, если по всей строгости чтить домашний порог, а с приехавшим кнесом поступать как с чужаком?..

Волкодаву хотелось вернуться в дом к Вароху, как следует поесть и, пожалуй, поспать в тепле, но было нельзя. После полудня кнес собирался говорить с горожанами на торгу, держать ответ, как съездил и что обратно привёз. Не сделай этого – и к вечеру уже поползут по городу слухи. Негоже получится.

Когда Волкодав ввёл Серка внутрь конюшни, конюх Спел как раз принимал гостя: мятельника Зычка Живляковича. Уютно устроившись на куче соломы, двое слуг разложили угощение и помаленьку отмечали благополучный приезд славного кнеса. *Вот что бывает*, подумал Волкодав, *когда привыкаешь входить не стучась*. И сам не хотел, а получается, будто незванным подоспел к угощению.

– Хлеб да соль, – сказал он, ведя коня мимо. Он не удивился и не обиделся бы, ответь они ему: «Едим, да свой». Однако соломенноголовый Спел обрадованно замахал руками, показывая венну оплетённую глиняную бутылочку:

– Подсаживайся, Волкодав! За здоровье кнеса и кнесинки...

Как это на первый взгляд ни странно, нелюдимый телохранитель ему нравился. Наверное, за то, что на славу холил Серка, не переваливал на холопов заботу.

– Спасибо, – поблагодарил Волкодав. – От закуски не откажусь, а чашку не пачкай. Мне государыню ещё на площадь сопровождать...

Он вооружился жёсткой щёткой и принялся чистить уткнувшегося в кормушку коня.

– Ишь, красная девица, родниковой капельки забоялся, – достиг его слуха негромкий смешок мятельника Зычка.

– Красная девица и есть, – согласился Спел. – Даром что при усах. – И позвал: – Эй, венн, не надумал?

Волкодав улыбнулся. На такие беззлобные подначки он не обижался, ещё не хватало. Серко оборачивался, вздыхал, тёрся о его плечо носом.

– За госпожу нашу, – долетел из угла голос Зычка. Послышалось бульканье вина, перетекавшего из бутылочки в кружку. – И жаль, да что поделаешь, – продолжал старый слуга. – Жизнь жить пора, всему срок...

Ну точно: просватал доченьку кнес! – сейчас же сообразил Волкодав. Всё как положено. Когда ещё объявят народу, а верные слуги обо всём уже доподлинно сведали.

Вино полилось в другую кружку, и Спел подтвердил догадку телохранителя:

– За то, чтобы голубушке нашей новое гнездо теплей старого показалось.

– Ишь замахнулся, – проворчал старик. – Чтобы в чужом доме слаще было, чем при отце-матери? Да разве ж бывает?..

Они выпили. На крепких зубах Спела хрустнул огурчик знаменитой веннской засолки. Волкодав подавил в себе желание побыстрее кончить работу и продолжал орудовать щёткой.

– А что, за добрым-то мужем! – принялся рассуждать молодой конюх. – Одно слово, велиморец! Небось на другой день золотым жуковиньям счёт потеряет. А уж как обнимет, к устам устами прильнёт...

Он хохотнул.

– Баловник, – проворчал Зычко, но по голосу чувствовалось, что старик улыбался. Волкодав приласкал Серка, хлопнул по гладкому крупу и вышел из денника. Он нимало не сомневался, что слуги всё как есть вызнали о женихе. И какого роду-племени, и как звать, и ровня ли государыне по молодости и красоте. А вызнали, стало быть, скажут сейчас и ему.

Заметив телохранителя, Спел прибил ладонью солону рядом с собой:

– Давай, венн, закуска кончается!

Нежные огурчики в палец длиной, однако, ещё плавали в мисочке с пахучим рассолом. Рот мгновенно наполнился набежавшей слюной. Волкодав сел, взял один, поблагодарил и стал есть.

– Хорош, значит, жених? – спросил он, неторопливо жуя.

– Куда лучше! – отозвался Зычко. – Родом, правда, сегван, а так вельможа вельможей. Страж Северных Врат!

Все знали, что среди Стражей Врат Велимора случались люди безродные. Зато скверные или хотя бы средние воины – никогда. Волкодав очень не любил расспрашивать, но дело касалось кнесинки, и он не сдержался, подтолкнул:

– Небось старый, лысый, беззубый...

– Стал бы государь за такого дитя своё выдавать! – возмутился чуточку захмелевший Спел, а Волкодав подумал: *ещё как выдал бы, встань тому ценой Галирад.* Конюх же запальчиво продолжал: – Стремянный кнесов сам его видел и нам сказывал. Годами молод, да только дел его, бают, на семерых стариков хватит и ещё останется. Горлуша, стремянный, божился... стать молодецкая, волосы чище золота, усы – во, а глаза, куда там халисунским сапфирам...

Только что жалевший просватанную госпожу, он уже готов был защищать её жениха, словно Волкодав его каял.

– И рода хорошего, даром что сегван. Сам кунс и сын кунса, и имя, какое вождю не стыд носить: Винитар!

Никто не заподозрил бы по лицу Волкодава, чтобы это имя для него кое-что значило. Он кивнул, медленно дожёвывая огурец и ожидая, не скажет ли Спел ещё чего занятного. Потом неторопливо заметил:

– Я слышал, был когда-то неподалёку отсюда кунс Винитарий...

– Ну да, так это и есть сын его, – радостно пояснил Спел. – Батюшка, вишь, на аррантский лад имечко переkreoil, а сын не хочет, да и правильно делает.

...Сын, думал Волкодав. Винитар, сын Винитария. Совсем скоро ему повезут кнесинку в жёны. Он, Волкодав, всего скорее и повезёт. Сыну Людоеда на ложе. За что? Её-то за что?..

– Плохо ешь, малый. – Зычко Живлякович протягивал ему кусок свежего ржаного хлеба, увенчанный изрядным ломтем ветчины с хреном. – О чём призадумался? Тебя-то кнесинка как пить дать в свиту возьмёт да там, глядишь, при себе оставит. А не оставит, всё Велимор посмотришь: диковинная земля, говорят...

Волкодав кивал головой, слушал его и не слышал, с отчаянием чувствуя, как возникает и разрастается в груди знакомая боль. Полных четыре седмицы с ним этого не бывало, и он, дурень, уже понадеялся – оставило, вновь изгнанное умелыми лекарями... Как же. Он попытался противиться, но это было не в человеческих силах. Кашель хлынул, словно поток из запруды. Хлеб с ветчиной упал в солому: Волкодав беспомощно скорчился, пытаясь выбросить из себя охваченные пламенем лёгкие. Мыш, что-то вынюхивавший на стропилах, с жалобным криком упал ему на плечо...

...Иногда в каменоломни для услады надсмотрщиков привозили рабынь. Каторжане, давно позабывшие, как выглядят настоящие живые женщины, подолгу обсуждали каждое такое событие. Один Серый Пёс с мрачным остервенением крутил свой ворот, громяя по камням кандалами и отказываясь понимать, почему не разверзается земля, почему не падает небо, сокрушая под своими обломками Самоцветные горы...

И вот однажды мимо него прошагал Волк, таща на плече бьющуюся девчонку. Тут-то Серый Пёс и узнал, что даже цепи, бывает, иногда рвутся, если налечь от души. Он, конечно, не проломил тогда голову Волку и девушку не оборонил. Его живо сбили с ног, скрутили и потащили в колодки. И отстегали – не в первый раз и не в последний – так, что кому похлипче хватило бы помереть. Но хуже всего было то, что случилось потом. Открыв глаза, Серый Пёс увидел над собой Волка. И с ним рядом – ту девушку. Весёлую и довольную. Чему научили её объятия Волка и было ли, чему учить, этого он так и не узнал. Она улыбалась Волку и, хихикая, заигрывала с кем-то ещё, кого Серый Пёс со своего места видеть не мог. Потом она взяла у Волка кнут и...

Насколько венну было известно, с этим самым кнутом она редко расставалась впоследствии. И равных ей по жестокости среди надсмотрщиков было немного. Ещё поговаривали, будто от Волка (а может, и не от Волка) у неё родился младенец, которого она спровадила прямоком в рудничный отвал. Она была красива, очень красива. Потом её видели с кем-то из хозяев, и холопы почтительно кланялись, величали её госпожой...

Волкодаву показалось, будто внутри что-то до предела натянулось и лопнуло, и сразу пришло облегчение.

– ...молодёжь, – дошёл до сознания ворчливый голос Зычка Живляковича. – Думают, всё нипочём. Даже, вишь, согреться не хотят после этакой-то холодины. А сам вон как раскашлялся!

Старый мятельник перевернул бутылочку над чашкой, с надеждой встряхнул. Из бутылочки вытекла одинокая капля.

– Я ничего, – сипло выговорил Волкодав. Конюх Спел уже подобрал хлеб и счищал соломинки, прилипшие к сочной мякоти ветчины. Волкодав взял хлеб и предложил кусочек Мышу, но тот угощаться не пожелал. Вцепившись коготками в кожаный чехол, зверёк пушистым комком висел у него на груди и скулил, заглядывая в глаза. Волкодав вполне его понимал. Ему самому вконец расхотелось есть, но отказываться было поздно. Он только утёр рот ладонью и при этом слегка её поклонил. Во рту был очень знакомый противный вкус, но верить не хотелось до последнего. Потом он улучил момент незаметно скосить глаза и увидел на ладони красную кровь.

Кнесинка вышла из гридницы об руку с отцом. Она шла спокойно и молча, но Волкодав посмотрел на неё и почему-то вспомнил, как идут на казнь твёрдые духом. *В чём дело?..*

Мальчишка-конюх вывел Снежинку, Волкодав привычно подошёл сажать государыню в седло. Взяв девушку за пояс, он поднял её и усадил на спину кобылицы... и тут Елень Глуздовна вдруг схватилась за его руки, схватилась так, будто тонула в беспросветном омуте и больше некому было спасти. Волкодав вскинул глаза, наткнулся на умоляющий, полный отчаяния взгляд и почувствовал, как стиснула сердце когтистая лапа. Но со всех сторон смотрели воины, вельможи и слуги, не говоря уже о велиморцах, и мгновение минуло, и кнесинка выпустила его руки, занявшись поводьями. Волкодав нахмурился, вскочил на Серка и пристроился пока сзади, потому что не знал, как поедет госпожа – справа от отца или слева.

Когда они выбрались из крома, ему показалось, что народ с утра не расходился, так и торчал, запрудив улицы и ожидая своего кнеса. Волкодав с привычной бдительностью озирался вокруг. Мысль о кнесинке и её женихе досаждала ему, мешая сосредоточиться, и он гнал её прочь.

Вот потому-то, думал он, и не следует телохранителю откровенничать с тем, кто его нанял, делиться своими переживаниями и вдаваться в чужие. Если бы тогда на речном берегу я уступил её любопытным вопросам и кнесинка Елень узнала бы, КТО пришёл батюшку её будущего наречённого! И за что!..

Ещё он всё время чувствовал на своих руках её пальцы и недоумевал, почему она шла как на смерть. Знала что-нибудь про Людоедова сына?.. Вряд ли. Город городом, а будь парень развратник или злодей, небось не отдал бы ему кнес любимую дочь...

Волкодав видел: кнесинка вполне овладела собой, спокойно ехала подле отца и даже махала людям рукой. Вот Глузд Несмеянович привлёк её к себе, потрепал по волосам, сказал что-то на ухо, вернее, почти прокричал, чтобы расслышала среди гомона. Елень Глуздовна подняла голову, кивнула и улыбнулась в ответ. Она не оглянулась на телохранителя, но он заново ощутил беспомощное, отчаянное пожатие: *защити!..*

Другой кто в сердечко запал?.. – размышлял он, выезжая следом за кнесом и кнесинкой на торговую площадь и насторожённо озираясь.

– Не бойся, венн! Мы теперь учёные, начнёт кто умышлять, сами шею скрутим!.. – долетел озорной крик. Волкодав мельком посмотрел в ту сторону, убеждаясь, что крик не был призван сбить его с толку. Кнес покинул седло и сам поставил на землю дочь. Волкодав спешился и подошёл. В людных местах он спешивался после.

...Нет, нету у неё сердечного друга. Я бы уж знал. Друга увидеть охота, поговорить, помилиться. А кнесинка – то с нами в лес, то с боярами о делах, то к народу, то с нянькой в хоромаш. А может, таков друг, что видеться не велят и мечтать запретили? Тоже нет: тайная любовь паче явной видна...

Если по совести, то времена, когда город действительно мог отправить своего кнеса с посольством, а потом строго спросить с него, миновали давно и, надо полагать, безвозвратно. Но людям нравилось, что их кнес, едва приехав домой, по старой памяти чуть не первым

долгом шёл на площадь к народу и собирался держать ответ.

Кнес говорил стоя, с дощатого возвышения. Кнесинка стояла на ступеньку ниже отца, а ещё пониже кнесинки, по обыкновению сложив на груди руки, стоял Волкодав. На него уже перестали указывать пальцами. Добрые галирадцы успели привыкнуть, что за их любимицей с некоторых пор всюду следовал мрачный телохранитель. Волкодав обводил глазами запруженную толпой торговую площадь. Он по-прежнему осязал пальцы кнесинки у себя на запястьях. Словно клеймо.

Кнес говорил хорошо. Не слишком коротко и не слишком подробно, всего в меру. Он знал, где пошутить, где заставить гордиться. Галирадские старцы и святые волхвы внимали ему, сидя в деревянных креслах под пёстрым кожаным пологом – подношением улицы усмарей. Волкодав слушал в треть уха и на кнесинку не оглядывался. Что он мог для неё сделать?.. Только ещё и ещё раз обшарить толпу зорко сощуренными, почти не мигающими глазами...

Симуранами зовутся удивительные существа, похожие на громадных псов, но наделённые крыльями для полёта. Эти крылья дал им Бог Грозы, дал за то, что однажды их предкам удалось смягчить его гнев. Высоко в горах гнездятся они, и ни у кого нет над ними власти. Они слушаются только вилл – хрупких, большеглазых Повелительниц Облаков. «Не кричи: горе, – наставляет веннская мудрость. – погоди, покуда увидишь мёртвого симурана...»

Покуда живёшь, поневоле в бессмертие веришь.
А жизнь оборвётся – и мир не заметит потери.
Не вздрогнет луна, не осыпятся звёзды с небес...
Единый листок упадёт, но останется лес.

В младенчестве сам себе кажешься пупом Вселенной,
Венцом и зеркалом, вершиной людских поколений,
Единственным «Я», для которого мир сотворён:
Случится исчезнуть – тотчас же исчезнет и он.

Но вот впереди распахнутся последние двери,
Погаснет сознание – и мир не заметит потери.
Ты ревностью бредишь, ты шепчешь заветное имя,
На свадьбе чужой веселишься с гостями чужими,

Ты занят делами, ты гредишь о чём-то желанном,
О завтрашнем дне рассуждаешь, как будто о данном,
Как будто вся вечность лежит у тебя впереди...
А сердце вдруг – раз! – и споткнулось в груди.

Кому-то за звёздами, там, за последним пределом,
Мгновения жизни твоей исчислять надоело,
И всё, под ногой пустота, и окончен разбег,
И нет человека, – а точно ли был человек?..

И нет ни мечты, ни надежд, ни любовного бреда,
Одно Поражение стёрло былые победы.
Ты думал: вот-вот полечу, только крылья оперил!
А крылья сломались – и мир не заметил потери.

9. Серая шерсть

Пёс проснулся в лесу. В славном сосновом лесу, которыми знамениты были коренные венские земли. Бурные стволы, седые возле земли, торжественно возносились под самый купол небес, и там, на непредставимой высоте, пышные синеватые кроны легонько шевелил ветер. А внизу, под сенью исполинов, зелёными свечами стояли лохматые можжевельники, кудрявились ягодные кустарнички, коврами лежали лесные травы и мхи, в которых с лета до поздней осени не было переводу грибам...

Пёс поднялся: длинные серые лапы, могучее поджарое тело и пушистый, слегка изогнутый хвост. Густейшую щетину на шее делил надвое кожаный ремень. На ошейнике что-то сверкало, точно капля росы, поймавшая солнечный луч. Краем глаза пёс видел переливчатый радужный блеск, но извернуть голову и рассмотреть, что же там такое, ему не удавалось.

Пёс насторожил острые уши, понюхал воздух, вздрогнул и понял, что надо было спешить.

Он двинулся с места и побежал, ведомый одному ему внятными запахами. Сперва крупной рысью, а потом, когда слева открылась низина и замаячила непроницаемая тень частых ельников, – во весь скок. Он не искал дичи и не прятался от врага, но крепкие лапы по давней привычке несли его вперёд совершенно бесшумно.

Девочка вынула из травяного гнезда розовую волнушку, улыбнулась, поцеловала круглую мохнатую шляпку и убрала грибок в корзинку. Корзинка с рассвета успела порядком отяжелеть. Обнаружив очередную семейку грибов, девочка ставила корзинку наземь и собирала грибы в руки или в подол, а потом возвращалась и высыпала всё разом.

Она давно просила сплести ей заплечный берестяной кузовок вроде тех, с какими ходили в лес ребятишки постарше, но просьбу не слушали. Мама считала её не только дурнушкой, но ещё и заморышем: такому дитяtku только дай кузовок, сейчас же пуп надорвёт. А корзинка, она корзинка и есть, в неё сверх меры не всунешь.

Девочка выпрямила спину и потянулась, потом села на камень, поросший с одного боку пятнистым жёлто-чёрным лишайником. Мама не разрешала ей сидеть на камнях, утверждая, что так недолго и простудиться. Валун в самом деле был холодным, но девочка, назло запрету, продолжала сидеть. Всё равно кузовка ей в этом году не допроситься. Спасибо и на том, что хоть взяли в лес по грибы. Не отправили виноватую, как обычно, пасти гусей да не вручили с собой прялку с изрядной куделью: напрямсть, покуда пасёшь, льняных ниток впрок...

Девочка почесала ногтем ямку между ключиц, где раньше висела светлая бусина, и вздохнула. Из-за этой бусины ей тогда весной всыпали так, что больно было сидеть. А потом долго внушали, какой горький срам причинила она, неблагодарная, своему роду. Это ж нарочно не выдумаешь! Отдать знак своей будущей женственности встречному-поперечному, в первый и последний раз увиденному!.. Да без материнского дозволения! Да вперёд старших сестёр! Да кому бы доброму, а то за версту по рожке видать – злодею отъявленному...

Не умела хранить, строго приговорила мама, ну так не нужна тебе, бесстыднице, новая. Пока в понёву не вскочишь...

Вот если бы его попросить, подумала девочка. Он бы мне сразу кузовок сплёл.

Чужой человек появился со стороны ельников. Девочка заметила незнакомца и испуганно схватилась за края камня, на котором сидела. Чёрные ельники лежали посреди светлого бора, словно островок чужеродного, бессолнечного, враждебного мира. Там не водились ни ягоды, ни грибы. Только смертоносные поганки как-то проникали сквозь напластования слежавшейся хвои и стояли в мёртвой тишине, бледно-сизые, едва заметно

светящиеся...

И Барсуки, и Пятнистые Олени ельников сторонились. Девочка никогда туда не ходила, не приблизилась и теперь. Поиски грибов довели её лишь до прогалины, откуда была видна граница черноты. Но и этого, похоже, хватило, чтобы соприкоснуться со злом. Потому что чужой человек шёл прямо к ней.

Страх высушил горло и сделал ватными пальцы, цеплявшиеся за камень. Наверное, надо было бежать. Мужчина шёл широким, уверенным шагом. Плечистый, средних лет темнобородый мужчина. Не больно-то убежишь от такого. А может, он не с худым умыслом? Может, заплутал в чаще, дорогу хочет спросить?..

Но у человека за спиной не было ни кузовка, ни котомки. Он улыбался, и от этого было ещё страшней.

Он был уже в десятке шагов, когда девочка наконец сорвалась с камня и побежала, бросив корзину. И сразу услышала, как позади затрещал вереск под сапогами преследователя. Девочка мчалась, как зайчонок, безошибочно сознавая, что вот сейчас будет достигнута. Вереск трещал всё ближе, человек на бегу невнятно ругался сквозь зубы. Наверное, он больше не улыбался. Если она переполошит взрослых, и венны поймут, что кто-то пытался поднять руку на их дитя...

Девочка почти добежала до низкорослых можжевельников, почему-то казавшихся ей спасительными. Но нырнуть в густые заросли не успела. Навстречу, обдав запахом псины, взвилось в бесшумном прыжке мохнатое серое тело. Матёрый зверь с разгона перелетел кусты и встал между нею и её преследователем. Полудикий, невероятно свирепый пёс знаменитой веннской породы. Из тех, что не попятятся и от целой стаи волков. Его самого издали можно было принять за очень крупного волка. А на шее у пса был кожаный ошейник, и на нём, как драгоценный камень, переливалась хрустальная бусина.

Девочка, которую он едва не сбил с ног, от неожиданности и нового испуга растянулась на земле, но сразу вскочила и стала отступать прочь, пока не упёрлась спиной в дерево. Она никогда раньше не видела этого пса, и не было времени раздумывать, чей он, кто послал его ей на выручку.

Пёс не лаял. И не рычал. Он стоял неподвижно, вздыбив шерсть на загривке и ощерив в страшном оскале двухвершковые зубы. Когда человек шагнул в сторону, он шагнул тоже.

Человек был далеко не трусом.

– Ты чей, пёсик? – спросил он спокойно и даже ласково, решив для начала попробовать успокоить собаку. Пёс не поверил ему и клыков не спрятал. Девочка смотрела на них круглыми глазами, прижимаясь к дереву так, словно оно могло расступиться и спрятать её в своей глубине. Она-то видела, что рука мужчины медленно подбиралась к поясному ножу.

Человек между тем убедился, что следом за псом не спешил его не менее свирепый хозяин-венн. Он быстро, очень быстро нагнулся, схватил из-под ног обросший мхом гнилой сук и запустил им в кобеля, надеясь обозлить его и вызвать на неразумный прыжок. В другой руке чужака словно сам собой возник длинный, в полторы пяди, охотничий нож.

Пёс в самом деле прыгнул. Только чуть раньше. И намного быстрее, чем предполагал человек. Мужчина собирался ударить его по морде, уворачиваясь от клыков, и нырнуть ножом в сердце. Вместо этого пёсьи челюсти сомкнулись, словно капкан, на его вооружённой руке. Человек взвыл от боли: обе кости ниже локтя хрустнули, как только что хрустел вереск у него самого под ногами. Пёс опрокинул его наземь, словно тряпичную куклу, выпустил ставшую безвредной руку и наступил лапами на грудь.

Человек был большим охотником до опасных драк и давно потерял счёт схваткам, в которых выходил победителем из ещё худших положений. Он не испытал особого страха, даже когда над самым горлом лязгнули острые, как кинжалы, клыки. Он испугался до судорог, только увидев ГЛАЗА. Серо-зелёные, каких он у собак не встречал никогда. И ещё ВЗГЛЯД. Взгляд, какого не бывает у зверя.

Мужчина мгновенно облился липким потом и закричал от ужаса, успев понять, что нарвался на оборотня.

*И умер.
От страха.*

Пёс не стал рвать мёртвого. Просто фыркнул и отошёл, оставив его лежать с безумно перекошенным лицом и постыдным мокрым пятном на крашенных полотняных штанах. Девочка по-прежнему таращила глаза, не в силах отлепиться от своего дерева. Пёс медленно подошёл к ней, посмотрел в лицо и вздохнул, а потом опустил голову и прижался плечом к её бедру. Прикосновение сильного мохнатого тела странным образом успокоило её. Она нерешительно протянула руку, потрогала острые уши и увидела, как скупно качнулся туда-сюда длинный хвост. Осмелев, девочка стала гладить серого зверя, к которому большинство взрослых попросту не отважилось бы подойти близко, потом обняла его за шею.

– Бусинка! Совсем как моя, – удивилась она, рассмотрев хрустальную горошину, накрепко вишутую в толстую кожу ошейника. На какое-то время она забыла даже о мертвеце, лежавшем в десяти шагах от неё.

Пёс осторожно высвободился из её рук, отбежал в сторону и вернулся, неся в зубах корзинку с грибами. Девочка взяла его за ошейник, и зверь повёл её кругом можжевельных зарослей, прочь от поляны, прочь от злоеца ельника, – прямо туда, где, как она хорошо знала, бродили по лесу две её сестры, мама и старший брат. Скоро впереди и вправду послышались перекликавшиеся голоса.

Мама стояла на заросшей папоротником прогалине и обеспокоенно озиралась, щуря близорукие глаза и раздумывая, не пора ли идти искать запропастившееся дитя. Не то чтобы дочка Пятнистых Оленей могла заблудиться в лесу. Просто всегда лучше, когда дитё на глазах. Особенно такое непослушное.

Девочка выпустила ошейник пса и во всю прыть побежала к матери, наконец-то расплакавшись от пережитого страха. Когда она обернулась, чтобы показать матери своего защитника, её корзинка стояла в мягкой лесной мураве, а серого пса нигде не было видно. Только на ручке корзины нашли потом следы страшных зубов. Да в полувёрсте от того места, близ ельников, мужчины-Олени увидели и там же зарыли чужого человека, умершего от страха.

Через несколько дней по приезде кнес Глузд Несмеянович в присутствии велиморцев и старшей дружины совершил над дочерью обряд покрывания лица.

Волкодаву не нравился этот обряд, как и вообще все сольвенские обряды, имевшие отношение к свадьбе. У веннов парень-жених, становясь мужем, переходил в род жены, и это было правильно и разумно. Люди женятся, чтобы растить детей, а к какому ещё роду может принадлежать младенец, если не к материнскому?.. И потом, менять что-то в себе пристало мужчине, а вовсе не женщине. И даже последний дурак способен это уразуметь, просто посмотрев сперва на Мать Землю, а потом на Отца Небо. В небе снуют быстрые облака и клокочут буйные ветры, в нём то гаснет заря, то разгорается утро. Для перемен, которые с небом происходят за сутки, земле нужен год. Если же земной лик начинает морщиться, утрачивая или обретая новые реки и горы, – это значит, что с Матерью Землёй и вовсе беда...

У сольвеннов, забывших установления предков, а с ними и совесть, женщину передавали из родительской семьи в род мужа. А чтобы не возмутились непотребством души почитаемых пращуров, пускались на хитрость: усердно оплакивали невесту, будто бы умиравшую для прежней родни, рядились в скорбные одежды и даже покрывали лицо девушки тяжёлой плотной фатой, которую она не снимала до самой свадебной ночи. Ибо «умершая» не должна видиться с живыми, разговаривать с ними и тем более вкушать общую пищу...

Волкодаву такое обращение с женщиной было противно до тошноты, только вот его мнения здесь не больно-то спрашивали.

Обряд состоялся в хороший солнечный день во дворе крома. И то добро, что хоть не забыли про справедливое Солнце, по приговору Богов смотревшее за Правдой людской. Даже при том безобразии, в котором пребывали сольвенны, у них хватало ума не совершать покрывания лица под земляной крышей дома. Посреди двора расстелили большой мономатанский ковёр, и кнесинка Елень ступила на него вслед за отцом: мнимой умершей отныне будет запрещено не только показывать себя дневному светилу, но и ступать на землю, по которой ходят живые. Кнесинка улыбалась, кивала головой собравшимся домочадцам. Что бы там ни делалось у неё на душе, истинных чувств дочери кнеса не должен видеть никто. Миг слабости, когда она в ужасе хваталась за руки Волкодава, случился и миновал.

Как происходила собственно церемония, телохранитель не видел. Он стоял вне ковра, возле одного из углов, устроившись так, чтобы солнце не слепило глаза. У двух других углов, как два одинаковых изваяния, замерли братья Лихие. Волкодаву не надо было оглядываться, он и без того знал: близнецы что было сил перенимали и его осанку, и поворот головы, и взгляд, и каменное лицо. *Мальчишки*, думал Волкодав. *Что с них возьмёшь*. Гораздо удивительнее было другое: возле четвёртого угла встал во всеоружии сам боярин Крут.

Венн слышал, как Глузд Несмеянович произносил торжественные слова, которые сольвенны считали в таких случаях необходимыми. Потом с едва слышным шуршанием развернулся, потёк тяжёлый браный шёлк древнего тёмно-красного покрывала, передававшегося в семье кнеса уже второй век. Вот людское собрание отозвалось слитным вздохом, а боярские дочери на крыльце завели горестную, хватающую за душу песню о расставании с родным домом. Эта песня тоже предназначена была умамливать покровителей-предков, сообщая им – не сама, мол, в другой род ухожу, силой ведут.

Кнес снова возвысил голос и, не касаясь кожи, взял дочь за руку через покрывало. Велиморский посол низко поклонился ему и почтительно принял руку невесты.

Вот и отдали кнесинку.

Пока собирался поезд, дел у Волкодава было немного. Кнесинка, ясно, не только никуда не выезжала – даже не показывалась из хором. Волкодав тоже мог бы сидеть дома, пока не понадобится, то есть почти до самого отъезда в Велимор. Однако очень скоро венн обнаружил, что всё время ловить взгляды домашних, знавших, ЗА КОГО выдавали кнесинку замуж, было сплошным наказанием. Когда они пытались вести себя так, словно ничего не произошло, было ещё хуже. Три дня Волкодав таскал воду из уличного колодца, ходил вместе с Ниилит и Зуйко на торг за съестными припасами, месил тесто для хлеба, обустроивал погреб. На четвёртый – вновь отправился в крепость и пробыл там до самого вечера. И больше уже дома не оставался.

Путь до Северных Врат Велимора предстоял вовсе не близкий, тяготы и опасности могли встретиться какие угодно. И Волкодав от зари до зари либо вынимал душу из отроков, либо сам, скрипя зубами, вертелся, прыгал и летел кувырком с тяжелой толстой дубиной вместо меча.

Домашние дела всё-таки не требовали столь полного сосредоточения, не помогали разогнать ненужные мысли.

Это мне за то, что я убил Людоода ночью. За то, что пришёл и убил его в ночной темноте. Я должен был напасть на него днём, когда смотрит Око Богов. Я должен был как-то подгадать, чтобы встретить его днём и убить. И, конечно, самому тут же погибнуть. Потому что без свиты Людоода не ходил, а издали, стрелой из лука, – это не месть.

Да, но тогда я не сжёг бы его замок и уж точно не вытащил бы ни Тилорна, ни Ниилит...

Однажды на задний двор крепости пришёл сам кнес и долго наблюдал, как отроки вдвоём силились ухватить Волкодава, но раз за разом сами оказывались в пыли. Было похоже, увиденное пришлось кнесу по нраву. Он сбросил на руки слуге стёганую тёмно-синюю свиту и, оставшись в одной рубахе, подошёл к Волкодаву. Близнецы благоразумно убралась в сторонку. Волкодав, голый по пояс и основательно взмыленный, неподвижно стоял под оценивающим взглядом правителя.

– Моя дочь говорит, ты учил её драться, – сказал вдруг кнес. Его кулак метнулся безо всякого предупреждения, целя в грудь Волкодаву.

Глузду Несмеяновичу недавно стукнуло сорок. Люди считают, что с возрастом быстрота движений постепенно уходит, но если и так, то по кнесу этого не было заметно. Волкодав чуть повернулся, ровно настолько, чтобы не дать коснуться себя. Он сказал:

– Верно, государь.

– А знал ты о том, что, пока я в своей дочери волен, воительницей ей не бывать?

С этими словами кнес попытался обойти его слева. Не было видно, чтобы Волкодав шевелился, но обойти его Глузду не удавалось.

– Знал, государь.

Новый удар был направлен в живот. На сей раз Волкодав разгадал движение кнеса ещё прежде, чем оно успело состояться. Он повернулся на носках, ловя летящую руку, крепко обхватил кисть и направил её к себе, вверх и мимо плеча. Локоть правителя уставился в небо и застыл. Ещё чуть-чуть, и захват станет пыточным. Волкодав хорошо знал: пойманному уже не до того, чтобы пытаться высвободиться или бить свободной рукой либо ногами. Все мысли у него только о том, как бы не затрещали сразу три сустава. Волкодав разжал пальцы и отступил.

Кнес пошевелил плечом и поинтересовался:

– Моя дочь тоже так может?

На лице венна впервые за целую седмицу возникло нечто вроде улыбки.

– Не совсем так, государь, но может.

Краем глаза он видел, как переглядывались близнецы. Он мог спорить на что угодно: обоим подмывало предложить кнесу испытать дочь самому. А того лучше, порасспросить на сей счёт боярина Крута. Однако отрок зовётся отроком потому, что помалкивает, покуда не спросят, и парни держали рот на замке.

– Я хотел тебя выгнать, – сказал кнес. – Но моя дочь утверждает, что сама заставила тебя учить её. Она выгораживает тебя, венн?

Волкодав ответил:

– Тому, чему я научил госпожу, меня самого научила женщина.

Кнес забрал у слуги свиту, вернулся и проследил пальцем две свежие отметины на теле Волкодава – на груди и на левом боку.

– Если бы не это, венн, ты бы здесь не остался.

Наказывайте меня за то, что я убил ночью, думал Волкодав, глядя в удаляющуюся спину вождя. *А за что её?..*

Слава всем Богам, теперь у него было ещё одно занятие, да такое, что хоть волосы распускай.

Он повадился ходить в садик, в котором кнесинка пестовала всякие диковинные цветы. Там были красиво уложены крупные камни, притащенные с берега моря, а между ними устроена извилистая тропинка. Не хватало только ручья, но его заменяла врытая в землю деревянная лохань, куда собиралась дождевая вода. А по сторонам тропинки каким-то неведомым образом уживались и ладили между собой всевозможные растения, водившиеся, насколько Волкодаву было известно, в весьма отдалённых краях. От косматого седого мха, что рос на сегванских островах у самого края вековых ледников, до того мономатанского кустика, гревшегося на скудном галирадском солнышке под запотелым стеклянным колпачком. Только вместо цветов кустик украшало теперь множество мелких ягод,

пахнувших земляникой.

Волкодав приходил в садик, усаживался на камень и вытаскивал дорогой подарок, который преподнесла ему Ниилит.

Это была плоская, размером с его ладонь, коробочка, сработанная из вощёной кожи. Впервые увидев её, Волкодав был попросту потрясён, ибо сольвенские буквы, красиво начертанные на крышке, сложились в его собственное имя. Он никогда ещё не видел его написанным. Медленно привыкая, он прочёл его целых три раза и только потом бережно вытряхнул из коробки содержимое.

В руках у него оказалась книжечка, сшитая из гладких берестяных листов. На обложке красовалась вирунта, и при каждой букве для вящей ясности была нарисована маленькая картинка. При «у» – ухват, при «л» – ложка и так далее. Около самой первой буквы, облокотившись на неё, стояли два человечка. Один опирался на костыль, у второго волосы были заплетены в две косы. Другие, тоже очень похожие кое на кого человечки поясняли буквы «н», «т», «э» и «з», а на букве «м» сидел, вылизывая крыло, крохотный Мыш. Дальше начинались разные слова: сперва совсем короткие, потом длиннее...

Волкодав подхватил Ниилит, оторвав её от пола, и крепко расцеловал в обе щёки. И вот теперь, когда выдавалось время, забирался в тихое место и водил пальцем по строчкам, шевеля губами и напряжённо морща лоб. В середину книжки он пока намеренно не заглядывал. Он положил себе сперва научиться бегло читать всё, что было написано на первой странице, не ошибаясь и не подглядывая в вирунту.

Там-то, в садике кнесинки, и накатил на него однажды приступ странной сонливости, природы которой он и сам поначалу не понял. Собственно, он по-прежнему ясно воспринимал окружающее и, наверное, смог бы даже сражаться, если бы на него кто напал. Но какая-то часть его разума необъяснимо унеслась прочь, и он с не меньшей ясностью увидел себя большой серой собакой, бегущей по сосновому лесу. Волкодав долго размышлял, было ли на самом деле то, что произошло потом. Или, может, примерещилось?.. Ответа не было, и он наказал себе спросить Оленюшку. Лет этак через пять, когда она уже по-настоящему войдёт в возраст невесты и будет выбирать жениха.

Он вспомнил схожий сон, посетивший его летом. Тогда это был действительно сон. А теперь всё совершалось вроде как наяву.

Самый первый мой предок был собакой, дошло до него наконец. Я – последний в роду. Даже если я женюсь, мои дети уже не будут Серыми Псами. Что, если Хозяйка Судеб начертала мне, последнему, снова сделаться зверем?.. Что, если, убив Людоеда, я уже выполнил всё, что мне было на земле уготовано? И скоро стану всё чаще и чаще видеть себя собакой, а человеческая моя жизнь начнёт подёргиваться дымкой, делясь похожей на сновидение и постепенно забываясь совсем?..

Волкодав даже посмотрел на свои руки – уж не начала ли покрывать их густая гладкая шерсть. Нет, волос на руках было пока не больше обычного. Пока?..

Палец Волкодава добрался уже до предпоследней строки на странице, когда его слуха достиг шорох шагов. Венн поднял голову. На дорожке стоял светловолосый юноша, почти мальчик, – лет пятнадцати, не больше, – одетый так, как одевались старшие сыновья знатных морских сегванов. Было видно, что он намеревался подойти к Волкодаву незаметно и очень обиделся, когда из этого ничего не получилось.

Венн уже видел паренька раньше и знал, кто он такой. В том бою, когда пала мать нынешней кнесинки, её воины всё-таки одержали победу. Гибель вождя – весьма дурное знамение и чаще всего отнимает у воинов мужество; смерть кнесинки, однако, лишь всколыхнула в них безумную ярость и желание отомстить. И потом, у них ведь был ещё кнес. Вражеского вождя они едва ли не единственного взяли в плен и живым привезли в Галирад. Тогда-то Глузд Несмеянович и показал, что Разумником его прозывали не зря. У

безутешного вдовца хватило выдержки не бросить пленного кунса на погребальный костёр любимой жены. Больше того. Он договорился с храбрым врагом о мире на вечные времена, велел присылать торговых гостей. И всего через год отпустил пленника восвояси. А у себя по уговору оставил жить его маленького сынишку. С тех пор пробежало больше десяти лет.

Волкодаву приходилось видеть таких вот заложников, волею судеб оторванных и от семьи, и от своего племени. Одни привыкали жить на чужбине и, чем могли, старались служить народу, среди которого выпало коротать век. Завоевав его уважение, они тем прочнее примирали его со своим. Другие озлобленно замыкались в себе, предпочитая нянчиться с постигшим несчастьем, копить обиды и всюду усматривать подвох. Именно таков, к великому сожалению, удался юный сегван Атталик, медленно шедший к Волкодаву по садовой дорожке. И, что самое скверное, мальчишка был влюблён в кнесинку. Влюблён со всем отчаянным пылом первой юношеской страсти. А кнесинка в его сторону лишней раз не оглядывалась. О чём Волкодав, стремившийся всё разузнать про каждого жителя крома, тоже был доподлинно осведомлён.

Мыш, гонявшийся над садиком за какими-то жуками, при виде Атталика на всякий случай вернулся и сел Волкодаву на плечо. На берестяную страницу упало крапчатое жёсткое крылышко, выплунутое зверьком.

– Вот ведь мерзкая тварь, – остановившись в двух шагах, брезгливо сморщил нос юный сегван. – Ты сам провонял летучими мышами, венн! Может, ты тоже вниз головой свисаешь, когда спишь?

Волкодав ничего не ответил. Когда ему было пятнадцать лет, его как раз приковали к рудничному вороту вдвоём со слабогрудым аррантом, бывшим столичным учителем. Аррант еле таскал отягощённые кандалами ноги и быстро выбивался из сил. Он не помогал напарнику, а больше мешал. Спустя какое-то время молодой венн стал просто сажать его на бревно ворота и возить круг за кругом, один делая всю работу. А благодарный учитель, преодолевая кашель, знай нараспев декламировал классические поэмы, наставляя смышлёного варвара в божественном языке философов и поэтов... А мерзкие твари, прикормленные аррантом, были их единственными друзьями...

Атталик, если бы поставить его к тому вороту, отдал бы своим Богам душу самое большее через полдня. Да. Если кого не били как следует, любой шлепок кажется смертельным ударом. Атталик обещал стать рослым и красивым мужчиной, но покамест это был всего лишь костлявый юнец с едва проклюнувшимися усами, вечной обидой в глазах и вполне бредовыми понятиями о чести и мужестве.

Вот он рассмотрел книжечку у Волкодава на коленях:

– Эй, венн, вверх ногами читаешь...

Он, наверное, ждал, чтобы Волкодав покосился вниз, но тот ему такого удовольствия не доставил. Мальчишка вызывающе продолжал:

– На что тебе грамота, телохранитель? Может, звездочётом стать хочешь? Звёзды считать, когда они у тебя из глаз полетят?

Он даже и съязвить как следует не умел. Волкодаву надоело выслушивать дерзости сопляка, он убрал книжку в футляр, поднялся и молча пошёл прочь. Атталик тотчас догнал его и схватил за рукав, поворачивая к себе. Схватил тоже неумело – надумай Волкодав освободиться, у него только хрустнули бы пальцы. Венн остановился, а Мыш растопырил крылья и кровожадно зашипел. Волкодав накрыл зверька ладонью: расцарапает мальчишке нос, объясняйся потом.

– Кто-то из нас лишний на этом свете, телохранитель, – тихо и зловеще выговорил Атталик. – Почему кнесинка ездил кататься на лошади с тобой, а не со мной? Почему ты, худородный венн, повезёшь её к жениху и будешь спать возле её порога, а я останусь здесь? Пусть длиннородный Храмм судит, кто из нас двоих достойней служить...

Волкодав мог без запинки перечислить свой род на шестьсот лет назад, до самого Пса. Он хотел сказать об этом сегвану, но неожиданно подумал: *Моему меньшому братишке сейчас было бы столько же.* И он сказал только:

– Земля велика, сын кунса. Хватит на ней места и мне, и тебе.
– Ты трус! – полетело в ответ. – Ты боишься!
Волкодав выдернул у него рукав и ушёл, не оглянувшись.

Охрана кнесинки должна была, не считая велиморцев, состоять из двух стягов. Один – дружинные витязи со знатным боярином во главе. Другой – городская рать, сиречь стражники, придирчиво отобранные думными старцами. Так велел старинный обычай. Он хранил память о тех временах, когда кнесы ещё не были правителями – просто вождями боевых дружин, приглашённых в город ради защиты от неприятеля. А стало быть, нынче не только отец выдавал замуж дочь: весь Галирад старался в том поучаствовать!

Ратники делились на три отряда, по числу городских землячеств: сольвенны, вельхи, сегваны. Волкодав немало порадовался, увидев среди них Аптахара. Опытный воин не первый раз приезжал сюда с Фителой и всегда нанимался служить на целое лето, его здесь знали и уважали, считали своим. И вот дождался почёта: поставили возглавлять сегванский отряд, торжественно опоясали старшинским поясом. Гордый оказанной честью, Аптахар пошёл даже на то, чтобы распротиться с купцом Фителой аж до будущего года. Если получится, ближе к новой весне он разыщет его на сегванском побережье, откуда они обычно начинали свой путь в земли сольвеннов. А не получится – всяко встретятся потом в Галираде. Что касалось заработка, поездка в Велимор золотых гор не сулила. Но, право же, стоило потерять в деньгах, чтобы про тебя потом говорили: тот самый, что сопровождал кнесинку к жениху!..

– Авдику тоже брали, да я не пустил, – поделился Аптахар с Волкодавом. – Мало ли что, кто-то должен род продолжать! Ничего, его дело молодое, ещё успеют ему дальние края надоеть... Так что ты скажи дружку-то своему, пускай глаз с девчонки не сводит...

Авдика, похоже, был не вполне согласен с отцом, но у сегванов не было принято идти наперекор родительской воле. Парень только вздыхал, рассматривая пригожие новенькие одёжки, которые уже шили для поезжан нарочно отряженные мастера.

А ещё горожане несли своей кнесинке подарки. Волкодаву эти подношения больше всего напоминали погребальные милодары, которые, по вере его народа, родичи и друзья складывали умершему на костёр. Эта мысль не нравилась Волкодаву. Одна беда: то, о чём совсем не хочется думать, знай упрямо лезет на ум.

Каждая уважающая себя мастерская считала своим неременным долгом поднести на память кнесинке произведение своего ремесла. Что-то государыня в самом деле возьмёт с собой на чужбину, что-то останется здесь и пополнит сокровищницу крома, став потом, может быть, подарком заморскому гостю. Какая разница? Главное, поспеть с приношением и услышать из уст самого кнеса: «Моя дочь благодарит тебя, мастер».

Не говоря уж о том, что востроглазый и любопытный народ, конечно, тоже решится заполучить к себе в дом нечто похожее. По крайней мере с того самого верстака!

Стекловар Остей сложил к ногам правителя бусы, игравшие живыми радужными цветами, каких в Галираде никогда ещё не видали, и удивительную посуду: ковшик, миску, чашку и ложку – всё стеклянное.

– Любо-дорого посмотреть на такую работу, мастер Остей, – сказал кнес, восседавший в кресле-престоле посередине двора. – Вот только что с нею делать, кроме как любоваться? От горячего треснет, а уронишь – побьётся...

Добрый Остей был готов отвечать за изделия своих рук. Он соступил с ковра на твёрдые дубовые плахи, которыми был вымощен двор, поднял над головой прозрачную ложечку и уронил её на мостовую. Кнес, ожидая жалобного дрызга, успел досадливо поморщиться, но брови тут же изумлённо взлетели. Ложечка упруго подпрыгнула и осталась лежать совсем целая и невредимая.

– Я её на камни ронял! – гордо заявил мастер.

– Колдовство!.. – немедля послышалось из глазевшей толпы.

Волхв, присутствовавший при дарении подарков как раз для такого случая, взял

ложечку в руки и во всеуслышание заявил:

– Нет здесь никакого колдовства.

– Наука! – воздел палец стекловар, и Волкодав окончательно убедился, что здесь не обошлось без Тилорна. Остей же нагнулся за чашкой и потребовал: – Кипятку мне!

Юный сын рабыни живой ногой слетал на поварню и притащил большой черпак кипятку. Кипятку хватило наполнить и чашку, и миску, и ковшик. Тонкое стекло запотело по краям, но лопаться и не подумало.

– Наука!.. – со значением повторил стекловар...

Позже всех, в самый последний день, явился со своим подарком мастер Крапива. Когда он развернул мягкую замшу, толпившиеся люди, а пуще всех воины попросту ахнули и подались вперёд. На ковре у ног кнеса, отражая каждым колечком синее небо, переливалась маленькая – как раз на девичье тело – кольчуга. А при ней наручи, поножи и шлем. Блеск металла был не серебряный и не стальной, а совсем особенный, никогда прежде не виданный.

Глузд Несмеянович так удивился, что даже забыл сурово выговорить мастеру за воинский доспех, дерзостно поднесённый дочке. Он сам взял в руки кольчатую броню, осмотрел с лица и с изнанки, растянул туда и сюда, поскрёб ногтем звено, отыскивая, в каком месте заварено, но так и не нашёл.

– Этот доспех не боится ни соли, ни сырости, государь, – возвысив голос, чтобы слышали все, сказал Крапива. – В морской воде кипятили!

Галирадские витязи дружно зароптали, обсуждая диковину. Можно было спорить на что угодно, что нынче же к вечеру дверь мастерской Крапивы сорвётся с петель.

– Я воспретил своей дочери сражаться, – всё-таки напомнил кнес.

– Так ведь мало ли что, государь, в дороге случится, – смело возразил бронник. – Стража стражей, а в броне всяко надёжней!

О том, что велиморскому Хранителю Врат приличествовала сведущая в военном деле жена, Крапива на всякий случай промолчал. Равно как и о том, что теперь его мастерская вполне могла дожидаться заказчиков из самого Велимора, но уж это всем было ясно и так. Волкодав покосился на посла, внимательно щурившего глаза, потом на ревнивых оружейников, стоявших поодаль. Они наделали очень хороших мечей. Не таких, конечно, как узорчатый меч Волкодава, но всё равно неплохих. Все эти клинки, как один, были на крепкую мужскую руку. Теперь мастера кусали локти: до лёгкого и замысловато украшенного не додумался ни один. Хотя бы под предлогом – игрушечный, мол, для сынишки, которого кнесинка всенепременно родит воителю-мужу...

...А над вятшим стягом, над тем, что должен был состоять из дружинных воителей, поставили главенствовать боярина Лучезара. Рассуждение кнеса можно было понять. Лучезар как-никак приходился кнесинке пусть дальним, но родственником. Он был молод, крепок и весьма проворен с оружием, а в бою – отменно смекалист. Что же до излишней вспыльчивости и спеси, их, по мнению Глузда, важное поручение должно было поубавить.

Когда Волкодав об этом прознал, на него напала тоска. Лучезар, понятное дело, составил свой стяг из собственных отроков, выбрав тех, кто был ему особенно люб. Были там и двое наёмников: Плишка и Канаон.

Утро отъезда кнесинки выдалось тёмное и хмурое, хотя и без дождя. Волкодаву хотелось поскорее уже оказаться в пути и, занявшись делом, перестать думать о том, как всё это будет. Потому-то он явился в кром задолго до света, когда там почти все ещё спали, кроме конюхов и стряпух, готовивших завтрак. Волкодав подумал, что наверняка не спала и кнесинка, для которой ныне кончалась последняя ночь под родной крышей. Вернётся ли она сюда ещё когда-нибудь?.. Как знать?..

Он спешил и повёл Серка в конюшню, где, как он знал, Спел с подручными укладывали шерстинку к шерстинке на ухоженных шкурах дружинных коней. Венн шёл не

торопясь, ведя послушного жеребца под уздцы и в сотый раз мысленно перебирая содержимое седельных сумок: не позабыл ли чего. Недостач покамест не вспоминалось. Ничего: небось что-нибудь да всплывёт, как только он выедет за городские ворота и станет поздно возвращаться домой.

Волкодав не был вполне уверен, что ему вообще доведётся вернуться сюда. Если вспомнить, как кнесинка хваталась за его руки в день приезда отца, получалось, что вряд ли она после свадьбы отправит его сразу домой. Скорее всего, оставит при себе вкупе со старой нянькой, служанками и лекарем Илладом. Должен же быть подле неё в чужой стране кто-то, кого она знает ещё по дому, кому привыкла полностью доверять...

А что хорошего могло ждать его в Велиморе? Только месть кровника, который наверняка либо сам побывал на развалинах отцовского замка, либо наслушался рассказов верных людей. Тогда, весной, Волкодав шёл напролом, не пытаясь скрываться и не думая остаться в живых. И убил Людоода среди ночи, ничуть не заботясь, какое наказание отмерит ему за это Хозяйка Судеб. Вот она и отмерила. Терпеливо дождавшись, пока он обзаведётся почти всем, ради чего стоит жить...

В Велиморе Волкодава ждала почти верная смерть. И домашние понимали это не хуже его самого. Эврих, тот вообще предложил всем вместе потихоньку исчезнуть из города и даже туманно намекнул, будто знает неподалёку *верное место*. Волкодав ничего ему не ответил.

...Венн уже протянул руку к воротам конюшни, когда из-за угла на него кинулся человек.

Первая мысль Волкодава была о братьях Лихих. Но мысль эта мелькнула и сгинула, точно огонёк светляка в летней ночи. Сколько ни пытались близнецы подобраться к нему втихаря, вот так бросаться они не стали бы нипочём. Это было просто опасно. Кроме того, братья знали, что в темноте он видел не хуже Мыша. Нападавший не знал.

Серко испуганно шарахнулся и захрапел, порываясь встать на дыбы. Волкодав перехватил мелькнувшую руку с ножом. И стиснул пальцами костлявое юношеское запястье, вынуждая человека безнадежно потерять равновесие. Ещё мгновение – и нож оказался у Волкодава, а незадачливый убийца лёг носом в пыль. Он всхлипывал и невнятно стонал. Венн опустился рядом на колени, придерживая его руку ещё одним захватом из тех, которые при малейшем нажатии непоправимо калечат.

К тому времени, когда Серко обрёл обычную невозмутимость и возвратился к хозяину, Волкодав рассмотрел, кто покушался на него в предутренней тьме. Атталик. Юный заложник, сын сегванского кунса, сразившего когда-то храбрую кнесинку.

Ну и что с ним прикажете делать?..

– Я смотрю, у вас принято набрасываться ни за что ни про что, – проворчал он, не ослабляя захвата. – И без предупреждения...

Это было тяжкое оскорбление. Мальчишка заёрзал, пытаясь его лягнуть. Волкодав сделал почти неразличимое движение. Атталик дёрнулся, снова поцеловал пыль и заскрёб по ней свободной рукой. Он не просил пощады и на помощь не звал. Гордый, очень гордый. Только совсем молоденький, одинокий и глупый.

– Вставай, – сказал ему Волкодав.

Атталик кое-как поднялся, дрожа от ярости и унижения. Волкодав и не думал его выпускать. Понукая мальчишку левой рукой, правой он распахнул двери конюшни и завёл внутрь и Атталика, и Серка.

Молодые конюхи побросали работу, остолбенело уставившись на телохранителя кнесинки и на его чуть не плачущую, согнутую в три погибели жертву. А пуще всего – на несусветным образом вывернутую руку, за которую и вёл Атталика венн.

Волкодав молча воткнул в притолоку изрядный боевой нож, отобранный у сегвана. И, ни словом не пояснив происшедшее, потащил мальчишку в денник, где обычно содержался

Серко. Что там происходило, никто из конюхов не видал. Из денника доносились звонкие шлепки. Ни дать ни взять кто-то с кого-то спустил штаны и охаживал ремнём по голому задку.

Потом наружу выскочил Атталик – взъерошенный, мокрый, с дорожками от слёз на щеках. К его лицу и одежде прилип мусор и крошки навоза. Он судорожно подтягивал дорогие шаровары, из которых был вытянут гашник, а ремённый пояс в серебряных бляхах – гордость юноши, считающего себя мужчиной, – и вовсе подевался неизвестно куда. Над головой Атталика с задорными воплями вился Мыш.

В дверях юный заложник вскинул блестящие от слёз глаза на свой нож, глубоко всаженный в притолоку. Чтобы вытащить его, нужно было обладать ростом Волкодава. Да, пожалуй, и его силой. Атталику пришлось бы громоздить скамью на скамью или, того унижительней, обращаться к кому-либо с просьбой. Он вылетел вон, даже не замедлив шагов, и конюхи вернулись к прерванным делам. Жаловаться Атталику не побегит, это все знали.

Немного позже Волкодав поймал во дворе боярина Крута, чуть не раньше всех вышедшего из дружинной избы. Он сказал ему:

- За Атталиком, заложником, присмотр потребен, воевода.
- Рассказывай! – велел Крут.
- Он смерти искать вздумал, – сказал Волкодав.
- Что?..

Волкодав вкратце поведал, как юнец пытался на него нападать. Боярин сперва недоумённо сдвинул брови, но потом подумал и согласно кивнул. Действительно, для умельца вроде Атталика покушение на Волкодава мало чем отличалось от прямого самоубийства.

– И что ж ты над ним сотворил? – осведомился боярин, лихорадочно соображая, видел он сегодня с утра юного сегвана или же нет.

- Вожжами выпорол, – усмехнулся Волкодав.

Его бы не особенно удивило, если бы Крут расшумелся и предложил ему знать своё место, но Правый только покачал головой:

- Он сын кунса, телохранитель. А ты кто? Ты унизил его...

Волкодаву захотелось сказать, что знатному человеку, так уж трясущемуся над своей честью, не грех бы выучиться её оборонять.

– Верно, унизил, – сказал он. – Атталик с ума сходит по государыне, воевода, и в петлю готов лезть оттого, что госпожа к нему равнодушна. Пускай лучше меня ненавидит.

Крут поразмыслил над его словами и вдруг широко улыбнулся. Он тоже достаточно насмотрелся на подобных юнцов, горячих и безрассудных, особенно когда дело касалось любви. Да что там! Сорок лет назад Крут сам был точно таким же и ещё не успел этого позабыть. Он знал, что как следует, до полной безысходности, унижить может только любимая. Девушку не вызовешь на поединок и никакой силой не заставишь явить благосклонность. НАСТОЯЩУЮ благосклонность. Которую не купишь подарками и насильно не вырвешь... (Боярин попробовал представить, чем кончилось бы дело, попробуй Атталику силой принудить кнесинку, скажем, к поцелую, и его улыбка стала ещё шире.) ...А вот если тебе задал трёпку мужчина, тут кончать счёты с жизнью вовсе не обязательно. Наберись терпения, и когда-нибудь можно будет поспорить на равных...

Уедет кнесинка, но отныне Атталику будет чем жить. Сын кунса, выпоротый вожжами!.. Да чтоб он когда-нибудь такое забыл!..

Волкодав видел: боярин отлично понял его затею. И это было хорошо. Он не слишком надеялся выразить в словах то, что они оба так хорошо чувствовали.

– Если бы ты, воевода, драться его поучил, он был бы при деле, – сказал Волкодав. – И толк, глядишь, будет...

Отъезд кнесинки стал событием, которое Галирад запомнил надолго.

Для невесты приготовили просторную крытую повозку: в такой можно с удобством расположиться и на ночлег, и днём, во время езды. Повозка негромко рокотала колёсами по бревенчатой мостовой, возглавляя вереницу обоза и удивляя народ замечательной резьбой на долговечных маронговых бортиках и прекрасным кожаным верхом, не боящимся ни дождя, ни солнца, ни снега. Пока, однако, внутри помещалась только старая нянька да девушки-служанки. Кнесинка предпочла любимую кобылицу. Она сидела в седле, и не то что лица – даже рук не было видно из-под обширной, как скатерть, тёмно-красной фаты. Снежинку вёл под уздцы сам велиморский посланник, шедший, в знак величайшего уважения, пешком.

Путь шествия пролегал галирадскими улицами в стороне от мастерской хромого Вароха. Тилорн с Эврихом загодя присмотрели вне городских стен, неподалёку от большака, поросший травой холмик. С этого холмика они смогут долго следить взглядами за Волкодавом, да и ему не придётся особенно отвлекаться от дела, высматривая его в людской толчее...

Волкодав знал, где они будут его дожидаться, однако почувствовал их там гораздо раньше, чем смог в ту сторону посмотреть. Это было сродни прикосновению. Дотянулась невидимая рука и погладила его по щеке. *Мы любим тебя, Волкодав. Мы очень любим тебя. Мы всегда будем помнить тебя и ждать. Возвращайся ДОМОЙ...*

Волкодав поднял голову и – будь что будет – позволил себе несколько мгновений неотрывно смотреть на холм, круглую вершину которого венчало пять человеческих силуэтов, тёмных против облачного неба. Ниилит, жмущаяся к Тилорну. Волкодав так и не попытался спросить, откуда родом мудрец. А теперь скорее всего и случая-то не будет спросить. Эврих. Тоже не разбери-поймёшь: по речам вроде аррант, а повадки... младший брат Тилорна, по молодости лет ещё не отвыкший кичиться книжной учёностью...

Старый Варох с внучком Зуйко...

Они махали ему руками, все пятеро.

Волкодав почувствовал, как дрогнуло сердце, а перед глазами появился туман, который он поспешно сморгнул. Совсем как тогда, черёмуховой весной, когда он смотрел из леса на свой родной дом. И думать не думал, что вновь испытает нечто подобное.

Если бы я убил Людоеда днём, я никогда не встретил бы этих людей. Потому что сам бы погиб. Да и кое-кого из них, надобно думать, уже не было бы в живых. Но я пришёл ночью, и вот она, моя семья, – стоит на холме. Моя семья.

Которую Хозяйка Судеб снова у меня отнимает.

Но я поступил так, как поступил, и ни о чём не жалею, потому что, со мной или без меня, они всё-таки живы.

Давно отвернувшись от пяти фигурок на вершине холма, Волкодав с хмурой настороженностью озирает толпу. На своих он больше не смотрел и тем более не махал в ответ. Ещё не хватало проворонить какого-нибудь злодея только из-за того, что телохранителей, видите ли, тоже иногда провозажают. Телохранителю, если только он дело исправляет как следует, о своём переживать особенно недосуг.

Что иногда даже и к лучшему.

Все понимали, что было бы слишком жестоко до конца путешествия томить кнесинку под тяжёлой фатой, да ещё принуждать строго поститься. Этак недолго привезти к жениху вместо красавицы невесты заморённую тень! Годится ли?..

И хитроумные сольвенны, никогда не забывавшие, на котором свете живут, отыскивали в своей же Правде лазейку. Выручили умудрённые волхвы, вспомнившие: когда-то, много поколений назад, у их народа существовало поверье, будто в мир мёртвых можно запросто добраться пешком, если долго идти в одну сторону.

Теперь, конечно, все знали, что вздумавший проверять это рано или поздно вышел бы к

веннам, сегванам, вельхам либо нарлакам. Однако старинные откровения вспоминают не для того, чтобы оспорить.

Удалившись от Галирада на один дневной переход, с кнесинки сняли фату и разрешили её от поста. Благо древняя вера учила, что отныне вокруг простиралось потустороннее, а значит, мнимой умершей не было больше нужды голодать и прятать лицо. Вместо плотной фаты на кнесинке осталась лишь лёгкая прозрачная сетка, нарочно сплетённая для неё лучшими кружевницами из тонкого халисунского шёлка. Фата вернётся на своё место, когда до Северных Врат останутся сутки пути.

Ещё в городе, за несколько дней до отъезда, Волкодаву случилось увидеть карту, которую вместе рассматривали Крут и Лучезар. Он успел заметить, что на карте были обозначены Галирад, Северные Врата и всё, что между. Красная ниточка, пролёгшая поперёк карты, отмечала путь, который предстояло одолеть поезжанам. Подробнее приглядеться Волкодаву не удалось. Лучезар оглянулся, заметил подходившего телохранителя и сразу начал свёртывать плотный пергамент.

– Я хотел бы посмотреть, воевода, – сказал Волкодав Правому.

– Твоё дело – кулаком шеи сворачивать, – немедленно фыркнул Левый. – Путь указывать – это для тех, кто умом не обижен.

Волкодав не стал отвечать.

– У тебя, по-моему, и так дел хватит, – проворчал Крут.

Волкодав сказал очень спокойно:

– Пока речь идёт о госпоже, у меня лишних дел нет.

– Вот муха назойливая, – скривился Лучезар. – Зудит и зудит, не отогнать. Такому только покажи карту, сейчас разбойникам продавать побежит...

Венн ощутил смутное, но очень нехорошее подозрение, а Крут буркнул:

– Ладно, ступай.

Волкодав довольно уже изучил повадки старого храбреца, чтобы сообразить: Правый был на его стороне, но в дурацкое препирательство с Лучезаром ввязываться не хотел, предпочитая выждать и решить дело без обид.

И венн убрался прочь, не добавив ни звука, а на другое утро к нему подошёл молодой раб-аррант с тонкими пальцами, перепачканными краской, и глазами, воспалёнными после целой ночи трудов.

– Меня прислал воевода Крут, господин, – несмело поклонился раб и подал Волкодаву лоскут выделанной кожи. Венн развернул его: перед ним была та же карта, только более мелкого рисунка. Раб снова поклонился и попятился было прочь, но Волкодав удержал его.

– Я не слишком грамотен, парень, – сказал он рабу. – Поправишь меня, если что спутаю.

И, медленно разбирая, стал читать всякие названия, встречавшиеся вдоль проложенного пути. Молодой невольник следил за его пальцем, изредка подсказывая. Вплоть до надписи в нижнем углу: «Дадено Волкодаву из веннов по моему слову. Боярин Крут, сын Милована». Возле надписи была аккуратно проколота дырочка, и в ней на витом трёхцветном шнурке висела свеженькая, ещё серебящаяся печать.

Волкодав наградил раба денежкой, и тот, просветлев лицом, побежал вкладывать её в бережно хранимую кубышку. Как почти все мастеровитые невольники, рисовальщик карт копил серебро для выкупа на свободу. Венн же отправился к боярину Круту – благодарить.

От благодарностей Правый отмахнулся, а потом строго погрозил Волкодаву пальцем:

– Насчёт разбойников, это... только ты смотри, не очень перед всеми размахивай, мало ли... понял?

– Понял, – сказал Волкодав. – Сделай милость, воевода, взгляни, не спутал ли чего рисовальщик?..

...Теперь эта карта, навощённая Варохом от сырости, сохранялась в особом чехольчике, который Волкодав повесил себе на шею и убрал под кольчугу. Пока у него не

возникало особой нужды в неё заглядывать: ближнюю часть пути он и так памятовал наизусть.

Погода стояла ясная и солнечная, места были красивые и совсем тихие: разбойников опасаться не приходилось. Жизнь обозников мало-помалу входила в походную колею, и почти весь путь ещё лежал впереди. Если постараться, можно было на время забыть, куда этот путь вёл. Даже кнесинка порою шутила и смеялась. Совсем как когда-то, вечность назад, когда они с Волкодавом и братьями Лихими ездили на Светынь. Улыбка красила Елень Глуздовну необыкновенно, и Волкодав ловил устремлённый на неё взгляд велиморского посланника, полный прямо-таки отцовской гордости. Уж верно, посланник был немало наслышан о ней от галирадцев и от самого кнеса. Но только теперь начинал как следует понимать, какое сокровище вёз своему господину. Не просто красивую дочку владельца соседнего края.

И, если Волкодав понимал хоть что-нибудь в людях, посол полагал, будто Людоедов сын того стоил...

Идём в поводу мимолётных желаний,
Как дети, что ищут забавы,
Последствия нынешних наших деяний
Не пробуем даже представить.
А после рыдаем в жестокой печали:
«Судьба! Что ж ты сделала с нами!..»
Забыв в ослепленье, как ей помогали
Своими, своими руками.

За всякое дело придётся ответить,
Неправду не спрячешь в потёмках:
Сегодняшний грех через десять столетий
Пребольно ударит потомка.
А значит, не траться на гневные речи,
Впустую торгуясь с Богами,
Коль сам посадил себе лихо на плечи
Своими, своими руками.

Не жди от судьбы милосердных подачек
И не удивляйся подвохам,
Не жди, что от жалости кто-то заплачет,
Дерись до последнего вздоха!
И, может, твой внук, от далёкого деда
Сокрыт, отгорожен веками,
Сумеет добиться хоть малой победы
Своими, своими руками.

10. Чужая невеста

На седьмой день, одолев несколько переправ через лесные речушки, обоз достиг первого из помеченных на карте кружочков – погоста Ключинки.

Название у погоста было такое что ни на есть сольвенское, но и в нём самом, и в окрестных деревнях жили по преимуществу вельхи. Волкодав знал это и не удивился, когда навстречу из-за поворота дороги с гиканьем вылетело сразу несколько колесниц,

запряжённых парами резвых коней, подобранных в масть. Вельхи, завязанные лошадики, почти не ездили верхом. Когда-то в древности они почитали верховую езду уделом труса, удирающего из битвы. С тех пор воззрения успели смягчиться, но всё-таки колесница приличествовала вельхскому воину гораздо больше седла.

Охранный отряд схватился за копыта, но сразу оставил оружие: рядом с колесницами мирно скакали оба дозорных, высланных вперёд. Собственно, встреча и не была случайной, просто ждали её немного попозже, ещё через несколько вёрст.

В передней колеснице стоял рослый молодой парень, ровесник Волкодаву или чуть младше, красивый и статный, с бисерной повязкой на светлых густых волосах. Вельхи разукрашивали свои колесницы, как другие люди одежду, – их Правда учила, что враг в бою должен сразу увидеть, с кем свело его воинское счастье. Волкодав присмотрелся к выпуклым щитам стремительно летевшей повозки и определил: встречать кнесинку ехал третий и самый младший сын местного старейшины, по-вельхски рига. И что парень, несмотря на молодость, побывал в битве у Трёх Холмов и даже привёз оттуда две головы.

Право же, разобрать это по знакам на колеснице было не в пример легче, чем складывать одну с другой книжные буквы.

Потом внимание венна привлёк возница, управлявший караковыми – воронами в подпалинах – жеребцами. Сперва Волкодав принял его за мальчишку-подростка, может быть, племянника седока, и про себя подивился искусству, с которым тот направлял и подзадоривал могучих зверей. Но вот пришло время остановить колесницу; подросток крепко и плавно натянул вожжи, откидываясь и отводя локти назад, так что расшитая курточка плотно облегла тело...

Девчонка!

Коням хотелось бежать и красоваться ещё, но выучка и хозяйская воля взяли своё. Караковые послушно встали и замерли копыто к копыту. Не хочешь, а залюбуешься.

Кланяясь кнесинке, юная возница стянула с головы кожаную шапочку. Волосы у неё оказались тёмно-медные, волнистые и блестящие. Парень выпрыгнул из колесницы и пошёл вперёд, неся перед собой в вытянутой руке сразу три тонких метательных копыта остриями вниз. Знак мира, покорности и любви. Впрочем, даже вздумай он ими замахиваться, он мало чего добился бы, кроме собственной смерти. Трое телохранителей сидели рядом с кнесинкой в сёдлах, и каждый знал, что ему делать.

Подойдя, сын старейшины молча опустился на колени и сложил свои копыта к ногам белой Снежинки. С двух других колесниц немедленно взревели трубы с навершиями, выкованными в виде конских головок. Рёв раздавался прямо из разверстых медных пастей. Парень выпрямился. Вельхи знали толк в красноречии, и он, верно, собрался поговорить, но кнесинка опередила его, произнеся по-вельхски:

– Добро тебе, славный Кетарн, сын Кесана и Горрах, на земле твоих предков!

Она никогда не считалась чинами, полагая: не будет урона правде вождя, если он приветливо поздоровается с человеком ниже себя. Краем глаза Волкодав видел, как скривил тонкие губы Лучезар. Боярин понять этого не мог. Хорошо хоть, помалкивал, со скучающим видом глядя поверх голов.

– И тебе добро, благородная бан-риона, дочь мудрого Глузда и отважной Любимы, – ответил Кетарн. Было заметно, что торжественные слова, заготовленные для встречи, ещё путались у него на языке, мешая вести разговор. Волкодаву, однако, понравился его голос: звучный, глубокий, голос предводителя воинов, охотника и певца.

– Всё ли ныне хорошо в доме твоего отца, о Кетарн? – продолжала между тем кнесинка Елень. Дочь правителя отлично знала, как беседовать с вельхом.

Кетарн отвечал подобающим образом:

– По воле Трёхрогого, урожай ныне хорош и дичь изобильна, а табуны принесли хороший приплод. Мой род просит тебя изведать нашего достатка и радости, о благородная бан-риона.

Елень Глуздовна наклонила голову под серебристой шёлковой сеткой – вежливая

гостья, захватившая на праздник:

– Воистину не откажусь я изведать веселья под кровом твоего рода, Кетарн, ибо путь мой далёк, а кони устали.

Тут вельх мальчишески улыбнулся:

– Если твою славную кобылицу утомила дорога, прошу, госпожа, взойди на мою колесницу, а я стану править конями.

– И от этого не откажусь, – ответила кнесинка.

Пришлось Волкодаву смотреть, как чужой человек снимает кнесинку с седла, а потом почтительно подсаживает на колесницу. Если бы Елень Глуздовна спросила его мнения, он бы попросил её остеречься бесшабашной лихости, сквозившей в повадке сына старейшины. И уж точно отсоветовал бы ехать с таким возницей да на незнакомых конях. Но кнесинка в его советах отнюдь не нуждалась. Ему показалось даже, она была не прочь за что-то досадить ему и близнецам, в основном, конечно, ему. Только вот за что бы?.. Мысленно он перебрал истёкшую седмицу, когда он и братья Лихие день-деньской не спускали с неё глаз, а ночами по очереди дремали у колёс возка или под свесом шатра. Волкодав не нашёл, к чему она могла бы придрататься. Да и сказала бы, если бы вправду была чем недовольна...

Венн даже вспомнил их прошлые поездки на реку. И как она всё изводила его расспросами и разговорами. Со времени выезда из Галирада она не заговорила с ним ни единого разу. Может, негоже просватанной невесте болтать с телохранителями, да на глазах у посла?..

Рыженькая девушка тем временем уступила своё место Кетарну и проворно забралась в другую колесницу, устроившись под ногами у седока. Волкодав, привыкший за всем наблюдать, видел, как Лучезар проводил её взглядом.

Кетарн тронул с места караковых, и венн с большим облегчением понял, что можно было и не молиться Богам, испрашивая достаточной резвости для Серка. Или, наоборот, Боги его как раз и услышали, но поступили, как это у них водится, по-своему. Отлично обученные вельхские кони горделиво выгнули шеи и пошли чуть ли не шагом, разом выбрасывая покрашенные белой краской копыта.

Двести лет назад пределы населённой земли потрясла война, которую до сих пор называли Последней. Не потому, что с тех пор больше не было войн. Просто творилось тогда такое, что люди уже решили – настали *последние времена*, близится скончание света.

Началось же с того, что в Вечной Степи, лежавшей за Халисуном и Саккаремом, появился некий народ. Отчаянный, озлобленный и готовый переест горло всякому, кто вздумает оспаривать его место под солнцем. Народ назывался *меорэ* и появился безо всякого предупреждения и небесных знамений. Просто однажды вечером к известняковым утёсам, которыми от рождения мира обрывалась в море Вечная Степь, причалили неслыханные тучи тростниковых лодок под парусами, сплетёнными из жёстких жилистых листьев. На глазах у изумлённых степняков с них тотчас полезли вверх тысячи мужчин, женщин и ребятишек. С местными жителями никогда не виданные ими пришельцы обращались так, как бедный, но решительный человек обращается с соседом-богатеем, обнаружив, что тот всю жизнь присваивал себе его долю.

Если сегванов медленно, но верно выживали с родных островов ползучие ледники, то меорэ, как выяснилось, в одночасье выкурили из дому извержения огненных гор. Что, конечно, объяснялось кознями более благополучных соседей. Которые по недосмотру Небес и так наслаждались совершенно неумеренными благами!

Меорэ не плавил руды и понятия не имели о колесе. Но безоглядная ярость не столь многочисленного племени на другой же день струнула с места степных скотоводов. Им пришлось искать новых пастбищ и водопоев для своих стад, но оказалось, что у каждого мало-мальски пригодного источника уже жили люди. Так разбегаются круги от камня, упавшего в пруд. Племя за племенем стало нарушать освящённые столетиями рубежи. Кто-то, потеснившись, решал спор полюбовно. Кто-то хватался за оружие и потом уже

остановиться не мог, ведь изгнанного захватчика непременно надо покарать и ограбить. А боевые победы, как всем известно, веселят кровь и заставляют жаждать новых сражений.

Последняя война разорвала и перемешала народы так, что нарочно не выдумаешь. С той самой поры и жили в Ключинке западные вельхи и даже успели разделиться пополам, на два клана, луговой и лесной. Луговые жители владели поймой реки Сивур, впадавшей в Светынь, и там, в заливных лугах, паслись их знаменитые кони. Лесных вельхов в шутку ещё называли болотными: их предки, убоявшись новых нашествий врагов, предпочли удалиться с открытых пространств в глухую крепь леса. Да и там жили в основном по торфяным болотам, ставя жилища на искусно укрепленных каменных островах, если не вовсе на сваях. Они добывали болотное железо и слыли мастеровитыми кузнецами и тележниками. Луговые вельхи исстари считали лесных трусоватыми домоседами, а те луговых – горлопанами и пустобрёхами. Отношения нередко выяснялись в молодецких сшибках. Но, когда пять лет назад государь Глузд прислал в Ключинку боевую стрелу, считаться обидами и поминать былое вельхи не стали. Выставили единый отряд и домой вернулись со славой.

Ежегодную дань галирадскому кнесу гордые ключинцы считали не унижительным побором, а скорее залогом преданности и защиты. Так тому и должно водиться между подданными и вождём.

Оттого-то кнесинка Елень знала по именам и Кесана, рига, и его жену, и всё их потомство. Здесь она была среди старых друзей.

Ключинка стояла близ большого круглого озера, которым разливался на низменной равнине полноводный Сивур. С южной стороны разлива в луга длинным языком вдавался высокий, обрывистый останец. Вот на этом останце, породнившись с сольвеннами, жившими здесь испокон веку, и обосновались когда-то пришлые вельхи.

Едва впереди открылось озеро и деревня, как с колесниц снова подали голос медные боевые трубы. Скоро долетел отклик, и навстречу с криком и радостным шумом побежал народ. Первыми мчались собаки и ребяты, за ними выступали взрослые женщины и мужчины, а посередине толпы торжественно катилась колесница самого рига.

Кони Кетарна наострили уши и прыгнули было вперёд, но сын старейшины тотчас смирил их лёгким движением рук.

– Велико твоё искусство, потомок доброго рода, – похвалила его приметливая кнесинка. Подумала и добавила: – Но та, что занимала твоё место прежде тебя, управляла конями столь же умело. Не случится ли мне узнать, кто она?

Польщённый Кетарн ответил с готовностью:

– Это Ане из болотной деревни, дочь Фахтны и Ледне.

Его лицо и шея были темны от загара, но Волкодав рассмотрел проступивший румянец и понял: кнесинка, ехавшая на свою свадьбу, чуть не оказалась в гостях на чужой и, пожалуй, куда более радостной. У вельхов было принято вводить в дом невест, «когда пегий жеребец-трёхлетка проломит копытом на луже лёд».

Старейшина Кесан оказался рослым кудрявым середовичем. Как все вельхи, он наголо брил подбородок, и только пышные усы спадали до самой груди. Он был очень похож на Кетарна, каким тот будет, когда сам обзаведётся матёрыми сыновьями. Рядом с Кесаном на колеснице стояла супруга, а по бокам шагали двое мужчин в полном вооружении, с копьями и длинными боевыми щитами. Наследники. Гордость матери, опора отца.

Риг приветствовал кнесинку и её свиту почти теми же словами, что и Кетарн прежде него. И тоже не стал, как это было заведено у сольвеннов, виниться перед владетельными гостями за свою мнимую скудость. В этом вельхи и венны были близки. Те и другие считали, что вошедшему под кров важна хозяйская честь, а не богатство, а значит, и прощения просить не за что.

Впрочем, недостаток в погосте определённно водился. Кнесинке отвели целый просторный двор с большим домом, круглым амбаром, поднятым на столбики от мышей, и баней под берегом, у самой воды. Всё это выглядело только что выстроенным, новеньким, добротным и

чистым, и солома на крыше ещё не успела потерять свежего блеска – сияла, как золото.

– В день, когда ты, бан-риона, из дому выехала, последние охапки вязали, – улыбаясь, пояснил риг. – А вчера утром только обжили. Первой вселишься, Глуздовна, так сделай милость, благослови, чтобы и другие после тебя горя не знали.

– Кто же будет здесь жить после сестры? – поинтересовался Лучезар.

– У нас в деревне как осень, так свадьбы, воевода, – ответил Кесан и сразу перевёл разговор на другое, а в голосе его Волкодаву послышалась некая сдержанная осторожность и даже опаска.

Что нужно путнику после дальней дороги? Отдых, еда и питьё, но прежде всего, конечно, доброе омовение. Слуги взялись таскать вещи в дом, а старая нянька с доверенной девушкой повели кнесинку в баню – веселить тело душистыми венниками, распаренными над квасом.

Телохранители устроились поодаль, но так, что мимо них к бане было не подойти.

Ратники и Лучезаровы воины распрягали коней, натягивали за внешним тыном палатки, стаскивали несвежие рубахи, с руганью и хохотом поливали друг дружку стылой, уже осенней водой, от которой на коже разгорались жаркие пятна. Подростки-вельхи ходили за статными воинами след в след, охотно помогали устраиваться, просили подержать кольчугу, со знанием дела рассматривали и ласкали коней. Взрослые парни не без ревности косились на пришлых. Малышня и девушки угощали мужчин пивом и домашними пирожками, те отдаривали нарочно сбережёнными галирадскими пряниками. Кое у кого – особенно, конечно, у вельхов, – здесь были друзья и даже родня, так что вельхский отряд попросту разобрали ночевать по домам.

Кнесинка ещё мылась, когда Волкодав увидел на тропинке шедшего к ним Кетарна.

– Хорошо вам здесь сидеть, мужи бан-рионы, – сказал сын рига и сел рядом, ловко поджав скрещённые ноги. Вельхи не очень-то признавали лавки и скамьи, с малолетства привыкая сидеть на полу, на подстилках и шкурах. Братья Лихие сразу присмотрелись к кинжалу на поясе молодца. Позолоченная рукоять была сделана в виде фигурки человека с руками, воздетыми над головой. Человечек словно бы сидел на торце лезвия, как на древесном пеньке. Кетарн явно гордился и красовался добрым оружием. Признав в Волкодаве старшего из троих, он обратился к нему:

– Ты, наверное, великий воин и из хорошего рода, раз не отходишь от госпожи. Прости, если я ни разу не видел тебя в покоях, где пируют ваши витязи. Как зовут тебя люди?

Венн спокойно ответил:

– Люди зовут меня Волкодавом, и я не витязь. Государыне было угодно сделать меня своим телохранителем, и только потому я всё время при ней.

– Твоё лицо украшено шрамами, – продолжал Кетарн. – Много ли голов привёз ты с поля у Трёх Холмов?

– Я не сражался там, сын рига, – сказал Волкодав.

Судя по выражению лица молодого вельха, он делил людей на две части, между которыми ни в чём не было равенства: на тех, кто бился в знаменитом сражении, и на тех, кто там не был. И этим последним незачем было даже пытаться заслужить его уважение.

– А я думал, ты герой, – вырвалось у него.

– Не всем быть героями, – по-прежнему спокойно проговорил венн. – Хватит и того, что ты по-геройски вернулся с добычей и головами. Разве у вас не принято, чтобы младший сын оставался хранить дом?

Кетарн кивнул:

– Это так. Но мой отец сказал, что для мужей нашего рода позор оставаться в живых, когда может погибнуть страна и лучшие в ней. А ты, значит, тоже младший сын и сидел дома при матери? Или... тогда уже у какой-нибудь достойной женщины хлеб ел?

Во дни битвы у Трёх Холмов Серому Псу оставались ещё месяцы до поединка, давшего ему имя.

– Я был далеко, – сказал Волкодав.

В это время Кетарна окликнул рыжеусый Мал-Гона, старшина вельхского отряда.

– Подойди сюда, сын рига!

Кетарн оглянулся на него и остался сидеть.

– Я старше тебя, и род мой не хуже! – рявкнул галирадец. – Кому сказано, подойди!

Прозвучало это с немалой властью, так что молодой вельх счёл за лучшее подняться и подойти. Мал-Гона отвёл его в сторону и принялся за что-то строго выговаривать парню. Волкодав не слышал их беседы, его слуха достигло только одно слово: «Аркатнейл».

– Волкодав, а ты бывал в настоящем бою? – обратился к нему Лихобор.

Венн усмехнулся. Мальчишкам отчаянно хотелось видеть своего наставника героем. Он спросил:

– В настоящем, это в каком?

– Ну... – замялся отрок. – Это когда... войско... много народу...

– Бывал, – сказал Волкодав.

– И... как? – жадно спросил Лихобор.

Волкодав пожал плечами и коротко ответил:

– Страшно.

Близнецы переглянулись, и уже Лихослав подал голос:

– А сколько тебе было лет, когда ты впервые убил врага?

Ему самому ещё не случалось отнимать вражеской жизни, и он считал это постыдным.

– Двенадцать, – сказал Волкодав.

Вечером затеяли состязания колесниц.

О том, что такие ристалища устраивали нередко, свидетельствовала нарочно отведённая дорожка, замкнутая в кольцо. Она была огорожена земляным валиком и до каменной твёрдости выбита конскими копытами и множеством промчавшихся колёс. Перестань ею пользоваться, и ещё несколько лет не захочет расти здесь трава.

Близнецам ещё не доводилось видеть вельхские скачки, и Волкодав решил дать им послабление. Отпустил обоих вопить и свистеть вместе с толпой. Не сделай он этого, братьям всё равно трудно было бы унять своё любопытство, а от таких телохранителей толку как от козла молока.

Самого Волкодава ристалище не особенно занимало. Он стоял у почётного сиденья кнесинки, сложив на груди руки, и ему было наплевать, что скажут вельхи по поводу кольчуги, казавшейся из кожаных рукавов.

Вот рявкнули трубы, и с места сорвались сразу три колесницы. Кони, раззадоренные не меньше хозяев, пластались в бешеном беге. С колесниц были сняты щиты, назначенные прикрывать воина в бою от копий и стрел. Остались небольшие площадки, сами размером в боевой щит, только поместиться воину и вознице. Казалось подвигом просто устоять на таком пятачке, не свалившись под колёса соперников. Однако бесстрашным возницам и того было мало – они вскакивали цепкими босыми ногами на самое дышло и бегали по нему от комля до крюка, крича в ухо коням. У вельхов Ключинки не было принято охаживать верных скакунов горячими плётками. Люди, почитавшие Каплону, Богиню Коней, полагали, что священное животное само выбирает, кому служить. А значит, и к службе его надо не принуждать, а побуждать любовью и лаской.

К улюлюканью зрителей примешался хохот, когда за взрослыми лошадьми увязался не в меру ретивый жеребёнок.

– Боевым конём будет, – с улыбкой предрёк риг, обращаясь к кнесинке, с которой рядом сидел.

Волкодав, занятый толпой зрителей, за исходом скачек почти не следил. И лишь когда выигравший возница, взмыленный не меньше своих скакунов, подошёл к почётным местам вождей, он увидел, что это был не победитель, а победительница. Рослая, статная, сероглазая

девка с пышным ворохом иссиня-чёрных кудрей. Волосы у неё были острижены до плеч, почти по-мужски. Луговые вельхи завели этот обычай опять-таки со времён Последней войны, когда их девушки поднимали оружие на равных с парнями, отстаивая будущее народа.

Волкодав смотрел на молодую вельхинку, принимавшую из рук кнесинки серебряный, с зелёной эмалью головной венчик галирадский работы, и в который раз поражался про себя многообразием девичьей красоты. Он вспоминал Ниилит и пробовал мысленно поставить её рядом с этими двумя. Дикий котёнок. Лебедь. И соколица. Чернокудрую легко было представить себе в кольчуге и шлеме, с боевым копьем в крепкой руке. Гордая, сильная, смелая. Вполне способная оборонить себя и других. Такая, какой захотела стать кнесинка, но вряд ли когда-нибудь станет...

Словно подслушав его мысли, победительница примяла мокрые кудри подаренным венчиком, повернулась к соплеменникам – и вдруг испустила боевой клич, да такой переливчатый и звонкий, что его подхватила толпа, а упряжные кони откликнулись ржанием.

Так-то оно так, подумалось Волкодаву. Пусть женщина делает то, что ей больше нравится. Но для того, чтобы совать голову под топор, всё-таки существуют мужчины.

Снова ринулись три колесницы, и на сей раз первым прибыл Кетарн. Волкодав весьма удивился бы, позволь он кому-нибудь себя обогнать. Молодому жениху положено быть первым парнем во всём. У него в глазах огонь, а за спиной крылья. Встанет гора на пути, он и гору свернёт, только бы улыбнулась невеста.

Ему кнесинка, посоветовавшись с ригом, тоже подарила женское украшение. Ожерелье из бус, синих, красных и позолоченных, отлитых в мастерской стеклоvara Остея. Кетарн принял награду и с торжеством потряс ею над головой, показывая односельчанам. Можно было не сомневаться, у кого на шее нынче же вечером заблестит славное ожерелье.

– А что, бан-риона! – вдруг смело сказал Кетарн, обращаясь к Елень Глуздовне. – Не пожелает ли кто из твоих людей испытать удачу, состязаясь с нами в каком-нибудь искусстве? Может, твой телохранитель соскучился, охраняя тебя от друзей?

При этом он в упор смотрел на Волкодава. Риг нахмурился, недовольный дерзостью сына, но кнесинка тоже оглянулась на венна и спросила его:

– Не хочешь поразмяться, Волкодав?

Он невозмутимо ответил:

– Нет, государыня, не хочу.

Кетарн смерил его взглядом, ясно говорившим: от человека, привыкшего смирно сидеть дома, пока другие дерутся, иного ответа ждать не приходится. И отошёл.

– Моя сестра наняла в охранники воина, который не очень заботится о своей чести, – хмыкнул Лучезар, сидевший по левую руку старейшины.

«Зато заботится о том, чтобы я была жива и здорова», – могла бы ответить кнесинка, но не ответила. *Наверное, подумал Волкодав, она тоже считала, что недостаточно отчаянный телохранитель не возвышал её в глазах подданных. Впрочем, она и этого не произнесла вслух.*

Вечером устроили пир в круглом, крытом косматой соломой доме старейшины. На глинобитном полу расстелили ковры, сшитые из нескольких волчьих шкур до того ловко, что получалось подобие одного непомерного зверя. Входя, гости и свои первым долгом приветствовали отца рига – седоголового древнего старика, давным-давно уже сложившего с себя тяжкое звание старейшины. Он был ещё вполне твёрд разумом, но шумное веселье быстро утомило его, и плечистые внуки под руки увели дедушку отдыхать.

Волкодав с двоими подопечными устроился за спиной кнесинки. Вельхи были горячим народом и на пирах, напробовавшись хмельного, нередко принимались соперничать. Здесь, в Ключинке, случилась один раз поножовщина, приведшая к гибели двоих молодых удалцов; с тех пор всякому, у кого ещё не было женатого внука, оружие на пирах возбранялось. Волкодав и близнецы, пользуясь своей привилегией телохранителей, сидели с мечами. И они

же были единственными, кто не брал в рот хмельного. Волкодав люто запретил братьям Лихим даже пиво. Не говоря уже о вине, от которого при ясной вроде бы голове почему-то отказывались ходить ноги. И о мёде, от которого при надёжных ногах путались мысли и заплетался язык. Сам Волкодав к выпивке был равнодушен. Близнецы вздыхали и завидовали гостям, но запрет был понятен, и они не роптали.

В начале пира вельхи почти в открытую проезжались по поводу троих вооружённых мужчин, которых бан-рионе неизвестно зачем понадобилось держать подле себя. И которые к тому же блюли совершенно неприличную, по их мнению, трезвость. Близнецы, наученные наставником, и тем более сам Волкодав на подковырки никак не отзывались. И в конце концов хозяева от них отстали, кажется, порешив считать телохранителей чем-то вроде сторожевых псов, не стоящих особого внимания.

Спасибо и на том, что кормили их, в отличие от псов, не объедками, а честной едой.

Напитки здесь по обычаю разносили женщины. Вельхи считали подношение мёдов немалым искусством, требующим сосредоточения и мастерства. То одна, то другая красавица проходила между пирующими со жбаном и костяным черпачком, улыбаясь в ответ на восторженные похвалы мужчин и временами ловко уворачиваясь от чьих-нибудь слишком пылких объятий.

Волкодав неторопливо жевал пирожок с грибами и время от времени косился на Кетарна, сидевшего вдвоём с Ане возле стены. Он видел, как молодой воин подтолкнул локтем подругу, таинственно шепча что-то ей на ухо и кивая в его сторону. Не иначе, затевал какую-то каверзу. Ане послушно поднялась, подошла к низкому столику возле входа, сплошь заставленному ковшами и кувшинами. Выбрала один, вооружилась резным черпачком и направилась к Волкодаву и братьям.

Венн залюбовался тем, как она держала кувшин: на ладони под доньшко, не давая глиняным запотевшим бокам коснуться ни тонкой льняной рубахи, щедро вышитой на груди, ни загорелой, обнажённой выше локтя руки.

– Утолите жажду, воители, – проговорила Ане по-вельхски. Сольвеннской и тем более веннской речью она не владела. И от боязни, что гости не поймут и обидятся, залилась румянцем – ярким и быстрым, каким Боги часто награждают рыжеволосых.

– Воистину наши кружки пусты, – ответил Волкодав на языке западных вельхов. – Не случится ли так, что твои руки наполнят их, кайлинь-ог?

Девушка покраснела ещё жарче. Кайлинь-ог означало невеста. Она сказала:

– Об этом и бывает уговор между хозяевами и гостями.

Плавным движением она окунула в кувшин длинный, слегка изогнутый остроконечный черпачок, выточенный из цельного клыка какого-то зверя, годившегося в прадедушки всем тиграм Мономатаны.

Угощение должно быть принято и отведено, иначе ты враг, а не друг. Волкодав подставил кружку, и в неё полился... добрый квас, пахнувший сладкими ржаными сухарями. Кетарн, надобно полагать, просил невесту совсем не о том, но она распорядилась по своему усмотрению.

Она налила квасу близнецам, и Волкодав спросил её:

– Не доведётся ли тебе посидеть рядом с нами под крышей этого дома?

От такого приглашения тоже нельзя отказываться, и Кетарн мог сколько угодно ёрзать и злиться на смятой шкуре возле стены. Ане поджала ноги и села против Волкодава. Любой вельх был способен просидеть так полдня. В отличие от Лихослава и Лихобора, успевших до зуда намозолить жилистые зады.

Мало кто назвал бы Ане красавицей, но Волкодаву она очень понравилась. Круглолицая, милая, какая-то удивительно домашняя. И с таким добрым лукавством в карих глазах, которым, похоже, ещё не случалось отражать ни страдания, ни страха.

– От кого ты охраняешь бан-риону здесь, среди друзей? – спросила она. Она заметила внимательный взгляд Волкодава, без устали обегавший пирующих.

Венн подумал и ответил:

– От чужого человека, который мог бы пробраться на праздник и учинить госпоже вред, а вам обиду.

– Ты, наверное, долго жил среди вельхов, – сказала девушка. – Ты беседуешь, как один из нас.

– У меня были друзья вельхи, кайлинь-ог, – ответил Волкодав. И коснулся ладонью её руки, державшей кувшин. – Добро тебе за подношение напитка и за то, что украсила наш пир.

Женщины мудрее мужчин, думал он, глядя в спину невесте, идущей к своему жениху. Женщина не станет задирать гостя и допытываться, в какой такой пьяной драке ему распорили лицо, если он не сподобился хоробрствовать у Трёх Холмов...

Ещё он видел, как смотрел Кетарн на подходившую к нему Ане, и как раздражение таяло и сползало с его лица, изгоняемое неудержимой улыбкой.

В самый разгар пира четверо здоровенных молодцов втащили снаружи огромное деревянное блюдо. На блюде покоился кабан, целиком зажаренный над углями. Вельхи считали вепревицу пищей мужественных героев, главным и самым лакомым кушаньем, достойным венчать праздничное торжество. Волкодав не особенно удивился, услышав, что кабана добыл не кто иной, как Кетарн. Этого только следовало ожидать.

Блюдо торжественно поставили перед кнесинкой и вручили ей большой, старинного вида, начищенный бронзовый нож. Пускай бан-риона по справедливости разделит вепря и сама вручит первую долю – сочный ломоть окорока – лучшему из героев, сидящих здесь на пиру.

На взгляд Волкодава, не требовалось провидческого дара, чтобы определить этого лучшего из лучших сразу и без ошибки. Кто был нынче первым парнем в Ключинке, кого так и распирала буйная удаль, кто из кожи вон лез, доказывая своё мужество себе и другим?..

Кнесинка о чём-то тихо спросила Кесана рига, тот так же тихо ответил. Елень Глуздовна ловко выкроила из дымящейся туши драгоценный кусок и высоко подняла его, проткнув ножом:

– Верно ли, что не найдётся здесь никого, чья правда духа сравнялась бы с правдой Кетарна, сына Кесана и Горрах?

Половина ключинских вельхов сейчас же взвилась на ноги с воплем:

– Не найдётся!

Другая половина приподняла крышу дружным рёвом:

– Найдётся!

Наступал долгожданный миг, начиналась излюбленная потеха – сравнение мужей. Состязание, которое до следующего праздника будет у всех на устах. Сто лет назад сравнение мужей заканчивалось, бывало, и кровью. Теперь люди поумнели и ограничивались словесной перепалкой, а если доходило до потасовок, так только на кулаках.

Ревнивые парни и молодые мужчины принялись наперебой вспоминать Кетарну всякие недостатки и прегрешения, делавшие его, по мнению спорщиков, недостойным первого куска из рук бан-рионы. Друзья Кетарна и сам он усаживали хулителей на место, одного за другим срезая смешными и ядовитыми замечаниями.

– Не тебе порочить Кетарна: все видели, как на тебя жена тряпкой замахивалась!

– Не тебе разевать рот на первый кусок, ты на празднике Коней в бочонке с пивом топились...

Недовольные не сдавались:

– От тебя, Кетарн, с самого рождения не было проку, – поднялся светлоусый, очень похожий на Ане воин с мускулистыми руками, обвитыми синими лентами татуировки. – Не помнишь небось, как перевернул на себя котелок с кипятком и твоя почтенная мать носила тебя в хлев – сажать в свежий коровий навоз? Ты, по-моему, так ещё и не отмылся как следует с того разу...

– Спроси у своей сестры, Ферадах! Только ли зад он тогда ошпарил или, может, ещё

что-нибудь? – со смехом подал голос сидевший подле него.

Ферадах. Брат девчонки, отметил про себя Волкодав.

Рыжеволосая Ане вновь покраснела и спрятала в ладонях вспыхнувшие щеки. За её жениха заступилась чернокудрая Эртан, та самая, что выиграла скачку колесниц:

– Уж ты-то помолчал бы, Ферадах! Не тебе порочить смелого мужа, который и тогда уже, говорят, не пикнул, пока ему лечили ожоги. Зато ты, как рассказывал мне твой досточтимый отец, мальчиком боялся подойти к малине, потому что рядом стояли ульи и пчелы тебя жалили!

Когда начался делёж кабана, Волкодав насторожил уши: не взялся бы норовистый народ трясти кулаками, не пришлось бы оборонять кнесинку от слишком буйного веселья хозяев. Однако вельхи, и ключинские, и соседи, чувствовалось, любили сына старейшины. И не столько охаивали его, сколько давали возможность себя показать. Волкодав видел, как вертели головами Лихослав и Лихобор. Отрокам нравилась шумная вельхская забава, жаль только, оба молодца были здесь пришлыми и поучаствовать при всём желании не могли. Заметив взгляд наставника, близнецы перестали глазеть и вспомнили, что они при деле.

Вельхи перекрикивали друг друга, словно стая галок перед закатом. Однако слух Волкодава обладал одной полезной особенностью: среди любого гама венн способен был распознать слабенький шорох, уловить слово, произнесённое вполголоса.

Елень Глуздовна как раз наклонилась подогреть надетый на нож кусок над углями жаровни, когда Лучезар повернулся к Кесану, с которым рядом сидел, и спросил:

– Значит, старейшина, скоро женишь младшего сына?

– Твоя правда, воевода, женю, – с достоинством отозвался риг, но Волкодаву вновь послышалась в его голосе некая настороженность.

– А что, хороша ли невеста? – глядя усы, поинтересовался боярин, и тут-то венн понял причину сдержанности Кесана, и сердце у него ёкнуло. О женолюбии Лучезара он был наслышан более чем довольюно.

– Сыну нравится, а другому кому, может, и нехороша, – совсем уже неохотно отозвался старейшина.

Неужели, ахнул про себя Волкодав, *у Лучезара хватит ума ради пустой короткой услады зазвать в гости беду? Ополчить на себя и своего кнеса воинственный, вспыльчивый и гордый народ?..*

Он, впрочем, видел, как приверженцы серого порошка отмачивали вещи куда как покруче, для здравомыслящего ума уже вовсе непостижимые.

Перепалка между вельхами тем временем улеглась, и кнесинка вручила сияющему Кетарну пахучий, исходящий густым горячим соком ломоть.

Последующие куски тоже раздавали с поношением и яростным спором. Черноволосая Эртан пожелала участвовать в делёжке наравне с парнями и одного из них, препиравшегося до конца, даже вызвала на единоборство.

Как многие здешние женщины, она ходила в просторных штанах, схваченных тесёмкой у щиколоток. И в рубахе без рукавов. По мнению Волкодава, эта рубаха очень ей шла. Она до самых плеч открывала нежную кожу, под которой перекачивались твёрдые, как точёная кость, узлы мышц. Загляденье, а не девка!

Рукопашную затеяли перед самым сиденьем кнесинки, и Волкодав невольно подался вперёд. Он-то знал, сколько всякого может тут приключиться случайно и не совсем. Однако, к его облегчению, дело кончилось быстро. Соперник Эртан успел-таки порядочно нализаться и достойного сопротивления оказать не сумел. Девушка опрокинула его на пол одной хорошей затрециной и, широко улыбаясь, подошла за своей долей почётного угощения.

Когда с кабаном было покончено, гости из болотной деревни засобирались домой. Волкодав поискал глазами Ане и увидел её с родителями, братом и женихом. Стоило один раз посмотреть на огненную гриву её отца, колёсника Фахтны, чтобы сообразить, в кого она удалась с такими медными волосами.

Если Волкодав что-нибудь понимал, родители хотели увести Ане домой, а она отпрашивалась побыть ещё немного на празднике и кивала на жениха: проводит, мол, до самого дома, с рук на руки передаст. А то и вовсе в Ключинке у матери Кетарна заночевать можно, не впервой...

Не пускай! – мысленно воззвал Волкодав к колёсному мастеру, но по части внушения мыслей ему было далеко до Тилорна. Фахтна его не услышал. Переглянулся с женой и, улыбнувшись дочери, разрешил ей остаться. Наверное, вспомнил молодость и то, как сам дорожил каждым мгновением, проведённым подле невесты.

Кесан риг между тем подозвал сына и что-то строго сказал ему. Волкодав не сомневался, о чём шла речь. Кетарн кивнул, но как-то рассеянно. Любимец деревни, не ждущий подвоха ни от своих, ни от чужих. Ещё Волкодав заметил и понял досаду старейшины: как заставить сына побережь девушку, не настроив его при этом против знатных гостей?..

Молодёжь затеяла пляски, возню и какие-то состязания у костров во дворе, а кнесинка, притомившись, собралась удалиться в отведённый для неё дом.

– Государыня, – негромко обратился к ней Волкодав. – Вели, чтобы невеста Кетарна служила тебе вместе с девушками сегодня ночью и утром...

Он ещё не договорил, а какое-то внутреннее чувство уже подсказывало ему, что кнесинка не послушает. И точно. Елень Глуздовна досадливо дёрнула плечиком:

– С какой стати? Мне здесь и так уже великие почести оказали...

Волкодав только мысленно выругался. Самое распоследнее дело ссорить между собой родственников. Да и умысел Лучезара поди ещё докажи. Волкодав, впрочем, не собирался кому-то что-то доказывать.

Равно как и допускать непотребство.

Он шёл следом за кнесинкой к её двору и напряжённо старался сообразить, что теперь предпримет боярин, – а в том, что Лучезар, охреневший без любимого порошка и стосковавшийся по девичьей красе, уж что-нибудь да предпримет, венн почти не сомневался. *Скорее всего он пойдёт за девушкой отроков. Трoих, надoбно думать. Вряд ли больше, но уж и не меньше. Плишку с Канаоном? Нет, навряд ли.* Почему так, Волкодав не взялся бы объяснять, просто чувствовал, что их там не будет. Ещё он очень хотел ошибиться и выяснить, что возвёл на Лучезара напраслину. Жизнь, однако, уже не раз втолковывала ему, что рассчитывать следовало на самое худшее. *Значит, Кетарну придётся иметь дело с троими. Совладает?.. Парень он сильный, и те две головы тоже не сами ему в руки скакнули. Но вряд ли он по полдня машет оружием, как Лучезаровы ухорезы.* Волкодав вспомнил отрока, оттолкнувшего черенком копья старуху Киренн. *Ох, не оказаться бы Кетарну со скрученной шеей в том самом болоте, за которым жили родители его милой! Да и самой девчонке, после того как натешится с ней Лучезар...*

А Елень Глуздовна, идя к себе, как нарочно, всё время останавливалась. То пожелать спокойных снов велиморскому посланнику Дунгорму, ночевавшему вместе со своим отрядом в шатрах. То ещё раз поблагодарить рига и его жену за добрый приём... И тут и там дело не ограничилось несколькими поклонами, опять пошли упражнения в красноречии – кто кого переговорит. Шествие кнесинки на ночлег до того затянулось, что Волкодав прикинул про себя и обречённо решил: всё. Наверное, даже неутомимая молодёжь потянулась по домам спать. И, значит, он не успеет проводить Кетарна с Ане до болотной деревни...

Скорее, мысленно торопил он кнесинку. Скорее же ты...

Но вот наконец они добрались до двора, и служанки во главе с нянькой, окружив государыню, увели её в дом. Венн без дальнейшего промедления подозвал к себе близнецов и строго спросил:

– Я вас хорошо научил беречь госпожу?

Лихослав и Лихобор посмотрели один на другого и от удивления ответили вразнобой:

– Хорошо...

Они понимали, что спрашивал он неспроста, и заметно робели. Наставник ещё никогда не поручал им охранять государыню одним. Молодые телохранители с нетерпением ждали, когда же это случится, а вот случилось, и стало чуточку боязно.

– Мне надо уйти, – сказал Волкодав. – Сами управитесь?

Лихослав твёрдо ответил и за себя, и за брата:

– Управимся!

Другого ответа венн и не ждал. Он молча кивнул близнецам и быстро ушёл в темноту.

Волкодав никогда не бывал в здешних местах и не знал в лесу ни троп, ни дорог. Он даже не знал бы, в какой стороне расположено поселение лесных вельхов, если бы ещё днём не приметил на всякий случай, откуда въехали в Ключинку болотные жители. Для того, чтобы выйти туда, требовалось заново пересечь весь погост и пройти мимо дома старейшины. И первым, кого он увидел среди парней возле догоравших костров, был Кетарн.

Волкодав поспешно отступил в тень, куда не достигал красноватый отблеск углей, и присмотрелся. Кетарн грел руки, о чём-то весело переговариваясь с друзьями, и, кажется, собирался принять участие в новой забаве. Юноши упирали в землю черенок копья и, держась рукой, вскакивали ногами на древко, а все остальные хором считали, загибая пальцы, – долго ли продержится.

Рядом с Кетарном не было видно Ане, зато волосы сына рига влажно блестели от росы, а сапоги и штаны были мокры до самых колен. Поначалу у Волкодава отлегло от сердца: никак проводил девушку и возвратился! Однако потом венн припомнил, как посылали к болотным соседям стремительных босоногих мальчишек, и тревога воспрянула. Кетарн попросту не мог успеть обернуться туда и назад. Даже если отправился сразу после ухода кнесинки и бежал бегом в оба конца.

Значит, не довёл девушку до порога и с рук на руки родителям, как надлежало бы, не передал. Дошёл с нею самое большее до середины пути и на том распростился – дальше, мол, дорога прямая...

Волкодав миновал костры, постаравшись, чтобы оттуда его не заметили. Потом перемахнул никем не охраняемый тын, в несколько прыжков спустился с останца на влажный пойменный луг и побежал в сторону леса, молясь сразу всем Богам, чтобы только не опоздать.

Мыш снялся с его плеча и бесшумной тенью поплыл впереди.

Вот когда в полной мерегодились ему и ночное зрение, которым наградила его каменоломня, и с детства воспитанная способность не шуметь, когда это никому не нужно.

Если! – думал он, петляя между кустами и на бегу высматривая следы в росистой траве. В ясном небе висел лишь узенький серп молодого месяца, но Волкодаву было вполне достаточно света. *Если Лучезар действительно затеял недоброе. Если он остался в своём шатре, а не отправился, скрытности ради, со своими отроками куда-нибудь в лес... Нет, вот это уж вряд ли, он ведь здесь тоже мест особо не знает, а стало быть, и держаться будет там, где побольше своих, да при оружии. А девчонке, чтоб крику-визгу лишнего не было, и рот можно заткнуть, и в мешок её посадить, и того проще: пригрозить, что с жениха живьём кожу снимут на сапоги, если не мила будет с боярином. Да. Ане – это не воительница Эртан, которая сама кого угодно на хлеб намажет и съест...*

А вот как собирался Лучезар жить дальше и ладить даже не с ключинскими вельхами – со своим кнесом, Глуздом Несмеяновичем, – про то оставалось только гадать. Люди ведь дознаются, что произошло. Пусть и с запозданием, но дознаются непременно. В Галираде, похоже, совсем не знали про серый порошок. И что он делает с человеком. Иначе не

поручили бы Лучезару охрану «сестры»...

А если, пока я тут по лесу шастаю, с кнесинкой что-нибудь?.. Решай, Волкодав, решай сам, никто тут тебе не подсказчик. И отвечать тоже сам будешь, ни на кого, кроме себя, не надейся.

Он и не надеялся. Уже очень, очень давно.

Дважды прямо на него выскакивали злые ключинские собаки, взволнованные нашествием незнакомых людей. Но ещё не родилась собака, которая стала бы гавкать на потомка Серого Пса. Волкодав обежал галирадское становище по широкой дуге, минуя в темноте лесных сторожей, словно ловчий зверь, вынюхивающий добычу. Если он ещё не совсем разучился смекать по следам, Лучезар с ближниками пребывал у себя. И скрытно, со стороны леса, к лагерю никто покамест не подходил.

Ночные сторожа стояли по двое, одна пара от другой на расстоянии оклика. Не показываясь сам, Волкодав рассмотрел каждого. И в тех двоих, что обосновались на прямом пути к палатке боярина, признал Канаона и Плишку. Вот так. Кто упрекнёт Лучезара, что поставил своих любимцев поближе к себе? Никто. А случись что-нибудь, оба головореза с радостью поклянутся, что ничего не видели. И не слышали ни звука.

Волкодав двинулся дальше в лес, понимая: если боярин в самом деле послал кого-то за Ане, обратно его воины скорее всего будут возвращаться именно здесь.

Славный узорчатый меч висел в ножнах у него за спиной, но пускать его в дело он не собирался. Ещё не хватало.

Слух у него был очень острый, но звериному всё-таки уступал. Мышь, вернувшийся на плечо, встрепнулся и зашипел, и только тогда Волкодав уловил в лесной чаще шаги. *Четверо*, сейчас же определил он, по привычке накрывая ладонью воинственного зверька. *Причём трое идут сами, а четвёртого тащат насильно, и он, то есть она, пытается отбиваться, но мало что получается.* Волкодав шугнул Мыша прочь, поскольку предполагал, что дело навряд ли обойдётся без драки, и побежал навстречу.

Он увидел их гораздо раньше, чем они его. Им, с их обыкновенными глазами, света в ночном лесу едва-едва хватало, чтобы не заблудиться. Трое здоровенных громил, oprичь которых Лучезара видели редко. Один из них вёл рыжеволосую Ане – растрёпанную, без плаща, в разодранной сверху донизу рубашке. Во рту у неё торчал кляп, а руки, умевшие так ловко подносить кувшины с напитками, были заломлены за спину и связаны верёвкой. Два других отрока шагали по сторонам и от души лапали беспомощную пленницу, еле сдерживаясь, чтобы не загоготать на всю округу.

Волкодав вышел из-за деревьев на открытое место и сказал:

– Она не хочет с вами идти.

Для них он был чёрной тенью без лица, внезапно выросшей на дороге. Они признали его больше по голосу. Парни остановились, но добычу свою, понятно, не выпустили. Ввязавшись в подобное дело, иди до конца, а иначе не надо было и браться.

– Э, да он тут один, – сказал тот из двоих, что стоял чуть впереди. Ведший Ане презрительно хмыкнул:

– П-шёл отсюда, наёмник!

Дружинные, даже отроки, редко уважают тех, кто служит за деньги. Они считают, и не без основания, что наёмный воин рад переметнуться к тому, кто больше заплатит. Волкодав себя к наёмникам не причислял никогда.

– Она не хочет с вами идти, – повторил он, не двигаясь с места. Он успел присмотреться к державшему Ане и уже понял, что Боги решили за что-то его наградить. Это был тот самый отрок, что замахивался на старую Киренн.

Дальше всё происходило быстро. Много быстрее, чем можно про то рассказать.

– Да сказано же тебе, пошёл... – досадливо прорычал кто-то из них. Двое, не обременённые пленницей, разом ринулись на Волкодава, выхватывая из ножен мечи. Венн вскинул руки навстречу опускавшемуся клинку первого и одновременно пнул ногой в грудь второго, чуть-чуть замешкавшегося впотьмах. Пинок был сокрушительный. Весной, в схватке с разбойниками на лесной дороге, точно таким ударом Волкодав убил человека. Лучезаров отрок отделался переломанными рёбрами и ключицей: венн всё-таки пощадил парня, исполнявшего боярский приказ. Хотя и полагал про себя, что двадцатилетнему верзиле, в охотку берущемуся за подобное, человеком уже не бывать. А значит, и цацкаться с ним незачем.

Тому, что успел выхватить меч, повезло не больше. Его клинок завершил свистящую дугу сверху вниз, но уже не по воле хозяина. Волкодав заставил отрока сунуться носом вперёд и пробежать с разинутым ртом три лишних шага, а потом с силой прынул назад, взяв его вооружённую руку в живодёрский захват. Что-то влажно затрещало и подалось, распадаясь под его пальцами, меч выпал наземь. Волкодав весьма сомневался, что эта рука, только что унижавшая несчастную Ане, сможет когда-нибудь удержать хотя бы ложку.

Двое тихо покоились на лесной травке, сложенные, как выразились бы веннские воины, в кучку. Третий не сразу и сообразил, что остался один. Его сотоварищи даже не закричали, потому что такая боль не сразу достигает сознания, – потрясённое сознание успевает милосердно погаснуть. Ничего, ещё наплачутся, когда придут в себя и поползут искать помощи. Волкодав шагнул к третьему, намереваясь и с ним поступить по справедливости, но тот проявил неожиданную прыть. Выдернул из поясных ножен нож, крепче ухватил Ане и приставил лезвие к её почти обнажённому животу:

– Не подходи!

Волкодав и не подумал останавливаться. Когда ему было надо, он умел двигаться быстро. Очень быстро. Он не сомневался, что успеет. Но в это время на голову его противнику, словно молчаливая смерть, откуда-то сверху беззвучно упал Мыш. Чёрные крылья залепили отроку глаза, острые зубы рванули бровь, когти задних лапок прошлись по щеке. Парень издал какое-то бляение и отмахнулся ножом, но безнадежно опоздал. Мыш исчез столь же мгновенно, сколь и появился.

Волкодав одним прыжком покрыл три шага, отделявшие его от сольвенна. Его левая ладонь выстрелила вперёд, разворачиваясь ребром, и с хрустом размозжила отроку нос. Придись удар на полвершка выше да чуть посильней, и не спас бы никакой лекарь. А так – ничего, отойдёт, только вот смазливой рожей ему больше уже не выхвалиться.

Ане, сбита с ног, пыталась отползти прочь от побоища. У страха глаза велики: она едва не сходила с ума и уже не знала, кого больше бояться – троих насильников или телохранителя бан-рионы, искалечившего всех троих. Когда Волкодав поднял её, она отчаянно забилась у него в руках, обливаясь слезами и мыча что-то сквозь кляп.

– Сейчас развяжу, только не беги и не кричи, хорошо? – сказал венн.

Девчонка, похоже, не услышала, и тогда он крепко встряхнул её за плечи, так что голова мотнулась на шее. Он знал по опыту, что на перепуганную женщину это действует лучше ласковых уговоров. И верно, взгляд Ане обрёл осмысленное выражение.

– Всё, некого больше бояться, – проворчал Волкодав, распутывая тонкий шнур у неё на запястьях. – Только тихо, поняла?

Ане торопливо закивала. Глаза у неё всё ещё были величиной с блюдце. Волкодав вытащил добротный загнанный кляп, и она задышала, точно пойманная рыбёшка. Венн не очень ждал, чтобы она сдержала обещание, и был готов ловить, если побежит, но девушка вскинула руки к лицу, поспешно отвернулась, и её вырвало. Колени подламывались от пережитого ужаса, она хваталась за дерево, чтобы не упасть. Волкодав откромсал у одного из похитителей клочок от рубахи, дал ей утереть рот. До неё, кажется, только тут как следует дошло, что бояться и впрямь больше некого. Она вдруг уцепилась за венна и отчаянно зарыдала, уткнувшись лицом ему в грудь и колотясь, словно в ознобе. Волкодав обнял её, стал гладить ладонью мокрые от пота рыжие кудри. Чужая невеста. Кроткая, ласковая,

домашняя. Чуть не рехнувшаяся в лапах у троих стервцов. Сквозь порванную рубашку Волкодав ясно ощущал жмущееся к нему тёплое тело, нежную, едва прикрытую грудь.

– Плащ твой где? – спросил он негромко. Воображение успело нарисовать ему пугающую картину: рано поутру болотные вельхи, так и не дождавшиеся дочку домой, обнаруживают её мятый плащ где-нибудь на кустах.

– У... у н-них он... – заикаясь, выговорила Ане.

Плащ действительно отыскался в сумке у одного из мерзавцев, у того, которому Волкодав изуродовал руку. Отрок слабо застонал: венн без большого человеколюбия, ногой, перевернул его на спину. Когда эти трое начнут соображать, их жертва будет уже далеко.

– Всё здесь? – спросил Волкодав. – Булавка там, платок, что ещё у тебя было?

Утирая льющиеся слёзы и судорожно кутаясь в плащ, Ане кое-как сумела поведать ему, что её обидчики не только замели все следы неравной борьбы на тропинке, но ещё и увели её далеко в сторону по ручью, впадавшему в болото, – на случай, если пустят собак. Волкодав молча слушал её рассказ, раздумывая, что делать дальше. При этом он вполглаза наблюдал за Мышом, который упоённо носился над поверженными телами, на лету оскверняя каждое по очереди.

– Тебя не хватятся дома, если до утра не придёшь? – спросил венн наконец.

Тут бы ей соврать, что непременно хватятся, но она ответила правду. Ей и раньше случалось, навещая Кетарна, оставаться у его доброй матери на ночлег.

– Пошли, – сказал Волкодав и взял её за руку. Мыш завис в воздухе, заглядывая ей в лицо, потом устроился у хозяина на плече.

Ане покорно поплелась за телохранителем, держась за его ладонь и стараясь поплотнее запахнуть на груди рубашку и плащ. Плащ был толстый и тёплый, но девчонку продолжало трясти. Волкодав, подумав, снял кожаную куртку и заставил Ане в неё облачиться. Она подняла глаза и робко спросила:

– Мы теперь куда? К Кетарну?..

– Нет, не к Кетарну, – сказал Волкодав и увидел, что она снова приготовилась испугаться. Делать нечего, пришлось объяснять, что к чему. – Ты хоть знаешь, кто тебя тащил? – спросил он для начала.

Ане ответила:

– Л-люди... вельможи, который бан-риону везёт...

Вельможе этому, по мнению Волкодава, следовало бы выпустить кишки. И заставить измерять их шагами, пока не иссякнет в нём жизнь. Поступить так с Лучезаром было не в его власти. К великому сожалению.

– Если я отведу тебя домой или к жениху, будет переполох. А то вовсе драка, – сказал он Ане. – Здешнее племя галирадского рига руку двести лет держит... что ж, насмерть ссориться из-за одного говнюка? Так ведь и не вышло у него ничего... А за твою обиду я с ними довольно, кажется, поквитался...

Вельхинка посмотрела на него, явно вспоминая мгновенную и весьма жестокую расправу, которую он только что учинил у неё на глазах. Быть может, наказанные снова начнут задирать парней и пугать девок. Но будет это ещё очень нескоро.

– Куда же? – шёпотом спросила Ане, робея и боясь думать, не потребует ли заступник награды. *Мало с веннами зналась*, хмыкнул в бороду Волкодав. Потом вспомнил, что Волк тоже был венном.

– Во двор бан-рионы, – сказал он вслух. – Нам, телохранителям, там амбар отвели... Поспишь до утра, никто близко не подойдёт. Свои спросят, где была, скажешь, вернулась государыне послужить. Поняла?

Они возвратились в Ключинку уже знакомым Волкодаву путём: через заливной луг, вверх по откосу, потом через тын. Молодая вельхинка оказалась невеликой мастерицей лазить по заборам. Пришлось венну подсаживать её наверх, потом ловить на руки. Прикосновение тёплого девичьего тела и смущало, и радовало его. Ане зацепилась подолом

за острую верхушку обтёсанного бревна и, соскакивая вниз, dokonала без того изодранную рубашку. Волкодав даже в темноте разглядел, как она покраснела, пряча от него оголившиеся коленки.

Когда они добрались до двора, выяснилось, что он успел-таки кое-чему научить своих подопечных. Стороннему взгляду могло показаться, будто двор был вовсе безлюден, только возле амбара теплился кем-то оставленный костерок. Но стоило подойти поближе, и у ворот неслышно сгустились две рослые тени.

При виде спутницы Волкодава, выглядевшей так, словно её дикие звери кусали, у братьев округлились глаза. Они, конечно, сразу признали в ней рыжеволосую невесту Кетарна и загорелись разузнать, что же случилось. Но венн, не вдаваясь в объяснения, повёл девушку к амбару, и близнецы остереглись расспрашивать.

Волкодав притворил дверь и зажёл в углу светец. Лучина разгорелась, озарив чистые мазаные стены, опрятный берестяной пол и три разложенные меховые постели. Ане выйдет замуж за Кетарна и много лет будет входить сюда как хозяйка, и всякий раз ей будет вспоминаться самая, самая первая ночь, проведённая в этих стенах.

Волкодав без большого восторга оглядел своё ложе, нашёл его не вполне подходящим для молодой девушки и, дотянувшись, снял с деревянного гвоздика свой серый, на мягком меху, дарённый замшевый плащ.

– На, устраивайся, – сказал он вельхинке, протягивая ей плащ. – Сейчас одеться принесу.

Ане, достаточно успокоившаяся, чтобы начать думать на сей счёт, встрепенулась и хотела поблагодарить. Но венн уже закрыл за собой дверь.

Вельхи не устраивали в своих домах внутренних перегородок, предпочитая плотные тканые занавеси, которые они искусно и с большой выдумкой расшивали. При этом особенно ценились те, что не имели ни лица, ни изнанки: вышивка получалась двусторонней. Такие-то занавеси, изделие лучших мастериц, разгораживали хоромину кнесинки на две половины. Главную, где помещалась сама госпожа, и прихожую, где ночевали служанки. Ни одна из девушек не проснулась, когда тихо отворилась дверь и вошёл Волкодав. Только старая нянька, у изголовья которой не погасал масляный светильничек, сразу открыла глаза, а потом встревоженно приподнялась на локте. До сих пор у телохранителя не было привычки врывать в покой кнесинки по ночам. Значит, что-то случилось. Потоп, пожар, враги!..

Волкодав приложил палец к губам и успокаивающе кивнул старухе, потом подошёл к ней, перешагивая через мирно посапывающих служанок, и опустился рядом на корточки.

– Бабушка, – сказал он ей шёпотом, – не найдётся ли запасной рубахи, которая не особенно нужна госпоже?

– Тебе-то зачем? – тоже шёпотом подозрительно осведомилась Хайгал.

Волкодав пояснил:

– Тут хорошей девушке одёжку порвали, одарить надо бы.

Старуха проворно выбралась из-под одеяла, явив неизменные чёрные шаровары, и прошуршала босыми пятками к большому лубяному коробу, поставленному возле стены.

– Что за девушка? – деловито спросила она Волкодава.

– Рыженькая... невесткой будет старейшине. Ане зовут.

Бабка что-то проворчала себе под нос, порылась в глубине короба и спустя некоторое время развернула перед ним нарядную новенькую рубаху, шёлковую, ярко-зелёную, на сольвеннский лад вышитую по рукавам и вороту бледно-голубой ниткой:

– Довольно ли хороша?

Может, кнесинка надевала её один раз, а может, вовсе не знала, что у неё есть ещё и такая.

– Спасибо, бабушка, вот уж выручила, – поблагодарил Волкодав, забирая рубаху.

Нянька вдруг хитровато повела на него блестящими, как уголь, глазами:

– Тем, кто на девку зарился, небось головы поотрывал?

Волкодав усмехнулся:

– Головы не головы, но поотрывал. Не то, правда, что надо бы.

Старуха хихикнула, но убоялась разбудить служанок и замахала на него рукой:

– Ступай, ну тебя!..

Волкодав принёс вельхинке рубашку и дал переодеться, потом отобрал порванную и унёс во двор. Там он сел возле костерка, оживил его парой поленьев и стал бросать в огонь кусочки измызанной ткани. Он подумал о том, что трое увечных, скорее всего, только-только выбирались из лесу, скрежеща от боли зубами и предчувствуя, как ещё наградит их Лучезар. Волкодав улыбнулся. Чужая невеста, целая и невредимая, лежала, свернувшись калачиком, в амбаре у него за спиной. Он пообещал ей, что будет недалеко. И, кажется, беспокоиться пока было не о чем.

Его улыбка не ускользнула от внимания близнецов. Скоро они присели рядом с ним у огня, и Лихобор спросил:

– Кто же это её так, Волкодав?

– Лучезаровичи, – ответил наставник.

– И много их... было? – спросил Лихослав.

Венн пожал плечами:

– Да не особенно. Трое.

У парней разгорелись глаза:

– И ты их... один? Всех?

– Если бы не всех, здесь бы не сидел, – сказал Волкодав. И спохватился: – Ни полслова чтоб мне никому!

Близнецы обиженно переглянулись: наставник всё ещё держал их за несмышлёных юнцов, которым надо напоминать самые простые истины. И разом кивнули льяными лохматыми головами.

Позже выяснилось, что один шестилетний мальчишка всё-таки видел, как телохранитель бан-рионы («тот страшный, с косами, у которого летучая мышь...») вёл задворками Ане, одетую в его куртку. Да ещё и обнимал за плечо! По счастью, мальчишка попался не очень сообразительный и притом трусоватый. Он не только не побежал полошнить взрослых – какое! Он с перепугу забился в собачью конуру и там, обняв тёплого кобеля, просидел до рассвета. Жуткий чужак, без сомнения, собирался съесть Ане, а потом вернуться за ним. Но, когда рассвело, возле конуры появился Кетарн, победивший в геройском стоянии на копьях и наконец-то шедший вздремнуть. Мальчишка выкатился ему под ноги:

– Ой, а кто твою Ане ночью с собой увёл...

Славно нагулявшаяся деревня в большинстве своём ещё крепко спала. И юный Бог Солнца, только что показавшийся в небе, явил свою милость, направив людские дела. Горячий молодой вельх, ошеломлённый несусветным известием, тоже не побежал скликать народ на подмогу. Он сразу всё понял. Вчера он поцапался с Волкодавом и уличил его в малодушии. И тот вознамерился ему отомстить. И отомстил. Гнусно, подло, исподтишка. Как и положено трусу. Кетарн ощупал неразлучный кинжал в ножнах на поясе и, не сказав ни слова, во весь дух кинулся ко двору бан-рионы. К тому самому двору, где он думал прожить жизнь с Ане. Со своей Ане. Он казнит негодяя сам. Своей рукой располосует ему глотку и добавит его голову к тем двум, что бережно сохранялись у него дома, забальзамированные в кедровом масле. И никакой помощи ему в том не понадобится.

Мальчишка же, избавившись от жгучей тайны и вместе с нею от страха, зевнул и полез назад в конуру – досыпать. Кобель лизнул его в щёку и подвинулся, давая приятно место.

Ночь выдалась не холодная, и Волкодав даже поспал у костра, возле двери амбара, пока близнецы несли стражу. Когда стало светать и закричали первые петухи, во дворе появилась большая полосатая кошка. Волкодав вспомнил, как мать учила его отличать котов от кошек

по форме мордочки, и рассудил, что к ним в гости пожаловала именно кошка. Любопытная, зеленоглазая, она пришла поближе посмотреть на незнакомых гостей, а заодно и проверить, не завелись ли уже в новом доме крысы и мыши.

Кошка с благожелательным достоинством шествовала через двор, подняв трубой роскошный пушистый хвост. Волкодав посмотрел на царственную красавицу и вдруг вспомнил свои то ли сны, то ли не сны, в которых ему доводилось знать себя серым псом. Кошки не больно ладят с собаками, и венн загадал: если она почует в нём зверя, испугается и не захочет подойти, значит, он в самом деле помаленьку становится оборотнем. Такая будущность его не то чтобы очень печалила. Боги, в конце концов, знали, что для него лучше. И что он заслужил, а что нет. Однако человеческая внешность и разум были как-то привычнее, и он предпочёл бы их сохранить. Он поскрёб ногтем порожек амбара, на котором сидел, и кошка, к некоторому его облегчению, подбежала. Если от Волкодава и пахло зверем, то не собакой, а самое большее Мышом, но Мыш спал на гвозде, с которого был снят серый плащ.

Кошка скоро поняла, что с ней просто играют и охотиться особо не на кого, но не обиделась. Когда Волкодав осторожно опустился на колени и протянул руку, она уткнулась в его ладонь головой, замурлыкала и подставила белую грудку – почесать. Потом вовсе перевернулась на спину, стала ловить мягкими лапками его проворную руку.

Вот так он стоял на коленях и, посмеиваясь, забавлялся с кошкой, когда во двор прямо через плетень метнулся Кетарн.

Молодой вельх даже не закричал, вызывая Волкодава на поединок. Он просто бросился на него, не глядя ни вправо, ни влево. Ему было плевать, есть ли кто ещё во дворе и что сделают с ним самим. Он пришёл убивать. В его руке светился кинжал, лицо свела судорога, превратив его в неподвижную страшноватую маску. Только глаза горели сумасшедшим огнём.

Кошка, сипло мяукнув, спаслась под амбар, а Волкодав понял, что вряд ли успеет даже подняться с колен. Другое дело, вставать было вовсе не обязательно. Зачем, если можно просто крутануть бёдрами, разворачиваясь на левом колене, и привычно вскинуть руки вверх и вперёд. Герой Трёх Холмов проехал щекой по остаткам травы, не до конца вытоптанной во дворе, и от удара о землю воздух с шумом вырвался из его лёгких. Пока он силился осознать, что же случилось, и подобрать под себя руки-ноги, чтобы вскочить, – Волкодав сел на него верхом. И прижал. У Кетарна вмиг отнялась правая рука, сжимавшая великолепный кинжал.

– Так, – сказал Волкодав, вынимая из безвольной ладони позолоченную рукоять и броском всаживая кинжал в амбарный косяк. – Может, поговорим, как приличные люди?

Вельх застонал и яростно дёрнулся, но ничего не достиг. Какова бы ни была ярость, очень трудно заставить собственную плоть ломать себя самоё.

Стук кинжала, воткнувшегося в дерево, разбудил Ане, и без того спавшую чутко. Дверь была прикрыта неплотно: Волкодав намеренно оставил щёлку, чтобы девчонка не решила, будто её запирают. В щёлку проникал свет и холодный утренний воздух. Ане села, разглаживая по коленям шёлковую рубашку, и увидела у себя на запястьях отчётливые полосы, оставленные верёвкой. Девушка зябко передёрнула плечами, закуталась в плащ, как следует протёрла глаза и решила выйти наружу.

Кетарн лежал лицом к амбару. Он сразу увидел свою невесту, появившуюся на пороге. На ней была красивая зелёная рубашка, совсем не та, что накануне, и... *тёплый серый плащ, в котором полдеревни видело вчера Волкодава.* На руках багровели синяки, но в остальном было отнюдь не похоже, чтобы Ане удерживали здесь силой. Значит... *значит...*

Можно ли выразить словами всю бездну унижения несчастного жениха? Кетарн рванулся ещё раз и, вновь остановленный болью, закусил зубами мятые травяные пеньки. Потом уткнулся в них лицом... и заплакал.

Ане громко ахнула, уронила с плеч плащ и устремилась к нему. Подбежав, она

принялась отдирать пальцы Волкодава, державшие руку Кетарна:

– Пусти его!

С таким же успехом она могла бы разгибать подкову.

– Повремени, кайлинь-ог, – негромко сказал Волкодав. – Я ничего ему не сделаю.

Близнецы уже стояли подле наставника, и Лихобор весело подтвердил:

– Не сделает. Хотел бы, давно душу бы вытряхнул.

Лихослав согласно кивнул.

– Я только хочу, чтобы твой жених меня выслушал, – сказал Волкодав. – Отпущу, он же опять воевать полезет. Отойди, кайлинь-ог.

Кетарн приподнял голову, открыл рот... Волкодав заподозрил, что парень собирался наговорить невесте такого, в чём сам потом будет каяться до смертного часа. Да и вообще лучше было ему пока помолчать. Волкодав легонько двинул рукой. Кетарн сейчас же забыл, о чём собирался говорить, брыкнул ногами и снова ткнулся лбом в пыль.

Ане шагнула к нему, но натолкнулась на взгляд Волкодава, как на стену. И безошибочное женское чутьё подсказало ей: хочешь добра – поступай, как велит этот человек. Чужой, до вчерашнего дня ни разу не виданный и, чего уж там, страшный. Ане всю жизнь учили не доверять чужакам. Никто не знает, что там у пришлого на уме, никто не поручится, что это не злой дух, принявший человеческое обличье...

Она не стала поднимать шум, призывая односельчан на подмогу. Просто растерянно закивала – и отошла.

– А теперь послушай взрослого человека, – поудобнее устраиваясь на спине у Кетарна, сказал Волкодав. Жених был, может, на год младше него, но это не имело никакого значения. Волкодав нагнулся пониже и продолжал очень тихо, чтобы слышал только Кетарн: – Тебе сказано было проводить девчонку до дома? Отцу с матерью с рук на руки передать? Ты передал?.. Тебе назад надо было скорее, на копьях сноровкой хвастаться. Не то, не приведи ваш Трёхрогий, кого другого первым молодцом назвали бы. У тебя такой случай был за свою Ане с троими сразу схватиться... которые ей руки связали... Ты мне оставил её избавлять, а теперь ещё недоволен?

Трое, которых он мало не поубивал, Кетарна скорее всего бросили бы в болото, но Волкодав предпочёл о том умолчать. Для него это была необыкновенно длинная речь. И, как с ним чаще всего и бывало, не слишком толковая. Волкодав сам почувствовал, что исчерпал запас говорливости на седмицу вперёд, а толку не добился. И раздумывать, как бы ещё вставить ума Кетарну, было некогда: из дому доносились приглушённые голоса и осторожная возня просыпавшихся служанок. Волкодав поднялся и рывком поставил на ноги охнувшего Кетарна.

– Ты сейчас пойдёшь в амбар и будешь там тихо сидеть, – сказал он, вталкивая молодого вельха внутрь и пропуская туда же Ане. – Твоя невеста будет говорить, – продолжал Волкодав, – а ты будешь слушать её и помалкивать. Она девка мудрая, так что советую. А если ей хоть одно слово грубое скажешь, я тебе язык узлом завяжу. Вокруг шеи.

Учтивостью тут и не пахло, и Кетарн, привыкший считать, что не боится никого и ничего, мгновенно вскипел бешеным гневом. Но так же быстро остыл. Волкодав произнёс своё обещание очень спокойно, скучным будничным голосом. И Кетарн, как многие прежде него, отчётливо понял: венн его отнюдь не страшал. Он действительно собирался исполнить обещанное. И был вполне на это способен.

Кетарна даже замутило: так восстаёт желудок против пищи, которую не в состоянии переварить. У Ане блестели на глазах слёзы. Ей хотелось броситься к любимому жениху, обнять, успокоить его... так ведь оттолкнёт. Кетарн тоже чувствовал, что между ними впервые что-то стояло, и от этого было вдвое больней. Волкодав, окончательно исчерпавший своё небогатое красноречие, стоял за спиной Ане и хмуро смотрел на несчастного жениха. Проснувшийся Мышь высунул голову из-под свёрнутых крыльев и переводил светящиеся бусинки с одного на другого, соображая, не требуется ли вмешательство.

Рука Кетарна, помятая в короткой схватке, мало-помалу снова обретала

чувствительность. Вместе со способностью осязать вернулась и боль, и некая часть его разума, не чуждая осторожности, стала искать причину не нападать больше на Волкодава. Достойную причину, не вызванную боязнью...

Венн не стал дожидаться, пока он эту причину найдёт.

– Не всё так просто, как тебе кажется, – буркнул он и вышел во двор, оставив жениха и невесту наедине. Мышь отцепился от своего гвоздя и выпорхнул следом, легко скользнув в щель уже закрывавшейся двери.

Выйдя наружу, Волкодав подставил крылатому приятелю руку и пощекотал зверька, в то же время прислушиваясь к происходившему в амбаре. Он очень боялся, что петушиная гордость всё-таки толкнёт Кетарна на какой-нибудь труднопоправимый поступок. Однако за дверью сперва было совсем тихо, потом раздался голос Ане. Негромкий, но очень настойчивый и убедительный. Если бы Волкодав захотел, он бы, наверное, сумел разобрать слова. Он не стал этого делать.

Государыне кнесинке снился сон. Нехороший, тягостный сон. Весёлые её, правду молвить, последнее время посещали нечасто. Но об этом она поразмыслит наяву. А во сне всё принимаешь, словно так тому и следует быть.

Кнесинка Елень стояла на узкой каменистой тропе, по бокам которой не росло ни кустика, ни травинки. Справа и слева вздымались неприступные серые скалы. Над зубчатыми вершинами медленно плыло навстречу косматое серое небо.

А из-за скал... наступало, подкрадывалось, ползло... нечто безымянное и безликое, пока ещё невидимое за поворотом тропинки, но такое, что кнесинка знала: стоит ей хоть мельком увидеть это, и она сейчас же умрёт.

Она была не одна, она видела рядом с собой Волкодава. Его спину в кольчуге, казавшей воронёные кольца из-под кожаного чехла. Он медленно пятился по тропе, яростно с кем-то рубясь, принимая неравный, отчаянный бой. Её Неведомый Ужас был для него просто врагом из плоти и крови, которого вполне можно было достать ударом меча...

Потом кнесинка заметила, что на ней самой тоже были кольчуга и шлем, а в руке блеснул меч. С которым она обращаться-то как следует не умела.

«Беги, госпожа!» – не оборачиваясь, прохрипел Волкодав.

И кнесинка почувствовала, что в самом деле может убежать и спастись. Просто повернуться и убежать. Что-то подсказывало ей, что она здесь была вроде стороннего зрителя: можно спокойно уйти прочь.

«А ты как же?..» – закричала она. Волкодав не ответил. Он действовал мечом с той убийственной силой и быстротой, что так часто завораживала её на заднем дворе крома.

«За меня не бойся», – наконец бросил он через плечо.

Повернуться и спокойно уйти... Кнесинка не могла ни спасти Волкодава, ни бросить его здесь одного. Только умереть вместе с ним. Чего её телохранитель как раз хотел бы меньше всего.

Кнесинка собралась сказать ему, что ничоём его не оставит, но не успела. Волкодав начал падать. Падая, он обернулся: девушка увидела искажённое, залитое кровью лицо. А из-за скалы – и тут у кнесинки волосы поднялись дыбом – к нему уже тянулись какие-то мохнатые щупальца...

Елень Глуздовна стиснула в мокрой ладони рукоять меча, дико закричала и неуклюже бросилась на выручку...

И всё изменилось.

Во сне всегда так. Натолкнувшись на непереносимое, человек либо просыпается, либо вываливается из слишком страшного сновидения в другое, поспокойнее.

Кнесинка была на той же тропе, но в другом месте и откуда-то знала, что это

происходило уже «потом». Она бежала со всех ног, петляя между серыми валунами и страшась оглянуться. Потом она увидела себя на мосту. Мост был длинный, составленный из множества дощечек, соединённых верёвками. Он тянулся через ущелье, на дне которого плавали клочья тумана и раздавался глухой медленный рокот. Кнесинка бросилась бежать по мосту и почувствовала, что он внезапно просел. Но не так, как под чрезмерной тяжестью: его словно бы подрубили у неё за спиной. Кнесинка обернулась. Какой-то человек с берестяной личиной вместо лица силился ещё раз полоснуть мечом толстый канат, а Волкодав не давал ему этого сделать, теснил в сторону, не подпуская ко входу на мост...

Кнесинка побежала к людям, ожидавшим её на той стороне, а мост под ней опускался и опускался, теряя опору...

И опять прервался сон, забредший в слишком жуткий тупик. Только на сей раз кнесинка проснулась. Она не вскочила с криком, пугая служанок. Просто ощутила, что нет никаких скал, никакого моста, а есть только подушка и одеяло. И между расшитыми занавесями заглядывает весёлый утренний луч.

Первым движением девушки было перевернуться на другой бок и с облегчением погрузиться в блаженную дрему. Так она и поступила: натянула одеяло повыше и не стала раскрывать глаза. Но час был уже не особенно ранний, молодое тело успело достаточно отдохнуть и больше не нуждалось в покое. Зато сновидение, только что посетившее кнесинку, ещё плавало у самой поверхности, не успев окончательно погрузиться в забвение.

Волкодав, подумала она, и глаза открылись сами собой. Я его не бросила. Меня... унесло. А он, наверное, погиб.

Ей стало страшно. Когда случается увидеть во сне кого-то из близких, потом, наяву, ощущаешь к нему особенное родство.

С ним что-то случилось ночью. Его убили, и я это почувствовала...

Кнесинка, задохнувшись, села и спустила ноги на холодный глиняный пол, нащупывая на груди оберег. *Подумаешь, сон. То есть, конечно, бывают вещи сны. О которых сто лет потом вспоминают. Потому что и снятся они раз в сто лет. Одному человеку из тысячи. Да кто сказал, что именно этот сон – обязательно в руку?..*

Елень Глуздовна встала, схватила широкий плащ, набросила его поверх просторной рубахи, в которой спала, и отодвинула занавесь.

В прихожем покое уже не было никого из служанок, только на пороге сидела и умывалась большая полосатая кошка. Дальше виднелся залитый солнцем двор, и во дворе кнесинка сразу увидела Волкодава.

Её телохранитель играл со своим крылатым любимцем. Он высоко подбрасывал зверьку на ладони, и тот переворачивался в воздухе несколько раз, а потом, не раскрывая крыльев, падал обратно. Мышь хорошо знал, что знакомая рука обязательно подхватит его, не дав коснуться земли.

Кнесинка прислонилась плечом к ободверине и стала смотреть на Волкодава. Откуда ей было знать, что эту игру они выдумали давным-давно, ещё когда Мышь не мог летать. Кнесинке вдруг вспомнилось, как она ездила на Светынь вдвоём с Волкодавом. И как её перепугал безобидный глухарь, взвившийся из-за куста. И как телохранитель мгновенно прижал её к земле, загораживая собой. А потом гладил по голове и что-то говорил, утешая, помогая развеять испуг...

Вот и теперь Елень Глуздовна смотрела на него и чувствовала, как уходит, подёргивается дымкой приснившееся сражение. Волкодав был здесь. С ней. Целый и невредимый. Случись что, и он подоспеет на помощь. Не плачь, скажет, государыня. Некого больше бояться. Да ведь и не случилось ничего.

Кнесинка была далеко не дурой и к тому же привыкла раздумывать о людских словах и

поступках, доискиваясь причин. И ей было отлично известно, *что* это значит, если женщине хочется смотреть мужчине в глаза и встречать его взгляд. Заговаривать с ним и слушать его голос. Протягивать ему руку и ощущать ответное прикосновение. Например, когда он сажает её на коня. Или учит оборонять себя от врагов...

Как всё легко и просто, когда речь идёт о ком-то другом. Как легко давать другому умный совет. Разум советчика спокоен и ясен, чужие бури не смущают его. Зато как понятно со стороны чужое смятение, как очевидны в нём черты того общего, что роднит людей от начала мира и будет им присуще до скончания веков. Себя самого в эту общность включить гораздо трудней. Каждый живёт впервые, каждый сам для себя единствен и неповторим, и то, что с ним происходит, – особенное, не такое, как у всех остальных.

Кнесинке было всего семнадцать лет, и она ни разу ещё не влюблялась.

До недавнего времени...

Ей захотелось выйти наружу и заговорить с Волкодавом. Всё равно о чём. Но в это время во дворе появился один из людей Лучезара, и кнесинка, не слишком жаловавшая «брата», отступила за занавесь. Там её не было видно со двора.

Боярин Лучезар хорошо знал, кого посылать к Волкодаву. Во двор, притворив за собою калитку, вошёл смирный щупленький парень, по слабости здоровья никогда не посягавший на оружие. Лучезар держал его за бойкую грамотность. Сам боярин себя письмом и чтением не утруждал, хотя и умел. На его взгляд, перо и чернила были воину едва ли не неприличны.

– Господин... – кланяясь, робко проговорил паренёк. – Доброго утречка тебе, господин...

Волкодава он, похоже, боялся и трусил перед ним по-щенячьи. Венн сначала задумался, отчего бы такая боязнь. Потом вспомнил тех, наказанных ночью. Не иначе, приползли восвояси и наплели с три короба. Тут Волкодав вспомнил ещё кое-что, усмехнулся и подумал: *вот бы хоть краем уха послушать их рассказы. Интересно, сколько веннов держало каждого за руки, пока остальные калечили...*

– И тебе доброго, – сказал он гонцу.

– Господин, – снова начал кланяться молодой писарь. – Боярин Лучезар велит тебе прийти к нему, господин...

Мышь перевернулся в воздухе и блаженно упал в ладонь Волкодава.

– Боярин твой мне не указ, – сказал венн. И замолчал так, что чувствовалось: больше ничего не добавит.

Глаза юнца налились слезами:

– Боярин сказал, что велит меня выпороть, если я не приведу тебя, господин...

Поймав Мыша в последний раз, Волкодав водворил зверька на плечо и смерил юношу угрожающим взглядом:

– Может, и выпорот, потерпишь. Лучше будет, если я тебя пожалею, а кнесинку без меня зарежут?

У паренька задрожали губы, он всхлипнул, повернулся и убежал.

Прибил или не прибил Лучезар писаря, так и осталось никому не известным. Спустя некоторое время Левый появился во дворе у кнесинки сам. Конечно, приехал он не один, и при виде Плишки и Канаона, сопровождавших его, братья Лихие ненавязчиво приблизились к наставнику и устроились неподалёку.

Головорезы спешили первыми. Лучезар сошёл со своего вороного, опираясь на их плечи, словно тяжело больной. Он и вправду выглядел неважно. Серое лицо, налитые кровью глаза и зрачки, как булавочные головки. Вчера, оставшись без девки, Левый развёл себе порошка, но бросил в чашу с вином не шесть крупинок, как делали ищущие блаженства, а всего одну. Так иногда поступали, желая подстегнуть бесплодную, запутавшуюся мысль. Или тело, напуганное неподъёмной работой. Волкодаву приходилось видеть и то и другое, и он сразу насторожился. Лучезар только казался расслабленным. Венн отлично знал, какова

цена этому спокойствию. Он не раз наблюдал, как боярин рубился на потешных мечях с несколькими отроками сразу и поспевал отгонять всех. Славна дружина, в которой есть один-два подобных бойца. А в нынешнем своём состоянии Лучезар был куда опасней обычного...

Левый сбил телохранителя с толку, приветливо улыбнувшись:

– Здравствуй, Волкодав.

Венн оглянувшись, взглядом подозвал к себе Лихобора. Парень с готовностью подбежал. Волкодав сказал ему:

– И боярину от меня доброго утра.

Лучезар прошёлся перед ними туда-сюда и весело погрозил пальцем:

– Упрямый ты, Волкодав. И всё врагом меня числишь, даже обратиться прямо не хочешь. Обижаешь, венн! Я ведь не ругаться с тобой сюда пришёл. Я тебя поблагодарить хочу. Спасибо сказать, что ты о чести моей вперёд моих людей позаботился. Те трое дураков приметили на пиру, что мне девчонка вроде понравилась. Решили подарочек поднести... Ты правильно сделал, что перехватил недоумков и каждому всыпал. Они говорят, будто ещё кого-то там видели, но ты ведь один был, правильно? Я их отослал, чтобы впредь меня не позорили... А куда ты отвёл девушку, Волкодав? Перемолвиться с ней хочу, чтоб зла не держала...

Волкодав ответил, обращаясь по-прежнему к Лихобору:

– Скажи боярину, что девушка решила послужить государыне и будет при ней, пока государыня не уедет.

– Вот оно что, – улыбнулся боярин. *Насквозь тебя вижу,* говорил его взгляд. *Спрятал девку. Умён. Кнесинкой от меня заслонил...*

За что же ты отослал их, боярин, думал между тем Волкодав. *Уж прямо за посрамление? Или тем тебя посрамили, что мне одному втроём хребет не сломали?*

Совсем беззаботной улыбки у боярина не получилось. Дурманный порошок делал своё дело, оставляя в улыбке всё меньше человеческого. Лучезар развязал поясной кошель и вытащил длинное ожерелье. Полюбовавшись им при солнечном свете, Левый протянул его младшему телохранителю, зная, что старший не возьмёт всё равно:

– Это ей. Пускай носит да меня добром поминает.

Лихобор пообещал передать.

Ожерелье было, какие в Галираде дарили своим девушкам безденежные голодранцы. На них шла почти дармовая смола, добывавшаяся в окрестностях города. По виду она напоминала янтарь, но, в отличие от него, легко плавилась. И крошилась прямо в руках. То есть барахло барахлом, но ремесленная мысль и тут не ведала удержу. Кое-кто лил расплав в хитрые формочки и нанизывал на жилку петушков, уточек и лошадок. Иные, совсем уже жулики, добавляли песок, мелкий лесной мусор и мёртвых насекомых – от муравьёв до раскормленных тараканов, пойманных в ближайшей харчевне. Остывшие глыбки раскалывали на неправильные куски и успешно продавали несведущим чужеземцам за настоящий самородный янтарь.

Когда боярин уехал прочь со двора, Волкодав повертел ожерелье в пальцах и вернул Лихобору: тебе дадено, ты и вручай.

– Скажи ей, чтобы прежде вымыла хорошенько, – посоветовал он отроку.

– Почему ты никогда не говоришь с боярином? Только через кого-то? – любопытно спросил Лихобор.

Волкодав пожал плечами, соображая, как быть. *Вот так прямо взять и вывалить – страсть не люблю, мол, Лучезара и боюсь, не досталось бы ему шею сворачивать? Близнецы Левого любили не больше него. Но рукопаиная схватка с боярином парням, вскормленным при дружине, могла присниться разве в дурном сне. Как же! Витязь из наивявших, у кнесова престола по левую руку стоял! С ним и тут, в походе, пребывает кнесова воля. Мыслимо ли от него, вождя, пагубы ожидать? Да и самому на него меч вроде*

точить?..

Пока Волкодав раздумывал, в груди затеплился маленький уголёк, быстро разгоревшийся в пламя. Как всегда, венн боролся до последнего, силясь остановить приступ, и, как всегда, не совладал. Он тяжело сел наземь, и Мыш с отчаянным криком завертелся у него над головой.

Волкодав почувствовал, как рот наполняется кровью, и ощутил подле себя кнесинку. Почему-то он твёрдо знал, что кому-кому, а ей о его хворях знать было незачем. НЕЛЬЗЯ. Волкодав сделал над собой страшное усилие, и кашель отступил. Чудо из тех, которые удаются раз в жизни.

Волкодав открыл глаза и в самом деле увидел над собой кнесинку. Родниковые глаза были двумя омутами беспокойства:

– Что с тобой, Волкодав? Что с тобой?..

Он поднялся на ноги и ответил, не очень надеясь, что голос прозвучит по-людски:

– Да так, государыня. Ничего.

Голос не подвёл его, но в глазах кнесинки как будто что-то захлопнулось. Казалось, она хотела заговорить с ним, но передумала и промолчала. А потом повернулась и пошла прочь.

Молодая государыня гостила в Ключинке ещё три дня, и за это время никаких ссор между хозяевами и гостями не произошло. Никто ни на кого не начал коситься, но надо ли говорить, что до самого отъезда галирадцев местные девушки, ключинские и с болот, ходили по лесным тропинкам не иначе как в сопровождении отца, братьев и жениха. Волкодав сильно подозревал, что благодарить за это следовало не Кетарна, а его невесту, сумевшую что-то шепнуть на ухо матери и подругам. Потом поезду кнесинки настала пора двигаться дальше.

Волкодав уже вывел из конюшни Серка и смотрел, как слуги и охочие помощники из вельхов укладывали в повозку лубяные короба с имуществом госпожи. Работа была в самом разгаре, когда к нему подошла Ане и с нею Кетарн, почему-то прятая руку за спиной.

– Уезжаешь, – поздоровавшись, проговорил вельх. – Что ж, заглядывай, когда мимо случишься.

– Может, и загляну, – сказал Волкодав. Ему казалось, что за эти несколько дней Кетарн повзрослел лет на десять. По крайней мере, превратился из драчливого юнца в справного молодого мужчину.

– Вот, возьми на память, – вдруг сказал ему сын рига. – Чтобы вправду дорога не позабылась.

Вынув руку из-за спины, он протянул Волкодаву вдетый в ножны кинжал. Тот самый, с рукоятью в виде позолоченного человечка. Привезённый с поля сражения у Трёх Холмов.

Волкодав покачал головой:

– Больно дорогой подарок, отдаривать нечем.

Ане лукаво заглянула ему в глаза:

– А ты разве не отдал?..

Кетарн же добавил:

– Не обижай, возьми. Я его хотел поднять на хорошего человека... Руку мне жечь станет, когда выну из ножен.

Делать нечего, пришлось взять и повесить на пояс. Волкодав едва управился с этим, когда Ане решительно подошла к нему вплотную. Дотянувшись, она обняла рослого венна за шею, заставила нагнуться и, ничуть не стесняясь глазевшего народа, крепко поцеловала в губы. Ошарашенный Волкодав посмотрел поверх её головы и встретился глазами с Кетарном. Ревнивый жених подмигнул ему, а потом заговорщицки улыбнулся. Историю, выдуманную Лучезаром, знали все. Правду – только они трое да ещё, может, старейшина.

Ане отступила на полшага, и Волкодав спросил её:

– Ожерелье-то где?..

Девушка засмеялась, вновь заставила наклониться и поведала на ухо:

– Богу Болотному подарила!..

Было время когда-то. Гремело, цвело... и прошло.
И державам, и людям пора наступает исчезнуть.
В непроглядной трясине лежит потонувшее Зло
И герой, что ценой своей жизни увлѣк его в бездну.

Что там было? Когда?.. По прошествии множества лет
И болото, и память покрыла забвения тина.
Только кажется людям, что Зло ещё рвѣтся на свет:
До сих пор, говорят, пузырится ночами трясина.

До сих пор, говорят, там, внизу, продолжается бой:
Беспощадно сдавив ненасытную глотку вампира,
До сих пор, говорят, кто-то платит посмертной судьбой
За оставшихся жить, за спокойствие этого мира.

11. «Не та!»

Сивур испокон веку считался пограничной рекой. Здесь кончались владения галирадского кнеса. Дальше до самых велиморских Врат тянулись сумежные земли, населѣнные племенами, никому не платившими дани. Были кое-где в лесах и деревни, но рассчитывать на такой приём, какой оказали кнесинке луговые вельхи, больше не приходилось. Хуже того: всем было отлично известно, что здешний народ промышлял как умел и отнюдь не чурался разбоя. В скором будущем, когда между двумя державами пойдѣт бойкая торговля и зачастую туда-обратно купеческие обозы, сами собой возникнут вдоль оживлѣнного тракта сторожевые городки, появятся вооружѣнные разъезды. Однако пока этого не было и в помине.

Переpravляться через полноводный Сивур предстояло на плоскодонном пароме, приводимом в движение вѣслами. Этот паром спускали на воду в основном ради приезжих с их изнеженными, непривычными к трудам и опасностям лошадьми. Сами вельхи, если случалась нужда, вытаскивали из сараев вѣрткие круглые лодки, обшитые бычьими кожами, а закалѣнные кони переправлялись на другой берег вплавь. В Ключинке ещё помнили, как герои давно прошедших времѣн выбирали себе для будущих подвигов скакуна. Загоняли в реку табунок жеребят и примечали того из них, кто не выскакивал в испуге обратно на берег, а, наоборот, отважно выплывал на глубину.

Переправа через реку вроде Сивура – дело не вполне безопасное. Это не какая-нибудь лесная речушка, которую лошадь переходит вброд, не замочив брюха. Старшины охранного воинства собрались на совет возле вытасченного на берег парома. Явился с ближайшими подручными Лучезар, пришли предводители отрядов, выставленных галирадскими землячествами – сольвеннами, вельхами и сегванами. Пришѣл и Волкодав. В вожди он не лез никогда, но старшему телохранителю кнесинки полагалось хотя бы знать, что вожди затевали. Аптахар дружески с ним поздоровался. Мал-Гона, рыжеусый вельхский старшина, вежливо поклонился, сольвенн Мужила равнодушно кивнул.

Боярин Лучезар недовольно хмурился, похаживая вокруг парома и время от времени гулко пиная ногой толстые просмолѣнные доски. Чѣрная смола пачкала зелёные, расшитые цветным шѣлком сапоги, но Левый не обращал внимания: не ему оттирать, на то слуги есть и рабы.

– Лапоть дырявый, – ругнулся он, оставив паром и возвращаясь к остальным. – Хорошо, если один раз до того берега доберѣтся, не развалившись посередине!.. Значит, так:

первым делом, чтобы не вымочить, перевезём сестру со служанками и десятком воинов для охраны. Потом станем возить моих молодцов и велиморцев... доколе лохань эта по досочке не рассядется. Вы, городские, после дружины. А не захотите ждать – сами на лодках или вплавь вместе с конями. Ничего, небось не размокнете.

Трое витязей-Лучезаровичей со скучающим видом переминались у боярина за спиной. Им, что он ни реши, всё хорошо, всё любо. Волкодав быстро посмотрел на старшин ратников: не станут ли возражать. Они не стали. Их дело – хорошо воевать, если придётся, а решения пускай принимают кто познатней. Волкодав спросил себя, удосужились ли эти трое, как он, загодя осмотреть паром и убедиться, что плоскодонная посуда была пускай не нова и весьма неказиста, но отнюдь ещё не отжила век. Да и плавала последний раз не так уж давно, а посему и рассохнуться не успела...

– Решили, значит, – проговорил Лучезар.

– Нет, – глядя под ноги, сказал Волкодав.

Все повернулись к нему.

– Как это нет? – раздражённо удивился боярин, и на скулах у него выступили красные пятна. – Как это нет?

– Вначале должна переправиться половина воинов. Или даже больше. Причём сколько дружинных, столько и городских, – сказал Волкодав.

Он смотрел за реку. Там, куда предстояло причалить парому, виднелась чистая поляна около стрелища в поперечнике. А за ней и кругом – сплошная стена леса. Да не красного бора, как по сю сторону, а густого ельника пополам с несоразмерно вытянувшимися берёзами. Дорога с поляны уходила в этот лес и сразу куда-то сворачивала. Чаща, конечно, была хорошо разведана и местными, и охотниками из отряда. Но переправить туда кнесинку и оставить со служанками и жалким десятком бойцов?..

– Когда они сядут в сёдла, – продолжал Волкодав, – перевезём госпожу. Потом остальных.

– Что?.. – задохнулся боярин. – Это кто рот раскрыл? Полководец прославленный? Над двумя отроками начальник?..

Витязи радостно изготавились, но Волкодав не сдвинулся с места и ничего не ответил.

– Ладно! – сказал Лучезар. – Сделаем, как я сказал, а кто недоволен, может в Галирад возвращаться.

Волкодав, по-прежнему глядя за реку, отдельно проговорил:

– Пока я жив, государыня на первый паром не взойдёт.

Витязи призадумались, поскучнели. Старшины начали переглядываться. Первым, покашляв в кулак, подал голос Аптахар:

– По мне, так послушал бы ты его, государь Лучезар. Хёгт меня съешь, не так уж он и неправ.

Сольвенн Мужила на всякий случай отступил от него в сторону, чтобы не выглядеть причастным к дерзким речам. Зато Мал-Гона подёргал себя за усы и решительно присоединился к сегвану:

– Наши братья, ключинские вельхи, не стали бы предлагать бан-рионе дырявый паром. Телохранитель дело говорит, государь.

– Этого ты хотел? – дрожащим от ярости голосом обратился Лучезар к Волкодаву. – Чтобы мы между собой перессорились? А то и драку затеяли, пока разбойники лесные сестру мою в мешок сажать будут?

Волкодав посмотрел в глаза сегванскому старшине и сказал:

– Передай боярину, Аптахар, что я ссорить никого ни с кем не хочу. Но на первом пароме кнесинка не поедет.

Он по-прежнему не смотрел на боярина, но краем глаза видел, что того затрясло. Ещё он видел подходившего к ним велиморского посланника. Благородный нарлак чем-то неуловимо напоминал ему Фителу: то ли чёрными с серебром волосами, то ли спокойным достоинством человека не воинственного, но умеющего за себя постоять.

– О чём спор, господа мои? – подойдя и поздоровавшись, спросил велиморец.

Мужила, видно, понял, что отмалчиваться больше нельзя, и стал объяснять:

– Да вот, государь Дунгорм, Лучезар Лугинич говорит, что паром хлипок, и хочет сперва Елень Глуздовну перевозить, а телохранитель, вишь, упирается, сказывает, вначале половину отряда...

Посланник Дунгорм обвёл спорщиков внимательным взглядом. За боярской любовью он особо не гнался, а вот невесту своему господину хотел доставить живую и невредимую. Он пожал плечами и предложил:

– Я со своими людьми рад буду испытать крепость парома. Мы можем переправиться прямо сегодня, а завтра, в самом деле, отчего бы первым паромом не перевезти госпожу...

Делать нечего, пришлось Лучезару ответить согласием. Понял, наверное: возьми он упорствовать, и это показалось бы странным. Волкодав, однако, расслышал, как заскрипел зубами боярин, и спросил себя: *почему тот так стоял на своём? Из одной спеси? Пусть, мол, я неправ, но как сказал, так и станется?.. Или ему надо было зачем-то, чтобы кнесинка почти одна оказалась на том берегу?..*

Сперва эта мысль показалась телохранителю слишком чудовищной. Всё же он заставил себя не отмахиваться от неё. Он в своей жизни повидал всякого. И успел усвоить: хочешь прожить на свете подольше, всегда будь готов к самому худшему. И ещё. Есть люди, которых не обязательно подводить к самому краю, чтобы они собственную мать предали.

Или сестру.

Надо ли говорить, что в последнюю ночь Лихослав неотлучно торчал у парома, а Лихобор то и дело навещал его там. Когда дошло дело до переправы, Волкодав сам возвёл кнесинку на паром и дальше чем на шаг от неё не отходил. Когда же до того берега осталось полтора стрелища, он сказал Елень Глуздовне:

– Сделай милость, государыня, надень кольчугу.

Кнесинка смерила его взглядом:

– Вот ещё... Не стану, незачем.

– Надень, госпожа, – повторил Волкодав.

Кнесинка вскинула глаза: он смотрел на неё спокойно и хмуро, и было видно, что этому человеку давно уже не удавалось как следует выспаться. *Наняла охранять, так хоть не спорь*, написано было у него на лице. Кнесинке стало стыдно. Она опустила голову и взяла у него блестящую кольчугу, которой не могла повредить даже морская вода.

Она не стала спрашивать венна, что там было у него на уме, но заметила, что он неотступно держался между нею и берегом. Вот паром с шорохом наехал плоским днищем на мелкий прибрежный песочек, стукнули о борт ребристые сходни из еловых досок, способные выдержать нагруженную повозку. Дунгорм позаботился загодя выстроить своих молодцов и сам вышел поприветствовать кнесинку, как раз пересекавшую предел сольвенской державы. Торжества, однако, не получилось. Дунгорм недоумённо нахмурился, когда вперёд государыни, закрывая и пряча её широкими спинами, на берег спустились трое телохранителей. И каждый держал в руках снаряжённый лук со страшенькой бронебойной стрелой на тетиве. Телохранители сразу провели девушку в шатёр, заботливо раскинутый велиморцами. Следом туда же отправили служанок и няньку и, пока переправлялось остальное войско, никому не позволяли высунуться наружу.

Оскорблённый Лучезар всем видом показывал, что не верит ни в какую опасность. Он ушёл со своими в дальний конец поляны, и вскоре оттуда донёсся перестук деревянных мечей. Вот уж чем Левый не пренебрегал никогда, так это воинскими упражнениями.

Велиморский посланник, понятно, наведаясь в шатёр засвидетельствовать своё почтение госпоже. Когда же вышел, то остановился переговорить с Волкодавом, сидевшим у дверной занавески. Дунгорм был знатным, родовитым вельможей, но молодость провёл при войске, в боевых походах, и не привык считать разговор с простым воином за бесчестье. К тому же велиморец неплохо понимал в людях и за время путешествия успел убедиться: телохранитель-венн вовсе не был тупым звероподобным убийцей, которым считала его

половина галирадской дружины.

– Мы оба хотим благополучно довести госпожу, – начал Дунгорм. – И потому я не отказался бы знать, с какой стати ты так ведёшь себя, Волкодав... тебя ведь Волкодавом зовут?

Венн отозвался безо всякой охоты:

– Может, и зовут.

На берегу суетился народ, с вновь причалившего парома осторожно выкатывали повозку, рядом приставали кожаные вельхские лодки. Воины выводили из воды устало отфыркивавшихся лошадей, одолевших Сивур. Волкодаву позарез нужны были Мал-Гона или Аптахар, но этим двоим предстояло переправиться ещё нескоро. Поэтому венн на берег почти не смотрел. Он не сводил глаз с рослых елей, стеной обступивших прибрежную поляну.

– За что ты так не любишь боярина Лучезара? – спросил велиморец. – Он храбрый воин и к тому же родственник госпоже.

Волкодаву не хотелось на это отвечать, и он промолчал. Дунгорм же досадливо подумал, что галирадские витязи были не так уж неправы. Одно добро: свирепый и непочтительный венн действительно охранял государыню, как преданный пёс.

– Зря ты думаешь, будто никто, кроме тебя, не хочет добра госпоже, – сказал Дунгорм и собрался уйти, но тут Волкодав быстро посмотрел на него и проворчал:

– Что там я думаю, это дело десятое. Просто, если бы я хотел убить кнесинку, я устроил бы здесь засаду.

Дунгорм сердито хлопнул себя по колену:

– Засаду!.. Это верно, поезд богатый, но воинов!.. Да и кому бы?.. Уж не хочешь ли ты, Волкодав, показать, что не даром хлеб ешь?

При иных обстоятельствах Волкодав просто намертво замолчал бы и не стал дальше с ним разговаривать. Однако нынче ему было не до себя. И не до своей гордости. Вдобавок за время дороги он тоже присмотрелся к Дунгорму и понял: нарлак был далеко не глупец и искренне заботился о кнесинке. И потому Волкодав спросил его:

– Скажи лучше, почтенный посол, не видели ли кого твои люди, когда устраивали лагерь?

– Никого, – пожал плечами Дунгорм. Потом, подумав, припомнил: – То есть видели какого-то оборванца... охотника, наверное. Парни сказывали, он так перепугался их, что удрал без оглядки. А ты – засада!

Волкодав впервые повернулся к нему, светлые глаза сделались пристальными:

– А не свил тот охотник гнезда где-нибудь на дереве? Вон в той стороне?

И он мотнул головой туда, где здоровенные ели росли гуще всего, нависая над открытым пространством. Дунгорм ничего не ответил, но сразу куда-то заторопился. Волкодав слышал, как велиморский посланник звал к себе старшего над своими воинами. *Если они там хоть что-нибудь найдут, сказал он себе, ни одному слову Левого я больше не верю. Ни одному.*

У велиморцев нашлись справные воины, сумевшие раствориться в лесных потёмках и незаметно слиться с тенями. День прошёл тихо, но в сумерках они заметили человека, бесшумно кравшегося к огромному дереву. Трёхсотлетняя ель стояла в некотором отдалении от поляны, зато превосходила всех своих соседок и высотой, и пышностью хвои. Велиморцы окликнули человека, когда он уже собирался на неё лезть. Услышав оклик, он вздрогнул, а потом подпрыгнул, подтянулся и с ловкостью кошки устремился вверх. Стрелы, однако, оказались проворней: одна из них угодила ему в ногу, намертво пригвоздив. Несколько воинов уже проворно карабкалось следом, надеясь изловить незнакомца и привести его на допрос. Поднявшись к нему, они убедились, что опоздали. Человек понял, что не уйдёт, и чиркнул себя по руке маленьким, но очень острым ножом, смазанным какой-то отравой. Действовала отравка мгновенно: велиморцы спустили с дерева труп. Одет же человек был в одежду охотника, изорванную и бедную.

Велиморские воины взобрались на дерево и обнаружили там удобный помост из жердей, с которого как на ладони был виден весь лагерь. На помосте нашли небольшой, но чудовищно сильный и дальнобойный лук с прочной кожаной тетивой. И стрелы к нему. Половина стрел была увита смоляной паклей и снабжена двузубыми наконечниками. Не больно-то отшвырнёшь, прекращая пожар. У других на головках обнаружился яд. Тот же, что избавил от допроса стрелка.

Мёртвое тело, не поднимая особого шума, закопали под ёлкой. Прежде чем хоронить, его тщательно осмотрели, но не нашли ничего, кроме маленькой татуировки. Под левой мышкой убитого синел Знак Огня, вывернутый лепестками вовнутрь.

Дорога впереди, как говорили, заблудиться не давала, но всё же ключинские вельхи послали с кнесинкой проводника. Вернее, проводницу – сероглазую воительницу Эртан. Благо решительной девушке случалось путешествовать далеко от родных мест, в том числе и к Замковым горам.

Молодых воинов неудержимо притягивала гордая красота вельхинки. Многие пытались найти к ней подход, но наталкивались на ледяное презрение. А кто слишком уж разгорался страстью – получал свирепый отпор и не знал потом, как скрыть синяки. Эртан сама выбирала, с кем ей дружить, с кем не дружить. Через несколько дней пути само собой сложилось так, что воительница держалась большей частью вблизи повозки кнесинки, стремя в стремя с Волкодавом, и без усталости рассказывала венну о местах, которые они проезжали. Очень скоро к ним начали пристраиваться и Мал-Гона, и Аптахар, и даже Мужила. Занятные рассказы Эртан с любопытством слушала сама кнесинка, ехавшая то в возке, то верхом на Снежинке.

Им предстояло выехать к развилке, где дорога разделялась на две: Старую и Новую. Новая петляла среди каменистых холмов, где если и попадался родник, то непременно с невкусной, известковой водой. Не было там и мало-мальски приличного места для стоянки. Тому, кто пускался в путь по Новой дороге, предстояло не менее двух ночей (а промешкаешь – так и все три) спать на сквозных ветрах, непрестанно дувших между холмами, и притом везти с собой все дрова: там, среди серых скал и валунов, ничего пригодного для костра найти было невозможно.

Старая же дорога вела чудесными лесами, которые исстари славились богатой охотой и «непугаными», как выразилась Эртан, грибами.

– Понадобилось мне однажды... присесть, – вызывая улыбки мужчин, весело и без тени смущения рассказывала она о своей поездке туда. – А были там сплошь папоротники высотой мне вот по сюда, да такие разлапистые, земли не видать. Сажусь я, значит... а под папоротниками-то – подосиновик на подосиновике! Да какие – с бутылку! Забыла я про все свои дела, давай скорей собирать... и хоть бы один червивый попался!

...Тем не менее Старая дорога была почти заброшена, и уже довольно давно. Благоразумные люди ездили всё больше по Новой. Именно она и была обозначена красной краской у Волкодава на карте: сам Глузд Несмеянович, путешествуя в Велимор и назад, предпочёл ехать холмами. Волкодав спросил вельхинку, почему так.

– Это всё из-за болот, – ответила она неохотно, и венн заметил, как она сделала рукой знак, отгоняющий нечистую силу. – Старая дорога проходит краем болот... Нехорошие это места. Дурные.

– Почему дурные? – спросила кнесинка Елень. Она сидела на передке повозки и время от времени отбирала вожжи у старой няньки, правившей лошадьми. Эртан ответила не сразу, и кнесинка пожала плечами: – Разве могут быть в плохом месте такие грибы, как ты только что говорила? Да их ещё в земле черви бы съели. И сама ты разве стала бы их собирать?

Эртан вздохнула и опять сложным образом перекрестила пальцы, чтобы не подслушал злой дух.

– У нас об этом рассказывают так... – начала она, покачиваясь в седле и задумчиво глядя вперёд. – Я слышала это от деда, а ты, госпожа, сама решай, что тут к чему. Было дело

во дни Последней войны, когда жили здесь совсем другие племена, а какие – никто теперь и не помнит. Случилось так, что по воле Тёмных Богов сюда забрёл отряд из войска могущественного завоевателя, разбившего перед тем горцев-ирванов...

– Гурцата Великого, – сказала кнесинка Елень.

– Воистину тебе многое известно о тех временах, благородная бан-риона, – поклонилась Эртан. – Только мы, западные вельхи, больше называем его Гурцатом Жестоким. А ирваны, которых он частью истребил, частью увёл в рабство, иначе как Проклинаемым его и не зовут... Говорят, тот отряд успел награбить несчитанные богатства, но полководцу всё было мало. Он не щадил на своём пути никого, а чтобы ненароком не пропустить какую-нибудь лесную деревню, схватил одного юношу из местных, гостившего у друзей, и велел показывать путь. Да пригрозил посадить его на кол, если он утаит от них хоть маленькое зимовье... Юноше не захотелось умирать, и он повёл их от одной деревни к другой. У нас не помнят, как его звали, и не называют его героем.

Да уж, усмехнулся про себя Волкодав. Кому в здравом уме охота умирать на колу. И ведь откажешься – сейчас другого найдут. А впрочем, пока сам перед таким выбором не стоял, других не суди.

– Много дней двигалось войско, – продолжала Эртан. – И там, где оно проходило, люди, говорят, до сих пор не живут. Только настало утро, когда следующей должна была стать его родная деревня...

Так ведь это ж наша легенда, осенило вдруг Волкодава. Только у нас парень не врагов по лесу водил, а Морану Смерть таскал на плечах!

Про себя Волкодав был уверен, что два сказания связывало не больше родства, чем бывает у двоих случайно похожих людей. Ещё он знал, что Тилорн, оказись мудрец здесь, до вечера объяснял бы ему, что никакой случайности не было и в помине.

– И тогда юноша понял, что не сможет отдать жестоким насильникам свой дом и родных, – рассказывала Эртан. – Уж лучше какой угодно смертью погибнуть. А раз самому жизни не будет, хорошо бы и недругов с собой прихватить. Решился он и повёл вражье войско охотничьей тропой прямо в Кайеранские топи. А тропку ту, если тайных вешек не знать, умри – не отыщешь. Так ушли они, и больше их никто никогда не видал. Живыми то есть. Три тысячи было их, и ни один не вернулся.

Эртан замолчала, и уже Аптахар спросил её:

– Так почему всё же место недоброе? Ушли, сгнули, и Хёгг их прибрал. Да и дорога не прямо же через топи ведёт?

– Людям запомнился рассказ о сокровищах, которые унесло с собой пропавшее войско, – пояснила Эртан. – Минуло время, нашлись сорвиголовы, охочие до ничейных богатств. Сколько их потонуло в Кайеранах, никто не считал, но кое-кто, видно, всё же добрался. У нас думают, что те люди рылись в поисках золота и потревожили кости усопших. Тогда-то неупокоенные души проснулись, чтобы люто отомстить... Вот и случается, что путешественники, заночевавшие на Старой дороге, исчезают навеки.

Волкодав потом спрашивал Лихослава и Лихобора, храбрые парни сознались, что ощутили между лопатками холодок и возблагодарили Око Богов за то, что оно стояло высоко в небесах, не спеша уходить в Закатное море.

Пока Эртан рассказывала, к ним вместе с Дунгормом и Мужилой подъехал боярин Лучезар. Левый еле дождался, чтобы девушка закончила свою повесть; вороной чувствовал нетерпение седока и выгибал шею, перекатывая во рту невкусное грызло.

Когда же все притихли, Лучезар сказал со смешком:

– Я слышал, «вельхи» раньше значило «мужественный народ»...

Эртан переглянулась с Мал-Гоной и ответила ровным голосом:

– А я слышала, господин мой, что это слово и теперь то же самое значит.

– Ну так пора заменить, – сказал Лучезар. – Или это мужественное деяние – из-за каких-то призраков бросить в запустении отличную дорогу? Да кто хоть их видел-то?

– Позволь напомнить тебе, родич, что земли западных вельхов мы уже миновали, –

подала голос кнесинка Елень. – Не они ту дорогу прокладывали, не они её и бросали.

Кнесинке очень не нравилось, когда Лучезар принимался кого-то заирать. Хватит и того, что он был чуть не на ножах с Волкодавом.

– Призраков видел мой дедушка Киаран Путешественник, и ни у кого нет причины сомневаться в правдивости его слов, – выдержав почтительную паузу, сказала Эртан. Сказала так же ровно и спокойно, как и о названии своего народа. Если Волкодав понимал хоть что-нибудь в людях, всякого усомнившегося ждал весьма нешуточный вызов. – Когда дедушка был молод, он, как все молодые, искал приключений и хотел подтвердить своё мужество, – продолжала Эртан. – Однажды, странствуя вдвоём с другом, они забрели на край Кайеранских трясин и остановились там на ночлег. Они сделали это нарочно, потому что многое слышали и решили доказать, что ничего не боятся. Они не стали разводить костра, так как надеялись поохотиться и не хотели пугать дичь запахом дыма. Когда село солнце, с болот потянулся туман, и в тумане послышался голос рога. Дедушка говорил, тогда-то и показалась у него в усах первая седина. Ещё он говорил, что ни прежде, ни потом он не слышал, чтобы живые так трубили в рога. Дедушка и его друг затаились и стали ждать и смотреть, и тот бессовестный лжец, кто скажет, что мог бы лежать в мокрых тростниках с ними рядом и не надеть полные штаны от страха. Дедушкин друг – это почтенный отец нашего Кесана рига, и всякий, кто хочет, может его расспросить, как было дело. Так вот, спустя некоторое время они увидели шедших через болото. Туман стелился низко, и дедушка рассмотрел шлемы с пернатыми гребнями. Он их сразу узнал, потому что у нас дома с давних времён сохранялся точно такой же: моя прапрабабка, бившаяся в Последней войне, привезла его с поля сражения. Дедушка стал молиться Трёхроговому, и призраки их не почуяли... Иначе меня не было бы на свете, потому что тогда он ещё не был женат. Вот так.

– Теперь я вижу, что был неправ и невежлив, – церемонно поклонился Лучезар. – Вы, вельхи, отнюдь не утратили мужества. Но если уж двое юных охотников не убоялись потусторонних теней и вернулись живыми, годится ли целому войску трусливо отступить перед бесплотными выходцами из могил? Мало чести живым храбрецам уступать дорогу давно умершим врагам! Пусть же не зовут меня воеводой, если я со своими воинами не проеду по Старому тракту и не заночую там, где кто-то беспокоил купцов!

– Сегваны ни в чём не уступят сольвеннам, – проворчал Аптахар.

– А вельхи и подавно, – усмехнулся Мал-Гона.

Эртан оглядывалась с видом победительницы.

– Нас, велиморцев, в недостатке мужества тоже ещё не винули, – сказал Дунгорм. – Но ваш государь Глузд, добрый полководец и воин, чья отвага не нуждается ни в каких доказательствах, всё-таки предпочёл ехать холмами. И по дороге к нам, и возвращаясь обратно...

– И правильно сделал, – сказал Волкодав. Он уже видел, к чему шло. И то, что он видел, было венну поперёк души. Человеку не запретишь лезть на рожон, если ему так уж охота. Но пусть его головоуятие убивает его одного, а не других. И в особенности тех, кого ему доверено охранять.

Волкодаву и раньше случалось недоумевать, как легко превращаются взрослые, седеющие, лысеющие мужчины в мальчишек, презрительно бросающих друг другу: Слабо! Оставалось уповать на женскую мудрость. Женщины умеют найти какие-то слова и разом согнать с забора раскукарекавших петухов. Да притом ещё никого не обидеть.

Государыня кнесинка решительно кивнула и приговорила:

– Мы поедем по Старой дороге.

Волкодав досадливо ёрзнул в седле. Откуда ему было знать, что кнесинка, только заслышав о бесплодных каменистых холмах, сразу вспомнила приснившуюся тропу между скалами. И теперь благодарила Небесную Мать за предупреждение, за вещий сон, которому позволено будет не сбыться.

– Две дороги потом снова сходятся, Волкодав, – весело окликнул Лучезар. – Ты можешь, если хочешь, один ехать холмами. Потом нас догонишь, а мы пока сами кнесинку

постережём.

Кто-то засмеялся, кажется, даже Эртан. Волкодав направил Серка поближе к передку повозки, где сидела кнесинка Елень, и сказал ей:

– Твой батюшка начертал нам ехать Новой дорогой, госпожа. Почтить бы его.

Кнесинка, не отвечая, привстала в повозке и, держась за маронговый бортик, сердито крикнула Левому:

– Не цепляй моих телохранителей, Лучезар! Они не хуже других о нашем благе радуют!

Боярин, очень довольный, что настоял на своём, с готовностью поклонился, но тут же сказал:

– По-моему, сестра, больше ты их защищаешь, а они только вид грозный делают да тебе указывают, куда идти, куда не идти.

Знай кнесинка про меткого стрелка на ёлке, которого угадал Волкодав, она бы нашла что ответить. Но ей ничего не сказали: не захотели пугать, не стали омрачать путешествие. *И зря не сказали,* корил себя Волкодав. *Подумаешь, испугалась бы. Не насмерть. А и пуганую, небось, легче было бы охранять...*

Солнце только перевалило полдень, когда отряд достиг росстаней. Где тут Старая, где Новая, разобраться оказалось нетрудно. Старая дорога вела прямо на юг, Новая резко сворачивала к востоку, обещая порядочный крюк. У Новой вид был хотя и запущенный, но всё же проезжий. Старая сплошь заросла кустарником и молодыми деревцами, и над ней, в предупреждение несведущим путникам, висел знак запрета, смерти и скорби: белая тряпочка на длинном шесте. Такие вывешивают у избы, где недавно кто-нибудь умер.

Лучезар первым пустил своего коня по Старой дороге. Добравшись до знака, он встал в стременах, вытянул руку и сорвал белый лоскут. Выкрикнув сольвенский боевой клич, боярин швырнул тряпочку под копыта вертевшегося жеребца, рванул из ножен меч и поскакал. Воодушевлённое войско потянулось за ним. Кто, в конце концов, поручится, что об этом походе и о деянии храброго Лучезара не будет сложена песня?..

Нечистой силы Волкодав не боялся никогда. То есть он знал, конечно, что вокруг полным-полно всяких существ, только ждущих устроить человеку беду. Знать знал, но не боялся. Бояться, по его мнению, следовало врагов из плоти и крови. Живых, осязаемых и способных ко всяким неожиданным выходкам. С духами проще. Духи невидимы для обычного глаза, но и сами живого человека не видят. Если только он каким-нибудь поступком не нарушит эту невидимость. Пренебрежёт обрядами очищения после убийства врага, не уважит древних костей, случайно найденных в яме... Так кусачие слепни набрасываются и больно жалят пыльное и потное тело. А на человека, только что выкупавшегося в реке, не обращают внимания.

Блюди себя в чистоте, учила веннская Правда, и никто зря не обидит. Волкодав считал себя далеко не праведником, но в то, что тёмная сила вот так ни с того ни с сего нагрянет по его душу, не верил. Особенно если он заранее побеспокоится кое о чём...

...А леса вдоль Старой дороги и вправду были роскошные. Волкодав косился по сторонам и тщетно силился уразуметь, как, во имя Богов, столь дивное место умудрилось когда-то пустить в себя нечисть. Сколько он видел красивейших мест, непоправимо осквернённых насилием, преступлением и войной! Пора, кажется, было бы уже и поумнеть, но что-то в нём глубоко внутри всё ещё наивно дивилось: как же, мол, вышло, что чудесная красота никого не остановила и не спасла?..

В отношении грибов тоже всё было в точности так, как предсказывала Эртан. Здоровенные тугие красавцы целыми семействами выглядывали из мха вдоль всей обочины, если не прямо посередине дороги. Молодые воины развлечения и похвальбы ради нагибались в сёдлах и подхватывали грибы, не придерживая ретивых коней. А чтобы зря не пропадало добро, сорванные грибы из рук в руки передавали в повозки, где ехали кашевары. Будет привал, повиснут над кострами котлы, станут повара чистить грибы и бросать их в

кипяток. Что бы ни затевалось к вечеру, не испортят подосиновики с моховиками ни кашу, ни лапшу, ни похлёбку. И даже севганы, испокон веку не собиравшие грибов и не привыкшие им доверять, вряд ли смогут справиться с любопытством. Наверняка ведь заглянут к кострам соседей-сольвеннов. Едите, мол, да похваливаете, так, может, оно и нам не отравит?..

Вначале лес был почти как те, в которых Волкодав провёл детство. Мшистый, с редким подлеском, прозрачный сосновый бор, в котором как-то сама собой приходила мысль помолиться Богам. Потом дорога понемногу поползла под уклон, появились громадные, увитые седым лишайником ёлки. Волкодав забеспокоился, представив себе ночлег в подобном лесу. Но ельники тянулись недолго. Скоро по сторонам снова зашагали торжественные полчища сосен. Мышь то и дело срывался с плеча Волкодава и, стремительно петляя между деревьями, уносился далеко в чащу. Венн внимательно присматривался к нему, когда он возвращался. Но нет, никаких признаков беспокойства ушастый чёрный зверёк пока что не проявлял...

О приближении к Кайеранским трясинам Волкодав догадался сначала по запаху. Дохнул навстречу ветерок, и перед мысленным взором раскинулись пышные торфяники, поросшие морошкой и клюквой, а чуть в отдалении встали густые тростники в рост человека и пролегли разливы чёрной воды с неподвижно застывшими плавучими островами. Волкодав увидел даже медленные пузыри, которые время от времени поднимались из глубины и лопались, распространяя запах тухлых яиц.

Он только собрался спросить Эртан, не померещилось ли ему и действительно ли скоро откроются топи, когда дорога повернула ещё раз, и перед ними до самого небоската простёрлись знаменитые Кайераны. Точно такие, как и представлял себе Волкодав. По левую руку виднелся кочковатый торфяник, в котором ближе к берегу виднелись даже чахлые скрюченные деревца. По правую – чёрным зеркалом расстилались непроглядные хляби. Туда не было ходу человеку, кроме как на лодке или на плоту, зато всю весну и всё лето так и кишела хлопотливая пернатая жизнь. Несколько плотных стай и теперь ещё кружилось в отдалении, готовясь к долгому перелёту... *Есть ли на свете край,* в который раз спросил себя Волкодав, *где такому вот благодатному болоту равно радуются и зверь, и птица, и человек?.. И никто его призраками не населяет?..*

Поляна, где решили заночевать, лежала как раз напротив разливов, над гранитными взлобками, с которых несколькими струями падал в болото чистый ручей. Здесь стояли редкие, кряжистые сосны, и между ними там и сям чернели пятна древних кострищ. Мимоезжие люди столько раз возжигали огонь на одних и тех же местах, что насмерть прогоревшая почва уже не могла прокормить ни семечка, ни корешка.

Пока ставили палатки и набирали воду в котлы, Волкодав обошёл лагерь кругом, разведывая места. Так он поступал всякий раз перед ночлегом. Сперва воины подшучивали над ним, потом привыкли и перестали. Тем более что на подначки он не отзывался.

Люди в дороге, устраивая привал, ищут место ровное и сухое, да чтоб близ воды, да чтобы летний ветерок сдувал комаров, а осенняя буря или того паче вьюга, наоборот, достать не могла. Если бы Волкодаву дали власть распоряжаться по-своему, он выбирал бы место иначе.

Он велел бы останавливаться там, где, случись что, легко было бы отбиться. Поначалу, ещё до Ключинки, он пробовал на чём-то настаивать. Но быстро понял, что, кроме намёков на веннскую трусость и тупоумие, мало чего добьётся. Вот тогда-то и завёл он привычку обходить кругом место ночлега, прикидывая, откуда стал бы подбираться к шатру кнесинки он сам, если бы того захотел.

Один раз, на берегу Сивура, это уже оправдалось...

Волкодав босиком шёл по зелёному мху, радуясь, что выпала возможность отдохнуть от сапог. Пока при кнесинке, босиком ведь не постоишь: не принято. Лесной ковёр ласкал ступни, не боявшиеся даже и снега, руки сами тянулись за черноголовиком, высунувшим на

свет Божий тёмно-бурую шляпку. И такое-то место объявили недобрым, отдали под поганое игрище злым теням?.. Ладно бы прошёл здесь пожар, на годы вперёд истребил всё живое... А то!..

Ещё некоторое время назад он расслышал сзади осторожные шаги и узнал походку Эртан. Волкодав решил было затаиться, пропустить девушку мимо и встать за спиной, но потом передумал. Незачем обижать. Ну и что, что крадётся за ним, так ведь не со злом же. Венн шагнул прямо перед ней из-за ёлки:

– Давай походим вместе, Эртан.

– Не подкрадёшься к тебе, – пряча досаду, проворчала воительница.

Волкодав усмехнулся:

– Мне за то государыня платит, чтобы никто подкрасться не мог.

Эртан покачала головой:

– Так, как ты, за деньги не служат.

Волкодав, подумав, ответил:

– Меня кнесинка в обиду не дала и всячески приласкала, а что ещё и деньгами милует...

– Ты не хотел сюда ехать, – без труда поспевая за его размашистым шагом, сказала Эртан. – Кое-кто счёл, что ты побоялся.

Волкодав равнодушно пожал плечами:

– Так я вправду боюсь.

Эртан задумчиво проговорила:

– Я знала людей, которые язык бы себе откусили, но не сказали подобного.

– Я не такой храбрый, – проворчал Волкодав.

Они успели отойти от палаток на добрую сотню саженей и к тому же поднялись по склону, почти достигнув лысой каменной макушки пригорка.

– Что ты высматриваешь здесь в лесу, Волкодав? – спросила воительница. – Не грибы же?

– Я высматриваю, – сказал венн, – такое место, где один мог бы остановить многих, если на нас нападут. – Помолчал и добавил: – Там, внизу, не очень сразишься.

– Да с кем?.. Кто здесь на нас нападёт? Или ты... с призраками хочешь биться оружием смертных?

Волкодав прямо посмотрел на неё и сказал:

– Призраки, не призраки, я не знаю. Может, и не нападут. Хорошо бы не напали. Но если вдруг полезут... всё равно кто... Я хочу спасти госпожу. Понимаешь?

Эртан молча смотрела на него некоторое время, что-то для себя уясняя.

– Дед сказывал, – медленно проговорила она затем, – здесь, ещё немного повыше, есть заброшенное святилище. Его построили те древние племена, которые больше здесь не живут. Мы не знаем, каких Богов они там призывали, но Тёмным редко молятся на вершинах...

Волкодав кивнул:

– Пошли поглядим.

Увидев святилище, венн опять пожалел, что не был властен заставить боярина и старшин сняться с облюбованного местечка. Неведомый народ приволок откуда-то тяжёлые, почти не обработанные валуны и взгромоздил их один на другой, воздвигнув некое подобие дома без крыши, с двенадцатью узкими – едва протиснуться человеку – входами-выходами на все стороны света. Камни были сплошь испещрены рисунками и выбитыми письменами. Волкодав, по-сольвенски-то пока читавший с превеликим трудом, письмен постичь не сумел, зато в рисунках кое-что понял. Они рассказывали о движении небесных светил и о приключениях неизвестных ему Богов, которым светила принадлежали.

Тилорна бы сюда, в очередной раз пожалел про себя венн. Вот уж кого лошадьми было бы не оттащить от этих камней. Сейчас бы принялся бегать кругом, размахивать руками, толковать и с чем-то там сравнивать. Да ещё помогал бы себе разными

мудрёными словами вроде «культуры»... Волкодав не особенно понимал, что сие значило, но из всех Тилорновых заклинаний у него на уме почему-то вертелось именно это.

Он обошёл святилище, двигаясь посолонь, чтобы не обидеть ни одну из Сил, наверняка дремавших внутри. И с тем, что он увидел и понял, наверняка согласился бы даже Тилорн. Жилище, выстроенное племенем для своих Богов, одновременно служило цитаделью-кромом народу. Если нападал враг, каменное кольцо надёжно укрывало неспособных сражаться. Между тем как воины – а много ли воинов могло выставить невеликое охотничье племя? – обороняли проходы, предварительно завалив половину...

Эртан шла следом за Волкодавом, внимательно осматривая святилище и, кажется, даже приносиваясь. Отчаянная воительница побывала почти всюду, где в своё время путешествовал её дед. Пересекала она и леса по краю Кайеранских трясин, но сюда забраться ей как-то не доводилось.

На одного только Мыша древние камни никакого священного трепета не навевали. Чёрный зверёк сновал в воздухе туда и сюда, нырял в узкие щели и с писком вылетал обратно на солнце. Волкодав мог бы поклясться, что маленький летун уже обнаружил где-то поблизости поселение своих сородичей и теперь дожидаться не мог темноты, чтобы поохотиться с ними и поиграть, а может, и с подружкой взапуски поноситься... Волкодав не пытался его удержать. Он знал, что Мыш его не покинет.

В конце концов венн остановился у южного входа, как и подобало вежливому гостю, пришедшему с доверием и добром. Он понятия не имел, как и даже на каком языке полагалось обращаться к местным Богам. А посему просто положил обе руки на камень, мысленно испрашивая позволения войти. Эртан молча наблюдала за ним. Она ничего не могла ему подсказать, потому что сама была здесь чужой. Волкодав прислушался, силясь ощутить хоть какой-то ответ, но так и не почувствовал ничего, кроме тепла пригретого осенним солнцем гранита. *Да,* сказал он себе. *Кому бы здесь ни молились, навряд ли это были Тёмные Боги. А Светлые не станут карать любопытных пришельцев, явившихся за помощью. Они же знают, что мы здесь вовсе не зтем, чтобы кого-нибудь оскорблять.*

Он шагнул в узкую дыру, протиснулся между валунами и оказался внутри.

Когда-то, наверное, круглая каменная площадка была выскоблена до чистоты, но теперь и её заплёл бело-зеленоватым ковром мох, покрывавший безлесную вершину скальной гряды. Толстые стены святилища не допускали вовнутрь холодные ветры, зато там, где камень день за днём ласкали солнечные лучи, по шершавому граниту карабкался зелёный вьюнок. Здесь было даже теплее, чем в других местах, и вьюнок ещё цвёл совсем по-летнему, доверчиво раскрывая бледно-розовые лепестки.

Волкодав посмотрел на нежные лепестки и окончательно уверился, что никакому злу здесь не было места.

Он ожидал найти в святилище изваяния Богов или какие-нибудь священные изображения, быть может, разбитые, осквернённые, – так обычно делают победители, чтобы по возможности ослабить Богов покорённого племени, – а то и полуистлевшие кости защитников. Но нет, ничего подобного он не обнаружил. Зато, как и полагалось в толковом укреплении, здесь была вода. Она струилась из трещины в скале, собиралась в каменной чаше, явно вытесанной человеческими руками, потом переливалась через край и вновь растекалась по трещинам. За родниковой чашей камень был стёсан и выглажен, словно небольшой стол. Для чего предназначали этот камень давно ушедшие люди, спрашивать теперь было некого, но Волкодав рассудил, что скорее всего для приношений.

Порывшись в поясной сумке, венн вытащил сухарь и разломил его на несколько частей. Одну он обмакнул в чашу и положил на жертвенный камень, другую протянул Эртан, третью взял сам. Нашёлся, конечно, кусочек и для Мыша, привлечённого видом съестного.

Если здешние Боги ещё взирали с неземной высоты на своё заброшенное святилище, наверняка они удивились и обрадовались неожиданной жертве, хотя бы и принесённой чужеплеменниками.

– Ты хочешь убедить бан-риону перебраться сюда на ночлег? – дожёвывая сухарь,

спросила Эртан.

Волкодав посмотрел на неё и подумал о том, что немногие девушки, как она, отправились бы бродить по лесу вдвоём с мужчиной просто ради того, чтобы дружески поболтать. Поболтать, вовсе не замышляя увлечь его своей красотой. И уж подавно не боясь, как бы эта самая красота не подвигла его пустить в ход руки. Он вспомнил поездки с кнесинкой на Светынь и подумал, что Елень Глуздовна, видно, тоже была из таких. И Ниилит, считавшая его братом...

– Нет, – сказал он воительнице. – Не надеюсь. Просто, чтобы было куда удирать... мало ли вдруг...

– Я бы поговорила с нашими вельхами, – предложила Эртан. – Если тут устроится десяток ребят, ведь не лишними будут.

– Не лишними, – кивнул Волкодав. – Ладно, пошли... пока госпожа кнесинка за грибами в лес без спросу не собралась.

– Мне тут твои отроки порассказали... – спускаясь вместе с ним вниз по склону, начала вельхинка. – И Ане с Кетарном. Ты, говорят, неплохо дерёшься...

– Может, и дерусь, – проворчал Волкодав.

– Ещё говорят, будто ты однажды обмолвился, что тебя якобы женщина многому научила...

– Может, и научила.

– Кто она была, Волкодав? Я слышала, где-то за морями есть целый народ воинственных женщин. Она была родом оттуда?

Волкодав покачал головой.

– Она была жрицей Кан, милосердной Богини Луны. Богиню Кан чтут на юге Вечной Степи...

Это было давно. Целую жизнь назад. Ему едва исполнилось девятнадцать, и он ещё не вполне привык к собственному лицу, только что впервые за много лет увиденному в зеркале. Он спускался с гор на равнину, распростившись с виллами – Повелительницами Облаков, отнявшими его у Мораны Смерти. Он шёл по узкой тропе, неся в тощем мешке хлеб и кожаную бутылку с простоквашей, и не особенно хорошо представлял себе, куда эта тропа его заведёт. Он твёрдо знал только, где она кончится навсегда. У берега Светыни. Над трупом кунса Винитария по прозвищу Людоед.

Вот так он шёл, жмуря слезившиеся, никак не желавшие привыкнуть к свету глаза, когда Нелетучий Мышь зашипел и беспокойно завопил у него на плече. Потом впереди раздались человеческие голоса.

Волкодав обогнул большую, увитую цветущим кустарником меловую скалу и увидел впереди дорогу, а на дороге – троих человек.

Одна была пожилая седовласая женщина в серых шерстяных шароварах и синей стёганой безрукавке, запахнутой не так, как было принято у веннов. Она медленно пятилась, держа в руках посох, а в сторонке смиренно стоял мышастого цвета ослик. Волкодав почему-то сразу решил, что ослик принадлежал путешественнице. А прямо перед собой он увидел спины двоих вооружённых мужчин. Один держал наготове копьё, другой – длинный топорик. Они подходили к женщине, громко переговариваясь по-саккаремски. Волкодав выучил этот язык в руднике, но всё же испытал лёгкое изумление, обнаружив, что действительно понимает. Смысл их речей дошёл до него лишь в следующее мгновение.

Двое дюжих молодчиков обменивались похабными замечаниями и советовали женщине по-хорошему подарить им и ослика, и свою благосклонность. Тогда, может, они позволят ей остаться жить.

Потом они заметили, что женщина, не слушая, любознательно рассматривала что-то у них за спиной. Волкодав бросил котомку, издал животное рычание и ринулся в бой.

Он уже тогда был очень быстр. И очень силён. И, когда доходило до драки, помышлял

лишь о том, как бы убить, а не о том, как сохранить себе жизнь. Всё кончилось в считанные мгновения. В дорожной пыли валялись два трупа, а Волкодав стоял на коленях, зажимая ладонью распоротое плечо. Прежде чем свалиться со сломанной шеей, один из грабителей успел-таки ударить его, и наконечник копья чиркнул по кости.

Седовласая женщина между тем хладнокровнейшим образом оглядела побоище, и Волкодав увидел досаду и огорчение у неё на лице. Она подошла и спросила, остановившись над ним:

«Зачем ты убил этих несчастных, малыши?»

Широкоплечий «малыш» с порядочной сединой в бороде смотрел на неё снизу вверх, плохо понимая, о чём речь. Сперва его прохватил холодный пот при мысли: неужто случилось страшное и он сдуру совершил то, чего больше всего в жизни боялся – расправился с неповинными?.. Но нет, свежая память о только что происшедшем свидетельствовала, что он не ошибся.

«Ну... Как же, госпожа...» – выдавил он наконец.

«Они ещё могли бы образумиться и понять, что выбрали неправильный путь, – укоризненно проговорила женщина. – Теперь они ничего уже не поймут. Зачем тебе понадобилось их убивать?»

С таким же успехом она могла бы потребовать объяснений, почему у него, положим, две руки. А не пять и не шесть. Человеку, способному хотя бы задумать непотребство над женщиной, попросту незачем было дальше жить. И всё тут. На том стоял его мир.

«Совсем дикий. И совсем глупый, – вздохнула незнакомка. Потом велела: – Ну давай, показывай, что ты там себе причинил».

Волкодав осторожно разомкнул пальцы. Из-под руки густо побежала кровь.

«Зажми и сиди», – последовал строгий приказ. Женщина посвистала ослику. Тот послушно подбежал, семеня, и принялся кротко обнюхивать обоих – Волкодава и Мыша. Женщина растянула перемётную суму и вытащила маленькую коробочку. Высыпав себе на ладонь толику блестящего бесцветного порошка, она сжала сухонький кулачок, поднесла его ко рту и нагнулась:

«Убери руку...»

Волкодав снял с раны ладонь. Женщина резко дунула в кулак, и порошок вылетел плотным облачком, глубоко проникнув в кровоточащую плоть.

Венну случалось кропить раны вином, случалось и прижигать их головнёй. Он думал, что уже испытал на своей шкуре всё, что только возможно, но, оказывается, ошибся. Половина торса и вся рука до пальцев попросту отнялись. Волкодав не закричал только потому, что умение терпеть было едва ли не главной наукой, усвоенной им в Самоцветных горах.

«...ласковый, – вновь дошёл до сознания голос незнакомки, продолжавшей как ни в чём не бывало что-то ему рассказывать. – Но я берегу его для особенных случаев. Например, для рожениц».

Волкодав разлепил губы и просипел:

«Тебе видней, госпожа...»

Порошок запер кровь и отвалился коркой, оставив чистую рану. Женщина смазала её какой-то пахучей чёрной смолой, потом удивительно ловко зашила. Четыре с лишним года спустя на этом месте был не очень заметный, тонкий, как ниточка, ирам, который не мешал двигаться руке и не напоминал о себе даже перед ненастьем.

Отдышавшись немного, Волкодав забрал оружие убитых и деньги, найденные в кошельках. Оттащив тела в сторону от дороги, он развязал на обоих тканые кушаки и принялся заваливать мёртвых землёй и камнями. Не в первый и не в последний раз жизнь вынуждала его обойтись без обрядов воинского очищения. Но если можно было хоть как-то обезопасить себя от пришествия мстительных душ, пренебрегать этим не стоило. Вовсе уж последнее дело – бросать непогребённым тело врага...

«Куда ты шёл-то, малыши?» – спросила его женщина.

«Сперва в Саккарем, госпожа», – сказал Волкодав.

Пристальный взгляд карих глаз обежал его с головы до ног:

«СПЕРВА в Саккарем!.. Что ж, полезай на ослика, я тебя провожу».

Садиться на ослика Волкодав наотрез отказался.

«Свалишься, – предрекла женщина. – Двух поприц не пройдёшь, свалишься. Я же вижу. Думаешь, я тебя сумею в седло взгромоздить?»

Волкодав прошёл два поприца. Потом столько же. И ещё.

«Значит, ты идёшь СПЕРВА в Саккарем, – покачиваясь на спине семенившего ослика, рассуждала его седовласая спутница. Она была любопытна, как Тилорн, и так же умела беседовать одна за двоих, постепенно вытягивая из неразговорчивого венна всё, что её интересовало. И Мыш к ней, в точности как к Тилорну, сразу проникся полным доверием. – Ты не похож ни на купца, ни на странствующего мастерового, – продолжала она. – Ни на... прости, но на воина ты тоже не очень похож. И кто только додумался отправить тебя, малыш, одного и такого глупого через перевалы, по опасной дороге?»

Волкодав долго молчал, потом, отчаявшись найти правильные слова, мотнул головой в сторону снежных вершин, горевших в розовом небе:

«Там... люди были. Разные. Где родня, сказывали друг другу. Вот... навестить хочу, про кого знаю...»

«Там – это где?» – спросила женщина.

«В Самоцветных горах, госпожа», – сказал Волкодав.

Она внимательно посмотрела на него, кивнула и долго ехала молча, что-то обдумывая.

«Слышал ли ты об Идущих Вслед За Луной? – заговорила она погодя. Волкодав кивнул, и она фыркнула: – Тогда я вовсе не понимаю, что тебе понадобилось соваться...»

Загадка разрешилась через несколько дней, когда каменные склоны сменились холмами и болотами зелёного Саккарема, а швы на плече венна уже не грозили разойтись даже при резком движении. Как-то вечером, пока закипал на костре котелок, хрупкая маленькая женщина, посмеиваясь, велела Волкодаву схватить её, пырнуть ножом или ударить. Всё, что угодно, на его усмотрение. И без поддавок.

«Как те двое», – пояснила она.

Венн, привыкший закованными в цепи руками ловить в темноте стремительных крыс, осторожно шагнул вперёд... Ему почти удалось. Он успел слегка коснуться смуглого морщинистого запястья. И сразу что-то случилось, он не понял, что именно. Земля опрокинулась под ногами, словно половица-ловушка. Волкодав увидел свои ступни, задранные к небесам, и только тогда земля встала на место, властно притянув к себе его тело.

«Не зашибся?» – весело спросила жрица Богини Кан...

– У этих жриц заведено странствовать, – сказал Волкодав. – Лечить, учить... А чтобы безоружные женщины живыми возвращались домой, их Богиня даровала своим ученицам Искусство. Кан-киро веддаарди дургва... «Именем Богини, да правит миром Любовь». Мать Кендарат стала вразумлять меня. Она бы и теперь меня вон в те кусты зашвырнула.

Эртан смерила его недоверчивым взглядом:

– Тебя? Старушка?..

Волкодав ответил что думал:

– Она мудра, а я глуп. Если бы она оказалась у вас в Ключинке вместо меня, она бы так повернула дело, что Лучезаровы олухи руки бы ей целовали и умоляли простить. А я что?.. Только кости ломать...

Эртан хмыкнула:

– Тоже иной раз полезно бывает...

– Может, и полезно, – кивнул Волкодав. – Только Кан-Кендарат говорила: покалечишь врага, он ещё больше озлобится. А надо, чтобы совесть проснулась. Она это умела. Я – нет. А это и есть совершенство.

Эртан задумчиво помотала головой.

– Жрица! – пробормотала она затем. – Совершенство!.. По мне, голову оторвать всё же верней!

– По мне, тоже, – сказал Волкодав. – Вот потому я и не победил бы Мать Кендарат.

Пока шли к лагерю, Эртан всё расспрашивала венна о кан-киро, и он понял, что не далее как на следующем привале у него появится ещё одна ученица. Вельхинке только не верилось, что с помощью этого искусства можно одолеть человека крупнее и сильнее себя. И даже нескольких сразу. Доводы Волкодава особого впечатления на неё не производили. Вероятно, оттого, что он и без всяких ухищрений, одним кулаком кого угодно мог отправить на тот свет.

– А ты поди к кнесинке да ухвати её покрепче за руку, – с усмешкой посоветовал венн. – Ты её в три раза сильнее, да и не знает она почти ничего. Но ведь не удержишь.

Волкодав спешил назад в становище, как обычно, боясь, не стряслось бы чего в его отсутствие. По возвращении, однако, выяснилось, что в пору было спасать не госпожу, а двоих младших телохранителей – от разгневанной госпожи.

Случилось то, чего и ожидал Волкодав: Елень Глуздовна, пока не стемнело, собралась за грибами, а братья Лихие, на посмешище Лучезаровичам, её не пускали.

– Волкодав!.. – чуть не плача от бессильной досады, бросилась она к венну. Но Волкодав покачал головой.

– Они правы, государыня, – проговорил он тихо. Когда он хотел в чём-то убедить рассерженного человека, он всегда говорил тихо. По его наблюдениям, это заставляло прислушаться. А прислушиваться, в то же время продолжая кипеть, затруднительно. – Место здесь глухое, неведомое, да и слава за ним дурная, – продолжал Волкодав. – Мало ли кто из-за дерева кинется.

У кнесинки ещё жарче зацвели на щеках малиновые разводы:

– А вы трое на что?.. Уж не силой ли меня удерживать станете?..

– Лучше не принуждай к тому, госпожа, – без тени улыбки сказал Волкодав. Подумал и добавил: – Вот приедем, будешь вольна меня в три шеи вытолкать и ни денежки не заплатить. А пока едем, стану тебя беречь.

При словах «вот приедем» с лица кнесинки, словно по волшебству, сбежал гневный румянец. Бросив наземь приготовленную корзину, девушка скрылась в шатре. Нянька поспешила следом за ней. Волкодав прислушался и вскоре различил сдавленное всхлипывание, доносившееся изнутри. Кнесинка плакала.

Волкодав тоскливо задумался о том, хорошо ли он поступил, не дав ей потешить душу грибами. И решил, что всё-таки был прав. Не дело разгуливать по лесам, когда кто-то на тебя затеял охоту. А обида всё же не та, чтобы помирать от неё.

Ещё он подумал, что уже не раз и не два, сидя ночью, слышал из палатки кнесинки точно такой плач. Почему-то ему всегда вспоминалось при этом, как она хваталась за его руки тогда в Галираде, в день покрывания лица.

Некоторое время спустя Волкодав сидел у костра Аптахара и вёл разговор с ратниками-сегванами.

– Что ты будешь делать, Аптахар, – спросил он, – если нынче ночью кто-нибудь на нас нападёт?

Сегван поскрёб пятернёй в кудрявой седеющей бороде:

– А с чего ты взял, венн, что на нас нападут?

Кто-то из стражников помоложе, видно, наслышанный о похождениях Аптахара, засмеялся:

– Опять летучая мышь беспокоится?

Это успело стать чем-то вроде семейной шутки и многих насмешило, но Волкодав не улыбнулся. Он сказал:

– Я сам не хочу, чтобы нападали. Но если вдруг?

– Если да кабы, – проворчал Аптахар. Сняв с огня, он протянул ему большую лепёшку, поджаренную по-сегвански, с луком и шкварками. Потом пожал плечами: – Станем делать что скажут.

– А некому будет сказать? – не отставал Волкодав. – Вот мы тут сидим, а из болота полезли?..

Лучезар, первый воевода походников, вправду вёл себя словно на безобидной прогулке близ города. Устраиваясь на ночлег, он ни разу не утруждал себя подробными распоряжениями, кому куда бежать и что делать, ЕСЛИ...

– Да ну тебя к ночи с такими-то разговорами! – досадливо отмахнулся Аптахар. – Накликать решил?.. Расскажи мне лучше про эту вельхинку, Эртан. Может, мне к ней присвататься? Для сына, а?..

Волкодав усмехнулся углом рта:

– Присвататься-то можно, только не начала бы она вам с ним какие приёмы показывать...

Вот это уже точно была семейная шутка, и Аптахар захохотал во всё горло.

– Мы с Эртан, – переставая улыбаться, сказал Волкодав, – тут всё думали, как оградить госпожу, если вправду полезут.

– Ты бы к витязям с этим, – посоветовал один из сегванов. – Мы что! Не больно нас спрашивали.

– На витязей надежда, как на синий лёд, – вздохнул венн. – Вот что. Мы с ней наверху холма старое святилище нашли. Стены каменные... Как раз вон в той стороне. Эртан своих вельхов там обещала устроить... Если ночью кто зашумит, я кнесинку за руку цап и сразу туда.

– А мы прикроем, – кивнул Аптахар. – Я стрельцов выставлю.

– Ещё, – сказал Волкодав. – При государыне служанки, нянька и лекарь, и она их не бросит. Одних девок семеро, а нас, телохранителей, трое...

Если по совести, в основном за этим он к Аптахару и шёл. Саму по себе кнесинку он и в одиночку выдернул бы из-под носа у каких угодно убийц. И уволок в такую чашу, что там его даже местные уроженцы никогда не сыскали бы без собак. А с собаками – и подавно. Но стоило представить себе несчастных девчонок, оставленных посреди леса на потеху лютым насильникам... испуганно и бестолково мечущихся, гибнущих...

Волкодав посмотрел, как разглаживали усы широкоплечие красавцы-сегваны, как они нетерпеливо ёрзали на своих местах у костра, и понял, что зашёл с нужного конца. Служанки у государыни были все как на подбор пригожие, быстроглазые и смешливые. Ясное дело, молодые воины всё время искали случая подмигнуть девушкам, перекинуться шуткой, а если повезёт, так и чмокнуть какую-нибудь в румяную щёку. Но до сих пор подобное если и происходило, то разве что у лесного ручья или в укромном уголке ключинского тына. О том, чтобы ночь напролёт торчать у шатра кнесинки и болтать со служанками на глазах у бдительной бабки, не могло быть и речи. Зато теперь!.. Попробуй кто прогони!.. Старший телохранитель позволил!

Волкодав вернулся к походному жилищу своей госпожи и, наказав Лихославу разбудить себя на закате, забрался под повозку, закутался в тёплый плащ и немедленно уснул. Густой мягкий мех грел и ласкал тело. Случись надобность, Волкодав точно так же спал бы хоть голым: жизнь его к чему только не приучила. Но если была возможность, венн предпочитал спать по-человечески, в тепле и уюте.

Он уже задремал, когда под повозку бесшумно влетел Мыш. Покрутившись, ушастый зверёк повис кверху лапками на каком-то выступе днища. Спать ему не хотелось, но всякому, кто надумает обижать Волкодава, придётся сперва иметь дело с ним!

Венн проснулся, когда Око Богов коснулось туманного горизонта, готовясь уйти за Кайеранские топи, за едва видимые вдали острова. Лихослав и Лихобор шёпотом спорили возле повозки, обсуждая, пора будить наставника или пускай ещё немного поспит. Мыш

приподнимал голову и раздражённо шипел на обоих. Волкодав вылез наружу и стряхнул с одежды травинки. Зверёк тотчас вспорхнул ему на плечо.

Без мехового плаща сразу показалось холодно. Волкодав пошёл в обход становища, отмечая про себя, что многие на всякий случай обвели свои палатки охранительными кругами. Тилорн, наверное, сейчас же объяснил бы ему и всем любопытным, почему люди самых разных вер так единодушно полагались на оберегающую силу круга. *Очень могло быть*, сказал себе Волкодав, *что, выслушав объяснения, народы проявили бы не меньшее единодушие, сговорившись намылить шею учёному.*

Как бы то ни было, сольвенны чертили круги ножами, сегваны выкладывали их камешками, а вельхи – верёвками из конского волоса, и разница на этом кончалась. Пока ещё не стемнело, в круге оставляли проход. Когда все уgomонятся и отправятся спать, проходы замкнут. И это тоже все делали одинаково, так что Тилорн – почём знать! – возможно, не сильно и ошибался...

Лагерь раскинулся на лесистом каменном взлобке привольно и беспечно, люди поставили палатки кому где больше полюбилось.

Плохо. Очень плохо.

Волкодав ещё раз посмотрел на солнце, почти уже канувшее в болота, и твёрдо решил про себя: быть беде. Он не родился ясновидцем и события предугадывать не умел. Но нюх на опасность, присущий травленным зверям и битым каторжникам, его ещё ни разу не подводил.

Когда он вернулся к шатру кнесинки, там былолюдно. Сегванские стражники держали слово. Добрый десяток плечистых светловолосых молодцов уже вовсю развлекал служанок, пуще прежнего похорошевших от неожиданного мужского внимания. Возле входа сидел на своём кожаном ящике лекарь Иллад, казавшийся ещё дородней из-за меховой безрукавки. Халисунец с многозначительным видом осматривал руку долговязого сегвана с лицом, сплошь облепленным веснушками. Рука была крепкая, весьма мускулистая и, если Волкодав ещё не ослеп, совершенно здоровая. Так что ощупывание якобы больного места происходило в основном ради сольвеннской девушки, трепетно ожидавшей, чтобы лекарь вынес приговор её новому другу. Девушку звали Варея, и все сходились на том, что госпожа подыщет ей хорошего мужа, может быть, даже не совсем из простых. Уж верно, какого-нибудь купца или молодого ремесленника, рано ставшего мастером. Варея, любимица кнесинки, была удивительно похожа на неё и лицом, и статью. Вот и теперь она облачилась ради дорогих гостей в красивое платье, которое со своего плеча подарила ей государыня. А задумают шить кнесинке новый наряд – станут примерять его на Варею, чтобы госпожу лишний раз не беспокоить...

Сама Елень Глуздовна вдвоём с Эрган расположилась у костра. Кнесинка и воительница играли в ножички, и Волкодав обратил внимание: Эрган, судя по её лицу, выигрывала далеко не с таким перевесом, какого ожидала вначале. Сердилась и кнесинка – ей всё казалось, будто соперница поддаётся. Обе девушки сидели прямо на земле, по-вельхски поджав скрещённые ноги. Старая нянька, конечно, не могла пережить подобного безобразия и стояла над душой у «дитятка» с войлочной подушкой, уговаривая поберечься. Кнесинка, завидовавшая отменной закалке Эрган, упрямо отмахивалась.

Ну вот и добро, сказал себе Волкодав. *Всем весело, никто друг на дружку пустых страхов не навеивает. Но случись нехорошее – всякий знает, что делать.*

Мышь слетел с его плеча, хотел сесть на руку кнесинке, но убоился собственной дерзости и вспорхнул, только прикоснувшись шелковистым крылом. Кнесинка не вздрогнула, просто подняла глаза и посмотрела на телохранителя.

– Государыня, – опускаясь рядом на корточки, тихо сказал Волкодав. – Прошу тебя, станешь ложиться, не раздевайся. И ещё, сделай милость, кольчугу под свиту надень.

Елень Глуздовна нахмурилась и раскрыла рот возражать, но на помощь подоспела Эрган:

– Надевай прямо сейчас, бан-риона. Потом хвастаться станешь, из кольчуги, мол, днём и ночью не вылезала. Даже спала в ней!

Кнесинка молча поднялась и скрылась за дверной занавеской. Хайгал немедленно водворила подушку на то место, где она только что сидела, и поспешила следом за хозяйкой.

– Ты бы тоже... – обращаясь к Эртан, посоветовал Волкодав. – Кольчугу. Мало ли...

Воительница вскинула голову и в упор, почти враждебно посмотрела на венна.

– Я никогда не надеваю броню, – выговорила она раздельно.

Волкодав на своём веку повидал всякого. В том числе воинов, презиравших доспехи. И даже таких, что шли в бой в перевозданной наготе, любимой Богами. Он не стал спорить с Эртан, полагая, что это всё равно бесполезно. Только пожал плечами и буркнул:

– Была охота... от случайной стрелы...

Эртан вдруг цепко ухватила его за плечо, и он отметил про себя, какие сильные у неё руки. Серые глаза сделались беспощадными, губы свело в одну черту:

– Ты что, думаешь, я такая уж девочка? Вроде?.. – Она мотнула головой в сторону шатра, где скрылась кнесинка. – Мне двадцать восемь лет, Волкодав! Я была в битве у Трёх Холмов и видела, как умирал мой жених. Он умер у меня на руках. Он ждёт меня там, чтобы вместе пойти к Трёхрогову, на остров Ойлен Уль. Там, у него, нет времени, но каково мне? Случайная стрела!.. Ха! Да я того, кто б её выпустил, загодя расцелую!..

Из фиолетовых сумерек, сопровождаемый Канаоном и Плишкой, возник Лучезар.

– Это что ещё за посиделки? – сейчас же напустился он на молодёжь. – Сестры моей служанок лапаты взяли? Так-то здесь честь кнесову берегут! А ну, духу чтоб вашего...

Парни смутились, стали оглядываться на Волкодава. Венн ни под каким видом не собирался их отпускать. Он успел подумать, что окончательной сшибки, видно, уже не минуть. А чего доброго, и драки с двоими громилами.

Но тут со своего кожаного ящика подал голос Иллад.

– Во имя Лунного Неба, не шумел бы ты, Лучезар, – досадливо поморщился халисунец. – Госпожа кнесинка радовалась, на них глядя. Она сама им разрешила прийти.

Это было истинной правдой; мудрый Иллад умолчал лишь о том, что разрешение молодцам выхлопотал Волкодав. Лекарь, пользовавший отца и мать государыни, мог не страшиться боярской немилости. Равно как и кулаков Лучезаровых приближённых.

– Правильно, – выходя из шатра, сказала кнесинка Елень. – Я позволила. Пускай мои девушки повеселятся.

Она вправду надела кольчугу под свиту, так что броня была незаметна. Волкодав и тот догадался о ней только по чуть стеснённым движениям кнесинки. Нацепив на себя четверть пуда железа, человек всё же двигается иначе.

– А-а, вот как, – протянул Левый. – Ну, пускай веселятся... Спокойной ночи, сестра.

И боярин ушёл обратно в густевшую темноту, а Волкодав остался раздумывать, не было ли в его словах какого скрытого смысла.

Постепенно смерклось совсем, и в небе высыпали звёзды. Было как раз новолуние: ночь обещала быть тёмной. Волкодав бродил вокруг шатра кнесинки, кутаясь в плащ. После заката поднялся ветер. Не особенно сильный, он тем не менее запуская ледяные щупальца под одежду, и сидеть на одном месте было попросту холодно.

Проводив счастливых и взволнованных девушек спать, молодые сегваны, как и было уговорено, не пошли прочь. Они жгли костёр, варили в котелке резаные яблоки с мёдом и переговаривались вполголоса, чтобы не разбудить госпожу. Их был там целый десяток, и Волкодав временами отлучался на каменистый бугор, чтобы посмотреть на болото. Человек с обычным зрением вряд ли распознал бы в той стороне землю от неба. Волкодав различал воду, границу качавшихся и шуршавших на ветру камышей и плавучие острова. Мышь носился где-то со своими сородичами, ещё не впадшими в спячку. Венну было без него слегка неуютно.

Он долго стоял, слушая шорох и посвист ветра, потом вернулся к костру. Когда же он снова выбрался на бугор, то посмотрел вдаль и увидел, что плавучих островов сделалось больше. И они передвинулись, приблизившись к берегу.

Между тем как ветер отчётливо тянул от берега прочь...

Волкодав едва успел осознать это, как на плечо ему с истошными криками свалился Мыш. Вцепившись в замшу плаща, чёрный зверёк принялся щёлкать зубами, шипеть и тревожно взмахивать крыльями.

Точно так, как весной на лесной дороге, перед нападением шайки Жадобы...

Напрягая зрение, Волкодав присмотрелся к ближайшему из плавучих островов. Сердце в груди уже колотилось чаще обычного, и он знал, что потом, очень может быть, станет корить себя за промедление. Но что, если острова движет неведомая стремнина, а Мышу попросту начесал холку досужий лесной самец?..

Совсем рядом с ними вправду пронеслось несколько ночных летунов. Волкодав мог бы поклясться: они кричали Мышу нечто осмысленное. Плавучий же остров выглядел самым обычным комом торфа, коряг и переплетённых корней. На нём росли кусты и даже два небольших деревца. Но вот из-под куста высунулось короткое весло и осторожно направило «остров» ещё ближе к берегу...

Волкодав сунул в рот пальцы и засвистел во всю силу лёгких. Тревожный, переливчатый свист был наверняка слышен из конца в конец лагеря, а то даже и в святилище, где засели храбрые вельхи. Волкодав свистнул ещё раз, резко и коротко. Это был сигнал, хорошо известный Серку: спасаться следом за остальными конями. Сам венн повернулся и во весь мах, перепрыгивая через кусты и валежник, кинулся к шатру кнесинки.

Сегванские ратники были уже на ногах, а Лихобор как раз нырнул внутрь шатра, чтобы вывести наружу служанок и саму госпожу. Волкодав без промедления устремился следом за ним. Шатёр, в точности как тот вельхский дом, был разгорожен надвое вышитыми занавесями. Не церемонясь, Волкодав откинул их в сторону:

– Надо скорее уходить, госпожа.

Кнесинка, как он и просил, лежала одетая и в кольчуге. Волкодаву не раз приходилось убеждаться в её мужестве, но вот теперь девушку, казалось, одновременно одолели все страхи, гнездившиеся в душе со дня покушения. Глаза у неё округлились, с лица отхлынула краска. Она начала подниматься. Медленно-медленно, как в дурном сне. Волкодав нагнулся, поставил её на ноги и потащил наружу. Елень Глуздовна судорожно схватилась за его руку.

Снаружи молодые ребята уже убегали вверх по холму, утаскивая перепуганных служанок. Сразу двое молодцов, тихо ругаясь сквозь зубы, мчали под руки лекаря Иллада, третий нёс его короб. Пропадай наряды и серебро – лекарства бросить было нельзя. Волкодав запоздало подумал о том, что никого не приставил позаботиться о приданом кнесинки, лежавшем в повозках. Ну и шут с ним, с приданым. Его забота – жизнь госпожи.

Из темноты вылетела стрела, миновала голову кнесинки и воткнулась в сосну. Волкодав мгновенно отскочил прочь, увлекая девушку подальше от костра с его предательским светом. Сбив с ног, он прижал её к земле, закрывая собой. И только потом смекнул, что нападавшие, кем бы они ни были, оказались отменно проворны. Тот островок – вернее, лодка или плот, увитый сверху ветвями и камышом, – ещё не мог поспеть пристать к берегу. Значит, кто-то подобрался сушей. Подобрался умело и скрытно, то ли не потревожив караульчиков, то ли без шума перерезав им глотки. Но если так, то с какой стороны?..

Оставалось надеяться на Аптахара и его стрельцов, обещавших прикрыть отступление.

– Сейчас побежим, госпожа, – сказал Волкодав.

Служанки пищали где-то в лесу, не понимая, что происходит. Они пытались вырваться из крепких рук молодых ратников и призывали свою госпожу, как будто она могла их защитить.

Невидимая в темноте, тревожно заржала лошадь. Мыш, крутившийся в воздухе над головами, тотчас метнулся в ту сторону и бесследно исчез, а кнесинка приподнялась на локте:

– Снежинка!..

Волкодав сейчас же заставил её вновь распластаться в траве, и весьма вовремя. Прямо над ними, низом, провизжало сразу несколько стрел. Венн оглянулся на шатёр и увидел, что

плотная ткань была продырявлена уже во множестве мест. Судя по расположению дыр, метили в лежавших, причём как раз в ту половину, где помещалась кнесинка. Если бы Волкодав не поспел выволочь её наружу, вряд ли спасла бы и кольчуга.

Пластаясь в траве, к ним подполз Лихослав. Он тащил за собой няньку. Старуха подвернула ногу и не могла идти, не то что бежать. Она сразу потянулась к кнесинке:

– Дитятко! Живая...

– Понесёшь, Лихослав, – сказал венн.

Хайгал замахала руками:

– Я уж как-нибудь... девочку сберегите!

– Так, все за мной, – коротко приказал венн. – Крепче держись, госпожа.

Стиснув её запястье в ладони, он вскочил на ноги и во всю прыть помчался наверх. Братья Лихие уверенно последовали, зная, что их наставник зряч в темноте и дорогу не спутает. Они успели отбежать едва на тридцать шагов, когда позади начало весело разгораться высокое пламя. В шатёр кнесинки попали стрелы, обмотанные тлеющей паклей.

– Не оглядывайся, госпожа, – велел Волкодав.

...Этот сумасшедший бег под стрелами через ночной лес кнесинке Елень суждено было запомнить до конца её дней. Сколько раз, пытаясь хоть мысленно подражать матери, она воображала себя воительницей в пернатом шлеме и блестящей броне, искусной, непреклонной в сражении и, конечно, бесстрашной!.. Хорошо быть бесстрашной, когда никто не пугает. Ей приснился сон, в котором она не бросила Волкодава, и она возмечтала, что и в действительности будет так же храбра. Добро же! Она и врага-то ещё воочию увидеть не успела, только услышала, как поют возле уха быстрые стрелы, выпущенные по её душу. И всё, и ухнуло в пятки сердчишко, и беспомощно обмякли коленки. Кнесинка спотыкалась чуть не на каждом шагу, без конца оступалась, валилась в какие-то колдобины, через которые Волкодав летел точно по гладкой дорожке. Она почти ничего не видела перед собой, наполовину из-за темноты, наполовину от страха. Но всякий раз, когда она уже неслась в землю лицом, железная рука телохранителя вздёргивала её на ноги, не позволяя упасть.

Только много позже, перебирая в уме события памятной ночи, кнесинка поняла, почему в некоторый момент испуганные голоса служанок, раздававшиеся справа, начали как будто отдаляться. Волкодав намеренно тащил её наверх иным путём, не тем, которым бежали все остальные.

Что-то тяжело, с налёта, ударило её в правую лопатку. Кнесинка ахнула от неожиданности и боли, в очередной раз посунулась кувырком наземь, в очередной раз устояла и продолжала бежать.

Старая нянька горько, благодарно и бессильно плакала, обхватив Лихослава за крепкую шею. Что было бы с ней, а главное, с её девочкой, не случись рядом этих троих парней? Которых она, бывало, веником гнала с мытого крылечка хором?..

Кнесинка Елень задыхалась от непривычного бега. Она едва различала стволы сосен, подсвеченные отблеском далёких костров. И за каждым деревом мерещилась когтистая тень, мчавшаяся вдогонку. Кнесинка явственно видела красные, кроваво светившиеся глаза, но умирать от ужаса было попросту некогда. Растрепавшиеся волосы лезли в глаза: хлестнувшая ветвь смахнула с головы и шёлковую сетку, и серебряный венчик. Кольчуга с каждым шагом делалась тяжелей, по лицу текли слёзы и пот. Всё время приходилось карабкаться вверх. Кнесинка не знала, куда они бегут и долго ли ещё осталось, и это было хуже всего. Она почти висела на руке телохранителя, поспевая за ним изо всех сил, но сил было немного. Даже страх, поначалу придававший ногам резвости, постепенно сменился тупым изнеможением. Кнесинка понятия не имела, как это, когда убивают, и поэтому думала: *лучше бы уж убили. Сейчас упаду, билось в сознании. Сейчас упаду и... и всё. И пускай делают со мной, что хотят.* Однако раз за разом у неё хватало моченьки ещё на один шаг. И ещё. И ещё...

Потом деревья впереди расступились, а звёздное небо заслонили какие-то неровные тупые зубцы. Волкодав остановился, кнесинка с разгону налетела на него и ухватилась

свободной рукой, чтобы не упасть. Её трясло от напряжения и испуга, она только тут поняла, что безумный бег занял примерно столько времени, сколько надо, чтобы спокойно выпить кружку воды. Двое младших телохранителей тяжело дышали у неё за спиной. Было похоже, что на бегу они ещё и пытались прикрывать её своими телами. Один из братьев нёс на руках няньку. Кнесинке вдруг стало стыдно, что она до сих пор не выучилась различать близнецов.

– Мал-Гона! Аптахар!.. – хрипло выкрикнул Волкодав. – Свои!..

Его голос узнали. За глыбами произошло движение, венн шагнул вперёд, и Елень Глуздовне пришлось лезть за ним в какую-то узкую шершавую щель. Волкодав сразу провёл её к западной стене святилища, где были заботливо сложены сосновые ветки и, укрытая от постороннего глаза, жарко тлела куча углей. Кнесинку вдруг взял новый ужас при мысли, что будет, если он выпустит её руку. Она огляделась и увидела, что в каменном кольце было полно народу. Сольвенны, вельхи, сегваны деловито и без лишнего шума готовились к бою: закладывали последние из ещё не перекрытых проходов, проверяли стрелы в колчанах, осматривали мечи и копья. Кнесинка заметила даже нескольких молодых Лучезаровичей, но в основном здесь были стражники, простая галирадская рать. Далеко не каждого среди них она знала по имени. Ей захотелось крепко зажмуриться и проснуться дома, в спокойствии и тишине.

– Во имя волосатых ляжек Туннворна! Это откуда ты выскочил? – недовольно спросил Волкодава подошедший Аптахар. – Я тебя с другой стороны ждал. Хёгг сожри твои кишки, венн, застрелить же могли!

– Откуда выскочил, оттуда и ладно, – буркнул Волкодав. – Госпожа цела, и добро.

Кнесинка села на густой лапник, на подстеленную войлочную попону, сделала над собой усилие и сама разжала пальцы, выпуская руку телохранителя. Не годится дочери вождя показывать людям свой страх. Кто-то сейчас же набросил ей на плечи тёплый, нагретый человеческим телом меховой плащ. Подошёл Лихослав и усадил рядом с ней няньку. Старуха заставила взмыленного парня нагнуться и крепко поцеловала в мокрый лоб:

– Сыночек...

С разных сторон уже сбегались служанки, решившиеся при виде государыни оставить своих спасителей:

– Госпожа!..

Все были здесь, в том числе и лекарь Иллад с неразлучной коробкой. Как на первый взгляд ни удивительно, трусоватого маленького халисунца менее других придавил отнимающий волю страх. *Наверное, подумала кнесинка, это потому, что у него, в отличие от меня, в руках есть дело, и в битве от него будет толк.*

Среди служанок не доставало только смешливой красавицы Варей, так похожей на государыню. Не было видно и веснушчатого парня, которому её поручили.

Волкодав сказал что-то братьям Лихим, те ушли и вернулись с несколькими щитами. Один протянули кнесинке, другие раздали девушкам.

– Зачем?.. – спросила Елень Глуздовна. Случись драться, она им и пользоваться-то не умела.

Волкодав ответил:

– Наверняка будут стрелять верхом, госпожа, через стену. Прикроешься.

Как будто услышав эти слова, со звёздного неба почти отвесно упала тяжёлая стрела и воткнулась прямо в кучу углей. Волкодав мгновенно схватил круглый щит и держал его над головой кнесинки, пока она неловко продевала руку в ремни. Щит был деревянный, обтянутый вощёной кожей и окованный по краю железом. Он показался кнесинке очень тяжёлым, хотя на самом деле это было не так. Служанки, всхлипывая, скорчились на земле, прижимаясь к ней и к близнецам.

Волкодав опустил на корточки рядом с кнесинкой, протянул руку и выдернул из её свиты стрелу, запутавшуюся в толстом сукне за правым плечом. Потом посмотрел на девушку и вдруг проговорил очень тихо и совершенно спокойно:

– Не плачь, госпожа. Не надо плакать. Всё будет хорошо.

Кнесинка только тут обнаружила, что лицо её сплошь залито не только п#243;том, но и слезами.

– Я буду вон там, – сказал Волкодав и мотнул головой в сторону скальной стены. – Лихослав и Лихобор посидят с тобой, госпожа.

Кнесинка отчётливо поняла, что немедленно умрёт, как только он уйдёт и оставит её. Она согласно кивнула и прошептала, как когда-то на торговой площади:

– Не погуби себя, Волкодав...

– Да, вот ещё... – Он отстегнул от ремня и дал ей ножны с кинжалом, тем самым, что подарил ему благодарный Кетарн. Клинок более двух пядей длиной в девичьих руках сошёл бы за небольшой меч. Правду сказать, Елень Глуздовна была с ним ловка не более, чем со щитом. Но ощущение витой рукоятки в ладони сразу добавило уверенности, как обычно и бывает со всеми, кто непривычен к оружию. Волкодав, собственно, этого и хотел.

Некоторое время за стеной святилища царила подозрительная тишина...

– Они прикасаются к человеку, и человек сразу падает... – обречённым голосом выговорил рядом с венном какой-то молодой воин. – Только тронут – и все косточки тут же тают, как масло...

– Они, это кто? – спросил Волкодав, вытаскивая из налучи заранее снаряжённый («завязанный», как выражалось его племя) лук и расстёгивая берестяную крышку тула. Думал он в это время о том, куда бы мог запропасться Мыш и не случилось ли чего со зверьком.

– Призраки... – наполовину стесняясь собственной боязни, пробормотал юноша. Волкодав не стал на него оглядываться: и так было ясно, что челюсть у бедняги прыгала. – Они там уже витязей, наверное, всех порешили... Одна надежда, святилище... Да ведь и Боги-то, поди, не наши, кто их разберёт...

– Призраки! – фыркнул венн. – Кто видал, чтобы призраки стреляли из луков? И трещали кустами, когда по лесу бегут?..

А вот о том, почему не видно и не слышно Лучезаровой чади, определённо следовало поразмыслить.

– А ещё, по-моему, призраки не ругаются, – смущённо произнёс другой голос, и Волкодав узнал Белоголового. – Я всегда думал, они, наоборот... загнут как следует – и уйдут. Я слышал одного там, внизу... – Молодой ратник усмехнулся. – Как же он костерил какую-то дырявую лодку! Я и то четыре слова новых узнал...

Кругом сдержанно засмеялись.

– Да ты, брат, похоже, старинные языки превзошёл, – хмыкая в усы, предположил подошедший Мал-Гона. – По-каковски хоть матерились?

Белоголовый ответил с безмерным удивлением:

– По-сольвенски!..

Снизу, со стороны лагеря, внезапно послышались ликующие крики, далеко летевшие в тихой ночи. Волкодав прислушался и разобрал что-то вроде «Нашёл, нашёл!..». Пока он раздумывал, что бы это значило, крики сменились невнятным ропотом и стихли совсем.

Деревья начинались в сотне шагов от святилища, и под ними лежала тьма, почти непроницаемая для обычных человеческих глаз. Волкодав выбрался наружу сквозь щель между глыбами, прижался спиной к камню и напряг зрение, всматриваясь во мрак. Воины позади него перешёптывались, нащупывали под кольчугами обереги. Кто-то осторожно спросил:

– Видишь что-нибудь, венн?

Волкодав не ответил, но левая рука, державшая лук, медленно поползла вверх. Он в самом деле различил движение возле большой сосны, обхватившей корнями гранитный уступ. Промазать на таком расстоянии он не боялся, но человек мог оказаться кем-нибудь из своих, и Волкодав медлил.

Потом прятавшийся немного подвинулся влево, и венн рассмотрел на его шлеме

гребень в виде жёсткой щётки от налобника до затылка. Точно такой рисовала на земле Эртан, рассказывая о шлеме времён Последней войны, хранившемся у неё дома. Волкодав на мгновение ощутил холодок в животе. Вот уж двести лет подобных шлемов не носила ни одна живая душа. Неужели всё-таки была истина в росказнях о злых душах, кем-то потревоженных в глубине Кайеранских трясин?.. Ещё он подумал о том, мог ли быть там, в лесу, добрый человек, зачем-то напяливший древний шлем, и решил, что не мог. Волкодав не любил стрелять без предупреждения и незнамо в кого, но, когда под деревьями мелькнули ещё тени, – спустил тетиву. Стрела с широкой головкой ударила туда, где под шлемом смутно угадывалось лицо, и сразу стало ясно, что у дерева таился не бесплотный дух. Силища у доброго веннского лука была страшная: человека в шлеме подняло с колен и опрокинуло навзничь. Он покатился вниз по склону, с шумом ломая кусты. Его сотоварищи немедленно прижались к земле и взялись стрелять в ответ, но железные наконечники отскакивали от камня, никому не причиняя вреда. Ратники помоложе схватились было за луки – ответить. Волкодав слышал, как старшие воины придерживали малоопытных. Что толку наугад опустошать колчаны, если всё равно не видно ни зги.

Он лёг наземь, уберегаясь, и выпустил ещё несколько стрел, стараясь бить только наверняка. Один из «призраков» так и остался стоять под деревом, пригвождённый к стволу: оперенное древко пробило ему шею. Другой завыл, корчась между мшистых камней. Длинный, ребристый, как гвоздь, бронебойный наконечник прошил звенья кольчуги у него на животе. Остальные поняли, что их видят, и с глухим рыком устремились вперёд.

Маленькая крепость подпустила их поближе и огрызнулась стрелами. Большинство впотьмах прошло мимо цели, но иные попали. В отдушинах заваленных щелей стояли опытные стрелки, умевшие бить с завязанными глазами – на голос, на шорох шагов. Гибель нескольких человек не остановила нападавших. Они добрались до каменных стен и стали искать вход, а кое-кто наладился напрямиком через стену. Началась беспощадная резня в темноте.

Когда дошло дело до рукопашной, первый подоспевший «призрак» мало не наступил на Волкодава, слившегося с темнотой у стены. Может быть, разбойник успел удивиться, когда неведомая сила вдруг подхватила его и повела вкруговую, заставила неуклюже пригнуться – и со всего разлёту грянула головой в камень. Волкодав выдернул из ножен меч и схватился со следующим.

Вот так же, наверное, двести лет назад бились здесь последние воины древних племён, обложенные со всех сторон наёмниками Гурцата Проклинаемого в шлемах со щетинистыми гребнями. А внутри стен укрывались малые дети, старики и жрецы, напрасно призывавшие Богов...

Волкодав съёс голову своему противнику и подумал, что сражается ещё и за них.

В щит, который держала над головой кнесинка, воткнулось несколько стрел, и ещё одна вошла в землю, проткнув край понёвы. Потом, громко требуя лекаря, подбежал здоровенный сегван и принёс на руках раненого. Иллад немедленно вылез из-под щита, раздул воткнутую в землю головню и занялся вспоротым бедром парня, ничуть не заботясь, что ему самому могла грозить смерть. Кнесинка посмотрела на халисунца, деловито затягивавшего жгут. Потом на раненого воина, который перехватил её взгляд и попробовал ободряюще улыбнуться ей белыми как мука, перекошенными от боли губами.

Люди шли на муки и смерть ради неё. Ради того, чтобы она благополучно добралась к жениху. Которого, ни разу в жизни не выдав, она всей душой ненавидела...

Потом она снова вспомнила свой сон, в котором её верный телохранитель отступал, пятясь, по каменистой тропе, с обеих сторон сжатой серыми скалами, отступал, сражаясь с кем-то невидимым... Тогда, во сне, она пыталась помочь ему чем могла. Не отсиживалась в безопасности, пока другие бились насмерть. Наверное, тогда ей просто некуда было больше деваться. И вся храбрость. Или дело в том, что во сне, как бы ни было страшно, взаправду всё же не погибает?..

Бой длился по-прежнему во мраке. Ни те ни другие не стали мастерить факелов. «Призраки» упрямо цеплялись за личину потусторонних существ. Хотя все уже поняли, что это были вполне обычные люди, для вящего страха напялившие старинные доспехи, найденные в Кайеранах. Осаждённые не желали открывать нападавшим свою численность и попусту привлекать внимание вражьих стрельцов...

Волкодав кружил под стеной, беспощадно пользуясь выгодами своего зрения. Славный меч, впервые обнажённый им для настоящего боя, умылся кровью по самую крестовину. Лесных душегубов он любил не больше самого Волкодава.

Довольно скоро венн обнаружил, что налётчики видели в темноте вряд ли хуже него, только как-то иначе. Сразу подмечали движение, а затаившегося человека могли пропустить. Вот, стало быть, почему не разглядел его тот первый, которому он всадил стрелу под забрало. Волкодав вертелся волчком, стараясь оттянуть на себя побольше врагов. Он понимал, что в толчее рукопашной они всё же вряд ли станут стрелять, а раз так, пусть-ка попробуют до него добраться. Сколько народу может разом напасть на одного человека? Трое-четверо, уж не больше. Иначе только помешают друг другу. А значит, если учён отбиваться от четырёх, не дашься и сорока. Волкодав позволил взять себя в кольцо и пошёл выписывать мечом замысловатые кренделя. Мечи и копья «призраков» скользили по его клинку, а их владельцы откатывались прочь и, случалось, уже не могли встать. Волкодав успел убедиться, что его многочисленные соперники отнюдь не блистали особым боевым мастерством. Знать, слишком привыкли нападать врасплох и резать спящих, не встречая серьёзного отпора. Против подобного воинства одиночка вроде Волкодава мог держаться, пока не упадёт от усталости. А его свалить таким образом было очень непросто. Если бы маленькая седая женщина вдруг выехала на своём ослике к заброшенному святилищу, стала бы она гордиться способным учеником?.. Или вновь укорила бы его за то, что он расправился с врагами, не дожидаясь, пока они что-то поймут и решатся изменить свою жизнь?..

Время определённо сдвинулось на два века назад. Тени давно погибших плыли сквозь тьму, вглядываясь в тех, кто потревожил их сон. Вокруг жилища Богов снова кипел лютейший ночной бой, только на сей раз воинам в гребнистых шлемах не удалось вырвать лёгкой победы, не довелось потешиться над беззащитными. В святилище оборонялись суровые и очень спокойные люди, отнюдь не считавшие себя обречёнными. Не в пример древнему племени, они крепко надеялись выстоять.

– Держись!.. – услышал вдруг Волкодав. Он оглянулся на крик и увидел воительницу Эртан.

Отчаянная девка прорубалась ему на помощь, решив – коли окружили, значит, плохи дела. Она действовала мечом очень умело и с той самозабвенной яростью, которой издревле славились вельхи. Кольцо нападавших вправду распалось. Эртан была уже в двух шагах от Волкодава и почти спасла его, когда кто-то метнул в неё нож. Венн находился с другой стороны и не мог поспеть ей на выручку. Эртан молча вскинула руку к груди и стала оседать наземь. Разбойники бросились добивать, но Волкодав уже стоял над воительницей, и его длинный меч ткал в воздухе погребальные саваны всякому, кто подбирался слишком близко. Эртан, скрипя зубами, силилась приподняться, но ничего не выходило.

– Беги, – прохрипела она. – Беги.

Волкодав, не отвечая, сгрёб её свободной рукой и поднял с земли, успев ощутить ладонью рукоятку ножа.

– Держись!.. – зарычал он по-вельхски. – Тоже выдумала, помирать!

Эртан попробовала обхватить его за шею. От боли и дурноты пальцы сперва были совсем ватными, потом немного окрепли. Эртан качалась, но ноги как-то переставляла. Разбойники немедленно обложили их, точно волки пару лосей, изранивших ноги по весеннему насту. Волкодав начал тихо ругаться сквозь зубы: вот теперь ему приходилось по-настоящему туго. Эртан наполовину висела на его руке, уткнувшись ему в плечо головой.

У неё текла изо рта кровь, он чувствовал, как густая горячая влага впитывалась в кожаный чехол. Всё-таки Волкодав пробился к южному входу в святилище, и там услышали его голос. Бесстрашные парни немедленно выскочили наружу, прикрыли обоих. Волкодав вытер меч о сапог и сунул его в ножны. Руки Эртан бессильно разжались у него на шее. Венн подхватил её – очень осторожно, чтобы не пошевелить нож. Он внёс девушку внутрь и поискал глазами Иллада. Кто-то подбежал к нему принять раненую. Волкодав повернул голову и увидел кнесинку, за которой неотступно следовали братья Лихие.

Оказывается, юная государыня успела приставить служанок помогать лекарю и сама не отставала от них, забирая покалеченных и отводя их под защиту стены. Рядом валялись двое изловчившихся перелезть извне – оба в гребнистых шлемах и древних нагрудниках. Один был убит ударом боевого ножа под подбородок. Этому удару Волкодав самолично обучил близнецов, в Галираде такого не знали. Другому разбойнику, похоже, сыпанули горячими углями в лицо и тем на мгновение ошарашили. То-то у няньки, тешившей разговорами мучимого болью парня, была замотана тряпкой ладонь; старуха чем-то страшно гордилась.

– Не поминай лихом, бан-риона, – медленно, чужим низким голосом выговорила Эртан. – Я ухожу. Геллама... Он ждёт...

– Тоже мне, собралась, – фыркнул Волкодав. Он опустил девушку наземь, усадил, прислоня к жертвенному камню, и стал осторожно резать кожаную куртку. Кнесинка встала рядом на колени, бережно поддерживая клонившуюся голову Эртан. По её щекам снова бежали слёзы: ей казалось, жизнь славной вельхинки вот-вот истечёт у неё между пальцев, подобно бегучей воде. Как удержать?..

В это время рядом с ними зашевелился увечный, оказавшийся Белоголовым. Бывший тестомес жестоко страдал: он потерял в сражении глаз, и голову стягивала кровавая повязка, но под уцелевшим глазом ещё виднелись следы довольно свежего синяка. Синяком этим, насколько было известно Волкодаву, сольвенна за чрезмерный пыл пожаловала сама Эртан. Белоголовый скользнул взглядом по её обнажённой, залитой кровью груди, растянул непослушные губы в хищной ухмылке и заявил:

– А я не зря в морду получил, знал небось, куда руки тянул. Ишь, какую красоту припрятала!

Иллад смазал чем-то прозрачным кожу вокруг ножа, приложил пальцы пониже раны и стал выслушивать сердце.

– Главное – титька цела, – со знанием дела рассудил явившийся из темноты Аптахар. – Тебе, девка, двадцать детей родить надо, потом уже помирать.

Эртан приподняла руку, попыталась показать им кулак и потеряла сознание.

Нападавших было ненамного больше, чем осаждённых, и в какой-то момент те уверенно поняли, что отобьются. Поняли это и разбойники. Снизу, с берега, прозвучал рог, и Волкодав сразу вспомнил рассказ Эртан о похождениях деда и о замогильном роге, в который никоим образом не мог трубить живой человек. Звук, глухой и зловещий, в самом деле шёл как будто из-под земли. От него по спине бежали мурашки, и Волкодав задумался о том, почему разбойники не протрубили точно так же в самом начале, чтобы вернее всех напугать. Особо размышлять на сей счёт ему было некогда, но единственное объяснение, явившееся на ум, оказалось неутешительным.

Им нужна была кнесинка...

И они догадывались либо попросту знали, что при ней состояли люди, которые не рассуждая схватятся за оружие. И без боя не отдадут свою госпожу не то что каким-то там паршивым духам давно умерших злодеев – хоть и самим Тёмным Богам, вздумай те вдруг явиться за ней.

Волкодав нагнулся над убитым разбойником, заглянул в мёртвые глаза. Так и есть. На него, точно две бездонные проруби в зимнем льду, смотрели невероятно расширенные зрачки. Волкодав приподнял веко второму. То же самое.

На востоке уже разгоралась вдоль горизонта узенькая полоска зари. Разбойники

отступили и скрылись в лесу, постаравшись унести либо добить своих раненых. Потому что пленников неминуемо заставили бы говорить. Хотя, наверное, всем было уже ясно, что в сказку о воинственных духах, встающих из Кайеранских трясин, больше никто не поверит.

– Зря вы насмерть обоих, – глядя на трупы, сказал Волкодав близнецам. – Можно было бы порасспросить.

Лихобор густо покраснел и ответил за себя и за брата:

– Мы так испугались...

Кнесинка сидела рядом с Эртан, глядя мокрую голову вельхинки. Было видно, как дрожали у неё руки. Она всё не верила, что страшная ночь близилась к завершению.

– Всё хорошо, бан-риона, – тихо выговорила Эртан. – Отбились.

Она лежала с закрытыми глазами, бледная до зелени, но кровь изо рта больше не шла. Она утверждала, что ей почти не было больно, если не шевелиться.

Потом со стороны, противоположной болоту, послышался боевой клич галирадской дружины, звон оружия и топот копыт.

– Ага, – устало сказал Волкодав. – Вот и Лучезар.

– Где его Хёгг таскал, хотел бы я знать, – присаживаясь рядом на корточки, зло буркнул Аптахар. У сегванов это была любимая поза. Другие племена обычно видели в ней неиссякаемый источник для шуток, только сейчас ни у кого не было охоты шутить.

Волкодав вытащил из ножен меч, положил его поперёк колен и стал чистить. Известно, что бывает с клинком, если его вовремя не отчистить от крови. Он тоже мог бы много всякого разного сказать про Лучезара, но при кнесинке сдерживался.

Болезненно хромая, к ним подошёл Мал-Гона и сел наземь, неловко вытянув вперёд перехваченную тряпичной ногой. Он потерял в сражении четверых отличных парней и был расстроен и зол.

– Мужилу не видел? – мрачно спросил Аптахар.

– Да чтоб он сдох, твой Мужила!.. – прорычал вельх. – Пришибли – плакать не буду!

Сольвенские ратники, слышавшие эти слова, и не подумали возражать. Кнесинка смотрела на мужчин, ещё не остывших, не отошедших от боя. Наверное, следовало одёрнуть молодцов, заставить чтить того, кого поставили над ними старейшины. Но в том-то и беда, что не заставишь уважать человека, который ничем этого не заслужил.

И кнесинка сказала совсем другое.

– Я недостойна быть государыней... – тихо обратилась она к Волкодаву. – Я... я совсем перетрусилась...

Волкодав поднял голову и улыбнулся. Аптахар и Мал-Гона посмотрели на неё, потом друг на друга и одновременно захохотали. Спустя некоторое время смеялась уже вся маленькая крепость, даже те, над кем успел потрудиться Иллад.

Внизу между тем поднялся шум и крик. По всей видимости, Лучезаровичи загоняли «призраков» обратно в болото. Несколько востроглазых ребят взобралось на валуны; делалось всё светлее, и они разглядели лодки, улепётывавшие через разлив. Самые обычные плоскодонки, только на бортах ещё болтались обрывки камыша и сплетённых ветвей. Остальное охапками летело в стоячую воду: разбойники уносили ноги.

Когда по склону холма, приближаясь, застучали копыта, ратники снова схватились за луки и строго окликнули подъехавших.

– Славный воевода, боярин Лучезар Лугинич едет! – долетел навстречу голос Плишки. – Дорогу боярину!

Дорогу боярину освободили, хотя и без той почтительной спешки, к которой он привык в Галираде. Лучезар соскочил с вороного и стремительно вошёл в святилище, сопровождаемый Канаоном и Плишкой. Остальные сунулись было за ним, но их не пустили, сославшись на то, что внутри и без них довольно народа. На самом деле ратники, только что отстоявшие свою госпожу, вовсе не желали допускать к ней сторонних людей.

Однако Лучезар, как вскоре выяснилось, смотрел на вещи иначе.

– Сестра! – воскликнул он, ликуя. – Мы разбили и разогнали их, сестра, ты спасена!

Кнесинка Елень молча смотрела на него снизу вверх. Волкодав уже стоял подле неё, по правую руку, чуть впереди. Серо-зелёные глаза настороженно ощупывали и боярина, и двоих головорезов у него за спиной. Лучезар не мог не заметить, что с ним здесь уже обращались как с чужаком. Никто не разделил его восторга по поводу спасения «сестры», никто не отозвался на ликующий возглас. Кроме дружины, грянувшей мечами в щиты:

– Слава боярину...

– Ты лучше скажи, воевода, где ты со своими шастал, пока мы дрались? – хмуро проговорил Мал-Гона. К слову сказать, двое старшин, вельх и сегван, не подумали встать при виде молодого вельможи. А за старшинами – и их люди.

– Это я перед тобой, иноплеменником, ответ должен держать?.. – возмутился Лучезар. – Да ещё я с вас, холопские рожи, спрошу! Почему сестру мою неизвестно куда утащили, мне про то ничего не сказав? Еле нашли вас, доброго слова не стоящих! Почему... – это относилось уже к Волкодаву, – почему государыня бежала сама, а никчёмную старуху, рабыню, несли на руках?!

Телохранитель не отказался бы, в свою очередь, поинтересоваться, откуда боярин проведал такие подробности. Но не успел. Разгневанный Лучезар подскочил к нему и со всего плеча ударил в лицо кулаком.

Ну то есть не ударил, конечно. С Волкодавом подобные штуки не проходили уже очень, очень давно. Тело, едва остывшее после рукопашной, всё сделало само. Голова чуть-чуть убралась в сторону, правая рука метнулась вперёд, упираясь основанием ладони боярину в челюсть. Ударь Волкодав как следует, и лежать бы Лучезару со сломанной шеей. Венн бить не стал, просто сильно толкнул, отшвырнув вельможу на руки Плишке с Канаоном. Те его подхватили, заботливо помогли встать.

Всё произошло очень быстро, так быстро, что никто не успел схватиться за оружие.

– Волкодав... – прошептала кнесинка.

Лучезар медленно запустил пальцы в поясной карман, вытащил тонкий платочек, обтёр им губы и подбородок, к которым прикоснулся венн. Потом брезгливо бросил платочек наземь. Глядя на это, Волкодаву тоже захотелось поплевать на ладонь и вытереть её о штаны. Он удержался, хотя и не без труда.

– Сестра, – проговорил боярин негромко. – Ты окружила себя людьми, которым не подобает находиться рядом с тобой ни по рождению, ни по заслугам. Это бесчестит тебя, родственница. Внемли предостережению Богов: вспомни, сколько странного и нехорошего приключилось с тобой с того дня, когда ты привела в кром этот корень всех зол, этого хутородного венна, давно забывшего, как звали его мать! Ты даже не знаешь, кто он и откуда, но почему-то доверяешь ему гораздо больше, чем мне. Я ведь не слепой, сестра, я всё вижу. Я долго терпел, но теперь хватит! Твой батюшка велел мне доставить тебя к жениху, но как только я что-то советую, твой венн тут же приказывает делать иначе. До сих пор ты поступала то так, то этак, чтобы никого не обидеть. Больше этому не бывать. Выбирай, сестра, – я или он! Я, родич твой, с кем ты вместе играла! Или прохожий случайный, который сегодня при тебе, а завтра – ищи ветра в поле! Выбирай!

Кнесинка Елень в отчаянии подняла глаза на телохранителя. Волкодав стоял молча и неподвижно. Он не смотрел на неё. Он пристально следил за Лучезаром и двумя его молодцами. Опять её принуждали решать, и не у кого было спросить совета. Кнесинка подумала о том, что в самом деле немного знает про хутородного венна. Только то, что прошлое у него действительно тёмное и что временами он бывает по-настоящему страшен. И ещё кое-что... Такое, чего она предпочла бы вовсе не знать...

Она ответила очень тихо, почти шёпотом, но твёрдо:

– Ныне и впредь я буду поступать так, как мне подскажет мой старший телохранитель, сын веннов, называемый Волкодавом...

– Я не ослышался, сестра? – спросил Лучезар.

– Молодец, кнесинка, давно пора, видит Храмн! – с большим облегчением проговорил

Аптахар.

Мал-Гона разгладил рыжие усы и торжественно кивнул:

– Праведные слова ты говоришь, бан-риона, в этом святилище.

– Мужилу сыщем – мигом старшинства отрешим и пояс отымем! – выкрикнул по-сольвенски молодой голос. – Не люб! Скажи за нас, Декша!

К некоторому удивлению Волкодава, на это имя отозвался ратник, которого он до сих пор знал как Белоголового. Декше было больно говорить из-за глаза, но всё-таки он сказал:

– Государыня дело молвит!

Так бывает после сражения или иного большого труда. Почувствовавшие свою силу люди начинают вершить дела с той же удалой решимостью, что и в бою. В такие мгновения им всё по плечу, всё удаётся. Чего доброго, ратники ещё и боярина взяли бы отрешать воеводского пояса, но тут извне опять послышался шум подошедших людей, а потом голос велиморского посланника Дунгорма:

– Что?.. То есть как жива?.. – И крик: – Пропустите меня к ней!

Галирадцы не держали на Дунгорма зла и охотно пропустили внутрь. Бледный и растрёпанный посланник ворвался в святилище бегом, что не слишком приличествовало вельможе его положения. У него был вид человека, вправду увидевшего привидение. Его взгляд сразу остановился на кнесинке. Дунгорм подошёл к ней, ничего и никого не видя по сторонам, и упал на колени.

– Государыня... – Нарлак потянулся коснуться её руки, но не посмел, точно опасаясь, как бы она не растаяла в воздухе. Кнесинка сама обняла его, заставила подняться с колен, усадила рядом. Обычное несуетное достоинство медленно возвращалось к Дунгорму.

– Что случилось, благородный посланник?

– Я... госпожа, я был уверен, что ты... – всё ещё неверным голосом ответил Дунгорм. Осенил себя священным знаменем и едва решился промолвить: – Я видел, как тебя убили внизу!

Тогда Волкодав понял, куда подевалась смешливая красавица Варя. Не донашивать ей больше за кнесинкой надёванных платьев, не примерять новых. И шуток по поводу схожести двух девушек тоже больше не будет.

Дунгорм рассказал, что при первой тревоге его велиморцы живо вскочили и встали в боевой строй, загородившись щитами, и без промедления поспешили к шатру кнесинки. Но там никого уже не было, а шатёр догорал.

Пока он говорил, Лучезар коротко кивнул подручным и молча вышел наружу. Знать, понял, что сила впервые была не на его стороне. И даже хуже того. Отныне оберегать кнесинку взялись простые ратники и велиморцы. Ему больше не было веры. «Сестра» собиралась впредь слушать своего телохранителя. Дикого венна. Каторжника. Убийцу. А он, Лучезар, если не хотел вконец осрамить себя и дружину, лучше вовсе не ввязывайся с ними в спор. Это тоже все понимали.

Варя и сегванский воин, уведивший её в лес, лежали в сотне шагов от кострища, что смрадно курилось на месте красивого шерстяного шатра. Двое хмурых велиморцев бдительно охраняли тела. Стрела-срезень с широким наконечником разорвала сегвану кровеносную жилу на шее, но он не умер сразу и какое-то время ещё отбивался, зажимая рану рукой. За это храбреца изрубили в куски, так что и лица нельзя было узнать.

А девушке отсекли голову и с торжеством унесли прочь, намотав на руку толстую косу.

Вот, стало быть, почему вдруг возликовали разбойники, вот почему они не сразу бросились догонять скрывшихся в святилище. Они решили, что благополучно сделали дело, расправившись с кнесинкой.

Которую кто-то по-прежнему очень хотел истребить...

Голова несчастной служанки отыскалась чуть позже. «Призраки» доставили её назад в размётанный лагерь и показали кому-то, кто хорошо знал в лицо дочку галирадского кнеса. «Не та!» – зло рявкнул этот кто-то. Отрубленная голова полетела в костёр, а разбойники,

досадливо бранясь, полезли на холм.

Но к тому времени настоящая кнесинка была уже в безопасности...

Нашли и Мужилу. Было видно, что перед смертью сольвеннский старшина стоял на коленях и умолял о пощаде. Он даже не вытащил из ножен меча. Галирадцы не стали складывать для него честного костра. Просто вырыли яму и погребли его в ней, уложив набок с коленями, подтянутыми к груди. Так когда-то хоронили рабов, чтобы и на том свете служили знатным хозяевам.

Его старшинский ремень – турьей кожи, с серебряными бляхами – вымыли в чистой воде, пронесли над огнём и только потом опоясали им Декшу-Белоголового.

Вельхи, удалые лошадики, испокон веку приучали добрых коней отыскивать всадников, с которыми разлучила их битва. Почти все воины из отряда Мал-Гоны, за исключением нескольких, нашли своих лошадей на разграбленном становище. Умные животные дождались, пока уберутся злодеи, и возвратились. Остальных пришлось разыскивать по лесу. Волкодав был уверен, что Серко придёт сам. Да ещё Снежинку с собой приведёт. Но Серко не появлялся.

Уже совсем рассвело, когда из чащи примчался Мыш и с писком закружился над головой Волкодава, а потом метнулся назад, приглашая его за собой. Венн пошёл следом, но Мыш взволнованно верещал и летел всё быстрее, так что вскоре Волкодав пустился бегом. Спустя некоторое время между деревьями засеребрилась белая шёрстка, послышалось знакомое ржание. Снежинка!

Кобылица тоже узнала Волкодава, подбежала навстречу, принялась и отпрянула: человек пахнул кровью и смертью. Всё-таки она позволила взять себя под уздцы, и в это время из-за ёлок, спотыкаясь на трёх ногах, повесив голову вышел Серко. В левом плече у него торчали две обломанные стрелы, по крупу вскользь полоснули копьём. Измученный жеребец дрожал всем телом, но плёлся за Снежинкой, не отставая. И кобылица не бросала его, ждала и ласково фыркала, хотя давно уже могла бы вернуться к хозяйке одна. Волкодав увидел у Серка на копытах кровь. Боевой конь знал, как поступать в схватке, когда окружили враги.

Венн обнял его за шею, стал гладить мокрую горячую шерсть. Конь застонал и прижался к его плечу головой...

Когда Волкодав зашёл проведать Эртан, воительница была в полном сознании. Он подсел к ней, погладил ладонью по щеке. Она повернула к нему голову и тихо спросила:

– Ты видел их, Волкодав?..

Он, в общем, понял, о чём она говорила, но на всякий случай так же тихо спросил:

– Кого «их»?

– Души, – ответила вельхинка. – Души тех, кто здесь погиб двести лет назад...

– Видеть не видел, – сказал Волкодав. – Но мне казалось, что они где-то поблизости.

– А я видела, – прошептала Эртан. Венн не удивился и не усомнился: кому ещё видеть бесплотные души, если не ей, ведь она сама была на грани жизни и смерти. А девушка продолжала: – Мне кажется, мы отомстили за них...

Волкодав кивнул. У него было то же чувство. Хотя болотные разбойники к Гурцатову воинству никакого отношения не имели, если не считать шлемов с гребнями. Он медленно проговорил:

– Мой народ верит, что те, за кого отомстили, могут вновь родиться и обрести плоть на земле.

Госпоже кнесинке хотели поставить палатку, но она отказалась. Закройся в палатке, и снова начнёшь чего-нибудь ждать. Она свернулась калачиком под одеялом и попробовала уснуть, однако сон не шёл. Кнесинка то и дело открывала глаза и смотрела на Волкодава,

неподвижно и молча сидевшего рядом с ней. Волосы телохранителя были снова заплетены так, как полагалось убийце.

...Нянька рассказывала: Горкун Синица оказался учтивым и не по-венски словоохотливым малым. Как он просиял, увидев на столе с угощением свои огурцы! Хитрая Хайгал сама наполняла зелёную стеклянную чашу торговца, расспрашивая о том и о сём. Недавнее покушение на государыню ещё было у всех на устах, и скоро застольная беседа вполне естественным образом коснулась поединков и знаменитых сражений.

«Тройку рукой? Как это – не может быть! – возмущился Горкун деланным недоверием бабки. – Да я сам видел на ярмарке, лет... погоди... да, лет пятнадцать назад. Кто? Уж прямо так и не помню! Кузнец Межамир Снегирь!..»

Два дня спустя Елень Глуздовна с нянькой сообща выдумали для старухи предлог побывать на улице кузнецов. Мастер Удача подробно обсудил с Хайгал форму и украшения нового поясного ножа и прямо расцвёл, обнаружив в бабке истинного знатока хороших клинков. В разговоре замелькали имена прославленных мечей и их великих создателей. Старуха невзначай упомянула Межамира Снегирия, и Удача вздохнул.

«Добрый был мастер, жалко его... Почему? Так ведь он женился в род Серого Пса, сама знаешь, как у них принято. А с Серыми Псами потом помнишь что было?.. Грешно говорить, а только доброе дело тот сделал, кто Людоеда в замке спалил...»

Волкодав, Волкодав... Кнесинка смотрела на последнего Серого Пса, неподвижно и молча сидевшего подле неё, и знала, что он никуда не уйдёт. А пока он с ней, она была в безопасности. Она передвинулась так, чтобы колени ощущали тепло его тела. И постепенно задремала.

Я всякое видел и думал, что знаю, как жить.
Но мне объяснили: не тем я молился Богам.
Я должен был жизнь на добро и любовь положить,
А я предпочёл разменять на отмщенье врагам.

Воздастся врагам, мне сказали. Не ты, так другой
Над ними свершит приговор справедливой судьбы.
А ты бы кому-то помог распротиться с тоской,
Надежду узреть и о горе навеки забыть.

Ты грешен, сказали, ты книг золотых не читал.
Ты только сражаться науку одну превзошёл.
Когда воцарится на этой земле Доброта,
Такие, как ты, не воссядут за праздничный стол.

Чем Зло сокрушать, мне сказали, ты лучше беречь
Свободы и правды крупички в душе научись...
Но те, на кого поднимал я свой мстительный меч,
Уже не загубят ничью беззащитную жизнь.

Я буду смотреть издалёка на пир мудрецов.
Пир праведных душ, не замаранных чёрной виной.
И тем буду счастлив, поскольку, в конце-то концов,
Туда соберутся однажды спасённые мной.

12. Песня Надежды

Маленькое войско вновь двигалось вперёд по Старой дороге. В целости сохранилась одна-единственная повозка – в основном благодаря тому, что маронг действительно не горел. Огонь жадно лизал резные красноватые бортики, но уцепиться за них так и не смог. Теперь в повозке, по непререкаемому распоряжению кнесинки, устроили раненых. Приданое, ту часть, что удалось спасти, перегрузили на лошадей. Будь вокруг по-прежнему, как до Ключинки, дружественная страна, покалеченных вполне можно было бы оставить в любой придорожной деревне. Людям кнесинки всюду с радостью предоставили бы и уход, и защиту. А по зимнему пути в самый Галирад отвезли бы. Здесь, за Сивуром, на дружбу местных жителей надеяться не приходилось.

Если они вообще были здесь – жители.

Государь Глузд, недавно путешествовавший в Велимор, и туда и обратно проезжал по Новой дороге. А здешними местами дальше Кайеранских трясин не забирались ни Эртан, ни даже её дедушка. Воительница сумела припомнить лишь смутные слухи о лесных племенах, вроде бы приходившихся луговым вельхам дальней роднёй. Только родство это, по её словам, было таково, что мало кто стал бы им гордиться. Коли уж лесной клан, избравший спокойное уединение зелёных крепей, заработал малопочтенную кличку «болотного», то здешний народец, если, конечно, он вправду был ростком от вельхского корня, следовало бы назвать самое ласковое *трясинным*. Другое дело, Эртан не хотела ни на кого попусту наговаривать и зря хаять тех, кого ни разу в глаза не видала.

Воительница говорила медленно, почти не раскрывая глаз и то и дело останавливаясь передохнуть. Иллад вообще не советовал ей разговаривать, но она не слушала. Она полулежала в повозке, схваченная поперёк груди широкой повязкой. Как ни бережно правила конём старая Хайгал, время от времени колесо неизбежно наезжало на камень или попадало в колдобину. Тогда Эртан молча серела, стискивая зубы. Раненые мужчины время от времени беззлобно препирались, споря, чья очередь устраиваться подле неё.

– Может, я тоже кое-что слышал про здешний народ, – проговорил Волкодав. Он оберегал подстреленного разбойниками Серка и вёл жеребца в поводу, благо поезд и так двигался со скоростью пешехода. – От одного торговца, – продолжал венн. – Те люди вышли к дороге, и он предложил им на продажу горшки. Они только плюнули: лепка, мол, не прародительская. Купец так понял, у них если что не принято, значит, не от Светлых Богов. Он называл их *харюками*. А те или не те, сам я не знаю.

– Харюки, – задумчиво отозвалась кнесинка. – По-веннски это, кажется, значит «угрюмцы»?

Она тоже шагала пешком, хотя Снежинка в битве не пострадала. Волкодав сильно подозревал, что кнесинка хотела разделить с пешими ратниками их тяготы и тем самым уважить простых походников, спасших ей жизнь.

Что касается Лучезара – он больше не уговаривал «сестру» держаться поближе к дружине. Он считал себя горько и несправедливо обиженным и обиду свою всячески подчёркивал. Как и намерение по-прежнему служить кнесинке и защищать её, невзирая ни на что. Его люди ставили лагерь в виду остальных, но не рядом. И во время переходов держались так же: вблизи, но особняком. Со скорбным достоинством ни за что ни про что впавших в немилость. Волкодав видел, что кнесинку чем дальше, тем сильнее мучила совесть. По его мнению, совершенно напрасно.

Шли третьи или четвёртые сутки с тех пор, как они, с честью похоронив павших, покинули Кайераны. Уже близок был полдневный привал, когда кнесинка Елень, внезапно на что-то решившись, взяла телохранителя за руку и заставила отойти от повозки, чтобы никто не услышал.

– Мы все были неправы, – понизив голос, сказала она Волкодаву. – Лучезар – что уговорил меня ехать Старой дорогой. Я – больше всех, потому что послушалась... если бы не послушалась, никто не погиб бы, ведь так?.. – Голос кнесинки дрожал, она пыталась

говорить твёрдо, но он-то видел, что Елень Глуздовна была готова заплакать. – И ты был неправ, – продолжала она. – Зря ты ударил Лучезара. Почему ты так не любишь его? Ну, норов у него не мёд, но уж... Он родич мне...

Волкодав тоскливо посмотрел вокруг и ничего не ответил. А что тут отвечать.

– Молчишь, – вздохнула кнесинка. – Я же вот признаю, что зря здесь поехала... – И сердито вскинула на него глаза. – Правду говорят о тебе: ловок драться, так и думаешь, что кругом прав!

– Я не бил боярина, госпожа, – мрачно сказал Волкодав.

– А то я не видела!

Венн кивнул:

– Не видела, госпожа.

Кнесинка молчала какое-то время, покусывая губу, и Волкодав молился про себя, чтобы она прекратила этот тягостный для него разговор. Но на Око Богов как раз набежало белое облачко, и, наверное, именно потому его молитва так и пропала впустую.

– Мне говорили, – вновь начала девушка, – что ты ни разу не обратился к боярину, только через кого-то. Да я и сама не глухая. Ты венн: значит, всё это не просто так. Вы стали ссориться сразу, как только я тебя наняла. Вы оба мне служите, я вам обоим верить должна... а вы съезть друг друга готовы. Почему?

Мысленно Волкодав выругался, а вслух сказал:

– Не стоит об этом говорить, госпожа.

Она отрезала:

– Стоит! Я ведь тогда выбрала не его, хоть он мне и родственник! Должна я после этого хотя бы знать, что у тебя на уме?

«Государыня, – мог бы сказать кнесинке Волкодав. – Меня все твои витязи и бояре, сколько их есть, по первости проглотить были рады. Только Правый, когда понял, что я вместо пса при тебе, всё мне простил. А Левый ещё пуце из шкуры полез, чтобы меня избыть. Канаона и Плишку, ухорезов своих, в телохранители сватал... Почему? Ведь не дураком родился?.. Когда через Сивур переправлялись, мне чуть глотку не грыз, чтобы тебя на первом пароме отправить. Сказать тебе, кнесинка, кого велиморцы на том берегу под ёлкой ущучили?.. А Старая дорога? Нашёл времечко против нечисти исполчаться, сестру везя к жениху. И когда те полезли, куда его молодцы подевались, хотел бы я знать? Не многовато ли, госпожа? А теперь сама подумай: кто в Галираде первая невеста после тебя? Ну-ка, если с тобой... – тьфу, тьфу, тьфу! – ...кого с Людоедовым сыном мигом окрутят, чтоб зла не держал?.. Правильно: Варушку-красавицу, Лучезара свет Лугинича сестрицу тупоумненькую...»

Вот сколько всякого разного мог бы вывалить кнесинке Волкодав. Вполне возможно, избавляя тем самым себя и её от множества зол. Венну легче было бы откусить себе язык. Он сказал только:

– Я здесь тебя стеречь, госпожа. А не на родственников наушничать.

Ветерок шевелил его волосы, которые он только что впервые заплёл после сражения обычным порядком.

Кнесинка поняла, что не выжмет из него больше ни слова. И сникла, чуть не расплакавшись от бессильной досады. В свои семнадцать лет она умела разговаривать на торгу с шумливым галирадским народом и убеждать сивогривых упрямых мужей, годившихся ей в деды. С одним Волкодавом у неё получалось в точности по присловью о косе, нашедшей на камень. С той существенной разницей, что «камня» этого до смерти боялась вся её свита. Кто в открытую, кто тайно. Сама кнесинка успела понять: если венн принял решение, уговаривать его бесполезно. Приказывать – тоже. А иногда и расспрашивать, почему так, а не этак. *Вот и решил бы, с какой-то детской обидой вдруг подумала кнесинка. Раз и навсегда. За себя и за меня. За нас двоих. Так ведь не хочешь...*

Возвращаясь вместе с нею к повозке, Волкодав обратил внимание на конного отрока, быстрой рысью скакавшего от головы обоза. Кроме Лучезаровичей верхами ездили только

дозорные, которых высылали в стороны и вперёд. Волкодав отметил, как сразу насторожились, подобрались братья Лихие. Их дело молодое, страсть хочется кнесинку хоть от чего-нибудь, а защитить. Сам он не слишком обеспокоился, увидя дозорного. Обнаружся на дороге что-нибудь вправду опасное, молодой воин, надобно думать, иначе нёс бы недобрую весть. Волкодав видел, как поворачивались к нему мерно топавшие ратники, о чём-то спрашивали. Юноша в ответ махал рукой, успокаивал. Ратники замедляли шаг.

Подъехав к повозке, отрок соскочил наземь и приблизился, ведя рыжего коня в поводу.

– Государыня, – поклонился он кнесинке. – Прости, государыня, народ здешний троих мужей на дорогу прислал. Говорят, хотят слово молвить с тобой.

– Что за люди? – спросила Елень Глуздовна. Реденькая шёлковая сетка снова колыхалась перед её лицом, прижатая серебряным венчиком. – Как выглядят? Видел ты их?

– Говорят как вельхи, государыня, – отвечивал юноша и добавил, подумав: – как восточные. Хотя не совсем. И лицами вроде вельхи, только...

Он пожал плечами и растерянно замолчал, отчаявшись передать словами странное чувство, которое навеяли на него лесные мужи.

– Ладно, – кивнула кнесинка. – Скажи, чтобы старшины собрались сюда, и пусть приведут тех людей.

Отрок переступил с ноги на ногу:

– Они с оружием, государыня. Велишь отобрать?

– Ничего не отбирать, – сразу распорядилась мудрая девушка. – Мы здесь тоже с оружием. Не надо, чтобы они обижались.

Волкодав, конечно, ничего не сказал, но про себя одобрил её. Однажды ещё дома (так он, к собственному удивлению, думал теперь о Галираде) он случайно услышал, как Эврих говорил Тилорну: «Чем примитивней дикарь, тем легче обидеть». Он тогда принял эти слова на свой счёт и весьма оскорбился, но не показал виду, потому что не дело обсуждать предназначенное не тебе. Только выждав полных две седмицы, он спросил у Тилорна, что значило «примитивный». Тот объяснил. Теперь он вспоминал заумное слово и думал, как глупо было обижаться тогда. Нужно родиться круглым дураком либо спесивым сольвенном, чтобы считать веннов неразвитыми и простыми, как топорище. Другое дело харюки. Если только это и вправду были они. Что взять с племени, которое вот уже добрых двести лет не казало носа из родных чащоб и мало кого впускало извне. Это только в сказках мудрецы живут в запертых башнях, куда нет ходу смертному человеку. В жизни – шиш, не получится.

А чтобы обидчивые дикари, которым благородная кнесинка сохранила оружие, не обратили его против неё же, – на то и кормились подле неё трое телохранителей...

Красивое складное кресло, которое нарочно для таких случаев везла с собой госпожа, сгорело вместе с шатром. В ход пошёл кожаный короб Иллада: лекарь только поахал, предчувствуя, что хранимые там снадобья сейчас же понадобятся кому-нибудь из болящих.

– Ничего, встану, – заверила кнесинка. – Экая важность.

На ящик живо накинули красивое вышитое покрывало. Кнесинка уселась, служанки уложили правильными складками её белый, подбитый мехом плащ и встали честь честью сзади и по бокам. Мал-Гона и Аптахар подоспели бегом, Декша появился чуть позже – не мог бежать из-за раны. Лицо у него и так было зелёное. Иллад сейчас же порылся в пухлом пояском кошеле и вложил ему в руку маленькую жёлтую горошину. Декша отправил горошину в рот и, кривясь от горького вкуса, благодарно моргнул лекарю. Кивать было больно.

Левый – раненое достоинство – не пришёл совсем, хотя его звали.

Лесные гости показались почти сразу, как только были окончены суелливые приготовления. Трое мужчин, все невысокие и коренастые, в одеждах из меха и толстого полотна, окрашенного дроком и лебедой в разные оттенки жёлтого и красного цвета. Все трое показались Волкодаву схожими между собой, как братья. Или отец с сыновьями. Цепко приглядываясь, он отметил про себя низкие лбы, тяжёлые челюсти, заметные даже сквозь

бороды, и угрюмое выражение глаз. Такое бывает у человека, который силится постичь нечто заведомо недоступное его разумению. *Ну как есть харюки*, определил про себя Волкодав. *Угрюмцы. Кабы ещё не обнаружилось, что они поколениями женятся на родных сёстрах. Уж на двоюродных-то – как пить дать!*

Между тем лесные посланцы остановились перед кнесинкой и преклонили колена. Те, что шли по бокам, опустились на оба, тот, что посередине, – на одно. Волкодав присмотрелся к нему. Плащ у него был из недорогого меха – медведины, – но как скроен! Шкура с головы зверя служила капюшоном и почти покрывала лицо, шкура с лап одевала руки и ноги, а все следы разрезов и швов были настолько искусно запрятаны, что глаз их не различал. Священное одеяние, которое предок-зверь позволял носить только старшему среди своих потомков. И то не каждый день – лишь в особенных случаях, требующих прародительского присмотра.

Коленопреклонённые угрюмцы помалкивали, ожидая, чтобы молодая правительница к ним обратилась, и она не стала их томить.

– По здорову вам, добрые люди, под кровом этого леса, – сказала она на языке восточных вельхов. – Не стану пытаться, кто таковы. Мы здесь гости проезжие, а вы хозяева, вам и расспрашивать, а нам ответ держать. Скажу лишь о том, что сразу видно: люди вы достойные и сильного рода, рода Красы Лесов... – Тут она многозначительно обежала глазами медвежий плащ стоявшего посередине. – Не случится ли страннице, забредшей в ваши изобильные ловища, чем-нибудь удружить крепкоплечим охотникам?

Ей ответил стоявший по правую руку:

– Пусть кукушка прокукует тебе с зелёного дерева, светлая госпожа. Роннаны, дети Лесной Ягоды, благодарят Хозяина Троп, пожелавшего вывести тебя в их угоды. Светлая госпожа окажет роннанам великую честь, согласившись подарить им полдня.

Волкодав быстренько прикинул в уме: избрав прямоезжую Старую дорогу вместо Новой, окольной, походники в самом деле изрядно выгадали против оговорённого срока. Значит, в самом деле можно было позволить себе непредвиденную стоянку. Кнесинка учтиво ответила угрюмцам согласием: знать, произвела тот же нехитрый подсчёт. Следующей мыслью подозрительного венна была мысль о ловушке. Что, если странный народ уговорился с разбойниками и теперь ищет сгубить поезжан? Бывало же, тысячные воинства вроде того Гурцатова отряда входили в леса, ведомые надёжными вроде бы проводниками. И больше ни один человек не видал ни их самих, ни даже костей. *Ну уж нет*, решил про себя Волкодав, *этому не бывать*. Сам он был способен выбраться из какой угодно чащобы, хоть и с кнесинкой на руках. И знал среди ратников не меньше десятка таких же лесовиков. А устроят пир и опять чем-нибудь на пиру, а тут и «призраки» недобитые подспеют?..

Волкодав внимательно присматривался к харюкам, и собственные опасения казались ему всё менее основательными. Не то чтобы ему внушал такое уж расположение народ-затворник, убоявшийся опасностей мира и предпочитавший медленно хиреть от кровосмешения. Просто есть вещи, которые никогда не сделает племя, живущее заветами предков. Отравить гостя на пиру могут в просвещённой Аррантиаде. Или у саккаремского шада. Но здесь, где медведя величают Лесной Ягодой, дабы грозный зверь не услышал и не рассердился?.. Нет уж, только не здесь.

Кнесинка тем временем продолжала разговор, и постепенно выяснилась причина, побудившая угрюмцев нарушить вековое уединение.

– Мы судим ведьму, светлая госпожа, – поведал всё тот же мужчина, стоявший одесную старейшины. И одетый в бурую шкуру согласно кивнул. – Она пришла с востока, из-за лесов, и сперва показала нам доброй знахаркой, сведущей в лечении хворей. Но потом мы убедились, что на самом деле она ждала только случая учинить нам беду. Мы изобличили её в дурном колдовстве и хотели изгнать её дух из плоти над священным огнём, чтобы ведьма не причиняла больше вреда. Однако охотники, ходившие далеко, принесли весть, что нашими местами скоро проедет великая правительница, чью мудрость и справедливость прославляют многие племена. Дети Лесной Ягоды собрались на совет и

решили просить тебя, светлая госпожа, явить праведный суд.

Услышав это, Волкодав наконец понял, почему угрюмцев так явно смущала молодость кнесинки. Они, наверное, ждали, чтобы мудрая и справедливая государыня оказалась если не старухой вроде бабки Хайгал, то уж всяко женщиной зрелых лет, матерью воинов. То-то они начали переглядываться, увидев девчонку. Но отступить было некогда, да и беседовала она как полагалось правительнице.

Что до самой кнесинки, она тоже испытала немалое замешательство. Видно, судьбе показалось мало бед и опасностей Старой дороги, на которую она, по своему безрассудству, позволила себя направить. Стоило чуть успокоиться после битвы у края болот, и нате вам: является из лесу неведомо кто и велит решать о жизни и смерти человека, тоже никогда прежде не виданного!.. И отказаться нельзя.

Кнесинка ответила харюкам подобающими словами:

– В моём роду были судьи достойней меня. Но я буду просить трижды светлое Солнце... – тут она подняла глаза к светилу, стоявшему в небе над дорогой, – ...буду просить трижды светлое Солнце осенить меня Своей Правдой, дабы не сумела умножиться несправедливость. Я совершу суд.

Волкодав беспокоился зря. Угрюмцы и не подумали вести их в свою деревню, схоронившуюся от недоброго глаза в лесных закоулках. Оно и понятно. Трясинные вельхи слишком боялись чужаков, чтобы открывать самое заветное ради колдуньи, обречённой на казнь. Куда уж там. Здесь боялись даже родниться с соседями, боялись отдавать своих молодых на сторону и принимать сторонних к себе. Кто их знает, сторонних! Очень может быть, что это даже и не совсем люди. А если и люди – пожалуй, дождёшься от них чего-нибудь, кроме порчи да сглаза!

Кнесинка тоже была для них не своей, но вождей обыденным аршином не меряют. За могущественными вождями стоят поистине могучие Боги. Такие люди, как дочка галирадского кнеса, они не чужие и не свои. Они ПРЕВЫШЕ. С ними не тягаться ни детям Лесной Ягоды, ни самому Медведю, вздумай он вмешиваться. И уж подавно не совладать мстительному духу ведьмы, которой кнесинка сейчас вынесет приговор.

Так или не так рассуждал Каррил, старейшина роннанов, – Волкодаву знать было не дано. Но другого объяснения поведению харюков венн так и не придумал.

Обозу пришлось продвинуться ещё версты на две вперёд, и это расстояние кнесинка Елень, блюдя перед лесным народом приличие, ехала на Снежинке. Белая всадница. Телохранители шагали по бокам, с утроенной зоркостью обшаривая глазами край придорожного леса. Мастеровитые сольвенны из отряда Декши-Белоголового трудились на ходу, сооружая для кнесинки столец из двух щитов и копейного древка. Потом дорога повернула направо, и открылась большая поляна, весьма удобная для стоянки.

Место было очень красивое. Малахитовые ели стояли в золотой оправе берёз. Ярко пламенели рябины, увешанные тяжёлыми – к свирепой зиме – спелыми гроздьями. В холодной синеве прозрачного неба стояли белые облака. С другой стороны поляны навстречу приезжим и своему вождю вышли роннаны. Одни мужчины, все вооружённые, до полусотни числом. Пока галирадцы устраивались и воздвигали подобающее сиденье для кнесинки, пока подтягивались Лучезаровичи, ехавшие позади, угрюмцы вывели на поводке подросшего медвежонка-пестуна и привязали его к надёжно вколоченному в землю колу. Зверёныш, привыкший к жизни среди людей, немного поворчал, но, когда ему дали большую свежую рыбину, занялся лакомством и вовсе перестал обращать внимание на собравшийся народ. Привязь состояла из длинной жерди, закреплённой у ошейника таким образом, чтобы зверь не мог дотянуться. Живое воплощение Лесной Ягоды вряд ли догадывалось, что должно было своим присутствием освятить суд над колдуньей. Равно как о том, что на зимнем празднике его торжественно убьют старинным копьём и всем племенем съедят ещё не остывшее мясо, обновляя связь с Прародителем.

Поодаль несколько мужчин деловито таскали из лесу заранее приготовленный хворост. Как только зазвучала государыня осудит колдунью, злодейку без промедления бросят в костёр. Волкодав искал ведьму глазами, но не нашёл.

Наконец всё было готово, и кнесинка с достоинством воссела на только что изготовленный трон. Трон стоял на подостланном ковре: не дело правителю подвергать опасности свою священную силу, ступая по голой земле. То, что служанки еле упомянули, в котором мешке следовало искать этот самый ковёр, никого не касалось. Трое старшин, Дунгорм и Лучезар, подошедший с несколькими ближниками, встали ровным полукругом за спиной. Телохранители, по обыкновению, – впереди. Вождь Каррил с десятком могучих охотников расположился напротив. Не очень далеко, но и не вплотную. Ноги его утопали в роскошной шкуре, бурой с серебристым отливом. Кресло, в котором он сидел, походило на трон куда больше, чем столец кнесинки. Оно было вырезано из цельного пня: казалось, лесное чудовище, полумедведь, получеловек, склонилось над хмурым вождём, отечески обнимая его когтистыми лапами. Волкодав подумал о том, какого труда, верно, стоило принести сюда неподъёмную тяжесть. Или, может, древний пень был весь выдолблен изнутри и только казался страшно тяжёлым?..

– Яви же нам справедливость, владычица сольвеннов и западных вельхов, – дождавшись тишины, медленно проговорил вождь. Голос у него оказался низким, тяжёлым. – Вели наказать ведьму, ибо она испортила жену моего сына и погубила плохой смертью моего внука.

– Не первый год я прошу Богов моего народа замкнуть мне уста, если язык мой вознамерится произнести несправедливый приговор, – ответила кнесинка. – До сего дня Создавшие Нас, хвала Им, не давали мне ни обречь невинного, ни отпустить виноватого. Но не дали они мне и всеведения. Скромнен мой разум и позволяет рассуждать лишь о том, что я сама видела, слышала и поняла. Пусть приведут сюда женщину, на которую возводится столь тяжкое обвинение, и доподлинно разъяснят, что и как она совершила.

На лице вождя промелькнуло недовольство: по мнению харюков, кнесинке было достаточно подтвердить их приговор. А не разбираться самолично. Однако с государями не спорят, и Каррил, обернувшись, коротко кивнул.

Двое крепких охотников вывели женщину, как перед тем медвежонка, – на жердях, привязанных к шее. Никто не хотел до неё дотрагиваться: боялись. Ведьма была маленькая, несколько полноватая, в простой изорванной рубахе без пояса. Она шла спотыкаясь, незряче переставляя озябшие босые ступни. Лицо и глаза скрывала плотно намотанная тряпка, во рту торчал кляп. Виднелись только длинные седоватые волосы, спутанными прядями свисавшие на спину и грудь. Руки были связаны за спиной. Бойся собаки спереди, коня сзади, а колдуньи – со всех сторон!

Видно было, что люди старались держаться от ведьмы подальше. Все, кроме темноволосого скуластого паренька лет двенадцати, который, наоборот, крепко обнимал женщину, помогая идти. Глаза у подростка горели, как у волчонка. Вернее, глаз: второй, крепко подбитый, заплыл и закрылся. Откуда синяки, догадаться было нетрудно. Отстаивал. Сын? Племянник? Младший братишка?..

Волкодав стоял по-прежнему неподвижно, с деревянным, ничего не выражающим лицом, но в груди глухо шевельнулась чёрная злоба. Нельзя так обращаться с женщиной. Нельзя! Если она впрямь жуткая злодейка, способная на убийство ребёнка, она умрёт. Но издеваться над ней? Водить, как опасное животное, на поводке?..

К его немалому облегчению, кнесинка почти сразу возвысила голос.

– Пусть развяжут эту женщину, – приказала она. Из толпы угрюмцев послышался недовольный ропот, и Елень Глуздовна добавила: – Пусть очертят круг топором и заключат её внутрь этого круга, дабы не смущать маловерных. Я же помолилась Пламени небесному и земному и не опасуюсь её колдовства.

Вождь Каррил немного подумал, сотворил рукой священный знак и согласно наклонил голову.

Роннаны так и не осмелились притронуться к женщине. Попросту бросили концы жердей и отступили в стороны, предоставив развязывать ведьму галирадцам. Кнесинка знала, что из трёх народов, населявших её город, менее всего страшных историй про ведьм рассказывали сегваны.

– Пошли кого-нибудь, Аптахар, – распорядилась она.

Старшина пошёл сам, потому что предводители должны идти первыми, когда угрожает опасность. И в особенности колдовская: воинские Боги даруют защиту и благосклонность в первую голову вождю. Поминая трёхгранный кремь Туннворна, Аптахар вычертил незавершённый круг и кивнул подростку:

– Веди её сюда и развязывай. Слышишь?

Он был далеко не трусом, но и ему не хотелось без крайней нужды иметь дело с колдуньей. Мальчишка завёл женщину внутрь круга, и Аптахар замкнул за ними черту. Здесь у ведьмы подкосились ноги: она упала бы, но юный защитник подхватил её и помог опуститься на колени. Так она и стояла, пока паренёк зубами и пальцами распутывал туго стянутые узлы.

– Эта злая женщина вышла к нам с той стороны, где рождается солнце. Восток – благая сторона света, и поэтому мы не сумели с самого начала распознать колдунью, – по знаку Каррила взял слово похожий на него молодой охотник в шапке из лисьего меха. Харюки и так-то были почти все на одно лицо, но этот выглядел уже полным подобием вождя. *Сын*, рассудил Волкодав. – Хотя с той же самой стороны явился некогда Проклинаемый, и это могло бы нас научить. Дело было минувшей зимой. Один из наших братьев попал в полынью и уже замерзал, но эта злая женщина оказала ему помощь. Она сказала, что у неё нет дома. Так не бывает, чтобы у доброго человека не было дома, но наш брат ей поверил, потому что ведьмы умеют отводить людям глаза и прельщать слух. Наш брат привёл её в жилище рода. И её, и мальчишку, который сказался её приёмным сыном...

Женщина стояла на коленях и смотрела на галирадцев. Медленно обводила их взглядом, и многие воины тянулись к оберегам. У неё были бесконечно усталые, измученные и пустые глаза. Она ни на что не надеялась. Она хотела только одного: чтобы скорее наступил конец. Каким бы он ни оказался, этот конец.

– Она стала водиться с женой сына вождя, – продолжал Лисья Шапка. – Она сделалась ей такой близкой подругой, что глупая молодуха выболтала ведьме то, о чём не должна была говорить: о том, что брюхата.

Говорить кому ни попадя о грядущей радости в самом деле не стоило, тут Волкодав был согласен. Подслушает умеющий творить недоброе волшебство, и родишь мёртвого. Или уroda, тоже не лучше. Или вовсе камень или деревяшку. Такое бывало.

– Вот стоит сын вождя и с ним жена его, – продолжал свою повесть угрюмец. Волкодав покосился туда, куда он указывал, и увидел костлявую, по-мужски узкобедрую роннанку, единственную женщину среди толпы охотников. Выглядела она как после трудной болезни, и на руках у неё не было ребёнка.

– К тому времени, когда снохе вождя пришёл срок рожать, злая женщина успела показать себя сведущей знахаркой. Она лечила наших братьев и сестёр и вправду поставила на ноги кое-кого из тех, кто близок был к смерти. Теперь мы думаем, уж не лучше ли было бы им умереть в чистоте, чем жить, соприкоснувшись с нечистотой? И вот пришёл день, когда сноха вождя ушла в лес. Ты ведь знаешь, светлая госпожа, что к роженице никого нельзя допускать. Она должна делать своё дело одна, в лесном шалаше. Неведомое зло может проникнуть из того мира, откуда приходит младенец. Оно может даже унести с собой человека, в особенности мужчину. Только на девятый день, когда уже восстановится граница миров, может навестить роженицу мать.

Тут Волкодав еле сдержался, чтобы не плюнуть. Венские женщины тоже приоткрывали калитку между миром живых и миром душ, лишённых пристанища плоти. Но их не прогоняли в лес и не покидали одних на съедение нечисти, комарам и дикому зверю. Рядом с роженицей всегда были опытные бабы, умеющие помочь и утешить. И мать. И муж

– а как же иначе? Кто защитит, кто прогонит любого врага, будь он во плоти или бестелесный?..

– ...Но когда мать снохи вождя пришла посмотреть, как дела, и принесла дочке поесть, она обнаружила при ней эту женщину! Она сама сказала, что оставалась у неё всё время! И даже прямо тогда, когда покидал тело младенец!..

В толпе харюков застонали от ужаса. Дело, как видно, и вправду было неслыханное.

– Она навлекла на нас гнев Прародителя, чей посланец сейчас забавляется с рыбой и слушает мои слова. Он знает, что в них нет неправды. Отныне дичь будет обходить наши силки, а ягоды высохнут на корню!.. Только справедливый огонь, поглотив тело ведьмы, изгонит зло и избавит нас от напасти! Только справедливый огонь! Я сказал.

Толпа зашумела, кое-где стали требовательно подниматься и опускаться сжатые кулаки. Женщина ещё больше съёжилась, опустила голову, закрыла руками лицо. Мальчишка, наоборот, выпрямился над ней и оскалил зубы, с ненавистью глядя на угрюмцев. Он, похоже, уже перешагнул грань, за которой нет места страху. Только смертельная ярость. Кто протянет к его приёмной матери руку, пусть сперва перешагнёт через его мёртвое тело. Волкодав очень хорошо знал эту ярость отчаяния. Ему самому было столько же лет, когда он убил взрослого вооружённого мужчину, комеса Людоеда. Он тоже пытался защитить мать. И не защитил. *Допустят ли Боги, чтобы и на сей раз кончилось тем же?..*

– А младенец? – спросила кнесинка.

– Он не стал жить, светлая госпожа. Злая ведьма убила его своим колдовством.

– Ну и пусть бы себе спалили её, сестра, – зевнул Лучезар. Он со скучающим видом стоял, как всегда, слева от кнесинки. – И нам недосуг, и им облегчение.

Непредвиденное разбирательство вынудило его отложить каждодневные воинские упражнения, и он был недоволен.

Халисунец Иллад с немалым вниманием слушал гневную речь харюка. Ещё бы, ведь говорилось о его собственном ремесле! Услышав предложение Левого, он соскочил со своего короба с такой прытью, словно на гладкой расписной коже выросли иглы. Вельможи были вынуждены расступиться, пропуская его к столцу государыни. Кнесинка оглянулась. Иллад наклонился к её уху и что-то горячо зашептал. Молодая правительница выслушала его и кивнула.

– Пускай подойдёт сюда жертва колдуньи. Мой лекарь осмотрит её.

Сноха вождя зачарованно уставилась на важную госпожу, удостоившую её своим вниманием. Она послушно шагнула вперёд, но удержал муж.

– То есть как это *осмотрит*? – зарычал он, зыряка исподлобья. – Мою жену? Да я... Не дам!

Иллад, не смутившись, во всеуслышание заявил:

– Я саму госпожу, бывает, осматриваю. Так что, во имя Лунного Неба, не тебе обижаться! И потом, твою жену мне будет достаточно просто взять за руку...

– Зачем?.. – опешил угрюмец.

– Затем, – величественно пояснил Иллад, – что для учёного человека вроде меня биение сердца всё равно что для тебя – следы на снегу. Дай мне руку, если не веришь... – Харюк мгновенно спрятал обе руки за спину, и лекарь с усмешкой добавил: – ...и если не трусишь.

В толпе с готовностью захихикали.

Сын вождя налился тяжёлой краской и медленно подошёл, протягивая крепко сжатый кулак. Он сунул его халисунцу, точно в огонь. Пухлые короткие пальцы Иллада прошли по заросшему дремучими волосами запястью, отыскивая живчик. Нашли. Надавили. Сильнее. Ещё сильнее. Сдвинулись. Надавили...

– Так, – провозгласил лекарь, выпуская взмокшего харюка. – Когда ты был маленьким, ты долго не начинал ходить, а заговорил впервые в три года. Видишь, твой достопочтенный отец не спешит меня опровергнуть. У тебя всё время болели зубы, ты без конца простужался, а к четырнадцати годам... ну, не стоит об этом... Два года назад ты сломал левую ногу и

ребро, а не так давно сильно отравился. Грибами, по-моему...

– Довольно, – спасая достоинство сына, остановил его вождь Каррил. – Смотри его жену, как ты хотел.

Молодуха неуверенно подошла и протянула лекарю вялую бледную руку. Иллад возился с женщиной гораздо дольше, чем с её мужем. Любопытный народ заинтересованно наблюдал. Халисунец обмял и ошупал оба тощих запястья, потом велел роннанке повернуться лицом к солнцу и привстал на цыпочки, разглядывая глаза. Лицо его при этом постепенно мрачнело. Наконец он передал молодуху нетерпеливо переминавшемуся мужу, и тот поспешно увёл её в глубь толпы. От греха подальше.

– Что скажешь, учёный человек? – спросил вождь Каррил. – Сильно ли испортила её колдунья? Можно ли поправить её или лучше изгнать?

Иллад вернулся к столыцу кнесинки, сложил ладошки на животе и объявил:

– Я вынужден сказать то, о чём клятва лекаря предписывает мне молчать, если только речь не идёт о жизни или достоинстве человека. Да будут мне свидетелями все Праведные Отцы, но я не мог ошибиться! Я сожалею, о вождь, но благонравная женщина, которую мне посчастливилось осмотреть, не предназначена Небом для материнства. Судьбе было угодно вселить её душу, при нынешнем воплощении, в тело, неспособное к деторождению. Более того, разрешившись мёртвым младенцем, она неминуемо должна была погибнуть сама. Каким образом удержала в ней жизнь женщина, именуемая здесь колдуньей, я, право, не знаю, но жажду узнать. Государыня кнесинка и ты, славный вождь, – поклонился Иллад, – я с уверенностью заключаю, что женщина, ошибочно именуемая ведьмой, совершила не вред, а лекарский подвиг. Я утверждаю, что она заслуживает не позорной казни, а всяческих наград. Поручкой же тому моя честь целителя, а я, милостью Лунного Неба, ничем не нарушал эту честь вот уже тридцать шесть лет!

Речь халисунца прозвучала в невыносимой тишине. Казалось, до угрюмцев с трудом доходил её смысл. Великим умом этот народ, похоже, не отличался. Только обречённая ведьма медленно подняла голову, и во взгляде, устремлённом на кнесинку, появились какие-то отблески жизни. Потом она вдруг обхватила руками мальчишку, всё так же стоявшего подле неё, уткнулась лицом в его замызанную рубаху, – и беззвучно заплакала.

– Слова твоего лекаря вошли в мои уши, светлая госпожа, – медленно, с расстановкой проговорил вождь. – Но сердца не достигли. Неужто Божественный Прародитель допустит, чтобы мужчина МОЕГО РОДА не смог зачать в женщине младенца, способного жить? Та, что умертвила моего внука чёрным колдовством, должна умереть. Я сказал.

Коленопреклонённая женщина оторвалась от подростка, гладившего её по голове, и что-то сказала ему, подталкивая вон из круга.

– Беги к ней... – расслышал Волкодав, умевший уловить тихий шёпот среди всеобщего гама. Женщина говорила по-саккаремски. – Пади в ноги... Пускай добрая госпожа спасёт хотя бы тебя...

Парнишка свирепо дёрнул плечом и никуда не побежал. Остался при ней. А венн отчётливо понял: тем, кто всё-таки решится отправить ни в чём не повинную лекарку на костёр, придётся переступить через два трупа. Если не через три... считая Мыша, возившегося и кровожадно шипевшего на плече.

– Я вполне доверяю твоей мудрости, доблестный вождь, – сказала кнесинка Елень. – Ты – отец народа и воистину знаешь, что говоришь. Но и целитель, чьих слов не приняло твоё сердце, заслуживает величайшего доверия. Как же быть? Наша Правда учит: если кажется, что оба правы, обратись за советом к Богам. Ибо Им, в Их божественном всеведении, открыто всё то, что нам, ничтожным смертным, представляется неразрешимой загадкой. Согласен ли ты со мной, умудрённый вождь? Какие испытания признаёт твой народ?

После некоторого раздумья Каррил кивнул головой, и на солнце блеснули красные самоцветы, вставленные в глазницы медвежьего капюшона. Лисья Шапка начал с готовностью перечислять:

– Если бы речь шла об одном из нас, светлая госпожа, можно было бы подвести его к воплощению Прародителя и посмотреть, люб ли ему человек. Но Прародителю нет дела до чужаков. Можно связать колдунью и бросить её в воду, ибо мы веруем в справедливость воды. Если она поплывёт, значит, виновна: вода не станет отвергать доброго человека. Можно развести костёр и принудить колдунью идти по углям, ибо мы веруем в справедливость огня. Если огонь станет обжигать ей ноги, значит, незачем и выпускать её из костра. Но более всего, госпожа, мы веруем в истинность поединка. Ибо тому, кто прав, наш Прародитель, Вечно Суший В Зелёном Лесу, дарует частицу Своей мощи, и правый выталкивает неправого с полотна...

– Довольно. Итерскел!.. Где Итерскел? – пророкотал вождь. И с видимым удовольствием обратился к кнесинке: – Я вижу, владычица сольвеннов, ты в доброте своего сердца не любишь приговаривать к смерти даже тех, кто её несомненно заслуживает. Это достойно. Я вижу также, что ты склонна верить своему лекарю, попытавшемуся оправдать злодейку. Я не в обиде на тебя, светлая госпожа: ты являешь нам правду духа, присущую великим вождям. Ибо в чём доблесть вождя, как не в боязни покарать невиновных? Позволь же нам убедить тебя, что ведьма ни в коем случае не должна избежать костра. Ты выставишь своего человека, а мы своего, и с каждым из них пребудет участь колдуньи. Если победит наш человек, а я не сомневаюсь, что он победит...

Вождь не закончил фразы, но доканчивать её не было смысла. Итерскел уже протискивался вперёд, и соплеменники почтительно перед ним расступались. Он на ходу стащил с себя овчинную безрукавку, а потом и рубаху, оставшись обнажённым по пояс. Загорелые плечи плыли повыше макушек угрюмцев, вдруг показавшихся рядом с ним толпой ребятишек. Вот Итерскел вышел к трону вождя, и галирадское воинство откликнулось вздохом восхищения и ужаса, а Волкодав подумал, что дело тут, верно, не обошлось без заезжего молодца. По силам ли было народу, не признававшему браков с чужими, выродить этакого детинушку?.. Венн не каждый день встречал людей гораздо крупнее и сильнее себя, но Итерскел был именно из таких. Полтора Канаона, самое меньшее. А Волкодав и с Канаоном-то рядом казался тщедушным подростком.

– Я своих людей калечить не дам, – негромко, но так, чтобы все слышали, проговорил Лучезар. – Уж ты, сестра, не сердчай.

Декша, Аптахар и Мал-Гона ничего не сказали, но чувствовалось, что отдавать справного воина на растерзание ради какой-то никому не известной колдуньи не хотелось ни одному.

Волкодав, стоявший у правого локтя кнесинки, тихо попросил:

– Позволь мне, госпожа.

Елень Глуздовна вскинула на него глаза, и он увидел, как сползает краска с её щёк, разрумяненных холодным воздухом и волнением.

– Звал, отче? – осведомился Итерскел, останавливаясь перед вождём. Он в самом деле был подобен медведю, скинувшему косматую шкуру. Ни капли лишнего жира не портило его тела, наделённого чудовищной мощью. Он красовался: необъятные мускулы то вздувались на его руках и обнажённом торсе, то опадали. Силён, ох и силён! И наверняка быстр, как куница. Тяжёлому да неповоротливому не выжить в лесу.

– Ты сломал шею быку, когда тот выбежал из хлева и бросился на моих внуков, – несколько нараспев, точно произнося заклинание, начал Каррил. – Когда мы корчем лес, ты один поднимаешь пни, которые не могут сдвинуть семеро сильных мужчин. Сокрушишь ли ты человека, утверждающего, будто ведьма, уморившая моего внука, якобы хотела добра?

Итерскел весело отвечал:

– Сокрушу, отче!

И стукнул себя литым кулаком по гулкой груди так, что с деревьев снялись вороны. Кнесинка Елень невольно содрогнулась... В это мгновение она помнить не помнила о знахарке, чью судьбу должен был определить поединок. Только Волкодав существовал для неё. Единственный на свете мужчина. Который... Которого... Вот прямо сейчас...

Кнесинка смотрела ему в глаза и отчётливо видела, что спорить с ним бесполезно.

– Он убьёт тебя, Волкодав...

– Не убьёт, – сказал венн. И добавил с полным спокойствием: – Кишка тонка.

И кнесинка Елень поняла неопытным женским чутьём: он ответил бы ей точно так же, идя один против тысячи. К дракону в пасть. Или куда там ещё – на верную смерть. Чтобы только она, дурёха, за него не страшилась. И не силилась его удержать.

Значительность происшедшего подняла кнесинку на ноги, тонкие пальцы с силой стиснули плечо Волкодава.

– Вот человек, на которого возлагаю я свою веру в неповинность сей женщины! – прозвенел её голос. – Ступай, и да пребудут в твоём мече Солнце, Молния и Огонь!..

Вождь Каррил неожиданно рассмеялся.

– Успокойся, светлая госпожа, твоему воину не понадобится его меч, – сказал он. И кивнул Лисьей Шапке: – Поведай, старший сын, умеющий красно говорить.

– Эти двое не враждуют друг с другом, – принялся объяснять молодой роннан. – Между ними нет мести. Прародителю не будет угодно отнятие ничьей жизни, кроме жизни злодейки. Наш закон велит расстелить на земле цельнотканое полотно и укрепить его кольшками. Мы ограждаем полотно тремя бороздами и двенадцатью ореховыми прутьями, ибо Прародитель создал ореховый куст на пропитание Своим детям и наделил его благой силой. Поединщики будут стремиться вытолкнуть один другого за край полотна. Если кто-то из них сойдёт наземь одной ногой, мы скажем: «Он отступил». Если двумя ногами, мы скажем: «Он побежал» – и поймём, что Прародитель выразил Свою волю.

– Уразумел ли это твой человек, светлая госпожа? – спросил вождь. Итерскел стоял подле отца, как бы невзначай поворачиваясь то правым боком, то левым. На груди у него виднелась пятипалая отметина длинных когтей. Знак Прародителя? Рана, полученная на охоте?..

Кнесинка повернулась к Волкодаву, и венн хмуро буркнул:

– Уж чего не уразуметь...

– Тогда, – приговорил вождь, – пусть твой боец оставит оружие у твоих ног и сойдётся с моим сыном посередине полотна.

Волкодав расстегнул пряжки и положил меч, как было велено, к ногам кнесинки на ковёр. Снял с плеча Мыша, посадил сторожить. За мечом последовали пояс, куртка, кольчуга, рубаха, а после и сапоги. Спасибо хоть не потребовали полной наготы поединщиков. Харюки между тем с должным почтением раскатали порядочный – пять на пять шагов! – кусок необычно широкого небелёного полотна. Венн только диву дался, как умудрились выткать подобное. Не иначе, с молитвами и на кроснах, сооружённых нарочно для этого, на один раз. Ещё он удивился запасливости угрюмцев. Это ж надо, всё с собой захватили, даже холстину на случай Божьего Суда! Даже дрова для колдуньи!..

– Не погуби себя, Волкодав... – тихо, чтобы один он слышал, напутствовала его кнесинка. Он ничего не ответил, только кивнул: слышал, мол. Распустил волосы, повязал лоб тесьмой. И босиком пошёл на середину поляны, к уже натянутому, приколоченному за особые петельки полотну. И подумал, идя, что закон, признававший единоборство на полотне, был мудр. Что такое есть нить, сбегаящая с женской прялки, как незримое подобие нити судьбы? И что есть тканое полотно, если не переплетение человеческих жизней, каким предстаёт оно с неба Оку Богов?..

Волкодав стал молча молиться, рассказывая Богам, за что шёл на бой. И вдруг подумал: а если славный Бог Грозы уже удалился на покой до весны?.. Но почти сразу в его сознании прозвучал удар грома, да такой раскатистый, что венн даже оглянулся по сторонам, слегка удивляясь, почему другие не слышали.

Больше всего он боялся сдуру нарушить какой-нибудь неведомый ему роннанский обычай и тем проиграть дело ещё до поединка. Такое случалось. Волкодав пристально следил за Итерскелом, стараясь делать всё то же, что он, и по возможности одновременно.

Они разом вступили на гладкое прохладное полотно и застыли, присматриваясь друг к

другу. Лисья Шапка склонил к земле посеребрённый наконечник тяжёлого, старинной работы копья («наше, сегванское, времён Последней войны», – утверждал потом Аптахар) и принялся вычерчивать борозды. Молодые парни принесли из лесу пучок ореховых прутьев, стали втыкать сообразно сторонам света.

Было тихо. Галирадцы и роннаны во все глаза разглядывали поединщиков. Двое мужчин, неподвижно стоявших на полотне, родились, наверное, в один год, но тем и исчерпывалось между ними всякое сходство. У одного весело топорщились золотистые кудри, прихваченные на чистом лбу плетёной повязкой. У другого волосы были наполовину седыми, и не от возраста. Один похвалялся бугристыми мышцами, какие получают от доброй работы, доброй еды и ещё от того, что бывает, когда в жилы выродившегося племени вдруг приливает свежая кровь. Другой не мог похвастаться и половиной подобной мужской красоты. Был жилист, как железный ремень. Один напоминал молодого медведя, вышедшего поиграть, повыдирать с корнями упругие деревца. Другой смахивал на нелающего, очень спокойного пса из тех, с которыми можно отпускать маленьких девочек за полдня пути и не бояться, что обидит злой прохожий.

– Пусть совершится любезное Прародителю, – провозгласил вождь.

Волкодав очень редко нападал первым. Он и теперь стоял неподвижно, ожидая, что будет. Вот Итерскел неспешно двинулся боком, как-то пьяновато выламываясь, поводя плечами, неожиданно приседая, чуть ли не готовясь упасть, выправляясь уже у самой земли. Перетекал, перекачивался с места на место. Играл. Прекрасный зверь, сытый и сильный. Если б не Божий Суд, он, верно, притом оскорблял бы соперника, вынуждая его к опрометчивым действиям. А так – просто запутывал. Заставлял смотреть во все глаза и гадать, куда он, подвижный, как ртутная капля, шатнётся в следующий миг. Итерскел ещё вовсю улыбался и танцевал, намечал телом какое-то движение, когда мускулы на плече и на правой стороне груди резко вспухли, затвердевая узлами, и кулак размером в головку сыра и весом полпуда поплыл вперёд, метя Волкодаву под вздох. Насмерть!

Как всегда в таких случаях, время потекло для венна медленно-медленно. Он успел подумать, что Итерскел уж точно без большого труда мог проломить кулаком дощатую стену. Дать коснуться себя – заведомая гибель. Волкодав отступил на полшага в сторону, пропуская летящий кулак мимо и слегка отводя его в сторонку правой ладонью. Разворот на левой ноге. Уже обе руки подхватывают кулак Итерскела, провалившийся в пустоту. Плавно вперёд, потом вверх. «Благодарность Земле». Примерно то самое, что он объяснял на берегу Светыни кнесинке и братьям Лихим. Надо думать, они одни и сумели что-нибудь рассмотреть и понять. Потому что худо-бедно знали, КАК смотреть. И куда. «Благодарность Земле» занимала примерно столько времени, сколько нужно, чтобы спокойно бьющееся сердце стукнуло трижды.

Большинство галирадцев и харюки увидели только быстрое движение, согласный поворот двух полунагих тел, на миг словно завертевшихся в дружеском танце. Потом Итерскел вдруг изогнулся, заваливаясь назад, хрипло заорал от неожиданной боли, потерял равновесие и грохнулся навзничь. Он уже падал, когда Волкодав выпустил его, направляя по кругу противосолонь и прочь от себя. Какой-нибудь негнушийся корчемный силач, пожалуй, всерьёз пришиб бы хребет. Ловкий и быстрый охотник покатился колом и сразу вскочил.

Зрители вздохнули. Кто-то с облегчением, кто-то недовольно. Уж очень быстро всё кончилось. И ни тебе выбитых зубов, ни кровавых потёков. На что смотреть?

– Мой человек победил! – громко сказала кнесинка. Мгновенно взлетевший на ноги Итерскел стоял как раз на третьей черте, самой дальней от середины. Одна нога внутри, другая снаружи. Но обе – вне полотна. *Он побежал.* Итерскел глянул вниз, потом на Волкодава, и красивое молодое лицо изуродовала ненависть. Никто ещё так с ним не поступал. Чтобы он!.. Побежал!..

Да никогда!..

Каррил медленно покачал головой, хмуря густые брови.

– Твой человек не победил, – сказал он кнесинке. – Наш боец поскользнулся. Я видел.

Это была случайность. Надо повторить поединок.

Половина угрюмцев сейчас же закивала головами, соглашаясь с вождём. Остальные не замедлили присоединиться.

– Бывают ли случайности, когда совершается Божий Суд? – спросила кнесинка Елень.

– Случайности – нет, – сказал вождь. – Ты права, светлая госпожа, я выбрал не самое лучшее слово. Прародитель временами посылает нам искушение, дабы испытать и укрепить нашу веру. Если твой человек не боится, пусть повторит поединок.

Волкодав пожал плечами. Он не боялся. *А ведь Итерскел, чего доброго, после этого в петлю полезет.* Волкодаву совсем не хотелось, чтобы молодой роннан лез в петлю. Не хотелось ему и увечить пригожего молодца. *А впрочем, взрослый парень, сам прёт, сам и напорется. Пусть хорошенько думает следующий раз, прежде чем браться отстаивать чью-нибудь казнь.*

Сын Лесной Ягоды одним прыжком влетел обратно на полотно. Вторым прыжком он бросился на Волкодава. Уже безо всяких хождений вприсядку и, понятно, без улыбки. Сожрёт, проглотит да и костей не выплюнет. И ведьма тут совсем ни при чём.

На сей раз он закричал сразу.

Не было согласного танца двух тел, не было уворотов и быстрых нырков. Волкодав не двинулся с места. Так и стоял, укоренившись посередине полотнища цепко расставленными ногами. А Итерскел снова плясал, только совсем не так, как вначале. И не по своей воле. Он стоял на цыпочках, болезненно семеня, подвешенный, как на колу, на собственной неестественно распрямлённой руке, – одно плечо выше другого. Он вообще-то мог достать венна свободной рукой или ногами. Технически, как выразился бы Тилорн. Но даже не пробовал: было не до того. Кто не испытал на своей шкуре, тому не понять, как сокращается мир, скукоживаясь до величины места, где болит. Волкодав держал двумя руками несколько его пальцев, весьма болезненно выгнутых наружу. И строго следил, чтобы Итерскел не мог освободиться.

Он всё проделал медленно. Разжал левую руку. Положил её Итерскелу на локоть. «Золотой кот хватает полосатую мышь». Почему полосатую, знала одна Мать Кендарат. Повёл пойманную руку Итерскелу за спину, и налитый железной мощью роннан послушно согнулся, спасаясь от боли. Он дрожал и стучался в колени лицом. Веди его так хоть до самого Галирада, и пусть попробует пискнуть. Волкодав заставил его шагнуть на край полотна, отпустил и без особых затей пихнул ногой в зад. Удержаться на ногах было не в человеческих силах, и Итерскел не удержался. Когда к нему вернулось ощущение верха и низа, его голова находилось внутри третьей черты. Всё остальное – снаружи. *Он побежал.*

Галирадцы приветственно зашумели. Даже некоторые Лучезаровичи из младших. И велиморцы, которым, кажется, вовсе уж дела не было ни до венна, ни до колдуньи.

– Мой человек победил! – поднялась кнесинка. – Теперь никто не может сказать, что это вышло случайно.

– Мы не признаём его победителем! – Вождь Каррил пристукнул жёсткой ладонью по подлокотнику кресла, вырезанному в виде передней лапы медведя. – Прости, светлая госпожа, но твой человек не умеет биться так, как это прилично мужчине! Он боится ударов и уворачивается, точно трусливая баба. Пусть дерётся по-мужски или убирается вон, уступая победу тому, кто храбрей!

Если Итерскел не привык валяться носом в пыли на глазах у народа, то и кнесинка отнюдь не привыкла к подобному обращению. Ей показалось обидным идти на поводу у старейшины лесного народца, который упрямо не желал признать своего сына побеждённым и подобру-поздорову отпустить женщину, вот уже дважды оправданную Богами. Ещё немного, и этот вождь вздумает кричать на неё, наследницу галирадской державы!.. Елень Глуздовна почти решила двинуть своих воинов вперёд. Да. Так она сейчас и поступит. Пускай заберут обоих, лекарку и мальчишку. И Волкодава оборонят...

Посланник Дунгорм почтительно наклонился к её уху:

– Дивлюсь твоей выдержке и восхищаюсь спокойствием, государыня. Немногие

правители устояли бы перед соблазном кончить дело силой. Не у многих хватает мудрости убеждать в своей правоте, когда есть мечи.

Волкодав этих слов не слышал, но сам того не желая отозвался на них.

– Хорошо, – сказал он. – Не буду уворачиваться.

И улыбнулся. Очень неприятной и нехорошей улыбкой, показывая выбитый зуб. Кнесинка, успевшая на него насмотреться, нутром поняла, что лучше было Каррилу не настаивать на третьей сшибке для сына.

– Пусть будет по-твоему, вождь, – проговорила она, стараясь, чтобы в голосе не прозвучал колотивший её озноб. Она так боялась за исход боя, словно здесь, на поляне, решалась её участь, её жизнь или смерть. – Пусть бьются, как велит твой закон, раз тебе так уж не по душе наше воинское искусство. Но сперва скажи, вождь, согласен ли ты, чтобы состоялась последняя схватка и решила за все три? Не то ты, страшусь, посмотришь на солнце и скажешь, что оно стоит слишком низко и не может освятить истинный суд...

Старейшина роннанов глянул на солнце, потом на сына и наклонил голову:

– Да будет так, светлая госпожа.

Колдунья и её паренёк совсем перестали дышать. Отчаянная надежда то показывалась им, то вновь угасала, и напал мрак. Обнявшись, они не сводили глаз с Волкодава.

...И в третий раз ступил на полотно Итерскел. Ступил осторожно, как на тонкий лёд, памятуя о прежних двух неудачах. Хотя всё это уже не имело значения. Сейчас у меченого нос выскочит из затылка. А зубы, сколько осталось, затеряются в травке. Честный кулак! И никаких бабских увёрток. Грудь на грудь! И уже завтра Итерскел сам поверит, что исход первых двух сшибок был вправду случаен.

Волкодав опять не пожелал напасть. Молодой роннан попробовал оттеснить его к краю полотнища. Не получилось. Тогда Итерскел затеял обманный удар. Пригрозил левой в пах, чтобы опустил руки защититься. И тут-то правая, стиснутая в страшный кулак, молнией взвилась вверх – расплющить лицо. Итерскел почти уже чувствовал, как хрупко проламываются кости, как хлещет липкая кровь, как податливой кашей разъезжается плоть. Почти видел серо-зелёные глаза бессмысленными, закатившимися. До сих пор он нападал обычным вельхским налётом, который чужак вполне мог где-нибудь сведать. А вот этот удар знали только в его роду. И даже у старшего брата не получалось так хорошо, как у него, Итерскела.

Рука Волкодава встретила его руку на середине пути. Звук был такой, словно переломились две прочные палки, завёрнутые в мокрую тряпку. Его услышала вся поляна, до последнего человека.

Когда месяц за месяцем толкаешь перед собой неструганое, будь оно проклято, бревно в аршин толщиной, толкаешь прикованными руками тугой рычаг вóрота, подающего воду из подземной реки, вóрота, в который впрягать бы мохноногого тяжеловоза, толкаешь один, за себя и за напарника, слабогрудого знатока утончённых поэм... Тут руки либо вовсе отвалятся, либо сами обретут булыжную твёрдость.

Итерскел и хватил с размаха предплечьем словно по каменному ребру. И повалился на колени, ещё не осознав толком, что сломал руку об это ребро.

– Уйди с полотна, – негромко сказал ему Волкодав. – Не хочу калечить тебя.

– Вставай, сын! – хлестнул голос вождя.

Итерскел молча поднялся. Волкодав видел такой взгляд у ещё сильного зверя, почуявшего, что сзади обрыв.

– Уйди, – повторил венн. – Не за доброе дело встал.

Левая рука Итерскела метнулась быстрее прыгающей змеи. Он метил ткнуть венна пальцами в глаз и прикончить его почти так же, как тот когда-то – надсмотрщика Волка. Наказание последовало немедленно, только теперь Волкодав пустил в ход ещё и колено, ударившее под локоть. Оглушительная боль погасила сознание Итерскела... Упасть Волкодав ему не позволил. Поймав угрюмца за пояс, он не без натуги оторвал его от земли, пронёс на край полотна и выкинул за третью черту. Выкинул безжалостно. Обмякшее тело

судорожно дёрнулось, неловко свалившись на перебитую руку. Вторая, вывихнутая в двух местах, торчала мёртвым крылом. Вождь Каррил вцепился в подлокотники трона, глядя на то, что оставил от его красавца сына беспощадный чужак.

– Мой человек победил, – сказала кнесинка Елень. Никто больше не пожелал ей возражать. Божий Суд совершился.

Солнце клонилось к закату, касаясь лесных вершин. Поезд невесты вновь двигался вперёд по Старой дороге. Угрюмцы не предъявляли обид. И в справедливости суда не сомневались. По крайней мере вслух. Но распростились с галирадцами и кнесинкой безо всякой приязни. Глазастые молодые воины даже рассмотрели, что где-то там стояло в плетёных корзинах нечто съестное и, судя по запаху, вкусное. Но до угощения, которым предполагалось отметить изгнание духа колдуньи, черёд не дошёл. Лесное племя скрылось в чащобе, растворилось в ней, как и не бывало его. Наверное, теперь долго не высунется, хоть сам Царь-Солнце мимо них проезжай.

– Не много и потеряли! – в один голос заявили Мал-Гона и Эртан, начинавшая помалу оживать. – Трясинные, тьфу!.. Что взять с них!

Остальным, не исключая и Волкодава, было неуютно. Так себя чувствуешь, когда, заглянув в малознакомый дом, застаёшь безобразную свару. Вроде и ни при чём ты, а на душе гадко.

Решено было в этот день ехать допоздна: нападения харюков не очень-то опасались, просто... просто так было лучше, и всё.

Юные ратники подходили с намерением хлопнуть Волкодава по плечу, но, оказавшись рядом, своё намерение оставляли («ты... да... это... здорово ты его!.. Ну ладно...»). Волкодав хмуро отмалчивался. Случись ему заново воевать с Итерскелом, он проделал бы всё то же самое. Без колебаний. Женщина с мальчишкой остались живы. Это было хорошо. Больше ничего хорошего в случившемся он не находил. И вообще ему всё это не нравилось.

– Ты будешь меня учить, когда станем жить в Велиморе? – спросила кнесинка Елень.

Он ответил:

– Как пожелаешь, госпожа.

Девушка опустила голову, задумалась.

– Ты не челядинец мне, Волкодав, – неожиданно сказала она. – Ты можешь остаться там при мне, а можешь уехать. Уедешь ведь, а?

Откуда было знать венну, каких усилий стоили ей эти слова. Но выговорила, и навалился такой беспросветный ужас, – а вот возьмут да окажутся сказанные слова правдой!.. – что кнесинка, точно спасаясь, ухватила за руку Волкодава. И только потом смекнула торопливо нагнуться, поправляя якобы сбившийся сапожок.

Телохранитель ответил спокойно и просто:

– Как будет для тебя лучше, так и сделаем, госпожа.

Девушка заставила себя убрать руку и решила переменить разговор:

– А вот скажи, тебя можно вообще победить? Или что?

Волкодав улыбнулся. Совсем иначе, чем на поляне. Близнецы жадно слушали, держась позади. Когда-нибудь и они будут драться не хуже наставника.

– Ещё как можно, госпожа, – сказал Волкодав.

Он долго путешествовал вместе с Кан-Кендарат. Жрица Богини Милосердия и в мыслях не держала требовать платы с тех, кому помогала, но подаркам не было переводу. И всё бы путём, но жить нахлебником Волкодав отказывался. Он считал себя мужчиной, обязанным кормить и спутницу, и себя. Когда они где-нибудь останавливались, он из кожи лез, стараясь наняться хоть вышибалой в корчму. А даже в самом грязном придорожном саккаремском кабаке это можно было сделать не иначе, как только выкинув вон уже нанятого молодца. Ох и приползал же он чуть не на четвереньках к Матери Кендарат. «Как это он меня? Объясни...»

– И этот... Итерскел... он тоже мог? – заново содрогаясь, спросила кнесинка Елень.

– Нет, госпожа. Этот не мог.

– Я сейчас был у своих и по дороге слушал, о чём говорят люди, – вмешался Дунгорм, шагавший у бортика повозки. – Половина войска клянётся, что разделалась бы с тем юношей так же легко. Разве что, мол, не мотали бы его взад-вперёд, а уложили сразу.

– Ха! – по-кошачьи фыркнула со своего сиденья бабка Хайгал, правившая конём. – Как говорит мой народ, когда орёл уже унёс козлёнка, всякий скажет тебе, что мог его подстрелить.

Дунгорм с интересом поднял на неё глаза, что-то соображая.

Волкодав промолчал, и кнесинка воспользовалась его молчанием, чтобы снова тронуть телохранителя за руку:

– Это так? Что скажешь?

Волкодав покачал головой и ответил без особой охоты, но честно:

– За велиморцев не поручусь, но в твоём войске, государыня, он изуродовал бы почти любого. Кроме пяти-шести дружинных и твоего родственника, Лучезара Лугинича. Он был настолько же сильнее меня, насколько я сам – сильнее женщины.

– Но-но, не очень там, – раздался из повозки недовольный голос Эртан. – Женщины есть всякие, венн! Погоди, встану на ноги, сам убедишься.

Он хмыкнул в ответ:

– Раздумала помирать...

– Ты же руку ему сломал, – напомнила кнесинка.

Волкодав пожал плечами.

– Сломал. Я стоял за доброе дело, госпожа.

Кнесинка помолчала некоторое время, потом заметила:

– Боги редко помогают тому, кто сам ничего не умеет.

Нянька снова встряла в беседу:

– Бывает, Они направляют умельца на выручку неумехам.

Спасённая знахарка спала в уголке повозки, между ранеными, свернувшись комочком и чуть не с головой укрывшись овчиной. Когда кончился Божий Суд и Волкодав подошёл вывести её из круга, она не смогла подняться с колен – венн унёс её на руках. Она что-то быстро и бессвязно говорила по-вельхски и по-саккаремски, целовала руки кнесинке и Илладу, пыталась целовать Волкодаву. Когда её накормили, дали одеяло и велели забираться в повозку, она скрючилась в уголке и немедленно уснула. Глухим сном доведённой до края души. Мальчишка изо всех сил старался быть взрослым. Он шёл у колеса, посматривая на лошадей. Когда он протянул руку к морде Серка, жеребец сразу признал в нём уверенного лошадника и головы не отдернул. Паренёк потёрся щекой о тёплую щёку коня – повадка всадника из Вечной Степи – и впервые за целый день улыбнулся.

– Позволь спросить тебя, добрая прислужница, – обратился Дунгорм к старой Хайгал. – Когда государь Глузд Несмеянович только-только распростился с моим господином и покидал пределы Ограждающих гор – у вас в Галираде их называют Замковыми, – из потаённой долины вышел поклониться государю некий народ. Там были мужчины и женщины, и женщины одевались в точности как ты. Не состоишь ли ты, часом, в родстве с этими горцами?

– Ха! – вновь воскликнула нянька, на сей раз самодовольно. А кнесинка пошарила рукой на груди и вытащила наружу плоский кожаный мешочек на потрёпанном ремешке. – Это и был мой народ, знатный посланник, – продолжала старуха. – Я родилась там, в благословенных горах, за Препоной. Только орлы и симураны вьют там свои гнёзда. И мы, ичендары!

Волкодав не первый день жил на свете и знал, что всякий кулик склонен прославлять родное болото. Но как можно хвалить *горы*, этого он искренне не понимал. Не далее как завтра должны были проглянуть в небесах заснеженные вершины, которые его племя

называло Железными. Никакой радости венну это не внушало.

– Вот так, благородный Дунгорм, – с некоторым даже задором говорила между тем кнесинка, подкидывая на ладони мешочек. – Совсем рядом с вами живёт народ, который меня рад будет принять. Ты ведь покажешь мне, нянюшка, Объятие Горы?

– Покажу! – уверенно пообещала Хайгал.

– Я не счёл возможным спрашивать, как вышло, что нелюдимые горцы кланяются государю, – осторожно проговорил велиморец. – Пусть никто здесь не обижается на мои слова...

Любишь меня, подумал Волкодав, люби и мою служанку.

– ...но мы привыкли считать ичендаров не слишком дружественным народом. Быть может, вы мне...

– Расскажи, нянюшка! – засмеялась кнесинка.

Историю Хайгал, кроме посланника, не знала, кажется, одна Эртан да отбитый у роннанов мальчишка. Но отчего не скрасить дорогу?

– Славный Бакуня, отец матери моей госпожи, был величайшим странником, – начала рассказывать нянька. – Пятьдесят лет назад ему случилось проезжать отрогами наших гор, чьи священные вершины дают приют звёздам. Государь услышал голос Ургау, снежного кота, поспешил туда и нашёл мужа, схватившегося со зверем.

Волкодав видел горных котов в белых, драгоценных, искрящихся шубах. Попадаться владыке вечных снегов в двухвершковые когти было поистине незачем. Хозяева приисков временами ловили и пытались приручать великолепных зверей, но коты в неволе не жили. Отказывались от воды и пищи и умирали.

– Государь не испугался, не испугался и его конь. Кнес подскочил к ним и поразил Ургау копьём, хотя тот и успел стащить его с лошади. Потом он перевязал раны охотника и свои, и никто не знал, где чья кровь на камнях. Тот охотник был След Орла, вождь ичендаров. Он назвал государя отцом, ибо тот стал для него дарителем жизни. Он взял коня государя под уздцы и сам отвёл его в Объятие Горы: это наш дом, вырубленный в скалах над облаками, и люди чужих кровей не знают туда дороги. Кнес стал гостем вождя. Всё отныне принадлежало ему: и жилище вождя, и стада коз, и любая из его женщин. Каждой из женщин хотелось понести сына от могучего гостя, столь щедро взысканного Богами. «Пусть не сердятся на меня твои жёны, родич, – сказал кнес Следу Орла. – Я не могу преступить Правды моей страны: я должен хранить себя для невесты. Осенью моя свадьба». Тогда вождь подозвал младшую дочь и сказал ей: «Вот твой новый отец и господин до конца дней твоих». Так я забыла своё прежнее имя и стала зваться Хайгал, Разящее Копьё. Дочь кнеса играла у меня на коленях. А потом дочь его дочери. Я давно не была дома, но знаю, что мой прежний отец всё так же ведёт наше племя. У нас в горах меньше ста лет не живут.

В голосе няньки звучала спокойная гордость. Она выполнила волю отца и считала, что достойнее распорядиться пятью десятками лет, превратившими её из цветущей девушки в старуху, было нельзя.

– Однажды я побывал у края того, что вы называете Препоной, – поглядывая краем глаза на кнесинку, сказал Дунгорм. – Мой господин, благородный кунс Винитар, тогда только-только стал Хранителем Северных Врат. Он решил сам объехать все окрестности на несколько дней пути, и я сопровождал его. Предшественник моего господина довольствовался сбором пошлин с купцов и редко выводил войско из крепости. Боюсь, он был не слишком усерден. Совсем не то, что твой будущий супруг, госпожа. Я давно знаю благородного кунса. Боги дали ему сердце воителя и разум учёного...

Волкодав молча слушал.

– Я сам видел, как он измерял расстояния и составлял карты, пригодные и для полководца, и для мирного путешественника. Я был рядом с ним, когда мы забрались в ущелье, загромождённое скалами цвета серого чугуна. Вскоре мы вынуждены были оставить коней. Прости, государыня, но там был такой запах, что пришлось закрыть лица платками. Я помню, мой господин весело посмеялся над нашим видом и пожелал проникнуть так далеко,

как только это будет возможно. Но через несколько сотен шагов у нас под ногами разверзся чудовищный провал, со дна которого поднимались зловонные испарения. И каково же было моё изумление, когда мой господин указал мне на висячий мостик, перекинутый через пропасть!

– Препону создали Неспящие-В-Недрах, – с удовольствием пояснила старуха. – Когда Гурцат Жестокий преследовал мой народ, Они раскололи землю у него на пути. Из Препоны потому так и воняет, что трупы злодеев всё ещё гниют на дне.

– Мой отважный господин пожелал пересечь мостик и посмотреть, что там, за пропастью. Но едва он взялся за волосяные канаты и сделал шаг, как с той стороны послышался голос, сказавший: «Остановись, пришедший с плоских равнин! Здесь начинается земля ичендаров». «Кто говорит со мной? – спросил молодой кунс. – Выйди, покажись. Мы не причиним тебе зла». Тот человек выступил из-за камня. Удушливый туман мешал мне присмотреться, но всё же я разглядел статного седовласого мужа в накидке из белого меха. В волосах у него были голубые орлиные перья...

– Мой прежний отец! – уверенно сказала Хайгал. – Никто не носит одежды Ургау, кроме вождя. Он оказал честь твоему господину. Вождь не станет спускаться к Препоне ради простого прохожего!

– Он так и не пустил нас на свою сторону. У нас были замечательные стрелки, но кунс не велел им поднимать самострелов. Мой господин тогда, конечно, не знал, что его будущую супругу воспитывает дочь ичендаров. Он не стал обижать горцев, сказав, что силой тут ничего не достигнешь. С тех пор он не оставляет попыток завоевать их доверие и уже добился того, что мы с ними понемногу торгуем. Такого никогда раньше не бывало. Мы оставляем возле Препоны наши товары, а на другой день находим принесённое горцами для обмена. Осмелюсь даже предположить, мой господин весьма близок к тому, чтобы заключить с ними союз. Некоторое время назад мы увидели среди оставленного ими большую корзину, в которой спал белый котёнок.

– О! – подняла палец Хайгал. – Ты прав, велиморец. Это священный подарок.

Дунгорм погладил чёрную седеющую бороду и с улыбкой признался:

– Это было как раз тогда, когда у моего господина гостил его будущий тесть, и они уже договаривались о свадьбе.

Волкодав пропустил мимо ушей смех, сопроводивший эти слова. Надо будет нынче же выпытать у велиморцев, где оно, это ущелье, и нет ли у входа в него какого-нибудь приметного дерева или скалы. Мало ли. Никогда не угадаешь наперёд, что пригодится в дороге.

Горы показались впереди даже раньше, чем он ожидал: тем же вечером, на закате, когда обоз выбрался к быстрой маленькой речке и люди стали устраиваться на ночлег. Снежные пики проявились в пламенеющем небе, словно узор на клинке, опущенном в раствор для травления. Подножий, укрытых воздушной дымкой, не было видно. Кто-то словно взял гигантскую кисть, обмакнул её в алый огонь и нарисовал прямо в небе то ли странные неподвижные облака, то ли цепи вершин, невесомо паривших высоко над землёй. Волкодав рад был бы совсем не смотреть в ту сторону, но не больно получалось. Молодые воины, не бывавшие далеко от Галирада, показывали пальцами и восторгались, отчего-то понижая голос. Возле их родного города тоже можно было увидеть горы, укутанные нетающим снегом. Но против здешних они казались пологими холмиками, на которые взбираешься не вспотев.

К тому времени, когда войско расположилось лагерем, оправданная знахарка проснулась, облачилась в подаренные нянькой рубаху и старые шаровары и вычесала из волос репьи. И превратилась из полубезумной всклокоченной ведьмы в гордую маленькую женщину, немолодую и полноватую, но лёгкую и уверенную в движениях. Мальчик называл её именем, которое встречалось в южном Саккареме: Мангул. Иллад, еле дождавшийся, пока она хоть немного оправится, готов был немедленно увести её в сторонку и насладиться

учёной беседой. Однако наслаждение лекарской премудростью пришлось отложить. Мангул ни в коем случае не хотела показаться дармоедкой и сразу взялась помогать девушкам, разводившим костёр.

– Повремени, Иллад, – сказала кнесинка халисунцу. – Пусть дух переведёт.

Дунгорм подошёл к ним, бережно неся в руках маленького, но очень крепкого с виду голубя, чёрного оперением, как галка. Под крыльями голубя прятались тоненькие мягкие ремешки, удерживавшие на спинке цилиндр с письмом.

– Государыня! – торжественно объявил велиморец. – Мой господин и твой жених велел мне дать знать, когда мы окажемся в виду Ограждающих гор. Он выедет нам навстречу, как только получит письмо. Он сказал, что велит оседлать Санайгау, золотого шо-ситайнского жеребца, неутомимого, как река, и быстрого, как ветер. Прошу тебя, возьми голубя, госпожа. Это горный голубь, он летает и в темноте. Пусть он уйдёт в небо из твоих рук.

У каждого человека бывают в жизни мгновения, когда сам за собой наблюдаешь как бы со стороны и не возьмёшься уверенно сказать, с тобой ли это всё происходит или, может, с кем-то другим. Примерно так чувствовала себя кнесинка, когда принимала у велиморского посланника горячее пернатое тельце. Голубь изгибал шейку, посматривал на неё блестящим красновато-золотым глазом. Кнесинка подняла руки над головой и раскрыла ладони. Голубь, наскучавшийся в ивовой клетке, упруго взлетел.

Мыш немедленно сорвался с плеча Волкодава и чёрной стрелой метнулся вдогонку. Ратники захохотали, засвистели, указывая друг другу на зверька, а кнесинка загадала: поймают – значит, всё же что-то вмешается, спасёт её от ненавистного брака. Она услышала, как ахнул Дунгорм.

Хищный Мыш, с его-то зубами, вполне был способен поймать и загрызть птицу побольше себя. Если она, конечно, не ястреб. Однако умишка хватило не трогать перепуганного голубя, выпущенного людьми. Мыш удовольствовался тем, что дал ему, спасавшемуся в сторону гор, хороший разгон. И возвратился на плечо к Волкодаву.

Со времени памятного ночлега на берегу Кайеранских трясин молодые ратники так и повадились, что ни вечер, навещать девушек-служанок.

– Мало ли, – проникновенно объясняли они Волкодаву. – Опять кто ползет, а мы – тут как тут!

Теперь, правда, Волкодав со старшинами сами выбирали места для ночлегов и сами расставляли караульных, не смыкавших глаз до рассвета. Так что, по правде-то говоря, особой нужды беспокоиться о девушках не было. Но как не воспользоваться тем, что ражих молодых ребят никто больше не гонял! А уж о том, как цвели девушки, не стоило и говорить.

Каждый вечер перед палаткой кнесинки кончался теперь посиделками. Когда есть женщины, перед которыми хочется распетушить грудь, мужчина обнаруживает в себе удивительные способности. Ребята притаскивали кто сегванскую арфу, кто сольвенские гусли, кто вельхский пиоб. Выяснилось, что один совсем недурно поёт, другой славно играет, третий мастерски пляшет. Нашёлся даже сочинитель стихов. Кто бы мог подумать, что им окажется белоголовый увалень Декша, потерявший глаз в бою у болота! Декшу не считал тугодумом только тот, кто хорошо его знал. Правда, ни слуха, ни голоса сольвенский Бог-Змей, покровитель певцов, молодому старшине не дал. Декша петь и не пробовал. Просто говорил – глухо и монотонно, оберегая больной глаз.

В земле каменистой, серой
Лежат сгоревшие кости.
Валун подушкой служит,
А одеялом – мох.
Шумят высокие сосны,
И ветер тучи проносит,
И камышей с болота

Порой долетает вздох...

Рыжий сегван, сидевший на корточках неподалёку, чуть слышно касался пальцами арфы. Складной мелодии пока не получалось, но в голосе струн угадывался ропот леса и жалобные крики птиц, летевших на север, а большего и не требовалось. Песня была про Варю и её друга, с которым она хорошо если успела трижды поцеловаться. Успела только погибнуть с ним рядом.

Зачем твоя кровь на листьях?
Ты встань, поднимись, любимый!
Тебя одного не брошу,
Где стрелы летят, визжа.
Враги занесли секиры,
Сейчас мне голову снимут.
Пусть же сочтут злодеи,
Что я и есть госпожа...

Кто теперь знал, думала ли в самом деле Варя, что её смерть даст кнесинке время и поможет спастись от убийц? Ох, навряд ли. Волкодаву было стыдно собственного душевного безобразия, но он в том весьма сомневался. А впрочем, песни вот так и нарождаются.

Декша закончил её молитвой Светлым Богам, прося Их позволить парню и девушке если не соединиться, то хотя бы видеться на том свете. Известно ведь, что у каждого народа свои небеса.

Кнесинка Елень слушала молча, с застывшим лицом, служанки всхлипывали, вспоминая подругу. Мал-Гона шепнул что-то своим, и в скором времени из рук в руки проплыла пузатая фляга.

– За помин души, – сказал вельх и вынул костяную затычку. – Отведай первой, государыня.

Кнесинка отведала, не поморщившись, и передала флягу Дунгорму.

– Эх! – сказал Аптахар, когда души были должным образом помянуты и из флаги вытрясли последние капли. – Отец Храмн, чья премудрость сравнима только с длиной его... ну, в общем... Короче, он не велел топить мёртвых в слезах. Я слышал, те, по ком много плачут, не могут вознестись: поди втащи с собой на небо лохань со слезами! Дайте-ка мне её сюда, пятиструнную, Хёгг ею подавись, поминать так поминать!

Аптахар пел гораздо хуже сына, оставшегося в Галираде, да и на арфе не играл, а скорее брэнчал, громко, но без особого ладу. А уж песня, которой он разразился, иных заставила испуганно подскочить. Исполнять такое при кнесинке поистине возможно было только в конце дальней дороги, когда пережитые вместе опасности и труды превращают хозяев и слуг в ближайших друзей.

Сольвеннская девка меня целовала,
И всё-то ей было, проказнице, мало...

Посланник Дунгорм в ужасе покосился на кнесинку, но государыня не остановила певца. Аптахар же со смаком перечислял племена и народы, жизнерадостно сравнивая девичьи достоинства и воспевая разнообразие утех:

А с мономатанскою девкою смуглой
Как будто ложишься на жаркие угли!..

К середине песни вокруг костра начали украдкой хихикать.

– Про вас бы, мужиков, такую сложить, – буркнула Эртан. Рана не давала ей смеяться

как следует.

– А ты займись! – посоветовал Аптахар. – Только сперва... каждого это самое, чтобы сравнивать.

Хихиканье сменилось откровенным хохотом.

Мангул вместе с мальчиком скромно примостились за спинами воинов, на самой границе освещённого круга. Маленькая женщина взяла на колени галирадские гусли: на них порвалась струна, и у раздосадованного игроца, как водится, не сыскалось нужной на смену. Мангул осторожно примеривалась к малознакомому инструменту, гладила пальцем струны и подносила к уху – слушала, как поёт. Это не прошло незамеченным.

– А ты, похоже, толк смыслишь! – сказал сидевший поблизости длинноусый вельх. И торжествующе заорал: – Лекарка спеть хочет! Заклинания колдовские!.. Ребята, спасайся, сейчас присушит-приворожит!..

Женщина испуганно отшатнулась, а паренёк взвился на ноги, стискивая кулаки. Кнесинка послала Лихобора:

– Приведи её сюда.

Молодой телохранитель подошёл к Мангул, перешагивая через ноги воинов.

– Пойдём, государыня зовёт. Не бойся. А ты, малый, воевать погоди.

– Ты правда хочешь спеть для нас, добрая знахарка? – спросила кнесинка Елень, когда Мангул предстала перед ней, прижимая к груди гусли с болтающейся струной. – Ты умеешь?

Ответил мальчишка:

– Раньше моя приёмная мать пела для людей, венценосная шаддаат. Нас за это кормили.

– Вот даже как? – удивилась кнесинка. – Значит, нам повезло. Спой что-нибудь, чего не слышали в наших краях.

– Только околдовывать не вздумай, – хмыкнул Мал-Гона. – Всё равно не получится.

Волкодав вытряс из потёртой коробочки берестяную книжку, повернул её к свету, раскрыл на четвёртой странице и перестал слушать.

Мангул опустила голову и на несколько мгновений о чём-то задумалась. Потом села на пятки, как было принято у них в Саккареме. Гусли устроились у неё на левом колене. Устроились так естественно, словно всю свою жизнь оттуда не сходили.

– На моей родине, – сказала Мангул, – ученик певца, проходя Посвящение, должен сложить и спеть четыре песни. Песнь Печали, чтобы никто не сумел удержаться от слёз. Песнь Радости, чтобы высушить эти слёзы. Песнь Тщеты, чтобы каждый ощутил себя бессильной песчинкой на берегу океана и понял, что все усилия бесполезны. И Песнь Пробуждения, которая заставляет распрямить спину и вдохновляет на подвиги и свершения. Мне кажется, ты не нашла бы в них того, чего жаждет твой дух, венценосная шаддаат. Позволь, я спою тебе совсем другую песню. Это Песня Надежды. Я слышала её от одного человека из западного Саккарема. Он утверждал, будто её сложили рабы страшного горного рудника, из которого нет обратной дороги...

– Госпожа моя, – осторожно, вполголоса, заметил Дунгорм. – Песня наёмников, а теперь ещё песня рабов! Стоит ли тебе осквернять свой слух песнями, сочинёнными на каторге?

Мангул опять испуганно сжалась, а кнесинка мило улыбнулась посланнику.

– Дома я любила ухаживать за маленьким садиком, благородный Дунгорм. Да ты и сам его видел. И скажу тебе, на кустах, которые я подкармливала навозом, расцвели неплохие цветы. Люди низкого звания совсем не обязательно слагают низкие песни. К тому же я всегда могу приказать ей умолкнуть. Пой, знахарка.

Женщина склонилась над инструментом, и струны заговорили. Застонали. Заплакали человеческим голосом. Невозможно было поверить, что Мангул только сегодня впервые увидела гусли. Ратники, ещё обсуждавшие разухабистую песенку Аптахара, умолкли, как по команде. Даже те, что обнимали тихо попискивавших девчонок, наострили уши и замерли.

При первых же аккордах Волкодав едва не выронил книжку из рук. По позвоночнику

откуда-то из живота разбежался мороз. Подобного с ним не бывало уже очень давно. Он прирос к месту и понял, что на самом деле каторга кончилась вчера. Сегодня. Только что. А может, и вовсе не кончалась. Какое счастье, что на него никто не смотрел.

Он знал эту песню. Кажется, единственную, доподлинно родившуюся в Самоцветных горах. Если там пели, то рвали сердце чем-нибудь своим, принесённым из дому. Эта была одна, и в ней было всё. Поколения рабов илифовали её, вышелушивали из ненужных слов, как драгоценный кристалл из пустой породы. Только тогда её называли Песней Отчаяния. Почему она...

Мангул вскинула голову, собираясь запеть, и венн напрягся всем телом, предчувствуя пытку.

Женщина запела. В первый миг он понял только одно: слова были другие.

О чём вы нам, вещие струны, споёте?
О славном герое, что в небо ушёл.
Он был, как и мы, человеком из плоти
И крови горячей. Он чувствовал боль.

Как мы, он годами не видел рассвета,
Не видел ромашек на горном лугу,
Чтоб кровью политые мог самоцветы
Хозяин дороже продать на торгу...

Вот тут Волкодава из холода мигом бросило в жар, да так, что на лбу выступил пот. Чтобы старинная Песнь Отчаяния в одночасье стала Песней Надежды, требовалось потрясение. Чудо. И, кажется, он даже догадывался, какое именно.

Во тьме о свободе и солнце мечтал он,
Как все мы, как все. Но послушай певца:
Стучало в нём сердце иного закала, —
Такого и смерть не согнёт до конца.

О нём мы расскажем всем тем, кто не верит,
Что доблесть поможет избежать оков.
Свернувшего шею двуногому зверю,
Его мы прозвали Грозою Волков...

Мангул пела по-саккаремски: этот язык здесь многие понимали. В Саккареме на волков охотились с беркутами. Особых псов не держали, не было и названия. Женщина употребила слово, обозначающее птицу. Венн родился заново: в его сторону не повернулась ни одна голова.

Он знал, что свобода лишь кровью берётся,
И взял её кровью. Но всё же потом
Мы видели, как его встретило солнце,
Пылавшее в небе над горным хребтом.

Мы видели, как уходил он всё выше
По белым снегам, по хрустальному льду,
И был человеческий голос не слышен,
Но ветер донёс нам: «Я снова приду».

Нам в лица дышало морозною пылью,
И ветер холодный был слаще вина.
Мы видели в небе могучие крылья,
И тьма подземелий была не страшна...

На самом деле могучие крылья принадлежали не «грозе волков», а двум симуранам, унёсшим в небо и своих всадниц-вилл, и почти бездыханного молодого венна. И с ним маленького Мыша.

Мыш соскочил с плеча Волкодава на запястье и озабоченно уставился ему в лицо.

Кровавую стёжку засыпало снегом,
Но память, как солнце, горит над пургой:
Ведь что удалось одному человеку,
Когда-нибудь сможет осилить другой.

Священный рассвет над горами восходит,
Вовек не погасят его палачи!
Отныне мы знаем дорогу к свободе,
И Песня Надежды во мраке звучит!

Любой мотив, как известно, можно исполнить по-разному. Можно так, что только у последнего бревна не потекут слёзы из глаз. Можно так, что нападёт охота плясать. А можно так, что рука сама потянется к ножнам. Слушавшие Мангул, даже Волкодав, не заметили, когда тоскливый плач струн сменился гордым и грозным зовом к победе. К свободе, за которую и жизнь, если подумать, – не такая уж великая плата.

Смолкли гусли. Сделалось слышно, как в ночной темноте холодный ветер шевелил на деревьях листья, ещё не успевшие облететь.

– Да, – тихо сказала кнесинка Елень. – Это сочинили невольники, благородный Дунгорм. Подойди ко мне, песенница.

Мангул встала с колен и робко приблизилась. Кнесинка стянула с левого запястья прекрасный серебряный браслет, усыпанный зелёными камешками, и надела его на руку знахарке. Та собралась было благодарить, но Елень Глуздовна жестом остановила её. Поднялась и, не прибавив более ни слова, скрылась в палатке.

Петь после Мангул не захотелось уже никому. Люди начали расходиться, притихшие, смущённые. Открывшие в себе что-то, чего никогда прежде не замечали. Почему? Никто из них, благодарение Богам, не имел касательства к страшным Самоцветным горам. И ни разу не слышал о невольнике по прозвищу Беркут, сумевшем вырваться с каторги. А вот поди ж ты.

Ушла и Мангул – к великому облегчению Волкодава. Венну казалось, она-то уж точно видела его насквозь и сейчас скажет об этом. Спасибо Илладу, увёл обоих, её и приёмыша. Остались у костра одни телохранители, благо им здесь было самое место. Волкодав зябко пошевелил плечами в промокшей от пота рубашке. И разжал пальцы, намертво заломившие берестяную страницу.

Предстояла ночь, и до утра, как во всякую другую ночь, следовало ожидать любой гадости от судьбы. Ибо, когда прячется Око Богов, сильна в мире неправда.

Волкодав обычно нёс стражу во второй половине ночи, когда добрым людям всего больше хочется спать, а лукавые злодеи, зная об этом, выбирают на промысел. Нынче, против обыкновения, венн сразу отправил братьев Лихих на боковую и, в общем, не собирался будить их до рассвета. Благо сам всё равно заснуть не надеялся.

Он бесшумно ходил туда и сюда, привычно слушая ночь. И думал о том, что зря

прожил жизнь. Почти двадцать четыре года – сравняется в начале зимы... Ещё сегодня днём он был уверен, что сделал всё. Или почти всё. Отдал все долги. И так, как следовало. Обошёл сколько-то городов и весей, отыскал семьи многих из тех, с кем побратался на каторге. Потом отправился убивать Людоеда, отлично зная, что убьёт наверняка: теперь-то его и целая дружина комесов не остановит. Ещё он знал, что погибнет. И не особенно о том сожалел. Зачем коптить небо поскрёбышу пресечённого рода?.. Которого и вспомнить-то некому будет, кроме старой жрицы чуждого племени?.. Ан не погиб. Даже обзавёлся семьёй. И поплыл по течению, положив себе прожить остаток дней для тех, кто в нём будет нуждаться. Ещё и мечтать начал, облезлый кобель. Бусинку принял у неразумной Оленюшки...

Волкодав непонимающе скосил глаза на хрустальную горошину, которую с такой гордостью носил на ремешке в волосах. О том ли сказал ему Бог Грозы, ясно ответивший на молитву: **ИДИ И ПРИДЁШЬ?** Где-то там, на юге, по-прежнему стояли Самоцветные горы. И рядом с тем, чего он там насмотрелся, его ничтожная распря с Людоедом была так же мала, как лесистые холмы его родины – перед гигантскими кряжами в курящихся снежных плащах.

Мысль о том, что есть Долг превыше долга перед родом, впервые посетила венна. И не показалась крамольной. Может, утром и покажется, на то оно и трезвое утро. Но не теперь.

А в недрах хребтов каждый день гасли человеческие жизни. Род Серого Пса без следа затерялся бы в толпе мертвецов. А ведь он, Волкодав, уже слышал повеление Бога Грозы: **ИДИ И ПРИДЁШЬ.** Понадобилось послать ему навстречу эту знахарку, чтобы наконец-то прожёл нутро стыд, чтобы понял, скудоумный, КУДА.

Послезавтра, навряд ли позже, поднимет пыль на дороге скачущий навстречу велиморский отряд. Быстры, ох быстры шо-ситайнские жеребцы. Синие глаза?.. Какого цвета глаза были у Людоеда? Он не помнил. Всё остальное помнил. А глаза – хоть убей.

Волкодав оглянулся на неожиданный шорох, увидел старуху няньку, на четвереньках выползавшую из палатки, и сразу насторожился. Он неплохо чувствовал время. Колесница Ока Богов, летевшая над бесплодными пустошами Исполднего Мира, понемногу уже направлялась к рассветному краю небес. Хайгал поманила пальцем, и Волкодав подошёл.

– Девочка тебя зовёт, – прошипела старуха. – Ступай!

Вид у неё неизвестно почему был мрачно-торжественный. Ни дать ни взять «девочка» лежала при смерти и с ней самой уже попрощалась, а теперь собиралась проститься с верным телохранителем. Волкодав невольно подумал о последнем способе избежать немилостивого замужества и на всякий случай спросил:

– В добром ли здравии госпожа?

– В добром, в добром! – заверила старуха. И зло ткнула в спину: – Ступай уж!

Волкодав подошёл сперва к Лихобору. Натасканный парень почувствовал неслышное приближение наставника и сел, открывая глаза. Будет кому оборонить кнесинку и без...

– Буди брата, – сказал Волкодав. – Меня госпожа зачем-то зовёт.

Палатка, заменившая цветной просторный шатёр, была очень невелика. Еле-еле хватало места самой кнесинке и ещё няньке. Волкодав приподнял входную занавеску и, пригибаясь, ступил коленом на кожаный пол, рядом с нетронутым старухиным ложем. Вышитая, ключинской работы, внутренняя занавеска была спущена, но мимо отогнутого уголка проникал лучик света.

– Звала, госпожа? – окликнул он негромко.

Кнесинка помедлила с ответом...

– Иди сюда, – послышалось наконец.

На хозяйской половине во время ночлега венн был всего один раз. Когда пришлось вытаскивать кнесинку из-под разбойничьих стрел. Волкодав нахмурился, стянул с ног сапоги и нырнул под плотную занавеску.

Кнесинка Елень сидела на войлоках, поджав ноги и до подбородка закутавшись в плащ. Пламя маленького светильничка, горевшего перед ней, заметалось от движения воздуха. Выпрямиться под холстинным потолком было невозможно, и Волкодав опустился против кнесинки на колени. Огонёк бросал странные блики на её лицо, освещая его снизу. Волкодав опустил взгляд. Невежливо долго смотреть прямо в глаза тому, кому служишь. Кнесинка всё молчала, и чувствовалось, что ей чем дальше, тем труднее заговорить. Потом она сделала над собой видимое усилие и прошептала, словно бросилась с обрыва в глубокую тёмную воду:

– Я всё знаю про тебя, Серый Пёс.

Волкодав вздрогнул, вскинул глаза, вновь опустил голову и ничего не ответил.

– Скоро приедет мой жених, – продолжала она по-прежнему очень тихо, чтобы не услышали даже братья Лихие. – Я знаю, кто он тебе, Волкодав...

Венн уже успел собраться с мыслями. И глухо ответил:

– Это не имеет значения, госпожа.

Кнесинка запрокинула голову, но слёзы всё-таки пролились из глаз.

– Для меня – имеет, – сдавленно прошептала она. – Я хочу, чтобы ты уехал. Прямо сейчас. Пока люди не встали... – Слёзы душили её, скатывались по щекам, оставляя широкие мокрые полосы, но она их почему-то не вытирала. – Я тебя с письмом отошлю... к батюшке... Серка возьмёшь и ещё лошадь на смену... Я люблю тебя, Волкодав...

– Государыня, – только и выговорил венн.

У неё блеснули глаза, как у больного, мечущегося в жару.

– Я больше не увижу тебя, – шептала кнесинка Елень. – Я сама пошла замуж... я дочь... Я ненавижу его!.. Когда у меня... у меня... родится сын... я хочу хоть надеяться, что этот сын – твой...

Мир в очередной раз встал на голову. Кнесинка подалась к Волкодаву и, в точности как когда-то, ухватила за его руки. Перед мысленным взором телохранителя пронеслась тысяча всевозможных картин, одинаково сводящих с ума. Но все они тут же разлетелись в разные стороны, потому что с плеч кнесинки съехал плотно запахнутый плащ.

Венн понял, почему песнопевцы называют красавиц ослепительными. Внезапная нагота женская – как полуденное солнце в глаза. Помнишь: **видел!!!** А что видел? И сказать нечего, если только ты не поэт. Много позже, отчаянно стыдясь себя самого, Волкодав пытался вспомнить кнесинку, какой она предстала ему в тот единственный миг. Но так и не сумел.

Руки оказались быстрее разума. Волкодав подхватил сползший плащ и поспешно закутал девушку. Она обнимала его за шею, прижималась к груди. И всхлипывала, всхлипывала, сиюсь не разрыдаться во весь голос. Она хотела принадлежать ему. Только ему. Хотя бы один раз. А потом...

Волкодав баюкал её, словно ребёнка, увидевшего страшный сон. И думал об этом самом «потом». Насколько он вообще способен был сейчас думать. *Свершилось!* – ликовала, наливаясь жизнью, некая часть его существа. – *Она пожелала меня!* Тонкие пальцы неумело гладили меченное шрамами лицо, озябшее тело пыталось согреться в кольце его рук... Было бы величайшей неправдой сказать, что Волкодав остался совсем равнодушен, что близость кнесинки несколько не взволновала его. Но тех, кто слушает только веления плоти, венны за мужчин не считали.

– Государыня, – тихо сказал Волкодав. Отогнул край широкого плаща и стал вытирать ей слёзы. – Государыня, – повторил он, мысленно проклиная собственное косноязычие. Он уже видел, что у неё ушли все остатки мужества на то, чтобы открыться ему. Она знала мужскую любовь разве только по рассказам служанок. Она была храбрее во время сражения, когда помогала оттаскивать раненых. Да. Но туда, за каменные стены святилища, он приволок её за руку. И теперь, похоже, вновь был его черёд взять её за руку и отвести в безопасное место.

Человек с лучше приделанным языком, наверное, уже развешивал бы в воздухе какие-то убедительные слова. Напомнил бы ей, что она – просватанная невеста, которой

строгие сольвенские Боги хорошо если простят даже фату, самовольно откинутую с лица. Образумил бы её, наследницу галирадского кнеса. О долге вспомнить заставил.

У Волкодава, пожалуй, язык отсох бы на середине.

А лучшим лекарством для кнесинки была бы насмешка. Что-нибудь такое, что она поймёт лишь спустя время. И, поняв, сможет простить... Волкодав себя считал человеком жестоким. Но уж не настолько.

Он гладил волосы кнесинки, цеплявшиеся за шершавую ладонь, слушал сбивчивое дыхание и тоскливо думал о том, как в эти волосы запустит пальцы сын Людоеда. Как будет мять жадным ртом её губы, тонкую шею, маленькую девичью грудь...

Никуда ты меня не отошлешь, государыня, подумал он злобно. *Не брошу.*

А где-то в тёмной вышине посвистывал крыльями, уносясь к обледенелым горам, быстрый маленький голубь.

Всякому хочется жить. Но бывает, поверь, —
Жизнь отдают, изумиться забыв дешевизне.
В безднах души просыпается зверь.
Тёмный убийца. И помысла нету о жизни.
Гибель стояла в бою у тебя за плечом...
Ты не боялся её. И судьбу не просил ни о чём.

Что нам до жизни, коль служит расплатою Честь,
Та, что рубиться заставит и мёртвые руки!
Что нам до смерти и мук, если есть
Ради кого принимать даже смертные муки?
Тех, кто в жестоком бою не гадал, что почём,
Боги, бывает, хранят и Своим ограждают мечом.

Кончится бой, и тогда только время найдёшь
Каждому голосу жизни как чуду дивиться.
Тихо баюкает дерево дождь.
Звонко поёт, окликая подругу, синица.
Вешнее солнце каплей пробудило лучом...
Павших друзей помяни. И живи. И не плачь ни о чём.

13. Песня Смерти

Граница горной страны была прочерчена резкой рубленой линией. Так, словно когда-то, во дни незапамятной юности мира, выпуклый щит земли растрескался и лопнул в этих местах, не выдержав распирившего его напряжения. И одна часть щита удержалась на месте, другая же развалилась и вздыбилась чудовищными осколками. Когда же всё утихло, эти осколки так и остались торчать к небесам, словно каменные торосы. А может, было и по-другому. Венны, во всяком случае, полагали, что именно сюда грянула когда-то тёмная чужая звезда, прилетевшая извне этого мира. И что именно отсюда распространилась по белу свету Великая Ночь, длившаяся тридцать лет и три года.

Так было или не так, но горы стояли. И зелёных предгорий, поросших орешниковыми лесами, как со стороны Саккарема, здесь не было и в помине. Горы начинались отвесной скальной стеной, вздымавшейся ввысь на несколько сотен саженей. Вода, ветер, мороз и просто минувшие века немало потрудились над ней, но во многих местах были отчётливо заметны слои и пласты разнопородного камня, то лежавшие ровно, то перекошенные и изломанные самым немислимым образом. Кое-где эти пласты напоминали каменную кладку;

становилось понятно, почему у сольвеннов и нарлаков горы получили имя Змковых.

Стена смотрела на север, и солнце никогда не освещало её. Наверное, поэтому граница вечных снегов здесь спускалась совсем низко, и от стены веяло холодом. За несколько верст от неё деревья начинали мельчать и редеть, потом совсем пропадали. А под самой стеной на несколько перестрелов лежала травянистая пустошь, и по ней тянулась дорога.

Опричная страна, идя рядом с кнесинкой, размышлял Волкодав. Железные горы. Ишь как сторонится их добрый лес, отступает, не хочет рядом расти...

Дорога тоже старалась не прижиматься вплотную к стене, у подножия которой там и сям громоздились целые холмы скальных обломков – следы чудовищных оползней. Под каждым таким холмом свободно поместился бы весь галирадский кром.

Упрямая жизнь, однако, повсюду брала своё. Даже по самой стене карабкались цепкие кустики, выросшие из семян, занесённых птицами или ветром...

Вчера вечером Волкодав вытащил свою карту и показал её Дунгорму. Благородный нарлак сперва забеспокоился: что, как, откуда у телохранителя?.. – но потом увидел в углу имя боярина Крута и трёхцветный шнурок с потемневшей печатью, и беспокойство его улеглось. Дунгорм уверенной рукой уточнил на карте границы горной страны и пометил ущелье, которое пересекала Препона. Кстати сказать, вскоре им предстояло миновать это место. Волкодав посмотрел на карту, запомнил её и спрятал под кольчугу. Из которой он почти не вылезал и успел привыкнуть к ней в пути, как ко второй коже.

У велиморца настроение было отменное. Сегодня к вечеру, на худой конец завтра утром он ждал встречи со своим господином. Которого, судя по всему, он непритворно любил. Это же сразу чувствуется, когда кто-то просто исправляет обязанности, – и когда служит, как говорится, за совесть. Волкодав считал Дунгорма человеком достойным. Вообразить его среди челяди Людоеда было так же невозможно, как, к примеру, Тилорна. А вот у сына?.. Волкодаву думать об этом было и тошно, и недосуг. Кровные мстители не бывают ни плохи, ни хороши. Они мстят месть. И этим всё сказано. И к тому же у Волкодава было далеко не такое радужное настроение, как у Дунгорма.

Он ждал беды.

Тот или те, кто охотился за кнесинкой, пытались добраться до неё уже дважды. Будет очень странно, если они не попробуют в третий раз. А поскольку времени на это у них оставалось всего ничего – Винитар ведь вполне мог подоспеть ещё до ночи, – удара можно было ожидать в любое мгновение. И где удобней всего нападать, как не здесь, на узкой полоске открытой, ровной, точно хлебная лопата, луговины? С которой и бежать-то особо некуда, кроме как в какое-нибудь слепое ущелье?.. В узкую трещину, где их в конце концов и зажмут, чтобы перестрелять без помех?..

Волкодав загодя посоветовался со старшинами и честно выложил им свои опасения. Опытные воины выслушали его, и ни один не стал возражать.

– Что, брони вздеть небось посоветуешь? – усмехнулся Аптахар. Он отлично помнил весну.

– Ребята ворчать станут, – вздохнул Декша. – Не лёгонькие небось. Гривен по сорок...

– Ладно, пуп не надорвут, – рассудил Мал-Гона. – Всяко лучше, чем ворон кормить.

Дома, в городе, они были стражниками. И, если дело не касалось ловли уличного вора, привыкли совершать то, что скажет им начальник: дружинный витязь или нанявший купец. Решать самим оказалось делом и гордым, и трудным, и интересным. Да и бой у Кайеранских трясин уже показал, что получалось у них вовсе не плохо.

– Если нападут, я бы поставил стену щитов, – сказал Декша. – Пусть-ка попробуют пробиться сквозь моих удалцов!

Мал-Гона покачал головой:

– Лошадей бы... Если вдруг у них там наши вельхские колесницы, никакая стена щитов тебе не поможет.

– Мы должны спасти госпожу, – сказал Волкодав.

– Кони у витязей, – проворчал Аптахар. – И у велиморцев.

– Договорись с Дунгормом, – предложил вельх. – В случае чего вы с ними кнесинку в седло – и ходу...

Волкодав мог бы поспорить на что угодно, что трое старшин, как и он сам, сразу подумали о раненых, о служанках, о няньке и лекаре, о Мангул с приёмным сынишкой. И о полусотне хороших парней, которым никто небось не подведёт быструю кобылицу и стремени не подаст.

– Мы-то что... как-нибудь отобьёмся, – выразил общую мысль Аптахар. – Кому мы особо нужны, небось за вами все побегут.

Лучезаровых витязей как ратную силу они вовсе не поминали. Что толку рассчитывать на тех, кто уже однажды подвёл.

– Куда удирать-то? – спросил венн. – Почём знать, может, нас как раз впереди ждут!

Сказал и почувствовал, как в уголке сознания заскреблась неясная мысль. Удирать с кнесинкой, прорываться навстречу Винитару? Так шут его знает, когда он подоспеет. Волкодав поднял голову и посмотрел в небо, как всегда, если требовалось поразмыслить. Так. Разбойники нипочём не могли угрожать им из... только из...

– Пошли! – сказал он троим предводителям. И чуть не бегом поспешил к повозке, возле которой беседовал с кнесинкой посланник Дунгорм, а на передке, с вожжами в руках, гордо восседала старая нянька.

– Государыня, – сказал он кнесинке, когда Дунгорм и старшины отошли каждый к своим людям. – Мы боимся, как бы на нас опять не напали. Сделай милость, надень снова кольчугу.

Елень Глуздовна молча повиновалась. На ходу расстегнула тёплую свиту, сунула её в руки Лихославу, взяла живо отысканную служанкой броню и облачилась. Волкодав посмотрел на Хайгал, сидевшую на высоком сиденье, и старуха внезапно подмигнула ему. Минувшей ночью, когда он покинул госпожу кнесинку, нянька, истомившаяся у входа, одарила его испепеляющим взглядом и с быстротой хорька юркнула внутрь: что там учинил над её девочкой бесовестный венн?.. Почему не плачет больше, жива ли?.. Многоопытная бабка, конечно, вмиг поняла, чем кончилось дело. Волкодав трёх шагов не успел отойти от палатки, когда Хайгал с той же удивительной прытью вылетела наружу.

– Нагнись! – строго велела она рослому телохранителю.

Венн нагнулся. Бабка мигом схватила его за уши и... прошлась сухими морщинистыми губами по его лбу и щекам.

– Спасибо, сынок... – тихо, чтобы не слышали близнецы, сказала она.

Зато государыня кнесинка с самого утра ни разу не подняла на Волкодава глаз. Трудно смотреть в глаза мужчине, который сумел ограбить твоё целомудрие пуще тебя самой.

Аптахар первым вернулся из своего отряда, пристроился к Волкодаву и некоторое время молчал, шагая с ним в ногу. Казалось, он что-то обдумывал.

– С самой весны мы с тобой заодно, – проговорил он наконец. – А ведь у меня венн брата убил. Младшенького. Хёггов хвост! Когда это я думал, что буду заодно с венном? А?.. Я тебя спрашиваю!

Волкодаву ответить было нечего, и он промолчал. Он всё равно не собирался рассказывать Аптахару, как сам – было дело – смертельно ненавидел сегванов. Всех без разбора. Тоже, кстати, было за что. И как потом, угодив на каторгу, он от этой глупости быстренько излечился.

Аптахар тщательно разгладил широкой пятернёй кудрявую бороду, но только для того, чтобы тут же скомкать её в кулаке.

– Вот что, венн... – сказал он. – Может, нам, когда в Велимор доберёмся, взять да и кровь смешать всем четверым? Я, ты, Декша, Мал-Гона... Надо же держаться друг друга. Не против?

Волкодав был не против. Хотя кровное побратимство – дело слишком ответственное, чтобы о нём вот так, с налёту, решать. Это родство паче данного предками, потому что его

сам выбираешь. И если уж случаются раздоры между побратимами, так о них и через сто лет помнят.

– Дело доброе, – сказал Волкодав. – Только государыню сперва доведём.

А про себя подумал: *если и впрямь дойдёт дело до побратимства, как бы ещё и троим старшинам от Людоедова сына страдать не пришлось...*

– Что-то Лучезаровичи приотстали, – заметил Аптахар, оглядываясь назад. Действительно, Лучезарова чадь, двигавшаяся позади ратников и в некотором отдалении от них, не слишком спешила. Должно быть, гордый Лучезар не желал «глотать пыль», хотя никакой пыли не было и в помине: малоезженная дорога заросла густой жёсткой травой. Волкодав посмотрел на своих. Зоркий Лихослав стоял во весь рост в повозке, придерживаясь за передок, и не отрывал напряжённого взгляда от границы редколесья. Мели траву длинные, в разноцветную клетку, понёвы служанок, и подле каждой девушки шагал отчаянный молодец. Ещё десятка полтора воинов держалось около повозки. Случится что, не случится, а только удирать, бросая раненых, – самое последнее дело.

Скальная стена впереди выдавалась в поле таким мысом, острым и неприступным. По крайней мере Волкодав, доведись ему нужда карабкаться наверх, искал бы другое местечко. Красноватые нависающие утёсы внушали почтение. Насколько Волкодав помнил карту, дальше должно было открыться широкое устье ущелья. По словам Дунгорма, это ущелье снаружи выглядело вполне проходимым и длинным, но на деле очень скоро кончалось слепым тупиком. А по другую сторону устья высилась удивительная скала в ровную полосу, бурюю с жёлтым. Обогни её, и почти сразу окажешься на стиснутой валунами тропинке к Препоне.

Волкодав видел, как дозорные, шнырявшие туда-сюда впереди на проворных конях, свернули за утёсистый мыс, скрылись на некоторое время из виду, потом вновь выехали на открытое место и замахали руками, подавая условленный знак: всё чисто.

– Ты – венн, я – сегван, – широко и неумоимо шагая, ворчал в бороду Аптахар. – Во имя пупка Роданы, дожили! Побратимство!..

Пеший отряд обогнул острый выступ стены и стал пересекать горловину ущелья-ловушки. Дунгорм не соврал: ущелье в самом деле выглядело славно. Казалось, будто там, подальше, открывается заманчивая долина, просторная и глубокая. Там было полно зелени, а с одной стороны вниз по скалам прыгал пенящийся ручей. Впереди, как сторожевая вежа, высилась полосатая скала.

– Спящая Змея! – с гордостью проговорила Хайгал. Она без труда узнавала родные места, которых не видела пятьдесят лет. Всё нынешнее утро Волкодав слушал её и уже понимал, что мог бы и не спрашивать Дунгорма, перепроверя старуху. Сейчас, однако, ему было не до того. Он оглядывался в сторону редколесья, косился на спящего Мыша, убаюканного его мерной походкой, и думал: если бы я был разбойником, я бы... я бы, может, даже прямо сейчас...

Парень-дозорный, ехавший по левую руку обоза, ближе к лесу, и стоявший в повозке Лихослав закричали одновременно. Все головы разом повернулись в ту сторону.

Из леса, из одетой осенним румяным золотом чащи прямо на них скакали всадники. Много. Чуть ли не сотня. И первое, что разглядел Волкодав, были белые берестяные личины, закрывавшие лица. Кое у кого, у тех, что выглядели побогаче, личины были кованые. В том числе у главаря. Главарь этот скакал на великолепном белом коне и размахивал мечом, держа его в левой руке.

Выскочив из леса, отряд нападавших сразу разделился на две неравные части. Та, что поменьше, устремилась за каменный мыс, желая сшибиться с приотставшими витязями. Другая помчалась на пеших. Видно было, как разлетались из-под копыт комки зелёного дёрна.

Много ли времени нужно вершникам, чтобы во весь опор пронестись чуть более

полуверсты и обрушиться на пешую рать? Совсем немного. Но если в пешем войске никто не начинает бестолково метаться, если каждый шестник уверенно знает, что ему делать, – пешие за это время тоже могут успеть немало. Кнесинку и девчонок живо спрятали за повозку, раненых прикрыли запасными щитами. Лучшие стрелки повернулись навстречу налетающим всадникам и вскинули загодя снаряжённые луки. После боя над Кайеранскими топиями их ничем уже было нельзя ни удивить, ни напугать. Да и сражаться предстояло не с неведомой ночной силой, а с самыми обычными людьми из плоти и крови. Да ещё под ярким солнцем, посреди красного дня. Есть же разница.

Суровые парни не тратили времени даром. Выдернули из расстёгнутых, спущенных на бедро тулов кто срезень, кто бронебойную – и пустили их лететь. Благо всадники с самого начала были досягаемы для опытного стрелка. Понятно, не все стрелы дружно попали в цель, но несколько лошадей покатилося по земле. И ещё нескольких разбойников вынесло из сёдел, словно дубинами. Волкодав за лук пока не хватался: успеется. Ратники, наученные своими старшинами, стреляли по команде, все вдруг. Толку от этого, может, было и не больше, но вот страху – намного. Сразу видно, что наскочил не на перепуганных обозников, готовых чуть что зайцами разбежаться по кустам, а на воинов неробкого десятка, привыкших давать отпор.

Жадоба?.. – думал Волкодав, держась подле кнесинки и поспевая смотреть сразу во все стороны. *Неужели снова Жадоба? И тогда, у болот?.. А почему бы и нет?..*

Под ногами захлюпала вода. Быстрый ручей выкатывался из ущелья, растекаясь по равнине семижды семью неглубокими струями. Множество рук немедля ухватилось за маронговые бортики повозки, помогая наострившему уши коню.

Между тем смертельная, без шуток, стрельба сделала свое дело. Разбойники задумались, придержали конский скок и отхлынули в сторону, не доводя дела до рукопашной. Галирадские ратники, держа щиты на руке, тяжело бежали вперёд. К полосатой скале, прочь из ловушки. Было ясно, что нападавшие стремились не столько сшибиться с ними вплотную, сколько пугнуть их и направить вбок, под стену, в слепое ущелье. Где, очень может быть, их уже поджидала засада. Десятка, скажем, три отборных стрелков с двойным запасом стрел. Вполне хватит.

Конные велиморцы во главе с Дунгормом постарались дать пешим время. Вот заметили, что разбойники отдышались, успокоили коней и разворачиваются для нового наскока, – и пустились наперерез.

Храбрые воины горды были бы лоб в лоб ударить врага и, намного уступая числом, все как есть полечь в неравном бою, отстаивая невесту своего господина. Но пока не было нужды приносить себя в жертву. Умница Дунгорм сумел сделать с разбойниками то, что сами они не сумели сделать с поезжанами: пугнул их, заставил шарахнуться в сторону. Ещё на десяток шагов придвинулась Спящая Змея. И ещё на десяток. Что там, впереди? Дозорные не успели за неё заглянуть.

Ну как есть Жадоба, поглядывая на смутившихся разбойников, сказал себе Волкодав. *Таких резать привык, кому только ножичек покажи, и уже штаны полные. А на зубастого нарвавшись, сам тут же...*

Они бежали к полосатой скале. Бежали, повесив на спину щиты, с мрачным упорством уходящих от неминуемой смерти. Слышалось только сиплое дыхание да топот нескольких десятков ног. Взмывленные парни в шлемах и тяжёлых кольчугах изредка злобно матерились сквозь зубы. Служаночки, подобрав подолы, тарасили слепые от страха глаза. Если отряд прижмут к стене и обложат вплотную, мужчины могли хоть драться. А им что оставалось? Им и раненым, которых швыряло туда-сюда в повозке, подскакивавшей на кочках?..

Кнесинке было бы не под силу самой нести щит – и то хорошо, что хоть как-то выдерживала четверть пуда кольчуги. Вместо щита у неё были телохранители. Волкодав, конечно, мог бы посадить государыню в возок. Или вскинуть на спину белой Снежинки. Но, если он был прав и за кнесинкой шла охота, возком займется в первую очередь. А уж белой всадницей – и подавно. Зато издали, да в сплочённой толпе, да за тесно сдвинутыми

спинами, поди-ка её высмотри!

И вот Спящая Змея нависла над головами. Они бежали к ней, как когда-то к святилищу. С той только разницей, что в святилище их ждали друзья. А здесь? Что увидят они за скалой? Отряд кунса Винитара, подоспевший на выручку? Или засаду, которая насмерть зажалит их стрелами?

Они бежали, потому что ничего другого не оставалось.

Дозорные помчались вперёд, сунулись за скальную башню и почти сразу выскочили назад, размахивая руками. Значит, ничего подозрительного не заметили.

– Наддай шагу!.. – заорал Аптахар. – Живей, хромые, живей!..

Он видел: вершники изготовились к новому наскоку. Было заметно, что охотники не больно стремились вплотную сходить с огрызающейся дичью, вовсе не желавшей безропотно становиться добычей. Однако и позволить себе упустить беглецов они не могли.

Велиморцы, готовые пожертвовать собой, вновь нацелились поперёк...

– Во имя Одноглазых и Одноногих! – выругался кто-то по-вельхски рядом с Волкодавом. – Что ж это!.. Вот так бежать!..

У молодых, горячих парней душа рвалась встать стеной и встретить недругов, как велела древняя честь.

– Языком не трепать!.. – прикрикнул Мал-Гона. – Заснули на ходу, косолапые?

Разбойники и во второй раз не захотели схватиться с велиморцами врукопашную. Наоборот, большая часть их неожиданно повернула коней и устремилась в глубь ущелья-ловушки. Галирадцы уже заворачивали за Спящую Змею, когда преследователи выскочили обратно на равнину. Почти у каждого за спиной сидел второй человек, и эти вновь подобранные держали в руках кто лук, кто самострел.

Волкодав всё поглядывал наверх, на каменные карнизы и на обросшие мелким кустарничком вершины скал. Нет на свете неодолимых утёсов. Человек залезет куда угодно, дай только время. Но то ли у разбойников времени не было, то ли не ожидали они, что преследуемые вздумают прорываться к Препоне... Волкодав так и не высмотрел затаившихся стрелков наверху.

Кони налётчиков, отягощённые двойной ношей, скакали медленно и тяжело, но бегущих всё-таки обгоняли. Намерения Жадобы – а Волкодав всё крепче верил, что это был Жадоба, – сомнений не вызывали. Не дать уйти за Препону. Обложить. Преградить дорогу. И расстрелять на бегу.

Сольвенны, сегваны, вельхи хрипели и матерились на все лады, но бег так и не стал бегством. Наверное, потому, что рядом с воинами были те, кому приходилось ещё тяжелей. Девушки выбились из сил, парни тащили их за руки, передавая друг другу. Потом начался довольно крутой подъём, и в задок повозки разом упёрлись двадцать две ладони:

– Хёггов конец и волосатое брюхо, а ну!..

Оказавшись за Спящей Змеёй, все они жадно уставились вдаль: Винитар!.. Не видно ли Винитара?.. Впереди было пусто. Зато в ноздри сразу ударил густой серный запах. Ещё сотня шагов, и многие стали прикрывать рты рукавами и просто ладонями. Но как прикроешься, когда надо бежать! Тут уж хочешь не хочешь, дыши в полное горло.

Здесь всегда дул холодный ветер, стекавший с горных снежников и обледенелых скал на равнину. Он летел из-за Препоны, разнося облако смрада. Лес в этом месте отступал от скальной стены ещё дальше, чем всюду. Видно, никакая жизнь не могла долго переносить дыхание пропасти без вреда для себя. Само ущелье напоминало каменную реку: какая-то сила, бушевавшая здесь в стародавние времена, вымела наружу россыпи чугунно-серых скал. С той стороны, что была обращена к горам, скалы покрывал слой жёлтого налёта.

Волкодав почувствовал, как от удушливого зловония болезненно жжалось в груди, и подумал, что будет, если разбуженный запахом кашель скрутит его в три погибели прямо сейчас. До сих пор зловредная хворь ни с чем не считалась...

– Веди, бабушка! – крикнул он старой Хайгал.

Мог бы и не кричать. Нянька твёрдой рукой направляла коня и повозку между

каменными глыбами; найдись у них хоть сколько-то времени, они бы убедились, что другого проезжего пути здесь не было. Безропотный упряжной конь, привыкший послушно тянуть воз, куда приказывали люди, только отфыркивался. Более норовистые верховые лошади старшин стали беспокойно ржать и порывались вставать на дыбы. Умелые вельхи обмотали им морды тряпками, наспех откромсанными от одежд. Это помогло. Дунгорм и Хайгал сходились на том, что рано или поздно лошадей придётся оставить. Однако пока никто не спешил отвязывать их от возка.

Трава тоже не хотела расти на ядовитом ветру. Под ногами хрустела бесплодная галька. То есть даже не галька, обточенная и выглаженная водой: из ущелья, перерубленного Препоной, не вытекало ни речки, ни ручейка. Первозданное крошево уязвляло ноги сквозь кожаные подошвы сапог. *Если бы не камни, я бы бежала быстрее, думала кнесинка. Да, конечно, если бы не камни, я бы бежала сама.* Всё повторялось, как в ту ночь в Кайеранах. Только теперь её, сменяясь тянули за руку Лихослав и Лихобор, а Волкодав держался позади. И так же, как в ту ночь, кто-то сильный и злой тщился её погубить, а другие люди спасали. *В тот раз погибли Варя и её спутник. Кому предстояло теперь?..* Покамест пролили кровь только разбойники, сбитые меткими стрелами, но все понимали, что этим дело не кончится. Будущие мертвецы бежали рядом с живыми и точно так же сыпали руганью и грубыми шутками, подбадривая себя и друзей. Когда они устремились к Спящей Змее, кнесинке даже померещился косой взгляд, брошенный на неё и телохранителей: вот, мол, кому умирать уж никак не придётся! Она подумала, что тот человек был прав, и невольно почувствовала себя сторонним наблюдателем, которого происходящее никоим образом не может коснуться. В семнадцать лет плохо верится в собственную близкую смерть. Кнесинка *знала*, что спасётся. Вернее – её спасут. А кто спасёт остальных?

Но все эти мысли очень скоро поблели и растворились в одной-единственной: НЕ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ. БЕЖАТЬ. Когда хочется весь мир променять на мгновение отдыха, тут не до рассуждений. Особенно если понимаешь, что даже и краткой передышки не будет, ибо тогда-то уж точно – смерть неминуемая. НЕ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ. БЕЖАТЬ. И ни в чём нет твоей воли, даже в том, которую гибель избрать: от насады или от вражьей руки. И странно мешается это с глубинным, нутряным знанием: ВСЕ КОНЧИТСЯ ХОРОШО...

Тут кнесинка смутно поняла, почему до последнего силится ползти умирающее животное, хоть и повисла со всех сторон хищная стая, и уже рвут куски плоти из боков. Потому что остановиться и не противясь дать себя разорвать – это слишком страшно даже тогда, когда застилает глаза смерть.

Но какая-то часть её разума, ещё не успевшая окончательно отупеть от непосильного бега, созерцала и насмеялась. *Воительница!.. Возмечтала, курица, о соколином полёте. Дружину, подобно матери, возглавлять!.. Вот оно, дура, дело-то воинское. Это тебе не на лавке лёжа мечтать. Сейчас упади кто рядом, головы небось не повернёшь. Какое там защищать, на себе прочь уносить...*

...Когда по сторонам выросли угрюмые серые скалы, кнесинке показалось, будто она их где-то уже видела. Но где – вспомнить не сумела, да не очень и пыталась.

Волкодав и другие опытные воины видели то, что проплыло мимо глаз замученной кнесинки: разбойники обогнали бегущих и уже ссаживали наземь стрелков. Напрасно велиморцы пытались им помешать. Стрелки покидали крупы коней и сразу исчезали среди валунов. Волкодав обречённо подумал о том, что была, наверное, какая-нибудь скала, с которой мостик через Препону просматривался, как на ладони. И на эту скалу они успеют влезть первыми. И ничего тут не поделаешь.

Проход впереди сузился, и Хайгал натянула вожжи:

– Тпру!

Дальше повозке не было ходу, придётся бросить её. Замечательную повозку, любовно снаряженную из благословенного маронга лучшими галирадскими мастерами. Только тут кнесинка как следует ощутила, что происходило нечто непоправимое. То есть они, конечно,

спасутся – в скалах или даже за Препной, – но возка, который несколько последних седмиц служил ей домом, она скорее всего больше уже не увидит. А кони как же?.. Снежинка?.. У кнесинки опять ослабли колени...

Несколько воинов уже запрыгнули внутрь повозки: раненых торопливо передавали наружу и, серых от боли, увлекали дальше кого под руки, кого вовсе на руках. Эртан вылезла сама. Её левый локоть был туго притянут к телу, чтобы неосторожное движение не потревожило рану. Ещё в повозке воительница правой рукой и зубами распутала спасительные узлы, и на рубахе вновь проступило пятно. Эртан не обращала внимания. Геллама ждал её по ту сторону темноты. Скоро она придёт к нему. Но прежде перешагнёт через один-два вражеских трупа.

Волкодав оглянулся назад, на ещё видимый клочок равнины, ограниченный слева Спящей Змеёй, а справа – безымянным чёрным утёсом, слегка наклонённым наружу. Сказал бы ему кто в дни отъезда из Галирада, что однажды он станет ждать своего кровного врага, точно единственного спасителя!

Но у обеих скал было пусто. Кунс Винитар, сын кунса Винитария по прозвищу Людоед, не спешил им на помощь из-за чёрной скалы. И Лучезар Лугинич всё равно что пропал за Спящей Змеёй...

– А с чего она – Спящая? – пропыхтел рядом Аптахар. – Тоже дряни нанюхалась?..

– Поспеши, госпожа, – сказал Волкодав, направляя кнесинку по узкой тропе, где уже скрылась половина рати и с ней раненые и служанки. Хайгал, ещё хромавшая после Кайеран, держалась при хозяйке. Упрямая старуха тащила сумку, куда, побуждаемая предчувствием, загодя погрузила всё самое, по её мнению, необходимое. Запустив руку в сумку, она потянула наружу большой красный платок – священную фату, которой кнесинка должна была закрыть лицо перед встречей с наречённым. Нянька стала совать фату кнесинке:

– Завяжи рот, дитяtko, нечего гадость глотать...

Кнесинка хотела взять, но Волкодав не позволил:

– Спрячь! Увидят... красное...

Кашель, ударивший изнутри, заставил его замолчать, потом свалил на колени. Едкая вонь сделала свое дело. На какой-то миг в глазах почернело, потом он почувствовал, что его поднимают. Волкодав хотел вырваться, успев подумать, что оказался-таки никудышним телохранителем, и ещё, сколько всего он не успел преподать братьям Лихим... Ничего: оказалось, самое главное он им всё же внушил. Близнецы сделали то, чего их наставник, будь его воля, ни в коем случае им не позволил бы. Они молча подхватили его, вздёрнули с колен и бегом помчали вперёд. Волкодав ощутил во рту кровь, и приступ почти тут же кончился. Так всегда бывало с тех пор, как его впервые прорвало кровью в день возвращения кнеса. Ещё через несколько шагов Волкодав смог стоять сам. Он стряхнул крепкие пальцы братьев и утёр кровь. Рукавом, не ладонью, чтобы потом не начал выскальзывать меч. Кнесинка всё время оборачивалась к нему, глаза у неё были полоумные.

– Вперёд!.. – зарычал Волкодав на близнецов. – Дело забыли!..

Где-то позади жалобно заржала Снежинка. Потом поднялся яростный крик, завизжали лошади, послышался лязг и перестук клинков. Это велиморцы, оставшиеся прикрывать отход, наконец сошлись с разбойниками в ближнем бою. И погибали один за другим.

Тем временем спешенные налётчики, незримо растворившиеся между скал, стали постреливать. Они не показывались на глаза, стрельба шла навесная. Стрелы, падавшие с высоты, не пробивали кольчуг, но тело, не укрытое доспехом, полосовали безжалостно. Над головой кнесинки сейчас же появился щит. Девушка немедленно притянула к себе няньку. Железная оковка щита со скрежетом ударялась о камни.

После приступа кашля Волкодав почему-то напрочь перестал чувствовать сернистую вонь, и Препона открылась перед ним неожиданно.

Беспорядочно нагромождённые валуны несколько отступали от края, а может, были кем-то нарочно сброшены вниз. Они образовали небольшую площадку, на которой

сгрудились галирадцы. Дальний край площадки обрывался в бездну. Оттуда, неторопливо клубясь, выползал желтоватый туман. Сквозь туман был виден противоположный берег, точно такой же скалистый и неприветливый. Хайгал не преувеличивала: до него было не менее полусотни шагов. Обнаружился и мост. Лёгкий, зыбкий подвесной мост на чёрных волосяных канатах, мост, составленный из тоненьких, ненадёжных с виду дощечек. Чуть более пол-аршина шириной, чтобы можно было пройти только гуськом...

Внизу, под мостиком, разверзалась немереная глубина. Ещё никто по своей воле не спускался туда, чтобы узнать, есть ли дно у Препоны. И уж подавно никто не поднимался обратно. А сверху смотрели горы, вечные, равнодушные горы в облачных шапках, в голубоватых плащах никем не тревожимых ледников. И небо, из-за тумана казавшееся зелёным.

Мост обещал спасение, но ратники не решались его перейти, и страшная глубина пропасти была тут ни при чём. С того берега уже прилетело предупреждение. Оно так и торчало в щите воина, дерзнувшему сунуться к переправе. Короткая, толстая, тяжёлая стрела-болт, выпущенная из самострела. Галирадцы пробовали говорить с ичендарами, но те до ответа не снисходили.

Волкодав быстро огляделся по сторонам и, конечно, сразу увидел то, чего больше всего опасался. Выступ утёса, нависавший над пропастью. Если туда вылезут разбойники с луками, они играючи расстреляют любого, появившегося на мосту. А то и канаты стрелами перережут. Меткий стрелок и их самих, конечно, сумел бы согнать со скалы. Но для этого понадобилось бы выйти из-под защиты валунов на открытое место. А уж оно-то наверняка отлично простреливалось с десяти разных сторон...

– Давай, бабушка, – сказал Волкодав старой Хайгал. – Зови своих, говори с ними... – И кивнул ближайшему воину из сольвеннов, державшему наготове длинный кожаный щит: – Проводи!

– Нянюшка... – потянулась за старухой кнесинка Елень. Волкодав удержал её и поставил между собой и скалой. Братья Лихие тотчас устроились по бокам. Кнесинка прижалась к спине Волкодава и тихо заплакала.

Между тем Хайгал вышла со щитоносцем к мосту и остановилась у одного из валунов, за которые крепились канаты. Приставила сложенные руки ко рту – и пронзительно закричала. Волкодав почти не понимал языка, только отдельные слова, почёрпнутые у самой Хайгал. Ему не доводилось встречать ичендаров в рудниках, где он и выучил почти все известные ему языки.

Некоторое время за Препоной молчали. Волкодав напряжённо слушал. Потом, к его великому облегчению, раздался резкий мужской голос, кричавший в ответ. Хайгал выслушала, что-то коротко пообещала соплеменникам и возвратилась к хозяйке.

– Велят, дитяtko, чтобы я перешла к ним одна, – страдающая и винясь, сообщила она кнесинке. – Велят, чтобы я твой амулет принесла. Посмотрят, мол, тогда и решат...

С какой радостью она отправила бы свою девочку на тот берег, а сама осталась выпарапывать разбойникам глаза!

Кнесинка решительно запустила руку под свиту и, ободрив непривычные пальцы о железо кольчуги, вытащила плоский потёртый кожаный мешочек. Мешочек сразу полетел наземь. На длинном ремешке осталась подвеска из цельного, чуть не в пол-ладони, прозрачного зеленоватого камня. Волкодав намётанным глазом рудокопа немедленно признал хризолит. Плоский камень украшала искусная резьба: снежный кот Ургау, схватившийся в поединке с орлом. Хайгал свила ремешок петлёй и затянула у себя на запястье. Торопливо обняла кнесинку...

Декша-Белоголовый уже расставлял стрелков, объясняя им, что нянька госпожи должна была достичь того берега при любых обстоятельствах и любой ценой. Парни хмуро кивали, поднимая на левую руку щиты. Как все уважающие себя стрелки, они были способны метко бить в цель и с грузом на руке. А уж мощные сольвенские луки с роговыми подзорами наверняка не уступали разбойничьим.

Хайгал и её провожатый бегом пересекли открытую площадку и ступили на мост. Узенький настил угрожающе заколебался под ногами. Снизу, из непроглядной клубящейся мглы, доносился глухой рокот, словно Неспящие-в-Недрах кипятили громадный котёл зловонного варева. Ветер, поддувавший оттуда, был тёплым, влажным и липким. Иногда он разрывал облака желтоватого пара, и показывались обросшие блестящей слизью каменные клыки, торчавшие из глубины...

Двое почти достигли середины моста, когда началась бешеная стрельба. Но началась не так, как ожидали галирадцы, в том числе Волкодав. Они думали, что разбойники возьмутся за няньку и война при ней, а сольвенны заметят это и постараются им помешать. Вышло иначе. Первый же залп десятка в три стрел достался самим сольвеннам. Уж что-что, а неожиданно нападать из засады разбойники умели отлично. Их было гораздо больше, чем сольвеннов, и действовали они слаженно. Тридцать человек разом выскочило на скалы по всему краю площадки и разом спустило тетивы. Кто-то из галирадцев успел съёжиться за щитом. Кто-то мгновенно ответил и даже сшиб неприятельского стрелка, но и сам получил в спину два вершка железа на длинном древке. Ибо мало толку от щита на руке, когда стреляют чуть не со всех сторон. Кому-то срезало тетиву с лука. Кто-то просто упал и остался лежать...

И вот тогда-то стрелы полетели в двоих на мосту.

Это было убийство, расчётливое и хладнокровное. Так жестокие мальчишки, только выучившиеся владеть игрушечными луками, бывает, охотятся на кур во дворе. Вот только молодой щитоносец не пожелал умирать, как привязанная курица. Он бывал в переделках и схватках и понял, что обоим не спастись. Стрелы летели сзади и сбоку, и парень прикрыл старую Хайгал и щитом, и собственным телом. И продолжал идти, хотя с такого расстояния даже добротная кольчуга не могла защитить от прямого удара.

Галирадцы не смогли равнодушно следить из безопасных укрытий за тем, как погибал их друг. Яростно ругаясь, они выскакивали на открытое место и били в ответ. И сами попадали под стрелы.

Заплаканная кнесинка вдруг сдёрнула с лица сетку и рванулась из-за спин телохранителей, крича:

– Я здесь, здесь!.. Меня убивайте!..

Услышали её или нет, так и осталось никому не известным. Волкодав и братья Лихие перехватили государыню, не дав ей сделать и шага.

Умирающий, утыканный стрелами воин ещё шёл по мосту, ещё прикрывал собою старуху. До того берега оставалось шагов пятнадцать, когда разбойники сообразили целиться по ногам. Несколько стрел с широкими наконечниками буквально подрезали парня. Он шатнулся, падая на колени, и молча канул в просторную щель между верхними канатами и настилом. И полетел вниз, переворачиваясь и раскидывая руки, чтобы почти сразу пропасть в клубящемся тумане. Никто не услышал ни предсмертного крика, ни удара о дно.

Хайгал оглянулась, посмотрела вниз, ахнула, всплеснула руками... подхватила подол – и порскнула вперёд с удивительной прытью, которой невозможно было предположить в согбенной старухе. Не ожидали подобного и разбойники. Несколько стрел расщепило доски в том месте, где она только что стояла. Остальные с визгом пронесли у неё за спиной, лишь одна, самая удачливая, деранула развевающийся край чёрной рубахи. Хайгал достигла берега и метнулась за камень.

– Дитячко!.. Переходи!.. – подала она голос некоторое время спустя.

– Одна не пойду!.. – отчаянно закричала в ответ кнесинка.

Ещё как пойдёшь! – чуть не сказал ей Волкодав. Но ни кнесинку переправить, ни затеять с горцами переговоры о свите и раненых сразу не вышло. Потому что конные разбойники, справившись наконец с отрядом Дунгорма, покинули сёдла, взяли галирадцев в полукольцо и полезли на них из-за камней. Началась рукопашная.

На площадку перед мостом по-прежнему было не высунуться, и галирадцы не смогли урядить плотную оборону. Разбойники нападали со всех сторон, так что бой между скалами

вскоре утратил строй и порядок, сменившись ожесточённой резнёй. Галирадцы погибали и чувствовали, что погибают. Может, здесь они продержатся чуть дольше, чем продержались бы на открытой равнине. Но спастись не удастся. Как не удалось бы и там. Стрелки прыгали с валуна на валун, на выбор и почти безнаказанно убивая всех, на ком не было белых берестяных личин с прорезями для рта и глаз. Волкодав видел, как на одной из скал у самого края Препоны, где с луками и колчанами устроились двое разбойников, появился Мал-Гона. Одного стрелка могучий вельх уложил ударом меча, второй, стоявший чуть дальше, проворно обернулся и спустил тетиву. Стрела, пущенная в упор, легко прошла и кольчугу, и тело под ней, но Мал-Гона не остановился. Длинный меч блеснул ещё раз, и голова разбойника вместе с личиной и шлемом завертелась в воздухе, разбрызгивая красные бусины крови, отлетающие, точно порванное ожерелье. Обезглавленное тело покачнулось и рухнуло с камня. Мал-Гона уронил меч и сгорбился, прижимая руки к груди. Валко шагнул в сторону, не удержался на скользкой от осевших испарений круглой каменной макушке и беззвучно ушёл вниз, в туманную небыль Препоны.

Всё это Волкодав видел мельком, вполглаза, уже вовсю рубясь с пятью какими-то головорезами, наскочившими на телохранителей из-за скал. Налётчикам не поздоровилось. Три воина слишком хорошо знали своё дело. Не зря Волкодав до седьмого пота гонял близнецов по двору галирадского крома. Всё-то они выпрашивали о *настоящей* битве, когда много народа. Теперь вот сами извели, правду ли говорил им наставник. Больше не будут гадать, как сами поведут себя, ЕСЛИ. Настал час – и ребята не думая пустили в ход умение, беспощадно вколоченное суровым венном в гибкие молодые тела. Волкодав подумал о том, что тех пятерых они вполне раскатали бы и вдвоём, без него. И даже без мечей, просто голыми руками. Он оглянулся на кнесинку: девушка что было сил сжимала вельхский кинжал с позолоченной рукоятью в виде человечка. Она не расставалась с ним после боя в святилище. Она больше не плакала. Ей было страшно, ещё как страшно! Но случись драться, от неё не дождутся крика и слёз. Она кого угодно встретит вот этим кинжалом. Встретит неумело, но с отчаянной яростью...

Навстречу телохранителям пробился Аптахар с полутора десятками воинов, в основном сегванов и сольвеннов. За их щитами и спинами укрывались Иллад, Мангул с мальчишкой и четыре служанки. Мальчишка сжимал в кулаке подобранный нож.

– Надо к мосту, – сказал Волкодав Аптахару. – Кнесинку и этих, кого сумеем.

Сегван согласно кивнул, уже прикидывая, с какой стороны обходить площадку, чтобы заметило поменьше стрельцов. Волкодав быстрыми, привычными движениями расстегнул на себе ремни, сдёрнул попятанный кровью кожаный чехол, потом стащил кольчугу и протянул кнесинке:

– Надень, госпожа.

Он сказал это до того буднично и спокойно, что кнесинка поняла: ВСЕ. Настал ПОСЛЕДНИЙ КОНЕЦ.

– Нет!.. – Она попробовала оттолкнуть его руку. Попробовала бы ещё сдвинуть валун, за которым они прятались от стрелков. – Нет!.. Ты... ты сам...

– В меня не попадут, – сказал Волкодав, но кнесинка ему не поверила, и тогда он попросту схватил её в охапку и силой всунул в кольчугу. – Некогда мне тебя уговаривать, госпожа.

Сопротивляться было бесполезно. Полпуда стальных воронёных колец, ещё хранивших тепло его тела, укрыли кнесинку, свесившись ниже колен. Они ощутимо пригибали её к земле, но вместе с её собственной серебристой кольчужкой броня в самом деле получилась надёжная. Может, и сбережёт.

– На мосту держись крепче, госпожа, – наказал Волкодав. – Двумя руками. Да вниз не гляди, незачем.

– Двинулись, оглоблю вам в ...! – рявкнул Аптахар.

Воины молча взгромоздили щиты и побежали к мосту, держа в живом кольце и служанок, и лекаря со спутниками, и государыню кнесинку. Поначалу она всё оглядывалась

на Волкодава, оставшегося в одной серой безрукавке, насквозь мокрой от пота и разрисованной разводами крови. Кармашек с картой и книжкой болтался у него на груди. Потом оглядываться стало некогда: в щит, который она держала над головой, начали втыкаться стрелы. Кнесинка только поспешила посмотреть себе под ноги, – прыгая по осклизлым булыжникам, недолго было споткнуться. Почему-то она больше боялась упасть, чем угодить под стрелу. Бежать, навьючив на себя почти пуд железа, было неудобно и тяжело, но тело, подхлестнутое страхом и возбуждением, несло груз почти без натуги. Неожиданно воины сдвинулись плотнее, кнесинка оказалась между Лихославом и Лихобором и увидела у себя под ногами вместо камней пугающе тонкие и узкие планки моста. Кое-где в них торчали пернатые стрелы...

– Госпожа! Держись за канаты! – сказал над ухом Лихослав, шедший сзади неё.

Кнесинка услышала его, но не поняла: заворожённо смотрела вниз, туда, где в кипящем тумане медленно двигались громадные тени. Лихослав отобрал щит, взял её руки и положил их на толстые лоснящиеся волосяные канаты.

Если бы кнесинке Елень довелось просто путешествовать здешними местами, она бы, пожалуй, помешкала перед подобным мостом, собираясь с духом и пробуя ногой хрупкие с виду дощечки. А то задумалась бы, не привязаться ли как-нибудь верёвкой к канатам. Сейчас недосуг было о чём-то раздумывать, справляться с собой и гнать прочь страх. Верхом и низом посвистывали певчие стрелы, и каждая могла унести жизнь. Кнесинка судорожно засемила вперёд, перебирая ватными руками по упруго натянутым канатам, шевелящимся, скользким. Прямо перед ней была спина Лихобора, в затылок дышал Лихослав. Братья шли в ногу, сомкнув щиты и пряча между собой свою госпожу.

Они были над серединой Препоны, когда кнесинка, по-прежнему упорно смотревшая вниз, увидела на досочках кровь. Кровь храброго парня, дорого заплатившего за спасение старухи Хайгал, а с нею и молодой государыни. По счастью, колчаны у разбойников оказались не бездонные, и они уже не могли мести мост такой железной метлой, как вначале. Зато теперь они целились гораздо тщательней прежнего.

Кнесинка увидела, как что-то неуловимо мелькнуло примерно на уровне её колен, и на ноге Лихобора, шедшего впереди, отворилась глубокая красная щель, из которой сейчас же ручьем брызнула кровь. Молодой телохранитель охнул и споткнулся, и этого оказалось достаточно. Нога, ставшая вдруг чужой, беспомощно подломилась. Лихобор выпустил канаты моста, потерял равновесие на скользких от крови досках и вывалился наружу.

...Позже кнесинка так и не смогла вспомнить, каким образом она поспела упасть ничком, хватая его руку, уже исчезавшую за краем узенького настила. Её пальцы, только что неспособные как следует ухватиться за канат, сомкнулись на запястье Лихобора и окостенели в мёртвой хватке. Когда-то, в далёкой другой жизни, когда Волкодав учил приёмам кан-киро, она досадовала и злилась: пальцев, видите ли, не хватало даже просто обхватить мужскую жилистую руку, куда там удержать. А вот вцепилась – поди отдери. Лихобор пытался взяться свободной рукой за доски, но ладонь соскальзывала. Кнесинка видела его белое, обращённое кверху лицо с закушенной губой. Ещё одна стрела воткнулась в его раненую ногу и осталась торчать. Струйки крови слетали по сапогу. А внизу раскачивалась туманная мгла, показывались и пропадали хищные каменные зубы...

Лихобор вдруг извернулся всем телом и укусил её за руку. Кнесинка закричала от отчаяния и боли, понимая, зачем он это сделал, но пальцев не разомкнула. Всё-таки она бы, наверное, продержалась недолго, но подоспела подмога: мимо её лица, царапнув жёсткими рукавами щёку, протянулись другие, гораздо более сильные руки, схватили парня за шиворот и мигом выволокли наверх. Мужчины потащили Лихобора вперёд. Его брат поставил кнесинку на ноги и крепко прижал к себе, в одиночку заслоняя от стрел. Она видела, как оперенная смерть втыкалась в настил, свистела между канатами... Потом вместо досок под ногами закрипел щебень, и Лихослав сразу поволок кнесинку прочь с открытого места, за скалы.

Истрадавшаяся нянька бросилась на шею воспитаннице:

– Дитятко!.. Дитятко, живая...

За спиной Хайгал стояли два горца-ичендара, смуглые, широкоплечие, с орлиными перьями в волосах. Кнесинка вдруг спохватилась, холодея, принялась озираться, шарить глазами среди спасённых:

– А где Волкодав?..

Его не было.

– Он остался, госпожа, – сказал лежавший на земле Лихобор. Иллад перетягивал ему жгутом бедро, останавливая кровь. – Он сказал, те полезут на мост, так он их не пустит.

У кнесинки как будто снова разверзлась под ногами Препона, и душа с птичьим криком оборвалась вниз, сквозь смрадный туман, в каменную пасть, в клокочущее небытие. Елень Глуздовна беззвучно ахнула и рванулась из-за скалы назад, на тропу, на мост, через мост, туда, где ради неё погибал единственный на этой земле человек. Она вернётся к нему, чтобы... Она...

Лихослав, понятно, никакой глупости совершить не дал. Вмиг догнал, сшиб с ног и прижал к валуну, а над головой кнесинки тотчас пропела чуть-чуть запоздавшая стрела. Девушка вырывалась и плакала, но с могучим парнем сладить было непросто. Лихослав хмуρο и молча оттащил её обратно в укрытие. А потом сказал, наверное, единственное, что могло её отрезвить:

– Волкодав не затем там остался, госпожа.

Вот тогда кнесинка вспомнила свой сон. Лучше было бы ей вовсе его не вспоминать.

Волкодав несколько не сомневался, что толковые близнецы и без него сберегут кнесинку на мосту, – хотя бы, как тот парень, ценой собственной жизни. Но вот сумеют ли ичендары не допустить разбойников за переправу, если те ринутся через Препону? Насколько он понимал, две сотни лет после Гурцата Жестоккого горцам приходилось иметь дело всё больше с неумеренно любопытными путешественниками да с молодым Винитаром, имевшим, видно, какие-то понятия о чести. Но отбиваться от разбойников, твёрдо намеренных перейти? От прожжённых душегубов Жадобы?.. Много ли воинов в горской заставе на том берегу? И как прикреплен мост, можно ли его в случае опасности легко уронить вниз? По сю сторону, во всяком случае, канаты были увязаны намертво. Здравый рассудок подсказывал, что ичендары просто обязаны были что-то предусмотреть. Жизнь, однако, давно уже убедила битого каторжника, что полагаться на чей-то здравый рассудок – дело весьма ненадёжное. Не знаешь наверняка – проследи сам.

Вот он и собирался за всем проследить сам.

Он устроился у одного из камней, державших канаты моста. Если придётся совсем туго, можно будет дотянуться и перерубить их мечом. Волкодав заслони́лся щитом, спасаясь от стрел, поредевших, но от этого не менее смертоносных. И окликнул Аптахара, засевшего под соседним валуном:

– А ты что?..

Сегван пожал плечами, ухмыляясь:

– Ну как же...

Он был старшиной, а значит, вроде отца молодым парням, над которыми поставили его галирадские думающие мужи. Последнее дело было бы бросить ребят, легче самому остаться на смерть.

Уцелевшие ратники, большинство в крови, начали сползаться с разных сторон ко входу на мост. Первыми достигли валунов четверо вельхов, и между ними – шатающаяся, но по-прежнему несломленная Эртан. Потом подоспело несколько сольвеннов во главе с Декшей. Декша тяжело опирался на топор, всё топориче которого было черно от крови. Волкодав посмотрел на него и поймал себя на том, что, удивительное дело, переживал за бывшего тестомеса больше, чем за других. Будь у него хоть немного времени, он понял бы почему. Поэтов вообще нельзя допускать туда, где наносят раны и отнимают жизнь. Потому что народ рождает поэтов не всякий год. Для того, чтобы сражаться, существуют люди

ничем не примечательные. Такие, как он сам.

Волкодав оглянулся на мост, потом на скалу, где засели стрельцы, державшие мост на прицеле. Когда кнесинка уходила на ту сторону, он наполовину опустошил колчан, пугая этих стрельцов, и кое-кого сумел отправить в Препону.

– Уводи людей, – сказал он Декше. – Кнесинка уже там. Давай, мы прикроем!

Как знать, может, им и удался бы ещё один прорыв через мост. Но в это время разбойники, ненадолго оставившие осаждённых в покое, услышали новое распоряжение главаря. Они почти прекратили стрельбу, потом где-то за скалами коротко рывкнул рог, и ревушая толпа воинов в берестяных личинах с разных сторон ринулась добивать последних защитников переправы. В их намерениях сомневаться не приходилось. Они рассчитывали смять галирадцев и единым духом пролететь через мост. Пролететь, чего доброго, ещё прежде, чем там сообразят и отвязнут канаты... Быстроты и храбрости им было не занимать.

– Руби!.. – закричал Волкодав. И сам, дотянувшись, полоснул концом меча по упругим гладким волокнам. Чёрные плетёные пряди распались, заворачиваясь наружу. Мост охнул и заскрипел, тяжело перекашиваясь. Декша, орудовавший с другой стороны, чуть запоздал, но его удар оказался ещё удачнее: топор на длинной рукояти громко лязгнул о камень, одним махом разрубив толстый канат. Удар болезненно отдался в раненой голове молодого старшины. Декша потерял сознание, уронил топор и сам свалился бы следом – спасибо, подхватили друзья. Но дело было сделано. Упругая чёрная струна отлетела, свиваясь, как обезглавленная змея, мост медленно мотнуло, разошедшийся настил повис, как жреческое ожерелье. Волкодав нацелился рубануть ещё раз, но тут рассечённый канат не выдержал, волосяные пряди стали расползаться и лопаться, и наконец мост неотвратимо пошёл вниз, взмахнув на прощанье, словно развеваемый ветром мокрый рушник. Завихрились клочья тумана, провожая его полёт. Длинное полотнище настила хлестнуло скалы, как плеть, обломки досок с треском разлетелись в разные стороны и пропали вниз.

Вот теперь вправду всё было сделано.

Галирадцы всю уже резались с насевшими врагами, не допуская их ни ко входу на мост, ни к беспомощным раненым. Но вот рухнул мост, и разбойники в некотором замешательстве откатнулись назад. Желанная добыча окончательно ускользнула от них, и лезть на мечи галирадцев, дравшихся с последней яростью смертников, стало вроде бы незачем. То есть они, конечно, не отступятся и сейчас полезут опять, но больше из мести. А то обойдутся без рукопашной – встанут кругом и не спеша расстреляют ради забавы. Или попробуют схватить живьём, чтобы хорошенько потешиться напоследок...

– Ну уж нет! – прижимая ладонью липкое пятно на рубахе, отдельно выговорила Эртан. – Меня они не получат!

Воительница сидела на самом краю пропасти, свесив вниз ноги. Драться она уже не могла, не было сил. Но сделать одно-единственное движение ей не помешает никто. Глядя на вельхинку, другие раненые, кто мог, тоже стали переползать поближе к Препоне. А если повезёт и удасться ещё разбойничка с собой утянуть...

Немногие ратники, изодранные и окровавленные, но по-прежнему способные держать в руках мечи, спрятались за щитами и приготовились дорого продать свою жизнь.

– Ну что, брат венн... – сказал Аптахар. И тут же глухо охнул, всхлипнув от боли. Волкодав крутанулся на месте: сегван стоял столбом и тупо смотрел на свою правую руку, точно бритвой срезанную в локте. Из раны частыми толчками выливалась кровь. Под ногами у Аптахара валялась длинная стрела, увенчанная остро отточенным железным полумесяцем шириной чуть не в пядь. Изуродовав человека, стрела ударилась в камень и отскочила. Попади она в шею, укатилась бы голова. Волкодав понял, что потрясённый сегван так и будет стоять, пока не свалится мёртвым.

– Прикройте!.. – зарычал он и подскочил к Аптахару. Мигом свалил его наземь, перехватил лезвием меча длинные завязки его сапог и перетянул ими руку друга пониже плеча. И с облегчением увидел, как иссяк уносящий жизнь багровый поток.

– За... зачем... – не справляясь с прыгающей челюстью, произнёс Аптахар. Он смотрел

на свою руку, валявшуюся отдельно от тела. – Всё... равно...

Волкодав не стал ему говорить, что скатиться в Препопу они всяко успеют. Избавления ждать было неоткуда, но призрачная надежда живёт чуть не дольше самого человека. Венн видел слишком много страшных смертей, случившихся оттого, что кто-то опоздал всего на мгновение. Значит, надо попробовать купить это мгновение. Он снял щит и заслонил им скорчившегося сегвана. Положил наземь лук, отстегнул тул... Он нутром чувствовал, что разбойники вот-вот устремятся вперёд.

Теперь, когда не было в живых Мал-Гоны, а Декша и Аптахар сами на ногах не держались, ратники поневоле стали поглядывать на Волкодава, видя в нём старшего.

– Не ввязывайтесь без нужды, – буркнул он смотревшим на него молодцам. После чего поднялся во весь рост и пошёл навстречу разбойникам, окаливая зубы в жуткой ухмылке и на ходу выдёргивая из ножен боевой нож. Он был похож на смерть. Невероятно обострившимся зрением он видел их всех, в том числе и стрельцов, остолбеневших от чудовищной наглости безумца, вышедшего умирать в одиночку.

– Ну?.. – зарычал Волкодав. – Кто?!..

Иные потом утверждали, будто разбойное воинство, несколько десятков человек, попятилось перед ним. Пока люди Жадобы что-то соображали, он рванулся вперёд. И покрыл последние шесть шагов одним звериным прыжком.

Туда, где он стоял мгновение назад, разом ткнулось несколько стрел. Ещё одна ушла в небеса, чтобы упасть далеко за Препопой: когда стрелок уже натягивал тетиву, из желтоватых клочьев тумана вынырнул крылатый чёрный зверёк и с яростным криком бросился ему в лицо. Разбойник выронил лук и согнулся, зажимая ладонями разодранную глазницу.

Волкодав уже не казался похожим на смерть. Он БЫЛ смертью. Он убивал всех, кого мог коснуться мечом, ножом, локтем, ногой. Они не успевали ни достать его, ни оборониться. Они сами были справными воинами, но венн двигался так, что не мог уследить глаз. И убивал. Убивал.

Ему давно не случалось вот так, без остатка, пускать в ход всё, на что он был способен. И уже не случится. Потому что этот бой был последним. Потому что шёл счёт последним мгновениям жизни. Потому что Песня Смерти всё-таки будет допета. И так допета, что пращурам не придётся стыдиться.

Незванная Гостья, повсюду твой след,
Но здесь ты вовек не узнаешь побед.
Раскинутых крыльев безжизнен излом,
Но мёртвый орёл остаётся орлом...

Это не могло длиться долго, потому что человеческие силы не беспредельны. Но пока это длилось...

Незванная Гостья, ты слышишь мой смех?
Бояться тебя – это всё-таки грех.
Никто не опустит испуганных глаз,
А солнце на небе взойдёт и без нас...

Волкодав достиг чего хотел: разбойники, пускай на время, оставили недобитых галирадцев и поневоле занялись человеком, который даже не сражался с ними, – который их попросту УБИВАЛ. Они уже поняли, что в рукопашной его не возьмёшь и вдесятером. И подались в стороны, освобождая пространство стрелкам. Волкодав расхохотался им в лицо и отбил стрелы мечом. Он догорал, но они-то об этом не знали. Он не стал ждать, пока они решат, как им быть дальше, и снова метнулся в самую гущу.

Доколе над нами горит синева,
Лишь Жизнь, а не гибель пребудет права.
Вовеки тебе не бывать ко двору,
Незванная Гостья, на нашем пиру!

Он знал некий предел, миновав который уже трудно было вернуться и оставалось только загонять себя, как надорванного непосильной скачкой коня. Он давно переступил этот предел. Возврата не будет. *Спасибо тебе, прадедовский клинок, и прощай. Не суди строго, Мать Кендарат...*

Покуда мой меч вкруговую поёт
И дух не забыл, что такое полёт,
Я буду идти, вызывая на бой,
Незванная Гостья, – смеясь над тобой!

Разбойники снова начали стрелять в него. Уже без разбора, попадая большей частью по своим. Не очень-то они и дорожили друг другом. Они были близки к отчаянию, к суеверному страху. Ещё немного, и они бы, наверное, дрогнули. Кто же мог предвидеть, что у галирадцев окажется при себе демон, против которого впору было запастись оружием из серебра?..

Эртан первая запела что-то по-вельхски, отодвинулась от края пропасти и с трудом поднялась на ноги. Нет, они её нипочём не получают. Но уйдёт она не так, как собиралась вначале.

Неведомая сила подхватывала сольвеннов, вельхов, сегванов, поднимала их с земли и вела вперёд. Туда, где могла ждать только смерть. Но они чувствовали себя победителями. Они ими и были. И когда они сшиблись с разбойниками, они могли – всё.

Но в это время за скалами, там, где остались валяться на равнине перебитые велиморцы, истошно закричал рог. Это был призыв даже не к отступлению – к немедленному бегству, отчаянному и безнадежному. И разбойники медлить не стали. Привыкшие быстро нападать и столь же быстро уносить ноги, они кинулись прочь с проворством вспугнутых крыс. Они не обращали внимания на дорогое оружие, валявшееся на земле, перепрыгивали через своих раненых, пытавшихся схватить за ноги бегущих. Рог прокричал им о том, что настала пора спасать свою жизнь. И уж тут, как водилось в подобных ватагах, каждый был сам за себя.

Прошло всего несколько мгновений, и галирадцы остались одни на площадке у обрушенной переправы. Они толком не верили в своё спасение и не понимали, что же спугнуло налётчиков.

Волкодав лежал на камнях, залитых его и чужой кровью, и неподвижными, немигающими глазами смотрел на солнце, еле видимое сквозь желтоватый смрадный туман. Стрелы торчали в его теле, но ни меча, ни ножа он из рук так и не выпустил. Мыш надрывался отчаянным плачем, прижимаясь к его щеке.

Причина бегства разбойников была хорошо видна с тропы, по которой уводили кнесинку Лихослав и младший из двоих горцев. Здесь, наверху, совсем не чувствовалась подземная вонь из Препоны: холодный ветер, стекавший с гор, уносил её прочь. Ключья тумана, проползавшие внизу, то скрывали побоище, то опять расступались. Кнесинка всё время смотрела в ту сторону, ища глазами человека, к которому рвалось её сердце. И она его увидела. Они забрались по тропе уже достаточно высоко: фигурки людей казались крохотными и одинаковыми. Но Волкодава кнесинка узнала тотчас. Он не шевелился, а кругом него стояли уцелевшие галирадцы. Так стоят над мёртвым. Или израненным до такой степени, что не вдруг и смекнёшь, как к нему прикоснуться.

Кнесинка смотрела и смотрела, ослабнув на непослушных ногах и чувствуя, что

умирает с ним вместе. Жить дальше было незачем. Ради чего, ради кого, если...

– Госпожа! – окликнул её Лихослав.

Кнесинка с трудом и не сразу оторвала взгляд от безжизненного тела, распластанного внизу за Препоной на красных от крови камнях. Потом всё же посмотрела туда, куда указывала вытянутая рука Лихослава.

Из-за чёрной скалы, беспощадно молотя конскими копытами невысокую жилистую травку, летели всадники. Десяток за десятком, молча, стремительно, неудержимо. Горным льдом горели на солнце ничем не прикрытые брони и наконечники копий, приготовленных к бою. И первым, далеко обогнав остальных, на золотистом шо-ситайнском жеребце мчался предводитель. И было похоже, что тому, кто хоть чуть дорожил своей жизнью, лучше было не становиться у него на пути.

Вот почему таким дурным голосом взвыл разбойничий рог, вот от кого уносило ноги воинство в берестяных личинах.

Последние всадники кунса Винитара ещё огибали скалу, когда с противоположной стороны, из-за Спящей Змеи, появились витязи Лучезара. Они гнали перед собой сколько-то конных разбойников. Часть велиморцев немедленно отделилась от остальных и всё тем же бешеным скоком пошла им навстречу. И когда грабители завертелись, не зная, в какую сторону спастись, длинные копыта велиморцев согласно легли плашмя для таранного, невиданного в Галираде удара. Ещё миг – и столкнулись. Было видно, как падали кони, как всадников вынимало из сёдел и пронесило над землёй корчащихся, пронзённых насквозь. И только потом долетел глухой грохот столкновения и страшные крики людей. Людей, успевавших умереть, пока долгое эхо их последнего вопля ещё гуляло меж скал. Лучезаровичи вовсю работали мечами, добывая тех, кто поспел увернуться от копий.

Остальные велиморцы, возглавляемые вождём, перестроились и по-прежнему молча, без боевого клича и труб, широким серпом понеслись на разбойников, выбравшихся из нагромождения скал. Те частью успели сесть в сёдла, частью не успели. Но это ничего не изменило. От разящего серпа не ушёл ни пеший, ни конный. Половину, не меньше, смело первым же свирепым ударом. Стих жуткий треск ломающихся двухвершковых оскепищ, и в ход пошли мечи. Велиморцы неотвратимо теснили разбойников, явно намереваясь прижать их к отвесной каменной круче и истребить без остатка. Люди Жадобы отбивались что было сил, но участь их была решена. Те из велиморцев, кому не хватило места в передних рядах, останавливали выученных коней, забирались им на крупы и вытаскивали из налучей луки, стреляя через головы товарищей. Разбойники один за другим вываливались из сёдел, и тех, кто падал ещё живым, насмерть затапывали в толчее.

Молодой предводитель почти сразу отбросил щит и бился в-обе-ручь, рубя и расшвыривая врагов. Сеча вокруг него кипела вдвое ожесточённей, чем в других местах. Золотой жеребец бил копытами и люто кусался. Грудь и бока его оплетала стальная кольчуга. С горы было хорошо видно, как Винитар схлестнулся с рослым всадником на крупном молочно-белом коне. Оружие и одежда у этого человека были заметно богаче, чем у остальных, но сражался он довольно неловко, особенно для главаря. Так, словно не вполне доверял попорченной когда-то правой руке. Винитар легко отбил его меч, между тем как злой Санайгау рванул соперника зубами за плечо. Белый конь отчаянно заржал и рванулся, силясь проложить себе путь в тесноте. Это ему удалось, и лошади почти разминулись, когда Винитар всем телом развернулся в седле, ложась на круп жеребца, и знаменитый разбойник перестал быть. То, что потащил дальше обезумевший конь, уже не было не то что Жадобой – даже и просто человеческим телом. Запутавшись в стремянах расшитыми сапогами, по разные стороны седла свисали два куска бесформенной плоти.

Кое-кто из его людей с отчаяния попытался уйти по каменному откосу. Им дали проползти несколько сажений, после чего сняли считанными стрелами. Велиморцы не давали пощады. Шайка, пять лет грабившая на лесных дорогах, погибала под стеной Ограждающих гор. Вся целиком. Лучезаровичи тоже хотели участвовать в разгроме, но воины кунса Винитара в помощниках не нуждались.

Беглецы и проводник следили за ходом сражения, стоя на горной тропе примерно в полутора верстах от дерущихся. Когда стало ясно, чем кончится дело, Лихослав обратился к горцу. Телохранитель не знал языка и попросту указал пальцем на кнесинку, потом вниз. В ответ на его вопросительный взгляд ичендар отрицательно помотал головой и ткнул рукой вверх и вперёд. Знатная гостья и её спутники должны были сперва предстать перед вождём.

Лихослав осторожно тронул за плечо кнесинку, обессиленно привалившуюся к камню:
– Пойдём, госпожа.

Она посмотрела на него отсутствующими глазами и попыталась шагнуть, но не смогла и начала оседать наземь. Лихослав поднял её, устроил поудобнее на руках и бережно понес вверх по горной тропе.

Явился однажды Комгалу в ночном сновиденье
Могучий и грозный, украшенный мудростью Бог.
«Иди, – он сказал, – и убей Сигомала в сраженье.
Давно ожидает его мой небесный чертог!»

Свела их назавтра друг с другом судьба боевая,
И видит Комгал, что достойней соперника нет;
Людей, Сигомалу подобных, немного бывает:
В одном поколеньи второй не родится на свет.

Рубились герои... Комгал, поскользнувшись, на землю
Коленом припал... Вот сейчас голова полетит!
Сказал Сигомал: «Я победы такой не приемлю!»
И подал ему, наклонившись, оброненный щит.

И надо б разить, исполняя небесную волю!..
Но в самый решительный миг задрожала рука:
Комгал поклонился герою средь бранного поля
И прочь отступил, покорён благородством врага.

Бог Воинов грозный явился ничтожному Дагу
И тоже убить Сигомала ему повелел:
«Хоть раз прояви, малодушный, мужскую отвагу!
Давно ожидает его мой надзвёздный предел!»

Не смея послушаться, Даг устремился в дорогу
И выследил воина – тот был с любимой вдвоём.
И пал Сигомал на ступени родного порога,
Рукою трусливой сражён, вероломным копьём.

Что ж дальше? А вот что. В небесном чертоге пируют
Комгал с Сигомалом, и пенистый мёд не горчит.
А трус и предатель – досталась награда холую! —
Скорбит за оградой, в сырой и холодной ночи...

14. Кровный враг

Пещера. Дымный чад факелов. Крылатые тени, мечущиеся под потолком...

Серый Пёс висит на стене, распятый железными гвоздями, забитыми куда попало в руки и тело. Прямо перед ним, на противоположной стене, сплетается невероятным узором, пылает драгоценным огнём искрящаяся самоцветная жила. Странно. Насколько он помнит рудник, самоцветные камни, попадавшие под кирку, большие напоминали простые бурые желваки. Требовался очень опытный глаз, чтобы распознать живую радугу недр, затаившуюся внутри. Лишь изредка, может, раз в год, проходчики вламывались в такие каменные пузыри, сплошь усеянные изнутри переливчатыми щётками гранёных кристаллов. Большинство из них безжалостно обкалывали на продажу, но некоторые всё же оставляли ради их красоты. Кое-кто к тому же считал, будто серый порошок в них действовал по-особенному. Серый Пёс мельком, издали, видел две или три такие пещеры. И однажды задумался: да как может быть, чтобы чудесные камни, улыбка и диво подземелий, мало что приносили добывавшим их людям, кроме горя и слёз?.. Но это по молодости. Очень скоро он перестал удивляться. Ибо понял: какое там камни! – слезами и кровью оборачивались даже учения вдохновенных пророков, проповедовавших Добро и Любовь. Одни люди страдали и гибли ради этих учений. Другие ради них убивали. А иногда и не другие – убивали те же самые, не понаслышке знавшие неволю и муки за веру...

Чадающее пламя вспыхивает и мерцает, мутный свет дробится на каменных гранях, разлетаясь неожиданно пронзительными, чистыми искрами. Искры впиваются в распятое тело, причиняя новую боль...

– Ме-е-еч!.. Ему обещали вернуть ме-е-еч...

Так кричат только под пыткой, когда умирают упрямство и гордость и человек говорит, говорит взахлёб, готовый выдавать и предавать без конца. Волкодав тускло подумал о том, что каторга вроде бы кончилась. И после освобождения, кажется, даже успело что-то произойти. Но тогда почему?.. И о каком мече говорят?..

Человек снова закричал, завыл уже без слов. Волкодав ощутил, что лежит на земле, и голова его покоится на тёплых женских коленях. Без сомнения, это была его мать, каким-то образом спасшаяся во время набега. Он захотел посмотреть на неё, приоткрыл глаза и увидел воительницу Эртан. Девушка держала возле его ноздрей пушистое пёрышко. Так проверяют, дышит человек или умер. Другой рукой Эртан прикрывала пёрышко от ветра. Держась коготками за пальцы Эртан, в лицо Волкодаву озабоченно заглядывал Мыш.

Венн приоткрыл глаза всего на мгновение и сразу зажмурился, потому что из-под век потекли слёзы. Дышащий морозом ледник и беспощадное солнце, грозящее выжечь глаза... Когда ему бывало по-настоящему худо, любой свет ранил, как то жестокое солнце.

Мыш заметил движение ресниц, взвился и заверещал. Воительница наклонилась, стала бережно промокать венну слезящиеся глаза.

– Держись, Волкодав, – услышал он её голос. – Держись, не умирай!..

Он попробовал пошевелиться, но всё тело рванула такая боль, что едва теплившееся сознание снова погасло.

Во второй раз его привёл в себя не крик – просто возбуждённые голоса, раздававшиеся совсем близко.

– Вели заковать негодяя в цепи, благородный кунс, – убеждённо доказывал Лучезар. – Ты сам слышал, что говорят пленники. Вот этот меч, он принадлежал раньше Жадобе. Какие ещё доказательства тебе нужны? Подлый предатель сторговался с разбойником, пообещав возвратить меч!

– Этот, что ли? – спросил незнакомый голос, и Волкодав услышал сдержанный шелест клинка, извлекаемого из ножен. Потом восхищённое восклицание: – Хорош!..

– Ты вполне достоин опоясаться им, мой кунс, ибо ты покончил с Жадобой. Прими же этот меч, благородный Винитар, потому что продажный!..

– Не тронь, Лучезар! – глухо и очень грозно выговорила Эртан. Её поддержал возмущённый ропот и злобная ругань мужских голосов. Уцелевшие ратники вовсе не

собирались отдавать на поругание ни Волкодава, ни его меч.

Венн сделал усилие, снова приоткрыл глаза и сквозь слёзы и боль увидел молодого кунса. Он хорошо помнил, каким был почти двенадцать лет назад отец этого парня, но так и не смог решить, на кого больше походил Винитар – на Людоеда или на мать, которой Волкодав никогда не видал. Страж Северных Врат был высок и широкоплеч, с длинной гривой светлых волос, гущине и блеску которых позавидовала бы любая девушка. Больше ничего девического в облике Винитара не было. Твёрдые жилистые ладони ласкали и поворачивали клинок. Истинный воин, умевший быть стремительным и страшным. Он не носил бороды, только усы над верхней губой, но ни намёка на юношескую незрелую мягкость не было в его лице. Жёсткие скулы, суровые морщины у рта... Вождь!

Синие сапфировые глаза вдруг встретились с глазами Волкодава, задержались, и венну хватило мгновения, чтобы понять: Винитар ЗНАЛ.

– Разбойники не сказали, кто именно обещал вернуть меч, – спокойно проговорил молодой кунс.

– Скажи лучше, где ты был, Лучезар, пока нас убивали! – потребовала Эртан.

Лучезар зло огрызнулся:

– Ты-то закрой рот, дура.

Лоб красавца боярина перехватывала повязка. Время от времени он вспоминал о ней и болезненно морщился, поднося руку. Ратники снова возмущённо зашумели, а Эртан, не оставшись в долгу, раздельно ответила:

– Тебя, говнюка, твоим бы воеводским поясом удавить!

Лучезар болезненно поморщился. Рядом тотчас вырос Канаон:

– Кого, худородная, срамословишь?

Эртан бестрепетно ответила:

– Вон того крапивника, хозяина твоего.

Канаон шагнул вперёд... Волкодав увидел ноги двоих свирепых парней, вельха и сегвана, немедля заслонивших воительницу.

– Потихе, ты! – мрачно сказал вельх. – Не тебе чета, люди её старшиной на щит поднимали!

Воины, только что выстоявшие в лютом сражении, не собирались уступать дорогу наёмному головорезу. Равно как и его господину. Не такое видели, не напугаешь. До сих пор Винитар слушал не вмешиваясь, но тут он поднял руку, и Канаон почтительно отступил. Поди не посчитайся с боевым кунсом, которому здесь не было равных по знатности и за спиной у которого – сотня с лишним мечей. Это не горстка ратников, сплошь покалеченных и измотанных боем.

– Предатель, – в упор глядя на Волкодава, с ненавистью выдохнул Лучезар. – Сестру мою!.. В цепи тебя...

Венн безразлично опустил веки.

– Попробуй! – сквозь зубы, с мрачным вызовом сказала Эртан. – А не сам ты Жадобе меч обещал?

Боярин побелел и схватился за ножны, но Винитар снова поднял руку.

– Мой кунс... – послышался слабый голос откуда-то сбоку.

Дунгорм!.. Волкодав ещё не знал, что разбойники, перебив велиморский отряд, самого посланника схватили живого, раздели догола, долго били и вознамерились разорвать лошадьми, но бросили, когда самим пришлось удирать. Кони только протащили нарлака по камням, тем и отделался.

Волкодаву захотелось посмотреть на Дунгорма, он решил приподняться, но сумел только повернуть голову, и этого ему хватило. Неудержимая волна дурноты вывернула желудок. В животе с утра было пусто – изо рта потекла желчь пополам с кровью. Волкодав закашлялся, ощутил, как рвётся что-то внутри, понял, что умирает, и плотная тьма вновь накрыла его.

Мама решила обновить хлебную закваску и по обыкновению послала меньшую дочку в род мужа. После летнего происшествия с чужим человеком детей перестали пускать одних в лес, но Барсуки, ближние соседи, жили всего-то за двумя лугами и кладбищем-буевищем, куда Пятнистые Олени издавна относили хоронить своих стариков. Буевище заросло нарядным высокоствольным березняком – костёр напросвет было видать. Какая беда может подстеречь здесь, под присмотром витающих праmaterинских, праотеческих душ?..

Мама поставила в корзинку горшок для закваски, но негоже просить, ничем не отдаривая взамен. И горшочек наполнился левашом, малиновым да черничным. Как делается леваш? Ягоды разваривают, высушивают и получившиеся лепёшки скатывают трубкой. Чего уж проще. Однако и в самом простом деле водится своя хитрость. В соседнем роду тоже умели делать доброе лакомство, но такого вкусного, яркого и прозрачного у Барсуков почему-то не получалось.

– Смотри у меня, не съешь по дороге! – строго наказала девочке мать. – Да не расслаживай в гостях, домой поспевай!

Девочка только кивнула в ответ, хотя наставление показалось ей обидным. Как-никак двенадцатый годок покатыл, не маленькая небось! Но матери не перечат. Оленюшка подхватила корзинку и отправилась со двора.

В березняке она увидела крупный след волчьей лапы и удивилась: люди не помнили, чтобы волки когда забредали на буевище. Девочка положила себе рассказать об этом дома и пошла дальше, поглядывая по сторонам.

Соседская большуха, тётка отца, ласково приняла её, обрадовалась левашу («Как раз мне, беззубой, посасывать...»), щедро отмерила закваски, угостила пирожком и отправила девочку назад.

На сей раз, спеша через одетый осенним золотом лесок, Оленюшка засмотрелась на ширококрылого беркута, вестника Бога Грозы, опустившегося отдохнуть на вершину кряжистого дерева. Девочка осторожно подошла, запрокидывая голову. Громадная бурая птица бесстрастно взирала сверху вниз, рассматривая человеческое дитя.

– Здравствуй, батюшка орёл, – сказала девочка. – Хочешь, пирожка тебе дам?

Она сунула руку в корзинку, нашаривая угощение, отвела взгляд от древесной вершины и...

Куда подевался знакомый реденький березняк? Вместо прозрачной рожи, которую она знала до последней отметинки на белых стволах, темнела кругом непролазная чащоба. Громоздилось, топырили обломки корней поваленные деревья, длинными лохмами свисал седой мох... Всего несколько мгновений назад впереди уже виднелась за лугом крыша общинного дома. А этот лес выглядел так, словно на сто вёрст вокруг не было человеческого жилья! И над буевищем стоял ясный день, а здесь жутко багровел косматый закат...

Девочка закрыла глаза, потрясла головой, пытаясь разогнать наваждение. Потом посмотрела опять. Чужой лес и не подумал исчезнуть. Она нашарила оберег, приколотый на плечо... не помогло! Угрюмый лес странно молчал, словно ожидая чего-то.

– Батюшка орёл... – всхлинула девочка.

Священный беркут снялся с вершины и, неторопливо взмахивая крыльями, поплыл над деревьями к югу.

– Батюшка орёл!..

Девочка заплакала и побежала следом за ним.

Колючие ветки хлестали её по лицу, трепали волосы, цепко хватали одежду. Орёл летел медленно, но всё-таки постепенно удалялся. Девочка то теряла его из виду за пушистыми вершинами, то вновь обретала... Наконец он скрылся совсем, и она осталась одна.

Теперь она навряд ли сумела бы разыскать даже ту берёзу, у которой всё началось.

Размазывая по лицу слёзы, она пробежала ещё несколько шагов и очутилась на длинной

узкой поляне. Девочка поглядела наземь, высматривая, нет ли где тропинки. И отшатнулась, увидев на пожухлой траве кровь.

Она пугливо прислушалась, но в лесу по-прежнему царила неподвижная тишина. Девочка осторожно пошла по кровавому следу и через некоторое время наткнулась на большого мёртвого волка. Потом ещё на одного. Волков убил не человек: обоим расплосовали горло чьи-то клыки. След же тянулся дальше, и неясное предчувствие велело девочке поспешать.

Она увидела его у края поляны, под склонившимися рябинами. Она сразу узнала его, хотя серого меха не видать было за спёкшейся кровью. Могучий серый пёс тихо лежал в двух сажнях от ручья, к которому, верно, силится доползти, но не дополз.

Девочка живо подбежала к нему, опустилась рядом на колени. Бережно коснулась свалявшейся шерсти и ощутила под ладонью зыбкое, дотлевающее тепло. Она снова посмотрела на раны. Было удивительно, что пёс до сих пор жил.

Что она могла сделать для него, как помочь?.. Хоть всю рубашонку раздери на повязки, так ведь не хватит. Оставив корзинку, она побежала к ручью, принесла в ладонях воды, попробовала обмыть разорванную морду:

– Не умирай, славный... Не умирай...

Пёс не открыл глаз, не пошевелился, даже уши не дрогнули. Девочка принесла ещё воды, попыталась дать ему пить, но он ушёл слишком далеко и уже не мог лакать.

Тогда она осторожно, чтобы не причинить боли, обняла пса за шею и прижалась, стараясь поделиться хотя бы теплом. Приникла губами к мохнатому уху и стала шептать, что на душу приходило. Она взахлёб рассказывала Богам о том, как это невозможно, чтобы пёс умер. Она убеждала серого зверя, такого огромного и крепкого, ещё чуть поднатужиться и задержаться здесь, под этим солнцем, на зелёной земле. С ней.

Пёс никак не отвечал ей, и бусина в его ошейнике не блестела, залитая кровью. Девочка подумала о хлебной закваске, томившейся в горшочке, и о том, как, наверное, уже разволновались дома. Где её найдёшь теперь, тропинку домой? А впрочем, она бы всё равно никуда не ушла. Не смогла бы. Не бросила.

Зверей и птиц не слышно было в лесу, и девочка испуганно обернулась на шорох. Первой мыслью было: как защитить?.. Но через поляну семенил длинноухий мышастый ослик, а на нём верхом сидела смуглая седенькая старушка.

Девочка вскочила и побежала навстречу:

– Бабушка, милая, помоги!..

Старушка отозвалась по-венски:

– Так я, деточка, затем сюда и приехала. – Потом легко соскочила наземь и наклонилась над псом: – Совсем не бережёшься, малыш... Разве ж можно с собой так, глупенький?

На крупе ослика висели пухлые перемётные сумы, и там нашлось всё, о чём только что горевала Оленюшка: снадобья в баночках и туесках, тряпицы для повязок.

– Я стану лечить, а ты держи его, – распорядилась старушка.

– Как, бабушка?.. – не поняла девочка и собралась подсунуть руки под голову пса.

Седовласая женщина зорко глянула на неё:

– Так же, как доселе держала. Зови своих Богов. Гони смерть... – И добавила нечто уже вовсе загадочное: – Если он вернётся, так только ради тебя.

Оленюшка не очень это поняла, но спрашивать не посмела. Вдвоём они возились над псом весь остаток вечера. Девочка таскала из ручья воду в ведёрке, сделанном из гладкой коры неведомого ей дерева. Обламывала сухие ветки, уstraивая костёр. Толкла что-то в беленькой ступке. И всё время молилась. Великой Матери, Вечно Сущей Вовне, потом Старому Оленю, пращурку её рода, и, конечно, Богу Грозы, чей орёл завёл её в этот лес. Иногда она думала о том, какой переполох был теперь, наверное, у неё дома. Но про это думалось как-то глухо, издалека. Кончилось тем, что умаявшаяся Оленюшка так и заснула, прильнув к косматому боку зверя и слушая, как внутри, под ранами, упрямо стучит

измученное сердце.

Она проснулась, как от толчка, посреди ночи в самый глухой час, открыла глаза и увидела, что возле костра появилась ещё одна гостья. И такова была эта гостья, что девочка плотнее обняла неподвижного пса, словно её жалкое усилие вправду могло его защитить. На границе светлого круга стояла худая рослая женщина. В длинной, до пят, белой рубахе и тёмно-красной понёве с прошивой, расшитой белым по белому. Распущенные пряди седых волос достигали колен. Лицо же... Страшная гостья не была ни старой, ни молодой. Время попросту не имело к ней отношения.

– Он допел Песнь, – сказала она, и голос шёл ниоткуда. – Он мой.

Старушка, которой девочка помогала весь вечер, подбросила в костёр хвороста и спокойно ответила:

– Не первый раз мы с тобой встречаемся, и бывало так, что я тебе уступала. Но его ты не получишь.

Огонь, ободренный новой порцией дров, вспыхнул ярче, и худая женщина отступила на шаг. Но и только. Она сказала:

– Он принадлежит мне. Погаснет твой костёр, жрица, и я его заберу.

Жрица ответила почти весело:

– А вот и не заберёшь!

Девочка услышала, как сердито вздохнула хлебная закваска в горшочке, и ей показалось, будто пришелица испугалась этого звука. На всякий случай Оленюшка подтянула корзинку с горшочком поближе к себе, потом села и взяла её на колени.

– Это кто ещё здесь? – словно впервые заметив её, свела брови незваная гостья.

Девочка с перепугу ничего не ответила, только ухватилась за шерсть на пёсьем загривке. Зверь силится зарычать, но не мог. Жрица ответила:

– Это та, кого ты тем более не получишь.

В голосе, раздававшемся ниоткуда, прозвучала насмешка:

– Рано или поздно я получу всех.

– Есть чем гордиться! – фыркнула жрица. – Вся твоя власть – на мгновение! А потом опять Жизнь!

Пламя костра начало опадать, и она подбросила в него ещё хвороста. Девочка с ужасом увидела, что в запасе осталась всего одна ветка. Что потом?.. Хоть в лес беги, ищи впотьмах сушняка!.. Пересиливая страх, девочка готова была вскочить и бежать, когда к костру с разных сторон начали выходить люди.

Странные люди. Мужчины и женщины...

Очень разные внешне, они были похожи в одном: ночная тьма словно бы не касалась их, расступаясь перед едва уловимым сиянием, исходившим от их тел и одежды. Казалось, посреди глухой ночи их освещало незримое солнце. Люди несли с собой поленья для костра. Друг за другом подходили они к жрице и складывали принесённое у её ног. Куча хвороста принялась быстро расти.

Самыми первыми, держась за руки, появились мужчина и женщина. Красивые, совсем молодые. Они показались Оленюшке очень похожими на человека, которому она полгода назад подарила бусину. Отдав поленья, они подошли к псу и жалеючи склонились над ним, словно стараясь поделить своим сиянием своего солнца. А потом оба посмотрели в глаза девочке, и ей, озябшей, стало тепло. И уши – но не во тьму.

Оленюшка увидела хрупкого молодого арранта с весёлыми мечтательными глазами. Казалось, этот юноша в любой миг был готов воздеть к небесам руку и разразиться вдохновенной поэмой. Другие люди были суровы и бородаты, с тяжёлой походкой каторжников. Ещё девочка увидела чету вельхов: дед и бабка вдвоём тащили целое брёвнышко, и старик всё улыбался, радуясь, что вновь обрёл две руки. Прежде чем уйти, дед с бабушкой присмотрелись к Оленюшке и одобрительно кивнули друг другу. Девочка ощутила, как в воздухе на миг разлился аромат свежих яблок.

Костёр бушевал. Жаркие языки взвивались с весёлым и яростным рёвом, раздвигая

ночной мрак, вынуждая недобрую гостью отступать всё дальше прочь.

Так продолжалось до самого рассвета, и хворост у ног жрицы не оскудевал. Когда же небо на востоке уверенно зарумянилось, старушка обернулась к девочке и сказала:

– Спи, дитяtko. Всё хорошо.

Почему-то Оленюшка сразу поверила ей. Она потрогала пёсий нос: тот был по-прежнему сухой и горячий, но всё же вроде не так. Девочка тихонько поцеловала пса в страшную морду, свернулась рядом и тотчас заснула.

Ей казалось, она закрыла глаза всего на мгновение. Но когда она проснулась, солнце уже поднялось над лесными вершинами. А на поляне не было видно ни души. Ни жрицы, ни пса. И никаких следов ночного костра. Только корзинка по-прежнему стояла на своём месте. Девочка села, встревоженно озираясь, и обнаружила, что сжимает в кулаке нечто твёрдое, успевшее впечататься в руку. Она раскрыла ладонь. Это была маленькая серебряная лунница на тонком, но очень прочном волосяном шнурке.

Девочка поднялась на ноги и заметила совсем рядом с собой начало тропинки, уводившей куда-то сквозь густые кусты. На тропинке лежало бурое орлиное перо. Девочка задумчиво подобрала перо, подняла корзинку и пошла вперёд. Она всё искала глазами следы пса и сама не заметила, как вышла к знакомой берёзе. На вершине опять сидел и невозмутимо чистил клюв большущий орёл. Она могла бы поклясться – тот самый. Завидев Оленюшку, беркут выпрямился, бесстрастно разглядывая человеческое дитя.

Девочка запрокинула голову и с обидой обратилась к нему:

– Что ж ты, батюшка орёл...

Могучая птица промолчала. Девочка шмыгнула носом, захотела смахнуть подступившие слёзы и...

Вокруг стояли берёзы. Берёзы, родные ей до последней отметинки на белых стволах. А за ними видать было луг и за лугом – дом. И девочка со всех ног припустила в ту сторону, даже не помня о родительском гневе, что должен был неминуемо постигнуть её. Гнев родительский – правый, его ли бояться! Гроза летняя, после которой с удвоенной силой лезут из земли зелёные стебли...

К её удивлению, мать встретила дочку так, словно та вернулась точнёхонько в срок. И хлебная закваска в горшочке не засохла, была живая, дышала силой. Тогда девочка посмотрела на резную календарную доску, что висела под изваяниями в Божьем углу, и увидела, что зарубок на ней не прибавилось. Она вернулась домой в тот же день, когда уходила. Слово вовсе не было ночи, проведённой в чужом чёрном лесу.

Она устроила орлиное перо в божнице, за ликом Бога Грозы. А светлую лунницу вовсе никому не стала показывать. Это, конечно, было нехорошо. Её всегда учили, что подобные вещи должны принадлежать всему роду. Вернее, старшим сёстрам на выданье. Но лунница – она это чувствовала – принадлежала только ей, ей одной.

Волкодав приподнял веки и увидел над собой каменный потолок, а на его фоне – остренькую чёрную мордочку, два чутких уха и пару светящихся глаз. Мышь заглянул ему в лицо, тихо, ласково заворковал и стал тереться о шею. Венн прислушался к себе и не почувствовал боли. То есть совсем ничего, кроме потрясающей лёгкости. И приятного прикосновения меха к голому телу. Даже свет был тусклым, сумеречным и не резал глаза. Волкодав был заботливо укрыт тёплым меховым одеялом и лежал на широкой лавке в комнате большого дома. По всей видимости, здесь имелось окно, и его открыли ради свежести воздуха: он слышал, как снаружи шуршал дождь и журчала вода, стекавшая по каменным плитам.

– Ишь, ластится, – донёлся голос Аптахара. Было похоже, сегван лежал в этой же комнате, только на другой лавке. Венн понял, что Аптахар говорил о Мыше, и хотел повернуть голову, но раздумал, вовремя вспомнив, чем это кончилось для него в прошлый раз. А сегванский старшина продолжал: – Хорошо, кунс, что ты не отдал его Лучезару. Эх, видел бы ты его в деле!..

По полу неторопливо прошелестели кожаные подошвы сапог.

– Могу себе представить, – ровным голосом ответил Винитар. – Я же был у моста. Видел, что натворил твой венн.

– Мой!.. – захохотал Аптахар, но тут же болезненно охнул: знать, неловко сдвинул обрубок руки. – Да, – сказал он, отдышавшись. – Чтобы венн был моим!.. А, Винитар?

Тот усмехнулся:

– И чтобы **ты** ходил под началом у венна, старый друг.

Старый друг, отметил про себя Волкодав. *Вот как.*

– Сначала **он** ходил у меня под началом, – сказал Аптахар. – Весной, когда Фитела нанял его в Большом Погосте. Купец сначала не хотел его брать, беспортошного. Как же он наkostenял нам обоим, и мне, и Авдике...

– Надо быть очень хорошим бойцом, чтобы одолеть тебя, Аптахар, – проговорил кунс. – Надо будет поближе познакомиться с твоим венном, если он оживёт.

– Много нового узнаешь, – снова засмеялся старшина. – За тебя, кунс, не поручусь, но я бы с ним не связывался один на один!

Волкодав опять услышал шаги: Винитар прошёлся по комнате, постоял у раскрытого окна и вновь подсел к Аптахару.

– Иногда, – всё тем же ровным голосом проговорил он, – мне кажется, что мой отец был бы жив, если бы ты был по-прежнему с ним.

Потолок закружился над Волкодавом и начал медленно падать. А может, это небо падало наземь. Венн закрыл глаза.

Аптахару явно не хотелось говорить о том, что, по-видимому, стояло между ним и отцом молодого кунса.

– Я не мог остаться! – сказал он, помявшись. – Прости, Винитар, но моя честь и так пострадала. Ты не поверишь, но никто в войске не знает, что я у твоего батьки шесть лет пиво пил. Мне было стыдно рассказывать! Потому что тогда пришлось бы говорить и о том, чем всё кончилось!

Кунс снова заходил по комнате: ни дать ни взять какая-то сила гоняла его из угла в угол. Он ответил:

– Не мне осуждать тебя и тем более моего отца, но всё могло быть иначе.

– Тот сопляк убил моего брата! – запальчиво возразил Аптахар. – Я бы кишки ему выпустил!.. Что, несправедливо? Справедливо! Так нет же, твоему отцу непременно понадобилось оставить ублюдка в живых. На счастье, ха!.. Всё удачу испытывал! Собаки, видите ли, не бросались!..

Винитар задумчиво повторил:

– Всё могло быть иначе.

Аптахар наполовину устыдился собственной вспышки. Он проворчал:

– Ладно. Не сердись, кунс.

Тот невесело усмехнулся:

– Мне сердиться на тебя, дядька Аптахар! Ты же меня вырастил. Вот этой рукой, которую тебе отрубили, за ухо трепал.

Волкодав почувствовал, что Винитар остановился прямо над ним. Венн открыл глаза, кое-как разлепил губы и просипел:

– Нашли госпожу?..

Ему казалось, будто он выговорил это достаточно громко, но молодой кунс наклонился к самому его лицу, и он повторил:

– Нашли госпожу?..

На сей раз Винитар расслышал его. И ответил, покачивая головой:

– Нет, пока не нашли.

Они опять посмотрели в глаза друг другу, и теперь у Волкодава не оставалось ни малейших сомнений: *Винитар знал про него всё*. В том числе и то, что Волкодав сразу догадался об этом его знании. Ещё Волкодав ни к селу ни к городу подумал о том, что

кнесинка и Винитар, если бы поставить их рядом, вышли бы парой просто на заглядение.

– Она... жива, – кое-как выдавил венн. – Она... по мосту...

– Я знаю, – сказал Винитар.

– Во имя штанов Храмна, порвавшихся не скажу где!!.. – возликовал Аптахар, запоздало сообразивший, что венн, которому давно полагалось бы умереть, очнулся и даже заговорил. – Винитар, сынок, помоги встать!..

Винитар помог, и скоро венн увидел над собой сразу обоих. Человека, у которого были все причины убить его, Волкодава. И другого человека. Которого он сам должен был бы убить. Слишком много забот для одной души, ещё толком не водворившейся назад в тело. Волкодав закрыл глаза, и мир снова перестал существовать для него. Только теперь это было не забытьё, а обычный сон, приносящий исцеление если не духу, так плоти.

«Мама, беги! – Серый Пёс двенадцати лет от роду подхватил с земли кем-то брошенную сулицу и кинулся наперерез молодому комесу, выскочившему из-за амбара. – Мама, беги!..»

Бывалый воин не глядя, небрежно отмахнулся окровавленным мечом. Однако молокосос оказался увёртлив. Меч свистнул над русой головой, не причинив вреда, мальчика метнулся под руку сегвана, и тонкое, острое жало сулицы воткнулось тому в лицо, как раз под бровь.

«Мама, беги...»

Когда Волкодав проснулся, за окном опять стоял вечер, а в комнате с ним была Эртан. Вельхинка держала деревянный меч и, временами кривясь от боли, вполсилы разминала правую руку. Левую она пока берегла.

– Я с Аптахаром поменялась, – сообщила она Волкодаву. – Еле уговорила. Надоело синяки ставить засранцам.

Волкодав прошептал:

– Нашли госпожу?..

Эртан охотно рассказала, как Винитар повсюду разослал своих людей и пытался говорить с горцами через Препону. Ичендары весьма сдержанно ответили ему, что правительница, приехавшая с севера, гостит у вождя, а он, жених, не сумевший как следует оборонить драгоценную гостью, недостоин даже упоминать её имя. Ни о каких сроках её возвращения они не желали и слышать.

– Сколько я?.. – спросил Волкодав.

– Сегодня девятый день, – сказала Эртан. – Я тебе уже и волосы заплела, как у вас принято... – Потом с надеждой спросила: – Ты, может, поесть хочешь, а? Молочка тёпленького с хлебцем? Мёда ложечку?..

Девятый день. Значит, если и приходил кто из убитых разбойников, то так и убрался.

– Мне кунсу... сказать надо, – выдохнул венн.

Эртан внимательно посмотрела на него, кивнула и вышла за дверь. Волкодав проводил её глазами. Воительница поправлялась отменно. Она ещё держала правое плечо выше левого, потому что рана стягивала ей бок, но это скоро пройдёт. Снова будет править боевыми конями, натягивать лук и раздавать оплеухи не в меру пылким парням, восхищённым её красотой...

Винитар пришёл в мокрых сапогах, с каплями влаги на золотых волосах, собранных в хвост на макушке, как носили островные сегваны. Видно, Эртан разыскала его во дворе. Вместе с молодым кунсом явился слуга, принёсший на деревянном подносике большую кружку, кусок белого хлеба, масло и чашечку мёда. От кружки шёл уютный домашний запах свежего молока. Слуга поставил поднос, поклонился своему господину и вышел, оставив кровных врагов наедине.

Винитар стоял посреди маленькой комнаты, заложив руки за спину, и молча смотрел на Волкодава. Лежавший перед ним мужчина выглядел так, что краше в гроб кладут. Лекарь,

приставленный ходить за ранеными, только удивлялся звериной живучести венна. Одна из стрел, попавшая в грудь, прошла совсем рядом с сердцем. По счастью, стрела была бронебойная. Она проткнула венна насквозь, но узкий гранёный наконечник обширной раны не причинил. Волкодав смотрел на Винитара глубоко запавшими мутными серо-зелёными глазами в чёрных кругах синяков, какие бывают от сильного удара по голове. А на животе у него сидела летучая мышь. *Человек с летучей мышью, которого видели на Светыни незадолго перед тем, как...*

– Ты что-то хотел сказать мне, телохранитель? – ничем не выдав себя, спросил Винитар. Он говорил по-веннски. Он хорошо знал этот язык.

– Ты кормишь меня у себя в доме, – сказал Волкодав. Он хотел кивнуть на подносик с едой, но стоило шевельнуться, как вновь окатила дурнота хуже всякой боли. Он передохнул, собираясь с силами, и закончил: – Я убил кунса Винитария, твоего отца.

Тому, кто пытается заслониться от мести, причащаясь одного хлеба с мстителем, незачем называться мужчиной.

Винитар выслушал его, не показав удивления, и кивнул головой.

– Да, это так, – сказал он, помолчав. – Ты убил его, и притом ночью, в чём немного достоинства. Однако на грабителя ты не очень похож...

Волкодав ответил:

– Люди называли нас Серыми Псами, Винитар.

Молодой кунс владел собой, как подобает вождю. Он не переменялся в лице, только синие глаза потемнели, точно океан в непогоду. Он довольно долго молчал, потом проговорил:

– Значит, правы были те, кто советовал отцу истребить вас всех до единого.

Волкодав упрямо ответил:

– Может... правы были те... кто советовал ему... совсем нас не трогать.

Винитар впервые повысил голос:

– Не тебе судить моего отца! – Потом добавил потише: – И не мне.

Волкодав промолчал. Он свой приговор Людоеду уже вынес. И выполнил.

Сегван пересёк комнату и встал у окна. Волкодав со своей лавки не видел его, но мог вообразить, как тот незряче смотрит в мокрые сумерки. Наконец Винитар спросил:

– Как умер отец?

Волкодав устало прикрыл глаза.

– Он хотел схватить оружие... Я пригвоздил его копьём к стене... Он умер, когда горел замок.

Кожаные сапоги резко скрипнули – Винитар обернулся:

– Ты не дал ему поединка?

– Нет.

Оба тяжело замолчали. Бесполезно было спрашивать Серого Пса, почему он не дал поединка палачу своего рода. Бесполезно было напоминать Винитару, что Людоедом его отца прозвало собственное племя, островные сегваны. Бесполезно было вообще что-то говорить. Кровную месть разговорами не совершают.

– За тобой право, – тихо сказал наконец Волкодав. – При тебе меч...

Его собственный меч висел на стене, в ногах ложа.

Винитар отошёл от окна и встал так, чтобы Волкодав мог его видеть.

– Считай, венн, что на этот раз тебе повезло, – проговорил он глухо. – Ты вёз ко мне невесту, и Дунгорм утверждает, будто ты не единожды защищал её от убийц. Те, кто был с тобой у моста, перевозносят тебя до небес и в один голос клянутся, что моя невеста была бы сейчас в Препоне или того хуже, если бы не ты. Они говорят, ты до последнего защищал её и отдал ей свою кольчугу. Честно говоря, Аптахару я верю больше, чем боярину галирадского кнеса. Аптахар меня вырастил. Он хотел смешать с тобой кровь. Я слишком дорого ценю свою честь, чтобы после этого убить тебя, как ты заслуживаешь, хотя бы даже из мести. Поэтому ты будешь есть мой хлеб и уйдёшь из моего дома живым. Но ты знай, что мы с

тобой ещё встретимся.

Он отвернулся от Волкодава и вышел, без стука притворив за собой дверь. Почти сразу дверь снова раскрылась, и в комнату вернулась Эртан. Воительница под села к Волкодаву и стала поить его молоком через высушенное утиное горлышко, потому что приподнять голову он был не в состоянии. Волкодав брал хлеб левой рукой: правая оказалась сломана, он только сейчас попробовал пошевелить ею и с удивлением обнаружил лубок.

Венн не осилил всего, что пыталась скормить ему Эртан, и девушка размочила остатки хлеба в молоке для Мыша. Жадный зверёк пристально следил, как она готовила для него любимое лакомство. Потом нетерпеливо сел ей прямо на руку, перебежал на поднос и окунул мордочку в блюде.

Прошло три седмицы. За это время у Волкодава не по одному разу побывали все ратники: и сольвенны, и вельхи, и сегваны. Не появлялся только Аптахар, и венн понял, что Винитар всё ему рассказал. Волкодав был даже благодарен за это молодому сегвану. Разговор с Аптахаром обещал быть тягостным, ведь он как-никак считал старшину своим другом. До недавнего времени.

Через три седмицы Волкодав, качаясь от слабости и хромя на обе ноги, выбрался во двор замка и впервые как следует огляделся кругом. Эртан и лекарь в один голос внушали ему, что он слишком рано сполз с лавки. Волкодав и не спорил. Просто ему не нравилось в крепости. Все внутренние помещения были сухими и тёплыми: одни обогревались очагами или печами, другие – с помощью хитроумно проложенных дымовых труб. Тем не менее отовсюду исходил запах камня, и собачье обоняние Волкодава улавливало его безошибочно. Днём от него ещё можно было как-то отвлечься. Но по ночам, когда ничто не беспокоило, венну снились каторжные подземелья.

Не дело жить человеку, нагромоздив у себя над головой тысячи пудов враждебного камня! Совсем не то в доброй веннской избе, которую сложили из неохватных брёвен лет этак триста назад, при живых внуках прародителя Пса, и которая ещё столько же простоит себе и людям на радость, не нажив ни пятнышка гнили... Там и воздух совсем другой, и Домовые в подполе. Там любая хворь сразу отвяжется. А здесь, того и гляди, от заусенца помрётся.

Замок Стража Северных Врат был искусно врезан в крутой склон. Смелые зодчие частью изваяли его стены прямо в утёсах, частью сложили из их же обломков. Надо думать, издали крепость трудновато было различить на фоне громоздящихся скал; она лишь постепенно проявлялась при приближении, вырисовываясь в каменном хаосе строгостью законченных очертаний. Замок господствовал над горным ущельем – одним из тех считанных, что связывали с внешним миром страну Велимор. Со стен была хорошо видна чёрная горловина, переходившая, по слухам, в тоннель, миновав который, путник видел над собой небо Потаённой Страны.

По другую сторону, севернее, простиралась всхолмленная равнина. По равнине вилась дорога, исчезающая в темнохвойной тайге. Было холодно, и лиственные деревья стояли чёрные и нагие. За то время, пока Волкодав отлёживался на лавке, над крепостью пронеслось несколько бурь, обычных по осени в этих местах. Дождь и бешеный ветер унесли с деревьев все листья, готовые облететь, и безжалостно ободрали все те, что собирались ещё повисеть на ветвях. Скоро выпадет снег.

Вдали, у самого горизонта, Волкодаву померещился тусклый блеск воды. Сперва он так и решил – показалось, но затем вспомнил карту. Ремень кармашка, в котором он её сохранял, перерезал в бою чей-то меч, но кармашек нашли, и Эртан заботливо отчистила от крови и карту, и берестяную книжку. Так вот, если верить карте, севернее крепости в самом деле протекала река. Приток Светыни. Садись в лодку или на плот и путешествуй до самого Галирада. Если, конечно, не пришибут по дороге какие-нибудь грабители, свившие гнездо у порогов.

Ратники, выжившие в бою у моста, поправились прежде Волкодава. Все, кроме Декши.

У парня кончилось лекарство, которым снабжал его Иллад. Рана вновь воспалилась, воспаление перекинулось на другой глаз, и было похоже, что Белоголовому предстояло ослепнуть. Он и теперь уже видел окружающее словно в густом тумане.

– Вот так!.. – пытаюсь храбриться, сказал он Волкодаву. – Пойду к Корнышу, булочнику... это мой прежний хозяин... Снова наймусь тесто месить!

Волкодав хотел посоветовать ему сочинять стихи, но передумал: тому, кого Боги наделили поэтическим даром, таких советов не требуется. Однако венн поразмыслил ещё немного и передумал снова, вспомнив, как ценят стихотворцы каждую крупницу внимания. И он сказал:

– Ты песни слагай. У тебя очень хорошие песни. От них и хлеб лучше будет.

Декша вымучил улыбку:

– Да...

И двинулся прочь, нащупывая пальцами стену. Волкодав, вспомнив, придержал его за руку:

– Ты вот что... когда в город вернёмся... у меня друг есть, лекарь ещё почище Иллада. Учёный, сто книг прочитал. Если можно будет что сделать, он сделает.

Декша невнятно поблагодарил и ушёл, а Волкодав задумался, как сам бы себя повёл, доведись ему вот так же медленно и мучительно терять зрение. И в особенности если посреди ставшей уже привычной обречённости вдруг забрезжит призрачная надежда. Венн даже спросил себя, а не зря ли он загодя рассказал Декше про Тилорна. Мало ли что?.. Нет, решил он затем, не зря. Видывали мы таких. Шутят над собственным увечьем и в ус вроде не дуют. А потом вдруг сигают вниз с высокой стены.

Аптахар долго не показывался ему на глаза. Видно, тщательно избегал встреч. Пока наконец они не столкнулись нос к носу на укрытой от ветров лужайке за скалами, куда Волкодав пришёл посмотреть, как учились велиморские воины.

Заметив друг друга, оба непроизвольно подались назад и довольно долго молчали. Будь это кто-нибудь другой, не Аптахар, Волкодав бы просто молча ушёл, раз и навсегда перестав его замечать. Но с этим человеком его кое-что связывало.

– Дожили! – с горечью сказал Аптахар. – А я с тобой, каторжное мурло, побрататься хотел! Да ты ногтя моего брата не стоишь!..

Волкодав с удивлением услышал, как дрожал его голос. Если бы он не так хорошо знал Аптахара, он подумал бы, что тот едва сдерживал слёзы.

– У меня был старый-престарый прадед, – медленно, ощущая, как давит в груди, проговорил венн. – Он уже много лет не поднимался с постели. Кто из вас ударил его копьём? Ты?.. Или твой брат?..

Как бы то ни было, для него уже не могло идти речи о мести. Мстить тому, с кем разговаривал, ел пополам лепёшку, вместе проливал кровь? Тому, кто, было дело, за тебя заступался? Которому ты сам спасал жизнь?.. Такому можно только стать чужим. Но не отомстить.

Аптахар пошевелил обрубком руки:

– Я и здоровый не мог с тобой справиться, а теперь и подавно... Но ты помни, что в Галираде у меня есть сын!

Который со мной тоже не справится, подумал Волкодав, но вслух этого не произнёс.

– Делай как знаешь, – сказал он Аптахару и ушёл, не прибавив больше ни слова.

Когда-то, когда мир был чище и лучше теперешнего, у веннов водился обычай: воин, убивший другого воина в честном поединке, шёл к матери павшего и вставал перед ней на колени. Он винился перед дарительницей жизни и просился в её род, заступал место убитого... Давно прошли те времена, изменился мир, и не в лучшую сторону. О чём готов был плакать всеми огнями прокалённый боец? О брате, которого давным-давно убил двенадцатилетний мальчишка, оборонявший свой дом?.. Или, может, о навсегда потерянном для него побратимстве?..

Крепость была не маленькая, и Винитар сумел поселить Лучезаровичей и ратников врозь, чтобы поменьше мозолили друг дружке глаза. И те и те жаждали крови, но Стражу Северных Врат убийства в стенах его замка были совсем ни к чему.

Мал-Гона пировал у Трёхрогого на Острове Яблок, а Декша и Аптахар, искалеченные в битве, сами сложили свои старшинские пояса. Вождь, испытавший телесный ущерб, не может более приносить удачу тем, кто за ним следует. Воины всех трёх отрядов приняли решение ещё у Препоны и сообща поставили над собою Эртан. Благо рана больше не грозила её здоровью и жизни. А тот, кто сказал бы, что двадцати шести мужикам мало чести слушаться девки, рисковал напороться на двадцать шесть мечей.

Кроме воинов и прислуги, в замке обитало немало разного мастерового люда: бронников, щитников, лучников, шорников, кузнецов, всех и не перечислишь. Обслуживали они не только людей Винитара (хотя их, конечно, в первую голову), но и мимоезжих купцов. Чего доброго, скоро появятся за стенами выселки, встанет новая слобода. Галирадцы скоро нашли усмаря и вскладчину заказали для Эртан старшинский пояс в позолоченных бляхах. Пояс должен был быть непременно из кожи дикого тура, причём из срезанной прямо на охоте, когда зверь уже получил смертельную рану, но ещё не испустил дух.

– Такие, говорят, рожать помогают, – сказал кто-то из сольвеннов, когда опоясывали Эртан. – Ты, девка, учти!

Воины захохотали, а вельхинка оскалила белые зубы и ответила непристойным ругательством.

У Дунгорма, едва не принявшего от рук разбойников ужасную казнь, заметно прибавилось в бороде седины. Однако он сам выразил желание возглавить отряд и сопроводить галирадцев на родину. Во-первых, такого сопровождения требовала честь Винитара. Эти люди сделали для него что могли и не пощадили себя, отстаивая его невесту. Как после этого отправить их, немногих числом и ослабевших от ран, одних через опасные и недружественные края? А во-вторых, оставшись лицом к лицу, Лучезарова дружина и ратники ещё до вечера перерезали бы глотки друг другу. Этого Винитар тоже не мог допустить.

– Я знаю их всех, мой кунс, а они знают меня, – сказал ему Дунгорм. – Думаю, я смогу их остановить. А кроме того, они наверняка станут судиться перед Богами и своим кнесом. Я полагаю, на том суде оказался бы бесполезен человек сторонний и беспристрастный, к тому же знатного рода, который...

– Уж прямо беспристрастный, – усмехнулся Винитар. – Лучше скажи честно, что опасаясь за своего приятеля венна и хочешь помочь ему оправдаться.

– ...который изложил бы события, руководствуясь лишь истиной, но не чувством, – с обидчивым достоинством кончил Дунгорм. – Даже если у меня и сложилось мнение о том, кого следует благодарить за спасение госпожи, то не на основе привязанностей! А родовитостью я никому у них, кроме кнеса, не уступлю!..

– Будь по-твоему, друг, – сдался Винитар. – Просто мне и так нелегко приходилось без твоего разумного совета, пока ты ездил. А ты только вернулся – и опять меня покидаешь!

Волкодав и Эртан по-прежнему обитали в одной комнате, и это соседство служило неисчерпаемой пищей для зубоскальства. Эртан отшучивалась, Волкодав просто молчал. По сравнению с ним вельхинка была почти совсем здорова. Она упражняла уже обе руки, орудуя двумя деревянными мечами одновременно. И со всех ног бежала за лекарем, когда венна скручивал кашель. Происходило это теперь часто, и всякий раз он отлёживался по полдня, с трудом одолевая дурнотную слабость. Ему снились сны: то Кан-Кендарат, то девочка Оленюшка, то Тилорн с Ниилит. Лекарь – нестарый ещё сегван, лысый, точно приморский валун, – пользовал его оленьим мхом, листом морошки, растопленным салом и порошком из высушенных медведок. К порошку полагался приторно-сладкий сироп,

казавшийся Волкодаву ещё противней самого снадобья. Особых надежд на выздоровление он не питал, однако безропотно глотал всё, что приносил ему лекарь. Он был немало удивлён, когда кашель перестал его убивать, а раны начали понемногу затягиваться. И для того чтобы съесть миску каши, уже не требовалось себя заставлять.

Всё-таки лекарь однажды сказал своему господину:

– Мой кунс, я знаю, ты собираешься отпустить галирадцев домой. Без сомнения, решать об этом тебе, но я бы посоветовал задержать венна здесь.

Винитар спокойно спросил:

– Почему?

– Он болен, – ответил лекарь. – Он может не выдержать дорогу. – И добавил для убедительности: – Ещё я думаю, что госпожа обрадуется ему, когда возвратится от горцев. Я слышал, госпожа сама избрала венна в телохранители и никогда не бывала им недовольна...

– А что говорит сам венн? – спросил Винитар.

– Он хочет ехать, мой кунс.

Страж Северных Врат равнодушно пожал плечами и проговорил:

– Ну так пусть едет.

Река, которую Волкодав разглядел с крепостной стены, называлась Гирлим. На языке одного из горских племён, живших неподалёку, но не так державшихся уединения, как ичендары, это значило Поющий Поток. Гирлим действительно брал начало из ледниковых ручьёв, а вниз, на равнину, сбегал удивительно говорливыми водопадами. То ли камень в тех местах был особой породы, то ли струи дробились уж очень удачно – никто доподлинно не знал. Только Гирлим, прыгая вниз по уступам скальной стены, в самом деле не ревел, не грохотал, а залиvisto пел. Кое-кто называл это чудом. Горцы считали Поющий Поток обителью Высших Сил и полагали, что Боги и Богини звонко смеялись там, радуясь объятиям друг друга. Ещё двести лет назад горские жрецы каждую весну принимались гадать, кому из духов потока не хватало возлюбленной или возлюбленного. В зависимости от знамений реке доставалась девушка либо молодой парень. Но вот случилось Гурцатово нашествие, и Поющий Поток, в отличие от Неспящих-в-Недрах, ничем не помог своим детям. После этого жертвоприношения прекратились сразу и навсегда. Зато из разных стран стали приезжать любопытные путешественники, готовые щедро заплатить за любование чудом. Горцы скоро сообразили, что принимать гостей было выгоднее, чем ублажать равнодушную реку. И они выстроили у бывшего святилища целую деревню, назначенную для приезжих. А Боги и Богини как ни в чём не бывало продолжали смеяться и играть в водопадах. Им не было до людей ни малейшего дела. А на тех, кто тебе безразличен, незачем и обижаться.

Несколько ниже по течению, там, где Гирлим успевал принять в себя другие ручьи и речки и стать хорошей полноводной рекой, обитали восточные вельхи. Вельхи валили лес, и каждый год к осени в заводях дожидались своего часа несколько добротных плотов. Осенью здесь всегда обильно выпадали дожди. Гирлим вздувался и тёк чёрной водой, и тогда плоты отправлялись в путь. Разлив позволял миновать пороги, возле которых в сухое время проходу не было от лихих людей. С плотами, в относительной безопасности, любили путешествовать купцы и странствующие ремесленники. Умный Винитар, став Стражем Северных Врат, предложил вельхам охрану. Вельхи сами были воинами хоть куда, но маленькому племени не с руки перечить могущественному соседу. Да и Винитар сумел повести себя так, чтобы не обижать хабрецов.

Вот уже второй год на плотях вкупе с местными сплавливались вниз по Гирлиму купцы, нарочно приехавшие из Велимора. Хватит места всем: и галирадцам, и отряду, который отправлял с ними Страж Северных Врат.

– И ты едешь?.. – удивилась Эртан решению Волкодава. – А как же кнесинка без тебя? Она тебе, по-моему, больше всех доверяла...

Воительница по привычке к старшинскому поясу, в её повадке появилась властность. И – как это ни странно на первый взгляд – нечто отчётливо материнское, совершенно не свойственное ей прежде. Волкодав сам удивился, когда это заметил. Но потом подумал и понял. Вождь-мужчина неизбежно становится своим людям вроде отца. Если, конечно, он стоящий вождь. Потому что думает и заботится о них как отец о сыновьях. Потому, что воинам, оставившим свои семьи, плохо без родительской ласки. И ещё потому, что воистину крепкой умеет быть только семья.

Вот и женщина, по заслугам и достоинству выбранная вождём, становится своим воинам матерью.

Тем не менее Волкодаву ничего не хотелось обсуждать даже с Эртан. Скажешь слово – и никуда не денешься, придётся выкладывать всё. О себе, о кнесинке и о Винитаре. А чем меньше народу будет знать о кровной вражде Волкодава с Винитаром и об отчаянии, едва не толкнувшем кнесинку в объятия вовсе не к жениху, тем оно и лучше. В том числе для самой Эртан.

Волкодав почесал сквозь повязку бедро, глубоко вспоротое стрелой, и сказал вельхинке:

– Госпоже без меня здесь будет легче, чем со мной.

Сероглазая предводительница открыла было рот допытаться, что да почему... но посмотрела на Волкодава, передумала и отступилась.

Настал день отъезда...

Всё имущество, нажитое Волкодавом, по-прежнему умещалось в полупустом заплечном мешке. И по-прежнему на дне старенького залатанного мешка хранилось сокровище: молот, чья дубовая рукоять помнила руку его отца, кузнеца Межамира. Когда возле Препоны Волкодав бросился в бой, обещавший стать для него последним, он едва не упокоил отцовский молот на дне пропасти. Чем снова достаться злым людям, лучше бы послужил Неспящим-в-Недрах в Их кузнице. Теперь венн был благодарен то ли случаю, то ли неведомой силе, удержавшей его.

Правая рука Волкодава, сломанная выше локтя, ещё лежала в лубке. Заживать она никак не хотела и болела нещадно. Он пристегнул меч за спину, устроив его так, чтобы доставать левой рукой. Он, правда, был не уверен, что в случае чего сумеет как следует размахнуться. Сил едва хватало гулять вдоль крепостных стен. Что ж, до Галирада ещё было время...

Волкодав снял с деревянного крючка плащ и повесил его через плечо. Кажется, совсем недавно серый замшевый плащ был новеньким, красивым и чистым. Волкодав отлично помнил, как поначалу старался даже не класть его наземь. Боялся запачкать. С тех пор благородную серую замшу успели попятнать брызги грязи, искры дорожных костров, потёки дождя... и кровь, конечно. Мастерские, жившие в крепости, на совесть вычистили плащ, но большая часть пятен оказалась неистребимой.

– Ничего не забыл? – спросила Эртан и, нагнувшись, заглянула под обе лавки. Волкодав смотрел на её гибкую, сильную спину, перехваченную в талии широким поясом с блестящими бляхами. Какое удовольствие просто смотреть, как двигается красивый живой человек, и в особенности женщина.

– Пошли! – сказала Эртан.

Серко и Снежинка стояли в одной из крепостных конюшен вместе с другими лошадьми. Белая кобылица очень скучала по хозяйке и всегда тянулась навстречу Волкодаву, надеясь, что следом за ним придёт и кнесинка. Но кнесинка всё не появлялась. А теперь Снежинке предстояло распрощаться и с Волкодавом, и с серым приятелем-конём, с которым она бежала бок о бок от самого Галирада. Ничего! На красавицу кобылицу уже засматривался широкогрудый золотой Санайгау. Засматривался, ржал ласково и призывно. Пусть их друг к другу – то-то славные получатся жеребятки...

Снежинка поняла, что с ней пришли попрощаться. Когда Волкодав поцеловал её в тёплый нос и хотел отойти, она ухватила его зубами за рукав и долго не отпускала.

Плоты лежали в затоне, готовые выбраться на стремнину и отправиться по течению вниз. Плоты были большущие, длиной чуть не в перестрел. На одном, самом просторном, уже были растянуты шатры и стояли дощатые амбары, уж верно, не пустые, – на этом плоту ехали с верховий торговцы. Галирадцам отвели два других, поменьше. Велиморская охрана разделилась натрое, чтобы, случись неладное, защитить все три плота, а галирадцев – ещё и друг от друга.

Дорога, нарочно проложенная из крепости, кончалась у самой воды, так что погрузку начали без промедления. Лошади фыркали и косились, пугливо приседая на задние ноги. Как ни добротны были спряжены брёвна, плоты казались им ненадёжными по сравнению с твёрдой землёй. Однако доверие к всадникам пересиливало, и кони один за другим вступали на широкие сходни.

– Я – Страж Северных Врат и не смею пренебречь возложенным на меня долгом, – во всеуслышание заявил Винитар, когда выезжали из крепости. – Вместо меня в Галирад поедет мой посланник, благородный Дунгорм. Он расскажет отцу моей невесты, что я по-прежнему остаюсь её женихом и не собираюсь слагать с себя обязательств, которые принял, намереваясь стать зятем достойного кнеса. Мною уже отправлен в Галирад голубь с посланием. Там рассказывается о прискорбном несчастье, постигшем невесту почти на пороге моего дома. Благородный Дунгорм также повезёт с собой подробное письмо, где со всей доступной мне точностью изложено происшедшее. Я надеюсь, это поможет государю Глузду установить полную истину, к чему он, несомненно, будет стремиться. Я также надеюсь, что вскоре смогу послать ему весть о счастливом возвращении его дочери и о той встрече, которую окажут госпоже кнесинке в моём доме.

Все видели, как Дунгорм, почтительно кланяясь, принял у него кожаный пенальчик с письмом. Наверняка это письмо заключало в себе чьи-то судьбы. Волкодав сразу подумал, не началась бы за ним охота по дороге домой. Потом решил, что не начнётся. Тех, кого Лучезар мог бы послать на эту охоту, под корень извели у Препоны. А действовать в открытую боярин вряд ли решится...

Дунгорм выбрал тот плот, на котором обосновались ратники, и там подняли его стяг. Винитар сам бросил в реку чёрного петуха, испрашивая для путешественников благополучной дороги. Плотогоны убрали сходни, отвязали канаты и налегли на прочные шесты, отводя тяжёлые плоты от берега прочь. У выхода из затона их подхватывало, увлекая с собой, мощное течение Гирлима. Плоты скрипели, покачивались, между брёвнами проникала вода. Серко, которого Волкодав непререкаемо заставил лежать, вздрагивал и жалобно косился на хозяина. Привычные рулевые слаженно поворачивали длинные вёсла, выводя плоты на стремнину. Мутный тёмный поток плескался и сдержанно рокотал, неудержимо стремясь вниз, к далёкому морю, деревья вдоль берегов стояли по колено в воде.

Неподвижные фигурки всадников некоторое время виднелись в отдалении, потом исчезли за поворотом реки.

Весёлый колдун тебе ворожил
До века не знать утрат.
Словца поперёк тебе не скажи,
А скажешь – будешь не рад.

Богатство и удаль – залог удач,
А ты и богат, и смел.
А под ноги кто-то попался – плачь!

Когда ты кого жалел?

Отвага мужчин, девичья краса,
Едва пожелал – твоя!
Но всё же нашла на камень коса:
Тебе повстречался я.

Тебе не поладить со мной добром,
Как водится меж людьми.
В гробу я видал твоё серебро,
А силой – поди сломи!

Не будет пощады или ничьей,
Не кликнешь наёмных слуг:
С тобой нас рассудит пара мечей
И Правда, что в силе рук.

Богатство и власть остались вовне:
Теперь отдувайся сам.
Кому из нас, тебе или мне,
Оставят жизнь Небеса?

В священном кругу лишь Правда в чести
И меч – глашатай её.
Из этого круга двоим пути
Не быть. Кричит вороньё.

15. Правда Богов

Путешествие на плотах началось спокойно и мирно. Могучий Гирлим плавно мчался меж берегов, заваленных сырым, рыхлым, ненадёжным ещё снегом. Глубоко внизу оставались пороги, всё лето скалившие из воды гранитные зубы. Минуя такие места, плотогоны с привычной зоркостью вглядывались в лес, черневший по берегам. Летом, когда неминуемо приходилось разгружать лодьи и тащить их волоком, перекладывая катки, здесь можно было напороться на лихие ватаги, охочие до чужого добра. Особенно лютовали разбойники в пору сегванского расселения, прежде битвы у Трёх Холмов, когда не было порядка в стране. Благодарение Богам, с тех пор многое переменилось, лиходеи частью утихомирились, частью сложили головы под мечами добрых людей. А у порогов начали вырастать крепкие городки. В городках селился народ: половина – воины с предводителями, другая половина – работники, помощники гостям, прибывшим на волок. И в обиду не дадут, и лодьи перенесут чуть не на руках. Только плати.

Минуя такие городки, плотогоны оповещали о себе рогом, приветственно махали руками. С берегов отвечали, хотя и без особого воодушевления. Обмен любезностями немногого стоит, если всё равно твои услуги без надобности, а значит, и денежек не заплатят.

В двух местах нашлись опытные стрелки, которые, прикрепив к стрелам, перебросили на плоты письма в Галирад. Доброе дело!

Никто не посягал на путешественников. Смрадная Препона поглотила, кажется, последних, кто мог быть опасен для такого большого отряда. Минует ещё несколько лет, и Гирлим из опасной тропы станет накатанным большаком. Каковы-то будут перемены, несомые в здешний край союзом Велимора и сольвеннской державы?..

Когда Гирлим добежал наконец до Матери Светыни и мягко выплеснул ей на колени плоты вместе с людьми и конями, путники стали поглядывать на берега вовсе без страха. И мечтать о скором возвращении домой.

Волкодав чувствовал себя никому особо не нужным. С ним рядом больше не было ни мальчишек, нуждавшихся в наставлениях, ни госпожи, которую они сообща охраняли. Выезжая из Галирада, он, помнится, ожидал всякого. Что его прикончат по дороге убийцы, подосланные к госпоже. Что его, признав за кровного врага, убьёт или велит убить Винитар... Лишь одно ему и во сне присниться не могло. Что его долг телохранителя оборвется именно так.

Он перебирал в уме свои действия и поступки и вроде не находил ни ошибок, ни недосмотра. Он совершил для госпожи всё, на что был способен. К тому же ей наверняка лучше было у ичендаров, чем у ненавистного жениха. Что же грызло его?.. Он сам не мог разобраться. Он знал только, что душа у него всё равно была бы не на месте, даже если бы он благополучно передал кнесинку с рук на руки Винитару. Который к тому же, как он теперь понимал, приходился Людоеду сыном по крови, но отнюдь не по духу. Может, узнав его любовь, кнесинка обрела бы счастье замужества и напрочь забыла своё девичье увлечение?.. Всё так, но смотреть ей в глаза, когда она опять схватилась бы за его руки, моля одним взглядом: оборони...

Неужели это ему за то, что убил Людоеда посреди ночи, не дав стервецу поединка?..

Волкодав бродил по плоту, пытался разминать покалеченное ранами тело и мрачно думал о том, что Боги всё-таки оставили ему лазейку. И ведь не в первый уже раз. Могли бы запереть его в подвале Людоедова замка – не заперли. И у Препоны сохранили ему жизнь. И перед окончательным выбором: кого предавать, кнесинку или себя? – тоже всё-таки не поставили. Значит, ещё не до конца разуверились в нём, значит, был ещё зачем-то Им нужен. Вот только зачем?..

На вторую ночь после выхода в Светынь Волкодав, как всегда, устроился под парусиновым пологом, у тёплого бока закутанного в попону Серка. Добрый конь поначалу пугался чёрной воды, журчавшей возле самого уха, потом, ободренный присутствием хозяина, успокоился и привык. А может, просто заговорила кровь: коней его породы сегваны исстари возили на кораблях с острова на остров и даже за море...

Волкодав прислонился к уютному, мерно вздымавшемуся боку Серка, поглубже натянул меховой капюшон, чтобы не холодила ветер. И подумал о том, что больная рука, похоже, опять не даст ему как следует выспаться. Сломанные кости всё время ныли, порой так, что хоть прыгай в воду с плота. *Да. Укатали сивку крутые горки. Раньше на мне всё заживало как на собаке. Не тот стал, не тот.* Волкодав поймал себя на том, что крепко надеется на Тилорна и Ниилит, ждавших его в Галираде. Ещё он успел решить, что рука вовсе не даст ему нынче спать. Он примирился с этой мыслью. И незаметно уснул.

Конечно, очень скоро его разбудило нечаянное движение, причинившее боль. То ли сам пошевелился, то ли Серко. Волкодав открыл глаза и посмотрел на палатку Дунгорма. Его отделяло от неё полтора десятка шагов. Недреманный инстинкт телохранителя заставил обежать глазами мягкие холмики там и сям возле палатки. Это спали воины-велиморцы, укрывавшиеся от стылого ветра кто под одеялами, кто в спальном мешке. *Пёс есть пёс, невесело сказал себе венн. Уже и хозяйки нет, а я всё стерегу.*

Он послушал сонное дыхание жеребца и опять подумал о том, сколько всякого повидал его плащ. Довольно, чтобы из торжественного одеяния стать просто одеждой. Потом ещё раз открыл глаза, посмотрел на палатку... и мгновенно насторожился. У собаки, которой он себя наполовину считал, стала подниматься на загривке шерсть, а чёрные губы поползли в стороны, беззвучно обнажая клыки. На плоту спали все, кроме нескольких дозорных да плотогонов, неспешно орудовавших длинными вёслами по оба конца. Требовалось ночное зрение венна, причём помноженное на немалую удачу, чтобы уловить неприметное

движение одного из меховых холмиков, чуть-чуть сдвинувшегося в сторону походного жилища Дунгорма.

Мышь, прятаясь в тепле под плащом, немедля почувствовал, как напрягся хозяин, и высунул наружу любознательный нос. Волкодав осторожно передвинул здоровую руку и накрыл зверька ладонью. Мышь уразумел привычный сигнал и затаился. Рука же Волкодава поползла дальше – к поясу, к ножнам боевого ножа.

Человек, притворявшийся спящим, снова пошевелился, ещё на полпяди придвинулся к палатке, а Волкодав принялся лихорадочно соображать. Он привык предполагать худшее и успел мгновенно решить, что на плот затесался ещё один из числа поклонявшихся Моране Смерти. *Но если так – что тот предпримет? Попробует зарезать Дунгорма? Чуть-чуть подрежет уголок шатра и раскурит у отверстия крохотную кадьлицу, наполненную зельем без вкуса и запаха, способного предупредить?.. Пустит в дырку хорька, обученного перегрызать спящему горло?..* Волкодав даже смутно припомнил, что у одного из велиморцев был-таки при себе маленький любимец. *...Или просто подберётся ко входу и оставит на брёвнах полоски клейкого яда, убивающего даже сквозь одежду, даже сквозь толстые подошвы сапог?..*

А может, человек этот вовсе ни в чём не виновен и просто ищет укромного местечка, недоступного порывам холодного ветра?

Волкодав посмотрел, как летели редкие снежинки, падавшие на брёвна. Нет, не то. Ветер дул совсем с другой стороны.

Венн вытянул нож из ножен, перехватил его для броска и стал ждать. Надо было, наверное, вскочить и попытаться взять убийцу живьём, но этого он себе сейчас позволить не мог. Едва затянувшиеся раны через два шага уложили бы его наповал. А закричишь, поднимешь тревогу – и поди попробуй потом что-нибудь докажи. Поклонники Смерти как раз и славились тем, что никто не мог заподозрить в них убийц, пока не поймал с поличным. Значит, оставалось только ждать. И молиться, чтобы не было слишком поздно.

Время тянулось медленно. Человек то придвигался к палатке ещё на вершок, то надолго замирал в неподвижности. Он тоже умел ждать. Волкодав не спускал с него глаз. Когда неизвестный оказался в полуаршине от угла палатки, из-под мехового одеяла появились руки и осторожно потянулись вперёд. Венн, которого убийца в этот момент видеть не мог, резко приподнялся и сел, и в морозном воздухе свистнул брошенный нож. Волкодав до последнего страшился расправиться с неповинным. Тяжёлый нож, способный расколоть череп, всего лишь пригвоздил к брёвнам одну из тянувшихся рук. И только услышав глухой звук втыкающегося лезвия, Волкодав закричал. Закричал во всё горло, зовя караульных. Он заранее знал, во что обойдётся ему резкое движение и этот крик. И точно. Под рёбра словно разом воткнулось несколько стрел, в глазах расплылась чернота. Но дело было сделано. Обнаруженный убийца уже вполтину не так страшен. А захочет оправдаться, пусть-ка объяснит, что он затевал посреди ночи возле палатки Дунгорма. Ведь не силой, в конце концов, Волкодав его туда затащил.

Испуганный Серко взвился на ноги. Волкодав потерял опору и тяжело повалился навзничь, сокрушённый приступом кашля.

Он смутно слышал шум всеобщего переполоха, топот, крики и ржание лошадей, а потом всплеск, словно в воду свалилось что-то тяжёлое. Позже, когда он отдышался, ему рассказали: подраненный им человек выдернул нож из брёвен и собственного тела и, не медля ни мгновения, перебежал на край плота, туда, где ближе был берег. Бросился в тёмную ночную воду и поплыл. Воины стреляли ему вслед, и кое-кто божился, будто слышал, как стрела втыкается в плоть. Но никто не мог с уверенностью сказать, что случилось с убийцей. Действительно ли его отыскивали в темноте случайные стрелы, или отняла силы ледяная вода, или всё-таки встретил спасительный берег – осталось неизвестным.

Ещё некоторое время после этого Мышь с пронзительными воплями гонял по плоту небольшого зверька, гибкого и зубастого, уже одевшегося в белую зимнюю шубку. Ласка то

пряталась, забиваясь в щели и под настил, то взвивалась пружиной, пытаясь достать крылатого недруга. Мышь не отваживался схватиться со свирепой маленькой хищницей, способной, как известно, забраться в ухо лосю и закусать его насмерть. Он просто неотступно висел у ласки над головой и истошно орал. Пока наконец та гибким прыжком не вскочила на крайнее бревно плота и не уплыла вслед за хозяином, по-змеиному извиваясь в чёрной воде, шершавой от падающего снега...

Люди на плоту ходили как потерянные. Особенно Дунгорм: ночной душегуб, как выяснилось, таился среди его велиморцев. Утром они недосчитались одного воина, далеко не новичка в отряде. Все его знали, все радовались весёлым побасенкам, которые он был великий мастер рассказывать. Все знали и его любимицу ласку. Кое-кто даже начал коситься на Волкодава. Но потом стали вспоминать пропавшего и вспомнили, что близкой дружбы, как бывает у воинов, с ним никто не водил. Никто не был с ним в бане: он всегда мылся один, объясняя это обычаем своего народа. А у ласки было страшноватое обыкновение ночью бегать по телам спящих, щекотать мордочкой шеи...

– Кому теперь доверять?.. – спрашивал Дунгорм, и голос его дрожал. Двумиличье воина, которого он не первый год знал, потрясло благородного нарлака больше угрозы гибели. Даже больше, чем страшное испытание у Препоны, когда его собирались разорвать лошаадьми.

Посоветовавшись, велиморцы удалились в конец плота. Там они стали по очереди раздеваться догола. Товарищи осматривали скинувшего одежду от макушки до пят, разыскивая на теле тайный Знак Огня, вывернутый наизнанку. Ни у кого ничего не нашли.

Волкодав некоторое время хмуро бродил по плоту, потом подошёл к воительнице Эртан и попросил её:

– Ударь меня, пожалуйста, в живот кулаком. Только медленно.

И встал перед ней, для чего-то закрыв глаза. Эртан пожал плечами, кашлянула, и её кулак плавно устремился вверх и вперёд. Кулаки у вельхинки были, понятно, вдвое меньше мужских. Но, как утверждали успевшие их отведать, из-за своей малости они только били вдвое злей и больней. Волкодав, не открывая глаз, повернулся на носках, пропуская руку девушки мимо себя. Левая ладонь догнала сжатый кулак Эртан и обхватила его. Волкодав отшагнул в сторону и повернул пойманное запястье к себе.

– Ах ты!.. – восхитилась предводительница, изворачиваясь и падая на колени. – Это опять твоё... как там называл?

– Кан-киро, – напомнил Волкодав. – Да правит миром любовь.

– Такой любви... хм! – проворчала Эртан.

Она казалась венну самым воплощением женственности. Такими его народ видел своих Богинь. Женская мощь и женская нежность. Грозная удадь и влекущая красота.

– Не торопился бы ты, – посоветовала Эртан. – Поправься сперва.

Волкодав ответил:

– Станет он ждать, пока я поправлюсь.

– Он, это кто? – спросила воительница.

Волкодав прямо посмотрел ей в глаза и сказал:

– Лучезар. Кому ещё.

– Ты думаешь, он тебя?..

– Может, и нет, – вздохнул венн. – Но надо же знать, на что я нынче гожусь.

Эртан нахмурилась. Волкодав знал: она была не болтлива. Она только спросила:

– А глаза жмурил зачем?

Венн пожал плечами, вернее, одним левым плечом, потому что правым шевелить было больно.

– Это так, – сказал он. – Просто на случай, если вдруг ослепну, как Декша. Меня с моей разбойничьей рожей в тестомесы вряд ли возьмут.

В ту ночь, в глухой час, мимо плотов пронеслись развалины Людоедова замка. Ещё

через несколько суток снег по берегам стал пропадать, а в воздухе повеяло морем. И вот на рассвете по левую руку ненадолго открылась знакомая заводь, а за нею, над бережком, – поляна посреди соснового леса. Здесь невозвратным солнечным летом кнесинка училась себя защищать. Нынче день занимался мгlistый и пасмурный, и прошло ещё немалое время, прежде чем впереди замаячили деревянные башни стольного Галирада.

Кнес Глузд Несмеянович, сопровождаемый боярами и народом, сам вышел встречать бесславно вернувшееся посольство. Светынь возле устья разливалась чуть не на полторы версты и текла неспешно, величественно. Волкодав видел, как приблизился и встал возле берега передний плот, и кнес обнял сосступившего с него Лучезара, как отец обнимает любимого сына после долгой разлуки. Подозрительному венну это показалось несколько странным. Винитар сам говорил, что отправил с голубем послание кнесу. Сам Волкодав, конечно, того письма не читал, но догадывался, что молодой кунс в нём Лучезара излишне не восхвалял. Надобно думать, решил венн, Левый тоже вёз с собой голубей и тоже написал письмо кнесу. И тот предпочёл поверить родственнику. *И вообще, долетел ли голубь Винитара? Лучезар ведь, кажется, и ловчего сокола с собой не забыл?..*

Тем временем его глаза проворно обшаривали высыпавшую из города толпу. Волкодав пытался рассмотреть знакомые лица, волнуясь и виновато вспоминая, что так и не добрался в берестяной книге до последней страницы. Ему показалось, будто за цепью стражников (*зачем, кстати, поставили стражу?..*) мелькнули пепельные кудри Тилорна, но тут их плот, гоня перед собой небольшую волну, со скрипом и шорохом наехал на песчаную прибрежную отмель. Воины уже крепко держали коней под уздцы: те, стосковавшиеся по надёжной привычной земле, ржали и готовы были выпрыгивать на сушу безо всякого порядка и чина, хозяевам на посрамление.

Вначале, как подобало знатному воину, на берег сошёл со своими велиморцами Дунгорм. Потом ступили на знакомый обледенелый песок ратники. Волкодав высадился с плота одним из последних. Едва он успел поставить ногу на сухое, прозвучал голос кнеса, обращавшегося к Лучезару, и венн вздрогнул: говорили о нём.

– Как вышло, что ты привёз мерзавца не в цепях? – громко, чтобы знал народ, спрашивал государь Глузд. Его простёртая рука с вытянутым пальцем указывала на Волкодава.

Первой мыслью венна была мгновенная мысль о мече, висевшем за спиной. Он по-прежнему носил «ремешок добрых намерений» распущенным. Благо деревянную бирку со знаком дозволения кнесинки у него ещё не отняли. Даваться в цепи Волкодав не собирался ни при каких обстоятельствах. *Пускай лучше убьют.* Следующая его мысль была о Тилорне и остальных. *Что будет с ними, если...*

Стражники, возглавляемые Бравлином, неохотно двинулись к нему, замыкая круг. Они-то знали, что без боевых рукавиц его не возьмёшь.

– Эй, эй, вы там, не очень! – решительно вмешалась Эртан. Стражники с большим облегчением остановились, удивлённо разглядывая красавицу вельхинку в старшинском, почётном, сияющем золотыми бляхами поясе. А Эртан, сильной рукой отодвинув кого-то из них в сторонку, подошла к Волкодаву и встала с ним рядом, и за ней подтянулись ратники, двадцать шесть бывалых мужчин, сами почти все – бывшая галирадская стража. – Добро тебе, государь Глузд Несмеянович, много лет жить и править на земле твоих предков! – отчётливо и звонко разнёсся голос Эртан. – У нас чтут твою правду вождя и знают, что ты никогда не велишь наказывать человека, не разобравшись как следует! Ты и твоя дочь – воистину справедливые судьи!

– Кто такова?.. – углом рта, в четверть голоса спросил ближников кнес.

– Девка драчливая из Ключинки, никто замуж не берёт, так она к нам пристала, – презрительно скривил губы Лучезар. – С венном спит, говорят.

Крут, стоявший справа от вождя, прогудел громче, чем следовало:

– Это Эртан, дочь Мохты Быстрых Ног и внучка славного Киарана Путешественника.

Она была с тобой у Трёх Холмов и похоронила там жениха.

– Вот как, – пробормотал кнес, присматриваясь к воительнице. И спросил с хмурой горечью, но уже без былой грозы в голосе: – Мне вас что, всех в поруб сажать?..

Сквозь цепь стражников, не подумавших останавливать своего, проник Авдика. Он встал рядом с отцом и сказал:

– Против родича я даже за тебя, кнес, не пойду.

Его взгляд всё скользил вверх-вниз по полупустому рукаву Аптахара.

– Видишь, сын, вот я и отвоевался, – сказал ему Аптахар. – Станешь кормить? Не бросишь калеку?

Авдика с обидой ответил:

– За что срамишь при честном народе, отец?

Тем временем кое-где в толпе народа поднялся горестный плач. Иные из горожан, выбежавших на берег, не доискались среди молодых ратников кто брата, кто сына. Те, кому повезло больше, напирали на тонкую цепь охраны, стремясь скорее обнять спасшихся родственников, утащить их по домам мыть, лечить и расспрашивать. Волкодав высмотрел наконец среди людского прилива Тилорна. Таких платиновых волос, как у мудреца, даже среди светлоголовых сольвеннов и сегванов было наперечёт. Ниилит приподнималась на цыпочки, выглядывая из-за его плеча. Немного позже рядом с ними вынырнула голова в золотистых тугих завитках. Эврих. Деда Вароха с внучком они, конечно, оставили дома. Волкодав убедился, что друзья заметили его, и коротко кивнул. И ощутил в ответ, как незримая рука погладила его по щеке.

Дунгорм покинул своих велиморцев и подошёл туда, где стоял галирадский правитель.

– Государь, – с поклоном обратился он к Глузду. – Позволь, государь, от имени моего господина и от моего собственного уверить тебя, что мы вполне разделяем твою досаду и скорбь и так же, как ты сам, горим желанием покарать виноватых в случившемся. Позволь, однако, спросить, что именно подвигло тебя возложить столь страшную вину на телохранителя госпожи, именуемого Волкодавом?

Суров был Глузд. И нрав его, по общему мнению, отнюдь не улучшился после гибели любимой жены. Дивно ли, что он готов был рвать и метать, утратив ещё и дочь! Бывал он и немилостив, и гневлив, и временами тяжкосерден, и на затрещину скор, однако безвинных голов ни прежде, ни теперь не рубил. Он буркнул:

– Мой витязь и родственник, которого я привык считать сыном, прислал мне голубя с письмом. Там обо всём говорилось. Тебе этого не довольно?

Дунгорм снова поклонился, уважая волю и мнение кнеса. Но отступить и не подумал. Он сказал:

– Мой господин тоже отправил тебе голубя, государь. Я, недостойный, по мере своего разумения помогал благородному кунсу составлять это письмо, и потому вышло так, что я близко знаком с его содержанием. И, уверяю тебя, государь, никаких обвинений против телохранителя госпожи в нём не было! Позволь спросить тебя, получил ли ты письмо моего господина?

Сперва Волкодав увидел, как отрицательно мотнул головой боярин Крут. Потом услышал раздражённый ответ самого правителя:

– Ничего я не получал!

По мнению венна, всех лучше о судьбе голубя мог бы поведать ловчий сокол, давно переваривший его нежную плоть. А невесомый пепел письма разнесли, должно быть, весёлые ветры, всегда дувшие по осени у Северных Врат Потаённой Державы.

– Мой господин, – сказал Дунгорм, – хорошо представлял себе важность того письма и даже предвидел, что по дороге с ним может что-то произойти. Ибо несовершенен наш мир, и происки Зла в нём нередки. Поэтому благородный кунс снабдил меня полным списком письма, заверенным его рукой и печатью, хорошо знакомой тебе, государь. Вот оно! Со времени отъезда я сохранял его на груди.

Дунгорм расстегнул подбитый тёплым мехом камзол, снял через голову плетёный

шнурок и протянул кнесу ярко-красный цилиндрок из вощёной кожи. И Волкодав отчётливо понял, к чему стремился подосланный среди ночи убийца. Он хотел забрать вот этот самый цилиндрок. И, вероятно, вместе с жизнью Дунгорма, в гибели которого были бы повинны опять-таки они, ратники.

Кнес тем временем сломал жёлтую восковую печать, вытащил и развернул перевязанный цветными тесёмками свиток. Галирадцы сдержанно гудели, ожидая, чтобы правитель огласил приговор. Кто-то переживал за друзей. Для прочих суд кнеса был чаемым развлечением.

Прочтя первые же несколько строчек, Глузд Несмеянович покосился на Правого:

– Читай и ты тоже...

Седовласый великан дальнозорко сощурился через плечо государя. Вождь был на полторы головы меньше него.

– И что он такого там понаписал... – проворчала Эртан. Она очень волновалась – и из-за суда, и из-за непривычного ещё старшинства, которое кнес то ли признает, то ли, чего доброго, осмеёт.

– Правду, наверное, написал, – так же негромко ответил Волкодав.

Государь кнес обычно принимал решения быстро.

– Поди сюда, ты!.. – сквозь зубы велел он Волкодаву.

Если венн что-нибудь понимал, Глузд Несмеянович люто досадовал на судьбу, не давшую тотчас сорвать ярость на подвернувшемся под руку висельнике. Но и душой покривить галирадский кнес себе позволить не мог.

Волкодаву не слишком понравился его тон, но делать было нечего, подошёл. Народ притих, ожидая, что будет.

– Почему по моему городу с развязанными ножнами шастаешь? – напустился на венна правитель.

Волкодав чуть не огрызнулся – не город, мол, твой, а ты, кнес, городом призван на службу. Кабы ещё путь-то не показали, если начнёшь ни за что людей обижать. Он, однако, воздержался и ответил так:

– Мои ножны своей рукой развязала твоя дочь, государь. И её изволения никто ещё не отменил.

– Моей дочери с нами нет! – прорычал кнес.

Волкодав вспомнил сапфировые глаза своего кровного врага и сказал:

– Винитар отыщет госпожу, кнес. Не тот человек, чтобы так легко её потерять.

– Вот что, – притопнул сапогом Глузд Несмеянович. – Мой зять тебя не казнил, и мне не пристало. Но в городе моём чтобы я тебя больше не видел. Пошёл вон, говорю!

Боярин Крут, недовольный решением вождя и близкого друга, хмурил косматые седые брови. Позже, когда кнес поостынет, Правый, как то нередко бывало, попробует заговорить с ним и заставить смягчиться. Он и теперь бы вмешался, да знал из опыта – помочь не поможет, только навредит.

Волкодав о намерениях боярина не знал. Да и знать не хотел. Он мрачно сказал:

– Не так, кнес!

Мыш, сидевший у него на плече, угрожающе развернул крылья и зашипел.

Глузд Несмеянович, казалось, сделался выше ростом:

– Молчи!

Волкодав ответил с угрюмой решимостью и так, словно у него за спиной была не кучка потрёпанных ратников, а войско раза в три поболее галирадского:

– А ты рот мне не затыкай! И ноги о мою честь тебе, кнесу, не вытирать! Я либо виноват, либо прав! Виноват если – руби голову. А не виноват, так и из города гнать не моги!

– Вот видишь, родич, с каким наглем мне приходилось иметь дело, пока я сестру в Велимор вёз, – устало вздохнул Лучезар.

– Венн дело говорит! – сказал Крут.

– Может, мне тебя ещё и наградить, телохранитель? – недобро щурясь, спросил кнес.

Волкодав смотрел на него не мигая. Он сказал:

– Наградой мне было доверие кнесинки. Ты лучше спроси своего боярина хоть о том, почему он так рвался везти госпожу через Сивур вперёд всего войска! На том берегу велиморцы поймали...

– Ты на кого клеплешь, безродный? – перебил Глузд Несмеянович. – Ты кто таков, чтобы витязя и родственника моего обвинять?

– Государь... – начал Дунгорм, но Волкодав был вполне способен сам за себя постоять.

– Человек я! – сказал он, по-прежнему глядя кнесу прямо в глаза. – Богами создан, и Их справедливость надо мной простёрта так же, как и над тобой!

Позже он вспоминал этот разговор на берегу и дивился собственным небывало складным речам. Тут задумаешься, то ли подстегнула умишко нужда, то ли кто незримо нашёптывал в ухо. Боги? Тилорн? Прадедовский меч?..

– Государь, – сказал Дунгорм. – Переправа через Сивур происходила в точности так, как рассказывает венн. Я сам свидетель тому. – Он обежал глазами тихо переговаривавшихся ратников и добавил: – Есть и ещё свидетель. Добрый Аптахар был тогда старшиной над сегванским отрядом.

Аптахар, застигнутый врасплох, вскинул голову, шагнул вперёд и кивнул. И, кажется, только потом сообразил, что свидетельствовал в пользу ненавистного венна. Дунгорм же закончил:

– А на дальнем берегу Сивура, государь, мои воины поймали убийцу, затаившегося на ели. И должен сказать тебе, что его гнездо угадал Волкодав! Что случилось бы с госпожой, не будь она посреди войска? Прости, государь, я никого не хочу обвинять, но...

Кнес промолчал. На его лице, худом лице могучего воина, проступили багровые пятна. Он обернулся к Лучезару, и, видно, нешуточно грозен был его взгляд, потому что молодой боярин вполголоса ответил:

– Я вырос у тебя в доме и был сыном тебе, дядька Глузд. Может ли статься, чтобы ты слушал наветы каких-то чужеплеменников? Чтобы верил им против моего слова родича и витязя дружины твоей?.. Ты же сам знаешь, что я...

Кнес отрезал:

– Я знаю, что я велел тебе отвезти девочку к жениху, а теперь она неведомо где! И я выслушаю хоть Жадобу, если он поможет мне разобраться! – Повернулся обратно к Волкодаву и приказал: – Говори, венн!

И Волкодав стал рассказывать:

– Дальше мы должны были объехать Кайеранские топи Новой дорогой. Боярин настоял, чтобы мы ехали по Старой. Моя вина: я не сумел отговорить госпожу.

Дунгорм вздохнул и опустил голову. Он тоже считал себя непоправимо виновным.

– Мы хотели бы знать, – подхватила Эртан, – где был со своими людьми твой боярин, пока мы отбивались в святилище? Мы не нашли никаких следов боя!

– Лягушек в болоте ловили! – звонко, с вельхским акцентом, предположил кто-то в толпе. Галирадские вельхи Лучезара Лугинича вовсе не жаловали.

– Зато, – сказал Декша, – погибла служанка Варя, очень похожая на госпожу. Она была одета в платье, что подарила ей госпожа! Её убили, приняв за твою дочь, государь кнес!

Декша придерживался за чьё-то плечо, но голову нёс гордо.

– Девушек такой знатности редко убивают разбойники, – заметил Крут. – Их похищают, чтобы потребовать выкуп. Какая корысть им в её смерти?

– Кнесинку уже пытались убить тогда на торгу, – напомнил кто-то из витязей. – И тоже непонятно зачем.

– То на торгу, – проворчал Крут. – А то посреди леса.

Лучезар отрешённо смотрел в пространство. Когда человек не желает оправдываться, это всегда впечатляет.

– Мы можем доказать, что за государыней охотились! – вновь подала голос Эртан. – Мёртвой служанке отрубили голову, а потом бросили в костёр. Увидели небось – не та!

Было слышно, как далеко в толпе горько заплакала женщина.

– В ту ночь, государь, – сказал Дунгорм, – твой боярин окончательно рассорился с телохранителем и предложил госпоже выбирать, с кем она будет советоваться в дальнейшем, с ним или с венном. И госпожа выбрала венна!

– Твой боярин очень обиделся, кнес, – хмыкнула Эртан. – После этого кнесинка шла пешком с нами, с ратниками, а он ехал в полуверсте позади.

– Потому, наверное, он и не подоспел к нам на выручку, когда нас теснили к Препоне, – сказал Дунгорм. – Его воины появились одновременно с конниками моего господина, когда исход боя был предрешён, а мост, по которому перешла государыня, обрушен.

Стало тихо, только негромко шептались ратники. Они многое могли припомнить Лучезару Лугиничу. Кнес тоже повернулся к молодому боярину. И было видно, что галирадскому правителю больше не хотелось спрашивать, почему это он привёз Волкодава не в цепях.

– Что скажешь, Лучезар?

Левый пожал широкими плечами:

– Скажу, родственник, что никогда даже не думал, как, оказывается, легко измыслить навет. Но теперь убеждаюсь: любой поступок можно превратно истолковать...

– Этим ты в своём письме и занимался! – дерзко проговорила Эртан.

Кнес ожёг её взглядом:

– Вы!.. Вы хоть понимаете, что вы тут наговорили?..

– Кроме нас здесь двадцать шесть человек, – ответил Дунгорм. – И я осмелюсь утверждать, государь, что на клятве перед Богами ни один из них не станет опровергать наших слов.

– Мои воины тоже могут присягнуть перед Богами, – равнодушно сказал Лучезар. – А их куда как побольше. К тому же всем нам известно, что Боги далеко не всегда и не сразу изобличают клятвопреступников...

– Можно и поторопить Их справедливость! – сказал Волкодав.

Никто не заметил движения, просто меч каким-то образом перекочевал из развязанных ножен в его левую руку. Узорчатый клинок серебрился в пасмурном свете, указывая прямо в грудь Лучезару. Это был вызов на поединок. На Божий Суд.

День перевалил полуденную черту. Божьему же Суду совершаться лучше всего на рассвете, пока небо ещё не замутнено грехами людей и юный Бог Солнца взирает на мир в утренней славе, полный сил и готовности присмотреть за земным правосудием. Остаток дня и всю ночь поединщикам предстояло провести в кромех, в уединённых клетях. Там они будут поститься, размышлять и беседовать с Богами.

Волкодаву не удалось даже заглянуть домой, в мастерскую Вароха. Стражники окружили и его, и Лучезара и повели в крепость. Все видели: Лучезар шествовал с поднятой головой, венн же хмуρο смотрел под ноги. Ещё не хватало споткнуться при всём честном народе и раны разбередить!

На пороге клетки Бравлин придержал Волкодава за плечо:

– Ты, венн, дай-ка сюда оружие... До завтра пускай в святилище полежит.

Оба помнили, как Бравлин уже пытался забрать у него меч полгода назад.

– Оружие, – спокойно сказал Волкодав, – я отдам только кнесу, или кнесинке, или боярину Круту.

– Сейчас тебе! – фыркнул один из молодых стражников. – Вот так прямо государь сюда припожалует!

Волкодав ответил ровным голосом, не двигаясь с места:

– Тогда отними.

Парню не захотелось с ним связываться: был, видно, наслышан о безобразиях, которые этот венн время от времени учинял.

– Иди, – сказал ему старшина. – Позови Милованыча.

В это время к ним подошёл Атталик. Мальчишка показался Волкодаву значительно возмужавшим. Это чувствовалось не в осанке, не в ширине плеч, скорее – во взгляде, в выражении глаз.

– А мне отдашь, Волкодав? – спросил юный сегван. – Я старший сын кунса, и род мой никакому в этом городе не уступит!

Пряжки ремней не были особенно удобны для левой руки. Волкодав, повозившись, растянул их и протянул Атталику двое ножен – с боевым ножом и с мечом. Он знал: мальчишка скорее умрёт, чем позволит кому-нибудь прикоснуться к оружию. Тем более испортить его.

Стражники расположились возле двери и всю ночь приглядывали за Волкодавом сквозь дверную щель. Мало ли, вдруг примется колдовать, творить чёрное непотребство. Да и любопытно опять же.

Они видели, как венн, посидев немного на лавке, встал, очень осторожно стащил тёплую куртку и стал делать какие-то движения. Опытные воины сразу поняли, что он готовился к бою. То, что он совершал, наводило на мысль и о танце, и о священнодействии. Неторопливый танец постепенно усложнялся, становился грозней. Стражники прилипли к щели – приди старшина, узрел бы пяток согнутых спин. Волкодав словно встречал кого-то, наседавшего с оружием, вызывал его на удары, ловил их и отражал, потом вышибал из вражьей ладони меч... и добивал супротивника. Добивал жестоко и страшно, без малейшей пощады. И всё это – левой рукой.

Стражники отлично знали, каков боец был Лучезар. Сперва они полагали, что он шутя расправится с венном. Теперь посоветовались и переменили своё мнение. Поединок с одноруким навряд ли покажется Лучезару детской забавой. Им по крайней мере меняться местами с боярином совсем не хотелось.

Окошка в клети, даже волокового, не было: сруб располагался внутри насыпи под земляной стеной крома. Волкодав занимался своим делом в скудном мерцании лучины. Потом, к окончательному изумлению стражников, он медленно обратил в сторону светца развёрнутую ладонь. И огонёк, трепетавший на расстоянии двух аршин, погас, как задутый. До сих пор парни о таком только слышали. Самим видеть не приходилось.

Волкодав, которому светец был не особо и нужен, удовлетворённо кивнул в темноте. Вытащив загасшую лучину из железного расщепы светца, он загнал её между брёвнами – для Мыша. Завернулся в плащ и лёг спать.

Отец Волкодава не каждый день делал оружие, но сын помнил, как в гостевом доме рода останавливались славные воины, нарочно приезжавшие заказывать у кузнеца Межамира клинок знаменитой веннской узорчатой стали. Разборчив был Межамир. Никакая плата не побудила бы его создавать меч для злого, разбойного человека или богатого лодыря, возмечтавшего о драгоценной игрушке. Не всё продаётся за деньги, не всё покупается. Меч же – свят. В нём Правда Богов.

Лучшими кузнецами в древности и теперь были Серые Псы. Не бывало недовольных мастерством Межамира. Он же умел не только сварить чудесную сталь и обратить её в добрый клинок, он способен был ещё и показать всё, на что тот клинок был способен. Русоголового Межамирова первенца в такие дни из кузницы было не выгнать. Во все глаза смотрел за отцом, силится перенять науку, к которой его, по неразумной малости лет, пока что не допускали. Малец вовсе не мечтал заделаться витязем и следовать за боевым кнесом. Он будет кузнецом, как отец. Но разве может венн называться мужчиной, если не знает, с какой стороны у меча рукоять?

Он так ждал возраста мужества, мечтая дать строй и порядок обрывкам подхваченных знаний, постичь то необозримое в себе и вокруг, что даёт право называться воином и мужчиной...

В ночь разгрома Межамир погиб от стрелы, ударившей в спину. Его так и не взяли мечом, но, один против многих, он не уследил за стрелком, подобранным сзади. А сын кузнеца, когда справилась душа с первым отчаянием неволи, понял: ту стрелу, не иначе, направили милосердные Боги. Что случилось бы с отцом, начни Людоед добиваться от него рабской работы?.. В другой клетке сидел бы, напротив Тилорна?..

В каменоломне Серый Пёс изумил сотоварищей, заведя странное обыкновение: когда заканчивался дневной урок и измочаленные люди замертво оседали на каменный пол, чтобы кое-как прожевать безвкусную пищу и немедля уснуть, костлявый юнец принимался скакать туда-сюда, размахивая воображаемым мечом. Сначала в него швыряли обломками породы: громохание цепей не давало уснуть. Потом однажды его подозвал молчаливый мономатанец с телом блестяще-чёрным, словно выточенным из камня кровавика. Рудничный кашель уже добивал его, догрызал последние клочки лёгких.

«Я был воином, – сказал он Серому Псу. – Смотри, как это делается у нас...»

Мономатанец умер через два дня. Он стал первым из многих наставников, встреченных Серым Псом за семь лет в неволе. Правда, их наука мало помогала ему в бесконечных драках с надсмотрщиками. Потому что воображаемый противник так же отличается от настоящего, как мысль о смерти – от Неё Самой. И ещё потому, что очень мало народов создало боевые ухватки в расчете на колодки и цепи, и Серый Пёс в то время о них даже не подозревал...

Ночью Мыш обнаружил под притолокой щель, выбрался наружу и отправился на охоту. Проснувшись перед рассветом, Волкодав спустил босые ноги на берестяной пол, тщательно расчесал волосы костяным гребешком, встал на колени и начал молиться. Вообще-то венны редко падали ниц перед своими Богами. Ибо Светлые Боги хотят, чтобы люди тянулись к ним ввысь, а не ползали на брюхе от страха. Но теперь Волкодав звал не Богов. Он разговаривал со своими наставниками. А наставник – это такой же человек, как ты сам, только мудрее и лучше. И оттого перед ним не грех склонить голову и колени.

Вернувшийся Мыш возбуждённо заверещал, повиснув над головой Волкодава. Венн подставил ему ладонь. К лапке зверька был привязан клочок берёсты, крепко перетянутый ниткой.

«Милый наш Волкодав! – с бьющимся сердцем разобрал он чёткие сольвенские буквы. – Мы так любим тебя. Ты обязательно победишь. А за нас не беспокойся».

Подписи не было, но венн в ней не нуждался. Как ни убога была его грамотность, руку Ниилит он узнал бы из тысячи.

Никто никогда не присылал ему писем... Он захотел прочитать записку ещё раз, но строчки отчего-то расплылись перед глазами.

Середину торговой площади Галирада никогда не загромождали лотки и палатки. И деревянная мостовая здесь была не бревенчатая и даже не дощатая, как вблизи крома. Середину площади выстлали дубовые шестиугольные шашки. Там висело на двух столбах звонкое било, которым призывали народ несправедливо обиженные. Там, на разостланном ковре, помещался столец государыни кнесинки, когда она принимала вновь прибывших купцов. Там ставили свой помост жрецы, возвещавшие истины Богов-Близнецов. Там совершался и суд, если речь шла о деле значительном. Не о простой тяжбе, как тогда у Волкодава с Варохом.

Сегодняшнее дело, без сомнения, требовало присмотра Богов. И, конечно, присутствия всех горожан от мала до велика. Безродный телохранитель кнесинки обвинял знатного боярина в умысле против молодой государыни. И даже вызвал его на поединок, хотя у самого – все это видели – правая рука висела в лубке. Крепко, значит, веровал и в себя, и в свою правоту. Что-то будет!..

Людей, точивших зуб на Лучезара Лугинича, в городе было предостаточно. Зато нелюдимый венн, как это ни удивительно, успел приобрести горячих сторонников. И в

вельхском конце, и на ремесленных улицах, и среди городской стражи. И даже в дружине. Народ ещё до рассвета запрудил торговую площадь. Молодёжь, как водится, запаслась калёными орехами и печеньем. Тех, кто не захватил из дому, рады были снабдить смекалистые лотошники. Старики вынесли складные скамеечки. Люди ждали.

Как только поднялось солнце, со стороны крома показалось торжественное шествие. Самым первым, на любимом гнедом жеребце, рысил Глузд Несмеянович, мрачный как туча. Следом за кнесом – боярин Крут и избранная дружина. Посреди дружины ехали двое поединщиков. Лучезар на своём вороном, с Канаоном и Плишкой в оруженосцах. И Волкодав на Серке. Атталик, сосредоточенный и бледный после бессонной ночи, вёз его меч. Ночью мальчишка отважился выдвинуть его на полпальца из ножен и рассмотреть узор на чудесном клинке. Теперь он боялся, как бы Боги не прогневались за своеволие. Хорошо хоть, что не дерзнул прикоснуться! Воительница Эртан сохраняла круглый красный щит работы мастера Вароха. Щит, правда, ехал на площадь больше для порядка и красоты. Чтобы держать его в схватке с врагом, требуется рука. А рука у Волкодава нынче была одна.

Волкодав плавно приподнимался и опускался в седле, стараясь не растрясти больное плечо. И так сейчас мало не будет, зачем вередить зря. Он зорко обшаривал взглядом толпу, ища знакомые лица. Знакомых лиц пока было немного. Разве что мальчишка-булочник с лотком на ремённой перевязи. Те, кто в самом деле собирался пожелать ему удачи в бою, наверняка уже обосновались на площади. Волкодав искренне удивился, заметив, что ему махали руками люди, с которыми он ни разу даже не здоровался. Он поразмыслил и приписал это всеобщей нелюбви к боярину Лучезару.

Галирадские жрецы не посягали на неперемное посредничество между людьми и Богами. Они лишь вычертили на шершавой мостовой площади ровный круг для поединка, вычертили дубовым углём, нарочно принесённым из святилища в маленькой жаровне. Народ только диву давался: жрецы, молодой и постарше, брали рдеющие угли голыми пальцами и не обжигались. Место Божьего Суда должно было быть чисто. А злая сила, как известно, ничего так не бежит, как огня, железа и доброго дуба.

Выехав на площадь, поединщики спешили и встали перед кнесом, уже занявшим подобающее место на красном столце. Волкодаву показалось, что Глузду Несмеяновичу было одинаково тошно смотреть и на него, и на Левого. Уж чего тут не понять! Является висельник из тех, о ком в Галираде говорят *никто и звать никак*, и заявляет, будто человек, которого ты вырастил у себя на коленях, вздумал против тебя умышлять. Да ещё берётся это доказывать!..

Кнес кивнул Круту, и боярин стал говорить.

Многие из горожан вчера ходили на берег, остальные были подробно наслышаны. Однако Правда требовала подробно огласить дело. Крут напомнил народу, как собирали для кнесинки охранный отряд, как поставили Лучезара над ним воеводой. И о том, как молодая государыня наняла себе в телохранители венна, именуемого Волкодавом. И пожелала, чтобы он непременно сопровождал её в путешествии.

– Тогда уже, – сказал Крут, – было видно, что у этих двоих друг дружке доверия ни на грош. Боярин при всех называл венна вором, а венн отказался взять в подручные людей, которых привёл Лучезар Лугинич...

Волкодав высмотрел в толпе пятёрку своих домочадцев, а рядом с ними – дюжих унотов мастера Крапивы, и на душе полегчало. Он попробовал мысленно потянуться к друзьям и вновь, как в достопамятный день отъезда, ощутил тёплое прикосновение разума Ниилит, а потом и Тилорна. Они изо всех сил желали ему победы. И очень боялись за него, хотя пытались этого не показать.

Правый между тем прочитал людям письмо Лучезара. В народе послышался возмущённый ропот. Наверное, кому-то письмо показалось бессовестно лживым. Или, наоборот, убедительным. В конце концов, оно ведь и самого государя кнеса почти убедило. Волкодав слушал равнодушно. Ещё не хватало выходить из себя перед боем.

Крут поднял руку, призывая галирадцев к тишине и порядку, и стал читать письмо Винитара, пояснив, что это самое послание хотели выкрасть дорогой. Письмо оказалось примерно таким, какого и ожидал Волкодав. Винитар беспристрастно излагал всё, чему сам был свидетелем. А также показания пленных разбойников – то, что они кричали под пыткой, прежде чем их побросали в Препону. Письмо не давало оснований в чём-либо обвинять Волкодава, зато бой у моста был описан, пожалуй, даже с прикрасами: здесь Винитар воспользовался рассказами очевидцев. Из подозрительного письмо содержало лишь упоминание о мече, который некто якобы пообещал вернуть разбойничьему главарю.

– Речь идёт о твоём мече, Волкодав? – спросил Правый. – Он ведь принадлежал раньше Жадобе?

Волкодав немного подумал, потом хмуро ответил:

– Ты стоял у трона государыни, когда она творила суд об этом мече.

Пришлось Круту напомнить людям и кнесу ещё и о том, как мастер Варох «признал» в Волкодаве Жадобу и что из этого получилось:

– Государыня оправдала венна и сказала, что отныне видит этот меч в хороших руках.

Глузд Несмеянович сидел молча, но Волкодав отметил про себя, что ладонь кнеса то гладила дубовый поручень столыца, то стискивала его так, что крепкое дерево готово было растрескаться. Боярин Лучезар был полон такого достоинства, словно это его, а не Волкодава пытались несправедливо винить. Венн внимательно следил за ним взглядом, ловя малейшие приметы, способные поведать ему о телесном здоровье и намерениях Лучезара. И вскоре убедился, что верные отроки всё-таки передали якобы постившемуся вожаку чашу вина и крупинку серого порошка. Одну-единственную. Чтобы до предела обострились чувства и разум, а каждый мускул заиграл убийственной силой. То-то плечи боярина бугрились под плащом так, словно он полночи упражнялся с мечом. Когда Лучезар мельком встретился с ним взглядами, Волкодав окончательно понял, что не ошибся. Налитые кровью глаза и зрачки, как две булабочные головки. Волкодав ещё по каторге помнил, на что способен человек в таком состоянии.

Третий раз в одно лето дерусь на Божьем Суде... – подумалось венну. Но впервые – за свою честь. Хотя это с какой стороны посмотреть...

Глузд Несмеянович поднялся на ноги, и народ заволновался. Началось!..

– Боярин, – обратился кнес к Лучезару. – Ты знатного рода и можешь потребовать замены себе на бой против этого человека. Желает ли ты замены или предпочтёшь сам отстаивать свою правоту?

Плишка и Канаон одновременно посунулись вперёд. Волкодав казался им, верно, противником как раз по зубам. Но Лучезар ответил:

– Моя честь такова, что её не может нарушить прикосновение безродного человека и негодяя. Я сам отплачу ему за сестру.

Волкодав изумлённо спросил себя: *неужели Лучезар до такой степени презирал Богов и ни во что не ставил Их Суд?..* Потом вспомнил: приверженцев серого порошка трудно было мерить аршином здравого разума. Чего доброго, Лучезар вправду уверил себя, будто не он, а Волкодав продавал разбойникам «сестру» и обрекал её смерти!

Кнес между тем повернулся к бывшему телохранителю дочери и сказал:

– Ты, Волкодав, ещё не оправился от ран. Ты тоже можешь возложить своё дело на другого бойца.

Венн переступил с ноги на ногу и произнёс слова, которые галирадцам суждено было запомнить надолго:

– Я буду биться сам, государь. И пусть неправого покарает его же собственный меч.

У Лучезара был отличный и очень дорогой клинок знаменитой нарлакской работы, обоюдоострый и почти в два локтя длиной. На лезвии стояло клеймо славного мастера, рукоять переливалась цветными камнями, привезёнными с Самоцветных гор. Волкодав взялся бы сказать, с какого именно прииска. Достойный меч для знатного человека. Самому

кнесу не стыдно было бы носить такой у бедра. Хорошее оружие – первейшее дело для воина. Волкодаву, впрочем, доводилось видеть, как настоящие мастера выходили против железного боевого меча, держа всего лишь деревянный учебный, – и побеждали. Здесь, понятно, всё было иначе. Когда воины вроде Волкодава и Лучезара сходятся дружески размять кости, это очень красиво. Когда они бьются насмерть, это тоже красиво. Но ещё и ужасающе страшно.

Народ стоял очень тихо и смотрел во все глаза, временами забывая дышать. У многих непроизвольно ходили ходуном плечи. Лучезар сразу занёс меч двумя руками и прыгнул вперёд, желая покарать венна за самонадеянность. Волкодав отвёл удар, направив его в сторону и вниз, – из более слабой ладони выскочила бы рукоять. Лучезар удержал. И уже сам перехватил меч венна, устремившийся к шее. Узорчатое лезвие лишь оставило на его плече неглубокий порез.

Оба дрались обнажёнными по пояс, без щитов и доспехов. Того требовал обычай, когда звали Богов судить чью-то жизнь или смерть. Лучезар, отлично сложенный и поджарый, был сыт, силён, подвижен и гибок. Волкодав ещё не отделался от повязок, и правая рука была плотно притянута к телу. Волосы, повязанные тесьмой, липли к потной спине. Каждое столкновение мечей отзывалось тошнотворной болью, от которой дрожали колени. Но Волкодав был прав.

...Когда Мать Кендарат сжалилась над саженым «малышом» и взялась его вразумлять, он вскоре убедился, что хватки благородного кан-киро невероятным образом сочетались с веннскими, предназначенными для вооружённой руки. Он сказал об этом жрице, и та нисколько не удивилась. Люди разных племён различаются внешне, но внутри устроены одинаково, сказала она. Открытие Волкодава не заинтересовало её. Вера Богини Кан не одобряла оружия. Настырный ученик, однако, продолжал что-то изобретать...

Мышь блаженно спал, повиснув вверх лапками на деревянной рукояти щита, который держала воительница Эртан. Она загодя опоила зверька маковым отваром, подмешанным в его любимое молоко. Нечего ему лезть не в своё дело и мешать Волкодаву.

Вельхинка во все глаза следила за поединком, временами стискивая кулаки и забористо ругаясь сквозь зубы. Ноги отказывались стоять на месте, тело порывалось «помогать» Волкодаву справляться с ударами боярина. Спустя некоторое время Эртан начала узнавать приёмы, которыми ещё на плоту сокрушал её Волкодав. Только тогда они всего лишь танцевали. Не более.

Она поняла, что разведка окончилась, когда узорная сталь снова перехватила нарлакский клинок Лучезара, заставив его вычертить в воздухе замысловатые спирали и косо, с глухим стуком врубиться в дубовые шашки мостовой. Лучезара выручила быстрота. Менее проворный искалечился бы, налетев на рукоять животом. Меч Волкодава взвился над его спиной... и опустился плашмя, сшибив боярина с ног.

Мать Кендарат оставила Волкодава, когда он пошёл сводить счёты с Людоедом. Ей жаль было покидать полюбившегося ученика, но и вступить вместе с ним на путь мести и крови она не могла. Ради её памяти Волкодав теперь давал шанс врагу, не стоившему пощады. Но только один. Второго не будет.

Эртан ни о чём не договаривалась с венном заранее. Она просто поняла, что он сделал. И почему. Наитие снизошло на неё, и она крикнула:

– Меч не служит неправому! Повинись, Лучезар, останешься жив!

Лучезар мгновенным прыжком взвился на ноги, выдернул меч из мостовой и снова бросился на Волкодава.

Венн ждал его, стоя возле черты. Он не был ранен и даже не слишком запыхался, но сквозь повязки на руке и груди проступила свежая кровь. Боль наверняка его мучила, но он

ничем этого не показывал. Меч Лучезара свистнул низом, коварно метя ему по ногам. Пусть-ка попрыгает. Волкодав, не отвечая, легко взвился на полтора аршина вверх. Бешеный замах пропал впустую, Лучезара развернуло боком, и венн ещё в прыжке успел крепко достать его ногой. Боярин потерял равновесие, но опытного воина смутить было трудно: он мягко перекатился через плечо и сразу вскочил. Кто-то из его сторонников зашумел, возмущённый действиями Волкодава. Они могли шуметь сколько душе угодно. В Божий Суд не смеет вмешиваться никто. Священный круг не принадлежит этому миру. В нём живут лишь поединчики и два их меча. И Правда Богов.

Когда Лучезар, униженный и утративший терпение, в очередной раз метнулся вперёд, Волкодав... внезапно положил свой меч наземь. Люди ахнули. Многим показалось, будто он просто шагнул вперёд, под удар. Вряд ли кто, кроме Эртан, видел, что он сделал на самом деле. Точно так он поступил на плоту, когда в самый первый раз попросил ударить его. Он словно проплыл по воздуху вбок, уходя от опускавшегося меча. Он оказался справа от Лучезара, плечо в плечо. Разворот на левой ноге... Пальцы, годившиеся завязывать узлом гвозди, обхватили кисть Лучезара вместе с рукоятью меча. Шаг в сторону и назад. Боярина подхватила и повлекла вкруговую сила, порождённая его собственным яростным размахом. Шаг вперёд, плавное движение кисти...

Было слышно, как у Лучезара затрещало запястье, мгновенно ослабевшие пальцы безвольно обмякли, и самоцветная рукоять перешла в ладонь Волкодава. Давать Лучезару ещё какие-то возможности?.. Венн и так уже совершил подвиг милосердия, вовсе ему не присущего. Неужели старая жрица, случись она здесь, попыталась бы что-то объяснить человеку, с такой лёгкостью топтавшему жизни других?..

Глубоко в сердце Волкодав знал: попыталась бы. А ему ещё попеняла бы – не пожалел Лучезара, не вразумил, не отвёл от серой отравы!.. Волкодаву до таких духовных высот было далеко.

Всё произошло в доли мгновения, без задержек и раздумий, одним непрерывным движением. Рукоять нарлакского меча переменила владельца, но клинок всего лишь дочертил дугу, затеянную самим Лучезаром. Тяжёлая отточенная сталь разорвала боярину горло и рассекла шейные позвонки. Тело, ещё не понявшее собственной смерти, жутко забилося, поливая кровью дубовые шестиугольники. Волкодав остался стоять, держа в руке меч Лучезара. Справедливый меч всегда карает неправого. В том числе и собственного хозяина.

При виде смерти толпа ахнула, задышала, качнулась назад, потом снова вперёд. Раздались крики. Волкодав слышал их смутно. У него гудело в ушах, перед глазами расплывались бесформенные багровые пятна. В груди жгло. Он безразлично подумал, что так недолго и помереть. Вот некстати пришлось бы. Он знал свою правоту и **не мог** проиграть бой. Он знал и то, что победа должна была дорого ему обойтись. Потому что даром в этом мире не даётся вообще ничего, кроме родительской любви.

Волкодав слегка удивился тому, что ещё стоял на ногах, и здраво подумал, что это, не иначе, сказывалось возбуждение поединка. Он забрал свой меч, перешагнул угольную черту, до которой уже добрались струйки растёкшейся крови, и пошёл навстречу Эртан. Ему казалось, будто он шёл необыкновенно прямо и ровно, но люди видели, что он шатался, как пьяный. Эртан бросилась навстречу, забыв уронить никому не нужный щит. Ей оставалось каких-то два шага, когда Волкодав неуклюже повалился на колени, и кашель, рвущий нутро, пригвоздил его к мостовой.

«Что в когтях несёшь ты, друг симуран?
Что за чудо из неведомых стран
На забаву любопытным птенцам?
Расскажи мне, если ведаешь сам!»

«Я в диковинную даль не летал,
У порога твоего подобрал.
Прямо здесь, в краю метелей и вьюг...
Не большая это редкость, мой друг».

«Что же это? Удивительный зверь?»

«Нет, мой друг. Не угадал и теперь».

«Может, птица с бирюзовым хвостом?»

«Ошибаешься: невольник простой.
Он бежал, но не удался побег.
Одеялом стал нетронутый снег.
Горный ветер колыбельную спел...
Этот парень был отчаянно смел».

«Так спустись скорее, друг симуран!
Мы согреем, мы излечим от ран!
Не для смертных – в поднебесье полёт.
Пусть ещё среди людей поживёт!»

«Нет, мой друг, тому уже не бывать.
Вы отца его сгубили и мать,
Самого не выпускали из тьмы...
Хватит мучиться ему меж людьми.
Он довольно натерпелся от вас,
И никто не оглянулся, не спас.
Ни один не протянул ему рук...
Слишком поздно ты хватился, мой друг».

16. Последняя страница

Это было ощущение, пришедшее из далёкого детства и много лет служившее для него едва ли не окончательным воплощением счастья: тёплое меховое одеяло по обнажённому телу. Волкодав лежал на широкой лавке в доме Вароха, вдыхал мирные запахи выделанных кож и стряпни, вполуха слушал приглушённые голоса домочадцев, и открывать глаза ему совсем не хотелось. Жалеть было не о чем. Мечтать, в общем, тоже. Поэтому не очень хотелось и думать. Наверняка у него ещё оставались дела на этой земле, раз уж Боги с таким упорством выводили его живым из всех передряг. Но об этом он тоже поразмыслит как-нибудь после. Пока он просто наслаждался покоем, как раненое животное, которое надеется выздороветь, если дадут отлежаться. А достанется умереть, оно и не заметит, что умерло. Просто впереди вдруг зашумит гостеприимная крона Вечного Древа, а в небе сделается возможно разглядеть Солнечную Колесницу. И наконец из густой травы навстречу поднимется Старый Зверь и затеет беседу, велит держать ответ за прожитую жизнь...

Ладонь, прикоснувшаяся ко лбу, вернула Волкодава к действительности. Его принесли в дом в таком состоянии, что он даже не смог воспротивиться, когда Ниилит принялась лечить его волшебством. Наука Тилорна, верно, пошла ей впрок. Сияние, исходившее от её рук, в этот раз заметили уже все. Тем не менее девушка страшно боялась, как бы у него не началась лихорадка, и без конца подходила потрогать лоб.

Это мешало заснуть, но Волкодав не возражал. До убийства Людоода он запрещал себе

даже думать о женщинах. Теперь у него была мечта, и он надеялся, что она когда-нибудь осуществится. Он открыл глаза и улыбнулся Ниилит. Она обрадованно спросила:

– Есть хочешь?

У неё дома признаком красоты считали дородство. Волкодав, и без того жилистый, вернулся с границ Велимора осунувшимся так, что жалко было смотреть.

– Если только с ложечки кормить не начнёшь, – проворчал он и потянул к себе штаны, чтобы надеть их под одеялом. Он вообще редко отказывался поесть, а уж пренебрегать стряпнёй Ниилит было бы совершенным грехом.

– Ты бы полежал, – сказала она.

Волкодав хмыкнул, окончательно стряхивая дрёму.

– Нашла больного. Ты лучше скажи, можете вы с Тилорном вылечить, если человек от раны ослеп? Один глаз ему выбили, второй потом воспалился...

В его правом плече покалывали, как будто зашивая что-то, горячие иголки. Наверное, это срастались кости. В былые времена он о сломанных костях забывал уже через месяц.

– Там, на берегу, был один сольвенн, – сказала Ниилит. – Его вели под руки. Такой плечистый, красивый... светловолосый... Ты о нём?

Синие стеклянные бусы блестели у неё на груди.

– О нём, – кивнул Волкодав. – Поможете? Уж больно парень хороший.

С некоторых пор ему нравилось заводить с ней разговоры о лекарском деле и наблюдать, как на прекрасном лице проявлялось достоинство сосредоточения, а между бровями возникала складочка, говорившая о напряжённой работе ума. В такие мгновения она напоминала ему жрицу, беседующую с Божеством. Он видел подобное выражение у Матери Кендарат. *Наверное, подумалось ему, две женщины, старая и юная, прекрасно поладили бы. И Тилорн...*

Волкодав спустил ноги на пол и задумался, стоило ли обуваться. Босиком было холодно: к вечеру выпал снег, снаружи зябко сквозило. Но попробуй потянуться за поршнями, и Ниилит бросится помогать. А наклоняться самому было больно.

Он выбрал меньшее из трёх зол и поднялся с лавки, решившись идти на кухню босиком. Он втихомолку надеялся, что там, при печке, будет теплее.

В это время снаружи в ворота грохнула кулаком тяжёлая и нетерпеливая мужская рука.

Щенок, успевший вырасти в толкового молодого пса, с лаем полетел через двор. Ниилит очнулась от мысленных поисков Декши, испуганно оглянулась на Волкодава и увидела у него в руке меч, вдетый в ножны.

Стукнула входная дверь дома: к воротам побежал Эврих. Было слышно, как он спрашивал, кого ещё нелёгкая принесла среди ночи. Волкодав вышел вслед за аррантом и встал в темноте у крыльца. В такой глухой час по гостям обычно не ходят. Разве только за повитухой для роженицы. С другой стороны, воры редко стучат кулаками в ворота. Пальцы венна привычно обняли рукоять. Случись что, первого, вскочившего во двор, он уж как-нибудь да уложит.

– Открывай, Эврих, свои! – долетел голос Авдики, и Волкодав исполнился самых чёрных подозрений. Эврих поднял брус и вытащил его из ушек, ворота раскрылись, и внутрь, ведя в поводу коней, вошли пять человек. Волкодав обратил внимание, что коней было больше. В маленьком дворике сразу стало не повернуться.

Потом венн увидел подле Авдики знакомцев: Аптахара с Атталиком. Другие двое были совсем чужими, но немедленной беды ждать, похоже, не приходилось.

– Чем обязаны, благородный сын кунса? – вежливо кланяясь, обратился Эврих к юному заложнику. Тот вместо ответа спросил:

– Где Волкодав?

– Я здесь, – негромко отозвался венн, появляясь из темноты. – Здравствуй, Атталик. И вы, прежние соратники.

– Милостью Храмна, – старательно глядя мимо Волкодава, пробормотал Авдика. Его

отец только угрюмо кивнул. Он тоже смотрел в сторону.

Лошади пофыркивали, принохиваясь в темноте. Из дому выпорхнул Мыш и полетел знакомиться. Атталик ткнул пальцем вслед пронёсшемуся зверьку:

– Здесь у нас кони... Забирай своих домашних, Волкодав, и уезжай из города прямо сейчас.

– А то что? – спросил Эврих.

– А то вам ещё до утра красного петуха пустят!.. – скаля зубы, прорычал Авдика. – Лучезаровы отроки сговорились!

– Это слышала девочка-чернавка, – сказал Атталик. – Я однажды прогнал Канаона, когда тот... Словом, она не стала бы меня обманывать. Их там порядочно, и они очень злы.

Никто в доме Вароха ещё не ложился спать. Старый мастер уже стоял в дверях, опираясь на плечо внучка. Тилорн стоял рядом. Он заметно окреп, волосы у него отросли и больше не выглядели неприлично короткими.

До всех постепенно доходило, что им предлагали бросить выстрадавший, трудами и кровью заработанный домашний уют и бежать неизвестно куда. В ночь, в предзимнюю тьму. Унося с собой сколько руки захватят...

– На воротах сейчас Бравлин с ребятами, – по-прежнему не глядя в глаза Волкодаву, буркнул Аптахар. – Выпустят.

– Соседи... – кашлянув, невнятным от внезапно навалившегося несчастья голосом проговорил Варох. – Кликнуть... Сполах бить... Люди помогут... Да и вы, стража...

– Мы, стража!.. – плюнув, передразнил Авдика. – Полгорода за ножички схватится, нам это надо?

Волкодав задумчиво произнёс:

– Если им нужен один я...

– Уж ты-то заткнись! – И Аптахар прибавил крепкое ругательство, впервые обратившись прямо к нему. – С кем венн ни поведётся, одна беда от него, а прибытку – вши да блохи! Нужен ты им!.. Может, и нужен – начать чтоб было с кого! Я-то их поболее тебя знаю!.. Своего ума нет, хоть послушай, что умные люди советуют! Сказано, унесите задницы подобру-поздорову!..

Голос его сорвался. Аптахар вдруг стремительно повернулся спиной и яростно высморкался в два пальца.

Соседи у Вароха вправду были надёжные. Не дали ведь пропасть, когда они с внучком остались сиротами, утратив семью. И даже когда прибыло с голубем знаменитое письмо Лучезара и по городу пополз слухок, будто пригретый мастером бродяга-венн продавал разбойникам госпожу, – уличанские не поверили. И не допустили к дому возможных обидчиков. Благодарить их усобицей? Боем с дружинными?..

Волкодав не стал спрашивать, куда смотрит кнес и почему боярин Крут не пресечёт nepотребства. На кнеса нынче свалилось слишком много всякого горя. Не диво, если затворился вдвоём с мехом вина и не велел близко подходить к двери. Крут?.. Почём знать седобородому витязю, если из крома вправду изник десяток-другой Лучезаровых головорезов. А то и вовсе в крепости не ночевали. Не по носам же он их там пересчитывает. Теперь, когда больше нет Лучезара, Крут, несомненно, управится с его молодцами. Но и это – дело не на один день. Пока же... Вставать силой на силу? Пожалуй.

У Волкодава больно защемило сердце, когда Ниилит начала бестолково метаться по дому, на глазах превращаясь из полной кроткого достоинства юной хозяйки в насмерть перепуганную девчонку. Она хваталась то за одно, то за другое, не понимая, что брать с собой в дорогу, чего не брать. Самым необходимым предметом ей показалась та самая ложка, покрытая блестящим металлом. Ниилит подхватила её на кухне и не выпускала из рук.

Эврих, которому, видно, не раз приходилось откуда-то удирать, деловито сворачивал тёплую одежду и одеяло. Он, оказывается, успел купить себе добротную кожаную сумку. И самым первым, что он сунул в неё, была связка пухлых, кое-где измаранных бурыми

пятнами книг. Волкодав обратил внимание, что несчастье, казалось, придавило его не так жестоко, как остальных. Эврих словно бы собирался, покинув гостеприимный дом, перебраться под другой кров, не менее щедрый и тёплый.

Старый Варох трясущимися руками перекладывал в мастерской недоделанные колчаны и ножны и никак не мог сообразить, что же с ними делать. Притихший Зуйко ходил за дедом по пятам, а пёс вертелся у всех под ногами и жалобно скулил.

Самому Волкодаву собирать было особенно нечего. Полупустой заплечный мешок, приехавший с ним на плоту, так и лежал ещё не разобранным. Только одеться и...

– Я тебе кольчугу привёз, – сказал Атталик. Волкодав чуть не заметил в ответ, что за три месяца тот стал мужчиной. Но воздержался. С мужчиной надо разговаривать и поступать так, как это достойно его мужества. И всё.

Он кое-как просунул большую руку в кольчужный рукав и уже поверх брони притянул её к телу. Кольчуга была сегванская, совсем не такая, какие ему нравились. Однако дарёному коню, как известно, в зубы не смотрят. Волкодав пристегнул за спину меч и стал думать, куда же им податься, если Бравлин в самом деле выпустит их за ворота. И ещё о том, кто, кроме него, сумеет совладать с его луком. Вот если бы был самострел...

Люди Атталики привели с собой двух коней. Ниилит устроилась за спиной у Тилорна, Зуйко сел к деду. Дом, родной дом непоправимо уходил в прошлое, словно пристань, покинутая кораблём.

Ещё вечером Ниилит обещала сводить Волкодава в погреб, показать ему, как деревянные полочки, которые он выглаживал летом, заполнились горшками и кадочками с припасами на зиму...

Авдика пробежал по соседям, разбудил спавших и объяснил, что к чему. Сперва соседи возмущённо сулились встать на Лучезаровичей всем миром. Потом – спрятать у себя Вароха и остальных, пока всё не уляжется. И наконец – присмотреть за мастерской, оставшейся без хозяина. По мере того как они осознавали, что дело иметь пришлось бы с дружинными, каждый из которых голыми руками играючи расшвырял бы десяток простых горожан с топорами и вилами, их решимость таяла, как снег у костра. Это тебе не с такими же уличанскими разбираться. Эти сожрут и косточек не оставят.

Волкодав молча слушал растрёпанных полусонных мужчин и думал о том, что сам на их месте, наверное, вёл бы себя иначе. Вероятно, он лёг бы костыми, но злодеи сумели бы выжить достойных людей из города только через его труп. Потому что уступить злу – значит преумножить в мире неправду и ещё больше отвратить от него Светлых Богов. Для чего вообще жить, если позволяешь, чтобы рядом с тобой обижали соседа?..

Всякий человек склонен с лёгкостью рассуждать, что бы он предпринял на месте других. Волкодав это вполне понимал. Справедливость справедливостью, только много ли за неё навоюешь, если у тебя жена, пяток детей и старенькие родители... Не говоря уже про дом и хозяйство, дедами-прадедами нажитое... Тут подумаешь, прежде чем всерьёз заступаться. Да ещё за чужих, в общем, людей. Представить себя в подобном положении Волкодав просто не брался. Ведя Серка в поводу, он подошёл к Вароху и сказал:

– Один убыток тебе от меня, мастер.

Он бы не удивился и не обиделся, если бы тот разразился отчаянной бранью, а то вовсе слезами или попробовал огреть его костылём. Но старый сегван только выпрямился в седле.

– Я о том сожалею, что два славных меча не в моих ножнах живут, – ответил он Волкодаву. – Тот, которым кунс Винитар из Жадобы двоих сделал. И второй, которым ты Лучезару голову снял.

Волкодав улыбнулся:

– Устроимся где-нибудь, сразу попрошу тебя к нему новые сделать.

Оба не имели ни малейшего представления, где доведётся ночевать в следующий раз.

У ворот в самом деле стоял со своими парнями старшина Бравлин. Кое-кого из

молодцов Волкодав помнил ещё по лету. Бравлин был уже предупреждён. Он не стал ни о чём расспрашивать ни беглецов, ни пятерых провожатых. Бравлин кивнул своим – дюжие стражники подняли из массивных ушек тяжёлый, мокрый от выпавшего снега брус и приоткрыли створку ворот. Бравлин всего один раз, и то мельком, посмотрел в глаза Волкодаву. Наверное, ему было стыдно.

– Счастливо, Бравлин, – проезжая ворота, сказал венн.

– Лучезаровичи если поедут, мы их уже помурьжим, – пообещал старшина. – А вынудят пропустить, уж как-нибудь не ту дорогу покажем...

Волкодав остановил Серка, посмотрел на большак, и сердце у него упало. Может, Бравлин и сумеет подзадержать погоню, но вот со следа сбить её не удастся. Вокруг лежал свежесвыпавший снег. Внутри города, где на него отовсюду дышало теплом и месили ноги прохожих, почти всё успело растаять. Здесь, на воле, во все стороны простиралась ровная пушистая пелена. Вот по такому снегу и загоняют охотники дичь, поднятую из логова.

Волкодав оглянулся на ставший чужим город. Аптахар не сводил с него глаз, и глаза у старого воина подозрительно блеснули. Авдика мрачно смотрел в землю.

– Лёгких дорог тебе, Аптахар, – попрощался Волкодав. – И тебе, Авдика.

Атталику он по-сегвански отсалютовал мечом, выдернув его из ножен и поднеся ко лбу рукоять. Юноша встрепенулся и торопливо ответил тем же.

– Ещё встретимся, венн! – сказал Авдика.

Волкодаву некогда было раздумывать, что именно вкладывал молодой сегван в эти слова. То ли доброе пожелание, то ли угрозу. Ворота начали закрываться.

Волкодав нимало не сомневался, что отыскивать дорогу к спасению предоставят ему. Но, как только сомкнулись половинки ворот, Эврих решительно тронул коня:

– Поехали! Я знаю куда.

Волкодав, у которого на такие вещи память срабатывала мгновенно, сразу спросил:

– Ты летом, кажется, говорил, будто знаешь верное место...

Молодой аррант уверенно кивнул.

– Да, это у Туманной Скалы. Если мы поспеем туда, нас уже никто не достанет.

В это очень хотелось поверить. Однако Эврих – с него станется – мог вывести их действительно к надёжному месту, а мог и к обыкновенной пещере, показавшейся ему надёжным укрытием.

– А что там? – подозрительно спросил венн, не торопясь пускать коня вскачь.

Эврих вздохнул, пожал плечами и просто ответил:

– Там Врата в мой мир.

– Как!.. Ты тоже?.. – задохнулся Тилорн, а Волкодав сейчас же припомнил слухи, ходившие о Туманной Скале. И мнение волхвов, обнаруживших там *силу*, определённо не злую, скорее – *странную*.

– Так, – сказал он. – Веди. – И, когда кони уже пошли рысью, спросил: – А почему ты думаешь, что нас там не достанут?

Эврих улыбнулся с гордостью посвящённого.

– Видишь ли, – объяснил он, подсакивая в седле в такт шагу коня, – Врата пропускают не всякого. Вещественным своим обликом они напоминают туманное облачко, и человек недостойный просто выйдет с другой стороны, даже не заметив, что там было что-то, кроме простого тумана. Достойный же переступит границу и проникнет в наш мир.

Волкодав хмуро осведомился:

– У вас там что, святые живут?

Эврих даже засмеялся:

– Нет, конечно! У нас всё бывает: и драки, и покражи, и несчастная любовь. Но вот если ты вознамеришься взять свою девушку силой или прикончить соперника... я хочу сказать, если ты будешь внутренне готов... однажды ты просто заблудишься в двух шагах от дома и покинешь наш мир, сам того не заметив. Окажешься здесь... – Эврих подумал и

добавил: – Или ещё где похуже.

Волкодав вдруг обиделся за свою землю, которую Эврих готов был объявить чуть не выгребной ямой, пристанищем негодяев, отвергнутых его миром. То есть дерьма здесь, конечно, хватало. Но ведь и красоты, и добра!..

– ...Ну да, арранты тоже, – увлечённо рассказывал между тем Эврих. – И сегваны, и кого только нет. Все племена! Наши учёные полагают, что в глубокой древности, когда люди меньше грешили, мир был единым. Потом Боги Небесной Горы разделили его, чтобы защитить праведных. Жрецы Богов-Близнецов, по-моему, подозревали, откуда я родом. Я, правда, не понимаю, зачем бы им нужна была тайна Врат? Они всё равно не смогли бы пройти. Никто не может быть уверен заранее, что пройдёт. Людям этого мира редко бывает свойственна безгреховная жизнь и чистота помыслов...

Выискался праведник, зло подумал Волкодав. И спросил:

– Самого-то тебя пустят обратно? Может, ты тут у нас такого набрался...

Молодой учёный запальчиво ответил:

– Есть люди гораздо лучше меня, варвар, но я по крайней мере не творил зла и крови не проливал!

После этих слов воцарилось неловкое молчание. Потом Зуйко, прижимавшийся к спине деда, сдавленно всхлипнул.

– Дедушка... Я тебя не слушался... – разобрал Волкодав.

Ниилит в отчаянии обернулась к венну, и он подумал, холодея, *какие грехи могли быть у подобного существа?..* Потом вспомнил веру её народа. Ниилит допустила, чтобы мужчины увидели её наготу. Она одевалась в одежду мужчины. Она и теперь, ради бегства верхом, облачена была в шаровары...

Волкодав вдруг люто обозлился и на этот хренов праведный мир, и на Эвриха, и на Врата, неведомые стражи которых вот сейчас станут хладнокровно взвешивать, кому из беглецов спастись, кому – погибать под мечами Лучезаровых молодцов. Три года назад, морозной зимой в северном Нарлаке, их с Матерью Кендарат не пустили в деревню переночевать. Как потом выяснилось, в деревне обитала секта поклонников Бога Огня. Эти люди самым похвальным образом желали быть чисты перед своим Богом. Ну а кто мог поручиться, что двое странников, среди ночи постучавшиеся в дверь, не вкушали в этот день рыбы?..

Вслух Волкодав, конечно, не сказал ничего. Он-то понимал, что Эврих, рассуждая о достойных и недостойных, говорил в первую очередь о нём, перебившем в своей жизни немало врагов. И не то чтобы кровь людей вроде Людоода или Лучезара так уж тяготила его совесть. Просто было ясно как Божий день, что ему в добрый мир не стоило и соваться. Да. Попробуй он подойди ко Вратам, те, пожалуй, не пропустят и остальных. Чтоб впредь разбирали, с кем связываться.

Варох вдруг приосанился в седле. Седую бороду, которую Волкодав когда-то сулил ему оборвать, развеивал ночной ветер. Он сказал:

– Вот что, грамотеи... Забирайте девку и мальчика и дуйте в эту Хёггову нору, где она там. А я своё прожил.

При бедре у него висел сегванский боевой нож чуть не в три пяди длиной. Страшное оружие. Если хорошо владеешь таким, не надо и меча. Волкодав, правда, ни разу не видел, чтобы старик с ним упражнялся. Ну да мало ли чего он не видел. Он мысленно спросил себя, *какие такие прегрешения могли быть у несчастного деда? А если что и водилось, неужто добрые дела ещё не искупили грехов?..*

– Дедушка!.. – взвыл Зуйко и так вцепился в плащ Вароха, что отдирать пришлось бы с мясом.

Мыш, не любивший снега и холода, отсиживался у Волкодава за пазухой. Ощувив напряжение между людьми, он выскочил наружу и с неистовым криком заметался над головами. Лошади остановились: никто не рвался ехать вперёд. Может, здесь в самом деле было полно грешников. Но друзей бросать ни один из них не привык.

– Да ну вас, в самом-то деле! – плачущим голосом сказал Эврих. – Мне, что ли, с вами помирать оставаться?..

А дурацкий вышел бы конец, подумалось венну. После таких-то мытарств. После предательства родни, продавшей в рабство племянницу. После железной клетки в подвале у Людоеда. После плена у жрецов и утраты сыновей... Вот так бездарно погибнуть у стен города, решившего выкупить свой покой нашими головами?.. Уже завтра галирады, наверное, приструнят Лучезаровичей. Но друг другу в глаза смотреть навряд ли возмогут. Только нам-то будет уже всё равно. И Эврих, дурак, наплёл неизвестно чего, а теперь из дурацкой же гордости вздумает остаться с нами на смерть...

– Вот что, – решительно проговорил Тилорн. – Мы поедем искать Врата все вместе. И вместе попробуем их пройти. Не отчаивайся, мастер Варох. И внучка зря не пугай.

Старик пробормотал что-то в бороду и толкнул пятками коня. Будь что будет, а только и на месте торчать было совсем ни к чему. Зуйко не выпускал дедова плаща и сидел уткнувшись лицом ему в спину, плечи мальчика вздрагивали. *Господь мой, Повелитель Грозы, мысленно взывал Волкодав. Возможно ли, чтобы Твоего заступничества оказался недостойн даже мальчишка?.. Огради этих людей, Хозяин Громов, а со мной поступи так, как я заслужил. Может, ты ради этого дня сохранил меня у Препоны?.. Я готов, Господи. Я готов...*

Кони несли их дальше, трусил возле копыт молодой пёс, и Ниилит спрашивала Эвриха:

– Кто же решает, достоин человек или не достоин?

Аррант неохотно ответил:

– Непросвещённые умы раньше усматривали там Привратников... То ли младших Богов, то ли могущественные светлые души... Теперь наши учёные всего чаще сравнивают Врата с обыкновенной дверью или же со щелью в стене. Проникновение туда, по их мнению, определяется свойствами самого человека. Один человек, говорят они, проникнет в узкую щель без труда, другой застрянет.

Волкодав сразу вспомнил страшный Людоедов подвал и тайную дверь, за которой чуть не остались гнить его кости.

– Учёные расходятся во мнениях, – несколько воодушевившись, продолжал Эврих, – что именно определяет судьбу человека, подошедшего ко Вратам. Большинство утверждает, что ширину, так сказать, щели следует признать для всех одинаковой. Но некоторые настаивают на том, будто Боги Небесной Горы всякий раз творят особенный суд...

...И вот тут-то Волкодав наконец постиг смысл предупреждения, что ниспослала ему тогда весной Хозяйка Судеб. Есть двери и Двери, понял венн. Да. Вот теперь его земной путь поистине завершался.

Место на свете, где можно выстроить дом, и мужчина, уходя из него, не станет бояться, что в его отсутствие дом ограбят и спялят враги. Где красивая девушка, встретив в лесу незнакомого мужчину, безо всякого страха говорит ему «здравствуй». Где цветут яблони и зреет малина, где шумит вековой бор, а ледяные ручьи с хрустальным звоном сбегают со скал...

И что за беда, если я этого никогда не увижу. Теперь я хоть знаю, что такое место ЕСТЬ. Есть страна, о которой издавна слагает легенды мой народ. И её в самом деле могут достичь мудрые и справедливые. А раз так, то не жалко и помереть на пороге этой страны...

Волкодав подъехал к Тилорну и спросил его:

– Чего добивался от тебя Людоед?

Учёный, не ожидавший вопроса, промедлил на полмгновения дольше, чем следовало. Волкодав увидел в его глазах сомнение – стоит ли, мол, говорить. Венн хлопнул Тилорнова

коня ладонью по крупу, проворчав:

– Обойдусь я и без твоих тайн.

– Я... – пристыженно начал Тилорн.

Волкодав перебил:

– Я сказал, обойдусь!

Ещё накануне он, пожалуй, крепко обиделся бы на Тилорна. Другое дело, накануне он не стал бы и спрашивать. Теперь он никакой обиды не почувствовал. Просто окончательно выяснил, что в этой Двери не было скрытого механизма, который стоило бы ради него запустить. Потому что Тилорн, как и Эврих, считал его недостойным. И был прав, наверное. А впрочем, даже и это никакого значения уже не имело.

Между тем Мыш, вновь устроившийся поспать у него под меховым плащом, насторожился, вспорхнул, метнулся назад, в сторону города, потом вернулся, повис над головой у Серка и завизжал, трепеща в воздухе крыльями. Волкодав прислушался и спустя некоторое время услышал то же, что и чуткий зверёк. Там, далеко, лаяли собаки, пущенные по их следу. След был отчётливо виден, ничего выискивать не приходилось; просто кто-то хотел, чтобы свора остановила беглецов, а получится, так и вывалится в снег. Чтобы не надо было спешить, гоняясь за дичью.

Варох снова потянулся к ножу...

– Мы прогоним собак! – подала голос Ниилит. – И лошадей!

– Собаками, – непререкаемо заявил Волкодав, – займусь я. Скачите, я догоню.

Они топтались на месте, слушая переключку быстро приближавшейся своры.

– Сказал, скачите! – рявкнул Волкодав. И так это у него получилось, что кони прижали уши и порскнули с места. Молодой пёс задержался было, заглядывая венну в глаза. Но тоже ощутил приказ Вожака и со всех ног помчался следом за лошадьми.

Слушая свирепое, с подвывом, гавканье, Серко волновался и танцевал. Каменная уверенность седока всё же заставила его постепенно успокоиться.

Волкодав спешил и стал ждать.

Довольно скоро он различил на мгlistой равнине с десятков ярких двойных огоньков. Ночная темнота была прозрачна для его глаз, и он увидел за каждой парой огоньков плотную тень. Они подсакивали вразнобой, словно поплавки на волнах, и стремительно приближались. Поджарые, легконогие, страшные сольвенские волкодавы. Они вряд ли уступали веннским свирепостью и быстротой, только были гораздо брехливей. Они и теперь заливались кровавым бешеным лаем. Лютые твари, которым было всё равно кого рвать. Думать они не умели. За них обо всём подумали люди.

Волкодав ждал, стоя молча и неподвижно.

Псы наконец увидели его, и лай слился в какое-то надсадное стенание. Они готовы были выскочить из шкуры, только чтобы подоспеть к нему поскорее. Каждый рвался первым взлететь к его горлу. Горящие глаза, облитые пеной клыки...

Но потом...

Их носы обоняли впереди ЧЕЛОВЕКА. А при нём – испуганного коня и летучего маленького зверька, сидевшего у человека на голове. Их глаза уверенно сообщали им о том же. Но вот рассудки... куцые рассудки ищек упрямо видели впереди ВЕЛИКОГО ВОЖАКА. Неповиновение которому стало бы поистине несмываемым срамом для всего пёсего рода.

Свора начала в нерешительности замедлять бег. Потом вовсе остановилась. Собаки не понимали, как быть. На человека, даже вооружённого, они кинулись бы без раздумий. Но Тот, что стоял теперь перед ними, каким-то непостижимым образом был ещё и Псом. И в Его присутствии хотелось скулить и ползать на брюхе.

«Кошачье отродье! – хлестнул стаю разящий гнев Вожака. – Шелудивые облезлые шавки! Да как осмелились?..»

Конечно, Волкодав сказал им это без слов. Собаки слышали только оскорбительный рык, низкий, жуткий, зловещий. И безошибочно почувствовали за ним страшную силу.

Все сомнения кончились! Предводитель стаи, здоровенный чёрный кобель с разорванными в драках ушами, припал на снег и униженно подполз к Волкодаву на брюхе. Он чувствовал себя ничтожным щенком, готовым обмочиться от ужаса.

Нагнувшись, венн взял его за шкуру, приподнял над землёй и хорошенько встряхнул. Кобель засучил лапами, тонко и жалобно моля о пощаде. Оттрепать его таким образом было под силу разве высшему существу.

С этого момента свора была окончательно готова делать всё, что ни прикажет ей Великий Вожак. Захоти Волкодав, он, наверное, мог бы бросить псов даже против преследователей. Но он не захотел. Для собак это было бы крушением мира не меньшим, чем посягательство на Вожака. Волкодав не стал обречь на это четвероногую родню. Это было бы слишком жестоко. Люди между собой не ладили, людям и разбираться.

Когда к месту их встречи добралась погоня, сольвенны так и не поняли, куда запропастились собаки. На снегу не было крови, не было похоже, чтобы здесь шла борьба. Иные из Лучезаровичей на всякий случай схватились за обереги: если верить следам, получалось, что человек и собаки стояли друг против друга и... разговаривали. Потом человек как ни в чём не бывало сел на лошадь и поехал дальше, а свора, бросив погоню, устремилась в другую сторону. В ближний лес – и одним Богам ведомо, куда дальше.

– Это Тилорн! – зарычал Канаон, возглавлявший погоню. – Давно пора было спалить колдуна!

– Спалим, – кивнул Плишка. – А над ведьмой сперва как следует позабудимся.

Более опытные в чтении следов, однако, заметили, что человек, говоривший с собаками, вроде берёт правую руку.

– Венн?.. – удивился Плишка, а Канаон проворчал, начиная смутно догадываться:

– Может, не зря его Волкодавом зовут?..

Отроки из числа ездивших в Велимор подтвердили, что собаки на венна не лаяли никогда. Даже очень злые и совсем незнакомые. Плишка со смехом пообещал Канаону:

– Если ты его и теперь на мечях не одолеешь, я, так и быть, тебе помогу.

В нескольких поприщах от них Волкодав, действуя одной рукой и зубами, неторопливо и тщательно свивал петлю из ремешка. Из того, на котором носил бусину. Этой петлёй он привяжет к руке меч, когда настанет пора встретить погоню. Распушенные волосы стегали его по плечам.

У самой Туманной Скалы Волкодав не бывал ни разу, но знал, что дорога туда вела по самому берегу моря. Сперва она тянулась вдоль узкой полоски песка между прибоем и глинистыми береговыми обрывами, потом начинала карабкаться в скалы. Там и летом-то было не очень просто проехать. А выпадет снегу хоть немного побольше, Туманная Скала сделалась бы вовсе недоступна. По крайней мере, для конных.

Недавняя буря раскачала в море волну. Зыбь с грохотом вкатывалась на галечный пляж, и в узких местах шипящая пена смачивала копыта жеребца. Последний шторм пришёл с северо-западной стороны: тяжёлые гряды волн мерно шествовали как раз туда, где скалистые берега залива тесно сдвигались, заканчиваясь тупиком у подножия Туманной Скалы. Даже против ветра был слышен далеко разносившийся гром. Волкодав невольно задумался, каково будет лезть вверх по обледенелой тропе, висевшей, должно быть, прямо над грохочущей преисподней, и сердце у него ёкнуло. Ладно все остальные, но вот старый Варох?.. Венн сильно подозревал, что двое целителей потихоньку трудились над хромотой старика. Однако вне дома сегван по-прежнему пользовался костылём.

Волкодав очень надеялся, что его друзья одолели по крайней мере часть тропы, но увидел, что ошибся, и зло выругался вполголоса. Они ждали его у начала подъёма, хотя он внятно велел им не ждать. Они бестолково сгрудились кучкой, держа коней под уздцы, и тревожно вглядывались в темноту. Что, интересно, они стали бы делать, если бы вместо Волкодава из-за поворота берега на них вылетела погоня?..

Венн спешился и сразу коротко велел:

– Вперёд.

– А что собаки?.. – робко спросила Ниилит.

– Собаки, – проворчал он, – убежали и не вернутся.

Эврих, которому досталось ехать на бывшем Лучезаровом вороном, восхищённо оглянулся:

– Друг варвар, неужели ты умудрился запутать следы?..

Огрызаться сейчас на *варвара* было бы уже полным ребячеством. Но и тешить праздное любопытство арранта Волкодав не собирался.

– Может, и умудрился, – буркнул он неприветливо. – Веди давай, праведник.

У Эвриха вдруг задрожали губы. Он спросил, чуть не плача:

– Ты меня теперь до конца дней праведником будешь дразнить?..

Волкодав шевельнул здоровым плечом и ответил:

– Нет, наверное.

Хорошо бы они предвиделись впереди, эти самые дни. А там уж они с Божьей помощью разобрались бы, кого как называть.

Тропа наверх вправду была узкой и вдобавок местами обледенела так, что беглецы не решились ехать верхом. Первым, ведя вороного, двинулся Эврих. Мыш взвился над головами, полетел разведать, что там хорошенького впереди. За Эврихом двинулись внучек и дед, потом Ниилит и Тилорн. Волкодав поручил Тилорну Серка:

– Мне с одной рукой...

На самом деле он просто хотел идти самым последним. До Туманной Скалы было ещё неблизко, и он предвидел, что без схватки не обойдётся.

Мудрец взял у него повод и решительно начал:

– Я хочу сказать тебе, Волкодав...

– Потом скажешь, – перебил Волкодав. – У Эвриха на блинах.

И легонько подтолкнул учёного в спину, чтобы тот зря не мешкал.

Если идти по тропе вверх, то скала была слева, а обрыв – справа, и это радовало. Неплохое преимущество для левши. Найти бы ещё удобное местечко выше по склону, где-нибудь там, где от случайного взгляда вниз становится холодно в животе. Если не задержать Лучезаровичей, Эврих и остальные просто не доберутся до Врат. Не успеют. И праведность праведностью, но, что бы там ни молот начитавшийся книжек аррант, Волкодав не видал ещё двери, которую нельзя было бы выломать. А что получится, если злодей попытается прошмыгнуть в добрый мир, уцепившись за руку хорошего человека?.. Этого, наверное, не знал даже Эврих, не то что Волкодав. А если Волкодав чего-то не знал наверняка, он должен был проследить самолично.

Как у Препоны.

Вот только к Препоне в самый последний момент всё-таки подоспел Винитар. Сюда не подоспеет никто. В том числе и витязи Правого. Даже если тому скажут и он их вправду пошлёт...

Волкодав потянул носом воздух, убедился, что скоро станет светать, и полез вверх по тропе. Вернулся озябший Мыш, уцепился коготками за куртку и полез в тепло. Это оказалось непросто: мешала привязанная к телу рука. А меховой плащ Волкодав снял и повесил на седло Серка.

– Сейчас, – сказал венн. Остановился и левой рукой оттянул ворот. Зверёк сейчас же юркнул за пазуху и блаженно свернулся внутри. *Что бы я без тебя делал,* подумал Волкодав. Улыбнулся и пошёл дальше.

Тропа вилась вверх, следуя изгибам каменного откоса и делаясь то ýже, то шире. Иногда она сворачивала в ущелья, и тогда грохот морских волн делался глуше, зато между скалами начинало гулять причудливое эхо, заставлявшее неумолчный накат плакать и

разговаривать почти человеческими голосами. Прислушайся повнимательнее и разберёшь, о чём говорят. Волкодав попробовал представить себе, каково здесь было в тихие дни, когда море еле слышно роптало внизу. Жутковато, наверное. Потому что тогда по ущельям наверняка перешёптывались тысячи призраков. Да. Ничего удивительного, если благоразумные галирадцы издавна опасались странного места. Не говоря уж о том, что здесь и люди, говорят, пропадали. Теперь-то понятно, куда они уходили.

...А если это постарались сами неведомые создатели Врат, желавшие отвести недостойных или движимых пустым любопытством?.. Сколько ни смотрел Волкодав, он не мог обнаружить на тропе следов работы человеческих рук. Но вряд ли ветер и вода проточили бы в скалах такое ровное русло, целеустремлённо поднимавшееся от песчаного берега до самого подножия Туманной Скалы. А впрочем...

В других местах дорога снова превращалась в узкий карниз и зависала над бездной. Внизу, далеко под ногами, сталкивались в чудовищной пляске, пожирали и опрокидывали друг друга исполинские водяные валы. До противоположного берега можно было докинуть стрелу. Даже из сегванского лука, заслуженно презираемого племенами настоящих стрелков. В чём было дело – во внезапной узости залива или в каких-то особенностях дна, – но только волны тут взвивались на страшную высоту. Волкодав положил было себе спросить у Тилорна. Потом усмехнулся собственным мыслям.

В берестяной книжке, которую он по-прежнему всюду таскал с собой, осталась непрочитанной одна-единственная страница.

Последняя.

За многие века море выгрызло под Туманной Скалой настоящий котёл. Волны врывались в него, наседая друг на дружку, и так обрушивались на гладкие гранитные стены, что брызги и пена порой достигали тропы. Зимой, наверное, сосульки здесь намерзали невообразимыми бородами. Океан неистово ломился внутрь суши, и порой под его напором вся масса воды, не находившая выхода из каменного тупика, принималась тяжело раскачиваться взад и вперёд. Море угрожающе клокотало и пятилось так, что над вздыбленной поверхностью выступали макушки затопленных скал. Тогда снаружи начинала вспухать водяная гора. Она росла и росла, потом вскидывалась клубящимся гребнем и наконец обрушивалась вперёд. Тут уж вправду содрогались утёсы, а путники силились вжаться в твердь, пытаясь как-нибудь успокоить храпящих коней. Морской Хозяин бесчинствовал глубоко внизу, но каждый раз казалось, будто непомерная волна вот-вот слизнёт всех со скалы. Или попросту разнесёт в пыль карниз под ногами...

Если бы не двое кудесников, умевших приглушить испуг лошадей, те давно обеспамятели бы от страха, вырвались из рук и, конечно, погибли бы. Но присутствие Ниилит и Тилорна делало своё дело: беглецы продвигались вперёд. Хотя и медленно. Слишком медленно.

Волкодав погоню не услышал. И не увидел, хотя на востоке уже вовсю разгоралась заря. Он её просто почувствовал. Тот не воин, кто не ощущает приближения опасности и позволяет застать себя врасплох. Венн оглянулся назад и вздохнул, припомнив десяток очень удобных мест, где, будь у него вторая рука и в ней лук, он один взялся бы остановить приличный отряд. И притом уложить народу по числу стрел в туле, а то и побольше. Он не считал себя великим стрелком, бывали и метче. Но на этой тропе человека было достаточно подтолкнуть, а то и пугнуть, заставить поскользнуться, потерять равновесие. И гибель его будет такова, что остальные задумаются, надо ли рваться вперёд.

Знал бы где, соломки бы подстелил, подумал он зло. И почему я заранее не попросил Вароха сделать пращу?..

Волкодав выгнал из-за пазухи Мыша, и проворный зверёк взлетел ему на голову. До подножия Туманной Скалы оставалось всего несколько сотен шагов.

В начале подъёма Тилорн то и дело оглядывался, проверяя, как там Волкодав. Но венн шёл уверенно и легко, хотя раны наверняка его мучили. Потом Тилорну стало вовсе не до него. Два коня, порученные мудрецу, требовали полного сосредоточения. Тропа огибала плечо утёса, одновременно круто устремляясь наверх. Здесь Волкодав решил, что лучшего места для встречи с Лучезаровичами ему не найти, и остановился. Тилорна он предупреждать не стал, только провожал учёного взглядом, пока тот не скрылся в очередной расщелине. *Ну вот и слава Богам. А то ведь ума хватит вязаться.*

Набрать подходящих камней внизу Волкодав не догадался, а здесь это оказалось непросто. Всё же он разыскал увесистый осколок гранита, подкинул его несколько раз на ладони и приготовился метнуть в лоб первому, кто появится из-за поворота. Способность различать тихий звук среди грохота пока ещё его не покинула, и скоро, несмотря на гул моря, он расслышал за каменным ребром приглушённую ругань, шарканье шагов и звяканье металла. Ближе... Ещё ближе... Волкодав изготавился для броска... Мыш спутал все его планы. Внезапно взлетев, зверёк бесшумной молнией метнулся за поворот. Почти сразу оттуда донеслось испуганное восклицание, сменившееся жутким нечеловеческим криком. Крик звучал ровно столько времени, сколько требовалось тяжёлому живому телу, чтобы долететь до воды. Мыш немного проводил падавшего, потом вернулся к Волкодаву и вновь устроился у него на голове.

Лучезаровичей стало на одного меньше. Зато теперь они знали, что всего в нескольких шагах их ждут. Вернее, подозревали засаду. На некоторое время там замешкались. Волкодав услышал голос Канаона: нарлак отдавал приказы. Потом из-за скального плеча осторожно выглянул молодой воин.

Руку с камнем Волкодав держал у плеча, и камень полетел без промедления. Юноша стремительно шарахнулся назад и, понятно, оступился, но не упал: жестокий урок не пропал даром, к его поясу была привязана крепкая верёвка. За скалой снова помедлили. Кто-то с кем-то осторожно поменялся местами. Но вот наконец из-за камня, сам подобный ожившему валуну, выдвинулся великан в двухпудовой броне, под которой могучие плечи ходили, как под тонкой рубашкой. Канаон! Вот уж кого ни с кем не спутаешь.

Волкодав держал в руке меч, и петля на запястье была прочно затянута. *Когда-то я с тобой разговаривал,* подумал он, глядя на Канаона. *Я тогда не хотел тебя убивать. Это было давно.*

Бывший воин полосатых жрецов отличался не только невероятной силой, но ещё и редким искусством. Бедняга Итерскел по сравнению с ним был попросту безобиден. Волкодав присмотрелся и увидел верёвку, привязанную к поясу Канаона.

– Сдавайся, телохранитель! – зарычал могучий нарлак. – Мои ребята взобрались наверх по другой дороге, и твоих приятелей уже перехватили! Если сдашься, я, может быть, оставлю им жизнь!

Волкодав промолчал, потому что на сей раз щадить Канаона он не собирался. Нельзя сказать, чтобы от слов головореза у него совсем не дрогнуло сердце. Но и веры Канаону у него не было никакой. Вот если бы тот держал за шиворот мальчишку Зуйка, тогда другое дело. Хотя и тогда он ещё очень подумал бы, прежде чем сдаться.

Он издевательски улыбнулся Канаону и сплюнул себе под ноги.

Канаон устремился вперёд. Волкодаву пришлось отступить перед его натиском, иначе тот просто смёл бы его, как лавина. На узкой тропе было не развернуться, спасибо и на том, что она давала ему, левше, некоторое преимущество. *Интересно,* подумал Волкодав, *кто всё-таки её создал? Те, кто первыми разведал добрый мир и, может быть, с боем уходил ко Вратам, спасая мудрых и праведных?.. И что с ними было потом, ведь ТУДА их, полных кровью, не взяли?..* Спросить бы волны, размеренно громыхавшие внизу. Наверное, они одни и знали ответ.

Лучезаровичи уже огибали скалу следом за своим вожаком. Кое у кого были в руках луки и самострелы. Большой меткостью это воинство, правда, не отличалось. Дружинные полагали луки не самым достойным оружием, ведь лук убивает издалека. Они упражнялись в

стрельбе больше ради охоты на зверя. Да и в лесу, выхваляясь мужеством, предпочитали рогатину. Они и теперь не стреляли: опасались попасть в Канаона. Волкодав пятился назад, шаг за шагом.

Немного дальше тропа снова пряталась, делая поворот. Туда опять вёл довольно крутой и порядком обледенелый подъём. В некоторых местах наледь была оббита копытами лошадей, а кое-где и обухом топора. Коням расчищали путь, чтобы они не сорвались. Канаон всё посматривал Волкодаву под ноги, и венн догадывался, чего тот хотел. Чтобы он поскользнулся.

И Волкодав поскользнулся. Он потерял равновесие, взмахнул рукой и стал заваливаться навзничь. Канаон мгновенно занёс меч и с торжествующим рёвом прыгнул вперёд – добивать. Занесённый клинок уже опускался, когда обе ноги Волкодава вдруг выстрелили вверх. Всё тело выгнулось дугой, так что на земле остались только плечи и шея, а ступни в мокрых, облепленных снегом сапогах врезались Канаону в нижние рёбра. Удар был страшный. Если бы не сплошной кованый нагрудник, нарлак с расплюснутым нутром умер бы на месте. Броня дала ему пожить ещё какое-то время. Он был почти вдвое тяжелее венна, но его приподняло над тропой и швырнуло за край обрыва. А уж когда конец меча Волкодава перерезал верёвку, привязанную к его поясу, про то и знал один Волкодав.

Надо отдать должное Канаону: он не проронил ни звука и даже не выпустил меча из руки, пока летел навстречу гибели. Лучезаровичи замороженно следили за тем, как кувыркалось в воздухе его тело. Там, внизу, не выплыть было и нагишом, не то что в тяжёлых доспехах.

Волкодав не стал терять время попусту. Движение, отправившее Канаона к Морскому Хозяину, его самого поставило на ноги. Он был пока невредим, если не считать свирепой боли в потревоженных ранах и особенно в перебитой руке. Но двигаться он ещё мог, а значит, боль следовало терпеть. Да ведь и недолго осталось.

Он не стал дожидаться, пока очнувшиеся Лучезаровичи утыкают его стрелами. Он отскочил назад и спрятался за каменным выступом. И там прижался спиной к скале, силясь отдышаться и утирая заливавший глаза пот. Он знал, что сразу Лучезаровичи к нему не полезут. Они и так потеряли двоих, причём потеряли глупо и страшно, по собственной самонадеянности. Спешить им незачем... Или была всё же причина для спешки?

Оттуда, где он стоял, был уже виден город. Восходило солнце, и Волкодав впервые увидел Галирад весь целиком с высоты. И понял, что кнесинку не зря тянуло сюда летом. Самому ему некогда было любоваться снегом на крышах, нежно-розовым и чистым, ещё не замаранным копотью мастерских и хлебных печей. Он увидел только, что во дворе крома было полно народу, и один большой отряд скакал улицами, а другой выезжал за городские ворота. Зрение у Волкодава было очень острое, но даже и ему отдельные всадники казались крохотными, медленно ползущими точками. Не было никакой возможности разглядеть, кто же возглавлял передний отряд. Трое впереди скакали бок о бок... Кнес, Правый и... Эртан? Внутреннее чутьё подсказывало ему, что без вельхинки тут вряд ли обошлось.

Венн улыбнулся. Стало быть, усмирение Лучезаровых молодцов состоялось куда быстрее, чем он ожидал. Им даже дом Вароха не позволили сжечь. Волкодаву недосуг было выискивать глазами знакомый двор, но огонь или чёрную прореху пожарища он уж точно бы разглядел. Может, и не стоило удирать из города, бросая кров и добро?.. Может, да, а может, и нет. Они всё-таки самых ретивых приспешников убиенного Лучезара с собой увели. Потому-то, наверное, с остальными и удалось управиться миром.

Волкодав слушал возбуждённые голоса воинов за скалой и понимал, что те вот-вот двинутся дальше. И, как бы ни гнали коней кнесовы витязи, никому они помочь уже не успеют. Разве только прижмут изменников на тропе и побросают их вниз.

Неожиданное происшествие дало ему ещё немного отсрочки. Лучезаровичи вдруг истошно загалдели, и Волкодав посмотрел вниз. Канаону, оказывается, не довелось без помех опуститься на дно и упокоиться там рыбам на радость. Грохочущая волна подхватила его и с маху швырнула о скалы. Одна нога попала в трещину, и тело нарлака повисло вниз

головой, раскачиваясь и ударяясь о камень. Зрелище было жуткое. Лучезаровичи не могли оторвать глаз и только обсуждали, точно ли умер Канаон или ещё жив и не получится ли его вытащить. Волкодав тоже подумал об этом и решил, что вытащить мертвеца было возможно, но потребуются полдня. Пока одолеют нависшие над тем местом утёсы, пока спустят на верёвке паренька, ловкого, неробкого и к тому же лёгкого телом... Если только до тех пор сумасшедшие волны не утянут Канаона обратно. Сумели докинуть, значит, сумеют и снять.

Лучезаровичи тоже это смекнули, и Волкодав понял, что передышка кончается.

Почти сразу у него за спиной тропа опять ныряла в ущелье, и оно, кажется, выводило уже на самый верх. Туда придётся отступить, когда они, потеряв ещё одного-двух человек, выгонят его и отсюда. Кто у них теперь был за старшего?.. Волкодав прислушался и понял, что Плишка. Плишка обычно держался как бы в тени гиганта нарлака, но Волкодав крепко подозревал, что сольвенн попросту был гораздо умней. То-то жрецы, у которых оба служили, доверяли роль подставного бойца именно Плишке. У Канаона ума не хватило бы справиться.

– Эй, венн! – весело окликнул вдруг Плишка. – И что вы туда, наверх, лезете? У вас что там, пещера?..

Не твоего ума дело, зло подумал Волкодав и приготовился драться. Рубашка под кольчугой неприятно липла к телу, промоченная п#243;том и кровью из отворившихся ран. Ну ничего. Ещё сколько-то он продержится. Да и умрёт не один. Если только у Эвриха и остальных хватит соображения...

Шорох торопливых шагов за спиной заставил его стремительно оглянуться. А потом – яростно выругаться. К нему, скользя ногами в гладкой каменной горловине, поспешно спускались Эврих и Тилорн. Оба неизвестно зачем тащили с собой копья. От того, как они держали оружие, сразу захотелось заплакать. Волкодав повернулся навстречу и свирепо прошипел:

– Мне вас что, своими руками прикончить? А ну...

– Мы мужчины, – с достоинством ответил Тилорн. – Мы будем отбиваться вместе с тобой.

Давно уже Волкодав не испытывал такого отчаяния. Он был готов самолично обезоружить обоих, наставить кровавых синяков и вытолкать в шею. Но тут Эврих заметил на той стороне бухты подвешенного вниз головой Канаона. Тело нарлака тяжело раскачивалось под ударами волн. Когда вода отступала, по камням начинала течь кровь. Следующая волна слизывала её без остатка. Жадные чайки уже примеривались к мертвецу.

Храбрый Эврих позеленел, точно девушка, увидевшая дохлую крысу.

– О Боги Небесной Горы!.. – выдохнул книгочей. И спросил заплетающимся языком: – Он... сорвался?

– Может, и сорвался, – буркнул Волкодав. – А может, я малость помог. Кому сказано, без помощничков обойдусь!

Тут из-за каменного ребра выглянул воин, и Волкодав мгновенно изготавился к обороне, но мысль учёного обогнала его меч. На сей раз, правда, Тилорн не стал ни принимать стойку, ни помогать себе боевым криком. Волкодаву показалось, будто мимо пролетела докрасна раскалённая иголка и клюнула сольвенна в грудь. Венн ожидал, чтобы парня смахнуло с тропы, как те поленья, что у него на глазах одним взглядом скидывал с лавки Тилорн. Или чтобы Лучезарович, охваченный неопишным ужасом, кинулся назад и, милостью благосклонных Богов, на кого-нибудь налетел. Ни то, ни другое! Молодой воин просто застыл, глядя расширенными глазами в пространство перед собой.

– И долго он так?.. – спросил Волкодав.

– За полчаса поручусь, – ответил Тилорн. – Бежим скорее наверх, друг мой.

Что такое «полчаса», Волкодав не имел ни малейшего представления. У него дома время измеряли в нитках, выпрядаемых опытной мастерицей. Оставалось предположить, что Тилорн обозначал этим словом хоть какую-то протяжённость. Ещё Волкодав подумал, что создатели тропы не могли не предусмотреть там, наверху, последнего рубежа. На котором он и встанет уже насмерть. Придётся отступить туда, ибо иным путём выдворить наверх двоих

не в меру храбрых книжечеев не представлялось возможным. Молодой сольвенн всё так же стоял в неподвижной, напружиненной позе. Не очень-то его и обойдёшь.

– Пошли, – кивнул Волкодав и сунул меч в ножны. Клинок всё ещё оставался чист. По счастью, прадедовский меч был не из тех, что отказываются возвращаться в ножны, не испив вражеской крови.

Последний подъём оказался крутым и тяжёлым. Оставалось только диву даваться, как это кони прошли здесь, не переломав себе ног. *Нет*, окончательно решил Волкодав, *тропа содалась не сама по себе. Её создали. И очень расчётливо.*

Эврих вознамерился доказать своё мужество и хотел идти последним. Волкодав посулился не пожалеть уцелевшей руки и придушить проходимца, если будет перечить.

Обещанного Тилорном «получаса» им не дали. В гулком каменном коридоре были отчётливо слышны все звуки, долетавшие снизу. Очень скоро Лучезаровичам наскучило ждать назад своего передового и втуне гадать, куда он подевался и почему из-за выступа до сих пор не слышно ни шума схватки, ни крика. Они осторожно выглянули за каменное ребро и сразу увидели своего сотоварища, заколдованного Тилорном. Обойти его не удавалось, растормошить – тоже. Причём крепкое, сильное тело всячески противилось попыткам изменить его положение. Кто-то предложил попросту добить отрока и сбросить его вниз: всё равно, мол, ему незачем жить, замаранному злым чародейством.

– Я те добыю!.. – заорал Плишка.

Но тут послышались другие голоса:

– Очнулся, очнулся...

– Это я его освободил, – устало поморщился Тилорн. – Ты же понимаешь, он...

– Понимаю, – сказал Волкодав. – Лезь давай.

Одно дело – честно свалить врага в битве, и совсем другое – всё равно что связать его и связанным оставить на смерть. Хотя можно не сомневаться, что он-то с тобой это сделал бы без колебаний. Волкодаву трудно было осудить совестливого учёного. Но столь же трудно оказалось отделаться и от паскудной мыслишки: *не хочет убивать. Боится, к праведникам не возьмут!*.. Он знал, что дело было не в том. Действительно паскудная мысль, недостойная ни его, ни Тилорна. Но вот явилась откуда-то. И упорно лезла на ум.

– Ты мог бы их... напугать? – тяжело дыша, спросил он Тилорна. – Или там... ещё что-нибудь?

– Я попробую, – ответил тот. – Многовато их, правда. Да и... С тобой у меня, как ты помнишь, не получилось. И с ними, боюсь, будет не легче. Это ведь воины.

Больше они не разговаривали. Дно ущелья стало чуть более пологим, и они побежали. Погони ещё не было видно, но сзади долетали крики и топот. Наверху, в узкой прорези неба, метался Мыш и плыла макушка Туманной Скалы, цеплявшая утренние облака.

Старый Варох сжимал в потной ладони рукоять длинного боевого ножа. Когда-то давно, в молодости, он совсем неплохо владел им, но сколько же лет минуло с той поры! Тем не менее старик был странно спокоен. Сейчас всё завершится, и длиннородый Храмн примет его. Так же как принял его сыновей. Потому что он, как и они, погибнет в бою. А внучкá, Зуйка, Врата не отвергнут. Не посмеют отвергнуть. Не может такого быть, чтобы отвергли!

Ниилит с мальчишкой стояли рядом, придерживая храпящих, садящихся на задние ноги коней. Все трое неотрывно смотрели на устье теснины, откуда должны были появиться их спутники.

Первыми выскочили наверх Эврих и Тилорн, следом, несколько приотстав, выбрался венн с Мышом, ухватившимся за плечо. Почти тут же из ущелья вылетел тяжёлый самострельный болт и расплющил наконечник о каменное подножье Туманной Скалы. Он прошёл слишком высоко, он ещё ни в кого не мог попасть, но кони затанцевали пуще прежнего, а Ниилит испуганно ахнула. Молодой пёс разразился яростным лаем.

Тропа кончалась площадкой шагов десяти в поперечнике. С одного боку она обрывалась в гудящую, утробно громахающую пустоту, с других сторон высились неприступные стены утёсов. Кое-где виднелись устья пещер, но бежать явно было больше некуда и прятаться негде. Туманная Скала исполинским каменным пальцев указывала в небеса. Она стояла здесь с рождения мира. Она будет точно так же стоять здесь и завтра, и ещё через тысячу лет. И точно так же будут огибать её вершину розовые облака.

Достигнув площадки, Волкодав первым долгом поискал глазами местечко, удобное для обороны. Он был уверен, что найдёт его, и нашёл. Да вот беда – оно было предназначено не для одного воина, а самое меньшее для двоих. Двое с луками, способные один другого прикрыть, могли превратить выход наверх в смертельную ловушку для сколь угодно большого отряда. Одиночка с мечом тоже мог продержаться здесь какое-то время. Пока его не расстреляют в упор.

Только потом Волкодав увидел Врата. Никакого сомнения – это были они. Словно балансируя на грани обрыва, в воздухе висел плотный сгусток клубившегося под ветром тумана. С виду – самое обыкновенное облачко, которых здесь, наверху, было в достатке. Вот только ветер почему-то никак не мог оттащить его в сторону и только рвал края, и солнце зажигало в серой глубине мгновенные радуги. Счастлив, кому по ту сторону облачка вправду откроется праведный мир. Недостойного ждал полёт вниз, навстречу прожорливым волнам.

Ниилит сразу подбежала к Тилорну и крепко обняла его. Она зашептала по-саккаремски. Волкодав, сам того не желая, разобрал несколько слов. Девушка признавалась Тилорну в любви.

– Уходите! – косясь в сторону ущелья, закричал Волкодав. – Давайте живей!

Сам он не собирался даже и пробовать. У него не было ни малейшего желания висеть изуродованным на скалах где-нибудь по соседству с Канаоном. Да ещё чтобы душа вылетела из тела, унося с собой мысль о том, что оказалась-таки недостойна доброго мира!.. Нет уж. Он погибнет в бою. Погибнет так, как ему всегда и хотелось, – защищая тех, кого полюбил. А меч уж сам небось о себе позаботится, если не захочет опять попадать в услужение к злым людям...

Мастер Варох поймал за шиворот внука и неожиданно швырнул его прямо в руки молодому арранту:

– Давай, книгочей... побереги мальчика. А мне и тут хорошо.

– Дедушка!.. – закричал Зуйко, отчаянно вырываясь.

Волкодав, стоявший лицом к тропе, услышал сзади нечленораздельный вопль и невольно обернулся. Эврих, бессвязно крича по-аррантски, с перекошенным лицом бежал к обрыву, силой таща за руки сразу обоих – деда и внука. За ними испуганно рысили два коня: их поводья старый сегван додумался привязать к своему поясу. Вот Эврих подскочил к самому краю, бешено оттолкнулся... и прыгнул в облачко, увлекая за собой мальчишку и старика. Волкодав непроизвольно присел, вжимая голову в плечи... Он стоял чуть-чуть ниже Врат. Он был внутренне готов к тому, что вниз вот сейчас пронесётся тело, а то и не одно. Но Боги не пустили. Эврих со спутниками канул в туман, и тот принял их, пропустив неизвестно куда. Кони, побуждаемые натянутыми поводьями, без раздумий скакнули следом, и за ними, гавкая, – пёс. Безгрешному зверью сомневаться было не в чем.

Тогда-то Волкодав понял, что ему делать. Из расселины уже доносился топот бегущих ног и громкая, забористая ругань, но венн всё-таки выпустил из руки меч, чтобы сунуть в рот пальцы и резко, коротко свистнуть. Это был сигнал, хорошо знакомый Серку. Боевой конь мгновенно насторожил уши: хозяин приказывал скакать следом за другими. Могучий жеребец заржал и в два прыжка пролетел всю площадку. Недаром его порода славилась стремительным и необоримым рывком. Ноги Ниилит мелькнули в воздухе: она держала Серка под уздцы и попросту упорхнула с ним вместе. Тилорну повезло меньше всех. Его конь сорвался скакать следом за Серком, как, собственно, и рассчитывал Волкодав. Учёный держал повод намотанным на запястье, за что и поплатился: его сбило с ног и провезло по камню спиной. *Будем надеяться,* сказал себе венн, *в том мире травка. Или мягкий снежок.*

Ему очень не хотелось думать, что по ту сторону зияла такая же пропасть. Добрый мир и встречать должен добром.

Мышь с тревожным криком бросился вслед за Тилорном, стремительно влетел в серую пелену – и тоже пропал.

Вот когда Волкодаву стало радостно и легко на душе, как давно уже не бывало. Вот теперь всё в самом деле кончилось, и кончилось хорошо. Ему не в чем было себя упрекнуть. Отомщённые души Серых Псов смогут возвратиться с Острова Жизни, чтобы обрести новую плоть на земле. Государыня кнесинка гостила у ичендаров, и свирепые горцы никому не позволят поступить с нею против её воли. И те, ради кого Боги отмерили ему лишнего полгода жизни, стали недостижимы для зла этого мира. А в Самоцветных горах он поистине совершил всё, что по силам было одному человеку. Показал путь.

Волкодав расхохотался в лицо воину, первым выпрыгнувшему из теснины, и встретил его страшным ударом меча, разбив в брызги и его клинок, и шлем, и русоволосую голову под шлемом. Воин был тот самый, которого Тилорн сперва заколдовал, а потом освободил. Жалость к врагам Волкодава очень редко обременяла. А забота о собственной праведности – и того реже. Без толку радеть о том, чего всё равно нет. Следующий перепрыгнул через откатившееся под ноги мёртвое тело и бросился на венна. Волкодав мягко прыгнул вбок, уходя от удара. Кончик узорчатого меча поймал неприятельский клинок и завертел его, направляя в землю, потом с быстротой презрительного плевок взвился вверх, к шее. Кровь ударила толстой, в палец, струёй, облив стену расщелины и заставив других Лучезаровичей отшатнуться. Но замешательство продолжалось недолго. У кого-то всё же хватило выносливости и смекалки принести с собой щиты. Длинные сольвенские щиты, вытянутые книзу, чтобы коварный недруг не уметил мечом по ногам. С каждого, белое на красном, смотрело Лучезарово знамя: зверь вроде кошки, привставший на задние лапы. Сразу четверо заслонились этими щитами и живой стеной ринулись на Волкодава, отесняя его назад. Не будь он покалечен, он просто перемахнул бы эту стену. И, чего доброго, прямо на лету снял бы голову самому невезучему. Но большому телу нынче не было веры – пришлось отступить. Не прятались за камнями остроглазые ребята с тугими веннскими луками, некому было прикрыть его отступление. Он знал, что будет дальше. Сейчас появится Плишка и осадит глупцов, остервенело лезущих на площадку. А потом выпустит вперёд несколько человек с самострелами. И те его попросту изрешетят.

Щитоносцы между тем вознамерились вчетвером прижать его к скале и сообща зарубить. Ничего не получилось. Волкодав легко ушёл в сторону, и крайний из воинов закричал не своим голосом, обронив щит вместе с рукой.

В расщелине появился Плишка и заорал:

– Назад, недоумки!..

Волкодаву захотелось спросить его: *кто ты такой? Как вышло, что дружинные у вас, двоих наёмников, оказались на побегушках?..* Он понимал, что ответа скорее всего никогда не узнает. Мало ли чего теперь никогда больше не будет.

– Стрельцов сюда!.. – снова заорал Плишка.

На открытой площадке укрыться было негде, а по пещерам пускай прячутся крысы. Волкодав выпрямился во весь рост и с издевательской усмешкой смотрел, как они целились. Всё равно в его доме теперь жили чужие. Шестеро выстрелили почти одновременно. Откуда они могли знать, что перед ними стоял воин не им, сирым, чета. Спусковые устройства ещё освобождали тетивы, когда венн мгновенно присел, повернулся, и узорчатый меч сверкнул в стремительном взмахе. Три стрелы прошли мимо и расщепились о равнодушный гранит Туманной Скалы. Ещё три улетели неизвестно куда, отброшенные широким клинком. Смущённые парни торопливо принялись перезаряжать самострелы.

– Живее, безрукие! – подгонял воинов Плишка. – Живее!

Сейчас он покончит с ненавистным телохранителем, потом уже выяснит, где спрятались остальные.

Один из стрельцов вдруг бросил оружие наземь.

– А не пошёл бы ты! – зло встретил он подлетевшего наёмника. – Сам стреляй, коли кишка тонка на мечех!..

Он тоже был с Лучезаром в походе. Плишка хотел оттолкнуть его, но передумал. Просто поднял самострел, сам занял место отрока и поднял ложе к плечу.

– Не умеешь стрелять, – пробормотал он, – так не берись!

На сей раз у Волкодава получилось хуже, потому что били в упор, а его и так ноги держали с трудом. Две стрелы он отбил мечом, ещё две располосовали кожаную куртку и вильнули в стороны, скользя по кольчуге. Последние две попали и воткнулись до перьев. Одна в бедро, другая, пробив привязанную руку и кольчугу под ней, в грудь. Двойной удар отбросил Волкодава назад и опрокинул его навзничь. Он упал и остался лежать неподвижно.

Лучезаровичи сдержанно зашумели и качнулись к нему.

– Назад! – рявкнул Плишка.

Он сам подойдёт первым. Он заберёт меч и голову венна, а с ними и славу. А если Лучезаровы отроки уже сейчас посматривали на него с изрядным презрением, так это мало что значило.

Грозный венн по-прежнему не шевелился. Осторожно подошедший Плишка пнул его в раненое бедро и убедился, что венн был либо мёртв, либо очень близок к тому. Изувеченное тело не отозвалось на жестокий пинок ни стоном, ни судорогой. Плишка перешагнул через него и ногой попробовал вытеревить из неподвижной руки черен меча. Закостеневшая ладонь никак не раскрывалась, к тому же Плишка увидел, что меч был привязан, и решил помочь делу ножом.

Железные пальцы вдруг стиснули его лодыжку, невыносимо смяв кости и плоть даже сквозь бычью кожу сапога. Оживший венн рывком выдернул из-под наёмника землю. Плишка вскрикнул от неожиданности и стал падать. Уже на лету Волкодав слегка подправил его, и сольвенн ухнул за край. Он успел извернуться и схватиться за самую кромку. Но тут его всем телом ударило об откос, и пальцы не выдержали, соскользнули. Плишка полетел вниз, барахтаясь в воздухе. Лететь ему пришлось долго.

Волкодав с большим трудом привстал на одно колено. Добивать его было вовсе не обязательно. Просто подождать немножко, и он свалится и умрёт сам. Всё-таки он поднял голову, утёр рукавом кровь, бежавшую по подбородку, жутко ощерился и прохрипел, держа меч наготове:

– Ну?!..

...Это только в сказках благородные враги низко кланяются умирающему герою и отступают прочь, оставляя его наедине с Небесами. Винитар, может, так и поступил бы. Но не Лучезаровичи. Они устремились вперёд... и в это время в туманном облаке за спиной Волкодава наметилось какое-то движение.

Первым, разорвав быстрыми крыльями серую клубящуюся пелену, наружу вылетел Мыш. И тотчас с отчаянным боевым воплем полоснул какого-то сольвенна по лицу коготками. А следом за Мышом на площадку перед Вратами разом выскочили три человека. Вот так и появляются рассказы о небесных воителях, посланцах Богов. Двое, мужчина и юная девушка, без промедления вскинули руки в отвращающем жесте. Осанке и взгляду робкой Ниилит позавидовала бы сама воительница Эртан. Третий, золотоволосый аррант, обнял начавшего валиться Волкодава:

– Держись, друг варвар... Держись, не умирай!

Не смей называть меня варваром, хотел сказать Волкодав, но сил не хватило. С открытых ладоней Тилорна и Ниилит сорвалось нечто – умеющему видеть это показалось бы сполохом бледно-лилового пламени. Оно ударило в лица Лучезаровым воинам, и те с криком отпрянули, как от огня. Воспользовавшись их замешательством, девушка и двое мужчин за что попало схватили тяжёлого неподвижного Волкодава и со всех ног потащили в туман, и крылатый зверёк, последний раз плюнув в обидчиков, умчался следом за людьми. В лицо Волкодаву дохнуло солью и холодом, и почти сразу он перестал слышать крики сольвеннов. Ему показалось, его тащили больно уж долго, гранитному уступу, да и жизни, давно пора

было закончиться. Уже теряя сознание, он успел смутно подумать: *и что они надрываются, ведь всё равно...*

Но Ниилит, Тилорну и Эвриху было, как видно, не всё равно.

1 ноября 1992 – 7 февраля 1995

Мария Васильевна Семенова

Волкодав: Право на поединок

Роман «Волкодав. Право на поединок» является продолжением ставшего национальным бестселлером «Волкодава». Вновь опасные приключения ждут последнего воина из рода Серого Пса, того, кто своим мужеством и благородством завоевал право на поединок со Злом.

Волкодав
1 ноября 1995-22 октября 1996

Мария Семенова
Право на поединок

Автор сердечно благодарит:

Своих родителей, имевших терпение все это выслушивать, а также: фантаста Павла Вячеславовича Молитвина, парамедика Павла Львовича Калмыкова, сэнсэя Владимира Тагировича Тагирова, и всех своих товарищей по татами: мастера Вадима Вадимовича Шлахтера, бывалого человека «Медведя», инженера по компьютерам Хокана Норелиуса (Швеция), за ценнейшие соображения и бескорыстную помощь!

Ты – всё за книгой, в чистом и высоком,
А я привык тереться меж людьми.
Тебя тревожат глупость и жестокость,
А я – мне что! Меня поди пройми.

Различие наше – в чём-то самом главном.
Я хмур и зол. Ты – светоч доброты.
Тебе не стать как я, а мне подавно,
Мой славный друг, не сделаться как ты.

Твою учёность превзойдут едва ли,
А дело к драке – тут меня держись.
И, может статься, Боги не дремали,
Таких несхожих выпуская в жизнь?...

1. Бортник и его сын

Отгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым мертвенным серебром. Бледный свет скользил по пушистым еловым ветвям, окутывал мерцающей дымкой круглые холмы предгорий и сообщал чеканную ясность далёким вершинам Засечного кряжа. Вдоль говорливой протоки, в которой полоскала белые кисти только что расцветшая черёмуха, шагали, направляясь в сторону гор, двое путешественников. Один был стройный молодой аррант с красивой шапкой тугих золотистых кудрей и тонкими, изысканными чертами лица. Такие лица нередки в знатных коренных семьях Аррантиады. Он и одет был, по обычаю своей страны, в льняную рубашку, плащ и сандалии. Юноша улыбался, с видимым удовольствием вдыхая ночной холодок. Так смотрит вперёд человек весёлый и смелый. Будь кругом посветлее, на пальцах у него обнаружили бы следы чернил.

Второй мужчина был на полголовы выше арранта и заметно шире в плечах. В отличие от спутника, он не был похож на точёную старинную статую, зато двигался, по давней привычке, совершенно бесшумно. Он шагал босиком, неся на плече мягкие кожаные сапоги, связанные тесёмками. Лунный свет метил резкой тенью длинный шрам на левой щеке. Шрам тянулся от века до челюсти, пропадая нижним концом в короткой густой бороде. И смотрел этот человек вперёд совсем не так, как аррант. В светлых глазах не было ни улыбки, ни предвкушения. Он привык рассчитывать на худшее и ждать любых пакостей от судьбы. И судьба ни в коем случае не могла бы похвастаться, что он эти её пакости безропотно принимал.

– Скоро придём, – сообщил он своему спутнику. Сам он был из племени веннов, но по-аррантски изъяснялся без акцента, со столичным изысканным выговором; учитель в своё время попался уж больно хороший. Кудрявый парень обернулся на ходу, вопросительно посмотрел на него, и венн пояснил: – Дымом пахнет.

Аррант потянул носом и ничего не почувствовал, но на всякий случай кивнул. Говорит – пахнет, значит, действительно пахнет. Сейчас ещё скажет, что там варят на ужин. Аррант был гораздо образованней и учёней своего сотоварища, но некоторые поступки и качества венна трудно было измерить убогими человеческими мерками. Например, его нюх. Или способность видеть в темноте почти так же хорошо, как днём. Когда приличные люди не могли различить ни зги, он способен был собирать иголки, раскиданные в траве. Хватало и иных странностей. У венна даже не было порядочного человеческого имени, только прозвище: Волкодав. Оно, впрочем, удивительно ему подходило. И он однажды обмолвился, будто предок его рода в самом деле был Псом-оборотнем, спасшим Праматерь племени от лютых волков... Молодой учёный про себя полагал подобные рассказы чепухой, досужими выдумками варварского племени. Но бывали моменты, когда...

А впрочем, по большому-то счёту, какое это всё имело значение? Да никакого.

Венн шёл следом за аррантом, в трёх шагах, и не без некоторого раздражения думал о том, что они ещё недостаточно удалились от Врат. А значит, неперенное желание Эврива провести эту ночь под жилой крышей было, мягко говоря, порядочной придурью. Пару лет назад Волкодав успел-таки с избытком наследить в здешних местах. И вовсе не рвался зря мозолить глаза. Эврив честно объяснил ему причину своего желания. Всякий раз, проходя Вратами в этот мир, он до урчания в животе боялся самой первой встречи с его обитателями. Ну, а от того, чего боишься, следует либо по возможности бегать – в чём немного достоинства, да и получается не всегда, – либо набраться смелости и шагнуть навстречу, а там будь что будет. Так он и теперь хотел поступить, и в этом Волкодав был с ним совершенно согласен. Другое дело, мог бы грамотей обождать с утверждением духа и до той стороны перевалов. Где некому будет узнать одиноких странников, озлиться и устроить погоню... Так нет же, вздумалось доказывать свою храбрость прямо сейчас. До дела дойдёт – кому, спрашивается, отдуваться придётся?... Волкодав ворчал про себя, шагая вперёд, но вслух не говорил ничего. Милосердные Боги привесили ему язык не тем концом, который требовался для красноречия. Дешевле будет не связываться и заглянуть-таки на дымивший поблизости двор. Не сплошь же разбойники здесь живут. Хотя и не подарок, конечно, – сегваны. Давние переселенцы, выжитые со своих северных островов нашествием Ледяных Великанов. Эти великаны жили и разрастались в горных долинах. Временами они высовывали оттуда грязно-белые пятки и сталкивали с земли всё, что попадалось: дом – так дом, огород – значит, огород. Оттого островные сегваны уже не первое поколение семьями переправлялись на материк. Иногда они забывали, что едут не на дикое место. О том, чем в таких случаях порою кончалось дело, Волкодав вспоминать не любил. Потому что тогда у него начинали чесаться шрамы от кандалов на шее и на запястьях и хотелось, как когда-то, задушить первого попавшегося под руку сегвана. А это было плохо и недостойно потомка Серого Пса.

Ещё Волкодав видел, что хозяин близкого уже двора был бортником. Венну несколько раз попадались на глаза дуплистые липы, отмеченные особым знаменем: тремя вертикальными полосами, перечёркнутыми косым крестом. Волкодав про себя отметил, что человек, наносивший знамёна, чтит Правду лесную и не обижал доброе дерево, приютившее медоносный рой. Бортник не ранил коры, чертил знаки как подобало, кистью и краской. Может, и вправду с ним можно дело иметь...

Потом мужчины вышли на обширную поляну, и венн поблагодарил Лешего за тропинку. Воистину жаль было бы топтать спящие цветы, покрывавшие поляну от края до края. В северном конце виднелись ульи, сплетённые, как было принято у сегванов, из толстого соломенного жгута.

Скоро между деревьями показался и двор, обнесённый высоким, крепким забором. По ту сторону забора сейчас же в несколько голосов залились псы.

Бортник Бранох с чадами и домочадцами собирались уже ложиться спать, когда снаружи встрепнулись собаки. Люди в предгорьях, бывало, шатались всякие, а потому в дополнение к охотничьим лайкам Бранох год назад привёз с галирадского торга суку и кобеля знаменитой сольвеннской породы. Это были поджарые, остроухие, зубастые псы, исходящие бешеной злобой при малейшем признаке чужаков. И чуть не от рождения знающие, как поступать, если замахиваются ножом.

К прочной дощатой калитке извне было приделано кованое кольцо. Пока Бранох переглядывался с сыновьями, за это кольцо взялась решительная рука и громко постучала в гулкие доски. Делать нечего, мужчины вооружились копьями и пошли разбираться.

Сольвенские сторожа неистово хрипели в ошейниках и поднимались на задние лапы, натягивая цепи. Лайки вертелись и гавкали перед калиткой, но за забор не совались.

– Кто там? – не слишком ласково осведомился Бранох, раздвигая сапогами пушистые собачьи бока. – Кого Хёгг среди ночи по лесу носит?...

– Пусти до утра, добрый хозяин! – долетел снаружи звонкий молодой голос. – Мы мирные странники, людям никаких обид не чиним!

Бранох недовольно нахмурился. Ему не нравилась явная молодость говорившего. Да и в мирные намерения стоявших по ту сторону тына он, Хёгг проглотил, не больно-то верил. То есть, лучше сказать, не верил совсем.

– Идите-ка вы своей дорогой, перехожие люди, – посоветовал он незванным гостям. – А то как бы у меня злые собаки привязь не оборвали.

Двух ночей ещё не минуло с той поры, как такие же ночные пришельцы пожаловали к кострам пастухов, присматривавших за скотиной богатого соседа, сыродела. Сыр, сметану и знатное масло соседа уважали в стольном Галираде, не брезговал отведать и сам кнес, Глузд Несмеянович. Однако пришельцы никакого вежества не понимали. Нахально водворились к огню и потребовали, чтобы работники сейчас же зарезали им на ужин корову. Да не какую-нибудь старую и жилистую, а молодую, нежную и жирную. Висельников было числом семеро, пастухов больше, и пастухи затеяли было дать отпор. Однако нарвались на отъявленных вояк, наёмников, зарабатывавших на жизнь беспощадным умением драться... В общем, кончилось дело выбитыми зубами и сломанными рёбрами. Благодарение Храмну хоть за то, что никого не убили. Зато, словно в насмешку, прирезали самую лучшую молочную корову соседа, от которой добрый сыродел думал в этом году дожждаться ещё и телёночка. Остальных коров, разбежавшихся по лесу, пастухи и нынче ещё собрали не всех. Бортник тихо подозревал, что сосед, горько плакавший над искромсанной тушей любимицы, предпочёл бы похоронить вместо неё одного-двух разинь, не сумевших отстоять хозяйского стада. У самого Браноха работников не было, только сыновья, невестки да внуки. Пустишь чужаков в дом, ведь не оберёшься беды. А не пустишь – как разойдутся ещё улы-то поджигать... Не-ет, надо гнать сразу и так, чтобы обратную дорогу забыли. Тем более что младший сынишка, Асгвайр, уже прикинул острым молодым глазом к нарочно пробуравленному отверстию и обнадёжил:

– Их там, батюшка, всего-то двое и есть.

Бранох отстранил меньшого и посмотрел сам. Если бы перед калиткой переминалось двое беззащитных горбатых калек, почтенного сегвана, вероятно, уколола бы совесть. Но на вытопанной плещи стояли два крепких плечистых парня, по виду – сами кого хочешь сожрут. Особенно не понравился Браноху тот, что был повыше. У него, ко всему прочему, ещё и серебрился над правым плечом безошибочно узнаваемый черен меча, и бортник понял: Хёгг вывел к его подворью отставших приятелей тех семерых.

– Спускай Волчка! – велел он младшему сыну.

Ошейник лютого кобеля был пристёгнут к цепи особым хитрым устройством, за которое Бранох заплатил мастеру кузнецу два горшка лучшего цветочного мёда. Как ни рвись пёс, защёлка держала надёжно. Зато спустить мохнатого зверя легко могла даже маленькая внучка, не говоря уж про семнадцатилетнего сына. Не надо возиться, расстёгивать непослушную пряжку. Надави двумя пальцами – и пёс полетел...

...И пёс полетел. Бурой молнией через двор, оставив свирепую подружку беситься и подвывать на цепи. Потом, без задержки, в нарочно для него устроенный лаз под калиткой. Лайки звонким горохом выкатились вслед вожаку. За тыном испуганно вскрикнули. Сыновья бортника захохотали и полезли смотреть через забор. Самому хозяину вскакивать на приступок было вроде как не по достоинству, но и он не утерпел, вспрыгнул.

И очень вовремя.

Потому что глухой кровожадный рык Волчка вдруг сменился виноватым, просительным поскуливанием. Бранох воздел голову над забором и увидел, что грозный пёс протирал брюхом землю, ласкаясь к присевшему на корточки рослому незнакомцу. Кобель даже не то чтобы вилял хвостом – прямо-таки извивался всем задом, словно восторженный щенок. Остроухие лайки вертелись тут же, умильно визжали, почтительно обнюхивали бродягу, норовили лизнуть. Ну прямо родич любимый в гости пожаловал.

Бранох что-то не припоминал таких радостей, даже когда он сам, вскормивший хозяин, возвращался домой после долгой отлучки. Бортник почти суеверно подумал о том, что псы, кажется, в один миг успели возлюбить пришлеца, точно родного. И пожалуй, убежали бы следом за ним, вздумай только он их поманить. Мелькнуло и совсем тревожное: а вознамерься он их натравить на обитателей дома...

Между тем собачий родственник выпрямился. Луна светила ярко, и Бранох, без того жестоко ошарашенный поведением верных псов, загоревал окончательно. Волосы незнакомца были

заплетены в две косы и перетянуты ремешками. Венн!... Только этого племени ему тут ещё не хватало!...

Бранох вполголоса помянул трёхгранный кремь Туннворна и украдкой оглянулся на сыновей. Сыновья творили охранные знаки могучего Храма, Отца Премудрости, и Роданы, Подательницы Потомства. Все знают, что псы никогда не лают на колдунов. И ещё – на Богов, когда Они решают почтить людей Своим посещением. Но чтобы порядочный сегванский Бог явился в облике венна?... Ясное дело – колдун!

Тем временем венн обозрел головы бортникова семейства, торчавшие над тыном, и впервые подал голос:

– Может, пустишь собачек обратно во двор, хозяин? Да и нас с ними заодно...

Сказано это было безо всякой угрозы, но Бранох отчётливо понял: лучше пустить. Потому что венн, если пожелает, войдёт всё равно. И не помешает ему ни крепкий тын, ни четверо сыновей. Уж не поминая о внуках.

Бортник поднял из ушек крепкий брус и обречённо отворил калитку. Венн неторопливо двинулся внутрь. Свора преданно повизгивала, заглядывала ему в глаза. Его спутник, молодой красивый аррант, шёл рядом. Бранох отметил, что он взирал на происходившее с любопытством, но без особого удивления.

Пока хозяин двора и его сыновья растерянно соображали, как же поступать дальше, из дому вышла хозяйка, почтенная Радегона. И тотчас показала, что только женщина по-настоящему достойна править домом и вести племя. Она спокойно пошла навстречу жутковатым гостям, держа в руках большую свежую лепёшку, поджаренную по-сегвански, с луком и гусиными шкварками:

– Отведайте, добрые гости.

У Браноха сразу отвалился камень от сердца. Венн, а за ним и аррант низко поклонились женщине, оторвали по куску лепёшки и отправили в рот. Значит, вправду не держат за душу зла. Бортник с сыновьями подошли разделить трапезу, и только тут Бранох припомнил, что венн заговорил с ним, пока стоял перед калиткой. Не будь старый сегван настолько поражён изменой собак, он уже тогда сообразил бы, что можно не опасаться беды. Венны считали бесчестьем убивать тех, с кем довелось разговаривать. По их вере, слово накладывало узы не менее прочные и святы, чем совместно съеденный хлеб.

А впрочем,

сказал себе Бранох

, даже и венны, бывает, меняются, если подолгу не живут дома. И вообще, чего только не дождёшься от людей в нынешние времена...

– Посели, Асгвайр, гостей в клеть, – велел он младшему сыну. Асгвайром паренька звали на улице и во дворе. Под родной крышей, в ближнем кругу родни, жило совсем другое имя, и его случайным прохожим знать было незачем. И уж к домашнему очагу их, само собой, пускать тоже не стоило.

– Я странствующий учёный из благословенной Аррантиады, люди так и называют меня – Собиратель Премудрости, – представился спутник венна. – А это мой слуга и телохранитель. Я зову его Зимогором.

Бранох только кивнул, в свою очередь называя себя и семью. Он ничуть не сомневался, что имена гостей тоже имели весьма слабое отношение к истинным.

Двор внутри тына оказался устроен примерно так же, как и большинство сегванских дворов, виденных до сих пор Волкодавом. Посередине – длинный дом с единственной дверью, обращённой на юг. Дом напоминал продолговатую насыпь, снизу доверху заросшую травой и цветами; лишь в двух местах зелёный покров нарушали отверстия дымогонов. Волкодав знал, что внутри скрывался уютный бревенчатый сруб, очаги в полу, широкие лавки вдоль стен и спальные клетушки по числу малых семей. Снаружи стены и крыша дома были толсто засыпаны камнями и землёй и высланы дёрном. Переселившись с голого острова на материк, в изобильные лесом места, сегваны упрямо продолжали строить жильё по прародительскому завету. Только рубленые клетки, видневшиеся поблизости, были точно такими, какие ставили у себя коренные местные жители. Ну да клеть – это не дом с очагом, святости в ней немного.

Асгвайр отворил для гостей дверь, зажёл лучину, вставленную в кованный железный светец, и предложил стелить постели на опрятном берестяном полу. Пахло в клети хорошо: мёдом и хлебом. Асгвайр уже собрался прочь и прикрывал за собой дверь, когда в смыкавшуюся щель, беззвучно извернувшись в полёте, проскользнула снаружи большущая, с голубя, летучая мышь. Пока сын бортника испуганно соображал, как будет выпроваживать ночного охотника вон, ушастый зверёк деловито облетел покойчик кругом, а потом вспорхнул на плечо венну – и устроился там, словно на привычном насесте.

Выкатываясь за порог, Асгвайр всё же уступил жгучему любопытству и обернулся. И увидел, как Зимогор поднял руку и дружески погладил маленького летуна. А тот ласково потёрся мордочкой о его шею. Асгвайр чуть не споткнулся о собак, расположившихся у крыльца, и побежал в дом. Всё-таки колдуны!... Во имя волосатых ляжек Туннворна, колдуны!...

– Ну вот! – сказал Эврих, когда за юным сегваном бухнула дверь. – Как сейчас заложат с той стороны да подпалят, чтобы какой ворожбы не сотворили...

Венн хмыкнул:

– Ты под крышей ночевать рвался, не я.

Он не стал напоминать Эвриху о законе разделённого хлеба, чтимом, насколько ему было известно, простыми сегванами свято. В просвещённой Аррантиаде этот закон, как и многие другие незабываемые древние установления, был почти позабыт. Арранты по-прежнему встречали приезжих людей угощением, но уже немногие доподлинно знали, почему так. Вот пускай Эврих и боится. Впредь на пользу пойдёт.

Через некоторое время в дверь заскреблись. Волкодав, как полагалось «слуге и телохранителю», её отворил. Оказывается, это Асгвайр принёс позднюю вечерю гостям.

Волкодав принял деревянное блюдо, поблагодарил юношу и сказал:

– Отведай с нами угощения, сын славных родителей.

В таких случаях у сегванов упоминалось лишь об отце, но венн, выросший на том, что в семье правила мать, побороть себя не умел. Асгвайр осторожно присел на высокий, в локоть, порог. Мышь немедленно снялся с деревянного гвоздя, на котором висел, подлетел к хозяйскому сыну, сел рядом на толстое бревно и принялся любознательно обнюхивать его руку. Волкодав отметил про себя, что насторожившийся паренёк руки не отдернул.

На блюде лежало обычное сегванское угощение: ячменные лепёшки, жареная рыба, творог и мёд. И жбан с сывороткой, которой это племя запивало почти всякую пищу. И ещё печёная в сметане прошлогонья тыква, сохранять и готовить которую переселенцев научили местные сольвенны.

Асгвайр во все глаза смотрел на двоих чужаков. Он нисколько не сомневался, что аррант sluкавил, назвавшись странствующим учёным. Дураку ясно, что не бывает учёных таких молодых, загорелых и широкоплечих. Учёные – это длиннородые старцы, измождённые и высохшие за книгами. И если они путешествуют, то с целыми караванами стражи и слуг. А вовсе не с единственным телохранителем.

Заметив внимательный взгляд юноши, мнимый учёный обратился к нему:

– Медоносны ли пчёлы твоего батюшки, друг мой?

– Милостью Храмна, не жалуемся, – с готовностью ответил Асгвайр. Начало беседе было положено, и он отважился спросить: – Не в обиду будь сказано, куда ты держишь путь отсюда, почтенный? Наверное, в Галирад, на праздник?

Волкодав уже вытащил из запячного мешка небольшую чашку, покрошил в неё хлеба, рыбы, тыквы и творога и залил всё сывороткой – для Мыша. При этих словах Асгвайра он мысленно пробежал в уме все сольвенские праздники и удивился, не припомнив подходящего. Эврих, видимо, подумал о том же.

– Прости моё невежество, отпрыск славного батюшки, – медленно проговорил аррант. – Я давно не бывал в здешних местах. Какому празднику нынче радуются в сольвеннской державе?

– Ну как же! – в свою очередь удивился Асгвайр. – Государыня кнесинка подарила государю наследницу. Неужели ты не слышал?

Эврих, не утерпев, оглянулся на Волкодава.

– Я действительно давно не бывал здесь, – сказал он затем. – Больше двух лет. Когда я прошлый раз приезжал в Галирад, городом правил кнес Глузд Несмеянович, и он, к несчастью, был вдов. Как раз тогда он выдавал замуж дочь, но она, сколь я знаю, так и не доехала до

жениха... пропала где-то в горах. Это было большое горе. Возможно ли, чтобы кнесинка Елень...

– Да нет! – тряхнул головой Асгвайр, так что за плечами мотнулся длинный хвост русых волос, связанных шнурком на затылке. – Храму было угодно, чтобы государыня Елень Глуздовна так и не возвратилась. Глузд Несмеянович, храни его наши и сольвенские Боги, по-прежнему вождь и правит мудро и справедливо. Только теперь он снова женился, и жена родила ему девочку. То есть мы, сегваны, считаем, что лучше бы мальчишку, но по их Правде женщина тоже может наследовать...

Боязливая застенчивость понемногу оставляла его, он разговорился и был очень рад, что может чем-то удивить бывалых путешественников.

– Сколько я помню, кнес много зим скорбел по жене, – сказал Эврих задумчиво. – Кто же та, что сумела так счастливо утолить его скорбь?

– Она родом вельхинка, – ответил Асгвайр. – Вельхи, они и так гордые, а теперь вовсе зазнаются. Особенно ключинские, – слышал, может, это те, что на Сивуре живут. Теперешняя государыня раньше была воительницей и служила кнесинке Елень, когда ту везли к жениху. Я слышал, она вправду здорово дерётся и спуску никому не даёт. Она сражалась у Трёх Холмов и ещё потом, когда сопровождала дочь кнеса. Люди говорят, она ничего не боится. Ещё говорят, будто она очень красивая, хотя и черноволосая. Её зовут Эртан, дочь Мохты Быстрых Ног. Забавные имена у этих вельхов, правда?

Волкодав невольно отвернулся, пряча глаза. Он понял, о ком шла речь, сразу, как только услышал, что новая кнесинка была родом из вельхов. Эртан!... Венн вспомнил гордую голову в короне чёрных кудрей, бесстрашный взгляд серых глаз, маленькие руки, легко управлявшиеся и с тяжёлым мечом, и с поводьями стремительной колесницы... Полуобнажённое, залитое кровью тело и длинный нож, торчавший у левой груди... Госпожа кнесинка Эртан определённо найдёт, о чём рассказать маленькой дочери, когда та подрастёт и захочет стать воительницей, как мать.

– Как люди зовут девочку? – неожиданно для себя самого спросил он Асгвайра. И услышал в ответ:

– Любимой. По первой жене государя.

Эврих заговорщицки воздел палец, потом порывлся в кожаной сумке, вытащил глиняную бутылочку и налил понемногу в три кружки:

– Да продлят Боги Небесной Горы дни доброго кнеса и молодой кнесинки и да оградят Они безгрешную малышку от всякого зла!

Асгвайр искренне присоединился. Они выпили по глотку чудесного виноградного вина, привезённого с родины Эвриха. Ласковый жар тотчас разбежался внутри, помогая отвлечься от забот и насладиться беседой.

– Так ты, почтенный учёный, в Галирад направляешься? – снова спросил Асгвайр.

– Нет, – ответил аррант. – Мы теперь через горы, в Нарлак.

Волкодав про себя только покривился. И что за нужда была вот так вываливать чужому парню свои истинные намерения?... Нарвёшься на разбойного подсыла, а то вовсе на дурной глаз!

Эврих, однако, был воспитан иначе. За что время от времени и платился.

А у Асгвайра уже разгорелись глаза:

– В Нарлак!... Значит, не ошибся отец, и вы в самом деле друзья тем семерым?...

– Каким семерым?...

Асгвайр стал рассказывать о похождениях семёрки наёмников, наведшей страху на соседа-сыродела и его трусливых подпасков.

– Вот это люди!... – восхищённо смаковал он драку с работниками. – Таким никто не указ!

Захотели – и взяли, что приглянулось! Так всегда поступают герои. Пастухов было двенадцать, но они разбежались, как крысы!

Всё то, что самого Браноха приводило в ужас и возмущение, у его младшего сына вызывало восторг. Волкодав заподозрил, что у мальчика были крепкие нелады с кем-то из упомянутых пастухов и что выяснение отношений вряд ли обходилось без ссадин.

– Как я понял, среди той семёрки были сегваны, – продолжал Асгвайр. – Наши, островные.

Значит, не все ещё к земле приросли, не у всех вместо крови такая вот сыворотка потекла...

Волкодав сказал ему:

– Жалко, что они проходили не через ваш двор.

Он-то слишком хорошо знал, что наёмники вполне могли не только слопать корову и разметать ульи, но ещё и начать ловить за волосы пригожих сестрёнок Асгвайра. Однако тот не заметил насмешки.

– Ты прав: жалко! – вздохнул юный сорвиголоу. – Я попросился бы с ними! Что мне здесь, дома? Я четвёртый сын у отца. Я надеюсь, Храмн в Своей мудрости ещё долго не станет призывать нашего батюшку, но дойдёт ведь когда-нибудь и до наследства! И что мне достанется? Рой, вылетевший из улья?... Вот уж спасибо. А наёмники... Им щедро платит тот, к кому они нанимаются. И ещё они берут добычу. Что взял оружием, то и твоё, ни на кого не надо оглядываться! Их все девушки любят! А если они погибают, то погибают в бою, с мечами в руках, и Длиннобородый берёт их на небо, сражаться и пировать в Дружинном Чертоге! Волкодав про себя полагал, что сегванский Небесный Вождь таких вот наёмников если куда и отправлял, то разве в чернейшую преисподнюю, клацать зубами на вековечном морозе. Какому Богу любезны насильники и убийцы?...

– Ваши друзья наверняка идут в Нарлак по тропе, проложенной мимо Утёса Сломанных Крыльев, – блестя глазами, продолжал юный сегван. – Они тоже были пешком: горы у нас тут не очень высокие, только на лошади всё одно не проедешь...

Волкодав это знал. Здешний кряж потому и назывался Засечным, что нашествия из Нарлака можно было не опасаться.

– ...Но если вы возьмёте меня с собой, я покажу вам короткий путь. Там почти всё время надо лезть, но зато мы нагнали бы тех семерых ещё до Утёса...

– Они нам не друзья, – хмуро сказал Волкодав. – И мы тебя с собой не возьмём, даже если твой отец разрешит.

У мальчишки расцвели на щеках горячие малиновые пятна:

– Мне семнадцать зим, я взрослый мужчина! Такому, как я, в старину уже подарили бы боевой корабль, чтобы стал кунсом и славу себе завоёвывал! У меня и меч есть, вот! Я его в земле нашёл, вычистил!

Он даже забыл удивиться тому, что, когда дошло до самого интересного, речи неожиданно повёл слуга, а господин замолчал.

– И никакие они не герои, – точно не слыша, безжалостно приговорил Волкодав. – Ворьё и разбойники. А ты научился мечом владеть, ну и молодец. Может, пригодится дом защитить. Он видел, что Асгвайр оскорбился. Юный сегван так и заёрзал на месте и не наговорил резкостей только потому, что помнил о гостеприимстве. Терпи всё, что делает гость. Ибо почём тебе знать, кто перешагнул твой порог? Человек вроде тебя самого или дух лесной, похитивший людское обличье? Могущественный волшебник? Или вовсе Бог, надумавший проведать и испытать Своих чад на земле?... Легенды немало рассказывали, что случается с теми, кто обижает гостей.

Вот и Асгвайр – задушил бы этого Зимогора за оклеветанную мечту!... – вежливо посидел в клетке ещё какое-то время, рассуждая о вещах, никоим образом не касавшихся наёмников и воинской славы. Потом забрал опустевшее блюдо, пожелал добрых снов и ушёл.

Проводив его, Эврих не без некоторой торжественности раскрыл свою сумку, вынул из неё непроницаемый для сырости чехол и долго распутывал туго стянутые завязки. Наконец лучина, ронявшая угольки в корытце с водой, озарила пачку чистых пергаментных листов, чернильницу с навинченной крышечкой и перо для письма, составлявшее предмет особой гордости грамотея.

Это перо сотворил его добрый друг и учитель Тилорн, знавший многое, неведомое лучшим умам Верхней Аррантиады, не говоря уж о Нижней. Дивное писало могло сразу принять в себя изрядную толику чернил и потом отдавать их строка за строкой, не требуя постоянного обмакивания в сосуд с «кровью учёности».

Удобно разложив всё на полу, Эврих снял с пера наконечник и на некоторое время замер в задумчивости. Потом глубоко вздохнул, сосредоточиваясь, точно жрец перед божественной службой, помедлил ещё немного и наконец каллиграфически вывел на нетронутым гладком листе:

...ДОПОЛНЕНИЯ к Описаниям стран и земель, многими премудрыми мужами, в особенности же Салегрином Достопочтенным, донныне созданным, Эврихом из Феда скромно составленные.

Увы, рядом не было человека, способного разделить вдохновенный трепет творца, стоящего при начале нового замечательного труда. Труд, который, быть может, станет одной из жемчужин великой библиотеки немеркнущего Силиона. Одна книга Эвриха уже там хранилась, и это предьявляло к его новой работе особые требования. Аррант полюбовался заглавием, одновременно скромным и полным несуетного достоинства, и начал писать. Первые слова, открывающие книгу и потому особенно важные, были придуманы давным-давно.

Волкодав оставил его трудиться и вышел наружу. Небо было ясное, и он попытался разыскать на нём знакомую звезду. Звезду Тилорна. Ничего не получилось: мешала ярко разгоревшаяся луна.

«Как учит твоя вера о звёздах, друг Волкодав?» – спросил его однажды пепельновоусый мудрец. Дело было в Беловодье, вскоре после того, как они попали туда, кувырком вывалившись из Врат. Волкодав ещё с трудом двигался, медленно оправляясь от ран. Если бы расспрашивать его взялся Эврих, он бы, наверное, на всякий случай совсем не стал отвечать. С Эврихом держи ухо востро. Недорого возьмёт, посмеётся. Да ещё и варваром обзовёт. Тилорн тоже временами бывает хорош, но хоть нарочно издеваться не станет. И Волкодав ответил ему:

«У нас верят, что это глаза душ, глядящих с седьмого неба. Там Остров Жизни. Праведные души отдыхают на нём, ожидая новых рождений».

Тогда тоже стояла ночь, и над головами ярко горели негасимые лампы небес.

«А у нас, – сказал Тилорн, – полагают, что это просвечивают сквозь все небеса другие Вселенные. И каждая звезда – огромный огненный шар, светило иных миров».

Волкодав не стал возражать. Спорить он не любил. И потом, ему встречались верования ещё заумней. Даже такие, что вовсе не находили в мироздании места Богам. Ну мало ли какой зримый облик могли принять души, ожидавшие нового воплощения? Огненные шары были ничуть не хуже прочего...

«Видишь звёздочку во-он там, возле копыта Лосихи?» – спросил Тилорн.

«Вижу».

«Это мой дом, – грустно проговорил мудрец. – Я родился в мире, где светит эта звезда».

Как ни дико звучали его слова, Волкодав поверил сразу. Лгать Тилорн попросту не умел. Он был способен молчать даже умирая под пытками, но способностью ко лжи Хозяйка Судеб его обделила начисто.

«Ты, наверное, хочешь вернуться туда?» – только и спросил венн.

Тилорн вздохнул.

«А можешь?»

Тилорн снова вздохнул:

«Теоретически...»

Что такое теоретически, Волкодав уже знал. Это вроде того, что на самом деле голый и безоружный человек может кулаком свалить монотанского тигра. Но вот поди-ка соверши это в жизни!

«В чём загвоздка-то? – спросил Волкодав. – Колдовать разучился?»

«Можно выразиться и так», – кротко ответил Тилорн. Обычно он яростно отрицал всякую причастность к колдовству, упорно объясняя свои многочисленные лекарские и иные подвиги всего лишь наукой.

«Если, – продолжал Тилорн, – твоя лодка разобьётся на пустынном берегу, где нет ни единого дерева, лишь голый камень, ты ведь не сможешь её починить и возвратиться домой...»

«Почему не смогу? – удивился Волкодав. – Я добуду морского зверя или большую рыбину и кожей залатаю пробоину...»

Тилорн с печальной улыбкой посмотрел на него.

«А если лодка разбита в щепы? Ты сейчас скажешь, обломки можно поджечь и дать знать проходящему кораблю. Но мой кремень с кресалом затерялись там же, где и всё остальное».

Венны славились непроходимым упрямством, и Волкодав только пожал плечами:

«Всё, что затерялось, можно отыскать снова».

«Вот тут ты прав, друг мой, – сказал Тилорн. – Тем более что я хорошо знаю, где искать. Мне кажется, я смогу подать весть о себе, если заполучу одну-единственную вещь...»

«И далеко она разбилась, твоя небесная лодка?» – начиная соображать, что к чему, спросил Волкодав.

«Далеко... на острове у западного берега Озёрного Края. С некоторых пор я вынашиваю мысль побывать там. Могу ли я надеяться, друг мой, что ты пожелаешь сопровождать меня в путешествии?...»

«А вот об этом ты и говорить не моги! – мгновенно расвирепев, с неожиданной яростью зарычал Волкодав. – Ты по нашему миру уже разок погулял!... Я тебя лучше прямо здесь своими руками придушу!... Сам пойду, коли надо, и всё принесу! Чего выдумал!... Давно ни у какого Людоеда в клетке не сидел?...»

Для него это была необыкновенно длинная речь, и Тилорн сразу понял, что венн не шутил. Волкодав, впрочем, шутить вообще почти не умел. Пришелец со звезды растерянно попытался увещевать:

«Там требуются познания особого рода...»

«А ты растолкуй!» – мрачно посоветовал Волкодав.

«И надо уметь говорить и читать на моём языке...»

«Научишь!»

Эврих, наверное, не зря считал его самодуром. Невеждой, неотёсанным варваром, вздумавшим указывать чудесному мудрецу. Ну и пускай считает сколько угодно. Пока Волкодав жив, ничья жадность или жестокость более не заставит Тилорна страдать. Всё. А прочие могут давиться, если не смогут.

«Как называется твоя звезда?» – спросил он пепельноволового. Тот мгновение помедлил, потом грустно произнёс короткое слово. Так произносят только имена, исполненные величайшего священного смысла.

«Что это значит по-нашему?» – прислушался Волкодав.

«Солнце...»

А происходило это более двух лет назад.

Утро занялось тёплое и солнечное: следовало ждать по-летнему жаркого дня. Босой, в одних потрёпанных кожаных штанах, Волкодав умывался возле колодезя, когда к нему подошёл хозяин двора.

Только теперь, при ясном солнечном свете, Бранох во всех подробностях рассмотрел своего странного гостя. И то, что он увидел, ему весьма не понравилось. Венн выглядел законченным висельником. Браноха считали домоседом, но в молодости он погулял по свету и кое-что повидал. И потому, в отличие от сыновей, сразу понял, что означали две широкие, скверно

зажившие полосы на запястьях и третья такая же – на шее. Полосам было немало лет, но они не разглаживались. Такие бывают только от кандалов.

За что его отправили на каторгу, этого Зимогора?... Что успел натворить? И как вырвался?... Сплошное беспокойство.

Но на ремешке, стянувшем одну из кос, висела, радужно переливаясь на солнце, крупная хрустальная бусина. Значит, где-то любила и ждала Зимогора невеста либо жена, и это вселяло надежду. Глядишь, поймёт отца, испугавшегося за сына...

Из клетки чёрным клоком вылетел Мыш, коснулся влажного плеча венна, но передумал и уселся у колодезя на обрубок бревна. Бранох впервые видел ночного летуна, совсем не боящегося солнца. Венн, потянувшийся было за полотенцем, усмехнулся, вновь поднял ведро и окатил Мыша остатками холодной воды. Зверька сбило с бревна, он заверещал, барахтаясь в мокрой траве, потом вылез обратно на деревяшку и с удовольствием начал отряхиваться. Перепонку на одном крыле рассекала узкая полоска безволосой розовой кожи.

Зимогор улыбнулся, и тут Бранох окончательно сообразил, кого напоминал ему этот человек. Вот именно – собаку. Волкодава славной веннской породы, невозмутимого, нелающего, невероятно свирепого. Внешне эти псы были схожи с волками. И люто их ненавидели. И были знамениты тем, что даже от целой стаи не пускались в бегство, отстаивая тех, кому верно служили.

Зимогор поклонился подошедшему бортнику и стал вытираться.

– Не добром ты, достойный гость, платишь мне за ночлег... – сказал Бранох.

Венн вскинул голову, руки с полотенцем остановились.

– Что случилось, хозяин? – проговорил он медленно.

– Что вы наплели вчера моему младшему сыну? – вопросом на вопрос ответил Бранох. – Как посидел вечер с вами в клетке, так и носится, точно курица с отрезанной головой. Меч, в лесу найденный, вытащил, сидит точит, из дому затеял идти...

На словесные рассуждения Волкодав никогда не был горазд. Да и что ответить Браноху? Что они со спутником тут ни при чём и нечего валить с больной головы на здоровую?... Выручил Эврих, только что проснувшийся после учёных трудов.

– Вчера твой сын посчитал нас друзьями каких-то наёмников, почтенный, – пояснил молодой аррант. – Он, мне кажется, позавидовал смелости этих людей и решил попытать счастья в воинском деле. Мы, как умели, отговаривали его...

В это время бухнула дверь, и во дворе появился сам Асгвайр. Мальчишка был одет, как в дорогу, и на поясе у него висел в самодельных ножнах длинный меч. Асгвайр нёс кожаную заплечную сумку; следом спешила Радегона и пыталась эту сумку у него отобрать.

– О, – сказал Эврих, – я вижу, наших слов оказалось недостаточно для убеждения...

Когда-то давно, когда Волкодав был маленьким мальчиком и счастливо жил дома, он, по неразумной малости лет, с завистливым любопытством приглядывался к путешественникам, забредавшим порою в жилище его рода. Он во все глаза смотрел на проезжих людей, слушал их рассказы и мечтал посмотреть мир, как они. Теперь он, сирота, вот уже который год неприкаянно болтался по свету и завидовал тем, у кого был дом и в доме семья. Юному сегвану только ещё предстояло это постичь.

Асгвайр направился мимо венна к воротам, еле кивнув. Ни на отца, ни на братьев, ни тем более на плачущую мать он не смотрел. Станешь смотреть, кабы не отбежала решимость. Уж лучше воображать себя юным героем из сегванских сказаний. Те ведь тоже отправлялись на подвиги, не слушая увещаний матери и отца. А потом возвращались домой во главе дружин, с добычей и славой, удостоенные песен. И, смеясь, вспоминали, как их когда-то пытались не отпустить со двора... Сказания умалчивали лишь про то, сколько сгинуло не то что без славы, но даже и без вести.

Пригрози Бранох с Радегоной проклятием, может, и сумели бы удержать сына. Но к этому последнему средству прибегать они не спешили. То ли слишком любили своенравного младшенького... то ли не надеялись, что даже это его остановит. Мыш почувствовал напряжение между людьми, развернул крылья и встревоженно зашипел... Волкодав посмотрел на зверька и решил отплатить Браноху за гостеприимство.

Асгвайр чуть не налетел на него. Венн, которого парень вроде бы успел миновать, как из воздуха возник между ним и воротами.

– Сражаться решил? – негромко спросил Волкодав. – Ну, сражайся. Начни с меня...

Его меч, в знак большого доверия к хозяину, висел в клети, на деревянном гвозде. Асгвайр ошарашенно замер, сиюсья сообразить, как же это вот прямо так – и сражаться... Ладонь Волкодава тут же соприкоснулась с его челюстью в нежном юношеском пуху. Не больно, но очень обидно. Сын бортника отдернул голову и зло посмотрел венну в глаза. Лучше бы он этого не делал. Зеленовато-серые глаза смотрели куда-то сквозь него и были совершенно спокойными. Ни гнева, ни жалости, не говоря уже о боязни... то есть вообще ничего. Асгвайру вдруг сделалось необъяснимо страшно, и мысль о том, что дома тоже вроде неплохо, впервые посетила его... Нет! Он который год дрался с соседскими парнями, ходил даже на нож и гордился тем, что никогда не бегал от драки. Не побежит и теперь. Уж будто этот венн настолько сильнее того подгулявшего мельника на торгу, которого Асгвайр заставил целовать пыль!...

Дальнейшее быстро показало, в чём разница.

Юнец наскочил на Волкодава, точно неразумный щенок на взрослого пса. Он был поменьше ростом, но ненамного, и целился венну в скулу кулаком. Волкодав не стал уворачиваться, даже не отмахнулся. Просто шагнул вперёд. Совсем ненамного. Из всех, кто смотрел, один Эврих обладал достаточно наметанным взглядом, чтобы увидеть, как он всем телом скользнул под удар, повернулся и резко присел, а потом разогнулся, сделав что-то руками.

Асгвайр беспомощно повис у него на крестце и стал судорожно цепляться за одежду венна, чтобы не свалиться вниз головой и не свернуть себе шею. Он даже не замечал, что его держат с надёжностью деревянных тисков.

Усмехаясь в усы, Волкодав неторопливо прошагал по заросшему ромашкой двору в угол забора. Почтенная Радегона ахнула и дернулась оборонять младшенького, но Бранох удержал её за руку. Он-то видел, что венн направлялся к куче соломы, приготовленной для устилания пола. Туда Асгвайр и полетел вверх тормашками, как в перину.

Когда он поднялся, его трясло от ярости и унижения.

– Ты – гость! – выкрикнул он, сметая с волос и одежды сухие былинки и нашаривая сбившиеся за спину ножны. – Ты – гость и только потому ещё жив!...

– Гости разные бывают, – сказал Волкодав. – А за меч лучше не берись – порежешься ненароком...

Как и следовало ожидать, Асгвайр тотчас рванул из ножен клинок и устремился прорубать путь на свободу.

...С тем же успехом. Когда он выпутался из кучи соломы и снова встал на ноги, венн держал отобранный меч на ладонях, рассматривая длинное лезвие.

– Жаль, – сказал он. – Дураку достался.

Асгвайр помнил только неожиданную боль, вывернувшую запястья, и то, как помертвевшие пальцы разжались сами собой. Позднее он сообразит, что венн мог без большой натуги смахнуть ему голову с плеч его же мечом. Но пока было не до того.

– Отдай!... – взвился он, в третий раз бросаясь на Волкодава.

Тот едва обернулся навстречу. Рука, метнувшаяся к мечу, была поймана за мизинец. И Асгвайр заплясал на цыпочках, судорожно хватая ртом воздух. Когда Великая Мать, Вечно Сушная Вовне, создавала боль, Она наделила её свойством остужать самый яростный норв.

– Уймись! – сказал Волкодав, осторожно укладывая бортникова сына в траву. – Не в том счастье!

Он положил отнятый меч и выпустил Асгвайра. Мальчишка мгновенно вскочил, подхватил оружие, бегом промчался через двор и скрылся за домом. Волкодав досадливо покачал головой и подумал о том, что рановато выпустил парня. Он хотел кое-что посоветовать непоседе. Но теперь не ловить же его.

– Всё-таки ты был не прав, – сказал ему Эврих, когда они уже шли лесом, забираясь всё выше в предгорья. Каменистая крутая тропа, по которой даже в самом начале трудно было бы проехать, вилась берегом речки. Речка называлась по-сольвенски, просто и понятно: Бурлянка.

Я у тебя

, подумал венн,

никогда прав не бываю.

Вслух он этого говорить, конечно, не стал, а Эврих продолжал свою мысль:

– Ты унижил его, и разве он стерпит? Теперь он точно из дому побежит, чтобы всем доказать. Нет, друг варвар, кулаками – это не вразумление.

– А ты где был, умный? – огрызнулся Волкодав. Он не терпел, когда аррант называл его варваром. К тому же и кулаков он в ход не пускал. Уж Эврих-то мог бы заметить. Однако в словах арранта содержалась толика правды, и это особенно злило. – Вот и объяснил бы ему, коли я не умею!

– А то стал бы он меня слушать, – хмыкнул Эврих. – Он же с вечера только на тебя и смотрел. Волкодав промолчал. Возражать смысла не было. Если Асгвайр не вовсе дурак, он обдумает случившееся и сам всё поймёт. И останется дома. Потому что это очень плохо, когда внуки умирают не там, где умерли деды. И втройне плохо – идти искать славы, покупая её убийством людей. Если уж так не сидится на месте и душа жаждет воинского служения – Галирад стольный под боком и кнес с дружиной, иди в отроки попросись. Может, возьмут... Спутаться с наёмниками – наверняка себя погубить. Скверно, если он даже и такой простой вещи внушить юнцу не сумел...

И что грызёт? С чего он вообще взял, будто его каким-то боком касались дела Асгвайра и его семьи?... Мало ли с кем на день-два сводила жизнь, чтобы тут же разлучить навсегда!

За горами лежал нарлакский город Кондар. Там тоже был морской порт, хотя и не такой большой, как в Галираде. Посуху через Засечный кряж ходили налегке и пешком. Те, кто путешествовал с имуществом и товарами, предпочитали трёхдневное плавание по морю. Тропа лезла вверх по каменному склону, одетому шишковатой бронёй пёстрых от лишайника валунов. Между валунами вгрызались корнями в твердь двадцатисаженные ели. Сквозь опавшую хвою по сторонам тропинки пробивалась кислица.

Выбравшись на гребень самого первого склона, Волкодав остановился подождать Эвриха и обернулся назад. Холмы предгорий катились вдаль, точно мягкие зелёные волны. Среди сплошных лесов блестели озёра, струились, бурлили протоки. Волкодав нашёл глазами озерко, возле которого стоял бортников двор, но ни дома, ни тына не видать было под густой сенью деревьев. А далеко-далеко за озёрами и лесами изгибалась широкая отсвечивающая полоса. Великая Светынь, Мать-река всего веннского рода. Волкодав поклонился ей, простёршейся у самого горизонта, потом посмотрел на запад. Там, за непроходимой прибрежной грядой, раскинулось тускло-голубое море, сплошь усеянное островами. Утёсистый кряж, окутанный дымкой, закрывал устье Светыни и город, раскинувшийся на берегу. Волкодав рассмотрел только видимый с огромного расстояния ровный каменный гонец, воздетый в синеву, точно перст подземного чудища. Величественная башня, изваянная Богами. Туманная Скала. Волкодав вздохнул и посмотрел туда, куда теперь лежал их с Эврихом путь. Круча подпирала кручу, одна обрывистой другой. Лес и камень, камень и лес – синевато-зелёные частоколы остроконечных хвойных вершин... В двух местах неслись вниз водопады, окутанные облаками переливчатых брызг... Восточнее, залитые ослепительным солнцем, возносились к небесам исполинские заснеженные хребты. Облачка, гулявшие над головой Волкодава, плыли в ту сторону и стайками собирались у колен великанов. Выше, словно растекаясь по невидимой тверди, струились, кутали ледяные плечи гор призрачные серебристые перья...

– Красота-то какая! – выдохнул Эврих, взобравшись наконец на гребень следом за венном. – До чего хорошо! Давай постоим немного, друг Волкодав!

Зрелище определённо стоило упоминания в только что начатых «Дополнениях». Как-нибудь так: «...на границе же сольвеннской и нарлакской держав находится большой горный край, именуемый Засечным кряжем. Он не обжит людьми и посещается только охотниками. Но путешественник, дерзнувший...»

Волкодав пробурчал нечто невразумительное, сел наземь и принялся рыться в заплечном мешке. Эврих укоризненно покосился на «варвара», отказываясь понимать, как можно оставаться глухим к чудесам и красотам Божьего мира. Зрелище заснеженных каменных громад должно было, по его мнению, возвышать и очищать душу, сообщая ей мысли о великом и вечном... Если, конечно, оная душа не вовсе обделена тонкостью и чувством прекрасного...

Знать бы тебе,

что делается в этих горах, думал между тем Волкодав.

Там, дальше к югу, где их называют Самоцветными за драгоценные жилы, выпущенные к самой поверхности по явному недосмотру Богов!...

Волкодав, спроси его кто, сказал бы, что хуже гор места на свете быть не могло. И причины для такого суждения у него были самые веские. Он не очень-то рассказывал Эвриху о семилетней вечности, проведённой в каменных недрах, на самой страшной каторге населённого мира. Он вообще рассказывать о себе не любил. Тем более что и хвастаться в прожитой жизни было особенно нечем...

Учёный аррант вдруг воздел руки и торжественно продекламировал:

Снежные пики Земли, озарённые солнца лучами,
Суть отраженья Горы, что воздвигли бессмертные Боги
Славным седалищем Света при самом начале творенья, -
Неба вершины, духовным провидимой оком!

Чтение предназначалось грубому варвару, чей разум Эврих не терял надежду облагородить. Волкодав не собирался ему говорить, что мог бы наизусть продолжить классическую поэму. Он запомнил её там же, на руднике. Её очень любил его напарник, с которым они, прикованные к одному рычагу, крутили в подземелье ворот.

Волкодав стянул кожаные завязки мешка, поднялся на ноги и хмуро буркнул:
– Пошли!

Я – меч. Прославленный кузнец
Меня любовно закалял.
Огонь Творящий – мой Отец.
А Мать – глубокая Земля.

Вспорю кольчугу, как листок,
Чертя свистящую дугу.
Пушинка ляжет на клинок -
И распадётся на лету.

И всё ж не этим я силён.
Иным судьба моя горда:
Я Божьей Правдой наделён
И неподкупностью суда.

Когда исчерпаны слова
И никакой надежды нет
Понять, кто прав, кто виноват, -
Спроси меня! Я дам ответ.

Суров мой краткий приговор:
Всему на свете есть цена!
Огнём горит стальной узор -
Священной вязи письма.

Закон небесный и земной

Навеки вплёл в себя мой нрав...
И потому хозяин мой
Непобедим, покуда прав.

2. Сломанные крылья

– А ты знаешь, друг Волкодав, почему он так называется? – спросил Эврих.

Крутая каменная тропа, по которой местами приходилось взбираться на четвереньках, вывела их на гребень очередного обрывистого кряжа, поросшего великолепными елями. Здесь, наверху, обнаружилась небольшая площадка. За нею вздымался к небесам очередной взлобок – почти голое нагромождение чугунно-серого камня, лишь кое-где украшенного зеленью да жёлтыми и малиновыми пятнышками цветущих кустов. Кряж обрывался на площадку отвесной стеной, отполированной дождями и ветром до тёмного блеска. Так блестит неподвластный ржавчине старинный металл.

– Так ты знаешь, откуда у него такое имя? – кивая в сторону утёса, повторил Эврих.

– Ну?... – спросил Волкодав больше для того, чтобы аррант наконец выговорился и умолк.

– В книге Салегрина Достопочтенного «Описание стран и земель» приводится легенда о том, что когда-то в древности здесь обитало племя крылатых людей. Так вот, когда эти люди чувствовали приближение смерти или по какой-то причине утрачивали способность летать, они приходили на этот утёс и бросались с него вниз. Потому-то он и называется Утёсом Сломанных Крыльев. Прекрасная легенда, не правда ли?

– Правда, правда, – пробурчал Волкодав, размышляя про себя, почему это у книжечеев вроде Эвриха что ни легенда, то обязательно прекрасная. Даже какая-нибудь непроходимая гадость вроде предания о том, как саккаремский шад застукал свою дочь с конюхом и велел её утопить, привязав к ногам полный мешок золота.

А Эврих в который раз огорчённо подумал о том, что варвар всё-таки неспособен был внимать высокой поэзии.

И вот тут-то Волкодаву разом стало не до него. И уж вовсе не до бредней какого-то давно умершего Салегрина. Ибо Мыш, только что мирно дремавший на жёсткой ремённой петельке, пришитой к ножнам меча нарочно ради него, вдруг проснулся, выполз на плечо Волкодаву и обеспокоенно зашипел. А потом развернул чёрные крылья и свечой взвился вверх!

Как все летучие мыши, он предпочитал бодрствовать по ночам. Но жизнь с Волкодавом давно приучила зверька просыпаться и действовать в любое время суток, когда было необходимо.

Венн проводил взглядом стремительно возносившееся пятнышко... и острые глаза внезапно различили какое-то шевеление высоко наверху, за самой кромкой обрыва. Волкодав напряг зрение. К отвесной круче медленно, с трудом подползал человек. Вот появилась голова, вот свесились длинные волосы, вот напряглись тонкие руки, цеплявшиеся за выступы камня.

Сейчас они сделают последнее усилие и...

Эврих испуганно шарахнулся прочь: Волкодав молча швырнул наземь заплечный мешок и сломя голову кинулся через площадку вперёд. Молодой аррант сообразил, что к чему, только когда сверху вниз мимо ржаво-серой скалы заскользил, переворачиваясь в воздухе, лёгкий человеческий силуэт.

Что до Волкодава, – венну казалось, будто тело падало очень медленно, паря возле каменной стены, словно комок невесомого пуха. Он знал, отчего так происходило. Внешнее время всегда замедляло для него свой ход, когда он выкладывался до конца, а сейчас был именно такой случай. Волкодав успел оказаться как раз там, где должно было грянуться оземь валившееся из поднебесья тело, и вскинуть руки навстречу. Он успел заметить, что тело было женским, что на изорванной одежде запеклись багровые пятна... успел даже разглядеть обезображенное побоями лицо с закрытыми глазами и прикушенной нижней губой. Коснувшись его ладоней, тело сразу перестало быть невесомым. Страшной силы удар опрокинул венна на камни. Валясь навзничь, он ещё подумал, что, кажется, всё-таки смягчил падение неведомой женщины. Потом он ударился виском, и сознание кануло в темноту.

Что бы там ни плёл этот Салегрин Достопочтенный, крылатых людей всё-таки не бывает...

Когда Волкодав пришёл в себя, первым звуком, достучавшимся до его слуха, был жалкий стонущий плач. Мышь?... Нет, не Мышь. Что-то твёрдое упиралось в левый висок, и там свила гнездо грызущая боль. Волкодав слегка отстранил голову, потом открыл глаза. Он увидел над собой острое каменное ребро, украшенное длинной полосой крови. И понял, что Незваная Гостья в который раз с ним разминулась, промазав на полную. Волкодав приподнялся на локтях и посмотрел в ту сторону, откуда слышался плач.

Эврих сидел на земле, прислонившись спиной к откосу, и баюкал на руках существо, спасённое благодаря чуду Богов и вмешательству Волкодава. Молодой аррант повернул голову и посмотрел на венна с выражением потустороннего ужаса. Увидел, что Волкодав зашевелился, и ужас в глазах сменился неопишуемым облегчением. Волкодав поднялся и подошёл, осторожно ощупывая рассечённый висок и пытаясь пристроить на место лоскут кожи с волосами, содранный о камень.

Та, что лежала на коленях у Эвриха, на первый взгляд казалась девочкой-подростком. Изящное, хрупкое тело, по-птичьи лёгкое в кости. Изодранная одежда и кровавые синяки, уродовавшие почти обнажённую плоть...

И ведь, наверное, ещё жило и сыто радовалось собственной силе похотливое животное, по недосмотру Богов именовавшееся человеком. Мужчиной...

Эврих, кажется, успел убедить несчастную прыгунью, что она наконец попала к друзьям. Она не пыталась высвободиться из его рук. Наоборот, хваталась слабыми, совсем детскими пальцами за полотняный рукав и, надываясь беспомощным плачем, что-то лопотала на странном свистящем наречии. Если этот посвист и щёлканье вообще можно было назвать речью. Эвриху не удавалось разобрать ни единого знакомого слова.

– Я обращался к ней на всех языках, которые знаю, – тихо пожаловался он Волкодаву. – Не понимает, хоть тресни. Только свиритит, как синица.

Венн, не отвечая, опустился рядом на колени. Взял девушку за руку, зажмурился... И, к полному изумлению Эвриха, принялся посвистывать и цокать, совсем как она.

Ещё одно чудо состояло в том, что девушка встрепенулась, с трудом приоткрыла заплывшие кровоподтёками глаза и начала отвечать. Она давилась слезами и дрожала в жестоком ознобе. Эврих запоздало расстегнул на себе пряжку, стащил тёплый плащ и закутал её. Он посматривал на Волкодава, и то, что он видел, пугало его всё больше. Обычно лицо у венна было не выразительнее соснового пня. Когда на подобном лице вдруг проявляется хладнокровная неотвратимость убийства, это кое-что значит.

– Она вилла, – выпустив руки девушки, сказал наконец Волкодав. – Из племени Детей Утреннего Тумана.

Эврих молча кивнул, сдерживая не к месту пробудившееся любопытство.

Виллы!... Именно так назывался мифический крылатый народ, о котором упоминал в своей книге добродетельный учёный предшественник.

При других обстоятельствах аррант непременно пустился бы в расспросы и, пожалуй, составил бы неплохую главу в свои «Дополнения»... Но не теперь.

– Помнишь наёмников, – про них мальчишка Браноха всё говорил?... – продолжал венн. – Так вот, она увидела их нынче утром, когда возвращалась после ночного дождя. Это был её первый дождь. Люди шли без дороги, она спустилась узнать, не заблудились ли, не терпят ли какого несчастья. Они подстрелили её симурана...

Волкодав скрипнул зубами и замолчал. В том, что произошло дальше, никакого сомнения быть не могло.

– Плохо дело! – сказал он затем.

Эврих с бесконечным участием гладил ладонью грязный колтун, в который чья-то жестокая воля превратила некогда роскошные светлые пряди. Он вздохнул и хмуро согласился:

– Чего уж хорошего.

– Сюда летит её племя, – сказал Волкодав.

Эврих поспешно завертел головой... И глазам его предстало великолепное зрелище, любоваться которым доводилось не всякому земному владыке. Из-за высокого каменного гольца – родного

брата Туманной Скалы, украшенного белой бармицей снежника, – один за другим выплывали в небо могучие крылатые звери. Легендарные симураны были гораздо крупнее орлов, даже крупнее знаменитых саккаремских беркутов, с которыми тамошние охотники травят волков. Издали небесные летуны напоминали больших поджарых собак, снабжённых от Божьих щедрот ещё и широченными перепончатыми крыльями. У каждого на спине, касаясь коленями перепонки, сидел всадник.

Волкодав встал с земли и приветственно поднял правую руку. Мыш повис в воздухе у него над головой.

Симураны быстро снижались, и скоро стало заметно, что всадники были так же хрупки и невелики ростом, как и девушка, лежавшая под мягким шерстяным плащом.

Честно молвить, у Эвриха ёкнуло сердце, когда передний симуран, буровато-чёрный вожак, погнав крыльями вихрь, величественно опускаясь на каменную площадку. Мыш поспешно вцепился в плечо Волкодаву: маленького зверька едва не унесло прочь. Со спины симурана соскочил поджарый, крепкий седовласый мужчина. Гордое лицо, властная осанка – вождь! И кому какое дело, что ростом этот вождь был Волкодаву до середины груди. Венн поклонился ему, как младший старшему. И просвистел нечто, по мнению Эвриха, весьма отдалённо напоминавшее связную речь.

Другие симураны касались цепкими когтями угловатых камней. С мохнатых спин скатывались маленькие наездники, все – мужчины, – и спешили к арранту и его подопечной. Первым подбежал коренастый светловолосый крепыш в лёгкой шубке из пушистого, точно перья, белого меха. Если Эврих ещё не ослеп, он приходился девчонке родным отцом. С ним подоспел рыжий парнишка, вооружённый небольшим самострелом, приспособленным в чехле за спиной. Брат? Жених?... Парень плакал, даже не пытаясь скрыть слёзы ярости и отчаяния.

Вождь поклонился Волкодаву, как равный равному. И вдруг вполне прилично выговорил повенски:

– Дети Утреннего Тумана рады приветствовать Брата Крылатых, идущего под сенью наших небес.

Нет такого народа, у которого не считалось бы вежливым в присутствии гостя разговаривать на его языке. И радостно приветствовать его, каким бы чудовищным ни было горе, совпавшее с его появлением.

Много позже Эврих замучит Волкодава вопросами, откуда мог впервые встреченный виллинский вождь знать его самого и разумеет речь его племени. И венн неохотно расскажет ему, что когда-то имел дело с виллами Самоцветных гор. И постиг там их язык, а они – его. А то, что знал хоть кто-то из вилл, рано или поздно становилось достоянием всех.

– Мы почувствовали, что наша сестра попала в беду, и поспешили на поиски, – продолжал вождь. – Мы были рядом, но она ослабела и лишилась симурана. Ты помог ей позвать нас. Спасибо тебе.

– Она напоролась на вырождков, не заслуживших называться людьми, – сказал Волкодав. – Я не успел защитить её, Отец Мужей.

– Там, откуда они пришли, отныне будут только суховеи и град!... – давая болью и бешенством, выкрикнул рыжеволосый. Сдёрнул со спины самострел и потряс им над головой: – И ни один из Бескрылых более не переступит границ нашей земли!...

– А залогом тому, – со смертельным спокойствием поддержал парня светлородый отец, – станут шкуры злодеев, подвешенные у входов на тропы. Я рад буду погибнуть, чтобы совершить эту месть... Поторопимся! Они не успели уйти далеко!

Виллины одобрительно засвистели. Взволнованные симураны били крыльями, издавая отрывистый лающий клёкот.

Вождь молчал, поглядывая то на разгневанных братьев, то на изувеченную сестру. Тому, кого по достоинству называют Отцом Мужей, всегда бывает нелегко принять страшное решение о мести и кровавой вражде.

– Государь мой, – тихо сказал Волкодав. Оказывается, он успел вытащить из поясного кармашка короткозубый костяной гребешок и теперь не спеша распускал ремешки, стягивавшие его косы. – Государь, – повторил Волкодав. – У порога твоих гор живут добрые люди, никоим образом не повинные в случившемся непотребстве. Скажу тебе даже так, Отец Мужей: сольвенны и сегваны, чтящие Правду, рады были бы сами переловить мерзких насильников и совершить над ними справедливость!

Обычно из него каждое слово нужно было чуть не клещами тянуть. Эврих знал: венн принимался говорить длинно и складно только в исключительных случаях. После чего отмалчивался по две седмицы. До сих пор Эврих видел его в подобном состоянии всего раз или два.

– Это так! – горячо поддержал он спутника. – Прошлой ночью мы гостили у славного бортника, севана Браноха. Бранох рассказал нам, как пострадал от мимохожих злодеев его почтенный сосед. Может статься, это были те самые чужаки? Тогда за что наказывать мирный народ? Об Асгвайре, восхищённо блестевшем глазами при слове «наёмники», он благоразумно старался даже не думать.

– Что же ваши добрые люди не остановили тех, кто вершит зло?... – выкрикнул рыжий.

– Брат Крылатых хочет защитить живущих вместе с ним на равнине, – сказал вождь. – Это достойно. Я знаю, у каждого племени своя Правда. Но я знаю и то, что ни одна из них не учит оставлять зло безнаказанным...

– Святые слова молвит Отец Мужей, – торжественно кивнул Волкодав. Он расчесал волосы, и длинная седеющая грива легла на плечи и спину, покрыв её до лопаток. Эврих вдруг вспомнил, зачем распускали свои косы веннские воины. Он мгновенно сообразил, что было на уме у его товарища, и ему сделалось жутко.

– Наша Правда, которую никто не называет мягкосердечной к душегубам, велит, чтобы злодея, если это возможно, карал его собственный род, – продолжал Волкодав. – Над вашей сестрой надругались ублюдки без роду и племени. Но они люди. И я человек. Ты зовёшь меня Братом Крылатых, но по рождению я Бескрылый. Я поймаю насильников, и у вас не будет причин для вражды с жителями предгорий, не сумевших запереть им дорогу сюда.

Виллины смолкли по одному, глядя на него во все глаза. Эврих передал девушку жениху и отцу и вполголоса проговорил:

– Я с тобой, Волкодав.

– Нет, – сказал венн. – Останешься здесь.

Когда они готовились к путешествию, он учил Эвриха обороняться, но воитель из арранта был, как из него самого – книжник. То есть молодец против овец, но против опытных наёмников...

Бой предстоял вовсе не шуточный. Волкодав знал, на что шёл, и не особенно обольщался.

Всякое ведь случается. Утешало то, что они с Эврихом, кажется, одинаково хорошо знали и дорогу, и то, что им предстояло проделать, добравшись до цели...

– Ты лекарь, – сказал Волкодав. – Поможешь девчонке.

Эврих оглянулся на девушку, сглотнул, нахмурился и кивнул.

– Твои сёстры и братья однажды сохранили мне жизнь, – обращаясь к вождю, сказал Волкодав.

– Нелюди должны заплатить за то, что опозорили перед вами людей. Разреши мне потребовать с них эту плату, Отец Мужей.

Вождь посмотрел ему в глаза, потом медленно наклонил голову.

– Как мы сумеем помочь тебе?

– Пошли кого-нибудь из своих сыновей выслеживать их, – сказал Волкодав. – Ты ведь знаешь, кто достаточно хладнокровен и не поддастся искушению мести, не станет попусту подставлять себя под стрелу...

– Я сам сделаю это, – сказал вождь.

Волкодав повязал лоб куском широкой льняной тесьмы, чтобы волосы не лезли в глаза. Тесьма сразу пропиталась кровью из раны на виске. Он подошёл к поруганной вилле и снова опустился перед ней на колени.

– Прости, маленькая сестра, – шепнул он, накрывая её руки своими. – Покажи мне тех, кто тебя оскорбил.

Он знал, что тем самым причинит ей новую муку. Но другого выхода не было. Вилла

вздрыгнула, напряглась худеньким телом, сделала над собой зримое усилие... и он их увидел.

Между собою и с теми, кто понимал, виллы разговаривали совсем не так, как люди равнин. Они умели соприкасаться разумами, подобно Тилорну и Ниилит. А щебет и свист, который слышало ухо, лишь помогал должному истечению мысли.

...И Волкодав их увидел. Так отчётливо, словно сам стоял на коленях в траве, тщетно пытаюсь помочь смертельно раненному симурану. Вот только мужчин оказалось не семеро, как он ожидал. Их было восемь. И восьмым... Волкодав застонал про себя. Восьмым был не кто иной, как Асгвайр, сын бортника Браноха.

Так значит, мальчишка всё же успел пробежать одному ему известной тропой и настигнуть странствующий отряд, как сулился, ещё до Утёса Сломанных Крыльев. Успел... себе на беду. Волкодав так и похолодел, представив Асгвайра насильником, но ужас длился мгновение. Асгвайр всё-таки не посрамил рода людского. Он пытался заступиться за пленницу. Он – и ещё один парень, тоже сегван, только другого племени, из береговых. Его лицо показалось Волкодаву смутно знакомым, но припоминать было некогда. Что с ними сделали? Этого вилла не знала. Убили, наверное: драка вышла жестокая...

Несколько симуранов уже разбегались по площадке, чтобы затем, прыжком уйдя с крутизны, мощными взмахами крыльев помчаться своих всадников к злополучной поляне. Благо все виллы увидели то же, что и Волкодав. И даже Эврих озадаченно хмурился, улавливая обрывки смысла и хмурия от напряжения лоб.

Шесть рож, отмеченных похотливой жестокостью, пронеслись перед венном, как одна короткая вспышка страдания. Обессиленная вилла закрыла глаза, из-под век потекли слёзы, её опять затрясло.

Они больше никому не причинят зла, маленькая сестра, молча пообещал венн. Коснулся ладонью нежной, испятнанной синяками щеки и ненадолго задержал руку.
Они больше никому не причинят зла.

Волкодав не видел Отца Мужей, кружившего в холодной синеве где-то над головой, да не очень и старался его разглядеть. Виллы, когда хотели, великолепно умели оставаться незримыми. Наверное, крылатый вожак парил теперь в лучах слепящего солнца, держась достаточно высоко, чтобы не отбрасывать тени. Или, наоборот, опустился на каменную вершину и слился с бурными скалами в дымчато-белых снежных плащах... Волкодав не видел вождя, но чувствовал прикосновение его воли. Отец Мужей без труда отыскал содеявших непотребство. И теперь вёл к ним венна. Вёл безошибочно, кратчайшим путём. Волкодав двигался быстро, хотя приходилось почти всё время карабкаться вверх. Когда ему было девятнадцать лет, симураны однажды подняли его в воздух. Он тогда только вышел из каторжного подземелья и состоял из одних жил и костей, но всё равно понадобилось согласное усилие двух могучих зверей, чтобы оторвать его от земли. Веса взрослого мужчины они выдержать не могли.

Бабушка рассказывала маленькому внуку, что самый первый симуран был обыкновенной собакой. Славный пёс преданно стерёг поля и урожайные огороды, звонким лаем прогонял в лес оленей и кабанов, охочих до капусты и репы. Одна беда: не видел верный страж иных наград от людей, кроме ругани да сердитых пинков. Вечно путался лохматый под ногами, не ко времени совал всюду ласковый нос, и псиной от него пахло.

«Те люди не были веннами, – поучала бабушка внука. – А если и веннами, то не нашего рода».

Однажды весной неразумное племя накликало себе лихо. Ведь как от прашуров заповедано? Репу сеять должны одни женщины, да притом нагие: так они делятся с Матерью Землёй своей силой деторождения. Ибо, не дав ничего взамен, разве можно надеяться на семена и плоды?...

Так вот, в тот давний год молодые мужчины, которым положено было держаться подальше от огородов, всё же подкрались полюбоваться женской красотой. Осердился на них

справедливый Бог Грозы, начал воздвигать над виноватыми головами громоносные тучи... и всё-таки поначалу не дал воли Своему гневу, удержал карающую золотую секиру. Но когда парни заготовили и вышли, погнались за девками, начали затевать лукавые игры... тут уж Бог не стерпел! Грянул страшный гром, двинулся через поля и луга чудовищный вихрь!

И вот тогда-то с лесной опушки, с самой дальней пожоги подал голос Пёс. Полетел с отчаянным лаем навстречу Божьему вихрю, загородил дорогу: не пропущу! Пока жив, не дам хозяев в обиду!...

И понял Хозяин Громов, что не сумеет иначе покарать бездумный народ, кроме как сперва истребив неповинного, поразив безгрешного защитника блудодеев. И отступил гневный Бог перед смелостью преданной твари. Удовольствовался тем, что в золу и пепел сжёг праведными молниями кусты, где развесили свою одежду неумеренно лихие мужчины. Пришлось им в чём мать родила бежать под дождём до самой деревни, выслушивать ядовитые поношения.

А Пса, сумевшего остановить Его гнев, Бог Грозы приблизил к Себе. Наградил летучими крыльями и назвал Симураном. Стал Симуран реять между Землёю и Небом, стал возносить в светлый ирий молитвы и просьбы достойных людей. И верили люди: если ранней весной взмахнёт он крыльями над полем, будет поле родить, щедрой мерой откликнется на заботу и ласку. Он же, Симуран, стал провожать отлетевшие души, помогать на Звёздном Мосту тем, кто успел натворить в этой жизни не только добра...

«Не кричи “горе”, – повторяла бабушка столетнюю веннскую мудрость. – Погоди, покуда увидишь мёртвого симурана...»

Весенними ночами женщины рода распускали длинные волосы, расстёгивали створчатые браслеты, коими удерживались крылатые рукава, и водили под ясной луной священные хороводы. Творился молитвенный танец более душою, нежели телом. Женщины звали своих дальних сестёр – виллы, Дев-Птиц, что летели с гор на равнину, гоня над людскими посевами благодатные дожденосные облака... Наделённые светлым зрением иногда видели их высоко над землёй: прекрасных маленьких всадниц верхом на больших летучих зверях. Виллы умели остановить град, умерить сухой зной тёплым дождём. Только грозовые тучи были им неподвластны, ибо в них являл Себя людям сам Бог Грозы.

«И ещё, – говорила бабушка, – виллы никогда не прилетают зимой, потому что зимой Светлые Боги удаляются отдыхать на Острове Жизни, а из Железных гор дышит в наш мир Морана Смерть...»

Они оказались точно такими, какими вилла дала увидеть их Волкодаву. Только теперь их лица не были искажены похотливым желанием и палаческой безнаказанностью. Просто шестеро мужчин. Сильных, здоровых. И, на взгляд стороннего человека, наверное, красивых. Волкодав не сумел бы найти в них никакой красоты, даже если бы постарался. Они сидели вокруг затухавшего костра, на котором готовили себе трапезу. И чему-то заразительно, до упаду смеялись, не торопясь продолжать свой путь на юг. Похоже, они особенно никуда и не спешили. Волкодав расслышал название города: Тин-Вилена. И ещё что-то о наставнике, умеющем сделать воинов непобедимыми. Ему некогда было прислушиваться.

Наёмники расположились на солнечной уютной лужайке, загороженной скалами от холодного ветра, задувавшего с близких снегов. Волкодав поднялся к ним по расселине. Подтянувшись, выбрался на луговину, встал во весь рост и, не задерживаясь и не пытаясь скрываться, пошёл прямо к костру. Шестеро не видели и не слышали, как он лез узкой каменной щелью, и заметили его, только когда он встал наверху. Идти было шагов двадцать.

Кого другого всё это лазанье и бег по горам уморили бы до дрожи в коленках. Волкодав никакой усталости не чувствовал. Может, потом она навалится многократно, однако пока была только грозная готовность хорошо размятого тела.

Шестеро оглянулись, увидели его и дружно заржали. Так бывает к исходу славного веселья: покажи палец, и гости с ног валятся от хохота.

– Ещё один охотник идёт...

– Э, братцы, да никак венн припожаловал!

– Только венна нам не хватало...

Волкодав шёл вперёд. Главварь, которого он определил сразу и безошибочно, был сольвенном. Могутный широколицый малый с рыжевато-русой бородой и такими же волосами, полубернувшись, взирал на него безмятежными голубыми глазами. Взгляд был отсутствующим и наивным, точно у грудного младенца. Когда смотришь в такие глаза, всегда кажется, будто они мечтательно устремлены не на тебя, а сквозь тебя или вовсе мимо. И видят там нечто доступное только им, какой-то свой мир.

Наверное, кого-то это обманывало. Наверное, кому-то сольвенн казался добродушным богатырём, смахивающим на ручного медведя. Небось, нравился девкам. Волкодав знал, каким отразился он в зрачках той, которую первым швырнул в бездну боли, ужаса и унижения.

Предводители воинов не бывают глупцами. Не был глупцом и сольвенн. Он, конечно, мигом сообразил, что незваный пришелец завернул на огонёк не случайно. Да Волкодав свои намерения не слишком и скрывал. Он шёл так, как к дружескому костру обычно не ходят. А ещё предводители воинов бывают осмотрительны и осторожны. И потому главварь, не торопясь хватать из ножен оружие, на всякий случай окликнул подходившего венна:

– К нам идёшь, удалец, или мимо ноги несут?

Волкодав молча остановился в десятке шагов. Вытянул перед собой руку, и дуновение ветра покачнуло залубеневший от крови клочок белой шерстяной ткани. Признали они или нет обрывок плаща, но утреннее происшествие вспомнилось всем. Одним сразу, другим чуть погодя, с некоторым усилием. У таких, как они, чужое страдание в памяти не залёживается. Свободная ладонь Волкодава без большой спешки потянулась за плечо, легла на серебряную рукоять, и меч с тихим шипением выполз вон из кожаных ножен. Два с лишним года он вытаскивал оружие только затем, чтобы не отвыкала рука.

– Что, венн, обижаешься, – не поделились девчонкой? – хмыкнул главварь. Волкодав никак не отозвался на оскорбление, хоть и были эти слова едва ли не худшим, что мог услышать о себе мужчина его племени. Он бросил тряпочку и сомкнул обе руки на рукояти. А потом снова пошёл вперёд. Не очень быстро, но так, что сделалось ясно: вскакивай и защищайся, не то зарубит сидящими.

Шестеро и вскочили все разом, с руганью хватаясь за ножны. Чуть-чуть зазевался только один молодой парень, галирадский сольвенн, знать, большого опыта не было.

– Тихо! – перекрывая гвалт, рявкнул вожак. – Один справлюсь, без вас!

Он вытащил длинный, добротный меч (на лезвии мелькнуло знакомое клеймо оружейного мастера), отстегнул и отбросил опустевшие ножны. Вождь, он на то и вождь, чтобы защищать свой отряд и первым встречать любую угрозу. Волкодав, впрочем, подозревал, что наёмник успел по достоинству оценить великолепный древний клинок, поблёскивавший у него в руках. И вознамерился сам им завладеть.

– В кучку я таких, как ты, складывал!... – зарычал он на Волкодава.

Венн не ответил. Он очень не любил нападать первым. Кроме прочего, ещё и потому, что нападающий волей-неволей обнаруживает свои сильные и слабые стороны и даёт сопернику преимущество...

Если, конечно, тот в достаточной степени мастер, чтобы ими воспользоваться...

– Ну, веннская гнида!...

Главварь наёмников устремился вперёд. Он мастером не был. Мастаком – да, пожалуй. Иначе эти люди навряд ли стали бы его слушаться. Но мастером – ни в коем случае. Уже потому, что в

каждом мече, даже плохоньком, живёт мера божественного Огня. А она никогда не станет охотно повиноваться злодею, не даст ему истинного искусства...

То есть таких складных мыслей Волкодаву на ум не приходило. Он вообще ни о чём особо не думал. Ни ненависти, ни презрения, ни гнева. Всё это осталось на каменистой поляне под Утёсом Сломанных Крыльев. Его чувства вбирали свежий холодок близких снегов, солнечное тепло, запахи молодых трав и дымок курившегося костра. Безбрежная живая вселенная сообщала своей малой частице тысячелетнее спокойствие моря и гор, чистоту прозрачного воздуха и безмятежность небес. А вот они здесь были чужими, словно созревший нарыв. Их намерения представляли его внутреннему взору языками и стрелами красноватого света. Эти люди сеяли зло, и зло следовало пресечь. Вместе с нитями их жизней. Всё. Стать перстом Хозяйки Судеб, Её справедливым орудием. При чём тут гнев? Или такая мелочь, как страх за свою жизнь?...

Слепящий луч отразился в узорчатом буро-серебристом клинке. Волкодав вроде неторопливо шагнул навстречу наёмнику... и вдруг оказался совсем рядом с ним. Сольвенн смутно понял – что-то случилось! – но всё же заученным движением попытался сделать то, к чему привык. Отбросить идущий вниз вражеский меч, а когда нападающий коснется в землю, на миг потеряв равновесие, – прыгнуть встречь и наотмашь снести незадачливому воителю голову... Он всё сделал быстро и хорошо, а главное, с силой. Своей силой он по праву гордился, она не раз его выручала. Вот только нынче уловка почему-то не сработала. Венна просто не оказалось там, где просвистел клинок главаря. Меч наёмника искал его справа и спереди, а он возник у левого бока и уже уходил ему за спину. Что-то неосознано коснулось плоти сольвенна и тотчас убралось... а мгновением позже снизу тела ударила чудовищная, ни с чем не сравнимая боль. В полах нарядной вышитой свиты пониже ремня открылась длинная щель, тотчас обросшая бахромой щедро льющейся крови. Меч Волкодава вспорол одежду и кожу под ней, рассёк мышцы и сухожилия, добрался до бедренных костей и резанул по обеим. И начисто смахнул то, что составляло звериную силу сольвенна, его гордость самца.

Наёмник завыл так, что в ближних утёсах откликнулось эхо. Он выронил меч, переломился в поясе и упал. И стал корчиться, сиюсь подтянуть к животу ставшие непослушными ноги. Тело ещё жило и ещё могло бы бороться, но что-то более древнее и более властное, чем разум, уже осознано присутствие Государыни Смерти.

Волкодав спокойно и по-прежнему неторопливо развернулся к остальным. И особым движением отряхнул меч: лезвие коротко дрогнуло, считанные капли сорвались с него и яркими горошинами упали в траву, оставив чистую сталь.

Теперь их было пятеро.

Попытаются взять в кольцо?... Не попытались.

Красноватых стрел сделалось меньше – двое мгновенно побелели от ужаса и кинулись наутёк. Видно, смекнули, что в следующий раз летящие красные капли окажутся вынуты из их собственных жил. Один из двоих был тот безусый мальчишка: он удирал босиком, покинув у костра сапоги. Волкодав не стал провожать глазами беглецов. Всё равно никуда не денутся. Ими он займётся потом; всадник, кружащийся высоко вверху на вожаке-симуране, нипочём не позволит им затеряться на кручах.

Трое, не пожелавшие удирать, разошлись полукругом. И вознамерились зажать одинокого противника в клещи. Волкодав не стал ждать, пока клещи сомкнутся. Он только взял на заметку, что один малый держался особняком и всё поглядывал на товарищей с таким превосходством. Словно знал нечто недоступное и Волкодаву, и остальным, и это тайное знание должно было неминуемо принести ему победу. Венн положил себе не спускать с него глаз – и, точно в танце, развернулся навстречу воину, заходившему слева.

Это был белокурый красавец вельх, загорелый, горбоносый, длинные усы так и мели по широченной груди. На мускулистых руках, обнажённых по плечи, горели серебряные браслеты. И меч у него был вельхский, остроконечный, плавно суженный посередине. Этот меч описал великолепнейшую дугу, целя Волкодаву в горло... и долго ещё кувыркался в воздухе, унося с собой правую кисть, крепко стиснувшую черен. Пальцы разжались только от удара о камень далеко внизу, за краем лужайки. Вельх рухнул на колени, крича от боли и бешенства, здоровой рукой попытался перехватить хлынувший багровым током обрубок... оставил его, дёрнул из ножен боевой нож... снова потянулся пережевать кровь... но не возмог ни того, ни другого: левая рука, подрубленная в локте, повисла на лоскуте кожи.

Парень, подбиравшийся справа, запоздало бросился на выручку погибавшему, но искалеченный вельх пребывал уже за гранью спасения. Он отползал прочь, жутко дёргаясь и заливая кровью траву...

Волкодав миновал его широким скользящим шагом, не поворачиваясь спиной, и всё тем же страшным движением воина, довершившего отнятие жизни, отряхнул меч, сбрасывая немногие капли, задержавшиеся на стремительном лезвии.

Алые брызги ещё дробились в полёте, а тело, взгляд и руки с мечом уже обратились к третьему нападавшему.

Тому потребовалось мгновение, чтобы осознать: защищать приятеля было поздно, осталось в лучшем случае за него отомстить.

Ещё через мгновение он понял, что и с мезтью ничего не получится. Доведётся только умереть на той же поляне, где выпускал дух его друг. Потому что он успел посмотреть Волкодаву в глаза. И не увидел в них ни ярости, ни жажды убийства. Ни одного чувства из тех, что багровой пеленой затуманивают зрение и делают воина уязвимым. Сумасшедший венн, явившийся неведомо откуда, попросту приговорил шестерых насильников к смерти. И не отступится ни перед чем, кроме Божьего грома, да и тогда отступится ли, неизвестно. Друг вельха завопил, словно его вздёргивали на дыбу, и устремился вперёд. Он размахивал мечом, как дубиной, безо всякого толку и смысла. Он уже понимал, что обречён. Венн с лёгкостью танцовщицы убрался в сторону, пропустил его мимо себя, разворачиваясь на носках, и концом меча вроде бы несильно достал пробежавшего наёмника по загривку, где начинается шея.

Тот начал падать и, ещё не достигнув земли, перестал чувствовать собственное тело. Он хотел заорать от ужаса, но обнаружил, что не способен даже дышать. Перед лицом возникла трава, совсем близко ползали и копошились букашки. Какие-то мгновения он ещё разевал рот, хватая воздух и тщетно силиясь протолкнуть его в грудь, из глаз текли слёзы. Он лежал, уткнувшись в землю, и не мог повернуть головы. Он успел проклясть родителей, давших ему жизнь, и злую судьбу, эту жизнь отнимавшую. Потом смерть, охватившая его тело ниже шеи, распространилась и выше.

Четвёртый наёмник держался в сторонке, не торопясь нападать. Вид у него был такой, как будто всё случившееся только предваряло его победное торжество.

– Иди сюда, венн! – позвал он насмешливо, когда они с Волкодавом остались один на один. – Теперь я знаю, на что ты способен. Ты неплохо разделал этих простофиль, но со мной тебе не совладать. Ну, иди сюда, если не трусишь!

Волкодав молча пошёл навстречу, не очень задумываясь, каким таким заветным оружием наёмник собирался с ним покончить. Исход боя вручён был Хозяйке Судеб. Она и рассудит обо всём по Правде Богов...

Враг ждал его, держа наготове поднятый меч. Потом Волкодав увидел, как он двинул ногами, и всё понял. Его собирались встретить одним из приёмов кан-киро, приспособленных для вооружённой руки.

«

Кан-киро веддаарди лургва

– Именем Богини, да правит миром Любовь

, – вразумляла Волкодава его Наставница, седовласая жрица Кан-Кендарат. – Нет зла, если кто-то сумеет остановить и отбросить задиру. Учи людей, если хочешь, но всегда помни, малыш: Искусство, способное убивать и калечить, не должно стать достоянием оскверняющих землю...»

Узорчатый меч запел свою грозную песнь, рассекая прозрачные струи горного воздуха. Чужой клинок взметнулся навстречу... Как всё в кан-киро, этот приём был смертоносен и неодолим, но только если не наделать ошибок. Наёмник же действовал так, словно насмотрелся у кого-то, кто сам толком не понимал что к чему. Он шагнул недостаточно широко и не с той ноги, слишком рано начал скидывать руки, да ещё и принялся ловить вражеский меч... Волкодав мог бы поклясться, что самоуверенный малый ни разу не пробовал «лососа на перекате» в безжалостной схватке, – только в потешной, когда за неловкость платят самое большое

синяком. В настоящем бою цену спрашивают иную... Волкодав проломил его оборону, точно соломенную плетёнку. Его меч прошёл мимо лохматой головы парня, скользнул ниже и высвободился, косо раскроив грудную кость. Наёмник запрокинулся и стал падать – молча и неуклюже, выпучив стекленеющие глаза. Было видно, как в распоротой груди натянулась какая-то сизая плёнка, натянулась и лопнула, обнажив шевелящийся тёмный комок. Комок трепыхнулся в последний раз, выбросил кровавую волну и затих. В памяти Волкодава оплыло свечным огарком и погасло отражение ещё одного лица, искажённого торжествующей похотью. Венн сбросил с меча кровь четвёртого наёмника и огляделся. На поляне было тихо. Два тела, вельх и главарь, ещё трепетали последними остатками жизни, но скоро замрут и они. И никакой лекарь их уже не спасёт. Даже если милосердно склонится над ними прямо сейчас.

Как бы ты поступила с ними, Мать Кендарат?... Неужели пыталась бы достучаться, надеясь, что осознают непотребство прожитой жизни и захотят изменить её?... Неужели сочла бы, что им ещё следует жить?... После того, что они сотворили над чужой беспомощной жизнью?...

Волкодав отошёл в незатоптанный угол поляны, тщательно вытер меч пучком чистой травы, потом насухо тряпочкой. От рукояти до кончика лезвия струились, переплетаясь, косматые солнца неповторимого внутреннего узора. Меч, стоявший гораздо больше своего веса в золоте, сам перешёл к Волкодаву в бою, бросив прежнего своего владельца, разбойника, не по праву носившего благородный клинок. И пообещал, явившись во сне, что не покинет Волкодава, пока тот будет достоин им обладать...

Ну что, Солнечный Пламень?
– мысленно обратился к мечу венн. –
Не надумал ещё оставить меня?...

Имя меча пришло совсем недавно, когда они жили в Беловодье и уже собирались сюда. Волкодав его не придумывал. Просто открыл однажды утром глаза, и первым, что явилось на ум, были именно эти слова. Никаких сновидений венн припомнить не смог и про себя решил, что меч сам шепнул ему своё назвище. Значит, полностью уверился в нём и надумал быть с ним ещё долго. Обидно было бы после этого его оскорбить в самом начале дальнего странствия. Да. Случись заново прожить нынешний день, Волкодав не изменил бы ни одного своего поступка. Ни одного... Он спрятал Солнечный Пламень в ножны, висевшие за правым плечом, и двинулся в сторону скал, покидая поляну. В живых оставалось ещё двое наёмников.

Один из беглецов, мальчишка, ровесник Асгвайра, даже не успел отрастить какие следует усы. Жуткая расправа, которую пришлый венн учинил над многоопытным главарём, непобедимым кумиром юнца, потрясла его до мокрого пятна на штанах. Убежал он далеко. Зрением Отца Мужей Волкодав видел его, скорчившегося среди валунов над краем непомерного, в сотни сажений, голого каменного обрыва. Стена Великанов – вот как назывался этот откос. Ужас загнал мальчишку в тупик, выбраться из которого можно было, только вернувшись. На это беглец не отваживался. Он просидит там до завтра, трепеща и надеясь, что его не разыщут. Волкодав решил сперва заняться вторым, благо тот устроился ближе. Этот второй одолел свой испуг в полутора стрелищах от места сражения. Он, видно, сообразил, что бой, начавшийся так странно и страшно, закончится отнюдь не победой наёмников. А может, он даже рассчитывал, отсидевшись, вернуться и поискать, не останется ли на поживу какого имущества. Отец Мужей и Волкодав почти одновременно разглядели его в густой чаще шиповника. Коренастый сольвенн облюбовал удобный каменный карниз, растянулся на животе и приготовил заряженный самострел: поди подойди!... По мнению венна, достать его можно было тридцатью тремя способами. Незаметно обойти засаду и сверху прыгнуть на плечи стрелку. Подкрасться сбоку и закидать камнями, выгоняя вон из укрытия...

Волкодав пошёл прямо к кустам, не прячась и не петляя. Посмотрим, каков стрелок. И особенно как он будет взводить после выстрела тетиву, лёжа в чаще цепких кустов. Волкодаву случалось видеть, как иные стрельцы в таких случаях бросали оружие и, струсив, пускались бежать. Тут забоишься, если тот, в кого целишься, спокойно идёт на тебя. И смотрит в глаза.

Волкодав был готов уворачиваться от стрелы, но не пришлось. Всё дело испортил Мыш. Возникнув как тень, чёрный летун бесшумно скользнул мимо плеча, пронёсся вперёд и юркнул в кусты. Кудрявая зелень шиповника издали казалась сплошной малахитовой глыбой, но проворный Мыш легко нашёл среди колючих стеблей простор для полёта. Что там дальше случилось, оставалось только предполагать. Раздался крик, щёлкнула тетива, но стрела прошла далеко стороной. Наёмник вскочил как ошпаренный и бросился из кустов. Длинные цепкие ветви с громким треском царапали его одежду и тело. Выпутавшись из зарослей, он быстро побежал прочь, оглядываясь и размахивая руками. Мыш с криком мчался за ним, норовя вцепиться в затылок.

Это был уже немолодой, лысеющий мужик с козлиной растрёпанной бородой. Его шея казалась несоразмерно короткой: то ли по природе, то ли оттого, что он с испугу пытался втянуть голову в плечи. Такому, если до сих пор не выбился в вожаки, давно бы уже следовало столкнуться с какой-нибудь добросердечной вдовой и мирно осесть, завести, скажем, харчевню. Может, лысый малый именно так и намерен был поступить, да попугала нелёгкая снарядиться в самый последний поход, ещё разок попытаться счастья и прикопить немножко добычи. Тогда-то зажил бы со своей вдовушкой тихо-спокойно, стал уважаемым человеком в деревне или на городской улице, чего доброго, ещё и деток родил...

Вот только ничего этого ему больше не будет.

Волкодав шёл за ним беззвучными стелющимися скачками: большой серый пёс, настигающий облезлого волка со стёршимися зубами. Наёмник то и дело оступался даже не от страха – от осязания близкого конца, мертвившего тело. Он упал на колено, вскрикнул, начал поворачиваться к Волкодаву лицом.

– Это я упрощил Зубаря, чтобы её не приканчивали!... Я...

Он ещё говорил, а в глазах отражалось отчётливое понимание: пощады не будет. Волкодав не стал пачкать оружия. Просто взял его одной рукой за подбородок, другой за макушку и коротко повернул вверх. И ухнула в стылую бездну уютная маленькая корчма, и тёплая пухлолицая вдовушка, и зимние вечера у огня, с пивом в кружке и разговорами о былом удалстве. Ещё одна никчёмная душонка вылетела из тела, упавшего в густую траву бесформенной кучей. Волкодав подобрал самострел, взял из колчана убитого две стрелы и двинулся дальше.

Он легко выследил бы шестого даже один, без помощи Отца Мужей, смотревшего из поднебесья. Примятая трава, лишайник, сорванный с камня, – ясные знаки, указывавшие путь... А пожалуй что управился бы и без них: след – не запах, не звук, что-то иное – витал над землёй, словно полоса сгоревшего воздуха. Юный наёмник сдуру убежал в ущелье, проточенное водой в утёсистом гребне. Карабкаться оттуда вверх Волкодав не пожелал бы и врагу. А другой конец теснины выходил прямо в щель Стены Великанов, и внизу можно было разглядеть птиц и медленно плывшие облака. В середине лета, когда солнце пригревало как следует и начинали подтаивать ледники, здесь мчался косматый поток. Он бешено вылетал в щель и дробился в воздухе, падая с чудовищной высоты. Однако до летней жары было ещё далеко, и теснина оставалась сухой.

Молодой наёмник, веснушчатый, русоволосый, старался забиться как можно глубже в нору между камнями, но его было видно, и он сам это понимал. Избавление от страха, когда он готов был поверить, что спрятался и спасся, оказалось лишь временным. Волкодав приблизился, прыгая с валуна на валун, и остановился в десятке шагов. Поймал взгляд парня и указал самострелом на пространство перед собой.

Выходи, умрёшь как мужчина.

Юноша вылез, двигаясь, точно в дурном сне, лицо было зелёное. То, что совершалось прямо здесь и сейчас, не могло, не имело права происходить. Не с ним. Не наяву. Что-нибудь непременно вмешается. Предотвратит. Защитит...

Вот и она так думала,
молча сказал ему Волкодав.

Боги не вмешивались. Венн не таял в воздухе и не проваливался сквозь землю. Стоял, и в опущенной руке не дрожал самострел со взведённой тетивой, готовый бросить стрелу. Парень почти решился упасть перед ним на колени, даже вроде как дёрнулся вперёд, но остановился. Пошарил у пояса, вытащил длинный кинжал и обхватил потными ладонями рукоять, готовясь обороняться. Не вздумает же венн просто так всадить болт в человека, у которого нет ни лука, ни самострела! Пусть-ка подойдёт поближе и...

Ростом и сложением парень ничуть не уступал Волкодаву, но был ещё по-мальчишески рыхловат, тяготы и труды не успели его обтесать, наделить опасной и хищной воинской статью. Венн смотрел вверх его головы и молча ждал, чтобы он сделал движение. Если у лысого это наверняка был последний поход, то сопляк нанялся явно впервые. Он и кинжал-то держать ещё толком не научился. Кто же цепляется за рукоять, словно тонущий за протянутое весло?... У опытного бойца нож невесомо порхает из ладони в ладонь, пляшет между пальцами, поди угадай, когда и откуда ужалит... У недоноска все его намерения читались и на лице, и во взгляде, и в напряжении тела. Когда стало совсем ясно, что вот сейчас он завопит от ужаса и бросится в драку, правая рука Волкодава мягко качнулась вверх. Щёлкнула спущенная тетива, и толстая короткая стрела-болт воткнулась парню в колено.

Венн не жаловал самострелов, предпочитая лук, куда более мощный и быстрый. Самострел – оружие горожанина, человека несильного и необученного. Однако воин и нелюбимым оружием обязан владеть, как родным.

...Юнец, не без успеха притворявшийся взрослым мужчиной, вмиг превратился в насмерть перепуганного, зарёванного мальчонку. Рана была не смертельной, но страшно болезненной. Если ему суждено будет остаться в живых, вряд ли он даже к старости избавится от хромоты.

Это, конечно, не Зубарь, способный забавы ради выстрелить в симурана. И не трое его дружков, у которых давным-давно сгнило внутри всё, что от рождения было доброго и хорошего. Просто деревенский балбес, возмечтавший, как Асгвайр, разбогатеть и прославиться.

Но ведь Асгвайр бросился на защиту девчонки, а ты?... Почему двое отбивались от шестерых, а не трое от пятерых? Почему?...

Волкодав не торопясь отводил рычаг, вновь натягивая тетиву самострела.

– Я не трогал её!... – закричал молодой наёмник, пытаясь задом наперёд отползти как можно дальше от Волкодава и тихо подвывая: уж верно, боль в колене была сумасшедшая. То-то нога у него отнялась до самого паха. – Я не трогал её!... Я только держал!...

Я только держал,
повторил про себя Волкодав.
Я только держал.

«Пощади, – умолял взгляд широко распахнутых, бесцветных от ужаса глаз. – Ты же видишь, я ранен. Мне больно. Я ослаб, я не могу сопротивляться. Я только держал её. Ты достаточно меня наказал. Я, может, даже отсюда выползти не смогу, когда ты уйдёшь. Неужели ты убьёшь беззащитного? Беспомощного, покалеченного, страдающего?...»

Ещё как убью
, так же молча ответил ему Волкодав. Его руки тем временем вкладывали стрелу в желобок и поднимали оружие.

Ещё как убью. Это теперь ты покалеченный, слабенький и несчастный. И просишь, чтобы тебя пожалели. А ты её пожалел? Когда был крепким и сильным перед несчастной девчонкой? Или она о жалости не просила?...

Парень увидел смерть, направленную в глаза, отчаянно вскинул ладони, и стрела пригвоздила его руки ко лбу. За десять шагов не спас бы и клёпанный шлем на добром подшлемнике.

Волкодав бросил самострел, глядя, как стихает биение жизни, как некогда красивое молодое тело превращается в обыкновенную падаль. Потом повернулся и пошёл прочь.

Шагал я пешком
И крался ползком,
Нащупывал носом путь.
А встретился лес,
На дерево влез -
Вокруг с высоты взглянуть.

Свой собственный след
За несколько лет
Я вмиг оттоль рассмотрел!
И понял, каких,
Беспутен и лих,
Успел накрутить петель!

А что впереди?
Неисповедим
Всевышний разум Богов!
Под солнцем искрясь,
Гора вознеслась
В короне белых снегов!

И понял я: вот
С каких бы высот
Земной увидеть предел!
Я ногти срывал.
Валился со скал.
Я сам, как снег, поседел.

Но всё же достиг!
Взобрался на пик.
Открылся такой простор!...
Вблизи и вдали
Все страны земли
Нашёл любопытный взор.

Куда же теперь?...
И снова я вверх
Гляжу, мечтой уязвлён.
Там синь высока.
И в ней облака.
И солнца сизый огонь.

Там Правды престол...
Но Божий орёл
Пронёсся рядом со мной:
«Мой друг, не тянись

В запретную высь,
Коль нету крыл за спиной!

Немногим из вас
Та тропка далась;
Тебе они не чета.
Мой друг, ты и так
Душой не бедняк.
О большем – и не мечтай!...»

Я спорить не стал.
Я попросту встал,
Не жалуясь и не кляня,
И прыгнул вперёд...
Паденье? Полет?...
Пусть Небо судит меня.

3. На третью ночь

Когда Волкодав покинул ущелье и шёл назад, он почувствовал приближение Отца Мужей и оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть его.

Кого другого, менее знакомого с повадками вилл, подобное зрелище могло напугать не на шутку. Желтоглазый зверь с мордой пса и крыльями летучей мыши беззвучно плыл в прозрачном воздухе прямо на него, в полураскрытой пасти влажно блестели клыки. Седовласый всадник сидел выпрямившись, поток встречного воздуха разглаживал длинный мех шубы. Он не стал окликать Волкодава, не помахал ему рукой. Оба были мужчинами, а значит, умели обходиться без жестов и слов. Соплеменницы Волкодава могли бы ещё посмеяться и добавить, что мужское немногословие происходило в основном от неумения обращаться со словами и заставлять их складно выражать мысли...

Да,
подумал венн.
Дома любили посмеяться и пошутить...

Мыш сорвался с его плеча и бросился догонять дальнего родственника. Он, наверное, не преодолел бы расстояний, которые легко покрывал симуран, но в коротком рывке не собирался уступать никому.

Небесный всадник легко скользнул над самой землёй, отворачивая мимо лужайки, где происходило сражение. Волкодав последовал за вождём. Ему всяко не хотелось возвращаться к мёртвым телам. Его народ полагал, что о павшем враге следовало позаботиться: расстегнуть одежду и пояс, позволяя душе вылететь без помех, завалить останки камнями, чтобы не добралось зверьё... Пренебреги этим, и мёртвые не скоро обретут покой, начнут вставать из могил, шастать ночами в поисках погубителя... А и пусть себе встают и приходят. Шестеро убитых не заслуживали того, чтобы называться врагами. Волкодав не чтил и не боялся их ни живыми, ни мёртвыми.

Следуя за Отцом Мужей, он долго лез на откосы, спускался с обрывов и прыгал с камня на камень. Возбуждение битвы неотвратимо рассеивалось, накатывала усталость, хотелось лечь и заснуть. Спустя время виллинский вождь привёл его на берег ручья, бежавшего с ледников и прыгавшего водопадом в подставленные ладони скалы. В озере плескался

большой симуран, а его хозяин сидел на берегу, присматривая за троими людьми. Один из троих был совершенно гол и, судя по всему, зверски избит. В чём, в чём, а в побоях Волкодав понимал толк.

Наверное,
решил он

, это и есть тот парень из наёмников, что пытался заступиться за виллу.

Похоже, молодой воин дрался отчаянно и умело, но против шестерых всё же не выстоял.

Люди, которых он считал своими соратниками, в конце концов свалили его наземь и жестоко били ногами. Чтоб сдох или впредь жил как все и поменьше кричал о какой-то дурацкой воинской чести...

Второй парень, в котором Волкодав сразу узнал Асгвайра, особого сопротивления явно оказать не сумел. А посему и отделался легко: ему всего лишь сломали правую руку. На руке белела повязка. Виллы вправили кости и полечили молодого сегвана взглядом и прикосновением, как это умели только они... да ещё звёздный бродяга Тилорн. Через две седмицы рука будет как новая.

При виде Волкодава Асгвайр поднялся на ноги, хотел пойти навстречу, но почти сразу как-то присмирел и остановился. А потом вдруг поклонился ему. Волкодав невольно задумался, с чего бы такое почтение. Сделал ещё шаг и сообразил: Асгвайр уже прослышал о его расправе над шестерыми. И про себя сопоставил её со вчерашней дружеской вознёй во дворе. Тогда он чувствовал себя оскорблённым. Теперь ему оставалось только почтительно кланяться...

Подле избитого сидел Эврих и держал его за руку, прижимая пальцами живчик: выслушивал сердце. Солнце проливало живительное тепло на распластанное лягушачье-бледное тело. Парень почти не шевелился, только время от времени облизывал губы. В углах рта при дыхании пузырилась кровь.

Крепкий малый,
решил про себя Волкодав.
Может, и не помрёт.

Первым долгом он подошёл к виллину и негромко посвистел, спрашивая на его языке: «Как там маленькая сестра?»

Вместо ответа виллин показал ему каменные домики, казавшиеся игрушечными на цветущем склоне горы. Волкодав хорошо помнил почти точно такие же, только стоявшие за сотни вёрст к югу. Он увидел дверь, возле которой, хмуро насупившись, сидел и с самострелом в руках от кого-то стерёг жилище рыжий жених. Вени смог бы пройти в эту дверь, только согнувшись в три погибели. Внутри дома, на широкой лавке, спала, свернувшись калачиком, светловолосая девушка. Волкодав отметил про себя, что её лицо было безмятежно, дыхание – спокойно. Рядом с девушкой на лавке сидела женщина, при виде которой на ум просилось одно слово: величественная. У неё были вороные с густой проседью волосы, а глаза – фиолетово-синие, как горное небо.

Мать Женщин,
сообразил Волкодав.

Предводительница почувствовала взгляд и обернулась к нему. Ей не было нужды спрашивать, кто он такой и довершил ли он дело, за которое взялся. И, как когда-то, Волкодав не мог отделаться от мысли, что этой Женщине было о нём известно гораздо больше, чем он сам про себя знал.

И Она сказала ему единственное, что сейчас имело значение:

«Твой друг – очень хороший лекарь, щедро вознаграждённый Богами. Он говорил с внутренним разумом маленькой сестры, с тем разумом, что глубже рассудка. Теперь она спит и будет спать ещё долго. А когда проснётся – поймёт, что с ней приключились всего лишь телесные раны, которые со временем затягиваются... – Мать Женщин чуть улыбнулась и добавила: – Её жених только рад будет её в этом уверить...»

Волкодав хотел преклонить перед Нею колени и попросить благословения, но вовремя одумался. О каком благословении может просить мужчина, только что проливавший кровь?!. Однако ему не зря показалось, будто Мать Женщин видела его насквозь. «Мир тебе, Волкодав», – тихо и ласково проговорила Она. И он ощутил прикосновение ко лбу.

За несколько лет венн успел отвыкнуть от общения с виллами. Он даже слегка удивился, обнаружив, что по-прежнему стоит на поляне у водопада, и вылезший из озера симуран вежливо обнюхивает его руку.

– Спасибо, брат, – глядя рыжего зверя, сказал виллину Волкодав. Тот с достоинством поклонился в ответ, а венн отошёл к Эвреху с Асгвайром, сидевшим подле избитого. Молодой аррант поднял голову и посмотрел на Волкодава с таким видом, что тот приготовился выслушать очередное поучение вроде: «Иногда я просто боюсь тебя, друг варвар!» Эврех, наверное, именно так про себя и подумал, но вслух сказал совершенно другое:

– Сердце что надо... выкарабкается, я полагаю... – Помолчал и добавил: – Виллы обещали помочь им обоим добраться к Асгвайру домой.

– Хорошо, – сказал Волкодав. Он всматривался в распухшее, обезображенное лицо, и ему всё сильнее казалось, будто он уже где-то видел этого человека. Он собрался было покопаться в память, но мысль вязла в трясине усталого безразличия. Шесть жизней, вопя, проваливались сквозь границу миров, чтобы вечно мёрзнуть в нетающих снегах Исподней Страны. Или возродиться, если за них кто-нибудь отомстит. И с ними, хочешь не хочешь, уходила в небытие толика жизни самого Волкодава. Покамест венн только видел, что светловолосый молодой наёмник был сегваном из береговых. Об этом говорила татуировка – чёрно-синий свернувшийся кольцами зверь, выколотый посередине груди. И сломанный боевой нож в три пяди длиной, лежавший на обрывках одежды. Вот так. Ещё утром ходил здоровый, ладный и крепкий... теперь лежит, точно под срубленную сосну угодил...

Парень вдруг приоткрыл заплывшие щёлочки глаз и посмотрел на Волкодава сквозь слипшиеся ресницы и зыбкую пелену страдания.

– Ты стерёг кнесинку, – пополам с кровавыми пузырями выдохнули бесформенные губы, и воин поспешно опустился на колено, чтобы не заставляя его тратить оскудевшие силы. А тот продолжал: – Ты венн... Я знаю тебя. Тогда тебя называли Волкодавом.

При этих словах глаза у Асгвайра полезли на лоб, и от Волкодава это не укрылось. Ну ещё бы. Наверяд ли его скоро забудут в здешних краях...

Он всё-таки совершил насилие над отупевшей памятью и добился ответа. Память, правда, не смогла дать ему имени, да оно никогда и не было доверено ей. Зато он снова увидел перед собой юношу, с отчаянной ловкостью игравшего длинным боевым ножом: «Я буду охранять кнесинку вместо тебя, потому что лучше сражаюсь!» А потом – Мыша, ринувшегося в лицо оскорбителю и вдруг, после пяти лет беспомощного увечья, впервые осознавшего, что ЛЕТИТ...

– «Сперва Побей!» – сказал Волкодав. Наёмник слабо улыбнулся, и венн понял, что память не подвела. Потом слипшиеся ресницы медленно моргнули, и распухшие губы дёрнулись снова. – Моё имя Имнахар, второй сын Мерохара, третьего сына Меробиха, – услышал венн.

Вот так. «Моё имя». То есть Волкодав нимало не сомневался, что сегван назвал ему своё истинное имя, сокровенное и тайное, известное только отцу с матерью да братьям, вошедшим в мужеский возраст. Ни один человек в здравом уме не назовёт это имя полужнакомому. Только сумасшедший или пришелец из далёкого мира, вроде Тилорна. С какой стати понадобилось сегвану...

– Владей моим именем, Волкодав, – сказал Имнахар. – Я умру.

Он не просил ответного дара, однако венн сказал:

– Я бы дал тебе своё имя, сын славных родителей, но у меня есть только прозвище. А его ты и так знаешь.

– Я умру, – повторил молодой сегван. – Я не очень хорошо жил. И этот последний бой я проиграл. Радужный Мост обломится у меня под ногами, и двери Звёздного Чертога не раскроются передо мной. Жадный Хёгт будет вечно гнаться за мной по отмелям холодной реки...

Асгвайр благоговейно помалкивал, слушая их разговор, только переводил подозрительно блестящие глаза с одного на другого. Волкодав без труда уловил, о чём думал мальчишка. Рядом с ним навеки прощались двое великих мужей, два воина, о каждом из которых в пору было складывать песни... Ничего не поделаешь, с героическим сказанием ему придётся повременить.

Волкодав самым кощунственным образом усмехнулся и проворчал:

– А у тебя для умирающего язык неплохо работает... Подождёт тебя твой Храмн... успеешь ещё в последнем бою победить.

Его не обступали призраки великих деяний. И потому, в отличие от Асгвайра, он обратил внимание: Имнахару больше не требовалось подолгу отдыхать и собираться с духом, чтобы сказать ещё одно слово. Изувеченные рёбра по-прежнему превращали каждый осторожный вздох в пытку, но дыхание выровнялось и обрело силу. И кровь изо рта больше не шла. Имнахар и подавно не мог видеть себя со стороны. А потому не замечал, как начали постепенно рассасываться страшные следы побоев. Слова венна заставили его попробовать пошевелиться. Как следует повернуть голову он ещё не сумел, только обнаружил, что глаза стали открываться вроде бы лучше. Чёрная опухоль синяков, заливших веки, медленно, но верно спадала. Молодой наёмник прислушался к себе и вдруг заметил, что жуткая бездна неведомого, в которой заглянула была душа, словно отодвинулась. Вернее, это его самого отводили от последнего края чьи-то дружеские руки. Всё тело по-прежнему терзала боль, и очень жестокая, и он откуда-то знал, что так будет продолжаться ещё долго. Однако грех сетовать на горести выздоровления. Эврих облегчённо вздохнул и выпустил его руку.

– Как сейчас, парень? – спросил он тоном деловитого лекаря. Имнахар растянул непослушные, разорванные губы в подобии улыбки и впервые пожаловался:

– Больно...

Виллин подошёл к ним и вытащил из котомки свёрток тонкого полотна. Волкодав с Эврихом осторожно приподняли Имнахара. Асгвайр помогал им здоровой рукой. Виллин ловко запеленал наёмника, потом стал кутать его поверх полотна пушистым меховым одеялом. К тому времени, когда они опустили его обратно на землю, сегван уже спал.

* * *

Скоро на поляну у водопада опустилось ещё шесть симуранов: два рыжих, серый, пегий, белый и вороной, все под сёдлами, но без всадников. К спине одного из них был приторочен плотный тючок, оказавшийся свёрнутой сетью. Вся шестёрка благородных летунов первым делом окружила Волкодава. Их звериные рассудки осязали в нём далёкого родственника, глаза же и носы сообщали совершенно иное. Значит, требовалось подойти, подробно обнюхать, лизнуть, как следует рассмотреть... Пегий вожак недовольно заворчал на арранта, когда тот принялся отвязывать тючок. Вдвоём с виллином Эврих расправил сеть, потом виллин строго посвистал симуранам, а Волкодав перенёс Имнахара и устроил его посередине.

– Садись рядом, – сказал он Асгвайру.

Тот опасливо и как-то по-детски жалобно смотрел на него, и венн снова отчётливо понял, о чём думал юнец. Он, конечно, боялся путешествия по воздуху, но это было не главное. Ему не хотелось возвращаться домой. Юный сын бортника предпочёл бы идти в страну нарлаков вместе с венном, которого он до сегодняшнего дня знал как Зимогора. У Асгвайра болела сломанная рука, но очень скоро она заживёт. Он сможет служить... носить котомки, чистить оружие, огонь разводить... и учиться, кроха за крохой подбирая драгоценную воинскую науку...

– Садись, – повторил Волкодав.

– Как же я теперь домой-то?... – беспомощно спросил Асгвайр, и губы у него предательски задрожали. – Как покажусь... ведь засмеют... скажут, по носу получил...

– Ты спас жизнь мужчине и не пожалел себя, заступаясь за женщину, – покачал головой Волкодав. – Я горжусь, что узнал тебя. И твой отец будет гордиться тобой.

Некоторое время Асгвайр смотрел на него в безмолвной растерянности. Как так может быть, чтобы жестоко проигранный бой принёс не только насмешки?... Он ещё осознает услышанное, но позже. А пока он только уныло кивнул (в самом деле, не спорить же!) и, не выдержав, умоляюще, чуть не со слезами проговорил:

– Я хотел учиться у тебя, Волкодав...

Венн хмыкнул в ответ:

– А ты устрой, чтобы Имнахар у вас задержался. Пускай он тебя и поучит. Скажешь, я попросил.

Утешение было слабое, но Асгвайр пообещал всё выполнить в точности и с обречённым покорством уселся на разостланную сеть.

Виллин забрался на своего симурана, отдал мысленную команду... шестеро могучих зверей одновременно подались назад, приседая на задние лапы, а потом взяли с места короткий стремительный разбег – сколько позволили прочные верёвки, привязанные к седельным ремням, – и разом оторвались от земли, взвившись в едином прыжке. Согласный удар двенадцати широких крыльев завертел обрывки травы, вихрем понёс песок, комья земли и даже мелкие камешки, вывернутые когтистыми задними лапами.

– Мама!... – совсем по-мальчишески вырвалось у Асгвайра, судорожно вцепившегося в сеть.

Волкодав улыбнулся, щуя глаза.

Эврих заслонился локтем от пыли.

А Имнахар даже не проснулся.

Всадник-виллин поднялся следом за осторожно улетавшей шестёркой, сделал круг над поляной. Рыжий красавец-симуран внимательно смотрел на людей жёлто-карими пёсьими глазами, пофыркивая на лету. Виллин поднял руку, прощаясь. Волкодав с Эврихом ответили ему тем же. Больше всадник не оглядывался. Небесные летуны постепенно удалялись, и, как ни прозрачен был горный воздух, расстояние мало-помалу скрадывало только им присущие силуэты. Когда всадник и семеро зверей, разворачиваясь, потянулись за обрамлённый снежниками голый каменный пик и растворились в лучах вечернего солнца, немногие сумели бы отличить их от обычных орлов...

Волкодав напряг внутренний слух. Он помнил, как жил у Поднебесного Народа после освобождения из каменоломни, как трудно учился мысленной речи. Его спасители по-доброму потешались над его неуклюжестью. Да он и сам понимал, что его тогдашние потуги напоминали естественный язык самих вилл примерно так же, как попискивание «говорящего» скворца – разумную человеческую беседу. Вот Эврих, наверное, выучился бы быстрее и лучше. Он уже и теперь начал неплохо понимать – всего-то за один день!

Сейчас Волкодав просто чувствовал вдалеке молчаливое присутствие вилл. Если он позовёт их или попросит о помощи – они отзовутся. Но сами попусту навязываться не будут...

– Волкодав!... – почему-то шёпотом окликнул его Эврих. – Эти... как их... виллы, они что... все мысли читают? Всё, о чём думаешь?... Как же они между собой-то?...

– Не всё, – покачал головой венн. – Только то, что ты хочешь сказать.

На самом деле мысленный разговор требовал ещё большей строгости к себе, чем обычная речь. Недобрую мысль куда легче метнуть в собеседника, чем недоброе слово. Та же разница, что между деревянным и боевым мечом в руках неумехи. Лучшего сравнения подобрать он не мог.

Вот так, сказал себе венн, глядя вдаль, где скрылись за озарёнными скалами крылатые псы. Легко же привыкают к простому: силён, значит, всё можно. Начинают задумываться, только если споткнутся, только если с кем-то не вышло. А на самом-то деле и мысли быть не должно... И тоже не потому, что вдруг придут и накажут...

Об этом много раз говорила ему мать. Ещё когда он был маленьким мальчиком и никто не называл его Волкодавом. Одна беда – смысл таких наставлений постигается лишь с годами, когда успеешь уже нажать и заплаты на шкуре, и сину в волосах, и сердечную боль...

Эврих выглядел пришибленным и потрясённым событиями дня. Вздумай Волкодав поделиться с ним своими рассуждениями, вряд ли он стал бы по своему обыкновению насмешничать и поддевать его. Однако у венна не было никакой охоты затевать разговоры. Больше всего ему хотелось просто лечь и заснуть, свернувшись калачиком на траве, ещё хранившей родной запах валявшихся симуранов. Ему потребовалось усилие, чтобы расстегнуть ремни, сложить наземь пояс и меч, раздеться догола и полезть в озеро мыться. Он мылся тщательно, действуя не только мылом, но и песком. Вода была ледяная. По телу сперва пошли пупырышки, потом оно стало терять чувствительность.

– Простудишься! – встревоженно сказал с берега Эврих. – Опять кашлять начнёшь!...

Волкодав ничего ему не ответил. Он держался ближе к тому месту, где поток переливался через край каменной чаши, свергаясь вниз водопадом. Вот пускай и уносит скорее прочь всю смытую скверну, помогая очиститься если не душе, так хоть телу...

Ему почему-то вспомнились рассказы Матери Кендарат об изваяниях Богини Кан, стоявших в Её немногочисленных храмах. По словам жрицы, Богиню Любовь изображали в виде прекрасной и умудрённой женщины с лицом, полным милосердия и понимания. Её статуи всегда держали в ладонях и как бы протягивали молящимся большие драгоценные камни, огранённые наподобие капель сверкающей влаги. Не то звали выплакаться, словно у матери на коленях, излить свои слёзы в общий сосуд... не то обещали утолить целительной Любовью духовную жажду... или, может, сулили очистительное омовение... как мать купает младенцев... да... это горное озерко, тоже чем-то напоминавшее каплю в исполинских ладонях...

Кан, Богиня Луны, любит тех, кто жаждет душой. Волкодав никогда ей не молился.

Эврих отчаялся воззвать к разуму венна и взялся раскладывать костерок из сушняка, который они запасливо прихватили с предгорий. Волкодав наконец выбрался обратно на берег, отмывшись и выскоблив всю одежду, Он ещё походил нагишом, обсыхая на вечернем ветру. Ощущение было такое, как будто он напрочь содрал с себя кожу. Что ж, это и к лучшему. Вытащив из ножен боевой нож, он очертил на земле ровный круг, обведя им обе котомки и тихо потрескивавший костерок. Он ждал пришествия мстительных душ только на третью ночь, но в таком деле, как всем отлично известно, лишняя осторожность повредить не могла. Взяв мокрую одежду, он принялся поворачивать её над костром. Слабенькое пламя не столько сушило плотное полотно и тем более кожаные штаны, сколько пропитывало их запахом дыма. Круг ещё оставался незамкнутым. Эврих принёс воды, повесил котелок над огнём, бросил в него размокать пригоршню душистых кореньев, разрезал прошлогодний кочан, купленный у Браноха, потом сходил в дальний конец поляны и вернулся с пёрышком дикого чеснока. – Есть будешь? – на всякий случай спросил он Волкодава.

Он не зря знал венна уже почти три года и заранее догадывался, каков будет ответ. И в самом деле, тот только покачал головой. Убивший нечист. Он не смеет молиться в святилище и прикасаться к жене. А также причащаться человеческой пищи. И уж давным – делить её с другими людьми...

– Когда ты убил Лучезара, ты ел, – почти жалобно сказал Эврих. – И когда на государыню покушались...

Волкодав даже не повернул головы. «Может, и ел», – было написано у него на лице. Жизнь боярина Лучезара он взял на Божьем суде, и это, по сути, не могло считаться убийством. Его руку вели Солнце, Молния и Огонь. Сами Боги судили Свой суд – не смешно ли после этого опасаться мести какой-то там ничтожной души?... А когда он сворачивал шею убийце, напавшему на кнесинку Елень, он исполнял долг воина: защищал госпожу. И защитил. И Морана Смерть тут же утащила Своего поклонника в чертоги Исподнего Мира. Но так, как сегодня... или три года назад, когда он шёл убивать кунса Винитария по прозвищу Людоед... вот это было убийство самое настоящее. Заранее обдуманное. Хладнокровное. И безжалостное. Вот после таких-то деяний и следует опасаться всего, чего угодно.

Но пускаться в объяснения Волкодаву не хотелось, и он не стал ничего говорить. Эврих отрезал себе хлеба и всё косился на венна, помешивая деревянной ложкой вкусно пахнущую похлёбку. Когда капуста сварилась, он чуть не с отвращением принялся за еду.

Молодой аррант не на шутку беспокоился о своём спутнике. Бывали мгновения досады и злости, когда ему хотелось живьём проглотить неотёсанного варвара, не понимавшего толку в прекрасном. Бывало и так, что Волкодав смертельно раздражал учёного грамотея самой своей силой, помноженной на воинское мастерство. Мастерству этому, что греха таить, Эврих временами люто завидовал и порой даже говорил себе, что Боги Небесной Горы могли бы получше думать, кого награждать подобным искусством...

Однако потом опять что-то случалось, и оказывалось, что Волкодав не так уж несокрушим. Вот как теперь. И тогда-то на Эвриха напал самый настоящий страх.

Страх потерять его.

В такие дни он был рад простить «варвару» все его прегрешения. За годы знакомства аррант видел Волкодава, что называется, во всех видах. В том числе и беспомощным, истекающим кровью. И отлично знал, что венн был далеко не бессмертен. Каким мелким и недостойным казалось ему тогда всё то, что в обычное время злило и раздражало!...

Хватит,
оборвал себя молодой аррант.
Нам ещё долгий путь предстоит. Мы должны попасть на другой конец света и вернуться назад, а я помимо прочего – написать книгу, достойную Сибионской библиотеки. Чтобы другие путешественники, собираясь сюда, заказывали себе её список мелкими буквами, для удобства в дороге, как я Салегриново «Описание». Так что, чем плакаться, доставай-ка, приятель, перо и чернила...

Волкодав снова взялся за нож и замкнул оберегающий круг.

Два дня затем не происходило совсем ничего. Венн и аррант пробирались вперёд, иногда следуя едва заметной тропе, иногда – вовсе без дороги. Места кругом были настолько красивые, что Эврих временами спрашивал себя – и как вышло, что здесь почти никто не живёт?... Неужели всё дело в том, что зимой эти узкие, глубокие долины наверняка скрывались в непроходимом снегу, и пройти там, где лезли между скалами они с Волкодавом, делалось уже совсем невозможно?...

Гораздо более похожим на правду выглядело объяснение, изложенное у Салегрина. Эврих не поленился и на одном из привалов вслух прочёл его Волкодаву:

– «Во дни так называемой Последней войны, вызвавшей гибель племён и целых держав, прокатившиеся завоевания нередко возбуждали самую прискорбную рознь внутри исконных народов, затронутых водоворотом сражений. Достойные всяческого доверия путешественники, побывавшие в различных уголках света, сообщают нам предания о кровавых усобицах, следовавших за уходом чуждого войска. Те, кого прежде объединял общий враг, обращались друг против друга и сражались с яростью, перед которой поистине меркли все ужасы вражеского нашествия. Так и случилось, что иные края, некогда процветающие и оживлённые, превратились в сущее захолустье, а некоторые совсем обезлюдели. Примером тому...»

Засечного края он тут не упоминает, но как по-твоему, не было тут чего-то такого?...

– Не знаю, – проворчал Волкодав. – Может, и было.

Эвриху сначала захотелось немедленно отыскать подтверждение словам Салегрина и обнаружить где-нибудь руины селения с ещё не до конца проржавевшими головками стрел, торчащими в трухлявых остатках домов. Нет лучшего начала для самостоятельного труда, нежели подтверждение либо опровержение мнений, высказанных мудрецами давних времён!... Однако всё вокруг дышало такой ликующей жизнью, что Эвриху постепенно совсем расхотелось искать следы минувших сражений. Тверди, не тверди себе о беспристрастности учёного – слишком мало радости выяснить, что даже и посреди хватающей за душу красоты люди убивали людей...

Порою мечтательный аррант обзирал зелёные кручи, увенчанные лиловатыми гранитными пиками, шурился, глядявываясь в ледяное сияние далёких хребтов, прислушивался к звону прыгавших по скалам ручьёв... и ему снова казалось, что он был дома, в своём родном мире, где человеку от человека не нужно ждать подлости и погибели. И стоит перевалить ещё один гребень, как откроется мирная маленькая деревушка: ульи, пасущиеся овцы, речка и запруда на ней, пушистые псы, с приветливым лаем бегущие навстречу гостям, дерновые крыши домов, любопытные дети, пёстрые гуси во главе с величавыми, осанистыми вожаками...

А того лучше – хижина или пещерка святого мудреца, удалившегося от людской суеты!...

...Потом Эврих вспоминал, где находится. Достаточно было одного-двух наёмных отрядов вроде того, который побывал возле Утёса Сломанных Крыльев, чтобы разбросанные по горам деревушки начали обзаводиться зубчатыми тынами в два человеческих роста. Или, чего доброго, жители совсем их покинули, перебрались под защиту больших городов... А святые отшельники ушли выше в горы, туда, где они назывались Замковыми, Замковыми, Ограждающими, Железными... Может, именно так оно всё и случилось два века назад? И

Засечный кряж стоял необитаемым, точно брошенный дом, и, как всякий брошенный дом, пользовался славой скверного места, так что даже властители сопредельных держав – сольвеннской и нарлакской – очень редко приезжали сюда на охоту?...

Впрочем, любоваться и рассуждать приходилось урывками, в краткие мгновения, когда удавалось отвести глаза от опасной крутизны под ногами и перевести дух. После сражения с наёмниками Волкодав заспешил, точно на пожар, а по здешним косогорам он ходил, как не всякие люди поспели бы по ровной дороге. К середине первого же дня Эврих буквально высунул язык и несколько раз был близок к тому, чтобы попросить поблажки. Гордость заставляла стискивать зубы. Он лишь сверлил взглядом спину ненавистного венна и сам поражался, как это вышло, что не далее как накануне он беспокоился за этого человека. Сделается с ним что-нибудь, пожалуй. Держи карман шире.

Время от времени он выбирал впереди синеющий гребень и угрюмо загадывал: если не помру и всё-таки взберусь на него – упаду уже точно. Вот только ноги почему-то раз за разом исполняли всё то, чего боялись глаза. Эврих взбирался на загаданный гребень... и, вместо того чтобы упасть без сил, отыскивал впереди новый...

Вечером, когда Волкодав посмотрел на небо и облюбовал для ночлега каменистый пяточок под свесом скалы, молодой аррант пребывал в состоянии животного безразличия. Ни пища, ни костёр не стоили того, чтобы ради них шевелиться. Эврих даже не стал раздеваться или раскладывать одеяло. Он просто сел прямо на жёсткий щербень, обнял свой заплечный мешок и мгновенно уснул. О Боги Небесной Горы!... А ведь он считал себя выносливым и крепким, и, во имя Посланника, не без некоторых оснований. Сам небось напросился в это путешествие с Волкодавом, который...

Венн разбудил его некоторое время спустя, уже в сумерках. Эврих кое-как разодрал прочно слипшиеся веки и увидел, что под скалой был натянута полог и теплился костерок. Обоняния мученика коснулся запах горячей похлёбки, и живот тотчас отозвался голодной судорогой. Волкодав сидел подле Эвриха на корточках, держа в руках кусок хлеба, ложку, луковицу и котелок. Он не стал насмехаться.

Под утро с моря поползли серые клочковатые тучи. Они накрывали берег, упирались в отвесную стену дальних хребтов и застревали на месте, медленно вращаясь, клубясь и помалу утекая за перевалы. Зябкий день разгорелся неохотно, словно стояла не цветущая весна, а глубокая осень. Тучи, напоминавшие грязновато-серые комья только что состриженной шерсти, цеплялись мокрыми космами за гребни предгорий. Всё кругом кутал тяжёлый плотный туман, серебристым бисером оседавший на волосах и одежде. Время от времени принимался моросить дождь.

Потемневшие скалы и молчаливые, нахохлившиеся деревья едва проглядывали в сплошном молоке. Проснувшийся Эврих высунул нос из-под одеяла, посмотрел кругом и испытал ни с чем не сравнимое облегчение. После вчерашних трудов у него жаловалось всё тело, даже между рёбрами почему-то болело, хотя валунов он не ворочал. Однако было очевидно, что сегодня выдастся отдых. Здравомыслящие люди в такую погоду смиренно сидят там, где их застигло ненастье. Иначе недолго и заблудиться на первой же каменной осыпи. Или вовсе провалиться в тартарары, поскользнувшись на снежнике. Молодой аррант счастливо улыбнулся и вновь прикрыл было глаза – досматривать сны...

– Вылезай, – сказал ему Волкодав. Он появился с другой стороны полога, неся котелок с прозрачной водой из ручья. Повесил котелок на перекладину и стал оживлять костёр.

– Заблудимся! – простонал аррант. При мысли о том, что вчерашнее истязание будет продолжено, на глаза навернулись слёзы. Он забыл даже о гордости: – Ну не видно же ничего!...

Волкодав покачал головой.

– Не заблудимся. Мне показали дорогу. – И пояснил: – Виллы.

Мышь выглянул у него из-за пазухи, сладко зевнул и спрятался обратно в тепло. Эврих отчаянно позавидовал беззаботному зверьку, у которого всего-то и было в жизни важных дел: набить брюшко чем-нибудь вкусным, вволю поиграть, потом найти хороший уголок для сна... повстречать в лесу весёлую подружку-летунью... Иногда, когда бывало тяжело, Эвриху хотелось стать таким же созданием, не отягощённым особой разумностью, а стало быть, и печальями,

которые несёт с собой разум. Эврих закрипел зубами и выбрался наружу, в холод и сырость. Спорить с венном было бесполезно.

Весь этот день, как и предыдущий, они шли вперёд.
Зато я умней,
мрачно думал Эврих, разглядывая заплечный мешок на спине Волкодава.
Я учёный. Моя книга уже хранится в Силионской библиотеке, её люди читают. Напишу и вторую, если... этот... этот... меня до смерти не загонит. Тоже... вообразил... только драке и выучился...

При этом молодой аррант вполне отчётливо сознавал, что погубил себя сам. А нечего было навязываться в путешествие, которое Волкодав собирался предпринять в одиночку. Нечего теперь сетовать на обстоятельства, вызывающие не к познаниям мудреца, а к выучке воина и звериной выносливости, позволяющей шагать сутки за сутками. Каковы способности и были в полной мере присущи тупому неразвитому варвару. И скорее неприличны ему, без сомнения лучшему выпускнику Силиона...

Ещё Эврих знал: если на них вдруг кто нападёт, сам он это поймёт разве только когда Волкодав схватит меч и примется защищаться. А его, умного, пожалуй ещё и отшвырнёт себе за спину. Чтобы не пугался под ногами и не погиб от первого же удара...

Держать ухо остро полагалось, конечно, обоим. Но Эврих скоро до того отупел от усталости, что предоставил делать это одному Волкодаву. Самому ему было уже ни до чего. Он знал только, что надо было ИДТИ. По возможности не отставая от варвара. Остальное могло пропадать пропадом.

О Боги Небесной Горы!...

Грубый венн просто шёл себе и шёл. Молча. И не жавши с позавчерашнего дня.

Между тем, в довершение всех несчастий, тропу, изредка возникавшую под ногами, основательно размочил медленный дождик: коварные камни так и норовили вывернуться из-под ноги. Эврих скользил и раз за разом валился на колени, пачкая штаны и нарядные кожаные сапоги. Потом с большой неохотой вставал, пользуясь благовидным предлогом перевести дух. Сегодня ему было даже не высмотреть вдалеке подходящего гребня, чтобы на нём свалиться и умереть. Стоило загадать приметную скалу, как она либо скрывалась за полотнищами тумана, либо, наоборот, откуда-то возникала другая похожая на неё – поди разбери!...

К середине дня, когда они остановились у небольшого ручья, глухое раздражение Эвриха переросло в кровожадную ненависть. Теперь он знал совершенно точно, что венн издевался, намеренно унижая его. Иначе зачем было бы устраивать подобную спешку? Гнались, что ли, за ними?... Или они опаздывали куда?...

Злоба помогла подстегнуть не только тело. Одолевая несколько последних подъёмов и спусков, Эврих заставлял измотанный разум трудиться, подбирая и складывая достойные слова. Правда, как только удалось сесть и вытянуть ноги, слова эти как-то сами собой поблёкли и потускнели, сменившись замогильной тоской: совсем скоро придётся ведь снова вставать...

Волкодав зачерпнул котелком воды из ручья, приволок откуда-то длинную корягу и стал потрошить её топориком, стёсывая влажную древесину и обнажая сухую. Эврих безразлично следил за его действиями. Потом до него постепенно дошло, что, раз появились дрова, значит, самые высокие безлесные перевалы остались-таки за спиной. Однако сил обрадоваться этому уже не было.

Венн снял с огня закипевший котелок, вытащил хлеб, густо намазал ломоть топлёным салом из глиняного горшочка, покрошил сверху пол-луковицы и протянул всё это Эвриху. Лицо у арранта было серое, осунувшееся, но зелёные глаза горели непокорством и злобой. Если бы венн не занялся привалом, учёный просто свалился бы и уснул прямо под морозящим дождём. Чувствовалось, что он придушить был готов своего спутника и ещё пуще – себя самого за то, что раскис. Он взял хлеб и стал его есть, запивая горячей водой прямо из котелка. Сперва – с отвращением, потом – с видимым удовольствием. Злоба в глазах постепенно таяла.

– Куда гонишь?... – хрипло спросил он наконец, облизывая губы и подбирая с ладони последнюю крошку.

Волкодав пожал плечами.

– Если сегодня дойдём до реки, завтра уже Нарлак. Люди... деревня...

Эврих мрачно спросил:

– Тебя там что, невеста ждёт?... Несёшься... как нетерпеливый жених...

Венн провёл ладонью по волосам и жёсткой щетинистой бороде, потом стряхнул с руки воду. Объяснять не хотелось, и он промолчал.

У реки было красивое имя: Ренна. Она текла с северо-востока, вбирая сотни горных ручьёв, питаемых вечными ледниками. В своих верховьях она резво прыгала со скалы на скалу, но на равнине, как и у многих горных рек, жизнь у неё не задалась. Вырываясь в широкую долину, отделявшую Засечный кряж от холмов северного Нарлака, Ренна быстро теряла и дикую красоту, и разбег, растекаясь десятками мелководных протоков. Порою эти протоки совсем скрывались в рыжих напластованиях гальки, медленно сочась сквозь них к уже недалёкому морю. Оба края долины густо заросли ракитой и тростником, в неторопливой воде омутков плавали лягушки, перебирались с берега на берег ужи. Однако посередине долины, на ржавых галечных россыпях, не было заметно ни единого кустика. И знающий человек понимал с первого взгляда, что обычно сонная Ренна временами бывала страшна.

Несколько раз за лето случалось так, что с Закатного моря налетал крутящийся смерч. Люди знали, что это пытался обрести плоть древний Змей, пособник Тёмных Богов. Насосавшись морской солёной воды, он яростно мчался в горы, но неизменно распарывал брюхо об острые пики, падал вниз и вдребезги расшибался о скалы. Тогда с небес хлестало так, будто прорвалась сама Твердь, а кроткая Ренна стряхивала спячку и превращалась в бешеный поток. Этот поток ворочал каменные глыбы, играючи уносил выдранные деревья и с рёвом хлестал желтоватыми клубящимися волнами. В такие дни с высоких приморских скал была отчётливо заметна мутная речная струя, вдававшаяся в море не менее чем на полверсты.

А потом иссякала вода, принесённая в брюхе жадного Змея, и Ренна вновь успокаивалась, затихала. Снова цвела по берегам мать-и-мачеха, кричали лягушки, клонились над омутами ивы, выросшие на безопасной высоте вдоль обрывов...

В этот вечер Ренна текла спокойно. Её можно было перейти даже не замочив ног – стоило лишь немного попетлять по галечным косам. Продравшись следом за Волкодавом сквозь заросли ракиты, Эврих перепрыгнул узенькую протоку, и хруст гальки под сапогами показался ему победными трубами. Он выдюжил. Выстоял. Продержался. На том берегу отдых.

Он даже сказал себе, что можно было бы идти ещё и ещё. Где наша ни пропадала. Не так уж и страшна оказалась гонка, которую неизвестно зачем устроил ему Волкодав! Будет зато, о чём с гордостью вспомнить...

С этой мыслью Эврих закрыл глаза и свалился на мелкие камушки, потеряв сознание. Вот что получается, когда долго держишь себя в кулаке, а потом ослабишь мёртвую хватку.

Он почти сразу очнулся. И, не открывая глаз, ощутил, что его покачивает, как в колыбели. Было ощущение движения, только ногами перебирать почему-то не приходилось. То есть его ноги попросту свисали, не касаясь земли. Эврих поднял ресницы. Прямо у его лица было человеческое плечо, обтянутое влажной кожаной курткой. На плече, перехваченном матерчатой ляжкой заплечного мешка, сидел недовольно нахохлившийся Мыш. Глаза зверька светились в густеющих сумерках, как два серебряных уголька. Выше виднелась знакомая русоволосая голова, потемневшая от дождя. Ещё выше плыло мокрое серое небо, где-то внизу размеренно поскрипывала и чавкала галька. Аррант пошевелился и понял, что Волкодав нёс его на руках.

Его разобрала обида, он решил высвободиться:

– Пусти!...

К его изумлению, венн улыбнулся. Улыбка получилась виноватая. Он сказал:

– Ладно... Завтра спи хоть до вечера...

Эврих раздумал вырываться и оскорблённо затих. Потом оценил ширину русла, вспомнил о дождике, упорно моросившем весь день, и слегка испугался. А ну сейчас с верховий ка-ак... Он скосил глаза, оценил уровень воды в очередном омуте и убедился, что им ничто не грозило. Действительно, Волкодав выбрался на другой берег безо всяких приключений. И там, поднявшись немного наверх, остановился на небольшой уютной полянке, взятой в кольцо пушистыми плакучими ивами. Посередине виднелась песчаная проплешина. Как раз для костра. Здесь Волкодав поставил Эвриха на ноги, тот сделал шаг и с отвращением убедился, что ноги дрожали. Венн сгрузил наземь оба мешка, вытащил из чехла топор и посоветовал:

– Съешь пряник.

– Что?...

– Пряник, – повторил Волкодав. – Сладкий. Полегчает.

И скрылся между деревьями: отправился разыскивать хворост. Мыш, ссаженный на мешок, повертел носом туда и сюда, потом развернул чёрные крылья и умчался следом за венном. Эврих решил последовать совету варвара, вытащил медовый пряник, испечённый Ниилит им в дорогу, и принялся жевать его всухомятку. Хотелось есть (а лучше – лечь), и по возможности никогда больше не вставать. Эврих пересилил себя – не в первый раз за минувшие два дня и, видят Боги Небесной Горы, не в последний. Волкодав не возвращался, и аррант решил натянуть полог. Распорки венн держал притороченными к своему мешку, колышки и полотнище – внутри. Эврих полез за ними, стал распутывать завязки, сдвинул мешок – и еле сдержал злые слёзы зависти и унижения. Всё это время проклятый венн тащил груз в два раза больше, чем он сам.

Когда Волкодав вернулся с охапкой мокрого хвороста, Эврих ждал его с полным котелком воды, в которой уже плавала заправка для похлёбки, кусок вяленого мяса и последние капустные листья, а под сенью деревьев красовался натянутый полог и лежали разостланные постели. Ноги, кстати, у Эвриха уже не дрожали.

Волкодав развёл костёр. Потом посмотрел на быстро темневшее небо и стал, как вчера и позавчера, замыкать маленький лагерь охранительным кругом. Но если раньше он делал это просто ножом, то сегодня... Сегодня он начертил сразу три круга, один внутри другого. Первый и самый большой он провёл лезвием топорика. Второй – горячей головнёй из костра. И, наконец, третий – остриём Солнечного Пламени, вытащенного из ножен.

Эврих следил за его действиями, уплетая похлёбку. Похлёбка была густой, горячей и вкусной, от неё по всему телу разбегалось тепло и начинало приятно клонить в сон. Молодой аррант довольно смутно представлял себе веннскую веру, и отчасти в этом виноват был сам Волкодав. Заставить его что-то рассказывать не всякий раз удавалось даже Тилорну...

Воспоминание о Тилорне смутно обеспокоило Эвриха, и он, насторожившись, попытался сосредоточиться на этой мысли.

Разрази меня Вседержитель, ведь Тилорн что-то такое упоминал. Третья ночь. Ну да, третья. После которой венны вроде бы заплетают волосы и перестают опасаться отмщения насильственно исторгнутых душ...

Волкодав кончил своё дело и сел возле огня. Мыш соскочил с его плеча и устроился на колене, разворачивая промокшие крылья. Венн задумчиво погладил зверька, пощекотал пальцем чёрное брюшко. Мыш оглянулся на него, почти по-собачьи улыбаясь клыкастой маленькой пастью, выгнулся, прижимаясь спинкой к ладони, зажмурил ярко светившиеся глаза. Волкодав улыбнулся, глядя на него сверху вниз.

И тут Эврих вспомнил. Вспомнил, что рассказывал ему Тилорн. Про эту самую третью ночь. Третью, если считать от пожара Людоедова замка. Когда все они чуть не погибли, настигнутые мстительными душами убитых оружием венна и сгоревших в огне, разведённом его рукой...

– Волкодав!... – севшим голосом выговорил учёный аррант. Тот молча поднял голову и вопросительно посмотрел на него. Эврих сглотнул и начал сбивчиво говорить: – Ты... те шестеро... они что, сегодня должны?...

Венн передёрнул плечами:

– Может, и не должны. – Эврих продолжал смотреть на него, и он, криво усмехнувшись, кивнул ему на остывающий котелок, который аррант заботливо обнимал, держа на коленях: – Ты ешь... пока льдом не покрылось...

Эврих вздрогнул и сунул в рот ложку. Казалось бы, уж какая тут пища, когда пошли разговоры о мертвецах, но ничего подобного. Голодный желудок требовал насыщения.

– Так ты, значит... потому так и спешил?... – спросил он, поочередно откусывая от хлеба и ободранной луковицы.

Волкодав снова кивнул.

– Если я правильно понял, – сказал он арранту, – где-то здесь есть тропка, по которой к реке ходят из деревни. Завтра к полудню...

Он не договорил. Договаривать не хотелось. Как бы парень не натворил глупостей, если прямо сказать ему, что, вполне возможно, разыскивать нарлакскую деревню придётся уже в одиночку.

Он крепко верил в могущество тройного круга, очерченного именем Солнца, Молнии и Огня. Топор был для веннов священным оружием Бога Грозы. Про горящую ветку и вовсе не стоило ничего объяснять. А меч Волкодава звался Солнечный Пламень. Неужели не оборонят?... А вот и не оборонят. Злодея, сотворившего грех. Вольный или невольный...
– Ты себя на всякий случай отдельно ещё огради, – сказал он Эвриху. – Мало ли...
– Не буду!... – окрысился аррант. – Я с тобой!...
– Ну и зря, – спокойно сказал Волкодав. – Глупо.

Эврих подумал, и ему стало стыдно. Теперь он наконец-то понимал всё до конца. Вот, значит, зачем венн так гнал его и себя. Он, Эврих, если вдруг что, должен был оказаться уже в Нарлаке. Поближе к людям. К городу Кондару, откуда через море отправляются корабли...

Ломая себя, он вытащил из костра головню и вычертил круг. Раскалённые угли, покрывавшие жаркий конец головни, недовольно шипели, соприкасаясь с мокрой травой. Эврих замкнул круг и только потом сообразил, что отгородил себя от разостланной постели и вдобавок едва ли теперь сумеет как следует вытянуть ноги. Не сможет даже поправить костёр, подкинуть в него хвороста... Он усмехнулся и бросил головню обратно в огонь. Тилорн, покалеченный и незрячий, и тот схватился тогда за ореховое копыцецо. С чего это венн решил, будто он, Эврих, останется спокойно сидеть в своём кругу, если...
Ой, да не храбрился бы ты,
прозвучал глубоко в сознании словно бы чужой, насмешливый голос.
Ещё не всеми страхами пуганный. Не хвались наперёд...

Эврих заставил себя досуха выскрести котелок и поставил его наземь.
– Ну и что теперь?... – спросил он, изо всех сил стараясь, чтобы голос не выдал волнения.
– Ничего, – сказал Волкодав.
Эврих сжал кулаки:
– Во имя репъёв, прицепившихся к подолу Прекраснейшей!... Если доживём до утра, венн, я сам тебе голову оторву!...

Волкодав сидел лицом к реке, полагая, что души сражённых насильников явятся со стороны Засечного кряжа. Там он оставил валяться их неприбранные тела; птицы и звери, должно быть, уже вволю потрудились над падалью. К тому же нечисть и зло, как известно, всего чаще приходят именно с севера...
Он подумал о том, что, может, в эту ночь произойдёт то, что должно было произойти, и шесть возмущённых душ выдернут из тела его собственную, чтобы увлечь её... куда? Наёмники принадлежали к разным народам. У каждого имелись свои Небеса и своя Преисподняя. Веннский Исподний Мир был негостеприимен. Злодеев ждала лютая тьма и такой же лютый мороз. Волкодав вздохнул и подумал о том, как, наверное, опечалится Серые Псы, ждущие его на зелёных полянах Острова Жизни. То есть многие из них, должно быть, уже возвратились в этот мир, потому что он за них отомстил. Но мать и отец... почему-то ему упорно казалось: они оставались ещё там, наблюдая деяния сына, и смотрели на него сквозь семь прозрачных небес, и чаяли встречи...
И в это время раздался голос, прозвучавший совсем не с той стороны, откуда он ждал:
– Я смотрю, ты уже и не рад мне, малыш?
Волкодав мгновенно обернулся, но рука, непроизвольно дёрнувшаяся к мечу, остановилась на полпути. За чертой внешнего круга стояла невысокая седовласая женщина, облачённая в серые шерстяные шаровары и синюю стёганую безрукавку. Она стояла подбоченившись и с насмешливой укоризной посматривала на Волкодава, склонив голову к худенькому плечу. Эврих, начавший понемногу клевать носом возле костра, испуганно вскинул голову: его спутник вскочил и стремительно шагнул прочь, туда, где на границе света и тьмы колебались и плавали плотные ключья тумана.
– Государыня!... – хрипло проговорил Волкодав. – Мать Кендарат!...

Судя по всему, он собирался по собственной воле миновать все три круга и беззащитным выйти наружу, где... где его... Голоса Волкодавовой собеседницы Эврих не слышал, только заметил, что один из обрывков тумана оставался на месте и вроде бы приобретал некое сходство с человеческой фигурой. У молодого арранта зашевелились волосы. Он понял: кто-то заманивает венна в ловушку.

– Стой!... – завопил он, вскакивая на ноги и без размышлений вылетая за ограждающую черту, которой сам только что себя окружил. – Стой, варвар!...

Он догнал Волкодава и схватил его за руку, отлично понимая, что удержать не сумеет. Он успел даже подумать, а что будет с ним самим, когда его спутник перешагнёт все три черты и хрупкая граница окажется нарушена... Он, Эврих, убитых Волкодавом насильников даже и пальцем не трогал... Так неужели его... его тоже...

Как бы то ни было, бросать венна одного он не собирался.

– Не выходи из круга, малыш, – сказала Кан-Кендарат. – Незачем!

И она подняла руку, обращая к нему развёрнутую ладонь. Удивительной силы было исполнено это движение. Эврих по-прежнему не слышал голоса и толком не понимал, с кем разговаривал Волкодав. Он осязал только присутствие. Сперва оно ошеломило и испугало его своей мощью. Потом он понял, что присутствие было благим. Но всё равно пугающим...

Волкодав остановился. Выдернул у Эвриха руку. И опустил перед женщиной на колени.

– Я не от тебя загоразивался, Мать Кендарат, – проговорил он глухо. – Я только... не думал, что ты... уже завершила свой земной путь...

Он успел понять: его седовласая наставница была здесь не во плоти.

– А я и не завершила, – усмехнулась она. – Но если все мои ученики начнут поступать как ты, я вправду стану молиться об окончании странствий!

Волкодав промолчал.

– Ты опять ждёшь, чтобы за тобой пришли души тех, кого ты убил, – продолжала жрица Богини Кан. – Видишь, ты даже меня принял за мстительный дух! Не бойся, они не придут... –

Волкодав поднял голову, и она пояснила: – Им было позволено обрести то посмертие, которого они заслужили. А ты...

– Они совершили зло, – сказал Волкодав.

– Верно, – ответила Мать Кендарат. – Совершили. А ты, значит, полагаешь, будто сделал добро? Ты убил их. Ты прекратил шесть жизней. Зачем?

Волкодав упрямо повторил:

– Они совершили зло.

– И ты, – кивнула жрица, – поступил с ними так, как тебе было проще всего. Ты не стал возиться. Ты их просто убил.

– Я сожалею об одном, – сказал Волкодав. – Я не расспросил четвёртого по счёту, где он посмотрелся кан-киро. И какой такой наставник воинов объявился за морем, в Тин-Вилене...

Эвриху показалось, будто прядь тумана, чем-то напоминавшая человеческую фигуру, еле заметно вздрогнула. Волкодав увидел, как тень пробежала по лицу Матери Кендарат. Наверное, она уже прослышала о несчастье и знает, что божественное Искусство попало в скверные руки. Но жрица сказала совсем другое:

– Ты жалеешь не о том, что убил, а о том, что не заставил несчастного юношу говорить? Ты в самом деле мог бы истязать человека?...

От пронизывающего взора карих глаз Кан-Кендарат деваться было некуда, и Волкодав нехотя проговорил:

– Мог бы. Смотри за что, госпожа.

Ладонь жрицы снова вскинулась в гневном отвращающем жесте... Так, что молодого арранта обдало огненным жаром. Позже он расспросит Волкодава и не усомнится, что его незримая собеседница подобно Тилорну умела за десять шагов мановением руки сбросить с лавки полено.

– Не говори мне этого, не то я совсем от тебя откажусь! – воскликнула Мать Кендарат. – Ты собираешься завтра остановиться в нарлакской деревне? А ты не боишься, что встретишь у околицы почтенную женщину, и она спросит тебя: не видал ли ты там, на тропах Засечного кряжа, моих молодых сыновей? Они, мол, служили в наёмниках, а ныне по весне обещали вернуться?...

– У каждого душегуба есть мать, – тяжело проговорил Волкодав. – Из-за этого его не наказывать?...

– А кого ты наказал? – удивилась бесплотная гостья. – Ты просто подтвердил, что сражаешься лучше многих. И всё!

– Значит, – спросил Волкодав, – я должен был их отпустить?

Жрица покачала головой – медленно, укоризненно и печально.

– Ты ничего так и не понял, малыш, – сказала она. – Я просто к тому, что, если уж ты полез в это дело, надо было идти до конца. Если ты решил вмешаться в их жизнь, эти люди должны были понять, какое злодеяние они совершили. Ты можешь придумать худшее наказание?... И я не могу. Но на это тебе пришлось бы потратить часть своей собственной жизни. Быть может, даже и всю. А ты не захотел. Ты предпочёл их убить. Тебе так было проще.

Волкодав стоял на коленях, опустив голову.

Она права. Эти шестеро, когда я их убивал одного за другим, вряд ли раскаивались в содеянном. Если я и заставил их о чём пожалеть, так разве о том, что оказались слабее и уступили шестером одному. И ни о чём более...

И всё же что-то в нём сопротивлялось, отказываясь признать правоту маленькой жрицы. Она достигла духовных высот, о которых я недостойн даже мечтать.

У нас, поймав насильника, выпускают мерзкому негодяю кишки, и я считаю, что это правильно и хорошо. А для неё паскудный мучитель женщин, которого я убил, – несчастный юноша, вызывающий жалость. По мне, такому человеку жить незачем. Не заслужил. А она готова остатком жизни пожертвовать, чтобы обратить убудка на благой путь...

Мыш крутился в воздухе над головой друга и тревожно кричал.

– Так ты, значит, взялся решать, кто достоин жить, а кто не достоин? – спросила Мать Кендарат.

– Я не знаю, – глядя в землю, проговорил Волкодав. – Я знаю только, что они совершили зло.

Теперь больше не совершат.

– Но и добра тоже! – прозвучало в ответ. – Среди них были способные одуматься!

– А её ты видела? – подняв глаза, упрямо спросил Волкодав. – Ту девочку?

Но там, где только что стояла седая смуглая женщина, было пусто. Только чуть заметно подрагивали под ударами мелких дождевых капель стебельки мокрой травы...

Не строй у дороги себе избы:
Любовь из дома уйдёт.
И сам не минуешь горькой судьбы,
Шагая за поворот.

Идёшь ли ты сам, силком ли ведут -
Дороге разницы нет!
И тысячи ног сейчас же затрут
В пыли оставшийся след.

Дорога тебя научит беречь
Пожатье дружеских рук:
На каждую из подаренных встреч
Придётся сотня разлук.

Научит ценить лесного костра
Убогий ночной приют...
Она не бывает к людям добра,
Как в песнях про то поют.

Белёная пыль покрыла висок,
Метель за спиной кружит.
А горизонт всё так же далёк,
Далёк и недостижим.

И сердце порой сжимает тоска
Под тихий голос певца...
Вот так и поймёшь, что жизнь коротка,
Но нет дороге конца.

Следы прошедших по ней вчера
Она окутала тьмой...
Она лишь тогда бывает добра,
Когда ведёт нас домой.

4. Дом у дороги

Это была старица – прежнее русло, покинутое главной стремниной реки. Так человек покидает ставшую ненужной одежду. Звор, младший сын великой Светыни, некогда спешил к матери и проложил себе новый путь через леса и болота. Теперь он посещал брошенное русло только весной, во время разлива, да иногда ещё осенью. Остальное время старица дремала, подёргиваясь ряской. Ребяшня, подраставшая у Барсуков и у Пятнистых Оленей, слышала по вечерам, как где-то за камышами плескала пудовым хвостом матерущая рыбина. Об этой рыбине ходили легенды. Кое-кто считал её любимым конём Водяного Хозяина. Другие возражали, мол, стал бы Хозяин держать Речного Коня в тихой старице, вдали от главного русла. Третьи полагали, что под лесистой грядой, разгородившей реку, точно есть сквозная пещера...

Мальчишки мечтали поохотиться на чудесное страшилище и каждое лето тайком от взрослых вязали плот. Сердобольные девчонки всякий раз находили спрятанный плот и растаскивали его, а Речному Коню бросали комки каши. Своими глазами подводного жителя не видел никто, но дети, охочие слушать взрослые разговоры, знали, что гулкие шлепки по воде с замиранием сердца слушали ещё их матери и отцы. А может, даже дедушки-бабушки...

Оленюшка тринадцати лет от роду сидела на стволе берёзы, изогнувшегося над водой. Дерево когда-то давно начало было валиться с подмытого берегового обрывчика, но не погибло. Уцелевшая половина корней живуче разрослась, цепко ухватившись за землю, ствол глянул вверх, вздымая крепкие пушистые ветви. Оленюшка сидела на белом стволе, поджав одну босую ногу под себя, а другую свесив к воде. Рыбища жила в глубокой части старицы; гуси, похоже, это знали и не высовывались с мелководья. Благо и там было где поплавать, покормиться и поиграть. Оленюшка вполглаза присматривала за сытыми пёстрыми птицами, придерживая локтем прялку, заткнутую нижним концом за пояс, сплетённый из разноцветных шнурков. Её род, Олени, вырезали навершие прялки в виде дощечки, к которой кудель прикалывала особая спица. В роду отца, у Барсуков,

выстругивали прялки из раздвоенных веток: не надо ничего и прикалывать, насадил и готово. Олени покрывали струганные наверху ярким узором, оживляли на них даже Богов, творивших Вселенную. Барсуки посмеивались над друзьями-соседями и говорили, что их способ древнее, а значит, Богами прародителям преподан и свят сам по себе, не обязательно лики на дереве рисовать.

Те и другие прялки, однако, можно было носить у плеча, засунув за пояс, и пряхть даже на ходу. Тем более – присматривая за гусями.

Пряла Оленюшка хорошо. Нитка всегда получалась у неё тонкой, ровной и крепкой. Вот только сегодня девочке больше всего хотелось скомкать кудель и выбросить в омут. А хорошо бы и вместе с прялкой, привязав камень побольше. Сегодня Оленюшка пряла шерсть. И знала, что готовые нитки придётся окрасить в красный и синий цвет, а часть тщательно выбелить. И тогда она сядет за кросна, чтобы вы ткать себе взрослую девичью одежду. Понёву.

Тринадцать лет – год в жизни особенный. Взрослеет тело, готовится воспринимать женское предназначение. Трёт глазёнки проснувшаяся душа. Девочке нарекают взрослое имя, род сходится на святой пир, и большуха со старшими женщинами надевают на «славницу» первую в её жизни понёву. Скоро прослышат о новой девушке дальние и ближние соседи, и мать начнёт строго поглядывать на молодых парней, жаждущих заполучить ясную жениховскую бусину в косу...

Оленюшка свою бусину однажды уже отдала. Ещё три года назад. И с тех пор чего только не выслушала от родных. Та бусина не в счёт, говорили ей дома. Ту ты по недомыслию отдала. Малое дитё! Что оно тогда понимало? Срамота да и только, давно пора позабыть. Теперь – дело совсем другое. Теперь – испросить доброго совета у матери да приветить паренька из хорошей семьи, чтобы лета через три-четыре вправду стал женихом. Чтобы с гордостью и честью носил заветный подарок...

А тот Серый Пёс – что с него? Показался один раз – и нету, пропал. Слухи, правда, доходили. Если только это вправду про него баяли, не про другого кого. Люди сказывали – будто служил самой государыне сольвеннской кнесинке. Сопровождал её на велиморскую границу и там едва не погиб. Потом вернулся – и чуть ли не на другой день вынужден был куда глаза глядят бежать из стольного города... Это – в доме хозяин? Мужчина, которого принимают в семью, чтобы жене до ста лет за ним спокойно жилось?...

Иногда Оленюшке казалось, что взрослые были правы. Вот ведь и пёс с бусиной на ошейнике, так похожей на подаренную тому человеку, давненько ей уже не показывался...

Девочка вспомнила славного скромного парнишку из рода Клеста, который вместе с матерью и отцом приезжал к ним в гости месяц назад... и вдруг, исполнившись непонятого отвращения, вслух прошептала:

«Из рода уйду!...»

Собственная безрассудная дерзость испугала её, она даже оглянулась по сторонам – не слышал ли кто. Она, как и все, помнила, конечно, старые сказки о девушках и парнях, убежавших из дому от немилого брака. Беда только: что хорошо в сказках, в обычной живой жизни никуда не годится. Нельзя из дому убежать. Плохо это. Любое горе лучше, чем от своего рода отказ. Даже мужа взять нелюбимого и до седых волос вздыхать о несбывшемся. Да и кто знает в тринадцать-то лет, что оно такое – любовь?...

В тринадцать лет надо мать слушать.

Шерстяная нить охватывала петелькой гладкое берёзовое веретено, вытягивалась из кудели, скручивалась, наматывалась. Привычные руки делали дело не думая. Оленюшка была в том счастливом возрасте, когда всё видится наполовину игрой. Она повторила, балуясь, точно с куклой, с призраком самого страшного лиха:

«А вот из рода уйду!»

Во второй раз это прозвучало уже не так таинственно и жутко, как в первый. В глубине души Оленюшка знала то, что неведомо откуда знают все дети, ещё не испытывшие горестных обид от судьбы. Всё как-нибудь обойдётся и образуется, говорило ей это знание. Всё будет хорошо. Пальцы босой ноги касались спокойной тёплой воды, она болтала ими туда и сюда, рассеянно забавляясь щекочущим прикосновением ряски. Вдруг спохватившись о порученном деле, Оленюшка пересчитала гусей, нашла глазами вожака... И, глядя на большую сильную птицу, загадала о невозможном: если прямо сейчас вынырнет из глубины старицы никем никогда не виданный Речной Конь, значит, точно уходить ей из рода навстречу неизвестной судьбе. Загадала, на всякий случай даже задержала дыхание... и, конечно, ничего не произошло. Не закричали чуткие гуси, не плеснул широченный хвост, не показался встопорщенный колочий плавник. Да по-иному ведь и быть не могло.

Оленюшка вздохнула. Одно дело – думать о небывалом и тайно надеяться: а может, всё-таки позволят Боги случиться?... – и совсем другое – убедиться, что несбыточное потому так и называется, что в жизни ему нипочём не бывать. Ловкие пальцы вытеребили из кудели нежную пушистую прядь, правая рука привычно раскрутила веретено, отягощённое глиняным прясленом... И в это время нога, продолжавшая бездумно разгонять мелкую ряску, чиркнула подушечкой пальца по чему-то плотному, скользкому. Девочка, ещё не успев испугаться, проворно отёрнула ногу и посмотрела вниз.

Прямо под ней, лениво пошевеливая плавниками, стояла в воде огромная рыбина. Стояла и смотрела снизу вверх круглыми немигающими глазами, каждый с блюдце. Позже Оленюшка так и не сможет сообразить, к какой же рыбьей породе принадлежал Речной Конь. Сом? Щука? Таймень?... Его было плоховато видно сквозь ряску, только силуэт в полторы сажени длиной да эти глаза, казавшиеся не по-рыбьи разумными.

Оленюшка ахнула и рывком подобрала под себя обе ноги, судорожно хватаясь за ближайшую ветку, но ветка оказалась сухой и, конечно, сразу сломалась. Оленюшка потеряла равновесие, отчаянно завизжала и спиной вперёд полетела вниз, в воду. Пока падала, перед внутренним оком успело мелькнуть, как Речной Конь хватается её за подол рубашонки и утаскивает вниз, вниз, в непроглядные сумерки, а солнечная поверхность отдаляется, отдаляется, и вот уже огнём горит в груди и воздуху не глотнуть... Хлынули

брызги, вода взвилась со всех сторон зеленоватыми прозрачными стенами и тотчас обрушилась, заглушив испуганный визг. Оленюшка ощутила, как ринулось из-под неё гладкое скользкое тело, ринулось и пропало, исчезло в глубине омута. Загоготали, захлопали крыльями гуси. Плыть до берега было три гребка, и девочка, тараща глаза и глотая невольные слёзы, миглом выскочила на сухую траву. Не скоро успокоилось зашедшее сердечко и перестало казаться, будто Речной Конь вот-вот явится снова и пустится за нею на берег. Потом она всё-таки отдышалась, принесла длинный прут, которым страдала своевольных гусей, и долго мучилась, вылавливая из воды прятку. Легче было бы сделать это, вновь забравшись на поваленную берёзу, но Оленюшка не смела.

День занялся неприветливым, однако дождь больше не шёл. Волкодав выполнил обещание: не стал будить Эвриха. И тот, проснувшись, со стыдом обнаружил, что солнце, едва видимое за облаками, приблизилось к полуденной черте. Молодой аррант поспешно сел и завертел головой, ища своего спутника. Он увидел его почти сразу. Волкодав лежал под пологом возле давно потухшего костра и спал мёртвым сном, поджав колени к груди. Был, значит, и его выносливости отмерен предел. На плече у венна сидел Мыш. И воинственно озирался, развернув когтистые крылья.

Эврих осторожно поднялся, взял котелок и, ступая на цыпочках, отправился за водой.

Женщина стояла на вершине холма и смотрела на дорогу, по которой подходили к деревне венн и аррант. Расстояние ещё не давало подробно рассмотреть лицо и одежду, было видно только, как трепыхался на ветру подол тёмного платья. И почему-то чувствовалось, что стояла она там уже давно.

Тропинку, что вела от берега Ренны к деревне, путешественники нашли без труда. Чем дальше от реки, тем шире становилась тропа, пока не упиралась в самую настоящую, хорошо укатанную дорогу. По этой дороге выгоняли на пастбище скот. По ней же ездили в город: там, где в большак вливалась тропинка с реки, дорога как раз делала поворот, убегая на запад, в сторону моря. Туда же тянулись и пробитые тележными колёсами глубокие колеи.

– А надо нам в деревню идти? – нерешительно спросил Эврих. – Что там делать-то? Может, прямо в Кондар?...

– Не хочешь, не ходи, – мрачно сказал Волкодав. – Я тебя потом догоню.

Он всё смотрел на женщину, стоявшую на вершине холма. Эврих упрямо мотнул кудрявой головой и продолжал идти за ним следом. Вчера ночью он не слышал всего разговора, происходившего между венном и бесплотной пришелицей, стоявшей по другую сторону круга, – только то, что говорил Волкодав. Аррант, однако, понимал: венну было почему-то очень важно побывать в деревне. И, кажется, примерно затем же, зачем это требовалось несколько дней назад ему самому. Только Эврих, родившийся в просвещённой стране, не стеснялся говорить о своих страхах, ибо это помогало их преодолеть. Варвар, в отличие от него, явно считал разумное поведение признаком непростительной слабости...

А Волкодав не спускал глаз с женщины, до встречи с которой оставалось идти едва ли сотню шагов, и думал о том, что предсказание Матери Кендарат готово было вот-вот исполниться. «Скажи, добрый человек, не видал ли ты где-нибудь там, на Засеке, моих молодых сыновей, служивших в наёмниках?...» Он не ускорял и не замедлял шага, но из таинственного места глубоко внутри живота разбегались по телу льдистые морозные паутинки. Они проникали в ноги, делая походку деревянной, и стягивали горло, не давая дышать. Волкодав знал: это был страх. Кто-нибудь, очень хорошо знавший венна, мог бы даже догадаться, что ему было страшно. Например, Мыш. Чёрный зверёк то и дело срывался с плеча и описывал стремительные круги, отыскивая врага, но не находил никого достойного схватки и возвращался обратно. Эврих знал венна хуже.

Всего более настораживало Волкодава то, что он никак не мог разобраться, какого роду-племени была стоявшая на холме. В своё время он хотя и с трудом, но привык, что в больших городах можно было встретить вельха в сольвеннской рубаше и сегванских штанах. Да к тому же при мономатанских сандалиях. Но в деревне?... Он бывал в Нарлаке и знал, что здесь, как и всюду, по деревням обитали большей частью родственники. Откуда бы взялся простоволосой старухе в разнопёрых обносках, явно подаренных с чужого плеча и кое-как перешитых?...

У него даже мелькнула в памяти каторга, страшные недра Самоцветных гор, где различиям в одежде подавно не было места: грязь, пот и кровь быстро облачали всех в одинаковые лохмотья... Подойдя к женщине вплотную, Волкодав на всякий случай поздоровался так, как это было принято у нарлаков:

– Да согреет тебя Священный Огонь, мать достойных мужей...

Она немного помедлила, а потом, к его немалому удивлению, ответила на веннский лад:

– И тебе, сын славной матери, поздорову.

– Здравствуй, почтенная госпожа, – поклонился Эврих.

На сей раз женщина отозвалась без промедления:

– И ты здравствуй, достопочтенный.

Волкодав между тем уже видел, что зря посчитал её за старуху. Он вообще с трудом определял возраст, но почему-то подозревал, что тут вряд ли справился бы даже Тилорн. Женщина была определённо не молодой. Но вот старой она казалась, только если он смотрел ей прямо в глаза, бездонно глубокие и какие-то древние глаза много видевшего человека. А так – ни одного седого волоска в голове. И лицо – красивое и гладкое, почти без морщин...

– Я жду своих сыновей, – радостным голосом проговорила вдруг женщина. – Они, наверное, скоро придут сюда. Скажи, Серый Пёс, не встречал ты их где-нибудь на Засеке?...

Он почувствовал, как сердце судорожно бухнуло в рёбра, и даже не заметил, что женщина назвала его родовым именем, распознать которое сумел бы далеко не всякий сольвенн, не говоря уже про нарлаков. А она продолжала:

– Мои сыновья молоды и красивы. Они придут со стороны гор. Они должны появиться со дня на день, они знают, что я жду их на этом холме. Не встречал ли ты их где-нибудь по дороге?

Волкодав открыл рот, кашлянул и кое-как заставил себя выговорить:

– Пока мы шли через Засечный кряж, мы встретили семерых... – Голос был чужим и сирым, он успел понять, что Мать Кендарат была права от первого до последнего слова, что в тот раз сквозь светлые Врата его протащили на руках слишком добрые люди, и Те, кто стерёг эти Врата, просто пожалели праведников, не стали губить их ради одного недостойного... Но вот вдругорядь... Он попытался сообразить, был ли среди насильников хоть один нарлак, но не смог вспомнить ничего вразумительного и сказал женщине: – Те семеро были плохими людьми... То есть не семеро, шестеро... Один оказался лучше других... Он остался в живых... Женщина величественно кивнула.

– Значит, – с улыбкой сказала она, – вы не встретили моих сыновей. Тот мальчик, ты говоришь, был один, а мои дети всегда держатся вместе... Они бы непременно помогли вам драться против злодеев. Что ж... значит, сегодня с гор больше никто не вернётся. Войдите в мой дом, добрые люди. Отдохните с дороги. Вы, должно быть, в Кондар держите путь?...

Развалюха, в которой она обитала, даже с большой натяжкой не заслуживала, чтобы называть её домом. В Нарлаке от века было теплее и суше, чем в стране сольвеннов и тем более в веннских лесах. Сметливый народ давно привык пользоваться подарком Богов и вместо бревенчатых изб, поднятых от сырости на подклеты, строил землянки. Конечно, в землю закапывались не все, только те, кто был победнее. Волкодав землянок не любил отчаянно, полагая, что не дело уважающему себя человеку так жить, но не спорить же с повадками целой страны. Тем более что в своё время ему приходилось бывать во вполне уютных нарлакских жилищах, сухих, тёплых и разумно устроенных... Так вот, хозяйева тех жилищ вряд ли согласились бы держать в землянке женщины даже скотину.

Несчастный домишко, похоже, видел не только Последнюю войну, но и самую Великую Ночь. Его крыша едва возвышалась над кочковатой землёй. Издали она казалась зелёным весёленьким холмиком, но вблизи было видно, что там и сям из-под дёрна торчат ключья грязной берёсты, а кое-где и вовсе зияют мокрые дыры... и вообще ногами поблизости лучше особо не топать, не то, не ровен час, провалится окончательно. Сквозь дыры тянулся наружу жидкий дым едва теплившегося очага. Волкодав знал, что ему предстояло увидеть внутри. Покрытые плесенью стены, влажный пол с ключьями гниющей соломы... и, конечно, ни кусочка съестного. Ни тебе окороков, подвешенных к кровельным балкам, ни связок румяного лука, ни душистых хлебов в ларе. Ну там – горшочек с водянистой кашей на тусклом глиняном очаге...

И что за народ эти нарлаки,

в который раз с отвращением сказал себе венн.

Тоже мне, каменные города строят! Бросить беспомощную вдову одну в нищете!...

– Как прикажешь называть тебя, достопочтенная? – спросил женщину Эврих, пока они шли. Она посмотрела на молодого арранта и ласково улыбнулась ему. Она сказала:
– Здесь меня называют Сумасшедшей Сигиной.

Волкодав только вздохнул про себя. Лютое напряжение, пережитое на холме, ещё не до конца отпустило его.

Сумасшедшая!...

Дело, значит, было даже хуже, чем он предполагал.

– Ты не похожа на безумную, госпожа, – осторожно проговорил Эврих. – Мне кажется, ты беседуешь достойно и мудро...

– Когда я пришла сюда, чтобы ожидать здесь сыновей, они... – Сигина кивнула в сторону деревни, –...они сразу сказали мне, что я сумасшедшая. Поначалу они подкармливали меня и даже помогли выстроить дом. Но я не умею ходить босиком по снегу и говорить загадочные слова, которых люди ждут от скорбных рассудком. Я просто жду моих сыновей...

– Давно ли покинули тебя твои дети, госпожа? – спросил Эврих.

Она безмятежно улыбнулась ему и спросила:

– Я не помню, когда это случилось. А разве это так важно?

Вблизи землянки обнаружился огород, видимо дававший Сигине её единственное или почти единственное пропитание. Огород был совсем невелик: одинокой немолодой женщине не под силу было вскопать лишний клочок земли. Да ещё если она действительно по полдня проводила на вершине холма, ожидая давным-давно сгинувших сыновей... Волкодав про себя усомнился, что они вообще были когда-то, те сыновья.

Сигина первая спустилась к двери по оплывшим земляным ступенькам, и путешественники последовали за ней. Волкодав, как подобало, поклонился порогу и перешагнул его, входя в дом. Там всё оказалось в точности так, как он и предвидел. Только вместо горшка висел над очажком измятый котёл. Висел криво, боком, чтобы варево не выливалось в проржавевшую дыру...

Мышь чихнул, снялся с плеча венна и самым непочтительным образом вылетел наружу. Ему не понравилось в доме. Да и кому могло здесь понравиться?

– Если позволишь, мы на несколько дней задержимся у тебя, почтенная Сигина, – сказал Волкодав. – Мы тебя не стесним.

Он возвращался от реки, неся на плечах бревно. Бревно было довольно толстое и к тому же совсем свежее: тело дерева, убитого и унесённого стремительной Ренной при последнем разливе. Венн собирался расколоть дерево на доски. Река была к нему милостива. Она подарила ему на отмели ещё два хороших ствола с остатками толстых сучьев как раз на нужной высоте. Сгодятся подпереть крышу в землянке Сумасшедшей Сигины. А ещё на перекате сыскалась ободранная, но вполне крепкая и толстая колодина, разбухшая от долгого лежания в сырости. Одному её точно не дотащить. Но если впрячься вдвоём с Эврихом, да потом обтесать, устраивая ступеньки – не будет износу доброй лесенке в дом. Увидит даже и день, когда к Сигине вправду вернуться её знаменитые сыновья...

Шершавое бревно скребло плечи, полуденное солнце жгло потную спину, но на душе было легко. Примерно так Волкодав чувствовал себя в Беловодье, когда строил дом. Святое дело – дом строить. Хороший, большой дом. Под могучими старыми соснами, разросшимися на приволье. Приятно было теперь вспомнить о нём. О доме, где его ждали. Седой Варох со славным внуком Зуйко. И Тилорн с Ниилит...

Сигина, конечно же, действительно была сумасшедшей. Тихой дурочкой из тех, каких соплеменники Волкодава называли блаженными. Она не валялась в припадках, не заговаривалась, не бегала нагишом. Она просто ждала своих сыновей. Которых, очень может быть, похоронила ещё грудными младенцами. А всего скорее, и вообще не рожала. Венн догадывался, что обитателям деревни это сильно не нравилось. Людям не нравится, когда кто-то ведёт себя странно. Не так, как заведено у всех остальных. Люди начинают задумываться, от

каких Богов эта странность, от Светлых или от Тёмных?... Но с другой стороны, почему безобидной женщине и не ждать придуманных сыновей?... Кому от этого плохо?... Если бы ещё жили где-нибудь на свете Серые Псы, и если бы забрела к ним со своим вечным ожиданием безумная Сигина, дочь неведомо какого народа, ей уж всяко нашлось бы местечко под кровом общинного дома, в тепле доброго очага. Небось, не протоптала бы дубовых половиц, не просидела лавок, не объела большой дружной семьи... И на здоровье ходила бы встречать сыновей куда только душа просит. Хоть на берег Светыни, хоть к ближайшему большаку...

Да. Если бы ещё жили где-нибудь на свете Серые Псы...

Как Волкодав и предполагал, в развалюхе-землянке не водилось даже запаха съестного, если не считать той самой каши из горстки лежалого ячменя. Однако эта беда была поправимой.

Путешественники собирались в Кондаре купить место на корабле, чтобы отправиться через море, а потому несли с собой изрядный кошелёк серебра. Хватит и на проезд, и в случае чего на новую одежду, и на приличную комнатку в постоялом дворе... Сегодня, во второй раз после Врат, Эврих раскупорил общую кошину, взял несколько мелких монет и отправился с ними в деревню. Он хорошо говорил по-нарлакски. И, не в пример своему спутнику, умел ладить с людьми. Наверное, уже возвратился с мешочком гороха и куском копчёной свинины. А если помечтать, отчего не представить себе ещё горшочек молока да ковригу свежего хлеба... Бревно было не лёгкое, бегом с ним не побежишь. Венн выбрался на кручу и зашагал по знакомой тропе сквозь редкий лесок. Мыш, сидевший на взлохмаченном комле, сорвался в полёт и беззвучно упорхнул между вёглами. Нюх у Волкодава был на зависть большинству обычных людей, но всё же не такой, как у него. Должно быть, жадный зверёк учуял лакомый дух, повеявший от дома Сигины...

Волкодав ошибался. Он не успел ещё миновать прибрежные заросли, когда Мыш примчался обратно и с криками завертелся у него перед лицом. Маленький летучий охотник вёл себя подобным образом, только если приключалось нечто скверное. И требующее, по его разумению, немедленного вмешательства.

– Ну, что там ещё... – проворчал венн. Но всё же скатил с плеч бревно, поставил его так, чтобы потом легче было снова навьючивать, и сперва пошёл следом за зверьком, потом побежал. Без гнувшего к земле груза бежалось радостно и свободно.

До землянки Сигины путь был недалёкий. Волкодав перемахнул журчавший ручей, пробежал через луг и рассмотрел вернувшегося Эвриха. Было похоже, молодой учёный принёс не хлеб с молоком, а полновесный синяк под глазом. Волкодав, торопясь, преодолел последнюю сотню шагов и убедился в этом окончательно. Эврих понуро сидел на пне, торчавшем недалеко от входа в землянку, Сигина стояла подле него и жалеючи гладила по голове, по золотым завиткам. Эврих прижимал что-то к лицу. Когда он поднял голову и оглянулся на Волкодава, тот увидел, что аррант держал в руках толстую железную подкову.

Венн остановился перед ним, ожидая объяснений.

– Они не захотели мне ничего продавать, – после долгого молчания проговорил Эврих, и Волкодав понял, что ему было стыдно. – Они сказали мне... прости, почтенная, но они сказали мне, что ты и так всем здесь задолжала... и эти деньги в счёт долга следует отобрать у твоих постояльцев...

Сигина виновато развела руками:

– Они меня вправду поначалу подкармливали. Наверное, я им в самом деле должна...

– И много их было? – поинтересовался венн.

Я же тебя учил, бестолкового,

послышалось Эвриху. Здоровая половина лица молодого учёного стала наливаться краской.

Он мрачно отвернулся от Волкодава и буркнул:

– Ты бы на них посмотрел! Мужик с братьями... каждый толще медведя...

– Это, наверное, Летмал, – продолжая гладить Эвриха по голове, пояснила Сигина. – С Кроммалом и Данмалом. Озорные ребята. И отец их такой же был. В молодости, как сейчас помню...

Венн вздохнул. Он начал уже понимать, что брёвнышко, не донесённое им до землянки, так и останется в лесу. Если только кто-нибудь не подберёт на дрова. Он спросил:

– Ты не хотела бы пойти с нами в Кондар, госпожа?
– В Кондар? – задумалась женщина. – Но как же... когда придут мои мальчики...
– А твои сыновья знают, что ты ждёшь их именно здесь?
– Нет, конечно, – улыбнулась она. – Но разве это так важно?
Улыбка у неё была замечательная.
– Тогда почему ты не уйдёшь из этой деревни, достопочтенная? – удивился Эврих.
– Здесь ближе всего к горам, – терпеливо, как несмышлёному ребёнку, объяснила она.
Волкодав сразу подумал о каторге. Уж не в Самоцветные ли горы угодили когда-то её беспутные сыновья?... Он хмуρο осведомился:
– А что они там, в горх, делают?
– Мы узнали, что младшенький затерялся где-то среди высоких хребтов, и старший отправился его выручать, – с гордостью поведала Сигина. – Как только он разыщет братика, они сразу спустятся и придут. Вот я их здесь и жду.
Аррант переглянулся с Волкодавом и сказал ей:
– Твоим сыновьям, достопочтенная, гораздо легче будет найти тебя в Кондаре. Кондар – большой город. Туда они заглянут обязательно, а маленькую деревушку могут и миновать стороной.
Сигина открыла рот возразить, дескать, как же может такое случиться, чтобы её дети с ней разминулись, но тут Волкодав вновь подал голос:
– В Кондаре мы обязательно найдём добрых людей, госпожа. Ты, наверное, сможешь часто разговаривать с ними о своих сыновьях. Они не будут смеяться над тобой, как те, что живут здесь.
Женщина в нерешительности смотрела то на одного, то на другого. Вот её взгляд обратился на кособокую дверь землянки. Потом она повернулась к горам. К ледяным пикам, горевшим в фиолетовом небе под лучами неистового сизого солнца...
– Я слышал, из Кондара тоже видны горы, – прогоняя вставшее перед глазами видение, сказал ей Волкодав.
– Засечный кряж тянется до самого моря, – поддержал Эврих. – И туда сходятся все дороги, ведущие с гор. Хочешь, я карту тебе покажу? Я был в Кондаре. Там пятеро ворот, не считая морской гавани. Ты сможешь обходить все эти ворота и спрашивать стражников о сыновьях.
Сигина вдруг всплеснула руками:
– Так я ведь задерживать вас буду, детки! Вам, небось, быстро надо идти... А со мной, старой... У меня уж и ноги кривые...
Эврих, забыв про болезненно-багровую опухоль, наливавшуюся под глазом, звонко расхохотался:
– Не торопись зваться старушкой, достопочтенная! Успеешь ещё! Собирай лучше вещички, да у тебя их, небось, не очень и много...
Женщина с неожиданно проказливой улыбкой подхватила штопаный-перештопаный подол и нырнула в землянку. Волкодав надел рубашку, растянутую на ветхом заборчике и сохнувшую после стирки, застегнул поясной ремень и сказал Эвриху:
– А я пока в деревню схожу.

Убогое жилище Сигины отделял от селения покаты́й бугор, заросший жимолостью в полтора человеческого роста. Сперва Волкодав хотел обойти кустарник кругом, но заметил тропинку и пошёл напрямик. Сплетение густых ветвей заставляло пригибаться и низко опускать голову, он даже спросил себя, кто бы и зачем мог натоптать такую тропу. Но ничего дельного так и не придумал.

И что он собирался делать в деревне, он тоже ещё не знал. Несколько лет назад он бы, пожалуй, выяснил у людей, кто именно подбил глаз его другу и отнял честные деньги. Потом заставил бы недоноска вернуть отнятое. Да позаботился, чтобы поганец ещё долго вздрагивал и оглядывался по углам всякий раз, когда его посетит искушение обобрать прохожего человека...

Может, он и на сей раз так поступит. Некоторые обидчики слабых только и начинают что-нибудь понимать, если с ними разговаривают на их языке...

Волкодав пересёк кустарник и выбрался на открытое место. И увидел, что жители деревни, все два с небольшим десятка человек, собрались перед самой вместительной землянкой,

выступавшей из земли выше других жилищ. Нарлаки не строили общинных домов; следовало предположить, что здесь обитало семейство старейшины.

Жители деревни о чём-то разговаривали с четырьмя всадниками, приехавшими неизвестно откуда. Может, со стороны леса, а может, даже из города. Насколько мог судить Волкодав, разговор был малоприятный. Когда он подошёл ближе, кое-кто из деревенских оглянулся на рослого незнакомца, но ничьи глаза не задержались на нём надолго. Происходившее перед домом старейшины было гораздо важнее.

– И это всё, чем ты сегодня богат?... – спрашивал один из всадников, наклоняясь вперёд и ставя локоть на луку седла. – И за эти гроши мы ночей не спим, от лихих людей тебя охраняют?... И сам он, и трое его спутников были молодые крепкие мужики на хороших выносливых лошадях. Все – при оружии и явно знали, как с ним обращаться. И деревню посещали уж точно не в первый раз.

– Здесь даже больше, чем ты обычно берёшь... – ответил человек, стоявший перед мордой коня. Старейшина. Если венн что-нибудь понимал, он разрывался между страхом перед приезжими и боязнью унижения в глазах соплеменников. Жилистый рыжебородый мужчина, уже не молодой и видевший жизнь, но ещё не согнутый грузом лет. Всё правильно, таковы и бывают старейшины деревень. Юнец не набрался ума, не годится быть вождём и старику, более не ищущему объятий жены. Этот был в самой поре. А за спиной у него, как три медведя, стояли здоровенные сыновья. Не иначе, тот самый Летмал с братцами Кроммалом и Данмалом... На широкой, как грабли, ладони старейшины тускло переливались монеты. Острое зрение позволило Волкодаву рассмотреть среди позеленевшей меди два новеньких сребреника. Те, что Эврих при нём доставал из общего кошелька.

Вожак всадников между тем не торопясь отстегнул от пояса кожаную суму и как бы брезгливо протянул её старейшине, принимая скудную дань.

Сборщики, присланные конисом Кондара?...

– задумался Волкодав.

Ой, непохоже. Скорее уж чья-нибудь шайка. Из тех, что предпочитают не грабить местный люд напрямую, а вынуждают платить как бы за охрану от чьих-то возможных набегов...

До сих пор Волкодав полагал, что этим промышляли только островные сегваны, чьи морские дружины издавна наводили страх на жителей побережий.

Один из приспешников вожака, кудрявый, черноволосый молодой малый, вдруг стремительным движением выхватил из налучи снаряжённый к стрельбе лук: никто и ахнуть не успел, как свистнула над головами стрела. В двух десятках шагов взвился над травяной крышей землянки пёстрый рябой пух. Курица, пригвождённая меткой стрелой, беспомощно трепыхнулась и свесила головку, разинув окровавленный клюв.

– Оп-па!... – довольный выстрелом, расхохотался юноша. И обратился к стоявшей поблизости молодой женщине: – Ты! Сходи принеси!...

Волкодав про себя выругался. Мало ли что в жизни бывает, особенно в такой беззаконной стране, как этот Нарлак. Но уж женщин с ребятишками могли бы спрятать подальше. Знали ведь – придут, да такие всё добры молодцы, что как бы не начали безобразничать. Нет уж. Подобные дела – они всё-таки для мужчин. Женщинам про них не потребно даже и знать...

Молодуха тем временем пугливо взбежала на крышу, не без труда раскочала и вытащила глубоко воткнувшуюся стрелу (

Боевую, бронебойную... ишь ты!

– сказал себе венн). Потом вернулась и протянула добычу стрелку, робея и стараясь держаться от него как можно дальше. Парень, широко улыбаясь, прыгнул наземь, поймал женщину за запястье, притянул к себе и смачно поцеловал в губы. Не умея вырваться, она забилась в его руках точно как та несчастная пеструшка. Забытая курица шмякнулась наземь, широкая ладонь нашарила мягкую женскую грудь, горсть алчно сжалась...

Волкодав заметил краем глаза, как дёрнулся матёрый с виду старший сын предводителя...

Летмал?... жена небось!...

– но в лицо мужику вмиг нацелились два длинных копия, и он, багровея, замер на месте.

Вожак всадников и подручные от души веселились, наслаждаясь собственной властью.

– Отпустил бы женщину, парень, – по-нарлакски сказал Волкодав. – Ты ей не в радость. К нему разом повернулись три головы в клёпанных шлемах. Скопил глаза даже тот, что держал плачущую молодуху. Деревенские тоже оглянулись, поражённые неожиданным вмешательством. Всадники действительно наезжали сюда отнюдь не впервой. И временами развлекались ещё веселее теперешнего. Но ни разу не получали отпора. При виде воина в кольчуге земледелец робеет. У него всё же сидит глубоко внутри запрет на убийство, он знает: отнятие жизни противно Богам, творящим урожай и приплод. Те, что приезжали, такой запрет в себе изжили давным-давно, если когда и был. И это некоторым образом чувствовалось в каждом их движении, в каждом слове. Умирать раньше времени никому не хотелось. Лучше уж потерпеть.

Люди, через головы которых говорил Волкодав, постепенно оправились от первого удивления и подались в стороны, торопливо оставляя между ним и четвёркой чистое место. Охотник на кур, назло предупреждению, вновь жестоко щипнул молодуху и наконец выпустил её, вернее, отбросил, как недопитую кружку. Размазывая слёзы, женщина вскочила на ноги и юркнула в ближайшую дверь. Четверо с интересом рассматривали Волкодава, сиюсья понять, отколь выискался неразумный. Наконец вожак спросил напрямую:

– А ты ещё кто таков, чтобы нам указывать?

Венн пожал плечами:

– Человек прохожий.

Мыш, оставшийся пошнырять в зарослях жимолости, вылетел из кустарника и сел на столбик плетня, присматривая за происходившим. На него мало кто оглянулся.

– Они с дружкой нынче утром пожаловали, господин, у дурочки жить поселились, – пояснил старейшина. И поспешно добавил: – Мы не знаем этого человека! Не наш он!...

Он со страхом и почти с ненавистью поглядывал на Волкодава. Молодухе небось ничего смертельного не грозило. Ну, оттрепал бы её Сонмор посланник, раз так уж понравилась. Ну, Летмал ещё лишний раз бы поколотил, особенно, если зимой вдруг кудрявенького родила бы... Зато теперь-то что будет?

Вожак тронул пятками лошадь и направил её туда, где стоял Волкодав. Сидевший в седле отлично видел, что незнакомец был безоружен. Если не считать длинного ножа на поясе. Нож был самый настоящий боевой, но хвататься за него чужак не спешил. Просто стоял и спокойно смотрел, и, кажется, даже слегка усмехался.

...И непостижимым образом веяло от него той самой жутью, которую конный нарлак ведал в себе самом... Той же беспощадной готовностью... Этот был воином. Не понаслышке смерть знал.

Не доехав нескольких шагов, предводитель вдруг заорал так, что его конь насторожил уши и присел на задние ноги. Всадник же взметнулся в седле, замахиваясь копьём. Кто-то из деревенских ахнул, шарахнулись бабы, ребягня завизжала. Спокойнее всех остался пришелец из-за реки. Он попросту не двинулся с места, всаднику только показалось, будто серо-зелёные глаза на миг посветлели.

– Что орёшь? Лошадь напугал... – сказал Волкодав нарлаку, вынужденному успокаивать завертешегося коня.

Тот, не на шутку раздражённый, огрызнулся:

– Сам штанов не испачкай!

Волкодав улыбнулся, показывая пустую дырку на месте переднего зуба, который ему вышибли ещё на каторге:

– А что, надо было бояться?...

Всадник снова поставил локоть на луку седла.

– У дуры поселился и сам спятил? – с непритворным изумлением спросил он Волкодава. – Не знаешь, кто такой Сонмор?

Венн про себя сделал окончательный вывод: молодцов прислал вовсе не государь конис. Будь этот Сонмор вельможей, данщик сразу втоптал бы оскорбителя в землю титулами своего господина. Так ведь нет. Сонмора следовало бояться не из-за стародавних заслуг его рода. Свою славу, какой бы она ни была, он нажил себе сам.

Деревенские переминались с ноги на ногу, шептались. Подал голос ребёнок, на него шикнули.

– Я не знаю, кто такой Сонмор, – сказал Волкодав. – И знать не хочу. Я только думаю, что он, не в пример тебе, понимает: не мори овец голодом, больше шерсти продашь... – И добавил, повинаясь внезапному вдохновению: – А много он получит из того, что ты здесь собрал? Половину-то доведёшь хоть? Или в корчме с друзьями пропьёшь?...

Он был заранее уверен, что этих слов данщик не перенесёт. Ибо рыльце у него скорее всего в пуху. Так оно и случилось. Новый удар копыя, на сей раз безо всякого крика, был уже настоящим. Длинный блестящий наконечник устремился в живот Волкодаву. Всадник, как все нарлаки, бил сверху вниз, занося копьё над головой. Таранного удара, любимого велиморцами, здесь почти не знали. Венн убрался вперёд и слегка в сторону, уловил копьё чуть позади втулки и помог ему взять ещё больший разгон, а потом основательно войти в землю. И с удовлетворением заметил, что нападавший едва не вывалился из седла, сосунувшись за ускользающим древком.

– Ты тут все дела сделал? – спросил Волкодав, не косясь на схватившегося за налучь стрелка. – Сделал, так езжай. Я сам в Кондар иду. Буду нужен твоему Сонмору, пускай приходит, поговорим...

Предводителю понадобилось несколько вполне постыдных мгновений, пока он высвобождал копьё из плотной утоптанной земли. Было видно: спокойная наглость безоружного чужестранца произвела на него впечатление. Что думать о таком человеке? Непонятно. И как себя с ним вести, тоже – Змеев хвост! – поди ещё догадайся...

– Не пойдёт к тебе Сонмор! – зло предрёк данщик. – Понадобисься – самого за ноги приволокут!...

Волкодав не ответил.

Нарлак махнул своим подчинённым и медленно, шагом, храня неторопливое достоинство, поехал вон из деревни. Трое последовали за вожаком. Один за другим они миновали Волкодава. Молодому стрелку страсть хотелось толкнуть чужака лошадью и попытать его удаль. Он поймал пустой взгляд венна и передумал. Вовремя передумал, надо заметить.

Когда они удалились, Волкодав повернулся и обнаружил, что на него смотрела вся деревня от мала до велика. Иные, помоложе и поглупее, – с восторгом. Старшие, давно учёные жизнью, – недоброжелательно.

– Кто просил тебя вмешиваться, прохожий человек? – первым заговорил старейшина, и в голосе его была злоба. – Ты пришёл и ушёл, а нам с ними жить!...

Волкодав почесал затылок:

– Деньги, которые ты им заплатил, были на четверть моими. Так что я тут не вовсе чужой...

– Чего ты хочешь? – недобро осведомился старейшина.

– Гороху, – сказал венн. – Кусочек сала, если найдётся. Хлеба коврижку и горшочек молока. На два сребреника.

Жена старейшины начала что-то говорить мужу, но тот, не желая слушать бабьих советов, вытянул руку:

– Прогоните его, сыновья!

Удивительно дело,
подумал Волкодав, глядя на подходивших к нему троих верзил.

Они боялись всадников. Всадники побоялись меня. Но вот уехали, и эти люди почему-то решили, будто прямо сейчас меня поколотят... Чудеса...

Таких Летмалов он на своём веку видел достаточно. Здоровенный молодой мужик, на несколько лет моложе его самого. Соплеменники Волкодава сказали бы, дескать, Боги задумывали вылепить быка, но глины чуток не хватило, пришлось переделывать в человека. Одна незадача, успели уже вложить в ту глину бычий умишко. Такие, пока не пробьётся борода, что телята: кто поведёт, за тем и пойдут. И, случается, вызревают в справных богатырей, незатейливых и чистых душою. Летмал был ростом с венна, но вдвое шире его и, наверное, во столько же раз тяжелее. Такому, чтоб тяжести поднимать, и серьга от грыжи в ухо не требуется. Волкодав мимолётно подумал: этот малый, доведись ему несчастье, вряд ли выжил бы в Самоцветных горах. И ещё, что почётное место старейшины вряд ли к нему перейдёт. А и

перейдёт, миг под задницей треснет. Вот у младшего, Данмала, соображения побольше. То-то он торопится вслед брату, ловит его за рубаху...

Руки Летмала, казавшиеся из рукавов, были величиной с медвежьей лапы и едва ли не такие же косматые. Они протянулись к неподвижно стоявшему Волкодаву: левая с растопыренными пальцами – схватить за грудки, правая, сомкнутая в кулак, изготовилась свернуть на сторону челюсть. Замахивался Летмал так, как это обычно делают деревенские драчуны, привыкшие хвастаться необоримой силой удара. Волкодав не позволил ему собрать в горсть свой ворот и подавно не стал дожидаться кулака. Он просто подстерёг нужный момент, повернулся и присел, коснувшись одним коленом земли. Летмал запнулся и, увлекаемый собственным разгоном, изумлённо полетел через венна в дорожную пыль. Упал он тяжело. До сих пор его редко сбивали с ног.

Средний сын старейшины, Кроммал, невнятно выкрикнул по-нарлакски нечто такое, чего при женщинах нипочём не следовало бы повторять, и рванулся отмстить за старшего брата.

– Я Летмала пальцем не трогал, – сказал ему Волкодав. – И тебя трогать не собираюсь...

Данмал, действительно самый смыслённый из троих, крепко обхватил Кроммала поперёк тела. Тот вырывался.

– Не надо!... – расслышал Волкодав. – Убьёт...

Летмал поднялся на ноги и тяжело двинулся на обидчика вдругорядь. Широкое лицо, опущённое мягкой светлой бородкой, было цвета свёклы. Венну не хотелось снова отправлять его наземь, ибо на второй раз это пришлось бы делать уже убедительнее. Так, чтобы встал к вечеру.

– Могли бы и словами сказать, что на откуп деньги нужны... – укорил он старейшину. – А то сразу синяки ставить...

Тем временем Летмал, зверея, шагнул навстречу неминуемому... Но тут между ним и Волкодавом ринулся Мыш. Свирепый маленький хищник повис в воздухе перед молодым нарлаком, кровожадно ощерил пасть и зашипел ему в глаза. Летмал невольно шархнул, отмахиваясь руками.

– Хватит! – сказал Волкодав. – Я ухожу.

Он свистнул, подзывая Мыша, повернулся и пошёл вон из деревни. Мыш вцепился в плечо, потом перебрался на голову, чтобы удобней было оскорбительно шипеть и плевать в сторону недругов. До самого кустарника Волкодав ждал камня в спину. Не говоря уже о стреле: мало ли что удумает озлобленный народ... Красноватые сполохи, всегда предварявшие нападение, так и не протянулись к нему. На счастье деревенских.

Венн отболтал весь язык, объясняясь сперва с данщиками, потом со старейшиной и его сыновьями. Поэтому у него не было никакой охоты ещё о чём-то рассказывать Эвриху и Сигине. Он и не стал.

Подбитый глаз молодого арранта закрылся и заплыл, но второй смотрел вопросительно.

– Они там небогато живут... – проворчал в конце концов Волкодав. – Пусть их...

Сигина, выглянувшая из землянки, ничего не сказала. Только пронзительно глянула на венна, и он долго потом не мог отделаться от беспокоящего чувства: эта женщина откуда-то в точности знала всё, что произошло с ним в деревне... Откуда бы?

Ещё он слегка удивился про себя тому, что жидкой, отдающей плесенью каши в котле оказалось как раз на три полные миски. Можно подумать, Сигина предвидела нынче гостей.

Потом он вспомнил, что Сумасшедшая со дня на день ожидала прихода несуществующих сыновей, и это всё объяснило.

Вечером, когда солнце уже опускалось за небоскат, к землянке Сигины пришла тихая молодая женщина. Волкодав издалека заметил её и узнал жену Летмала, которую так грубо тискал кудрявый стрелок. Она несмело подошла ближе, и венн, встав, поклонился:

– Добрый вечер, дочь славной матери...

Глядя на него, поднялся и Эврих, чтобы поприветствовать женщину по-аррантски. Молодуха еле слышно пролепетала что-то в ответ. Необычное внимание двоих путешественников, обращавшихся с ней, как с госпожой, больше пугало её, нежели радовало. Зато пушистый белый пёсик, прибежавший с нею вместе, никаких сомнений не испытал: сразу подскочил к Волкодаву и завертел хвостом, восторженно твякая и напрашиваясь на ласку.

Женщина поискала глазами Сигину, но та возилась в землянке. Рано утром предполагалось двинуться в путь, и она перебирала свои скудные пожитки, решая, что брать с собой, что не брать.

– Матушка Сигина... – окликнула молодуха. Она держала в руках небольшой свёрток. Если у Волкодава ещё не отшибло нюх, в свёртке было съестное. Сигина не услышала голоса, и венн сказал:

– Госпожа Сигина там... в доме.

Женщина стала спускаться по оплывшей земляной лесенке, пугливо оглядываясь на странного бородатого чужеземца, вздумавшего почтить её вставанием. Она-то на лавку присесть не смела ни при муже, ни при свёкоре со свекровью, ни при мужниных братьях... Беленький кобелёк ластился, вскидывал передние лапки ему на колено. Мыш, сидевший на плече, ревниво поглядывал вниз, скаля на пёсика острые зубы.

– Рейтамира, доченька! – обрадовалась в землянке Сигина. Волкодав про себя сделал вывод, что молодая женщина с красивым и звучным именем Рейтамира время от времени подкармливала деревенскую дурочку. Хотя дома её за это вряд ли хвалили. Ещё он видел, что Летмал успел уже сорвать злобу на безответной жене. И при этом не оставил синяков, которые могли бы заметить люди. Вот на это у подобных тупиц почему-то всегда хватало ума. Венну достаточно было посмотреть, как она шла, и внутри холодной гадюкой шевельнулось желание сходить в деревню ещё. Он хотел поделиться своим наблюдением с Эврихом, но передумал. И женщине срам, и арранта зря печалить не стоило.

Рейтамира вновь вышла наружу, отворачиваясь и пряча мокрые глаза. Она обняла Сигину и попрощалась с нею уже вовсе неслышно. Похоже, её не на шутку подкосил предстоявший уход Сумасшедшей. Да. Не с кем станет посоветоваться и поговорить, не у кого будет всплакнуть на плече... Волкодав подошёл к женщине и сказал ей:

– Дело к ночи, госпожа... Позволь, провожу до деревни.

Рейтамира отшатнулась, вскинула на него глаза... Что всегда поражало его в женщинах, так это их способность с первого взгляда заглянуть в самую душу. А может, это он сам, как все мужчины его племени, не мог от них ничего утаить?... Вот даже и забитая жена нарлакского лоботряса немедленно поняла: венн имел в виду только то, что сказал. Он в самом деле хотел проводить её до деревни, проследив, чтобы не случилось беды. А вовсе не дожидался удобного случая потребовать с неё награды за то, что отогнал распутившего руки молодого стрелка.

– Спасибо, добрый человек... – отозвалась она. – Только я... муж осерчает...

– А мужу твоему, – тихо сказал венн, – ничего не надо растолковать? А то я с радостью...

– Что ты!... – испугалась она. – Что ты... что ты...

Отвернулась – и пошла обратно домой. Шла медленно, с большой неохотой, низко опустив голову, обмотанную, по нарлакскому обычаю, «намётом» – куском вышитой ткани вроде длинного, спадавшего на спину полотенца...

– Может, мне всё-таки здесь остаться? – появляясь из землянки и с сомнением глядя вслед молодухе, проговорила Сигина. – Совсем одну девочку брошу... Нехорошо!

– Муж у неё, по-моему, скотина порядочная... – хмуро проговорил Эврих.

– Бьёт, – сказал Волкодав. Эврих про себя полагал, что не всякий мужчина так уж не прав, когда бьёт жену. Но на всякий случай оставил своё мнение при себе.

– Рейтамира второй год замужем, – пояснила Сигина. – Деревня бедная, кто сюда дочку отдаст? Да за Летмала?... Вот и взял сироту. А она ещё и дитё ему всё никак не родит... Я и то уж решила: как придут мои сыновья...

Что именно должны были совершить для Рейтамиры её сыновья, так и осталось никому не известным. Со стороны кустарника, оборвав залиvistую соловьиную трель, прозвучал и тут же затих жалобный, отчаянный вскрик. Потом собачье тьяканье, оборвавшееся судорожным визгом. Закат ещё не отгорел до конца; Сигина и двое вострепнувших мужчин увидели несчастную молодуху, что было сил бежавшую через пустошь обратно к землянке. Летмал быстро догонял её. Вот догнал... Сшиб наземь и с налёту ударил ногой. Потом ещё.

– ...Потаскуха!... – нарушил вечернюю тишину его рык. – Убью...

Волкодав сорвался с места чуть раньше, Эврих кинулся вдогонку. Он бежал очень неплохо. Но в неверном гаснущем свете ему то и дело мерещилось, будто впереди стелился над песком и жилистой травкой косматый большой пёс. За которым, как известно, не угнаться. И от которого не удрать.

Что до самого Волкодава, он только видел, как близился тяжёлый силуэт Летмала и его перекошенная яростью паскудная рожа. Мышь беззвучно скользил по воздуху впереди всех. Девять шагов. Сын старейшины, ничего не замечая кругом, занёс ногу для очередного пинка. Семь шагов. Мышь с пронзительным воплем метнулся перед лицом Летмала, прочертив по щеке острыми коготками, и тот, ухнув, наподдал воздух, не попав в скорчившуюся Рейтамиру. Три шага. Проплыла над клочковатой травой тень пса, распластавшегося в прыжке. Одна нога Волкодава с силой врезалась Летмалу в голову, другая в грудь. От такого удара вылетали, крошась, хорошие двери, скреплённые железными полосами, а люди валялись замертво. Летмал оказался покрепче иной стены и не только остался в живых, но даже не обеспамятел. Его просто унесло на три сажени назад, шарахнуло оземь и прокатило по травке. Волкодав тоже упал, вернее, слегка коснулся рукой земли – и тотчас, став на ноги, двинулся к Летмалу странно плывущим, не вполне человеческим шагом.

Подоспевший Эврих понял, что без его помощи тут как-нибудь обойдутся, и занялся Рейтамирой, неподвижно уткнувшейся лицом в землю. Вышитый намёт размотался и съехал у неё с головы, и сделалось видно, какие густые, роскошные волосы под ним укрывались. Молодой аррант перевернул лёгкое тело. Рейтамира не открывала глаз, изо рта по подбородку растекалась тёмная кровь. Эврих ужаснулся, решив было, что Летмал успел отшибить ей нутро, но тут же с облегчением убедился – у женщины были просто разбиты губы. Эврих уложил её поудобнее и бережно обнял, устроив клонившуюся голову у себя на плече... и вдруг отчётливо понял: если произойдёт чудо и Летмал каким-то образом сумеет миновать Волкодава, он, Эврих из Феда, ни под каким видом не позволит скоту даже пальцем к ней прикоснуться. Вот не позволит. И всё.

Чуда, однако, ждать не приходилось. Поднявшийся Летмал вытащил из поясных ножен длинный охотничий нож, зарычал и устремился на Волкодава. Он мог, наверное, испугать кого угодно – здоровенный верзила, широкий, как стог, и притом хмельной от бешеной ярости. В его убогом рассудке две мысли сразу не помещались, и потому, натолкнувшись на неожиданного противника, о жене он успел призабыть. Вспомнит, когда выпустит кишки её непрошеным защитничкам. Одному, потом и второму. Он был ловок с ножом.

Волкодав шёл ему навстречу, плыл, крался, тёк над землёй. Своего ножа он не доставал. И так обойдёмся.

Зачем жить ублюдку, способному день за днём избивать беспомощную женщину? Сироту, по чьей-то злой прихоти отданную ему на ложе? Зачем?... Что с него может быть хорошего? А, Мать Кендарат?... Какое добро он когда-либо сумеет постичь?...

Летмал надул щёки, вытаращил глаза, размашисто шагнул вперёд... и пырнул венна длинным ножом, целя в живот. Пока он готовился, замахивался и делал шаг, Волкодав при желании успел бы сделать с ним многое. Например, скользнуть вперёд, припадая к траве, и прицельно замазать опять же ногой, начисто лишив мужского достоинства.

Я с ним разговаривал...

Венн ограничился тем, что слегка отступил в сторону, пропуская мимо себя руку Летмала с ножом и одновременно разворачиваясь ему за плечо. Летмал ощутил возле основания шеи чужую ладонь, и его, семипудового, вдруг осадил вниз, да так, что согнулись колени и разом стало не до того, чтобы кого-то бить: на ногах удержаться бы!... Так бывает, когда неожиданно хватают за лодыжки из-под воды. Чёрный страх сдавил сердце, Летмал судорожно рванулся вверх и вперёд, но стало ещё хуже. Пока он силился выпрямиться, цепляя руками воздух, что-то мягко подхватило его под челюсть и начало... сворачивать голову...

Летмал заорал во всю силу лёгких, поняв, что его убивают. Такого ужаса он в своей жизни не испытывал ещё никогда. Но Волкодав убивать его не намеревался. Хотя искушение было сверх всякой меры. Пригнув к земле, он безжалостно завернул Летмалу кисть и взял нож, выпущенный онемевшими пальцами. Почти сразу сын старейшины с изумлением обнаружил, что его выпустили. Даже и рука осталась при нём. И голова, кажется, тоже. Он стал подниматься, точно сбитый с ног бык. И, как тот бык, медленно переваривал случившееся, тугодумно соображая, как же быть дальше.

Ради тебя, Мать Кендарат. Ради тебя...

– Иди отсюда! – хмуро сказал ему Волкодав. Он стоял между нарлаком и Эврихом с Рейтамирой. В это время молодая женщина шевельнулась, почувствовала бережное объятие, смутно напомнимшее ей о чём-то очень хорошем, потом ощутила боль в боку и бедре, сразу всё вспомнила, приоткрыла глаза, увидела над собой Эвриха, а поодаль своего мужа со сжатыми кулаками... и старшего из чужеземцев, заступавшего ему путь. «Беги, добрый человек, он убьёт тебя!...» – захотелось ей крикнуть, но крика не получилось, только жалобный стон без слов, полный отчаяния.

По мнению Волкодава, Летмалу уже полагалось бы уразуметь, что миновать его он не сумеет. Вот тут он ошибался. Стоило Рейтамире пошевелиться, и Летмал обратил на неё налитый кровью взгляд. Ни разу никто ещё не мешал ему срывать на ней дурной нрав. Не помешают и теперь. Не имело никакого значения даже то, что рослый венн всё ещё стоял на пути, держа отобранный нож. Летмал зарычал и рванулся вперёд...

Терпение Волкодава лопнуло, как тетива, перетёртая костяными пятками стрел. Наверное, скудное у него было терпение. Наверное, Мать Кендарат снова строго осудила бы его. Ну и пускай. Сам он полагал, что цацкался с обидчиком женщин уже сверх приличия. Кулак Летмала, тяжёлый, как мельничный жёрнов, устремился ему в лицо, но вместо столкновения с податливой плотью провалился согнутым пальцем в то место тела, которое ещё на каторге показал ему рано поседевший мономатанец. На языке чернокожего племени оно называлось «помолчи немножко». Величиной оно было не больше ежевичной ягоды и располагалось у каждого человека по-разному, да и тыкать в него следовало строго определённым образом... Волкодав справился. Из могучего тела словно бы разом выдернули все кости, обратив его в студень. Летмал распластался на траве и безвольно обмяк. Он оставался в сознании и, видимо, от испуга терял последний рассудок. Но не мог пошевелить даже губами. Только глаза вращались и полоумно лезли вон из орбит.

Когда Волкодав присел на корточки рядом с Эврихом, Рейтамира беззвучно плакала, доверчиво прижимаясь к арранту и пряча лицо у него на плече. Эврих гладил её по голове, по худенькой узкой спине, стараясь утешить.

– Ты его?... – почти шёпотом спросил он Волкодава. Он мог бы поклясться, что видел, как в серо-зелёных глазах венна постепенно гасли жёлтые звериные огоньки.

– Не убил, – проворчал Волкодав. – Напугал. Отлежится к утру.

Рейтамира повернула голову, подняла мокрое от слёз лицо и всхлипнула уже в голос:

– Возьмите с собой, добрые люди!... Я служить вам буду... и матушке Сигине... рабой назовусь!... Мне... только в реку теперь...

Слёзы душили её.

Эврих оглянулся на спутника. Можно подумать, мало им было пожилой женщины на шее. Беда только, учёный аррант откуда-то знал: ему легче было бы остаться здесь самому, чем не послушать этой мольбы.

Хотя закон просвещённой Аррантиады в подобных случаях неизменно держал сторону мужа...

– Конечно, возьмём, – сказал Волкодав. Его-то заумные рассуждения не донимали. – И рабой себя не зови.

Он встал. Эврих передвинулся, просунул ладони (молясь про себя, чтобы Рейтамира не подумала скверного) и поднялся сперва на колено, потом и во весь рост. Его изумило, как легко оказалось нести её на руках.

Сумасшедшая взволнованно ждала их у края худосочного огородика. Она видела всё, что случилось на пустоши.

– Сейчас пойдём, госпожа, – сказал ей Волкодав. – Утра дожидаться не будем.

Я когда-нибудь стану героем, как ты.
Пусть не сразу, но всё-таки я научусь.
Ты велел не бояться ночной темноты.
Это глупо – бояться. И я не боюсь.

Если встретится недруг в далёком пути
Или яростный зверь на тропинке лесной -
 Попрошу их с дороги моей отойти!
 Я не ведаю страха, пока ты со мной.

Я от грозного ветра не спрячу лицо
И в суде не смолчу, где безвинных винят.
 Это очень легко – быть лихим храбрецом,
 Если ты за спиною стоишь у меня.

Только даром судьба ничего не даёт...
 Не проси – не допросишься вечных наград.
 Я не знаю когда, но однажды уйдёт
 И оставит меня мой защитник, мой брат.

Кто тогда поспешит на отчаянный зов?
 Но у края, в кольце занесённых мечей,
 Если дрогнет душа, я почувствую вновь
 Побратима ладонь у себя на плече.

И такой же мальчонка прижмётся к ногам,
 Как теперешний я, слабосилен и мал,
 И впервые не станет бояться врага,
 Потому что героя малец повстречал.

5. Младший брат

Волкодав наполовину ожидал погони. Ибо полагал, что исчезновение Летмала, ушедшего за женой, не останется незамеченным. Сына старейшины найдут ещё до рассвета, по-прежнему беспомощного, словно выкинутая на берег медуза. Решат, что увечье непоправимо, и, чего доброго, немедля кинутся по следу обидчиков. А сам Летмал, когда вернётся к нему владение собственным языком, такого небось наплетёт... Венну хотелось думать, что молодого нарлака он напугал на всю жизнь. Обольщаться, впрочем, не стоило. Иные люди никаких уроков не понимают.

А ты что думаешь, Мать Кендарат?
 – молча вопрошал Волкодав, шагая в потёмках по тропе вдоль реки.
 Опять станешь попрекать, для чего, мол, не остался вразумлять без Правды живущих?
 Опять, скажешь, почесал кулаки и ушёл, избрав дорогу полегче?... Ну, застрял бы я здесь, а
 Тилорну эту его штуковину кто принесёт? Эврих?... А за девчонку как было не вступиться?
 Объясни, Мать Кендарат...

Тропа вилась заливным лугом, петляя между редкими приземистыми кустами. Волкодав шёл первым, за ним женщины, последним Эврих. Сперва венн хотел сам встать позади, на всякий случай прикрывая отход. Не получилось: кроме него никто не видел в темноте – разве Мыш, время от времени проносившийся над головами. Оставалось надеяться, что летучий зверёк обнаружит погоню и вовремя подоспеет предупредить...

То есть бояться Волкодав ни в коем случае не боялся. В Беловодье, когда у него подзажили раны и тело начало обретать былую готовность, он проверял себя так: созывал соседских парней и давал им в руки по венику. А сам закрывал глаза и просил ребят ударить его. Или хотя бы коснуться. Парни, знавшие, с каким трудом он поборол смерть, сперва осторожничали. Потом, навалывшись по снегу, осторожничать перестали.

Взрослых мужчин в деревне было всего восемь душ. Если больно охота, пусть бегут хоть с топорами, хоть с вилами. Да сами на себя и пеняют. Но много ли радости лишний раз убеждаться, что у людей нет ума?...

Хозяйка Судеб распорядилась по-своему. Беглецы так никогда и не узнали, гнался за ними кто или нет. Примерно к полуночи Мышу внезапно надоело беззаботно носиться по сторонам. Маленький охотник нахохлился у Волкодава на плече, потом и вовсе полез ему за пазуху, в привычный уют. Прошло ещё некоторое время, и Сумасшедшая Сигина тронула венна за локоть:

– Отошёл бы ты, сынок, от реки... Пойдём на большак.

Эврих сейчас же спросил:

– Почему?

Он не умел предчувствовать погоду и знал только, что они не пошли по дороге как раз потому, что именно там их начали бы искать. Сигина повернулась к арранту и ответила:

– Смерч идёт с моря. Река к утру разольётся...

– Откуда ты знаешь, почтенная? – удивился Эврих.

Сигина развела руками:

– Ну... Идёт, и всё...

Волкодав посмотрел в небо. Звёзды прятались одна за одной. Их застили тучи, быстро наползавшие с запада. Скоро спрячется и луна.

Большак тянулся вдоль берега Ренны, на такой высоте, куда ни разу не добирался разлив. Его отделяла от реки полоса хорошего соснового леса. Волкодав свернул с мягкого луга под деревья. Привычные босые ноги не боялись ни иголок, ни шишек.

Смерчи приключались в северном Нарлаке каждый год по несколько раз. Древний Змей с рёвом и грохотом взвивался из моря, повергая и всасывая жадным хоботом всё попадавшееся на пути... чтобы снова и снова потерпеть неудачу, расшибиться о горные края и выкатиться назад в море извечной дорогой – руслом беснующейся Ренны. Упорства Змею было не занимать. Он тщился одолеть берег и выскакивал на сушу то там, то тут, подыскивая удачливую тропу для прыжка через горы. Люди издавна приметили полосу взморья в два дня плавания шириной, через которую обычно пролегал путь клубящегося чудовища. Здесь не было рыбацких поселений, а в глубь страны до самых гор тянулся, как ожог, след множества смерчей, проходивших этими краями испокон веку. Путешественники и купцы, ездившие с севера на юг и обратно, не боялись пересекать Змеев След. Не боялись проходить мимо и корабельщики. Они просто поднимали все паруса и сажали людей на вёсла, стараясь скорее пересечь опасное место. Змей, надо отдать ему должное, был всё же существом отчасти благим: он всегда предупреждал о своём появлении, вот как теперь. Загодя убраться с его дороги было не трудно. Ещё одно благо – правда, по мнению многих, сомнительное – состояло в самородном золоте, издавна приносимом реками Змеева Следа. Каждый новый смерч проходил по долинам, словно орда землекопов с лопатами, неизменно обнажая новые россыпи. Волкодав не видел в том ничего удивительного. У него дома тоже все знали, что Змей охоч до богатств и носит под крыльями сокровища. Иногда он дарит их людям. И случается – вместе с погибелью. Кондарский тракт, на который выбрались двое мужчин и две женщины, пролегал на почтительном расстоянии от Змеева Следа. Тем не менее, вскоре начал накрапывать дождь и стали видны синеватые зарницы, вспыхивавшие над морем. Сколько помнили люди, ни разу ещё не бывало смерча без грома и молнии. Волкодав мог бы объяснить, почему. Бог Грозы пристально следил за Своим старинным врагом и гнал его ударами пламенеющей секиры, не пуская в светлые небеса...

Когда начал накрапывать дождь, беглецы снова углубились в лес, и мужчины растянули кожаный полог. Полог был просторный: хватит места всем четверым. Путники устроились с подветренной стороны не слишком высокого, но крутого и обрывистого холма. Песчаный откос гостеприимно нависал, не грозя обвалиться, ибо внутри сплетались корни. Хорошее место.

Рейтамира шагала на своих ногах от самой землянки Сигины. Это удивляло мужчин. Они-то думали, её, жестоко избитую мужем, придётся нести.

– Как ты? – несколько раз спрашивал её Эврих.

И неизменно слышал в ответ:

– Спасибо, добрый человек, мне хорошо...

Когда ставили полог, она усердно стаскивала под него лежалую хвою, ещё не промоченную дождём. И забралась под кожаный кров только после того, как там устроилась Сигина. Но тут уж её силы кончились: молодая женщина не села, а прямо-таки свалилась на землю. Обмякла и больше не двигалась.

Эврих запоздало сообразил, что Рейтамира скорее упала бы и умерла прямо на ходу, чем решилась произнести хоть одно слово жалобы. Она слишком боялась показаться кому-то обузой. Аррант припал рядом на колени, поспешно выпростал из мешка тёплое меховое одеяло, стал её кутать. Рейтамира открыла глаза, попыталась что-то сказать...

– Лежи, лежи, – ласково шепнул Эврих ей на ухо. И погладил по голове, стараясь ободрить: – Сейчас поедим, потом спать будешь... Всё хорошо...

Она вдруг заплакала. Её намёт, головной убор супружества, остался валяться на пустоши у деревни. На том месте, где чужестранец пытался кое-что втолковать её мужу. Теперь уже – бывшему мужу...

Волкодав стоял на макушке холма, прячась от дождя под густой кряжистой сосной, и смотрел в южную сторону. Мертвенные зарницы полыхали там почти непрерывно, и на их фоне, вращаясь, медленно двигалась гигантская чёрная тень. Ветер доносил яростные раскаты грома и время от времени – чудовищный рёв. Змей, давным-давно изгнанный Богом Грозы из пределов земли, рвался в дневной мир, шарил хоботом, нащупывая дорогу к Железным горам: сломать заповедные крепости, выпустить из векового заточения хозяев смерти и холода, Тёмных Богов... Венн пристально следил за вселенской битвой, происходившей на расстоянии множества поприщ. Он не позволял себе даже думать о том, что получится, если Змей один раз за всю вечность надумает свернуть с проторённой дороги и устремиться прямо к их пологу. Худые мысли притягивают беду, и Волкодав старательно гнал их прочь. Он не уходил с холма, пока гроза не докатилась до гор и не уперлась в них, застряв, как всегда прежде бывало. Где-то там дробились от страшных ударов гранитные скалы, и вниз обрушивались потоки битого камня, сверкавшие в отсветах молний, точно самоцветные россыпи. Особенно сильные вспышки порой озаряли громоздящиеся облачные кручи, и в них на мгновение представляли то вздыбленные крылатые кони, то летучая колесница, то беспощадно занесённая огненная секира...

Волкодав вдруг представил себе: такая же вот туча... нет, куда там такая же! эта не справилась бы!... – гигантская, небывалая со времён Великой Тьмы гроза накрывает, как горстью, одетые снегами хребты Самоцветных гор... и страшные рогатые молнии бьют с высоты по вершинам... Бьют снова и снова, раскалывая ледники, оплавляя чёрные скалы, выворачивая наизнанку изъеденное подземными ходами нутро...

Серый Пёс не раз и не два молился об этом, пока сидел на цепи. И если бы в те времена его услышал какой-нибудь Бог и согласился разнести Самоцветные горы в пепел и пыль, но и самому венну предрёк смерть под страшным обвалом, – он бы с радостью согласился. Согласился бы умереть рабом, а значит, и в следующей жизни обречь себя на неволю. И, погибая под глыбами, с упоением принял бы смертные муки. Если б только ему было дано почувствовать в последние мгновения жизни, как до основания содрогаются Самоцветные горы... как они рушатся, оплывают в потоках небесного пламени... проваливаются неизвестно куда... навсегда сползают с тела земли, которую оскверняли так долго...

Девушка сидела на свёрнутом меховом плаще, обхватив руками колени, и смотрела вдаль. Ярко светила луна, озаряя мертвенным серебром горы, ставшие за два с половиной года такими привычными. Днём на лугу кипела видимость жизни: наливалась соком трава, трудились над цветами пчёлы и бабочки, выходили пастись мало кем пуганные олени. Но вот наступила ночь, и сделалось видно, что эта пёстрая копошащаяся жизнь мимолётна, как огонёк светляка, а истинный лик гор неизменен, вечен и мёртв. Замершие под луной хребты дышали тяжким морозом, и трава была стрелами ломкого серебра. Пройдёт тысяча лет, не останется даже праха от ярких цветов и промчавшегося по ним оленёнка, а горы будут всё

так же вздыматься к чёрному, усеянному холодными звёздами небу, и леденеть под луной, и молчать, равнодушные, всезнающие, одинокие...

Рядом с девушкой шевельнулся мягкий белый сугроб, заискрилась, как иней, мохнатая блестящая шерсть. Огромный кот сладко зевнул, показав торчавшие в пасти кинжалы, и ткнулся лбом под локоть хозяйки, еле слышно мурлыча. Его звериная память не сохранила плетёной корзины, в которой горцы-ичендары доставили его через пропасть, именуемую Препоной, и оставили там в подарок одному молодому вельможе, Стражу Северных Врат. Кот смутно помнил лишь очаг и ковры, и человеческий запах, и ласковые сильные руки, подносившие соску с молоком. А потом его, уже начавшего взрослеть, почему-то снова отнесли в горный лес и хлопнули по загривку: беги. Откуда было знать юному зверю, что молодой кунс Винитар, лишившись невесты, не счёл себя вправе владеть знаком благосклонности ичендаров и решил выпустить его на волю?... Кот не понимал, что такое воля, и совсем к ней не стремился. Он хотел есть вкусную пищу, играть кусочками меха и спать у огня, от которого его зачем-то прогнали. Через два дня, голодный и грязный, он наткнулся на человеческий след и бежал по нему во всю прыть, истошно мяукая, пока не догнал свою нынешнюю хозяйку. Теперь всё было хорошо: его снова любили. Он бегал где хотел, охотился и уходил далеко в горы, но всегда возвращался.

«Твоя невеста ещё не достигла возраста зрелости, – передали его прежнему хозяину ичендары. – Её следовало оберегать либо отцу, либо мужу. Почему вышло так, что одна лишь старая нянька, дочь нашего племени, сумела исполнить свой долг перед госпожой? Ты, не сумевший как следует встретить драгоценную гостью, даже не заикайся о её преждевременном возвращении. Жди теперь, когда ей исполнится двадцать один год. Тогда она сама примет решение».

Девушка, которую некогда называли кнесинкой Елень, наследницей стольного Галирада, передвинулась, прижимаясь к тёплому боку, и стала смотреть на запад. Там, очень далеко – невообразимо далеко, как это возможно только в горах, – полыхали отсветы молний. Гром не мог преодолеть расстояния, но зарницы всё-таки долетали. Молчаливые, пепельные, невсамделишные. Словно воспоминания, когда-то яркие, как полуденное солнце, и невероятно дорогие, но с тех пор успевшие поблёкнуть и затуманиться.

Волкодав смотрел на далёкие ледяные вершины, призрачно вспыхивавшие в отсветах молний, и ему хотелось спросить Бога Грозы – как терпишь непотребство, Господь?... Почему не искрошишь Самоцветных гор в мелкие брызги, похоронив навсегда?...

Он не спрашивал. Венны любили молиться во время грозы, в близком присутствии Бога: вернее услышит. Только гроза бывает разной. Хорошо обращаться с молитвой синим днём, когда в небесах бушует весёлая и светлая свадьба, а гром кажется победным кличем любви. Ныне стояла чёрная ночь, и за тучами происходил поединок. А не годится отвлекать воина, занятого единоборством с врагом.

Венн ушёл с макушки холма, убедившись, что Змей вправду повержен и не прилетит обижать путников, спящих под пологом. И когда он уже спускался по склону, его вдруг посетила неожиданная мысль. Он вспомнил сказания о Великой Тьме и о том, как в конце концов была рассеяна тьма. Богу Грозы, закованному в семьдесят семь цепей и запёртому в ледяную темницу, помог человек. Самый первый Кузнец. И не было венна, который не возводил бы свой род к этому Кузнецу.

Так может быть, и теперь... Что, если против зла Самоцветных гор Светлым Богам опять нужна смертная помощь...

Гроза уже утихала, успокаивалась вдали. Но в этот миг вспорола небесную твердь едва ли не самая последняя молния и польхнула так, что ночь стала светлей дня. Волкодав успел увидеть каждую иголку пушистой сосновой ветки, которую отводил рукой от лица. Разглядел даже крохотного паучка, прятавшегося между иголками. А спустя время докатился громовый раскат такой мощи, что Волкодав, ожидавший его, вздрогнул вместе со всем мирозданием. И понял, что Бог Грозы, которого он не смел побеспокоить молитвой, всё-таки услышал его. И ответил.

Эврих нёс стражу: тарашил глаза в мокрые потёмки, с трудом сдерживая зевоту. Зная учёного, Волкодав ожидал, чтобы тот сразу принялся обсуждать с ним необыкновенную последнюю молнию. Аррант, однако, молчал. Женщины мирно посапывали под пологом, прижавшись друг к дружке ради тепла. Венн поискал взглядом Мыша. Зверёк, по давней привычке, висел вниз головой на деревянной распорке. И тоже спал, закутавшись в крылья. Никто на небесное знамение внимания не обратил.

– Ложись, – сказал арранту Волкодав. – Я постерегу.

А про себя подумал:

уж не была ли та молния послана мне одному?...

Эврих забрался глубже под полог, хотел было устроиться подле спавшей крепким сном Рейтамиры, но смутился, вновь вылез обратно, переполз на четвереньках и лёг около Сигины, спиной к женщине. Волкодав с усмешкой наблюдал за его вознёй. Самому венну спать почему-то не хотелось совсем. Он уже чувствовал, что этой ночью с ним опять произойдёт то, чего ни разу не было за два года в Беловодье. Необъяснимым образом обострятся все чувства, потом как бы удвоится сознание... И он, оставаясь сидеть на прежнем месте и не теряя зоркой бдительности, положенной караульщику, в то же самое время увидит себя большим серым псом и побежит куда-то через поле и лес... станет совершать поступки, кажущиеся не менее жизненными, чем те, что творила его человеческая половина...

Когда это случилось и проснувшийся зверь затрусил по обочине большака, та часть Волкодава, что осталась у полога, посмотрела в темноте на свои руки. Венн предполагал и боялся, как бы однажды не обнаружить на них начавшую пробиваться шерсть. До сих пор Боги миловали его. Под утро его слуха снова достиг низкий, злоеющий, рокошущий рёв. Но совсем не такой, как тот, что сопровождал пришествие Змея. Это, ворочая валуны и швыряя, как лучины, выдранные с корнем деревья, грохотала утратившая разум река...

Когда развиднелось, беглецы продолжили путь. Над мокрой землёй висело неприятное серое небо, но дождь больше не шёл. Грохот, доносившийся со стороны реки, с наступлением дня сделался заметно тише. Большая часть воды, вознесённой в горы смерчём, успела прокатиться вниз, перелопатив русло и забив грязью луговую траву. Теперь водяной вал, наверное, достиг уже лукоморья, и стража, стоявшая на кондарском забрале, не без трепета наблюдала, как в желтовато-зелёное море, взбаламученное вчерашним прохождением Змея, рвётся бурая бушующая струя...

– Куда торопишься? – удивился Эврих, наблюдая, как Волкодав спешно сворачивает полог и увязывает его, чтобы нести за спиной. – Вряд ли кто теперь за нами погонится...

Венн ответил не сразу. То есть сперва он вообще собирался промолчать. Хоть и знал, что любви к нему от этого у Эвриха не прибавится. Но что прикажете делать, если Боги забыли снабдить его красноречием?... Он не надеялся объяснить учёному грамотею даже доли происшедшего ночью. И особенно то, что в этот раз его пёсья половина что-то не спешила обратно, оставив человеческую часть сознания сиротой. На родине Эвриха не почитали предков-зверей. Аррант не поверит. Да ещё посмеётся, заявит что-нибудь насчёт варварских суеверий. Это не Тилорн. От Эвриха, только зазевайся, иголки в бок дождёшься сейчас же...

Почти решившись ничего не говорить, Волкодав перехватил взгляд Сигины, державшей в руках котелок. Взгляд был спокойным и глубоким, как небо. Её, кажется, не удивляла его странная спешка. Сумасшедшая просто знала что-то очень главное и про Волкодава, и про весь

остальной мир. Венн нашёл глазами Рейтамиру. Молодая женщина тоже смотрела на него, но, заметив взгляд, тотчас потупилась. Волкодав посмотрел на Сигину ещё раз и впервые подумал, что Эвриха тоже, наверное, обижала его привычка отмалчиваться. И он проворчал: – Там, на реке... Мало ли, вдруг кто в разлив угодил...

Грязь по обочинам большака уже загустела, и Волкодав почти сразу увидел то, чего ждал с надеждой и одновременно – со странной боязнью. В подсохшей глине темнел глубоко вдавленный след большой лапы. Боязнь боязнью, а не окажись его здесь, венн испытал бы немалое разочарование, убеждаясь, что двойник-Пёс существовал только в его воображении. Но след не мерещился ему, он просто БЫЛ. И Волкодав, глядя на него, испытывал то особое чувство, которое возникает, когда видишь на земле свои собственные следы. Частицу себя. Венн вздохнул. Расставаться с человеческим обликом – если, конечно, именно в этом состояла его судьба – ему не слишком хотелось. Впрочем, недосуг было разбираться в собственных ощущениях и о чём-то гадать. След был настоящий. Значит, то, что совершал ночью его двойник, тоже не было сном.

Тонкий, отчаянный крик в темноте, заглушаемый неистовым гулом реки. Мальчишеские руки с сорванными ногтями, скользящие по мокрому боку щербатого валуна. Темноволосая голова, то возникающая среди пены, то вновь пропадающая из виду... Лошадь, уносимая гремящими бурунами... мгновенные искры, высеченные из камня судорожным ударом подковы... И снова – слабый крик, долетевший издалека...

Плывущий пёс. Двухвершковые клыки, сомкнувшиеся на воротнике вышитой курточки. Ослабевшие руки селятся обхватить мокрую косматую шею, цепляются за кожаный ошейник. Мощные лапы упираются в камни, пёс пытается вытащить человека, но того не пускает придавившая тяжесть. Бешеный поток неистово хлещет обоих, порываясь опрокинуть, захлестнуть, утопить. Пёс глухо рычит от бессильной ярости и держит, держит...

Будь Волкодав один, он бы помчался бегом. Он был не один. Спасибо и на том, что с него больше не спрашивали объяснений, не добивались, куда это он так уверенно спешит через сосновую рошу. Потом впереди открылась река.

В этом месте Ренна разливалась в ширину на целых два перестрела. В обычные дни вода здесь совсем пряталась в залежах гальки, и даже теперь над поверхностью всклокоченного потока выглядывали подсохшие островки. Вода больше не ворочала неподъёмных камней. Вполне можно было перебраться на другой берег, прыгая по лысым макушкам.

На одном островке лежало несколько валунов. И между ними стояла, глядя на людей, большая собака.

При виде этой собаки у венна сердце стукнуло невпопад, он даже забыл на мгновение, для чего явился сюда. Но потом пёс повернулся – и поскакал к тому берегу, легко перелетая kloкочущие протоки. Волкодав не стал провожать его взглядом. Он смотрел себе под ноги. Пёс удалялся, и он чувствовал, как постепенно отпускает что-то внутри.

Он так и не понял, видели ли его спутники то же, что и он сам.

Мышь вдруг закричал, снялся с его плеча и чёрной стрелой метнулся над руслом реки.

– Смотрите! – крикнул Эврих, указывая вытянутой рукой. Венн всмотрелся, и его обожгло стыдом. Вот что бывает, если не вовремя утратить сосредоточение. Возле одного из валунов, в углублении, прорытом потоком воды, лежал человек. Насколько можно было разглядеть издали – мальчишка-подросток. Мутная вода и наносы гальки с песком позволяли видеть только темноволосую голову, плечи, обтянутые стёганой курточкой, и безвольно раскинутые руки. Песку всё равно, что заносить: живое тёплое тело или догнивающую корягу...

Четверо путешественников разом устремились вперёд. Перед какой-то протокой женщины, конечно, застряли: перепрыгнуть бушующую стремнину шириной в полтора человеческих роста было им не по силам. Двое мужчин, не задумываясь, с разбегу перелетели её.

Мальчик был не в себе. Услышав скрип гальки и близкие голоса, он не повернул головы, не открыл глаз.

– Пёсик... – выговорил он по-нарлакски, когда Волкодав склонился над ним, сдвинул с детского лица мокрые волосы и погладил запавшую щеку, расчерченную глубокими ссадинами.

– Пёсик... не уходи...

– Держись, малыш, мы с тобой, – опустился рядом на колени молодой аррант. Торопливо сбросив наземь заплечный мешок, он раздёрнул завязки. Где-то там у него сохранялась небьющаяся стеклянная фляга с крепким вином. Поспешно достав её, он зубами вынул затычку, приподнял мальчику голову и поднёс к его губам гладкое прозрачное горлышко: – Пей! Отхлебни, малыш, полегчает...

Тот попробовал глотнуть, поперхнулся и судорожно закашлял. Потом открыл глаза. Глаза были голубыми, как утреннее небо. Вьющиеся тёмные волосы, нежная смуглая кожа, да ещё эти глаза... Нарлакский народ был издавна знаменит мужской красотой. Вот, значит, из каких мальчиков вырастали знаменитые красавцы, слава страны.

Волкодав полными горстями отбрасывал мокрую гальку, осторожно откапывая заваленные ноги. Ему очень не нравилось, как лежал многопудовый валун. Ко всему прочему он заметил на шершавой поверхности наполовину смытые кровавые полосы и разглядел ободранные пальцы мальчишки: ночью тот изо всех сил цеплялся за камень, пытаясь приподняться из захлёстывавшей воды, глотнуть воздуха, позвать на подмогу... Волкодав добрался до неподвижных коленей, ощупал их сквозь изорванные, когда-то нарядные штаны и убедился: ноги действительно были придавлены.

Змей ли, уходя по реке, в бессильной злобе швырнул гранитную глыбу, зажав, словно капканом, тело барахтавшейся жертвы? Или мальчонка, пытаясь выбраться, сам обрушил на себя подмытый водой обломок скалы?...

– Сейчас мы тебя вытащим, – сказал Эврих. – Ты потерпи.

– Вы не думайте, добрые люди, мне не больно, – на удивление спокойно ответил мальчик. – Совсем не больно. Правда... Тяжело только...

Волкодав поднялся с колен, обошёл камень кругом, крепче расставил ноги и, примериваясь, упёрся спиной. Несчастный мальчишка, наверное, в самом деле не испытывал боли, хотя ноги у него скорее всего окажутся раздроблены. Венн знал по себе, что именно так оно и бывает.

Разум не подпускает к себе боль, а с нею очень часто и смерть. Утыканный стрелами воин отбивается от врагов, спасается и бежит, и только потом, когда всё позади, бессильно стонет и корчится, пытаясь вытащить окровавленные головки...

– погоди поднимать, я жгут сделаю... – сказал Эврих. Достал из мешка растяжки полога и по очереди перетянул мальчику ноги чуть повыше колен.

Тем временем женщины ушли вниз по течению не менее чем на сотню шагов, но всё-таки выискали место, удобное для переправы, и, промочив ноги, наконец присоединились к мужчинам. Мальчик слабо улыбался. После страшной ночи опять светило солнце, и люди окружали его. Значит, вправду всё будет хорошо.

– Мама? – радостно удивился он, увидев над собой Сумасшедшую. – Мама, как ты меня нашла?...

– Ну а как же я могла тебя не найти, родненький, – отозвалась Сигина, присаживаясь и устраивая его поудобнее. – Я услышала, как ты зовёшь, и сразу прибежала сюда!

Её спутникам некогда было гадать, может ли быть нечто общее у богато одетого подростка и деревенской нищенки, годящейся ему в бабки. Не приходился же он, действительно, ей сыном?...

– Ты не плачь, – подбодрил он Рейтамиру, утиравшую слёзы. – Сейчас они меня вытащат, и мы пойдём к нам домой. Мама, можно мне их всех пригласить?

– Конечно, маленький мой, – немедленно разрешила

Сигина.

– Я вас всех приглашаю! – обрадовался мальчик. – Вы ведь не откажетесь у нас побывать?...

Мыш, обосновавшийся на макушке валуна, вдруг сорвался с места и быстро полетел в сторону. Рябь на воде переливалась слепящими бликами; венн сощурился, стараясь рассмотреть, что же привлекло зверька, и увидел торчавшую из воды неподвижную лошадиную ногу. Ну, это дело можно было отложить и на потом. Волкодав покосился на Эвриха, упёршегося в камень с ним рядом.

– Спасибо вам, добрые люди, – вдруг вятно проговорил юный нарлак. – Вы не бойтесь... если не выйдет...

– Это у нас не выйдет? – зарычал Эврих. – Это когда у нас что не выходило?

Они с Волкодавом кивнули друг другу, разом вдохнули побольше воздуха и налегли что было сил, стараясь приподнять и отвалить камень. Босые ноги венна по щиколотку скрылись в грязном каменном месиве и все жилы готовы были затрещать, когда ему почудилось, будто камень стал поддаваться.

– Тащите!... – прохрипел он, обращаясь к Сигине и Рейтамире. Скосившись, он видел рядом с собой лицо Эвриха, перекошенное от напряжения, с толстыми жилами, вздувшимися на лбу и висках. Вероятно, и сам он выглядел не лучше.

– Терпи, малыш, – сказала Сумасшедшая и сунула руки под приподнявшийся валун, лихорадочно выгребая крупную гальку. Рейтамира обхватила мальчика поперёк тела и стала тащить. Тут до него наконец добралась жестокая боль, он забился, пытаясь освободиться из её рук, и пронзительно закричал. Потом умолк, голова безжизненно повисла. Когда показались неестественно вывернутые голени в кожаных охотничьих сапогах и вялые ступни прочертили по камешкам мокрые полосы, венн с аррантом выпустили валун. Тяжеленный камень с плеском обрушился на прежнее место, окатив брызгами всех пятерых.

– Как же получилось, что ты, такой молоденький, ехал совсем один?... – спросила Сигина. Стоял холодный вечер, и они развели большой костёр, наплевав на возможность погони («А пускай их идут!...» – зло сказал Волкодав). Они уже знали, что мальчика звали Иннори, и он был третьим сыном купца Кавтина Ста Дорог. Отца, умершего десять лет назад, Иннори, правда, толком не помнил.

Кавтин, повторил про себя Волкодав. Имя показалось ему не совсем чужим, с ним было что-то связано, и притом не слишком хорошее. Но вот что?...

Ещё они узнали, что при всей малости своих лет Иннори считался искусным вышивальщиком, достигшим немалого мастерства. За это его приблизил к себе вельможа и наследник государя кониса, господин Альпин. И вот несколько дней назад купеческому сыну была оказана неслыханная честь: наследник позволил мальчику сопровождать себя во время ежегодного Объезда Границ. До самой Белой Стены!

– Такие молоденькие ребятишки не должны ездить одни, – укоризненно повторила Сигина. – Как вышло, что твой господин отправил тебя назад одного?

На островке посреди реки Эврих показал себя лекарем хоть куда. Он сумел погрузить измученного мальчишку в глубокий сон, и тот спал, ничего не чувствуя, пока его несли на берег, раздевали, вправляли кости и заключали ноги в лубки. Во время лечения молодой аррант очень волновался и через слово обзывал венна варваром, на что тот, против обычного, не обижался. Сделав, что было можно, Эврих разрешил Иннори проснуться, хотя и не до конца: так, чтобы мог пить, есть и разговаривать, но не страдал. Волкодав же снова влез в воду, доплыл к мёртвой лошади и принёс на берег перемётные сумы. Иннори сказал правду. В кожаной коробке действительно лежали мотки разноцветного шёлка и тонкие иглы, уже заржавевшие от воды. Лошадь, кстати, оказалась гривастым коньком чуть побольше телёнка. Как раз по всаднику.

– А я был не один, – с законной гордостью объяснил мальчик. Сигину он мамой больше не называл, но в её присутствии заметно успокаивался. – Господин Альпин любит меня. Он дал мне Сенгара, телохранителя. Сенгар – настоящий герой!

Эврих поднял глаза на Волкодава, и тот мрачно покачал головой, благо Иннори со своего места его видеть не мог. Береговой откос сохранил следы второй лошади, благополучно выбравшейся на берег. Венн внимательно рассмотрел их. Могучий сегванский жеребец нёс всадника. Крупного молодого мужчину.

– Что же такой герой о тебе не позаботился? – хмуро спросил Волкодав. Он знал, каких телохранителей предпочитала нарлакская знать. Камень, который они с Эврихом еле вывернули вдвоём, этот Сенгар наверняка отвалил бы шутя. Да и конь его, одолевший поток, без натуги вытащил бы маленькую лошадку...

– Меня накрыло водой... Я не знаю... – растерянно пожал плечами Иннори. Потом улыбнулся:

– Сенгар меня обязательно найдёт, просто вы пришли раньше. Он очень смелый... и такой сильный... Я люблю его... Он похож на моего старшего брата... На Канаона...

Вот тут уж Эврих с Волкодавом одновременно уставились друг на друга поверх его головы. Канаон. Сын Кавтина...

...Канаон всё посматривал Волкодаву под ноги, и венн догадывался, чего тот хотел. Чтобы он поскользнулся.

И Волкодав поскользнулся. Он потерял равновесие, неловко взмахнул здоровой рукой и стал заваливаться навзничь. Нарлакский наёмник мгновенно занёс меч и с торжествующим рёвом прыгнул вперёд – добивать. Занесённый клинок уже опускался, когда обе ноги Волкодава вдруг выстрелили вверх. Всё тело выгнулось дугой, так что на земле остались только плечи и шея, а ступни в мокрых, облепленных снегом сапогах врезались Канаону в нижние рёбра. Удар был страшный. Если бы не сплошной кованный нагрудник, нарлак с расплюснутым нутром умер бы на месте. Броня дала ему пожить ещё какое-то время. Он был почти вдвое тяжелее венна, но его приподняло над тропой и швырнуло за край обрыва. А уж когда конец меча Волкодава перерезал верёвку, привязанную к его поясу, про то и знал один Волкодав...

На карте селения не было, но, по словам Рейтамиры, называлось оно Четыре Дуба. Поразмыслив о названии, Волкодав решил про себя, что это скорее всего был погост. Какой-нибудь конис прежних времён объезжал свои земли, совершая полюдь, да и облюбовал ровное поле под крутым холмом с четырьмя древними дубами на вершине, надумал впредь здесь останавливаться, гостить. Доброе место в самый раз годилось беседовать со старейшинами родов, подносящими ежегодные приношения, решать тяжбы, призывать Богов и творить праведный суд, как всегда делает вождь.

Волкодав стал слушать дальше и скоро убедился, что не ошибся. Четыре Дуба действительно были погостом. В большом, богатом селении имелись целых два постоянных двора для купцов, приезжавших на ярмарку. Назывались те дворы без особых затей: один «Ближний», другой «Дальний», считая, естественно, от Кондара. Был и дом, в котором жил наместник государя кониса. Не было только одного: укрепленного городка и воинской силы, как водится в приграничных погостах. Тихие, видать, были места.

– А ты ездил сюда, Рейтамира? – спросил Эврих. Они с Волкодавом несли самодельные носилки со спящим мальчиком и Мышом, уютно обосновавшимся у него на животе. Время от времени Иннори просыпался и, слабо улыбаясь, дразнил его пальцем. Зверёк в притворной ярости топорщил чёрную гривку, со страшным криком бросался за пальцем и хватал его зубастой ощеренной пастью. Он легко мог оттяпать палец не то что мальчишке – даже взрослому человеку, но игру понимал. Иннори высвобождал палец из осторожного захвата клыков, изогнутых и острых, как иглы для починки ковров. Улыбался, доверчиво гладил свирепого маленького птицелова, оглядывался кругом... и опять засыпал.

Сигина и Рейтамира время от времени сменяли то одного, то другого мужчину, берясь вдвоём за ручки носилок. В ногах у Иннори лежал кожаный бурдючок с горячей водой. Когда вода остывала, устраивали привал, разводили костёр и подогревали воду, перелив её в котелок. Ноги Иннори почему-то не воспалялись и не вызывали губительной лихорадки, которой очень опасался аррант. Учёный лекарь не мог понять, что же сдерживало неизбежное в таких случаях воспаление, и про себя неустанно благодарил Богов Небесной Горы. Иных объяснений, кроме вмешательства какой-то очень могущественной и очень благой Силы, найти было невозможно.

– Я была в Четырёх Дубах... два года назад, когда мой приёмный батюшка ездил на ярмарку... – ответила Эвриху Рейтамира.

От Волкодава не укрылось, что, помянув своего воспитателя, она не добавила обычного благословения и не призвала согреть его Священный Огонь. Венн шёл впереди и не мог видеть женщину, но хорошо представлял. Особенно густые каштановые, с золотым отблеском, волосы. Скинув намёт немилого супружества, Рейтамира убрала волосы так, как это делали нарлакские девушки и безмужние женщины, чающие нового сватовства. Она тщательно расчесала длинные пряди, отбросила их за спину и оставила почти свободными, сплетя в косу лишь по концам.

Волкодаву нравилась такая причёска. Радость взглянуть, как скользят по плечам переливчатые волны, похожие на тяжёлый шёлковый плащ. Так и хочется погладить, приласкать их ладонью. Косы веннских девушек были, конечно, лучше. Но и нарлаки знали толк в девичьей красоте.

– Чем же торговал твой почтенный приёмный отец? – спросил Эврих.

– Он мельник, – ответила Рейтамира. – У него мельница на Берёзовом ручье. Он покупал корову. И ещё украшения дочерям. А я за ними присматривала, пока не подросли... Первые дни после бегства из деревни Рейтамира всё больше отмалчивалась, не смела сказать лишнего слова своим неожиданным заступникам и лишь робко пыталась им услужить. Только с Сигиной она оживала, даже смеялась. Когда однажды она запела, выяснилось, что у неё редкостный, замечательный голос. И память, хранящая множество старинных баллад. Иннори слушал с горящими глазами, забывая о своих несчастных ногах. Эврих, которому молодая женщина явно очень понравилась, всё пытался её разговорить, и дело постепенно шло на лад. Зато с Волкодавом она за всё время не сказала двух слов. Попросту не поднимала перед ним глаз. Венн знал, почему. Рейтамира достаточно видела сперва в деревне, а потом и на пустоши. Она помнила, что он заставил считаться с собой четверых привычных к дракам мужчин, конных и при оружии. А потом играючи задал очень жестокую трёпку её мужу, Летмалу. Чью безжалостную силу она слишком хорошо знала... Как не бояться такого страшного человека? Венну было обидно. Летмал Летмалом, но с чего бы женщине бояться его?... К тому же он хотел вызнаться у неё, кто такой Сонмор. Он подговорил Эвриха спросить, но оказалось, что о Сонморе Рейтамира имела самое смутное представление. Жалко.

Волкодав стал думать над её последними словами. Про мельника, который покупал украшения родным дочерям, а приёмную, как не нужна стала ухаживать за малыши, мигом сбыл с рук. Умницу и красавицу – за остолопа, которому простительно было не нажить ума, но вот совести...

Чего ещё ждать от мельника. Мельники, они, по глубокому убеждению венна, были все таковы.

– Рейтамира! – обратился к молодой женщине проснувшийся Иннори. – Расскажи что-нибудь!

– Глухими ночами, когда не видно звёзд, а в траве сиротливо шуршит ветер, эту легенду шёпотом передают у пастушеских костров... – с готовностью начала Рейтамира. – Моряки же, уходящие в плавание, творят охранительные знаки и каются в малейшем грехе, стоит им только вспомнить о Всаднике... Это сказание про человека, который воззвал к Богам и молился о мести... И Боги сделали то, о чём он Их попросил!

– Где это было? – спросил Иннори.

– Это было так давно, что люди даже и не помнят, где именно. Редко вспоминают теперь эту легенду, ибо Всадник порою неузнанным ходит среди людей и появляется там, где о нём говорят...

– Ага! – сказал Эврих. – Так вот что означает этот странный символ возле берегов Шо-Ситайна!... Принято считать, что он соответствует излюбленному занятию жителей, но я спрашивал себя, с какой стати рисовать лошадь посреди моря?... Рейтамира, ты сможешь потом повторить всё подробно, чтобы я записал твой рассказ?

Она кивнула. И негромко начала петь.

Была любимая,
 Горел очаг...
 Теперь зови меня
 Несущим мрак!
 Чужого паруса растаял след...
 С тех пор я больше не считал ни месяцев, ни лет.

Была любимая
 И звёзд лучи.
 Теперь зови меня
 Скалой в ночи!
 Я просыпаюсь в шторм, и вновь вперёд
 По гребням исполинских волн мой конь меня несёт...

Была любимая
И свет небес.
Теперь зови меня
Творящим мечь!
Со мною встретившись, уйдёшь на дно,
И кто там ждёт тебя на берегу – мне всё равно.

Была любимая
И степь весной.
Теперь зови меня
Кошмарным сном!
Дробится палуба и киль трещит -
Проклятье не поможет и мольба не защитит...

Была любимая
И снег в горах.
Теперь зови меня
Дарящим страх!
Поставит выплывший на карте знак -
Меня там больше нет: я ускакал назад во мрак.

Была любимая,
И смех, и грусть.
Теперь зови меня -
Не отзовусь!
Пока чиста морских небес лазурь,
Я сплю и вижу прошлое во сне – до новых бурь...

Завидная судьба,
подумал Волкодав.
Охранять свои родные места!... Ради этого и камнем не жалко стать...
Ещё он решил, что надо будет непременно купить девочке лютню, а Эврих вздрогнул: ему
вдруг послышался из-за деревьев тяжёлый топот копыт...

Как будто венну было мало забот с Каноновым младшим братишкой, напротив крайнего дома погоста прямо посередине большака, уже ставшего улицей, обнаружился конский след. Ну нет бы проходим людям его затоптать, истереть в дорожной пыли! Или самому Волкодаву отвлечься, посмотреть куда-нибудь в сторону, не заметить его!... Так нет же. Не истребили, не затоптали, и венн, повинуюсь привычке, не раз спасавшей ему жизнь, этот след заметил. А заметив, узнал. След крупного жеребца боевой сегванской породы. Немного хромавшего на правую переднюю ногу после того, как довелось выносить седока из взбесившейся Ренны... Волкодав вздохнул, начал присматриваться уже намеренно и немало порадовался, обнаружив, что следы не свернули в первый постоялый двор (это был «Дальний»), а потянулись дальше через селение – ко второму. Ворота, как обычно в таких заведениях, стояли гостеприимно распахнутыми. Двое мужчин и две женщины вошли внутрь, и работники, заметив носилки, сейчас же поспешили навстречу.

– Я – странствующий учёный из благословенной Аррантиады, – представился Эврих вышедшему хозяину. – Это мои спутники. А на носилках – мальчик из свиты благородного вельможи, именуемого Альпином из Кондара. Его ранило во время наводнения на реке. Хозяин был родом южный нарлак, неведомо каким ветром занесённый в эти северные места. Южных уроженцев легко было узнать по светлым волосам, прямым, как солома. Волкодав рассудил, что с юга, возможно, происходил не сам хозяин двора, а какие-нибудь его прадедушки и прабабушки. У тамошнего народа была сильная кровь. Жили ведь бок о бок с чернявыми смуглыми халисунцами и всюю рожали общих детей. Хоть тресни, сплошь белобрысых.

Между тем белёсые брови хозяина успокоенно разошлись от переносицы в стороны. Одно дело – заразный больной, совсем другое – раненый. Да ещё из свиты важного господина, наследника самого кониса! Немалая честь. Постояльцев во дворе было мало, и он, радуясь, сам повёл новоприбывших показывать хоромы. Выход наверх, в комнаты для гостей, оказался винтовым и, как обычно в Нарлаке, донельзя узким. Пришлось опустить носилки на пол, и Волкодав осторожно поднял Иннори на руки. Мальчик опять спал, вернее, плавал в блаженном забытии, в которое, спасая от страданий, погружал его Эврих. Когда венн понёс его по узкой лесенке вверх, мальчик, не открывая глаз, обнял его за шею и погладил по распоротой шрамом щеке. – Канаон... – выговорил маленький вышивальщик и улыбнулся во сне.

Волкодав про себя подозревал, что нарлаки приходились дальними родственниками вельхам. Иначе откуда бы это обыкновение селить тьму народа в одной большой комнате и стопочкой складывать у входа обширные тканые занавеси: вам, гости желанные, обитать, вы и разгораживатьте, как вам удобно. Венны жили гораздо мудрей. В некоторых родах тоже не строили отдельного жилья каждой малой семье, помещались все вместе в большом общинном доме. Но некоторую часть этого дома всегда делили на комнатки по числу мужатых женщин. И стариков, желавших покоя. И это было правильно и хорошо. А здесь – тьфу! Срамота. Одно слово, беззаконный народ.

Когда устроились, Эврих запустил руку в денежный кошелёк и отправился кстряпухам – промышлять обед на всех пятерых. Волкодав не стал дожидаться еды.

– Пройдусь, – коротко пояснил он женщинам. Рейтамира только робко кивнула, Сигина же, как ему показалось, посмотрела на него хитровато и проницательно. Можно подумать, Сумасшедшая опять насквозь видела все его тайные намерения. И одобряла их. Странно. Он ведь никому не говорил о следах, замеченных на дороге. А что про них говорить. Ещё окажется, что конь, оставивший след, принадлежал вовсе даже не Сенгару. Или Сенгару, но тот уже покинул погост. Всяко незачем попусту болтать языком.

«Ближний» постоялый двор очень напоминал «Дальний», а с ним и все остальные, сколько их Волкодав в разное время видел в Нарлаке. Как раз когда он миновал ворота, в конюшне звонко заржала лошадь. Голос так напомнил Серка, оставшегося скучать в Беловодье, что ёкнуло сердце. Венн мысленно кивнул головой. Конь был здесь. Значит, и хозяин должен отыскаться поблизости. Он пересёк двор, поднялся на крылечко и отвёл рукой сетчатую занавеску, призванную не допускать мух.

После залитого ярким солнцем двора в общей комнате ему показалось темновато, впрочем, глаза быстро освоились. Самая обычная комната. С камином в дальней стене. Нехорошо так думать об очаге, но Волкодав полагал камин дурацким устройством, ненасытно пожиравшим дрова. Такие служат не для тепла, только для любования пламенем. Ну там, разогреть или приготовить жаркое прямо на глазах у привередливого постояльца... Ещё здесь были запахи, какие всегда витают в подобных местах ранним днём, пока не собрались гости. Это вечером воздух здесь станет таким, что станет возможно макать в него, точно в душистый острый соус, лепёшку. Покамест пахло пивом, разлитым где-то в углу да так и не вытертым нерадивым работником, с кухни веяло мылом, которым намывали котлы, и вчерашним жиром, сгоревшим на сковороде.

По мнению венна, сидеть здесь, в четырёх стенах, в душевной полутьме, стал бы только тот, кому почему-либо опротивел свежий солнечный полдень, праздновавший снаружи. Таких действительно набралось всего три человека. Двое явно были местные уроженцы, давно и прочно забывшие об иных радостях, кроме выпивки. Они сидели друг против друга в конце

длинного стола, вяло двигая туда-сюда по скоблёным доскам шербатые глиняные кружки, и наливались слабеньким (судя по запаху) яблочным вином, вполголоса переговариваясь. Третий...

– Чем позволишь услужить тебе, доблестный венн? – спросил из-за стойки хозяин. Волкодав несколько удивился, подумав, так ли часто забирались сюда его соплеменники, чтобы этот нарлак наловчился их узнавать. Но вслух спрашивать, конечно, не стал. Гостиные двory, они на то и гостиные, чтобы останавливались в них самые разные люди. Мало ли, вдруг когда и встретился венн...

Хозяину между тем вошедший совсем не понравился. И вовсе не потому, что впёрся в дом босиком, а на плече у него сидела, озираясь по сторонам, крупная летучая мышь. Да пусть его хоть жабу за пазухой таскает, если охота. Дело было в другом. Рослый, жилистый парень, где-то заработавший полголовы седых волос, ох и напоминал молчаливого пса, уверенно бегущего по свежему следу. Перебитый нос, хищные глаза и меч, висящий за спиной явно не красоты для... явился... ловец беглых рабов, наёмный убийца или ещё что похуже?... Ну зачем приводят Боги таких людей в тихий, приличный дом, пользующийся заслуженной славой? Хватит уже и одного, который...

Венн между тем полностью оправдал хозяйские ожидания. Он подошёл к стойке и положил на неё руки, и хозяин увидел у него на запястьях широкие рубцы, какие бывают только от кандалов. Летучая мышь тут же соскочила на стойку и прожорливо потянулась к блюду с солёными ржаными сухариками, прикрытыми от мух вышитым полотенцем. Венн сгрёб лакомку и водворил на плечо. Голос у него оказался низкий и сипловатый:

– Спасибо, почтенный, да не погаснет Священный Огонь в твоём очаге. Я здесь мимоходом и не ради угощения. Я хотел бы только увидеть одного человека, который, как мне кажется, у тебя остановился.

Хозяин тоскливо подумал, а не пора ли истошно звать здоровенных работников, весело болтавших на кухне с молодымистряпухами. Человека он, видите ли, разыскивает. Ясное дело, зачем. И дела ему нету, что вступившего под кров хранит древняя Правда. Хозяин погибни, а гостя в доме обидеть не дай, иначе останется самому в землю зарыться... Потом нарлак посмотрел на венна ещё раз и решил, что, пока дело не дошло до самой последней крайности, работников звать не стоит. Ой не стоит.

– Если ты, – сказал он, прокашлявшись, – разыскиваешь юношу своего племени, так его здесь уже нет. Он уехал шесть дней назад, и куда он подался, про то я не ведаю. Может быть, Гарнал Пегая Грива сумеет тебе рассказать о нём лучше меня? Твой соплеменник купил у него лошадь. Он...

Венн покачал головой. Потом усмехнулся. Переднего зуба у него не хватало, так что усмешка вышла весьма неприятная.

– Нет, почтенный. Насколько я вижу, мой человек пьёт пиво вон там, в дальнем углу. Я ещё не совсем уверен, он это или нет. Но если он, ты не думай худого. Тебе не придётся защищать своего гостя. Под твоим кровом я с ним только поговорю.

Позже Волкодав станет жестоко корить себя: и почему не расспросил хозяина о соплеменнике?... Нарлак, в свою очередь, даже обрадовался, выяснив наконец намерения посетителя. Парень, которого имел в виду венн, жил у него вот уже третий день, очень неохотно расплачивался и всё время пил в мрачном одиночестве, даже не высовываясь на улицу. Если хозяин двора ещё не разучился понимать в людях, крепкий малый оказался на жизненном распутье и мучительно решал, как же теперь быть.

Вот пускай этот венн и помогает ему разобраться. Только пускай для начала выйдут вон со двора.

Волкодав тем временем уже подходил к угловому столу, где заливал неведомое хозяину (а ему – вполне известное) горе огромного роста молодой воин с пышным ворохом чёрных кудрей, давно позабывших о гребешке. При бедре у парня висел длинный меч.

Привычка телохранителя, отметил про себя венн.

Да и на Канаона в самом деле похож...

– Ты ли Сенгар, воин из свиты благородного Альпина? – сказал он человеку, которому, по его нерушиму убеждению, следовало бы отрубить сперва ноги, потом руки, а после и голову. И всё побросать на дно нужника.

Нарлак вскинул голову. То ли он ещё не успел достаточно выпить, то ли хмель вообще с трудом его брал – во всяком случае, он был почти совсем трезв.

– А ты кто таков, меченая рожа, чтобы я тебе отвечал? – рявкнул он раздражённо, и венн понял, что не ошибся.

Он ответил ровным голосом:

– Если ты не Сенгар, мне дела до тебя нет.

– Да какое у тебя ко мне может быть дело, ты!... – побагровел Сенгар и полез из-за стола. На воре шапка горит, говорили в таких случаях венны. Мыш воинственно подобрался на плече и кровожадно зашипел. Однако его хозяин оставался спокоен, даже как-то устало вздохнул. Решив, что немедленного вмешательства, может быть, и не понадобится, зверёк взлетел на потолочную балку: оттуда удобнее наблюдать. Наверху густыми хлопьями лежала годовалая копоть, но Мыш разогнал её решительными взмахами крыльев, стряхнув вниз, на голову Сенгару и в его плошку с едой.

– Я, – сказал Волкодав, – хочу передать тебе привет от вышивальщика Иннори, сына купца Кавтина по прозвищу...

Нарлак не дал ему договорить, выплеснув прямо в лицо остатки вина из глиняной кружки. Венн отдёргнул голову и усмехнулся:

– Ты не только никудышный телохранитель, Сенгар, ты ещё и невежа.

Сенгар издал бессвязное рычание, в котором ярость мешалась с отчаянием и страхом. Волкодав не особенно удивился, распознав этот страх. Мысли читать он так и не выучился, но творившееся в душе беглого охранника было ему очевидно. Бросить на смерть человека, которого клялся хранить, не щадя собственной жизни!... Бывали преступления хуже, но не особенно много. Вот Сенгару и мерещилось, будто у него на лбу само собой возникло клеймо, которое в Нарлаке «возлагали» на лица осуждённым преступникам. И каждый встречный-поперечный готов если не ткнуть пальцем в это клеймо, так оглянуться и просверлить взглядом спину: «Это Сенгар! ТОТ САМЫЙ!...»

Минует время, и он поймёт, что легче было бы погибнуть в бешеных водах Ренны, чем остаться в живых и всю жизнь потом бегать от себя самого. Но пока он этого ещё не понимал. Пока ему представлялось: убрать с дороги проклятого северянина, и станет всё хорошо.

Он был опытным, хорошо натасканным воином. Он вскочил из-за стола одним быстрым движением, не отодвигая скамьи... и тотчас ударил Волкодава: сбоку ногой, чуть повыше щиколотки, особым мягким ударом, безошибочно прижимая к земле, и почти одновременно – в висок кулаком, добивая поверженного. Сделал он всё это быстро. Железный кулак уже летел к цели, слегка поворачиваясь на лету, когда Сенгар понял, что... не дотянется! Как так?... Этого не могло произойти. Но тем не менее произошло. Изумившись, он с разгону проскочил дальше вперёд... чтобы увидеть ладонь с растопыренными пальцами, грозно возникшую перед лицом. Выручила воинская наука. Сенгар успел отшатнуться и заслониться левой рукой, спасая глаза. Ему недосуг стало думать ещё и о правой, которую вроде как отвело в сторону и приподняло. Когда же он убрал левую ладонь от лица, оказалось, что венн подевался неизвестно куда.

Сенгар захотел оглядеться, но не сумел. С его пальцами что-то произошло. Они превратились в боль. Сенгар не мог вырваться, ибо это значило бы оставить в лапе у венна три своих пальца, с корнем выданные из кисти. Он не мог кричать, ибо покамест боль оставалась переносимой, а крик означал бы унижение. И ещё Сенгар не мог двигаться дальше по своей собственной воле. Только туда, куда направлял его венн.

А направлял он его к выходу на задний двор.

Хозяин молча проводил глазами своего постояльца, из гневно-красного ставшего мучительно бледным. Венн держал слово. Гостю не чинился никакой телесный ущерб. Его не убивали оружием, не гвоздили кулаками и не связывали верёвками. Они с венном об руку шагали к двери. А уж что там случится вне двора, не наша забота. Во всё встречать, чего доброго голова заболит.

Беглый телохранитель семенил на цыпочках, чтобы хоть как-то утолить боль в скрученных пальцах. Волкодав протащил своего пленника через задний двор, потом за калитку: этим путём

обыкновенно выносили помои. Мыш вылетел следом и устроился на плетне, на макушке одного из кольев, не занятого сушившимися горшками.

Если бы Иннори всё-таки умер, Волкодав ни в коем случае не стал бы заговаривать с Сенгаром и тем безвозвратно лишать себя удовольствия утопить его в нужнике. Да. Вот уж что он проделал бы не моргнув глазом. И пусть бы говорили про него кому что охота, в том числе Мать Кендарат. Однако маленький вышивальщик, пусть и не без вмешательства Богов, но ведь выжил. И Эврех – лекарскому искусству которого Волкодав верил безоговорочно – клялся белизной Небесной Горы, будто не позволит ему даже остаться калеккой. Ну там, будет немного хромать, великая важность для мастерового!... И малыш любил Сенгара. Как старшего брата. Взхлёб рассказывал о нём своим спасителям, и чистые глаза прямо светились... (Видел бы он своего героя сейчас!...)

...Тогда-то, слушая Иннори, Волкодав впервые подумал о том, что уже убил одного человека, которого любил этот чужой ему мальчик. Он удивился собственному мягкосердечию – вот уж нечасто с ним такое бывало! – но скрепя сердце решил про себя: поймав Сенгара, не станет его убивать. Нет, не станет. Просто позвонки ему сосчитает. Так, чтобы год пролежал. И до конца дней своих не забыл...

А вот теперь ему и бить Сенгара расхотелось.

Он выпустил пальцы нарлака и сильно пихнул его ногой в бок, отшвырнув на несколько шагов прочь. Тот, падая, чуть не снёс ненадёжный плетень. Забренчали горшки, Мыш взмахнул крыльями и оскорблённо плюнул в невежу. Сенгар же, поднимаясь, сразу схватился за больную руку – и с несказанным удивлением обнаружил, что пальцы были целы и слушались.

– Эту куртку Иннори тебе расшивал? – угрюмо спросил Волкодав. Вместо ответа Сенгар выхватил меч, прыжком бросаясь вперёд. Венн, впрочем, ожидал, что он именно так и поступит. Меч со свистом рассёк пустой воздух: его уже не было там, куда пришёлся удар. Проворный Сенгар заметил движение и направил опускавшийся меч вдогонку, по низкой дуге. Он хотел достать противника по ногам и непременно сделал бы это, останься тот на прежнем месте. Но не получилось. Волкодав уже держал его за шиворот и за вооружённую руку и тяжело одолевал искушение всадить локоть между лопаток, переламывая хребет. Он всё же не поддавался соблазну. Странно скособочась, Сенгар обежал венна кругом и улетел в ту же сторону, с которой напал. Да на лету ещё кувырнулся через голову, чудом не потеряв меч. Места для падения ему не хватило. Со стоном колыхнулся, принимая удар тяжёлого тела, провисший плетень, свалился наземь горшок. Мыш возмущённо закричал и, не вынеся безобразия, снялся с облюбованного места, перебираясь на засыхающую рябину.

– Ты глупец, – сказал Сенгару Волкодав. – Зачем ты полез в реку, если вода уже поднималась? Понадеялся на своего жеребца?... А какой конь у мальчика, ты подумал?...

Сенгару его слова были хуже соли на раны. Волкодав посмотрел на него и убедился, что стал для могучего нарлака едва ли не воплощением случившегося несчастья. Сенгар окончательно понял, что шкуру-то спас, но вернуться к той жизни, какая прежде была, уже не сумеет. Тем более что мальчишка, оказывается, не погиб и убедительного вранья никак не получится...

Теперь – только в бега...

А прежде ещё хорошо бы отрубить длинноволосую башку проклятому венну, неизвестно откуда явившемуся загонять в угол и без того намозоленную душонку...

Вряд ли Сенгар внятно думал об этом. Он вообще не привык копать в себе и своих поступках, доискиваясь причин. Что сделано, то сделано; пролитого всё равно не поднимешь, так нечего и гадать, как бы всё получилось, если бы да кабы. Сенгар просто вскочил и снова ринулся на Волкодава, замахиваясь мечом. Так, как будто стоило истребить его – и время вернётся.

На сей раз венн скользнул вперёд с другой стороны, прихватывая рукоять меча и Сенгарову правую кисть. Дальше... Что было дальше, беглый охранник так никогда и не смог впоследствии уразуметь. Его меч вдруг обрёл собственную волю и, продолжая чертить сверкающую дугу, мало не резанул своего хозяина по коленям. Сенгар испуганно стиснул обвитый ремешками черен, пытаясь остановить, удержать... попробовал бы ещё хватать ветер. И рад уцепиться, да не за что. А венн сделал ещё движение, причём сделал спокойно и очень легко, без зубовного скрежета и натуги, – и Сенгар ахнул, отчаянно выгнувшись, силясь что-то предпринять руками, неловко заломленными над плечом, и с ужасом осознавая, что совершенно беспомощен. Пальцы и те разжимались сами собой, не в силах ничего удержать. Оставалось одно: быстренько упасть наземь и откатиться в сторонку, спасаясь от собственного клинка,

вздумавшего переменить владельца. Сенгар так и поступил. Вернее сказать, попытался. Ибо, упав, немедля увидел над своим лицом блестящий кончик меча. Волкодав держал его, как копьё, опирая плоской стороной о ладонь. Между прочим, нарлакские мечи, в отличие от веннских, делались остроконечными. Любо-дорого приколоть поверженного врага. Сенгар издал невнятный звук и застыл, отлично понимая, что спасения нет.

– Ну?... Бей! – выговорил он затем. И сочно выругался, догадавшись, что сумасшедший венн с самого начала мог совершить над ним всё, что только хотел. Зачем издевался?...

– Ещё пачкаться!... – хмыкнул Волкодав. – А теперь слушай, ты, посрамление своего рода. За то, что останешься жить, скажи спасибо Иннори. Он любит тебя и думает – ты герой. Уезжай прямо сейчас. Назовись другим именем, ублюдок, и не возвращайся в эту страну.

Он немного убрал меч, и Сенгар, приподнимаясь на колени, начал открывать рот. Волкодаву неохота было выслушивать ни оправданий, ни новых ругательств. И он добавил негромко, бесцветным будничным голосом:

– А слово скажешь, язык выдерну.

Рот у Сенгара захлопнулся сам собой. Поднявшись, нарлак стащил перевязь с ножами (здесь любили богатые перевязи, носимые через плечо) и молча швырнул её наземь, ибо видел, что венн отнюдь не собирался возвращать отобранный меч. Повернулся – и пошёл обратно в калитку. Спина у него была деревянная.

А может,
подумалось Волкодаву
, вовсе и не стоило прогонять? Может, надо было к Иннори его отвести, и пусть бы снова стерёг? То-то мальчик обрадовался бы... И Сенгар, зная свой грех, вернее всякого пса начал бы охранять?... Но кто поручится, что не наоборот?...

Ответа не было.

Когда восстанет род на род,
За преступление отмщая,
Попомнят люди чёрный год
И внукам кротость завещают.

Коль чести нет, пусть лютый страж -
Надёжный страх – прочистит разум!
И потому обычай наш -
Платить за всё. Сполна. И сразу!

...Но всё ж противится душа
И жалость гасит гнев наследный...
Убить легко. А воскрешать -
Сей светлый дар нам свыше не дан...

Окончен бой. Свершилась месть...
Но как на деле, не для виду,
Черту под прошлое подвести,
Забыв про древнюю обиду?

Как станешь ты смотреть в глаза
И жить забор в забор с соседом,
Над кем всего лишь день назад
Хмельную праздновал победу?

Чтоб не тянулась эта нить,
Сплетаясь в саваны для гроба,
Быть может, лучше всё простить?
И не отмщать? И жить без злобы?...

...Попробуй это докажи
Тому, чей сын уже не встанет!
А те, кого оставил жить,
Тебя же вздёрнут на аркане...

6. Перегрызенный кнут

В Четырёх Дубах путешественникам пришлось задержаться на несколько дней. Эврих, умница, вызвался посетить конисова наместника.

– Если Иннори в самом деле приближённый великого господина, – рассудил аррант, – уж верно, наместник рад будет помочь ему со всем возможным удобством добраться в Кондар!

Его усилия увенчались полным успехом. Наместник даже явился с небольшой свитой на постоянный двор – лично удостовериться в правдивости услышанного. Волкодав, скромно державшийся в сторонке (как подобает слуге и телохранителю), решил про себя, что в погосте, наверное, слишком давно совсем ничего не происходило. Ни воровства, ни поножовщины, ни, сохрани Боги, нападений разбойников. И даже знатный вельможа, объезжавший границу, миновал Четыре Дуба стороной. Что поделаешь, если со времени Последней войны ежегодный Обезд Границ совершался по другой стороне реки. То есть почти никаких хлопот, но зато и развлечений не густо. Иначе, пожалуй, сорвался бы самый важный в селении человек самолично проверять бредни чужеземного странствующего учёного!

Наместник был невысокий пожилой мужчина с необыкновенно пышной седеющей бородой и яркими зеленовато-карими пронизательными глазами.

– Почтенный господин Рино!... – обрадовался ему мальчик. К некоторому удивлению Волкодава, наместник только всплеснул руками и поспешил к юному вышивальщику. Слуги тотчас подставили скамеечку, и господин Рино сел рядом с ложем. Венн посмотрел на них, немного послушал разговор и понял, что удивлялся зря. Что ж тут странного, если наместник знал мальчика из свиты большого вельможи. Тем более раз государь Альпин мальчика этого выделял и ценил. Ну, а в том, что Рино отнёсся к нему, как к собственному внуку, и вовсе ничего удивительного не было. Волкодав знал Иннори всего седмицу, и то успел полюбить...

– У меня есть три голубя, знающих путь на голубятню государя кониса, – глядя слабую руку мальчишки, говорил между тем наместник. – Я кормлю их на тот случай, если вдруг у нас произойдёт нечто необыкновенное. Я сегодня же напишу письмо и выпущу самого проворного голубя. У него белый хвост и на крыльях белые перья. Не позже как завтра госпожа Гельвина и твой брат будут знать, что волноваться не следует, но хорошо бы поскорее приехать. Твой брат Кавтин снарядит повозку и скоро появится здесь, а ты тем временем ещё немного окрепнешь, чтобы госпожа Гельвина поменьше плакала, когда увидит тебя... Я велю перенести тебя ко мне в дом. Там тебе будет лучше, чем здесь.

– Тут мои друзья, господин Рино, – воспротивился было Иннори. – Я так люблю их. Они заботятся обо мне...

– Они никуда не уедут и станут каждый день к тебе приходить, – ответил наместник. И улыбнулся: – Ты лучше меня пожалей. Твой брат, а про государя Альпина я и вовсе не говорю... они же голову мне, старому, оторвут, как узнают, что я оставил тебя лежать в гостинном дворе!

Волкодаву в Нарлаке не нравилось никогда. По правде говоря, ему вообще мало где нравилось, кроме родных лесов. Но из всех незаконных и неправедных краёв, куда заносила его судьба, Нарлак был едва ли не наихудшим. В Кондаре, правда, венн ещё не бывал, но город, выстроенный из камня, уже по одной этой причине любви не заслуживал. Не дело жить человеку, взгромоздив у себя над головой камни. Волкодав прекрасно помнил, как залечивал раны в крепости Стража Северных Врат страны Велимор. Ночи не проходило без страшных снов: он вновь видел себя в каторжных подземельях. А что снилось людям, которые годами ложились спать под каменным кровом?... Жутко даже представить!

А ещё нарлаки, по мнению венна, совершенно не умели готовить еду. Здесь почти не знали ни ухи, ни щей, ни похлёбки. Стряпали одно жаркое, а то вовсе клали сыр или мясо на хлеб – и называли подобное непотребство «обедом». А чтобы принял живот, запивали чем Боги пошлют. Люди побогаче – лёгким яблочным вином, простой народ – всего чаще пивом. Нарлакского горького пива Волкодав, кстати, терпеть не мог. Да и хлеб в здешних местах печь совсем разучились. В жар сажали как пышки, а вынимали как крышки. Нутром своим напоминавшие глину с опилками. Сущее оскорбление. Пока тёплые, ещё как-то сжуёшь, остынут – хоть гвозди заколачивай. Бестолковый народ. Другое дело, Волкодава, несколько лет тому назад почтившего за великое лакомство сырых крыс, дурной едой напугать было трудно. Ешь, что дают тебе, да поблагодарить не забудь.

Дня через четыре после того, как наместник отослал голубя, Сумасшедшая Сигина разыскала Волкодава на крыльчке и с таинственным видом позвала его в дом. Ему, по правде говоря, идти не хотелось. Местная детвора почему-то облюбовала «Дальний» двор для своих игр, и, сколько ни гоняли её, собиралась здесь едва ли не третье поколение подряд. Ребяшня играла в дорожки. Для этого в пыли вывели очень сложную запутанную линию со множеством пересечений и крутых поворотов. Мальчик, расчертивший двор, слыл самым умным в погосте. Теперь и он и все остальные в очередь носились по «дорожке», мелькая босыми пятками из-под рубашонок, а остальные мерно хлопали в ладоши и хором считали:

– Двадцать пять! Двадцать шесть! Двадцать семь!...

Требовалось завершить путь как можно скорее и притом ни разу не ошибиться. Людская молва гласила, будто из лучших игроков получались справные воины. Воинами хотели быть все, даже некоторые девчонки. Волкодав и сам когда-то пребывал в убеждении: что за мужчина, если не защитник, не воин!... Потом пообтёрся в жизни, начал кое-что понимать...

Мышь задорно метался туда и сюда, полагая себя равноправным участником детской забавы. В самый первый раз ребяташки изумлённо разинули щербатые рты, когда в их игру встряла чёрная крылатая тварь. Минуло несколько дней, и они стали обращать на Мыша не больше внимания, чем на двух щенков, бегавших по «дорожкам» следом за своими маленькими хозяевами. К тому же, в отличие от щенков, он не усаживался чесаться или ловить блох прямо посреди начертанных линий. И, уж конечно, не имел скверной привычки задира лапку в самых неподходящих местах...

– Сынок, поди-ка сюда! – окликнула Сигина. Волкодав поднялся, поправляя за спиной Солнечный Пламень. Он не оставлял меча в комнате: постоянный двор в чужой стране, да ещё такой, как Нарлак, – не то место, где прорываться забывчивости. Мышь остался безобразничать во дворе, Волкодав же пошёл в дом, продолжая думать о детях и о том, как, бывало, играли и носились они с братьями и сестрёнками. А ведь все были детьми, подумалось ему вдруг.

Добрými и смешными детьми. Все. И даже сегванский кунс Винитарий, впоследствии прозванный Людоедом. И мало кто рос уж совсем без любви. Как же получается, что...

Он шагнул через порог и сразу забыл всё, о чём силился размышлять. Ибо ноздрей его коснулся благодатный запах, учуять который в Нарлаке было не проще, чем аромат цветущего сада где-нибудь на северных островах, среди вечного льда. Пахло щами.

Сигина указала рукой за стол, и Волкодав ошалело сел на скамью. Сумасшедшая скрылась за занавесью, перегораживавшей кухонную дверь, и скоро вернулась с хлебом и большой дымящейся миской. Только тут Волкодав удостоверился, что нюх его не подвёл.

– Соскучился? – улыбнулась Сигина, торжественно ставя миску на стол. Хлёбово белело сметаной, сверху густо плавала пряная зелень.

– А ты, госпожа?... – только и смог спросить Волкодав. Он не привык угощаться каким-нибудь лакомством в одиночестве, но Эврих, насколько ему было известно, варварскую кухню не жаловал. Сигина же... он так и не уяснил для себя, какое племя она называла родным. А спрашивать казалось невежливым.

– Ты ешь, ешь, – отмахнулась она. Села напротив и стала смотреть на него, подперев ладонью мягкую щеку. Волкодав чуть не вздрогнул, ему стало не по себе. Так на него до сих пор смотрела только мать.
Так она могла бы выглядеть, если бы дожила до сего дня... Мама...

Сигина спугнула наваждение:

– Да ты отведай! Вдруг ещё не понравится.

Волкодав отведал. Щи были сварены не очень умело, но старательно и любовно. Кроме капусты, умудрившейся сохранно долежать до нового лета, венн распознал молодую крапиву, шавель и вообще почти всё, что успело вырасти на здешних огородах. А также кругом. Волкодав ощутил, как возрадовался желудок. Он зачерпнул ещё, взял хлеба и, прожевав, благодарно проговорил:

– Здесь не варят подобного, госпожа. Откуда ты узнала, что любит вкушать мой народ?...

Сигина ласково улыбнулась и, с видимым удовольствием глядя, как он ест, пояснила:

– Мои сыновья не могут вернуться ко мне насовсем, пока они врозь. Но это не значит, что они совсем не навещают меня. Иногда они приходят в мой дом... думают, глупенькие, будто я их не узнаю. Один из них побывал у меня дней за десять прежде тебя. В тот раз он был венном. Он-то и рассказал мне, как готовится похлёбка из капусты и трав, которую вы называете щами.

Уж не тот ли венн, которого видели в Четырёх Дубах!

– отметил себе Волкодав.

Коли уж Сумасшедшая посчитала его за своего сына, парень, верно, не из самых дурных. Знать бы ещё, чего ради он в одиночку таскается по чужедальной стране. Надо будет спросить, не разобрала ли, какого он рода. Хотя откуда ей... а впрочем, ведь распознала же во мне Серого Пса...

Волкодав посмотрел в опустевшую миску. Подметать еду так жадно и поспешно не считалось приличным. Другое дело, щи, как любая очень добрая еда, словно бы провалились мимо нутра, не причинив тяжести, лишь навевая тёплую благодать в животе. Выхлебал и не заметил, когда ложка по дну заскребла. Венн хотел извиниться, но Сигина, как любая хозяйка, только радовалась мгновенно исчезнувшему угощению.

– Я тебе ещё принесу! – поднимаясь, сказала она. – Я много сварила. Целый горшок.

Он тоже проворно поднялся:

– Не годится тебе ходить за мной, госпожа...

Ей бы дом,

подумал он неожиданно.

Свой дом, настоящий. Уютный и тёплый, не ту мерзкую развалюху. И настоящих, не выдуманных сыновей. Любимых чад... работников, заступников...

Сигина улыбнулась:

– Мои сыновья однажды разыщут друг друга и возвратятся ко мне. Тогда мы выстроим дом и станем в нём жить. Знаешь ли ты, какая радость для матери – смотреть на сыновей, собравшихся за столом?... Эта радость меня ещё ждёт... а пока дай угостить тебя, как я привыкла.

Она взяла миску и вновь удалилась на кухню, а прежде того потрепала венна по волосам. Он остался сидеть, онемело чувствуя на себе её руку. Краем уха он слушал, как возилась во дворе ребятня. Он заметил, что дети на некоторое время притихли, словно увидев незнакомых людей, потом возобновили игру. Ему смутно подумалось, уж не Кавтин ли приехал?...

И так же смутно он решил, что навряд ли.

А хотя бы Кавтин!...

Сказанное и сделанное Сигиной было гораздо значительнее Канаонова братца. И вообще всего, что могло происходить снаружи.

Сумасшедшая отчего-то застряла на кухне. Волкодав почувствовал себя вовсе неловко и решил пойти посмотреть, но тут занавеска откинулась, и он увидел Сигину. Дюжий бородатый мужик крепко держал её перед собой, приставив к шее женщины нож.

Волкодав одним движением вылетел из-за стола, перепрыгнув скамью...

– А ну, стой смирно! – рявкнул мужчина. Тогда-то, со второго взгляда и по голосу, венн признал его. Это был предводитель данщиков, обиравших приречную деревушку во славу какого-то Сонмора.

Делать нечего, Волкодав застыл, смиряя злую дрожь тела, изготовившегося для боя.

Вот что бывает, если сыновья шляются неведомо где,

подумал он с отвращением. Когда требовалось, он бывал быстр. Стой Сонмором человек на три шага ближе, он уже катался бы по полу, утратив нож вместе с рукой. Но разбойник был опытен и расчётлив. Волкодав знал, что не успеет до него дотянуться. То есть, конечно, дотянется и убьёт, но кабы тот прежде не чиркнул ножом... Даже в смертной судороге: и этого хватит...

– Ты за меня не бойся, сынок, – неожиданно сказала Сигина. – Не слушай его, он меня не убьёт. Мои сыновья не позволят.

– Ты-то помолчи, клуша! – встряхнул её предводитель. Волкодав не двинулся с места. Он услышал, как к нему осторожно подошли сзади, и разбойник злорадно оскалился: – Давайте-ка, свяжите его!

Между тем в общей комнате появились ещё люди: их было уже не четверо, как в деревне, а никак не меньше десятка, и все с оружием. Несколько местных и заезжих мужчин, сидевших за столами и стоявших у стойки, при виде беспорядка двинулись было с места. Блеск отточенного железа мигом их вразумил. Остался сидеть на своём месте старый горшечник, вёзший в Кондар небьющиеся кувшины и звонкие чаши из белоснежной глины, водившейся в одном-единственном месте, близ его дома. Мрачно замерли сыновья старика. И даже охотник, уложивший свои меха на повозку горшечника и за то взявшийся провожать его по лесам...

– Всем тихо сидеть, – ухмыляясь, приказал разбойный вожак. – Без нужды не тронем. А кто вынудит, не обессудь!

Вот потому,

думал между тем Волкодав

, я и не пустил Тилорна обратно через Врата. Да и Эвриху на самом-то деле не след бы высываться сюда... Ох, Беловодье!... Даже и меня по сторонам оглядываться отучило.

Уж что говорить про тех, кто там вырос!... Но я, я-то хорош!... На какой мякине попался...

Тут венн дал себе слово: останется жив – до конца дней своих не послушает человеколюбцев. Милосердцев всяких там. Вроде Матери Кендарат. Внял её наставлению, не схлестнулся насмерть с четверыми в деревне... и вот награда. Как бы теперь повела себя жрица? На какую ошибку ему указала бы? Вовсе не надо было обижать данщиков у реки, а обидел, так пожинай?... Волкодав свою оплошность видел разве в том, что на месте голов им не скрутил. Сейчас ещё Сенгар припожалует... Которого он тоже имел глупость носом потыкать, а потом отпустить...

Кто-то торопливо свёл его запястья и начал весьма умело опутывать прочной верёвкой, похожей на струнную тетиву.

И за то спасибо, что сразу не накинули на горло удавку.

Волкодав напряг руки, стараясь оставить себе хоть какую надежду, но возившийся с верёвкой оказался тоже не промах:

– Не балуй, ты!... – И под рёбра упёрся кончик ножа.

Эврих сидел наверху, в комнате. Он усердно писал-таки книгу обо всём увиденном в путешествии. Вот уже который день венн ожидал, чтобы ему наскучило это занятие, но арранту прилежания было не занимать. Сегодня он взялся усердно расспрашивать Рейтамиру, а та только рада была говорить. Стоя дурак дураком со связанными руками, Волкодав подумал об этих двоих, не зная, чего пожелать. Чтобы они выглянули в общую комнату? Или чтобы просидели в неведении, пока всё не закончится и разбойники не уйдут?...

Ноги они ему связать не додумались, и Волкодав всё поглядывал на вожака. Однако тот, не в пример самому венну, бдительности не терял. И ножа от горла Сумасшедшей Сигины не отводил.

– Пойду гляну наверху, – сказал один из разбойников, рослый усатый парень. Предводитель кивнул. Волкодав проводил взглядом двоих, ушедших по винтовой лесенке, и на душе потемнело. Их комната была самой первой по коридору (и оттого самой дешёвой). А с Эвриха велика ли защита?...

Между тем на нём расстегнули ремень с ножами, и алчные руки немедленно обнажили клинок. Грабители зацокали языками, любуясь сплетениями неповторимых солнц, бегущими от кончика до рукояти. Волкодав видел, какое искушение немедленно одолело главаря. Ему смерть захотелось самому испробовать меч, отобрав его у подручного (подручного, кстати, был тот молодой стрелок, охотник на кур). Но и Сигину было боязно выпускать, притом что двое с луками держали венна на прицеле... Знать, чуял нутром, что Волкодав и со связанными руками мог натворить дел... И нацеленными стрелами навряд ли смутился бы...

– Слышь, Тигилл, – обращаясь к предводителю, сказал вдруг пожилой седоусый разбойник. – Больно непростой меч у парня. Смотри... Не нарваться бы...

Волкодав сразу спросил себя, на кого они опасались нарваться. На знатного витязя? Воскресшего Жадобу? Или на кого-то ещё?... Молодой стрелок осторожно попробовал лезвие ногтем, восхищённо воздел порезанный палец, схватился за рукоять уже двумя руками – и с силой рубанул по столешнице. Солнечный Пламень, вряд ли обрадованный таким с собой обращением, яростно сверкнул в отсветах каминных углей. Вычертил свистящую дугу, глубоко вошёл в вязкий падуб... и насмерть застрял. Стрелок начал дёргать и раскачивать его, стремясь высвободить из разрубленной столешницы. Ничего не получалось: Божья Ладонь держала крепко. Вырваться из бессовестных рук и уязвить оскорбителя меч, к сожалению, не умел. Но что мог, то мог.

Отчаянно бранясь, стрелок пытался выдернуть упрямое лезвие, остальные хохотали, глядя на его усилия. Кто-то посоветовал загнать в трещину клинья. Другой предложил сходить за пилой. Не до веселья было одному предводителю.

– Ты! – косясь на дверь, вновь окликнул он того, что связывал Волкодава. – Давай!

Венн напряжённо ждал, что его сейчас пырнут в спину (ощутить близящийся удар и кувыркот броситься через стол, ногой снося Тигиллу полчерепа – ибо всё равно нечего будет терять...), но разбойник обошёл его кругом, хищно усмехнулся – и одним движением раскрыл на нём рубашку от шеи до пояса. Тогда Волкодав заметил у одного из Сонморовых людей в руках свёрнутый кнут и догадался, что именно было у них на уме. Главарь не забыл происшествия в деревушке. Он чувствовал себя униженным. И собирался причинить своему обидчику ответное унижение.

– Если заорёшь, – кривясь в усмешке, сказал он Волкодаву, – мигом старухе глотку перехвачу. Волкодав ничего ему не ответил. Этого человека, появившись только такая возможность, он собирался убить. А посему и разговаривать с ним...

Тигилл был, кажется, не рад, что сам пожелал вывести Сигину. И меч не случилось первым попробовать, и кнутом поиграть... Он безошибочно видел, что пленника держал лишь нож у женского горла. И поди передай старуху подельникам. Какое передавать! Дрогни палец – и пожалеть о том не успеешь. К скамье привязать венна? Только удовольствие портить...

Волкодав прислушивался, что делалось наверху. Там всё было тихо.

Крепкий молодой парень, у которого с запястья свисал кнут, был одет в потёртую чёрную безрукавку. Ни один нарлакский мужчина не показывался на люди иначе как в безрукавке, носимой, согласно обычаю, в память о кочевом прошлом народа. Для стариков и почтенных мужей их кроили из цельных, без разреза, овчин, молодёжь в возрасте деяний носила кожаные, притом на голое тело. Наверное, затем, чтобы все могли видеть красивые мускулистые руки и

широкую грудь, твёрдую, как две ясеневые доски. Кнут шевелился на полу толстой змей, но в глазах парня решимости не было. Он выглядел не дураком подрасться, помахать кулаками и даже ножом, но спускать шкуру со связанного... тут особый дар нужен, не каждого Тёмные Боги им наделяют. В деревне Волкодав этого молодца не видал.

– Заснул, Данкел? – рявкнул предводитель. – А ну, объясни ему наконец, кто такой Сонмор! Пусть поскачет!

Парень нахмурился и с видимой неохотой начал отводить руку назад, но седоусый придержал его за плечо:

– Постой...

Он пристально глядел в Волкодава.

– Что тебе ещё, Морни!... – рассвирепел главарь. – Знакомца признал?...

Всё катилось не по задуманному. Он-то мыслил быстренько проскользнуть на постоянный двор – обобратить и избить не в меру наглого венна, а заодно дерзко позлить наместника Рино – и так же быстро удрать, а там ищи ветра в поле. Неожиданные препоны были совсем ни к чему.

– Посмотри на него, Тигилл, – внимательно хмурясь, проговорил Морни. – Клеймо видишь? Три зубца в круге? Помнишь ты, что это такое? Самоцветные горы!...

Теперь уже все уставились на Волкодава, и он знал, о чём они думали. В Самоцветные горы попадали не только безвинно, по злой прихоти случая, подобно ему самому. Сколько матёрых душегубов горько проклинали судьбу, пронёсшую их мимо топора и петли! Ибо на рудник продавали – были бы телом выносливы да сильны! – отъявленных воров и убийц со всего света. Ибо какой же правитель станет казнить пойманного злодея, если на нём можно нажиться?... Ну и откуда было знать Тигиллу и остальным, кто стоял перед ними? С клеймом каторжника и великолепным мечом, за который весь этот гостиный двор можно было купить на корню?... А вдруг великий вор, перед коим сам Сонмор шапку станет ломать?... Мало ли кого в своё время за хорошее подношение выпустили из неволи!...

– Умный ты, Морни, – впервые подав голос, проворчал Волкодав. Наверху по-прежнему было тихо. Он даже начал надеяться, что ещё можно разрешить дело миром...

...И за эту надежду был немедля наказан. Мало, видно, жизнь его вразумляла: рассчитывай на худшее, тогда, может, шкуру на плечах и удержишь!... Если повезёт, конечно...

Не повезло. Тигилл оказался из тех, кому, если что втемяшится, на пути лучше не становись. Чтобы проклятый венн вдругорядь вынудил перед собой отступить?... Нет уж.

– Данкел!... – громыхнул он и плотнее притиснул к шее Сигины острое лезвие. Они и так потратили времени гораздо больше, чем предполагалось. Давно уже скакали бы прочь на резвых конях, бросив венна дёргаться на полу запоротым до полусмерти... Так его и растак – приходилось возиться. А кто виной? Свои молодцы.

Данкел пошевелил кнутом, тугая кожаная змея свернулась и развернулась. Парень неохотно встретился с Волкодавом глазами... И вдруг бросил кнут, покраснев, как девчонка, перед которой пьяный мужик скинул штаны.

– Сам пори! – зло сказал он Тигиллу. – Драться я двоих таких не боюсь. А связанного не буду!

Предводитель открыл рот, бешено багровея, и Волкодав опять ожил глупой надеждой: сейчас, чего доброго, позабудут о нём и возьмутся грызться друг с дружкой... Нет, судьба не судила. Кудрявый охотник на кур гибко нагнулся, подхватил кнут и немедля шархнул им Волкодава. Гранёный конец понёсся в лицо... Таким, если по дереву, – щепки в стороны. Три-четыре удара, и конец человеку. Венн угадал намерение разбойника за полмига до того, как стала подниматься рука, извернулся и приник на колено, оберегая лицо, подставляя спину и плечи... ухищрение, известное опытным каторжникам. Он знал, как мысленно обратить своё тело в неуязвимую воду, мог погасить рукой головню и скатиться по лестнице, избежав синяков... Не помогло! Удар, почти промахнувшийся и настигший его далеко не в полную силу, разбудил слишком страшную память. Эта память разом смыла и воинские и все иные умения: от боли прекратилось дыхание и в глазах полыхнули багровые звёзды, кожу на левой лопатке прожгло почти до кости, он почувствовал, как потекла кровь...

Где-то рядом разверзлась пещера, поплыл дымный чад факелов, заматались под потолком крылатые тени... Душа с воем корчилась на липких камнях и умирала, съёживаясь в

кровавый комок, уже не зная ни гордости, ни непокорства – совсем ничего, кроме бессловесного ужаса зверя, мучимого ни за что ни про что...

Миг спустя морок развеялся. Волкодав заново обрёл разум и слух и увидел, что скрученный ужасом зверь всё же сделал то, что от него требовалось. Судорога тела бросила его на шаг ближе к Тигиллу.

Разбойники со всех сторон наблюдали за ним. Наблюдали, надобно сказать, очень по-разному.

– Ишь крепок!... – сказал кто-то. – Молчит!

– Сейчас запоёт, – сквозь зубы пообещал стрелок. Кнут свистнул и обрушился снова, но наваждение, изгнанное вернувшимся разумом, не повторилось, и теперь Волкодава заботило только одно: не разгадали бы его хитрость да не загнали пинком на прежнее место. А кнут, вычертивший по телу ещё одну глубокую кровавую полосу, можно и потерпеть... Было б ради чего...

Он видел, как с каждым новым ударом вздрагивала Сигина, как слёзы текли по добрым щекам. Он видел: Сонморовы люди, державшие его на прицеле, ослабили тетивы, так что стрелы устались отточенными головками в пол. Волкодаву оставалось полшага до незримой границы, переступив которую, он взялся бы достать Тигилла, не повредив при этом Сигине... Данкел вдруг перехватил руку с кнутом.

– Хватит!

Волкодав поднял голову.

– Сами говорили, он вам кровь не пускал! – поддержал приятеля Морни. – Хватит, Тигилл!

– Заткнись!... – рявкнул тот. Кудрявый сбросил руку Данкела, в охотку готовя новый удар...

Только вот нанести этот удар ему не было суждено. Ибо на выручку Волкодаву подоспел неожиданный спаситель.

Лохматая чёрная молния беззвучно ворвалась в узенькое окно, мелькнула в воздухе и с налёту ударила стрелка в глаз!... Тот едва успел заметить яростную зубастую пасть, внезапно выросшую перед лицом. Мышу некогда было вспоминать страшное и бояться кнута. На сгибе каждого крыла у него рос твёрдый загнутый коготь: зверёк ловко цеплялся ими, лазая туда и сюда, а при нужде использовал как оружие. Мог страбастать неосторожную птицу, а человеку – вышибить глаз. Не целиться больше стрелку, прижмуривая левое око!

Нутряное чутьё вмиг сказала кудрявому: это навсегда. Этого не залечишь. Он уронил кнут, вскинул руки к лицу... и завизжал почти по-девичьи тонко, так, что на заднем дворе откликнулись гуси. Все невольно повернулись к нему. Кроме Волкодава. Венн, уже сбитый ударами на колени, взвился прямо с пола, точно спущенная пружина. Предельное усилие духа, порождающее дела, о которых потом долго рассказывают. Тигилл ещё смотрел на залитую кровью щеку своего любимца-стрелка, от изумления как бы даже забыв про нож в кулаке... Ноги прыгнувшего венна разом хлестнули вперёд и оплели его руку, ломая сустав. Могли бы сразу скрутить голову, но руку было важнее. Нож взлетел из ладони, перевернулся и вошёл в потолочную балку. Два тела вместе рухнули на пол, и у Тигилла хрустнули кости: Волкодав, падая, воткнул ему в грудь оба колена.

Он не успел ни о чём предупредить Сигину и был почти уверен, что напуганная женщина сейчас бросится его обнимать, попробует распутать верёвки или сделает ещё какую-нибудь глупость. К его немалому удивлению, Сумасшедшая проявила недюжинную смекалку. Когда поблизости начинают мелькать стрелы, кулаки и ножи, лучший совет далёкому от драк человеку – падай и прячься. Сигина так и поступила. Ни дать ни взять поняла, что своими заботами только помешает ему. Избавившись от Тигилла, она опустила на четвереньки и вмиг юркнула под стол, справедливо надеясь на заступу Божьей Ладони.

Очнуться от неожиданности и испуга налётчики не успели. Первым сорвался с места охотник – и прыгнул, как кот, на спину разбойнику, державшему в руках лук. Они свалились вдвоём, перевернув стол. Сыновья горшечника, дюжие, румяные молодцы, привыкшие размешивать глину, разом взмахнули пудовыми кулаками. Из-за занавески выглянула полнотелая молодая стряпуха и плеснула кому-то на штаны полный черпак кипятка...

Мыш, покружившись под потолком, осторожно пристроился на черенке Тигилова ножа.

Оттуда оказалось необыкновенно удобно наблюдать за сражением, и зверёк задорно кричал, вертась во все стороны и взмахивая крыльями, светящиеся глаза так и сверкали.

Опамятовавшись, разбойники дали отпор. Волкодав сшиб кого-то с ног и прыгнул к расколтому столу, в котором всё ещё торчал Солнечный Пламень. Широкоплечий Данкел упирался коленом в половинку доски, стараясь выгащить меч. Меч издевался над ним, упрямо не поддаваясь. Данкел обернулся встретить венна, и босая ступня Волкодава накрыла его лицо. Данкела унесло прочь: взлетели сбитые скамейки, от удара тяжёлого тела о стену скрипнули брёвна, а с потолка густо посыпалась копоть. Не теряя времени даром, Волкодав лёг спиной на столешницу, нащупал торчавший клинок и мигом освободил себе руки. Позже он вспомнит, как Солнечный Пламень резал шерстинку, плывущую по воде, и задумается, почему же так вышло, что вместе с верёвкой он не отсёк себе нескольких пальцев и даже не оцарапался... И поблагодарит меч.

Однако пока ему было не до того. Волкодав схватил рукоять и приготовился выдирать клинок из вязкого дерева, но чуть не потерял равновесие: меч попросту вывалился наружу, оставшись в ладони. Венн кровожадно огляделся вокруг. Старый горшечник помогал подняться Сигине. Охотник вязал руки кому-то, извивавшемуся на полу. Окривевший стрелок бродил согнувшись и прижимал руки к лицу. Он наткнулся на столы и скамейки, но вряд ли что замечал. Младший сын горшечника подскочил было к нему... презрительно махнул рукой и поспешил на помощь старшему брату, сосредоточенно тузившему рослого малого с широким туповатым лицом. Тот никак не мог выгащить из чехла топорик и отбивался луком с перерезанной тетивой. Тигилл лежал неподвижно. Морни взваливал на плечо оглушённого Данкела. Он заметил зверское лицо Волкодава и посмотрел на него едва ли не умоляюще. Он понимал, что венн достанет их самое большее вторым прыжком. И благословен будет Священный Огонь, если он зарубит их сразу...

В это время сыновья горшечника сообща заломили своему противнику руки за спину. Подхватив за портки, могучие парни слегка нагнули верзилу вперёд – и с размаху ринули его в дверь. Он кувырком вылетел вон, унося с собой давно не стиранную пёструю занавесь. Сквозь открывшийся проём Волкодав увидел нескольких всадников, скакавших рысцой через двор. У переднего разметались по плечам густые чёрные кудри. Рядом с лошадьё, держась за стремя, бежал умный мальчик, лучше всех рисовавший «дорожки». Он что-то говорил всаднику и указывал рукой вперёд, на дом, внутри которого уже затихало сражение.

Кавтин!

– сообразил Волкодав.

– Беги в заднюю дверь! – зарычал он на Морни. Тот живо вскинул себе на спину слабо стонущего Данкела и на тяжело подгибавшихся ногах устремился в дальний угол, где ждал спасительный выход. Волкодаву некогда было высматривать, что будет с ними дальше. Он достиг винтовой лестницы и взлетел по ней, прыгая через четыре ступеньки. Дверь комнаты была приоткрыта и со скрипом ходила туда-сюда, колеблемая сквозняком... У Волкодава потемнело в глазах, а из горла вырвалось нечто, мало напоминавшее человеческое восклицание. Удар ноги едва не снёс дверь с петель: распахнувшись, она с треском врезалась в стену, отскочила и заходила ходуном, жалобно дребезжа... Венн уже стоял посреди комнаты, держа меч наготове.

На полу валялись сорванные занавеси: не так давно здесь происходила борьба. Волкодав сразу увидел и Эвриха, и Рейтамиру. И обоих Сонморовых молодцов, что ходили «посмотреть наверху».

Один из них лежал под окном, связанный по рукам и ногам. Рейтамира, смертельно бледная от пережитого страха, стояла над ним, упирая ему между лопаток Эврихово короткое копьёцо. Кто кого больше боялся, она или связанный, оставалось только гадать. На стене висели в ножнах оба меча: Сенгаров и Эвриха, но ими то ли не сообразили, то ли не успели воспользоваться. Сам учёный стоял на коленях посреди пола, угодив по обыкновению голым коленом прямо в лужицу разлитых чернил. При виде ворвавшегося Волкодава он вскинул голову, и тот увидел, что скулы у арранта были зелёные. Поодаль валялся нож. Эврих держал второго разбойника, прижатого к половицам приёмом «воткнутое весло». Сколько ни учил Волкодав книгочея, этот приём ему ещё плохо давался. А вот поди ж ты, пришло время – выручил. Одна беда, аррант никак не мог решиться убрать руки с локтя и запястья распластанной жертвы. Ибо не знал, что дальше делать с этим захватом. И потому оставался сам прикован к поверженному. Тот ёрзал,

глухо урча, и время от времени пытался вывернуться. Ничего не получалось. Рванувшись, пленник всякий раз взывал и стучался лбом в пол. Но попыток не прекращал. – Варвар, брат мой, во имя... – тряским голосом и чуть не со слезами начал аррант. При этом он на миг утратил бдительность. Сонморов человек тотчас приподнял плечо, ловко перекатился, рука нацелилась подхватить нож, который он всё это время видел, но дотянуться не мог. Рейтамира ахнула и неумело замахнулась копьём. Волкодав шагнул вперёд, пригвоздив ногой пальцы разбойника, уже коснувшиеся рукояти, и безжалостным пинком сломал ему локоть. Парень страшно закричал и выгнулся на полу, заскрёб пятками, словно пытаясь уползти от боли в руке, по-прежнему пригвождённой.

Эврих уже собирал раскиданные пергаментные листы. Одни были порваны, другие залило чернилами.

– Сыновья меринов и блудниц!... – ругался он по-аррантски. – Безграмотные скоты, не ведающие истинных ценностей!... Мои записи!...

Волкодав молча смотрел на него. По груди каплями стекал пот пополам с кровью, венн тяжело дышал.

Живой,

думалось ему.

Живой. Ну, давай, ещё разок назови меня варваром. Я не обижусь. Потому что ты живой.

Ну, давай, съязви, скажи какую-нибудь пакость... Чтобы я знал, что у тебя вправду всё хорошо...

Нагнувшись, он выдернул из ближайшей занавеси крепкий шнур и быстро связал корчившегося разбойника. Тот даже не пытался сопротивляться. Он был куда как грозен и уверен в себе, покуда воевал против овец. Теперь было видно, что парню исполнилось хорошо если двадцать, по мальчишескому лицу катились слёзы. Скидок на юность Волкодав не понимал никогда. Напакостил – отвечай.

Эврих снова поднял голову.

– Во имя наковальни, рухнувшей наземь и прищемившей... Кто мог так бесчеловечно... – ахнул он, разглядев наконец, в каком виде был венн. – Друг мой...

– Ну вот... – усмехнулся Волкодав. Губы сводило, говорил он с трудом, хотелось щериться и рычать. – А то всё варваром...

Эврих хотел вскочить, но от долгого стояния на твёрдом полу колени совсем затекли – аррант охнул и едва не упал, пришлось встать на четвереньки и постоять так, пока не прекратилось под кожей щекотное и мучительное колотье. Рейтамира набралась наконец решимости, покинула пленника, которого сторожила, и принесла лекарю его котомку.

– Ты садись, – выговорил Эврих. – Сейчас перевяжу...

Вот таковы учёные люди,
подумалось венну.

Чуть отступила беда, за что сразу схватился? За свои книжки, конечно. Всё остальное потом. Теперь вот взметался лечить, хотя сам знать не знает, что делается внизу. Может, за мной сейчас десять человек с топорами...

– Подожди ты, – сказал он Эвриху. – И так не помру... хуже бывало... Там Кавтин приехал, по моему.

Солнечный свет, вливавшийся в распахнутое окно, казался ему нестерпимо, ослепительно ярким.

Эврих проявил неожиданную твёрдость:

– Вот Кавтин пускай и подождёт. Садись, говорю!

Волкодаву внезапно расхотелось с ним спорить, он подтянул ногой скамеечку и устало сел на неё, положив меч на колени. Эврих озабоченно оглядел его, привычными движениями растирая и встряхивая ладони. Волкодав знал, что означали эти движения.

– Придушу, – пообещал он негромко. Лечить себя волшебством он даже и в Беловодье позволял одной Ниилит.

– Да ну тебя, – обиделся учёный. Но всё же, вняв предупреждению, откупорил пузатую склянку, понюхал содержимое и накапал на чистую тряпочку, сетуя вслух: – Что за варварская добродетель – пренебрегать заботой о ранах!... Я-то думал, уж это дремучее заблуждение ты давно перерос...

– На себя посмотри, умник, – буркнул в ответ Волкодав. – Когда ворон считать перестанешь? А если бы они сразу вошли?... Учишь, учишь его... Дуракам счастье...

Эврих досадливо отмахнулся. Снадобье у него было не чета тому, которым Волкодава некогда с перепугу облил халисунский лекарь Иллад. Оно запырало кровь, не превращая исцеление в пытку.

– Как всё-таки вышло, что тебя отхлестали кнутом? – уже спокойнее спросил аррант. И тут же возмутился: – Ты, варвар, что, совсем боли не чувствуешь? Ты понимаешь хоть, что у Иннори шёлка на катушках не хватит спину тебе зашивать?...

В это время дверь вновь отворилась, распахнутая резким ударом, и Волкодав – откуда только силы взялись – мгновенно взлетел на ноги, хватая Солнечный Пламень. Эврих отскочил назад, лоя пузырьёк и пытаясь должным образом закупорить его, одновременно принимая боевую стойку кан-киро. Естественно, ни того, ни другого, ни третьего толком не получилось.

На пороге стоял стройный темноволосый юноша в дорогой блестящей кольчуге. Он держал в руках длинный нарлакский меч, тёмные волосы падали на широкие плечи. Над верхней губой и вдоль челюсти курчавился юношеский пух, но сильные запястья и жёсткий, уверенный взгляд принадлежали настоящему воину.

– Здесь кричали!... – сказал он, обшаривая комнату зоркими голубыми глазами. Позади виднелись озабоченные лица ещё нескольких вооружённых людей. Слуги? Домашнее войско?...

Волкодав опустил меч и вновь сел на скамейку. Изорванная кожа на спине опять взбухла кровью. Эврих нахмурился и раскупорил пузырьёк.

– Привет тебе, благородный Кавтин, – проговорил венн негромко. Он успел решить про себя, что драться с этим человеком не станет. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Хотя тот, вполне вероятно, вскоре пожелает выяснять с ним отношения...

Кавтин между тем удостоверился, что его помощь не требовалась. Парень со сломанным локтем всхлипывал у стены, пытаясь устроить изувеченную руку как-нибудь так, чтобы боль стала терпимой. Его товарищ и вовсе не отваживался пошевелиться, чтобы Рейтамира с перепугу не проткнула копьём. Острый наконечник и так упирался ему в спину гораздо сильнее, чем требовалось. Кавтин вложил меч в ножны и позволил себе удивиться:

– Откуда ты знаешь меня, незнакомец? Прости, я не припоминаю тебя... – Повернулся к Эвриху и вежливо добавил: – Как, впрочем, и тебя, достойный аррант.

– Ты похож на своего младшего брата, Иннори, – сказал Волкодав. – И на старшего, Канаона...

– Наместник поселил Иннори у себя в доме, – торопливо вмешался Эврих. – Он много рассказывал нам о тебе. Ты уже видел его?

– Нет, там мать, – совсем по-мальчишески мотнул головой Кавтин. – Мы только подъехали, тут прибежал этот отрок и закричал, что здесь... Ну, я сразу... Значит, это вы спасли братишку на реке? – Эврих кивнул, и Кавтин улыбнулся: – Мне жаль, я подоспел слишком поздно и не смог оказать вам ответного благодеяния. Но, как бы то ни было, отныне вы – мои гости. Мой меч и моя честь поручают в том, что вы пребываете под моей защитой. О ком же мне молить Священный Огонь, благородные господа?...

– Я странствующий учёный, меня называют Собирателем Мудрости, – начал привычно излагать Эврих. – А это мой слуга и телохранитель, я зову его Зимо...

– Люди зовут меня Волкодавом, – глядя Кавтину в глаза, перебил венн.

Молодому нарлаку потребовалось некоторое время, чтобы полностью осознать смысл этих слов. Однако затем подвижное юношеское лицо словно окаменело, голубые глаза превратились в две морозные льдинки, и, если Волкодав ещё понимал что-нибудь в людях, Кавтин успел горько пожалеть о поспешно произнесённой формуле гостеприимства. Но тут уж ничего поделать было нельзя. Сказанных слов назад не берут.

Погоди!

- усмехаясь про себя, мысленно утешил его Волкодав.

Не всегда мы будем твоими гостями. Я в своё время одиннадцать лет ждал. Или за околицу выйди, там я тебе уже не гость, ведь владения тут не твои...

Юный брат Канаона ещё не выучился как следует прятать свои чувства. Он уже открывал рот – явно для того, чтобы во всеуслышание окатить Волкодава именно теми словами, что мысленно подсказывал ему венн, – но тут между вооружёнными слугами решительно протолкалась Сигина. Средний сын купца был воспитан в строгости и не счёл возможным продолжать ссору в присутствии «матери достойных мужей».

– Как хорошо ты сказал о моих сыновьях! – обрадовалась Сигина. – Достойные мужи! Это про них. Может быть, ты с ними знаком?...

– Прости, госпожа: не имел чести, – поклонился Кавтин. И добавил ледяным голосом, глядя сквозь Эвриха: – Я хочу, чтобы вы двое сегодня же предстали перед моей почтенной матерью. Мы будем ждать вас в доме наместника.

Круто повернулся и вышел, и слуги прикрыли за ним дверь.

Эврих повернулся к венну и беспомощно развёл руками. В одной руке у него была склянка, в другой – тряпочка.

– А ещё говоришь, я болтун!...

– Он всё равно дознался бы, – равнодушно сказал Волкодав.

– О чём? – удивилась Сигина, отбирая у Эвриха пузырёк.

Венн ответил по-прежнему равнодушно:

– Когда-то давно я убил его брата.

– Это плохо, – занявшись его спиной, огорчилась женщина. – Братьев никогда нельзя убивать...

Эврих достал другую тряпочку.

– Эй! – подал голос старший из пленников, тот, которого стерегла Рейтамира. – А с нами что будет?

Его сотоварищ ни о чём не спрашивал, только плакал от боли, содрогаясь всем телом.

Завтрашний день его не слишком заботил. Ибо хуже, чем сейчас, быть уже не могло. Волкодав скривил губы. Он-то знал: ещё как могло. И притом намного, намного...

– Что уставился? – спросил он пленника. И кивнул на Эвриха: – Вон твой хозяин. Он скрутил, ему и решать.

Таков был закон, соблюдавшийся, кажется, во всех известных ему странах. Пленник завозился на полу, стараясь встретиться глазами с аррантом.

– Захочет – в Самоцветные горы продаст, – с удовольствием предположил Волкодав. – А то стражникам государя кониса выдаст, пускай за разбой на кол посадят...

Сказал и почувствовал, как дёрнулась рука Эвриха, промывавшая кровавую полосу у него на плечах. Наверное, долго потом будет возмущаться жестокостями, которые только варварский ум и мог породить. Приплетёт ещё что-нибудь насчёт некоторых грубых людей, которых собственные прошлые муки сделали нечувствительными к чужому страданию. Ну и пускай его. – Ой посадят... – неожиданно подыграла Волкодаву Сигина. – Они такие. Только смотрят, как бы кого посадить...

Разбойник тоже задёргался. Не иначе, вообразил себя повисшим на окровавленном мерзком колу. Потом стиснул зубы и проскрипел:

– Сонмор с вас живьём шкуры сдерёт...

– Кто такой Сонмор? – в лоб спросил Волкодав.

– Конис правит в Кондаре днём, – был ответ. – А Сонмор – ночью! Вот кто он такой!...

Волкодав примерно это и предполагал, так что слова пленника его ничуть не смутили.

– Доберётся до нас твой Сонмор или не доберётся, – проговорил он лениво, – тебе-то разницы уже не будет. А на каторге с такими, как ты, молодыми, смазливými, знаешь что делают?... Не знаешь? Сейчас объясню...

Разбойник, видимо, и без объяснений вполне себе представлял. Он яростно рванулся, но освободиться не смог.

– Хватит! – возмутился Эврих. Он косился в окно. На постоянных дворах нередко приключались пожары, и потому окна делались широкими, как раз выбраться человеку. А чтобы эти самые окна не становились удобными лазейками для воров, хитроумные плотники придумали для них особые ставни, крепко запиравшиеся изнутри. Посередине ставня делалась маленькая отдушина, перекрытая деревянной задвижкой.

Когда ворвались грабители, Эврих что-то записывал со слов Рейтамиры, и ради солнечного света окно было распахнуто настежь.

– Вот что, – приговорил учёный. – Не нужны вы мне!... Вон окно – катитесь на все четыре стороны. Развяжи их, Рейтамира!...

Молодой женщине было страшно. Она подошла сперва к молодому, страдавшему от боли в руке. Жало копья было остро отточено с обеих сторон, и Рейтамира принялась пилить им верёвку.

– Погоди... – поднялся Волкодав. – Кошелёк свой он пускай здесь оставит... И тот второй тоже...

* * *

Пещера. Дымный чад факелов. Крылатые тени, мечущиеся под потолком...

Три десятка, не меньше, крепких рабов волокут подземным коридором деревянные салазки и на них – неподъёмную тяжесть: две блестящие металлические плиты. Если присмотреться, можно понять, что на салазках покоятся тщательно подогнанные друг к другу створки дверей, снабжённые хитроумным и очень прочным замком.

Ещё двое невольников пытаются вжаться в шершавый камень стены, чтобы не попасть под ноги тянущим поклажу рабам и тем более – под дымящиеся полозья. Один из двоих – согбенный пожилой халисунец, второй – рослый, костлявый молодой венн. Оба рады были бы совсем убраться с дороги, но не могут сдвинуться с места. Венна держит короткая цепь, приклепанная к ошейнику: ничего не боящегося и очень сильного парня по справедливости считают опасным.

На халисунце нет даже обычных для каторжника кандалов, но и без них он передвигается с немалым трудом. Вместо ступней у него обрубки, замотанные тряпьем, на правой руке не хватает двух пальцев. Сперва он не на шутку побаивался свирепого напарника, сутками не произносящего ни слова. Боязнь кончилась сразу и навсегда, когда их повели на новое место, и он приготовился было привычно ползти на карачках, и вот тут-то венн по-прежнему молча поднял его на руки и понёс...

Скрежет полозьев, крики надсмотрщиков и хлопанье длинных кнутов удаляются по коридору, растворяясь в пятнах мутного света. Калека удобнее устраивается возле стены, венн садится на корточки.

«В нижние уровни потащили, – кашляя, говорит халисунец. Серый Пёс вопросительно смотрит на него, и он усмехается: – Я тебе не рассказывал, как потерял ноги?...»

Венн отрицательно качает головой. Вытащив из-за камня недавно пойманную крысу, он принимается потрошить добычу и очищать её от шкуры, готовя роскошную трапезу.

«Два года назад мы работали там, внизу, – наблюдая за работой товарища и временами сглатывая слюну, начинает халисунец. Только разговорами он и может его отблагодарить. – Ты слышал, небось, что, чем дальше вниз, тем жилы богаче? Люди не врут, это действительно так. Я сам видел. Только вот нехорошо там, внизу. Нечисто. Думаешь небось, Подземный Огонь снизу жарит, оттого и мерещится? Как бы не так! Огради нас Лунное Небо, но, видят Боги, докопались мы до самой дыры на тот свет. Там мечи выскакивают из-под земли, вот что я тебе скажу!»

«Мечи? – сипло подаёт голос венн. Железные пальцы между тем делят ободранную тушку пополам вдоль хребта. – Что ж ты ни одного не припрятал?»

«А ты туда напросись, я посмотрю, как у тебя получится! – вскидывается халисунец. Потом, остывая, ворчит: – Нет, парень. Изумруды там и правда по пять пудов, только лучше совсем не видать их смертному человеку. Выломал я, помню, здоровый такой желвачище... и в нём кристалл драгоценный... его, говорят, Армаровы мастера целиком потом огранили... и как выломал, будто лопнуло что-то в скале. Задрожало всё, и прошла по полу трещина. Узенькая, с волосок... Не устоял я, упал – и как раз ногами на трещину и угодил. Тут-то вот и ударил снизу тот меч! Я сначала ничего не почувствовал, ан смотрю – летят прочь мои ноги, а с ними во-от такой кусок цепи!... Начисто железо перерубило! И кровяща сразу струёй. Увидел я этакое дело... цап ноги-то свои сдуру! Будто кто мне их обратно приставит... А они, ноги, по другую сторону меча, только разве ж я что соображал?... Да и меч, сколько помню, вроде прозрачный был, не то отражалось в нём, как в зеркале, разве тут что поймёшь... Ну, пальцы тоже прочь полетели, и что дальше было, я уж не помню. Ребята как-то выволокли... камешек дивный я в другом кулаке держал, ведь так и не бросил... А с потолка, куда меч врезался, я потом слышал, вода потекла. Должно быть, водяную жилу перерубило. Порядочный, говорят, забой пришлось закладывать... извёсткой замазывать... чуть потоп не случился, покуда остановили...»

Халисунец умолкает. Двое невольников деловито жуют: халисунец – остатками гнилых пеньков, венн – крепкими молодыми зубами, которых при всём старании ему никак не выбьют надсмотрщики. Сырое мясо кажется необыкновенно вкусным, жаль только, что крысы не вырастают с барана величиной. А вырастали бы – ещё кто кем бы ужинал.

«Да, – вздыхает, обсасывая косточку, халисунец. – С той поры, как я слышал, и начали ставить внизу эти двери. Ловко придумали... Потому что всякий раз, как выскочит меч, вода тут же следом. Дверь-то можно мигом захлопнуть... И уж стучи в неё с той стороны, не стучи... Так что повезло мне, парень. Ноги мои до сих пор небось там где-то валяются... А я тут... пока ещё...»

Досталось Волкодаву, конечно, далеко не так, как бывало на каторге, но всё же порядком. Вспоротую кожу действительно пришлось зашивать. В других местах вполне хватило тёмной смолы, которую Эврих извлекал костяной лопаточкой из маленького глиняного горшочка. Смола жглась, Сигина с Рейтамирой утирали глаза. Волкодав раздражённо думал, что же с ними будет, если его или Эвриха ранят уже как следует. Была охота носами хлюпать из-за пустяков!... Потом он подумал ещё и решил: а может, если что случится, как раз никаких слёз и не будет? Вот тогда-то поведут себя толково и с примерным спокойствием?... Он такое тоже видал.

– Пойду, – натягивая чистую рубашку, сказал он молодому арранту. Эврих твёрдо ответил: – Я с тобой.

– Вы куда, деточки? – спросила Сумасшедшая.

– К госпоже Гельвине, – пояснил Эврих. – К матери мальчика.

– Зря идёшь, – сказал ему Волкодав, пока спускались по лестнице. – Мало ли...

Эврих ощетинился:

– Не зря! Его братец мне... тоже, знаешь ли, не чужой...

Волкодав хотел сказать, что всё это так, но головы Эвриха Кавтин вряд ли всё же потребует, а посему незачем её и совать куда не след, да и женщин не годится бросать вовсе уж без заступы... То есть на спор и размолвку им попросту не хватило времени. Потому что они спустились вниз, в общую комнату.

Мёртвого Тигилла уже не было видно возле стены: тело вытащили во двор. Не было и раненого стрелка. Его не стали даже вязать, и он куда-то убрёл сам по себе. Позже Волкодав выяснил, что взятых в плен разбойников по здоровому размышлению отпустили. О драке с ними никто не жалел – напали, святое дело оборониться, – но творить скорый суд над Сонморовыми людьми показалось всё-таки страшновато. Хватит и Тигилла. Даже с лихвой. Одно утешение, что убил его переходящий человек, не с погоста...

...Люди в комнате стояли, сгрудившись в кружок, и что-то рассматривали на полу. Похоже, работники и постояльцы начали было поднимать опрокинутые столы и скамейки, но потом отвлеклись.

– А я тебе говорю: переест! – расслышал Волкодав уверенный голос охотника.

Младший сын горшечника запальчиво возразил:

– А вот не переест!

– На что спорим? – поинтересовался охотник.

– Не смей спорить, сын, – строго вмешался горшечник. – Это порок!

Откуда-то снизу, из-под ног, возмущённо заверещал Мыш, обступивший народ качнулся в стороны. Волкодав решил посмотреть, что происходило, и подошёл ближе. Кто-то оглянулся на него, люди уважительно расступились. Венн посмотрел и сразу понял, что сильно поторопился, решив, будто его мохнатый приятель совсем позабыл про каторгу и удар кнута, разорвавший крыло. Зверёк отлично всё помнил. Он сидел на полу, вцепившись когтями лапками в кнутовище, и сосредоточенно отгрызал от него толстый плетёный ремень. Смех и разговоры людей злили его. Время от времени он поднимал голову и сердито кричал.

Волкодав опустил на корточки и негромко сказал по-веннски:

– Спасибо, малыш.

Маленький летун сверкнул на него светящимися глазами, кашлянул, выплёвывая попавший в горло кусок жёсткой кожи, и снова принялся за дело.

Госпожа Гельвина оказалась самой настоящей красавицей, как-то сумевшей сохранить почти девичью стать, несмотря на рождение троих сыновей. Волкодав посмотрел на неё один раз и тотчас понял, в кого все эти трое удались такими голубоглазыми. По обычаю нарлакских женщин она носила намёт, только был он не полотняным, как тот, что, «отженившись», бросила Рейтамира, а шёлковым, и позволял видеть волосы надо лбом – знак вдовства. Волосы были густыми, волнистыми, блестяще-чёрными, с широкой седой прядью над левым виском. Подобная женщина могла бы сидеть рядом с самим конисом на высоком престоле. И править с ним наравне – умело и твёрдо. Так же, как, небось, правила обширным и богатым хозяйством после гибели мужа.

Она принимала гостей в одной из больших комнат дома наместника, и Кавтин, по-прежнему при мече и в кольчуге, стоял рядом с её креслом. Волкодав с большим облегчением убедился, что Иннори в комнате не было.

– Да продлит Священный Огонь твои дни, мать достойных мужей, – поклонились венн и аррант. От Волкодава не укрылось, как чуть-чуть дрогнули её губы, когда они с Эврихом упомянули её почтенное материнство. Кавтин наверняка уже рассказал ей, что перед нею стоял убийца её старшего сына.

– Да не придётся вам горевать у погасшего очага, гости, – отозвалась Гельвина.

Нарлакская легенда гласила: давным-давно, во времена Великой Ночи, предкам народа пришлось долго скитаться по страшным обледенелым краям, и не было беды хуже, чем утрата огня. И хотя с тех пор нарлаки успели обосноваться в тёплой хлебородной стране, благословение осталось всё тем же.

– Я благодарю вас за спасение моего младшего сына, благородные чужеземцы, – продолжала Гельвина. Голос у неё был звучный и властный, но вместе с тем очень женственный. – Особенно я благодарю тебя, учёный аррант. Ты – поистине великий целитель. Мой домашний лекарь осмотрел ноги моего сына и говорит, что ты сотворил чудо. Он нашёл твоё лечение правильным и подтверждает, что бедный Иннори снова будет ходить.

– Я, право же, не достоин таких похвал, достойная госпожа, я лишь исполнил то, что велит скромный долг лекаря, – поклонился Эврих. Светловолосый аррант легко краснел, вот и теперь Волкодав отметил краем глаза малиновый румянец, проступивший у него на щеках. – И потом, госпожа, достигнутое мною лекарское умение оказалось бы бесполезно, если бы не воин,

которого ты видишь рядом со мной. Это он как-то почувствовал, что на реке случилась беда, а потом отвалил камень. Я лишь слегка помогал. Я нипочём не справился бы в одиночку. Кавтин то и дело переступал с ноги на ногу, упорно глядя в пол. Его рука лежала на рукояти меча, и пальцы были крепко стиснуты. Гельвина чуть повернула царственную голову, впервые посмотрев венну прямо в глаза. Волкодав не стал отворачиваться и выдерживал её взгляд ровно столько, сколько предписывала вежливость. Потом опустил голову.

– Верно ли мне передали, – сказала ему Гельвина, – что ты приходишь из племени веннов, что люди зовут тебя Волкодавом, и ещё, что за тобой будто бы следует летучая мышь?

– Всё так, достойная госпожа.

– Быть может, верно и то, что три года назад тебе довелось жить в Галираде и служить телохранителем молодой государыни?...

– И это так, достойная госпожа...

– Стало быть, – медленно проговорила Гельвина, – никто лучше тебя не сумеет поведать мне о том, как окончилась земная жизнь моего старшего сына, Канаона. Мне многое рассказывали... но тех людей не было рядом с ним, когда он погиб.

– Если только он помнит, – хриплым свистящим шёпотом вставил Кавтин. – Что ему наш Канаон! Разве такие убийцы помнят всех, у кого отняли жизнь?

– Придерживай язык, сын, – велела Гельвина. – Я слушаю тебя, Волкодав.

Венн заговорил не сразу. Нет, Кавтина он не боялся. Ни один на один, ни вкупе со всеми его людьми: кишка тонка. Он думал совсем о другом. Всё же Мать Кендарат оказывалась кругом права, откуда ни посмотри. Любое деяние оставляло след, способный аукнуться. Волкодаву уже доводилось смотреть в глаза человеку, чей брат пал от его руки. И рассказывать сыну, как умер отец, пригвождённый ударом его копья. Душа его давно обросла дубовой корой, но те встречи даже и на ней оставили полосы. Притом что ни о том, ни о другом убийстве он не жалел. Но вот стоять перед МАТЕРЬЮ и держать ответ, как лишил жизни её детище... Даже такое скверное и никчёмное, как Канаон...

Волкодав неторопливо шагнул вперёд и преклонил перед Гельвиной правое колено. Жест почтения: человек, стоящий на правом колене, не собирается хвататься за меч.

– Твой сын был воином, госпожа, – проговорил он глухо. – Очень хорошим воином. Немногие могли его одолеть.

Краем глаза он видел, как бешено дрогнули тёмные усы Кавтина, как напряглись и побелели пухлые губы. Парень жаждал крови, это было ясно. Наверное, он сейчас думал: «Хвалишь брата, убийца! Как будто ничтожная похвала отведёт мою месть!...» Или ещё что похуже: «Значит, Канаон был хорош, но ты его уложил? Так вот, теперь будешь драться со мной, а я давно его превзошёл...»

Молчание затягивалось. Эврих кашлянул и сказал:

– Я подтверждаю эти слова, благородная госпожа. Одно время твой сын служил Ученикам Близначев. Он проехал с ними несколько городов, где они останавливались возвещать свои истины. Почти в каждом городе начинался спор из-за веры и происходил поединок между Канаоном и местным воителем, восставшим на Близначев. Я видел, как сражался твой сын. Люди восхищались его силой и мастерством. Он был побеждён всего один раз, но его гордость не могла снести поражения. Он сложил с плеч освящённую броню и стал искать иной службы, более не считая себя достойным сражаться за Близначев.

Кавтин переминался всё заметнее: ему не стоялось на месте. Он сказал тем же хриплым, чужим голосом:

– Ты болтаешь не о том, венн. Рассказывай, как убивал моего брата! Или на тебе в самом деле столько крови, что ты уже позабыл эту смерть?

Волкодав мельком посмотрел на него...

Канаону не довелось без помех опуститься на дно и упокоиться там рыбам на радость. Грохочущая волна подхватила его и с маху швырнула о скалы. Одна нога попала в трещину, и тело нарлака повисло вниз головой, раскачиваясь и ударяясь о камень. Зрелище было жуткое. Лучезаровичи не могли оторвать глаз и только обсуждали, точно ли умер Канаон или ещё жив, и не получится ли его вытащить...

Волкодав отскочил назад и спрятался за каменным выступом. И там прижался спиной к обледенелой скале, силясь отдышаться и утирая заливавший глаза пот. Он был пока невредим, если не считать свирепой боли в потревоженных ранах и особенно в перебитой руке. Но двигаться он ещё мог, а значит, боль следовало терпеть. Да ведь и недолго осталось...

– Я сошёлся с твоим сыном в бою, госпожа, – проговорил он медленно. – Мы оба защищали тех, кому поклялись служить.

– Стало быть, – сказала Гельвина, и он различил умело скрываемую дрожь голоса, – ваши хозяева поссорились, и ты убил его по приказу своего господина. Наверное, он был болен или ранен, когда вы с ним сражались, потому что в ином случае ты не смог бы его одолеть. Я помню, каким был Канаон... Скажи, венн... Иннори... ведь ты нёс его на руках... Он говорит, ты был добр к нему... Скажи, венн, неужели ты не мог пощадить Канаона? Он ведь пощадил бы тебя, окажись сила на его стороне. Он всегда был великодушен с теми, кто оказывался слабее него...

Волкодав молчал, глядя в пол. Эврих снова выручил его, сказав:

– Я много раз видел, как бился твой сын, госпожа. Во время священных поединков он ни разу не доводил дела до пролития крови. Я свидетель: он не единожды оставлял жизнь тем, кого легко мог бы убить.

Надо было очень хорошо знать арранта, чтобы распознать, чего ему стоили эти слова. Волкодав видел, как подрагивала перепачканная чернилами кожа на его загорелой коленке. Когда венн отбил Эвриха у жрецов, на парне живого места не было от кровоподтёков. Канаон с приятелем, сольвенном Плишкой, в охотку чесали кулаки о пленного вероотступника. Иной раз поодиночке, иной раз и вдвоём.

– Мне также передавали, – сказала Гельвина, – что мой сын пытался наняться в телохранители к дочери кнеса, но ты отсоветовал его брать.

Волкодав тяжело ответил:

– Я не доверял человеку, который привёл его наниматься.

– Как легко погубить всякого, кто прямодушен и горд, – с горькой задумчивостью проговорила Гельвина. – Мой мальчик ушёл от Учеников, ибо честь воина не позволяла ему принимать деньги у тех, кого он однажды подвёл... вернее, думал, что подвёл... поскольку то поражение наверняка была простая случайность... Тебе чем-то не угодил человек, приведший его наниматься, и отказ толкнул его к недругу твоего господина. А потом началась ссора, и тебе приказали убить Канаона... Ты, наверное, даже и не думал, что у него есть мать...

Если бы возможно было вернуть время, да ещё и поторговаться с Хозяйкой Судеб, Волкодав предпочёл бы вновь оказаться на постоялом дворе, под кнутом. И пусть бы драли его сколько душе угодно, только чтобы избавиться от этого разговора. Он с дурнотной тоской подумал о том, что у Тигилла, того гляди, в Кондаре тоже същется мать. Для которой жестокий разбойник по-прежнему был добрый и весёлый малыш, никого не способный обидеть.

И которой, как и матери Канаона, невозможно будет рассказать правду о сыне...

Волкодав медленно поднялся на ноги.

– Мне никто не приказывал, благородная госпожа. Это был честный бой, и Канаон принял смерть воина. Я сожалею, что причинил тебе горе.

– Тебе не понять, – прошептала Гельвина. – Тебе не понять. У тебя никогда не отнимали детей. Твоя мать, возможно, поняла бы меня. Хотя я, право, не знаю, что за матери рожают убийц... Женщина покачала головой, и он увидел, что она еле сдерживала слёзы. Тяжёлые капли дрожали в уголках глаз: лишь гордость не давала им пролиться. Говорить, по мнению венна, было больше не о чем. Тем более что детей у него действительно не отнимали. Всего лишь родителей и младших братишек с сестрёнками, не считая прочей родни. Волкодав низко поклонился Гельвине и молча пошёл к двери.

– Я вновь подтверждаю всё сказанное моим другом, – услышал он голос Эвриха у себя за спиной. – Пусть Боги Небесной Горы навеки лишат меня лекарского дара, если мы произнесли здесь хоть слово неправды. И я тоже сожалею о твоём горе, благородная госпожа.

– Я не знаю твоей матери, венн, – не слушая арранта, тихо проговорила Гельвина. – Но ради неё я не стану желать тебе зла. Я не потребую суда над тобой, хотя ты его и заслуживаешь. Вернись к матери, если ты ещё помнишь дорогу к её дому. Я хочу, чтобы ты вернулся к ней живым и невредимым. Чтобы она вновь тебя обняла... Так, как я уже не обниму Канаона...

Она не заботилась о том, слышал ли её Волкодав, но он услышал. Он остановился у самой двери и вновь поклонился женщине – на сей раз по-веннски, достав рукой пол.

* * *

Чернила, которыми делал свои путевые записи Эврих, составил Тилорн. Однажды высохнув, они схватывались уже насмерть и более не обращали внимания ни на воду, ни даже на мыло. Это позволяло не беспокоиться о рукописях в непогоду и под дождём, но ткань, замаранную чернилами, было уже не спасти. И то, что по небрежности миновало пергамент и стекало с пера непосредственно на руки, сходило только вместе с верхним слоем кожи. Хочешь – скреби, хочешь – жди, пока отшелушится само.

Эврих отыскал в куче речной гальки лёгкий пористый камень, расколочил его, выгладил о твёрдый бок валуна и принялся сосредоточенно тереть колено, время от времени макая камешек в воду. Ни ему, ни Волкодаву не захотелось сразу возвращаться на постоянный двор, и они отправились к реке. Там их скоро отыскал Мышь, победоносно разделавшийся с кнутом. Ушастый зверёк сел на камень над краем глубокой ямы, оставленной схлынувшим наводнением, и стал смотреть в воду. В яме, прогретой солнцем, успели завестись головастики. Мышь следил за ними несътым взором охотника, но в воду не лез. Созерцание увлекло его, он возился и переступал на облюбованном камне. Плоский бульжник держался непрочно и в конце концов с плеском опрокинулся в воду. Зверёк поспешно взлетел, оскорблённо чихнул вслед шархнувшимся головастикам, и перебрался на камень поосновательнее. И оттуда, блюдя достоинство, стал коситься по сторонам и делать вид, будто съедобные обитатели ямы его несколько не интересовали. Волкодав улыбнулся, наблюдая за ним. Обсохшая галька была рыжевато-белёсой, одинаковой и неинтересной. Под водой же переливалась, как многоцветная яшма.

Учёный аррант между тем убедился, что скорее сдерёт кожу до мяса, чем избавится от глубоко въевшихся чернил. Он с сожалением отложил пористый камень и подставил солнцу колено, ставшее гладким на ощупь и очень чувствительным. Несколько дней Эврих будет как нарочно задевать им все углы и попадать под хлещущие ветки кустов.

– Ты знаешь, – задумчиво глядя на неистребимые остатки чёрных потёков, сказал он Волкодаву, – когда я был маленьким, мне только и говорили, какой я рассеянный и нерадивый. Я дружил с одним парнишкой во дворе, он учился грамоте у другого учителя. Однажды я сидел и ждал, пока его отпустят, чтобы пойти вместе играть. Он вышел, и я увидел, что у него все пальцы в чернилах. И знаешь, что я подумал?...

Волкодав открыл рот впервые с тех пор, как они вышли из дома наместника, и сказал:

– Что этот мальчишка был ещё нерадивей тебя.

Эврих довольно расхохотался:

– А вот и нет! Я подумал: вот поистине старательный ученик! Внимательный и усидчивый!... Куда мне до него!...

Волкодав опять улыбнулся. Что особо смешного было в детском воспоминании арранта, он, надо сказать, не особенно понимал. У него были совсем другие воспоминания. Но вот то, что Эврих так с ним разоткровенничался, поистине дорогого стоило. Обычно он до таких разговоров не снисходил, памятуя, что судьба навязала ему в спутники дремучего дикаря, из которого вряд ли удастся вытесать человека.

Наверное, решил про себя Волкодав, ему тоже тяжело было вспоминать Канаона...

Он услышал, как наверху, за кромкой берегового откоса, прошуршала трава, и повернулся почти одновременно с Мышом. Над обрывом появился светлоголовый отрок; Волкодав ещё раньше видел его среди приехавших с Кавтином и по вышивке на одежде определил в нём раба. Отрок сбегал вниз по тропинке и, кланяясь, подошёл. Он держал в руке лоскут берёсты: нарлаки, как и другие соседние с ними народы, использовали дармовую берёсту для каждодневных записей, которые не предполагалось хранить.

– Господин, – обратился к Эвриху раб. При этом он почему-то опасливо косился на Волкодава.

– Мой хозяин, благородный Кавтин, сын Кавтина Ста Дорог, велел разыскать тебя и передать это письмо. И ещё он велел сказать такие слова... Умоляю, не гневайтесь на меня, это не мои

слова, это слова моего хозяина, да согреет его Священный Огонь... Он велел сказать: попроси достойного арранта прочесть... ой, только не гневайтесь и не бейте меня... попроси достойного арранта прочесть веннскому ублюдку это письмо, да чтобы растолковал тупоумному варвару всё то, чего тот не поймёт...

Мальчишка сунул Эвриху свёрнутую берёсту, всхлипнул и бухнулся на колени:

– Мой благородный хозяин велел дожидаться ответа...

Эврих не стал разворачивать письмо, а просто протянул его Волкодаву. Венн порвал нитку, которой оно было завязано. Мыш сейчас же заметил у него в руках нечто несомненно интересное, вспорхнул на плечо и тоже уставился в неровно нацарапанные строчки.

Кавтин писал по-саккаремски. Он всё-таки был купеческим сыном, а первейшими путешественниками и торговцами на свете считали аррантов, мономатанцев и саккаремцев.

Потому-то любой уважающий себя купец должен был в совершенстве уметь вести торг, составлять долговые расписки и материться на каждом из этих трёх языков.

Подлый убийца моего брата, ты не можешь занимать место среди мужчин, – гласило письмо. – Ибо ты не мужчина в сердце своём. Кавтин, сын Кавтина, обращает против тебя эту хулу и говорит тебе так: если ты от кого-нибудь когда-нибудь слышал о чести, завтра на рассвете ты будешь ждать меня за околицей, там, где кондарский тракт встречается с дорогой на юг, а гостеприимство, которые я простёр над тобой, не зная, кто ты есть на самом деле, утрачивает законную силу. Если ты не придёшь, я ославлю тебя под кровом каждого дома, где мне доведётся бывать, и люди узнают, что ты именно таков, как о тебе было сказано. Ты более не сможешь произносить клятву и свидетельствовать ни о мужчине, ни о женщине. А если ты явишься, я убью тебя в поединке и велю закопать твоё тело в гальку между берегов Ренны, ибо это место не принадлежит ни воде, ни суше, и труп негодяя не осквернит ни одну из стихий.

Кавтин, брат Канаона.

Добравшись до последней строки, Волкодав передал письмо Эвриху. Тот вопросительно посмотрел на него, венн кивнул, и Эврих начал читать. На первых же словах подвижное лицо учёного так и вытянулось.

– Клянись рубахой Прекраснейшей, сгоревшей во время поспешного бегства!... – воскликнул он и резким движением поджал под себя ноги. Естественно, тут же чиркнув по мелким камешкам коленом, нежным после оттирания. –...И подолом, который Она замарала в дерьме!... – добавил он, потирая оцарапанное место.

– Ты читай, читай, – хмыкнул Волкодав. – Тебе ещё объяснять мне, что там написано.

Он мельком глянул на юного раба. Тот, видно, знал, о чём было письмо, пускай даже не до подробностей. Жалко было смотреть, как его ломало от страха. Не иначе, ждал колотушек.

– Вот это да!... – сказал наконец Эврих. Он был гораздо грамотнее Волкодава и справился с письмом быстрее него. – И ты что же?... Пойдёшь?...

– Передай своему хозяину, – сказал Волкодав отроку, – что слово «честь» по-саккаремски пишется через «ку», а не через «кай». Запомнил?

Тот не поверил своим ушам:

– А... что ему ещё передать, господин?...

Венн равнодушно пожал плечами.

– Это всё. Только это и передай.

Мальчишка-раб, кланяясь и птясь, отступил на десяток шагов, потом повернулся и убежал наверх по тропе. Эврих проводил его взглядом.

– Ты что, в самом деле... – начал он, но Волкодав вскинул ладонь, и аррант поспешно умолк.

Венн же прислушался и вскоре услышал то, чего ожидал. Звонкий хлопок затрешины и плачущий голос отрока. Волкодав так и знал, что Кавтин ожидал ответа где-то поблизости,

желая получить его как можно скорей. Мыслимое ли дело усидеть под крышей, когда речь шла о вызове на поединок!... Волкодав повернулся к учёному и проворчал:

– Сейчас сюда прибежит, голову мне отрывать.

Эврих осторожно спросил:

– Ты ведь не хочешь с ним драться?

– Не хочу, – кивнул Волкодав.

– Если я правильно понимаю, – замялся аррант, – те слова, что он обратил против тебя, суть непроносимые речи, которые ваш закон велит смывать только кровью?

– Может, и велит, – поглядывая вверх, сказал Волкодав. – Только не наш закон, а сегванский. Он шурил слезившиеся глаза, но в остальном казался совершенно спокойным, и учёный ощутил укол любопытства.

– А у вас, – спросил он, – как принято отвечать на такое?

– У нас, – проворчал Волкодав, – говорят «сам дурак».

Над кромкой откоса возник тёмный против солнца силуэт стремительно шагавшего Кавтина. Венн отлично знал, что означала его напряжённая, чуточку деревянная походка. У парня росли за плечами чёрные крылья, а перед глазами плавали клочья и сполохи, он не смотрел ни вправо, ни влево, ни под ноги. Нарлаки, как и сольвенны, нечасто уже вспоминали кровную месть. Прошли времена древней Правды, доподлинно ведавшей, кто именно в большой семье должен был принять на себя долг за гибель сородича. И с кого следовало спрашивать ответа в виновном роду. Отодвинулись в прошлое времена, когда каждый знал: не трогай соседа, не то как бы не пришлось отдуваться лучшему в твоём собственном роду! Теперь шли на поклон к государю либо наместнику – оборони, рассуди. Не просто шли – с подарочком. И боялись не справедливости, а судьи. Только в глухих углах ещё жили так, как, по мнению Волкодава, надлежало жить людям.

Он снова посмотрел на приближавшегося Кавтина. Возмечтал, значит, сам отквитаться за брата. Так возмечтал, что переступил ради отмщения даже через материнское слово. Ишь несётся, чуть дым из-под ног не валит. Ему ли, хотя бы и против родительской воли, призывать на суд какого-то варвара! Он его сам, своей рукой в землю вколотит... Между прочим, соотчичи Волкодава считали попросту неприличным идти разбираться с обидчиком в таком состоянии. Месть, полагали они, следовало вершить на трезвый рассудок... Хотя бы затем, чтобы гнев не испортил решительного удара.

Кавтин два раза чуть не подвернул ногу, спускаясь по крутой узкой тропинке. Выглядел он так, словно ему плеснули в лицо кипятку: красные и белые полосы по щекам. Он остановился, не дойдя пяти шагов до сидевшего Волкодава. Негнущейся рукой выдрал из ножен меч. Отстегнул ножны и швырнул их прочь, сильнее и дальше, чем требовалось. Приложил рукоять к левой стороне груди, потом ко лбу – и обратил подрагивающий клинок в сторону венна. Так приветствуют врага, вызывая на немедленный поединок до смерти.

– Во имя Девяти Скал, свалившихся прямо на!... – воскликнул Эврих и собрался вскочить. С верхушки нагретого солнцем валуна уже доносилось ворчание Мыша, воинственно поднявшего крылья.

Волкодав отвернулся от Кавтина и бросил камешек в воду.

– Ты!... – произнёс юный нарлак. – Вставай и дерись!...

Голос его звенел и срывался от напряжения.

– А я не хочу, – сказал Волкодав.

– Опомнись, благородный Кавтин, – начал Эврих. – Лучше послушай меня. Твоя досточтимая матушка...

Однако Кавтин уже миновал грань, когда человек ещё доступен разумному убеждению. Он не то что не стал слушать Эвриха – он его попросту не услышал. Он его вообще едва замечал.

– Тогда защищайся или умри! – выкрикнул он. Его меч из нарядной дорогой стали свистнул над головой, вычерчивая безукоризненную дугу. Не всякий купеческий сын разбирался в оружии, не говоря уж про то, чтобы уметь им владеть. Не всякий, предпочитая платить надёжной охране, упражнялся с дюжими молодцами из домашнего войска. Кавтин, вслед отцу и старшему брату, более всего доверял собственной вооружённой руке. И уже имел несколько случаев

убедиться, что не зря проливал по семи потов, оттачивая сноровку... Солнце вспыхнуло на опускавшемся лезвии, и юноша успел насладиться мгновением яростного торжества. Убийца брата был почти уже мёртв. Ничто, кроме этого, значения не имело.

...Кавтин мог бы поклясться, что венн не прикасался к нему. Он даже не встал... ну, может, чуть приподнялся... да удосужился наконец повернуть голову. Каким образом это объясняло тот ветер, который вдруг подхватил Кавтина и неудержимо повлёк его мимо?... Молодой нарлак косо пробежал несколько шагов, тщетно сиюсь вернуть равновесие: голова, плечи, руки с мечом летели непонятно куда, ноги подгибались и не поспевали. Наконец он весьма неудобно упал на левую руку, так, что удар отдался в ключице, а ладонь преболно вспахала острые камешки.

Голос венна достиг его слуха:

– Я же сказал, что не хочу с тобой драться!

– Вложи меч в ножны, Кавтин, – снова попытался воззвать к разуму учёный аррант. – Давай лучше побеседуем. Боги свидетелями: ты на многое должен...

Но к этому времени молодой нарлак поднялся на ноги, и доводы Эвриха пропали впустую. Кавтин молча рванулся к сидевшему Волкодаву, зоркий, напряжённый, готовый поймать любое его движение – и прекратить это движение навсегда. Венн хмуро смотрел, как он приближался, как летела у него из-под ног белёсая галька. На сей раз Кавтин вроде бы заметил мелькнувшие руки. Потом он увидел блестящую поверхность воды и головастика, юрко плававших в глубине. Его меч вспорол гладкую воду, открыв прозрачный ломоть, тотчас рассыпавшийся веером брызг. Кавтин ещё попробовал извернуться, но это было уже не в человеческих силах. Ну разве что ухнул в воду не головой, а спиной и плечом.

Пока он отплёвывался, ещё не успев осознать унижение и умереть от него, неодолимая сила схватила его за шиворот и одним рывком выдернула из воды на сухое. Кавтин мало что видел из-за прилипших к лицу волос, но попытался вслепую отмахнуться мечом. Вот это он сделал зря. Меч тут же вышибло из ладони, а его, едва утвердившегося на ногах, швырнуло обратно в яму с водой.

Мыш сорвался с валуна и с торжествующим криком бросился подобрать головастика, выплеснутого на камни. Возня Волкодава с нарлаком его нисколько не занимала. Зверёк отлично понимал, когда его хозяину требовалась помощь, когда не требовалась.

Во второй раз Кавтину пришлось вылезать из воды самому.

– Остыл? – поинтересовался венн. Он сильно щурился, и купеческому сыну его прищур сперва показался насмешливым. Молодой нарлак всмотрелся, стараясь отдышаться и подыскивая достойный ответ, и вдруг заметил, что у венна был просто какой-то непорядок с глазами. Солнечный свет явно мучил его. Венн же сказал тоном приказа: – Сядь!

Некоторое время Кавтин упрямо стоял, глядя на книгочея-арранта, любопытно вертевшего в руках отобранный у него меч. До сих пор Кавтин никому постороннему не позволял касаться оружия. Так велела древняя честь, и юноша держался её, хотя о воинском Посвящении ему, опоре семьи, приходилось только мечтать.

– Не тронь! – хрипло, с ненавистью сказал он арранту. У него хватило ума не броситься безрассудно. Успел понять: ничего хорошего не получится.

– Да пожалуйста, – передёрнул плечами аррант. Вытер мокрый клинок узорчатым краем рубахи (

Попробовал бы Солнечным Пламенем, новую пришлось бы шить!

– хмыкнул про себя Волкодав), сходил за ножнами, убрал в них меч и положил возле ноги.

– Сядь! – повторил венн. И Кавтин сел. Просто потому, что, начни он упорствовать, добился бы только худшего унижения. Мокрая одежда липла к телу, ветерок тянул в спину холодом. Юноша смотрел на Волкодава, однако заговорил с ним аррант.

– Как дела у Иннори? – спросил он неожиданно. И пояснил: – Я навещал его нынче рано утром, но он ещё спал.

Кавтин даже вздрогнул. Мысль о беспомощном младшем брате словно откуда-то вытянула его.

– Малыш попросил свои иголки и нитки... – с удивлением услышал он свой собственный голос.

– Я думаю, осенью он снова будет ходить, – улыбнулся аррант. – Послушай совета лекаря, Кавтин: раздобудь ему большую собаку... да... хорошо бы ты купил серого волкодава из

венских лесов. Знаешь, такого мохнатого. Иннори будет держаться за его ошейник, когда станет выбираться из дому. А пёс ни в коем случае не даст ему снова сунуться в реку. Да и скверного человека не подпустит...

– Иннори сказал матери, что хочет вышить такую собаку на полотне, – опять совсем неожиданно для себя ответил Кавтин. – Он говорил, она не дала ему захлебнуться в реке. Потом она убежала, но он хорошо запомнил, как она выглядела.

Венн покосился на учёного и как-то непонятно усмехнулся при этих словах, но Кавтин не обратил внимания, а Эврих добавил:

– Я слышал, таким псам венны доверяют детей. Это самые лучшие телохранители.

– У Иннори был телохранитель – Сенгар, – сказал Кавтин. – Его дал брату государь Альпин.

Сенгар погиб в наводнении, пытаюсь спасти малыша. Иннори говорит, какой-то человек передал вам его меч... – Глаза молодого нарлака вновь зло блеснули: – Вы, должно быть, этот меч прикарманили? Или уже успели продать?...

– Забери, если хочешь, мне он не нужен, – проворчал Волкодав.

Он был рад, что Эврих взял разговор на себя. Он-то бы в простоте душевной взял да вывалил парню всё как оно было, и пусть сам разбирается. Умный Эврих начал издали. Ещё пса купить присоветовал...

– Сенгар не погиб, – покачал золотой головой аррант. – Он бросил Иннори.

Кавтин даже приподнялся с земли:

– Тебе почём знать!...

Эврих оглянулся на Волкодава и пояснил:

– Мой друг видел его. Здесь, в Четырёх Дубах. Это мы Иннори сказали, будто меч... На самом деле мой друг задал Сенгару хорошую трёпку, отнял оружие и велел не показываться на глаза.

– Как!... – задохнулся купеческий сын. – Да я... я его... я к государю Альпину...

– Нет, – сказал Волкодав. – Сенгар теперь далеко и не вернётся, пока не выживет из ума. Пусть Иннори считает его героем. Он его любил.

Эврих тяжело вздохнул и наконец перешёл к делу:

– Иннори называл Сенгара очень похожим на Канаона.

Мгновенно побелевший Кавтин при этих словах взвился на ноги и двинулся к ним, стискивая кулаки:

– Не смей упоминать Канаона... Ты хочешь сказать, что мой брат...

– Сядь! – зарычал Волкодав. – Твоя мать уже утратила одного сына из-за того, что слишком баловала его. И чуть не утратила второго, оттого что доверила присматривать за ним чужим людям! Ещё не хватало ей тебя потерять из-за того, что сам дураком родился!

Кавтин ощутил его взгляд, как стену, которую не прошибёшь ни грудью, ни лбом. И даже мечом навряд ли разрубишь. Он медленно разжал кулаки и сел почти туда же, откуда встал. Там успело натечь с его одежды сырое пятно, но вспышка ярости помогла не чувствовать холода.

– Я хотел сказать, – невозмутимо, словно ничего не случилось, продолжал Эврих, – что мы умолчали об истинном поведении недостойного Сенгара, дабы Иннори, любивший его, не опечалился и не замкнул своё сердце против людей. Пусть Священный Огонь, что правит вами, нарлаками, даст ему прожить жизнь, не вкусив новой измены... И ещё я хотел сказать, что мы намеренно не открыли твоей матери всего, что знаем про Канаона. Сына ей всё равно не вернёшь, так пусть хоть помнит его таким, какого можно любить. Каким можно гордиться...

Кавтин открыл рот говорить... И закрыл его, не издав ни единого звука.

– Когда он подался в наёмники? – спросил Волкодав. – Лет десять назад? А домой сколько раз заезжал?... Три раза? Два?...

Вечером аррант снова побывал в доме наместника, побеседовал с лекарем, навестил Иннори. Госпожа Гельвина никогда прежде не разрешала младшему сыну вышивать при светце, опасаясь, как бы он не испортил глаза. Теперь уступила, зная, что работа способна отвлечь его даже от боли. Мальчик с торжеством показал Эвриху кусок полотна. Заточенным кусочком угля на том полотне был нарисован большой пёс. Свирепый зверь топоришил загривок и собирался броситься в бурную реку, откуда махал рукой тонущий человек. Осталось нарисовать камни и деревья на берегу. Эврих долго сидел рядом с Иннори, вспоминая, как что выглядело в том месте, где они его отыскали.

Больные ноги Иннори укрывало толстое меховое одеяло. Его семья тронется в обратный путь самое раннее через месяц, когда кости начнут подживать уже как следует и не будет опасности потревожить лубки. Эврих в последний раз провёл над ними ладонью, убедился, что лечение шло своим чередом, взъерошил мальчику волосы и притворил за собой дверь. Он не стал говорить ему, что они со спутниками собирались покинуть Четыре Дуба завтра поутру, вместе с горшечником. Ещё не хватало прощаться и объяснять, почему не пришли ни Сигина, ни Рейтамира, ни Волкодав.

Утром, когда встало солнце и постояльцы вышли наружу, их приветствовал доносившийся со стороны ворот стук молотка. Оказывается, после вчерашнего происшествия хозяина осенило замечательным названием для двора, и рукоделы-работники на радостях успели вырезать и даже раскрасить новую вывеску. Блестя подсыхающим лаком, над воротами расправляла аршинные крылья чёрная летучая мышь. Её выстрогали с большим знанием дела: чувствовалось, мастеровым было на что посмотреть, ничего не понадобилось и выдумывать. Деревянное чудище висело на рукояти кнута и, щеря клыки в палец длиной, терзало ими растрёпанный плетёный ремень. Можно было не сомневаться, что вещественное свидетельство подвига уже хранилось у хозяина в шкафчике, готовое предстать перед глазами недоверчивых и любопытных гостей. Новое название двора, выведенное нарлакскими буквами, гласило: «
перегрызенный кнут
».

На могилах стихают столетий шаги.
Здесь давно примирились бывшие враги.
Их минует горячечных дней череда:
За порогом земным остаётся вражда,
И ничтожная ревность о том, кто сильней,
Растворилась в дыму погребальных огней.
Об утраченных царствах никто не скорбит -
Там, где Вечность, не место для мелких обид.

...А наследников мчит по земле суета,
И клянутся, болезные, с пеной у рта,
На могилах клянутся в безумном бреду
До последнего вздоха продолжить вражду:
Неприятелей давних мечу и огню
Безо всякой пощады предать на корню
И в сраженьях вернуть золотые венцы...
Ибо так сыновьям завещали отцы.

7. Город Кондар

Йарра сидел на пыльном камне возле городских ворот и от нечего делать рассматривал свои руки. Руки были исцарапанные, с обломанными ногтями и довольно-таки грязные, но цвет кожи оставался ещё различим. Красновато-смуглый, как свежий, не успевший устояться загар... Вот такие руки. Ни то ни сё. Не медные, как у отца, и не золотистые, как у мамы. Серединка на половинку, не пойми что. Когда он был маленьким, его это очень печалило. «Так всегда, Йарра-

ло, – утешала мама. – Если у ребёнка родители из разных племён, Боги непременно дарят ему что-то от одного, что-то от другого. Но от обоих – только самое лучшее...»

Когда его принимались дразнить после очередной ссоры в игре, мамины слова казались ему слишком слабой бронёй, неспособной защитить от обид. Он даже начинал понимать, почему его бабушка, мать матери, так не хотела для дочери мужа из горного племени. Хотя бы этот Йаран Ящерица и приходился младшим братом Элдагу, вождю истинных итигулов с горы Четыре Орла. Йарра помнил рассказы мамы о долгом сватовстве его будущего отца. О том, как молодой итигул получал отказ за отказом и наконец прибег к последнему средству: обнажил грудь и провёл по ней три глубокие черты боевым кинжалом, омочил в крови ладонь и протянул её неуступчивой женщине, ранами подтверждая клятву любви. Тут уж суровой бабушке ничего не оставалось, как только взять руку дочери и вложить её в эту окровавленную ладонь. Йарра помнил три длинных шрама на груди у отца. Он очень гордился отцом. Иногда он пытался представить, как сам однажды полюбит, и украдкой рисовал себе глиной и мелом такие же отметины. Потом стыдливо смывал.

Смешно теперь вспомнить, как он усердно мазался ягодным соком, стараясь сделать свою кожу по-настоящему тёмной, как у отца. Держалась эта краска, понятно, до первого соприкосновения с водой. А озёр, проток и болот вокруг их деревни было столько, что ребятя из воды, можно сказать, почти и не вылезала...

Хорошо хоть, волосы у него были совершенно отцовские: пепельно-жёлтые, точно высохшая осока, торчащая зимой из-под снега. У мамы были каштановые. Зато глаза у отца были голубые. Йарре достались мамины, серые. Хоть что-то передалось в точности, не породив немыслимой смеси. Да и то... Ещё с какой стороны посмотреть. Когда он впервые осмыслил собственную внешность и поделился потрясшим его открытием с мамой, она взъерошила ему вихры и улыбнулась: «Вот и хорошо. Через много-много лет, когда нас уже не будет рядом с тобой, ты посмотришь в зеркало, маленький Йарра, и вспомнишь нас обоих».

Мальчик вздохнул и передвинулся на камне, ища удобное положение. Памятный разговор происходил вскоре после того, как они перебрались сюда из Озёрного Края. Он ведь обиделся на маму, даже расплакался от обиды. Хотя к тому времени уже примерно год считал себя настоящим мужчиной, а мужчины, как всем известно, не плачут. Но поди тут не разревись!... Ей бы похвалить сына, порадоваться, до чего он у неё наблюдательный. Так нет же.

Понадобилось заводить речь о том неизбежном, что рано или поздно обязательно случается с каждым, но чего все настолько не хотят, что притворяются, будто оно не произойдёт никогда. Ну там, с кем-то – ещё может быть, но со мной – нипочём!... Ни за что!...

В общем, тот раз он самым немужественным образом распустил сопли, и маме пришлось опять утешать его, брать свои слова назад и обещать, что если они с отцом однажды и покинут его совсем одного на земле, то произойдёт это ещё очень нескоро. Действительно через много-много лет. Когда они станут совсем-совсем старенькими и притомятся, захотят отдохнуть после девяноста девяти годов труда и забот. А он к тому времени будет взрослым и даже немолодым мужчиной. Дедом множества внуков. Великом охотником...

Знать бы ему тогда, как немыслимо скоро кончатся мамины «много-много лет». Всего-то через полгода...

Йарра снова вздохнул. Как он, дурачок, плакал от одного упоминания о страшном, оттого, что далёкому призраку беды было позволено на мгновение омрачить его безоблачные небеса. Зато теперь, когда всё случилось, он не плакал совсем. Слёзы куда-то подевались. Высохли.

Стражники, открывшие с рассветом городские ворота, лениво разговаривали, перебрасывались шутками. Пока ощущался утренний холодок, они грелись на солнце. Когда начнёт жарить как следует – спрячутся в тень. Стражники, как давно уяснил себе Йарра, были не какими-то особыми существами, а самыми обыкновенными добрыми парнями, разве что в кольчугах, с копьями и при самострелах. Они не гоняли бездомную мелюзгу, потому что мальчишки охотно бегали для них в ближайший трактир за съестным и выполняли иные мелкие, но полезные поручения. Если же через ворота проезжал кто-то с обильной поклажей и стражники открывали тюки и корзины, собирая для государя кониса необходимую пошлину, – уличные сорванцы бросались помогать завязывать и застёгивать, и стража не возражала, когда путешественники бросали ребятам грошик.

Пообтёршись в Кондаре, Йарра успел попытать счастья и у корабельных причалов, и у всех городских ворот. Истина, которую он при этом постиг, была нехитрой, как топорище. В городе

никто не был рад ему, сироте с кожей непонятного цвета. Ни один хозяин корабля не горел желанием просто так, из жалости, взять его с собой и отвезти назад в родную страну. Выяснилось, что место на корабле стоило денег. Много денег. А любую возможность хоть что-нибудь заработать пришлось бы отвоёвывать кулаками. Этого Йарра не умел. Он вообще не умел почти ничего, что требовала уличная беспризорная жизнь. Йарра оказался неспособен даже подставить ногу разносчику пирожков и был с позором и колотушками изгнан из стайки сверстников, к которой было прибился. Так он и оказался в конце концов у Восточных ворот. Народу здесь ходило немного. Когда возводили город – а построили его, если верить местным врунам, ещё до Последней войны, – предполагалось, что через эти ворота пройдёт оживлённая дорога к дружественным сольвеннам. Однако Засечный кряж за два века не сделался проходимей и к тому же вконец обезлюдел. Теперь с той стороны являлись большей частью ищущие заработка наёмники да одинокие странники. Тем и другим мало что приходилось распаковывать для досмотра.

Зато стражниками Восточных ворот через каждые два дня на третий командовал молодой старшина, казавшийся Йарре спокойным и справедливым. Мальчик даже знал, как его звали: Брагелл. Дней, когда ворота стерёг именно Брагелл, он с некоторых пор ждал как праздника. Этот старшина уже несколько раз посылал Йарру за пивом и снедью на всех своих молодцов, доверяя ему целое богатство: серебряную монету. Йарра поступал с этим богатством так, как его учили дома. В самый первый раз Брагелл пересчитал сдачу и даже поднял бровь, удивившись в несусветной честности мальчишки. Здесь полагали самым обычным делом, когда маленькие оборвыши заначивали медячок, а то и два. Йарра знал, что по крайней мере некоторые из таких же, как сам он, сирот, ошивавшихся при воротах, и вовсе исчезли бы вместе с монетой, не принеся ни сдачи, ни корзинки с едой. Брагелл ничего ему не сказал, просто отломил половину своего пирожка. И мелочь с тех пор больше не пересчитывал. А вот Йарра успел запомнить всех стражников, служивших под началом молодого старшины, и ни разу не ошибся, запоминая, что кому принести из трактира...

Лес отстоял от города на целое поприще: так тоже было заведено со времён Последней войны. На кондарцев давным-давно не нападали никакие враги, но голую пустошь, по обычаю называвшуюся «старым полем», блюли свято – расчищали каждый год, выходя всем городом, как на праздник. Из-за Змеева Следа Кондар стоял несколько на отшибе, в дальнем северном углу Нарлакской державы. Его жителям нравилось считать себя чуть-чуть особенным племенем, прямыми наследниками бесстрашных сторожей приграничья. Оттого и все праздники у них были немного воинственные, берущие начало в кровавых событиях старины. Объезд Границ, состязания конницы и боевых кораблей, расчистка «старого поля»...

Йарра рассеянно смотрел вдаль, потому что дорога оставалась безлюдной, а до того времени, когда ему вручат сребреник и отправят в трактир за покупками, было ещё далеко. Мальчишки играли в чижа, но он не пытался присоединиться, зная, что его всё равно не возьмут. Вот так и получилось, что он первым заметил повозку, показавшуюся на опушке.

Дома у Йарры почитали многих Богов, но всего более – Отца Небо. Этот Бог воистину являл Свою милость в любой стране, куда бы ни переехали жить Его дети: мальчик коротко вознёс благодарственную молитву, рассмотрев, что из лесу ехал самый настоящий торговец с полной тележкой товара. Если везут товар, значит, Брагелл будет собирать пошлину. А коли так, дело вряд ли обойдётся без развязывания и завязывания корзин!...

– Торговец!... – закричал Йарра и оглянулся на старшину. – Торговец!

Он ещё плохо говорил по-нарлакски, но это слово выучил твёрдо.

Игравшие в чижа бросили палки и тоже стали смотреть на дорогу. Они не ожидали появления повозки, и теперь им было обидно, что смуглокожий заморыш высмотрел её вперёд всех. Они знали: Брагелл навряд ли позволит отпихнуть его в сторону.

Повозкой правил крепкий седобородый старик. Сзади, среди плетёных корзин, чинно сидела пожилая женщина. Пятеро мужчин и ещё одна женщина, помоложе, шли по бокам. Брагелл приветствовал горшечника и его сыновей, как старых знакомых. Йарра сразу понял, что эти люди не впервые приезжали в Кондар, им здесь верили. Сердце у мальчишки упало: молодые стражники не стали потрошить груз на повозке, просто выслушали старика, Брагелл что-то нацарапал на вощёной досочке и принял деньги. Охотника знали хуже, заставили

показать и пересчитать шкурки, и Йарра воспрянул было духом, но и тут ему не повезло. Молодой охотник передал стражникам соболя и двух куниц и завязал свои мешки сам. Вот тебе и долгожданный торговец...

Женщин Брагелл не стал ни о чём спрашивать. Мало ли куда и по каким делам могут ехать две почтенные женщины. Мать с дочерью, если он что-нибудь понимал. Зато двое незнакомых мужчин, пришедших вместе с горшечником, удостоились самого пристального внимания. Особенно один из них, рослый и бородатый, с длинными седеющими волосами, заплетёнными в косы.

Этого человека уже окружили мальчишки. Ближе подойти они не отваживались, но вовсю указывали пальцами на большую летучую мышь, которая преспокойно сидела у него на плече, не обращая никакого внимания на солнечный свет. Там, где раньше жил Йарра, было полным-полно летучих мышей, но таких он ещё не видал. Потом он заметил на шее у незнакомца багровый след, тянувшийся вниз, на грудь, под рубаху. И ещё один такой же казался из-под края рукава, рассекая кожу до пальцев. Следы выглядели свежими. Йарра знал: такие полосы приключаются от кнута. Ему самому как-то попало на улице, когда ехали богатые всадники и он промедлил, отскакивая с дороги. Йарра отлично помнил слепящее мгновение ожога, потом жестокую, обидную боль и лихорадку под вечер. Взрослый, крепкий мужчина, понятно, ничем себя не выдавал, но Йарра догадывался, что рубцы нещадно саднили, и мысленно пожалел незнакомца. Хоть и успел повидать немало разного народа и уразумел: не всякого жалеи, меньше лиха узнаешь...

Рассматривая незнакомца, он лишь в последнюю очередь увидел то, что с первого взгляда заметил опытный Брагелл. Рукоять длинного меча, торчавшую у человека над правым плечом. Молодой старшина недовольно нахмурился. Парень выглядел законченным висельником. Про себя Брагелл считал, что подобных громил в Кондаре и так было – плюнуть некуда. Впускать в город ещё одного... Наделает дел, с кого спросят? Кто, скажут, позволил войти?...

– Я странствующий учёный родом из благословенной Аррантиады, меня называют Собирателем Мудрости, – пояснил стражнику молодой светловолосый мужчина, стоявший рядом с головорезом. – В вашем городе я собираюсь сесть на корабль и отправиться за море, на сегванские острова... А это мой слуга и телохранитель. Он из племени веннов, я зову его Волкодав.

Брагелл с облегчением кивнул, делая на пергаменте соответствующую запись. Значит, варвар-телохранитель. По мнению молодого нарлака, именно такими они и бывали. Диковатыми и неотёсанными, зато способными кого угодно в землю по уши вогнать кулаком. Потом Брагелл поднял голову и встретился с венном глазами. Тот смотрел на него, усмехаясь углом рта. Стражник даже слегка покраснел, внезапно поняв, что венн, человек явно тёртый, видел его насквозь. Со всеми его рассуждениями.

– У нас тут, – проговорил старшина, – мирный город и добрые, спокойные люди. Сами понимаете, нам лишнего беспокойства не нужно. Вы, благородные гости, можете носить свои мечи, если вам того хочется, но они должны быть завязаны. Таков приказ государя нашего кониса.

У арранта тоже имелся при себе меч, и он, наверное, им неплохо владел. Но Брагелл обращался в основном к телохранителю.

Аррант кивнул. Венн даже не пошевелился.

Один из стражников вынес два ремешка и деревянные бирки. Притянув ремешками крестовины мечей к устьицам ножен, парень ловко продел концы кожаных тесёмок в отверстия бирок и крепко стянул, а потом обрезал. Развязать «ремешки добрых намерений», не попортив бирок, сделалось невозможно. Это не Галирад, здесь людям на слово не верили. Аррант раскрыл кошелек, чтобы должным образом оплатить пересечение городских рубежей и замыкание ножен.

– Нас четверо, – пояснил он Брагеллу. – Мы с венном и женщины.

– Отличный меч носит твой телохранитель, – сказал старшина. – Должно быть, это грозный боец. Как вышло, что его исполосовали кнутом?

Лучший способ избежать ненужных расспросов – обратить всё дело в шутку. Эврих весело ответил:

– Не говори, что грозен, встретишь грозней. Ведь так, Волкодав?

Венн пожал плечами и промолчал.

В полдень на смену Брагеллу пришёл со своими людьми другой старшина. Всё как всегда. Сейчас Брагелл и ребята отправятся по домам, а Йарра, прокравшись переулками мало не через весь город, издали будет смотреть, как молодой нарлак стучит в знакомую калитку, потом входит во двор и скрывается из виду. Иногда Брагелла встречала жена, но чаще выбегал сын – мальчишка помладше Йарры. Жена обнимала Брагелла и, не дожидаясь, пока муж умоется, целовала в запялённую щеку, сынишка повисал на ногах, цепляясь за отцовскую штанину. Обоих неизменно сопровождали два больших пса халисунской породы, белые, с густой длинной шерстью, свисавшей толстыми грязноватыми шнурами чуть не до самой земли. Йарра где-то слышал, будто от таких псов было без толку отбиваться даже дубинкой: пышные шубы гасили любой удар. Йарра никогда не подходил близко к воротам, но не из-за собак. Может быть, жизнь ещё доведёт его уже до полного безразличия, и он не вздрогнет, если его станут обзывать попрошайкой. Но пока ещё ему было не всё равно. Он только думал, что верные псы, должно быть, каждый день ели досыта. По целой миске каши да ещё по косточке, на которой добрая молодая хозяйка оставляла мяса полакомиться... Племя его отца растило совсем особенных собак, которые водились только у них на Заоблачном кряже. Йарра никогда не бывал на горе Четыре Орла и не видел этих псов, именуемых «утавегу». Только знал, что они тоже были белыми. Похожими на этих халисунцев?... Или не похожими?...

Горшечник порекомендовал Эвриху постоянный двор «Нардарский лаур», названный так по серебряной монете маленького, но крепкого и богатого южного государства. По словам старика, этот двор помещался не в самом богатом квартале, но и не где-нибудь на задворках, – недорогое, чистое, приличное место и честный хозяин: не стыдно поселиться путешествующим женщинам. Волкодав шёл рядом с повозкой, которой уверенно правил горшечник. Венн поглядывал вокруг без особого удовольствия. Он не жаловал нарлакских городов с их узкими улицами, подспудно напомиравшими ходы подземелий. Деревянный Галирад был ещё как-то терпим, но здесь!... Каменные стены, порывавшиеся сомкнуться над головой. Бульжная, заплёванная и залитая помоями мостовая: вовсе надо утратить брезгливость, чтобы ходить по ней босиком!

В одном месте старому горшечнику пришлось натянуть вожжи и надолго остановиться: дорогу перегородила процессия во славу Богов-Близнецов. Эти Боги не были самыми почитаемыми в Кондаре. Местные нарлаки по преимуществу славил Священный Огонь, но умный правитель строго запрещал своим подданным изгонять чуждые верования, доколе их приверженцы никому не чинят зла, а пользу городу творят несомненную. Вот и шагали, запрудив улицу, мастеровые, нищие, рыбаки и торговцы, собравшиеся на ежемесячный Постный День своей веры. Все в красно-зелёных накидках поверх обычной одежды, торжественные и опрятные. Злые языки поговаривали, будто шествия и пение гимнов помогали им в этот день забыть просьбы желудка и объятия жён.

– О! – сказала Сумасшедшая Сигина и не по возрасту проворно соскочила с телеги. – Сколько народу!... Должно быть, эти люди видели моих сыновей!...

Эврих не успел удержать её: женщина подхватила подол и устремила к идущим.

– Вы не видели моих сыновей? – спрашивала она, одного за другим лова добрых кондарцев за рукава и полы накидок. – Они, наверное, где-нибудь здесь!... Вы их не встречали?...

Безумная бабка мешала людям петь и возноситься духом, размышляя о Близнецах. Одни просто выдёргивали у неё рукава, другие отталкивали. Волкодаву тошно стало на это смотреть, и он отвёл женщину прочь:

– Твои сыновья ждут тебя где-то в другом месте, почтенная. Пойдём лучше с нами.

...С тем другим старшиной явилось к Восточным воротам двое всадников, оба при гербах государя кониса, вышитых на кафтанах. Брагелл передал им кошель с собранными пошлинами и дощечку, пояснявшую, с кого и за что. Вот он дружески поздоровался со сменщиком, передавая ему охрану ворот... Йарра приготовился проводить его взглядом, а потом незаметно пуститься следом по улице... Брагелл неожиданно оглянулся на него и поманил пальцем: – Эй, малый, поди-ка сюда!

Йарра нерешительно подошёл, заранее страшась, не заметил ли стражник его прогулок к своему дому да не счёл ли он их непростительной наглостью. Мальчик чуть не шарахнулся, когда сильная ладонь легла на тощее плечо под рваной рубашкой. Однако Брагелл совсем не собирался ругать его. Наоборот, он спросил:

– Тебе, малый, не надоело жить возле ворот? Хочешь, отведу в одно место, где тебя и к делу приставят, и брюхо к спине липнуть больше не будет?

Сам Йарра ещё очень плохо говорил по-нарлакски, но когда говорили другие – почти всё понимал. Какое-то мгновение он смотрел на стражника в молчаливой растерянности, пытаясь понять, следует ли принимать невероятно щедрое предложение. Или всё же лучше не связываться: мало ли, вдруг оплошаешь... вдруг что-то случится?...

Сомнения ещё одолевали, однако Йарра уже кивнул головой. Он знал, что чудеса хоть и изредка, но случались. Этак раз в сто лет. А посему хватай удачу двумя руками – и будь что будет. Сиротская жизнь этой мудрости его уже обучила.

– Ну, пошли, – сказал Брагелл и зашагал по улице прочь от ворот. Давний обычай предписывал стражникам исправлять службу в кольчугах наголо и в шлемах, застёгнутых под подбородками. Чтобы, значит, готовы были тотчас сражаться, да и всякий мог видеть – не просто так люди стоят. Одна беда, головы под шлемами уставали: клёпаный металл зимой холодил, летом нагревался на солнце. Потому стражники, сменившись, первым делом расстёгивали подбородочные ремни. И так над ними подшучивали в трактирах – лысеют, мол, раньше прочих мужчин. Вот и Брагелл снял шлем и понёс в руке, как ведёрко. Внутри был виден толстый подшлемник, повлажневший от пота. Шаг у молодого старшины был широкий, Йарра попевал за ним трусцой. Но попевал.

Он так и не осмелился спросить, куда вёл его стражник. Йарра ещё не успел превратиться в подозрительного волчонка, ждущего только пакости от всякого, кто сильнее. Половина мальчишек на его месте тут же припомнила бы жуткие рассказы о торговцах рабами, готовых на любой обман, лишь бы заполучить беззащитного сироту. Йарра доверчиво шёл за человеком, которого считал своим другом. Старшина обещал помочь. Значит, поможет.

Эврих с Волкодавом возвращались в «Нардарский лаур», где оставили женщин. Они ходили к пристани узнавать насчёт кораблей, отплывающих на сегванские острова. Новости были не особенно утешительные. Как выяснилось, единственный сегванский корабль убыл накануне и нового ждали не скоро.

То есть в Кондаре придётся на некоторое время застрять.

А значит, понадобятся деньги.

Пускаясь в дорогу, они захватили с собой вполне достаточно серебра, чтобы безбедно пропутешествовать за море и обратно. Жизнь, однако, в очередной раз доказала им: всего не учёшь. Где ж было предвидеть появление Сигины и Рейтамиры! И маленького Иннори, с которым они ждали в Четырёх Дубах, пока прибудет его мать со слугами и Кавтином!... Входя во Врата, Эврих самонадеянно полагал, что примерно вот в это время они достигнут Островов и будут уже торговаться с отчаянным мореходом, согласным отвезти их на безлюдный клочок суши, который Тилорн до сих пор называл островом Спасения. Волкодав, помнится, благоразумно помалкивал, слушая рассуждения арранта. Спорить с книгочеями и жрецами было одинаково бесполезно. И потом, вдруг всё вправду сбудется так, как расписывал Эврих?... Аррант ведь до конца его и своих дней не отвяжется, будет смеяться. Однако про себя венн полагал: вряд ли путешествие пройдёт как по маслу и они сумеют вернуться домой ещё до конца лета. Чтобы судьба да упустила случай перебежать им дорожку?... Такого, по его глубокому убеждению, просто быть не могло...

– Пускай эта задержка станет нашим самым большим огорчением, – посмеиваясь, загадал Эврих. Волкодаву его смешок показался несколько деланным.

Устроив Сигину с Рейтамирой и расплатившись за комнату, они отправились на пристань кратчайшим путём, минуя торговую площадь с её диковинами и соблазнами. Известно же, как бывает, – зазеваешься, на миг опоздаешь, потом год придётся волосы рвать. Но спешить оказалось действительно некуда, и по дороге обратно спутники завернули на торг.

Как и полагается в большом приморском городе, на площади торговали всякой всячиной с самых разных концов света. Волкодав, правда, нашёл, что торг был победней галирадского, да и сама площадь поменьше. Он сказал себе: это, наверное, оттого, что сольвеннская столица для меня стала почти своей. А здесь всё чужое. Такое чужое, что даже и по сторонам смотреть неохота...

Он кривил душой. Поглазеть определённо было на что. Внимание Волкодава почти сразу привлёк негромкий мелодичный звон. Почему-то он тотчас вспомнил о бубенцах, которые венны нашивали на одежду маленьким детям. По вере его народа, весёлый звон бубенцов состоял в кровном родстве с громом небесным, а значит, за неразумным ребёнком незримо присматривал сам Бог Грозы. Опять же и родителям слышно, куда побежало дитё... Волкодав прислушался как следует и понял, что звон испускали не бубенцы, а скорее нечто вроде металлических палочек, которыми любили сопровождать свои пляски мономатанцы. Будь рядом Тилорн, он объяснил бы Волкодаву, что тот последнее время просто слишком часто думал о своём племени и о таинственном венне, которого видела сперва Сигина, а потом жители Четырёх Дубов. Думал и наполовину ждал встречи с ним здесь, в многолюдном Кондаре... Так или иначе, Волкодав решил уступить внезапному тоскливому желанию и обернулся, приглядываясь, а потом зашагал туда, откуда слышался звон. Скоро он увидел двоих жрецов, старого и молодого, стоявших возле резного деревянного изображения. Одежания у жрецов были двуцветные. Справа серая ткань отливала краснотой, слева – зеленью. У старшего жреца цвета одежания были поярче, у молодого – совсем тусклые. Он-то и звонил, ударяя маленьким молоточком в литой бронзовый знак Разделённого Круга. Начищенный знак покачивался и сиял дрожащим золотым блеском, испуская высокий и чистый звук, словно манивший куда-то, за пределы зримого мира. Что же касается резной деревянной фигуры, она изображала нищего больного, распростёртого на ложе страданий. Изображение показалось Волкодаву весьма убедительным. Должно быть, жрецы неплохо разбирались в ранах, язвах и иных немочах тела, да и нищих в Кондаре было более чем достаточно... А над больным заботливо склонялись двое юношей с прекрасными, кроткими и добрыми лицами. Они были очень похожи один на другого. Старший в красном одеянии, младший – в зелёном. Их головы и руки окружало золотое сияние. Внизу доски красовалось стихотворное пророчество, без которого редко обходились образа Близнецов:

Доколе со Старшим Младший брат разлучён,
В пустых небесах порожним пребудет трон.

Ибо всем было известно, что земная жизнь божественных Братьев завершилась очень поразному. Старший, по-воински погибший в бою, честь честью принял огненное погребение и без помехи вознёсся к Отцу, Предвечному и Нерождённому. Тело Младшего, замученного жестокими гонителями, так и не было обретоно. И вот уже который век знаменитое пророчество гнало по всему свету Учеников, дававших обет великого поиска, но до сих пор не повезло никому...

Старый жрец заметил взгляд Волкодава и шагнул ему навстречу, смиренно протягивая куколь, отстёгнутый от облачения.

– Святы Близнецы, чтимые в трёх мирах... – негромко произнёс он приветствие-благословение, принятое у его единоверцев.

– И Отец Их, Предвечный и Нерождённый, – неожиданно для себя самого ответил Волкодав. В доме его рода когда-то жил жрец Богов-Близнецов, мудрый и славный старик. Встреченный на кондарском торгу был очень мало похож на него, разве что выражением глаз. В них лучился тот же тихий свет, говоривший: этот человек никогда не будет один, хоть запри его, как Тилорна, в вонючее подземелье.

У жреца между тем поползли кверху седые кустистые брови:

– Скажи мне, добрый человек, из каких ты краёв? Ты выглядишь нездешним. Поведай же нам, сколь отдалённых земель успел достигнуть истинный Свет?...

– Мой народ живёт между вельхами и сольвеннами, на северных истоках Светыни, – сказал Волкодав. – Другие племена называют нас веннами. К нам приходили жрецы, такие, как ты. Седобородый Ученик Близнецов перешёл на довольно скверный сольвеннский:

– Скажи, добрый человек, много ли твоих единоплеменников приняло, подобно тебе, настоящую веру? Строят ли храмы?...

Волкодав медленно покачал головой. И ответил так, как не раз уже отвечал Ученикам Близнецов:

– Я молюсь своим Богам, достопочтенный. Не сердись, но мой народ не воздаёт хвалы Близнецам. Что касается сольвеннов... Три года назад я видел в Галираде ваших жрецов. Старшего звали брат Хономер, и он проповедовал перед самой государыней. Я, правда, не знаю, многие ли прислушались...

О том, каким образом ему самому довелось поучаствовать в той проповеди, распространяться, право, не стоило. Тем более что сзади к Волкодаву подошёл Эврих и остановился рядом, не без враждебности поглядывая на Учеников.

Венн между тем заметил, что его ответ не понравился старику. Он помедлил, выжидая, не назовёт ли тот его зловредным язычником, но жрец лишь склонил голову и огорчённо молчал. Волкодав же разглядел, что куколь, который тот держал в опущенной руке, оттягивало несколько монет, и спросил:

– Позволь узнать, отец, почему ты стоишь здесь, а не идёшь с шествием? Разве не для проповеди ты сюда прибыл?

Он любил слушать проповеди Учеников. Если рассказчик попадался толковый – вроде того деда, что когда-то грел кости у очага Серых Псов, – божественные Братья представляли живыми героями, мужественными, трогательными, смелыми и смешными. Какой же венн откажется послушать про таких, хоть сидя возле огня, хоть стоя в людной толпе!... У Эвриха на сей счёт было своё мнение. Венн углядел краем глаза, как скривил губы учёный аррант.

– Наша вера подобна бесценному алмазу, наделённому несметным множеством граней, – ответил седой жрец. – Каждый из нас служит Близнецам как умеет, избирая ту грань, чей свет ближе его душе. Для одних это вдохновенная проповедь, для других – шествия и молитвы, для третьих – защита утеснённой Истины посредством меча. А для нас с братом Никилой – смиренное служение страждущим. Некий торговец, живший здесь, во дни тяжкой болезни испытал просветление и завещал нам один из своих домов. В нём мы основали лечебницу для немощных...

– И теперь собираете на неё деньги? – спросил Волкодав. Смысл деревянного изображения сделался окончательно ясен.

– Да, – кивнул жрец. – В исцелении болящих мы прибегаем к молитвенному слову, но требуются и лекарства. А кроме того, всех доверившихся нам нужно кормить, менять им тюфяки, перевязывать раны... – старец вздохнул. – Всё это и заставляет нас прибегать к помощи добрых людей. Какой бы веры они ни были...

Добрый человеком Волкодав себя не считал. То есть, может, когда-то он был вовсе не злым мальчишкой, но ту детскую доброту из него выколотили уже очень давно. И весьма основательно. Тем не менее он запустил руку в кошель, извлёк полновесный сребреник и бросил его в куколь. Потом повернулся и пошёл прочь, не слушая удивлённых благословений. Что проку слушать не очень заслуженное? Да притом от имени Богов, не имеющих к твоему народу особого отношения?...

– Друг Волкодав!... – торжественно начал Эврих, когда они отошли достаточно далеко и за спинами возобновился льдистый металлический звон. – Во имя бороды Вседержителя, которую Он наполовину сжевал, наблюдая, как Прекраснейшая купалась в ручье!... Изумляешь ты меня временами, друг Волкодав!...

Венн ничего ему не ответил, понимая: что ни скажи, только дождёшься ещё худших насмешек. А Эврих продолжал:

– Думается, этих двоих ты нынче же вечером застанешь в трактире, где они славно пропьют наш с тобой сребреник...

– Если застану, головы поотрываю, – нехотя буркнул Волкодав. Подумал и добавил, вспомнив ветхость жреца: – Ну, может, не поотрываю... но деньги отберу...

Эврих накинул на локоть полу плаща и простёр перед собой руку движением оратора, держащего речь перед всей Школой знаменитого Силиона:

– Как ты думаешь, друг Волкодав, сколько Хономер платил Канаону? Или Плишке, чтобы тот разыгрывал с ним подставные бои?... А корабельщику, который возил его из города в город?... Не хочешь прикинуть, сколько лечебниц для бедных можно было бы обустроить даже на часть этих денег?...

Волкодав про себя полагал, что со старика, вышедшего с молодым сотоварищем побираться ради больных, грешно было спрашивать за чужие дела. С другой стороны, город, в котором бедняки были вынуждены гибнуть от болезней прямо на улицах, а возле ворот ждала милостыни голодная и оборванная ребятня, – такой город вообще подлежал немедленному искоренению, если только водилась в здешних Небесах хоть какая-то справедливость. В этом Волкодав был убеждён нерушимо, так, что весь Силион не смог бы отговорить. Но, опять же, не старика винить: он-то силится хоть что-то поделать...

– Ну а от меня ты чего хочешь? – угрюмо спросил он арранта. – Чтобы я вернулся и сребреник отобрал?...

– Я хотел бы, – чопорно отвечивал Эврих, – чтобы у меня тоже была возможность разбрасывать деньги направо и налево, если я того пожелаю. Почему только ты носишь наш кошелек? Я не ребёнок и не намерен всякий раз спрашивать у тебя позволения!

У них была при себе примерно половина всего серебра, принесённого из-за Врат: они ведь рассчитывали, идя на пристань, платить задаток корабельщику с Островов. И лежала эта половина в кошеле у Волкодава, ибо венн не без основания полагал, что с ним местные воришки связываться остерегутся. Как поступит просвещённый аррант, обнаружив чужую пятерню возле своей мошны? Кликнет стражу, самое большее. А варвар с рожей беглого каторжника?... Вот то-то и оно.

Волкодав полагал, что рассуждает правильно и никому не в ущерб, но выяснилось, что он в очередной раз поступал как самодур. И ему это успело порядком-таки надоест.

– На, держи! – только и сказал он, отстёгивая и передавая Эвриху кошель. Он видел, что аррант слегка растерялся. Не ожидал, наверное. А может, смекнул: деньги ведь придётся стеречь.

Волкодаву было всё равно.

Душевные сомнения Эвриха, впрочем, продолжались недолго. Зоркие зелёные глаза арранта высмотрели неподалёку торговца книгами, и он устремился в ту сторону, на ходу цепляя кошель к поясу и едва не роняя его в пыль. Волкодав подошёл следом за ним.

Торговец оказался соотечественником Эвриха и очень обрадовался ему. Он, конечно, не знал, что родились они в разных мирах, в разных Аррантиадах. Скоро они оживлённо беседовали, сравнивая между собой каких-то ископаемых философов и раскрывая посередке пухлые тома, выглядевшие так, словно их сто лет никто не читал и ещё сто лет не будет. Продавец несколько раз начинал подозрительно коситься на Волкодава, пока Эврих не пояснил ему:

– Это мой телохранитель.

Хозяин прилавка понимающе кивнул, сказал, что учёному человеку в наше время иначе никак, и перестал обращать на Волкодава внимание. Довольно долго венн терпеливо слушал их разговор, потом тоже стал рассматривать книги.

Зелхат из Чирахи,

– неожиданно разобрал он на одном затрёпанном корешке и насторожился, как охотничий пёс, почуявший дичь. Он отлично помнил рассказы Ниилит о соседе, ссыльном мудреце и великом лекаре по имени Зелхат. Того Зелхата, правда, прозывали Мельсинским. Девчонка говорила, до ссылки он жил в саккаремской столице и был учёным советником самого шада. Однако нищий зачуханный городишко, где выросла Ниилит, как раз именовался Чирахой. Волкодав рассудил про себя, что вряд ли в клопиной дыре обитало сразу два Зелхата, пишущих книги, и взял томик с прилавка. Если окажется, что это и впрямь тот самый мудрец, книжку надо будет купить. Какую бы цену за неё ни заламывали. Деньги дело наживное, их можно и заработать.

Он ведь так и не сделал Ниилит толкового подарка к свадьбе с Тилорном...

Волкодав открыл книгу. Он почему-то заранее полагал, что она окажется о лекарском деле. Какой-нибудь «Родник исцеления», о котором упоминала девчонка. Однако, к его

удивлению, полное название Зелхатова труда оказалось длинное и заковыристое. По-саккаремски венн читал довольно медленно, но всё же разобрал:

Начертание стран, земель и народов, Зелхатом Отринутым в Чирахе на закате земных дней его составленное, сиречь записанное со слов многих отважных и достославных людей, обозревших своими глазами отдалённые края подлунного мира.

Начертание стран!... Книга сулила оказаться ещё полезнее, чем он ожидал. Не просто дорогим подарком для Ниилит. Тут и самому найдётся что почитать!... Волкодав перевернул страницу и тотчас уверился, что книга не поддельная. И дело было не в переплёте из сарсана, водившегося только в саккаремских болотах. На листе красовалось одно из многих изобретений Зелхата: перечень глав с кратким обозрением каждой, да ещё с указанием, где какую искать. Венн заглянул внутрь пухлого фолианта. Так и есть! Для облегчения поиска в углах страниц виднелись чёткие цифры. Ниилит как-то рассказывала – это её учитель первым придумал такие пометки; прежде в толстых книгах торчали десятки разноцветных закладок. Любопытство подвигнуло Волкодава заглянуть в самый конец, и он преисполнился благоговения. Двести пятьдесят четыре страницы!...

Сколько мудрости надо в себе носить, чтобы воплотить её в этакий труд!... Он сразу вспомнил, что книг ничуть не меньшей толщины Зелхат написал ещё не одну. И даже не две. Венн слегка огорчился, представив, что получилось бы, вздумай он сам однажды изложить какие-то свои мысли с помощью пера и чернил. Да... Были всё же пространства, которых ему до скончания жизни не обозреть...

Мышь перелетел ему на запястье, понюхал пыльный пергамент и звонко чихнул, потом снова принялся рассматривать строчки. Он почти всегда так делал, когда хозяин брал в руки книгу. Наверное, зверёк не терял надежды, что смешные маленькие таракашки, прятаясь внутри, однажды всё-таки поползут.

Палец Волкодава заскользил по крохотным буквам оглавления. Встретив упоминание о племени веннов, он почувствовал, как стукнуло сердце. Вот это было уже что-то новенькое. За три года он выучился читать и даже писать на всех языках, которые знал (если этим языкам была свойственна письменность), и добросовестно разобрал от корки до корки несколько книг. Но волноваться над чьими-то записями?...

Волкодав торопливо нашёл в книге нужное место... И вот тут его ждало жестокое разочарование. «А ещё повествуют о так называемых веннах, живущих в непроходимой крепости лесов, – писал великий Зелхат. – Мой достойный собеседник называл их наиболее дикими и грубыми из людей. И хотя я не одобряю и не придерживаюсь убеждения, будто один народ в чём-то уступает другому, следует всё же...»

Читать дальше Волкодав не стал. Подобное чувство он испытал семь лет назад, когда вышел с каторги на свободу и впервые поднёс к глазам зеркальце, желая посмотреть на собственное лицо. Он помнил себя улыбчивым ясноглазым мальчишкой. Из серебряного кружочка на него тяжёлым, страшноватым взглядом смотрел матёрый головорез.

Как гласила веннская пословица, нечего на зеркало пенять, коли рожа кривая. Волкодав вовремя вспомнил её и поборол искушение немедленно положить книгу назад на прилавок. Он, правда, переменил мнение о её подлинности и успел решить про себя, что торопиться с покупкой не стоило: книга всё-таки была скорее всего поддельная. Кто-то воспользовался именем прославленного учёного, чтобы подороже продать собственные бредни. Ну не мог же, в самом деле, премудрый Зелхат написать подобную чушь!... Тилорн по крайней мере никогда бы себе этого не позволил, а ведь Зелхат, если верить людям, был не глупее... Нахмурившись, Волкодав вернулся к оглавлению. И спустя некоторое время вновь перестал дышать. Одиннадцатый раздел книги обещал Замечания о горах вообще и сугубо о наипаче меж прочими удивительных, именуемых Самоцветными.

Дрогнувшее сердце пошло частыми глухими толчками. Волкодав сам потом не мог толком припомнить, как искал нужную страницу, – только то, что в это мгновение он успел твёрдо решить: покупаю. Поддельную там, не поддельную. Покупаю и всё. «Этот превосходящий всякое вероятие рассказ, – гласило начало одиннадцатой главы, – перенесён мною на

долговечный пергамент со слов халисунца Синарка, проданного в подземные копи и выкупленного единоверцами из неволи...»

Дальше этих слов Волкодаву продвинуться не удалось.

– Я смотрю, – достиг его слуха весёлый голос продавца, – ты так выдрессировал своего телохранилителя, учёный собрат, что даже дикарь у тебя стал не чужд грамоты букв? Неужели эта обезьяна в самом деле умеет читать?...

Он говорил по-аррантски, на изысканном столичном диалекте, искренне убеждённый, что понять его сможет только земляк. Волкодав бережно закрыл книгу и посмотрел сперва на одного, потом на другого.

Я, значит, вам обезьяна.

Лицо у него было деревянное, ничего не выражающее.

– Книга, которую ты листаешь, друг мой, вряд ли позабавит тебя, – уже по-нарлакски обратился к нему продавец. – Она слишком учёная. Вот, лучше возьми «Отверзание врат наслаждения, или Сто двадцать два способа восхождения по ониковому столпу». Наёмники часто платят мне вкладчину, чтобы я почитал из неё вслух, и неизменно остаются довольны...

– Да прочти ему что-нибудь, друг варвар! – засмеялся Эврих. – Иначе он не поверит!

А ты на голову встань и ногами подрыгай,

мысленно ответил Волкодав, но вслух ничего не сказал.

Я тебе не диковинная зверюшка, чтобы меня за деньги показывать.

Он отыскал глазами пустое место, где среди теснящихся корешков надлежало красоваться переплёту Зелхатова труда, дотянулся и молча вставил книгу на место. Потом повернулся к лотку спиной и начал, как полагалось телохранилителью, обшаривать взглядом толпу.

– А говорить он у тебя умеет?... – снова по-аррантски весёлым шёпотом осведомился торговец. Эврих неохотно отозвался:

– Умеет...

Они начали было снова беседовать, но разговор почему-то больше не клеился. Эврих отвечал односложно, а потом и вовсе раскланялся:

– Прости, любезный, мне пора.

Они двинулись прочь. Когда книгопродавец больше не мог их видеть и слышать, Эврих повернулся к Волкодаву и придержал его за руку.

– Друг мой, ну пожалуйста, не сердись! – проговорил он просяще, стараясь перехватить его взгляд. – Хочешь, вернёмся и купим книгу, которую ты присмотрел?...

Волкодав ответил ровным голосом:

– Нет. Не хочу.

Трактир назывался «Сегванская Зубатка», и вывешенная над входной дверью деревянная голова большой рыбы с преувеличенными зубами вполне соответствовала названию. Хозяин, правда, был не сегваном, а сольвенном, и звали его Стоум. Позже Йарра узнал, что это означало «умный, как сто человек». Брагелл с трактирщиком разговаривали на родном языке Стоума, который Йарра не понимал уже совершенно. Однако мальчик чувствовал, что сразу не приглянулся хозяину. Он попробовал посмотреть на себя как бы со стороны и решил, что Стоум, конечно, был прав. Это только отцу с мамой он был хорош всяким: и в синих пупырышках после целого дня на протоках, и в синяках, и шелушащимся после солнечного ожога. Кому ещё мог понравиться немывтый оборвыш, тощий, голодный, только отвернись – сейчас что-нибудь стибрит?...

– Из уважения к нашей дружбе, Брагелл, – говорил между тем Стоум. – Только из уважения к нашей дружбе я в самом деле готов был взять мальчишку для мелких поручений. Но, право, я полагал, ты приведёшь ко мне... что-нибудь попростойнее...

– Твоя правда, он неказист, – вежливо кивал в ответ Брагелл. Его начищенная кольчуга ярко блестела на солнце, заливавшем задний двор трактира. Йарра стоял рядом с ним, держась чуть-чуть позади, и боялся лишний раз шевельнуться. Когда двое мужчин разом повернули головы и посмотрели на него, Йарра невольно съёжился, втянул голову в плечи... – Да что глядишь, Стоум, не красную девку в жёны берёшь! – засмеялся вдруг Брагелл. – Испытай парня. Если

окажется, что он не так честен, как я тебе тут расписывал, ты всегда можешь выгнать его... – Подумал и добавил: – Да и меня больше на порог не пускать.

Из кухни пахло съестным: трактир оправдывал своё название, Стоумовы стряпухи славились рыбными блюдами на весь Кондар. Сказать, что запах сводил Йарру с ума, значит ничего не сказать. Он только надеялся, что у него не слишком громко урчало в животе. Ещё не хватало, чтобы слышали!

«Зубатка» соседствовала с многочисленными мастерскими. И распахивала свои двери как раз когда ремесленному люду приходит охота подкрепиться, а сделанного с рассвета уже достаточно, чтобы со спокойной совестью дать себе передых. Пока Брагелл уламывал хозяина, а Йарра пытался следить за разговором, чего-то боясь до постыдной дрожи в коленках (чего, спрашивается? ведь хуже не будет?...), во дворе появился молодой парень, смотревший за порядком в трактире. Стражник и вышибала кивнули друг другу, хотя и без особой теплоты. Как старые знакомые, но не друзья.

Парень-охранник важно прошёлся вдоль забора, заглянул в кухонную дверь, просунулся внутрь, взял что-то и отправил в рот. Затем посторонился и шлёпнул пониже спины молодую стряпуху, выскочившую за водой. Та игриво хихикнула, ничуть не обидевшись. Наконец вышибала прислушалась к разговору хозяина со старшиной, понял, что речь шла о мальчишке, и воззрился на Йарру с высоты своего роста. Йарра тоже присмотрелся к нему, ведь это был человек, с которым, если всё пойдёт хорошо, ему предстояло делить и кров, и стол, и труды... Он сразу пожалел о насиженном камне возле ворот. И непременно попятился бы, не будь рядом Брагелла.

Во-первых, это был здоровенный верзила. И под кожей у него перекатывалось нечто вроде округлых валунков, которые море ворочает на берегу. Во-вторых, он, как многие молодые нарлаки – крепкие и не дураки подрасться, – одевался в кожаную безрукавку на голое тело. Нарочно затем, чтобы ревнивые соперники (а также, конечно, влюбчивые девчонки) могли как следует полюбоваться мощными мышцами и замысловатой татуировкой на груди и плечах. В-третьих, вышибала удосужился побывать в мастерской какого-то бронника и по дешёвке купил там ключья ржавых кольчуг. Расправил, тщательно вычистил и обшил ими свою безрукавку. То есть, по мнению Йарры, ничего страшнее уже и придумать было нельзя...

– Ладно, – сказал наконец трактирщик Стоум. И уже по-нарлакски обратился к мальчику: – Иди-ка вымойся!... Тормар! Покажешь ему?...

Тормар!... Имя у парня оказалось такое же грозное, как и внешность. Йарра затравленно оглянулся на великана, указавшего ему рукой в угол двора, где помещалась маленькая портомойня. Брагелл проводил мальчишку глазами, улыбнулся и пошёл за ворота, но Йарра этого попросту не заметил. Тормар лениво достал из колодца ведёрко воды и с размаху окатил новичка, не дожидаясь, пока тот разденется. Наверное, он считал возню с мальцом бабским делом, недостойным воина и мужчины. Йарра торопливо содрал через голову липнувшую к телу рубашку. Потом скинул штаны, оставшись в одной набедренной повязке и отчаянно боясь, как бы стряпухи опять не начали выглядывать из-за двери. Народ его отца почитал прилюдное обнажение непристойным. Йарре понадобилось усилие, чтобы не уворачиваться от нового потока воды, ударившего в лицо. Вышибала ненадолго скрылся в клетке и наконец бросил мальчику чистую сухую рубашку:

– Надевай.

Торопливо повиновавшись, Йарра вывернулся из промокшей набедренной повязки, распутал её и стал отжимать. Рубаха была, в каких бегали нарлакские мальчишки, не достигшие возраста мужества: длиной пониже колена, с короткими обтрёпанными рукавами. Штанов здешняя ребятня не носила. Оно и понятно. Народ отца жил в горах, там с малолетства лазили по кручам. Здесь не то.

Обноски, которые натянул на себя Йарра, должно быть, раньше принадлежали какому-нибудь пареньку раза в два толще него. Наверное, решил он, хозяйскому сыну, привыкшему к обильной еде. Ворот был слишком широк и всё время съезжал на плечо, Йарра замучился его поправлять. Тормар понаблюдал за его усилиями и вдруг беззлобно расхохотался. Йарра отважился улыбнуться в ответ. Ничего страшного не последовало, и он заподозрил, что, может быть, всё в самом деле ещё пойдёт хорошо... По крайней мере лучше, чем было...

Эврих с Волкодавом, оба хмурые и очень недовольные друг другом, уже направлялись назад в «Нардарский лаур», где ждали их женщины, когда с середины торговой площади донёсся ясный и чистый зов боевой трубы. Он разлетелся, кажется, по всему городу, легко заглушая гомон и гвалт. Люди непроизвольно обернулись на звук, и Волкодав в очередной раз подивился гению человека, первым придумавшего дать такой голос трубе, зовущей воинов на врага. Если перезвон жреческой бронзы уводил мысли к божественному, к неземным хрустальным вершинам, то этот серебряный клич властно проникал в сердце и ускорял его бег, выжигая всё мелкое и лишнее, даруя крылья лететь на защиту чего-то родного, светлого и хорошего... и велика ли беда, если полёт станет последним!... Волкодаву случалось видеть, как под песню трубы у самых заскорузлых наёмников, в обычной жизни неистовых похабников и выпивох, вспыхивал в глазах свет, которого вроде и заподозрить было нельзя... Ну то есть на сей раз никто никого в смертельную битву, к большому счастью, не звал. Боевая труба подавала голос с дощатого помоста, сооружённого посреди торговых рядов, и держал её обыкновенный зазывала. Вот он опустил трубу, прижал ко рту сложенные руки и стал зычно приглашать народ насладиться несравненным искусством Слепого Убийцы и его прекрасной помощницы по имени Поющий Цветок.

Эврих поспешил вперёд и начал проталкиваться поближе к помосту. Волкодаву ни на каких убийц смотреть не хотелось, но он последовал за аррантом. Не бросать же одного, в самом-то деле. Хотя Эврих изо всех сил старался встать от него подальше и вообще всячески показывал, что никакая опека ему отнюдь не нужна. Случись что, потом себе не простишь... И почему мы с ним без конца грызёмся из-за чепухи, ведь на самом-то деле кого угодно друг за друга сожрём?...

Между тем на деревянное возвышение вышла очень красивая черноволосяя девушка, одетая по-халисунски – в просторную рубашку из пёстрого шёлка и такие же шаровары. Мужская половина толпы загудела от нескрываемого восторга, а Волкодав подумал, до чего всё же здорово каждый народ умел придумывать для своих женщин одежду, наилучшим образом соответствующую их красоте. Девушка обошла небольшую площадку гибким шагом прирождённой танцовщицы, и повсюду, где она проходила, кондарцы и заезжие гости гулко хлопали по доскам ладонями, что-то выкрикивали, смеялись, бросали ей под ноги монеты. Поющий Цветок знай шествовала вперёд, наигрывая на деревянной свирели и не обращая никакого внимания на неумеренные мужские восторги. Потом вдруг выгнулась назад так, словно хребет у неё вовсе отсутствовал, и продолжила свой путь на руках. Со стороны казалось, будто ходить вниз головой для неё было едва ли не привычнее, чем на ногах. Волкодав улыбнулся, представив, как десятки зрителей вспомнили толстых неповоротливых жён, оставшихся дома. В это время в задней части помоста работники начали воздвигать широкий деревянный щит. Он мешал любоваться ловкостью девушки, и в толпе начался возмущённый ропот. Недовольные выкрики и угрозы делались всё громче. Наконец пришлось вмешаться зазывале: он объяснил, что никого не собирались обидеть, щит был необходим для выступления. Люди замолчали и полезли друг другу на головы, тесня счастливыхчиков, устроившихся спереди и по бокам.

Тут в руках у девушки словно сами собой появились два блестящих кинжала. Даже Волкодав с трудом успел разглядеть, когда это она успела извлечь их из ножен, спрятанных в складках объёмистых шаровар. Опираясь на одну ладонь, Поющий Цветок дала зрителям убедиться в отменной остроте лезвий: подкинула в воздух тонкую ленточку и рассекла её на лету. А потом пошла по помосту, всаживая свои кинжалы и крепко держась за рукояти. При этом она не выпускала изо рта свирели, двигая её губами туда и сюда и как-то умудряясь извлекать осмысленную мелодию.

– А теперь смотрите, смотрите, любезные гости!... – выкрикнул зазывала. – Такого вы больше нигде не увидите!... То, что она сейчас вам покажет, когда-то давно умели ещё две девушки, но обе они погибли, зарезавшись насмерть!...

Поющий Цветок перевернула кинжалы. Теперь они упирались в доски рукоятями: тонкие девичьи пальцы держались прямо за лезвия. Кто-то рядом с Волкодавом прошептал «Колдовство!...» и принялся осенять себя священным Знаком Огня. Венн только усмехнулся. Госпожа Кан-Кендарат некогда учила его останавливать стиснутыми ладонями удар вражеского

меча, и он знал, что колдовства тут не было и в помине. Был навык умного тела, решимость и очень много работы. Поющий Цветок не спеша пересекла помост, прыжком встала на ноги и улыбнулась впервые за всё представление... Народ взорвался восторженным криком. По доскам градом застучали монеты. Волкодав не очень удивился, заметив между ними крупный золотой местной чеканки. Он и сам протянул руку к поясу, но вовремя вспомнил, что там больше не было кошель. Венн пошарил в кожаном кармашке, нашёл четыре завалившихся медяка и сначала постеснялся их бросить. Потом передумал и два всё-таки метнул.

– Смотрите, смотрите, почтенные! – радовался зазывала. – Та, что сейчас услаждала вас своим мастерством, – всего лишь маленькая помощница великого Слепого Убийцы. Смотрите, смотрите, он идёт сюда!... Он уже здесь!...

Бронзовокожая девушка легко перебежала к задку помоста, нагнулась вниз и подала руку кому-то невидимому из толпы. Последовало движение, и на помосте рядом с гибкой красавицей вырос чёрный, как сажа, мономатанец. Его тело прикрывал лишь пёстрый шёлк на бёдрах, так что цвет кожи можно было рассмотреть без труда.

Волкодав никогда не бывал в Мономатане, но знал по рассказам, что там обитали весьма различные племена. Были совсем чёрные и посветлее. Были такие, чей рост не превышал полутора аршин, а волосы вились тугими пружинками. И настоящие великаны, с прямыми волосами и светлоглазые. Слепой Убийца выглядел не то чтобы великаном: если Волкодав ещё не потерял глазомера, роста они с ним были почти одинакового. И успели нажать примерно поровну седины. Да, кажется, и шрамов на теле. Венн присмотрелся... Волосы мономатанца густой волнистой гривой падали на спину и лицо. Вот он поднял руку и не спеша убрал их со лба, чтобы все могли убедиться в его слепоте. Глаз у чернокожего попросту не было. Вообще никаких. Поперёк лица, как раз там, где полагалось быть векам, пролёг уродливый грубый рубец.

Толпа вздохнула, задвигалась, люди стали показывать пальцами. На родине Волкодава считали зазорным любопытно пялиться на калек и жалостливо ахать по поводу телесных увечий. Венн заметил медленную усмешку, скривившую губы мономатанца. Этот был воином. И, похоже, обычаи его племени не так уж сильно отличались от веннских.

Волкодав невольно подумал:

а если бы меня изуродовали и заставили поворачиваться под сотнями взглядов, как бы я себя вёл?... Наверное, так же... Только вряд ли я стал бы выступать перед народом... А впрочем... коли припрёт нужда искать пропитание для себя и подруги...

Угадать, какого рода искусство собирался показать людям Слепой Убийца, было нетрудно. К поясу, ногам и предплечьям чернокожего было пристёгнуто ремешками множество ножен. Пристёгнуто не по-воински – в слишком красивом порядке, не для удобства, а так, чтобы понравилось зрителям. Из ножен торчали разноцветные черенки нескольких десятков ножей. Поющий Цветок провела мономатанца в переднюю часть помоста и показала где край, а сама отбежала назад и встала возле щита. Раскинула руки и с улыбкой продела их в кожаные петли, приколотенные к доскам.

– Смотрите, любезные! – вновь закричал зазывала. – Спешите полюбоваться несравненным искусством, которое не покинуло великого воителя даже после того, как его лишили богоданной способности видеть солнечный свет!...

Он держал в руках нечто вроде длинной удочки из прочного тростника с твёрдым шариком на конце. Мономатанец вытащил из ножен первый нож и несколько раз подкинул его на ладони. Зазывала протянул удочку и постучал по щиту. Шарик соприкоснулся с досками в каких-то полутора пядях от головы улыбавшейся девушки. Мужчина еле успел отдёргнуть удочку в сторону: брошенный нож впился в дерево, чуть не перерубив трость. Несколько мгновений толпа потрясённо молчала, потом раздалось дружное аханье. Волкодав только покачал головой. Он видывал потешных бойцов, развлекавших народ якобы смертельными поединками; когда приключалась настоящая заваруха, толку от них обычно было немного. Так вот, кем бы там ни был этот Слепой Убийца, беспощадные схватки он знал не понаслышке. И его мастерство вправду стоило того, чтобы им любоваться.

Поющий Цветок стояла спокойно и неподвижно, полностью доверяя товарищу. Так же, наверное, как и он ей доверял, когда она водила его за руку. Блестящие лезвия одно за другим

втыкались рядом с её телом и головой. Мономатанец метал их то с разворота, то в стремительном кувырке, то двумя руками одновременно. Он ни разу не промахнулся даже на палец. Ножи входили точно туда, куда указывал металлический шарик. Волкодав ощутил смутный укол зависти. С открытыми глазами он справился бы не хуже. Но вот с завязанными?...

Надо будет попробовать...

Он представил себе, как они с Эврихом стали бы подобным же образом зарабатывать себе на прокорм, вообразил арранта прислонённым к какой-нибудь бревенчатой стенке – и даже развеселился.

Когда у Слепого Убийцы остался последний нож, зазывала подал девушке стебелёк белой ромашки, и она взяла его в зубы, повернув голову боком. Народ понял: предстояло нечто совсем необыкновенное. И примолк, затаив дыхание.

– Почтенные! – уже не прокричал, а громко проговорил зазывала. – О том, что сейчас предстанет вашим глазам, вы без сомнения будете рассказывать внукам. Я только попрошу вас, добродетельные, хранить тишину, дабы у метателя ножей не дрогнула рука от случайного возгласа или свиста. Ибо то, что мы сейчас вам покажем, причинило безвременную гибель уже шестерым прекрасным помощникам Слепого Убийцы. Эта – седьмая...

Шарик на конце тростниковой удочки снова начал выстукивать, постепенно приближаясь к тонкому коротенькому стебельку. Мономатанец пристально вслушивался, стоя неподвижно, словно чёрное изваяние... и тут в разных концах толпы почти одновременно засвистело сразу два человека.

Метатель вздрогнул... Жилистая рука, свисавшая вдоль бедра, дёрнулась вперёд неловким судорожным движением... Нож полетел!...

В народе отчаянно закричали. У десятков людей мелькнуло перед глазами видение девичьего тела, безжизненно сползающего на помост, привиделась даже струйка крови, текущая на живот как раз из-под левой груди...

Поющий Цветок не шелохнулась. Нож с шипением рассёк воздух и вошёл в дерево возле самых её губ, так, что она наверняка осязала холодок, шедший от лезвия. Начисто срезанная головка ромашки, кружась, упала на доски.

Что тут началось!... Крики испуга сменились восторженным рёвом. Добрые кондарцы уже изловили обоих свистунов и со вкусом пересчитывали им рёбра. Волкодав накрыл ладонью Мыша, взволнованного зрелищем драки. Венн нимало не сомневался, что шестеро помощниц, якобы загубленных чернокожим, существовали только в воображении зазывалы. А свистунам наверняка заплатили вперёд. В том числе и за неизбежные синяки. Зато народ прямо-таки сходил с ума от радостного облегчения и щедро метал на помост полновесное серебро... Волкодав разыскал в кармашке два оставшихся медяка и тут увидел Эвриха, проталкивавшегося в его сторону. Венн сразу насторожился: сказать, что с арранта слетела вся его недавняя спесь, значило выразиться бледно и слабо. На нём попросту лица не было. Когда Эврих подобрался вплотную, Волкодав понял причину. С пояса арранта вместо денежного кошелька свисал короткий хвостик ремешка. Ремешок был опрятно перерезан очень острым маленьким лезвием. Скорее всего, монеткой с заточенным краем. Любимым орудием карманников всех больших городов.

– Так, – только и сказал Волкодав. Наверное, Эврих побеспокоился проверить мошну, лишь когда настало время вознаградить искусство метателя.

– Я... – начал было Эврих, но ничего больше выдать не сумел. Вид у него был совершенно пришибленный.

Волкодав не стал его попрекать. Деньги ведь от этого не вернутся.

– Иди домой, – сказал он Эвриху. – Скажи Сигине, что мы тут надолго задержимся.

Аррант нерешительно поднял зелёные глаза:

– А ты?...

– А я, – сказал Волкодав, – ещё погуляю.

* * *

Так случилось, что испытание честности Йарры произошло в тот же день. По какой-то причине народ хорошо налегал на лепёшки, купленные у булочника, торговавшего по ту сторону площади. Сначала Стоум слегка рассердился, возревновал: у него в трактире пекли не хуже. Потом сообразил, что люди макали в подливку и знай похваливали ровно те лепёшки, которые

у самого булочника расхотелись почему-то с трудом, хоть даром их отдавай. Поняв свою выгоду, Стоум решил прикупить ещё корзинку. И получилось так, что все служанки оказались заняты. Тормар, правда, подпирал плечом дверной косяк и бездельничал, сложив на груди руки, ибо посетители вели себя тихо... Но не его же, действительно, посылать!

Скрепя сердце Стоум подозвал Йарру, вытиравшего отмытые миски («Эй, как тебя там!»), и, когда тот подбежал, сунул ему несколько монет и широкую плетёную корзинку без ручки.

– Сходишь через площадь, в пекарню... В ту, где над входом маковый крендель. купишь двадцать лепёшек, вот таких. Понял?

– Понял... – прошептал Йарра.

Он знал эту пекарню. Несколько раз бегал туда за пирожками для стражников, и там его, случалось, даже угощали подгоревшим сухариком. Йарра схватил корзинку и деньги и помчался во всю прыть. Посередине площади гомонила большая толпа, окружившая возведённый на скорую руку помост. Там, должно быть, происходило что-то очень интересное, но Йарра даже не повернул головы. В одной рубашонке, без привычных штанов, он чувствовал себя голым. Так и казалось, будто все только и смотрели на его ноги. Йарра постарался не думать об этом. Ну и пускай смотрят. Наплевать. Голый пленник, выставленный на потеху врагам, тоже может держаться героем.

Булочник узнал его и вслух удивился, увидев беспризорного оборванца при деле. Йарра от волнения позабыл трудные нарлакские слова, но заставил себя не растеряться. Протянул монетки, указал на стопку горячих румяных лепёшек и дважды поднял десять растопыренных пальцев.

– А не лопнешь? Куда тебе столько, малыш? – засмеялся пекарь. Он сам месил тесто вместе с работниками и потому к пятидесяти годам не нажил благополучного брюшка, только лысину, влажно блестящую возле жаркой печи.

– Стоум... трактир... люди кушать, – выдавил Йарра.

– А-а! – понимающе кивнул хозяин пекарни. И принялся ловко укладывать лепёшки в принесённую Йаррой плетёнку. – Что же он тебе такую корзинку дал маленькую, паренёк? Смотри не растеряй, пока донесёшь!

... Не было на свете народа, у которого такое доброе вроде предостережение не называлось бы ёмко и коротко: оговор. Пекарь, конечно, сообразил, что упускает барыш. Йарра же испугался и стал думать о том, как непременно уронит лепёшки, идя обратно в «Зубатку». Тем более что корзину Стоум дал ему действительно слишком мелкую. Круляки душистого печева высились кучкой, готовой развалиться при первом неосторожном движении... А долго ли с кем-нибудь столкнуться посреди людной площади, в суетливой толпе?...

Йарра поклонился пекарю и пошёл, крепко сжимая двумя руками плетёнку и внимательно глядя под ноги. Ни вправо, ни влево он по-прежнему не смотрел. Потому и не обратил внимания на стайку лоботрясов несколькими годами постарше себя самого. Зато они к нему присмотрелись очень даже пристально и начали подталкивать друг друга локтями. Никто из них не мучился голодом. Им было просто нечего делать. К тому же Кондар, как все порядочные города, делился на концы по числу деревушек, некогда стоявших на его месте. Оттого-то среди своих кончанских любой горожанин чувствовал себя надёжно и хорошо, зато в чужом конце – почти как во вражеском становище. Особенно если этот горожанин был босоногий сирота, неспособный как следует за себя постоять и не ждущий помощи от других... Зачем, спрашивается, приблудышу с Восточных ворот забредать на Серёдку? Только себе лиха искать. Ну так пусть знает следующий раз!

Корзинка постепенно делалась всё тяжелее. Йарра прижал локти к животу, стараясь двигаться осторожнее. Когда ему подставили ногу, он не сразу сообразил, что запнулся и падает: был слишком занят, оберегая драгоценную ношу. Потом тело попробовало удержать равновесие, но оказалось поздно, да и подножка была уж очень умелая. Йарра не издал ни звука, лишь мысленно закричал от отчаяния и несправедливости. Краем глаза он заметил круглое веснушчатое лицо, расплывавшееся в довольной улыбке. Он не разжал рук, не попытался смягчить удар о каменную мостовую. Плетёнка сама вспорхнула с ладоней и, медленно вращаясь, полетела вперёд... На этом Йарра зажмурился, но даже сквозь плотно сжатые веки увидел, как она шлёпается на заплёванные булжники, как тяжело подсакаивают пышные румяные лепёшки и летят в пыль, в вонючие лужи... погибают под топчущими ногами...

Он в кровь разбил локти, но боль не сразу добралась до сознания. Он ощущал только, что это был конец всему на свете и ему, Йарре. Он ждал глумливого хохота, ибо успел понять: сбили его намеренно. Однако вместо хохота послышался какой-то разочарованный вздох. Потом испуганный вскрик. И шорох удирающих ног. Йарра открыл глаза.

В двух шагах от себя он увидел того самого венна, что утром входил в городские ворота. Венн не спеша выпрямлялся, бережно держа на ладонях корзинку с лепёшками. Он поймал её возле самой земли, припав к мостовой змеиным движением воина, уходящего от удара меча. Лепёшки высились непо потревоженной горкой. Йарра мимолётно подумал: вот уж кто нипочём не уронит, хоть вдесятером ноги ему подставляй. Летучая мышь, невозмутимо сидевшая у венна на плече, уже приняла к добыче. Йарра видел, как шевелился и влажно подрагивал любопытный нос.

Мальчик поднялся и встал перед чужеземцем, глядя ему в глаза и беспомощно сжимая кулаки. Как говаривали про таких дома: пришли да взяли – и поминай как звали. Не отдаст ведь. И управы на него... Тормара позвать?... Пока туда да обратно, а и пойдёт ли ещё, чего доброго, оплеуху отвесит и с места не сдвинется. И как потом жить?... Даже назад к Восточным воротам уже не сунешься: срам...

– Куда нёс? – неожиданно спросил венн, и Йарра понял, что Отец Небо сотворил ещё одно чудо. Второе за полдня. Чудо состояло в том, что венн говорил на языке отца Йарры. Потом произошло третье чудо. Венн протянул вздрогнувшему мальчику его плетёнку: – Держи... Пошли, провожу, пока опять не обидели.

Йарра уже привык, что люди, посулив что-нибудь, в последний момент отдёргивали ладонь... От человека, говорившего на языке его отца, грех было ждать подлости. Он протянул руки и взял корзинку. Его трясло, губы прыгали, но он не заплакал. Он повернулся и молча пошёл к трактиру Стоума. Венн зашагал следом. В двух шагах от порога, когда уже виден был стоявший при двери Тормар, Йарра запоздало сообразил, что венна следовало бы поблагодарить, и остановился. Плетёнка мешала как следует поклониться, и Йарра просто нагнул голову и впервые за долгое, долгое время прошептал на родном языке:

– Спасибо, достойный человек...

Он так привык изъясняться на ломаном нарлакском, а то и вовсе немо размахивать руками, что эти простые слова изумили его самого. Как всё-таки удивительно и прекрасно, когда можно к кому-то обратиться словами настоящей речи, зная, что тебя поймут. И ответят. Йарра вспомнил, сколько раз его лупили за «гарабарщину», на которой, по мнению местных, впору было изъясняться только нечистому духу. Он даже успел подумать: завтра этого венна уже здесь не будет, а значит... значит...

Вот тут он заплакал. Слезы, которые, как он полагал, у него давным-давно пересохли, явились неизвестно откуда, точно оживший родник, закипели в глазах и потекли вниз по щекам. Он отвернулся вытереть скулы о задранное сверху плечо и потому не заметил странного выражения, промелькнувшего во взгляде рослого венна. Волкодав, давно отученный кого-то бояться, поневоле вспомнил самого себя в его возрасте. Таким же мальцом, замордованным людьми и жизнью и не разумевающим чужих языков, даже по-сольвенски – с пятого на десятое. Когда его первый раз продали торговцу рабами, там вообще не было никого, кто понимал бы настоящую речь, одни саккаремцы да восточные вельхи. Так он и молчал целыми днями, пока тому же торговцу не продали взъерошенного, пегого от синяков Волчонка...

Они вошли в трактир, и Йарра, шмыгая носом, сразу двинулся к стойке. Тормар окинул Волкодава подозрительным взглядом, но ничего не сказал. Венн, в свою очередь, по-деловому присмотрелся к охраннику. Он отнюдь не забыл, как искал работы в Галираде три года назад. Умел он многое, но никому его умения так и негодились. Приличные люди перво-наперво замечали рубцы от кандалов, украшавшие его руки и шею. Волкодав не верил в сказки и не питал надежд, будто кондарский народ относился к беглым каторжникам по-иному, нежели добрые галирадцы. В Галираде, правда, он чем-то глянулся молодой кнесинке, и та наняла его телохранителем. Чтобы такая благодать да вдруг повторилась?... В Кондаре им с Эврихом предстояло самим о себе позаботиться.

Вот потому-то Волкодав и приглядывался к охраннику, оценивая, на что тот способен.

Вытащив медяк, он купил кусок белого хлеба, кружку молока, взял лишнее блюдце для Мыша и устроился в уголке. У вышибалы Тормара было могучее тело взрослого мужчины, плечи казались покатыми из-за крутых мышц на загривке. Но на толстой мускулистой шее сидела

голова с лицом, достойным пятнадцатилетнего проказника. У парня был широкий курносый нос, а когда он улыбался, становилось заметно, что один передний зуб как бы отступал назад из общего ряда, и рот выглядел щербатым. Это только усиливало впечатление. Такому, кажется, только дома сидеть, при мамке и бабушке. Без усталости копать огород, жарко краснеть на смешки соседских девчонок и получать по спине полотенцем за сдёрнутый с доски кусок сладкого пирога... Волкодав знал, что скорее всего ошибается. На поясе у Тормара висел здоровенный кинжал, и вряд ли следовало сомневаться: парню уже приходилось пускать его в ход. А мозолистые руки очень хорошо умели и кости ломать, и задирали девкам подолы...

Служанки сновали туда и сюда, трактирщик согласно обычаю обходил комнату, спрашивая гостей, всем ли довольны. Когда он подошёл к Волкодаву, венн сказал ему:

– Пусть Священный Огонь никогда не погаснет в твоём очаге, добрый хозяин. У тебя умелые кухарки и расторопные слуги. Вот только охранник, по-моему, не очень хорош...

Стоум тяжело вздохнул, отлично понимая, куда клонит разукрашенный шрамами посетитель.

– По мне, так довольно хорош, – сказал он, постаравшись, чтобы слышал Тормар. – Здесь ещё не шалил ни один лихой человек, которого мой страж не сумел бы отвадить. Лучше ты попытай счастья, друг, где-нибудь по соседству!

Плох тот трактирщик, который не заступится за уже нанятого вышибалу, не примет его сторону, выпроваживая новичка. Работники верно служат хозяину, но и хозяин должен вставать горой за тех, кто ест его хлеб. Иначе никто к нему не пойдёт, ни у кого ему веры больше не будет.

Тормар между тем расправил плечи и подбоченился, улыбаясь. Он понял, что ему собирались бросить вызов. Поняли это и все остальные, кому случилось закусывать нынче в трактире.

Стоум ещё надеялся потихоньку выпроводить венна, а народ уже обрадованно шумел, в охотку отодвигая столы и убирая скамейки. Кто-то вовсю бился об заклад, сравнивая молодцов.

Волкодав, немало помотавшийся по белому свету, не мог припомнить страны, где бы не собирала толпы стычка громил, спорящих из-за тёплого места. Ему, правда, сразу показалось, будто кондарцам подобная забава перепадала исключительно редко. Так оно и было на самом деле, но причину он вызнал лишь погоды.

– Это кто тут шумит? – спросил Тормар, подходя и останавливаясь в двух шагах. – Ты, что ли, дядя? А не пошёл бы ты по-хорошему?...

Волкодав был старше его самое большее лет на пять, но внешность венна увеличивала видимую разницу.

– Всё может быть, – сказал он дружелюбно. – Если прогонишь.

Посетители трактира загалдели громче прежнего. Вызов был принят. И подтверждён.

Согласно обычаю, спор вышибал должен был происходить без оружия. Тормар отстегнул ножны с кинжалом и положил их на стойку. Волкодав снял меч, снял боевой нож и оставил на Божьей Ладони. Мыш поднял нос от блюда и так исполнился важности происходившего, что даже решил оставить любимое лакомство на потом. Облизал мордочку и вскочил на ножны – стеречь. Сторожем он был очень надёжным.

Волкодав повёл глазами по сторонам, запоминая, что где. Начнётся схватка, небось станет некогда озираться. Он заметил смуглого светловолосого мальчика, которого встретил на площади. Мальчик подсматривал в кухонную дверь, из-за спин побросавших работустряпух. На его лице, одном-единственном, был ужас. Прочий народ смотрел с алчным любопытством, почти так же, как возле помоста, где Слепой Убийца метал отточенные ножи. Попадёт? Не попадёт? И много ли будет крови, если вдруг что?...

...Хозяйке Судеб было угодно, чтобы в течение нескольких последующих дней пересуды и кривотолки о поединке в «Сегванской Зубатке» распространились по всему городу. За это время простой рассказ успел обрасти множеством невероятных подробностей. И надо сказать, что действительные события тому способствовали. Люди, проходившие мимо трактира, видели, как внезапно шарахнулась лёгкая занавеска из рогожной ряднины, висевшая в двери от мух, и наружу кубарем выкатился Тормар. Именно выкатился, выбежал как-то боком, словно на шее у него висела пятипудовая гирия и эту гирию вдруг повело в сторону – только успевай подставлять под неё ноги!... Внимательный взгляд заметил бы, что он очень старался устоять, но не смог и наконец растянулся на пыльной мостовой во весь рост. Он сейчас же вскочил и с рычанием устремился назад, внутрь трактира.

– Да сговорились они! – послышался возмущённый крик из-за порога. – А ну, давай мои деньги назад!

Отскочившим было проходим тут же сделалось интересно, кто с кем сговорился, чьи деньги надо было немедля отдать и, главное, каким таким ветром из двери вынесло Тормара. Народ устремился ко входу в «Зубатку», но слишком проворным пришлось быстренько расступаться, ибо занавеска взметнулась опять. На сей раз Тормар вылетел «рыбкой»: сильные руки смягчили удар, но воздух со свистом вырвался из груди, и кое-кто из мальчишек якобы видел своими глазами, как железная кольчуга на его безрукавке высекла искры из мостовой. Он поднялся не сразу. Сперва подобрал под себя ноги и постоял какое-то время на четвереньках, мотая головой и хрипло дыша. Потом выпрямился, сжал кулаки и вновь двинулся внутрь трактира. Сгрудившийся люд отбросил и смёл занавеску, напирая и жадно заглядывая через порог. Самые молодые и наглые сунулись в окошко, по летнему времени свободное от тяжёлого ставня. Людские тела совсем перекрыли дорогу солнечным лучам, но на стенных поллицах, озаряя углы, ярко горели масляные светильнички.

Счастливицы, которых схватка вышибала застигла внутри заведения, жались вдоль стен, забравшись на скамейки и сдвинутые столы, и всюю подзадоривали спорщиков. Рослый бородатый венн стоял посередине трактира, спокойно опустив руки, а на него, по-борцовски пригнувшись, грозно шёл Тормар. Больше ни в каком сговоре их не подозревали. Люди видели, как кулак Тормара устремился к челюсти венна. Молодой вышибала, в общем, свой хлеб у Стоума ел не зря. Заезжие корабельщики, охочие бить посуду и затевать безобразия, время от времени на собственном опыте убеждались: кулаки у Тормара были что надо. Венн, похоже, оказался человеком бывалым и оценил их по достоинству. Что он сделал дальше, мало кто успел уследить. Иные из мужчин, знавшие, как это, когда тебе в подбородок врежется нечто вроде кувалды, не удержались и сморгнули, отдёргивая головы. Венн не стал ни шарахаться, ни отскакивать. Наоборот, он вроде шагнул чуть в сторону и даже вперёд, сделав отстраняющее движение левой рукой... Кулак вспорол пустой воздух, пройдя выше, чем следовало, зато венн, как по волшебству, возник за спиной у кондарца и крепко схватил его за ворот, осаживая назад. Тормар взмахнул руками и выгнулся, силясь устоять... увы, к тому времени его ноги успели пробежать вперёд чуть-чуть дальше, чем следовало. Остановленное тело не исчерпало движения – ноги взлетели, отрываясь от пола. Тормар понял, что падает, и уже помимо собственной воли схватился за руку венна...

И тот, под дружно грянувший хохот, почти ласково опустил его на пол, усыпанный, как было принято у сольвеннов, соломой.

– Ты хороший противник, – сказал он Тормару. – Ты дрался честно и славно. – И повернулся к Стоуму: – Я победил твоего парня не один раз, а трижды. Ты по-прежнему утверждаешь, что мы сговорились? Или что твой прежний вышибала ничем не хуже меня?

Трактирщику возразить было нечего, но и согласиём отвечать почему-то до смерти не хотелось. Тут кто-то из зрителей злорадно стегнул проигравшего:

– Ты слабак, Тормар! Только вид делать горазд, а так тебя всякий...

Венн сразу оглянулся в ту сторону:

– Кто сказал? Иди сюда, покажи нам, слабакам.

Говоривший, конечно, выйти не пожелал, а люди только пуще захохотали, тыча пальцами в незадачливого насмешника. Наверное, он поставил деньги не на того и теперь не мог смириться с потерей. Тормар не стал дожидаться, пока Стоум вслух заявит о найме нового охранника. Он поднялся на ноги и пошёл в дверь, зло отшвырнув кого-то с дороги.

– Я беру этого человека, – комкая в ладонях передник, громко объявил Стоум. – Он получает своё место согласно обычаю и закону...

Волкодав кивнул ему и вернулся забрать оружие. Мыш уже доедал свой хлеб с молоком. Хозяин был цел и на добро никто не покушался, так о чём беспокоиться?... Волкодав устроил меч за спиной, прошагал через комнату, где уже расставляли в обычном порядке потревоженные столы, и занял подобающее место возле двери.

Когда всё более-менее успокоилось и на нового вышибалу перестали пялить глаза, Стоум подошёл к нему и тихо, но с большим чувством проговорил:

– И что за нелёгкая вынесла тебя из лесу, венн? Один убыток от вашего племени, с какой стороны ни поглядеть!... Да ты знаешь, что со мной теперь будет?... Парень, которого ты прогнал, это ж был Сонморов человек!...

Эта подлая жизнь не раз и не два
Окунала меня в кровищу лицом.
Потому я давно не верю в слова,
И особенно – в сказки со счастливым концом.

Надо ладить с людьми! Проживёшь сто лет,
Не погибнув за некий свет впереди.
Четвертьстолько протянет сказавший «нет»:
Уж его-то судьба навряд ли станет щадить!

Если выжил герой всему вопреки
И с победой пришёл в родительский дом,
Это – просто чтоб мы не сдохли с тоски,
Это – светлая сказка со счастливым концом.

Если прочь отступил пощадивший враг
Или честно сражается грудь на грудь -
Не смешите меня! Не бывало так,
Чтобы враг отказался ножик в спину воткнуть.

Если новый рассвет встает из-за крыш
И любовь обручальным сплелась кольцом,
Это – просто чтоб ты не плакал, малыш,
Это – добрая сказка со счастливым концом.

Если в гибельный миг прокричал «Держись!»
И собой заслонил подоспевший друг -
Это тоже всё бред, ибо учит жизнь:
Не примчатся друзья – им, как всегда, недосуг.

Но зачем этот бред не даёт прожить,
От несчастий чужих отводя лицо?...
А затем, чтоб другому помочь сложить
Рукотворную сказку со счастливым концом.

8. Сонмор

Волкодаву не нравилось нарлакское слово «трактир». По его разумению, оно происходило от «тракта»: так в этой стране именовали дороги. А чего хорошего можно ждать от дороги?... Ну то есть, конечно, в веннских лесах уже мало кто верил, что, отправившись из дому в путь, денька этак через три как раз и притопаешь пешком на тот свет. Тем не менее, ни один венн не стал бы строить избы на заброшенной старой дороге. Кому же охота, чтобы ушло из дому согласие, достаток, здоровье?... Да какое там строиться! Никто здравомыслящий даже дерево, выросшее на былой тропе, не срубил бы для хорошего дела. Не будет добра!

Как после этого в трезвом рассудке назвать по имени дороги место, где люди едят? Где они хлеб в руки берут?... Даже сольвенны и те были умней. Они подавали пищу в «храмах корчемных», то есть «домах для еды», или попросту – харчевнях, корчмах...

Такие, впрочем, рассуждения отнюдь не мешали Волкодаву благополучно торчать, подпирая косяк, у двери, исправляя службу охранника. Гораздо больше надоедали ему беспрестанные жалобы Стоума, хотя его стенания он упорно пропускал мимо ушей. Что взять с сольвенна?... Да ещё с перепуганного. Трактирщик ждал скорого и жестокого разорения. Виноват в котором был, конечно, опять-таки Волкодав.

Причина Стоумовой боязни оказалась очень проста. Когда разразилась Последняя война и весь белый свет ополчился друг против друга, у кондарских ворот задымил кострами один из бесчисленных отрядов Гурцата Великого, достигший нарлакской державы. Тогдашний государь конис был человеком несильным и отстоять Кондар не надеялся. По счастью, сыскался лихой вожак из народа, сумел воодушевить и горожан, и окрестных жителей, сбежавшихся под защиту городских стен. Звали его Сонмор. Когда же прекратились сражения и кондарцы разогнали неудачливых завоевателей по лесам – Сонморово воинство оказалось не у дел. И потому спустя время начало беспокоить купцов, возивших что-то по оживавшей стране, повадилось шалить в тех самых деревнях, которые некогда защищало. Сонмора в конце концов поймали да и, не памятуя о былых заслугах, повесили. Его люди, не смирившись, избрали себе нового предводителя и... назвали его Сонмором. Чтобы никто даже думать не смел, будто храбрый разбойник вправду погиб. Так и повелась в Кондаре легенда, гласившая, что верёвка на самом деле оборвалась и лихой предводитель остался жить вечно.

С тех пор прошло двести лет, но и до сих пор «ночной правитель» Кондара, принимая на воровском сходе этот почтенный сан, забывал своё прежнее имя и становился Сонмором. Письменной истории не велось, но, если верить людям с хорошей памятью, нынешний Сонмор был тридцать девятым по счёту. Государь конис даже не пытался поймать его и водворить за решётку. Ибо полагал, что худой мир тут воистину был лучше доброй ссоры. С известным всему городу воровским вожаком порою кое о чём удавалось договориться. Уж всяко лучше, чем иметь дело с сотней мелких воришек, неспособных ни к какому согласию!...

Так вот, Сонмор много чем в Кондаре заправлял наполовину открыто. Все знали: это его вооружённые молодцы хранили порядок в трактирах и на постоянных дворах. И получалось у них до того хорошо, что хозяева сами рады были платить каждодневную дань. Платил и Стоум. До того злосчастного дня, когда явился бессовестный венн и, воззвав к древнему праву, выгнал вон Тормара.

Стало быть, вот почему кондарцы так редко видели у себя дома сравнение вышибал, развлекавшее народ в других городах...

– Ты знаешь хоть, что со мной теперь будет?... – чуть не заплакал Стоум, едва только Волкодав успел обосноваться возле двери. – Теперь сюда знаешь какие громилы придут?... Тебя в двери выкидывать!...

– Может, и придут, – сказал Волкодав безразлично.

– Ещё им в ножки поклонись, если смилосердствуются не зарезать...

Вот это уж вряд ли,
подумал венн. Но промолчал.

– А мой трактир?... – продолжал Стоум. – Голые стены оставят и хорошо если крышу!... Чтоб впредь таких, как ты, голодранцев перехожих на порог не пускал...

– Ещё в чём я виноват? – хмуро спросил Волкодав. – Может, это я тебя насильно трактирщиком сделал? И жить здесь заставил, не в Галираде?...

Стоум полагал также, что ни один горожанин, даже самый голодный, нипочём больше не сунется в его заведение. Кому охота связываться с обречённым? Ходящим под топором?... Вот тут сольвенн ошибался. До самого вечера народу на улице было вдесятеро против обычного. Вся Серёдка успела прослышать про чужака, не струсившего выгнать Сонморова человека. Всем хотелось на него посмотреть. А того пуще хотелось дожидаться, когда придут выгонять его самого. Но ведь трудно чего-то ждать возле трактира, не заходя внутрь и не покупая хоть рыбной булочки перекусить. Так и вышло, что стряпухи со служанками сбились с

ног, а когда дверь наконец заперли и Стоум пересчитал выручку, глаза у него полезли на лоб. Настолько удачного дня «Зубатка» уже давно, давно не видала!

Деньги Стоум считал, как и полагалось, в присутствии вышибалы. Тормар при этом обычно выпроваживал из комнаты всех остальных. Венн никого гнать не стал, так что кухарки, повара и даже Йарра могли видеть, как трактирщик откладывает десятину для государя, потом оговорённую долю каждого из работников. Мальчику на побегушках никакой доли не полагалось. Может быть, позже, если заслужит... Пока Стоум обещался подкармливать его, но не более.

– А мальчишке? – неожиданно спросил Волкодав. – Он за целый день не присел.

Благоразумный хозяин с ним в спор пускаться не стал, рассудив, что денег сегодня полно, подумаешь, серебряный четвертак, а завтра венна всё равно здесь не будет. Йарра до боли сжал в кулаке нежданно доставшееся сокровище и стал думать, где бы его схоронить. Этак, чего доброго, ещё и наберётся на дорогу домой!

Стоум стянул завязки кожаного мешочка и вдруг вновь опечалился едва не до слёз:

– Ой, кабы до утра-то красного петуха во двор не пустили...

– Не пустят, – возразила Зурия, самая старшая и самая толстая стряпуха, державшаяся с хозяином почти на равных. Никто, кроме неё, не умел варить мелкую рыбку с маслом и укусом, отчего тушки становились ломкими и обретали удивительный вкус. – Зачем им? – сказала она. – Сожгут, ведь и платы больше не будет!

Стоум покачал головой:

– А чтобы другие боялись... Помнишь, как халисунца Тиртама в прошлом году? Он тоже говорил, что ему охраны не надо...

– Сонмор, – сказала стряпуха, – по ночам не наказывает. И потом... ну, сожжёт он тебя, а что люди подумают? Как есть решат – нет у Сонмора молодцов одному венну шею скрутить! Ему это надо?

Она хитро подмигнула Волкодаву. Тот улыбнулся в ответ. Он уже выяснил, что толстуха умела на славу готовить веннский кисель.

Про себя он полагал, что поджигать «Зубатку» действительно не станут, но на всякий случай вызвался ночевать во дворе. За лишнюю денежку.

– Завтра сюда придёт один мой друг... – сказал он трактирщику, когда Зурия накрыла вечерять.

Стоум, багровея, подавился куском:

– Ещё такой же, как ты?...

– Нет, – усмехнулся Волкодав. – Не такой. Он аррант. Он очень учёный. Он знает все языки и на каждом написал книгу. А ещё он лекарь и звездослов. И он, я так думаю, тоже захочет добыть серебра тебе и себе. Ты не прогонишь его, если он сядет где-нибудь в уголке?...

Сольвенн со стоном закатил глаза, но потом вдруг отчаянно махнул рукой – дескать, а пропадай оно всё пропадом! – и разрешил.

Йарра сперва никак не мог собраться с духом и подойти к грозному венну. Мало ли что он за него заступился на площади, вдруг теперь погонит!... Много позже, разбираясь в себе и вспоминая тот вечер, Йарра поймёт, что боялся на самом деле не окрика и не затрешины. Он их довольно к тому времени вытерпел. Но вот если бы человек, говоривший на языке его отца, на поверку оказался жестоким и несправедливым, как все... Такое пережить было бы и в самом деле не просто. Однако новый вышибала за целый вечер ни на кого не накричал, никого не ударил. А для Йарры даже отговорил денежку. И постепенно сирота наскрёб в себе достаточно мужества, чтобы подойти к венну и прошептать:

– Ты сегодня дрался с Тормаром... У тебя на рубашке кровь проступила... Совсем чуточку, незаметно... Больно тебе?

– Терплю, – сказал Волкодав.

Йарра исчез на кухне, чтобы скоро появиться с большой ложкой постного масла. Мамино средство, много раз помогавшее ему самому.

– Дай помажу...

– Рубашка запачкается, – отказался венн. Кровь с полотна кое-как ещё отстирывалась, масло же...

– А я вотру, чтоб не пачкалось, – пообещал Йарра. – Я тихонько... Тебе больно не будет...

Волкодав полагал, что и так не умрёт из-за нескольких разошедшихся швов, но обижать мальчика не хотелось.

– А где твой друг? – осторожно смазывая располосованную спину, спросил Йарра. – Он знает, что ты здесь устроился?...

Волкодав обернулся и внимательно посмотрел на мальчишку.

– Нет, – проговорил он медленно. – Пока не знает.

Он рад был бы известить Эвриха и остальных, но бросать трактир не годилось. Про себя он рассчитывал, что слухи о происшествии в «Сегванской Зубатке» достигнут ушей его спутников как раз к завтрашнему утру, и Эврих немедленно прибежит узнавать, во что ещё ввязался неотёсанный варвар.

– Я всё ему передам... – по-прежнему шёпотом предложил мальчик. – Ты мне скажи только, где его разыскать...

– А не обидят на улице? – спросил Волкодав. Солнце уже село, а до казённых светильников, вроде тех, что ночь напролёт горели в саккаремской столице Мельсине, здесь ещё не додумались. Или додумались, но денег отвалить никто пока не желал.

– Не обидят, – ответил Йарра. – Раньше нападали, но нынешний Сонмор... Он не велел нападать по ночам и грабить прохожих... Я сам слышал, Тормар рассказывал.

Волкодав объяснил ему, как добраться до «Нардарского лаура» и кого там спросить. Йарра помялся немного, потом раскрыл ладонку и протянул ему свой драгоценный четвертак:

– Пожалуйста... поддержи у себя...

И подумал, уже убегая по улице, что более надёжного хранилища ему точно не выдумать.

Проводив Йарру, Волкодав принёс из камина горящее полено и утвердил посередине двора. Назавтра предстояли новые испытания. Венн отступил на положенные девять шагов и медленно обратил к головне развёрнутую ладонь, направив внутреннюю силу вперёд. Пламя метнулось, фыркнуло и погасло, точно задутое ветром. Волкодав глубоко вздохнул несколько раз, сосредоточился и резко толкнул перед собой воздух, мысленно вообразив, как взлетает с земли и кувыркается прочь обугленная деревяшка...

Головня осталась торчать. Ещё горячие угли рдели в потёмках, по ним пробегали волны, и казалось, что венну подмигивало большое красное око.

Волкодав закрыл глаза, представил на месте головни надсмотрщика Волка, возненавидел его всей силой души и метнул вперёд свою ненависть, повторяя попытку.

Ничего не получилось.

«Бою дай! Бою!...» – ревели снизу, из-под высокого обрыва, мужские низкие голоса. Женские, чистые и высокие, вторили им отчаянным, весёлым и воинственным визгом. Девки и мужатые бабы тоже вышли на лёд Светыни. В праздничных колушках, в расшитых боевых рукавицах стояли они чуть-чуть в стороне от мужского тяжеловесного строя. Кому не охота потешиться в великий день Корочуна, погреть кулачным искусством душу и плоть, да хоть мало помочь светлому Богу Солнца в его ежезимнем борении с Темнотой?...

Беловодская Светынь впадала в море великим множеством рукавов, среди которых главенствовали два: Большая Светынь и Малая. Люди жили по матёрым берегам и на островах, и все, кого разделяли хотя бы узенькие протоки, величали друг дружку «зареченскими». Поселение в устье реки считалось городом, но это была простая дань памяти, обычай, возникший ещё до обособления миров и сохранённый доселе, ибо не дело покидать установления предков. Никакого города, то бишь неприступного укрепления от врагов, со стеной и всякими воинскими приспособлениями, здесь так и не выстроили. От кого огораживаться?... От добрых людей?...

Зуйко, правда, рассказывал Волкодаву о замшелых развалинах крепости, ещё различимых в лесу на скалистом острове в нескольких вёрстах от города: Варохова внучка успела сводить туда местная ребятня. Руины, по единодушному мнению горожан, помнили Великую Тьму. И самых первых поселенцев, бежавших в эти места от потоков и разрушений, случившихся после падения небесной горы. Те люди ещё не знали, что им придётся бояться только дикого зверя, и первым долгом возвели на острове кром. Теперь от него остался лишь

глиняный вал, добротнo прокалённый огнём и оттого ещё не до конца расплывшийся от снегов и дождей.

Зимние сражения стенка на стенку испокон веку устраивали на Светыни, в самом широком месте, где Малая расставалась с Большой. Там было спокойное, ничем не нарушенное течение и надёжный лёд до самой весны.

«Бою дай! Бою!...»

Почтенные старейшины концов со своими большухами уже прошли между готовыми сдвинуться потешными ратями, строго напоминая нерушимый закон: рукавиц не снимать, гирек и монет в кулаках не таить, по лицу и голове не охаживать, лежачих не трогать. Иначе получится уже не бой во славу Богов, а драка без толку и красоты, достойная бессмысленных пьяниц. Бойцы величаво кивали, но каждый отлично знал: в этом году, как и в прошлом, и в позапрошлом, и вообще всегда, у кого-нибудь непременно возобладает лихой задор. Придётся скопом ловить, вразумлять и, спустив для сраму портки, выпроваживать с поля долой.

Волкодав любовался сходявшимися кулачниками с высокого берега, где стояли и сидели на припасённых скамеечках небойцы. Венн жадно глядел вниз: происходившее на льду напоминало ему дом. Как же любили Серые Псы побаловаться потешным боем с ближними и дальними соседями – Барсуками, Синицами, Снегирями! Особенно по весне, в светлый день Рождения Мира, когда растущий день становится равен ночи!... Такой бой – улада Богам и людям добро. Парни с восторгом следят за отважными и ловкими девками, девки усматривают могучих и сметливых парней. Дедушка Волкодава рассказывал маленькому внуку, как впервые встретился с бабушкой...

«Бою дай! Бою!...»

Глядя сверху, венн помимо собственной воли начал переминаясь с ноги на ногу, поводить плечами... Резкая боль почти сразу остановила его, вынудила нахохлиться в уютном тепле негнушейся овчинной шубы до пят. Волкодав только-только оправлялся от ран и был совсем ещё слаб. Выздоровливал он медленно, и нынче ему всего второй или третий раз позволили выйти из дому. Куда уж тут кулаками размахивать...

Потеху всегда начинали подростки и молодые девчонки. Для затравки они кидались снежками, потом сходились вплотную. И уж за ними, раззадорившись и раскачавшись, с утробным гулом сшибались взрослые стенки.

Эврих сидел рядом с венном и, прикрыв глаза, подставлял лицо яркому зимнему солнцу. Вниз он не смотрел. По его глубокому убеждению, битва, затевавшаяся на льду, не могла быть предметом любования для образованного человека. Просвещённые арранты признавали кулачные схватки только один на один, в благородной наготе и с руками, обмотанными ремнём. Вот где поистине было чем восторгаться! Город, вскормивший знаменитого атлета, гордился земляком. Имена героев, отошедших от дел, высекали на каменных плитах... Но биться не ради состязания, не до непременно победы, – просто ради красоты схватки да ещё для того, чтобы якобы помочь божественному светилу, никак

не зависящему от людей?... Ну уж нет. Соплеменники Эвриха давно выросли из младенчества.

Молодой книгочей не мог понять только одного: почему Тилорн, перед которым он преклонялся, радостно и в охотку принял приглашение спуститься на лёд?... Звёздного странника, правда, в мужскую стену не взяли – сноровка не та! – и мудрец присматривал за ребятами: кабы не расшалились, в горячах не взялись разбивать друг другу носы. Внимательно глядевший Волкодав вскоре заметил, как один из мальчишек, обиженный попавшим по лбу снежком, зло устремился на супротивника. Тилорн сейчас же обернулся к нему. Но не так, как оборачиваются на дружеский оклик. Это было настоящее движение воина, мощное движение всего тела, начавшееся от бёдер. Учёный даже не стал простирать руку и восклицать «ха!». И без того парнишку сдуло с ног, кувыркком унесло в сугроб...

Когда окончилась рукопашная и победителей торжественно выкупали в круглой «солнечной» проруби, а со льда подобрали последнюю шапку, все вместе двинулись домой. Тилорн обнимал за плечи румяную, раскрасневшуюся, счастливую Ниилит. Волкодав, даже несмотря на толстую шубу озябший от сидения на одном месте, завидовал им и тоскливо думал о том, что, верно, нескоро ещё обретёт прежнюю силу. Если, конечно, ему вообще суждено её обрести. Он бы уж показал местным бойцам, не ведавшим, по его наблюдениям, куда там добродетельного кан-киро – даже и веннских ухваток «за вороток да в крапиву»...

Впрочем, воину не годится хвастать умением, и Волкодав поспешно подправил недостойную мысль. Не местным он стал бы показывать, а Бога Солнца порадовал бы зрелищем могучих бойцов, во славу Его летящих в разные стороны. Так, как принято было у него дома...

«Ну, поворотило солнце к весне, – зачёрпывая горсть чистого снега и растирая лицо, весело проговорил Эврих. – Теперь только дожидаться силионского корабля. Он всегда приходит во время весеннего похолодания, когда море посылает последнюю снежную бурю. Мой Учитель будет счастлив послушать твои рассказы, Тилорн... Ты ведь не был в Аррантиаде?»

Тилорн мотнул отросшими платиновыми кудрями:

«Нет. Ни в том мире, а в этом – уж и подавно. – И повернулся к молча слушавшему Волкодаву: – Друг мой, а ты с нами поедешь?»

«Нет, – сказал венн. – Не поеду».

И дело было даже не в том, что Эврих как бы обнёс его приглашением. Просто он давно уже наметил себе совсем иное путешествие, гораздо более важное, чем какой-то там Силион с его знаменитой библиотекой. Ещё осенью, впервые надеясь выжить, Волкодав загадал себе отправиться вверх по здешней Светыни. Земли двух миров были не совсем одинаковы, но сходства оставалось всё же гораздо больше, чем накопившихся различий. А значит, стояли где-то там и холмы, поросшие соснами и дубами... родные братья тех, среди коих по ту сторону Врат обитали когда-то Серые Псы... И кто знает, вдруг...

Ниилит и Тилорн взялись было его уговаривать и расспрашивать, в чём дело, но скоро отстали. Поступки свои, по давнишней привычке, Волкодав редко объяснял вслух. Даже лучшим друзьям. Мало ли чьего слуха может достигнуть произнесённое слово, мало ли кто даже и в Беловодье надумает сглазить затеянное... Устроить так, чтобы роду Серого Пса не нашлось места и на этой земле...

Конечно, нового вышибалу пришли выгонять уже на следующий день. «Зубатка» только-только успела открыться, как сразу два плечистых молодых человека в видавших виды кожаных безрукавках переступили порог. Волкодав вежливо посторонился. Стоум то ли узнал обоих, то ли просто мигом догадался, кто такие пожаловали. Тут же вынес обоим бесплатного пива, во всеуслышание заявив: грех, мол, спрашивать денег с таких пригожих ребят. Пригожие ребята охотно взяли кружки, подцепили из корзинки по горсти солёных крендельков и стали пить, поглядывая на венна. Тот был безоружен. Меч в завязанных ножнах и боевой нож при нём покоились за стойкой, на вбитом в стену деревянном гвозде. На ножнах меча висела и крепко спала, закутавшись в крылья, большая летучая мышь.

Эврих сидел за столом возле прохода на кухню. На это место всё равно не садился никто из гостей, если был хоть какой-нибудь выбор: кому любо, чтобы над головой то и дело проплывали подносы с едой либо с грязной посудой! Перед Эврихом стояла стеклянная чернильница и лежал десяток отточенных перьев, гусиных и тростниковых. От Волкодава не укрылось, что Тилорново перо-самописку аррант держал в сумке. Наверное, не хотел лишнего любопытства, вполне способного завершиться обвинением в колдовстве. А может, после вчерашнего просто боялся, как бы под шумок не украли...

Вошедший в «Зубатку» рослый белобрысый сегван повертел головой, словно что-то высматривая, и направился прямо к Эврихову столу.

– Ты, что ли, грамотей тутешний? – услышал Волкодав.

– Верно, господин мой, – учтиво и с большой готовностью отозвался аррант. – Ты желаешь составить письмо? Или обратиться к судье?...

– Мой судья у меня при бедре висит, – проворчал сегван и похлопал по ножнам меча, на которых болтался такой же ремешок с биркой, как и у самого Волкодава. – А вот письмишко не повредило бы. Так ты точно грамоте разумеешь или врёшь, чтобы денежки выманить? Знаю я вас, писцов: наскребёте каракулей – и поминай, как звали...

– Ты видишь меня в первый раз, так почему ты находишь возможным подвергать сомнению мою честность? – вежливо обиделся Эврих. – Я тебя пока ещё ничем не подвёл.

– Когда я иду наниматься, мне тоже не больно-то верят на слово, – ответил сегван. – Всегда велят сперва показать, на что я способен. А ну-ка, напиши на клочке... – тут он произнёс ругательство, весьма длинное и непотребное. – И пускай другие прочтут, верно ли ты написал!

– Я не буду бесчестить своё перо словами, оскорбляющими Богов и людей! – упёрся аррант. – И я думаю, ты тоже не всегда размахиваешь мечом, когда нанимаешься. Иной раз бывает достаточно назвать людей, готовых за тебя поручиться. Ведь так? Вот и здесь есть люди, могущие подтвердить мою правоту!

– Ну и кто же? – поинтересовался сегван. – Такой же грамотей-обманщик, как ты? Сознайся лучше, что писать не умеешь, я и пойду. Даже морду бить тебе не стану...

– Вот кто за меня поручится, – гордо произнёс Эврих и указал ему на Волкодава, стоявшего возле двери.

Сегван повернулся, отыскал взглядом невозмутимого вышибалу и долго не сводил с него глаз. Эврих поистине мог бы со всей определённостью сказать, что именно переваривал его медленный разум. Наёмник увидел перед собой не какого-то умника, малопонятного и оттого не внушающего никакого доверия. Отнюдь! Возле входа стоял человек, с которым они были одного поля ягоды. Венн, в отличие от арранта, выглядел понятным и объяснимым. Его слово могло кое-что значить.

– Тебе нечего беспокоиться, почтенный, – сказал хозяин трактира, как раз подошедший поставить перед наёмником пиво. – Они вправду знакомы. Это венн привёл сюда грамотея и попросил дать ему заработать.

Сегван взял пиво, пробормотал что-то о доверчивости, которая однажды непоправимо сгубит его, и наконец кивнул Эвриху. Ладно, мол. Так уж и быть.

– На каком языке господин мой желает писать? – поинтересовался Эврих. – Желает ли он запечатлеть благородную речь Островов? Или, может, на саккаремском, мономатанском, аррантском?

– А по-сольвенски разумеешь? – спросил сегван, усаживаясь поудобнее.

Волкодав отвернулся, пряча ухмылку. Недолго же выдалось Эвриху разгуливать беззаботным путешественником, в охотку пишущим на досуге о разных диковинах, встреченных по дальним краям. Голод не тётка, пирожка не подаст. Вот и сиди, гордый мудрец, сочиняй для сегванского наёмника письмо к каким-то сольвеннам...

Косясь на арранта, он между тем пристально наблюдал за Сонморовыми парнями. Сторонний человек, правда, счёл бы, что венн не обращал на двоих никакого внимания. Стоял себе и стоял, поглядывая то внутрь, где ранние посетители не столько ели и пили, сколько ждали, что будет, то на улицу, где уже начал останавливаться любопытный народ...

– «Неклюд, мать твою через тын и корыто! Охота бы мне знать, какого дерьмового рожна...» – начал диктовать белобрысый сегван.

– Господин мой, – осторожно кашлянул Эврих. – Тебе, несомненно, известно, что люди как-то лучше понимают смысл писем, если те начинаются, ну, например... «Государю Неклуду сердечный привет от...» От кого передать ему привет, господин?

– Больно длинно заворачиваешь, – насупился сегван. – Побольше денег хочешь слупить?

– Деньги – прах, – сказал Эврих. – Мне гораздо важнее, чтобы досточтимый Неклюд знал: к нему обращается человек, умеющий не только махать мечом, но и красно выражаться. Твоё племя, насколько мне известно, всегда ценило умение управляться со словом!

– Досточтимый!... – фыркнул сегван. – Старая задница Неклюд меня и так знает как облупленного. Прочтут ему твоё письмо, ещё решит, подменили. Как говорю, так знай себе и царапай!

– Ты можешь вставить нечто известное только тебе и ему, чтобы никто не вообразил, будто тебя или письмо подменили, – упорствовал Эврих. – Ни за что не поверю, что тебе самому не хочется составить письмо, достойное не простого рубаки, но предводителя сотен!

Побагровевшему сегвану определённо хотелось громыхнуть по столу кулаком, но что-то мешало. Наверное, вовремя сказанные слова насчёт предводителя сотен.

– Ты своим мечом не копаешь землю под столбики для палаток, – продолжал аррант. – Вот и я, обмакивая перо, предпочитаю нарушать чистоту листов чем-то таким, чего мне не придётся стыдиться... – И воинственно придвинул чернильницу: – Так от кого, господин мой, передать Неклуду привет?

– От Гарахара, – несколько оторопело ответил сегван. Он смотрел на сероватый лист, сделанный из расплющенной сердцевины мономатанского камыша, так, словно Эврих собирался вершить над ним колдовские обряды. Возможно даже, до наёмника начало медленно доходить, что перед ним сидел совсем не обязательно раб, решивший заработать денег и выкупиться из неволи, и не беспортошный бродяга, негодный к более достойному ремеслу. Жизнь уже объяснила Гарахару, что с людьми непонятными и притом не дающими вытирать об себя ноги – лучше считаться...

– Да! – спохватился Эврих. – Прости, почтенный, но мне ещё надо бы знать, в какие края и каким способом отправится твоё письмо!

Тут уж сегван подозрительно встопорчил жёсткие, как щётка, усы:

– Это-то тебе зачем, ты!... Для кого выпытываешь?...

Эврих спокойно улыбнулся. Причина его спокойствия стояла возле двери и, сложив на груди руки, косилась через плечо на раздражённый голос наёмника. На самом деле Эврих полагал, что дружба с трактирным вышибалой являлась не лучшим украшением для учёного, пишущего книгу в Силионскую сокровищницу знаний. Однако бывали моменты, когда тяжёлый, точно ладонь, взгляд венна необъяснимым образом успокаивал и утешал...

– Неправда: я ничего не выпытываю, – с достоинством возразил Эврих сегвану. – Просто, если твоему посланию предстоит путешествовать с голубем, я подберу лист наиболее тонкий и лёгкий. А если морем, не лучше ли употребить плотный пергамент и чернила, презирающие морскую сырость, брызги и даже случайное погружение в воду? Правда, это будет стоить чуть-чуть дороже...

Некоторое время Гарахар остолбенело молчал.

– Вот что, малый... – сказал он затем, и Волкодав расслышал в его голосе даже некоторую нотку почтения. – Ты человек, как видно, в самом деле учёный... Слушай, давай я тебе расскажу, какое у нас вышло дело, а ты уж сам умными словами напишешь?...

Тут разом стукнули о дубовую стойку кружки двоих пришедших по Волкодавову душу, и хозяин сейчас же осведомился:

– Довольны ли желанные гости? Вкусно ли было пиво, рассыпчато ли печенье?

От венна, присматривавшего краем глаза, не укрылось, как он потел.

– Пивом твоим хоть государя кониса потчуй, – простосердечно ответил младший из «желанных гостей». – И крендельки что надо. Небось, сыр овечий в тесто кладёшь? Моя мама тоже вчера...

Старший ворчливо перебил:

– Вот только охранника ты себе, Стоум, дрянного завёл. Сменить надо бы.

Хозяин «Зубатки» начал комкать в ладонях чистый передник. Заступаться за Волкодава и перечить Сонморовым людям у него не было ни малейшей охоты. Но и от обычая отходить не годилось.

– Место у двери принадлежит тому, кто крепче за него бьётся, – старательно отводя глаза, произнёс он древнюю формулу. – Всякий трактирщик радуется спорам достойных бойцов, стремящихся ему послужить...

Люди за столами согласно зашумели, но не особенно громко. Им и дракой полюбоваться хотелось, и боязно было Сонмора обозлить. Только один, здоровенный усмарь, неистребимо пропахший кислыми кожами, увесисто прихлопнул ладонью:

– Тормар не сам отсюда ушёл, и этот, как его, не разговоров слушаться станет!

Следом за могучим усмарём подал голос близорукий красильщик.

– А я слышал, – проговорил он тихонько, – Сонмор велел уважать то, что чтили наши отцы...

– Это кто сказал, мы не чтим? – осердился старший. Он собирался добавить, что, мол, сейчас и почтит Волкодава согласно всем старинным законам, но в это время народ на улице зашумел, заметив что-то даже более интересное, чем в кои веки раз поспорившие вышибалы. Венн оглянулся. Вдоль каменного забора шла Поющий Цветок. На ней по-прежнему красовался наряд уроженки восточного Халисуна, то есть просторная сорочка и широкие шаровары. Только сшитые из обычного льняного полотна, а не пёстрые шёлковые, как давеча на помосте. А за девушкой, привычно положив руку ей на плечо, шагал незрячий мономатанец. Его одежда тоже мало чем напоминала вчерашнюю, позволявшую любоваться точёным лоснящимся телом. Мягкие башмаки, холщовые штаны, вязаная накидка поверх рубахи... По мнению венна, Нарлак был довольно тёплой страной. Уроженца жаркой Мономатаны наверняка донимал холод.

Появление Слепого Убийцы и его прекрасной помощницы вызвало понятное любопытство в народе, и Волкодав не стал исключением. Он даже сказал себе, что, уж верно, нашёл бы о чём поговорить с метателем блестящих ножей, если бы только тот захотел с ним познакомиться. Но с какой стати такому знаменитому и славному человеку знакомиться с простым вышибалой?...

Потом Волкодав невольно поискал при нём глазами ножны с несколькими ножами, но не нашёл. Это заставило его призадуматься. Он был почему-то уверен, что без оружия слепой не ходил. Но вот где он прятал его?... Волкодав не единожды служил телохранителем и такую вещь, как припрятанный нож, обычно распознавал с первого взгляда. Бывали, правда, случаи, когда и он чуть было не ошибался. Венн мысленно перебрал их, и то, что он припомнил, его весьма огорчило. Человек, способный так скрыть на себе оружие, чтобы Волкодав не сразу нашёл, навевал немалые подозрения. Оставалось предположить, что калека прожил сложную жизнь. И, уж конечно, был далеко не столь беззащитен, как кто-нибудь мог вообразить...

– Пойдём дальше, – негромко сказала своему спутнику Поющий Цветок. – Здесь сейчас драка будет, по-моему.

Она говорила по-халисунски, и Волкодав её понимал.

Мономатанец отозвался с усмешкой:

– А кто боится драки?

– Я боюсь, – свела тёмные брови Поющий Цветок.

– Ну да, – хмыкнул он. – Тебя послушать, и как только меня до сих пор не пришибли. Ладно, давай, заходи внутрь. Я есть хочу.

Девушка ещё колебалась. Волкодаву очень хотелось, чтобы они зашли, и он с поклоном сказал ей на её языке:

– Драки не будет, достойная госпожа. Дело в том, что я нанялся хранить здесь порядок, а другим людям это не нравится, вот они и пришли меня выгонять. Тебе и твоему другу поистине ничего не грозит.

– Во имя Лунного Неба!... – вырвалось у неё. Мономатанец крепкой рукой сжал девичье плечо: – Слышала?... Я надеюсь, жареную камбалу здесь подают? Или только зубатку?...

– Подают, мой господин, как же не подают! – вмешался выглянувший Стоум. Он, конечно, тоже боялся назревавшего сражения, но подобного гостя упускать не годилось. – Какую ты предпочитаешь? В сухарях или в тесте? А может, по-сегвански, с луком, в горшочке?... Моя стряпуха сама с Островов, она знает, как правильно приготовить. Зурия! Зурия, быстро сюда!... «Умный, как сто человек» хорошо понимал: народ наплюёт на любую опасность и даже на гнев Сонмора и валом повалит в трактир, где можно близко рассмотреть знаменитого Слепого Убийцу. А если ещё удастся подольститься и уговорить его что-нибудь этакое показать... Стоум даже решил про себя, что в этом случае покормит его даром.

Важная Зурия выплыла из кухни, принеся с собой целое облако запахов. Сложила под передником маленькие пухлые руки и с непроницаемым видом принялась слушать наставления метателя ножей, любившего, как видно, вкусно поесть. Две молодые служанки обносили пивом и закусками стоявший на улице люд. Сонморовы костоломы и те засмотрелись на мономатанца и на какое-то время забыли про Волкодава. Он молча косился на них, потом решил напомнить о себе.

– Высоко ставит меня Ночной Конис, – проворчал он, обращаясь к старшему. – Двоих сразу прислал...

У него дома всегда полагали, что надо сперва сделать дело, а развлекаться – уже потом.

– Это ты сам много о себе понимаешь! – враждебно отрезал кондарец. И кивнул на младшего, сложением и возрастом напоминавшего Тормара: – Драться будет он! А я – смотреть, чтобы по чести!...

Волкодав понял это так, что подробности изгнания Тормара достигли внимательных ушей и бить его на всякий случай пришли всё-таки двое. Только не хотят впрямую о том говорить. Он улыбнулся, показывая выбитый зуб:

– Ну так что? Долго разговоры разговаривать будем?...

Рассерженный кондарец повернулся к нему и сцапал одной рукой за грудки, отводя кулак для удара. Но не ударил. Что-то подхватило его под локоть, и миг спустя он с изумлением обнаружил, что стоит постыдно скрючившись и упирается носом в собственное колено. Которое, кстати, мешает согнуться ещё ниже и уберечь левую руку, готовую вот-вот затрещать. Пока он соображал, что такое случилось и как с этим быть, Волкодав выпустил его и насмешливо проговорил:

– Ты ведь драться, по-моему, не собирался.

Кондарец ещё не успел толком разогнуться, когда его младший приятель прыгнул к венну без предупреждения, взвившись с места, как кот. Он, наверное, полагал, что преимущество нового охранника состояло в быстроте. Он ведь не слышал вразумлений Матери Кендарат: Напавший на мастера кан-киро проигрывает не потому, что напал медленно или неудачно. Просто потому, что напал...

Волкодав себя мастером не числил. И с некоторых пор вообще сомневался, позволено ли было ему прибегать к светлому искусству, дарованному людям во имя Любви. Тем не менее, с рукой Сонморова парня, метко выстрелившей венну в живот, произошло неведомо что. Каким образом возможно заломить кисть, сжатую в увесистую кувалду, осталось совершенно неясным. Однако венн совладал. Прыгнувший кот оказался пойман за хвост. Вынужденный спасать руку, молодой нарлак опрокинулся навзничь и, крутанувшись по полу, как выскользнувший из ладони веник, закатился под ближний стол, прямо под ноги усмарю. Пинать его не стали – всё же Сонморов человек! – но встретили хохотом. Разбуженный Мыш поднял голову, огляделся по сторонам, сладко зевнул и опять спрятал мордочку в крылья.

Старший, покинутый Волкодавом разминать локоть, забыл про собственные болячки и подскочил к обидчику сзади, желая сгрести за шею.

В честном споре вышибал так поступать не годилось.

– Сзади, венн! – кричало сразу несколько голосов. – Оглянись!...

Среди тех, кто пожелал предупредить его, была и Поющий Цветок. Волкодав не стал оборачиваться. Зачем? Намерения противника, оставшегося за спиной, были бледными сполохами красноватого пламени: и не глядя ясно, что затевает. Венн качнулся вперёд, чтобы кондарцу пришлось тянуться за ним, а потом вскинул руки и неожиданно осел на колени. Почти тотчас вновь грянул хохот, да такой, что со стенных полиц хлопьями посыпалась сажа. Ибо старший, принуждённый к неловкому прыжку, врезался в младшего, как раз встававшего с пола. И, конечно, унёс его обратно под стол.

– А ещё говорил, драться не собираешься, – покачал головой венн. – У твоего Сонмора все люди такие лживые?...

Старший, чернея, опустил руку к поясным ножам. Волкодав следил за ним с очень неприятной усмешкой.

Стоум, вернувшийся за стойку, попятился как можно дальше:

– Любезные мои, любезные, только крови не надо... Только крови не надо, прошу вас!...

– Не будет никакой крови, – пристально глядя на парня, пообещал Волкодав.

Тут вскочил на ноги младший, и они ринулись в битву уже вдвоём. Действовали ребята, ничего не скажешь, согласно. Волкодав отступил чуть в сторону и ещё раз призвал к ним милосердие Богини Кан. То есть вмазал крепких ребят друг в дружку и в пол. А потом быстро присел между их головами, держа перепутанные руки и не давая ни приподняться, ни отползти. Старший ещё держал нож, но пальцы вывернутой кисти не смогли воспротивиться. Волкодаву даже не потребовалось разжимать их: раскрылись сами. Он просто вынул из ладони красивый резной черенок.

– Таких вышибал вроде вас, – буркнул он, – грех в приличном месте держать. Которые чуть что на смирных людей ножи достают...

Эврих поднял голову от листа, на котором выводил письмо, и смотрел на Гарахара с плохо скрываемым нетерпением. Наёмник до того увлёкся схваткой, что остановился на полуслове и, кажется, забыл, о чём вообще шла речь. Поющий Цветок на ухо пересказывала мономатанцу происходившее перед стойкой. Слепой Убийца одобрительно кивал головой. Было слышно, как люди, толпившиеся на улице, требовали новостей у тех, кто сумел всунуть голову в дверь или в окошко. Народ за ближними столами одобрительно гудел, по полу разом прокатилось несколько мелких монет. Не грех и отблагодарить за потеху. Йарра мигом подобрал монетки и припрятал для венна.

Волкодав тем временем поворачивал и рассматривал отобранный нож. Нож был самый настоящий боевой, в добрых полторы пяди длиной. Такое оружие пускать в ход, споря из-за места в трактире, – самое распоследнее дело. Волкодав посчитал, что безнаказанно спускать подобное не годилось, и хотел уже велеть молодцам расстёгивать пояса, принимая великое посрамление, – но тут Эврихов сегван неожиданно возмутился:

– Да обман это всё! Я обоих в драке видал!... Этих запросто не сшибёшь!...

К нему обернулись, и он с горячностью продолжал:

– Вот так они и заставляют всё больше платить! Только вид делают, что будто кулаками машут, а сами сговорятся и...

Это было уже прямое оскорбление, равно задевавшее и венна, и его супротивников. Первым побуждением Волкодава было предложить сегвану выйти к стойке и подтвердить сказанное делом, как надлежит воину и мужчине. Однако плох вышибала, затевающий свары с гостями. Да и негоже вязываться в новое дело, не довершив начатого.

– Сымайте-ка пояса, – сказал он, выпуская Сонморовых громил, ёрзавших и кряхтевших на усыпанном соломой полу. Те сразу вскочили. Обоих трясло от ярости и унижения, но делать было нечего. Пришлось расстёгивать блестящие пряжки и бросать ремни с ножнами под ноги победителю. Сами потеряли достоинство, сами превратили обычную схватку охранников в настоящую драку. Не на кого пенять.

Венн тем временем соображал, как быть с сегваном, но тут ему на выручку пришёл близорукий красильщик.

– Я слышал, – проговорил он, обращаясь к наёмнику, – у двери трактира может встать любой человек, который того пожелает и сумеет своё желание отстоять. Вот ты кричишь, венн с кем-то сговаривался. Может, тебе на его место охота?

– Или сядь и не возводи напраслину ни на него, ни на великого Сонмора, – добавил усмарь. Победённые, злобно проталкивавшиеся к дверям, остановились послушать. Не убежать же, когда речь заходит о чести вождя.

Гарахар посмотрел на арранта, на неоконченное письмо...

– Я тебя подожду, господин мой, – с улыбкой сказал ему Эврих. – Поразмысли покуда, как лучше изложить твоё дело...

Пришлось наёмнику перелезть через скамью и идти к стойке. Волкодав бросил за неё отвоёванные пояса и выпрямился навстречу. Меч у сегвана был, конечно, завязан, но молодцы вроде него очень не любят ходить с пустыми руками. Сам привык людей обижать, вот ему и мерещится – сейчас нападут. Волкодав, раздосадованный, что не справился с мономатанцем, живо обшарил его глазами с головы до ног. Намётанный взгляд вмиг отметил высокие, под самое колено, сапоги и чуть-чуть оттопыренное правое голенище. Что у него там? Дубинка?...

Сегван нагнулся, не спуская с него глаз, и вправду сунул пальцы внутрь сапога. Как и ожидал венн, это оказалась дубинка. Не очень длинная, гладкая, утолщённая кверху, с круглой шишечкой на рукояти, чтобы в драке не выскальзывала из вспотевшей ладони. Подобное оружие в Кондаре почему-то не запрещали носить при себе. Меч завязывай и на луке чтобы никакой тетивы, а дубинку – пожалуйста. Видно, от кого зависел запрет, ни разу такой штуковиной по головкам не гладили.

А трудное это дело, наверное, составить об оружии толковый закон. С одной стороны, в самом деле незачем вроде расхаживать по городским улицам с копиями и мечами. С другой стороны, этак можно дойти до того, чтобы на всякий случай руки вязать. Ибо руки, если поразмыслить, сами по себе оружие хоть куда...

Гарахар перехватил дубинку привычным движением многоопытного бойца, взгляд стал напряжённым.

– Спрятал бы ты её, парень, – предостерег наёмника Волкодав. – Стодится ещё!

– Позови свою жену, венн, я её... – рявкнул в ответ Гарахар. Дубинка, зажатая в крепкой руке, мелькнула вперёд.

Волкодав успел по достоинству оценить удар, направленный в горло. Таким ударом, достигни он цели, не то что человеческое тело – стену можно проткнуть... Нет, не стоило Гарахару так бить. И веннских женщин трогал он ох и зря... Волкодав за это разобрался с ним безо всякого кан-киро, обычным боем своего племени. Его движение мало кто успел разглядеть. Он сделал короткий шаг, левая рука хлестнула наотмашь, разворачиваясь ребром... Удар перехватил дубинку на середине разгона. Раздался короткий треск, что-то звонко брякнуло в стену позади стойки, мало не сшибив рыбе чучело, висевшее на деревянных гвоздях. Стоум наклонился и изумлённо поднял деревянный обрубок. С одного конца гладкий и закруглённый, с другого – украшенный венником разможжённых волокон. В нём кое-как ещё можно было узнать переднюю половину дубинки.

Стойка была у Волкодава слева, вот он и пустил в ход левую руку. Чтобы ненароком кого-нибудь не зашибить.

Наёмник, промахнувшийся с ударом, неподвижно смотрел на остатки, задержавшиеся в кулаке. Этого не могло быть, но это случилось, глаза не обманывали его. Живая ладонь разрубила плотное мелкослойное дерево, как гнилушку. Во всяком случае, Гарахару уже казалось, будто Волкодав почти не затратил усилий. Сегван помимо воли задумался, что было бы, шарахни эта пятерня ему, Гарахару, по шее. Или по...

– Сядь! – по-прежнему негромко, но внятно сказал Волкодав. – У тебя письмо лежит недописано!

Стук разбудил Мыша. Сообразив, что пропустил нечто весьма интересное, зверёк живо перелетел хозяину на плечо. Встопорщил шерсть и воинственно твякнул сразу на всех.

Молодые подмастерья, сидевшие рядом с кожевником, одновременно раскрыли рты – требовать продолжения боя. Слишком быстро всё кончилось; хотелось любоваться ещё. Мудрый усмарь

изловчился пнуть под столом сразу обоих. Он-то понимал, что выдержка у венна не беспредельная. И почти вся ушла на то, чтобы не изувечить оскорбителя жён. Гарахар вернулся на своё место, молча сел и некоторое время смотрел куда-то сквозь Эвриха. Он явно видел перед собой не аррантского умника, а чью-то ладонь, занесённую подобно мечу. – Позволь, господин, я напомним тебе, на чём мы остановились, – в конце концов осторожно проговорил Эврих. Деяние Волкодава и на него произвело немалое впечатление, но он предпочёл не показывать виду. Сперва следовало исполнить работу. И получить за неё плату. Желательно такую, чтобы окупить место за столом и маленькую вывеску на двери. А если вправду хочешь работы, лучше не восторгаться, глядя, как твоего заказчика едва не пришибли. – «Почтенному Неклюду от Гарахара, пребывающего ныне в славном Кондаре, на постоялом дворе Лумона Заплаты, низкий поклон, – вполголоса перечитал Эврих начало письма. – От тебя давно не было вестей, так что сердце моё полнится беспокойством...» Было заметно, как постепенно таяло перед глазами сегвана видение беспощадной руки, готовой смахнуть голову с плеч. Арранту пришлось ещё дважды читать ему написанное, но вот он окончательно вспомнил, на котором свете находится, и вновь начал толковать Эвриху, какое такое дело было у него к галирадцу Неклюду. Люди в трактире налегали на сольвеннскую селёдку и копчёных угрей. Поющий Цветок и Слепой Убийца уплетали из одного горшочка отменную камбалу, благоухавшую луком и душистыми пряностями. Сонморовы посланцы тихо убрались прочь, Стоум же, исполнившись внезапного задора, кликнул слугу. Парень весело вколотил в стену два длинных гвоздя, а потом укрепил на них отнятые пояса. Так в Кондаре принято было обозначать доблесть охранника, не убоившегося вооружённых врагов. Волкодав поглядывал на работника без большого восторга. Если бы кто спросил его мнения, он бы эти пояса лучше отдал за выкуп. Он видел, как Стоум припрятал оба обломка дубинки. И тот, что улетел за стойку, и рукоять, выброшенную Гарахаром под стол. Уйдёт сегван, и трактирщик чего доброго велит вколотить в стену ещё один гвоздь. И будет до хрипоты перечислять видоков, доказывая новым гостям, что деревяшку в самом деле перерубила человеческая рука.

Когда Стоум уже закрывал двери, Эврих отозвал Волкодава в сторонку.

– Я тебе хочу рассказать... – начал он с таким видом, словно собирался поведать о кончине всеми любимого родственника. – Ты понимаешь, наёмный писец не должен кому-либо раскрывать содержание посланий, прошедших через его руки...

– Ну и не раскрывай, – сказал венн.

– Нет, я должен, ибо тут случай особого рода. Знаешь, о чём писал в Галирад тот сегван, которому ты дубинку сломал? Он спрашивал какого-то Неклюда, куда запропастился их общий приятель Зубарь и ещё пятеро, которым уже давно следовало бы здесь объявиться.

– Так...

– Я немного разговорил сегвана и узнал, что они собирались вместе дожидаться некоего Астамера и на его корабле отправиться за море, в Тин-Вилену. Оттуда якобы приезжал воинствующий жрец Близнецов и показывал непобедимые боевые приёмы. Вот они и надумали ехать к «полосатым» на службу...

Опять Тин-Вилена, закрывая за ним дверь, повторил про себя Волкодав. Опять этот таинственный Наставник.

Жалко, что мы с Эврихом поедем совсем в другую сторону и не заглянем туда. А то я не отказался бы посмотреть на опозорившего Искусство. Да правит миром Любовь... Кто, интересно бы знать, учит, вернее, недоучивает кан-киро, даже не пробуя изменить души людей?... Воинствующий жрец, в полной мере постигший дар Богини, уже не остался бы воинствующим жрецом... Или я чего-то не понимаю?... Самому-то мне сколько пыталась Мать Кендарат дать эту Любовь, а я? Я хоть чуточку изменился?... То-то она от меня потом отказывалась собиралась...

* * *

Ещё два дня всё повторялось, как в первый. Разнилась только внешность Сонморовых людей, являвшихся искоренять из «Зубатки» не в меру наглого венна. Первый был уроженец Саккарема, до того рослый, могучий и жирный, что его без большого труда удалось бы разделить на двух с лишком Волкодавов. Или на трёх Эврихов. От этого человека Стоумова

харчевня претерпела некоторый ущерб. При всей своей толщине саккаремец оказался гибок и очень увёртлив, но телесная тяжесть брала своё: сокрушительный прыжок, слегка подправленный Волкодавом, унёс его прямо на стол, и Божья Ладонь разлетелась в мелкие щепы, не сколотишь обратно.

Пояс саккаремца мог бы широким кольцом обхватить и два добытых прежде него, и сломанную дубинку. Толстяк поднялся с пола, запыхтел и, не поднимая глаз, взялся за пряжку ремня. Пряжки в его стране носили большущие, величиной с блюдце. Начищенная кружевная медь являла Древо Миров и рогатых оленей, пасущихся в его кроне.

– Зачем? – спросил Волкодав. – Ты за оружие не хватался, правил не преступал... Добрых бойцов у нас не бесчестят...

Саккаремец почти с признательностью посмотрел на него и поспешил вон. На улице его встретили восторгами. Позже Йарра рассказал Волкодаву, что переживать за Киринаха – так звали саккаремца – явилась половина Серёдки. Кончанские любили парня за добрый бесхитростный нрав и за то, что на ярмарках он неизменно поднимал самую тяжёлую гирию, а с полученных денег кормил сладостями уличную мелкоту. Хорошо, сказал Йарра, что Волкодав не стал позорить такого славного малого. Венн только пожал плечами в ответ. Он оставил Киринаха при поясе за честный бой, а не ради чьей-то любви.

Второй его противник, наоборот, оказался невелик ростом, но зато на диво проворен. Такие, как он, умеют взбежать по отвесной стене и перевернуться через голову, оказываясь за спиной у соперника.

«Если ты меньше ростом, – наставляла когда-то Мать Кендарат, – это твоё преимущество. Если ты выше – это опять преимущество. Надо только уметь им воспользоваться...»

Волкодав и воспользовался. Коротышка на самом деле был гораздо опасней добродушного толстяка саккаремца. Незачем подпускать его к себе вплотную ни с кулаком, ни с цепко растопыренными пальцами, способными выдрать клоч одежды с кожей и мясом. Это не Гарахар с его дубинкой, назначенной пугать непривычных к оружию мастеровых. Это настоящий боец. Волкодав не стал состязаться с ним в быстроте. Он трижды провёл его мимо себя приёмом, называвшимся «горная ель сбрасывает с веток снег и вновь выпрямляется». После третьего раза народ стал хохотать, а нарлак, успевший собрать на одежду и волосы половину соломы с половиц, сообразил, что ничего путного не добьётся, и рванулся за дверь, плюясь, точно рассерженный кот. Его проводили шутивными приглашениями заглядывать снова.

Состоятельные гости «Зубатки», доселе предпочитавшие тихие угловые столы, начали садиться ближе к стойке. Стоум решил не упускать выгоду и стал заламывать дорожку с тех, кто желал наблюдать споры вышибал с удобного места. Он был по-прежнему убеждён, что трактир вот-вот подпалят, но покамест дела шли бойчее некуда. Слухи о происшедшем в «Зубатке» были на устах у всего города, и посетители валили валом. Одних занимало, кто и когда наконец совладеет с удачливым венном. Другие глазели на Слепого Убийцу, исправно вкушавшего камбалу, приготовленную Зурией. Третьи просто не хотели ударить лицом в грязь перед соседями: как самим не посмотреть, про что все говорят!...

На седьмой вечер службы Волкодав отказался остаться в закрытом на ночь трактире. Стоум оглядел родные стены так, словно они должны были вот-вот обрушиться, и завёл привычную песню:

– Погубят, виноват будешь... Из-за тебя всё!

– Кому ты нужен, ещё тебя жечь! – сказал Волкодав. – А боишься, сторожа на ночь найми, денег у тебя хватит. Или мне плати вдвое против дневного!

Сам он верил в то же, во что и все. Была охота Сонмору выставлять себя на посмешище: не одолел в честном соперничестве, расплатился трусливо, исподтишка!... Может, вправду станут крепче бояться. Но вот уважать, как теперь...

Люди за столами в трактире говорили об этом в открытую, ибо каждый гадал, как теперь поведёт себя ночной конис Кондара. Честь для нынешнего Сонмора была не пустой звук, и все это знали.

Было видно, как схлестнулись в душе сольвенна скупость и страх... После недолгой борьбы победила скупость.

– Ладно, ступай!... – сказал он с таким видом, будто делал Волкодаву большое благодеяние. – Но если всё-таки... Если мою «Зубатку»...
– Ну и будешь сам виноват, – проворчал венн. – Не жадничай.

Стоум воздел руки и горестно спросил сольвеннского Бога-Змея, дарующего тяжесть кубышке, за что Он послал ему подобное наказание. Однако оплатить строптивому вышибале ночное бдение не предложил, и Волкодав с Эврихом отправились через весь город в «Нардарский лаур». Там ждали их Сигина и Рейтамира; женщины пока ещё толком не огляделись в Кондаре, не говоря уж про то, чтобы как-то устроиться и начать жить. Сидя в маленькой деревне, легко рассуждать о большом городе и о том, как любой пришлый человек может запросто подыскать в нём кров и занятие. Когда доходит до дела, всё почему-то оказывается гораздо сложнее, чем представлялось. Волкодав временами думал об этом, приглядывая за порядком в «Зубатке». Ну, заработают они с Эврихом денег, договорятся с каким-нибудь мореходом, купят место на корабле... По-видимому, то, что платить придётся за четверых, можно было считать делом решённым. Не бросать же на добрых людей слабоумную старую женщину и молодуху, отженённую от мужа?... Притом не без их помощи отженённую ?...

Что касается Рейтамиры, Волкодав вообще был убеждён, что Эвриха вынудят покинуть её только безвыходные обстоятельства. Молодой аррант не пытался обнимать песенницу (и рад был бы, да вот ответная склонность...), но все видели, с каким лицом он желал ей доброго утра. Он и теперь нёс ей в опрятном лубяном туесочке горсть халисунских орехов, вываренных в меду. Ловкое перо, умевшее складно приставлять друг к другу вежливые слова, целый день трудилось без усталости и принесло денежку. Купить лютню ещё не хватало, но отчего не побаловать сироту?...

– Ну кто бы мог подумать, – рассуждал между тем Эврих, – на какую чепуху судьба однажды заставит употребить священный дар письменности!... Ты, может быть, обратил внимание на тех двоих, отца и сына с северных выселок?... Уж верно, ты отличил их по запаху, когда они мимо тебя проходили. Такие, сколько ни мойся, всё равно благоухают скотным двором. Ты представляешь, я тратил чудесные несмыслимые чернила, нанося на берестяные квадратки клички каких-то свиней!... «Лакомка» и «Пегое Рыльце»!... Те двое от кого-то услышали, будто я красиво пишу, и решили сделать таблички на дверках загонов, в которых они держат породистых маток. При том что ни тот ни другой не умеют читать!...

– Может, свиньи умеют?... – шагая по узкой улице, спросил Волкодав. Эврих издал такой стон, что венн сразу пожалел о сказанном. Не выучился шутить, лучше и не пытайся. Он спросил: – Деньги-то они тебе заплатили?

– А как же, заплатили, – ответил аррант. – Очень даже хорошо заплатили...

– Ну и радуйся, – проворчал Волкодав.

Эврих только руками всплеснул, поражаясь его равнодушию.

– Ну вот скажи мне, друг варвар, почему просвещённые люди, умственный цвет своего народа... Я не про себя говорю! – добавил он раздражённо, заметив усмешку покосившегося венна. – Почему, я спрашиваю, замечательные мудрецы всегда живут в нищете? И вынуждены идти на поклон к тем, кто не пригоден ни к чему более возвышенному, кроме как рыться в вонючем навозе? А?...

Волкодав поинтересовался:

– А твои мудрецы свинину едят?...

В это время года в Галираде и в веннских лесах царили очень светлые ночи. Сверкающая колесница Бога Солнца скользила за самым земным краем, почти не заглядывая в Исподний Мир. Так близко от окоёма носили её крылатые кони, что отблеск лучистого золотого щита проникал в небо, гоня прочь темноту... А если верить сегванам, у них на Островах в эту пору солнце не садилось совсем. Так и гуляло кругами, то поднимаясь повыше, то опускаясь к самому горизонту... Здесь, в Кондаре, людям не было даровано полуночного света. Над морем догорали лиловые сумерки, понемногу становилось темно.

Когда-то давно, ещё на каторге, один учёный мономатанец объяснил Серому Псу, почему так получается. Он рассказывал, поворачивая маленький камень вокруг большого, и, наверное, своя правда в его объяснении имелась. Однако венн не обнаружил в нём тайны и красоты, и оно ему не понравилось.

Вот Тилорн – тот умел говорить как-то так, что хотелось верить ему. Верить – и расспрашивать дальше...

Волкодав нахмурился и вздохнул, шагая вперёд. Они ещё толком не успели удалиться от Врат, а он уже мучительно скучал по друзьям, оставшимся в Беловодье. Нехорошо.

Богатые дома в Кондаре были сплошь каменные, под чешуйчатыми крышами из глиняной черепицы. При мысли о том, чтобы поселиться где-нибудь здесь, Волкодава брала жуть. Каким образом люди умудрялись спокойно спать и хорошо себя чувствовать в подобных жилищах, он искренне не понимал. Дома попроще хотя и стояли на каменных подклетах, жилые срубы в них были всё-таки деревянные. То есть, по мнению венна, пригодные для обитания. Другое дело, разросшемуся городу становилось всё тесней в кольце защитной стены, и дома вытягивались вверх, точно хилые деревья в слишком густом лесу, стискивая и без того узкие улицы. Над головой меркла полоска вечернего неба, лабиринт каменных переулков всё больше напоминал Волкодаву пещерные переходы. Ему это не нравилось. Темнота его, обладавшего ночным зрением, не смущала, но чего хорошего можно ждать от подземелий?...

– А чернила!... – продолжал плакаться Эврих. – Ты помнишь, сколько бился над ними Тилорн? Он ведь замучил гончара Козицу, пока тот сделал ему светильник с длинными трубками для сжигания масла. Он поссорился с Сиривульдом, внуком старшины рыбаков, потому что тот всё не мог сварить ему достаточно светлого и прозрачного клея. А помнишь, как он подбирал масло, дающее самую тонкую и чистую сажу?...

Венн невольно улыбнулся. Купец Гзель, обладатель всяких иноземных диковин, в конце концов перестал пускать настырного учёного на порог и даже пригрозил спустить на него злую собаку. Тилорн, ничуть не испугавшись, на завтра пришёл к нему с Волкодавом. Кажется, именно в тот день он и добыл у Гзеля то, что ему требовалось. Душистое масло, предназначенное для девичьих притираний, целую седмицу потом горело в маленьком светильничке, утопленном в корыто с водой. Тилорн, по обыкновению, с головой ушёл в опыты и в ужасе спохватился, только когда запах благовоний успел пропитать весь дом и спастись от него стало решительно невозможно. Потом заморские ароматы смешались с благоуханием всевозможных клеев, опять-таки приносимых Тилорном для испытания. Сначала появился шубный, вываренный из кож, затем костный и рыбий...

Волкодав улыбнулся опять, сообразив, что Эврих соскучился по Тилорну, Вароху и Ниилит ничуть не меньше его.

– В Четырёх Дубах я только-только развёл новую палочку, чтобы записать рассказы Рейтамиры, – жаловался аррант. – Тут же врываются какие-то незаконнорожденные, которых следовало бы отвести на рабский торг и там обменять на мешок коровьих лепёшек... предварительно оскопив... и разливают по полу драгоценную жидкость, способную запечатлеть столько премудрости, что их жалкие умишки лопнули бы, вздумай они постигнуть десятую её часть!... Нет, право, стоило бы снять шкуры с обоих и растянуть на полу, дабы человек, приготовивший эти чернила, мог вытереть ноги... И вот сегодня являются двоюродные братья этих безмозглых, и я трачу божественную кровь учёности на таблички с именами свиней! И почему каждому недоумку, обзаведшемуся деньгами, непременно охота, чтобы его никчёмная записка была начертана самыми лучшими чернилами и на самых лучших листах?... Один мне прямо сказал: сделай, как для такого-то, только ещё лучше! Я заплачу!... Да всякий раз требуют, чтобы я растворил в чернильнице свежих чернил, а потом вылил остаток!...

– Ну так приготовил бы другие, – проворчал Волкодав. – А Тилорновы приборёг.

Эврих смутился:

– Я помогал Тилорну от начала до конца, но...

– Сажу наскребёшь из камина, – сказал Волкодав. – Станут они тебе проверять, так ли блеснит.

Клея и масла тут тоже, по-моему, можно чуть не даром добыть...

– Да, но каждому требуется, чтобы не расплывалось в воде... Я не ручаюсь, что у меня всё выйдет как...

– А ты проверь, – посоветовал Волкодав. – Сделаешь – и вылей себе на штаны. Если отстирается, значит, что-то не то...

Улицы в Кондаре отродясь прокладывали так, чтобы отовсюду виден был дворец государя. По утрам над городом обыкновенно висела прозрачная молочно-белая дымка, и сквозь эту дымку людям казалось, будто стоявшая на горке высокая островерхая цитадель плыла над крышами, колеблясь в лучах рассветного солнца. Зрелище было в самом деле прекрасное: ни дать ни взять сказка, манящая за собой, сулящая вывести из серых пределов обыденной жизни...

«Славься, вождь!» – торжествуют рассвета лучи.

«Славься, вождь!» – на прощание шепчет закат.

Сколько, друг мой, по этой земле ни скачи,

Ты подобное чудо отыщешь навряд...

– гласила кондарская баллада, услышанная Волкодавом ещё на каторге. Северные нарлаки клялись также, будто в прежние времена ценители красоты нарочно посещали Кондар, желая полюбоваться «парящим дворцом». Снизу да сквозь туман ведь не видно, как по улочкам, круто взбиравшимся к крепости, ручьями сбегают помои...

...Когда же, вроде как теперь, над городом сгустились вечерние сумерки, цитадель грозно чернела на фоне догорающего заката, а огоньки факелов, мерцавшие по стенам, казались живыми глазами, зорко устремлёнными в ночь. Недаром в той же балладе рассказывалось о прошлом величии, о былых сражениях и о неусыпной страже, в которой вместе с нынешними воинами незримо стоят тени павших героев... Волкодав не был поэтом, и никакие чудеса и красоты не могли заставить его забыть о насущном. Он вдруг молча схватил Эвриха, шедшего чуть впереди... и швырнул его наземь. Аррант успел мимолётно подумать о запасе камышовых листов, обречённых непоправимо измяться. И ещё о том, что вот сейчас разобьётся чернильница и пропадут тщательно сбережённые остатки чернил... Сколько ни учил его Волкодав, он всё-таки ударился локтем, и в груди отозвалась острая боль.

Почти одновременно о стену дома коротко лягнул металл. На каменную мостовую рядом с Эврихом упал толстый самострельный болт. Аррант невольно посмотрел туда, откуда он прилетел, и успел увидеть Волкодава, исчезавшего в темноте. Мыш с криками летел над головой венна. Эврих торопливо огляделся и смекнул, почему нападавшие, кто бы они ни были, облюбовали для засады именно этот городской уголок. Здесь можно было выстрелить из переулка, из непроглядного мрака, в то время как ничего не подозревавшие жертвы двигались вдоль стены, кое-как освещённой последним лучом. Даже если промажешь, кромешная тьма надёжно защитит от погони...

Где ж им было знать, что Волкодав, во-первых, учует опасность, а во-вторых, что в темноте он видит почти как днём?... Эврих услышал глухие удары, хрип и рычание, доносившиеся из потёмков. Потом оттуда опростелью выскочил человек. Эврих торопливо поднялся и храбро кинулся наперерез:

– А ну стой!...

Он хорошо помнил, как удачно скрутил в Четырёх Дубах одного за другим двоих разбойников, и впредь был готов столь же лихо сокрушать каких угодно злодеев. Но на сей раз шегольнуть новообретённым искусством не довелось. Выскочивший из переулка почему-то сделал совершенно не то, чего ждал от него Эврих. Жестокий удар пришёлся в живот. Аррант согнулся и отлетел прочь, как котёнок, на лету пытаясь сообразить, в чём же ошибка. Он не распластался на мостовой только потому, что врезался спиной в стену. Было очень больно, рот сам собой раскрылся для крика, но Эврих не смог даже как следует набрать воздуха в грудь. Оставалось падать и умирать. Тем не менее, какая-то сила помогла ему выпрямиться и отлепиться от стенки. Его противник уже отворачивался прочь, чтобы, разделавшись с неожиданным препятствием, исчезнуть в городских закоулках. Эврих шатнулся вперёд, пальцы, перемазанные чернилами, сомкнулись на воротах кожаной безрукавки. Досадливо зарывав, верзила крутанулся навстречу и сгрёб его за грудки. Эвриху показалось, будто кондарец целую вечность отводил

для удара правую руку, смыкая пальцы в чугунный волосатый кулак. Который опять-таки медленно-медленно поплыл ему прямо в лицо... Эврих попытался воздвигнуть защиту, понял, что её сейчас сметут и не заметят, успел осознать себя мошкой, прихлопнутой небрежным щелчком... когда из-за его левого плеча возникла ещё чья-то рука. Она метнулась навстречу смертоносному кулаку и приняла его основанием раскрытой ладони...

...Так, как поступал некогда батюшка Волкодава, кузнец Межамир Снегирь. А тот способен был завалить тройку скачущих лошадей, ударив ладонью в оглоблю.

Эвриху показалось, будто влажный хруст прозвучал неестественно громко. Он увидел, как с лица кондарца разом отхлынула вся кровь, как полезли из орбит глаза, а рот под ухоженными усами вдруг жалобно, по-детски скривился: здоровенный мужик ни дать ни взять собирался заплакать. Потом глаза закатились. Пальцы, в которых только что трещала рубашка арранта, вяло разжались, верзила начал валиться. Эврих тоже свалился бы, но его подхватили. Волкодав осторожно опустил своего спутника на мостовую. Эврих с хрипом вбирал в себя воздух, заново привыкая дышать. Это оказалось непросто. Холодный вечерний воздух влился в нутро, словно отвар рвотного корня. Эврих еле успел перевернуться на четвереньки, и добрые тушёные овощи, съеденные в «Зубатке», хлынули под стену в желобок, служивший уличанам точной канавой. Запах, и помимо того исходящий из желобка, скрутил учёного арранта новыми судорогами. В глазах расплылась чернота, он неминуемо свалился бы вниз лицом, если бы не поддерживавшие руки. Желудок Эвриха мало-помалу опустел и притих, поскольку извергать сделалось нечего. Неудачливый воитель утёрся, открыл глаза и начал оглядываться. Волкодав, сидевший рядом на корточках, показался ему взъерошенным, как только что дравшийся пёс, но, если этого не считать, сражение никак на нём не сказалось. Затем Эврих увидел поверженного кондарца. Тот уже стоял на коленях, сжимая левой рукой правое запястье. Он не произносил ни звука, но Эврих даже в густых сумерках видел, что его лицо по-прежнему было белее муки. Эврих посмотрел на его беспомощно торчавшую кисть. Смятые пальцы выглядели так, словно он пытался пробить кулаком стену. Волкодав поднялся и негромко сказал ему:

– Может, и есть у нарлаков праведные мужи, но я что-то пока немного встречал.

Кондарец ощерил судорожно сжатые зубы, левая рука оставила покалеченную правую и метнулась к ножам. Вени не стал ждать, пока он вытащит нож. Удар ногой вывихнул нарлаку челюсть и распластал его на земле. Больше парень не двигался.

– Ну и зря, – проворчал Волкодав. – Нет бы просто сказать, сдуру, мол, на недостойное дело пошёл...

Мышь вернулся ему на плечо и с видом исполненного долга вылизывал шрам на крыле. Волкодав перешагнул через обмякшее тело и скрылся в проулке. Спустя некоторое время он вновь показался оттуда, волоча по мостовой ещё двоих любителей нападать из засады. У одного была страшно окровавлена голова: что-то рассекло кожу на лбу и щеке, превратив красивое молодое лицо в жуткую маску. Эврих заметил на ремешке у поверженного колчан с короткими болтами и сообразил, что парню досталось его же самострелом по роже. Второй глухо стонал, всё время норовя подтянуть колени к груди. Ноги обоих волочили и шлёпали по выпуклому булыжнику.

Волкодав без большой нежности побросал притащенных наземь. Эврих тем временем кое-как поднялся и стоял, согнувшись, точно столетний дед, возле стены. Последний раз он принимал подобие побои полных три года назад. Разум успел почти позабыть, как это больно и страшно, а тело, оказывается, помнило. И хотело только одного: сжаться в комок, свернуться, точно младенец в материнской утробе.

Эврих не собирался ему потакать.

– Стража... – прохрипел он, медленно разгибаясь. – Вчера я... в это время здесь шёл, стражников встретил... и позавчера... Где ж они...

– Где, где, – проворчал Волкодав. – Уж кто-нибудь постарался...

Он окинул арранта оценивающим взглядом, прикидывая, не поручить ли ему самого худенького из нападавших. Однако Эврих выглядел так, что его самого впору было нести. Вдохнув, Волкодав одного (того, который был менее других вымазан кровью) взвалил на загривок, а двоих других подцепил за одежду.

– Пошли, – сказал он Эвриху.

Молодой учёный поплёлся следом за ним, придерживая руками живот. Ему казалось, убери он ладони, и мышцы, утратившие способность сокращаться, болезненно отвиснут наружу. Они шли уже довольно долго, когда он вдруг понял, что Волкодав шагал не в «Нардарский лаур», а куда-то совсем в другую сторону.

– Ты... куда их? – спросил он. – К стражникам?...

– Ещё чего, – буркнул венн. – К жрецам...

Там, откуда они ушли, вдруг послышался тяжёлый, глухой топот копыт.

– Стража!... – оборачиваясь, силпо позвал Эврих. Но это оказалась не стража. В проулке ненадолго обрисовался силуэт всадника на громадном коне. Человек ехал ссутулившись, натянув на голову капюшон тёмного плаща.

– Эй, любезный... – окликнул его Эврих. Ответа не последовало. Всадник неторопливо удалился в темноту, даже не повернув головы, мерное громыхание копыт постепенно затихло. Потом впереди и вправду протопала сапогами городская стража, по приказу кониса еженощно обходящая улицы. Эврих услышал, как кто-то называл по имени старшину Брагелла. Сперва аррант обрадовался и хотел закричать, но скоро передумал. Что будет, если стражники заметят на мостовой обрывки одежды или следы крови? И начнут разбираться, что стряслось?... То есть они с Волкодавом, конечно, ни в чём не были виноваты. Но Эврих не единожды убеждался, что в большинстве стран здешнего мира правосудие сперва обдерёт тебя как липку, продержит годок в смрадном подвале – и только потом, если сильно повезёт, отпустит безвинного. Проверять, отличались ли в этом смысле нарлаки в лучшую сторону от своих соседей, у арранта ни малейшего желания не было. У Волкодава, видимо, тоже. Венну наверняка было тяжело, но он даже прибавил шагу, не желая встречаться со стражей. На счастье обоих, Брагелл с товарищами ничего не заметили. То ли короткая драка не многое изменила в облике замусоренной улицы, то ли было слишком темно...

А может, стражники, предпочли ничего не заметить?... Кто поручится, что им не заплатили за небольшую задержку? И ещё за то, чтобы не шибко пялились под ноги, проходя по такой-то улочке?... Брагелл несколько раз заглядывал в «Зубатку» и произвёл на арранта впечатление честного славного малого. Эвриху не хотелось думать, что люди весильного Сонмора подкупили его. Он погнался прочь гнусную мысль, понимая, что правды скорее всего никогда так и не узнает.

Он долго плёлся следом за Волкодавом, чувствуя, как постепенно отпускает боль в животе. Ему было стыдно собственного бессилия. Когда перед глазами перестали плавать круги, он ухватил одного из разбойников за ноги и стал помогать тащить.

Лечебница для немущих, основанная жрецами Богов-Близнецов, располагалась неподалёку от пристани. Этот большой, крепкий дубовый дом выстроил лет тридцать назад некий купец. Однажды он тяжело заболел, и помочь ему сумели только жрецы; злые языки утверждали, будто они сами же и наслали на него хворь. Так или не так, а только благодарный торговец, выздоровев, подарил хоромину целителям в двцветных одеждах, дабы новая вера обрела в Кондаре кров и Ученики могли спасать других страждущих. Жилых помещений в доме было немного, при прежнем хозяине он служил в основном для хранения всякого добра, привезённого на продажу. Теперь в верхней избе лежали больные, а в подклете, среди всяческой утвари, трудились немногочисленные жрецы: перестирывали повязки, составляли снадобья, растирали лекарственные порошки и подолгу изучали на свет стеклянные сосуды с мочой, допытываясь причины болезни.

Когда Эврих с Волкодавом и троими покалеченными добрались до лечебницы, было уже совсем темно. Венн с большим облегчением свалил свою ношу на низенькое крылечко и постучал кулаком в деревянную створку. Почти немедленно внутри зашуршали шаги.

– Святы Близнецы, чтимые в трёх мирах! – распахивая дверь, с кроткой торжественностью провозгласил брат Никила. Он вышел на порог с масляным светильничком в руке, даже не думая спрашивать, кого ещё нелёгкая принесла посреди ночи.

– И Отец Их, Предвечный и Нерождённый, – стоя над тремя слабо шевелившимися телами, отозвался Волкодав. «Если к тебе стучатся – открой», – гласила одна из заповедей Ближнецов. Волкодав предпочёл бы толковать эти святые слова исключительно в духовном смысле, как-нибудь так, что, мол, грех скрывать божественные истины от жаждущего приобщиться. Здешние жрецы предпочитали «открывать двери» и в жизни, что было, по мнению венна, неосторожно и глупо. Ну да не объяснять же Ученикам, каким образом следовало исполнять завет их Богов.

Эврих держался позади, укрываясь в потёмках. Рука сама собой тянулась к животу, он гадал, не порвал ли там что-нибудь удар железного кулака. Эвриха никогда не лягала лошадь, но, надобно думать, ощущения были сравнимые. Про себя аррант полагал, что нуждался в помощи не меньше троих проходимцев. Однако к жрецам он обратился бы только при последней нужде. – Найдётся у тебя уголок, достопочтенный Никила? – спросил Волкодав. – Я им тут бока немножко намял...

Он наполовину ждал, чтобы жрец всплеснул руками и попенял ему за жестокость, а потом начал расспрашивать, как всё случилось и нельзя ли было употребить вместо кулаков разумное слово. Никила не стал ничего допытываться. Сразу наклонился над покалеченными, озаря светильничком то разбитое лицо, то сплюсценную кисть руки, то колено, согнутое под очень странным углом. Потом молодой жрец поднял голову и спросил с некоторым даже восторгом: – Неужели, брат мой, ты с ними один?...

Волкодав пожал плечами и кивнул на верзилу с изуродованной рукой:

– Вот этому не позволил скрыться мой господин.

Пришлось Эвриху выйти из потёмков на свет и бормотать нечто вежливое, раскланиваясь с Учеником, а потом помогать жрецу и своему «телохранителю» затаскивать троих кондарцев вовнутрь. Пока они возились, из подклета со ступкой в руках появился Никилин седовласый наставник. Вид у старика был усталый, но тёмные глаза смотрели зорко и сосредоточенно. Он тотчас велел поднять парня с раскroенным лицом на деревянный лежак и принёс выгнутые полумесяцами иголки – зашивать рану. Молодой нарлак выбрал именно этот момент, чтобы прийти в себя и начать дико озираться кругом. Волкодав двинулся было вперёд, чтобы попридержать дурня, пока он не начал хватить старика за руки, но седой жрец знаком велел ему оставаться на месте.

– Земля полна боли и страха, но есть ещё Небо, – негромко проговорил он, глядя в глаза неудачливому стрелку и ласково поглаживая его всклокоченные, перемазанные кровью русые волосы. – Взгляни, сын мой, какого мудрого спокойствия полна Его синева...

Парень послушно устался в дощатый, тёмный от копоти потолок. Эврих заметил, как разгладилась уцелевшая половина его лица, как понемногу пропало с него выражение испуга и муки. Ему тоже захотелось посмотреть вверх и проверить, не раскрылось ли в потолке окно в синеву, но он удержался.

– Видишь, Небо в Своём милосердии посылает тебе чистый солнечный луч? – продолжал старец. Распростёртый на топчане едва заметно кивнул. – Сейчас этот луч коснётся твоей раны и исцелит её, – снова зажурчал голос жреца. Проворные пальцы тем временем отмеряли лоснящуюся шёлковую нитку и продевали её в ушко иглы. – Будет немного щипать, ибо нельзя изгнать большую боль, не причинив малой. Но ты ведь мужчина и вытерпишь, правда? Русая голова опять дрогнула в слабом кивке. Теперь лицо парня было совсем спокойно, веки сомкнулись, а руки вяло вытянулись вдоль тела. Он спал. Никила подал наставнику скляночку с тёмным веществом, пахнувшим лежалой смолой. Жрец осторожно промыл раны, смазал рассечённую плоть снадобьем и взялся за иголку.

– Прости, почтенный, – неожиданно для себя самого подал голос Эврих. – Мне довелось знать одного великого лекаря... В городе, далёком отсюда... Так он выдерживал иголку и нить в очень крепком вине. Он говорил, вино убивает заразу, витающую в воздухе и могущую причинить воспаление в ранах!

Жрец поднял голову и пытливо посмотрел на него.

– Тот лекарь, – продолжал Эврих, – мог усыпить словом, точно как ты. Ещё он умел исцелять наложением рук. Он при мне спас таким образом... одного человека, которого пырнули ножом...

Сказав это, Эврих тут же пожалел о вырвавшихся словах. Запальчивость учёного спорщика порою приводила к последствиям столь же плачевным, как и склонность самих жрецов сразу

открывать дверь. Не сознаваться же теперь, что тем исцелённым оказался он сам. Иначе придётся рассказывать, как его пырнул наёмный убийца. А подослали убийцу... Однако Ученик Блинецов только повторил, словно пробуя на вкус новое, неведомое лекарство: – Зараза, витающая в воздухе и переносимая ветром... Не припомнишь ли, как звали твоего мудреца?

– Люди звали его Тилорном, – кляня себя, отвечал Эврих. И на всякий случай добавил: – Три года назад, когда я жил в Галираде, его там многие знали.

Старик торжественно кивнул.

– Я тоже слышал о нём, хотя Предвечному и не было угодно свести нас вместе. Никила, друг мой, принеси скляночку вина, которым я заливал сегодня крапиву!... Мне говорили, благородный Тилорн провёл в сольвеннской столице не более полугода, но там до сих пор с любовью вспоминают о нём. Ты, вероятно, ученик его? Не случится ли так, что ты поведаешь мне ещё о чём-нибудь полезном в нашем лекарском ремесле?...

Расторопный Никила принёс вино, и жрец обмакнул в него нитку с иголкой, а потом, немного подумав, протёр обе руки.

– Мы с моим господином к вам завтра зайдём, – сказал Волкодав. Эврих, помимо воли уже ощутивший вкус к долгой беседе со стариком, поспешил согласиться.

Никила вышел проводить их на крыльцо.

– Когда я впервые узрел Свет, – сказал он Волкодаву, – я сразу решил избрать для себя путь жреца-воина. Я хотел следовать Старшему, сиречь выслеживать Зло и казнить его проявления повсюду, куда бы Предвечный ни направил мои стопы. Но мой Наставник... – тут Никила с улыбкой оглянулся на дверь, – мой Наставник сказал мне: прежде, нежели казнить, научись миловать. Так я приехал сюда и пытаюсь служить Младшему: лечу пьяниц, избитых в уличной драке, мелких воришек, выпоротых кнутом, и блудниц, подцепивших дурную болезнь... Всех тех, кого я прежде собирался если не искоренять мечом, так порицать огнедышащим словом!...

– Никила опять улыбнулся, на сей раз – застенчиво и смущённо. – Сперва я видел в таком служении закалку духа... испытание крепости веры... мечтал скорее окончить его и встать на избранный путь... А вот теперь думаю: вдруг мой Наставник узрел во мне недоступное мне самому? И моё истинное предназначение – не сражаться со Злом, но лекарским искусством отводить людей от гибели? Чтобы они могли заново осознать свою жизнь и, возможно, приобщиться к Добру?...

Это последнее рассуждение показалось Волкодаву камешком в его огород, и венн ощутил, как на загривке незримо шевельнулась щетина. Что-то часто ему в последнее время указывали, как надо жить. От Матери Кендарат он готов был безропотно выслушать всё что угодно. Но от какого-то жреца, ещё ничем не доказавшего своё право на поучения?...

Он сунул руку в кошель и достал несколько больших серебряных монет – почти весь свой сегодняшний заработок.

– Возьми, – сказал он Никиле. – Я их покалечил, я и пожертвую в Дом Блинецов.

Никила с благодарным поклоном взял деньги. Когда же выпрямился, венн неожиданно разглядел в глазах молодого жреца озорные, весёлые искорки.

– Однако временами, – проговорил Никила, словно продолжая прерванную мысль, – временами мне начинает казаться, что воинский путь утверждения справедливости тоже не лишён преимуществ... Ибо не учат ли нас совместно Старший и Младший, что прежде, нежели вдохнуть в тело здоровье, следует истребить в нём болезнь?...

На другой день привычное место Эвриха за столом возле кухонной двери в «Сегванской зубатке» пустовало. Как объяснил Волкодаву учёный аррант, заработок заработком, но учёная беседа есть нечто, не измеряемое никакими деньгами. Сперва венн хотел отсоветовать ему ходить в лечебницу, ибо туда-то Сонморovy люди должны были непременно пожаловать... но потом подумал как следует – и промолчал. Если у него ещё не совсем отшибло чутьё, в «Зубатке» после неудавшегося ночного нападения должно было произойти что-нибудь необычное. Скажем, явятся десятка полтора головорезов и разом вытянут из-под плащей заряженные самострелы. Вот и думай, телохранитель, где безопасней быть «господину». Там, где тебе не подоспеть за него заступиться, или там, где в случае чего обоих запросто пришибут?...

Стоуму он ничего не стал говорить о засаде, и день начался как обычно. Стоило распахнуть двери – повалил народ, забегали служанки, потянуло из кухни добротным духом съестного. С Волкодавом здоровались, кое-кто доверительно сообщал ему, дескать, поставил немалые деньги, что его не выгонят и сегодня. Потом появился со своей спутницей Слепой Убица. – Люди передают, – негромко проговорил он, остановившись около Волкодава, – будто троиц парням, никем особо в этом городе не любимым, нынче ночью кто-то переломал руки и ноги. Говорят также, будто эти трое сегодня утром должны были опять прийти собирать мзду с бедных, беспомощных трюкачей, выступающих на торгу, но почему-то никто из них не явился...

Чернокожий усмехался. У него был вид человека, давно примирившегося с судьбой, но не упускающего возможности время от времени хотя бы скорчить ей рожу. Девушка, напротив, то и дело с тревогой оглядывалась на дверь.

– А я слышал, – сказал Волкодав, – будто в других трактирах камбалу готовят тоже неплохо.

И вряд ли кто нынче придёт туда мстить за переломанные кости, добавил он про себя.

– Пошли, Дикерона, – взмолилась Поющий Цветок и благодарно посмотрела на венна. – Пойдём в другое место, прошу тебя...

– Иди, если охота, – упёрся мономатанец. – А мне и здесь хорошо.

Он безошибочно направился прямо к столу, куда его обычно сажал Стоум, и Волкодав про себя поразился, до чего уверенно двигался слепой человек. Он в который раз спросил себя, что случилось бы с ним самим, накрой его слепота. Поющий Цветок, чуть не плача, последовала за Дикероной. Девушка любила метателя ножей, в этом не могло быть никакого сомнения, и ради него полезла бы хоть в Бездонный Колодец, не то что на самострелы каких-то разбойников. К сожалению, добавить любимому малую толику благоразумия было свыше её сил...

Волкодав проводил их глазами – и вдруг обратил внимание, что на улице, по обыкновению полной любопытных зевак, неожиданно стало удивительно тихо. Так смолкают певчие птицы, щебечущие в лесу, когда на дерево опускается беркут. Волкодав сразу повернулся к двери, постаравшись сделать это спокойно и неторопливо. А потом вышел наружу, не обращая внимания на недоумённые возгласы посетителей трактира. Потому что рассмотрел человека, при виде которого затихал и расступался народ.

Ему было лет, наверное, пятьдесят, и ничего уж такого особенного он собою вроде не представлял: худощавый, седеющий, с небольшими усами на тонком смугловатом лице. И Тормар, и любой из побитых Волкодавом громил могли показаться внушительней. Но только на неопытный взгляд. Венн нутром ощутил: навстречу ему двигался воин по меньшей мере равный. По меньшей мере. То-то он шагал сквозь плотное людское скопище, как по чистому полю, и дело не в том, что человек по имени Икташ был правой рукой Сонмора и весь Кондар это знал...

Мыш, вылетевший в открытую дверь следом за венном, издал боевой клич и метнулся было к подходившему, но примерно на полдороге перевернулся в воздухе, словно налетев на невидимое препятствие. Взрыв на крышу трактира, зверёк с истошным криком запрыгал по пёстрой черепице. Словно желал о чём-то предупредить...

Волкодав вышел на середину улицы и стал ждать. Ждать со всем уважением, которое следовало оказать такому бойцу. Он ещё подумал о том, что всё-таки не ошибся и правильно сделал, оставив Эвриха у жрецов. Потом прекратил о чём-либо думать, разогнав прочь все лишние мысли и чувства. Некоторое время для него существовала только предстоявшая схватка. Потом исчезла и она, остался лишь солнечный свет, изливавшийся с небесных высот. Если кто-нибудь вторгнется в этот свет и попытается возмутить его плавное истечение, нарушение вселенского спокойствия надо будет исправить. А уж какой ценой, пусть определит мудрая Хозяйка Судеб...

Человек, способный, как и сам Волкодав, без большого труда раскидать всю служившую Сонмору мелкоту, подошёл к венну и остановился на удалении шага и вытянутой руки. Мать Кендарат когда-то называла это «расстоянием готовности духа». Придвинься чуть ближе и...

Они ничего не предпринимали, просто стояли молча и неподвижно. Но как-то так, что на улице постепенно затихли сперва возгласы, а потом и возбуждённые перешёптывания. Это вам не схватка записных забияк, сошедшихся выяснить, к Западному или Береговому концу должна принадлежать доска в подгнившем деревянном заборе. Тут неуместны были подзуживания и ритуальные оскорбления, которыми раззадоривают себя кончанские ратоборцы. Двоим воинам, безмолвно созерцавшим друг друга, уже очень давно никакой нужды не было выпячивать собственные достоинства, подковыривая соперника.

Зрители не дыша ожидали, когда наконец вспорет воздух первая молния и разразится то, о чём в старости можно будет рассказывать внукам. Кажется, мучительным ожиданием не томились только сами бойцы. Оба весьма редко пускали в ход всё, на что были способны, но тогда уж дрались, как у последнего края, где вряд ли получится выжить и остаётся лишь дорого продать свою жизнь.

Люди, так относящиеся к поединку, обычно не спешат его начинать.

Первым сделал движение Сонморов посланник. Он едва заметно, одними глазами улыбнулся противнику... и медленно, не сходя с места, поклонился ему. Бывалые люди из числа горожан заметили даже, что он чуть потупил немигающий взгляд, явив тем самым благородному недругу высшую степень доверия. Венн почти без задержки ответил таким же поклоном, отстав, может быть, на четверть мгновения; со стороны казалось, что они поклонились одновременно. Потом Сонморов человек повернулся и не торопясь, с тем же величавым спокойствием удалился по улице, и люди по-прежнему перед ним расступались. Даже самые ярые любители жестоких драк почему-то не чувствовали себя обделёнными. Лишь несколько человек немного поворчало – на что смотреть, ни тебе крови, ни выбитых зубов на мостовой... Что поделаешь! Никогда не изловчишься, чтобы понравилось всем.

* * *

Девочка тринадцати лет от роду сидела, поджав ноги, на берестяном полу клетки и в который раз перебирала содержимое заплечной сумы. Пол был прохладный и гладкий, и оттого ей временами мерещилось прикосновение чешуйчатого рыбьего тела. Снаружи, за стенами, постепенно затихала маленькая деревня. Укладывались спать взрослые и старики, и даже неутомная молодёжь – пятеро парней и шесть девушек – отправились к соседям Барсукам на посиделки, на честную досветную беседу. Звали с собой Оленюшку, но она не пошла, отговорила головной болью. Голова у неё действительно болела нередко, однако досадная немочь сегодня была ни при чём. Просто на посиделки, куда она выходила, всё чаще являлись молодые ребята, вместе с отцами приехавшие из своих деревень. О роде Пятнистых Оленей всегда шла добрая слава, а в этом году пролетел слух, что вот-вот «наспеет» новая девка. Почему загодя не присмотреться к ней, не познакомить подросткового сына: кто знает, вдруг у неё и бус не грех попросить?...

Оленюшка никому не рассказывала о том, как мало не прокатилась на спине Речного Коня. Тайна, конечно, жгла и распирала её изнутри, но Оленюшка молчала. Её много раз подмывало открыться любимой подружке Брусничке. Или бабушке, чей взгляд до сих пор светился отнюдь не стариковским задором. В юности бабушка, как говорили, была лукавой красавицей, гораздой кружить парням буйные головы. Люди сказывали, старшие Оленюшкины сёстры удались как раз в неё. А вдруг и поймёт, что мочи нет житься со строгим материнским наказом и думать забыть о странном человеке, встреченном в Большом Погосте три года назад?...

Вдруг поймёт... Оленюшка так ей ничего и не сказала. Потому что с этим – как в лодке через пороги. Один раз оттолкнёшься веслом, и всё, и поди попробуй остановись.

Она попыталась мысленно сравнить себя с бабушкой, какой та была в юности, и снова вздохнула. Она сама знала, что ей-то Хозяйка Судеб не отмерила ни девичьего лукавства, ни затмевающей ум красоты. Взрослый же человек, посмотрев на неё, добавил бы, что она

ещё и переживала самый растрёпистый возраст: уже ушла детская прелесть, а взрослые черты покуда не проявились. Бывает ведь, что дурнушки, перелиняв, вызревают в самых настоящих красавиц. Бывает и наоборот. Кто вылупится из взъерошенного птенца по имени Оленюшка, мудрено было покамест даже представить.

Взрослый человек, вероятно, заметил бы и то, что душа девочки пребывала не в большем порядке, нежели внешность. Обиды, которые зрелое сердце на другой день забывает, в тринадцать лет заставляют нешуточно думать о скончании неудавшейся жизни. Или на худой конец о побеге из дому. А если тебе за три года так часто напоминали о коротком разговоре под яблоней, что ты и впрямь поняла – не случайна была та давняя встреча? И столько раз приказывали выкинуть бродягу безродного даже из мыслей, что ты вправду уверовала – он-то и есть твой единственный суженый, Богами обещанная судьба? Как тут быть?... А удивительный пёс с ясной бусиной, вшитой в ошейник, пёс-оборотень с человеческими глазами, дважды являвшийся то ли наяву, то ли в мечте?... Увидит ли она его в третий раз, и если да, то что будет означать его появление?... В груди холодело, сердце принималось ныть тревожно и сладко. Сколько раз Оленюшка с надеждой поглядывала в святой красный угол, на деревянные лики Богов, вырезанные прадедовскими руками. Она молилась и просила совета, но Боги молчали: думай сама.

Вот она и надумала. Казните теперь.

Оленюшке было обидно. Никто не хотел слушать её, никто не торопился ободрить. Вот хватятся утром – как так, почему коровы не доены? – а дочки и нету...

Мысль о покинутых, обиженно мычавших коровах была определённо лишней. Одно дело – перебирать и растравливать собственные горести, укрепляясь в принятом решении. И совсем другое – понять, что задуманное деяние причинит боль другим. Бессловесной, ни в чём не виноватой скотине... Ласковые носы, добрые глаза, мохнатые уши, привыкшие к её голосу...

Оленюшка всхлипнула было, жалея себя. Потом потянулась к двери, выглядывая наружу. От движения опрокинулась лежавшая на коленях сума, и выпало бурое орлиное перо. А берёста на полу, гладкая и прохладная под ладонью, снова показалась чешуйчатой спиной Речного Коня.

Из рода уйду...

За дверью густела серая полумгла; дверь смотрела на юг – как и в любом строении, которое рубили с умом, – но девочка знала, что розовое зарево прятанного солнца стояло прямо на севере. То есть темнее уже не будет, и, стало быть, решать следовало сейчас.

Вот прямо сейчас.

Сердце лихо заколотилось. Оленюшка вдруг заново вспомнила, что ей ещё не нарекли настоящего имени, не обернули бёдер взрослой женской одеждой. То есть собственной воли и способности к разумным решениям ей покамест как бы даже не полагалось. Вот по осени вскочит в понёву, тогда и...

Она представила себе чистые, славные лица юношей из соседних семей, тех самых юношей, для которых её мать заготовила целый кошелек гранёных переливчатых бусин, и душу сжала тоска. Как они задирали друг друга, стремясь понравиться ей, как силились соблазнить мужское сдержанное достоинство, хвастаясь своим родом... собственных заслуг пока не было ни у одного, но род у каждого за спиной стоял действительно сильный и знаменитый...

Закусив губы, Оленюшка поднялась на ноги, схватила суму и распахнула дверь. Оглядела пустой двор и подумала, что видит его, наверное, в самый последний раз. Несмотря на полночь, было светло почти как днём, только стояла удивительная тишина да свет падал не с той стороны, мешая поверить, что всё это не во сне.

Оленюшка вдруг трезво и взросло поняла, чем должно завершиться её бегство из дому. Где она собиралась разыскивать человека, которого Олени иначе как перекаати-подем безродным не именовали? Которого она толком не знала даже, как звать?... В сольвеннской земле, в стольном Галираде?... Там его, если не ввали торговые гости, больше двух лет уже не видали...

Воображение тотчас нарисовало ей, как где-нибудь далеко, на другом конце широкой земли, Серый Пёс слушает бродячих певцов, а те сказывают песню о веннской девушке, что отрешилась от своего рода и странствует сама по себе через грады и веси, разыскивая любимого. Тогда-то он посмотрит на бусину, ярко блестящую в волосах, и бусина вдруг вспыхнет радужным огнём, и...

...Если только этой самой девушке назавтра же не встретится злой человек из тех, кого она к своим тринадцати годам успела-таки повидать. Умом Оленюшка обречённо предвидела, что скорее всего тут и кончится её путешествие. А ноги, исполнившись бредовой, безрассудной лёгкости, между тем резво уносили прочь со двора, мимо знакомой клетки, мимо тёплого хлева, за околицу, где медно-синей стеной стоял вдоль-поперёк исхоженный бор...

В неворотимую сторону. Навсегда.

Оленюшка успела осознать это «навсегда» и мысленно миновать некую грань, ощутив себя отрезанным краем – не приживить, не приставить, не влить обратно в прежнюю жизнь... Когда в нескольких шагах перед ней на тропинке неведомо откуда возникла серая тень.

Пёс!... Пёс ростом с волка, только грозней. И на кожаном ошейнике, намертво вшитая, лучилась хрустальная бусина. Не полагалось бы ей, между прочим, так-то лучиться в летнюю полночь. Сердце у Оленюшки подпрыгнуло.

– Здравствуй, – шепнула она. И, припав на колени, протянула руки навстречу.

Пёс медленно подошёл. Он не вилял хвостом, не ластился, как другие собаки. Просто наклонил голову, прижался лбом и постоял так. Оленюшка обнимала могучую шею зверя, с

наслаждением запускала пальцы в густой жёсткий мех и уверенно понимала: вот теперь-то всё вправду будет хорошо. Вот теперь всё будет как надо.

Поднявшись, девочка взяла серого за ошейник и подобрала с земли заплечную суму:

– Пойдём, пёсик! Пойдём скорее!

Он посмотрел на неё, вздохнул и решительно двинулся... обратно к деревне.

– Не туда, пёсик! – взмолилась она. – Нам с тобой... нашего человека искать надо!

Он снова посмотрел ей в глаза. Он, конечно, всё понимал. Он для верности прихватил зубами край её рубахи и повёл Оленюшку домой.

По морю, а может, по небу, вдали от земли,
Где сизая дымка прозрачной легла пеленой,
Как светлые тени, проходят порой корабли,
Куда и откуда – нам этого знать не дано.

На палубах, верно, хлопочут десятки людей,
И кто-то вздыхает о жизни, потраченной зря,
И пленники стонут по трюмам, в вонючей воде,
И крысы друг дружку грызут за кусок сухаря.

Но с нашего мыса, где чайки бранятся без слов,
Где пёстрая галька шуршит под ударом волны,
Мы видим плывущие вдаль миражи парусов,
Нам плача не слышно, и слёзы рабов – не видны.

А им, с кораблей, разорённый не виден причал
И дохлая рыба, гниющая между камней, -
Лишь свежая зелень в глубоких расселинах скал
Да быстрая речка. И радуга в небе над ней...

9. Жена ювелира

Это был самый что ни есть обычный с виду дом за высоким забором, увенчанным медными шишечками. Он располагался в Прибрежном конце, там, где улица Оборванной Верёвки удалялась от торговой пристани и начинала взбираться на крепостной холм, постепенно делаясь спокойней и чище. Прибрежный конец был самым старым в Кондаре. Его выстроили ещё до Последней войны, в те времена, когда стены, возведённые с изрядным запасом, ограждали и селение, и порядочный кусок поля с лесом при нём. Праотцы строились не так, как теперь, не

домишками, точно на одной ноге теснящимися друг к дружке, – целыми усадьбами. Привольно, вольготно. Другое дело, суровые праотцы о роскоши особого понятия не имели и не возводили богатых дворцов: наверное, им уже казалось дворцом обиталище на три десятка людей, сложенное из голубоватого местного камня и крытое глиняной черепицей. Точно такое жильё и сейчас мог себе завести состоятельный мастеровой или купец. Но совсем иной вид у добротного дома, когда стоит он не впритирку с соседними, а сам по себе, посреди уютного сада и грядки с пряной зеленью для стола. Та же разница, что между ветвистым деревом, выросшим на приволье, и его родным братом, вынужденным тянуться к свету из чащи. Что поделаешь! Стены, некогда сработанные «на вырост», теперь едва не трещали, распираемые живой плотью города.

Наследники самых первых кондарцев, жившие в Прибрежном конце, до последней возможности цеплялись за родовые гнёзда. Позор – передать здешнюю усадьбу в новые руки, переселяясь по бедности куда-нибудь на Серёдку либо вовсе в Калиновый Куст... Сколько срама и слёз видела улица Оборванной Верёвки, когда уходили по ней некогда могущественные семейства, провожаемые улюлюканьем голытьбы, охочей любоваться несчастьем бывших господ!...

А в хоромы за крепкими заборами вселялись новые люди, бывало, те самые, на кого прежде в этих дворах спускали собак.

Рассказывали, однако, что пятьдесят лет назад, когда настала пора менять хозяев дому за забором с медными шишечками, не было ни пререканий, ни взаимных обид, ни долгого усердного торга. Не было и алчных улюлюканий бедноты, норовящей ухватить что-нибудь с воза. И никакой в том великой загадки, если знать, КТО пришёл к владельцам дома и предложил им щедрую плату.

Сонмор. Вот кто. Совсем молодой тогда Сонмор.

Он и теперь жил под когда-то приглянувшимся кровом, только в последние годы постепенно отходил от дел, всё больше передавая своё ночное правление наследнику и сыну – Кей-Сонмору, сиречь Младшему. Тот, кудрявый бородач двадцати семи зим от роду, уже многим распорядился самостоятельно. Но в значительных и важных делах по-прежнему спрашивал совета и позволения у отца.

Городская стража на улице Оборванной Верёвки заглядывала нечасто. Что ей, страже, делать в тихом уголке, населённом почтенными обывателями?... Особенно если учесть, что у иного из этих почтенных своё домашнее войско было – куда там городскому. Покраж и разбоя здесь отродясь не случалось, а драки, по пьяному делу затеваемые приезжими мореходами, Сонморовы плечистые молодцы пресекали быстро и беспощадно.

Поэтому, наверное, одинокий пешеход, пробиравшийся по улице, шагал вперёд без малейшего страха. Хотя именно таким, как он, вроде следовало бы шарахаться от каждого встречного. Это был маленький кривобокий горбун, близоруко щурившийся в потёмках. Он опирался на палку, и палка служила ему не украшением и не оружием – опорой для ходьбы. Одежда же у беззащитного калеки была очень добротная, а свадебное кольцо на левой руке, если поднести его к свету, удивляло дорогой и тонкой работой... В общем, только очень ленивый или очень богобоязненный проходимец не остановил бы его в тёмном заулке. А вот шёл себе, причём с таким видом, будто отродясь не привык вздрагивать, услышав шаги за спиной. Даже улыбался время от времени, словно вспоминая о чём-то очень хорошем.

Когда он подошёл к калитке Сонморова жилища, ему не понадобилось стучать. Дюжий бритоголовый верзила, стерёгший с той стороны, издали рассмотрел позднего гостя и отодвинул засов, распахивая калитку:

– Входи, мастер Улойхо, да согреев тебя Священный Огонь!

– И тебя, добрый друг мой, да не обойдёт Он теплом, – отозвался горбун. Страж ворот держал в руке масляную лампу, и любопытный наблюдатель мог рассмотреть, что лицо у вошедшего было совсем молодое. И очень красивое, хотя немного болезненное.

На тихий свист верзилы со стороны дома вприпрыжку подросла кудрявая девочка. Увидев мастера Улойхо, она радостно поклонилась ему, потом взяла под руку и повела по дорожке. Крыльцо в доме было высокое, но наверху играли в кости ещё два молодца не меньше того, что сторожил у калитки. Они живо спустились навстречу, со смехом и прибаутками схватили горбуна под локти и мигом вознесли наверх. Маленький мастер благодарил, улыбаясь застенчиво и смущённо. Дружеская забота крепких и сильных людей всегда заставляла его

лишний раз вспоминать о собственных врождённых увечьях. Но отказывать парням в святом праве помощи слабому он тоже не мог.

Караульщики не побежали сообщать хозяевам дома о неожиданном госте. Просто открыли дверь и впустили Улойхо вовнутрь. Так выпускают только своего человека, друга, давно и прочно натоптавшего тропку в дом.

Кей-Сонмор сидел за поздней вечерей с несколькими доверенными людьми.

– Здравствуй, Лута, – обратился к нему горбун, назвав Младшего домашним именем, что позволялось, конечно, только родне и близким приятелям. Кей-Сонмор проворчал что-то с набитым ртом (только что надкусил свежую булочку с вложенным в мякиш куском жареной курицы, даже запить не успел) и гостеприимно похлопал ладонью по крашеному войлоку рядом с собой. Под кровом Сонмора строго блюли старинный домострой, уже, к прискорбию, отживавший почти всюду: не уподобляться развратным чужеземцам, но, согласно завету кочевых пращуров, не держать ни кресел, ни скамей, ни столов, ведя всю домашнюю жизнь на полу. Улойхо поджал ноги и со вздохом наслаждения откинулся назад, давая отдых спине. Он прошёл по улице целых пятьсот шагов. Для него это было большим расстоянием. Один из доверенных немедля подгрёб ему целый ворох пёстрых подушек.

Кей-Сонмор наконец справился с булочкой, всосав в рот перо зелёного лука, торчавшее между губами, и буркнул:

– Угощайся, пока не остыло.

– Да я... – смутился горбун. – Я же, сам знаешь, так поздно не ем. А то завтра живот болеть будет.

Лута хмыкнул. Дескать, что с тебя взять, всегда был неженкой, неженкой и остался! Сам он взял новую булочку и привычно располосовал её надвое, не забыв попотчевать крошкой очажный огонь. Вложил внутрь, разнообразия ради, ломоть копчёного сала, щедро добавил луку и полил всё вместе красным огненным соусом из глиняного горшочка. С первого раза откусил почти половину – и мощные челюсти взялись деловито молотить. Одно удовольствие посмотреть, как ест человек, наделённый несокрушимым здоровьем!

– А ты хлебни с нами, чтоб не болело, – сказал доверенный, разливая в пузатые кружки нардарское виноградное вино. При дневном свете вино казалось зеленоватым, но свет очага зажигал в нём красные и золотые огни.

– Так ведь вам меня, если хлебну, на руках домой придётся нести, – кротко улыбнулся Улойхо.

– Я же не вы.

Лута захохотал. Он с удовольствием подтрунивал над телесной немочью друга, не боясь ранить его гордость. Другой доверенный вскочил на ноги и вышел, не дожидаясь распоряжения. Вскоре он вернулся с чашкой свежей сметаны и несколькими яйцами всмятку. Улойхо поблагодарил и взялся за угощение. Ел он медленно, опрятно и чинно. Совсем не так, как Младший Сонмор.

– А у меня просьба к тебе, побратим, – сказал он, когда с вечерей было покончено. – Не мог бы кто-нибудь из твоих боевых молодцов... ну... пожить, что ли, некоторое время у меня в доме?...

Кей-Сонмор повернулся к нему не то что лицом – всеми плечами. Движение вышло грозным и по-звериному гибким, не заподозришь, что пил вино, да и сильного тела не отягощало ни капли лишнего жира.

– Обидел кто? – спросил он вроде спокойно. Но никому из кондарцев и жителей ближней округи не захотелось бы, чтобы Улойхо, отвечая, произнёс его имя.

– Да что ты, что ты, – улыбаясь, замахал руками горбун. – Никто не обидел. Тут просто...

Виону, ты понимаешь, страхи замучили. Как родила, так все разговоры – придут да убьют. Вот я и подумал... Выручишь, побратим?

Когда-то давно семилетнему сыну всесильного Сонмора случилось вступить на улице за своего ровесника, увечного сироту. И такой гордостью наполнили его благодарные слёзы беспомощного малыша (да ещё и помноженные на отцовскую похвалу), так понравилось чувствовать себя лютым защитником слабого, что наследник Ночного Кониса тут же и объявил сверстникам: кто, мол, не так взглянет на его брата, тот пускай сразу себе могилу копает.

«Смотри, не разбрасывайся побратимством», – заметил ему отец. «А я и не разбрасываюсь», – упрямо ответил сын. С тех пор прошло двадцать зим, один из названных братьев готовился

воспринять огромную власть, другой нажил достаток трудом и искусством, сделался прославленным ювелиром. Дружили они, однако, совершенно по-прежнему. – Виона, говоришь, – пробормотал Кей-Сонмор, вытягиваясь на подушках, точно сытый обленившийся тигр. Вскипевшая было кровь нехотя успокаивалась. – Да она у тебя после родов, небось, ещё не прочухалась! Бывает с бабами, говорят.

Что до него самого, предшественники будущего Ночного Кониса поколениями не водили законных семей. Не подобает бродячему вору, смелому грабителю богатеев, связывать себя семьёй и имуществом. Раньше это относилось ко всем членам Сонморова братства, ныне старинную заповедь блюли только вожаки. Отец Луты был чуть ли не первый, кто обзавёлся собственным домом, но мать его так и не надела свадебного кольца. И сам Кей-Сонмор не собирався дарить кольцо ни одной из девчонок, домогавшихся его внимания. А вот Улойхо женился. Да как!... Увидел на невольничьем торгу девушку немыслимой красоты. Ахнул. И не сходя с места вывалил за неё целое состояние золотыми монетами. И тут же, по обычаю проведя рабыню кругом святого костра, при свидетелях назвал её законной женой, тем самым подарив и свободу. Тут уж ахнули все, кто знал мастера, а не знали его только некоторые заезжие. Со временем ахи поулеглись, но кто мог предположить, что дивная красавица ответит калек Улойхо такой же пылкой любовью? Да ещё ровно через девять месяцев подарит ему крепенького, здорового сына?...

...Доверенные между тем вовсю потешались, называя имена и одного за другим отвергая людей, почему-либо не годившихся охранять жену мастера. Этот всем вроде хорош, да выпить горазд, а как выпьет... Тот тоже неплох, да на рожу таков, что при виде него у Вионы кабы молоко не пропало... А ещё третий, наоборот, куда как смазлив и падок на женскую красоту. Дело ли, чтобы этакий-то проказник день-деньской состоял при ювелировой бабе?...

Лута слушал болтовню и сперва усмехался удачным шуткам, потом перестал. Грех не повеселиться, если есть мало-мальский к тому повод, однако Младший отлично знал: коли уж его приятель на ночь глядя выбрался из дому и потащился в гости, значит, в самом деле встревожен. И ожидает от него помощи, не насмешек. Доверенные уже вспоминали каких-то девок, стрелявших и дравшихся не хуже парней (смех смехом, но вот кого, в самом деле, приставить бы к молодой хозяйке в подружки!), когда Кей-Сонмор перебил:

– У батюшки испросить бы совета.

Мысль о девках казалась ему в самом деле неглупой. Он только не мог избавиться от ощущения, будто упускает нечто важное. И притом сулящее немалую выгоду.

Один из доверенных сразу встал и скрылся за обтрёпанным ковром, заменявшим дверь. От многолетнего сидения за кропотливой работой Улойхо был близорук, но знал, что ковёр был обтрёпанный, ибо много раз видел его вплотную. У себя в доме он завесил бы двери внутренних покоев чем получше, ну да под чужим кровом хозяина не учи. Сонмор повелевал оружными людьми и распоряжался сокровищами, но в домашней жизни обычаи предписывал ему достойную скромность. Старинная мудрость недаром гласила, что сытый сокол не полетит на добычу. В роскоши пусть купаются те, кому на роду написано бояться Сонмора. Стену комнаты украшал лишь один по-настоящему драгоценный предмет. Небольшая каменная мозаика, изображавшая знаменитую кондарскую крепость под клубящимися тучами, прозвёнными одним-единственным солнечным лучом. Луч символизировал самого первого Сонмора, спасшего город. По краю картины была выложена верёвка, связанная в петлю и разорванная посередине. Из-за слабости зрения Улойхо не мог рассмотреть подробности мозаики, но в том и не нуждался. Это была его собственная работа, некогда подаренная хозяину дома. Он знал, что Сонмор ею очень гордился.

Мастер ждал, что сейчас их позовут предстать перед Ночным Конисом, как обычно бывало, когда люди приходили за помощью и советом. Он ошибся. Сонмор, сопровождаемый смуглолицым телохранителем, вышел к ним сам. Горбун невольно оробел и хотел было подняться, но старик замахал на него рукой – сиди, сиди, мол, – и сам опустился на ковёр рядом с сыном. Телохранитель Икташ, он же правая рука, побратим и первый советник по воинскому делу, скромно поместился у него за спиной.

Если бы Волкодав мог сейчас видеть этого лучшего во всём Кондаре бойца, он, наверное, подметил бы, насколько тот отличался от себя вчерашнего. Вчера возле «Зубатки» из-за его плеча глядела смерть, и люди чувствовали это за сотню шагов. Сейчас никакой угрозы не было и в помине. Просто вежливый, спокойный, улыбчивый, не очень молодой человек...

Сонмор же был действительно стар. Сухопарый, морщинистый, с редкими седыми волосами до плеч, он выглядел Луте не отцом, а скорее дедом. Он зачал красавца сына уже пожилым человеком, что, вероятно, оказалось только во благо наследнику. Умудрённый жизнью отец порою умеет дать сыну больше, чем молодой, сам едва оторвавшийся от соски.

Улойхо изложил ему свою просьбу. Лута и доверенные, уже слышавшие рассказ ювелира, почтительно внимали. Дослушав, Сонмор прищурился и подпёр кулаком подбородок, и тут за спиной у него тихо шевельнулся Икташ. Сонмор, не один десяток лет прошедший бок о бок с верным помощником, сейчас же слегка отклонился назад и чуть повернул голову, не скашивая глаз. Икташ что-то произнёс шёпотом, еле слышно. Не потому, что у них с Сонмором имелись какие-то тайны от Улойхо и тем более от Луты с доверенными. Просто Икташ был скромным советником и не посягал на власть и влияние, тем более не метил в преемники. Если ему и случалось подать мудрому Сонмору какую-то дельную мысль, незачем было выставлять это напоказ. Мало ли о чём он шепнул ему на ухо. Может быть, вообще о чём-то не относившемся к делу!

Как бы то ни было, Ночной Конис довольно долго молчал, пристально глядя на сына.

– Не получилось ли, батюшка, что мы с тобой об одном и том же?... – наконец сказал ему Лута. Сонмор улыбнулся:

– А я уж испугался, ты у меня так и останешься Младшим...

Если вельхи со стародавних пор с подозрением относились к верховой езде, почитая её уделом труса, который, бесславно потеряв колесницу, бежит с поля сражения, то у нарлаков ещё с кочевых времён обстояло ровно наоборот. Чтобы усадить знатного нарлакского воина на повозку, его требовалось сначала связать. Или изранить уже так, чтобы не держался в седле. Мастер Улойхо знатным воином не был. И вряд ли кто осудил бы калеку, появившись он на улице в тележке, толкаемой широкоплечим слугой. Тем не менее, когда Лута явился за ним, как и обещал, на другой день пополудни, слуга вывел горбуну кроткого серого ослика. Мастер с кряхтением забрался в седло, недоумевая про себя, почему это его приглашали к облюбованному Сонморами охраннику, а не наоборот. Лута сам взял ослика под уздцы и повёл со двора. За калиткой ждала свита: Кей-Сонмор мало кого боялся, просто так уж приличествовало молодому вождю. Шёл среди прочих и Тормар, неудачливый охранник из «Сегванской Зубатки». Он держался позади, стараясь не очень лезть на глаза, и вместо безрукавки с нашитыми кольчужными ключьями одет был в простую рубаху.

В этот день Волкодав едва не опоздал в «Зубатку» к полудню, когда заведению положено было открываться. А всё потому, что с Эврихом, опять собравшимся в Дом Близначев, неожиданно напросилась Сигина.

– Я узнала, что туда обязательно придут мои сыновья, – заявила она по обыкновению безмятежно. И принялась завязывать тесёмки на башмаках.

Волкодав сперва удивился, но потом поразмыслил и понял, что женщина, должно быть, надеялась обрести своих таинственных сыновей среди увечных и болящих. Или по крайней мере хоть что-нибудь о них разузнать. Из тех, кто обретал помощь и приют у жрецов, половина были люди заезжие. Ну а болезнь часто пробуждает у человека желание выговориться. Тот же самый наёмник или мелкий торговец, который здоровым ни за что не станет беседовать с незнакомой старухой, – лёжа пластом, пустится на всякие хитрости, лишь бы странноватая бабка подсела к нему и сердобольно послушала...

Рассудив так, венн не стал её отговаривать. Беда только, Сумасшедшая объявила о своём намерении, когда они с Эврихом и Рейтамирой уже собрались уходить. Ну а таким быстрым шагом, как молодуха и тем более двое мужчин, пожилая женщина идти, конечно, не могла.

– Да мы сами доберёмся, – сказал Эврих венну, когда сделалось ясно, что от лечебницы до трактира придётся поспевать бегом. – Уж прямо чуть ты отвернёшься, так нас сразу съедят!... Я сам матушку доведу!

Волкодаву не хотелось с ним спорить, и он согласно кивнул. Но куда не пошёл. Что касается «матушки», то Рейтамира именно так называла Сигину ещё в деревне. Теперь вот и Эврих – не иначе, нарочно затем, чтобы доставить удовольствие Рейтамуре. Волкодав чужую женщину готов был со всем почтением именовать госпожой. Или даже государыней, если она была почтенна и многодетна. Но только не матушкой. Мало ли на кого она в Четырёх Дубах

показалась ему похожей. Мать у веннского мужчины оставалась от рождения и до смерти только одна. Этим словом соплеменники Волкодава не величали ни тётку, ни даже родительницу жены...

Как и третьего дня, дверь им открыл молодой брат Никила. Он вежливо приветствовал гостей и провёл их внутрь, и Волкодав, убедившись, что с его спутниками всё путём, помчался в «Зубатку». Поэтому он не видел, как старый Ученик Блинецов, едва встретившись глазами с Сигиной, на мгновение замер от изумления, а потом сделал какое-то странное движение – ни дать ни взять собрался преклонить перед нею колени. Но не преклонил, ибо взгляд Сумасшедшей удержал его, словно ладонь, мягко опущенная на плечо.

У Кей-Сонмора был вид человека, приготовившего другу отличный подарок. Причём такой, который ни в коем случае нельзя вручать впопыхах, между делом. Того, кому он предназначен, следует должным образом помучить неизвестностью, истомить предвкушением и даже слегка поугатать. Пусть-ка дойдёт до состояния голодного, чьих ноздрей достигает влекущий запах еды: и мыслей на ином уже не сосредоточить, а чем именно пахнет – не разберёшь! И как знать, в самом деле надо ждать приятного насыщения, или... Пусть, пусть вообразит неведомо что, разволнуется и даже заподозрит не очень добрую шутку!...

Вот чего-чего, а никаких подозрений Младший Сонмор от друга детства добиться не мог и сам знал, что не добьётся. Всякий раз, с хитрым прищуром оглядываясь на горбуна, Лута видел на его лице лишь кроткую растерянную улыбку, полную беспредельного доверия. И хотя Кей-Сонмор – видит Священный Огонь! – ничего худого не замышлял против названного брата, его всякий раз охватывало чувство, похожее на стыд. За собственное крепкое, здоровое тело. За то, что он, если на то пошло, в самом деле мог бы сотворить с мастером Улойхо что только хотел... Не это ли наперёд угадывал Сонмор, когда позволил наследнику обзавестись таким побратимом?...

Свита Младшего со смехом и шуточками покружилась по улицам, а потом, совсем неожиданно для Улойхо, остановилась перед только что открывшейся «Сегванской Зубаткой».

И когда твоё сердце захлестнёт темнота
И душа онемееет в беспросветной тоске,
Ты подумай: а может, где-то ждёт тебя Та,
Что выходит навстречу со свечою в руке?

Эта искра разгонит навалившийся мрак
И проложит тропинку в непогожей ночи...
Ты поверь: вдалеке вот-вот зажжётся маяк,
Словно крепкие руки, простирая лучи.

Ты не знаешь, когда он осенит горизонт
И откуда прольётся избавительный свет.
Просто верь! Эта вера – твой крепчайший заслон.
Даже думать не смей, что Той, единственной – нет...

Рейтамира перебирала струны нарлакской лютни, негромко напевая для десятка слушателей. По городу медленно, но верно расползалась весть, что в «Зубатку» каждый день ходит девушка, творящая складные песни на стихи знаменитого галирадца. Рейтамире даже успели дать прозвище, которое её немало радовало и смущало: Голос Декши. Оказывается, кондарские ценители поэзии откуда-то знали, что одноглазому стихотворцу не досталось от Божьих щедрот ни слуха, ни музыкального дара. Многие пробовали сопрягать его строки со звучанием струн, но, кажется, ни у кого не получалось так, как у Рейтамиры. Вот и обзавёлся Стоум дюжиной новых завсегдатаев, покупавших какое-то угощение только ради того, чтобы хозяин из трактира не гнал.

Поначалу он вроде не возражал против того, чтобы в «Зубатке» кроме аррантского грамотея подрабатывала ещё и певунья. Действительно, по вечерам блюда в деревянной сушилке порой звенели и дребезжали от дружного хохота, когда Рейтамира, лукаво поблескивая глазами, дразнила гостей песнями наёмников. Кто-то, о ком она предпочитала умалчивать, ловко подчищал непристойные вирши таким образом, что откровенную похабень заменяли остроумные и смешные намёки. Неотёсанные подмастерья, набивавшиеся в «Зубатку» по вечерам, заворотили было носы. Потом как-то неожиданно поняли, что в облагороженном виде любимые баллады были ещё забавнее прежнего.

Зато днём Рейтамира пела совсем другие песни. И слушать их собирались люди безденежные до того, что Стоум как-то раз попытался приказать своему вышибале не пускать их на порог. «С чего ещё? – глядя на хозяина сверху вниз, проворчал хмурый венн. – Не шумят, не буянят...» ...Орава, поднимавшаяся по улице снизу, со стороны пристани, с первого взгляда показалась Волкодаву странноватой. Рослый, властного вида малый вёл под уздцы ослика с неловко сидевшим на нём горбатым калекой. По бокам шагало несколько парней с мордами до того откровенно воровскими, что хоть за стражей сразу беги. А замыкал шествие старый знакомый – Тормар. Присмиривший, не поднимающий глаз. Спрятавший куда-то кожаную безрукавку – знак буйного удалца.

Волкодав взирал на приближавшихся совершенно бесстрашно. Он не знал Кей-Сонмора в лицо, но был наслышан.

Между тем Лута остановился возле гостеприимно раскрытой двери «Зубатки», легко снял Улойхо с седла, и всё общество проследовало внутрь мимо посторонившегося венна. Волкодав увидел, как переменялся в лице Стоум, как мгновенно опустели два лучших стола, и понял, что не ошибся. В трактир снова пожаловали совсем не простые гости.

Служанки торопливо обмахнули начисто выскобленные столы и – вот уж чего в «Зубатке» отродясь не водилось – застелили их скатертями. Бородатый вожак привычно распоряжался, заказывая угощение. Свита устроилась на скамьях, а предводитель и его спутник, как пристало важным гостям, на лавке. Молодой горбун гладил тонкими пальцами браное льняное полотно скатерти и озирался, словно ожидая кого-то увидеть. Несколько раз его взгляд скользил по лицу Волкодава, но сразу отбегал прочь. Венн заметил на груди у калеки чеканную цепь, означавшую достоинство мастера ювелирного ремесла.

– Здесь человек, в котором Икташ не нашёл слабину, – склоняясь к уху названного брата и заговорщицки блестя глазами, шепнул ему Лута. – Этот человек тебе подойдёт.

– Который? – почти жалобно спросил Улойхо. – Их здесь... И все такие... ну... такие все...

Маленький ювелир, больше общавшийся с камнями и дорогими металлами, чем с живыми людьми, никакого понятия не имел о воинских доблестях. А потому здоровенный мясник или пекарь впечатляли его куда больше, чем тот же худощавый, невысокий Икташ.

– А ты попробуй догадайся, который, – захохотал Кей-Сонмор. – Угадаешь – девять дней у тебя за мой счёт будет служить... Ну? Согласен?

– Согласен, – сразу ответил Улойхо. Надеяться на выигрыш было глупо, но даже и почти неминуемая ошибка дополнительными тратами ему не грозила. Так почему бы не попытаться?

– Эй, песенница! – зычно, во всю мощь голоса рявкнул вдруг Лута, и Волкодав повернул голову. Он уже привык, что время от времени в «Зубатку» заглядывали посетители вроде сегодняшних: с виду не знатные и не слишком богатые, но Стоум перед ними вился вьюном, и, верно, не без причины. Обычно эти гости держались тихо и мирно, разговаривали негромко и платили с отменной щедростью, не требуя сдачи. И к Рейтамире, не в пример одному подгулявшему стражнику, не приставали.

– Я слушаю, мой господин, – отозвалась молодая женщина. Волкодав, выкинув того стражника вон, терпеливо объяснил ей, что доверчиво спешить на оклик не следовало. А будут настаивать – отвечай, мол, чтобы прежде попросили разрешения у «брата», стоящего при двери. До сих пор довод неизменно оказывался убедительным...

На сей раз он не понадобился. Венн только отметил, что, обращаясь к Рейтамире, бородатый красавец одним глазом косил на него. Не иначе, испытывал. Зачем бы?...

– «Стрекозку» знаешь? – уже тише поинтересовался Кей-Сонмор. Волкодав хорошо видел, какая краска залила чистое лицо горбуна. «Стрекозку» знали все, начиная от прыщавых юнцов и кончая стариками, давно забывшими то, что юнцы только мечтали постигнуть. Худшее неподобие трудно было представить. Рейтамира заколебалась, но в воздухе блеснула золотая

монета, подброшенная ловкой ладонью, и женщина тряхнула головой – только блеснули, скользя по плечам, тяжёлые пряди волос. Проворные пальцы побежали по струнам:

Сидела я, помню, в кустах у реки,
А рыба мои обходила крючки.
Вдруг вижу: стоит на прибрежной косе
Парнишка во всей, понимаешь, красе.
И чешет красавец на том берегу...
А что он там чешет – сказать не могу!

Кей-Сонмор первым взвыл от смеха и даже провёл рукой по глазам, хотя ни до чего действительно смешного Рейтамира ещё не добралась. Просто она, по своему обыкновению, пела совсем не ту «Стрекозку», которой от неё ждали. В той рассказ вёлся от лица парня, усмотревшего, как в мелкой заводи нагишом нежится девушка: зелёная стрекоза помогала повествованию, порхая по телу красавицы то туда, то сюда. Парень, конечно, горестно сожалел, что не может уподобиться стрекозе, – уж он бы, в отличие от глупого насекомого, знал, как поступать... И далее певец щедро делился со слушателями любовной наукой. Рейтамира всё перевернула вверх дном. Она складно и весело пела об упительных мечтах, одолевших юную рыбачку при виде дебелого увальня. Народ стучал по столам кружками и топал ногами. Ценители утончённой поэзии, брезгливо потупившие было глаза, ухмылялись в открытую.

И вот на песке распластались штаны,
Рубаха висит на кусте бузины...
Девичье сердечко щемит и поёт,
Всё тело бросает то в холод, то в пот:
Вот-вот повернётся... ой, мамочка-мать!
А он, понимаете, снова чесать!...

Волкодав, которому тоже было смешно и любопытно, внезапно насторожился: на улице определённо творилось что-то не то. Он перестал слушать песню и выглянул за дверь. Человека, как раз свернувшего с торговой площади к ним на улицу, знал весь Кондар. Господин Альпин, будущий конис, приходился ему родным братом. И притом младшим. Старший брат был весьма уязвлён величайшей, как он полагал, несправедливостью. В самом деле, ну какая беда, если он с юности только и знал заботы, что растрачивать рано доставшееся наследство?... Кондар видывал правителей и похлеще...

Вот уже лет пять он усердно запивал обиду вином, но всё не мог проглотить. Любимым же развлечением Беспутного Брата (так называли его в городе) было переодеваться простолудином, таскаться вечерами по шумным трактирам у пристани и, ввязываясь в кулачные потасовки, сворачивать челюсти и носы. Все трактирщики давно привыкли к нему и помнили, что он страшно сердился, когда его узнавали. То есть на самом деле не узнавали его только пьяные до изумления. Однако что ты будешь делать со своенравным вельможей, которому непременно нужно было бить бутылки, переворачивать столы и задира́ть подо́лы служанкам?... Тем более государь Альпин без разговоров оплачивал все расходы... Беспутному Брату было, как говорили люди, сорок два года. Выглядел он на все шестьдесят: потасканный, вечно опухший, волосы неряшливыми клочьями чуть не по пояс. Щёки и лоб украшали недавно зажившие ссадины. Они казались геройскими следами очередной драки, но на самом деле ими не были. Когда старший родственник государя Альпина бушевал в каком-нибудь кабаке, никто, понятно, не решался поднять в ответ кулака, даже недавно прибывшие мореходы: люди сведущие успевали объяснить им, что к чему. Поэтому Беспутный считал себя великим и необоримым бойцом. Вот только стены и каменные углы уступать ему дорогу почему-то никак не желали.

Волкодав смотрел, как этот человек приближался к «Зубатке», и думал о том, что бесчинства Альпинова брата обыкновенно происходили поздними вечерами. К полудню он хорошо если просыпался. Что, интересно бы знать, нынче подняло его из постели в непривычную рань? И напрямик погнало сюда?...

Выходит, он поторопился, решив, что после появления Икташа его оставят в покое. Дудки! То есть Волкодав верил в благородных врагов, но самому ему они донныне редко встречались. По пальцам пересчитать можно. И в этом городе счёт им не увеличится. Так значит, теперь на него ещё и всесильного Альпина вздумали натравить...

Беспутный успел уже опрокинуть в себя несколько кружек, и теперь ему срочно требовалось добавить. Волкодав следил глазами за приближавшимся здоровяком и молча желал, чтобы ноги пронесли того хоть немного подальше. Например, в «Серебряный Фазан», ставший с некоторых пор более притягательным для пьянчужек...

Не повезло. Беспутный отшвырнул попавшего под ноги мальчишку-продавца, перевернув его лоток со сладостями (двое слуг, следовавших в приличном отдалении за господином, бросили обиженному монетку), и устремился прямо на венна.

Волкодав не стал отодвигаться с дороги.

– Погоди, любезный, – негромко и вполне дружелюбно сказал он Беспутному. – Ты малость ошибся. Тебе не сюда.

Его рука указывала в сторону «Серебряного Фазана». И одновременно перекрывала вход в «Зубатку».

– Я слышал, сегодня там подают халисунское вино из ягод твила, вселяющее храбрость в сердца, – продолжал Волкодав. – Пойдём, я тебя угощу.

Когда-то давно, когда он только начинал подрабатывать вышибалой и собирал бесконечные синяки, Мать Кендарат, не одобрявшая таких заработков, всё же сжалилась над совсем диким и глупым, по её словам, учеником и дала ему несколько наставлений. Одно из них он и пытался воплотить в жизнь.

Глаза Беспутного Брата были когда-то карими, а теперь – неизвестно какого цвета. Одежда носила следы умелой починки: наверное, даже у Альпина не хватало средств каждый день заменять рваную. Полдень только что миновал, и потому наряд вельможи ещё пребывал в достаточно пристойном виде. К вечеру замшевые штаны будут продраны на коленях, пушистая безрукавка – достояние старинного рода – засалена и выпачкана разной гадостью, а широкий плащ окажется сверху донизу распорот ударом ножа. На нём и так уже красовались два длинных шва, а после сегодняшнего плащ, пожалуй, отдадут какому-нибудь бедняку. Дыры от ножа казались Беспутному признаком доблести, а день, когда ему не портили наряда, – потраченным зря. Он не догадывался, что кровожадные головорезы, уродовавшие его одежду, больше всего боялись зацепить его самого. Ибо в этом случае пришлось бы не только отдавать назад деньги, но и отправляться куда-нибудь подальше Змеева Следа.

...Ошеломлённый оказанным ему приёмом, Беспутный дал взять себя под локоть и даже прошёл с Волкодавом два шага в сторону «Серебряного Фазана». Но потом вспомнил, что явился сюда не за выпивкой, а ради вот этого вышибалы, о которого, как шепнули ему на ушко, стоило почесать кулаки. Он бешено рванул:

– Прочь руки, ублюдок!...

Волкодав подумал о том, что распутство доконает Альпинова брата определённо не сегодня.

Дряблосе с виду, оплывшее тело рванулось неожиданно мощно. Волкодав еле успел слегка ослабить хватку, чтобы вельможа, сохрани Боги, себе что-нибудь не сломал. Беспутный трепыхнулся снова, и Волкодав покосился на слуг. Те всполошились и чуть было не ринулись выручить своего господина, но вовремя поняли, что ему не чинилось вреда, и снова безучастно отстали. Особой любви к нему они не испытывали. Да и Альпин, если Беспутному легонько намнут бока, их не накажет. Они знали это из опыта.

Венн довёл присмирившего вельможу, как и обещал, до двери «Фазана». Здесь глядели за порядком даже не один, а сразу два молодца. Волкодав, как и обещал, вынул из кошелька монетку:

– Угостись, добрый человек, и не держи зла.

Вельможа остался туповато разглядывать лежавший на ладони полулаур. Волкодав решил не ждать, пока он придумает, как быть дальше, и вернулся на своё место. Он давно усвоил, что в

таких случаях лучше всего было подобру-поздорову исчезнуть с глаз. А там пьяница, паче чаяния, отвлечётся и позабудет.

В трактире царило веселье. Рейтамира только что кончила «Стрекозку», уже кем-то переименованную в «Рыбачку», народ пробивал ногами пол, по нарлакскому обычаю выражая полный восторг, и громко требовал ещё чего-нибудь в том же духе. Волкодав слегка пожалел, что не успел дослушать, чем же там кончилось. Потом утешился: вряд ли Рейтамира исполняла своё творение в последний раз.

Она показалась ему очень красивой. Оживлённая, раскрасневшаяся от всеобщего внимания и успеха. Совсем не та бессловесная, забитая сирота, которую им с Эврихом довелось спасти от засранца-мужа в безымянной деревне на берегу...

– Эй, венн! – окликнул его мужской голос. – Поди сюда, дело есть!

Волкодав сначала покосился на улицу, но не усмотрел никаких признаков затеваемого безобразия и решил подойти. Его звал молодой разбойник, сидевший со своим горбатым приятелем за лучшим столом. У горбуна был довольный вид человека, только что выигравшего спор.

– Садись! – сказал Кей-Сонмор. Волкодав сел вполборота к двери. Справному вышибале не возбраняются разговоры с гостями, надо только, чтобы служба от этого не страдала.

Перед Лутой лежала на плоском блюде горка душистых блинов. Как раз когда подошёл венн, сын Сонмора проверил пальцем остроту ножа, разрезал всю горку начетверо и придвинул к себе масло, смешанное с мелко нарезанной солёной форелью. Большинство нарлаков ело блины именно так, но Волкодав внутренне сморщился: чего ждать от незаконного племени?... Это ж додуматься надо, печь блин во всю сковородку, чтобы потом резать его на мелкие части...

– Мы тут слышаны о тебе, – жуя, сказал ему Кей-Сонмор. Ни один венн, даже очень голодный, не стал бы беседовать с набитым ртом, но Волкодав в своей жизни посмотрелся ещё не такого. – Нам рассказывали, – продолжал Кей-Сонмор, – как ты задал перца недоноскам Тигилла. Это правда, что ты угробил его со связанными руками?

– Может, и правда, – проворчал Волкодав. Разговор ему не нравился.

– Я знавал Тигилла, да не отринет его душу Священный Огонь, – сказал Младший. – Нужен великий воин, чтобы одолеть его так, как это сделал ты. А ещё люди говорят, будто Канаон, сын Кавтина Ста Дорог, тоже был рубакой хоть куда. Так это, венн?

– Может, и так, – хмуро ответил Волкодав. – Людям видней. Это всё, зачем я был тебе нужен? Кей-Сонмор вдруг необыкновенно развеселился:

– Вот и батюшкин советник считает, что ты зря тратишь себя в этом клоповнике. Послушай-ка лучше моего друга, мастера Улойхо: у него найдётся для тебя работа получше...

Венн положил руки на стол, и Улойхо сразу подумал, что об эти ладони можно было полировать изумруды. Венн внушал ему робость.

– Здесь не клоповник, – мрачно сказал вышибала. Он явно собирался встать и уйти.

Ювелир открыл рот говорить, но тут произошло неожиданное. Волкодав не то чтобы поднялся – слетел со своего места. И оказался возле двери чуть не прежде, чем сидевшие за столами успели что-то заметить. В следующее мгновение с улицы донёсся глухой рык, и перед дверью вырос Беспутный. Волосы у него были всклокочены, а в руках он держал толстый кол, подхваченный неведомо где. Не подлежало никакому сомнению, что он благополучно пропил вручённый Волкодавом полулаур и по зрелом размышлении счёл, что венн его всё же обидел. То ли тем, что не пропустил в «Зубатку», то ли тем, что не пошёл пить с ним вместе. Беспутный пребывал на последнем пределе ярости и рвался внутрь с невнятным рёвом:

– Убью!...

Кого именно он собирался убить, так и осталось неведомо. Он, может, и сам толком не знал. Однако вид детинушки вполне соответствовал словесной угрозе. Рейтамира испуганно прижала к груди лютню – своё единственное достояние, – и даже у Кей-Сонмора на мгновение остановилась рука, подносявшая ко рту четвертинку блина. Его ребята выманили сюда Беспутного нарочно затем, чтобы Улойхо посмотрел венна в деле. Теперь Лута старался сообразить, не слишком ли далеко забрела весёлая шутка. Ладно, сказал он себе затем.

Наслышаны мы про этого венна. А теперь и сами увидим, так ли горазд.

Волкодаву размышлять было некогда. Он и не размышлял, ощущая только досаду: неужели не мог сразу понять, что выпивоха вернётся?... Ишь, допустил отвлечь себя разговором, увести от дверей. Выпроваживай его теперь вон. А кабы прощения просить не пришлось у почтенных гостей за то, что позволил их напугать...

Улойхо невольно втянул голову в плечи. Лута не впервые вытаскивал его, как он говорил, в шумную харчевню «проветриться», и всякий раз дело кончалось одним и тем же. Дракой с кровью и выбитыми зубами, причём Лута, как положено будущему Сонмору, обязательно бросался разнимать драчунов...

Тем временем страшный, в скользких лохмотьях сгнившей коры, кривоватый кол необъяснимо переключался из рук Беспутного в руки венна. Со стороны могло показаться, будто вельможа вприпрыжку обежал вышибалу кругом и жизнерадостно устремился обратно за дверь. Держа его за шиворот, венн бросил отобранный кол в чёрный угол, туда, где у выхода во двор хранили веник и поганый совок. Оплешность оплешностью, а безобразничать в трактире он никому не позволит. Вытащив Альпинова братца за порог (низенький был порог, не как в доброй веннской избе...), он без лишних слов распластал его на неласковой каменной мостовой.

Слуги уже бежали к своему господину. Один темноголовый, второй рыжевато-русый, они были похожи друг на друга, как близкие родственники: два губастых молодых остолопа, уже начавшие отращивать животы. Таких рабов Волкодав немало в своей жизни встречал. Привыкших жировать при незлом господине, точно коты, забывшие про мышей. Они никогда не бегут на свободу, а вздумай хозяин отпустить – в ноги бросятся, чтоб только от миски не гнал...

– Эй, громила! – сразу закричал на Волкодава темноволосый. – Убери-ка лапы, ты!... Ты знаешь хоть, кого осмелился...

– И знать не хочу, – сказал Волкодав. – А только забрали бы вы его, от греха-то подальше! Второй надменно выпятил брюхо:

– Господин наш волен идти куда пожелает, и мы ему не указ!

Волкодав скривился в весьма неприятной улыбке:

– А я волен ему шею свернуть.

И легонько нажал коленом на локоть задранной кверху руки, вдавливая в землю плечо. Никаких шей он ломать, понятно, не собирался, но вельможа взвыл. Рыжеватый шагнул вперёд:

– Да тебя за это...

Его голос прозвучал выше прежнего – к привычной наглости добавился страх.

– Ага, – кивнул венн. – Только меня ещё поймать надо, а вот тебя точно на кол посадят: не устерёг!...

Тут на выручку двоим рабам подоспел третий. Это был седобородый дядька весьма почтенной наружности. Волкодав не удивился бы, скажи ему кто, будто старый раб с пелёнок ходил за хозяйским мальчишкой и до сих пор любил его, как любят непутёвого сына. Он и теперь готов был заслонить рычавшего и барахтавшегося вельможу, если придётся, собственным телом.

– Смилосердствуйся, добрый человек, не губи!... – бухнулся на колени старик. До венна не сразу дошло, что дед просил не за себя. Однако узловатая рука уже гладила буйную вздыбленную гриву Беспутного: – Я тут, господин, я с тобой. Накажи меня, никчёмного, не уследил за тобой, споткнуться позволил...

Ишь ведь, мостовая-то какая здесь скользкая... Волкодав выпустил вельможу, отступил на шаг прочь и стал ждать, что будет. Беспутный приподнялся на четвереньки, потом на колени. Старый раб обнимал его, ласково глядя по голове. Полупьяный вельможа пытался отпихнуть его, бормоча:

– Пошёл прочь, ослиная задница... Я тебя выпороть прикажу...

– И прикажешь, добрый господин мой, всенепременно прикажешь, – верный дядька уже помогал ему выпрямиться во весь рост. – Только, прошу тебя, давай сперва уйдём с этой улицы. Плохое здесь место, совсем не для таких красивых и важных господ... Грязь повсюду и мостовая вся в лужах, прямо шагу не ступить... Ты же помнишь, господин мой, какой дождь всю ночь бил по крыше? Ну кто же ходит гулять после такого дождя?...

Молодые рабы присоединились к нему, и они в шесть рук взялись отряхивать одежду вельможи от воображаемой сырости. На самом деле людские ноги гоняли туда-сюда пересохшую пыль.

– А ты знаешь, добрый господин мой, я только что нашёл маленькую монетку, выпавшую из твоего кошелька, – продолжал хлопотливо кудахтать старик. – Смотри, это целый лаур, добрый лаур, отчеканенный в виноградной стране. Ты помнишь Нардар, господин? Помнишь, как твой

досточтимый батюшка, да обласкает его Священный Огонь, возил тебя к молодому конису Марию?... Пойдём скорее, купим ещё немножко вина! Ты выпьешь его под старыми вишнями, которые твоя добродетельная матушка посадила во имя души своего праведного супруга... Голос был заботливый и весёлый, но по щекам седобородого невольника текли слёзы. Верный дядька подлез под руку хозяина, и тот, подпираемый с трёх сторон, неверным шагом поплёлся по улице прочь. Волкодав некоторое время провожал глазами рабов и их господина, не торопясь возвращаться в трактир. Окажись здесь Мать Кендарат, что, интересно, она сказала бы ученику?... Волкодав со стыдом чувствовал – не похвалила бы...

Кан-киро, благородное кан-киро, трижды глуп тот, кто понимает его лишь как искусство сражаться!...

Именем Богини, да правит миром Любовь!...

Венн тоскливо вздохнул. Видно, священная мудрость Богини Кан так и останется для него недоступной. Век быть ему вышибалой корчемным. Не годен на большее.

Мышь вылетел из двери и сел ему на руку, озабоченно заглядывая в глаза... Волкодав погладил зверька, водворил его на плечо и шагнул через порог обратно в трактир. Общая комната «Зубатки» встретила его мирным говором и смехом полутора десятков людей, занятых вкусной едой. На душе полегчало: гости не спешили испуганно разбежаться. Даже две няньки с детьми, заглянувшие побаловать малышей плюшками и печеньем Зурии... Потом его взгляд натолкнулся на широкую улыбку Кей-Сонмора.

– Вот видишь, Улойхо! – смеялся будущий Ночной Конис. – Кого бояться Вионе, если подле неё будет такой грозный страж? Это ты бойся, чтобы не полюбила его вместо тебя. Поди сюда, венн!

Волкодав нехотя подошёл, кося одним глазом в сторону двери. Ещё не хватало, чтобы его отлучка вновь кончилась непотребством. Он, правда, откуда-то знал, что Беспутный Брат не вернётся.

Вот если бы я ещё раз его выкинул, точно вернулся бы. Ещё более обозлённым. С новым колом вместо отобранного. А уведённый бессильным стареньким дядькой – утомонится и заснёт до утра, как чистый младенец. Почему так?... Сумею ли я когда-нибудь такого достичь?...

Когда Волкодав снова сел на скамью, близорукий Улойхо наклонился присмотреться к Мышу, потом капнул масла на палец и протянул руку через стол. Подобное не всегда кончалось добром, но нынче маленький свирепый боец чувствовал себя в безопасности: не зашипел, не попытался взлететь, просто вытянул шевелящийся нос, принялся к угощению и бережно слизнул его с пальца.

– Здесь, конечно, не клоповник, друг венн, – продолжая прерванный разговор, сказал Кей-Сонмор. – Никто не хотел обидеть ни тебя, ни доброго Стоума. Просто мой батюшка научил меня знать всякий народ, чтобы с любым человеком беседовать согласно обычаю его страны. У вас ведь не принять заводить речи сразу о деле, не поговорив сперва о том и о сём...

Что-то смутно зашевелилось в памяти Волкодава при этих словах. Голос? Нет, не голос.

Выговор?... Лута словно бы решил помочь ему, произнеся:

– Но ты, венн, наверное, тоже странствовал немало, а потому согласишься со мной: всякий обычай хорош для той жизни, к которой привычен народ, его породивший. Так и тут. Вольно вам, веннам, не одобрять спешки, когда живёте в лесу и нового человека видите однажды в полгода...

Уж прямо – в полгода. Раз в месяц, а то даже и чаще, обиделся Волкодав и... вспомнил. И спросил себя, чего, собственно, ради они с Эврихом потащились в Кондар. Неужто нельзя было облюбовать другой город, хотя бы и за Змеевым Следом?...

– Три лета тому назад, – проговорил он медленно, – твой батюшка был уже умудрён годами, но обещал жить и здравствовать ещё долго. И я рад, что у его мудрости есть достойные восприемники.

– Тот раз ты отверг предложение, от которого у многих слюнки бы потекли, – усмехнулся Кей-Сонмор. – Что ж, мы с тобой гуляем по разным тропинкам, а лес большой... Скажи-ка лучше, выручишь ты моего побратима? Жене его защитник потребен.

Волкодав подумал о письме наёмника Гарахара, отправленном галирадцу Неклоду. Тут дождётся, ещё станут доискиваться, отчего не явились в Кондар шестеро лиходеев. А потом вернётся Кавтин, застрявший в Четырёх Дубах из-за покалеченного братишки, и государь Альпин, завершив Обезд Границ, пожелает проведать маленького любимца. А там, чего доброго, поймут беглого Сенгара, вздумавшего сунуться обратно в Кондар... «Венн? Какой венн? Уж не тот ли, что возле Засечного кряжа жену от мужа увёл?...» Не получалось неприметной жизни, хоть плачь. Волкодав хмуро подумал, что служба у горбуна всяко окажется денежней, чем в «Зубатке», – кто ж к другому хозяину пойдёт, заработок теряя! А значит, кошелек будет наполняться скорее, приближая покупку места на корабле. Однако для начала он всё же спросил:

– Что за беда грозит твоей жене, почтенный мастер?

Деревянный меч размеренно возносился над головой. Вдох! Живительная сила, струившаяся с позолоченных солнцем небес, втекала сквозь дубовый клинок и проникала в ладони, чтобы искрящимся потоком излиться в низ живота. Выдох! Послушные ноги делали шаг, бросая тело вперёд, тугая пружина воспринятой силы стремительно разворачивалась, возвращаясь сквозь руки обратно в кончик меча, и меч летел, рассекая невидимые препоны, чтобы наконец отдать всё и замереть, глядя чуть вверх. Новый вдох!...

Дубовый клинок, один из двух, повсюду ездивших с венном, имел закруглённые лезвия в полтора пальца толщиной. На первый взгляд лезвия выглядели безобидными – подумаешь, деревяшка! Чтобы понять ошибку, достаточно было послушать, как они свистели, взлетая и падая в руках Волкодава. Самый недоверчивый мог попросить у него меч и попробовать повторить.

Босые ступни венна скользили по утоптанной, засыпанной крупным песком площадке посередине небольшого садика. Именно скользили, словно по мокрому льду, не тревожа красноватых песчинок.

– Нас тоже учили такой походке, – сказала Виона. – Но только для плясок, а не для сражений. Вот, смотри!...

Вытянув из волос длинную шёлковую ленту, она поднялась с плетёного креслица и, расстелив ленту по земле, быстро пробежала по ней.

– Видишь?

Движения молодой матери ещё далеко не обрели прежней девичьей лёгкости, а ножки, привыкшие ступать босиком, были по настоянию заботливого мужа заключены в мягкие замшевые башмачки. Однако на шёлковой ленточке не возникло ни складки.

– У тебя так не получится! – Виона проказливо показала Волкодаву язык.

– А вот и получится! – сказал он хозяйке. В такие мгновения он чувствовал себя мальчишкой. Нет, не тем озлобленным, диким и опасным юнцом, которого маленькая седая жрица пыталась учить Любви. Настоящим мальчишкой. Смешливым сорванцом. Навсегда, как ему раньше казалось, погибшим в свою двенадцатую весну. А вот теперь выяснилось, что добрый малец попросту спал, уязвлённый колдовским ледяным жалом. Волкодав, ничего подобного от себя не ждавший, изумлённо следил за его неуверенным пробуждением.

– Глянь вот!

Опустив меч, он на одной ноге пропрыгал по разостланной ленте, не помяв тонкого шёлка.

– Тоже мне! – хмыкнул он в бороду, с торжеством косясь на Виону. И добавил с дружеской подковыркой: – Девчонка.

Она в самом деле была совсем ещё девчонкой. Волкодав плохо определял возраст, но нипочём не дал бы Вионе больше семнадцати. А уж вела она себя в точности как ровесница мальчонке, которого он с таким удивлением в себе обнаружил. Слишком рано выдернули её из детства в беспощадную взрослую жизнь. Танцовщица в храме, беглянка, рабыня, выставленная на торг...

И вот теперь, на свободе, под защитой любимого мужа, она как будто добирала упущенное. И кому какое дело, что уже ворковал в люльке её собственный сын...

Вот только на поясе у неё висел кинжальчик с драгоценной рукоятью работы мастера Улойхо и длинным прямым лезвием, вполне способным убить. И Волкодав уже выяснил, что Виона владела им очень даже неплохо. Без промаха метала в цель и чертила в воздухе завораживающие узоры. Она объяснила своё умение танцами с оружием, происходившими в храме. Он ей не очень поверил, но допытываться не стал. Главное, сможет хоть как-то себя защитить, если вдруг что.

Он поначалу не испытал большого восторга, когда молодая хозяйка попросила его показать воинские упражнения. И что за радость смотреть, как на утоптанной площадке вертится, скачет, катится через голову и машет мечом полуголый мужик, взмыленный, облитый резко пахнущим потом?... Ко всему прочему, любопытство Вионы заставило его вспомнить службу у кнесинки Елень, и воспоминания были не из приятных. Он даже пообещал себе ответить отказом, если Виона, подобно галирадской кнесинке, захочет у него чему-то учиться. Однако Боги миловали. Если государыню Елень влекло грозное обещание битвы, таившееся в каждом движении канкиро, то госпожа Виона, насколько он понимал, в первую очередь видела красоту. Красоту совершенства, отточенного столетиями. И даже чем-то схожего с танцами, которым её обучали в храме Богини Вездесущей.

Волкодав служил у ювелира уже несколько седмиц. Если светило солнце, Виона целые дни проводила в саду, возле малыша, что дремал в тени шиповника под присмотром бдительных нянек. Вот и теперь она шалила и дурачилась с Волкодавом, то и дело вызывая его на потешное состязание и мешая должным образом завершить воинское правило. По мнению венна, юной матери следовало бы занять себя чем-нибудь поспокойней – шитьём там, вязанием, – но его мнения не очень-то спрашивали. А сама она... Ну что с неё возьмёшь? Девчонка и есть. Служба у него пока что была спокойная до неприличия, но бдительности Волкодав не терял. И, как положено телохранителю, первым заметил хозяина дома, вышедшего из двери.

– Госпожа, – сказал он негромко.

На людях Виона покрывала волнистые чёрные волосы нарлакским намётом, а оставаясь среди домашних – убирала по обычаю своей родины. Заплетала во множество мелких косичек и связывала эти косички в толстый пук прямо на темени, так что они валились во все стороны. Когда она побежала навстречу мужу, заплетённые пряди упали назад, покрыв спину до бёдер. Мастер обнял Виону, застенчиво улыбаясь нянкам и Волкодаву. Юная жена была на полголовы выше него. Мастер, сутками не вылезавший из-за верстачка, был до того белокож, что казался бесцветным. Тело Вионы, родившейся на западе Мономатаны, отливало на солнце густой воронёной медью, зеленовато-голубые глаза казались двумя самоцветами в драгоценной оправе. Прожив с нею год в любви и согласии, родив сынишку, Улойхо так и не привык к своему счастью. К тому, что именно он удостоен был первым и единственным постичь её красоту. Ему всё казалось – Боги могли бы найти такому сокровищу хранителя и получше. А ну как Они распознают содеянную ошибку и надумают исправить её?... Если бы мастер мог видеть себя рядом с Вионой со стороны, он понял бы, как распрямляла и красила его любовь.

– Скоро я снова буду танцевать для тебя, – сказала Виона.

– Я тоже приготовил тебе подарок, радость моя, – ответил ювелир. – Оденься для гостя. Мы примем его у меня, в «самоцветной шкатулке».

Вот это Волкодаву уже совсем не понравилось. То не беда, полбеда, если девочка-хозяйка играет и резвится в саду. Тут всё своё, тут и Домовой знакомый поблизости... если, конечно, водятся Домовые у беспутных нарлаков... Но вот показывать недавно родившую чужому человеку? Гостю неведомому? Оглянуться не успеешь, такую порчу наведёт, что и пятками назад не отходишь...

Виона обрадованно чмокнула мужа в щёку и убежала одеваться. Служанки потянулись следом, не успевая за легконогой молодой госпожой. Венн досадливо опрокинул на себя ведёрко воды, смывая пот, и полез в сумку за чистой рубашкой.

В «самоцветной шкатулке» мастера Улойхо Волкодав до сих пор не бывал. Только знал, что имелась в каменном доме особая, любимая комната. Видел запёртую дверь, когда в самый первый день осматривал все входы и выходы. Ещё ему было известно – горбун в своё время немало трудился над внутренностью чертога. И вроде бы действительно создал нечто вроде

драгоценной шкатулки, достойной вмещать чудеса его ремесла... Чудеса эти Волкодава интересовали меньше всего.

Идя следом за Вионой к заветной двери, венн всё думал о госте, которого ожидал мастер Улойхо. И о подарке, который у этого гостя, по-видимому, предполагалось купить. Да. Небось что случится, с кого спросят? С телохранителя. Прозевал, скажут. Недоглядел.

Слуга отворил госпоже двери, и венн шагнул в заповедный чертог.

...Так бывает с неопытными воинами, когда они рвутся вперёд, стремглав вылетают из-за угла... и получают по лбу хорошо если обухом, не остриём... В комнате не было окон. Её освещали две масляные лампы, искусно упрятанные в неровностях камня. Виона привычно зажгла их, и Волкодав воочию увидел факелы, дымно коптящие в полутьме подземелий... Юркий Мыш сорвался с плеча, метнув по стене крылатую тень... Впереди зазвенел по камню металл. Пещерное эхо донесло ругань, удары бичей и насадный хрип десятков людей...

– Тебе нравится, Волкодав? – спросила Виона.

Её голос порвал паутину, и морок распался чёрными ключьями, медленно отползая обратно в потёмки души. Венн увидел – пещера была не настоящая. Мастер Улойхо сотворил её из обломков самородного камня, ловко подогнав их один к другому и путив виться по стенам и потолку разноцветное переплетение рудных жил. Отличие от виденного на каторге состояло лишь в том, что дорогие камни покоились в гнёздах породы не грязными бесформенными желваками – заботливая рука отполировала и огранила их, научив таинственно мерцать на свету. Старому рудокопу, каким считал себя венн, это резало глаз. Он подумал и сказал себе, что продавцы камней и заказчики, приходившие к мастеру Улойхо, вряд ли бывали когда-нибудь под землёй.

Осмотревшись внимательнее, Волкодав заметил кое-что ещё, из-за первоначального потрясения ускользнувшее от его взгляда. Низкий столик с удобным креслом при нём. И твёрдый кожаный короб на каменной полке, вблизи упрятанного светильничка. Насколько венну было известно, в таких коробах держали свой товар книготорговцы.

Он подумал о том, что супруг госпожи, обустроивая рукотворный занорыш

, должно быть, всё вызнал о подземной жизни камней. Во всяком случае, каждый самоцвет сидел именно в той породе, какая ему соответствовала. Наверное, горбун расспрашивал многих. Но не только. Скорее всего, ещё и книжки читал...

– Тебе нравится? – не дождавшись ответа, повторила Виона.

Он неохотно проговорил:

– Я не люблю пещер, госпожа.

– Что с тобой, Волкодав? – удивилась она. – Только что девчонкой дразнил...

У него не было никакого желания что-то ей объяснять, и он снова отвернулся к стене. У пещеры ювелира было ещё одно отличие от всамделишных подземелий. Чистота. Бережно подобранный пёстрый камень был умытым и гладким. В Самоцветных горах даже самые красивые слои трудно было различить за пылью и грязью. Никто не протирал мокрой тряпочкой красные, зелёные, фиолетовые изломы, не останавливался восхищённо полюбоваться...

Отделка комнаты не была завершена. В углу лежало несколько приготовленных, но не установленных камней и при них – ящичек с опрятно убранным инструментом. Там же виднелась лесенка, поначалу воспринятая Волкодавом как необходимая рудничная принадлежность. И длинный кусок окаменевшего древесного ствола с корой и ветвями, ещё не нашедший в этой странной комнате своего, только ему присущего места...

В отличие от Волкодава, Мыш сразу почувствовал себя дома. Тягостные воспоминания не беспокоили маленького летуна. Покрутившись туда и сюда, он облюбовал подходящий уступ, прицепился к нему... и немедленно облегчил животик, украсив драгоценный каменный ковёр пахучим длинным потёком.

До сих пор он, что-то понимая своим звериным умишком, не позволял себе подобного в местах, где ему приходилось жить вместе с людьми.

Давно уже Волкодав не испытывал подобной растерянности! Позже он вспоминал, как первым долгом прислушался: не идёт ли мастер Улойхо? Об руку с уважаемым гостем?... Пока он стоял столбом, Виона хихикнула, всплеснула руками – и стрелой выскочила за порог, звать

служанку с тряпками и ведёрком. Мышь сорвался с насеста и полетел было за нею, но потом вернулся к Волкодаву. Кажется, до него начало смутно доходить, что они были всё-таки не в пещере. Он сел венну на плечо и потёрся о шею, как всегда, когда ему случалось нашкодить. Перелететь на стену зверёк больше не пробовал. Он не очень понимал, что же именно он сделал не так, только то, что лучше было не связываться.

И надо ли говорить, что к приходу хозяина дома все следы преступления были надёжно замыты.

Гость оказался худощавым пожилым сегваном с длинными седыми волосами, по обычаю Островов собранными в хвост на затылке. За хозяином следовал телохранитель, тоже сегван. Он ощупал Волкодава взглядом, лишённым всякого дружелюбия. Венн никак ему не ответил, но про себя усмехнулся. Парень тащил большую плоскую коробку, явно принадлежавшую гостю. Хорош охранник, допускающий, чтобы у него были заняты руки!

Между тем сегван с уважением и любопытством обозревал внутренность «шкатулки».

– Ты, добрый мастер, конечно, бывал в рудниках? – спросил он, усаживаясь.

– Куда мне, – кротко вздохнул Улойхо. – Я на улицу-то не каждый день выхожу.

Сегван развёл руками с несколько преувеличенным удивлением:

– Откуда же ты так хорошо знаешь, как выглядят недра?

Мастер смутился, явно довольный похвалой:

– Да так... понемногу... от бывалых людей...

Волкодав стоял за спиной госпожи, скрестив на груди руки, и помалкивал.

Торговец камнями кивнул своему охраннику (или, скорее, просто слуге, как определил про себя Волкодав), и тот поставил коробку на столик. Сегван снял с шеи неожиданно длинный ключ и повернул его в маленькой скважине, отделанной потемневшим металлическим кружевом. Потом поднял крышку.

Виона восторженно ахнула. Улойхо довольно улыбнулся. Сегван откинулся в кресле, радуясь произведённому впечатлению. Слуга-охранник пялился на богатство, принадлежавшее не ему.

Опытные люди так себя не ведут,

опять подумал Волкодав.

Телохранитель, как все люди, имеет право любить или не любить самоцветные камни, никого это не касается, кроме него самого. Но позволять себя от службы отвлечь?...

Сам Волкодав внутрь коробки даже не покосился – смотрел только на хозяйских гостей.

– Мы вправим их в серебро, – говорил тем временем ювелир. – И сделаем тебе ожерелье. Или диадему. Возьми, приложи к волосам!

Бесчисленные косички Вионы были спрятаны от чужих мужчин под намёт; впрочем, нарлакский убор мономатанской уроженки неизменно получался больше похожим на тюрбан её родины. Виона потянулась к коробке и вынула из чёрного замшевого гнезда кусочек то ли моря, то ли небес, горевший льдисто-голубым звёздным огнём. Она держала искрящийся камень так осторожно, словно тот в самом деле был хрупкой, готовой рассыпаться льдинкой. Она приложила его к тёмно-синему шёлку намёта, охватившему смуглый лоб, и сделалось ясно, что именно там и было ему самое место. Лучшего не придумать.

Слуга торговца оторвался наконец от заворожённого созерцания блестящих топазов. Теперь он алчно таращился на Виону.

Его хозяин тоже откровенно любовался молодой женщиной, но скорее отечески.

– Эти камни, – сказал он, – обретены под Большим зубом, в сорок третьем нижнем ярусе.

Гранил же их, как я слышал, сам несравненный Армар.

Никто не сказал бы по лицу Волкодава, чтобы для него что-то значили эти слова. Мастер Улойхо потянулся к ящику с инструментами и вытащил деревянный футляр. Сверху этот футляр был сплошь исцарапан – сразу видно, не без дела валяется, – но зато внутри оказался выложен бархатом. В пухлом бархате, само похожее на сверкающую драгоценность, покоилось большое двояковыпуклое стекло в металлической оправе. Рядом со стеклом лежала удобная деревянная ручка. Ловкие пальцы горбуна живо присоединили ручку к оправе.

– Ого, вот это диковина! – торговец камнями даже наклонился вперёд. – Что это у тебя, добрый мастер Улойхо? Уж не магическое ли зеркало, позволяющее заглянуть в самую душу камней? – Почти угадал, – засмеялся маленький ювелир. – Это в самом деле очень редкое и дорогое приспособление. Ему присуще свойство многократно увеличивать каждую мелочь, на которую сквозь него смотрят, равно подчёркивая и достоинства, и недостатки. Такие стёкла шлифует в Галираде славный мастер Остей, и я знаю, что многие ремесленники вроде меня стремятся ими обзавестись.

Славный мастер Остей!...

Волкодав опять остался внешне совершенно невозмутимым, но на душе потеплело. Вот так живёшь и не знаешь, где подкараулит тебя западня, плод стародавней вражды, а где, наоборот, бессловесная вещь покажется приветом от друга...

– Можно?... – протянул руку сегван. И принялся увлечённо созерцать собственные камни, время от времени качая головой и щёлкая языком. Потом он сказал: – Такое стекло и мне, скромному купцу, принесло бы немалую пользу. Много нынче развелось людей, склонных к обману, а сколь искусны бывают творцы подделок, не мне тебе объяснять. Ты позволишь не откладывая обмерить твоё зеркало, чтобы я мог заказать подобное ему для себя? Улойхо с сомнением пожевал губами.

– Обмеряй, мне не жалко, – сказал он затем. – Можешь даже снять слепок. Но заказывать лучше погоди, пока судьба не заведёт тебя в Галирад. Иначе зря деньги потратишь. У нас в Кондаре, как тебе известно, тоже варят очень хорошее стекло, но подобной работы повторить не умеют. Когда мне привезли это зеркало, я тотчас же устранился, что ненароком разобью его, и обратился к нескольким мастерам, прося сделать похожее. Мои друзья очень старались, и я, конечно, вознаградил их труды, но...

На лице сегвана отразилось сомнение. Видя это, Улойхо снова запустил руку в ящик: – Вот, посмотри.

Стёкла, которые он вынул, были без оправ и без ручек. На первый взгляд они только этим от галирадского и отличались, но торговец по очереди испробовал их и убедился: все они хоть немного да исказили видимое глазом, причём каждое на свой лад.

Ну ещё бы, подумалось венну.

Со здешними стекловарами не сидел рядом Тилорн, объясняя, как направлять свет, чтобы вокруг линзы, уложенной на полированную пластину, заиграли радужные кольца. А без науки, пожалуй, что-то получится!...

К его некоторому удивлению, сегван положил стёкла на стол и расплылся в довольной улыбке. Купцам вообще-то самообладания не занимать, но у владельца камней был вид человека, обнаружившего неожиданный клад.

– Друг мой Улойхо, – проговорил он. – Ты забываешь, что я, в отличие от тебя, не ювелир. Я не шлифую бесценных алмазов, потев от мысли о возможной оплошности. А вот зеркало, позволяющее заглядывать в самое нутро крохотного камешка, нужно мне позарез. И что за беда, если оно что-то покажет чуть-чуть не так? Главное, чтобы не пропустило изъяна, незаметного простым глазом. Такие изъяны, как ты хорошо понимаешь, бывают незаметны при покупке, происходящей в какой-нибудь грязной лачуге или в укромном городском переулке, но всегда обнаруживаются, когда камень уже куплен и приходит пора пускать его в дело. Опять же, друг мой, в отличие от тебя, я странствую по всему подлунному миру, а это значит, что многое может случиться и с моими вещами, и со мною самим. То есть, как ты уже понял, обладание несколькими зеркалами, не подошедшими для твоей работы, но годными для моей, устраивает меня больше, нежели владение одним совершенно бесскверным, вроде твоего галирадского. Есть ли у тебя, друг мой, ещё такие же чудесные приспособления, неудачно, как тебе представляется, изготовленные в Кондаре?

– Есть, – ответил Улойхо.

– Я принёс тебе девятнадцать дивных топазов, пригодных на ожерелье или диадему для твоей несравненной супруги, – торжественно изрёк торговец. – Я отдам по одному из них за каждое

из зеркал, хранимых тобой во имя уважения к сделавшим их мастерам... Надеюсь, тебя устраивает такая цена?

Когда сделка была должным образом завершена и маленький кувшин саккаремского вина, поданного по такому случаю, опустел, мастер Улойхо попросил Волкодава проводить гостей до ворот. Обязанности венна состояли в том, чтобы находиться при госпоже в присутствии чужих людей; просьба ювелира им не противоречила и была Волкодаву совсем не в тягость. Он прошёл с торговцем и его слугой через весь дом, радуясь, что выбрался наконец из «шкатулки». – Мой добрый друг Улойхо никогда раньше не держал охраны, – неожиданно сказал ему продавец самоцветов. – Да и зачем она ему, если подумать? Не хотел бы я оказаться на месте вора, которому вздумается ограбить его!...

В хозяйские дела Волкодав предпочитал не лезть и потому промолчал, но отвязаться от сегвана оказалось непросто. Уроженец Островов был словоохотлив, как все купцы. К тому же доброе вино приятно грело его изнутри, и он только что заключил сделку, которую почитал необыкновенно выгодной.

– Зачем Улойхо нанял тебя? – снова обратился он к венну. – Неужели Кей-Сонмор от него отступился?...

Волкодав подумал о том, что проводы гостей были всё-таки работой для слуг, а не для телохранителя. Мог бы и отказаться. Небось не помер бы, проведя ещё некоторое время под сводами рукотворной пещеры. Однако сделанного не воротить, и, поскольку отмолчаться не удавалось (последнее дело – обижать вошедшего в дом), он сказал:

– Супруга мастера приехала из далёкой страны и ещё не освоилась. Господин нанял меня, чтобы ей было спокойней.

Торговец окинул рослого крепкого венна оценивающим взглядом, глаза его задорно блеснули. Возможно, он подумал о том, что горбатый калека сотворил изрядную глупость, приставив к красавице-жене мужчину не чета себе самому. Но многоопытный сегван был всё-таки скорее трезв, нежели пьян, и счёл за благо оставить свои соображения при себе.

Его слуге вина не досталось совсем, но не досталось и хозяйского здравомыслия.

– Так ты, стало быть, всё время при ней?... – жадно поинтересовался он, подходя к калитке по садовой дорожке. – И ночью и днём?...

Мысленно Волкодав проклял свой слишком длинный язык, но вслух ничего не ответил. Купец с явным неудовольствием оглянулся на своего человека. Молодого парня жгло неутолённое любопытство. Он достаточно потёрся в богатых домах и успел уяснить, что слуга со слугой договорится всегда. И мало кто упустит случай посплетничать о господах. Он еле дождался, чтобы хозяин шагнул на улицу. Переложил из руки в руку мешочек с купленными зеркалами и, повернувшись к венну, спросил напрямую:

– Ну ты как, спал уже с ней?... И что она в...

...Люди полагают: пощёчина, даже нанесённая во всю силу и от души, уязвляет скорее гордость, нежели тело. Вот тут они ошибаются. Позже Волкодав не находил себе оправданий – достойному ученику Матери Кендарат следовало бы вести себя по-другому. К примеру, срезать паскудника безошибочным словом. Таким, чтобы сразу пропало желание впредь распускать поганый язык. Он даже, хотя и с трудом, придумал подходящий ответ. Придумал – и понял, что лучше всего было просто промолчать, оставив пакостные речи висеть в воздухе. Над головой у произнёсшего их. Но всё это потом. А в тот миг Волкодав сделал худшее, что можно было сделать. Крутанулся навстречу и вlepил молодому сегвану хорошую веннскую оплеуху. Иначе именуемую «прокинутой лодкой» за форму ладони с пальцами, слегка согнутыми и сжатыми вместе.

Слуга торговца был никак не хлипче самого Волкодава, но «опрокинутая лодка» сшибает с ног даже тех, кого не вдруг проймёшь кулаком. Человеку попросту кажется, что ему вдребезги разнесли голову. Или по крайней мере вколотили в неё гвоздь. Жестокая боль вонзается в самые недра мозга, лишая способности нацелить взгляд, отнимая чувство верха и низа. Лицо сегвана некрасиво обмякло, точно у пьяного или спящего, глаза поплыли в разные стороны, он начал валиться.

Волкодав увидел, как раскрылась его ладонь, как вылетел из неё кожаный мешочек с драгоценной покупкой и стал, переворачиваясь в воздухе, падать на пыльный плоский камень, ограничивавший садовую дорожку от уличной мостовой...

Глядя на падающий мешочек, Волкодав запоздало одумался и остыл. Нажив полную бороду седины, он по-прежнему то и дело срывался, как неразумный юнец. Он увидел собственную ладонь, успевшую нырнуть между мешочком и камнем. Крупные, тяжёлые стёкла глухо стукнули друг о друга сквозь ткань, которой их заботливо обернули как раз для такого случая. С камнем ни одно из них не соприкоснулось, и у венна чуть-чуть отлегло от сердца. Содеянное всё же не оказалось непоправимым.

Волкодав поднялся и отдал мешочек обернувшемуся купцу. Молодой слуга шарил руками по земле, безуспешно пытаясь подняться хотя бы на четвереньки. Он плакал, по-детски жалобно всхлипывая. Ничего: скоро пройдёт. Венн хмуро смотрел на его хозяина, ожидая вполне заслуженной брани. Известно же, чем обычно кончается ссора двух слуг. Либо раздором хозяев, либо тем, что оба господина совместно наказывают виноватого. Торговец почему-то молчал, не торопясь заступаться за соплеменника или бежать жаловаться мастеру Улойхо. Он смотрел, как, цепляясь за каменный привратный столбик, встаёт на шаткие ноги его человек. Когда молодой сегван наконец поднялся и начал размазывать ладонью по лицу слёзы и пыль, продавец камней обратился к Волкодаву.

– Спасибо тебе за то, что проучил неразумного, – сказал он спокойно, и венн только тут сообразил, что купец, оказывается, всё слышал. Хозяин тем временем повернулся к слуге... и огрел его по другой щеке: – А это от меня. Чтобы впредь поменьше болтал.

На счастье невезучего парня, «опрокинутой лодкой» его господин не владел. Так что от второй оплеухи белобрысая голова лишь слегка мотнулась. Кивнув Волкодаву, сегванский купец повернулся и с большим достоинством зашагал по улице прочь. Слуга поплёлся за ним, всхлипывая и утираясь. Некоторое время венн провожал глазами его униженно согнутую спину. На душе было удивительно мерзко.

Нам всем навевают глухую тоску вечера.
Нам кажется вечер предвестником горькой утраты.
Ещё один день, точно плот по реке, во «вчера»
Уходит, уходит... ушёл... И не будет возврата.

Нам утро подарит и радость, и новую тень,
И вечной надеждой согреет нас юное солнце,
Но то, чем хорош или плох был сегодняшний день,
Уже не вернётся обратно, уже не вернётся.

Мелькают недели, и месяцы мчатся бегом...
Мы вечно спешим к миражу послезавтрашней славы,
А нынешней глупости, сделавшей друга врагом,
Уже не исправить, мой милый, уже не исправить.

Мы время торопим, мечтая, как там, впереди,
От бед повседневных сумеем куда-нибудь деться...
А маленький сын лишь сегодня лежал у груди -
И вдруг повзрослел. И уже не вернуть его в детство.

В минувшее время напрасно душой не тянись -
Увяли цветы, и соткала им саван пороша.
Но, может быть, тем-то и светел божественный смысл,
Что всякое утро смеясь разлучается с прошлым?...

И сколько бы нам ни сулил бесшабашный рассвет

На деле постигнуть вчерашнюю горькую мудрость,
Он тем и хорош, что придумает новый ответ...
А вечеру жизни – какое наследует утро?...

10. Тысячный день

Когда Волкодав вернулся в дом, Вионы не было видно, а мастер Улойхо запирает двери «шкатулки».

– Наш сын проснулся и захотел есть, – пояснил ювелир. – Виона кормит...

Телохранитель кивнул и хотел идти в сад, но Улойхо удержал его.

– Ты не рассердишься, если я скажу, что потихоньку наблюдал за тобой? – спросил он. – Ты понимаешь, люди ведут себя очень по-разному, когда впервые попадают за эту дверь. Виона, например, сразу увидела возле двери кусок голубого гранита и сказала: точно такой, мол, встречался рядом с нашей деревней, можно, я поглажу его?... Я тогда и понял, что не ошибся с жемчужбой. – Мастер улыбнулся. – Другие люди испытывают только желание обладать... даже пытаются тайком отколупывать... Но я ещё не видел, чтобы кто-то стоял, как... Прости меня, но ты словно привидение увидал. Я очень мало знаю о твоём племени, венн. У вас все такие, как ты?

– А откуда бы тебе знать о моём племени, – медленно проговорил Волкодав. – У нас ведь не добывают ни золота, ни серебра... а из камней – только речной жемчуг...

– Погоди! – изумился маленький ювелир. – Неужели ты хочешь сказать, что совсем не понимаешь в камнях? Не может же быть, чтобы у тебя на родине их никогда не видали?...

Этот сегван, что к тебе приходил, не похож на обманщика
, мысленно ответил Волкодав.

Значит, ему самому сказали неправду. Под Большим Зубом нет голубых топазов, там жёлтые. Голубые и совсем бесцветные – только под Средним, в южных забоях. И под Большим Зубом никогда не было сорок третьего яруса. Десять лет назад там дошли до тридцать второго, но в двух самых нижних люди сразу начали гибнуть из-за подземных мечей, а потом всё затопило водой. Может, с тех пор сумели пробиться вниз, я не знаю. Может, и голубая топазовая жила туда из-под Среднего завернула. Но если так, то мастер Армар твоих камней не гранил. Он умер как раз в год наводнения...

Вслух венн сказал совсем о другом:

– Здесь, в Кондаре, сейчас живёт мой друг, учёный аррант. Мы вместе путешествуем. Он бывал на родине твоей почтенной супруги и мог бы развлечь её беседой, если ты пожелаешь.

Мастер Улойхо тоже молчал некоторое время, глядя на него снизу вверх.

– Пойдём, – сказал он наконец. – Спросим её.

День понемногу клонился к вечеру, и чем ниже опускалось солнце, тем тише и пугливей становилась Виона. Волкодав уже не удивлялся перемене, происходившей с ней на закате, но привыкнуть не мог. По утрам жена ювелира была беспечной девочкой, щебетавшей, точно птичка на ветке. Сумерки превращали её в запуганное, загнанное существо, боящееся каждого шороха, каждой тени. В том, что страхи Вионы не были простой причудой, венн убедился в первый же вечер своей службы. Когда молодая мать вдруг хватает маленького сына из колыбельки и к полному ужасу нянек бросается с ним сама не понимая куда, но так, словно спасается от неминуемой смерти, – это кое-что значит. Тот раз он, конечно, сразу перехватил её, обнял и не отпускал, пока она не перестала судорожно всхлипывать, а глаза не обрели разумного выражения.

– Чего испугалась, девочка? – спросил он, надеясь узнать наконец истинную причину её боязни. Однако Виона только уткнулась носом ему в грудь и снова заплакала, пробормотав то, что он уже не раз от неё слышал:

– Я не знаю... Мне показалось...

Она окончательно успокоилась, только когда прибежал из мастерской не на шутку перепуганный муж, и телохранитель с рук на руки передал ему свою подопечную, зарёванную, дрожащую, но целую и невредимую.

Трудно охранять человека, который всё время ждёт удара, но не знает, с какой стороны нагрянет опасность. Волкодав прямо так и заявил своему нанимателю, силясь понять, кому могла перейти дорогу безобидная маленькая танцовщица. Мастер Улойхо в ответ рассказал, что Виона выросла в Богами забытой деревне на западе Мономатаны. Деревню смело жестокое немирье с соседями – обычное дело в бесконечной череде войн, происходивших между тамошними племенами. Девочка как-то спаслась во время набега и чуть не год прожила одна в горных лесах, боясь выходить к людям. Потом всё же решилась. И обрела приют в храме Богини Вездесущей, чьи жрецы оценили её красоту и стали обучать Виону молитвенным танцам своей веры. Так прошло ещё три года. Потом, перед самым посвящением в жрицы, Виона сбежала.

– Почему? – спросил Волкодав.

– Она случайно подслушала разговор посвящённых, – ответил мастер Улойхо. – И поняла, что служение будет слишком ужасно. Так она мне сказала.

Волкодав первым делом подумал о жрицах, представавших зримым воплощением Богинь во время «священных браков» Небесных Владычиц с паломниками и самим верховным жрецом. Бывали женщины, жарко мечтавшие о подобной судьбе. Бывали и иные.

Слова ювелира заставили венна вздрогнуть:

– Она должна была приходиться к людям, на которых ей укажут жрецы высшего посвящения, и своими танцами разжигать в них любовную страсть. А потом избавлять их от бремени бытия. Волкодав задумался, исподлобья глядя на мастера. Его подозрения были всего лишь предчувствием, но очень зловещим. Так в рудниках он порою чувствовал готовый разразиться обвал. И дважды выскакивал из-под удара неминуемой смерти, вытаскивая безногого напарника-халисунца. Позже Тилорн объяснил ему, в чём тут было дело. По его словам, тонкий слух венна улавливал начинающееся потрескивание породы, слишком слабое для разумного осознания, но уже способное разбудить неясное чувство тревоги. «А может, даже и не потрескивание, – добавил звёздный скиталец. – Вероятно, достаточно было простого напряжения горных слоёв... Наша наука полагает, что человек воспринимает мир гораздо тоньше, чем большинство привыкло считать. Надо только научиться слушать себя...»

Венн понял его так, что следовало уважать голос чуткого Пса, хранителя-предка, порою звучащий внутри. Этот голос его ещё никогда не обманывал.

– Было ли имя у Богини Вездесущей? – спросил он ювелира. – Как Её называли?

Мастер Улойхо покачал головой. Он видел, что странноватый венн не желал даром есть хлеб, и старался отвечать без утайки, ведь речь, в конце концов, шла о его любимой жене. Но утаивать и при всём желании было особенно нечего.

– Виона не говорит. Даже если сама знает...

Волкодав попытался зайти с другого конца:

– А как называли... тех, с кем враждовала Богиня? Тех, против которых посылали обученных жриц?

– Ну... – замылся горбун. – Как я понял, речь шла о самых обычных злодеях, заслуживших отмеренное им наказание. Только Виона... она... она не хотела отнимать ничью жизнь. Даже такую. Она видела гибель своей деревни и решила... не отнимать жизнь, а дарить. – Мастер смущённо улыбнулся. – Нарожать много детей... Она...

Волкодав подумал о том, как редко отражается на мужских лицах такая вот стыдливая нежность. Иногда ему доводилось с удивлением замечать её на рожах заскорузлых наёмников, когда перед отчаянным боем, уже покаявшись друг другу в затаённых грехах, они вспоминали, казалось бы, давно и прочно забытых жён и подруг. И всё-таки он перебил:

– Не называла ли Виона такого слова – Посягнувшие? Поднявшие Руку?...

Он стал повторять эти слова на всех известных ему языках.

– Да вроде... – пожал плечами Улойхо. – Вроде... было что-то, хотя я толком не помню...

Зловещее потрескивание, едва уловимое слухом, превратилось в грозный отчётливый рокот.

– Скажи мне ещё, – невольно подавшись вперёд, спросил Волкодав, – давно ли Виона стала бояться?

– Вот как родила... Три месяца получается.
– А когда она сбежала из храма? Год назад? Два, три?...
Мастер нахмурился, прикинул что-то в уме. Ему передалось беспокойство телохранителя, и он хотел ответить как можно точнее.
– Около двух с половиной лет, – проговорил он наконец. – Или немного побольше. Она, по моему, сама толком не... Но почему ты спрашиваешь, Волкодав? Ты что-нибудь знаешь?...
Они беседовали в саду, и мастер заметил: в некоторый момент разговора венн нашёл взглядом Виону и более не спускал с неё глаз. Ни дать ни взять готовился в случае чего одним прыжком оказаться с ней рядом.
– Я не знаю, – сказал Волкодав. – Я ни в чём не уверен. Но лучше, чтобы твоя жена поменьше оставалась одна. Когда ляжет спать, пусть кто-нибудь бодрствует рядом... И чтобы никто чужой не приближался к ней без меня... человек, зверь или птица... даже если вдруг подарят котёнка... или чижа в клетке... не надо ей отдавать...
Было заметно, как перепугали Улойхо эти слова. Причуда недавней роженицы, которую друзья Кей-Сонмора объясняли ударившим в голову молоком, оборачивалась чем-то действительно страшным. Чем-то, вправду способным отнять у мастера едва обретенное счастье. Невыносимо было даже думать об этом. Лучше сразу умереть.
– Ещё, – продолжал венн. – Я больше не буду уходить по ночам.
Тут он почувствовал на своём запястье руку маленького ювелира. В тонких пальцах обнаружилась сила, неожиданно резкая и опасная.
– Волкодав!... – не отваживаясь говорить вслух, прошептал мастер. – Скажи наконец, кто угрожает Вионе?...
– Богиня Смерть, – сказал венн. – Если только не врут люди и сам я не ошибся, Та, Которой она не захотела служить, по-нашему зовётся Мораной Смертью. И Она придёт за Вионой на тысячный день после побега из храма.

Непосильная работа и голод быстро убивают в мужчинах плотскую тягу к женской красе, ставшей недостижимой, как солнечный свет. Остаётся лишь глухая тоска, сходная с зудом и болью в некогда утраченных ногах калеки халисунца. Он-то, халисунец, и рассказывает напарнику-венну о храме, сокрытом от мира удушливой зеленью далёких южных лесов. Только в его повести грозную Богиню называют чуть иначе – Всеприсущей, а дом Её стоит не на западе Мономатаны, а в дебрях саккаремских болот.

«Этот храм выстроили арранты, – хрипло дыша, говорит халисунец. – У них всё не как у людей, у этих аррантов. Имя их Богини Любви никогда не произносится всуе, так Она велика и ужасна. Арранты называют Её Прекраснейшей или ещё Всеприсущей. Её служители собирают по всему свету смазливых девчонок... совсем молоденьких, таких, которые ещё и одёжек не пачкают...»

Двое лежат в кромешной темноте, плотно прижатые друг к другу в тесной щели под тяжёлой каменной глыбой. Вернее, лежит халисунец, а венн стоит над ним на четвереньках, болезненно вывернув шею. Цепь от его ошейника тянется из-под глыбы наружу, теряясь в каменном крошеве.

«Жрецы храма Богини обладают искусствами, давно утраченными во внешнем мире, – продолжает безногий. – Говорят, сама Прекраснейшая их научила. Что там к чему, я сам толком не знаю, но они берут этих девчонок и доводят их красоту до немыслимого совершенства. Потом девки становятся жрицами. Тогда Богиня наделяет их свойством причинять смерть. Она очень строгая, эта аррантская Прекраснейшая. Она не терпит, когда нарушаются Её заветы, а кара у Ней всегда только одна...»

«Что ж это за Богиня Любви...» – ворчит Серый Пёс. Чужая вера редко вызывает у него одобрение. К тому же он знает: если камни, рухнувшие со свода пещеры, сдвинутся ещё хоть немного, валяться-таки ему со сломанной шеей. А это мало кому прибавляет разговорчивости и доброты.

«Ты слушать будешь или перебивать через каждое слово?!..» – возмущается халисунец. Серый Пёс молчит. Он давно уже не чувствует ни локтей, ни коленей. Его напарник, оскорбившись, тоже на некоторое время замолкает. Только слышно тяжёлое дыхание в темноте да шорох каменной крошки, потревоженной далёкими сотрясениями.

«Так будешь ты, наконец, слушать, когда умные люди с тобой говорят?...» – осведомляется халисунец.

«Ну», – бурчит венн. Ему кажется, что навалившаяся на спину глыба медленно, но верно вдавливает его в пол.

«Что „ну“... лесная твоя душа... так вот, в храм приходят паломники, и многие желают испытать свою веру, взыскав расположения Богини. Они уединяются с прекрасными жрицами, и те возносят их к вершинам блаженства... – Калека со вздохом проводит обрубок пятерни по спутанной бороде. – Но те, на кого гневается Богиня, погибают прямо на ложе».

«От чего? От блаженства? – недоверчиво спрашивает венн. – Так не бывает».

«От блаженства!... Ха!... От страшных мучений!... Потому что у прекрасных жриц внутри бёдер растут скрытые зубы, и за грехи у мужиков отсекается... А впрочем... – тут он смолкает, и в темноте снова слышится вздох, – я бы согласился, наверное».

Серый Пёс пытается пошевелить головой. Толстая цепь со скрипом тревожит мелкие камешки.

«Да что ты понимаешь», – говорит халисунец.

Серый Пёс не отвечает. По вере его народа, споры не угодны Богам. В споре легко обидеть и тем самым умножить в мире неправду. И к тому же халисунец, по всей вероятности, сказал истину. Что он, никогда не целовавший девчонок, может смыслить в любовных делах?...

«Однако, как я слышал, – продолжает его напарник, – всего строже Прекраснейшая поступает со жрицами, вздумавшими отказываться от служения. Если девушка убегает из храма, Богиня отмеривает тысячу дней. А потом шлёт вслед беглянке Безымянную Смерть...»

«Что значит... Безымянную?» – спрашивает молодой венн. Дышать становится всё тяжелей, по лицу стекает вонючий пот, перемешанный с грязью. Он знает, что рано или

поздно их откопают. Не потому, что сжалются над засыпанными. Здесь слишком хорошая жила, её не захотят потерять.

«А то и значит, что Безымянную. Парень, который мне всё это рассказывал, говорил, их всего-то две до сих пор и сбежало. Обе, понятное дело, тут же нашли себе покровителей. Богатых и знатных... Ещё бы – такая-то красота! Ну и что ты думаешь? На тысячный день первой кто-то разорвал горло, так что девка захлебнулась в крови. А у второй дом сгорел, тоже на тысячный день, и она вместе с ним. Люди слышали, оба вельможи всячески разыскивали тех, кто мог сотворить это злодеяние, но никого не поймали. Даже следов не нашлось. А ты спрашиваешь!»

«Скверные дела творятся именем этой Богини... – сипит Серый Пёс. – Я бы Ей молиться не стал...»

«Ты глуп и ничего не соображаешь, – сердится халисунец. – Молятся не только из любви, но и из страха!»

Тут он опять прав. В пору Великой Тьмы среди веннов тоже нашлись такие, кто начал славить Морану Смерть, надеясь вымолить снисхождение. Иные даже называли её Матерью Великой и Наказующей. Только Тьма-то рассеялась не ради их поклонения. Её развеяли те, кто с молотом и мечом следовал по пути Светлых Богов...

Парень, которого ещё не скоро назовут Волкодавом, по-прежнему не желает спорить с напарником. В темноте перед глазами дрожат и расплываются радужные круги. Если завал скоро не разберут, Та, Которую они тут поминали, явится за ним и на вожделенный миг завладеет его душой. Всё так, но жертвовать и молиться из страха его не заставят. И пусть Боги, коим любезна человеческая боязнь, наказывают его как Им заблагорассудится. Не будет он ни перед кем ползать на брюхе только потому, что тот, другой, могуществен и силен...

Халисунец говорит и говорит, а потом перестаёт рассказывать и только плачет. Калека всхлипывает и бранит Серого Пса на все корки, потому что венн больше не отвечает ему, и на ощупь никак не получается распознать, дышит он или нет...

Их всё-таки откопают. Живыми. Пройдёт время, и Серый Пёс познакомится с настоящим аррантом из Аррантиады. И тот, вольнодумный столичный учитель, выслушает легенду о страшном храме с прекрасными жрицами и осмеёт дремучего варвара. Прекраснейшая, скажет он, совсем не строга. Во всех смыслах. И никого не наказывает. Ну разве что наградит мимолётной благосклонностью кого-то другого. И всё. И храмы Её стоят не в таинственном далёком лесу, а в хороших людных местах, и там всегда веселье и праздник. И никому нужды нет опасаться ни за мужественность, ни за женственность, а совсем даже наоборот. Ибо Прекраснейшая учит тысяче способов отражать ликование духа в радостях плоти. Вот чему она учит. Счастливому дарению жизни. А вовсе не отнятию священного дара, что, напротив, есть ужасный грех перед ликом Её...

Так говорит светлокудрый аррант, сидя верхом на бревне рудничного ворота, что вращает за них обоих злой и выносливый венн. Время от времени арранта в три погибели

скручивает кашель. Тогда бывший учитель прижимает руки к груди и сердито отворачивается, потом пытается отскрести с бороды кровь.

«А ты дарил когда-нибудь жизнь?» – однажды спросил его Серый Пёс.

«Любовь – дарил, – ответил аррант. И добавил с усмешкой: – Ведь каждый раз, дурень, боялся, кабы чего не случилось. Ребёнка то есть... А теперь как подумаю, что там, может, дочка или сын уже бегают, так на душе и потеплеет. Всё-таки... продолжение...»

С того дня повелись в доме ювелира Улойхо довольно странные посиделки. Каждый день приходили гости, и мастер, что было совсем не в его обычае, откладывал инструменты и покидал верстачок. Приходил Кей-Сонмор, приходил и его почтенный отец, сопровождаемый молчаливым Икташем. Впервые придя, Икташ кивнул Волкодаву, как старый знакомец, и после весь вечер не отходил от Вионы. Сонмор с усмешкой спросил Волкодава, прошла ли его болезнь («Какая болезнь?...» – испугался Улойхо).

Что же касается Луты, то он привёл с собой Рейтамиру, которой стал явно благоволить, и она целый вечер пела, радуя гостей и хозяев.

В другой раз пришёл Эврих. Он действительно на редкость занятно рассказывал о Мономатане, где побывал восемнадцатилетним. К тому же выяснилось, что в те времена он выучился говорить на родном языке Вионы и не всё ещё успел позабыть. Сообща они даже решили, что он вполне мог случайно видеть её, когда странствовал по лесным рекам на лодке. Она, правда, совсем не помнила светлогожего чужестранца. Он тем более не помнил голубоглазую голенькую малышку, но кого это волновало?... Главное, что за разговорами и угощением незаметно минула ещё одна ночь, прежде такая страшная для Вионы. Под утро с Эвриха взяли священное слово прийти опять.

Но, конечно, чаще в дом заглядывали люди, о которых Волкодав не знал совсем ничего. Он отлично видел, что его колючий, напряжённый, ищущий взгляд был им неприятен. Ну что тут поделаешь?... Волкодав предпочёл бы отбиваться от десяти переулочных головорезов, чем от одного убийцы, воспитанного почитателями Смерти. Человек, для которого страха гибели просто не существует, – самый опасный противник. Он не защищается и не бережёт свою жизнь. Он думает только о том, как бы убить. И почём знать, под какой личиной он явится?... Старого знакомого, много раз у тебя в доме дневавшего и ночевавшего? Любимого, проверенного слуги? Молодой рабыни, как будто случайно купленной на торгу?... Волкодав не впервые сталкивался с чтившими Морану Смерть. И вполне отдавал себе отчёт, что не постиг даже и доли всех их уловок. Просто не дано этого человеку, чей народ привык называть смерть Незваной Гостьей. А вовсе не Вездесущей или Желанной... Как, к примеру, распознать отравителя, если он сам рад отведать собственный яд, только чтобы лишить тебя бдительности?...

Когда-то венн себя спрашивал, почему и за что недолюбливают телохранителей. Вроде добрым делом занят охранник, жизнь хозяйскую бережёт, а всем неприятен... Наверное, решил Волкодав, вот за эту самую вечную подозрительность. Велика радость каждый день видеть подле себя такого хмуро-настороженного, точно большой взъерошенный пёс?... И как с тем псом, не поговоришь с ним, не погладишь. Заворчит, зубы оскалит. Не мешай, дескать, службу нести...

– Я смотрю, тебе спокойней, когда ты сам гостей выбираешь, – сказал мастер Улойхо.

Венн ответил:

– Пусть будет так, как спокойней для госпожи.

Вдвоём они всё-таки учинили Вионе подробный расспрос. Поначалу молодая женщина залилась горькими слезами и не хотела ни о чём говорить. Потом расплакалась ещё горше и созналась, что в самом деле ждёт гибели. Скорой, неотвратимой и страшной. Она упала на колени перед мужем и просила прощения за то, что так рано покидает его. Улойхо поднял её на ноги и сам не удержался от слёз, а Виона уже схватила за руки Волкодава:

– Меня ты не спасёшь, но защити нашего сына!... Вездесущая... Если проклятие и на него...

Схватив мальчишку из люльки, она попыталась вручить его Волкодаву. С венна было весьма непросто сбить внешнюю невозмутимость. И уж по крайней мере требовались для этого не рыдания женщины, которую его наняли охранять. Не изменившись в лице, он посмотрел ей в глаза и сказал:

– Пусть сначала перешагнут через меня, девочка. А меня знаешь сколько раз убивали? Никому пока не удалось.

– Обо мне ты не думай... – всё повторяла Виона. – Сына... сына убереги...

– Не хорони себя до срока, – сказал венн. – Мужа пожалей, видишь, плачет уже.

Плохо было то, что она сама толком не знала, когда наступит тысячный день.

Эвриху тоже нравилось у ювелира, ибо душа просила разнообразия. Беседы со жрецами в равной степени развлекали его и давали пищу уму, не говоря уже про счастливую возможность блеснуть учёностью перед понимающим собеседником. Никила, и в особенности его седовласый Наставник, это не полуграмотный венн, открывающий рот два раза на дню... Да и то чаще затем, чтобы брякнуть нечто ему, Эвриху, неприятное...

Сойдясь с Учениками Блинецов, молодой аррант стал каждые несколько дней устраивать себе отдых от грамотейских трудов в «Сегванской Зубатке» и шёл в Дом Блинецов. Тем паче что Сумасшедшая Сигина окончательно переселилась туда из «Нардарского лаура» и ходила за болящими вместе со жрецами, оказывавшими деревенской дурочке необъяснимый почёт. Знакомство с мастером Улойхо обещало замечательную главу для путевых заметок Собирателя Мудрости. Когда ювелир пригласил арранта ещё раз посетить его дом, Эврих с радостью согласился. Беда только, предвкушение нового вечера в обществе Улойхо и его супруги совсем лишило его осторожности. Он упомянул о приглашении, сидя в лечебнице у жрецов. Наказание последовало незамедлительно.

– Я пойду с тобой, – безмятежно заявила Сигина. – Будет о чём рассказать сыновьям, когда они наконец вернуться ко мне.

Весь день Эврих не знал, как отделаться от полоумной старухи. Обижать Сигину он не хотел, а по-другому заставить её отступить решительно не удавалось. Учёный, чья книга удостоилась хранения в Силионской библиотеке, скоро исчерпал своё красноречие и убедился в его бесполезности. Когда выяснилось, что Сигина то ли не разумеет вполне понятных намёков, то ли разумеет, но предпочитает пропускать мимо ушей, Эврих мысленно махнул на бабуку рукой.

Во имя усов Морского Хозяина, присохших к утёсам, где купалась Прекраснейшая!...

- плюнул он про себя.

Да пускай всё идёт так, как угодно судьбе!...

Волкодав думать не думал, что станет однажды завидовать бессмейному и бездетному человеку. А вот поди ж ты, дожил. Икташ сидел в другом углу мерцавшей огоньками «шкатулки», и Волкодав завидовал ему. В смуглокожем нарлаке вообще нельзя было заподозрить телохранителя. И тем более – охранявшего такого большого человека, как Сонмор. Никто не косился на него из-за неприятного взгляда. Со спокойной улыбкой, как положено вежливому слушателю, смотрел он на Эвриха, увлечённо повествовавшего о своих путешествиях. Однако венн знал: Икташ присматривал за каждым человеком в комнате. И весьма зорко. За Сонмором, своим другом и господином. За Эврихом, который по укоренившейся привычке то и дело вскакивал, бросал на руку плащ и принимался расхаживать между дверью и каменным деревом... За хозяином и хозяйкой. За Сигиной, мирно вязавшей что-то в углу позади рабочего столика. И за ним самим, Волкодавом. Если неведомый убийца хоть как-то обнаружит себя, рассеянный с виду Икташ заметит его, может, даже и первым. Кто-то на месте Волкодава стал бы, наверное, ревновать. Венн был благодарен. И думал, как бы поучиться у этого человека.

– ...И распространяется этот малорослый народ воистину подобно лесному пожару или полчищам муравьёв, не шадящих на своём пути ни цветка, ни птицы в гнезде... – говорил тем временем Эврих. Говорил он негромко, почти шёпотом: подле Вионы спал в плетёной люльке

ребёнок. Молодая женщина нипочём не желала с ним разлучаться, и мастер Улойхо утешал себя тем, что дыхание благородных камней должно было пойти его сыну только на пользу. Тут отворилась дверь, и служанка, поклонившись, безмолвно замерла на пороге.

– Что тебе, милая? – спросил Улойхо, когда Эврих прервал свою повесть и потянулся за кубком.

– Нищенка у ворот сидит, господин, – снова поклонившись, ответила девушка. – С маленьким дитём. Совсем озябла, сыро там, туманище-то нынче какой!... Сидит на камне и плачет...

– Просить подаяния после заката не угодно Священному Огню, – проворчал Сонмор. – Пусть её сидит. Или дальше идёт.

– Она не просит милостыни, почтенный господин, – испугалась служанка. – Просто плачет. И я ей ничего не давала!

Девчонка даже попятилась за порог. Она явно жалела, что вообще сунулась сюда, к господам, и досадовала на привратника. Нет бы сразу отогнать побирушку, чтоб впредь не лила слёз под дверьми у почтенных людей!...

– погоди, – сказал ювелир. Он смотрел на жену. А Виона не сводила глаз с люльки, где под шёлковым одеяльцем сладко почивал их наследник. В присутствии великого Сонмора она не смела и заикнуться о том, чтобы нарушить старинное установление. Но мысль о беззащитности человеческого счастья, и особенно материнского, заново посетила её. И показалась невыносимой...

– погоди, – повторил Улойхо. – Если за калитку бросят какую-нибудь снедь, а нищенка о ней не просила, значит, это не милостыня, а случайно подобранная еда, и Священный Огонь никак не должен прогневаться. Мало ли что эта женщина могла найти на дороге?

Виона вскинула голову, и от Волкодава не укрылся её взгляд. Велика будет милость Богов, если на него самого когда-нибудь так посмотрит любимая женщина.

Икташ, сидевший скрестив ноги, легко поднялся. Человек, проводящий жизнь в праздности, этого движения вообще не смог бы повторить, зато Волкодаву оно говорило о многом. Воину достаточно посмотреть на то, как другой воин держит ложку, чтобы решить, стоит ли выходить с ним на поединок.

– Я посмотрю, – сказал Икташ Волкодаву. И вышел следом за девушкой.

Приближался рассвет. Обычно к этому времени гости уже начинали откланиваться. У Вионы покраснели глаза и вид был усталый. Волкодав подумал о том, что вряд ли стоило доводить молодую мать до подобного состояния. С другой стороны, сейчас ляжет спать и уснёт прежде, чем голова коснётся подушки. Некогда будет бояться и вздрагивать, прислушиваясь к случайным шорохам в темноте...

Нянька, крепкая полная женщина, воспитавшая не один десяток детей, подняла люльку, и Волкодав сопроводил их с Вионой в опочивальню. Беззаконность нарлаков состояла ещё и в том, что богатые матери не желали терять красоту и кормить новорожденных грудью – обзаводились кормилицами. А чтобы пискливая малышня не мешала спать по ночам – устраивали отдельные детские. Что хорошего может сотворить народ, с которым от самого рождения так поступают?! По счастью, у мономатанки Вионы и мысли не возникало лишить чадо своего молока или держать его где-либо, кроме родительской спальни. Счастливый муж только рад был ей потакать. Когда появился Волкодав, они перестали запирать за собой двери, ибо любые запоры – помеха телохранителю, сидящему у порога с другой стороны.

Другое никчёмное и даже вредное нарлакское установление повелевало прорезать стены окнами.

Куда ж это годится,
размышлял Волкодав,
вот так нарушать целостность хранящей границы, открывая путь разной нечисти, не говоря уже о мухах и комарах!...

Будь его воля, он при всей своей нелюбви к каменным стенам велел бы заложить окошко опочивальни, и как можно скорее. Одно утешение – в садике под окном до утра будут бодрствовать двое парней, приставленных Кей-Сонмором. Обойти их без шума вряд ли сумеют, а поднимется шум – Волкодав сразу услышит...

Сигина всё так же уютно сидела в уголке позади столика, устроившись в круге света масляной лампы, и трудилась над вязанием, задумчиво улыбаясь чему-то... Привычная подозрительность

брала своё: венна уже посещала крамольная мысль насчёт Сумасшедшей. Ему очень не хотелось давать этой мысли хоть сколько-то веры.

Должно же быть на свете что-то святое...

Волкодав много раз убеждался, какой бедой оборачивалась подобная доверчивость. Давным-давно, ещё мальчишкой, он впервые увидел, как предают люди, только что вкушавшие с тобой от одного хлеба. Урок пошёл впрок: с тех пор он предпочитал не доверять никому.

Мастер Улойхо немного задержался в «шкатулке», чтобы поговорить с Эврихом и Сонмором.

Виона с нянькой скрылись в опочивальне, и в это время возвратилась молодая служанка.

Волкодав пропустил её к госпоже и оставил дверь приоткрытой, чтобы всё видеть и слышать.

– Я, с твоего позволения, положила за калиткой хлеба с сыром и немного сушёных яблок, – сказала Вионе девушка. – Женщина взяла еду и сразу ушла, вознося хвалу Небесам. Она очень хромала. Больная, наверное...

– Священный Огонь не каждой посылает такой хороший дом, как мне и тебе, – отозвалась

Виона. – Заглянешь на кухню, умница? Пусть нашему господину подадут утром кашу с колбасками. Кухарка знает, какую он любит.

Служанка поклонилась хозяйке и направилась к двери, но уже на пороге о чём-то вспомнила:

– Та нищенка очень благодарила тебя, госпожа. Она сказала: да продлятся твои дни и да будет безмерно счастливым каждый из них, и да благословится твоё лоно многими потомством, ибо... как там дальше... вот! Ибо удел мирный – радость избранных. Именно так она сказала, моя госпожа, и очень просила, чтобы я чего не напугала, а то, мол, благословение не подействует.

– Удел мирный... – опустил глаза, повторила Виона, и слабая улыбка пробежала по её губам. – Да... радость избранных... Удел мирный...

Служанка вышла, и Волкодав затворил дверь. И, когда она уже закрывалась, услышал, как там, в опочивальне, испуганно ахнула нянька.

Мало ли что могло её напугать. К примеру, малыш выбрал время и – её, няньки, недосмотр! – непоправимо испортил дорогое шёлковое одеяльце. Или мохнатая ночная бабочка влетела в окно, чтобы тут же сгореть над светильником и покатиться по полу трепещущим, ещё живым угольком... Такие вещи Волкодав предпочитал обдумывать ПОСЛЕ. Когда уже выяснится, что не было нужды бросаться на выручку. Дверь с треском шархнула в стену: венн вломился в комнату, сразу оказавшись посередине.

Виона держала в руках свой поясной кинжальчик. Которым, как уже выяснил Волкодав, она владела не хуже воительницы Эртан. Только нынче мономатанка не собиралась ни метать его в цель, ни разить подкравшегося врага. Сомкнув обе ладони на узорчатой рукояти и глядя куда-то безжизненными, остановившимися глазами, Виона как раз довершала замах, направляя острое лезвие себе в сердце.

Волкодав сразу понял, что не успеет её остановить. Но эта мысль тоже прошла стороной: его тело, вне зависимости от разума, уже распласталось над полом, летя в невозможном, рвущем жилы прыжке. У няньки выпала из рук чашка с водой и стала медленно падать, неторопливо переворачиваясь, вода начала выплёскиваться из неё сплошной прозрачной волной, игравшей на свету диковинными огнями. Волкодав увидел, как остриё кинжальчика прокололо синий шёлк платья, как распалась ткань, уступая нажиму клинка. Руки венна тянулись вперёд, к блестящему лезвию, неотвратимо входившему в нежную плоть, а вязкая стена воздуха расступалась всё неохотнее, так, словно колдовство Богини Смерти незримо висело между ним и Вионой, мешая дотянуться и удержать качнувшуюся над пропастью жизнь...

Для няньки всё это выглядело совершенно иначе. Она только увидела, как взмахнула кинжалом её госпожа, и тут-то, сшибив с одной петли дверь, в опочивальню рванулся телохранитель и ударил госпожу по рукам, и они вместе рухнули на пол. Кинжальчик, выбитый из ладони, отлетел в угол. Виона умудрилась вскочить первой и попыталась схватить его. Платье на ней было расплосовано до подмышки, и медно-чёрную кожу, видимую в дыре, прочертила длинная кровотокащая царапина. Телохранитель, извернувшись на полу, поймал госпожу за ноги и вновь повалил. Виона дралась, как кошка, безумие превратило гибкое тело танцовщицы в одну тугую пружину, наделённую неистовой силой.

Мыш метался над ними, потом с отчаянным криком умчался за дверь. Волкодав услышал, как где-то там начался переполох, зазвучали встревоженные голоса, раздался торопливый топот шагов. Он не мог надёжно захватить Виону, при этом не повредив ей. Она же не считалась ни с чем и готова была переломать себе руки и ноги, только чтобы вырваться на свободу. Наконец

он прижал извивавшееся тело к полу, но Виона, словно того и ждала, вдруг... перестала дышать. Волкодав ударил её кулаком в рёбра, и она, зарывав, снова бешено забилась, пытаясь его укусить.

В опочивальню вбежал Икташ, а за ним, почти одновременно, Сонмор с сыном и мастер Улойхо.

– Виона, родная моя!... – бросился к жене ювелир. – Что ты делаешь, Волкодав, отпусти!... Та, что ещё совсем недавно была ему ласковой подругой, ответила утробным звериным рыком, невозможным для человеческих уст. Приказ Богини – УМРИ! – переданный через неведомую побирушку, устремил всю её волю на прекращение жизни, и силой тут что-то поделать было невозможно. Степной пожар не затушишь, хлеща тряпками пламя. Его усмиряют, пуская огонь против огня...

Волкодав знал, перед чем иной раз склоняется даже воля Богов. Каждый венн знал это с пелёнок.

Перед материнской любовью.

Икташ, оказывается, тоже хорошо это знал.

Он не стал и пытаться помогать Волкодаву. Он прынул в сторону, и в его поднятой руке пронзительно заверещал выдернутый из люльки младенец.

– А вот сейчас да об угол... – жутко рявкнул он, озираясь по сторонам. Позже, вспоминая эти мгновения, Волкодав скажет себе: мало кто сумел бы так прикинуться беспощадным детоубийцей. Большинство людей, в том числе, наверное, и он сам, обязательно выдало бы себя хоть какой-нибудь мелочью, убедительно говорящей: ан нет, не убьёт!... Икташ не выдал себя ничем. Какую жизнь надо было для этого прожить, какие тени похоронить в дальних закоулках души?...

Между тем несчастный ювелир, сошедший с ума вместе с остальным миром, устремился на помощь ребёнку. Хилый с виду горбун явил неожиданную прыть, но отец и сын Сонмору перехватили его. Они-то, не затуманенные любовью и страхом, вмиг поняли, что было на уме у Икташа.

Виона с новой силой рванулась из рук у Волкодава и отчаянно закричала. Мог ли думать венн, что когда-нибудь с радостью и облегчением будет слушать такой вот крик, полный боли и ужаса!... А вот слушал и радовался, ибо это был обычный человеческий крик. Не рёв взбесившегося животного. И чувство в нём звучало самое что ни есть человеческое. Рассудок матери, испугавшейся за малыша, на какое-то время прояснился, переборов чудовищное стремление к смерти...

– Эврих!... – крикнул Волкодав, заметив появившегося арранта. – Живо сюда!...

Расколдовывай!...

Он в двух словах, как умел, объяснил молодому лекарю случившееся. И всей кожей ощутил неуверенность и страх своего спутника. Так юный воин, привыкший к потешным боям, впервые сталкивается с настоящим противником, не на шутку жаждущим его крови, и вдруг понимает, что кончилась мальчишеская игра и с духом собираться некогда – хватай оружие и убивай, не то вот прямо сейчас сам будешь убит. Эврих, понятно, уже не был безусым юнцом, только-только отправившимся на подвиги. Случалось ему совершать и лекарские деяния, и скручивать жестоких врагов, защищая себя и других. Однако судьбе было угодно подсовывать ему всё новые испытания. Спорить с Богиней!... Он об этом поистине не просил. И дёрнула же нелёгкая пойти с венном в этот Небесами проклятый дом, где...

Пока он колебался, Виона опять начала превращаться в дикую кошку. Повеление Богини как будто пробудило в ней нечто нечеловеческое, и это нечто рвалось наружу, словно крылатое насекомое, раздражающее кожу отслужившей личинки. Вот только появиться должна была не безобидная бабочка или стрекоза, а...

Тут из-за спины Эвриха возникла Сигина, о которой в суматохе успели благополучно забыть. Вид у неё был по обыкновению безмятежный, но комнату она пересекла так решительно и быстро, что никто не сообразил помешать ей. Маленькие мягкие ладони легли на виски бьющейся, невнятно хрипящей Вионы и с неожиданной силой повернули ей голову, заставив посмотреть в глаза. Волкодав успел приготовиться к худшему, и, когда Виона внезапно обмякла, безвольно повиснув у него на руках, венн успел ощутить укол ледяного ужаса – всё, умерла!... Это продолжалось мгновение, он тут же понял, что несчастная женщина ещё

дышала, пускай неровно и слабо. Её губы шевельнулись, что-то произнесли. Волкодаву послышалось: «Мама...»

Наверное, бешеная борьба просто вычерпала все её силы. Как бы ни могуча была ворожба, нельзя требовать от человеческого тела того, на что оно не способно. Венн очень осторожно опустил Виону на краешек ложа, но рук не убрал, чтобы не приключилось никаких неожиданностей. Мастер Улойхо уже стоял на коленях возле постели. Он звал Виону и плакал, глядя любимую по голове, по растрёпанным, спутанным волосам, на которые он так и не успел возложить диадему из чудесных камней. Икташ отдал няньке ребёнка. С появлением в комнате Сигины мальчишка необъяснимым образом успокоился, но обращать внимание на подобные мелочи было, право же, недосуг.

– Вот теперь расколдовывай, – сказала Сумасшедшая Эвриху. Она крепко держала Виону за оба запястья. И добавила нечто совсем уже непонятное: – Вдвоём мы сильнее.

Сильнее Богини?...

– усомнился про себя Волкодав.

Отогнать гибель, причиняемую Её третьестепенными посланцами, вроде отравленной стрелы или морового поветрия, – это ещё куда ни шло. Преодолеть волю, изречённую Ею Самой...

Эврих, в отличие от него, как-то сразу отбросил сомнения. Нагнулся к Вионе и, сосредоточенно зажмурившись, возложил руки ей на темя. Совсем как Тилорн.

– А ты пусти девочку, сынок, – сказала Волкодаву Сигина. – Больше биться не будет, не позволим мы ей.

И венн поверил. Наверное, потому, что звучала в голосе Сумасшедшей некая необоримая основательность: так могла бы говорить Мать Земля, если бы человеку было дано слышать Её речи. Волкодав, бдительный телохранитель, сразу и окончательно успокоился насчёт Вионы. Но зато подумал о нищенке. Вернее, о той, что в облике бездомной попрошайки плакала у ворот, а потом, получив от добрых людей подавание, таким вот образом отблагодарила за ласку. С мастером Улойхо рассуждать было бесполезно, и он обратился к Сонмору:

– Я за той... искать стерву...

Великий вор сразу понял, о ком шла речь, и кивнул:

– Ступай. Икташ здесь присмотрит.

Лицо Эвриха приняло отрешённое выражение, губы чуть заметно улыбались, что-то шепча.

– Я с тобой! – вызвался Лута. – Всех на ноги поставлю, а потаскуху на кол посадим!

* * *

Выскочив вместе с Кей-Сонмором за ворота, Волкодав живо огляделся по сторонам, но не обнаружил ничего, могущего подсказать хотя бы, в какую сторону скрылась посланница Вездесущей. На каменной мостовой, скупо освещённой факелом в руке молодого вора, конечно, не было никаких следов. Камень блестел от осевших капель тумана. Венн вдохнул зябкий сырой воздух и подумал о том, что люди Кей-Сонмора, вероятно, в самом деле перевернут вверх дном весь Кондар. И поймают с десяток нищенок, чем-нибудь похожих на ту. И всех предадут чудовищной смерти. Младший Сонмор любит своего побратима и ни перед чем не остановится, отмщая за ужас, пережитый его любимой женой. Но кто поручится, что среди наказанных будет и виноватая? Ибо хитроумны вестники Смерти и немного найдётся равных им в умении уходить от погони...

Всё же ему упорно казалось, будто след остался нестёртым. И ещё, будто некая часть его существа обо всём уже догадалась, и догадка плавала у самой поверхности, но не могла пробиться к сознанию. Надо лишь чуть-чуть поднатужиться, сделать усилие, и он сообразит, в чём тут дело. Запах?... Нет, не запах. Дворовые псы, выбежавшие с людьми, потыкались носами в уличный камень и принялись неудержимо чихать, а потом поджали хвосты и удрали обратно в калитку. Что-то тоньше запаха и в то же время сильней... Волкодав опустился на корточки, пристально вглядываясь в булыжник мостовой, испрашивая ответа...

И внезапно всё понял. И увидел

след

, вплетённый в туман, столь же ясно, как стоявший рядом Кей-Сонмор мог бы увидеть отпечаток ноги на мягкой земле. Вот и венн заметил внутренним оком отголоски чьих-то мыслей и чувств, задержавшиеся в смятой пустоте ночи. И даже удивился, как такая простая догадка не посетила его сразу же. Зато теперь оставалось только воспользоваться вновь открывшимся знанием. Благо духовные отпечатки многих людей разнились так же сильно, как и запахи тел. Волкодаву понадобилось мгновение, чтобы легко выделить нужный.

Он захотел рассказать о своём открытии Кей-Сонмору и поднял голову, собираясь заговорить, но увидел, что Лута пятился прочь, глядя на него с потусторонним ужасом на лице и как бы защищаясь факелом, судорожно зажатым в руке. Факел дымил, трещал и плевался брызгами, рождая в тумане огненный ореол... Волкодав удивился испугу Кей-Сонмора, однако разбираться, что такого стряслось, не было времени. И так уже злодейка порядком обогнала их. Она пыталась скрыться в сторону пристаней; вообще-то корабли по ночам редко отчаливали, но кто поручится?...

Венн во всю прыть рванулся по следу, чуть приостановившись только затем, чтобы обернуться на Луту и вооружённых слуг, высыпавших на улицу. Почему-то никто не спешил последовать за ним. Все стояли на месте и смотрели ему вслед так, словно впервые увидели. Волкодав мысленно плюнул и устремился дальше один.

Прыжок. Прыжок. Новый прыжок. Ноги несли его вперёд плавно и мощно. Летела назад каменная мостовая и крашенные столбы опятных заборов. Он уверенно и как бы отстранённо сказал себе:
я успею. Я перехвачу её, я не позволю ей достигнуть причалов и лодки, которая там, наверное, дожидается с вечера. Она бежит быстро, у неё резвые и крепкие ноги, и она очень хочет спастись. Но в глубине души она опасается, что её всё-таки схватят, и поэтому я быстрей. Я знаю, что возьму её. Я возьму её. И одним рывком сломаю ей шею. Я знаю это.

Он увидел продолговатый свёрток тряпья, валявшийся в сточном жёлобе под стеной дома. Внутри свёртка не угадывалось ни малейших признаков жизни. Вот, значит, какого ребёнка качала она у груди, сидя перед воротами. А чего ещё ждать? Какие могут быть дети у тех, кому Смерть желаннее Жизни?...

Запах. Запах быстро становился сильнее...

И Волкодав узнал этот запах. И ощутил, как на загровке встаёт дыбом щетина, как оттягиваются углы губ, обнажая двухвершковые, острые как кинжалы клыки. Поздний прохожий, возвращавшийся домой безопасной улицей Оборванной Верёвки, в ужасе распластался по забору какой-то усадьбы. А потом, не разбирая дороги, кинулся прочь. Именно так следует уносить ноги, когда мимо тебя вдруг проносится неопишимо жуткий зверь: огромный всклокоченный пёс с человеческими глазами, горящими бешеной зеленью. А над головой у него с криком вьётся большая летучая мышь...

Мелькнули и сгнули в непроглядном тумане, и только слышен был отчаянный топот и судорожное дыхание убегающего прохожего.

Пещера. Дымный чад факелов. Крылатые тени, мечущиеся под потолком. Кровь, забрызгавшая стены и пол.

Рослый, костлявый парень вниз лицом лежит на полу. Его руки и ноги накрепко зажаты в колодки. Каменные колодки, до блеска отполированные телами бесчисленных и безымянных рабов.

Женщина. Юная, прекрасная женщина, раскрасневшаяся и весёлая. Она отбрасывает за спину волосы, липнувшие к шее и увлажнённому лбу. Она оглядывается на надсмотрщика по прозвищу Волк, и тот одобрительно кивает ей, широко улыбаясь. Несколько волосков

пристали к её щеке, попав в рот. Она убирает их пальцем, и на щеке остаётся красная полоса. В другой руке у неё кнут. Тяжёлый, не по девичьим силёнкам, длинный плетёный ремень. Опытные надсмотрщики такими кнутами делают чудеса и хвастаются ими друг перед дружкой. Ей хвастаться пока ещё нечем, но она научится. Она будет очень стараться.

И то ли от Волка, то ли не от Волка у неё потом родится младенец, отправленный прямоком в рудничный отвал...

Он будет выкинут, как – много позже – вот этот свёрток тряпья, который сделал своё дело и стал больше не нужен.

Волкодав понял, что вот-вот настигнет беглянку, за несколько мгновений перед тем, когда это действительно произошло. Неосязаемый след, растворённый в тумане, пролёт между гостинными домами в самом низу улицы Оборванной Верёвки, выводя на широкую прибрежную площадь. Днём здесь всегда кипела хлопотливая жизнь: возле северного причала рыбаки продавали хозяйкам улов, только что вытасченный из моря, возле южного, где было глубоко даже в отлив, грузились и разгружались торговые корабли, и оборотистые купцы ставили лотки и палатки прямо на набережной, и всему Кондару было известно, что те же самые товары здесь стоили куда дешевле, чем на Серёдке...

Ночью прибрежную площадь окутывала почти могильная тишина. Нарлаки вообще полагали нечистыми любые дела, совершавшиеся по ночам, ибо после захода солнца праведных огнепоклонников ждал к себе священный очаг, и почему-то это уложение в первую очередь касалось купцов. Вероятно, дело было в том, что кочевые пращурьы изначально взирали на пришлых торговцев без большого доверия, весьма сомневаясь в их принадлежности к роду людскому. Как бы то ни было, площадь возле причалов с наступлением ночи становилась в глазах кондарцев скверным местом похуже иного кладбища. Рассказывали даже, будто ночами вдоль пристаней плавал необыкновенный тюлень, приставленный блюсти благочестие в людях. Если этот тюлень замечал человека, в неурочное время вышедшего на площадь, он принимался так горько плакать о людской неправде, что человек проникался его скорбью и, не выдерживая, бросался с пристани в воду. Вот почему в кондарской гавани по утрам время от времени вылавливали мертвецов, и если у кого-то из них торчал под рёбрами нож, так это никого не касалось. Рассказывали также, будто волшебный тюлень давал пощаду лишь молодым девушкам, спешащим к возлюбленному.

Кондарских поверий Волкодав наслушался от здешнего жителя ещё в Самоцветных горах. И в другое время, наверное, счёл бы за благо с ними посчитаться... но не теперь. Хотя его собственное племя тоже считало несправедным делом преследование врага и тем более отнятие жизни, происходившее в ночной темноте. Волкодав на своей шкуре познал, какова бывала расплата. Он вытерпел бы всё то же самое ещё раз, но своего тогдашнего поступка не изменил. Очередной прыжок вынес его из-за угла обширного, как крепость, лабаза, и Волкодав увидел перед собой площадь. Темнота летней ночи мало что значила для его глаз, мешал только туман, но Серый Пёс и его едва замечал. След наконец стал вещественным: его уши слышали тяжёлое дыхание впереди, его нос обонял пот и страх беглянки, догадавшейся, что её обнаружили и настигают. Ещё бы ей не догадаться. Стремительное клаянье по камню твёрдых когтей и боевой клич Мыша трудно было неверно истолковать. Волкодав услышал, как она обернулась на бегу, окончательно сбив дыхание. В стороне северного причала мелькнул и сразу пропал крохотный огонёк. Он сулил спасение, и женщина, цепляясь за жизнь, повернула в ту сторону. Волкодав пошёл наперерез, неотвратно и молча, как ходят венские псы, настигая лютых волчиц.

– Ты мог бы убить женщину, Волкодав? – спросила кнесинка Елень.

Он ответил не задумываясь, совершенно спокойно:

– Мог бы, госпожа.

Туман, наползавший с моря, растекался по городским улицам, превращаясь в сплошное белое молоко, но здесь, у самого берега, он перетекал плотными волнами, ещё не успевшими перемешаться. Порою в нём возникали разрывы, и Волкодав, неожиданно вырвавшись на чистое место, увидел под звёздным небом ту, которую так беспощадно преследовал. Она вновь оглянулась, капюшон свалился у неё с головы, залитое потом лицо исказил страх, но этот же пот смыл с кожи искусно наклеенное безобразное изображение нищенки, и Волкодав рассмотрел: женщина была столь же прекрасна, как и семь лет назад, когда он последний раз видел её. Только тогда в ней ещё оставалось что-то от неповинной девчонки, выхваченной из дому и отданной для утех надсмотрщикам четвёртого рудника. Теперь её красота дышала совершенством матерой хищницы, ни разу доселе не ведавшей неудач.

И вот эта хищница узрела светящийся взгляд и длинные клыки неотвратно приближавшейся смерти и запоздало спрашивала себя, что же произошло?... Какой тайный страх, давным-давно задавленный и позабытый, вырвался из-под спуда и властно сковывал тело, отрезая дорогу к спасению?...

Уже пластаясь в последних прыжках, Волкодав услышал откуда-то сбоку девичий голос, полный изумления и испуга. Девичьему голосу встревоженно ответил мужской. Эти голоса, показавшиеся знакомыми, не имели никакого значения. Ничто не имело значения. В том числе и исход его сшибки с волчицей, уже выдернувшей откуда-то узкий острый зуб-клинок. Он знал только:

больше она никому не причинит зла. А там...

Женщина пятилась, не сводя с него зачарованных глаз и медленно, слишком медленно наматывая на левую руку широкополый продранный плащ. В правой, выставленной вперёд, остриём вверх глядел кинжал, готовый распороть брюхо летящему зверю. Волкодав прыгнул без раздумий и колебаний, ЗНАЯ, что длинный клинок не причинит ему никакого вреда. Его мышцы ещё не довершили броска, когда, обогнав его, прямо в лицо женщине со злым криком метнулся крылатый чёрный зверёк. И посланница Вездесущей дрогнула – рука с кинжалом непроизвольно ушла вверх. Кажется, она закричала.

Дальше всё произошло одновременно. Волкодав увидел совсем близко её невероятно распахнутые глаза, полные даже не страха – это был взгляд существа, внешне живого, но уже осознавшего себя по ту сторону смертной черты. Так оступившийся в пропасть какие-то мгновения ещё вроде соприкасается одной ногой со скальным карнизом, но равновесия не вернуть, не уцепиться за камни, и плоть, ощутившая власть земной тяги, прежде разума понимает: падение неизбежно. Боковым зрением Волкодав заметил некое движение справа, оттуда, где только что слышались знакомые голоса. В него, рассекая тягучие волокна тумана, летел метательный нож. Волкодав мог уклониться, но это значило бы испортить прыжок, и он не стал уворачиваться. Удар в бок показался тупым и не особенно сильным. Женщину смело с ног – хрупкий кустик, угодивший под стронутый обвалом валун. Улетел и лязгнул о тёмную мостовую бесполезный кинжал. Волкодав услышал, как хрустнули позвонки. Ночь была тихая. У северного причала перестал мигать огонёк, зато послышался плеск вёсел. Там, видно, распознали достаточно, чтобы сообразить: дальнейшее ожидание бессмысленно. А может, даже опасно.

К Волкодаву уже приближались сквозь туман две торопливые тени. Когда они подошли вплотную и превратились в Дикерону и Поющий Цветок, венн стоял на коленях рядом с распластанным телом. И развязывал на волосах ремешки, чтобы переплести косы, как подобает убийце.

– Где собака? – чутко прислушиваясь, спросил мономатанец.

Волкодав поднял голову и молча посмотрел на чернокожего и его спутницу. Он не был уверен, что сумеет членораздельно ответить.

– Мы слышали крики, – пояснила танцовщица. – Нам показалось, что бешеная собака напала на женщину!...

Она держала в руке маленький фонарь вроде тех, какими пользуются мореходы: масляный светильничек, накрытый дутым стеклом с металлическими нитями внутри. У фонаря был вид предмета, которым пользуются почти ежедневно. Похоже, эти двое часто гуляли в ночных потёмках, избегая людской суеты и надоевшего любопытства.

– Не показалось, а так оно и было, – проворчал Дикерона. – Где мой нож? Я не мог промахнуться.

– Конечно, не мог, – покорно согласилась Поющий Цветок. – Ты никогда не промахиваешься. Наверное, собака убежала и унесла нож в теле. Сейчас я поищу, мы найдём её по крови... Волкодав невольно покосился на свой бок, немного нывший, словно от хорошего тычка в рёбра. Порванная рубашка висела клоком, но клочок этот был промочен одним лишь потом.

– Не могла она никуда убежать! – упрямо проговорил Дикерона. – Я бил наверняка! Собака даже не взвизгнула! И я услышал бы, если бы она убегала!... – И вдруг спохватился: – А что женщина?

– Ты не успел спасти её, – вздохнула Поющий Цветок. – У неё шея сломана.

Волкодаву понадобилось немалое усилие, чтобы преодолеть неожиданно навалившуюся усталость. Хотелось одного: свернуться калачиком и спать, спать... Поднявшись, он отошёл на несколько шагов в сторону и подобрал метательный нож. Нож лежал как раз в тени, отброшенной пламенем светильничка, и потому не блестел. Венн нагнулся за ним и понял, что во время погони смотрел на мир вовсе не с высоты своего обычного роста. Он подал нож слепому:

– На... Держи.

Внятная речь действительно далась ему не без некоторого труда.

– Ты?... – удивился Дикерона. – Откуда ты тут появился?...

Волкодав задумался, как объяснить, но чернокожий не стал дожидаться ответа. Его больше занимало другое. Взяв нож, он потрогал лезвие, потом понюхал его и даже попробовал языком. Не удовлетворившись, мономатанец сунул нож своей спутнице:

– Я окончательно выжил из ума, или на нём вправду нет крови?...

Поющий Цветок зачем-то посмотрела на Волкодава и, явно страдая, ответила правду:

– Мне очень жаль, Дикерона... нож чистый...

Дикерона угрожающе повернулся к венну:

– Ты что, вытер его?

– Ты не промахнулся, – тяжело проговорил Волкодав. – Это был я. Ты попал. Мне в бок.

– Но я слышал собаку!...

Волкодав вспомнил полные ужаса глаза Кей-Сонмора и его молодых. Отпираться было бессмысленно, и он сказал:

– Я иногда... бываю собакой...

К его немалому облегчению, Дикерона воспринял эти слова совсем не так, как какой-нибудь житель Нарлака, давно позабывший о вере пращуров и своём родовом имени. Мономатанец не стал ни шархаться, ни убегать, ни творить отвращающие знамения. Он лишь кивнул и с уважением заметил:

– Теперь понятно, почему моё оружие не причинило тебе вреда. Ты, наверное, знаменитый вождь или колдун. У меня дома считают, что Предок дарит Своё обличье только величайшим в роду!

– Я не величайший, – проворчал Волкодав. – Просто последний.

Удивительное дело, но ему было не вполне безразлично, что станет думать о нём слепой метатель ножей.

Бывшая прислужница Смерти лежала раскинув руки, из угла рта и левой ноздри пролегли густеющие тёмно-красные струйки. Пустые глаза неподвижно смотрели вверх, туда, где за туманом скрывался Звёздный Мост, недостижимый для чёрной души. Волкодаву показалось, будто над площадью на мгновение склонилась гигантская непроглядная тень – и сразу исчезла. Он увидел, как зябко вздрогнула Поющий Цветок, как вздыбилась шёрстка успокоившегося было Мыша... Один Дикерона ничего не почувствовал. Мономатанец спрятал нож в ножны, висевшие на груди под рубашкой, и деловито осведомился:

– Так это ты, значит, бабёнке шею свернул? Небось, было за что?...

С той стороны, где выходила на площадь улица Оборванной Верёвки, замелькали плывущие пятна мутно-рыжего света; туман превращал факелы в расплывчатые огненные облачка. Это Лута с друзьями наконец-то преодолели страх и шли посмотреть, чем же кончилась невиданная погоня.

На другой день в Кондаре только и пересуду было о том, что за причалами всю ночь плакал тюлень, а первые рыбаки, вошедшие в гавань с рассветом, выловили у самых свай тело молодой женщины со зверски переломанной шеей. Смерть стёрла с её лица ярость и ужас, а вода смыла краску и кровь: самым жалостливым какое-то время казалось, будто красавица вот-вот вздохнёт и откроет глаза. Ведь не мог, в самом деле, тюлень ни за что погубить подобное существо!... Женщина была одета в нищенские лохмотья, но пальцы оказались белыми и холёными, никак не привычными рыться в помойках. Не иначе, знатная госпожа, прикинувшаяся побирушкой!... Кто-то на всякий случай решил пощупать живчик, сдвинул драный рукав и увидел потёртые ножны, пристёгнутые к левой руке. Тут народ рассудил, что на площадь женщину привела скорее всего не любовь. Потом из ближайших гостиных домов вышли слуги, и кто-то поведал про крики и беготню, услышанную за полночь на улице купеческими сторожами. Тогда стало ясно, что бродяжка ночью пыталась залезть в чей-то дом, но была обнаружена и, удирая от преследователей, выбежала на запретную площадь. А стало быть, туда и дорога воровкам! Наконец из уст в уста распространилось слово великого Сонмора. Ночной Конис сокрушался о беспокойстве, причинённом злыми людьми его достойному другу, ювелиру Улойхо. Я весьма опечален, – передавали в толпе, и у всех, кто это слышал, бежали по спинам мурашки. Тех, кто печалил владыку свободного люда, временами находили завёрнутых в собственную кожу. Надетую наизнанку. Собравшийся на причале народ как-то сразу припомнил, что день вообще-то не праздничный, а значит, у каждого множество дел.

Когда возле тела остались лишь самые стойкие любопытные, сквозь толпу прошагал отряд стражников во главе с невозмутимым Брагеллом. Дюжие парни без лишней болтовни засунули мёртвую в рогожный мешок и погрузили на тележку. Грубая буроватая ткань тотчас промокла неровными пятнами, и свёрток утратил всякое сходство с человеческим телом, сделавшись больше похожим на вялый, тронутый гнилью овощ. Когда тележку выкатывали за городские ворота, под каменной аркой во всю ширину прохода разложили костёр, и мокрый свёрток зло зашипел, соприкоснувшись с огнём. Только так добрые кондарцы могли быть уверены, что душа нечестивицы и тем более погибель, взявшая её, не сыщут дороги назад. А если и сыщут, то останутся у черты, убоявшись праведного огня. Другая предосторожность, свойственная не только нарлакам, состояла в том, чтобы схоронить скверного мертвеца в месте, не принадлежащем ни одной из стихий. Так испокон веку поступали с казнёнными преступниками и иными людьми, почему-либо признанными недостойными упокоения в Священном Огне. Удалившись от города, стражники достигли устья едва сочившейся Ренны и там, посреди галечного русла, на скорую руку выкопали для убитой последнее земное убежище. Быть может, во время следующего прохождения Змея взбеленившаяся вода выроет труп из неглубокой могилы, но кондарцам до этого не было дела. Морские течения у здешних берегов были таковы, что отданные Ренне останки если когда и всплывали, то в городскую гавань, пугать людей, уже не возвращались. Легенда, правда, гласила, что было одно-единственное исключение – самый первый Сонмор, которого якобы пришлось хоронить семь раз подряд. Да и то большинство кондарцев предпочитало верить в оборванную верёвку...

– Почему ты отказываешься от награды? – спросила Виона. – Ты её заслужил!

– Я её не заслужил, – упрямо повторил Волкодав. Его голос казался Вионе похожим на каменную стену, вылинявшую от солнца и дождя.

Они сидели на садовой скамейке, в тени плюща, взбиравшегося по деревянной решётке. Между кожистыми синевато-зелёными листьями белели восковые звездочки цветов. Цветы были маленькие и неяркие, но взамен броской красоты Боги дали им нежный запах, привлекавший рой пчёл. Виона стряхнула себе на руку немного пыльцы, и пчёлы стали с деловитым гудением садиться на медно-чёрную кожу, щекотать её лапками и дуновением крылышек. Дома, в Мономатане, пчёлы водились не в пример крупнее и злее, а у мёда был совсем другой аромат.

– Но ведь ты подоспел первым, – сказала Виона. – Ты не позволил мне... Икташ и Эврих с Сигиной, они только потом...

– Вот их твой супруг пускай и вознаграждает, – сказал венн. – И ещё няньку, за то, что вовремя ахнула.

Ни на пчёл, ни на молодую хозяйку он не смотрел. Сидел, сложив на груди руки, с деревянным лицом.

Мастер Улойхо в самом деле готов был озолотить всех, кто помог не допустить смерть к его любимой жене. Один Волкодав полагал, что не имеет никакого права на похвалы и награды, и переубедить его было невозможно. Люди могли говорить что угодно, однако он-то знал, что самым постыдным образом прохлопал подкравшуюся опасность. Пусть даже она и явилась в совершенно неожиданном образе, который вряд ли кто-то сумел бы предугадать. Кому была бы нужна его погоня за злодейкой и расправа над ней, если бы не удалось отстоять жизнь госпожи?...

Вот Эврих и Сигина, те вправду заслуживали всяческого почёта. Особенно Сигина: без неё у Эвриха, по его собственным словам, мало что получилось бы. «Я как девчонке в глаза посмотрел, меня самого чуть куда-то не затащило, – рассказывал молодой аррант. – Помнишь тот раз, на Засечном кряже? Я ведь как тогда поступил?... Вызвал в себе примерно то, что чувствовала бедная вилла... а я, ты знаешь, благодаря Канаону примерно знаю, что она чувствовала... ну, потом сам из этого вылез и её за собой вытащил. Всё просто, если умеючи... А тут! Прорва какая-то, бездонный колодец, падаю в него и поделать ничего не могу, только вижу, как небо наверху отдаляется!... И вдруг – точно ладонь подхватила и держит! Так и вынесла к свету обоих, и меня, и её...»

Ему приходилось встречать сходные описания лишь в древних рукописях, созданных во времена, когда обитатели Небесной Горы запросто гуляли среди людей. Эврих наострил перо и попытался добиться от Сумасшедшей, что за Богиню та призвала на помощь. Сигина лишь ласково улыбалась ему, словно ребёнку, спросившему, отчего вода мокрая. «Мне недосуг служить Богам и Богиням, – отвечала она. – Я просто жду моих сыновей...»

Делать нечего, пришлось Эвриху так и внести таинственный случай в свои «Дополнения», не присовокупив подобающих истолкований. Волкодав хотел было ядовито спросить его, не забыл ли, мол, помянуть, как сам поначалу не желал вести деревенскую дурочку к ювелиру... Однако по здравом размышлении промолчал. Сам хорош...

– Что ж, грешно было бы неволивать тебя, – грустно проговорила Виона. – Правду говорят люди – от денег, взятых без приязни, не бывает добра.

Волкодав ничего не ответил, но мысленно с нею согласился. Откуда ему было знать, что его начинают осторожно опутывать шёлковой паутинкой, как хитрый маленький паучок опутывает большую строптивую муху?... Беседуя с ним, Виона незаметно пускала в ход искусство, усвоенное при храме. Она ведь давно успела решить про себя, что кое-какие науки, преподанные служителями Вездесущей, не грех помаленьку использовать к своему благу; ибо далеко не всё, что постигалось в доме великой и ужасной Богини, имело целью убийство. Был сводящий с ума жертвенный танец, но был и такой, что возвышал душу созерцанием истинной красоты. Или вот взять искусство беседы. Овладевший им мог выяснить всё что угодно даже у очень упрямого человека. А большой мастер – ещё и заставить этого человека выполнить свою волю, причём так, что тот будет уверен, будто действует по собственному желанию.

Помимо прочего, искусство включало способность распознавать, что за собеседника подарила судьба, так что переспорить Волкодава Виона даже и не пыталась. Молодая женщина просто начала рассказывать о себе, о том, как несмышлёной девочкой осталась совсем одна. Со стороны могло показаться, будто обращалась она к пчёлам, забравшимся на ладонь, но, когда руки телохранителя успокоенно легли на колени, Виона этого не пропустила.

– В наших краях растут густые леса, – тихо говорила она. – И в самом сердце лесов есть озёра, окружённые чёрными деревьями в тяжёлых космах лишайников. Никакой ветер не может повалить чёрное дерево, а когда оно умирает от старости, оно тонет в воде, потому что плоть его тяжелее железа. У моего деда был чёрный меч. Дед побеждал им храбрых врагов, сражавшихся оружием из железа и меди. Он брал меня с собой на озёра. Деревья так высоки, что вода остаётся спокойной, даже когда над лесом бушует гроза и ливень треплет вершины. Поэтому там вырастают цветы, которых нет больше нигде. Мы называем их «упавшими звёздами». Они распускаются ночью. Они лежат на воде, и лепестки в темноте светятся голубым светом. Я, наверное, никогда больше их не увижу. Ты тоже вспоминаешь свою родину, Волкодав? Какая она?

Венн помолчал немного, потом проговорил уже не тем бесцветным голосом, что поначалу:

– Тебя бы там многое удивило.

– Расскажи о своей стране, – попросила Виона и склонила голову к плечу, внимательно глядя на венна. Топазы, вправленные в серебро, переливались у неё в волосах.

– Зимой у нас идёт снег, – сказал Волкодав. – А озёра и реки покрывает крепкий лёд. Можно напилить его и сделать дом, и этот дом простоит до весны.

– Ты хотел бы туда вернуться? – спросила Виона.

Он покачал головой, по-прежнему глядя в землю. Потом ответил:

– Мне не к кому возвращаться.

– И мне, – сказала Виона. – Теперь мой дом здесь, в стране, где я обрела мужа и сына. Я желаю тебе, Волкодав, чтобы и у тебя когда-нибудь появился дом, куда тебе захочется возвратиться.

– Спасибо, – сказал венн.

– Ты, верно, много путешествовал, – продолжала Виона. – Если я правильно поняла, вы с другом собираетесь плыть через море?

Волкодав молча кивнул.

– Я не выпытываю, – сказала мономатанка, – но мне кажется, я как-то слышала, будто ваш путь проляжет вдоль берегов то ли Шо-Ситайна, то ли Озёрного Края?...

Волкодав снова кивнул:

– Это так.

– У моего племени, – вздохнула Виона, – есть пословица: лепёшка, оставленная у тропы, вернётся и приведёт жареных поросят. Я теперь вряд ли увижу, как над плечом Сидящей Кошки восходит солнце и окрашивает огнём водопады, но в моей власти помочь вернуться на родину человеку, который очень об этом мечтает. Ты больше не хочешь охранять меня, Волкодав, но могу я нанять тебя, чтобы ты отвёз этого человека к его семье?...

Он пристально посмотрел на неё.

– Я рад тебе послужить... только мы с Эврихом странствуем во исполнение обета... данного другу, оставшемуся далеко... Если твой человек направляется туда же, куда и мы... Кто он такой? Я знаю его?

– Знаешь, – улыбнулась Виона. – Его отец был горец с Заоблачного кряжа, а мать выросла в Озёрном Краю. Когда они перебрались в Нарлак, злые люди воспользовались неосведомлённостью чужестранцев и наняли их мыть золото на реках Змеёва Следа. Так мальчик остался сиротой. Его зовут Йарра.

О «Сегванской Зубатке» и о тамошних похождениях Волкодава Виона была наслышана от Эвриха. Чуть позже Сигина поведала ей про мальчика Йарру, вроде бы пригретого венном. А третьего дня она же показала Вионе смуглого светловолосого паренька, ждавшего своего старшего друга возле ворот. Зачем Сумасшедшей это понадобилось, оставалось только гадать, но вот пригодилось, и молодая женщина была ей благодарна.

– Госпожа! – сказал Волкодав и даже повернулся на скамейке, чтобы посмотреть Вионе прямо в глаза. – Как ты догадалась, что я и сам собирался отвезти мальчишку домой?...

Волкодав остановился, когда с высокого, крутого холма перед ним открылась деревня. Взгляд венна сразу отыскал один из домов под низко нахлобученной земляной крышей – и больше не покидал его. Посередине крыши, возле охлупня, светилося отверстие дымогона. Волкодав хорошо представлял, что там, внутри. Печь в северном углу, сложенная из камня и глины, надёжа и заступа от злых сил, крадущихся с полуночной стороны. Ни один венн не скажет бранного слова в присутствии государыни печи. А против неё – святой красный угол, осенённый ликами Богов и чтимых пращуров, ушедших в ирий. Вдоль бревенчатых стен – широкие лавки. Просторная, щедрая, добела выскобленная Божья Ладонь...

Волкодав стоял и смотрел, не в силах принудить себя спуститься вниз и постучать в дверь, казавшуюся такой родной. Гоня наваждение, он напомнил себе, что здешняя Светынь текла совсем в другом мире. И два лесистых холма стояли всё же немного не как те, что укрывали от северного ветра его родную деревню. Так бывает во сне, когда знакомые места предстают изменёнными, и это не удивляет. Сейчас он пойдёт туда и спросит, что за род

здесь живёт, уж не дети ли, часом, Серого Пса. Сердце почему-то колотилось у горла, отдавая мучительной болью в груди. Волкодав знал: это был страх. Он боялся утратить надежду. Но даже если ей будет позволено сбыться... Впереди ждала неизвестность.

Волкодав стоял и смотрел, как в леса за Светынюю опускается солнце. И не мог сдвинуться с места.

Если не преодолеть страх, значит, зря он четыре седмицы топал пешком, узнавая и не узнавая суровый и светлый мир, названный его предками Беловодьем. Сейчас он сделает шаг. Сейчас. Только ещё немного отдышится.

В доме раскрылась дверь. Острые глаза Волкодава различили девичий силуэт, мелькнувший на фоне освещённого прямоугольника. Притворив дверь, девушка пошла по тропинке к берегу реки – туда, где, несмотря на поздний час, вился дым над крышей кузницы и раздавался мерный стук молотка. Волкодав знал: девка несла ужин кузнецу, припозднившемуся с работой.

Точно так же, как его мать когда-то носила ужин отцу...

К кому спешила девчонка? К родителю, брату, жениху?...

Волкодав спустился с холма и, ничего не подгадывая нарочно, поравнялся с девушкой на середине тропы. Перед ним была настоящая веннская красавица, статная, русоволосая, с непугливым взором ясных серых глаз. Ей никогда не приходилось бояться людей, а против опасного зверя свисал с кушака добрый охотничий нож. Гроздь серебряных колец позванивали у висков, и налобный девичий венчик уже сменила широкая предсвадебная плачевая, сплошь расшитая бисером.

Бьющий в глаза свет мешал Волкодаву как следует рассмотреть узор на повязке, а цветные клетки понёвы казались то чёрными, то красными, то зелёными. То есть на самом-то деле он распознал их безошибочно и мгновенно, но предпочитал тешиться обманом, уговаривал себя, дескать, мало ли что примерещится, вот подойду поближе и уж тогда рассмотрю...

Девушка окликнула его первой, как подобает хозяйке, заприметившей нежданного гостя.

«Здравствуй, добрый молодец!» – сказала она ласково, и Волкодав понял, что жить стало незачем. Венн, встретивший другого венна, с первого взгляда знал о нём всё. Чей родом и какого колена, которое по счёту дитя у родителей, с кем свадьбу играл, есть ли свои ребятишки... и ещё много-много всякого разного, необходимого для должного приветствия и разговора. «Добрый молодец» назвал бы незнакомого соотчича только слепой. Девушка слепой не была.

Она просто никогда раньше не видела знаков, принесённых им на одежде. Старые бабки в женской избе не показывали их малышам, объясняя: бывают, мол, ещё и такие. Беловодские венны слыхом не слыхивали про Серых Псов.

Яркое закатное солнце заставляло Волкодава жмурить слезившиеся глаза. Он поклонился девушке и сказал:

«И ты здравствуй, Волчица».

Дома, братцы, у Небес
Не допросишься чудес.
День за днём – как те горшки на заборе.

Дома – скука и печаль;
Нас притягивает даль -
Чудеса живут, известно, за морем.

И народ вокруг – не тот!
Хоть бы раз пойти в поход:
Кто же чудо у порога отыщет?

А за морем – пир горой!
Что ни парень, то герой,
Что ни девка – вмиг утонешь в глазищах!...

Так мы плачемся в глуши.
И однажды, вняв души
Устремленьям, да и просто в науку,

Нас хватает и несёт...
И судьбы водоворот
С надоевшим домом дарит разлуку.

...И окажется, что где б
Ни прижиться – горек хлеб,
Не рукою материнской спечённый,

Не в отеческой печи,
Не от дедовской свечи,
Не на прашуров земле разожжённой.

Там героев – как везде:
Что алмазов в борозде.
Вместо красавиц – дура на дуре.

Ну а чудо из чудес -
Твой земляк, какой невесть

В тот заморский край закинутый бурей.

И на сердце ляжет мрак,
И назад потянет так,
Что хоть волком вой на площади людной.

И поймёшь, что дом, где рос,
Где по тропкам бегал бос,
Он и есть на свете главное чудо.

И вспорхнуть бы, полететь!...
Но уж врос в чужую твердь;
Корни рвать – себе и ближним на муку...

Что и как в родном краю
Да про молодость свою -
Это всё теперь рассказывай внуку.

А взрослеть возьмётся внук,
Он осмотрится вокруг,
Станет привязью родительский корень:

Дома чуда ждать сто лет,
Вот в краях, где вырос дед, -
Там-то жизнь! Эх, кабы съездить за море...

11. В море

Хозяин корабля, дородный сегван с узлом седых волос на макушке, мерил шагами палубу, смотрел то за борт, то на небосклон и время от времени недовольно бурчал что-то сквозь зубы. Эврих неплохо знал сегванский язык, но остров Печальной Берёзы, откуда вёл свой род владелец лодьи, должно быть, располагался в каком-то совсем уже отдалённом углу. Резкий, отрывистый говор корабельщика был таков, что аррант едва разбирал отдельные слова. Эврих вслушивался очень внимательно, однако за добрых полдня сумел понять лишь одно – мореход был чем-то весьма удручён. Ну а это можно было себе уяснить и не вникая в его речи. – Спишь, Волкодав? – наконец окликнул он венна, лежавшего с закрытыми глазами под скамейкой гребца.

Волкодав не спал. Просто, если он открывал глаза и садился, желудок почти сразу начинал противно шевелиться внутри. Он знал, что по меркам опытных мореплавателей нынешнюю качку и качкой-то назвать было нельзя. Однако ему хватало. Слабо утешало даже то, что Виона, купившая Йарре возвращение на родину, определённо посоветовалась с Судьбой. Ибо корабль был тот самый, которого ожидал Гарахар, и направлялся он в Тин-Вилену. То есть Небеса явно не возражали, чтобы Волкодав всё-таки попал в этот город. И выяснил, какой такой Наставник умножает в мире неправду, вручая скверно понятое кан-киро людям, не ведающим Любви... – Что это там Астамер всё время бубнит? – спросил Эврих. – Ты хоть что-нибудь понимаешь?...

В отличие от Волкодава, на корабле он был дома. И радовался, чувствуя себя в знакомой стихии. Взяв кожаное ведёрко на длинной верёвке, он забросил его далеко вперёд, потом ловко вытащил через низкий борт. У него лежал в поясном кошельке обрывок берёсты с несколькими буквами, начертанными ещё на берегу. И вот теперь, мысленно обратившись к Богам Небесной Горы, Эврих вытащил белый лоскут и погрузил в ведёрко. Чернила, которыми была сделана надпись, он собственноручно приготовил в доме ювелира Улойхо по способу, разведанному Тилорном. Настала пора подвергнуть свою работу настоящему испытанию, и молодой аррант отчаянно волновался.

– Астамеру не нравится ветер, – не открывая глаз, сказал Волкодав. – Он говорит, он отродясь не припомнит, чтобы в начале месяца Лебеда у здешних берегов дуло с северо-востока. Он думает, это, наверное, не к добру.

– Ого! – Эврих даже отвлёкся от своих буковок, чётко черневших сквозь два вершка прозрачной воды. – Где ты постиг его говор? – спохватился, понизил голос и спросил: – Тоже на каторге?... – Нет, – сказал Волкодав. – Не на каторге.

У него не было никакой охоты объяснять, что с Астамерова родного берега, надобно полагать, в солнечную погоду был хорошо виден остров, откуда десяток с лишним лет тому назад пришёл на Светынь храбрый молодой кунс по имени Винитарий. Уже тогда получивший в своём народе прозвище – Людоед... Волкодав вообще не любил, когда из его прошлого опять начинали вылезать какие-то призраки, казалось бы, давно похороненные и забытые.

Таков закон

, – сказала бы, наверное, Мать Кендарат.

Закон воздаяния, правящий кругами Вселенной. Ты совершаешь поступок и думаешь, что всё останется как прежде? Ты ошибаешься...

Надо полагать, по этому самому закону Волкодав выходил чудовищным грешником. Ведь не случайно для него встречи с прошлым обычно заканчивались чем-нибудь неприятным. Или вовсе опасным. Вроде сумасбродного Канаонова брата. Ибо нынче, как раз когда отходил от причала сегванский корабль и уже трудно было различить в пёстрой толпе знакомые лица, в Восточные ворота въезжал с семейством Кавтин. Волкодав вздохнул, подумав о нём. Ему хотелось надеяться, что парень всё же поразмыслил и кое-что понял. Однако убрался они с Эврихом поистине вовремя. А когда-либо возвращаться в Кондар и проверять, dokonчил или нет Иннори свою вышивку и купили ли ему веннского пса... вряд ли это было разумно. Почему так получалось, что отовсюду, где Волкодаву доводилось задерживаться, он затем поспешно уносил ноги, причём навсегда?... Взять хоть Галирад... Да и здесь, в Кондаре, чью благосклонность он завоевал? Великого вора, не нажившего от трудов праведных ни единого медяка. Вот уж будет чем похвастаться перед Старым Псом, когда Хозяйка Судеб заполнит веретено и взмахнёт острыми ножницами, вытеребив нить его жизни...

Они все пришли проводить корабль: и Сигина, взятая благодарным Улойхо в свой дом, и Дикерона со спутницей, и цветущая Рейтамира, сопровождаемая Кей-Сонмором. «А что? – будто бы заявил Лута своему почтенному батюшке. – Ты вот завёл себе усадьбу, хотя все прежние Сонморы были бездомными. Ну и я стану первым, кто женится...» Он уже купил Рейтамире черепаховые гребни для волос и обещал разузнать, что легче устроить: самим ехать в Галирад к знаменитому Декше или заплатить какому-нибудь мореходу, чтобы доставил одноглазого поэта в Кондар.

Дикерона крепко обнял Волкодава жилистыми руками в сетке белеющих шрамов.

«Прощай, оборотень, – сказал он. – Счастливого тебе». «Может, ещё увидимся...» – понадеялся венн и запоздало сообразил, что ляпнул не то. Дикерона усмехнулся: «Если я встречу святого, который, как предсказала гадалка, вернёт мне глаза, может, и вправду увидимся

... – Запустил руку в рукав, расстегнул узкие пряжки и протянул Волкодаву длинные ножны: – Держи на счастье». Волкодав не придумал ничего лучше, чем отцепить от пояса старый боевой нож и сунуть его мономатанцу в ладонь: «Повстречай своего святого, друг».

Сумасшедшая Сигина подошла к нему последней, и он опустился перед старой женщиной на колени. «Я всё забываю рассказать тебе, – шепнула она, – про того венна, который был моим сыном. Я вспомнила знаки у него на поясе и на сапогах». «Какие знаки?» – отчего-то насторожившись, спросил Волкодав. Сигина, ласково улыбаясь, смотрела ему в глаза. «Он из рода Волка, – сказала она. – И у него вот тут, на левой щеке, две родинки. Это я к тому, чтобы ты сразу узнал его, когда встретитесь. Ты не забудешь ему передать, что я жду в гости и его, и тебя?...»

Возле мачты корабля был устроен трюмный люк, огороженный парусиновой занавеской таким образом, чтобы не поддувал ветер. Время от времени из люка высовывалась рогатая голова, и над палубой разносилось мычание. В трюме путешествовала пёстрая корова, любимица Астамера, не боявшаяся ни качки, ни иных морских неудобств. Когда-то давно над её хозяином пробовали смеяться. Потом прекратили. Нрав у Астамера был тяжёлый, рука – тоже. Вдобавок и мореплавателем он был замечательным. Ну и пусть себе доит свою пеструшку прямо посреди океана, коли так уж охота. В конце концов, кто не знает, что самого первого сегвана вылизала своим языком из соли, скопившейся на берегу, божественная корова...

Мышь, которому очень не нравилось в море, отсиживался либо в трюме вместе с большим тёплым животным, либо влезал за пазуху Волкодаву.

Йарра сидел между аррантом и венном. На нём были крепкие сапожки, плотные штаны, стёганая курточка и новенькая рубашка. Всё казалось ещё жестковатым и как бы не своим, ещё не обмялось по телу, не вобрало его запах. Прежние обноски были тщательно выстираны и уложены в сумку. За неполный год сиротства старая одежда сделалась Йарре коротка и к тому же до того изодралась и вытерлась, что вряд ли пристойно было в ней даже мыть корабельную палубу. Следовало бы подарить её нищим или пустить на тряпки, но поступить так с рукоделием погибшей матери Йарра не мог.

Он знал, что берег его родины покажется ещё очень не скоро, но это не имело никакого значения. Ему хотелось побежать на самый нос корабля и стоять там, не сводя глаз и даже не моргая от ветра, пока не поднимется над горизонтом земля. Йарра хорошо помнил расставание с родиной. Он ведь был тогда уже совсем взрослым. Конечно, не таким взрослым, как теперь, но всё-таки. Он помнил, как медленно погружался в воду Заоблачный кряж, как величавые пики сперва превратились в гористые острова, разделённые морем, потом стали неотличимы от туч, вечно кутавших сторбленные плечи хребтов, и вместе с этими тучами наконец растворились в небесной дымке, растаяли без следа.

Последним пропал из виду двуглавый исполин, священный Харан Киир...

Нет, всё же Йарра был тогда недостаточно взрослым. Он был глуп и не особенно понял, отчего заплакала мама. У него тоже немного щемило сердце, как и надлежит на пороге нового и неизвестного, но плакать не хотелось нисколько. Ему было радостно, тревожно и интересно, а бояться он не боялся. Да и с чего бы, ведь были с ним рядом и мама и отец, и какая сила могла их различить?!

Теперь он твёрдо знал: как только впереди покажется суша, он различит мужчину и женщину, стоящих возле края воды. Причалит корабль, и мама бросится его обнимать и, конечно, снова заплачет, а отец станет рассказывать, как Змей нёс их через море и как потом они ждали на берегу, зная, что сын обязательно возвратится...

Йарра верил и не верил в им самим придуманное чудо Богов. Он собрался было засесть на носу корабля чуть не прежде, чем тот покинул причал, но устыдился трудившихся на палубе мореходов. Когда же осталась позади пристань и люди больше не оглядывались на заслонённый мысом Кондар (одна цитадель да верхние усадьбы Замкового холма ещё плыли над макушками скал), Йарра дёрнулся было со скамьи, но Эврих его удержал.

– Ты куда? – спросил аррант. Он хорошо знал речь Озёрного Края и без труда беседовал с мальчиком на языке его матери.

– Я хочу смотреть вперёд, – объяснил Йарра.

– Смотри лучше отсюда, – посоветовал Эврих. – А то погладит тебя Астамер ремешком, до Тин-Вилены больно будет сидеть.

– Почему? – удивился Йарра. – Разве я там кому-нибудь помешаю?

На корабле он путешествовал всего второй раз, а сегванские лоды до сих пор видел только с берега.

– Ты знаешь, что такое «косатка»? – строго спросил его Эврих. Йарра непонимающе смотрел на него, и молодой аррант пояснил: – Это кит двадцати локтей в длину и с во-о-от такими зубами. В безднах океана водятся и более крупные существа, но других столь свирепых тварей Морской Хозяин не создал. Поэтому сегваны и придумали называть свои боевые лоды «косатками». У них есть корабли для торговли и странствий, именуемые «белухами», но те менее быстроходны. Так что нам повезло: домчимся единым духом и времени не заметим.

Йарра обвёл глазами длинный корабль, словно впервые увидев его.

– Значит... «косатка»? – прошептал он наконец. Он всегда шептал, когда волновался. Эврих кивнул, и мальчик спросил по-прежнему еле слышно: – Они... будут сражаться? Нападать на корабли, которые встретятся в море?...

– Не будут, – сказал из-под скамьи Волкодав. – С сытым брюхом в драку не лезут. Ну там... разве если на них самих кто-нибудь нападёт... Ты видел, сколько тюков и бочонков они уложили под палубу?

Эврих хмыкнул:

– Я полагаю, почтенный дедушка нашего Астамера нынче плюётся и топает ногами на небесах. Когда сам он был жив и плавал по морю, на ясеневые палубы «косаток» восходили только кровные побратимы, вздумавшие искать добычи и славы в дальнем походе. Они гнушались мирной торговлей и брали богатства только мечом. И если шторм или погоня вынуждали посадить пленника на весло, с ним после этого обращались как с равным...

Йарра зачарованно слушал.

– А теперь, – продолжал Эврих, – благодарные внуки продают места на скамьях всяким сторонним людям вроде нас, вздумавшим от нечего делать путешествовать через море. Срам, да и только!

Волкодав напомнил:

– Ты ему не сказал, почему его выгонят, если он пойдёт стоять на носу.

– Ну, это совсем просто, – улыбнулся аррант. – У других кораблей мало вёсел, только чтобы к берегу подходить. А у «косатки» – по всему борту, чтобы догонять жертву и удирать от погони. Так вот, где самые длинные и тяжёлые вёсла?

Йарра подумал и догадался:

– На носу!

Эврих кивнул.

– Правильно. А ещё там, на носу, всего сильнее качает во время ненастья. И больше захлёстывает из-за борта, если корабль идёт против волны. Наконец, опять-таки в старину, когда сильные кунсы бились за власть, перед морским сражением каждый выстраивал свои корабли в ряд, и воины связывали их борт к борту. Начинался бой, связки вдвигались одна в другую, словно два гребня... – Эврих показал пальцами, как всё происходило. – А значит, люди, сидящие впереди мачты, прежде других связывались в драку. Теперь сам подумай, где самое почётное место на корабле?

На сей раз Йарра ответил без колебаний:

– На носу!

– Вот именно, – кивнул учёный. Буковки на берёсте держались прочно, не расплываясь в едкой морской воде. Это радовало арранта и подогревало его красноречие. – Когда ты проживёшь побольше, мой друг, ты сам убедишься: если какой-нибудь обычай лишается своей жизненной основы, его внешняя сторона живёт ещё долго и притом очень ревностно соблюдается. Даже более ревностно, чем в старину.

Йарра напряжённо хмурил брови, силясь понять:

– Это как?...

– Ну вот если бы у Астамера на корабле вправду была дружина героев и паренёк вроде тебя выскочил бы к форштевню, все только посмеялись бы и сказали, что, верно, от пострелёнка следует многого ждать. А теперь точно выдерут ремешком, поскольку сами в глубине души знают, что не герои, но изо всех сил притворяются...

Йарра при этих словах покосился в сторону соседней скамьи. Там сидел Гарахар со своим приятелем, рыжим Левзиком. Йарра помнил, каков герой Гарахар был в «Сегванской Зубатке», где осталась висеть на стене его размочаленная дубинка.

– Или вот тебе ещё пример, – сказал Эврих. – У нас в Феде...

– Где?...

– Это мой родной город в Аррантиаде. Так вот, по соседству с нами жила одна женщина, до того злая и сварливая, что никто её и замуж не взял. Она даже с матерью своей каждый день бранилась и всем рассказывала, как та ей жизнь переела. Не знаю уж, кто там был прав, кто виноват, но – во имя сандалий Посланца, сбежавших из-под ложа утех! – крик стоял на всю улицу. Потом мать отправилась на Небесную Гору, и что? Дочка поставила ей на могилу глыбу радужной яшмы, да не из местной каменоломни, – за сумасшедшие деньги привезла из-под самого Аланиола...

Йарра не знал, что такое Аланиол и где он находится, но спрашивать не стал, чтобы не портить повествования.

– Дело было лет двадцать назад, – продолжал Эврих. – Я был дома в прошлом году... До сих пор каждый день ходит смывать с камня пыль и птичий помёт. Сажает цветы, выпалывает сорную траву и, как говорят, непременно плачет: «Матушка, не сердись на меня!» Произнеся эти слова, молодой аррант осёкся, внезапно сообразив, что красноречие завело его слишком далеко. Он торопливо покосился на Йарру, собираясь утешать сироту, но сразу увидел, что необходимости в этом не было. Йарра сидел на скамье, забравшись на неё с ногами и обхватив руками колени. Он задумчиво смотрел вдаль, и ветер нёс его длинные светлые волосы. Чистое мальчишеское лицо показалось Эвриху строгим и неожиданно взрослым.

– Прости, – всё-таки сказал аррант. И покаянный развёл руками: – Язык у меня слишком длинный, это уж точно...

Йарра пожал плечами.

– Я мужчина, – ответил он Эвриху. – Мне следовало бы огорчаться, если бы кто-нибудь из моей родни познал недостойную смерть. А мои родители храбро обороняли от небесной напасти наш дом и меня, своего сына. Моё сердце полнится радостью, когда я вспоминаю их смелость. Морская качка на него, как и на Эвриха, не действовала совершенно. Аррант молча смотрел на Йарру, поражённый, какими словами заговорил вчерашний робкий сиротка, трактирный мальчик на побегушках. А Йарра подумал и добавил:

– Ты, как я понял, пишешь книгу о народах, живущих в разных краях. Напиши в ней и про нас, итигулов. Если кого-нибудь из нас забирает болезнь или Боги снегов и камней, мы продолжаем кормить и поить его душу, пока не сменится луна, а потом отпускаем ликовать и веселиться на священной вершине Харан Киира. Когда над ней горит зелёная радуга, мы знаем, что это прашуры радуются за нас. А если кого-то из племени убивают враги, за него мстят! Волкодав при этих словах открыл глаза и повернул голову. Эврих достаточно хорошо знал венна и сразу угадал, что именно зацепило его в речах Йарры. Он понял, что не ошибся, ибо Волкодав проговорил:

– Ты называешь себя итигулом и рассуждаешь так, будто вырос в горах. Но у тебя была ещё мать, да и сам ты родился в Озёрном Краю!

Йарра не смутился.

– Я мужчина, – повторил он. – Я должен быть таким, каким был мой отец. Если бы моя мать хотела причислить меня к своему племени, ей следовало бы родить меня девочкой. Ветер подхватил эти слова и понёс их над морем, и Йарру посетило странное ощущение. Он как будто предал кого-то. То есть он в своей жизни ещё ни разу не поступал против совести, да и теперь душой не кривил: сказал то, что, по его мнению, надлежало сказать. Откуда же пришло чувство, будто отодвинулась хранящая тень, будто совсем рядом обиженно отвернулся кто-то незримый, но очень для него дорогой?...

Мышь высунулся из-за пазухи у Волкодава, обречённо понюхал воздух и убрался обратно в тепло. Ему, как и Астамеру, очень не нравился этот ветер. То ли дело в пещерах, где воздух вечно тих и спокоен, где его столетиями тревожат лишь быстрые взмахи маленьких кожистых крыльев...

– Значит, – спросил Эврих, – ты твёрдо решил вернуться в род своего отца?

Йарра кивнул.

– Они иногда спускаются в Тин-Вилену. Они признают меня и заберут с собой в горы.

– Ого! Горцы в Тин-Вилене!... – удивился Эврих. – Похоже, времена и вправду меняются. Я слышал, раньше купцам приходилось карабкаться под самые ледники, чтобы разыскать итигулов!

– Это так, – важно подтвердил Йарра. – Дед моего отца первым понял, что следует спуститься на равнину и самому присмотреть достойную вещь, не дожидаясь, пока тебе привезут какой-нибудь хлам, да ещё и сдерут за него втридорога.

– Ты, наверное, будешь первым итигулом, вернувшимся из-за моря, – сказал учёный аррант. – Вряд ли кто-нибудь из твоей родни путешествовал столь далеко и так долго жил в большом городе. Ты о многом расскажешь им и станешь уважаемым человеком... А чем, если не тайна, твоё племя торгует с жителями равнин?

– На равнинах. – с гордостью ответил Йарра, – нет стремительных горных козлов, что чешут шеи о камни, оставляя на них несравненную шерсть. Там нет смельчаков, готовых собирать эту шерсть по неприступным утёсам. И подавно нет мастериц, чтобы напрясть ниток и сделать ткань легче пуха, жаркую, как объятия любимой.

Двоим взрослым мужчинам потребовалось усилие, чтобы не расхохотаться при этих словах.

– А почему, – спросил Волкодав, – твой отец покинул Заоблачный кряж и остался жить в Озёрном Краю?

Йарра ответил чуть-чуть быстрее, чем следовало бы:

– Потому что мы, итигулы, можем жить всюду, а у нас в горах – только люди наших кровей. Мой отец любил мать и не хотел везти её туда, где она непременно зачахла бы и умерла.

– И за море они с ней, видать, по этой же причине пустились... – проворчал Волкодав.

Йарра опять объяснил с подозрительной готовностью:

– Есть, наверное, сыновья достойней меня, но я знал, что не дело отцу держать передо мною ответ.

Венн переглянулся с аррантом. Поручение Вионы, благодаря которому их кошельки туго наполнились серебром, оборачивалось неожиданной стороной. Мальчишка, конечно, не врал, ибо жители Шо-Ситайна считали ложь грехом и величайшим пороком. Но и всей правды не говорил.

– В моей стране, – задумчиво и как бы про себя начал Эврих, – есть города, чью славу составляют живущие в них мудрецы. Эти мудрецы радостно приветствуют путешественников и записывают их рассказы о жизни ближних и дальних земель. Я, кстати, надеюсь, что и мой скромный труд будет благосклонно ими воспринят... Так вот, наши учёные из века в век наблюдают за судьбами разных племён, стараясь найти объяснение происходящему в мире. Я читал книги, написанные два столетия назад. Там говорилось о том, как из моря вышло голодное и неустрашимое племя, именуемое меорэ. Оно распространилось на запад и на восток, завоёвывая берега материков и порождая кровопролитные битвы Последней войны. Если верить книгам, нашествие не обошло ни Шо-Ситайна, ни Озёрного края...

– Истинно так, – величаво кивнул Йарра. – Я слышал, они не тронули только твою Аррантиаду. Это оттого, что у вас сплошь города и меорэ убоились соприкоснуться со скверной.

Волкодав приоткрыл глаза и улыбнулся. Эврих же захохотал так, что стали оглядываться севганы и путешественники-нарлаки, коротавшие время между соседними скамьями. Венн послушал весёлый смех арранта и решил, что при всей неучтивости сказанного мальчишка попал в точку. Аррантиада, несомненно, была страной, далёкой от праведности. А уж что касается скверны, обитавшей в больших городах... Неизвестно почему он вдруг представил себе, что таким же образом отозвались бы о его родине. Эта мысль возмутила Волкодава. Человек, посмевавший как-то охаять лесной край в верховьях Светыни, заслуживал наказания немедленного и очень жестокого...

Волкодав подумал ещё и со вздохом решил, что у Эвриха не грех было кое-чему поучиться. Эврих ведь тоже любил свою страну. И родной городишко Фед, не на всякой карте помеченный.

– Когда же меорэ пришли в Шо-Ситайн и полезли на Заоблачный кряж, – с прежней важностью продолжал Йарра, – их глаза поразило слепотой сияние ледяных вершин, отражавшихся в клинках наших героев, и они безо всякой славы убралась восвосяи.

– Убраться-то убралась, – кивнул Эврих. – Но в книгах, мною прочитанных, говорится, будто некоторая часть итигулов была всё же пленена и угнана на чужбину. А что рассказывают об этом предания вашего племени?

Он боялся новой неловкости и ограничился осторожным намёком, но Йарра, как и в первый раз, только передёрнул плечами.

– Каждый народ, – сказал он, – рождает свою долю трусов, и мы, итигулы, не исключение. Я, правда, слышал, будто со времён Последней войны у нас меньше стало плодиться малодушных, недостойных называться мужчинами, и распутниц, готовых возлечь с врагом, чтобы только сохранить свою никчёмную жизнь. Потомки этих немужественных составили особое племя, которое никто, кроме них самих, уже не причисляет к итигульскому роду. Это шаны, изгнанники! Да исчезнет их имя из разговоров мужей!...

Фраза, смахивавшая на заклинание, заставила Волкодава насторожиться. Когда что-то к месту и не к месту призывают исчезнуть, становится ясно, что исчезать оно и не думало. Тут он вспомнил, как Йарра называл свою ветвь племени «истинной». Если кто-то без конца твердит о своей истинности, значит, есть сомневающиеся...

– Я читал, будто угнанные в полон провели в неволе сто лет, – снова заговорил Эврих. – Потом внуки тех, кто не сумел оборониться от захватчиков, вернули себе свободу.

– Они выкупились, продавая кружево и шитьё, сделанное их жёнами! – фыркнул Йарра. – Чего ещё ждать от слабого племени. Говорят, под конец они совсем мирно жили со своими хозяевами, и те провожали их как друзей. Даже снабдили в дорогу едой, одеждой и лошадьми, чтобы ублюдки рабов могли ехать в повозках!

Сказав так, Йарра презрительно сплюнул за борт: по его мнению, детям невольников лучше было вовсе не появляться на свет. Эврих не успел остановить юного гордеца. С соседних скамей возмущённо закричали сегваны, для которых плевок за борт означал немалое оскорбление Подводному Великану. Рыжий Левзик даже подскочил к Йарре и замахнулся, выкрикивая поношение на неведомом мальчику языке. Эврих перехватил его руку:

– Не гневайся, мореход. Он родился далеко от берегов океана и не знает ваших обычаев. Он никому не хотел учинить обиду.

Волкодав говорить ничего не стал. Просто вылез из-под скамьи, сладко зевнул и сел рядом с Эврихом. Как полагалось на сегванских лодях, во время плавания всё оружие покоилось под палубой, в крепко запертом сундуке. В том числе и Солнечный Пламень. Волкодав сидел и равнодушно смотрел кругом, предоставив разговаривать Эвриху. Йарра потихоньку отодвигался и сползал за него, золотисто-медная кожа покрылась серым налётом. Волкодав слышал, как шуршала его стёганая курточка по рёбрам бортовых досок. Гордый маленький воин, только что собиравшийся бесстрашно разить всех, не удостоенных причисления к его роду, на глазах вновь превратился в затравленного сироту. Волкодаву это зрелище было очень знакомо. Только сам он в возрасте Йарры уже был злобным зверьком, ни от кого не ждущим пощады. Пока он размышлял, какая судьба лучше, подошёл Астамер.

– Повелитель глубин мудр! – непререкаемо заявил хозяин корабля. – Во имя чугунной задницы Туннворна, соображения у вас, сегваны, словно у кур!... Станет владыка древнего моря сердиться на сопливого мальчишку, чужеземца к тому же!... Ха! Неужели кто-нибудь думает, будто Он настолько мелок душой?

Потрепал Йарру по льянному затылку и удалился на корму.

Проводив Астамера глазами, Эврих вдруг спохватился и поспешно выдернул из ведёрка свою берёсту, забыто качавшуюся надписью вниз. Перевернув её, аррант стал придирчиво рассматривать письма, причём лицо его неудержимо расплывалось в довольной улыбке. Он даже потёр буквы пальцем, сперва осторожно, потом решительнее. Осмотрел палец, ища следы чернил, и заулыбался ещё шире. Его труд выдержал испытание.

Волкодав снова лежал на палубе, устроив руки под головой и закрыв глаза. Морская болезнь, отступившая было, когда он предполагал заступаться за Йарру, опять взялась его мучить. Желудку не сиделось на месте, он противно ёрзал туда и сюда, временами судорожно сжимаясь. Вот потому-то предусмотрительный венн ничего и не ел со вчерашнего дня, несмотря на лукавые уговоры арранта. А когда Эврих и Йарра, устроившись на скамье, разложили съестное, Волкодав отвернулся, борясь с желанием зажать рукой нос.

Если бы его спросили, откуда взялся удивлявший Астамера северо-восточный ветер, он смог бы ответить. Хорошенько прищурившись, он нашёл бы в небе, среди быстрых кучевых облачков, две крохотные чёрные точки. А должное напряжение разума вызвало бы перед умственным взором два знакомых лица: одно – худенькое девичье, обрамлённое пышными светлыми волосами, другое – решительное, скуластое, сероглазое, в рыжем юношеском пуху и таких же рыжих веснушках. Волкодав мог бы даже пояснить, что широкогрудый симуран, нёсший

девчушку, был родным братом застреленного над Засечным кряжем... Но никто не спрашивал его, и венн молчал.

Ещё он думал о том, что, кажется, понял, почему Йарра решил считать себя итигулом и рвался в горы, известные ему только по рассказам отца, вместо того чтобы вернуться в Озёрный Край, в племя матери, в знакомую с младенчества жизнь. Всё было очень просто. Для сородичей матери Йарра был бы сироткой, которого каждый в роду подкармливает и жалеет. Зато итигулы обрадуются появлению нового воина, нового копыя и кинжала в столетней войне с шанами...

Надо ли говорить, какой путь почётней!

Волкодав, правда, крепко подозревал, что отец Йарры покинул горы как раз затем, чтобы удалиться от этой войны и жить в покое и мире. Просто жить, а не драться каждый день за свою жизнь. Любить жену и растить детей, не опасаясь ни кинжала в спину, ни пощёчек за излишнее миролюбие... Может, он потому и отправился на другой материк, что иначе не избежать было возвращения на Заоблачный кряж?...

«Косатка» шла почти прямо по ветру. Длинные морские волны неторопливо догоняли корабль, приподнимали его на своих спинах, подхватывали и некоторое время несли, а потом уходили вперёд, шипя и вспениваясь под форштевнем. Волкодаву казалось, будто всё его нутро превратилось в кисель и кисель этот ворочался из стороны в сторону в кожаном мешке тела, приливая то к голове, то к ногам. Трудно было даже думать: стоило попытаться на чём-то сосредоточиться, и сразу делалось ясно, что на самом-то деле это не имеет никакого значения. Он попробовал прикинуть, что получится, напади кто-нибудь на него прямо сейчас. Хотелось верить, что всё-таки он сумел бы дать достойный отпор. Он знал: морскую болезнь гонят усердной работой, дружной песней и вообще любым делом, отвлекающим от безобразия, творящегося в утробе...

Вот попадём в Тин-Вилену,
упрямо сказал себе венн
, надо будет сначала разузнать поподробнее, что делается в горах. Нечего лезть туда
наобум!...

Ещё надо будет объяснить Эвриху то, что он понял про Йарру. Волкодав положил себе сделать это сразу, как только соберётся с силами. Эврих учён говорить. Может, исхитрится втолковать парню, как надо жить, чтобы умерший отец в самом деле радовался на небесах... или на вершине Харан Киира, где пляшет над снегами зелёная радуга...

С этими мыслями Волкодав начал сползать не то чтобы в сон – в какое-то дурнотное полубеспамятство, когда человек отчётливо слышит всё происходящее вокруг, но ничего по этому поводу не предпринимает и даже не открывает глаз посмотреть. Ему просто не хочется. Он не пошевелился, когда на его лицо легла тень. Склонившийся над ним человек не нёс в себе никакой опасности, а значит, незачем было и внимание на него обращать.

– Волкодав, спишь? – раздался осторожный голос Эвриха.

– Нет, – сказал венн. – Не сплю.

Он знал, что Эврих отлично видит его состояние, но состояние было противным и унижительным, и что-то в душе (называвшееся, вероятно, глупым мальчишеством) заставляло из всех сил прикидываться, будто на самом деле всё хорошо.

– Я тут для тебя подарок припас, – заговорщицки прошептал учёный аррант.

Пришлось поднимать ресницы и нехотя шуриться против света, ибо глаза, как всегда, когда Волкодаву бывало худо, от солнца немилосердно слезились. Эврих держал в руках туго завязанный прямоугольный мешочек, искусно сшитый из рыбьей кожи, не боящейся влаги. Аррант развязал тесёмки движением ярмарочного фокусника, вынимающего пёстрые платки из пустого горшка. Волкодав слишком отупел от мучительной качки и даже не сразу понял, что именно появилось из раскупоренного мешочка.

Это была книга. Книга в саккаремском переплёте из тонких дощечек, обклеенных высушенными листьями болотного сарсана: вырастая, такой лист обзаводится страшными роговыми шипами, но если сорвать его только что вылупившимся из почки и подвесить в тени, он остаётся гладким и упругим, словно берёста. У Волкодава стукнуло сердце: он узнал корешок.

«Начертание стран, земель и народов, Зелхатом Отринутым в Чирахе на закате земных дней его составленное, сиречь записанное со слов многих отважных и достославных людей, обозревших своими глазами отдалённые края подлунного мира...»

Так вот почему книжки не оказалось на месте, когда, немного подзаработав у Стоума, он вновь посетил торговца и долго общаривал взглядом лоток, старательно не замечая усмешки хозяина. Он, помнится, ни слова Эвриху не сказал. И Эврих ничего не стал ему говорить.

Венну не понадобилось даже заглядывать в перечень глав: он и так помнил страницу, где начинался одиннадцатый раздел, повествовавший о Самоцветных горах. Он нашёл его и открыл книгу – осторожно, чтобы не повредить затрёпанный корешок. «Этот превосходящий всякое вероятие рассказ перенесён мною на долговечный пергамент со слов халисунца Синарка, проданного в подземные копи и выкупленного единоверцами из неволи...»

Эврих чуть не расхохотался, когда Волкодав поднял отсутствующий взгляд, сказал «Спасибо» и снова уткнулся в Зелхатово «Начертание». Читающий Волкодав в самом деле являл собой зрелище трогательное и смешное. Самому Эвриху, выросшему среди книг, доводилось читать и на ходу, и дожёвывая кусок, и ковыряя ногтем в зубах. Для венна письменное слово ещё оставалось святыней. Он, правда, не стал кланяться книге так, как кланялся собственному мечу, когда совершал ежедневное воинское правило. Однако вымыл руки и лицо в морской воде, подхватившей из-за борта. И разложил на коленях чистую тряпочку, на которую обычно клал хлеб. Эврих поджал ноги, плотнее закутался от ветра в кожаный плащ и стал смотреть на венна, старательно пряча улыбку.

«...Как известно, всю среднюю часть нашего материка, именуемого аррантами Западным, занимает горный край, труднопроходимый и малонаселённый. Край этот изобилует достославными чудесами, и я решаюсь утверждать, что не все смущающие разум известия, приносимые оттуда путешественниками, объясняются лишь воображением бывалых людей, усугублённым тяготами дальней дороги, затрудняющими подтверждение истины. С другой стороны, многое, вполне подлежащее разумному истолкованию, приобретает в рассказах очевидцев черты и свойства столь баснословные, что затруднительно бывает отделить правду от вымысла и уяснить, о чём же в действительности идёт речь...»

Волкодав читал медленно, шевеля губами и водил пальцем по строкам. Три года назад, выучившись грамоте, он сделал для себя удивительное открытие. Он был потрясён, заметив однажды, что учёные люди, оказывается, умели составить суждение о книге и не прочитывая её от корки до корки. Тому же Эвриху стоило порой бегло пролистать пухлый том, заглянуть туда и сюда и задержаться на странице-другой, чтобы решительно заявить: «А!... Это повествование о любви, написанное последователем аррической школы. Ему неплохо удаются картины морских переходов, но читать всё равно не стоит, потому что действие происходит в Афираэну, а он там никогда не бывал. Да и герои только и делают, что ссорятся, как торговки на овощном рынке...»

Волкодав долго размышлял о том, как же это так получается, и наконец придумал сравнение. Ему самому достаточно было посмотреть, как человек спускается по лестнице или ест яблоко, и он уже знал, чего от него ждать в рукопашной. А вот Эврих ничего не мог определить, пока не получал кулак в рёбра. Видно, по части умения управляться с книгой дело обстояло наоборот...

– Йарра, я давно хотел спросить тебя, – сказал Эврих. – Мне доводилось неоднократно читать о том, что будто бы где-то в горах Заоблачного кряжа затерялся некий древний, очень древний чудотворный храм. Он якобы стоял там ещё до Сошествия Ночи, а потом был то ли погребён под обвалами, то ли сам провалился в разверзшиеся глубины. Во всяком случае, больше его не видали и никто теперь даже не помнит, во имя каких Богов он был возведён... Но, повторяю, это суждение я составил по книгам, а их пишут люди, вовсе не чуждые ошибок и заблуждений. Скажи, не сохранилось ли у вас в горах каких-нибудь легенд?...

– Нет, – растерянно ответил Йарра. – То есть я не знаю. Отец ни о чём таком мне не рассказывал...

«Начнём с того, – продолжал читать Волкодав, – что многие народы, не исключая даже самые непросвещённые, связывают со срединными горами нашего материка легенду об ужасном бедствии, некогда постигшем сей мир. Одни племена называют это бедствие Великой Зимой,

другие – Гибелью Солнца, третьи – Пожирающей Ночью и так далее. Все они повествуют о тёмной звезде, посланной Богами как воздаяние за людские грехи...»

Вот тут Зелхат определённо дал маху. Волкодаву сразу захотелось перечитать возмутившие его строки вслух, чтобы мог слышать Эврих, а потом рассказать арранту, как оно было на самом деле. Он покосился на Эвриха и передумал. Ну уж нет. Эврих, может, ничего и не скажет, но про себя наверняка посмеётся. Варвар, вздумавший перечитать Зелхату Мельсинскому!...

Венн нахмурился. Раньше, пока он не знал грамоты и не читал книжек, он за собой такого не замечал. Рассказывать о явившемся на ум и выяснять истину!... Мысли, даже и дельные, следовало держать при себе, ибо молчание – золото. Постиг нечто, показавшееся разумным, и молчи, и какое тебе дело до чужих мнений!... А чтобы жгуче хотелось поделиться своими соображениями и было боязно – станут ли слушать?...

Вот что делает с человеком учёность.

...Но ведь не несла она никакого воздаяния за людские грехи, та лишённая света звезда. Потому что не было ещё на людях никакого греха. Не было тогда зла в мире. Маленький ребёнок родится чистым и добрым: хищное зло входит в него извне, если не уследить. Вот так же и мир, порождённый Великой Матерью Живой. Он был светел и благ и полон любви. Могла ли в нём сама по себе завестись какая-то нечисть?!. Недобрая звезда прилетела издалека, из-за края Вселенной, – осколок какого-то страшного мира, лопнувшего, точно гнойный нарыв, от избытка непомерного зла. И с нею, точно принесённая ветром зараза, проникли на землю жестокие и злобные Существа, получившие прозвание Тёмных Богов...

Волкодав подозрительно глянул на Эвриха и стал читать дальше.

«Эта звезда ударила в земную твердь и премного поколебала её, повсеместно вызвав огненные извержения, потопаы, бури и гибель всего живого, превеликой жалости достойную.

Просвещённейший Аледан, Салегрин Достопочтенный и Безымян Велиморец сходятся во мнении, что ядро тёмной звезды состояло из плотного камня, а может быть, из металла. В этой книге мне уже случалось писать о небесных камнях и оплавленных иномировым огнём кусочках железа, коим поклоняются кочевники Вечной Степи. К большой скорби нашей, учёным нынешних дней остаётся только гадать об истинной природе предвестницы Ночи. Если обобщённые нами сведения хоть в какой-то мере правдивы, следует предположить, что каменное ядро звезды пробило корку твёрдых пород, прикрывающих, как известно, палящий огонь земных недр, и глубоко погрузилось в горнило Предвечного Кузнеца, чтобы растаять в нём без следа. Горный край, коему посвящена эта глава, таким образом предстаёт нашему взору неким подобием шрама, оставленного на земной груди небесной стрелой. Вот по какой причине породы, образуемые осаждением мельчайших частиц, столь причудливо перемешаны здесь с теми, что обычно исходят, как лава, из разверстых жерл огненных гор...»

Это было уже больше похоже на дело, и Волкодав наполовину простил Зелхату возмутительную чушь с предыдущей страницы. То есть лучше бы старик, конечно, сразу писал о том, что действительно знает, и не марал дорогого пергамента чьим-то бесстыжим враньём. Но и на том спасибо, что всё-таки добрался до сути...

Строчки вдруг поплыли перед глазами, а желудок унизительно и противно поднялся к самому горлу. Чтение странным образом усилило морскую болезнь. Волкодав поспешно прижал пальцем место на странице, которого успел достиг, и невидяще уставился на горизонт, стараясь дышать поглубже. Он-то думал, книга поможет ему не думать о качке, а вышло наоборот. Тем не менее оторваться от Зелхатова труда венн не мог, и пускай Владыка Вод наказывает его как хочет. Ему упорно казалось, будто он вот-вот вычитает нечто очень важное. Он дождался, пока нутро худо-бедно улеглось на своё природное место, и снова опустил глаза к книге.

«... Следует упомянуть и об иных последствиях столкновения с тёмной звездой, гораздо более вопиющих к деятельному рассудку, нежели простое нахождение в одном месте разновидностей камня, обычно между собою несочетаемых. Отважimsя подробнее описать хотя бы одно из этих последствий. По сторонам упомянутого нами горного края местными жителями издавна разведано некоторое число ущелий, называемых ими Вратами Велимора. Прошедший этими ущельями попадает в страну, чьи границы проходят как раз по предгорьям внешних хребтов. Страна Велимор сильна, изобильна и благодатна, и ни у кого нет причин подвергать сомнению её существование. Замечательное же свойство её, превеликого удивления достойное, есть то, что иными путями, кроме как через вышеозначенные Врата, попасть в неё невозможно. Путник,

намеренно или случайно ошибившийся ущельем, узрит лишь могучие обледенелые кряжи, населённые нелюдимыми горцами, слыхом не слыхавшими ни о каком Велиморе...»

Тут Волкодава снова скрутила отвратительная дурнота, и он откинулся на палубу, пряча лицо в тень. Так бывает, когда отравишься. Тоже делается невозможно думать ни о чём, кроме протухшего сверху донизу живота... Волкодав сделал над собой усилие и продолжал размышлять. Что касается Велимора – пока всё было правдой. Там, в горном краю, мир действительно странным образом...

раздваивался

. Это знали все, но объяснять не брался никто.

А что же Беловодье?...

– ударило вдруг Волкодава. Веннские легенды рассказывали, как Боги, сами едва не погибшие от вселенской беды, обособили счастливую страну и укрыли в ней добрых и справедливых, ибо не питали должной уверенности, что сумеют спасти гибнувший мир. Так не могло ли случиться, что Беловодье стало быть в одно мгновение с Велимором? В то самое мгновение, когда мир раздвоился и растроился, точно отражение луны в зрачках запойного пьяницы?... Вот только луна, стоит пьянице протрезветь, вновь оказывается на небе одна, а миры, выбитые друг из друга непредставимым ударом, так и остались?... Волкодав задумался, знал ли о Беловодье Зелхат, и решил, что скорее всего знал, хотя, может, и называл другим именем. Такому учёному человеку да оставить без внимания чудо Богов?... Венн положил себе прочитать все двести пятьдесят четыре страницы, но упоминание о Верхнем Мире, если только оно имелось в книге, найти. Ещё он подумал о том, что Зелхат, несомненно знавший про Беловодье, вполне мог намеренно ничего о нём не писать. Здесь, внизу, вообще старались пореже упоминать о Вратах в другой мир. Взять хоть Эвриха, долго не смеявшего посвятить в свою тайну даже лучших друзей... Почему?... Опасались ввести в искушение властолюбивых правителей, могущих перехватить беловодских посланцев, и не в меру усердное жречество, способное подрезать крылья взыскующим Врат?...

Нутро почти совсем успокоилось. Волкодав поразмыслил ещё немного и пожалел, что так и не удосужился поговорить обо всём этом с Тилорном. Лёжа на тёплой палубе, венн попробовал вспомнить рассказы звёздного странника о его путешествиях. Пепельноволосый мудрец как-то говорил ему о безжизненных глыбах, носившихся в пустоте. Глыбы поперечником в целый материк (Волкодав пытался представить себе нечто подобное, но безуспешно) бывали каменными и железными, совсем как в Зелхатовой книге. Другое дело, пустота, по словам Тилорна, была божественно велика, а посему летучие глыбы встречались не чаще, чем тараканы во шах у опрятной веннской хозяйки. А ещё – и уж этого Зелхат, ни разу не странствовавший между звёзд, знать, понятно, не мог! – плоть иных глыб составляли гигантские скопища льда. Тилорн, правда, нёс что-то в том духе, будто в небе летала не обычная смёрзшаяся вода, а нечто вроде воздуха, обращённого в лёд на лютом морозе... Тут уж он, само собой, завирался. Волкодав помнил, как от зимнего холода, бывало, рассыпалось железо. Но чтоб воздух!...

Память, впрочем, немедля подсунула ему зверский холод горных вершин, откуда до звёзд, вообще говоря, легко можно было доплунуть. И то, как отчаянно трудно дышалось на замороженных ледниках. Он внутренне заколебался: а если действительно?...

...Так вот, когда ледяные глыбы попадали в горячее сияние солнц, они мало-помалу подтаивали, обрастая радужными хвостами холодного пара. Люди, жившие около солнц, видели эти хвосты и очень пугались, усматривая дурное знамение. Как утверждал Тилорн, большей частью страх оказывался беспочвенным. Но если такой ледяной звезде суждено было врезаться в обитаемый мир, дел она наделать могла не хуже каменной глыбы. Или, пронось мимо, задевала земной воздух своим хвостом, и от этого мог распространиться всяческий мор...

Тут Волкодава едва ли не впервые посетила крамольная мысль –

а может, стоило всё-таки взять Тилорна сюда?... Ну уж нет, оборвал он себя самого. Хлопот полон рот и с одним Эврихом. Не говоря о мальчишке...

Молодой аррант, точно подслушав его мысли, нагнулся со скамейки и лукаво тронул Волкодава за плечо.

– Друг венн! – сказал он жизнерадостно. – Хлебца с салом не хочешь? Может, хоть огурчика солёного пожуёшь?... Или у Астамера свежего молочка для тебя попросить, ты ведь, кажется, любишь?...

Это оказалось последней каплей. Позеленевший Волкодав торопливо сел, стукнувшись головой о скамью, потом кое-как встал, хватаясь за доски, и свесился через борт...

Когда он возвратился с истоков Светыни, где, оказывается, не помнили родовых знаков Серого Пса, старый мастер Варох сначала даже забеспокоился: уж не вконец ли разучился венн говорить?... Эврих, Ниилит и Тилорн в это время путешествовали по Аррантиаде, наслаждаясь учёностью Силионских и иных мудрецов. Делать нечего, деду с внучком пришлось допрашивать Волкодава самим.

«Почему к своим не едешь? – в конце концов сказал венн старику. – К сегванам?»

«Да что я у них потерял!... – удивился Варох. – Я уж и забыл, как там жить-то, на Берегу! И Зуйко... кровей в нём сольвеннских на три четверти... обжился вроде, вон как от зари до зари с ребятами бегают... и мне что ни день работу несут, только поспевай поворачиваться... зачем куда-то срываться?»

«Значит, тут остаёшься?» – как бы что-то окончательно прикидывая про себя, спросил Волкодав.

«Остаюсь», – заверил Варох.

«Тогда посоветуй, дед, кто мне телегу с конём взаимы дать не поскаредничает».

«А тебе зачем?» – не понял старик. Не извозом же, в самом деле, Волкодав решил промышлять!

«Дом построю, – объяснил венн. – Хватит обременять добрых людей».

Они ведь так и жили вблизи Врат, в большом поселении, чьи обитатели с незапамятных пор приняли обет помогать вырвавшимся из Нижнего Мира.

«Большой дом, – продолжал Волкодав. – Чтобы и тебе с внучком... и этим, если в Аррантиаде совсем про нас не забудут...»

«А тебе?» – забеспокоился Варох. Он достаточно хорошо знал венна. С него станет возвести дом, а на другое утро сложить котомку и уйти не сказавши куда.

«И мне», – кивнул Волкодав.

«Ты ранен был...» – забеспокоился Варох.

Венн кивнул:

«Был».

В день, когда большой аррантский корабль принёс вернувшихся путешественников, он как раз додельвал крышу, Варох пропитывал маслом и воском резную конскую голову, а Зуйко с друзьями прилаживали на заднюю часть охлупня длинный мочальный хвост.

Волкодав всё сделал, как надлежало. Сам, своими руками перенёс в новую избу юного Домового, решившего отселиться от батушки. Станет Домовой присматривать за жильём и людьми и со временем, заматерев, делается похож на хозяина дома. На кого?... На Вароха? На Тилорна, чью свадьбу с Ниилит они под этой крышей справляли? На самого Волкодава?...

Теперь, по прошествии месяцев, венн вспоминал избу, ждавшую его в Беловодье, и пытался думать о ней: мой дом. Почему-то не получалось. Может быть, оттого, что в той беловодской избе обитала совсем другая любовь. А его дом, кажется, так навсегда и остался между лесистыми холмами, через Светынь от разорённого Людоедова замка, и жили в нём теперь чужие люди. Волкодав знал, что прежняя душа удалилась оттуда и плыла впереди, маня его, как мираж. В Беловодье он попробовал овеществить её, но не совладал. Удастся ли когда-нибудь?...

Тропинка между кустами малины, утопанная босыми ногами детей. Большой пушистый пёс, спящий на обогретом предвечерним солнцем крыльце. Женщина, выходящая из дома с полотенцем в руках. Эта женщина прекрасна, потому что любима. Он идёт к ней, отряхивая стружки с ладоней, но никак не может рассмотреть лица.

Пока он знает только, как она выглядела, когда ей было десять лет от роду. Какой красотой наградят её Боги, когда она подрастёт?...

Виллы не могли долго следовать за кораблём, благословляя его парус попутным ветром. Могучие симураны не любили открытых морских пространств, где не сыщешь для отдыха даже голый скалы. Да и тучами над океаном повелевали свои особые Силы: вторгаться в чужие пределы было вряд ли разумно. Напоследок жених и невеста пригнали кудрявое белое облако, взбитое ударами воздушных потоков. Облако промчалось над быстро бежавшей «косаткой», облив её весёлым крупным дождём (Волкодав, зачитавшись, в очередной раз утратил бдительность и не успел спрятать книгу в чехол – пришлось укрывать её под одеждой). Дождь как бы вымыл из воздуха последние запахи суши, оставив пронзительно чистую, сверкающую голубизну. Нужна была вовсе обросшая волосами душа, чтобы не возликовать при виде этого неба и густо-синих волн,

коронованных белыми шипящими гребнями. Потом ветер начал слабеть. Волкодав проводил мысленным взором две крохотные чёрные точки, повернувшие в сторону берега. Счастливы вам, безгрешные летуны. Пусть подольше обходит вас злоба и жестокость людей. Пусть ваше племя не возжелает спасения за Вратами и не осиротит своим исходом сей мир, унеся с собой ещё частицу добра...

Между тем Астамер, у которого больше не было повода переживать и ругаться из-за «неправильного» ветра, опять выглядел недовольным. Начало путешествия казалось ему уж слишком удачным. Если верны были Астамеровы многолетние наблюдения, первый лёгкий успех обычно оказывался не к добру. Вот и теперь: зря, что ли, тяжкой шапкой висела над северным краем небес пологая стена облаков?... С виду эти облака выглядели вполне безобидными, но Астамер, родившийся на палубе корабля, слишком хорошо знал, какой шторм может внезапно упасть с любого из его родных островов... Упасть – и загнать неудачливое судно не то что в Аррантиаду, но напрямик в южный Нарлак или даже в Халисун, где прибрежные жители издавна промышляют разграблением кораблей, выброшенных на песчаные мели!...

Когда ветер скис окончательно и бодро катившиеся волны стали делаться всё более гладкими и ленивыми, Астамер велел прятать парус и отвязывать вёсла.

Купить место на сегванской «косатке» – далеко не то же самое, что оплатить проезд на аррантском торговом судне. Там путешествующий получает за свои деньги клетушку в недрах пузатого трюма – и до конца плавания может хоть совсем не выходить из неё на палубу, если нет желания и нужды. Никто не погонит его на мачту убирать рвущийся из рук парус и не прикажет грести тяжёлым веслом. На «косатке» совсем иные обычаи. Место на «косатке» – это скамья, расположенная поперёк корабля, от срединного прохода до борта, и при ней расстояние до следующей скамьи. Над головой – небо, за бортом – близкая вода. На каждое место положено четыре крепких руки. Так что думай как следует, прежде чем отправляться за море вместе с сегванами. Если не годишься грести – «вращать вёсла», как выражаются мореплаватели, – ищи себе другое судно и других попутчиков, таких же изнеженных и мягкотелых.

– Приличные люди вообще-то нанимают гребцов и деньги им платят, – вполголоса ворчал Эврих, просовывая длинное еловое весло в гребной люк и устраивая ладони на рукоятки. – А мы за свои кровные ещё и работай, как каторжники!...

– Не болтай попусту, голоногий! – тут же оглянулся с соседней скамьи широкоплечий Левзик. – Это только вы, нечестивые арранты, сажаете на вёсла прикованных каторжников, потому что сами уже ни на что не способны. А мы, свободные мореходы, от века освобождаем раба, причастившегося священной работы!

– Освобождали когда-то, – бесстрашно фыркнул Эврих. – Лет этак двести назад!

Волкодав безо всякого одобрения слушал их разговор. Про таких, как Эврих, в его племени говорили, что он ради красного словца не пожалеет мать и отца. Лихой и дерзкий язык уже не впервые грозил довести Эвриха до беды, но грамотей всё не унимался. Волкодав только вздохнул, когда сегван повёл себя так, как и полагалось чтущему обычаи жителю Островов: передал весло Гарахару и грозно полез через скамью. Сейчас возьмёт Эвриха за грудки и будет некоторое время свирепо сопеть. Потом выскажет всё, что он думает об аррантах вообще и об Эврихе в частности, да в таких упоительных выражениях, что Йарре лучше бы совсем их не слышать, даром что по-сегвански мальчишка ни уха ни рыла. А если у Эвриха достанет ума пустить в ход своё не слишком надёжное кан-киро и тем озлить Левзика уже вконец, руганью дело может не ограничиться...

И что, спрашивается, за доблесть – дразнить человека, с которым тебе ещё не один день жить на соседних скамьях?...

– Эй! Вы там!... – рявкнул с кормы Астамер. – Живо на вёсла!...

Приказ старшего на корабле – священный закон. Рыжий сел, напоследок одарив Эвриха убийственным взглядом. Эврих ответил ядовитой улыбкой, а Волкодав подумал, что молодой аррант в чём-то был прав. Ибо в седой древности, когда на «косатках» действительно

освобождали пленников, по какой-то причине оказавшихся при весле, – в те поистине легендарные времена ни один мореход не стал бы переругиваться с соседом, ляпнувшим неуклюжее слово. Тогдашние островные сегваны вообще считались молчунами ещё хуже веннов. А всё потому, что понимали: на маленьком корабле посреди огромного моря некуда деться от человека, с которым сдуру поссорился. Лучше уж всей ватагой застегнуть, как гласила сегванская мудрость, рты на пуговицу – и пореже их раскрывать!

Между тем подле Астамера появился молодой парень с пятиструнной арфой в руках. Гребцы сразу увидели его и одобрительно загудели. Работа на вёслах могла быть нудной, выматывающей и действительно похожей на каторжную. Совсем другое дело, когда звучит песня! Так и с ритма легче не сбиться. Не зря островные сегваны издавна славились как опытные стихотворцы и почти непревзойдённые песенники. Волкодав сразу вспомнил весёлого Авдику, вокруг которого неизменно собиралась на привалах вся ватага охранников. И его отца – Аптахара, совсем безголосого, но ничуть не стеснявшегося громко петь даже в присутствии кнесинки...

Парень ударил по струнам, и гребцы, большей частью сегваны, разразились восторженным рёвом, услышав знакомый мотив. Волкодав тоже знал эту песню. Насколько ему было известно, её сложили ещё во времена Последней войны.

Голос у молодого певца оказался на диво сильным и звонким. Гребцы сразу принялись подпевать, но арфиста было отчётливо слышно даже сквозь рёв полусотни лужёных глоток.

Привыкший сражаться не жнёт и не пашет:
Хватает иных забот.
Налейте наёмникам полные чаши!
Им завтра – снова в поход!

Он щедро сулил, этот вождь иноземный,
Купивший наши мечи.
Он клятвы давал нерушимее кремня,
Верней, чем солнца лучи.

Сказал он, что скоро под крики вороньи
Завьётся стрел хоровод,
И город нам свалится прямо в ладони,
Как сочный, вызревший плод...

Йарра, сидевший на палубе рядом с Волкодавом, долго оглядывался на самозабвенно горланивших мужчин, и робость в его глазах постепенно сменялась восторгом. Почти все корабельщики были кряжистыми, в плетёных канатах мышц, у многих по загорелой коже тянулись белые шрамы, полученные в давних сражениях. Если Волкодав ещё не ослеп, мальчишка думал о том, что совсем скоро примкнёт к народу отца и окажется среди таких же испытанных удальцов. Сумеет ли он когда-нибудь войти в их круг не по праву рождения, а по настоящему, как равный?...

Йарра не понимал, про что песня, однако улавливал общее настроение и впитывал его, как губка тёплую воду.

Там робкое войско и слабый правитель,
И обветшала стена,
А звонкой казны – хоть лопатой гребите,
И век не выпить вина!

Мы там по трактирам оглохнем от здравец,
Устанем от грабежей
И славно утешим весёлых красавиц,
Оставшихся без мужей!...

Волкодав был, кажется, единственным, кто не пел. Иногда он оглядывался на Эвриха. Среди могучих, как зубры, соседей аррант выглядел хрупким. Однако грёб он плавными, мощными движениями опытного «вращателя вёсел», и это было сразу заметно.

Йарра дотянулся губами к уху венна и шёпотом спросил:

– О чём они поют?

– О наёмниках, – сказал Волкодав.

– Они были героями?

– Мой народ не называет героями тех, кто срывает украшения с одних женщин, чтобы подарить их другим.

Йарра немного помолчал, потом спросил:

– Что же они совершили, раз про них так долго поют?

– Двести лет назад штурмовали Хоррам... это город в северном Халисуне, – ответил Волкодав.

– Вождь пообещал сегванским наёмникам лёгкий бой и много добычи, а вышло совсем по-другому...

...Когда перед нами ворота раскрыли,
Мы ждали – вынесут ключ,
Но копьё сверкнуло сквозь облако пыли,
Как молнии из-за туч!...

Нас кони втоптали в зелёные травы,
Нам стрелы пробили грудь.
Нас вождь иноземный послал на расправу,
Себе расчищая путь!

Смеялись на небе могучие Боги,
Кровавой тешась игрой.
Мы все полегли, не дождавшись подмоги,
Но каждый пал как герой!

Давно не держали мы трусов в отряде -
На том широком лугу
Из нас ни один не просил о пощаде,
Никто не сдался врагу!

Другие утешили вдов белогрудых,
Сложили в мешки казну.
А мы за воротами сном беспробудным
Которую спим весну!...

– Глупые наёмники, – фыркнул Йарра. – Разве можно верить всему, что тебе обещают! Я бы нипочём не поверил!

Волкодав чуть не ответил, что такие слова некоторым образом звучали поношением отцу самого Йарры. Тот ведь тоже прельстился чыми-то лживыми посулами и доверчиво отправился

на Змеев След, не вызвав как следует, что это за место. Потому и угодил в западню почти такую же, как несчастные сегваны два века назад. Только они, в отличие от злополучного горца, не потащили с собой на смерть жён и детей.

– Те наёмники несправедно жили, – сказал Волкодав. – Но умерли честно и храбро, не отступая от клятвы. Поэтому про них и поют.

– Я надеюсь, – мечтательно проговорил Йарра, – я успею стать воином к тому времени, когда мы наконец пойдём резать шанов. Мы сделаем всё не так, как они. Нас никто не сумеет перехитрить!

Волкодав промолчал. Речи юного итигула ему определённо не нравились. Парень с арфой словно подслушал его мысли и довершил песню:

Погибель отцов – не в науку мальчишкам:
Любой с пелёнок боец!
Брошаются в пламя, не зная, что слишком
Печален будет конец.

Жестокую мудрость, подобную нашей,
Постигнут в свой смертный час...
Налейте наёмникам полные чаши!
Пусть выпьют в память о нас!

Когда стихло громогласное пение, Йарра любопытно спросил:

– Они что, так все и погибли? Никого не осталось?

– Никого, – сказал Волкодав.

– А что было потом? После этого боя?...

– Иди сюда, малец, я тебе всё расскажу как оно было! – позвал Левзик. На сей раз он говорил по-нарлацки. – Неча слушать враки всякого венна!... Что он понимает в сражениях?

– Давай, Левзик! – поддержал Гарахар. – Ври лучше ты, у тебя складно выходит!

Йарра умоляюще вскинул глаза. Волкодав молча пожал плечами:
ступай, если охота.

Йарра даже не стал обходить скамью – юркий и гибкий, как ящерица, он нырнул прямо низом и выкатился между ног у сегвана, чем вызвал взрыв добродушного хохота. Откуда ему было знать, что у жителей Островов примерно таким образом принимали в семью. Только сидеть на месте гребца следовало бы старшей женщине рода.

– Те ребята и вправду погибли все как один, – начал рассказывать рыжий Левзик. – Я мог бы всех перечислить, поскольку брат одного из них был моим предком. Но мы не помним, как звали вождя, который бросил их под вражий удар. Это был плохой, неудачливый кунс, а значит, незачем и сохранять его имя. Как говорят старики, он собирался захватить ещё город-другой, основать небольшую державу и со временем прибрать к рукам весь Халисун. Может, у него бы что-нибудь и получилось, ведь тогда происходила большая война и нигде не было крепкой власти. Но так вышло, что он вдруг умер всего через полгода, и люди рассказывали, будто его смерть была странной. Как ты думаешь, паренёк, что с ним случилось?

– Его, – твёрдо заявил Йарра, – убил твой пращур и другие родичи тех, кого он предал на смерть. Это долг крови, и я слышал, будто вы, сегваны, всегда его отдаёте!

Левзик и гребцы на ближних скамьях снова захохотали.

– Тебя, краснозадый, выбелить бы в коровьем навозе, и получился бы отличный сегван!... – сказал Гарахар.

Йарра улыбался, польщённый.

– Мы в самом деле отдали долг, – продолжал Левзик. Весло в его руках между тем взмывало из синей воды, уносило, роняя капли, за спину и опять погружалось, бросая вперёд тяжёлый корабль. – Нелегко было это сделать, ибо в дом вероломного кунса сегванов более не пускали.

Тогда мы собрали деньги и отдали их убийце из клана Безликих... Но не думай, малыш, что это была месть чужими руками. Когда Безликого спрашивают, кто он такой, он отвечает: «Никто». Это значит, что он лишь телесное выражение воли пославших его, продолжение их возмездия... Понимаешь, о чём я говорю?

Йарра важно кивнул:

– Понимаю.

– Тот Безликий, которого мы наняли, он ещё и был когда-то сегваном. Прежде чем стать Безликим, я имею в виду. Он даже взял с нас не так дорого, как они обычно берут. А потом проник в дом вероломного кунса и подсыпал ему в еду волокон одной травы, растущей, как говорят, только на островах Меорэ, где из недр изливается ядовитый огонь. Мы слышали, кунс страшно мучился, когда выпускал дух. Это была позорная смерть.

Йарра радостно согласился:

– Ещё какая позорная!...

– Дельфины! – закричал кто-то с левого борта. – Дельфины!

Весь корабль повернул головы посмотреть, не исключая и сидевших на вёслах.

Пять гладких серо-белых тел то скользили в хрустальной толще воды чуть ниже поверхности, то взвивались в воздух, чтобы, пролетев несколько сажений, с шумом и брызгами обрушиться обратно в волны.

– Привет вам, добрые странники! – нараспев провозгласил Эврих. – Знаешь ли ты, Йарра, откуда появились дельфины?

Йарра отрицательно замотал льяняными вихрами.

– Однажды, – поведал ему Эврих, – моряки некоего корабля узрели Прекраснейшую, выходящую из воды, и усладили свой взор Её несказанными прелестями. Это так сильно прогневало Владыку Морей, что неба видно не стало из-за Его развевающихся усов. Он уже взмахнул гарпуном, собираясь немедленно уничтожить корабль, а команду обратить в безобразных донных рыбёшек, никогда не видящих света. Но Прекраснейшая, чьё сердце чуждо обидам, упростила Владыку смягчиться. Как говорит об этом Сордий Насмешник:

Быстро подобьем могучих хвостов их украсились ноги,
И разделяться отвыкли колени, обтянуты гладкою кожей,
Руки прилипли к бокам, захотелось нырять и плескаться.

С палубы жаркой нырнули в прохладные волны
Все моряки... Вот откуда пошли в океане дельфины!

– Правду святую говорят люди: «Врёт, как аррант!»! – высунулась из-под скамьи рыжая голова Левзика. Как и сам Эврих, сегван только что передал весло напарнику и теперь отдыхал, валяясь на палубе. – У вас, голоногих, только и разговоров, что про Прекраснейшую и других баб!

Эврих не задержался с ответом:

– По мне, лучше воспевать женскую красоту, чем убийства и сражения, как ваши сказители...

– Наши сказители, – рявкнул Левзик, – гораздо лучше ваших! Ваш Царь-Солнце когда-то правил половиной населённого мира, а где он теперь? Ему и свои-то города не особенно подчиняются! Мы же, сегваны, родившиеся на маленьких островах, скоро будем обладать всем тем, что вы потеряли! Вот куда ведут нас наши сказания!

Он свирепо топорщил кудрявую бороду, но Волкодав, сидевший на весле, больше не опасался, что арранта вот-вот придётся избавлять от расправы. То, что происходило, было обратной стороной молчаливости мореходов. Шуточная перепалка, в которой не принято обижаться, даже если тебя прилюдно смешивают с дерьмом. Болтай что угодно, лишь бы от души хохотали и веселились все, кто вместе с тобой взялся измерять грозное море на крохотной деревянной скорлупке и неизвестно, выберется ли на берег живым.

Если тебя втянули в подобную перебранку – считай, приняли за своего. Понял ли это Эврих, Волкодаву знать было неоткуда, но вот смутить учёного арранта оказалось вправду непросто. – Великие державы суть прах! – назидательно сообщил он Левзику. – Я слышал, длиннородый Храмм советовал поменьше гоняться за властью и земными благами и больше заботиться о возвращении славы, способной пережить людей и народы!

Йарра заворожённо смотрел то на одного, то на другого. Со дня гибели матери и отца никто не разговаривал с ним так много, ни от кого он не узнавал сразу столько важного и занятого.

Теперь странно было вспомнить, как поначалу, только попав на этот корабль, он всех боялся и не смел ни на шаг отойти от своих спутников. Если так пойдёт дальше, под самый конец путешествия ему, чего доброго, дадут даже постоять на носу!...

– Храмм ещё говорил, – сказал Левзик, – что славу добывают деяниями, а не пустой болтовнёй. Вот слушай, малец, откуда на самом деле берутся дельфины. У Повелителя Глубин есть жена, чьё имя столь же священо и непроизносимо. Верные люди называют Её почтительным прозвищем: Бездна...

– Что можно истолковать очень по-разному... – вставил Эврих. На всякий случай он произнёс это вполголоса, однако люди услышали, и от хохота у гребцов чуть не вывалились вёсла из рук. Самым осторожным, усмотревшим в словах Эвриха излишне дерзкий намёк, велели протереть глаза и увидеть, как улыбается море. Неужто Богиню, породившую столь многие жизни, обидит восхваление Её женского естества?...

– Так вот, Бездна каждый день раскидывает по Своим владениям предивную сеть, – продолжал Левзик, когда хохот утих. – В эту сеть попадают отважные воины, павшие в морских боях. Их тела не познали объятий погребального пламени, а значит, достойные души не могут пока вознестись в Обитель Храмна, за пиршественные столы.

Йарра кивнул с полным знанием дела. На его родине бытовали сходные представления.

– Милостивая Богиня дарует им плоть и облик дельфинов и посылает присматривать за нами, мореплавателями. Оттого и бывает, что они спасают терпящих кораблекрушение. И ещё, – тут Левзик победно покосился на Эвриха, – ни один островной сегван, даже помирая от голода, никогда не обидит дельфина. В отличие от всяких там голоногих!...

– Волкодав великий воин, – сказал Эврих юному итигулу.

– Волкодав очень хорошо дерётся, – степенно подтвердил Йарра. – Я видел. В «Зубатке», когда приходили выгонять его вон.

Венн грёб, слушая их разговор, и на всякий случай помалкивал. Он не сомневался, что Эврих готовился в очередной раз над ним подшутить.

– Я не о том, – сказал молодой аррант. – До сегодняшнего дня он ни разу не вращал весла на «косатке», а посмотри, как гребёт! Надо быть великим воином, чтобы вот так сразу постигнуть незнакомое дело!...

Йарра подлез под руки Волкодава, устроился рядом с ним на скамье и повторил, как о заветном: – Я тоже стану великим воином и пойду среди мужей, когда Элдаг Быстрый Клинок поведёт нас истреблять шанов... да исчезнет их имя из разговоров мужей! Мы очистим от них нашу священную землю и не оставим никого, способного продолжить мерзостный род! Вождь Элдаг носит старинный кинжал с рукоятью из бирюзы. Если время от времени не смачивать её шанской кровью, бирюза начнёт трескаться и тускнеть...

Волкодав, почти весь день упорно молчавший, при этих словах неожиданно спросил его:

– А ты хоть раз видел поселение, вырезанное до последнего человека?

– Нет, – озадаченно ответил Йарра, – не видел, но когда мы...

– А я видел, – перебил венн. И слышалось в его голосе нечто такое, отчего воинственный маленький горец вмиг понял: надо сидеть смиренно и слушать. И головой по сторонам не вертеть, даже если опять появятся дельфины. – Я был в Саккареме, когда тамошние жители восставали против своего шادا, – угрюмо и тяжело продолжал Волкодав. Он говорил на языке Шо-Ситайна, чтобы Йарра хорошо понимал его. – Шад Менучер расправлялся с восставшими безо всякой пощады. Мы с моей Наставницей забрели однажды в деревню, где накануне побывал отряд «золотых»...

– Это отборные наёмники, ближняя охрана саккаремских правителей, – тихо пояснил Эврих. Он тоже наострил уши, ибо этими воспоминаниями венн никогда с ним не делился. Эвриху вдруг подумалось, что венн вообще к себе в душу его не очень-то допускал...

– Деревня была большая и богатая, – орудуя веслом, медленно говорил между тем Волкодав. – Наверное, больше сотни дворов.

– У нас в... – начал было Йарра, но Эврих толкнул его под рёбра, и мальчик смущённо умолк.
– Когда мы с Наставницей вышли из тростников, между дворами ходило всего несколько человек, – сказал Волкодав. – Родственники и друзья из соседнего селения, пришедшие узнать, что случилось. Они не могли дать каждому умершему погребальный костёр, потому что на это во всей округе не хватило бы дров. Они выкопали возле старого кладбища одну большую могилу и свозили в неё мёртвых. Нагружали телегу, катили туда, вываливали и опять возвращались за трупами. Они толкали телегу руками, потому что лошади пугались запаха смерти. Люди сказали нам, что поначалу пытались хотя бы складывать погибшие семьи рядом друг с другом, но теперь у них и на это не было сил. Никто даже не плакал. Мы принялись им помогать...

Волкодав помолчал некоторое время. Ни на Йарру, ни на Эвриха он не смотрел.

– Мы с одним тамошним парнем, Саргел его звали, забрасывали мёртвых в телегу. Брели за руки и за ноги... если у них ещё были руки и ноги... раскачивали и взваливали наверх. Там были мужчины, женщины и грудные младенцы. Один из тех, кто с нами вместе работал, зашёл в какой-то дом и долго не появлялся. Когда мы с Саргелом туда заглянули, он сидел за столом среди мертвецов и играл с ними в кости. Смеялся, пел песни и вёл счёт выпавшим фишкам...

– Он сошёл с ума?... – робко спросил Йарра. Волкодав молча кивнул.

– Потом мы нашли девушку... – сквозь зубы сказал он погодя. – Мне тогда было двадцать лет, а ей... не знаю... пятнадцать, четырнадцать... «Золотые» насильовали её, потом перерезали горло. Лежит в луже крови... а лицо спокойное, светлое, чистое, ну вот сейчас проснётся... Надо в телегу закидывать, а Саргел вдруг прямо затрясся и говорит: погоди, мол, нельзя же с ней как со всеми, сейчас на руки подниму... Начал поднимать, а у неё голова на лоскутках кожи держалась. Так и откатилась нам под ноги. Саргел... чуть не завалился, побелел весь...

Йарра безмолвно смотрел на него. Он и сам был не румяней. Эврих тоже молчал.

– Мухи, – сказал Волкодав. – Синие мухи. Они жужжали и садились на трупы. Они не сразу взлетали, когда мы наклонялись подобрать мертвеца...

Йарра уткнулся в колени лицом и долго не поднимал головы.

Гудящее море с ветрами боролось,
По палубе брызги стеля,
Когда мы слышали сорванный голос,
Донёсшийся с мачты: «Земля!...»

В разорванных тучах проглянуло небо,
И солнце метнуло лучи,
И берег, похожий на зыбкую небыль,
Жемчужный туман облачил.

Был с нами на судне один северянин,
Он руки вперёд протянул:
«Утёсы в снегу!... Вот мой берег буранный,
Где я расцелую жену!...»

Вскричал уроженец далёкого юга,
Смолёных канатов черней:
«Я вижу пустыню! Там плачет подруга;
Мы скоро обнимемся с ней!»

И третий, с востока, заплакать готовый,

Всем телом к форштевню приник:
Он видел вдали заострённые кровли
И слышал, как шепчет тростник.

«Мой город!...» – восторженным крикам я вторил,
Неистойвой радостью пьян:
Гранитная крепость вставала из моря,
И башни пронзали туман.

Но спряталось солнце, и в отблесках молний
Седой океан опустел.
Лишь мерно катились железные волны,
Да ветер над ними свистел...

12. Всадник

Арранты любили хвастаться, будто самую первую карту начертили именно они. Может, так оно и было в действительности. Во всяком случае, родной материк Волкодава на всех картах именовался Восточным – по той единственной причине, что лежал к востоку от Аррантиады. Землю же, разделённую Заоблачным кряжем на Шо-Ситайн и Озёрный Край, всюду обозначали как Западный материк. Волкодава это, собственно, не удивляло: как ни крути, а надо же было мореходам разных стран сговориться о каких-то общих названиях, чтобы сразу понимать, о чём речь. Иначе выйдет, как с Железными горами, они же Ограждающие, они же Замковые, Замковые и неведомо какие ещё. Гораздо более странным казалось венну другое. Морские пространства к востоку и западу от Аррантиады гордо именовались Восточным и Западным океанами. Волкодав был согласен, что водную ширь, которую самый быстрый корабль пересекал несколько дней, следовало именовать отнюдь не лужей. Но и на океаны оба эти весьма обширные моря уж никак не тянули.

Он спросил об этом Эвриха. Эврих смутился:

– Видишь ли... Когда-то мы, арранты, не умели строить морских кораблей и не посещали других стран, известных нам ныне. В те времена у нас полагали, будто весь земной мир состоит из одной Аррантиады, окружённой водами вечного Океана. Мы давно оставили своё старинное заблуждение, но названия сохранились. Не знаю, достаточно ли понятно я...

– Вполне, – проворчал Волкодав. Всё же совместное плавание что-то делает с человеком, и он в кои веки раз не обиделся. Даже больше того. Кажется, на него ни разу ещё не нападало желания по своей воле, без долгих уговоров, рассказывать Эвриху что-либо о своём племени. А вот теперь захотелось. Волкодав даже спросил себя:

уж не потому ли, что это некоторым образом уравнивало его маленький народ с уроженцами великой страны?...

Он сказал: – В древности у нас тоже считали, что одни мы, венны, настоящие люди, а кто за лесом живёт, уже непонятно чьи выкормыши... Ну и что Светынь прямо на тот свет течёт, тоже... Я даже слышал, когда род кого-нибудь изгонял за злодеяния, человека сажали в лодку и отправляли вниз по реке, зажав не приставать к берегу трижды три дня. Старики думали, что после этого он причалит уже в Исподем Мире, у мертвецов...

Он сам слегка испугался собственной откровенности и наполовину ждал, чтобы аррант по своему обыкновению уколот его язвительным замечанием. Однако Эврих, сидевший на скамье, лишь согласно кивнул.

– Вот и Тилорн говорил мне о том же, – проговорил он погодя. – Много столетий назад у него на родине бытовали воззрения, схожие с вашими... и с нашими тоже... Люди от века очерчивали для себя границы населённого мира, а за его пределами усматривали чудовищ. Там тоже сперва предпочитали не доверять чужеплеменникам. Потом считали свой мир неповторимым творением Богов, избранным и единственным. И наконец поняли, что мир этот – всего лишь пылинка, летящая во Вселенной...

«Косатка» снова резво бежала под парусом, растянутым вдоль корабля. Позади осталась короткая стоянка в порту Каври, расположенном на северной оконечности Аррантиады. Несколько дней в городе прошли тихо и мирно. Горячие нравом сегваны умудрились не натворить ничего, способного привлечь внимание стражников, даже не ввязались в какую следует драку: несколько разбитых носов да покрытая ссадинами физиономия Левзика, спьяну поцеловавшего мостовую, – разве это урон, о котором следовало бы говорить?...

– Может, поэтому они там так и держатся друг за дружку, – сказал Волкодав. – Когда поняли, что пылинка.

– Совсем как мы здесь, на корабле, – подхватил Эврих. Он вертел в руках красивую походную чернильницу, купленную в одной из лавочек Каври. – Помнишь, сперва Йарре чуть уши не оборвали, когда он плюнул за борт? А теперь! Смотри-ка, Астамер его сам на нос позвал, что-то показывает...

Чернильница у Эвриха уже была, и весьма неплохая. Эту он купил больше затем, чтобы напоминала об очередном посещении «нижней» Аррантиады. И предвкушал, как откупорит её в какой-нибудь грязной дикарской лачуге, дабы составить очередное дополнение к Салегринову «Описанию», и заново ощутит себя посланцем страны божественных мудрецов.

Он задумчиво проговорил:

– Вот за это я и люблю долгие морские путешествия. Такие разные люди собираются на корабле, а пройдёт несколько дней, и все как одна семья. Из Кондара отплывали, я и то озирался: ох, думаю, рожи, с такими добра наживёшь!... А вот пожил с ними бок о бок и вижу: ничего порочного в них нет, мужественные, красивые люди. Верно ведь, друг мой?...

Волкодав попробовал вспомнить, называл ли кто-нибудь красивым его самого, но так и не вспомнил. Вот висельником и головорезом – это сколько угодно. Красивым же...

– А отношения! – рассуждал Эврих. – Поначалу ведь только и делали, что косились: на тебя – за то, что ты венн и выглядишь опасным, на меня – за то, что аррант. Да и мы с тобой на них тоже, наверно. Помнишь, как с я Левзиком цапался? А сейчас упади кто-нибудь за борт, первый вслед прыгну. И тот же Левзик, я уверен, меня выручать бросится... А, Волкодав?

Волкодав опять промолчал. Он и Эвриху-то доверял не сказать чтобы совсем безоглядно, уж какое там ораве прожжённых сегванов с выговором родичей Людоеда!...

Йарра стоял на носу корабля. И обшаривал взглядом горизонт, изо всех сил стараясь не жмуриться от ветра. Там, впереди, клубились высокие белые облака. Мальчик пытался хотя бы мысленно придать им очертания исполинских снежных хребтов, ещё незримых вдали.

Прибытие в Тин-Вилену ожидалось к вечеру следующего дня.

Тин-Вилена располагалась на крайней оконечности обширного полуострова, далеко вдававшегося в Западный океан. Полуостров являл собою не что иное, как отрог исполинского Заоблачного кряжа, не уместившегося на материке и частью сползшего в море. У берега бухты – единственной на много дней пути окрест пригодной для корабельной стоянки – с незапамятных пор существовал городок; вглубь страны от него тянулась дорога. Дорога эта вилась удобными долинами, прорезавшими горный край не иначе как по манию очень могущественных Богов. Потом однажды с острова Толми прибыли воинствующие приверженцы Близнецов и выстроили себе крепость. Последователи этой веры часто превращали в крепость всякий свой храм. Как говорили они сами, делалось это в память об эпохе гонений, когда беспощадно травили и самих божественных Братьев, и любого Их ученика. Преследований на Западном материке ждать было вроде не от кого, но замок получился неприступным и очень красивым. Под сенью его стен люди почувствовали себя в безопасности, так что город начал быстро богатеть и расти.

Тин-Вилена, чьё имя порой толковалось как «Младшая Сестра», была расположена по морским меркам совсем недалеко от острова Толми и своего старшего брата – стольного Гар-Айвана, и корабли сновали в обе стороны почти беспрерывно. Шедшие издалека – из Галирада или того

же Кондара – останавливались по пути либо в Тар-Айване, либо в аррантском Каври. Выбор зависел только от самих мореходов, поскольку никаких выгод ни северный, ни южный путь не сулил. Астамер выбрал Каври. «А не люблю я этот Тарский залив! – отвечивал он на расспросы любопытного Эвриха, удивлённого, почему ватажники, вроде ехавшие послужить Близнецам, не предприняли поклонения в великом храме острова Толми. – Земля там сплошь жёлтая, по берегу как потопчешься, на сапоги тошно смотреть: точно в дерьмо вляпался...» На самом деле решение Астамера объяснялось, конечно, причинами более вескими. После долгого морского перехода хотелось как следует повеселиться, а нравы в порту Каври были куда как попроще, чем на острове Возлюбленного Ученика. Вот и весь сказ.

...Простояв на носовой палубе добрую половину утра, Йарра неожиданно вернулся к своим спутникам, и вид у мальчика был несколько настороженный.

– Выгнали всё-таки? – посочувствовал Эврих. Йарра мотнул головой:

– Нет, я сам ушёл... Земли всё равно пока не видно, а Астамер что-то тревожится... Я решил, не буду мешать...

– Астамер, по-моему, ещё у кондарских причалов начал тревожиться, – сказал Эврих. – Тогда ему попутный ветер не нравился, а теперь что?

Ему самому шутка показалась натянутой. Всё же сидит где-то в человеке безошибочное чувство беды, и сколько ни пытайся заглушить его голос, не получается.

– Астамеру не нравятся волны, – честно пояснил Йарра. – Он смотрит на юг и ждёт шторма.

Ветер между тем тянул как раз с юга, то есть в направлении, вполне пригодном для плавания под парусом, но неровные, гаснущие порывы уже не могли наполнить пёстрое полотнище, и кормщик снова посадил мореходов на вёсла. Волкодав, недавно сменивший Эвриха на скамье, счёл, что уже достаточно освоился с новой для себя работой, и впервые отважился оглянуться.

Астамер в самом деле пристально созерцал волны, и лицо у него было раздосадованное и мрачное. Волкодав тоже посмотрел за борт. Волны как волны. Круглые водяные горбы, кое-где взъерошенные вздохами ветра. Сухопутному жителю не вообразить, будто Астамер или кто-то другой может по ним прочесть, как по книге, замыслы моря. Волкодав и сам сперва не верил рассказам двоих сегванов, своих сотоварищей по колодкам. Но те так спорили между собой, припоминая малейшие оттенки цвета воды и формы гребней, что молодой венн скоро убедился – не врут. Он, к сожалению, мало запомнил из их объяснений, поскольку искусства сражаться это никоим образом не касалось. Зато не сомневался, что Астамер имел все основания для тревоги. Он-то, Астамер, уж точно с одного взгляда за борт мог понять, где какое течение и в которой стороне берег. Может, и вот эта едва заметная зыбь, докатывавшаяся проливами с полудня, внятно говорила ему о чём-то, грозно зарождавшемся вдали и ещё не явившем себя над горизонтом?...

Эврих развернул у себя на коленях карту и принялся водить по ней пальцем:

– Так... мы примерно... ага, Золотой Шар уже скрылся, а Старик ещё не... примерно вот тут... и если с юга...

Он неожиданно замолчал. Волкодав снова косил глаза – теперь уже в сторону карты. Чуть южнее пальца Эвриха виднелась редкая цепь островов, протянувшаяся поперёк моря, и при ней – маленький рисунок с надписью аррантскими буквами. Волкодаву недосуг было особо присматриваться. Было ли там написано что-нибудь нехорошее или Эврих встревожился, сопоставив расположение островной гряды с движением корабля?... Но если задует с юга, тогда почему?... Он не стал спрашивать. Что толку разузнавать, если всё равно ничего нельзя изменить. Поживём – увидим...

Когда Астамер вдруг принял решение и заорал сперва на рулевого, потом на гребцов, приказывая повернуть корабль к северу и грести что есть сил, Волкодав понял: шторма действительно не миновать. Причём бороться с ним предстояло в таких водах, которые лучше пересекать при тихой погоде. Венн опять ничего не стал говорить. Сказали – гребни, значит, нужно грести. А не рассуждать попусту о том, в чём всё равно не особенно смыслишь.

– А почему здесь всадник нарисован? – услышал он голос Йарры. – Там что, лошадей разводят? На таких маленьких островках?...

Эврих ответил почему-то с явной неохотой:

– Дело не в лошадях... Видишь ли, с этими островами связана одна морская легенда.

Рассказывают, будто...

Они беседовали на языке Шо-Ситайна, бытовавшем у итигулов. До сих пор никто на корабле не проявлял знания этого наречия; во всяком случае, с Йаррой на языке его племени не заговаривали. Но тут...

– Заткнись!... – прозвучало разом несколько голосов. – Заткнись, аррант, накличешь! И ты помалкивай, недоносек!...

Настал вечер. Едва различимые волны, с трудом подмеченные многоопытным зрением Астамера, превратились в исполинскую мёртвую зыбь, медленно, с глухим гулом катившуюся прямо на север. «Косатка» тяжело взбиралась на вершины, потом устремлялась вниз, и тогда у форштевня вырастали два белых крыла. Астамер всё чаще поглядывал за борт. И с каждым разом заметно мрачнел. Эврих тоже нет-нет да и смотрел на воду.

– Что там? – негромко спросил наконец Волкодав.

– Течение, – так же тихо ответил Эврих. – Сильное течение. Нас быстро относит на юг, и на вёслах не выгрести.

Теперь они говорили на языке, которому научил их Тилорн, так что знатоков не нашлось. А на злобные взгляды Волкодав давно уже внимания не обращал. Он в очередной раз занёс весло и спросил:

– Ну и что такого на юге? Непроходимые скалы?

– Хуже, – ответил Эврих. – Там Всадник.

Всё стало ясно. И таинственная отметка на карте, и явный страх далеко не трусливого Астамера. Волкодав вздохнул и подумал о том, как глупо порою кончаются путешествия. И жизни.

– Он, наверное, взял южнее, чем следовало, и угодил прямо в течение, – пояснил Эврих. – Карта не случайно советует его избегать. А тут ещё зыбь с той самой гряды... По Салегрину, как раз о таком и рассказывают немногие спасшиеся с кораблей, погубленных Всадником...

– Хватит болтовни! – свирепо рявкнул Астамер, шагавший на корму по проходу между скамьями. – Гребите как следует, венн!

Йарра тише мыши сидел возле борта, обхватив руками колени. Он дотянулся к уху Эвриха и еле слышно шепнул:

– Мы все погибнем, да? Корабль разобьётся?...

Молодой аррант притянул мальчишку к себе:

– Ну что ты, нет, конечно. Зачем ему разбиваться?

Потом Волкодав увидел, как, нацарапав прочными чернилами на клочке пергамента некую записку, Эврих уложил её в непроницаемый мешок со своими рукописями и насмерть затянул все узлы. У него был вид человека, завершившего земные дела и готового к смерти. Волкодав подумал:

когда придёт пора уступать арранту весло, надо будет так же запаковать книжку Зелхата. Действительно, вдруг кто со временем выловит...

Закат был безветренным и зловеще-малиновым, и там, где садилось солнце, по-прежнему не возникало никаких признаков суши. Эврих из этого заключил, что их отнесло на юг даже дальше, чем он предполагал поначалу, и снова распотрошил мешок с рукописями, торопясь изложить последние наблюдения, отпущенные ему судьбой. Строчки получались прыгающими и неровными: Эврих целый день грёб наравне со всеми, а после такой работы руки с трудом переходят к тонкому делу. Поразмыслив, учёный не стал сразу прятать перо и пергамент, решившись делать записи до последнего, пока это будет возможно. Мохнатые тучи висели низко над головами, солнце подсвечивало их снизу прощальным, холодноватым огнём. Только у самого горизонта ещё видна была полоска чистого неба. Очень скоро заволочёт и её. Измотанные гребцы всё чаще менялись на вёслах. «Косатка» сопротивлялась, точно гибнущее животное, которое продолжает ползти даже тогда, когда его уже раздирают на части. Гладкие стеклянные волны по-прежнему катились из-за кормы. Когда корабль спускался в ложбины, сквозь вершины волн просвечивало солнце. Потом полоску заката окончательно затянуло и стало быстро темнеть. Эврих низко наклонился над рукописью, поставил последнюю точку и убрал всё в мешок. Однако передумал, вновь вынул перо, приписал что-то ещё и только тогда

закупорил и завязал горловину. Он справедливо рассудил, что воспользоваться светильничком ему вряд ли позволят.

И почти сразу, как только он это сделал, из морской глубины раздался стон. В полном безветрии он был отчётливо слышен – невероятно низкий, нечеловеческий звук, словно там, внизу, мучилось и страдало нечто непередаваемо громадное. Волкодав чуть не выронил весло – сначала от неожиданности, потом от удара о соседнее, брошенное гребцом. Кто-то сполз со скамьи и начал громко молиться, иные плакали. Так, словно подводный стон прозвучал смертным приговором и кораблю, и всем людям на нём.

Эврих тихо объяснял прижавшемуся к нему Йарре:

– Салегрин Достопочтенный называет то, чему мы сейчас внимали, Зовом Глубин. Его немногие слышали, и никому доподлинно не известно, что именно производит столь удивительный гул: то ли течение, то ли морские животные, то ли что-то на дне. К сожалению, я уже спрятал письменные принадлежности, чтобы сохранить их от брызг и дождя, и посему лишён возможности составить достойное описание услышанного...

– Ты завтра напишешь, – прошептал Йарра. – Когда рассветёт...

Чувствовалось, что ему самому очень хотелось верить в собственные слова.

– Обязательно, – подтвердил Эврих. – Обязательно напишу. А ты поправишь меня, если что позабуду, так что смотри внимательно и запоминай. Договорились?

Волкодав давно знал арранта и видел, что парню было жутко. Ещё как жутко. Но разве мужчина может позволить себе бояться в открытую, когда рядом мальчишка?... Венн поискал взглядом Астамера и увидел его на носу. Сгустившаяся темнота мешала Волкодаву гораздо меньше, чем остальным, и он разглядел, что сегван пристально смотрел за корму. То есть смотрел – не то слово. Его глаза лезли из орбит, волосы, кажется, порывались встать дыбом. Волкодав только собрался выяснить, что именно привело его в такой ужас, но тут темень прорезала вспышка молнии, мелькнувшая на юге.

– Всадник!... – не своим голосом закричал Астамер.

Весь корабль одновременно повернулся в ту сторону. Волкодав стал ждать, когда же долетит отзвук громового раската, чтобы должным образом приветствовать Бога Грозы, и начал даже считать про себя (Тилорн научил его определять, далеко ли ударила молния). Однако вспышка так и осталась безгласной. Зато из-под воды снова донёсся низкий рокочущий стон, и южный горизонт на мгновение охватило лиловое пламя.

И Волкодав увидел.

На фоне мгновенного зарева одиноким силуэтом вырисовывалась скала. Она была громадна – это ощущалось даже на расстоянии – и в самом деле похожа на всадника в просторном плаще, разметавшемся по крупу коня.

Так вот ты какой, подумалось Волкодаву.

А ведь родился человеком. «Была любимая, горел очаг»... Сам любил, и тебя любили...

Венн так и не бросил весла и держал его на весу, дожидаясь, чтобы на противоположном борту опаматовался и сел грести ещё хоть один человек. Он услышал полный ужаса всхлип юного итигула и торжественный голос Эвриха:

– Приветствуй его как родича, Йарра. Когда он жил на земле, в нём текла та же кровь, что и в тебе.

Всадник между тем приближался со сверхъестественной быстротой. Волкодав невольно подумал, что никакое течение не могло столь стремительно мчать корабль к неподвижной скале и вдобавок безошибочно нацеливать его прямо под каменные копыта. И ещё. Он мог бы поклясться, что всякая новая вспышка заставляла Всадника в ином положении. Так бывает, когда молния выхватывает из темноты движущиеся тела...

– Приветствую тебя, родич... – судорожно шептал Йарра. – Преломи со мной хлеба и обогрейся у моего очага...

Венн снова посмотрел на корму и неожиданно понял, что должны были чувствовать Лута и остальные, когда он, Волкодав, прямо у них на глазах обернулся большой и очень грозной собакой. Небось долго потом не могли заново признать в нём подобного себе.

А если Боги вправду судили мне участь, как вот этому Всаднику? И буду я так же скакать по родным веннским лесам, храня их от злых переходящих людей, и свой же народ станет говорить обо мне шёпотом, суеверно оглядываясь через плечо?...

Был же человек в крашенных полотняных портах, умерший от страха. Волкодав отчётливо вспомнил его перекошенное лицо и безумные, выпученные глаза.

Точь-в-точь как у Астамера, вцепившегося в носовой штаг...

В трюме корабля жалобно и протяжно замычала корова.

И Астамер, надо отдать ему должное, всё-таки сумел совладать с обессиливающим испугом. Он встрепенулся и заорал так, что Мыш, устроившийся наверху мачты, на всякий случай снялся с облюбованного насеста:

– На вёсла, Хёггово семя! Вы кто, мужики или собачье дерьмо?...

Нашлись и те и другие, но мужиков оказалось больше. Вёсла «косатки» заработали снова, хотя и не так стройно, как раньше. Кто-то даже запел. Спасти корабль могло теперь только чудо Богов, но пусть помнит Всадник, что ненавистные ему чужаки сражаются до последнего...

Их отделяло от каменного исполина не больше двух вёрст, и теперь Волкодав неплохо видел его даже в промежутках между беззвучными молниями, всё так же осенявшими горизонт.

Венну случалось дивиться совершенству иных творений ветра, дождя и морских волн. Вроде бы случайное нагромождение камня, а чуть отступишь в сторонку, и дух перехватывает: это что же за скульптор сумел бы подобное изваять!... У подножия чёрной громады неистово хлопотало широкое кольцо бурунов: тяжёлые волны с разбегу обрушивались на подводные рифы, вздымаясь косматыми облаками пены и брызг. Могучий конь вырастал из скалы, заноса в бешеном беге чудовищные копыта. Седок не трогал поводьев – одна рука простёрлась вперёд, другая тянулась к мечу... Снова ударила мертвенная вспышка зарницы, и резкие тени вычертили лицо. Такой лик мог бы быть у Бога Отмщения. Горе и ярость, обретшие человеческие черты...

Смерть неотвратимо догоняла корабль, и не было никакой возможности ни уйти от неё, ни отвернуть в сторону. Гребля потеряла всякий смысл, поскольку зыбь и течение, направляемое не иначе как могущественной злой волей, просто не замечали жалких усилий гребцов. Однако люди сидели по двое на весло и работали как сумасшедшие. Эврих тоже забрался на скамью к Волкодаву и сказал ему, устраивая ладони на рукояти:

– А ты знаешь, друг варвар, я ведь прочитал книгу Зелхата, лежащую в твоей сумке. И должен тебе сообщить, что всё, написанное в ней о веннах, есть досаднейшее заблуждение, поистине «превеликой жалости достойное».

Волкодав в который раз пожалел, что не выучился складно и красиво излагать свои мысли и не способен подыскать для арранта ответных слов, достойных только что услышанного.

По его мнению, Эврих уходил из этой жизни с большим мужеством. И если уж на то пошло, перед лицом нешуточной опасности он неизменно оказывался очень хорош.

Настолько же, насколько невыносим бывал в обычные дни...

И почему мы с ним всё время ругаемся?

– запоздало спросил себя Волкодав.

Вернее, ругались...

– Приветствую тебя, родич... – прижимаясь к их ногам, шёпотом, точно заклинание, повторял Йарра. – Преломи со мной хлеба и обогрейся у моего очага...

Судя по всему, заклинание было столь же бесполезно, как и усилия рвавших жилы гребцов, однако остановиться мальчик не мог. Пока человек жив, он борется. И питает надежду. Даже если это надежда на невозможное чудо.

– А славно они тут, в Шо-Ситайне, встречают добрых гостей, – насмешливо проворчал Волкодав. Его народ провожал умерших Песнью Смерти. Эту же Песнь пели веннские воины, идя в бой на верную гибель. Если по совести, правильнее было бы называть её Песнью Жизни, ибо смерть предавалась в ней всяческому осмеянию и хуле. Волкодав сейчас запел бы её, но было нельзя: она уже отзвучала по нему три года назад, и повторять не годилось. Зато высказать вслух то, что он думал о Всаднике, вознамерившемся погубить собственную родню и других людей, никакого зла его племени не причинивших...

Левзик, чья скамья была как раз перед ними, вдруг обернулся, и Волкодав увидел на лице молодого сегвана почти ту же ярость, что и на лице неотвратимо приближавшегося Всадника. Но если черты каменного исполина дышали жутким величием, то Левзика можно было скорее сравнить с ополоумевшим животным, ищущим крови. Гарахар тоже косился через плечо, и лицо у него было не лучше.

– Мальчишка!... – завопил Левзик, тыча пальцем в сторону Йарры. – Это всё из-за мальчишки! Он оттуда!... Это он накликать!... Всадник не пускает его!...

– Заткнулся бы ты, приятель, – сказал Волкодав. – Гребни давай.

Он произнёс это со спокойным презрением, зная, что испуганного и озлобленного человека иногда отрезвляет такой разговор. Однако на сей раз не получилось.

– Ублюдок во всём виноват!... – раздалась ещё чьи-то голоса. – За борт его!...

Йарра вскочил на ноги, затравленно озираясь. Палуба вздымалась неровными, непредсказуемыми толчками: чем ближе к страшной скале, тем беспорядочней делались волны. Со всех сторон на юного итигула пялились безумные бельма людей, наконец-то распознавших причину всех своих бед. Кто-то уже лез через скамьи и тянулся к нему скрюченными пальцами, чтобы принести Всаднику запоздалую жертву и тем, быть может, спастись. Йарра тонко закричал, незряче метнулся, но палуба ринулась из-под ног, и он упал бы, не подхвати его Эврих. Ошалевший от страха мальчишка укусил его и принялся отчаянно вырываться, но аррант удержал.

– Тихо, глупый, – шепнул он ему на ухо. – Никому мы тебя не отдадим.

– За борт! За борт!!! – звучало со всех сторон. Если бы не качка, угрозу давно бы привели в исполнение. Но «косатку» так кренило и швыряло, что добраться до обречённого оказалось непросто.

Волкодав покосился на хозяина корабля. Астамер в общем сумасшествии участия не принимал. Но и останавливать расправу явно не собирался. Вдруг она и в самом деле поможет...

– Эй, сегваны!... – звонко и насмешливо выкрикнул Эврих. – Как там звали того древнего кунса, что не хотел умирать от старости и купался в детской крови? Не Астамером?...

И расхохотался. Бесстрашно, оскорбительно и нахально. Точно таким Волкодав когда-то увидел его на помосте, сооружённом для проповедников Ближнецов. Вени и аррант одновременно поняли, что им следовало сделать. Волкодав вскочил и ударом ноги своротил челюсть Левзику, который крепко оседлал пляшущую скамью и вознамерился сцапать Йарру за курточку. Левзик взмахнул руками, заваливаясь навзничь, и очередная судорога «косатки» унесла его к противоположному борту. Волкодаву ни разу ещё не приходилось драться на мокрой, ходящей ходуном палубе, но ко всему привыкшее тело приспособилось с радостной быстротой. Вени подумал о Солнечном Пламени, лежавшем где-то в трюме, в запертом сундуке. Славный меч, выкованный лучшим кузнецом Серых Псов, уже не раз возвращался к нему поистине чудом. Но среди моря, когда корабль вот-вот разобьёт о ненасытные скалы... в сутках с гаком пути от ближнего берега... не к кому будет возвращаться, хотя бы и чудом. Вени молча крутанулся направо и ребром ладони, как он очень хорошо умел, размозжил руку Гарахара, замахнувшегося ножом. Пусть спасибо скажет, что не по шее. Мыш с визгом пронёсся мимо плеча, вцепился в оскаленную бородатую рожу следующего противника и тут же свечой взвился вверх.

За спиной Волкодава Эврих нагнулся и выудил из-под скамьи все три котомки. Послушные узлы, удерживавшие пожитки на месте, развязались в один миг.

– Ты как хочешь, малыш, а мне тут, с этими, надоело, – услышал Волкодав задорный голос арранта. – Ну, давай руку, вот так! Раз, два, три...

Вени улучил мгновение обернуться и увидел, как они прыгнули. Он не помнил, чтобы Йарра говорил им, умеет ли плавать.

Может, и не умеет... Ладно, Эврих пловец каких поискать, да и сумки с книгами, наглухо закупоренные от сырости... Хотя нет! Парень вырос в Озёрном Краю, а стало быть, с младенчества не вылезал из воды...

Оставалось только дать им время отплыть подальше от корабля, чтобы озверевшие сегваны не дотянулись баграми или веслом. Ну добро: чему хорошему, а искусству отвлекать на себя как можно больше врагов Волкодава не надо было учить. Он просто пошёл вдоль борта, изредка

поглядывая на быстро придвигавшегося Всадника и расшвыривая всех, кто пробовал нападать. Сонморовым молодцам, приходившим выкуривать венна из «Зубатки», точно так же не удавалось ни схватить его, ни ударить.

Забытые вёсла вываливались из гребных люков наружу и плавали рядом с кораблём, ударяясь в борта. Исполинская зыбь временами вздымала обречённую «косатку» на такую высоту, что лодья оказывалась едва не вровень с лицом Всадника, и тогда казалось, будто простёртая длань вот-вот коснётся её и выхватит из воды, как лёгкую щепку, чтобы тотчас зашвырнуть в крошечное небытие по ту сторону смерти... Потом корабль падал в пропасть между двумя чёрными стенами, и Всадник предстал уже сущей горой, парившей под облаками и готовой обратить в прах и лодью, и всё живое на ней...

Эврих что-то кричал Волкодаву и махал рукой из воды. Тот не мог разобрать слов, да не особенно и пытался. Он всё выгадывал удобный момент, когда корабельщики уже точно не смогут настичь Эвриха и мальчишку, даже если все дружно сядут грести, зато у него, Волкодава, ещё будет возможность доплыть к друзьям, чтобы встретить уготованную судьбу хотя бы не порознь. Он доподлинно знал: когда роковая волна шархнет его об отвесные камни и переломает все кости, он откроет глаза на пустынной галечной осыпи, простирающейся высоко, высоко вверх. Волкодаву уже несколько раз доводилось ощущать её под ногами, когда лекаря сомневались, будет ли жить. Если присмотреться, внизу станет виден земной мир, покинутый его отлетевшей душой. А наверху призывно зазеленеют святые луга Острова Жизни, и он попробует взобраться туда по осыпи, уходящей из-под пяток, как эта палуба, на каждом шагу. И любой булыжник, на который случится ступить, будет поступком, добрым или дурным. Посмертная дорога, предстающая из мира живых Звёздным Мостом, протянутым через всё небо. И если прегрешения прожитой жизни не слишком отяготят, не заставят свалиться в холод и мрак Исподнего Мира...

Волкодав взлетел на борт одним звериным прыжком, прямо из срединного прохода между скамьями. Расчёт был верен: корабль как раз валило на противоположную сторону, так что Левзика и остальных, устремившихся вдогон, швырнуло назад. Венн же сделал ещё целый шаг по обнажившимся бортовым доскам, оттолкнулся и далеко улетел в тёмную воду. После гребли и драки она вначале показалась ему не слишком холодной.

Он не стал тратить время, оглядываясь на «косатку», и сразу поплыл туда, где в последний раз видел исчезающую за гребнем голову Эвриха. Волкодав плыл что было мочи, поскольку чёрная громада Всадника высилась уже в какой-то полуверсте, и течение как будто всё ускоряло свой бег. Венн, впрочем, не сомневался, что успеет. А уж в том, что выплывет прямо на Эвриха, – и подавно. Даже если бы ночное зрение вдруг изменило ему, Мыш, с криками вившийся над головой, обязательно указал бы верное направление. На счастье маленького летуна, ветра по-прежнему не было.

Волкодав добрался к Эвриху с Йаррой и, отплёвываясь, схватился за плававшие котомки. Он чувствовал ногами и телом холодные струи течения, и они казались ему живыми упругими щупальцами, оплетающими... тянущими...

– Нет, ты только посмотри на этот прибой! – как ни в чём не бывало сказал ему Эврих. И сокрушённо вздохнул: – Вот такова доля учёного! Ну почему Боги Небесной Горы всё интересное и неповторимое посылают под самый конец, предварительно лишив возможности запечатлеть увиденное для потомков?...

За спиной Всадника бесшумно полыхнула очередная зарница, и Волкодав посмотрел на прибой. Ничего особенного он в нём не нашёл. Волны и волны, с грохотом дробящиеся о неприступные скалы. А вот на «косатке» хотя и запоздало, но всё-таки вспомнили о достоинстве: разобрали уцелевшие вёсла и, кажется, добавили к ним запасные. Рёв бурунов постепенно заглушал все прочие звуки, но ещё можно было разобрать, как командовал Астамер. Он больше не пытался спорить с течением. Наоборот, развернул корабль и попытался увернуться от прямого столкновения с утёсом. Волкодав прислушался к грому, исходившему из-под копыт Всадника. В голосе прибоя звучала безжалостная насмешка. Море и камень вершили Свою Всевышнюю Волю. От ничтожных смертных тут ровным счётом ничего не зависело.

– Ну и чего добился!... – прокричал Эврих. Теперь, чтобы быть услышанными, им приходилось кричать в ухо друг другу. – Подумаешь, разобьёт сначала нас, а его потом, и вся-то корысть!... Волкодав невольно позавидовал весёлому бесстрашию арранта. В немереной глубине под ногами опять зарождался и рос всё тот же чудовищный стон, только теперь он воспринимался

не одним слухом – всем телом. Словно внемля призыву, троих пловцов начала подхватывать и нести к облакам очередная волна, и Волкодав как-то сразу понял, что эта волна – особенная. ПОСЛЕДНЯЯ. Сумеют ли Ниилит и Тилорн почувствовать их гибель? Или звёздный странник будет тщетно ожидать возвращения друзей и лишь много времени спустя, когда выйдут уже все мыслимые сроки, догадается, что некого больше ждать?...

Мыш, пытавшийся сесть на мокрую голову хозяина, взвился и с жалобным писком ушёл вверх. Венн смутно понадеялся, что маленький всеядный зверёк, уж верно, отыщет себе пропитание на островах. Ещё он подумал, что девочке из рода Пятнистых Оленей, наверное, нынче приснится большая собака, тонущая в воде...

– Отец!... – раздался тонкий крик Йарры. – Отец!...

Сообразить, что имел в виду мальчик, Волкодав не успел. Гребень догнал их и неудержимо повлёк, набирая скорость, истончаясь, вырастая отвесной стеной. Всадник летел прямо к ним, нависая над головами барахтавшихся людей. Ещё какие-то считанные сажени и... Гребень волны оделся косматой пеной и начал рушиться вниз. Волкодав почувствовал, как его отрывает от Эвриха и Йарры, и вцепился в обоих, пустив в ход всю свою силу. Их бешено закрутило, он потерял всякое ощущение верха и низа, клубящийся поток перемешал воду и пену в сплошное горько-солёное нечто, которое смяло Волкодава в лепёшку, ослепило и оглушило его, выдавило из лёгких последние крохи воздуха и неодолимо швырнуло вперёд... полуживого, судорожно жвавшегося в ожидании удара о камни...

...И удар действительно состоялся, но совсем не такой, какой он готовился принять. Остатками сознания он уловил миг, когда всё утратило вес, а потом вода словно выскочила из-под него, довольно крепко приложив хребтом о неровную каменную поверхность. Волкодав заново обрёл слух и услышал, как волна с грохочущим драконьим шипением скатывалась в трещины и расселины камня. Он рванулся, понимая, что следующий вал запросто унесёт его в бездну, и тут до него дошло, что левой рукой он по-прежнему мёртвой хваткой держал Йарру за шиворот, а правой – Эвриха за вихры. Йарра корчился, плача, порываясь кричать и всю извергая проглоченную воду. Аррант лежал на боку, подогнув колени к груди и обнимая драгоценные сумки. Прихоть моря закинула их на широкий каменный уступ рядом со стремнем Всадника. Волкодав поднял глаза и увидел, как растёт и вздымается новый вихрящийся гребень. Он показался ему едва не больше того, который по странной случайности оставил им жизнь: не иначе, Хозяйка Судеб задевала куда-то свои острые ножницы для обрезания спряденных нитей!... Венн не стал дожидаться, пока Она их отыщет. Рыча сквозь зубы, он привстал на колени и волоком потащил обоих своих спутников к скальной стене. Он заметил изрядные трещины, черневшие в камне. Может быть, удастся впахнуть туда сразу двоих и как-нибудь выдержать удар волны, а потом, если повезёт, вскарабкаться выше?...

Волкодаву едва хватило времени, чтобы доползти до откоса. Облюбованная расселина начиналась на уровне его груди и тянулась вверх, словно дымоход. Сначала венн закинул туда лёгкого Йарру, потом поднял Эвриха. Аррант только начинал слабо шевелиться: похоже, его ударило головой. Йарру трясло, он по-прежнему плакал и бормотал что-то об отце, но разума не утратил – изо всех сил схватился за Эвриха и стал тянуть его в трещину. Наверное, понимал, что мгновенной гибели каким-то образом удалось избежать, но до окончательного спасения ещё далеко. Венн снова оглянулся и увидел стену воды, летевшую на утёс. Её венчала широкая полоса светящейся пены. Или это зарница отражалась во вздыбленном зеркале волны?...

Взбираться в расселину у Волкодава не было ни сил, ни времени, да и места ему там не нашлось бы. Он еле успел схватиться за каменный край, когда море наотмашь хлестнуло скалу, опрокинувшись неистовым водопадом. Волкодаву показалось, будто целый океан встал во весь рост, смахивая ничтожную вцепившуюся пылинку. Его захлестнуло с головой, ударило грудью и боком, вмиг оторвало ноги от камня и вскинуло вверх: сейчас затрещат сухожилия, не выдержат, соскользнут пальцы и...

Руки Эвриха цепко оплели его запястья и помогли продержаться лишнее мгновение, и вновь схлынула вода, и Волкодав опять понял, что Хозяйка Судеб свои ножницы ещё не нашла.

– Держись, варвар!... – стучался в уши настойчивый голос. – Держись!...

Голос принадлежал Эвриху. Волкодав озлился и хотел сказать ему: не смей называть меня варваром!

– но сил не хватило даже открыть рот. Он осел на колени, глаза начали закрываться. Наверное, ему просто не хотелось смотреть, как торжествующе вздымается и растёт за краем уступа третий, окончательный гребень. Эврих свесился из расселины, больно схватил венна за волосы, потом за шиворот и потянул вверх. При этом утончённый любитель книг матерился, точно последний надсмотрщик. Волкодав зашарил руками по камням и начал медленно подниматься. Жилистый, костлявый, он всё же был крупнее и тяжелее арранта, однако вдвоём с Йаррой Эврих как-то управился. Море тут же всунуло в расселину холодный язык, но больше для порядка. Ни одного из троих слизнуть уже не удастся.

Из глубины расселины поддувало порывистым сквозняком. Йарра выпустил Волкодава и первым полез вперёд.

– Корабль, корабль!... – почти сразу донёсся его крик. – Их сейчас разобьёт!...

Двое мужчин поползли следом за мальчиком, обдираясь в узкой щели. Трещина оказалась открытой с обоих концов, но второе отверстие было прикрыто от волн коленом каменного коня, и его не захлестывало. Высунув голову, Волкодав чуть не отшатнулся. Исполинский курящийся вал величаво, медлительно нёс прямо на него обречённый Астамеров корабль. На миг венну помстилось, будто «косатка» вот сейчас врежется как раз в то место, где они укрывались. Он совсем близко увидел знакомые лица сегванов, даже узнал Левзика и Астамера, и странное это было чувство: в этот миг они были живы точно так же, как он сам, а чувствовали себя, может, даже лучше – их ведь не колотило о камни, – но зверь, сидевший внутри Волкодава, ЗНАЛ: все они были уже мертвы. Так смертельно раненный в битве бежит ещё десять шагов, лоя собственные мозги и не понимая, что умер. Корова пыталась выбраться из трюма и наверняка ревела вовсю, сегваны кричали и выли, но Волкодав видел только раскрытые рты: грохот моря всё заглушал. Волна играючи швырнула «косатку» вперёд и, ликуя, шарахнула её в ноги каменному коню. Одновременно ударила яркая вспышка, заставившая на долю мгновения замереть и всклокоченный гребень, и вздыбленные обломки досок, и подброшенные страшным ударом тела, нелепо раскоряченные в полёте. Перед глазами поплыли разноцветные пятна, а когда Волкодав проморгался, в вихрящейся, ревушей воде не было не то что людей – даже и щепок... Хозяйка Судеб наконец отыскала запропастившиеся ножницы и решительно взмахнула ими над пряжей, отмахнув разом целый пучок нитей.

Прощай, Солнечный Пламень,
вздохнул про себя венн.

Он смотрел на каменные копыта, плывшие вперёд сквозь гром и брызги прибой, и не мог с уверенностью решить: выглядели они так же, как перед гибелью корабля, или их положение всё-таки изменилось? Только ли волны несли «косатку» на камни или сама скала двигалась ей навстречу?... Зарницы, сиявшие вдоль горизонта, по-прежнему не высвечивали никаких признаков суши: глазу не за что было зацепиться, а звёздное небо прятали низкие облака. Волкодав снова посмотрел на прибой, и впечатление движения только усилилось. Ни дать ни взять, Всадник и его конь только что растоптали три с лишним десятка людей, проскакали над ними и устремились дальше, ища в океане ведомое только им...

– Ну и дальше что, хотел бы я знать?... – затягивая узел повязки, охватившей голову, проворчал Эврих.

Вскоре после крушения «косатки» прекратились и бесшумные молнии, и таинственный рокот из-под воды. Зато поднялся свирепый ветер, а потом полил дождь. Колдовской шторм, спутник Всадника, точно удовольствовался добычей и утратил сверхъестественные свойства, превратившись в самую обычную бурю. Ветер, волны и дождь скоро выгнали троих уцелевших из сквозной расселины, заставив искать укрытия понадежней. Помогая друг другу, они взобрались выше и обосновались с подветренной стороны, в неглубокой пещерке у левого колена Всадника. Сюда не достигал дождь: сухая каменная ниша казалась даже уютной.

– Я надеюсь, – продолжал молодой аррант, – эта скала по крайней мере не нырнёт под воду и не рассеется в воздухе, оставив нас барахтаться среди волн!...

И Эврих стукнул кулаком по чёрному камню, словно испытывая, реален ли он. Волкодав еле удержался, чтобы не схватить его за руку. Сам он нипочём не стал бы откалывать или перекалывать камни, составлявшие Всадника. И другим не собирался этого позволять. – Там, на карте, – сказал он, – была гряда островов. До них далеко?

Эврих безнадежно отмахнулся.

– Далеко. И по ним не выберешься на берег. Большой частью это обыкновенные рифы, затопляемые в прилив...

Йарра сидел между двоими мужчинами. Эврих уже распорол задубевшие от соли узлы промасленной сумки и силой заставил мальчика облачиться в сухую рубашку. Теперь они с Волкодавом грели его своими телами.

– Без толку сейчас впотьмах обсуждать, – проворчал венн. – Утром оглядимся, что тут к чему...

Оба, впрочем, догадывались, что навряд ли с рассветом им суждено было заметить что-либо вселяющее надежду. Лишь неприветливый океан, простирающийся во все стороны до горизонта. Что же касается самого Всадника, на нём, скорее всего, не рос даже лишайник. Волкодав, давно приученный жизнью рассчитывать на самое худшее, понимал: видят Боги, всё-таки придётся им думать не о спасении, а о том, как бы проявить перед смертью побольше достоинства. Некому будет оценить их последнее мужество, никто не прочтёт даже записей, которые наверняка сделает Эврих. Но всё равно не хотелось бы умереть так, как это вышло у несчастных сегванов.

Эврих, похоже, думал о том же.

– Во имя подола Прекраснейшей, подхваченного ветерком! – сказал он. – У нас не велят дурно отзываться о мёртвых, но, право, как больно разочаровываться в людях! Все жаждут жизни, но не любой же ценой её покупать!...

– Мужественные, красивые лица, – фыркнул Волкодав. – За борт ради кого-то там кинутся...

Эврих расхохотался и тотчас жалобно сморщился, запоздало прижав ладонью повязку на голове. Каким-то образом его смех внятно прозвучал сквозь шум ветра и волн и даже породил среди скал эхо, не сразу утихшее после того, как он испуганно замолчал. Мыш, прятанный за пазухой у Волкодава, встрепетул и высунул ушастую голову, но потом успокоился. Молодой аррант выждал некоторое время и подал голос уже шёпотом:

– Увы, ты верно судишь о людях, друг венн. Ты видел больше зла и всегда умеешь его распознать.

Хотел бы я почаще ошибаться в лучшую сторону,
подумал Волкодав.

Я дошёл до того, что совсем людям не верю.

Вслух он сказал:

– Здесь по крайней мере не качает, как на корабле. Рассветёт, хоть дочитаю спокойно, что у Зелхата в книге написано.

– И грести, точно каторжного, не заставляют, – согласился Эврих. Потянулся, хрустнув онемевшими суставами, и добавил: – Я надеюсь, ты дашь мне выполнить мой долг учёного и не предложишь употребить в пищу листы рукописи, на которых я изложу наше удивительное приключение?...

Волкодав пожал плечами:

– Если ты их испакостишь чернилами, как и все предыдущие, кто же станет есть такую отраву?...

На этот раз они захохотали в три голоса, и эхо, пустившееся в путь по каменным трещинам, никого не смутило.

– Ты что-то говорил об отце, – напомнил Йарре любопытный аррант. – По-моему, ты звал его, когда нас подхватило волной!

– Ну... – замаялся юный итигул. – Всадник, он всё время менялся... а я знай твердил, что мы родичи... как ты мне велел... вот со страху и померещилось... Я как будто увидел отца... он скакал ко мне на Саврасом и звал: «Хватайся за стремя!...»

Волкодав покосился на Эвриха и увидел его глаза в темноте. Действительно, мало ли что могло причудиться в миг опасности насмерть перепуганному мальчишке. Если бы только... если бы

уступ, на который их вышвырнула волна, не был расположен как раз возле стремени каменного исполина...

– Когда войны нашего племени теряли в бою коня, они уходили от погони, держась за стремя товарища, – сказал Йарра. И добавил с законной гордостью: – Я хорошо умею так бегать. Меня отец научил.

– Ну, значит, не пропала даром отцовская наука, – проворчал Волкодав. – Тебе не очень холодно, парень? Засни, если сумеешь.

Эврих помалкивал. Кажется, мрачная легенда оборачивалась совершенно неожиданной стороной и даже сулила некоторую надежду. Чудо Всадника непременно следовало обсудить, но сейчас уж точно было не время и не место для подобного разговора, и аррант это очень хорошо понимал.

Они умудрились уснуть в своей пещерке, забившись в самую глубину каменного гнезда и намотав на себя все вещи из сумок – и сухие, и мокрые. Волкодав порывался сторожить ночью, но Эврих сумел в кои веки раз убедить его, что сторожить было не от кого. Выбраться из чудовищного котла под копытами Всадника и тем более вскарабкаться оттуда наверх не смогла бы ни единая живая душа. Удивительно, но Волкодав не стал спорить с аррантом. Свернулся на жёстком камне и задремал. Так он спал когда-то в каменоломнях, где всё было совсем по-другому, за исключением одного: не умеющему приспособиться и перенести холодную сырость там тоже было не выжить.

Ему снились лошади. Вороны, чалые, рыжие, белые и гнедые подходили к нему, трогали тёплыми губами, дышали в лицо. Он спал очень некрепко и понимал, что это всего лишь сон. По вере сегванов, белая лошадь во сне означала скорую гибель: верховный сегванский Бог, длиннородый Храмм, ездил на белом коне и время от времени посылал Своего скакуна за теми, кого желал забрать на тот свет. У веннов не было ни единой дурной приметы, связанной с лошадью. Конь, любимец Солнца, Молнии и Огня, мог нести только добро. Плавая на грани бодрствования, Волкодав истолковал собственный ещё длившийся сон как предвестие счастливого времени и исполнения желаний, а появление белой кобылицы – как знамение добродетельной и красивой жены, которую он когда-нибудь обретёт. Серый Пёс вприпрыжку бежал по зелёному лугу, носился взапуски с лошадьми и делал вид, будто пугает их залившимся лаем. Ему было хорошо.

Когда венн проснулся, стояла невероятная тишина. В памяти ещё звучал грохот волн и свист ветра, и он поймал себя на том, что напрягает слух, силясь уловить ставшие привычными голоса шторма. Но услышал только, как чихнул Мышь, умывавшийся на выступе камня. Волкодав открыл глаза. Всадника окутывало белое молоко густого тумана, оседавшего на скалах росой. Сквозь туман пробивались мутные солнечные лучи. Так бывает, когда где-то там, наверху, сияет ясное небо. Эврих и Йарра ещё спали, тесно прижавшись друг к другу. Волосы у того и у другого казались седыми от унизавших их бисеринок влаги.

Волкодав не стал тревожить спящих друзей. Выбравшись из пещерки, он не спеша размял одеревеневшее тело, потом стянул сапоги и полез вверх по утёсу. Камень был мокрым и скользким, но он не боялся сорваться. Мальчишки-рабы в Самоцветных горах каждый день лазили на отвесные скалы, в пещерные колодцы и на стены подземных залов: протаскивали верёвки, выжигали отравленный воздух, доставали сорвавшийся инструмент... Те, кто не погибал, обретали способность ползать, как мухи, чуть не по потолку. Волкодав не погиб. Мышь кончил умываться и последовал за хозяином, перелетая с выступа на выступ. Волкодав искал опору для пальцев рук и ног, подтягивался, повисал, нашаривал другую опору и снова подтягивался. Тело постепенно обрело гибкость, ему стало тепло.

Чем выше он лез, тем светлее становилось в тумане. Потом донёсся крик чайки. Волкодав вспомнил, что накануне никаких чаек не было видно. Морьяк из него был по-прежнему никудышный: он тщетно пытался сообразить, живут ли эти птицы только у берегов или всё-таки залетают далеко в открытое море. Он сказал себе, что птицы, верно, пожаловали с островной гряды, помеченной на карте у Эвриха. Ищут корм. Выклёвывают глаза мёртвым сегванам, качающимся на волнах...

Он одолел почти всю гриву каменного коня, когда внизу послышались испуганные голоса, потом истошный крик Эвриха:

– Волкодав!... Волкодав!...

– Да здесь я, здесь, – отозвался венн. – Что орёшь?

Он как раз ощутил на лице дуновение ветерка, которого и в помине не было возле пещерки. Плотные пряди тумана медленно завивались, вытягивались и ползли, огибая чёрные камни. Спереди уши каменного скакуна казались совершенно живыми, стоячими, внимательными. Оттуда, где сидел Волкодав, было видно, что это всего лишь неровные обломки скалы. Он снова вспомнил горы и тяжёлые тучи, стекавшие через перевалы. Когда он оказался на голове гранитного коня, ветер наконец разорвал туман и отодвинул его в сторону, словно серый клубящийся занавес. Волкодав увидел небо.

Оно было таково, что хотелось молиться. Высоко-высоко в благословенной синеве раскинулись пронизанные утренним солнцем лёгкие серебристые перья, а чуть ниже замерли в неподвижности рослые кучевые облака, подёрнутые, как прозрачным шлейфом, еле заметной дымкой морских испарений. После полудня облака, может быть, начнут собираться и даже прольются дождём, но пока они просто высились в небесах, словно недостроенные чертоги Богов, и манили душу, и были прекрасны.

– Что там, Волкодав? – спросил снизу Эврих.

Венн завертел головой, дожидаясь, чтобы неторопливо ползущий туман развеялся окончательно и дал ему взглянуть, что же делается с другой стороны. Слово в насмешку, мгла, кутавшая Всадника, опять сомкнулась над головой. Волкодав снова оказался внутри холодного, сырого кокона, где не было ни намёка на солнечное тепло и едва удавалось разглядеть пальцы вытянутой руки.

Потом ветер дохнул сильнее. Солнце заблестело на влажной груди и гриве каменного коня.

Туман разорвало до самой воды и...

– Берег!... – не своим голосом завопил Эврих. – Йарра, ущипни меня, я сошёл с ума!... Берег!...

Нет, он с ума не сошёл. Либо оставалось предположить, что безумие поразило всех троих одновременно. Берег, до которого накануне вечером оставались ещё сутки с лишним быстрого плавания, высился в какой-то полуверсте. Что такое полверсты для двоих крепких мужчин и шустрого мальчика?...

Ласковые, ленивые волны медленно набегали на чистый белый песок. За полосой песка виднелся довольно высокий обрыв, увенчанный травой и кустами. Ветер дул с берега и нёс запахи суши, окончательно убеждая, что всё это – не бесплотное видение, явившееся подразнить умирающих на голой скале посреди океана.

А за широким языком степи высился величественный горный хребет. Он начинался зелёными складками и морщинами холмистых предгорий, и те, отступая от моря, делались всё обрывистей и неприступней, чтобы наконец взметнуться белоснежными пиками, уходящими в тучи.

– Заоблачный кряж!... – благоговейно прошептал Йарра. И протянул руки, называя горы по именам, словно почитаемых предков: – Два Шлема... Кормилица... Потерянное Седло... – И наконец выдохнул одними губами: – Харан Киир...

Волкодав чуть не кувырком скатился обратно к пещерке. Позже он пробовал вспомнить этот спуск, но мало что получалось. Кажется, он всё-таки поскользнулся и две последние сажени преодолел вниз головой, чтобы упасть на руки и благополучно спружинить. Выучка, когда-то вколоченная в его тело кнутами надсмотрщиков, помогла не сорваться. Он спросил Эвриха:

– Там действительно берег или нам всем мерещится?...

Аррант улыбнулся:

– У нас есть только один способ это проверить...

Мышь решил не дожидаться, пока медлительные люди сползут вниз и преодолеют расстояние до берега. Пискнув, зверёк снялся с камня и полетел над водой. К нему сейчас же устремился хищный поморник, но испугать Мышу было не так-то легко. Без труда увернувшись, он сам бросился на птицу, яростно твякая и щеря клыки. Другие чайки начали слетаться к месту сражения, и Волкодав, беспокоясь, хотел уже свистнуть Мышу, чтобы тот возвращался, но закалённый драчун прорвался сквозь крикливое облако, достиг берега и скрылся в кустах.

Аррант, оказываясь, уже увязал сумки, так что оставалось только навьючить их на спину.

Эврих без промедления приладил свою и приготовился спускаться:

– Я склонен поверить Всаднику и тебе посоветовал бы то же. Зачем бы Ему губить нас теперь, когда Он легко мог сделать это ещё вчера?...

Волкодав промолчал. Но не потому, что испытывал такое уж доверие к каменному губителю кораблей. Туман, скрывавший основание Всадника, разорвало ветерком, и подозрительный венн убедился: никакой видимой опасности спуск не таил. Вода же внизу была зорче стекла, маленькие лёгкие волны позволяли рассмотреть дно и светлый песок, в который уходили чёрные скалы Всадника. Похоже, до берега удастся дойти вброд, не придётся даже и плыть... Йарра немного задержался в пещерке, так славно приютившей их ночью. Пошарив под рубашкой, он вытащил кожаный мешочек, который, сколько знал его Волкодав, всегда носил на груди. Венн, правда, никогда раньше не видел, чтобы мальчик его открывал. А вот теперь Йарра зубами распутал завязки и вытряс себе на ладонь несколько маленьких блестящих камешков, обточенных быстрой рекой.

– Возьми это в подарок, Всадник, – негромко сказал он, задрав голову и глядя туда, где высился над ними изборождённый ветрами лик, обращённый в сторону берега. – Спасибо, родич. Я буду помнить тебя...

Волкодав снял с плеч и раскупорил сумку, заботливо увязанную Эврихом. Порылся и вытащил сухарь, приготовленный Ниилит ещё в Беловодье. Молча положил его на камень.

– Я буду молиться Богам Небесной Горы, – сказал молодой аррант. – Обрети успокоение, Всадник, если ты желаешь его и если это возможно...

Снизу, упруго завиваясь и дыша холодом, наполнил язык тумана. Людям как будто советовали поторопиться. Когда ветерок пронёс туман мимо, Эврих первым начал спускаться. Йарра двинулся за ним, Волкодав отправился в путь последним. Камни под его руками были мокрыми и холодными. Никакого тепла скрытой жизни в них не ощущалось. Если она всё-таки обитала здесь, эта самая жизнь, она, верно, была такой же холодной и тёмной. По крайней мере от шторма до шторма. Она даже и солнечного тепла принимать в себя не желала...

Он слышал, как Эврих, достигнув воды, с плеском прыгнул в неё. И почти тотчас...

– Волкодав!... – заорал Эврих так, что венну разом привиделись то ли зыбучие пески, готовые поглотить книгочея, то ли стаи хищных рыб, напавшие из подводных пещер. Действительно, Эврих, которому полагалось бы уйти в воду примерно по грудь, скрылся в ней весь, оставив на поверхности только сумку, всплывшую со спины. Волкодав думал недолго – что было силы оттолкнулся от скального уступа и бултыхнулся следом за Эврихом. Тут же оказалось, что аррант и не думал тонуть. Просто увидел нечто, торчавшее под водой из песка, и наклонился поднять.

Когда он выпрямился, в руках у него был Солнечный Пламень, вдетый в крепкие ножны работы мастера Вароха. За ножнами тянулся длинный ремень. И на ремне – всё остальное оружие путешественников, ещё в начале плавания уложенное под крышку корабельного сундука...

Волкодав так и шёл до самого берега, держа меч двумя руками у груди, точно ребёнка. Почему-то все трое отчаянно торопились и старались идти настолько быстро, насколько это вообще было возможно в воде. Йарра местами плыл. Волкодав хотел предложить мальчишке взобраться ему на плечи, но потом передумал. Йарра, кажется, считал себя воином. Не стоило его обижать.

– А я вроде понял, чем мне не понравился прибор, когда нас несло разбивать, – разгребая воду грудью и животом, пропыхтел Эврих. Волкодав вопросительно обернулся к нему, и он пояснил: – Видишь ли, у берега волны всегда не такие, как в открытом море. Это потому, что дно делается выше и меняет их форму. Так вот, там, если верить волнам, никакого дна не было.

Волкодав остановился. Потом все трое обернулись в сторону Всадника.

Громадная скала выглядела совершенно чужой рядом с весёлым солнечным берегом. Глыба холодной тьмы, которой не место посреди ясного дня. Всадник был виден весь целиком, но у его подножия вновь клубился туман. Непроглядная пелена постепенно поднималась всё выше, окутывая каменного исполина густым мглистым плащом...

– Прощай, Всадник, – прошептал Йарра.

По каменному лику стекала влага, осевшая из тумана. Она блестела в глазницах, и медленные капли показались Волкодаву подозрительно похожими на слёзы. Теперь в гранитных чертах не было ярости, одна только скорбь. Венн вытянул из ножен Солнечный Пламень и приветствовал Всадника, как приветствуют воина, уходящего навсегда. Туман поднимался, размывая чёткий силуэт утёса, словно врезанного в утреннее небо. Волкодаву казалось, будто Всадник тоже смотрел на них, пытаясь оттянуть мгновение нового одиночества. Когда туман укрыл его

окончательно, венну померещилось внутри серого облака некое движение. Как будто кто-то поднял руку, прощаясь.

А потом береговой ветер задул сильнее и повлѣк плотный клубок тумана прочь от материка, за голубеющий морской горизонт. Всѣ дальше и дальше отлетало серое облачко, то ли постепенно истаивая под солнцем, то ли растворяясь в лёгкой дымке, вьющейся над волнами...

Двое мужчин и мальчик следили за ним, стоя по пояс в воде, пока оно не скрылось из глаз.

Раскинув стынущие руки,
Не видя неба в серой мгле,
Уже на том краю разлуки -
Убитый парень на земле.

Он, может, сам во всѣм виновен
И получил, что заслужил.
Но ток живой горячей крови
Не дрогнет больше в руслах жил.

Пусть оправдают, пусть осудят -
Ему едино. Он ушѣл.
Теперь угадывайте, люди,
Кому с ним было хорошо.

А он не сможет оглянуться
Из-за последнего угла
И протрезветь, и ужаснуться
Своим же собственным делам.

Нам словно мало тех напастей,
Что посылают небеса.
С какой неодолимой страстью
Себя двуногий губит сам!...

Пока ты жив, ещё не поздно
Начать с начала бранный путь.
Там, наверху, пылают звѣзды.
Там, дальше, – есть ли что-нибудь?

Дано ли будет нам обратно
Сойти во славе новых тел
И смыть всю грязь, и выжечь пятна,
Коль в этой жизни не успел?...

Быть может, вправду наше семя
Бессмертным спит в кругу планет
И ждѣт, когда настанет время,
И прорастѣт... А если нет?

А вдруг ни ангелы, ни черти
Не пронесутся в пустоте,
И что душа избегнет смерти -
Всего лишь сказка для детей?

А вдруг в последний раз, не в первый
Приходим мы на этот свет?
И впереди – лишь тьма и черви?
И рая нет? И ада нет?...

И нет суда, и нету судей,
И ни похвал, ни укоризн,
На что, мол, тринькаете, люди,
Одну-единственную жизнь?...

Иди, не опуская веки,
Живи мгновенья, как года,
Но каждый след чтоб был – навеки.
И каждый шаг – как в никуда.

13. Четыре орла

Странное всё-таки ощущение, когда облако проползает у тебя под ногами и в его разрывах ты видишь речку на дне долины, лес, превращённый высотой в зелёный бархатный мох, и тропу, по которой поднимался наверх. По глубокому убеждению Волкодава, человек не был предназначен смотреть на облака сверху вниз. Не дело добрым людям селиться на самом пороге Небес. То есть люди, конечно, далеко не всегда вольны выбирать, где им селиться. Насядут враги – мигом сбежишь в такие места, которые раньше и в страшном сне привидеться не могли. Тем не менее до своей встречи с виллами Волкодав вообще сомневался, следовало ли считать горы творением Светлых Богов или же их сверкающая красота в действительности была неким невероятным преломлением Тьмы. Совсем другое дело – заросшие сосной и дубом холмы, на которых он вырос. Вот это, вне всякого сомнения, было благое и доброе место, созданное для праведной жизни. Но там, где разреженный воздух едва наполнял лёгкие, где взрослые ивы и берёзы были едва в пядь высотой, а рядом стлыли промороженные вечным холодом ледники?... Если бы кто спросил Волкодава, он, пожалуй, ответил бы –

незачем смертным столь святотатственно приближаться к небесному царству. Что хорошо для Богов и бесплотных душ, веселившихся, по словам Йарры, над пиком Харан Киира, то было совсем не предназначено для живых людей.

Беда только, мнения Волкодава никто особо не спрашивал. Хозяйка Судеб определённо посмеивалась за плечом у юной Вионы, когда та взяла со своего телохранителя обещание доставить Йарру домой. И вот теперь это обещание загоняло Волкодава всё выше в горы, и ничего с этим поделать было нельзя.

Положа руку на сердце, Йарра не очень определённо знал, куда следовало идти. Отец говорил ему когда-то, что его род обитал на правом плече горы Четыре Орла. Но вот куда следовало повернуться лицом, чтобы нужный склон оказался правым, – этого мальчик сказать при всём желании не мог.

– Смотреть, вероятно, следует на восток, и склон, таким образом, оказывается южным, – предположил Эврих. – Юг и восток – благие стороны света, туда и обращают добрые люди выходы из жилищ. Ну и не вверх же по склону горы... Так, друг Волкодав? Тот кивнул, не находя ошибки в рассуждениях учёного. «Правый» всегда означало «правильный», а стало быть, южный или юго-восточный. Оставалась сущая мелочь: разыскать и дойти.

Первые два дня они пересекали приморскую степь и зелёные увалы предгорий. Эврих наслаждался теплом и возможностью ходить так, как приличествовало просвещённому арранту: в тонкой льняной рубашке и с обнажёнными (непристойно голыми, на взгляд Волкодава) ногами. С высотой сделалось холоднее. Эврих крепился до первого снежника и только тогда со вздохами уподобился варварам – снова натянул на озябшие ноги плотные шерстяные штаны.

Порою Волкодав посматривал на него, беззаботно зевавшего по сторонам, и смешанное чувство зависти и тревоги посещало венна. Сам он, даже попав в Беловодье, всё никак не мог оставить привычку настороженно озираться, выискивая опасность. А когда вернулся назад, в свой мир, прежние навыки битвы за жизнь вспомнились сами собой, так, словно никакого Беловодья в его жизни и не было. Эврих же... Волкодав отлично знал: за плечами светлокудрого красавца арранта были свои испытания, не менее опасные и тягостные, чем его собственные. А вот поди ж, не разучился быть на этой земле добрым доверчивым гостем. Не крадущимся, вечно готовым к отпору лазутчиком, как некоторые другие...

Это потому,
мрачно думал венн
, что я за него и посмотрю, и увижу. И в драку, если придётся, за обоих ввяжусь. И он это знает. И до того, паршивец, привык, что «спасибо» лишнего разу не скажет... Иногда венна злило это обыкновение Эвриха сваливать на него все заботы и хлопоты и вести себя так, словно Волкодав в самом деле был его телохранителем и слугой. Однако потом Эврих начинал читать Йарре что-нибудь из своих «Добавлений» (кипа мятых листов, нанизанных на бечёвку, уже являла собой внушительное произведение), и венна забирало раскаяние. Писались «Добавления», естественно, по-аррантски, но Эврих умудрялся с ходу переводить свои сочинения на местный язык, да так ловко, что любо-дорого было послушать. Кто он и кто ты! – думал в таких случаях Волкодав. Ну, полезут, наkostenяешь по шеям, эка невидаль! Таких, как ты, в каждой дюжине по двенадцать. А его книжку другие люди через сто лет будут читать. Как мы теперь Салегрина. И если он там упомянет хоть словом, дескать, странствовал со мной лютый венн и верно служил...

Гора Четыре Орла особо ничего «орлиного» в своём облике не имела. Имя ей дало происшествие с одним итигульским охотником, случившееся задолго до Последней войны. Йарра, наученный отцом, узнал прародительский пик по сбитой набок макушке и приметному ожерелью остроконечных гольцов, черневшему в снежном серебре чуть ниже вершины. Небо было ясное; прозрачный воздух позволял рассмотреть все тени на ледниках. Волкодав помнил, как нарушает глазомер эта обманчивая прозрачность, но гора в самом деле высилась не так далеко. Птица или, скажем, вилла на симуране долетела бы не притомившись. Пешеходам было труднее. Люди не умеют просто так перепархивать со склона на склон. Сперва спустись в самый низ, да притом сумей ещё обойти отвесную скальную стену, к которой неминуемо выйдешь. Переправься через сумасшедшую реку, ворочающую камни в теснине. И снова наверх – по траве, по камню, по снегу. Таща на спине когда-то казавшуюся лёгкой заплечную сумку. А потом опять вниз...

Гора Четыре Орла высилась впереди, переливаясь утренним перламутром, нестерпимо сияя под полуденными лучами, вспарывая алым зубцом вечернюю синеву. Не было заметно, чтобы она хоть сколько-то приближалась.

– А вдруг она тоже... как Всадник? – наполовину шутя предположил Эврих. – Блуждает?... Он сидел у маленького костра и держал в руках прут с насаженной на него жареной тушкой форели, ожидая, пока ужин хоть немного остынет. Морская вода попортила почти все их съестные припасы, кроме сухарей, сохраняемых для крайнего случая и надёжно укуренных от всякой напасти. Приходилось довольствоваться тем, чем богаты были не слишком гостеприимные горы: мясом случайно подстреленного козлика, сочными луковичками, которые, на посрамление Йарре, с видом знатока откапывал Волкодав, и ещё рыбой, выловленной в холодном ручье. Вот тут уже выпало отличиться юному итигулу. О жизни в горах Йарра, к великому своему стыду, не имел почти никакого понятия; зато во всём, что касалось воды и рыбной ловли, детство в Озёрном Краю сделало его великим умельцем.

Волкодав смотрел на распираемого законной гордостью паренька и невольно вспоминал Ниилит. Ниилит, ещё дичившуюся, ещё не отошедшую от пережитого в Людоедовом замке. Ниилит, облачённую в его, Волкодава, запасную рубаху с рукавами, свисавшими ей чуть не до пяток. И как она беззвучно кралась вдоль берега заводи с острым ореховым копьём в тонкой загорелой руке, а на травке поблёскивали тусклым болотным золотом уже пойманные сазаны... Подумав о Ниилит, Волкодав неизбежно вспомнил Виону. Наверное, потому, что у обеих были роскошные чёрные волосы и голубые глаза. Две девчонки сошли бы за сестёр, если бы не цвет кожи: у одной белый, легко вспыхивавший румянцем, другую милость Богов одела в глубокую медную черноту...

– Я вот всё думаю, – вдруг сказал Волкодав. – Про этот тысячный день... Помнишь? Когда она услышала те особенные слова и с ней началось... ты говорил, там даже по буквам получалось: УМРИ...

Эврих плотнее стянул на груди плащ:

– Я бы предпочёл вспомнить о чём-нибудь более приятном, друг мой! Люди, внушившие несчастной Вионе эти слова смерти, столь же могущественны, сколь и бесчеловечны. Как мне представляется, они даже позаботились окружить поражённую часть её души ловушками для лекаря, который попытался бы исправить причинённое зло. Я, кажется, рассказывал тебе, как сам едва не сорвался в бездну вместе с Вионой!... И Сигина, что самое обидное, так и не пожелала открыть мне, что за Богиня по её молитве нас удержала!... – Эврих сокрушённо мотнул головой. – Может, она дала великий обет сохранять тайну?... Воистину много непонятного на свете, друг Волкодав...

– Я не о том, – сказал венн. – Я просто... если в этом храме так уж наловчились внушать... Зачем им понадобилась ещё и посланница? Могли бы просто приказать: вот сбежишь, и наступит тысячный день... И всё такое прочее...

Он был не слишком уверен в том, о чём говорил, и счёл за благо умолкнуть, не дожидаясь насмешек. Эврих озадаченно смотрел на него.

– Ну... – протянул он наконец. – Я даже не знаю... Может, им самих посланниц надо испытывать? Может, твоя бывшая надсмотрщица тоже в жрицы готовилась?... Вряд ли мы когда-нибудь это выясним...

На шестой день лазания по горам случилось то, чего очень боялся Йарра. Они нарвались на шанов.

На самом деле всё произошло не вполне случайно и неожиданно. Волкодава предостереж звериный нюх на опасность: он сразу почувствовал взгляды нескольких пар глаз, устремлённые на них из-за каменной россыпи. В этом месте когда-то давно тешились игрой великаны – горный склон был усеян крупными валунами. Россыпь спускалась вниз двумя длинными языками, а посередине простиралась цветущая поляна, по которой путники как раз и собирались подняться.

Весьма подходящее место, чтобы стрелять с двух сторон, не давая попавшим в засаду спрятаться за спасительными камнями...

Волкодав повернул направо, обходя валунный язык.

– Куда ты ведёшь? – удивился Эврих. Венн обернулся через плечо и тихо пояснил:

– Там кто-то есть...

– Шаны, – побледнел Йарра. – Мои родичи вышли бы встречать нас на открытое место...

Волкодав как ни в чём не бывало продолжал взбираться наверх. За камнями не было слышно никакого движения, но потом прозвучал молодой голос, спросивший внятно и властно:

– Кто вы, пришедшие с равнин и ступившие на священную землю шан-итигулов?...

Путники остановились. Эврих поднял перед собой безоружные руки:

– Я мирный странствующий учёный родом из Аррантиады! Я поднялся в эти горы, чтобы познать мудрость народов, их населяющих. Я никому не желаю зла. Со мной только мой телохранитель и ещё юный проводник, взявшийся показать мне чудеса гор...

– Ты пойдёшь с нами, – долетело в ответ. – Наш вождь захочет узнать, не соглядатай ли ты, подосланный кворрами...

Эврих, рядом с которым стоял Йарра, заметил краем глаза, как вздрогнул мальчишка. Словом «кворр» местные охотники называли зверя, вздумавшего отсидеться на неприступной скале. Шан-итигулы, бывшие пленники Последней войны, могли презрительно именовать так только родичей Йарры, избежавших нашествия. Тем более что оскорбительное назвище было нечаянным образом схоже со словом «квар» – «истинные», как порою величали себя сами жители горы Четыре Орла...

– Положите-ка всё своё оружие наземь! – раздался приказ. – И ты, аррант, и твой защитник, и ты, сопляк-полукровка, тебя тоже касается! Положите и отойдите прочь на десять шагов!...

Во время плавания на корабле Йарра рассказывал Эвриху о чудовищной жестокости шанов. По его словам, этим людям ничего не стоило надругаться над беременной женщиной, лишить естества мужчину, запереть человека в железную клетку и спустить в яму с огнём. Правду сказать, такие разговоры начались уже после того, как Волкодав поведал про девушку с отрезанной головой. Эврих невольно подозревал, что мальчишка полуосознанно искал оправдания своему намерению резать шанов до последнего человека. «Не верь рассказам о жестоких обычаях, – некогда наставлял молодого арранта его благородный учитель. – Обязательно выяснится, что тебя вводит в заблуждение недруг упомянутого народа или его веры, склонный очернять всё с ними связанное...»

Эврих помнил даже выражение лица почтенного наставника, с которым тот произнёс эти примечательные слова. Они так запали в душу молодому учёному, что он не только старался руководствоваться ими всю жизнь – даже вывел на первой странице бережно сохраняемых «Дополнений» в качестве девиза, приличествующего основательной и обширной работе. Это Волкодаву в его невежестве было простительно усматривать в каждом народе беззакония и безобразия, невыгодно отличавшие то или иное племя от веннов. Он, Эврих, предпочитал всюду замечать мудрость, мужество и красоту...

...А вот теперь лихорадочно соображал: стоило ли в самом деле складывать оружие наземь, полагаясь на честь неведомых горцев? Да ещё тех самых, кого Йарра только что расписывал самыми чёрными красками? И сдаваться, по сути, в плен, да ещё имея на руках мальчика из враждебного племени?...

Может, Йарра заблуждался, а может, и нет. Проверять не хотелось.

Видимо, Волкодав рассуждал приблизительно так же. Он покосился на Эвриха и прошипел сквозь зубы:

– Прячься!

Какое облегчение, когда прекращается томительная неизвестность и наступает черёд решительных действий! Эврих вечно трусил и сомневался в себе перед дракой, но вот доходило до дела – и все сомнения испарялись. В особенности, если поблизости был Волкодав... Эврих сгрёб Йарру поперёк тела и вместе с ним рухнул в траву, откатываясь под куст, в тени которого он ещё раньше заметил достаточно глубокую яму – то ли недоконченную, то ли обвалившуюся волчьей нору. Свалившись в неё, Эврих немного выждал и осторожно приподнял голову, осматриваясь. Волкодава нигде не было видно. За камнями, где скрывались шан-итигулы, сначала было тихо. Потом оттуда раздалось истошные крики, почти сразу оборвавшиеся.

Горцы, познавшие столетие плена и долгое возвращение домой, умели устраивать неплохие засады и бесстрашно резаться в рукопашной. Уж верно, они не в игрушки играли с квар-итигулами и знали, какого цвета людская кровь. Их было трое: три молодых храбреца с кожей цвета разбавленной меди, ловких и гибких, одетых в войлочные шапки, шерстяные штаны и меховые накидки, незаметные среди бурых камней. Самому старшему было лет пятнадцать-шестнадцать. При каждом – натянутый лук, тул со стрелами и длинный кинжал в ножнах,

пристёгнутых к правому бедру. Волкодав знал: такие кинжалы здесь носили только мужчины, сумевшие подтвердить своё мужество в схватке с врагом. Горе народу, который вручает оружие пятнадцатилетним и отправляет их на войну: бей, ты прав!... Волкодав очень хорошо помнил точно такого же паренька по имени Волк. Каким тот был поначалу, когда они пытались вместе бежать. И каким он стал потом, когда попробовал лёгкой крови и распознал её вкус. Венн догадывался: вздумай они с Эврихом и Йаррой сдаться этим троим, вряд ли их ждало бы в плену большое веселье. Особенно Йарру. Он смотрел сзади на три беззащитные мальчишеские спины и в который раз чувствовал себя матёрым зверем, связавшимся со щенками.

– А ребёнка? – спросила государыня кнесинка. – Ребёнка ты мог бы убить?

Волкодав подумал и сказал:

– Сейчас не знаю, госпожа. Раньше мог.

Когда Эврих с самострелом наготове и следом за ним Йарра вышли к месту неудачной засады, трое юношей рядком лежали в траве. Лежали кто ничком, кто на боку, разбросав руки и ноги. Никто не шевелился. Мышь сидел на спине у одного из поверженных и деловито вылизывал розовый шрам, перечеркнувший крыло. Волкодав стоял рядом, рассматривая и пробуя ногтем чей-то вытасченный из ножен кинжал. Его внимание привлёк тугой узелок шёлковой ткани на конце рукояти. Венн осторожно потянул узкий малиновый хвостик. Свёрточек поддаваться не желал.

Молодой аррант окинул лежавших полным ужаса взглядом, потом повернулся к венну и уставился на него так, словно впервые увидел:

– Ты их...

Волкодав зло поднял глаза:

– Ага!... Вот только зажарить и съесть ещё не успел!...

Эврих опустил самострел и со вздохом провёл рукой по лицу. И запоздало увидел, что у всех троих приподнимало рёбра дыхание, а возле ноздрей колебались травяные стебельки.

– Головы поболит... – пробурчал Волкодав. – Чего доброго, на пользу пойдёт...

Эврих присмотрелся и обнаружил на шее ближайшего к нему парня еле видимое синеватое пятнышко от удара. Насколько было известно арранту, это место на человеческом теле венны называли «приляг отдохни».

– Когда мой отец жил здесь в горах, – тихо сказал Йарра, – у нас был закон: шан, встретивший квара... настоящего итигула... не встретит больше уже никого.

Он не стал договаривать. Волкодав пожал плечами:

– Я же не итигул... – Помолчал и добавил: – Да и закон с тех пор мог измениться.

Эврих ничего не сказал, но про себя подумал, что на это последнее надежда была слабая. Йарра обошёл лежавших кругом. Он не стал прикасаться ни к ним самим, ни к оружию. Эврих знал, о чём он думал. Об отрезанных головах. О том, какая участь выпала бы ему, попади он в плен к этим троим. И о том, что ждало бы шанских юношей в становище итигулов, вздумай Волкодав их туда отвести.

Кровная вражда до последнего человека на глазах переставала быть занятой игрой и превращалась во что-то очень страшное, грязное и кровавое. Эти трое отлежатся и встанут. Люди с отрезанными головами не встают уже никогда.

Почему я оказался таким плохим учеником, Мать Кендарат?...

– в который раз мысленно вопрошал тем временем Волкодав.

Ты ведь на моём месте, наверное, уже сидела бы с мальчишками у костра и угощалась с ними от одного хлеба, причём они даже не заподозрили бы, что тебе хватит трёх незаметных движений уложить всех троих?... А потом ты посетила бы их деревню и

поговорила с вождём, и во время беседы его вдруг осенило бы, какая это несусветная глупость – резаться со старинной роднёй... Почему я так не умею, Мать Кендарат? Почему?...

Они двинулись дальше. Йарра долго шёл молча и хмурился, что-то обдумывая. Потом наконец решился, догнал венна и с отчаянием тронул его за руку:

– Скажи мне... я, наверное, ужасный трус... да? Так ведь? Я трус?...

Волкодав внимательно посмотрел на него.

– Кто тебе это сказал?

Йарра устался себе под ноги, на колючие ягодные кустики, с еле слышным влажным шуршанием ложившиеся под сапожки.

– Когда мы придём домой и я расскажу, как мы попали в засаду, меня спросят, почему я не повесил их уши чернеть в очажном дыму...

Волкодав размеренно и неумолимо лез вверх по склону. На каждый его шаг Йарра делал три. Потом венн заметил:

– Но ведь не ты их побил. С тебя-то какой спрос?

Йарра неловко объяснил:

– Я попробовал представить, как будто это я... Я никому ещё не резал ушей...

– А твой отец? – спросил Волкодав.

– Он... – Йарра замялся. – Он был очень храбрым...

– Он когда-нибудь хвастался ушами, отрезанными у побеждённых?

– Нет... – с усилием выдавил Йарра. – То есть я не помню... Наверное, я невнимательно слушал его...

– А ты уверен, что он ушёл жить к твоей матери в Озёрный Край не потому, что ему тоже не нравилось отрезать уши?

Йарра долго молчал. Лыняная вихрастая голова опускалась всё ниже. Потом он еле слышно пробормотал:

– Я вырос слишком далеко от нашего племени. Из меня не получится настоящего воина.

– Из тебя, – сказал Волкодав, – получится то, что ты сам для себя выберешь.

Йарра с обречённым видом поднял глаза:

– Тебе хорошо рассуждать...

Волкодав усмехнулся. Юный итигул видел в нём человека, которому в жизни всё удалось. Великого воина. Венн поневоле вспомнил свой мысленный разговор со жрицей Богини Кан. Самому бы ему такую убеждённость... Он сказал:

– Я когда-то был таким же, как ты.

Йарре в это не особенно верилось. А если и верилось, то... мало ли что там было когда-то. Важнее то, что теперь. А теперь Волкодава, ясное дело, никто не заставит поступать против души. Попробуй-ка принудь к чему-нибудь человека, давно забывшего, как это – бояться наглых и сильных. Это тебе не мальчик двенадцати лет от роду, которому дай ещё Боги разобраться в собственных устремлениях. Йарра так и сказал:

– Ты великий воин. Я знаю, кого называют великими воинами у нас, у итигулов. Я тоже хочу быть таким, только у меня не получится. А ты совсем другой... и таким у меня подавно не...

Эврих мне говорил...

– Ты его больше слушай, – хмыкнул венн. – Он тебе ещё чего похлеще наврёт. Да кому они нужны, великие воины! Мужчина должен любить жену и детей растить, а не за головами охотиться!

Он хотя и не сразу, но понял, в каком лабиринте металось мальчишеское сердчишко. Йарра возмечтал стать воином-итигулом, ибо такой путь казался ему самым достойным. И вот выяснилось, что для этого придётся переступить через что-то слишком важное в себе самом. Отрезать от совести кровоточащий кусок и спрятать подальше... Ещё оказалось, что существовал и другой путь. Не менее достойный. И как знать, не был ли чужой человек, венн, больше похож на любимого отца Йарры, чем кровные родственники, измерявшие доблесть количеством шанских ушей, коптящихся в дыму очага?...

Вместе с тем Йарре померещилось в словах Волкодава некое противоречие, и он спросил:

– Вот ты говоришь... жену и детей... но ведь сам-то ты стал великим воином? И не живёшь дома? Почему ты так захотел?

Волкодав медленно покачал головой.

– Я никогда этого не хотел. Я мечтал ковать в кузнице, как мой отец. Я был немного младше тебя, когда на нас напали враги. Я должен был отомстить и выучился сражаться. Теперь я хорошо это умею, а жены и дома у меня как не было, так и нет. Мне говорили умные люди, что я свою жизнь плохо потратил. Надо было жить, а я... смертью занялся. Я не знаю.

Йарра сосредоточенно молчал, и Волкодав сказал ещё:

– У меня особого выбора не было. А у тебя есть.

Как оказалось, Эврих не ошибся, определяя «правый» склон горы Четыре Орла. Вот только убедиться в этом самостоятельно путникам не позволили.

В тот вечер они устроились на ночлег, не разжигая костра: мало ли чьё внимание мог привлечь его свет! Волкодав не доверил Эвриху сторожить, собрался всю ночь сидеть сам. Однако не успели его спутники как следует задремать, когда венн осторожно разбудил обоих.

– У нас гости, – проговорил он еле слышно. – Шесть человек.

Ни Йарра, ни Эврих ничего не видели и не слышали, но сомневаться не приходилось. Волкодав в таких вещах не ошибался и наверняка знал, о чём говорил. Оставалось только выяснить, кого он учуял в сгустившейся темноте. Если шанов, вздумавших выслеживать обидчиков незадачливой троицы...

– Ты можешь подать какой-нибудь знак, что ты «истинный»? – прошептал Эврих на ухо Йарре. Юного итигула затрясло так, что пришлось крепко сжать зубы. Вот и настал для него миг решимости, когда от неудачи или удачи зависели жизни. Он ещё оглянулся на Волкодава, ибо в подобных делах тот был, без сомнения, главным. Венн кивнул. Тогда Йарра набрал полную грудь воздуха, зажмурился, стиснул кулаки и... запел.

Странное это было пение. Мальчик не раскрывал рта, и казалось, будто звук исходил не из человеческого горла, а слетал с дрожащей струны неведомого инструмента. Ни один шан не умел так петь. Это была тайна и гордость племени итигулов – одна из многих, утраченных изгнанниками в долгом и далёком плену.

Из темноты долго не приходило никакого ответа. Молчание показалось Эвриху изумлённым: уж верно, итигулы никак не ожидали повстречать здесь кого-то, владеющего наследным искусством. В небольшом племени все знают друг друга. Вот и шестеро, затаившиеся на тёмном склоне, отлично знали не только всех своих родичей, но и кто где был этой ночью. Случайно встретить ещё одного итигула, да притом явившегося с такой стороны, откуда раньше подкрадывались только лазутчики-шаны?...

Волкодав умел слышать неслышимое для других. Умел и не пропустить тихий звук, затерявшийся среди шума и разговора. Он вслушивался и вглядывался в не такую уж густую для его глаз темноту. Со свирепых горцев станется для начала прирезать подозрительных ночных гостей, а уже потом разбираться, кто таковы...

Йарра пел, простирая перед собой руки и не открывая плотно зажмуренных глаз. По его щекам из-под век текли слёзы, невидимая струна дрожала и готова была оборваться. В отчаянной песне звучали и страсть, и мольба, и трепещущая гордость одинокого светильника на ветру. Обманщик не может так петь. Или всё-таки может?... Волкодав ещё выяснит, что в каждом итигульском роду сохранялась своя, лишь ему присущая песня; когда общая радость или общая скорбь собирала вместе всё племя, разные мелодии сплетались замечательным узором, словно нити в ковре или пальцы обнявшихся рук, и потому-то немногочисленные чужаки, кого Боги приводили на подобный сход, не могли его позабыть до смертного часа... Но это будет потом. А пока венн слушал напряжённый, страдающий голос и ощущал почти телесную боль, дожидаясь, чтобы итигулы приняли наконец решение.

И вот в темноте одна за другой зазвучали новые струны. Низкие, сильные голоса словно бы обняли срывающийся голос Йарры и повели его за собой, подбадривая и оберегая. А чуть погодя Волкодав подметил движение впереди. Ему хватило звёздного отсвета, чтобы вычленить крепкий мужской силуэт, увенчанный тремя орлиными перьями. Горец шёл не скрываясь.

Эврих и Волкодав поднялись на ноги. Йарра всё пел, вдохновенно выводя мелодию, доставшуюся от отца, и с восторгом слыша, как она вливается в могучую песню сородичей.

Ради этого мгновения воистину не жаль было вытерпеть тысячу бед и едва не погибнуть в

долгом плавании через море. Более возвышающей душу встречи со своим народом Йарра не мог бы и пожелать.

Когда-то очень, очень давно, чуть ли не во времена самой Великой Тьмы (породившей, как сказывали, не только горную страну на далёком Восточном материке, но и Заоблачный кряж), ветра и лютые морозы содрали с горы Четыре Орла мягкую зелёную кожу и плодородную мякоть земли, оставив один гранитный костяк. Когда же Бог Грозы пробудил Бога Солнца от смертного сна и вновь выпустил его в небо – милосердные воды стали точить обнажённый камень и наконец выгрызли в нём пещеру с широким устьем, похожую на громадную арку, созданную воображением очень смелого зодчего. Только перекрывала эта арка не вход в какой-нибудь замок и даже не городские ворота. Она уберегала от непогоды и от недоброго глаза целое поселение людей. Хлопотливый улей жилых домов, небольшую кузню и даже водяную мельницу, оседлавшую белогривый ручей. Перед зевом пещеры теснились на ладони горы крохотные, тщательно ухоженные поля, землю для которых не одно поколение втаскивало наверх из долин на собственных спинах. Поля ограждала стена, тоже, надобно думать, созданная трудами нескольких поколений. Незачем подкрашиваему врагу зариться на урожай, с превеликими трудами возвращённый на драгоценной земле!...

Впрочем, если Волкодав ещё что-нибудь понимал, даже и подобраться к этой стене было очень не просто. Пока их вели по тропе к мощным, окованным железом воротам, из ночного мрака несколько раз возникали дозорные и спрашивали, кто идёт. Шестеро итигулов называли себя, непременно добавляя:

– И с нами Йарра, сын Йарана Ящерицы. Он вернулся из-за великого моря.

Волкодав кожей чувствовал, какая гордость распирала парнишку при этих словах.

Весть о появлении неожиданных гостей улетела далеко вперёд, путешествуя одним горцам ведомыми способами. Венн уже не особенно удивился, обнаружив, что едва ли не вся деревня собралась встречать их возле ворот. Вместе с людьми выбежали собаки, и Волкодав на какое-то время утратил всю свою настороженность. О, итигульские псы заслуживали отдельного разговора! Это была особая порода, выведенная пастухами Заоблачного кряжа ещё до Последней войны и сбережённая вместе с драгоценнейшим достоянием народа. Называли её «утавегу», что переводилось на прочие языки как «белые духи, приносящие смерть».

Громадные, по бедро человеку, могучие пушистые псы играючи разрывали волков. При этом они были ещё и очень нарядными. Их густая шерсть искрилась снежной, без единого пятнышка белизной. Чёрные губы добродушно растягивались, открывая белые кинжалы зубов. Йарра как-то рассказывал со слов отца, что утавегу не только помогали справляться с отарами и охотиться на опасных зверей. Итигулы доверяли им детей, уходя на целый день из дому. Страшные псы беззлобно играли с малышами и охотно присматривали за ними. И без раздумий вцеплялись в глотку всякому недоброму пришельцу – зверю ли, человеку!

Понятно, что незнакомцев, приведённых дозорными, требовалось должным образом осмотреть и обнюхать. Эврих и Йарра были для утавегу гости как гости: подошёл, познакомился, отошёл. Зато Волкодав... Старейшая сука, непререкаемая хозяйка и водительница стад, подползла к нему на брюхе и ткнула носом в ладонь, испрашивая благоволения Великого Вожака. Явился Тот, Кто был властен повелевать. Прямой сын Старого Пса. Прочие двуногие были всего лишь наместниками, могущими передавать Его волю...

– Осторожно! – спохватился предостеречь Волкодава кто-то из итигулов. – Лучше не двигайся, чужеземец!...

Однако венну и Старейшей не было нужды в чьих-то советах. Ладонь человека-собаки ласково погладила белую голову псицы, потрепала мягкие уши, взъерошила роскошную гриву.

«Здравствуй, сестра!»

– коснулось её разума приветствие Вожака. Венн даже опустил на корточки, чтобы сравняться с ней ростом. Белая стая уже клубилась вокруг. Лютые утавегу повизгивали совсем по-щенячьи и лезли друг дружке на спины, чтобы коснуться Вожака, лизнуть Ему руку.

«Потом, братья, потом!»

– умерил собачий пыл Волкодав. –

Я ещё побуду с вами. Только не надо обижать остальных ваших друзей...»

Он сам замечал, что в последние год-два его способность общаться и ладить с собаками достигла удивительной остроты. Наверное, думал он иногда, так вот и утончается слух постепенно слепнущего человека. Со стороны бы на себя посмотреть. Может, меня и к роду людскому нельзя уже причислять?... Чего стоила та памятная встреча с собственной пёсией душой на берегу Ренны! Не говоря уже о превращении прямо посреди кондарской улицы, на глазах у перепуганного народа... И вот теперь, в заоблачной деревушке, с Волкодавом опять творилось нечто странное. Он вдруг почувствовал себя дома. И нечаянно пришло, само ощутилось всё то, что он тщетно пытался внушить себе в Беловодье, в собственноручно выстроенной избе. Здесь ему по-настоящему радовались, любили и уважали его. Он был своим. Он бы мог остаться здесь жить. «Белые духи, приносящие смерть» отнюдь не были разношёрстным сообществом шавок, звонко лающих из-под ворот в любом городе и деревне. Утавегу оказались народом ничуть не хуже самих итигулов. Волкодав мог бы возглавить этот народ. Сделать его своим. И сам стать как они...

Он выпрямился во весь рост, не без труда вернув мысли в человеческое русло. Псы безмолвно взирали на него, отдалившись на почтительное расстояние. Только Старейшая держалась возле ноги, преданно заглядывая в глаза.

– Не сердись на собачек, незнакомец, – сказал Волкодаву пожилой итигул. – Они у нас только с виду сердитые, а так-то смирные, не бросаются, пока мы не натравим. Ишь набежали, не иначе, в сумке что-то учуяли... Не помяли тебя?

Так, как с Волкодавом, утавегу никогда и ни с кем себя не вели. Трудно было понять, что к чему, во всеобщей кутерьме да в потёмках. Поэтому житель деревни привычно истолковал и пёсий порыв, и действия гостя, внезапно окружённого «приносящими смерть», и спрятал в усах усмешку. Эка невидаль, оторопь чужестранца, впервые узревшего утавегу. Итигул, конечно, даже издали никогда живого венна не видел и потому обращался к нему по-аррантски. Знать, рассудил про себя: раз уж тот сопровождает арранта, стало быть, и речь его понимает.

Эврих ответил за Волкодава и за себя:

– Слава о твоих псах, господин мой, распространилась так же широко, как и слава о бесстрашии итигулов. Я хотел бы написать в своей книге, что слухи о том и о другом несколько не преувеличены. Я надеюсь, вы не воспримете моё любопытство как выпытывание тайн?

И первым проследовал в распахнувшиеся ворота. Венн, безмолвный телохранитель, пристроился позади. Он был благодарен арранту, ибо уверенности в том, что сумет заговорить по-людски, отнюдь не испытывал.

Тут оказалось, что ворота вели вовсе не во внутренний двор, как он было решил. За дубовыми створками обнаружился каменный коридор, и в стенах его через каждый шаг зияли бойницы. Горе вражескому отряду, который высадит ворота, думая прорваться к добыче! В узком коридоре самых сильных врагов легко перебили бы малые дети, вооружённые самострелами...

Настоящая крепость!

– посетила Волкодава вещая мысль.

Как в случае чего выбираться-то будем?...

Уже входя внутрь, он обернулся, движимый неясным ощущением взгляда, устремлённого в спину. Над вершиной Харан Киира светилась одинокая звезда, отливавшая зеленью. Волкодаву померещилось даже, будто она звала его. Пока он смотрел, звезда замерцала и скрылась.

Элдаг Быстрый Клинок был очень красивым невысоким мужчиной, меднокожим и совершенно седым. Одеждой и убранством он мало отличался от соплеменников, однако ножны, пристёгнутые к бедру, сияли начищенным золотом, а рукоять кинжала, в точном соответствии с рассказами Йарры, была сплошь бирюзовой. Волкодав затруднился бы сказать, сколько Элдагу лет. Уж верно, не двадцать и даже не пятьдесят, но юношеская осанка и живость в движениях обманывали глаз, особенно издали, когда не видно морщин. Этот вождь ещё не скоро по-

настоящему состарится и передаст племя наследнику. Три его жены вышли к гостям, и самая младшая держала на руках годовалого сына.

При виде юной матери с малышом Волкодав сразу подумал, что на месте Элдага нипочём не позволил бы детям и женщинам показываться на глаза чужеземцам: мало ли какую порчу и скверну те с собой принесли!... Потом, поразмыслив, всё же нашёл странному поведению итигулов разумное истолкование. Наверное, решил венн, это из-за того, что мы привели с собой Йарру. Люди, подарившие племени нового воина, ни в коем случае не могут желать ему зла!

Много позже Эврих перечитает любимого Салегрина и объяснит спутнику, что Йарра был тут, собственно, ни при чём. Итигульский обычай велел оказывать доверие всякому, кто не был заведомым недругом. Но бойся, пришлец, дурно воспользоваться гостеприимством хозяев! Пожалеешь, что ещё в предгорьях не отобедали тобою ядовитые чёрные змеи...

– Мы ждали возвращения молодых храбрецов, отправившихся выслеживать шанов, – сказал вождь. – Но могут ли две-три шанские головы сравниться с удачей, негаданно вступившей под наш кров? Йарра-ло, дитя моего младшего брата, сегодня на пиру ты будешь сидеть передо мной!

Йарра, стосковавшийся по семейному теплу, так и светился от счастья. Он пытался говорить в ответ, но мог выдать только неразборчивое силение. Певческие подвиги дорого ему обошлись. Теперь жди по крайней мере несколько дней, покуда вернётся надсаженный голос! Горный народ жил так, как было некогда принято и у веннов. Лет этак двести назад. Большой общинный дом, где собиралось всё племя и куда сразу проводили гостей. Мужской дом, женской дом, помещения для гостей, хозяйственные постройки...

– Чему удивляется мой брат чужеземец? – подметил взгляд Волкодава всё тот же пожилой итигул. – Наши деды по брёвнышку перенесли этот дом сюда из долины, где он раньше стоял. Вот потому-то он внутри деревянный, хотя в наших местах лес не растёт.

Горец вновь говорил по-аррантски. Волкодав решил пока не обнаруживать своих познаний и ответил на том же языке:

– Я удивляюсь только мудрости Богов, завещавших разным народам сходный обычай. Моё племя тоже строило большие дома.

– Мой брат, наверное, сегован с Островов? – спросил итигул. – Я слышал, у вас больше принято каждому мужчине с жёнами строиться и селиться отдельно. Мы тоже отступили от старины, когда жили в долинах. За это духи Харан Киира напустили на нас шанов, да исчезнет их имя из разговоров мужей. Теперь мы вернулись к обычаю предков, ибо он мудр!

Волкодав, не любя спорить, только кивнул. Славен общинный дом, где усаживается за столы многочисленная родня, от глубоких стариков до малых ребят. Под его кровом любой себя чувствует не в поле обсевком – колоском среди золотой нивы рода... Но после пира или шумного схода, где решалось о важном, хочется покинуть многолюдное сборище, остаться в тихом уюте среди тех, кого особенно любишь: с женой и детьми. Прародитель Пёс, избрав человеческий облик, выстроил избу для себя и подруги, и прежняя звериная стая расположилась поблизости, но всё-таки за порогом. С утра до вечера торчать у всех на глазах и наслаждаться телесной любовью, отгородившись шерстяной занавеской?... Никакие хвастливые доводы не могли убедить Волкодава, что возвращение в большой дом было светозарным благом для итигулов. Он в это не верил. Вот как вынужденное утеснение несчастного племени, изнурённого десятилетиями постоянной войны, такую жизнь ещё можно было понять...

В общинном доме народа Четырёх Орлов не было ни лавок, ни столов, ни скамей. Каменный пол укрывали потрёпанные, но всё ещё красивые и тёплые цветные ковры. Люди ходили по ним в вязаных носках, оставляя обувь у входа. На коврах во множестве лежали вышитые подушки – точь-в-точь как в старых нарлакских домах, где ещё помнили о кочевом прошлом и чтили его обычаи. Всю середину пола занимал обширный очаг, над ним с кровельных балок свешивались две перевитые цепи. Во дни великих торжеств к ним подвешивали быка и жарили его целиком; сегодняшний радостный случай пришёл совсем неожиданно, не дав к себе приготовиться, и оттого цепи висели бездельно, а огонь в длинном очаге горел лишь по концам, остывшая же середина являла прокалённый камень, опятно очищенный от золы.

Вождь Элдаг уже возлежал на почётном месте хозяина, привычно опираясь на локоть, и расспрашивал Йарру о жизни за морем. Йарра сидел перед ним в позе почтения, принятой у итигулов. В веннском доме младший при старших не смел опустить зад на скамью, здесь же, наоборот, считалось невежливым стоять во весь рост: юноши в присутствии вождя садились на пятки и сдвигали колени. Элдаг был явно доволен, сколь многому Йаран Ящерица успел научить сына. Йарра старательно отвечал на вопросы вождя, краснея и стыдясь сорванного голоса. Женщины сновали взад и вперёд, собирая праздничное угощение. Бёдра у каждой были закутаны чем-то вроде понёвы, скроенной из пухлой пестрядины – основа шерстяная, уток тряпочный. Дома у Волкодава так ткали половики. Он подумал немного и сообразил, в чём выгода подобных одеяний, особенно в холода, когда никакие ковры и подушки не уберегают от сквозняков.

Старейшая лежала на своём обычном месте – в ногах у вождя. Псы, подобные утавегу, были достойны украшать не только общинный дом маленького племени, но хотя бы и тронный зал великого саккаремского шادا. Старейшая могла пригнать домой стадо, послать любого своего сына за волком (лениво встал, догнал, убил, вернулся, улёгся...), защитить хозяина на охоте, опередить подосланного убийцу. И быть при этом живой драгоценностью в белейшей изысканной шубе. Сука лежала неподвижно, повернув голову в сторону Волкодава, и не сводила с него глаз, мерцающих янтарём. Другие псы бродили по дому, валялись на войлоках, играли между собой или дремали подле хозяев. Когда Йарру примут в семью и совершат над ним полный обряд, за ним тоже станет следовать «белый дух», и лишь смерть сумеет их разлучить.

Скоро перед гостями появилось деревянное блюдо с красной пряной капустой, резаным сыром и горшочком топлёного масла, но главное – с высокой стопкой толстых, тронутых нежным румянцем лепёшек. Аромат от них распространялся такой, что у Волкодава, давно не видевшего свежего хлеба, заурчало в животе. Любознательный Эврих тут же обратился к женщине, поставившей блюдо:

– Скажи, добрая красавица, из какого зерна вы печёте столь несравненные хлебцы? Я не заметил рядом с вашей крепостью обширных полей, но, может быть, мне помешала темнота, или вы владеете пахотными угодьями в менее суровых местах?...

Женщина засмеялась:

– Славный чужестранец, эти лепёшки не из зерна. Отец Небо, приблизивший нас к Своему престолу, взамен пшеницы и проса даровал нам земляное яблоко. Мы жарим и варим его, печём из него хлеб, а зимой, когда у иных начинают болеть дёсны, жуём сырым для здоровья... Она говорила свободно и складно, что вообще-то не слишком часто встречается среди людей. К тому же Эвриху не понадобилось особенно кривить душой, именуя её красавицей. Волкодав присмотрелся к собеседнице арранта и вполне разделил его восхищение. Дочь кваров выглядела настоящим воплощением женственности: стройная, сильная, с двумя тугими светлыми косами, короной уложенными на голове. У веннов девушки всегда заплетали одну косу, а взяв мужа – расчёсывали волосы надвое. Здесь поступали наоборот...

И в это время где-то поблизости прозвучал тяжёлый рокочущий гул, завершившийся глухим грохотом. Эвриху померещилось, будто разом мигнули и потускнели светильники, а нарядно застланный пол начал уходить из-под ног. Он испуганно вскочил... И оказалось, что во всём большом доме всполошился только он один. Да ещё Йарра. Остальные беззлобно хохотали, указывая на них пальцами.

– Мне... – смущённо пробормотал Эврих. – Мне показалось...

– Чужестранцы всегда пугаются вздохов горы, – улыбнулась белокурая женщина. – Не страшись, это всего лишь камень вывалился из свода пещеры. Такое у нас происходит каждую ночь. Когда ты выйдешь наружу, ты увидишь наверху прочный плетень. Наши мужчины всё время осматривают и подновляют его и кладут известь там, где камни падают особенно часто. Крыша дома тотчас показалась арранту слишком непрочной и хрупкой, а пещера, укрывшая деревню, – самой настоящей ловушкой. Захотелось немедленно выскочить из неё под открытое небо. Там тоже немало опасностей, но по крайней мере не надо ждать внезапного обвала и жуткого погребения заживо...

– А вы не боитесь, – спросил он, – что вас однажды засыплет совсем?...

– Нет, не боимся, – ответила женщина. – Третьего дня вождь сам поднимался к своду и нашёл его крепким. Да и утавегу всегда предупредят нас об опасности... – И лукаво спросила: – Хочешь, чужестранец, после пира я покажу тебе земляные яблоки и всё про них расскажу? Польщённый Эврих, загораясь, приподнялся с подушек:

– Благодарю тебя, добрая красавица, и почту за великую...

Однако судьбе было угодно, чтобы любовный сговор, к немалому сожалению арранта, так и остался невысказанным. Вождь Элдаг поднялся на ноги, и женщина поспешила прочь, исчезнув за кругом сидевших мужчин.

Элдаг держал в руках особенную лепёшку. Она была во всём подобна прочим хлебцам, только в поперечнике – добрых полтора локтя.

– Братья истинные итигулы, – прозвучал голос вождя. – Сегодня, если Отец Небо попустит вернуться невредимыми нашим молодым храбрецам, нас станет на одного больше. А если кто-то из юношей удалится ликовать среди пращуров над вершиной Харан Киира, всё равно эта убыль окажется не столь заметна. Ибо сегодня от одного хлеба с квар-итигулами будет вкушать новый росток на могучем стволе нашего племени – Йарра, сын Йарана Ящерицы, моего младшего брата. Подойди сюда, братучадо!

Йарра выбежал вперёд и немедленно опустил перед вождём всё в ту же позу почтения. Старейшая потянулась к нему, обнюхала, потом лизнула в щёку. Народ загудел: люди узрели доброе предзнаменование. Элдаг отломил кусочек лепёшки, не спеша прожевал и запил из длинного, извитого рога. Потом отломил такой же кусочек и дал его Йарре с рук, точно младенцу:

– Отныне этот юный воин будет сидеть вместе со всеми и держать свою долю во всём, что пошлёт нам Отец Небо, будь то праведный урожай или смертельная битва с врагами... По праву старшего брата я беру дитя Йарана в свой род и нарекаю своим собственным сыном. Завтра же будет поставлено пиво и выкроен башмак наследования, и когда всё будет готово, мы совершим над сыном Йарана полный обряд. Он будет наследовать мне после сыновей, родившихся от моего семени до нынешнего дня!...

Двое гостей ждали одобрительных криков, гулких ударов обнажёнными клинками в щиты. Ничего подобного не последовало. Итигулы молча и разом, как один человек, трижды поклонились вождю, признавая и чтя его решение.

– Приблизьтесь, благородные чужестранцы, – продолжал Элдаг, обращаясь к венну с аррантом. Эврих, а за ним и Волкодав послушно поднялись и замерли на коленях перед вождём. – Вкусите от нашего хлеба, – торжественно продолжал Элдаг, – ибо люди, даровавшие племени нового воина, не должны оставаться чужими у очага итигулов. Отведайте же с нами святого дара Земли и Небес, чтобы кровь, текущая в наших жилах, отныне объединила свой ток!

Учёный аррант первым принял из рук вождя румяный край очень вкусной лепёшки и запил его из рога белой жидкостью, оказавшейся козьим молоком. Позже настанет черёд и для хмельного, но козье молоко считалось у итигулов священным напитком. Каждый горец с младенчества слышал о том, как пращур племени некогда умирал на бесплодных камнях и непременно погиб бы, не успев дать начало итигульскому роду, не пошли ему Отец Небо ласковую рогатую кормилицу с выменем, полным целебного молока.

Волкодав в свою очередь отведал хлеба и молока, и что-то дрожало в давно очерствевшей душе. Ему поневоле вспомнилось несостоявшееся побратимство с Аптахаром. Где ж было знать три года назад, что Хозяйка Судеб приведёт побрататься с целым народом!...

Теперь у меня есть родственники,
сказал себе венн.

Не только псы меня за своего теперь признают...

Старейшая подняла голову, улыбаясь ему во всю пасть, и приветливо застучала хвостом.

Уже внесли печёную баранью голову, и вождь Элдаг принялся отрезать кусочки полупрозрачного уха, по старшинству раздавая их пировавшим, когда снаружи начался какой-то переполох. Волкодав заметил, как многие сразу потянулись к оружию: что там, уж не враги ли?... Но в криках, доносившихся со двора, было лишь яростное торжество.

– Наши юноши возвратились, – сказал пожилой итигул, сидевший рядом с гостями. – И, похоже, Отец Небо ниспослал им удачу!

Как вскорости выяснилось, удача была такова, что не за стыд даже и вломиться с нею прямо в пиршественный покой. Распахнулись двери, и вовнутрь общинного дома ввалилось пятеро парней. Они ещё не успели стереть с лиц смесь жира и сажи, помогающую незаметно красться в ночи, так что взгляд выделял только зубы и сверкающие глаза, но по голосам, по движениям Волкодав тотчас определил: все пятеро были ровесниками тем неудачливым шанским юнцам, которых он оставил «поспать» где-то за перевалом. То есть такими же сосунками лет по пятнадцать. Которым бы слушаться бабок и матерей и по пятам ходить за старшими братьями и отцами, постигая мужскую науку...

Четверо тащили на плечах толстый шест. Прочная жердь скрипела и прогибалась под тяжестью большого мешка. Время от времени мешок слабо и неуклюже трепыхался: ни дать ни взять в нём несли большую овцу, связанную к тому же. Но когда парни с видимым облегчением сбросили свою ношу на каменный пол, вскрик из мешка раздался вполне человеческий. Это был голос женщины. Беспомощной и жестоко страдающей. Эврих, холодея, оглянулся на Волкодава. Венн жевал кусок лепёшки, с любопытством наблюдая за юнцами, и по его лицу решительно невозможно было что-то сказать о его истинных чувствах.

Вожак возвратившейся пятёрки тем временем припал на колени возле мешка и торопливо распутал верёвку, стягивавшую горловину. Один из его товарищей несильно пнул ворочавшийся свёрток сапожком: вылезай, мол. Пленница должной расторопности не проявила, и тогда парни подхватили мешок за углы, и под раскаты всеобщего хохота на пол вывалилась женщина.

Невысокая, не слишком молоденькая, измученная и растрёпанная. И с огромным животом, готовым вот-вот выпустить в мир младенца. Женщина затравленно озиралась, помимо разума прикрывая ладонями беззащитное чрево. Потом неожиданно выпрямилась, справляясь с собой, опустила руки и подняла подбородок с таким видом, словно не она находилась в плену, а, наоборот, ей самой предстояло решать судьбы врагов, наконец-то угодивших к ней на расправу.

Эврих снова заметил подле себя гибкую красавицу, обещавшую показать ему земляные яблоки, и спросил:

– Не вразумишь ли чужестранца, моя госпожа, что это за женщину принесли в мешке ваши юные воины, и почему все так радуются её появлению?

Горянка охотно пояснила:

– Это Раг, сестра Лагима, предводителя шанов. Взгляни, как хорошо она держится! Не плачет, не просит пощадить её или ублюдка, которым собиралась порадовать мужа. Надеюсь, она не утратит мужества до рассвета, когда Отец Небо увидит её смерть. Мы, итигулы, считаем, что это совсем не забавно – пытаться малодушных врагов. Только смелого врага можно убить так, чтобы потом было что вспомнить!

Эврих заставил себя улыбнуться и поблагодарил:

– Спасибо, красавица.

Мысль о том, что он едва не отправился с нею смотреть диковинный земной плод и, вполне вероятно, мог бы удостоиться её женской благосклонности, внезапно внушила ему животное омерзение. Он улучил мгновение и снова покосился на Волкодава. Волкодав невозмутимо ел. Вот только Старейшая время от времени поглядывала на него, словно ожидая приказа.

Вождь Элдаг опять поднялся на ноги, и опять в длинном доме разом стихли все разговоры, крики и шум.

– Внемлите, чужестранцы! – проговорил вождь. – Я думал, ваше появление с сыном моего брата принесло нам удачу. Я ошибался! Трижды великая удача вступила сегодня под кров итигулов! Ибо Отец Небо, приблизивший нас к Своему престолу, позволяет нам истребить дочь врага и с нею всех тех, кого она могла бы родить на погибель истинному итигульскому корню!...

Он смотрел на пленницу и указывал на неё пальцем. Раг подняла тёмные глаза и выдержала его взгляд с величием, достойным царицы. И внезапно Эврих с удивительной лёгкостью представил себе точно такой же дом, только в шанской деревне, взятого в плен Элдага и эту женщину, с ликованием слушающую страшные слова произносимого над ним приговора. Да, именно так всё и было бы, распорядись по-иному здешние Боги. Эврих вдруг осознал, что побасенки Йарры

о лютой жестокости шанов были истинной правдой. От начала и до конца. Дело только в том, что и шаны могли бы наговорить о своих ненавистниках точно такого же.

И это тоже было бы правдой. От начала и до конца...

Ох как мудр был Наставник: «Не верь, когда тебе рассказывают о вражде двух народов, и один предстаёт мужественным страдальцем, а другой – сплошным семенем негодяев! Начнёшь разбираться, и оба окажутся хороши...»

– Завтра будет праздник, – продолжал тем временем Элдаг. – И жертвенный пир, дабы пращуры, взирающие с вершины Харан Киира, могли вкусить от нашего ликования. А покуда бык не освежён и не собрана его кровь, пусть-ка эта шанская шлюха стоит здесь и наблюдает за радостью, которую принесла под наш кров!

Молодые воины, доставившие пленницу, тут же подхватили её, вытащили на середину погашенного очага, расплели свисавшие цепи и за руки привязали к ним женщину. Она восприняла возню юнцов с таким видом, словно происходившее вовсе не имело к ней отношения. Эврих же с какой-то окончательной обречённостью подумал о том, как несправедлива судьба. Они-то с Волкодавом надеялись отдохнуть у горцев несколько дней в сытости и тепле, а потом двинуться дальше – в Тин-Вилену. Может, даже и с вооружённым отрядом, снаряжённым благодарными итигулами. То есть они с венном из каких только передраг уже не выкручивались, но плохо ли путешественнику, когда в чужой стране его охраняет местный народ?... Учёный аррант успел раз мечтаться о лёгком и приятном странствии через Заоблачный кряж и о том, какими главами он украсит на досуге свои «Дополнения», в которые, к слову сказать, он даже и встречу со Всадником пока ещё не смог как следует занести...

И вот теперь ничего этого не будет. Ни беззаботной поездки, ни упоительной работы над книгой, и это ещё при самом благоприятном исходе. Если же рассуждать трезво, всё скорее всего кончится сразу и навсегда. Ибо отстоять Раг не удастся ни вооружённой рукой, ни с помощью всего красноречия лобастых мудрецов Силиона. Люди, у которых на уме резня до последнего человека, редко слушаются разумных речей. А жить дальше, сделав вид, будто не заметил, как здесь замучили женщину... притом ещё и беременную... и сколько угодно тверди себе, что она и сама, дай только случай, своими руками пыталась бы своих нынешних палачей... Вот и делай выбор. Точно такой, о каком, волнуясь, читал раньше в героических сказаниях великих предшественников. Читал, мечтая о подвигах, у себя дома в благополучной Верхней Аррантиаде, и хотелось перенестись за ровные линии строчек, туда, где принимались достойные песен решения и выбор оплачивался кровью. Ну вот и настал он, твой час. Только в сказаниях дело обычно происходило не в Богами забытых деревушках крохотного народца, а под стенами блистательных городов прошлого. И речь шла самое меньшее о царствах, а не о какой-то впервые увиденной женщине, которая, даже если случится чудо и её удастся вызволить, сама того и гляди от родов помрёт...

Веселье, с появлением пленницы ставшее ощутимо грозным, шло своим чередом. Итигулы поглощали ароматное жареное мясо, лепёшки и зелень, запивая добрую снедь немереным количеством хмельного напитка, приготовленного из сквашенного молока. Эвриху кусок не лез в горло. Он с трудом принудил себя сжевать пол-лепёшки: дивный вкус хлеба, испечённого из «земляных яблок», казался ему кощунственным. Что же касается напитка, он как-то подозрительно быстро причинил лёгкий хмель, и молодой аррант, заметив его коварство, стал подносить рог к губам больше для виду.

– Что-то ты плохо ешь и пьёшь, уважаемый гость, – тут же обратился к нему усатый сосед. – Не нравится угощение? Или у вас, мягкотелых обитателей равнин, животы болят от настоящей еды, достойной мужчин?

Он доброжелательно улыбался – только не сердись, мол, на дружескую подначку, – но Эврих усмотрел в словах горца некую настороженность и ответил:

– Ваше угощение прекрасно настолько же, насколько несравненны красавицы, его подающие.

Увы, мой желудок в самом деле нередко подводит меня, когда я пытаюсь воздать должное лакомствам, для него непривычным. Быть может, в дальнейшем, когда я несколько у вас обживусь...

Он давно усвоил: лучший способ рассеять чужую подозрительность – позволить над собой посмеяться. Однако отделаться от соседа оказалось не так-то просто.

– А твой слуга почему не ест и не пьёт? – спросил итигул. – Уж он-то, насколько я вижу, мужик – из катапульти не прошибёшь?

Эврих давно знал о равнодушии Волкодава к выпивке и про себя полагал, что венн, не слишком привычный к хмельному, попросту не умеет пить. Сам он подтрунивал над спутником при каждом удобном случае, но давать повод для этого стороннему человеку было нехорошо. Эврих помнил, как обидел Волкодава на кондарском торгу. Повторять не хотелось.

– О-о, – развёл руками аррант, – этого человека даже уважение к хозяевам дома не заставит делать то, что не кажется ему правильным. Я нанял его в телохранители, уважаемый, ибо мало ли что может случиться в дальнем пути с безобидным собирателем мудрости вроде меня. Он, правда, отказывается таскать мою поклажу и во всё суёт нос, но службу исправляет отменно. Даже и теперь, когда мы наслаждаемся гостеприимством друзей, он боится отяжелеть от еды и напитков и не устеречь какую-нибудь опасность...

Итигул с уважением посмотрел на Волкодава, проворчал что-то одобрительное и с расспросами больше не пристаивал. Видно, здешним жителям не требовалось особых объяснений, что такое бдительность... Поразмыслив на сей счёт, Эврих в свою очередь обратился к соседу:

– Скажи мне, почтенный... Ваш пир прекрасен, но не получится ли, что шаны – воистину да исторгнется их имя из разговоров мужей! – явятся отбивать свою родственницу, а ваши воины, отведавшие благородного напитка, столь бурно веселящего кровь...

– Тебе не о чем беспокоиться, аррант! – захохотал итигул. – То, что ты видишь, – это не пир, полпира! Вот завтра, когда мы казним шанскую блудницу, и в самом деле будет на что посмотреть. Но даже если каждый из нас вольёт в себя по целому бурдюку, как это пристойно мужчине, какой враг доберётся до нас, пока деревню стерегут вот эти собачки?...

И он с силой похлопал по боку большого мохнатого кобеля, принявшего к костям с обрезками мяса.

Эврих положил на ладонь кусочек баранины:

– Можно ли мне его угостить?

Итигул чмокнул губами, привлекая внимание пса, и сказал ему, указывая на Эвриха:

– Свой!

Утавегу вежливо качнул пышным хвостом, обнюхал сперва руку, потом угощение и наконец взял мясо. Сделал он это без жадности, скорее как бы исполняя долг учтивости по отношению к гостю. Зубы у него были страшные.

Женщина по имени Раг неподвижно стояла посередине погашенного очага. Эврих не видел, чтобы она хотя бы переминалась с ноги на ногу. Или пыталась пошевелить руками, поднятыми над головой. Такое беспощадное мужество наверняка недёшево ей обходилось, но шанка явно не желала выказывать даже малейших признаков слабости. Гибель – ужасная гибель – была неминуема, и она это знала. И собиралась хранить ледяное достоинство. До тех пор, пока это будет в человеческих силах...

За спинами взрослых итигулов вертелись дети – от едва выучившихся ходить до подростков с уже пробившимися усами. Они слушали разговоры мужчин и время от времени стайками подлетали к Раг, чтобы, приплясывая, радостно объяснить пленнице, что именно ожидало её назавтра. Женщина не удостоивала их вниманием и не произносила ни слова. Когда в кругу ребятни, корчившей рожи и дёргавшей Раг за одежду, появился Йарра и начал веселиться вместе со всеми, Эврих ощутил, как болезненно сжалось слева в груди.

Вот так,
мысленно сказал он себе.

Вот так. Видно, парень сделал тот выбор, о котором говорил ему Волкодав...

– Пусть подойдут новые братья, ещё утром бывшие для нас чужестранцами! – прозвучал голос вождя.

Эврих немедленно поднялся на зов и увидел, как в двух шагах от него встаёт Волкодав. Вдвоём они приблизились к почётному месту и снова преклонили колени.

– Ты со своим спутником доставил мне нового воина и наследника, – обратился к арранту Элдаг. – И я усматриваю особый знак Отца Небо в том, что именно сегодня Ему было угодно позволить нам нанести сугубый ущерб нашим врагам. Скажите, новые братья, каким деянием или подарком я мог бы вас отблагодарить?

Судя по раскрасневшимся скулам и блестящим глазам, он выпил немало, но голос и движения рук оставались уверенными, и можно было не сомневаться, что разум вождя был светел и трезв.

Эврих набрал побольше воздуха в грудь...

О Прекраснейшая, ты милосердна!... Сделай же, чтобы у меня получилось...

– Государь мой, щедро взысканный Богами предводитель храбрецов и хозяин поднебесной твердыни! – отвечивал он без запинки. – Чего может пожелать скромный учёный, не помышляющий ни о каких земных благах, кроме возможности добавить ещё одну крупницу к своим познаниям о чудесах этого мира? Под кровом твоего дома, государь мой, живёт немало отменных рассказчиков, способных, я думаю, поведать мне немало такого, о чём я прежде и не догадывался. Но все эти благородные итигулы, о которых я говорю, волею Отца Небо пребудут здесь и завтра, и ещё много дней, так что, если ты позволишь мне их расспросить, у нас будет в избытке времени для благословенной беседы. Однако, пресветлый вождь, ты без сомнения знаешь, что Боги премудрости велели нам, учёным, пристально наблюдать не только орлиный полёт, но и возню ничтожных червей, роющихся в падали. К тому же наша вера гласит: желая наилучшим образом оттенить доблесть героев, найди достойные слова для их недругов... Так вот, под кровом твоего дома, славный предводитель, я усматриваю некий источник сведений о врагах итигулов, о тех, чьё имя должно несомненно исчезнуть из разговоров мужей. Я дерзаю говорить об этом источнике, государь, только лишь потому, что назавтра у меня уже не будет возможности прибегнуть к нему...

Тут Эврих позволил себе улыбнуться, и ответный смех итигулов наполнил его сердце надеждой.

– Лучшим подарком было бы для меня, – продолжал он, – если бы по окончании пира ты позволил отвести пленницу в тот чертог, где поселят меня и моего телохранителя. Я расспросил бы эту ничтожную о её народе и записал бы рассказ, дабы те, кому случится прочесть мою книгу, не сомневались: квар-итигулы воистину великие воины, раз уж они посрамляют столь сильных врагов...

Он чувствовал, как ползли по вискам предательские капельки пота, и только молился: пускай Элдаг припишет это жару огня, сытной пище и выпивке!... Боги Небесной Горы услышали его молитву – не зря, знать, духовные наставники древности советовали жаждающим возвышения уединяться в горах. Вождь Элдаг посмотрел сперва на него, потом на рослого телохранителя – и неожиданно расхохотался:

– Станными гостями благословляет меня Отец Небо! Взгляните, итигулы, на этих обитателей равнин! Вместо того, чтобы до рассвета наслаждаться объятиями наших красавиц, они предпочитают беседовать неизвестно о чём с безобразной, как жаба, шанской грязнухой, которая, того гляди, ещё родит своего ублюдка прямо им на руки!... Что ж, отдайте им эту раздувшуюся свинью, ибо велика радость в моём сердце, и желания гостей не должны встретить в нашем доме препоны. Но ты помни, высокоучёный аррант, – чтобы к рассвету никакой убыли в пленнице не приключилось! Припадай к её источнику сколько твоей душе угодно, только, чур, досуха его не исчерпай!...

Смешки, сопровождавшие шуточную речь вождя, при этих последних словах превратились в оглушительный хохот. Наверное, его было слышно даже снаружи, там, где над ледяной вершиной Харан Киира вновь трепетал одинокий огонёк зелёной звезды.

Спи, родной, сомкни ресницы,
Кончен грозный счёт.
Перевернуты страницы,
Дальше жизнь течёт.

Дремлют сумрачные ели
Вдоль пустых дорог.
Все мы что-то не успели
В отведённый срок.

Не отбросит больше радуг
Солнце на клинке.
Гор закатные громады
Гаснут вдалеке.

Мы проснёмся утром ясным
И продолжим путь.
Будет Зло уже не властно
Людам души гнуть.

Что-то мы с тобой свершили,
Что-то – не смогли...
Спи, родной, раскинув крылья,
На груди земли.

14. Зелёная радуга

Выйдя наружу, Эврих немедленно задрал голову, придирчиво осматривая пещерный свод. Каменный купол действительно напоминал дно гигантской опрокинутой корзины: его покрывал сплошной плетень, красивый, крепкий и частый. Аррант поискал глазами дыру на месте выпавшего обломка, но не нашёл. Он только застонал про себя, когда молодые воины пригласили их с Волкодавом в самую глубину, и начал оглядываться по сторонам, силясь запомнить дорогу.

Итигулы редко занимались строительством. Постоянно воюющее племя не увеличивалось в числе, так что последние сто лет стены и крыши возводились разве что взамен рухнувших. Строили из обломков местного камня, скрепляя его извёсткой, замешенной на сыворотке и яйце. Самые же старинные жилища, заселённые ещё до Последней войны, были целиком вырублены в скалах, благо те охотно уступали резцу. Надо ли говорить, что такие дома считались наиболее почётными и подходящими для лучших людей, слишком именитых, чтобы ночевать под кровом общинного дома? Когда арранта и венна препроводили под назначенный для них кров, знакомый с обычаями итигулов сразу сказал бы – этих гостей принимали воистину по-царски. Ради того, чтобы они могли несколько ночей вкушать старинное гостеприимство, из жилища, высеченного в цельном утёсе, спешно перебралась к общему очагу семья старшего сына вождя.

– Двести лет ни один шан не переступал праотеческого порога! – сказал усатый итигул, втаскивая за связанные руки спотыкающуюся Раг. – Гордись, нечестивица, ради прихоти гостей ты извела великую честь!

Шанка встала у стены, держась по возможности прямо и не позволяя себе хотя бы опереться о камень, завешенный толстым ковром. Лишь медленно обвела взглядом жильё, вытесанное, быть может, руками её собственных предков. Очаг в северном углу и потрескавшаяся от времени кожаная труба, сквозь которую в отверстие высоко на стене уходил дым. Деревянные сундуки, по крышкам которых были напоказ выложены тончайшие шерстяные ткани, слава итигульских мастериц, и с гордостью расставлены дорогие покупные предметы вроде сосуда от водяных часов, по неосведомлённости превращённого в кубок... Крюк для люльки, пухлые войлоки и ковры, укрывшие плоть скалы... и груды подушек, на которые Эврих – важный странствующий мудрец – сейчас же улёгся. Итигулы вышли наружу, продолжая на ходу отпускать шуточки о странных жителях равнин, коим милы раздутые бурдюки с дерьмом, по недоразумению схожие с женщинами. Волкодав закрыл за горами дверь. Она, кстати, была из толстого дерева,

укреплённого железными полосами. Такая дверь остановит и холод, и дикого зверя, и врага, рвущегося в жильё. И никакой нечисти не даст ходу вовнутрь. Хорошая дверь.

Эврих начал было подниматься с подушек, но Волкодав вскинул руку, и аррант замер на месте. Венн слушал удалявшиеся шаги. Эврих тоже прислушался, но ничего не различил, кроме тяжёлого дыхания Раг. Были вещи, в которых с Волкодавом ему не равняться. Он это понял давно.

– Ушли, – сказал наконец венн.

Эврих подхватился с уютного ложа, словно оно его жгло:

– Стража есть?...

– Нету никакой стражи. И замка нет... – проворчал Волкодав и обернулся к женщине: – Приляг, госпожа... Больше никто не обидит.

Раг до того не ждала ничего подобного, что сначала просто не услышала этих слов. А может, и услышала, но не поняла. Она попыталась ударить Эвриха, когда тот стал распутывать верёвку у неё на руках.

– Успокойся, госпожа, мы тебе не враги, – терпеливо повторил аррант и под локти усадил женщину туда, где только что возлежал сам. – Ты немного отдохнёшь, и мы вместе подумаем, как нам отсюда выбраться...

Волкодав принёс Раг меховое одеяло, потом подвесил над очагом маленький котелок. Шанка не стала сопротивляться, когда Эврих снова взял её руки и начал бережно растирать синие борозды на запястьях. Она пристально, испытующе смотрела на двоих мужчин, неизвестно с чего вздумавших о ней позаботиться. Она не спешила поверить, что ей предлагают спасение и что это спасение в самом деле возможно. Не иначе, проклятые кворры выдумали ещё способ сломить её дух. Или их гости настолько глупы, что вправду решились пойти против воли хозяев?... Когда Волкодав принёс горячую чашку, пахнущую пряным листом, Раг смогла сама взять её и поднести ко рту.

– Вы добрые люди, чужеземцы, но неразумные, – неожиданно проговорила она. Голос у неё оказался низким, с заметной хрипотцой. – Дайте мне нож, потом вы скажете им, что я украла его. Вы гости, вас за это, может, прогонят, но убить не убьют...

Эврих ободряюще улыбнулся:

– Не хорони себя раньше времени, почтенная. Себя и своё дитя. Скоро все итигулы напьются, и мы попробуем убежать...

Раг покачала головой. У неё были тёмные волосы, и Эврих заметил, что в них уже порядочно седины.

– Ты ничего не понимаешь, – сказала она. – Ты назвался учёным, чужеземец, но ты не знаешь кворров. Ты думаешь, почему они так беспечно напиваются на пиру? Даже если вся деревня свалится с ног, останутся белые духи, приносящие смерть, и ничто на свете не притупит их бдительности. Они загрызли столько наших лазутчиков, что я уже и не знаю, желать ли, чтобы мой брат Лагим послал воинов... Если меня не подводит чутьё и ты достоин остаться в памяти шанов – дай нож!

Волкодав тем временем приоткрыл дверь, выглядывая наружу. Оттуда сейчас же раздалось поскуливание, и в щель просунулись две белые морды. Влажные пуговицы носов так и работали, вбирая запахи дома и людей, сидевших внутри.

– Зачем кворрам стража? – усмехнулась Раг. – Сюда и так никто не войдёт... И никто не выйдет отсюда...

Волкодав открыл дверь пошире. Восемь лап немедленно переступили порог, два белых зверя подняли головы, вопросительно глядя на своего Вожака, потом направились к Раг. Ей потребовалось всё её мужество, чтобы не шарахнуться прочь.

– Как вышло, что тебя захватили в плен, почтенная госпожа? – спросил Эврих. Он смотрел на её живот, казавшийся ещё больше из-за толстого одеяла. – Прости моё любопытство, но тебе, как мне кажется, недолго осталось носить бремя... В моей стране женщины, ощутившие приближение срока, стараются не уходить из дома одни, а родня загодя посылает за лекарем! Неужели домашние дела вынудили тебя идти куда-то одну? Или твои защитники не смогли тебя отстоять?...

Раг с усилием отвела глаза от улётшихся псов. Глаза, как и волосы, у неё были тёмные – по мнению «истинных», это свидетельствовало об утраченной чистоте крови. Вроде того, как если

бы щенок утавегу родился с рыжими пятнами на боках. Зачем такому жить и ещё больше портить породу?

Раг сказала:

– В твоей стране женщины перестали быть женщинами и забыли, чем они отличаются от мужчин. Я удалилась из деревни и воздвигла себе родильную перекладину, но выбрала неудачное место. Кворры заметили палатку и захватили меня.

Эврих, движимый любопытством бытописателя, осведомился:

– Скажи, почтенная, женщины ваших врагов тоже так поступают? Я имею в виду, уходят испускать рождение в одиночку, невзирая на опасность от неприятелей, холода и диких зверей? Раг шевельнулась под одеялом, тёмные глаза блеснули в полутьме.

– Женщины кворров годятся только на то, чтобы давать грудь щенкам демонов, которых они называют собаками. Почему ты не позволяешь мне умереть от собственной руки, чужеземец? Ты хочешь, чтобы завтра меня бросили на растерзание вот этим собакам? Или сожгли на костре?...

Эврих опустил на колени у её изголовья, приложил ладони к вискам, шершавым от засохшего пота.

– Спи, – сказал он, глядя в расширенные зрачки Раг. – Отдохни, пока можно.

Учение у Тилорна не прошло бесследно: целительное внушение неплохо давалось арранту. Он сосредоточился и почему-то сразу вспомнил Сигину. Деревенская сумасшедшая словно бы возникла подле него и неосознанно склонилась над Раг, навевая ей сон. Пленница удивлённо посмотрела сперва на Эвриха, потом на пустое место с ним рядом, не в силах понять, откуда вдруг такое чувство покоя и неподвластной разуму внутренней уверенности, что всё будет хорошо. Она моргнула несколько раз и смежила ресницы. Пока Эврих поднимался с колен, ощущение присутствия рассеялось без следа.

– А ты вправду умный... – сказал Волкодав, когда аррант подошёл к нему. – У меня бы не вышло... вот так оттуда её увести...

До сих пор он, право, гораздо охотнее тыкал учёного носом в его многочисленные упущения. Вроде недостаточного усердия в воинском деле.

Эврих вдруг необыкновенно смутился и ответил:

– Теперь ещё бы устроить, чтоб не зря это у нас получилось.

Волкодав довольно долго молчал и наконец проговорил:

– Места тут... странные... Гора эта, где души танцуют... Не надо человеку в горах жить! Мне уже мерещится что-то... Вот сейчас дверь откроется, и Сигина войдёт...

Ночь стояла звёздная и тихая. Было слышно, как постепенно пошли на убыль в общинном доме песни и шум. Ещё немного, и деревня останется на попечении одних утавегу. Эврих осторожно разбудил Раг:

– Вставай, госпожа моя, надо выбираться отсюда.

Ей, судя по всему, снилось что-то очень хорошее. Когда он тронул её за плечо, она даже улыбнулась во сне, и лицо, не особенно юное и вдобавок обезображенное беременностью, на мгновение стало по-девичьи красивым и светлым. Потом она открыла глаза, вспомнила, где находится, и вздрогнула, сжавшись, а обветренное лицо снова сделалось непроницаемым и суровым, и ранние морщины возникли в углах губ.

– Вставай, госпожа, будем выбираться, – повторил Эврих.

Женщина тяжело завозилась, откидывая одеяло и косясь на тёплую одежду, которую аррант успел позаимствовать из сундуков.

– Ты ничего не смыслишь в нашей жизни, чужеземец, – пробормотала она. – И совсем не ценишь свою. Тебе хочется висеть на колу, проклиная звезду, под который был зачат? Или стоять пригвождённым и смотреть на мальчишек с луками, выбирающих места на твоём теле?...

– Одевайся, госпожа, – сказал Эврих.

Раг натянула через голову пушистое вязаное одеяние:

– Мне снилась моя мать. Её плоть давно укрыта землёй, а душа веселится среди заповедных снегов Харан Киира. Разве ты не знаешь, к чему снятся умершие? Тебе тоже хочется туда, где нет времени?

Эврих спросил:

– Твоя почтенная матушка, она что, звала тебя за собой?

Раг несколько удивилась:

– Она ласкала меня... гладила по голове...

– Ну вот видишь, – сказал аррант. – Она тоже пыталась ободрить тебя, а ты никак не поверишь.

При всей необыкновенной стойкости Раг идти она, как скоро выяснилось, была почти не способна. Все силы ушли на то, чтобы не дать кворрам возможности потешиться её беспомощностью. Эврих почти нёс пленницу, обхватив поперёк тела и закинув одну её руку себе на плечо. Маленькая женщина оказалась удивительно тяжёлой. И с каждым шагом становилась всё тяжелее. Эврих поневоле вспоминал собственные слова, со смехом произнесённые на пиру, – о телохранителе, не желающем таскать поклажу. Кто же знал, что легкомысленному – лишь бы отвязаться от собеседника-итигула! – высказыванию предстояло оправдаться так скоро? Он не только поддерживал Раг, но и нёс оба заплечных мешка, Волкодавов и свой собственный. Если побег всё-таки обнаружат, придётся их бросить. Эврих загодя подумал об этом и переложил деньги и драгоценные «Дополнения» в отдельную сумку. Рукопись он устроил на самом дне. Он не первый раз путешествовал по горам и знал, что бывают мгновения, когда лишним грузом оказывается даже серебро. Возможно ли подобное по отношению к книге? Эврих только усмехался про себя. Скоро выясним...

Жаль было, что он так и не успел расспросить «истинных» итигулов о затерянном храме древних Богов. Может, шаны что-нибудь знают? Или всё забыли в плену?...

Под каменным кровом, прятавшим деревню от непогод и вражьего глаза, царил почти кромешная темнота, лишь впереди лучились колющие огоньки звёзд. Молодой аррант всё поглядывал на них, ощупью пробираясь вдоль шершавой стены. Иные миры, по которым некогда странствовал Тилорн!... Собираясь в путешествие за таинственной штуковиной из разбитого звёздного корабля, Эврих лелеял нечестивую мысль самому когда-нибудь отправиться в иномирье вместе с Тилорном. Звёзды ещё никогда не казались ему такими далёкими и недостижимыми, как теперь...

Он не видел и не слышал Волкодава, кравшегося впереди. Просто из темноты время от времени протягивалась рука и принуждала их с Раг сворачивать в нужную сторону. Либо не дыша вращать в стену, чтобы разминуться с итигулами, пробиравшимися к отхожему месту. Что же касается утавегу, то не ошибся мудрец Тагиол Аррский, первым сказавший: человека можно приучить ко всему. Мало-помалу Эврих совсем перестал обращать внимание на громадных белых псов, возникавших, точно из воздуха, в каждой закоулке деревни. И даже Раг перестала вздрагивать, когда очередной «белый дух» тыкался холодным носом ей в руку. Иногда Эврих спохватывался и принимался гадать, так ли добродушно будет это зверьё, когда настанет время лезть через стену. Волкодав определённо имел над утавегу какую-то власть. Но вот сколь далеко она простиралась?...

Самое удивительное, что особого страха аррант не испытывал. Хотя умом понимал, что в случае неудачи живым в плен лучше не попадать. Он словно бы пережил весь причитавшийся ему страх ещё в пиршественном чертоге, пока решал, надо ли вмешиваться в чужую вражду, а потом, сделав выбор, подыскивал для итигульского предводителя достаточно убедительные слова. Теперь настала пора действовать, и жаркий ток крови смысл боязнь почти без остатка. Эврих только старался потише ступать и, следя за тем, как постепенно разрастался впереди ломоть звёздного неба, пытался вычислить, скоро ли стена. Конечно, деревенское забрало выросло перед ним совсем неожиданно. Как раз когда он отвлёкся, поудобнее перехватывая никнувшую Раг.

– Как ты?... – спросил он шёпотом. Женщина не ответила. Она тяжело дышала сквозь зубы, еле слышно постанывая, а потом судорожно вздрогнула всем телом, и Эврих мгновенно облился потом:

как бы срок, о котором они рассуждали в доме сына вождя, не истёк прямо сейчас!...

Он тут же начал мысленно рыться в содержимом мешков, прикидывая, хватит ли запасных рубах на пелёнки и тряпки... и наткнулся на Волкодава, стоявшего под стеной. Вокруг в темноте угадывалось не меньше десятка белёсых расплывчатых пятен. Свита, достойная Вожака.

Венн перенял у Эвриха женщину, помог спустить наземь мешки и прошипел в ухо:
– Лезь!

Стена в этом месте была намного выше человеческого роста. Эврих вытянул руки и приподнялся на цыпочки, но края нащупать не смог. Волкодав подставил ему сперва колено, потом сцепленные руки и наконец плечо. Голова арранта возвысилась над стеной, он сумел опереться локтем и, подтягиваясь, подумал:

как же сами-то итигулы собираются в случае чего сюда карабкаться и стрелять? А если не собираются – что там, на той стороне? Отвесный обрыв, который сам по себе защита, не нужно и воинов?...

Эврих успел мысленно вознести краткую, но очень прочувствованную молитву, согласно которой Боги Небесной Горы ни в коем случае не должны были допустить подобного невезения... Сумка с рукописью и деньгами свесилась набок и мешала ему. Обдирая живот, он всё-таки навалился на каменный край и заглянул на ту сторону.

Там всё было словно в предсказаниях зиронских оракулов. То есть как хочешь, так и понимай. Глаза Эвриха давно освоились с темнотой, насколько это было возможно для обычного зрения, но разглядеть нечто определённое в тени нависшей горы... ну хоть плачь. Он решил сообщить об этом Волкодаву, распластался по кромке стены и свесил голову внутрь. Венн смотрел на него снизу, и его глаза отчётливо светились точно такими же огоньками, как и у зверей, молчаливым полукругом сидевших поодаль. Эвриху сразу расхотелось что-либо говорить. Он молча поймал подброшенный венном мешок, оказавшийся его собственным, вытащил моток верёвки, продел один конец под лямку и стал опускать мешок за стену. Когда шнур обмяк, он высвободил его и торопливо поймал вторую заплечную сумку. Потом пришлось опять ложиться животом и свешиваться внутрь уже как следует, потому что Волкодав поднял на руки Раг, и та с неожиданной силой вцепилась в протянутые навстречу ладони, шаркая по стене башмачками в поисках опоры. Эврих выволок её наверх, удивляясь про себя собственному проворству. Пока он переводил дух, Волкодав присоединился к нему на стене – очень тихо и неизвестно каким способом. И, почти не задерживаясь, соскочил наружу. Уж верно, он видел, куда прыгает. Эврих снова увидел, как светятся у него глаза. Он снова прижался к шершавой поверхности камня, ощущая исцарапанной кожей все выпуклости и углы, и свесил ноги внутрь, уравнивая тяжесть Раг, медленно спускавшейся на руки Волкодаву. Мелькнула мысль: вот сейчас подспеют разгневанные итигулы и схватят за сапоги. Или утавегу, потеряв из виду своего приятеля венна, очнутся и примутся бросаться на стену, будоража деревню яростным лаем...

Ничего этого не произошло. Раг вдруг тихо ахнула и выпустила его руки. Её запястья выскользнули из пальцев арранта, и тот успел смертельно перепугаться: разбилась!...

– но снизу долетел негромкий голос Волкодава, и Эврих, испытав величайшее облегчение, соскочил в темноту следом за спутниками.

Облегчение немедленно сменилось приступом страха, ибо, уже падая вниз, он сообразил, что летит неизвестно куда... всё длилось мгновение. Под ногами хрустнули камешки, неожиданное столкновение с землёй сложило Эвриха втрое, он ударился подбородком о собственное колено, но, впрочем, даже не прикусил языка. И выпрямился, осознавая, что невозможное всё-таки удалось. Они выбрались из деревни. И там до сих пор никто не поднял тревоги.

– А-оу-у-ау-у-а, – сдержанно долетело из-за стены. Это утавегу желали им доброй дороги и печалились, что пришлось так скоро проститься с Вожаком. Эврих невольно поискал глазами Волкодава. Звёздный свет позволил ему рассмотреть, как тот поднял голову, оглядываясь на стену. В третий раз Эврих заметил в его глазах нечеловеческие огоньки и внутренне жгася, почти уверенный, что венн вот сейчас ответит псам на их языке. Но Волкодав промолчал.

– Ну скажи что-нибудь!... – взмолился молодой аррант, карабкаясь следом за своим спутником по крутой узкой тропе. – Как в деревню пришли, ты точно говорить разучился! Что с тобой происходит?...

Он снова тащил оба заплечных мешка. И мысль о лишнем грузе, который давно пора было бросить, не единожды посещала его. И не казалась крамольной. Из-за двойной тяжести Эврих начал взмокать уже через сотню шагов и, остановившись, торопливо стащил тёплую куртку. Теперь телу было хорошо и прохладно, зато начали мёрзнуть руки. Особенно кисти. Когда он хватался за камни, то чувствовал, что пальцы утратили гибкость.

Волкодав нёс на руках Раг. Время от времени женщина что-то тихо говорила ему, Эврих не слышал, что именно, но, вероятно, она указывала дорогу к горе, именуемой Тлеющая Печь. Раг вела их к поселению шанов кратчайшим путём. Венн шёл быстро: серпик молодого месяца, выглянувший из-за дальнего хребта, проливал с неба светлое серебро. Эврих спешил следом, невольно вспоминая, как несколько месяцев назад Волкодав нёс на руках его самого. Засечный краж, конечно, имел с Заоблачным весьма мало общего. И погоня, грозившая им тогда, была совершенно иной...

Мышь то уносился вперёд, разведывая путь, то пропадал где-то позади. Когда он в очередной раз пронёсся мимо арранта, коснувшись его волос шелковистым крылом, а потом упал на плечо Волкодаву и возбуждённо заверещал, тот вдруг обернулся к Эвриху и проговорил со зловещим спокойствием:

– Они обнаружили, что нас нет на месте, и снаряжают погоню.

Эврих прикинул про себя пройденное расстояние и заключил, что их настигнут гораздо раньше, чем они выйдут туда, где уже есть надежда встретить воинов-шанов. У него не шевельнулось предположения, что Волкодав может ошибаться насчёт погони. Он только спросил:

– Откуда ты знаешь?

Это было то же самое любопытство, что заставляло его рассматривать волны, нёсшие их к подножию Всадника. Он хорошо помнил кондарские подвиги венна. Может быть, он выучился понимать крики Мыша? Или мысленно общался с утавегу, как виллы с симуранами и между собой?... Волкодав ответил:

– Они хотят пустить псов, но те не берут след. Подскажи, госпожа, нет ли здесь поблизости места, где нас не смогут найти? Без собак, я имею в виду?...

Раг ответила:

– Мы на земле кворров, а здесь они повсюду найдут нас даже ощупью. Теперь мы умрём, и молитесь своим Богам, чужеземцы, чтобы смерть оказалась не слишком страшна.

– Да что ты всё о смерти... – начал было Эврих, но Раг перебила:

– Я знаю только одно место, куда не сунутся кворры. Но и мы оттуда живыми не выйдем, ибо смертным заповедано ступать на священную землю...

Эврих сразу подумал о Вратах, которые – почём знать? – вполне могли здесь обнаружиться. У него дома верили, что человек, склонный путешествовать в Нижний Мир, может в течение своей жизни воспользоваться тремя разными Вратами и ни в коем случае не более. О тех, кто пробовал сунуться в четвёртые, рассказывали поистине жуткие вещи: их уносило в какие-то вовсе уж запредельные пространства, откуда выбраться умудрялись немногие, да и то лишь посредством могущественной магии или чуда Богов. Только люди, близкие к святости, могли переноситься туда и обратно помимо всяких Врат, по своему произволу. Их так и называли – Соединяющие Миры. Эврих к святости отнюдь не приближался, да и трое Врат, отпущенных человеку, уже миновал. Потому, кстати, они с Волкодавом и начали свой путь возле Туманной скалы. Одни из доступных Эвриху Врат были ещё дальше от Западного материка, а возле других его вовсе не ждала радушная встреча...

Что ж! Если потребуется выбирать между четвёртыми Вратами и жажущими отмщения итигулами, Эврих предпочёл бы посмотреть, куда именно забрасывает путника роковая черта...

Раг прервала его размышления, сказав:

– Это Харан Киир!...

Двое мужчин невольно вскинули глаза, поворачиваясь к исполинской вершине, громоздившейся по левую руку. Слова Раг и её зловещее предупреждение ни дать ни взять были услышаны. Точно в ответ, над ледяным пиком начало разгораться зелёное зарево.

Это не было северное сияние, которое на родине Эвриха являлось раз в девяносто лет и почиталось великим знамением, а в родных местах Волкодава всю зиму висело зеленоватой бахромой в небесах, колыхаясь под порывами нездешнего ветра. Островные сегваны, обитавшие ещё дальше к северу, рассказывали, будто у них сияние переливалось цветами и даже иногда разговаривало: потрескивало и шипело. То, что предстало глазам беглецов, ничуть не походило на тот морозный северный свет. На вершине Харан Киира возник длинный язык ярко-зелёного пламени. Некоторое время он держался на месте, дрожа и колеблясь, потом метнулся на склон, растёкся по скалам, окутывая их светящимся прозрачным туманом, завертелся в устье ледяной расщелины, отступил в тёмную глубину... Скрылся из глаз и опять расправился над вершиной, чем-то напоминая поднятую ладонь... кивающую, манящую... Зовущую.

Эврих на некоторое время утратил дар речи и просто созерцал необыкновенное явление, не думая ни о чём. Сама собой улетучилась даже мысль, обыкновенно первым долгом его посещавшая: о «Дополнениях», о пёрышке и чернилах. Он даже не начал безотчётно подыскивать слова, как всякий раз делал, когда видел нечто, казавшееся достойным рассказа. Именно это обстоятельство – странная пустота мыслей – и заставило его в конце концов спохватиться. Он встряхнулся, завертел головой и обнаружил, что медленно идёт по каменистому, заросшему реденькой травкой склону прямо туда, где по другую сторону неширокой долины устремлялись вверх снежники Харан Киира. Учёный аррант оглянулся на Волкодава. Венн тоже шёл в ту сторону, хотя и медленнее. Когда остановился Эврих, остановился и он. Было видно, что странное наваждение в полной мере коснулось его. Спутники переглянулись, и Волкодав сказал:

– Оно зовёт...

– Значит, вы тоже слышите Зов, – подала голос Раг. Она неуклюже шевелилась на руках у венна, ощупывая живот. – Пока мы понимаем, что делаем, мы ещё можем вернуться!

Эврих зябко передёрнул плечами. А может, итигулы их всё-таки не убьют? Или удастся найти какую-нибудь нору и отсидеться в ней до рассвета?...

Хотя что должно было измениться с рассветом, оставалось неясно.

– Почему вы, оба племени, так боитесь умерших? – вдруг спросил Волкодав. – Ведь это ваши умершие. Разве они причинят зло собственным внукам?

Зелёное пламя всё так же металось впереди, и Эвриху вдруг показалось, будто оно, как живое, тянулось к ним через долину. Но не могло пересечь некую границу, меркло, тускнело и отступало обратно на вершину, чтобы почерпнуть силы из неведомого источника.

– Живой человек не должен заглядывать туда, где ликуют отлетевшие души... – ответила Раг. Она смотрела на Харан Киир расширенными глазами, и странное зарево отражалось в зрачках.

– Ну а мы пируем и веселимся на кладбищах, чтобы умершие пращуры не чувствовали себя покинутыми и забытыми, – сказал Волкодав. – Сколько землю топчу, ещё ни один мертвец мне не гадил так, как живые!

Эврих напрягал слух, ловя шорохи ночи. Погони не было слышно, и от этого только становилось страшней. Если бы сзади раздавались возгласы, переключка рогов и лай злобных ищеек, можно было бы по крайней мере судить, далеко ли преследователи. Без этого так и казалось, будто итигулы вот-вот ринутся из-за ближайшего камня. Или даже не ринутся, а подкрадутся всё так же неслышно, и нож, входящий под рёбра, будет первым, что успеешь заметить. А заодно и последним.

– Пошли-ка глянем, кто там зовёт нас из горы, – сказал Волкодав. Поудобнее перехватил закусившую губы Раг – и двинулся вперёд, через маленькую долину, навстречу танцующему огню. Эврих навьючил мешки, которые опустил было наземь, и поспешил следом за ним. Странное дело! Стоило принять решение, и потусторонняя жуть, только что грозившая затопить разум, словно бы отодвинулась. Теперь арранта больше заботило, как бы успеть добраться до заповедной горы прежде, чем появятся итигулы. Неглубокая долинка, разграничивавшая две громады возносящихся скал, была совершенно открытой и голой, словно корыто. Когда-то давно, может, во времена Великой Тьмы, здесь сползал язык ледника, но теперь лёд отступил, покинув ложе, проточенное в утёсах. Где-нибудь на равнинах ледниковый шрам давно заплыл бы плодородной землёй, зарос деревьями и травой и изгладился, превратившись в мягкой распадок. Здесь всё оставалось таким же, каким было тысячи лет назад.

То есть спрятаться негде. Эврих почти бегом поспевал за размашисто шагавшим венном и ждал, что в заплочный мешок вот-вот воткнётся стрела. Он пристроился за спиной Волкодава, стараясь держаться поближе к нему. У того ведь на спине не было ничего, кроме ножен с Солнечным Пламенем.

Зелёный огонь в очередной раз возник над вершиной, сбежал вниз по склону (Эврих успел обратить внимание, что он не растапливал снега) и остановился прямо перед ними, у входа в расселину. Аррант присмотрелся к скалам по обе стороны входа, сверкавшим, точно россыпи изумрудов, от близости пламени, и задумался: камень или лёд?...

Они миновали самое дно лысой ложбины и стали подниматься наверх, и в это время сзади появились-таки итигулы. Волкодав оглянулся, услышав за спиной тоскливый вой утавегу. Белые псы не пожелали искать след беглецов и подавно не собирались набрасываться и рвать, но не смогли и совсем отказаться от повинования людям. Два народа слишком долго жили в согласии и любви, чтобы память поколений вот так запросто стёрлась. Хотя бы и от пришествия Вожака.

Волкодав посмотрел назад как раз вовремя, чтобы увидеть, как преследователи возникли из-за скал. И остановились, поражённые зрелищем сбежавших гостей, уходивших туда, откуда, по мнению итигулов, живым не возвращался никто. Волкодав сразу понял, что погоня дальше не двинется. Вождь Элдаг в сердцах стегнул ремнём Старейшую, скулившую у колен, и поднял лук. Многим, должно быть, хотелось выстрелить в ускользавшую добычу, но обратить оружие в сторону запретной горы решился только он один. Когда предстоит неведомое и опасное дело, вперёд всегда выходят вожди.

– У-у-о-о-а... – обиженно заплакала псица. Рога мощного горского лука с гудением распрямились, бросая стрелу. Зелёное сияние волнами катилось с вершины, и было видно, как стрела взвилась над долиной, потом клюнула вниз, без промаха целя туда, где стояли двое мужчин, умыкнувшие пленницу. Увернуться от одинокой стрелы, пущенной за пять сотен шагов, было несложно. Однако уворачиваться не пришлось. В какой-то миг стрела как будто ударилась о незримую стену, выбила сноп бледных искр и соскользнула наземь. К тому времени, когда её наконечник соприкоснулся с камнями, итигулов на противоположном склоне уже не было. Храбрые горцы ничего так не страшились, как неудовольствия праотческих душ, рассерженных отчаянным деянием Элдага. Понятно, не самого вождя следовало в том винить, а троих нечестивцев, вздумавших осквернить обитель умерших. Да и прашуры, возможно, остановили стрелу Элдага единственно затем, чтобы самим насладиться отмщением... Но как бы то ни было, самым разумным казалось поспешить от Харан Киира прочь – и подальше. И ещё несколько дней поменьше торчать в виду священной вершины...

– Странно! – сказал Эврих. – А мы ничего не заметили, когда там проходили! Ты ничего не ощутил, Волкодав?...

Волна зелёного пламени позёмкой стелилась над снегом и камнями, летя к ним по склону. Бежать или прятаться было бесполезно, Эврих успел только напрячься всем телом и зажмуриться, прикрывая ладонью лицо... и опять ничего не произошло. Мертвенное свечение неосяземо обтекло его ноги и втянулось в устье расселины, залив её отблесками пылающих изумрудов. Эврих вошёл следом. В спины людям дохнул первый порыв ветра, долетевшего с далёких вершин.

Расселина тянулась вверх по склону, постепенно уводя всё дальше в недра горы. Странное негреющее пламя змеилось вперёд, то ярко разгораясь, то затухая. Время от времени оно притрагивалось к людям, должно быть первым за столетия решившим проникнуть сюда. Постепенно они перестали вздрагивать и шарахаться от неощутимых прикосновений, и Эврих даже начал подспудно удивляться собственной недавней боязни. Теперь он ощущал только жгучее любопытство, побуждавшее отбросить усталость и страх и выяснить наконец, что за тайну хранил в себе Харан Киир. При этом аррант понимал краем сознания, что всё творившееся с ними было частью заклатья. Известно же, как ловко умеет недобрая сила найти подход к человеку. Небось никому не скажет: «Иди-ка сюда, я из тебя чудовище сделаю». Кому хватает простых радостей, тому они будут обещаны. Кого не подманишь посулами, тем

назначат свою, особую цену. В одном затронут честь воина, другому посулят спасти от гибели друга, третьему загадают загадку, которую непременно захочется разрешить...

Порою Эврих мимолётно задумывался об этом и пытался сообразить, действительно ли они с Волкодавом, как выразилась Раг, перестали понимать, что делают, и слепо шли вперёд по велению Зова? Или ими всё же двигала их собственная воля, а значит, они в любое мгновение могли повернуться и выйти наружу?...

Потом до него в очередной раз доходило, что все эти рассуждения не имели смысла, поскольку идти назад попросту не хотелось.

Несмотря на два тяжёлых мешка и груды битого камня, то и дело вынуждавшие пробираться на четвереньках, Эврих обогнал Волкодава и шёл первым. Звёзды окончательно пропали над головой, расселина превратилась в самую настоящую пещеру. Венн с его ночным зрением, возможно, и так не переломал бы здесь ноги, но Эврих был весьма благодарен сиянию, озарявшему нагромождения заледенелого камня. Вот впереди наметилося расширение, искрившееся ледяными гранями и кристаллами инея на стенах, и аррант, скользя и спотыкаясь, даже прибавил шагу... Голос Волкодава, глухо раздавшийся сзади, осадил его:

– Дальше не пойдём... госпоже плохо.

Первым чувством, посетившим молодого учёного, была досада.

И угораздило же Раг как раз когда я оказался у самого порога неведомого!...

Он стыдливо подавил недостойное движение души, бросил мешки и побежал назад к Волкодаву.

Женщина мотала головой, изо всех сил закусив губы. Эврих понял с первого взгляда, что «срок» воистину наступил. Волкодав уже стоял на одном колене, осторожно опуская роженицу на подсланный плащ.

– Давай, лекарь... – проворчал он, поглядывая на Эвриха. – Мне что делать?

У арранта, правду сказать, несколько дрогнуло сердце. То есть он лечил и даже спасал людей. И сам себя без лишнего хвастовства полагал неплохим знатоком врачевания. Но вот роды принимать ему пока ещё не доводилось, а всё, к чему приступаешь впервые, внушает понятное опасение. И в особенности, если дело столь ответственное и непростое!

– Воды бы нагреть... – выговорил Эврих и запнулся, сразу поняв: ляпнул глупость. То есть воду легко было добыть, наколов льда со стен. Или даже сбегав наружу за снегом. Но вот на чём растопить?... Дровам в пещере, понятно, взяться было неоткуда. Да и снаружи, насколько помнилось Эвриху, не было ни сушняка, ни кустов. А пожухлую траву для мало-мальски пристойного костерка пришлось бы собирать до рассвета...

К немалому удивлению арранта, Волкодав молча вытащил из своего мешка котелок и деловито застучал по ледяной стене обухом топорика. Эврих хотел спросить его, каким образом он собирался развести огонь, но тут у Раг вырвался стон, и аррант поспешно склонился над женщиной.

– Вы... должны... оставить меня, – с трудом выдавила она. – Уходите...

– Никуда мы не уйдём, милая, – ласково проговорил Эврих. Теперь, когда он внутренне примирился с необходимостью задержки, его досада улеглась, уступив место деловитой сосредоточенности, и в памяти как-то само собой начало всплывать всё касавшееся рождений. Он принялся греть и особыми движениями разминать окоченевшие руки, добываясь тока тепла и такого знакомого ощущения упругого живого комка между разведёнными ладонями. – Куда это ты нас прогоняешь? Волкодав сейчас костёр разведёт, а там, снаружи, совсем холодно... да и ветер, по-моему, поднимается...

Слово «врач», как ему объясняли когда-то, совсем не случайно состояло в родстве со словом «врать», сиречь говорить, и в особенности – произносить заклинания. Половина, если не больше, лекарского успеха зависела от умения подыскать нужное слово, способное отвлечь страдальца от горестного созерцания и обратить его дух на путь излечения. Эврих сказал всё как надо и допустил только одну ошибку: взял Раг за руку. Как раз в это время её прихватило опять, и маленькая женщина с невероятной силой стиснула пальцы лекаря, превратив их в белые слипшиеся стручки.

Тяжело дыша, она простонала:

– Я должна... одна... мужчинам опасно... погубите себя... и моего... маленького сына...

– Какого сына? – изумился Эврих. – Неужели тебе никто ещё не говорил, что ты носишь дочь? Ему некогда было присматриваться, чем занимался Волкодав, но оттуда, где возился венн, уже явственно пахло дымом и начинало понемногу распространяться тепло. Вот только запах у дыма был совсем не такой, какой бывает, когда огонь поедает дрова. Эврих подумал о диких козах, обронивших в пещере помёт. Горящий навоз, впрочем, тоже пахнет не так...

Он деловито положил руки на живот Раг, послушал исходящие оттуда токи, а потом начал осторожными движениями успокаивать и утешать большую плоть.

– Скажи, милая, – обратился он к женщине, – что побудило тебя вновь отважиться на материнство? Ведь ты, прости меня, достигла возраста зрелости. У тебя, наверное, есть взрослые дети? Легко ли ты прежде рожала? Если я буду это знать, я смогу лучше помочь тебе...

Взгляд шанки, обращённый вовнутрь страдающего тела, понемногу вновь стал осмысленным. Раг неожиданно повела глазами:

– Ты умеешь всё понять о ребёнке... А самого главного не распознал... Я совсем недавно заплела одну косу... Год назад я была девственницей, сынок.

– Во имя всех Богов Небесной Горы!... – не слишком искренне поразился Эврих, между тем как его руки продолжали своё дело. – Расскажешь мне, что за удивительная судьба так странно распорядилась тобой?...

Волкодав прекратил стучать топором и поставил котелок на два камня возле костра. Раг заметно успокоилась, согретая умелыми ладонями Эвриха. На её губах появилось даже нечто вроде улыбки.

– Мы должны были пожениться годы назад, – сказала она. – Но случилось так, что старший брат моего любимого ушёл ликовать среди пращуров на... – Она на миг осеклась, ибо жутковато было говорить о Харан Киире, находясь в пещере его склона, в сиянии зелёной радуги, которую её народ прежде созерцал только издали и почитал сонмищем праотеческих душ. – Кворры отдали его в пищу орлам, – продолжала Раг. – Его жена и дети остались сиротами, и тогда мой любимый стал супругом вдове. Так велит древний обычай, уже забытый кворрами, но бережно хранимый у очагов шанов. Я помогала жене моего любимого и его новым детям...

Её голос снова прервался. Напряжённое чрево размеренно сокращалось, готовясь извергнуть дитя.

– И вновь прошу тебя: не сердись на моё любопытство, – проговорил Эврих. – Видишь ли, у многих народов принято мужчине водить столько жён, сколько он может наделить кровом, пищей и любовью. И я слышал также, будто есть племена, где могучие и властные женщины правят семьями, направляя дела многих мужей...

Он услышал, как фыркнул за его спиной Волкодав.

– Отец Небо в Своей премудрости создал многое, что кажется нам странным и даже непотребным, – ответила Раг. – Мы, шаны, усматриваем в этом лишь повод ещё раз преклониться перед Ним и ощутить свою малость. Поучая земные племена, Отец Небо уделял каждому ту толику мудрости, которую этот народ был в состоянии постичь. Мы, впрочем, находим, что преподанные нам заветы наиболее достойны свободного и разумного племени. У нас каждый мужчина даёт пропитание только одной жене, а каждая жена шьёт рубашки только одному мужу...

Волкодав проверил пальцем нагретую воду, отодвинул котелок от огня и, прихватив его сквозь рукава, натянутые на ладони, перелил содержимое в пустой бурдюк. Мышь немедленно устроился на бурдюке, радуясь теплу. Венн заново наполнил котелок чистым колотым льдом и поставил его в жар синеватого пламени, поедавшего куски горячего камня огневца. Этот тёмно-серый, жирно блестящий камень давал много золы и, сгорая, распространял премерзкую вонь, но лучшего топлива в пещере найти было нельзя. И на том спасибо неведомой, но, видимо, благосклонной Силе, обитавшей в недрах горы...

Он видел, что у Эвриха всё шло путём. Неприметное волшебство арранта обняло исстрадавшуюся душу женщины и прямо-таки на руках унесло её от колодца боли и ужаса, в который она уже было приготовилась кануть. Теперь шанка родит – спокойно и без мучений, и не будет никакого ущерба ни ей, ни ребёнку... Оставалось позаботиться о малом.

Согнав недовольно раскричавшегося Мыша, Волкодав потеплее закутал бурдюк, опустился на корточки возле Раг и показал ей рукоять Солнечного Пламени:

– Станешь рожать, не беспокойся ни о какой нечисти, госпожа. Вот этот меч её сюда не допустит... – Повернулся к Эвриху и велел: – Буду нужен, зови.

Выудил из котомки головку чеснока и ушёл.

Ему сразу не понравилось то, что происходило снаружи. Когда перелезали забор и покидали деревню, ночь была не то чтобы тёплой, но пар изо рта, как теперь, всё-таки не валил. И вот с северо-запада неизвестно с какой стати задул режущий ветер, летевший словно бы из самого сердца ледяной пустоты. Он ещё не принёс облаков, способных затащить серп месяца и звёзды, ярко мерцавшие в небесных потоках. Воющий вихрь тревожил снежные одежды вершин, и залитые ночным светом хребты представляли чередой шагающих великанов в развевающихся белых плащах. Волкодав ощутил, как понемногу заползает в сердце чёрная жуть. Север и запад – скверные стороны горизонта. Там умирает солнце, там холод и ночь. Оттуда не может прийти ничто хорошее, и пример тому – сегваны, некогда явившиеся с Островов. Разумные люди даже печь в доме помещают в северном углу – неодолимой заступой от всяческой нечисти, лезущей погубить живое гнездо... Волкодав весьма сомневался, что его хиленький костерок, разожжённый вдобавок не на честном дереве, а на подземном камне, сумеет кого-нибудь защитить. На добрую сталь надежды было побольше. Венн помнил: когда почтенные женщины под руки вводили его мать в баню – давать жизнь младшим братикам и сестричкам, – отец всегда шёл вместе с женой, а братья матери обнажали мечи и несли дозор у двери, откуда не раздавался из бани пронзительный младенческий крик. Ибо известно: нечисть, спешащая на тёплую кровь, ничего так не боится, как благороднейшего изделия кузнеца в руке воина, не склонного к шуткам... Волкодав снова посмотрел на небо. Ветер подхватывал и раздирали ключья снежных полотнищ, швыряя их на склоны белыми крутящимися смерчами. Шаткие столбы летящего снега опадали на камни и снова вздымались, двигаясь в одном направлении. Прямо к нему.

Невидимая рука словно нацеливала бредущие призраки на устье расселины, где стоял Волкодав... Ему не хотелось думать, чем могут обернуться рослые смерчи, если позволить им добраться до цели. И что вообще получится, если они проникнут в пещеру. И задержит ли их преграда, остановившая Элдагову стрелу, он не стал даже гадать.

Враг шёл на него, и он собирался принять бой. Может быть, безнадёжный. Очень даже может быть. Скрыться негде, отступить – некуда, драться же с неведомой силой... Волкодав вытащил из кожаного кармашка два длинных тонких шнура, которые на всякий случай всегда в нём таскал, и привязал один к висевшему на поясе топору, а второй – к рукояти боевого ножа. Потом обратился лицом к югу и начал молиться, хотя не очень-то ждал, чтобы его молитву услышали. Может ли голос, обращённый к Светлым Богам, достигнуть Их слуха в горах? Да ещё в двух шагах от входа в какое-то подземелье?...

Снежные столбы только ещё перебирались через ложбину, а ветер уже нёс тончайшую морозную пыль, ранившую глаза. Стрелы холодных порывов легко пронизывали одежду, достигая тела, вымораживая из него жизнь и тепло. Чёрное небо над головой вызвало в памяти рассказы Тилорна. Волкодав почувствовал себя крохотной живой искоркой посреди гигантского ледяного мрака, разделившего миры. Может ли такая искорка хоть мгновение противостоять вечной Тьме, если, говорят, однажды её дыхание погасит даже Солнце и первосотворённые звёзды?... Волкодав выбрал себе удобное место, где его никто не сумел бы обойти, и стал ждать.

Когда ко входу в расселину устремился качающийся столб летящего, крутящегося снега, венн сделал шаг и встал у него на пути. Это не кан-киро, где нападающему вежливо освобождают дорогу, а потом столь же вежливо помогают исчерпать и рассеять враждебный порыв. Так можно делать, пока в твоём противнике есть хоть что-то человеческое и остаётся надежда заставить его призадуматься. На Волкодава же двигалось воплощённое Зло, Зло такой высокой пробы, что способность принимать облик человека, животного или иного живого существа была им уже утрачена, поскольку нет созданий изначально злых, есть только отошедшие от Добра... но не до такой степени! Худший из земных душегубов и даже чёрных волшебников всё же когда-то был грудным малышом и улыбался матери, когда та склонялась над ним. Этим не было дано даже смутной памяти о чём-то чистом и светлом: какими видел их Волкодав, такими они и возникли. Порою вихрящийся снег обретал смутное сходство с человеческими фигурами, но не мог удержать внятного облика и летел дальше, бескрыло перелетая с камня на камень.

– Ну, идите сюда!... – зарычал Волкодав.

Боевой нож, подаренный слепым Дикероной, коротко свистнул, распарывая мчавшийся навстречу ветер. Смазанный для верности чесноком, он попал в самую середину снежного призрака, и Волкодаву померещился где-то за гранью слуха чудовищный хриплый рёв. Белая тень взмахнула бесформенным подобием рук и распалась позёмкой, превращаясь в снежную кляксу на тёмно-бурых камнях. Теперь это был самый обычный снег, на который можно ступать без боязни, что кто-нибудь схватит за ноги. Волкодав торопливо подтянул нож обратно к себе...

Он ещё улучил мгновение задуматься, какие такие духи столь упорно лезли в пещеру. И кто мог быть их повелителем. Потом снежных привидений сделалось больше, и думать стало недосуг. Как всегда, когда начиналась настоящая битва, сознание словно бы отодвигалось в сторонку, передавая свою власть какому-то более древнему разуму, коренившемуся непосредственно в теле. И этот разум знал: никто из стаи белой нечисти не должен проникнуть в пещеру. Никто. Ни единая тварь.

Вот стало некогда метать нож и топор, и Волкодав перехватил секиру левой рукой, а правой выгнул меч. Рукоять Солнечного Пламени показалась необъяснимо горячей. Быть может, меч вправду не зря носил своё имя, и наседающие морозные привидения разбудили в нём заложенную когда-то частицу огня?... Очередная бесформенная тварь метнула ему в лицо пригоршню ледяных игл, Волкодав метнулся в сторону и, уже летя через голову кувырком, срубил крутящийся столб ударом меча. Он явственно услышал шипение и увидел струйку пара, сорвавшуюся с клинка.

Потом он понял, что рано или поздно его сомнут и затопчут. Сколько-то он ещё сможет сражаться, но потом Харан Киир подтвердит свою славу заповедной горы, с которой не уходят живыми смертные нечестивцы. Венн оценил собственные силы и попытался прикинуть, продержится ли до рассвета. На рассвете вся эта пакость должна исчезнуть сама собой. Рассыпаться и пропасть, сражённая солнечными лучами. Волкодав всё никак не мог сообразить, скоро ли появится солнце. Ему казалось, ночь тянулась уже очень долго. С другой стороны, если верить движению звёзд... Звёзд?

Спасаясь от очередного заряда колючего ледяного крошева, он выгнулся назад и упал на спину прямо в пятно осыпавшейся позёмки. Топорище слетело с ладони, и секира, вертясь на шнуре, срезала белый смерч, качавшийся слева. Солнечный Пламень вскинулся в правой руке и полоснул невесомую плоть второго такого же привидения, уже склонившегося над упавшим. Освобождённые снежинки пронесли тонкой кисейей, и в долю мгновения перед прыжком, поставившим его на ноги, Волкодав увидел над собой небо.

Его северная половина была, как и прежде, занята равнодушно мерцавшими звёздами. Южную половину занимала исполинская тень. Как раз когда Волкодав взвился с земли и приготовился к новой ошибке, оттуда, с юга, донёсся глухой раскат грома. Бесформенные чудовища так и отпрыгнули, словно испугавшись чего-то, и венн смог рассмотреть больше. На Заоблачный кряж надвигалась гроза. Со стороны не такого уж далёкого моря летела колесница разгневанного Бога Грозы, и тому, кто породил убийственный северный вихрь и наслал на Харан Киир зловещие порождения Тьмы, пощады ждать не приходилось. Громоздившиеся тучи легко одолевали вершины, взбирались на перевалы, касались макушками небесного купола, и с одной стороны их освещало серебряное сияние месяца, а с другой... С другой стороны угадывался далёкий пепельный свет ещё не вставшего солнца.

Вот сверху вниз резанула лиловым огнём ослепительная рогатая молния! Горные хребты до основания потряс удар такой яростной силы, что Волкодав с облегчением понял: помощь пришла. Гроза шла против ветра, хотя праздник Хозяина Громов уже миновал. Вот теперь многострадальная Раг спокойно произведёт на свет живого, победно кричащего малыша, и можно будет посмотреть, ошибся ли Эврих, предсказывая девчонку. В эту ночь Тёмные Боги не возрадуются жертве. Ибо когда раздаётся голос Бога Грозы, всяческая нечисть и нежить спасается в глубокие норы и долго не смеет высунуться наружу...

Скоро хлынет очистительный дождь и без следа растопит всё зло, покушавшееся на людей. Но пока гроза только-только подходила, и духи мороза, чуя погибель, ещё отчаяннее устремились вперёд. Словно порывались отбить нечто очень важное для себя и для Тех, чьи гигантские тени угадывались между звёздами с северной стороны гор.

Неужели ребёнку Раг предначертана какая-то особенная судьба, могущая прозвучать в кругах мироздания?...

Подумав так, Волкодав почувствовал себя причастным к судьбам Вселенной и понял, каково приходилось его отдалённому предку, великому Кузнецу, помогавшему Богу Грозы отстаивать мир во время Великой Тьмы.

Нет, сказал он себе. Правду всё-таки говорят, будто с тех пор мир измельчал. Или это я такой скудоумный, что совсем не хочу помышлять о высоких вещах?... Я должен защитить женщину. И её дитя, виновное только в том, что надумало именно теперь явиться на свет. А уж что этому младенцу предназначили Боги, я того не знаю. И знать не хочу...

У него был отличный топор, насаженный на дубовое топориче. Вдоль ухоженного лезвия бежал священный узор: вереница зубцов с насаженными кружками. Очередная молния вспорола грозовой мрак над горами, и Волкодав видел, как мертвенный отсвет коснулся металла и задержался на нём, облекая топор чуть заметной мерцающей пеленой. Белое чудовище, выросшее было перед венном, сначала отпрянуло, а потом рассыпалось ещё прежде, чем его коснулась секира. Вот когда стало радостно и легко на душе!... Сделав быстрое движение, он чиркнул топором поперёк расселины сзади себя, оставив на земле тускло светившуюся черту от одной скальной стены до другой. И ринулся вперёд, потому что святыни святынями, но для полной уверенности следовало самому за всем присмотреть...

Он вернулся в пещеру, когда наконец прекратилась нескончаемо длинная ночь и солнце, объявившееся за облаками, превратило сплошную чёрную стену ливня в потоки серого жемчуга. Колесница Бога Грозы удалилась на север, и где-то там, в небесах, ещё продолжалась борьба. Волкодаву показалось, что в пещере было тепло. Насколько вообще может быть тепло в подземелье со стенами, сложенными наполовину из камня, наполовину из льда. Умный Эврих догадался набрать горючих обломков, и костёр весело дымил посередине пещеры. Отсветы огня мешались с бликами зелёного сияния, затаившегося в глубине подземного хода. После битвы со снежными вихрями зелёный туман показался венну знакомым и родным существом. И если уж на то пошло, это существо, как и сам он, только что уцелело благодаря чуду Бога Грозы. А значит, никакого зла в нём не было. И быть не могло.

Раг крепко спала под стеной, держа у груди живой комочек, даже не подозревавший о том, как удивительно и странно начался его земной путь.

– Дочка... – тихо, чтобы не потревожить женщину и дитя, сказал Эврих. Вид у арранта был такой, словно это он, а не Раг, только что изведаль родильные муки. Всё-таки учёный подбросил на ладони кусок жирно блестящего тёмно-серого камня и спросил: – Вы топили этим на каторге?...

– Нет, – сказал Волкодав. – Там было недалеко до сердца горы, и оно грело нас круглый год... А этот камень... Я знаю, что он может гореть, потому что однажды из-за него случился пожар и погибли проходчики...

Он присел на корточки возле огня и тщательно отжал мокрые волосы. Потом стащил куртку и рубашку и повесил сушиться, растянув на шнурке, пропущенном в рукава. Эврих с интересом следил за его действиями: вот уж чувствуется, что человек привык к подземельям, и ни убавить тут, ни прибавить. И не то чтобы Волкодав делал нечто, не укладывавшееся в привычные рамки. Важно было, как он это делал. Понаблюдав за ним некоторое время, молодой аррант огорошил венна вопросом:

– Скажи, друг мой, ты не боишься пещер?

Волкодав некогда слышал краем уха, будто человеку такой, как у него, жизни чего-то полагалось бояться. То ли низких сводов над головой, то ли, наоборот, открытых пространств. Тилорн в своё время до одурения расспрашивал его на сей счёт и даже по своему обыкновению сказал какое-то учёное слово. Волкодав не запомнил ни учёного названия, ни того, чего же именно он теперь был обязан всеми силами избегать. Выглядеть дремучим невеждой не хотелось, и венн буркнул:

– Может, и боюсь. Это что, имеет значение?

– Я не ставлю под сомнение твою сме... – с некоторой обидой начал было Эврих, но Волкодав спасся от него бегством: без особых затей подхватил топор и ушёл в глубь пещеры, туда, где дрожала зелёная радуга и где, по его представлениям, богаче был пласт огневца. Хотя

оставалось неясным, на кой ляд запастись топливом, если скоро перестанет дождь и можно будет уходить из пещеры.

– О Мать Премудрости!... – донеслась из-за спины горестная жалоба Эвриха. – Истинно, Ты была милосерднее к добродетельному Салегрину. Сей учёный муж всё записывал со слов внушающих уважение путешественников и не имел дела с варварами, которые... Волкодав!... Ты только не заблудись там смотри!...

В последнем возгласе арранта звучало искреннее беспокойство. Венн удалился, улыбаясь в усы. Он не очень понимал людей, способных где-либо заблудиться. И уж подавно – в пещерах, где не найдётся двух одинаковых поворотов, лазов и даже глыб, вывалившихся из стены, которые можно было бы спутать!...

Он довольно долго стучал обухом топора, обкалывая серые комья и располагая добытое таким образом, чтобы попавший сюда человек, менее сведущий в делах подземного мира, сумел догадаться, что здесь можно устроить костёр. Оставалось позаботиться, чтобы человек этот не поджёт весь пласт, вызвав по недомыслию пожар целой горы. Пока венн обдумывал, как это лучше устроить, его взгляд упал на сплошь ледяную и довольно гладкую стену, возле которой волнующимися клубами плавал зелёный туман. Он поймал себя на том, что совсем почти перестал обращать внимание на светящееся облачко, поначалу такое необъяснимое и жутковатое... И всё-таки привычная настороженность не до конца в нём задремала. Что-то кольнуло его, он опустил топор, начал всматриваться в тёмную глубину льда... и наконец разглядел примерно в аршине от поверхности перевернутый человеческий силуэт. Волкодаву не требовалось объяснять, как такое бывает. Несчастный провалился в трещину ледника и замёрз в ней, переломав руки и ноги. И было это давно, очень давно. Снег и ледяное крошево, заполнившие могилу, успели слежаться и под собственной тяжестью превратиться в глыбу прозрачного монолитного льда. Для этого требовался не один век. А уж для того, чтобы оказаться на самом дне когда-то обширного ледника, под слоями камня и земли, рядом с неизвестно какими водами промытой пещерой...

Венн подошёл поближе к стене и взгляделся, напрягая зрение. Мёртвый человек висел к нему лицом. Его рот был страдальчески приоткрыт, возле губ так и застыло во льду облачко вытекшей крови.

Эге! да ему ещё и рёбра раздавило,

смекнул Волкодав.

Как мучился небось, бедолага!

А в остальном лицо выглядело совершенно живым, даже глаза остались открытыми. Красивое, совсем молодое лицо... И руки, явно принадлежавшие не воину и не мастерскому. Такими только пером по пергаменту водить. Или ещё что-нибудь в том же духе делать. Волкодав отступил от стены и неодобрительно покачал головой. Это скверно, когда мёртвым отказывают в честном погребении и бросают там, где застигла их жестокая смерть. Юноша был в лёгкой одежде, чем-то напоминавшей излюбленное одеяние Эвриха, и в сандалиях на босу ногу. По заснеженным горам в таком виде не лазят. Значит, не сам сдуру или по неопытности провалился в ледяную ловушку. Его туда сбросили. Может, ещё и постояли в своё удовольствие наверху, слушая, как постепенно затихает далеко под ногами беспомощный стон обречённого... Волкодав отвернулся от замученного и пошёл туда, где оставил топор. Работа предстояла долгая и нелёгкая. Примерился – и шархнул топором по стене, сразу отколов изрядный кусок...

Эврих, как и следовало ожидать, скоро явился на грохот падающих обломков. Он сразу понял, в чём дело, и намерение Волкодава поначалу заставило его скривиться:

– У нас не считают добродетелью тревожить кости умерших...

Венн даже не повернул головы, продолжая размеренно крушить лёд. Молодой аррант постоял рядом с ним, наблюдая, как прозрачная чернота стены сменяется щербатым грязно-белым беспорядком, потом вздохнул:

– А ещё у нас полагают, что мёртвые должны вкушать отдых, лёжа в могилах, а не висеть вот так, словно канатоходцы, сорвавшиеся с верёвки... и я слышал, что всякому, кто похоронит даже чужого мертвеца, Боги Небесной Горы на том свете поднесут серебряный кубок!...

Сходил туда, где остались их мешки, принёс свой топорик и взялся помогать Волкодаву. Возня мужчин несколько не беспокоила Раг. Шанка крепко спала, положив голову на колени матери, вновь пришедшей её навестить. Она не слышала треска льда и глухих ударов, раздававшихся в двух десятках шагов. Мать пела ей колыбельную и гладила по щеке, по обсыпанным ранней сединой волосам. Мать ушла очень, очень давно, ещё когда Раг была маленькой девочкой. Раг лишь смутно помнила её черты и поэтому не особенно всматривалась в лицо Той, что сидела над нею. Зато если бы Эврих и Волкодав могли видеть то же, что она, они бы обязательно признали чудесную гостью. Но заглянуть в чужой сон им было не дано. Мышь всё пристраивался на выступе камня прямо над головой женщины. Камень был очень холодным, от него мёрзли лапки, и зверьку это не нравилось. После долгих попыток найти удобный насест Мышь обиженно спорхнул со стены, перелетел туда, где трудились венн и аррант, заполз в рукав снятой Эвриховой куртки и залёг там, выставив наружу лишь чёрную мордочку. Надо же, в самом деле, видеть, что происходит.

Когда наконец двое мужчин выломали из стены тяжеленную глыбу льда и осторожными ударами топоров обкололи тело замёрзшего, снаружи совсем рассвело, и тучи уже местами рвались: дождь ещё умывал горы по сторонам Харан Киира, но там и сям по склонам гуляли солнечные лучи. Мёртвый человек лежал на бурых камнях осыпи, и теперь никто не сказал бы про него: как живой. Пока он оставался во льду, прозрачная толща позволяла видеть каждую складку одежды, каждый волосок. Да и висел он, вмёрзший, хотя и вниз головой, но всё-таки в позе, сообразной тяге земной, удержавшей его словно бы в вечном полёте сквозь темноту. А теперь, когда его извлекли из этой темноты и хотели положить на спину, это было всё равно, что укладывать растопыренную корягу, простирающую в разные стороны скрюченные, нелепые сучья. Больше не было последнего достоинства мученической смерти, осталось лишь безобразие трупа. И лицо, проросшее кристаллами льда, больше не казалось, как и всё тело, принадлежащим когда-то жившему человеку. Пустая скорлупа, брэнная оболочка, покинутый, обречённый разрушению дом. Нечто такое, чему полагалось бы воссоединиться со стихиями много вёсен назад.

– Как ты собираешься его хоронить? – спросил Эврих.

Венн подозрительно посмотрел на него:

– А как хоронят... Сожгу...

Мало ли что взбредёт на ум арранту, ещё начнёт вспоминать стародавние обряды, о которых вычитал в книжке!... И точно.

– Мы вообще-то не знаем, какого обычая придерживался его народ... – сказал Эврих, входя с ним обратно в пещеру – перетаскивать куски огневца. Волкодав подумал о том, что они действительно не имели понятия, во что веровал народ убитого парня, но промолчал. Обычай огненного погребения был правильным и хорошим, это он знал точно. Душа мёртвого сразу возносится в небо, чтобы предстать перед справедливым судом, а прах растворяется в воздухе и земле и более не задерживает полёта души.

– Когда-то давно, во времена первых людей, жил-был старик с тремя сыновьями... – начал вдруг рассказывать Эврих. – И вот он умер, и стали они гадать, как всего честнее поступить с его телом. «Земля есть Мать людей и Богов, – сказал самый старший. – Положим батюшку в Материнское лоно, пускай вновь возродится!» Но в ту же ночь приснился ему покойный отец и стал жаловаться: защекочут, мол, его там могильные черви, никакого покоя не будет. «Боги Небесной Горы вылепили всех нас из глины, – сказал тогда средний. – Упокоим батюшку в большом кувшине, зальём воском плотную крышку...» Но настала ночь, и...

– Неправильно рассказываешь, – укладывая тёмно-серые глыбы, проворчал Волкодав. – Не в кувшин, а в дупло. Потому что Боги вырезали нас из дерева.

– Нет, в кувшин! – воинственно перебил Эврих. – Это стариннейшее аррантское предание! Мой Учитель бывал в столице и сам разбирал письма на каменных плитах, сработанных чуть не до Сошествия Ночи!...

Так у них было принято называть Великую Тьму.

– Я твоей плиты не видал, – огрызнулся Волкодав. – Я только знаю, как об этом рассказывают у нас. Это предание моего племени.

– Вот так всегда! – обречённо всплеснул руками Эврих. – Знание, изначально дарованное народу, более других склонному к мудрости, начинает распространяться в мире и претерпевает неизбежные искажения, а потом тебе заявляют: и то не твоё, и это тоже, а тут всё было иначе...

Волкодав ничего не ответил. Окажись рядом Тилорн, он уж объяснил бы им: ссориться не из-за чего, ибо каждый по-своему прав. Что касается Волкодава – заблуждение Эвриха было для него очевидно, но втолковать это арранту он не надеялся. Он давно уяснил, что спорить с учёным было почти так же бессмысленно, как и со жрецом. Да и неприлично развлекаться словесными перепалками в двух шагах от мёртвого тела...

– Лучше послушайте, как всё было на самом деле, – услышали они голос Раг. – Средний сын предложил сделать плот и отправить останки батюшки по реке, поскольку все знают, что самого первого человека Отец Небо сплёл из стеблей травы шех, растущей вдоль речных берегов...

Она стояла у входа в расселину, держа на руках голенькую дочурку, и кормила девочку грудью.

– Что ты делаешь, женщина!... – ужаснулся Эврих. – Застудишь дитя!...

Раг только усмехнулась.

– Вы, жители равнин, привыкли к теплу и разного рода излишества, – сказала она. – Вам не понять, почему мы, горцы, такие крепкие и выносливые. Моя дочь не застудится, а вырастет умницей и красавицей, ничем не похожей на изнеженных и хилых девушек из низин. А ты, лекарь, лучше посмотри, как мы обтираем снегом наших младенцев, и поступи так же со своими детьми, когда они у тебя будут!

Действительно, малышка преспокойно глотала самую лучшую в мире пищу и знай сучила ножками, не обижаясь на сырость и порывы далеко не тёплого ветра. Потом снова проглянуло солнце.

– А кто этот юноша, для которого вы готовите священный костёр? – спросила Раг. – Неужели кворры осквернили убийством заповедную гору? За это их следовало бы...

– Мы не знаем, кто он такой и кем были его убийцы, но народ Четырёх Орлов тут ни при чём, – поспешно заверил женщину Эврих. – Случившееся здесь произошло много столетий назад. Задолго до Последней войны...

Раг с сомнением покачала головой. Однако убеждать его в виновности кворров всё же не стала. Волкодав тем временем счёл, что они натаскали необходимое количество топлива и жара хватит вполне. Он вновь поднял замёрзшего и уложил его на серую грудь. Потом сходил в пещеру, стрёб часть костра на плоский, как лопата, осколок и вынес наружу. Камень, в особенности такой заледенелый, разгорается неохотно: лучше избежать лишней возни. Волкодав, правда, ждал, что всё равно придётся помучиться, как вчера, но ошибся. То ли оттого, что огневец вынесли на солнце, то ли по какой другой причине, – погребальный костёр занялся на удивление легко. Так, как будто сложили его из сухих дубовых поленьев.

Двое мужчин и женщина молча следили, как вздымалось священное пламя, как подбиралось оно к злополучным останкам, принимавшим честное погребение спустя века после исхода души. Камень огневец немилосердно дымил, распространяя удушливый чад. Лёд таял, вода стекала и встречалась с огнём, между глыбами вырывались шипящие струи белого пара. Когда огонь коснулся давным-давно замороженной человеческой плоти, вековой холод начал отпускать её, и безобразно изломанное тело постепенно расправилось: вместо бесформенной коряги на глазах возникал зримый облик прекрасного молодого тела. Необъяснимо разгладилось даже лицо, исковерканное гримасой мучительной смерти. Какие-то мгновения на каменном ложе покоился совсем живой юноша: он спал и вроде бы даже улыбался во сне, словно перед пробуждением. Потом его заволокло дымом и паром, а набравший силу огонь вдруг взвился с победным рёвом, и Волкодаву почудилось, будто иные языки пламени отливали явственной зеленью. Он сказал себе, что после целой ночи в пещере, наполненной зелёным свечением, могло примерещиться ещё что покруче. Гораздо удивительнее было другое. Венн всё ждал, что в ноздри вот-вот ударит страшный запах горячей плоти, но этого так и не произошло. От костра пахло костром. И не более. Эврих тоже почувствовал необычное, переступил с ноги на ногу и предположил:

– Он, наверное, слишком долго пробыл во льду, и частицы тела утратили естество. Я слышал, на Островах иногда находят туши древних животных, не разложившиеся из-за холода, так они тоже... Сегван, с которым я говорил, хотел поджарить кусочек, но всё расплзлось и растаяло, словно каша...

Учёный есть учёный: ему всегда уютнее, если удаётся придумать хоть какое-то объяснение. Но кто знает, почему научные доводы кажутся порой неуместными, а хочется упасть на колени и со слезами на глазах приветствовать Чудо?...

Дым, перемешанный с завитками белого пара, уходил вверх, стелясь по склону горы. Он тёк по мокрой голубизне ледников, ярко искрившихся после небывалой грозы, и возносился всё выше тугим столбом, не спешившим рассеиваться. Когда он поднялся над вершиной, в нём вспыхнула радуга. Волкодав попытался сообразить, бывает ли так, чтобы радуга появлялась в дыму, или, может, она лишь казалась совсем близкой, а на самом деле сияла в гряде дальних туч, ещё изливавшихся на Озёрный Край обильным дождём?... Радуга была зелёная, как если бы свет дробился в гранях чистого изумруда. Одним концом она упиралась в ледяную вершину Харан Киира, другой конец растворялся в запредельной солнечной вышине. Зрелище было из тех, что запоминаются на всю жизнь. Залитый солнцем сверкающий пик, ослепительно яркий на фоне тёмных громоздящихся туч. Чёрно-белый столб дыма. И зелёная радуга над вершиной... Волкодав попытался думать о том, что за весть могла быть ниспослана подобным знамением. Истокования напрашивались всё такие, что сразу стало не по себе.

Ладно,

решил он.

Мы сделали то, что сделал бы всякий, а об остальном пусть гадают жрецы...

Он посмотрел на костёр. Груда огневца, знаменитого долгим медленным жаром, прогорела сверхъестественно быстро. Она больше не дымила, камень с шушанием рассыпался пористыми глыбками, дотла выеденными огнём. Волкодав невольно поискал взглядом недогоревшие кости. Погребение следовало довершить – то, что не поглощалось огнём, у веннов было принято заворачивать в полотно или берёсту и предавать земле.

Костей не было. То есть вообще никакого следа сожжённого человека. Пламя истребило мёртвого без остатка – ни толики праха, ни даже пряжки с одежды.

Так не бывает.

Двое мужчин и женщина молча смотрели друг на друга, и всем было жутко. Это, впрочем, был не тот страх, когда опасаясь чего-то погибельного. Просто всегда пугается человек, ощутив присутствие Высших. Эврих первым осмелился выразить общую мысль:

– По-моему, – прошептал он, – мы похоронили Бога...

Наши судьбы текут, как ручьи,
Как прибрежный песок.
Что – песчинка? Что – капля?...
И всё-таки в жизни не раз
Каждый делает выбор.
И выбор порою жесток.
Даже если судьба королевств
Не зависит от нас.

Если Зло и Добро
В откровенной схватились борьбе
И последним пророчествам
Сбыться мгновенье пришло,
Загляни в свою душу:
Что вправду милее тебе,
Что влечёт тебя с большею силой -
Добро или Зло?

А потом присмотришь,
Кто силён и наденет венец,

А кого проклянут
И навеки забудут как звать.
И опять загляни себе в душу:
Хорош ли конец?
И спроси себя снова:
Неужто охота встречать?...

Что за радость -
Безвестно погибнуть в неравном бою?
Может, спрятать глаза,
Ведь уже никого не спасти?...
Мало толку в геройстве,
Которого не воспоют...
Время лечит -
Однажды и сам себя сможешь простить.

А ещё – ты поверь, так бывает! -
Нет хуже врагов,
Забывающих в битве жестокой
Про всякую честь,
Чем стоящие – тот и другой! -
За Добро и Любовь...
Где меж ними различье?
С кем правда? Кого предпочесть?...

...А потом победитель
Устало опустит свой меч -
Враг стоит на коленях,
И мир не постигла беда...
И раздастся приказ:
«Всем ослушникам – головы с плеч!»
С кем пребудет твой выбор, мой доблестный друг?
С кем тогда?...

15. Долина Звонящих ручьев

В горах осень всегда наступает раньше, чем на равнинах. Вот и теперь близкие холода уже начали золотить на окрестных склонах кусты и низкорослые деревца, и только Тлеющая Печь продолжала исправно греть своих обитателей. Зимой здесь редко залёживался снег, но даже если землю сковывало крепким морозом, из глубины продолжали бить кипящие родники. Мастеровитые шаны не поленились провести глиняные трубы: откроешь задвижку – и прямо в чан бежит горячая струйка. Хорошее место. Вот только на западном склоне смрадно клочкотали смоляные озёра и там и сям по телу горы возникали, словно нарывы, глубокие провалы, наполненные испепеляющим жаром. В последние годы огненные язвы мало-помалу подбирались всё ближе к деревне, но, по словам Раг, шанов это не особенно беспокоило. Во-первых, деревня стояла на несокрушимой скальной плите, не поддававшейся даже землетрясениям, не говоря уже об огне, прожигавшем только мягкую землю. А во-вторых, угодить в палящую ловушку мог разве что кворр или житель низин, ничего не смыслящий в норове гор и не умеющий с ними поладить. Своих родных детей Печь всегда предупреждала о

близящейся опасности. На месте зарождающейся ямы жухли и умирали растения. Или подтаивал снег, если дело происходило зимой. Опять-таки нашлось и применение для огненных провалов. Шанские гончары делали замечательную посуду и обжигали её в подземном жару, опуская вниз железные клетки. Чаши и горшки обретали при этом столь замечательную звонкость и блеск, что даже в самой Тин-Вилене не стыдно было их продавать. Волкодав видел кованые клетки с приделанными цепями, видел, как их погружали в раскалённые недра. Клетки показались ему достаточно вместительными, чтобы запихнуть человека. Как знать, что в рассказах о взаимных жестокостях двух племён было вымыслом, а что – правдой? После того, как едва удалось спасти от квар-итигулов беременную Раг, венн ничему уже не удивлялся...

Неужели,
думал он
, на Заоблачном кряже повторится всё то, что когда-то произошло на Засечном? Сделаются безлюдными прекрасные горы, и начнут их считать злым местом, негодным для обитания?... Неужели земной люд нисколько не поумнел со времён Последней войны?...

Отоспавшись, он облюбывал солнечную полянку недалеко от деревни и начал воинское правило, без которого не полон прожитый день. Хотя сказать, что он так уж хорошо отоспался, было нельзя. Если в поселении «истинных» его изводило ощущение камня, готового свалиться на голову и расплющить, то здесь тревожило нечто иное, и это нечто исходило из земных бездн. Что бы ни говорили ему о несокрушимой скале, державшей на ладони деревню, из-под земли сочился то ли запах... то ли что-то более тонкое и неуловимое, чем запах... Волкодав никак не мог определить для себя, что же именно, и знал только одно: будь его воля, он унёс бы отсюда ноги. И как можно скорей.

К сожалению, воли ему никто не давал. Шаны устроили праздник. Возвращение Раг, которую никто уже не чаял увидеть живой, было несомненным знаком воли Отца Небо, пообещавшего племени скорую победу над ненавистными квар-итигулами. Старейшин во главе с вождём Лагимом не особенно смутило даже то, что женщина, согласно обычаю обязанная рожать в строгом уединении, исторгла дитя на руки чужому мужчине. Люди немедля припомнили сходное рождение сто лет назад, на исходе векового пленения. Тогда появился на свет величайший вождь, умудрившийся вывести своё племя из рабства. Как тут не предположить, что чудесное разрешение Раг тоже сулило шанам радостные перемены! Да ещё этот Бог, доселе неведомый людям, но определённо благой!... Ну а самое радостное, что могли вообразить шан-итигулы, был, конечно, разгром ненавистных врагов. И казнь пленников, которых едва не овдовевший муж Раг собирался своими руками топить в кипящей смоле...

Волкодаву жаль было два народа, не умевших поделить между собой громадный Заоблачный кряж, но в чужую жизнь вмешиваться не годилось. И в особенности человеку вроде него, не способному толком разобраться с самим собой. Венн хмуро предвидел, что теперь его, пожалуй, до конца дней не отпустят воспоминания о поселении «истинных» итигулов на горе Четыре Орла. Вернее, о народе утавегу, обитавшем рядом с людьми. И о страшном искушении, которому он, Волкодав, чуть было не поддался. Память жгла его. Вот уже несколько суток прошло после побега, и даже при сильном желании ничего нельзя было изменить, а уверенность, что он поступил правильно, всё не приходила. То есть уверенность-то была, недаром он сделал то, что сделал... но и сожаление не отпускало.

Внутренний разлад мешал сосредоточиться, деревянный меч никак не становился дышащим продолжением тела. Чужеродный предмет, неведомо как попавший ему в руки. Ведь мог бы сейчас бежать среди белоснежных собратьев, наслаждаясь пиршеством звуков и запахов, неведомых человеку?... Мог бы... А вместо этого зачем-то угнездился на корточках, опираясь на подушечки босых ступней и подняв сведённые пятки, и размеренно взмахивая перед собой увесистым куском дерева, стараясь не потерять равновесия... Зачем?...

Мышь вылизывал шёрстку, пристроившись на деревце, росшем у края поляны. Листва на деревце была зелёная, но большей частью скрюченная и жёсткая. То ли из-за того, что зеленью

нельзя было полакомиться, то ли по другой какой причине – облюбованный было насест скоро разонравился маленькому летуну. Он сморщился и чихнул, как если бы его смущала неприятная вонь. Потом снялся и перепорхнул к валунам, прикрывавшим лужайку от холодного ветра с гор. И завертелся над камнями, недовольно вереща.

Двух молодых шанов, пытавшихся незаметно наблюдать из-за этих камней, Волкодав заметил уже давно. Один, пятнадцатилетний юнец по имени Тхалет, был из тех, кого он уложил «отдохнуть» незадолго до встречи с воинами Элдага. Второй, Мааюн, приходился старшим братом мальчишке. Волкодав не стал обращать на парней никакого внимания. Пускай смотрят, если охота. Всё равно он не делал ничего такого особенного, что Мать Кендарат не благословляла показывать стороннему человеку...

Когда ребята поняли, что обнаружены, они перестали прятаться и подошли.

– Мы радуемся, чужеземец, что вкушали с тобой от одного хлеба, – сказал Мааюн. – Ты хорошо сделал, что выручил нашу Раг.

Должен же он был сказать что-то учтивое, затеяв разговор с гостем.

Младшего такие предрассудки, кажется, не обременяли.

– Одного жаль, воин ты никудышный, – заявил он Волкодаву. Мааюн дёрнул его за ухо, но больше для вида, и Тхалет вырвался: – Ты ведь и тогда и теперь нипочём не обнаружил бы нас, если бы не твоя летучая тварь, норовившая нагадить нам на головы! Чего ты стоишь в открытом бою, хотел бы я знать!

Венн мог бы спросить его, не беспокоит ли помятая шея, но не спросил. Для него давно миновали те времена, когда любой намёк на недостаточное мастерство воспринимался как страшное оскорбление и требовал немедленных опровержений.

– Может, и никудышный, – проворчал он безразлично.

– Настоящий воин бросил бы стервятникам наши трупы, а ты оставил нам жизнь, как какой-нибудь робкий трусишка, никогда не видевший крови, – продолжал юный шан. – У тебя даже нет оружия, приличного свободному человеку. Длинные мечи хороши только для полумужчин из предгорий, боящихся подойти вплотную к врагу. Ну а ножом, который ты носишь на поясе, только лепёшки маслом намазывать. Я уж вовсе молчу про ту палку, с которой ты упражняешься. У нас такими дети играют. Которым по малости лет железа в руки не дают, чтоб не порезались...

Тут Волкодав наконец заметил то, что Эврих, наверное, распознал бы с первого взгляда. А именно – оба юноши с трудом давили рвущийся наружу смех. Венн запоздало сообразил, что его просто испытывали. Разговор, несовместимый с обычаем гостеприимства, на самом деле был сплошной шуткой. Шутки Волкодав понимал. Иногда. Отвечать на них по достоинству – так и не научился.

Мааюн выдал себя первым. Расплылся в неудержимой улыбке, потом так же быстро стёр её с лица. Взрослому пристала сдержанность.

– Ты вправду великий воин, чужеземный брат, – проговорил он торжественно. – Ты не обращаешь внимания на мальчишку, хотя бы и с кинжалом у бедра. Мы с Тхалетом – приёмные дети Раг. Мы ещё как следует не поблагодарили тебя за то, что ты вернул к очагу шанов и мачеху, и нашу маленькую сестричку...

– Но это всё равно плохо, что ты ходишь без настоящего мужского оружия, – нетерпеливо вмешался Тхалет. – Пойдём к дядьке Шенаю, кузнецу. Он сделал много кинжалов и подберёт такой, чтобы пришёлся тебе по руке! Он плавит железо в самородном огне, и потому-то с нашими клинками не могут сравниться те, что делают кворры!...

Волкодав сказал:

– Только если ты мне покажешь, как здесь у вас ими дерутся...

Он имел в виду научиться новому искусству, когда ему подарят кинжал, ибо давно усвоил – не гнушайся никаким новым умением, мало ли что пригодится однажды. Однако братья поняли его по-своему. Старший кивнул младшему:

– Покажи.

Тхалет счастливо заулыбался, отчего строгое лицо юного воина вновь стало совсем мальчишеским, проказливым и лукавым. Потом перестал улыбаться, по-кошачьи прынул назад, правая рука оказалась возле бедра и, скользя, извлекла из ножен кинжал. Движение получилось завораживающе красивым. Тугой узелок тонкой шёлковой ткани на конце рукояти, удививший некогда Волкодава, при этом развернулся в большой ярко-малиновый платок. Венн

не отказался бы узнать, каким образом Тхалету удалось так ловко распустить плотно собранный свёрток. Зато предназначение платка сразу сделалось очевидно. Юный воин бросался вперёд и стремительно отступал, перетекал и перелетал вправо и влево, вертелся волчком, выгибался так, словно в его теле совсем не было костей. Яркий шёлковый хвост при этом то и дело летел прямо в лицо воображаемому противнику, не давая уследить за движением руки, направлявшей нешуточно грозное лезвие. А оно ещё и порхало в ладони, глядя то вверх, то вниз, прячась и возникая между пальцев и временами упираясь основанием рукояти в ладонь для пронзающего тычка...

– Вот это называется «горный кот выходит из пещеры»... – негромко пояснял Мааюн. – А это – «трава шех встречает дуновение утреннего ветра»... А теперь «маленький камень на дне прозрачного озера»...

Мастерство Тхалета не подлежало никакому сомнению. Сперва Волкодав просто любовался отточенным боевым танцем, сидя в позе почтения. Потом испытал более сложное чувство и попробовал в нём разобраться, ибо оно беспокоило. В Беловодье он тоже встречал мастеров воинских искусств, да ещё каких. Но там, в мире, переросшем убийство человека человеком, эти искусства служили не отнятию жизни, а совершенствованию духа и тела. Оттого наставления учителей начинались всегда одинаково.

Когда-то давно,
объясняли они

, ошибка в движении означала несомненную гибель. Вот и теперь попробуйте вообразить смертельную опасность и всё сделать так, как если бы от этого зависела ваша жизнь...

Ученики пробовали представить. Иные с большей добросовестностью, иные с меньшей. И было замечено, что из тех, кто лучше других приучал себя собирать воедино разум и волю и устремлять их вперёд вместе с мечом, получались самые искусные зодчие, писцы, повара...

Но на их клинках не было крови.

А на кинжале Тхалета она была. И то, от чего в Беловодье у Волкодава ликовала душа, здесь, на этой полянке, показалось ему бездумным изяществом смертельно опасной ядовитой змеи. Которая не осознаёт ни собственного великолепия, ни того, что жуткое совершенство убийцы есть извращение самого понятия красоты.

И ещё...

Волкодав слишком хорошо помнил себя девятнадцатилетним. Только что вышедшим с каторги. Одержимым одной-единственной мыслью: постичь воинское мастерство и убить Людоеда. Тхалет был младше, но венну всё равно как будто поднесли зеркало. И то, что он усмотрел в этом зеркале, его ужаснуло.

Так вот, значит, каким меня время от времени видит Эврих. Вот, стало быть, почему разошлись наши дороги с Матерью Кендарат...

А ведь ему пытались это объяснить. Только он не понимал, о чём с ним говорят. Потребовалось увидеть мальчишку Тхалета, ещё не умевшего ничего, по праву положенного мужчине, кроме одного: убивать. Увидеть его и неожиданно сказать себе: я не хотел бы, чтобы мой младший брат был на него похож...

Младший брат Волкодава теперь, наверное, уже вновь родился в какой-то другой семье, потому что старший брат за него отомстил.

Йарра. Доверчивый и добрый Йарра, так славно рассуждавший о выборе. И сделавший его, когда начали издеваться над беззащитной Раг.

Я не хочу, чтобы Йарра стал таким, как Тхалет. Я не хочу. Бог Грозы, если Ты ещё слышишь меня, сделай так, чтобы этого не случилось!... Что я должен совершить ради этого, Господь мой? Вразуми! И даже если ценой окажется жизнь, Господи, яви только волю Свою...

– «Орёл подставляет правое крыло солнцу»... – продолжал пояснять Мааюн. – «Горный луг дремлет под полуденным солнцем»... Э, чужестранный брат, да ты вроде совсем и не смотришь?

Ответить Волкодав не успел. Потому что как раз в это время над крышей дома вождя заревел рог. Рогу было много лет; прадеды нынешних шан-итигулов выковали его из гулкой меди почти сразу после возвращения из рабства. Низкий рёв, напомнивший Волкодаву осенние клики туров у него на родине, слышен был по всей Тлеющей Печи. В этот рог трубили очень редко. Только созывая народ на защиту деревни.

– Кворры! – зло сказал Мааюн. – Идут мстить за то, что наша мачеха им не досталась! Скоро мы станем топить их в смоляных озёрах на западном склоне, и они проклянут день и час, когда их глаза обратились в сторону её палатки!...

Волкодав промолчал.

– Аиии! – выкрикнул Тхалет. Кинжал взмыл с его ладони и, оставив в воздухе трепещущий малиновый след, без промаха поразил у края поляны засохшее деревце. Тхалет чуть ли не вприпрыжку помчался вынимать меткое лезвие. Мальчишка сиял: его в равной степени грело и удачное завершение вдохновенного танца, и то, что совсем скоро предстояла битва. Великая битва, совсем как те, о которых рассказывали старики. Когда кинжал встречается с живой плотью, это гораздо забавнее плясок просто так, с клинком, пронзающим пустоту. Ему было знакомо это ощущение, и он радовался, что вновь испытает его.

Когда Тхалет выдёргивал из мёртвого стволика свой кинжал, с веток осыпались листья, ещё вчера зеленевшие. Под корнями деревца зрела огненная яма. Так близко к селению земные нарывы доселе не подбирались. Если бы внимание Тхалета не было притуплено радостной близостью битвы, он наверняка удивился бы, а может, даже и испугался. Потому что все знали: под этим местом уже простиралась твердь скалы, державшей, как на ладони, людские жилища. Никаких провалов в подземный жар здесь случиться попросту не могло.

«Знаешь, почему Людоед держал меня в клетке?» – сказал Тилорн.

«Нет, – ответил Волкодав. Подумал и добавил: – Однажды я тебя спрашивал, но ты не захотел...»

«Я не то чтобы не захотел, – смутился мудрец. – Просто я очень долго избегал малейших намёков на причины своего плена, а ты тогда спросил меня... несколько неожиданно...»

Волкодав промолчал.

«Ты понимаешь, – продолжал Тилорн, – случай занёс меня во владения кунса как раз когда он начинал строить свой замок. Я посмотрел, как надрывались невольники, копавшие каменистую землю, и жалость подвигла меня совершить непоправимую глупость. Я обратился к Винитарию, представился чужеземным учёным и предложил ему некий состав... у нас он называется „порох“.

«То есть просто “пыль”?»

«Да. И теперь я полагаю – мои предки дали этому веществу столь скромное имя как раз оттого, что слишком хорошо знали его грозную силу. Точно так же, как если мы говорим просто “зверь”, мы подразумеваем...»

«Понятно».

«Это смесь селитры, серы и древесного угля, приготовленного из деревьев определённого возраста и породы... впрочем, не в подробностях суть... Порох обладает свойством стремительно сгорать, высвобождая раскалённый воздух, сметающий всё, что мешает его истечению. Вот почему при посредстве пороха можно ломать скалы и вздвигать целые горы земли... Когда я сделал излишним непосильный труд рабов, Винитарий всячески обладал меня и назначил главным строителем замка. Я радовался возможности применить свои знания и тому, с каким вниманием он всегда меня слушал. Я думал: вот ученик, на которого не жаль тратить силы и время. Но потом...»

«Потом он захотел, чтобы твой порох смёл для него вражеский тын».

«Откуда ты знаешь?...»

«Не знал. Догадался».

«Вот видишь. А я ни о чём не догадывался, пока не сделалось поздно. Когда же я спохватился и увидел, что могу породить завоевателя похуже Гурцата, которым у вас до сих пор пугают детей, я пытался бежать, но был схвачен. И тогда я вспомнил, что в нашем мире порох изобретали несколько раз: его изначальные творцы понимали, каких дел он может наделать в недостойных руках, и уничтожали все записи, дабы не отягощать свою совесть. Вот и я решил последовать их примеру и не допустить распространения зла... Даже если ценой окажется жизнь».

Волкодав молчал, прикидывая, как бы поступил в подобных обстоятельствах он сам. Вообразить оказалось непросто. Ему случалось сражаться за тех, кого он любил, кто был ему дорог. Но класть жизнь, чтобы чужие люди не убивали других, тоже совершенно чужих?...

«Мой мир слишком дорого заплатил за прекращение войн, – проговорил Тилорн. – У вас другая история. Но коль скоро я сделался её частью... Люди не должны убивать людей, друг мой. Я иначе не мог...»

Из деревни квар-итигулов в деревню шан-итигулов можно было попасть несколькими путями. Самый краткий, избранный в своё время беглецами, пролегал мимо Харан Киира, но скольконибудь многочисленное войско застряло бы там надолго: тропа изобиловала такими местами, где можно было пролезть только по одному, да и то – поддерживая друг дружку. Имелся и широкий путь, по которому мог пройти не то что вооружённый отряд, но даже и стадо овец. Это была дорога через Глорр-килм Айсах – Долину Звениящих ручьёв. Насколько Эврих понял из скурых объяснений горцев, приветливей и краше уголка не было во всём Заоблачном кряже. Арранту разъяснили также, почему благодатная долина оставалась незаселённой. Слишком, мол, просторное и открытое место, плохо подходящее для тех, кто всё время ждёт нападения. Потому-то квары и шаны предпочитали терпеть немалые трудности, отсиживаясь каждый в своём орлином гнезде: квары – борясь с постоянными камнепадами, шаны – медленно поджариваясь на горячем боку Глеющей Печи. Вот если бы тот либо другой народ разом

сделался многочисленной вдвое, а враждебное племя столь же внезапно куда-нибудь подевалось...

И ещё. Если верить Лагиму, два итигульских рода до сих пор не перерезали друг дружку в открытом сражении единственно потому, что на много дней пути окрест не имелось достаточно обширного луга, где могли бы огородить священное поле два войска по полсотни бойцов.

– Почему же, – спросил Эврих, – вы до сих пор не сделали этого на Глорр-килм Айсах, если, как ты говоришь, там хватило бы пространства не то что для битвы, но даже и для совместного поселения?

– Потому, – отвечал вождь Лагим, – что долина Звенящих ручьёв – место заповедное. Никто не ходит туда с оружием, ни мы, ни презренные кворры, отринувшие обычаи предков.

– Заповедное?...

– Да. Мы в скудости нашего знания считаем – это потому, что оттуда хорошо смотреть на Харан Киир. Человеку, стоящему в Долине Звенящих ручьёв, обитель пращуров видится престолом, достойным самого Отца Небо.

– Но почему тогда, – спросил Эврих, – и вы, и кворры в нарушение своих же законов идёте туда сегодня во всеоружии, собираясь сражаться посреди запретной долины?...

Лагим печально и строго посмотрел на него.

– Это должно было однажды случиться, чужеземец. Вы двое и с вами моя сестра взошли на Харан Киир и вернулись живыми. Теперь мы понимаем – это был знак: что-то сдвинулось в самом основании мира. Моя сестра родила на священной горе, и была не одна, как учит наша вера, а с двоими мужчинами. И опять ничего не случилось, никакая нечисть не коснулась ни её самой, ни ребёнка... ни вас со спутником. Этого не могло произойти, но это произошло. Ты, верно, заметил, что мы приняли Раг, не подвергая её обычному очищению роженицы? Мы ведь поняли, что Отец Небо вещает нам о переменах, и не внять Его знамению было бы ослушанием. А похороны неведомого Бога, о которых ты сам мне рассказал? А гроза, подобную которой не припомнят старейшие из стариков?... Чему после этого ты удивляешься, чужеземный брат? Воистину, пришло нам время узнать, кто любезен Отцу Небо: мы или кворры... И где же совершить Божий Суд, если не в заповедной долине, у подножия Харан Киира и перед ликом Отца нашего, незримо восседающего на престоле... – Лагим помолчал, сосредоточенно глядя вперёд, и вдруг сверкнул глазами: – Но вряд ли я ошибусь, Собиратель Премудрости, если скажу, что ты ещё запишешь на своих листах, как будут вить и корчиться кворры, когда их вместе с проклятыми псами будут бросать в смоляные озёра и опускать на цепях в раскрытые рты огненных ям!... Ибо все чудеса, явленные нам в эти дни, были добрыми знаками, внятно гласящими о справедливости Неба!...

Выслушав речь вождя, Эврих покинул Лагима и, борясь с дурнотной тоской ведомого на смертную казнь, побежал разыскивать Волкодава. Так чувствуешь себя в жутком сне, когда и сражаться не можешь, и некуда отступать. Вот только сон обрывается пробуждением, и можно утереть липкий пот, радуясь, что всё было не наяву. Эврих озирался, обводя взглядом вершины, вздымавшиеся со всех сторон – зубчатые спины уснувших драконов, а за ними ещё и ещё, и чистая даль не спешила заволакиваться дымкой, как бывает только в горах... Маленькое войско шанов двигалось к собственной смерти удивительно красивыми местами.

И толку-то с этой красоты,
думалось Эвриху.

Кого она остановит? Кого остановила красота Засечного кряжа?...

Воины обречённого племени между тем шутили и веселились, и от этого было едва ли не хуже, чем в ту чёрную ночь, когда неумолимые волны мчали троих пловцов под копыта мрачного Всадника и блуждающая скала надвигалась на них, как сама Смерть... Тот раз случилось чудо, и они остались в живых. Сегодня чуда не будет. Всадник их пощадил. Люди, твёрдо намеренные перерезать друг друга до последнего человека, не пощадят никого.

Вот и все твои «Дополнения»,
скорбно говорил себе молодой аррант.

О чём мечтал? Рядом с Салегриновым свитком на полочке их однажды увидеть?... А сколько людей получше тебя втоптали в кровь и дерьмо, какие бесценные книги выдрали из переплётов и пустили на мешочки для запасных стрел?...

Волкодав шёл вместе с горцами, но в то же время неуловимым образом – сам по себе. Эврих, не привыкший оставлять удивительное необъяснённым, даже отвлёкся от собственных переживаний и невольно попытался определить для себя, в чём тут дело. И скоро сообразил: молодые шаны двигались тесной толпой, но к Волкодаву ближе чем на два шага не подходил ни один. И не то чтобы его намеренно сторонились. Всё получалось само собой, так, словно вена ограждала невидимая стена. Точно так когда-то шагал по кондарской улочке суровый Икташ. Волкодав шёл очень спокойно, глядя вдаль, и...
...И расчёсывал костяным гребнем волосы, сняв с кос ремешки.

Эврих собирался что-то сказать ему, однако ноги помимо разума унесли арранта за ту же невидимую границу, и он подумал:
вряд ли на Волкодава в его нынешнем сосредоточении осмелится сесть даже муха!
Это было правдой. Шустрый Мыш, и тот тихо висел на своей петельке, вшитой в ножны меча, и не решался побеспокоить хозяина.

Отряд между тем завернул в ущелье, сперва показавшееся арранту глухим тупиком. Снова пришлось лезть через нагромождения каменных глыб, вызвавших в памяти Харан Киир и пещеру мёртвого Бога. Некоторое время Эврих вынужден был внимательно смотреть под ноги, а когда поднял глаза, то увидел, что они пришли в Глорр-килм Айсах. Он, конечно, до сей поры ни разу здесь не бывал, но Долину Звенящих ручьёв узнал бы всякий, кто слышал хотя бы отрывочное её описание. Теснина вывела маленькое войско на южный склон горной гряды, на широкую плоскую террасу, покрытую самой роскошной травой, которую Эврих когда-либо видел. Громада хребта, возвышавшаяся севернее, не допускала сюда холодные ветры. Даже недавняя буря, гонявшая во всему Кряжу снежные смерчи, не сумела намести здесь сугробов. А если и сумела, то они сразу растаяли под ласковым солнцем. Терраса, раскинувшаяся на доброе поприще, обрывалась внезапным откосом: там зияло ущелье, проточенное быстрой рекой. К пропасти бежали ручьи – от крохотных до полноводных, не вдруг перешагнёшь. Они брали начало на склонах хребта и весело прыгали по камням, звеня тысячей голосов, и над маленькими водопадами дрожали семицветные радуги. А за ущельем круглилась небольшая гора, удивлявшая мягкими очертаниями среди изломанных каменных пиков. Лёгкие облачка, пронизанные солнечным светом, кутали её плечи. А позади высился двуглавый гигант, одетый вечными ледниками, – Харан Киир. Солнце висело прямо над священной вершиной, бросая на красноватые скалы голубые отсветы льда. Среди горцев мгновенно прекратились всякие разговоры и смех, а Эврих почувствовал, как подступили к глазам невольные слёзы. Казалось, со стороны гор исходила и наполняла душу громадная неслышимая музыка, слишком громадная, чтобы возможно было отобразить её в звуках...

И в таком месте они собирались резать друг дружку? Выяснить, у кого больше прав созерцать эту чудесную красоту? Спорить о том, чьи дети станут молиться ей и славить Богов, одаривших земной мир долиной Глорр-килм Айсах?...

Шаны слева и справа от Эвриха начали опускаться на колени, кланяясь Харан Кииру. Аррант торопливо последовал их примеру. И заметил, что на другом конце луга точно так же преклоняли колени квар-итигулы. И тоже, наверное, мысленно просили Отца Небо и предков о даровании победы...

Вот сейчас будет отдана дань Вышним, и они перестанут притворяться, будто не замечают друг дружку, и...

– У тебя с собой книга, которую ты пишешь? – раздался вдруг над ухом арранта тихий шёпот Волкодава. Воин опять говорил на языке Тилорна, ибо этот язык, рождённый по ту сторону звёзд, был здесь понятен лишь им двоим.

Эврих на всякий случай действительно нёс в маленькой сумке «Дополнения» и письменные принадлежности: жизнь уже научила его, что с главнейшими сокровищами лучше не

разлучаться. Аррант похолодел от дурного предчувствия, кивнул, обернулся и близко увидел серо-зелёные внимательные глаза венна.

– Держись позади всех, – так же тихо продолжал Волкодав. – Если у меня не получится, сразу беги. Не оглядывайся и не пытайся помочь. Надо ещё разыскать Тилорнов корабль...

– Что у тебя не получится?... – испуганно спросил Эврих, уже понимая, что распущенные волосы Волкодава были, как всегда, не к добру. Венн явно что-то задумал, но что именно, выяснить не удалось. Вождь Лагим вскинул руку, и шаны двинулись на врага. Двинулись медленно, в грозном молчании. Не обычная стычка предстояла им – битва на глазах у Богов, сражение, призванное навсегда разрешить старинную тяжбу...

Эврих не посмел ослушаться Волкодава. Он не сегодня усвоил, что во всём, касающемся воинского дела и драк, с венном лучше не спорить. Аррант воспользовался старой как мир уловкой, с помощью которой несмелые люди пытаются оттянуть неизбежное, – притворился, будто поправляет завязку на сапоге, и дал воинам себя обойти, оказавшись за спинами. На него не обратили внимания. До чужака ли, когда Отец Небо взвешивает на ладони судьбы племён?...

Сблизившись на расстояние оклика, два отряда остановились. Сейчас вожди огородят и освятят поле сражения, и воители войдут внутрь очерченного пространства, чтобы выйти обратно победителями. Или вовсе не выйти. Седобородые кряжистые деды, цветущие мужчины, мальчишки с едва проклонувшимися усами. Аррант разглядел Элдага. А потом и Йарру, по праву близкого родственника стоявшего недалеко от вождя.

Среди квар-итигулов мелькали белоснежные спины – воины привели с собой утавегу, примерно половину стаи. Эврих отрешённо подумал, что это, пожалуй, даёт им преимущество. Если бы он видел, какие чудеса выделял с кинжалом Тхалет, он бы изменил своё мнение.

Юные воины уже подавали своим вождям нарезанные стебли травы шех, когда благоговейная тишина неожиданно взорвалась всеобщим ропотом. От войска шанов отделился один человек и размеренным шагом пошёл вперёд, чтобы встать посередине поля, ещё не размеченного для битвы.

Волкодав.

При виде него утавегу разразились горестным воем и во главе со Старейшей хлынули навстречу своему Вожаку. Вероятно, только поэтому на венна не накинлись сразу с обеих сторон. Квар-итигулы были слишком изумлены поведением псов, чтобы думать о чём-то ещё. Шан-итигулы, вскинувшие было луки – смерть перебежчику!... – вовремя сообразили, что «белые духи» не простят им ни одной случайной стрелы и бросятся рвать, а значит, святость сражения будет непоправимо осквернена.

Утавегу окружили Волкодава кольцом, жалобно скуля и оглядываясь то на него, то на хозяев, то на врагов, которых выучка, закреплённая памятью поколений, повелевала убивать не раздумывая. Они и теперь с радостью совершили бы то, к чему были приучены, но приказ Вожака удерживал их крепче любой цепи. Старейшая ещё время от времени косилась на горный склон по ту сторону пропасти. Волкодав и сам ощущал смутное беспокойство, как-то связанное с этой горой. В чём тут дело, разбираться было некогда; он знал только, что ни за какие блага не полез бы на этот приветливый с виду склон, даже если бы не было пропасти, а его настигала погоня.

Чувствуя на себе десятки взглядов, он не торопясь расстегнул пряжку, вытянул наплечный ремень и взял Солнечный Пламень вместе с ножнами на ладони.

«Даже если ценой окажется жизнь...»

– Вождь Лагим! – сказал Волкодав, обращаясь к шанскому предводителю. – Ты посадил меня у своего очага и разделил со мной хлеб, называя кровным братом племени шан-итигулов. Я этим горжусь!

Лагим ничего не ответил, но его воины, ещё державшие стрелы на тетивах опущенных луков, принялись стыдливо убирать их в колчаны. Минул угар первой яростной вспышки, и стало ясно, что целиться в родственника неприлично. Недостойно мужчин.

– Вождь Элдаг! – повернувшись в другую сторону, продолжал Волкодав. – Ты принимал меня в своём доме и кормил хлебом из своих рук, называя кровным братом племени квар-итигулов. Я этим горжусь!

Эврих сообразил наконец, что было на уме у его спутника. Брат моего брата – мой брат. Два итигульских рода, двести лет назад разлучённые жестокой войной, обрели общего родственника. Урождённого или названного, не всё ли равно? Святость побратимства строго соблюдалось в горах. Поднять руку на побратима – переступить честь...

– Вы оба – мои великие братья, – сказал Волкодав. – Решите убивать друг друга, убейте сначала меня. Я не буду сопротивляться. И мои другие братья вам тоже не помешают...

Утавегу, стена и скуля, отползли ему за спину. В собачьих душах бушевало безысходное горе: погибнет Вожак, и станет незачем жить. И они никак не могли помочь Ему – только оказать послушание, которого Он от них попросил.

Волкодав повернулся лицом к Харан Киру, опустился на колени и замер, положив меч у правой ноги. Эврих знал, что левой рукой венн действовал не хуже любого природного левши, но очевидно было и то, что этим своим умением он не воспользуется.

– Убивайте тогда уж и меня! – услышал аррант свой собственный голос. Вокруг стояла потрясающая тишина – казалось, необъяснимо замолкли даже ручьи, – и на Эвриха обратились все взгляды. Молодой аррант судорожно прижал к груди сумку с «Дополнениями» и начал пробираться вперёд: – Тебе, Элдаг, мы вернули племянника, дитя твоего несчастного брата, погибшего по ту сторону моря! Мы преодолели страшные испытания, чтобы украсить твой дом ещё одним юным мужчиной!... Забудь об этом, вождь, если так уж боишься, как бы не потрескалась бирюза на твоём знаменитом кинжале!... А тебе, Лагим, мы вернули сестру. И маленькую племянницу, которую она носила во чреве! Мы не побоялись ни людей, ни Богов, чтобы у твоего очага засияло двойное сокровище!... Подойди сюда, Лагим, и убей, но помни, что Раг и её дочь стоят здесь, рядом со мной!...

Эврих выкрикнул эти слова и почувствовал слёзы, бегущие по щекам.

«Даже если ценой окажется жизнь...»

Так они и застыли вдвоём посреди широкого луга, между двумя отрядами, готовыми схватиться в сражении и резаться до последнего. Учёный, стиснувший белыми пальцами самое дорогое, что у него было: сумку с недописанной книгой. И воин, добровольно отложивший меч. Кто видел Волкодава три года назад, на краю другой пропасти, именованной Препоной, – оценил бы.

И было тихо.

Прошло мгновение, и ещё, и ещё. Никто не двигался с места. Потом утавегу вдруг вскочили, как по команде, и, пятясь и щетиня загривки, хором залаяли и завьили. Волкодав поднял склонённую голову и посмотрел в ту же сторону, что и его четвероногие братья. Туда, откуда всё это время исходило невнятное, но остро ощущавшееся предупреждение.

Горцы, боявшиеся отвести глаза от неприятелей, замерших в нескольких десятках шагов, стали оглядываться. Что-то происходило за пропастью, на южном склоне долины. Что именно – некоторое время понять было трудно. Потом люди увидели.

Там пришло в движение нечто настолько громадное, что разум поначалу отказывался воспринимать. Как позже объяснил Эврих, небывалая гроза напитала водой горный склон со щедростью, какой здешняя земля не знала вот уже сотни лет; проникающая влага несколько суток размачивала глинистый слой, пока не сделала его скользким, точно взбитое мыло. Вот и случилось, что гигантский ломоть земли и камней вдруг взял и тихо сполз вниз прямо на глазах у людей.

То есть тихо было лишь вначале. В бездну пропасти рушилась половина горы, а такое никогда не происходит бесшумно. Дрогнул под ногами луг, плеснули потревоженные ручьи, и докатился протяжный, глубинный стон сокрушаемой тверди. Люди сперва ощутили его ногами и телом, и только потом ударил в уши низкий чудовищный грохот.

На том берегу рвался дёрн, выламывались из вековых гнёзд укоренившиеся валуны, взмывали из стиснутых непомерной тяжестью недр фонтаны воды, перемешанной с камнями и глиной. Взмывали, пронзая не успевшие расступиться облачка, на мгновение зависали в сотрясаемом воздухе, успевали показаться вновь возникшими очертаниями горы... и всё-таки опадали, сперва медленно, потом быстрее и быстрее рушились вниз, вниз...

Горцы, привычные к оползням и обвалам, не поддались бездумному ужасу. Нынешнее разрушение было просто побольше тех, что происходили обычно; только-то и всего. Ещё не повод, чтобы без памяти уносить ноги. Наученные опытом поколений, они сразу поняли, что северный берег был вне пределов опасности. И всё-таки естественная робость, охватывающая

смертных при виде столь грозного явления Сил, заставила людей и животных теснее прикинуться друг к дружке. Сами того не заметив, шан-итигулы, квар-итигулы и утавегу смешались в одну – чего уж там – крохотную горстку трепещущей Жизни, жмущейся вместе перед лицом чего-то вселенского, необозримо громадного и вовсе не склонного замечать их ничтожные муравьиные распри...

Эврих впоследствии придёт к выводу, что дело, по-видимому, не обошлось без вмешательства очень могущественной Воли, намеренно подтолкнувшей два племени. Волкодав выслушает его доводы и согласится с предположением о милосердном промысле Богов – кто-кто, а венн слишком хорошо знал, насколько люди склонны грызть глотку друг другу, даже стоя на краю неминуемой гибели. Так что колья скоро не дошло до резни... Но всё это будет потом. А покамест «истинные» итигулы и итигулы-изгнанники вместе смотрели на совершившееся по ту сторону ущелья, и вековая вражда казалась чем-то второстепенным. И каждого, явно или неосознанно, посетила мысль о том, что под Небом нет вечного, и однажды, по манию Богов, раздосадованных мелкой грызнёй недостойных существ, вот так, в громе и грохоте, возьмёт да и канет в никуда и ничто весь их мир. Мир, в котором можно любить, ревновать, искать счастья и выделять чудеса с кинжалом, украшенным полосой яркого шёлка...

– Как бы реку не запрудило! – прокричал, возвышая голос, чтобы быть услышанным, вождь Элдаг Быстрый Клинок. – Жаль будет, если зальёт святую долину!

– Не зальёт!... – точно так же во всё горло отозвался вождь Лагим. – Когда-то я спускался к реке! Там такое течение, что вынесло даже валуны, оставив гладкое дно!...

Элдаг не очень поверил, и тогда они вдвоём бесстрашно подошли к самому краю. Итигулы видели, как вожди вытягивали руки, показывая друг другу что-то внизу.

Между тем светопреставление мало-помалу утихомирилось. Оползень смёл всё державшееся сколько-нибудь непрочное и сам собою иссяк. Опали тяжёлые волны густой водяной жижи, а ветер унёс и рассеял завесу мутных брызг, висевшую в воздухе. Прекратился грохот и гул, лишь время от времени с медленным треском скатывались последние глыбы... Все глаза принялись жадно обшаривать вывернутые наизнанку недра горы: что там? Может, вход в удивительные подземелья? Или самоцветная жила, обнажившаяся на радость жителям гор?...

То, что предстало их взглядам, потрясло увидевших едва ли не больше, нежели сокрушительный обвал, только что отгремевший. Разом стало понятно, отчего Глорр-килм Айсах величали заповедной долиной. Тхалет едва ли не первым упал на колени, выпустив скулящего, поджавшего хвост утавегу, которого, сам того не замечая, обнимал всё это время. В разломе горы обнаружилась статуя. Статуя сидящей женщины, неведомо когда и неведомо кем врезанная в толщу красноватого камня. Развалины утёсов служили ей тронem, а прямо за спиной величаво возносился к небесам Харан Киир, именно отсюда, с Глорр-килм Айсаха, более всего похожий на небесный престол.

Натёки грязи быстро опадали с изваяния, так, словно каменное чудо сверхъестественным образом отряхивалось, по-женски охорашивая одежду. Вот, мол, я и здесь наконец. Что вы, дети, успели без меня натворить?...

Ощущение было настолько могучим, что взрослые, седеющие, исполосованные рубцами мужчины неужели чувствовали себя нашкодывшими мальчишками.

– Мама, я... я, честное слово, не... – пробормотал Мааюн. – Прости меня... Я не хотел...

– А по-моему, это мачеха Раг, – шепнул брату Тхалет.

Эврих отвернулся от каменной женщины, чувствуя, как слёзы отчаяния и вдохновения, только что душившие его, сменяются жгучими слезами раскаяния... неведомо в чём. Какое наитие вело резец древнего скульптора, умудрившегося сообщить своему творению черты его, Эвриха, матери?... И не только черты, но даже их выражение: точно с таким лицом она выбегала навстречу ему всякий раз, когда он приезжал в Благословенную Аррантиаду, в маленький город Фед...

Стыдливо и поспешно аррант утёрся рукавом и посмотрел на Волкодава, рядом с которым стоял. Венн сидел очень прямо, крепко зажмурившись и до болезненного хруста сжав кулаки. Его губы что-то шептали, а из-под век по щекам пролегли две мокрые дорожки.

Довести Волкодава до подобного состояния было очень непросто. Требовалось для этого уж всяко не зрелище двух племён, готовых броситься друг на друга. И не угроза смерти, если не удастся их примирить... Но что же тогда?...

– Мама... – вдруг прошептал венн.

Эврих ошалело повёл глазами на коленопреклонённых итигулов, увидел на бородатых лицах то самое выражение, которое мгновение назад поспешно стёр со своего собственного... И разум учёного, привыкшего сопоставлять, вспышкой озарила догадка. КАЖДЫЙ ВИДЕЛ СВОЕ.

– Храм древних Богов!... – вырвалось у него.

Каменное изваяние улыбнулось ему с той стороны пропасти, и наваждение кончилось. Черты женщины ненадолго расплылись – или, может, просто облачко набежало, – а потом застыли уже изменёнными, и Эврих снова узнал их. У статуи, вытесанной один Вседержитель знает когда, оказались черты Сигины. Сумасшедшей Сигины. Деревенской дурочки из безымянного поселения в захолустье северного Нарлака, где случайно пролегла их с Волкодавом дорога... Случайно ли?... Теперь Эврих был в том отнюдь не уверен.

А вот что сделалось объяснимо, так это непонятный почёт, оказанный Сумасшедшей жрецами Богов-Близнецов. И её – вернее, Её – постоянные рассказы о Сыновьях, затерявшихся неведомо где. И о том, что за Богиня была призвана в помощь бедняжке Вионе, гадать стало излишне.

Равно как и о природе Замёрзшего, вырубленного из ледника и не оставившего ни частицы Своей плоти на погребальном костре... И о том, почему изваяние Матери, сокрывшееся от людских глаз после утраты Сыновей, именно сегодня явило Себя племенам, готовым осквернить кровью самое подножие храма...

Эвриху захотелось немедленно поведать горцам о своей чудесной догадке и рассказать им, как это невозможно – затевать убийство на глазах у Матери обоих народов... Однако судьба – или Сигина? – распорядилась так, что всё совершилось без него.

Похоже, невероятный обвал, открывший Статую солнцу, был всего лишь звеном в цепи разрушений, потрясших в тот день Заоблачный кряж. Из ущелья, где вилась между скалами тропка к шанской деревне, выбежал быстроногий мальчишка. Он мчался так, словно за ним гнались, и размахивал руками, что-то крича. Это был младший пасынок Раг, ещё не носивший кинжала.

– Тлеющая Печь провалилась!... – расслышал Эврих, когда задыхающийся мальчишка подлетел ближе. – Кузнец Шенай говорит, дождевая вода пролилась внутрь и бьётся с подземным огнём!... Деревни больше нет, мы еле спаслись от смерти, выскочив из домов!...

Шан-итигулы, умевшие без промаха определять направление среди нагромождений хребтов, невольно оглянулись туда, где осталось селение. Там восходило над ближними вершинами облако странной формы, увенчанное белоснежной клубящейся шапкой, и во все стороны разлетались от него стаи перепуганных птиц. Надо думать, некоторое время назад стоявшим в Долине Звенящих ручьёв полагалось бы услышать грохот и свист пара, рвущегося в небеса. Да только шум ближнего оползня похоронил все прочие звуки.

Шаны отчаянно бросились навстречу мальчишке: каждый принялся расспрашивать о своей семье – живы ли, успели ли отбежать, когда проваливалась деревня. По словам паренька, уцелели все, даже младенцы и дряхлые старики:

– И теперь мы все идём сюда, чтобы помочь убивать кворров или умереть вместе с вами, ведь у нас больше нет дома.

Его слова напомнили мужчинам о том, зачем, собственно, они сюда собрались. Эврих увидел, как воины снова начали отодвигаться прочь друг от друга, стягиваясь в два разных отряда. Мальчик тем временем впервые посмотрел на другой берег ущелья, увидел Статую и от изумления даже шагнул вперёд:

– Мама?...

А из прохода в утёсах, откуда не так давно выходило войско шан-итигулов, уже показались женщины, старцы, ребятишки и немногочисленные мужчины, оставленные стеречь дом. Одной из первых на землю Глорр-килл Айсаха ступила Раг. Новорожденную дочь она несла на руках, ещё с полдюжины детей разного возраста жались к ней, боясь отойти.

Для шан-итигулов это были те, кого следовало защищать до последнего вздоха, те, чьё присутствие властно изгоняло самую мысль о возможности поражения. Что же до квар-итигулов – они узрели перед собою добычу. Кое у кого начали разгораться хищным блеском глаза.

Волкодав едва не первым заметил белый комок, летевший к людям с другого конца долины.

– Твой пёс бежит, вождь Элдаг, – сказал он старейшине кваров.

Пёс мчался, беззаветно отдавая бегу все силы. Развевалась длинная шерсть, валился из дымящейся пасти мокрый красный язык. Утавегу заволновались при виде собрата, с воём устремились навстречу. Вой был горестным. Подлетев, пёс бросился Элдагу на грудь, чуть не свалив вождя в затоптанную траву, и принялся судорожно облизывать хозяину лицо. Он захлёбывался плачущим лаем, словно хотел что-то сказать. Элдаг тревожно хмурился, не понимая. Утавегу метнулся от него к Волкодаву, в отчаянии прижался к ногам. Венн опять приник на колени, обнял изнемогшего пса.

– С твоим домом такое же несчастье, Элдаг, – проговорил он медленно, обращаясь к вождю. – Мой брат говорит, дождевые ручьи подточили опору камней, и скалы обрушились. По счастью, утавегу, оставленные в деревне, вовремя предупредили людей, а самых беспомощных выволокли на себе. Твой народ сейчас идёт сюда, чтобы вместе с воинами принять жизнь или смерть. Хорошие псы у тебя, вождь...

Произнеся эти слова, он сам выглядел до такой степени собакой, что Элдаг поверил ему. Сразу. И полностью.

Вот, значит, как, вертелось у Эвриха на уме. Вот, значит, как. Непослушных, драчливых детей следует хорошенько отшлёпать. Чтобы поскорее набирались ума...

В обоих отрядах было примерно поровну воинов, однако нападать на шанов стало бессмысленно. Мужчины мужчинами, но если за каждым – его женщина, готовая, если придётся, пустить в ход и ногти и зубы, если не кинжал, снятый со стены разрушенного жилища... И, что важнее, квары стали оглядываться. В дальнем конце луга должны были вот-вот появиться те, кому полагалось бы сидеть дома, под защитой неприступной стены и свирепых собак. Воин не должен так оглядываться в бою. Иначе конец и ему, и тем, кого он силится оградить.

Эврих смотрел то на одних, то на других... на мрачно насупившихся вождей... и видел, что они с Волкодавом больше ничего не могли сделать. Жертва, которую они предложили, думая отвести два племени от бессмысленной распри, осталась невостребованной и, похоже, успела забыться. И даже Мать Сигина, каждому посмотревшая в душу, не сумела погасить в этих душах чёрный огонь. Остановит ли материнский укор беспощадного воина, способного не сходя с места перечислить десять родственников, убитых или замученных теми, с кем его хотят помирить?...

Он сказал себе, что сейчас неминуемо начнётся резня, и вдруг увидел Йарру. Кондарский сирота как-то робко, бочком протиснулся мимо Элдага – вождь даже не остановил его, не поняв намерения приёмного сына, – и неожиданно пошёл через луг туда, где угрюмо, закрыв спинами свои семьи, стояли шанские воины. Золотистый отлив кожи делал его бледнолицым среди тёмно-медных соплеменников, но нынче Йарра был действительно бледен чуть не до зелени. Правда, чем дальше он уходил, тем больше расправлялись его плечи и уверенней становилась походка. Так идут за смертью или за славой, которой нипочём смерть. А у ноги юного горца вышагивал молодой утавегу – ещё не взрослый пёс, но уже не щенок, – верный спутник, обрётённый позавчера, на священном пиру, связавшем их жизни. Время от времени Йарра касался ладонью белого щетинистого загривка, и пёс поднимал голову, готовый к послушанию и защите.

Теперь на них смотрели уже все. Эврих заметил – мальчишка шёл прямо к Раг, стоявшей за плечом мужа. И вот наконец приблизился. И остановился.

– Госпожа Раг!... – звонко прозвучал его голос. Итигулы знали множество способов оживить надорванные связки, и Йарра почти не хрипел. – Госпожа Раг, ты, верно, не позабыла, как в деревню, ныне исчезнувшую с лика гор, привели пленницу. И как Йарра, сын Йарана Ящерицы, называемый сегодня младшим сыном вождя, был среди тех, кто плясал кругом пленницы и смеялся, подбирая для неё казнь!...

Женщина ответила не сразу. Некоторое время она пристально, испытующе смотрела ему в глаза. Потом что-то шепнула насторожённо замершему мужу, и тот отодвинулся на шаг в сторону, пропуская её. Раг вышла вперёд, держа на руках спелёнутую дочь.

– Я помню, – негромко, глуховато проговорила она в ответ.

Йарра, поблднев ещё больше, церемонно расстегнул на себе пояс и стащил курточку, а потом и рубашку – ту самую, старенькую, сшитую матерью, – и остался обнажённым по пояс. Люди, хорошо знавшие обычаи итигулов, поняли, что было у него на уме. И действительно, Йарра вытянул из ножен охотничий нож (ибо кинжала у него, не пролившего вражеской крови, ещё не было) и бестрепетно прочертил по голой груди три глубокие поперечные полосы, немедля обросшие густой бахромой алых потёков. Йарра приложил к ним левую руку, хорошенько размазал... и протянул женщине окровавленную ладонь:

– Госпожа Раг!... Не моя заслуга в том, что ты осталась жива и дала рождение той, что толкалась у тебя во чреве, когда твои руки привязывали к цепям. Отцу Небо было угодно прислать тебе на помощь других людей, гораздо смелее и благородней меня. Госпожа Раг! Чтобы такого больше не случилось между нашими племенами...

Горло всё-таки подвело его – голос сорвался, но Йарра мотнул головой и упрямо докончил: – Чтобы такого больше не случилось между нашими племенами, я прошу тебя, госпожа, позволь мне быть женихом и хранителем твоей маленькой дочери и любовно оберегать её, пока она не войдёт в возраст замужества и не станет мне женой перед Отцом Небо и пращурами, ликующими над вершиной священного Харан Киира!...

С его ладони обильно капала кровь. Чем глубже борозды на груди, тем, по мнению итигулов, искренней были намерения.

Довольно долго Раг не двигалась с места и не произносила ни слова. Потом медленно, очень медленно развернула пелёнки, выпростала крохотную ручонку, разжала стиснутый кулачок и приложила ладошку спящей дочери к протянутой навстречу руке Йарры, словно ставя печать.

С младенческого крика
До самого «прости»
Таинственную книгу
Слагаем по пути.

Теснятся чьи-то лица
За каждой строкой...
Мы чёркаем страницы
Бестрепетной рукой.

Мы веселы и правы,
Мы скачем напрямик...
Размашистые главы
Заносятся в дневник.

А если и помаркой
Испорчена строка -
Ни холодно ни жарко
Нам с этого пока.

Успеем возвратиться,
Попридержат коней...
Подумаешь, страница!
Их много в книге дней.

Что гоже, что негоже
И кто кому должник?
Когда-нибудь попозже

Исправим черновик...

...Но поздно, милый, поздно.
Не отыскать мостов.
И делается грозным
Шуршание листов.

Обиженные люди,
Забытые долги...
Поправлено не будет
В минувшем ни строки.

Кому мы, обещая,
Солгали без стыда,
Уходят не прощаясь,
Уходят навсегда.

Кого мы оттолкнули,
Кого мы подвели...
Корявых загогулин
Напрасно не скобли.

И наша повесть мчится
К финалу... А потом
Последняя страница
Покроет пухлый том.

И так же, запоздало
Стирая слёзы с глаз,
Как мы иных, бывало, -
Другие вспомнят нас.

16. Отданные долги

– Всё же дело у них вряд ли скоро заладится, – рассуждал Эврих. – Так не бывает, чтобы после столетней грызни помирились в один день. Ты только подумай, ведь за каждым такой хвост крови, что представить-то страшно! На кого ни посмотри, каждый у кого-то либо отца убил, либо сына замучил... Разве такое прощают? А туда же, общую деревню строить собрались... Ноги у арранта были длинные, а ослик под ним – малорослый, хотя и крепкий. Оттого сандалии Эвриха (которые он, спустившись с холодных гор, вновь торжественно надел вместо сапог и штанов) то и дело чиркали по слежавшейся пыли большака.

– Одна надежда, место там в самом деле особенное, – продолжал книгочей. – Я так полагаю, если бы не Мать Богов, они бы и нас с тобой, и друг дружку...

У него почему-то не поворачивался язык назвать Её тем именем, под которым они с Волкодавом знали Её в Нарлаке. Внезапно возникшая мысль заставила Эвриха воздеть руку в жесте красноречия и повернуться к Волкодаву, размеренно шагавшему рядом:

– Вот тебе, друг мой, и ещё вопрос, которым вотще задаются увенчанные истинной мудростью. Почему, скажите на милость, величайшие откровения и чудеса бывают явлены не в святилищах учёности и не тем, кто кладёт жизнь на их постижение? Почему Создавшие Нас предпочитают беседовать с дикими племенами, вряд ли способными осмыслить весть, им ниспосланную?... Обращаясь к Волкодаву, аррант в действительности вопрошал себя самого; как объяснили ему в немеркнущем Силионе, легче набрести на дельную мысль, если вслух рассуждаешь о том, что занимает твой ум и кажется неразрешимым. Он до того привык, что венн обычно отмалчивался или в лучшем случае ронял слово-другое, что даже удивился, когда Волкодав вдруг ответил: – Так они же всё поняли... Ну там... Что Отца Небо, которому они поклоняются, огорчает вражда. Что ещё надо было понять?

Эврих развёл руками:

– Да как тебе объяснить... – Он тут же испугался, что обидчивый венн неправильно истолкует его слова, и поправился: – Это, пожалуй, не их, а нас с тобой скорее касается. Почему мы спустились с Засечного кряжа не в другом каком-нибудь месте? И дальше... уж очень всё одно к одному... Всадник... младший Близнец непогрёбённый... Кто же знал, что он Бог, могли бы так и оставить...

– Не оставили ведь, – сказал Волкодав. И неожиданно улыбнулся: – Только, значит, диким племенам чудеса достаются? А учёным вроде тебя, хоть лопни, их не дожидаться?...

Эврих фыркнул и рассмеялся, но потом снова впал в задумчивость. Легко рассуждать, как не повезло Достопочтенному Салегрину, безвылазно просидевшему в Верхнем Аланиоле всю свою жизнь. Салегрин ведь в глаза не видел всего того, о чём создал столь мудрую и достоверную книгу. А вот ему, Эвриху, похоже, везло. Он повидал мир и, как выяснилось, сам того не ведая насмотрелся чудес. Ну и как прикажете справляться с подобным везением?...

– Знаешь... вот ещё что, – подумав, сказал молодой аррант. – Жрецы Богов-Близнецов, они... если проведуют... живенько весь Заоблачный кряж к рукам приберут. Те, в Кондаре, они, как я теперь понимаю, сразу заподозрили, что наша Сигина... ну... не такая простая, как кажется... Вот придём в Тин-Вилену – а вдруг тамошние тоже почуяли... про древний храм и насчёт Младшего Брата...

– Поглядим, – сказал Волкодав.

– Я бы, – глядя на убегающую вдаль дорогу, проговорил Эврих, – на всякий случай не стал никому ничего говорить. Помнишь, сколько было молившихся Близнецам и как они отгалкивали Сигину? Вот пускай и приходят такие, кто сами...

Он хотел сказать «сердцем услышат», но убоился слишком красивого слова, как-то не вязавшегося с простым величием совершившегося. Волкодав понял его и молча кивнул. Итигулы проводили их до маленькой порубежной деревни, в которой, отправляясь торговать в Тин-Вилену, обычно нанимали лошадей и вьючных мулов. В эту осень торговать было нечем. Два племени остались настолько нищими и голыми на пороге зимы, что какие там барыши, – дай Отец Небо возвести хоть плохонькое жильё и скопить мало-мальский съестной припас, пока не грянули холода!...

Узнав, что торговых караванов нынче не будет, жители деревни обозлились из-за упущенной выгоды и заломили с двоих путешественников столько, что от мысли о лошадях сразу пришлось отказаться. Решили взять осликов, но и тут всё вышло не слава Богам. Итигулы обычно платили деревенским задаток, а остальное отсчитывали по возвращении. Эврих и Волкодав были люди новые и честности неведомой, а посему с них потребовали все деньги вперёд. Кто их знает, вдруг они, за полцены взяв ослов, не оставят их в Тин-Вилене на оговорённом постоялом дворе, а съедят по дороге? Или вообще продадут, а выручку прикарманят?...

«Возьмём одного, – сказал тогда Волкодав. – Для тебя. Я пойду пешком».

Аррант возмутился и начал его уверять, что, во-первых, денег у них вполне хватит, а во-вторых, он, Эврих, умеет ходить на своих двоих ничуть не хуже венна и уж как-нибудь обойдётся. Он до сих пор считал, что был прав. Вот только спор с Волкодавом чаще всего был занятием абсолютно бессмысленным. Венн просто упирался на своём и молчал, предоставляя арранту сотрясать воздух неотразимыми доводами. А потом делал так, как с самого начала считал нужным. Уж что говорить – идеальный товарищ для дальнего путешествия!... Эврих сперва был здорово на него зол, потом успокоился. В конце концов, на спине смиренного выносливого ослика было лучше, чем пешком. Если приноровиться, можно даже книжку читать. Или заметки

какие-нибудь черновые делать безотказной Тилорновой самопиской, которую не надо макать в чернильницу через каждое слово. Или просто вбирать новые впечатления и подыскивать слова для их описания: это тоже лучше делать, когда разум не затуманен усталостью. А Волкодав пускай шлёпает босыми пятками, если больно охота. Эврих тоже некоторое время был сам не свой после Глорр-килм Айсаха. И что чувствует человек, готовившийся отречься от жизни, ведал не понаслышке. Вчера венн шёл на подвиг и смерть, сегодня чудит. Ну и пусть его. Торные тропинки, сбегавшие с гор, ближе к Тин-Вилене сливались в широкий, плотно укатанный большак. Дорога вилась берегом, и город, поднимавшийся над прикрытой мысом небольшой бухтой, постепенно открывался взгляду.

Когда люди затевают новое поселение, они обращаются за советом к Богам и просят Их указать хорошее место, где можно будет вековать в ладу с Силами небесными и земными. И всегда почему-то получается так, что самое доброе и праведное место неизменно оказывается и самым красивым. Вот и Тин-Вилена стояла так, что глаз радовался, издали созерцая её. Глядя вперёд, Эврих про себя жалел только о том, что не довелось приближаться к городу с моря, на быстроходной «косатке», а значит, не придётся и вносить в «Дополнения», как над перламутровым утренним морем неспешно проявляются горы, как рассвет шествует к долинам с вершин и как, наконец, на гребне возносящихся скал делается различима крепость-храм, выстроенная жрецами с острова Толми...

Между прочим, встречной процессии жрецов, «услышавших сердцем», пока что-то не было видно.

– Вот послушай, куда мы идём, – сказал Эврих. Развязал сумку, вытащил выдавшую виды книгу в навощённом кожаном переплёте, не первый раз похвалился: – Это список со свитка Салегринова труда, нарочно исполненный мельчайшими буквами, дабы не отягощать странствующих... – Открыл на знакомой странице и начал читать: – «Бухта, облюбованная первыми поселенцами, имеет форму подковы. Несовершенные верования жителей края породили предание, повествующее о шо-ситайнском Боге Коней, чей жеребец якобы коснулся здесь копытом земли. Островные же сегваны, коих с той поры немало осело в Тин-Вилене, никакой подковы в облике бухты не усматривают. По их мнению, она больше напоминает слегка укороченный силуэт корабля...»

Волкодав молча слушал.

– Я тут думаю... – сказал он, когда Эврих решил пропустить интересные, но не особенно полезные в каждодневной жизни сведения и перелистнул несколько страниц, добираясь до сути. – Я тут думаю... Ты помнишь, те, на «косатке» у Астамера... Они ведь ехали в Тин-Вилену, чтобы поклониться жрецам и вступить в наёмный отряд. Потому что здесь вроде бы учат воинскому искусству...

Эврих даже расхохотался, не отрываясь от книги:

– Только не говори мне, Волкодав, что собираешься ещё чему-то учиться!... Хотел бы я посмотреть на того, кто дерётся лучше тебя!...

Венн взирал на него без улыбки.

– Может, и посмотришь, – проговорил он затем.

Эврих сообразил, что не в меру обидчивый варвар может снова замкнуться, и, перестав веселиться, прикрыл «Описание», вложив палец между страниц.

– Когда на Засечном кряже я дрался с наёмниками, – сказал Волкодав, – один из них пытался достать меня приёмом кан-киро, но сделал ошибку. И потом, в Кондаре, я замечал кое-что... Гарахар тот же... Так, словно набрались у кого-то, кто сам толком не знал... А здесь, в Тин-Вилене, есть, стало быть, наставник...

Эвриху показалось, будто солнечное утро внезапно померкло.

– Друг мой, – проговорил он очень тихо. – Я тебя прошу, не забывай об одном. Мы, помнится, предполагали, что в это время уже вернёмся назад. Уже почти осень, а нам ещё предстоит плавание... да и то неизвестно, удастся ли сразу нанять мореплавателя или придётся сначала на Острова...

Волкодав промолчал. А потом за очередным поворотом дороги показались первые дома выселок, и пришлось остановиться у ручейка, чтобы привести себя в порядок. То, что уместно в дальней дороге, на городской улице выглядит неприличием, и все путешествующие это хорошо знают.

Тин-Вилена Волкодаву не понравилась. Не из-за каких-то своих особенностей: по его глубокому убеждению, людям просто не следовало селиться такими громадными скопищами. Всё правильно – в столь посещаемом месте легче предаваться ремеслу или науке и кормиться только ими, не держа поля и огорода. С другой стороны, в больших поселениях скапливаются и сопрягаются не только благие познания, но и самый чёрный порок. Может, потому-то многие известные Волкодаву мастера и учёные рано или поздно сбежали из хлопотливых людских муравейников в глушь и только там достигали окончательного совершенства...

Когда-то, годы назад, впервые попав в большой город, он с отвращением оглядывался кругом и не мог взять в толк, отчего же остальные люди никак не поймут того, что было очевидно для него самого, и не переселятся из душной суеты на волю, где можно не спеша разговаривать с Землёю и Небом?... Потом он повзрослел и сам многое уразумел. А именно: что было хорошо для него, вовсе не являлось благом для других. Эти другие, может, жить не могли без того, от чего он, Волкодав, готов был удрать без оглядки. И были по-своему правы...

Любви к городам у него с тех пор не прибавилось, и неприязнь была, похоже, взаимной. Очередное её подтверждение, способное отравить злопамятному венну посещение прекраснейшей столицы, было получено ещё за городскими воротами. Постоялый двор, куда они привели ослика (выкупанного и вычищенного, как никогда в жизни), назывался «У Ретилла» – по имени владельца. И этот Ретилл наотрез отказался поверить, что они уже заплатили за длинноухого все деньги полностью, а не обычный задаток. Не произвела на него впечатления и деревянная палочка с зарубками и хитрыми отметками калёным гвоздём, привезённая из предгорной деревни. Осанистый нарлак лишь погладил чёрный веник бороды и заявил арранту:

– Вот что, любезный. Либо ты мне не сходя с места платишь ещё четверть овцы серебром, либо прямо сейчас позову стражу – и тогда доказывай сколько угодно, что осёл не краденый и палочка не поддельная.

Двое громил, каждый – полтора Волкодава, ухмылялись у него за плечами.

Эврих не впервые напарывался на этакое наглое корыстолюбие, подвигающее иных людей обижать странников, за которыми не ощущается могучей поддержки вельмож или родни – а подобную поддержку люди вроде Ретилла чувствуют непонятно как, но всегда безошибочно. Молодой аррант каждый раз чувствовал себя словно дерьмом облитый. И придумывал на будущее десять остроумных способов посадить наглеца в лужу. Но приходило время, и Боги Небесной Горы вновь испытывали его столкновением с тупым бессовестным кровососом... и опять он оказывался беззащитен. Надо думать, появись во дворе самый распоследний итигул, ему поверили бы без разговоров. Себе дороже – связываться со свирепыми горцами! А кто вступится за одинокого странствующего грамотея, явно не брата и не свата обосновавшимся в Тин-Вилене аррантским купцом?...

Тут Эврих закономерно вспомнил про Волкодава, стоявшего рядом, и успел испугаться. Кто, кто, а он слишком хорошо знал нрав своего спутника, привыкшего вразумлять бесчестных доходчиво и без лишних затей. Учёный даже оглянулся на венна, лихорадочно соображая, как бы удержать его от вмешательства, но удерживать не понадобилось. С самого начала путешествия они договорились в незнакомых местах изображать хозяина и телохранителя; вот и теперь Волкодав безмолвно присутствовал за спиной «господина», устало глядя на потрескавшуюся, давно не мытую половицу у себя под ногами. То ли прикидывался, будто затруднения Эвриха его, охранника, не касались, то ли понимал, как и аррант, что лишние неприятности в чужом городе были им совсем ни к чему. Лучше уж расстаться с деньгами... И только Мыш, улетевший было погонять под потолком мух, немедленно вернулся на плечо венну и защёлкал зубами, воинственно надуваясь и растопыривая чёрные крылья.

В конце концов Эврих со вздохом решил, что сегодня же вечером протащит Ретилла в своих «Дополнениях», да так, что ни один читающий путешественник больше не пожелает у него останавливаться. Эта мысль немного утешила арранта. Развязав кошель, он отсчитал нарлакского серебра на сумму, соответствовавшую местным понятиям о стоимости четверти овцы, и протянул монеты Ретиллу:

– Узнаёшь чеканку, добрый хозяин? Я недавно прибыл сюда из Кондара и могу засвидетельствовать, что там не принято драть с людей по три шкуры, как это делаешь ты. Содержатель двора, привыкший чувствовать за собой силу, лишь усмехнулся.

– А вот за это, – сказал он, пересыпая деньги в поясной карман, – ты мне заплатишь отдельно. Ну-ка, мальчики...

«Мальчики», каждый с плечами не про всякую дверь, радостно заулыбались и одновременно шагнули вперёд. Эврих сообразил, что сейчас его будут бить, и потратил жизненно важный миг на бесплодные колебания: то ли предоставить обо всём позаботиться Волкодаву, то ли самому попытаться сделать что-нибудь из того, чему венн успел его научить. Позже он так и не вспомнил собственного решения. Только то, как ощутил у основания шеи жёсткие пальцы и таинственным образом перекочевал за спину венну, не растянувшись на полу только благодаря начаткам всё того же кан-киро. Что до Волкодава – он не стал ни хвататься за меч, ни вышибать зубы мордоротам, хотя наверняка мог. Он просто подался им навстречу, совсем ненамного, на вершок или полтора. Но сделал это ТАК, что первый их шаг сам собой оказался и последним. «Мальчики» были не новички в потасовках: налитые силой тела замерли прежде, чем с лиц пропали улыбки. Волкодав тоже улыбнулся, показав выбитый зуб. Потом повернулся спиной и направил Эвриха к двери. Он не оглядывался, но нападать на него сзади стал бы только глупец. Ретилловы вышибали глупцами не были.

Уже перешагивая порог, Эврих всё-таки не выдержал.

– Не жри в два горла, Ретилл, – сказал он. – Не ровен час, подавишься.

Волкодав поморщился и незаметным тычком выпихнул арранта наружу.

У городских ворот с них снова взяли определённую мзду. В других местах пошлину начисляли с товара, а в Тин-Вилене, как ни смешно, требовали деньги с тех, кто ничего не вёз на продажу. Делалось это, по словам закованного в кольчугу десятника, по решению умудрённых старейшин, дабы привлечь таким образом в город торговых гостей. Эврих поневоле восхитился, даже несмотря на очередной убыток, а Волкодав про себя отметил, что от него не потребовали завязать ножны.

Портовыми городам редко бывают присущи исключительно черты той страны, на чьём берегу они расположены. В таких местах оседают и пускают корни уроженцы самых разных краёв, а значит, город украшается ещё одним творением доселе неведомого зодчества, ещё одним своеобразным языком... храмом ещё одной веры.

С этим последним – за вычетом Домов, посвящённых Близнецам, – в Тин-Вилене, правда, было негусто. У себя по домам жители были вольны молиться кому угодно, но прилюдные поклонения не одобрялись. Предприимчивый народ живо сообразил, как извлечь выгоду из запрета, сулившего, казалось бы, одни неудобства. Содержатели постоянных дворов быстро договорились между собой, и теперь почти всякий заезжий мог найти пристанище, населённое единоверцами, и хотя бы маленькую, но молельню с привычной обстановкой внутри. Постояльных дворов и харчевен, где можно было на время купить себе комнатку, на первой же улице обнаружилось великое множество. Другое дело, после происшествия у Ретилла Эврих и Волкодав довольно долго не смотрели ни вправо, ни влево: слуги и хозяева, призывно кланявшиеся из дверей, все как один казались обманщиками, и не хотелось никуда заходить даже для того, чтобы поесть. Почти до полудня они блуждали по городу, осваиваясь, присматриваясь и слушая разговоры. Потом, окончательно проголодавшись, купили с какого-то лотка несколько яблочек и по слоёному пирожку с сыром, которые пекли прямо здесь же, в маленькой переносной печи. И почти решили для начала сходить на пристань, разузнать, что там и как... когда Эврих вдруг обнаружил, что Волкодав его вовсе не слушает. Венн напряжённо разглядывал нечто впереди. Аррант тоже посмотрел в ту сторону, но ничего особенного не увидел.

– Ты на что уставился?... – невольно забеспокоившись, спросил он Волкодава.

Тот мотнул головой:

– Вывеска...

Через несколько домов над хлопотливой улицей вправду виднелась вывеска: могучий белый конь, влекущий сани с поклажей.

– Ну и что? – равнодушно спросил Эврих. Ему резное деревянное изображение ничего особенного не говорило.

– Эту вывеску, – сказал Волкодав, – я красил три года назад.

– Во имя прядей Посланника, отгнанных после того, как он подсматривал за Прекраснейшей!...

– изумился Эврих. – Ты что, хочешь сказать, будто побывал здесь три года назад?...

Венн пожал плечами:

– Не я. Вывеска была в другом месте. В сольвеннской стране.

– Во дела!... – восхитился Эврих, но его мысль почти сразу повернула на деловой лад: – И что, приличный человек эту харчевню держал?...

– Я тот раз остался должен ему, – сказал венн. По его мнению, лучше прославить корчмаря было трудно. Он только добавил: – Если сюда переехала не только вывеска, надо бы отдать долг.

Первое душевное движение Эвриха при этих словах было совершенно недостойным.

Ещё трата!...

– застонал он про себя. Но тут же гневно искоренил низменную мысль и сам потащил венна вперед:

– Обязательно надо зайти!... Может быть, твой знакомый действительно перебрался на новое место!... Опять же, если он, как ты говоришь, не такой сукин... ой, прости... не такой вонючий козёл, как этот Ретилл, чтоб ему завтра же разориться!...

Когда они подошли вплотную и присмотрелись к вывеске, Волкодав увидел нечто, ускользнувшее было от поражённого узнаванием взгляда. Возле саней, чуть позади белого тяжеловоза, то ли охраняя, то ли подгоняя его, бежал большой серый пёс.

За стойкой, протирая вышитым полотенцем глиняные кружки, стоял нисколько не постаревший Айр-Донн. И на голове у него была всё та же вышитая повязка с зелёно-пёстрым узором, принятым у восточных вельхов. Он поднял голову, когда скрипнула дверь. Опытный корчмарь никогда не пропустит нового гостя, даже если за столами вовсю гомонят и стучат ложками, а возле стойки горланит бессвязную песню ранний пьянчужка.

– Благо тебе, добрый хозяин, под кровом этого дома! – громко сказал Волкодав на языке вельхов, шагая по проходу и отчего-то сильно волнуясь. – Хорошо ли бродит нынче пиво в твоих котлах?...

Айр-Донну, похоже, давненько не приходилось слышать вельхской речи от переступавших его порог. Он непроизвольно опустил ладонь на дубовую стойку, защищаясь от возможного сглаза:

– Благодарение Трёхрогому, в нашем доме всё как и прежде хорошо и, по воле Его, солод не переводится!... – И только потом ему словно протёрли глаза, и он почти закричал: – Ты!... О, хвала Богине Коней, вот уж кого я никак не ожидал встретить здесь, за морем... Неужели это вправду ты, венн?

Он даже выскочил из-за стойки, схватил Волкодава за локти и попытался встряхнуть. Тот, немного смущённый таким приёмом, только хмыкнул в бороду:

– Теперь ты видишь, что мы, венны, вправду не забываем долгов и даже пересекаем море, чтобы их возвратить!...

– Какие долги!... – замахал руками Айр-Донн. – Да я озолотился благодаря тебе, Волкодав! Ты видел, я даже вывеску изменил, надеясь хоть таким образом тебе отплатить!...

Хозяйское место за стойкой между тем занял проворный юноша, очень похожий на Айр-Донна, каким тот был в молодости. Сам владелец уже тащил дорогого гостя в боковую дверь и далее в замечательную маленькую комнату, какие есть во всех уважающих себя тавернах, корчмах и трактирах. Мало ли что случается в жизни – бывает, нужно кому-то поговорить о важном за кружкой вина и дружеским угощением, да чтобы не смотрели в спину всякие чужие глаза. Вот и у Айр-Донна имелась подобная хоромина, снабжённая, на случай каких-либо неожиданностей, неприметным выходом во двор и ещё люком в полу – прямо в погреб. Стены были бревенчатыми, но Айр-Донн сумел сделать маленький чертог удивительно вельхским: поверх брёвен до самого пола простирались занавеси, расшитые замечательным двусторонним узором, так, как умело только его племя.

Корчмарь всё поглядывал на незнакомца, пришедшего с Волкодавом, и венн представил его:

– Это мой давний друг, учёный аррант, люди называют его Эврихом... – Подумал и с усмешкой добавил: – Он станет расспрашивать тебя, но ты не думай, он не подсыл. Он путешествует и пишет книгу, которую поставят в... в таком месте, где много книг и люди ходят читать!...

– В библиотеке, – пояснил Эврих, усаживаясь за стол. – Если наше странствие завершится благополучно, добрый хозяин, я действительно надеюсь увидеть мой скромный труд в библиотеке блистательного Силиона.

Кажется, преследовавшие их беды временно прекратились, и он решил позволить себе невинное хвастовство. Он был уверен, что Айр-Донн понятия не имел ни о Силионе, ни о том, что такое библиотека, но вельх неожиданно заинтересовался:

– Люди, значит, читают?

– О да! – с жаром подтвердил Эврих. Дурное настроение, вызванное утренним происшествием у Ретилла, улетучилось без следа. – Я сам, прежде чем отправиться в дорогу, перечитал множество различных трудов, а кое-что даже заказал переписчику, чтобы взять с собой и иметь возможность освежить свою память, прибывая в иную страну...

Вельх торжественно кивнул:

– Спрашивай меня о чём пожелаешь, высокоучёный любимец Богов Небесной Горы. Я про всё расскажу тебе без утайки.

Эврих запоздало понял, куда клонит корчмарь, и расхохотался:

– Я обязательно превознесу в своих записях и тебя, почтенный, и твой щедрый дом, и кухню, откуда достигает моих ноздрей поистине упоительный запах... Так, чтобы все, кому случится прочесть написанное мною, непременно возжелали у тебя побывать!...

Служанки, которым Айр-Донн успел подмигнуть по дороге, уже расстлали на столе

просторную скатерть, украшенную, как и занавеси на стенах, яркой цветной вышивкой.

Подобную красоту извлекают из коробов не каждый день – только по особому случаю.

Волкодав не стал дожидаться, пока на столе появится угощение. Он расстегнул поясной кошелек и одну за другой выложил перед Айр-Донном пять серебряных монет кондарской чеканки:

– Прими с благодарностью, чтобы этот долг не отягощал более мою совесть.

– Принимаю и свидетельствую, что ты сполна со мной расплатился, – ответил Айр-Донн и точно так же, одну за другой, подобрал монеты со скатерти. – Хотя, если честно, венн, это я должен был бы уступить тебе половину «Белого Коня», ибо нынешнее благополучие принёс мне ты. Когда ты уехал с Фителой, я про тебя ведь и думать забыл, а потом у нас в Большом Погосте знаешь что началось? Как ни приедут венны, так все только у меня и останавливаются. А галирадские!... Ты там не встречал таких мастеров – Крапиву-бронника и стекловара Остея?

– Встречал, – сказал Волкодав.

– Так вот, они в тот же год с чего-то разбогатели, стали посылать туда и сюда своих коробейников: не надо кому ложечек светлее серебряных, либо же горшков стеклянных – напросвет видно, что варится? И тоже все ко мне во двор... Так и стал я во всём Погосте первый богачей!

– А сюда, почтенный, какими ветрами тебя занесло нам на удачу? – спросил Эврих. – Пересечь море, это не на другую улицу перебраться!

– А я на подъём лёгкий, – улыбнулся Айр-Донн. – Я ведь родился в повозке, когда мой отец покинул страну предков и ехал на запад, к сольвеннам. Вот и я продолжил его судьбу и не вижу в том ни удивительного, ни зазорного. В прошлом году у меня зимовали два почтенных купца отсюда, из Тин-Вилены. Уж так звали к себе – место бойкое, город, мол, растёт как на дрожжах... А почему, думаю, не попробовать? Тем более старшая дочь мужа привела, толкового парня... Оставил я им своё хозяйство в Погосте, сына с собой взял, двух кухарок с семьями, нанял в Галираде корабль – и поплыл. Купил вот домишко, радею помаленьку...

Тут он явно скромничал. «Домишко» – добротный сруб на каменном подклете – стоял, между прочим, внутри городских стен и на хорошей улице, а не на выселках, как Ретиллов двор. И если там было почти пусто, то у Айр-Донна народ теснился за столами впритирку, и ещё столько же, взяв свои миски, устраивалось во дворе, на свежеструганных скамьях вдоль стен, а кому и там не хватало места – усаживались на землю. Почему так, стало ясно, как только девушки внесли угощение. Айр-Донн кормил по-вельхски, то есть умопомрачительно вкусно и в таких количествах, что впору хоть треснуть. Над маленькой жаровней курилась душистым паром свинина на прутьях, нанизанная вперемешку со сладкими перчиками и луком, а в глиняной посудине золотился местный овощ, который он использовал вместо любимой вельхами тыквы. Этот овощ, похожий на непомерно разросшийся огурец, был надрезан вдоль, очищен от семечек, наполнен рубленным сыром с маслом, яйцами и пряной зеленью, вновь сколот деревянными палочками и так запечён. А ещё – варёная свёкла, дышащий ржаной хлеб,

квашеная капуста, свежий и солёный чеснок... Желудок Эвриха, отнюдь не удовлетворённый маленьким пирожком, издал отчётливое ворчание, аррант невольно проглотил слюну. Еда выглядела роскошной, но притом чувствовалось – никто не готовил особых блюд для хозяйских гостей, всякий мог купить то же самое, и не втридорога – за вполне пристойную цену.

– У тебя, помню, яблоня росла во дворе, – вдруг сказал Волкодав. – Ты её срубить всё сулился...

– Так и сулился, потому что яблок не приносила, – ответил Айр-Донн, наливая в стеклянные чары дорогое саккаремское вино. – Сынка моего помнишь, ветку сломал? Ты ещё варом замазывал?... Это ведь он там за стойкой распоряжается... вымахал, наследник. А яблоня с того года, что ни осень – не обратиться!...

Взяв кусочек хлеба, он обмакнул его в жир и угостил Мыша, соскочившего с плеча Волкодава на краешек скатерти. Зверёк охотно взял лакомство и принялся уплетать, помогая себе сгибами крыльев. Волкодав пересадил его со скатерти на деревянную дощечку, чтобы не напачкал.

На другое утро Эврих проснулся поздно и с тяжёлой, как земляной ком, головой. Саккаремское вино было коварным. Умываясь над бадейкой, аррант смутно припомнил, как накануне чуть ли не в стихах излагал радушному хозяину красочные подробности их с венном путешествия. Тогда ему казалось, будто говорил он необычайно легко и красиво, а слова подбирал всё такие, что хоть записывай и выставляй на ежегодное состязание поэтов, подражающих старинному слогу. Теперь он тщетно напрягал память, силясь извлечь из неё хоть одну связную фразу. Не получалось: только голова сильнее болела от напряжения. Эврих уныло сделал вывод, что, видно, ничего путного накануне не изрекал. Нёс, небось, всё ту же чепуху, что и большинство людей во хмелю. И выглядел скорее всего не утончённым ценителем прекрасного, а самым обыкновенным пьянчужкой. Ему вдруг явственно вспомнился неодобрительный взгляд Волкодава, выпившего, кажется, всего одну чашу. Эврих фыркнул и тотчас сморщился от мерзкого ощущения неподъёмной пустоты внутри головы. Временами Волкодав был поистине невыносим. Нет бы повеселиться как следует, от души! Всё телохранителя из себя изображает...

Венна, кстати, не было в комнате, которую они взяли на двоих. Только пустая, опрятно убранная постель. Эврих отодвинул узенькую заслонку, врезанную в два смежных бревна, и, щурясь на свет, посмотрел в маленькое окошко: скачет небось по двору с деревянным мечом, пугая работников и гостей... Волкодава не было видно.

Его не оказалось и внизу, куда аррант спустился через некоторое время, кое-как приведя себя в порядок и натянув выстиранную служанками одежду. Людей за столами было раз, два и обчёлся. Пекари и подметальщики улиц, приходившие завтракать до рассвета, уже давно трудились в поте лица, а полдень, когда налетали проголодавшиеся молодые ремесленники, ещё не наступил. Айр-Донн, удивительно свежий и бодрый, стоял за стойкой и беседовал с худым жилистым сегваном, по виду – корабельщиком с Островов. Корчмарь оглянулся на Эвриха, сразу оценил его состояние, понимающе улыбнулся и дёрнул шнурок, уходивший в отверстие кухонной стены. Когда несчастный аррант неверными шагами приблизился к стойке, из-за дверной занавеси выплыл хозяйский сын и поставил перед ним глубокую миску наваристой янтарной похлёбки и отдельно в плошке – горку варёного мяса. Эврих невольно принялся. Пахло разварной требухой, пряностями и чесноком.

– Ты кушай, кушай, – засмеялся Айр-Донн. – На шерх не смотреть надо, а глотать его поскорее. Шерх, как позже выяснил Эврих, был саккаремским изобретением. Если верить историческим трактатам, саккаремцы первыми научились делать вино, а значит, первыми постигли и муки похмелья. Эврих осторожно взял глубокую миску, отпил глоток ароматной густой жидкости... она оказалась такой обжигающей, что по всему телу тотчас разбежалось целительное тепло. Аррант покрылся испариной и протянул руку за мясом. В голове удивительным образом прояснилось, и мир больше не распадался на части. Когда миска опустела наполовину, молодая служанка, скоблившая столы, показалась Эвриху необыкновенно привлекательной. Сегван наблюдал за ним с понимающей усмешкой. Должно быть, ему самому не раз приходилось лечиться подобным же образом.

- Айр-Донн рассказал мне про тебя, – обратился он к Эвриху на хорошем аррантском, когда увидел, что тот вернулся в более или менее приличное состояние и способен понимать

разумную речь. – Ты, стало быть, отплыл из страны нарлаков на том пропавшем корабле Астамера?

Несколько мгновений аррант лихорадочно рассматривал морехода, ища в нём возможное сходство с хозяином погибшей «косатки». Явного сходства не было, но как знать? Случается, что и у родных братьев совсем разные лица... Очевидно было только одно: вчера он наболтал-таки лишнего. И в том числе – про встречу со Всадником. Вот ещё вспомнить бы, что именно он врал Айр-Донну за бесподобным угощением и роскошным саккаремским, будь оно проклято, вином... Волкодав мог бы выручить, подсказав слово-другое, но венна до сих пор не было ни видно, ни слышно. И куда запропастился?...

Эврих попробовал спрятать замешательство и довольно правдоподобно сделал вид, будто поперхнулся, дожёвывая крепенький солёный огурчик. Многоопытный корчмарь правильно истолковал его затянувшееся молчание:

– Перед тобой достославный Ратхар Буревестник, владелец трёх кораблей, стоящих у наших причалов. И его и мой братья пали в битве у Трёх Холмов, сражаясь по разные стороны, но мы с Ратхаром сами давно стали как братья. Я навещал его сегодня утром и в двух словах упомянул о твоём плавании сюда.

– Надеюсь, ты не рассердишься, если я сразу заведу с тобой речи о деле, хотя это и против обычая, – слегка поклонился Ратхар. Лицо у него было гончарно-красное от загара, глаза же, наоборот, светлые, серо-голубые, с маленькими зрачками, зоркие и цепкие. – Я отплываю послезавтра с рассветом, – продолжал он, – так что время, сам понимаешь, не терпит. Я собираюсь посетить остров Печальной Берёзы: это мой родной остров, но на нём живёт также и семья Астамера. Я хотел бы поведать его родственникам о судьбе сына. Ведь тебе, должно быть, известно, что случилось с его кораблём?

Раздумывать было некогда, и Эврих кивнул:

– Да... Видишь ли, нам, к несчастью, выпало убедиться, что легенда о блуждающей скале по имени Всадник – вовсе не досужие выдумки...

Ратхар поднял брови и некоторое время молчал, а затем резко вскинул руку:

– Хозяин, налей нам вина! О таком следует рассказывать за добрым столом и не спеша!...

От вина Эврих отказался, поскольку один вид и запах его вызывал тошноту. Зато желудок, разбуженный шерхом, внятно требовал плотного завтрака. Айр-Донн накрыл столик в углу, поставил толстую свечку и подал излюбленную пищу сегванов: хорошо прожаренную салаку с брусникой, вываренной в меду. Подобное сочетание поначалу привело Эвриха в трепет, но, отведав, он убедился: на Островах знали, что делали.

Он обстоятельно изложил Ратхару всю первую часть плавания, не забыв упомянуть ни о любимой корове, ни о том, как заботливо Астамер и его молодцы наставляли в корабельных делах сироту, которого они со спутником отвозили на родину. Мореплаватель время от времени усмехался в бороду и кивал, словно узнавая призраки знакомых лиц в ароматном дымке, поднимавшемся над свечой. Когда Эврих добрался до описания рокового шторма и жуткой скалы, надвинувшейся из пронизанного молниями мрака, – сегван вскинул на него глаза, взгляд стал пронзительным.

– Редко доводилось мне встречать людей мужественнее Астамера, – вдохновенно повествовал Эврих. – Когда последняя волна подхватила «косатку», он всё поминал волосатые ляжки Туннворна и грозил Отцу Храму, что оттаскает Его за бороду, если Тот забудет приготовить у себя на небесах хлев для его любимицы. Он крепко держал правило, ибо не хотел запятнать себя забвением долга вождя. А его люди облачились в кольчуги и шлемы, запели боевую песню и принялись усердно грести прямо на Всадника, желая встретиться с Ним как можно скорее и так, как это пристало воителям...

Слова лились нараспев, Эврих воочию представлял себе отважных героев на летящей лодье, словно выплывшей прямо из сегванской легенды, и сам почти верил в то, о чём говорил. Ему даже показалось, будто возвращалось вчерашнее хмельное вдохновение, которое он так тщетно силился вспомнить, проснувшись.

Скрипнула дверь, и аррант вскинул глаза:

Волкодав?...

Вошёл человек в тёмном плаще и войлочной шапке, надвинутой на глаза. Айр-Донн поспешил к нему навстречу, но человек покачал головой и уселся за пустой стол возле

выхода, обратившись к стойке спиной. Корчмарь вернулся на своё место и больше его не беспокоил. Устал путник, зашёл дать отдых ногам, не гнать же его!

– А ты? – неожиданно спросил Ратхар. – С твоим спутником и мальчиком-сиротой? Как вышло, что вы видели гибель корабля, но сами остались в живых?

– Понимаешь ли... – замялся Эврих. – В то мгновение нас уже не было на «косатке». Мы были рядом, но плыли... как бы это сказать... сами по себе...

– Значит, благородный Астамер дал вам лодку и предложил попытаться спастись, – вновь кивнул Ратхар. – Узнаю его щедрость. Однако и тебя следует похвалить. После нас, сегванов, вы, арранты, без сомнения первейшие мореходы. Увернуться от Всадника, уцелеть в бурю на маленькой лодке, да ещё добраться до берега из самого сердца моря!... Это вам не узенький пролив переплыть.

Эврих скромно опустил глаза:

– Никакой моей заслуги в том нет. Хочешь – верь, хочешь – не верь, но Всадник нас пощадил. Я думаю, это из-за того, что маленький сирота был Его соотечественником. Всадник принял нас на Своё стремя, и утром мы увидели близости берег... Когда вернётся мой товарищ, он сможет тебе подтвердить, что это не выдумки!

– Уж какие там выдумки... – Ратхар Буревестник дожевал рыбёшку и наклонил голову, так что Эврих не мог видеть его глаз. Мореплаватель был немолод: волосы у него начинали редеть, отступая со лба, полуседой пучок на затылке казался хвостом облезлого лиса. – Я вполне верю, – продолжал он, – что Всадник, если пожелает, ещё не такое отмочит. Много дивного совершается в мире по манию Храмна, чья премудрость соизмерима лишь с длиной Его бороды... Я склонен думать, аррант, что тут ты говоришь правду. Зато твоим рассказам о гибели Астамера, уж ты прости меня, я не верю ни вот на столько...

Ратхар ткнул пальцем в обглоданный рыбий скелетик и отмерил на нём ногтем один узенький позвонок.

Эврих открыл рот запальчиво возразить, но сегван только отмахнулся:

– Полно заливать, паренёк. Я в два раза старше тебя, и я хорошо знал Астамера. Воители, говоришь?... Да я поспорю на все свои корабли, что в Кондаре он опять набрал к себе всякого сброда, каких-нибудь переулочных головорезов, ехавших наниматься к тин-виленским жрецам... А когда появился Всадник, Астамер наверняка решил умаслить Его жертвой, и выбор, конечно, пал на вас, чужаков. Вот тут-то вас и побросали за борт...

– Не совсем так, – тихо проговорил Эврих. Он глядел в стол, чувствуя, как уши наливаются малиновым жаром. – Когда Всаднику решили предложить нашу кровь, мой спутник велел мне спасти мальчика, и мы сами прыгнули в воду. Он же некоторое время дрался на корабле, чтобы дать нам время, и потом тоже выпрыгнул... сам...

Ратхар снова поймал его взгляд своим, пронзительным и зорким.

– А в какую сторону они гребли, когда их разбивало? – поинтересовался он беспощадно. – Уж прямо так геройски на Всадника? Или, может, прочь, выгадывая мгновение жизни?

Эврих промолчал. Говорить неправду было бессмысленно.

– Я тебе ещё зачем-нибудь нужен? – спросил он погодя. Мучительно хотелось скрыться подальше и от Ратхара, и от чужого срама, так негаданно зацепившего его самого.

Сегван взял с блюда золотистую тушку салаки, обмакнул её в бруснику и с хрустом сжевал вместе с костями.

– Нужен, – сказал он ровным голосом. – Айр-Донн тут поминал, вы с этим твоим спутником... венном, кажется? Видел я давеча в городе одного веннского парня... Так вот, вы будто бы хотите добраться на какой-то остров у Западного берега и подыскиваете попутный корабль. Верно, что ли?

Эврих кивнул.

– Я к тому, – продолжал Ратхар, – что это на самом деле будет раза в два подальше, чем до Печальной Берёзы, но я согласен вас туда отвезти. Только с одним условием. Я уже говорил, я Астамеру земляк и хорошо знаю его семью. А его самого – ещё получше родственников, потому что он вечно шастал по чужим краям и почти не зимовал дома, как это пристало мужчине. Если я тебя приведу к его старикам, сумеешь ты им наврать так же занятно и красиво, как мне? Чтобы они думали, будто он вправду был храбрецом и умер геройски?... Кому будет легче, если все узнают, что Хёгт уже гонит его отмелями холодной реки...

Аррант не спешил отвечать и прятал глаза. Ратхар неверно истолковал его сомнения и добавил: – Не только туда, но и обратно. Скоро осенние шторма, однако меня, я тебе скажу, люди не зря зовут Буревестником...

– Я к чему, – перебил Эврих. – Кроме нас с Волкодавом, не было других свидетелей гибели Астамера, и мы ни с кем не говорили о Всаднике. Однако ты ведь сам знаешь, сколь неожиданными дорожками порой путешествует правда. Не оскорбится ли семья Астамера, если однажды проведает истину?

Говоря так, он в первую очередь думал о своей книге.

В «Дополнениях» всё было изложено без прикрас, поступок за поступком. А ну прочтёт кто-нибудь, а потом возьмёт да прямоком и отправится на этот... как бишь его?... остров Печальной Берёзы. Правда правдой, но не слишком ли больно ранит кого-то твоя бессердечная добросовестность... Мелькнула даже мысль, а не переписать ли главу, вставив нечто более возвышенное? Тем более что самое главное, сведения о Всаднике и о чудесном спасении, останутся в неприкосновенности, а кому какое дело до трусов и храбрецов?...

Ратхар криво усмехнулся углом рта.

– Отец и мать Астамера совсем дряхлые и хорошо если проживут ещё две-три зимы. Отчего бы им не утешиться, думая, что сын хоть и скверно жил, но зато умер со славой? А остальная родня... Я бы на их месте был благодарен тому, кто дал мне сказку и приподнял мой дух, разрешив поверить в смелость и благородство!

Эврих положил ладони на стол:

– Хорошо. Я выполню то, о чём ты просишь, и буду надеяться, что ты также сдержишь своё слово. Когда ты велишь нам подойти к тебе на корабль?...

А может, подумалось ему, действительно переписать страницу, но без вранья: изложить всё чётко и сухо, просто убрав касавшееся чьего-то поведения перед лицом смерти? Как-нибудь вроде: «...к тому времени мы уже оказались в воде». Так вот и появляются записи, над которыми тщетно бьются потом поколения учёных мужей. То ли сами выпрыгнули за борт, то ли их выбросили, то ли корабль уже начал разваливаться – поди истолкуй!...

Человек в тёмном плаще не торопясь поднялся и молча вышел на улицу. Почти сразу из-за двери раздался тяжёлый, мерный перестук конских копыт. Почему-то Эврих вздрогнул от этого звука.

По словам Айр-Донна, Волкодав ушёл в город «разузнать» и просил ждать его к вечеру. Эврих сразу вспомнил свой разговор с ним по дороге сюда, догадался, о чём скорее всего «разузнавал» его спутник, и ощущение удачи, воцарившееся после беседы с Ратхаром, мгновенно поблёкло, сменившись предчувствием неприятностей. Исчезло желание сразу бежать наверх и упаковывать вещи, чтобы таким образом по-детски приблизить желанный момент отплытия. Не состоится оно, это отплытие. Не бывать ему никогда.

Подняться бы в комнату и, как мечтал по дороге, заняться наконец «Дополнениями» – здесь была и скамья, и удобный стол, всё то, о чём он тщетно вздыхал у костров и под кровом не ведающих грамоты племён... Эврих так и не двинулся с места, потому что мысль о работе... не то чтобы внушала отвращение, просто казалась лишённой всякого смысла. Он сам понимал, что дело тут наполовину во вчерашней пирушке, что всё может ещё обойтись, что уныние в любом случае рано или поздно рассеется... Как говорил Тилорн, вспоминая изречение давным-давно жившего мудреца своего мира: «И это пройдёт». Даже если им придётся застрять в Тин-Вилене до самой весны, он тотчас усмотрит в задержке некое благо: вот и вынужденное ничегонеделание, долгожданное время привести в порядок рукописи...

Отчего же душа готова была кануть в бездну отчаяния? И разрывалась между желанием немедленно бежать разыскивать Волкодава и более здравыми помыслами, вроде того, чтобы пойти помочь слугам колоть дрова для печи?... Пока аррант переводил взгляд с одной двери на другую, в корчму начал собираться проголодавшийся люд: стражники, мастеровые, торговцы. Свободных мест за столами оставалось уже немного, когда Эврих увидел Волкодава, шедшего к

нему по проходу. Гости Айр-Донна оглядывались на него. Венн в городе, надо думать, был хорошо если ещё один, а уж с летучей мышью на плече...

Эврих так и сидел всё за тем же столиком, перед ещё теплившейся душистой свечой и блюдом с жареной рыбой, которое вдвоём с Ратхаром они так и не сумели осилить. Салака, правда, остыла, но ни вкуса, ни запаха не утратила. Волкодав сел против арранта, угостил Мыша кусочком золотистой поджарки и некоторое время молчал.

– Ты как? Разузнал, что хотел? – с бьющимся сердцем спросил наконец Эврих. Волкодав неторопливо кивнул. К ним подскочила запыхавшаяся служанка, и венн сказал ей:

– Принеси, милая, хлеба и молока. И ещё лишнее блюдечко для моего зверька.

Мыш поднял мордочку, облизнулся и протяжно пискнул, словно присоединяясь к просьбе.

Получилось потешно – вельхинка прыснула и убежала. Волкодав проводил её взглядом. Вид у него был задумчивый.

– Надо было мне, наверное, остаться и огород Вароуху копать, – проговорил он неожиданно. – А тебе отправляться сюда одному. Лучше всё получилось бы...

– Да что у тебя?...

– Ничего.

Появился хлеб и кружка свежего молока. Волкодав отломил кусок мякиша и стал крошить его в блюдечко для Мыша. Зверёк нетерпеливо наблюдал за приготовлением любимого лакомства: уши торчком, влажный нос так и вбирает воделенные запахи. Эврих понял, что венн если и заговорит, то не скоро, и завёл речь первым:

– Тут мореход приходил, Айр-Донн хорошо его знает, доверяет ему... Ратхар Буревестник. Тебя не было, так я за нас обоих с ним вроде договорился...

Волнуясь и утрачивая всегашнюю связность речи, он поведал Волкодаву про всё: и про отплытие послезавтра с рассветом, и про обещание, которое Ратхар вынудил его дать.

– Хорошо, – сказал Волкодав. Он не стал порицать Эвриха за то, что тот в одиночку договаривался с сегваном, и даже не возмущился необходимостью лгать, обеляя Астамера и его ватажников. Это последнее было объяснимо, стоило вспомнить, как они вдвоём стояли перед Гельвиной, матерью Канаона. Но не выругать за самонадеянность... Разве только случилось нечто такое, что заставило его взирать на окружающее с тем же безразличием, что и Эвриха – на любимые «Дополнения»...

Аррант собрался с духом и спросил прямо:

– Ты что-то узнал о наставнике воинского искусства, объявившемся в Тин-Вилене?

Столик стоял в укромном углу, нарочно поставленный подалеже от любопытных глаз и ушей.

Мудрый Айр-Донн поистине многое умел предусмотреть.

– Да, – сказал Волкодав. – Это Мать Кендарат. Её заманили в крепость обманом. И заставляют учить воинов для Богов-Близнецов. Она отказывалась, но ей пригрозили убивать каждый день по человеку. Сжигать живьём у неё на глазах.

Всё это венн произнёс без малейшего выражения, и смутное предчувствие неприятностей, мучившее Эвриха, превратилось в ощущение непоправимой беды. Будь она проклята, Тин-Вилена, младшая сестра стольного Тар-Айвана. Будь она проклята во имя всех Богов Небесной Горы. Будь проклят день и час, когда они решили ехать сюда и взошли на трижды неблагоприятный Астамеров корабль...

– Тут есть ещё один человек, который нас с тобой знает, – сказал Волкодав. – Брат Хономер. Он там первый ученик Кан-Кендарат и уже сам учит других. Так что ты до отплытия сиди-ка лучше у Айр-Донна и поменьше высовывайся.

Эврих чуть не закричал:

а как же ты-то?...

– но вместо этого самым глупым образом спросил:

– Трудно, наверное, было столько проведать?...

Волкодав неожиданно усмехнулся.

– Что ж трудного... Дожидаешься подходящего человека из крепости, потом до бесчувствия напиваешься с ним в ближайшем кабаке...

Эврих растерянно смотрел на него. Он ни разу не видел Волкодава сколько-нибудь хмельным и только тут учуял, что от его спутника вправду разило, как от бочки с дешёвым вином. Глаза,

правда, были совершенно трезвые. И походка, и разговор... Венн вздохнул, не надеясь объяснить так, чтобы он понял.

На каторге случалось: надсмотрщики, забавы ради, нарочно поили невольников допьяна, а потом кнутами гоняли бегом по самым ненадёжным пещерам, где в полу зияли трещины и провалы, а с потолка рушились камни. Когда такое впервые случилось со строптивым щенком Серого Пса, парень про себя свирепо поклялся: я выдержу. Я сохраню ясный рассудок и останусь в живых. И вы ещё увидите, каково иметь со мной дело...

– Я много могу выпить, – просто сказал Волкодав. – Ну да это неважно...

– И что ты... собираешься делать? – отчего-то шёпотом спросил Эврих. Венн взял за хрустящий хвостик жареную рыбёшку и ответил, как о решённом:

– Я пойду вызволять госпожу.

Молодой аррант так и представил себе Волкодава лезущим в ночи на отвесную стену, крадущимся между крепостными зубцами... После побега из итигульской деревни он нисколько не сомневался, что у венна получится. Не может не получиться!

– У жрецов отличные воины, – словно подслушав его мысли, пробормотал тот. – И глаз с госпожи не спускают. Ты вот что... Ты не мог бы завтра скрытно устроиться поблизости от ворот и встретить Мать Кендарат, если она вдруг выйдет наружу? Ты, наверно, сумеешь о ней позаботиться...

Эврих нагнулся к нему через стол и яростно прошипел:

– Как это
выйдет наружу?...

Говори толком, варвар! Что у тебя на уме?!

– Завтра я пойду туда и брошу ей вызов, – всё тем же ровным голосом проговорил Волкодав. – Они увидят, что я лучше дерусь и больше достоин быть их наставником. Они возьмут меня вместо неё. А её выпустят. Пускай только попробуют не выпустить.

– Тилорн! – со злым отчаянием сказал Эврих. – Тилорн нас ждёт, чтобы подать весть в свой мир! Сколько лет он там не был?... А ты что же, значит, хочешь всё бросить? Забыл, что мы ему обещали?...

Волкодав неожиданно улыбнулся. Прежде он так улыбался только когда Мышь принимался ластиться к нему и щекотать крыльями шею, да когда Ниилит звала его вместе почитать саккаремскую книжку... да ещё иногда – глядя, как играет хрустальная бусина на вплетённом в косу ремне.

– Я же говорил, надо было тебе одному... Может, оно и к лучшему, что без меня с Ратхаром поплывёшь...

Тут учёного арранта захлестнуло тёмное бешенство, которое в нём, как он прежде наивно считал, было давно побеждено светом разума и больше не могло смутить его чувств. Захотелось швырнуть об стену блюдо с салакой, перевернуть стол и броситься на Волкодава с кулаками. Нельзя исключать, что именно так он и поступил бы (к немалой досаде хозяина заведения), но в это время уличная дверь распахнулась с таким треском, что все глаза невольно обратились ко входу.

Стража!... За нами!...

– тотчас пронеслась в сознании Эвриха необычайно отрезвляющая мысль, и ярость опала, задутая ледяным ветерком опасности. На фоне окутанной ранними сумерками улицы действительно замаячили фигуры двоих здоровенных парней, но, судя по непокрытым головам, это были не стражники. И они вовсе не имели в виду никого забирать: наоборот, они волокли с собой человека. Рослого, дородного, чернобородого мужчину, в котором мало что осталось от наглого и самоуверенного Ретилла. Он всхлипывал и норовил согнуться в три погибели, прижимая что-то к груди. Парни втоптали его внутрь. Оба в кожаных безрукавках, оба нарлаки. Они пинками гнали Ретилла по проходу между столами, направляя его туда, где сидели Эврих и Волкодав. Когда он приблизился, стало видно, что его зверски избивали: губы опухли, под носом и на щеках кровавые разводы, один глаз

заплыл тяжёлым фиолетовым синяком. Он судорожно сжимал двумя руками замшевый мешочек, перевязанный пёстрой тесьмой. В мешочке позвякивало.

– Этот сын вшивой овцы пренебрёг справедливостью, – сказал один из парней. – Мы хотим, чтобы он исправил содеянное.

– Чтобы другим неповадно было драть втридорога за то, за что им уже заплатили, – добавил другой. Посмотрел на стоявшего за стойкой Айр-Донна и показал в ухмылке все зубы: – Вот бы у нас на выселках были трактиры вроде твоего, вельх!... Перебирайся к нам, а? Или ещё один такой же открой...

Эврих начал догадываться, что происходило. Нарлаки. Могучие, мускулистые, вооружённые парни. Вроде Тормара. И тех троих, которых Волкодав размазал по стенам в глухом кондарском заулке...

Первый ухватил Ретилла за шиворот и бросил его перед столиком на колени, сопроводив пинком в копчик:

– Давай, гнида, верни добрым людям то, что ты против всякого закона у них отнял...

Несчастный трактирщик, утирая сопли, слёзы и кровь, протянул трясущуюся руку и уронил к ногам Эвриха свой мешочек. Можно было не сомневаться: деньги, востребованные за осла, все до гроша лежали внутри. Молодой нарлак тут же оказался рядом, припал на колени якобы затем, чтобы поднять мешочек и, отряхнув, положить его на край стола. Выпрямляясь, парень подмигнул арранту и тихонько шепнул:

– Друзья великого Сонмора – наши друзья.

Снова схватили плачущего Ретилла под микитки и безжалостно потащили его наружу. Эврих поневоле стало жалко его. Обидно, конечно, было платить лишние деньги, но какие деньги стоят того, чтобы... Он покосился на Волкодава и увидел, что венн наблюдал за происходившим с полным безразличием. Так, словно суэта этого мира уже не имела к нему отношения. Потом Волкодав перевёл взгляд на курившуюся свечку. И вдруг сделал некое движение одними плечами. Эврих явственно видел, что он не поднимал рук и вообще не прикасался к свече. Однако та слетела со стола, словно сбитая мощным, резким ударом. Стукнула в стену и погасла, падая на пол...

Крепость стояла поодаль от города, там, где окаменевшими волнами вздымались последние утёсистые отроги Заоблачного кряжа. Дорога шла вверх, и Эврих время от времени оглядывался на хлопотливый муравейник тин-виленских улочек и пристаней, заполнивший оба берега изогнутой бухты. Дальше было море; горный хребет без раздумий шагал в него с берега, превращаясь в отдельные острова и наконец совсем исчезая, словно шипастый хвост дремлющего дракона. Бесчисленные острова зеленели и кое-где на высоких местах уже вспыхивали осенними красками, а под отвесными обрывами скал во множестве сновали мелкие кораблики и юркие лодки. Рыбы там, как говорили, количество было невероятное, не говоря уж о крабах, водорослях и съедобных моллюсках. Ещё два дня назад Эврих полной грудью пил бы ясный морской воздух, перевозносил суровую красоту, дарованную здешним местам, и заранее подыскивал слова, чтобы достойным образом её описать. Сегодня он смотрел вокруг с недоумением: зачем?... Красивый, работающий и зажиточный город, где каждая улица упиралась в причал; утреннее море и благодатные острова – зачем?...

Волкодав молча шёл рядом с аррантом, полуседея грива распущенных волос мела его по лопаткам. Вдоль спины пролёг Солнечный Пламень и при нём два тяжёлых деревянных меча, Мыш сидел на плече и время от времени тихо попискивал, прижимаясь к шее хозяина. Два пешехода уже миновали знаменитые яблонево-сады, где для зверька наверняка была уйма всякого интересного и заманчивого, но маленький любопытный летун так ни разу и не отлучился. На другом плече венна висела котомка с самыми необходимыми пожитками. Запасная рубашка, вязаная безрукавка, миска с ложкой и кружкой, мыло, гребешок и Зелхатов трактат... чего ещё?... Прочее немногочисленное имущество осталось на сохранении у Айр-Донна. Когда Волкодав вернётся, он его заберёт. То есть – если вернётся.

Накануне вечером Эврих употребил всё своё красноречие, пытаясь убедить венна отказаться от безнадёжного предприятия. Перед рассветом, когда плохо спавший аррант придумал уже вовсе неотразимые доводы и вылез наконец из-под смятого одеяла, Волкодава в комнате не оказалось. Эврих не без труда отыскал его у Айр-Донна на кухне. Венн, успевший посетить баню, сушил волосы у огня, и перед ним, само собой, тоже курилась душистым паром мисочка шерха. Он, может, в самом деле способен был не пьянея проглотить жбан сивушного трактирного пойла, но головную боль следовало лечить. Эврих встретился с ним глазами, и тщательно приготовленная речь умерла нерождённой. Всё было уже решено.

Крепость – овеществлённая песнь во имя Близнецов – была выстроена на славу. И её создателей явно не волновало, что в Тин-Вилене, управлявшейся советом кончанских старейшин, царил крепкий порядок, а могущественных и жадных народов, способных покуситься на процветающую «Младшую Сестру», поблизости просто не имелось. Замок был возведён даровитыми зодчими, определённо понимавшими толк в войне и осадах, и деньги на строительство, по-видимому, тратили не жалеючи. Твердыня Близнецов как бы венчала собою крутой каменистый холм, вырастая из неприступной скалы и возносясь к небу башнями и зубчатыми стенами. Измерив их взглядом, молодой аррант затосковал ещё больше. Думать о скрытном проникновении в подобное место было поистине самонадеянно...

Пустынная дорога между тем подобралась к последнему повороту. Зоркие глаза сторожей, смотревших со стен, наверняка уже ощупывали двоих путников, шедших из города. С этого расстояния, впрочем, ещё нельзя было различить лиц, и Волкодав остановился:

– Всё, хватит меня провожать...

Эврих стоял молча и только кусал губы, но, видно, на лице у него было написано столько всего разом, что Волкодав вдруг виновато развёл руками:

– Ты меня прости... Ну не могу я её бросить.

Учёный аррант быстро шагнул к нему и обнял что было силы, уткнувшись лицом в плечо.

– Брат... – выговорил он задыхаясь.

Он ещё хотел добавить что-то нелепое, глупое и совершенно ненужное, вроде того, чтобы Волкодав уж как-нибудь поберётся и дал слово, что уцелеет в предстоящем ему деле... горло перехватило окончательно, и венн заговорил первым. Он сказал:

– Я про этого Ратхара слышал только хорошее, но ты всё равно... поедешь, береги себя по дороге. Вы, учёные... вечно во всё впутаетесь...

Эврих кое-как оторвался от него, поднял ставшие почему-то мокрыми глаза. Волкодав был выше ростом и смотрел на него сверху вниз. Действительно как брат на брата. Старший на младшего. Наверное, всему виной была их долгая привычка друг к другу, помноженная на близкое расставание и понятный страх Эвриха перед внезапной необходимостью путешествия в одиночку... в общем, полуграмотный венн, молчун и порядочный самодур, с его приводящими в ужас понятиями о чести и справедливости – этот венн отчего-то вдруг показался Эвриху самым близким и родным существом на свете. Старшим братом. Мудрым пестуном и защитником юного умника, который только и способен кичиться книжной премудростью, а на самом-то деле...

Перед внутренним взором проплыла улыбка Сигины, он вспомнил Засечный кряж и свой тогдашний страх потерять Волкодава.

И почему мы пристальнее вглядываемся в ближних и начинаем по-настоящему ценить их только когда судьба готовится разлучить нас навеки?... Почему только у последнего края вспоминаем всё недосказанное, спохватываемся о доброте и участии, которых не проявили, пока времени было в достатке?... А если несчастья всё-таки не происходит, почему мы тут же забываем собственные горячечные обеты и начинаем вести себя совершенно по-прежнему?... Мысль о том, что вот сейчас они расстанутся и, очень возможно, не увидятся более никогда, оказалась невыносимой.

Эврих снова притянул к себе спутника и с трудом протолкнул пересохшим горлом слова:

– Прости меня, Волкодав...

– За что? – удивился тот. – Это ты на меня не сердись... я тебя всю дорогу, по-моему, обижал... а теперь вот бросаю.

Лицо у венна выразительностью не отличалось, но Эврих посмотрел ему в глаза и увидел в них всё то же, о чём только что думал сам. Впрочем, длилось это недолго. Волкодав оглянулся на крепость и убрал руки с плеч Эвриха:

– Рассмотрят ещё... Ты иди... брат.

Цепляться друг за дружку и оттягивать расставание – это не для мужчин. Эвриху понадобилось немалое напряжение воли, чтобы повернуться к Волкодаву спиной и начать идти назад по дороге. Правду сказать, он мало что видел перед собой, дыхание сипело в груди, и слева за рёбрами глухо давила какая-то тяжесть. Неожиданно в воздухе перед ним возник Мыш. Против всякого обыкновения зверёк повис у арранта прямо перед лицом, а потом вытянул мордочку и смачно лизнул его в нос. Заверещал, взвился над головой и исчез.

За поворотом дороги, когда крепость уже скрыли рослые густые кусты, с обочины навстречу Эвриху поднялись два дюжих молодца. Они явно дожидались здесь именно его, и слезливая скорбь, только что заслонявшая для арранта весь мир, вмиг улетучилась: Эврих живо встал в стойку, рука потянулась к мечу, губы сами собой приготовились растянуться в зловещем оскале.

Волкодав, наверное, ещё и до ворот не дошёл, пронеслось по закоулкам сознания, а я без него уже...

Старший из парней примирительно поднял ладони:

– Мы здесь не за тем, чтобы нападать на тебя, почтенный... Младшая семья великого Сонмора рада послужить его друзьям, приехавшим из-за моря. Ты позволишь нам сопровождать тебя и, если понадобится, ограждать от ненужного любопытства?...

Со стен замка хорошо видели, как два человека прощались у поворота дороги, после чего один, спотыкаясь, поплёлся обратно к городу, второй же решительно прошагал прямо к воротам, а подойдя – взялся за увесистое бронзовое кольцо и трижды гулко бухнул им в проклёпанную дубовую створку.

Сразу же заскрипели мощные петли, и половинка ворот приоткрылась, ибо гласит одна из заповедей Близицево: «Если к тебе стучатся – открой». Следует неукоснительно соблюдать эту заповедь, по крайней мере когда стучащий одинок и опасности для целой крепости с воинами уж точно не представляет.

– Святы Близицево, прославленные в трёх мирах, – сказал Волкодав и вошёл внутрь, отчётливо понимая, что делает, может статься, последние вольные шаги по земле.

– И Отец Их, Предвечный и Нерождённый, – ответил молодой стражник, стоявший, как полагается стражнику, в кольчуге и застёгнутом шлеме. Чувствовалось, что наняли его совсем недавно: почётный долг службы ещё не превратился для него в опостылевшую обязанность, а начищенный доспех оставался предметом гордости и заботы, ради которого стоило терпеть неудобство. – Что за дело привело тебя, добрый человек, в Дом Близицево?

Возраст вошедшего было непросто определить. Когда-то русые, а теперь изрядно поседевшие волосы, безобразный шрам на лице, сломанный нос, сивая борода и такие же усы... очень спокойные серо-зелёные глаза, в которых не было ни волнения, ни боязни, ни любопытства. В общем, прирождённый убийца. И оружия более чем в достатке. Молодой воин, повидавший немало наёмников, сразу решил, что раскусил, с кем имеет дело. Знаем-знаем, мол, мы эту породу. Правда, отнюдь не у каждого наёмника висел за спиной такой замечательный и определённо очень дорогой меч. И не у каждого на плече, настороженно озираясь, сидела большая летучая мышь.

– Я слышал, – сказал Волкодав, – будто Прославленные в трёх мирах прислали в этот свой Дом учителя, умеющего сделать воина непобедимым...

– А-а, – понимающе кивнул стражник. И окликнул своего товарища, стоявшего по ту сторону толщи стены: – Скажи там, пусть разыщут Избранного Ученика, это к нему!... – И пояснил Волкодаву: – Сейчас придёт Избранный Ученик, брат Хономер... то есть, конечно, если он уже закончил наставлять новичков... Он посмотрит, на что ты годишься, и решит, можно ли тебе будет остаться. Ты пока проходи... Отдохнёшь немного, если придётся подождать, хорошо?

Избранный Ученик, брат Хономер.

Кивнув, Волкодав вошёл в передний двор замка и огляделся.

Вот так и поймёшь, почему крепости, первоначально выстроенные от врагов, неизбежно превращаются в тюрьмы. Он уже чувствовал себя почти в заточении. Ощущение было жутким. Зачем его вообще выстроили, этот замок? От кого тут спастись? Или это на всякий случай, на будущее?...

– А мы уж думали, ты в храмовую библиотеку идёшь, – блеснул молодыми зубами стражник, нёсший службу во дворе. Вооружённые молодцы, как раз подошедшие сменить его, дружно захохотали.

– Большая библиотека-то? – не обидевшись, спросил Волкодав. Парень ожидал совсем другого и не смог сразу придумать остроумный ответ. Только буркнул что-то, дескать, за всю жизнь не прочтёшь. И замолчал.

Над внутренними воротами красовались резные, чудесной работы, образа Близнецов. Обняв друг друга за плечи, божественные Братья ласково улыбались входящим. Старший, в красных одеждах – он выглядел чуть суровее, – притом ещё как бы заслонял и оберегал Младшего, облачённого в нежно-зелёное. Прекрасные, полные достоинства юные лица, золотое сияние, лучащееся от рук и голов... Волкодав поймал себя на том, что пристально вглядывается в лик Младшего, ища в нём черты сожжённого на Харан Киире. Потом ему померещилось, будто деревянное изображение было некоторым образом не полно. Ну конечно, дошло до него краткое время спустя. Между Близнецами, обнимая Обоих и сама заключённая в Их объятия, должна была бы улыбаться Их Мать. Деревенская дурочка, Сумасшедшая Сигина, повсюду искавшая Сыновей и наконец-то, надо думать, Их обретшая в надзвёздном краю... Доколе со Старшим Младший брат разлучён...

Как же так,

сидя на солнышке у нагретой стены, задумался Волкодав.

Почему нам с Эврихом выпало Её сопровождать? Сколько последователей у Близнецов – а ведь мы с ним ни разу Им не молились? И там, в горах, мой Хозяин Громов пришёл мне на выручку, хотя Он-то уж знал, что я, сам не подозревая того, взялся отстаивать Бога чужой веры?... Может ли так быть, что мы, люди разных кровей, поклоняемся Одним и Тем же, только под разными именами? Может ли так быть, что Создавшие Нас являлись к народам в том облике и с той Правдой, для которой эти народы были готовы? И Сигина, Мать Близнецов, на самом деле есть наша Великая Мать Жива, Вечно Сущая Вовне?... И, значит, нет ложных и истинных вер, а есть только добро и зло в самом человеке?... И Высшие, окружённые благими душами живших прежде нас?... Они, наверное, улыбаются, слыша те имена, которыми мы здесь, на земле, по-детски Их наделяем. И горько скорбят, когда мы идём друг на дружку войной, силой доказывая, чья вера лучше... Может ли такое быть, прадед Солнце? Или Ты за подобные помыслы на меня и светить теперь не захочешь?...

Солнце улыбнулось ему с высоты.

Брат Хономер не заставил себя долго ждать. Когда он вышел из внутренних ворот, венну сразу бросилось в глаза, что он был не в обычном жреческом двуцветном облачении. То есть цвета-то остались и даже с прошлого раза сделались как будто ярче, но украшали они теперь не полотняное одеяние до пят, а короткую рубашку, из-под которой выглядывали грубые потасканные штаны. И было похоже, что Избранный Ученик только что вытирал голову полотенцем, умываясь после каких-то трудов. Волкодав легко догадался, после каких именно. – Святы Близнецы... – начал было брат Хономер, но тотчас осёкся: – Я уже где-то видел тебя, язычник?...

Голос у него тоже был прежний, красивый и звучный, воистину предназначенный отдаваться под сводами храмов и разноситься над многолюдными площадями. С таким голосом только и провозглашать истины во имя Небес.

– Три года назад ты проповедовал в Галираде, – ответил Волкодав. – Я был там в то время.

– Как же, помню, – подходя и останавливаясь, медленно произнёс Хономер. Потом в его глазах появилась едва заметная насмешка: – В те времена ты кое-чего стоил на мечях... в чём мы и

убедились, к немалой нашей досаде. А теперь, значит, решил поучиться искусству безоружного боя? И пришёл к Близнецам, на которых воздвигал когда-то хулу?...

– Я молюсь своим Богам и не восстаю на чужих, – повторил Волкодав. – Я и тогда Близнецов не хулил и теперь не намерен. И вот что. Я сюда пришёл не учиться. Я пришёл сказать, что пора вам выгнать наставника, который учит плохо и неправильно, и нанять меня вместо него.

Он выговорил эти слова медленно, веско и так, чтобы слышали все. Голос он повышал редко, но когда требовалось – умел. Он был заранее готов к тому, что последовало, и не вздрогнул от хохота, обрушившегося со всех сторон. Уж верно, среди мужчин в крепости не осталось ни одного, кто бы не испытал на себе грозную руку Кан-Кендарат или её лучших учеников.

Оскорбившись за хозяина, Мыш злобно зашипел и по привычке полез было на волосы, но Волкодав легонько тряхнул головой, и понятливый зверёк вновь притих на плече.

– Три года назад ты был очень наглым молодым парнем, язычник, – отсмеявшись, покачал головой брат Хономер. – С тех пор у тебя прибавилось седины, но наглость, я смотрю, ещё не повышибли. Таким, как ты, не место в нашей обители. Мы здесь радуемся людям смиренным и скромным, любящим учиться во славу Близнецов, а не кричать с порога, что они лучше всех. Уходи.

– Эй, язычник, ворота вот здесь, – окликнул молодой стражник, тот, что приглашал Волкодава вовнутрь. Воины и молодые жрецы, оказавшиеся во дворе, останавливались посмотреть, чем кончится забавное происшествие. Многие жрецы были крепкого сложения и в таких же коротких одеяниях, как Хономер. Ученики...

Венн не двигался с места.

– Я сказал то, что сказал, – повторил он. – И докажу, если ты пожелаешь.

– Я не желаю, – махнул рукой Избранный Ученик. – Выкиньте его за ворота, и пусть это послужит уроком другим гордецам вроде него!

Волкодав стоял по-прежнему неподвижно, всем телом чувствуя, как разбегается по жилам светлое вдохновение боя. Почти такое же, как некогда у Препоны, только, если возможно, в некотором роде чище и выше. Нечто вроде восторга, когда земля под ногами и небо над головой кажутся едиными с твоим собственным телом. Эту схватку он должен был выиграть. Он её выиграет. И что за беда, если станет она последней? Прадед Солнце смотрел на него из пронзительно-синей бездны. Он видел его правоту.

Венну не понадобилось оглядываться на двоих стражников, протянувших к нему сзади не занятые копьями руки. Столь яркого прозрения он ещё не испытывал. Их намерения показались ему двумя языками красноватого света, медленно-медленно устремившимися к его вороту и плечу...

Сторонние наблюдатели видели только, как, сердито крича, взвился Мыш, а дальше произошло непонятно что, и стражники, здоровые тёртые ребята, сперва вlepились друг в дружку, а потом вместе, как набитые сеном куклы, клубком перепутанных рук и ног завалились наземь, только шлемы лязгнули о каменные плиты двора. Волкодав остался стоять где стоял. Быстрый шаг вперёд, потом в сторону и обратно – обученный глаз нужен, чтобы рассмотреть.

– Ну? – спросил он без насмешки, по-прежнему глядя на Хономера. – Следует ли со мной разговаривать?...

Опасался он только одного. Если гордыня Избранного Ученика перевесит все прочие чувства и Хономер попросту натравит на него стражу, сколько её ни есть в этой крепости. Что ж, тогда останется выхватить Солнечный Пламень и... Песнь Смерти по себе самому он всяко давным-давно спел...

Боги, присматривающие за земными делами Своих чад, не пустили. Глаз у Хономера оказался намётанный: всё, что следовало рассмотреть, рассмотрел.

– Та-ак, – протянул он, покуда стража приходила в себя и мешкала в ожидании новых приказов.

– А ты прав, язычник, нам с тобой есть о чём побеседовать... Правда, эти двое ничему ещё не обучены, так что не надейся, друг мой, на повторение лёгкой удачи. Во имя Просиявших сквозь века, сейчас мы посмотрим, на что ты годен против меня!

Мыш, понимая, что может лишь помешать Волкодаву, взлетел на подпорку навеса, покрывавшего вход в какие-то погреба, и замер на ней мохнатым чёрным комком, только глаза, отражая солнечный свет, временами сверкали, как драгоценные капли. Между тем народу во дворе заметно прибавилось: люди столпились вдоль стен и вышли на деревянные галереи, лепившиеся к каменной кладке на высоте человеческого роста. Было похоже – новичок оказался

птицей не из самых обычных. Следовало посмотреть, как получится с ним у Избранного Ученика.

Они без лишней спешки кралась навстречу друг другу, то есть крался жрец, а Волкодав просто шёл и знал, что сейчас произойдёт. Вернее, знало его тело; разум присутствовал безмолвно и безучастно, взирая со стороны. Венн не любил нападать первым, но мало ли чего он не любил. Он понятия не имел, насколько на самом деле хорош был Хономер, да его это и не волновало. Он начал движение, когда до «расстояния готовности духа» оставалась ещё сажень с лишком. Плывающий, скользящий то ли шаг, то ли прыжок покрыл и эту сажень, и ещё ровно столько, сколько было надо. Пальцы венна оплели крепкое запястье жреца. Сам Волкодав на его месте уже давно смещался бы в сторону, разворачиваясь, не давая вцепиться как следует и ища у противника слаbinу, но Хономер не успел и попался. Если по совести, то, на взгляд Волкодава, бой был уже кончен. Он мог бы сломать ему руку, если бы захотел. Или вовсе выдернуть из сустава. Или швырнуть Хономера в любую сторону так, что Избранного Ученика не поставил бы на ноги и сам великий Зелхат. Волкодав не сделал ни того, ни другого, ни третьего: не за этим сюда пришёл. Он выждал, пока Хономер опомнится и довольно ловко начнёт отвечать ему «сломанным веслом», потом вписался в его движение и увёл опускавшуюся руку наверх. Кан-киро в понимании Избранного Ученика было таким же недоделанным, как и у злополучного наёмника с Засечного кряжа. Против не слишком ловкого человека оно ещё могло бы сработать. Против Волкодава... Жрец отшатнулся от раскрытой ладони, возникшей перед лицом, Волкодав проник под его локоть (как был – с мечами и мешком за спиной: они ему не мешали), и Хономер сперва взвился на цыпочки, потом рухнул на четвереньки и наконец вжался в землю лицом, дёргаясь всем телом и словно пытаясь зарыться под каменную мостовую. А что ещё остаётся, если казнящая боль пронизывает слипшиеся пальцы и раскалённой иглой бьёт сперва в запястье, а потом через локоть в самую спину...

Волкодав выпустил его руку. Проверять, станет ли Хономер просить о пощаде, ему не хотелось. Равно как и увечить его. В этом просто не было необходимости.

– Вставай, – сказал венн. – Хотел испытать меня, испытывай.

Избранный Ученик мгновенно перекатился в сторону (Никогда не вставай навстречу! Сперва отдались от него... – поучала когда-то Волкодава седовласая Мать Кендарат) и вскочил прыжком, выбросив ноги. Сноровисто и красиво, но венн на его месте этого делать бы не стал. Можно, вот так взвившись пружиной, как раз и налететь на кулак. Что и произошло. Надо отдать должное Хономеру: он успел вновь изогнуться назад и упасть на лопатки, уберегая нос и глаза. Когда Волкодав отступил, молодой жрец – быстро же усвоил науку – бросил себя назад через голову, снова взлетел с земли и тотчас наметился кулаком венну в лицо.

Ему, наверное, казалось, будто удар был быстрым. Волкодав рассмотрел у него на скулах красные пятна и понял, что Хономер досадовал и сердился: его, Избранного Ученика, валяли в пыли как щенка, да притом на глазах у людей! У тех самых, привыкших смотреть ему в рот во всём, что касалось выучки Воинствующих Братьев!... Страсть, жгущая душу, не добавляет телу проворства. Настоящее кан-киро – это когда враждебность, готовая тебя истребить, остаётся почти незамеченной. Кулак Хономера плыл вперёд целую вечность. Волкодав не стал ни отводить его, ни отбивать: прынул на полшага вперёд, влился телом в движение Ученика, поневоле валившегося в пустоту, и, выпрямляясь, несильным толчком отправил его наземь. На сей раз Хономер упал не так ловко. Зачем-то выставил руку, точно ничему не обученный горожанин, поскользнувшийся на заснеженной луже... Удар о камни болезненно отдался в ключице. Хономер непроизвольно сжался и осел, глядя на Волкодава, замершего рядом в грозной готовности. Красные пятна на лице молодого жреца сменила сероватая бледность. Злобу, обиду и раздражение сдул холодный ветерок страха. Время остановило свой бег. Сделалось как-то не до того, что там скажут теперь о его умении старшие Храма и те, кого он сам пытался учить. В шаге от него стоял венн, и была смертью, и на том кончалась Вселенная. Волкодав стоял неподвижно, не пытался замахиваться и вроде даже не смотрел на поверженного, но присутствие было таково, что жрец понял всем своим существом: этот человек сотворит с ним, что пожелает. И никто не остановит его. Даже стража, неуверенно поднимавшая самострелы. Ибо знает он, этот язычник, нечто такое, о чём они здесь, в крепости, доселе не подозревали.

Потом венн чуть отступил, и жуткое ощущение тотчас рассеялось. Время потекло дальше, и Хономер поднялся, придерживая ноющее плечо. Его всё же не зря величали Избранным

Учеником. Свои тридцать два года он провёл отнюдь не в книжной тиши и не раз готовился положить жизнь во имя Прославленных в трёх мирах и Отца Их, Предвечного и Нерождённого. И теперь, едва осознав, что остался в живых, он уже силился разобраться в случившемся. Он сам знал, что кое-что может. Он забавлялся, безо всяких поддавок валяя здоровенных наёмников, приходивших наниматься в учение. Он всей душой отдавался новому делу и даже вообразил в греховной гордыне, будто Небесные Братья наделили его особенным даром и пожелали сделать Своим возлюбленным воином... Так что же случилось сегодня? Сказать, что он проиграл венну, значит не сказать ничего. В присутствии этого человека мастерство Хономера просто не существовало. Его, Избранного Ученика, смели, как подхваченный ветром листок, и, как этот листок, он был беспомощен и бессилен. Притом что венн, по всей видимости, не пустил в ход даже доли того, на что был способен...

– Ну? – тихо сказал ему Волкодав. – Давай сюда лучших, сколько их у тебя есть. Завяжи мне глаза, а им дай по мечу. И пускай попробуют хотя бы коснуться меня...

Прадед Солнце смотрел на любимого внука со священных небес, и намерения каждого человека во дворе были очевидны, хоть с открытыми глазами, хоть с закрытыми. Мыш снялся с облюбованной жерди и перелетел хозяину на плечо.

– Я рад, что ты пришёл сюда как друг, – улыбаясь ответил Избранный Ученик. Он принял решение. – Я был заносчив с тобой, и ты мне напомнил о моих многочисленных несовершенствах. Как, впрочем, и в тот раз, когда твой меч подсказал нам ошибочность избличения ересей перед язычниками, ещё не познавшими Света. Я могу только поблагодарить тебя. Пойдём со мной! Здесь есть кому оценить твоё искусство по-настоящему...

Хорошо говоришь,

подумалось Волкодаву.

Умеешь проигрывать. Умеешь извлечь выгоду из проигрыша и сделать былого противника другом. А кто обещал Матери Кендарат каждый день сжигать у неё перед окном человека?... Не ты?...

Он молча двинулся со жрецом через внутренние ворота. За воротами открылся двор пошире того первого. Он не был полностью замощён: посередине, на вытоптанной земле, силилась даже расти травка. Здесь, у самой вершины скалы, каким-то невероятным образом бил сильный родник, наполнявший колодец. Возле колодца смеялось и обливало друг дружку водой не меньше десятка молодых мужчин. А чуть поодаль, на маленьком коврикe, отрешённо сидела, склонив седую голову, сухонькая старушка.

Волкодав знал, что сейчас сделает Избранный Ученик. В самом деле завяжет ему глаза, а парням даст по мечу. А когда они устанут бегать вокруг него – предложит ему поединок со жрицей. И он сойдётся с Матерью Кендарат, перед которой он всегда был ещё беспомощней, чем Хономер нынче – перед ним самим. С Матерью Кендарат, биться против которой было всё равно что посягать на Землю и Небо... И она не пожелает ему уступить, ибо не сочтёт себя вправе передать своё тягостное служение кому-то другому. И ему – в особенности. Ибо думает, будто видит его насквозь, и то, что она там видит, ей не очень-то нравится. Волкодав шёл вперёд. Ни гнева, ни жалости, ни скорби. Настала пора отказать себе во всех чувствах, способных возмутить спокойствие духа. Перестать быть человеком, чтобы совершить достойное человека. Вдохновение струилось по жилам, наполняя музыкой мир, и музыка была сродни той, что неслышимо исходила от окутанного светом Престола Богов над Глорр-килм Айсах. Гремел торжествующий гром, и где-то в отдалении смолкла Песнь Смерти. Её больше не было. Ни победы, ни поражения. Ни жизни, ни смерти.

Именем Богини, да правит миром Любовь...

Кан-Кендарат устало повернулась и нехотя подняла глаза посмотреть, кого привёл с собой Избранный Ученик.

Дождь шуршал по берестяной крыше клетки, струился наземь и утекал по долблённым желобкам в большую врытую бочку. Снаружи дотлевал мокрый серенький день, но внутри ярко горели лучины, роняя в корытце рдеющие угольки. Девочка тринадцати лет от роду и её мать сидели на низких скамейках, разбирая подсохший чеснок, и плели его в косы, перемежая шуршащие белые хвостики для крепости мочальной верёвкой. До следующего урожая будут висеть по стенам, распространяя славный дух и отгоняя злобные немочи, вьющиеся подле живого.

«Вот ещё капусту заквасим, – проговорила мать, – тогда праздник и соберём».

Сказав так, она покосилась на дочь, но та отмолчалась. Ловкие, уже не совсем детские руки сноровисто подхватывали тугие головки, ребрящиеся налитыми зубками. Только глаз девочка упорно не поднимала.

Под общинным домом Пятнистых Оленей было устроено несколько больших погребов, тоже общинных: бери всякий, что понадобится в хозяйстве! Грибков, солёных огурчиков, сметаны и капусты для щей, яблочко побаловаться – сделай милость, уважь! Другое дело, что и наполняли общинные подполы тоже каждый как мог. Кто-то всё лето лазил на бортовые деревья, обихаживая и блюдя пчёл. Кто-то лучше других готовил впрок сало – с него и лило семь потов, когда закалывали свиней. А кто-то, как Барсучиха, любовно выращивал на всю большую семью лук и чеснок...

«Хорошей хозяйкой будешь, – любясь умелой работой девочки, сказала мать. – Умница ты у меня, доченька».

Оленюшка поняла, куда она клонит, и ещё ниже опустила голову.

«Хорошие пареньки выросли у соседей, – продолжала мама. – Надёжные, дельные. Годков через пять справными мужчинами станут. Не срам одного из таких и в дом свой принять».

Девочка отвернулась, с тоской глядя в бревенчатую стену, уже наполовину завешанную готовыми чесночными косами. Она знала, что сейчас начнётся. Как всегда – уговоры, потом укоризна, потом слёзы, крик и вопрошание к Старому Оленю, за какие грехи послал семье в наказание подобное детище. Легче бывало, когда родимая сразу хваталась за хворостину.

«Я ведь знаю, про кого всё помышляешь, – неожиданно спокойно и грустно проговорила мама. – Про Серого Пса, который Людоеду за своих отомстил. Он, конечно... про таких у нас песни поют... Ну а как с ним жизнь жить, ты думала?»

Оленюшка медленно подняла голову. Столь далеко её мечты не простирались. Как люди жизнь с мужем живут, так и она собиралась. Дом... яблони в цвету, клонящие розовые ветви на тёплую дерновую крышу... большой пушистый пёс, дремлющий на залитом предвечернем солнцем крыльце... дорожка между кустами малины, утоптанная босыми ногами детей... Рослый мужчина идёт к дому, отряхивая стружки с ладоней. Он кажется ей самым красивым, потому что она любит его...

Негромкий мамин голос спугнул видение:

«Ты хоть попробуй представить его здесь, в семью взятого. Что он в тишине нашей делать-то станет? Он, может, воин первейший, ну так у нас и без него все воины, себя отстоять хватит, а больше куда? Посидит, посидит дома, да и потянет его опять в чуждальные страны... И тебе и ему мука одна... Такому жениться и в дом входить – что соколу в клетку...»

Оленюшка вспомнила взгляд и неумелую улыбку Серого Пса, когда он принимал её бусину. Принимал так, словно она посулила ему нечто несбыточно доброе и хорошее. Нечто такое, на что он в доставшейся ему жизни уже и надеяться перестал...

Предать его? Развеять эту надежду?...

Но и в маминых словах была своя правота. Как знать, а вдруг кажущееся предательство – на самом деле для него же благо великое? Зверя вольного, лесного, на цепь посадить...

«Думаешь, не знаю, как ты летом налаживалась из дому бежать? – неожиданно спросила мама. – Всё знаю. Спасибо, дитячко, что от срама избавила. Одумалась, возвратилась, не дала мне слезами горькими изойти...»

Оленюшка вскинула глаза. Мама смотрела на неё с любовью и ласковой заботой, без назидания, без укоризны. И мудро, точно сама жизнь, что вершит в своей каждодневности великую Правду и дарует людям совсем не то счастье, которое сулит манящая сказка. Несбыточная...

Девочка всхлипнула, по щекам покатились слёзы. Она вскочила со скамейки, бросилась к матери – нечасто последнее время это бывало, – уткнулась ей в мягкие колени лицом и разревелась уже вовсю, отчаянно, в голос, чувствуя, как гладят встрёпанную голову родные тёплые руки. Прижаться к своему, насквозь своему, заново понять, что ты не одна, что всё будет хорошо, что тебя любят, жалеют и готовы простить... Да какое там! При самом твоём рождении заранее простили всё, что ты ещё родителям причинишь... Материнская да отеческая любовь, тепло знакомого дома, объятие и ласка, в которой тебе никогда не откажут... Вот оно, счастье. Чего ещё захотелось?...

...Далеко, далеко в насквозь мокрым лесу глухо и протяжно завывла собака...

Светало. Прозрачная пепельная заря разливалась по крепостному двору, зябкая, негреющая, неласковая в ожидании солнца. Таков взгляд только что встреченного человека, ещё не согретый узнаванием, не оживший улыбкой. Волкодав стоял посреди внутреннего двора крепости. Босиком, снявши рубаху. Девять молодых мужчин, все как один ладные, проворные, со смышлёной искрой в глазах, переминались с ноги на ногу и уважительно разглядывали хмурого венна. Своего нового Наставника. Он выстроил их в ряд и не торопясь знакомился с каждым. Смотрел в глаза, выслушивал, что ему говорили. Ученики волновались, подыскивали слова. Он был их ровесником или почти ровесником, но каждому хотелось понравиться. Точно мальчишкам, повстречавшим взрослого

воина. Каждый помнил потрясение и нереальность происходившего, когда, взяв боевые мечи и смущённо посмеиваясь, они окружили его, ослеплённого плотной повязкой... и едва не перерубили друг дружку, ибо стоило им сделать шаг, как венн исчез из смертельного круга, метнулся тенью, сгрёб кого-то и отшвырнул под ноги остальным... и пошёл ходить по двору, и каждый, кто вставал у него на пути, летел в сторону, теряя бесполезный меч, и вставал, оглядывая себя с трепетом – на местах ли руки и ноги... Так и не удалось им ни прикоснуться к нему, ни заново взять в кольцо. А уж когда он потом сошёлся с их прежней Наставницей... Песня во славу чего-то большего, чем победа, вот что это было такое. И похвастаться, будто хоть что-нибудь понял в этой песне, не мог ни один.

– Ты?... – спросил Волкодав юного шо-ситайнца с льдистыми топазовыми глазами, раскосыми на прокалённом медном лице. Парень поскрёб лохматую льняную макушку, догадываясь, что «Узрел Свет и решил послужить Близнецам» Наставника не удовлетворит.

– Мой род два поколения враждовал с Канюками, – сказал шо-ситайнец. – Когда стали наконец замиряться во имя Бога Коней, вышло, что кто-то из наших мужчин должен покинуть страну. Ну, я и покинул. Теперь всем всё равно, где я и что делаю...

– Ты? – обратился Волкодав к следующему. Сливово-чёрный мономатанец из Висивабави сверкнул ослепительными зубами:

– А я уже давненько наёмничаю. Только мне ещё нигде не платили, как тут.

Я стану учить вас совсем не так, как Мать Кендарат. Я не буду утаивать хитростей и сокровенного смысла ухваток. Всё отдам, что сам знаю. Но вы у меня поймёте, что канкиро – это Любовь...

– Ты?... – Волкодав уже смотрел в лицо третьему. Этот третий приходился ему соплеменником. Может, поэтому он оказался единственным, кто недовольно заворчал, когда Хономер велел окружить безоружного. Русоголовый парнишка девятнадцати лет от роду, с чистой и нежной, как у девушки, кожей, но под этой кожей сплетались и перекатывались ремни совсем не девичьих мышц. А на левой щеке у парня были две небольшие тёмные родинки.

– Я странствую во исполнение обета, данного матери, – тербя косу с гладкими, без бусин, завязками, отвечал юный Волк. – Я поклялся разыскать своего старшего брата, пропавшего много лет назад, или хоть вызнать, какая судьба постигла его. Когда я пришёл в страну нарлаков, одна почтенная старая женщина мне предсказала, что я найду следы брата здесь, в Тин-Вилене. Она была немного сумасшедшая, эта бабушка, и сперва я ей не очень поверил, но всё остальное, что она мне предрекла, вскоре начало исполняться...

Он был в самом деле похож на своего старшего брата. Очень похож. На брата, не ставшего надсмотрщиком в отпущенные ему девятнадцать. Волкодав узнал бы его и без приметных родинок на щеке. Он шагнул мимо него дальше:

– Ты?...

Светало. Прозрачный пепельный свет разливался над морем, делая его таким же неласково-серым, как небо. Скоро взойдёт солнце и сперва окрасит мир розовым жемчугом, а потом подарит ему пронзительную золотую синеву осеннего дня.

Три корабля Ратхара Буревестника, хищная боевая «косатка» и две пузатые «белухи» с товарами, на вёслах миновали широкий полумесяц залива и теперь ставили паруса. Ратхар, бывалый купец и опытный воин, сам стоял у руля, отдавая команды ватажникам. Мореплавателем его считали непревзойдённым. Далёкий и опасный – осень всё-таки, – переход к Островам не пугал его, а скорее радовал. Так радуется дружеская сшибка со старинным приятелем, когда в упоении его и собственной силой не имеют значения ссадины и синяки, причинённые медвежьим объятием.

Он предлагал Эвриху относительное удобство общего покойника на любой из торговых лодий, но аррант выбрал «косатку». И сидел на самой задней, обычно пустовавшей скамье, кутаясь в тёплый меховой плащ и уныло глядя на берег. Над серыми громадами предгорий возвышалась такая же серая крепость. Вчера пополудни, когда они с нарлаками из Младшей семьи уже замучились ждать и Эврих, оберегаемый двоими молодыми костоломами, от перенапряжения душевных сил даже задремал под кустом, тяжёлые ворота всё-таки заскрежетали и отворились, и по каменной вымостке процокал копытцами маленький серый ослик. На нём, безучастно

опустив седовласую голову, ехала женщина в серых шерстяных шароварах и синей стёганой безрукавке. Увидев её, Эврих заплакал.

Она не трогала поводырь, и ослик, привычный к дальним дорогам, неспешно понёс её по тин-виленскому тракту. Прямо туда, где скрывались за поворотом Эврих и его непрошенные спутники.

«Так это и есть Наставница, обучавшая непобедимых?... – вполголоса удивился один из нарлаков. – Не очень что-то похоже...»

«Может, они её там не кормили? – предположил второй. – Заморённая больно! Да и старенькая...»

Эврих яростно высморкался.

«Вы с ней повежливее, – посоветовал он тин-виленцу. – Она десять таких, как мы...»

Кан-Кендарат подъехала ближе, и он первым вышел ей навстречу.

«Госпожа...»

Она обратила на него внимание только тогда, когда он погладил мордочку ослика и взял серого под уздцы. Женщина выглядела очень усталой, но её усталость не имела ничего общего с утомлением тела. Эврих вдруг понял: она не пустила бы в ход своё грозное мастерство, даже окажись перед нею вместо него и двух почтительно внимавших нарлаков самые настоящие душегубы.

«Госпожа, мы друзья, – повторил Эврих. – Я друг Волкодава».

«Да, я тебя знаю, – медленно проговорила она. – Я оплошала перед Богиней. Я не смогла остановить его...»

Морщинистые смуглые кисти неподвижно лежали на луке вышитого седла. Глядя на них, Эврих испытал мгновенное озарение и понял смысл только что сказанного жрицей. Воины, достигшие таких высот, как Мать Кендарат и лучший из её учеников, редко сходятся в поединках. Потому что давно поднялись над суетным выяснением, кто сильнее. Эти люди видели Небо – а Неба хватит на всех. Но если судьба всё же сталкивает их между собой, побеждает тот, чей дух безмятежней. Тот, с кем Правда Богов. Оплошность перед Богиней заключалась не в том, что Кан-Кендарат не смогла остановить неразумного, пришедшего занять её место. Она проиграла ученику, принявшему Искусство из её рук. Значит, было что-то, смутившее покой её духа. Неправда служения, о которой она доселе не подозревала...

«Да продлит Священный Огонь твои дни, мать благородных мужей, – несмело приблизились молодые разбойники. – Давай мы проводим тебя в город, там ты выспишься и отдохнёшь... а потом уж как-нибудь...»

Кан-Кендарат посмотрела на хребет уснувшего дракона, названный людьми Заоблачным кряжем. Постепенно растворяясь в дымке небес, голубели вершины, а над ними парила двуглавая шапка священного Харан Киира, видимая с громадного расстояния.

«Я поеду туда, – сказала жрица. – Мне кажется, там есть место, где я смогу поразмыслить...»

Эврих всё же уговорил её провести некоторое время в городе, подкупив обещанием всю ночь рассказывать об их с Волкодавом путешествии. Вечером на постоялый двор Айр-Донна приехал всадник из крепости и привёз кошелёк денег. По словам гонца, венн, нанятый Избранным Учеником, распорядился отдавать почтенному вельху причитающуюся ему плату. Здесь, мол, не пропадёт, а самому венну всё равно сейчас незачем – его ведь за ворота не выпускают. Почти сразу после того, как ускакал гонец, в дымовое отверстие кровли проник Мыш и самодовольно заворковал, погасив взмахами крыльев свечу, стоявшую между Эврихом и Кан-Кендарат.

Аррант немедленно поймал и обшарил зверька: нет ли записки?... Жрица усмехнулась краешком губ: «Тебя он только что видел... А мы с ним и так уже всё друг другу... сказали...»

Записки действительно не нашлось, зато к лапке мохнатого летуна оказалась примотана тонюсенькая серебристая цепочка. Эврих не слишком разбирался в ювелирных изделиях, но работу мастера Улойхо трудно было с чем-либо спутать. На цепочке удерживалась подвеска из того же металла. Две женские ладони, могущие принадлежать только существу мудрому и исполненному любви, протягивали чуть тронутый голубизной самоцвет, похожий на прозрачную каплю росы... Слеза?... Влага для омовения?... Горсть воды – припасть жаждающими губами?...

Эврих молча протянул цепочку женщине. Кан-Кендарат взяла подвеску, и её рука задрожала. Она опустила голову, прижимаясь лбом к священному для неё символу, и сидела так, пока

Эврих растепливал погасшую свечку. Когда наконец она вновь подняла глаза, в них стояли слёзы.

..Как ни кутайся, стылый морской ветер всё равно проберёт до костей, особенно если сидеть без движения. Эврих плотнее запахнул тёплый плащ, глядя на удалявшийся город. Можно было потешиться надеждой, что и Волкодав стоял где-нибудь на крепостной башне, провожая глазами уходящие корабли... Только от этого ничего не менялось. Быстрая «косатка» уносила Эвриха прочь, а венн остался на берегу, и его, с позволения сказать, наёмная служба немногим отличалась от плена...

Без Волкодава было пусто. И холодно.

Эврих твёрдо сказал себе, что раскисать не имеет права. Слишком многое теперь зависело от него одного. Чтобы отвлечься, он начал прикидывать, какими словами опишет в «Дополнениях» чудеса и красоты приморского города, где уроженец едва ли не всякого края без большого труда съест себе земляков. Вспомнилось обещанное: «Особо же следует рассказать о корчме Айр-Донна, достойнейшего вельха, переселившегося в Тин-Вилену из сольвеннской страны. Эту корчму легко узнать по вывеске: могучий белый конь и серый пёс, бегущий рядом с санями. Постояльцам здесь подают...» Эврих вдруг содрогнулся всем телом и ощутил острое желание вышвырнуть «Дополнения» за борт.

Я исписал уже две трети захваченных из дому листов, а о чём? Об исчезнувших племенах Засечного кряжа и о дойной корове сегванского морехода, об опасностях Змеева Следа и о том, почему в Кондаре самая спокойная улица называется улицей Оборванной верёвки?... О Боги Небесной Горы, лучше бы я всё это время вырисовывал таблички с именами свиней!... Почему я дотошно занёс в книгу легенды, поведанные Рейтамирой, но ни словом не упомянул о ней самой? Почему я изложил поклонение Близнецам, но пожалел чернил для рассказа о деревенской дурочке, ожидающей своих сыновей?... Почему я собрался переделывать встречу со Всадником в угоду родичам Астамера, но не нашёл места для того, кто... Волкодав, друг мой, брат мой, как же вышло, что я не написал о тебе...

Мгновение слабости и отвращения продолжалось недолго. Пальцы ощутили знакомый зуд, рука сама собой нащупала у пояса подвесную чернильницу. Предстояло много работы. Утренний ветер щедро наполнял просторный клетчатый парус. Оставляя по левому борту острова, «косатка» резво бежала навстречу восходящему солнцу, и волны с шипением ложились под киль, уходя за корму.

1 ноября 1995 – 22 октября 1996

Мария Семенова

Волкодав. Знамение пути

Автор сердечно благодарит

Владимира Тагировича Тагирова,
Павла Вячеславовича Молитвина,
Ирину Сергеевну Костину,
Александра Сергеевича Расовского,
Адель Левтовну Геворкян,
Наталью Васильевну Герасименко,
Игоря Александровича Сухачёва,
Александра Григорьевича Таненя,
Наталью Александровну Ожигову,
Сергея Александровича Романюгу,
Рамиля Равильевича Бикинеева,
Олега Николаевича Мелентьева,
Леона Леоновича Абрамова —
за ценнейшую информацию и советы,

Хокана Норелиуса (Швеция)
и Дмитрия Олеговича Фурманского —
за компьютерную поддержку,

а также
Издательство «Азбука» —
за понимание и терпение
в сложной жизненной ситуации.

В низкое небо смотрят глазницы
Улиц пустых и гулких дворов.
Медленный вихрь листает страницы
Воспоминаний, мыслей и слов.

Не передвинешь – названы сроки,
И не возьмёшь с собой за порог
Писем забытых жёлтые строки
В траурных лентах старых дорог.

Холодно что-то стало на свете...
Всё обретает истинный вид:
Милой улыбки нет на портрете —
Злая усмешка губы кривит.

А ведь когда-то – дальше от края —

Думал, что вечно будешь любим...
Саваном пыли след замечает
Времени ветер – неумолим.

1. Ожидание

Отгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым мертвенным серебром. Неживой блеск ночного светила превратил тёплую медь сосен в травленный булат старинных клинков. Было тихо, только чуть слышно лепетал вдалеке речной пережат. Это Звор, младший сын великой Светыни, спешил к матери и точил на своём пути землю, обнажая древние валуны.

Крылатая тень пронеслась между землёй и луной. Беззвучный силуэт скользнул по ветвям, по нежной лесной траве... по спине большого серого зверя, бежавшего через лес. Зверь был похож на волка и состоял с ним в тесном родстве, что, впрочем, не мешало двум родственникам люто ненавидеть друг друга. Через лес бежал матерый кобель знаменитой веннской породы. Молчаливый, широкогрудый, поджарый – и суцая погибель, когда доходило до когтей и клыков.

Сосновые леса раскинулись по холмам, и из распадка в распадок тянулась натопанная тропа, по которой жители ближнего селения ходили в гости к соседям. Она вилась всё больше низинами. Кто полезет на крутой каменистый холм, если можно его обойти?

Пёс бежал когда по тропинке, когда напрямик, через черничник и вереск. Это не были его родные места, но он бежал очень уверенно, потому что знал, куда лежал его путь. Серебристый мех блестел и искрился в свете луны. А на шее у пса приминал пышную гриву широкий ошейник. Знак, которым люди издавна метят своих зверей, отделяя их от дикого мира. Ничего особенного этот ошейник собою не представлял. Не был он свит из золочёных шнуров, не был украшен резными серебряными пластинками. Простая потрёпанная кожа в два слоя, соединённая дратвой. В разное время прошлись по ней чьи-то когти и зубы, виднелся даже глубокий след от ножа...

Только поигрывала в прозрачном луче большая хрустальная бусина, намертво вделанная в тяжёлый ремень.

На макушке одного холма пёс остановился. Потом сел.

Южный склон этого холма когда-то давно, много людских поколений назад, размок от непрерывных дождей и сполз вниз весь целиком, обнажив каменную скалу. Подобных скал по окрестным местам известно было немало, но этот каменный лик превосходил все прочие. Он нависал с севера над небольшой долиной между холмами, прикрывая её от колючих ветров. Внизу, у гранитного подножия, протекал Белый ручей – сын могучего Звора, шустрый внучек Светыни. В какой-нибудь другой стране, менее взысканной¹ от Богов реками и озёрами, Белый сошёл бы за средних размеров речушку. Здесь, однако, изобильный и глубокий поток десяти шагов в ширину считался ручьём.

Весной на холмах таяли снежные сугробы высотой взрослому мужчине по шею. Талая вода текла вниз, и ручей разливался. Поднимался он достаточно высоко – избы стояли на почтительном удалении от бережка, там, где присутствие печного огня уже не могло оскорбить живущего в ручье Водяного. Возле самой воды стояла одна только кузница, да и то – на пригорке, над особо устроенной запрудой. Всем известно, что у кузнеца с Водяным свой завет.

Другой, и не менее чтимый, завет требует устраивать кузницу опрочь людского жилья. Это оттого, что кузнец творит Тайну и беседует с Небом, а всякое дело, требующее высокого сосредоточения духа, лучше совершается в уединении. Что ж, в деревне, где жили венны из рода Пятнистых Оленей, кузница была поставлена честно. Человек злоречивый сказал бы,

¹ *Взысканной, взыскивать* – здесь: оказывать высшую степень милости и расположения (либо гнева).

пожалуй, – могли выстроить и подальше. Этак у болота за лесом. Человек доброжелательный указал бы злоречивому на ручей: кузня всё-таки стояла на другой стороне. То есть, как от прадедов повелось, – почти в другом мире, ведь все знают, что реками изначально отделены друг от друга миры.

А человек приметливый тотчас рассудил бы, что и постройка, и запруда при ней выглядели совсем новенькими, свежими. Стояли они на своём месте всего, может быть, год. Весну, лето, осень, многоснежную зиму – и ещё половину весны.

И тот, кто строил, а теперь работал внутри, очень хотел понравиться Пятнистым Оленям. Как это и следует жениху, явившемуся по веннскому обычаю просить бус у невесты.

Несмотря на позднее время, над крышей кузницы вился дымок. Изнутри раздавался стук молотка, и тонкий нюх пса улавливал запахи огня и железа.

Ночью купец не смеет ни продавать, ни покупать, ночью не выносит приговоров судья. Их дела обязаны совершаться лишь днём, под присмотром справедливого Ока Богов. Кузнец выше купца и выше судьи. Когда бы он ни трудился у наковальни – всё благо...

Пёс неподвижно сидел на краю каменного откоса и смотрел на деревню. Из лесу чёрной бесформенной молнией выпорхнула большая летучая мышь. Такие, с голубя, водились много южнее, а в здешних лесах – нет. Тутешние сородичи были слабее и мельче, драться и играть с ними оказалось неинтересно. Ночной летун коснулся крылом пёсских ушей, молча облетел сидевшего зверя и устроился на ветке сосны у него над головой. Ярко светила луна, и было видно, что чёрная шерсть на грудке и загривке Мыша не просто отливала вороним металлическим блеском, а ещё и серебрилась – красиво и густо. Пещерные мыши из Самоцветных гор живут долго. Уж во всяком случае куда дольше каторжников, которые работают там в рудниках. Крылатому охотнику ещё далеко было до дряхлости. Его клыки даже не начали стачиваться, как бывает у стариков. Новое украшение лишь означало мужественную зрелость.

Пёс не двигался и смотрел на деревню.

Крыши в домах были низко нахлобученные, земляные, заросшие травой и цветами. Только возле охлупней рдели, светились отверстия дымогонов.

В одной избе отворилась дверь. Пёс вздрогнул, подался вперёд, пушистый хвост в траве неуверенно дёрнулся... В светлом прямоугольнике входа возник девичий силуэт. Девушка шагнула наружу, и дверь за спиной бухнула. Тихий ночной воздух легко разносил звуки. Девушка, нынче встречавшая свою семнадцатую весну, прошла у стены долгого общинного дома и отправилась по тропинке к ручью. В руке она держала корзинку, накрытую полотенцем. Она несла ужин кузнецу, припозднившемуся с работой.

Пёс на краю обрыва лёг и опустил голову на передние лапы. Вздохнул...

Почти одновременно с девушкой из леса по ту сторону ручья вышли олени. Рогатый вожак с подругами и потомством. Здешние олени испокон веку жили с людьми в доверии и любви. Точно так же веннам из рода Синицы желтогрудые птахи садились безбоязненно на ладонь, а детей рода Гадюки никогда не кусали ядовитые змеи – даже когда ребятишки по недомыслию хватили их за хвосты.

Девушка перешла ручей по камням, заботливо уложенным в русло, – большим, плоским, шершавым: чтобы не сорвалась с мокрого, не соскользнула нога. Олени, конечно, давно заметили и узнали её. Они знали всех живших в деревне. Жившие в деревне были друзья. И даже более, чем друзья. Кровные родственники. Насчёт кровного родства зверя не обманешь, он за версту чувствует, где оно настоящее, а где нет. Много лет и зим, много поколений назад, будущая Праматерь людского племени спасалась от небывалого наводнения, затопившего лес. И плохо бы ей пришлось, ибо она поранила ногу и не могла быстро бежать, – но отколь ни возмись налетел красавец Олень, принял женщину на свою могучую спину, в полную скачь унёс от беды. А когда всё миновало – как водится, ударился оземь и обернулся молодым статным мужчиной... С того пошёл род. Люди помнили об этом. И

олени помнили.

Пёс видел, как две юные важеньки отделились от стада и первыми побежали навстречу – радостно, без робости, без боязни. Они встретили свою человеческую сестрёнку возле переправы. Девушка в длинной веннской рубаше и красно-синей с белой ниткой понёве соступила с последнего камня на берег. Слуха пса достиг её смех. Оленухи щекотали носами её руки, гладившие любопытные мордочки. Поздоровавшись, лесные девчонки потянулись к корзине. Старые, величавые самки и важный вожак немедленно заметили это и, позабыв гордиться, дружно прибавили шагу.

Родне в пятнистых меховых шубках досталось по доброму ломтю подсолённого хлеба. Пёс смотрел с холма на лакомившихся оленей и знал, что хлеб, оставленный в корзине для ужина, был вынут совсем из другой печи. Не из той, что пекла хлеб для оленей и их родичей-веннов. Это потому, что молодой кузнец, звонко бивший молотом по наковальне, был не родственником, а гостем. Да таким, что угощать его за своим столом, принимая в родню, было никак невозможно.

Венны чтит старинный закон: тех не берут в мужья, с кем вместе едят. А коли уж парень из рода Щегла пришёл сюда, вознамерившись стать женихом... Женихом славницы-Оленюшки...

Пёс смотрел с обрыва на кузницу, изредка моргая.

Его настрожённых ушей достигали далёкие отзвуки двух человеческих голосов. Слов разобрать он не мог, но в этом не было необходимости. Парень с девушкой дружески болтали, смеялись чему-то...

Мышь слетел с ветки и сел на камень рядом с головой пса. Тот покосился на него и вновь стал смотреть.

Ему не требовалось бежать вниз и слушать возле двери. Он и так знал, что происходило в кузнице. Своими глазами много раз видел... в другом месте, в другом времени... в другой жизни.

Там, внутри, на опрятно обмахнутом верстаке разложено браное ² полотенце, а на нём стоит глиняная миса с чисто облизанной ложкой. Пришедшего в женихи – да притом ещё кузнеца – кормят на славу, так, что он капельки недоеденной не оставит, уберёт в рот даже сверх съта. И хлеба на полотенце не покинет ни крошки. Грех это, хлеб крошить и крошки бросать. Не можно такого содеять юному жениху. Выгонят. И от срама до старости не отмоешься.

А парень с девкой сидят на лавке возле стены, и горит перед ними светец, и шипят угольки, падая в корытце с водой. Светец, может, тот самый, что паренёк сегодня докончил. Со славно оттянутым, заострённым нижним концом и расщепами, куда вставляют лучину. Люди, слепые на красоту, для этого просто надрубают металл: держит щепку – и ладно! Но молодой кузнец, конечно, постарался на совесть. Лучина у него покоится между живыми цветочными лепестками, в загнутых лапках тычинок. И цветок не абы какой, а в точности тот, что возле кузницы, перед порогом расцвёл. Расцвёл и Оленюшке понравился. То-то каждый листочек подпилком тщательно выведен. И, чего доброго, ещё бабочка сверху присела, сладкий сок пробует...

Был такой светец в иной жизни, в ином месте и времени. Далеко отсюда, давно...

Девушка любит славным светцом, а парень любит с девушкой. И беда ли ему, что будущую невесту не назовёшь стройной на диво, и губы у неё не вишнёвые, а самые обыкновенные, и коса не такая роскошная, как у иных. Гнал бы за великой красотой – стояла бы его кузница ныне где-нибудь в другом месте. В другом роду. Ан ведь нет. Здесь выстроена.

² Браное – вытканное по старинному способу, с рельефными узорами, образованными переплетением нитей.

Вежливый парень не ловит мозолистыми пятернями девичьих рук, не пытается припасть устами к устам. Может, сердце ретивое в нём так и пылает, так и зовёт – ну да что с того? Он сидит чинно, мечтая про себя, чтобы вдруг рухнула в кузне крепкая крыша, рассыпались ладные стены... дали случай подхватить Оленюшку, прижать к широкой груди, на руках спасти от беды! Но не рушится кров, не падают стены. И, собравшись с духом, кузнец показывает девушке красный ожог на запястье. Оленюшка тоже не вчера родилась, видывала виды похуже. Что такое ожог с ноготь величиной? На запястье, которое шире её обеих, сложенных вместе?.. Но отчего-то девушка ахает, берёт-таки его руку, склоняется посмотреть. Заботливо спрашивает, кропил ли он больное место простоквашей. Кропил, отвечает парень. Только не простоквашей. И оба хохочут.

Потом дверь кузни снова открылась, и они появились наружу. Пёс видел: вот подошли к переправе и парень взял девушку за руку. Это правильно. Мало ли что она снуёт туда и сюда по сто раз на дню и не оскальзывается! Без него – пусть. С ним – только так, так надёжней.

Молодой кузнец проводил Оленюшку до крыльца матушкиной избы. Сам пошёл к общинному дому, где всегда селят гостей. Девушка стояла на крыльце, смутно белея в лунной тени. Когда парень исчез в доме, она не сразу ушла. Ещё постояла, глядя за ручей, на пасущихся оленей... Пёс на холме шевельнулся и встал. Скроется Оленюшка – уходить и ему.

Она вправду вроде протянула руку к двери... И вдруг обернулась. И посмотрела прямо на холм, на обрывистый каменный лик, на его срезанную вершину.

И хрустальная бусина, вшитая в пёсий ошейник, нечаянно бросила ей в зрачки лунный луч, отражённый чистыми гранями. Длилось это мгновение.

* * *

Водные потоки действительно разделяют миры. Не всегда, конечно. За ручьём – курице перелететь – совсем не обязательно начинается иной мир. Но любой замечал, что на ТОЙ стороне и деревья лесные кажутся чуть-чуть не такими, чем ЗДЕСЬ. И птицы, и звери. Не говоря уж о людях, которые там живут. Не обязательно другой мир. Просто – чуть-чуть, а ДРУГОЕ...

Пёс долго бежал вдоль ручья, ища нужное место. И примерно через версту достиг падуна: вода слитной толщей лилась через каменный край и падала с высоты в три человеческих роста, дробясь о камни внизу. Оттуда, снизу, слышался спокойный глухой гул и всплывали клочья тумана. Сюда люди из рода Пятнистых Оленей ходили ловить таймень с чешуйчатыми боками, сияющими радугой водопадов. Здесь пёс повернулся к ручью и с разбегу махнул через бегущий поток. Прямо сквозь туман, клубившийся над водой. Мыш догнал его и на лету вцепился в густую шерсть на загривке.

Если бы кто нашёл следы пса у деревни и надумал скуки ради их попытать, он добрался бы только до этого места. След вёл вначале отсюда на тот обрывистый холм и после обратно, замыкаясь в кольцо. И всё. Больше нигде никаких метин. В том числе и на другом берегу.

Далеко-далеко, по ту сторону широкого моря, в это время шёл дождь. Солнце, закатившееся над страной веннов, там только начало клониться на запад. Время было ещё дневное, но Око Богов отграничивали от земли такие тяжёлые и плотные тучи, что казалось – уже наступил вечер, вот-вот сомкнёт покров темнота.

Вместо холмов и лесного ручья здесь были каменистые горы, начинавшиеся прямо из волн. Они поднимались над поверхностью сперва малыми островками. Голыми скальными костями, обглоданными ветром и морем. Волны закипали у их подножий и легко перекачивались через макушки. Ближе к матёрому берегу островки делались выше и

одевались в свежую зелень. Потом выходили на сушу и становились отрогами горного хребта. В мокром сумраке не разглядеть было вершин. Тучи просто упирались в горные кручи и висели на месте, изливаясь дождём. На высоких перевалах царил холод, там вместо дождя сыпался густой снег. Прояснится небо – и горы снова предстанут в белых плащах. Такая уж здесь бывает весна.

Берег восставал из моря десятисаженным обрывом. Ветра особого не было, но у подножия скал тяжело и грозно ревел накат. Где-то далеко бушевал шторм, раскинувший косматые крылья от Тар-Айвана до Аланиола. Отголоски, докатывавшиеся до западных берегов океана, вселяли трепет. Чёрные громады одна за другой надвигались на берег и с громом и грохотом превращались в облака брызг. Брызги плотной стеной взвивались над утёсистой кручей, и ветер уносил их в глубь страны, перемешивая с дождём...

За грядой островов матёрый берег отступал, выгибаясь исполинской подковой. Там рвались на ветру огни четырёх маяков, питаемые земляным маслом и не боящиеся дождя. Маяки указывали кораблям путь в гавань. Летящая мгла почти не давала разглядеть город, только сторожевые башни угадывались вдаль. Город носил звучное и красивое имя: Тин-Вилена. Младшая Сестра, как ещё называли.

На оконечных скалах мыса было безлюдно. Сюда и при ярком-то солнце мало кто забредал, тем более ныне – кто в своём уме будет зря терпеть холодную сырость, легко проникающую сквозь кожаный плащ, сквозь стёганую телогрейку?.. Оттого некому было заметить, как в некоторый миг через кромку утёса взвились особенно плотные клочья пены и брызг... Когда же ветер утащил их прочь и развеял – стало видно, что прочь от моря бежал большой серый пёс. И у него на загривке, зябко и недовольно нахохлившись, сидела летучая мышь.

А глаза у пса были такие, каких у собак не бывает. Серо-зелёные. Человеческие.

* * *

Когда этот человек приходил в Тин-Вилену и появлялся в «Белом Конне», вышибала при входе кланялся ему в пояс, а корчмарь Айр-Донн каждый раз пытался отказываться от денег за еду и питьё:

– У меня и так весь твой заработок лежит, Волкодав. Я его в оборот пускаю и богатею с того. И ещё ты мне за что-то будешь платить?

Человек по имени Волкодав только усмехался. Молча оставлял деньги и уходил. Айр-Донн возмущался, воздевал руки и сквернословил, поминая божественные копыта Трёхрогого. Он был из восточных вельхов и на заморской чужбине хранил обычаи родины со всем упорством и рвением, которыми славится его племя. Одна беда – нашла коса на камень. Волкодав тоже родился за морем. И добро бы в каком праведном месте, населённом покладистым и тихим народом, а то – в диких веннских лесах. Сиречь упрямец уже вовсе непроходимый. Хуже всякого вельха.

В этот дождливый, бессолнечный день корчма Айр-Донна наполнилась раньше обычного. Скверная погода поневоле загоняет под крышу, и в особенности – к тёплому очагу, к доброй выпивке и еде. Тем и другим «Белый Конь» был в городе славен. Сюда охотно шли горожане, сюда шумно вваливались мореходы, отвыкшие в долгом переходе от свежих человеческих лиц. Особенно – женских.

– Пива, красавица! И не этой аррантской бурды, которую зачем только из-за моря везут! Местного подавай!..

– И курочек пару! Да побольше соуса, соуса!..

– А сама к нам, красавица, не присядешь? Некогда тебе? Ну, беги...

Служаночки в самом деле бегали, как настёганные. Складывали в поясные кармашки позвякивающие монетки. Стряпухи на кухне угорело метались от жаровни и сковородок к земляной печи и от неё к пузатой коптильне.

Все мы, братишка, кто поздно, кто рано,
Сгинем в холодных волнах океана.
В кои-то веки добравшись на сушу,
Как тут в трактире не выплеснуть душу?
Ну-ка, подруга, пивка на полушку,
Да пощедрее наполни нам кружку!
Пусть оно в глотки потоком прольётся —
Выпьем за тех, кто уже не вернётся.
Выпьем за пахарей сумрачной пашни,
Кто разворачивал парус бесстрашно,
Кто навсегда у подводного Бога
Загостевал в Его мокрых чертогах.
Поздно ли, рано ли – все под волнами
В круг соберёмся за теми столами...

Волкодав появлялся всегда поздно. Но, как бы ни была набита корчма, у Айр-Донна для него непременно находилось местечко. И мисочка свежей сметаны. Тот её очень любил, а вельх чуть не единственный в Тин-Вилене умел готовить это чужеземное лакомство.

Сегодня венна почему-то всё не было видно, и корчмарь косился на дверь. Он знал: служба у Волкодава была такая, что не позавидуешь. Жрецы Богов-Близнецов шуток не шутят.

Вышибалой у Айр-Донна стоял крепкий темноволосый нарлак. В кожаных штанах и, как полагалось молодому мужчине его племени, при кожаной безрукавке. Несмотря на промозглый вечер – на голое тело, чтобы всякий мог оценить и презрение к холоду, и красивые точёные мышцы. Страна нарлаков тоже лежала очень далеко. Но такова была Тин-Вилена: населяли её почти сплошь выходцы из-за моря. И недавно приехавшие, и родившиеся уже здесь.

И песня, которую они пели, тоже приплыла сюда по солёным волнам, на корабле отчаянного купца. Завезли её, кажется, из сольвенских земель, из стольного Галирада, где слагал знаменитые стихи одноглазый поэт Декша Белоголовый. Впрочем, Айр-Донн не стал бы ручаться, поскольку точно не знал.

* * *

Другой край шторма висел над морем много севернее и восточнее Тин-Вилены, там, где на несколько дней пути вокруг не было населённой земли. Тучи здесь медленно закручивались рваными тяжёлыми полосами, а между ними сияла неистовая холодная голубизна и щедро лилось бледное золото солнца. В южной стороне горизонта тучи смыкались, и небо обнимала непогожая тьма. Оттуда шли высокие волны. Попадая на солнце, они искрились глыбами зоркого³ зеленоватого хрусталя. Хмурый небоскат дарил им сумрачные свинцовые блики и сообщал пенным шапкам особую нестерпимую белизну. Ближе к границе моря и неба, куда не достигал солнечный свет, валы становились вереницами серых привидений, шествовавших из ниоткуда в никуда.

Ни морщинки, ни складки не было на ярком бело-синем клетчатом парусе, растянутом вдоль корабля, – тот шёл в-треть-ветра, направляемый опытной и отважной рукой. Очередная волна ударила «косатке» в ясеневую скулу, и корабль встрепенулся до кончика мачты – упруго и весело, точно бодрый конь, в охотку одолевающий подъём. Нос, увенчанный резной головой чудища, высоко вырвался из воды, потом рухнул обратно, и над бортом взвилась прозрачная стена. Ещё миг – и, дробясь на лету, вода хлестнула по палубе.

³ *Зоркого, зоркий* – ясный, прозрачный.

Семьдесят молодых мужских глоток отозвались смехом и руганью, кто-то на всякий случай прижал сапогом край кожаного полога, прятанного трюмный лаз.

Там, в трюме, горел маленький очажок, устроенный особым образом, так, чтобы и штормовых волн не бояться, и не вызвать пожара на корабле. Людям, проводящим вдали от берега много дней подряд, нужно тепло, нужна горячая пища. Островные сегваны, поколениями ходившие в море, на корабле себя чувствовали едва ли не уверенней, чем на твёрдой земле. Впереди грозил шторм, под килем корабля до дна морского простиралась, может быть, вёрсты, – а у них булькал себе над огнём закопчённый котёл и, как ни качайся корабль, – не плеснёт, не перевернётся.

Возле котла хлопотал немолодой воин с кудрявыми седеющими волосами, по обычаю Островов связанными в длинный хвост на затылке. Котёл булькал, распространяя густой запах мёда и пряностей. Пожилой сегван мешал варево длинной деревянной ложкой, держа её в левой руке. Правая у него отсутствовала по локоть и годилась только на то, чтобы прижимать к боку большую оплетённую бутылку, пока левая вытаскивает из неё пробку.

Едва калека извлёк эту бутылку из устланной соломой корзины, как под полог всунулись сразу три головы:

– Давай мы раскупорим, Аптахар. Тебе же с одной рукой, поди, неудобно...

– Я вас!.. – рявкнул названный Аптахаром и замахнулся на лукавцев ложкой, отчего те с хохотом убрались. – Лакомки... – проворчал он, справляясь с туго заколоченной пробкой. К запахам из котла тотчас добавилось крепкое хмельное благоухание. Понятно, доверять молодым открывание столь драгоценной бутылки было никак невозможно. Вернули бы, Хёгг их проглотит, одни слёзы на доньшке.

Спиной ощущая жадные взгляды, Аптахар отмерил жидкость из бутылки пузатой кожаной кружкой. Вылил в котёл, размешал, дал слегка покипеть. Зачерпнул, поднёс ко рту...

Сзади тоскливо и протяжно вздохнули.

Аптахар свирепо покосился через плечо, вновь наполнил кружку до половины и опорожнил в котёл. Ещё раз попробовал... На сей раз вкус удовлетворил его. Он заткнул и спрятал бутылку, черпнул из котла – и, бережно держа кружку перед собой, выбрался на палубу из трюма. Прикрыл полый плаща и отправился на корму. Брызги из-за борта летели, как стрелы.

Человек сухопутный уж точно не донёс бы в целости кружку, полную почти до краёв, а скорее всего – и вовсе не устоял на ногах. Разве что схватился бы за снасти, за скамьи, за плечи сидевших... Однорукому Аптахару подмоги не требовалось. Шёл, как другие люди по земляному полу хором. Да он, правду молвить, в тех хоромах скорей споткнулся бы.

– Давай сюда кружку, мы уж передадим!.. – подначивали его.

– Я вам, бесстыжим, дерьма мешок нести не доверю! – отвечал старый воин.

Человек, что сидел на высоком кормовом сиденье, держа в руках правило, с дружеской усмешкой следил за приближавшимся Аптахаром. У него самого волосы горели на солнце тем светлым золотом, каким справедливые Боги очень редко одаривают даже сегванов, перебравшихся с Островов на Берег, – не говоря уже об иных племенах, обитающих в глубине суши. То есть рыжие и белобрысые, конечно, всюду встречаются, но таких, словно зимний утренний луч на чистом снегу, – замучаешься искать. Добравшись, Аптахар протянул вождю свой напиток:

– Отведай, кунс.

Кунс отведал. Всего один глоток. Согласно кивнул – и вернул кружку. Глаза у него тоже были, какие встречаются только у тех, кто поколениями живёт среди морской синевы. Цвета океана, нежащегося под солнцем, но способного всколыхнуться грозовой непогодой. Рука в плотной кожаной рукавице спокойно и чутко держала правило бегущего корабля. Ни лишнего напряжения, ни суеты. Аптахар вернулся к котлу и, нагнувшись, подтащил поближе большой кожаный короб. Стал одну за другой вынимать из него чашки и наполненными передавать в протянутые сверху руки. Сперва – для тех, кто сидел на носу корабля и

принимал всего более оплеух и мокрых затрещин от налетающих волн. Потом – для тех, кто помещался посередине и на корме. Чашки, которые старый воин ловко извлекал из короба, были сами по себе замечательные. Не кожаные, не глиняные, не медные, даже не деревянные. Добрый мастер сработал их из льдисто-прозрачного, чуть тронутого зеленью стекла. Они чудесно сохраняли тепло и (многожды проверено!) не разбивались, падая на твёрдую палубу и даже на камень. Но самой удивительной выдумкой стеклоvara было то, что чашки туго вкладывались одна в другую, занимая таким образом очень мало места, которого вечно не хватает на корабле. Кунс Винитар щедро заплатил за них в Галираде. Долго будут помнить вождя, который так заботится о своих людях! Подобной диковины, притом очень полезной, до сих пор не видали ни на одном корабле. Аптахар же про себя весьма гордился тем, что именно он привёл кунса во двор к стеклоvarу Остею...

...Раздав горячий напиток, старый сегван наконец-то налил себе и мужественно переборол искушение плеснуть в чашку лишнего из заветной бутылки. Пристрастие к хмельному люди стали за ним замечать примерно тогда же, когда он потерял руку: почти семь лет назад. Глупцы!.. Они видели только внешнее и полагали, будто он принялся топиться в вине из-за увечья. Истинная причина была гораздо глубже и горше, но о том ведал только кунс Винитар. Да ещё сын, молодой Авдика, дослужившийся до десятника в галирадской городской страже. Другим людям Аптахар ничего не рассказывал. И сам почти каждый день напивался, чтобы не вспоминать. В конце концов кунс неожиданно объявился в Галираде и сразу позвал старого товарища с собой в море. «Зачем я тебе, Винитар? – спросил однорукий калека. – Обуза лишняя...» – «У меня на „косатке“ лишних не бывает», – сурово ответил вождь. И... приставил трясущегося с похмелья пьянчужку к корабельному очагу и котлу. К съестному. К тем самым бутылкам в просторной, мягко выстланной корзине. И сказал только: «Присмотри, чтобы каждому отогреться хватило...» Каково грести или менять парус, когда ветер срывает макушки волн и превращает их в рои ледяных копий, Аптахар очень хорошо знал. Он даже обиделся на вождя, хотя, конечно, виду не подал. И с тех пор был безгрешен.

Хотя злобный Хёгг, враг Богов и людей, каждый день терзал его искушением...

Аптахар смаковал последние капли напитка и как раз пришёл к выводу, что ныне медовуха удалась ему замечательная, – когда сверху послышался голос парня, прозванного Рысью за остроту его глаз. Рысь был ещё и невысок ростом, и его, лёгкого, без труда подняли на верёвке на мачту: пусть-ка оглядитесь вокруг. Посулили чашку добавки, если высмотрит что занятное. Последний берег скрылся три дня назад, мореходы скучали. Рысь повертел головой в тёплой шапке... и почти сразу торжествуя заорал:

– Парус! Парус справа в-пол-четверти!..

Его крик был полон того яростного ликования, которое наполняет душу воителя, чающего впереди битву. С кем, за что – велика ли важность! Главное – испытать доблесть свою и врага, радуя Отца Богов, взирающего с небес. Длиннобородый Храмм от века ссорит вождей, забирая достойнейших в Своё воинство. Он принимает тех, кто верно следовал за боевым кунсом, ища ему и себе славы, и наконец сложил голову, снискав восхищение друзей и врагов.

Когда дед Аптахара был молодым воином, он встречал много таких храбрецов. А кого не встречал сам, о тех был наслышан. Он без устали рассказывал об их подвигах сперва сыновьям, потом внукам. И всё ворчал, сетуя, до какой степени оскудел нынешний мир. Люди, носившие мечи во дни дедовой молодости, помышляли больше о чести, а теперь стремились только к добыче... Внуку не годится оспаривать мнение деда, но Аптахар всё косился на вождя, привставшего на корме, и в который раз решал про себя: если старик сейчас смотрит из небесных чертогов – то-то небось гладит сивую бороду от радости за него, Аптахара. Ибо на «косатке» у Винитара то ли воскресли, то ли просто не кончались времена, которые принято называть легендарными. Молодой кунс ни дать ни взять ощутил Аптахаровы мысли. Он поднялся на ноги и сказал так, чтобы слышали все, и ветер, гудевший в снастях, не смог заглушить его голоса.

– Мы сойдёмся с этим кораблём и узнаем, кто они и откуда. Если друзья, мы с ними обменяемся пивом. Если купцы, мы проводим их и проследим, чтобы никто не обидел...

«И они серебром оплатят нашу защиту, – подумал Аптахар с предвкушением. – Или товарами, которые везут продавать...»

– ...а если враги, – довершил кунс, – мы снимем с борта щиты и узнаем, чей меч лучше наточен.

Айр-Донн начал уже тревожиться, успев решить, что Волкодав нынче вечером к нему не зайдёт. Но вот один из посетителей, расплатившись, открыл было наружную дверь... и невольно шарахнулся назад, прижав рукой шапку, а завсегдатаи «Белого Коня» дружно засмеялись. Потому что снаружи, из мокрых сумерек, едва не чиркнув выходявшего по голове, стремительно и нетерпеливо влетел крылатый зверёк. Он очень не любил сырости – и, если уж не удавалось совсем её избежать, стремился как можно скорее вернуться в тепло. Летучая мышь пронеслась под потолком, роняя с чёрных крыльев капельки влаги, и уверенно опустилась на стойку. Маленький охотник знал, что здесь его ждёт угощение. За последние три года он ни разу не обманулся в своих ожиданиях. Вот и теперь Айр-Донн, улыбаясь, налил в особое, нарочно отведённое блюдечко немного молока и начал крошить хлеб. Мышь жадно шевелил носом, следя, как готовилось его любимое лакомство.

– Не сердись на него, почтенный, – сказал человеку в шапке мужчина, вошедший с улицы следом за зверьком.

Айр-Доннов посетитель отмахнулся:

– Да ладно тебе.

И вышел за дверь, а хозяин зверька отряхнул кожаный плащ и направился к стойке. В отличие от своего крылатого спутника, ничего особенного он собою не представлял. Особенно здесь, в Тин-Вилене, где можно было встретить сыновей и дочерей всех народов земли. Ну и что, что сломанный нос и шрам во всю левую щёку? Не красавец, конечно, и притом сразу видно, что нрава не особенно мирного, – но в корчме у Айр-Донна иной раз веселились молодцы, разрисованные ещё и похлеще. Мужчина был рослый, костлявый, широкоплечий, с длинными, густо побитыми сединой волосами, потемневшими от дождя. Волосы были заплетены в две косы, перевязанные ремешками. На том, что справа, висела одинокая хрустальная бусина, закреплённая узелком.

– Здравствуй, Волкодав, – сказал ему Айр-Донн.

Тот отозвался:

– И тебе поздорову.

Корчмарь пододвинул ему большую дымящуюся чашку и спросил:

– Как уноты⁴?

Вот уже три с лишним года человек по имени Волкодав обучал жрецов Богов-Близнецов и их наёмников замечательному воинскому искусству, именуемому кан-киро. Всё это время Айр-Донн сочувственно выслушивал жалобы учеников. Их Наставник был самодуром и живодёром, и оставалось только гадать, за какие прегрешения судьба послала его парням в наказание вместо прежней Наставницы, всеми любимой Матери Кендарат... «Белый Конь» пользовался заслуженной славой, а сам вельх, как и всякий успешный содержатель корчмы, умел очень хорошо слушать. Жёны жаловались ему на мужей и мужья – на жён, и находили в том облегчение. Да к тому же все знали, что Айр-Донн не станет наушничать. Ему никогда не плакался на суровость Наставника только один парень. Да он, правду молвить, и в «Белом Коне» почти не показывался.

– Ученики, – проговорил Волкодав. – Один вот на днях уезжает.

– Да? – удивился хозяин. – Это кто же?

– Шо-ситайнец... Винойр.

⁴ Уноты, унот – юноша, ученик.

Айр-Донн сразу припомнил улыбчивого меднокожего парня. Светлые волосы, чуть раскосые голубые глаза... лёгкое цепкое тело прирождённого всадника. Если бы у почтенного вельха была ещё одна дочь, он не раздумывая выдал бы её за Винойра. Вслух он сказал совершенно иное:

– Ты не называл его самым способным учеником.

И выставил мисочку заботливо приготовленной сметаны. Венн благодарно кивнул:

– Он уезжает не потому, что стало нечему учиться.

– Я слышал, – заметил Айр-Донн, – Хономер так и не уговорил парня встать на путь Близнецов. Не в этом ли причина?

Хономером звался молодой жрец, достигший, несмотря на свой возраст, очень высокого сана. Всё и вся подчинялось ему в храмовой крепости, стоявшей на холме близ Тин-Вилены. И даже недоброжелатели были уверены, что когда-нибудь на священном острове Толми будет новый властелин. По имени Хономер.

– Он не очень и старался, – сказал Волкодав. И замолчал. Годы дружбы с Айр-Донном не прибавили ему разговорчивости.

– Вот как? – удивился корчмарь.

Венн усмехнулся:

– Из Винойра жрец-воин, как из меня танцовщица.

– Это верно, – согласился Айр-Донн.

На Островах испокон веку было принято шить паруса из кож или тканей, окрашенных яркими красками, не облезаящими от морской сырости и яркого солнца. Причин тому имелось самое меньшее две. Лето с его буйством цветов в стране морских сегванов всегда было коротким, а после нашествия Ледяных Великанов стало уже совсем мимолётным. Большую часть года человеческий глаз видел только белое с серым да ещё чёрное. Оттого мастерицы, украшая одежды, не жалели ниток для яркого цветного узора; оттого обитателя Островов за версту нельзя было спутать с собратом по крови и языку – жителем Берега. Как уж тут не раскрасить обширные полотнища, которому судьба судила реять под серым небом, над серыми волнами! Пусть скорее заметят родичи и друзья, ждущие на берегу. Пусть обретёт надежду терпящий бедствие: помощь близко, держись! Пусть и враги увидят этот парус, раздуваемый ветром, точно яркий боевой флаг. Пусть они знают: здесь их никто не боится...

Вот это и есть вторая причина. У каждого кунса свои цвета и узоры, двух одинаковых не найдёшь. Все вожди с кем-то в союзе или во вражде, и длится это столетиями. Перемены происходят нечасто. С кем дружил или воевал дед, с тем братается или режется внук. И как по одежде всегда можно определить, какого роду-племени человек, а значит, и выяснить, чего примерно следует от него ждать, – так по парусу нетрудно тотчас догадаться, кому принадлежит корабль. А стало быть, друг там или враг.

Кунс Винитар с острова Закатных Вершин происходил из очень древнего Старшего Рода. И потому рисунок на его парусе отличался благородной простотой: синяя да белая клетка. Злые языки говорят, будто во времена, когда началось исчисление этого Рода, других красок-то делать особенно не умели. Ветрило встречного корабля явно выдавало принадлежность его владельца к одному из Младших Родов. Поднятое над такой же, как у Винитара, боевой «косаткой», оно несло удивительные загогулины красного, жёлтого и зелёного цвета.

– Сам Забан?.. Вряд ли, – сказал Винитар. Дело всё отчётливее пахивало стычкой, и он стоял на носу, передав рулевое весло одному из опытных воинов. – У Забана мачта повыше. Да и флюгер в золоте, как положено кунсу.

– И парус пошире, поскольку мореход он искусный, – рассудил Аптахар.

– И потом, мы же слышали в Кондаре – он отправился на восток! – добавил чей-то голос.

– Может, кто-то из его сыновей?

– Тогда где белые полосы?

– Протри глаза, кунс!

Люди, чьи места на «косатке» находятся на носу, имеют право советовать своему вождю, не соглашаться с ним и даже перечить. Могут и посмеяться, разговаривая как с равным. Они это право заслужили в бою.

– У него на штевне крылатая рыба, – разглядел зоркий Рысь.

– Должно быть, это Зоралик с острова Хмурого Человека, – пришёл к выводу Винитар.

– Не иначе, сумел доказать старому Забану, что он в самом деле его сын, – фыркнули рядом. – Только полосы нашить не успел.

История Зоралика не первый год была на слуху по всем Островам. Откуда в действительности появился этот человек, никто толком не знал. Думали, что скорее всего он был потомком рабов, которым перебравшиеся на Берег хозяева поручили брошенный двор и оставили добро, не поместившееся на корабли. Ничего постыдного и зазорного в такой доле люди не находили. Зоралик, однако, не пожелал мирно промысливать морского зверя или торговать рыбой, которой изобиловали холодные воды. Он жаждал принадлежать к какому угодно, пусть Младшему, но знатному Роду. Он где-то раздобыл или построил «косатку» – и начал разбойничать. На самом деле и в этом нельзя было усмотреть большого бесчестья. Достаточно вспомнить, с чего начинали пращуры многих нынешних Старших Родов, – а ведь в их времена небось тоже кто-то почитал за грех изменять установившийся в сегванской жизни порядок...

Недостойным было то, что Зоралик даже не попытался основать собственный Род. Вот тогда, если бы у него получилось, его заживо причислили бы к героям. Но нет! Сын рабов так и не сумел по-настоящему поверить в себя. Или просто наслушался сказаний, где славные деяния совершал непременно сын кунса. Этому сына могли похитить в младенчестве и вырастить невольником, не ведающим о своём знатном родстве. Однако благородной крови не спрячешь, и рано или поздно юноша поднимался на подвиги, и вот тут выяснялось, что знаки рода у него на груди были точно как у старого кунса с соседнего острова, давным-давно скорбевшего о наследнике...

Но легенды легендами, а в жизни всё происходит немного не так. И люди Островов очень не любят тех, кто забывает истинных родителей ради того, чтобы объявить себя сыном знатного человека. На которого – так уж вышло – судьба привела оказаться немного похожим.

– Хёггов хвост! Не повезло тебе, Зоралик, – вздохнул кто-то из ближников Винитара.

– Вот кого вправду оттрепать не мешало бы, – поддержал другой. – Давно меч в ножнах скачет, только всё случая не было.

– А если он вправду сын Забана, так и тем более, – приговорил Винитар. У Забана водилось немирье с другом и союзником его Рода. – Во имя трёхгранного кремня Туннворна! – уже в полный голос прокричал кунс. – Доставайте оружие!..

Могучие парни откупорили палубный люк, живо спрыгнули в трюм и начали поднимать крышки больших тяжёлых сундуков. Из рук в руки – каждый к своему владельцу – поплыли кожаные мешки, увесисто звякавшие при толчках. Сегваны не спеша надевали кольчуги, застёгивали нащёчники шлемов, опоясывались мечами. А зачем спешить? Вождям не годится начинать бой, пока все воины не будут должным образом готовы. И свои, и чужие. В особенности чужие! Иначе срам! Иначе о вожде скажут, будто он не решился надеяться на мужество побратимов и предпочёл напасть на безоружных, не надевших брони врагов!..

Айр-Донн вытер полотенцем очередную кружку и поскрёб ручку ногтем: привиделась трещинка. Палец, однако, ничего не обнаружил, и вельх убрал кружку на полку.

– А как ТОТ твой ученик?

Волкодав ответил не сразу... Молча дожевал хлеб, облизал и отложил ложку, перевернув чашечкой вниз, чтобы не добрался злой дух. Мыш охорашивал шёрстку, сидя у

него на плече.

У венна в крепости вправду был ученик, которого они с Айр-Донном никогда не называли по имени. Собственно, Волкодав имени этого своего соплеменника и не знал. Лишь родовое прозвище: Волк.

Русоголовый парнишка с чистой и нежной, как у девушки, кожей и двумя тёмными родинками на левой щеке... «Я странствую во исполнение обета, данного матери. Я поклялся разыскать своего старшего брата, пропавшего много лет назад, или хоть вызнать, какая судьба постигла его...»

Одна сумасшедшая бабка напорочила юному Волку, будто следы брата он разыщет здесь, в Тин-Вилене. И это сбылось – как, впрочем, сбылось всё остальное, что она ему предсказала. Об участии брата Волкодав поведал парню сразу и без утайки. С тех пор Волк не сказал ему ни единого слова. Ибо Правда его племени учит – негоже разговаривать с человеком, которому собираешься мстить.

Три года назад Волку-младшему было девятнадцать. Ровно столько, сколько судьба некогда отпустила его брату. Теперь он был старше.

– По-моему, – сказал Волкодав, – он скоро бросит мне вызов. – Подумал и добавил: – Жалко мне его. Это мой лучший унот... Но вот самого главного в кан-киро он так и не понял. И, видать, уже не поймёт.

Когда корабли сблизилась, стало видно, что «косатка», подходившая с юго-запада, вправду принадлежала Зоралику. И на ней тоже всюю готовились к бою. Хотя наверняка разглядели сине-белые клетки острова Закатных Вершин и позолоченный флюгер на мачте, свидетельствующий – на борту сам Винитар. Что такое в морском бою Винитар и его люди, все хорошо знали, но Зоралика явно не смущала их грозная слава.

Когда стало возможно докричаться, с корабля на корабль полетели сперва задорные шутки, а после и оскорбления.

– Здоровы ли твои воины, Винитар? Мы слышали, ты всё больше протухшей рыбой их кормишь...

– Наш вождь не так беден, чтобы кормить нас тухлятиной, – долетело в ответ. – Нечего судить по себе.

Лодья Винитара как раз проходила с наветренной стороны. Люди Зоралика принялись затыкать носы и отмахиваться:

– Да вы там сами протухли...

Сыновья Закатных Вершин снова не остались в долгу:

– Это длинноротый Храмм посылает вам предупреждение! Вы сами скоро станете кормом для рыб!

А кто-то добавил:

– Вот тогда она вся и протухнет. Изнутри...

Корабли почти разошлись и уже готовились к новому развороту, когда воины Зоралика заметили однорукого Аптахара. Насмешки посыпались с удвоенным пылом:

– Совсем плохи у тебя дела, Винитар! Ты калеку ведёшь в бой, видно, справных воинов нет!..

– Где твоя рука, старик? Не иначе, девки отрезали, чтобы не лапал?

Аптахар постоял за себя сам:

– Моя мёртвая рука уже держит рог с мёдом на пиру у Богов, Зоралик, и только ждёт, когда к ней присоединится всё тело. Берегись, вождь рабов! Как бы она не протянулась из темноты да не схватила тебя за глотку, незаконнорождённый!..

Как и следовало ожидать, этих слов ему не простили. На самом-то деле чего только не наговорят воины перед сражением, стремясь отпугнуть от неприятеля боевую удачу! При этом те, кто умней, знают: по-настоящему унижить дух может лишь оскорбление, содержащее толику истины. Скажи могучему боевому кунсу, что у него дырявый корабль, а дружина как стайка детей, боящихся сумерек, – над такими словами лишь весело похочут.

Но если у того же кунса неудачные сыновья, и ты едкими словами опишешь их недостатки – взбешённый враг уже не сумеет быть так спокоен и сосредоточен в бою, как требуется для победы.

Перебранка перед боем подобна заговору: тайная власть над явлением или предметом достаётся только тому, кто многое знает и может своё знание доказать...

Так вот – слова о «вожде рабов» ударили по больному. На корабле Зоралика кто-то выхватил из колчана стрелу, и широкий, как полумесяц, кованый наконечник с визгом распорол воздух над колеблющейся водой. Аптахар был обязан увечьем точно такой же стреле, срезавшей некогда ему руку по локоть... Но на сей раз нашлось кому его заслонить. Без большой спешки вскинулся щит Винитара – бело-синий круг вощёной кожи на деревянной основе, с оковками в центре и по бокам. Стрела гулко грохнула в него, затрепетала оперением и осталась торчать. Молодой кунс выдернул её, чтобы не мешала:

– Не врут, значит, люди, когда говорят, что у Зоралика на корабле рабы и трусливые дети рабов. Храбрецы не начинают сражения, стреляя в спину калекам! Что ж, свободные сегваны, покажем, как у нас принято усмирять обнаглевших невольников!..

Он отдал команду – и его воины поспешно убрали уже вытащенные мечи, которыми грозили врагу, и бросились к парусу. Рулевой налёг на правило... Лодья развернулась так, как вроде бы не положено разворачиваться большому и тяжёлому судну: почти на одном месте, прочертив штевнем собственный свежий, ещё пенящийся след. Парус громыхнул и вновь упруго наполнился, растянутый длинными шестами уже не вдоль, а поперёк корабля. «Косатка» хищно накренилась на левый борт и, набирая скорость, сперва ходко пошла, потом – едва ли не полетела за кораблём Зоралика. У форштевня вскипели белые буруны, двумя длинными крыльями вытянулись назад...

И то сказать, клетчатый парус был почти в полтора раза шире трёхцветного. Такой широкий парус ставит лишь очень уверенный мореход, знающий, что успеет с ним справиться, какую бы неожиданность ни подбросило море. Конечно, Зоралик тоже вырос на Островах, а значит, щедрый океан ему был с младенчества родней, чем скалистая обледенелая суша. Мало какой мореход из сольвеннов, вельхов, саккаремцев смог бы с ним потягаться, ибо приобретённое умение никогда не сравнится с наследным, так долго передававшимся от отца к сыну, что люди начинают говорить: «Это в крови!» Беда только, кровь у всех разная. В том числе и у сегванов, природных жителей Островов. Богини Судьбы всех благословляют неодинаково, и того, что одному дано от рождения, другой никогда не достигнет, хоть он из кожи выпрыгни, пытаясь. Зоралик, сколь было известно, никогда не покидал Островов, а значит, и своего корабля. Винитар много зим провёл на Берегу. Даже не просто на Берегу – вовсе в глубине материка, далеко от моря. И тем не менее, углы пёстрого паруса лишь чуть выдавались за борта «косатки», а клетчатый был шире палубы едва ли не втрое. Вот так.

И было ещё одно обстоятельство, влиявшее на бег кораблей. Зораликово судно глубже сидело в воде и тяжелее переваливалось на волнах. Голодный волк быстро догонял сытого.

– А Зоралик-то у нас, похоже, с добычей, – угадал Аптахар. Будь у него две руки, он с предвкушением потёр бы их одну о другую, но пришлось ограничиться взмахом сжатого кулака. – Будет что продать в Тин-Вилене!

У него за плечами был длинный и извилистый путь. Длиннее, чем у кого-либо ещё на корабле. Доводилось ему служить и наёмником, и в те времена на него сразу прикрикнули бы вдесятером: не говори «гоп»!.. сглазить, дурень, решил?.. На добром сегванском корабле порядки были иные. Здесь, наоборот, старались всячески выразить уверенность и привлечь к себе побольше удачи. Удача – она ведь просто так в руки не даётся. Она придёт только к смелым и умеющим её приманить!

Зоралик тем временем вовсе не собирался удирать от погони. Обнаружив корабль Винитара у себя за кормой, он решил развернуться и встретить его как положено. И встретил бы – если бы Винитар ему это позволил. Но широкий клетчатый парус перекрыл ветер, и пёстрое полотнище бессильно поникло, превращаясь в простую мятую тряпку. «Косатка»

потеряла скорость, буруны возле штевня опали и улеглись, её закачало с борта на борт. Корабль Винитара чуть отвернул и проследовал мимо во всём своём грозном великолепии. Парус Зораликовой лодьи при этом снова поймал ветер, но, пожалуй, лучше бы не ловил. Его расправило с такой неистовой силой, что из основания мачты послышался треск, а один из концов, державших нижнюю шкаторину, гулко лопнул и заполоскался над головами. «Косатка» Винитара проходила под ветром, показывая выкаченный из воды борт. Вдоль этого борта, между щитами, ненадолго возникли головы в шлемах. Мелькнули вскинутые луки – и на вражескую палубу обрушилось не менее тридцати стрел.

Плохих стрелков Винитар с собой в море не брал... Это очень трудно – стоя на качающейся палубе, где просто на ногах-то мудрено удержаться, обрести равновесие, с силой натянуть лук и попасть в человека, мелькнувшего на такой же палубе в сотне шагов. Мощный лук, позаимствованный Винитаром у одного из племён Берега, придаёт тяжёлой стреле скорость, позволяющую на таком расстоянии даже не брать превышения... Но ветер ловит стрелу за пёстрые перья, нарушая стройность полёта. А волна подхватывает корабль, и воин, в которого ты целился, оказывается не там, где ты его видел. Тебе кажется, что ты тратишь стрелы впустую, – но зато, когда вражеские стрелки решают не остаться в долгу, тот же ветер и те же волны отворачивают их стрелы с пути затем только, чтобы метнуть прямо в тебя...

С корабля Зоралика донеслась ругань. Кого-то зацепило, может, даже и насмерть. Сыновьям Закатных Вершин повезло больше. То есть не в везении дело – их вождь лучше рассчитал время. Ответные стрелы, донёсшиеся над водой, принял и остановил жёсткий ясневый борт.

– Хорошо, что ты решил вернуться на Острова, – сказал Аптахар своему кунсу. – Насколько лучше идти на врага под парусом, а не трясясь на конской спине, в грязи и мерзкой пыли!..

Винитар глянул на него и усмехнулся. Аптахар дёрнул здоровым плечом и ворчливо добавил:

– А впрочем, я был согласен на блох и жару, только чтобы вместе с тобой.

Комесы вокруг них, вроде бы невозмутимо занимавшие каждый своим делом, не пропустили этих слов мимо ушей. Сперва подали голос те, кто стоял ближе к вождю, потом присоединились другие, и над морем трижды пронеслось слитное:

– Ви-ни-тар! Ви-ни-тар!..

Так с незапамятных времён было принято в сегванских дружинах. Имя кунса превращалось в боевой клич. И его, как расцветку паруса, узнавали издали.

Винитар выпрямился и обвёл взглядом палубу корабля, не пропустив ни одного из обращённых к нему лиц. Но ответил негромко и так, словно обращался лишь к однорукому:

– Пусть Храмм мне поможет сделать так, чтобы ты, дядька Аптахар, об этом не пожалел.

Миновав Зораликову лодью, на корабле Винитара ещё шире развернули парус и стали быстро уходить по ветру. Конечно, это не было бегством. Дети Хмурого Человека, видевшие сражения, навряд ли решили, будто Винитар от них побежал. Нет!.. Скорее всего кунс из Старшего Рода решил смертельно оскорбить их вождя, совсем отказываясь от боя с «незаконнорождённым». Или, того не лучше, надумал уйти далеко вперёд, чтобы потом подстеречь Зоралика уже среди Островов, где-нибудь рядом с домом!..

Аптахар ещё подогрел ярость врагов, самым оскорбительным образом показав им с кормы свёрнутый кольцом толстый канат. Не нужна ли, мол, помощь, толстобокие тихоходы?..

В ответ ветер донёс замысловатую ругань. Потом Зораликовы люди отвязали вёсла, укрепленные по бортам в особых рогатках, вытащили из уключин защитные крышки – и взялись грести.

– Они попались на твою удочку, кунс! – вернувшись с кормы, удовлетворённо

проговорил Аптахар. – Следовало бы Зоралику выучиться получше обращаться с «косаткой», прежде чем ввязываться в сражения! Теперь пусть-ка потеет!..

Сначала Винитар ушёл от Зоралика далеко, так что парус корабля превратился в цветной мазок среди небесной и морской синевы. Потом его люди слегка подвернули просторное клетчатое крыло, и Зоралик начал нагонять – медленно, тяжело, постепенно. Ему должно было казаться, что не Винитар вновь подпускал его ближе, а он его догонял, сам, своим трудом и усилием. Молодой кунс понял, что не ошибся, когда на носу корабля преследователей стало возможно рассмотреть человека – судя по красивой посеребрённой броне, не иначе, самого Зоралика. Он торжествующе размахивал зубастым метательным якорем на крепкой верёвке. Такими стягивают корабли, сходясь в рукопашной. За спиной Зоралика щетинились копья дружины, изготовленные для боя. По обоим бортам яростно работали вёсла...

«Пора!» – решил Винитар и отдал команду. Мореходы, загодя разошедшиеся по местам, схватились за тугие плетёные канаты. Парус рвал их из рук, но ладони у морских сегванов были покрыты роговой коркой: не такое выдерживали. «Косатка» резко ушла на ветер, закладывая разворот, который для менее опытной команды стал бы погибельным. Однако морской конь – так жители Островов называют верный корабль – прекрасно чувствует, что за седок пришпоривает его, устремляя навстречу волнам. И когда ему передаётся решимость стоящего у руля, он сам исполняется яростного вдохновения и творит чудеса, помогая наезднику. Кажется, Зоралик всё-таки понял, что должно было произойти, но толком ничего предпринять не успел. Бело-синий клетчатый парус на мгновение обвис, потом вновь гулко расправился... и «косатка» Винитара, оказавшаяся с наветренной стороны, хищно понеслась прямо в борт его кораблю.

Это непросто – из удачливого преследователя, собиравшегося вот-вот схватить за шиворот удирающего врага, тотчас превратиться в ждущую нападения жертву. Поэтому Зоралик промедлил и не сумел как следует увернуться. Его кормщик лишь переложил руль, сделав удар скользящим, а вот парус перетянуть не успели. Тяжёлый, окованный металлом форштевень «косатки» со страшным треском смял бортовые доски чуть позади мачты. Кто-то не успел убрать весло, и в воздухе мелькнуло человеческое тело, похожее на тряпичную куклу: его подбросило рукоятью. Молодой сегван, только что ещё дышавший, о чём-то думавший, чего-то желавший, упал в холодную воду. На мгновение окрасил её кровью и сразу ушёл вниз. Волны не успели сомкнуться над его головой, когда из покалеченного борта «косатки» вырвало крепление снасти, удерживавшей мачту. Корабль застонал. Резкий крен, оборванная растяжка да ещё парус, в который с прежней силой ломился ветер, – всего вместе мачта не выдержала. Она напряжённо выгнулась, а потом, брызнув щепками, распалась почти ровно посередине и рухнула. Парус освобождённо хлестнул и накрыл носовую часть палубы, где по-прежнему оставалось большинство Зораликовых воинов. Комесы Винитара выкрикивали оскорбления и раз за разом спускали тетивы. Беспощадные стрелы легко прошивали жёсткую мокрую ткань, иные воины так и умерли под ней в униженной беспомощности, ещё прежде, чем толком началась битва. Другие успели вырваться наружу... как раз вовремя, чтобы встретить сыновей Закатных Вершин, прыгавших к ним на палубу.

Нос Винитаровой «косатки» прочно сидел в теле подмятого судна, глубоко войдя сквозь проломленный борт. Он разворотил палубу, искрошил скамьи гребцов... Неповреждённая «косатка» сама по себе была драгоценной добычей. Однако Винитар предпочёл действовать так, чтобы дать своим людям побольше преимущества и не вынуждать их слишком дорого платить за победу. Гласила же мудрость длиннородого Храмна, который сам когда-то был кунсом и водил в море боевую лодью: *никакой корабль тебе не добудет верных людей. А вот люди корабль для тебя либо выстроят, либо купят, либо возьмут...*

Винитар был среди первых, кто перескочил борт и схватился с комесами Зоралика, и на то, как он это делал, поистине стоило поглядеть. Если бы две дружины мирно встретились

где-нибудь на общем торгу и затеяли воинскую потеху, доблестное состязание мужей, вряд ли кто-нибудь, кроме самых отчаянных, захотел бы встать против него даже на деревянных мечах. Однако битва не спрашивает, хочешь ты чего-нибудь или не хочешь! С кем привёл случай, с тем и рубись. Винитар не заслонялся щитом. В одной руке у него был меч, в другой – длинный боевой нож, и обеими руками он владел одинаково хорошо. Первый же соперник бросился на него, невнятно рыча имя своего кунса и с силой занося широкий клинок. Меч Винитара взлетел навстречу из-за ноги, снизу вверх. Шаг вперёд!.. Винитар не ловил оружие врага, не пытался непременно отбить его. Рыжеволосый воин не успел довершить замаха – меч кунса ткнул его в горло. Сегваны, как и некоторые племена Берега, очень редко кололи мечами, предпочитая рубить. Оттого концы их клинков делались закруглёнными, но это закругление оттачивалось – хоть брейся. Рыжеволосый, ахнув, остановился и попробовал зажать хлещущую рану ладонями. Винитар не стал ждать, получится ли у него. Навстречу, прыгая через скамьи, бежал следующий и уже метил по молодому кунсу косо, сверху вниз, от плеча: достанет и как есть располосует надвое, броня там, не броня. Винитар молча вписался в его движение, двое развернулись, как в танце, и руку Зораликова человека увело вниз вместе с мечом. Он не ожидал этого и потерял равновесие, неловко взмахнул щитом... Винитар поймал его на боевой нож. Сбросил на палубу и пошёл дальше. Сегодня Зоралику ни в чём не досталось удачи. Не станут его люди хвастаться на пирах, будто победили кунса из Старшего Рода. Ничем они, если уж на то пошло, хвастаться больше не будут. И веселиться, поднимая за своего вождя рога душистого мёда, им тоже не было суждено...

...А ведь могли бы отсоветовать Зоралику поднимать на мачту красный боевой щит. Мало ли кто чей враг или союзник – обменялись бы новостями, перекинули с борта на борт по бочонку домашнего пива... да и разошлись подобру-поздорову. Ибо на мирный знак стрелами не отвечают. Что ж... выбрали. И теперь умирали.

Винитар перепрыгнул через одного, лежавшего между скамьями. Белобрысый парень лежал в позе человека, собравшегося как следует выспаться: одна рука заброшена за голову, другая на животе. Только он, конечно, не спал. На нём не было видно крови, голубые глаза светились бешенством и отчаянием, и – это привлекло внимание кунса – в них стояли слёзы. Воин скрипел зубами и силился пошевелиться, но не мог. Винитар увидел, как мотались в такт качке его раскинутые ступни. Парню сломало спину, когда сталкивались корабли. Ударило веслом, а может, бросило о скамью...

Винитар перескочил через него и побежал дальше.

Когда началась перебранка с людьми Зоралика, а потом стало ясно, что сражения не миновать, – Аптахар сразу вспомнил сон, о котором кунс рассказал ему утром. Сновидение было не то чтобы впрямую зловещим, но старый воин не на шутку встревожился. «Ты о чём, дядька Аптахар? – удивился его былой воспитанник. – Вот если бы я увидел, как бьёт копытами сивый конь Храмна, присланный за мной из небесных чертогов... Или встретился со своим двойником, готовым уступить мне своё место в том мире!»

Винитару же, по его словам, приснился всего-то большой пёс. С которым он, Винитар, всю ночь полз сквозь какие-то подземные расселины и пещеры. Сегванская вера уделяла собакам не слишком много внимания. Коренные жители Островов испокон веку ходили в море на кораблях, а по суше ездили на маленьких, долгогривых, уверенно ступающих лошадках. Пасли коров, привычных питаться зимой не столько сеном, сколько сушёными рыбьими головами, разводили смышлёных коз и черноголовых овец, дававших несравненно тёплую шерсть... Ну а Боги любого народа всегда живут той же жизнью, что и те, кто Им поклоняется. Вот и ездил длиннородый Отец Храмн на чудесном сивом коне, способном скакать даже по радуге, его супруга Родана заботилась о Предвечной Корове, чьё щедрое вымя вскормило самых первых людей, а Хозяин Глубин владел кораблём, скользившим по морю и по облакам.

Но собака?.. Премудрый Храмн создал её, чтобы помогала охотиться и таскала по снегу быстрые санки. Сегваны больше почитали кошек, хранивших драгоценное зерно от крыс и

мышей.

«Мало ли во что верят или не верят у нас! – ворчливо нахмурился Аптахар. – Я-то помотался по свету и видел даже больше, чем ты. И я знаю племя, у которого собака после смерти помогает душе достигнуть священного Острова Жизни – или как там он у них называется...»

«Мне действительно снилось, будто он мне помогал. Я ему, впрочем, тоже. Что это за племя?»

Аптахар ответил совсем мрачно, со значением:

«Венны, кунс. Венны».

«Та-а-ак... – протянул Винитар. – А в этом племени есть род, который... – И молодой кунс нехорошо, медленно усмехнулся. – Что ж, дядька Аптахар! Если мой сон окажется в руку, я, правду молвить, не особенно огорчусь. Я ведь примерно за тем в Тин-Вилену и еду. Другое дело, на что мне сдались веннские небеса? Я намерен после смерти отправиться на свои... – Помолчал и добавил: – А что, может, мы с ним и лезли каждый на свои небеса, только поначалу вместе...»

«Помолчи лучше! – безо всякой почтительности оборвал вождя Аптахар. – „В руку“!.. Всякий сон сбывается так, как его истолкуют!.. Забыл?!..»

«Нет, не забыл, – покачал головой Винитар. – Просто не хочу убежать от той участи, которую выпряли мне Хозяйки Судеб. Мало толку гадать, что я по Их воле успею или не успею! По-твоему, лучше будет, если обо мне скажут: он повернул назад с середины пути, потому что ночью увидел дурной сон?»

«Не лучше», – вынужден был согласиться Аптахар...

Теперь он вспоминал утренний разговор, и тревога в нём нарастала. Тем более что, повинаясь строгому наказу вождя, старый воин ныне смотрел на сражения со стороны, с палубы своего корабля. «Я знаю, ты одной рукой бьёшься лучше, чем другие люди двумя, – в самом начале похода сказал ему Винитар. И кивнул на молодые белозубые рожи засмеявшихся комесов: – Кто из этих неразумных сумеет подать мне добрый совет, если какой-нибудь случайный удар всё-таки отправит тебя к Храму?..»

Аптахар с ним не спорил, сказав себе: в конце концов, каждый когда-нибудь оставляет сражения. А он в своей жизни их видел достаточно. И руку утратил не где-нибудь, а в знаменитой битве возле Препоны. Об этой битве, насколько ему было известно, с тех пор сложили легенды. И ни тени бесчестья его тогда не коснулось.

То есть всё правильно.

Если бы только не пёс, приснившийся кунсу...

Аптахар нащупал у пояса ножны с длинным боевым ножом, пробежал, слушая, как поют над головой редкие стрелы, по палубе «косатки» и, опершись ладонью, с молодой лёгкостью махнул через борт. Винитар не преувеличивал – он и с одной рукой мало кого боялся один на один. А вождь пускай его бранит сколько душе угодно. Потом, после боя. Когда останется жив.

...А в кузнице у Белого ручья всё происходило совсем не так, как представлялось смотревшему с вершины холма. То есть снедь, принесённая девушкой для вечера, в самом деле оказалась превыше всяких похвал, и светец, разожжённый молодым кузнецом, вправду походил на цветок за порогом – походил так, как волшебная басня ⁵ на урочное каждодневное дело. И Щегол с Оленюшкой действительно сидели на лавке возле стены.

«Добрые у тебя руки, Шаршава...»

«Добрые... В огонь сунуть бы. Или топором обрубить. Как-нибудь невзначай...»

Крепкие девичьи пальцы сомкнулись на руках кузнеца, словно этим могучим ручищам

⁵ Басня – повествование о волшебном и небывалом. Теперь мы говорим «сказка», хотя раньше так именовался строгий и реалистичный отчёт.

вправду угрожала беда.

«Что молвишь такое!»

«А что? Строга твоя матушка, а и то чую – уже скоро позволит бус у тебя попросить...»

Волосы парня были заплетены так, как плетут их все венские мужчины: в две косы, перевязанные ремешками. На ремешках следовало носить бусы, подаренные невестой или женой. У кузнеца ремешки пока были гладкие. Девушка вздохнула:

«Тяжко тебе».

«Тебе будто легче...»

«Может, и легче».

«Стойкая ты».

«Я того человека видела всего один раз, потом снился лишь. А лет тому уже минуло... Иногда слух дойдёт, если люди передадут... А ты свою Заюшку с той ярмарки любишь. Расскажи ещё про неё».

Шаршава вздохнул:

«Да что сказывать. На руках бы носил, по земле ходить не позволил...»

«А не могло твоему дедушке просто приблизиться, будто тот Заяц ему на полпяди короче продал верёвку, чем обещал?»

«Я уж спрашивал... Батогом поперёк спины получил».

Оленюшка задумалась. В который раз, и всё без толку. И не такова вроде неправда, чтобы суд судить и виру истребовать, давным – давным – мстить мстить. Но и не спросишь посреди торга: да что ж ты, друг Заяц! Я тебе – мёдом разбавленным за ту верёвку платил?.. Да... Пятнистые Олени сами никогда не засылали сватов ни к Лосям, ни к Тайменям. Тоже помнили о подобных обидах. Десятилетия назад нанесённых. А что? Старики правы. Ослабни строгая память – и вовсе не станет в людях стыда. Не станет закона.

Только легче ли от таких мыслей, если Шаршаву Щегла того гляди на ней – нелюбимой – женят родители? Заюшку милую заставят забыть?..

И она по слову матери примет нелюбимого мужа, воспретит себе думать про когда-то встреченного Серого Пса?..

И вновь тихо в кузнице, только потрескивает еле слышно лучина в красивом, на сказочный цветок похожем светце. И сидят друг подле друга парень и девушка. Ни дать ни взять брат и сестра...

Иногда происходят-таки чудеса:

Взяли с улицы в дом беспризорного пса.

Искупав, расчесали – и к морде седой

Пододвинули миску со вкусной едой.

Вполовину измерив свой жизненный круг,

Он постиг благодать человеческих рук.

И, впервые найдя по душе уголок,

На уютной лежанке свернулся в клубок...

Так оно и пошло. Стал он жить-поживать,

Стал по улице чинно с Хозяйкой гулять.

Поводок и ошейник – немалая честь:

«У меня теперь тоже Хозяева есть!

Я не тот, что вчера, – подзаборная голь.

Я себе Своего Человека завёл!»

И Хозяйка гордилась. Достигнута цель —

Только ей покорялся могучий кобель...

А потом на прогулке, от дома вдали,
Трое наглых верзил к ней в лесу подошли.
И услышали над головой небеса,
Как она призывала любимого пса...

Вот вам первый исход. Спрятав хвост между ног,
Кобелина трусливо рванул наутёк.
Без оглядки бежал он сквозь зимнюю тьму:
«Этак, братцы, недолго пропасть самому!
Ну и что, если с ней приключится беда?
Я другую Хозяйку найду без труда.
Ту, что будет ласкать, подзывая к столу,
И матрасик постелит в кухонном углу...»

А второй был на первый исход непохож.
Пёс клыки показал им, и каждый – как нож!
«Кто тут смеет обидеть Хозяйку мою?
Подходите – померимся в честном бою!
Я пощаду давать не намерен врагу!
Я Хозяйку, покуда живой, – сберегу!
Это право и честь, это высший закон,
Мне завещанный с первоначальных времён!»

А теперь отвечай, правоверный народ:
Сообразнее с жизнью который исход?

2. Знамение

Всем известно, что на равнинах Шо-Ситайна обитает гораздо больше скота, чем людей. Несведущие иноземцы даже посмеиваются над меднокожими странниками равнин, называя их то собирателями овечьего навоза, то пожирателями вонючего сыра, то нюхателями пыли и ветра из-под конских хвостов. Шо-ситайнцы не обижаются. Что взять с чужестранцев! Да и следует ли обижаться на очевидную глупость? Она лишь создаёт скверную славу тому, кто изрекает её. Придумали бы ещё посмеяться над почтенным мономатанским купцом – за то, что он больно много золота скопил в сундуках!

Равнинный Шо-Ситайн – большая страна. Её племена говорят на нескольких языках, не вполне одинаковых, но близких, как единокровные братья. Большинство слов общие для всех. Одно из таких общих слов обозначает богатство. И оно же во всех шо-ситайнских наречиях обозначает скот. Хозяйственного, зажиточного человека так и называют: «сильный скота». И другого слова для наименования достатка нет в Шо-Ситайне. Не понадобилось за века, что живут здесь кочевые кланы, а степную траву топчут их благодатные табуны и стада. Иного богатства шо-ситайнцам не надобно.

Самые рассудительные из чужестранцев, справедливо признавая скот как богатство, всё же числят его не самым истинным и высоким символом изобилия. Не таким всеобъемлющим и совершенным, как золото. Имея золото, говорят они, ты сумеешь купить себе всё остальное. И корову, и коз, и овец. И коня, чтобы объезжать пастбища, и собаку,

чтобы всё сторожила.

Ну да, хмыкнет в ответ шо-ситайнец. Золото. Хорошая штука, конечно. Много славных и полезных вещей можно приобрести на торгу в городе, когда звенит в кошеле золото, вырученное за проданный скот. Но всему своё место! Ты встань-ка посреди пустошей Серой Коры, где во все стороны на множество попрещ – лишь белёсые глиняные чешуи, высушенные солнцем, словно в печи. Даже перекасти-поле, занесённое в те края ветром, взывает к Отцу Небу и просит нового ветра – убраться поскорей из погибельного места. Ну и что ты будешь делать там со своими золотыми монетами? Унесут они от погибели тебя, обессилевшего? Укажут дорогу к воде? Оборонят, наконец, от степных волков и гиен?.. И которое богатство тогда покажется тебе истинным, а которое – ложным?

Так подумает про себя шо-ситайнец, но вслух спорить не станет. Нехорошо это – спорить, ибо в споре сшибаются, как два безмозглых барана, самомнение и упрямство, и что бы ни победило – всё плохо. Не станет кочевник и похваляться числом своих стад, ибо так поступают только глупцы. Глупцам невдомёк: и золото в сундуках, и отара на пастбище – мимолётны, словно кружевной иней, которым заморозок одевает траву перед рассветом. Набежит туча, омрачит благой лик Неба... и золотом поживятся разбойники, а стадо выкосит мор, или вырежут вечно голодные волки... или угонят в ночи лихие молодцы из враждебного клана.

Поэтому, случись хвастаться, разумный шо-ситайнец не станет бахвалиться овцами и коровами, знающими его голос. Меднолицый житель степи со скупой гордостью упомянет о тех, чья доблесть не даёт его достоянию улететь по ветру, уподобившись путаным шарам перекасти-поля. О тех, чьё присутствие рядом с ним возвещает всему поднебесному миру: вот свободный человек, мужчина и воин. О тех, чьи предки с его предками сто поколений грелись возле одного огня, пили одну воду и ели один хлеб...

Он неторопливо расскажет вам о друге-коне и верной собаке.

Все знают: пригнав в Тин-Вилену скот и выгодно сбыв его на торгу, шо-ситайнец сначала потратится на дорогую уздечку для славного жеребца. Потом велит мастеру кожевнику наклепать золотые бляшки на ошейник могучего кобеля: по числу убитых волков.

А подарки любимой жене и украшения дочкам-невестам он отправится покупать уже в-третьих.

Благо тому, чей конь послушен и быстр, а пёс – сметлив и бесстрашен!

Но Отец Небо сотворил всех людей разными. И если одному довольно знать достоинства своих питомцев и про себя ими гордиться, то другой не сможет спокойно спать, пока не уверится, что его конь не просто быстрый, но – САМЫЙ быстрый и равного ему не найти. И пёс у такого человека должен быть не просто зол и зубаст, не просто способен охранить от любого посягательства стада и добро, хотя бы хозяин полгода отсутствовал. Он ещё и должен биться с себе подобными, доказывая, что именно он – самый лютый, самый выносливый и самый крепкий на рану...

Образованный чужеземец, которому и тут до всего есть дело, назовёт хозяина боевых псов рабом мелочного тщеславия:

– Хочешь почестей, так и дрался бы сам! Почему заставляешь отдуваться собаку?

Кочевник с заплетённой в три косы бородой не спеша наклонится и погладит пушистого зверя, невозмутимо растянувшегося у ног. О чём толковать с чужестранцем, не понимающим очевидного? Объяснять ему, что кобель, который боится или не умеет за себя постоять, не нужен ни при отаре, ни возле красавицы суки, собравшей кругом себя женихов? Способен ли понять горожанин, никогда даже издали не слыхавший плача гиены и воя степных волков, затевающих ночную охоту, что от пса-победителя каждый хозяин стад захочет щенка – такого же широкогрудого, с неутомимыми лапами и мощными челюстями?.. А главное, наделённого таким же благородным воинским духом? И значит, пёс, с которым, по мнению чужака, поступают жестоко и несправедливо, станет отцом многочисленного потомства, подарит свой облик новым продолжателям породы?..

Всё это и ещё многое может поведать шо-ситайнец заезжему человеку, но чего ради попусту болтать языком? Чем сто раз услышать, лучше пускай один раз увидит собственными глазами. И «сильный скота», немногословный от жизни посреди степного безлюдья, лишь сделает рукой приглашающее движение и неохотно обронит:

– Что зря спорить? Приходи завтра утром на След. Сам и посмотришь.

Город Тин-Вилена лежит между горами и морем, на берегах большой бухты, чьё удобство радует мореплавателей, а красота насыщает самый избалованный взгляд. По форме своей бухта напоминает след лошадиного копыта, а именно – правой передней ноги. Местные жители хорошо знают, почему так. Некогда, во времена юности мира, этими местами скакал славный жеребец Бога Коней, почитаемого в Шо-Ситайне, и именно здесь ему довелось коснуться копытом земли. И пускай досадливо морщатся грамотей-арранты, уверенные, будто знают решительно всё об устройении мира: в Тин-Вилене вам будут рассказывать именно так. Эту легенду знают здесь все. А ещё в городе помнят, что в том своём полёте предводитель небесных скакунов сопровождал маленького жеребёнка. Ведь свирепые жеребцы, бесстрашные хранители табунов, очень любят играть со своими только что народившимися детьми, и любой кочевник подтвердит это всякому, кто вздумает усомниться. Так вот, именно над будущей Тин-Виленой малыш ухватил величайшего из коней за клубящийся вороной хвост, отчего тот и ударил оземь копытом. Но жеребёнок удался весь в отца, он повторил его движение... и между холмами предгорий сделалась небольшая круглая котловина.

Это-то урочище⁶ тин-виленцы и называют Следом. Здесь единственное место в округе, откуда не виден замок-храм Близнецов, вознёсшийся над высокой каменистой вершиной. И След не виден из замка, даже с верхней башни, где всегда бдят зоркоглазые стражи и лежит припасённый хворост – на случай тревоги. Даже оттуда не видно, что делается в котловине Следа, и ничего случайного в том нет. Просто Тин-Вилену когда-то основали нарлаки, и многие её жители до сих пор с гордостью возводят к первопоселенцам свой род. А нарлакское племя известно среди прочих сугубой приверженностью старинным обычаям – по крайней мере в том, что касается внешней стороны их соблюдения. Так вот, познакомившись с местным народом и впервые узрев бои псов, суровые старейшины поселенцев накрепко порешили: у праотцов наших от веку не было подобной забавы – стало быть, негоже и нам! Только вот любопытство людское – что неугомный ручей. Как его ни загораживай, как ни запирай – обязательно отыщет обходной путь. Шо-ситайнцы пригоняли в город скот на продажу, здесь волей-неволей мирно встречались разные кланы – и, понятно, кочевники пользовались случаем, чтобы стравливать и сравнивать знаменитых собак... Посмотреть на бои тайно приходили самые дерзкие из горожан. Потом с упоением – и опять-таки тайно – рассказывали друзьям. Среди друзей, ясно, находились такие, кто немедля бежал шепнуть на ушко старейшинам. Те яро гневались, непокорным наглецам «вгоняли ума в задние ворота» с помощью ивовых прутьев... Но опять приезжали кочевники – и всё повторялось.

Говорят, дело начало меняться, когда один из старейшин, выслушав донос ябедника, строго осведомился: «Так поведай же скорей, дурень, кто победил?»

Утеснения тех давних времён казались теперь баснословными. Никто уже не поминал о запретах, и гибкие прутья вымачивались в кипятке ради наказаний совсем за другие проступки. Но тин-виленские нарлаки не были бы нарлаками, если бы не обзавелись сообразным делу обычаем.

Во-первых, псов до сих пор стравливали в «тайном» месте – то бишь в котловине Следа, худо-бедно укрытой даже от зоркого ока храмовых караульщиков (к немалой, прямо

⁶ *Урочище* – часть местности, достаточно резко отличающаяся по своим природным характеристикам от всего, что вокруг. «Ландшафтная единица», как принято теперь говорить.

скажем, досаде этих последних). А во-вторых... Хотя каждый раз и устраивалась возле Следа сушая ярмарка с шумным торгом, плясками и угощением – но ни накануне, ни поутру ни единый глашатай не ходил по городским улицам, созывая народ на погляд и забаву. Подразумевалось, что всякий, кому интересно, прослышит сам. На то есть слухи и сплетни, и плохи уши, в которые они не попадут. А бдительная стража и кончанские старейшины, потомки несгибаемых праотцов, опять же по обычаю делают вид, будто знать ничего не знают, ведать не ведают.

Было раннее утро хорошего весеннего дня. Недавно пронёсшееся ненастье чище чистого умыло небеса – и над морем, и над степями, и над вершинами Заоблачного кряжа. Дождь, нешуточно грозившийся смыть Тин-Вилену всю целиком в море, в горах выпал снегом – последним снегом уходящей зимы. Могучие кряжи в незапятнанно-белых обновах ярко горели на солнце. И всё затмевал серебряным блеском двуглавый пик величественного Харан Киира, называемого у горцев Престолом Небес.

Распорядитель и старший судья пёсых боёв – у него был даже свой особый титул: Непререкаемый, – поднялся с небольшого возвышения, на котором сидел, и, повернувшись лицом к священной горе, молча сотворил короткую молитву. Перед грудью он держал свой жезл – недлинную и ничем не украшенную палочку из твёрдого дерева, срезанную на конце таким образом, что получалось нечто вроде лопаточки. Непререкаемый был уже старцем, но морщины, избородившие лицо, казались отметинами на гранитной скале. Проведший жизнь подле своих стад, седобородый старейшина отнюдь не утратил ни жилистой крепости, ни подвижности тела. Пройдут ещё годы, а за ним в седле по степи всё так же трудно будет угнаться иным молодым.

Не каждый из собравшихся в котловине Следа веровал в тех же Богов, которых призывал сейчас Непререкаемый, но несколько мгновений почтительной тишины соблюли все. Даже Ригномер, разбитной торговец-сегван, сквернослов и задира, известный всему городу под кличкой Бойцовый Петух. Сегван наблюдал за происходившим, кривя губы в насмешке, но помалкивал. А Непререкаемый, окончив молитву, вновь опустил на вышитую, набитую шерстью подушку и коротко кивнул:

– Начнём же, во имя Матери Сущего.

След хорош ещё и тем, что у него удобное, ровное, правильно-округлое дно шагов пятидесяти в поперечнике. Земля здесь твёрдая, так утопанная за годы, что на ней почти не вырастает трава. У площадки тоже есть особенное название: Круг. Его ничем не огораживают, поскольку соперники-псы в бою заняты только друг другом и не огрызаются на людей. Зрителям входить в Круг не положено. На эту землю вступают только сами бойцы и их хозяева. Да ещё младшие судьи, помощники Непререкаемого, носители его жезла.

По разные стороны Круга, сопровождаемые хозяевами, уже стояли два самых первых бойца. Шо-ситайнцы дают своим волкодавам исполненные смысла, звучные и грозные имена: Огонь-В-Ночи, Первенец, Золотой Барс. Спросите любого кочевника, и он вам подтвердит, что на его родном языке эти имена легко произносятся и очень красиво звучат. Скорее всего ваш собеседник даже не очень поймёт, о чём вы спрашиваете и чем вообще вызвано затруднение. Имена как имена, скажет он, почти такие же, как у людей!

Беда только, не всякий чужеземец сумеет с первого раза правильно выговорить «Мхрглан» или «Чкврнито». И ещё голосом сыграть, где положено и как положено. А выговоришь неправильно – чего доброго, греха будет не обернуться. Либо до обиды дойдёт, потому что «Белоголовый Храбрец» вдруг окажется «Мокроносый Телёнком», либо самого на смех поднимут, тоже не лучше.

Поэтому двух кобелей, поглядывавших друг на друга в нетерпеливом ожидании боя, зрители-горожане между собой называли большей частью просто: Чёрный и Рыжий. Благо один из бойцов был действительно облачён в мохнатую чёрную шубу, отороченную белоснежным мехом лишь на груди, лапах и шее. Второй от носа до хвоста переливался

золотом и краснотой осенней листвы. В отличие от соперника, он уродился короткошёрстным, и под шкурой при малейшем движении танцевали крепкие мышцы.

Хозяева, заблаговременно сняв с питомцев ошейники, удерживали кобелей, обхватив их за мощные шеи.

Непререкаемый вскинул руку и коротко повелел:

– Пусть бьются!

Доведись Рыжему с Чёрным встретиться вне Следа, где-нибудь посередине степи или на склоне холма, они вряд ли полезли бы в драку. Такими уж воспитали их люди, поколениями отбиравшие несуетливых, хранящих достоинство кобелей. С кем такому воевать на ничейной земле? Чего ради нападать на собрата, не покушающегося ни на хозяина, ни на его добро?.. Другое дело – Круг! Оба поединщика очень хорошо знали, зачем их сюда привели. Каждый привык считать Круг – своим. И никому не собирался уступать своё право.

Две молнии, светло-рыжая и чёрная, одновременно ринулись навстречу друг другу и сшиблись посередине площадки. Сшиблись – и покатались единым клубком, в котором мало что смог бы рассмотреть самый стремительный глаз.

– Славно начали, – тихо пробормотал Непререкаемый. Его собственный пёс, невозмутимо лежавший у ног, приподнял голову и посмотрел на хозяина, соглашаясь с его словами. Потом потянулся мордой к руке. На его ошейнике свободного места не было от золотых бляшек. А лежал белоснежный красавец на целой стопке пёстрых ковров, вытканых дивными мастерицами Шо-Ситайна. Согласно обычаям страны, такими ковриками, словно попонами, торжественно покрывают победителей великих боёв. Затем коврики до самой старости служат прославленному бойцу ложем, и никто не смеет покупать их или продавать. На них он и умрёт, когда придёт его срок, и на них возляжет в могилу. И люди заплют того, кто лишит постаревшую собаку заслуженной чести. Пёс Непререкаемого был великим воином своего племени. Его ни разу не побеждали. Седобородый хозяин прекратил выставлять его на бои после того, как другие искатели славы два года подряд отказывались сражаться с ним своих кобелей.

Между тем Чёрный крепко взял Рыжего за толстую меховую складку сбоку шеи – и точным, расчётливым движением опрокинул супротивника навзничь. Тот обхватил лапами голову недруга, отталкивая, стараясь оторвать от себя. Лапы были каждая в мужскую пятерню шириной и наверняка сильнее руки человека.

– Славно бьются! – похвалил один из зрителей, голубоглазый шо-ситайнец, одетый, впрочем, по-городскому. – Видел ты, брат, как он перевернул-то его?

Второй только молча кивнул. Если он и доводился говорившему братом, то разве что названным. Он родился по другую сторону моря, в дремучих венских лесах, и никакой загар не мог уравнивать его белую кожу с тёмной медью коренного кочевника. Лишь на левой щеке, немного ниже глаза, выделялись две родинки.

А подле побратимов на раскладном деревянном стульчике сидела девушка. Единственная девушка среди зрителей. И, помимо Непререкаемого, единственная, кто сидел. Не из-за старости или болезни и не потому, что ей здесь оказывали особый почёт. Просто так было удобней устраивать на коленях дощечку, а на ней – плотные, чуть шершавые листы, сделанные из сердцевины мономатанского камыша. И рисовать на них заточенным куском уголька. Когда уголёк ломался, девушка не глядя хватала другой из маленькой плетёной коробочки. Нет, молодая рисовальщица даже не пыталась запечатлеть какой-то миг боя, вырвав четвероногих единоборцев из стремительной переменчивости поединка. Под быстрыми пальцами на листе возникали разрозненные наброски: мощный изгиб шеи... поджатая лапа... свирепо наморщенный чёрный нос, погружённый в густую гриву врага...

Вечером, дома, девушка размешает гладкое гончарное тесто, и битва благородных зверей начнёт оживать в глиняных фигурках, которые она станет лепить одну за другой. Потом фигурки будут раскрашены и обожжены. Всякий, кто захочет, сможет купить их и

сохранить в память о сегодняшнем дне. А если кто-то купит все разом, то, пожалуй, сумеет по памяти выстроить весь ход состязания. Чтобы как-нибудь после, зазвав к себе в гости такого же ценителя и охотника⁷, иметь возможность не просто рассказать ему о знаменитом поединке, но и всё как есть показать.

– Ты смотри, что творят! – вновь воскликнул разговорчивый шо-ситайнец. – Кан-киро, да и только. Ты видела, Мулинга? – И заговорщицки улыбнулся. – Если вдруг что пропустишь, мы с Волком для тебя потом повторим...

Девушка кивнула ему, не прекращая работы. Её ресницы быстро сновали вверх-вниз – взгляд обращался то на сцепившихся псов, то вновь на рисунок. Ей не мешали ни крики зрителей, ни утробный рык кобелей, временами подкатывавшихся едва не к самым ногам. Рыжий отнюдь не сдавался, но по-прежнему почти всё время был на земле. Если ему удавалось встать, Чёрный мгновенно перехватывал поудобнее его многострадальную шею и всё тем же обманчиво-неторопливым движением вновь опрокидывал Рыжего навзничь. При этом он не просто стоял над поваленным, удерживая и не давая подняться. Он ещё и немилосердно трепал его, возя и мотая туда-сюда по крепко утоптанному Кругу. Любой, кто хоть что-нибудь понимает, мог с первого взгляда оценить – силища для такого мотания требовалась невероятная. Каждый кобель весил уж никак не меньше взрослого мужчины. Попробуй-ка потаскай такого. И в особенности когда он обмякает и вытягивается, повисая мешком. Да при чём тут мешок! Обвисшее тело много неподъёмней мешка, вроде бы такого же по весу. Кому случалось таскать одно и другое – не позволит соврать.

Тем временем по дальнюю сторону Круга Ригномер Бойцовый Петух переходил от одной кучки зрителей к другой, с кем-то здороваясь и пересмеиваясь, кого-то по обыкновению задирая. Завсегдатаи боёв могли бы порассказать, что в былые времена, когда Ригномера в городе знали похуже, дело, случалось, доходило и до драк, ибо забияка-сегван особенно охоч был поддевать родичей и друзей хозяев собак, как раз сошедшихся на Кругу. Кулачных сшибок Ригномер не боялся, даже наоборот, весьма радовался удалой молодецкой потехе и редко таил зло против какого-нибудь местного силача, выбивавшего ему очередной зуб. Тут надобно пояснить, что добрые тин-виленцы сами знали толк в охотничьих рукопашных забавах, так что желающий схлестнуться на кулаках отказа, как правило, не встречал. Но – стоит ли отвлекаться мелкими сварами от благородного зрелища храбрых собак, состязующихся в крепости духа и мышц?..

Определённо не стоит.

А для кого честь и красота суть пустой звук, тот пускай убоится. *Безлегию на пёсых боях не бывать!* – так сказал Младший Брат великого Сонмора, ночной правитель славного города. Кто такой этот Брат и его Младшая Семья, властвовавшая в ночи, когда кончанские старцы укладывались почивать, – в Тин-Вилене не спрашивали. Не потому, что не принято было спрашивать. Просто – и так все знали.

По этой причине, между прочим, Ригномер Бойцовый Петух возле Круга злословил дерзновенней обычного. Понимал, что навряд ли удостоится немедленного отпора. Зато после!.. Уж то-то будет что друг другу припомнить! И в особенности после восьмой кружечки пива!..

Однако сегодня люди, лучше прочих знакомые с нором Ригномера, обращали внимание, что вид у сегвана был необыкновенно значительный. Ну ни дать ни взять проведаль некую тайну, о которой простым смертным подозревать-то не полагалось. Проведал – и собрался её обнародовать в самый неподобный момент, дабы вернее всех ошарашить. Опытные тин-виленцы по достоинству оценили движение, которым он крутил и дёргал усы, и поглядывали на Ригномера со смешливым любопытством. Забияку с Островов в городе не сказать чтобы любили, но не питали к нему и особенной неприязни. Как ни крути

⁷ *Охотник* – здесь это слово использовано в его старинном значении: «знаток и любитель».

– без подобного рода людей оказывается скучновато. Что-то у него на уме в сегодняшний раз? Собаку достал какую-нибудь необыкновенную и собрался нежданно для всех выпустить в Круг?..

Пока вроде бы к тому всё и шло.

– Вы здесь, в Шо-Ситайне, ни Хёгговой чешуйки не смыслите в настоящих боях! – приглушённо, дабы не навлечь ненужного недовольства, доказывал он почтенному вельху, корчмарю Айр-Донну. – Тошно смотреть, как эти твари, которых вы по ошибке называете боевыми собаками, мусолят друг друга за шкурки. Вот у нас, на Островах, как сойдутся, так уж сойдутся! Покуда кишки один другу не вырвут, нипочём не разнимешь!

«Коли тошно смотреть, так и не смотри. Да другим удовольствие не порти», – мог бы сказать ему Айр-Донн. Но он не зря был добрым корчмарём. Он ответил севгану вежливо:

– Прости, уважаемый, если я чего-то не понимаю. Сам я на Островах никогда не бывал и, милостью Трёхрогого, никогда туда не поеду, ибо я веду свой род из тёплых земель и навряд ли вынесу непрерывный мороз, царящий во владениях твоего племени. Но я слышал от опытных и заслуживших всяческое доверие путешественников, будто у себя на родине вы разводите крепконогих лаек, чтобы они таскали по снегу саночки с людьми и поклажей...

– Это так, – важно кивнул Ригномер. – Ну и что?

– Так не объяснишь ли ты мне, каким образом сумеют, скажем, шесть ваших лаек сообща тянуть сани, если они только и думают, как бы в брюхе друг у дружки пошарить?

Севган расхохотался до того громко и весело, что было слышно даже сквозь рык кобелей, сцепившихся на Кругу, и возгласы зрителей, стремившихся подбодрить бойцов.

– Это верно, корчмарь! Тебе не откажешь в осведомлённости! Радостно, что даже и этой Богами забытой дыры достигла слава наших ездовых псов. Но когда длиннородый Храин создавал здешний уголок мира, Он, верно, успел уже утомиться. Оттого Он не пожелал, чтобы здесь обитали воистину крепкие да грозные люди и звери! Овечьи пастухи Шо-Ситайна называют своих псов волкодавами, но, поверь мне, тутошняя собачня даже издали не видала настоящего волка! Те, которые бегают здесь по степи, это, чтобы хуже не сказать, не волки, а суцая мелюзга! Их сравнивать с Истинным Зверем, вправду заслужившим название волка, – что салаку равнять с зубастой форелью! Понимаешь, о чём я толкую? Те премудрые землепроходцы хоть раз говорили тебе, вельх, про волков с наших северных побережий?.. Чтобы такого одолеть, потребны не корноухие шавки с вашего Круга, но истинные бойцы, усердные и бесстрашные в схватке! Такие, которые рождаются только у нас! «Достойные имён» – вот как мы их называем!

Выпалив единым духом столь длинную речь, Бойцовый Петух гордо разгладил густую русую бороду. Он глядел победителем, но Айр-Донн, нимало не смутившись, только пожал плечами. Он сказал:

– Пастухи рубят щенкам уши и хвосты, чтобы не мог схватить враг и не цеплялись мерзкие колючки, раздражающие тело. Но, поверь мне, это никого не делает шавками. И осмелюсь напомнить тебе, господин мой, что в степях Шо-Ситайна водятся не только волки, показавшиеся тебе мелковатыми... Видишь пса, в чьём меху греет ноги Непререкаемый? Его кличка Тхваргхел, сиречь Саблезуб. Ему ещё не исполнилось года, когда к стаду подобралась гиена, охочая до нежных ягнят. Но стадо стерегли чуткие псы, и гиена отправилась дальше, туда, где, как ей показалось, ждала добыча полегче. Она унюхала палатку, а рядом с палаткой... Видишь там, в Кругу, юношу, облечённого достоинством Младшего Судьи? Это самый последний сын Непререкаемого. Тогда он был совсем маленьким мальчиком. И гиена отважилась напасть на него, поскольку щенок, игравший с мальчиком, не показался ей противником, которого стоило бы опасаться. Но Тхваргхел встал у неё на пути! Когда прибежал хозяин и с ним матёрые приотарные псы, он лежал страшно израненный, но не выпускал задушенную гиену. Задушенную! А ему, повторю тебе, тогда ещё годика не исполнилось. И надо ли говорить, что мальчик, которого он защитил, не получил даже царапины... Ну, то есть я совсем не желаю приуменьшить доблесть и достоинство твоих островных псов. Я не знаю и не желаю знать, что за чудовищ рождает

ваша скованная льдами земля, но нисколько не сомневаюсь, что уж с гиеной-то «достойные имён» совладали бы без труда. И не только кобели, но даже и суки...

Люди, стоявшие поблизости, позже с удовольствием рассказывали знакомым, что Ригномер испытал пусть кратковременное, зато самое настоящее замешательство. И то верно! Вежливый корчмарь вряд ли богател бы год от года, как это до сих пор у него получалось, если бы не умел должным образом разговаривать с такими вот Ригномерами и ещё с кем похуже. И улыбаться им так, чтобы не дать никаких поводов для обиды. Да при всём том от своего не отходить ни на пядь.

Что же касается гиен, то полосатые шкуры время от времени вывешивали на торгу. Люди, приходившие на торг в сопровождении домашних собак, старались обходить шкуры подальше: даром ли говорят опытные охотники, будто пёс, наступивший на тень гиены, разом лишается и смелости, и чутья! Ростом и весом такая зверюга нимало не уступит матёрому кобелю местных пород, а силой челюстей, пожалуй, и превзойдёт. Заявить этак небрежно, что, мол, некий пёс брал гиен дюжинами, – людей насмешить.

Однако Ригномер не зря звался Бойцовым Петухом. Все знают, каковы эти петухи. Окати водой из ведра – отряхнулся и снова хоть сейчас в бой. Сегван тут же высмотрел у края площадки троих молодых парней и двинулся к ним, бормоча как бы про себя, но достаточно громко, так, чтобы слышал народ:

– Вот наконец-то собаки, которые хоть в хвосте упряжки, но смогли бы бежать.

Псы, привлёкшие его внимание, в самом деле отличались от степных волкодавов не меньше, чем их хозяева – от примелькавшегося глазу тин-виленского люда. На земле растянулись пушистые белые звери, чей вид рождал невольные мысли об ослепительно чистых горных снегах. Они лежали у хозяйских ног, не удерживаемые ни ошейниками, ни поводками, роскошные и неколебимо спокойные, уверенные в себе, друг в друге и в людях, связанных с ними святым правом крови. Люди – трое молодых горцев с Заоблачного края – следили за поединком, ещё длившимся на Кругу, без видимого любопытства. А псы их – так и вовсе со скукой.

– Славные малыши, – подойдя, похвалил собак Ригномер. И обратился к горцам: – Отчего вы, ребята, не выставите их на бой?

Ответил самый младший из троих, казавшийся ещё и самым светлокожим. «Полукровка!» – презрительно определил про себя Ригномер.

– Отец Небо создал утавегу, наказав им быть нашими братьями, – проговорил светлокожий на неплохом нарлакском: эта молвь была в Тин-Вилене наиболее употребительна. – А у нас не принято мужчине посылать брата драться вместо себя, чтобы доблесть одного возмещала недостаток мужества, свойственный другому.

– Я понял, – засмеялся Ригномер. – Вы боитесь, что здешние бойцы попортят вашим собачкам белые шкурки, а матери отстегают вас потом за ущерб?

Это было уже чистой воды злословие, ибо у троих молодых горцев висели на поясах кинжалы с рукоятями, выложенными бирюзой: знак мужества, испытанного в бою. Конечно, мать в своём праве – вольна и ремешком вытянуть детище, будь сын хоть вождём. Но лишь последний дурак станет над этим смеяться, да ещё вслух. А название «утавегу» переводилось на языки окрестных народов как «белые духи, приносящие смерть», и три пса, лениво дремавшие на земле, по виду вполне соответствовали своей славе.

Один из двоих горцев, постарше, сдержанно проворчал нечто неодобрительное, и светлокожий, оглянувшись, перевёл:

– Что касается псов, мой брат советует тебе взять дорогой серебряный кубок и пойти заколачивать им гвозди. А потом с презрением выбросить испорченное сокровище, говоря, что оно никуда не годится против обычного молотка.

Третий, рослый, с цветными шнурками в волосах – знак недавней женитьбы, – неторопливо добавил по-нарлакски:

– И что ты взялся чужими собаками распорядиться, сегван? Купи себе пса и вытворяй всё, на что совести хватит...

– Отчего ж не купить? – подбоченился Ригномер. На нём была хорошая рубашка из тонко выделанной кожи и сине-полосатые штаны, заправленные в сапоги с кисточками. – И куплю! Вот хоть ваших. Не столь хороши они, как мне бы хотелось, да ладно уж. Как у нас говорят, на безрыбье и баклан рыба. По две овцы серебром за каждого! Ну?.. Всё равно больше вам никто не предложит!

Вот этого ему определённо не следовало говорить. Ой не следовало. Нет, оскорблённые горцы не станут накидываться на обидчика с кинжалами. Тех, кто так поступил бы, итигулы отказывались признавать за мужей, достойных называться мужами. Просто Ригномер в пылу бахвальства забыл о своём промысле. Не в пример разумному и рачительному Айр-Донну, всего пуще боявшемуся отвратить посетителей от порога «Белого Коня». Так вот, последние года три итигулы были нередкими гостями на обильном тин-виленском торгу. Они привозили дары своего околзвёздного края – муку из земляного яблока, придававшую неповторимый вкус хлебу, и ещё удивительно тёплые, но притом тонкие, словно шёлк, красивейшие ткани из шерсти горных козлов. Это совсем особая шерсть. Таковую не достать нигде на равнинах, да и в горах она – немалая редкость. Рогатые скакуны по кручам теряют её, почёсывая шеи о кусты и шершавые камни. Не одни сапоги стопчешь на скалах, собирая крохотные, уносимые ветром клочки, покуда набьёшь хоть малый мешочек! Горцы, однако, занимались этим из поколения в поколение, ибо награда за труды и опасности ожидала немалая. Столь мягкого и невесомого пуха не нащипать ни из шубы прирученного козла, ни из шкуры добытого. Ясно, что цена итигульских тканей опять-таки мало не доставала до звёзд. Купцы тем не менее их отрывали с руками и спешили увезти через море – аррантским и халисунским вельможам, ко двору солнцеликого саккаремского шада. Возил и Ригномер... прежде возил. Мог бы и дальше возить. Но – вырвалось неуклюжее слово, и, надобно думать, отныне достанутся ему дивные ткани разве что через перекупщиков. То бишь втридорога. Какая месть более уязвит человека, привыкшего всё мерить на серебро?..

И тут прозвучал дружный крик зрителей, безотрывно следивших за поединком псов на Кругу. Все оглянулись – даже те, кто успел отвлечься от схватки, показавшейся скучной, и заняться другими делами. А не зря говорят завсегдатаи собачьих боёв: смотри в оба, не то всё и произойдёт именно тогда, когда ты отлучишься по нужде!

Грозен и нешуточно могуч был Чёрный кобель, многими между собой уже загодя названный победителем. Но даже и он в конце концов притомился, таскавши Рыжего плашмя по всему Кругу. Вот он утвердился посередине и надумал позволить себе краткую передышку, а заодно перехватить супротивника пожестче, так чтобы уж теперь-то точно его додавить и вынудить сдаться...

Ан не тут-то было! Хитрован Рыжий, сумевший сбереечь вполне достаточно сил, улучил миг и взметнулся с земли мощным и гибким движением охотящейся змеи, наконец-то подкараулившей дичь!

И железной пастью сгрёб соперника за основание уха!

Некоторое время Чёрный отважно терпел его хват, но истинные знатоки уже видели, что он проиграл. И точно. Пустив эхо гулять по склонам Следа, над Кругом взлетел жалобный лай. Это кричал Чёрный, сдаваясь и моля о пощаде.

Уж на что закалён и крепок на боль степной волкодав, а и его выносливости положен предел. Не зря-таки режут хвосты и уши щенкам заботливые хозяева-пастухи! Вырастет пёс – и хоть палкой его колоти, хоть пинай сапогом, хоть зубами трепли за толстую шкуру, он не подаст голоса, не пожалуется, только озлится. Но если ухватят его за хвост, за вислое ухо или, вот как сейчас, за корень обрезанного – и всё, и злые враги непременно добьют бедолагу, пока он беспомощно вертится и визжит, и пелена страдания застилает ему глаза.

Однако в жилах четвероногих бойцов Шо-Ситайна течёт благородная кровь. Стоило Чёрному окончательно прекратить сопротивляться, и Рыжий расцепил челюсти, выпуская побитого. Но Чёрный слишком привык побеждать. Исчез стиснувший ухо капкан, и пёс счёл, что рановато признал себя побеждённым. Рыжий уже вытряхнул пыль из шкуры и, гордо

приосанившись, направился прочь. Через Круг спешили хозяева – разводить псов. И тут-то Чёрный с рыком кинулся вдогон победителю!

Непререкаемый досадливо покачал головой и приподнял с колен свой жезл – передать сыну, чтобы тот просунул его между зубами Чёрного и остановил бой, грозивший превратиться в никчёмную драку...

Хвала Отцу Небу – не понадобилось.

Ощувив сзади движение забывшего о вежестве противоборца, Рыжий так оборотился навстречу, что Чёрный мигом уразумел: нынешний проигрыш достался ему поделом. И пёс замер, остановившись в каких-то пядях от разгневанного победителя.

Отточенный уголёк в пальцах Мулинги так и сновал над шероховатым листом...

Несколько долгих мгновений кобели стояли друг против друга, как два изваяния. Потом Чёрный медленно-медленно отвернул голову, виновато подставляя сопернику незащищённую шею. Где в ней находится яремная вена и куда следует пырнуть клыком для немедленного убийства – оба знали с рождения.

Рыжий сделал шаг, и это движение было исполнено истинного величия. Его морда нависла над холкой неподвижного Чёрного. *Я победил*, говорил весь его вид. *Я сильнее, и тебе со мной не равняться! Понимаешь ты это?*

Понимаю и признаю, точно так же без слов, но вполне внятно отвечивал Чёрный. Ещё миг, и Рыжий, отвернувшись уже окончательно, легко побежал навстречу хозяину. Тот припал на колени – скорее обнять любимца. На белой шее кобеля не было ни крови, ни ран, лишь склеила густую шерсть чужая слюна.

Сегван Ригномер, увлечённый, как и все, неожиданным окончанием поединка, повернулся туда, где только что стояли его собеседники-итигулы. Но если он думал возобновить с ними разговор насчёт продажи собак, то его постигло разочарование. Горцы не стали дожидаться новых притязаний Бойцового Петуха и ушли. Три хвоста, три пушистых белых султана покачивались уже в отдалении – недостижимые для корыстолюбца, словно снега священного Харан Киира, кои смертным заповедано попирать.

– Тьфу! – плюнул в сердцах Ригномер. Знавшие его подтвердили бы, что на сей раз он не просто по обыкновению вольничал, а был не на шутку взбешён. – Взять уйти от меня! Ну, я вам покажу, сопляки, что такое Истинный Зверь!

* * *

Шо-ситайнец Винойр подтолкнул локтем в бок молчаливого побратима:

– И отчего тебе не по сердцу наша забава? Ты же сам мне рассказывал, каких славных псов растят кое-где в ваших чащобах. Я и то удивляюсь, почему вы у себя не устраиваете подобной потехи?

А я, молча проворчал Волк, поистине удивляюсь, что это ты так веселишься. Щебечешь, ну прямо жаворонок над полем. Всем весело, один я удавиться готов...

И то правда. Мало поводов для веселья, когда два названных брата ночей не спят, вздыхая по одной и той же девчонке. Злая и опасная штука любовь! Самую крепкую и верную дружбу способна она отравить, обратить в ненависть и вражду... И вот, дабы не произошло между ними подобного, не далее как седмицу назад Волк с Винойром наконец-то обо всём поговорили начистоту, как достоин мужам. А потом кинули жребий, испрашивая у Хозяйки Судеб, кому из двоих остаться в городе и дальше ухаживать за Мулингой, а кому – собираться прочь, иного счастья искать. Жребий указал Волку остаться. А Винойру – укладывать перемётные сумы и седлать жеребца.

Оттого сегодня были два побратима особенно друг другу близки. Оттого на душе у венна царапались свирепые лесные коты. А Винойр едва не плясал, видно радуясь прекратившейся неизвестности.

Может, он Мулингу не так уж сильно любил?..

Он никак не желал позволить Волку отмолчаться:

– Или ваши волкодавы оскудели вместе с родом Серого Пса, который положил им начало?..

Отчаянные были это слова, ибо затрагивали в сердце венна ещё одну неисцелимую рану. Волк, впрочем, не переменялся в лице.

– Тут ты не прав. Собаки не перевелись. Просто у нас не видят смысла стравливать их между собой.

И род, взрастивший нашу породу, тоже напрочь не перевёлся, добавил он про себя. ПОКАМЕСТ не перевёлся...

– Но неужели, – упрямо допытывался Винойр, – вам не любопытно сравнить кобелей и узнать, который сильнее?

Венн хмуро передёрнул плечами:

– А на что? Силой они и так меряются вдосталь, когда спорят за суку. Только в поединке с Лесным Охотником мало проку от такой доблести...

Винойр притворно задумался:

– Это как?

– А ты видел когда-нибудь, как Лесной Охотник бьётся с собакой? – Его побратим не заметил притворства. – Он не силой тягается, он стремится убить! Он пускает в ход боевые приёмы, которые никогда не использует против сородича, даже во дни ревности и любви! И собака не борется с ним, как со своим тут на Кругу, а грызётся, оставив всякое благородство!.. Не как воин с достойным воином, а как головорез в переулке!.. – Перевёл дух, помолчал и хмуро dokonчил: – Здешних победителей на волка пускать, что ярмарочного силача, который воз кирпичей поднимает... против нашего Наставника вынудить драться.

...О-о! Это был, без сомнения, всем доводам довод. Дождаться от Волка упоминания о Наставнике – дорогого стоило. Больше ничего особенно нового Винойр, выросший в степи, от него не услышал, но обрадовался хоть тому, что наконец разговорил друга, развеял угрюмое молчание, коим тот со вчерашнего вечера отгородился от всего белого света. Винойр собрался ещё немножко поддеть Волка и уже открыл рот говорить, но тут на Кругу появилась новая пара поединщиков, и Винойр сразу забыл старательно приготовленные слова.

Волк же, собиравшийся ещё что-то запальчиво доказывать побратиму, нетерпеливо повёл глазами, высматривая, что могло отвлечь его от беседы... но сам увидел бойцов, стоявших по разные стороны Круга, – и тоже начисто запомнил, про что у них с Винойром шёл разговор.

Ибо на широкой площадке перед ним стояла Судьба.

В предыдущей паре сравнивали своё искусство ровесники. Здесь один из кобелей был гораздо старше другого. Тёмно-серый от рождения, он успел нажить седину, густой серебристой маской украсившую его морду. Он был очень лохмат, что вообще-то считалось мало свойственным племени степных волкодавов. Он выглядел не намного моложе самого Тхваргхела, невозмутимо взиравшего с возвышения. Может статься, этим двоим в своё время не довелось сойтись в поединке лишь оттого, что хозяин серого жил в очень уж глухом и удалённом углу шо-ситайнской степи. Этот человек даже не помышлял прославиться на боях в Тин-Вилене, пока в нынешнем году его не выманила заехавшая в гости родня. Так вот и получилось, что матерущий кобель в самый первый раз стоял на Кругу. Чёрный влажный нос усердно трудился, вбирая запахи незнакомого места. Потом пёс не спеша поднял заднюю лапу – и окропил, помечая, утоптанную ногами и лапами землю: *Моё!*

Знатоки, лишь теперь получившие возможность оценить его могучую стать, одобрительно шумели. Кто-то уже бился об заклад, загадывая о победе.

А кличка пса тоже была непроницаемой для чужих уст, и потому люди успели дать ему почётное прозвище: Старый.

Тут, наверное, надо пояснить для тех, кто совсем не знает нарлакского. В этом языке есть много разных слов, понимаемых нами как «старый». И одни из них действительно значат «преклонный годами», «немошный», «дряхлый». А другие, наоборот, –

«испытанный», «превосходный», «лучший из лучших».

Такой вот «лучший из лучших», весьма далёкий от старческой дряхлости, и стоял теперь на Кругу, щуря жёлтые глаза и всем видом своим являя несуетное мужество. Такое, которое мало чести доказывать по пустякам, но если вынуждают – можно и доказать, и пусть тот, кто его к этому вынудил, пеняет потом на себя.

Винойр уже видел этого бойца несколько дней назад. Он шёл в крепость через окружавшие Тин-Вилену обширные яблоневые сады, и навстречу ему выехал мальчик на мохноногой лошадке. Мальчик ехал не торопясь и вёл на поводке некрупную, ничем особо не примечательную пятнистую суку. А рядом с ней безо всякой привязи бежал здоровущий кобель. «Что же ты, парень? – поинтересовался любопытный Винойр. – Ласковую привязываешь, а на свирепого даже ошейника не накинешь?» – «А он от неё никуда, – охотно пояснил мальчик. – Без неё даже и со двора не пойдёт!»

Пятнистая и теперь сидела за чертой Круга, и тот же самый мальчишка держал её поводок. Псица улыбалась, вывалив из пасти язык. Кажется, за супруга своего она нисколько не волновалась.

Непугливый соперник Старого был удивительной масти. Густой белоснежный подшёрсток, чёрная блестящая ость. Этому псу, прозванному Молодым, навряд ли сравнялось два года, он выглядел неудержимым, стремительным и опасным, точно стальной клинок. Он натягивал крепкий плетёный ремень, клокоча бьющим через край азартом и благородным нетерпением поскорей схлестнуться с соперником. Хозяин едва удерживал пса. Молодому случалось уже побеждать, он не ведал страха и сомнения перед поединком и умел терпеть боль, платя за победу.

И венн, глядя на этих двоих, внезапно ощутил, как тускнеет и отодвигается прочь вещественный мир. *О Повелитель Грозы, чей гром ликовал над этой землёй третьего дня!.. вознёс он неслышимую, но полную бешеной надежды молитву. И ты, сивогривый Прародитель моего племени!.. Да станет нынешний бой, что бы он ни принёс, предзнаменованием о моей участи! Да пребудет нить моей судьбы с Молодым!.. А моего Наставника – с тем другим...*

Боги, как водилось у Них в обычае, промолчали. Вот уже скоро двадцать три года жил на свете Волк, но как же нечасто Они прямо выказывали ему Свою волю!.. Так и ныне... Ну хоть чайка, кружась, «капнула» бы ему на рубаху: ты услышан, внемли!.. Он ощутил, как стиснула сердце мальчишеская обида. Это после его-то молитвы, всей силой души брошенной в небо! Неужели и в этот раз он не дожждётся ответа?.. Вот не захочет биться один из псов, и поединка не будет! Здесь ведь никого насильно драться не заставляют и к противнику не подталкивают... Или в последний миг смалодушничает чей-то хозяин и уведёт кобеля, сочтя противоборца слишком опасным...

...А может, ему, коли он с такой отчаянной страстью загадывал, следует воспринимать как знамение всё, могущее сопутствовать этому бою? Не терзаться, ответили или нет ему Боги, а просто всё, что дальше случится, считать Их ответом?..

Пожалуй, до сего дня Волку лишь однажды довелось близко соприкоснуться с волей Небес. И тоже, между прочим, явленной при обстоятельствах, ну никак не способствовавших радостному ожиданию чуда. Был ничем не примечательный, тихий и солнечный вечер в коренном материковом Нарлаке, и он, Волк, ещё никакого понятия не имел, что ему вскорости предстояло отправиться через море на запад. Да и она совсем не выглядела провидицей – пожилая, бедно и плохо одетая женщина с добрым лицом, полоскавшая что-то в омутке сонной речушки. Она подняла голову и посмотрела на него из-под руки, потому что он подошёл против света, и Волк смутился, не зная, как приветствовать женщину. Он тогда совсем не говорил по-нарлакски, а она, как он успел решить про себя, вряд ли понимала сольвеннский, не говоря уж о веннском. И он молча поклонился, как это приличествует мужчине, встретившему почтенную чужеземку.

«Поздорову тебе, сын славной матери», – огорошила она Волка, совершенно

неожиданно обратившись к нему на веннский лад.

«И ты здравствуй, мать достойных детей...» – ответил он в замешательстве.

«Как верно ты говоришь о моих сыновьях, маленький Волчонок! – заулыбалась женщина. И доверчиво продолжала: – Я вижу, ты пришёл издалека. Скажи, не встречал ли ты их где-нибудь по пути?»

До него потом только дошло, что ей, обязанной своим рождением неведомо какому народу, вряд ли полагалось бы знать веннское обхождение, а знаки его рода и подавно. Но это он как следует обдумает много позже, уже качаясь на палубе тростниковой лодки вместе с чернокожими мореходами. А тогда он лишь растерянно прокашлялся и ответил:

«Если ты поведаешь мне, почтенная госпожа, как выглядят твои сыновья или как их зовут, я смогу рассказать тебе, встречал я их или нет...»

«Стало быть, – без видимого огорчения рассудила она, – ты их не встречал. Если бы ты встретил их, ты бы их сразу узнал.»

Тут Волк начал понимать, что разговаривает с сумасшедшей. Должно быть, сказал он себе, эти самые сыновья сгинули от болезни или от вражеских рук, а мать, оплакав ненаглядных, тихо повредила в уме. И убедила себя, что на самом деле дети вовсе даже не думали умирать, а просто отправились в дальнее-дальнее странствие и непременно вернуться, стоит лишь ещё чуть-чуть подождать...

Женщина оставила бельё, которое полоскала, и стала тяжеловато подниматься с колен, и Волк подал ей руку. Она ласково улыбнулась и накрыла его руку своей, маленькой и морщинистой:

«Как хорошо, что в нынешнее время, оказывается, ещё не перевелись почтительные дети! Многие ли заберутся в такую даль только ради того, чтобы утешить мать известиями о сыне? – И добавила, хитровато глядя на него снизу вверх: – Хотя, правду молвить, братишка твой чаще огорчал её, нежели радовал...»

И Волк увидел, что добрые глаза той, кого он посчитал за деревенскую дурочку, были мудрыми и совершенно бездонными. Нет, он не испугался, просто в глубине живота начали расплзаться тонкие ниточки холода. Он запоздало сообразил: она говорила не о себе, а о его собственной матери. И о клятве, которую он дал ей, отправляясь в дорогу. Женщина продолжала:

«Ты пойдёшь отсюда в город Кондар, маленький Волчонок. И сядешь в гавани на корабль.»

Волк лишь моргал, а женщина рассуждала спокойно и неторопливо, как о решённом и не подлежащем отмене.

«Только не ходи к арранту Сарногу, потому что он слишком жаден до чужих денег и не брезгает облапошивать легковёрных. И к вельху Мал-Гру не ходи, потому что у него на корабле всюду чешуя и даже паруса тухлой рыбой пропахли. И к сегвану Кириноху тебе незачем обращаться, потому что он разобьётся около Каври. Тебя отвезёт в Тин-Вилену Шанака, мономатанский купец. Он неплохо говорит по-сольвенски, так что вы с ним сумеете объясниться. И он не возьмёт с тебя дорого, поскольку ему на корабль как раз нужен повар, а ты умеешь готовить вкусные щи...»

Венн, лишь недавно впервые увидевший море и ни о каких плаваниях даже отдалённо не помышлявший, только и придумал спросить:

«А скажи, почтенная, где она, эта... как ты её назвала... Тин-Вилена? И что мне там делать?»

«Это город по ту сторону Западного океана, на материке, лежащем дальше Аррантиады, – спокойно пояснила сумасшедшая. Так спокойно, как если бы речь шла о поездке к родичам за два дня пути. – В этом городе ты встретишься с братом, которого разыскиваешь. Только не такова окажется ваша встреча, как ты себе представляешь. И придётся тебе ещё потрудиться, чтобы отличить мнимых братьев от истинных...»

Сколько раз с тех пор Волк вспоминал давний разговор на берегу дремотной речушки. Весь, слово за словом!

Да. Мы испрашиваем знамения у Богов и готовы роптать, если нам кажется, будто Небо медлит с ответом. А когда Боги глаголят ясно и внятно, мы опять недовольны. Ибо толкование, которое любезно нашей душе, далеко не всегда совпадает с тем, что в действительности готовит завтрашний день...

* * *

Тем не менее бой начался так, как даже в самой дерзкой мечте не решился бы вообразить Волк. Вот хозяева спустили питомцев... и Молодой бросил себя вперёд с такой свирепой стремительностью, что толпа зрителей отозвалась восхищённым вздохом. Старый – мудрено ли! – чуть-чуть опоздал взвиться навстречу. Кобели гулко сшиблись в воздухе посередине прыжка, в полусажени от земли... и перекувырнулись, увлекаемые разгоном Молодого. Приземлились они порознь, почти в том самом месте, откуда брал разбег Старый.

«Неужели?.. – стучала в висках венна одна-единственная мысль. – Неужели это вправду знак благосклонности Богов и у меня в поединке всё тоже сложится именно так?..»

Он жаждал и не решался поверить...

Разочарованный голос Винойра, прозвучавший рядом, нарушил его восторженное созерцание. Почему-то Волка мгновенно окатило холодом, как бывает, когда оказываешься лицом к лицу с непоправимым и понимаешь это нутряным чутьём, верней и быстрее осознанного разума. Волк ощутил, как по спине разбежались мурашки, но всё же заставил себя спокойно спросить:

– Никак болееешь за Старого?

– Да нет, – ответил шо-ситайнец. – Скорее уж за Молодого. Из него, пожалуй, может выйти большой победитель.

– А из Старого?

– Из Старого – нет. Он же бьётся только потому, что какой-то нахал вздумал бросить ему вызов. Он вернётся домой и думать забудет про Круг. А Молодому здесь ужас как нравится. Ему, я думаю, и по ночам битвы снятся. Жаль только – щенок ещё, совсем драться не выучился...

Волк стоял точно политый зимней водой из колодца, чувствуя, как деревенеют и перестают слушаться губы.

– Почему? – услышал он собственный голос и подивился его невозмутимости. – Этаким ударом быка можно на колени поставить!

– Вот пускай бы он быков с ног и валил. А чтобы здесь хорошо биться, надо сразу метко хватать и держать насмерть! Зубы-то у него, спрашивается, зачем? Для красоты одной?

Волк промолчал. Он прислушивался в себе и с отстранённым удивлением понимал, что ему было страшно. Это был самый настоящий страх, подобного которому он давно уже не испытывал – и думал, дурак, что нескоро впредь испытает. Третьего дня, когда прямо перед ним на улицу из харчевни вывалились подвыпившие корабельщики и вздумали намять ему холку за то, что недостаточно проворно убрался с дороги, – он их не испугался. Наоборот, он их почти пожалел. Глупые простецы, привыкшие видеть не истинный облик мира, а его отражение в хмельной кружке!.. Волк даже не запомнил, сколько их было. Да что толку считать? Он всем им шеи мог бы переломать прежде, чем они сообразили бы, что происходит. Мог бы. Он их пальцем не тронул. Первого налетевшего он отправил катиться кувырком под забор, ещё двое, разом устремившиеся к нему, запутались друг в друге, следующий шлёпнулся на задницу и, впад в задумчивость, остался сидеть... и так далее. Они налетали, размахивая кто кулаками, кто и ножом, а он, даже не ускоряя дыхания, валял их по земле, закручивал волчками, устремлял носом в пыль... Пока наконец корабельщики не начали хохотать, не спрятали вытасенные сдуру ножи и не пригласили его с собой обратно в харчевню. Он тоже посмеялся, пожелал мореходам доброй пирушки и отправился дальше... И подумал про себя: вот бы видел Наставник – небось даже и он не нашёл бы, в чём его упрекнуть...

Ох, Наставник... «Почему я так боюсь? Чего, спрашивается? Ну, убьёт – так всем нам когда-нибудь умирать...»

До него постепенно доходила причина овладевавшего им страха. Мы все пугаемся неизвестности. Если бы не пугались, стал бы кто гадать о своём будущем и идти на поклон к мудрецам, способным провидеть судьбу! Но если вдуматься – тем и хороша неизвестность, что таит в себе массу разных возможностей. Непроросшие всходы семян, ещё не брошенных в землю. И всегда есть надежда что-нибудь изменить впереди, там, во тьме ещё не случившегося. Совершить поступки, могущие приманить лучшую долю. Воздержаться от деяний, способных устремить цепь событий к горестному исходу...

Но если всё заранее предопределено и ты это знаешь? Не страшнее ли чувствовать себя осуждённым, которого ведёт к плахе палач, – приговор оглашён, и его не изменит ничто, никакое усилие твоего духа, никакое напряжение тела... Что бы ты ни сказал, что бы ни сделал – лишь виднее становится мёртвое сияние топора, ждущего впереди... Зачем тогда всё? Зачем слова и поступки, зачем размышлять о Зле и Добре, делать выбор и сомневаться в его правильности, если от этого всё равно ничего не зависит?.. Если Хозяйка Судеб уже выпряла нить и занесла острые ножницы и ты доподлинно знаешь, сколько витков осталось крутиться веретену?..

Страшна неизвестность, но предопределённость – хуже стократ. Поняв это, Волк рад был бы вернуть унёсшуюся молитву. Но этого, как и вообще способности вернуть слово, слетевшее с языка, не дано никому.

Или он уstraшилсЯ предопределённости только потому, что она, по мнению Винойра, ничего хорошего ему не сулила?..

...А поднявшиеся псы схлестнулись вдругорядь уже не столь бешено. Наскочив один на другого, просто поднялись на дыбы, покачиваясь и борясь в стойке на широко расставленных задних лапах... Впрочем, «просто» – так сказал бы лишь тот, кто ни разу не видел подобной борьбы собственными глазами. А кто видел, тот знает, что, вздыбившись свечкой, степной волкодав на голову превосходит взрослого немаленького мужчину. Скребнут пыль мощные задние лапы, упираются, бьют тупыми когтями передние, хрипят и ловят чужое движение клыкастые пасти, разинутые столь широко, что, кажется, вовсе не положено собачьей пасти так раскрываться...

Псы вертелись, и вышло, что Волк встретил взгляды обоих. Глаза Молодого искрились удалью и свирепой уверенностью в близкой победе. Глаза Старого... Вот тут Волк понял, что Винойр был тысячу раз прав. Матёрый, украшенный сединой кобель не ярился, не подстёгивал себя кровожадным злым рыком. Он был очень спокоен. Он без суеты отражал стремительные наскоки соперника, в котором наверняка распознал недавно взматеревшего щенка. Старый был вполне уверен в себе и попросту ждал, чтобы Молодой сделал ошибку, как-то открылся. Или постепенно выдохся, плясавши-то на задних лапах, – тяжкая трата сил для всякого пса. И вот тогда Старый преподаст ему урок, отучая от излишней самонадеянности. Доходчивый и весьма жестокий урок...

Непререкаемый молча смотрел на них со своего возвышения. Смотрел Тхваргхел, лёжа на стопке честно заслуженных наградных ковриков. Говорят, кое-где в шо-ситайнской степи до сих пор разрешали незамиримые споры между соседями, а то и целыми кланами, устраивая Божий Суд – битву лучших собак. Кто вскормил сильнейшего кобеля, тот, стало быть, и достойнейший. С тем пребывает Правда Богов...

...И настал миг, когда Волку показалось, будто удача была всё-таки на его стороне. Поднявшись в очередной раз на дыбы, Старый начал словно бы подаваться, клониться назад. Зрители зашумели, и сердце Волка взлетело. Никак брал своё нерастраченный напор Молодого? Или у Старого притомились, начали разъезжаться дрожащие от напряжения задние лапы?..

Тёмно-серый пёс медленно запрокинулся...

Начал падать навзничь, уступая белому в чёрных тенях супротивнику...

...Но не упал. В последний миг извернулся – и прочно, как врытый, встал на все четыре сильные лапы. Когда он успел взять Молодого за меховой воротник, никто из зрителей не углядел. Однако – успел. И Молодой, рухнувший сверху, перелетел, перекатился через его спину, потеряв равновесие и извиваясь в воздухе, точно подброшенный кот.

– Во! – повторил Виноёр восхищённо. – Вон оно где, наше кан-киро!..

Волк не услышал. Для его обострённого восприятия всё происходило медленно-медленно. Молодой ещё летел, растопырив лапы и ловя пастью пустой воздух, когда Старый рванул всей силой шеи (а шея была – поди обхвати), не позволяя сопернику должным образом обрести равновесие. Он очень хорошо знал, что творил. При всей своей ловкости зверя Молодой упал неуклюже, неудобно и тяжело – как раз на спину. И прежде чем он успел наново сообразить, где верх, где низ, и вскочить, Старый переменял хватку. Он сделал бросок – короткий, но столь стремительный, что даже для Волка седовато-серые лохмы на его боку слились в мутные полосы...

...И взял Молодого за глотку. Разинутой пастью – за самую гортань, так, что уже не могли помочь толстые оберегающие складки вокруг. И ещё прижал для верности лапой, не позволяя ни выкрутиться, ни дать хоть какой-то отпор.

Замершие зрители охнули, перевели дух, начали разговаривать. Не один и не двое помимо собственной воли потёрли ладонями горло. Какова хватка у матёрого кобеля, здесь хорошо представлял каждый.

В пальцах Мулинги рассыпался уголёк, рука метнулась за новым...

Передние лапы Молодого обхватывали, почти по-кошачьи царапали шею и грудь Старого, поверженный пёс свивался кольцом, пытаясь отбросить, сбить с себя насевшего недруга... Всё вотще. Старый стоял над ним, как вырубленный из гранита. Стоял, намертво пригвоздив бьющегося противника. *Это ты мне доказывал, что ты уже не щенок? Ну так получай, коли взрослый...*

Волк смотрел на них, не отводя взгляда, оцепенев.

Молодой не закричал, не взвизгнул, даже не оскалился, показывая тем самым, что испугался и готов молить о пощаде. Просто его отчаянные рывки стали делаться всё медленнее и слабее. Волк чувствовал едва ли не наяву, как у него грохочет в ушах кровь, как этот грохот превращается в высокий, затихающий звон и вместе с ним смолкают все звуки, а солнечный мир начинает меркнуть и стремительно удаляться...

Непререкаемый бросил сыну свой жезл, и Младший Судья поймал его на лету. Подбежав к собакам, он стал бесстрашно просовывать деревянную лопаточку между стиснутыми зубами Старого. Тот косился на человека, но хватки не ослаблял. Не на шутку обеспокоенный хозяин Молодого бросился внутрь Круга и стал помогать судье, наплевав на опасность оказаться покусанным чужим псом. Хозяин Старого, плохо знакомый с порядками на состязаниях, замешкался. Ему кричали, чтобы он тоже шёл разнимать кобелей, потом просто вытолкнули вперёд...

И тут случилось то, чего следовало ждать: придушенный Молодой обмочился. Жёлтая струйка беспомощно излилась, замарав белоснежный мех брюха. Старый презрительно фыркнул и выпустил его глотку. Мотнул головой, выплёвывая проникший в рот жезл судьи. Отряхнулся – и, не обращая внимания на посторонних, побежал к своему хозяину. Тот обнял любимца, начал трясущимися руками застёгивать на нём простой плетёный ошейник. Кажется, он плакал и обещал кобелю, что никогда, никогда больше не приведёт его в это скверное место.

– Нынче же уедем домой... – разобрал Волк. – Будешь, как прежде, по вольной степи наше стадо водить... сыновьями-внуками распорядиться... Щеняток новых учить... Аргмвли, внучка твоя, поди, без нас уже родила...

Пятнистая сука радостно повизгивала и знай умывала супругу морду, серебристую от густой седины. Кобель тыкался носом в мокрые щёки хозяина и всем своим видом показывал, что несколько не сердится на него. *И что вы, люди, вечно о чём не надо переживаете? Подумаешь, оттрепал дурачка, старших чтить не наученного. Тоже*

важность какая...

– Вот так, – задумчиво проговорил Винойр. – И победил пёс, а радости никакой.

Владелец Молодого сидел на земле, тормоша и глядя всё ещё неподвижного кобеля. Тому никакая особая опасность не угрожала – он не был ни ранен, ни даже сильно помят, и воздух, без помехи вливавшийся в лёгкие, быстро делал своё дело. Вот дыхание перестало сипеть и клокотать у него в горле, вот ровней заходили бока, вот он увидел и узнал склонившегося хозяина – дёрнулся пушистый обрубок хвоста, из пасти высунулся язык, лизнул знакомую руку... Человек поднялся и пошёл вон из Круга, и вывалянный в пыли Молодой поплёлся за ним. Хозяин на всякий случай придерживал его за загривок – торопясь на помощь питомцу, он в спешке оставил на земле поводок.

У самой черты Круга Молодой остановился и посмотрел назад. По другую сторону площадки стоял Старый. И тоже смотрел. *Ну? Понял что-нибудь?* говорил его взгляд.

Волка как молнией ударило. Ему показалось – этот взгляд был устремлён на него...

Венн всё ещё стоял столбом, пытаясь осмыслить случившееся, когда с той стороны Следа, что была обращена в сторону города, начал раздаваться истошный лай псов. У границы Круга уже стояли два очередных поединщика, но головы поневоле начали поворачиваться прочь. Оглянулся и Волк.

По дороге, извивавшейся между холмами, торопливо катилась повозка, запряжённая саврасым сегванским коньком. Кузов повозки представлял собой нечто вроде ящика, покрытого толстой грубой тканью. Нетяжёлый ящик сильно мотало, ткань хлестала и пузырилась. Рядом с возчиком на козлах сидел, подбоченившись, Ригномер Бойцовый Петух.

Псы поднимали щетину и бешено лаяли на повозку или на то, что в ней находилось. Похоже, запах, исходивший оттуда, весьма им не нравился. Саврасая лошадка закладывала уши и косилась: ей тоже отнюдь не по сердцу были стервневшие псы и подавно – груз, который её принуждали везти. Возчик, однако, был опытный и коньку никакой возможности проявить своеволие не давал. Повозка катилась себе и катилась вперёд, прямо к Кругу. Люди расступались, давая дорогу. Оттаскивали хрипящих собак.

Когда повозка приблизилась, Тхваргхел поднялся со своих наградных ковриков и сделал шаг вперёд. Он не стал вздыбливать шерсть, потому что ему не было нужды казаться крупней. Он сразу угадал приблизившуюся опасность и без суеты заслонил собою хозяина. *Ты к нему не подойдёшь!* внятно говорил высоко и воинственно поднятый обрубок хвоста.

Тут у Волка пробежали по позвоночнику остренькие иголки холода. Должно быть, напряжение духа обострило его восприятие уже сверх всяких пределов, ибо он тоже со всей отчётливостью понял, что именно привёз с собой Ригномер. Вернее – КОГО.

Между тем проворный конёк приблизился к самому Кругу, возчик-сегван натянул вожжи, и Ригномер легко вскочил на козлы, возносясь над любопытной толпой. Несмотря на круглое брюшко, нажитое в трактирных застольях, он оставался ловок и быстр.

– Ну что, добрые люди? – разлетелся над Следом его голос, внятный и зычный, как у многих сегванов. – Думаете небось, Бойцовый Петух только и способен драть горло, кукарекая на заборе? Посмотрим теперь, кто из нас правду говорил, а кто брехал попусту!

Возчик тем временем обходил тележку кругом, отвязывая верёвки, удерживавшие ткань.

– Тащите сюда ваших куцехвостых, которых вы по ошибке называете волкодавами! – продолжал Ригномер. – Да покрепче держите, чтобы они с перепугу не разбежались! Ну-ка, смогут они что-нибудь сделать со зверем, которого привёз вам я?

Возчик стащил тяжёлую мешковину. Кузов повозки, оказывается, представлял собой клетку, да не деревянную, а железную. А в клетке был волк.

Где раздобыл его Ригномер? На каком-нибудь из своих островов, куда ещё не добрались ледяные великаны, размножившиеся на севере? Или на Берегу, возле края великих чащоб?.. Во всяком случае, пленник сегвана в самом деле мало напоминал поджарых и некрупных бродяг шо-ситайнских степей. Это был настоящий лесной вожак, всё ещё

облачённый в серовато-белую зимнюю шубу. Он не бушевал, не бросался на прутья. Просто стоял, слегка наклонив крупную лобастую голову. И обводил столпившихся людей и собак немигающим взглядом жёлтых, косо поставленных глаз. *Всякому суждено рано или поздно встретить свой конец. И не важно, где и когда это произойдёт. Важно – КАК...*

Но тут глаза волка встретились с глазами молодого венна, подошедшего вплотную к повозке, и уши зверя впервые дрогнули, а сам он даже слегка подался вперёд. Брат?.. ощутил человек неуверенную, зыбкую мысль. Брат?..

– Эй, венн! – задорно проорал сверху Ригномер. Он, по обыкновению, постарался, чтобы слышали все. – А ты случаем не привёз сюда серого волкодава из тех, что разводят в ваших лесах?

Волку понадобилось усилие, чтобы отвести глаза от зверя, заключённого в клетку.

– В моём роду, – сказал он, – никогда не держали собак. На что нужны цепные рабы, когда с нами наши братья, вольные Лесные Охотники?

– Ага!.. – обрадовался Ригномер. – А я и забыл, что вы, венны, все числите себя звериными родственниками. Ну и на кого ты собираешься ставить, когда я сейчас выпущу своего красавца против вон того кобеля, что важничает рядом с главным судьёй? Слышал я, будто ему всё противников не находится. Так ведь, господин Непререкаемый? Не побрезгует твой пёсик выйти на моего волка? Или он теперь уже только меховым ковриком при тебе состоит?

Между тем на Тхваргхела было достаточно посмотреть только раз – и всякий, кто не знал, мог воочию убедиться, за что его прозвали Саблезубом. Он не лаял, не щерился (ибо то и другое могло быть истолковано как признак слабости и испуга), просто стоял – молча и неподвижно, внешне совершенно спокойно, но было видно, что, даже расслабленная, его верхняя губа не вполне прикрывала клыки и они торчали из-под неё чуть желтоватыми, как слоновая кость, кончиками. Горе тому, кого угораздит изведать их остроту!

А потом Тхваргхел заговорил. Нет, не словами, конечно. Он поднял голову и издал низкий, далеко раскатившийся звук, удивительным образом сочетавший в себе рычание и вой. Короткая и грозная песня заставила мгновенно умолкнуть всех других псов, разгавкавшихся было на волка. Когда разговаривают вожаки, всякой мелочи лучше не вмешиваться. Целей будет.

Волк же, которого мать в детстве прозвала Пятнышком за тёмную отметину посередине лба, – волк сразу распознал суровое предостережение и то, что обращено оно было именно к нему. И повернулся навстречу Тхваргхелу, отделённому от него прутьями клетки и считанными скачками через Круг. В отличие от Ригномера, для Пятнышка была вполне очевидна сокрушительная мощь противника-пса, отнюдь не только годившегося греть хозяйские ноги. Да, Саблезуб уже был немолод, но он по-прежнему ловил ядовитых змей, угрожавших внукам хозяина, и ни одна не успевала его укусить. И когда он вёл отары с летних пастбищ на зимние, одного звука его голоса, долетавшего издали, было достаточно, чтобы серые стаи, промышлявшие по степи, тихонько исчезали с дороги.

Да, Тхваргхел никогда ещё не встречал таких крупных и могучих волков. Если доведётся сражаться с ним, этот бой может стать последним. Но Саблезуб не думал об этом. Он был просто готов – как был готов всегда, всю свою жизнь...

Только Ригномер не понял намерений и поведения пса. То есть он, может, и понял бы, что к чему, если бы не успела затопить его разум хмельная молодецкая удадь, заставляющая во всём искать повод для драки, – то самое качество, которому он и был обязан прозвищем Бойцового Петуха.

– Ага! Стаю зовёт, напугался! Сейчас хвост подожмёт!.. – насмешливо указал он на Тхваргхела. – Ну что, венн? Тебе, звериному родичу, первая честь и первая ставка! Этот пёс, говорят, самый сильный здесь на Кругу, только на моего зверюшку и он боится в одиночку идти! Ну, загадывай, сколько ему таких же шавок в помощь понадобится, чтобы одному Истинному Зверю глотку перекусить? Две, три, девять для ровного счёта?.. На что об заклад биться будешь? А, венн?

Народ вокруг начал неодобрительно шуметь. Разошедшийся сегван желал нарушить само предназначение Круга, исстари служившего святому делу возвеличения пастушьей пёсией породы. Он собирался заменить благородные борцовские поединки кровавым зрелищем травли. Куда ж такое годится? На Кругу мерились силой, а не занимались смертоубийством без правил... А кроме того, можно один раз назвать степных волкодавов «куцехвостыми шавками», можно два или даже три раза – ничего, ветер развеет. Но не беспрерывно же, когда рот открываешь! Тем, кто ценит и любит своих питомцев, это может в конце концов надоест...

Вот только Бойцового Петуха уже, что называется, понесло, и остановить его иным доводом, кроме кулачного, было мудрено. И Волк это понял. Он далеко не первый день знал Ригномера.

Ещё не осознав, что именно совершает, он вплотную подошёл к клетке и положил руку на железные прутья:

– Ты столько раз взывал к имени моего народа, сегван, что я отвечу тебе так, как ответили бы в наших лесах. А у нас очень не любят, когда родичей травят собаками, Ригномер. И вот что я тебе скажу, Бойцовый Петух: надумаешь спустить стаю на этого зверя – переступи сперва через меня!

Он говорил не особенно громко, но люди стали кивать, одобрительно пересказывая и обсуждая между собою его слова. Молодой венн увидел это и услышал, потому что Наставник научил его даже в пылу ссоры и спора ничего не упускать из виду. И, что важнее, он ощутил, как в его руку на прутьях клетки осторожно ткнулся мокрый приносящийся нос: *Брат!*.. Такое поведение волка не укрылось от внимательных тин-виленцев. Вместо того чтобы разом отхватить дерзкому человеку все пальцы, мохнатый пленник нюхал их, едва прикасаясь. Кто-то успел опрометчиво рассудить, что волк был ручной и знал венна. Таких зрителей поправили другие, истолковавшие вернее: венн вправду доводился волку своим, но не из-за приручения, а просто по крови. Узнанной и признанной ими обоими.

– А что ты себе думаешь! И переступлю!

Двое то ли слуг, то ли ближников Ригномера – возчик и ещё один, явившийся с клеткой, – немедля приблизились к венну и схватили его за плечи, пытаясь оттеснить прочь.

Волк не двинулся.

– Вели им убраться, – сказал он. – Это наш с тобой спор.

Народ тем временем подался в стороны, освобождая нечто вроде второго Круга, только поменьше. Тхваргхел же оглянулся на своего хозяина, потом величественно улёгся. *Пуускай эти глупые двуногие сперва разберутся между собой,* говорил весь его вид. *А потом, если не сумеют договориться, уступят место настоящим бойцам...*

– Выкиньте отсюда этого мальчишку! – рявкнул Бойцовый Петух. – Наскучил!

Он мог бы уже заметить, что двоим рослым прислужникам никак не удавалось спихнуть Волка с места, но не заметил. Как и того, что Винойр даже не думал бросаться побратиму на помощь, – стоял себе да посмеивался, сложив на груди руки.

– Так-то ты, Ригномер, – укорили из толпы, – чтишь того, кому сам сулил первую честь и первую ставку!

– Взятся спорить – спорь до конца! – поддержали с другой стороны.

– Нам кричал, что у нас мужества не хватает, а сам на слуг дело переложил!.. – выкрикнули издалека, из-за спин.

А Волк не стал ничего говорить. Просто сделал некое движение, выверенное и короткое, о котором сторонний наблюдатель сказал бы «тряхнул плечами», не ведая, что удостоился лицемерия грозного боевого приёма, – и слуги, думавшие, что крепко держат парня, полетели на землю. Полетели неловко и неуклюже, да притом ещё умудрились крепко стукнуться лбами.

– Это наш с тобой спор! – ровным голосом повторил венн.

– Ах так?.. – Бойцовый Петух спрыгнул с козел и обманчиво медленно, вразвалочку двинулся на Волка. – Да кто ты таков, чтобы я ещё с тобой спорил? Я таких, как ты, ногой с

дороги отпихиваю...

И, противореча только что сказанному, дёрнул из ножен длинный сегванский меч. Народ, кто близко стоял, торопливо шарахнулся в стороны. Когда обнажают мечи – уноси ноги подальше!

Был бы Ригномер чуть менее распалён – и он вспомнил бы, что Волк полных три года прожил в крепости, а значит, навряд ли впустую ел хлеб, обучаясь у тамошнего Наставника. Вспомнил бы он и пересуды, ходившие в городе после каждого прибытия корабля из-за моря, то бишь после очередной потасовки в прибрежных харчевнях. Вспомнил бы и сообразил, что с Волком, носившим славу лучшего ученика, связываться стоило навряд ли...

Но – не вспомнил. И не сообразил. Это потом он обрушится на прислужников, отчего, мол, вовремя не остановили его, а те станут оправдываться – да когда ж, сами только-только поднимались с земли... Но это потом, а пока он неудержимо ринулся на венна, замахинаясь мечом для нешуточного удара:

– Сказано, с дороги уйди...

Не далее чем к вечеру рассказ об этой сшибке, украшенный всеми подробностями, дойдёт до Наставника, и тот – не вслух, про себя, но давно знающие его сразу поймут – похвалит ученика. И всего пуще за сдержанность. Ибо тин-виленская Правда, весьма милосердно взиравшая на любителей почесать кулаки, вынужденного меч отнюдь не гладила по головке. Торговому городу потребен на улицах мир. А какой мир, если мечами станут размахивать? Да потом ещё мстить и судиться за отсечённые руки и ноги?.. Потому-то, если человек, первым вздумавший в пылу ссоры рубить супротивника, тут же погибал или бывал искалечен, – любой тин-виленский судья выносил приговор, утверждавший, что забияка сгубил себя сам. За него воспрещалось мстить, за него даже не назначали выкуп, обычно выплачиваемый замирения ради...

Вот и получалось, что своим ударом Бойцовый Петух просто отдал себя на расправу. Бери и делай, что хочешь, всё равно никто не накажет.

То есть, конечно, – если сможешь.

Ну а Волк мог. Ой мог!..

Мог без большой натуги зарезать Ригномера его же мечом, опрятно вынутым из руки. Этот приём был давно постигнут всеми справными учениками. Не выучен, но впитан исконным разумом суставов и сухожилий, тем самым, благодаря которому мы не падаем, болтая ногами на верхней жерди забора. Мог Волк переломать Бойцовому Петуху половину костей, а напоследок – или прямо сразу, на выбор, – свернуть голову. Мог ещё тридцатью тремя способами унижить его, покалечить, вовсе убить...

Не стал.

Волк выбрал совсем иной и, наверное, самый действенный способ в корне прекратить свару и притом добиться желаемого. Вот только, как это часто в подобных случаях почему-то бывает, оказался этот способ наиболее трудным для него самого. «Что же, вот заодно новое умение и испытаем...» Мелькнувшая мысль пришлась очень некстати, и Волк сразу выдворил её из сознания, взамен призвав этакое удалое равнодушие: да какая разница, получится или не получится и что скажет народ?! По большому-то счёту никакой разницы нет...

Быть может, Наставник, случись он здесь, кивнул бы ему с одобрением. А может, наоборот, попенял бы за увлечение внешней стороной дела, – ведь в случае удачи Волк именно отклик стоявших вокруг собирался использовать к своей выгоде.

Это, впрочем, тоже никакого значения не имело...

...На самом деле рассуждения Волка длились долю мгновения, пока совершался удар. А если уже с полной скрупулёзностью придерживаться истины – он и не рассуждал вовсе, ибо тому, кто принимается рассуждать под занесённым мечом, приходит очень быстрая смерть.

Волк просто – действительно просто, если уметь, – вошёл в движение Ригномера и чуть продолжил его, а потом...

Потом его пальцы обхватили острый, хорошо отточенный клинок и сомкнулись на нём. Нет, Волк не ловил вражеское лезвие между сомкнутыми ладонями, что тоже иногда делают; он взял его, как берут палку, и удержал; и Бойцовый Петух с изумлением обнаружил, что не может не только ударить, но даже и просто высвободить меч. Сегван стоял в нелепой, некрасивой позе незавершённого движения. И с большим трудом удерживал равновесие. Чтобы заново его обрести, надо было выпустить рукоять. А этого Ригномер, ясное дело, позволить себе не мог.

Его гневный запал не то чтобы испарился, но стал отчётливо бессильным. Он попробовал выдернуть у Волка клинок. Ничего не получилось: проклятый мальчишка держал крепко. И его пальцы почему-то не падали отрезанными в траву. Даже крови не было видно. И, не в силах уразуметь, что же случилось и как вообще может такое быть, Ригномер ляпнул первое, что явилось на ум:

– Пусти! Отдай меч!

Ляпнул и сам ощутил, до какой степени глупо это прозвучало. Народ, стоявший кругом, начал смеяться. И, кажется, первыми и всех громче захохотали корабельщики-арранты, пришедшие посмотреть собачьи бои, которыми далеко славилась Тин-Вилена.

Аррантам нравится считать свой народ самым разумным и просвещённым на свете. Во всяком случае, они немало преуспели, убеждая в том ближние и дальние племена. Оттого кое-кто (обыкновенно – сам не имевший с ними особого дела) даже склонен полагать слово «аррант» едва ли не близнецом слову «учёный». Так вот, посмотрел бы этот кое-кто на смеющихся мореходов, на их загорелые, отчаянные, щербатые рожи, сияющие предвкушением бесплатного зрелища! Волку почудились знакомые голоса, он покосился... Точно! Корабельщики были те самые, с которыми судьба свела его в ночном переулке.

Они тоже узнали Волка и принялись подбадривать его:

– Молодец, паренёк!

– Так его, забияку!

– Чтоб знал!..

Ригномер налился багровой кровью и, поскольку терять было уже нечего, повторил:

– Отдай меч!

– Отдать не отдам, – усмехнулся Волк, – а вот выменять соглашусь.

Зрители захохотали пуще. Бойцового же Петуха от безвыходности положения осенила редкостная сообразительность, и он зарычал сквозь сжатые зубы:

– Да забирай своего блохастого родственничка!.. Не больно-то был и нужен!..

«Почему?..»

Он сидел в углу чисто подметённого дворика. Сидел в позе сосредоточения – ягодицы на пятках, спина выпрямлена, руки на бёдрах. Когда-то подобное положение тела казалось ему страшно неудобным, даже мучительным. Особенно если приходилось сидеть таким образом сколько-нибудь долго. И он знал людей, которым поза сосредоточения представлялась вдобавок унижительной, а потому они избегали её как могли. Что, мол, ещё такое – на коленях стоять! А потом на них же всяко-разно вертеться, протирая оземь штаны!..

У него тоже от сидения на пятках с непривычки поначалу глаза лезли на лоб. Однако его народ не видел особого толку в пустых жалобах, и особенно в жалобах на ремесло, которым взялся овладеть. «Не получается? – сказала бы его мать, Отрада Волчица, если бы могла в те дни видеть сына. – Значит, мало старался...»

И была бы права, ибо не бывает ремесла, злонамеренно не дающегося в руки. Ежели не даётся – значит, руки дырявые. И он трудился над позой сосредоточения с упрямым упорством, которое тогда же в нём проявилось. Много с тех пор в нём проявилось такого, чего прежде не усматривали добрые люди... Такого, чего он даже сам в себе не подозревал.

«Почему все предали меня? За что?..»

Перед ним, утверждённая на песке, стояла большая чаша с водой.

Он сидел в том углу двора, где смыкались стенками две клетки, построенные в разные годы. Старые, местами потрескавшиеся, отбеленные и посеребрённые временем брёвна сходились с новыми, хранящими запах смолы. Он садился именно так, лицом в пустой угол, когда в самом деле стремился чего-то достичь и не хотел, чтобы тень чужого движения или даже игра света на листьях нарушали с трудом достигнутое сосредоточение. Он привык, и чаще всего у него получалось. Но сегодня – ни в какую. Вот Винойр и Шабрак, отец Мулинги, покинули дом и на цыпочках прошли к калитке у него за спиной. Они очень старались не помешать ему, но, конечно, помешали и разозлили вдобавок. Когда что-то не получалось, это всегда по-мальчишески злило его и тянуло сорвать злобу на ком-нибудь постороннем, объявив именно его виновником неудачи.

Это было недостойно, и, повзрослев, он не давал себе воли. Но оттого, что он не пускал раздражение наружу, оно ведь не исчезало...

Он был готов к тому, что вот сейчас Шабрак, выйдя за калитку и оттого вообразив, будто во дворе сделался не слышен его голос, тронет шо-ситайнца за руку и шёпотом спросит: «Что, не получается у него?» И Винойр, пожав плечами, ответит: «Сам видишь. Не получается...»

Какое уж тут сосредоточение!.. Он поймал себя на том, что мучительно вслушивается, разгораясь ещё не нанесённой обидой. Но хозяин дома и его гость ушли молча, не пожелав обсуждать его очередную неудачу.

Ибо это была неудача.

Очередная.

Когда они возвращались со Следа, вдвоём с Винойром катя тележку и клетку на ней – ибо лошадку свою Ригномер, конечно же, выпряг, – Мулинга пошла рядом с ним, Волком. «Много успела нарисовать?» – спросил он её, просто чтобы что-то сказать. Ведь теперь, с уговорённым отъездом Винойра, девушка как бы оставалась ему – ухаживай, сватайся, проси бус, никто не помеха. Мулинга принялась рассказывать, даже показывать руками родившийся у неё замысел: серебристый зверь на тележке – и против него Тхваргхел; благородные, величественные враги. Она говорила, но Волк только впитывал её голос, не размениваясь на слова и любуясь, как играет в её волосах солнце. Может, однажды он будет целовать эти волосы, когда...

Мулинга что-то поняла и вздохнула: «Я буду скучать по тебе, Волк. Ты стал мне как брат...» Он безмолвно смотрел на неё, чувствуя, как переворачивается вверх дном весь его мир. Как так, чуть не спросил он напрямик, ведь это Винойр уезжает, а я остаюсь? Здесь, с тобой?..

«У моего отца не так хорошо идут здесь дела, как он когда-то надеялся, – сказала она. – Батюшка думал, что после нашей свадьбы с Винойром у него будет помощник. Но раз уж Винойру всё равно выпало уезжать, мы и подумали – почему бы нам всем вместе не вернуться за море?»

Колёса повозки размеренно поскрипывали. Зверь, сидевший внутри, внимательно и насторожённо смотрел на людей, переводил взгляд с одного лица на другое, принюхивался к рукам.

«Уж ты прости, побратим. – Винойр весело щурил топазовые глаза и, похоже, совсем не чувствовал себя виноватым. – Я сам узнал только вчера...»

Волк пожал плечами и удивился откуда-то со стороны, как удалась ему почти настоящая невозмутимость.

«На что ж тут сердиться? – И приговорил, как было в обычае у его племени: – Совет да любовь...»

Не верилось, что этот разговор происходил неполных полдня назад, нынешним утром. И вот теперь, вечером, он сидел в углу двора, откуда скоро уедет Мулинга и с нею Винойр, и пытался достигнуть сосредоточения.

И, естественно, терпел неудачу.

То, что он собирался совершить, было на самом деле сродни стрельбе из лука на состязаниях в святой день Рождения Мира. Там тоже чувствуешь, попадёт ли стрела в цель, едва ли не прежде, чем пальцы разомкнутся на тетиве.

Вот и он чувствовал, что сегодня уже ничего не достигнет.

Из-за забора прокричал петух. По улице с гомоном пронеслась стайка детей... Всё мешало. Всё раздражало его.

Он сделал усилие, отстраняясь от внешнего, и снова стал смотреть на чашу с водой. На глиняный край села муха и поползла по нему, ища съедобных остатков.

Он чувствовал, что готов был возненавидеть дело, которое – странно даже вспомнить – некогда так его увлекло...

Ему рассказывали, как Наставник когда-то проверял себя перед решительной схваткой. Он гасил огонь. Пламя, точно задутое, срывалось со свечного фитилька, повинувшись истечению силы, струившейся вперёд из его раскрытой ладони. Но это, по мнению Наставника, ещё далеко не было мастерством. Любой сколько-нибудь умелый воин на такое способен. Вот когда у него отпала нужда в сугубом движении рук, а свеча стала не то что гаснуть – вообще со стола слетать просто от взгляда и внутреннего напряжения тела, вот тогда только Наставник сказал себе: *Я готов.*

И не ошибся...

Волк понял с самого начала своего обучения: ему тоже понадобится такая проверка. И ещё он понял, что она должна быть совершенно иной, нежели та, которую выбрал Наставник. «Он – Волкодав, а я – Волк, – сказал себе в те дни самоуверенный девятнадцатилетний юнец. – Он воспользовался огнём, а я возьму воду...»

На самом деле кан-киро зиждется на подражании. Ученик повторяет движения учителя, постепенно постигая их смысл, и другого пути не придумано. Даже простого приёма не выучишь ни по самым добросовестным описаниям, ни рассматривая картинки вроде тех, что рисует Мулинга. Но это приёмы, а ведь кан-киро – гораздо больше, чем набор ухваток и увёрток, позволяющих сокрушить напавшего на тебя наглеца! Гораздо, гораздо больше... И оттого первейшая истина, внушаемая всякому новому ученику, гласит: *Смотри на учителя. Подражай ему. Не требуй объяснений, ибо слова вмещают не всё. Просто подражай...*

Но для Волка подражать значило любить. Подражать – значит стремиться стать таким же, как тот, кому подражаешь. А можно ли хотеть уподобиться тому, кого ненавидишь? Или, скажем иначе, тому, кого долг обязывает ненавидеть? Тому, кого поклялся убить?

«Я найду брата, мама. Я разужнаю о его судьбе. И, если его уже нет в живых, – я за него отомщу...»

Вот потому-то и был Волк самым молчаливым и замкнутым среди учеников, потому-то, может, и Мулинга выбрала не его, а смешливого красавца Винойра, – хотя кан-киро Винойра не шло ни в какое сравнение с тем, которого достиг Волк. У Винойра тоже лежало в заплечном мешке немалое горе. Как-никак, он навсегда оставил родные шатры ради замирения с племенем старинных врагов. Но ему не приходилось полных три года разрываться между ненавистью и любовью. Ненавистью, которую Волк, соблюдая данный обет, силился вызвать в себе... и не мог. И любовью, которую отчаянно пытался не допустить в своё сердце.

Ни с кем не посоветовавшись, он ещё в самом начале обучения купил на базаре большую глиняную чашу, покрытую изнутри блестящей белой глазурью. Чаша привлекла его простым совершенством формы, и, присмотревшись, он уже не мог оторвать от неё взгляда. Подобных ей никогда не делали у него дома, и помнится, в нём тотчас заговорила присущая любому венну осторожность, – если мои пращурьы такого не ведали, то гоже ли мне?.. Он даже ушёл прочь от прилавка, заставленного мисами, жаровенками и горшками. Но потом, поразмыслив, сказал себе, что и сам оказался от дома весьма далеко, где отнюдь не бывал ни один его предок, да ещё и взялся обучаться кан-киро, о коем достопочтенные пращурьы, что называется, слыхом не слыхивали. И Волк поддался другому внутреннему голосу, уверенно говорившему: это его вещь, он полюбит её, будет радоваться ей. «Так-то

оно так, – всё же подумал венн, приученный к бережливости и к тому, что ни единый предмет не покупается просто ради красоты, а только для пользы. – Но что же я буду с ней делать?»

И вот тогда-то его и осенила мысль о воде.

Он поспешно вернулся к лотку горшечника и очень обрадовался, увидев, что чашу ещё никто не забрал. Щёлкнул по краю ногтем, с удовольствием послушал высокий чистый звон и спросил девушку, стоявшую за прилавком: «Сколько стоит такая миса, красавица?» – «Четверть барашка серебром», – отвечала Мулинга. Он не торгуясь выложил деньги. Потом принёс девушке кулёчек сладостей и маленький нож, показавшийся ему похожим на веннский...

Три года с тех пор он испытывал себя над этой чашей, проверяя свою готовность убить человека, которого не разрешал себе полюбить.

И у него ничего не получалось.

А Мулинга в итоге выбрала другого...

А ведь кан-киро некогда даровала миру Богиня Кан, называемая Любовью... Даровала во утверждение Своей власти – ибо ведала эта Богиня не только радостными утешами женщин и мужчин, как аррантская Прекраснейшая, но вообще всякой теплотой в людских проявлениях. Любовью родителей и детей. Милосердием ко врагу... Отношениями ученика и учителя...

Между прочим, добрые люди уже передали Волку, что говорил о нём Наставник несколько дней назад в корчме у Айр-Донна. «Жалко мне его, – будто бы сказал Волкодав. – Самого главного в кан-киро он так и не понял. И, видать, уже не поймёт...»

Волк раскрыл ладонь, занёс руку – так, словно собирался таранным ударом высадить, самое меньшее, городские ворота, – и движением, в котором знаток усмотрел бы тот самый удар, только невероятно замедленный, поднёс к чаше устремлённую руку...

Поверхность воды, на которую успели осесть какие-то пылинки, даже не шелохнулась. Волк не стал себя обманывать. Лёгкую рябь вызвало дуновение ветерка. А вовсе не его движение, исполненное, как ему казалось по глупости, невероятной внутренней силы.

«Чего же я не понимаю? – мучительно забилося в душе. – Чего? Дай ответ, Богиня Любовь...»

Нет, поистине не следует смертным то и дело тревожить Богов, испрашивая предвидения и совета. Он ведь уже молился сегодня, вопрошая об исходе неизбежного поединка с Наставником. И получил ответ: жёлтое пятно мочи под брюхом полузадушенного Молодого. Может, именно потому что-то дрогнуло в сердце, когда он заносил руку над чашей: он был заранее уверен, что проиграет свой бой... как и в том, что с водой у него опять ничего не получится. Не вскипит она белым ключом от неосязаемого прикосновения его силы, не выплеснется наземь, послушно и радостно подтверждая его мастерство...

Вот и не получилось.

А просьба о вразумлении, обращённая к Богине Кан, породила одну-единственную мысль, да и то не имевшую никакого отношения к его цели.

Священным символом Богини была вода, удерживаемая и подносимая на ладонях милосердия и любви. Кто-то видел в ней слёзы, пролитые над несовершенством и жестокостью мира. Кто-то – священную росу для омовения и очищения страдающей, заблудшей души. Кто-то – горсть воды, припасть жаждущими устами...

Почему-то Волк никогда раньше не вспоминал этот символ, когда смотрел в свою чашу. И то сказать, у него здесь была совсем иная вода. Она отражала солнце, садившееся в облака, и казалась красной от крови. Такой водицей набело не умоешься – лишь осквернишься. И жажду не утолишь.

«Чего же я не понимаю? Чего?..»

Над Тин-Вилоной ещё догорал вечер, а в северной части океана, который шо-ситайнцы называли Восточным, арранты – Срединным, Окраинным или просто Великим, а нарлаки –

Западным, стояла уже глубокая ночь. Сторожевые тучи исполинского шторма проходили южнее, и над мачтой «косатки» неслись лишь изорванные ветром клочки и лоскутья, за которыми не могли надолго укрыться путеводные звёзды. На закате в облаках шёл бой, там рубились и пировали герои. Теперь в вышине скользили бесплотные привидения: души, не заслужившие честного посмертия, безрадостно уносились в пасмурные владения Хёгга. Полная луна то пряталась за ними, то вновь принималась плавить в океане чернёное серебро. Свет был до того ярк, что глаз без труда различал цвета, а парус отбрасывал на корабельные скамьи и спавших под ними людей непроглядную тень.

Ветер дул спокойно и ровно, и на всей «косатке» бодрствовали только два человека: зоркоглазый Рысь у руля – да кунс Винитар, лежавший под меховым одеялом на своём месте, на самом носу.

Палуба «косатки» размеренно вздымалась и опускалась, переваливаясь с носа на корму и менее заметно – с борта на борт. Корабль хорошо потрудились и теперь отдыхал, и ветер, поменявший направление, более не противился ему, а, наоборот, упруго подставлял крыло. Сине-белый клетчатый парус был подвёрнут чуть ли не вдвое. Это затем, чтобы не отстала вторая «косатка», шедшая позади.

На бывшей лодье Зоралика теперь хозяйничали комесы Винитара. В бою они полностью очистили вражеское судно. То есть попросту перебили противников до последнего человека. Нет, сыновья Закатных Вершин были не из тех, кто сомневается в одержанной победе до тех пор, пока дышит хоть один неприятельский воин. Если бы Зоралик явил настоящее мужество, возможно, ему и кое-кому из его людей досталась бы пощада, – ведь грех убивать отважного недруга не по святому праву мести, а просто ради убийства. Но вскоре после того, как корабли столкнулись и началась рукопашная, кто-то из воинов Винитара увидел на палубе красивый шлем с золотой полоской на стрелке, кольчугу, отделанную на груди опять-таки позолотой... и меч, вдетый в богатые ножны. Оружие, могущее принадлежать только кунсу! И притом – кунсу, жаждущему утвердиться!.. Доспех был спрятан в укромном уголке под скамьёй, – его выбило оттуда сотрясение при ударе кораблей. Видно, тот, кто прятал его, просто не успел добраться до трюма, а выкинуть за борт не позволила жадность. Вдруг всё же доведёт судьба победить, так зачем загодя лишаться богатства?..

«Я бы понял вождя, который перед боем сбрасывает доспех, – сказал тогда Винитар. – Презирающий смерть достоин похвал. Но бросить меч? Это может означать только одно: Зоралик в случае поражения боится быть узнанным...»

Так оно впоследствии и оказалось. Когда кончился бой и воины, ходившие за недостойным вождём, отправились скитаться по отмелям Холодной реки, Винитар обнаружил, что в сражение, несмотря на сугубый запрет, успел ввязаться старик Аптахар.

«Тебе, я смотрю, одной руки многовато!» – хмуро заметил молодой вождь, глядя, как Рысь перевязывает Аптахару плечо.

«Давненько не получал я добрых боевых ран, – с законной гордостью отвечал старый воин. – А ты, сынок, прежде чем бранить меня, знай: я зарубил врага, целившегося тебе в спину. Вот он лежит, сам посмотри!»

По совести молвить, Винитара даже в толкотне и сумятице боя не очень-то просто было достать со спины, и Аптахар знал это не хуже него.

«Где?» – спросил Винитар больше для того, чтобы доставить ему удовольствие. И склонился над человеком, распростёртым около мачты. Убитый действительно держал в руке лук, хотя колчана у него на боку не было. Это заставило Винитара присмотреться внимательнее, и тогда он заметил, что сапоги воина были расшиты драгоценными шелками Мономатаны – красным, зелёным и золотистым. Отсутствие колчана сразу стало понятно. Недостойно вождя идти в бой с луком: оружие, убивающее издалека, не для кунса. Его оружие – святой меч, справедливый кинжал...

«Насчёт боевых ран ты хорошо сказал, дядька Аптахар. А я ещё добавлю: и славных ударов не наносил!»

Тяжёлый и длинный, почти в локоть длиной, боевой нож Аптахара начисто перерубил прочную кибить⁸ лука и уже на излёте бешеного размаха глубоко рассёк шею стрелка. Вот на какие подвиги оказался способен одорукий калека, усмотревший, что воспитаннику угрожает опасность!..

«И в самом деле похож на Забана, – продолжал Винитар, рассматривая тяжёлое лицо, ястребиный нос и рыжеватые с густой проседью волосы Зоралика. – Может, тот ему и вправду отец?»

Смерть не сумела стереть с лица павшего выражение жестокой обиды. Когда клинок Аптахара перерубил ему шейные жилы, он ведь успел осознать, что умирает, и умирает бесславно.

«Отец? – фыркнул Аптахар. – Значит, не станут говорить про Забана, будто он сумел родить хорошего сына!..»

...Теперь Винитар вспоминал эти слова и поневоле раздумывал, скажет ли кто-нибудь то же самое про его собственного отца. Раздумья, правду сказать, получались невесёлые. Винитар смотрел на чёрные, с широкой серебряной оторочкой тени облаков, скользившие по лику луны, и вспоминал, как впервые увидел чужую кровь у себя на руках. Ему было тогда одиннадцать зим, и один из комесов отца за пивом сболтнул, что-де кунсу следовало бы взять в жёны настоящую сегванку, скажем с острова Печальной Берёзы, а не какую-то неженку с Берега, еле-еле выродившую единственного сына. Да и тому, мол, умудрилась передать свои глаза, а не мужнины...

«Чем рассуждать о чужих глазах, поберёт бы свои», – ровным голосом сказал ему сын этой неженки. И, не озаботившись подхватить хотя бы нож со стола, хладнокровно и точно ткнул воина в лицо просто рукой – пальцами, сложенными «лезвием копья». Именно хладнокровно, а не в порыве вспыхнувшей ярости. Его матери давно не было на свете. Она умерла девять зим назад, пытаясь родить второго ребёнка. А отец не торопился с новой женитьбой, поскольку ледяной великан всё необоримее придавливал остров, и кунс подумывал о переезде на Берег.

«Эй, уймись! – прикрикнул отец на разъярённого воина, зажимавшего рукой изувеченную глазницу. – Подумаешь, мало ли одноглазых на свете!.. – И повернулся к сыну, чтобы едва ли не впервые расщедриться на похвалу: – А ты, как я погляжу, не такой уж никчёмный, как мне раньше казалось...»

Плох тот вождь, который скверно разбирается в людях. Но Богам оказалось угодно, чтобы кунсу Винитарию по прозвищу Людоед выпало ошибиться в собственном сыне. Всего год спустя, когда они уже жили на Берегу, мальчишка вконец разочаровал отца, наотрез отказавшись участвовать в ночном нападении на соседей-веннов, справлявших наречение имени одному из своих сыновей.

«Я помню наши сказания. У того, кто нападает ночью, нет чести», – заявил молокосос прямо в глаза кунсу. За что был избит немедленно и безо всякой пощады. Мало ли что случается между отцом и сыном, пережили и схоронили!.. Но, как потом оказалось, давней стычки так и не забыл ни тот, ни другой. Миновало ещё несколько зим, и юный Винитар покинул отца, отправившись в глубину Берега. Туда, где справным воинам обещали достойную службу могущественные властители страны Велимор. Люди говорили, старого кунса не удивил отъезд сына. И даже не особенно огорчил. Гораздо большее ударило его то, что с Винитаром – это сухим-то путём! – ушла чуть не вся морская дружина, некогда приведённая Людоедом с острова Закатных Вершин, и остался кунс в только что выстроенном замке едва ли не с одними наёмниками.

А ещё через несколько зим...

Многим по всей справедливости гордятся славные тин-виленцы, и в том числе –

⁸ *Кибить* – деревянная часть лука, рукоять и два рога.

закатами, осеняющими их город. Ясное дело, не всякий закат в Тин-Вилене удаётся красивым, но если уж удаётся, то многие соглашаются, что подобного в иных местах не найти. И даже в Аррантиаде, чьи жители бахвалятся красотами своей земли так, словно сами их создали.

Весной тин-виленское солнце долго не может успокоиться за хребтами, оно касается пиков и на время пропадает из глаз, потом снова показывается между вершинами. Свет его в это время неистово ярк, и горы предстают сплошной зубчатой тенью, и невозможно отделаться от мысли, будто там, за чёрной стеной, и есть уже самый край мира. Бессильно шепчет рассудок, что Заоблачный кряж отграничивает не иномирье, а всего лишь Озёрный край, где стоят поселения и живут обычные люди, и там в это самое время ловится рыба, чинятся сети, варится пища. Закат в Тин-Вилене – не та пора, когда хочется слушать доводы разума... А после солнце совсем уходит за горы и разливается позади них медленно стынущим заревом, сперва алым, потом малиновым и наконец – пепельно-голубым. И, пока это длится, наступает некоторый миг, когда горы начинают испускать своё собственное свечение. Каждый пик, каждый склон окутывает полоса нездешнего пламени. Золотого на алом. Алого на холодном малиновом. Ускользящего малинового – на пепельной синеве...

А потом остаётся лишь синева, и в ней разгораются весенние звёзды...

Ветер шептал что-то жухлой степной траве, но мёртвая трава едва ли слышала его печальную песню. Скоро, совсем скоро её сменят новые ростки, уже выбившиеся из земли среди старых корней. Им цвести, им танцевать и разговаривать с ветром – до осени, до зимнего снега.

В нескольких поприщах от стен Тин-Вилены, там, откуда нельзя уже было видеть окутанный ночной сенью город, только огни четырёх маяков, да и те казались крупными звёздами, низко повисшими над горизонтом, – посреди ровной степи стояли двое.

Два родственника, два брата. Оба – Волки, зверь и человек.

Волк, которого мать звала Пятнышком, напряжённо вбирал незнакомые звуки и запахи шо-ситайнской степи, где отныне ему предстояло жить. Бок о бок с человеком он только что одолел половину большого и враждебного города, который при иных обстоятельствах заставил бы его обезуметь от страха. На улицах скрипели колёса, шаркали ноги и стучали копыта, лязгало и звенело железо, а каждый порыв ветерка обрушивался шквалами немислимых запахов. За заборами бесновались лютые псы, в двух шагах на чём свет стоит ругались возчики и верховые, чьи кони, чуя волка, неудержимо шарахались. Улюлюкали и свистели мальчишки, и, путаясь у всех под ногами, гавкающим половодьем катились по пятам трусливые шавки, сбежавшиеся чуть не со всего города полаять на извечного недруга. Будь Пятнышко один, ему бы не поздоровилось. Но рядом шагал брат, и его рука лежала у Пятнышка на загривке, и невольно дыбившаяся щетина тотчас укладывалась на место, и волк шёл вперёд, тесно прижимаясь к бедру человека, не глядя ни вправо, ни влево – и не останавливаясь, чтобы огрызнуться в ответ на бессчётные оскорбления.

Дорога показалась ему нескончаемой... Но вот город остался далеко позади, кругом лежала вольная степь, и волк знал – пришло время прощаться.

Человек по имени Волк опустил на колени и обнял его.

– Беги, Пятнышко, – тихо сказал он, запуская пальцы в густую звериную гриву и последний раз вбирая ноздрями запах родной северной чащи. – Беги на свободу. Здесь всё не так, как в наших лесах, но ты, я знаю, не пропадёшь. Ты скоро поймёшь здешнюю жизнь. Ты встретишь стаю и сделаешься её вожаком. А потом тебя выберет волчица, и ты продолжишь свой род... Беги, брат мой!

Человек крепко зажмурился, давя необъяснимо подступившие слёзы, – и опустил руки. Некоторое время ничего не происходило. А потом на его запястье сомкнулись челюсти волка. Зубы, способные раздробить лошадиную ногу, тронули кожу человека так бережно, что жаркое, влажное дыхание, рвавшееся из пасти, было едва ли не ощутимей нажатия клыков. Прикосновение длилось недолго... У человека был острый, отточенный слух, которым не обладает ни один горожанин. Но и он не сумел уловить ни шороха, ни шелеста

удаляющихся шагов. Только рассеялось ощущение близкого присутствия волка, и венн понял, что остался один.

Винитар устало вздохнул и повернулся на другой бок, не в силах заснуть. Ночной ветер негромко посвистывал в снастях, напевая колыбельную, с детства знакомую всякому морскому сегвану. Волны приглушённо шипели, расступаясь перед форштевнем и обтекая борта: над обводами «косатки», шлифуя нынешнее совершенство, трудились поколения сегванских корабелов и мореходов. Облака всё так же беззвучно скользили над головой, то пряча, то вновь открывая луну. На закате эти облака были безумными и вдохновенными мыслями поэта, а сейчас... Была на Островах поговорка, касавшаяся пустяковых вроде бы горестей, способных, однако, слиться в сводящее с ума ощущение безысходности: «О чём думает старуха, когда ей ночью не спится...»

... Через много зим после своего отъезда вглубь Берега, когда успело произойти немало всякого разного, когда Винитар оказался женат, но так и не увидел жену, когда не стало отца, а он, сын, вынужден был отпустить убийцу, попавшего к нему в руки, – в общем, месяца три назад он заглянул в Галирад.

Он собирался наконец-то навестить родной остров, которого не видал уже очень давно, с самого времени переезда на Берег. Но и Галирад был ему городом в некотором роде не чужим: как же не заехать туда?

В сольвеннской столице его принимали по-родственному. Ещё бы, ведь кнес Глузд Несмеянович до сих пор числился ему законным тестем, да и молодая кнесинка Эртан с теплотой вспоминала замок Стража Северных Врат и то, как справедливое письмо кунса защитило походников от навета... Вот и вышло, что Винитар стоял на причале, наблюдая, как его «косатка» грузилась припасами для дальнего плавания, и тут к нему подошёл человек.

«Святы Близнецы, чтимые в трёх мирах... Ты, верно, кунс Винитар с острова Закатных Вершин, сын Винитария Людоеда?»

Он обернулся и тут же признал в незнакомом человеке, во-первых, жреца Богов-Близнецов, а во-вторых, своего соплеменника. Именно во-вторых. Вера Близнецов учила не делать различий между племенами, и потому самые рьяные её приверженцы напрочь оставляли обычаи родной старины, предпочитая двуцветные красно-зелёные одеяния, носимые во имя путей божественных Братьев. Однако выговора не скроешь – как и черт лица, присущих лишь коренным выходцам с Островов.

«Так меня вправду кое-кто называет, – неохотно отвечал Винитар. – А ты кто таков и что тебе надо?»

«Люди именуют меня Хономером, – слегка наклонил голову жрец. – И мне кажется, тебе не придётся жалеть, если захочешь со мной побеседовать».

Винитар недовольно подумал, что мог бы и сам догадаться об имени, если бы удосужился попристальней разузнать, что делалось в городе. Гласила же мудрость длиннородного Храмна: прежде, нежели входить в дом, прикинь, как будешь выбираться обратно... Вслух кунс произнёс:

«О чём нам беседовать? Я не враждую с твоими Богами, но и от своих пока что отрекаться не собираюсь...»

Хономер усмехнулся:

«Примерно так говорил со мной и некий другой человек здесь же, в Галираде... почти семь лет тому назад. – Его вера учила измерять время не зимами и ночами, как было издавна принято у сегванов, а солнечными летами и днями. – Этот человек отзывался на собачью кличку и держал при себе ручного зверька. Летучую мышь».

«И что с того?» – хмуро поинтересовался Винитар. На самом деле сердце у него сразу застучало быстрее, но показывать это он отнюдь не собирался. Негоже.

«Мне подумалось, ты не отказался бы встретиться с ним».

Винитар молча отвернулся и стал смотреть на морской горизонт, туда, где – далеко-далеко, в неделях пути, у самого края мира – лежали незримые отсюда Острова.

«Я не первый раз в Галираде, – начал негромко и неторопливо рассказывать жрец. – Семь лет назад я уже проповедовал здесь... и, должен признаться, потерпел весьма обидную неудачу. В те годы я думал, что для zdeшних язычников всего убедительней окажется воинское превосходство – как для иных южных народов, подверженных мору, в своё время оказалось убедительным прекращение вредоносных поветрий. Увы, я ошибся. Моего воина посрамил человек, о котором я говорю. Предвечному было угодно надолго затем развести наши дороги, и я начал уже понемногу о нём забывать. Но три года назад он объявился в городе, где стоит мой храм: в Тин-Вилене, на севере Шо-Ситайна. Этот человек и сейчас там живёт. Я же вновь приехал сюда проповедовать, ибо не хочу, чтобы кто-то сказал, будто наша вера потерпела здесь поражение».

Винитар тем временем успел искоса присмотреться к жрецу и отметил то, что, по его мнению, следовало отметить. Ладное, гибкое, мускулистое тело, подходившее скорее воину или охотнику, но никак не смиренному служителю Богов, взыскующему книжной премудрости и просветления духа. Широкие жилистые запястья, крепкие пальцы, мозолистые ладони...

«И что? – спросил он Хономера. – На сей раз ты хочешь, чтобы твоим воином стал я? Или сам намерен сражаться?»

К его некоторому удивлению, жрец рассмеялся.

«У zdeшнего народа, – сказал он, – есть присказка о простаке, который, шагая в темноте, вновь и вновь наступает на грабли и никак не поймёт, кто же это так ловко бьёт его по лбу. Нет, сын Винитария, я не хочу повторять однажды сделанную ошибку. Теперь мы с братьями трогаем души людей притчами⁹ о смертной Матери божественных Братьев, скромно надеясь, что сольвенны поймут красоту нашей веры и увидят её преимущество перед поклонением... – тут он презрительно скривил губы, – Матери Живе, которому они до сих пор здесь предаются. И в этом деле, кунс, ты мне уж никак не помощник».

Хономер замолчал. Винитар понял: жрец сказал ему всё, что собирался сказать.

«Я не буду благодарить тебя, – проворчал мореплаватель. – Потому что ты пришёл сюда сам и окликнул меня по собственному желанию, а я тебя за язык не тянул. Лучшие я тоже расскажу тебе про одного человека. Быть может, его участь заинтересует тебя».

«Кем же он был?»

«Твоим единоверцем. Он носил жреческие одеяния, как и ты, хотя далеко не такие яркие. Я в то время только-только надел меч, а он был уже стар. Его приютили наши соседи, венны из рода Серого Пса. Их дети добывали для него берёсту, и он записывал сказания этого народа».

«Записывал? Вместо того, чтобы обучать их истинной вере? Странный жрец... Стоит ли удивляться, что к возрасту почтенных седин он не сподобился достичь сколько-нибудь высокого сана!»

«Может, ты и прав, но дети веннов приветствовали его так, как приветствовал меня ты, потому что желали порадовать старика. Я думаю, они крепче уважали вашу веру и больше знали о ней, чем те, перед кем ты проповедуешь, Хономер».

«Я поразмыслю над твоими словами, – после некоторого молчания пообещал жрец. – Ибо сказанное разумным язычником бывает куда более достойно работы ума, нежели праздная болтовня иных правоверных. Так что же случилось с этим жрецом? И не припомнишь ли, кунс, как его звали?»

Винитар ответил:

⁹ Притча – букв. „случай“, короткий поучительный рассказ о событии, некогда (по мнению рассказчика) происшедшем в действительности.

«Как его звали, о том спрашивай не меня, а человека, который держит ручную летучую мышь. Он был в числе венских детей, слушавших почтенного старца, и в его познаниях ты мог сам убедиться, если только вправду был с ним знаком. Что же до судьбы старика... Он пал от рук комесов моего отца, когда они с оружием явились на праздник, куда их звали гостями. А берестяные книги, которые он составлял несколько зим, были брошены комесами в костёр. И это я уже видел сам».

«Никому не дано знать, где и как оборвётся его жизненный путь, – вздохнул Хономер. – И чего будет стоить труд целой жизни на суде Блинецов... каким бы значительным он нам самим ни казался. Спасибо тебе за беседу, сын Винитария...»

«И тебе спасибо. Ты славно позабавил меня», – отозвался молодой кунс. Позабавил – такова была у сегванов высшая похвала за рассказ, и он надеялся, что Хономер ещё не успел этого позабыть.

Жрец вновь едва заметно поклонился ему и, повернувшись, зашагал прочь по деревянной мостовой, опиравшейся на несокрушимые дубовые сваи. Он не прибавил ни слова, но Винитар разбирался в людях, пожалуй, не хуже, чем его давно погибший отец. И он понял – повесть о старом жреце глубоко зацепила Хомера. Винитар не отказался бы узнать почему.

А вот что он знал со всей определённойостью – это то, что по окончании погрузки он скажет дружине: «Наш остров простоял в океане четыре тысячи лет, и даже великаны не много нового сотворят с ним за месяц или два, на которые мы задержимся. Я надумал сперва посетить Тин-Вилену!»

А ещё он знал, что Хономер тоже видел людские сердца насквозь, точно опытный мореплаватель – очертания волн и свечение воды, идущее из глубин. И значит, тин-виленский ученик Блинецов наверняка уже догадался, что кунса надобно в самом скором времени ожидать в гости...

...Винитар встрепенулся, как от толчка. Но не оттого, что палуба «косатки» представляла собой слишком жёсткое ложе, – он не был избалован и очень редко позволял себе спать на чём-либо более мягком. Нет, Винитара пробудило от наползавшей дремоты явственное ощущение близкой опасности. Опасности безымянной, неотвратимой и грозной!..

Первым помыслом опытного боевого кунса было громко подать голос, поднимая тревогу. Но почему-то – быть может, делая непростительную глупость – он удержал в себе крик, решив для начала оглядеться и хорошенько прислушаться. На луну как раз набежала очередная тень; впрочем, кунс, вскинувшийся на локте, отчётливо видел на кормовой скамье силуэт рулевого. Рысь сидел совершенно спокойно, сверяя со знакомыми звёздами послушный бег корабля... «Я действительно превращаюсь в старуху, которой ночью не спится, – с досадой подумалось Винитару. – Здесь кругом открытое и глубокое море, безо всяких отмелей и подводных скал. Ветер попутный... О чём я тревожусь?»

Он ещё додумывал эту мысль, когда проворное облачко соскользнуло с лика луны... и Винитар УВИДЕЛ.

Он увидел скалу, которой просто не полагалось тут быть, но она была. И совсем близко. Она высилась чуть впереди, грозно и жутко нависая над правым бортом «косатки». До неё оставалась едва ли сотня шагов. Луна в упор изливала на неё своё серебро, не ведающее полутеней. Яркий свет озарял все изломы голого камня, превращая каждый выступ – в разящее лезвие, каждую выбоину – в бездонный провал.

Странной, страшной и непростой представала эта скала... Винитар никогда прежде не видел её, но узнал сразу. Нагромождение чёрных, изъеденных морем утёсов явилось кунсу исполинским конём, вздыбленным перед прыжком в никуда. Ветер пел, овевая чудовищные копыта, занесённые в бешеной скачке и готовые вот-вот растоптать маленькую «косатку»... И сидевший в седле отнюдь не сдерживал каменного скакуна. Одна его рука была простёрта вперёд, над гривой коня, другая тянулась к мечу. А лицо, изваянное резкими тенями луны... такой лик мог бы быть у длиннородого Храмна, когда Он прознал о гибели сына и бросил

на плечи синий плащ мести. Горе и ярость, овеществлённые случайным расположением камня и прихотью лунного света...

Под копытами Всадника молча клокотало белоснежное кольцо бурунов, «косатку» неудержимо влекло навстречу гибели – а Рысь, словно ничего не замечая, всё так же безмятежно вёл судно, доверившись маячкам родных звёзд, и Винитар отчётливо понимал: даже если закричать прямо сейчас, поднимая всех по тревоге, – они уже ничего не успеют. Ни вытащить вёсла, ни поспешно переложить руль. И, хотя не к лицу сегванским воителям умирать вот так, прямо во сне, даже руки не подняв для защиты, – Винитар почему-то снова не закричал.

Наверное, оттого, что происходившее было поистине превыше его крика, превыше любых деяний мореходов, сисящихся уберечь корабль от гибели на клыках коварного рифа...

Он поднялся на ноги и прямо посмотрел Всаднику в чёрные провалы глазниц. Правильный, чтущий заветы предков сегван всегда ложится спать обнажённым, в том числе и на корабле посреди моря, – и Винитар стоял перед грозным пришельцем в чём мать родила.

– Мои люди ни в чём не повинны перед тобой, – сказал он негромко. – Никто из них никогда не бывал в Шо-Ситайне. И предки их, насколько я ведаю. А если за мной усматриваешь какую вину, так и спрашивай с меня, а не с них.

Всадник, как и следовало ожидать, ничего ему не ответил... Новое облачко сокрыло луну, и на несколько мгновений Винитар напрочь перестал что-либо видеть, даже серебристые взлески на волнах вдали, там, где море было свободно от тени... Сделать он ничего больше не мог, а потому стиснул кулаки и стал просто ждать. Всякий мореплаватель, мало-мальски опытный на руле, даже с закрытыми глазами умеет прикинуть ход судна и пройденное расстояние... За миг перед тем, когда должен был раздаваться хруст смятого дерева и жалобный треск мачты, Винитар отчаянно напрягся всем телом, готовясь принять неминуемое...

Но ничего не случилось.

Лишь ненадолго окутало стылой, как из ледника, сыростью, а волосы мигом покрылись жемчужной россыпью влаги – так, словно корабль прошёл сквозь клок густого тумана, плывшего непосредственно по волнам.

Ветер оттащил прочь рваный край облака, и вновь выглянула луна, озарив океан на много поприщ вокруг. Винитар завертел головой, разыскивая Всадника, но море было пустынно – и впереди, и за кормой. Постояв ещё немного, кунс опустил на палубу и натянул добротное овчинное одеяло. Если бы не кисея ледяной сырости, облепившая тело, он точно решил бы, что ему примерещилось.

На эту ночь Волк не пошёл в крепость. Там у него имелось жильё и сохранялись пожитки, но ему и раньше случалось ночевать в городе – либо в какой-нибудь корчме, либо у почтенного горшечника Шабрака, отца Мулинги, – и никто ему за это не пенял, лишь бы он не опаздывал к утреннему уроку.

Волк шёл и думал о том, как расскажет Винойру о своём расставании с Пятнышком, и побратим звонко хлопнет себя руками по бёдрам: «Только смотри не проболтайся об этом людям из наших кочевий, парень! Они тебе голову оторвут и на кан-киро твоё не посмотрят! Ты хоть понимаешь, какую услугу им оказал?! Минует лето-другое, и здешние волки сделаются в два раза крупней прежнего...»

Пусть говорит, пусть подтрунивает. Волк и не подумает обижаться. Совсем скоро от пристани отвалит большой торговый корабль. Он увезёт за море меднокожего Винойра, вытащившего жребий скитальца. И с ним – Мулингу. И её отца, уже сговорившегося о продаже двора...

Странное дело, Волк всего менее ревновал девушку, которую недавно считал почти что невестой. Не точил ядовитый клык на побратима, её вроде бы умыкавшего. Нет... Он

беспокоился, приживётся ли шо-ситайнец в далёкой стране Саккарем, будет ли к нему милостива тамошняя Богиня, не покусятся ли кто-нибудь слишком алчный на его драгоценного жеребца по имени Сергитхар. Мулинга?.. Схлынула первая обида, и Волк обнаружил, что «измена» девушки вовсе не погасила для него солнце. Если бы, к примеру, он не смог одолеть Ригномера, если бы Пятнышко разорвали псы на Кругу... ему было бы больней. Мулинга же, по мнению венна, вольна была выбирать – тем более что он не успел даже попросить у неё бус. Может, с Винойром ей окажется не так хорошо, как она ожидает, и она задумается, не сделала ли ошибку. Но это не его, Волка, дело.

Его дело – вызвать Наставника на поединок. Чтобы убить. Или самому оказаться убитым.

– Потому что он – Волкодав. А я – Волк.

Молодой венн даже выговорил вслух эту формулу старинной, не ведающей примирения вражды. Выговорил... да так и замер посреди степной дороги, что была дорогой лишь на ближних подступах к городу, а поодаль от стен распадалась на дорожки и тропки, постепенно терявшиеся на травянистой равнине. Так текут реки халисунских пустынь, исчезающие в песке.

– Да чтоб я сдох, – прошептал он некоторое время спустя, по-прежнему не двигаясь с места. Хорошо знавшие Волка немало удивились бы подобным речам. Венн слыл человеком сурового и строгого нрава и, в отличие от многих других учеников, сквернословил исключительно редко.

Но теперь как раз и был тот самый исключительный случай, ибо на Волка снизошло озарение.

Он наконец понял, что Боги всё-таки ответили ему. Он загадывал об исходе грядущего боя с Наставником – и Они, вняв молению, ниспослали ответ. Только он, глупец, сразу не уразумел его. Зато теперь слышал Голос свыше так явственно, как если бы вернулся тот тихий вечер в Нарлаке и маленькая женщина, принятая им за деревенскую дурочку, вновь ласково взяла его за руку. *Нет никакой предопределённости, сынок. Ты торопишься узнать ответ, а сам ещё не задал нужных вопросов. Ты ещё не совершил поступков, могущих направить судьбу, а главное – не обрёл Понимания, необходимого, чтобы их совершить. Так вот же, что будет, если ты не сумеешь прозреть... – И белоснежное брюхо Молодого облила постыдная струйка. – А вот другой поединок. Так надлежит биться зрячему...*

Где-то далеко-далеко, в свободной степи, струился под луной серебристый мех Пятнышка, и в пушистой гриве путались звёзды.

Видишь, сынок? Ты вполне способен на это. Кажется, я не ошиблась в тебе...

– Спасибо, матушка, – снова вслух тихо проговорил Волк. – Ты права. Клетки нужно ломать.

Стояла глубокая ночь – время, когда, согласно древним законам, привезённым ещё переселенцами из Нарлака, городские ворота не открывались ни перед кем, будь то хоть сам правитель страны. Однако на Тин-Вилену за всю её историю ни разу не покушалось ни одно неприятельское войско. А посему, хотя ворота исправно запирались и до самого рассвета стояли закрытыми, – неусыпная стража на пряслах¹⁰ не бдела, как где-нибудь в Фойреге или в Кондаре. Да и стена была – громко сказано; не город окружала, а выселки отгораживала от Серёдки. Бедноту от богатеев, как иногда говорили. Всяких пришлых – от коренных. Впрочем, по обе стороны жил народ, не лишённый озорной жилки и склонный порой к ночным похождениям, – то есть удобные перелазы давным-давно были разведаны.

Волк преодолел тин-виленскую стену даже не один раз, а дважды. Двор не слишком зажиточного горшечника Шабрака помещался, конечно, не в старом городе, а вовне. Вот только выселки эти располагались с другой стороны, не с той, откуда шёл Волк.

¹⁰ На пряслах, прясло – участок крепостной стены между двумя башнями.

Внутри стен были прямые и узкие чистые улицы, вымощенные камнем. Здесь можно было встретить стражников, здесь горели заправленные маслом светильники, а состоятельность жителей чувствовалась даже не по домам – достаточно было посмотреть на внушительные каменные заборы.

Выселки имели совершенно иной вид. Дворы здесь тоже огораживались глухими заборами, но в основном деревянными, сколоченными из горбыля. А улицы хоть и отличались шириной, но были донельзя запутанными и кривыми, ибо приезжие строились каждый как мог, и вдоль заборов отвоёвывал себе пространство непобедимый бурьян.

И нигде – ни огонька.

Зелёные и людные днём, к ночи выселки превращались в глуховатое и определённо опасное место, очень мало подходившее для поздних прогулок.

Но – только не для учеников Волкодава.

Нет, не то чтобы они были так уж уверены в собственной непобедимости. И не то чтобы их тут кто-то боялся. Нет, конечно. Истинная причина крылась в чём-то другом, но вот в чём именно – Волк даже не пытался расспрашивать. Какое ему дело? Ему достаточно было и того, что люди из Младшей Семьи никогда не задирали его, а Шабраку эти молодцы в кожаных безрукавках, обшитых кольчужными звеньями, даже помогли найти хорошего покупателя, давшего за дом и двор достойную цену...

Волк навывлет прошёл две кривоватые улочки, не обращая никакого внимания на подозрительные тени, маячившие за углами. Кто бы там ни скрывался, на него они нападать не собирались, – он бы это почувствовал. Ворота Шабракова двора были уже заперты. Волк не стал беспокоить почтенного хозяина и его дочь, махнул внутрь прямо через забор.

Здесь на него свирепо и почти молча набросились дворовые псы.

Как было принято среди тин-виленцев, Шабрак держал пару местных собак, и они сторожили хозяйство согласно обычаям своей породы. Любопытная сука высматривала и вынюхивала прокрававшегося злоумышленника, а обнаружив его, звала кобеля, грозного, но порядком ленивого, – и уже тот мчался крушить. И если только воришка не падал сразу на землю, а сдуру пробовал отбиваться... хозяин двора мог и не успеть к нему на подмогу.

Однако Волк был своим. На полпути псы узнали его запах и, очень смутившись, разыграли целое представление, притворяясь, будто на самом деле не нападали, а спешили приветствовать и скорее узнать, откуда это так разит волком. Молодой венн рассеянно потрепал две корноухие головы и сразу пошёл в угол двора, где с вечера стояла его чаша с водой.

Псы, оказывается, успели досуха вылакать из неё всю воду. Волк досадливо мотнул головой – не потому, что брезговал, просто уж очень велико было стремление скорее, как можно скорее дать облик новообретённому Пониманию, – и зачерпнул свежей воды из дождевой бочки под свесом крыши. Сдерживая нетерпение, бережно утвердил чашу на земле. Опустился рядом с ней на колени и замер, успокаивая дыхание.

– Клетки нужно ломать! – наконец повторил он вслух. И, медленно выдыхая, занёс руку с развёрнутой, как для удара, ладонью...

Луна, отражавшаяся на поверхности, разлетелась на тысячу серебряных осколков – вода хлестнула из чаши во все стороны веером, облив Волку колени и забрызгав стену клетки. А сама чаша подпрыгнула, словно от удара по краю, и перевернулась в воздухе. По счастью, земля в углу двора была мягкая, так что посудина не разбилась.

Волк откинулся на пятки, закрывая глаза, и тут только почувствовал, до какой степени вымотал его этот длинный день. Зато теперь в душу изливался покой, которого он не ведал уже давным-давно.

Тебя я знаю вдоль и поперёк.
Ты мог
Моим бы стать, пожалуй, близнецом.
В мой дом

Войдёшь и тоже знаешь что да как, —
Мой враг.

Тебя я знаю вдоль и поперёк.
Исток
Вражды потерян в изначальной тьме.
Ты мне
Роднее брата, ближе, чем свояк, —
Мой враг.

Тебя я знаю вдоль и поперёк.
Жесток
От прадедов завещанный закон.
Но он
С тобою навсегда нас вместе спряг,
Мой враг.

Тебя я знаю вдоль и поперёк.
Итог —
С такой враждой не надо и любви...
Живи
Сто лет. Удач тебе и благ,
Мой враг.

3. Мост через реку Край

Вот что получается, когда слишком долго живёшь под каменным кровом!..

Умом Волкодав понимал, что книжной странице полагалось быть желтовато-песочной – по свойству старой бумаги. Однако глаза упорно твердили иное. Траченный временем лист рисовался им муарово-серым, точно слой пепла из самой середины кострища, оттуда, где огонь бушевал злее всего. Он покосился на свечку, стоящую на столе. Пламя было бесцветным. Этаким язычок холодного света, безо всякой голубизны у фитилька и тёплой каёмки ближе к вершине. Венн осторожно повёл головой – осторожно потому, что глаза ещё и перестали поспевать за движением, воспринимая то, что должны были увидеть, словно бы с некоторой задержкой. Резко повернуться значило заработать приступ отвратительной дурноты. Впрочем, он мог бы и не озираться. Весь остальной чертог храмовой библиотеки тоже напрочь утратил присущие ему краски. Исчезла подчёркнутая воском и умелой полировкой живая, глубокая, благородная краснота деревянных полок, покоивших несчётные фолианты. Лишились привычного облика корешки, украшенные то надписями, то многоцветным узором, а иные и позолотой. Всё сделалось серым, и лишь тонкие переливы на поверхности пепла позволяли узнавать мир и догадываться, каким он был прежде.

Волкодаву было уже знакомо это до крайности пакостное состояние, вызванное, насколько он мог понять, жизнью под неблагословенным каменным спудом. Оно накатывало безо всякого предупреждения, длилось несколько мгновений, а потом отпускало. Венн крепко зажмурился и сидел так некоторое время. Иногда это помогало.

Он даже прикрыл веки ладонью – и попытался как можно ярче вообразить себе привычную внутренность библиотеки. Благо проводил здесь немалую часть времени, свободного от занятий с учениками. Другие обитатели крепости, младшие жрецы и особенно

стража, вначале посмеивались над ним. Он не удивлялся. Он знал свою наружность головореза с большой дороги, наёмника, странствующего искателя ратной поживы и приключений – в общем, человека, склонного мозолить пальцы рукоятью меча, а не листанием книжных страниц. Когда он впервые пришёл в библиотечный чертог, старенький хранитель уставился на него в немом ужасе. Ждал, видимо, что диковатый с виду пришелец начнёт украдкой сдирать с книжных обложек серебряные уголки.

«Взыскующему истины – укажи путь», – напомнил старику Волкодав завещанное Близнецами.

Тот поджал губы:

«Мы здесь трактуем эти слова в том смысле, что не следует отказывать никому, возжелавшему принять нашу веру...»

«Да? – прищурился венн. – А вот Возлюбленный Ученик Сиридван, поясняя эти слова, некогда наставлял помогать советом и поступком всякому стремящемуся преуспеть в благом деле...»

С тех пор прошло три года. Подтрунивать над венном давно прекратили, ибо даже отчаянным зубоскалам со временем надоедают бесполезные насмешки. Хранитель же библиотеки по-прежнему встречал Волкодава как нежеланного гостя, хотя давно убедился, что «варвар» книг не портит и не крадёт. На первых порах венн никак не мог истолковать для себя поведение старика. Он вспоминал Эвриха, Тилорна, брата Никилу... весь его опыт свидетельствовал: люди, проводящие половину жизни за книгами, зачастую сами проникаются добротами древних учителей – и во всяких жизненных столкновениях оказываются мудрей, дружелюбней... а зачастую – и мужественней не обременённых учёностью. Не всегда, конечно. Но в большинстве. Почему же тин-виленский хранитель книг так себя вёл?.. Он ведь не только пыль с них сметал куриными перьями, связанными в маленький веничек. Он самым внимательным образом просматривал всё, что привозили нового!

Волкодав долго раздумывал над этой загадкой. Пока не вспомнил одного мастера боя на копьях, старинного знакомого госпожи Кан-Кендарат, которого они посетили во время совместного странствия.

«У этого человека, – сказала она, – ты сможешь многому научиться, малыш...»

И тот вправду оказался великим умельцем. Одним из немногих, к которым, по мнению Волкодава, слово «великий» можно было применить без натяжки. Молодого в ту пору венна он попросту колотил и валял. На каждом уроке он мог двадцать раз убить его, если бы захотел, – что, прямо скажем, для обычного бойца уже в те времена было непросто. Венн жадно впитывал новое знание, постигая науку превращать любое копьё и даже обычную палку в продолжение своих рук – чтобы в случае нужды самая простая метла становилась грозным оружием, чтобы безо всякого затруднения рубить и колоть лёгким метательным копьём-сулицей или, наоборот, без промаха метать тяжёлое копьё, предназначенное только для рукопашной... Позже эта наука здорово выручит его, когда он расстанется с Матерью Кендарат и отправится мстить за свой род, но тогда он, конечно, об этом не знал. Как-то они ужинали вместе с мастером у него дома, и разговор зашёл о любви.

«Женщины? Пустые сосуды, куда мы изливаемся, дабы продолжить себя, – вот как отозвался повелитель копий о Тех, что были для Волкодава святее святого. Присутствие госпожи ни в малейшей степени не смущало хозяина дома. – Самки и матери. Больше они ни на что не годны, да к тому же ещё и быстро стареют. Мужчине следует время от времени прогонять их, заменяя новыми, более молодыми...»

Выслушав такое, Волкодав про себя ощутил страшную горечь разочарования, но вслух, конечно, ничего не сказал, поскольку был гостем, вступившим под кров и отведавшим одного хлеба с хозяином. Однако на другой день они с Матерью Кендарат покинули дом мастера и отправились дальше, и во время первого же привала венн выплеснул на жрицу жгучее недоумение:

«Я думал, несравненным воином может стать только тот, чья правда духа столь же

велика и чиста, как его боевые умения... А он? Воитель отменный, но притом сущий ублюдок... Почему так получается, госпожа?»

На что Кан-Кендарат, по обычаю своей веры отправившаяся странствовать только после того, как вырастила внуков, лукаво улыбнулась ученику:

«Я же говорила – ты многому научишься у этого человека, малыш...»

Минуло время, осталось в прошлом и обучение у Матери Кендарат, и её духовное водительство. Но получалось, что даже годы спустя Волкодав продолжал разгадывать когда-то преподанные ею загадки. В тот раз его отучили приписывать человеку благородство души на том основании, что его охотно слушается праведное оружие. Теперь вот удалось сообразить, что тысяча прочитанных книг сама по себе способна возвысить душу не более, чем тысяча отбитых ударов. «Спасибо, Мать Кендарат...»

И, если уж на то пошло, хранитель храмовой библиотеки очень напоминал венну другого Хранителя. Обитавшего – если только он был всё ещё жив – очень далеко от Тин-Вилены, на ином континенте. В Самоцветных горах. Он тоже был стариком и тоже распоряжался несметным богатством, не принадлежавшим ему. Сокровищницей, собранием величайших и лучших камней, добытых на руднике... Он знал камни, и камни знали его. Он без раздумий положил бы седую голову, защищая их от любого посягательства. Всесильные Хозяева приисков ни словом не противоречили ему, когда он располагал и устраивал вновь добытые самоцветы... но при всём том он оставался невольником, таким же ничтожным и бесправным рабом, как последний каторжник из забоя. Иной раз Волкодава крепко подмывало поведать книжному хранителю, какие воспоминания тот у него вызывал. Жизнь, однако, к тридцати годам в самом деле успела кое-чему научить его, и он помалкивал. Он, в конце концов, не о праведности хранителя радеть сюда приходил...

...Волкодав отнял руку от лица и решительно открыл глаза, хоть и предупреждало его дурное предчувствие: не будет нынче толку от всегдашнего средства. И точно. Книжная страница так и осталась пепельно-белёсой, а угловатые ряды аррантских букв, коим полагалось быть буро-лиловыми, как и прежде наполняла неестественная чернота. Волкодав поневоле пригляделся – уж не изменился ли заодно и смысл написанного? Нет. «Двенадцать рассуждений о пропастях и подземных потоках», созданные каким-то Кимнотом, придворным звездочётом Управителя стольного Арра, оставались всё теми же... хотя, право, лучше было бы им оказаться написанными задом наперёд. Или вовсе куда-нибудь исчезнуть вместе с красками мира.

Волкодав уже давно утратил склонность благоговеть перед книгой просто оттого, что это – книга и в ней целых двести страниц. Великий мастер боя способен, оставив копьё, оказаться полным ничтожеством и оскорбителем женщин, хранитель библиотеки – жмотом, перепутавшим сокровищницу мудрости с лавкой ростовщика... вот так и книгу, оказывается, может написать человек непорядочный или просто дурак. Волкодав долго шёл к осознанию этой истины, о которой когда-то его предупреждал ещё Эврих. И дело не в ошибках, способных закрасться порой даже в труд мудреца Зелхата Мельсинского, когда тот пишет об удалённом и неведомом племени веннов. Уже к середине самого первого «рассуждения» Волкодав мог бы поспорить на что угодно, что Кимнот сам никогда не лазал под землю, предпочитая пользоваться чужими, не очень-то проверенными рассказами. Зато преподносил он свои заблуждения с таким великолепным самодовольством, так прозрачно намекал своему неназванному, но явно облечённому властью покровителю на необходимость скорейшего наказания всех несогласных, что книгой хотелось запустить в ближайшую стену. За полной, увы, невозможностью проделать это с её создателем.

Однако книга как таковая не была ни в чём виновата, и Волкодав, хмурясь, просто переворачивал страницу за страницей. У него дома могли сурово выговорить впившейся под нготь занозе, непослушной иголке или камню, из-за которого подвернули ногу на круче, – но никогда не попрекали немощью слабого или болезненного ребёнка. За что бранить детище, коему всё досталось от матери и отца?..

Мудрость родного племени Волкодава никогда прежде не подводила. Не подвела и

теперь. Перевернув лист, он обнаружил начало новой главы и вдруг понял, что Хозяйка Судеб надумала за что-то его наградить. Быть может, за то, что в раздражении не захлопнул книгу посередине, решил всё-таки дочитать. «Рассуждение третье, – гласил заголовок (выделенный, должно быть, как и все прочие, красным), – разоблачающее низкий помысел Тиргея, сына дорожного мостника из предместья Арра».

Вот тут Волкодав жадно придвинул к себе книгу, начисто позабыв и об исчезнувших цветах, и о напыщенной глупости Кимнота! Да плевать на него, на Кимнота этого! Тиргей!.. *Друг мой, Серый Пёс, брат мой... Прошу тебя об одном: не пытайся защитит меня, когда надсмотрщики придут меня добивать...* Молодой учёный, чья память, помимо бездонных познаний о скрытой жизни пещер, хранила едва ли не всю классическую поэзию Аррантиады... Этого – заменить! И руки надсмотрщика по имени Волк, равнодушно, по-деловому, без гнева и злобы переломавшего ему позвонки. Тиргей... *К Небесной Горе, брат мой, можно подниматься всю жизнь, обретая и обогащаясь. Так и с Истовиком-камнем: ты не повесишь его на цепочку и не вправишь в браслет. Ты просто будешь искать его, находя по пути гораздо больше, чем предполагал...* Сквозь решётки правильных буквиц протягивал руку давно сгинувший друг, сумевший добраться к нему хотя бы так – посредством сочинений своего погубителя.

Ведь должен же был этот Кимнот, прежде чем начинать хаять Тиргея, воспроизвести на своих страницах хоть какие-то его умозаключения?.. *А впрочем, как знать? Может, он не удосужился привести и двух слов учёного супротивника, которого надумал не просто победить в споре – вовсе со свету сжить?..*

– Наставник, – почтительно окликнул Волкодава молодой голос, долетевший сквозь сумрак чертога. Венн поднял голову и убедился, что ночное зрение, дар прародителя-Пса, его ещё не покинуло. На пороге библиотеки стоял Винойр.

Звать Наставника на урок считалось весьма почётной обязанностью. Волкодав разглядел улыбку Винойра. Похоже, сегодня никто не оспаривал у паренька эту честь. Сегодня Винойр будет творить кан-киро вместе с друзьями и учителем в самый последний раз. Назавтра он уезжает.

Волкодав молча закрыл книгу, потушил пальцами свечку и пошёл за учеником каменным коридором наружу.

Они уже ждали его, рассевшись во внутреннем дворике. Их было около двух десятков – совсем новые уноты и те, кто успел застать ещё госпожу Кендарат. Волкодав не делал между ними различий. «Если ты видел два урока, а твой друг – только один, у тебя уже есть что ему посоветовать...» – наставляли когда-то его самого. Он обвёл глазами ряд обращённых к нему молодых лиц, хорошо знакомых и ещё не успевших таковыми стать... и сразу отметил, что между ними не было Волка. Очень странно. До сих пор Волк не отлынивал от занятий, скорее наоборот: являлся даже жестоко простуженным, даже с только что вывихнутой, ещё не зажившей рукой. Что же с ним произошло на сей раз?.. Наверное, всё тот же Винойр, его побратим, мог бы ответить... Волкодав не стал спрашивать.

Он кивнул чёрному мономатанцу Урсаги, и тот, живо подбежав, с поклоном остановился на удалении шага и вытянутой руки – это именовалось «расстоянием готовности духа». Венн протянул ему обе руки, предлагая схватить, и Урсаги, мягко прыгнув вперёд, сейчас же точно клещами стиснул его запястья. Но пока длился прыжок, Волкодав столь же мягко прянул навстречу налетевшему мономатанцу и чуть мимо него, а руки тем временем расходились – одна вниз, другая вверх, – и остановить их движение было уже невозможно. Но сила разгона ещё не была исчерпана, чернокожий проскочил вперёд, окончательно утрачивая равновесие, и, когда Волкодав шагнул ему за спину и несильно толкнул в бок – только и успел, что разжать руки и резко бросить их под себя, разворачивая рёбрами ладоней, чтобы приняли тяжесть падающего тела, дали ему встретиться с землёй не плашмя, а плавно, начиная с лопаток.

– Ух ты, – послышался тихий вздох кого-то из новеньких. Наверное, парень считал, что

уж ему-то такого никогда не постичь, и речь шла даже не о показанном Наставником приёме – об искусстве падения, которое явил сливово-чёрный Урсаги. Со всего маха на землю! Навзничь притом!.. Как же так – на спину, да чтобы не покалечиться?.. Ему-то всю жизнь внушали совершенно иное...

– «Вечно Небо и нерушима Земля», – назвал Волкодав ухватку, только что сокрушившую нападение мономатанца. И кивнул унотам – пробуйте, мол.

– Я тебе доверяю...

– И я тебе доверяю... – вразнобой и негромко огласило двор ритуальное приветствие кан-киро.

Волкодав отошёл в сторону и опустился на кем-то заботливо расстеленный коврик. Ему показалось, будто серый цвет, в который с некоторых пор окрасился для него мир, начал утрачивать оттенки и переливы, всё более распадаясь на чёрный и белый.

Он не успел поразмыслить об этом. С той стороны, где поместились новые уноты, раздались резкие голоса. Потом вовсе крики. И почти сразу – резкие шлепки ударов.

– Так! – сказал Волкодав, поднимаясь на ноги. По этому слову те из учеников, кто ещё продолжал постигать тщету нападения на Небо и Землю, замерли на местах, а Наставник отправился туда, где честное обучение боевому искусству сменилось мордобоем, чуждым благодати и красоты. Подобное хотя и редко, но всё же иногда происходило на уроках, – конечно, не среди старших, а между новичками, ещё не усвоившими: кан-киро есть наука Любви. Что там у них на сей раз?.. Кто-то кого-то слишком жёстко отправил в объятия Земли и тот, обидевшись, накинулся в ответ с кулаками?..

Подойдя, он сразу понял, что всё было гораздо хуже. Причина ссоры крылась не в вывернутой руке и не в ушибленном локте. Старшие, оказавшиеся, к счастью, поблизости, уже растащили драчунов и крепко держали, пресекая неумелые попытки высвободиться. У одного из парней, темноволосого, желтокожего халисунца Бергая, всю растекалась из носу красная юшка. У другого, обветренного зеленоглазого Сурмала, родившегося на юге Саккарема, успело распухнуть ухо и уже заплывал, наливался цветом грозовой тучи полновесный синяк на скуле. Но боевой запал ещё не иссяк: задиры продолжали орать во всё горло, избличая один другого сыном блудницы, порождением вшивого осла и даже выкидышем прокажённой. И, словно этих словесных чудес было ещё недостаточно, оба взаимно поносили народы, сумевшие породить столь мерзкие существа. Халисун объявлялся страной распутных женщин и трусливых мужчин: «Мы вас, степных шакалов, в старину били и всегда бить будем!» Халисунец грызлся, провозглашая Саккарем родиной болотных пиявок, у которых по жилам вместо крови течёт жидкое дерьмо: «Мы вас, жабы отродье, сапогами привыкли давить – и ещё подавим...»

Присутствие Наставника на них очень мало подействовало.

– Так, – повторил Волкодав. – Вы продолжайте, почтенные, я подожду.

Это вызвало смешки старших унотов, а участники перебранки замолкли, как по команде. Можно продолжать выкрикивать непримиримому недругу оскорбления, когда тебя крепко держат, пытаются зажать рот или больно тычут кулаком в рёбра. Но не тогда, когда над тобой начинают смеяться!

Халисунец и саккаремец, размышлял между тем Волкодав. Да, тут не за оторванную пуговицу биться пошли. Это вроде того, как если бы меня когда-то, мальчишкой, заставили вежливо и уважительно бороться с сегваном...

Вслух он сказал:

– Хорошо. Так чего же вы, мои почтенные, меж собою не поделили?

– Этот последователь бесплодной Богини... – немедленно начал уроженец халисунских равнин. В ответ тотчас раздался рык непокорённого Сурмала:

– Сам ты почитатель Небес, с которых давно сбежала, устыдившись, Луна!

Волкодав поинтересовался:

– Мне, может, уйти, а завтра вернуться? Когда вы оба иссякнете?

Ученики опять стали смеяться, а Волкодав краем глаза выделил среди них Хономера.

Жрец пристально следил за происходившим и, похоже, готов был с удовольствием высказать своё мнение. Но молчал. Когда-то, ещё при госпоже Кендарат, он время от времени позволял себе на уроках пояснять речи Наставницы, преломляя её слова и превращая их едва ли не в проповеди, славящие его веру. Мать Кендарат не противилась: ей было всё равно. Волкодав же немедленно заявил Избранному Ученику: «У меня дома говорят так – на чужое мольбище со своими Богами не лезь!» Что означало: здесь, на площадке, постигается путь благородного кан-киро. А истины Блинецов можешь сколько угодно провозглашать в другом месте, у тебя для этого храм есть. Хономер попытался перечить... Исход той стычки до сих пор вызывал у него покаянную улыбку, ибо учат Старший и Младший: сделав ошибку, не изводи себя упрёками, но осознай своё заблуждение – и тем стань сильнее.

А ещё – и это показалось Волкодаву даже более важным – он наконец-то заметил возле входа во двор своего лучшего ученика, опоздавшего к началу урока. Вид у Волка был такой, как если бы он бежал всю дорогу от города до крепости. Волкодаву неоткуда было знать, что этой ночью молодой венн так и уснул на сухой и тёплой земле возле клетки, рядом с опрокинутой чашей. И спал до того крепко и сладко, что поутру никому не захотелось прерывать его сон. Ни Мулинге, ни её почтенному батюшке, ни даже псам.

Входить во двор, где уже совершался урок, можно было только с дозволения Наставника. Волкодав поймал устремлённый на него взгляд соплеменника – и кивнул. Волк ответил ему поклоном... вроде бы обычным поклоном, но вся осанка и повадка движений у него сегодня была до такой степени иная, чем даже вчера, что, не видя лица, было бы простительно обознаться. Тут определённо следовало поразмыслить и разобраться... потом.

– Если бы меня не держали, – шмыгая расквашенным носом, пробормотал халисунец Бергай, – этот сгнивший сарсановый лист уже подавился бы непристойностями, сказанными о моей стране и о Небесах, Которым у нас поклоняются...

Волкодав повернулся к саккаремцу.

– Я полагаю, – сказал он, – у тебя дело стало тоже только за тем, что тебя держат?

Сурмал молча оскалил зубы, глядя мимо Наставника. Это был взгляд охотника, бросившего к тетиве смоченную ядом стрелу.

– Значит, если бы вас не держали... – снова повторил Волкодав. Кивнул и продолжал: – Вы оба забыли одну простую вещь. Удержать можно только того, кто на самом деле не свободен. Ну-ка, идите оба сюда...

По его жесту старшие ученики выпустили забияк, и они подошли, раздражённо потирая намятые чужими пальцами плечи и исподлобья косясь один на другого. Волкодав протянул им обе руки:

– Держите. Так, будто взяли меня в плен и хотите поставить перед своим полководцем... Ну?

Служили или нет Бергай с Сурмалом каким-либо полководцам – так и осталось делом тёмным, ибо здесь, в крепости, каждый рассказывал о себе сам и только то, что хотел, – но вот воров, пойманных в огороде, и тому и другому точно приходилось вязать. Они живо схватили Наставника за руки и ссутулились у него за спиной, оказавшись таким образом носом к носу. Это им, понятно, не нравилось, но не рядом же с Наставником отношения выяснять!

– Держите? – усмехаясь углом рта, спросил Волкодав.

– Да! – долетели сзади два голоса. – Держим!

Крепкие парни действительно держали его. С толком, со знанием дела. Однако, когда Волкодав начал движение, оно оказалось для них совсем неожиданным. Как говорила госпожа Кендарат: «Бывает, трудно приблизить к ножу ножны, пристёгнутые на поясе. Но ведь можно поступить и наоборот...» Вот и венн, до времени не пытаясь высвободить руки, начал разворачивать бёдра. А когда тело заняло выгодное положение – его правая рука, на которой всей тяжестью повис саккаремец, пошла... именно туда, куда Сурмал изо всех сил увлекал её: вниз. Ойкнув, парень невольно сунулся следом, попытался сдержать движение, уже поняв, что попался... всё тщетно! С другой стороны сдавленно зарычал Бергай: с ним –

разве только на пару мгновений позже – происходило всё то же самое. Ещё миг, и оба взвились на цыпочки, из последних сил пытаясь удержать неустойчивое... Волкодав сделал примерно то, что днём раньше, избавляясь от Ригномеровых слуг, совершил Волк, – но сделал не по-боевому, как его ученик, а плавно и медленно – для невежд. Он мог бы шагнуть легонько вперёд и отправить обоих кувырком через весь двор, но превращать падение в спасительный кувырок они ещё не умели и могли здорово расшибиться, поэтому он не стал их бросать – просто стряхнул с себя, словно прицепившиеся репы, и они повалились в пыль, невольно хватаясь один за другого. Когда-нибудь – много позже – они поймут, как пощадил их Наставник. Поймут и оценят. Но пока им было до этого весьма далеко, и, соприкоснувшись с жёсткой землёй, они первым делом отодвинулись друг от дружки, а потом собрались вскочить.

Однако в это время Наставник сделал к ним шаг, и таков был этот короткий шаг, что обоим внятно предостерегло животное чутьё: замри! – и, может быть, уцелеешь.

И халисунец с саккаремцем замерли, сидя в постепенно оседающей пыли, почти касаясь локтями.

– Вот так-то оно лучше, – негромко сказал им Волкодав. И добавил: – Можете, оказывается, сообща дело делать... Держали-то ведь неплохо.

Бергай и Сурмал с прежней ненавистью покосились один на другого. Вокруг них постепенно рассаживались другие ученики. Все понимали, что Наставник не продолжит прерванного урока, пока не вразумит драчунов.

Волкодав же продолжал:

– Я не буду спрашивать, из-за чего вы сцепились. Когда саккаремский дурак встречает халисунского дурака, повода для драки редко приходится долго ждать.

Они было вскинулись. Каждый считал недоумком никак не себя, а только своего супротивника. Наставник заметил это и опять повернулся к ним, и почему-то желание шевелиться разом пропало. А Волкодав неожиданно ткнул пальцем в Бергая:

– Ты. Ты живёшь здесь уже месяц. Ты знаешь, где находится храмовая библиотека? Ты в ней бывал?

Халисунец озадаченно помотал головой. Однако отвечать таким образом, когда с тобой разговаривают облечённые властью, отнюдь не считается вежливым, и он поспешно пробормотал:

– Нет, Наставник. Не ведаю и не бывал... да зачем бы мне?

Волкодав оставил его слова без ответа. Вытянутый палец указал на саккаремца.

– А ты?

Сурмал ответил не без некоторой дерзости:

– Я пришёл сюда учиться непобедимым приёмам, а не за книжками шаровары просиживать.

Волкодав прищурился:

– Сам-то умеешь читать?

На сей раз в голосе Сурмала прозвучал почти вызов:

– Чего ради тратить время на бесполезное? Я воин, а не жрец и не торговец.

– Значит, не умеешь, – кивнул венн. – Довольно стыдно для сына великой страны, к тому же готового отстаивать свою родину даже от глупого слова, брошенного не подумавши...

На самом деле неграмотных было пруд пруди даже среди аррантов, которых все признавали учёнейшим в мире народом, вот только говорить об этом сейчас определённо не стоило.

– Мою родину, – сказал саккаремец, – великой сделали полководцы, разгромившие халисунских захватчиков! А вовсе не какие-то там переписчики книг!

Бергай при этих словах дёрнулся, свирепо оскаливая зубы. Однако в бой не полез и даже кричать остерёгся – да и правильно сделал.

– Твою страну, – сказал Сурмалу Наставник, – освободили от ига пять столетий назад...

– Мы помним! – ошетинился саккаремец.

– Народ, – ответил Волкодав словами аррантского мудреца, которые в своё время возмутили его самого, но позже, поразмыслив, он про себя признал их правильными, – связно помнит последние век-полтора, а дальше начинается безликое «давным-давно», о котором что ни соври – всё окажется к месту. И не спорь со мной, это действительно так. Подумай хорошенько, и сам убедишься. Слышал я песни ваших певцов: поверить им, так шад Даманхур правил чуть ли не прежде Великой Ночи... Ну и многое знали бы о халисунском нашествии люди вроде тебя, если бы тогда же не нашлись составители книг, рассказавшие о сражениях и полководцах? А потом не пришли за ними другие, кто эти книги сберегал и тщательно переписывал?.. И ещё третьи – кто до сих пор их читает и людям рассказывает? Скажи-ка мне, много ли сохранилось памяти о ком-нибудь, кто не упомянут в трудах летописцев?

Сурмал не сумел тотчас придумать достойный ответ и вынужден был промолчать. А Волкодав повернулся к Бергаю:

– Теперь ты. Умеешь читать?

– Умею, Наставник, – как бы даже смущённо ответил халисунец. «О-о-о!» – насмешливо-восторженно послышалось с той стороны, где расселись прочие уноты, и Бергай, потупившись, пояснил: – В стражниках служил, порезали малость... С приятелем вместе отлёживались. Он и научил, пока делать нечего было. Сказал, вдруг пригодится...

– Так, – в третий раз сказал Волкодав, и оба провинившихся невольно подобрались, понимая, что не вполне понятный разговор о книгах и грамоте закончен и сейчас им будет определено наказание. А Наставник продолжал: – Благородное кан-киро не может быть вручено бессмысленным олухам, ведущим себя точно дети, поссорившиеся из-за кучки песка. Поэтому вы сейчас покинете этот двор. А если захотите вернуться, то сперва сделаете вот что. – Он смотрел сверху вниз на двоих учеников, застывших в напряжённом ожидании приговора, и ему было их жаль. Когда-то он и сам был точно таким же. Только злобную нелюбовь к враждебному племени жизнь из него выкорчёвывала иначе, куда более жестоко... Да и наказание, которое он намеревался им положить, кому другому показалось бы не карой, а скорее наградой. – Храмовую библиотеку, – сказал он, – как-нибудь разыщите сами. И если сумеете убедить хранителя, что не от дела лыгаете, а дело пытаете, он покажет вам одну книгу... Её написал учёный из твоего Саккарема, Сурмал. Его называют Зелхатом... Раньше ещё величали Зелхатом Мельсинским, потому что он трудился при дворе шада. Он написал много книг. Та, которая вам нужна, называется «Созерцание истории Саккаремской державы, равно как и сопредельных народов, великих и малых». Вы её прочитаете...

– Книгу какого-то саккаремца! – почти простонал Бергай, уже сообразивший, что разбирать написанное, и притом на чужом языке, в основном придётся ему. – Наставник, да этот хранитель меня сразу убьёт, и правильно сделает, потому что я первую же страницу ну как есть заблую! Что я, халисунец, смогу там найти, кроме охаивания?

– А вот что, – сказал венн.

Пересохшие русла засыпал песок.
Опалённые травы утратили сок.
Слышишь, брат, как они на ветру шелестят?
Слышишь, брат, как от голода плачет дитя?
В родниках вместо влаги – колючая пыль.
Где плескались озёра – полынь да ковыль.
Наливается кровью на небе Луна.
На лугах ни цветка, а ведь это весна!
Доживёт ли до осени маленький сын?..
Брат мой! Или мы не из породы мужчин?
Или наши мечи разучились рубить?

Или кони внезапно утратили прыть?
Или, может, во сне примерещились мне
Хлебородные земли на той стороне?..

– Это же из нашей песни, – отчего-то сдавленным голосом пробормотал халисунец. – Её поют у нас на пирах, когда наступает пора вспомнить былую славу и подвиги. Это «Песнь о походе за Реку»...

– Вот видишь, – сказал Волкодав. – Не удивлюсь, если ты даже найдёшь у Зелхата одну-две строки из неё, которых никогда раньше не слышал. Думай сам, стоит ли ради этого месяц сидеть в библиотечном чертоге... А известно тебе, что именно за эту книгу учёного отправили в ссылку? Недоброжелатели, склонившие к себе ухо шада Менучера, вменили в вину Зелхату, что он впервые не пожелал выставлять твоих предков жестокими и жадными дикарями, как принято было раньше. Он предпочёл рассказать о народе, чьи земли поразила столь жестокая засуха, что племена вынуждены были стронуться с места, тесня более благополучных соседей...

При этих словах Бергай даже приосанился. Услышать о себе со слов наследного недруга нечто лестное или, по крайней мере правдивое, – дорогого стоит!.. Волкодав не стал сверх меры подогревать его гордость.

– Зелхат, – сказал он, – пишет также о том, что тогдашние шулхады ваших племён, как, впрочем, многие жившие и до них, и позже, совершили великую ошибку. Вкусив первые победы, вожди стали всё более уповать на могущество своих мечей. Задумав что-либо получить, они уже не хотели договариваться, выменивать и уступать, предпочитая брать силой. Так умножилась несправедливость, и через двести лет это привело Великий Халисун к крушению и упадку...

Бергай отвёл глаза и угрюмо сжал губы. Волкодав знал, о чём он думал. О том, что два века Великого Халисуна были поистине золотым временем, порой изобилия и безопасности, когда к могучей державе не смел подступить ни один враг. О том, как ликовала земля, возделанная местными пахарями под защитой непобедимых конников с запада. О том, какие смыслёные и красивые дети рождались у шулхадов и воинов от саккаремских наложниц... И когда оседлые землепашцы подняли неожиданное восстание и в битве всё у той же пограничной реки с бешеной яростью напали на тех, кого по справедливости должны были бы благодарить, – это следовало уподобить губительной снежной буре во время весеннего цветения...

Так по крайней мере гласили сказания, которые Бергай слышал с младенчества. И вот теперь ему пытались внушить, будто великих шулхадов прошлого погубило вовсе не предательство саккаремцев, а собственная неправда. И кто же внушал? Наставник, которому за недолгое время учения он привык доверять, которого почитал человеком справедливым и мудрым! Как с подобным смириться?

Однако складка, залёгшая между бровями Бергая, свидетельствовала не столько о гневе, сколько о напряжённой задумчивости. Волкодав, только что обзывавший Бергая дураком, отлично знал, что на самом деле это было далеко не так; впрочем, с непроходимым глупцом он не стал бы и возиться. А значит, оставалась надежда, что молодой халисунец переживёт обидные, пришедшиеся по больному слова, не разобидевшись насмерть, а потом чего доброго даже спросит себя, не было ли в них какого здравого зёрнышка. Поразмыслит далее – и, глядишь, в самом деле разыщет библиотечный чертог и замучит скупердя-хранителя, требуя книгу Зелхата...

– Да чтобы я руки замарал о книгу изменника! – возмутился между тем Сурмал. – Если, как ты говоришь, прежний шад загнал его в ссылку, то, надеюсь, достаточно далеко! Жалко, конями не велел разорвать! Я ведь тоже через это дело принуждён был из дому убраться! Через халисунцев, то бишь! Пятьсот лет назад мой предок погиб у Реки, когда было сброшено иго и мы выпроваживали завоевателей! В моём роду этим гордились! А тут, вишь, я приезжаю в Мельсину и перво-наперво встречаю молодого вельможу, он болтает с

приятелем и всю кичится, что, значит, сам он из себя весь красивый и имя у него выговорить-то приятно, а всё оттого, что его семья – от халисунского семени, с тех ещё пор, и что вообще «мы», значит халисунцы, всему научили «их», сиречь здешнее неблагодарное быдло, и... Ну, тут я вежливо так подхожу – да рожу-то ему на сторону и сворачиваю...

Как многие жители Саккарема, Сурмал обладал способностью говорить невероятно быстро – попробуй вставить словечко. Волкодав и не пытался. Когда-то здесь же, в храмовой библиотеке, ему попала книга некоего сочинителя. Она привлекла его внимание тем, что посвящена была не самым знаменитым сражениям Последней войны, происходившим на равнинах Нарлака и в Нардарских горах, а, наоборот, довольно мало прославленному походу Гурцатова войска в земли вельхов и веннов. Одна беда – человек, написавший книгу, был духовным братом звездослова Кимнота. Он определённо не видел живьём ни единого венна. И на реке Светынь не бывал. А посему тамошняя война представлялась ему точно такой, как на саккаремской границе, где, наверное, вшивая сотня мергейтов вправду могла угнать в полон целое селение численностью в полтысячи душ. Волкодаву тоже тогда захотелось поймать горе-сочинителя и своротить ему на сторону рожу. А потом поправить обратно. Так что Сурмала он вполне понимал. Но говорить ему об этом не собирался.

– Я когда-то добывал самоцветные камни, – сказал он саккаремцу. – Ты знаешь, под землёй они совсем не таковы, как впоследствии, на лотке огранившего их ювелира... Это излечивает от склонности верить первому впечатлению. В забое ты видишь просто ком грязи, к которому и прикасаться-то неохота. Но вот ты берёшь его в руки, оббиваешь с него корки, отмываешь водой...

Да узнают враги у слияния вод:
Не встаёт на колени свободный народ!
За спиною у нас – только солнце во мгле.
Наши прадеды пали на этой земле.
Двести лет мы платили позорную дань.
Двести лет ожидали призыва: «Восстань!»
Двести лет, стиснув зубы, терпели бичи.
Двести лет потихоньку ковали мечи.
И рассвет наступил, разгорелась заря!
Если кровь, то сполна! Если смерть, то не зря!
Выше голову, брат! Видишь тени в пыли?
Это пращуров души встают из земли!
Их бесчестие нам искупить суждено.
Наше солнце восходит у нас за спиной...

– Это... это НАША «Песнь о походе за Реку»! – запинаясь выговорил саккаремец. – Именно так её пели в нашей деревне, а в Мельсине я слышал иное... «Тот далёкий позор нам отмыть суждено, За пресветлого шادا мы встанем стеной»...

Волкодав кивнул:

– Говорят, Зелхата обвиняли ещё и в том, что он предпочёл разновидности Песни, бытующие у простого народа, и пренебрёг теми, что исполнялись при дворе солнцеликого Менучера... Но скорее всего это был просто предлог. И скажу вам, что не я о том рассудил – так пишут люди воистину мудрые и просвещённые, готовые отстаивать истину, хотя бы им за это казнь грозили.

Он помолчал, с удовлетворением заметив, что двое парней, только что готовые безо всякой пощады волтузить один другого, сидели очень тихо и смотрели на него во все глаза. Внимательно слушали и другие ученики. Не все понимали, чего ради Наставник затеял этот разговор, столь далёкий от кан-киро, однако слушали, не отвлекаясь, давно уразумев: всё, что говорит их учитель, следует осмысливать самым пристальным образом. Когда-нибудь пригодится. Ибо кан-киро настоящего мастера состоит не только и не столько в отточенном

владении телом, чтобы с завязанными глазами гулять по двору, раскидывая, как соломенных, вооружённых мечами бойцов. Настоящий мастер использует своё искусство в любом жизненном случае. Даже в простом разговоре. Наткнувшись на злое и глупое упрямство, он не будет ввязываться в яростный спор, доводящий до оскорблений, а после до кулаков. Он поведёт себя как в поединке. Примет мысль собеседника, сколь бы, может, противна она ему ни была... подхватит её и поведёт дальше, направляя уже в то русло, которое пожелает проложить сам. И непременно добьётся, чтобы русло это привело не в трясиину, булькающую вонючими пузырями со дна, а к спокойному озеру, способному отражать Небо.

Однажды они это уразумеют...

– Племена халисунцев и саккаремцев с самого начала времён разделяет Река, – продолжал Волкодав. – Имена, которые дали ей ваши народы, звучат по-разному, у одного Малик, у другого Марлог, но означают они одно: Край. Край мира. На другом берегу, за Краем, всё иное и непривычное. И у воздуха вкус не такой, и звери неправильной масти, и люди – не совсем люди... Не так выглядят, не так веруют, не так говорят. А значит, нечего и заботиться о том, чтобы поступать с ними по-людски, верно?

Он не умел читать чужих мыслей, но то, о чём в этот миг подумали Бергай и Сурмал, было для него яснее Божьего дня. «Да можно ли с ними по-людски?! С этими паршивыми торгашами, которые – тьфу! – отхожее место устраивают под тем же кровом, под которым молятся и едят?!» – молча возмущался Бергай. «Да можно ли по-людски... с этими?! – мысленно вторил ему Сурмал. – С немывтыми кочевниками, привыкшими, гадость какая, даже нужду справлять не покидая седла?!»

Однако потом обоим пришлось на ум сопоставить причину собственного гнева с тем, о чём только что говорил Наставник. И ещё через мгновение они переглянулись. Нет, не как единомышленники, до этого пока было ещё далеко. Просто покосились один на другого и сразу отвели глаза. Спасибо и на том.

– Мне довелось когда-то переходить эту реку, – сказал Волкодав. – Мы переправлялись вброд, с островка на островок, потому что там до сих пор нет ни единого моста, и вода то и дело грозила сбить нас с ног... Я вспоминал ту свою переправу, когда читал «Созерцание». Всякая река, пишет Зелхат, течёт то обильнее, то беднее. Так и с племенами, населившими землю. Державы мира не всегда оставались таковы, какими мы их видим сегодня, и не всегда пребудут в нынешнем равновесии. Что же в этом постыдного? Надо ли подчищать древние летописи, согласно которым твоя страна в старину была не слишком великой? Да, несколько столетий назад Халисун был сильнее и воинственней и подчинил Саккарем. Ну и что? Зато сейчас люди засмеют купца, будь он хоть сегван, хоть мономатанец, если он не умеет торговаться по-саккаремски. Корабли из Мельсины ходят в Аррантиаду и сюда, в Шо-Ситайн... а Халисун живёт тихо. Ныне он прославлен не кровавыми подвигами завоевателей, а мирным трудом ткачей, познавших все тайны хлопка и шёлка. А что будет ещё через пятьсот лет?

Он обвёл взглядом учеников, и чернокожий Урсаги очень тихо сказал:

– Поживём – увидим...

Парни стали смеяться, а Волкодав покачал головой и добавил:

– Может, к тому времени на обоих берегах поумнеют. И выстроят наконец мост...

Он всё же выставил с урока обоих наказанных. Ему очень хотелось пожалеть их и позволить остаться, велел читать книгу Зелхата на досуге, по вечерам. Но, поразмыслив, он не стал отступать от произнесённого решения, ибо знал по себе, как расхолаживают поблажки. «Что такое месяц? – говорила, бывало, госпожа Кендарат. – Запомни, малыш: впереди вечность...»

Бергай с Сурмалом поклонились Наставнику, изо всех сил блюдя ту особую гордость, которая порой бывает присуща злодеям, избличённым и уходящим на казнь. *Глупые. Нет бы сообразить, что и это тоже урок. Допустим, приказал бы я вам каждый день наносить тысячу ударов деревянным мечом...* Саккаремец с халисунцем покинули внутренний двор,

миновав каменную арку, увитую плющом и осенённую с той стороны дивными образами Блинецов. Волкодав проводил учеников глазами. Они шагали рядом, но пока ещё не вместе. Тот и другой подчёркнуто держался сам по себе. Им только предстояло строить свой мост. Узенький мостик, – пройти с каждой стороны всего-то одному человеку... Волкодав почти не сомневался, что они справятся. Может, это и было то главное, чего ради прозорливая судьба их обоих закинула через океан, на другой материк. Знакомый враг всяко родней откровенного чужака, а в дальней стране за морем – подавно!

А ведь реке можно уподобить не только племя или страну, но и отдельного человека, уже возвращаясь мыслями к кан-киро, подумал он напоследок. Наступает день, и жизнь вдруг меняет русло, да так, что ещё вчера нипочём не поверил бы. Или, наоборот, начинает год от году, исподволь, менять берега... пока однажды ты не спохватишься и не обнаружишь, что ничего не можешь узнать. Вспоминаешь себя прежнего – и остаётся только руками развести: да полно, я ли то был?.. И ведь верно, – я ли пришёл сюда три года назад? Не я нынешний, это уж точно. Думал ли я тогда, что однажды начну прибегать к словесному вразумлению? Я тогда только мечом умел да руками. А засаживать полуграмотного с неграмотным за учёную книгу... стихи им читать? Ох, нет. Я тогдашний, наверное, по-другому им взялся бы правду духа показывать... без слов. И кто знает, какой путь верней?

Волкодав хотел уже продолжать урок, так неожиданно прервавшийся в самом начале, но тут вперёд вышел Волк. И Наставник мгновенно понял, ЧТО было на уме у его лучшего ученика. Даже прежде, чем парень успел открыть рот. Потому что сквозь спокойную уверенность на лице Волка казалась совсем другая, обречённая уверенность: «Если я не решусь на ЭТО прямо сейчас, то не решусь уже никогда!»

И всё-таки его внутренняя сила истекала ровно и мощно, как никогда прежде. Выходя вперёд, он не покраснел, не побледнел, не покрылся жаркими пятнами, что обычно случается с молодыми, вздумавшими отважиться на немалое дело... Волкодав поневоле вспомнил себя в возрасте Волка. Ему тоже не было свойственно подобное, но, как сам он думал, не благодаря духовному возвышению, а просто оттого, что особо нечего было терять. Он ведь не к почестям стремился, даже не похвалу строгой Наставницы зарабатывал, – она-то, Наставница, как раз и пыталась его отвести от задуманного, да не смогла... Он просто совершал то, ради чего одиннадцать лет длил свою никому не нужную жизнь... О чём тут было волноваться?

И вот теперь – Волк...

– Избранный Ученик Хономер, – очень ровным, прямо-таки будничным голосом проговорил молодой венн, но отчего-то его было одинаково хорошо слышно в каждом уголке двора. Он назвал Хомера Избранным Учеником. Не «братом», как обычно. Он употребил его титул, титул предводителя жрецов этого храма, и Волкодав окончательно понял, что не ошибся. А Волк продолжал: – Пора тебе, Хономер, выгнать Наставника, который учит совсем не так хорошо, как следовало бы. И нанять меня вместо него!

Три года назад, когда Волкодав произнёс почти те же слова, добываясь поединка с Матерью Кендарат, ему пришлось доказывать своё мастерство. Для начала он расшвырял стражников, изготовившихся выкинуть его за ворота, а потом победил лучшего ученика госпожи. Лучшим учеником в те годы был Хономер. Молодой жрец даже полагал, что сам может уже кого-то учить, и воображал, будто Братья, прославленные в трёх мирах, ниспослали ему особенный дар, пожелав сделать его Своим возлюбленным воином. Время всё расставило по местам... Хономер не был бы Избранным Учеником, если бы не умел смотреть на вещи трезво, не замыкаясь в скорлупе греховной гордыни. И он осознал – как ни ранило это его самолюбие, – что стал крепким бойцом, но не более, и уже не поднимется выше. Не бывать ему не то что Воином Богов – не сделаться даже Наставником, о котором будут долго вспоминать люди... Другая столь же обидная, но не подлежащая отмене истина состояла в том, что Волк, начавший учиться кан-киро гораздо позже Хомера, тем не менее

давно уже во всём его превзошёл. Когда на уроках они оказывались друг против друга, Хономер ничего не мог противопоставить молодому язычнику. Так же, как когда-то – самому Волкодаву...

Или почти так же.

И оттого Хономер не стал тратить время, придумывая Волку какие-то дополнительные испытания.

– Наш храм, – сказал он весело, – скоро уподобят последнему среди городских кабаков! Там, как мне доводилось слышать от сведущих людей, вышибалы сменяют один другого, выясняя в поединке, который сильнее. Теперь и у нас, я смотрю, зарождается сходный обычай. Что ж! Если нас будет наставлять лучший, мы только скорее приблизимся к истинам кан-киро. Принимаешь ли ты, Волкодав, вызов этого человека?

Волкодав медленно кивнул:

– Принимаю.

И, по-прежнему не торопясь, принялся развязывать ремешки, стягивавшие его косы. Так поступали воины племени веннов, готовя себя к величественным и грозным деяниям, требующим полного сосредоточения. И полного отрешения от обыденности жизни. Волк повторил движение Наставника с едва заметной задержкой – стороннему глазу показалось бы, что расплетать волосы они принялись одновременно.

Но вот что странно, как бы со стороны думалось Волкодаву. Когда на меня собираются нападать, я издали вижу тянущееся ко мне красное пламя угрозы... В том числе со спины и даже сквозь стену. Что же случилось теперь? Почему от Волка ничего подобного не исходит? Может, дело в болезни, поразившей меня?..

Он решил проверить себя и покосился на Хономера. От движения глаз всё кругом начало плыть, но венец недоброжелательства, трепетавший кругом жреца, никаких сомнений не оставлял. Волкодав ненадолго прикрыл глаза. Всё было как всегда. Даже при неглубоком сосредоточении он отлично чувствовал учеников. Кто-то отчаянно переживал за него и желал выскочке Волку остаться без рук и без ног, а заодно и без головы. Кого-то – это касалось новичков – просто снедало жгучее любопытство. А ещё у одного разболелся живот, так что исход поединка его заботил всего менее...

Что же касается Волка – его Средоточие лучилось ровно и светло, как у человека, постигшего высшую правду служения. *Неужели и госпожа Кендарат ощутила нечто подобное, когда я оспорил у неё место Наставника? Что изменилось в тебе нынче ночью, мой ученик?.. Ещё вчера ты был совсем не таким... И что видишь ты сам, когда обращаешь на меня духовное око?..*

Хономер поклонился им обоим и негромко сказал:

– Начнём же, во имя Старшего, благородного в битве, Младшего, милосердного к побеждённым, и Предвечного Отца их!

– И Матери их, – вдруг проговорил Волкодав.

Прозвучало это до того неожиданно, что Хономер промедлил лишнее мгновение, против обыкновения не сразу найдясь с достойным ответом. Хотя сказанное венном очень даже смахивало на святотатство. В самом деле, поклонение, завещанное от праотцов, вовсе не подразумевало особого почитания смертной женщины, выносившей во чреве своём сыновей Бога. Кто она такая была, чтобы её чтить? Любуясь великолепными статуями, мы очень мало думаем о глиняной форме, куда по воле мастера излился горячий металл...

Разум Хономера, привыкшего проповедовать и спорить о вере, немедленно породил эти и ещё иные, не менее сокрушительные рассуждения... Они так и остались произнесёнными.

– И Матери их! – глядя Наставнику в глаза, откликнулся Волк.

Освящённого обычая «я тебе доверяю» ни один из не добавил.

В кан-киро нет соперничества и вражды, а оттого невозможны и состязания. Ученики на уроке, разбиваясь попарно для освоения новых движений, занимаются отнюдь не борьбой,

не ревнивым сравнением, в ком из двоих больше силы и ловкости, кто лучше преуспевает в искусстве.

Один из них притворяется злоумышленником и нападает – хватает или бьёт тем способом, который перед этим показывал, нападая на Наставника, их старший собрат. Он действует с большой внутренней силой, искренне – если уж держать, то до последнего и так, чтобы ободрала пальцы жёсткая ткань одеяний, если бить – так, словно собрался перерубить ладонью бревно или прошибить кулаком стену! Но всё это совсем не обязательно проделывать быстро. Быть может, от нападения защищается новичок, медлительный и неловкий. Пусть он вдумчиво следит за работой своего тела, не беспокоясь оплошать, не боясь, что в случае ошибки ему проломают голову или жестоко бросят на землю. Пусть он загодя знает, что нападающий дружески укажет ему его промах и научит, как правильно. Ибо сказано: «я тебе доверяю»...

В этом одна из основ обучения. Доверие – дело взаимное. Тот, кто защищается, обязан двигаться не быстрее и не медленнее нападающего, ибо слиться воедино могут только те потоки, в которых вода одинаково стремительна – или спокойна. А ещё он обязан помнить, что любой приём кан-киро завершается или опасным броском, или костоломным захватом. Но, доколе перед тобой друг, исполнять такие броски и захваты следует бережно и осторожно, не причиняя увечий и боли. Ибо нападающий вручает тебе своё тело и ждёт, что ты сумеешь не забыться во вдохновении боя: «я тебе доверяю»...

Волкодав и Волк неторопливо и медленно сошлись посередине двора. Поклонились друг другу...

Ни тот, ни другой не напал. Напавший на мастера кан-киро заведомо обрекает себя поражению. Он сразу являет свои сильные и слабые стороны, а самое главное – отдаёт мастеру движение, из которого тот выплывает вразумление либо гибель нападшему.

Волкодав и Волк одновременно подняли перед собой правые руки, и руки встретились, соприкоснувшись чуть повыше запястий. Так могли бы встретиться лезвия двух мечей.

А потом начался танец. Медлительный и невероятно красивый. Первыми пришли в движение руки: то одна, то другая увеличивала нажим и начинала легонько скользить мимо, вынуждая противницу вписываться в движение, подхватывать его и возвращать вкруговую. Очень скоро движение рук сдвинуло с места и самих поединщиков. Они начали переступать, плавно кружась, завораживающе неспешно и согласно выписывая знакомые ритмы, безупречные последовательности шагов, завещанные людям, если верить преданиям, посланницами самой Богини Кан, нарочно ради этого спустившимися на землю.

Волкодав и Волк не смотрели один на другого. Тот, кто проследил бы за ними в эти мгновения, наверное, поразился бы их лицам. Оба казались не просто спокойными, но даже умиротворёнными. Ни страсти, ни ярости, способной возмутить спокойствие духа. Рассредоточенные взгляды, обращённые словно бы за пределы этого мира. Глаза обоим можно было бы завязать. Ничего бы не изменилось.

Но вот танец нарушился... Хотя нет, «нарушился» – не то слово. Просто достигло нужного размаха кружение, один из двоих чуть сдвинулся, предложив новое развитие, превращая очередной, ставший совсем широким шаг в разворот... способный стать для соперника гибельным водоворотом.

Кто это сделал – ни один из учеников не успел углядеть, потому что движение было тотчас принято, подхвачено и продолжено, и...

...И Волк со всей определённостью понял, что погиб.

Наставник без усилия, плавно, как льётся из кувшина вода, вошёл в предложенное Волком движение и повёл его руку – вроде очень спокойно, вроде нисколько не торопясь... но до того неодолимо, властно и грозно, что куда только подевалась уверенность, толкнувшая Волка на этот роковой поединок! На смену ей явилось знакомое чувство, ставшее обычным и привычным за годы учёбы. Ему ведь часто приходилось ощущать на себе кан-киро Наставника. Волкодав на каждом уроке подзывал его по нескольку раз,

показывая что-нибудь ученикам, и без этого, надо думать, Волку разве что во сне приснилось бы заглазное прозвание Лучшего. Так вот, всякий раз, когда Наставник призывал к нему милосердие Богини Кан, – Волку неизменно казалось, будто его подхватил и несёт необоримый вихрь... а на расстоянии ногтя блестят клыки вроде тех, которых не могли прикрыть губы Тхваргхела. Блестят, не касаясь тела. До поры не касаясь...

«И я, несчастный дурак, сказал Хономеру, чтобы нанял меня вместо него?.. Да я никогда не буду и вполонину так хорош...»

Додумывал эту мысль Волк уже в полёте – Волкодав отправил его прикинуть к безмятежности мудрой Земли. Это было очень сложное падение, из тех, когда до последнего не удаётся пустить в ход руки. Не будь Волк лучшим учеником, точно лежать бы ему с переломанной шеей. Но если и были в выучке Волка какие изъяны, то не по части соприкосновений с землёй.

«...Никогда не буду и вполонину так хорош... О чём это я? Какое ещё „никогда“? Так дело пойдёт, я сегодняшнего вечера-то не увижу. Он и сейчас мог меня убить. Если бы захотел...»

Останься лежать и будешь жив, нашёптывал здравый смысл, и Волк всем существом понимал его правоту. *Ну, посмеются над тобой несколько дней, потом перестанут, потому что, кроме Наставника, всё равно никому здесь с тобой не равняться... Лежи, дурень!*

Волк встал. И снова простёр к наставнику руку с чуть приподнятой и развёрнутой кистью. Так воин, вооружённый мечом, обращает его к противнику, отказываясь сдаваться.

Хономер следил за поединком Наставника и Лучшего унота со смешанным чувством. Он, пожалуй, грустил. И дело было даже не в том, что сам он никогда не отважился бы предложить Волкодаву поединок, как это сделал отчаянный Волк. Да, кан-киро Хономера никогда не будет не то что великим – даже и просто выдающимся. Но этим обстоятельством была затронута только его собственная гордость, и без того подлежащая всяческому усмирению. Глубинный повод для душевной печали был много, много серьёзней.

Когда-то, едва познакомившись с боевым искусством Богини Любви, Хономер в душе возликовал: вот оно!.. Наконец-то!.. Быстрая мысль, присущая даровитому молодому сегвану, тотчас нарисовала блистательную картину: целую школу воинствующих жрецов, которые станут обучаться кан-киро и, разъезжаясь по разным пределам населённой земли, утвердят славу Близнецов на юге и севере, на западе и на востоке. Ему даже мнилось тогда, что однажды отсветы этой славы коснутся и его самого. «Кто же научил тебя, доблестный?» – спросит победителя побеждённый, и победитель ответит: «А научил меня Избранный Ученик Хономер...» И может, означенного Хономера со временем даже призовут в священный Тар-Айван... и отечески велят забыть порицание, коего он удостоился почти десять лет назад за одну весьма обидную неудачу. А там – как знать? – не окажется ли владычная похвала самой первой ступенькой, способной начать для него восхождение по ступеням великого храма, к престолу Возлюбленного Ученика?.. «Не о своей чести радею, – мечтая о таком восхождении, всякий раз оговаривался про себя Хономер. – Просто, дана буде мне земная власть, немало смог бы я изменить к вящей радости всех сподвижников Близнецов...»

Теперь ему казалось, что те давние размышления изначально были пронизаны хрустальным, как осеннее солнце, светом несбыточности. Ибо затея со школой воинствующих жрецов, похоже, оказывалась ещё одним горьким уроком из тех, которые отчего-то раз за разом посылали ему, Своему верному последователю, Старший и Младший. В самом деле – если хорошенько припомнить, почти так же всё обстояло и десять лет назад, когда он отправился в Мономатану за Глазом Дракона. Он, Хономер, тоже увидел тогда в обладании Глазом земной путь к возвеличению Близнецов... и, соответственно, свой путь к подножию тар-айванского трона. Ибо кому должна быть вручена власть, как не тому, кто своим служением доказал, что достоин?..

Итог его усилий оказался плачевен. Глаз упокоился в недоступных глубинах реки (как говорили, обретшей с тех пор целебные свойства), а он, Хономер, оказался за свои труды ещё и порицаем...

Вот и теперь его, похоже, ожидало то же самое. То есть до нового отеческого порицания дело скорее всего не дойдёт, ведь он действовал по собственному почину... но легче ли от этого сознавать неудачу?

Волк уже не считал, в который раз поднимается с жилистой травки, выработавшей за несколько лет упорство к ежедневному топтанию пятками, а также прочими человеческими статьями и ладами. Может, он нынче перекатился по ней в седьмой раз, а может, и в тридцать третий. Тело начинало жаловаться и болеть: Волкодав швырял его весьма от души, и, как ни крепок был Волк, всё имеет предел – стирается кожа, исчерпывается упругость суставов и связок. А всего более давило молодого венна сознание: *Наставник давно мог бы убить меня. Если бы захотел. Почему я ещё жив?..*

Щадит ли он меня, полагая маленьким безобидным волчонком, на которого взрослому сильному псу зазорно раскрывать пасть? Или не хочет отнимать второго сына у матери, и без того уже утратившей старшего?..

Такая мысль в определённой степени изгоняла мерзостный страх, овладевший Волком вначале, – но она же преобильно ранила душу. На самом деле ему уже полагалось бы лежать с переломанным между лопаток хребтом, ибо Наставник только что явил приём «морская волна перекачивает тяжёлые камни», и Волку, беспомощно обхваченному за шею, довелось, холодея, завалиться назад и явственно ощутить под спиной жёсткое колено Волкодава... довелось даже успеть мысленно испросить прощения у белого света, поскольку от этого приёма, коли уж попался, не существовало никакой обороны или увёртки, через мгновение ждала смерть, зря ли Наставник, объясняя, наказывал им быть друг с дружкой особенно бережными и осторожными...

Почему, каким образом колено Волкодава лишь чиркнуло ему по лопаткам вместо того, чтобы войти посередине и смять хрупкие позвонки, – Волк так и не понял, и оттого, что он не уследил и не понял, было вдвое обидней.

Хочет ли он показать мне, до какой степени я ещё глуп и далёк от истинного понимания? А сам он... понимает ли он, зачем я сегодня вышел против него?..

То, что он потерпел именно неудачу, день ото дня становилось для Хономера всё очевиднее. Поистине, следовало бы ему это понять и суметь предвидеть ещё во времена Наставницы Кендарат, к удержанию которой в стенах крепости он приложил столько усилий. Да, она многому научила и его самого, и других братьев... и наёмную стражу, и обыкновенных наёмников, привлечённых слухами о непобедимом воинском искусстве... Вот только покамест что-то не доходило до Хономера известий об их громких ратных победах. Тем паче – о победах в битвах под красно-зелёными стягами. И даже хуже того. Слишком немногие среди них выказывали желание стать последователями Близнецов... да и у тех, кто выказывал, насколько мог судить Хономер, новообретённая вера держалась только до крепостного порога... Потом её сбрасывали, точно одежду, оказавшуюся неподходящей к новым обстоятельствам жизни. А те ученики, что оставались в стенах?.. Они были нисколько не лучше. Хономер слышал собственными ушами – и к немалой своей досаде, – как они расспрашивали старуху о правильном поклонении Богине Любви. Двое или трое (этого Хономер, понятно, сам уже не видел, – верные люди донесли) дошли уже до того, что отправились заказывать у ювелиров священные знаки Богини – капельки-самоцветы, удерживаемые серебряными ладошками. Какая уж тут школа воинствующих жрецов, готовых жизни не щадить ради торжества правого дела?..

Поэтому он очень обрадовался, когда на смену Кан-Кендарат явился новый Наставник. Хоть и был этот Наставник одним из самых непроходимых и твердолобых язычников, каких Хономер в своей жизни встречал. И даже тогда не насторожился и не возроптал Хономер,

когда новый Наставник воспретил ему проповедовать на уроках. Кан-киро, которое показывал Волкодав, было поистине великолепно. Более того – в определённой степени свободно от излишней мягкости и милосердия, на которых неколебимо настаивала Кан-Кендарат... Но что толку?! Ученики кан-киро по-прежнему не торопились становиться Учениками Близнецов. И затея со школой совершенно так же не спешила осуществляться, как если бы это было противно самой сути искусства Богини Любви...

И кто сказал, будто всё изменится к лучшему при Наставнике Волке? Тем более что парень был таким же упёртым приверженцем Богов своего племени, как и Волкодав...

А храм Близнецов до сих пор не породил даровитого воина, способного победить нынешнего Наставника.

Случайно ли?

Но так оно или не так – легко ли смотреть, как умирает мечта?!

Лицо у Наставника было, по обыкновению, деревянное. Три года знал его Волк, но не мог припомнить, чтобы по лицу Волкодава ему удалось сразу определить, что у того на уме. Намного ли был Наставник старше его самого? Лет на семь, может, на восемь... Отчего ж иногда Волку казалось – самое меньшее вдвое?... А ведь, наверное, так оно и было, только не тем счётом, какого обычно придерживаются люди...

Как сказать ему, что мою чашу держала в ладонях Любовь?..

И Волк, корчась в очередном захвате, способном, как он отлично знал, выворотить ему из сочленений сразу три сустава руки, извиваясь, скаля зубы и помимо воли, помимо ещё теплившейся гордости лелея мысль – *Не выворотит! Поцадит!..* – нарушил один из главнейших заветов кан-киро. «Научаясь движению, – гласил этот завет, – объясняй другу телом, движением тела, а рот держи на замке. Если появилась нужда в словах – стало быть, ты чего-то очень важного не понимаешь...»

Ну и пусть я не понимаю, в крошечном отчаянии и упрямстве сказал себе Волк. Пусть! Пусть даже то, что получилось у меня вчера вечером с чашей, на самом деле получилось случайно и ни о чём не свидетельствует, как я, дурень, готов был вообразить. Пусть предзнаменования во время боя собак и даже то, что произошло у меня с Пятнышком, – чепуха, которую я, тешась, напридумывал сам себе в утешение. Пусть я плохо владею кан-киро и неспособен его языком объяснить Наставнику, что я задумал... Я всё равно объясню ему...

В это время молодой венн пытался совершить над Наставником «благодарность Земле». Не получилось, конечно. В самый ненужный миг дрогнули и согнулись руки, вынесенные над головой. Согнулись, утратили внутреннее стремление – всего-то чуть-чуть, совсем незаметно для постороннего глаза... ни один из других учеников не заметил бы его мгновенной оплошности... но Волкодав, конечно, заметил. И не простил. Так при малейшей утрате сосредоточения с остро отточенного пёрышка стекают чернила и вместо идеально задуманной буквицы расплзается, портя лист, безобразная клякса. Руки Волка немедленно утянуло за голову – точно так, как приключалось с неумехами новичками, которым он сам объяснял этот приём. Они, правда, не понимали, что вдруг такое стряслось, а он понял, но на том разница и кончалась. Локти, плечи и спину тотчас пронзила беспощадная боль. Он не взвыл только потому, что отчётливо, опытно знал: стерпим и это, и кое-что ещё похуже. Может, кстати, придётся... Уже падая, уже выбрасывая из-под себя ноги, он воспользовался тем, что их головы оказались совсем близко, так что на миг даже перемешались волосы, слипшиеся от пота... И прохрипел почти в ухо Наставнику:

– Клетки надо ломать...

Волкодаву уже порядком-таки давно не приходилось творить кан-киро в полную силу. Как ни хорош был иссиня-чёрный Урсаги, мономатанец-мибу, словно бы сотворённый Богами его народа из одних гибких сухожилий и мышц, не отягощённых костями, – Урсаги присуща была доблесть не воина, водящего близкое знакомство со Смертью, а скорее

канатоходца или танцора. Таково уж было природное свойство чёрных племён. И бой, и самая тяжёлая работа осмысливались ими как танец. Радостно видеть перед собой такого ученика. Он и нападает-то, словно приглашая на пляску. А уж когда на него самого нападают другие ученики – утихомиривает их до того играючи и весело, с невозможно-белой улыбкой на черносливном лице, что сторонний человек, посмотрев на него, только руками разведёт: не воинское искусство, а сплошные поддавки!

Волкодав же, глядя на Урсаги, словно бы отрицавшего своими прыжками-полётами саму тягу земную, иногда думал: а может, именно такое кан-киро – улыбка и танец в ответ на взмах кулака – всего более угодно милосердной Богине?.. *Ну чем не сольвеннская борзая? Зубов полная пасть и росту чуть не двадцать вершков, перьярка*¹¹ *без раздумий берёт, а чтобы человека куснула – отроду не бывало такого...*

Они-то с Волком вершили совсем иное кан-киро. Сдержанное, грозное и суровое. Такой мастер щадит напавшего на него простеца не по весёлости и добродушию нрава. Просто мало чести обрушиваться всей мощью на того, кто глупей тебя и слабей... *Да. Мы с тобой, Волчонок, – словно боевые псы шо-ситайнских степей, сошедшиеся на Кругу, где вчерашние щенки бросают вызов матёрым. И я нипочём не трону тебя, потому что ты ещё, в сущности, мальчик. И оттого, что ты бьёшься очень по-взрослому, ничего не меняется...*

Но тебе-то что от меня нужно, малыш?

Волкодав чувствовал: молодой венн был близок к отчаянию. Его движения становились всё скованнее, раз от разу утрачивая плавность, красоту и свободу. И внутренний свет потускнел, окрашиваясь серым. Но в сером присутствовал стальной блеск, и ясно было – Волк не сдастся и не отступит. И ещё было ясно, что убить Волкодава он не стремился. Не сделал бы этого, даже если бы смог.

Зачем же ты бросил мне вызов, мой кровный враг, если не можешь и не стремишься меня убивать?..

– Клетки... нужно... ломать... – словно в ответ на его невысказанную мысль снова прохрипел Волк.

Волкодав успел услышать его, а в следующее мгновение почувствовал, как затылок сдавили невидимые тиски. Ему показалось, будто он сиганул вниз с высоченного речного обрыва – точно так, как когда-то, доказывая свою храбрость, они сигнажи мальчишками, удрав на Светынь из-под слишком заботливого присмотра домашних. Ушло ощущение тяжести тела, Волкодав поплыл в пустоте, не испытывая никакого желания прерывать захватывающее и блаженное плавание-полёт, даже не спохватываясь, где верх или низ... Сколько времени это длилось? Вроде бы он возвращался к обычному состоянию медленно и неспешно, словно пробуждаясь от спокойного сна... но, когда окружающее вернулось и вновь встало на место, оказалось, что странный полёт продолжался всего мгновение. Волк, впрочем, успел перехватить его руку и уже вознамерился закружить своего Наставника «расколотыми жерновами». Приём почти удался ему... и, возможно, удался бы вполне, если бы не ощущение обречённости и неудачи, слишком прочно укоренившееся в душе. Недолго же продержалась вера в себя и собственное мастерство, вера, обретённая только накануне вечером, у выплеснутой чаши! Волк снова был ничтожным унотом, ни на что не способным перед лицом грозного учителя. И оттого, когда Хозяйка Судеб вдруг подбросила ему удивительную удачу, он оказался к ней попросту не готов. Пока он медлил и боялся поверить себе, возможность оказалась упущена. Рука Наставника, только что безвольно обмякшая, заново обрела железную крепость, а глаза, странно помутневшие, подобно давно не мытому стеклу, моргнули и опять обрели блеск, и блеск этот Волку ничего хорошего не сулил. Как и следовало ожидать, Наставник с лёгкостью сбросил его бездарный захват, заодно переняв и намеченное Волком движение, – и молодой венн тут же сам очутился в

¹¹ *Перьярка, перьярок* – годовалый волк.

«расколотых жерновах», которые обманчиво медленно и неодолимо, с воистину каменной неторопливостью, повели его по кругу... по завершении которого Волку – он это понимал – предстояло остаться без кисти руки... либо совершать бешеный прыжок назад через голову... если только ему будет позволено его совершить...

Но, пока длилось кружение, их с Наставником лица снова оказались совсем рядом, и Волк сказал последнее, что ещё мог сказать:

– Мать дала мне имя: Клочок...¹²

Ни один венн без очень веской причины не произнесёт вслух имени, которое дала ему мать. И этот венн должен быть распоследним подонком без чести и совести, чтобы солгать, называя его. Волкодав испытал настоящее удивление. Назови кто Волка выродком, способным упомянуть о матери ради обмана, – он сам первый заставил бы клеветника проглотить такие мерзкие речи, да кабы не вместе с зубами.

Но если парня вела честь, тогда получалось...

...Тогда делалось понятно, почему он вышел нынче на бой, неся в душе не багровую паутину убийства, а величайшую ясность обретшего истину. Вот, стало быть, что он хотел сказать Волкодаву, когда шептал что-то о клетках, которые надо ломать. Он ведь не пощады просил. И, будучи всё равно в очередной раз пощаждён, не оставался лежать и не отступал прочь с поклоном, признавая своё поражение, а снова поднимался против Наставника...

Нет. Не так. Не «против».

Он хотел совершить для него то же, что сам Волкодав сделал когда-то ради Матери Кендарат...

Поняв это, Волкодав преисполнился гордости за ученика. И – что греха таить – за себя самого. *Значит, я оказался не таким уж скверным Наставником, как думала госпожа. Я всё-таки научил тебя правильному кан-киро, малыш. Ты узнал законы Любви, которые праведнее, святее и выше даже долга кровной мести за брата, ставшего надсмотрщиком и погибшего от моей руки в Самоцветных горах. Ты узнал: Правда, зиждущая повседневную жизнь в наших лесах, есть лишь малый ручеёк великой Правды этого мира, летящего среди звёзд. И если ты научился этому у меня, значит, не совсем даром я потратил три года здесь, в Хономеровой крепости...*

Но что же мне сейчас-то делать с тобой, маленький Клочок? Как завершить этот бой, не покалечив тебе ни тело, ни душу? Ты задумал всё правильно, мой меньшой брат, ты всего лишь немного просчитался со временем. Можно ли стать настоящим мастером за три коротких года занятий?.. Я не стал мастером за те четыре, пока сопровождал госпожу. Я только теперь начинаю понемногу приближаться к настоящему мастерству... Ты много достиг, мальчик, но биться против меня тебе ещё рано. Если я поддамся тебе, это будет замечено, да ведь ты и сам не примешь подобной победы. Как же мне поступить, чтобы понадежнее уберечь тебя от насмешек, – ведь уже теперь многие догадались, что тебе не одержать надо мной верха? Как мне сохранить тебя, лучший из учеников, чтобы ещё через несколько лет ты, быть может, в самом деле набрался сил сломать мою клетку?..

Надо полагать, вскоре Волкодав придумал бы выход – ибо, хотя ежедневное чтение книг и добавило ему умения обращаться со словами, всё равно там, где надлежало до рукопашных искусств, соображал он по-прежнему гораздо быстрее, чем в отношении изустного убеждения. Но...

Так часто получается в жизни: человек строит какие-то планы, раскидывает умом... а потом выясняется, что Хозяйка Судеб уже выпряла нити, да не просто выпряла – связала узлами, устроила затейливую бахрому... а иные, показавшиеся лишними в общем узоре, взяла да отстригла. И сваливается на человека нечто совсем непредвиденное, и идут прахом

¹² *Клочок* – здесь это слово может быть истолковано как «лохматый зверёныш».

любовно рассчитанные помыслы, и приходится, точно погорельцу на пепелище, по крохам собирать уцелевшее и вместо званого пира тщиться что-то заново выстроить на пустыре...

Волкодав позволил Клочку уйти из «жерновов» тем самым шальным прыжком-кувырком да ещё и заботливо поддержал руку, которую волен был сломать. Впрочем, запястье парня так и осталось в его хватке, и он собирался, не дав ему ничего толком сообразить после прыжка, поводить его ещё немного кругом, заставить разок-другой прокрутиться по земле, опираясь ладонью, а когда выдаться удобный момент – тихо уложить и затем не просто выпустить, как поступал прежде, а жестом отправить к остальным ученикам и спокойно сказать, притворяясь, будто вовсе не было ни вызова, ни поединка: «Теперь продолжим урок...»

...Дурнотно-блаженное ощущение то ли плавания, то ли падения накатило опять, как раз когда ему показалось, будто прошлый приступ окончательно миновал и, будучи случайным, более не повторится. Опять его сознание перестало поспевать за тем, что видели глаза, и он опустил веки, чтобы не мешало бестолковое мельтешение. На сей раз он с головой погрузился в тёплое море, спокойное, ласковое и прозрачное, как когда-то в Саккареме, возле устья пограничной реки Край. Дружелюбное течение понемногу закружило его и повело, и он бездумно поплыл, отдаваясь его воле и не заботясь даже о том, чтобы вовремя наполнить лёгкие воздухом.

Покой. Он обретал покой, о котором давным-давно отвык даже мечтать...

Что-то легонько толкнуло его в грудь. Сам того не заметив, он оставил над собой всю толщу прозрачной воды и опустился на самое дно – чистое, ровное, сложенное желтовато-белым песком. По песку бродили размытые тени и отблески солнца, преломлённые глубиной. Песок не лежал на месте. Он, как всё в море, жил своей особенной жизнью и даже дышал, колебания воды покрывали его прихотливо изломанной, извитой рябью... Эта рябь почему-то притягивала внимание Волкодава. Рисунок её всё время менялся, и, пока он силился за ним уследить, из песка проклюнулась короткая жёсткая травка, неуловимо похожая на ту, которой зарос двор крепости-храма и которая упрямо отказывалась погибать даже в углу внутреннего двора, отведённом ему для уроков с учениками... Учениками?..

Исчезли материнские объятия тёплой воды, тело заново обрело тяжесть, а время перестало растягиваться и сжиматься и потекло как обычно.

Волкодав лежал на жёсткой травке лицом вниз, а его левую руку, откинутую и как бы вдвинутую в землю плечом, придерживали за локоть и кисть две потные ладони, осязательно дрожавшие от небывалого напряжения. Волкодав слегка пошевелился и понял, что освободиться не составит труда. Если он пожелает. Он не желал... Ему хотелось назад, в ласковое море, пронизанное солнечными отсветами и покоем.

Он собрался было даже закрыть глаза и попытаться вернуться туда, как, бывает, порой удаётся вернуться в только что виденный сон, прерванный пробуждением... В сон, с которым жалко расстаться. Однако в этом удовольствии ему было отказано. Ослабили хватку ладони, державшие его руку, и волей-неволей пришлось переворачиваться лицом вверх, окончательно возвращаясь назад из чудесной страны, где ему не дали задержаться.

Краски здешнего мира показались ему ослепительно яркими. Горела над ним беспредельная синева неба, и золотым огненным шаром плыло в ней солнце, окружённое белыми-белыми высокими облаками. Чуть ближе высилась сизовато-серая каменная стена, и по ней, раскинув глянцевые зелёные листья, карабкался цепкий плющ.

А прямо над собой Волкодав увидел человеческие лица. Они были вроде бы знакомы ему, особенно одно – с чистой, как у девушки, кожей и двумя тёмными родинками пониже левого глаза. Лицо показалось Волкодаву осунувшимся, едва ли не измождённым. А волосы парня так промокли и склеились от обильного пота, что можно было подумать – это он, а не Волкодав, только что выплыл из глубин прозрачного океана. И ещё глаза. Да, глаза. Серые, смертельно усталые. Им бы полагалось сиять торжеством, но взгляд был почему-то совершенно несчастным.

Клочок. Клочок Волк...

«Я столько всего хотел бы сказать тебе, Волкодав. Я не понимал, пока было время. А теперь я понял, старший брат мой, но, кажется, поздновато...»

Не печалься, мальши. Самое главное мы с тобой друг другу сказали, и невелика разница, словами или без слов...

Другие ученики благоговейно держались поодаль. Все сознавали, какое удивительное и необычное дело только что совершилось у них на глазах. Лучший ученик вызвал Наставника на поединок. И когда все готовы были поверить, что он вот-вот будет окончательно повергнут, а то и вовсе убит за свою наглость, – он вдруг изловчился как-то скрутить Наставника и приложить его оземь, да так, что едва душу не вытряхнул!

Вот вам и Волк!

Зря ли предупреждает мудрость, бытующая почти у каждого племени, насчёт тихого омута, который на самом деле гораздо страшней громогласного переката!..

А они с ним полных три года вместе ели и спали и даже, случалось, в одной и той же корчме кружечку опрокидывали!.. И понятия не имели, что молчаливый паренёк-венн, ничем, по сути, от всех прочих не отличавшийся, – он самый и есть их будущий Наставник, которому, оказывается, от Богов уготовано нынешнего превзойти и сменить!..

Кое-кому теперь, задним числом, уже думалось, что на самом деле обыкновенным Волк не был никогда, что с самого начала сквозило в нём нечто «этакое», и, если порыться в памяти хорошенько, тому непременно отыщутся свидетельства; вот только ума не хватило сразу их распознать и смекнуть, с каким избранником Богини Кан выпало делить хлеб и спальный чертог.

Другие, менее восторженные (или не менее, а просто по-другому), зачем-то разминали кисти рук и иные суставы, как всегда полагалось перед началом урока. Спрашивается, с чего бы заниматься этим посередине его, если не в конце, ибо вряд ли сегодняшний урок будет продолжен?.. Парни поступали так не по сознательному велению ума. Это находили выход невысказанные и, может быть, даже неосознанные мысли, ещё не присвоенные рассудком, их породившим: «Если Волку удалось, то почему не мне? Кем сказано, что следующим буду не я? Я стану усердно подражать Наставнику, кем бы тот ни был, и трудиться, трудиться. Я готов взяться за дело прямо сейчас...»

А третьи, самые бездарные, но, как водится, собственной бездарности не понимающие, прятали этикие многозначительные ухмылки: «Ну конечно. Из кого же ещё ему было воспитывать Лучшего ученика, как не из такого же венна. Нас-то вот не выбрал небось...»

Потом подошёл Хономер. Жрец, по обыкновению, внешне являл полное самообладание, но что-то в выражении его лица показалось Волкодаву странным... что именно? И так ли уж это было важно?

Хономер молча смотрел на него сверху вниз. Он не злорадствовал, но и не пытался поставить под сомнение победу ученика, а значит – согласно уговору, – провозглашение нового Наставника и уход из крепости прежнего. Трудно было удержаться от мысли, что ему просто доставляло удовольствие вот так созерцать Волкодава, распростёртого на земле и, похоже, бессильного. И ещё – он как будто знал про венна нечто такое, чего тот сам о себе не ведал.

Что он знал?.. Имело ли это значение?..

Навряд ли...

Не пытаясь подняться, Волкодав сказал Хономеру то, что представлялось первостепенным ему самому, и голос прозвучал на удивление ровно:

– Если ты позволишь, я задержался бы здесь ещё на несколько дней. Книгу одну хотелось бы дочитать.

Становятся длинными тени,
Спадает дневная жара.
Дружище, довольно сомнений!

Пора нам в дорогу, пора.

Родным поклонившись воротам,
Шагнуть, как бывало, вдвоём
За ближний рубеж поворота,
А после – за сам окоём.

Познать, как бывало, ненастье
От тёплого крова вдали
И, может, сподобиться счастья,
Где радуга пьёт из земли.

Узнать, что воистину свято
И с кем разойдутся пути...
Ещё далеко до заката —
Немало успеем пройти.

4. Завязать узел

Солнце клонилось к вечеру.

По холмам, поросшим где хорошим сосновым лесом, где влажными сумрачными ельниками, вилась утоптанная дорога, а по дороге, неся заплечный мешок, шагал Волкодав.

Когда-то давно, невообразимо давно, поистине до начала времён, из моря на сушу пытался выползти исполинский дракон. Исполинский – не то слово; никакой исполин не может быть настолько велик, чтобы ему показалось тесно посреди океана и захотелось искать простора на суше. Твари, подобные тому дракону, сами способны держать на спинах гряды островов и целые материки, – что, кстати, было отлично известно некоторым древним народам, оставившим про то немало сказаний.

Медленно полз дракон, отягощённый немислимым весом, неспешно ворочалась туша, зацеплявшая шипастым хребтом облака. Неделя, а может, и месяц, уходила на то, чтобы переставить одну лапу и сделать шаг. В те отдалённые времена ещё не было на свете людей, некому было считать и замечать время... А дракон, то ли притомившись ползти, то ли выбрав наконец удобную лёжку, опустил брюхом наземь – да так и заснул, остался греться на солнышке. Что такому проспать целые века, а там и тысячелетия? Сладко дремало чудище, не замечая, как выросли под боками песок и земля, как зимы покрывали его спину снегами, а торопливые вёсны заполняли буйным цветением.

Потом появились люди и нарекли имя зубчатой броне на лопатках дракона, назвали её Заоблачным кряжем. Были там места никем доселе не пройденные, – хоромы и храмы вечного льда, не предназначенные для человека, да и – если пребывает он в здравом рассудке – ему вовсе не надобные. Были места святые и заповедные, ревностно оберегаемые суровыми горцами-итигулами от праздного постороннего любопытства... Только они, эти горцы, знали тайные тропы, головокружительные и опасные, но всё-таки надёжно ведущие через становой хребет Заоблачного кряжа самым кратким путём.

Теми тропами итигулы водили далеко не всякого возжелавшего. Волкодава они бы приняли с радостью и дали бы ему самого лучшего провожатого, ибо считали его своим другом. Волкодав в самом деле водил с горцами дружбу... но это не значило, что с некоторых пор он начал любить горы. Нет уж. Если не вынуждала к тому смертельная необходимость, от гор он по-прежнему старался держаться подальше. А посему выбрал

дорогу, пролётшую ближе к берегу моря и далеко обходившую укутанные снегами хребты. В этих местах вздыбленные драконьи чешуи теряли облик отвесно вздымавшихся пиков и превращались в песчаные, довольно крутые, но всё-таки не горы, а холмы, чем-то даже напоминавшие родные места Волкодава. Тот же песок под ногами, те же ёлки и сосны по сторонам, на старых гарях – берёзы, по краю болотец – заросли ольхи. Вот только на полянах тянулись к солнцу совсем другие цветы, а над головой пели шо-ситайнские птицы, к которым он за три с лишним года так и не привык.

Ученики – теперь уже бывшие ученики – долго провожали его...

От Волкодава не укрылось недовольство Хономера. Жрец, ни дать ни взять, опасался, как бы вся школа не снялась да не ушла следом за отрешённым от звания Наставника венном.

«Не бойся, Избранный Ученик, – с некоторым даже высокомерием ответил Хономеру Клочок. – Я не покину твой храм, пока не воспитаю воителя, который меня... – тут ему следовало бы сказать „превзойдёт“, но Волк не смог переступить через совесть и сказал иначе: – ...который меня победит».

До сих пор у Хономера не было причины сомневаться в честности Волка. К тому же он понимал: для таких людей не придумано уз прочнее однажды данного слова, а иными способами нового Наставника, как и его предшественника, попросту не удержать – проще убить. И жрец только покивал головой:

«Что ж, я доверяю тебе».

Весь вид его, однако, говорил несколько иное. *Старуха Кендарат была хороша, хоть и не по доброй воле нас обучала. Волкодав пришёл сам, и я было обрадовался его приходу, но скоро стало впору завывать. Каков-то из тебя будет учитель, молодой Волк?..*

Волкодав тем временем укладывал свой заплечный мешок, дивясь про себя: сколько книг было в обширной храмовой библиотеке, а самым последним – он даже задержался ради него на два дня в опостылевшей крепости – выпало дочитывать творение пакостника Кимнота. Самое же поганое, что зловредный Кимнот так и не привёл нигде напрямую никаких слов Тиргея, видимо из опасения, что разница в познаниях сразу сделается для всех очевидна. «Что сделать с тобой, гнида ты этакая, если когда-нибудь поймаю? – возвращая книгу хранителю, мысленно обратился венн к придворному звездослову, погубившему человека несравнимо учёнее и лучше себя. – Взять голову оторвать, как мы крысам на руднике отрывали?..»

И, похоже, немалое напряжение духа сопровождало эту не высказанную вслух угрозу, потому что в ушах Волкодава вдруг с удивительной отчётливостью отдался голос Тиргея, словно бы донёсшийся сквозь годы и разделяющую их границу жизни и смерти: «Нет, брат мой! Хватит уже и того, что я вышел биться с Кимнотом оружием разума, а он против меня употребил оружие власти. Ещё не хватало, чтобы теперь ты против него употребил оружие силы! Я и сам, откровенно признаться, рад был бы ему шею скрутить, но что этим докажешь? И особенно – людям, которые прочли его сочинение и нашли его убедительным? Подобного проходимца можно уничтожить лишь одним способом. Имей я возможность, я написал бы книгу. Таковую, чтобы все воочию увидели истину и посмеялись над самоуверенным лжеучёным, а потом крепко позабыли, кто он был таков и как его звали...»

Да, именно этих слов следовало бы ожидать от Тиргея... не смешайся его прах давным-давно с камнями и песком рудничных отвалов. Всё было на месте, даже сипящая одышка каторжника, отравленного неосязаемым ядом подземного озера. *Написать книгу. Как просто. Самое, стало быть, естественное дело...* Это при том, что Волкодав до сих пор ещё не вполне свыкся с чудом – возможностью через посредство покрытых буквицами страниц причащаться мыслей и чувств людей, никогда им не виденных, а то и вовсе умерших прежде, чем он родился на свет. Теперь он начинал понимать: большее и главнейшее чудо были сами люди, для которых очинить перо и засесть покрывать письменами лист за листом казалось столь же естественным, как для него самого – вытягивать из ножен меч. Или, вот как теперь, без усталости шагать по дороге...

«Наставник... – в последний вечер перед расставанием обратился к нему Ключок. Он упрямо продолжал называть Волкодава Наставником, как будто от этого что-то зависело, и звучали в его голосе неуверенность и тоска. – Вот дом, полный светильников, – продолжал младший Волк. – Они кажутся яркими, пока стоит ночь. Но стоит заглянуть в двери рассвету, и сразу становится понятно, какое жалкое дают они пламя и как оно нещадно коптит... Это я к тому, что на свете пруд пруди называющих себя учителями, но немного среди них настоящих... Как мне сделаться настоящим, Наставник, как мне стать подобным тебе?»

Вот тут Волкодав, не слишком привыкший копаться в собственных ощущениях, едва ли не впервые в жизни явственно понял, что имеют в виду люди, когда говорят: хоть смейся, хоть плачь. Он сам-то себе не особенно нравился – и вот тебе пожалуйста: его спрашивали, как стать таким же. Да ещё величали гордо и знаменито: истинным Наставником. *Да, парень... так уж получается – придётся теперь тебе каждый день самому отвечать на вопросы. Теперь, когда ты только-только разохотился их задавать...*

«Не стремись стать как я, – сказал он Ключку. – Будь собой. Я что, я всего лишь человек, зачем мне подражать? Лучше к Небу тянись».

«Но смогу ли я действительно чему-то учить... Моё кан-киро так несовершенно...»

...рядом с твоим, хотел добавить Волк, но вслух не выговорил – сказал глазами. Волкодав понял его. И усмехнулся в ответ:

«А кто совершенен? Ты ещё выучишься всему, чего тебе сейчас не хватает. У тебя есть главное: ты обрёл Понимание. А значит, сумеешь и другим указать к нему путь. Не забывай только, что у каждого этот путь свой...»

Ключок довольно долго молчал, по обыкновению упрямо насупившись. Со стороны могло показаться, будто он не понял сказанного бывшим Наставником, а если и понял – то никак не желал принимать. Волкодав знал, что неприятие это кажущееся: такое уж было у Волка обыкновение переваривать услышанное, расставляя по порядку на полочках памяти.

«Куда же ты отправишься, Наставник?» – спросил он затем.

На самом деле Волкодав хотел бы самым скорейшим образом добраться до Галирада. А там – сквозь единственные известные ему Врата возле Туманной Скалы попробовать попасть в Беловодье. Из Тин-Вилены в сольвенскую столицу или в не столь уж далёкий от неё Кондар часто ходили корабли, а значит, прямое путешествие не заняло бы особо долгого времени... Вот только одна незадача. Почём знать, удалось ли Эвриху побывать на том островке у северо-западных берегов Шо-Ситайна, куда, собственно, они с ним держали путь три года назад?..

Волкодав так и объяснил бывшему ученику:

«Когда я пришёл сюда, я странствовал вместе с другом... Я должен выяснить, удалось ли ему в одиночку исполнить обет, который мы давали с ним вместе».

«Так ты отправишься по его следам?»

«Да».

Волку отчаянно хотелось расспросить его поподробнее. Парень как будто желал наверстать всё упущенное за три года молчания. И в то же время корил себя за неместное, как казалось ему, любопытство.

«Прости, Наставник... Это далеко?»

«Есть места подальше, хотя многие скажут, что и это неблизко. Я должен пересечь Озёрный край и выйти к морю... в место, именуемое Ракушечным берегом».

Пожалуй, всего разумнее было бы одолеть по крайней мере часть расстояния на попутном корабле каких-нибудь островных сегванов – вроде Ратхара Буревестника, с которым должен был отправиться Эврих. Денег, заработанных в крепости, вполне хватило бы оплатить труды честного морехода из тех, к кому с доверием относился Айр-Донн. Волкодав честно обдумал про себя такую возможность, но... так ничего в этом направлении и не стал предпринимать. Что-то до сих пор ему с морскими путешествиями не слишком везло. Единственное плавание, в которое ему случилось пуститься – на сегванской, кстати, «косатке», – кончилось тем, что корабль разнесло в щепы, а они с Эврихом и маленьким

Йаррой выбрались на берег только необъяснимой милостью каменного чудовища, именуемого Всадником... Нет уж! Волкодав понимал, что морского путешествия всяко не избежать, но... пусть уж лучше оно состоится потом. Когда он побывает на острове и всё как есть выяснит. Может, Эврих там уже побывал. Тогда невелика будет важность, если по пути в Галирад опять что-то стрясётся. А до тех пор он лучше будет странствовать иным способом. Более надёжным.

Ну а надёжней всего, по мнению Волкодава, были его собственные ноги. Босиком ступающие по лесной дороге. Или – вообще без дороги.

«Если верна карта Салегрина Достопочтенного, – сказал он Ключку, – я найду там приметную гору; её вершина видна с островка, куда я должен попасть. Салегрин, следуя местному преданию, называет эту гору Шипом».

Он даже вытащил карту, чтобы показать её Волку. Самому ему рассматривать карты когда-то понравилось едва ли не больше, чем даже читать «путевники» землепроходцев или записи учёных вроде старика Салегрина, досужих слушать рассказы путешественников. Обнаружив в библиотечном чертоге очередное «Зерцало стран...» или «Начертание земель...», он сразу принимался листать книгу в поисках карты. Найдя же таковую – тщательно в ней разбирался, перво-наперво отыскивая места, которые хорошо знал. И, если они оказывались изображены верно, уже с некоторым доверием изучал всё остальное. Если же, к примеру, на карте Светынь текла с юга на север, море между северными побережьями и Сегванскими островами оказывалось узким заливом-притиском, а Самоцветные горы стояли, оказывается, чуть не на перекрёстке торных трактов, – он крепко задумывался, следовало ли читать эту книгу или, может, стоило поискать более дельную.

И вот ещё что было удивительно. Описатели земных устроений, как правило, не мелочились и карту в своих книгах помещали одну-единственную, но зато – всего мира. Впервые обнаружив такое, Волкодав попросту оробел перед дерзновенной смелостью учёного мужа, посягнувшего уместить на брэнном листе сразу всё созданное Богами. Потом, помнится, он присмотрелся – и там, где полагалось бы змеиться верхним притокам Светыни, увидел ничем не заполненное пятно. *Пустоземье*, гласила сделанная красивыми буквами надпись. На этом, помнится, венна сразу оставила благоговейная робость. И в дальнейшем он высматривал в книгах карты менее смелые по охвату, зато верные и подробные. Салегрина же ему когда-то хвалил ещё Эврих, повсюду таскавший с собой его книгу, переписанную мелким уставом нарочно для удобства в пути. Найдя Салегриново «Описание...» в храмовой библиотеке, венн обрадовался ему, точно старому знакомцу, – и, листая страницы, действительно узнавал отрывки, которые, бывало, вслух читал ему Эврих. И вот теперь он сам прочёл знаменитую книгу – дотошно, *от корки до корки*, как выражались некоторые учёные люди. И, конечно, предостаточно нашёл у Салегрина непроходимого бреда. Вроде того, что Галирад якобы основали три брата-сегвана, а из четырёх колен вельхского народа коренным было-де западное. Однако карты в книге – своя при каждой главе – оказались на удивление толковыми, и Волкодав потратил немалое время, перерисовывая некоторые из них для себя.

Ну а эта – Озёрный край от северного побережья до самого Заоблачного кряжа – недаром составила его особенную заботу. Он с самого начала верил, что поселился в крепости не навсегда. Знал, что приложит к тому все мыслимые усилия, да и Боги в небесах не бездельники... Не ведал только, когда вернётся свобода. И вот – день настал, и они с Ключком обозревали на карте дорогу, на которую он уже завтра должен был ступить.

Пятки, правду молвить, чесались.

«Далёкий путь...» – только и проговорил Волк. И это был единственный намёк на приступ удивительного бессилия, поразивший Наставника в поединке, который молодой венн позволил себе сделать. Далёкий путь... *Как же ты преодолеешь его? И сумеешь ли преодолеть? Если бы только я смог пойти вместе с тобой!*

Действительно, странное и малоприятное нездоровье, превращавшее мир в скопище зольно-пепельных теней, продолжало посещать Волкодава. Впрочем, таких безобразий, как

во время достопамятного поединка, более не приключалось. Дело, наверное, было в том, что он сразу перебрался ночлежничать в корчму Айр-Донна и каждый день лакомился сметаной. А потому Волкодав крепко надеялся, оставив далеко за спиной каменные своды и стены, негодные для жизни человека, покинуть с ними и хворобу.

«Далёкий путь!.. Верно сказано, да не очень! – приосанились три молодых итигула – Йарра, Мааюн и Тхалет, весьма кстати заглянувшие в Тин-Вилену навестить Волкодава. – Не поприщами измеряют протяжённость дороги, и не бывает она слишком далёкой, если пролегает через земли друзей. Половина Озёрного края ест с нами хлеб, а кто не ест с нами хлеба, те торгуют, хотя бы через соседей. Они снарядят лодки и станут передавать тебя из деревни в деревню как самого дорогого гостя, Волкодав, потому что ты побратим итигулов!»

Венн добросовестно попытался представить себе подобное путешествие. Ничего не получилось.

Однако трое парней из долины Глорр-килм Айсах словами не ограничились.

Мааюн, самый старший и самый суровый, вплётший прошлой осенью в волосы цветные шнуры женитьбы, присмотрелся к Салегриновой карте:

«Вот здесь, в Захолмье, около устья Потешки, живёт человек, у которого останавливался Йаран Ящерица, когда ехал вершить сватовство. Говорят, этот Панкел по прозвищу Синий Лёд многих там знает. Мой отец тоже бывал в тех краях и хвалил его гостеприимство. Я назову тебе приметы дороги, а ещё мы дадим тебе письмо, чтобы Панкел сразу понял, кто это к нему пришёл и как с тобой поступать».

Письмо!.. За всю свою жизнь Волкодав получил письмо один-единственный раз. Маленький кусочек берёсты, принесённый на лапке верным Мышом. Один-единственный раз... Тем не менее он хорошо помнил, сколько тепла и любви оказались способны уместить несколько слов, торопливо нацарапанных рукой Ниилит. С той поры письма внушали ему почти такое же благоговение, как и книги... Вот только больше ему никогда и ничего не присылали. И сам он никому не писал.

Даже то, как составляются письма, он видел только со стороны – когда они с Эврихом зарабатывали на жизнь в «Сегванской зубатке», каждый пуская в ход умение, которым владел лучше всего. Волкодав уже тогда обучился читать на нескольких языках, но, насмотревшись на Эвриха, с поистине потрясающей, естественной ловкостью извлекавшего из чернильницы слова и целые фразы, венн поневоле сделал вывод – справедливый, наверное, но от этого не менее обидный: вот искусство, которым ему не овладеть никогда.

Понятно поэтому его радостное любопытство, когда юные горцы вознамерились снабдить его в дорогу письмом.

Три года назад он недолго пробыл в селениях итигулов, однако успел пожить в их домах и был уверен – там от них с Эврихом не прятали никакого имущества или убранства. А посему, если бы итигулы хранили в своих жилищах книги, он бы их заметил. Обратил бы внимание. Не такое пристальное, как сейчас, но обратил бы. Так вот, он не припоминал книг.

И тем не менее – Мааюн говорил о письме! Именно о письме, а не о какой-нибудь бирке с клеймом, отмечающей собственность, и не о дощечке с зарубками, могущей быть знаком денежных обязательств!

Волкодав помимо воли ждал, чтобы Йарру или его почти ровесника Тхалета отправили, как младших, добывать письменные принадлежности... или, что вероятнее, искать грамотного человека, желающего заработать монетку. Однако ошибся, и ошибка в кои-то веки раз вышла приятная.

В руках у горцев появились мотки и обрывки ярких шерстяных нитей, и Мааюн – торжественно, явно по праву старшего – завязал самый первый узел. Красивый и сложный это был узел, с лепестками, похожими на цветочные, только у известных Волкодаву цветов лепестки росли всяк сам по себе либо урождались сросшимися, как у колокольчиков, а у этого – перевивались, перетекали один в другой. Удивительно и занятно, и не вдруг согласишься.

«Это означает приветствие», – пояснил Мааюн Волкодаву.

За первым узлом последовали другие... ещё, ещё и ещё. Вплетались новые нити, цветная тесьма то сужалась, превращаясь в пухлый узорчатый шнур, то вновь ширилась подобием кружевной сетки.

«Человек», «идти», «друг», «птица», «лодка», «ночлег»... – быстро работая пальцами, называл Мааюн узлы и узоры.

Тут Волкодав припомнил обширные нитяные полотна сходного плетения, показавшиеся им с Эврихом стенными украшениями итигульских жилищ, и ему сделалось стыдно. Вот ведь как! Похоже, книги и летописи горцев всё время были у них перед глазами, только они умудрились их не заметить!

Он сразу положил себе непременно рассказать Эвриху, если жизнь вздумает улыбнуться ему и они ещё когда-нибудь встретятся.

Тхалет всё бросался напоминать и советовать старшему брату, и тот в самом деле дважды распускал узел-другой, чтобы усилить или слегка изменить значение предыдущих. Йарра больше помалкивал. Мать и отец, уехавшие с ним, маленьким, на другую сторону моря, конечно, научили его письменной вязи своего племени. Но, поскольку не было каждодневной необходимости, навык так и хранился в памяти не востребуемым, обретая звание насущного только недавно, после возвращения в горы. Оттого Йарра, похоже, всё никак не мог достичь беглости в праотеческой науке и почти не принимал участия в составлении письма к Панкелу по прозвищу Синий Лёд, жившему в Захолмье при устье Потешки. Завладев кусками и обрывками цветных нитей, оказавшимися ненужными Мааюну, Йарра уселся в сторонке и принялся сосредоточенно выплестать нечто своё. *Узлы разные вяжет*, решил Волкодав. *Умение проверяет...*

Сам он на память отроду не жаловался. Зря ли когда-то с первого прочтения чуть не наизусть запоминал длинные классические поэмы, да ещё на чужом языке. Когда Мааюн кончил вязать письмо и торжественно вручил его Волкодаву, тот разглядел длинную тесьму на коленях и попытался разобрать смысл. Конечно, он смог уловить далеко не все тонкости, но в целом получалось достаточно складно.

«А почему, – спросил он, – этому человеку, Панкелу, дали такое прозвание?»

«Потому, – ответил молодой итигул, – что однажды весной, когда лёд уже напитался водой, посинел и стал ненадёжен, он провалился в воду и едва не отправился рыбам на корм».

Они сидели в корчме у Айр-Донна, в комнатке, за которую славный вельх наотрез отказался брать с Волкодава плату, утверждая, что и без того, ежели по уму, должен был бы передать ему во владение половину «Белого Коня». Стены во всём доме были, к величайшей радости венна, бревенчатые. В знак уважения к постояльцу служанки сразу покрыли их занавесями с вышивкой, изображавшей птиц на ветвях. Вышивка была двусторонняя. Переверни её, и увидишь не изнанку с торчащими нитками, а такой же узор. Разве только день в этом птичьем лесу сменится ночью, потому что серебристая изнанка листьев обернётся лунным блеском на верхней их стороне, да в ярких пятнышках на хвостах и крыльях пернатых поменяются местами цвета. Искусство подобной работы вельхские мастерицы ревниво хранили, передавая от матери к дочери. Вот такая комнатка, напоминавшая и добрую веннскую избу, и круглый вельхский дом под соломенной крышей, вместо внутренних стен разгороженный занавесями. Славно в таком месте и беседу вести, и за столом угощаться, и хорошие сны под одеялом смотреть...

Когда же вечер сделался поздним и горцы, а с ними Ключок Волк, собрались уходить, светлокожий Йарра чуть задержался на пороге, приотстав от названных братьев.

«Вот, – сказал он тихо, чтобы никто не слышал, – возьми...»

И в руку Волкодаву лёг маленький обрывок тесёмки, вернее, один сложный узел с подвязанным к нему другим, поменьше. Венн присмотрелся, и чем дольше смотрел, тем большее чувство странной тревоги внушала ему переплетённая нить. Хотя, спрашивается, что может быть тревожного в обычной одноцветной тесёмке? Или... всё-таки не вполне обычной?

«Что это? – спросил он столь же тихо, ибо понял, что Йарра понизил голос совсем не случайно. – Вот тут моё прозвище, как я понимаю. А большой узел что значит?»

«У нас с ним не шутят, потому что имя ему беда, – сказал Йарра. – По дороге, которую ты завтра начнёшь измерять, когда-нибудь пройдёт хоть один итигул. Или просто кто-то, кто нам родня. И если он найдёт этот знак, мы поймём, что с тобой случилось несчастье, и поможем тебе. Или... – тут он помолчал, – или отомстим за тебя».

Волкодав пристально посмотрел ему в глаза... Произнеси такое почти любой из тин-виленских мальчишек, можно было бы заподозрить пустую ребяческую трепотню, ибо есть ли на свете мальчишки, не жаждущие опасных приключений и тайн? Беда была в том, что Йарра ни к каким приключениям не стремился, наоборот, он успел их повидать столько, что хватило бы на несколько взрослых. Он вправду был ещё подростком, но что такое беда, знал даже слишком хорошо. И потому Волкодав принял у него знак выручки и отмщения, не переменившись в лице, и лишь коротко поблагодарил:

«Спасибо тебе».

Уж так расположена и устроена была Тин-Вилена, что никто из путешествующих сушей (*горой*, как выразились бы венны) этими местами на север или на юг не мог её обойти. Разросшийся город занимал почти всё пространство между бухтой и непролазными обрывами предгорий. Хочешь не хочешь – посети выселки, а то и старый город, Серёдку. Заплати пошлину, если идёшь без товара и, стало быть, не собираешься ничего продавать...

Волкодав с Клочком, мономатанцем Урсаги и двоими итигулами уже выходили в ворота, отделявшие старый город от северных выселок, когда слуха бывшего Наставника достиг голос нищего калеки, сидевшего на земле возле ворот.

– Подайте на хлеб, добрые люди... Пять дней не жрамши, брюхо к спине липнет... Подайте, добрые люди...

Прежде этого человека здесь никто из них не видал. Одну ногу он поджимал под себя, а другую вытянул прямо вперёд; засученная штанина позволяла видеть струпья и язвы, густо испещрившие нездоровую синюшную кожу.

Нынче у Волкодава, против всякого обыкновения, был при себе полный кошелек денег, однако за просто так он их кому попало раздавать вовсе не собирался. Он вообще особым милосердием не отличался и, в частности, полагал, что этот нищий вполне мог бы если не тянуть с рыбаками сети, то чинить их, сидя на берегу, – уж точно. Не хочешь? *Предпочитаешь клянчить на пропитание, сидя в пыли и обрядившись в рогожу*¹³, *чего ни один человек, сохранивший к себе мало-мальское уважение, не сотворит?.. Ну и моё-то какое дело, добудешь ты себе пожрать или нет?..*

Похоже, сегодня такого же мнения дружно придерживалось большинство горожан и заезжих. Подавали плохо. Кривобокая глиняная мисочка для милостыни стояла почти пустая. Попрошайка даже не заметил оглянувшегося прохожего и продолжал бубнить себе под нос, негромко, привычно, на одной ноте:

– Подайте на хлеб... В Самоцветных горах оставил я свою жизнь... Подайте...

«Что???»

Совсем неожиданно для учеников Волкодав шагнул в сторону – и опустился перед нищим на корточки.

– Говоришь, в Самоцветных горах?

Подобных просителей милостыни он немало встречал в Саккареме, у границы которого, в сердце дикого и почти непроходимого горного края, не присвоенного ни одной соседней державой, выселились три проклятых Зуба. Встречались среди тех нищих

¹³ *Рогожа* – грубая сугубо хозяйственная ткань первоначально из волокон растения рогоз (отсюда её название, произносимое также «рогоза», «рогозина»), позже и из лыка (мочала). «Социально приемлемой» одеждой из такой ткани считалась разве что накидка от дождя, в ином случае шла речь о полной потере человеческого облика.

всамделишные бывшие каторжники, кем-то отысканные и выкупленные из неволи, но успевшие утратить и силы, и волю к деятельной жизни: даже свобода не могла их исцелить, и они сломанными щепками плыли в никуда по течению дней... Были, как водится, и обманщики...

Здесь, в Тин-Вилене, нищих калек, поминавших загубленную на подземной каторге жизнь, Волкодав не встречал ещё ни единого разу. «Эк же тебя, братец, далеко занесло...»

Побирушка запоздало встрепенулся, поднял голову. Неопрятная борода, мешки под глазами... На какую-то долю мгновения Волкодав успел перехватить цепкий, ощупывающий взгляд.

Глаза нищего, впрочем, тут же снова стали тусклыми и тупыми – глаза человека, думающего не о жизни, а только о том, как бы прожить-пережить сегодняшний день. Раздобыть грошик-другой – кусочек съестного – и по возможности выпить... Однако и Волкодав не вчера начал присматриваться к людям. Краткого мгновения оказалось достаточно. «Так... Понятно...»

Взгляд лицедея.

Когда-то – он был тогда гораздо моложе и понятия не имел о многом из того, к чему привыкли жители больших городов, – он впервые увидел представление на рыночной площади. Представляли, как водится, легенду о древних героях, соратниках Богов в битвах со Злом. Юный венн, тогда уже, впрочем, носивший в волосах изрядно горного снега, протолкался к самым подмосткам... Увиденное захватило его. Человек в латах и чудовищной маске – воин Тьмы – заносил меч над головой поверженного героя, и Волкодав, хотя понимал, что всё совершалось вроде не очень по-настоящему, едва не рванулся на выручку... так, как делали дома, когда ряженные представляли кто Изначальным Кузнецом, кто Богом Грозы, а кто и вовсе Мораной... Но тут он рассмотрел глаза лицедея, которого собрался было спасать. Это не были глаза героя, пытавшегося не дать Солнцу погаснуть. Это были глаза опытного ремесленника, прикидывающего, хорошо ли удалось сегодняшнее изделие и, стало быть, велика ли окажется выручка.

И наваждение сразу рассеялось: злодейский меч вновь стал крашеной деревяшкой, а кровь, текущая из жутких ран, – соком вишен, ловко раздавленных под одеждой. Венн повернулся к подмосткам спиной и начал проталкиваться обратно, долой из толпы. Зрители, которым он помешал смотреть представление, шипели на него, толкали локтями...

Он тогда битых полдня ходил удручённый, а потом приступил к Матери Кендарат: «Как же так? О святом ведь... Не понимаю...» – «Больно строго ты с него спрашиваешь, – улыбнулась она. – Не может же он каждый день по-настоящему умирать. Душа сгорит. А у него семья небось, дети. Кормить надо...»

Тут ему стало совестно уже за себя, взявшегося судить, но потом и это прошло, и он понял: какой камешек ни подними – непременно окажется, что у него тысяча граней, и из этой-то непростоты и сложена жизнь.

...Нищий выставил перед собой миску и прошамкал:

– Подай, добрый господин.

На самом деле можно было подниматься и уходить, и, наверное, именно так и следовало сделать. Причём молча. Однако Волкодав всё же не удержался и повторил:

– В Самоцветных, значит, горах?

– Да, да, – закивал побирушка. И потянул в сторону обрывки жёсткой рогожи. – Вот, смотри, добрый господин...

Собственно, Волкодав уже знал, что именно увидит. На правой стороне груди у нищего виднелась грубо исполненная татуировка: три зубца в круге.

– Без вины пострадал... – привычно бормотал калека. – Не пожалели мальчонку... Вот, клеймо возложили... Пять лет надрывался...

– Вышел-то как? – спросил Волкодав.

– А сбежал... Как все оттуда бегут... Двенадцать душ нас в побег ушло, один я до дому добрался, а отца-матери уже и на свете нету...

Так-то вот. «Как все оттуда бегут...»

В самом Волкодаве бывшего невольника не распознал бы только слепой. Отметим, благо, были такие, что, не в пример фальшивой татуировке, останутся при нём до конца дней: шрамы от кандалов и кнута, переломанный нос. Мнимый каторжник слепым отнюдь не был. «Что ж ты дорогих камушков мешочек оттуда не прихватил? – собрался было сказать ему Волкодав. – Как все?..» Неуклюжие и, что хуже, недобрые это были слова, и хорошо, что он так их и не произнёс. А не произнёс просто потому, что не успел раскрыть рта. Попрошайка вдруг запел, видимо, из последней надежды разжалобить собеседника:

Дробит кирка тяжёлый камень,
Вверху ворота на замке.
Я, молодой, звеню цепями,
Как прежде – чаркой в кабаке.

Уж то-то славно раньше было —
Вино рекой и девки льнут,
А нынче все меня забыли
И по спине гуляет кнут.

Я рос балованным мальчишкой,
Теперь как вспомню – хоть топись,
Меня любили даже слишком
И тем мою сгубили жизнь...

Подобных песен Волкодав за свою жизнь наслушался множество. Самая обыкновенная «жальная» – воровская баллада о злодейке судьбе, бросившей душу в жестокие жернова обстоятельств. Но...

Но до сих пор их ни разу не пели на мотив разудалой саккаремской свадебной плясовой.

Правду молвить, на саккаремских свадьбах венну гулять не доводилось. Мёртвых в той земле он хоронил... Да. А вот мимо радостных событий его как-то всё проносило стороной. И вышло, что плясовая подняла со дна души тёмную муть совсем невесёлого воспоминания. В этом лихом танце – танце удалого жениха – полагалось высоко прыгать и звонко хлопать себя ладонями, попадая по пяткам...

Когда-то, очень много лет назад, на крутой горной дороге лежала повозка, опрокинутая только что отгремевшим обвалом. Лежала не повозка даже – просто клетка, снабжённая деревянными колёсами. И один из обитателей клетки, лохматый подросток-венн, прикованный короткой цепью за шею, смотрел на человека, бешено заламывавшего колена свадебной пляски. У танцора не было одного уха – палач государя шада отсёк за воровские дела. Человек громко хохотал и выпрыгивал всё выше, всё яростней... а плясовым кругом ему служила макушка огромного валуна, только что скатившегося с горы и обретшего очень зыбкое равновесие. И бессильно стояли на дороге надсмотрщики, сматывая в кольца верёвку, которую беглый раб так и не пожелал принять из их рук. А тот заходилась последним весельем и танцевал, танцевал – и обломок скалы под ним раскачивался всё сильнее, пока, наконец, вся гряда битого камня, натужно ворочаясь и скрежеща, не начала сползать ниже по склону...

Воровская баллада между тем длилась, и всё в ней было как полагается. И разгульная жизнь, и взбалмошная красавица, которая любила дорогие подарки и тем толкнула сердечного друга на кражу. И неизбежный соперник, с которым герой песни её однажды застучал. И кинжал, пронзивший сразу обоих. Вот только подбор слов и созвучий оказался

Волкодаву чуть более изощрённым, чем обычно бывало в такого рода «жальных». Да и воровской надрыв, призванный вышибать слезу из самых заскорузлых головорезов, был ни дать ни взять сотворён человеком, очень хорошо чувствующавшим, что к чему.

Меня в цепях вели из зала,
Где состоялся скорый суд,
Тут мать-старушка подбежала:
«Куда, сынок, тебя ведут?..»

«Меня ведут в такое место,
Где пропаду я без следа.
О милом сыне ты известий
Уж не получишь никогда».

И вот я здесь – долблю киркою,
Жую подмоченный сухарь.
Уже не тот я сам собою,
Каким меня звали встарь.

Должно быть, сдохну в этой яме.
Седеют кудри на виске.
Я, молодой, звеню цепями,
Как прежде – чаркой в кабаке.

Наверное, саккаремский напев оказался использован благодаря самому обыкновенному совпадению. Песни ведь тоже надо уметь слагать... Волкодаву доводилось присутствовать при рождении песен. Хороших песен... Их всегда было немного. Как и истинных песнотворцев. Гораздо больше было других – тех, кто ощущал позыв и вкус к сочинительству, но не имел по-настоящему крылатой души. Такие действовали точно ленивые садовники: зачем возиться и тратить время, выращивая плодородное дерево на собственных корнях, – привьём ветку к уже готовому дереву! И брали напев от первой пришедшей на ум песни, помстившейся более-менее подходящей. А то крали всё целиком, лишь заменяли тут и там несколько слов, приспособив чужое творение для своих нужд...

Но – раскачивался, кренясь, громадный валун, и камни скрипели, как готовые молоты жернова, и победно, отчаянно плясал наверху человек и звонко бил себя по пяткам ладонями...

– Выпей в память о Корноухом.

Волкодав бросил в мисочку серебряную монету, поднялся и ушёл, не оглядываясь, к ученикам, ожидавшим его.

...Здесь холмы отличались от холмов венских чащоб в основном тем, что на родине Волкодава там и сям прорывались из земных недр гранитные лбы, а здесь повсюду был мелкий жёлтый песок. В остальном сходство было замечательное. Даже ручьи и речушки изобиловали не менее, чем в стране веннов. И ещё бы им не изобиловать! Они ведь питали собой величайшие лабиринты озёр, болот и проток – целый край, оттого названный Озёрным. Если не врал путешествующий народ, там можно было узреть чудеса, в иных местах не встречавшиеся. Например, обширные водоёмы, пересечь которые едва удаётся за целый день усердной гребли, – и за всё это время глубина ни разу не дойдёт даже до пояса стоящему человеку, так что будет неизменно видно нагретое солнцем илистое дно с

кишащей близ него мелкой водяной жизнью: стайками мальков, чёрными створчатыми ракушками...

Волкодав думал о том, что скоро увидит всё это собственными глазами.

Наверное, Тин-Вилена была не самым скверным городом на свете. Умом он это очень хорошо понимал. Однако уходил так, словно за ним могли погнаться и потащить назад, в Хономерову крепость. Собираясь в путь, он долго рассматривал карту, прикидывая, быстро ли придётся идти. Считал вёрсты и дни, что-то соразмерял... А потом в первый же день прошагал столько, сколько собирался за три. Да не просто прошагал – пролетел, точно на крыльях. И это при том, что вот уж полных три года не утапывал пятками дальней дороги, а кожаный кузовок за спиной был изрядно потяжелее, чем случалось в прежние времена!

Вряд ли, думал он вечером у костерка, что-то напутали составители карты. Они ведь как раз опирались в своей работе на рассказы досужих купцов, бродячих собирателей мудрости вроде Эвриха и иных землепроходцев, безошибочно знавших, откуда докуда можно добраться за столько-то дней. Надо полагать, дело во мне. Я так засиделся в Тин-Вилене, что теперь просто не чаю оставить её как можно дальше позади – и как можно скорей!

На городских улицах и окрест снег давно уже стаял; в городах он всегда стаивает раньше – там топят очаги, там много людей, там стоят дома со стенами, привлекающими солнечное тепло. Волкодав ожидал, что в лесу, особенно по северным склонам холмов, снегу будет ещё полным-полно. Однако ошибся. Снег растаял уже повсюду и так, словно его никогда здесь не бывало. Над землёй мчались тёплые ветры, и повсюду, где они пролетали, белые сугробы оборачивались текучей водой, и к этой воде тотчас начинали тянуться под землёй мириады тоненьких корешков. Насосавшиеся корешки выбрасывали вверх стремительные ростки. Далеко не все были знакомы венну, выросшему на другом материке, но остренькие красноватые вылеты ландышей он узнавал безошибочно. И радовался им как родным. Кое-где на солнечных пригорках они уже разворачивали листья, готовясь цвести.

В этот первый день ему встретилось всего одно белое пятнышко, да и то совсем небольшое, без труда можно перешагнуть. Снег, дотаивавший в лесу, вовсе не походил на сугробы, прятавшиеся от солнца по городским закоулкам. Те одевались, как в панцирь, в грязную корку – но всё равно исчезали быстро и незаметно. А этот маленький снежник похож был на белого котёнка, улёгшегося на дорожной обочине. От жара Ока Богов его укрывали мохнатые лапищи елей – могучих, изумрудно-зелёных и до того плотных, что под ними не очень-то вырастала даже лесная трава. Пятнышко приятно заохлодило Волкодаву босые ступни.

Чем надлежит заниматься весной всем праведным людям, осознающим своё место в кругах и ритмах Вселенной?..

Верно: распахивать ждущее ласки лоно Земли и плодотворить его, запахнутое, семенами, бережно сохранёнными в лубяных коробах, опричь зимнего дыхания Мораны Смерти.

Дело это – отдельно мужское и отдельно женское.

Мужчины восходят на свежую, ждущую пашню, как на честное брачное ложе: нагими. Несут житное семя в мешках, непременно перешитых из старых, хорошо ношенных, помнящих мужское тело штанов. И должны быть те штаны не какими угодно, но обязательно посконными – то бишь нитки в их ткани спрядены не из всяких растений конопли, а единственно из мужских. Такие штаны носит всякий венн, получивший имя и право носить взрослую одежду. Ибо хорошо знают веннские женщины, как крепить в сыновьях и мужьях своих мужское начало!

Но и о себе не забывают веннские женщины. И, пока мужики вершат с Матерью Землёй удалой и таинственный брак, их супруги, сёстры и матери тоже с Нею беседуют, только по-своему, по-женски. Шушукуются с Нею на огородах, опять же нагими присаживаясь передать Земле семена репы, редьки, капусты... Делятся с Нею своей силой

чадородия – и сами в отдарок воспринимают Её святость и мощь...

Может ли, однако, что-то родиться, может ли совершиться зачатие, пока Мужчина и Женщина пребывают врозь, даже не видя друг друга?

Ясно, не может.

Но такого не должно и не имеет права случиться, чтобы в какой-нибудь год осталась праздной Земля, не принесла урожая. Как тогда жить людям, да и не только людям, а всякой твари земной?..

И, дабы не произошло подобного несчастья, венские женщины и мужчины сходятся вместе и радуются друг другу, справляя в середине весны славный и светлый праздник – *ярильные ночи*.

О, надобно вам знать, что это совсем особые ночи!

Пока они длятся, правильными и праведными являются такие поступки, от которых в обычное время добрых людей удерживает внушённая родителями стыдливость. В ярильные ночи всё наоборот, всё не так, как всегда. На вершине большого холма, всенепременно плешивого, разжигают костры и стелют прямо наземь скатерти с угощением. Люди пляшут и прыгают через костры, и женщины открыто целуют мужчин, и те зовут их прочь от костров – вместе возрадоваться ярому духу весны, любви, зарождения жизни...

Жёны выходят «яриться» вместе с мужьями, друзья с подружками, женихи – с невестами. А кто вовсе один, тот идёт сам по себе, надеясь и ожидая какой-нибудь радостной встречи. И что же? Бывает, встречаются, да так потом и не разлучаются до могилы. Бывает иначе. Остаётся та встреча единственной, и позже, увидевшись где-нибудь на торгу, женщина и мужчина лишь со значением улыбнутся друг другу... Да надо ли подробно объяснять и рассказывать? Ибо, пока длятся святые ярильные ночи, все друг другу жёны и мужья, все – пылкие женихи и ласковые невесты...

И, само собой, – кого ещё звать холостому парню с собою на праздник, как не девушку, в чьём роду он собирается жить, ту, у которой он попросил или только вознамерился попросить бус?

Кажется, куда уже проще. Но оказывается порою, что дело, ясное и очевидное для одних, кого-то другого заставляет чуть не за голову хвататься – от ужаса и изумления, но никак не от восторга.

Уже на памяти нынешнего поколения, лет двадцать назад, жил в лесах пришлый старик, жрец далёких и малоизвестных веннам Богов, именуемых Близнецами. Он много рассказывал об этих Богах, ибо видел, что слушают его с любопытством. А потом без усталости покрывал письменами гладкие берестяные листы, описывая жизненный уклад, верования и Правду хозяев, – ибо полагал, что кому-нибудь, слыхом не слыхавшему о веннах, может оказаться небесполезна мудрость лесного народа.

Так вот, этот самый жрец, человек вроде бы немало поживший и умудрённый, услышав в самый первый раз о весеннем празднестве, попросту воздел к небесам руки:

«Как же можно?! Лепо ли... Невесты... без свадьбы, без благословения... Что, если на празднике девушка окажется неосторожна... если она... прогуляет свою честь?..»

«Какую честь?..» – изумились Серые Псы (так звался веннский род, в котором прижился добрый старик).

Жрец, помявшись, объяснил, и венны удивились ещё больше:

«Но как иначе девушка может узнать, станет ли она после свадьбы радоваться объятиям мужа? Всяко ведь в жизни бывает, – может, лучше им поклониться друг другу да поздорову и распрощаться?»

А кто-то добавил:

«Хороша честь, которую может вор унести!»

А мальчик неполных двенадцати лет, прилежно слушавший разговор взрослых и старавшийся во всём разобраться, запутался окончательно и заподозрил, что вовсе не понимает, о чьей чести речь. По его мальчишескому разумению, непоправимо обещанным был бы мужчина, приблизившийся к женщине против её воли. Подобного

выродка следовало непременно поймать – и заставить измерять шагами собственные кишки, пока не иссякнет в нём жизнь. С какой же стати жрец всё время говорил только о девушке-невесте и так, словно жених не защищать её призван был от любой возможной опасности, но, наоборот, сам был способен какое-то зло ей причинить?..

Кажется, всё в веннской жизни ясно, всё согласно порядку вещей, заповеданному ещё Прародителем Псом! А вот поди ж ты, старец чего-то никак не мог взять в толк. Мальчик был, впрочем, неглуп и вовремя догадался: так происходит не из-за недомыслия гостя, но лишь оттого, что тот привык уважать совсем иные обычаи.

«Но если, – продолжал допытываться старик, – ко дню свадьбы она окажется уже беременна? Или... возьмёт на руки дитя? Тогда-то как быть?»

«Так ведь это ЕЁ дитя будет, – пожимали плечами венны. – Дитя ЕЁ рода. Всем в радость!»

«И мужу будущему? А коли ребёнок не от него?»

«Ты о многом судишь толково, – сказала тут большуха Серых Псов. До этого мгновения она молча вязала рыболовную сеть, но вот надумала открыть рот – и все прочие родовичи немедленно замолчали. – Одно плохо, – продолжала она. – Видно, прежде ты знал всё с недобрыми и неправедными народами. Да случись у неё дитя, мужу будущему её следы на земле целовать впору бы. Если до него родила – значит, и его семья втуне не пропадёт, но ляжет в добрую ниву...»

Жрец на это ничего не ответил. Видимо, оттого, что перечить, не греша против совести, было нечем. Но и душой принять суждение предводительницы рода он тоже не мог, и большуха, зная о жизни уж никак не меньше его, это поняла.

«А скажи-ка ты мне, сирота... – улыбнулась она. (Сиротой они называли гостя своего оттого, что не дело ветхому старинушке жить наособицу, без родни, без могучих сыновей и любящих дочек: кто поддержит и утешит в болезни и немощи, кто переймёт накопленную за долгие годы науку?) – А скажи-ка ты мне, сирота, вот что. Уж то-то славно ты толкуешь нам про двоих пригожих ребят, которых вы там у себя держите за Богов...»

«О Воине и Целителе, да», – с готовностью отозвался жрец.

«Стало быть, – кивнула большуха, – эти твои Близнецы ногами запинали бы девку, прежде свадьбы родившую? Старший, может, копьём бы её ткнул? А Младший дитё захворавшее помирать без помощи кинул? Коли оно, дитё это, – как ты выразился, – без благословения?»

Старик ответил тихо, но сразу и без раздумий:

«Нет. Никогда...»

«Так какого бельмеса... – тут большуха дёрнула сеть, проверяя затяжку узлов, и движение вышло досадливым, – какого бельмеса вы, жрецы, хотите святить то, что без вас свято от века? Вы ещё хлеб взяли бы благословлять, словно он прежде всех Богов свят не был. Значит, твои Боги не осудили бы – а ты берёшься судить?»

Старый жрец немало смутился... А потом удалился к себе – в маленький покойчик, выгороженный для гостя в уютном углу общинного дома, – и долго молился в уединении. Должно быть, испрашивал совета у божественных Братьев. И что отвечали старику его Боги, никто не слышал. Потому что это были его Боги, не веннские.

Немало воды с тех пор утекло в великой Светыни... Для одной человеческой жизни двадцать лет – срок изрядный. Много вёсен назад не стало жреца, а мальчик, пытавшийся постичь разговор взрослых, с тех пор сам сделался взрослым бородатым мужчиной. Но что такое двадцать лет в жизни народа? Один миг. Мелькнул – и нету его...

И всё так же несла свои воды праматерь Светынь, убегая на запад, в горько-солёное Закатное море, и по верховьям её и притокам стояли дремучие леса, а в лесах жили венны. И у веннов всё оставалось по-прежнему.

Не один месяц провёл среди Оленей молодой Шаршава Щегол, всех успел порадовать своим мастерством кузнеца. До сегодняшнего дня жил, как подобает вежливому гостю,

задержавшемуся в селении. Сегодня всё должно было измениться. Сегодня наступала первая ярильная ночь, и Шаршава отправится вместе с Оленями на праздник, и там, в отблесках святых костров, его назовёт своим дочь Барсучихи. И, ежели сладится у парня с девчонкой честное дело, – к утру заискрится в волосах у Шаршавы светлая бусина. А потом придёт осень, и земля отдаст плодами те семена, что недавно были посеяны. И будет праздник, и большуха Оленей крепкими нитками примотает одну к другой ложки, которыми ныне порознь едят жених и невеста. И Олени вместе со Щеглами вволю погуляют на свадьбе, празднуя рождение новой семьи.

Весна выдалась очень погожая, солнце торопилось гнать зиму и грело не просто тепло, а временами даже и жарко. Вот уже полных две седмицы венны не топили в избах печей, готовили еду на летних очажках под навесами. Однако праздничные блины – девичье приглашение избраннику – дело вовсе особенное. Можно ли доверить такое временному очажку во дворе? Нет, конечно. Нельзя! Оттого нынче в доме Барсучихи жарко греется государыня печь, ещё прадедом хозяйки сбитая, устроенная из речных валунков и крепкой в обжиге глины. Шипят на печи две сковороды – тоже очень старинные, глиняные, с высокими краинами, величиною немного побольше, чем могут обхватить пальцы. Когда их приподнимают над отверстиями печного свода, изнутри могуче и ровно дышат золотым жаром угли и временами вылетают язычки бледного пламени. Оленюшка жарит блины, и мать ей помогает. Ровняет на деревянном блюде румяную, душистую стопку, смазывает растопленным маслом... Иной помощи дочери не требуется, да и без этой вполне могла бы обойтись. Но как в таком святом и важном деле – без матери?

«Вот ты и выросла, дитятко...»

Выросла, по-другому не скажешь. Совсем взрослая стала. Любо-дорого посмотреть, как хозяйствует в доме и у печи. Один за другим шлёпаются на блюдо блины – тонкие, кружевные, нарядные, любо-дорого поглядеть. И собой хороша младшая доченька... Ну, может, не такая красавица, какими удались старшие – сами вбеле румяны, косу русую пальцами не обоймёшь, – но тоже не из таких, от кого люди с жалостью отводят глаза и поспешно говорят родителям: «Но зато, наверное, умница!..»

Правду молвить, в девочках-малолетках её считали дурнушкой. Худенькую, маленькую, с редкими волосёнками... И это чуть-чуть не довело до беды. Было дело, собрались они с отцом в Большой Погост, навестить дальнего родича... То есть по крови не такого уж дальнего – прадед, что выложил печь, с его прадедом были троюродные братья. Дальность заключалась скорее в том, что в той семье без конца роднились с сольвеннами, так что за три поколения ничего своего, веннского, почти уже не осталось. Даже «акать» в разговоре начали совсем по-сольвеннски, произнося «кАрова» и «мАлАко», слушать-то противно. И вот родственник ляпнул прямо при доченьке, думая, вероятно, что дитя десяти вёсен от роду ничего ещё не способно понять: «Да никак в безлунную ночь она у вас родилась... Кто же у неё, у бедняжки такой, бус-то станет просить?»

Что же, доченька вправду ничем тогда не оказала, что слышала, а услышанное – уразумела. Играла себе и играла в залитом предвечерним солнцем уголке двора, гладила кошку, предлагала ей поймать кусочек верёвки... А только потом хватились дитятка – тут и нету его! Мать хорошо помнила, как всполошилась, как кинулась за ворота искать... Только искать-то не понадобилось. Почти тотчас с облегчением увидала: вот она, доченька, жива-здоровая, идёт навстречу радостная и довольная. Идёт и... ведёт за руку того человека. Серого Пса, а ведь про них все тогда думали, что вот уж двенадцатый год нет никого... С косами, заплетёнными из-под низу вверх, как подобает недавно пролившему кровь... И на одной из тех кос играет, искрится доченькина хрустальная бусина!.. Вот, мол, вам всем! Неча говорить, будто нехороша и не придут ко мне женихи!.. А вот и пришёл! Да без вашего на то позволения! Да ещё и вперёд раскрасавиц старших сестёр!..

...А он – взял бусину, путник бездомный, сирота истреблённого рода. Ещё б ему было не взять!..

Долго они потом держали детище в строгости... Потому – видели: помнит она того

человека, никак не хочет забыть. И ещё было замечено, что самые свирепые псы, отродясь не любившие надоедливой ребятни, с Оленюшкой сделались ласковы, точно была она их собственным выкормышем. С чего бы такое? Ох, как же всё непросто на свете...

...Но ничего. Всё это сегодня закончится. Уже на самом доньшке осталось теста в круглой деревянной мисе, из которого большой ложкой отмеривает его доченька на жаркие сковородки. Новая бусина блестит у неё между ключиц, недавно вручённая, на шнурке, сплетённом из красной, чёрной и белой ниток. Знак готовности принять сватовство.

Одно только плохо: всё молчит дитяtko. Не шепчется с матерью, не тянет напоследок из неё жгучие женские тайны, краснея радостно и тревожно, как когда-то старшие сёстры. Делает вид, будто занята одними только блинами и ни о чём ином помыслов даже не держит. Проворно снуют её руки над двумя сковородками, мечется у горла ясная бусина, вспыхивает многоцветными огоньками...

И мать молчит. Может, в самом деле не стоит ей нарушать сосредоточения дочери? Обо всём они с нею уже переговорили, всё обсуждали, всё решено.

Тихо шипит сковородка. Это вылило из мисы последнее тесто. Больше и толще других получается блинок, и нету в нём кружевных нарядных отверстий. Не блин – лепёшка! Что делать с таким?

Однако у хорошей хозяйки всему находится применение. Сделался последний блин крышкой всем остальным: не остынут, пока понесёт она их через укутанное туманом старое поле, а потом по камням через ручей...

Девушка, которой назавтра предстояло прозваться невестой кузнеца Шаршавы Щегла, молча вышла из дому, неся на ладонях старинное блюдо с блинами, закрытое от нехорошего глаза длинным, богато вышитым полотенцем. Мать осталась стоять в дверях, провожая её. Что укроется от глаз матери, провожающей дочь?.. Но даже и она не заметила, как Оленюшка бросила быстрый взгляд на вершину каменного холма, прикрывавшего долину от холодных ветров. Не блеснёт ли там что-нибудь в сиянье луны, в лучике взошедшей звезды?..

Нет... Кутала вершину глухая и плотная темнота. Нарушали её только отсветы ярильных костров, уже разгоравшихся на лысой макушке другого холма, совсем в иной стороне.

В этот день, незадолго до сумерек, Волкодав свернул с проезжей дороги и долго шёл лесом, по усыпанной сосновой хвоей тропе. Тропа лезла всё время вверх – не очень круто, однако заметно. Лес же делался то гуще, то реже, потом под ногами зазеленел густой мох и начало влажно хлюпать верховое болотце, но острые каменные зубцы неизменно плыли впереди, медленно приближаясь, – и вот наконец кривобокие сосенки расступились, и по ту сторону обширного верещатника, серовато-зелёного, унизанного мелким лиловым бисером цветов, перед венном во всей красе распахнулся скальный обрыв, на который он вознамерился поближе взглянуть. Распахнулся внезапно и сразу – такое уж было у него свойство, с какой стороны ни подойди...

...Во всей красе?

Лучше сказать – во всём величии...

А ещё лучше – совсем ничего не говорить, просто помолчать, пока нужные слова сами не явятся на ум. Или не явятся, потому что не придумано в человеческом языке таких слов...

Ибо ничего подобного Волкодав в жизни своей не видал. А уж он каких только чудес не рассмотрел на склонах хребтов, окружавших Самоцветные горы, – казалось бы, там-то, где стояли величайшие вершины здешнего мира, сущность гор изъясляла себя наиболее разнообразно и полно...

Что это?

Овеществлённые мысли, имеющие такое же отношение к человеческой суете, как океанский шторм – к луже, в которой плавают головастики?

Обломок короны, упавшей с головы неведомого Бога, низвергнутого в небесном бою?

Руины твердыни какого-нибудь Тёмного Властелина, столь древние, что до ныне живущих не докатилось даже смутных преданий? Сумрачными башнями вздымалось полукружие каменных стен, осыпи у подножья казались неприятельским войском, неистово хлынувшим на приступ, – вотще, вотще, никому не дано покорить эти стены и сорвать с башни жемчужно-серое знамя...

День с утра выдался ясным, но непостоянна погода в горах, – а каменный обрыв как раз и отграничивал песчаные, заросшие лесом холмы от матёрых гор Заоблачного края. И вот оттуда, с этого края, надвинулось внезапное облако и похоронило солнечное небо вместе с солнцем, уже клонившимся за хребты, и – как никогда не бывало над миром безмятежного синего свода. Край клубящейся мглы подхлынул сзади к изломанным остроконечным зубцам, и завился кругом них, и обтёк, и стало ясно: именно так должна представлять эта стена, в угрюмом – не то рассвет, не то закат – и ничего хорошего не сулящем безвременье... а вовсе не при весёлом солнечном свете, вселяющем в душу легковесную радость. Ползучий туман вихрился и рвался, вершины скал проглядывали над его волнами, возникали в размывах, бестелесно плывя, точно отъединённые от основания, и казались страшно далёкими горными пиками иной страны, увиденной сквозь волшебную расступившуюся завесу... иного мира, мельком подсмотренного сквозь Врата...

...А может, не крепость и не корона? Высились и медленно шествовали в тумане исполинские тени в плащах с остроконечными капюшонами, низко надвинутыми, – ибо не дело смертным созерцать Лики стоящих над миром. Как тут не ощутить себя дерзновенным соглядатаем, нарушившим уединение Богов, собравшихся для беседы...

Тем более что стена действительно ГОВОРИЛА.

Мириадами голосов, звучавших так, словно вправду рождались они за краем Вселенной. Шёпоты... отзвуки далёкого плача... неясные, немислимо далёкие вскрики... То громче, то тише, и кажется – вот-вот поймёшь сокровенное, но сколько ни вслушивайся – смысла не уразуметь...

Только странное, бередящее, беспокоящее чувство в душе...

Между тем гигантский обрыв, перед которым стоял Волкодав, обладал именем, причём вроде бы не особенно подходящим. Люди называли его Зазорной Стеной. Проезжая дорога не подходила к нему близко, делая порядочный – и похоже, намеренно устроенный – крюк. Впервые узнав о Стене и о дороге, как бы в смущении обходившей её, Волкодав поневоле вспомнил о Кайеранских трясинах: мимо них тоже ведь когда-то старались не ездить...

«Нет, – сказал ему собеседник, торговец резным перламутром из Озёрного края. – Я не слышал, чтобы пропадали кто-нибудь из ночующих под Стеной. И разбойники поблизости не таятся, да и не место им там, если хорошенько подумать. Дело в том, что Стена... Не знаю даже, как тебе объяснить. Просто, когда приходишь туда, сразу делается понятно, зачем люди не устраиваются близ неё на ночлег. Да и днём стараются побыстрее проезжать мимо...»

«А почему – Зазорная?»

Торговец был из тех, с кем горцы-итигулы, по их выражению, вместе ели хлеб.

«Потому, – ответил он, – что там ты как бы зришь не предназначенное для твоих глаз. Подсматриваешь...»

Зазирать вправду означало наблюдать скрытое, да не по нечаянности скрытое, а такое, что думали от тебя намеренно утаить.

«Понятно», – сказал тогда венн. Про себя же подумал, что название было очень древним. Его даже выговаривали немного не так, как было принято в нынешнем языке. А древние имена, как Волкодав не раз уже убеждался, обычно несли в себе гораздо больше значений, нежели усматривал в них современный народ.

Разговор тот происходил давно, ещё в те времена, когда уход из Хономеровой крепости виделся Волкодаву далёким и несбыточным счастьем. Наверное, потому-то он сразу положил себе мысленный зарок – если, мол, доживу до этого счастья, то непременно побываю возле Стены...

Да. А ведь случись им путешествовать здесь, к примеру, с Эврихом, скорее всего Эврих загорелся бы любопытством и потащил его *зазирать*, а он, Волкодав, отговаривал бы его и не одобрял, потому что уважал право скрывших что-либо от людей...

И вот нате вам пожалуйста – пришёл сюда сам. Ибо зарок следовало исполнять. Ибо Стена вроде бы до сих пор никак не наказывала созерцавших её, а значит, и его вряд ли станет карать. И, наконец, потому, что не только Эвриху было свойственно любопытство...

Клубящееся облако то прятало, то открывало сумрачные зубцы. Волкодав смотрел и смотрел, хотя из облака начала сеяться морозящая сырость, а значит, разумному путешественнику следовало позаботиться о сухом уголке для ночлега.

Торговец перламутром сказал ему ещё:

«Говорят, раньше Стена была местом молений...»

«Да? Каких же Богов там призывали?»

Уроженец Озёрного края только вздохнул:

«Теперь этого не знает никто...»

Волкодаву случалось забредать в святилища забытых Богов, ушедших в небытие вместе с народами, почитавшими Их. Он помнил ощущение святой и тихой печали, царившее в подобных местах. А ещё ему однажды случилось увидеть, как чудовищный оползень, унёсший сразу половину горы, обнажил древний храм, увенчанный поистине удивительным изваянием женщины... Венн волей-неволей припомнил, как они с аррантом гадали – не пожелают ли жрецы Близнецов из тин-виленской крепости прибрать к рукам этот храм, а заодно с ним – и весь Заоблачный кряж, поскольку случившееся, по некоторым признакам, напрямую касалось их веры... Этого не произошло. «Ещё один храм Матери Сущего!.. – только и скривился Хономер. – Не торопитесь же скверна исчезать с лика земли...» Так что статуей любовались одни итигулы, поселившиеся словно бы под её присмотром в Долине Звонящих ручьёв... и с ними немногие, испытывавшие труднообъяснимое желание посетить Глорр-килм Айсах. У ног Богини провела некоторое время и госпожа Кан-Кендарат. «Мне кажется, – сказала она, – там есть место, где я смогу поразмыслить...»

Так мы и не встретились больше, с внезапно нахлынувшей тоской подумал Волкодав. *Что вообще я делаю здесь? Почему вот так сразу решил отправиться следом за Эврихом? Я что, сомневаюсь, что у него и без меня всё получилось?.. Но до сих пор Эврих, кажется, прекрасно умел позаботиться о себе. А вот ей я, быть может, действительно нужен. Она ведь уже очень немолода...*

Влажная морось между тем сделалась гуще. Воздух не мог больше удержать плавающих капелек, начинался самый настоящий дождик – мелкий, унылый и зябкий, отнимающий тепло хуже мороза. Сумерки густели, и оттого казалось, будто дождь зарядил навсегда. Такому полагается идти осенью, а не весной. Что в нём общего с животворной грозой, когда тёплую землю ярит безумствующий ливень, порождая чистый воздух, которым так легко дышится?.. Нет, понапрасну ли дома различали дожди, зря ли говорили: подобную сырость порождает не страсть Бога Грозы, но корысть его вечного соперника, подземного Змея.

Да... Вот уж чего я сполна в своей жизни нанюхался, так это подземелий, где властвовала корысть...

Стена совсем скрылась из глаз, укрытая влажной завесой. И только шепчущие голоса продолжали разговаривать с Волкодавом. Так – бестелесно, на грани понятного – могли бы напоминать о себе тысячи безвинно загубленных душ...

Венн всё-таки решил не следовать опыту тех, кто бывал здесь прежде него и стоял против ночёвок около Зазорной Стены. Между прочим, он сделал так отчасти потому, что вообразил, как начнёт рассказывать Эвриху об этом шо-ситайнском диве, когда они встретятся. «И что?.. – протянет Эврих разочарованно. – Просто постоял и дальше пошёл?..»

В самом деле глупо было бы взять да уйти, даже не попытавшись понять, о чём же шепчет Стена. Волкодав вернулся к опушке леса и в полусотне шагов от того места, где

выбегала на верещатник тропа, облюбовал себе для ночлега ёлку – скорее приземистую, чем высокую, но зато невероятно густую. Под неё никакой дождь не проникнет. Венн поклонился доброму дереву, испрашивая разрешения. Потом влез под раскидистый полог, постелил себе и устроился, как в доме родном.

Огня, понятно, под таким кровом не разведёшь, но костёр был и не нужен. Без него тепло. Порывшись в заплечном мешке, Волкодав вытащил ломоть хлеба и кусок рыбы, в искусстве коптить которую тин-виленские рыбаки не уступали, кажется, даже островным сегванам. Даром, что ли, именно в Тин-Вилене он снова начал есть рыбу с удовольствием – а ведь думал когда-то, что после каторги никогда больше по собственной воле не возьмёт её в рот!

В лесу было тихо. Кажется, не только люди, но даже зверьё избегало попусту слушать голоса, звучавшие из Стены. *Один я уши наострил*, подумалось Волкодаву. *Ни человек, ни собака...*

Правду молвить, порой он уже сам не знал, какой из двух сутей в нём было больше. Благодарение Богам – в Тин-Вилене с ним не происходило случаев вроде того, который, надобно думать, до сих пор вспоминали за кружечкой пива добрые жители Кондара. Однако превращения случались. И всякий раз – весьма кстати. И чем дальше, тем легче. Это наводило на мысли.

Запив водой из фляжки последний кусок, он свернулся калачиком под старым, но всё ещё очень тёплым плащом. Загляни кто под дерево – непременно решил бы впотьмах, что на ворохе опавшей хвои улёгся большой серый пёс...

...Пещера. Дымный чад факелов. Крылатые тени, мечущиеся под потолком...

Волкодав снова был в подземельях Самоцветных гор. Он быстро и уверенно шагал по широкой серой равнине – бескрайней пустыне, затянутой пеленой тёмно-пепельной мглы, не пропускающей света...

В действительности горные выработки самоцветных копей были довольно узкими коридорами: только разминуться, не задев крепей, двум тачкам с рудой. Однако сны обладают свойством неузнаваемо менять памятное и привычное, да ещё и лишают способности удивляться. Поэтому Волкодав всего менее задумывался о том, каким это образом крысиные норы обернулись вдруг обширной равниной; «просторной», впрочем, назвать её не повернулся бы язык – вместо близко сдвинутых стен подземного коридора был серый, ощутимо вязкий туман... Просто надо было идти, и Волкодав торопился.

Потому что за ним была погоня.

Много раз он слышал у себя за плечами погоню... Вот только нынешняя отличалась от всех прежних не менее, чем серотуманное поле, раскинувшееся кругом, от любого из мест, где ему когда-либо доводилось бывать.

Эта погоня не перекликалась, не трубила в рога. Не молчала, незаметно подкрадываясь.

Она – пела...

Вначале его слуха достигали только ослабленные расстоянием отдельные глухие, мерные вскрики низких голосов, ниже, чем бывают у человека. Суший рык, исходящий из огромной груди, словно там, вдалеке, невидимо ворочалось нечто невообразимо громадное. Но рык содержал в себе смысл, который вполне удавалось понять, и Волкодав понял: ищут.

Потом голос одного невозможного существа начал распадаться на множество отдельных, но и каждый сам по себе был таков, что никому в здравом уме не хотелось бы услышать его у себя за спиной.

«Ох... ох-ох-ох... ох... ох-ох-ох...» – неторопливо и грозно выводили самые низкие.

«Ах, а-ах, ах, а-ах», – с кровожадной уверенностью вторили более высокие.

«Иииии-ууууу...» – заходились самые пронзительные.

Всё вместе складывалось в хор, поистине жуткий и потрясающий. В нём не было слов, но Волкодаву они и не требовались. И так прекрасно разумел, о чём поют.

Это была древняя, как само время, Песнь Ночи...

Не той ночи, что с уходом солнца является сменить славно поработавший день, даря отдых и покой. Нет... Это была Ночь вроде той, что царила в пещерах Самоцветных гор задолго до того, как там появились первые люди. И которая сомкнётся за спинами у людей, когда наконец истощится последняя жила и люди оттуда уйдут. Сомкнётся, чтобы воцариться уже навсегда...

...Но не просто отсутствие света. Это – Тьма, в которой свету не выжить. С ней встречались исподничие, посланные на разведку и заблудившиеся в хитросплетении ходов, промытых подземными водами. Гаснет, задохнувшись в неравном противоборстве, маленькое пламя фонарика, и ты остаёшься один в черноте подземной могилы. И, сколько ни говори себе, что где-то совсем рядом работают тысячи людей, что, может, кого-то ещё пошлют за тобой и посланные на подмогу успеют тебя разыскать – это не имеет значения: ты один в беспредельной Ночи, заполонившей весь мир. Ты один, словно в смерти, в которую каждый тоже вступает сам по себе...

Погоня приближалась. Волкодав понял это по тому, как изменились поющие голоса. Отрывистое немногозвучие сменилось мощным распевом. Голоса о чём-то советовались, готовились торжествовать... Тьма бесплотна. Но у неё в услужении великое множество тварей из плоти и крови. И – весьма кровожадных...

Ну что же, Волкодав неплохо умел объясняться на доступном им языке... Как говорили проходчики: бесполезно бросать вызов горе, но с каждым отдельным её камнем вполне возможно поспорить. И вдобавок он достиг места, к которому стремился, уходя от преследователей. Равнина, казавшаяся беспредельной, кончилась, пересечённая громадной стеной. Сколь высоко вверх и далеко в стороны простиралась она, он не мог рассмотреть – всё застил туман, непроницаемый и неподвижный. Но в стене была дверь. Вернее, ворота. С тяжёлыми бронзовыми створками, надёжными и несокрушимыми даже на вид, и со скважиной для ключа.

Волкодаву сразу показалось, что где-то, когда-то он уже видел нечто подобное... Он не смог сразу вспомнить, где и когда, и даже сказал себе, что не время вспоминать и гадать, ибо погоня вовсе не собиралась скалываться ¹⁴, а ключа у него не было, и это значило, что следовало приготовиться к бою...

И вот тут его осенило. Это были не просто ворота, сделанные людьми и запирающие какой-то проход. Это были – Врата! И он вправду стоял перед ними когда-то. И в прошлый раз за них тоже ушли те, кто был ему дорог, а он остался, потому что ключа, как и теперь, с собой не принёс.

И нужно было вспомнить что-то ещё, и он почти вспомнил, но тут время, и без того слишком щедро отпущенное ему, истекло.

Песня Ночи достигла пронзительной силы. Твари, настигавшие Волкодава, чуть только не плакали в иступлённом предвкушении крови.

Что ж!.. Он повернулся к ним лицом и, ощериваясь, потянул из наплечных ножен Солнечный Пламень.

Серая равнина, по которой он только что шёл, успела претвориться в большой зал старой, давно заброшенной выработки. Навис тускло освещённый камень тёмных пористых стен, хранивших неровные шрамы, оставленные зубилами. Волкодаву некогда было ни удивляться, ни рассматривать их. В подземный зал медленно, вроде бы не очень сообразно неистовой песне, входила толпа.

Преследователи напоминали людей, облачённых в длинные, словно сотканые всё из того же пепельного тумана плащи. А может, зверей, поднявшихся на дыбы. Ближе, ближе... Волкодав стоял, держа перед собой верный клинок, и ждал последнего боя. Он знал, что Врата за его спиной – не из тех, которые всякий пожелавший войти может высадить

¹⁴ Скалываться – терять след.

силой. Знал из опыта. Но тот же опыт вятно говорил: не доверяй ничему, за чем не присмотрел сам.

Шедший первым, не задерживая размеренного шага, поднял руку и откинул с головы капюшон. Его движение повторил второй, третий, четвёртый...

И Волкодав увидел совершенно одинаковые лица. Даже более одинаковые, чем у близнецов. Одно и то же лицо, повторённое множество раз.

Это было лицо кунса Винитария по прозвищу Людоед...

Солнечный Пламень сам повёл руки, державшие оплетённую ремнём рукоять. Длинное лезвие гневно свистнуло и вкруговую рубануло каменный пол, порождая поперечную дугу между Волкодавом и близящейся погоней. Камень послушно расступался перед летящим клинком...

Но это оказался самый последний удар, который славному мечу суждено было нанести. Знать, отдал всю силу, вложенную в него древним кузнецом, и всю честь, что стяжал в руках своего нынешнего владельца. И – умер...

Уже выйдя из камня, уже победив, узорчатый буро-серебристый клинок тихо прозвенел, словно говоря что-то Волкодаву на прощание... и разлетелся мерцающими звёздами осколков. В руке у венна осталась осиротевшая рукоять. В ней больше не было никакой жизни.

Замершие было преследователи дружно качнулись вперёд... Однако тут каменная толща под ногами издала глухой, страшный стон, и трещина начала расширяться. А потом...

Словно войско, спешащее на последний зов уже павшего героя, из щели рванулись и ударили вверх стремительные прозрачные мечи – те самые, которых так боялись проходчики, работавшие на нижних уровнях подземелий. Волкодав расхохотался, приветственно вскидывая руки. На душе стало легко и покойно. Вот теперь вправду будет всё хорошо.

Он успел даже заметить, что мечи были чем-то похожи на зубы громадной пасти, напоминавшей собачью...

Волкодав проснулся. И долго лежал с открытыми глазами, слушая многоголосые шёпоты Зазорной Стены.

Кузнец Шаршава Щегол должен был не просто встретить шедшую к нему Оленюшку и, с благодарностью отведав блинов, об руку с нею отправиться к праздничным ярильным кострам. Сегодня он должен был поднести ей подарок. Так всегда поступает парень, явившийся просить у девушки бус.

Всё равно, каков будет подарок. Хоть корзиночка пряников, если он искусен в смешивании душистых трав и к нему благосклонна хлебная печь. Это может быть прялка, если парень видит душу дерева и умеет показать её остальным. Или что-нибудь из металла, пригодное для девичьего обихода, – ножницы, вязальный крючок, рогатый ухват, – если молодой жених, как Шаршава, побратался с молотом и огнём. А может быть и вышивка бисером, ибо этому рукоделию обучают всех веннских мальчишек, когда им приходит пора постигать науку терпения.

Обязательное условие только одно. Подарок должен быть непременно украшен изображениями зверей, коих чтят в родах невесты и жениха.

Когда-то Оленюшка была вместе с родителями в гостях у друга отца, в роду Лесного Кота. Так вот, бабушка Кошка решила позабавить девочку и – той ведь предстояло тоже когда-нибудь принимать жениха! – показала маленькой гостье бережно хранимый жениховский подарок, оставшийся от давно умершего мужа. Бисерный кармашек, чтобы носить его на поясе и держать в нём всякую мелочь. Так уж совпало, что бабушкин супруг был из рода Серого Пса. Оленюшка долго рассматривала кармашек... Вышивка, исполненная очень мелким стеклянным бисером, нисколько не потускневшим за шестьдесят лет, изображала громадного пса, игриво раскинувшегося на травке лапами кверху: спина

изогнута, страшная пасть приоткрыта то ли в улыбке, то ли в шуточном подобии оскала. Кобеля обхватывала за шею лапками нарядная трёхцветная кошечка: поймала-поймала-поймала, вот сейчас закусую!.. Мохнатая шея, между тем, была такова, что у кошечки лапок-то не хватало как следует её обнять...

Оленюшка, помнится, долго держала кармашек на коленях, подробно рассматривая, и наконец совсем было уже собралась расспросить старую Кошку о женихе... но вовремя заметила взгляд матери – и куда только делась вся её решимость! Промолчала, с поклоном отдала бабушке памятную вещицу – и весь вечер потом рот боялась раскрыть...

...По большим шершавым камням, уложенным в русло, девушка перешла Белый ручей и не оступилась, не поскользнулась, хотя ноги были чужие. Но вот наконец и другой берег, земное отражение другого мира, в коем положено пребывать жениху, чужому пока ещё человеку. Мели по росистой траве концы длинного полотенца... Четвероногие родственники сегодня не вышли навстречу, укрывшись далеко в лесу от шума и песен, нёсшихся с плешивого холма: там уже начиналось веселье.

У двери в кузницу Оленюшка перехватила левой рукой деревянное блюдо с блинами и потянула дверь на себя.

Шаршава, один сидевший внутри, вздрогнул и поспешно поднялся при её появлении. Так, словно хотел заслонить собой нечто, стоявшее на верстаке.

– Вот... – тихо проговорила Оленюшка и поставила на лавку тяжёлое блюдо. Ох, до чего же тяжёлое... все руки ей оттянуло, хоть привычны те руки были и воду таскать, и огород вскапывать, и навоз по грядкам в вёдрах растаскивать. – Вот... – повторила она, глядя в сторону. – Блинов принесла. Пора нам, Шаршавушка...

Им действительно было пора. Проводив дочку, мать немедля отправилась звать отца и прочих родовичей. Должно быть, сейчас уже собрались все, кроме малых ребятишек, ещё не пробудившихся для любви, и ветхих старинушек, отрешившихся от ярого горения плоти. Скоро они придут к кузнице, начнут окликать невесту и жениха. А потом отправятся на весёлое торжество, и дочь Барсучихи с Шаршавой пойдут самыми первыми, потому что сегодня – их праздник, сегодня будут славить и чествовать именно их...

Тут кузнецу следовало бы шагнуть навстречу невесте, вежливо попросить блинок, а потом, обняв девушку, так, в обнимку, и выйти навстречу родне, уже, небось, переходившей Белый ручей. Шаршава и вправду шагнул...

Но только затем, чтобы тяжело и неловко бухнуться перед Оленюшкой на оба колена. Он поймал её руки и прижался к ним лицом – затем, верно, чтобы в глаза не смотреть. Маленькие и крепкие у неё были ладошки, и пахли свежим маслом и мукой, и были горячими от недавней близости печного жара... И настал черёд вздрагивать Оленюшке: по её ладоням потекли слёзы. Горькие и отчаянные слёзы несчастного жениха.

– Ты прости, славная... – задыхаясь, выдавливал Шаршава Щегол. – Не могу... как сестра ты мне... Тебя стану обнимать, а буду Заюшку видеть... не могу я...

Оленюшка посмотрела поверх его головы на верстак и на то, что до этого мгновения укрывалось от её взгляда. Там стоял кованый железный светец. И, как ни радовали глаз прежние поделки Шаршавы, рядом с этим светцом они были – точно серенько одетые неумехи, вздумавшие встать в летнем хороводе рядом с первой рукодельницей рода. Знать, всю боль и всю силу души вложил молодой кузнец в эту работу... Точно живая, сидела на железном пеньке зверюшка – пушистая заюшка. Сидела, забавно сложив передние лапки, тянулась мордочкой вверх – навстречу песне щегла, устроившегося на лиственной ветке...

Подобные подарки, полученные от суженых, жёны потом не просто хранят – внукам и правнукам своим завещают, чтоб знали, глупые, – вот она какая, Любовь.

Оленюшка высвободила одну руку, стала гладить Шаршаву по буйной растрёпанной голове:

– Не плачь, братик... Вставай, пора нам идти.

Вот всё и случилось. Вот и сказано то, что мы с тобой должны были друг другу сказать, но до последнего не решились и не говорили, ибо святотатственные и страшные

это слова, и за них не бывает и быть не может прощения. Волю родительскую переступить – мыслимо ли?.. Не по Божьей это Правде и не по людской. Но что делать, если ещё невысказанней – повиноваться?.. Есть ли Правда, по которой выйдем чисты?..

...И получилось, что стала та светлая весенняя ночь для Пятнистых Оленей воистину тёмной и скорбной. Потому что навстречу родне вышли из маленькой кузницы не жених и невеста, а брат и сестра. Весело гомонившие Олени тотчас умолкли, увидев невиданное: стоя перед людьми, парень и девка надвое разорвали толстый, точно лепёшка, дымившийся в ночном воздухе блин – и стали есть, делая невозможным сватовство, а свадьбу – тем более. Никто не успел их остановить. Злосчастная Барсучиха в один миг постарела на десять лет: меньшая доченька, не стыдясь, смотрела ей прямо в глаза и не отводила, не прятала взгляда. И было в её лице что-то такое, отчего у матери замерли на языке готовые сорваться слова.

А потом Оленюшка развязала крепкую нитку и сняла с шеи хрустальную горошину.

– Не нужна она мне, – проговорила тихо и просто. – Я свою бусину уже отдала.

Сверкнули в лунном луче искристые грани – сверкнули в последний раз и погасли, пойманные текучей водой. Белый ручей, сын могучего Звора, шустрый внучек великой Светыни, оттого Белым и назывался, что бежал вприпрыжку, пенился и кипел, ударяясь о гранитные лбы, торчавшие из берегов. Что в него кануло, того вовек не сыскать. Оленюшка же повозилась и стащила носимую поверх рубахи понёву – красно-синюю, с белой ниткой. Сложила на тропинку и низко поклонилась родителям:

– Простите, матушка с батюшкой, дочку нерадивую, непутёвую... И ты, печища нашего огонь святой, прости стыдодейку, изменщицу неразумную...

Тут она всё-таки покачнулась, ибо то, что выговаривали уста, гнуло к земле хуже тяжкого груза. Могучие руки обняли и поддержали её.

Кузнец Шаршава стоял у неё за спиной – ростом сажень и в плечах полстолько. А на плече у него висел плетёный лубяной кузовок, куда он собрал всё самое драгоценное своё имущество: молот, клещи, подпилки... и ещё железный светец, взятый с верстака и тщательно обёрнутый суровой холстиной. Шаршава знал себя виновным во всём. Тому, кто вот так оскорбит гостеприимство рода невесты, в своём роду тоже больше нечего делать. Не только Оленюшке – и ему отныне не было возвращения к прежнему очагу. Он в пояс поклонился Оленям:

– Простите, добрые люди.

Меч звался Гнев. Казалось нам, разить
Он должен всех, с кем выпало поспорить.
А если нет, то бешено грозить
Упорствующим в глупом разговоре.

Небось обратно в ножны не спешил
Ужасный Гнев, не выплеснувшись в деле!..
Лишь удивляло, как таки дожил
До бороды седой его владелец?

Уж верно, был он всем бойцам боец
И побивал, с кем выпало рубиться...
«Поведай нам, пожалуйста, отец,
Что Гневу твоему ночами снится?»

«С таким, как он, разящим наповал,
Обязан быть хозяин осторожен...

И оттого почти не покидал
Мой добрый меч своих уютных ножен.

Уж как легко рубить, рассвирепев!
Да только вспять не вывернешь былого.
Ну а доколе в ножнах дремлет Гнев,
Любой пожар легко погасит Слово».

Так говорил нам старый удалец,
И размышляли мы, что это значит.
Он вправду был прославленный боец.
Ведь лучший бой – что так и не был начат.

5. Пиво и пироги

Шёл пятый или шестой день путешествия, до Захолмья оставалось уже не так далеко, когда Волкодав поймал себя на том, что... соскучился по храмовой библиотеке.

Вот это была для него немалая новость. *Да этак, фыркнул про себя венн, и по Хономеру стосковаться недолго!*

Положим, по Хономеру тужить он начал бы весьма нескоро. Но вот книжный чертог вправду вспоминался всё чаще. И туда не успел заглянуть, и это не разыскал... И даже хранитель начал казаться не таким вредным, как раньше. Ну, брюзга, ну, кропотун¹⁵, так и что с того? До книг ведь всё-таки допускал...

Сколько раз в этой самой библиотеке, оторвавшись от страницы, он смотрел в ровное пламя свечи – и видел в нём лесную дорогу вроде той, по которой ныне шагал. Небо над головой, вольно несущиеся облака в синеве... дыхание моря откуда-то издалека впереди...

И вот теперь всё вроде сбывалось, и босые пятки всю уминали травку между неглубокими песчаными колеями. И летели с востока на запад белые, белые облака. И морской берег, называемый Ракушечным, в не очень отдалённом будущем вправду сулил появиться перед глазами. Особенно если жители Озёрного края в самом деле начнут помогать ему так, как обещали юные итигулы... А вот поди ж ты: перестал, как бывало, просиживать по полдня перед книгой – и чего-то недостаёт!

Раньше он думал – так бывает, только если болезнь или ещё что-нибудь не даёт совершить воинское правило, без которого не полон прожитый день... И не очень-то понимал Эвриха, хватавшегося, чуть что, за перо-самописку и свои бесценные «Дополнения» – скорее занести туда нечто, представлявшееся арранту важным, хотя бы дело происходило в углу заплёванной корчмы, среди гвалта затеваемой драки, или на палубе сегванской «косатки», летящей навстречу погибели сквозь пронизанный молниями закат... Волкодав, помнится, всячески потворствовал тому, что считал придурью не в меру учёного парня, но всё же не до конца понимал, что прямо у него на глазах рождался трактат, который другие люди спустя двести лет будут читать... Дурак был, что тут ещё сказать можно.

В крепости-храме обитало великое множество книг. В том числе и посвящённых вовсе не восхвалению Единого и Ближнецов, а скорее даже наоборот. С какой бы это стати, Волкодав опять долго не мог уразуметь, – ведь тот же Эврих в своё время немало натерпелся от Хомера именно потому, что пытался спасти от уничтожения труды каких-то мыслителей, являвшихся, по мнению жреца, «лжепророками и лжеучителями». И книги,

¹⁵ *Кропотун* – ворчун, мелочный хлопотун и придира.

говорил Хономер, эти лжеучителя понаписали всё такие, что человеку благочестивому грешно было до них даже дотрагиваться, не то что читать! И вот поди ж ты. На полках библиотечного чертога стояло едва ли не то самое, за что Эврих ходил весь в синяках, а потом мало не погиб от ножа убийцы, нанятого – не поленились же – за изрядные деньги! Как так?..

Поначалу венн едва уберётся от искушения прямо расспросить о том Хономера и послушать, что скажет... Потом сообразил сам. Это как в бою: чем лучше загодя знаешь, в чём именно преуспел твой противник, тем легче будет его одолеть. Вот и Хономер предпочитал осквернять себя чтением книг нечестивцев, чтобы позже, во время проповедей, в пух и прах разносить вредоносные помыслы, грозящие извратить истинное учение. Почему же эти книги не прятали где-нибудь в тёмном подвале, дабы не могли они ненароком смутить души и умы молодых служителей Близицево? А потому, что неопытные жрецы постигали науку своей веры под пристальным водительство Хономера и его приближённых, точно так же, как уноты Волкодава – благородное кан-киро. Он тоже не держал каждого за руку, воспрещая проверять навыки в трактирных потасовках, однако непременно узнавал о каждом подобном безлепии. Узнав же, надолго отрешал от уроков. А за попусту причинённое кому-то увечье прогонял совсем...

А кроме того, Волкодав по пальцам мог бы пересчитать тех, кого за три года видел в библиотечном чертоге читающими. Молодые жрецы не очень-то стремились просиживать за книгами свои неяркие пока ещё одеяния. Должно быть, других забот было в достатке.

Венн же – вот что значит охота пуще неволи – успел перезнакомиться со всеми купцами, продававшими книги на тин-виленском торгу. Годы не торопились менять его внешность в лучшую сторону, он по-прежнему был похож на законченного висельника, а вовсе не на книгочея, но капля камень точит – мало-помалу купцы начали с ним здороваться, а потом – даже раздобывать книги, о которых он спрашивал. Так Волкодав разжился кое-чем из того, что особенно понравилось ему в библиотеке. Цена на книги, некогда ужасавшая его ещё в Галираде, здесь, за морем, была уже вовсе безбожной, но Хономер платил очень неплохо, и денег хватало. Волкодав строго ограничивал свои приобретения совсем по другой причине. Из Тин-Вилены он собирался рано или поздно уйти, так не бросать же добрые книги?.. На счастье венна, прочитанное он надёжно запоминал, а потому и покупать решался только те тома, чья необозримая премудрость требовала перечитывания. Знаменитые «Описания» Салегрина Достопочтенного, два самых толковых «Начертания стран и земель» и, конечно, «Созерцание истории» великого Зелхата Мельсинского, – на книге, за которую сам учёный угодил в позорную ссылку, теперь наживалась тьма-тьмушая переписчиков и торговцев, поскольку спросом она пользовалась немалым... Было и ещё кое-что, приятно отягощавшее заплечный мешок Волкодава.

Книги, попадавшие ему на библиотечных полках и на торговых лотках, он с некоторых пор начал мысленно делить на две неравные части: путеводные и баснословные. Путеводными были те, что сообщали некие знания, накопленные подвигом и трудом: о земном устройении, о делах и людях минувшего, о заветах Богов и о каждодневных познаниях, например о лекарском деле. Баснословные же...

Ему понадобилось время и немалое усилие мысли, чтобы уразуметь: были, оказывается, люди, которые писали... о событиях, никогда на самом деле не совершавшихся. Они давали имена правителям и полководцам, отродясь не жившим на свете, и эти бесплотные тени принимались путешествовать по страницам, сражаясь, влюбляясь, размышляя и принимая решения, – ну ни дать ни взять всамделишные саккаремцы, вельхи, сегваны... Иные книготворцы даже описывали целые державы, помещая их, к примеру, «между Нарлаком и Халисуном», хотя всем известно, что Нарлак с Халисуном граничат напрямую и никаких посторонних держав с большими городами и реками там не бывало от века.

Кому нужны были подобные выдумки, когда вокруг лежал широкий живой мир, да и происходило в этом мире порою такое, что хоть год сиди – ничего подобного не

придумаешь?.. Волкодав долго мучился недоумением, потом вспомнил, как говорили в таких случаях у него дома: «Не любо – не слушай, а врать не мешай». Он захотел разобраться и стал читать баснословные книги, пытаясь понять.

И ведь понял.

Каждый поступок о чём-то да говорит, обладая не только внешней стороной, но и духовным смыслом, так или иначе звучащим в великой песне Вселенной. Вот, скажем, кто-то кому-то заехал в лоб кулаком. Это может быть оскорбление. Это может быть предательство. Это может быть подвиг. Меняются обстоятельства, меняется с ними и смысл. А уж если дело касается целой цепи поступков – тем более.

Так вот, создатели небывалого просто не находили в известной им жизни поступков и событий, полностью отвечавших смыслу, о котором им хотелось бы рассказать. И тогда они брали частицу от одного, от другого, от третьего – и творили своё. Ну вот кто и когда, например, видел страну, где каждая семья по закону хранила из поколения в поколение только одно какое-нибудь ремесло и даже одежду обязана была носить определённого цвета, и суровое наказание ждало ослушников, вздумавших отступить от обычая?.. А написал же один такой баснотворец. И, понятно, закончил дело кровавым восстанием. Да приплёл благородство, и долг, и загубленную любовь... Чего ради? А в назидание: вдруг какой-нибудь усмарь, прочитав, утрёт нечаянную слезу и раздумает заставлять сына заниматься кожевным делом, коли парень обнаружил и дар, и страсть войлоки катать... Правда, усмари подобные книги не больно часто читают...

Сообразив однажды, в чём дело, Волкодав стал читать баснословные сказания одно за другим, пытаясь угадывать в каждом потаённые смыслы. У него и теперь лежали в заплечном мешке две такие книги. Одна была о парне, постигшем мастерство лекаря, чтобы вылечить мать любимой девушки. Книга вроде как книга, но она была о мечте и сама звала мечтать, от неё почему-то щемило в душе, и Волкодав не смог с нею расстаться. Её продал венну торговец, которого Волкодав в своё время немало озадачил, поинтересовавшись, не попались ли тому «Дополнения» к знаменитому Салегрину, написанные неким Эврихом из Феда.

«Кем, кем?» – удивился купец.

«Эврихом, – повторил Волкодав. – Из Феда».

Сказав так, он тотчас понял, что сморозил глупость. Быть может даже опасную. Ему ведь доводилось некогда слышать, что маленький городок Фед, благополучно стоявший среди оливковых рощ в беловодской Аррантиаде, здесь, в его родном мире, был полностью уничтожен во время давних усобиц.

На счастье, книготорговец, уроженец северного Халисуна, в Аррантиаде, может, когда и бывал, но не знал наперечёт всех её городов и уж в историю захолустного Феда не вникал всяко.

«Нет, – сказал он, подумав, – не встречал».

«Значит, дописывает, – кивнул Волкодав. – Или книга ещё не успела распространиться».

С тех пор купец зауважал венна, водившего знакомство с настоящим учёным, и чуть не накануне его ухода из Тин-Вилены предложил ему ещё одну книгу.

«Её, – сказал он, – написал тот же человек, что так здорово придумал про лекаря. Тебе понравится...»

Теперь Волкодав предвкушал, как будет читать её в дороге, и предвкушение радовало его. *Эх, ещё бы в храмовой библиотеке порыться... Может, и Тургей всё же что-нибудь написал, да только я не нашёл. Не успел...*

К селению, называвшемуся Овечий Брод, Волкодав выбрался на самом закате, когда солнце уже нырнуло за холмы, и лишь на вершинах самых высоких сосен ещё рдело сияние уходившего дня.

Селение было обнесено тыном, но ворота пока стояли открытые, и венн сразу понял,

что подгадал весьма вовремя. Из-за угла тына как раз выходил пожилой мужчина с посохом, шествовавший размеренной походкой совершающего привычное и ежедневное. Мужчина держал в руке переносной светильник, ярко горевший, хотя было ещё светло. Шедшего сопровождала большая собака. *Старейшина здешний*, догадался Волкодав. *Обходом обходит!*

Это и впрямь было действие, досужему* глазу говорившее сразу о многом. Мы, мол, хоть и при дороге живём, а обычая держимся! Волкодав прибавил шагу, чтобы успеть пройти в ворота, пока старейшина не замкнул круг. А то ведь можно дожидаться, что снова придётся ночевать под ёлкой. Не то чтобы он очень возражал против такого ночлега. Но, коли уж вознамерился отведать местного пива да пирогов, – отчего бы и не исполнить благое намерение...

Пёс, на которого венн, правду сказать, обратил гораздо больше внимания, чем на хозяина, тем временем сразу побежал навстречу незнакомому человеку, появившемуся из леса. Пёс был бдителен и своё дело знал хорошо. Кто пришёл? Не со злом ли?.. Надо поскорее обнюхать, осмотреть, познакомиться, послушать, что скажет...

Он мало напоминал степных волкодавов равнинного Шо-Ситайна. Разве что обрезанным хвостом да впечатлением суровой несуетной мощи. Пёс, живший на самой границе Озёрного края, славившегося гораздо более мягкой зимой, имел вороно-чёрную, до синеватого отлива, короткую гладкую шерсть, украшенную на морде, лапах и груди ржаво-бурым подпалом. Толстенная шея, очень спокойный взгляд карих глаз и широкая пасть, сомкнутая до поры, но наверняка таившая очень страшные зубы... Чего бояться тому, кого сопровождает подобный защитник?

Подбежав к Волкодаву, пёс словно бы удивлённо остановился в нескольких шагах от него. Старейшина, смотревший сзади да против заходившего солнца, превратно истолковал поведение любимца и поспешно вскинул руку с посохом, окликаая:

– Эй! Эй!..

Он желал то ли отозвать кобеля, то ли предупредить незнакомца, чтобы стоял смирно и не пытался ни гнать пса, ни тем паче бежать. Кажется, он не на шутку перепугался. Кому надо, чтобы чужой человек сглупу угодил в зубы его собаке, да возле самой околицы? Ведь до греха этак недолго!

Ни кобель, ни прохожий не вняли предупреждению. Волкодав продолжал идти прежним размеренным шагом, а пёс преодолел оставшееся расстояние – и чинно зарысил рядом с венном, стараясь поплотнее прижаться к его бедру головой и снизу вверх заглядывая в глаза. Росту он был как раз такого, что Волкодаву осталось только опустить руку, и ладонь легла на мягкие, в шелковистой шёрстке, доверчиво подставленные уши. Ощувив прикосновение, кобель заурчал – глуховато, низко, протяжно. Кто-нибудь, незнакомый близко с такими собаками, пожалуй, принял бы этот звук за рычание. И то сказать! Что угодно сойдёт за угрожающий рык, ежели исходит из груди пошире иной человеческой. На самом же деле пёс попросту стонал от наслаждения, радуясь ласке Вожака.

Подойдя к старейшине, Волкодав поклонился.

– Здравствуй, почтенный, – проговорил он на языке Шо-Ситайна. – Спасибо, что ворота перед носом у меня не захлопнул.

– А надо было, – отозвался тот в сердцах, негодуя по обыкновению всякого человека, пережившего неожиданный и незаслуженный испуг. И перевёл дух: – Откуда ж ты такой непонятливый мне на голову свалился? Большую собаку первый раз видишь? Кто, скажи на милость, чужому кобелю сразу руку на голову кладёт?.. Откусил бы её тебе да и правильно сделал, я его и ругать бы не стал!

Пёс уже сидел между ними. И улыбался во всю пасть, отчего вид у него сделался окончательно дремучий и жуткий.

– Так ведь не откусил же, – смиренно возразил Волкодав. – Не сердись, почтенный. Я из Тин-Вилены в Захолмье путь держу... Есть ли здесь у вас перехожему человеку где на ночь устроиться?

Пёс потихоньку – чтобы не заметил хозяин – снова всунул голову ему под ладонь и вежливо, осторожно лизнул самым кончиком языка. Волкодав в ответ пощекотал ему брылья, легонько сжал пальцами морду.

– Есть и хлеб, найдётся и лавка, – проворчал старейшина, пропуская его в ворота. – Со мной пойдёшь, провожу... Пока ты опять по дороге злых собак гладить не начал! – И обратился к псу: – Так, Мордаш... Что пристал к человеку? Отрыщ¹⁶!

Дюжие парни сомкнули у них за спинами деревянные створки. Волкодав обратил внимание, что один из них, очутившийся было на дороге у Мордаша, счёл за благо посторониться.

Ворота же были как раз такой ширины, чтобы проехать телеге. Овечий Брод оказался большим, богатым погостом, здесь всё время останавливались купцы, ездившие из Тин-Вилены в Озёрный край и к горцам северных кряжей. Дорога, ставшая улицей, удобно подворачивала к гостиному двору... Сколько их Волкодав в своей жизни видел, а сколько будет ещё! Изнутри пахло жареным мясом, долетал хлебный дух, тянуло душистым дымом коптильни. Желудок у Волкодава был далеко не балованный, вполне мог бы обойтись и без ужина, но, кажется, мысль о пиве и пирогах была не такой уж бездарной. Из харчевни слышались голоса, кто-то пробовал и подтягивал струны. «Матушка Ежиха», гласило название, исполненное нарлакскими буквами. Для тех, кто не умел читать, рядом изображена была полнотелая колючая хлопотунья, несущая на иголках тугой боровик. Поглядев на вывеску, Волкодав улыбнулся. Если он ещё не ослеп, неведомый резчик был гораздо подробнее знаком со зверьём, чем с письменной грамотой. Ежиха была сущее загляденье: сейчас зафыркает и отправится в путь. А вот название содержало ошибку.

– Ну, ступай. Там тебе... – начал было старейшина. Хотел добавить – «и пива и пирогов поднесут...», но в это время судьба подкинула ему новую неожиданность. Откуда ни возьмись – то ли из-за крыши, то ли прямо из остывающих к ночи небес – беззвучной молнией принеслась большущая летучая мышь. Чуть не смазала почтенного старосту по носу крылом. И... с важным достоинством устроилась на плече захожего человека.

– Тьфу!.. – плюнул старейшина. Сердито застучал посохом по деревянным мосткам и пошёл прочь. Мордаш отправился следом за ним, оглядываясь на Волкодава. *Ты, Вожак, на моего человека не обижайся. Такой уж он у меня. Любит пошуметь, а вообще-то незлой. Правда-правда, незлой...*

Волкодав почувствовал себя в чём-то слегка виноватым. Он не сразу пошёл внутрь и немного постоял перед дверьми, глядя вслед уходившему старейшине. Может, ещё выдастся случай по-доброму познакомиться его с Мышом... хотя, если подумать как следует, чего ради? Завтра утром он отсюда уйдёт, и если кто его вспомнит здесь, то – мимолётно. А старейшина, коли не дурак, скоро сам сообразит, что зря рассердился на маленького зверька, некстати вылетевшего из сумерек...

Венн видел, как навстречу старейшине раскрылась калитка одного из дворов. На улицу выскочили две маленькие, очень похожие одна на другую девчушки (Внучки... решил Волкодав) и с радостным писком повисли на необъятной шее Мордаша. Осторожный пёс сперва замер, высоко задрал голову, а потом медленно, бережно пошёл с ними во двор. Волкодав улыбнулся и рассудил про себя, что девчушки могли бы проехаться на собаке верхом. Причём обе разом. И, вероятно, именно это сейчас и произойдёт у старейшины во дворе. Небось, ноги у Мордаша не подломятся, хоть ему взрослый мужик на спину садись. И уж в его присутствии никто чужой не осмелится маленьких девочек не то что обидеть – даже слишком пристально на них посмотреть...

Волкодав поймал себя на том, что завидует псу.

Подняв руку, он привычно нащупал бусину, по-прежнему украшавшую и осенявшую

¹⁶ *Отрыщ!* – «Нельзя! Прочь!», старинная команда собаке, обычно охотничьей, запрещение трогать еду или добытого зверя, а также приказ держаться подальше от лошади охотника, чтобы не попасть под копыта.

ремешок, что стягивал его заплетённые волосы. Покатал её в пальцах... *Была же девочка чуть постарше этих двух, что мне её подарила. Теперь уж – славная девушка, нынешней осенью, глядишь, мужа возьмёт... Дали бы ей Боги всякого счастья... Только я-то кому нужен останусь?*

Негожие это были мысли. Живи, пока жив, и не предавайся таким размышлениям, а не то они могут далеко тебя увести. Волкодав потянул на себя дверь харчевни и ступил через порог.

Сколько он бывал в постоянных дворах в самых разных концах белого света, столько и поражался их схожести.

Нет, конечно, зодчие и плотники в каждом уголке мира работали на свой особенный лад, и путешествующий, скажем, по Саккарему видел над собой совершенно иной кров, нежели забредший в Нарлак. И к столу подавали у сольвеннов одно, а у вельхов – вовсе иное. И даже хлеб, испечённый под разными небесами, куда как внятно являл в себе эту разность...

Общим, как давным-давно уяснил для себя Волкодав, оставалось то, что это были именно дворы, а не дома. Здесь сходились у одного очага люди, вчера ещё друг дружку не знавшие. Назавтра они снова потеряют один другого из виду – скорее всего затем, чтобы уже никогда не узнать, какая кому досталась судьба. Волкодав порою ловил себя на том, что никак не перестанет этому удивляться. Вот так идти мимо людей, встречаться без радости и расставаться не горюя, подобно листьям, плывущим по осенней реке? А потом, чего доброго, ещё взять помереть прямо в дороге, вдали от праотческих, праматеринских могил?.. Иногда ему начинало казаться, будто весь мир только и делал, что странствовал по чужедальним краям. Понять подобное Волкодав ещё как-то мог – жизнь заставит, ещё не тем займёшься, – но одобрить... Он сам с двенадцати лет не жил на родине, однако с собой ничего не поделаешь: что в младенчестве впитано, то и держится всего крепче. Венны же полагали, что доброму человеку след держаться дома. Вести семью, множить свой род и его добрую славу...

Волкодав дожевал баранину с овощами – на его взгляд, изрядно пересоленную, но зато от души сдобренную перцем – и теперь не спеша потягивал пиво, поглядывая вокруг. К его немалому сожалению, в Овечьем Броде, как и повсюду в Шо-Ситайне, не знали и не умели делать сметану. Однако пиво оказалось действительно вкусным. И пирожки с начинкой из грибов, долежавших в дубовых кадушках с прошлого лета. И блюдце, чтобы размочить для Мыша в молоке кусочек лепёшки, у служанок сразу нашлось...

Народу в харчевне вечеряло достаточно. Конечно, Овечий Брод – не Тин-Вилена, да и красавец «Белый Конь» «Матушке Ежихе» уж точно был не чета. Потому люди сидели не друг у дружки на головах, как временами случалось у Айр-Донна, и Волкодаву ни с кем не пришлось толкаться локтями. Свободный стол, за которым он расположился, стоял, правда, почти у самой двери и, зная, именно потому оставался свободен: снаружи зябко тянуло ночным холодком. Однако в том ли беда? За другим столом баранина не сделалась бы вкусней. А сквозняков Волкодав не боялся.

Звяканье струн, услышанное ещё на улице, не померещилось венну. На другом конце комнаты в самом деле возился с сегванской арфой один из гостей. Что-то не получалось, струны никак не хотели звучать в лад. Над незадачливым певцом уже начали понемногу посмеиваться:

– Э, да мы от своих упряжных коней скорее песен дождёмся!

– Слышь, малый? Если ты так в других местах пел, то как до сих пор с голодухи ноги не протянул?

Музыкант только посмеивался. Это был молодой парень, растрёпанный и лохматый, выглядевший так, словно пару седмиц ночевал в стогах и на чужих сеновалах. Нечёсанные патлы льняной куделью падали ему на лицо, но глаза поблёскивали хитро и весело. *Не помер с голоду и не помрёт*, решил про себя Волкодав. *Такого, кажется, пестом в ступе не*

утолчёшь – вывернется!

Неожиданно для окружающих парень пробежался пальцами по струнам, словно последний раз убеждаясь в правильности их настроя, и громко запел:

Боятся люди проезжать
Лесами Пелагира:
Когда-то битва здесь была,
Решались судьбы мира.

Но полководцев той войны
Не славили сказанья:
Тут воевали колдуны,
Метали заклинанья.

С тех пор хранит земная глубь
Волшебные словеса...

Волкодав невольно наострил уши. Вот так так! очень скоро сказал он себе. Он не узнал парня тотчас, поскольку не приглядывался подробно, как-то сразу решив, что знакомого лица здесь наверняка не дождётся. Да и песнопевец трактирный очень мало напоминал теперь нищего калеку, сидевшего в пыли возле тин-виленских ворот. Видно, не впервые лицедействовал, примеряя всякий раз ту личину, от которой ждал выгоды.

Простой народ не так уж глуп:
Темно под сенью леса!

Любая тварь, что здесь живёт,
Не такова, как всюду.
Одну увидишь – жуть возьмёт,
Двух сразу – станет худо!

Такое шастало во тьме
Направо и налево!..

И был там холм, а на холме
Росло большое древо.
Ночами силой колдовства
Земля под ним светилась!
На древе же, в дупле ствола,
Там ящерка ютилась...

И даже голос казался не вполне тем же самым, что надрывался поддельной слезой, выводя «жалевую» о молодом воре, угодившем на каторгу. Куда только подевалась напускная гнусавость и хрипотца. Но – всё равно это был тот самый побирושка, якобы удравший с каторги в Самоцветных горах.

Однажды он наружу прыг —

И что, представьте, видит?
Бегом бежит седой старик
В изорванной хламиде!

Добро и мудрость на челе
И все приметы мага,
Но скоро, видимо, в петле
Запляшет бедолага:

Летят собаки по пятам,
Вдали топочут кони...
«Скорее, дед! Влезай сюда,
А я собью погоню!»

Волкодав слегка пожалел о том, что успел миновать ворота и не остался на ночь в лесу. Ничему-то его, дурня, жизнь так и не выучила. А то раньше не бывало – думал, будто помогает кому-то, даже из беды выручает... и только затем, чтобы потом напороться на злую насмешку. Кто его знает, этого мало? Чего доброго, сейчас укажет пальцем на недоумка, якобы умилившегося его воровской песенкой – аж на целый сребреник...

Волкодав плюнул про себя, – а будь что будет! Устроился поудобнее и стал слушать дальше.

Тут налетели злые псы...
Шипя, храбрец хвостатый
Давай откусывать носы —
И откусил с десятков!

Собаки воют и рычат,
Зализывая раны...
И вот охотников отряд
Въезжает на поляну.

Мальш таких злодейских рож
Давно уже не видел!..
«Где пленник? – вопрошает вождь,
В седле высоком сидя. —

За ним гнались мы по пятам
Сквозь гущину лесную!..»
Злодеи шарят по кустам,
Копьём в траве шуруют...

Затих вдали и шум, и крик,
И лай ищеек жутких.
Спустился с дерева старик,
Благодарит малютку...

По глубокому убеждению венна, такие бестолковые преследователи не годились кого-либо ловить даже в самой шуточной песне, но... вот уж действительно – «не любо – не слушай»!..

Однако узнать, что далее приключилось с храброй маленькой ящеркой и как отблагодарил её спасённый волшебник, никому в тот вечер не довелось. Входная дверь резко распахнулась во всю ширину, и через порог уверенно, по-хозяйски властно шагнул ещё один посетитель, и было в нём что-то, заставившее Волкодава немедля насторожиться.

Выглядел этот мужчина так, словно явился напрямиком с дороги, – рослый, широкоплечий, он был при оружии и котомке, в запylённом плаще. Уж не по деревне из одного дома в другой путешествовал! И тем не менее позже Волкодава войти в погост он мог вряд ли. Старейшина при нём довершил свой обход, и, значит, до утра поселение было отъединено от внешнего мира. То есть следовало спросить себя, где он бродил до сих пор и почему появился в харчевне только теперь. Найти, что ли, её не мог?..

А если сторожа при воротах его в нарушение обычая всё же пустили, – это воистину только давало лишний повод держать ухо востро. Стало быть, не простой человек, странствующий себе потихоньку!

Уж не Хономер ли его за мной вдогонку послал?..

Пронёсшаяся мысль не задержалась надолго. Нет. Волкодав хоть и вырос совсем в других лесах, а пешехода на дороге в нескольких поприщах позади себя ни в коем случае не прозевал бы. По голосам зверей, по оклику птицы...

Да и нужен был этому вошедшему, как тотчас выяснилось, вовсе не он.

Плечистый малый быстро окинул взглядом харчевню – и всё той же уверенной походкой охотника, идущего принимать на копьё согнанного¹⁷ собаками зверя, прошагал прямо в угол, где устроился со своей арфой певец.

Струны жалобно звякнули и умолкли. Лохматый парень заметил новоприбывшего и, похоже, мигом сообразил, что это явились по его душу. Тотчас прекратив петь, он устался на шедшего к нему человека таким затравленным взглядом, что слушатели, сгрудившиеся вокруг, поневоле тоже повернулись в ту сторону.

И опять что-то неправильно, глядя со стороны, решил Волкодав. Если бы я ждал и боялся погони, я нипочём не сел бы в угол, откуда нет удобного хода наружу. Да и внимание к себе такими вот песенками, пожалуй, не стал привлекать. А впрочем...

Безжалостный преследователь между тем остановился посередине харчевни. Не спуская глаз с певца, он передвинул котомку, запустил в неё руку и вытащил свиток пергамента.

– Мир вам, добрые люди, под кровом этого дома! – прозвучал его голос. Он говорил на языке Шо-Ситайна, но чувствовалось, что ему гораздо более привычна вельхская речь. – Мир всем, кто встречает Посланника Справедливости, – всем, кроме злодея и вора, бегущего от правого суда!

Жёсткий пергамент коротко прошуршал, разворачиваясь. С его нижнего края свисала целая бахрома разноцветных шнурков. На каждом – яркая восковая печать.

– Вот грамота, к которой приложили руку без малого все уличанские старосты Тин-Вилены. Кто умеет читать, тот воистину может подойти и удостовериться! Я выслеживаю злодея по имени Шамарган, отравившего боевую собаку своего недруга и трусливо скрывшегося из города. Я послан схватить его и привести назад для суда!

Арфа задрезжала, свалившись на пол. Белобрысый вскочил, лихорадочно озираясь – куда броситься, как спастись?.. Слишком поздно. Его угораздило устроиться на длинной скамье возле стены, а справа и слева набился охочий до песен народ. Не больно-то убежишь!

Резкий шум встревожил Мыша, лакавшего молоко с хлебом. Зверёк вскинулся, поднял

¹⁷ Согнанный, сгонять зверя – довести его постоянным преследованием до полного изнеможения.

шерсть на загривке и воинственно раскрыл крылья, торопливо облизываясь: кто такой, что такое? Уж не решились ли на них с Волкодавом напасть?..

Венн накрыл ладонью не в меру храброго летуна. Во-первых, всё происходившее их ни в малейшей степени не касалось. Во-вторых, злонамеренно отравившему собаку действительно не могло быть никакого прощения. Волкодав такому мерзавцу, пожалуй, влил бы в глотку его же собственного зелья и оставил кататься по земле и блевать, корчась в смертных мучениях. В-третьих, в Тин-Вилене действительно вёлся привезённый из коренного Нарлака обычай снаряжать в путь охотников за беглыми злодеями. Их именовали Посланниками Справедливости и снабжали верными грамотами, обязывающими всех встречных помогать им в их благом деле. За известное, кстати, вознаграждение. А в-четвёртых... В-четвёртых и в-главных, Волкодаву трудно было заставить себя поверить однажды разоблачённому обманщику. Сколько бы тот ни твердил, что вот теперь-то он – настоящий. Попробовал обмануть раз, попытается и вдругорядь...

Кто-то из сидевших рядом с певцом нерешительно протянул руку – хватать. Другие, наоборот, исполнились подозрения:

– Эй, эй, погоди, добрый человек...

– Мало ли Шамарганов на свете, чем докажешь, что злодей?

А кто-то, самый осмотрительный, буркнул:

– Этакую грамотку кто угодно выправить мог...

Однако Посланника оказалось весьма трудно смутить. Знать, не впервые сталкивался с людским недоверием. Он даже не переступил с ноги на ногу – стоял, точно врытый, и самая спина его, обращённая к Волкодаву, источала уверенность.

– Не назвали бы меня Посланником Справедливости, если бы я ради денег мог возвести поклёп на безвинного. Коли вы, добрые люди, снимете рубашку с того, кто развлекал вас песнями, вы увидите у него на груди выколотое клеймо: три зубца в круге. Он успел побывать за свои прежние преступления на каторге, и не где-нибудь, а в Самоцветных горах!

Да что они привязались к Самоцветным горам?.. досадуя, размышлял тем временем Волкодав. *Услышали от кого-нибудь – и лыко в строку немедля?..*

У него дома считали, что плетельщик лаптей, без разбору использующий лыко, очень скоро пойдёт гулять по снегу босиком. С лицедеями, даже не знавшими, что в рудниках клеймили не всех, а только опасных, да не дурацкой наколкой, а калёным железом, – могло приключиться что похуже. К примеру, нарвались бы они на знающего человека...

Но откуда бы взяться знающему человеку здесь, на другом конце населённого мира, по ту сторону обширного океана?.. К парню, которого Посланник поименовал Шамарганом, протянулась уже не одна пара рук, а несколько – люди захотели проверить. Причём вознаграждение за помощь Посланнику было, вероятно, вовсе не лишним.

Волкодав подумал о том, что, согласно всё тому же обычаю, если Посланник Справедливости ловил свою жертву в какой-нибудь деревне, местный старейшина обязан был выплатить ему немалую пеню. Своего рода овеществлённое порицание. За то, что сами не распознали и не схватили подлого тая. *Вот, стало быть, чего ради два лицедея всё дело затеяли. А тогда, у ворот городских, проверяли, смогут ли кого обмануть. И, благодаря мне, решили, что смогут!..*

...А Шамарган, не дожидаясь, пока на нём примутся рвать рубаху, сделал единственное, что ему ещё оставалось, – махнул прямо вперёд, через стол. В разные стороны полетели чашки и миски с угощением, которым щедрые слушатели потчевали певца. Разлилось пиво, прямо на пол – непотребство из непотребств – шмякнулся хлеб! На то, что случилось дальше, Волкодаву показалось уже вовсе тошно смотреть. Лже-беглец попытался проскочить мимо лже-Посланника. Видимо, ничего умней они не смогли придумать даже вдвоём. Ну нет бы хоть запустить чем-нибудь в безжалостного преследователя, хоть солью в глаза ему сыпануть, вынуждая отвлечься, а самому тем временем броситься через кухню!.. Так нет же, кинулся прямо к двери, словно его там осёдланная лошадь ждала. И, конечно, не добежал. Кряжистый Посланник мигом оказался на пути у стремительно сиганувшего парня

– и живо скрутил его в три погибели, заломив за спину руку.

Среди былых унотов Волкодава не находилось ни одного, кто уже через седмицу не смог бы преспокойно освободиться от такого захвата... Шамарган же выгнулся, поднимаясь на цыпочки и всем видом изображая лютую боль. С отчаянием пополам.

– Сходите, добрые люди, позовите кто-нибудь старосту.

На эти слова вскинулся было мальчонка, собиравший по столам грязные мисы. Привык на побегушках быть, и тут собрался бежать. Понятно, мальчишку сразу одёрнули – ещё не хватало с сопляком чаемой наградой делиться! – и за старостой отправился один из мужчин. В разговоре мелькнуло имя или прозвище старейшины: Клещ.

Как уж мнимый отравитель собак намеревался в дальнейшем вернуть себе свободу, оставалось только гадать. Волкодав мысленно пожал плечами и стал допивать пиво. Не было на свете уголка, где испытывали бы недостаток в обманщиках и проходимцах. На каждого внимание обращать – всей жизни не хватит...

...Пламя светильничка, ровно и весело горевшего на стенной полнице, внезапно и безо всякого предупреждения из тёпло-золотистого стало бесцветным. А потом – вот это была воистину новость – весь мир начала заволакивать непрозрачная пелена, похожая на разбавленное молоко. Волкодав крепко зажмурился, потом даже прикрыл ладонью глаза, внутренне свирепея: *НЕТ!*

Помогло. Он ощутил в крови некое освобождение и отнял от лица руку. Лохмы Шамаргана были по-прежнему льняными, а плащ Посланника бурым, и серая пыль покрывала его.

Волкодав как раз опустошил свою кружку, когда появился старейшина Клещ. Подняли его, похоже, с постели. Три косы, на шо-ситайнский лад украшавшие бороду, выглядели только что наново заплетёнными, и притом впопыхах. И, ясное дело, мягкосердечия у Клеща от таких заполошных дел отнюдь не прибавилось.

– Ты кто таков? – немедля подступил он к Посланнику Справедливости.

Тот вновь, почти теми же словами, поведал об отравлении боевого пса и о Самоцветных горах. А после добавил:

– Не велишь ли проводить нас в надёжную клеть, где я мог бы до утра присматривать за этим никчёмным? Не бойся, я не позволю ему долго оскорблять Овечий Брод своим недостойным присутствием. Уже утром я отправлюсь с ним назад, ибо мне велено доставить злоумышленника в Тин-Вилену самым скорым порядком, пока степные кланы не отбыли восвояси...

– Если бы я чего боялся, – буркнул Клещ, – я бы тут не старшиновал. – И протянул руку: – Дай-ка сюда свою грамотку, сам сперва прочитаю!

Конечно, его требование было исполнено, но Волкодаву помстилась в движении Посланника тень неуверенности. И Шамарган – а это уже не помстилось! – больно пристально скопил глаза на двоих крепких парней, вставших подле двери... *Ай да старейшина!* похвалил про себя венн. *Неспроста Клещом величают!*

Клещ тем временем дальнорко отвёл шуршащий лист подальше от глаз:

– Так, так... От Горбатой улицы... от Железного ручья... от Маячной дороги... Э, а это кто тут от Селёдного тупика изволение дал?

По мнению Волкодава, вот теперь-то двоим лицедеям следовало, более не мешкая, давать тягу. Он даже ждал, чтобы Шамарган прямо сейчас пнул ловца татей в колено и во всю прыть бросился в дверь, а тот как бы за ним... Но нет, Посланник ещё попытался что-то спасти.

– Как кто? – спросил он с почти настоящим недоумением. – Плакун Дырявый Бочонок, старшина над засольщиками! Разве ты не узнаёшь его знамя? Чайку с рыбёшкой в клюве?

– Узнать-то узнал, – проворчал Клещ, сворачивая пергамент. – Да только Плакун всегда рисует камбалу, а тут какой-то озёрный карась. А посему я тебе, добрый человек, вот что скажу. Клеть на ночь у меня, понятно, найдётся... А вот в город, ты уж не обессудь, тебя мои

ребятки проводят. Там и разберётся честь честью. Там тебе и положенную награду дадут... а с меня, ежели что, потом высчитают. Ясно?.. Ну, стало быть, веди отравителя своего.

И старейшина, опираясь на посох, тяжеловатой походкой двинулся к выходу из харчевни. Посланник – делать нечего – пошёл следом, ведя свою жертву перед собой. Парни возле двери подались в стороны, освобождая дорогу...

...И зря, поскольку Шамарган именно теперь решил проложить себе путь на свободу. Может, счёл, что чем дальше, тем труднее будет сбежать. А скорее всего – просто не ждал такого поворота событий и испугался. Ибо действовать начал, творя вещи глупые и ненужные, такие, о которых сам должен был потом пожалеть, если не совсем уже изнеправдилось сердце... – то есть так, как и свойственно людям поступать только со страху, когда отступает прочь хладнокровный рассудок и любое деяние предстаёт просто необходимым, если кажется, будто оно способно помочь.

Мутно-алые, окутанные дымной пеленой страха пламена намерений Шамаргана выстрелили так ярко, что Волкодав про себя успел мимолётно удивиться, как же их проморгали все прочие посетители. Парень вывернулся у мнимого охотника на беглых злодеев одним ловким движением. Выхватил откуда-то из рукава широкий нож без рукоятки и... пырнул старейшину Клеща прямо в живот...

То есть сам он нимало не сомневался, что в самом деле пырнул, потому что в такие мгновения человек склонен видеть свои действия уже довершёнными, хотя в действительности они успели сбыться хорошо если наполовину. Надо думать, стремительно воображение успело нарисовать Шамаргану ярко брызнувшую кровь и возникающее на лице Клеща изумление, смешанное с горькой детской обидой...

Но люди, мимо которых его в это время вели, увидели совершенно иное. Спустя время они рассказывали и божились и, бывало, лезли в драку с теми, кто не желал верить сказанному, – хотя бы и сказанному с призыванием самых высших Свидетелей. Но кто же в здравом рассудке сразу поверит, будто молчаливый чужеземец, невозмутимо кормивший из блюдечка ручную летучую мышь, внезапно наклонился из-за стола – и его движение рассказчики припоминали как медленное – и преспокойно вынул острый ножик у Шамаргана из кулака?.. А Шамарган при этом полетел кувырком, словно ему десять подножек разом подставили, сшиб некстати подвернувшуюся скамью – и кубарем укатился за дверь, с треском распахнувшуюся от удара?..

Но это позже, позже, когда всё утихнет и жгучие события начнут претворяться в обычную побасенку из тех, которых десять дюжин можно услышать в любом постоялом дворе. А покамест...

– Держи вора!.. – завопил лже-Посланник, сообразивший, что надо удирать вослед за дружкой, пока не сделалось безнадёжно поздно. Метнулся, сыпанув мелкой пылью, бурый плащ: лицедей во все лопатки кинулся наружу. Половина посетителей харчевни сорвалась помогать ему в ловле, и с ними оба парня, приведённые Клещом. *Лучше бы ты,* мысленно вздохнул Волкодав, *одного Мордаша с собой захватил. Больше проку дождались бы...*

Он так и не поднялся из-за стола, за которым сидел. И Мышь ни с кем не лез воевать: вспрыгнул ему на плечо и принялся вылизывать крыло, рассечённое розовым шрамом.

Только блеснул на столе перед венном широкий нож, вынутый из руки несостоявшегося убийцы.

Некоторое время старейшина взирал на этот нож, пребывая в потрясённом оцепенении. Что вызвало это оцепенение – уж не рана ли, которую он, тёртый калач, успел ощутить, ещё не получив?.. Волкодав не понаслышке знал, как ведёт себя человек, принявший внезапную рану в живот. Вот Клещ дерзнул опустить глаза к собственному телу... Нарядное вышитое одеяние из тонкого войлока, чем-то напоминавшее сольвеннскую свиту, не было ни порвано, ни надрезано. Ещё несколько мгновений старейшина провёл в неподвижной задумчивости... а потом сделал единственно правильный вывод.

Который, по мнению Волкодава, очень легко было предугадать.

– Ты!.. – Узловатый палец изобличающе нацелился в грудь венну, а широкое лицо

Клеца начала заливать багровая краска. – Заодно с ним!.. Сговорился!.. Эх, не хотел же я тебя в ворота пускать...

Не «с ним», а «с ними», мысленно поправил старейшину Волкодав, но вслух ничего не сказал.

Люди, остававшиеся в харчевне, между тем сообразили, что на их долю, оказывается, тоже осталось кое-что занятное, и пододвинулись ближе, чтобы уж теперь-то не пропустить ничего.

– Взять его! – указывая на Волкодава, рявкнул Клещ.

Двое или трое мужчин, далеко не слабаки с виду, качнулись было вперёд... Волкодав не двинулся с места. Не стал вскакивать со скамьи, не расправил плечи, даже не обвёл взглядом двинувшихся к нему. Однако те почему-то смутились, один за другим, и остановились, сделав кто шаг, кто вовсе полшага. Когда человек исполняется светлого вдохновения битвы, совсем не обязательно встречаться с ним глазами, чтобы это понять...

Мыш смотрел на них с презрительным недоумением. Тоже, мол, выискались!.. Потом зверёк выплюнул попавшую в рот шерсть и вновь принялся ухаживать за болевшим когда-то крылом. А Волкодав негромко поинтересовался:

– С твоим псом я тоже сговаривался, почтенный?

В погосте Волкодав прожил три дня. И не в нанятой комнатке на постоялом дворе, а в доме старейшины. Венн радовался гостеприимству добрых людей, но про себя слегка досадовал на задержку, мысленно прикидывая количество вёрст, которое мог бы за это время прошагать. Да и тонкую грань, за которой славный гость, пускай даже уберёгший от смерти хозяина дома, начинает превращаться в обузу, ему совсем не хотелось бы переступить. Под вечер третьего дня в Овечий Брод ещё и приехали на лошадях четверо тин-виленских жрецов, и Волкодав окончательно решил про себя: *Всё! Завтра солнышко встанет – и ухожу...*

Однако уйти, честь честью поклонившись хозяевам и печному огню, судьба ему не судила. Да и когда у него, если хорошенько припомнить, всё получалось согласно задуманному, гладко и ровно?.. Начал припоминать – не припомнил. И Хозяйка Судеб, как это у Неё водится, тотчас учинила над ним шутку, ни дать ни взять пробуя по-матерински вразумить: ты, человек, предполагай себе, но имей в виду, что располагать буду всё-таки Я...

Жрецы привели с собой странника. Хромого, согбенного старика, опиравшегося на костыль. Встретив его на лесной дороге и выяснив, что он держал путь в тот же самый погост, кто-то из совестливых молодых Учеников даже предложил хромцу сесть в седло, однако тот отказался – и так, мол, все кости болят, а к седлу непривычен, того гляди, от конского скака вовсе рассыплюсь!.. Стремя, впрочем, он взял с благодарностью. И так и доковылял до ворот Овечьего Брода, цепко держась за ремённое путлище¹⁸.

Он назвался Колтаем. Без сомнения, это было прозвище, но весьма ему подходившее, ибо означало одновременно и колченожку, и говоруна. Ещё в дороге старик, которому вроде бы полагалось бы одышливо хвататься за грудь, вместо этого без устали потчевал своих спутников всякими смешными рассказами. Знать, много по свету побродил, всякого разного успел наслушаться-насмотреться. Кто сказал, будто разговорами сыт не будешь? Добравшись в погост, Ученики Близначев пригласили речистого старца к вечеру:

¹⁸ Сейчас, по мере отхода человечества от различных старинных практик, в частности от верховой езды, начинает забываться смысл многих понятий. Так, «держаться за стремя» трактуется нами совершенно буквально, в смысле – за металлическую опору для ноги верхового. Между тем брались исключительно за путлище (ремень, на котором стремя подвешивается к седлу), помещая при этом руку возле колена всадника, чтобы не мешать ему в управлении лошадей. Автор позволил себе столь пространное примечание, поскольку данное недоразумение вкрадывается даже в романы талантливых авторов, пишущих о старине: «схватился за серебряную скобу...».

– Хлеба с нами отведай, винцом захлебни.

Тот себя упрашивать не заставил. Одежда у него была сущие обноски, котомка – латаная-перелатаная и почти пустая, а когда в последний раз досыта ел – и вовсе неведомо.

Вечер был погожий. Жрецы не пошли внутрь харчевни, предпочтя расположиться во двореке, подальше от духоты и запахов, доносившихся с кухни, где как раз пролили мясной сок прямо на угли. В тёплую погоду здесь и впрямь было славно. Хозяин, давно это поняв, устроил во двореке длинный стол, задней лавкой которому удобно служила завалинка. С другой стороны вместо скамьи стояло несколько пней, некогда приготовленных на дрова, но оставленных до зимы послужить седалищами гостям. На одном из пней и обосновался Колтай. По сравнению с лавкой-завалинкой это было гораздо менее почётное место. Молодые жрецы, годившиеся новому знакомцу во внуки, звали его пересесть, но он отказался, сославшись на увечье:

– Жил на воле, бегал в поле, стал не пруток¹⁹, почему так? Захромаешь, сам узнаешь...

– Складно говоришь, дед! – засмеялся юноша в красно-зелёных одеждах, тот, что предлагал Колтаю коня. – Может, ты нас ещё и песней порадуешь?

Тот развёл руками:

– И порадовал бы, да ни лютни нет, ни гудка, а без них какая же песня.

Служанка вынесла на подносе еду, и к ней тотчас же обратились:

– Скажи, красавица, не найдётся ли в этой харчевне какого снаряда для песенника?..

Девушка кивнула и пообещала скоро принести требуемое. Хозяин «Матушки Ежихи» отнюдь не сбыл с рук арфу, утраченную злодеем Шамарганом во время поспешного бегства, но убрал её довольно-таки далеко: вещь, чай, недешёвая, чтобы держать на виду! Попортят ещё, а чего доброго, и украдут! Однако четверо жрецов были не какая-нибудь голь перекатная, не первый раз в Овечий Брод заезжают, и всегда конные, при кошельках. И еду спросили хорошую, не хлеба с квасом небось на полтора медяка... Отчего ж не дать таким арфу?

В дверях служаночка разминулась с Волкодавом, выходявшим наружу.

Венну понравились дорожные лепёшки, которые пекла одна из здешнихстряпух: её мать была из кочевников, и умница дочь унаследовала сноровку готовить маленькие душистые хлебцы, много дней не черствеющие в дорожной суме. Он и прикупил их целую коробочку, искусно сплетённую из берёсты местным умельцем.

Молодые жрецы не были из числа унотов, коим Волкодав ещё две седмицы назад внушал святую премудрость кан-киро. Однако ехали они из Хономеровой крепости и, конечно, сразу венна узнали. Пока они друг другу кланялись, снова появилась служанка и принесла арфу. Ученики Блинецов передали её старику.

Дорогу, пройденную однажды, Волкодав запоминал так, что потом никакая палка не могла вышибить из памяти. Человеческие лица давались ему гораздо хуже, и, возможно, назвавшийся Колтаем сумел бы его обмануть – по крайней мере если бы сидел молча, избегал поворачиваться лицом и вообще всячески старался отвести от себя внимание. Но, увидев знакомую арфу, Волкодав невольно проследил за нею глазами... и наткнулся взглядом на нищенское рваньё, тотчас показавшееся ему очень знакомым.

Рогожки были те самые, в которых сидел подле тин-виленских ворот удручённый язвами попрошайка.

Тогда Волкодав пристальнее всмотрелся в лицо, и, как ни склонялся над арфой Шамарган, как ни ронял на глаза неопрятные лохмы, выбеленные до совершенного сходства с седыми, – никаких сомнений в том, что это был именно он, у венна не осталось. Следовало отдать должное мастерству лицедея, сумевшего так полно принять старческий облик. Умудрился же намазать какой-то дрянью лицо, руки, ступни, вообще всё, что открывала

¹⁹ *Пруткий, пруткость* – страсть и азарт, побуждающие борзую собаку к мгновенному и скоростному старту за зверем.

одежда: высохнув, жидкость стянула кожу морщинами, даже вблизи сходящими за настоящие стариковские. И говорил, словно у него вправду половины зубов во рту не было... а костылём пользовался так, будто лет двадцать с ним ковылял... Всё было проделано с таким тщанием, что Волкодав без труда уяснил себе, чего ради Шамарган отважился вернуться в Овечий Брод, где ему в случае разоблачения навряд ли удалось бы сохранить в целости шкуру. Ну конечно – он хотел вернуть свою арфу. *И, глядишь, прошло бы у него всё как по маслу, да вот незадача – как раз и налетел на меня! Что теперь-то делать будешь, ловкач?..* За тот ножичек, по мнению Волкодава, Шамарган заслуживал крепкой порки. Чтобы впредь неповадно было с перепугу хвататься за острые железяки. Этак ведь в самом деле кого-нибудь можно зарезать, – до гробовой доски потом сам себе не простишь... Волкодав стал раздумывать, как бы примерно наказать лицедея, не подвергнув его при этом ярости обитателей погоста, – ибо славного старейшину Клеща он, хоть и покушался, всё-таки не убил. Но тут Шамарган довершил настраивать арфу, пробежался пальцами по струнам и запел:

Что совершенней, чем алмаз?
Сияют сказочные грани...
Но он, услада наших глаз,
Не содрогнётся, плоть поранив.
Не он виной, что вновь и вновь
Кругом него вскипают страсти...
Он отразит пожар и кровь —
А сам пребудет безучастен.

Ему едино – зло, добро...
Желанен всем и проклят всеми,
Своей лишь занятый игрой,
Плывёт сквозь суетное время...

– Хорошо поёшь, странник, – похвалил старший жрец. – И песня у тебя мудрая. Приятно такую послушать.

И заботливо пододвинул мнимому старцу кувшинчик лёгкого яблочного вина – промочить горло.

Волкодав же, смотревший пристальнее других, а главное, знавший, чего примерно следует ждать, увидел, как внезапно блеснул из-под свисающих седин острый и злой взгляд. «Приятно, значит? А вот я сейчас тебе...» Шамарган ударил по струнам и запел быстрее, торопясь, понимая, что сейчас его перебьют, и желая непременно высказать всё до конца:

Но это камешек в земле.
А если взор поднять повыше?..
Молись хоть десять тысяч лет,
Коль Совершенен – не услышит.

Ведь гнев, любовь, упрёк судьбе —
Суть рябь на лике Совершенства.
А значит, нет Ему скорбей,
Ни мук, ни страсти, ни блаженства.

Ему что радость, что беда,

Что ночь перед последней битвой...
Коль Совершенен – никогда
Не отзовется на молитвы.
Ему хвала или хула,
Святой елей и комья грязи,
Благой порыв и козни зла —
Что блики пёстрые в алмазе...

– Святотатство!.. – первым закричал старший жрец. – Умолкни, сквернавец! Не могли восставать на Предвечного!..

А то делается Ему от этого что-нибудь, Предвечному твоему... усмехнулся про себя Волкодав. Если он что-нибудь понимал, Ученик Блинецов усердно трудился над своим голосом, стараясь упражнениями развить его, сделать ярким и зычным. Вот только до Хономера, способного возвысить свою речь над гомоном десятков людей, ему было ещё далеко. Пальцы Шамаргана прощлись по струнам, и оказалось, что все пять были его верными союзницами. Арфа отозвалась мощным рокочущим гулом, который похоронил крик жреца, как морская волна – шипящую головешку.

Изнутри корчмы начали выглядывать люди.

Не изменяется алмаз,
Хоть свет, хоть тьма его окутай...
Вот так и жреческий экстаз
Не достигает Абсолюта.

Он – сам в себе. Он полн собой.
И наше напряжение духа
Не возмутит Его покой:
Коль Совершенен – Небо глухо...

Жрецы, оглядываясь на старшего, полезли из-за стола. Однако Шамарган явил похвальную способность учиться на прежних ошибках. Сегодня он не надеялся на пособника и загодя предусмотрел пути бегства. Поди выберись из-за длинного стола. А с пенька – вскочил да был таков. Можно даже чуть задержаться, чтобы допеть хулительные стихи. Кажется, Шамарган серьёзно боялся здесь одного Волкодава. Но венн не двинулся с места. Стоял себе и стоял на ступеньках, наблюдая за происходившим.

Наконец лицедей счёл, что довольно уже раздражил красно-зелёных. Плох тот, кто, взявшись ворошить гнездо земляных ос, упустит мгновение, отмеренное для бегства. Шамарган – и куда только подевалась недавняя хромота? – стрелой кинулся через двор, продолжая на ходу теребить струны.

Ему едино – зло, добро...
И, что б ни пело нам священство, —
Своей лишь занято игрой,
Плывёт сквозь время Совершенство.

Хоть вечный век Ему молись,
Ни с чем останешься в итоге...
И поневоле брезжит мысль:
«А для чего такие Боги?»

Старший жрец бежал заметно проворней других, и, что гораздо важнее прыти, в каждом его движении чувствовалась непреклонная решимость схватить беглеца. Волкодав нимало не удивился бы, скажи ему кто, что в до прихода в Дом Близнецов этот малый был воином. Наёмничал скорее всего... Последние несколько десятилетий в храмах Близнецов весьма жаловали опытных воителей. Как будто на эту веру ещё продолжались гонения или сами божественные Братья нуждались в оружии смертных!.. Волкодав знал, что спрашивать об этом Учеников и тем более спорить с ними было бесполезно. Зря ли утверждала аррантская мудрость, что переспорить жреца не удалось ещё никому.

Последняя красно-зелёная спина мелькнула за воротами двора и пропала в уличной темноте. Только слышались топот и переключка удалявшихся голосов.

«И шум, и крик, и лай ищеек жутких...» Нынче венн собирался улечься пораньше, чтобы как следует выспаться перед дальней дорогой. Так бы он, наверное, и поступил, предоставив богохульника его собственной, честно заработанной участи, – тем более заработанной, что лицедей зацепил не столько Предвечного и Нерождённого, сколько жрецов, приветивших увечного старика... Однако тут выяснилось, что своим срамословием Шамарган выкопал себе слишком уж обширную и глубокую яму. Дерево узнают по плодам!.. Стоило запеть – и уже не один Волкодав, но добрый десяток посетителей «Матушки Ежики» тотчас признал песнопевца. И вот теперь, когда поднялся шум и началась погоня, люди горохом посыпались из харчевни наружу.

– Он это! Он!.. Который Клеща!.. Ножиком!..

– Куда побежал?

– Лови!..

– В куль, да в воду!..

– Старейшину кто-нибудь позовите!

– Собак, собак надо!.. Уйдёт!..

– Где Мордаш? Мордаша пускай приведут!..

Волкодаву сразу не понравился выкрик насчёт куля и воды. Что верно, то верно, парень был кругом виноват. Ведь без шуток замахивался на старейшину. Как есть убил бы, если б не помешали ему. И от жрецов заслужил колотушек, не по-хорошему отплатив за добро. Но... Ведь не дошло ж до убийства. А на месте Учеников Волкодав за Шамарганом и гоняться бы не стал. Глупо это, наказывать невежу и нечестивца, который, если хорошенько подумать, сам себе наказание...

Однако по всему погосту уже лаяли псы, и привычное ухо венна различало между всеми голосами низкий рык Мордаша. Кобель старейшины был признанным вожаком; за три дня Волкодав успел довольно послушаться от Клеща о свирепости, тонком чутье и силе надворного стража. О том, как Мордаш встал один на один с вырвавшимся из хлева быком – и, с налёта ударив грудью, сшиб злое животное на колени. О том, как далеко в лесу сломал ногу парень, решивший набрать дикого мёда и свалившийся с дерева. Так бы, наверное, до сих пор и горевали о нём, – не сумей опять же Мордаш разобрать след, оставленный двое суток назад... О том наконец, как раза два в год Клещ отправлялся в Тин-Вилену проведать старых друзей, и, когда они вместе усаживались промочить горло в уютной корчме, он, не понаслышке зная проворство рук тин-виленских карманников, неизменно пристёгивал свой кошелек Мордашу на ошейник. И не было случая, чтобы вореё отваживалось стибрить хоть грошик...

И вот теперь этот любимец двух маленьких девочек должен был возглавить ловчую стаю, снаряжённую по Шамарганову душу рассерженными и хмельными людьми. Которые, поймав, в самом деле нимало не задумаются впихнуть лицедея вместе с его арфой в мешок да отправить в болото. Либо вовсе собаками затравить. К утру, когда глянет с небес справедливое Око Богов, опамятуются, а толку?..

Ещё собак, того гляди, с горя вешать начнут, словно те будут в чём виноваты. У людей ведь это в обычае, – не самим, право, шалопутную голову в петлю совать...

Волкодав поймал себя на том, что думает о людях несколько со стороны. Это был знак.

Он сунул появившейся служаночке коробку с дорожными хлебцами, которую всё ещё держал в руках:

– Побереги, красавица. Я вернусь.

И следом за всеми убежал на тёмную улицу – туда, где шумела, набирая разгон, охота за лицедеем. Шаг, ещё шаг, и остался позади отблеск светильников, вынесенных во дворик. Зато светила луна, и венн успел обеспокоиться, не заметит ли девушка довольно странную тень, следовавшую за ним по земле. Ещё не хватало, – объясняться потом. Известно же, люди мало кого ненавидят так, как тех, перед кем сами в чём-то виновны. В том числе давнюю, незаслуженно забытую родню. Тех, кто, в отличие от большинства, ещё не разучился говорить с лесом на его родном языке...

Ему повезло. Служанка, только вышедшая из ярко освещённой харчевни, ничего необычного не разглядела. Ушей Волкодава достиг её напутственный крик:

– Поймай его, господин, уж ты его всенепременно поймай!..

Беглеца настигли в двух верстах от Овечьего Брода, там, где заросшие лесом холмы неожиданно расступались, окаймляя большое клюквенное болото. Осенью по торфяникам без труда можно будет спокойно ходить, собирая вкусную ягоду; лишь посередине так и останутся чернеть бездонные окна-бочаги, к которым лучше близко не подбираться. Но теперь, весной, недавно сошедший снег сбегал в низину сотнями больших и маленьких ручейков, трясина опасно взбухла и сделалась непроходима. С вечера похолодало, над топью плотными белыми куделями распростёрся туман. Неосвязаемый ветерок шевелил густые белые пряди, заставлял их клубиться, перетекать, тянуться щупальцами на сушу...

С той стороны, что была всего ближе к погосту, берег выдавался в болото длинным мысом, не заросшим деревьями. Только на самом конце, у края воды, ветвился буйный ольшаник. К нему вела единственная тропинка, проложенная охотниками до морошки и клюквы; по ней-то теперь бежал во все лопатки Шамарган, решивший, будто обнаружил верный путь через болото.

Ну как есть дурак, размышлял Волкодав, понемногу обходя пробирающуюся лесом погоню. Нет бы честь честью спел жрецам песню-другую, отблагодарил за доброе обхождение и вечерю... а чуток погода умыкнул тихонечко свою арфу, небось достало бы сноровки. Чего ради было их до белого каления доводить и весь погост кверху дном переворачивать? А уж коли дерзок неумерно и на рожон обязательно желаешь переть, что же загода не разведать как следует, куда улепётывать станешь?..

Ему самому тропа была не нужна. Краем мыса, где надёжная земля уступала место мокрому кочковатнику, он далеко обогнал Шамаргана и вперёд него достиг густой чащи ольховых кустов. Беглый лицедей ничего не увидел – в лицо светила луна – и ничего не услышал за хрипом собственного дыхания. Да, в общем-то, особо и нечего ему было видеть и слышать. Не только волки умеют незримо пробираться по лесу, когда того пожелают.

Первыми из лесу на открытое место выбрались псы. Они, конечно, легко покинули бы сзади людей, куда менее поворотливых в ночном лесу, и, пожалуй, давно взяли бы добычу, – но поводок Мордаша крепко держал старейшина Клещ, а забегать вперёд жожака никто не дерзал.

Мордаш тянул хозяина за собой, вскинув голову и возбуждённо приподняв висячие уши. Ему не было нужды приныкать носом к земле: Шамарган проложил для него в ночном воздухе целый большак, широкий и очевидный, словно дорога, упирающаяся в ворота селения. Позади старейшины поспешал жрец, тот самый, старший из четверых, явивший воинскую повадку. Теперь он осторожничал и заметно берёт правую руку, наспех обмотанную повязкой, откровенной от двуцветного одеяния. Ещё у околицы, недовольный медлительностью хромого Клеща, Ученик Близначев попробовал было перенять у него поводок Мордаша. За что немедля и поплатился. Ощувив на ремне незнакомую руку, кобель тотчас вознамерился её откусить. И откусил бы напрочь, – не прикрикни хозяин.

А за собаками и двумя предводителями следовала добрая половина мужчин Овечьего Брода. Иные – с факелами либо масляными светильниками, норовившими погаснуть от быстрой ходьбы. Иные с палками, с ножами, готовыми выскочить из поясных ножен. Иные – просто с кулаками наготове. Чуть не весь погост, исполчившийся на одного человека. Что останется то него, когда поймают? Мокрое место удастся ли отыскать?..

Остались позади последние клюковатые, измельчавшие деревца, погоня вышла на мыс. Полная луна светила так ярко, что были различимы даже цвета. И резкой тенью виднелся впереди силуэт бегущего человека, изготовившегося нырнуть в густые кусты. Собаки сразу залаяли вдвое уверенней и веселей, люди торжествующе закричали. Беглый лицедей, сам себя загнавший в ловушку, вот-вот должен был попасться.

Каким именно образом следовало его наказать, ни Ученики Близначев, ни жители погоста толком поразмыслить времени не имели. И, наверное, всё получилось бы именно так, как в подобных случаях чаще всего и бывает. Отчаянное сопротивление угодившего в тупик беглеца – десятки рук, норовящих за что попало его ухватить – рьяное чувство собственной правоты – кровь на траве и камнях, много крови на ладонях и лицах людей, на мордах озлобленных псов – мокрое хлюпанье под ногами и опускающимися палками – неподвижное тело, переставшее вскрикивать от пинков и ударов... а потом – мучительное протрезвление и невозможность посмотреть друг дружке в глаза. «За что ж мы его...»

Но – не случилось. К большому счастью для жителей Овечьего Брода, хотя им довелось это счастье осознать далеко не всем и не сразу.

Они увидели, как Шамарган с разгону нырнул в ольховники, где, как им было отлично известно, узенькая тропа огибала валун и напрямик ныряла в непроглядную полую воду. Вот махнули и стали успокаиваться листовенные ветки, серебряные с чёрным подбоем в свете луны. Минуло ещё мгновение...

...И из зарослей навстречу преследователям вышел большой зверь. Вышел не торопясь, уверенно и очень спокойно...

Бесстрашный Мордаш тотчас же замолк и остановился – так резко, что старейшина Клещ с разгону налетел на него и даже ругнулся от неожиданности. Замолчали и другие собаки.

На пути погони стоял пёс. Громадный кобель невиданной в Шо-Ситайне породы, остроухий, похожий на очень крупного волка, вот только от этого пса не помня себя разбежалась бы любая стая волков.

И поистине было отчего вздрогнуть поджилкам. Луна смотрела ему в спину, но обитатели погоста после божились – и лезли в драку с теми, кто не желал немедленно верить, – что пёсьи глаза явственно светились. Однако светились не обычными бирюзовыми звериными огоньками и подавно не отражали факельный свет. Жуткий зверь отнюдь ещё не подошёл близко, но люди разглядели со сверхъестественной отчётливостью, что...

– Оборотень, – первым ахнул старейшина Клещ. И выронил поводок Мордаша, дабы осенить себя знаком Бога Коней и призвать на помощь Его чудодейственные копыта.

– Оборотень... оборотень!!! – вздохом ужаса пронеслось над толпой, выбиравшейся из леска-кочерёжника у склонов холма.

И этого вздоха оказалось более чем достаточно.

Люди, не очень-то смущавшиеся перед лицом подобных себе и подавно не привыкшие пятиться от свирепых зверей, удирали безо всякого порядка и чести, не памятуя, что, может быть, покидают на съедение лютому чудищу тех, кого только вчера обещались братски любить.

Красно-зелёный жрец с белым пятном вместо лица слепо сшиб с ног хромого старейшину: завидев беглеца, бывший наёмник посунулся было вперёд, а теперь попросту не разобрал и не видел перед собой ничего, кроме спасительной тропы обратно в селение. И помнить не помнил ни о воинских навыках, ни о своём сане... ни о святом символе Разделённого Круга, которого, как ему было отлично известно, должна была как огня сторониться всякая нечисть. О священном хорошо рассуждать за надёжными храмовыми

стенами, под присмотром благих образов. А у берега ночного болота, где клубами переползает туман, где жутко таращится в глаза та самая нечисть, таращится и нисколько не собирается куда-либо пропадать, – поди-ка!..

...И только верный Мордаш точно врытый встал над упавшим хозяином, готовый, если понадобится, собой закрывать его от всех зол и опасностей мира.

Клещ едва-едва нашарил отлетевший костыль, ухватился для опоры за ошейник кобеля и начал вставать, когда его поддержала неизвестно откуда протянувшаяся рука, и, вскинувшись, старик обнаружил подле себя своего гостя.

– Вот видишь, почтенный старейшина, – сказал Волкодав. – Говорил я тебе, к сторонним людям без Мордаша лучше не выходи... Убедился теперь? А туда же, ещё спорил со мной.

Он улыбался. Летучая мышь сидела у него на плече и была чем-то весьма недовольна – беспрестанно шипела, норовя укусить хозяина за ухо. Ни дать ни взять сердилась, что не дали поучаствовать в какой-то весёлой забаве.

Присутствие рядом живого человека и, того паче, тёплая пёсья шерсть под рукой быстро разгоняли пелену потустороннего ужаса. Клещ метнул глазами в сторону ольшаников. Там никого не было. И всё-таки он еле совладал с прыгавшей челюстью:

– Этот... оборотень... Где?

– Не знаю, – сказал Волкодав. – Убежал, наверное. Народу-то, да с огнём!.. Пойдём, почтенный. А то внуки уже плачут, поди, – куда дедушка подевался...

Много позже, размышляя о происшедшем в ту ночь, старейшина Клещ сделает удивительную догадку. Он задумается о необъяснимом почтении, которое оказал прохожему человеку суровый Мордаш, никогда – ни прежде, ни после – не лебезивший перед чужими. Он вспомнит, как шёл с этим человеком по лесу и тот, не разыскивая тропы, вёл его к дому уверенно и спокойно, как будто зряч был в потёмках. Даже не споткнулся ни единого раза и ему, хромцу, не позволил. Тогда-то старейшина сопоставит необъяснимое с прозвищем гостя – Волкодав – и поймёт наконец, от какого такого пса-оборотня в действительности удирали обитатели Овечьего Брода, а с ними жрецы.

Он ни с кем не поделится своим запоздалым открытием, но люди заметят, что в повадке старого Клеща прибавилось изрядно лукавства.

Вот только будет это ещё очень, очень нескоро...

* * *

У хранителя библиотечного чертога тин-виленского крепостного храма всё не убывало забот. Можно подумать, мало было ему язычника с рожей висельника и противоестественной тягой к чтению книг, что три года нарушал уединение хранилища мудрости, без конца разыскивая что-то на полках. Да ещё эта мерзкая летучая мышь, что повсюду сопровождала его и то пялилась из темноты, то устраивалась спать где-нибудь под потолком!!! Хранитель так и ждал, чтобы крылатая тварь однажды вознамерилась отведать его крови или, что ещё хуже, осквернила драгоценные фолианты. Некоторым чудом ни того, ни другого так и не произошло, – не иначе, благодаря заступничеству Младшего, милосердного покровителя знаний...

Когда варвар наконец распрощался и сказал, что более не придёт, хранитель вздохнул было с облегчением. Наконец-то и сам он, и его безмолвные подопечные, мерцавшие разноцветными корешками вдоль стен, обретали долгожданный покой! Мысленно он даже успел нарисовать себе эту упоительную картину. Благолепная тишина... новые книги в ящичках и пакетах, которые он привносит в тщательно хранимые списки, а потом каждую с бережным почтением водворяет на причитающееся место на полках... пушистый веничек из перьев для ежедневного обметания пыли – хотя какая тут пыль, в недрах крепости, вдалеке от каких-либо окон, под тяжёлым каменным сводом... Как прежде, будет изредка приходиться Хономер, приводить с собой одного-двух жрецов Внешнего Круга – молодых, в одеяниях из

серой ткани, чуть тронутой зелёным и красным. И те, едва смея дышать от благоговения, будут делать для Избранного Ученика какие-то выписки. А потом на цыпочках удаляться. И опять – безлюдье и торжественная тишина, единственно приличная, по мнению хранителя, для чертога овеществлённой премудрости, и вновь ничто не нарушает векового молчания книжных сокровищ...

Всё правильно! Но на другой же день после того, когда варвар долистал наконец книгу Кимнота Звездознатца и, как обещал, избавил библиотечный чертог от своего назойливого присутствия, – хранитель поймал себя на том, что беспрестанно косится в дальний угол комнаты. Туда, где по-прежнему стоял дубовый, на века сработанный стол, а на нём... более не горела свеча, вставленная, дабы не капал воск, в широкий и пузатый, точно кружка, подсвечник. Стоило на мгновение задуматься, отвлечься – и в ничем не нарушаемой тишине начинал мерещиться исходивший оттуда, из угла, шорох страниц, изредка хмыканье, постукивание ногтя по твёрдому дереву, как бывало, когда наглый варвар вычитывал в книгах нечто, представлявшееся ему сомнительным...

«Да что мне, недостаёт его, что ли?..»

Вот так исполнялась для хранителя его заветная мечта последних трёх лет. Ну разве не насмешка судьбы?..

А ещё через несколько дней к нему явились... эти. Два обормота. Саккаремец и халисунец. Было похоже, они люто ненавидели один другого. Но на хранителя оба смотрели так, словно вышли на казнь и ему предстояло быть палачом.

– Святы Близнецы, чтимые в трёх мирах... – поздоровались они вразнобой.

– И Отец Их, Предвечный и Нерождённый, – подозрительно отозвался хранитель. – Зачем пожаловали?

– Книгу надо, – мрачно отрезал саккаремец. И замолчал, словно книга была на свете одна-разъединственная и хранитель по этому слову обязан был немедленно принести требуемое.

– Зелхата. Мельсинского, – уточнил халисунец. И добавил, явно желая поддеть своего хмурого спутника: – Про Великий Халисун и всё такое.

Саккаремец покосился на него, словно собираясь немедленно удавить. Однако промолчал.

– «Созерцание истории Саккаремской державы, равно как и сопредельных народов, великих и малых»... – привычно поправил хранитель. Он помнил все книги, доверенные его попечению: и где какая стояла, и как выглядела, и кто написал. Он строго осведомился: – Кто разрешил?

– Наставник, – ответствовали обормоты.

Хранитель невольно подумал об Избранном Ученике Хономере. Однако стоявшие перед ним парни настолько не походили на взыскующих жреческого сана, что он спохватился и понял: варвар!.. Вот кого следовало благодарить!..

Ему даже помстилось, будто тот беззвучно явился из потёмок хранилища и встал за спинами унотов, кривясь в насмешливой ухмылке... «За что караете, справедливые Братья?..» От расстройства хранитель не заспорил с горе-книгочеями, не попытался выжить их, как когда-то Волкодава, из чертога познания. Просто вынес парням творение вольнодумного учителя шадов и... почему-то нимало не удивился, когда они облюбовали тот же вековой стол в углу, хотя он был не единственный. Затеплили свечку...

Халисунец Бергай с обречённым видом придвинул к себе книгу, взглядом оценил её толщину – и горестно застонал про себя. Но всё-таки решился и открыл. На самой первой странице. Долго хмурился, вглядываясь в полужнакомые письмена чужой грамоты. Потом вполголоса, медленно прочитал несколько слов. Опять надолго умолк, с силой прижимая пальцем строку, словно та собиралась от него уползти...

Саккаремец Сурмал, даже в столь скромных пределах грамоту не постигший, поначалу молча злорадствовал, наслаждаясь страданиями наследного недруга. Вслух он, конечно, не говорил ничего, потому что тогда бы они неминуемо снова сцепились – и столь же неминуемо были бы отлучены новым Наставником от кан-киро уже навсегда. Но,

оказывается, бездеятельное блаженство очень даже способно приесться. Весьма скоро Сурмалу надоело слушать, как Бергай мучительно медленно разбирает слово за словом. Надоело и втихомолку потешаться над ошибками, которые тот совершал. К тому же читал Бергай так, что Сурмал не мог связать услышанное воедино и вообще понять, о чём идёт речь. «О Богиня Милосердная, Хранящая-в-битвах!.. Почему этот скудоумный корпит и потеет, коверкая нашу благородную речь, а мне даже и того не позволено?.. Правду же бабушка говорила: со скуки – хоть меледу²⁰ в руки...»

Да, по какой-то причине бывший Наставник решил обойтись с ним гораздо суровее, чем с Бергаем!.. Мыслимо ли дожить, не спятив, какое там до конца книжищи, но хотя бы до завершения первой страницы?.. Сурмал подпёр голову руками и принялся рассматривать неровности потолка, который каменотёсы не стали ни выглаживать начисто, ни тем более красить, сохранив суровость природной скалы. С потолка взгляд саккаремца переключался на книжные полки. Сурмал вглядывался в резьбу, старался проследить ход древесных волокон... Потом и это занятие утомило его.

Хранителю чертога некогда было присматривать за обормотами. Он сидел на своём месте и по обыкновению занимался делом: вязал новую метёлочку для обметания несуществующей пыли. Он любовно соорудил пушистый султан, пристально следя, чтобы изгибы всех пёрышек были направлены в разные стороны, и теперь тщательно, виток за витком, приматывал получившуюся кисть к длинной струганой палочке.

Внезапный вопль, непристойный и невозможный в многолетней тишине библиотеки, заставил хранителя испуганно подскочить, выронив недоделанный веник. Нитка развилась – белые перья полетели в разные стороны.

– Убью!.. – вопил взбешённый халисунец. – Катись в свои плавни, пиявка болотная!.. И можешь дрыхнуть там хоть до второго Камня-с-Небес!.. Если только и его не проспичь!..

Саккаремец, успевший, оказывается, поникнуть на стол головой и начать тихонько посапывать, недоумённо таращил глаза. Кажется, он не особенно понимал, где это он и отчего столько крику. Но вот его взгляд прояснился. И тотчас вспыхнул опасным огоньком.

Хранитель, семена, подошёл к обормотам и легонько стукнул осиротевшей палочкой по голове сперва одного, потом другого. Дюжие парни, готовые кинуться в драку, замерли и уставились на сухонького старичка.

– Тихо! – воздел палец хранитель. И пригрозил: – Будете галдеть – выгоню!

Но вот что странно: приводить в исполнение эту угрозу ему не хотелось. Совсем не хотелось.

Они ещё посопели, продолжая ненавидяще смотреть друг на дружку... Потом всё же уселись. Бергай снова придвинул книгу, которой в запальчивости едва не треснул Сурмала по голове. Нашёл пальцем строчку, на которой остановился. Разобрал несколько слов, объединённых общностью смысла. Перевёл про себя. Вполголоса выцедил вслух – медленно, запинаясь. И свирепо прошипел, обращаясь к Сурмалу:

– Повтори!..

В этот день свечка на их столе долго не гасла. И на другой день, и на третий. Хранитель проверял списки книг, протирал тряпочкой вощёное дерево полок... и радовался неизвестно чему.

Рассуждали поэты о чести... Читали стихи,
Высекавшие искры из самых бессовестных душ.
Были песни свободны от всякой словесной трухи
И на жертвенный подвиг немедленно звали к тому ж.

²⁰ *Меледа* – бесконечное и бессмысленное занятие.

Лишь один опоздал поучаствовать в их торжестве.
А когда появился – заплакал: «Не дайте пропасть!
Я по злобе людской без вины обвинён в воровстве...
Поручитесь, прошу вас, что я неспособен украсть!

Среди белого дня надо мной разразилась гроза!
Неужели позволите, братья, втоптать меня в прах?...»
Но молчали поэты и лишь отводили глаза:
Ведь у каждого только одна голова на плечах.

Нет, конечно, любой обвинённого издавна знал.
И стихами его восхищался, и был ему друг.
И, конечно, никто не поверил, что этот – украл.
Но чужая душа, как известно, – потёмки: а вдруг?..

Уходили поэты, спокойствие духа храня,
Отвернувшись от слёз: пусть во всём разберётся судья!
Им ещё предстояло назавтра стихи сочинять
О величии дружбы, о «жизни за други своя»...

6. Светоч негасимый

Если бы всё происходило согласно задуманному, совершаясь ровно так, как мы себе предначертали, и в тот срок, который мы загодя установили, – жить на белом свете было бы, может, и менее интересно. Но зато – существенно проще.

Волкодав намеревался покинуть Овечий Брод спозаранку, как, в общем-то, надлежит всякому доброму путешественнику. Хорошо пускаться в дорогу утром: и день – длинный весенний день – весь впереди и весь твой, и Око Богов взирает с небес ясное и умытое, ещё не затуманенное созерцанием людских горестей и неправд... Напрасно ли у него дома тому, кто желал залучить в гости удачу, советовали пораньше вставать?

Однако после ночной беготни и жуткой встречи возле болота никто в погосте даже не помышлял высовываться из дому прежде надёжного солнечного восхода. И даже потом – с весьма изрядной осторожностью: мало ли что!.. Волей-неволей пришлось Волкодаву чуть не до полудня сидеть во дворе у старейшины, расчёсывая конской щёткой ластившегося к нему Мордаша. И только когда божественная упряжка вывезла солнце к высшей точке небес и Овечий Брод начал опасно шевелиться – венн окончательно распростился с хозяином и хозяйкой. Вскинул на спину мешок, где помимо прочего лежали в узорном берестяном коробке неусыхаемые дорожные хлебцы, – и теми же воротами покинул пределы погоста. Старейшина провожал его, держа в руках уздечку. Здесь верили: всё, что имеет отношение к лошади, любезно могучему Богу Коней, а значит, обладает способностью изгонять зло.

Дошагав до росстаней, Волкодав оставил по левую руку уже пройденную дорогу и пустился направо. Овечий Брод, как явствовало из его названия, стоял над речушкой; дорога плавно огибала тын и сразу начинала спускаться вниз, к журчащей воде. Осенью здесь действительно прогоняли овечьи стада, и дорога была прорезана в высоком песчаном обрыве, чтобы животным и людям не приходилось одолевать крутизну. Сыпучий песок тёк вниз с обочин, становившихся всё выше. Он обнажал корни сосен, и они корявыми пальцами торчали наружу, силясь удержать ненадёжную ускользящую опору.

А вот речка, открывшаяся Волкодаву внизу, мало соответствовала мощи обрыва. Белый

ручей, через который венну доводилось прыгать в облике пса, и тот был полноводней. А эта речушка, гордо именовавшаяся Порубежной, на самом деле представляла собой скопище луж, дремотно перетекавших одна в другую. Квакали проснувшиеся лягушки, торчали обломанные прошлогодние камыши... Русло загромождали стволы упавших деревьев, сучья и мусор, принесённый полый водой, а пойма была такое болото, густо заросшее местным отродьем ракушечника... Наверное, где-то выше понемногу задыхались родники, питавшие Порубежную. Или обрушился такой же песчаный склон, где не смогли более удержаться даже цепкие сосны, – и усмирил в своих тяжких объятиях некогда норовистую реку, через которую в давние времена был разведан один-единственный брод.

Теперь этот брод сохранился только в названии погоста. Нынче на его месте речку можно было перейти, вовсе не замочив ног: от берега до берега ещё сто лет назад перекинули мост. И перекрывал он даже не говорливый проток из одной лужи в другую, а всё пойменное болотце. И длиной-то был всего в десяток мужских широких шагов...

Тем не менее границы следует уважать, ибо некогда каждая, может быть, разделяла миры. И Волкодав перешёл мостик, не посмеявшись над нынешним ничтожеством Порубежной.

Перешёл – и двинулся дальше.

Туда, где, отгороженное обширным лесом и последними складками предгорий, лежало Захолмье.

По своим первоначальным прикидкам он должен был выйти к озёрам ещё четыре дня назад.

Его путешествие, можно сказать, толком не успело начаться, а он уже сильно сбился с распорядка, вроде бы очень тщательно вычисленного. Что же в этом хорошего? Волкодав отлично помнил, как они с Эврихом прикидывали свой путь к Тилорнову островку и назад, – и по всему выходило, что вернуться они должны были ещё до конца лета. И ведь денег – в точности как теперь – было достаточно. И дорога известна. Тоже в точности как теперь. А на деле времени минуло?..

И Волкодав шёл очень быстро, стараясь наверстать случившуюся задержку. И мысленно обещал себе впредь, насколько это от него будет зависеть, подобного не допускать. Чтобы потом снова не пришлось качать головой, вспоминая собственное корпение над картой: «отсюда досюда... а потом ещё отсюда досюда...» – и всё только для того, чтобы как из худого мешка посыпались всякие непредвиденные случайности и наконец – бац! – все расчёты прахом пошли.

Нет уж! Ничего у меня прахом на этот раз не пойдёт. Всё будет по-моему. И Панкела найду, и на Ракушечном берегу побываю, и в Беловодье вернусь...

Волкодав очень хорошо представлял себе знакомый дом, возле которого подрастали, превращались из прутиков в справные деревца молоденькие яблоньки. Там ждали венна друзья. Тилорн, Ниилит, мастер Варох с внучком Зуйко... Может быть – Эврих, если только непоседа-аррант не отправился в новое путешествие...

Вот только, спрашивается, чего ради я туда так бегу?..

Всякий раз, когда Волкодаву доводилось некоторое время ночевать не абы где, а под дружеским кровом, у людей, которые располагали его к себе и сами, кажется, успевали за что-то его полюбить, он помимо воли начинал примериваться к этому дому, мысленно прикидывая: а смог бы я здесь жить? В смысле, не на месяц и не на два, – на всю жизнь задержаться? Каждый день выходить из этих дверей, видеть перед собой это поле и огород? С этими людьми глазами встречаться?..

Иногда он был уверен, что нет. Иногда ему казалось, что смог бы.

Ну а в Галираде беловодском? Чего ради я туда не чуя ног тороплюсь? Кому я там особо-то нужен?.. Уж прямо не обойдутся?..

То, что собственноручно выстроенная изба в Беловодье тоже никогда не станет для него домом, Волкодав понимал совершенно отчётливо. Да, там обрадуются ему. И он обрадуется, ступив на порог. Да, там ему всегда найдётся место под кровом и за столом. Но

это – не ДОМ.

Дом... Как же ясно он видел его. Яблони в цвету, клонящие розовые ветви на тёплую дерновую крышу. Пушистый серый пёс, дремлющий на залитом предвечерним солнцем крыльце. Дорожка между кустами малины, утопанная босыми ногами детей. И женщина, выходящая из дому на крыльцо. Эта женщина прекрасна, потому что любима. Она вытирает мокрые руки вышитым полотенцем и зовёт ужинать мужчину, колющего дрова...

Его женщина. Его дети. Где они? Где их искать?

Встретит он их на этом свете – или поймёт наконец, что взлелеял пустую мечту?..

Почти семь лет он тешился мыслью, что женщина будет облачена в красно-синюю понёву с узором, означающим, что она взяла мужа из рода Серого Пса. Но, когда возле веси Пятнистых Оленей выросла новая кузница и девушка-славница стала по вечерам относить мастеру ужин, – Волкодав понял, что и тут ошибался...

Незачем больше являться туда в пёсьем обличье, позволявшем ему отыскивать Оленюшку, где бы она ни была. Незачем и в человеческом облике приходиться, как он собирался после возвращения в Беловодье. Чего ради зря беспокоить тех, кому ты не нужен?..

Но тогда – куда?

Или, может, я до того уже пропитался пылью дорожной, что вовсе утратил способность корни пускать? Так и буду странствовать неизвестно зачем, точно перекаати-поле, ветром гонимое, пока где-нибудь в землю не лягу?..

Всякого человека время от времени посещают горькие мысли о бесполезности прожитой жизни и о тщете дальнейших усилий, и Волкодав не был исключением. И он давно понял: подобные думы – не от благих Богов, любящих Своих земных чад. Случается, светлые Боги ниспосылают и сомнения, и совестные зазрения – чтобы одумался человек и свернул с неправой дороги на правую. Бывает, неслухов Они и наказывают, но наказывают по-родительски, без жестокости, только вразумления ради. А вот так – зря уродовать душу, отнимая волю и силы? Нет. Не от Них это. Это нашёптывают холод и смерть, и грех человеку подолгу вслушиваться в их голоса. Не то можно додуматься до чего-нибудь вовсе уже непотребного. Вроде того, например, что всякий младенец, только-только родившись, тем самым уже начинает неостановимое движение к смерти, а значит, всё тщетно – и стремления, и свершения, и любовь...

Нет уж! Гнать следует подобные мысли, пока не дали они ядовитых ростков.

Надо исполнить то, что когда-то ещё себе положил. Побывать на Тилорновом острове. Достичь Беловодья...

А там посмотрим.

После мостика через Порубежную дорога пошла на подъём, и Волкодав прибавил шагу, усилием тела выжигая в себе все неподобные мысли. Вечером он устроит привал. И вытащит из мешка баснословную книгу. О чужом мире и приключениях тамошних Богов, чьи имена всё никак не укладывались у него в памяти.

Это тоже помогает гнать от себя ядоносные мысли...

На излёте ярильных ночей, когда наступает пора умеривать благое любострастие и возвращаться на обычные жизненные круги, молодые венны – а с ними и люди зрелые, но не избывшие в душе задора и озорства, – предаются бесчиниям.

Если лукавые игры девчонок и парней возле костров можно назвать отрицанием повседневных любовных обычаев, но таким отрицанием, которое на самом деле их подтверждает, – так и бесчиния суть временный отказ от всего, что в обычные дни направляет поведения человека. И, конечно, отказ этот совершается не затем, чтобы хоть немного отдохнуть от опостылевших установлений. Нет! Скорее ради того, чтобы доказать и себе самим, и всем, способным увидеть, – какая воцарится неразбериха, если праматеринские, прадедовские установления окажутся однажды отринуты. В самом деле, это что же получится, если венны, испокон веку не страдавшие от покраж, позабудут разницу

между своим и чужим? Если, к примеру, усомнятся, где следует хранить кормилицу-соху: то ли в сарае, то ли на крыше избы?.. Да ещё и не своей, а соседской, потому что соседская показалась удобней?.. Если топоры начать складывать не где всегда, а в колодец? Если разобрать поленницу и заново воздвигнуть её на чьём-то крылечке, прямёхонько перед дверью?..

И, так-то хозяйствуя на соседском дворе, ты отчётливо знаешь: в это самое время кто-нибудь натягивает у тебя над порогом верёвку. Чтобы никто не остался обойдённым весёлыми неожиданностями поутру. Или тихо, но тщательно конопатит входную дверь дома. Или, подманив простоквашей прожорливого кота, скармливает ему вместе с угощением нечто такое, отчего смиренный мышелов начинает метаться как угорелый и завывать, словно ему наступили на хвост, и вот тут-то самое время его запустить через дымовое отверстие в крыше большого общинного дома, чтобы он до утра радовал громкими песнями и полётами со стенки на стенку всех его обитателей. В том числе важную большуху, властную предводительницу рода, вольную – в обычное время – кого угодно хоть и за ухо взять...

Так поступают во всех венских родах, и Зайцы каждую весну занимаются тем же.

Зайцы носят своё прозвание оттого, что когда-то давно их будущая праматерь, собирая грибы, забралась слишком далеко в чащу и оказалась на пути лесного пожара. И худо бы ей пришлось, не подоспей неизвестно откуда изрядный заяц-русак. Подскочил он к девушке – и повёл её прочь от беды, оглядываясь, останавливаясь и ожидая, пока она добежит. Повёл не туда, куда спасалось остальное зверьё, но она поверила. И открылось им малое озерко под защитой большой гранитной скалы, – десять таких пожаров пересидеть, волоса не опалив... А как отбушевал палючий огонь – тут-то заяц кинулся оземь, обернулся молодым статным мужчиной... С того пошёл род.

Все Зайчихи были от Богов благословлены многочадием, и потому селение Зайцев, раскинувшееся между обширными березняками и мелководной, но трудно застывавшей в морозы речкой по имени Крупец, было большим и богатым. Двое сирот, брат и сестра, вышли к нему как раз в середине ночи: кузнец Шаршава – и Оленюшка, которую он продолжал называть этим именем, хотя она больше вроде бы не имела на него права. «А что?! – убеждал Шаршава её и себя. – Меня ж вот щеглы не покинули, хотя я теперь как бы и не Щегол. И тебя ни один олень не отринет... что бы твоя матушка ни наговорила...»

Оленюшка только молча кивала. И покорно плелась за кузнецом, даже не очень спрашивая, куда ведёт. Нет, мать не прокляла её... хотя, кажется, лучше уж прокляла бы. Все знают, что такое проклятие. Особенно материнское. Справедливо наложенное, имеет оно великую и неборимую силу. Но, если так получилось, что ты сразу не упал и не умер, – превозмогай и борись! Ибо, значит, в самой проклявшей есть некий изъян и переченье Правде, священной для людей и Богов... Очень редко – но всё же такое случается...

...Только мать Барсучиха не стала проклинать нерадивую младшую дочь. Она совсем ничего не стала ей говорить. Тихо заплакала и поникла на плечо мужу, и тот повёл её домой, всего раз оглянувшись на детище: вот, мол, до чего мать довела... дура никчёмная! Глядя на родителей, потянулись домой и старшие мужатые сёстры. Не будет в этом году у Оленей весёлого и ярого праздника, а там, чего доброго, ещё огороды скудно родят... и всему виной – кто?

Ну как противостоять, как противоборствовать, когда самые дорогие от тебя уходят, заплакав? Как тут безо всякого проклятия не упасть наземь и не умереть просто от невозможности дальше жить – с этим?.. Оленюшка весьма смутно помнила, что было потом. Она, может, вправду свалилась бы замертво, или что над собой учинила, или глупостей натворила – век расхлёбывать, не расхлёбаешь... спасибо Шаршаве. Кузнец обнял новую сестрёнку, пошёл с нею, ничего не соображающей, прочь: «Тут уж так... Или покориться надобно было, а не возмogli – всё, назад нету дороги, незачем и пытаться мосты обратно мостить...»

И только лесная родня – пятнистые олени вышли к бывшей родственнице, вышли там, где знакомая тропка превращалась уже в незнакомую, и долго провожали, и принюхивались,

и тыкались ласковыми носами, не в силах уразуметь, что ж такое произошло и зачем убиваться и горевать, когда плывёт над миром столь радостная, ясная и тёплая ночь...

Сестрице Оленюшке долго было совсем безразлично, куда ведёт её братец Шаршава. Но даже от наихудшего горя нельзя без конца плакать, и постепенно она проморгалась от слёз, а проморгавшись, увидела: они с кузнецом держали путь к северо-востоку. Когда же в утренних сумерках Шаршава усадил её, изнемогшую от сердечной тоски, на полянке и стал разводить костерок, а на ветку над его головой опустил и зачирикал о чём-то щегол, названный братец как бы смущённо пояснил: «Заюшку проведать хочу... Поздорову ли она там – полтора года не виделись...»

Оленюшка только кивнула. Ибо сама не имела никакого понятия, куда им на самом деле теперь следовало податься. Оба они с Шаршавой, как явствовало, очень хорошо знали, чего НЕ ХОТЯТ. Это было просто. А вот чего они ХОТЕЛИ? Куда собирались пойти, где дневать-ночевать, как всей жизнью своей дальнейшей распорядиться?..

И не получится ли, что грядущие тяготы перевесят нынешний сердечный порыв, и по прошествии времени начнут они оба друг дружку горько винить: «...И зачем только понадобилось выходить из родительской воли!.. жили б нынче, как все добрые люди, под своим кровом, при святом очажном огне... экое дело, муж-жена не тот, о ком по молодости, по глупости возмечталось!.. хуже беда на свете бывает – к примеру, так-то вот одиночество безродное мыкать...»

Жуткая картина с такой ясностью поднялась перед мысленным взором, что Оленюшка, наново разревевшись, тотчас же всё как есть вывалила Шаршаве. Дело женское известное, расскажешь кому, что душу грызёт, тут сразу и полегчает. Молодой кузнец, выслушав, поднёс разогреваться к огню блины, намотанные на прутики: «Правильно мне отец говорил: пока сам на плечи не поднимешь, почём знать, какую ношу сдюжишь, какую нет... Ты не гадай, не мучайся понапрасну. Вот к Зайцам придём, всяко мороку поубавится. Хоть присоветуют что...»

И не спеша откroились от жизни ещё три дня и три ночи, и вот оно, большое, зажиточное огнище Зайцев. Сестрица и братец шли берегом быстрого Крупца, там, где березняки близко подступали к обрывистой круче. Шли, особенно не таясь, но стараясь и попусту не мозолить глаза, и Оленюшка тоскливо прислушивалась к биению угасавшей в сердце надежды. Нет, Шаршаве она не хотела ничего говорить, но сама знала: стоит Зайцам разглядеть, кто вышел из леса, – и их с Шаршавой не пустят на порог. Его – потому, что Зайцы со Щеглами вправду небольшие друзья. Её... потому, что дурища неприкаянная, своего рода бесчестье. Потому, что со Щеглом вместе пришла. Да просто потому, что, коли Шаршаву погонят, она – хоть и приглашать будут – без него гостевать не останется...

Однако чему быть, того не минуешь. Заячья весь придвигалась всё ближе, и уже было видно, что бесчиния там были в самом разгаре. Во всяком случае, ворота, коим в обычное время полагалось стоять не просто закрытыми, но ещё заложёнными изнутри брусом, – ворота зияли во всю ширину, не возбраняя дороги ни конным, ни пешим. Да не просто были распахнуты! – вовсе сняты, и десяток, не меньше, парней и девок как раз тащили их пускать по реке. Ещё несколько Зайчат торжественно несли чучело, облачённое в женскую одежду. Можно было биться об заклад, что наряд утащили из праздничного сундука государыни большухи, всеми в роду уважаемой и любимой. Сейчас чучело насадят на шест, шест укрепят на плоту – и счастливый путь по реченьке вниз!.. Потом наступит трезвое утро, время поправлять и собирать всё, что ныне размечут во хмелю весёлых бесчиний. Никуда не денешься, придётся разыскивать уплывшие по речке ворота, по колено в воде тащить их назад и ставить на законное место... если прежде плот не поймают соседи-Белки да не потребуют выкупа. И все одёжки большухины будут выстираны и возвращены в старинный сундук. И ежели почтенная предводительница обнаружит некую убыль и крепко надерёт два-три уха – значит, так тому и следует быть.

Но это – после! Это – наутро! Сейчас же никто думать не думает о последствиях – даже о неизбежных, не говоря уже о возможных. Ибо способность и обязанность их предвидеть

отменена вместе с прочими каждодневными правилами жизни. Так водилось при пращурах, живших ещё прежде самого первого Зайца, так будет и впредь. Потому что жизнь идёт своим чередом, сменяются поколения, и каждое должно уяснить, чем кончается дело, если творить что ни пожелаешь, без рассуждения о завтрашнем дне.

Подумав так, Оленюшка усмотрела в смешливых лиходействах Зайчат ещё один горький намёк на собственное своё бесчинное поведение... и запечалилась по новой. Будь у неё в спутницах девка, как есть обнялись бы да восплакали одна у другой на плече, по вечному женскому обыкновению силясь смыть горе-кручину. Но, к счастью, Шаршава был парнем, вовсе не склонным, как и большинство его братьев, заливаться бесплодными слезами, как раз когда жизнь взывает к немедленным действиям. И кузнец высмотрел: пока молодые Зайцы, тихо ликуя, собирали чучело предводительницы в путешествие на плоту, – ворота, вернее, разверстый проход в селение стоял совсем без пригляда.

– За мной! Быстренько!.. – шепнул Шаршава Оленюшке. Она замаялась, силясь что-то сообразить, и тогда он просто ухватил её за руку и повлёл за собой.

Мало кем замеченные, они проскочили ворота... То есть, ясно, в их сторону кто-то да поворачивался, но пристально не всмотрелся ни один приметливый глаз. Шастают и шастают себе двое опричь остальных, кому какое дело? Не все же до одного на берегу собрались...

Это, кстати, было воистину так. Проникнув вовнутрь и тихонько юркнув перевести дух за угол какой-то клетки, брат с сестрицей заметили на другом конце двора некую тень. Согнувшись в три погибели и опасливо ожидая шагов изнутри, вихрастый Зайчишка чем-то сосредоточенно обмазывал хозяйскую дверь. Может, чужую, где обитал сверстник, недавно отвесивший тумачов в родственной потасовке... а не исключено, что и родительскую, то бишь завтра утречком самому велят отмывать... Уловив запах, распространившийся по двору, Оленюшка поневоле принялась – и, как ни была напряжена замученная душа, неожиданно для себя самой громко прыснула смехом. Шкодливый Заинька окунал мочальную кисть в ведёрко, полное... свежего, отменно вонючего свиного дерьма.

Смех Оленюшки прозвучал до того внезапно, что вздрогнул даже Шаршава. А юный пачкун, боявшийся быть застигнутым, подскочил и, выплеснув себе на резвые ножки не менее половины ведёрка, с придушенным, воистину заячьим писком бросился наутёк. Судя по голосу, это была девчонка, переодевшаяся пареньком. И что уж её привело именно к этой двери – оставалось только гадать. Быть может, девичья зависть?..

И, уж конечно, стремительно исчезнувшей Зайке было вовсе не до того, чтобы рассматривать спугнувших её и определять в них чужаков, без спросу и приглашения проникших внутрь тына.

– Ну вот, – хмыкнул Шаршава. – Прав я был, когда говорил: надо к Зайцам идти. Видишь, только пришли, а ты уже улыбаешься.

И потянул сестрёнку прочь, пока из-за осквернённых дверей в самом деле не выглянули хозяйева.

Шаршава никогда раньше здесь не был и понятия не имел, где следовало искать подругу сердечную. Только то, что её не нашлось на реке, среди выкрикивавших весёлые непристойности вслед качавшемуся плоту. Это Шаршава углядел сразу, ибо ведал, что признает милую Заюшку хоть за версту, – ночь не ночь! Оттого и в деревню сунуться не побоялся, даже зная, что здесь запросто может нарваться на драку. Но где дальше-то подругу разыскивать, в каком доме, в которой клетке?.. Больно уж велико селение Зайцев, это не маленькие вёси Барсуков или Оленей – один-два больших дома, кругом десятков поменьше...

Долго отчаиваться Шаршаве не пришлось. Уже миновало то краткое время, когда солнечная колесница светила только исподней стороне мира, наделяя весеннюю ночь относительной темнотой. Проснулись и подали голоса птицы, и выручать кузнеца снова подоспел весёлый щегол. Краснолобый птах взялся перелетать с угла на угол, с крыши на крышу, мелькая жёлтыми полосками на чёрных крыльях и кося блестящей бусинкой глаза на

поспевавших за ним людей. И только потом чирикнул и пропал. Не сердчайте, дескать, но дальше вы уж как-нибудь сами, дальше я вам не помощник. Не по силёнкам работа!

Шаршава, могучий кузнец, чуть за сердце не схватился, расслышав негромко звучащий впереди голосок... ЕЁ голосок!.. Задохнулся, прислонился к бревенчатой амбарной стене... Заюшка пела колыбельную, ласковую и грустную. Вот, стало быть, отчего и в бесчиниях не участвовала. Выбрала укромный уголок – и укачивала чьё-то дитя. Ибо так было заповедано Зайцам от самого Прародителя: что бы с матерью родившей ни случилось – а детям неприсмотренными не бывать...

Оленюшка обошла заробевшего побратима и первая осторожно выглянула из-за угла. Она по собственной воле назвала Шаршаву братом, а не женихом и не усматривала в Заюшке соперницы. Было лишь понятное любопытство: да какова ж она, та, из-за которой Шаршава на неё, суженую-ряженую родителями, глянуть не мог иначе как на сестру?..

Едва высунувшись, Оленюшка тотчас поняла, отчего убрался восвояси звонкий щегол. Перед нею открылся уютный маленький дворик, тихий и солнечный днём, да и ночью казавшийся продолжением тёплого домашнего мира. Тут было устроено нечто вроде гнезда, сплетённого из жгутов толстой, пухлой соломы, – ни ветерок не задует, ни зябкий предутренний холод не подберётся. Летний ночлег для молодой матери, которой может понадобиться вынести наружу не ко времени расплакавшееся дитя.

И Оленюшка увидела юную женщину, баюкавшую двойню. Одна девочка, накормленная, уже смотрела беспечальные младенческие сны. Вторая ещё копошилась, ещё лакомилась молоком.

Вот тебе, стало быть, Шаршава, и подруга сердечная... Оленюшке сказать бы про это кузнецу, тихо маявшемуся за углом. Не сказала. Вовсе позабыла и про названного братца, и про Заюшку с малыши дочками... Засмотрелась на того, кто оберегал их покой.

В своём печище, среди родни, молодой матери, ясно, некого было опасаться. Самое худшее – потревожат случайно. Но нынче даже и занятая бесчиниями, пути-дороги не разбирающая молодёжь навряд ли ввалилась бы сюда с криком и шумом и разбудила детей. Потому что между соломенным гнездом и единственным входом во дворик, опустив на лапы тяжёлую голову, лежал большой пёс.

Но не просто – большой! Не какой-нибудь мохнатый тьюфяк: хочешь обходи, хочешь поверху перешагивай, он ухом не поведёт! Этот пёс был из тех, мимо которых незнакомые люди ходят на цыпочках, – кабы не подумал худого да не прогневался, костей ведь не соберёшь. Настоящий волкодав хороших, старых венских кровей. Каждый, кто гостил у лесного народа, видал подобных собак. Много всякого можно о них порассказать, а можно упомянуть только одно. С таким псом венны маленьких девочек отпускают на дальние ягодники, за полдня пути. И не бывало ни единого разу, чтобы зверь или злой человек обидел дитя!

Оленюшке даже помстилось – тот самый был пёс, что носил на ошейнике её хрустальную бусину... Потом, конечно, всмотрелась и поняла: нет, не тот. Оленюшкин пёс из давней мечты ему был бы великим и почитаемым вожаком. Старшим братом, если не дядькой. А в остальном – ну такой ли справный кобель! Он сразу учуял таившихся за углом, но, прекрасно умея отличить злонамеренных чужих от простых незнакомцев, не бросился с рыком, не поспешил прогонять. Просто поднялся и, сдержанно покачивая пышным хвостом, отправился проверять, кто таковы, зачем припожаловали. Оленюшка обрадовалась ему и, опустившись на корточки, протянула раскрытые руки. Подойдя, пёс принял... и ни дать ни взять уловил некую тень запаха, коей мечена была эта девчонка. *Своя!.. Наша!..* И уже больше ничто не сдерживало собачьей любви. Свирепый кобель уткнулся ей носом в колени, привалился плечом и заурчал, как замурлыкал. Оленюшка стала разбирать колючую гриву, почёсывать широкий, шире человеческого, лоб...

– Ты кто, девица?.. – подала голос изумлённо смотревшая Заюшка.

– Я-то кто – неважно, – был ответ. – Ты, молодница, посмотри лучше, кого я тебе привела!

И только тут вышел, показался на глаза Шаршава Щегол.

Заюшка ахнула, всхлипнула, уронила наземь меховое тёплое одеяло. Кузнец шёл к ней медленно, как во сне, только глаза вбирали и впитывали: её лицо, памятное, любимое, милое... одна доченька – у груди, вторая уснула... а наряд – почти девичий, в украшениях счастливого материнства... но без каких-либо знаков о роде-племени мужа...

Вот Шаршава приблизился – и опустился перед Заюшкой на оба колена.

– Светоч мой... – сказал он тихо. – Светоч мой негасимый... – И, пока юная женщина силилась найти какие-то слова для ответа, распустил завязки мешка, размотал тряпицу, вытащил и утвердил в плотной плетёной соломе кованый светоч-светец: пушистая заюшка, заслушавшаяся песни щегла. – Вот... Тебе сделал, тебе нёс, возьми.

– Шаршава... – Кажется, она впервые за долгое время вслух выговорила его имя и примерилась к тому, как оно выговаривалось. Потом притянула плотней трёхмесячных девочек: – Любый мой... Вот... О прошлом годе пошла я... Тебя велели забыть... А я тебя всё искала... да не нашла...

Кузнец даже застонал про себя. Ну нет бы ему год назад, в такие же праздники, на несколько дней из дому сбежать да застигнуть милую Заюшку у ярильных костров!.. Сам мог бы теперь хвалиться отцовством – и поди кто оспорь его жениховское право, какие бы нелады ни водились между Зайцами и Щеглами!.. Но не сбежал и не застиг. Тоже родителям покорствовал. И тоже пытался забыть. Вот только по-разному у женщин и мужчин это забывание получается...

– Он... кто? – совсем тихо спросил кузнец.

Заюшка только головой замотала:

– Не знаю, не видела более... да и тогда в глаза не смотрела, имени не выпрашивала!

Тут Шаршава обнял и её и дочурок и обратился к сонным малышкам:

– Вот как, значит... Ну что? Были просто Зайки... Щегловнами теперь назовётесь?

Говорил он очень тихо – от лишних ушей, а быстрая мысль уже рисовала ему обжитый шалаш в весеннем лесу и рядом почти готовую избу: он ли да не прокормит, он ли да не выстроит дом себе, сестре и жене!.. Шаршава уже собирался всё рассказать Заюшке и склонить её тайно уйти с ними прямо сейчас, пока не услышали люди и даже сторож-пёс знай себе млеет, наслаждаясь ласками Оленюшки...

И вот тут, совсем неожиданно, рядом с ними отворилась дверь дома, и на пороге появился статный мужчина.

– Батюшка, – ахнула молодая мать. И ещё крепче ухватилась за кузнеца.

Оленюшка и пёс, успевший по-щенячьи перед нею раскинуться, только молча смотрели.

Сделалось понятно, каким образом мужчина услышал и понял еле внятные шёпоты, звучавшие за стеной. Он неестественно высоко держал голову, устремляя взгляд к небесам. Сын рода Лосей, чьи косы украшал теперь заячий мех, был слеп от рождения. Слеп, но не безрук и не глуп. Его жениховским подарком невесте стала дюжина корзинок несравненного изящества и красоты, и сватовство увечного парня не оказалось отвергнуто. Благодаря его мастерству Зайцы и теперь привозили на ярмарки удивительные корзины и короба, которые, даже купив, никому, хоть он лопни, не удалось ещё повторить. А и как повторишь, к примеру, заплечный кошель, сплетённый из полосок берёсты до того плотно, что в нём хоть воду носи – ни капли не выльется?..

Заюшкин отец стоял на пороге, не придерживаясь за знакомый косяк, и, казалось, в подробностях видел всё происходившее во дворе.

– Что ж ты, дочка, – с укоризною проговорил он наконец, – гостей в дом не ведёшь? И Шаршаву своего, и девку-разумницу, перед которой твой пёс уже в земле спиной дырку протёр?..

Весенние ночи здесь, в северном Шо-Ситайне, были далеко не такими светлыми, как на родине Волкодава. Спасибо и на том, что обычные для здешних мест весенние непогоды

дали себе временную передышку. Какова бы ни была привычка к походу – а не самое весёлое дело шагать под бесконечным холодным дождём, неотвратимо проникающим сквозь любую одежду!.. Гораздо лучше, когда над головой горит солнце, летят высокие облака или, вот как теперь, сплетаются знакомыми узорами звёзды...

Волкодаву никто не устанавливал сроков. Он их установил себе сам. И оттого четыре дня задержки особенно раздражали его. *Значит, положил и не смог? Стар, что ли, становлюсь? Неспособен?..* Умом он понимал, что поступает глупо, но рядом не было Эвриха, способного прямо в глаза назвать его самодуром, – и Волкодав гнал себя безо всякой пощады, словно навёрстывание этих четырёх дней было его главной жизненной целью. То есть примерно так же, как когда-то, когда они с аррантом пробирались нехоженными тропками Засечного кряжа. Ел на ходу, спал урывками – и шагал, шагал вперёд...

Между прочим, ему крепко казалось, будто каждая пройденная верста что-то выжигала в нём, что-то очень плохое. Наверное, гадостную хворь, привязавшуюся в Тин-Вилене. Во всяком случае, приступы мерзкого нездоровья его посещали всё реже.

...Эту ночь, как и все предыдущие, Волкодав провёл в пути. Ему нравилось идти ночью, потому что страха перед темнотой, присущего большинству обычных людей, для него не существовало. Давно минули времена, когда в мальчишестве они доказывали свою смелость, без костра ночуя в лесу. Темнота непроницаема для обычных людских глаз, она таит непонятное и неведомое, а человеку свойственно населять непонятное всем, чего он боится. К Волкодаву это не относилось. Он обладал ночным зрением, даром праотца Пса. Да и страхи видел такие, с которыми вряд ли способны были тягаться порождения обыкновенной лесной темноты.

А когда уходит боязнь, остаётся любованье красотой.

Так человек, несущий в душе страх перед змеями, убежит не разбирая дороги не то что от гадюки – от безобидного полоза или ужа. Тот же, кто не боится, памятуя, что змея не нападет первой, если не злить, – залюбуется плетёным пёстрым рисунком на чешуйчатых гадючьих боках...

Ночь всегда казалась Волкодаву временем мудрого созерцания. Днём можно рассмотреть каждый листок, каждую песчинку, каждый стебелёк травы и копошащихся между ними букашек. Ночь затеняет мелочные подробности и заливаает тьмой пестроту зелени и цветов, позволяя видеть лишь общие очертания... в которых тем не менее отчётливее, чем днём, проявляется тайная суть. День – работник и хлопотун, день полон насущных забот, которые именно поэтому и называются повседневными. Ночь никуда не спешит и не думает о мелочах. Ночь созерцает, заглядывая за внешнюю сторону вещей. День – ярок, сообразителен и умён. Ночь – мудра. Днём над миром светящимся куполом горит синева, и оттого кажется, что ничего нет главнее этой земли и тебя на ней, и солнце вершит свой круг в небесах единственно затем, чтобы озарять поле твоих трудов. Ночью в небе зажигаются мириады звёзд... а если верить страннику, бывавшему там, наверху, – каждая звезда есть солнце своего мира. И делается ясно, что ты бредёшь по поверхности пылинки, летящей в просторах необъятной Вселенной. Вселенной, для которой вся твоя жизнь с её счастьем, печалью и страстями – мимолётней, чем для тебя самого – жизнь бабочки-однодневки. Миг столь краткий, что его заметить-то мудрено...

Луна стояла высоко и светила ярко. Волкодав всё оглядывался на неё. Дорога, уже начавшая огибать холмы, вела его на северо-запад, так что луна светила путнику в спину, а по земле впереди Волкодава невесомо скользила плотная тень. Мыш то возвращался на плечо венну, то улетал разбойничать в лес и, по своему обыкновению, больше безобразил, чем охотился: то тут, то там раздавались вскрики потревоженных птиц. Волкодав прислушивался к голосам ночи, силясь сообразить, чего же среди них не хватало. И наконец понял: соловья. В весеннем лесу перекликались ночные птицы, знакомые и незнакомые. Но того, единственного между всеми, голоса с его пощёлкиванием, неповторимыми коленцами и вроде бы негромкими, однако очень далеко слышными трелями – не было.

Почему-то в Шо-Ситайне совсем не водились соловьи...

А луну окружали облака, вернее сказать, рябая облачная пена, медленно плывшая в бездонной чаше небес. Свет луны куда мягче солнечного, способного растворить своей мощью тонкую и нежную ткань небесных покровов. Лунные лучи играли в серебряном кружеве, распространяясь во все стороны от круглого лика светила, и казалось, будто удивительный ветер мчался по кругу, вовлекая небесную пену в гигантский облачный хоровод...

У нас помнят о Великой Ночи, длившейся тридцать лет и три года. Это было время беды. Звери выходили из заваленных снегом лесов к человеческому жилью, просились в тепло... Но если задуматься: а лучше было бы, если бы на тридцать лет и три года установился Великий День? И яркий солнечный свет не ведал бы перерыва?.. И не было бы ни ночного отдыха, ни зимнего сна? Лучше?.. Вот уж не знаю...

В Тин-Вилене и других больших городах обитали люди, которые ночёвку в лесу, вдали от привычного крова, почли бы если не суровым испытанием, то по крайней мере чем-то из ряда вон выходящим, – и сделали бы всё от них зависевшее, чтобы только отгородиться от жуткого и непривычного леса, и от темноты, и от лунного света. Некогда Волкодав про себя осудил бы их, да ещё посмеялся втихомолку – вот, мол, она, неправедность городской жизни!.. С тех пор он, к счастью, успел поумнеть и понять: праведность бывает разная. Взять, к примеру, переписчиков книг, без которых библиотечному хранителю в Хономеровой крепости нечего было бы хранить. Или Улойхо, маленького горбатого ювелира, что не вылезал из-за верстачка, создавая вещи дивного вдохновения и красоты... Зачем подобным людям ещё и уметь разводиться костёр под дождём? Пусть лучше занимаются своим делом. А такие, как Волкодав, будут заниматься своим...

Луна медленно опустилась за горизонт. Темнота на некоторое время сделалась гуще, но потом начала постепенно редеть. С востока подходил новый день. Сначала в сплошной стене леса проявились отдельные кусты и деревья. Затем чёрно-серая пелена ночи истончилась и стала отчётливо синеватой, и в ней мало-помалу возникли цвета. Зелень молодых листьев и хвои, медная окалина сосновых стволов, желтоватые плешины песка... Волкодав вдохнул предутренний ветерок, уловил в нём прозрачную струну, нёсшую дыхание водной шири, и понял, что сейчас выйдет к озеру.

Его народ, испокон века живший в лесах, называл озеро озером оттого, что среди плотной чащи только на берегу водоёма можно было охватить взглядом, обозреть открытое пространство, увидеть над собой небо не сжатым малахитовыми глыбами древесных вершин, а распахнутым во всю ширину. Дорога торопилась мимо озера; лишь короткий отводок сворачивал прямо к берегу, и там, между редкими соснами, чернели пятна старых кострищ. Видно, здесь, на самой границе Озёрного края, любили останавливаться и одинокие путники вроде венна, и целые купеческие обозы. У Волкодава не было никакой настоящей необходимости покинуть тракт и спускаться к воде, но всё-таки он свернул вниз и вышел на берег, туда, где расступались береговые кусты и камыш, оставляя чистый песчаный обрывчик в три пяди высотой. Мыш, привыкший за несколько суток к постоянной спешке, проскочил было вдоль дороги вперёд, но скоро вернулся искать хозяина и, найдя, с укоризненным чириканьем сел ему на плечо.

Из четырёх дней задержки, так необъяснимо раздражавших его, Волкодав успел наверстать два с половиной. И теперь не мог отделаться от ощущения, будто ступает по собственным следам, оставленным полтора суток назад, и что здесь, рядом с ним, стоит он-сам-должный, тот, кому надлежало пройти здесь вечером позавчерашнего дня.

Солнце ещё не выбралось из-за леса, но его лучи уже играли в облаках, медленно наплывавших с юго-востока, и этим зрелищем можно было бы любоваться до бесконечности, не будь оно столь мимолётно. Сколько бы песен ни слагали поэты о прощальном пиршестве закатов, – на самом-то деле такого нарядного неба, как на рассвете, в другое время суток попросту не бывает. Может, всё дело в том, что рассвет призывает к новым усилиям, а значит, сулит исполнение чаяний и надежд, тогда как гаснущий закатный багрянец знаменует неизбежное расставание с чем-то, что дорого, и заставляет думать обо всём, чего

не успели? Или всё просто оттого, что поэты просыпаются обычно к полудню, вечером же пьют вино и оттого руководствуются не действительностью, а больше плодами своего воображения, в то время как те, кому жизнь пахаря или охотника велит встречать рождение почти каждого нового дня, песен, как правило, не слагают?

Клочковатые облака сверкали снежной белизной макушек, ярким золотым румянцем обращённых к солнцу сторон и лилово-серыми тенями испода. Поверхность озера, отполированную ночным покоем, не тревожила ни рябь, поднятая дневным ветерком, ни круги от плеска кормящейся рыбы, ни даже невесомый след водомерки. Из воды прямо на глазах вырастали тончайшие нити тумана. Они густели и сплетались в пряди, ветер, неосязаемый для человеческой кожи, завивал их в кольца и табунками отправлял в путь, пряди соединялись в плотные клубы, то и дело напоминавшие смутные человеческие силуэты. Они собирались вместе, стекались и растекались, кружились в таинственном, медленном хороводе...

Давным-давно, много вёсен назад, в такое же утро маленький мальчик из рода Серого Пса ходил смотреть настоящую живую русалку на далёкое лесное озеро, так и называвшееся, – Русалочьим. Говорили, в старину там утопилась девушка, не возмозгшая принять назначенного родителями жениха, и с тех пор, горько наученные, Псы возбранили потомкам неволить девичье сердце, а молодые невесты стали ходить к озеру советоваться с умершей от любви. Маленький мальчик, понятно, отправился туда не один, а с другом-кобелём, способным распознать и отогнать от двуногого побратима всякую опасность, откуда бы ни исходила она, – из мира духов или из мира людей. Мальчик встретил рассвет, сунув зябнувшие пальцы в шерсть спящей собаки. Русалка так и не показалась ему. Наверное, оттого, что он был хоть и будущим, но мужчиной. Мальчик не обиделся. Мало ли русалок на свете – а вот утренней зари, как тогда, он потом ещё долго не видел...

Круглое озеро было около версты в поперечнике. По ту сторону чёрным зубчатым тыном стоял лес, а из-за него, оплавляя своим огнём чеканные силуэты деревьев, медленно выбиралось солнце.

Волкодав поклонился ему: «Здравствуй, Прадед».

Ощутил на лице первые тёплые лучи и некоторое время молча стоял, прикрыв глаза и наслаждаясь дружеской лаской.

Потом посмотрел назад – туда, откуда пришёл.

Там, белея морозными пиками над зеленью лесистых холмов, возносился во всей своей славе величественный Заоблачный кряж. И даже оттуда, где стоял теперь Волкодав, можно было с лёгкостью различить знакомые горы: Потерянное Седло, Колесницу, Четыре Орла... Венн нащупал вязаное письмо итигулов, хранившееся в поясном кошеле. Очень скоро, может, даже завтра или послезавтра, для него начнётся быстрое путешествие на север. А это значит, что могучий горный хребет будет отодвигаться всё дальше, пока наконец не истает в прозрачных небесах, не превратится в облачную грядку и, наконец, не развеется окончательно.

И последним скроется из виду, растворится в голубом сиянии неба священный Харан Киир, одетый вечными льдами двуглавый исполин, называемый горцами Престолом Небес...

Венн, до смерти не любивший гор и всего, что было с ними связано, неожиданно ощутил, как кольнула душу тоска. Оттого ли, что на Заоблачном кряже жили друзья?.. Или просто привык за три года в Тин-Вилене каждый день, просыпаясь, видеть – кажется, руку протяни и достанешь – эти склоны, возносящиеся к утренним звёздам снежными остриями вершин?.. Белые пики сквозь белую дымку цветущих яблоневого сада...

Да... Как все они сейчас далеко – люди, с которыми я нашёл бы, о чём поговорить... Мать Кендарат... Клочок Волк... Тилорн, Нишлит, Эврих...

Звёздный странник Тилорн когда-то рассказывал Волкодаву:

«Люди моего мира научились различать одиночество и уединение. Уединения вправе пожелать каждый. Достаточно лишь попросить, и тебя не будут попусту беспокоить. А вот

вынужденное одиночество почитается нами за самое кромешное зло, и оттого каждый старается, чтобы оно по мере возможности было преодолено. Скверно это, когда человек жаждет поговорить с близким и не может, а то вовсе попадает в беду и не имеет средства даже сообщить о себе! Поэтому у нас ты всегда можешь окликнуть друга, живи он хоть за сто вёрст, хоть на другом материке, – и твой друг немедленно отзовется...»

«Это как?»

«Ну... Представь себе две пустые коробочки, соединённые натянутой жилкой. Если поскрести по одной из коробочек, звук пройдёт по струне и отдастся в другой».

«Тянуть нить за сто вёрст...»

«Наши учёные сделали так, что струной служит самая ткань мироздания. Поэтому нет разницы, где именно ты находишься, сидишь дома или путешествуешь. Ты услышишь зов – и сам будешь услышан. – Тут Тилорн помолчал, а потом вздохнул и добавил: – Мне будет очень недоставать тебя, Волкодав...»

И мне тебя, чуть не сказал ему венн. Но многолетняя привычка к сдержанности пересилила, и он промолчал. А теперь спрашивал себя: и зачем ничего не сказал, пока возможность была?.. Хорошо им там, в мире говорящих коробочек, отзывающихся голосами друзей, и крылатых повозок, легко мчащихся с континента на континент. Можно уходить из дому и не бояться, что на несколько лет застрянешь где-нибудь в неизвестности, на отшибе от всех...

– Я вернусь в Беловодье, – проговорил он вслух, и Мышь вытянулся на плече, вопросительно заглядывая в глаза. Но Волкодав обращался не к нему. Он смотрел на рассветное солнце, ещё не ставшее ослепительным, и думал о том, что, быть может, негасимым светочем мира любовался сейчас и Тилорн, и иные, кто был дорог ему. Ведь где бы ни странствовал человек, небо и солнце над всеми одно. – Я вернусь. А дальше как быть – там разберёмся.

Тронулся с места и зашагал к дороге, более не оборачиваясь. Перед ним лежало Захолмье, и вечером он собирался достигнуть устья речки Потешки. И полагал, что до тех пор останавливаться на отдых совершенно необязательно.

...А над священным Харан Кииром, чуть сбоку, плыла большая туча. Увидишь такую, и сразу делается очевидно, насколько происходящее в небесах величественнее и грознее всего, что может содеяться на земле. Может, для каких-то мелких тучек этот кряж и вправду являлся Заоблачным, но не для этой! Туча не торопясь шествовала над хребтом, и с высоты небесных сфер, дававших опору её раскинутым крыльям, страшные пропасти и отвесные горные стены казались всего лишь морщеватостью на земном лице, кочками, присыпанными снежком. Срединная часть тучи была увенчана грозовой наковальней, и оттуда вниз, к горным склонам, неровным косым клином тянулись густые серые нити. В горах снова шёл снег.

Озеро, к которому Волкодав вышел под вечер, было гораздо обширнее первого. Оно тянулось, насколько венну было известно, далеко на восток и там соединялось несколькими длинными проранами с морем. Здешние жители строили прочные мореходные лоды и путешествовали на них в Тин-Вилену, и поэтому название у озера было очень простое: Ковш.

И островов в нём было – как пельменей в глиняном кухонном ковше, когда хозяйка снимает его с печки и ставит на стол.

То, что, глядя с матёрой суши, несведущий человек посчитал бы противоположным берегом за нешироким проливом, на самом деле оказывалось островом, да не одним, а целым их скопищем. Острова разделялись протоками, то полноводными, то совсем узкими, заросшими камышом. В одних ощущалось довольно отчётливое течение и среди россыпей подводных камней хорошо ловился судак, другие оборачивались затонами, чья тёмная гладь давала уют водяным лилиям и кувшинкам. И дно то представляло весёлым и ровным, песчаным, ясно видимым сквозь чистую воду, то обрывалось непроглядными ямами, то

целило в лодочное днище камнями, коварно затаившимися под самой поверхностью, – заметишь, только когда уже поздно будет сворачивать...

И вот так – вёрсты и вёрсты. Всё разное, всё непохожее... и некоторым образом повторяющееся. Сунешься не зная, вполне можно заплутать. А ведь Ковш был всего лишь южным пограничьем обширного края, где суши и воды было хорошо если поровну и о котором никто не взялся бы с определённой уверенностью сказать, что это на самом деле такое: одно сплошное озеро, разделённое пятнышками и полосками суши, или всё-таки материк, необычайно изобилующий водой?..

Не приходится сомневаться только в одном, размышлял Волкодав, вслушиваясь в шум и рокот близкой реки. Здешиним жителям можно ни в коем случае не опасаться нашествия. Какой Гурцат сумеет заставить своё войско одолеть десять тысяч проток, какие сегваны смогут разобраться в десяти тысячах островов, а главное – чего ради?.. Воистину счастливый народ...

Подумав так, он в очередной раз поймал себя на том, что невольно облакает свои мысли в форму, сходную с присутствовавшими в книжных трудах. Примерно так, помнится, выражался Эврих, когда бросал на руку плащ и принимался размышлять вслух, точно слушал его не дремучий варвар-венн, а вся школа немеркнущего Силиона – сонмище мудрецов, облачённых в бело-зелёные одежды познания.

А что? Ещё чуть, и, глядишь, я сам начну книгу писать! Ведь даже у Салегрина с Зелхатом про Озёрный край достоверного почти ничего нет...

Волкодав попытался представить, как это он берёт в руки перо, добывает чернил и принимается марать добрые пергаментные листы... бесконечно ошибаясь, исправляя и чёркая, забегая назад и творя вставки о том и о сём, неизбежно забытом по ходу рассказа... Представил – и ощутил робость.

Вот Эврих, тот не робел. Умел как-то всё внутри себя по полочкам разложить... а потом сразу записать – и готово!

Следовало честно признать: существовали умения, о которых ему, Волкодаву, не стоило и помышлять.

Но, наверное, Эврих тоже с этим не родился?.. А стало быть, смогу научиться и я?..

Ответа не было.

И не будет – пока я не попробую...

Мысль не ведаёт удержу. Волкодав немедля вообразил, как возвращается в Беловодье и этак небрежно выкладывает Эвриху толстую пачку исписанных листов: «Глянь вот. Это как я через Озёрный край путешествовал...»

Венн зримо представил, что за дивное выражение лица при этом делается у арранта, – и его поневоле разобрал смех.

Петлявшая дорога тем временем уже несколько раз выводила его к руслу речки, в которой он уверенно узнал Потешку. Самое правильное название для потока, вынесшего на своём пути весь песок и пляшущего теперь на крутых лбах голых, до блеска отполированных валунов. Речка изобиловала борзинами-перекатами, где чуть не половина воды превращалась в белую пену и с весёлым рёвом падала вниз. То-то хлопотно здесь станет по осени, когда вернётся из морских странствий и пойдёт на нерест лосось и начнёт прыгать и плыть, бешено преодолевая отвесные струи воды...

Люди редко строят себе дома при дороге, чтобы жить на отшибе. Мало ли кого принесёт ветром с пыльного тракта! Всегда легче, когда за спиной – многочисленная родня или, по крайней мере, соседи. Вот и Панкел Синий Лёд жил хотя опричь всех, но – на расстоянии нескольких поприщ от большого селения по ту сторону устья Потешки. Пока тишь да гладь, можно ни с кем не иметь дела. А случись что – небось на крик о помощи сразу все прибегут.

Тхалет, Мааюн и Йарра (со слов отца) хвалили гостеприимство хозяина. Однако... Жилище Панкела Волкодаву не понравилось сразу и прочно.

То, что Панкел не был природным озёрником, а предпочитал охотиться на матёрой

суше, венн понял с первого взгляда. На кольях тына красовались черепа волков, медведей и оленей с лосями, не говоря уже о головках маленьких пушных зверьков. И уже это было непонятно и вселяло подспудную тревогу. Дома у Волкодава тоже вывешивали на забор черепа... Но – принадлежавшие лошадям, быкам и коровам, чтобы стороной обходила всякая скотья хворь. А чего ради поднимать на колья мёртвые головы диких зверей? Чтобы души убитых животных не пришли требовать справедливости?.. Но это могло означать только одно: хозяин двора охотился на них без чести и совести. Ставил жестокие ловушки, да ещё и не каждый день обходил их, так что, к примеру, волк, провалившийся в ловчую яму и повисший на кольях, по трое суток выл, умирая... а потом уходил на Небо жаловаться Старому Волку на беззаконие несправедного человека.

И к такому Панкелу молодые горцы обращали вязанное узлами письмо, испрашивая дружеской помощи побратиму, которого надлежало передавать «из рук в руки» через весь Озёрный край, от одного селения к другому, до самого Ракушечного берега?..

Нет, что-то тут всё же не то. Или за несколько лет, пока здесь последний раз бывали итигулы, многое переменялось, или я ничего не смыслю в здешних обычаях... что, конечно же, вероятней...

Из-за забора раздавался злой пёсий рык.

Волкодав прислушался и только покачал головой. Пёс ярился вовсе не на него. То есть о его присутствии перед воротами четвероногий страж вовсе не догадывался, но не из-за отсутствия бдительности и по давню не по причине плохого чутья: просто был занят иным делом, гораздо более важным. А именно отваживал кого-то, слишком близко и слишком дерзко подбравшегося с палкой.

Волкодав постучал в ворота. Последовало мгновение тишины, а потом рычание и лай сразу переменялись. Венн услышал шаги по двору – и узнал их, к некоторому своему удивлению... Вот стукнула отодвигаемая щеколда... Открылась калитка, и Волкодав оказался носом к носу с Шамарганом.

– Ты!.. – мгновенно исполнившись неприязни, выдохнул лицедей.

Ты!.. подумал венн, но вслух, понятное дело, сказал совершенно иное:

– Здравствуй, добрый человек... не знаю уж, как ты теперь себя называешь. У меня дело к господину этого двора, именуемому Панкелом.

– Заходи, – буркнул Шамарган так, словно имел полное право пускать кого-то или не пускать. Волкодав вошёл внутрь и бережно притворил за собою калитку.

Солнце катилось к закату, но давало ещё вполне достаточно света, чтобы рассмотреть Панкелов двор.

Дом стоял на высоком подклете. Не из страха перед весенними половодьями, их здесь, на берегах соединённого с морем Ковша, отроду не бывало. Просто ради защиты от сырости, неизбежно наползающей с озера. Амбары, также поднятые на сваях, чтобы верней сберегалось добро и съестные припасы... И – это-то в первую очередь притянуло к себе внимание Волкодава – под одним из амбаров обветшалая пёсья конура. Ржавая цепь, протянувшаяся на две сажени... И пёс, когда-то давно, щенком ещё, посаженный на эту цепь. Да так с тех пор её ни разу и не покидавший.

Он был уже стар, этот кобель, в жизни своей не помнивший ни прогулок с хозяином, ни вольного бега и забав с красавицей сукой, вздумавшей поиграть. К нему не ластились щенки, он не знал, что такое ежи, выкатывающиеся перед носом на лесную тропинку, и лягушки, прыгающие от испуга выше черничных кустов... Не знал, бедняга, вообще ничего, кроме ошейника, цепи и бревна, к которому цепь была притянута прочным железным пояском. Да конуры, где зимой отчаянно сквозило изо всех щелей, а летом и вовсе житья не было из-за жары и расплодившихся насекомых. Да ещё запахов, прилетавших из далёкого и недостижимого мира за пределом забора...

И умел пёс только одно: бесновато лаять на всех, появлявшихся около двора или входивших во двор. В том числе – на хозяина, которого, правду сказать, сторожевой пёс ненавидел больше всякого чужака...

И мысли его, внятные Волкодаву, вполне соответствовали неизбывному сидению на цепи. Ничего общего с ясным разумом Мордаша или степного воина Тхваргхела, сопровождавшего кочевого вождя. Старый пёс не умствовал, не тянулся к чему-либо помимо насущного. Он даже не подозревал, есть ли что-то, к чему можно тянуться. *Пустая миска – где же Тот-кто-кормит – сожрать бы этого, дразнящего, – цепь коротка, не пускает – а это ещё кто во дворе появился?..*

Кобель не знал, что ему делать с сильным и неизведанным чувством, которое внушал странный чужак. И, вместо того, чтобы заходиться бешеным лаем, на всякий случай просто стоял и смотрел, напрягая, как мог, оплошавшие к старости, гноящиеся глаза.

– Панкела дома нету, – по-прежнему неприветливо проговорил Шамарган. – Нужен если, жди. Скоро придёт.

Волкодав кивнул и уселся на длинное бревно, лежавшее под стеной. Он не стал спрашивать, кем доводился беглый лицедей хозяину дома и почему считал возможным распоряжаться. Ему не было дела. Захотят, сами расскажут. А не захотят – ну и не надо.

Вот и положил я начало своему путешествию... Дай-то Боги, чтобы продолжение получилось не хуже!

На самом деле итигулы уверенно обещали, что после посещения гостеприимного Панкелова дома ему станет вовсе не о чем беспокоиться и всё пойдёт как по маслу, однако Волкодав предпочитал не обольщаться. Приучен был, что слишком часто всё в жизни сворачивало не туда и не так, как он себе представлял. Да и на щедрого гостеприимца этот Панкел покамест что-то был не очень похож...

Насколько венн мог понять, Синий Лёд жил бобылём. Присутствия хозяйки не ощущалось нигде и ни в чём. Не думалось, что она ушла на озеро полоскать или засиделась у подруги, к которой заглянула по делу. Нет, женщины здесь попросту не было. Не было и детей. Грязноватый двор стоял неухоженным и угрюмым; там, где обитает хорошая семья, никогда не увидишь такого. *Случилось ли что у Панкела с тех пор, когда его последний раз видели горцы? Или это я начал слишком поспешно о людях судить?..*

Хозяин появился во дворе на закате – невысокий, кряжистый мужик с пронзительными, вечно прищуренными голубыми глазами и густой сединой в бороде и волосах. Волкодав так и не сумел определить, какого цвета была у него кожа – золотистая, присущая жителям Озёрного края, тёмно-медная, как у горцев и кочевников южных степей, или какая-то ещё. Выговор Панкела также не вносил особой определённости, а впрочем, какая разница, к какому народу он принадлежал?

Вместе с ним в калитку прошмыгнула ещё одна собачка. Пегий пёсик отнюдь не составлял гордости ни одного из собачьих племён. Низкорослый и криволапый, с телом норного охотника и несообразно большой, длинномордой головой, доставшейся от предка – овечьего пастуха, он был сущим уродцем. И далеко не храбрецом. Он боялся и хозяину под ноги угодить, и попасть под удар захлопывавшейся калитки. То и другое не вполне удалось ему. Створку калитки притягивал и ставил на место увесистый камень, оплетённый верёвочной сеткой. Предусмотрительно поджатый хвост кобелишка благополучно сберёг, но, судя по взвизгу, одной задней лапке всё же досталось. Коротко вскрикнув, пегий сразу умолк и метнулся в самый дальний угол двора. Знать, боялся дожидаться себе на загривок ещё худших неприятностей вроде пинка или метко пущенной палки. *Ну и Панкел, в который раз подумалось Волкодаву. Может, я всё-таки ошибся двором? Или вообще не в ту деревню забрёл?..*

Но нет. Панкел назвал и безо всякого удивления принял письмо, сплетённое итигулами. Пока Волкодав пытался вообразить, что за беда могла до такой степени изломать человека, что его начало бояться и ненавидеть собственное зверьё, Панкел не спеша, придиричиво осмотрел говорящие узлы и сказал:

– Хорошо. Всё сделаю, как они просят.

И ушёл в дом, скупно пообещав приготовить гостю ночлег. Некоторое время спустя Шамарган вынес кувшинчик кислого молока, ложку и хлеб:

– На вот. Подкрепись пока.

Волкодав не стал просить у него дополнительное блюдечко для Мыша. Он и так был не рад, что воспользовался письмом итигулов и явился сюда. Мог бы сам нанять лодку и проводника из местных, знакомого с лабиринтами Ковша...

Простокваша имела странноватый, но довольно приятный привкус: такой, словно в неё подмешали лесных орехов, растёртых в мелкую пыль. Волкодав оставил немного на дне горшочка для Мыша, улетевшего на озеро гонять вечернюю мошкарку, и лениво задумался, понравится ли такая простокваша зверьку.

Последние лучи неистово горели на вершинах деревьев, но вверх по стволам постепенно и неотвратно распространялась лиловая темнота. Среди баснословных книг, в разное время попадавших к Волкодаву, было несколько удивительно сходных, хотя написали их очень разные сочинители. Во всех этих книгах земной мир захватывали некие злые силы, причём захватывали удивительно внезапно и быстро, как будто все Светлые Боги и хорошие люди не то впали в спячку, не то полностью оступели. И вот последние носители Добра пробирались тайными тропами, попадая из одной передраги в другую: реки старались их утопить, звери – сожрать, а горы – сбросить в бездонные пропасти. Не говоря уж о том, что каждый незнакомец, встреченный на пути, непременно оказывался предателем...

Сам Волкодав на своём веку видел от людей всякое. И не очень-то жаловал двуногое племя. Но чтобы все вот так поголовно готовы были предаться Злу?.. Словно всю жизнь только подходящего случая ждали?..

Сторожевой кобель лязгнул цепью и неприязненно заворчал: из дому появился Панкел. Хозяин двора сел на пороге и стал молча смотреть на Волкодава, словно ожидая чего-то.

– Я хотел бы отблагодарить тебя, господин мой, – сказал ему венн. – Если позволишь, я бы подновил конуру твоего пса.

Он боялся, что Панкел усмотрит в его предложении намёк на скверное хозяйствование и затаит обиду, но этого не случилось. Синий Лёд, казалось, сперва просто не понял, о чём говорил его гость. Но потом понял и фыркнул:

– Конуру?.. У тебя что, железные штаны с собой приготовлены?.. Прошлой осенью купцы ехали, один возчик на спор с кнутом к нему сунулся, так еле отбили!

– Значит, тем более незачем такому славному псу в раскохшейся конуре жить, – сказал Волкодав. – Может, дашь мне несколько досочек, если я смогу с ним поладить?

Шамарган, помнивший, как ластился к венну свирепый Мордаш, криво усмехнулся, но ничего не сказал, а Панкел досадливо отмахнулся:

– Если вправду поладишь, так хоть совсем его забирай. Я такого сторожа, который чужим готов руки лизать, всё равно не стану кормить.

Волкодав подумал о том, как отправится путешествовать дальше вдвоём со старой, ничему не обученной, но зато чудовищно злобной и всё ещё очень сильной собакой. Эта мысль позабавила и порадовала его. Он повернулся к Панкелу, желая поймать того на слове и пообещать, что завтра с утра непременно «попробует» мирно договориться с несчастным, озверевшим от цепной жизни собратом...

...И вот тут-то яркие краски догорающего над лесом заката померкли сразу и полностью, словно смытые мутной серой водой. А потом серое начало столь же стремительно расслаиваться на тускло-белые проблески и непроглядные, куда плотнее ночных, чёрные тени. Волкодав успел понять, что это произошло неспроста. Ореховый привкус ещё чувствовался во рту, только теперь он казался отвратительным и тошнотворным. И ещё было ясно, что нынешнее несчастье не рассеется ни само по себе, ни от прижимания руки к закрытым глазам, ни даже от вспышки яростного непокорства. А тело довершило начатое движение, и Волкодав, повернувшись к Панкелу, увидел направленный на него взгляд – пристальный, расчётливый и холодный. *Значит, и в крепости... тоже?.. Слишком поздно всколыхнувшееся чувство опасности всё-таки подсказало верный ответ. Хономер?.. Всякий раз... понемножку... когда я там что-нибудь ел или пил...*

Панкел, кажется, ждал, чтобы его слишком доверчивый гость тихо осел наземь и

безвольно обмяк, но ему суждено было весьма удивиться. Волкодав начал вставать. Тело никак не желало слушаться, ему хотелось свернуться калачиком на уютной тёплой земле и заснуть... крепко заснуть... но воля ещё жила, и тело было вынуждено подчиняться. Шаг. И ещё шаг. Как тяжело... *Нет. Никто не победит меня, пока я сам этого не признаю...* Земля качалась под ним, грозя совсем опрокинуться. «Держись, Волкодав, – шепнули издалека. – Держись, не умирай...»

И ещё шаг. Туда, где захлёбывался бешеным лаем, рвался с цепи сторожевой пёс.

Двое предателей видели, как венн неверными руками шарил у пояса. Неужели он ещё и оружие пытался достать?!

Панкел справился наконец с изумлением, подскочил к Волкодаву и намерился схватить. Шамарган, дёрнувшийся было с ним вместе, в последний миг передумал, остался стоять у двери – да и правильно сделал. Потому что человек, которому полагалось бы лежать бессмысленным мешком, если не вовсе испустить дух от лошадиной дозы отравы, сделал движение, и хозяин двора, странно хрюкнув, растянулся на земле. Волкодав продолжал идти. Ему казалось, он продирался сквозь сгустившийся воздух, словно сквозь липкую болотную жижу, не дающую ни плыть, ни идти.

Синий Лёд!.. Я должен был сразу понять... Ни в какую полынью ты не проваливался, зато сам готов при случае продать... нету веры весеннему, набухшему влагой синему льду... просто тот, кто дал тебе это прозвище, обо всём догадался очень, очень давно...

Жаркое дыхание, вылетавшее из собачьей пасти, коснулось руки.

Помоги, брат!

Кобель буквально выл, до предела натягивая цепь, и так рвался навстречу, что сотрясался амбар, к свае которого была прикована цепь. Болотная жижа становилась всё гуще, тело совсем отказывалось повиноваться, и гаснущее сознание уже не могло его направлять. *Нет. Я не побеждён.* Волкодав сделал ещё шаг. И ещё.

Помоги, брат...

Спустя некоторое время Шамарган снова приоткрыл калитку и тихо посвистел в темноту. Почти сразу раздался такой же тихий ответ, потом прошуршали шаги, и во двор вошёл Избранный Ученик Хономер и с ним трое храмовых стражников, все как на подбор – кряжистые, дюжие и неболтливые мужики, очень похожие между собой.

Их глазам предстало довольно странное зрелище. Волкодав неподвижно лежал на земле возле амбара, и над ним, глухо рокоча низким угрожающим рыком, стоял громадный всклокоченный пёс. От его шеи к тяжёлой свае амбара змеилась ржавая цепь. Второй пёс – безобразная и бесформенная маленькая дворняжка – робко обнюхивал откинутую руку венна.

А поближе к дому скрючился вниз лицом хозяин двора – Панкел Синий Лёд, и было нечто в его позе, внятно говорившее – не просто человек прилёт отдохнуть.

Хономер брезгливо осведомился:

– Они что, моё снадобье пополам съели?

Перед своими стражниками он мог не таиться. Это были верные люди, три родных брата-сегвана, далеко не первый раз помогавшие жрецу во всяких особых делах, не нуждавшихся в громкой огласке. Он приблизил их к себе несколько лет назад, и с тех пор они сопровождали его во всех путешествиях, да и в крепости жили наособицу, *кроме* всех остальных. За это их мало-помалу стали называть *Хономеровыми кромешниками*.

Самый младший из них нагнулся над Панкелом, перевернул неестественно податливое тело и выпрямился:

– У него шея сломана, господин Избранный Ученик.

– И поделом, – скривился Хономер. – Нечего гостя отравой потчевать. Заберите второго. А ты, – это относилось уже к Шамаргану, – поди пригони лодку.

Кромешники и лицедей молча повиновались. Однако «забрать второго» оказалось гораздо проще приказать, чем исполнить. Для начала навстречу вооружённым мужчинам

взвился крылатый чёрный зверёк, сидевший, оказывается, на груди Волкодава, и в неверном факельном свете на миг померещилось – вылетела душа!.. Мышь бросился в битву с жутким криком, полным такого яростного отчаяния, что стражники невольно подались в стороны, отмахиваясь от зубастого летуна. Мышь был в самом деле полон решимости умереть прямо здесь и сейчас, но никому не дать прикоснуться к неподвижному Волкодаву. Бой был слишком неравным, не по силёнкам маленькому зверьку. Но в это время кобелёк-дворняжка вытянул что-то из окостеневшей руки венна и, схватив в зубы, опрометью кинулся с этим чем-то к калитке. Хладнокровно наблюдавший Хономер запустил в пёсика камнем. И попал: раздался болезненный визг, кобелишка перекувырнулся через голову и выронил свою добычу. Хономер подошёл и наклонился поднять. Свёрток не свёрток, тряпка не тряпка – впотьмах поди разбери...

Его пальцы уже смыкались на растрёпанном лоскутке, когда через двор с леденящим кровью визгом метнулась летучая тень, и в мякоть ладони с силой впились сразу двадцать острых зубов. Случилось это так неожиданно, что Хономер закричал от боли и невольного испуга, самым неподобающим образом заплясал на месте и замахал рукой, пытаясь стряхнуть вцепившуюся мёртвой хваткой мерзкую тварь. Чёрная шерсть Мыша стояла дыбом, отчего он казался вдвое больше, чем был, когтистые крылья полосовали воздух, глаза горели, как раскалённые угли, он захлёбывался свирепым криком, и было очевидно: если он разожмёт челюсти, то лишь для того, чтобы выдрать Хономеру глаза.

Жрец был далеко не труслив, но ему стало попросту страшно. Кто угодно дрогнет перед лицом существа, напрочь отказавшегося дорожить своей жизнью, и дело тут вовсе не в его размерах и силе, – будь то загнанная в угол крыса или кошка, защищающая котят. Ну а Мыша даже в самом благодушном его настроении отнюдь не всякий отважился бы погладить. И Хономер бестолково топтался, вскрикивая и не решаясь пустить в ход вторую руку, только прикрывая ею лицо...

...Пока на помощь не подоспел один из кромешников и не хлестнул впившегося Мыша пустым мешком, очень кстати валявшимся на земле.

Но зверёк, как оказалось, даже в боевом исступлении очень хорошо видел, что происходило вокруг. Он не стал дожидаться, пока его собьют, – сам разжал пасть и легко вильнул прочь, так что навозная труха, разлетевшаяся из мешка и густо обсыпавшая Хомера, даже не запорошила ему крыльев...

А пока длилась его схватка с Избранным Учеником, кобелёк-дворняжка подхватил то, что его заставили выронить, и на трёх ногах шастнул к калитке. Так совпало, что уже выходящий в неё Шамарган оглянулся на внезапные крики Хомера и невольно приостановился, держа створку рукой. Пёсик собрал все силы и пегой стрелой вылетел вон, прошмыгнув у лицедея между босыми ногами. И понёсся прочь со всей быстротой, на которую были способны его кривые короткие лапки.

Позади него нарастал утробный рык старого пса, насмерть вставшего над Вожаком. Он, этот пёс, прожил жалкую и одинокую жизнь, которую жизнью-то в полном смысле называть было зазорно, потому что тянулась она без внятного смысла, без любви, без радостного служения. И вот наступали последние мгновения этой не-жизни; пёс отчётливо понимал, что уже не увидит нового дня. Но это было неважно. Он не собирался поджимать хвост и прятаться в конуру, продлевая паскудное существование. Он смотрел на троих кромешников, медленно подходивших к нему, и впервые знал, ради чего и ради кого станет сражаться. Это было счастье.

Сердце размеренно и мощно билось в груди, отроду нечёсаная грива грозно щетинилась, глаза зорко ловили каждое движение врагов. Он увернулся от нацеленного в рёбра копыта и, ликуя, с хрустом смял пастью чью-то руку в толстом кожаном рукаве...

Кобелёк-дворняжка, хромавший на трёх ногах по обочине лесной дороги, ещё долго-долго слышал вдали торжествующий голос старого пса и злые крики людей. Потом всё начало затихать.

А ещё немного погода над кронами сосен взошло мрачно-рыжее зарево. Это горел двор

Панкела Синего Льда. Пламя, ободряемое разбрызганным маслом, поглощало и дом, и амбары, и мёртвую плоть. Слишком поздно подоспевшие люди из деревни разгребут головни и увидят, что ночью на бобыля напали разбойники. И цепной кобель, бросившийся на недобрых гостей, был ими убит, а маленький уродец подевался неизвестно куда. Что взять с трусишки никчёмного!..

Пёсик жалко заскулил и побежал дальше, более не оборачиваясь. Что-то грязное и непонятное свешивалось у него из зубов.

«Косатка» кунса Винитара вошла в озеро Ковш сквозь один из узких и длинных проранов и почти сутки осторожно двигалась вперёд по приметам, очень тщательно вырисованным на хорошем и плотном пергаментном листе. Второй корабль, некогда принадлежавший самозванному вождю Зоралику, остался ждать у берега моря.

– Не заблудиться бы... – откровенно поёживались комесы.

Никто из них не побоялся бы заплутать в море, вдалеке от каких-либо мореходных примет. Свечение воды, форма волн – всё внятно, всё без речи говорит, без слова рассказывает! Раз посмотреть, и тотчас понятно, где какое течение и в которой стороне суша. Ни один не усомнился бы и среди каменных островков своей родины, затопляемых в прилив, голых и на чуждый взгляд вполне одинаковых. Но здесь... Здесь острова были лесисты, а берега проток густо поросли зеленью. Слишком похоже на реки, заманчиво и опасно тянущиеся в глубь страны. И кто поручится, что вот сейчас из-за острова не ринется на перехват хищная стая лодок, а за кормой не явится из зарослей камыша ещё одна такая же?..

Впрочем, воины были весьма далеки от того, чтобы поднять ропот и вынудить вождя повернуть. Кунс Винитар был предводителем, каких поискать. Сколько раз они под его началом вершили дела, о которых не стыдно будет когда-нибудь рассказывать внукам! Сколько раз сокрушали врага, захватывая добычу! А вот теперь всего лишь настала пора отплатить вождю за всё, что он делал для них. Где-то поблизости, берегами здешних озёр, протянулась дорога, а по дороге шёл человек, с которым у Винитара кровная месть. Жрец Богов-Близнецов обещал Винитару подгадать встречу с тем человеком. И никто не скажет про них, дружину, будто они не уважили право вождя оттого лишь, что оказались старыми бабами и забоялись чуточку отдалиться от моря!

В узких протоках было не развернуться под парусом. Сегваны даже опустили мачту и уложили её вдоль корабля, как всегда поступали, когда избегали недружественного внимания. И вёсла лежали на своих местах, увязанные вдоль бортов. Вёсла – для открытых пространств. Движением корабля управляли несколько человек с длинными шестами, вставшие на носу и корме. Остальные бдительно глядели по сторонам. И держали оружие наготове.

Под вечер «косатка» достигла последней приметы, обозначенной на листе. Боевые сегванские корабли замечательны ещё и тем, что осадка у них не больше аршина, и Хономеру, назначавшему встречу, это было отлично известно. Длинная лодья неспешно проплыла над песчаными отмелями, опрятно раздвинула грудью листья кувшинок – и мягко ткнулась в топкий берег небольшого затона. Винитар, хмуясь, ещё раз посмотрел на карту. Да, всё так и есть. В самой вершине заливчика виднелся редкий по здешним местам большой камень почти правильной кубической формы, а на нём, в точном соответствии с рисунком на листе, в обнимку росли два корявых деревца, сосенка и берёзка. У камня, в силу его необычности, даже было собственное название: Одинец. «Но если поблизости проходит дорога, должны быть и спуски к воде... Почему, пока мы шли вдоль берега, я не видел ни одного? Ни одной прогалины в камышах, только лёжки кабаньи... И этот затон выглядит так, словно его сухим путём отроду не посещали...»

На карте, между прочим, никакой дороги тоже не было нарисовано. Винитар подумал и сказал себе, что карта относилась лишь к озеру и была предназначена для путешественников по воде. С другой стороны, люди – во всяком случае, если им не повезло родиться морскими сегванами – всё-таки держат путь по воде с суши на сушу. А значит, следовало обозначить

хотя бы те отрезки сухопутных дорог, что вплотную подходили к протокам. Непонятно...

Лист, который держал в руках Винитар, покрывал лишь очень небольшую часть Ковша. От прорана, выведившего в море, и до того места, где сейчас стояла «косатка». Протоки, открывавшиеся по сторонам, обрывались словно бы в никуда, куски очень скудно обозначенных островов тоже ни дать ни взять истаивали в первозданном нигде. Винитар, которому и без того было весьма неуютно, почувствовал себя на краю света: ещё шаг – и лбом стукнешься в Стену, возведённую Богами в самом начале времён!.. Или, если неудача выведет к дырке в этой Стене, – так и вывалишься прямо за край, за пределы ночи и дня...

Две седмицы назад, в Тин-Вилене, когда выяснилось, что интересовавший его человек покинул городские пределы, Хономер сказал, что всё ещё можно исправить, и дал кунсу этот самый лист.

«Откуда, – спросил Винитар, – ты знаешь, что он пойдёт именно сюда?»

«Он не слишком таил свои намерения, когда уходил. Ну а я просто держал уши раскрытыми...»

Винитар хорошо разбирался в картах и даже сам их составлял, когда служил Стражем Северных Врат страны Велимор. Может, именно это и подвело его: он удовольствовался скудным Хономеровым наброском, а теперь весьма сожалел, что не разыскал в дополнение к карте хоть какого-нибудь местного проводника. С живым человеком можно поговорить, расспросить его и узнать, что лежит за пределами разрисованного пергаментного клочка. Можно расположить его к себе, убедив, что попросту любопытствуешь и вовсе не имеешь намерения грабить нищие рыбацкие деревушки на островах. Можно и припугнуть, если другого выхода не окажется... Ну а что прикажете делать с убогим листом, который всё равно ничего нового не поведаёт?..

Винитар никоим образом не выдал своего состояния. Ещё раз прошёлся по палубе и отрядил двоих воинов на берег:

– Если увидите поблизости дорогу, сразу возвращайтесь назад. Но в любом случае дальше трёх перестрелов не уходить!

Сегванский перестрел – расстояние, с которого, как считалось, стрела ещё способна поражать цель, – составлял триста шагов. Воины пошли и вернулись. Ничего похожего на дорогу им не попало, только две тропы, больше похожие на звериные.

– Никогда я не верил жрецам!.. – сказал однорукий Аптахар. – А Хономеру этому и подавно! Все они одинаковы!.. Наплюют на честь и на совесть, если надеются добыть себе новых верных²¹ и новые подношения!..

Винитар знал, что его кровный враг запросто мог воспользоваться звериными тропами. А мог и обойтись совсем без троп. И вполне способен был покинуть дорогу только затем, чтобы взглянуть на достопримечательную скалу: не рассказывал ли сам Избранный Ученик, будто венн перерыл всю храмовую библиотеку, выискивая описания стран?.. Всё так – но отчего-то уютный заливчик всё более начинал смахивать на мышеловку. Куда Винитар сдуру сам голову сунул и ещё дружину за собой привёл.

– Снимаемся, – приказал кунс. Он помнил: у выхода из затона был довольно широкий плёс²². Там «косатка» по крайней мере могла развернуться... и, если придёт нужда, дать достойный отпор внезапному нападению.

Топкий бережок с мягким чмоканием выпустил увязший форштевень. Корабль, подталкиваемый шестами, осторожно двинулся вперёд кормой, благо именно ради таких вот случаев корма боевой «косатки» мало чем отличалась от носа...

И в это время со стороны плёса, куда хотел выйти Винитар, показалась лодка, быстро шедшая на двух парах вёсел.

²¹ *Верные* – здесь: верующие, последователи того или иного Божества.

²² *Плёт* – здесь: ширь озера (в отличие от заливов).

Первая мысль молодого кунса была о том, что на них всё-таки напали. Но из-за ближнего острова ярко светила луна, и он различил двуцветное одеяние Хономера.

Лодка быстро приближалась, и спустя некоторое время Винитару стало казаться, что нападение всё-таки произошло, только жертвой стала не его, Винитара, дружина, очень даже способная огрызнуться на любого обидчика, а свита самого Хономера. Действительно: лодка, выстроенная по местному обычаю – недлинная и широкая, с тупо срезанными, но зато высоко поднятыми носом и кормой, – несла шестерых человек. Жрец Близнецов стоял на носу, причём правая ладонь у него была замотана тряпкой. Ещё двое гребли, и один работал размеренно, неутомимо и ровно, как умеют только сегваны, а другой орудовал вёслами кое-как, без большого умения. Четвёртый сидел на корме и держал рулевое весло. Сидел, странновато скособочившись и явно стараясь не делать лишних движений. Так бывает, когда у человека что-то не в порядке с ногами.

А пятый и шестой вообще лежали на днище, и Винитар не заметил, чтобы они шевелились.

Тут молодой кунс с невольной горечью вспомнил, как представлялся ему ещё недавно этот поход в озеро Ковш. Как ясно он видел перед собой дорогу, почему-то очень похожую на ту, над которой господствовал замок Северных Врат: широкую и удобную, ведущую через хорошее открытое место. Он, Винитар, стоит на горке, слушая, как шуршит в траве тёплый ветер, а с неба льётся песенка жаворонка. Он стоит лицом к солнцу и смотрит туда, где дорога выходит из лесной чащи. Вот оттуда, из кружевной тени берёз, появляется человек... очень знакомый, хотя они виделись всего раз и притом годы назад... Человек поднимает голову и замечает его. И начинает неторопливо идти ему навстречу, одолевая последние петли дороги, вьющейся косогором. А Винитар стоит неподвижно и ждёт его, и звучит, звучит над их головами хрустальная трель жаворонка...

Вспыхнув на миг в его памяти, эта картина обрела запредельную чёткость буквиз письма, отданного пламени, – и, как то письмо, рассыпалась пеплом. Хономер не сдержал обещания. Да ещё и явился на встречу во главе кучки израненных спутников. Станет небось просить отвезти назад, в Тин-Вилену... Тут у кунса мелькнула странная и почти смешная мысль: «А может, просто они ЕГО встретили чуть раньше, чем я?..»

Если так, то удивляться, право, было нечему.

Разве только выражению торжества на лице Хономера, нянчившего руку в набухшей кровью тряпице...

– Святы Близнецы, чтимые в трёх мирах! – первым поздоровался жрец. – Видно, не зря мы спешили, потому что, похоже, ты не намерен был нас здесь дожидаться!

«А я, собственно, тебя и не ждал...» – подумалось Винитару. Вслух он не стал ничего говорить, ограничившись коротким кивком. Его достоинство кунса позволяло хоть совсем не отвечать на приветствие, если он того не желал.

Тут лодка подошла к самому борту, воины запалили несколько факелов, и он наконец-то присмотрелся к двоим, лежавшим на дне.

У одного, явно мёртвого, вместо головы и груди был жуткий ком сплошной загустелой крови, чёрной в свете огня. Там, где угадывались шея и лицо, зияли глубокие рваные раны. Такие наносит не нож, не меч, даже не шипастая булава. Здесь явно потрудились крупный зверь. Волк или собака. Мельком Винитар заметил разрезанную одежду и толстые повязки на бедре и предплечье сидевшего у руля... Но лишь мельком, потому что второй человек на дне лодки был Волкодав.

Неподвижный, белый, как простокваша, и... крепко связанный по рукам и ногам.

И, что совсем уже странно, на нём совершенно не было крови...

За плечом послышалось негодующее хмыканье Аптахара.

Винитар медленно выпрямился, и только ладони, стиснувшие бортовую доску, выдавали его ярость. Он негромко спросил:

– Какое зло я причинил тебе, Хономер? За что ты так со мной поступаешь?

– Он хочет, чтобы над нами смеялись все Острова, – поддержал Аптахар. – Кунсу

Винитару его кровного врага притаскивают связанным, точно барана, потому что кунс не способен сам с ним поспиритоваться!

С корабля уже зацепили лодку баграми, и несколько воинов выпрыгнули в воду, доходящую здесь стоящему человеку до пояса. Пленника ухватили за одежду и с рук на руки передали через борт. Хономеровы крошечники зло смотрели на мореплавателей, но не пытались им помешать и даже в спор не вступали. Сила была отнюдь не на их стороне. Да и, если уж на то пошло, именно за этим они сюда и приплыли. И не ждали они от Винитара ни благодарности, ни награды. Их наградит Хономер... Вот только окупятся ли полученные раны, да и брата, погибшего безо всякой воинской славы, ни за какое золото не вернёшь...

– Сказать по правде, ты мне безразличен, – пропустив мимо ушей слова Аптахара, ответил кунсу Избранный Ученик. – А вот врага твоего я действительно не люблю, потому что он уже несколько раз наносил самый прискорбный урон делу, которому я посвятил свою жизнь. Оттого я не пожалел ни времени, ни людей ради удовольствия увидеть его связанным у своих ног...

– Вот как, – ровным голосом проговорил Винитар. – Что ты не любишь его, это я понял ещё в Галираде, когда мы беседовали на берегу. Но не представлял, до какой степени. Почему же ты заодно горло ему не перерезал, жрец?

– Потому, что пообещал отдать его тебе.

Винитар некоторое время молчал.

– Налегке, я смотрю, путешествовал этот венн... – снова ехидно встрял Аптахар. – Безо всякой котомки, даже без оружия, а о кошеле с деньгами я уже и вовсе молчу...

Воины, окружившие лодку, захохотали при этих словах и немедленно занялись поисками. От настоящего морского сегвана, привыкшего биться на воде и затем потрошить вражеские корабли, невозможно что-либо спрятать на судне, не говоря уже о судёнышке. Комесы живо вытащили из якобы потайного рундучка на корме заплечный мешок Волкодава и его мечи: Солнечный Пламень в ножнах и два деревянных. Крошечники, не успевшие ни порываться в мешке, ни кинуть кости, разыгрывая великолепный меч, только заскрипели зубами, досадуя, что потащили добычу с собой, в спешке не догадавшись спрятать её на берегу. О том, что Хономер нипочём не позволил бы им оставить у себя приметные вещи, ни один из них не подумал.

Всё найденное живо передали на «косатку». Шамаргана, некстати поднявшегося на ноги, при этом уронили за борт. Может, случайно, а может, и намеренно. Он вынырнул и, хмуро отплываваясь, зашлёпал по воде к берегу. Мореходы провожали его шуточками и смешками.

Кунс Винитар спросил жреца:

– Как же мне отблагодарить тебя за то, что ты всё-таки привёз его сюда живым?

Хономер славился не только тем, что его, как всякого жреца, трудно было переспорить. Его почти никому не удавалось заставить в словесном поединке врасплох. Всегда казалось, что он насквозь видит противника и заранее готовит ответ. Он и теперь ничуть не задумался:

– Скажи мне, как звали нашего единоверца, старика, убитого при набеге на Серых Псов. В Галираде ты не пожелал назвать его имя...

Воины Винитара ловко забирались на борт «косатки», отряхивались, стаскивали и отжимали одежду. Никто не услышал короткого удара в кормовой штевень. А если и услышал, то внимания не обратил. Такой звук могла бы произвести коряга, царапнувшая по корабельному дереву.

– Я не то чтобы не пожелал назвать имя, – проговорил Винитар. – Я просто не знал, как его звали, этого старика. И сейчас не знаю. Если помнишь, я не говорил «не скажу». Я тебе сразу посоветовал: спрашивай венна. – И кивнул могучим парням, стоявшим наготове с шестами, воткнутыми во дно: – Вперёд.

Лодка закачалась, отодвигаемая могучим боком «косатки». Морской корабль медленно двинулся с места и заскользил навстречу лунному свету – вперёд, сквозь запутанный лабиринт островов. Ночная темнота всего менее смущала Винитара. Дорогу обратно к морю

он уверенно нашёл бы и без карты – что днём, что теперь.

Хономер смотрел вслед уходившей «косатке» и впервые за очень долгое время не мог придумать достойного слова. Вот и оказалось всё зря. И снадобье, которым он понемногу подпаивал Волкодава, и спешное путешествие в Озёрный край, и гибель двоих человек... В который раз проклятый язычник умудрился натянуть ему нос...

Оставалось утешаться лишь тем, что теперь-то уж он навсегда убрался с дороги. Правду молвить, не самое могущественное утешение.

Кромешникам не довелось испытать такого горького разочарования, как их предводителю. Они быстрее вернулись к насущному. Раненый взялся за руль, здоровый приготовился грести – им ещё предстояло петлять и петлять по протокам, добираясь туда, где ждали лошади, палатка и костёр, разведённый спутниками, оставленными дожидаться.

И вот тут хватились Шамаргана. Ещё бы им не хватиться его, ведь скамейка второго гребца так и стояла свободная. А Шамарган, выпавший за борт и ушедший в сторону берега, по сию пору не возвратился.

Его несколько раз окликнули по имени. Он не отозвался. С берега вообще не долетало никаких звуков, кроме лёгкого шума ветерка да окликов ночных птиц.

– Удрал, – сказал Хономер. Он-то знал, что Шамарган далеко не такой дурак, чтобы попытаться выйти к лагерю берегом.

– Ну и невелика потеря, – буркнул кромешник, сидевший на вёслах.

«Это с какой стороны посмотреть...» – подумал Хономер, уже начиная прикидывать, что именно о его тайных делах было известно беглому лицедею, а что – нет.

«Косатки» уже не было видно. Она выбралась на открытые плёсы и, развернувшись, уверенно двигалась к морю. Туда, где, вращаясь кругом Северного Гвоздя, медленно запрокидывались в небесах негасимые светочи путеводных созвездий.

Расскажу я вам, люди, Не совсем чтоб о чуде – Будет прост мой недолгий рассказ. В рыжей шкуре я бегал И любил человека: Это счастьем зовётся у нас.

Сын старинной породы,
Я нанизывал годы,
Ликовал, отмечая весну.
Время мчалось не даром —
Стал я сивым и старым
И однажды навеки уснул.

Вытер слёзы хозяин:
«Больше ты не залаешь,
Не примчишься, как прежде, на зов.
Спи спокойно, мой милый...»
Но какая могила
Удержала собачью любовь?

Убегать беззаботно,
Оставляя без присмотра
Тех, кого на земле защищал?!
Да когда так бывало,
Чтоб меня не дозвались,
Чтоб на выручку я опоздал?..

...А потом было вот что.
Как-то зимнею ночью
Возвращался хозяин домой.
Я – по обыкновенью —
Бестелесною тенью
Провожал, укрываемый тьмой.

Было тихо вначале,
Только сосны шептали
Да позёмка мела под луной...
Недоступную взгляду
Я почувал засаду
У развилки дороги лесной!

«Что, хозяин, мне делать?
Мне, лишённому тела,
Как тебе на подмогу успеть?..»
Я рванулся из тени,
Из нездешних владений,
И возник перед ним на тропе!

*Перед смертью-старухой
Я не ползал на брюхе,
Не скулил, не просился назад.
Под напором свирепым
Просто лопнули цепи —
«Поспеши, мой хозяин и брат!»*

Измлён нашей встречей,
Он пошёл, не переча,
Доверяя любимому псу,
По тропе безымянной
Прочь от тех окаянных,
Затаившихся в тёмном лесу.

И до самого дома
По дороге знакомой
Мы дошли, точно в прежние дни.
Как бывало – бок о бок...
Лишь следы по сугробам
На двоих оставались одни.

7. Не покидай меня

Оленюшка чувствовала себя никому больше не нужной. Странное и печальное было это ощущение. Совсем недавно жила ведь себе дома и была всеми любима... надежда большого дружного рода, его гордость и продолжение. «Променяла!» – на прощание сказала ей мать. Сказала без гнева, без озлобления, просто с горечью, но была эта горечь хуже крика

и ругани. Так она могла бы приговорить, выкидывая вещь, задорого купленную на торгу, с любовью принесённую в дом... и тут-то оказавшуюся порченной, ущербной, ни к чему не пригодной. Вот и дочь враз ощутила себя негодной, неблагодарной, бездельной... посрамлением и предательницей родного дома, где за неё каждый рад был жизнь положить... Чем, спрашивается, оплатила?

Теперь они с Шаршавой жили у Зайцев, и здесь с ними все были ласковы, но... могло ли тепло здешней печи сравниться с домашним? Здесь даже в хлеб добавляли иные травы, чем дома, и душевная боль окрашивала непривычный вкус горечью. Одним из самых страшных веннских проклятий было пожелание всю жизнь есть хлеб, не матерью испечённый...

Оттого Оленюшка почти каждую ночь просыпалась от ужаса. Во сне она получала известия о кончине родителей. И о том, что перед смертью, прощаясь с белым светом, сторонами Земли и иным прижизненным окружением, они называли по именам всех своих детей... кроме неё. Или вовсе обращали к блудной дочери слово обвинения и упрёка. А горестную весть Оленюшке приносил не родич, даже не свойственник, – захожий незнакомый человек. И рассказывал, не ведая, с кем говорит, да ещё и присовокуплял к родительскому обвинению своё. И Оленюшка, выслушивая, не смела объявить о себе, будто от этого что-нибудь могло измениться...

...И просыпалась, как бывает всегда, когда привидевшееся становится невыносимым. Вот только облегчённо перевести дух – «Ох же ты, хвала Старому оленю, это было не наяву!...» – не получалось. Потому что в подобных снах отражается правда, великая и страшная правда, которую человек, бодрствуя, далеко не всегда решается допустить в своё сознание и напрямую осмыслить.

И – вроде бы удивительно, а вдуматься, так и не очень! – в этих Оленюшкиных снах никогда не появлялся Шаршава. И правда, а что ему появляться? Свои дни он проводил в кузнице, что-то показывая кузнецам Зайцев и сам у них чему-то учась. А вечерами... вечерами для него никто не существовал, кроме милой Заюшки и двух маленьких девочек, которых люди понемногу уже привыкали называть Щегловнами. На что ему ещё и названная сестра? Верно, в жуткую ночь ухода из дому он очень поддержал её и утешил. Но что значит одна ночь, пускай даже такая, когда впереди целая жизнь, да и позади кое-что осталось?

«Ладно, – с горечью думала Оленюшка. – У Зайцев ведь нам не век вековать. Станем уходить – тут-то понадоблюсь...»

Их с Шаршавой, ясное дело, никто не гнал за порог, да и, надобно полагать, не погонит. Но столь же ясно было и то, что навсегда они в гостеприимном роду не останутся. Не будут Зайцы бесконечно привечать у себя двоих отступивших от родительской воли, два позорища некогда славных семей. Иначе получится, будто для них тоже мало что значат установления пращуров. И кто ж тогда придёт бус просить у их дочерей? Кто примет в женихи парней из подобного рода?.. Какая вообще им может быть вера?..

Должно быть, оттого Оленюшке всё никак не удавалось войти в круг хозяйственной жизни. Нет, её не отталкивали, не обижали недоверием. Просто она всё время чувствовала, что она здесь не своя. Гостья – и только. А значит, не ей месить тесто, не ей готовить еду и мыть горшки с мисами, не ей шить, ткать, вязать, доить коров, кормить поросят...

Оленюшке, отроду не приученной сидеть сложа ручки, вынужденное безделье было едва ли не тяжелее всего. Как она завидовала Шаршаве, которого местный кузнец с радостью допустил к себе в кузню! И почему мужчины так легко забывали друг ради друга какие угодно обычаи – чего в женском кругу отродясь не водилось и вряд ли когда-нибудь поведётся?..

В конце концов, отчаявшись, Оленюшка набрала никому не нужных верёвочных обрезков, оставшихся от починки рыболовных снастей, ушла на берег говорливого Крупца и уселась под берёзами плести сеточки. Может, сгодятся кому хоть лещей в копильне развешивать!

Здесь, возле речки, в надвигавшихся сумерках жужжали немилосердные комары, и

девушка затеплила дымный маленький костерок – отгонять кровососов. Пёс, увязавшийся за нею из деревни, погулял туда и сюда в рощице, на всякий случай оставляя друзьям и соперникам свои метки, потом подошёл к Оленюшке и улёгся поблизости. Его толстую, плотную шубу комары прокусить не могли и садились только на морду. Время от времени кобель неторопливо смахивал их лапой.

Сплести сеточку – нехитрое дело... Самых простых способов Оленюшка навскидку знала не менее дюжины. Это если вязать только очень немудрёные узлы. А ведь есть и позаковыристее, такие, что разнесчастная вроде бы сеточка для копчения превращается в узорное кружево, в котором, оказывается, вроде бы уже и не грех поднести вкусную рыбину или гуся большухе соседнего рода. Насколько Оленюшка успела заметить в кладовках, у Зайцев, славившихся плетением корзин, красиво связанных сеточек вроде бы не водилось. Что ж! Чего доброго, может, понравится кому изделие её рук, захотят ещё наделать таких. А может, наоборот, дождутся ухода задержавшихся гостей и всё выкинут потихоньку, чтобы случайно не задержалось под добрым кровом их с Шаршавой злосчастье...

Оленюшка затянула последний узелок, довершавший череду ровных верёвочных шестиугольников. «Ну как есть выкинут. Никому-то не нужна...» – и сердито зажмурилась, ткнувшись носом в рукав и чувствуя, как впитываются в полотно слёзы. В полотно, совсем недавно матерью сотканное. С любовью сотканное, доченьке-невесте на добро и удачу...

А когда Оленюшка подняла голову, в двух шагах от неё, уютно подобрав ноги, сидела на тёплом пригорке незнакомая женщина. Красивая женщина в уборе замужества... красивая и совсем молодая, моложе матери Оленюшки. Такая, что её старшим детям могло теперь быть лет десять-двенадцать. Она молча смотрела на Оленюшку и слегка улыбалась ей, словно родственнице или милой подруге, очень любимой, но давно не виденной. И сама она казалась Оленюшке смутно знакомой... Так знакомой, словно встречала она когда-то не её, но её брата родного, очень похожего. Брата... Или сына, к примеру... Вот тут Оленюшка приросла к месту и почувствовала, как волосы на затылке начал приподнимать ледяной сквознячок.

Почему ей подумалось о сыне?

Что-то неправильно! Что-то не так! Что именно, она ещё как следует не понимала, но во рту пересохло, и язык вовсе не поворачивался произнести вежливое приветствие. Женщина была из веннов, но не Зайчихой. На её понёве чередовались зелёные и чёрные клетки, а знаки рода... Оленюшка присмотрелась к праздничной прошве понёвы, разукрашенной алым и белым узором, торопясь увидеть нужные приметы и должным образом приветствовать женщину, пока та не укорила её за невежливость...

И до неё сразу дошло, что же было неправильно.

И, как водится, странность, которую она только что не в силах была истолковать, обрела сразу несколько объяснений. Во-первых, совершенно не встревожился пёс, – а Оленюшка уже убеждалась, каким он был сторожем. Во-вторых, женщина сидела в свежей молодой травке, но зелёные стебельки кругом неё не были примяты, не хранили неизбежных следов, и что-то уже подсказывало, – когда она встанет и удалится, понять, где сидела, будет нельзя. А в-третьих... Оленюшкин костерок, куда она нарочно положила травы и гнилушек, в бледных весенних сумерках почти не давал света, больше дымил, но язычки пламени всё-таки прорывались... и вот женщина чуть повернула голову, и огонь на миг отразился в её глазах, заставив их вспыхнуть двумя озерами бирюзы.

Не как у человека...

...А как у...

И всё встало на место. И пропал страх. И сделалось ясно, отчего женщина казалась смутно знакомой. Оленюшка торопливо поднялась на ноги и низко, рукою коснувшись земли, поклонилась неожиданной гостье:

– Здрава буди... государыня свекровушка. – В самый первый раз она выговорила заветное слово, и выговорилось оно удивительно легко, радостно и свободно, так, что Оленюшка даже улыбнулась. – Прости бестолковую, что не сразу узнала тебя.

Женщина тоже улыбнулась и ответила ласково:

– И ты, дитяtko, невестушка, здравствуй. Что, несладко тебе?

Оленюшка опустила было глаза, разом стыдясь и отчаянно желая всё поведать про свои горести, но тут же вновь вскинула взгляд, опасаясь, как бы чудесная пришелица не растаяла в жемчужной пелене, кутавшей речной берег. Да и что ей рассказывать? Сама всё знает, поди. И вместо жалоб Оленюшка с лихой отчаянностью махнула рукой:

– Да я-то что... Сделай милость, государыня, про него расскажи!

Но её собеседница лишь едва заметно кивнула – потом, мол, погоди – и спросила ещё:

– Знаю, несладко... Домой не хочешь ли? Назад? Чтобы всё стало, как прежде?

Её глаза, только что сверкнувшие звериными огоньками, вновь были совсем человеческими. Мудрыми, печальными и... всемогущими.

У Оленюшки даже голова закружилась. Как прежде!.. Объятия матери... родное тепло... дом! Что-то уверенно подсказывало ей – «государыне свекровушке» дана была власть заставить её судьбу заново изменить русло. Зря ли сумерки словно бы не касались её – одежда и тело явственно хранили отсвет нездешнего солнца, кутавшего женщину едва заметным, мягким сиянием.

– Не хочу я назад, госпожа моя... – ответила Оленюшка совсем тихо. – Не могу я Шаршаве женой быть. Пускай Заюшку свою любит... – И тут из глаз полилось, но не тем детским обиженным всхлипом, который она только что утирала, а сущим неудержимым потоком. Оленюшка опустила перед дивной гостьей на оба колена: – А ты сделай милость, скажи, не томи... с твоим сыном свижусь ли ещё?

– Свидишься, дитяtko, – ответила женщина. Всего только два слова, но, оказывается, насколько по-разному можно их произнести! Можно – как будто обещая назавтра радостный праздник. А можно и так, как довелось услышать Оленюшке. Так, что она сразу увидела перед собой нелёгкий, быть может, горестный путь... и встречу, которая – как знать? – не окажется ли коротким мгновением перед тьмой вечной разлуки?..

– Скажи ещё, государыня... – взмолилась она. Но до конца договаривать не понадобилось. Дивная гостья снова поняла всё, что она собиралась сказать.

– Сумей только узнать его, – словно бы издалека прозвучал её голос. – Да по имени назвать верно...

Оленюшка потянулась было к ней – спросить, что же это за имя. Но ощутила лишь тёплое прикосновение ко лбу, как поцелуй. Женщина, завершившая своё земное странствие почти двадцать лет назад, удалилась так же внезапно и незаметно, как появилась.

Значит, всё исполнила, для чего приходила.

И снова их было лишь двое на речном берегу – Оленюшка да пёс... И светились в полутьме белые стволы берёз, словно врата на пути, который предстояло одолеть.

Глыба плыла сквозь чёрную пустоту, не разбавленную, а лишь подчёркнутую крохотными искрами звёзд, и казалась ещё черней окружающей черноты. Сравнить было не с чем, но чувствовалось, что глыба громадна. Она величественно поворачивалась кругом, давая рассмотреть себя с разных сторон. Местами она казалась оплавленной, но там и сям торчали зловеще иззубренные утёсы, а местами виднелись резкие, изломанные сколы. В свете звёзд их глубокая чернота отливала холодной радужной синевой. Сколы выглядели только что нанесёнными, хотя на самом деле могли насчитывать и тысячи лет. Так мертвец, найденный в глубине медных выработок через полвека после кончины, кажется усопшим только вчера.

Ничто не выдавало скорости движения глыбы, и лишь когда одна из звёзд начала всё явственней увеличиваться впереди, стало понятно, что небесный камень нёсся с чудовищной быстротой. И ещё сделалось заметно, что это был не совсем камень. Лучи крохотного далёкого солнца не могли породить сколько-нибудь заметного тепла, но тем не менее чёрные скалы затуманились паром. Так курятся куски льда, оказавшиеся на весеннем припёке. Только, наверное, здесь был не обыкновенный водяной лёд, а замёрзшие воздушы,

неведомо где и когда сгустившиеся и застывшие на непредставимом морозе. Чем ярче разгоралась близившаяся звезда, тем плотнее делался пар. При этом его струйки и облачка оставались такими тонкими и невесомыми, что даже свет делался для них вещественной силой, наподобие ветра отдувая испарения глыбы назад и образуя из них длинный, перистый, призрачно светящийся хвост...

Между тем близившаяся звезда обретала облик громадного, коронованного золотым пламенем, нестерпимо сияющего клубка. Глыба-пришелица облетала его по широкой дуге, и поэтому гораздо ближе к ней оказывался другой шар, доверчиво плывший навстречу из чёрных ледяных бездн, – голубой, в белёсых разводах, сквозь которые смутно проступал казавшийся знакомым рисунок. Этот шар тоже светился, но не как звезда: его сияние не обжигало, оно было мягким, ласковым, некоторым образом живым...

Солнце сходило с ума, оно бушевало, простирая огненные языки, сиюсь сбить с пути чёрную стрелу, нацеленную прямо в сердце ничего не подозревающего мира. Зубчатые острия, напоминавшие чудовищные бастионы и башни, на глазах оплывали и испарялись, вскипая освобождёнными облаками. Окутанные туманом равнины (а может – непомерные обрывы? как разобраться, где верх, где низ?..) в полном безмолвии покрывались паутинами трещин, трещины углублялись, быстро становясь пропастями, потом пропасти делались уже совершенно бездонными, ибо сквозь них начинали проглядывать звёзды, и вот уже в сердце голубого шара нёсся не один камень, а целый рой гигантских обломков, готовый разлететься, но ещё удерживаемый вместе силами взаимной тяги, присущими летучим горам.

Между тем звёзд уже не было видно – всё заслонила безбрежная голубая чаша материков и морей, распахнувшаяся впереди...

Волкодав успел понять, отчего рисунок океанов и суши с самого начала показался ему знакомым. Это был его собственный мир: зря ли он столько раз жадно рассматривал и перерисовывал в библиотечном чертоге его очертания. Его мир. И выглядел он в точности так, как рассказывал звёздный странник Тилорн, видевший его извне. Ещё Волкодав успел с ужасом сообразить, что вот сейчас чёрная гора-с-небес ударит прямо в белое, голубое, тёплое... навеки изуродует его, изменит живой облик...

Но за миг до неизбежного удара видение, или сновидение, или как там его назвать, прекратилось самым неожиданным образом. Оборвалось и унеслось прочь, смытое добрым ведёрком холодной морской воды, обрушившейся на лицо.

– Да очнись же ты, скотина нечёсаная! – прорычал в самое ухо голос, тоже показавшийся странно знакомым. – Открывай глаза, вражий сын, Хёггово семя, несчастье всей жизни моей!..

Открывать глаза Волкодав не желал. Ему хотелось назад, в оборванное видение. Он был уверен, что способен что-то сделать, как-то помочь... что ещё мгновение-другое – и он догадается и предпримет необходимое...

Никто ему этих мгновений давать не желал.

Он попробовал отвернуться от безжалостно тормозивших рук, но убрать голову не удалось. Новый горько-солёный водопад бесконечно заливал ему ноздри и рот, не давая дышать, и, похоже, он выдал себя, совершив какое-то движение.

– Ага! Ага!.. – хором закричало уже несколько голосов, по крайней мере два из которых он точно узнал, только никак не мог вспомнить имён.

Водопад прекратился, но нос немедленно стиснули жёсткие заскорузлые пальцы, а когда Волкодав дёрнулся и непроизвольно открыл рот, самый первый голос вновь выругался и обрадованно приказал кому-то:

– Лей!!!

Прямо в горло тут же полилась густая тепловатая жидкость, невероятно омерзительная на вкус. Глотать «это» или попросту задохнуться – неизвестно, что было хуже. Волкодав подавился и закашлял, корчась на мокрых качающихся досках. Он хотел высвободить

голову, но её стискивали крепкие ладони, а у него самого сил совсем не было. И он поневоле глотал – а ещё больше вдыхал – липкую тёплую дрянь, от которой все кишки тотчас скрутила жестокая судорога. Когда же он понял, что вот сейчас умрёт окончательно – если не от удушья, так от отвращения, – мучители наконец выпустили его, и он получил возможность дышать.

Его снова окатили водой, смывая растёкшуюся по лицу гадость, и Волкодав открыл глаза. Всего на мгновение, потому что солнце, радужно дробившееся в мокрых ресницах, жалило глаза гораздо сильнее, чем то косматое в черноте, из видения, казавшееся нестерпимым. Впрочем, он успел увидеть вполне достаточно. Даже больше, чем ему бы хотелось. Гораздо больше... И самое худшее, что это-то был уже не сон, а самая что ни на есть явь.

Он лежал на палубе сегванской «косатки», на носу, и небесную синеву над ним загораживал надутый ветром парус. Очень знакомый парус древнего, благородного и простого рисунка – в синюю и белую клетку. Блестел наверху маленький золотой флюгер... А поближе паруса, который Волкодав предпочёл бы до самой смерти не видеть, были лица склонившихся над ним людей, и эти лица тоже никакой радости ему не доставили. Потому что в одном из них только дурак или слепой не признал бы Аптахара. Изрядно поседевшего и постаревшего, но всё равно Аптахара. А второй – второй был не кто иной, как Шамарган.

Волкодав молча пошевелился и понял, что руки у него не связаны. Это вселяло некоторую надежду.

– Ишь, волком смотрит, – хмыкнул Аптахар. – Значит, вправду очухался!

Шамарган же насмешливо поинтересовался:

– Что, однорукий? Проспорил? Смотри, как бы тебе самому вместо меня рыбам на корм не пойти...

– Если только этот молодчик обоих нас Хёггу под хвост живенько не загонит, – не спуская глаз с Волкодава, хмуро отозвался Аптахар. Венн только успел задуматься, что же именно высматривал старый вояка, когда сегван вдруг ухватил его за шиворот и, с неожиданной силой перевернув, поволок, как мешок, к борту. – Давай! Блюй давай, говорю!

Волкодав, к которому едва-едва возвращалась способность в полной мере ощущать своё тело (не говоря уж про то, чтобы им хоть как-то владеть), с искренним изумлением осознал, что приказ блевать относился к нему. Осознал – и сразу почувствовал, что мерзкое пойло, которого его против воли заставили наглотаться, повело себя в его внутренностях непристойно и нагло. Вместо того, чтобы впитаться и рассосаться, как то вроде бы положено всякой порядочной жидкости, тошнотворная слизь, наоборот, что-то *высасывала* из его и так замордованного тела, что-то *вбирала* в себя!

И вот, насосавшись, – должно быть вытянув из Волкодава последние соки, – проглоченная гадость явственно запросилась наружу...

Или это его просто замутило от корабельной качки? Мореходом он всегда был никудышным...

Оказавшись возле борта, венн хотел приподняться на колени, чтобы хоть голову свесить наружу, но без помощи Аптахара с Шамарганом не смог даже и этого. По телу разливалась парализующая боль, бравшая начало глубоко в животе. Волкодав только тускло отметил про себя, что старый сегван – вот уж кто был мореплаватель прирождённый – подтащил его к подветренному борту «косатки», дабы по возможности меньше замарать славный корабль... Всё же венн как-то умудрился навалиться грудью на бортовую доску, увидел совсем близко вздымающуюся зелёную воду... и в строгом ладу с этим движением его кишки окончательно скрутились судорожным пульсирующим винтом – и тугим комом устремились через горло наружу. Он успел удивиться тому, как много он, оказывается, сумел проглотить. Рвота длилась и длилась. Просто невероятно, сколько, оказывается, может извергнуть из себя человек. Ещё он слегка удивился тому, что из него резкими толчками выливалась самая обычная жидкость, – ему отчего-то казалось, будто Шамарганово пойло должно было покинуть его этаким сплошной студенистой змейей... Потом в глазах опять

потемнело, венн беспомощно обмяк на палубных досках. Внутренности ещё продолжали сокращаться и трепетать, но это трепыхание постепенно сходило на нет. Волкодав свернулся возле борта, подтягивая колени к груди, – облезлый больной пёс, притихший в укромном углу. Ему было всё равно, кто на него смотрит. И как всё это выглядит со стороны.

Собственно, ничто больше не имело значения.

Станут, значит, с рук на руки передавать... Гостя дорогого от деревни к деревне, через весь Озёрный край... Как же... Вот тебе и спокойное путешествие в Беловодье, вот тебе и дорога, выверенная по картам... Ещё располагал сидел, в какой день сколько пройти... Опоздал, сам на себя обиделся... Места занятные сворачивал посмотреть... вроде Зазорной Стены... Эвриху рассказывать собирался... Чуть не сам посягал книгу писать... Ну и что? Получил?..

«Косатка» шла на север. Туда, где, придавленные расползшимися ледниками, стлыли в вечных туманах некогда благодатные Острова – родина сегванского племени. Волкодав лежал на палубе возле мачты, слушал разговоры мореплавателей и помалкивал.

Жизни по-прежнему было очень мало дела до книжных премудростей, постигаемых в тишине и безопасности библиотечных чертогов. Миром правили древние и простые в своей мощи стремления. Плотское желание жить. Желание обладать и продолжаться в потомках. А ещё – смутно осознаваемая идея равновесия и воздаяния, всего чаще проявляющая себя у людей как закон мести...

Открыв глаза в самый первый раз, Волкодав успел понять, что находится на корабле Винитара. Когда он затем увидел кунса (весьма мало изменившегося за прошедшие несколько лет – как, собственно, и бывает с людьми, властвующими в первую очередь над собой), он едва удержался, чтобы не попрекнуть его сговором с Хономером, Панкелом и кем там ещё. Но удержался и не попрекнул. Ибо давно привык ничего не делать и тем более не говорить по первому побуждению, и старая привычка сработала даже посреди беспорядка, в котором пребывали его тело и разум.

Теперь-то он понимал – дай он в те мгновения волю своему языку, потом ещё пришлось бы просить кровного врага о прощении. За несправедливый навет. На самом деле Волкодав это уразумел очень быстро. Когда разглядел совсем рядом с собой свою котомку и, главное, – рукой можно достать, а руки не связаны – ножны с Солнечным Пламенем. И Мыша, нахолившегося на треугольной кожаной петельке.

«Мы идём к острову Закатных Вершин, – сказал ему Винитар. – Там мой дом. Думается, это подходящее место, чтобы завершить нашу вражду».

Вот так. Отвечать не хотелось, да и что тут ответишь? – и Волкодав промолчал, только кивнул. Их с Винитаром вражда могла завершиться только одним способом. Поединком. Божьим Судом. Ибо, когда нет простого счёта взаимным обидам, счёта, подлежащего ясному истолкованию по законам, одинаковым, в общем-то, у всякого племени, – совета испрашивают у Богов. И в этом также сходятся все Правды, присущие народам земли. У одних – ныне принятые. У других – бытовавшие давным-давно, почти позабытые, но воскресающие грозно и властно, когда речь заходит не о скучном обыденном разбирательстве, – о чести...

Волкодав так ничего кунсу и не сказал. Не потому, что непременно собирался его убить, а значит, не должен был с ним разговаривать. Просто у него дома полагали, что разговаривать есть смысл там и тогда, когда что-то неясно и следует обсудить. А если обсуждать нечего и осталось лишь ждать, а потом действовать, – так чего ради попусту молоть языком?

Винитар тоже ничего не стал ему объяснять. Не стал рассказывать, как едва заставил себя отпустить живыми Хомера с кромешниками. Наверное, предполагал, что Волкодав станет слушать разговоры его людей и со временем сам всё поймёт. А может, ему было попросту всё равно...

Несколько дней венн пребывал в довольно странном состоянии: пока лежишь смиренно и не пытаешься шевелиться – кажется, вот сейчас встанешь и горы свернёшь. А попробуй хоть голову приподнять, и становится ясно, что ты беспомощен, как новорождённый котёнок. Вот что получается, когда дух совсем уж было изготовился вылететь из тела и был удержан, можно сказать, за хвост! Немалое время требуется ему, чтобы водвориться назад и упрочиться в едва не покинутой оболочке. Тут поневоле задумаешься, как легко и быстро можно изувечить человека. И сколько требуется терпения и лекарской сноровки, чтобы опять поставить его на ноги!

Правду сказать, на самом деле уморить Волкодава оказалось не так-то просто. Даже Хономеру – при всём его опыте жреца-Радетеля. Теперь-то, оглядываясь назад, Волкодав многое видел ясней прежнего, – жаль только, с большим опозданием. Начать с того, что Хономеру, по-видимому, долго не удавалось довести его до потребного бессилия. Не на такого напал. А потом они с Волком чуть не пустили по ветру весь его замысел, сойдясь в единоборстве слишком рано, когда Наставник был ещё несравнимо сильнее ученика. Так, что многим победа Волка показалась, наверное, незаслуженной. А впрочем... *Спасибо тебе, Волк, что использовал единственную возможность, которая тебе подвернулась. Спасибо – и прости за то, что довелось переложить на тебя эту ношу...*

И сидение над картами, если подумать, оказывалось не таким уж бесполезным. Как и гонка по лесной дороге, когда он неизвестно ради чего силился наверстать время, потраченное в Овечьем Броде. Он сам не понимал, зачем спешил, ему просто так хотелось, а ведь тело, по обыкновению, оказалось мудрей разума. Оно само себя принуждало к свирепой работе, искореняя накопившуюся отраву. И справилось. Почти. На хуторке Панкела Волкодаву не хватило совсем немного, чтобы вовремя раскусить хозяина... а заодно с ним Шамаргана... и вовсе оставить Хомера с носом. Тот, похоже, и сам уже испугался, что вот-вот может упустить строптивного венна. Отравы, подмешанной в простоквашу, определённо хватило бы на десятерых.

Да чтоб я ещё в жизни хоть раз притронулся к простокваше...

А вот почему Хономер ну никак не мог дать ему спокойно уйти, почему он затеял всю эту канитель с отравой и даже не поленился самолично отправиться на границу Озёрного края – на сей счёт следовало поразмыслить.

Вот только проку с того, даже если его осенит и он догадается?..

За три минувших года славный корчмарь Айр-Донн до того привык к почти ежедневным появлениям своего приятеля-венна, что теперь, без него, не мог отделаться от ощущения саднящей неполноты. Во всяком случае, по вечерам он постоянно ловил себя на том, что беспрестанно поглядывает на дверь, помимо разума ожидая: вот сейчас она распахнётся и первым внутрь, по обыкновению, впорхнёт Мышь – чтобы немедленно опуститься на стойку перед Айр-Донном и проверить, не готово ли уже для него блюдечко молока с хлебом.

День сменялся днём, но чуда, конечно, не происходило. Более того, корчмарь был человек тёртый и подозревал, что больше Волкодава не увидит уже никогда. Один раз судьба свела их вместе самым странным и неожиданным образом... Сведёт ли ещё? Или, может, для этого Айр-Донну потребуется переехать вместе со своим заведением куда-нибудь в западную Мономатану?..

А что. Если хорошенько подумать – не такое уж дикое предположение. Допустим, он женит сына на хорошей тин-виленской девчонке, а сам, по-прежнему лёгкий на подъём, переедет, отстроится, начнёт радовать чернокожих вкусными и непривычными блюдами... И этак через полгода через порог шагнёт Волкодав. Шагнёт – и поздоровается как ни в чём не бывало: «Благо тебе, добрый хозяин, под кровом этого дома. Хорошо ли бродит нынче пиво в твоих котлах?..»

Эта возможность пребывала пока ещё на стадии несбыточной и туманной мечты. Как знать, предпримет ли Айр-Донн в действительности нечто подобное. Мало ли что ему сейчас

представляется разумным и вероятным. Пройдёт время, и, занятый делами, он станет всё реже вспоминать Волкодава. А потом возьмёт своё возраст, в котором даже вельху, неугомонному страннику, родившемуся в повозке, вроде бы пора уже прочно осесть на одном месте, и сегодняшние мечты покажутся глупым ребячеством?.. Как знать!

Оттого Айр-Донн ни с кем не делился мыслями, посещавшими его. Даже с сыном. И каждый день продолжал готовить сметану. Тем более что она у него никогда не залёживалась. Тин-виленцы успели распробовать «удивительное вельхское лакомство» и весьма охотно покупали его.

– Что же это получается, венн? Опять я должен тебя благодарить?.. Что ты ещё мне подаришь, когда мы встретимся снова?..

А потом в гавани причалил очередной корабль, и в «Белом Конне» появились два совсем неожиданных гостя. Один был ветхий старик, второй – молодой мужчина, заботившийся о нём, точно сын об отце. Он почтительно называл старца Наставником. («Тоже...» – сразу подумалось корчмарю.) А впрочем, мало ли на белом свете наставников. Странность и неожиданность состояла в другом. И проявилась не сразу.

То, что они прибыли на корабле, Айр-Донн понял немедля. Оба были определённо нездешними, и к тому же молодой тащил поклажу: две дорожные сумки и ещё что-то большое, плоское, тщательно обшитое кожей. Когда он поставил это что-то рядом с собой на скамью («Не на пол», – отметил про себя Айр-Донн), раздался негромкий стук, который могло произвести дерево. Путешественники были жрецами Богов-Близнецов – это легко было распознать по одежде, – и корчмарь рассудил про себя, что в свёртке, должно быть, таился некий священный предмет.

Айр-Донн только что открыл двери, в заведении было полно свободного места, но эти люди сразу облюбовали тот самый столик, куда корчмарь всегда усаживал Волкодава. Вельх даже испытал подспудное раздражение. Кажется, какая разница, кому теперь где сидеть! – и всё же, когда кто-нибудь устраивался именно здесь, для него это было очередным напоминанием: Волкодав не вернётся.

Ладно. Гости пожелали еды, свидетельствовавшей об определённой стеснённости в деньгах. Молодой попросил жареной рыбы, которая в Тин-Вилене, как во всех приморских городах, почиталась трапезой бедняков. Старик же, вконец утомлённый морским путешествием, и вовсе удовольствовался горячим молоком с мёдом. Поразмыслив, Айр-Донн добавил от себя скляночку сладкого вина, восстанавливающего силы, и несколько свежих лепёшек. Каковые и были со смиренной благодарностью приняты.

Спустя время корчмарь подошёл к гостям, чтобы, по обычаю своего ремесла, осведомиться, всего ли у них в достатке и довольно ли вкусно приготовленное стряпухами.

– Скажи, добрый господин мой, – обратился к нему старик, заметно приободрившийся после глотка доброго яблочного напитка. – Только ли ты вкусно кормишь всех тех, кому случается вступить под твой кров? Или, может быть, у тебя найдётся для нас недорогая комнатка на ночь? Нам предстоит дальний путь, а я, боюсь, не в силах пуститься в дорогу прямо сегодня...

– Комнатка-то найдётся, – ответил немало удивлённый Айр-Донн. – Но... ты, пожалуйста, не думай, почтенный, будто я мало радуюсь постояльцам... Просто наш город, помимо всех прочих своих достоинств, знаменит храмом и крепостью Богов, Которым вы оба, как я понимаю, служите. Зачем бы вам расставаться с лишней толикой денег, ведь Избранный Ученик Хономер, без сомнения, будет рад оказать всяческое гостеприимство братьям по вере?.. Если хотите, я немедленно пошлю мальчика разыскать кого-нибудь, кто поможет вам добраться туда!

Старый жрец улыбнулся ему, и не слишком весёлая была то улыбка.

– Да пребудет с тобой благословение Близнецов, добрый господин мой, – проговорил он неторопливо. – Увы, увы, в нынешние времена братство по вере не для всех значит так же безмерно много, как было когда-то. А посему мы предпочли бы... не беспокоить досточтимого Избранного Ученика. И ещё... мы не хотели бы задерживаться в вашем

несомненно прекрасном городе дольше, нежели диктуется насущной необходимостью. Так сколько ты возьмёшь с нас за самый дешёвый ночлег?

– А если, – вступил в разговор молодой жрец, – у тебя в самом деле есть мальчик, готовый найти кого-нибудь в переплетении незнакомых нам улиц, быть может, он сумеет отыскать благосклонных жителей здешних гор? Мы рады были бы побеседовать с таким человеком, дабы из первых уст услышать подтверждение либо опровержение слухов о храме древних Богов, чудесно обретённом где-то вблизи Тин-Вилены...

Тут старик быстро глянул на ученика. Так, словно тот по молодой горячности затронул нечто, едва ли приветствуемое в разговорах с чужими... а то и вовсе опасное. Юноша смутился и, покраснев, замолчал, но корчмарь успокаивающе поднял ладонь:

– Поистине вам не о чем волноваться под кровом моего дома, почтенные. Здесь околачивался всего лишь один соглядатай Хономера, но и он... – Айр-Донн бросил взгляд в сторону двери, – ...только что вышел. И, следовательно, не сумеет подслушать ваших речей!

На самом деле из этих слов никоим образом не вытекало, что путешественники должны были немедленно проникнуться доверием к самому вельху: мало ли о чём тот мог болтать, своекорыстно пользуясь их неосведомлённостью! Но два жреца ступили на землю словно бы не с корабля, а со страниц жизнеописаний первых последователей Близначев. Те святые подвижники, как известно, почитали обман одним из тягчайших грехов и боялись обидеть кого-либо подозрением в этом грехе, предпочитая страдать от присущей людям неправды.

– Мы ещё хотели бы расспросить... – улыбнулся молодой жрец. Он говорил так, словно и не было в разговоре досадного перерыва. – Расспросить о некоем месте, также находящемся, сколь нам известно, здесь неподалёку. Если сложить воедино достаточно скудные сведения, поставляемые о нём путешественниками, получается, что там, несомненно, наличествует великая, хотя и не вполне явная сила...

Айр-Донн заинтересованно слушал.

– Неявность же сей великой и благодетельной силы, – подхватил старик, – состоит в том, что она оказывает себя не во всякому понятных событиях вроде ветра или палящего жара, но действует как бы изнутри самого человека, заставляя его по-иному осмысливать привычное.

– После определённых изысканий, – почтительно помолчав, добавил молодой, – моему Наставнику даже подумалось, уж не этой ли необходимостью переосмысления объясняется прискорбная краткость достигших нас сведений? Проще говоря, не всякому захочется узреть ошибки и скверный умысел, таящийся в тех самых поступках, которыми ещё вчера привычно гордился. Думается, оттого люди и предпочитают объезжать это место, ибо многие ли из нас могут быть вполне уверены в чистоте своего духа...

– Ага!.. – обрадовался Айр-Донн. – Так ты, верно, рассуждаешь не иначе как о Зазорной Стене! Я, конечно, человек не учёный, но могу тебе подтвердить: люди неохотно упоминают о ней, потому что редко кому нравится во всеуслышание объявлять, о чём нашептала ему совесть. Сам я тоже там не бывал... – и добрый вельх усмехнулся покаянно, но и лукаво, – ...зато в те места не так давно отправился один мой старый друг. Он говорил мне о своём намерении побывать у Стены. Это притом, что такое чистое сердце, как у него, не всякий день встретишь!

Старик допил молоко и неспешно разгладил бороду. Его красно-зелёное одеяние, которому – если судить по возрасту и речам – полагалось бы сиять густыми яркими красками, было неожиданно тусклым. В Хономеровой крепости такие носили самые распоследние Ученики, едва принявшие Посвящение. Айр-Донн невольно задумался об этом и рассудил про себя, что здесь следовало усматривать не жреческую неспособность и подавно не вялость служения, а скорее опалу. То-то они и к Хономеру не торопились, и об утраченном единстве верных Богов-Близначев говорили с болью, как говорят о разладе в родной семье. «Благодарю тебя, о Богиня Коней, – мысленно порадовался вельх, – уже за то, что у Тебя нет ни одного нелюбимого жеребёнка, какой бы масти тот ни родился. Да осияют вечные звёзды землю под Твоими копытами...»

– Ты, похоже, человек не только порядочный и гостеприимный, но и очень осведомлённый, – снова заговорил старец. – Поэтому позволь спросить тебя ещё кое о чём... Мы приехали сюда из города Кондара, что в стране нарлаков, севернее Змеева Следа. Несколько лет назад Прославленные в трёх мирах благосклонно направили в наш город двоих путешественников... Один был высокоучёный аррант, истинное украшение великого народа Аррантиады. Он был очень молод годами, однако Боги благословили его самой возвышенной мудростью: он не порывался выносить суждения и поучать, но, напротив, смиренно собирал крупницы познаний, накопленных земными народами, и увековечивал постигнутое на листах рукописи, скромно именовавшейся «Дополнениями». А его товарищ по странствию...

Айр-Донн покосился на молодого жреца и заметил, что тот улыбнулся при этих словах и глаза его заблестели.

– ...его товарищ по странствию, – продолжал старец, – был из племени веннов, затерянного в глуши северных дебрей и оттого не всем ведомого. Этого человека учёный аррант сперва представил нам как своего телохранителя и слугу, но вскоре мы убедились, что между ними ни в чём не имелось неравенства... Прости, добрый корчмарь, если мы утомили тебя столь долгим и подробным рассказом, но твой дом выглядит обжитым отнюдь не вчера. Если ты ведёшь здесь своё дело более трёх лет, то, возможно, тебе доводилось встречать наших друзей? Дело в том, что в Кондаре они сели на корабль, имея намерение достичь Тин-Вилены. И, право, эти двое ни в коем случае не из тех, кто теряется в безликой толпе. Если они благополучно добрались сюда, ты мог их увидеть. А увидев – непременно запомнил бы...

– Особенно венна, – не выдержал юный священнослужитель. – Это был великий воин, к тому же не привыкший отводить глаза, если сердце подсказывало вмешаться. У нас в Кондаре о нём до сих пор легенды рассказывают!

Наставник посмотрел на него, сдержанно улыбаясь: молодость, молодость!.. Как падка она на яркие доблести воина, как трудно ей оценить кроткое бесстрашие мудреца!..

Айр-Донн же ощутил внутри радостный трепет, почти такой же, как тот, что наполнил его душу в достопамятный день, когда через порог его тин-виленского дома безо всякого предупреждения шагнул Волкодав. Корчмарь поднялся до того церемонно, что на лицах жрецов отразилось даже некоторое беспокойство. Он торжественно одёрнул вышитую рубашку:

– Истинно велик промысел Трёхрогого, приведший вас, мои почтенные, под кров «Белого Коня»! Знайте же, что, как говорит мой народ, друзья моих друзей – мои друзья. Знайте ещё, о благородные последователи Блинецов: вы попали домой. Мой дом – ваш дом. Сам же я постараюсь услужить вам всем, чем только смогу!

Удивительное дело, но многоопытному корчмарю, только что дивившемуся про себя легковерию странствующих жрецов, даже не явилось на ум самому подвергнуть сомнению правдивость услышанного от них. Хотя, если подумать, могли они оказаться друзьями лишь на словах, а на деле – подсылами, преследующими тайную и недобрую цель!

«Косатка» Винитара по-прежнему шла на север. Ветер оставался попутным, и Волкодав уже заметил, что ночи сделались гораздо короче, чем им полагалось быть в это время года на материке, удалявшемся к югу. Вот только тепла, которое человек его племени поневоле связывает с наступлением коротких ночей, не было и в помине. Наоборот, с каждым днём делалось холодней. Мореходы кутались в меховые одежды, и только самые отчаянные и молодые ещё крепились, предпочитая греться работой. Аптахар ворчал на них, утверждая, что к его возрасту все они неизбежно будут маяться болями в суставах. Сам он, однако, ни на что не жаловался, кроме необходимости всё время видеть рядом с собой венна. Но с этим обстоятельством старый рубака всё равно ничего поделать не мог и потому ворчал редко, чтобы не прослыть мелким брюзгой.

А ещё с небес окончательно и, по-видимому, навсегда пропало солнце, оттеснённое

густыми пеленами облаков. Иногда ветер истончал нижние слои туч, плывшие над самой водой, и тогда делалось видно, что этот слой не единственный, что там, наверху, ещё десять таких же. Волкодав послушал разговоры сегванов и понял, что надеяться на перемену погоды не стоило. Солнце здесь показывалось нечасто. И чем севернее – тем реже. И уже теперь было решительно невозможно определить, где именно оно стояло над горизонтом. Как при этом сегваны отыскивали единственно верную дорогу среди совершенно одинаковых, по мнению сухопутного венна, серых морских волн, оставалось загадкой. Но ведь как-то отыскивали: «косатка» бежала вперёд, словно бодрый конь к знакомой конюшне, и кормщики явно знали, что делали, направляя корабль. Волкодава не допускали ни к вёслам, ни к парусу, ни к иной работе, поскольку это сделало бы его не кровным врагом Винитара, а кровным братом, на которого уже нельзя поднять руку. Так что он большей частью сидел около мачты и наблюдал за мореходами, силясь что-то понять. Но понимание не приходило.

Благоприятные ветры баловали корабль. Привычных трудов и тягот было немного: ни хлещущих на палубу волн, ни бешеной качки, ни отчаянной гребли, ни возни с рвущимся из рук парусом под градом холодных брызг из-за борта. И так – день за днём. Верно, сегванские Боги приберегали силы мореходов, щадя их ради каких-то будущих испытаний. Каких? Воины не гадали об этом. Они знали нрав своего моря: в любой миг может подбросить такое, что вся прошлая жизнь покажется безмятежным сном. Пока же корабельщики радовались спокойному плаванию и коротали время кто за игровой доской (снабжённой дырочками, чтобы не скатывались фигурки), кто за беседами о чём-нибудь занятном.

Однажды дошла очередь и до Аптахара.

– Расскажи про наёмников, дядька Аптахар!

– Да ну вас, – отмахнулся однорукий калека. – Я уже и рассказывать-то не умею. Раньше умел, теперь разучился.

– Брось, дядька Аптахар. Тебе руку отсекли, а не челюсть и не язык!

– И не грудь пропороли, чтобы знания разлетелись!

– Расскажи! Про наёмников!

– Арфы нету, – буркнул Аптахар.

– Да на что тебе арфа? – захохотали кругом.

Люди кунса любили и берегли увечного, но и подшутить над ним за грех не считали.

– Он ногами играть собирается, как герой Гитталик, когда его связанного бросили в яму со змеями! – предположил кто-то.

– У меня арфа есть, – встрял Шамарган.

Волкодав покосился на него. Сегваны-корабельщики отнюдь не спешили по-братски принимать к себе лицедея. По мнению венна – и правильно делали. Травить человека, доверившегося твоему гостеприимству, было величайшим злодейством. Так не подобало обращаться даже со злейшим недругом. Правда, чем именно он, Волкодав, умудрился насолить Шамаргану, составляло превеликую тайну. Может, тем, что сребреник ему подал у тин-виленских ворот? Или тем, что в «Матушке Ежихе» убийством осквернить себя не позволил? Или тем, наконец, что возле болота от преследователей уберёг?.. Оставалось предположить, что парень с самого начала действовал по указке Избранного Ученика Хономера и на его деньги. Взял плату за то, чтобы сопутствовать Волкодаву и окончательно опоить во дворе у Панкела. Ладно, сопутствовал, опоил. А в дороге ещё и потешился, напраказничал вдосталь. Это было понятно. Люди, случается, ради денег и не такое отмачивают. Родительскую любовь предают, многолетнее побратимство... Человеческому вероломству Волкодав давно уже не удивлялся. В недоумение повергало другое. Почему, сделав дело, лицедей не уехал со жрецом – навстречу заработанным деньгам и новым поручениям Хономера, – а, напротив, сбежал от него? Да притом сбежал так, как бегают, разве спасаясь от смерти. Вбил лезвие ножа между бортовыми досками «косатки» и уплыл вместе с кораблём, держась за рукоять и лишь изредка высовывая голову из воды. Кормщик Рысь, сидевший тогда у правила, ничего не заметил. И по сей день не мог Шамаргану этого простить. А тот (явив, между прочим, немалое мужество) выждал, покуда лодья миновала

проран и далеко ушла в открытое море, и только там объявился. Сегваны еле разомкнули его пальцы на черене ножа, когда втаскивали на палубу. «И с чего это ты взял, несчастный, что я не прикажу выкинуть тебя обратно в море? – спросил Винитар синего от холода Шамаргана. – Да прежде ещё не велю законопатить твоей шкурой рану, которую ты нанёс моему кораблю?» Лицедей, закостеневший так, что челюсти свело судорогой, кое-как выдавил в ответ: «Приказать-то ты можешь, только потом не пришлось бы жалеть. Я твоего венна отравил, я могу и противоядие приготовить. А больше никому с этим не справиться...»

Почему он так поступил, Волкодаву было неизвестно. Большого любопытства он, впрочем, не испытывал. Он видел, что сегваны отнеслись к предложению Шамаргана насчёт арфы без большой радости. Корабельщики продолжали упрашивать Аптахара рассказать о наёмниках, – видно, это была любимая ими история, к тому же долго не звучавшая вслух, – а на лицедея просто не обращали внимания. Лишь когда он подал голос в третий или четвёртый раз, Рысь бросил не без презрливости:

– Какая «твоя» арфа? Та, что мы нашли засунутую в мешок с пожитками венна, так какая же она твоя? Его и есть. А у тебя, не умеющий молчать, и нет ничего, кроме штанов да рубашки, и ещё ножа, который кунс велел у тебя отобрать!

Рядом с кормщиком сидел другой воин, изрядный насмешник. Его звали Гвернмаром, потому что его мать была вельхинкой, а чаще просто Гверном, потому что сегваны опасались вывернуть языки, выговаривая подобное имя. Он сказал:

– Если арфа, по нашему рассуждению, принадлежит венну, а этот недоношенный непременно хочет нам досадить, играя на ней, пускай сперва попросит разрешения у владельца. Что в том будет несправедливого?

Мореходы не спеша и со вкусом обсудили предложение Гверна. Потом спросили мнение Волкодава, и венн ответил:

– Не всё, что обнаружится у человека в заплечном мешке, следует считать его собственностью. Может, ему краденое подсунули, а он того и не знал. – Сегваны наострили уши, надеясь услышать занятное повествование, но Волкодав не стал перебегать Аптахару дорожку и сказал так: – Я не умею ни играть на арфе, ни петь. Пусть играет на ней тот, у кого лучше получится, да потом её себе и берёт.

– Справедливые слова! – похвалил Рысь. И добавил: – Правильно делает наш кунс, что заботится о тебе. Не всякий может похвастать таким достойным врагом!

– Скучновато станет, когда он тебя убьёт в поединке, – добавил Гверн.

– Ладно, лезь в трюм, принеси её, – велел Аптахар лицедею. И напутствовал: – Да смотри там, по чужим мешкам не очень-то шарь! А то все мы знаем, ручки у тебя шибко проворные!

Шамарган зло блеснул глазами, но ерепениться не стал – молча отправился за арфой. Волкодав для себя сделал вывод, что бывший Хономеров человек очень хотел задержаться на корабле. Даже ценой унижения. Ведь слова Аптахара можно было истолковать и как обвинение в воровстве, требовавшее разбирательства, если не боя. Те же Гверн или Рысь, к примеру, нипочём не стерпели бы подобного. Да им бы Аптахар, блюдя товарищество, никогда ничего даже отдалённо похожего и не сказал бы.

Для Шамаргана никто не подумал открывать кормовой палубный лаз, под которым, собственно, сохранялись в трюме пожитки. Пришлось парню спускаться вниз возле очажка и пробираться дальше на четвереньках, а после и вовсе ползком. Сегваны посмеивались, слушая сквозь палубные доски его возню и приглушённую ругань. Знай гадали, за что он там зацепился – и каким местом. К их некоторому разочарованию, Шамарган, юркий и гибкий, справился гораздо быстрее, чем они ожидали. Вернувшись, он сел поблизости от Аптахара, утвердил свой инструмент на колене и принялся настраивать. Арфа издавала звуки, от которых сегваны преувеличенно морщились и мотали кудлатыми головами.

– Начнёшь не в лад брэнчать – отберу да об твою же башку раскрошу! – грозно предупредил Аптахар.

Шамарган ничего не ответил, и не было похоже, чтобы он испугался. Стращали карася,

что в пруду потонет... усмехнулся про себя Волкодав.

Аптахар же начал повествование. Венн наполовину ждал, что опять услышит балладу о смелых наёмниках, сгинувших у стен осаждённого города из-за вероломства полководца. Однако ошибся.

Кто кого воевал – отошло, погрузилось во тьму.
Не о битвах и военачальниках будет рассказ.
Просто город был взят, и войска разгромили тюрьму,
И в глубоком и тёмном подвале увидели нас.

«Кто такие?» – «Ворьё и разбойники, конченный люд.
Мы купцов потрошили по дальним дорогам страны.
На руках наших кровь, мы творили насилье и блуд
И к паскуднейшей смерти за это приговорены!»

Волкодав сразу понял, что петь Аптахар, в отличие от сына, пустившего корешки в Галираде, так и не выучился. Он и прежде не пел по-настоящему, а либо горланил, либо, вот как теперь, пытался говорить нараспев. И не подлежало сомнению – сохранись у него вторая рука, он не перебирал бы струны, извлекая мелодию, а терзал их громко и достаточно бестолково, помогая себе немногими затверженными сочетаниями звуков.

Нет уж. Как говорили в таких случаях соплеменники Волкодава – «Лучше, если воду будут носить ведром, а сено перекидывать вилами, но не наоборот!» Хорошо, то есть, что на арфе играл всё-таки Шамарган, а не Аптахар. Молодой бродяга быстренько уловил связный мотив – насколько это было вообще возможно в лишённом особого строя пении Аптахара – и уверенно ударил по струнам, оттеняя рассказ то суровыми, то угрюмыми, то нагловатыми переборами.

И сломавшим ворота понравился дерзкий ответ.
«Что за глупость – на площади вешать таких удальцов!
Собирайте мечи, выходите на солнечный свет:
Не окажутся лишними несколько добрых бойцов!»

Так мы стали законными чадами Бога Войны.
Там, где мы проходили, расти прекращала трава.
Не указ нам ни совесть, ни праздное чувство вины:
Бей, ты прав!.. Это – враг!.. Остальное – пустые слова.

За кого – не упомянуть, но пьянствовали без вина
И рубили, рубили, и счёт не вели головам...
А потом неожиданно кончилась эта война
И войска разбрелись по давно позабытым домам.

Ну а мы? Нас не ждал ни далёкий, ни близкий удел.
И спокойною жизнью зажить мы смогли бы навряд.
Но бывает ли так, чтобы долго скучал не у дел
Бесшабашный, отважный и лютый наёмный отряд?

Обязательно сыщется в ссоре с соседом сосед,
Или чают подмоги для бунта в каком-то краю,
Или – бунт умирят... И так до скончания лет.
Это значит, что жив наш закон: заплатили – войой!

Мы косили косой, мы рубили и били подряд
Без пощады любого, о ком говорили: «Вот враг!»
Да разгневались Боги... и кровью политый отряд
Превратили однажды в свирепую стаю собак.

Может, думали Боги – вот тут-то мы пустим слезу
И у храмовых стен завывать устремимся бегом?..
А ничуть не бывало! Ведь злые собаки грызут
Очень даже исправно любого, кто назван врагом.

Псу не надобны деньги, он служит за вкусную кость,
За хозяйскую ласку, за коврик в непыльном углу,
За возможность кусать, изливать кровожадную злость...
И ему безразлично, служить ли добру или злу.

Вот и нас, превращённых, недолго снедала тоска.
Вмиг нашёлся хозяин для четвероногой орды.
Мы почуяли крепкую длань на своих поводках
И носами припали к земле: «Укажи нам следы!...»

И доньне мы носим обличье клыкастых зверей,
Чья забота сражаться, как только приказ прозвучит.
Если встретите нас – уходите с дороги скорей
И молитесь, чтоб мы не за вами летели в ночи...

Шамарган последний раз прошёлся по струнам, завершив игру россыпью созвучий, извлечь которые из арфы сумел бы не всякий песенник. Лицедей, однако, так владел своим инструментом, что сегваны и Волкодав слышали в говоре струн сразу многое. И рык псов, настигших добычу, и плач перепуганной жертвы, и властность хозяина, насылающего свирепых ищек.

– Ну как тебе, венн, песня? – отдышавшись, не без некоторого вызова спросил Аптахар. – У вас там в лесах нет небось ни одного подобного сказа. Вы, я слышал, поёте больше про то, как ваши прабабки диких зверей обнимали!

Рысь, Гвернмар и другие мореходы стали заинтересованно ждать, что скажет Волкодав. И тот, поразмыслив, ответил:

– Нашим прабабкам всяко далеко до вашей Орды Рыбачки, так что вы, сегваны, и тут нас превзошли.

Корабельщики отозвались дружным хохотом. Это сказание знали все. Прекрасной обитательнице Островов, жившей, как полагается, в незапамятные времена, понадобились крепкие сыновья для мести за брата. Одна незадача – мужа, чтобы зачать их, у неё не было. Вначале девушка обратилась за подмогой к Небу и Земле. Но Небо спало, укутавшись облаками, и не слышало её жалобу. Земля же в ответ сама стала сетовать на скудость

плодородия, – куда ж, мол, тут ещё и делиться?.. Как часто случалось в сегванских сказаниях, да и в самой жизни, всех щедрей и отзывчивей оказалось море. Оно прислало Ордле из своих пучин самца белоглазой акулы. Любой сегван знает, что этой рыбе нет равных ни по хищной прожорливости, ни по многоплодию. Вот и красавица Ордла после той встречи не ребёнка родила – метнула икру, и из каждой икринки выросло по могучему сыну. Сказание утверждало, что уже на другой год дети повзрослели и должным образом совершили свою месть. И вообще были молодцы хоть куда, если не считать маленького рыбьего хвостика, присущего каждому из них в знак чудесного происхождения, – да и кто его разглядит, этот хвостик? Разве только жена...

Аптахар раздосадованно и зло озирался на смеющихся товарищей, а Волкодав добавил:

– Песня складная, но, по-моему, ты зря обидел собак. Я бы на месте тех Богов во что другое подобных наёмников превратил. В слепней каких-нибудь, что ли. В мух навозных...

– Ага!.. – обрадовался Аптахар. – Родню твою тронули, пёсий выкормыш! А может, ты нам сам что-нибудь расскажешь?

Он очень хорошо помнил, каким молчуном венн был семь лет назад. И очень удивился, когда Волкодав пожал плечами:

– Может, и расскажу.

Сегваны стали поддвигаться ближе. Какого только занятного и смешного вранья ни слушаешься в плавании – но вот веннскими побасенками им тешиться ещё не доводилось.

– Знаю я эти веннские рассказы... – заворчал было однорукый, но Гверн положил ему на колено корявую мозолистую пятерню.

– Дядька Аптахар, – сказал он примирительно. – Не любо – не слушай, а врать не мешай!

Звучало это присловье, насколько Волкодаву было известно, у всех народов почти одинаковым образом.

– В Тин-Вилене, – начал он, – я жил в крепости у жрецов и прочитал немало книг... Поначалу я выискивал путевые записи землепроходцев и учёных знатоков мироустройства, но потом мне стали попадаться книги, сочинённые о том, чего на самом деле никогда и нигде не было. Я для себя назвал их баснословными...

– Значит, правду говорят те, кто жалуется, что мир измельчал! – снова не сдержался Аптахар. – До чего дошли люди! Мы-то, сегваны... да пускай даже и вы, венны... мы передаём из уст в уста и рассказываем о таком, что пускай очень давно, но всё равно было! А эти?.. Вот что случается с теми, кто живёт в незаслуженно благодатных краях. Порют всякую небывальщину, которую им Полуношник в уши насвистел...

Полуношником сегваны именовали северо-восточный ветер, никакого доверия, по их мнению, не заслуживавший.

– Дядька Аптахар, – снова сказал Гверн. – Чем встречать, может, лучше у кунса позволения спросишь да нам медовухи наваришь? А ты рассказывай, венн!

– Тьфу, – плюнул Аптахар. Но всё-таки замолчал.

– Там были разные книги, – заговорил Волкодав. – Одни повествовали о людях, которые никогда не жили, другие – о небывалых державах, третьи же – вовсе об иных мирах, озарённых иными солнцами и уряженных иными Богами. Это были странные книги... Не тем странные, что рассказывали о странном. Просто одну дочитаешь – и жалко, что кончилась, другая кончилась – и не жалко, а третью дальше первой страницы и читать неохота. С нашими сказаниями ведь не так, верно? Аптахар правильно молвил: мы привыкли рассказывать о том, что вправду было когда-то. Очень давно было. И с тех пор столько поколений старалось наилучшие слова подобрать... что и самый бездарный сказитель ничего уже испортить не сможет. А когда грамотный человек сам придумал и сам берётся рассказывать – всё зависит от него одного, никто ему не помощник...

– Ага! – перебил сообразительный Рысь. – Значит, наши сказания – это вроде боевого отряда, где сорок мечей и победа общая. А кто книги сам сочиняет, те наподобие поединщиков, которые перед войском выходят?

Волкодав поразмыслил и кивнул. От него не укрылось, как внимательно слушал его Шамарган. Шамаргана никто не похвалил за отменное владение арфой, но лицедею было не до обид. Дали сыграть и после арфу не отняли – и то хорошо. И даже из круга, собравшегося послушать венна, взащей не прогнали...

Ещё Волкодав заметил, как Винитар, стоявший на носу корабля, поднялся и перешёл ближе. Это было правильно. Врага следует знать.

– Одна книга о неведомом мире и чужих Богах крепко зацепила меня, – продолжал Волкодав. – Я долго не мог отделаться от мыслей о ней. Я и теперь полагаю, что написавший её был далеко не во всём прав...

– Ну ты и дурак, венн! – возмутился Аптахар. – Вот уж верно подмечено: что бы ваше племя ни плело о своих предках, а только в родне у вас еловых пней точно было больше, чем разумного зверья! Я вот не выучился грамоте, потому что мне это никогда не было нужно, ну так я с учёными людьми в спор и не лезу! У меня на это вполне хватает ума. А ты, значит, едва выучился читать – и уже собственное суждение обо всём приготовил? Ты ещё начни судить об искусстве канатоходца, сам на канат ни разу не забиравшись. Как есть дурак!..

– Дядька Аптахар, – негромко заметил молодой кунс. – Никто из нас не читал баснословной книги, о которой говорит венн, и мы подавно не знаем, что именно венн о ней думает. Поэтому погоди кипятиться и сперва выслушай одно и другое. Потом рассудишь, кто и в какой мере дурак. Хорошо?

– Хорошо, – буркнул Аптахар. И сел к Волкодаву спиной, делая вид, будто рассказ венна ему совершенно неинтересен. Однако, сев так, он оказался носом к носу с Шамарганом, на которого ему – если только это возможно – было смотреть ещё противней, чем на Волкодава. Аптахар засопел и снова обратился к венну лицом. На сей раз ему пришлось делать вид, будто он в упор не видит добродушных усмешек друзей.

– Кто сочинил эту книгу, я так и не понял, – продолжал Волкодав. – Она была на аррантском, имя же на ней оказалось подписано мономатанское, вот только и чёрные племена, и жители Аррантиады изъясняются совсем не так, как тот сочинитель. Имена же в книге встречались всё такие, как у народа тальбов, по сию пору живущего в Нардаре... Ну да это неважно. Книга рассказывала о Богах, правивших просторами и стихиями своего мира. Мир населяли разные племена, и почти все Боги считали, что люди должны им поклоняться уже потому, что они, Боги, старше, могущественней и грозней. Но был среди них один, который считал, что поклонение ещё следует заслужить. Он полюбил людей и принялся им помогать...

– И правильно сделал, – кивнул Рысь. – Взять нашего Туннворна: ледяные великаны давно поглотили бы Острова, если бы не Он с Его молниями. Поэтому мы и чтим Его наравне с Отцом Храмном, ведущим нас против врагов!

– Когда воспитываешь собак, радостней служит та, которая любима, – поддержал Гверн. – Из-под палки пёс тоже будет таскать санки и приносить дичь, но потом наступит день, когда разница окажется очевидна.

– Тот Бог спускался к людям с небес, и оттого они дали Ему имя: Крылатый, – рассказывал Волкодав. – И повсюду долго был мир и покой. Но потом другие Боги, желавшие поклонения не по трудам, почувствовали себя обойдёнными. Они стравили между собой племена смертных и сами вступили в войну. Их было много, а Крылатый не отваживался даже как следует защищаться, потому что не желал вычёрпывать для этого силу мира, который полюбил. Завистливые Боги схватили Его и обрекли на вечную муку: заковали в горящие цепи и, выколов глаза, поместили за краем Вселенной, куда не достигает даже свет звёзд. Люди же, хранившие Ему верность, частью погибли, частью рассеялись по белому свету, унося с собой память и скорбь по Крылатому Властелину. Так кончается эта книга.

– Ну-у-у... – разочарованно протянул Рысь. Аптахар ядовито фыркнул, Гверн же заметил:

– Право слово, венн, твоя перепалка с Аптахаром и то была занятней такого рассказа!

Я-то уши развесил – сейчас, думаю, он нам красивыми словами поведаёт про битвы и про любовь!.. Я тоже видел книги, которые ты таскал по лесу в котомке: они такие толстые, что самой маленькой хватило бы забавлять нас до Островов! А ты – раз, два и готово. Как же мы поймём, что именно тебе не понравилось в книге, которую ты путём пересказать-то не умеешь?

– То, что мне не понравилось, очень мало зависит от битв и прочих подробностей, – сказал Волкодав. – Вот ответ мне, какова цена сыновьям, не оградившим любимого отца от опасности?.. Правильно, ломаный грош. Что же можно сказать о людских племенах, радостно шедших за Крылатым?.. Правильно, слабосилки. Яви они истинную крепость и чистоту духа, никакие Боги с ними ничего не смогли бы поделаться. Это у нас, людей, тупица с тяжёлыми кулаками может проломить голову мудрецу и уйти безнаказанным. Боги же – на то и Боги: у них в жилах течёт изначальный закон. Он обязывает их, как нас обязывает наша кровь!

– Тут ты прав, – сказал Рысь. – Когда длиннобородый Храмн испытал страсть к рыжекудрой Эрминтар и собрался приблизиться к ней, не посмотрев даже на то, что она была дочерью рабов, у Него на пути встал её жених, такой же раб, как и она. Разве не мог Отец Храмн тотчас обратить парня в камень? Мог, конечно, ибо красота девы манила его! Но Он в Своей справедливости решил испытать жениха и невесту. Он пообещал им свободу. И потомков, которые стали бы кунсами. «Мы почли бы за великую честь Твоё посещение, – ответила Эрминтар. – И я сама с радостью предложила бы божественному гостю согреть Его ложе. Однако торговать собой за блага, которые Ты посулил, я не стану, – хотя и говорят люди, будто всякая рабыня продажна!» Тогда Храмн отступился. Но почему-то очень скоро муж и жена оказались свободны, а их сыновья породили один из славнейших Старших Родов!

Сегваны одобрительно загудели. Кое-кто даже заметил, что венн как рассказчик не годился Рысю в подмётки. Однако все ждали продолжения, и Волкодав сказал:

– И ещё... В книге несколько раз повторялось, что тот мир был одушевлён любовью Крылатого. Я не особенно понял, зачем бы одушевлять то, что и так одушевлено... но пускай. Если та земля была живой и осознавала себя, почему речь идёт всё время только о боязни Крылатого вычерпать её мощь? Да сам этот мир должен был подарить Крылатому столько силы, сколько тот заслуживал... и притом нимало не оскудеть, ведь те из нас, кто щедро дарит себя любимым, только делаются сильнее и богаче! А если так, тот мир, пожалуй, горой поднялся бы за своего Бога, и вовсе не Крылатый оказался бы за краем Вселенной...

Гверн поинтересовался:

– Если там уж так всё неправильно, чего ради ты нам пересказываешь такую скверную книгу?

Волкодав пожал плечами.

– Книга, – сказал он, – вовсе не скверная, скорее даже наоборот. Тот, кто написал её, владел пером лучше, чем я владею мечом. Пока я её читал, я думать не думал о том, что в ней неправильно, и взялся размышлять только позже, когда всё кончилось и я понял, как сильно она задела меня. Мне даже захотелось самому сложить продолжение...

– Какое? – оживился Рысь. Гверн ничего не сказал, но посмотрел на Волкодава так, как тот сам посмотрел бы на сочинителя баснословных книг, если бы во плоти встретил хоть одного.

– Я начал бы прямо там, где завершилась та книга, – сказал Волкодав. – Я рассказал бы, как разгневанный мир замкнулся от завистливых и скаредных Богов, выдворив Их из всех своих сфер. И ещё о том, как могущественные светлые души, для которых даже край Вселенной не есть непреодолимая грань, были призваны отыскать Крылатого и вернуть Его людям. О том, как были разорваны Его цепи и исцелены раны...

– Ну и никто не стал бы такую книгу читать! – злобно возвестил Аптахар.

– Почему? – удивился Гверн. – Если будет складно и занятно рассказано, то почему бы

и нет?

– А ты сам прикинь, кому нужно сказание, где всё ладно и гладко! – отвечивал Аптахар. Его глаза сияли тем вдохновением, которое получается, когда человек совершает непривычное и несвойственное для него умственное усилие и в итоге сам понимает, что родил мысль, до которой в обычном состоянии ему было бы не допрыгнуть. – Верно, есть у нас и такие, но часто ли мы их рассказываем? Гораздо реже небось, чем про прекрасную Эрминтар и её храброго мужа, убитых ледяным великаном, которому они не отдали сына. Или про Ордлу Рыбачку, чьим детям пришлось мстить не только за дядю, но и за мать! А почему? Потому что гладкие да справедливые повести никуда не зовут. Вот жил человек всю жизнь у себя дома, жил в довольстве, в достатке, не лез ни во что, никому даже ни разу по морде не въехал, а потом тихо помер на сто первом году. Будут о нём сказители у костров петь?.. Ну, вернулся бы этот Крылатый, стал мирно править... тишь, благодать, дальше-то что? Скука! А вот пока Он где-то там, бедный-разнесчастный, ослеплённый да в горящих цепях... Душа ж плачет!.. Тут-то разные простачки начинают свои продолжения сочинять, свербит потому что. А другие, уже вовсе умом скорбные, те и вовсе спасать снаряжаются незнамо куда...

И старый воин даже ногой притопнул по палубе, зовя её в свидетельницы своего гнева.

– Истинные речи ты молвишь, дядька Аптахар, – вразной уважительно согласились сегваны. Волкодав же подумал, что святое зерно правды в рассуждениях Аптахара определённо присутствовало, но ещё было в них и нечто, не дававшее ему согласиться с калеккой. Нечто, имевшее очень мало отношения к самолюбию, затронутому его нападками. Но что именно – венн не мог сразу осмыслить и облечь в слова. Тут следовало хорошенько подумать, и оттого он счёл за лучшее промолчать.

* * *

Весенние сумерки длительны и неторопливы. Солнце отлого уходит за горизонт, оставляя небеса тлеть тихим малиновым заревом. Зареву переползает всё севернее и очень медленно меркнет, и начинает казаться, что невидимое светило так и не позволит себе отдыха – снова засияет на небе, ни на мгновение не отдав его темноте. Однако шо-ситайнское Захолмье – всё-таки не Сегванские острова и даже не веннские дебри. А посему неизбежен момент, когда окончательно гаснут все краски и расплываются очертания, когда ночь сворачивается в мохнатый клубок и прикрывает нос пышным тёмным хвостом, оставляя настороже только недреманные звёзды.

В лесных низинах уже плавал туман. Плотные белёдые щупальца медленно обтекали еловые стволы и кусты можжевельника, достигая дороги. По песчаной дороге неровной, шаткой рысцей бежала собака – беспородный кобелёк, живший некогда во дворе у Панкела. Пёсик был совсем не из тех, на ком радостно или хотя бы умиленно останавливается человеческий взгляд. Наоборот – при виде подобного создания большинство людей испытывает отчётливое смущение. Кое у кого оно выливается в жалость. Таким людям кажется, будто собачонка, подобно им самим, осмысливает свою внешность и очень переживает из-за неё. Эта жалость может приобретать самые разные формы. В том числе и такую: «Пришибить тебя, что ли, чтобы не мучился?» Гораздо больше, однако, людей, чьё смущение откровенно прорывается злобой, как будто несчастный уродец перед ними виноват уже тем, что на свете живёт. «Вот гадость какая! Да я тебя...»

Что поделаешь, не все рождаются роскошными красавцами, не все с первого взгляда покоряют величавой мощью движений. К иным ещё требуется присмотреться. Корявая мордочка кобелька никому не показалась бы безобразной, если бы её озаряло весёлое и доверчивое лукавство. И жёлто-пегая шёрстка сделалась бы почти нарядной, если бы у кого-то дошли руки расчесать её, избавляя от грязи и колтунов. Но человеческие руки гораздо охотней и чаще подхватывали не гребень, а палку. Поэтому шерсть пёсика торчала довольно мерзкими грязно-серыми клочьями, а в глазах вместо игривого веселья застыло

тоскливое ожидание очередной напасти.

Правду сказать, этих самых нападений последнее время было многовато даже для него, вовсе не избалованного. Земной мир с самого рождения был не очень-то ласков к нему, но этот мир оставался по крайней мере привычен, кобелёк знал, чего от него ждать. Хозяин Панкел был не особенно добр, однако известен до последнего чиха, да пёсик не задумывался и не знал, какие вообще хозяева бывают на свете. И вот теперь всё знакомое, незыблемое и надёжное в одночасье рухнуло, оставив его наедине с неизведанным и чужим, а потому страшным. Пёсик, выросший на деревенских задворках, оказался в лесу, куда раньше он никогда не отваживался соваться. Привыкший спать в конуре Старшего, возле косматого бока своего единственного друга, теперь он ночь напролёт торопился сквозь темноту. Его кривые короткие лапки никогда-то не обладали достаточной резвостью, а теперь одна из них, метко подбитая камнем человека в двуцветной одежде, ещё и болела, распухнув, и он совсем не мог на неё наступать...

Песчаная колея отлого спускалась к одной из бесчисленных речек, бежавших здесь из одного болота в другое и далее к сверкающим глазам Озёрного края. Вечерняя прохлада породила у речки особенно густой и плотный туман: дорога ныряла прямо в белое молоко, плывшее над водой. Позже, когда летняя жара хорошо прогреет торфяники, дорога здесь станет совсем удобной, сухой и проезжей. Но это потом, а покамест кусок дороги сам напоминал небольшое болото – поперёк пути расплылась необъятная лужа густой чёрной грязи. Кое-где отстоялись прудочки чистой воды, и там можно было от души поплакать, не говоря уж про то, чтобы охладить подушечки лап, совсем стёртые и разбитые непривычно длительным бегом.

Пёсик так обрадовался возможности напиться и отдохнуть, что даже прибавил шагу, стремясь скорее к воде. Уставший бояться всего подряд, он несколько потерял бдительность, да и ветер, как нарочно, тянул не к нему, а от него... Кобелишка в ужасе присел и шарахнулся, когда впереди чавкнуло, затрещало – и, разгоняя щетинистой спиной густые пряди тумана, с лёжки у обочины малоезжей в эту пору дороги вырос огромный старый кабан.

Дворняжка как-то сразу понял, что настал его последний час. Бежать было бесполезно. Он и на четырёх-то ногах вряд ли удрал бы от разгневанного чудовища, а на трёх и подавно. Стоило нечаянно опереться оземь покалеченной лапкой, и пёсик взвизгнул от боли. Кабан же был громаден, и темнота вкупе с туманом его ещё увеличивали. Он зло хрюкнул, быстро наливаясь убийственной яростью. Когда-то у него было стадо, но он уже давно покинул его, вернее, был изгнан. Его выдворили за то, что к исходу третьего десятка лет он начал выживать из ума, становясь всё более гневливым и скорым на расправу. Рано или поздно это могло оказаться опасно для стада, предпочитавшего держаться скрытно и осторожно. Понятно, кротости нрава у старого одинока с тех пор не прибавилось. И ещё у него были клыки больше человеческого пальца длиной, круто загнутые, росшие всю жизнь, и он очень хорошо умел ими пользоваться в бою...

Ужас, пережитый в эти мгновения маленьким кобельком, едва не откупорил вонючие железы у него возле хвоста. Однако потом что-то изменилось. Кабан замер на месте. Его щетина по-прежнему топорщилась воинственным гребнем, но движение огромного тела, казавшееся совершенно неостановимым, вдруг исчерпалось. Вепрь словно заметил впереди нечто, способное отрезвить и остудить даже его траченный возрастом рассудок. Припавший к земле пёсик несколько ожил, к нему вернулась способность воспринимать окружающий мир, и он попытался понять, что же заставило замереть матёрого одинока.

Его ищущие ноздри втянули запах... Очень знакомый и родной, этот запах тем не менее просто не мог, не имел права здесь разноситься. Потому что это был живой запах. А тот, кому он принадлежал, уже не имел отношения к миру живых.

Кобелёк отважился повернуться... За его спиной на дороге стоял Старший. Вот только был он совсем не таким, каким маленький пёсик помнил его. Теперь ему были присущи горделивая осанка, несуетный блеск глаз, здоровый густой мех... и, конечно, никакой цепи

на шею. Таким Старший мог и должен был бы стать в расцвете жизни у сильного и заботливого хозяина. В таком телесном облике верно отразилась бы доставшаяся ему душа. Уже уйдя туда, где не бывает несправедливостей и обид, он всё-таки вернулся присмотреть за криволапым дружком, оставшимся в одиночестве. И кабан, изготовившийся было напасть, остановился. Наверное, всё-таки не от страха, потому что он вряд ли способен был испытывать страх. Нет, тут было нечто иное. Нечто, всего более сходное с ощущением запрета, хорошо знакомого могучему и хорошо вооружённому существу.

Кабан потоптался и недовольно затрусил прочь, с треском раздвигая прошлогодние камыши. Маленький пёсик снова оглянулся. Ветерок шевелил ветки над головой, и тени в тумане утрачивали схожесть с силуэтом собаки.

«Мы ещё свидимся, брат...»

Из-за пазухи вынув щенка-сироту,
Обратился Хозяин со словом к коту:
«Вот что, серый! На время забудь про мышей:
Позаботиться надобно о малыше.
Будешь дядькой кутёнку, пока подрастёт?» —
«Мур-мур-мяу!» — согласно ответил кот.
И тотчас озадачился множеством дел —
Обогрел, и утешил, и песенку спел.
А потом о науках пошёл разговор:
Как из блюдечка пить, как проситься во двор,
Как гонять петуха и сварливых гусей...
Время быстро бежало для новых друзей.
За весною весна, за метелью метель...
Вместо плаксы щенка стал красавец кобель.
И, всему отведа в этой жизни черёд,
Под садовым кустом упокоился кот.
Долго гладил Хозяин притихшего пса...
А потом произнёс, поглядев в небеса:
«Все мы смертны, лохматый... Но знай, что душа
Очень скоро в другого войдёт малыша!»
Пёс послушал, как будто понять его мог,
И... под вечер котёнка домой приволок.
Тоже – серого! С белым пятном на груди!..
Дескать, строго, Хозяин, меня не суди!
Видишь, маленький плачет? Налей молока!
Я же котику дядькой побуду пока...

8. За Челну, на кулижки

Сегванских островов есть свойство почти никогда не показываться впереди так, как вроде бы по природе вещей положено островам: постепенно и медленно, начиная с вершин. Такое здесь изредка происходит разве что под конец лета, когда земля и вода наконец-то напитываются скудным теплом солнца, никогда не поднимающегося высоко в этом краю. Тогда ненадолго расходятся вечные облака и пропадает клубящийся над морем туман, воздух становится чист и прозрачен, и горы, венчающие почти каждый остров, начинают являть себя взгляду из поистине невообразимого далека. Тогда мореплаватели смотрят на сверкающие белые зубцы, медленно растущие из-за горизонта, и зоркость воздуха обманывает глаза, не давая понять, близко они или далеко. И, какими бы знакомыми ни были угловатые острия, горящие под лучами низкого солнца, всё равно так и тянет обмануться,

поверить, будто это не родной остров приветствует тебя за полдня пути, а вот-вот обступят корабль лабиринты неведомого архипелага, изваянные из ледяного искрящегося хрустала...

Но такая погода здесь держится лишь несколько коротких дней осенью или, вернее, между летом и зимой, как принято исчислять у сегванов. Всё остальное время Острова кутает мгла – либо мокрая, либо морозная. И даже если небо кажется совсем ясным, скалистые берега не поднимаются впереди, а выступают из дымки сразу целиком, так что неопытные путешественники склонны поначалу принимать близящуюся сушу за плотные тучи у горизонта. Но и это бывает достаточно редко. Чаще всего небо Островов затянуто плотными войлочными облаками. И они плывут совсем низко, позволяя видеть лишь сумрачные подножия гор и начисто срезая сверкающее великолепие вершин...

Когда на пути «косатки» стал всё чаще и гуще попадаться лёд, качавшийся в студёной воде порою глыбами величиной с небольшой холм, сегваны заметно оживились, предвкушая встречу с родиной (где, правду сказать, некоторые из них никогда прежде и не бывали). Волкодав спросил Рыся, увидят ли они остров Старой Яблони.

– Нет, – отвечал кормщик, – не увидим. Он один из самых южных, так что мы давно миновали его.

– Жаль, – сказал Волкодав, удивляясь про себя, с чего бы ему произносить это вслух. А были ведь времена, когда и не произнёс бы; да и вообще спрашивать бы, пожалуй, не стал. – Посмотреть бы, цветут ли там ещё знаменитые яблоневые сады... И намного ли вырос великан в седловине горы!

Рысь не без некоторого удивления на него покосился. А Волкодав вспомнил карту, которую ещё в Тин-Вилене едва ли не каждодневно рассматривал, и заговорил снова:

– Если я верно понял, кунс велит править прямо к вашему острову, кратчайшим путём...

– Скажем так, – ответил Рысь, – насколько возможно будет подобраться.

Волкодав едва не спросил отчего, но вовремя спохватился, сообразив: в том, что касалось Островов, виденная им карта устарела самое меньшее лет на двадцать. Нет, суша здесь, в отличие от архипелага Меорэ, не всплывала и не тонула по три раза на дню, но с таким же успехом могла бы и тонуть. Что толку указывать на морской карте остров, к которому всё равно не может причалить корабль, потому что за неделю пути до него мореплавателя встретит стена нетающих льдов? Например, остров Розовой Чайки красовался на старой карте как ни в чём не бывало, в то время как его давным-давно поглотили расплзшиеся ледники. Последний дом был сметён движущимися льдами лет сорок назад. И с тех пор там навряд ли стало снова тепло.

– Значит, – сказал Волкодав, – остров Печальной Берёзы тоже останется в стороне? И остров Хмурого Человека?

Рысь не выдержал:

– Редко встретишь чужестранца, который не только помнил бы названия разных островов, но ещё и расспрашивал о них так, словно эти названия что-то ему говорят! Откуда такое любопытство, венн?

Волкодав пожал плечами:

– Ты удивишься, кормщик, но у меня были друзья сегваны... Кое-кого я даже называл братьями. Они рассказывали мне о своей земле. Рассказывали с любовью, так, что мне захотелось своими глазами на неё посмотреть. – Подумал и добавил: – Тем более что записи в книгах о мироустройстве, касающиеся Островов, очень противоречивы. Такое впечатление, что учёные путешественники сами не забирались сюда, довольствуясь в основном рассказами твоих соплеменников. А те знай хвалили каждый свой остров, объявляя его чудом из чудес и всячески принижая все остальные...

Рысь хмыкнул:

– Я не знаю, что врал другие, но, если там был кто-нибудь с нашего острова Закатных Вершин, он-то должен был рассказать чистую правду. О том, что настоящее чудо можно увидеть только у нас, а все остальные рядом с ним – плюнуть и растереть!

Не видал ты наших венских лесов... с привычной строптивостью подумалось Волкодаву. Он одёрнул себя, мысленно нахмурившись: воин Винитара был немногим моложе его самого, а значит, мальчишкой вполне мог побывать на Светыни. Вполне могло также выясниться, что в замке Людоеда у него погиб отец или брат. Не буди лихо, пока оно тихо! И Волкодав не стал спрашивать, видел ли Рысь венские леса. Это всё равно не имело никакого значения. Он заставил свои мысли изменить направление бега и тут же в который раз вспомнил про Эвриха. Вот кто небось уже точно схватился бы за чернильницу и перо!..

– Каково же ваше чудо? – спросил венн.

Рысь улыбнулся, хищно блеснув зелёными глазами:

– Увидишь!..

Ко всем прочим своим умениям морские сегваны владели искусством необыкновенно точно рассчитывать время своего путешествия. Святой старинный обычай велел подходить к острову Закатных Вершин на закате – и «косатка» кунса Винитара оказалась в виду родной земли именно на закате.

Правда, это был не тот обыкновенный и привычный закат, после которого следует ждать ночной темноты. Ночи на Островах весной не бывает совсем. Солнце очень степенно погружается за горизонт и далее совершает свой путь прямо под ним: заберись на горку повыше – как раз и углядишь сверкающий край. Даже толщи облаков ничего не могут поделаться с полуночной зарёй, и она окрашивает их всеми цветами от холодного лилово-малинового до алого и огненного золотого. Пройдёт ещё немного времени, настанет лето, и солнце совсем перестанет уходить с неба. Так и будет кружить, поднимаясь то выше, то ниже, но никогда не прячась совсем. Когда-то давно, ещё на руднике, один грамотный мономатанец объяснял Волкодаву, отчего так получается. Он убеждал недоверчивого юнца, вращая один кругом другого два камня, маленький и побольше. Волкодав, в общем, понял его рассуждения, но они ему не понравились, ибо не содержали ни благоговения, ни красоты. На что нужен такой мир, пускай даже понятно и правильно объяснённый?..

Наблюдая каждый день за сегванами, Волкодав отмечал про себя, как постепенно стихали между ними разговоры о прибытии на остров. Так бывает, когда чаемое и очень волнующее событие, постепенно приближаясь из дали будущего, как-то вдруг – а это всегда происходит именно «вдруг» – оказывается совсем рядом. И замолкаешь, и перестаёшь разглагольствовать и болтать языком, и просто ждёшь. С душевным трепетом, делающим слова неуместными и ненужными.

В тот день с утра Волкодав обратил внимание, что комесы совсем перестали сквернословить и развлекать друг дружку весёлыми непристойностями, до которых всегда так охоч воинский люд. А ещё они обошлись без еды, и никто не требовал с Аптахара медовухи, греющей тело и душу. Так люди ведут себя, готовясь приступить к делу, требующему высокого сосредоточения духа. К божественному служению. К поединку и битве. К долгожданной встрече с любимой...

Что явится им из воспламенённого уходящим солнцем тумана? Может, лишь необозримая ледяная стена, над которой даже очертания знаменитых гор невозможно будет увидеть?..

Для самого кунса, для Аптахара и ещё нескольких комесов остров Закатных Вершин был родиной. Они здесь выросли или даже, как Аптахар, оставили молодость. Им каждый валун неслышно прошепчет: «А помнишь?..», им ветер напоёт давно забытые колыбельные, и даже у воздуха окажется совершенно особенный вкус, не такой, как на Берегу, – дышать и не надыхаться...

Волкодав очень хорошо понимал это чувство.

Однако большинство молодых воинов, рассуждая об острове, добавит к слову «родина» словцо «пра». Здесь увидели свет их отцы с праотцами, им же самим никогда не доводилось бывать. У этих мореходов тоже горели глаза, но несколько по-другому. Если до острова действительно удастся добраться, их, быть может, в итоге сильно разочарует нагромождение

обледенелого камня, снабжённое в устах старшего поколения таким легендарным величием. Они, конечно, в этом никогда не признаются. Но и плакать не будут, как плакал когда-то Волкодав, глядя с высокого, крутого холма на свою родную деревню... на крышу дома, под которой теперь жили чужие...

Венн много лет думал об острове Закатных Вершин только как о родине Людоеда. Что ж, это по-прежнему было так. Но – с некоторых пор – не только. Волкодав посматривал на матерщинника и рубаку Аптахара, неотрывно глядевшего вперёд, в плывущий над морем туман. Ближе к вечеру старый воин принялся то и дело смахивать с глаз неизвестно откуда взявшиеся соринки. Или это брызги долетали из-за борта, чтобы украдкой скатываться по щекам?.. У венна не было особых причин любить Аптахара. Скорее наоборот. И Аптахар совсем не шутил, когда называл его несчастьем всей своей жизни. Однако человек, с которым вместе ел хлеб и проливал кровь, такой человек поневоле становится... нет, не своим, судьба так распорядилась, чтобы между ним и Аптахаром подобное сделалось уже невозможно, – но определённо не-чужим, и при всём том, что ты помнишь: этот воин, бывший комес Людоеда, убивал когда-то твою родню, – внутренняя правда мешает смотреть на него исключительно как на врага.

Понапрасну ли вера соплеменников Волкодава запрещала убивать того, с кем перемолвился словом... А в Мономатане жило чёрное племя сехаба, и у тамошних воинов было принято в битве давать пощаду противнику, схватившемуся за древко копья. Волкодав смотрел на беспокойно топтавшегося Аптахара и едва ли не впервые размышлял, в чём же тут дело? В завете Богов – или во врождённом законе, свойственном всякой здоровой душе, каких бы Богов ни чтил её обладатель?.. Легко сбить стрелой дикого гуся, пролетающего над озером. И гораздо трудней свернуть шею такому же гусаку, только домашнему, которому ты дал имя, который приучен доверчиво к тебе подбегать...

Волкодав помнил: кунс Винитарий по прозвищу Людоед появился на Светыни в конце лета. У него было тридцать спутников, тридцать суровых, обветренных мореходов. Винитарий познакомился с Серыми Псами, порадовался ничейным землям за рекой... и почти сразу отбыл, спеша обратно на Острова. Чтобы следующей весной, едва только по Светыни прошёл лёд, вернуться уже со всем своим племенем. Вот тогда и произошло нападение. Буквально через несколько дней...

Последний Серый Пёс привычно считал – кунс не пожелал осенью нападать на его род оттого, что там тоже было ровно тридцать мужчин, ни в чём не уступавших его комесам. И двадцать восемь женщин, точно так же готовых защищать свой дом от любого врага. Поэтому Винитарий не отважился ни напасть, ни зазимовать: ведь тот, кто задумывает предательство, сам вечно подозревает других. И весной он совершил своё подлое дело, едва обсушив после плавания корабли. Ударил наверняка, зная: никто не чаёт нападения от новосёлов, приехавших жить и только-только начавших устраиваться...

А вот теперь Волкодав начинал думать, что, верно, была у кунса и другая причина для спешки. Неудачливым и бессильным предводителем племени был бы Винитарий, да и не удержал бы он на плечах шитый плащ кунса, если бы не умел предугадывать движения человеческих душ. Легко натравить исстрадавшийся островной народ на каких-то непонятных жителей Берега, явно по недосмотру Богов обладающих богатым и красивым угодем. Но – это только пока венны вправду остаются для приезжих сегванов непонятными и неведомыми, может быть, даже и не вполне людьми, кто их тут знает, на этом Берегу, за столько дней пути от настоящей земли!.. Стоит обжиться, начать узнавать друг друга в лицо, вместе ходить на охоту и сообща варить пиво... вместе смеяться, заглядываться на пригожих девчонок... Как после этого резаться? Как посреди ночи взять оружие и пойти убивать тех, кого хорошо знаешь?.. Тех, кто для тебя уже не какие-то нелюди без лиц и имён, а вполне определённые Отава, Белогуз, Межамир?..

Ведь не получится. И Людоед это очень хорошо понимал.

В конце концов Волкодав даже заподозрил, что Винитар, его сын, испытывал нечто подобное. Чем ещё объяснить, что за всё время плавания кунс обменялся со своим то ли

пленником, то ли гостем едва ли несколькими словами? Уж не боязнь ли, как бы взаимное узнавание не сделало слишком тяжким долг кровной мести, не сделало немислимым Божий Суд, который должен был состояться между ними на острове?.. Поэтому Волкодав весьма удивился, когда Винитар вдруг подошёл к нему и сказал:

– Ты называл острова и расспрашивал о них. Кого ты знал с острова Старой Яблони?

Никакой тайны тут не было, и Волкодав ответил:

– Когда меня продали на каторгу, я встретил мальчика-сегвана. Он был младше меня. Его звали Аргила. Какой-то Зоралик взял его в плен во время усобицы кунсов. – Помолчал и добавил: – Аргила был из тех птиц, что не живут в клетке.

Винитар молча кивнул. Его лицо, по обыкновению, оставалось бесстрастным, и Волкодав понял, что имя Аргилы ничего не говорило ему. Он удивился некоторому разочарованию, помимо воли шевельнувшемуся в душе. Сегванские острова многочисленны. Глупо было надеяться, что все там знают друг друга. Так же глупо, как и полагать, будто все венны между собою знакомы. Однако Волкодав сообразил, что Винитар, должно быть, не спроста расспрашивал его о Старой Яблоне. И он сказал:

– А ты кого оставил там, кунс?

Он не слишком надеялся, что Винитар пожелает ответить. Но, видно, близость родного острова даже вождя заставила изменить некоторым привычкам. Он пожал плечами и проговорил:

– Когда я был мал, тамошний кунс пригласил отца на свадьбу своего сына...

Он слегка запнулся. *Мало кто любил Людоеда*, мысленно договорил за него Волкодав. *Но Старший Род с острова Закатных Вершин был могущественным, и с ним искали союза...*

– Отец взял меня с собой, – продолжал Винитар. – Под утро я пошёл слушать, как падали яблоки, и увидел девочку. Она родилась хромоногой и не могла обходиться без костыля. Но у неё были волосы, гуще которых я никогда потом не видал. Она беседовала не по годам разумно. У всех на уме была свадьба кунсова сына, и уже на корабле я сказал отцу, что тоже нашёл себе невесту. Это было за три года перед тем, как мы переселились на Берег.

Он опять замолчал.

– Вряд ли твой отец пришёл в восторг от такого выбора... – негромко проговорил внимательно слушавший Волкодав. И с запоздалым удивлением осознал, что, оказывается, способен рассуждать о Людоеде просто как об отце, натолкнувшемся на своеволие наследника.

Винитар снова пожал плечами:

– Он дал мне подзатыльник и сказал, что зря она не родилась на нашем острове: для таких, мол, как она, у нас есть Понор.

Волкодав ощутил укол праздного любопытства. У него дома сходным словом обозначали самородные колодцы, в которые проваливалась уходящая под землю вода. Понор, упомянутый молодым кунсом, был одной из немногих диковин Сегванских островов, более-менее достоверно описанных в «путевниках» образованных землепроходцев. Правда, диковина получалась довольно-таки зловещая. Сородичи Людоеда испокон веку отправляли в Понор младенцев, родившихся уродливыми или, по общему мнению, нежизнеспособными. Молва также гласила, будто в голодные годы туда по собственной воле уходили ветхие старики, уставшие от прожитых дней и не желавшие более обременять собой свои семьи. Дело в том, что Понор не был обычным земным провалом. Ни колодцем, куда у веннов сама собой ныряла вода, ни даже огненной ямой вроде тех, что Волкодав видел когда-то на Заоблачном кряже, на горе Глеющая Печь. Заглянувший в Понор не обнаруживал внизу дна. Ни каменного, ни огненного, ни водяного. Вообще ничего, кроме плотной густой тьмы. Факел, сброшенный в эту прорву, в некоторый момент переставал озарять отвесные стены и пропадал – внезапно, сразу, не зашипев и не замерцав, словно проглоченный. То же происходило и со светильником, опускаемым на верёвке. Верёвка всякий раз оказывалась срезанной ровно и чисто, словно бы необычайно острым ножом, и рука, держащая её наверху, не улавливала мгновения.

И даже эхо громкого крика не возвращалось обратно.

Поэтому островные сегваны считали Понор прямым лазом на тот свет. Стародавние предания даже повествовали о чудовищах, якобы выползавших оттуда в людской мир. Однако этого не случалось уже на памяти множества поколений. Что бы там ни было раньше, Понор столько веков не только ничего не выпускал из себя, но даже не отдавал обратно, что нашествия чудовищ никто более не опасался. К Понору просто привыкли. Человек, дай время, привыкает ко всему. Есть же вот у других каменные берёзы, опустившие ветви в никем не разгаданной вековечной печали. Или горный склон, на котором изломы скал и причудливые наслоения осыпей образуют гигантский лик нахмурившегося человека. А у нас – Понор!

...Будь на месте Волкодава Эврих, – не подлежало никакому сомнению, что учёный аррант немедля простёр бы руку привычным жестом красноречия и принялся убеждать Винитара: *позволь, дескать, сперва мне увидеть столь примечательную особенность твоего острова и, главное, описать её на долговечном пергаменте несмываемыми чернилами, – а там уже убивай!..* Но Волкодаву, хоть он и начитался в крепости умных книг, до Эвриха было весьма далеко. И он промолчал.

– Я не знаю, что случилось с той девочкой, – резко, отрывисто проговорил Винитар. – Я никогда больше не слышал о ней.

Повернулся и ушёл на нос корабля, оставив Волкодава недоумевать, с какой бы стати кунсу понадобилось ему всё это рассказывать.

Всё же сегванских мореходов вело сквозь морские пространства некое таинственное чутьё, которого венн не мог уразуметь, наверное, в той же степени, в какой им была непонятна его сущность жителя леса. Волкодав, хоть повесь его, не сумел бы сказать, что такого особенного появилось в очертаниях волн, но сегваны ни дать ни взять увидели свежий след на снегу. Или, точнее, последний поворот тропы, за которым уже видна будет родная околица. Стоя на самом носу корабля, Винитар расстегнул и сложил на палубу украшенный золотыми бляхами пояс – знак достоинства вождя. Потом медленно, словно совершая обряд, стянул с плеч толстый овчинный кожух, а за ним и рубаху, оставшись голым по пояс. Начали молча стаскивать одежду и другие корабельщики, да не все сразу, а в очередь, строго по старшинству. Волкодав отметил, что первыми присоединились к вождю те, кто, подобно Аптахару, явно вырос на острове. Вот в руках у Винитара появилось маленькое кожаное ведёрко на длинной верёвке. Размахнувшись привычным и оттого красивым и сообразным движением, кунс закинул ведёрко далеко вперёд и потом извлёк его, полное прозрачной воды. Там, где плещущие капли попадали предводителю на руки и грудь, белое тело сразу вспыхивало красными пятнами. Море целовало вождя. Винитар поднял ведёрко к лицу и то ли ответно поцеловал студёную воду родины, то ли отпил солёный глоток. И, занеся, опорожнил кожаный сосуд себе на голову, добротнo облившись. Передал ведёрко Аптахару, сам же остался обсыхать на ветру, не торопясь заново укрываться одеждой.

Аптахар, ловко действуя единственной рукой, не дрогнув повторил священнодействие и уступил место следующему воину.

Глядя на это, Волкодав развязал на косах ремешки и пальцами разобрал волосы, распуская их по плечам. Как-никак, для него остров Закатных Вершин тоже был не чужим. И, весьма вероятно, кому-то из них с Винитаром вскорости предстояло сложить здесь свою голову.

Некогда с этого острова на землю Серых Псов соступила Смерть, принесённая Людоедом. А теперь вот Незванная Гостя ехала к Закатным Вершинам в облике последнего Серого Пса.

«Ну что ж. Здравствуй...»

Откуда мог знать Волкодав, что объятия ледяного ветра, жестоко обжигавшего

даже очень закалённую кожу, были для молодого кунса не просто данью обряду священного омовения перед первым шагом на родной берег, но и весьма задорого купленной памяткой из времён, казавшихся теперь такими далёкими. Вот только вспоминал Винитар своё детство совсем иначе, чем Волкодав. Венн совершенно определённо знал, какое детство он хотел бы дать своим детям, если бы они у него когда-нибудь появились. Винитар же при всём желании не сумел бы про себя такого сказать, ибо как может человек дать кому-либо то, чего не имел сам?

...Пока «косатка» Винитария по прозвищу Людоед шла с острова Старой Яблони обратно домой, воины только и делали, что потешались над малолетним «женихом» и хромоножкой «невестой» и строили самые бесстыдные предположения насчёт того, чем бы всё кончилось, дойди у них дело вправду до свадьбы, и вождь не останавливал смешливых парней. Сказать, что подобное зубоскальство ранило Винитара в самое сердце, значит не сказать ничего. Он никак не отвечал на насмешки, говоря себе, что отец устраивает ему очередное испытание, проверяя, достоин ли он быть его сыном. Ни один кунс не становился предводителем воинов только по праву крови. Люди Островов полагали, что это самое право нужно сперва ещё доказать. А Винитар и так знал, что отец был не слишком доволен им, сыном синеглазой «неженки» с Берега. Может быть, отец даже ждал, чтобы неподходящего наследника унёс случай или недуг: он полагал – уж за тем, чтобы зачать себе нового сына, у него дело не станет. И Винитар в угрюмом молчании варил воинам медовуху и кашу, а потом мыл котлы, никак не показывая, что ядовитые речи достигали-таки его слуха. Тогда он ещё пытался что-то доказать отцу, ещё полагал, будто вправду чем-то виновен, чем-то умудрился стяжать его недовольство...

Однако к середине морского перехода ему стало казаться, что на сей раз одного молчания не будет довольно. Он принялся думать, чем бы ответить. Драться он тогда не умел, его не очень-то и учили, да если бы и учили – годами не вышел ещё, чтобы всерьёз на что-то надеяться против взрослых бойцов. И тогда-то, на корабле, качавшемся посреди моря, Винитар вспомнил об одном способе поединка, бытовавшем некогда на Островах. О нём рассказала ему бабушка, когда он попросил её объяснить, что такое «состязание ста полотнищ». Это испытание часто упоминалось в сказаниях, но нигде не рассказывалось подробно, в чём же оно заключалось. Так нередко происходило в сказаниях. «Лютый зимой он вызвал его на состязание ста полотнищ, и победил. Весть об этом передавали с одного острова на другой...» И всё. Предполагалось – все знали, о чём шла речь. А если не знают?.. Сказители, похоже, всего менее предполагали, что когда-нибудь родятся дети, для которых стародавний обычай уже не будет чем-то самим собой разумеющимся, дети, которым понадобится заново объяснять...

Бабушка Винитара, мать его отца, звалась Ангран, что значило «одна в горе». Она вправду слыла замкнутой и нелюдимой старухой. Поговаривали даже, будто она отчасти повредилась в уме после гибели старшего сына, которого любила гораздо более младшего, ставшего кунсом. Она – ну не сумасшедшая ли? – даже в чём-то этого младшего подозревала. Однако внука своего от Винитария бабка Ангран, как это на первый взгляд ни странно, весьма жаловала и привечала.

Теперь-то Винитар полагал, что ничего странного тут как раз не было. Просто, как однажды ему рассказали добрые люди, его угораздило родиться похожим не на отца, а на погибшего дядю. Более того, с некоторых пор Винитар находил, что старухины тёмные и страшные подозрения могли быть не лишены оснований. Во всяком случае, если дело вправду обстояло именно так, этим полностью объяснялась отцовская к нему нелюбовь. Тайна крылась в нечистой совести кунса, а вовсе не в происхождении Винитара от слабосильной женщины с Берега. Кому приятно всякий день видеть перед собой живое напоминание о давнем и жутком грехе?.. Потому-то кунс унижал отпрыска и другим позволял его унижать, ибо даже спустя годы всё утверждал себе самому: я, только я должен был стать вождём, а вовсе не мой брат...

...Как бы то ни было, маленький Винитар выпросил у бабушки о состязании ста

полотнищ, и она ему растолковала, что к чему, ведать не ведая, каким образом внуку со временем пригодится её вразумление. А мальчишка молчал не только до самого возвращения домой, но и дома терпел ещё не менее десяти дней, выжидая, пока от походников о его «жениховстве» прознает уже всё племя Закатных Вершин и людям постепенно надоест болтать языками. Никто не оценил его терпения по достоинству. Даже бабушка, потому что она жила очень уединённо и в родовом доме появлялась исключительно редко, а сам он, решив быть взрослым мужчиной, к ней за советом и утешением не побежал.

И вот настал день, когда за столом во время вечерней трапезы никто ни разу не проехался по поводу Винитара: у людей появились иные поводы для веселья. Тогда-то, мысленно помянув трёхгранный кремён Туннворна и укрепив тем самым свой дух, мальчик поднялся со скамьи. И громко, на весь дом, обратился к самому злomu и заядлому корабельному остролову, всех крепче донимавшему его в плавании. Это был молодой комес, занимавший, при всей своей молодости, одно из почётных мест за столом – всего на три подушки ниже вождя, по правую руку. Винитару потребовалось изрядно напрячь голос, чтобы его услышали, но он справился. Он сказал:

«Ты поступал со мной, Аптахар, так, как поступает только трус, уверенный, что его не посмеют оскорбить или ударить в ответ. Посмотрим, каков ты будешь герой, если у меня найдётся чем отплатить. Пусть будет мне свидетелем огонь этого очага: да не обогреет он меня больше, если я не вызову тебя на состязание ста полотнищ и не посрамлю тебя перед лицом людей и Богов, отстаивая свою честь!»

Он не стал заговаривать об этом на корабле, потому что там дело кончилось бы лишь очередным подзатыльником, да ещё, чего доброго, прилипло бы прозвание не только недосиженного жениха, но и поединчика, опять-таки недосиженного. Другое дело дома, когда за столом собрались не только воины и под кровом полно женищин, не пропускающих мимо ушей ни единого слова. Поди отмахнись от сотворённого по всем правилам вызова. Самого потом заклюют.

Аптахар, ничего даже отдалённо подобного вовсе не ожидавший, поперхнулся пивом и закашлялся, силясь вздохнуть. Сидевшие рядом принялись со смехом хлопать его по спине, и надо сказать, что более слабого человека эти шлепки просто сбросили бы с покрытой подушками лавки, но Аптахар даже прокашляться сразу не смог, и вместо него Винитару ответил сам кунс:

«Сядь, недоносок! Ты, верно, только что вынул свой язык из непотребного ведра, так засунь его обратно и не болтай попусту о вещах, которые тебе не по умишку! Сядь, я сказал, а не то я сам тебя выдеру!»

Тут уж никто не стал хохотать. Угроза на самом деле была страшная. Тяжесть кунсовой руки никакому сомнению не подлежала. Как и то, что на сына он её поднимет без особых раздумий. Кто-то даже потянул Винитара за руку, побуждая подчиниться и сесть, но мальчишка, понимая, что отступить некуда, руку выдернул. Он знал: если сейчас пойти на попятный, о воинском достоинстве можно будет больше не помышлять. Лучшие сразу переселиться в жилища рабов, пасущих стада. Как ему потом говорили, он стал белей овечьего сыра, лежавшего на столе. Он сказал:

«Коли так, значит, мне останется только обратить против Аптахара непристойные речи. И тогда пусть он либо убьёт меня за них, либо признает, что он и есть таков, как я стану о нём говорить, и уберётся с этого острова навсегда!»

После таких слов все разговоры за столом быстро замолкли. Люди окончательно поняли, что потешаться над мальчишеской выходкой сына кунса им не придётся. Непристойные речи были ритуальным злословием, редко употребляемым из-за своих страшных последствий: оттого их так и называли – непристойными. Мужчина объявлялся в них не-мужчиной-не-женичиной, созданием, не имеющим естества, а значит, не способным к правам и обязанностям, присущим полноценному человеку, к какому бы полу тот ни принадлежал. И это была не обычная, каждодневно звучащая ругань, подразумевающая женское распутство или ущербность мужского достоинства. Что

ругань? Отведя душу, оскорбитель и оскорблённый порою отправляются вместе пить пиво. Это же были древние, самым временем отшлифованные слова, ничего бранного вроде бы не содержавшие, но, будучи произнесены, они не развеивались по ветру, как простая изустная мусорщина, но оставались грозно висеть над человеческими головами, не допуская ни выкупа, ни словесного примирения, и в отплату за них испокон века принималось только одно – смерть.

Вот какое поистине последнее оружие пустил в ход доведённый до крайности Винитар. Все стали смотреть на кунса. И кунс, подумав, вынес, пожалуй, единственный приговор, который ему оставался.

«Я не допущу, чтобы из-за прихоти балованного сопляка кров и очаг моих предков осквернили непроизносимые речи, – сказал он, с нескрываемым отвращением глядя на сына. – Ладно, будет тебе твой поединок. Чего доброго – поумнеешь!»

«...Или помрёшь, невелика будет потеря», – почти наверняка добавил он про себя. Однако то, что не высказано вслух, навсегда остаётся в области предположений. Тут люди могут только гадать.

Утром, едва из моря выглянуло солнце, Аптахар и сын кунса обнажёнными встали на морском берегу. Остров Закатных Вершин лежал гораздо севернее острова Старой Яблони, и если там ещё расставляли в погребках последние высланные соломой корзины с яблоками, – здесь снежные шапки гор уже начали неудержимое движение вниз, а по краю прибоя на камнях всюду намерзал лёд.

Едва не всё племя собралось смотреть поединок. Кунс Винитарий был среди немногих, кто не явился на берег. Наверное, тем самым он хотел показать, что исход состязания был ему безразличен. Зато Винитар с изумлением увидел на берегу свою бабушку Ангран. Старуха стояла очень прямо, скрестив на груди руки, и, как ему показалось, взирала кругом даже с некоторым злорадством. А вот у Аптахара, наоборот, вид был неуверенный и смущённый. Нет, конечно, предстоявшее испытание его не пугало. Правильного морского сегвана вообще очень трудно пронять чем-либо, имеющим отношение к холоду и воде. Но на берегу собралось полным-полно женицин, и они уже начали насмехаться над взрослым мужчиной, вышедшим состязаться с мальчишкой. При этом мужественность Аптахара подвергалась языкастыми сегванками самому пристальному и, конечно, весьма непочтительному рассмотрению.

В конце концов молодой комес не выдержал.

«Любой из вас покажу, – рявкнул он, – затупился или нет мой клинок! Ну? Которой невтерпёж?»

«Нет уж, – со смехом отозвались женицины. – Лучшие мы подождём, пока супротивник твой подрастёт. На него и сейчас смотреть радостней, чем на тебя!»

Если бы Винитар лучше разбирался в людях, он понял бы, что уже победил. Но тогда он мог только думать о ледяной стыни, которая должна была вот-вот обнять его обнажённое тело, о морозной воде, которая, казалось, нетерпеливо тянулась к нему брызгами, доносимыми ветром. От её жадных поцелуев белая кожа процветала алыми звёздами.

«Берутся куски полотна такого размера, чтобы воин мог перекинуть его через плечо и дважды обернуть кругом тела...» – принялась нараспев произносить бабушка Ангран.

Девушка, подошедшая к Аптахару с мотком полотна и острыми овечьими ножницами, мило улыбнулась ему:

«Не захочешь ли ты пожаловаться, что твоё полотнище окажется больше, чем у кунсова сына?»

«Заткнись, дура!» – был раздражённый ответ.

«Полотнище смачивают в воде холодного моря, и воин сушит его на себе, – продолжала старуха. – Того люди признают победителем в споре, чья правда духа позволит ему высушить больше полотнищ...»

Теперь-то Винитар хорошо знал, что дело тут было совсем не в закалке

мореплавателя и не в умении тела переносить холод, а именно в той правде духа, которая при других обстоятельствах наделяет способностью гасить голой ладонью огонь или вынимать горячее железо из костра, не ведая ожогов. Собственно, он знал это и тогда, но одно дело – знать понаслышке и совсем другое – попробовать самому. Он хорошо помнил: мокрое полотнище, обнявшее тело, в самый первый миг показалось ему даже не очень холодным. Холод навалился чуть позже. Он проник сквозь кожу и стал всё глубже входить в тело, заставляя жизнь отступать и съёживаться внутри. Винитар попытался вызвать в себе негасимый внутренний жар, как делали герои сказаний, плавившие своими телами лёд и снег до земли... и понял, что наступил его смертный час. Что ж, подумал он, значит, быть по сему. Попросить пощады его всё равно не заставила бы никакая сила на свете. Давно повзрослевший Винитар отчётливо помнил, как преисполнился равнодушия и постепенно перестал о чём-либо думать, поскольку объём страдания, к которому иначе приходилось бы прислушиваться, оказался слишком велик. Когда с него сняли высохшее полотнище и предложили новое, мокрое, он просто кивнул, слегка и весьма отдалённо удивившись, что оказался ещё способен наклонить шею.

Аптахар сломался на четвёртой перемене полотнища.

«Ладно, пусть говорят люди, будто я зря насмешился над тобой! – заорал он на весь берег. – Не желаю видеть юнца, который собрался довести себя до смерти из-за того, что не научен веселить сердце беседой!..»

Винитар на всю жизнь запомнил усмешку бабки Ангран, сопроводившую эти слова. Кое-кто потом говорил, будто он, мальчишка, и тогда уже был способен выиграть поединок. Так или нет, теперь оставалось только предполагать. Не подлежащим сомнению оставалось нечто гораздо более важное, случившееся в действительности, и вот что это было. Спустя несколько дней Аптахар подошёл к кунсу и обратился к нему, сказав так:

«Не будет ли против твоего сердца, если я стану понемногу учить твоего сына разным умениям, которыми обладаю?»

Кунс передёрнул плечами:

«Учи или не учи, как сам хочешь».

Знать бы Людоеду, что таким образом его сын приобрёл самого первого и самого верного сторонника, за которым чуть позже потянутся и другие. Его, вождя, боевые побратимы, лучшие, проверенные воины. И ведь тогда уже можно было предвидеть, что спустя годы они уйдут от него за Винитаром, – уйдут сухим путём на службу в далёкую страну Велимор, а он, их былой кунс, останется в недавно построенном замке почти с одними наёмниками...

Сегваны напряжённо смотрели вперёд, ожидая, чтобы в розово горевшем тумане вот-вот проступила неясной тенью тёмная громада берега. Или, что было, пожалуй, вероятнее, – край ледника, успевшего окончательно поглотить сушу и выдвинуться в море. Но всё произошло так, как почти всегда происходит, когда напряжённо ждёшь чьего-нибудь появления и до рези под веками глядишь на дорогу, высматривая вдалеке облачко пыли. Всё равно вздрагиваешь, когда оно наконец появляется. Или что-то отвлекает тебя, или просто прижмуриваешь уставшие глаза, смаргиваешь слезу, и, взглянув снова, обнаруживаешь, что долгожданный человек почти уже рядом – возник, точно по волшебству...

Морской туман – или нижний край облаков? – расступился впереди так внезапно, словно кто-то резким движением рассёк и раздвинул тяжёлую войлочную завесу. И Волкодав сразу понял, почему родина Винитара называлась островом Закатных Вершин. Остров был виден весь целиком – клочок каменистой суши едва ли десятка поприщ в поперечнике. Обрывистые берега круто вздымались из моря. Чуть выше береговых утёсов виднелась плотная выпуклая шапка то ли льда, то ли снега, издали поди разбери. Восточный скат её прятался в синеватой тени, озарённый лишь отсветом облаков, западный терялся в сплошном сиянии. И надо всем господствовал крутой и высокий горный кряж с тремя могучими вершинами, скошенными к северо-западу. Тучи, клубившиеся над морем, едва

доходили каменным исполинам до плеч, а головы их кутали вечные снега, имевшие больше отношения к небу, нежели к земле, и было ясно, что созерцать горы следовало именно на закате, причём единственно оттуда, откуда подходил корабль Винитара. Заоблачные ледники полыхали огнём, почти нестерпимым для зрения и разума смертных, простое лицемерие этой красоты казалось чуть ли не святотатством. Некий неуют поселялся в душе – уж не довелось ли подсмотреть нечто, созданное Богами только для Их глаз?.. «Косатка» целилась носом на средний зубец с точностью стрелы, выпущенной мастером лука, и у Волкодава невпопад стукнуло болезненно сжавшееся сердце. Три горы родного острова Винитара мучительно напомнили ему... он не сразу сообразил ЧТО...

В отличие от венна, у мореплавателей скоро возобладала рассудочность, присущая многоопытным корабельщикам. Очнувшийся от замороженного созерцания Волкодав услышал разговоры сегванов – сперва звучавшие вполголоса, потом и совсем громко.

– Смотри-ка, – сказал вождю Аптахар. – Ледяной великан не дотянулся до моря!

Кунс ответил:

– Значит, правы были те, кто надеялся на тёплое течение, испокон века снабжавшее нас рыбой.

– Не очень похоже, однако, чтобы на острове по-прежнему были пахотные поля, – подал голос один из молодых комесов.

– Ну и что? – оглянулся Аптахар. – Прожили бы и без них. Рыбы в море полно!

– И скот кормили бы тресковыми головами, только не до новой травы, как раньше бывало в голодные зимы, а круглый год, – пробормотал дерзкий Рысь.

– Я больше привык к молоку, не сдобренному запахом рыбы... – поддержал Гверн.

– Не мы принимали решение уходить, и не нам оспаривать его годы спустя, – сказал вождь. – Да и не затем мы явились сюда, чтобы выяснять, правильно или нет поступили наши отцы. Отрезанного ломтя не приставишь назад: наша судьба на Берегу, и этого уже не перекроить заново. Поклонимся же родной земле за то, что дождалась нас, не поспешив схоронить себя под покровами льдов. И попросим прощения за отцов, бросивших её на произвол великанов.

Аптахар молча опустил на колени. Комесы, занятые со снастями, склонили головы. Волкодав с некоторым удивлением обнаружил, что последовал их примеру. И лишь запоздало осознал, что кланялся вовсе не острову Закатных Вершин.

Точно так, как теперь, он опустил глаза, мучительно заслезившиеся от нестерпимого закатного света, когда, пропутешествовав по Беловодью, взошёл на знакомые-незнакомые холмы над Светынюю – и на тропе встретил женщину в веннской понёве, нёсшую ужин кузнецу.

Точно так, как теперь, он поклонится ещё один раз... Когда увидит перед собой... Он только сейчас уразумел – ЧТО. О том, когда это произойдёт, было покамест рано загадывать. Волкодав вспомнил своё намерение вернуться в беловодский Галирад, в дом Вароха, Тилорна и Ниилит... своё недоумение, зачем он нужен там, в этом тёплом и дружеском, но всё-таки не родном доме... свои гадания, как жить-быть дальше... И усмешка тронула его губы. Усмешка невесёлая и кривая, но всё-таки успокоенная. Всё вставало на место. Знание, безмолвно томившееся на задворках души, обретало внятные черты.

Но почему судьбе оказалось угодно, чтобы последним толчком к пониманию оказались именно три вершины, сгорбившиеся над островом Людоеда?..

...А мореходы, очень обрадованные, что будут причаливать не к ледяному обрыву, а к настоящей земле, уже высматривали на берегу знакомую бухту. Старшие комесы и сам вождь быстро обнаружили приметные скалы, и Рысь мастерски провёл между ними «косатку». Корабль уронил парус и, исчерпывая разгон, прочертил окованным форштевнем спокойную, не тревожимую никакими бурями воду под защитой утёсов.

– Раньше здесь всюду был лес... – еле слышно пробормотал Аптахар. – А теперь даже мха не видать...

Больше никто не произнёс ни слова.

«Косатка» подошла к единственной полоске песка, видневшейся между двумя отвесными стенами, и настолько плавно ткнулась в неё грудью, что толчок вышел едва уловимым.

Кунс Винитар, сидевший на одной из носовых скамей, сам продел сквозь гребной люк длинное весло и бережно опустил лопасть на песок. Перешагнув борт – и сошёл на берег так, как было принято у его праотцов, возвращавшихся из походов. Оказавшись на суше, он первым делом припал на колени и коснулся ладонью смёрзшегося песка: «Вот я и дома...»

После этого на берег перекинули уже обычные мостки, и морская дружина друг за другом ступила на остров Закатных Вершин. Воины Винитара, даже самые молодые, никогда здесь не бывавшие, сдержанно переговаривались, гладили холодные камни и нюхали воздух, словно он здесь чем-нибудь отличался от веявшего над морем. Старик Аптахар плакал и не скрывал слёз. Последним твердь под сапогами ощутил Волкодав. Никто ему ничего не сказал и не стал удерживать на корабле.

Избранный Ученик Хономер не любил роскоши. И в особенности такой, которая расслабляет и изнеживает человека телесно, мешая тем самым достигать напряжения духа, необходимого для общения с Небесами. Даром ли во все времена и у народов всех мыслимых вер главные откровения вручались почти неизменно людям гонимым, нищим, страдающим? Когда тело снедаемо тяготами и трудами, молитва обретает особую силу. И, наоборот, мало кто достигал святости в сытой жизни среди подушек и мягких ковров. Поэтому Хономер позволял себе очень мало сна, да и то на ложе из голых досок, прикрытых лишь шерстяным жреческим плащом, и даже в холодную погоду не слишком-то баловал своё тело тёплой одеждой. И люди, приходившие к нему в крепость и допущенные в покои, где он предавался занятиям, неизменно поражались суровой простоте обстановки, говорившей о прямо-таки подвижническом воздержании.

Некоторые полагали, что это была одна только видимость, долженствующая произвести впечатление на простецов. Те, кто видел Хономера каждый день, знали – голые стены, украшенные лишь самодельными полками, где присутствовали ежедневно нужные книги, отнюдь не являлись маской, но в точности отражали внутреннюю потребность Избранного Ученика. И были ещё люди, которым ненаигранная суровость Радетеля Хономера внушала сущее благоговение. Эти люди про себя сопоставляли почти мученический подвиг добровольных лишений, коим подвергал себя Хономер, с раззолоченной пышностью великого тар-айванского храма. Они сравнивали провалившиеся щёки Избранного Ученика, его руки, знакомые с тяжёлым каждодневным трудом, – и круглые лица, мягкие ладони жрецов, повсюду встречаемых в столице истинной веры. И кое-кто уже говорил, причём даже не всегда шёпотом, что любому вероучению приходит духовный конец, когда оно заплывает благополучным жирком. И что возродить его поистине способны лишь те, кто по доброй воле возвращается к жизненному уставу первых праведников, прославленных едва ли не наравне с Близнецами.

Такие, как Хономер...

Слыша подобные разговоры, Избранный Ученик, конечно, скромно отнекивался. Но про себя потихоньку мечтал, как однажды по праву взойдёт на трон Возлюбленного Ученика – и первым делом изгонит из храмов роскошь, достойную не воинствующих жрецов, а купеческих жён, дорвавшихся до богатства. Как отрешит от служения всех тех, кто привык заботиться не о распространении праведного учения, а о наполнении собственного брюха и улажении плоти. Наверняка это создаст ему могущественных врагов, но и привлечёт немало сторонников. Не исключено в дальнейшем, что верные Богов-Близнецов разделятся на два непримиримых лагеря: одни последуют воздержанной простоте Хономера, другие захотят вернуть прежние сытые времена. И, возможно, между ними даже разразится война. Которая либо покроет имя Хономера вечным позором отступничества, либо вознесёт его на небывалую высоту, дав звание Равного...

От подобных размышлений голова кружилась сладостно и жутковато. В глубине души

Хономер отчётливо понимал, что опять рвётся туда же, куда посягал и во времена поиска Глаза Дракона, и позже, когда учреждал в крепости школу кан-киро. И, очень может быть, судьба снова готова была осадить его, насмешливо обрекая на обидную неудачу в самом начале пути... Что ж, пусть даже и так. В любом случае сам Предвечный не запретит ему помечтать, унести мыслью к тому, как всё повернулось бы, если... если бы...

Избранный Ученик Хономер стоял у окна, тяжёлые деревянные ставни которого были распахнуты настезь по случаю наступившей жары, и смотрел во двор, на уотов, круживших и катавшихся по двору под водительством Волка.

Кан-киро!.. Как же он тосковал по нему!..

Он прекратил посещать уроки, сославшись на занятость делами. На самом деле причина была, конечно, совершенно другая. Какая же? Привычный к работе души, Хономер долго и придирчиво разбирался в собственных побуждениях, пока наконец, как ему показалось, не нащупал ответ. Брезговал ли он учиться у Волка, прикоснувшегося к кан-киро на несколько лет позже его самого?.. Нет. Он давно утратил подобную гордыню и распростился с брезгливостью, ибо знал, что божественное просветление иной раз снисходит и во время чистки свинарника. Тогда, может быть, он утратил вкус к занятиям, поскольку осознал, что достиг отмеренного ему свыше уровня мастерства и уже не двинется дальше?

Тоже нет...

Он просто понял, что наука безумной языческой жрицы и её ещё более безумного выученика, Волкодава, не даст ему необходимых средств для достижения Цели.

Кан-киро было просто не предназначено для завоевания власти, всё равно, мирской или духовной. Верно, люди могли собраться вокруг мастера этого искусства и стать его учениками не только в пределах двора, отведённого для занятий. Но вот войско, готовое завоевать для своего Наставника царство и посадить его на трон, – такое войско из них даже Волкодав при всём желании не смог бы составить, не говоря уже о старухе. Подобному противилась самая суть кан-киро, и насиловать эту суть было всё равно что приказывать воде не быть мокрой.

А значит, пришла пора Хономеру сворачивать с этого пути, пока ещё не все шишки успел набить себе на ухабах, и подыскивать какой-то иной, более подходящий. Например, путь исконной строгости и самоограничения, сугубо ненароком являемый ближним и дальним гостям...

Да, но как же, бывало, воспарял его дух, когда нешуточное нападение другого уота, иногда гораздо более сильного телом, безобидно рассеивалось, устремляясь в Небо и Землю... Или воистину удавалось призвать к нападавшему некое высшее милосердие, заставляя его исчерпать злобный порыв и отправиться учиться терпению у одной из стихий...

Хономер смотрел из окошка на Волка и уотов, продолжавших восхождение по пути, полезность которого он счёл для себя исчерпанной, и не мог отделаться от зависти и дурнотной тоски.

В конце концов он заставил себя вернуться за стол и начать пристально размышлять о рассказе соглядата, только что уведённого прочь молчаливым кромешником.

Соглядата звали Ташлак. Это был щуплый человечек неопределённого возраста и самой незапоминающейся внешности; единственной приметной чертой его были густо усыпанные бородавками руки. Он давно служил Хономеру, и о том, что сказанное в его присутствии может достичь ушей Избранного Ученика, в Тин-Вилене не успел проведать, пожалуй, только очень ленивый. И это было, в некотором смысле, даже неплохо. Отвлекало людское внимание от других, по-настоящему затаённых и никому не известных подзирателей²³ Хономера. При всём том Ташлак до сих пор иной раз приносил Избранному Ученику сведения, на проверку оказывавшиеся крайне полезными.

²³ *Подзиратель* – то же, что соглядатай, шпион.

Так вот, несколькими днями ранее он увидел в городе, в харчевне вельха Айр-Донна, двоих жрецов, прибывших на кондарском корабле. Молодого звали вроде бы Никилой. Имя старшего оставалось пока доподлинно неизвестным – Никила величал его просто Наставником. Но Хономер, не особенно боясь ошибиться, мог предположить, что старик был тот самый Кроймал, которого нарлакские Радетели наконец выгнали из Кондара и заставили вообще покинуть страну.

На самом деле два наказанных священнослужителя не представляли для Хономера особого интереса. Если бы с ними разделались за отступничество в вере, Избранный Ученик непременно пожелал бы самолично узнать, в чём оно заключалось. И в особенности – не случилось ли так, что двое кондарцев, как и он сам, отстаивали некую истину, подзабытую богатым и процветающим Тар-Айваном. Но, увы, причина изгнания, насколько Хономер был о ней осведомлён, ничего возвышенного в себе не несла. Кроймал и Никила пострадали только из-за собственной нерадивости, проявившейся в недостаточном жреческом рвении. Притом что этим двоим Предвечный с самого начала облегчил работу. Некий купец, исполненный благодарности за избавление от болезни, завещал им добротный большой дом, дабы вера Блинецов обрела в Кондаре свой кров. И как же распорядились подарком учитель и ученик?.. Имея чудесную возможность немедленно устроить Дом для молитв и всемерного восславления Блинецов, они... урядили лечебницу для нищих! То есть – для портовых шлюх, подхвативших дурную заразу, для пьяниц, нахлебавшихся ядовитого пойла, для мелких головорезов, покровосанных в переулочных стычках!..

Для всех тех, кто самим своим существованием оскорблял Блинецов.

И деньги на лечебницу они добывали примерно так, как заслуживала вся эта затея. Просили на городской площади милостыню!

Достойное занятие для двоих последователей Воина и Целителя, уж что говорить.

Это вместо того, чтобы всеми способами привлекать на свою сторону правителей края!.. Славного полководца государя Альпина и его старшего брата, человека безвольного, весьма подверженного любому внушению!..

Нет, поделом им досталось. Весьма поделом.

Наверное, поэтому они и предпочли остановиться в кабаке язычника Айр-Донна, а в крепость единоверцев отнюдь не пошли. То ли прониклись запоздалым раскаянием и стыдом, то ли вполне обоснованно предположили, что Хономер их не очень-то радостно примет...

Чисто на всякий случай Хономер велел Ташлаку и дальше следить за поступками Кроймала и Никилы. И вот сегодня оказалось, что леность духа и отсутствие благородного жреческого стремления довела-таки двоих до отступничества. Вместо того, чтобы прийти к Хономеру и смиренно присоединиться к трудам тин-виленского братства, они... отправились в горы. С намерением осмотреть храм Матери Сущего, несколько лет назад якобы обретённый в этой дикой стране. И, если Ташлак ещё не ослеп и не оглох, они вовсе не собирались искоренять местное суеверие.

Они имели в виду там *поклониться*.

Они даже привезли с собой из Кондара резные образа Блинецов-над-болящим – и собирались предложить их горцам в качестве *приношения*!

Как если бы для них ничтожная кумирня пещерного племени в самом деле могла содержать нечто священное!..

Хономеру не впервые доводилось слышать о храме в горах, потому что слухами, как известно, земля полнится, а он всегда относился к слухам с величайшим вниманием, предпочитая не отмахиваться от них, но выкапывать малые зёрнышки истины, словно петух съестное из кучи навоза. Он никогда не был брезглив, и это приносило плоды.

Последнее время о новообретённом храме Богини в городе говорили подозрительно часто. И даже связывали с ним настоящее чудо, ибо как иначе можно было назвать примирение двух итигульских племён, много десятилетий проведших в беспрестанной и очень жестокой резне?

Хономер знал: на пустом месте такие разговоры не возникают.

А теперь вот и жрецы Богов-Близнецов, ученики истинных детей Предвечного, по собственной воле пересекали необъятное и опасное море – и, вместо того, чтобы спешить к братьям по вере и каяться в вольных или невольных грехах, отправлялись к этой непонятной святыне. Для поклонения!

– Надо же наконец разобраться, – вслух проговорил Хономер, глядя в окно.

Там, по совести сказать, тоже ничего особо радостного не происходило. Скорее наоборот. Наставник Волк повторял приём, на который до сих пор считался способным лишь Волкодав. Ему завязали глаза, и семеро унотов засновали вокруг, силясь достать его оружием. Правда, на Волкодава наскakивали с настоящими остро отточенными мечами, а на Волка пока – с вениками. Молодой мастер предпочитал не заноситься слишком высоко. Но всё равно чувствовалось: ещё немного – и он с такой же лёгкостью раскидает даже по-настоящему вооружённых.

«Хватит смотреть! – сказал себе Хономер. – С этим покончено. Кан-киро не оправдало надежд».

«Как-киро? Не оправдало? – тотчас усмехнулся неумолимый внутренний голос. – А может, это ты не оправдал надежд кан-киро?..»

Он был прав, как всегда, этот внутренний голос. Хономер вполне отдавал себе в том отчёт. И зло, горестно сожалел, что его не было сейчас там, во дворе, рядом с Волком. Что не он напал на него, не он в восторге летел кувырком прочь, восхищаясь мастерством Наставника и жарко мечтая когда-нибудь самому встать с завязанными глазами в кругу ретивых учеников...

«Нет, – твёрдо сказал себе Хономер. – Это не мой путь».

И, с усилием отвернувшись, стал разглядывать у противоположной стены подставки, хранившие карты тин-виленских окрестностей. Каждая карта была опрятно свёрнута трубкой и перевязана цветным шнурком. Взгляд Радетеля нашёл и выделил некоторые из них. Он снова проговорил вслух:

– Надо в конце концов самому там побывать.

«Но где он, мой путь? Где он? Укажите, милосердные Братья...»

Слепой Лось, отец Шаршавиной Заюшки, всего более любил летними днями работать на заднем дворе. Там было спокойно и тихо, туда еле-еле достигал шум и гам живой многолюдной деревни. То есть, конечно, в некоторой степени достигал, – но не беспокоил, а просто давал знать, что у Зайцев всё идёт обычным повседневным чередом и ничего недоброго не случилось.

Здесь для мастера был выстроен просторный амбар, где лежали деревянные болванки, хранились инструменты и дожидались своего дня многие тысячи прутьев – одни весенней заготовки, другие осенней, все заботливо очищенные щемилкой, должным образом расколотые и либо отбелённые, либо окрашенные – иные в цвет топлёного молока, иные до бурой черноты – краской из своей же коры. Дверь амбара открывалась не прямо во двор, а под навес с верстачком и удобной скамьёй, вырубленной из большого бревна.

Теперь по берестяной крыше навеса шуршал летний дождь. Ветерок заносил под кров прохладу и сырость, сущее благословение после целой вереницы жарких и сухих дней. Под дождём мокли прутья, приготовленные для очередной корзины, рождавшейся на продолговатой болванке под руками Лося. Оленюшка сидела рядом с мастером на большой связке луба. Зайчихам стали нравиться её сеточки, особенно если она украшала их нарочитыми узорными узлами. Хозяйкам, верно, думалось – в подобном наряде копчёные, скажем, окорока должны были непременно оказаться вкусней, чем в простой верёвочной обвязке. А не оказаться, так хоть показаться. Словом, дела у Оленюшки теперь было хоть отбавляй. Она и радовалась.

– Дяденька Лось... – подступила она к мастеру. – Люди говорят, ты мудр и художника не присоветуешь...

Лось улыбнулся:

– Невелика моя мудрость, но что могу, посоветую. Спрашивай, дитяtko.

Что до мудрости, тут Лось скромничал. Люди обычно жалеют слепых, считая их беспомощными калеками, но незрячий корзинщик вызывал не жалость, а, скорее наоборот, – восхищение и даже зависть. Жалость, это ведь бессильный укор судьбе, изувечившей человека, не давшей ему возможности быть деятельным и сильным. А если человек не плачется на злую долю, а, напротив, посмеивается над ней, изобретая сотню путей вместо одного-единственного, закрытого для него? И вот его-то возьмутся жалеть люди, на самом деле во всём ему уступающие?..

Может, поэтому глаза Лося не были ни вечно прижмуренными щёлками, ни неестественно вытаращенными и лишёнными выражения, как порой случается у слепых. Не знаячи посмотреть – глаза как глаза. Большие, осмысленные и совершенно живые.

И Оленюшка спросила:

– Скажи, дяденька Лось... Доброе у вас тут житьё, навек бы остаться, да, знаю, нельзя. Посоветуй, куда бы нам с Шаршавой перебраться, где бы доченьке твоей с внучками новую избу поставить?

Лось, понятное дело, сам никогда не был охотником до путешествий. Однако всегда с радостью и любопытством выслушивал захожих странников, бродивших по неблизким краям. И наблюдательная Оленюшка сколько уже раз убеждалась – внимая людским беседам, Лось вбирал услышанное совсем не так, как большинство других людей, зрячих. А оттого и выводы подчас совершал весьма удивительные, отнюдь не такие, которые явились бы обычному человеку. Однажды она решила спросить его, и Лось, подумав, ответил: это, мол, оттого, что ему не застыт разум сведения, поставляемые глазами, он привык полагаться больше на слух, а стало быть, и извлекать из услышанного больше, чем представляется возможным другим. В точности так же, как и пальцы его, ощупывая любой предмет, постигали его гораздо подробнее, чем, например, Оленюшкины...

Лось и теперь дал ответ, которого она ну никак не ждала:

– За Челну, на кулижки.

Оленюшка так и подпрыгнула. От резкого движения рассыпалась связка луба, Оленюшка всплеснула руками, чуть не завалилась назад и смутилась, выпутываясь, собирая поваленные плетёнки и снова садясь. Потом переспросила, примериваясь и привыкая к ошарашившей мысли:

– За Челну?..

– Да, – ответил Лось твёрдо. – За Челну. Принеси-ка мне, девочка, два белых прута и один бурый.

Здесь надобно рассказать, что у великой Светыни, праматери-реки веннского племени, есть помимо прочих две красавицы дочери, две могучих сестрицы. От их-то места слияния исчисляют саму Светынь, и никому это не кажется несправедливым. Люди, возможно, числили бы какую-то из рек главной, а другую – скромным притоком, но между сёстрами ни в чём нет неравенства. Только одна течёт, подобно матери, с восхода на закат, и за это её называют Челной, сиречь истоком. А другая река приходит с севера, из лесов, и поэтому ей дано имя Ёль. По её извилистым берегам много лугов, изобилующих душистой травой, – кулижек.

Те, кто бывал там, в один голос хвалят благодатный северный край с его рыбными реками и камешниками-красноярами, куда в изобилии слетаются тетерева... Вот только немногие отваживались в ту сторону путешествовать, а уж о том, чтобы селиться и жить или хоть охотничью зимовьюшку поставить, – вовсе речи не шло.

Отчего так?

А оттого, что непростое место были ёльнинские кулиги, не всякого они до себя допускали. Нет, там не водились жуткие чудища, и дорога не была загромождена непроходимыми горами и буреломами. Ничего такого, с чем не справился бы венн, выросший в чаще. Просто забредшему туда человеку в некоторый миг начинал словно бы

шептать в ухо грозный неслышимый голос: *Тебе здесь не место. Ты здесь чужой. Уходи...*

Не всякому пришлецу, но большинству. И захожий охотник быстренько разворачивал лодку. Или лыжи, если дело происходило зимой. И удалялся, отколе пришёл. Тяжко это – пытаться навязывать себя краю, которому ты не люб. Не под силу смертному человеку. Замучат дурные сны, надоест в ужасе оборачиваться на непонятные шорохи за спиной, шарахаться от теней, мелькнувших на краю зрения... Кое-кто поговаривал, это-де оттого, что кулижки по берегам появились не сами собой, но были в стародавние времена расчищены обитавшим по Ёли неведомым племенем – должно быть, не вполне людского, но скорее великанского корня. От этого племени теперь не осталось ни наследников, ни имени людям на память... но что-то витало по тем самым лугам и лесам, что-то ещё вслушивалось в отзвук прежних шагов. Ещё сторожило ёльнинские кулижки почти от любого, кто совался войти. Ещё гоняло прочь чужаков, дожидалось сгинувшего хозяина...

Вот такое место.

Не злое, не проклятое... Заповедное.

Даже водился у веннов обычай: когда крепко ссорились и посылали один другого «подальше», советовали обидчику прогуляться точно так, как выразился Лось: за Челну, на кулижки. Иди, дескать, и возвращайся несолоно хлебавши, ан, может быть, поумнеешь. Соседи-сольвенны, в верховьях Светыни отродясь не бывавшие, слыхом не слыхивали о Челне и, ругаясь, заменяли её имя прозвищем какого-то своего нечистого духа, глаголемого «чёрт», а слово «кулижки», тоже бытовавшее у них когда-то, вовсе благополучно забыли, сменив более привычными «куличиками». И бранились, сами толком не разумея, о чём говорят.

Ну так что с них взять, с сольвеннов беспамятных, да и не про них и речь здесь идёт.

Оленюшка едва не спросила хозяина дома: «Куда ж ты нас отправляешь, дяденька Лось? Может, не знаючи обидели кого, не ведавши заслужили немилость?..»

Не спросила. Опустила на колени недоделанную сеточку и долго сидела молча. Лось тоже молчал, довершая гнутую ручку корзины, обвязывая крепкий прут, словно змеиной чешуёй, косым плетёным чехлом. И десять лет прослужит и двадцать, не развалится, не обветшает... Оленюшка смотрела на зрячие руки слепца и, не требуя объяснений, понимала безошибочным внутренним знанием: он был прав. Если и есть им с Шаршавой и Заюшкой где-нибудь место в обширной веннской стране, так только лишь там. У Ёли, на кулижках, которые кого-то, говорят, всё-таки иногда принимают... Вскоре Оленюшка себя поймала на том, что мысленно уже прикидывает, долго ли добираться до чела государыни Светыни, где взять лодку и как в ней грести. С берестяного навеса зябкими струйками сбегала дождевая вода, но перед внутренним взором ликовали под синим небом немислимого разноцветья луга, и стояла вдали стена красного леса, озарённая солнцем. *Входи, дитяtko, входи, долгожданная. Ты здесь дома, ты здесь своя...*

А ещё виделись ей пёсьи зубы, бережно сомкнутые на ручке корзины.

Кобелёк-дворняжка, криволапый уродец с несоразмерно большой головой и длинным приземистым телом, теперь уже не бежал и даже не шёл, а всё больше полз, мучительно таща себя вперёд по песчаной дороге. Жёлто-пегой масти не различить было за густым слоем пыли и грязи. Левая задняя лапа давно стала одной сплошной болью, и боль временами настолько заслоняла для него весь белый свет, что он забывал, куда, собственно, торопится, растрачивая последние силы. Боль становилась тупой и почти терпимой, только когда он давал себе отдых, но это происходило всё реже. Пёсик понимал, что жалеть себя уже поздно, и хотел только одного: успеть. Доползти, добраться. Остальное не имело значения.

Его поил дождь, оставлявший на дороге недолговечные лужи. О еде кобелёк давно позабыл. Ему не удавалось ловить даже лягушек.

Когда ветер принёс запах реки с нанизанным на него духом людского селения, он сперва не поверил собственному чутью. Но оно никогда прежде не подводило его, и в сердце затеплилась слабенькая надежда. Похоже, тот, о ком подумал, к кому послал его Великий

Вожак, был действительно рядом...

Тем невозможнее показалось одолеть последние поприща, оставшиеся до мостика через речку. А за рекой начинался довольно крутой подъём, и на то, чтобы взобраться на самый верх, сил уже точно не хватит. Ну, может, разве только до середины...

Как бы то ни было, он продолжал двигаться дальше – пядь за пядью, упрямо вперёд, сквозь усталость и боль, сквозь пелену, застилавшую разум и зрение.

И вот тут несчастному кобелишке неожиданно повезло. А может, не повезло, а выпала награда за подвиг терпения и упорства. Когда он ползком миновал поворот, откуда уже видна была речная урёмина²⁴, пёсик увидел на мостике двоих детей, двух маленьких девочек, пускавших по течению кораблики из коры. А рядом с ними...

Рядом с ними, присматривая за неразумными человеческими щенками, способными по глупости свалиться в воду или ещё какую беду на себя навлечь, сидел пёс. Неприступно могучий кобель с иссиня-вороной шерстью, украшенной ржавым подпалом на морде, на груди и внутренних сторонах лап. Он повернулся в сторону дворняжки, кажется, ещё прежде, чем тот выполз из-за поворота, и рыжеватые пятна «бровей» над глазами сурово сдвинулись, а вислые уши насторожённо приподнялись: кто, мол, таков?.. не враг ли подкрадывается?..

Маленького калеку сразу и окончательно оставили все силы. Он приподнял голову и попытался то ли залаять, то ли завывать. Получился стонущий плач.

Мордаш сразу вскочил и побежал навстречу пришельцу, не убоившись оставить своих подопечных. Пёсик отрешённо смотрел, как рысит к нему исполин, способный небрежно, походя расправиться с десятью такими, как он. Душа кобелька, кажется, плавала уже отдельно от тела, утратив способность к угодничеству и страху, не имевшим более никакого значения. Приблизившись и грозно нависнув, Мордаш придирчиво обнюхал дворняжку. А затем – ещё придирчивей – то, что маленький собрат нёс в зубах, словно величайшую драгоценность.

Кобелёк пластом лежал перед ним на песке.

И вот язык хозяина деревни прошёлся по его мордочке, уважительно тронув уголки губ. Так обращаются не с ничтожным и презренным, каким тот всегда был, а, наоборот, с почитаемым и даже великим. Потом пасть Мордаша осторожно сомкнулась поперёк тела дворняжки. Могучий пёс без усилия оторвал беспомощного калеку от земли и понёс, и тот поплыл вперёд, как когда-то в младенчестве, у мамы в зубах, и, как тогда, зная, что несут его в безопасное родное гнездо. Солнечное тепло и бережная хватка Мордаша составляли такое блаженство, что даже боль начала растворяться, уходить куда-то, исчезать. Затем к блаженству добавились прикосновения детских рук. Это были добрые прикосновения, полные ласки и жалости, и на кобелишку снизошло откровение, поистине стоившее перенесённых мучений: он постиг, *какими на самом деле должны были быть руки людей. От них не надо было шарахаться, ожидая удара или щипка...* Наверное, люди поняли, что он до конца исполнил свой долг, и благодарили его. Они гладили его голову, пытались прямо на ходу разбирать шерсть от репьев и слипшейся грязи... Это был дивный сон, и пробуждаться от него не хотелось. Ощущение благодати и счастья беспредельно ширилось и росло, возвышая его душу, окутывая весь мир...

Безопасное, полное доброго тепла, родное гнездо...

Старейшина Клещ, выглянувший во двор, несказанно изумился при виде горько плачущих внучек. Потом заметил грязное тельце, безжизненно вытянувшееся на травке, и только руками развёл. А Мордаш сел над почившим собратом, задрал голову к небу – и вознёс к облакам заунывную похоронную песнь, на которую немедленно откликнулись все собаки в деревне.

²⁴ Урёмина, урёма – здесь: густые заросли в заболоченной речной пойме.

...А где-то очень далеко, там, где всегда изобильна еда и у каждого есть укромное логово, радостно бежали друг другу навстречу два пса. Один был громаден и куцехвост, с горделивой осанкой степного шо-ситайнского волкодава, никогда не ведавшего цепи. Другой... мало кто узнал бы в нём криволапного нескладёху, обделённого судьбой и ещё больше обиженного людьми. Теперь это был красивый и стройный пёсик, востроухий, с лукавым взглядом весёлых карих глаз, одетый в нарядную, белую с ярким золотом шубку. Тугим бубликом вилял его хвост, звенел восторгом далеко слышимый лай.

Радостно было безгрешным друзьям скакать по зелёной лужайке, ликовать и играть, ожидать нового рождения, нового воплощения на смертной земле...

Мария Васильевна Семёнова

Волкодав: Самоцветные горы

Самоцветные горы – страшный подземный рудник, поглотивший тысячи и тысячи человеческих жизней. Когда-то именно сюда привезли проданного в рабство мальчика, позже получившего имя Волкодав. Мальчик сумел сделать невозможное – он остался жив и вырвался на свободу. Спустя годы последний воин из рода Серого пса возвращается к Самоцветным горам. Ему вновь предстоит спуститься в мрачные штольни, полные ужаса и страдания. Жизнь – ничто рядом с исполнением долга, Волкодав идет к руднику, как шел когда-то в замок кунса Винитария по прозвищу Людоед. Идет, не рассчитывая вернуться назад.

героическое фэнтези, становление героя
2003

Мария Семенова
Самоцветные горы

Автор сердечно благодарит

Владимира Тагировича Тагирова,
Павла Вячеславовича Молитвина,
Ирину Сергеевну Костину,
Александра Сергеевича Расовского,
Адель Левтовну Геворкян,
Наталью Васильевну Герасименко,
Игоря Александровича Сухачёва,
Александра Григорьевича Таненя,
Наталью Александровну Ожигову,
Сергея Александровича Романюгу,
Рамиля Равильевича Бикинеева,
Олега Николаевича Мелентьева,
Леона Леоновича Абрамова —

за ценнейшую информацию и советы,

Хокана Норелиуса (Швеция) и
Дмитрия Олеговича Фурманского —

за компьютерную поддержку,

а также
Издательство «Азбука» —

за понимание и терпение в сложной жизненной ситуации.

Расскажу я вам повесть минувших времён
О бродячем певце. От Богов одарён,
По краям чужедальним он, странствуя, пел
И везде прославлял свой родимый предел.
«Там, – он пел, – не умолкнут ручьёв голоса.
Там траву целовать не устанет коса,
Но лишь вдвое пышней вырастает трава,
И стада не объедешь ни в месяц, ни в два.
Там склоняются ветви под грузом плодов:
Нету в мире прекраснее наших садов!
А за ними горят городов огоньки,
И дробят их спокойные воды реки,

Отраженье бросая в пучины небес...
Вы нигде не найдёте подобных чудес!»
Принимали его у степного костра,
И на склонах хребтов, где кочуют ветра,
И у берега моря, где тучи и мгла,
И в пустынях, жарою спалённых дотла,
И в избушке лесной, и под сводом дворца —
Всюду рады заезжего слушать певца.
Видно, силу особую Небо даёт
Тем, кто в сердце чужбины о доме поёт!
Много лет в одиночку торил он свой путь...
И однажды надумал домой завернуть.
Что же дома? Он в ужасе смотрит вокруг...
Травостойный и пастбищный вытоптан луг,
За чужими стадами не видно земли,
У причалов чужие стоят корабли,
Незнакомые дети играют в садах,
Незнакомые песни слышны в городах,
Даже храмы и те изменили свой вид,
А на троне отцов – иноземец сидит...

...Оттого-то, друзья, пуше всякой заразы
Мы с тех давних времён опасаемся сглаза.
Ибо вот как аукнулось эхо похвал,
Что он родине в дальнем краю расточал.

1. Остров Закатных Вершин

Отгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым мертвенным серебром. Такой лес венны называли красным. Стеной стояли высокие сосны, медноствольным тыном венчая каменистый креж

[1]

берега. Между ними и приречным обрывом лежал ровный луг. Днём по нему гулял тёплый ветер, волнуя густую траву и головки по-северному мелких, но от этого ещё более ярких цветов. Теперь стояла глубокая ночь. Дремали, сомкнув лепестки, дневные цветы, затих непоседливый ветерок, и лунное серебро как бы старило год, покрывая каждую сосновую хвоинку, каждую ворсинку травяных стеблей чуть ли не инеем.

Лес спал, и ему снились люди, никогда не бывавшие в здешнем краю.

Некто, наделённый тонкими чувствами и зрячей душой, на самой грани слуха мог бы уловить детский смех: две девочки-близняшки и третья, помладше, бежали сквозь густой малинник по тропке, утоптанной их босыми ногами. Ручьи колокольчиками звенели в ответ, сбегая со скал. Дети спешили к зреющим ягодам, и за ними присматривала большая собака. Другой пёс – суровый охранник – лежал растянувшись на залитом предвечернем солнцем крыльце. Возле его морды, в каком-то верхке от страшенных клыков, играл с кусочком меха маленький трёхцветный котёнок.

Лесу снилась женщина, вышедшая из дома. Эта женщина была прекрасна, потому что ее любили. Она вытирала руки вышитым полотенцем и звала ужинать мужчину, коловшего дрова на заднем дворе...

Видение счастья дрожало и колебалось в тихом ночном воздухе над пустой поляной. Сон заповедных кулижек, который, может быть, станет вещим. А может быть, и не станет. Таяли в лунных лучах обрывки слов, разговора, весёлого смеха... Лес ждал.

Может, раньше здесь в самом деле повсюду росли большие деревья, но теперь от них не осталось даже воспоминаний. Не догнивали между скалами обломки рухнувших стволов, не пытались расти корявые, от рождения изуродованные последыши. Всё было мертво. Ни травы, ни мха, ни даже лишайника. А под ногами влажно чавкала глина, перемешанная со щебнем. Ничьи корешки не сплывали её воедино, превращая в живую и гостеприимную землю. Так, наверное, выглядели бесприютные пустоши Исподного Мира, где вечно зябли души неправедных и бесчестных людей... Волкодав шёл вперёд, вернее, прыгал с камня на камень и думал о том, что если уж Хозяйке Судеб было угодно завести его в подобное место, значит, он это чем-то да заслужил.

Склон отлого поднимался вверх, давая возможность всё шире видеть позади берег, море и ставшую совсем крохотной «косатку» в узком заливишке. Огромные валуны, обломки первородных скал, выглядели так, словно их ничто не тревожило с самого начала времён. Волкодав всё пытался представить их себе одетыми в нарядные покровы мха и ягодных кустарничков, пытался мысленно посадить на них берёзы и сосны, проникающие корнями в трещины камня. Ведь шумели же здесь раньше зелёные ветви, хлопотали над гнёздами птицы, звериные мамки учили уму-разуму малышей...

Теперь в это очень трудно было поверить. Жизнь, чьё царство некогда представлялось вечным и нерушимым, на поверку оказалось хрупкой и мимолётной: сгинула – и как отроду не бывало её. А всё из-за ледяных великанов, которые, не сумев почему-то заполнить южный край острова, пробрались сюда под землёй. Ткни в любом месте лопатой – и, пройдя два-три вершка, лезвие ударится в лёд. Вот потому-то, хотя в иных странах, южнее, уже налилось силой красное лето, здесь, казалось, зиму сменила сразу поздняя осень, не сулившая тепла впереди – лишь ещё одну такую же зиму.

Подобное Волкодав видел годы назад, по пути в Самоцветные горы. Дорога, по которой двигался караван торговца рабами, забиралась выше и выше, и постепенно пропали сначала деревья, потом кусты и наконец вообще всякая зелень. Остались мёртвые осыпи и голые скалы, а по северным склонам залегли нетающие пятна вечной зимы...

И точно так же, как здесь, высились впереди, медленно приближаясь, три снеговых пика, три Зуба, готовые безучастно дробить и перемальвать судьбы... Нет, конечно, Закатные Вершины были совсем не похожи на те горы, чьё изображение Волкодав донныне носил на груди. Но ничего не поделаешь – чувство возвращения поселилось в душе сразу и прочно, хотя и без спросу. Прошлое ломилось из темноты, стучалось в дверь, ключ от которой был давно, казалось бы, выброшен. Голоса памяти до того властно требовали внимания, что мешали сосредоточиться на настоящем.

Едва ли Волкодав мог себе это нынче позволить...

«Ждите три дня, – наставлял своих людей Винитар, когда они с Волкодавом уходили на остров. – Никто не должен следовать за нами или искать нас, если ни он, ни я не вернёмся. Длиннобородый Храмм, собравший у Себя всех моих предков, сумеет рассудить справедливо. Если возвратится венн, отвезите его, куда он пожелает. Потом выберите себе нового кунса, и пусть он ведёт вас, как ему сердце подскажет».

И с этими словами молодой вождь повернулся спиной к кораблю, чтобы больше не оборачиваться, и зашагал вперёд, оставив семь десятков сирот молча смотреть вслед. Сегваны никак не напутствовали Винитара, хотя понимали, что более могут не увидеть его: уж Аптахару-то не понаслышке было известно, каков боец Волкодав. Больше полусотни мужчин стояли в полной тишине, и это безмолвие стоило любой прощальной песни или напутных молитв. Волкодав ощущал его так, как человек ощущает пропасть у себя за спиной.

Они с Винитаром не обременяли себя никакой ношей, кроме оружия. До старого двора кунса на северном берегу острова было всего около суток пешего хода – конечно, не напрямик, а изрядной петлёй, в обход гор. Насколько успел понять Волкодав, восточные склоны считались гораздо более отлогими и сулили меньше препятствий, чем западные, состоявшие из сплошных отвесных обрывов. Поэтому он весьма удивился, заметив, что, удалившись от моря, Винитар

начал уверенно забирать к западу. Венн даже подумал, что вождь, должно быть, не слишком надеялся на безоговорочное послушание своих молодцов и хотел в любом случае избавиться от непрошеной свиты. Он всё же спросил:

– Ты хочешь обойти горы с запада?

Ответ Винитара застал его совершенно врасплох.

– Там жила моя бабушка, – сказал кунс. – Я хочу посмотреть, не осталось ли чего от её дома. Волкодав некоторое время молчал. Об отце Винитара, носившем прозвище Людоед, он в своей жизни думал гораздо чаще и пристальней, чем ему того бы хотелось. Порою он пытался представить себе мать Винитара и бесплодно силился решить, на кого из родителей молодой кунс был больше похож. Но бабушка?.. Как ни смешно, в первый миг его даже изумило, что Винитар упомянул о бабушке. Хотя, если подумать, у кого из людей её не было?.. Как гласила веннская поговорка – «Кто бабке не внук»...

Он подумал ещё и в конце концов проговорил:

– Я не всех ваших успел запомнить, когда вы у нас поселились.

Аптахара вот встретил потом, годы спустя, – и не узнал. Ни в лицо, ни по имени...

Вслух он этого не сказал, потому что не об Аптахаре шла речь.

– Её там и не было, – ответил Винитар. – Она была стара и ждала смерти. Она отказалась ехать на Берег.

Волкодав подумал о Поноре, куда, согласно тёмным преданиям, в голодные годы добровольно уходили сегванские старики, а родня почему-то не хватала их за руки. Потом он вспомнил своего прадеда, которого застал больным стариком, уже не поднимающимся с постели. Болезнь, разом отнявшая половину тела, застигла вроде бы крепкого ещё прадедушку далеко в лесу, на охоте. Старик сразу понял, что произошло, и не стал даже посылать собаку за помощью, решил ждать смерти. Но не тут-то было. Нашёл его чужой человек, молодой кузнец Межамир Снегирь, даже ещё не помышлявший ни о каком жениховстве. Он и познакомился-то с Серыми Псами, когда принёс к ним старика и с рук на руки передал ясноглазой внучке. Так новой жизнью обернулась посрамлённая смерть – сватовством кузнеца, рождением деток... Волкодав снова подумал о седовласых сегванах, шагавших в небытие Понора. Вообразил чёрную зиму, наступившую вслед за чахоточным летом сродни нынешнему, вообразил последние связки сушёных тресковых голов на прокопчённых стропилах и тощих детей, у которых те старики невольно забирали кусок... Не суди, учила веннская мудрость. Не суди соседа, пока не проходил хоть полдня в его сапогах...

Но как, наверное, похожи были голодные дети Закатных Вершин на тех, что рылись в отвалах руды возле подъездных трактов рудника и бегали с тачками, высыпая породу в обитый медью жёлоб... Аргила. «Не говори, что тебя нет. Ты есть...»

...Хотя всё не так. Что могло быть между ними общего? Да, те и другие обречены были смерти – но одни умирали дома, зная: для них сделали всё, что только могли... а другие – по злой воле чужих и равнодушных людей...

И опять – нет, не так! Где есть люди, там есть и добро, и самопожертвование, и любовь. Даже в такой исконной вотчине зла, как Самоцветные горы... Волкодав помнил: старшие рабы порою заботились о мальчишках, точно о собственных сыновьях. Прикованный на цепь рудокоп, погибая в забое и не имея возможности выбраться, успел вышвырнуть наружу подростка. И сам Волкодав, именовавшийся в те годы Щенком, нипочём не выжил бы, если бы его, запоротого, не оберегали, не подкармливали двое взрослых невольников... один из которых добровольно приблизил свою смерть, чтобы дать ему, Щенку, зыбкую возможность уцелеть. Волкодав понял это лишь годы спустя.

«Прощай, брат».

«И ты прощай, брат...»

Винитар, кажется, по-своему истолковал хмурое молчание венна. Удивительно было, что ему вообще понадобилось его истолковывать, но он сказал:

– Я хотел убедить её ехать. Или тоже остаться. Когда отходил корабль, я сидел под мачтой привязанный.

Склон, по которому поднимались двое мужчин, представлял собой, собственно, сплошную гвазду – грязевое болото, почему-то не утекавшее вниз. Вот что получается, когда откуда-либо уходит жизнь и оставляет на теле земли омертвевшую гниющую рану. В таких ранах водятся черви, но здесь даже черви давно уже вымерли от бескормицы – плоть сгнила насовсем, рассыпалась прахом. Приходилось всё время смотреть под ноги, чтобы не вывернулся из-под сапога камешек, затаившийся в глине, да не привёл упасть, окончательно мараясь в грязи. Мало походило всё нынешнее на тот поединок на вершине залитого солнцем лугового холма, под льющуюся с небес песенку жаворонка, как мечталось некогда Винитару. Каким станет Божий Суд, предназначенный положить конец их с венном вражде? Неужели они станут топтаться в мерзкой грязи или по колено в талом снегу, даже не имея возможности порадовать Небеса красотой воинского мастерства?..

А впрочем, кто сказал, будто подвиг и справедливость должны непременно являть ещё и красоту?..

Молодой кунс покосился на Волкодава, шедшего рядом. Ему показалось, кровный враг размышлял примерно о том же, и он спросил его:

– Что хмуришься, венн?

Волкодав честно ответил:

– Самоцветные горы вспомнил. Там, поблизости, места были уж очень похожие.

Винитар отметил про себя, что венн говорил ровным голосом и дышал тоже ровно, не слишком запыхавшись на длинном подъёме по скользкой и вязкой глине, грозящей стянуть с ног сапоги. Это было хорошо. Значит, совсем оправился от последствий Хономерова зелья. Значит, в грязи или не в грязи, а будет-таки между ними настоящий Божий Суд, равный поединок, и победит в нём тот, с кем Правда Богов, а не тот, кто лучше ел накануне...

Они выбрались на самый верх склона. Впереди открылось то, что на родине Волкодава называлось залавком – ровным плоским местом на склоне холма, пригодным для огородничества и жилья. Здесь Винитар вдруг остановился, словно налетев на стену. Волкодав сделал ещё несколько шагов, потом обернулся посмотреть, что случилось.

Предводителю морской дружины было в полной мере присуще умение держать при себе свои чувства и не дрогнув принимать всякое известие, будь оно умопомрачительно радостным или сокрушительно горьким. Но, зная, выруби себя хоть из гранита, а и гранит растопит возвращение после долгой разлуки домой... Лицо у Винитара сейчас было как у человека, который, отправляясь в дальний поход, оставил свою мать крепкой женщиной в зрелом цвету, полновластной хозяйкой семьи, и много лет представлял её себе такой, а вернувшись... застал высохшую старуху, угасшую и телом, и разумом. Волкодав понял: мёртвый склон всё-таки не лишил Винитара упрямых последних надежд. Кунс предполагал что-то увидеть здесь, наверху. Что же? Волкодав огляделся. Обширный залавок был таким же мокрым, грязным и бесприютным, как и оставшийся позади склон. Всюду, сколько хватал глаз, громоздились точно такие же груды скальных обломков, а на расстоянии нескольких поприщ начинался снеговой бок ближней горы. К середине своей залавок заметно понижался, и разжиженная глина натекла туда сущим бельмом, густым, как сметана, и ровным, как озеро, замёрзшее в безветренную погоду.

Винитар заметил взгляд Волкодава и криво усмехнулся:

– Раньше мы называли это место Одонь-Талх – Звёздной долиной... Здесь снеговые воды с гор выходили из-под земли множеством родников, и в ясные ночи долина казалась продолжением звёздного неба...

Он мог бы добавить, что на Одонь-Талх, обители хрустальных ключей, никогда не пасся ничей скот. Здесь давали клятвы влюблённые. Сюда приходили испрашивать благословения люди, чувствовавшие в себе дар стихотворцев. Наверное, Волкодав, выслушав, согласился бы с кунсом, что так тому и следовало быть. И, вероятно, даже припомнил бы незабвенную Глорркилм Айсах, поднебесную Долину Звонящих ручьёв, не зря называвшуюся священной и заповедной, ибо, едва не сделавшись полем великой битвы двух непримиримых племён, послужила она их чудесному примирению, причём не без явного вмешательства свыше... Но Винитар ничего не рассказал – не довелось. На плечо Волкодаву шлёпнулся вернувшийся Мышь

и принялся топтаться, недовольно пофыркивая. Венн мельком посмотрел на него и спросил Винитара:

– Кто теперь живёт на твоём острове?

– Значит, и ты заметил, что за нами увязался Шамарган? – ответил кунс. – Не знаю уж, как он улизнул от моих людей, а зачем ему понадобилось за нами следовать – и знать того не хочу. Поймаю и...

Он стал прикидывать про себя, что надлежало сделать с бесстыдным ослушником, не уважившим приказа, но Волкодав покачал головой:

– Не о нём речь. Их много, и мысли у них не самые дружелюбные.

От «косатки» их с Винитаром отделяло целое утро весьма упорной ходьбы. Отсюда корабль нельзя было даже увидеть, не то что рассчитывать на подмогу. С таким же успехом «косатка» могла бы находиться вовсе у другого берега моря. Винитар не стал затравленно озираться, выискивая врага. Лишь спросил, усмехаясь углом рта:

– Об их мыслях тоже твой зверёк тебе рассказал?

– Нет. Сам чувствую.

– Раньше, – задумчиво проговорил Винитар, – ты, насколько я тебя помню, ответил бы как-нибудь так: «Может, и рассказал»... Изменился ты, кровник.

Волкодав хмыкнул:

– Может, и изменился...

Они почти весело переглянулись и снова зашагали вперёд, обходя мертвенно-синеватый глиняный наплыв, поглотивший чудо Звёздной долины.

И неоткуда было знать им (а жаль: узнав, оба от души посмеялись бы), что далеко за морем, измеренным и преодоленным «косаткой», посреди континента, называемого Шо-Ситайном, хорошо знакомый им обоим Избранный Ученик Хономер боролся с весьма сходными трудностями. Разве что в раскисшей грязи скользили не его ноги в сапогах, а копыта коня. Он не был бы Избранным Учеником, предводителем тин-виленского жречества Блинецов, если бы не умел принимать решения, а потом вызывать к жизни задуманное, напряжением духовных и плотских сил давая бытие небывалому. Постановив самолично осмотреть языческую кумирню, внушавшую столь недолжное чувство почтения иным собратьям по вере, Хономер, не мешкая долго, велел единственному оставшемуся здоровым «кромешнику» собрать припасы и десяток надёжных людей – и двинулся на Заоблачный кряж. Он всегда был лёгок на подъём. Его караван ничем не напоминал нищий поезд горцев-итигулов, отбывший туда же несколькими седмицами ранее. Тот и поездом-то едва ли заслуживал называться: так, несколько мохнатых лошадок с вьюками и одна под седлом – для старца Кроймала. И пешие дикари. Со своими собаками...

Что ж, пусть двое Учеников, явившие в Кондаре столь прискорбно малое рвение, путешествуют в убожестве и лишениях, как пристало вероотступникам – либо опасно приблизившимся к отступничеству и потому скрывающимся от праведных единоверцев. Он, Хономер, намерен был совершить эту поездку совсем по-другому. Нет, не то чтобы его пугали ночёвки на пыльных войлоках, в горских палатках из волос дикого быка, сквозь чёрную ткань которых просвечивает ночное небо и поддувают стальные ветры. Когда весной они скрытно, иными дорогами, следовали за Волкодавом, Хономеру доводилось спать и под открытым небом, на прихваченной последними заморозками земле, и вовсе в седле, и попросту обходиться без сна. Радетель с юности был привычен к странствиям по диким краям, где никто не стелил ему тёплой постели и не пёк лепёшек на ужин. И он отнюдь ещё не стал ветхим стариком вроде Кроймала, чтобы ему на каждом шагу требовалась забота и помощь. Нет! Дело не в том. Жреческое одеяние Хомера нынче блистало яркими красками, он был попечителем святой веры в большом богатом городе, а поскольку Тин-Вилена являлась крупнейшим городом целого континента, – значит, Хономеру надлежало блюсти дело и славу Блинецов во всём Шо-Ситайне.

И кому какое дело, что Тар-Айван, расположенный, собственно, вдвое ближе к Тин-Вилене, чем к тому же Кондару, до сего дня весьма мало интересовался пастушеским краем, предпочитая обращать свои взоры на куда более изобильные и причастные к судьбам мира державы: Мономатану, Саккарем, Нарлак, Халисун...

Хономер твёрдо знал: пробиваться к вершинам жреческой власти в одной из этих стран – определённо не для него. Лучше быть первым в Тин-Вилене, чем тридцать первым в Фойреге. Он не помнил, кто это сказал. Надо будет, вернувшись, отрядить младших жрецов порыться в библиотеке – и непременно найти.

Хономер очень рассчитывал на нынешнее своё путешествие. Вероятно, внутренний голос по-своему истолковал бы этот расчёт и скорее всего объявил бы его неким возмещением за сокрушительную неудачу с Винитаром. Однако внутренний голос потому и называется внутренним, что никто не слышит его, кроме нас самих... да и мы-то всего чаще предпочитаем не слушать.

Нынче для Хономера был именно такой случай. Да, он потерпел неудачу, которую глупо было бы отрицать, и ещё глупее – гнать из памяти, притворяясь, будто ничего не случилось. Зелье, сваренное Шамарганом, обладало обрекающей силой. Хономер сам проверил его на двоих никчёмных людишках из числа городских бродяг и убедился: отравил разила наверняка и противоядия не имела. А значит, венна давно уже съели морские рыбы... и, вероятно, тоже в свою очередь отравились. Жалеть тут было, собственно, не о чем, но венн унёс с собой тайну имени старого жреца, и вот этого Хономер простить ему не мог.

Хотя... прощай или не прощай мёртвому, с него в любом случае немногого взыщешь. Волкодав пребывал в посмертной обители своей веры – где именно, Хономер не знал и не стремился узнать, ибо туда не достигал свет Близнецов, а стало быть, прикосновенному к истине не было ни пользы, ни смысла в её изучении.

Как и в изучении кан-киро, оказавшегося неспособным служить распространению веры.

Заблуждения – и свои личные, и всего рода людского – следовало оставить в прошлом, а самому двигаться дальше. Туда, где ждал чаемый подвиг, а с ним и награда.

Всё великое, говорил себе Хономер, однажды началось с малого. Может быть, со временем что-то начнётся и отсюда, из шо-ситайнского захолустья. А здесь ведал всякими начинаниями только он – Избранный Ученик.

Ну и пристало ли такому значительному человеку являться на Заоблачный кряж в заляпанных грязью штанах и падающим с ног от усталости?.. Ни в коем случае. Горцы – варвары. Они должны сразу понять, что их святилище навещил великий муж, посвящённый воистину единственной веры. Веры, перед которой всё варварское великолепие их молельни должно уподобиться пыли, развеваемой ветром.

И потому Хономер вёз с собой хороший шатёр, добротные лежа и запас снеди, который позволит не прибегать к итигульскому гостеприимству. И ещё книги. Чтобы не прерывать обычных занятий, да заодно показать невежественному народцу облик учёности.

Пусть видят дикие итигулы – вот человек, уповающий не на духов снегов и скал, а на Богов, которые поистине достойны всяческого упования!

Хономер давно усвоил: с каждым племенем нужно разговаривать на его языке. Каждому народу или отдельному смертному следует открывать ту грань величия Близнецов, которую он способен уразуметь. Вот тогда будет толк. Если же, ни с чем не считаясь, переть силой на силу – тут любой, соприкасавшийся с кан-киро, подтвердит: добра не получится...

...Увы, покамест было очень похоже, что местные горные духи всего менее склонны были уважать Богов-Близнецов, а уж о благородном кан-киро и вовсе ни малейшего понятия не имели. Как только караван Хономера покинул непосредственные окрестности Тин-Вилены и стало совсем несподручно возвращаться из-за погоды – тут-то и сделались небывалые для летней поры холода. Зарядил нудный дождь, присущий скорее осени, нежели лету, как раз переживавшему полный расцвет. Ригномер положительно не узнавал знакомой дороги. Пелены морозящей сырости не давали рассмотреть ничего далее сотни шагов. Хономер горбился в седле, под кожаным плащом, пропитанным от дождя особой смесью масла и воска, и хмуро думал о том, что повыше в горах вполне мог залечь снег. Хотя в вершинную летнюю пору снега на проезжих перевалах не водилось даже на памяти стариков.

С гривы лошади Хономера стекала вода. Лошадь вяло плелась вперёд, шерсть на её ногах была тускло-бурой от сплошной грязи. И сухого привала впереди отнюдь не предвиделось.

А ведь это была хорошая, удобная, давно известная дорога, позволявшая без больших хлопот перевалить окраинную гряду Засечного кряжа и попасть на возвышенное плоскогорье, называемое Алайдор. Перебравшись через него, путешественник оказывался уже в настоящих горах, на пороге страны игитулов. «Под сенью Харан Киира», как принято было у них говорить.

Обдумывая и готовя поездку, Хономер нимало не сомневался, что уж до Алайдора-то доберётся без особых хлопот. И почему бы нет? Состоятельные тин-виленцы ездили на Алайдор охотиться на горбоносых горных оленей и даже не нанимали проводников. Он и сам, особенно в первые годы, неоднократно поднимался на плоскогорье и хорошо помнил дорогу...

... Или ему казалось, будто он хорошо помнил её. Хономер смотрел по сторонам и всё более приходил к выводу, что они заблудились. Как ни мало вероятно на первый взгляд это выглядело. Дорога была всего одна, берегом быстрой реки, бежавшей вниз с Алайдора. Не имелось даже ни единой развилки, чтобы свернуть на ней не туда. Они и не сворачивали. Да и река – вон она, бьётся и грохочет внизу, вздувшись от непрерывных дождей... Тем не менее Хономер никак не мог отделаться от крайне малоприятного ощущения. Он сбился с пути. Его караван забрёл не туда. И будет вечно блуждать в сером дождевом сумраке, и новые путешественники будут предостерегать друг друга от встречи с вереницей призрачных всадников: дурная примета...

Вот это уже были совсем неподобные мысли и суеверные страхи, ни в коем случае не достойные Избранного Ученика! Хономер сурово упрекнул себя в малодушии и вознёс почувствованную молитву Близнецам, испрашивая духовной поддержки. Не помогло.

Зато с низко надвинувшихся небес, словно в насмешку, хлопьями повалил мокрый снег. Липкий, тяжёлый и невыносимо холодный. Руки Хономера, державшие повод и без того замёрзшие, начали попросту леденеть – так что перестали слушаться пальцы. Это было последней каплей. Он оглянулся и потребовал к себе проводника. «Вожака», как принято было говорить в Шо-Ситайне.

Проводником же у него был Ригномер Бойцовый Петух. Тот самый. Он был редкостным болтуном и задирой, но – что есть, того не отнимешь – тропы Заоблачного кряжа знал лучше многих. Правда, до сего дня Ригномер ни разу не нанимался в проводники. Не было надобности. И так неплохо жил, торгуя помаленьку у горцев знаменитые шерстяные ткани. В этом году торговля у Ригномера не ладилась, хоть ты плачь. Итигулы либо просто отказывались с ним разговаривать, либо цену заламывали такую, что, по мнению Бойцового Петуха, их родные снега должны были бы покраснеть со стыда. Горцы, однако, не краснели. А вот Ригномер заскучал, опустил перья – и крепко задумался, чем станет кормиться. И это было хорошо, что у него водились счёты как с итигулами, так и с молодым Волком, нынешним Наставником учеников кан-киро. Тот лучше служит, кто ждёт, что служба даст ему возможность поквитаться с обидчиками...

Проводник подошёл к стремя Хономера и вопросительно снизу вверх посмотрел на жреца. Ригномер шёл на своих двоих от самой Тин-Вилены, являя ещё одну знаменательную черту сегванского племени. Потомки давно осевших на Берегу вполне пристрастились к верховой езде и успели даже вывести собственную породу боевых лошадей. А вот среди недавно покинувших Острова немало было таких, кто вообще не признавал седла. К числу этих последних и принадлежал Ригномер. Правду сказать, утомить Бойцового Петуха было очень непросто.

– Сколько ещё до Алайдора? – мрачно осведомился Хономер. Его так и подмывало спросить, не ошиблись ли они дорогой, но он удержался, хоть и не без труда.

Ригномер провёл рукой по усам, досадливо отряхнул с ладони талую жижу и ответил:

– Было бы ведро, сказал бы – два дневных перехода. В такую погоду хорошо если получится дойти за трое суток, а не за четверо.

Хономер про себя застонал. Внешне, однако, он ничем не выдал разочарования, лишь кивнул, не переменявшись в лице, и толкнул пятками лошадь, надумавшую было вовсе остановиться. С надвинутого капюшона при этом сполз изрядный пласт снега, успевший налипнуть и залечь, словно собираясь остаться там навсегда. Хономера вдруг посетило пренеприятнейшее видение своего собственного бездыханного тела, замёрзшего, скрюченного в последнем убежище где-то за камнем и постепенно заметаемого снегом, переставшим подтаивать...

Он вздрогнул, передёрнув плечами – то ли от холода, то ли прогоняя мимолётную тень неуверенности. И поехал вперёд, на каждом шагу понукая коня.

Когда Волкодав наконец увидел этих людей, он понял, что понапрасну оклеветал себя, решив некоторое время назад, будто подрастатил способность угадывать чётко вражеские намерения

ещё прежде, чем сам враг покажется на глаза. Нет, похоже, с ним самим всё обстояло как прежде. Дело было в обитателях острова. Когда они перестали таиться и показались из-за камней, Волкодав в первый миг даже усомнился, а следовало ли причислять их к роду людскому – или, может, к одному из племён иной, внечеловеческой крови, вроде нардарских тальбов либо дайне, соседей и друзей вельхов?.. Между скалами мелькали низкорослые, сторбленные силуэты, издали казавшиеся равномерно мохнатыми, причём мех производил впечатление не заёмного, а родного.

– Когда мы уходили, на острове оставалось немало рабов, – проговорил Винитар. – Больше двадцати зим прошло... Должно быть, это их дети.

В племени Волкодава не чурались обзаводиться рабами, будь то пленники, взятые во время немирья или купленные на торгу. Раб для веннов был человеком, чьи поступки отняли у него право самому распоряжаться своей жизнью. Его собственные поступки – или его предка, что было в их глазах то же самое. Недостаток мужества, вынудивший просить пощады в бою, или неспособность вести хозяйство, не залезая в долги, – то и другое вполне справедливо лишало взрослых мужчин и женщин звания полноправных людей, низводя их до положения несмышлёных подростков, отнюдь не вышедших из родительской воли. У веннов рабы сидели за общим столом в самом его низу, после хозяйских детей. От справного раба ожидали, что он овладеет каким-нибудь ремеслом и сумеет выкупиться на свободу либо же совершит смелый поступок, уравнивающий постыдное деяние праотца. То есть проявит себя так, как это надлежало подростку, стремящемуся заслужить звание взрослого. И скверным человеком среди веннов считался тот, кто бьёт своего ребёнка... или раба.

Волкодав покосился на кунса, ожидая, что тот скажет ещё. Винитар стоял, опершись коленом о камень, и что-то разглядывал на скале. Он ответил, не оборачиваясь:

– У тех невольников оставались лодки, чтобы ловить рыбу и зверя. Правда, не столь мореходные, чтобы достичь других островов: все большие мы забрали с собой. Но рабы не слишком печалились. Они дожидаться не могли, чтобы войти в дом и завладеть всем, что осталось. Мой отец сказал тогда, что они крутились как трупоеды над стервой, и мне подумалось, что он был прав.

– Если это вправду их дети, то быстро же они одичали... – проворчал Волкодав.

Винитар не ответил. Он разглядывал рисунок, выбитый и выцарапанный очень старательной, но недостаточно сильной рукой. Молодой кунс нашёл его только потому, что хорошо знал, где искать. Следовало всячески благодарить огнебородого Туннворна за то, что лёд ещё не добрался сюда, укрывая и перемалывая своей тяжестью всё, что на пути попадалось.

Намеченные в умытом дождями граните, проступали две мужские фигурки. Та, что находилась вверху, была больше, мужественней и любимей. Та, что внизу, – поменьше, поплоче. Между ними угадывался мальчик, тянувшийся к верхнему, в то время как нижний держал его за ногу. Из чресл верхнего исходила дуга, завершавшаяся в лоне женской фигурки, замершей с воздетыми руками чуть поодаль. А с противоположной стороны на мужчину – в особенности на нижнего – нападало большое животное. О четырёх ногах, с сильными челюстями и с густой шерстью, вздыбленной на загривке... Суровый боевой кунс водил рукой по рисунку, гладил его и всё не отводил глаз – так, словно желал унести в памяти навсегда, а рука могла ощутить тепло другой руки, прикасавшейся к влажному камню. Волкодав про себя рассудил: найдёт или нет Винитар жильё своей бабки, а последнюю весточку от неё он, похоже, всё-таки получил. Смысл рисунка был ему не особенно ясен, но Винитар, похоже, прочёл его без труда.

И бабку свою он, зная, крепко любил...

Между тем невысокие мохнатые фигурки продолжали мелькать вдалеке, то тут, то там показываясь между камней, и теперь Волкодав видел, что мех объяснялся одеждой. Скроенные на удивление ловко, одеяния сидели на телах как вторая кожа, совсем не стесняя движений и делая человека издали похожим на зверя. Волкодаву случалось знакомиться с племенами, обладавшими несравненным умением выделывать шкуры и превращать их в одежды, и так получалось, что воспоминания каждый раз оставались достаточно тягостные. Вспомнить хоть роннанов-харюков, лесное племя Медведя... Почему? Волкодав сам считал себя наполовину собакой, но браться с теми зверо-людьми у него никакого желания не возникало. Он долго думал об этом. И решил – наверное, всё оттого, что их человеческие половины казались ему замутнёнными, утратившими разумную ясность. У него в роду почитание предка-Пса всё же не доходило до копания нор...

– Охотятся, – сказал он Винитару. – Но не на нас.

– Боятся, – отозвался кунс, не оборачиваясь. И с презрением добавил: – Рабы!

Что двигало мохнатыми? Вправду ли наследное чувство рабов, ощутивших – вернулся грозный хозяин? Или звериное знание, внятно предупреждавшее: эта дичь слишком решительна и зубаста, не будет добра?.. Волкодав потянулся вовне и опять уловил рыжие пламена присутствия Шамаргана, на сей раз отчётливо задымлённые подавляемым страхом. Беглый лицедей, понятно, тоже заметил охотников. И сообразил, что очень скоро его возьмут в полукольцо, прижимая к отвесной скальной стене.

– У него большой заплечный мешок, – сказал Винитар. – Не иначе, стащил что-то на корабле, а тут и разбойники. Поделом!

Волкодав ответил не сразу. Он медлил, стараясь приноровиться к обитателям острова. Их стремления не были полностью человеческими или откровенно звериными, они представляли собой некую невнятную, неоформившуюся смесь, тяжкую для понимания; таков нрав тумак-волкопса, взявшего не пойми что от обеих сторон. Всегда трудно понять породу, когда она только ещё нарождается, не успев устояться. Или – вырождается. Как здесь. Перед ним были одичавшие потомки людей. Уже не люди в полном смысле слова. Правда человеческой жизни утратила среди них силу. А животные порядки ещё не обрели власти.

Дикая, беззаконная орда, хуже которой трудно что-нибудь выдумать... Сквернейшее посрамление, которое могло случиться с островом Закатных Вершин. Худшее, что мог найти здесь Винитар.

– Не разбойники, – помолчав, проговорил венн. – Они не знают, что значит грабить. Они охотятся.

Кунс наконец оторвался от рисунка, выбитого на скале. Он посмотрел, как перебежали от камня к камню мохнатые, и не стал вслух гадать, нужна ли им была голова Шамаргана, чтобы насадить её на кол во славу неких Богов. Такие не поклоняются Богам и не воздвигают Им алтарей. Попавшую им в руки добычу, будь она двуногой, четвероногой или с крыльями, ждёт одна-единственная судьба. Добычу обдирают и едят. Причём сырую и даже прямо живую – ради целебных свойств ещё не умершего мяса.

Шамарган прятался до последнего. Но, когда к нему подобрался слишком близко, – кувыркком выкатился из-за валуна, вскочил на ноги и кинулся бежать. Причём не абы куда. Всё-таки он бывал в разных переделках и выучился сохранять определённое здравомыслие. А также выбирать меньшее из нескольких зол. Он понимал, что Винитара с Волкодавом не очень-то обрадует его появление, но... этих людей он знал, и потом, они были по крайней мере люди.

Когда всё кончится, они, вероятно, отнюдь не погладят его по головке, скорей зададут крепкую взбучку, но это будет обычное человеческое наказание, которое можно будет принять.

Волкодав и Винитар, по крайней мере, не будут смотреть на него и улыбаться, облизываясь и подбирая слюну...

Шамарган бежал к ним, размахивал руками и кричал, взывая о помощи.

Охотники сразу бросились за удирающей дичью. Привыкшие сганивать какого угодно зверя, они были очень выносливы и упорны в преследовании, но гораздо более длинные ноги, подстёгнутые отчаянным желанием спастись, на первых десятках шагов позволили Шамаргану заметно опередить погоню. Наверное, его прыть показалась преследователям чрезмерной. Не прекращая бега, они стали стрелять.

Стрелять – сказано плохо, ведь это от слова «стрела», а ни луков, ни стрел ни у кого из охотников не было. Их ведь делают из можжевельника, сосны, берёзы и ели, а они на острове Закатных Вершин давным-давно перевелись. Потомки рабов раскручивали пращи, сделанные из полосок жёванной кожи, и вслед Шамаргану нёсся рой жужжащих камней. Праща – оружие,

которое можно сделать буквально из ничего, но, как и всякое оружие, в умелых руках оно творит чудеса. А уж умения здешним жителям было не занимать...

На счастье лицедей, он так и не бросил действительно большого и увесистого мешка, навьюченного на спину. Мешок, в котором Волкодав уже без особого удивления признал свой собственный, принял десятки метких ударов и тем спас беглецу жизнь. Камни, пущенные убивать, разили с такой силой, что без нечаянного панциря Шамарган давно свалился бы бездыханным. Его и так мотало из стороны в сторону. Потом кто-то изловчился достать его по ноге, и лицедей упал на колени.

– Поделом! – проворчал кунс.

У Волкодава, помимо Солнечного Пламени, привычно висели за спиной два деревянных меча. Они с Винитаром уже мчались вперёд, когда он вытащил один и перебрросил сегвану, а второй схватил сам. Они подоспели к Шамаргану и с двух сторон встали над ним, и больше ни один камень в лицедей уже не попал.

Что такое деревянный меч? Это, в общем, тяжёлая и толстая палка из очень твёрдого дерева, выглаженная и оструганная до некоторого сходства с настоящим клинком. Воины пользуются ими, совершая ежедневное правило, радующее тело и дух, и обращаются с деревянными мечами не менее уважительно, чем со стальными. Это оттого, что они знают, каким страшным оружием способна быть подобная «палка». Ею можно добыть себе славу, отстоять честь и совершить справедливость. С нею выходят против врага, вооружённого настоящим мечом, и побеждают, и это есть признак великого мастерства.

И Винитар, и Волкодав были мастерами из мастеров... Попробуйте-ка взмахнуть деревянным мечом так, чтобы он просвистел на лету: не сразу получится. А их мечи пели на два голоса, пели уверенно и грозно, рисуя в воздухе прозрачный узор, и воздух обретал твёрдость. Камни отскакивали с треском, как от сдвоенного щита. Охотники остановились, смутившись. Такого, чтобы подбитому баклану слетели на помощь два хищных поморника, они явно не ожидали.

Перемазанный в грязи Шамарган сперва полз на четвереньках, потом кое-как встал и заковылял, хромя, вперёд. Мешок, испещрённый и кое-где даже прорванный ударами камней, он по-прежнему не бросал. Волкодав и Винитар отступали следом, держа мечи наготове. Их не преследовали. Это была не схватка врагов, тем более такая, в которой стремятся победить или умереть. Это была охота. А кто полезет в зубы сильному и огрызающемуся зверю – зачем, ради чего?

Всегда можно найти дичь полегче.

А если её нету поблизости – выждать, пока сильный ослабеет.

Или хитрость какую-нибудь изобрести...

– Куда теперь? – спросил Волкодав, когда все втроем они наконец укрылись за большим камнем. Тот некогда свалился с обрыва, да так и остался стоять, наклонившись и прильнув к обширному телу скалы, словно пытаясь заново срастись с ним. Под камнем было даже относительно сухо. И более-менее безопасно. На время. – Ты многое здесь помнишь, кунс... Вырвемся?

Винитар покосился на него, их глаза встретились. Вот как оборачивался их поход за Божьим Судом. Шли искать место для поединка, а довелось встать плечом к плечу, защищая третьего. И кого? Шамаргана. Ни тем, ни другим особенно не любимого. Лицедей сидел на колючем щебне, забившись в глубину каменного «шалаша», и, ещё не успев отдышаться, всхлипывая и сопя, с напряжённым лицом ощупывал сквозь штаны левую ногу выше колена. Двое воинов мельком на него покосились. Доковылял сюда – значит, и дальше идти как-нибудь сможет. Им же думать теперь следовало по давню не о Шамаргане и не о достойном завершении мести, посеянной годы назад, не о том, чья правда выше перед Богами. Для начала следовало попробовать остаться в живых. Остальное – потом. Будет жизнь – будет и время подумать о том, как лучше её употребить...

Так, во всяком случае, сказал себе Волкодав.

Винитара, судя по всему, посетили весьма сходные мысли. Он сказал, помолчав:

– Рядом начинаются ущелья. Мальчишкой я изучил их лучше многих, потому что любил здесь охотиться. Был путь и до моря, хотя что там теперь завалено льдом, а что нет, я не знаю.

Куда стремится морской сегван? – подумалось Волкодаву. К морю, конечно. Добрался до моря – значит, спасён!

Вслух он спросил:

– А они с другой стороны они не подберутся?

Винитар ответил с полной уверенностью:

– Нет. – И пояснил, заметив его недоверчивый взгляд: – Там нельзя пройти. Там Понор.

У старейшины Клеща хватило соображения понять, что его верный Мордаш налаживается бежать из дому не во внезапном приступе дурости и даже не по любовным делам. Клещ видел: потерявший покой пёс что-то силится ему объяснить и до последнего не хочет уходить самовольно, отрекаясь от его, хозяина, над собой власти. Был бы Мордаш человеком, старейшина, пожалуй, усмотрел бы в его поведении борьбу между привычным долгом, помноженным на любовь, – и неким высшим велением. Но это о человеке. Можно ли подобное сказать про собаку?..

И каким образом беспокойство Мордаша было связано с непонятным предметом, который принесла умирающая дворяжка и с которым Мордаш теперь нипочём не хотел расставаться?..

Этот предмет он ненадолго доверил хозяину, пожелавшему рассмотреть. Клещ увидел перепутанный комок тонких верёвочек, бесформенный, слипшийся и вонючий. Поистине подобная штука могла быть интересна только собаке. Старейшина стал ждать, чтобы Мордаш наигрался и успокоился, но не тут-то было. Гордый вождь всех деревенских собак вёл себя словно пропустовавшая

[2]

сука, которая, не родив щенков, решает считать ими хозяйские башмаки и принимается ревностно опекать их, охраняя от посторонних. Единственное отличие состояло в том, что для своей драгоценной верёвочной путанки Мордаш не строил гнезда, а, наоборот, стремился нести её куда-то в сторону Тин-Вилены и, выходя с хозяином за ворота, всячески старался это ему втолковать.

Заметив, что с каждым днём кобель отбегает прочь по дороге всё дальше и возвращается всё неохотней, старейшина сдался.

– Не на цепь же тебя, в самом деле, сажать, – сказал он Мордашу. Вот уж, право слово, было бы безобразие. Да и не удержала бы Мордаша цепь... Взяв крепкий шнурок, Клещ обвил им могучую шею любимца. Принял из послушно раскрывшейся пасти верёвочную связку и устроил её на шнурке, тщательно закрепив. Теперь Мордаш сможет есть, пить и защищаться в пути, не опасаясь потерять свою важную ношу...

Сделав это, старейшина заглянул в тёмно-карие, широко расставленные собачьи глаза, и ему отчётливо показалось, будто Мордаш понимал его действия. И был за них благодарен.

– Вернёшься ли? – вздохнул Клещ.

Вместо ответа кобель дал ему лапу. Тяжёлая когтистая пятерня без остатка заняла немаленькую мужскую ладонь. Чёрные подушечки были тёплыми и твёрдо-шершавыми, привычными к долгому бегу по любым дорогам и вообще без дорог. Кобель отнял лапу и протянул хозяину другую. И наконец, наклонив голову, упёрся широченным лбом старейшине в колени, заурчал и начал тереться, едва не свалив его с ног.

– Эх, – Клещ подхватил клюку и, яростно хромая, сам повёл Мордаша за ворота. Прошагал с ним по тин-виленской дороге несколько сот шагов через луговину до леса, почему-то вспоминая, как встретил здесь того странного чужака... Возле первых сосен Клещ остановился. И гулко хлопнул оглянувшегося пса ладонью по боку: – Беги!..

Мордаш несколько раз подскочил на месте, отрывая от земли все четыре ноги, точно щенок, которого выпустили гулять... Последний раз ткнулся мокрым носом в хозяйскую руку, как поцеловал. И зарысил прочь по дороге – ровно, уверенно, неутомимо.

– Возвращайся... – пробормотал старейшина внезапно осипшим голосом. – Возвращайся скорее...

И заковылял обратно к деревне, чувствуя себя сиротой.

Винитар даже начертил ущелья на разглаженной сапогом глине, чтобы всем было понятней.

Волкодав увидел перед собой нечто вроде паутины, составленной из очень равномерной

расположенных борозд и слегка закрученной посолонь. Венн про себя удивился, обнаружив, что рисунок пробудил некие воспоминания. Он приказал себе вспомнить и стал слушать кунса, перестав думать об удивившем его, и, как обычно бывало, очень скоро воспоминание само толкнулось из глубины. Перед умственным взором возник весьма сходный рисунок на песке и длинный палец Тилорна, указывающий на один из загнутых рукавов: «Вот так выглядит со стороны скопление звёздных миров, где нам выпало жить. В нём мириады солнц... Их так много, что они образуют течения и вихри, подобно частицам, увлекаемым бегущей водой. С той только разницей, что это величественное движение, измеряемое веками. Вот здесь находится твоё солнце. А вот моё...»

Подумав о межзвёздных пространствах, Волкодав опять вдруг припомнил чёрную глыбу с её хвостом загустелых воздушных, летящую в пустоте, ту, что привиделась ему, когда он медленно приходил в себя от Шамарганова зелья. Он смотрел на рисунок, сделанный Винитаром, и ему впервые пришлось на ум наложить подобную рукавчатую спираль, только очень большую, на карту своего мира. Поместив центр её чуть севернее границ Саккарема. Туда, где тремя мёртвыми клыками высились Самоцветные горы. И рядом с ними млела Долина, круглая и неестественно тёплая, согретая той болезненной теплотой, какую можно ощутить, если сдурю запустить палец в воспалённую рану...

Как-то легли бы на такую карту известные ему Врата в Беловодье и Велимор, если бы соединить их между собой?..

Палец Винитара воткнулся в самую серединку нарисованной паутины, оставив глубокую вмятину:

– Вот Понор. Мы пройдем мимо и выйдем к морю вот здесь. По крайней мере раньше здесь всегда был проход.

– Тогда надо идти, – сказал Волкодав. – Вряд ли мы выскочим незамеченными, но они ждут подмоги, чтобы обложить нас уже как следует. Вряд ли стоит нам дожидаться, пока ещё охотники подойдут.

Вместо «охотники» он едва не сказал «людоеды». Язык, правду молвить, чесался. Да и Винитара, вполне возможно, уже посетили сходные мысли. О том, что на острове его отца завелись людоеды. Иначе, как насмешкой судьбы, и не назовёшь!.. Причём справедливой насмешкой. Волкодав не стал ничего говорить. Им следовало спасаться, а не репьи друг другу в шкуру метать.

Винитар не стал его спрашивать, откуда он знал, что охотники выжидают. Поверил – и всё. Кивнув, он развернулся на корточках (ибо только так и можно было унездиться под кровом каменного «шалаша») и гибким движением, не распрямляясь, выметнулся вон, достигнув следующего валуна. Он волей-неволей должен был идти первым, показывая дорогу. Мышь, сидевший на плече у Волкодава, на всякий случай сорвался вдогонку. При этом он играючи, даже с ленцой, увернулся от камешка, прилетевшего из чьей-то пращи и весьма опоздавшего попасть в Винитара. Вероятно, для Мыши полёт камня выглядел медленным и не казался опасным. Люди, увы, не были одарены подобной стремительностью чувств. Они невольно отшатнулись, когда камешек размером с дикое яблочко звонко цокнул в скальный гранит и раскололся, оставив беловатую звезду на месте удара. В тело попадёт, небось мало не будет... Шамарган даже буркнул чуть слышно, вероятно живо представив, как это произойдёт.

Волкодав про себя оценил быстроту выстрела и подумал, что Шамаргану придётся туго, ведь появления следующего прыгуна будут ждать. Да ещё нога...

– Сможешь так? – спросил он лицедея, кивнув в сторону выхода.

Шамарган сперва молча кивнул, потом попробовал пройти на корточках, как Винитар, и сейчас же, охнув, свалился. Камень, пущенный убить, ударил вскользь и не сломал ему ногу, помяв только мышцы и, должно быть, оставив над коленом здоровенный синяк. В горячке погони лицедей сумел подняться и довольно быстро бежать, но за время передышки нога распухла так, что стала тесной штанина. В ней билась тупая боль, невыносимо взорвавшаяся от движения. Всё же Шамарган опять приподнялся, перевалившись с колен на пятки. Он понимал, что речь шла не об испытании мужества, а о жизни и смерти. Стоило вспомнить улыбки облизовавшихся людоедов, и боль сразу становилась терпимой. Тем не менее лицо у него побелело так, что было видно даже сквозь грязь. В таких случаях говорят – как мука, и всем это понятно, хотя мука у каждого народа своя. Если иметь в виду ржаную, как Волкодав, зрелище применительно к человеку получалось малоприятное. Этакая синюшная сероватость. Оставаясь на корточках, Шамарган сделал шаг. Потом ещё.

– Двадцать лет, – сказал он Волкодаву. – Всего двадцать лет!.. Отцы, может, даже грамотные кое-кто был... Одно поколение... Почему?

– Давай мешок, – сказал Волкодав.

Шамарган обречённо посмотрел на него снизу вверх. Так, словно Волкодав, в котором он уже по привычке видит товарища по несчастью и даже защитника, вдруг вознамерился покинуть его на верную смерть. Вени не удивился. У Шамаргана забирали мешок, и ему казалось, что у него отнимали последнюю защиту от камней. А если бы ему оставили поклажу, он решил бы, что его приговорили погибнуть под её тяжестью, отнимающей быстроту движений. Всё правильно. – Они ждут следующего, – просовывая руки в плетёные лямки, сказал Волкодав. – Пойду я, потому что в меня им не попасть. Прыгай сразу, как только камни ударят, пока они не перезарядили пращи.

Его прыжок в самом деле сопровождал град визжащих камней, от которого Шамарган вряд ли увернулся бы даже без мешка и со здоровой ногой, а уж в нынешнем своём состоянии, да нагруженный, – и подавно. Один булыжник прошёл у Волкодава по волосам, другой глухо впечатался в многострадальную кожу мешка. По счастью, тот был исключительно прочным, хорошей работы, – изделие мастера Вароха, обитавшего теперь в Беловодье. Закатная пора жизни мастера выдалась очень счастливой – он жил среди друзей, радовался взрослению славного внука, – и, должно быть, поэтому творения его рук неизменно приносили удачу. Что ножны для Солнечного Пламени, что вот этот мешок... Волкодав влетел за валун, где ждал его Винитар, и оглянулся, и почти сразу ему под ноги кубарем вкатился Шамарган. Лицедей прокусил губу от боли, страха и непомерного усилия, к которому пришлось принудить все мышцы, больная нога скорее напоминала не часть тела, а отдельное, живущее своей жизнью существо, но всё же он в точности выполнил замысел Волкодава и теперь силился отдышаться, понимая только, что жив. За ним, снаружи, вновь зло провизжали камни, не нашедшие добычи, и, щёлкая, заскакали, отлетая от каменных углов и постепенно успокаиваясь.

– Дальше во-он туда, – показал рукой Винитар.

Он ничего не прибавил в том духе, что, мол, ещё две-три перебежки – и всё, мы в безопасности. Словами о безопасности утешают мирных людей, для которых переделка вроде теперешней – испытание за гранью мыслимого. Позже, оставшись в живых, они, может быть, с удовольствием припомнят пережитое и даже похвалятся, но пока это – дурной сон, от которого хочется пробудиться как можно скорее. А не пробудиться, так хоть уцепиться за кого-то более сильного и поверить, что он непременно вытащит тебя и спасёт. Да ещё загодя уверит, что будет всё хорошо. Воина не требуется утешать. Воин хочет знать правду. Даже если она состоит в том, что враг, вполне вероятно, лучше знает ходы-выходы обледенелых ущелий, а значит, впереди, там, куда они с таким трудом прорываются, вместо спасения может ждать засада. Подоспевшая подмога, на которую, по словам Волкодава, уповали охотники. Засада и камни, летящие прямо в лоб из-за той самой скалы, за которой ты чаял укрыться...

Шамарган воином не был. Но, чего-то ради увязавшись за ними, вздумал быть среди воинов равным. Вместо этого, как и следовало ожидать, уже стал обузой и сам это понял. Значит, пускай боится и терпит. Назвался груздем – полезай в кузов. Взялся за гуж – не говори, что не дюж...

К следующему валуну они рванулись все трое одновременно. Винитар и Волкодав подхватили под руки Шамаргана и почти перенесли его под прикрытие угёса. Новую перебежку осуществили ещё хитрее. Винитар кинулся в одном направлении, а Волкодав с Шамарганом мгновение спустя – в другом, куда и было им нужно. Потом кунс к ним присоединился, потирая ушибленное плечо. Ушибленное не камнем из пращи, а об землю – пришлось броситься «рыбкой», не очень глядя вперёд. Дальше отвлекать взялся Волкодав. До отказа пустив в ход своё чутьё, он выскочил на открытое место, потом сделал вид, будто испугался, а может, не рассчитал сил – и заметался, пытаясь вернуться назад. Но заметался не просто так, а в отчётливом соответствии с намерениями обрадованных людоедов. В крепости у Хономера он каждый день упражнял и оттачивал своё восприятие, но чуточку поотвык от настоящей опасности и от того, как она обостряет все чувства. Теперь ему казалось, что раньше он очень неуклюже уворачивался от стрел и отбивал их мечом. Он почти уподобился Мышу, легко ускользавшему от летящих камней. Снаряды из пращей, вертясь, проносились там, где он был мгновение назад... Винитар с Шамарганом успели уйти далеко, он достиг валуна, из-за которого выскочил, и разыскал своих спутников по следам.

– Ты... танцевал, – сказал ему Шамарган. Глаза у него были круглые. Волкодав про себя отметил, что лицедей стал двигаться проворней и легче. Кажется, жестоко ушибленная нога у него «расходилась» мало-помалу. Так бывает, когда тело своим нутряным знанием осознаёт, что спокойно отлежаться ему всё равно не дадут, – надо работать, и оно, хочешь не хочешь, работает. Да и разгоняет при этом вцепившуюся было немощь.

Вновь настала очередь Винитара, и Волкодав сперва усмотрел в его действиях некое соперничество с собой. Потом, правда, он понял, что ошибался. Молодой кунс вскочил на обломок скалы и торжествующе закричал, привлекая внимание. Мигом полетели камни – чего-чего, а этого добра здесь было в избытке, нынешние охотники на людей были не из тех, у кого могут в одночасье кончиться стрелы. Винитар вращал меч, уберегая ноги увёртками и прыжками. Танцевать на виду у врага он умел уж всяко не хуже, чем венн. Ударяя вместе с Шамарганом, Волкодав краем глаза проследил за его пляской, и у него даже ёкнуло сердце. Нет, этот танец весьма мало напоминал пляску обречённого на качающейся, готовой опрокинуться глыбе... и всё же подобное зрелище, да под сенью трёх склонившихся гор в розовом вечно-закатном снегу ну никак не могло быть случайным. Волкодав за руку втащил Шамаргана за скалу, указанную Винитаром. Сегванский вождь появился спустя считанные мгновения и досадливо бросил наземь измочаленные остатки меча.

– Я дурак, – сказал он. И пояснил: – Ты обманул их, а я посмеялся над ними, и они это поняли. Волкодав сперва решил промолчать, ибо не видел толку размазывать нечто такое, что и так споров не вызывает. Но потом всё же сказал:

– Ты кунс. Ты с честными врагами биться привык...

И вовремя закрыл рот, уберёгшись добавить: «...не как я – со всякими людоедами...»

Самое смешное, что глупость, сотворённая Винитаром, пошла беглецам даже на пользу. Деревяшка, исковерканная несчётными ударами камней, ни на что уже не годилась, и дальше её не потащили – оставили лежать на земле. Волкодав лишь коснулся её на прощание ладонью, потому что это было изделие его рук. И ещё потому, что это был всё-таки меч, служивший до конца и погибший, как подобало мечу. Впрочем, весьма скоро выяснилось, что самую последнюю службу меч при расставании с ним только ещё готовился сослужить. Очередной раз устремившись вперёд, трое с удивлением обнаружили, что камней в них почему-то не мечут, зато сзади громко раздаются вопли и визг зверей, схватившихся над некоей очень ценной находкой. Беглецы не стали тратить время на размышления, что бы это могло означать, – просто кинулись дальше, предводительствуемые Винитаром. Так совпало, что, завернув за очередной обломок скалы, сегван сразу повёл их сквозь неширокую трещину. Лаз оказался до крайности неудобным, наполовину засыпанным галькой, перемешанной с грязью, одолевать его пришлось на четвереньках, а где и ползком, увязая и скользя. Однако потом отвесные стены раздвинулись, и глазам предстало узкое, равномерно изгибавшееся – точь-в-точь как на рисунке Винитара – ущелье. Его дно покрывала вода. Сотни ручьёв сбегали по склонам и просто падали вниз, дробясь на лету. Их питали близкие ледники, громоздившиеся наверху. Должно быть, ущелье не превратилось в озеро только оттого, что где-то был сток. Волкодав огляделся, в который раз пробуя представить себе, как всё здесь выглядело в прежние дни – зелёный мох, папоротник, роскошный от постоянных водяных капель, цепкий шиповник, заполонивший солнечные места... Да, здесь было очень красиво. Теперь Волкодав никакой красоты кругом не усматривал, потому что, по его глубокому убеждению, её нипочём не могло быть там, откуда ушла жизнь.

– Дерево, – вдруг сказал Винитар. – У них совсем нет дерева, но они не забыли, что это такое. И грызутся над щепками, как другие над золотым кладом.

Они не стали даже пытаться заметить след, ибо это было всё равно бесполезно, и двинулись вперёд по колено в воде. Шли настолько быстро, насколько могли, – ещё и потому, что вода, заливавшаяся в сапоги, была без преувеличения ледяной. Станешь мешкать, и можно дожидаться, что ноги онемеют и перестанут работать. Вода была мутная, в ней приходилось ощупью нашаривать крупные камни, да и те далеко не всегда оказывались надёжной опорой. Плавный изгиб ущелья не давал видеть, куда они, собственно, идут. Оставалось лишь верить, что где-то там был поперечный проход, которым Винитар выбирался некогда к морю...

– Может, ещё что-нибудь оставим? – тяжело дыша, спросил Шамарган. – Такое, чтобы их отвлекло?..

– Тебя, например, – хмыкнул Винитар. – Вот уж это их надолго задержит. Да и тебе поделом встало бы...

Для него лицедей был прежде всего предателем, человеком без чести, который не погнушался отравить гостя. Но и у Шамаргана была, видно, какая-то своя правда. Либо просто зачесался язык, по обыкновению то доводивший лицедея до беды, то выручавший.

– А может, сам с ними останешься? – осведомился он мрачно. – Ты же им вроде родственника. По отцу...

Молодой кунс окаменел лицом и повернулся к нему. Но ничего не сделал – не понадобилось. Волкодав стоял ближе. Увесистая затрещина сбила Шамаргана с ног и заставила с головой окунуться в воду.

Дожил,
отстранённо, в полном изумлении сказал себе венн.

Уже за Людоеда вроде как заступаюсь...

То есть заступался-то он, конечно, не за Людоеда, а скорее за Шамаргана, ибо Винитар скорее всего оплеухой не ограничился бы, но как всё это выглядело со стороны?.. Лицедей вынырнул, отплёвываясь, и ещё побарахтался, заново нащупывая под ногами опору и, конечно, стучаясь большим местом обо всё подряд. Винитар за это время успел уйти вперёд. Волкодав приотстал от него, но ненамного. Шамарган оглянулся и увидел человекаядцев, как раз показавшихся из расселины позади. Его опять поразило, какие они одинаковые, низкорослые и мохнатые. Хорошо было то, что здесь, в ущелье, им не так-то легко удавалось пополнять запас камней для метания, и они не спешили пускаться в ход пращи. Плохо было то, что, разглядев беглецов, они торжествующе закричали – так, словно сумели наконец загнать дичь в тупик, из которого ей уже не вырваться.

Лучше не думать о том, что означал этот крик...

Взмахивая руками и поднимая брызги, Шамарган заторопился следом за сегваном и венном.

В срединном Шо-Ситайне солнце ныряло за небоскат куда круче, чем на родине сегванского племени. Над плоскогорьем Алайдор, хоть оно и было расположено куда западнее острова Закатных Вершин, сгущалась чёрная ночь.

Именно чёрная. Ничего общего с установившейся было светлой благодатью красного лета. Чёрная, ветреная и отменно холодная... Ветреная – сказано плохо. Назвать эту ночь просто ветреной было всё равно что матёрого мономатанского тигра спутать с домашним котёнком. Бурная?.. Штормовая?.. Тоже не особенно хорошо. Вот только справедливое слово для происходившего у Ворот Алайдора очень трудно было найти.

Во всяком случае, Хономеру это так и не удалось.

Он, воздержанный жрец, до дна исчерпал весь запас известных ему проклятий и богохульств, причём на нескольких языках и относившихся к весьма разным верам. Однако достойного поношения погоде так и не подобрал.

Как обычно бывает в большой горной стране, возвышенное плато отделила от равнин скалистая пограничная гряда. Со стороны Алайдора она представляла невысокой цепью иззубренных холмов, но при взгляде снизу нападала невольная оторопь: что же за горы там, впереди, если даже самый первый хребет, всего лишь обозначивший этакий порог, первый подступ к Заоблачному кряжу, выглядит полностью неприступным?..

Она и была почти неприступной, эта безымянная гряда. Уж во всяком случае для каравана. Лошади даже привычных местных пород, нагруженные вьюками, – всё-таки не горные козы. Отродья знаменитых скакунов Шо-Ситайна, поколениями воспитывавшиеся в горах, умели одолевать кручи, непосильные для стремительных равнинных коней... но не отвесные же обрывы. Поэтому караваны пользовались несколькими давным-давно разведанными и обустроенными дорогами. Дороги взбирались по нелёгкой, но всё-таки приемлемой крутизне до проходов между гребнями, неизменно называвшихся Воротами. Были Красные, Чёрные, Белые – по цвету утёсов, под сенью которых проезжал путник, – и даже Зимние, именуемые так за то, что, во-первых, находились на северном склоне, а во-вторых, неизменно оставались проходимыми с осени до весны.

Как раз Зимних Ворот и пытался достичь караван Хономера. Если ехать из Тин-Вилены, этот проход не был ближайшим, но зато самым удобным для тех, кто держал путь в Долину Звенящих ручьёв.

Люди и лошади благополучно пересекли всхолмленную степную равнину и поднялись, уже сражаясь с ненастьем, почти до самого верха. Дождь, постепенно превратившийся в мокрый снег, не остановил опытных поезжан, но порядком-таки задержал их. Вместо середины дня караван подобрался к Воротам лишь в густых сумерках.

И... не смог их пройти.

Вот это была очень неприятная неожиданность.

Отнюдь не темнота была ей виной. Ничего столь опасного, чтобы не одолеть ночью, в Зимних Воротам не было. Самый обычный проход между двух каменных стен, вытесанных отчасти природой, отчасти руками людей. Проход довольно длинный и почти совершенно прямой. Избранный Ученик не раз здесь бывал, а уж Ригномер, без преувеличения, изучил в Воротам каждый булыжник: торгуя с итигулами, Бойцовый Петух одолевал пограничный хребет в любое время года и суток.

Но ещё ни разу на его памяти Вороты не превращались в завывающую трубу, из которой не дул – бил с силой тарана сокрушительный ветер!..

Собственно, кое-что можно было предугадать ещё внизу, когда они увидели, что из Ворот, словно из дымохода, выползает плотное облако и длинным хвостом плывёт над степями, кропя их не слишком обычным в это время года дождём.

Подумаешь, дождь? Бывалые путешественники лишь загодя отвязали от сёдел свёрнутые плащи и приготовились выносить неизбежные тяготы дальнего пути по горам.

Но то, что ожидало их наверху, многократно превосходило все их приготовления, не говоря уже о способности что-либо одолевать и терпеть.

На ближних подступах к Воротам ветер валил с ног и отрывал от земли, безжалостно вышвыривая сунувшегося человека. Даже такого полнотелого и сильного, как Ригномер. Против ветра невозможно было ни дышать, ни смотреть. Что до лошадей, они просто отказывались выходить их относительного затишья последнего колена дороги перед Воротами. Предприняв несколько безуспешных попыток выгнать их оттуда или вытащить под уздцы, Хономер решил дожидаться затишья. «Редкий ветер дует и дует с ровной силой без отдыха, – сказал он себе. – Должно быть, мы угодили в порыв, но ведь когда-то он кончится!»

Спустя некоторое время, основательно продрогнув и мысленно исчерпав запас сквернословия, он понял, что ошибся. Напрасно он говорил себе, дескать, преддверие Заоблачного края совсем не то, что бескрайняя морская равнина, ветры здесь долго не живут, – скоро рождаются и так же скоро, отбушевав, умирают... Нынешний вихрь то ли издевался над ним, то ли просто никогда не слышал рассуждений о природе горных ветров. Из Ворот всё так же летел, клубясь и кувыркаясь, плотный туман пополам с хлопьями снега, а вместе со снегом – тучи песка и даже мелких камней. Когда окончательно иссякла надежда захватить последний свет дня, Хономер сказал себе, что утро вечера мудреней, и распорядился устроить ночлег.

Может, даже не просто ночлег, а стоянку на несколько дней. Вечно дуть этот ветер всяко не будет. Припасов же было в достатке, в том числе корма для лошадей...

Походники принялись воздвигать решётчатые деревянные остовы палаток, сцеплять их и связывать между собой, натягивать сверху кожи и плотные войлоки. Против всякого обыкновения, дело ладилось с величайшим трудом. Решётки выskalывали из рук, надёжные узлы распускались сами собой, верёвки падали в снежную жижу и сразу пропадали бесследно, пёстрые войлоки подхватывали и тащили к обрыву порывы ветра, неведомо как обтекавшие вроде бы надёжный скальный заслон... Нет, нынешняя буря определённо была живым существом! Живым, почти всемогущим и очень недоброжелательным!.. К тому же снег, вначале мокрый и липкий, постепенно прекратил таять и обернулся тучами стрел, грозивших проткнуть насквозь всё, что оказывалось на пути. Холод, который в тихую погоду называли бы заморозком, будучи помножен на ярость ветра, превратился в настоящий мороз. Пропитанные сыростью плащи неотвратимо заледенели, сделались ломкими, застывшая слякоть на дороге стала опасной, и завтрашнее солнце, если даже проглянет, вовсе не обещало непременно уничтожить ледок... Ригномер Бойцовый Петух поймал себя на нечаянном беспокойстве: «Как же спускаться-то будем?» – и тут только понял, что, оказывается, допустил мысль о бесславном возвращении вниз. Мысль не только лишнюю, но попросту вредоносную! Хорошо ещё, не

довелось выболтнуть её в присутствии Хономера!.. Бывший торговец невольно представил, каких ласковых наговорил бы ему Избранный Ученик, даже без того, кажется, склонный винить его в сегодняшней неудаче, – и зябко поёжился...

Что надлежало до Хономера, то он в сердцах отправился спать, не дождавшись, пока разведут костёр и сварят горячую кашу, и теперь понимал, что снова сделал ошибку. Его палатка, многократно испытанная самыми лютыми непогодами, была очень надёжным убежищем. Ни разу прежде она не подводила его, никогда он в ней не мучился ни от сырости, ни от мороза. И что же? Огонь, затепленный было внутри, очень скоро пришлось погасить, ибо ветер, властвовавший вовне, буквально вколачивал дым обратно в отверстие свода – и плевать хотел на хитроумные клапаны, предназначенные обеспечивать его истечение. Оставалось либо задыхаться, либо сидеть без огня. Хономер выбрал второе, благо давно привык обходиться без удобств, казавшихся кому-то другому жизненно необходимыми. Кроме того, у него было с собой одеяло из нежной шёрстки тех самых козлов, что почёсывали шеи о кусты и камни на заоблачных кручах, даруя мастерицам-горянкам несравненную кудель для прядения. Страшно вспомнить, сколько денег отдал за него Хономер, но с тех пор он успел трижды благословить каждый грошик, выложенный за покупку. Завернувшись в это одеяло, можно было спать нагишом на зимнем снегу, как возле печи. Хономер лёг, закутался и пожелал себе скорейшего наступления утра, уверенно зная, что мгновенно согреется и уснёт... Как бы не так.

Ледяные токи проникали сквозь чудесное одеяло с такой лёгкостью, словно Хономер укрылся дырявым рядном.

[3]

И палатка казалась ему набранной не из непроницаемых, нож вряд ли проткнёт, войлоков, а из ветхих рогож, бессильных составить хоть какую-то преграду для ветра. Сквозняки сочились со всех сторон, опутывали ноги, подползали под спину, трогали волосы...

Хономер скрипел зубами и даже не вертелся с боку на бок, чтобы не растратить скудные крохи тепла, кое-как сохранявшиеся у тела, и только говорил себе, что это когда-нибудь кончится, что это не навсегда. Крепко заснуть ему, конечно, не удавалось – так, забывался едва-едва, тревожно и будко, чтобы почти сразу, вздрогнув, проснуться. Либо от очередной жалобы озябшего тела, либо оттого, что очень уж скверные посещали его сны... Не возвышающие сновидения, наводящие на мысль о божественном прикосновении, и даже не забавные, к которым приятно вернуться памятью после пробуждения, а сплошной морок и бред. Да и откуда бы, если подумать, здесь взяться сном хорошим и светлым? Несколько раз жрецу виделся ветер, воплощённый почему-то в облике женщины, стоявшей посреди Ворот, и эта женщина невыносимо влекуще и жутко звала его по имени: «Хономер... Где ты, Хономер...» И притяжение, и ужас были родом из детства. Так звала его мать, когда он, по глупости или по дерзости набедокурив, силился затаиться и тем самым избежать наказания: авось всё минует и взрослые не догадаются, – но мать, конечно, сразу понимала, в чём дело, и звала его, чтобы спросить ответа, и было одинаково невозможно и вылезти из ухоронки, и не подчиниться зову. «Хономер, где ты, Хономер? Ты провинился...»

...А на острове Закатных Вершин время суток было невозможно определить ни по положению солнца, ни по перемещению теней. Небосвод так и оставался затянут тысячеслойными облаками, розовый свет лился со всех сторон поровну, теней не было вовсе. И только звериное чутьё, позволявшее Волкодаву даже под землёй отмечать течение времени, говорило ему, что на самом деле была уже глубокая ночь.

Ущелье, лишённое скрадывающих одежд мха и пышных кустарников, являло себя как бы и не ущельем вовсе, а неестественно ровной трещиной, пробитой не то прорубленной в плоти земли. Столь нечеловечески ровным и гладким бывает порою скол ледяной горы, плывущей по морю. Здесь никогда не было потоков воды, способной прихотливо обтесать камень, всё оставалось так, как во времена Великой Ночи, наградившей земной мир многими очень странными шрамами. А может, Великая Ночь некоторым образом вернулась сюда вместе с великанами льда? Или вовсе не покидала эти места, притаившись в вечном мраке Понора?.. Волкодав видел,

как хмуро озирался кунс Винитар, так и этак оглядывая голый череп родного острова. Легко ли, созерцая мёртвые кости, вызывать в памяти черты некогда любимого облика?..

Остров Закатных Вершин, населённый одичавшими пожирателями человечины, ныне был не более чем трупом былой родины Винитара, суровой, величественной и прекрасной. Зря он потревожил давно отлетевшие тени, явившись сюда. Жизнь мёртвых пусть продолжает душа и её отражение в памяти, а не бранные останки, которым место в могиле.

Должно быть, Винитар чувствовал себя как человек, опоздавший на похороны и раскопавший могилу в отчаянной надежде проститься. Поднял крышку гроба и...

...Стены ущелья, плавно изгибавшиеся влево, испытали резкий излом. Незапомненно давнее напряжение достигло здесь особенной силы, сокрушив камень поперечной расселиной.

Когда-то юный сын кунса ставил здесь ловчие петли на зайцев, чтобы затем с торжеством относить добычу бабушке Ангран и требовать жаркого с луком и чесноком. Теперь сверху над расселиной нависал передний край ледника, придвинувшегося с северной стороны. Ледник ещё не перешагнул её, но ждать этого оставалось недолго. Молочно-голубые глыбы, траченные дождём, солнцем и собственной тяжестью, в розовом свете вечной зари напомнили Волкодаву опалы подземных копей, таившие в дымчатой глубине алые и синеватые блики. Ни вид ледника, ни воспоминание об опалах никакой радости ему не доставили. В Самоцветных горах, после нескольких кровавых несчастий, ставших известными всему руднику, опалы уверенно считали камнями недобрыми, сулящими скорую гибель.

И справедливо.

Стоило один раз посмотреть на обломки величиной с дом, громоздившиеся и медленно таявшие в расселине, и сразу делалось ясно: к морю там не пройти. Карабкаться в полную неизвестность по гладкому льду, то и дело опасно оскальзываясь и переставая чувствовать руки и ноги, – и всё это затем, чтобы вскорости сбросил вниз меткий камень из пращи?..

Винитар, расплёскивая воду, прошагал мимо прохода, едва в ту сторону посмотрев. Волкодав не стал ни о чём его спрашивать. И так всё было понятно.

Шамарган держался за бедро и заметно приволакивал ногу: подшибленные мышцы порывались не слушаться. Иногда, оглядываясь, Волкодав успевал заметить, как он поспешно стирал с лица гримасу боли. Он то и дело отставал, но тут уж, сделав усилие, поравнялся с двумя воинами. И жизнерадостно спросил:

– Ну? Куда мы теперь?

Винитар промолчал, поскольку ответ был очевиден, а Волкодав подумал о том, что погоня, сопящая за спиной, уже не впервые вынуждает его очертя голову устремляться в места заповедные и, по всеобщему мнению, гибельные. И что же? Злые либо просто неисповедимые силы, поджидавшие впереди, до сих пор неизменно оказывались милосердной собратьев по роду людскому, мчавшихся по следам...

Он не стал говорить об этом вслух, чтобы не искушать своих спутников тенью ложной, быть может, надежды. Будь что будет – назад уже всяко не повернуть...

– Вдова купила баклажан... – неожиданно запел, а вернее, во всё горло заорал лицедей.

Вдова купила баклажан,
Домой к обеду принесла,
Но занести над ним ножа
На кухне так и не смогла.

Тут надо, братцы, вам сказать,
Что муж молоденькой вдовы,
Пока ложился с ней в кровать,
Был полным мерином, увы...

Волкодав и Винитар переглянулись – и одновременно принялись подпевать.

Жила она в большой тоске,
А схоронила муженька —
И славный овощ на доске
Не поднялась крошить рука.

Уж так он ладен и хорош,
Изогнут чуть, продолговат
И твёрд в руках, когда возьмёшь,
И цветом – форменный агат!

Людоеды, осторожно высунувшиеся из-за поворота ущелья, даже ненадолго приостановились, вслушиваясь в странную песню обречённой «добычи» и силясь что-то понять. Слова уже не имели для них смысла, но было ясно, что «дичь» весьма далека от смятения и испуга. Это беспокоило. Однако потом погоня двинулась дальше.

Не тощ, не вял, не жив едва,
А в самом теле и в поре!
Губами тянется вдова
К его ядрёной коже...

Горькие зелья себе проливая на платье,
Злобу ничтожных людей принимая без стога,
Старый волшебник трудился над неким заклятьем,
Тысячу лет посвятив разысканьям учёным.

Всем пренебрёг в этой жизни мудрец одинокий,
Дружбу забыл и любовь, отказался от славы,
Лишь бы почувствовать в жилах чудесные токи
И укрощённую формулу миру оставить.

Брошенный всеми, торил он дорогу во мраке,
До бесконечности пробовал так и иначе...
...И наконец начертил вожделенные знаки,
В день завершения трудов ожидая удачи.

И... ничего! Перед ним – ни огня, ни движенья,
Ни очертаний в дыму благовонном и зыбком...
Вот и пришлось ощутить ему вкус поражения.
Хуже: он понял, что вышла не просто ошибка.

Так и должно было быть! Он преследовал тени.
Больше себе не откажешь в признании честном:
Весь его путь вдохновенных трудов и лишений
Был обречённым полётом в бесплодную бездну.

Что же теперь? Понапрасну истрачены силы,
Целая жизнь, посвящённая тайне заклатья.
Сколько ещё отделяет его от могилы?..
Долго он плакал. А после... вернулся к занятиям.

Много ли, мало ли дней впереди остаётся,
Может быть, снова в тупик заведёт его опыт...
Разницы нет старику. Он над формулой бьётся
И под ретортой очаг потихонечку топит.

2. На ясный огонь

В эту ночь Хономеру так толком и не удалось вкушать отдыха. Он мёрз и, словно по чьей-то злой воле, всё время видел очень скверные сны. Под утро, однако, ему показалось, что ветер, свирепствовавший снаружи, начал стихать.

Утро – понятие у каждого человека своё. Кто-то спит до обеда и потом говорит «с добрым утром», хотя другие поминают уже чуть ли не вечер, кто-то, напротив, вскакивает с первым лучом и вообще не нуждается в длительном сне. Хономер был как раз из этих последних. Кусочек неба между клапанами палатки едва начал смутно сереть, когда Избранный Ученик решил прекратить тщетные попытки согреться под одеялом. Вставай и трудись – вот лучшее средство! Никогда прежде оно не подводило его.

И Хономер спустил руку с походной лежанки – узкой складной кровати из твёрдого и лёгкого дерева, – думая нащупать рядом с собой на полу кое-какие походные мелочи...

Заря ещё не давала сколько-нибудь заметного света, внутри палатки было темно, словно у кита в брюхе, и поэтому первая мысль Хомера была о светильничке.

Это был весьма особый светильничек. Подобные ему стоили немалых денег и высоко ценились среди путешественников. Его называли «самопалом», за то, что он не требовал отдельного добывания огня. Простое нажатие пальца проворачивало стальное колёсико. Оно соприкасалось с кусочком кремня и порождало густой рой искр, слетавших на пропитанный фитилёк. Ко всему прочему, светильничек был не из глины и не из обжигающего руки металла, а из прозрачного стекла замечательной варки. Оно не боялось ни огня, ни падений на камни. Единственным недостатком «самопала» было, пожалуй, то, что заправлять его следовало не маслом, а очень крепким вином, лучше даже извинью, [4]

которая получается при перегонке. Это оттого, что масло от искр вспыхивало не всякое и не всегда. Извинь в путешествии, бывает, не всюду достанешь, – приходилось везти с собой некоторый запас, да и пламенела она не привычным тёпло-жёлтым огнём, а синеватым. Но велика ли беда? Полезные свойства светильничка искупали его недостаток с лихвой.

Хономер купил дивное устройство за морем, в городе Галираде. Галирад, столица достаточно дикой, по сравнению с той же Аррантиадой, державы, за последние годы сделался знаменит такими вот ремесленными диковинами, при виде коих мастера других стран только разводили руками: как же вышло, мол, что я сам не додумался?..

Хономер приобрёл светильничек в последнее своё посещение Галирада. Заинтересованные (и очень умелые) расспросы Избранного Ученика вознаградили его лишь смутным упоминанием о каком-то премудром учителе, посетившем Галирад лет этак семь тому назад.

«Сколько же всего изобрёл этот учитель? – недоверчиво спросил Хономер. – Не многовато ли знаний для одного смертного человека?»

Стекловар Остей отряхнул руки о кожаный передник:

«Ему не понадобилось изобретать всё. Я услышал от него только о колёсике и кремне, а остальное додумал позже. И до горячего вина сам дошёл. Учитель направил мою мысль и подтолкнул её, придав движение, и она стала нащупывать дорогу дальше. Ты ведь жрец, почтенный, ты лучше меня должен знать, как это бывает!»

Хономер при этих словах, помнится, немедля задумался, откуда могла проистекать подобная изобретательность – от Близицево или, наоборот, оттуда, куда не достигал Их божественный свет... Но светильник купил.

Вот за какой вещицей, воистину удивительной и незаменимой в дальнем пути, потянулся толком не проснувшийся Избранный Ученик, когда его рука, опустившись лишь чуть ниже бортика раскладного деревянного ложа, оказалась...

...В воде!!!

В ледяной, чёрной, неспешно и беззвучно перетекавшей воде!..

Тут уже липкие клочья дремоты, опутавшие разум Хономера, разлетелись сразу и без остатка.

От неожиданности и испуга молодой жрец резко сел и зачем-то спустил с ложа ноги...

Естественно, чтобы сразу вымочить их почти по колено. В первый миг талая вода показалась ему крутым кипятком. Хономер тотчас отёрнул и поджал ступни, но с них потекло на подстилку и одеяло, ещё остававшиеся сухими. Хономер тряхнул головой, уже окончательно возвращаясь к реальности, и подумал о том, что где-то здесь, медленно кружа в черноте, не иначе как плавали по палатке и его сапоги, и вся верхняя одежда, и кожаный короб с книгами, которые он счёл необходимым взять с собой в путь... Или, может, уже и не плавали, а, намокнув, тихо погрузились на дно... то есть на пол...

Тогда-то Хономер вспомнил скверные сны, изводившие его ночью, и его в самый первый раз посетила мысль о могущественной и недоброжелательной Силе, надумавшей воспрепятствовать благочестивому путешествию. Мысль была тревожной, неожиданной и неприятной. И, пожалуй, даже кошунственной. Он привык считать, что служит сильным Богам. Вероятно, сильнейшим в этой Вселенной. И он вовсе не ждал, чтобы Кто-то дерзнул вот так, совершенно в открытую, противостоять Им... так неужели?.. Неужели на Их Радетеля всё-таки Некто восстал – и, судя по всему, преуспел, хотя бы и временно?..

Хономер бесповоротно погнал прочь этот помысел, способный поколебать веру более слабого человека, и решительным, на сей раз вполне осознанным движением спустил ноги в воду.

Сильным Богам нужны сильные служители. Сильные и непреклонные. Они посылают Своим верным испытания вроде теперешнего, дабы выбрать достойных, а от прочих отвратить Свой благословляющий взор...

Голени стали быстро неметь. Не ступни, а почему-то именно голени. Избранный Ученик стащил с ложа полусухое одеяло, завернулся в него, как в плащ, и по памяти устремился к выходу из палатки. Оттуда понемногу уже начали невнятно доноситься обеспокоенные голоса. Ещё не хватало, чтобы его нашли здесь, точно мокрую курицу, ожидающую на насесте избавления от нечаянного половодья!..

Снаружи, как он и предвидел, оказалось много светлей, чем под войлочно-кожаным кровом. В мутном предутреннем свете лагерь являл собой очень неприглядное зрелище. Скалы, ограждавшие от ветра выбранную для ночлега площадку, образовали нечто вроде природной запруды. Так вот, на всём её пространстве разлилась неимоверная лужа, а вернее сказать, целое мелководное озеро. Шатры, поставленные вчера на мокрых, но ни оползнем, ни потоком не грозивших камнях, торчали из воды, словно одинокие острова, а от весело горевших костров остались лишь покосившиеся рогульки для котлов. Рябь, гулявшая под порывами ветра, смывала сажу с выпуклых днищ.

Одни лошади да вьючные мулы не ведали забот и хлопот. Все они собрались в единственном закоулке, куда не добралось наводнение, и терпеливо стояли, сбившись в кучку и повернувшись крупами к Воротам. Они знали, что напасть не продлится вечно. Ветер раздувал им хвосты и подбрасывал на мордах опустевшие торбы, в которые с вечера был заботливо насыпан овёс.

Хономер зачем-то оглянулся на свою палатку и увидел, как из входного отверстия, неторопливо и словно бы насмешливо покачиваясь, выплывают его сапоги. Он схватил их и стал поспешно натягивать, потому что даже ему, закалённому Радетелю, оставаться босиком сделалось уже вовсе невыносимо. Сапоги были, конечно, мокрыми, но плотная кожа давала надежду хотя бы согреть возле ног попавшую внутрь воду и не позволять ей перемешиваться с совершенно ледяной, плескавшей кругом.

С другого конца лагеря, гоня ногами волну, навстречу Избранному Ученику уже пробирался вброд Ригномер. Такой же растрёпанный, недовольный и полуодетый. Он сразу начал оправдываться:

– Сколько здесь хожу, никогда ничего подобного не бывало!..

Хономер нетерпеливо отмахнулся:

– Ладно виноватых искать... Пойдём лучше взглянем, откуда на нас такая погибель.

Почему-то он вполне верил Бойцовому Петуху и даже в мыслях не держал порицать его за небрежность. И то сказать, площадку пятнали многократные следы старых кострищ, а камни там и сям были тщательно выровнены под палатки. Люди годами останавливались здесь на ночлег и не знали беды. Отныне те, кто придут позже, будут предупреждены.

Хономер только спросил:

– А сторожа твои что? Проспали?

– Проспали, – мрачно подтвердил Ригномер. – Я обоим уже морды начистил.

Пока они поднимались к Воротам, делалось всё светлее. Вчерашний ветер как будто впрямь устал бушевать. Он не то чтобы окончательно улёгся, но по крайней мере не грозил оторвать неосторожного путника от земли и скинуть с гибельной крутизны. Зато из узкого каменного жёлоба Ворот проворным потоком истекала талая жижа. Вода, перемешанная со снегом и грязью, лилась и лилась, достигая колен, и было понятно, где зародилось предутреннее половодье. Судя по всему, Алайдор вчера накрыло заблудившимся зимним бураном, сугробы, наметённые по тёплой летней земле, очень скоро набрякли, и... только Предвечному и Нерождённому было известно, когда иссякнет устремившаяся к Воротам река.

Хономер прикинул про себя, удастся ли понудить в неё лошадей и, если удастся, смогут ли животные одолеть холодный поток... Хоть он и знал: перед ним испытание, ниспосланное свыше, – ему почему-то очень захотелось опустить руки, а проще говоря – плюнуть и, оставив предпринятое, вернуться в надёжную тин-виленскую крепость. Хватит уже с него разочарования погони за венном. Лезть на рожон новой неудачи?..

– Отправь провинившихся вперёд, – велел он Ригномеру. – Пусть разведают, как там что за Воротами и насколько проходима дорога!

А сам невольно возвёл глаза к угадывавшейся вдали громаде двуглавого Харан Киира, безмолвно вопрошая: «О Братья, прославленные в трёх мирах... За что?..»

У вершины священной горы колыхалась кисея снега, сдутого ветром. Она развевалась, как победное знамя. Возле Престола Небес царил вечный мороз, невыносимый для смертных. В это время над горизонтом показалось солнце. От двоих сегванов, стоявших в устье Ворот, светило закрывали толстые облака, но великий Харан Киир озарился – и радуга, вспыхнувшая в прозрачном снежном плаще, озарила отражённым светом всю его младшую родню, замершую кругом, и даже относительно низменные предгорья. Лучи, отброшенные вечными ледниками, достигли Алайдора и Зимних Ворот, и вновь возникшие тени на какой-то миг столь замысловато переплелись с прежними, залёгшими ещё с ночи, что перед глазами Хомера мимолётно возникло видение из недавнего сна. Маленькая, но облечённая безмерной властью женщина стояла в Воротях, не касаясь, впрочем, земли и воды, и уккоризненно-грозно звала его по имени:

«Хономер... Хономер... Ты провинился, Хономер...»

Нисхождение в Понор не получилось ни праздничным, ни разудалым. То есть запас полупохабных и вовсе непотребных песенок у Шамаргана оказался воистину неисчерпаемый – нашлись даже такие, которых ни Волкодав, ни Винитар доселе не слышали, – но вот дыхания, чтобы горланить их в посрамление охотникам, очень скоро перестало хватать. Над ущельем, по которому двигались трое беглецов, навис край ледника, длинным языком протянувшегося со стороны гор. Когда впереди замаячил иссечённый трещинами молочно-голубой горб, стало ясно, что ледник уже накрыл Понор и неотвратимо двигался дальше, падая в ущелья и заполняя их битыми глыбами, постепенно смерзавшимися воедино уже на новом ложе. Винитар позже говорил – на какой-то миг он даже испугался,

решив, что Понора им не удастся достичь. С одной стороны, вроде смешно: человек между двух смертей забоялся, что в одной из них ему будет отказано, причём в той, которую он успел вроде присмотреть. А с другой стороны, кому ж хочется, чтобы после смерти его ещё и сожрали?..

Впрочем, Боги родного острова решили всё-таки оградить Винитара от последнего непотребства. Ещё полверсты мучительного пути вдоль медленно изгибающихся стен – и стало видно чело ледника, перегородившее ущелье. Леднику не лежалось спокойно. Что-то грело его – то ли солнце, оказавшееся способным по-летнему расщедриться даже в здешних местах, то ли пробившееся из неведомых глубин земное тепло. В разукрашенном бурными земляными полосами челе зияла полуторасаженная арка, открывавшая проход в глубину. Оттуда вытекала не особенно полноводная, но шустрая и чистая речка. Прозрачная вода с шумом вырывалась в мутную гвазду ущелья и добрых пятнадцать шагов была отчётливо в ней видна.

Люди, живущие по соседству с такими местами, строго наказывают детям никогда не соваться под ненадёжные своды, объясняя, что ледяной великан всегда готов захлопнуть жадную пасть, и в особенности если в ней окажется нечто живое. Дети, как водится, слушают, но слушаться и не думают. У тех, кому повезёт, потом подрастает своя ребятня, и всё повторяется. Волкодав шёл вперёд и вспоминал то Самоцветные горы, то путешествие с Эврихом и как они обнаружили во льдах замёрзшего человека.

Пройдут сотни лет – и нас нынешних, чего доброго, точно так же найдут. Вот бы ещё и последней честью не обошли, как мы младшего Близнеца...

Один за другим беглецы нырнули под арку, удивительно правильно обточенную водой.

– Ветер, – почти сразу сказал Волкодав. – Хорошо.

– Что ж хорошего? – стуча зубами, осведомился Шамарган.

Венн указал рукой вперёд:

– Дует... оттуда. Значит, там не тупик.

Проход тянулся вперёд, сколько можно было разглядеть в еле сочившемся свете, и вроде бы действительно не торопился смыкаться. Зато очень скоро стало казаться, что зябкие розовые сумерки, оставленные снаружи, были жарким солнечным днём. Гладкие полупрозрачные стены дышали морозом – тем особым морозом, чья мощь копится веками и, во всяком случае по сравнению с мимолётностью человеческой жизни, заслуживает названия вечной. Уменьшилось, истаяло за спиной полукружье выхода, и сомкнулась над головами синеватая тьма, лишь изредка нарушаемая бледными отсветами из трещин, расщелившихся ледник где-то далеко наверху. В этих отсветах было видно, что дыхание порождало густой пар.

Холод, журчание падающей воды и переливы мглисто-синего света пробудили новые тени в памяти Волкодава. На такую же ледяную пещеру им довелось набрести в Бездонном Колодце. Они увидели прозрачные горбы, образованные водой, которая, прежде чем застыть, била откуда-то снизу. И в толще одного из горбов, окружённая вихрем кровавых капель, висела человеческая голова, срезанная с плеч лезвиями подземных мечей...

И даже ветер гудел и постанывал в ледяных закоулках почти в точности как тогда. Только налобных светильничков теперь ни у одного из троих не было...

Вспомнив Колодец, Волкодав вдруг явственно ощутил, что вот сейчас догадается о чём-то очень важном. Вот сейчас явится и даст себя рассмотреть некая мысль, выросшая, словно самоцветный кристалл, в укромном

занорыше

[5]

разума...

Но в тот раз догадка так и не осенила его. Камень под ногами сменился слоем льда, и, как оказалось, залитый водой лёд изобиловал поперечными трещинами, причём весьма глубокими и опасными, да ещё и невидимыми в потёмках. Волкодава оберегло чутьё опытного подземельщика, помноженное на способность видеть в темноте. Шамаргану повезло меньше. Наверное, у него не было пращура-зверя, способного наделить потомка каким-нибудь

спасительным качеством. А может, и был, но беспутный правнук оказался недостойн наследства. Шамарган провалился в трещину и канул без звука, не успев ни вскрикнуть, ни руками всплеснуть. Чего доброго, он так и не вынырнул бы, ибо о коварстве трещин не зря слагают легенды, но шедший чуть впереди Винитар как раз обернулся взглянуть, не видно ли погони, – и, заметив внезапное исчезновение Шамаргана, плашмя бросился в воду, чтобы ухватить-таки лицедея за лохмы на макушке.

И выволочь его, порядком нахлебавшегося, надсадно кашляющего, на поверхность.

Вот только самому ему пришлось довольно дорого за то поплатиться.

Погоня оказалась куда ближе, чем они ожидали. Камень, брошенный из пращи скорее всего наугад, с треском выбил из стены пригоршню ледяных обломков, сам же отскочил от неё – и ударил молодого кунса в спину чуть повыше лопаток. Винитар не выпустил Шамаргана, но сам рухнул лицом вперёд, молча. Волкодав сгрёб сразу обоих и торопливо потащил их вперёд, слегка удивляясь про себя, зачем, собственно, делает это. Если он что-нибудь понимал, до Понора оставалось ещё не два шага и не три. А значит, их настигнут гораздо быстрее, чем они куда-нибудь доберутся, и таким порядком в особенности...

Винитар столь безжизненным мешком висел в его хватке, что Волкодав даже засомневался, был ли он ещё жив. Он знал, каких дел может наделать камень из пращи. И хребет сломать, и голову разломать. Шамарган же шевелился, силясь перебирать ногами и одновременно выхаркивать попавшую в лёгкие воду, и, конечно, ни того, ни другого ему толком не удавалось. В конце концов Волкодав остановился, решив, что поручит севана его заботам, а сам останется задерживать погоню, – небось в узком проходе у него это получится неплохо. Он уже открыл рот говорить, когда остров Закатных Вершин снова – и очень весомо – доказал, что кунс Винитар был для него не чужим.

Над головами беглецов раздался чудовищный грохот, мгновенно похоронивший все прочие звуки. Один Волкодав, с его памятью о Самоцветных горах, сразу и верно истолковал его природу, но и ему захотелось, скуля, сжаться в комок, а лучше вовсе исчезнуть, спасаясь от невыносимой огромности происходившего. Остальным – да и кто стал бы их за это судить? – показалось, будто надломился и падает в Изначальную Бездну весь мир.

На самом деле мир был так же устойчив, как прежде, и даже остров ничуть не поколебался на своём каменном основании. Просто ледник над головами людей выбрал именно это мгновение, чтобы породить в своей толще ещё одну трещину. Или надумал обрушиться высокий зубец льда, подточенный воздухом и водой. Эхо удара, легко слышимое на открытом воздухе за несколько поприщ, здесь, в узком тоннеле, тысячекратно отразилось от ледяных стен, грозя разметать, сплющить, совсем уничтожить жалкие, охваченные вселенским ужасом человеческие пылинки...

Ни один рассудок не смог бы в эти мгновения разродиться осознанной мыслью. Волкодав и был весьма далёк от того, чтобы о чём-нибудь думать. Он просто плотнее вцепился в обоих своих спутников и снова рванулся вперёд, ибо его посетило ЗНАНИЕ, присущее матёрым исподничим

[6]

и, как выяснилось, нимало не слабнущее с годами. Скверно сказано – посетило! Не посетило, не подсказало, не нашептало! Оно дало Волкодаву сущего пинка, бросив тело в мгновенный, вполне звериный прыжок, ибо там, где они с Шамарганом и Винитаром только что находились, была смерть.

...За тот миг, пока длился прыжок, в подлёдной пещере внезапно стало светло. Волкодав обернулся и понял, что угадал верно и это была всё-таки трещина. Она расколола язык ледника по всей его толщине и простиралась, похоже, от одной скальной стены до другой. Сквозь неё-то и вливался наружный свет, казавшийся ослепительным. На очень короткое время Волкодав увидел преследователей, выглядевших вблизи ещё неприглядней, чем издали. Маленькие, непропорционально коротконогие, все как один в меховых шапках и одеждах из тюленьих шкурок шерстью наружу... Точно при вспышке молнии, мелькнули в вырванной из времени неподвижности вскинутые руки и рты, разинутые в отчаянном крике... Человекоядцы действительно кричали, словно перед лицом неминуемой смерти.

Почему-то, правда, не издавая ни звука.

А смерть и впрямь была рядом. Противоположный край разверзшейся трещины вдруг заскользил вниз, переливаясь перламутровым блеском, плавно, медленно и неотвратимо, и можно было только гадать, откалывалась ли это гигантская «чешуйка» льда – или рушился, схлопываясь, весь тоннель до самого выхода.

Если вода начнёт подниматься, стало быть, весь,

наслаждаясь вернувшейся способностью мыслить, хладнокровно решил Волкодав.

Разлетевшиеся осколки хлестнули по воде у самых его ног. Потом свалившиеся глыбы совсем перекрыли просвет трещины, и опять стало темно.

Этот новый обвал тоже состоялся для него без малейшего звука.

Как на первый взгляд ни удивительно, уничтожающий грохот льда легче всех пережил Мыш. Наверное, чувствительные уши зверька обладали способностью отсекаать, не пуская в нежную глубину, опасно громкие звуки. И то сказать, – если бы дело обстояло иначе, вряд ли его племя смогло бы выжить в пещерах с их часто грохочущими обвалами. Людям пришлось куда тяжелее. Волкодав, единственный из троих не потерявший сознания, ощутил, что по лицу у него что-то течёт, поднял руку смахнуть водяные капли с подбородка и щёк – и увидел на пальцах кровь, густо хлынувшую из носа. Трещина, плотно перекрытая рухнувшими глыбами льда, более не пропускала наружного света, но ему хватало и слабеньких отблесков. Он принялся торопливо осматривать своих спутников, только начинавших слабо шевелиться. У обоих тоже текла кровь, но не из носа, как у него, а из ушей, что было существенно хуже. Венн даже подумал, не остались бы они глухими. Сам он покамест не различал ни плеска воды, ни иных звуков, но полагал, что это дело времени: наследие предка-Пса в который раз оберегало его.

Наконец Шамарган, а чуть позже и Винитар смогли стоять без его помощи. Оба попытались говорить и, болезненно вздрагивая, одинаковым движением потянулись к ушам. Ко всему прочему, синеватая тьма, вполне проницаемая для глаз Волкодава, им казалась совершенно кромешной. Венн вложил в руку Винитару ремённую застёжку своего заплечного мешка, и тот крепко сжал её, понимая, зачем это нужно. Самому кунсу на плечо легла ладонь Шамаргана. Водительство Волкодава было ими принято как должное и даже с благодарностью. После пережитого потрясения ничего так не хотелось, как надёжной опоры. И, наверное, они нутром понимали то же, что уяснил себе венн: засиживаться на одном месте было нельзя. Ни на ком не осталось сухой нитки, да и мокнуть беглецам довелось отнюдь не в тёплых морях, омывающих Мономатану. Перестань двигаться – и холод, токи которого пронизывали ледяную пещеру, очень скоро доконает всех троих, подарив вместо сошествия в Понор совсем иную смерть, гораздо менее достойную, но зато протяжённую. Они просто замёрзнут.

Шустрый Мыш то уносился вперёд, разведывая дорогу, то возвращался к хозяину. Зябкой сырости вроде теперешней он не выносил и рад был бы отсидеться за пазухой у Волкодава, но, на его беду, человеческая одежда оказывалась такой же холодной и мокрой, как и всё кругом, и зверёк опять пускался в полёт. Наверняка при этом он обиженно верещал, но Волкодав по-прежнему не мог его слышать.

Венн тянул вперёд своих спутников, толком ещё не пришедших в себя и бестолково, незряче спотыкавшихся у него за спиной. Он пытался думать о том, каким образом гибель в бездне Понора была предпочтительней тихого замерзания возле обвала. При этом венн вспоминал Близнеца, вырубленного из ледяных недр, и невольно дивился: им ли, смертным, чураться конца, освящённого участием Бога?.. Причём Бога, насколько мог судить Волкодав, очень достойного, никакому непотребству Своих чад не учившего...

Через несколько сотен шагов он, как ему показалось, сумел нащупать ответ. Не род смерти отвращал его, а та безропотность, с которой пришлось бы её принимать. Кроткий Целитель не потому небось остался во льду, что для борьбы мужества не хватило. Вполне могло случиться и так, что Понор окажется недостижимо погребён под пятой ледяного великана и им придётся-таки застывать в этой пещере, в последнем её тупике, у трещины либо колодца, в который из внешнего мира со свистом и рёвом падает ветер. Так оно скорее всего и получится, потому что жизнь отчаянно скупа только на счастливые избавления; что-то, а жестокие каверзы у неё не залёживаются. Но это – жизнь, великое испытание, и, стало быть, надо его выдержать до конца.

Не сдаваясь посередине дороги и всемерно дразня Незваную Гостью, вынужденную дожидаться мгновения власти.
Вот тогда и перед Старым Псом предстать будет не стыдно.

Не зря вспоминались Волкодаву Самоцветные горы и в особенности Бездонный Колодец!..
Нынешний поход сквозь недра становился чем дальше, тем больше похож на тот давний, случившийся годы назад. Тогда они тоже втроём шли в неизвестность, лелея надежду отыскать выход наружу, но в глубине души гораздо более веря в погибель, подстерегавшую на каждом шагу. Тот раз им пришлось встретиться с двойной неудачей. Легендарному выходу из Колодца, пересудами о котором жил весь огромный рудник, было отказано в существовании. А наградой по возвращении стали невыполненные посулы.

Только в Колодец они поначалу спускались – и гадали, обдаваемые подземными водопадами, куда же подевалось тепло земных глубин, – а здесь приходилось всё время лезть вверх, оскальзываясь на льду, выглаженном водой. Двигаться вперёд, да ещё с двоими почти беспомощными спутниками, было очень тяжело, и Волкодав постепенно перестал сомневаться и понял, что пещера должна была завершиться в точности как Колодец: округлым залом с озером густой, бирюзово светящейся то ли воды, то ли не воды.

Поэтому, когда синеватые отсветы из еле заметных и доступных лишь его зрению стали вполне различимыми, он сразу понял, что это означало, и даже обрадовался. Очень скоро жерло пещеры резко сомкнулось, превращаясь в узкий, еле-еле протиснуться человеку, лаз в полупрозрачной стене. Оттуда резвой струйкой выбежал ручеёк, дававший начало ледниковой речушке. Мыш безо всяких колебаний нырнул в этот лаз и не заторопился обратно. Волкодав подумал о том, что дыра, казавшаяся просторной маленькому летуну, для него самого могла стать ловушкой. Он снял со спины мешок, примерился, вытянул руку, как мог перекосил плечи... и тело ввинтилось в ледяную нору, без труда вспомнив былую науку.

Лаз встретил венна двумя подряд костоломными поворотами, без остатка потребовавшими всей гибкости, на которую он был способен. Довольно долго он полз вперёд по вершку, замечая, однако, что с каждым вершком становится всё светлей. Он самонадеянно решил даже, что теперь не страшно было бы и застрять; он держал в руке нож и, вероятно, сумел бы прорубиться сквозь последние яды. По счастью, этого не понадобилось. Волкодав сделал ещё несколько усилий, рванулся – и выкатился под невероятно высокие и почти прозрачные ледяные своды, очень хорошо пропускавшие свет.

Это был дивной красоты чертог, поистине затмевавший едва ли не всё, что он в своей жизни видел. Сказочная гробница, бредовый сон зодчего, свихнувшегося после утраты любимой. Ледяные стены, колонны, невозможные арки возносились на головокружительную высоту, истаявали, держались на ниточке, и были несокрушимы. То гладкие до хрустальной прозрачности, то изысканно-матовые от инея, они обрастали бахромами, гирляндами, невиданными соцветиями сосулес всех размеров и форм – от крохотных и тонких, словно иглы для бисера, до чудовищных нависших клыков по две сажени длиной. И всё это великолепие пронизывал, обволакивал, держал на себе свет, лившийся, казалось, со всех сторон поровну...

А посередине чертога, как бы протаивая сквозь ледяной пол, идеально круглой полыньёй затаился непроглядный Понор. Из него не доносилось ни дуновения, ни запаха – совсем ничего. Волкодав обратил внимание, что Мыш, храбро пронесившийся взад и вперёд сквозь развешанные в воздухе ледяные кружева, над Понором не шастнул ни единого разу. Да, похоже, здесь было что-то большее, чем обыкновенная пропасть. Даже наполненная ядовитым туманом Препона была понятней и проще в своей смертоносности. А здесь?.. Правда, что ли, сквозная дыра на тот свет?..

Так или иначе, им втроём очень скоро предстояло это проверить. Покачав головой, Волкодав вернулся к лазу и отправился назад, туда, где ждали его Винитар с Шамарганом.

Лёгкий, жилистый лицедей ужом скользнул в лаз и даже утащил с собой заплечный мешок венна. Помощи ему не понадобилось. Волкодав склонился над Винитаром. Тот, по обычаю своего племени, сидел на корточках, беспомощно привалившись к стене, и старался не шевелиться. Пока его тянул вперёд зажатый в руке ремешок, он шёл, вернее, бездумно переставлял ноги, не жалуясь и не превращаясь в обузу, но теперь и на это сил больше не было.

Он увидел кровного врага, вернувшегося на подмогу, и улыбнулся ему. Не дружески, конечно, но благодарно – и как бы прощаясь. Вот мол, и весь наш с тобой Божий Суд. Вот как всё оно получилось... А может, и не без вмешательства Богов получилось-то?.. Волкодаву некогда было гадать о тайных замыслах Хозяйки Судеб. Он непременно поразмыслит над этим, но позже. Если время останется. Пока он бегло оглядел кунса и рассудил про себя, что камень, попавший в спину, должно быть, зацепил того по хребту. И, как обычно в таких случаях получается, наделал беды. Венну приходилось видеть подобное. В самых скверных случаях люди переставали чувствовать ноги, а бывало, и руки. Винитара такая судьба, кажется, миновала, но с места он двигаться не хотел. Когда Волкодав взял его за руку, он покачал головой и что-то сказал. По губам венн умел разбирать плохо, тем более не на родном языке, но всё-таки понял. «Не надрывайся, – сказал ему кунс. – Нет разницы, где умирать».

«Разница есть всегда, – ответил Волкодав. – Давай, всего-то три шага осталось. Тебя твоя бабушка ждёт».

Самому ему показалось, что вместо голоса получилось какое-то глухое гудение. Оно отдавалось в голове, скверно расчлняясь на слова, и всё-таки это был знак, что слух не навсегда покинул его и даже понемногу налаживался. Венн подумал о том, каково-то придётся раненому кунсу в крутых извилах тоннеля. Может, Винитар был и прав, не желая на пороге смерти лишник страданий. И всё-таки Волкодаву претила мысль покинуть его здесь одного. Нет уж! Собрались все вместе сделать последний шаг, значит, быть по сему. Мало чести в том, чтобы вот так ломать уговор!

«Ну, если бабушка...» – медленно выговорил Винитар. И опять улыбнулся. Совсем не так, как за несколько мгновений до этого. Волкодав обхватил его поперёк тела, постаравшись никоим образом не обидеть подбитую спину, помог дойти до чела коридора и направил в ледяную нору.

Всё это время ему было просто некогда думать про Шамаргана. Его гораздо больше занимало, как одолеет лаз Винитар. Удивительно, но кунс справился много лучше, чем он ожидал. Вновь выбравшись следом за ним в ледяной зал, Волкодав, против всякого ожидания, застал беспутного лицедея... за молитвой. Самое же странное, что нахальный кощунник, любитель ядовито охаивать чужих Богов, молился очень по-воински.

Оголившись по пояс и преклонив колени перед провалом Понора. От загорелого, одетого крепкими мышцами тела в холодном воздухе шёл пар. Волкодав ощутил, как шевельнулась в душе тень праздного любопытства.

А ещё чего я о тебе не знаю, друг лицедей?..

Приподнявшийся Винитар внимательно оглядывался кругом. Венн невольно проследил его взгляд и без труда понял, что пытался найти кунс. Следы людей. Некие памятки, оставленные ушедшими. Что-нибудь, принесённое теми, кто приходил их помянуть. Ведь Понор, принявший столько человеческих жизней, по самой природе вещей неминуемо должен был вызывать поклонение...

Волкодав тоже огляделся. Ничего! Ни вышитого полотенца, ни светильничка, отгоревшего годы назад по чьей-то душе...

То есть всё это, наверное, было. Далеко, глубоко внизу, под толстым слоем льда, что укрыл изначальный каменный пол и почему-то не смог сомкнуться лишь над Понором. Нынешнее ледяное святилище возникло уже после того, как племя Закатных Вершин переселилось на Берег. Святилище – или, вернее, обитель неких сил, не враждебных и не дружественных человеку, а просто не имеющих к нему ни малейшего отношения и не желающих его замечать. И оттого не годилась эта обитель ни для светлого молитвенного служения, ни просто для жизни, – разве что запечатлеть в памяти ледяную внечеловеческую красоту и мысленно любоваться ею потом, позже, когда будет пройден путь и отодвинутся нынешние тяготы и тревоги, когда власть воспоминаний отшелушит, как ненужную кожуру, и мокрую одежду, и пробирающий до костей холод, и страх перед неведомым и неминуемым... и останутся лишь переливы далёкого солнца в хрустальных иглах и гранях...

Потом?..

Волкодав с новым интересом оглядел умопомрачительно высокие стены, плавно сходящиеся над головой. В пещере было очень светло, значит, слой льда наверху

достаточно тонок. А несильный, но постоянный сквозняк говорил о том, что где-то имелась и сквозная продушина... Волкодав стал медленно обходить идеально круглое жерло Понора, придирчиво вглядываясь в переливы и изгибы льда и вместе с тем мысленно перетряхивая содержимое своего мешка. У них с Винитаром были мечи и боевые ножи. И один деревянный меч, оставшийся более-менее целым. И ещё – это уже касалось мешка – кое-какой инструмент, без которого разумный человек не пускается в дальнейшее путешествие: молоток, полтора десятка разных гвоздей, хорошая маленькая пила, запасной нож и, конечно, верёвки. Да чтобы с такой-то снастью трое крепких мужчин не придумали себе иного исхода из этой дыры, кроме бессильного шага в Понор?..

Взгляд опытного подземельщика скоро нашарил на двухсаженной высоте уступ, вполне приемлемый, чтобы встать на него и начать рубить ледяные кружева, прокладывая путь ещё дальше наверх. Работа, конечно, будет – не позавидуешь, но ничего невозможного в том, чтобы добраться до свода и хорошенько приложиться к нему молотком, Волкодав не находил. Знать бы ещё, что они увидят, выбравшись на ледник? Хищные рожи дикарей, расслышавших стукоток и смекнувших, что он означает? Или – ещё хуже, но тоже вполне вероятно – ясную морскую даль и в ней парус уходящего корабля?..

Жизнь давно отучила Волкодава бояться подобного исхода ещё не совершённых поступков и впадать из-за этой боязни в грех недеяния. Он хотел позвать Мыша и отправить его на поиски отдушины – понятливый зверёк очень хорошо умел это делать, – но тут Мыш сам подлетел к нему и, повиснув перед лицом, отчаянно заверещал. Слух к Волкодаву едва-едва возвращался, вопли и пронзительный писк Мыша показались ему тонкими иголочками, словно бы издали и невнятно кольнувшими внутри онемелых ушей. Одно не подлежало никакому сомнению: истошные крики зверька означали нешуточную опасность. Венн привык доверять крылатому спутнику, распознавшему недоброе. Его собственное пёсье чутьё сработало лишь мгновением позже. Эти напряжения в тонкой ткани бытия, обычному человеку способные, самое большее, внушить смутное беспокойство... Волкодав в своё время прошёл слишком страшную школу. Он даже не бросил лишнего взгляда на облюбованный было уступ, как-то сразу поняв, что стоять там с молотком ему уже не судьба, – и без колебаний кинулся к спутникам. И совсем не удивился, когда рядом грохнула о ледяной пол и вдребезги разлетелась сорвавшаяся сверху сосулька. Потом ещё и ещё.

А обидно было бы, случись всё это, когда мы были бы на полпути к потолку...
– пронеслась в сознании Волкодава совершенно неуместная мысль.

Быть может, первоначальный обвал, уничтоживший внешнюю половину тоннеля, запрудил-таки речку и вода, не находя выхода, взялась ретиво размывать основания ледяных стен? Или то первое сотрясение оказалось столь сильным, что поколебало столетнее равновесие всего ледникового языка и теперь он давал трещину за трещиной, разваливаясь на ломти, неотвратимо обрушиваясь сам в себя, заполняя внутренние пустоты – так, словно некто огромный шагал по нему снизу вверх, топча и проминая иссечённую разломами бело-голубую поверхность?..

Шамарган и Винитар были уже на ногах. Волкодав подлетел к ним, как раз когда пещеры достиг особенно сильный удар, – и купол, нависший над Понором, раскололся. Теперь обломки сыпались градом. Чудеса ледового зодчества на глазах превращались в рои метательных копий, жаждущих крови. Крови нечестивцев, оскорбивших созерцанием не предназначенное для смертного взгляда. Шамарган вскинул над головой многотрадальный Волкодавов мешок – авось тот, надёжно сработанный мастером, делавшим в своё время щиты, продержится ещё хотя бы немного. Трое мужчин перед лицом смерти по-братски схватились друг за дружку, не понимая зачем, просто потому, что иначе было совсем невозможно. Трещина очертила ледяной потолок как раз там, где собирался прорубать его Волкодав: он действительно угадал самое слабое место. Трещина расширилась, и новый толчок сбросил вниз округлую крышку. Она упала по ту сторону Понора и рассыпалась, обдав белыми крошками стены. В лица людям дохнуло ветром и ледяной пылью. Волкодав вскинул глаза и успел рассмотреть высоко над собой кружок чистого неба.

И в этом кружке – три вершины, три горных зубца.

Потом вся правая стена подалась, дрогнула и начала падать.

Ему показалось, она падала медленно-медленно.

Прозрачные клыки сосулук, которые он не так давно собирался запомнить и унести с собой для мысленного любования, хищно и величественно запрокидывались... целясь как раз туда, где они трое стояли. И спасения не было никакого. Ни увернуться, ни отскочить – некуда.

Разве что...

Мышь упал на голову Волкодаву и что было мочи вцепился коготками ему в волосы: «Я с тобой! Делай, хозяин!...»

И Волкодав сделал. Единственное, что ему ещё оставалось. Он шагнул вперёд, через гладкий ледяной край, в темноту и ничто. Двое спутников, с которыми они держали друг дружку за плечи, шагнули вместе с ним до того слаженно и согласно, словно так тому и следовало быть. Через долю мгновения пещера за их спинами перестала существовать. И на том обвал прекратился. Великанская пасть захлопнулась, схватив пустоту.

У Хономера было припасено с собой вполне достаточно зерна, муки и печёного хлеба – тех самых нечерствеющих походных лепёшек, которыми так славился кочевой Шо-Ситайн. Не говоря уже о сушёном мясе, приправах и соли: жрец-Радетель, вообще-то способный месяцами держаться на горстках молотого ячменя, на сей раз оставил привычку путешествовать налегке, желая, как уже говорилось, явить диким горцам державную мощь и величие своего храма. К его превеликой досаде, ночной потоп, превративший в липкие, забитые грязью комья жреческое облачение и богослужебные книги Хономера, не пощадил и съестного, чем нанёс святому делу, пожалуй, даже больший урон. Именно так: богато расшитые красно-зелёные ризы можно было отстирать и высушить на ветру, что же до книг, то написанное на погибших страницах Хономер и так знал наизусть до последнего слова... А вот хлеб, мясо и крупа оказались непоправимо утрачены. Всего через сутки с небольшим после ночёвки возле Зимних Ворот, когда, с неисчислимыми трудностями выбравшись на плато Алайдор, Хономеров поезд наконец-то обосновался для новой стоянки на относительно сухом и надёжном бугре, жрец заставил валившихся от усталости людей сперва всё-таки разобрать мокрые вьюки на просушку. Тут-то и оказалось, что все запасы снеди, кроме зерна для животных, успели насквозь прорасти плесенью. Чёрной, склизкой плесенью, тошнотворной даже на вид. И это в лютом холоде, посреди лениво тающего снега, за какие-то несчастные сутки, да в плотных кожаных сумках и мешках, наглухо закупоренных именно от таких вот случайностей! Необъяснимо...

Тем не менее траченное плесенью осталось только выбросить наземь. Есть что-либо, опоганенное чёрной паршой, даже после варки в котле, значило наверняка отравиться, – бывалые походники знали это из опыта. Между прочим, у них и котлов-то оставалось едва половина. Остальные валялись сейчас на камнях где-то внизу, смытые всё тем же потоком. Кутаясь в плащ, Хономер угрюмо смотрел, как мешок за мешком отправлялся в клокочущий каменистый размыв, и сквозной ветер, по-прежнему тянувший со стороны гор, насвистывал ему в ухо: возвращайся, жрец. Возвращайся назад!..

Он подумал о стеклянном светильничке, которого, сколько он ни шарил мёрзнувшими руками по затопленному полу шатра, отыскать так и не удалось. Должно быть, прокудливая вода вытащила его наружу и похоронила в грязи. Вот так ложатся в землю самые неожиданные предметы; другие люди случайно находят их сто лет спустя и потом долго гадают, что это за вещь и каким образом явная принадлежность учёного могла очутиться посередине дикой страны. Светильничка было жалко, но Хономер понимал: сколько ни отводи душу хоть ругательствами, хоть молитвой, утраченное от этого не вернётся. Значит, надо оставить прошлое прошлому и жить дальше.

И уж возвращаться в Тин-Вилену, испугавшись происков недоброжелательных алайдорских божков, он ни в коем случае не собирался. Пусть нашёптывают голосом ветра любые предостережения и угрозы, он их не послушает. Если на то пошло, после гибели книг до конца путешествия ему вряд ли придётся читать. Да и записи делать, поскольку запас чистых листов, даже если просохнет, будет годен только в костёр. А значит, потеря светильничка становится не такой уж обидной. Вполне можно подождать несколько недель. А там договориться с купцом, едущим в Галирад, и заказать новый...

– Нужно поохотиться, – сказал он Ригномеру. – Отправимся завтра с утра.

Дичь, водившаяся на плато Алайдор, не то чтобы поражала изобилием, но всё-таки давала пропитание и пастухам, и купцам из торговых караванов, направлявшихся в итигульские горы. Здесь встречались и зайцы, и жирные куропатки, и олени, и разное другое зверьё. Пронёсшееся ненастье, однако, заставило живность попрятаться, и Хономер выехал на охоту, в основном надеясь высмотреть мохнатого горного быка, известного своим безразличием к непогоде. Эти животные были несомненными прародителями местного отродья коров, дававшего оседлым шо-ситайнцам молоко, мясо, навоз для топлива и удобрения, необыкновенно прочные шкуры и обильную шерсть, пригодную на войлок и пряжу. Дикие быки отличались от домашних разве что однообразием масти – были они сплошь бурыми, под цвет каменных осыпей, с чёрными гривами и чёрными мётлами роскошных хвостов, – да ещё более тяжёлыми головами в сущих шлемах рогов, сраставшихся над низкими лбами. Никакому хищнику не было приступа к огромному зверю, превосходившему в холке человеческий рост и вдобавок способному с лёгкостью одолевать кручи, по виду доступные разве что для горных козлов. Наверное, из-за этого быки и не усматривали для себя особой опасности, когда чуткие носы или даже близорукие глаза различали подходивших людей. К тому же, по мнению охотников, промышлявших на Алайдоре, горный бык был до невозможности туп. Однажды уцелел, он не только ничему не учил народившихся телят, но даже и сам не мог научиться: при новой встрече с человеком вёл себя в точности как впервые. Если б не подобное скудоумие, быть бы ему, с его-то силой и ловкостью, противником грозней всякого мономатанского тигра!

Хономер не питал особой страсти к охоте (что, кстати, являлось едва ли не упрёком для него, убеждённого последователя Старшего), но, будучи опытным путешественником, толк в ней понимал и необходимой сноровкой не был обижен. Ему неоднократно случалось странствовать в таких краях, где иначе как охотой прокормиться было нельзя. И ничего, до сих пор оставался в живых. Он выехал на заре, сопровождаемый кромешником и Ригномером, хорошо знавшим окрестности. Все три сегвана, не исключая и Ригномера, были верхом и ещё вели с собой двух могучих мулов, привыкших к поклаже, – поскольку иным способом доставить в лагерь тушу быка никакой возможности не предвиделось.

Отправились почти наверняка: к тому месту, где накануне разведчики, подыскивавшие место для палаток, издали заметили двух мохнатых быков. Звери стояли на каменной гриве, сами похожие на два тёмно-бурых валуна, и даже не двигали головами – только мерно ходили челюсти, перемалывавшие жвачку. Можно было уверенно предположить, что они и теперь там находились. Снег, по-прежнему сыпавший с низкого неба, не располагал к дальним переходам. Нашёл укрытое от ветра местечко – и отдыхай себе, пока не станет ласковее погода и опять не покажется из-под снега трава...

Довольно скоро охотники убедились, что дикие быки в самом деле не ушли далеко с места ночёвки. Первым заметил их Ригномер, обладавший очень острым, не испорченным книгами зрением и вдобавок привычный к зрелищу алайдорских угодий. Он-то и указал своим спутникам на зверей, которые со вчерашнего дня только обошли каменный холм, выбрав на его южном склоне полянку, где снег лежал менее толстым слоем, чем всюду. И теперь неторопливо паслись, разбрасывая талые комья ударами сильных копыт.

Здесь добытчики спешились. Кромешник остался с конями, а жрец и Ригномер стали подкрадываться к быкам. До них оставалось не более пяти сотен шагов. И Хономер, и Бойцовый Петух были вооружены самострелами. Из самострела не бросишь подряд десять стрел, как из лука, чтобы первая ещё дрожала, когда воткнётся последняя. Зато, чтобы сносно владеть этим оружием, не требуется особенной сноровки и силы. Самострел с его воротком и спусковым устройством навряд ли подойдёт человеку, которому приходится каждодневно отстаивать жизнь, свою либо чужую. А вот таким, как бывший купец Ригномер и тем более Избранный Ученик, – как раз.

Охотники были облачены в тёплые свободные балахоны мехом наружу. Они стали подбираться к быкам, по возможности таясь за камнями и держась при этом на четвереньках, чтобы скверно видевшие животные по неразумию своему обманулись. Хономер сообразил ещё и приподнять самострел над головой таким образом, чтобы маленький натянутый лук издали являл подобие рожек. Ригномер покосился на жреца и сразу перенял его хитрость, тем более что та явно удалась: быки не забеспокоились, даже когда полтысячи шагов постепенно превратились в двести, а потом и в сто двадцать. Ветер к тому же тянул людям навстречу, неся запах мокрой

свалявшейся шерсти. Это давало возможность подползти ещё ближе, но ясно было, что очень скоро придётся подниматься с колен и стрелять. Хономер кивнул соплеменнику и указал ему на левого быка, намереваясь сам взять того, что держался правее. Бойцовый Петух согласно кивнул и принялся отползать, занимая выгодное положение для стрельбы.

Достигнув наконец почти самого края открытой поляны, где дальше уже не было камней для укрытия, Хономер медленно привстал и, оперев самострел на край плоского валуна, начал целиться. Он из опыта знал, насколько толст и неповреждаем череп быка. Знал он также, что при всей пробивной мощи самострельного болта одним выстрелом в тело подобного зверя можно убить только при несусветном везении. И ещё ему была известна привычка горных исполинов бросаться на подранившего человека. Это особенно касалось старых самцов, а бык, которого наметил себе Хономер, был именно таким – немолодым и угрюмым, с серебристой полосой седины, наметившейся вдоль хребта. И вот тут охотника вполне могла подвести медлительность самострела. Его ведь не заставишь немедленно стрелять вдругорядь. Хономер прикинул силу ветра и дальность и стал тщательно целиться быку в глаз. Потом нажал на медный крючок.

Это был его собственный самострел, хорошо знакомый и глазу, и руке. И не просто знакомый. Хономер владел им очень и очень неплохо, ибо справедливо полагал: всякое умение, к которому подталкивает жизненная необходимость, следует должным образом освоить, не надеясь, что судьба доведёт обойтись. Стрела полетела – и непременно угодила бы зверю прямо в зрачок, но за мгновение перед тем, как ей надлежало воткнуться, животное словно кто-то хлопнул по морде рукой. Бык резко мотнул головой, и болт вместо глаза ковырнул основание рога, чтобы, скользя, умчаться неизвестно куда. Бык же снова мотнул косматой головой, на сей раз весьма раздражённо, и, раздувая ноздри, стал искать, кто посмел так внезапно и больно ужалить его.

Хономер стоял на коленях в жалкой полусотне шагов и двумя руками отчаянно крутил вороток, натягивая тетиву.

Ригномеру тем временем повезло больше. Его стрела попала молодому быку в верхнюю часть плеча и ушла в тело вся целиком, так что даже перьев было не разглядеть в густой бурой шерсти. Бык грозно пригнув рога – а каждый рог был длиной с вытянутую руку мужчины – и с коротким низким рёвом двинулся на Ригномера. Если бы у него, подобно туру северных чащ, хватило норова и ума пойти до конца – тут-то худо пришлось бы охотнику, вынужденному только спастись, а и удалось бы или нет уйти от разгневанного зверя по его-то родным кручам – это, как говаривало одно славное племя из тех же лесных чащ, было вилами на воде писано.

Но, на свою беду, горный бык отличался от лесного тура примерно как сегванский лук, вырезанный из одной ореховой ветки, от веннского, усиленного рогом и жилами и туго спелёнатого берёстой. Лохматый великан обыкновенно пробегал с десяток шагов и останавливался в нерешительности, словно не зная, что же ему делать с обидчиком. Может быть, такой приём и отпугивал хищников, заставляя их убираться на поиски добычи полегче, но против решительного человека он оказывался бессилён. Более умные животные давно поняли бы, как следовало поступать, и передали бы детям науку. Бурые быки Алайдора продолжали жить и умирать, словно на заре поколений. Зверь, подстреленный Ригномером, устремился было на охотника... и встал, ни дать ни взять позабыв, что вообще происходило кругом. Он даже потянулся мордой к траве, но сегван, как раз перезарядивший оружие, хладнокровно прицелился и всадил в него вторую стрелу.

Новый раскат оскорблённого рёва, закидывание на спину чёрной метлы хвоста и новый рывок на те же десять шагов... Когда наконец очередная стрела повалит быка, Ригномера ещё будет от него отделять вполне порядочное расстояние.

А вот могучий старый самец, которого избрал себе в добычу Хономер, вдруг повёл себя совсем не по обычаю своего племени. Быть может, горные стада наконец-то выродили вожака, способного научиться. Вместо того, чтобы явить бессмысленную свирепость, он повернулся – и огромными прыжками кинулся прочь. Пустился на уход, как говорили охотники. Хономер успел поразить его ещё одной стрелой, в правую ляжку. Бык начал прихрамывать, его след обильно окрасился кровью.

– Я за ним! – крикнул Ригномеру Избранный Ученик. Бойцовый Петух, занятый очередным поспешным взведением тетивы самострела, лишь согласно кивнул.

В этих местах ограждающий хребет Алайдора, тот, что был прорезан несколькими Воротами, выдавался на само плоскогорье длинными каменистыми гривами в сплошных осыпях и оврагах. За одной из таких грив и скрылся подраненный бык. Хономер, охваченный благородной охотничьей страстью, со всех ног устремился за ним. Бесформенный меховой балахон мешал ему: путался в коленях и к тому же был слишком толст и тяжёл. Жрец прямо на ходу скинул его на камни и побежал дальше в одной шерстяной рубашке и таких же штанах, заправленных в сапоги. Вот теперь было как раз. Он ещё подумал о том, как бы умудриться обойти быка и хоть криком, хоть стрелами направить его назад, поближе к лошадям и кромешнику, оставшемуся их сторожить. Если погоня окажется долгой и заведёт его далеко, ещё надо будет успеть к туше с вьючными мулами прежде, чем до мяса доберётся прожорливое зверьё!..

К немалой досаде Избранного Ученика, бык оказался ранен далеко не так сильно, как ему показалось вначале. Животное перевалило гриву и скрылось за ней, а когда на гребень выбрался изрядно запыхавшийся охотник, бурый силуэт маячил уже на следующей гриве, на самом верху. Хономер на какой-то миг даже усомнился, тот ли бык там стоял или, может, какой-то другой. Но нет, зверь сердито тряс рогами и лохматым хвостом – и прихрамывал на правую заднюю ногу, а на снегу ниже по склону виднелись явственные отметины крови. Горный воздух обладал хрустальной прозрачностью. Хономеру показалось, будто он даже различил короткое древо своей стрелы, торчавшее из ляжки быка.

Самец между тем заметил своего мучителя. Он хрипло протрубил, закинув голову к низким облакам, висевшим, казалось, лишь чуть ниже кончиков его рогов. И стал обманчиво неторопливо спускаться по противоположному склону, быстро пропадая из глаз.

Что делает с человеком охотничий азарт и в особенности вид уходящей добычи!..

Воздержанный жрец Близначев вполне по-язычески вслух помянул трёхгранный кремь Туннворна и даже Хёгговы волосатые шульни, чего с ним уже много-много лет не случалось, – и, ничуть не озаботившись укорить себя за вырвавшиеся слова, запрыгал вниз по мокрым и скользким от тающего снега камням. Камни ворочались под ногами, Хономер оступался и падал, но поднимался и упорно продолжал путь, заботясь только о том, чтобы не повредить самострел и не растерять болты. Если глаза не подвели его, бык хромал заметно сильнее, чем на поляне. И крови, пятнавшей следы, было более чем достаточно. Скоро он ослабеет.

Достигнув дна распадка, Хономер без промедления снова полез вверх, старательно забирая правее, ближе к порубежному хребту Алайдора. Это означало лишнюю трату времени и усилий – но в том ли беда? Если ему повезёт, он сумеет повернуть недобитка и даже выгнать его на равнину, на относительно открытое место. И уж там либо сам дострелит его, либо выведет напрямик на самострел Ригномера...

Между тем ноги начали жаловаться и болеть от натуги, далеко не запредельной для Хономера, дыхания не хватало. Это брала своё высота, делавшая воздух слишком скудным для непривычного жителя равнин. Хономер был в горах далеко не новичком, но природной приспособленностью урождённого горца всё же не обладал, и это сказывалось. К тому же невероятная чистота этого самого воздуха снова обманула его, сколько раз он ходил в горы, столько же и попадался, особенно в пылу охоты, как нынче: никак не мог правильно оценить расстояние. Кажется – рукой подать, а двинешься в путь – семь потов и полдня, пока доберёшься. Когда жрец выбрался на следующую гриву, рубашка на нём была мокрой мокрой. Он жадно огляделся и на какое-то мгновение заметил бурый с серебром бычий хребет, исчезающий за россыпью валунов. А если бы, взбираясь сюда, он позволил себе остановиться для единственного лишнего вдоха, не было бы у него и этого мига, и, вероятно, он вовсе потерял бы своего быка. Потому что крови на снегу сделалось меньше, а сами пятна стали светлее и реже. Зверь уходил. Хономер снова выругался на языке предков, правда шёпотом, чтобы не тратить дыхания. И заторопился вниз по шуршащей галечной осыпи, на которой не держалась никакая трава.

Если бы в это время разошлись тучи, он мог бы заметить, что день вплотную подобрался к середине. Но тучи расходиться не собирались. Они как будто уткнулись в пограничную гряду – и остановились на месте, чтобы висеть здесь, пока напроць не изойдут лениво кружащимся снежком. Вершин, казавшихся с Алайдора всего лишь иззубренными холмами, и тех не было видно в сплошной серой, низко нахлобученной пелене. А уж близкого величия главных хребтов Заоблачного кряжа и вовсе заподозрить было нельзя: равнина и есть, во все стороны одинаковая. Знать, оттого кряж и прозывали Заоблачным...

Хономеру некогда было задумываться ни о времени, ни тем более о происхождении каких-то названий. Бык уходил, но ещё окончательно не ушёл от него – и не уйдёт, если он заставит себя ещё против прежнего немного поторопиться! Зря ли на сей раз зверь обнаружил себя перед ним куда ближе, чем с первой гривы!.. Хономер посмотрел вперёд и сразу придумал верную уловку, позволявшую всё-таки отрезать его от гор...

Он в самом деле не числил себя завзятым охотником. Тому, кто пребывает относительно себя в подобном же заблуждении, следует, право, повременить, покуда не начнётся охота. Покуда не пропоют первые стрелы и подбитый зверь не кинется прочь, заставляя хмельное вдохновение погони огнём катиться по жилам. Едва ли найдётся мужчина, который окажется вовсе невосприимчивым к этому древнему вдохновению, – сколь бы далёким от земных страстей он себя ни считал. Куда подевался учёный священнослужитель, строгий в словах и поступках, дерзавший размышлять о путях своей веры и о ступенях к престолу Возлюбленного Ученика? Всё жреческое слетело с Хономера, словно жухлый лист с дерева в осеннюю бурю. Остался могучий охотник с самострелом в руке, что летел незримой тропой своих пращуров-сегванов, поколениями точно так же ходивших за зверем на своих родных Островах... Какая усталость, какое чувство опасности? Всё, всё прочь!.. Прочь – в другую жизнь, до-охотничью, не-охотничью... невыносимо скучную и безынтересную... настолько, что поистине вовсе и не ты её вёл! Вот, вот оно, настоящее! Когда отпадает всё наносное и чужое и остаются только камни под ногами и небо над головой, а посередине – ты сам на тропе – и противник-зверь, готовый бесповоротно уйти, если ты промедлишь с одним последним усилием... или упасть к твоим ногам, если это усилие будет вовремя совершено. Ещё чуть-чуть! Ну?! Кто кого?..
Ещё чуть-чуть...

Вечер подкрался незаметно. Именно подкрался. Кажется, только что было вполне достаточно света, чтобы различать белый снег на чёрных камнях и всё более редкие пятна крови вдоль цепочки следов, а прозрачные сумерки, даже не очень осознаваемые как сумерки, делали особенно чёткими очертания ближних отрогов... И вдруг – стоило приостановиться, чтобы утереть рукавом пот, как что-то успело неуловимо, но полностью перемениться, и чёрное начало противоестественно смешиваться с белым, кутая мир непроглядным тёмно-серым покрывалом подступающей ночи.

Только тут начал спадать угар охотничьей страсти, кем-то словно бы исподволь подогретый в душе Хономера. Он огляделся, трезвея, и понял, что потерял быка безвозвратно. Никакое «последнее усилие» уже не поможет к нему подобраться на выстрел. И вообще следовало бы ему это уразуметь ещё полдня назад, после первой же гривы, на худой конец, после второй. Не уразумел...

А теперь и сказать толком не взялся бы, сколько таких грив отделяло его от полянки, где они с Ригномером расстались.

Хономер остановился на взгорке, нахмурился и сказал себе, что сделал ошибку. Ошибки он не привык прощать никому, себе же – всех менее. За них следовало наказывать, чтобы в другой раз останавливала память, чтобы было впредь неповадно. Вот он и накажет. Он будет идти, если понадобится, хоть целую ночь, но не даст себе отдыха, пока не вернётся к стоянке. И в дальнейшем, когда случится необходимость охотиться, он не станет участвовать. Не сумел вовремя остановиться – сиди в палатке. Лучше бы он сейчас у костра книги сушил!..

С отвращением вспомнив безумный азарт, совсем недавно владевший его душой, – да как мог он, жрец, до такой степени поддаться ему, что явное помрачение даже представлялось ему вполне естественным и прекрасным?... – Избранный Ученик повернулся туда-сюда, силясь хоть что-нибудь рассмотреть в сгустившейся темноте, утратившей обманчивую сумеречную прозрачность... и вот тут сердце у него упало уже по-настоящему. Вместо того, чтобы воспользоваться последними отблесками света и наметить дорогу назад, он... понял, что вообще не представляет, с какой стороны забрался сюда. Оттуда? Или оттуда?.. Очертания валунов, которые он про себя числил приметными, расплывались, становясь одинаковыми. Хономер опустил на корточки, наполовину ощупью отыскивая свои собственные следы, но и тут его ждала неудача. Снег таял – и кто, не обладая достаточным обонянием, взялся бы утверждать, где тут ямка от потревоженного камня, а где – расплывшийся след от ноги?.. Истинной черноты ночь не сулила. При ясном небе она была бы вполне достаточно светлой. Но толстая пелена туч не допускала к земле сияние далёкого солнца, преломлённое и задержанное

небесными сферами. И она же не давала рассмотреть звёзды, могущие указать путь. Над Алайдором витало призрачное подобие света. Оно вроде бы и позволяло что-то видеть кругом, но так скрадывало выступы и углы, что напряжённый глаз видел не столько действительное, сколько желаемое, и, конечно, обманывался. И это было, пожалуй, ещё опаснее, чем пытаться пробираться в полной темноте.

Тогда-то на Хономера, что называется, навалилось всё сразу. И усталость, от которой ноги попросту отказывались идти, и холод, тысячами игл пронизавший единственную рубашку, мокрую от талой жижи и пота, и... чего уж там – страх, вызванный осознанием, что охота из просто неудачной грозила стать по-настоящему смертоносной. Сколько таких же добытчиков, радостно спешивших по следу, в итоге либо замёрзло, либо сорвалось с кручи на камни, либо потревожило опасного хищника и не сумело отбиться? И кто сказал, будто он, Хономер, чем-то лучше этих бедняг и, оставшись один в холодной ночи, почему-то не подлежит сходной судьбе?..

Так нашёптывал склонный к осторожности разум. Он призывал Хономера устроить какой-нибудь ночлег – и благодарить Предвечного, если хотя бы удастся продержаться до утра, не застыв насмерть. Разуму, однако, противоречила неукротимая гордость. Она властно повелевала исполнить зарок о немедленном возвращении, и ей некоторым образом придавал силы холод. Хономер представил себе, как забьётся куда-нибудь под валун, где будет так же мокро, как и повсюду кругом, и за шиворот немедленно потечёт холодная влага, и он будет, трясаясь, обнимать себя руками в тщетной попытке не допустить к телу хотя бы ветер... Мысль о подобном ночлеге заставила его содрогнуться. Нет уж. Лучше справиться с усталостью и всё время шагать.

– Святы Близнецы, прославленные в трёх мирах... – начал он молитву, опустившись на колени и уже не заботясь о выборе верного направления – лицом к Тар-Айвану, – ибо это не представлялось возможным. Он больше не имел никакого понятия, где север, где юг. – И Отец Их, Предвечный и Нерождённый...

Его молитва была исполнена того сердечного жара, который являют, пожалуй, только сильно провинившиеся перед своими Богами и самым искренним образом стремящиеся поправить содеянное. При этом в глубине души Хономер полагал, что его прегрешение было всё же не таково, чтобы карать за него лютой смертью от холода или в когтях у проголодавшейся горной россомахи. И потому он смиренно просил у Богов не избавления, но верного пути назад, к лагерю, дабы его жреческое служение могло быть продолжено.

Святые слова, давно и непоколебимо памятные наизусть, показались ему исполненными нового и великого смысла. Он поднялся с колен, чувствуя, как отступают, лишаясь власти над ним, страх и чёрное одиночество. Хранящая длань Предвечного была по-прежнему простёрта над его головой. Хономер вновь огляделся, и на сей раз ему словно промыли глаза. В сером мороке отчётливо вырисовалась скала с гранёной, словно обтёсанной, макушкой, которую он запомнил, поднимаясь сюда. И как только он умудрился не рассмотреть её прежде? Наверное, от усталости и испуга. Хономер вызвал в памяти карту Алайдора и немедленно со всей определённостью понял, куда именно его занесло. Правда, если принимать его догадку как истинную, получалось, что, молясь, он стоял к Тар-Айвану не лицом, а совсем другим местом, тем, которое не принято упоминать, но это уже не имело значения. Ибо разве не было сказано, что искренняя молитва всегда достигнет Небес, в каком бы малоподходящем месте ни довелось её возносить?! Главное – его Услышали. А стало быть, вернуться назад будет вовсе не трудно, надо только идти и терпеть, терпеть и идти.

Как, собственно, он и замыслил, отмеривая себе должное наказание. Ходить он умел. Терпеть – тоже.

Хономер встряхнулся, поправил за спиной не нужный более самострел. И бодро стал спускаться с горушки.

Надо будет по возвращении отметить её на карте и назвать как-нибудь подходяще. К примеру, «Молитвенный Холм»...

Он подумал о том, что эта горушка, ныне безымянная, ещё может со временем сделаться настоящей святыней среди его последователей. И улыбнулся в потёмках.

Избранный Ученик шагал всю ночь напролёт, спускаясь в распадки и вновь поднимаясь на каменистые гривы, каждая из которых казалась ему вдвое выше и отвеснее предыдущей.

Преодоленные отроги он не считал, да и не много толку подсчитывать то, чему всё равно не знаешь числа. Иногда зрение, да и самый разум Хономера завлакивал непроглядный туман. Когда он рассеивался, жрец с некоторым удивлением обнаруживал, что тело, оказывается, продолжало действовать само по себе и он всё ещё куда-то брело, шатаясь, как пьяное. Тогда Хономер начинал петь священные гимны. Хотя бы шёпотом (на большее сил уже не было), но всё-таки вслух. Благо помнил их великое множество ещё со времён начала своего Ученичества.

В тревожной ночи пролегает мой путь,
Дай силу, Предвечный, с него не свернуть...

Большинству гимнов приписывалось чудесное происхождение. Правда, в старые времена находились мыслители, дерзавшие усомниться. «Вчитайтесь хорошенько в стихи, они же несовершенны! – говорили учёные спорщики. – Могут ли небесные Силы, стоящие у престола Отца, создать нечто несовершенное?» – «Силы Небес породили, в частности, самих нас, а мы куда как далеки от совершенства, – отвечали другие жрецы. – Совершенства мы, по Его воле, должны достигать сами, насколько сумеем. Если бы Он ниспослал нам гимны, вполне соответствующие Его славе, мы не смогли бы не то что понять их, но даже и просто вынести столь высокую благодать. Это как лекарство, которое, не будучи должным образом разведено, способно принести не исцеление, но гибель!»

Спор был очень давний, и завершился он – конечно, не в пользу усомнившихся – задолго до рождения Хономера. Будущий Избранный Ученик прочитал о нём в книгах. Притом в книгах, вовсе не входивших в непрменный круг чтения юных жрецов. Он не стал задавать лишних вопросов даже своему Наставнику, которому полностью доверял, но про себя решил, что повод для словесной битвы – чуть не превратившейся в битву самую настоящую – на самом деле не стоил выеденного яйца. Да и якобы невыносимая благодать, по его мнению, служила объяснением для простецов. Хономеру безо всяких толкований было ясно с первого взгляда, что гимны, во всём их поэтическом несовершенстве, складывали мудрые основатели вероучения, и следовало бы не усобицы затевать, а сообщая за это им поклониться. Ибо основатели, как никто, понимали: среди будущих Учеников непременно окажется уйма невежд, которым для постижения книжного слова ещё понадобится чтец... тогда как стихи с лёгкостью запомнит любой, в том числе вовсе не разумеющий грамоты. А уж песню и запоминать не понадобится. Сама ляжет на ум.

Страданье сулит непроглядная ночь,
Дай силу, Предвечный, его превозмочь!

Гимны были очень разные, среди прочих и праздничные, но таких насчитывалось немного. Семь из каждых десяти посвящались временам гонений на Ближнецов и неисчислимым бедствиям, что претерпели от злых людей первые Ученики. Хономер начинал служение мальчишкой, и ему повезло угодить в храм, отличавшийся сугубой строгостью жизни. Нет, там, конечно, не отправляли за провинности на дыбу и на костёр, но иногда подростку казалось, что лучше бы уж отправили! Он помнил, как выручали его тогда стихотворные сказания о мужестве утеснённых за веру.

Колодки, и цепи, и кнут палача
Вовек не погасят надежды луча.
Тонка, беззащитна, над книгой свеча
Ещё обернётся сверканьем меча... —

на пределе дыхания сипел Хономер, выбираясь к очередному приметному камню и высматривая впереди следующий. Ночь всё никак не кончалась. И огоньки лагеря по-прежнему не спешили показываться вдалеке.

Он смутно заподозрил неладное, когда, посмотрев вверх, вдруг обнаружил, что тучи разорвались, открывая довольно просторный клочок густо-синего неба, усеянного по-летнему немногочисленными, но вполне яркими звёздами. Хономер запрокинул голову, жадно приглядываясь... Как любой опытный путешественник, он хорошо представлял себе расположение созвездий и закон их движения кругом Северного Гвоздя. Да ещё, не довольствуясь собственными наблюдениями, приобретал где мог хорошие карты небесных светил и подолгу изучал их, зная, что это когда-нибудь пригодится.

И вот теперь он жадно вгляделся в заоблачную вышину, силясь мысленно сложить узнаваемые сочетания звёзд...

Ему сказочно повезло. Его глазам предстал сам Ковш, называемый аррантами Колесницей, – величественное созвездие, властелин северных небес, легче всего отыскиваемый и прежде прочих запоминаемый даже детьми. Он горел драгоценным топазовым блеском, словно расстёгнутое ожерелье, брошенное на бархат. Хономер испытал тихое блаженство, узнав благородный изгиб ручки Ковша и чуть угловатый, но всё равно прекрасный силуэт чаши. Небо сразу начало заволакивать снова, но жрец успел увидеть вполне достаточно, чтобы мысленно прочертить необходимые линии и уверенно определить, где сияет за тучами указующий Гвоздь. Привычная память немедля вновь расстелила перед ним алайдорскую карту... Он прикинул по ней направление, которого придерживался с вечера, попытался хоть приблизительно угадать длину пройденного пути... И содрогнулся с головы до пяток, а в животе родилась ледяная сосущая пустота, не имевшая ничего общего с голодом. Он понял, что либо небесные сферы вывернулись наизнанку, дабы учинить над ним, Хономером, очень недобрую шутку, либо он принял за Ковш разрозненные части совсем иных звёздных фигур, либо... либо он целую ночь шагал, выбиваясь из сил, в совершенно неправильном направлении. И все его приметные камни были не что иное, как самообман, обольщение чувств, угодливо отыскивающих в окружающем мире именно то, что их обладателю больше всего хотелось бы отыскать.

Хономер свирепым натиском воли отогнал придвинувшийся было страх. И даже оборол могучее искушение присесть на камень, чтобы думалось лучше. Он знал: потом будет не встать. Он попытался сосредоточиться. Предположение о внезапно вывернувшихся небесах вряд ли заслуживало пристального усилия мысли. То есть, конечно, по воле Блинецов и Отца Их вполне могло произойти чудо ещё и похлеще; но изменять порядок всего мироздания только ради того, чтобы проучить одного оступившегося жреца?.. На какие бы высоты в своих мечтах ни посягал Хономер, ему всё же трудно было представить, чтобы тысячелетний порядок сломали из-за него одного. Но, с другой стороны, не впадал ли он тем самым в грех неверия? Что, если он оказался-таки избран для великих свершений – и не желал видеть явленного ему Знака?..

Загадка была слишком трудна, и Хономер оставил её напоследок, решив сперва обдумать другие, более скромные вероятности. Боги, несомненно, простят того, кто не сразу уверовал в свою избранность. А вот того, кто возжелал узреть её в простом совпадении обстоятельств, – навряд ли... Хономер напряг память, пробуя сообразить, мог ли он ошибиться с Ковшом. И пришёл к пугающему выводу, что, по всей видимости, не мог. Да, другие звёзды, вырванные случайным обрамлением туч из своего привычного окружения, могли сложиться в подобие знакомого рисунка, который его воображение ещё и подправило ему на беду... Но чтобы эти звёзды различались по яркости именно так, как испокон веку составлявшие Ковш?.. Уж это было бы всем совпадением совпадением. Как если бы встретить не просто природного двойника хорошо знакомого человека, но притом обнаружить, что он ему полный тёзка по имени...

...А стало быть, получалось, что, если только небеса впрямь не вывернулись наизнанку, Хономер ночь напролёт шёл не к лагерю, а ровно под прямым углом к избранному направлению. То есть не приближался к благословенному теплу и уюту войлочных палаток, а скорее удалялся от них.

Наказание за излишнюю охотничью страсть поистине оказывалось тяжелее, чем он поначалу изготвился принимать, и уж всяко не отвечало мелкому, по сути, проступку. Какая там избранность!.. Если нынешнее приключение вправду совершалось в соответствии с волей

божественных Братьев, ему следовало признать себя, наоборот, ничтожнейшим из смертных, ходячим вместилищем всяческого греха и порока. «За что?..»

Ночной сумрак вроде бы начинал понемногу редеть. Хономер, успевший твёрдо запомнить направление на Северный Гвоздь, снова вызвал в памяти карту, прикидывая направление, на сей раз – он крепко надеялся – верное. Нашёл глазами остроконечный валун, торчавший на гриве в нужной ему стороне, шагнул с места...

И сразу вскрикнул от боли. Ему показалось, он угодил босой ступнёй прямо на острые грани битого камня. Хономер всё-таки сел, ощупал свою левую ногу... и убедился, что именно так дело и обстояло. Оказывается, подмётка прочного кожаного сапога не смогла вынести почти суток беспрестанного хождения по булыжным осыпям и наполовину оторвалась, начиная с носка. Очень скоро она отвалится вовсе, если хоть как-то не подвязать. Хономер судорожно потянулся к правой ноге... Здесь сапог был в чуть лучшем состоянии, но именно чуть. Очень скоро «придёт кон»

[7]

и ему.

Можно вытащить нож, распороть голенища и выкроить временное подобие подмёток, но вот как их прикрепить?.. Разве что перевязью от самострела, но как тогда нести самострел? Прямо в руках?..

Молодой жрец только что окидывал мысленным взглядом звёздные чертежи и пытался разобраться в замыслах Богов, но этот вопрос оказался не по силам его измученному рассудку. Чем больше Хономер размышлял о том, как правильно разрезать ремень перевязи, чтобы хватило на оба сапога и ещё остался запас, тем неразрешимей казалась задача. Следовало подумать ещё, а думалось, сидя на камне, в самом деле необыкновенно хорошо. К тому же его тело, нагретое долгой работой, оставалось невосприимчиво к холоду, но вот кисти рук, ничем не занятые при ходьбе, застыли почти до потери чувствительности. Как удержать ими нож? Никак невозможно. Хономер засунул пальцы под мышки и решил обождать, пока они хоть немного согреются.

Сонное беспмятство сомкнулось над ним сразу и незаметно.

* * *

Он проснулся, вернее, пришёл в себя, когда уже рассвело. Его разбудил (и, как он впоследствии понял, – спас) какой-то резкий скрежет, коснувшийся слуха. Жрец вскинул голову, открывая глаза. При этом его волосы издали непонятное похрустывание, но он не обратил внимания, сразу сосредоточившись на том, что предстало его взгляду. Кругом было светло, а на большой валун в двух шагах от него усаживался крупный гриф. Его-то когти и проскрежетали по камню, вырвав Хономера из сна.

Человек и птица уставились друг на друга. Гриф переступил с лапы на лапу и недовольно нахохлился. Хономер с содроганием подумал о том, что пернатому стервятнику скорее всего уже приходилось лакомиться человечиной. На Алайдоре ведь не было ни леса для погребальных костров, ни слоя рыхлой земли, чтобы устраивать какие следует могилы; если же завалить мёртвое тело камнями, это лишь заставит хищных зверей повозиться какое-то время, но остановить их не сможет. Поэтому кочевавшие здесь горцы поступали проще. Сразу предоставляли своих мёртвых грифам и иным падальщикам, полагая, что таким образом частицы плоти вернутся к природным стихиям всего быстрее и надёжней.

И вот гриф, смотревший сейчас на Хономера, спустился к нему, приняв его за мертвеца, только почему-то одетого и вообще не подготовленного должным образом к «погребению» в его, грифа, желудке.

В сердцах жрец хотел выхватить из-за спины самострел и если не убить, так отпугнуть зловещую тварь, от которой к тому же распространялся густой дух мертвечины... Движения не получилось. Тело, за время сна пронизанное токами холода, слушалось туго, медленно, неохотно. Его ещё можно было разбудить, но, похоже, это сулило неисчислимые муки. От поворота головы вновь захрустели волосы, успевшие примёрзнуть к вороту рубашки, а мышцы отозвались глухой, далёкой болью. Можно представить, какова окажется эта боль, если снова разогнать по жилам успокоившуюся было кровь. Как вытерпеть её? И зачем?

Ему надо отдохнуть. Ещё немножко отдохнуть, прежде чем опять куда-то идти. А самым разумным казалось совсем отказаться от движения и остаться сидеть, ведь здесь было так покойно и хорошо... Хономер едва не заплакал и в отчаянии подумал, что на самом-то деле жадный гриф не так уж сильно ошибся. То-то он не торопится улетать. Он просто подождёт ещё чуть-чуть и...

Избранный Ученик знал повадки стервятников. Зоркоглазые птицы кружат высоко над землёй, ища поживы внизу и в то же время бдительно присматривая за сородичами, парящими у горизонта. И потому, стоит одному трупоеду спуститься к обнаруженной добыче, как в самом скором времени к нему присоединяется целая стая. Вон те чёрные точки под облаками... уж не спешат ли они к трапезе, разведанной соплеменником?.. Хономер представил себя в окружении двух десятков таких вот грифов – громадных, голошеих, нестерпимо смердящих, – и омерзение пересилило всё, даже сонное безразличие полузамёрзшего тела. Да и кто сказал ему, будто голодные птицы, собравшись в достаточном числе, не вознамерятся отобедать ещё не умершим?.. Хономер слышал когда-то, будто когти и клювы грифов не могут одолеть свежей и тем более живой плоти, справляясь лишь с уже тронутой разложением, – но проверять это на себе у него никакого желания не было. Ужас и отвращение подстегнули-таки угасшую волю. Жрец оторвался от камня, на котором сидел, и постепенно распрямил ноги. Ему показалось, будто суставы и мышцы издали явственный скрип. Он попытался грозно закричать на грифа. Получился какой-то хриплый, задушенный клёкот. Тем не менее стервятник шарахнулся и отскочил, неуклюже взмахнув крыльями. Новая волна тяжёлого смрада обдала Хономера. Она явственно напомнила ему... что? Воспоминание мелькнуло и скрылось в точности как сон, который посетил его перед самым пробуждением: сновидение было, это он помнил наверняка, но вот какое именно? – хоть убей.

Ноги были двумя негнушимися деревяшками, которые он с величайшим трудом подставлял под себя, только чтобы не рухнуть вперёд. Он кое-как прохромал на этих колодах мимо грифа, разочарованно смотревшего ему вслед, и полез по осыпи вверх. «Жди, паскудная птица. Не дождёшься...»

Мелькали ещё какие-то мысли, но их без остатка поглощало усилие, требовавшееся, чтобы идти.

Про свои сапоги – верней, бывшие сапоги с оторванными подмётками – Хономер вспомнил, только когда его плоть почти полностью отогрелась и тупая боль, восходившая из ступней, наконец достучалась до сознания, став острой и невыносимой. Тогда он посмотрел вниз, а потом, ужаснувшись, назад. Его глазам предстал кровавый след, далеко протянувшийся за ним по камням. Жрец со стоном поник наземь и принялся осматривать свои ноги. Сказать, что они были изранены, значит стыдливо приуменьшить. От самых пальцев до пяток кожа просто отсутствовала, стёсанная острыми, как ножи, гранями битого щебня. Хономер прошептал очередное проклятие охотничьему азарту, бросившему его в погоню за диким быком, – мало того что в одной рубашке, так ещё и без самого необходимого. Да не о еде речь!.. Хономер мог с лёгкостью обходиться без пищи несколько дней. Он и теперь почти не хотел есть. Но как он умудрился забыть о возможности случайных увечий, подстерегающих самого опытного зверолова?.. Почему выехал за добычей без снадобья от ран, без единой чистой тряпицы для повязки?..

Теперь вот оставалось только резать одежду.

Тут выбор был небогат: рубашка либо штаны. Хономер снова посмотрел на свои изувеченные ступни и, как ни противилось тому всё его существо, сберёгшее, оказывается, какие-то остатки гордости, – выбрал в жертву штаны. Достаточно было вспомнить недавний сон, чуть не завершившийся смертью. Хономер понимал: если под конец дня он опять не доплетётся до лагеря – а надежда на это была откровенно невелика, – ему волей-неволей придётся устраиваться на ночлег, потому что возможности изнурённого тела не беспредельны, какая бы непреклонная воля ни подхлестывала его. И вряд ли новая ночь выдастся намного ласковей прошлой. Так вот. Если во время ночлега на нём будет рубашка, он, может быть, и доживёт до

утра. А если, уподобившись героям-мученикам со старинных рисунков, он сделает выбор в пользу стыдливости, нового рассвета ему не видать уже точно.

И Хономер, внутренне корчась от сознания надругательства, коему подвергала его злая доля, расстегнул сперва пояс, потом распустил гашник штанов. Он уже почти не задумывался, совершалось ли это непосредственно волей Богов либо Их попусшением. Он просто пытался остаться в живых.

Штаны пришлось распарывать сверху донизу без остатка, иначе полосы ткани получились бы слишком короткими. Затем жрец раскрыл голенища ставших бесполезными сапог и с бесконечными предосторожностями приложил их к живому сочащемуся мясу подошв. Всё равно прикосновение вышло таким, что в глазах померк свет и брызнули слёзы, он лишь смутно удивился тому, что совсем недавно

шёл

на этих самых ногах. Как такое было возможно, если теперь он с содроганием думал даже о том, как станет отдирать присохшие куски голенищ, когда их придётся менять?.. А ведь придётся, и скоро...

Быть может, лагерь откроется ему вон за тем отрогом, очень похожим на тот первый, который он пересёк вслед за быком. Как будет обидно, если он слишком промедлит и вместо палаток увидит лишь мусор, оставленный снявшимся караваном, да кострища с ещё тёплыми углями! Скрипя зубами, Хономер перевалился на четвереньки и некоторое время полз так, по крохам набираясь решимости встать.

* * *

Снег больше не шёл, тучи стояли гораздо выше вчерашнего, но и порубежная гряда Алайдора, и громада самого Заоблачного кряжа по-прежнему скрывались в густой пелене, не давая себя рассмотреть. И солнце за весь день так и не показалось ни единого разу, чтобы дать Хономеру хоть приблизительно определить север и юг. Он пытался сделать это по лишайнику на камнях. Однако бурые, зелёные, жёлтые разводы покрывали скалы самым неожиданным образом: всё как будто перемешалось не только в звёздных небесах, но и на земле. Хономер вспомнил даже об остатках снежных заносов, – может, хоть по ним удастся вычислить направление давешнего ветра, падавшего со стороны главных хребтов?.. Это была древняя наука его племени, ездившего зимой на собачьих упряжках и умевшего не заблудиться в самый лютый буран. Увы, Хономер вспомнил о ней слишком поздно. Снег стаял, окончательно превратив бессчётные гривы в череду близнецов... причём нимало не напомиавших, возможно, самих себя же, но в снежном одеянии, памятном по вчерашнему утру.

В некоторый момент Хономер понял, что, даже если стороны света, угаданные им по звёздам, определены верно и с тех пор он не слишком сбился с дороги, – он запросто пройдёт мимо лагеря, оставив его за каким-нибудь бугром. Из палаток будут подниматься тонкие струйки дыма, но от усталости он их не разглядит и не учует. И без вести канет в небытие, чтобы никогда не узнать, как близко было спасение...

Подумав так, Избранный Ученик не ощутил ни отчаяния, ни желания упрекнуть губительницу-судьбу. Даже и на это у него больше не было сил. Он шёл и шёл, зная, что идёт, по всей вероятности, в никуда. Шёл просто потому, что остановиться и ждать, чтобы слетелись обрадованные грифы, было ещё невозможней.

За весь день ему повезло только однажды. Жалкое это везение заключалось в том, что Хономер высмотрел неосторожного зайца и тот, вместо того, чтобы сразу броситься наутёк, почему-то позволил ему взвести непослушными пальцами самострел и прицелиться. Тёплую тушку жрец оставил стервятникам. Не то чтобы его воротило от сырого мяса, при необходимости он мог запихать себе в рот ещё и не такое, просто голода по-прежнему не было. меховая шкурка оказалась полезней. Хономер размотал тряпки и, разрезав, подложил её под остатки стоптанных голенищ. Шкура горного быка подошла бы для этого гораздо лучше, особенно взятая от хребта, и Хономер загадал себе: если останется жив – немедленно велит привести лучшего сапожника Тин-Вилены и закажет ему самые крепкие сапоги. С наипрочнейшей подмёткой, которая никогда не отвалится и не прорвётся. С добротной проклеенными швами, сквозь которые никогда не просочится вода. С мягким войлоком изнутри, чтобы радовалась нога, чтобы ступала, как по свежей траве...

Седовласый кочевник, много лет судивший пёсьи единоборства и за праведность в этом деле снискавший почётное прозвание Непререкаемого, без спешки ехал верхом по летней степи. Его младший сын полюбил девушку и захотел, чтобы родители, согласно обычаю, взяли будущую невестку в свой шатёр до месяца Выживших, когда в степи играют свадьбы. Опять-таки по обычаю, отцу следовало сперва взглянуть на избранницу сына.

Особой нужды в подобных «смотревах», по совести сказать, не было. Степь – на то и степь, чтобы все знали друг друга и при встрече здоровались честь честью, по имени. И Непререкаемый отлично знал род девчонки, приглянувшейся сыну. И даже её саму мельком видел однажды, на прошлогодних зимних боях. Она ухаживала за кобелём, изрядно потрёпанным в схватке. Хорошая девочка. И нынешняя поездка мало что добавила к мнению Непререкаемого, как он, впрочем, и ожидал. Однако обычай есть обычай. Если не придерживаться его, вполне можно уподобиться горожанам из Тин-Вилены, людям без родной звезды в небесах.

А кроме того, старый предводитель просто рад был случаю повидать сына, что во время летней пастбы удавалось нечасто. И ничуть не меньше хозяина радовался свиданию Тхваргхел-Саблезуб, могучий белый вожак. Ведь юноша, надумавший взять жену, как-никак доводился ему братом по крови.

Теперь они возвращались домой, и было очевидно, что над шатром молодых непременно взмахнёт сверкающей гривой сам Бог Коней. Как ещё можно было истолковать ласковый дождь, целых два дня умывавший степную траву?.. Благодаря ему влага наполнила русла, готовившиеся пересохнуть сообразно времени года, так что человеку, псу и коню даже не пригодился запас воды, взятый из дома. На всём пути их щедро поили пробудившиеся родники. Ключевая влага казалась Непререкаемому удивительно вкусной и заставляла чувствовать себя молодым. Крылось ли в ней вправду нечто особенное?.. Или всё дело было в весёлой молодости влюблённого сына?..

Так, занятый приятными мыслями, ехал по степи старый кочевник. Он даже не сразу обратил внимание на фырканье принохавшегося Тхваргхела. А между тем это пофыркивание могло означать только одно. Белый воин заметил на равнине, которую считал по праву своей, чужого, незнакомого пса.

Непререкаемый огляделся и тоже заметил его, стоявшего невдалеке, на вершине маленького холма. Пёс был действительно чужой. Подобных ему, если хорошенько припомнить, Непререкаемый видел годы назад: эту породу держали по ту сторону гор, она очень редко появлялась в степи, поскольку в овечьи пастухи не годилась.

Исхудалому кобелю, похоже, пришлось проделать очень долгий путь, и тем не менее он был великолепен. Вороная шерсть даже не утратила блеска и горела на солнце, отливая стальной синевой. Человек на лошади окинул взглядом знатока лобастую голову, могучую шею, широченную грудь, разрисованную ржавым подпалом... Тхваргхел уже шёл к чужаку – медленно, настороженно, на пружинисто распрямлённых ногах. Пришлomu воителю поистине цены не было бы на Кругу, но Непререкаемый отнюдь не боялся за любимца. Тхваргхел уже несколько лет провёл вне поединков, но лишь оттого, что не находилось достойного противника. Сообразит небось, как разойтись с чужаком, должным образом оградив свою и хозяйскую честь!..

Старик зорко пригляделся и отметил, что ни тот, ни другой четвероногий боец не поднял на загривке щетины. Вот легконогий Саблезуб поднялся на холм... Два огромных пса застыли, как изваяния, в какой-то сажени один от другого. Потом стали сходитьсь. Пядь за пядью, вершок за вершком, ближе, ближе... Сейчас бросятся! Два куцых хвоста указывали в зенит, трепеща от сдерживаемого волнения. Два чёрных влажных носа усердно трудились, читая сотканые запахами повести неведомых стран.

«Ты без спросу ступил на мои земли, чужак. Откуда ты и зачем?»

«Да, я без спросу ступил на твои земли, великий брат. Но не затем, чтобы тайно приблизиться к твоим сукам или нанести вред стадам. Я вовсе не оспариваю твоё старшинство. Взгляни лучше, вождь степного народа, что я принёс!»

И Непререкаемый, зорко следивший с седла, испытал некоторое удивление, заметив, как что-то изменилось в позах кобелей, грозно замерших голова к голове. Ушло свирепое воинственное напряжение, заставлявшее мышцы вздуваться каменными буграми. Очень медленно и

осторожно Тхваргхел потянулся вперёд... к шее незнакомого пса, и тот вежливо отвернул голову, чтобы не оскорбить Саблезуба даже отдалённым подобием вызова. Его движение было полно достоинства и ничем не напоминало смущённый уклон сдавшегося в бою. Тхваргхел же с пристальным вниманием обнюхал нечто, висевшее на шее у чужака. И только потом псы снова занялись друг другом, как того требовал ритуал знакомства. Однако теперь в их повадке больше не ощущалось враждебности, и хвосты не были боевыми знамёнами, вскинутыми перед битвой. На холме совершалась встреча друзей.

А потом вожак степных волкодавов вскинул голову к небу, и по округе раскатился его голос – тот самый низкий, внушительный клич, сочетавший вой и рычание. Он предназначался всем, способным услышать, а слышно его было более чем за десять вёрст, особенно по ветру.

И в самом деле, очень скоро на призыв Тхваргхела издали отозвались псы становища, куда возвращался Непререкаемый. Наверняка они уже мчались встречать своего предводителя – и ту необыкновенную, оплаченную двумя жизнями весть, что он сейчас получил. Весть, в тени которой каждодневные споры и вражда исчезали, как вода на песке... Но ещё прежде, чем их лай доплыл над волнами колышущейся травы, Саблезубу ответил совсем другой голос. И таков был этот голос, что горбоносый жеребец под Непререкаемым прижал уши и заплясал, а всадник прворно обернулся в седле, хватаясь за лук, ради такой вот неожиданности висевший в нелучи снаряжённым.

На дальнем холмике, держась в отдалении, но и не думая прятаться от исконных недругов, стоял волк. Да не какой-нибудь тощий степной разбойник, склонный без памяти удирать от одного эха рыка Тхваргхела. Это был громадный лесной зверь с тёмным пятнышком посреди лба. Он тоже принял весть. И очень хорошо понял, что делать с ней дальше...

Ближе к вечеру Хономер начал собирать помёт диких быков, попадавший среди камней. Растаявший снег превратил большинство плоских лепёшек в бурые полужидкие комья, но попадались и сухие куски. Будь у него кремь с кресалом и хоть горсточка трута, можно было бы даже устроить костёр. Предки Хономера, странствовавшие по холодным морям, кресала носили на поясах, кремня на Островах было полно, а трут они великолепно умели сохранять сухим. Они сыпали его в ореховую скорлупку и запечатывали воском. Почему он не вложил такую скорлупку в тот же кошель, где могла бы лежать и баночка с мазью для ног?.. Почему, будучи в Галираде, не додумался купить у изобретательного ремесленника, помимо светильничка-«самопала», ещё и отдельное зажигательное устройство с колёсиком и кремешком?..

Ох, знал бы, где падать придётся, – соломки бы подстелил...

Хономер вытеребил из рубашки пучок ниток, показавшихся ему совсем сухими, и перепробовал десятка три разных камней, пытаясь высечь искру. Он изранил себе все руки, но искра так и не высеклась. Видно, алайдорские камни зарождались в прискорбном удалении от стихии огня. И это значило, что новая ночь окажется гораздо мучительней предыдущей. Вчера его долго грела ходьба, ведь он думал, что вот-вот выйдет к знакомым палаткам, и не очень-то допускал мысли об отдыхе. Сегодня неизбежность ночёвки была заранее очевидна. Значит, следовало должным образом приготовиться к ней, если только он хотел ещё раз увидеть рассвет... И Хономер напрягал зрение, чувствуя, что слепнет от непомерной усталости, но всё же высматривая, подбирая и пряча за пазуху очередной шмат более-менее сухого помёта. Уже не затем, чтобы попытаться поджечь его, нет. Хономер знал другое: навоз, брошенный наземь, как бы начинает внутри себя очень медленное, но вполне осязаемое горение. Оттого всегда тепла навозная куча, оттого над ней, преющей, в холодном воздухе поднимается пар. Может быть, если собрать достаточно много навоза, удастся переночевать в нём, как ночует старая собака, которую хозяин не пустил в дом?..

Ноги жреца, голые от лодыжек до паха, сделались совсем нечувствительны к холоду и почти не замечали ранящих кожу ударов, когда он лез через угловатые глыбы. Кровь отступила от кожи в глубь тела, уберегая последние крохи тепла. Рубашка у Хономера была не особенно длинная, но он не пытался натянуть её на бёдра – наоборот, подёрнул как можно выше и туго перетянул поясным ремнём по самому краю, чтобы получился вместительный мешок для бычьих лепёшек. Мешок постепенно наполнялся, хотя и не так скоро, как ему бы хотелось, и кожа, соприкасаясь с навозом, вправду заметно отогревалась. Даже начинала чувствовать покалывание остатков жёстких стеблей, вышедших неперевавшими.

Хономер думал о том, что, наверное, всё же погибнет. Соберутся грифы и расклюют его тело. Очевидцы рассказывали – дорвавшись до трапезы, жадные падальщики иногда так нажирались, что не могли сразу взлететь и подолгу оставались на земле, ожидая, чтобы проглоченное начало перевариваться и тело естественным образом облегчилось для полёта. Охотники утверждали, что в это время птиц можно было брать голыми руками, но кому понадобится ловить вонючего грифа?.. Хономер пытался внушить себе, что телу, оставленному душой, уже не будет особенной разницы. Может, так оно окажется даже и лучше, чем если Ригномер со спутниками отыщут его умершего, но ещё не тронутого зубами зверей. Тщательно обложенного дерьмом... и без штанов. Если же его съедят, он просто исчезнет, затеряется на Алайдоре... почти как некогда, неизвестно на каком материке, Младший из божественных Братьев... чьи благородные останки теперь, надобно думать, уже никогда не будут обретенны. И, как знать, не уподобит ли храмовая молва мученическую кончину некоего жреца... От этой мысли у Хономера вырвался горестный стон. На краю жизни и смерти, где он безо всякого преувеличения оказался, такие недавно привычные мысли об избранничестве и славе показались пустыми, мелкими, стыдными. Но если не это, то что тогда имело значение? Что?.. Он одеревенело нагнулся и сунул за пазуху ещё одну бычью лепёшку. Тепло, исходившее от неё, было воистину благословенно.

Когда-то, в самом начале своего служения Близнацам, Хономеру нравилось читать книги о мужестве гонимых Учеников. И ему даже казалось по юношеской глупости, будто он вполне понимал их страдания и их стойкость. О самонадеянность молодости, безоблачная и беспредельная!.. Он был тогда совершенным мальчишкой и вдобавок сыном воинственного народа, высоко ставившего доблесть перед лицом смерти. Помнится, он размышлял о саккаремских Учениках времён Последней войны, которых воины Гурцата Великого сажали на колья, полагая, что, стоит лишь расспросить хорошенько, у такой могучей веры всенепременно отыщутся храмы, полные несчётных богатств. Юный Хономер мысленно примеривал на себя муки пронзённых и нимало не сомневался, что тоже смог бы, подобно им, до последнего шептать молитвенные стихи, восславляя Близнацов и Отца Их, Предвечного и Нерождённого. Подумаешь, боль тела!.. Да какое значение могла она иметь по сравнению с высотами духа?! И только теперь, когда его пятки ступали по раскалённым углям, ноги ледяным бичом хлестал холод, а торс уязвляла едкая влага и колючки навоза, он начал отдалённо приближаться к истинному пониманию подвига мучеников за веру. Не в том состоял он, чтобы без стога и жалобы вынести долгую и жестокою боль. На это способен и крепкий сердцем язычник, попавший в руки врагов (Хономеру в былых его странствиях довелось узреть и такое). Нет. Те люди, мужчины и женщины, шли на лютую смерть не ропща, не умствуя о богоизбранности и богооставленности, не ожидая посмертной награды и вовсе не помышляя о святости. Им было достаточно понимания, что предельное напряжение духа, сопровождавшее последние страсти, малыми капельками вольётся в общий поток и, быть может, что-нибудь стронет в этом мире, столь безжалостном и несовершенном...

Что по сравнению с этим были его, Хономера, тяготы путешествий, которые он вспоминал с такой кичливой любовью! Да, собственно, какие тяготы – так, временное лишение некоторых жизненных удобств, и не более. А его подвиги воздержания, сводившиеся к добровольному отказу от благ, коих множество людей и так было лишено от рождения до смертного часа?.. Как, должно быть, печалились божественные Братья, взирая с небесных высот на его бесконечные заблуждения и ошибки. Если только Они вообще замечали его. Если его ничтожная жизнь для Них вправду что-нибудь значила...

Покамест Хономеру всё крепче казалось, что единственными в мире существами, которым он оставался небезразличен, были терпеливые грифы. Нет, они не следовали за ним, алчно перелетая с камня на камень. Они просто сидели на вершинах утёсов, господствовавших над сыпучими гривами, и зорко следили за маленькой человеческой точкой, переползавшей вниз. Скоро, уже совсем скоро она окончательно прекратит шевелиться. И тогда настанет их час. ...И вот начали сгущаться новые сумерки, и невозможно было поверить, что подступал всего лишь второй вечер его бесприютного странствия по Алайдору. Столь же невозможной представляла и мысль, что всё это должно было когда-нибудь кончиться. Так или иначе – но кончиться.

А может, он уже умер, и то, что ему приходилось претерпевать, и было вечным посмертием, отмеренным за грехи?.. Вера его предков отправляла душу злого человека на отмели Холодной реки, бродить по колено в воде, среди острых, как ножи, обломков камня и льда... Хономер тащился вперёд, хромая на израненных, подламывающихся ногах, и в его мыслях царила уже полная неразбериха. Если он действительно умер, то где же Праведный Суд, почему не было взвешивания его дел, добрых и дурных? Или всё состоялось, но он в помрачении ухитрился забыть? Или это было частью его кары – непонимание, что же на самом деле произошло?..

Сумерки ещё не налились ночной чернотой, когда ему попался нависший валун, показавшийся подходящим для ночлега. Под одним его краем в галечной осыпи образовалось нечто вроде пещерки, не очень глубокой, но скрюченному человеческому телу поместиться как раз. Забившись туда, Хономер бережно распределил кругом тела навоз, поджал ноги и обхватил себя руками, сворачиваясь в клубок. Опустил голову на колени, плотно притиснутые к груди, – и мгновенно уснул.

Ему не досталось исцеляющего, спокойного сна. Он увидел себя каторжником в Самоцветных горах, избитым и грязным, прикованным в углу мрачного ледяного забоя. Его, не давая выпрямиться, крепко держала короткая цепь, и не просто держала, – гораздо хуже, она постепенно натягивалась, притискивая его за ошейник к щербатому полу, грозя переломить хребет. А кто-то невидимый ещё и смеялся, забавляясь его отчаянием. Очень странный был это смех, шуршащий и рокошующий одновременно...

Хономер вздрогнул и рванулся, просыпаясь. К его полному и окончательному ужасу, сон и не подумал рассеиваться. Приснившееся властно вторгалось в явь, весомо заявляя о себе страшной тяжестью, вдавившей его в неудобное, бугристое ложе. Рокот и шуршание, истолкованные им как издевательский смех, были звуком мелких камней, вытекавших из-под большой глыбы, где он нашёл себе приют, и приют оборачивался ловушкой. Валун оседал, грозя придавить ничтожную в своей хрупкости человеческую козявку...

Хономер издал животный вопль ужаса и забился в темноте, пытаясь ползти. Тут обнаружилось, что его сознание проснулось гораздо быстрее тела. Тело, предельно изморованное болью и холодом, просто отказалось спасаться ещё от новой напасти. На бешеные приказы рассудка оно отвечало лишь слабым трепетом мышц. На мгновение жреца даже посетила мысль, глубоко кошунственная в глазах почти любой веры: а что, если прекратить бессмысленную борьбу? Дать безмянному камню довершить начатое враждебными духами Алайдора двое суток назад?..

Тяга к жизни всё-таки оказалась сильнее. Ноги совсем не повиновались Хономеру, да и не мог он, зажатый под валуном, их уже распрямить... но руки сумели сделать усилие, и жрец, обрывая ногти, всё-таки уцепился за что-то и бесформенным комом выкатился из-под опускавшейся глыбы. Выкатился, плача, задыхаясь, хрипя и толком не веря, что спасся. Только надолго ли, вот что интересно было бы знать?..

Глыба позади него глухо вздохнула – ни дать ни взять разочарованно – и, сопровождаемая шлейфом камней помельче, отправилась в недалёкий путь по склону отрога. Скоро содрогания и шум затихли внизу, и опять стало тихо.

Был самый тёмный час перед рассветом, когда холод и зло, словно чувствуя близкое завершение своей власти, стремятся причинить как можно больше беды. Хономер ощутил, как горячими каплями текут по щекам слёзы. Только они и свидетельствовали, что в его теле ещё сберегалось сколько-то жизненного тепла. Жрец пополз, как раненое животное, кое-как подтягивая и подставляя под себя бездействующие колени. А потом он начал молиться. Молча и совсем не так, как во времена, когда его называли Избранным Учеником, предводителем тинвиленского священства. «Боги моих отцов, вечно хранящие народ Островов!.. – взывала его страждущая душа. – И вы, Прославленные в трёх мирах, Которым я поклялся служить. И ещё вы, иные Поборники Света, чьи имена радостны на устах ваших земных чад... В чём мой грех перед вами? Где заплутал я на духовном пути? Укажите дорогу...»

Небо промолчало. Каменистая земля под ладонями и утратившими чувствительность коленями была холодной, жёсткой и мокрой. А потом впереди вспыхнул огонёк. Крохотный, далёкий-далёкий. Хономер даже принял его сперва за звезду, равнодушно проглянувшую у горизонта, но огонёк жил. Он двигался так, словно нёсшая его была невысокого роста и шла неспешной походкой, весьма мало заботясь, поспеет ли за нею измочаленный Хономер.

Жрец тихо завыл. И пополз, обдирая колени, вернее, почти побежал на четвереньках туда, куда звал огонёк, всего более страшась, что потеряет его.

Это было давно,
Да запомнилось людям навек.
Жил в деревне лесной
Старый дед с бородою как снег.
Кособочился тын
Пустоватого дома вокруг:
Рано умерли сын
И невестка, но радовал внук.
Для него и трудил
Себя дед, на печи не лежал,
На охоту ходил
И хорошую лайку держал.
Внук любил наблюдать,
Как возились щенки во дворе:
Чисто рыжие – в мать
И в породу её матерей.
Но однажды, когда
По-весеннему капало с крыш,
Вот ещё ерунда! —
Родился чёрно-пегий малыш.
«Знать, породе конец! —
Молвил дед. – Утоплю поутру...»
Тут взмолился малец:
«Я себе его, дед, заберу!
Пусть побудет пока,
Пусть со всеми сосёт молоко...»
Но пронять старика
Оказалось не так-то легко.
Вот рассвет заалел...
Снились внуку охота и лес,
Дед ушанку надел
И в тяжёлые валенки влез.

Снился внуку привал
И пятнистая шёрстка дружка...
Дед за шиворот взял
И в котомку упрятал щенка.
«Ишь, собрался куда!
Это с пегим-то, слыхана речь!
Что щенок? Ерунда!
Наше дело – породу беречь.
Ну, поплачет чуток,
А назавтра забудет о чём...»
...И скулящий мешок
Канул в воду, покинув плечо...
«Вот и ладно...» Хотел
Возвращаться он в избу свою,
Тут внучок подоспел —
И с разбега – бултых в полынью!
«Что ты делаешь, дед!
Я же с ним на охоту хотел...»

Внук двенадцати лет
Удался не по возрасту смел.
Только ахнул старик...
Не успел даже прыгнуть вперёд,
А течение вмиг
Утянуло мальчонку под лёд.
Разбежались круги
В равнодушной холодной воде...
Вот такие торги
И такая цена ерунде.
Без хозяина двор,
Догнивает обрушенный кров...
...А в деревне с тех пор
Никогда не топили щенков.

3. Родня по отцу

Падение казалось ему бесконечным. Они словно зависли в полёте сквозь темноту и тишину таинственного Понора, в безмолвном средоточии небытия, вне времени и пространства. Волкодав даже подумал о том, что именно такова, наверное, смерть, – в то мгновение своей власти, пока ещё не открыла глаза высвобожденная душа... Только слишком уж долго тянулось это мгновение, да и вряд ли он смог бы в смерти что-то осознавать. А он осознавал, и притом даже больше, чем ему бы хотелось. Он всё ждал, чтобы они достигли границы, где, словно проглоченные, гасли все факелы и необъяснимо обрывались верёвки. Может, и их там, как те верёвки, размочалит, скрутит, порвёт?.. Однако границы всё не было. Хуже того, не было и ощущения падения в глубину. Даже воздух, казалось, не двигался мимо, не свистел в ушах, не бил снизу упругими струями ветра. Они не то падали, не то возносились. От этого было ещё страшней и мучительно хотелось неизвестно зачем прикрыть локтем лицо. Так помимо рассудка делает человек, на которого валится неловко подрубленная лесина. Венн обязательно поддался бы природному побуждению, но это значило бы расцепить руки, крепко обнимавшие Винитара и Шамаргана, и он, пересиливая себя, просто ждал. Может, чудо Понора было лишь сказкой, придуманной в утешение уходившим, а необыкновенный полёт – шуточкой из тех, на которые так гораздо меркнущее сознание? Что же ТАМ, наконец? Самые что ни есть вещественные и жестокие камни, или лёд, или вода?..

Оказалось – вода. Но ничего похожего на ту гладь, которую с плеском разбивает сброшенное в колодец ведро... или, к примеру, три человеческих тела. Эта вода, да будет позволено так сказать, – разразилась! Она возникла одновременно со всех сторон, сверху и снизу, и притом так неожиданно, словно падавшие тела не пробили поверхность, а материализовались непосредственно на глубине.

Глубина, кстати, оказалась порядочная. Уши, вроде бы нечувствительные после сокрушительного грохота обвала в тоннеле, самым немилосердным образом заложило. Но теперь, по крайней мере, кругом была не какая-то запредельная тьма, а обычная вода из мира вещей, и Волкодав замолотил ногами, радуясь вернувшемуся чувству верха и низа. Не помешало бы ещё хоть немножко света, а всего лучше – солнца наверху, чтобы знать, далеко ли воздух, которого никто из них не успел запасти в лёгких. Но это было бы уже просто до неприличия хорошо, и потом, если им суждено выплыть, то они выплывут и в темноте...
...Тем более что вода оказалась пресная и тёплая. Не такая, конечно, как в ласковом веннском озере в хороший летний денёк, но уж после ледниковой речушки, журчавшей в стылых глубинах, – как раз. В этой воде можно было жить. И уж величайший стыд был бы в ней потонуть...

Что нагрело здесь воду? Скрытый жар недр, не дававший зимнему великану окончательно утвердиться на острове Закатных Вершин? Или бегство от человекоядцев занесло троих путешественников уже в такие пределы, где законы привычного мира не имели никакой власти? Скоро узнаем...

Больше всего Волкодав опасался, что вот сейчас они стукнутся головами в подводный каменный потолок – и неминуемо задохнутся под ним.

Благодарение всем Богам, этого не произошло. Вот перестало терзать уши давление, и последнее яростное усилие вынесло на поверхность всех одновременно. Воздух, сколько воздуха, чистого, живительно свежего!.. Волкодав сразу перевернулся в воде и выпустил из-под куртки Мыша. Шустрый зверёк за время падения сквозь Понор успел юркнуть ему за пазуху, отлично зная, где самое надёжное укryвище ото всех бед. К тому же они с Волкодавом не впервые оказывались в воде, и сообразительный Мышь привык доверять воздушному пузырю, неизменно задерживавшемуся под плотной кожаной курткой. Этот пузырь и теперь его не подвёл. Основательно вымокший, но невредимый, Мышь перебрался на голову хозяину и стал усердно отряхиваться. Потом бодро взлетел.

– Все живы?.. – вслух спросил Волкодав. Услышал собственный вконец осипший голос и с радостью понял, что временная глухота прекратилась.

– Живы, – отозвался кунс Винитар.

– Ох, – закашлялся Шамарган. – Любопытство – худший из пороков, это я точно вам говорю... И что мне, действительно, не сиделось на корабле?..

– Кто смиренно сидит там, где ему велели сидеть, живёт дольше, – усмехнулся Волкодав.

– И помирает со скуки, – не остался в долгу лицедей.

Волкодав фыркнул и впервые подумал о том, что без Шамаргана, пожалуй, вправду было бы скучновато. Правда, и дни свои окончить от его руки вполне было можно. Что он сам не так давно едва и не проделал. Причём очень даже успешно. И тем не менее присутствие ядовитого и языкастого парня некоторым образом радовало. Что они с Винитаром без него делали бы, два молчуна?..

Ибо Волкодав уже понял: поход на остров за Божьим Судом грозил обернуться весьма нешуточным путешествием. Было ещё не вполне ясно, куда всё-таки их вынесло из Понора, но в любом случае это местечко не имело к острову Закатных Вершин, убитому ледяным великаном, ни малейшего отношения. Ветер, обдававший лицо, вбирать в грудь было сущее наслаждение ещё и потому, что он дышал хвоей, листьями и травой, – Волкодав только тут как следует понял, до какой степени стосковался по этим запахам за время плавания по морю. И, если чутьё ещё не начало его подводить, к этим благодатным запахам отчётливо примешивался дух дровяного дыма. А стало быть, человеческого жилья. Нет, Волкодав был по-прежнему весьма далёк от того, чтобы радоваться незнакомому человеку, жителю незнакомомого места, просто оттого, что он человек. Это было глупое доверие, на его веку не однажды обманутое. Но кроме упоительных запахов ветер донёс ему ещё кое-что. Звук.

Еле слышный в отдалении звук собачьего лая...

Вот это было уже действительно хорошо. Вот это был истинный родич. И природный союзник. Волкодав без дальнейших размышлений принялся потихоньку загребать руками, направляясь в ту сторону.

– Звёзды, – вдруг сказал Винитар.

Вени вскинул голову. Ну конечно. Каждый волей-неволей тянется к привычному и родному. Для него родным был пёсий брёх и запахи леса. А куда перво-наперво обратится морской севган, привыкший находить путь по расположению небесных светил? Понятно, к звёздам. Тем паче что облака, висевшие над островом Закатных Вершин, остались там же, где и сам остров. Ночное небо над озером было ясным и переливалось мириадами огоньков...

– Ох, волосатая пе... – выдохнул Шамарган. И замолк, не докончив ругательство, наверняка святотатственное и непристойное.

Волкодав не сказал ничего, но, глядя вверх, испытал жутковатое изумление, почти такое же, как то, что очень далеко от него довелось пережить Избранному Ученику Хономеру. Задрвав голову, всматривался он в прозрачную вышину, искал знакомые рисунки созвездий... и не находил ни единого!

Он не припоминал подобного даже по Беловодью. Там звёзды оставались привычными...

– Мы в стране Велимор, – сказал молодой кунс.

Велимор не Велимор, да хоть вовсе иная Вселенная, – есть вода, в которую ты угодил, есть впереди берег, есть руки-ноги, значит, плыви! Думать о том, как именно всё случилось и чем может кончиться, станешь позже. Когда выберешься на сушу и выжмешь хорошенько портки... Так рассудил про себя венн и был, конечно, прав.

Глаза его спутников понемногу привыкли к скупому звёздному свету, но по озеру ходила раскачанная ветром волна, и они всё время перекликались, чтобы не потеряться. Они не были между собой большими друзьями, а уж Шамаргану ни Волкодав, ни Винитар ни в малейшей степени не доверяли. Но даже заяц и волк вместе спасаются во время лесного пожара, и это подтвердит всякий, выросший в чащах.

Собака между тем продолжала подавать голос, а спустя некоторое время на берегу затеплился огонёк. Он был очень далёким, но плыть удивительным образом сразу сделалось веселее. Хотя знать, кого им предстояло встретить на берегу, было по-прежнему неоткуда.

Потом огонёк, а с ним и звук собачьего лая, стал приближаться, и вовсе не благодаря усилиям пльвших.

– Лодка, – первым определил Винитар. Подумал и добавил: – Парусная.

– И, конечно, в ней опять твои родственники, – хмыкнул Шамарган. – По отцу...

Плавал он на удивление хорошо, да и подбитая нога в воде его явно не беспокоила.

Волкодав, оказавшийся рядом, без лишних слов опустил руку ему на затылок и притопил.

– Помолчи, – посоветовал он, когда Шамарган вынырнул и принялся возмущённо отплёвываться. – В третий раз ведь не пожалею.

Хотел было добавить, что у самого Шамаргана, должно быть, в родственниках числились змеи и скорпионы, но удержался.

Про себя же отметил, что Винитар никак не ответил на дерзость и вообще разговаривал словно бы через силу. Это мог быть весьма дурной знак, и на всякий случай Волкодав стал держаться к кунсу поближе. И, действительно, вскоре он заметил, что Винитар начал двигаться всё медленнее и отставать. Он не просил помощи, но Волкодав вспомнил камень, угодивший в спину сегвану, и про себя удивился, как долго тому удавалось держаться со всеми наравне.

Видно, правду говорят люди, будто никто не сравнится с аррантом в искусстве болтать языком, с шо-ситайнцем – в науке ездить на лошади, а с сегваном – в умении плавать. Веннское племя эта поговорка самым несправедливым образом обошла стороной. Про себя Волкодав полагал, что его народ тоже очень многое умел делать лучше других, например плести из берёсты, но сейчас некогда было о том размышлять. Волкодав подплыл к кунсу и молча застегнул на нём кожаные лямки мешка, пребывавшего доселе за плечами у него самого. Мешок был жестоко издырявлен пращными камнями, однако в нём лежали карты и книги, непроницаемо упакованные от влаги, и, судя по тому, как легко плавал мешок, рыба кожа внутренних сумок держалась очень неплохо.

Винитар всё вытерпел безропотно и только потом, когда Волкодав сунул ему в ладонь край своей куртки и велел крепче держать, негромко спросил:

– Зачем ты это делаешь, венн?

Ответ Волкодава воистину посрамил бы записного насмешника Шамаргана.

– А затем, – сказал он, – что там, в лодке, небось впрямь твои родственники. Кто с ними договариваться будет, если потонешь?

Винитар хмыкнул. Волкодав, кажется, первый раз слышал, как он смеётся. Если это можно было назвать смехом.

* * *

Вот лодка приблизилась, и с неё прозвучал мальчишеский голос, срывающийся от волнения и восторга:

– Держитесь, братья сегваны! Держитесь, я уже здесь!

Лодка проворно описала полукруг, уронила парус, легла в дрейф, и за борт полетела толстая верёвка, связанная крепкими петлями – как раз ухватиться ослабшему в воде человеку. На свободном конце её был прикреплен большой надутый пузырь, чтобы снасть не тонула.

Лодка была крепким и вместительным судёнышком, выстроенным по всей премудрости Островов. Такие не боятся волны, зато с парусом и на руле может управляться всего один человек. На носу ярко горел стеклянный фонарь с хорошей масляной лампой внутри, а подле

фонаря стояла собака. Она принохивалась и переступала лапами, повизгивая и взлаивая от усердия, – некрупная, красивая чёрно-белая лайка, сука, недавно откормившая сосунков. – Держитесь, братья сегваны! – повторил с лодки подросток. Бросив руль, он поспешил к борту, чтобы помочь усталым пловцам. Но первым, подтянувшись из воды, внутрь перевалился Шамарган. Мокрый и тощий лицедей, в пёстрой одежде, какой на Островах не носили, и с пегими, не единожды покрашенными волосами уж никак не походил на правильного сегвана. При виде столь странного явления мальчик даже замешкался. Следом через борт перебрался выпихнутый Волкодавом кунс Винитар, и, хоть уж он-то был всем сегванам сегван, недоумение и тревога их юного спасителя, казалось, лишь возросли. Влезая последним в лодку, Волкодав под его почти испуганным взглядом невольно подумал, что принадлежность подобранных к племени Островов была, кажется, делом даже не главным.

Трое, которых он отправился спасти посреди ночи, неизвестно каким чутьём уловив их появление в озере, были настолько не теми, кого он ожидал увидеть в воде, что, верно, большего изумления не снискали бы даже чёрные мономатанцы, негаданно всплывшие из глубины. Как говорили на родине Волкодава, – если в точности уверен, что кот в мешке белый, равно удивисься и серому, и рыжему, и полосатому. Мальчишка даже спросил:

– Нет ли с вами ещё кого, братья, кому я мог бы помочь?..

– Нет, – ответил за всех Винитар.

А Шамарган оглянулся на чёрные волны, шлёпавшие о лодочный борт, и добавил:

– Надеемся...

Волкодав и Винитар невольно покосились туда же. Вот уж чего им теперь только не хватало, так это хищных дикарей, сброшенных сотрясением льда в тот же Понор. Правда, подросток на них самих начинал смотреть почти как на тех дикарей, соображая, не начать ли бояться.

Одна только псица не испытала сомнений. Сразу подобралась к Волкодаву и ткнула острой мордочкой ему в руку, виляя хвостом.

Вот кому,

подумал венн,

я действительно брат!

Глядя на собаку, вроде поуспокоился и парнишка. Насколько венн мог понять, он по-прежнему считал, что выловил из воды каких-то неправильных пришлецов. Неправильных

– но, кажется, добрых. Стала бы разумная собака ластиться к тем, кто не стоил доверия!

– Ты чей будешь, парень? – спросил Винитар.

Он лежал на дне лодки в неуклюжей и неудобной позе, подпираемый в спину мешком Волкодава. Но говорил так, как говорит вождь, уверенный, что его не заставят дожидаться ответа.

И мальчик ответил:

– Люди называют меня Атарохом, сыном Атавида Последнего. Тут недалеко наша деревня, Другой Берег... – Название диковато прозвучало для непривычного уха, Атарох сам понял это и пояснил: – Так нарекли наше место те, кто выплыл сюда прежде нас.

* * *

Старухи бывают разные...

Бывают жалкие. Это те, которые считают себя сегодняшних, в поре естественного увядания, лишь жалкими и никчёмными тенями себя прежних – проворных мыслью, роскошных телом красавиц. У них по-прежнему есть настоящее и даже сколько-то будущего, но они не хотят ничего видеть, предпочитая жить скорбью по невозвратному прошлому. Оттого жалкое, как водится, легко превращается в жуткое. Ибо находятся теснимые старостью женщины, которые не только отдают всё своё внимание неизбежным признакам возраста, но и пытаются всесильно с ними бороться. Средства для этого идут в ход всевозможные. От довольно невинных, хотя и смешных, вроде красок для волос, притираний для дряхлеющей кожи и вставных зубов из белой глины, обожжённой и покрытой глазурью, – и до вполне кошмарных, вроде «чудодейственных» вытяжек из плоти младенцев, не узнавших рождения, и какими способами добывается та плоть, лучше вовсе не упоминать.

А бывают старухи – величественные. Это те, чья телесная осанка и красота духа с годами словно выковываются, высвобождаясь из мишуры молодой смазливости и легкомыслия. Такие

старухи бывают матерями великих вождей. Или их вдовами. И люди, когда говорят об их детях, в первую голову упоминают не отца, а именно мать, – даже у тех народов, которые испокон века исчисляют род по отцу.

Вот такова была старуха, вышедшая к «косатке» Винитара на третьи сутки ожидания, когда вконец изведшаяся дружина готова была презреть строгий приказ и пуститься на поиски. Рослая, жилистая, седая женщина в штопаном-перештопаном одеянии, но притом – с настоящими золотыми украшениями на лбу, на шее и на руках, с корявым, отполированным временем посохом, но притом – со взглядом и поступью дочери, жены, матери и бабки могучих островных кунсов.

Вернее, старух было две. Однако вторая почти сразу куда-то ушла и вдобавок была гораздо менее видной, – даже не старуха, а, правильнее сказать, бабушка, домашняя, привычная и уютная, как сказка у огонька вечерами в месяце Перелёта, – и на неё обратили гораздо меньше внимания, чем на ту первую, статную, шагавшую по берегу к кораблю.

Возле причаленной «косатки», понятно, в удобных местах стояли дозорные. Так вот, эти дозорные некоторым непостижимым образом умудрились попросту не заметить женщину, шедшую неторопливо и отнюдь не скрываясь. Наверное, она знала свой остров гораздо лучше выросших на Берегу, и самые камни хранили её от лишних глаз. А может, так гласило веление судеб, и это последнее было едва ли не вероятней.

У неё, как у всех оставивших девичество сегванок, красовался на голове волосник, но из-под него являли себя небу две белые косы: знак давнего вдовства и того, что эта женщина утратила материнство.

Несколько молодых воинов топтались по берегу, коротая тягостное ожидание за игрой: выискивали среди гальки плоские камешки и пускали их «блинчиками» по воде. Старуха милостиво кивнула юнцам, словно прощая им их мальчишеское занятие. Парни почему-то страшно смутились – и даже мысли не возымели остановить её да спросить, кто такова и что тут потеряла. Она же бестрепетно приблизилась к «косатке» и, словно имея на то полное право, постучала клюкой по форштевню со снятым с него носовым изваянием.

– Почему мне кажется знакомым этот корабль? – спросила она Аптахара, онемело смотревшего на неё через борт. – Может быть, оттого, что у ходящих на нём очень уж знакомые рожи?... – Тут уже все устали на Аптахара, а старуха продолжала как ни в чём не бывало: – Так куда же ты дел моего внука, Аптахар? И за что тебе отрубили правую руку? Уж не за то ли, что ты, старый бездельник, не сумел за ним уследить? Ты, видно, напрочь свихнулся, если отпустил его бродить по острову в одиночку?..

Аптахар открыл рот. И закрыл. Потом снова открыл – и теперь уж не закрывал до тех пор, пока не помянул все до единой чешуйки коварного Хёгга, в особенности же те, что имели отношение к его охвостью и паху.

– Во имя пупка Роданы, глубокого, словно пещера, и Её ягодиц, подобных двум каменным лбам, разделённым ложбиной!.. – произнёс он наконец, завершая словесное оберегание. – Может ли быть, почтенная Ангран, что это действительно ты?..

Старуха в ответ усмехнулась:

– А ты, верно, надеялся, что меня здесь в первый же год крысы сожрали?

Молодые воины, никогда не бывавшие на острове Закатных Вершин, с почтением и даже не без некоторой робости слушали их разговор. Кто такая Ангран, «одна в горе», было известно каждому.

– Твой внук... – не особенно связно выговорил Аптахар. Язык у него всю жизнь был без костей, но тут он просто не знал, с какого боку начинать объяснять. Столько всего нужно было упомянуть, да всё сразу! И Аптахар сбивчиво продолжал: – С ним был ещё венн, который... ну, кровный враг. И этот... паскудник, с корабля сбежал и мешок венна упёр...

– Я знаю, – отмахнулась старуха. – За ними погнались одичавшие. И загнали в Понор.

– Кто? – переспросил Рысь. Он уже косился на крышку палубного люка, под которой в трюме сохранялось оружие.

– Одичавшие, – повторила Ангран. – Дети наших рабов. Я пыталась помочь им остаться людьми, но не совладала. Наверное, так было predetermined... – Она вздохнула и оглянулась на остров, чтобы негромко добавить: – Иным в назидание.

Рысь нехорошо прищурился. Ему не было дела ни до назиданий, ни до predetermined, ни до того, откуда берутся некоторые легенды. Он знал одно. Кто-то посмел напасть на его кунса.

Значит, этот кто-то не должен был увидеть нового дня. Он уже обернулся к остальным молодцам, благо возле «косатки» собрались все, кроме дозорных...

– Остановись! – Ангран лишь чуть-чуть повысила голос, но Рысь так и замер с приоткрытым ртом, на середине начатого движения. – Какие бы приказы вам ни оставил мой внук, тебя-то никто ещё не избрал предводителем, – продолжала старуха. – Значит, не тебе и распоряжаться. Она помолчала, обводя глазами могучих, воинственных, горящих неутолённой местью парней. Её глаза, серые, цвета осеннего дождя пополам со снегом, по очереди остановились на каждом, и все без исключения, один за другим, потупились перед нею.

– Моего внука больше нет здесь, на острове, – несколько смягчившись, сказала Ангран. – Он ушёл в Понор, и с ним те двое.

– Мы последуем за ними... – тихо предложил Рысь.

– Когда они ушли, Понор завалило, – был ответ. – Туда больше нет хода. И, вероятно, не скоро будет. И потом, разве ты бросил бы корабль?

Рысь ещё ниже опустил голову. Корабли, особенно боевые «косатки», сегваны не бросали никогда и ни при каких обстоятельствах. Даже спасаясь от вечной зимы, даже уходя по льду с родных островов – тащили их с собой на катках.

– Мы встретим моего внука! – провозгласила Ангран. – Но не здесь. Мы пересечём море и посетим далёкую страну, где я никогда не бывала. Она называется Саккарем...

Отчего-то ни у кого не повернулся язык назвать её слова безумным пророчеством. Аптахар лишь спросил:

– Но откуда тебе всё это известно, почтенная?

– Подруга поведала мне, – с той же безмятежной уверенностью ответствовала Ангран.

– К-какая подруга? – Аптахар тщетно силился что-то сообразить.

– Та, что иногда приходила скрасить моё одиночество, а сегодня проводила меня сюда. Я многое узнала от неё и многому научилась.

Только тут воины вспомнили маленькую женщину, что по-доброму улыбнулась им, а потом как-то незаметно ушла.

– Она вернётся, чтобы отправиться с нами, или нам её разыскать? – спросил Рысь.

– Не такова моя Подруга, чтобы разыскивать её для плавания на корабле, – усмехнулась Ангран. – Она приходит, когда пожелает и куда пожелает, и нет ей надобности ни в парусе над головой, ни в палубе под ногами.

В другое время и в других устах подобные слова прозвучали бы как неоспоримый признак безумия. Но только не сейчас и не здесь, в виду трёх вечно клонящихся к закату снеговых вершин, которым старуха Ангран выглядела четвёртой и отнюдь не младшей сестрой.

Она взошла, а вернее, восшествовала по мосткам на палубу корабля и опустила на доски небольшой узелок, содержащий, как поняли мореходы, её небогатые пожитки, загодя собранные в дорогу. И правда, много ли имущества нужно женщине, которую ещё двадцать зим назад собственный сын счёл ожидающей смерти старухой? Запасная рубаха (если только она вообще у неё была, в чём Аптахар, например, сомневался), да крючок для вязания, да камушек из-под родного порога...

По приказу кунса Винитара «косатку» не вытаскивали на песок. На случай возможной опасности она стояла готовая к немедленному отплытию: на якоре и растяжках, у приглубого берега, где ей не мог устроить ловушку некстати начавшийся отлив. Уже без дальнейших приказов мореходы принялись отвязывать канаты, зачаленные за выступы валунов, и снимать с паруса плотный кожаный чехол, сохранявший его на стоянке от дождя и сырого тумана. «Косатка» готовилась уходить. Запасы пресной воды были пополнены без промедления, в первый же день, а что касается пищи – какой же морской сегван, да находясь в море, когда-либо оставался без пропитания?..

Вот уже затащили на борт и убрали под палубу мостки, обрывая тем самым последнюю пуповину связи с землёй. Старуха обернулась к берегу и широко раскинула руки, словно желая обнять.

– Прощай, остров! – громко проговорила она, и печальное эхо внятно отозвалось на её голос: «Прощай...»

– Двадцать зим прожила я здесь одна, ожидая возвращения внука. И, право, не худшими в моей жизни были те зимы...

«Не худшими», – согласилось эхо.

– Ты поил меня и кормил, ты давал мне силы переживать утрату друзей...

«Утрату друзей», – вздохнули утёсы.

– Никогда больше мы не увидимся, мой остров, но ты не печалься!

«Никогда больше...»

– Исчерпано терпение Небес, и ледяные великаны, испоганившие твою красоту, скоро пожалеют, что вообще явились сюда!

«Терпение...» – пообещал берег.

Прощание завораживало, и Рысь, не смея мешать, приказывал людям больше жестами, чем голосом. Корабельщики, привычные во всём полагаться друг на дружку и в особенности на рулевого, работали молча и слаженно. «Косатка» подняла парус и медленно двинулась к выходу из залива, обратно в открытое море.

В какой-то миг Ангран приветственно вскинула руку. Мужчины завертели головами... Там, на уплывающем в прошлое берегу, на высокой скале, стояла маленькая женщина. Она тоже махала им вслед. Потом всё заволочло сгустившимся туманом, не стало видно гор, от века господствовавших над островом Закатных Вершин, и лишь утёс со стоявшей на нём подругой Ангран некоторое время словно бы плыл в клубящихся серых волнах, сам смахивая на огромный корабль. Потом заволочло и его. Зато переменился ветер. Причём совсем неожиданно потребовалась шнорка, чтобы удержать резко хлопнувший парус, – и так, как в здешних местах ветру меняться не полагалось. Упорно тянувший несколько последних дней с юга, он словно бы передумал – и прочно отошёл к северу, снова становясь попутным для корабля. Ангран неподвижно и молча стояла на носу, скрестив на груди руки и глядя вперёд. Она больше не оглядывалась. Молодые мореходы понемногу начинали подбадривать один другого шутками, кормщик Рысь, оставшись без привычного водительства кунса, напряжённо хмурился, соображая, как станет прокладывать путь кораблю, добираясь скорейшим способом в далёкую страну Саккарем, – где, как и старуха Ангран, он ни разу не бывал. На корабле понемногу начиналась привычная походная жизнь...

Аптахар же думал о двадцати зимах на острове, превращённом дыханием льдов в безжизненную пустыню. И о женщине, которая прожила эти двадцать зим ожиданием внука. Она не сомневалась, что мальчик, уехавший с острова привязанным, точно пленник, к мачте отцовского корабля, вернётся за ней молодым мужчиной, героем и предводителем воинов. И вот это случилось, и она выходит к его людям и кораблю затем лишь, чтобы узнать – Винитар с ней разминулся. И, не проронив ни слезинки, она тут же берёт под своё начало семь десятков воинственных удалцов – и без малейших сомнений отправляется искать новой встречи с внуком аж на другой конец населённого мира. И, что самое любопытное, люди с охотой слушают её и признают её власть. Хотя вроде бы кто она перед ними? Старуха... Аптахар невольно подумал, что смерть не приблизилась к бабушке Винитара, не иначе, потому, что убоялась её.

И то сказать – к той, у кого в подругах Богини, просто так не подступишься...

Когда наконец он подошёл к ней, чтобы почтительно пригласить в натянутую возле мачты палатку, Ангран посмотрела на него и невозмутимо осведомилась:

– Нитки есть на этом корабле? Если нет, нужно непременно купить где-нибудь. Путь до Саккарема неблизкий – я пока хоть свадебную рубаху внуку свяжу...

* * *

Другой Берег в самом деле оказался настоящим сегванским поселением. Всё здесь было уряжено так, как испокон веку водилось на Островах, причём действительно испокон веку, до Падения Тьмы, когда на родине сегванского племени изобильно рос лес и поля распахивали не только под ячмень для пива, но даже под пшеницу. Видно, не зря большой остров посреди огромного озера пришёлся по сердцу первым вышедшим, вернее, выплывшим из Понора. Теперь здесь стояло несколько длинных общих домов, без которых немислима жизнь сегванского рода, и при них россыпь домиков поменьше, для семейных пар, обзаведшихся отдельным хозяйством. Шумели над дерновыми крышами высоченные, коронованные звёздами сосны...

Подогнав лодку к бревенчатому причалу, юный Атарох тут же кинулся звать людей. Люди появились не вдруг. Насколько успел сообразить Волкодав, отца паренька, старейшину Атавида, не напрасно именовали Последним. Он им и был. Вот уже двадцать лет здешним жителям не доводилось вылавливать из озера соплеменников. Поэтому над мальчишкой,

который среди ночи обратил внимание на беспокойство собаки и бросился снаряжать лодку, лишь посмеялись. А он, удивительное дело, привёз-таки гостей. Да каких! Небывалых!.. Ещё бы, ведь раньше из Понора являлись лишь малые дети да глубокие старики. А тут – трое взрослых мужчин! Да из тех-то троих двое – ещё и не сегваны!.. В общем, было сразу понятно, что народ, высыпавший из домов на заполошный крик Атароха, если и уснёт в эту ночь, то очень не скоро. Волкодав отчётливо видел, как снедает сегванов нетерпение обо всём доподлинно разузнать. Однако на Другом Берегу твёрдо держались обычая Островов, возбранявшего какие бы то ни было расспросы, покуда гость должным образом не накормлен и не обогрет.

Это был поистине очень славный обычай...

Будь здесь Эврих

, невольно подумалось Волкодаву,

ведь наверняка сейчас принялся бы рассуждать, отчего это часть племени, очутившись в изгнании или в плену, принимается строго и ревностно, до исступления, блюсти обычай старины, и такова эта строгость, что потом, при встрече с «главной» роднёй, та непритворно дивится, вживую видя уже ушедший древний уклад...

Отупевший от усталости разум, случается, порождает весьма непривычные мысли. Венн подумал ещё немного и, кажется, дошёл до ответа.

Это для того, чтобы не одичать. Не позабыть, кто таковы. А то можно всего за одно поколение стать как те... людоеды с острова Людоеда...

Да. Будь рядом с ним Эврих, аррант, не иначе, хитро прищурил бы зелёный глаз и сказал ему: «Не только части племён, друг варвар, но и отдельные люди. Некоторые отдельные люди, которых я очень хорошо знаю...» Но Эвриха с ним не было, а Волкодав, глядя на хозяек, торопливо хлопотавших над поздним угощением для гостей, вдруг впервые за несколько лет необъяснимым образом почувствовал себя дома

. Вот так-то. В Беловодье, среди друзей, в тепле собственноручно выстроенной избы, у него так и не появилось этого чувства. А тут, в глухом углу чуждедальной страны Велимор, под кровом соотчичей Винитара... нате вам пожалуйста.

Угощение тоже оказалось очень сегванским. Почти никакого хлеба (не считать же за хлеб маленькие лепёшки из ячменной муки, вовсе не главенствовавшие на столе), но зато рыба во всех видах – копчёная, жареная, солёная, – и к ней любимая сегванами простокваша, а также пиво и мёд. Причём мёд не только хмельной, но и самый обычный, в маленьких мисочках, да притом с разными ягодами, чтобы макать в него хрустящую жареную рыбёшку. Трое мужчин пытались что-то жевать, почти не чувствуя вкуса и не столько отдавая должное телесному голоду, напрочь задавленному усталостью, сколько уважая святость трапезы, возводившей их, неведомых чужаков, в родство с хозяевами стола. Сегваны с вежливым любопытством поглядывали кто на Мыша, чинно выбиравшего косточки из куска копчёного сига, кто с терпеливым снисхождением – на Атароха. Мальчишка, едва ли не впервые допущенный говорить за общим столом, гордился непривычным вниманием взрослых и в сотый раз пересказывал, как псица Забава среди ночи стащила с него одеяло и лаем позвала к берегу и как он умудрился вовремя вспомнить, что предки Забавы поколениями сторожили Понор, а значит, и лает она не на дохлого тюленя в воде, а по гораздо более вескому поводу... Гости клевали носами с недоеденными кусками в руках. В конце концов их уложили спать всех троих под одним необъятным меховым одеялом. Двоих кровных врагов – и отравителя-лицедея. Волкодав подумал об этом и сразу заснул, словно уплыл куда-то по реке, тёкшей парным молоком. Так легко и бестревожно ему тоже давным-давно не спалось. Ему даже приснился замечательный сон. Зелёная поляна возле ручья и на ней – несколько величавых собак. Действительно величавых. Некий случай свёл в этом сновидении тех, кого он знал в разное время. Саблезубого Тхваргхела, вождя степных волкодавов. Чёрного богатыря

Мордаша. И Старейшую, владычицу утавегу. Присутствовали и ещё двое, но как бы не во плоти, а зыбкими тенями, глядящими сквозь кромку миров: пёстрый маленький кобелёк и косматый великан с плохо обрезанными ушами. И, что самое удивительное, издали за псами наблюдал большой волк, а псы не обращали на смертного врага никакого внимания. Сон так и не дал происходившему внятного объяснения, но всё равно это был очень хороший сон. Волкодав преисполнился благодарности – и ощутил, что его благодарность принята по достоинству.

Милостивый Бог Коней даровал горским лошадам Шо-Ситайна копыта из очень твёрдого рога, не нуждавшиеся в подковах. Эти копыта уверенно и аккуратно ступали по мокрому каменистому спуску, который, наверное, большинству иных лошадей показался бы слишком крутым и пугающе скользким. У Ригномера хлопало в прохудившихся сапогах (а какие были сапоги! – настоящие сегванские, добротнейшие, рыбьей кожи, самолично подновлённые перед походом, так и те погибали!..), но Бойцовый Петух остался верен себе и в седло так и не сел. Шёл пешком, да не во главе каравана, как полагалось бы проводнику, а в середине, потому что они возвращались на равнину и в город, дорога была хорошо знакома и животным, и людям. Никто не заблудится и без «вожака».

Сёдла двух верховых лошадей оставались пустыми. Между ними были прилажены носилки, устроенные из палаточных деревянных решёток и войлоков, а на носилках лежал Избранный Ученик Хономер. Лежал, редко открывая глаза, и осунувшееся, заросшее щетиной лицо было, что называется, чёрным. Когда он как следует очнётся, он, вероятно, выплёт Ригномеру за самолично принятое решение возвращаться. Ну и пускай выплёт. Бойцовый Петух видел жизнь, попадал в разные переделки, бывал и на коне, и под конём и твёрдо усвоил, что значит выражение «пошёл по шерсть, а вернулся сам стриженный». Коли уж такое случилось, самое неумное, что можно предпринять, – это продолжать лезть на рожон. Если упорствовать, чего доброго, одной шерстью не отделаешься. Саму шкуру сдерут.

Пока, впрочем, Избранный Ученик был менее всего склонен кого-то за что-то ругать. Ригномер помнил, как нашёл его, ползшего на четвереньках. Жрец промахнулся-таки мимо лагеря и неминуемо вновь затерялся бы на Алайдоре, если бы Ригномер, рыскавший с факелом, по наитию не заглянул ещё за одну скалу и не наткнулся на кровавый след на камнях. Когда он подбежал к Хономеру, Избранный Ученик приподнялся и обратил к нему счастливое лицо человека, познавшего озарение свыше.

«Я понял, – с сияющими от восторженных слёз глазами сообщил он Бойцовому Петуху, подхватившему его на руки. – Я понял, зачем несовершенны наши священные гимны. Они и должны быть такими. Иначе мы увлеклись бы любованием красотой стиха и оставили без внимания главное. А так они суть лишь знаки духовного присутствия Тех, Кому посвящены, и в этой-то добровольной скудости их истинное величие».

Он говорил и говорил ещё, даже зачем-то приплёл резные деревянные образа, используемые языческими племенами для поклонения. Раньше, сколь помнилось Ригномеру, он неизменно издевался над их нарочитой незатейливостью, относя её на счёт убожества веры, а теперь по той же причине едва ли не ставил на одну доску с гимнами своего учения. Ригномер, со всех ног торопившийся к лагерю, не очень слушал его... «Может, – думал он теперь, – оно даже и хорошо, что не слушал! А то кабы не дождался, что Хономер, оправившись, припомнит крамолу своих бредовых речей и начнёт доискиваться, не было ли свидетелей. Так вот – не было!..»

Ригномер, твёрдо державшийся праотеческой веры, к Избранному Ученику Близицево тем не менее относился скорее с теплотой, во всяком случае, уважал его несомненное мужество. Однако на дороге у него становиться не собирался. И даже повода не собирался давать для того, чтобы жрец узрел его у себя на пути. Хономер из тех, кто перешагнёт не задумываясь. Видали мы, как это бывает.

Бойцовый Петух смотрел под ноги, шагая вниз по тропе, и оттого не видел, как далеко наверху, за спинами поезжан, из Зимних Ворот выползло облако, тихо плакавшее холодным дождём. Оно тянулось и тянулось вслед уходившим, словно рука, которая никого не собирается отпускать.

Утром Волкодаву долго не хотелось открывать глаза и возвращаться к бесчисленным заботам бодрствования. Его, впрочем, никто и не торопил, и он позволил себе немного поваляться под одеялом, благо Винитара рядом уже не было, а Шамарган ещё крепко спал, свернувшись калачиком, и легонько посапывал.

Ощущение мехового одеяла по голому телу было для Волкодава одним из обозначений блаженства. Наверное, оттого, что помимо слов говорило о полной безопасности и домашнем тепле. И ещё потому, что было оно, как и почти все иные знакомые ему определения счастья, родом из детства. Из той короткой поры, когда огромный солнечный мир был понятным и добрым, и все были живы и собирались жить вечно, и всё было хорошо...

Волкодав неслышно вздохнул, всё-таки вылез из-под одеяла и стал одеваться. В доме было тепло. Ни с чем не спутаешь это добротное, устоявшееся тепло живого дома, в котором год за годом каждодневно растапливают очаг!.. Так и кажется, что в этом доме непременно должно быть всё хорошо – и будет всегда...

Оставшись один, Шамарган бормотнул что-то, не просыпаясь, и перекатился, выпростав из-под одеяла руку и плечо. Раскрылась подмышка, и Волкодав, уже отворачиваясь, краем глаза приметил маленькую наколку. Настоящую – в отличие от той, что после купания в ледниковых речушках наверняка расплылась и истёрлась на груди лицедея. И такова была эта наколка, что Волкодав раздумал отворачиваться и внимательно присмотрелся, стряхивая остатки дремоты. Под мышкой у Шамаргана темнел необычного вида трилистничек.

Знак Огня, вывернутый наизнанку.

Это означало – угасшее пламя. Прекращённая жизнь.

Морана Смерть...

Нынче ночью под боком у Волкодава спал верный Богини Смерти, из тех, что даже под пытками на вопрос «Кто таков?» отвечали: «Никто...»

Понятно, такое открытие не особенно обрадовало венна, но, правду молвить, не особенно удивило его. Нет худа без добра: по крайней мере теперь кое-что делалось объяснимо. И само имя, верней, прозвище Шамаргана, переводившееся на родной язык Волкодава как «беспутный гуляка». И умение перевоплощаться, далеко превосходившее (насколько мог судить венн) обычные способности бродячих лицедеёв. И его искусство отравителя, которое Волкодаву сначала едва не стоило жизни, а потом его же и спасло, ибо грош цена отравителю, который не ведает противоядий от собственных зелий.

Вот, стало быть, ты у нас ещё каков, Шамарган. Что же не убил, хотя двадцать раз мог? Поленился? Или причина была?..

Волкодав поискал глазами свои вещи. Солнечный Пламень, вдетый в ножны, висел на столбе около ложа, и на кожаной петельке, притачанной к ножнам, спал завернувшийся в крылья Мыш. А вот уцелевшего деревянного меча нигде не было видно. Волкодав вышел из дому. Двор, как и положено хорошему сегванскому двору, спускался прямо к воде. Длинная полоса берега была заботливо расчищена от тростника и камней. В одном конце её Волкодав увидел трёх молодых сегванок, мывших посуду, а поодаль, ближе к причалу, как и ожидал, – Винитара. У того, надобно думать, после вчерашних мучений тоже трещало и жаловалось всё тело, но Боги выковывают вождей из особого сплава. Винитар и не подумал устроить себе поблажку, пока заживёт расшибленная спина. Вооружился деревянным мечом, позаимствованным у Волкодава, и совершал воинское правило, без которого не мыслит прожитого дня истинный воин. Правило, которым он себя трудил, весьма отличалось от того, к которому привык Волкодав, и венн, испытав невольное любопытство, отправился посмотреть.

Сделав шаг, он, однако, чуть тут же не остановился, подумав:

Кабы не решил – иду приёмы выведывать...

Но не остановился, здраво рассудив:

А не решит. Не таков.

К тому же он был не единственным любопытным, приблизившимся посмотреть упражнения Винитара. На краю причала, на пригретом утренним солнцем бревне, сидел Атавид, отец Атароха. Легко было сообразить, за что его прозвали Последним. Он был последним ребёнком,

брошенным в Поно́р и выловленным из озера жителями Другого Берега. Это произошло более тридцати пяти зим назад. Племя Закатных Вершин населяло свой остров ещё чуть не половину этого срока, но Атавид так и остался последним спасённым младенцем. Не потому, что времена изменились и увечных новорождённых стали выхаживать и жалеть. Просто крепкий и здоровый народ вроде сегванов, даже утесняемый ледяными великанами, не всякий год рождает калек. Тем более таких, как Атавид.

Его правая рука была длиной всего в пядь, а венчало её вместо обычной кисти с пальцами – нечто вроде ступни, мало пригодной для какой-либо работы. Как объяснял в шутку сам Атавид, произошло это, не иначе, оттого, что его брюхатая мамка вязала носки и слишком часто натягивала их на ладонь, вместо того чтобы примерять, как положено, на ногу. Волкодав ещё вчера за столом имел возможность заметить, что среди жителей старше Атавида было впрямь немало калек. И что, в отличие от иных собратьев по участи, виденных Волкодавом прежде, эти люди охочи были подтрунивать друг над другом и каждый сам над собой. И ещё: видимо, в награду за мужество судьба не распространяла увечья на их детей и внуков, не делала его родовым проклятием Другого Берега. От браков калек неизменно рождались здоровые и смышлённые ребяташки.

Вроде Атароха.

Волкодав подошёл к Атаvidу и, поздоровавшись, спросил:

– А где твой сын, почтенный? Боюсь, вчера я не успел его должным образом поблагодарить...

Атавид улыбнулся.

– Мой непоседа, – сказал он, – вчера так спать и не лёг. Чуть рассвело – снова в лодку, и только его видели. Тармаев наловить обещал. – И добавил с законной гордостью: – Никто не ловит тармаев лучше него. И никто не умеет так закоптить их, как Атарох!

Тармаем звалась местная рыба, внешне напоминавшая средних размеров сома: такая же хищная, бескостная и усатая. Те, кто пробовал тармаю копчёным, утверждали, что ничего более вкусного на всём свете нет. Нежная рыба таяла во рту, истекая ароматным жирком, от неё было невозможно оторваться, и в дальнейшем при одном упоминании о тармае человек неудержимо захлёбывался слюной. Ко всему прочему, копчёный тармаю изобывал последствия неумеренной выпивки не хуже знаменитого саккаремского шерха – пряного отвара из требухи – и так же даровал мужчинам любовную силу. Но, как водится, чудесное лакомство не являлось на стол легко и без хлопот. Хитрая рыба никогда не попадалась на удочку. И забивалась под непролазные коряги, умело избегая сетей. Добывали тармаев только ловушками. Особыми плетёнками, куда привлечённая запахом приманки рыбина могла заползти, а вот выбраться не получалось.

– Обычно, – сказал Атавид, – когда мы подаём тармаю гостям на пиру, мы предпочитаем не упоминать, что приманкой служит дохлая мышь. Которую, скучая в ловушке, он всегда успевает сожрать...

Вероятно, это было началом осторожных расспросов, ведь по тому, как ответит гость на подобную шутку, тоже можно судить кое о чём.

Винитар опустил меч и усмехнулся. Он сказал:

– И правильно делает. Когда же и попить, как не перед смертью!

Волкодав тоже усмехнулся – и промолчал. В своё время он целых семь лет провёл в таком месте, где крыса, убитая камнем, почиталась за великое лакомство.

– Мой сын, – продолжал Атавид, – отправился ловить тармаев в своё излюбленное место.

Тармаю водятся не только там, но выловленные в заливе Кривое Колено, по общему мнению, наиболее жирны...

– Наверное, – с самым серьёзным видом кивнул Винитар, – там водятся необычайно упитанные мыши...

Хозяин дома засмеялся.

– Именно, – сказал он. – Мой сын должен скоро вернуться: посмотрим, какова будет нынче его удача. Нас, может быть, скоро посетит кунс, и Атарох не намерен перед ним осрамиться!

Винитар снова взялся за рукоять и поднял меч перед собой, начиная новое упражнение.

– Кунс? – спросил он как бы даже с ленцой. – Прости наше невежество, почтенный, но мы ничего не знаем про вашего кунса.

– Наш кунс, – с охотой стал рассказывать Последний, – правит не только нами, своими кровными соплеменниками, но и иными, кто пожелал встать под его руку, а таких очень

немало, ибо хотя он гневлив и в гневе грозен, но всегда справедлив, как и следует благородному кунсу. Он уже видел свою пятидесятую зиму, у него есть достойные сыновья и не менее достойные дочери, которых он признал и должным образом ввёл в право наследования, но только теперь длиннородый Храмм вложил ему в сердце мысль о женитьбе. Люди говорят, он посватался к равной по знатности и богатству и теперь показывает невесте свои озёра и острова. Третьего дня охотники видели его корабль: должно быть, через ночь-другую он и к нам завернёт. Мы ему как-никак не чужие.

Воинское правило следует совершать в молчании, чтобы ничто не нарушало сосредоточения духа. Тем не менее Винитар снова подал голос:

– Этот ваш кунс... Он родился уже здесь или пришёл из Понора, чтобы стать вашим вождём? Меч в его руках свистел и плясал, рубашка на груди и спине лоснилась от пота, лицо же оставалось бесстрастно, как будто он единственно из вежливости поддерживал разговор, и лишь второе зрение, то самое, которым Волкодав привык наблюдать всполохи и потоки внутренней силы, позволяло венну судить об истинном состоянии Винитара. Его кровного врага снедало жгучее любопытство. И... робость.

– Нашего кунса, – с законной гордостью объяснил Атавид, – подобрали в озере в тот же год, что и меня, и сделали это жители нашей деревни. Поэтому мы и считаем его себе не чужим. До вас кунс был единственным, кто не оказался ни младенцем, ни стариком, ни калеккой. Но, в отличие от вас, он был связан по рукам и ногам. И оглушён. Ему было тогда столько зим, сколько сейчас моему Атароху...

Вот тут Волкодав заметил, что Последний приглядывался к Винитару прямо-таки с необыкновенным вниманием. Собственно, чего и следовало ожидать, ведь семейного сходства не утаишь. Наверняка пронизательный Атавид давно уже понял, что кое-кто из присутствующих во дворе в самом деле окажется здешнему кунсу отнюдь не чужим.

– Мальчишка происходил из рода вождей, – продолжал Атавид. – Люди поняли это по знакам на его одежде, а более по тому, как он храбро держался в воде, даже связанный и к тому же раненный ударом по голове. А потом нашлись старики, которые просто узнали его. Они подтвердили нам, что это вправду Вингоррих, сын кунса Вингохара, умершего тремя зимами ранее. Вот так у нас появился настоящий правитель. Теперь у нас истинный Старший Род, ничем не хуже других!

– Понятно, – кивнул Винитар. И ничего не добавил.

Атавид же задумчиво произнёс:

– Я иногда думаю: тот, кто теперь ведёт народ Закатных Вершин, какой он? Такой ли, как наш Вингоррих?

Сказано это было со смыслом, но Винитар промолчал. Волкодав решил его выручить.

– Скажи, почтенный... – обратился он к Атаvidу. – В Потаённую Страну ведёт не только Понор, есть и иные Врата. Люди ездят туда и обратно, не встречая препятствий... Если бы кто-то из вас, живущих здесь, вознамерился побывать на родине предков или, по крайней мере, что-нибудь разузнать, это не оказалось бы недостижимо!

Ещё не договорив, он понял по усмешке калеки, что, не желая того, коснулся давней, но отнюдь не изжитой обиды.

– Удобных Врат у нас здесь поблизости нет, – ответил велиморский сегван. – Пускаться в опасное путешествие и тратить несколько лет жизни ради вестей с родины, которая нас выкинула, как мусор!.. – Атавид шевельнул изуродованной рукой. – Нет уж! Если живущему в доме однажды взбредёт на ум проверить, не выбросил ли он случайно что-нибудь ценное, пусть сам наклонится и посмотрит!

– Ты очень разумно беседуешь, Атавид, – сказал Винитар. – Я встречал подобных тебе. Это люди, чьё тело претерпело ущерб словно бы в отплату за избыток ума. Мало чести кунсу, который избавляется от способных дать мудрый совет, а потом ведёт своё племя туда, где ждёт дурная судьба.

Имел ли он в виду своего отца, прозванного Людоедом, и его поход в венские земли?..

А ведь знай люди Островов

, подумалось вдруг Волкодаву,

что Понор – вовсе не поганая дыра на тот свет, а путь в славные и изобильные земли, если бы кто-то всё же вернулся и рассказал, не пришлось бы им таскать корабли по льду на

катках, переселяясь на Берег, и терпеть смертные муки, замерзая под пятой ледяных великанов. И кто первым отправился бы обживать новые земли, если не племя Закатных Вершин?.. И всё было бы по-другому, и не угас бы в лесах над Светынью маленький веннский род – Серые Псы...

А может, кто-то и возвращался, и пытался рассказывать, да люди не верили?..

У всякого хозяина душа горит скорее послушать рассказ о чудесных приключениях гостя. И уж в особенности если дом стоит в глухом углу вроде Другого Берега, а гость появился такой, что от его рассказа невольно ждуть многого. Но если видит хозяин, – пришлый человек почему-либо не готов начинать откровенную повесть, – настаивать грех. Лучше подождать, пока незнакомец осмотрится в доме и разговорится сам. А не разговорится – что ж, его право так и уйти, не открыв имени-прозвища и ничего о себе не поведав. Даже Богам случалось неузнанными скитаться среди людей, испытывая гостеприимство Своих земных чад. И все помнили, что бывало с теми, кто, движимый подозрительностью или неумеренным любопытством, силой пытался вытянуть у чудесных гостей, кто таковы.

Оттого Атавид, поняв, что светловолосый воитель с лицом близкого родича кунса никак не желает отзывать даже на явственные намёки, отступился без обиды и раздражения и стал просто смотреть, как тот плясал и кружился, вновь и вновь заноса тяжёлый деревянный меч... и, между прочим, тем самым о себе немало рассказывая. Сам Атавид никакого оружия, кроме рыболовной остроги, отродясь в руках не держал. И даже не потому, что увечье мешало. Просто не было необходимости. По озёрам и островам кругом деревни никогда не шалили разбойники, торговые пути, видевшие богатых купцов, пролегали весьма далеко, красть у здешних жителей было особенно нечего, а если кто и удумал бы злое, тот вряд ли легко миновал бы кунса Вингорриха и его молодцов в лёгких, быстрых лодьях. Однако глаза Атаvidу даны были не зря, он кое в чём разбирался и, узрев мастерство, способен был его распознать. И он безошибочно видел, что к нему припожаловал из Понора не просто воин, привычный сражаться. Это был вождь. И потомок вождей. Что будет, когда он встретится со своим... дядей по отцу, надобно полагать? И чем эта встреча родни отольётся его, Атаvida, деревне?..

Старейшина смотрел на упражнявшегося Винитара, подперев здоровой рукой подбородок. Во всяком случае, он ни в чем не мог упрекнуть ни себя, ни своего сына. Особенно – сына. А это было самое главное.

До прошлой ночи знакомство Волкодава со страной Велимор ограничивалось порубежным замком Стража Северных Врат семь лет тому назад. Крепость принадлежала Велимору, но стояла вне его границ, охраняя одно из знаменитых ущелий со скалами, смыкающимися над головой таким образом, что увидеть разом и привычный мир, и Потаённую Страну никому ещё не удавалось. Помнится, в то время жизнь подкинула Волкодаву с избытком разных невесёлых забот, а потому, находясь совсем рядом, в удивительном ущелье он так и не побывал. И вот теперь он опять соприкоснулся с Велимором, и опять подле него был кунс Винитар... Волкодав сидел на заднем дворе, греясь на ласковом послеполуденном солнышке, и размышлял, было ли это случайным совпадением. Может, Боги тыкали его, как щенка, носом в одну и ту же лужу, а он, бестолковый, всё не мог уразуметь, чему его хотят вразумить?.. Пахло сквашенным молоком. Под свесом крыши бревенчатого амбара висело несколько объёмистых бурдюков. В них отделялись от сыворотки плотные сгустки: готовился знаменитый козий сыр, который никто, даже народы прирождённых пастухов вроде халисунцев, не умели готовить так, как сегваны. И при этом жителям Другого Берега, выходцам с голодных Островов, была присуща ценящая веннами добродетель бережливости. У них ничего не пропадало даром, в том числе сыворотка, которую в том же Халисуне в лучшем случае отдали бы свиньям. Только дома у Волкодава из этой сыворотки напекли бы на всю деревню оладий или блинов. А здесь скорее всего оставят бродить и сделают хмельной напиток...

С той стороны амбара доносился перезвон струн и голос Шамаргана, сопровождаемый хихиканьем девок. Шамарган пел по-сегвански, словно прирождённый сегван. И баллада была из тех, что любили на Островах: про то, как Храмн, кунс всех Богов, явился соблазнять

синеокою Эрминтар и какое препирательство вышло у него с упрямой красавицей. Вот только Волкодав, слыхавший в разное время немало сегванских баллад, от величественных до вполне непристойных, именно этой что-то не припоминал. История гордой Эрминтар, ответившей отказом величайшему из небожителей, была вывернута забавным и неожиданным образом. Распалённый страстью Бог так и этак расписывал свою постельную удаль, не впадая, впрочем, в похабщину, а Эрминтар всякий раз находила, чем его срезать.

«Ты думаешь, лишь борода у меня велика?
Потом не захочешь и знать своего муженька!» —
«Большая колода – большой и безжизненный груз,
А маленький шершень как цапнет – седмицу чешушь!»

Волкодав рассеянно слушал. Насколько ему было известно, ещё лет двадцать назад о Богах-Близнецах складывались песенки, наперченные куда как покруче той, что распевал Шамарган. Причём складывались самыми что ни на есть горячими поклонниками Двуетиных. Про то, например, как Смерть решила известить Близнецов и, обернувшись молодой женщиной, отправилась за их головами. Да только Братья, не растерявшись, взяли красавицу в оборот, и так ей понравились их объятия и поцелуи, что Незваная Гостья не только оставила Близнецов до срока в покое, но и стала с тех пор иногда давать пощаду влюблённым... Теперь всё изменилось, и песни стали другими. Теперь на острове Толми, в самом главном святилище, сидели люди, должно быть ещё в детстве разучившиеся смеяться. Нынешнее поклонение было предписано совершать сугубо торжественно и коленопреклонённо. В храмах без конца рассуждали о мученической гибели Братьев, ни дать ни взять забыв в одночасье, что кроме мгновения смерти была ещё целая жизнь, и её, эту жизнь, наполняло всё: и великое, и страшное, и смешное. Так вот, с некоторых пор было разрешено вспоминать лишь о возвышенном и скорбном. А за шуточки, в особенности малопрстойные, запросто и в Самоцветные горы можно было угодить. Волкодав в глубине души полагал, что глупее при всём желании трудно было что-то придумать. Что же это за вероучение, которое изгоняет из себя смех? И долго ли оно такое продержится?.. Ведь сильные и уверенные в себе всегда охотно смеются, не обижаясь на остроумную шутку. И, наоборот, знаков раболепного почтения требует лишь тот, у кого мало причин для уверенности, что его действительно чтят.

«Я тысячу раз до рассвета тебя обниму.
Две сотни мужей не соперники мне одному!» —
«Звенит комариная рать мириадами крыл,
Но взмахом орлиным разогнана мелкая пыль». —
«Божественный огонь мой неистовый жезл изольёт,
Гремящая молния в лоне твоём пропоёт!» —
«Не молния греет, но милый очажный огонь.
А гром – ну ты помнишь, чему уподобился он».

Девчонки, окружавшие лицедея, дружно залились смехом. Все помнили, какое словцо в вежливой беседе заменялось словом «гремять».

Солнце дарило тепло, изгоняя из костей холод, принесённый с острова Закатных Вершин. Вот что интересно, думалось Волкодаву. Мир Беловодья, где мне выпало попутешествовать, похож на мой собственный почти как близнец. Зато люди там живут другие. Ну, то есть не совсем другие, но как бы отсеянные. Беловодье принадлежит тем, кто возвысился до духовного запрета на отнятие человеческой жизни. Меня по большому счёту, наверное, не стоило туда пропускать... А Велимор населён самыми обычными людьми, дружелюбными и не очень, потомками тех, кто в разное время просто забрёл сюда и остался жить... да только сам Велимор на наш мир не

похож несколько. Вместо холодного моря и стынущих во льду Островов – что-то вроде Озёрного края в Шо-Ситайне, куда я так и не дошёл. Хорошо хоть такие же ёлки растут, не то что в какой-нибудь жаркой стране, населённой чернокожими... И это небо. На Островах в летнюю пору день от ночи не разберёшь, а тут – чернота и в ней созвездия, даже отдалённо не сходные с нашими. Днём разница незаметна, зато ночью сушая жуть... Почему?..

Волкодав в который раз пожалел, что рядом не было учёных путешественников вроде Тилорна или хоть Эвриха. Уж они бы, наверное, сразу истолковали причину. Особенно Тилорн, числивший свою родину возле одного из неведомых солнц. Вот кто всё знал про звёзды. «Вселенная полна движения, – когда-то рассказывал он Волкодаву. – Неподвижность не свойственна существу. То, что мы в своей повседневной жизни принимаем за неподвижность, есть лишь кажимость. Вековые скалы на самом деле мчатся вместе с Землёй быстрее всякой стрелы: всегда найдётся точка, с которой это будет заметно. И даже звёзды не стоят на месте, друг мой, хотя бы нам так и казалось. Просто их движение столь непомерно величественно, что мы в мимолётности нашей жизни не способны за ним уследить. Но, если бы мы составляли подробные карты небес хоть через каждую тысячу лет, мы увидели бы, как постепенно меняется рисунок созвездий...»

Волкодав почесал затылок и стал задумчиво смотреть на ворону, подобравшуюся к самому большому бурдюку. Неожиданная мысль посетила его. А что, если здешнее небо – то же самое наше, но только... как бы это сказать... отнесённое по времени? Что, если удар Тёмной Звезды, вышибивший друг из друга три мира, не только перекроил пространство и придал Беловодью его особые свойства, но и странным образом исказил время, оставив Велимор болтаться на пуповинах нескольких Врат, хотя в действительности время здесь отличается от нашего на тысячелетия?.. И знать бы ещё, вперёд или назад?.. Может ли быть такое вообще?..

Продолжая рассеянно наблюдать за вороной, Волкодав положил себе нынче же ночью постараться найти хоть какие-то знакомые звёзды и, если удастся, попробовать зарисовать их здешнее окружение. Вдруг представится случай показать рисунок тому же Тилорну? Или другому достославному мудрецу, толкователю звёзд, который возьмётся проверить догадку?.. Это было бы весьма интересно, ведь даже у Зелхата Мельсинского «другие» небеса Велимора просто упоминались как данность, а попыток объяснения не делалось... Ворона обосновалась на бурдюке, хитро покосилась на венна – и, примерившись, долбанула клювом по туго натянутой коже. Бурдюк, конечно, был прочным, но надо знать силу удара вороньего клюва. И сообразительность птицы, безошибочно определившей на плотном мешке местечко потоньше. Бурдюк словно шилом пырнули. Вырвалась тонкая, как спица, длинная блестящая струйка. Она ударила в обширный лист лопуха, произведя резкий шлепок, и лист покачулся. ...И Волкодав мгновенно забыл все свои рассуждения о чудесах небес Велимора и даже рисунок, предназначенный для показа учёному звездослову. Спасибо им, этим рассуждениям, на том, что они, как воинские правило, которое готовит тело для боя, разогнали его мысль, подготовили разум к восприятию гораздо большей и важнейшей догадки. Спасибо им – да и позабыть. Пусть другой кто додумается, а нет, и не важно. Ибо все звёзды Велимора не стоили выеденного яйца рядом с тем великим откровением, которое только что на него снизошло.

Пещера. Дымный чад факелов... Шипение, грохот и страшные крики людей. Тонкие, прозрачные лезвия подземных мечей, разящие из трещин в стенах и полу. Облака горячего, невозможно горячего пара. Брызжет и растекается вода, неизменно появляющаяся вслед за мечами...

Нет, не вслед! Те мечи и БЫЛИ ВОДОЙ! Ледяной зал в Бездонном Колодце. Арки, колонны, столбы, замысловатые наплывы застывшей воды. Но не той, что стекала сверху потоком. «Она била снизу!» – удивлялся Тиргей. Голова халисунца Краклея Безносого,

вмёрзшая в лёд. Голова, срезанная с плеч... нет, не клинком подземного Божества, оскорблённого вторжением в заповедные недра. Человеческую плоть рассекла струя воды. Совсем как та, что бьёт наружу из бурдюка. Только здесь всего лишь козья шкура с будущим сыром внутри. А под Самоцветными горами – напряжённый гнойник Земли, обманчиво затянутый сверху камнем и льдом. Если на человеческом теле проколоть вызревший чирей, его содержимое и то вырвется стружкой. А тут – Земля!.. И её гной – чудовищно стиснутая и накалённая вода подземных мечей. Там, под горами, в расколотой глубине не первое тысячелетие тает Тёмная Звезда. Я видел её падение, когда лежал у Винитара на корабле и моя душа совсем было покинула тело. Зря её саккаремцы называют Камнем-с-Небес. Надо было – Льдиной-с-Небес...

Почему я раньше не догадался?

И почему не догадались другие, умней меня и гораздо учёней?

Двери, тяжёлые ворота, отлитые из несокрушимой бронзы, притащенные на двадцать девятый уровень и установленные у входа в опасный забой. Хозяевам рудников следовало благодарить за те бронзовые створки всех Богов сразу. Они удержали напор водяных мечей толщиной в человеческий волосок и не выпустили погибель наружу.

В тот раз Самоцветные горы остались стоять.

А вот если бы вырвался Меч толщиной с саму эту дверь...

Истинную правду говорят люди, утверждая: слишком умные долго на свете не живут. Они либо отравляются собственной премудростью, не умея передать её другим людям, словно неудачливые кормилицы, у которых перегорает оставшееся невостребованным молоко... либо им помогает покинуть сей мир кто-нибудь не столь высоко устремлённый умом, но зато гораздо более приспособленный к жизни. Сколько Волкодав в своё время втихомолку посмеивался над Эврихом, который вечно забывал смотреть под ноги, и не только в переносном смысле, но и в самом прямом... Посмеивался, ведать не ведая, что однажды и сам поведёт себя в точности так же!.. Он даже вздрогнул, запоздало сообразив, что уже некоторое время слышит за спиной близящиеся шаги, слышит – но ничего по этому поводу не предпринимает, даже не оборачивается. Он обернулся и увидел Винитара.

Сын Людоеда протянул ему, возвращая, его деревянный меч. Волкодав обратил внимание на то, как он это проделал. Если судьба приводит передавать меч – всё равно, деревянный или стальной – человеку, которого не хочется оскорблять, но от которого и неизвестно, чего можно дожидаться, меч дают ему по крайней мере так, чтобы не сумел сразу схватить и ударить: черенком под левую руку. Так поступают все воины. Деревянный меч, очень грозное на самом деле оружие, покоился на ладонях сегвана рукоятью Волкодаву под правую руку. Знал ли Винитар, что венн обеими руками владел одинаково хорошо?.. Может, и знал. Но отдавал меч, как отдают его только старшему или равному, и притом заслужившему всяческое доверие. Волкодав поклонился и взял.

– Старейшина беспокоиться начал, – сказал молодой кунс. – Сыну его давно бы пора возвратиться, а мальчишки ни слуху ни духу.

К вечеру беспокойство старейшины Атавида переросло в снедающую тревогу. Молодые сегваны, ровесники Атароха, приготовили лодки, чтобы с рассветом отправиться на поиски. Пустились бы и прямо сейчас, да боялись разминуться с ним в темноте, если он всё-таки возвращался. И, главное, было не очень понятно, где вообще его следовало искать.

– Может, у него ловушки оказались пустыми, – пыталась утешать Атавида старшая дочь. – Он и перебрался куда-нибудь, где лов сулил оказаться удачней...

Атавид пробурчал что-то в том духе, что, мол, с сыном он по его возвращении вот уже поговорит, да так, что тот пару седмиц потом в лодке будет грести единственно стоя. Волкодав слушал разговоры сегванов и не встречал. По его глубокому убеждению, на поиски следовало отправиться уже давно. И притом с собаками, обученными вынюхивать человеческий след. Они хоть в тридцать третьей по счёту бухточке на берегу, но рано или поздно что-нибудь да учуяли бы. И вообще венн исполнился самых скверных предчувствий. Если такой обязательный и крепкий на слово парень, каким знали Атароха, вдруг пропадает неизвестно куда, отправившись по пустяковому делу, добром это обычно не кончается. Но старейшина был всего менее склонен спрашивать мнение гостя, и Волкодав помалкивал. Милостью Богов, ещё, может, всё обойдётся. Да и, если подумать, не имели хозяйские тревоги большого касательства до троих переходящих людей, готовых хоть завтра отправиться с Другого Берега дальше...

Когда совсем сгустились сумерки, у кромки озера разложили большой костёр. Чтобы Атарох мог увидеть его с воды и вернее направиться к дому. И ещё затем, что до утра всяко никто не собирался ложиться, а у живого огня, как известно, коротать ожидание всегда веселей. Довольно скоро в дальних отсветах появилась остроносая лодка, и люди с радостными криками побежали прямо в мелкую воду – встречать. Однако радость длилась недолго. Это оказался не Атарох, а всего лишь седобородый старик из соседней деревни. Он выбрался из лодки, держа под мышкой жалобно поскуливающего щенка.

– Я на Земляничный остров ездил за ягодами, там нашёл. Ещё и в руки дался не сразу, напугали его... Ваш вроде?

Жалко было смотреть на враз помертвевшего Атавида. Уезжая утром, его сын взял с собой неизменную спутницу, лайку Забаву. И её щенка, малыша Звонко, оставленного из последнего помёта на племя.

Спущенный с рук наземь, Звонко сперва беспокойно завертелся на месте: где оно, привычное ощущение уютного и безопасного логова? Куда приткнуться на знакомом дворе, если рядом больше нет ни мамки, ни хозяина?..

Потом, будто что-то услышав, он насторожил уши и затрусил прочь от воды. Там, за костром, припав на одно колено, сидел Волкодав. Сидел и смотрел на щенка, и кое-кто из видевших клялся потом, что глаза у него светились, отражая огонь. А тень за спиной вздрагивала, вытягивалась и металась, делаясь временами жутковато похожей на тень сидящей собаки. Подбежав к венну, Звонко не повалился перед ним на спину, отворачивая мордочку, как обычно делают щенки, повстречавшие старшего пса. Он привскочил передними лапками ему на колено и затыкал, глядя прямо в глаза. Оторопело смотревшим сегванам сделалось холодно: щенок что-то рассказывал человеку, – или не совсем человеку? – только вчера выловленному из Понора. Волкодав протянул руку, провёл ладонью по его голове, по ушам... Поднял глаза, вновь блеснувшие звериной зеленоватой бирюзой, и медленно выговорил:

– Твой сын теперь у Небесного Отца Храмна и у Матери Роданы, Атавид.

Страшные это были слова и такие, которым человек до последнего отказывается поверить, оберегая призрак надежды. Но здесь, у костра, они прозвучали как-то так, что старейшина сразу понял: сказана правда. Надеяться не на что.

И кто только выдумал дурацкое присловье про беду, которая «постучалась»-де в дом? Если бы она стучалась, предупреждая о себе и испрашивая позволения войти!.. Нет, она просто выламывает двери, даже запертые самыми крепкими засовами: любовью родительской да братской...

В мире Волкодава и Винитара сегваны, переселившиеся на Берег, ещё говорили на родном языке, не признавая иных. Но двадцать восемь разных наименований для разных волн помнили только некоторые старики. Молодые говорили просто «волна», хотя раньше такое было немислимо, да и слова-то, обозначающего «волну вообще», почитай что и не было.

Язык велиморских сегванов не испытал столь прискорбных утрат. Более того, они упорно именовали свои озёра «морями», а лодьи вооружённой свиты своего кунса – «косатками». Хотя правильнее, пожалуй, было бы называть их «щуками». Для плавания среди Малых Островов не требовались большие корабли, способные противостоять океанским штормам. Да и тесновато было бы им в узких затоках и извилистых, мелководных проливах. Люди кунса Вингорриха

ходили на узких, вёртких, но при этом довольно вместительных лодках, а настоящая «косатка» имела всего одна. Морской народ выстроил её очень, очень давно, когда кое у кого ещё были мысли вернуться. Но с тех пор, как выяснилось, что морских Врат, ведущих из Велимора и способных пропустить судно, ещё не разведано, – её стали тревожить плаванием всё реже. «Косатки» строятся на века, однако никакой корабль долго не проживёт вытасканным на сушу. Наверное, злополучная «косатка» так и разохлась бы в сарае, не видя солнца и ветра. Но появился юный кунс Вингоррих, и, когда спасённый из озера отрок повзрослел и люди Малых Островов снова обрели предводителя, да не какого-нибудь, а из хорошего Старшего Рода, – у «косатки» снова завёлся хозяин. И хозяин, по общему мнению, очень достойный. Во всяком случае, Винитар, глядя с подходившей к берегу рыбацкой лодки, ревниво оглядел стоявший у причала корабль – и не нашёл повода для придирки. Остров, где остановился кунс, назывался Шесть Ёлок. Легенда гласила, что люди, первыми побывавшие здесь в стародавние времена, немало подивились шести деревьям, росшим из одного могучего корня. Раз нашлось чему удивляться, значит, ели уже тогда были пышными и высокими. С тех пор миновали века, и кто сказал, будто ель живёт всего триста лет? Шесть красавиц по-прежнему лишь посмеивались над снегопадами и ветрами, а подгнивать и валиться вовсе не собирались. Понятно, именно под ними и должен был совершиться кунсов суд. На острове уже знали, что с Другого Берега едут за справедливостью, ибо совершилось убийство. Винитар пристально смотрел вперёд, стараясь высмотреть родича, но того пока нигде не было видно.

Когда Волкодав передал
рассказанное

ему щенком, и чуть позже его повесть самым плачевным образом подтвердилась в малейших подробностях, – старейшина Атавид, у которого в одну ночь зримо прибавилось седины, прямо над телом сына едва не проклял троих пришлецов, ни дать ни взять накликавших ему несчастье. Так шады Саккарема когда-то казнили гонцов, доставивших скверные вести.

«Атарох был нам не чужим, – сказал старейшине Винитар. – Не назовут люди достойным, если его гибель останется неотомщённой. Убийцу видели, значит, найдётся и способ воздать ему по заслугам».

«Видели?.. – с горестным смешком переспросил Последний. – Кто видел? Щенок?..»

«Разве этого не довольно для справедливости? – подал голос Волкодав. – Когда дворовый пёс хватается грабителя, никто не говорит, что там должен быть ещё и хозяин...»

Атавид отмахнулся:

«Ты хочешь, чтобы я и кунса заставил принять такое свидетельство?»

«Перед ним, – сказал Винитар, – я сам встану, если ты мне позволишь. Я знатного рода, старейшина. Меня называли боевым кунсом, и я не случайно попал на остров Закатных Вершин, а там и в Понор. Ваш Вингоррих – дядя мне по отцу».

«Об этом я и сам уже догадался...» – устало кивнул Атавид.

Винитар же подумал и добавил:

«И я не побоюсь рукопашной, если справедливостью кунса дело не ограничится и потребуется призвать справедливость Богов».

Атавид снова кивнул, на сей раз с пробудившейся благодарностью. Вот так и было решено проверить, стоил ли кунс Вингоррих тех тармаев, которых наловил для него Атарох и которые валялись рядом с его телом, раскиданные в траве.

Рыбачья лодка причалила к берегу, встав совсем рядом с великолепной «косаткой».

Для предводителя под сенью праведных ёлок было уже устроено нечто вроде столыца. Согласно установлениям предков, им служила скамья гребца, снятая с «косатки» и возложенная на два деревянных обрубка. Установление было мудрым. Пусть тот, кто выносит приговор, забывая о чести, не надеется на верную службу своего корабля!

Когда приехавшие выбрались на берег и должным образом расселись на земле, кунс вышел к ним из палатки.

– Помнишь, как люди когда-то смеялись над нами, севанами? – поздоровавшись, сказал он Последнему. – Они говорили, будто у нас есть сказания про любовь, вражду и всякие смешные похождения, но нет самых забавных – про то, как было содеяно преступление и разыскивали виновных. Это оттого, что у нас убивший всегда выходит к ближнему двору и подробно рассказывает, что он сделал и почему. Так вправду и было когда-то. Но теперь у нас тоже завелись не-мужчины-не-женщины, которые убивают исподтишка и бегут, никому не открывшись!.. Что же произошло с твоим сыном, старейшина?

Кунс был крупным светлорылым мужчиной, очень похожим на своего младшего брата, прозванного Людоедом, только, в отличие от брата, Вингоррих не нажил к зрелым годам вислого брюха, сохранив и воинскую статью, и осанку вождя.

Атавид ответил ему так, как у него было уговорено с Винитаром:

– Горе лишает мои мысли ясности, благородный кунс, а язык – красноречия. Позволь, вместо меня станет говорить другой, тот, у кого получится лучше.

Винитар поднялся рядом с ним, прямо глядя на кунса.

– А ты кто ещё, парень? – спросил Вингоррих. – Что-то я тебя не припомню!

– Ты и не можешь помнить меня, – ответил ему Винитар. – Потому что я родился на нашем острове спустя годы после того, как ты был сброшен в Понор. Люди зовут меня Винитаром, сыном кунса Винитара, называемого также Винитарием, с острова Закатных Вершин.

Нельзя утверждать, чтобы Вингоррих при этих словах совсем не испытал потрясения или сумел полностью его скрыть. Однако оправился он гораздо быстрее, чем можно было бы ожидать. Он сказал:

– То-то я смотрю, больно рожа знакомая, вот только понять не мог почему!.. За что же тебя скинули в Понор, родич? Наверное, у тебя тоже завёлся младший брат, возжелавший статью кунсом? Или, может быть, с отцом не поладил? Если он поднял руку на брата, значит, и от сына избавится не задумываясь...

Речи Вингорриха хлестали крапивой, но Винитара было очень трудно смутить. Ему случалось водить в морской бой «косатку» – чего его дяде, надобно думать, не доводилось ни разу. Он служил Стражем Северных Врат Велимора – опять же в отличие от дяди, очень редко покидавшего Малые Острова... У него только скулы резче обозначились на лице. Он ответил:

– Мой отец увёл племя на Берег, но это не принесло ему удачи, и семь зим назад он был убит. И меня не скидывали в Понор, я шагнул туда сам. И ещё, помнится мне, кунс, мы собрались здесь, чтобы справедливо рассудить об убийстве, а не болтать о нашем с тобой родстве.

Это был очень дерзкий ответ. Иные после рассказывали, что даже священные ёлки укоризненно зашумели ветвями, колеблемыми ветерком. Люди Вингорриха, широким полукольцом рассеявшиеся по другую сторону дерева, стали переглядываться, переговариваться, качать головами. Они не припоминали, чтобы их кунсу кто-либо так отвечал. Два его старших сына, ровесники Винитара, сидевшие с воинами, даже вскочили на ноги – заступиться за батюшку, словом ли, силой ли вооружённой руки... Более разумные схватили их за одежду, уговорили вновь сесть.

Что до самого кунса, он понял то, что следовало понять. Не мальчик стоял перед ним, племянник, дитя преступного брата, которого он наконец-то принудит держать ответ за отца. Перед ним стоял равный. Зрелый мужчина, вождь воинов. И считаться с ним следовало как с вождём.

И Вингоррих бросил сквозь зубы:

– Излагай своё дело.

– Юный сын старейшины Атавида, звавшийся Атарохом, отправился в лодке проверить ловушки, поставленные на тармаев, – заговорил Винитар. – Две ловушки оказались пустыми, и он, сменив в них приманку, решил подождать. Этих рыб он хотел закоптить к твоему приезду, кунс. Но накануне в деревне выдалась очень беспокойная ночь, и никто не назовёт признаком слабости то, что отрок уснул в траве под кустом. Следует ещё рассказать, что с Атарохом была его лайка Забава. И щенок от неё по имени Звонко. Сын старейшины проснулся от лая и визга и увидел, что к песчаному берегу неподалёку причалила лодка, а в лодке – знатная госпожа и с ней воин. Госпожа пожелала выкупаться, и к её одежде подобрался любопытный щенок. Воин поднял его за шиворот и вертел так и этак, лайка же, беспокоясь о своём малыше, бегала кругом них и жалобно лаяла, умоляя отпустить сына...

Атавид слушал молча, опустив голову. Винитар вправду излагал дело куда более складно, чем получилось бы у него самого. Последний почувствовал, как начали жечь глаза слёзы. «Я непременно снова женюсь, – подумал вдовый старейшина. – Мы родим ещё детей, и старшего сына я назову Атарохом...»

Он сидел, опустив голову, и не видел, как при упоминании о знатной госпоже потемнел лицом Вингоррих. Знатная госпожа на несколько дней пути окрест была только одна.

В отличие от старейшины, Винитар видел всё.

– Атавид подошёл к воину и попросил отдать щенка, потому что его собаки, не имея в сердцах зла против людей, ни в чём не могли провиниться, – продолжал он ровным голосом. – «Щенка пожелала взять госпожа, – отвечал ему воин. – Пусть будет ей забавой». Атавид сказал ему, что для госпожи найдётся семь раз по семь других щенков, гораздо забавнее, красивее и пушистей, но именно этого отдать никак невозможно, потому что он особенный. «Ах, особенный? – засмеялся воин. – Тем лучше». Тогда Атавид хотел выхватить у него лайчонка, но воин отмахнулся, ударив его по лицу. Атавид отлетел и упал, угодив виском на торчавший корень, и от этого ему пришла смерть. Сука же Забава, видя гибель хозяина, бросилась на мужчину и укусила его за руку. Воин пнул её ногой, чтобы отогнать. Сапог сломал ей рёбра, и осколки достигли сердца, и от этого ей пришла смерть. Но прокушенная рука ненадолго разжалась, щенок упал на землю и убежал. А госпожа с воином сели в лодку и отчалили прочь. Вот так, справедливый кунс, были убиты сын старейшины и добрая лайка, и только из-за того, что госпоже приглянулся щенок.

Винитар замолчал. Стало тихо. На священных ёлках не шевелилась ни единая хвоинка. Такая тишина бывает перед грозой, когда низкое небо вот-вот вспорет первый раскат.

– Что же это за высокородная госпожа, о которой ты говоришь? – хмуро осведомился Вингоррих.

– Её имя ни разу не прозвучало там, на берегу, справедливый кунс. Но волосы у неё были покрыты красно-жёлтой бисерной сеткой. И, когда они отплывали на лодке, воин поставил парус, раскрашенный алыми и жёлтыми треугольниками.

Велиморцы стали переговариваться громче прежнего. Они-то знали, что в нескольких сотнях шагов, там, где на удобной зелёной поляне раскинулся нынешний лагерь кунса, стоял красно-жёлтый шатёр. А в шатре дожидалась жениха государыня Алаша, дочь кониса нарлаков, исстари обосновавшихся на Западном берегу. Красное и жёлтое были цветами его стяга. И, ясное дело, у знатной невесты была своя свита, снаряжённая заботливым батюшкой. И в той свите среди усердных слуг и почётной охраны, скучавшей в мирном краю, имелся телохранитель Имрилл. Не далее как третьего дня сменивший привычную нарлакскую кожаную безрукавку на рубашку с полными рукавами. Его, конечно, не спрашивали о причине. Но теперь кое-кто припомнил задним числом, что Имрилл вроде как берёт левую руку...

У кунса Вингорриха было лицо человека, уже привыкшего к мысли об исполнении некоей приятной мечты, – и нате вам пожалуйста, в последний миг является кто-то со стороны и своей злой волей всё рушит.

– Позвать сюда Имрилла! – рявкнул он, обращаясь к сыновьям. Именно к сыновьям, хотя кругом полно было воинов и прислуги, готовой бежать по его первому слову, ибо на кого же в злосчастии опереться родителю, как не на взрослых детей?.. Сыновья исчезли в лесу, а кунс вновь повернулся к неподвижно стоявшему Винитару, чтобы спросить с горечью: – Ты понимаешь хоть, на кого возводишь поклёп?..

– Понимаю и сожалею, родич, – отвечал Винитар. – Но зло уже совершилось, и его не отменишь. Можно лишь остановить его, чтобы не множилось оно на этой земле.

Вингоррих пристукнул кулаком по корабельной скамье, на которой сидел:

– Да кто он, ваш изветник?

[8]

Тот, кто якобы всё видел и слышал, но из-за лени и трусости не вмешался и ничего не сделал?..

Винитар оглянулся, и жители Другого Берега расступились, пропустив вперёд девушку в наряде невесты. Как полагалось на Островах, её голову покрывал волосник, связанный бережно хранимым прабабкиным костяным крючком из шерсти белой овцы, но, в отличие от полного

убора мужатой, лишь обрамлял лицо, не пряча волос. Да и волосы не были связаны тугим сложным узлом, оберегающим счастье замужества, а свободно падали светлыми волнами чуть ли не до колен. На самом деле бедный Атарох в свои пятнадцать зим если и задумывался о женитьбе, то разве что очень издалека. Однако теперь это не имело никакого значения. По вере сегванов, если мужчина покидал земной мир неженатым, подобная неполнота земных дел не давала ему достигнуть Небес, обрекая на бесприютные скитания в сумеречных краях. Поэтому, если умирал парень, ещё не познавший жены, его погребение становилось одновременно и свадьбой. Ему избирали невесту, которая после называлась его вдовой; когда впоследствии она выходила замуж, её первый сын считался ребёнком умершего. Где-то в иных краях, особенно в старину, считалось праведным делом, когда избранная посмертной женой шла за мужем в могилу, но закон Островов был мудрей. Жители суровых побережий, чьих мужчин часто забирал к себе океан, почитали наихудшим несчастьем гибель наследников и прекращение рода.

Та, что у погребального костра Атароха стала ему невестой перед людьми и Богами, минувшей зимой плясала с ним на празднике Нового Солнца. И, может быть, успела разок почувствовать у себя на щеке его робкие губы. Теперь она стояла рядом с Винитаром, бледная от волнения, решимости и страха, и держала на руках щенка. Лайчонка Звонко, сына суки Забавы.

Кулак кунса Вингорриха вновь тяжело опустился на твёрдое дерево корабельной скамьи: – И это весь ваш свидетель? Блохастая собачонка?..

Из леса появились его сыновья и с ними Имрилл. Нарлак шёл с понятной неохотой телохранителя, вынужденного оставить вверенного его попечению человека.

Винитар покачал головой и сказал дяде:

– Не следовало бы тебе срамословить того, в ком кровь поколений стражей Понора. Если бы не такие, как он, Малые Острова назывались бы теперь по-другому. Его предок когда-то залаял на берегу и позвал людей на подмогу тебе, кунс.

Вингоррих зло прищурился:

– Стало быть, ум ваших лаек простирается так далеко, чтобы понимать все речи людей? Да ещё и внятно рассказывать о том, что выпало повидать?

Винитар и на это готов был ответить. Он сказал:

– Говорящих собак я пока не видал, но людям кажется, будто собака запоминает и то, что поняла, и то, чего понять не сумела. И ещё есть знающие, кто, однажды поглядев человеку в глаза, сразу может многое рассказать о его прошлом. У нас же нашёлся тот, кто посмотрел в глаза щенку и обозрел его память. – Помолчал и добавил: – Храмн, наш Небесный Отец, всегда видит неправду. И всегда посылает свидетеля, чтобы дать нам возможность совершить справедливость... А уж как мы поступим с этим свидетелем и сумеем ли услышать его, зависит от нас.

Имрилл между тем оглядывал собравшихся. На лице у него было недовольное недоумение. Его хмурый взгляд задержался на чёрно-белом щенке. Звонко сразу ошетинился, обнажая молочные зубы во взрослом оскале, никак для детский мордочки не предназначенном.

– Покажи левую руку! – мрачно потребовал кунс Вингоррих.

Имрилл был уже не особенно молод. Оно и понятно: если к знатной красавице, невесте умудрённого годами вельможи, приставить охранником видного собою юнца, люди непременно начнут болтать всякое лишнее. В волосах и кудрявой бороде могучего нарлака, примерно ровесника кунса, застряло уже порядочно снега, но телесная осень ни в коей мере ещё не коснулась его. Наоборот – самая мужская пора. Быть может, немного убавилось молодого проворства, но с мальчишеской прытью повыветрилась и глупость, зато силы и опыта – хоть отбавляй. В таком возрасте мужчины женят выросших сыновей и с нетерпением ждут внуков. Но их самих ещё вполне считают за женихов, и некоторые девушки даже находят, что такой муж много лучше неоперившегося, ненагулявшего юнца. Ростом Имрилл был не великан, но выглядел кряжистым, словно дубовое корневище, волосатые запястья такие, что пальцами одной руки не вдруг и обхватишь. Атавид смотрел на него, мучительно кусая губы, и всё представлял, как эта ручища наотмашь ударила его сына, сбив с ног. Быть может, Имрилл и не хотел убивать. Даже скорее всего, что не хотел. Просто отмахнулся, точно от назойливого комара. Прихлопнул, как муху. И вспоминал потом не чаще, чем о какой-нибудь мухе. Пока не призывали на суд.

Да и теперь он, кажется, не особенно волновался.

Спокойно поднял рукав, и обнажилась повязка. Жители Другого Берега глухо загудели, видя зримое доказательство своих обвинений.

– Покажи рану, – последовало новое требование кунса.

Имрилл пожал плечами и размотал полоску полотна. Все напряжённо смотрели. На руке чуть пониже локтя чернело несколько засохших полос. Они ничем не напоминали собачий укус.

– Где руку попортил? – отрывисто спросил Вингоррих.

Имрилл снова пожал плечами:

– На лодке возился... гвозди торчали.

По мнению Винитара, человек, наделённый отменным самообладанием, – а кому обладать собой, если не телохранителю? – вполне был способен иссечь себе тело острым концом ножа, превращая следы лаячьей пасти в самые обычные борозды глубоких царапин. Таких, какие действительно могут оставить острые гвозди, на которые, не зная, налетела рука.

– Да что ж за лодка у него? – выкрикнул кто-то, стоявший за спиной Атавида. – Где гвозди-то разыскал?

Сегванские лодки вправду всегда строились без гвоздей.

– Наша, нарлакская, – с прежней невозмутимостью отвечал Имрилл. – Мы, нарлаки, не доверяем крепости словых корешков!

Винитар знал: на самом деле нарлаки чаще пользовались заклёпками. Но для него не подлежало сомнению – осмотреть лодку под красно-жёлтыми парусами, и где-нибудь в укромном месте отыщется должное число торчащих гвоздей, и, что самое любопытное, никто не назовёт их только что вбитыми. А если осматривать очень уж вездливо, то на гвоздях можно будет найти и кровавые следы. Неправ был старейшина Атавид. Имрилл очень даже вспоминал мальчика, убитого на берегу. И, храня напускное безразличие, делал всё, чтобы отвести от себя малейшую тень подозрений.

– Что ещё показать правителю Островов? – заматывая руку, со спокойной наглостью осведомился Имрилл.

Винитар в своей жизни видел многое. И многих. В том числе – таких вот телохранителей, отчего-то решивших, будто они по праву причастны к влиятельной знатности особы, которую нанялись охранять. Эти люди уверены, что по воле важного господина им всё сойдёт с рук, а потому не просто хранят его от опасности, рискуя собой (вот уж что Имриллу вряд ли доводилось переживать), но и спешат ублажить малейшую хозяйскую прихоть. Избить человека, чем-то помешавшего нанимателю. Или просто не так на него посмотревшего. Отнять у мальчишки приглянувшегося щенка. Наследника древней и славной породы стражей Понора сделать игрушкой по взбалмошному желанию госпожи. А натешится госпожа – об дерево его да и в воду, чтобы под ногами не путался. А мальчишку – прямо сейчас, чтобы за руки не хватал... Ещё Винитару подумалось, что дядя, занятый родственными обидами, даже не спросил его о том единственном, о чём следовало бы спросить непременно и сразу: о судьбе бабки Ангран, так любившей старшего сына.

Впрочем, Винитар всё равно не сумел бы ему ничего рассказать...

– Ну? – повернулся к нему несколько повеселевший вроде бы Вингоррих. – Какой суд ещё тебе нужен? Я скорблю о сыне старейшины, но мы по-прежнему не знаем, что именно с ним случилось, потому что речи какого-то плута, якобы столкнувшегося со щенком, не перевешивают слов человека, доверять которому у меня есть все причины. Или ты хочешь, чтобы я велел ещё и госпожу Алашу притащить сюда на допрос?

– Нет, – сказал Винитар. – Не хочу.

Он мог бы добавить – потому что ничего нового мы от неё не услышим, – но не добавил.

– Пойду я, – обращаясь к Вингорриху, сказал Имрилл. – Госпожа там без меня.

– Ты упомянул о слове против слова, кунс! – громко проговорил Винитар. – Если здесь ещё чтят закон Островов, в этом случае испрашивают совета у Тех, Кто доподлинно знает, чьё слово весомей. Пусть огорожат поле для того, кто свидетельствует вину, и для того, кто её отрицает! Он сам был кунсом и сыном кунса и, конечно, знал законы ничуть не хуже, чем дядя. А может, даже лучше, поскольку к нему обращались за справедливостью, надо думать, почаще. В особенности когда он служил Стражем Северных Врат страны Велимор. Случалось ему избаловать виноватых, случалось и отводить наговор от человека, которого ему при других обстоятельствах надлежало бы собственной рукой умертвить... Оттого Винитар был сведущ не

только в сегванских законах. И твёрдо помнил одну важную вещь: нет на свете народа, который не уважал бы святости поединка.

Он ждал ответа, и Вингоррих ответил ему.

– Твой отец пытался убить меня, а ты, я смотрю, меня вздумал выставить на посмешище! – рывкнул он, покрываясь багровыми пятнами гнева. – Всё твоё обвинение – собачонка, которой вздумалось полаять на Имрилла! И кто слышал о Божьем Суде, на который против мужчины и война вышел бы щенок?..

Винитар стоял твёрдо. Расставив ноги, словно на штормовой палубе корабля, и заложив большие пальцы за поясной ремень, отделанный серебром. И, как на той палубе, его было не сшибить. Он сказал:

– Щенок по имени Звонко лает на этого человека, потому что узнаёт в нём убийцу своего хозяина и своей матери. Закон же гласит, что в случае увечья, или болезни, или иного бессилия, лишшающего возможности биться, один или оба могут попросить о замене. Спроси Имрилла, не боится ли он показаться смешным, сражаясь с собакой, не пожелает ли выставить кого вместо себя!

– Во имя Чёрного Пламени! – хмыкнул нарлак. – Уж сам как-нибудь совладаю!

Он ничего и никого не боялся. Уж конечно, не лайчонку, только что оторвавшемуся от мамкиного вымени, суждено было его напугать. И никому из тех, кого деревня рыбаков могла против него выставить. Да пускай хоть все вместе выходят. С лайками со своими. Имрилла, давненько не дравшегося в полную силу, это лишь посмешило бы.

– Только не говори мне, что намерен сам идти биться вместо щенка! – сказал дядя племяннику. – Если ты победишь, люди скажут, что я допустил подобный исход, поскольку ты мне всё-таки родич и, значит, я был на твоей стороне. А если будешь побеждён, я опять окажусь виноват, ведь ты сын моего брата, которого я не первый десяток зим проклинаяю, и люди скажут, что я не мог желать тебе победы!

Винитар на это ответил:

– Я с радостью вышел бы мстить за того, кто спас мне жизнь, и, право, позаботился бы, чтобы ни у кого не осталось сомнений в истинности приговора Богов. Но, коли я тебе не гожусь в поединчики, справедливый кунс, позволь напомнить ещё об одном слове, которое было сказано под сенью этих деревьев. Ты говорил о бое с собакой и о замене бессильного сильным. Вот и пускай вместо щенка в поединке бьётся взрослая собака.

– От сказанного отступать грех, – кивнул Вингоррих. – Да ещё когда совершается суд. Пусть взрослый пёс заменит щенка. Пусть Имрилл с ним бьётся дубинкой, имея на руке щит. Где эта собака?

Атавид оглянулся... Люди за его спиной подались в стороны, давая кому-то дорогу. Воины из свиты кунса, ожидавшие, что сейчас из-под ног деревенских с гавканьем вылетит не в меру храбрая лайка, и уже взявшиеся на сей счёт зубоскалить, умолкли как морозом побитые. Пёс не протискивался между людьми и даже не расталкивал их. Люди убирались прочь сами. А от лайки у него были разве что стоячие уши. Да и то, не от лайки, а скорее от волка. Или от зверя даже более грозного, чем волк. И он вправду был похож на очень крупного волка. Но так, как бывают похожи ненавидящие друг друга враги. Он ни на кого не оглядывался в ожидании, чтобы ему указали врага и дали команду. Он смотрел только вперёд, на Имрилла, уже снабжённого щитом и дубиной и по-прежнему усмехавшегося. Никакой хозяин не вёл пса на поводке, но косматую серую шею охватывал потёртый кожаный ошейник.

И в ошейнике горела на солнце, искристо переливалась крупная хрустальная бусина...

А ещё у него были серо-зелёные глаза, довольно странные для собаки, но, чтобы их рассмотреть, нужно было подойти к нему совсем близко, а подобного желания ни у кого почему-то не возникало.

– Эт-то ещё что такое?.. – невольно вырвалось у Вингорриха.

– Это, – сказал Винитар, – тот, кто выплыл вместе со мной из Понора и был взят в лодку сыном старейшины Атавида. Это тот, кто нашёл убитого Атароха и распутал следы, уничтоженные на берегу, помогая нам дознаться истины о случившемся. Это дальний родич щенка Звонко, сына суки Забавы. Это тот, кто будет биться за нашу правду вместо него!

Пёс, как бы в подтверждение, задрал заднюю лапу и окропил место будущего поединка:
Моё

! Он не лаял, не рычал, не топорщил на загривке щетину. Он смотрел на Имрилла, который зло и весело скалился из-за щита.

Ты иссёк рану, но не смог переменить запах, и меня-то ты не обманешь. Ты не кобель. Ты убил суку. Ты загрыз щенка своего племени, хотя должен был дать ему покровительство и защиту по святому праву самца. Есть закон, который старше Людей и даже старше некоторых Богов, которым поклоняются Люди. Ты нарушил его. Теперь ты умрёшь.

Над головами деревенских беззвучно пронеслась большая летучая мышь и устроилась на ветви одной из священных ёлок, откуда было удобно наблюдать за происходившим. Летучая мышь, преспокойно порхающая днём и притом не чурающаяся шумной человеческой сходки, – дело само по себе до того необычное, что кто-нибудь пугливый мог бы задуматься, уж не наступают ли «последние времена», коими так любят страшить разгульный народ жрецы едва ли не любой веры. Но воздух над полем был столь густо пронизан жгучими токами страстей и тягостных напряжений, что на такую мелочь, как крылатый зверёк, никто даже не покосился.

Имрилл был очень опытным воином. Он знал: решительного человека убьют почти любая собака, не сидящая на цепи, и дело не в палке. Имрилл даже без неё взялся бы укротить самого злобного и жуткого на вид кобеля. Главное, чтобы не было натянутого поводка и на другом конце его – хозяина, истошно вопящего: «Рви!.. Куси!..» Какой пёс в здравом рассудке пойдёт против человека, если ему нечего защищать?

Всё так, но серый зверь шёл вперёд, расстояние между поединщиками сокращалось, и нарлак понимал, что схватки не избежать. Для начала он сделал попытку всё-таки отогнать кобеля.

Резким движением подхватил щит и свирепо заорал, замахиваясь дубиной.

Очень многим собакам такого отпора хватило бы, чтобы поджать хвост и шархануться: «Да ну его, этого мужика, связываться ещё...» Случись такое теперь, кунс Вингоррих, надо думать, немедля объявил бы поединок законченным, родственники мальчишки (как там его звали? – Имрилл не запомнил) остались бы ни с чем, и кто-то из соседей жалел бы их, а кто-то втихомолку посмеивался бы: тоже выдумали, Божий Суд затевать!.. да против кого тягаться решили!.. да кого за себя выставили – собаку...

...Но не случилось. Пёс не шарханулся, даже не остановился в смущении, а прыгнул. Прыгнул, опережая вроде бы очень быстрое и неожиданное движение человека, в самый миг замаха, когда рука с палкой ещё отходила назад. Задние лапы в пушистых «штанах» взрыли песок – серое тело без разгона взвилось на сажень вверх, покрывая могучим прыжком последние оставшиеся шаги, и с лёту обрушилось на поднятый щит.

Чтобы устоять на ногах под этим ударом, требовалось особое искусство. Тут справился бы мастер кан-киро, но мастер кан-киро, исповедующий Любовь, вряд ли оказался бы в ответчиках на подобном суде. Никакой Бог или Богиня не поспешили Имриллу на выручку, и его просто смело. Добротная воинская выучка взяла-таки своё, в падении он успел как следует огреть пса дубиной, но этот удар, скользнувший по плотной мохнатой шубе, уже ничего не мог изменить. Люди, стоявшие слишком близко, прянули прочь от упруго ударивших алых струй: стремительный зверь, сваливший Имрилла, мгновенно сомкнул челюсти на его горле – и располосовал до позвонков, как мечом.

– Оттащите собаку!.. – закричал, вскакивая, кунс Вингоррих.

Это закон естества. Если пёс грызёт человека, человека хочется непременно спасти, хотя бы дело происходило, как теперь, на Божьем Суде... Но приказ кунса так и остался неисполненным. Во-первых, никто не посмел. А во-вторых, пёс отошёл сам. И отряхнулся, разбросав с морды красноватые брызги. Руки и ноги Имрилла ещё дёргались в последних судорожных движениях, но скоро судороги прекратились.

Поединок был кончен.

Мышь снялся с дерева и полетел обратно на носовой штевень лодки – ждать, пока вернётся хозяин.

«За друга – постою!
За друга я в бою
Суров!» —
Твердит любой из нас

И повторять сто раз
Готов.
Но это лишь пока
Не начался куска
Делёж.
А жизнь как наподдаст —
И друга друг продаст
За грош!
Споткнёшься невзначай:
Дружище, выручай!..
Ничуть.
Один из десяти
Не поспешит пойти
Толкнуть.
Так что же – дружбы нет?
На это дан совет
Хорош:
Про соли тяжкий пуд,
Про то, как узнают,
Где ложь.
Все сто твоих друзей
При первой же грозе
Видны.
А с кем прошёл сквозь тьму,
Так знай, что нет ему
Цены.

4. Целитель и Воин

Ригномер Бойцовый Петух не зря восторгался железным нравом Избранного Ученика. В ворота своей крепости Хономер собирался въехать по крайней мере не на носилках, а сидя верхом на лошади и должным образом возглавляя потрёпанный караван. Чего это ему стоило, знал только он сам. Ригномер его и не спрашивал. С «вожака» было довольно уже того, что жрец не проклял его страшным проклятием своих Богов за самочинно принятое решение возвращаться. Не проклял и не погнал обратно на Алайдор, на окончательную гибель по воле тамошних Сил, упорно не пропускавших походников дальше. И на том, как говорится, спасибо. А жалеть или не жалеть собственные ноги, местами стёсанные до костей, Избранный Ученик небось как-нибудь уж решит без сторонних советов!.. Тем более что у Ригномера и так хватало забот. Бойцовый Петух, не признававший лошадей и седла, был очень опытным и выносливым ходоком. За день он легко проходил расстояние, утомлявшее любую караванную лошадь, и наутро после такого подвига не валялся без сил, а был готов продолжать путь, – но этот поход дался ему тяжелее любого другого на его памяти. Ригномер даже задумался о возрасте, который, похоже, без предупреждения подкрался к нему и заявлял о себе то свинцовой тяжестью в ступнях, то противным скрипом в коленях... Может, пора уже ему было оставить походы и кабацкие потасовки, жениться наконец на вдовой сегванке, стряпухе из корчмы «Бездонная бочка», да и показать её пятерым сыновьям, вовсе отбившимся от материной несильной руки, что это такое – отец в доме?.. Своя приятность в такой жизни определённо была, но ради неё предстояло забыть многое, казавшееся Ригномеру слишком привычным. То есть следовало хорошенько всё взвесить, воздерживаясь в то же время от поспешных решений, что при норове Бойцового Петуха оказывалось не так-то легко. До Хономера ли было ему, до Хономеровых ли отношений с Богами?.. Вот если вдруг без него ко вдовушке подкатился кто-то другой – это будет стоить

всех священных гимнов Близнецов... вместе с тем древним храмом в Долине Звонящих ручьёв, до которого им оказалась не судьба дошагать!..

Подумав так, Ригномер даже покосился на молча ехавшего жреца. Не подслушал ли кощунственных мыслей, не укорит ли. Избранный Ученик не обернулся к нему и ничего не сказал.

После тяжких испытаний у Зимних Ворот Алайдора, а потом и на самом плоскогорье, походники ожидали, что обратная дорога станет чуть ли не отдыхом. Вот тут они крепко ошиблись. Возвращение с гор оказалось таким же изматывающим, как и путь вверх. Дурная звезда, недобро глянувшая на караван ещё у Ворот, продолжала простираť над ним свои пагубные лучи. Взять хоть погоду... Заоблачный кряж породил бесконечную тучу, которая выдавливалась, как в трубу, в узкое отверстие Ворот и, стекая с предгорий, влажным рукавом протянулась над равнинами точнёхонько в сторону Тин-Вилены, и... вряд ли это объяснялось простым совпадением. Туча не намного опережала возвращавшийся караван, но и чистого неба над головой увидеть не позволяла. Она висела прямо над дымогонами поставленных на ночь палаток, и из неё всё время моросил дождь. Это был какой-то особенный дождь. Не ливень, не град размером в кулак, но урону происходило не меньше. От медленных капель не спасали ни толстенные войлоки, ни одежда из промасленной кожи. Они проникали всюду и напитывали всё, не позволяя ни обсохнуть, ни толком согреться. Гибель, конечно, никому не грозила, но легко ли каждое утро влезать в ту же волглую, глинистую одежду и бесконечно шагать под унылым дождём, зная, что впереди ждёт очень зябкий ночлег, а утром всё повторится?.. С едой дело обстояло не лучше. Сырость не пощадилa заготовленное впрок мясо дикого быка, убитого на Алайдоре. Нет, оно не проросло плесенью и не стало вонять, оно даже не слишком изменилось на вкус... но, отведав его, люди спустя очень малое время опрометью бросались в кусты у дороги, откуда и возвращались затем бледные, обессиленные и сердитые. А ведь, кроме этого растреклятого мяса, есть было всё равно нечего. Все иные припасы так или иначе погибли во время потопа, случившегося возле Ворот. А степные кочевники, у которых можно было бы купить баранов и сыра, как назло пасли свои стада где-то далеко в стороне и не выходили к дороге. За всё время удалось высмотреть единственный шатёр, стоявший в нескольких поприщах. Избранный Ученик немедленно отправил туда всадника, снабжённого вьючной лошадьё для покупок. Но ещё на дальних подступах к шатру навстречу подоспели три громадных куцехвостых пса свирепой местной породы – и с такой яростью накинулись на Хономерова посланника, что тот еле ноги унёс. Тогда люди стали с надеждой подумывать о конине, но на другую же ночь почти все лошади удрали в степь, напуганные волками. Ригномер сам рассматривал следы на земле. И заметил, что у жожака были лапищи почти вдвое шире, чем у всех остальных, и это очень не понравилось бывалому сегвану и даже навело кое на какие мысли, но он благоразумно оставил их при себе... А хуже всего было то, что лошадей, которых удалось собрать, едва хватало для перевозки палаток, верхом ехал только израненный Хономер, и походникам пришлось выбирать: идти полуголодными, но спать под кровом либо наесться досыта – и ночевать на земле под дождём. Выбрали голод...

То есть опять ничего такого, чтобы приблизилась гибель. Но и мёдом никому из спутников Хономера жизнь не казалась. Неугомонный Бойцовый Петух чувствовал себя мокрой курицей (чтобы не сказать хуже) и только мечтал поскорее добраться до крепости. Там, правда, вместо добротных сегванских очагов были устроены, в дань местному обыкновению, нарлакские печи-недоделки, именуемые каминами. Ригномеру они никогда особо не нравились, но теперь он вспоминал о каминах с истинной нежностью. Можно будет наконец-то вытянуть ноги к огню, развесить на просушку одежду и более не ёжиться от капель, падающих сверху за ворот... А потом отправиться в город, напрямик в «Бездонную бочку», и потребовать у благосклонной стряпухи настоящей сегванской еды. Камбалы, запечённой в горшочке с молоком, чесноком, луком, с сушёными пряными ягодами и, главное, с горным мхом, который, благодарение всем Богам, на здешних скалах вырастал совершенно такой же, как и на Островах...

...В самую последнюю ночь не стали даже делать привала. Чем дрожать под мокрыми одеялами, закалённым походникам показалось проще ехать и идти всю ночь до утра, с тем чтобы на рассвете войти в знакомые ворота и наконец-то вкусить блаженство настоящего отдыха. Дождь и ветер подгоняли их, тыча в спину словно ладонями. Лошади, зная впереди родную конюшню, бодро шагали, порывались рысать.

По счастью, дорога в крепость шла не через город, а мимо, далеко огибая самые внешние тин-виленские выселки. Не было видно даже городских огоньков, только светили четыре маяка, стоявшие высоко над гаванью, на утёсах. Удалённость по крайней мере избавляла вернувшихся от взглядов горожан – любопытных, сочувственных и злорадных. Понятно, тин-виленцы очень скоро прознают о неудачной поездке Хономера во всех её легендарных подробностях, правдивых и не особенно, Ригномеру и прочим ещё будет не обобратиться неизбежных насмешек. Но не сейчас, ох, не прямо сейчас!.. А завтрашний день, он на то и завтрашний, до него ещё надо дожить, а доживём – уж как-нибудь разберёмся...

Дорога вилась среди знаменитых садов, где наливались неспешным мёдом позднеспелые полосатые яблоки. Весна давно миновала, ночь стояла далеко не такая светлая, как в пору подснежников, но и до чернильной осенней тьмы оставалось ещё далеко, и силуэт сторожевой башни крепости-храма, торжественно выроставший впереди над холмом, был отчётливо виден. Оттуда тоже заметили ехавших по дороге: сторожа, искони поставленные высматривать злых гонителей Близнецов, бдительности отнюдь не утратили. Было слышно, как за стенами подало голос било, вытесанное из сухого и звонкого клёна; там, наверное, уже вытаскивали брус, запиравший на ночь ворота. Лошадь Хономера, стремившаяся в тепло знакомой конюшни, резво преодолела последний подъём; он жадно взгляделся...

И даже в ночных непогожих потёмках понял: что-то не так.

Чего-то не доставало...

Чего-то настолько привычного, что в первое мгновение глаз просто наткнулся на пустоту, сообразить же, на месте чего зияла эта зловещая пустота, удалось лишь чуть погодя.

Хономер остановил лошадь. Огромный, раза в два побольше тележного колеса, надвратный знак Разделённого Круга – деревянный, тщательно раскрашенный зелёным и красным, исстари осенявший единственный въезд в крепость – больше не висел на своём месте. Его вообще нигде не было видно.

Ригномер Бойцовый Петух подошёл к неподвижно замершему жрецу, увидел то же, что увидел он, – и длинно, цветисто и сочно выругался вслух. Ибо отчётливо понял: бедствия, бравшие начало у Зимних Ворот Алайдора, с возвращением в крепость отнюдь не собирались заканчиваться.

Наоборот – они, по всей видимости, только начинались...

В отсутствие Хономера предводителем крепости оставался жрец-аррант по имени Орглис, носивший сан Второго Избранного Ученика. Хономер въехал сквозь осиротевшие ворота во внутренний двор, и вперёд всех к нему подбежал Орглис. Должным образом соскочить с лошади Хономер ещё не был способен – перекинул правый сапог через седло и, как во все предыдущие дни, сполз на руки Бойцовому Петуху. Тот бережно поставил его наземь, но Хономеру всё равно понадобилось усилие, чтобы сдержать стон.

В отличие от большинства походников, мечтавших о хлебе и горячей похлёбке, он даже не испытывал голода. Ему лишь хотелось потребовать большой ушат горячей воды, погрузиться в него и не вылезать до утра, а потом чтобы кто-нибудь перенёс его сразу в постель. И не беспокоил по крайней мере до первых подзимков...

[9]

Он посмотрел на Орглиса так, словно тот был причиной всех его невзгод:

– Где Знак?

– Не гневайся, святой брат!.. – ответил аррант. – Был сильный ветер с гор, и один из канатов дал слабинку. Мы опустили Знак наземь, чтобы всё проверить и, если надо, поправить, и к работникам подошла какая-то женщина. Наши люди не стали прогонять её, ведь она им в бабки годилась. А она потрогала Знак и...

С лица Хономера, и так-то не блиставшего особым румянцем, отхлынула последняя краска, и это было заметно даже в свете факелов, трещавших и плевавшихся под дождём.

– Какая женщина, Орглис?

– Её не очень рассматривали, но людям показалось, что она была маленькая и темноглазая. Да, и ещё у неё в руках был стеклянный светильничек вроде того, что ты купил себе в Галираде...

– Продолжай!

– Она потрогала Знак и сказала примерно следующее: я, мол, думала, что найду здесь своих сыновей, но теперь вижу, что в этом месте их нет. Она покачала головой и ушла по дороге, а работники стали смотреть и увидели, что все канаты пришли в полную ветхость и годились только на швабры. Даже удивительно, святой брат, что Знак так долго держался! На другой день я послал в город, в мастерскую, куда обращаются мореплаватели, вынужденные чинить снасти, и нам привезли корабельных канатов, очень прочных, из лучшей халисунской пеньки. Я сам проверил их качество, но они сразу стали рваться и расплзаться, каболка

[10]

за каболкой. Тогда я особо заказал...

– Женщина!.. – перебил Хономер. – Куда делась та женщина?

Орглис недоумённо ответил:

– Это нам неизвестно, святой брат. Мало ли в Тин-Вилене нищих и нищенок, мало ли между ними таких, кто выманивает деньги у легковверных, в своих разглагольствованиях подражая слогу пророчеств...

Избранный Ученик отвернулся от него и пошёл к арке во второй внутренний двор, коротко бросив на ходу почтительно ожидавшемуся кромешнику:

– Ташлака ко мне.

Сколько раз выручал его старый соглядатай, так не подведёт же и теперь... если только есть на свете хоть какая-то справедливость... Ступни были каменными и чужими, Хономер шёл точно по раскалённым углям и очень хорошо понимал тех, кого судьба лишила ног, оставив прыгать на деревяшках...

Стену, разделявшую дворы, с обеих сторон оплетал густой старый плющ. Весной он цвёл восковыми ароматными звёздочками, осенью пятипалые листья наливались всеми цветами заката, а зимой оголённые ветви покрывались кружевными окладами инея. Цепкие стебли переплетались над аркой, обрамляя дивной работы образа Близнецов. Божественные Братья ласково улыбались входившим, обняв друг друга за плечи, и золотое сияние исходило от Их рук и голов. У Старшего была брошена на левый локоть пола алого плаща. Движение, схваченное даровитым резчиком, выглядело защитным, и, действительно, Он словно бы слегка загораживал Младшего, слишком доверчиво и открыто идущего к людям в нежно-зелёных одеждах милосердия и целительства...

Образам было почти столько же лет, сколько самой крепости, но вечные краски из растёртых в пыль самоцветов не боялись никаких непогод и не тускнели от времени, а дерево – благородная горная лиственница – было очень добротнo напитано благовонными маслами, отпугивающими древоточцев. Образа считались нетленными, да не просто считались, а таковыми на самом деле и были. Подходя к арке, Хономер привычным движением поднял руку, чтобы в ответ на благословляющую улыбку Близнецов осенить себя священным знаменем...

...И его рука повисла в воздухе, не дойдя до груди. Ибо лики Братьев, которым не могли повредить ни древесные паразиты, ни само Время, – изменились! Изменились разительно и недобро! Хономер ощутил, как заметался его пошатнувшийся разум, ища случившемуся успокаивающих объяснений. Он с силой мотнул головой, зажмуривая и вновь открывая глаза. Дождевые капли веером слетели с ресниц, но привидевшееся не торопилось рассеиваться. Знать, не усталость Хономера и не причуды факельного света были виной тому, что лицо Младшего стало лицом гниющего трупа с расплывшимися, искажёнными чертами, уже не могущими принадлежать живому, а суровый Старший сделался скелетом в кольчуге и шлеме, родом прямиком из сегванской легенды... Быть может, солнечным днём в происшедшем было бы легче усмотреть следы обычного разрушения дерева, но сейчас, непогожей ночью, при факелах, поражённый неземным ужасом Хономер мог только стоять и молча смотреть на умерщвлённые образа, словно бы глаголавшие погибель его Богов, конец его веры...

Голос Орглиса развеял жуткое наваждение.

– Мы заметили непорядок на другой вечер после твоего отъезда, святой брат, – сказал Второй Ученик. – Хотели снять для окуривания, но отступились: дерево грозит рассыпаться от малейшего прикосновения. Наверное, срок подошёл! – Это прозвучало до непристойности весело, Хономер покосился на Орглиса, как на умалишённого, но Второй Избранный с торжеством улынулся: – Потому что в городе случилось настоящее чудо Богов!..

– Какое чудо?.. – только и мог выговорить Хономер. Дождь тёк у него по бороде и волосам, достигал кожи и каплями скатывался по телу, проникая под одежду, но человек способен привыкнуть почти ко всему, вот и он за последние дни до того притерпелся к нескончаемой сырости, что почти перестал её замечать. – Какое ещё чудо?..

А сам, после двух чёрных чудес, со Знаком и с образами, внутренне изготовился принять ещё и третий удар, столь же безжалостный. Что могло произойти в Тин-Вилене?.. Стараниями Орглиса в одночасье заболели поносом все главные хулители Близнецов, и ему, Хономеру, надо готовиться отводить обвинение?.. Объявился уличный заклинатель духов, якобы доподлинно беседовавший с Предвечным Отцом?..

Второму Ученику явно хотелось перенести беседу под кров, в тепло, продолжить её за чашей горячего, сдобренного гвоздикой вина. Но Хономер не двигался с места, и Орглис волей-неволей начал рассказывать:

– Помнишь ли ты Тервелга, юного сына резчика по дереву, являвшего несомненный дар к своему ремеслу, но утратившего зрение пять лет назад от болезни, именуемой «лазоревый-туск»?..

[11]

Ты ещё послал семье юноши денег, потому что он и его родичи – прямые потомки создавших наши образа... которым ныне, волею Богов, пришёл черёд обновиться. Да-да, святой брат, и, прошу, не смотри так на меня! Только вчера мне рассказали, что нынешней весной Тервелгу, оказывается, было видение. Он увидел во сне облачённых сиянием Близнецов, промывавших ему глаза водой из хрустальной чаши в виде сложенных горстью ладоней. Молодой резчик проснулся и обнаружил, что непроглядный покров, коим окутала его неизлечимая немочь, начал рассеиваться! Тогда Тервелг понял, что болезнь отступила не сама по себе. Он не поспешил радоваться с друзьями, открывшись только матери и отцу, а сам дал обет не выходить из дому и не показываться на люди, пока не изваяет божественных Братьев в точности такими, какими Они явились ему в сновидении. Так вот, наши образа начали превращаться в труху именно в тот день, когда мне сообщили, что юноша исполнил обет и готов смиренно принести свою работу в дар этому Дому. Я лишь взял на себя смелость просить его отложить подношение до твоего прибытия, святой брат, чтобы столь важное дело не прошло мимо тебя... Никто из наших ещё не видел новые образа, но всё свидетельствует, что они, должно быть, великолепны!..

Хономер смутно припомнил одно из донесений всеведущего Ташлака. О том, что отец этого самого Тервелга заложил свадебные браслеты жены и купил у мономатанского торговца баночку очень дорогого и прочного «живого» маронгового лака. Этот лак назывался живым оттого, что приготавливали его из капель смолы, источаемых деревом из естественных устьиц коры. Понятно, при рубке маронга смола добывалась не в пример легче и в гораздо больших количествах, вот только лак из неё с «живым» не шёл ни в какое сравнение... Хономер тогда пропустил сообщение мимо ушей: мало ли какую диковину мог задумать известный в городе мастер! Ташлак и донёс-то ему единственно из-за того, что заложенные браслеты были тогда же выкуплены и возвращены одним суровым молодым венном, который водил дружбу с Тервелгом и которого в те дни ещё не называли Наставником. Теперь вот оказывалось, что Хономер мог уберечься от изрядного потрясения, если бы немедленно озаботился со всей доподлинностью разузнать, что к чему. Но дано ли человеку предугадать, которая из многих малостей со временем породит нечто значительное и даже великое, а которая так малостью и останется?..

– Завтра пошлешь к ним, – коротко бросил он Орглису. – Скажешь – могут прийти. Через несколько дней... как с делами более-менее разберусь.

Шагнув под арку, более не оглядываясь на умершие образа, и двинулся ко входу в свои покои, прилагая мучительные усилия, чтобы поменьше хромать на глазах у людей. Было ясно: об отдыхе, столь необходимом его духу и телу, остаётся только мечтать. И почему, стоило ему

отлучиться даже ненадолго, как у вверенного его заботам жречества все дела тут же начинали идти вкривь и вкось?..

В то время как на шо-ситайнских равнинах ждали рассвета, в южном Саккареме сгущался вечер наступившего дня, и тоже моросил дождь. Правда, здешние места, в отличие от тин-виленских окрестностей, никогда не ведали настоящих холодов, да и дождик сеялся реденький и даже приятный, а потому маленький костёр, возле которого сидели трое мужчин, предназначен был не столько греть путников, сколько густым дымом отпугивать насекомых, охочих до человеческой крови.

– А как я посмотрю, кунс Винитар, не повезло тебе с роднёй по отцу, – сказал Шамарган. – И на острове какие-то выродки развелись, и отец твой, сколько я понял, был не из тех, с кем люди мечтают вдругорядь встретиться... да и дядя... по-моему, в ту же породу!

Кунс Вингоррих не предложил Винитару воспользоваться «косаткой», как вроде надлежало бы знатному воину и вдобавок близкому родичу. После судебного поединка, закончившегося смертью Имрилла, дядя с племянником даже не поговорили, не сблизились в запоздалом знакомстве. Как ядовито выразился тот же Шамарган, Вингоррих был очень занят, решая, кто же всё-таки милее ему: приглянувшаяся на шестом десятке смазливая баба – или народ, который его когда-то спас, а потом поставил над собой предводителем и много лет и зим исправно поил и кормил, а за что? За то, чтобы он хранил законы и вершил справедливость. Вершил так, как было исстари принято на Островах – не оглядываясь ни на привязанности, ни на родство...

– Может, тебе следовало остаться у них? – поддразнивая молчаливого Винитара, продолжал Шамарган. Кажется, ему не легче было избавиться от привычки дразнить, чем Волкодаву – от любви к молоку и свежей сметане. – Нет, правда! Может, стоило бы тебе остаться? Сразу взял бы под начало десять добрых островов вместо того единственного, – бр-р, как вспомню! – обледенелого, где людоеды живут...

– Вот тут ты прав, – нехотя отозвался молодой кунс. – Единственного.

Надо думать, народ Другого Берега в самом деле с радостью пошёл бы под его руку, если бы он того захотел. Но Винитар не захотел. И тогда соплеменники старейшины Атавида сделали для троих путешественников то, что горцы Заоблачного кряжа обещали, да не смогли исполнить для Волкодава. Разослали по ближней и дальней округе вести так, как это умеют только рыбаки и охотники. И быстрые лодки помчали гостей с островка на островок, от деревни к деревне. С рук на руки, от одного дружеского очага к следующему. Не так чинно и знаменито, как было бы на «косатке», но с той сердечностью, которой не обеспечат ни деньги, ни знатное происхождение.

И, уж конечно, без помощи велиморских сегванов Винитару со спутниками нипочём не удалось бы разыскать старого-престарого дедушку, знавшего о Вратах, что выводили с Малых Островов... не на какую-нибудь замороженную скалу посреди холодного моря, а напрямик в южный Саккарем. То есть слова такого – Саккарем – сегванский дедушка слыхом не слыхивал, но о тёплом крае за Вратами ему в пору мальчишества рассказал его собственный дед, а откуда тому было ведомо – теперь уж не спросишь. Ибо, в отличие от общеизвестных велиморских Врат, здешние были не полноценными Вратами, а скорее червоточиной вроде Понора, выпускавшего в озёрную глубину и в обратном направлении недоступного. Старик утверждал, что проникший в «его» лаз оказывался по шею в вонючем, кишашем пиявками болоте где-то в плавнях большой реки, именуемой Сиронг. И, как через Понор, вернуться тем же путём было нельзя. Из-за этого неудобства червоточиной не пользовались и, разведав когда-то, постепенно забыли.

Волкодаву, три года просидевшему над лучшими картами мира, не требовалось расспрашивать сведущих людей, уточняя, в какой стране протекает река, именуемая Сиронг. Трое посоветовались, прикинули дорогу до ближайших торных Врат Велимора – и решили положиться на удачу и на верность дедушкиной памяти...

И вот они действительно сидели возле края трясины, в которой щетинились твёрдыми колючками листья знаменитого растения сарсан, водившегося только в саккаремских болотах, и ночной ветер доносил солёное дыхание близкого и тёплого моря. Волкодав невольно думал о больших парусных кораблях, скользящих в летних сумерках по ленивым

волнам, и о том, как, наверное, приятно и покойно путешественнику стоять возле борта на таком корабле, глядя на берег, отступающий в вечернюю мглу. Как постепенно растворяются в этой мгле силуэты леса и гор и остаются лишь огоньки, висящие драгоценными россыпями между землёю и небом... Он видел большие парусники у причалов, но ни на один ни разу не поднимался. Он ходил по морю лишь на сегванской «косатке», и эти плавания никакой радости ему не доставили. На самом-то деле он слышал от знающих людей, что маленькая «косатка» гораздо быстрее и несравнимо надёжней пузатого торгового корабля, но ничего с собой поделывать не мог. Доведись ему снова отправиться в море, он бы выбрал большой корабль – саккаремский или аррантский. Вот только навряд ли подвернётся мне новый случай переправляться через солёную воду. Если Хозяйка Судеб будет и далее столь же благосклонно вести меня, помогая в задуманном, – это значит, что моря мне не видать уже никогда. Сожалеть ли?.. Венские чаши, которых я тоже никогда более не увижу, достойны сожаления куда больше, чем море.

А кроме того, если слишком пристально думать обо всём, что покидаешь, – не удастся совершить ничего и даже сделать единственный шаг вперёд не получится...

– У тебя-то, надобно думать, родня всем на зависть, – сказал он Шамаргану. – Ты, наверное, непризнанный меньшой братец прежнего саккаремского шада, Менучера, прозванного Вишеплётом. Тем более что и песни, кажется, слагаешь... Как водится, шутка была шуткой лишь наполовину. Волкодаву давно хотелось выведать, кто же такой Шамарган. Только он всё не мог придумать, с какой бы стороны затеять о том разговор. К его некоторому удивлению, Шамарган неожиданно приосанился.

– Я в самом деле непризнанный сын, – проговорил он со спокойным достоинством. – Только мой род гораздо славнее того, что царствовал прежде в этой стране, ибо дал людей куда более достойных, чем неблагодарный и мстительный шад... не наделённый к тому же настоящим поэтическим даром. Моим отцом был Торгум Хум,
[12]
славный полководец, ещё при венценосном батюшке Менучера названный Опорой опор... да обласкает Лан Лама его благородную душу! А матерью моей стала халисунская пленница, взятая в пограничной стычке и привязанная, согласно обычаю, к его колеснице...

Окажись при этом местные жители, собиратели тростника, они, вероятно, отнеслись бы к рассказу Шамаргана с должным благоговением. Имя доблестного военачальника, при Менучере замученного в темнице по ложному обвинению, нынче было в большой чести по всему Саккарему. И особенно на здешних побережьях, которые в своё время он успешно оборонял от морских разбойников. Но сегодня Шамаргану со слушателями явно не повезло. Выслушав торжественное признание, Волкодав и Винитар, не сговариваясь, отозвались хором:
– Враньё!

У лицедея стал вид человека, жестоко оскорблённого в самых трепетных чувствах. Но на двоих северных воинов – людей, как всем известно, грубых и маловосприимчивых – зрелище его обнажённых душевных ран никакого впечатления не произвело.

– Думай хорошенько, прежде чем возводить напраслину на такого, как Торгум, – сказал Винитар. – Да, это верно, он потерял жену и детей в Чёрный Год, во время великого мора, и жил после этого бобылём. Но однажды шад Иль Харзак, отец неблагословенного Менучера, отправил его в Велимор. Торгум проехал по многим дорогам Потаённой Страны и добрался даже до моего замка Северных Врат. Он провёл у меня два дня. Краткий срок, но я успел неплохо узнать его. Он никогда не оставил бы непризнанного ребёнка, будь то сын или дочь хоть от пленницы, хоть от самой распоследней рабыни. Люди, подобные ему, не предадут свою кровь.

Было ясно, что Винитара не переубедить. Шамарган покрылся пятнами и обернулся к венну:
– Ты тоже знал Торгума Хума?

– Такой чести мне не досталось, – проворчал Волкодав. – Но я видел его младшего брата, Тайлара. Теперь, я слышал, он стал великим вельможей, чуть ли не правой рукой шада Мария Лаура... Мне выпало биться под его началом, когда шад Менучер своим правлением довёл страну до восстания, и молодой Хум оказался среди тех, кто возглавил мятеж. И я помню, как он плакал, отвязывая от колесницы тело женщины, которую «золотые», наёмники шада, довели до смерти. Это была родовитая госпожа, сестра одного из сподвижников Тайлара... Потом он обратился к своим людям и сказал: от века ведётся, что всякое войско пытается пленников и насилует женщин, даже когда война идёт за правое дело. Не нами заведено, но после нас да не продолжится! Отныне, мол, ежели кого в мерзостном грехе уличу – врагом своим назову и удавлю вот этими руками. Так и сказал, я сам слышал... А бывалые воины говорили, что он чем дальше, тем больше на старшего брата делается похож.

Волкодав замолчал. Он хотел ещё посоветовать Шамаргану придумать себе другую родню, более подходящую... но поразмыслил и удержался. Он в своей жизни встречал довольно сирот, в самом деле не знавших ни матери, ни отца. Худо чувствовать себя одиноким, никому на свете не нужным, кем-то, по выражению Атавида, выкинутым точно мусор, – и каких только побасенок не выдумывали те сироты, обьясняя тайну своего рождения! Как всем непременно хотелось быть побочными детьми видных царедворцев, военачальников и чуть ли не иноземных правителей! И как обижались несчастные вруны, успевшие поверить в собственную выдумку, когда кто-нибудь выводил все их рассказы на чистую воду...

– Местный люд, – зло бросил Шамарган, – оказал бы всяческое гостеприимство двоим странникам, сопровождающим сына славного Торгума Хума. Если вам охота жрать лягушек – можете жрать!

– Как говорит мой народ, – усмехнулся Винитар, – косатка не станет щипать водоросли, даже если нет другой сыти.

Волкодав же вспомнил лягушек, некогда зажаренных на лесном костре саккаремской девушкой в очень далёком отсюда краю. Он сказал:

– Вообще-то лягушки весьма неплохи на вкус. А жители здешних болот, насколько мне известно, очень здорово их умеют готовить...

Впрочем, глядя, как Шамарган молча, излишне резкими движениями расстилает своё одеяло, наконец-то просохшее после вытаскивания из болота, и укладывается спиной к костерку, венн даже испытал некое раскаяние.

А стоило ли, собственно, вот так осаживать парня? Да пускай бы считал себя хоть сыном Торгума Хума, хоть смертным порождением саккаремской Богини, заглядевшейся с небес на красивого пахаря. Кому от этого плохо?..

Волкодав постарался вызвать в памяти весь разговор, слово за словом, особо припоминая выражение глаз и лица Шамаргана, когда тот повествовал о родстве. И пришёл к выводу, что им с Винитаром не в чем было себя упрекнуть. Потому что искренности в нынешних рассказах лицедея обнаружилось не больше, чем в воровской «жалной», спетой некогда перед воротами Тин-Вилены. Вот только цели были другие. В Тин-Вилене Шамарган проверял свою способность к притворству, ведь по воле Хономера ему предстоял долгий путь и важное дело. А теперь? Корысть? Да такому, как он, очередной корыстный обман и очередное разоблачение должны быть как с гуся вода. Отчего ж он так разобиделся? Очень уж хотел обманом причаститься местного хлебосольства?.. Нет. Вернее – не только. И даже не столько. Теперь Шамарган словно кому-то что-то доказывал. Но вот что? И кому? Почему обязательно хотел преуспеть? И какую внутреннюю необходимость он тем самым силился утолить?..

В то, что сирота Шамарган врал себе самому, придумывая утешительную сказку о высоком родстве, Волкодав поверить не мог. Для этого парень был слишком умён. Поразмыслив, венн в конце концов бессердечно сказал себе, что на самом деле всё это не имело никакого значения. Вот кончится ножичком выученика Смерти, заправленным посреди ночи в рёбра обидчикам, тогда будет иметь... Этого, однако, Волкодав не очень боялся. Шамарган перед его внутренним

взором так и пыхал буро-багровыми с жёлтым пламенами, выдававшими раздражение и упрямство, но пронзительно-алых намерений убийцы всё же не было видно. Да если бы и появились – что с того?

В небе, меркнувшем последними отсветами зари, мелькали быстрые крылья Мыша: зверёк упоённо охотился, хватая жирных болотных насекомых, стремившихся на огонь. Он не улетит далеко, а это значило, что до рассвета к его хозяину никто не подойдёт незамеченным. Волкодав прислонил к дереву свой заплечный мешок, завернулся в старый, неоднократно прожжённый, но по-прежнему тёплый и очень любимый серый замшевый плащ, устроил под рукой ножны с Солнечным Пламенем – и скоро уснул. Ему приснился туман над Светынью и крик одинокой птицы, невидимо летящей в тумане.

Через плавни, не зная местности да ещё и без лодки, быстро не пройдёшь. В бессолнечную погоду можно вовсе заплутать и от отчаяния погибнуть, как потом выяснится, в двух шагах от жилья. Но это сказано о неопытных путешественниках и о тех, чей дух легко сломить первой же неудачей. Трое, явившиеся из Велимора, видели виды, после которых плавни уже мало чем могли их напугать.

Ни одно болото, сколько бы ни идти через него, не окажется бесконечным. Но всё же, выбираясь из середины топей на сушу, хочется сразу угадать направление к ближайшему берегу. С восточной стороны между кронами могучих вётел проглядывали холмы. Следовало предположить, что там если не матерый берег, то уж во всяком случае – большой остров. Может, даже населённый. А с холмов всяко удастся рассмотреть, что делается вблизи и вдали! Плот, связанный из охапок пухлого высохшего тростника, медленно двигался узкими, извилистыми протоками. Трое мужчин осторожно налегали на длинные жерди, толкая ненадёжное сооружение вперёд. У них не было с собою верёвок, и вязать плотик пришлось чем попало: молодыми корневищами сарсана и прутьями тальника, успевшими утратить весеннюю гибкость, но ещё не набравшими жилистой упругости предзимья. Всё это норовило разъехаться под ногами, и непременно разъехалось бы, если б не зрелые листья всё того же сарсана, уложенные сверху и повёрнутые колючками к тростнику. Человеческий вес их не продавливал. Плавни назвал бы гиблым местом только тот, кто до смерти боится воды. На берегах и в протоках было полным-полно всяческой живности, причём не особенно пуганой. При появлении плота не спеша уплывали в сторону утки с уже взрослыми выводками, дважды снимались с лёжек и, треща сухими ветками, уходили невидимые кабаны. Свиристые старые одиночки не гневались на людей. На островках хватало зреющих орехов и особенно падалицы: месяц, что стоял сейчас на дворе, в Саккареме называли месяцем Яблок...

Сидя в Тин-Вилене, Волкодав уж никак не собирался путешествовать по Саккарему, а потому и карт этой страны в своём мешке не припас. Однако несколько карт всего мира – из числа тех, что показались ему наиболее правдивыми и интересными (из-за того конечно, что более-менее верно изображали венские края), – по счастью, всё-таки сохранялись в не боящемся сырости кошеле. Счастье же состояло в том, что, не в пример венским дебрям, Саккарем был страной посещаемой и обжитой, а посему в различных «Начертаниях» и на соответствующих им картах занимал несоразмерное место. В сторону увеличения, конечно.

Довольно странно было смотреть на рисунок, изображавший расположение сразу всех частей света. В то время как Сегванские острова были помечены далеко не все, да и те не особенно верно (что вызвало у Винитара хмурю и кривую усмешку), а западный берег Озёрного края оставался вовсе не прорисованным, – Саккарему оказывалась отведена чуть не половина материка. И в нижнем течении могучего Сиронга, выглядевшего на карте сушим проливом, удавалось разглядеть едва ли не те самые протоки, по которым пробирался неповоротливый плот. Холмы же, медленно придвигавшиеся с востока, были снабжены даже названием: Чёрные. И на некотором расстоянии за ними, если не врал карта, проходила большая дорога. Дорога тянулась из стольной Мельсины на север, соединяя несколько городов. Это был великий большак. По нему скакали гонцы, возвещавшие волю солнцеликого шада. По нему из приморских городов в глубь страны везли товары, доставляемые кораблями из Аррантиады, Мономатаны, Вечной Степи. Обрато к побережью везли шёлк, лес, вино, хлеб... и чудесные камни, добываемые каторжниками в Самоцветных горах. От великого большака в разные стороны тянулись узкие ниточки менее значительных трактов. Одна из малых дорог вела в город, по которому плавни Сиронга нередко именовались Чирахскими.

Для Волкодава это название кое-что значило.
В Чирахе выросла девушка по имени Ниилит.

Чёрные холмы слыли Чёрными не из-за тёмного цвета земли или торфяной воды сбегавших к плавням ручьёв. Когда-то здесь была крепость. Большая, могучая крепость, – орлиное гнездо, надёжно прикрывавшее нивы и поселения на много дней пути окрест. Вот только кто и когда выстроил её и почему в конце концов она оказалась разрушена – теперь никому не было известно. Древними и памятьливыми были саккаремские летописи, но и они не давали ответа. – Зелхат Мельсинский описывает эти развалины, – невольно понижая голос, проговорил Волкодав. – Он полагает, что крепость погибла ещё во время Великой Зимы...
Троим путешественникам вроде и не было особого дела до старинных камней, но равнодушно пройти мимо этих руин смог бы только тот, для которого они давно превратились в ежедневную и привычную данность. Гигантские тёсаные глыбы непроглядно-чёрного камня посейчас ещё громоздились одна на другую... да не просто громоздились, а были пригнаны так, что волос человеческий не мог между ними пролезть. И оставалось загадкой, откуда этот камень, отнюдь не водившийся нигде вблизи, был привезён и какими трудами и ухищрениями поднят на должную высоту.
Тайне древних строителей, всего вероятнее, так и предстояло неразгаданной кануть в бездну времён. Новых саккаремцев, пришедшим сюда после окончания столетия Чёрного Неба, очень мало занимали секреты зодчества давних предшественников. Их снесли гораздо более земные и насущные нужды, и кто стал бы их за это винить?.. Оттого на Чёрных холмах сохранились только основания стен, сложенных вовсе уже неподъёмными, невыворачиваемыми блоками. Всё остальное, что только можно было унести или увезти, давным-давно перекочевало в подклеты и стены домов мельсинцев, чирахцев и всех, кто жил достаточно близко.
Как и положено по природе вещей, новая жизнь питалась останками старой, руководствуясь только своими злостными нуждами и ведать не ведая, что тем самым уничтожает нечто великое. Так рушатся зелёные исполины лесов, и отрухляевшие стволы дают пропитание поколениям новых ростков. И поди ты объясни про великое землепашцу, которому в преддверии зимних бурь нужно выстроить крепкий дом для жены и десятка малых детей...
Волкодаву упорно казалось, будто ещё различимые арки ворот и проёмы дверей были слишком высоки и обширны для обычных людей.

Поклясться не возьмусь, но от людей я слышал,
Что раньше великаны плодились на земле.
Но дни былых племён затеряны во мгле,
А в брошенных домах живут, представьте, мыши... —

отозвался на его невысказанную мысль Шамарган. Он тоже заметил стайку полевых мышей, игравших и гревшихся на послеполуденном солнышке посреди бывшего крепостного двора. От ворот, обрушенных, но и в запустении ещё сохранявших что-то от бывшего величия, вниз к подножию холмов спускалась дорога. Она явно была ровесницей крепости и тоже была выложена камнем, только не чёрным, а серым. Сквозь плотную вымостку лишь в очень немногих местах сумела пробиться трава. Нынешний саккаремский шад, Марий Лаур, был прежде конисом Нардара и в своей горной стране привык заботиться об устройстве дорог. Женившись в Саккареме на венценосной наследнице и взойдя затем на престол, он, руководствуясь прежним опытом, уделил немало внимания удобству и безопасности дорог своей новой державы. Но мостить дороги красиво и на века, как когда-то, в нынешнем Саккареме ещё не выучились. Пока?..
Волкодав оглянулся. Далеко внизу, там, откуда они пришли, медленное течение последней преодолённой протоки уносило прочь брошенный тростниковый плот. Впереди солнце красновато отсвечивало в пыли на дороге, которая, сбегая по склону, постепенно исчезала в лесу, чтобы где-то там, дальше, за широко видимым с высоты небоскатом, влиться в великий большак. Тоже, между прочим, хорошо проторённый и наезженный задолго до Камня-с-Небес...

Нехорошее всё-таки место – дорога! Волкодаву вдруг показалось, будто серые камни шептались и переговаривались голосами несчётных тысяч людей, прошедших по ней с начала времён. Каждый венн сызмальства знает: если долго идти по дороге в одну сторону, как раз доберёшься напрямик на тот свет. Поэтому никто не может быть уверен, что именно явится к нему по дороге с Другой Стороны, а что, напротив, уйдёт. Ну а этот тракт, выстроенный до вселенской погибели, уж точно не вполне принадлежал миру людей... Волкодав подумал об этом и испытал странное, бередящее чувство. Дорожные тени шептались и переговаривались о нём. Как лёгкий пар или пыль, тревожимая ветерком, они поднимались от векового сна и вглядывались в него. Это были тени людей, убитых Тёмной Звездой. И тех, кого там, далеко на севере, в Самоцветных горах, она продолжала ещё убивать. И если он вступит сейчас на эту дорогу и пройдёт по ней, не сворачивая, до конца...

Волкодав шагнул на серые камни и вдруг успокоился. На самом-то деле он вступил на эту дорогу уже очень, очень давно. Просто теперь, на своём последнем протяжении, его Путь обрёл вот такой вещественный облик. И венн с лёгким сердцем двинулся вперёд, мысленно приветствуя сонмища сошедшихся душ:

Мир по дороге

!

[13]

– Ты куда теперь? – спускаясь с холма, спросил он Винитара.

Тот молча прошёл ещё несколько шагов, потом уверенно ответил:

– В Мельсину.

Он не стал объяснять, да и не требовалось. В Мельсину приходили корабли со всего света. В том числе и сегванские торговые «белухи», сопровождаемые боевыми «косатками». В большой гавани кунс Винитар наверняка съест добрых знакомцев, которые почтут за честь взять его к себе на корабль и помочь встретиться со своими. Правда, эти знакомцы или друзья могли объявиться не сразу, а, например, через месяц. Волкодав задумался о том, как бы уговорить Винитара достойно разделить деньги, по-прежнему лежавшие в его заплечном мешке, чтобы ожидание не стало для гордого сегвана временем нищеты или унижительных заработков. Уговаривать он был не мастак. Пока он соображал, как бы подойти к делу, Винитар сам обратился к нему:

– А ты куда думаешь направиться, венн?

Волкодав ответил столь же уверенно:

– На север.

Их взгляды пересеклись, и слова опять оказались излишними. Между ними было всё-таки многовато крови для настоящего побратимства. «Ничего, венн. Знай, что мы ещё встретимся. В другой раз... Может быть, в другой жизни...»

– А я тоже на север, – заявил Шамарган, хотя его никто не спрашивал. – В Мельсине я был и знаю, что там ничего хорошего нет. А вот на севере, говорят, премного забавного... Ты, венн, домой, что ли, через горы хочешь махнуть?

Волкодав усмехнулся углом рта:

– Пожалуй, и так можно сказать...

Трое спустились с холма, и густые тени ползли за ними вслед по дороге.

Постоялые дворы, сколько Волкодав видел их в разных концах света, все похожи один на другой. Нет, конечно, в стране сольвеннов путешественник ищет на постоялом дворе в первую голову укрытия от холода, в Саккареме или в Халисуне – убежища от солнечного зноя, а в Нарлаке – крыши над головой во время частых дождей. Да и подадут страннику близ Мельсины, скорее всего, невозможно наперченную баранину и виноградное вино, чтобы залить неизбежную жажду, в Нарлаке – разварную говядину с кислой яблочной бражкой, а в окрестностях Галирада – ячменное пиво и жареную свинину с капустой. Однако суть от этого не меняется. Всякий постоялый двор уряжается для того, чтобы с выгодой для себя удовлетворять нужды переходящих людей. Поэтому любой хозяин, надумавший радовать подданных Госпожи Дороги да сам кормиться от Её щедрот, имеет у себя и харчевню с опытными «вареями», и комнаты для ночлега, и крытый двор, чтобы ставить повозки. А также

вышибал при дверях и настоящую домашнюю стражу, если есть хоть малейший повод опасаться разбойного налёта.

И, конечно, конюшню, куда можно не просто поставить лошадь или лошадей с тем, чтобы все животные были присмотрены, вычищены и накормлены. По-настоящему заботливый хозяин всегда держит ещё и несколько коней на всякий непредвиденный случай, если, к примеру, гость явится к нему на жестоко захромавшем скакуне или вовсе без него, имея при том повелительную необходимость скорейшим образом двигаться дальше.

Памятуя об этом, Волкодав в первом же селении (а оно обнаружилось непосредственно под холмами, там, где серая речка крепостной дороги вливалась в столь же древнюю, но гораздо больше траченную колёсами и копытами вымостку великого северного тракта) повёл своих спутников на постоянный двор. Именовалось это заведение, как и следовало ожидать, «Старая башня». И над крышей харчевни даже поднималось нечто вроде древней зубчатой башни, сработанной, правда, из досок, просмолённых до древней черноты настоящих руин.

– Я и пешком могу до Мельсины дойти, – заартачился Винитар.

– Можешь, – хмыкнул Волкодав. – Но я много дней видел твоё гостеприимство и не считал это уроном для своей чести. Почему бы теперь тебе не воспользоваться моим?

«Потому что я – кунс», – мог бы сказать Винитар.

«Так и я свой род перечислю на шестьсот лет назад, – мог бы ответить ему Волкодав. – Без запинки до самого Пса. Что, считаться начнём?»

Но один не сказал, а другой не ответил. Шамарган со злой ревностью следил за их разговором, происходившим без слов. Ему очень хотелось быть с этими двоими равным, но... не то чтобы они не допускали его, просто не получалось.

Хозяин постоянного двора был дородный саккаремец, самый вид которого, казалось, говорил о многих выгодах его ремесла, и в особенности при нынешнем благодетельном правлении. Он стоял за стойкой харчевни, неспешно протирая и без того чистые кружки. Сейчас посетителей было немного, но весь вид большой комнаты свидетельствовал о недавнем наплыве гостей, от которого здесь, так сказать, ещё не успели как следует отдышаться. Работники во дворе убирали в сарай скамьи и столы, ставшие излишними, снимали красивые – не на каждый день – занавеси со стен.

Вид троих незнакомцев, один из которых выглядел знатным иноземным вельможей, а двое других – его слугами, явно порадовал хозяина двора, но вместе с тем удивил его и вызвал понятное любопытство.

– Да прольётся дождь тебе под ноги, почтенный, – вежливо поздоровался Винитар. Как и Волкодав, он видел в своей жизни предостаточно постоянных дворов и знал, что здесь принято прямо переходить к делу. – Нам довелось заплутать в здешних плавнях, и оттого мы вышли сюда пешими. Не сможем ли мы купить или нанять у тебя лошадей, чтобы продолжить свой путь?

Над головой хозяина висел символ, излюбленный владельцами придорожных заведений Саккарема: женская рука, держащая большое кольцо. Так здесь привлекали милостивое внимание Богини, Вззирающей-на-пути. Волкодаву нравился этот символ. Он видел в нём напоминание о Великой Матери, Вечно Сущей Вовне, чьим знаком венны почитали именно кольцо. Оно знаменовало для них справедливое мироустройство – от круга звёзд и времён до самых вроде бы мелких периодов человеческой жизни. Саккаремцы усматривали в обруче, удерживаемом рукою Богини, иную мудрость и смысл. Снабжённые подробностями изображения позволяли увидеть на ободке рисунки домов, рек, деревьев и сложную вязь дорог, – но дорог, непременно смыкавшихся. Тем самым всем путешествующим выражалось пожелание благополучно вернуться. Ещё здесь можно было усмотреть более печальное значение: всякого, странствовавшего достаточно долго, по возвращении неизбежно опять потянет в дорогу.

И это Волкодав тоже знал по себе.

– Богиня да благословит дождём пыль на путях и тропах, что привели вас сюда, – ответил между тем хозяин двора. – Сразу видно, что вы очень достойные люди, и в другое время я почёл бы за честь для себя подобрать вам самых выносливых и резвых коней. Но вы, без сомнения увлётесь благородным делом охоты и, я не сомневаюсь, вполне в ней преуспеете,

и впрямь очень долго плутали по островкам и протокам! Оттого вы не знаете, что третьего дня нашими местами проезжала на север свита почтеннейшего Дукола, великого бирюча [14]

и гербослова

[15]

нашего шادا. Солнцеликий Марий, да продлит Богиня нам на радость его дни на земле, отправил премудрого старца в город Астутеран, где ожидается встреча и вечное замирение с союзом горских племён. «Старая башня», к премногой нашей гордости, была почтена ночлегом шадского посольства... Это значит, мои господа, с одной стороны, что нами было заготовлено с избытком всяческой снеди и вы можете отведать тех же самых блюд, что заслужили одобрение умудрённого Дукола и его приближённых, но по гораздо более скромной цене... И, если пожелаете, остановиться в покоях, видевших самых блестящих сановников. Скажу вам по секрету, из этих комнат у меня уже украли на счастье несколько полотенец... А с другой стороны, любезные посетители, увы, увы... После пребывания столь важного посольства в нашем селении поистине нет ни одной сколько-нибудь пристойной лошади ни внаём, ни на продажу. Те, которых мы, будучи добрыми подданными, ссудили некоторым спутникам Дукола, вернутся только дней через десять. Вы можете, почтенные, обождать это время у меня, если время вам позволяет. А можете отправиться чуть в сторону от великого тракта и посетить Чираху, славящуюся своим рынком. Воистину вы не прогадаете, ведь отсюда до Чирахи всего лишь полдня пути...

Ташлак, давно известный всей Тин-Вилене, но при этом по-прежнему лучший соглядатай Хономера, по-прежнему был готов поведать своему кормильцу уйму занятного и полезного. И не только о настроениях в городе, но и о делах внутри самой крепости.

– Помнишь унотов прежнего Наставника – Бергая с Сурмалом? – рассказал он Хономеру. – Так вот, эти двое надумали сложить пояса ученичества, и Волк их отпустил. Они сели на корабль, уходивший в Мельсину. Кое-кто на причале слышал, как они обсуждали, где бы им найти хорошего мастера, известного искусством строить мосты. И как раздобыть денег, чтобы достойно вознаградить его труд...

Разумеется, Хономер отлично помнил унотов, едва-едва приступивших к постижению благородного кан-киро и для какой-то надобности засаженных Волкодавом за чтение книги. Уход этих двоих был не ахти какой потерей для школы воинствующих жрецов... Тем паче что будущее самой этой школы было весьма даже зыбко...

– Дальше, – поморщился Хономер.

Маленький неприметный соглядатай не отличался изысканным красноречием.

– Наставник Волк последние несколько дней сделался очень задумчив, – продолжал он бубнить, словно рассуждая о способах варки ячневой каши. – Это заметили все уноты. Они шушукались между собой, вот бы, мол, знать, что у него на уме...

Издранные ноги Хономера покоились в глубоком тазу, полном тёплого травяного настоя.

Посудину прикрывала холстина, служившая удержанию целебного пара и одновременно прятавшая безобразие покалеченной плоти. Может быть, и не стоило показывать Ташлаку свою телесную немощь. Но, с другой стороны, – да какая, в сущности, разница?

– Этот парень всё время задумчив, и у него, сколько я его знаю, всё время что-нибудь на уме, – раздражённо бросил Избранный Ученик. – Ташлак, ты дождёшься, что я твоё содержание в три раза урежу! Неужели нет ничего, о чём мне действительно стоило бы знать?

– Ты осведомлялся о женщине, которую видели у ворот крепости. Я нашёл людей, встречавших её позже. Она появлялась на дороге севернее Тин-Вилены. Попутчики спрашивали, не нужно ли её проводить, но женщина отвечала, что до Заторной Стены и сама как-нибудь доберётся...

Хономер с силой прихлопнул ладонью по ручке кресла:

– Дождусь я наконец каких-нибудь важных известий или до утра так и буду выслушивать чепуху?.. Известно ли тебе, например, что говорят в городе про эти образа, которые сулятся нам вот-вот принести? Правда ли, будто их кое-кто уже видел... и якобы даже обрёл исцеление?

– Истинная правда, и готов подтвердить всем, чем могу! – с необычной для него горячностью заверил Хономера Ташлак. – Скажу даже больше: я сам проник в дом резчика Гиюра, отца Тервелга, и видел оные образа...

Хономер напряжённо слушал, глядя со странным предчувствием на искренний огонь, мерцавший в глазах соглядатая. Ташлак же вытянул вперёд правую руку:

– Видишь?

Внешность у него была точно такая, какую обычно придают тайным и зловещим подсылам ярмарочные лицедеи в своих представлениях. Неприметная – и, если всё-таки рассмотреть – неприятная. В том числе густо усеянные бородавками руки. Имея дело с Ташлаком, Хономер старался к нему не притрагиваться, и его ничуть не заботило, замечал ли это сам Ташлак...

Он посмотрел. Кожа на руке подзирателя необъяснимо очистилась. Нет, она не стала необыкновенно здоровой и гладкой, но после прикосновения к ней уже не хотелось поскорей вытереть пальцы. Чудо. Истинное чудо Близнецов...

Хономер покрылся мгновенной испариной и одновременно ощутил озноб. Ничего общего с радостным возбуждением, вроде бы должным при лицезрении чуда. Наоборот, Избранный Ученик переживал странную внутреннюю опустошённость.

Он опустил голову и прикрыл ладонью глаза.

– Ступай, – тихо и устало сказал он соглядатаю.

Ташлак, уже открывший рот сообщить что-то ещё, счёл за благо промолчать. Он удалился на цыпочках и очень бережно прикрыл за собой дверь.

Торг в Чирахе действительно оказался таким большим и богатым, что поневоле зарождалась мысль о его исконности для маленького городка. Мастерские по выделке мешковины из волокон тростника и бумаги – из его же сердцевины появились, надобно думать, потом. Мешковину стали делать, чтобы упаковывать купленные и продаваемые товары. Да и бумагу, скорее всего, начали варить затем, чтобы вести счётные записи при торговле, не покупая листы для письма на стороне: чирахцы славилась бережливостью. А возник городок, лежавший на самом берегу плавней, у широкой и удобной протоки, конечно же, вокруг торгового, существовавшего здесь... ну, если не «испокон веку», как обычно в таких случаях говорят, то с тех времён, когда развеялись холодные чёрные тучи Великой Зимы и Сиронг снова стал течь, – уж точно!

Сюда наведывались с океана большие парусные корабли, владельцам которых по тысяче самых разных причин не хотелось останавливаться в гавани Мельсины. Кому-то казались слишком высокими денежные повинности, налагаемые на тамошнюю торговлю в пользу шадской казны. Чьи-то мореходы после долгого плавания предались уж слишком разгульному веселью на берегу, так что с некоторых пор хозяину судна вовсе не улыбалась новая встреча с городской стражей столицы. Кого-то вовсе поймали на торговле запретными товарами вроде некоторых мономатанских зелий, дарующих временное блаженство, но по прошествии времени способных превратить человека в растение... Да мало ли ещё что может приключиться с купцом, странствующим по широкому подлунному миру?

При всём том, однако, в большой портовый город Чираха так и не выросла. Во-первых, потому, что подобных ей уголков в разветвлённом устье Сиронга был далеко не один и даже не десять. А во-вторых, здесь тоже не покладая перьев трудились шадские сборщики налогов. И взимаемые ими поборы были хотя ниже мельсинских, но не намного. Ровно настолько, чтобы вовсе не отвадить торговых гостей.

Одним словом, торг не то чтобы рос на дрожжах, но вполне процветал, и купить здесь можно было поистине всё, что угодно. Начиная от несравненной посуды, производимой дикими вроде бы жителями островов Путаюма, и кончая теми самыми зельями, продаваемыми хотя из-под полы, но по вполне сходной цене.

Винитар и Шамарган отправились присматривать лошадей. Волкодав же, полагая, что они вполне справятся и без него, поскольку в чём, в чём, а в лошадях они, особенно Винитар, смыслили куда как побольше, – отправился в город, ведомый совсем иной надобностью, а вернее сказать, прихотью, потому что насущной надобности в том для него не было никакой. Ему вздумалось посмотреть на бывший дом Зелхата Мельсинского. И на соседний с ним дом, где выросла Ниилит.

Улицы в Чирахе не были ни прямыми, ни слишком длинными. Городок разрастался от причалов и прибрежного торгового, и каждый из первоначальных жителей хотел быть как можно ближе к воде. Оттого многие дома, особенно старые, стояли на сваях, а улицы петляли, следуя изгибам протока, соединялись мостиками и в конце концов упирались в болото. Волкодав понятия не

имел, где искать жилище учителя Ниилит, но скоро выяснилось, что этот дом ему готов показать – естественно, за мелкую монетку – каждый мальчишка. Как он и ожидал, Зелхатов домишко обнаружился на самом краю города (который, по мнению Волкодава, городом-то называть не следовало, ибо защитной стены в Чирахе отродясь не было), и даже слегка за его пределами – на островке, принадлежавшем больше плавням, нежели человеческому поселению. Маленькое строение со стенами из плетня, обмазанного глиной, с крышей всё из того же неизбежного тростника, даже не было обнесено забором. Наверное, ссыльный мудрец понимал, что всё равно ни от кого отгородиться не сможет. Домик стоял на сваях, поскольку Сиронг тѣк с гор и каждый год, в пору таяния снегов при своём истоке, значительно разливался. От лесенки наверх – бревна с зарубками в виде ступенек – вели две тропинки. Одна соединялась с улицей, возле края которой стоял Волкодав. Другая огибала сваи и пропадала в густых кустах, окаймлявших болото. Венн попробовал представить себе, как некогда прославленный учёный, вконец одряхлев, понемногу перестал узнавать ближайших соседей, потом утратил дар вразумительной речи. И наконец, однажды летней ночью ушёл вот по этой самой тропинке, по сверкающей лунной дорожке прямо в гибельную трясиину, думая, что восходит к светозарному храму Богини...

Так, во всяком случае, поведали Волкодаву бойкие уличные мальчишки. Наверное, у чирахцев были свои причины рассказывать об уходе Зелхата именно так, но венн смотрел на маленький домик, спустя десять лет всё по-прежнему окутанный тенями одиночества, и не верил услышанному. Ему доводилось видеться и беседовать с теми, чей разум отличался от разума обычных людей, как могучие океанские парусники возле здешних причалов – от тростникового плота, брошенного гнить у подножия Чѣрных холмов. Он честно попытался представить себе Тилорна, Эвриха, да хоть ту же Ниилит, впавшими в слюнявое старческое слабоумие... и не мог. Корабль, привыкший пересекать океаны, может разбиться о рифы или навсегда застрять на мели, но он и в гибели сохранит свою природу, а не превратится в дрянную плоскодонку из здешних болот.

Гораздо легче было представить, как, получая всё более скверные известия из дворца тогдашнего шада, своего гонителя Менучера, мудрый старик решил обезопасить себя единственным способом, ещё доступным ему. Разыграл старческое угасание, приметы которого, сам будучи лекарем, наверняка хорошо знал. А потом, когда даже дерзким на язык соседским мальчишкам – появлению которых на свет он наверняка помогал – надоело травить «умобредного», он собрал в нетяжёлую, по старческим силам, суму несколько избранных книг... а может, просто пачку чистых листов, перо да чернила... и ушёл под луну через болото по тайной тропе, уповая на вешки, известные только ему да Ниилит, с которой они вместе их расставляли...

Что с ним случилось, где он теперь? Всё-таки умер и упокоился в безымянной могиле, а то вообще без могилы? Или по-прежнему жил где-нибудь под чужим именем, равно чураясь и людской злобы, и милостей шада-нардарца, как бы народ того ни хвалил?..

Волкодав, впрочем, весьма сомневался, чтобы столь великий ум сумел долго оставаться незамеченным и неузнанным. Он помнил, как вёл себя в Галираде Тилорн. Хотя вот уж у кого, после недавнего заточения, были все основания до смерти бояться любого поступка и даже слова, могущего привлечь к нему излишнее внимание...

Волкодав стоял и смотрел, и спустя недолгое время в глухом заборе соседнего дома отворилась калитка, и наружу выглянул слуга.

– Господин иноземец, верно, желает осмотреть дом досточтимого Зелхата? – обратился он к венну. Волкодав оглянулся, и слуга продолжал, нимало не смущаясь его разбойничьей внешностью: – Это будет стоить четверть лаура, которые господин иноземец должен заплатить моему хозяину, купившему выморочное

[16]

покойного мудреца. Если же господин иноземец милостиво добавит к четверти лаура ещё несколько грошиков, я сам проведу его по дому Зелхата и всё как есть расскажу...

– А кто твой хозяин? – начиная догадываться кое о чём, спросил Волкодав.

– Мой хозяин, – должным образом приосанившись, но без большой теплоты в голосе ответил слуга, – достославный мельник Шехмал Стумех, чьим добрым соседом Зелхат был

с самого начала и до конца. Так желает ли господин иноземец всего за четверть лаура осмотреть дом, поклониться порогу которого приезжают вельможи и учёные мужи не только из Мельсины, но даже из других стран?..

– Нет, – сказал Волкодав. – Не хочу.

Мало того, что четверть серебряного лаура сама по себе была грабительской платой, он не желал отдавать её человеку, продавшему в рабство собственную племянницу. По имени Ниилит. Но и это, пожалуй, не было главным. Что хорошего мог он увидеть в доме Зелхата? Приметы его старческого сумасбродства?.. Но если разум Зелхата вправду подался под грузом прожитых лет и пережитых несчастий, вот уж радость узреть это собственными глазами. А если венн был всё-таки прав и опальный мудрец сам устроил эти приметы перед тем, как уйти от людей, – тем более какой толк пытаться распутать эти следы?

Возможно, уже завтра он будет всячески клясть и корить себя за недостаточное любопытство – в кои веки сподобиться попасть в Чираху, оказаться на пороге Зелхатовой хижины, а внутрь не войти! – мыслимо ли?.. Но сегодня...

– Ты, господин иноземец, как хочешь, – неспешно затворяя калитку, выговорил слуга мельника. – Но да будет господину иноземцу известно, что на тех, кому вздумается подходить к дому Зелхата самочинно, без платы, мой милостивый хозяин велел злую собаку спускать. Волкодав усмехнулся, показывая выбитый зуб. Улыбка у него была не из тех, при виде которых хочется продолжать разговор, а тем более угрожать. Слуга как-то сразу заторопился, видимо вспомнив о важных и не терпящих отлагательства делах, а венн окинул дом мельника Шехмала Стумеха быстрым, но очень внимательным взглядом.

Ему бросилось в глаза, что глухой забор не менее чем до середины по высоте был сложен из уже знакомого чёрного камня. Дом за могучей стеной оставался почти невидим, но следовало предположить, что чёрные плиты и толстые каменные «кабаны»,

[17]

вытесанные задолго до Великой Ночи, там тоже использовались в избытке. Знать, предки мельника были среди тех, кто первыми подоспел к разорению крепости на холмах. Или предки тех, у кого, разбогатев, его род купил этот дом?..

Так или иначе, а жившие за забором всё равно получались из рода мышей, утащивших себе в норку щепочки и гвозди от палат вымерших великанов. Они и теперь пытались нажиться на крохах от славы Зелхата... Что ж! Как однажды выразилась Ниилит: «Я совсем не хотела злословить, я просто сказала, каковы они на самом деле есть, и да благословит их Богиня. Такими Она их создала, а значит, был на то какой-то Её промысел...» А Волкодав, выслушав эти или сходные слова несчастной девчонки, подумал, помнится, что подобную родню в выгребных ямах нужно топить...

– Будет вам от Богини благословение, – пробормотал он по-веннски. – Такой дождь под ноги, что весь дом как есть в воду смочит и течением унесёт.

Повернулся и зашагал обратно на торг.

Он договаривался встретиться со спутниками у трактира, называвшегося «Удалой корчемник». Вывеска изображала хитрющего мужика с большим мешком за спиной, удирающего от стражей в медных нагрудниках, причём видно было, что те его не догонят. В прежнее своё посещение Саккарема Волкодав долго не мог взять в толк, чем «корчемник» отличается от «корчмаря» и почему первые, не в пример вторым, считаются лихими людьми и таятся от стражи. Теперь-то он знал, что это слово обозначало ловкого жителя порубежья, привыкшего кормиться доставкой запрещённых товаров вроде дурманного зелья. Или не запрещённых, а всего лишь провезённых мимо шадских сборщиков податей. Оттого и продавали те товары не на рынке, где всякий может увидеть и донести, а в трактирах, тавернах и корчмах, где осторожный хозяин предлагал их проверенным людям, не склонным попусту трепать языками. Вот и назывались недолжные товары

корчемными

, а те, кто тайно провозил их тридесатой протокой, –

корчемниками

. И уж где, если не в Чирахе, жители коей наверняка через одного промышляли корчемничеством, мог появиться трактир с подобным названием?..

Обойдя рынок, Волкодав увидел, что возле назначенной коновязи не прибавилось лошадей. Тогда он отправился в скобяной ряд и не торопясь прошёл его от одного конца до другого, особенно внимательно приглядываясь к инструментам для камнетёсного и камнебитного дела. Увы, ничего дельного ему так и не попало. Видно, местные мастеровые привыкли пользоваться готовым камнем, всё ещё доставляемым с Чёрных холмов, а помимо него, обрабатывали только крохлый песчаник. Во всяком случае, здесь явно не имели понятия ни о настоящей стали, ни о должной закалке и заточке резцов и зубил. Ну что ж, не везёт, значит, не везёт... Волкодав решил заглянуть к лоткам книгопродавцев. Книги Зелхата, имевшие отношение к землеописанию, он прочитал, кажется, все. Но, может быть, в городе, где ссыльного учёного сперва закидывали грязью, а теперь порывались за деньги показывать приезжим его дом, сыщется некий труд, о котором Волкодав и не подозревал? Или хотя толковая подделка, чтобы ему позабавиться, усматривая отличия от подлинного Зелхата?.. Венн выбрал самый большой и богатый с виду лоток, учтиво поздоровался с продавцом, молодым пареньком в халате с зелёной отделкой, и по тин-виленской привычке стал перебирать корешки.

Некоторое время продавец пристально рассматривал сурового, хорошо вооружённого покупателя, а того пуще – большую летучую мышь, сидевшую у него на плече. Наверное, пытался решить, кто такой пожаловал к его лотку. Волкодав наполовину ждал, чтобы его назвали «любезным варваром» и в шутку предложили купить какие-нибудь «Восторги наложницы» или «Тысячу сладостных вздохов». Времена, когда в таких случаях он терялся и впадал в немую обиду, давно миновали. Однако продавец осмотрительно держал язык за зубами, и его молчание тоже было понятно. По нынешним временам могло произойти всякое! Если верить слухам, сам шад не торопился менять простую одежду, удобную в путешествии и в бою, на роскошные парчовые ризы, вроде бы подразумеваемые дворцом. И окружение солнцеподобного Мария было ему под стать. Учёные советники, боевые полководцы, отмеченные рубцами многих сражений, да негибимые в правде царедворцы вроде седобородого Дукола. Вот так посмеёшься над странным вроде бы интересом человека с наружностью грубого рубаки, а назавтра окажется, что это новый наместник-вейгил, присланный шадом в Чираху искоренять проворовавшихся мытарей! И в конце концов торговец вежливо поинтересовался:

– Могу ли я предложить благородному воину труды по знаменательным сражениям Саккарема во дни Последней войны? Вот, у меня есть «Гурцатово нашествие» славного Нераана из Дангары. А если господину воителю нравится поэзия, то позволю себе рекомендовать прекрасно исполненный список «Сказания о четырёх чудесных мечах» несравненного Марваха Кидорского...

Малахитовый бархат их блеск оттенял,
Кто их сделал – никто в целом свете не знал,
Ни учёный, ни жрец не могли разгадать
Эту тайну для шادا, желавшего знать... —

пробормотал Волкодав. Потом спросил: – Не подскажешь ли, почтенный, можно здесь раздобыть какое-нибудь сочинение арранта Тиргея Эрхойра, также прозываемого, вероятно, Аррским либо Карийским? Или «Дополнения к Салегрину» другого арранта, по имени Эврих из Феда?

– Тиргей, Тиргей... – задумался книгопродавец. Волкодаву уже доводилось восторгаться памятью подобных торговцев, хранившей многие десятки имён и названий. Он даже испытал миг радостной надежды, когда молодой саккаремец зашарил взглядом по прилавку, желая что-то ему показать. Неужели наконец-то?.. Но продавец вытянул из длинного ряда книжицу, сразу показавшуюся венну знакомой. – Вот, не взглянешь ли? Это «Двенадцать рассуждений о

пропастях и подземных потоках» просвещённого Кимнота, часть коих, сколь мне помнится, направлена против некоего Тиргея...

Волкодав хмуро покачал головой. И протянутую ему книгу в руки не взял.

– Эти «Рассуждения», – сказал он торговцу, – следовало бы давать читать молодым правителям в назидание, чтобы знали, чего опасаться. В ней человек, никогда не спускавшийся в подземелья, оговорил истинного учёного, посвятившего свои разыскания тайной жизни пещер. Да так удачно оговорил, что подлинный светоч разума был обвинён в измене и отправлен на каторгу. А клеветник занял его место подле сановника, к которому сумел подольститься.

– Легко клеветается, да не легко отвечается, – согласно развёл руками продавец. – Что же касается второго, о котором ты упомянул...

Но тут Волкодава отвлекло ощущение пристального взгляда, устремлённого в спину. Сказать, что такие взгляды он не любил, значило ничего не сказать. Тем более недоброжелателей по белому свету у него развелось более чем достаточно. Но это был не просто косой или злобный взгляд. Он содержал в себе нечто такое, что венну очень захотелось сперва выхватить меч, а потом уже оборачиваться. Он, конечно, сдержался.

– Прости, почтенный...

И Волкодав оглянулся, сразу найдя глазами того, кто на него смотрел.

Вернее – ту...

Ибо за спиной у него стояла девушка-мономатанка. Рослая, стройная, черней сажи и очень красивая. Облачённая в огненно-алое цельнотканое одеяние своей родины, невероятно выгодно оттенявшее природный мрак кожи. Волкодаву невольно подумалось, что девушка была бы ещё красивее, если бы улыбалась. И даже не потому, что зубы у неё наверняка были ровные и блестящие, как нанизанный жемчуг, а просто оттого, что почти все люди становятся красивее, когда улыбаются. Но нет. Мономатанка смотрела на венна так, словно он только что изнасиловал её родную сестру, а значит, заслуживал немедленной и очень жестокой расправы. Во имя справедливых молний Бога Грозы, за что?..

А самое странное и тревожное, что она не просто желала наказать его смертью. Она ещё и могла

это сделать, причём прямо здесь и сейчас, сделать каким-то неведомым Волкодаву, но очень страшным и очень действенным способом.

Настолько действенным, что вместе с одним-единственным врагом обратилась бы в прах половина рынка.

Насколько мог понять Волкодав, только это и спасло его от мгновенной расправы.

Не первый раз его порывались убить, но обыкновенно он знал хотя бы – за что. Он покинул лоток с книгами и неоконченный разговор с продавцом и двинулся к девушке, намереваясь прямо осведомиться о причине её гнева. При этом он не сводил с неё взгляда, и случилось так, что его посетила весьма неожиданная мысль. А потому и спросил он совсем не о том, о чём собирался:

– Скажи, госпожа моя, почему мне кажется знакомым твоё лицо?

Мономатана – обширный материк, населённый очень разными племенами. И языки у них тоже разные, но совсем уж неродственных среди них нет. Так что, если овладел каким-нибудь наречием запада Мономатаны, будь уверен, что и на востоке тебя через пень-колоду, но всё же поймут. И Волкодав не придумал ничего лучшего, чем обратиться к девушке на языке народа сехаба, единственном, который знал.

Он никогда не забывал мест, где прошёл хотя бы однажды. Мог даже узнать дорогу, виденную когда-то совсем с другого конца. Люди запоминались ему существенно хуже. И тем не менее лицо девушки было ему знакомо, он мог бы в этом поклясться.

Она не двинулась с места, лишь враждебный взгляд сделался ещё более надменным.

– Не слишком добра была ко мне жизнь, – на том же языке процедила она в ответ, – но, благословением Алой Матери и заступничеством небесной госпожи Нгуры, до сих пор судьба милостиво уберегала меня от встреч с такими, как ты!

Повернулась и не то чтобы пошла – прямо-таки поплыла прочь той особой величественной, свободной и немисливо изящной походкой, которую считают присущей лишь женщинам

Мономатаны. Волкодав же за всё хорошее удостоился ещё и презрительного жеста: небрежно откинутая длиннопалая кисть как будто выплеснула в него из чашки какую-то гадость. И этот жест, против всякого ожидания, очень о многом сказал ему. Волкодав испытал мгновенное, как вспышка молнии, озарение и вспомнил, где видел её лицо. То есть не совсем её. Те же самые черты были как бы перелиты в иную, более суровую и грубую форму. Он узнал женщину, потому что помнил мужчину. Он сказал ей уже в спину:

– А я-то думал, у родственников славного Мхабра не принято без вины срамословить добрых людей.

Девушка обернулась... Волкодаву приходилось видеть, как бледнеют мономатанцы. Если белые люди становятся восковыми, то чернокожих отток крови делает серыми. Вот и на лице надменной красавицы укоризненные слова Волкодава мгновенно выжгли всю черноту: уголь стал пеплом. И куда только подевалось её беспредельное высокомерие!.. Стремительно шагнув обратно, девушка бухнулась перед ним прямо в пыль и, думать не думая о красивом дорогом одеянии и подавно видеть не видя глазающего народа, поползла к венну на коленях, чтобы обнять его потрёпанные сапоги:

– О могучий и добродетельный господин, не прогневайся на ничтожную рабыню, наделённую поганым и бессмысленным языком!.. Накажи её как угодно, только не уходи... не поведав мне прежде о моём брате...

...Пещера. Дымный чад факелов. Крылатые тени, мечущиеся под потолком. Костлявый подросток-венн, запоротый надсмотрщиками, почти безжизненно распростёршийся на неровном каменном полу. Отрешённая полуулыбка, блуждающая по рассечённым шрамами губам великана мономатанца...

«Одиннадцать поколений моих предков были Теми-Кто-Разговаривает-с-Богами, – произносит он медленно и торжественно. – Они умели просить Небо о дожде, а распаханную Землю – о плодородии. Но вся их сила перешла по наследству к моей маленькой младшей сестре. Мне же выпала лишь ничтожная толика. Поэтому я и стал всего только вождём... А теперь, – обращается он к напарнику, безногому халисунцу, – во имя Лунного Неба, которому ты молишься, и шести пальцев славного Рамауры, что первым одолел Бездонный Колодец, – прошу тебя, помолчи! Я и так могу и умею немногое, так хоть ты не мешай!..»

Волкодав нагнулся и, подхватив под локти, поставил девушку на ноги. Опытный каторжник при этом успел заметить на точёной шее полустёртый лекарскими усилиями след. След, который мог оставить только ошейник. Девчонка упоминала о рабстве не для красного словца и не самоуничижения ради. Она не понаслышке знала долю невольницы.

– Встань, госпожа моя, – негромко сказал Волкодав. – Негоже Той-Кто-Разговаривает-с-Богами прилюдно валяться в пыли. Сам я приехал издалека и ничего здесь не знаю... Может быть, ты подскажешь мне тихое, пристойное место, где мы могли бы сесть и побеседовать о твоём брате? Мономатанка хотела что-то сказать, но не смогла и расплакалась. Волкодав не принадлежал к числу тех мужчин, которых зрелище женских слёз приводит в неописуемый ужас. Напротив, он взирал на них даже с некоторым облегчением. У него дома слёзы считали благословением женщин, помогающим выплеснуть и пережить многое из того, что для мужчин обычно кончается сединой и ранней болью в груди.

– Пойдём!.. – кое-как выговорила она наконец. – Пойдём скорее к моему повелителю... к моему великому и величественному господину... – Она судорожно цеплялась за его руки. – Прошу тебя, накажи ничтожную рабыню как только тебе будет угодно, распорядись мною как пожелаешь, только не откажи...

– Там, где я вырос, – сказал Волкодав, – никто не распоряжается женщиной, кроме её собственной матери, да и та – больше мудрым советом. Может, ты кому и рабыня, но только не мне. Веди меня, красавица, к человеку, удостоенному тобой имени повелителя, и, если ты считаешь ему нужным выслушать рассказ о судьбе благородного Мхабра, – пусть слушает...

– Идём, милостивый господин мой! – был ответ. – Скорее идём!..

– Что же касается второго, названного тобой... – думая, что Волкодав не может более слышать его, вполголоса повторил продавец книг.
И тихонько засмеялся неизвестно чему.

Волкодав не особенно удивился, обнаружив, что «великий и величественный повелитель» опасной красавицы обитал в наиболее дорогом и ухоженном постоялом дворе Чирахи. Здесь при входе стояли даже не обычные вышибалы, а самые что ни на есть городские стражники. При шлемах, кольчугах и девятицветных вязаных поясах. И ещё бы им тут не стоять! Это ведь был не какой-нибудь «Удалой корчемник», а почтенное «Стремя комадара», по названию высшего саккаремского военачальника. И останавливались здесь не разные малопочтенные личности вроде Волкодава со спутниками, а люди вполне уважаемые, состоятельные и даже приближенные к Золотому Трону Мельсины. Внешность Волкодава произвела на стражников должное впечатление – то есть точно такое же, как во всех виденных им малых и больших городах. Двое вооружённых мужчин начали потихоньку сдвигаться к середине прохода, соображая, пускать или не пускать в приличное место явного головореза. Мономатанка яростно замахала на них руками, и стражники сразу отпрянули, отступая с дороги. Наверное, хорошо знали её. Или, что важнее, знали её повелителя.
Девушка провела Волкодава через общую комнату, где сидели за пивом и неспешной беседой лишь несколько очень богато одетых кушцов, и они поднялись по лесенке наверх, причём перила, как отметил про себя венн, были должным образом навощены и натёрты, а чисто вымытые ступени совсем не скрипели.

Девушка без стука устремилась в одну из дверей. За нею они чуть не столкнулись со вскочившим с пола парнишкой, опять-таки чернокожим. Его, пожалуй, уже нельзя было назвать подростком, но и взрослым парнем – с изрядной натяжкой. Так – большун.

[18]

– Афарга, ты куда, он же не велел...

Поименованная Афаргой так свирепо шикнула на парнишку, что тот только руками развёл. В одной руке у него, между прочим, был свиток с обугленным и изорванным краем, а в другой – чашка с чем-то белым и кисточка. Проводив глазами Афаргу и Волкодава, он вновь опустился на пол и вернулся к прежнему занятию, состоявшему в бережном укреплении пострадавшего свитка. Правды ради следовало отметить, что в левом рукаве парнишка прятал оружие, какой-то род маленького, но вполне смертоносного самострела. Которым он к тому же владел весьма решительно и искусно. Если Волкодав ещё что-нибудь понимал, юный мономатанец давно привык к странным и напрямую взбалмошным выходкам прекрасной любимицы хозяина. Но, зная её способность постоять за себя и давно отвыкнув вмешиваться, он лишь с любопытством следил, чем кончится её очередное сумасбродство. Происходившее весьма мало нравилось ему, а всего более не нравился приведённый Афаргой мужчина. Это не обидело Волкодава – а много ли было тех, кому он нравился с первого взгляда?.. Что же касается их таинственного господина, венн успел навоображать себе просвещённого купца откуда-нибудь из Афираэну или Мванааке, уж не того ли самого Шанаку, что некогда привёз в Галирад двадцать три чёрных алмаза и кустик, спрятанный под стеклянный пузырь... Но вот Афарга взялась за ручку двери внутренних покоев, и петли недовольно вздохнули.

– Господин, господин мой, – воскликнула девушка, – взгляни только, кого я встретила на торгу и привела к тебе для беседы!..

– Ну сколько можно, Афарга... – донёсся из глубины комнаты, от окна, голос, при звуке которого Волкодав попросту замер на месте, так что рука мономатанки соскользнула с его запястья. Голос человека, бессердечно отрываемого от любимейшего на свете занятия – работы с пергаментом, пером и чернилами, – учёного, ещё витающего мыслями в том, о чём уже написал и только собирался писать, но при всём том понимающего, что в покое его не оставят и из мира, рождаемого в запечатлённых словах, волей-неволей придётся возвращаться в обыденность...

Если до сих пор догадки о божественном водительстве, благодаря которому его с острова Закатных Вершин вынесло червоточинами мироздания почти напрямиком в Саккарем, составляли для Волкодава лишь повод для праздного размышления, то именно в данный миг он уверовал в

это самое водительство сразу и непоколебимо. Потому что из-за низкого столика возле распахнутого окна, освещённый с той стороны щедрым солнцем Чирахи, поднимался и шёл к нему, потирая усталые глаза...

Эврих.

Немало переменявшийся, то ли возмужавший, то ли постаревший за годы разлуки... наживший почти такой же, как у самого Волкодава, шрам на левой щеке... И разодетый, словно саккаремский вельможа прямёхонько из дворца...

Но всё равно – Эврих!!!

– Афарга, я же просил... – начал хозяин покоев, но осёкся, видя, что приведённый девушкой человек уже вступил внутрь, а значит, не следует прямо здесь и сейчас выговаривать ей за самовольство, обижая тем самым нежданного и не слишком желанного, но всё-таки гостя. – Принеси чаю, – совсем другим голосом распорядился аррант. После яркого света из окна внутренность и порог комнаты тонули для него в сумерках. Волкодав стоял столбом и молчал. Мышь, подобными переживаниями нимало не обременённый, снялся с его плеча, шмыгнув мимо Эвриха, на лету ткнулся мокрым носом ему в щёку – дескать, привет, очень рад тебя видеть! – и унёсся в окно. Аррант отшатнулся, проводил его чумовым взглядом и пристальнее всмотрелся в полутьму у порога... А потом с невнятным, придушенным воплем рванулся вперёд.

Афарга, собиравшаяся умолять своего повелителя хотя бы о самомалейшем внимании к рассказу человека, знавшего её брата Мхабра, изумлённо смотрела на двоих мужчин, так сжимавших друг друга в объятиях, словно некая сила угрожала немедля их разлучить. Девушке доводилось лицезреть своего благодетеля, что называется, во всех видах. И в миг торжества, и предательски избитым, и скрученным скорбью о непоправимом... Но, кажется, ещё ни разу на её памяти чувства не пылали в нём так открыто и ярко, как при встрече с этим бородатым пришлецом с севера.

– Брат мой... друг мой варвар... – задыхаясь, бормотал Эврих. – Я не знал, каких Богов молить... Во имя покрывала Прекраснейшей, улетевшего с ложа!.. Я не отваживался надеяться на новую встречу с тобой...

– Не смей называть меня варваром! – отвечал хозяин летучей мыши. Его голос тоже почему-то звучал прерывисто и невнятно, как будто он никак не мог проглотить что-то, застрявшее в горле. И оба смеялись так, словно прозвучала какая-то давняя и очень остроумная шутка.

Парнишка по имени Тартунг

[19]

стоял рядом с Афаргой, пряча обратно в рукав так и не пригодившийся самострел-кванге. И тоже не мог взять в толк, чему радуется хозяин.

Избранный Ученик Хономер шагнул под арку во внутренний дворик, старательно отводя взгляд от изуродованных тлением образов. Это потребовало немалого сознательного усилия: слишком властно сказывалась многолетняя привычка непременно вскидывать глаза и осенять себя знамением Разделённого Круга. Однако продолжать творить священный символ на образа, из которых столь явно удалилась божественная благодать, было бы опасным кощунством. А осквернять свой взгляд зрелищем гниения и распада Хономеру попросту не хотелось. Тем более что сегодня в полдень должны были прибыть новые, истинно чудотворные образа.

Порождённые по наитию свыше и уже успевшие наполнить Тин-Вилену слухами о своей истинно благой силе. Поговаривали даже, будто дивные лики, ниспосланные через вдохновенный резец юного мастера Тервелга, дарили исцеление и твёрдость в правых делах не только верным Близнецов, но и последователям иных Богов, не брезгуя помогать даже никому и никогда не молившимся проходимцам вроде Ташлака.

Это последнее несколько настораживало, ибо, по мнению Хономера, чудесные святыни являли себя не в последнюю очередь ради распространения истинной веры. Но, с другой стороны, многоопытному Радетелю было отлично известно, сколь редко происходит явное и недвусмысленное вмешательство Богов в земные дела. Людям чаще всего предоставлено действовать по своему разумению... И пожинать заслуженные плоды. Вот он и будет действовать, как сочтёт наилучшим. Появятся образа – и он уж сумеет должным образом ими распорядиться...

...Уноты наставника Волка, не обращая внимания на продолжавший моросить дождик, сидели вдоль дальней стены таким неправдоподобно ровным рядом, что Хономер сразу обо всём позабыл и насторожился, тотчас поняв: что-то случилось! Он окончательно уверился в этом, увидев самого Волка, стоявшего с каменным лицом впереди всех. Сам того не ведая, в эти мгновения Волк был необыкновенно похож на одного своего соплеменника, семь лет назад с точно таким же видом взбиравшегося на деревянный помост: «Отдашь ты его мне, если побью твоего молодца?..»

Тот давний день был далеко не самым радостным в жизни Избранного Ученика, ибо обозначил поистине выдающееся звено в прискорбной цепи его неудач. Слишком часто вспоминать о подобном значило лишиться успеха в будущих делах, и Хономер поспешно вернулся мыслями к насущному. «Зря я отмахнулся от Ташлака, не расспросил его поподробнее. Он ведь упоминал о странной задумчивости Волка и предупреждал, что тот нечто вынашивает...»

– Что случилось? – останавливаясь посередине двора, вслух спросил Хономер.

Волк неторопливо отвязал от своего пояса маленький кошелёк, так и не успевший сколько-нибудь значительно растолстеть.

– Скажи этому человеку, что я получил известие... – глуховатым голосом обратился он к лучшему уноту, мономатанцу Урсаги.

Хономер никогда не бывал в стране веннов и весьма скудно представлял их обычаи. Но и общения всего лишь с двумя сыновьями этого племени вполне хватило ему, чтобы усвоить: если венн напрочь отказывается разговаривать с кем-нибудь напрямую – жди беды. Ибо такое молчание означает, что венн не в шутку прикидывает, не случится ли ему вскорости заплетать косы убийцы.

– Я получил известие о том, как этот человек поступил с Наставником, научившим меня и всех нас всему, что мы умеем, и не только в смысле кан-киро, – продолжал Волк. – Этот человек распростился с Наставником ласковыми словами, но сам отправился выслеживать его и притом нанял себе в помощь мастера смерти, искусного в составлении ядов. Скажи ему ещё так, добрый Урсаги: мне доподлинно неизвестно, погиб ли Наставник, которого они отравили, и только поэтому жрец по имени Хономер не будет мною убит. Но и жить в его крепости никто из нас более не намерен. Мы возвращаемся к своим народам, и благородное кан-киро будет распространено. Однако связывать его с именем негодяя не будут ни в дальних странах, ни в ближних. Скажи ему, Урсаги: мы уходим. И пусть попробует удержать нас, если посмеет.

На памяти Хономера это, кажется, была его самая длинная речь... Избранный Ученик выслушал не перебивая, сложив на груди руки и ничем не показывая, что всей кожей ощущает взгляды унотов, подобные раскалённым остриям. Он только теперь начал как следует понимать, что именно сотворил с унотами Волкодав. За три года наставничества проклятый язычник сделался для них духовным водителем такой силы, какой он, Хономер, не достиг бы и за тридцать три. Если бы, к примеру, прямо сегодня из Тар-Айвана приехал облечённый властью посланец и отрешил его от сана Избранного Ученика, отправив в изгнание, – многие ли обитатели этого храма последовали бы за ним?.. Хорошо если хотя бы наученные кормиться непосредственно из его рук: крошечники да Ташлак. А остальные? Променяли бы привычный уклад жизни под защитой храмовых стен – на скитания? По той единственной причине, что бесконечно поверили и полюбили его, Хономера? Избранный Ученик не привык обманываться и лгать себе самому. Он отчётливо понимал: вряд ли. Как и сам он когда-то не пошёл за...

Кошелёк звякнул, шлёпнувшись на влажную землю возле ног Хономера. Не подлежало сомнению, что он до последнего грошика содержал всё выплаченное Волку за время его недолгого наставничества. Волк был так же беспросветно честен, как и его предшественник.

– Я не буду отвечать на те чудовищные обвинения, которыми ты с такой лёгкостью засыпал меня, – сказал ему Хономер. – Нам, последователям Прославленных в трёх мирах, не привыкать к наветам и клевете. Я не буду выяснять, каким образом ты получил известия, о которых только что рассуждал. Пусть всё это пребудет на твоей совести. И на совести тех, кого ты успел убедить...

Избранный Ученик хорошо знал силу собственного красноречия. Ему случалось уходить от смертельной опасности, не прибегая к иному оружию, кроме владения словом. Речи, подобные той, что он теперь начинал, бывало, превращали озлобленных врагов, явившихся за его головой... не то чтобы в друзей, но по крайней мере в надёжных помощников. Хономер подумал о том, что у него и теперь может что-нибудь получиться...

И остановился, внезапно осознав: ничего у него не получится.
Не сегодня. Не с этими людьми.

И не потому, что перед ним сидели какие-то особые люди или Волк был так уж неуязвим для искусных доводов умословия.

[20]

Всё было гораздо хуже и приземлённей.

Хономер вдруг понял, что происходившее на этом дворе, мокром от бесконечного алайдорского дождя, просто не имело никакого значения. Уйдёт или останется Волк, уйдут или останутся уноты кан-киро – ему было всё равно. Вместо боевого задора, вместо огненного вихрения мыслей в его душе царило безразличие. И опустошённость. Под стать мокрому серому небу и сгнившим образам Близнецов.

И, не удостоив даже взглядом валявшийся на земле кошелёк, Хономер отвернулся прочь, бросив уже через плечо:

– Ступайте куда хотите. Я вас не держу.

Небо плакало над ним тихо и безутешно, как-то очень по-женски.

Полдень выдался таким, каким во второй половине тин-виленского лета вообще-то полагалось быть позднему вечеру. Туча, дотянувшаяся с гор, едва позволяла отличить день от ночи, однако процессия, показавшаяся на дороге в яблоневоых садах, даже во влажном сумраке умудрилась выглядеть праздничной и нарядной. Стражникам на башне сперва показалось даже, что к ним в гости пожаловал целиком весь город, включая не только детей, но даже собак, с лаем мчавшихся по сторонам шествия. Тут и там мелькали красно-зелёные накидки приверженцев божественных Братьев, причём кое у кого надеты правильно, у иных же – шиворот-навыворот, то есть красной стороной слева, что было, конечно же, ни в коем случае недопустимо, но в праздничной суматохе на это не обращали внимания, а и тот, кто обращал, – не в драку лез, а знай указывал пальцем да хохотал.

Близнецы учили не делать особых различий между племенами, и над шествием витали звуки песен, кажется, всех обитавших в Тин-Вилене народов. От местных шо-ситайнских до сегванских и вельхских. Странное дело, всё это отнюдь не порождало несообразного и нестройного гвалта, но, напротив, сливалось в некий торжественный и мощный устав.

Тервелг с отцом шли впереди всех и на руках несли образа, завернутые в чистую, новенькую, нарочно вытканную холстину. Не от дождя! – дождь, равно как солнце и снег, маронговому лаку был нипочём, – но по той же причине, по которой правителю всюду стелют под ноги ковёр и даже под сводами тронного чертога водружают над головой балдахин. Всё это ради того, чтобы не рассеялась, не смешалась со стихиями драгоценная благая сила вождя, а с нею счастье народа. Вот и образа до поры до времени, до прибытия в храм, укрывались от земли и от неба и в особенности от людских глаз.

Следом за двоими резчиками важно выступали уличанские старосты Тин-Вилены. От Горбатой улицы, от Железного ручья, от Маячной дороги и даже от Селёдного тупика. Все разодетые, точно на свадьбу, при посохах для важности.

Хономер с непокрытой головой вышел навстречу. Когда шествие приблизилось и остановилось, а народ перестал плясать и сгрудился вокруг, Избранный Ученик опустил на колени. Он поцеловал сперва дорогу, по которой припожаловала новая святыня, потом коснулся губами краешка полотна. Жрецы во главе с Орглисом, выстроившиеся полукругом у него за спиной, негромко запели. Сияющий и зрячий Тервелг переместил руки, высвобождая полотно, и домотканая пелена сползла, являя взорам то, что до сих пор скрывала.

С небес, вроде бы совершенно не грозových, ударила неслышимая молния, и Хономер утратил способность осознавать окружающий мир. Боги-Близнецы смотрели на него с деревянного, искусно вырезанного щита, и не подлежало сомнению, что это были именно Они, Близнецы. Как и то, что резцом юного мастера водило чудесное вдохновение свыше. Но вот лики были такие, каких Хономер за всё время своего служения ни разу ещё не видал. Старший оказался суровым и бородатым, с пристальным взглядом не улыбочивых глаз, и волосы у него были почему-то заплетены в две косы на висках, а лицо, неизменно и обязательно изображаемое юношески чистым, было попятнано на левой щеке то ли прожилкой дровесиной, то ли слегка

намеченным шрамом, и длинный клинок, всегда носимый у пояса, висел за плечом и тоже казался очень знакомым, и... что там за резковатая линия пролегла в прядях волос, уж не тень ли маленького крыла?..

А Младший, кудрявый, в лёгкой аррантской рубашке и просторном плаще, свободной рукой бережно прижимал к груди несколько свитков и книг. То ли спасал их откуда-то и от кого-то, то ли радостно нёс показать людям, то ли готовился вписать на чистые листы только что почерпнутую мудрость...

Резные лики, опять-таки против всякого обыкновения, не были обременены ни малейшим намёком на сходство. Но некоторым образом это всё равно были братья. И более того – близнецы. С первого взгляда свидетельствовала об этом зримая Правда превыше всякой внешней похожести...

И они протягивали Хономеру хрустальную чашу, исполненную в виде двух сложенных вместе ладоней. Влага для омовения и очищения? Горсть воды – припасть жаждущими губами?..

Слёзы о несовершенстве этого мира, к которым он мог добавить свои?..

А ладони, составлявшие чашу, благодаря мастерству резчика ещё и принадлежали женщине, стоявшей за Братьями. Женщина обнимала и заключала Их в себя так, как материнское сердце сквозь годы обнимает и хранит выросших сыновей. Никто ещё не дерзал изобразить рядом с Близнецами Их Мать... Она тоже смотрела на Избранного Ученика, и в её глазах ему немедленно померещилась укоризна.

«Ты провинился, Хономер...»

И, уж конечно, совсем не случайно за спинами всех троих высился одетый снегами гигант – Харан Киир, прозванный Престолом Небес, а всё вместе было обрамлено зыбкими очертаниями совсем уже запредельной и непостижимой фигуры, коею мог быть единственно сам Предвечный и Нерождённый. Ему тоже до сих пор никто не пытался придать видимый облик. Но было очевидно – начини исправлять, приводить в соответствие с прежними установлениями, убери хоть что-нибудь – и от явственного дыхания чуда не останется и следа. И сделается окончательно ясно, что не образа были неправильными и не их нужно было менять... И ещё.

Доколе со Старшим Младший брат разлучён, в пустых небесах порожним пребудет трон. Слова древнего пророчества Хономер помнил с самого детства. Так вот: Тервелг не позаботился украсить свою работу буквенной вязью. Что это – непростительная забывчивость?.. Ещё одно отступление от установлений?.. Но, если верить созданным им образам, небеса и небесный престол с некоторых пор отнюдь не пустовали, а значит, настало время новых пророчеств...

«Святы Мать Земля и Отец Небо, – явились неведомо откуда и запросились на уста слова небывалой молитвы. – Святы дети их, Люди. Свято всё дышащее и живое...»

Дивные образа смотрели на Хомера. Хомер, замерев, стоял на коленях и тоже смотрел, смотрел, смотрел...

Жила-поживала когда-то большая семья.
Настала пора переезда в иные края.
Когда же мешки с барахлом выносили во двор,
У взрослых с детьми разгорелся нешуточный спор.
И «против» и «за» раздавались у них голоса —
Везти или нет им с собою дворового пса.

А тот, чьих зубов опасался полуночный вор,
Лежал и внимательно слушал людской разговор.
«Я стал им не нужен... Зачем притворяться живым?»
И больше не поднял с натруженных лап головы.

Спустя поколение снова настал переезд
На поиски более щедрых и солнечных мест.
И бывшие дети решали над грудой мешков —
Везти или нет им с собою своих стариков.

5. Доказательство невиновности

Путь «за Челну, на кулижки», что насоветовал Оленюшке премудрый слепой Лось, оказался именно таков, каким и следовало быть пути в подобное место. А именно – далеко не прямоезжим.

И Крупец, на чьём берегу обитали гостеприимные Зайцы, и Ёль, вдоль которой, собственно, располагались обетованные кулижки, были правыми притоками великой Светыни, – текли с севера, из самого сердца бесконечных веннских лесов. Однако попасть с одной реки на другую было не так-то легко.

О том, чтобы идти туда сухим путём, «горой», как выражались венны, и речи не шло.

Водоёмыны

[21]

Крупца и Ёли ко всему прочему разделял изрядный сопочный кряж, называвшийся Камно. Этим словом венны искони обозначали всякие порубежные урочища и в особенности межи, отмеченные камнями. Так что кряжу размером со всё государство Нардар, изобилующему скальными обрывами и гольцами, оно подходило как нельзя лучше. Камно считался едва проходимым, и не просто из-за близости заповедного края у реки Ёль. Кто бывал там (а бывали немногие), те рассказывали, что и без неведомых сил, норовящих исполниться против прищельца, запросто можно шею свернуть, а уж узлы какие с собой тащить, хоть ту же добычу, – вовсе погибель. То есть ни Шаршава, ни Оленюшка, ни молодая Заюшка никаких чащ отроду не боялись и уж кряж бы как-нибудь одолели. Но с двоими грудными детьми в такой путь отправляться – только от смерти спасаясь. Зачем зря ноги стаптывать, если можно добраться на лодке?

В лесном краю река – первейшая дорога. Даже загадка есть: «По какой дороге полгода ездят, а полгода плавают?» О ней сказано, о реке. Вот только иная такая «дорога» в своём зимнем обличье гораздо покладистее, чем в летнем. И к матушке Светыни это относится в самой полной мере, какая только бывает. Если в своём нижнем течении, в землях сольвеннов, она делается степенной и годной для плавания не только по течению, но и против, – то здесь, в верховьях, её воды несутся могучей стремниной, пересечь ещё кое-как можно, но подниматься – не одолеешь ни под парусом, ни на вёслах. Разве берегом добредёшь, ведя лодку на клячах.

[22]

Так ведь и берег таков, что далеко не всюду пропустит...

Крупец же припадает к Светыни гораздо ниже слияния Ёли с сестрицей Челной. Как добраться? – А вот как, – наставлял Оленюшку Лось, много слушавший странников и оттого представлявший себе земные пути отчётливей иных зрячих. – Спуститесь по Крупцу до Светыни. Переправитесь, если дозволит...

– Уж попросим, дяденька Лось. Непременно дозволит!

– По левому берегу ещё полдня по течению вниз. Там будет волок. Не очень длинный, не бойся. Потом два озера и река. Она называется Шатун, потому что течёт сперва на север, а после на юг. По ней плывите с опаскою...

– А кого пастишь-то, дяденька Лось? Чьи там земли?

– Раньше до самых западных вельхов были свободные. Теперь, лет пятнадцать уже, сегваны живут... Бежъ
[23]
с какого-то острова. Худого слова не скажу, просто люди нрава неведомого, не спознались мы ещё как следует с ними, не пригляделись. Оттого на всякий случай – паситесь.

– А дальше как, дяденька?

– Дальше вас Шатун выведет до Челны, по ней спуститесь и до Ёли. А как уж там быть – на месте смекнёте.

Ко времени того разговора сородичи именовали Заюшку кузнечихой, и уже не в шутку, как поначалу. То, что она собиралась покинуть родительское гнездо, было делом неслыханным и печальным, но неизбежным, и потому приданое любимой доченьке собирали не только мать с отцом, – весь род. И самой ей, и малым Щегловнам, что полюбили сладко засыпать на руках у Шаршавы. Самого кузнеца, гордо носившего в волосах целую низочку бус, тоже славно отблагодарили за труд. Зря ли коваль-Заяц до последнего не хотел его отпускать, говоря, что так славно у него работа никогда раньше не спорилась!.. Нашлись у добрых Зайцев подарки и для Оленюшки, и не потому, что были так уж добры, а потому, что заслужила. Понапрасну ли из каждого дома ей мотками нашивали верёвки: сплети сеточку, лещей покоптим, на ярмарке с руками небось оторвут!.. Умницы-Зайки пробовали повторить, не у всех получилось, хотя она потаек не держала, показывала. Большуха же попросила Оленюшку сплести накидку на сундук, красивую, из цветного шнура. И очень ею гордилась.

Потому-то, когда лодка отплывала вниз по Крупцу, было в ней немало и снеди, и всякого хорошего добра. Особое же место занимала дюжина корзин, нарочно сделанных мастером Лосем. Корзины были с узкими донцами и все снабжены крышечками – против веннского обыкновения, зато в самый раз для сегванов. «В их деревню придёте, – наставлял Лось, – будет чем наибольшему поклониться, чтобы приняли хорошо. Да и еды выменять на остаток дороги, охотиться-то да грибы собирать небось некогда будет...»

А ещё вместе с людьми на лодку взошёл пёс. Справный кобель, настоящей веннской породы, что оберегал покой Заюшки и её маленьких дочек. Имя у него было гордое и красивое: Застоя!

[24]

Он знал Заюшку за хозяйку и впредь будет хранить – от зверя ли, от человека. Зайцы не отгалкивали лодку от берега, потому что так провожают, а верней, выпроваживают лишь очень немилых гостей. Шаршава сам налёг на весло, начиная путь «за Челну, на кулижки». Его названная сестра, для которой прощание с Зайцами было большим прощанием со всем родным, знакомым, привычным – ведь именно отсюда брала разбег окончательная дорога в неведомое, – даже не сразу обратила внимание на то, как вертелся в лодке и беспокоился пёс. Но когда возня крупного зверя начала ощутимо раскачивать доброе судёнышко, она обернулась, а обернувшись, смахнула слёзы и увидела: пёс переминался с лапы на лапу, неотрывно глядя на берег. Там вдоль проворного Крупца тянулись вековые березняки, никогда не знавшие топора, – гордость, радость и грибное кормовище Зайцев. Березняками мчалась за лодкой шумливая стайка мальчишек. И вместе с мальчишками, горестно взлаивая и скуля, бежала большая собака.

То есть большой она была только по сравнению с иными породами, не такими крупными и грозными, как веннские волкодавы. Среди своих она, наоборот, выглядела чуть ли не замарашкой из-за бедноватой шубейки и не слишком видного роста. В деревне Зайцев она была прибудной, все подкармливали, но никто так и не позарился прихолить,

[25]

приручить, поселить у себя во дворе. А вот замарашка или нет, – бежала ведь, преследуя лодку и увозимого в ней кобеля, как преследуют только своё

. И горевала, как о своём. Да и Застоя глядел на проворно бегущую суку, не сводя глаз, и лишь долг перед хозяйкой удерживал его от прыжка в беспокойную воду Крупца.

– Ох!.. – только и промолвила Заюшка, лучше всех знавшая, с кем нюхался-миловался её верный страж. А Оленюшка с Шаршавой, не сговариваясь, закричали:

– Прыгай, маленькая! Прыгай! К нам плыви, к нам!..

Псица как раз призадумалась перед очередным ручьём, которого не смогла с разбегу перемахнуть. Она поняла призывные крики людей, махавших ей руками из лодки, и решила: бухнулась в воду, подняв белые столбы брызг, вытряхнула воду из ушей – и поплыла, с силой загребая лапами и напряжённо выставив из воды морду. Шаршава и Оленюшка, покамест орудовавшие вёслами как шестами, стали придерживать увлекаемую течением лодку и спустя время добились, что псица сумела с ней поравняться. Шаршава припал на колени, нагнулся через борт и ухватил плывущую суку под передние лапы. В могучих руках кузнеца большая мокрая собака оказалась не такой уж тяжёлой. Кобель изо всех сил лез помочь ему, лодка опасно кренилась, мальчишки на берегу визжали от восторга, гадая, опрокинется или нет. Не опрокинулась. Счастливая сука благополучно встала на лапы и немедленно принялась отряхиваться, поливая всех вокруг, как из ведра. Тут уже девичий визг раздался из лодки: шуба у псицы тоже была бедноватая разве что по сравнению с иными породами, коим и не полагалось особо пышных одежек.

– Будет кому на волоке помогать!.. – ладонями укрываясь от брызг, засмеялся Шаршава...

Встретив – против всех здравых надежд – давно и, казалось бы, навсегда потерянного товарища, Эврих, конечно, пошёл с Волкодавом назад к «Удалому корчемнику».

– Это кунс Винитар, сын кунса Винитария с острова Закатных Вершин, – представил Волкодав арранту синеглазого красавца сегвана. Он крепко надеялся на быструю сообразительность молодого учёного, и не прогадал. Слово «Людоед» так и осталось произнесённым.

– Тот ли это человек, о котором я был премного наслышан в некоторой связи с твоим прошлым?.. – только и спросил Эврих. Винитара, впрочем, он разглядывал с нескрываемым любопытством.

– Именно тот, – сказал Волкодав. – Мой кровный враг, в чьём доме нас выхаживали после боя у Препоны. Муж кнесинки Елень, которому я не смог доставить невесту.

– С такими врагами, – церемонно поклонился аррант, – тебе, брат мой, можно не торопиться заводить новых друзей. – Слово «друзья» прозвучало во множественном числе, и Шамарган почему-то отвёл глаза. Эврих же прищурился: – А ты, благородный кунс, случайно ли в Саккареме?.. Я слышал от Волкодава, ты хочешь направиться отсюда в Мельсину...

– Да, – коротко кивнул Винитар. Он смотрел на Волкодава и Эвриха и думал о том, что эти двое были удивительным образом схожи. Так, как бывают схожи люди, лишённые внешней общности черт, но несущие в себе равный, от одной небесной молнии зажжённый огонь. Прищур Эвриха стал откровенно лукавым.

– Тогда, – сказал он, – быть может, тебя, сегван, позабавит

известие, что твой брак из клятвенного очень скоро может либо стать, либо не стать совсем настоящим. Стоит тебе пожелать, и менее чем через месяц ты сможешь увидеть великодушную кнесинку!.. Я даже Волкодаву не успел ещё рассказать, а тебе и подавно. Дело в том, что вообще-то я следую на север страны, в город Астутеран, в свите почтеннейшего Дукола, и завернул сюда с чисто познавательными целями, ибо сей город некогда являлся пристанищем мудреца, который... ну да это неважно. Важно то, что высокородный Дукол намерен в Астутеране, лежащем у границ горной страны, встретиться и уговориться о вечном замирении с великим посольством союза горских племён. Ведёт же это посольство известный тебе, кунс, След Орла, славный вождь племени ичендаров. И удивительно ли, что с вождём едет его великая гостья, дочь правителя могущественной сольвеннской державы! Так что я на твоём месте не очень торопился бы в Мельсину...

Вид окаменевшего лица Винитара вполне удовлетворил Эвриха. Учёному арранту было отлично известно, какой смысл придавали сегваны словечку «позабавить», столь невинному у большинства других народов. Известие, полученное Винитаром, как нельзя лучше

удовлетворяло сегванскому понятию о забавном: молодой кунс на время попросту отошёл от забот этого мира. И Эврих добавил, обращаясь уже к Волкодаву:

– А знаешь, кто при вожде состоит главным советником?.. Его дочь по имени Хайгал, Разящее Копьё. Помнишь, та, что веником гоняла тебя в Галираде?..

Ещё бы Волкодаву было не помнить бабку Хайгал, знавшую, как правильно унимать кровь, неожиданно хлынувшую из носа!..

– По мнению горцев, она вполне постигла помыслы, речи и дела людей равнин, а стало быть, лучше других присоветует своему почтенному батюшке, как уберечься от возможного вероломства. Вот только, я думаю, все мысли о вероломстве немедля покинут её, когда она увидит тебя, Волкодав... Ты ведь поедешь с нами в Астутеран, а, брат мой?.. погоди, но ты ещё не представил мне другого своего спутника! Кто он?

– Нам о нём известно немного, – сказал Волкодав. – Только то, что он даровитый лицедей и знаток ядов. Мы зовём его Шамарганом...

То, что случилось дальше, по мнению венна, легко было предугадать. Шамарган, внимательно слушавший речи арранта, принял горделивую позу:

– Ты, господин мой, вероятно, удивишься, узнав, что мы с тобой соотечественники. Хотя твой приятель, склонный оборачиваться собакой, скорее назвал бы меня неублюдком...

[26]

Ибо моей матерью была царевна Серлика, прямая наследница великой царицы Лоллии, отцом же... Моим отцом был могущественный жрец Богов-Близнецов, Ученик Внутреннего Круга Посвящённых, славный Агеробарб. Он погиб, когда я был ещё очень мал. Он пал в неравном бою с нечистыми порождениями тьмы, в Мономатане, на реке Мджинге, и тогда моя мать, одержимая скорбью...

Если бы он вовремя заметил взгляд Эвриха, ставший откровенно хищным, он, возможно, успел бы остановиться и тем спастись. Но он не заметил и не успел.

– И тогда твоя мать, одержимая скорбью, вспыхнула ярким пламенем и сгорела вся до последней страницы, поскольку была не женщиной, а какой-нибудь священной книгой о чудесах Близнецов! – перебил аррант. С таким лицом, какое было сейчас у него, охотники Мономатаны отбрасывают кинжал и с голыми руками идут убивать раненых тигров. – Но оставим в покое давшую тебе жизнь, пока Волкодав на меня не разгневался... Изыди с глаз моих, порождение чресл чудовища! Известно ли тебе, несчастный, что стремнинам Мджинги было даровано от Богов свойство целения? Причём именно за то, что они унесли опасного безумца, способного не моргнув глазом уничтожить весь этот мир? И низринули его в погибельный водопад?..

Шамарган не просто побледнел. Он воистину взялся дурной зеленью, точно незрелое, кислое, гниющее яблоко. По крайней мере так выглядела его досада для внутреннего зрения Волкодава. Лицедей резко крутанулся на месте – и бегом бросился прочь через весь торг, чуть не сшибив с ног лоточника, торговавшего сладостями!

Эврих проводил его глазами.

– Ну вот, – проговорил он огорчённо. И почесал пальцем левую щёку, хранившую след отболевшего шрама. – Наверное, зря я так насел на твоего друга... Но что делать, если у меня до сих пор вся голова чешется, как вспомню Агеробарба и колдовской огонь, которым он спалил мне половину волос... и навряд ли ограничился бы волосами, не вмешайся некая спасительная сила... – Встряхнулся и спросил: – Так мне что теперь, ждать, что он подберётся ко мне и отраву в пищу подсыплет?..

Волкодав пожал плечами.

– Шамарган когда-то поклонялся Смерти и вправду может быть очень опасен, – сообщил он арранту. – Но я не думаю, чтобы тебе следовало прятать посуду или надевать под одежду кольчугу... – Про себя он полагал, что в случае чего это всё равно не поможет. – В прошлый раз он решил назвать себя сыном Торгума Хума и тоже страшно оскорбился, когда мы ему не поверили. Однако, как видишь, мы до сих пор живы. Вряд ли он употребит свои умения тебе на погибель... Скорее всего через некоторое время он вернётся и сделает вид, будто ничего не случилось.

Так оно вскоре и произошло.

Волкодав искренне обрадовался, увидев, что спутники (или теперь по примеру Эвриха уже следовало говорить – друзья?..) купили для него крупного серого жеребца боевой сегванской породы. Саккарем есть Саккарем: на рынках великой купеческой державы возможно найти совершенно всё, чего ни пожелает душа. И особенно на таком торгу, как чирахский! Венн краем глаза перехватил искоса брошенный взгляд Винитара и понял, кого следовало благодарить за эту покупку. Но вслух выразить свою благодарность он тогда не успел, потому что пригляделся к коню, которого молодой кунс облюбовал для себя.

Этот жеребец явно приехал в Чираху из ещё более дальних мест, нежели доставшийся Волкодаву. Вороной красавец родился в степях Шо-Ситайна. Об этом говорили все его стати, чуть горбоносая голова и в особенности отлив шерсти, отсвечивавшей на солнце не калёной стальной синевой, как у других пород, а глубоко запрятанным огнём золотого расплава, в память о прародителях, сотворённых шо-ситайнскими Богами из напоённого солнцем южного ветра. Жеребец смиренно стоял рядом с новым хозяином и всё трогал носом его локоть, так, словно после долгого пребывания у чужих и непонятных людей вновь попал к другу. – Не умеют они здесь с шо-ситайнцами обращаться, – глядя тёплую, необыкновенно нежную морду, со скупой гордостью проговорил Винитар. У него когда-то был боевой конь тех же кровей, незабвенный золотой Санайгау. Не сразу нашёл он подход к норовистому зверю, раз за разом отвергая предложения конюхов «обломать» диковатого и непослушного скакуна. Даже выучил десятка три слов на языке Шо-Ситайна, полагая, что жеребца могут обрадовать речи родины... Зато теперь мало нашлось бы таких, как он, знатоков заморской породы. И, когда сегодня на торгу он подошёл к этому вороному, тот мигом почувствовал руку истинного охотника – и смирился, почти тотчас решив довериться этому человеку.

– Нет худа без добра: по дешёвке достался, – хмыкнул Шамарган. – Дурноезжий, [27] сказали. Лютует, прям страсть! А с кунсом – ну как есть котёнок...

Но Волкодав уже не слушал его. Счастливая встреча с Эврихом заставила его подзабыть обычную настороженность, неизменно предупреждавшую: если сразу случается подозрительно много хорошего – наверняка жди беды! Что поделаешь, как бы ни любила смертных людей Хозяйка Судеб, не может Она всё время красить Свои нитки лишь в весёлые и радостные цвета. Стоят у Неё наготове и горшочки со скорбными, померклыми красками. Это закон, перед коим даже Ей остаётся только склониться...

И в отношении Волкодава этот закон доньше ещё не давал промаха.

– Сергитхар... – тихо позвал венн, до последнего желая надеяться, что обознался. Конь ведь не собака; мало ли на свете вороных шо-ситайнцев, долго ли принять одного за другого?.. – Серги, Серги...

Жеребец насторожил уши, негромко фыркнул и потянулся навстречу знакомому голосу.

– Во дела!.. – непритворно восхитился Шамарган, и даже у невозмутимого Винитара поползли вверх брови. – Да ты-то, венн, откуда в лошадях понимаешь?..

– Где вы взяли этого коня? – хмуро поинтересовался Волкодав, почёсывая Сергитхару доверчиво подставленный лоб и голову между ушей. В лошадях он разбирался не намного лучше, чем в плавании под парусом, но не узнать знакомого коня – всё-таки грех. Хотя тот действительно не собака.

– Там распродают имущество одного человека, – указал рукой Шамарган. – Преступника. Он обокрал хозяина, к которому нанялся на работу. На такой распродаже никогда дорого не запрашивают, только этот конь и оставался, потому что к нему никто не мог подойти. Вот тут Волкодав понял, что справедливое равновесие жизненных красок ни в коем случае не будет нарушено. За радостный проблеск в судьбе придётся платить в полной мере, да кабы ещё не с лихвой. Уж что-что, а дыхание навалившегося несчастья он распознавал сразу. И безошибочно.

Нет на свете народа, у которого предательство доверявшего тебе человека не считалось бы худшим из преступлений... Это лишь немногим простительней, чем расправа над гостем или

измена вождю, которому поклялся служить. Ну а на чём держится наём работника, если не на определённом доверии?

Оттого Боги всех народов земли очень не жалуют вороватых работников, когда те оканчивают свои дни и оказываются перед загробным судом. Ну а нетерпеливые люди обычно не ждут, когда такой работник удостоится божественной справедливости, и по своему разумению вершат над ним правосудие уже здесь, на земле. И нет причин полагать, что их суд бывает слишком мягкосердечным.

Распродажей имущества приговорённого распорядился седьмой помощник вейгила, проворный и словоохотливый старичок. Собственно, кроме норовистого коня, кое-какого оружия и двух смен одежды, распродавать было особо и нечего. Когда Волкодав, Эврих и Винитар подошли к нему, он как раз кончил считать вырученные деньги и привесил бирку на кошелек для отсылки в казну, и слуга уже поднимал с земли его раскладной стульчик, вырезанный, по саккаремскому обыкновению, из одного куска дерева.

– Да прольёт Богиня дождь тебе под ноги, почтенный, – поздоровался Эврих.

– И тебя да взыщет Она в жаркий день тенью, а зимой – кровом и очагом, – приветливо отозвался седьмой помощник. Было видно, что появление Эвриха обрадовало его. – Что привело в этот скорбный угол нашего рынка славного Лечителя наследницы Агитиаль? Обыкновенное слово «лечитель» в его устах прозвучало, как титул. Эврих оглянулся на Волкодава, но в это время старичок заметил подошедшего с ними молодого кунса и забеспокоился:

– И ты опять здесь, добрый иноземец? Неужели ты нашёл некий недостаток у купленного тобою коня и пришёл узнать, отчего я тебя не предупредил о нём? Но позволь, тебе должно быть известно, что я и сам всего лишь несколько дней...

Волкодав поднял руку, обращая на себя внимание седьмого помощника.

– Господин мой, – сказал он по-саккаремски. – Небесам было угодно сделать так, что я давно и неплохо знаю человека, чьё имущество ты по долгу службы здесь продавал... И всё, что мне было известно о нём ранее, внятно свидетельствует: он ни в коем случае не способен на воровство. Я простился с ним несколько месяцев назад, когда он решил переехать в вашу хранимую Богиней страну, и мало верится мне, что за столь малое время он мог так измениться. Не расскажешь ли, господин мой, в каком преступлении обвинён мой прежний знакомый? Несколько мгновений старичок в молчаливом недоумении разглядывал странного чужеземца, так правильно и хорошо говорившего на его языке. Волкодав уже ждал, что его не сочтут за достойного собеседника и вести разговор придётся всё-таки Эвриху. Но, наверное, в Чирахе выдвигали и не таких, потому что седьмой помощник всё же ответил:

– Человек, о котором ты говоришь, вправду приехал сюда к нам из-за моря, хоть и явился не на корабле, а верхом по мельсинскому тракту. Он назвался Винойром... впрочем, одной Богине известно, как его на самом деле зовут. Кое-кто, с кем он успел сойтись здесь, рассказывает, что в Мельсине он оставил жену, только вряд ли бедняжка сумеет получить о нём весточку, поскольку никто толком не знает, где её следует разыскивать. Этот Винойр хотел заработать денег и нанялся служить к уважаемому мельнику Шехмалу Стумеху...

Вот как

, тихо свирепея, отметил про себя Волкодав. Эврих снова оглянулся на него. Имя Стумеха для него тоже было далеко не чужим.

– ...которому как раз нужен был опытный конюх для ухода за лошадьми дочери, – продолжал помощник вейгила. – Сам я не видел, но люди сходятся на том, что новый работник вправду управлялся с конями так, как это удаётся немногим. Он даже сумел спасти молодую кобылу, объевшуюся отрубей. Но, к великому нашему сожалению, Богиня, столь щедро одарившая юношу, не сочетала доставшиеся ему дарования с честностью и чистотой. Молодому зятю господина Шехмала случилось уехать с купеческим караваном, и вскорости новый конюх протянул нечестивую руку к сокровищу его дома – чудесному сапфировому ожерелью, доставшемуся от предков. Дочь господина Шехмала хватилась любимого украшения, и тогда многим вспомнилось, как несчастный Винойр любовался игрой прекрасных камней, украшавших грудь госпожи, и даже говорил кому-то, что был бы счастлив подарить такие жене. Боюсь, однако, что теперь обеим женщинам останется лишь втуне мечтать о столь дивной

драгоценности. Госпоже дочери мельника – оттого, что воришка даже при самом усердном допросе так и не открыл нам, где спрятал покражу. А жена его тем более в глаза не увидит никаких камней... – тут седьмой помощник позволил себе негромкий смешок, – ведь в Самоцветных горах, сколь мне ведомо, до сих пор сапфиров не добывали...

– Так его, – сипло спросил Эврих, – продали в Самоцветные горы?..

– Да, – был ответ. – Воистину, корыстолюбие не довело до добра этого бедолагу, зато, думается мне, милостью Богини с нынешних пор у нас в Чирахе поубавится краж... Караван торговца рабами отбыл позавчера.

– Лечитель наследницы... – проговорил Волкодав, когда они шли к дому вейгила. – Никак у тебя появились заслуги перед солнцеподобным?

– Ну... и так можно сказать, – ответил аррант. – Видишь ли, бедная девочка вправду была несколько нездорова, и государь оказал мне честь, включив в число лекарей, приглашённых ей в помощь. И Небесам оказалось угодно, чтобы с этим повезло именно мне.

Волкодав хмуро поинтересовался:

– А на кол в случае неудачи посадить не сулились?

Эврих даже засмеялся:

– Что ты!.. Шада Мария народ успел прозвать Справедливым, и очень заслуженно... Хотя, должен тебе сказать, иные врачи вели себя именно так, словно казни боялись! – Речь грозила пойти о вещах, огласке ни в коем случае не подлежавших, и от греха подальше аррант перешёл на родной язык Тилорна, который они с Волкодавом постигли несколько лет назад как раз для таких случаев. – Дело в том, что наследница Агитиаль... не могла сдерживать некоторые естественные отправления тела. Причём не только по ночам, но и днём. И так силён был сей прискорбный недуг, что будущую шаддаат даже не решались представить народу, а недоброжелатели Мария, коих, увы, у всякого толкового правителя непременно в достатке, принялись распускать самые постыдные слухи о неполноценности его дочери. Кое-кто даже дерзостно связывал болезнь девочки с тем достаточно... э-э-э... свободным образом жизни, который её венценосная мать вела до замужества...

– Понятно, – проворчал Волкодав.

– Представляешь, как мучился несчастный ребёнок? – продолжал Эврих. – Да, она ведь ещё и тяжело заикалась, бедняжка. Она сказала мне, что чувствовала себя счастливой, только когда сидела в уединённом покое над книгами. Всё остальное время её душу терзало ожидание неизбежных последствий недуга, а тело мучили невежественные лекари. Эти последние страстно желали заслужить милость шада и сразу начинали с сильнодействующих лекарств, которые не приносили настоящего облегчения, но зато вызывали всё новые недомогания...

– Ну а ты?

– Я для начала велел выкинуть все эти зелья, которыми её пичкали чуть не вместо еды, оставив лишь отвар чербалинника для укрепления сил да лёгкую настойку кошачьего корня, ради успокоения и доброго сна. А потом, хорошенько познакомившись с девочкой, я решил поговорить с её памятью... Понимаешь, её заикание дало мне зацепку. Я подумал, что изнурительное нездоровье вполне может оказаться следствием давнего испуга... Естественно, в обычном состоянии разума она не могла вспомнить никакого случая, вызвавшего столь прискорбную рану души, а с нею и тела. Но я нащупал обходные пути и добрался до более глубоких пластов, куда нет доступа дневному сознанию. И знаешь, что оказалось?.. Она была совсем маленькой и училась соблюдать чистоту, уже зная, что пачкать в кровати нехорошо. Но однажды вечером она съела много сочного винограда и оттого проснулась ночью, когда было уже слишком поздно. И тогда у неё в кровати появился демон! Тот самый, которым её пугали не в меру усердные няньки. Большой, усатый, грозно урчащий и с красными светящимися глазами...

– Кошка, – сказал Волкодав.

– Конечно кошка. Но маленькая девочка увидела хищного демона, готового утащить её в бездну. От страха она потеряла сознание, обморок перешёл в сон, а утром она проснулась заикой. И к тому же осталась неисправимой пачкуньей, осквернявшейся от малейшего духовного или телесного напряжения... Каково, а?.. И вот тогда, удерживая память младенца, я призвал разум сидевшего передо мною подростка, и мы вместе изгнали ужасного духа, увидев вместо него добрую кошку, пришедшую узнать, что случилось, и спеть маленькой хозяйке

песенку на ночь. Эта кошка, между прочим, здоровствует и поныне, и я тут же велел принести её, чтобы Агитиаль могла взять её на руки и погладить. Потом я пробудил девочку... Ты будешь смеяться, но меня порывались назвать чудотворцем, поскольку от тяжкого заикания не осталось следов. А чуть позже оказалось, что ушло и всё остальное. Вот так-то, и никаких лекарственных отрав, которыми её в могилу чуть не свели!.. А через две седмицы её царственный батюшка призвал во дворец могущественных иноземных купцов, тех, что держат в Мельсине постоянные лабазы и лавки. Был пир, и на пиру Агитиаль сидела на белых шёлковых подушках между матерью и отцом. Она ела сколько угодно персиков и сладкого винограда, давала кусочки рыбы своей пушистой любимице и с каждым заморским гостем весело беседовала на его языке – ибо, как я уже говорил, девочка выросла среди книг, усугубивших её врождённые дарования. И надо ли упоминать, что на другой день во всём городе только об этом и говорили. Кое-кто сейчас даже болтает, будто в облике юной Агитиаль к нам вернулась венценосная провидица Фейран...

– Стало быть, – сказал Волкодав, – теперь у тебя в Мельсине дворец, набитый золотом и наполненный слугами...

– Варвар!!! – возмутился Эврих и от возмущения даже остановился, а Афарга с Тартунгом на всякий случай придвинулись ближе к своему благодетелю, явно соображая, не придётся ли всё-таки его защищать. – Варваром ты был, брат мой, варваром и остался, хотя бы Ниилит и обучила тебя книжки читать!.. Это я тебе в лицо говорю и обратно свои слова ни за что не соглашусь взять! Что за привычка всё исчислять в деньгах!.. Да будет тебе известно: когда достойный шад возжелал всячески вознаградить меня, я испросил лишь возможности всемерно пополнять свою сокровищницу премудрости, изучая собрания драгоценных книг и беседуя с достойными бесед!.. Я воистину скорблю, если ты до сих пор не способен понять...

– Да провались он, твой дворец, – буркнул Волкодав. – И твоё золото. Можешь ночной горшок себе из него сделать, небось долго прослужит. Я вот что знать хочу: ты со здешним вейгилем только как проситель разговаривать можешь? Или шадский Лечитель чего-нибудь и потребовать право имеет?..

Эвриху понадобилось несколько вполне ощутимых мгновений, чтобы перенестись из тронного зала мельсинского дворца обратно в пыльную, душную и до невозможности дневную реальность Чирахи. Он огляделся. Они стояли перед домом наместника.

Вейгил, как и полагалось уважаемому саккаремскому сановнику, оказался дороден, осанист и седобород. Согласно мнению, издревле бытовавшему у народа этой страны, дородство означало спокойное благополучие в делах и потому приличествовало как домовитой хозяйке, не обремененной надобностью хвататься за десять дел разом, так и вельможе, чей город наслаждается миром и процветанием. Вейгил радушно приветствовал Эвриха, он рад был всячески услужить Лечителю наследницы Агитиаль, но историю, рассказанную своим седьмым помощником, повторил почти слово в слово.

– Могу ли я узнать, что подвигло тебя на такое участие в судьбе злополучного воришки, почтенный? – поинтересовался он затем.

– Я никогда не встречал несчастного шо-ситайнца, высокородный вейгил, – ответил аррант. – Но здесь со мной человек, в своё время хорошо знавший Винойра. И у этого человека есть весомые основания утверждать, что твоё правосудие совершило прискорбнейшую из возможных ошибок, осудив невиновного.

– Винойр происходит из племени, у которого кража считается немислимым делом, – заговорил Волкодав. – Взять в бою – да, для них это святое. Но воровство – занятие не для мужчин. Вейгил покачал головой.

– Жизнь была бы намного проще, почтенный иноземец, если бы мы могли составлять полное представление о человеке лишь по его племенной принадлежности, – сказал он венну. – В царствование предшественника солнцеликого Мария мне довелось служить на северо-востоке страны, и я неплохо узнал нравы степных мергейтов... если такое название тебе что-нибудь говорит. У этих кочевников кража тоже считается величайшим грехом... но – только пока речь идёт о своих. Мергейт у мергейта не стачит даже куска сухого навоза, приготовленного для костра. Но все чужие, все иноплеменники для них – не вполне люди, а стало быть, и человеческим законам не подлежат. Поэтому, например, саккаремского земледельца можно как угодно обманывать и обирать. И если слово, данное мергейтом мергейту, ценится дороже

золота и породистых табунов, то такое же слово, данное пахарю, немедленно уносит ветер... Для того, чтобы доказать мергейтам их заблуждение, иной раз требовалась вся мощь нашей вооружённой руки. – Тут вейгил покосился на деревянный костыль, стоявший рядом с его креслом, и стала понятна другая причина его нынешнего дородства. – Да, друг мой, некогда я был воином, редко покидавшим седло, и не дослужился до комадара именно из-за вероломства мергейтов. А всё оттого, что они распространяют присущее им благородство лишь на своих. Скажи, многим ли ты готов поручиться, что твой друг шо-ситайнец не повёл себя таким же образом, приехав в иную страну?

– Своей свободой, – хмуро проговорил Волкодав. – Я знаю Винойра гораздо лучше, чем тебе кажется, высокородный вейгил. Я занял бы его место в невольничьем караване, если бы это могло тебя убедить.

Эврих в ужасе посмотрел на него... Вейгил же погладил бороду и повернулся к молча стоявшему Винитару:

– А ты что скажешь, почтенный?

– Мой народ – сегваны, – ответил молодой вождь. – И у нас не принято свидетельствовать о мужчинах и женщинах, с которыми не жил под одной крышей и не ходил в море. Но за шо-ситайнца ручается человек, которому я неоднократно без колебаний вверял свою жизнь. И потому я присоединяю к его ручательству своё, высокородный вейгил, в надежде, что клятва кунса и потомка кунсов острова Закатных Вершин способна тебя убедить.

На лице вейгила промелькнула тень некоего чувства, подозрительно похожего на восхищение, – о, как они готовы стоять один за другого, эти воины из северных дебрей!.. нам бы подобную верность!.. Но седобородый наместник, сам бывший некогда воином, уже много лет жил в совершенно другом мире, где, кроме простой чести и верности товарищу, следовало иметь в виду удобство своего кресла и устройство судеб родни. А значит, приходилось брать в расчёт перво-наперво расположение вышестоящих, причём многочисленных и так же занятых собственными выгодами, к тому же часто противоположного свойства...

А кроме того, легко произносить самые страшные поручительства, какие угодно «я бы» и «если бы», зная наверняка, что на самом-то деле никто тебя не поймает на слове и в рабский караван не поставит. Это тоже было отлично известно вейгилу. Последние годы он сам часто сравнивал себя с рулевым большого парусного корабля, лавирующего в узких чирахских протоках при коварном течении и переменчивом ветре. И то, что он в конце концов сказал, вполне соответствовало образу осторожного кормщика.

– Почтенные мои, – проговорил он, тщательно разглаживая изумрудные полы халата, и на руке, ещё не забывшей рукоять меча, блеснул перстень с мутно-желтоватым топазом, знак его власти. – Вот что, почтенные мои... ты, славный Лечитель, и вы, благородные чужестранцы. Весомые слова произнесли вы передо мной, и, во имя Богини Карающей и Милосердной, у меня нет причин подвергать услышанное сомнению или искать в нём какую-то корысть. Но человек, о котором вы столь самоотверженно берётесь радевать, был осуждён в полном соответствии с законами Саккарема, и для признания его невиновным, увы, недостаточно нескольких добрых слов в его защиту... даже из уст людей безусловно достойных. Боюсь, как бы солнцеподобный не сделал меня младшим сборщиком податей, проведая, что я заставил судью изменить приговор просто в угоду человеку, снискавшему его расположение!.. Сделаем же так: если вы мне разыщете доказательство, неопровержимо свидетельствующее о невиновности шо-ситайнца, я немедленно прикажу сделать в судебных книгах новые записи и совершу всё прочее, от меня зависящее, дабы загладить прискорбную ошибку. В частности, составлю письмо за своей подписью и печатью и употреблю казну, чтобы вернуть осуждённого и, елико возможно, выкупить его распроданное имущество... Мне кажется, такое решение не нанесёт ущерба справедливости шада. Что скажете, почтенные?

Северяне переглянулись... и промолчали. Первым нашёлся Эврих. Из троих он по-прежнему оставался самым учёным и к тому же успел познакомиться с царедворцами при шадском дворе. Он поднялся с простой деревянной скамьи, на которой в присутствии наместника полагалось без разбору садиться и знатным и незнатным, и движением воинствующего оратора бросил на руку плащ. По этому движению вейгил, отнюдь не знакомый с повадками мудрецов Силиона, тем не менее мигом распознал в арранте опасного спорщика и приготовился к словесной схватке. Однако Эврих начал издалека.

– Твой приговор, – сказал он, – свидетельствует о склонности принимать взвешенные решения, за что тебе, без сомнения, честь и хвала перед правителем этой земли и перед Богиней, что наделила властью и тебя, и нашего государя. И я лишь попросил бы высокородного вейгила пояснить кое-что, ибо мы с друзьями не украшены всеобъемлющим знанием саккаремских законов. Ты не пожелал удовольствоваться нашими словесными заверениями касательно невинности шо-ситайнца и требуешь неопровержимого доказательства. Однако, покуда речь шла о его осуждении, мы слышали только ссылки на пересуды прислуги. Было ли судьям предъявлено некое доказательство виновности, более весомое, нежели болтовня черни?

– Радостно видеть, что Лечителю покорились не одни лишь тонкости исцеления, но и вековые лабиринты наших законов, – отвечал вейгил. – Видишь ли, почтенный, мы здесь привыкли руководствоваться безошибочным правилом, которое простой народ облакает в слова так: «Если осла увели уже после того, как была похищена лошадь, то вторая покража, возможно, есть следствие первой, но никак не наоборот». Так вот. В самый день исчезновения ожерелья Винойр сопровождал молодую госпожу на прогулке верхом, дабы она могла убедиться, что халисунский конь, купленный для неё мужем, действительно утратил привычку шарахаться от малейшего шороха. По возвращении он снял госпожу с лошади и в который раз восхитился тем, как подчёркивают её красоту чудесные камни. Госпожа хранила сокровище в своей спальне. Когда же наутро обнаружилось, что оно пропало, многие задумались, как могло такое произойти, если она не слышала ничьих шагов рядом с собой? И тогда многим вспомнилось, как любезный вам шо-ситайнец похвалялся сноровкой. Он был единственным, кто мог подобраться и подхватить на руки злющего конюшенного кота, и тот не поспедал его оцарапать. И ещё. Однажды его спросили, как это он не побоялся оставить жену и тестя в Мельсине. А он со смехом ответил, что бояться им в городе некого, и добавил, что хозяин двора перестал брать с них деньги за постой, когда двор стала охранять пара собак, привезённых им с родины. Позже эти слова были расценены как оговорка, могущая подсказать, где следует искать краденое. К сожалению, на допросе шо-ситайнец так и не пожелал открыть ни хотя бы примерного расположения двора, ни имени его владельца... А без этого, как вы понимаете, в Мельсине что-то искать – моей казны неостанет. Быть может, почтенный Шехмал Стумех пожелает предпринять какие-либо поиски на свои средства... но это уже его дело. Итак, благородный Лечитель, я вынужден до некоторой степени признать твою правоту. Осуждая шо-ситайнца, мы руководствовались словами... и теми умозаключениями, которые людям, сведущим в законах, свойственно делать на основании кем-то сказанных слов. Вот поэтому для признания его невинным мне и требуются доказательства ощутимее тех, которые здесь были названы болтовнёй черни. Ведь если мы опустим равную тяжесть на обе чаши весов, та из них, что будет соответствовать невинности, не сможет перевесить, не правда ли?.. Если сможете что-нибудь раздобыть, почтенные, приходите ко мне в любой час дня и ночи, я лишь рад буду восстановить справедливость...

Лошади никуда не делись со своего места у коновязи: вышибале «Удалого корчемника» было заплачено с тем, чтобы он время от времени поглядывал, всё ли у них хорошо. И уже на дальних подступах к трактиру было заметно, что народу нынче там побольше обычного. Изнутри слышались звонкие переборы струн арфы и голос Шамаргана, распевавшего очередную балладу. Волкодаву сразу вспомнилась песня о прекрасной Эрминтар, которой шустрый лицедей радовал девок на Другом Берегу. Нынешняя баллада тоже пелась на два голоса, и снова один был мужским, а другой женским, причём Шамарган необыкновенно здорово изображал оба. Требовалось знать, что поёт один человек, иначе в это трудно было поверить. На сей раз женский голос принадлежал прекрасной деве-воительнице, странствующей по белу свету ради искоренения зла. Мужской же – юному и восторженному песнопевцу, что влюбился в отважную красавицу и взялся повсюду сопровождать её, на досуге воспевая подвиги воительницы в самых возвышенных красках.

Волкодав, Винитар и Эврих подоспели как раз к тому моменту, когда славная мастерица меча прибыла в некий город, изнывавший под властью жестокого управителя. Все от него стоном стонали, и бедные, и богатые, и даже собственная жена, но, как водится, в открытую выступить никто не решался. Люди ждали героя – и герой появился. Верней, героиня.

Хватит горя и муки, беспомощных слёз!
Засиделся на троне ворюга!
По молитве народной им ветер принёс
Очистительных молний подругу...

Храбрая дева, которой словословия явно успели изрядно поднадоесть, то и дело перебивала песнотворца, вмешиваясь в повествование и как бы стаскивая сказителя с небес обратно на землю:

«Справедливое солнце горит на клинке,
Разрубающем чёрные узы...» —
«Мы, порыскав, застигли его в кабаке.
Возле стойки. И пьяного в зюю!» —
«Дева-воин не пьётся перед врагом,
Нападает с решимостью храброй...» —
«Я влепила ему между ног сапогом
И по рылу добавила шваброй!» —
«Выпад! Выпад! Поёт несравненный булат
О желанной и близкой победе...» —
«Кто же знал, что он спьяну качнётся назад
И башкой об решётку заедет?»

Финал песни оказался дважды закономерен. Во-первых, потому, что истребительница неправды снискала награду, на которую, по жизненному убеждению Волкодава, ей только и следовало рассчитывать:

«Так настала погибель источнику зол...» —
«Мы узрели вдову у окошка:
Муж твой, девочка, был преизрядный козёл.
Там лежат его рожки и ножки...» —
Ваша помощь, признаться, поспела как раз,
Сил не стало, скажу я вам честно!
Только лучше, ребята, вам всё-таки с глаз
Поскорее с моих бы исчезнуть.
Хоть и доброго слова не стоил мой муж,
За убийство карают законы...»

Вторая закономерность состояла в поведении самого Шамаргана. Лицедей, вероятно, опасался перестать быть самим собою, если его трактирные песнопения хоть один-единственный раз не кончатся потасовкой. Играя на арфе и громко распевая стихи, он всю голову вертел, улыбаясь и подмигивая пригожим девчонкам – тем более, что речь шла о воительнице и влюблённом. Его ужимки не могли не снискать ревнивого внимания парней. Очень скоро прозвучал рык дебелого глиномеса, нажившего телесную могуту на битве хлебных печей:
– Слышишь, ты!.. Не моги моей девушке глазки строить, кому говорю!..
Шамарган, наверняка ждавший чего-то подобного, лишь веселей ударил по струнам:
– А с кем прикажешь перемигиваться? С тобой, может быть?
Глиномес зарычал и полез из-за стола, легко отмахнувшись от подружки, пытавшейся его удержать.
– Спасите! Спасите! – подхватился и побежал от него Шамарган. – Почтенные, спасите меня от любителя запретных утех!..

Народ помирал со смеху и вовсе не торопился его от кого-то спасать. Шамарган же, заметив своих спутников, вошедших в трактор, лихим кувыркком бросился им под ноги, не переставая при этом брэнчать на арфе и горланить:

«...Снова едет на поиски горя и нужд
Дева-воин в броне воронёной!
Вновь туда, где ликует бездушное Зло,
А надежда молчит боязливо...» —
«Да когда ж наконец ты заткнёшься, брехло!
Эй, корчмарь! Ещё кружечку пива!..»

Хозяин заведения принял эти слова на свой счёт и с готовностью наполнил большую глиняную кружку. Глиномес, не разобравшись, посчитал троих вошедших за случайных посетителей трактора и устремился прямо на них – ловить оскорбителя. Волкодав сделал движение ему навстречу. Короткое такое движение, всего, может быть, на вершок, кто нарочно не смотрел на него, тот и не заметил. Но могучему парню почудилось, будто его с силой толкнули в грудь, вышибив половину воздуха из лёгких. Он взмахнул руками и тяжело сел на пол, соображая, как могло такое случиться. Никакой стены поблизости не было; на что же он налетел?.. Эврих взял кружку со стойки, попросив добавить к ней ещё три такие же, и присоединился к друзьям, устраивавшимся за столом возле входа. Он подсел к ним, как раз когда Волкодав спросил Шамаргана:

– Ну как? Разузнал что-нибудь?

– А то! – был гордый ответ. – Конечно разузнал, и притом гораздо больше, чем кое-кому хотелось бы, чтобы вышло наружу!

Только тут Эврих обнаружил, что за время, потраченное им на препирательства с искушённым в законах вейгилом, его спутники, мало надеявшиеся на особые привилегии Лечителя, сами позаботились кое-что предпринять. Вот и пригодились им разнообразные способности Шамаргана, который именно по этой причине и не пошёл с ними к наместнику (а вовсе не из-за своей малости по сравнению с двумя воинами, как решил было Эврих). Зато теперь было очевидно, что чирахцы могли бы поведать своему вейгилу очень много занятного о происходившем в доме мельника Шехмала Стумеха... если бы вейгил сумел их спросить. Или, что важнее, – если бы он того как следует захотел...

– Дочь мельника, госпожа Шехмал Шамоон, скоро полгода как замужем за купцом Юх-Пай Цумбалом, торгующим винами, – рассказывал лицедей. – Юх-Пай – младший сын, но не всем же достаются старшие, верно? Кстати, все говорят, что парень толковый... Он сам из Мельсины и пока не имеет в Чирахе своего крова, поэтому Шамоон по-прежнему живёт в доме отца. У них тут свадьбы играют весной, после того как засеют поля: считается, что это должно способствовать многоплодию молодых жён...

Волкодав про себя покривился. Свадьбы следовало играть осенью. Любой венн знал почти с пелёнок, что именно этот срок был истов и любезен Богам. Справь свадьбу в иное время – и нипочём не будет добра. А Шамарган продолжал:

– Как там у молодой купчихи Юх-Пай насчёт многоплодия, никому пока доподлинно не известно. А вот то, что сердечный друг у неё как был, так и остался, это вам половина города подтвердит. Звать его Бхубакаш, он недавно унаследовал шорную мастерскую отца, но люди помнят, что подростком он прислуживал в «доме веселья»... и, я подозреваю, поднаторел там в таких любовных изысках, что уж куда против него мужу-виноторговцу... вдобавок почти сразу уехавшему в Халисун.

– Ясно, – сказал Волкодав.

Мыш сидел между ними на столе, невозмутимо лакал из блюбочка молоко с накрошенным хлебом и не обращал внимания на любопытные взгляды посетителей.

– Кое-кто говорит, будто Шамоон ещё и мстит таким образом отцу за некие обиды, нанесённые в юности, – продолжал лицедей. – Иные же утверждают, что месть предназначена мужу, за то, что не увёз её сразу в столицу, как ей того бы хотелось, а, наоборот, сам надумал в Чирахе

осесть... Впрочем, это неважно. Куда интереснее, что Бхубакаш навещает в дом мельника почти каждую ночь, открывая своим ключом маленькую дверцу в стене, окружающей сад. – Видел я эту стену... – вспомнив древние чёрные камни, казавшиеся ему краденными, пробормотал Волкодав. – И дверку в ней видел...

Он вертел в руках опустевшую кружку. Богатство страны чувствуется во всём; тот же «Корчемник» был трактиром не из самых дорогих в городе, не чета «Стремени комадара». Но и здесь посуда, предназначенная разбиваться чуть ли не ежедневно, была красивая, тонкостенная, сделанная на кругу, и гончары выводили её не абы как, лишь бы «наляпать» побольше, а с безошибочным чувством меры и красоты. К тому же и глина в окрестностях Чирахи водилась какая-то занятая. Изделия из неё после обжига обретали сизый матовый блеск, словно покрывались налётом. Говорили, будто молоко в подобных кувшинах оставалось холодным и долго не прокисало, да и пиво становилось вкуснее. Так оно, похоже, и было. Кружка нравилась Волкодаву.

– Ну так вот, – продолжал Шамарган. – Кажется, дней десять подряд им не удавалось увидеться, потому что новый конюх, в отличие от другой прислуги, обладал очень острым слухом, не притуплявшимся даже от почти откровенных посулов. Вот тогда-то пропало у купчихи драгоценное сапфировое ожерелье, и шо-ситайнец был обвинён в краже. А слуги, так дружно свидетельствовавшие против него, были из тех, что целых десять дней лишались привычных подачек. Вот так.

Молча слушавший Винитар усмехнулся углом рта.

– Надобно думать, – сказал он, – поближе к приезду мужа ожерелье непременно «нашлось» бы. Где-нибудь на дне ларя с овсом, когда оттуда позаботились бы наконец выгнать мышей... или ещё в другом месте, которое, по общему мнению, непременно выбрал бы конюх...

– Именно, – кивнул Шамарган.

Винитар ехал по улице на вороном Сергитхаре. Так или иначе, им предстоял немалый путь вместе. Прежде, чем пускаться в дальнюю дорогу, коню и всаднику следовало привыкнуть друг к другу, познакомиться, подружиться. Ибо как знать наперёд, кому из них кого и при каких обстоятельствах, может быть, доведётся спасать?..

Пока Винитар лишь испытывал всё возрастающее уважение к шо-ситайнцу Винойру, прежнему хозяину Сергитхара. Испуг и озлобление, вызванные невесёлыми жизненными переменами, начали проходить, и жеребец всё более становился таким, каким, по всему видно, был прежде: понятливым, ласковым и послушным. Он безо всякого труда нёс Винитара, охотно отзываясь на малейшее движение повода или ноги у своего бока, даже на изменение положения тела в седле. Он хотел угодить человеку, потому что человек ему нравился. С ним Сергитхар не боялся ни брехливых собак, ни скрипучих повозок, ни голубей, неожиданно взлетающих прямо из-под копыт. Даже при виде других жеребцов он ограничивался лишь тем, что воинственно прижимал уши, но в драку первым не лез, понимая, что несущему всадника приличествует достойная сдержанность. Шо-ситайнское седло на потнике из мягкого войлока удобно облегало его спину... Правда, делалось это седло под человека ростом Винитара примерно до плеча. Рослому кунсу в нём было не слишком удобно, но неудобство было вполне терпимым. Да и не менять же седло, ведь если всё пойдёт как надо, в довольно скором времени коня придётся вернуть...

Винитар сворачивал то туда, то сюда, не особенно задумываясь, куда именно едет, и в конце концов Сергитхар вынес его на кривую узкую улочку неподалёку от гавани, где вдоль бесконечных заборов на подушках и ковриках сидели гадалки.

Винитару было известно, что пророческий дар не считается среди саккаремских женщин чем-то из ряда вон выходящим. Конечно, далеко не все они умели провидеть судьбы страны, но способные предсказать суховей или день возвращения уехавшего мужа находились в каждой деревне. Это принято было связывать с осколками Небесных Самоцветов – оружия Богов, разившего Зло во времена подения Камня-с-Небес. Оружие исполнило свой долг, но и само не пережило битвы. Его осколки рассеялись, и там, где их находили в земле, рождались чтимые саккаремцами провидицы и ворожеи.

А если есть настоящие провидицы, немедленно появляются и поддельные, стремящиеся нажиться на своём мнимом даре и на доверчивости приезжих. И не так-то просто бывает отличить одних от других.

При виде конного воина гадалки наперебой принялись окликать его, на всевозможных языках предлагая истолковать будущее, приворожить красавицу, отвести вражескую стрелу. Одна потрясала священными табличками – глиняными лепёшками с выдавленными на них письменами. Другая подбрасывала железный горшок, внутри которого с удивительно красивым звоном перекатывались гадательные фигурки. Третья намекала на тайные знания древнего народа меорэ, четвёртая загадочно поглаживала череп с непропорционально большим лбом и глазницами... Винитар понял: его приняли за чужеземного наёмника, сошедшего на чирахский берег в поисках ратного счастья. Он остался равнодушен к призывам гадалок, ибо уважал как истинный лишь свой, сегванский, неведомый здесь способ прорицания будущего, – при помощи вязального крючка и трёх морских камешков, как показывала ему когда-то бабка Ангран. Его взгляд остановился лишь на одной женщине. Сперва она показалась ему глубокой старухой, но он тут же понял, что ошибался, и сердце ёкнуло: воистину так могла бы выглядеть его мать, если бы не умерла годы назад!.. Это видение, впрочем, тоже оказалось простой игрой тени и косоугольного света. Ведь не могла же, в самом деле, маленькая темноглазая и темноволосая женщина, вдобавок улыбчивая и полнотелая, хоть как-то походить на его мать, от которой он унаследовал и волосы, и глаза!..

Женщина молча сидела на старом-престаром коврикe, таком ветхом и драном, что было не вполне ясно, зачем вообще он ей нужен, – ведь мягкости в нём уж точно больше не было никакой, – и смотрела на Винитара. Молодой кунс остановил коня. Его рука потянулась к поясу, разыскивая кошель. В кошеле у него лежало несколько серебряных монет из запасов Волкодава. Винитар не просил их у него, это венн за столом пододвинул ему горсть денег, сказав просто: «Возьми». Кунс нащупал два самых крупных сребреника и бросил их женщине. Одна – и более здравая – часть его разума отчётливо понимала, что он делает глупость. Ему, оставшемуся без гроша, купили прекрасную лошадь и ещё дали денег, а он вздумал тратить их... вот таким образом. Но другая часть его существа – и он склонен был прислушаться именно к ней, – не менее убеждённо твердила, что женщина, награждённая от Богов хотя бы мимолётным и неверным сходством с его матерью, не должна, просто не имеет права сидеть на голых камнях, а значит, брошенные монетки некоторым образом оказывались посвящены памяти умершей, стало быть, потрачены самым благим и правильным образом...

И плевать, что якобы нищая гадалка вполне может оказаться собственницей богатого дома, вышедшей облегчать кошельки таких, как он, доверчивых простаков...

Женщина между тем ловко поймала брошенные сребреники подолом, украшенным разноцветными заплатками, и улыбнулась:

– О чём же рассказать тебе всю правду, сынок?

– Ни о чём, – ответил Винитар. – Купи себе, мать, новый коврик или подушку.

– О! Так я и сделаю, – обрадованно отозвалась уличная гадалка. – Но мой нынешний коврик столь долго странствовал вместе со мной, что я вряд ли решусь просто взять и похоронить его в мусорной куче. Окажи ему честь, сынок, присядь на него вместе со мной!

И Винитар, к своему некоторому удивлению, обнаружил, что соскакивает с седла и в самом деле опускается рядом с женщиной на продранный коврик. Жеребец изогнул шею посмотреть, чем занят всадник, но с места не двинулся.

– Никуда не денется твой Серги, – сказала женщина Винитару, и тот вздрогнул от неожиданности. Он не называл коня по имени так, что она могла бы услышать, и отлично помнил об этом. От женщины не укрылось его замешательство, и она шутливо погрозила ему пальцем, а потом взяла за обе руки: – Не обременяй себя слишком многоточивостью, сынок, и не противься течению жизни. Ты опытный пловец и знаешь, что она всё равно протечёт так, как ей будет угодно... Верно, ты вождь племени, бросившего родной остров и живущего в чужом краю, захваченном без правды и чести, так что мало кто из соседей вас любит... А теперь ты остался вовсе один, даже без ближней дружины и корабля. Ну и что с того, мальчик? А она кто?.. Верно, кнесинка и дочь кнесинки, но тоже семь лет уже не видела стен своего Галирада, и жизнь там успела далеко утечь без неё и помимо неё...

Винитар остолбенело внимал. В некоторый миг ему померещился вязальный крючок, лежавший на коленях у женщины. И три разноцветных камешка, брошенные на старый коврик. Он моргнул, и наваждение рассеялось. Но голос матери продолжал звучать:

– Вы с ней оба – как лягушки на сарсановых листьях, плавающих в болоте: каждый на своём... и оба голые. И оба думаете, что вам нечего предложить друг другу, но как же вы заблуждаетесь,

глупенькие! У вас есть вы сами, неужто этого мало?.. А потому слушай меня внимательно, сынок, и памятью крепко. – Тёмные глаза женщины вдруг стали необыкновенно глубокими и воистину заслонили для Винитара всю суету улицы, и в них снова мерцала всё та же синева беспредельного океана, а выкрики гадалок, ловивших уже другого прохожего, отдалились в иную вселенную и замолкли. – Памятью же, – в полной тишине продолжала его странная собеседница. – Когда тот, кого ты называешь врагом, хотя был бы рад назвать братом, скажет тебе: «Ступай к ней! Меня же оставь, у меня другая дорога», – сделай по его слову и не горюй оттого, что не превратил его дорогу в свою. И наградой тебе будет отступивший разлив Сиронга и корабль, поднимающийся с низовий, а на нём – все, кого ты думаешь, что потерял... и даже с прибытком.

Винитару сразу захотелось расспросить провидицу о сотне вещей скопом, но услышанное потребовало нескольких мгновений даже не на обдумывание, нет, просто на то, чтобы как следует ощутить, осознать... когда эти мгновения истекли и он поднял глаза, то успел увидеть лишь штопаный подол, мелькнувший и исчезнувший за дальним углом. Женщина унесла даже коврик, ни дать ни взять каким-то образом выдернув ветхую рванину из-под колен Винитара, причём он умудрился не заметить движения. Винитар сразу поднялся и последовал за гадалкой, ведя коня в поводу. Но за углом открылся лишь узкий замусоренный тупичок, в котором никого не было видно.

* * *

– Ты изменился, брат мой, – сказал Эврих Волкодаву. И, пока тот силился сообразить, в какую именно сторону, продолжал: – Раньше ты был просто воином из породы непобедимых. А сейчас... Помнишь, как ты нанимался вышибалой в трактиры? Если бы ты оказался вынужден зарабатывать этим теперь... Я думаю, тебе не пришлось бы трудиться, выбрасывая за порог разбушевавшихся пьяниц. И не потому, что их скоро начала бы отпугивать твоя слава. Нет! Их с самого начала просто некоторым образом миновала бы мысль о корчме, где ты состоял бы на службе. Каждый из них по самой обыденной причине просто отправился бы шуметь в какое-нибудь другое заведение. Знаешь, как это бывает? Человек вдруг испытывает необъяснимое желание отойти от скалы. И тут с неё вниз падает камень. Вот и с тобой то же... Что ты так на меня смотришь?

Волкодав как раз вспоминал нарлакский город Кондар, «Сегванскую зубатку» и буйного вельможу, заслужившего прозвище Беспутного Брата. Воспоминание было не из тех, которыми венн мог по праву гордиться. Поэтому ответил он так:

– Жду, когда ты меня варваром назовёшь.

Эврих засмеялся, но довольно странно, почти со всхлипом. Он сказал:

– Я всё как следует поверить не могу, что встретил тебя... Наверное, поэтому мне и кажется – вот сейчас моргну, а тебя уже и нет рядом со мной!

Может, так оно и вправду случится

, подумал Волкодав, но говорить об этом вслух ему не хотелось, и он промолчал.

Был поздний вечер, и понемногу начинал моросить дождь. Луна мутно-жёлтым пятном пробивалась сквозь облака, другого света не было – масляные светильники в Чирахе покамест появились лишь на причалах да возле дома вейгила. Эврих же с Волкодавом шли по одному из бесчисленных петлистых заулков, медленно, исподволь подбираясь к дому почтенного мельника Шехмала Стумеха. А где-то в стороне от них, теми же заулками, но иными путями, плутал некий сегван, определённо опрокинувший в «Удалом корчемнике» несколько лишних кружек и подзабывший, на котором постоялом дворе лежали его вещички. По крайней мере, должен был плутать. Винитара они не видели с самого заката.

Афаргу же с Тартунгом Эврих оставил в своих покоях в «Стремени комадара». Теперь, правда, ему упорно казалось, будто и самострел паренька, и кое-какие способности Афарги могли оказаться очень даже нелишними в предстоявшем им деле...

– Не окажутся, – сказал Волкодав.

Эврих возмутился:

– Ты что, мысли читаешь?..

– Не читаю, – пожал плечами Волкодав. – И так ясно, о чём думаешь.

За три года, что они не виделись, Эврих нажил немало количество шрамов на душе и на теле и видел смерть гораздо чаще и ближе, чем иные степенные люди, ведущие размеренную жизнь, видят за весь свой земной срок. Но вот снова появился Волкодав – и арранту сразу стало казаться, будто время попятило изрядно назад, и снова он следовал за сумасшедшим венном, впутавшимся в очередное дремучее непотребство, следовал, негодуя и ругаясь на каждом шагу, но при всём том понимая, что не впутаться, если числишь себя человеком, было нельзя... Вот и сейчас, пока они петляли кривыми, как воровские намерения, чирахскими переулками, Эвриху всё лезло на ум их с Волкодавом приключение на Заоблачном кряже. Наверное, оттого, что тогда они тоже брели в темноте, пробираясь к защитной стене итигульской деревни. Правда, тогда они собирались лезть изнутри наружу, да и собаки, то и дело подбегавшие приветствовать Волкодава, вместо грозных утавегу здесь были скромными уличными шавками, но в остальном всё казалось до жути похожим. Кто она была им, та женщина, пленница воинственного народа?.. Кто он ему, Эвриху, этот ни разу не виданный шо-ситайнский парень по имени Винойр?.. Но как – и тогда, и теперь – пройти мимо, не попытавшись спасти?.. Мысли начали делаться высокопарными, и Эврих оборвал их поток. «Да я просто боюсь! – уличил он себя. – Чего, спрашивается?» – Не бойшься, – сказал Волкодав. – Просто пытаешься думать сразу о многом, а случится одно. Думай про то, что тебе кажется самым паскудным, и будешь готов. А случится другое, покажется облегчением.

Эврих только застонал про себя. Частью оттого, что венн снова подслушал его мысли. Но что поделаешь, если каждая новая возможность, приходившая ему на ум, выглядела паскуднее некуда?.. Они лезут в сад, и кто-нибудь замечает их ещё на стене. Они подходят к дому, и тут к ним бросаются слуги, вооружённые вилами и мясными топориками. Они начинают шарить в конюшне, и некстати проснувшийся конюх...

«А всё оттого, что теперь у меня есть что терять! – беспощадно приговорил себя учёный аррант. – Тоже выискался... Лечитель наследницы Агитиаль! Кладёзь мудрости, пишуший третью книгу для хранилищ вечного Силиона... И чтобы меня как какого-то распоследнего... в воровстве... А провались!!! Да пошли они все в ...!!!» – Эврих с удовольствием, чуть ли не по складам, мысленно выговорил самое непристойное проклятие на родном языке. Средство было безотказное. Эвриху снова исполнилось восемнадцать, он сделался шальным, весёлым и лёгким и напрочь перестал беспокоиться, как завершится затеянное ими дело. Собственно, ему стало всё равно. Чем бы ни кончилось – главное, что прежде конца будет неплохая забава! И в том смысле, что вкладывали в это слово сегваны, и в самом обыкновенном!

У дверцы в каменной стене Эврих, к некоторому своему разочарованию, дюжих стражников не обнаружил. Значит, драки в ближайшее время не предвиделось. Эврих быстро огляделся, а когда снова посмотрел на дверцу, то даже вздрогнул: возле неё стоял Шамарган. Вот так и поверишь в необычайную выучку и особые умения поклонников Смерти. Эврих отвёл глаза всего на долю мгновения, и за это время лицедей, вряд ли нарочно желавший его удивить, вырос точно из-под земли. Хотя до ближайшего угла было шагов, наверное, десять, а тень в дверной нише была маловата для укрытия даже ребёнку. Чудеса, да и только. Эврих ощутил, как разгорается знакомый огонёк любопытства, и мысленно положил себе на досуге подробно расспросить Шамаргана. Когда ещё ему доведётся снова пить пиво с единоверцем убийцы, чей нож однажды едва не лишил его удовольствия странствовать и постигать мир?..

– Нам везёт, – вполголоса сообщил Шамарган. – Он уже там.

Им не было нужды бояться случайных прохожих, способных заметить подозрительное сборище под стеной и на всякий случай переполошить городских стражников. Мудреца Зелхата, чей дом единственный соседствовал с обиталищем Шехмала Стумеха, в городе почитали отчасти за колдуна; во всяком случае, сплетни о таинственных огнях и свечении на болоте расплзались исправно. Кто в здравом рассудке сунется сюда посреди ночи?

Эврих снова огляделся:

– А где кунс?

Винитара нигде не было видно, хотя ему следовало бы уже появиться, и арранта даже кольнула некая очень нехорошая мысль, но Мыш, бдительно крутившийся рядом с хозяином, вдруг шапнул в непроглядную тень у края забора и сразу вернулся, и почти сразу оттуда в полосу

мутного и тусклого света шагнул Винитар. Один рукав его рубашки был почему-то разорван возле локтя. Он пожал плечами и равнодушно пояснил:
– Кошелёк срезать хотели.

На другой день среди чирахского воря распространится пугающий слух. О том, как трое порядочных мужиков с дубинками, сокрытыми под плащами, увязались за явно пьяным одиноким сегваном, думая вежливо попросить у него денег на лечение больного собрата. Но, когда дубинки уже были занесены, пьяный вдруг обернулся, хотя ничего не должен был увидеть или услышать, и... что случилось потом, ни один из троих толком вспомнить так и не смог. Но на свою улицу они кое-как доползли только к рассвету.

Однако всё это будет лишь назавтра...

Эврих снова вспомнил деревню под сводом горной пещеры и задрал голову, примериваясь к каменной стене и соображая, как они полезут наверх. Как тогда – или, может, сперва закинут наверх лёгкого Шамаргана?.. Ни то, ни другое. Шамарган присел на корточки рядом с дверцей, вынул что-то из поясного кармана. Короткая игра ловких пальцев возле считавшегося очень надёжным замка... И дверь неслышно повернулась на хорошо смазанных петлях. Ещё бы им не быть хорошо смазанными!

...И, конечно, первым долгом в двери появилась морда большущего сторожевого пса. Всё правильно. Кто поверит в богатство хозяина дома, если тот может обходиться без такого вот стража? Люди засмеют. Да и правильно сделают. Пёс был степной халисунской породы, очень крепкий, с длинной белой шерстью, отроду не стриженной и свалывшейся в грязноватые шнуры, подметавшие землю. На такого зверя вору без толку замахиваться палкой. По его шубе, не причинив вреда, может соскользнуть нож и даже топор. Окажется хоть чуть-чуть неверен замах – и молись, ночной гость, уже не о жизни, а лишь о том, чтобы недолгими оказались мучения в страшных зубах... Не иначе, какой-нибудь служанке особо платили за то, чтобы на время прихода-ухода «друга сердечного» она уведила неподкупного сторожа в дом. Куда простой душе против человеческой подлости!..

Свирепый кобель уже высунулся наружу, чтобы уткнуться лобастой головой Волкодаву в колени и начать по-кошачьи тереться, ворча и поскуливая от восторга. Венн похлопал его по боку, потом обнял и, кажется, что-то тихо сказал на ухо. Шамарган вошёл внутрь последним и снова повернул отмычку в замке, запирая дверь.

К дому через сад тянулась тропинка. Ею пользовались слуги, выходившие за деньги показывать приезжим дом Зелхата Мельсинского. Дом мельника, почти не дававший себя разглядеть через стену (и правильно – нечего зря глазеть всяким чужим!), вблизи оказался большим и богатым. Тоже правильно. Шехмала Стумеха называли мельником лишь по привычке. На самом деле он давно уже сам не бросал в воздух горстку муки, призывая запропастившийся ветер. Мельниц, исправно вращавших крыльями, у него был целый десяток. И хороший надел земли, где колосилась пшеница. И пекарни с умелыми работниками...

В этом доме росла Ниилит.

Сперва – как любимая дочь. Потом – после Чёрного года, смерти родителей и приезда дядьки с семьёй – как нелюбимое братучадо, то ли бедная родственница, то ли служанка. По саккаремским законам незамужняя дочь не может наследовать, если только она не дочь шада. Умрёт старший брат, и имущество отойдёт к младшему. А судьбы таких, как Шехмал Ниилит, вручаются заботам родни.

И уж те позаботились...

Эврих косился на три невесомые тени, скользившие впереди него по тропинке, и казался себе самому до ужаса шумным и неуклюжим. Прав был венн, пытавшийся отговорить его от участия в этом сумасшедшем набеге... То есть теперь, когда всё началось, Эврих совершенно перестал бояться... или, как выразился Волкодав, «думать сразу о многом». Страх у него был только один. Не оказаться бы тюфяком, способным помешать двоим воинам и убийце.

Они достигли дома. Здесь двери даже ночью оставались не заперты. Зачем, от кого? «А хоть от нас, милые. Впрочем... если Шамарган...»

Внутри было тихо. И они ничем не нарушили эту тишину.

Дальше вёл Волкодав, и Эврих положил себе непременно расспросить его – как, каким образом?.. Неужто Ниилит так подробно рассказывала ему о своём доме и он умудрился ничего не забыть? Вызнал ли для него что-нибудь Шамарган, успевший за один вечер поболтать, кажется, со всеми служанками в городе?.. Или венн снова пускал в ход своё собачье чутьё? Или, может, пользовался неким непонятным, но очень действенным даром, позволявшим ему подслушивать его, Эвриха, мысли?..

Несколько раз Волкодав останавливался в раздумье, но наконец они преодолели третью лестницу и оказались перед деревянной дверью. Эврих протянул руку и нашарил сложную резьбу, показавшуюся ему старинной даже на ощупь. Судя по всему, здесь-то и была спальня молодой госпожи. Перед дверью полагалось бы дремать молоденькой служанке: мало ли что вдруг понадобится среди ночи. Служанки не было. Милостивая госпожа в очередной раз отпустила её спать до утра.

Шамарган приложил ухо к двери и скривился в очень нехорошей ухмылке. Эврих очень хотел последовать его примеру, но воздержался, зная: всё равно ничего не услышит, там, небось, изнутри дверь ковром занавешена... Волкодав взял за руку Винитара, и они налегли плечами до того слаженно, словно всю жизнь только этим и занимались. Каждый из них справился бы и один, но вдвоём получилось удивительно здорово. Тихо, мягко и неудержимо. Дверь негромко хрустнула, и казавшийся надёжным засов, вырванный с мясом, полетел на пол. Дальше всё происходило очень быстро. Сильные руки рванули ковёр, висевший таки за дверью, и глазам четверых взломщиков предстала спальня молодой госпожи... во всём блеске давно привычного прелюбодеяния.

Двое на широченной постели, купленной ещё старшим братом Стумеха ради свадебной ночи, настолько не ждали вторжения, что даже не успели шарахнуться один от другого. Мужчина был полнотелым, с желтоватой кожей потомка халисунских завоевателей. Что же касается женщины...

Волкодав на мгновение замер. Перед ним, нагая, раскинувшаяся в бесстыдстве страсти... лежала сама Ниилит. Её нежное, смугло-золотистое тело, мимолётным зрелищем которого Боги некогда пожелали вознаградить его. Её роскошные волосы, голубые глаза...

Ну да – Ниилит. Какой она могла бы стать лет через десять сытой и прихотливой жизни в наложницах у какого-нибудь богача... если бы согласилась на такую жизнь и в первый же день не сунула голову в петлю...

Двоюродная сестра Ниилит... У кого вообще мог повернуться язык назвать их сёстрами? Теперь-то Волкодав отчётливо видел, что между двумя женщинами не было ни малейшего сходства.

И ещё кое-что. Гораздо более важное. На шее у «сердечного друга» по имени Бхубакаш играло и переливалось синими огнями, отражая пламя единственной свечи, дивное сапфировое ожерелье. Женщина держалась за него рукой: видно, во время утех это доставляло ей особое удовольствие. А теперь потрясение и испуг срастили её пальцы в судорожной хватке. Ожерелье оказалось единственной опорой, за которую она могла уцепиться, и сестра Ниилит уцепилась... да так, что без клещей пальцы не разожмёшь...

Волкодав стоял посреди комнаты и тихо качал головой. Он-то собирался, застукав прелюбодеёв, под угрозой разоблачения вызнат, куда спрятали ожерелье. И добиться, чтобы назавтра отнесли его вейгилу: нашлось, мол, а значит, конюх не виноват, ошибочка вышла. Он и надеяться не смел, что всё окажется так просто.

Он кивнул Винитару:

– Хозяина приведи.

– Не надо!.. Не надо батюшку!.. – завывала молодая женщина и попыталась ползти к ним по ложу, не иначе, затем, чтобы упасть на колени. Рука, по-прежнему цеплявшаяся за ожерелье, удерживала её, но она этого не сознавала. – Если деньги... сколько надо, скажите...

– Лежи, где лежишь!.. – негромко прошипел Шамарган. Он даже никак не обозвал её. Но что-то свистнуло, и из подушки в верхушке от лица распутницы полетел пух. Это Шамарган поднял с пола и метнул одну из шпилек, не так давно вынутых любящими руками из густого шёлка волос. Женщина ахнула и обратилась в статую, правда, статуя тут же принялась мелко дрожать. Замер и мужчина. Он вполне оценил бросок и оказался способен понять, что произойдёт, если белобрысый вместо безобидной шпильки возьмётся за нож.

Винитару между тем не удалось управиться совсем бесшумно. В недрах дома что-то тяжело рухнуло, но спустя очень мало времени кунс возник на пороге, подталкивая перед собой напуганного, ничего не соображающего хозяина дома.

На первый взгляд Шехмал Стумех показался Эвриху стариком. Он был тощ и сутул, с жидкими седыми волосами и такой же бородёнкой. Днём, на людях, он умел придать себе важный и значительный вид, но теперь, босой и полуголый, опирающийся на палку, он вызывал жалость пополам с лёгкой гадливостью, как обычно бывает при виде болезненной дряхлости...

Дряхлости? Эврих мысленно сравнил внешность Стумеха и цветущей красавицы на постели. С трудом верилось, чтобы всего двадцать с небольшим лет назад этакая развалина сумела зачать подобную красавицу дочь... Хотя чего только не бывает... Зря ли пишут учёные мужи, что отец может быть стариком или мальчишкой, это не имеет значения, лишь бы мать пребывала в хорошей детородной поре... Эврих присмотрелся к мельнику пристальнее и понял, что первое впечатление всё-таки было ошибочно. Конечно, ведь ему полагалось быть моложе отца Ниилит, умершего лет десять назад совсем не старым мужчиной. Шехмала Стумеха высушили и согнули не годы, а тяжёлое горе или болезнь. Может, смерть жены пять лет назад. Может, ещё что... И уж от сегодняшнего ему точно не предстояло помолодеть.

Стумех, сам полураздетый, довольно-таки бессмысленно разглядывал постель и два голых жалких тела на ней. Эти люди, так грубо нарушившие ночной покой его дома, – один из них, светловолосый, походя угомонил телохранителя у порога его спальни, чуть не вышибив парню мозги, – не были ворами. Они просто не могли ими быть, ибо разве он не в полной мере и не вовремя платил старшине чирахских воров должную мзду?.. Но тогда кто они? Стумех постепенно осознал, что именно видели его глаза там, на расшитом покрывале смятой постели. Неужели это зять нанял головорезов для охраны своей супружеской чести?..

Эврих смотрел на трясущегося старика и время от времени строго напоминал себе: вот человек, продавший Ниилит в рабство. Однако вспоминалось почему-то совсем другое. Если верить слухам, почёрпнутым неутомимым Шамарганом в чирахских трактирах, Стумех со времени кончины жены напрочь отошёл от хозяйства и перестал интересоваться даже торговлей, передав все дела наёмным помощникам. И не то что по своим мельницам не ездил – вообще редко появлялся из дому. Чем же были заняты его дни? А вот чем. Люди говорили – он писал письма покойной. Их потом сжигали в курильницах вместе с благовониями у неё на могиле. Этот человек продал в рабство свою кровинку, дитя умершего брата по имени Ниилит. Но против всякого здравого смысла Эвриху было его жаль. Богиня Милосердная и Карающая уже полной мерой воздала ему за святотатство, забрав ту единственную, которую Стумех, похоже, вправду любил. А теперь ещё и распутство дочери свалилось ему на плечи, словно куль муки, непосильный для сгорбленных плеч...

Посох у мельника был старинный, на полтора локтя превосходивший его рост, с верхним концом, искусно загнутым в полукольцо. Далёкие предки-пастухи такими ловили за заднюю ножку непослушных овец. Теперь это была принадлежность хозяина дома, старшего в роду. Наверное, тоже от брата унаследовал... Стумех сам излечил арранта от неуместной жалости, спросив неожиданно цепко и очень по-деловому:

– Сколько я должен заплатить вам, почтенные, за то, чтобы весть о случившемся в этом доме миновала ухо моего зятя?

Слово «зять» по-саккаремски было скомкано из целой фразы, которая, если её распрямить, звучала примерно так: «Хвала Богине, у меня есть ещё один сын!» Рядом с осквернённым супружеским ложем, в устах старика, привыкшего всему находить денежную меру, повседневное «сын-хвали-бо» прозвучало жестокой насмешкой. Которую, кажется, заметили все, кроме него самого.

– Мы не намерены губить ни тебя, ни твою дочь, – сказал Волкодав. Лицо у него было деревянное. – И серебро твоё нам ни к чему. Мы даже этого ничтожного, – он кивнул на замершего, обильно потеющего Бхубакаша, – не стремимся отдать на прилюдное оскпление как прелюбодей... хотя он того и заслуживает... Мы только желали, чтобы ты увидел ожерелье, считавшееся похищенным. И признал перед вейгилом, что оно никуда не пропадало из твоего дома.

Это последнее не могло вызвать сомнений даже на очень подозрительный взгляд. «Сердечный друг» стоял в постели на четвереньках, застигнутый броском Шамаргана посередине попытки вскочить. Шамоон по-прежнему держалась за драгоценный ошейник на его шее, точно

повисший над пропастью – за последнюю древесную ветку. Очень трудно было начать утверждать, что-де ожерелье принесли извне и несчастных любовников силой вынудили его надеть...

– Да, да, – закивал Стумех. Самообладание начинало возвращаться к нему. – Утром мы отправимся к вейгилу, и я буду рад поведать ему о счастливой находке... за ковром в одной из комнат, куда уронила ожерелье растрёпа служанка. Моя дочь будет рада вновь появиться в нём в городе. А пока будьте моими гостями, почтенные. И, прошу вас, скорее скажите мне, как я могу отблагодарить вас за столь значительную услугу?

Шамарган смотрел на мельника с откровенным восторгом, видимо преклоняясь перед стремительной работой его мысли. Винитар оставался непроницаем. Волкодав же усмехнулся. Очень нехорошей усмешкой, показавшей выбитый зуб.

– Нет, – сказал он. – Не будем мы твоими гостями, Шехмал Стумех. И не свалишь ты ничего на служанку. Ты пойдёшь к вейгилу и сделаешь это прямо сейчас. Ты пойдёшь со мной и с этим молодым вельможей, облечённым доверием самого шада, а наши друзья пока останутся здесь... просто чтобы ты не впал в забывчивость по дороге. А когда мы выйдем от вейгила, ты отдашь нам ожерелье, потому что принадлежит оно не твоей дочери и не тебе.

«Складно-то как говорить стал...» – подумалось Эвриху, но подумалось мимолётно: всё его внимание было отдано хозяину дома. Аррант прямо-таки слышал быстрый перестук счётных табличек в уме старика. Да! Перед ним воистину был тот самый человек, что продал торговцам невольниками родную племянницу, продал не по злобе сердечной, не в порыве слепящего гнева... просто потому, что те дали за красивую девчонку цену чуть большую, нежели старый Зелхат, пытавшийся хоть так забрать Ниилит у родни...

Деловой смысл старика в самом деле был достоин восхищения – особенно если учесть все обстоятельства. Прирождённый купец тем и хорош, что умеет понять, когда торг и дальнейшие препирательства делаются неуместны. Стумех шагнул к дочери:

– Дай сюда ожерелье.

– Не дам!.. – завопила вдруг Шамоон. И ещё крепче стиснула пальцы, без того уже, кажется, сжатые насмерть.

Эврих успел подумать, что так недолго и поранить пухлую, никогда не знавшую работы ладонь. А мельник сделал ещё шаг... и с вовсе не старческой силой вытянул дочь поперёк ляжек своим посохом:

– Заткнись, дура! Хочешь, чтобы весь дом сбежался на тебя поглазеть?..

И визг Шамоон в самом деле прекратился так, словно ей внезапно заткнули рот. По мнению Эвриха, никогда ещё сей грубый призыв к тишине не исполнялся столь быстро. И в такой точности. По нежным бёдрам красавицы, чуть ниже курчавых завитков, которые она даже не пыталась прикрыть, пролёг след отцовской палки. Он обещал назавтра превратиться в полновесную череду синяков. Но не хлёткий удар заставил Шамоон замолчать. Ей, похоже, перепало что-то от деловой хватки батюшки. Она тоже знала, когда можно биться за выгоду, а когда следует спасать хотя бы то, что ещё можно спасти.

Стумех же вновь сгорбился, опираясь на посох, и в его голосе впервые прозвучало настоящее чувство:

– Да что ты в нём, в дерьмеце этом, нашла?..

И его можно было понять. Во время торжественного обряда в храме Богини Соединяющей половина города любовалась Юх-Пай Цумбалом, молодым мельсинским виноторговцем. Славное лицо, крепкий разворот плеч, красивая смуглота кожи – признак хороших старых меорийских кровей... Не парень – загляденье. Всем парам пара для Шамоон! А этот? Отвислое брюхо, круглая рожа, сальные волосёнки... И желтоватая шкура, наследие какого-нибудь кривоногого халисунца, что пятьсот лет назад походя разложил подвернувшуюся саккаремскую бабу!..

Известное дело, уважать исчезнувший народ много проще, чем живого соседа. Поэтому меорэ, грабившие эти места двести лет назад, дали благородную кровь. А халисунцы, вражда с которыми отгремела тому полтысячи лет, – наплодили ублютков.

Змея же дочь, вместо того чтобы и далее разумно молчать, дерзостно прошипела:

– У мужчин не там красота!..

Все взгляды обратились на «мужскую красоту» Бхубакаша, дряблую и ничтожную от пережитого страха. Шамарган захохотал первым, громко и непристойно. Волкодав подошёл к ложу и разомкнул пальцы женщины, стиснутые на ожерелье.

Вы вернётесь к своей законной хозяйке, благородные камни... это я вам обещаю. Перед ним была усеянная каплями пота склонённая шея Бхубакаша и крохотный серебристый замочек, который следовало расстегнуть. Больше всего венну хотелось сломать эту паскудную шею. Сломать одним движением руки. Волею Хозяйки Судеб, он знал, как именно была отобрана у Ниилит материна памятка. Осквернять её ещё и убийством?.. Волкодав расстегнул замочек и ощутил в ладони особую, безошибочно узнаваемую тяжесть, присущую истинным самоцветам. «Сердечный друг», с самого начала так и не посмевавший издать ни единого звука, едва слышно выдохнул. Он понял, что рядом с ним только что стояла смерть. Приблизилась на расстояние волоска – и отступила... побрезговав.

А Стумех, сгорбившись и обняв свой посох, – плакал.

Многодневный дождь, удивлявший и беспокоивший обитателей Тин-Вилены, наконец перестал. Странная туча, рукавом протянувшаяся со стороны гор, разорвалась на части, и поднявшийся ветер понёс клочья дальше – на север. Многие горожане сочли, что таким образом им было явлено ещё одно свидетельство божественной воли, направлявшей руку и резец молодого Тервелга. Уж не оказалась ли туча с дождём послана омыть город и храм перед тем, как святые лики будут переданы жрецам и открыты для поклонения?..

Так судачили между собой горожане, и служители Близицеов не спешили объяснять им их заблуждение. Не потому, что вняли мудрости, бытующей почти у любого народа и гласящей: «на всякий роток не накинешь платок». Просто в крепости нынче хватало других забот, и жрецам было не до того, чтобы ещё вразумлять горожан.

...Когда радостное шествие тин-виленцев остановилось перед воротами и с чудотворных образов было откинута покрывало, лишь слепой умудрился бы не заметить потрясения, постигшего Избранного Ученика Хономера. Да и то, слепому бы рассказали. Хономер оставался в безмолвии и на коленях так долго, что жрецы под водительством Орглиса успели пропеть не один гимн, как полагалось, а целых четыре. И тогда... тогда произошло самое странное. Так и не произнеся ни слова, Хономер поднялся на ноги – и ушёл обратно в ворота! Орглис никого не решился послать за ним и не пошёл сам, поскольку тем самым был бы окончательно скомкан обряд, да и горожан в лишнее смущение вводить определённо не стоило. Лишь потом, когда всё завершилось, когда образа были с должными молитвами подняты на место прежних, а на лугу, предварявшем сады, начались пляски и выпивка у костров, – Орглис заглянул в покои Избранного Ученика, желая узнать, что случилось.

Но Хономера там не было...

Его вообще не оказалось нигде в крепости. Лишь подробный расспрос стражи позволил установить, что Избранный Ученик почти сразу покинул её так называемыми Малыми воротами – подземным ходом, которым с самого времени строительства почти ни разу не пользовались, поскольку войны и осады, ради которых он ладился, так и не произошло. Содержался ход, тем не менее, в полном порядке. Он выводил на поверхность далеко в лесу, возле ручья, и дверцу можно было открыть лишь изнутри. Пользовался ли кто-нибудь ею за последние сутки – понять так и не удалось. Способностей к магии, позволявшей легко отыскать человека по любой его вещи, у Орглиса было не больше, чем у самого Хономера. Забеспокоившись уже по-настоящему, Второй Ученик распорядился добыть чутких охотничьих собак и пустить их по следу... Это было исполнено, но собаки проявили редкое равнодушие. Ни одна из них на след так и не встала. Как будто им подносили к носу не старое облачение Хономера, а нечто совершенно неинтересное, вроде капусты.

Дольше и упорнее всех искал Избранного Ученика человек, отнюдь не имевший отношения к внутренней жизни храма и даже не единоведец Хономера: сегван Ригномер по прозвищу Бойцовый Петух.

Но и его поиски завершились ничем.

Жрец то ли в воду канул, то ли сквозь землю провалился, то ли – а почему бы не предположить и такого? – на небо взлетел...

Знать бы Бойцовому Петуху, что, как раз когда он гадал об этом, сидя на кухне корчмы «Бездонная бочка» в обществе милой стряпухи, Хономер в восторге молился, стоя на коленях перед Зазорной Стеной. Камни причиняли смертную муку его никак не заживавшим ногам, но боль с некоторых пор была для него лишь крыльями, возносящими душу. Хономер нараспев произносил слова молитв, которым его никогда не учили на острове Толми, и всего менее задумывался об отсутствии храма и собратьев по вере, способных оценить его жреческое вдохновение. Рваные тучи плыли над головой, тёплый дождь ласково умывал бывшего Избранного Ученика, словно прощая его и помогая смыть слёзы. Серые скалы и чуточку тронутый осенью лес, многоцветный верещатник и густые непроницаемо-зелёные ели, огромное великолепное небо... зачем храм с его росписью, курениями и позолотой, когда кругом и внутри есть уже ЭТО?.. Этот мир, сотворённый любовью и благодатью Богов?.. Пытаться ли святить то, что и так свято от века?..

...А на камне, перед которым, словно перед алтарём, рухнул на колени Хономер, стоял маленький стеклянный светильничек. Тот самый, что он некогда купил в Галираде, а потом потерял и не мог найти в ночь потопа у Зимних Ворот. Стоял, блестя от дождя, и над его носиком трепетал огонёк, почти невидимый в лучах проглянувшего солнца...

Если жизнь покати́лась к дурной полосе,
На закате особенно чёрного дня
Я скажу: «Ну и что? А подите вы все!
Лишь бы дома, как прежде, любили меня!»

Если дома хоть кто-то мне искренне рад,
Если с визгом навстречу бросается пёс,
Это будет награда превыше наград,
Что бы прожитый день на хвосте ни принёс.

Если кошка, мурлыча, прижмётся к душе,
Этот тёплый комок – оборона от бед,
И Вселенная сразу начнёт хорошеть,
И растает, исчезнет недоброго след.

Ну а если чей дом – это просто ночлег,
Не согретый биением верных сердец,
Беззащитен на свете такой человек,
Кто не сеет добра – тот ему и не жнец.

6. Прекрасная Эрминтар

Как и предрекал мудрый дядька Лось, до реки Шатун удалось добраться без великих препон. Волок, правда, оказался тяжеловат для артели из двух девок и всего одного парня, но и тут ничего – справились. Шаршава первым сходил туда и назад, сопровождаемый сукой Игрицей (так прозвали её за привычку рассказывать людям, полаивая и подвывая, обо всём важном и интересном, и она уже отзывалась на кличку). Потом, впрягаясь, потащили лодку, стали переносить вынуженное из неё добро... Умаялись, конечно. Тем более что стояло последнее предосеннее тепло, лес гудел тучами маленьких кровососов. Отдувался, утирал пот даже могучий Шаршава, но что поделаешь? Сестрица Оленюшка и милая Заюшка смотрели на него, чая подмоги, ему же смотреть было не на кого. Родился мужиком – подставляй плечи!

Когда снова пустили лодку в реку, оттолкнулись от берега и стали выбирать друг у друга из волос лосиных вшей, привязавшихся во время пешего перехода, дальнейшее путешествие начало казаться совсем весёлым и лёгким. Шатун, при всём своём названии, оказался рекой спокойной и мирной. Принял подношение – ещё Зайцами выпеченную горбушку с розовым ломтиком сала – и дружески закачал лодку, бережно пронося её над песчаными шалыгами [28]

и через нечастые перекааты. Всё-таки он оставался настоящей веннской рекой, младшим родичем праматери Светыни... хотя по крайней мере в одном месте на его берегу с некоторых пор жили сегваны.

Их поселение обнаружилось на высоком западном берегу, посередине длинного открытого плёса

[29]

Сегваны, жители морских побережий, заведённые Хозяйкой Судеб в глубину лесных крпей, и здесь выбрали место, хоть как-то похожее на знакомые берега. Они по упрямой привычке продолжали строиться, точно у себя на Островах. И так, словно в любой день следовало ждать вражеского набега. Зубчатый тын, гордо высившийся над яром,

[30]

весьма отличался от тех, которыми огораживались – если вообще огораживались – венны. Он был предназначен не просто отваживать вороватого лесного зверя, гораздо порываться в человеческих припасах или проведать курятник. На его брёвна не вешали коровьих и лошадиных черепов для устрашения скотских хворей: может, эти хвори были даже неведомы на острове Парусного Ската, отъединённом от других населённых земель пространствами открытого моря... Нет, здесь собирались обороняться не от звериной жадности, а от людской. Тын выглядел очень добротным, строившие его отлично понимали, что возводят заступу собственным жизням. И не подлежало сомнению, что в зимние морозы весь обрыв до самой реки поливали для пущей неприступности водой.

Одна беда: у себя дома сегваны привыкли строиться на несокрушимых каменных скалах, которые прибою, как он ни бесчинствуй, не победить и за тысячу лет. Здесь береговой обрыв был гораздо податливее для усердно роющей воды, а они этого не учли. И не спросили тех, кто мог бы подсказать, ведь каждый склонен считать собственную мудрость самой правильной и разумной... А может, новые находники просто чем-то не полюбились, не понравились Шатуну? Или, устраиваясь, забыли обратиться к Речному Хозяину за позволением, угощения не поднесли?.. Вот он и пытался выжить их, как умел. Промойны берега ещё не подобрались к тыну на опасно близкое расстояние, но, видно, пятнадцать минувших лет ясно показали, к чему идёт дело. В основании обрыва уже красовались валуны и дубовые сваи, но вид у этих заслонов был ненадёжный, да и можно ли было здесь воздвигнуть нечто надёжное? Известно же, омота не засыплешь...

С берега тотчас заметили лодку, и в деревне поднялся переполох.

– Эк они, – глядя на мечущихся сегванов, удивился Шаршава. – Не ездит к ним сюда, что ли, никто, первый раз гостей увидали?..

Ему попались на глаза двое детей, тащивших к воротам пушистую маленькую собачку. Собачка вырывалась и воинственно тявкала. Навстречу уже спешила мать с хворостинной – задать детищам, чтобы следующий раз заботились о себе и о её, матери, спокойствию, а не о блохастом любимце. Потом кузнец увидел молодую беременную сегванку. Она тяжело хромала, опираясь на костыль. Но при этом несла, прижав одной рукой к боку, корыто недостиранного белья, и за ней бежала серая кошка.

– Да никак нас перетрусили? – удивился Шаршава. – С чего бы? Или их венскими псами кто запугал?..

Как позже выяснилось, его догадка подобралась близко к истине, хотя всё же была не совсем верна. Но это открылось только потом... А пока кузнец с Оленюшкой слаженно подвели лодку к причалу, устроенному со всей сегванской основательностью, даже снабжённому волноломом

– хотя откуда бы взяться волнам на спокойной лесной реке! Брат с сестрой привязали судёнышко за толстое бронзовое кольцо, и Шаршава вышел на берег. К его полному и окончательному изумлению, навстречу со стороны деревни уже торопливо спускалось несколько человек: пять или шесть мужчин и одна женщина. Между мужчинами отчётливо выделялся старейшина, «набольший», как его здесь называли. У рыжебородого здоровяка был вид человека, собравшего в кулак всю свою решимость. Женщина несла чистое полотенце и на нём свежий пирог, любимый сегванами Берега. Начинкой такому пирогу служили крутые яйца с сыром и луком, а тесто пеклось из муки пополам с мелко щипанной рыбой.

– Поздорову вам, добрые люди, – первым, как то пристало вежливому гостю, поклонился Шаршава.

– И тебе лёгких дорог, победимых врагов да богатой добычи... – прозвучал довольно странный ответ. Шаршава невольно задумался, о какой такой добыче могла идти речь; да, на волоке они ели лесных голубей, которых влёт хватал и притаскивал им Застоя, но в остальном?.. Взгляд старейшины между тем то окидывал могучую стать кузнеца, то обращался на двух огромных собак, смиренно сидевших на носу и корме лодки. Это зрелище внушало пожилому сегвану отчётливо видимое уважение и... страх. Шаршава пытался взять в толк, что могло так пугать набольшего, но тщетно. А тот ещё поглядел на речной плёс, оставшийся пустым, и продолжал: – Отведай нашего угощения, гость долгожданный, да сделай милость, скажи, скоро ли нам встречать остальных?..

Тут Шаршава начал постепенно смекать, что случилась ошибка. Сегваны ждали совсем других гостей, причём нешуточно грозных, и тоже с реки. Кузнец со спутницами померещились им чем-то похожими на тех неведомых людей. Оттого такая встреча, оттого и пирог, что настойчиво подсовывала ему бледная супруга набольшего. Отведает гости, причастятся одной пищи с хозяевами – и можно надеяться, что не станут в деревне уж очень-то безобразить!..

Шаршаве стало смешно. Он отломил душистого пирога, прожевал и улыбнулся:

– Прости, добрый старейшина, но мы, видно, не те, кого ты вышел встречать. Сами едем, одной лодьей. Как есть все перед тобой, никого больше за собой не ведём.

Словно в подтверждение его слов, в лодке подала голос маленькая дочка, проснувшаяся в большой плоской корзине. Сука Игрица немедленно сунула нос в одеяльце, проверить, не развелась ли там сырость. Две девки да двое малых детей!.. Хёгт проглотил, вот уж менее всего были они похожи на тех, кого ожидал увидеть и почти наяву увидел перед собою старейшина! Ошибка сделалась очевидна. Мудрый человек тут бы расхохотался и тем всё завершил... но жизнь была бы слишком легка, если бы все в ней всегда и всё делали по уму. Судя по взгляду набольшего, он не велел Шаршаве отвязывать лодку и немедленно убираться подобру-поздорову оттого только, что молодой кузнец уже отщипнул пирога. С теми, кто после этого прогоняет гостей, судьба расплачивается быстро и так, что другим становится неповодно. Набольший ткнул в сторону лодки густой седеющей бородой и спросил почти зло:

– Чьи будете-то?

Шаршава вдруг подумал – впервые за всё путешествие, – что они трое, оставившие свои семьи, могут дожидаться беды от людей. Просто потому, что у них за спиной больше нет могучего рода, сурового к обидчикам своих детей. Так-то оно, всю жизнь со своими прожить, потом вдруг к чужим сунуться, сразу много поймёшь!.. И он ответил без лжи, но и не всю правду, потому что всю правду о себе никто в здравом уме сторонним людям не открывает:

– Племени мы веннского, гнездо же моё у Щеглов. Гостили у Зайцев, теперь на реку Крупец путь держим. Пустишь ли, государь большак, нас с женой, сестрой и детьми на несколько дней? Старейшина мгновение помолчал... Всего более ему хотелось послать венна с его бабами Хёгту под хвост, но он не мог. Это только кажется, будто творящееся в лесной глубине, в одинокой деревне так и останется неведомо широкому миру. Неправда! Прячь не прячь, всё рано или поздно выходит наружу, звериными ли тропками, быстрыми ли ручьями, на птичьих ли крылах... А селению, где не чтят и отваживают гостей, быть пусто! Это закон, и блюдут его такие судьи, которых ещё никому не случалось ни обмануть, ни задобрить. И набольший ответил:

– У нас добрым гостям всегда рады... Есть и клетки пустые. Живи, сын славного отца, сколько пожелаешь.

– Теперь, когда мы достаточно удалились от суеты этого пропащего городишки и я узнал тебя получше, учёный аррант, я, пожалуй, могу поведать о своём происхождении, не опасаясь быть превратно понятым, – сказал Шамарган. – Нелегко было мне на это решиться, но ты – человек тонкий и знающий... в отличие от некоторых, которым лишь бы тыкать пальцем и хохотать над тем, чего их убогие рассудки не в силах объять... Слушай же. Моим отцом был величайший маг, равных коему немного найдётся даже в кругах высшего Посвящения. Люди называли его Тразием Пэтом... Увы, он дал мне никчёмную мать, чьё имя поистине не заслуживает быть названным. Мой отец на многое пошёл ради неё, даже отказался от некоторых обычаев, поддерживавших его чудесную силу... она же отплатила ему самым чёрным предательством, из-за которого он попал в темницу и погиб. – Шамарган скорбно помолчал несколько мгновений, вздохнул и закончил: – Я же ставлю ей в сугубую вину ещё и то, что она не позаботилась передать мне ни единой крупинки дивных свойств, что выделяют мага в толпе обычных людей и которые должны быть непременно врождёнными, ибо без них никакое усердие не способно сделать простолюдина чародеем... – Он вздохнул ещё печальней и тяжелей и добавил: – Отец покорял своей воле чудовищ, поднимавшихся из океанских глубин, и мановением пальца мог двигать холмы... А я даже огня не способен разжечь, если под руками нет кремня и кресала!..

Его голос дрогнул – доверчиво и беззащитно. Так делятся затаённой скорбью всей жизни, каждодневным несчастьем, скрываемым от людей.

Эврих выслушал удивительное признание Шамаргана, ни разу не перебив. Неподвижности и бесстрастию его лица позавидовали бы забытые изваяния Мономатаны.

– Ага, – кивнул он в конце концов. И на том замолчал. Лишь мельком покосился на Волкодава. Но венн не обнаружил никакого намерения выручать его. Он ехал на своём сером, размеренно покачиваясь в седле, и невозмутимо думал о чём-то. Так, словно только что прозвучавшие откровения его никоим образом не касались.

– Ври, да не завирайся, коротышка, – вдруг сказала Афарга. – Случилось мне видеть славного Тразия Пэта, перед самой его гибелью, меньше года назад... По вам, белокожим, не разберёшь, сколько вам лет, но я-то на ваше племя насмотрелась и вот что скажу: нынче ему как раз стукнуло бы тридцать. В каком же возрасте он целовался с твоей матерью, хотела бы я знать?

– Что ты можешь понимать в делах великих магов, дура!.. – испуганно заорал в ответ Шамарган, и на сей раз его голос сорвался по-настоящему, а лошадь заложила уши и испуганно присела на задние ноги. – Какая разница, как выглядел Тразий Пэт!.. Возраст подобных ему – не для твоего скудного разумения!.. Пожелай он выглядеть древним старцем, он им бы и выглядел! А пожелал бы казаться мальчишкой – и ты, наследница тугодумных ослов, ему бы леденцы покупала да по головке гладила, ни о чём не догадываясь!.. Будь он тут, он в мокрицу бы тебя превратил за эти слова! А я ногой бы растёр!..

– Ну так разотри, за чем дело стало? – по-кошачьи хищно фыркнула Афарга. – Кишка тонка без тятеньки-мага?..

Тартунг заворожённо смотрел на неё, на пряди волос, странно шевельнувшиеся возле шеи. Шамарган с силой ударил пятками ни в чём не повинную лошадь, и вконец напуганное животное кинулось вперёд во всю скачь. Они пронеслись совсем близко от Эвриха, и тому показалось, что глаза лицедая блестяще подозрительно влажно.

Афарга передёрнула плечами и проводила парня уже знакомым Волкодаву презрительным жестом, словно выплеснув ему вслед из чашки какую-то гадость. И пробормотала поносное выражение, почти одинаково звучащее на всех языках:

– Крапивное семя...

[31]

Волкодаву вдруг стало жаль её. Собственно, ему жаль было и Шамаргана, всё силившегося что-то доказать им с Винитаром. У бедняги сидела большущая заноза в душе, он уже называл себя сыном полководца, видного жреца, великого мага, – кого изберёт в следующий раз? Самого Предвечного и Нерождённого? А себя, не иначе, объявит затерявшимся Младшим?.. Ох, не дожидаться бы ему в таком случае вразумляющего щелчка прямо с Небес!.. А эта Афарга готова со всем белым светом подраться, – и тоже, кажется, оттого, что избыток и избыть не может

какую-то боль... Какую? Уж не безответную ли страсть к своему «великому и величественному господину»?..

Волкодав подумал и понял, что не испытывает на сей счёт особого любопытства. Вернее, испытывает, но чувство было глухим и далёким, как голод к лакомствам на столе – у человека, которому вот-вот лекарь отнимет изувеченную ногу. Какие пряники, если весь мир съёжился до величины горящего болью колена, а впереди предстоит пусть спасительная, но ещё худшая боль?.. Ну, любит Афарга Эвриха, а он то ли не замечает, то ли побаивается её душевного жара... вторая Великая Ночь от этого всё же вряд ли наступит. Оба живы, оба свободны – да неужто не придумают, как им быть друг с другом и с этой любовью?.. И Шамарган, сумевший когда-то отойти от служения Смерти, рано или поздно перестанет придумывать себе могущественных отцов. Поскольку поймёт, что по-настоящему светит не отражённый свет, а свой собственный... У него есть жизнь, у него есть никем не отнятая свобода, так не грех ли великий беситься и плакать из-за ерунды?..

Между тем несколько дней назад по этой самой дороге, по великому северному большаку, шёл рабский караван. И в нём, прикованный за руку к длинной ржавой цепи, плёлся Винойр. Осуждённый и проданный в неволю за преступление, которого не совершал. Плёлся, с каждым шагом погружаясь в пучину людской жестокости и вероломства. И вспоминая былые обиды и беды, словно счастливый радужный сон... Он ведь даже весточку в Мельсину, где осталась его семья, не смог передать...

Не ждите, невесты! Не свидимся с вами,
Живыми уже не вернёмся домой...

Правду сказать, Волкодав почти не удивился, узнав имя хозяина невольничьего каравана: Ксоо Тарким. Только подумал, что, пожалуй, по всей справедливости так тому и следовало быть. Воистину Хозяйка Судеб доплетала неровную, не особенно удачную нить его жизни и связывала её кольцом, заодно теребя другие нити, оказавшиеся впутанными в те же узлы.

Невольник надеяться только и властен
На смерть, что окончит земные пути.
Чем сохнуть в разлуке, ты новое счастье,
Родная моя, попытайся найти...

Думая про Винойра, Волкодав поневоле вспоминал прекрасных коней его родины, резвых земляков Сергитхара. Когда их впервые ловили в табуне и пробовали заезжать, дело кончалось по-разному... Одни быстро покорялись наезднику и на всю жизнь становились послушными. Другие... бывали же неукротимые звери, созданные свободой и для свободы, которых ни плёткой, ни ласковым словом не удавалось приучить к седлу и узде, – проще сразу убить, не дожидаясь, пока сам погибнешь от зубов и копыт!.. В то, что Винойр, сломленный, уже целовал палку надсмотрщика, Волкодаву верилось с трудом. А вот в то, что парень вполне мог лежать со свёрнутой шеей где-нибудь в придорожном болотце... Об этом венн старался даже не думать. Он знал свою удачливость. Только оплошай – как раз самое скверное и накликаешь.

За что же это Винитару, справедливые Боги?..
молча вопрошал он, следя краем глаза за ускакавшим далеко вперёд Шамарганом, которого обозлённая лошадь надумала-таки сбросить.
Неужели всё оттого, что я слишком медленно шёл?..

Причина переполоха в сегванской деревне выяснилась едва ли не на следующий день.
– Вы, венны, дерётесь, когда гуляете на ярмарке или в праздник? – спросил Шаршаву кузнец Рахталик. Беседовали они в его кузнице, куда Шаршава, конечно, не преминул зайти. Рахталик

встретил его не без настороженности, но скоро убедился в отменном мастерстве молодого венна и стал привечать, как родного.

Вопрос же прозвучал так, что ответить «нет» значило бы дожидаться в лучшем случае насмешки, и Шаршава ответил:

– Ну... есть кулачные бои, а иногда и на палках... Это зимой, когда у всех толстые шапки и рукавицы. Летом борьба: в обхватку, за вороток, на вольную, на поясах... Ещё рукоборство есть, но это кто к сольвеннам ближе живёт. А что?

Кузнец всё-таки посмеялся, но не обидно и не зло, потому, наверное, что Шаршава выглядел первым поединщиком во всём, что перечислил.

– Вот потому-то вы, венны, сидите тихо по своим лесам, а мы, сегваны, распространяемся по Берегу и селимся где хотим, нравится это кому или нет, – сказал Рахталик. – Видел я ваши зимние потасовки... Научится ли парень быть истинным воином, если он шагает биться и знает: упади – пощадят, кровь из носу потекла – опять пощадят? То ли дело у нас! С дубинками на драку хаживали, с кистенями, с наладошниками...

[32]

– Взгляд у кузнеца стал рассеянный и мечтательный. – Драться шли, а не плечами впустую толкаться! Оплошаешь – не пожалеют, зашиблен свалишься – бить не отступят! Идешь и не знаешь наверняка, вернешься ли! Всяко бывало!.. Вот отсюда, парень, один шаг и до настоящего воинства. Потому и равных нам нет. А ты – в обхватку, на поясах...

Шаршава не удержался, поддел в ответ:

– То-то вы от нашей лодки, как цыплята от ястреба.

Рахталик воздел палец, чёрный и заскорузлый:

– Тут дело другое. Не от вас, а от тех, за кого вас было приняли.

– За кого же?

– А вот за кого. Мы о прошлом годе гулять отправились к вельхам, за три дня пути... Не первый раз уже, ясно. И всё бы хорошо, да гостил у них один... Итер... Атыр... Хёгговы зубы ему куда не надо, эти вельхские имена! Мужик, в общем, нас с тобой сложить, его половина получится. Так вот, задрался, и он сыну нашего наибольшего кулаком в ухо заехал. Может, видел его теперь? Что с левой руки говорят, не очень-то слышит, а перед дождём с лавки голову не может поднять... Был батюшке наследник, а теперь кто? Мстить же надобно, так? А как мстить, если вельхов на одного нашего дюжина, да ещё таких, как тот малый, полдюжины наберут!.. Наибольший весной вгорячах и нанял псиглавцев...

– Кого?.. – Шаршава невольно представил себе воинов из древних легенд, не то оборотней, не то вовсе полулюдей с пёсьими головами, и в животе булькнуло.

– Да не тех! – развеселился его тревоге Рахталик. – Их так называют из-за того, что они, как бы тебе сказать... главенствуют над псами. Таких боевых собак, как у них, нет больше ни у кого. Придём к вельхам на зимнюю ярмарку да в лесочке засадой поставим – во начнётся потеха, как пойдут штаны-то им рвать!..

Он засмеялся. Шаршава его веселья не разделял. Он вообразил лютых псов, сравнимых, пусть отдалённо, с Застоей и его подругой Игрицей... Что ж, волкодавы могли побаловаться дружеской вознёй и с хозяином, и с хозяйскими ребятишками. Будут раскрываться железные пасти, будут смыкаться на уязвимом человеческом теле страшные зубы... но всё это осторожно, бережно, ласково, не причиняя вреда. А укажи им всамделишного врага!.. Ох. Тут разорванными портами дело не ограничится. Покрошат, в клочья раздерут и всё, что в портах... «Это уж не драка пойдёт, а сущее убийство! – с невольной оторопью подумал Шаршава. – Загрызут из вельхов кого, большим немирьем кончится...» Но вслух ничего не сказал. Гостю в чужом доме хозяина поучать – самое распоследнее дело.

Его смущение не укрылось от Рахталика. Сегван, кажется, хотел сказать что-то ещё о веннах, робеющих вида вражеской крови, но тут снаружи кузницы послышались неловкие шаги и через порог пролегла тень. Двое мужчин обернулись. У раскрытой двери переминалась тяжкая чревом хромая молодуха. Шаршава невольно обратил внимание на её руки, до кровавых пузырей намозоленные о жёсткую влажную ткань и разбухшие от постоянного пребывания в воде. Она держала под мышкой пустое корыто.

– Чего надобно? – весьма нелюбезно обратился к ней кузнец.

Шаршава же сразу встал и повёл сегванку на своё место:

– Присядь, госпожа, нечего зря ноги трудить.

Она настолько не ждала от него подобного обращения, что дала под руку проводить себя до колоды, с которой он поднялся.

– Ты что, парень? – расхохотался Рахталик. – Ты что с ней, точно с кунсовой дочкой какой? Она ж выкупная!..

Тем самым был помянут сегванский обычай, хорошо известный Шаршаве. Если между разными племенами случайно доходило до смертоубийства, люди прилагали усилия, чтобы отвратить кровную месть. Дело достойное, да была трудность: сегваны не признавали никакого выкупа за убитых. «Мы своих родичей не в кошелях носим!» – хвалился этот народ. И вот когда-то давно – небось, ещё прежде Великой Ночи – кто-то умный первым придумал, как в дальнейшем избегать новой крови, соблюдая в то же время суровый древний закон. Жизнь за жизнь? Ну так пусть виноватый род отдаёт обиженным человека.

Тут, по убеждению Шаршавы, всё было разумно и правильно, зря ли его собственное племя придерживалось сходных порядков! Но если у веннов уходил в чужой род сам невезучий отниматель жизни – и делался чьим-то сыном вместо погибшего, пытался, как умел, собой залатать прореху в семье, – то у сегванов обычай успел измениться, и не в лучшую сторону. У них за грехи набедокурившего мужика отдувалась обычно девка. И не дочерью становилась в обиженном роду, а... даже не выговорить кем. Распоследней служанкой хуже всякой рабыни. Горохом в поле: кому не лень, каждый щипнёт. Безропотной суложью всякого, кому взволится

[33]

ей рубаху задрать... Может, отцы подобного непотребства считали, что буйные парни будут вести себя тише, зная, что за судьба в противном случае ждёт их сестру, ставшую «выкупной»? Может быть...

Шаршава ощутил, как от хохота кузнеца болезненно вздрогнула рука женщины, сегванка попыталась было отнять её, но венн не позволил: провёл хромоножку вперёд и усадил на колоду. Рахталик следил за ним со смешливым любопытством, не подозревая, что венн медленно свирепел. Медленно и очень опасно.

Шаршава спросил, сохраняя внешнюю невозмутимость:

– Чем тебе помочь, госпожа?

У неё были сухие глаза наученной никому не показывать слёз, но набрякшие веки в один миг не расправишь. Она выговорила, запинаясь:

– Ты, добрый господин гость... мою кошку часом не видел ли?

Рахталик снова захохотал:

– Да с мостков свалилась и потонула кошатина твоя, пока ты мои штаны от дерьма отстирывала... водопряха

[34]

несчастливая!

Женщина тихо ответила:

– На острове она рыбу ловила в озерах, остававшихся после отлива...

– Пойдём, госпожа, – сказал Шаршава. – Провожу тебя, а то больно тропка крутая.

Он имел в виду только то, что сказал, но сегванка посмотрела на него почти со страхом, а Рахталик понимающе провёл рукой по усам:

– Проводи, проводи её, парень, правда что ли, пока жёнка с грудными сидит...

Вот тут Шаршава твёрдо решил, что нипочём больше не придёт в эту кузницу и ни под каким видом не возьмётся в ней за молот и клещи. Да и просто слово молвить воздержится с обидчиком женщин, по ошибке именовавшимся кузнецом... А лучше всего – утром же вместе с девками отвяжет верную лодку. Он забрал у женщины пустое, но всё равно увесистое корыто, выдолбленное из половины осинового бревешка, и спросил:

– Как зовут тебя люди, госпожа?

Вместо неё ему ответил опять-таки Рахталик, не пропустивший возможности отколоть удачную шутку:

– А ты не догадался, венн? Как же ещё, если не Эрминтар!.. Счастливы мы: есть у нас прекрасная Эрминтар!..

Женщина вздрогнула и всё-таки заплакала, и Шаршава понял, что прозвучало её настоящее, матерью данное имя. Она переваливалась по-утиному, опираясь на свой костыль и на его руку. У неё было что-то не в порядке с ногами, там, где они подходят к станovým костям тела.

Суставы не удерживались, вихляли. Шаршава знал: так бывает, если приключились тяжкие роды и дитя приходилось тянуть в Божий мир силой. Наверное, девочке дали имя прекраснейшей героини сегванских сказаний, ещё не распознав несчастья. Или думали, что имя поможет ей выздороветь... не помогло вот. Шаршава даже заподозрил, что неведомая родня порешила отдать её как «выкупную» именно по причине увечья. И то правда. Не первой же девке в роду к чужим людям идти, на срам и бесчестье... Он поразмыслил немного и сказал: – Мы тут люди перехожие, госпожа... Скоро дальше отправимся. Может, семье твоей сумеем восточку передать? Откуда ты, славная? И... кто отец дитятку, которое ты носишь? Может, он выручил бы тебя?

Эрминтар даже отшатнулась. Вскинула мокрые глаза, посмотрела на него с каким-то почти весёлым, отчаянным недоумением... и горше заплакала.

– Знать бы, кто тот отец!.. – разобрал потрясённый молодой венн. – Да кто ж из них меня в кустах не валял...

Мать Щеглица учила Шаршаву: «С плеча, сынок, не руби... Не торопись сразу судить, тем паче о важном! Всегда прежде охолони, размысли как следует...» Отец с нею соглашался, однако потом, наедине, добавлял: «Но бывает и так, парень, что немедля надо решать. Да тотчас прямо и делать, что сердце подскажет». – «Как же отличить, батюшка?» – «А отличишь...»

– Вот что, госпожа моя, славная Эрминтар, – твёрдо выговорил Шаршава, и сердце в нём запело легко и победно. – Есть у меня одна сестрица названная, не наградишь ли честью, второй сестрицей назвавшись? Лодка у нас добрая, всем места хватит, и тебе, и дитятку твоему...

Сердце сердцем, а часть рассудка всё же приказывала помнить о Заюшке с Оленюшкой и о том, что незаконная сегванская деревня навряд ли добром отпустит подневольную хромоножку, с утра до вечера правшую
[35]

их одежды вместо кичливых дочек и жён. А значит, придётся увозом увозить Эрминтар. То есть могут погнаться. Могут и догнать...

Но ведь не бросать же её тут?

Женщина вдруг решительно вытерла слёзы, и голос окреп.

– Да благословит Мать Родана чрево твоей жены сыновьями, похожими на тебя, – сказала она. – Только... куда ж я с вами? Догонят ведь... А у тебя и так жена, сестрица да дети малые. О них думай...

Вот тут Шаршава окончательно понял, что заберёт её с собой непременно. Что бы ни говорила она сама – и что бы ни замышляла деревня с острова Парусного Ската... во главе с наибольшим по прозвищу Хряпа.

– Это кого догонят? – сказал он уверенно. – Веннов в лесу?

А про себя подумал: появятся псиглавцы, тут лодку-то и отвяжем. С такими гостями поди не вдруг пропажу заметят!

– Ты, сестрица любимая, по-моему, не только ножками прихрамываешь, но и рассудком, – отругала робкую Эрминтар Оленюшка, когда все они сидели на пороге клетки. – О себе думать не желаешь, о сыне или о дочке подумай, кого родишь скоро! Твоё же, твоя будет душа, тобой выношенная! Чтобы все, кто тебя силой ломал, ещё и сынка твоего звали рабом? Всей деревни вымеском?.. А дочка будет, помысли! Что с дочкой станется? Тоже порты всем стирай? Да ещё, как подрастёт, с каждым прыщавым иди, куда поведёт?..

Эрминтар прикрыла рукой лицо, отвернулась... Шаршава же глядел на посестру и любовался её разумом и пробудившейся в решимости красотой. Он помнил её, жалкую и почти безвольную, на пороге его кузни в деревне Оленей... А теперь какова!

Видно, не зря говорят: за других насмерть встать куда проще, чем за себя самоё. За себя – усомнишься, десять раз спросишь себя, не посчитал ли собственную непонятливость за чужую вину... С другим человеком не так. Его обиды видятся трезвее и чётче, за его беду исполнятся сами Боги велят.

Бедная Эрминтар всё металась душой между страхом побега, страхом перед чужими людьми, долгом «выкупной» своего рода... и надеждой. Так и не сумев решиться, она потянулась к брошенному в сторонке корыту:

– Пойду я... Из трёх домов ещё стирку брать... Вам за ласку спасибо...

Высокое чрево не дало ей проворно нагнуться, и Шаршава отодвинул корыто ногой:

– Сиди, сестрица.

А Заюшка повернулась и передала ей на руки обеих маленьких дочек:

– Привыкай!

Вдвоём с Оленушкой они подхватили корыто, думая сделать за Эрминтар её сегодняшнюю работу... Но не довелось. Потому что перед клетью появились их псы – Застоя с Игрицей, вернувшиеся из лесу.

Следом за двумя волкодавами, понятно, катилась местная собачня, звонкая, точно горох в жестяной миске. Измельчавшие потомки островных лаек, выродившиеся на берегу, не смели приблизиться к паре громадных собак и гавкали издали, бессильно и остервенело. Это происходило каждый день и было уже привычно. А вот то, что позади шавок, словно ожидая чего-то, попевала деревенская ребятня, – слегка настораживало. Ребятишки, пятеро мальчиков и две девочки побойчее, всё смотрели на перемазанный в зеленоватой глине мешок, что несла в зубах сука Игрица. Ещё необычнее было то, что, когда не в меру отважный трёхцветный кобель подбрался слишком близко к Застое, тот обернулся и с глухим рыком лягнул зубами. Звук был, точно захлопнулась дверь, окованная железными полосами. До сих пор мохнатый воин не обращал на брехливую мелочь особого внимания. Кобелишка, обманутый в привычной безнаказанности, с пронзительным визгом кинулся спасаться под ноги детям. Те шарахнулись от него в разные стороны. Кто горазд глумиться над незащитным – редко сам являет достойную доблесть. Застоя брезгливо выплюнул клоч пёстрой шерсти, выданный из бока охальника. Не потому, дескать, жить оставил, что порвать опоздал, – захотел, взял бы на зуб, да больно противно!..

Игрица же подошла к Шаршаве и сунула мешок ему в руку. Вот, мол, нашли в лесу! А что с этим дальше делать – решай уж ты. Затем тебе и несли.

Шаршава недоумённо повертел мешок, пощупал... Нахмурился, вынул поясной нож и быстро перерезал верёвку на горловине.

Тогда сделался вятен слабый плач, и наружу с трудом выползла серая кошка. Она растянулась на траве, едва открывая глаза и часто дыша. Псы выкопали её в лесу, уже засыпанную землёй. А дети, не успевшие ту землю как следует утоптать, побежали следом, жадно споря между собой: сожрут или не сожрут?.. И как будут жрать: задавят прямо в мешке или сначала вытряхнут наземь?..

Нет, они не были злобными детьми злых родителей, эти маленькие сегваны. Просто уж так устроены люди: если у кого нет могущественной заступы, на того непременно найдётся палач. По жадности ли, по дурному ли любопытству... Ты поди пни того же Застоя. Вмиг ногу отхватит. А кошка что? Ну, оцарапает... А что будет, если эту кошку в землю зарыть, скоро ли сдохнет? А что будет, если брюхатой ногу подставить? А что будет, если её дитё свиньям подкинуть, пока мать у речки стирает?..

Тем более что уж точно не будет только одного. Наказания...

Заюшка снова подхватила на руки дочек, – Эрминтар бухнулась наземь и обняла чуть живую любимицу, плача, глядя её, помогая дышать. Застоя придирчиво обнюхал сперва кошкину хозяйку, потом саму кошку... Люди, с которыми он жил прежде, полагали, что без пушистых игруний не полон дом, у них не переводились коты и котята, и свирепому кобелю было не привыкать пестовать хвостатую мелюзгу. Он лизнул Эрминтар в ухо и принялся вместе с ней разбирать грязный мех, выглаживать из него липкую глину.

Игрица же улеглась поперёк входа во дворик, и следовало посмотреть на того, кто отважился бы пройти мимо неё.

Вечером того самого дня жители деревни Парусного Ската встречали псиглавцев.

Позже, вспоминая всё случившееся, Шаршава не мог отделаться от мысли, что набольший, получивший смешное прозвище за любовь к сольвенским пирогам с серой капустой, понял свою ошибку уже давным-давно. Состояла же ошибка в том, что он надумал решить спор с вельхами, обидчиками сына, пригласив наёмных бойцов.

Правду говорила мудрая матушка Шаршавы, когда поучала сына не принимать поспешных решений, особенно о вражде и о мести!.. Было ведь как? Сын Хряпы ещё в повязках лежал, когда отец его на весеннем торгу увидел псиглавцев, встретился с главарём, вгорячах отсыпал щедрый задаток... И лишь позже наслушался бывалых людей, начал думать... и от этих мыслей потеть. Вернуть бы всё назад, да куда! Задаток принят и пропит, псиглавцы – где они, поди разыщи, жди теперь, покуда объявятся...

Они прибыли на четырёх вместительных лодках, и собак на тех лодках было действительно больше, чем людей. Шаршава, в жизни своей не выбиравшийся из родных венских лесов далее Большого Погоста, никогда прежде не видел подобных собак. Он привык к мохнатым псам, чьи пышные шубы надёжно хранили их и от мороза, и от дождя, и от вражьих зубов. У этих была не шерсть, а шёрстка, короткая, гладкая и блестящая. Зато шкуры казались позаимствованными у гораздо более крупных зверей: кожа обрюзглыми складками свисала с голов, шей и боков. От этого даже кобели выглядели как-то по-бабьи, напоминая неопрятных старух. Но, когда псы начали выпрыгивать из лодок на берег, под вислыми шкурами стали вздуваться и опадать такие бугры, что своё первое впечатление Шаршава сразу забыл. Вся стая была одной масти, серо-стальной, лишь у самых внушительных кобелей на задних лапах и крупах проступали размытые ржаво-бурые полосы. У одного полосы казались ярче, чем у других. Шаршава посмотрел, как держался пёс с собратьями, и решил, что это, не иначе, вожак.

На людей, их хозяев, тоже стоило посмотреть. Ещё как стоило! Наёмники, год за годом проводившие все свои дни среди свирепых питомцев, сроднились с ними настолько, что начали казаться чем-то вроде их человеческого отражения. И суть заключалась отнюдь не в удивительном послушании псов, этого-то как раз не было и в помине. Повиновение держалось скорее на силе. Вожак песьей стаи не был любим и уважаем собратьями, его просто боялись. Каждый из псиглавцев выглядел способным пресечь любую выходку малой своры, чьи поводки тянулись к железным кольцам на тяжёлом поясном ремне. А главарь определённо мог и умел задать трёпку каждому из своих подчинённых...

Восемнадцать мужчин выглядели похожими, как единокровные братья. Все среднего роста, темноволосые и усатые, очень крепко сложенные, страшно сильные и выносливые даже на вид. И одевались они одинаково. В удобные кожаные штаны и стёганные безрукавки под цвет шерсти собак.

Старейшина Хряпа вышел к ним в точности так же, как несколькими днями ранее – к веннам. И жена его снова несла на полотенце вкусный сегванский пирог. Псиглавцы не столько сами съели его, сколько разломали полакомиться собакам. Они о чём-то говорили, смеялись. Супруга набольшего время от времени отворачивалась, опускала глаза. Наверное, шутки были не из тех, которые уместны при женщинах. Однако Хряпа благоразумно помалкивал.

Потом все двинулись вверх, к деревенскому тыну. Наёмники оценивающе оглядели сегванское укрепление, одобрительно покивали. Псы, не удерживаемые ни поводками, ни словом команды, побежали вперёд людей – обнюхивать, обживать новое место. Скоро откуда-то послышался истошный лай, потом собачьи вопли и наконец – хриплый взвизг первой задранной шавки. Кажется, деревню, чьё племя так любило похваляться воинственностью, ожидали очень нескучные времена...

На великом большаке, что тянется с юга на север через весь Саккарем, в одном месте есть очень примечательная развилка. От неё уже недалеко до города Астутерана, и туда-то ведёт главная дорога, вымощенная несокрушимым серым камнем не то что до Последней войны, но, как представляется многим, даже прежде Камня-с-Небес. Ответвляющаяся дорога сворачивает на восток. Её никто никогда не мостил, но она убита

почти до той же каменной твёрдости. Так, что не могут размягнуть даже посылаемые Богиней дожди. А сделали это тысячи и тысячи ног, прошагавшие здесь за долгие-предолгие годы.

Этой дорогой уходят в Самоцветные горы караваны рабов.

Эврих долго смотрел на две широкие колеи, тускло мерцавшие сквозь слой пыли словно бы отполированной твердью... Ему показалось, дорога дышала таким чудовищным горем, что смеяться и рассуждать здесь о чём-то весёлом было бы настоящим кощунством. Насторожился и притих даже Шамарган. Сам же Эврих не сразу собрался с духом, чтобы тихо спросить ехавшего рядом с ним Волкодава:

– Ты... шёл здесь?

Венн отозвался, помолчав:

– Нет. Ксоо Тарким купил меня позже... Меня привезли в клетке и совсем с другой стороны.

Эвриху показалось, его вопрос на время отвлек Волкодава от каких-то мыслей вполне потустороннего свойства. Аррант не знал, что именно это были за мысли, да и знать не хотел, но они всё равно ему очень не нравились. Он сказал просто для того, чтобы что-то сказать:

– Так дело пойдёт, скоро здешнюю дорогу тоже решат замостить! И получится она ещё пошире старого большака!..

Волкодав коротко отозвался:

– Не замостят.

Глубокое и синее саккаремское небо с самого утра было тусклым, чувствовалось приближение ненастья, против всех обычаев здешнего погоды

[36]

подбиравшегося с северной стороны. И, как часто бывает в безветренную погоду, вершины облаков не спешили показываться над горизонтом, лишь посылали впереди себя гнетущую удушливую жару. В дорожной пыли ползали отяжелевшие насекомые, других над самой землёй подхватывали проворные ласточки.

Так совпало, что слова Волкодава сопровождал далёкий раскат грома. Эврих вздрогнул в седле, ему стало по-настоящему жутко. Он вспомнил кое-что, относившееся ко временам Последней войны. Что-то о совокупности человеческого страдания, которое, превысив некую меру, обретает собственное существование и становится страшной сокрушающей и очистительной силой. Но эта сила не может разить сама по себе, ибо нет разума у страдания. Нужен человек, который не побоялся растворить себя в этом раскалённо-кровавом потоке и тем самым дать ему осмысление... Человек, для которого оставить на лице Земли морщину этой напитанной людским горем дороги окажется столь же невозможным, как для него, Эвриха, когда-то невозможно было оставить в этом мире Огненное зелье воришки-колдуна Зачахара... Он, Эврих, тогда поставил на кон очень многое. И не только собственную жизнь, но даже посмертие: убил мага, который почитал его за союзника и чуть ли не друга. И уцелел только промыслом Всеблагото Отца Созидателя, вовремя пославшего ему на выручку великого Аситаха...

Сколько ни гордился аррант своим хладнокровием учёного, своей способностью отстранённо размышлять о вещах, повергающих в трепет и смущение иные блистательные умы, – эту мысль его разум просто отказался пестовать. И тем более делать из неё выводы. Эврих завертелся в седле, ища спасения от того, что упорно лезло ему на ум... И почти сразу воскликнул:

– Винитар! Слышишь, кунс Винитар! Что у тебя с рукой?

Все невольно посмотрели на Винитара. Тот вправду держал поводья послушного Сергитхара одной левой рукой, а правую, с рукавом, натянутым на самые пальцы, не отнимал от груди. Было видно, что общее внимание не доставило сегвану особого удовольствия.

– Что у тебя с рукой? – повторил Эврих.

Винитар равнодушно пожал плечами:

– Ничего. Попортил немного.

– Вижу я, какое «немного»! – почти с торжеством закричал Эврих, хотя на самом деле был весьма близок к слезам. Невольничья дорога, что ли, так на него действовала?.. – Знаю я вашу породу! Доводилось уже с такими, как ты, гора хлебать!..

Слова неудержимо сыпались с языка. Он принялся ругаться, громко и непотребно, с красочными «картинками»,

[37]

требуя немедленного привала, костра и чистой воды, не говоря уже о своём лекарском припасе. Афарга кривила надменные губы, парнишка Тартунг взирал на господина и старшего друга в немом восхищении: ишь, оказывается, как густо умел изъясняться благородный аррант!.. Уж сколько они с ним путешествовали, в каких переделках бывали, но подобного красноречия, право, Тартунг доселе за ним даже не подозревал!..

Остальные смотрели на Эвриха, как на больного, который привередничает и чудит, горя в лихорадке. Грех не потакать желаниям такого бедняги. Глядишь, потешится да и вжиль [38]

повернёт. Или хоть успокоится на какое-то время...

Они остановились у первого же ручейка, рядом с которым, благодарение Богам Небесной Горы, не оказалось следов стоянки рабских караванов. Был устроен костёр, и, пока грелась вода в котелке, Винитар неохотно засучил правый рукав. Кисть руки оказалась не только прикрыта тканью рубашки, но и замотана тряпицей. Повязка сразу показала Эвриху слишком тугой.

– Где попортил? – спросил он севана.

Тот снова пожал плечами, по-прежнему считая, что аррант беспокоится о ерунде:

– Тогда в Чирахе, у мельника... охранника вразумлял.

– И он тебя?..

– Нет. О зуб его вроде оцарапался.

– Оцарапался!.. – простонал Эврих. Сколько раз у него на глазах гибли сильные люди из-за пустячных царапин, вовремя не промытых от грязи. Он со всей живостью вообразил гнусный рот и гнилые зубы охранника, которому Винитар своротил на сторону рыло...

Кончик тряпицы был завязан надёжным севанским узлом. Он выглядел неприступным. Эврих нашарил нож, но Винитар потянул свободной рукой, и узел легко распустился.

– Ты помочился хоть на неё?.. – спросил лекарь в отчаянии, разматывая повязку.

Винитар вздохнул:

– А то как же.

Эврих бросил тряпицу в костёр. Было похоже, что сбывались его худшие опасения.

Освобождённая от повязки рука напоминала гнилой бесформенный клубень. Особенно скверно выглядело основание ладони. Там не было раны, её успела затянуть новая кожа, но изнутри лез багрово-жёлтый, очень неприятный с виду бугор. И было видно, что пальцами Винитар старался не шевелить.

Тартунг раскрыл ларец, принесённый из сложенных наземь вьюков. Тускловатое солнце отразилось в стеклянных боках маленьких баночек с разными жидкостями и порошками... и на лезвиях нескольких небольших, но бритвенно-острых ножичков разной формы. Винитар покосился на них, но ничего не сказал.

Пальцы арранта цепко оплели запястье кунса, левая ладонь с разведёнными пальцами замерла над его распухшей ладонью, потом сдвинулась, опять замерла... Эврих даже прикрыл глаза, словно к чему-то прислушиваясь, и наконец удовлетворённо кивнул. Не глядя сунул руку в ларец и вытащил нужную баночку. Тщательно смазал всю кисть Винитара прозрачным раствором, пахнувшим резко, но довольно приятно. Снова потянулся к ларцу и взял самый маленький нож...

– Тебя поддержать, может быть, белобрысый? – участливо осведомилась Афарга.

Винитар вскинул на неё взгляд, надменностью не уступавший её собственному, и в это время Эврих очень быстро крест-накрест чиркнул тоненьким лезвием.

Винитар вздрогнул, помимо воли дёрнул руку к себе... Опухоль же словно взорвалась, из неё обильно, плотными сгустками полз гной. Аррант с силой надавил пальцами, гной постепенно иссяк, его сменила чистая кровь. И... сначала Эврих, а потом все шестеро молча уставились на то, что вышло вместе с гноем.

На ладони Винитара, исторгнутый воспалившейся раной, красовался выбитый зуб. Крупный и отменно здоровый человеческий клык.

Надобно думать, подобного хохота невольничий тракт за все века своего бытия ещё не слышал...

А где-то на севере, не приближаясь и не удаляясь, глухо рокотал, ворочался в небесах очень необычный для саккаремской осени гром.

Спустя сутки после приезда псиглавцев в деревне Парусного Ската уцелели только те собаки, которых хозяева успели спрятать в домах. Но долго ли просидит собака в четырёх стенах? Рано или поздно ей понадобится выйти во двор... А во дворе тут как тут зубастая пасть, если не две-три враз. Спаситься было невозможно, даже у хозяина под ногами. Хозяева сами торопились убраться с дороги, особенно после того, как нескольких жителей деревни псы сшибли наземь и, не покусав, для острастки тем не менее вываляли в пыли. Старейшина Хряпа набрался решимости и попросил главаря «желанных гостей» как-то прибрать к рукам стаю, шаставшую по деревне.

– Зачем? – прозвучал хладнокровный ответ. – Пускай тешатся, пускай лютости набираются...

Кобели давили кобелей, суки рвали сук и щенят, преследовали коз и овец, пускали по ветру куриные перья. Порода их звалась «гуртовщиками пленных»; она велась чуть ли не с Последней войны, якобы от собак мергейтов Гурцата, прозванного где Великим, где Жестоким, где вовсе Проклятым. Четвероногие душегубы распоряжались деревней, точно взятой с боя, и покамест обходили только один дворик. Тот, где обосновались трое веннов и их посестра. Не потому обходили, что совесть мешала. Просто поперёк входа по-прежнему стойко лежала Игрица, и с ней не хотели связываться даже самые матёрые и свирепые суки, а тем более кобели. Игрица защищала своё

и очень хорошо знала, за что собиралась положить жизнь, и о том внятно говорил весь её вид: подойди первым – умрёшь. А в глубине дворика, у порога клетки, виднелась ещё одна серая тень, в два раза грознее и больше. Бесстрашный в расприх Застоя не затевал драк с кобелями, но, даже смоги кто перешагнуть через Игрицу, – прежде, чем обидеть хозяйку и малышей, встретил бы смерть. И об этом тоже говорилось куда как понятно, на языке, доступном всякой собаке. Это же за сто шагов веет, если кто готов положить жизнь, да не за себя – за тех, кого полюбил... Такому в зубы лезть – верная гибель. «Гуртовщики» и не лезли. Прохаживались поодаль, выхвалялись никем не оспоренной силой, дыбили на загривках скудную шелковистую шерсть... а напролом не пытались. Зачем?

Венны решили уходить не то чтобы совсем тайно, но и без особого спроса и разговора. Эрминтар всё же решила наведаться к дому набольшего, где в каком-то сарае лежала её котомка с вещами. О том, чтобы забрать всё, не шло речи, но было кое-что, что она никак не могла здесь покинуть. Парные булавки для плаща, материна памятка. И костяной вязальный крючок, доставшийся от прабабки: Эрминтар была старшей дочкой в семье. Этого у неё не посмели забрать даже злые жёны и сёстры тех, кто каждый день смешивал «выкупную» с грязью земной. Даже и у неё, бесправной, было кое-что своё и святое. Отнять это – лишиться благословения Матери Роданы, подательницы потомства. Как же позади бросить, как с собой не забрать?.. Эрминтар ушла, пообещав скоро вернуться, но не появлялась подозрительно долго, и Шаршава забеспокоился. Уже сгущался вечер, хмурый и по-осеннему тёмный, суливший возможность невозбранно добраться до лодки, благо ворота тына теперь не закрывались ради удобства собак. «А от кого тебе затворяться-то, доколе мы здесь?..» – вроде бы сказал Хряпе главарь. В доме набольшего как раз происходил пир, устроенный ради приезда псиглавцев, и там в ожидании кусков вертелась вся свора; кто бы что ни говорил, сторожить входы-выходы из деревни они и не думали. Это было хорошо, потому что Заюшка с Оленюшкой и обоими волкодавами погрузились в лодку спокойно и невозбранно. Отвяжи верёвку – и в путь. Но где же Эрминтар, не случилось ли чего нехорошего?..

Шаршава оставил храбрых девок на попечении псов и пошёл искать названую сестру.

У него отлегло от сердца, когда он увидел её, одиноко стоявшую у дома набольшего, возле задней стены. Однако, подойдя ближе, кузнец понял, что рано возрадовался. Эрминтар боялась сдвинуться с места и только беспомощно прикрывала руками живот, а в двух шагах перед ней, не давая пройти, разлёгся вожак «гуртовщиков». Он чавкал и порывкивал, обглаживая большую говяжью кость, щедрый подарок хозяина. Других собак поблизости видно не было. Вожака боялись, и, когда он ел, никто не осмеливался подходить. Может, ему не понравился костыль

Эрминтар, может, ещё что?.. Он покамест не покусал женщину, но стоило ей шелохнуться, как он вскидывал голову. Раздавался такой рык, что делалось ясно, каким образом его предки вдвоём-втроём сопровождали сотенные толпы пленных и никому не позволяли сбежать. Шаршава подошёл на несколько шагов и, когда на него обратился гневливый взгляд маленьких глаз, полускрытых кожными складками, – проговорил со спокойной укоризной:

– Безлепие творишь, государь пёс! Сделай уж милость, позволь ей пройти. Она за твоей едой не охотница!

Любой разумный пёс из тех, с которыми Шаршава имел дело раньше, без затруднения понял бы его речи. Ну, может, не до последнего слова, но то, что ему ни в коем случае не чинилось обиды и люди как раз хотели оставить его в покое – воспринял бы обязательно. Воспринял бы – и позволил миновать свою драгоценную кость, может, порычав для порядка, но уж не более... Чего доброго, ещё и подвинулся бы, являя ответную вежливость и убираясь с дороги. С вожак, украшенным полосами по стальной шерсти лап, получилось наоборот. Чужой человек – мужчина – подошёл к нему во время еды да притом отважился заговорить! За подобную дерзость наказание полагалось только одно...

Вожак не спеша поднялся и с глухим утробным ворчанием пошёл на Шаршаву. Пошёл вроде не торопясь, но кузнец понял: сейчас прыгнет.

Будь на месте Шаршавы любой венн из рода Серого Пса, лютый зверь давно бы вилял хвостом, изнемогая от счастья. А то бы и кость свою приволок в подарок новому другу. Будь кузнец просто человеком, досконально изведавшим все пёсьи повадки, вожак опять-таки давно сам ушёл бы прочь со двора, смутившись либо просто устав вотще нападать на непонятного и странно неуязвимого супротивника... Увы, человек не может обладать всеми качествами одновременно, каждый молодец и умелец в каком-то одном деле, которое избрал для себя. И Шаршава поступил просто как очень решительный и сильный мужчина. Пёс взвился, распахивая бездонную пасть... Кузнец успел принять его на левую руку, худо-бедно защищённую плотной, от дождя, кожаной курткой. Зубищи сомкнулись, шутя вспоров толстую кожу, рука сразу отнялась по самое плечо... но и отнявшейся рукой Шаршава сумел рвануть кверху, тогда как правая уже опустилась на шею животного чуть позади выпуклого затылка. Шаршава никогда не участвовал на ярмарках в обычных развлечениях кузнецов, прилюдно игравших кувалдами и на потеху девкам наматывавших гвозди на пальцы. Не потому, что считал это зазорным, просто не находил тут ничего необычного и дающего повод похвастаться. Железо, оно железо и есть; что же не согнуть его, не сломать?..

...Позвонки вожака сухо и отчётливо хрустнули. Голова с остановившимися глазами неестественно запрокинулась на сломанной шее, пасть обмякла, и Шаршава стряхнул наземь тяжело обвисшее тело. Онемение в руке отпустило, но на смену ему начала разрастаться тяжёлая бьющаяся боль, а рукав принялся быстро намочать и темнеть. Это, впрочем, могло подождать. Кузнец шагнул мимо дохлой собаки и здоровой рукой обнял бледную трясущуюся Эрминтар:

– Пойдём, что ли, сестрёнка.

Первым заметил случившееся пронырливый внучек старейшины Хряпы, выглянувший зачем-то из дому. Он сразу рассказал деду, и наибольший пришёл в ужас, но потом подумал как следует – и испытал немалое облегчение. Не то чтобы ему уж так не нравились венны. Он был на них зол за собственную оплошность, но и только. А вот то, что теперь псиглавцы наверняка снарядятся в погоню, а значит, хоть на время оставят в покое деревню, – это поистине дорогого стоило. Не жаль даже поплатиться полезной рабыней, какой была хромоногая...

Правда, немедля погнаться за веннами у наёмников не получилось. Псы быстро смекнули, что остались без главенства, и тут же передрались. Чуть ли не каждый желал занять место убитого, и далеко не все суки ожидали исхода, отсидеваясь в сторонке: три или четыре тоже дрались за первенство, и даже свирепее, чем кобели. Хозяева не пытались никого унимать. Всю ночь в деревне Парусного Ската продолжалась чудовищная грызня, рядом с трупом вожака легло ещё два, многие оказались нешуточно искалечены, и их недрогнувшими руками добились сами псиглавцы.

Но зато теперь в стае опять был вожак. Такой же честолобивый и сильный, как прежний, только моложе.

И многим показалось, будто ржаво-бурые полосы на лапах молодого кобеля в одночасье сделались ярче.

Эврих не без содрогания ожидал, как что будет, но всё произошло, пожалуй, даже с пугающей обыденностью.

– Ты просил показать место, где меня купил Ксоо Тарким, – сказал Волкодав. – Вот оно. Могучие и немисливо древние леса северного Саккарема успели остаться далеко позади, кругом расстилались кустарниковые пустоши, порождённые холодными сухими ветрами, постоянно дувшими с гор. Место же, которое Волкодав указал Эвриху, не являло собой ничего примечательного. Это даже не был перекрёсток дорог, заслуживавший такого названия. Просто узенькая – небольшой тележке проехать – тропка, не то вливавшаяся в невольничий большак, не то ответвлявшаяся прочь. Чтобы двадцать лет спустя узнать подобное место, оно должно быть врезано в память не иначе как калёным железом. Или, по крайней мере, кандальным железом, которое в общем-то ничем калёному не уступит...

Небо оставалось всё таким же мутным, пепельно-голубым, и с северо-восточной стороны в нём уже проступали белёсые мазки горных вершин. Эвриху показалось очень закономерным, что совсем рядом с памятным местом, у не до конца высохшего озера, расположился на отдых рабский караван. Пасущиеся лошади, среди которых выделялась пегая красавица кобыла. Повозка с добротным кожаным верхом, где сохранялись припасы и, вероятно, ехал кое-кто из рабов, нуждавшийся в сбережении от тягот дороги. Костерки, небольшая палатка для господина...

И кучка пропылённых людей, расположившихся позади повозки, вдоль уложенной наземь длинной и толстой цепи.

При виде подъехавших поднялись на ноги не только надсмотрщики, но и – неожиданно – кое-кто из невольников.

– Наставник, Наставник, я здесь!.. – сорвался отчаянный молодой голос.

В сторону кричавшего, держа наготове палку и негромко ругаясь, сразу пошёл старший надсмотрщик – могучий седоволосый мужик, выглядевший неутомимым в движениях. Не дошёл: крупный серый конь, слегка высланный седоком, отнёс его в сторону.

– Не стоит бить этого человека, почтенный, – глядя сверху вниз на постаревшего, но как прежде крепкого Харгелла, сказал Волкодав. – Я привёз грамоту о его свободе. И выкуп, который достойно вознаградит твоего хозяина за хлопоты с невольником, по ошибке осуждённым на рабство. Можем ли мы видеть достойного Ксоо Таркима?

В стране веннов наступила осень, а с нею – свадьбы и ярмарки. И случилось так, что на весёлом и шумном торгу женщине из рода Пятнистых Оленей, с самой весны сильно горевавшей об ослушнице дочери, приглянулась связочка копчёных кур, выложенных на лоток почтенной полнотелой Зайчихой.

Да не сами курочки привлекли взгляд. Померещилось нечто знакомое в узлах плетения сеточек, куда румяные тушки были заключены...

– Скажи, сестрица милая... – начала было Оленуха, однако совсем рядом послышался горестный плач, и обе женщины обернулись. Поблизости от них стоял племянник доброй Зайчихи, ученик кузнеца. Смущённый парень держал в руках кованный светец в виде еловой веточки с шишками и не хотел отпускать, но приходилось: заливаясь слезами, вещь тянула к себе, прижимала к груди женщина из рода Щегла.

И надо ли упоминать, что чуть позже одна из трёх выставила кувшин горького пива, другая принесла пирожков, третья разломилась, угощая, тех самых кур, – и новые сёстры, породнённые своевольными чадами, до позднего утра сидели все вместе, и наговориться не могли о своих детях.

Шла девчонка по лесу морозной зимой.
Из гостей возвращалась на лыжах домой.
И всего-то идти оставалось версту —
Да попался навстречу косматый шатун.
Отощальный, забывший о вкусе добыч...
Неожиданно встретивший лёгкую дичь...
Тут беги не беги – пропадёшь всё равно:

Разорвёт и сожрёт под корявой сосной.
Обомлела девчонка, закрыла глаза...
Оттого и не сразу заметила пса.
И откуда он там появился, тот пёс?
Может, вовсе с небес? Или из-за берёз?
Он мохнатой стрелой перепрыгнул сугроб!
Людоеда-медведя отбросил и сгрёб!..
Под покровом лесным, у девчонкиных ног
По кровавой поляне катался клубок.
Две железные пасти роняли слюну:
Посильнее схватить!.. Побольнее рвануть!..
Эхо грозного рыка дробилось вдали.
Когти шкуру пороли и воздух секли,
Оставляя следы на древесной коре...
Только смерть прервала поединок зверей.
Потревоженный иней с ветвей облетал.
Морщил морду медвежью застывший оскал.
Невозможной победе всю душу отдав,
Чуть живой распластался в снегу волкодав...
И тогда-то, заслышав о помощи крик,
Появился из леса охотник-старик.
Оглядевшись, качнул он седой головой:
«Век живу, а подобное вижу впервой!
Ну и пёс!.. Это ж надо – свалил шатуна!
Да подобных собак на сто тысяч одна!
Но сумеет ли жить – вот чего не пойму...
Ты ли, внученька, будешь хозяйка ему?»

Вот вам первый исход. «Нет, – сказала она. —
Не видала его я до этого дня...»
И охотник со вздохом промолвил: «Ну что ж...»
И из ножен достал остро вспыхнувший нож...

А второй не чета был такому исход.
«Мой! – она закричала, бросаясь вперёд. —
Коль сумел заступиться – отныне он мой!
Помоги отнести его, старче, домой!»

А теперь отвечай, правоверный народ:
Сообразнее с жизнью который исход?

7. Оборотень, оборотень, серая шёрстка...

Его звали Гвалиором, и когда-то он думал, что его служба здесь должна была вот-вот завершиться. Он копил на свадьбу, без конца подсчитывал свои сбережения и прикидывал, сколько ему ещё остаётся. Сперва годы, потом месяцы, потом чуть ли не вовсе седмицы... И вдруг настал день, когда приехал дядя Харгелл и он получил известие, что в родном Нардаре милостью кониса вышел новый закон о женитьбах. И его девушка, ради которой он пошёл на проклятую, но очень денежную работу в Самоцветные горы, тут же выскочила за другого.

Так случилось, что вскоре разразились ещё иные события, отсрочившие для него окончание службы... И, пока они длились, он понял: идти отсюда ему некуда. Он успел подзабыть, что за мир лежал там, вовне, за отвесными на вид, чёрными против солнца громадами, в которые зримо упиралась дорога, тянувшаяся от Западных-Верхних ворот... И, пожалуй, он отчасти побаивался этого мира. Здесь, в рудниках, по крайней мере всё было привычно. Рабы, надсмотрщики, чёткий круг каждодневных обязанностей... А что ждало его там? За пределами?.. И кто ждал его там, кому он был нужен?

Здесь у него имелось положение и весьма неплохой заработок, здесь его знали и даже кое-кто уважал. Отправляться в дальние дали и заново всё начинать?.. А не поздно ли – к сорока с лишним годам?..

Гвалиор шагал нескончаемыми лестницами вниз и хмуρο думал о том, что здесь, в Самоцветных горах, со многими происходило подобное. Человек вербовался сюда, искренне полагая, что останется на годик-другой, поднакопит денег, и тогда-то... А потом как-то незаметно проходили сперва десять лет, затем двадцать, а там и целая жизнь. Да. Самоцветные горы крепко держали не только тех, кто был прикован в забоях.

Гвалиор вытащил из поясного кармашка плоскую стеклянную флягу, свинтил крышечку и отпил глоток. Благословенное пламя сладкой халисунской лозы отправилось в путь по его жилам, делая неразрешимые заботы легко одолжимыми и почти смехотворными. Гвалиор знал, что облегчение это лишь временное, но всё равно прибегал к нему каждый день, снова и снова. Он и теперь с большим удовольствием опустошил бы всю фляжку, но было нельзя. Запасы подходили к концу. Этак разгонишься – и потом вовсе никакой радости до самого приезда купцов. Гвалиор сделал ещё глоток и вновь завинтил фляжку. Однажды на такой же лестнице его рука дрогнула, крышечка запрыгала по ступенькам и исчезла в отвесном колодце воздуховода. В тот же вечер он отправился к серебрузнецам, захватив с собой два серебряных лаура, и ему сделали новую крышечку. На хитром вертящемся колечке с цепочкой, чтобы крепить её к кожаному чехлу, оберегавшему стекло. Иначе давно точно так же бы потерялась. Гвалиор с несколькими старшими надсмотрщиками спускался на самый нижний, давно оставленный проходчиками двадцать девятый уровень Южного Зуба. Когда-то там добывали опалы баснословной ценности и красоты, но потом гора сурово покарала не в меру алчных смертных, дерзнувших слишком глубоко забраться в её недра. В опаловом забое случился удар подземных мечей, равного которому не припоминали даже рудничные старожилы вроде главного назирателя Церагата. Погибло восемнадцать рабов. И, что существенно хуже, выработку пришлось прекратить. Теперь забой стоял даже не заваленный – запертый здоровенными воротами, целиком отлитыми из бронзы. И старший назиратель Церагат сам, не доверяя помощникам, время от времени спускался туда убедиться, всё ли в порядке. Раньше этим занимался господин распорядитель Шаркут. Собственно, запертый уровень и теперь должен был находиться в ведении рудничного распорядителя, а уж никак не назирателя, начальствующего над войском надсмотрщиков, но времена изменились. Шаркут умер три года назад от неизлечимой болезни. Никто не заметил, как она к нему подобралась. Он просто начал останавливаться на ходу или замолкать на полуслове, а потом не мог вспомнить, куда шёл и о чём говорил. Сперва изредка, потом всё чаще и чаще. Страшная это была перемена в человеке, чья память хранила все сведения о многочисленных копиях и, более того, о рабах, махавших кирками в каждом забое. Спустя полгода Шаркут перестал узнавать старинных знакомых и, наконец, умер, и вместо него появился новый распорядитель. Вольнонаёмный аррант по имени Кермнис Кнер.

Это было очень странное событие само по себе. До сих пор арранты в Самоцветные горы нанимались исключительно редко, на рудниках даже поговаривали, будто жители просвещённой страны брезговали трудиться в этой вотчине страданий и смерти, – не брезгуя, правда, получаемыми оттуда камнями. Удивительно ли, что про Кнера немедленно поползли самые разные слухи! Кое-кто утверждал, будто он повздорил с придворными учёными Царя-Солнца и был вынужден покинуть Аррантиаду, не дожидаясь гонений. Другие были уверены, что его, не иначе, застigli в спальне младшей царевны, и именно этот проступок стал поводом к бегству...

Слухи подогрелись ещё и тем обстоятельством, что у Шаркута были очень знающие и опытные помощники, ожидавшие, что в ранг распорядителя возведут кого-то из них. Однако с Хозяевами не было принято спорить. А кроме того, понятная ревность этих людей быстро

утихла. Кермнис Кнер оказался полной противоположностью Шаркуту. Он предоставил унаследованным помощникам вести дела в забоях и распоряжаться каторжниками так, как они находили нужным. Сам же урядил несколько мастерских – и с головой погрузился в постройку и опробование разных механизмов для подземных работ. Шаркут предпочитал действовать по старинке, используя лишь подтвердившие свою надёжность устройства вроде водяных воротов и подъёмников, и всего меньше заботился о сбережении дармового невольничьего труда. Кнер, напротив, без конца налаживал какие-то новые приспособления. Когда они начинали работать, то работали, как правило, здорово. Но при наладке обязательно случались разные неприятности, а поскольку механизмы были всё тяжёлые и громоздкие, почти каждый был оплачен жизнью рабов. Это ни в малейшей степени не останавливало Кермниса Кнера. Погибших сбрасывали в отвалы, и распорядитель невозмутимо продолжал делать своё дело, и вот тут они с Шаркутом были поистине родственники.

Но люди, как всем известно, очень не любят никаких новшеств, и особенно в деле, которым много лет занимаются. Люди начинают думать, от каких Богов идёт то или иное новое веяние, от Светлых или от Тёмных, и приходят к убеждению, что не от Светлых. Удивительно ли, что затеи Кнера чем дальше, тем больше обрастали очень скверными сплетнями. Последняя по времени состояла в том, что – конечно же, вследствие его работ! – из подземелий, чуя неизбежность погибельных бедствий, якобы начали уходить крысы.

Так совпало, что первым выпало узнать об этом именно Гвалиору.

Он был едва ли не единственным на все три Зуба надсмотрщиком, у которого среди рабов водились друзья, – насколько вообще возможна дружба между каторжником и свободным. Собратья по ремеслу смеялись над ним, но он своих привычек не изменял. Даже подручных подбирал себе под стать, тоже таких, кто без крайней необходимости не хватался за кнут. Смех смехом, но рабы, вверенные Гвалиору, вели себя тихо, не набрасывались на надсмотрщиков и не затевали между собой свар. И вот однажды двое опасных с двадцать третьего уровня, к которым только он ходил в забой без кнута и кинжала, пожаловались ему, что уже несколько дней им не удаётся раздобыть рудничного лакомства – крысы, убитой метко пущенным камнем. «В соседних забоях то же самое, господин, – сказал один из прикованных. – На всём уровне и внизу. К чему бы такое?»

«Если вдруг что... ты уж побереги себя, господин Гвалиор», – тихо добавил второй.

Получив ещё несколько подтверждений этого слуха, нардарец для очистки совести рассказал Церагату. Старший назиратель очень обеспокоился и почему-то принялся чаще обычного мотаться на двадцать девятый уровень, к бронзовым, надёжно запертым воротам, – вот как теперь. И вместе с ним, в сорок петель края бесконечную череду лестниц, были вынуждены тащиться вверх-вниз его ближайшие подчинённые, такие как Гвалиор.

Самому же нардарцу с того дня повадились сниться очень скверные сны.

Ему снилась рудничная легенда, родившаяся здесь, под Южным Зубом, лет этак десять назад, и с тех пор чтимая, пожалуй, побольше, чем связанные с Белым Каменотёсом и Горбатым Рудокопом, вместе взятые. О ней строго запрещалось упоминать, ослушника из числа рабов ждало полсотни плетей, то есть почти верная смерть, а надсмотрщика – ощутимая убыль в зароботке. Легенда была очень опасная, ибо призывала чуть ли не к бунту. Но куда было деваться Гвалиору, если волею Священного Огня он присутствовал при рождении этой легенды и, кажется, даже сподобился чуть-чуть в ней поучаствовать?.. Что ему было делать, когда друзья-рабы просили его поведать о невольнике, прозванном, как пелось в опять-таки запретной Песне Надежды, Грозою Волков?.. Только надеяться, что его не выдадут.

До сих пор не проболтался никто...

И вот теперь человек, которого он знал под именем Пёс, приходил к нему по ночам. Он что-то говорил Гвалиору, о чём-то предупреждал, и во сне тот хорошо понимал его, но, просыпаясь, не мог припомнить, о чём шла речь. «Наверно, умру скоро», – думал нардарец. Насколько ему было известно, невольник по имени Пёс погиб на леднике за отвалами, хотя, правду молвить, его мёртвого тела так потом и не нашли. Ну а зачем бы мёртвому приходить в сон живого, как не для того, чтобы позвать за собой?..

Гвалиор посмотрел на стену, поплёскивавшую в чадном свете факела зеленоватыми сколами златоискра...

[39]

Семнадцатый уровень. Ещё дюжина уровней вниз, потом, во имя Чёрного Пламени, не менее двадцати – вверх... И такое вот наказание – почти каждый день. Да холера бы с ними, с этими сбежавшими крысами!.. Спрашивается, ну какая нелёгкая тянула его за язык?..

На следующем, восемнадцатом уровне стройная череда лестниц была нарушена из-за новой машины Кермниса Кнера, разворотившей ступени. Пришлось долго идти по длинному штреку

[40]

к следующему лестничному колодцу. Вереницы существ, когда-то бывших людьми, катили к подъёмнику тяжёлые тачки, наполненные рудой. Вываливали их в объёмистые бады, качавшиеся на прочных канатах, и порожними торопились обратно. Надсмотрщики окриками и кнутами заставляли их прижиматься к стенам: дорогу господину Церагату и его свите!..

Гвалиор опять раскупорил свою фляжку и сделал радующий сердце глоток. Мысль о возможности близкой смерти оставила его, пожалуй, равнодушным, но заставила кое-что вспомнить. Дело было четыре года тому назад, под самую осень, как и теперь; очередной невольничий караван привёз в рудники девок. Надсмотрщики из свободных, в особенности старшие, имели право выбирать, и Гвалиор выбрал. Ему приглянулась конопатая невольница из Нарлака, чем-то похожая на его прежнюю невесту, Эрезу. За это сходство ей следовало бы ежечасно благодарить и Священный Огонь, и подряд всех Богов, которых она смогла бы припомнить. Потому что Гвалиор, проявив совершенно недостойное и, более того, вовсе не свойственное ему мягкосердечие... взял да и заплатил за девку полный выкуп, приобретя её для себя одного. Так и жила она у него в домашнем покойчике, редко высовываясь наружу. Не пошла по рукам, не погибла, не опустилась и не спятила от унижения и побоев... Год спустя вновь приехал дядя Харгелл, и глаза у старика полезли на лоб: двоюродный племянник с рук на руки передал ему зарёванную молодёнку с животом, который, что называется, лез на нос. И наказал отвезти её к своим родителям, в горную нардарскую деревню.

«Да она ж у меня рожать примется прямо в телеге!..» – не на шутку испугался свирепый старый надсмотрщик.

«Справишься...» – был ответ.

Конопатая благополучно произвела на свет сына, ни с кем в деревне не спуталась, Гвалиоровы родители звали мальчика внуком, а он их – дедушкой-бабушкой. Девка же всякий раз присылала ему с дядей отменно тёплые, любовно связанные шерстяные носки. Кажется, она его ждала, дурёха. Гвалиор не очень-то расспрашивал о ней и о сыне. Он не собирался возвращаться туда.

Но почему с тех же самых пор, как ему начал сниться давно погибший приятель, он и о конопатой повадился вспоминать всё чаще и чаще?..

– Кажется, мне снова повезло, – сказал Волкодав. – Опять я был у тебя в руках... И опять ты меня не убил.

Они с Винитаром стояли на пустой, далеко видимой в обе стороны дороге. Винояр держался поодаль, присматривая за двумя конями: Сергитхаром и серым. На сером обратно в Саккарем поедет молодой кунс. «Конь мне больше не нужен...» – сказал Волкодав.

– Но ты знай, что мы с тобой ещё встретимся, – негромко проговорил Винитар. Его лицо было, по обыкновению, бесстрастно, но глаза улыбались. Невесело и очень тепло.

Может быть – в другой жизни...

– подумал Волкодав, но вслух ответил:

– Я был в твоей стране, теперь твой черёд приехать в наши края. – И добавил: – Вместе с кнесинкой Елень.

– Когда нас поженили, – качнул головой Винитар, – я был Стражем Северных Врат. А теперь я вождь без племени и кунс без корабля.

– У вас есть вы сами, неужто этого мало?.. – сказал Волкодав.

Винитар вздрогнул... А Волкодав отошёл от него к Эвриху и прицепил поверх кладей вьючной лошади свой заплечный мешок. Он оставил при себе лишь оружие, кремь с кресалом да тёплый старый плащ на сером меху. Книги, одна из которых так и осталась непрочитанной, теперь только отяготили бы его. Между книгами лежал и замшевый мешочек с сапфировым ожерельем. Уж кто-кто, а Эврих рано или поздно доберётся до беловодского Галирада.

Сколько всего я собирался рассказать тебе, Эврих... И не рассказал!

– А ты знаешь, кто нынче в свите у старика Дукола? Личным телохранителем?.. – плохо справляясь с прыгающими губами, выговорил аррант. – Слепой Дикерона, вот кто! Метатель ножей!.. Ты хоть помнишь его?

– Как же, – кивнул Волкодав. – Ещё бы не помнить.

И тебя ни о чём толком не расспросил...

Эврих мрачно предрёк:

– Он никогда мне не простит, что я тебя не привёз!

Венн развёл руками:

– Ну... отобьёшься как-нибудь. Ты кан-киро, надеюсь, не совсем позабыл?

Эврих промолчал, лишь в глазах билось безнадежное: «Во имя замаранных ягодиц Прекраснейшей, поскользнувшейся у родника!.. Ну вот почему, когда совершается расставание навсегда, вместо самого важного только и приходит на ум какая-то чепуха?..»

Виноёр не смотрел на венна, старательно отводил глаза. Вчера, когда Ксоо Тарким прочитал письмо чирахского вейгила, пересчитал деньги и на руке шо-ситайнца расклепали цепь, парень умудрился почти сразу едва не поругаться с Наставником. Он принялся подбивать Волкодава освободить весь караван. Оказывается, он уже прикинул, что даже вдвоём они легко совладают с надсмотрщиками, Харгелла убьют насмерть его же палкой, а Таркима привяжут к хвосту пегой кобылы: «Там такие люди, Наставник!.. Некоторые, да... верёвка плачет... но остальные! Кто задолжал, кто слишком богатому в обычной драке ухо расплющил...» – «Нет», – сказал Волкодав. И не пожелал объяснить причину отказа. С этого времени Виноёр держался с ним очень почтительно, но отстранённо.

О том, что они расстаются, Волкодав удосужился объявить только сегодня утром, когда заливали костёр. «Куда собрался-то? – вновь, как когда-то, спросил язвительный Шамарган. – Домой к себе, что ли, надумал через горы махнуть?..» Венн подумал и кивнул: «И так можно сказать...»

Виноёр вдруг бросил поводья обеих коней, подбежал к Волкодаву, и они обнялись.

– А мне ты ничего не скажешь, венн? – хмуро и зло спросил Шамарган. Волкодав ответил не сразу, и лицедей почти выкрикнул: – Ну да, что со мной говорить, я же дерьмо!.. Да!.. Дрянь, дерьмо, мусор!.. Меня, младенца, нашли нищие, искавшие поживы в куче отбросов!.. Вот!.. У меня не было родителей, я никому был не нужен!.. Я решил отомстить и пошёл к служителям Смерти... Я думал... неважно, что я думал... нас с напарницей послали в Кондар, истреблять какую-то танцовщицу... повинную только в том, что не захотела причинять своими плясками гибель... Там мою напарницу загрызла сторожевая собака, а я... я вроде понял... Я попал к Хономеру, я думал... Э, да что со мной рассуждать, я же мусор, и место мне на помойке!

И он рванулся было прочь, налаживаясь куда-то бежать. Волкодав придержал его за плечо. Глупый ты, парень, хотелось ему сказать. Чего ради мечешься? Чего ищешь по разным храмам такого, чего в тебе самом нет?.. Ты же поэт, дурачок. На что тебе вымышленные отцы? У тебя и так звание повыше любого, которое могут дать люди...

Он сказал:

– Ты называл себя сыном Тразия Пэта и жаловался, что не умеешь даже зажигать огонь... На самом деле ты умеешь. Смотри, это же так просто...

Он опустился на корточки, и его ладонь зависла над кучкой сухих веточек и травинок. Мгновенное напряжение всего тела, едва заметное движение... и над кучкой заплескал сначала дымок, а затем – весёлые язычки, почти невидимые при ярком дневном свете. Когда Шамарган наконец поднял глаза, Волкодава рядом с ним уже не было.

Теперь Эврих хорошо понимал, что означали слова венна, сказанные несколькими днями раньше:

«Как бы ты отнёсся, брат, если бы я... – тут он чуть помялся, – ...если бы я вручил тебе мечь?» На самом деле он хотел сказать «завещал», но пожалел, остерегся пугать. Эврих же не сообразил, что к чему, и привычно насторожился:

«Какую-какую мечь?..»

Воображение уже рисовало ему всякие ножи, воткнутые в спину, и прочие варварские штучки... Стыдно было теперь даже вспомнить об этом.

«Мечь, которую я не могу исполнить, а ты можешь, – терпеливо пояснил Волкодав. – Есть в Аррантиаде один... Кимнот Звездослов. Книжки пишет сидит. Настоящей учёности в нём на ломаный грош, зато есть другая способность, более важная: убеждать вельмож и правителей, что только он – самый знающий и разумный и слушать надо только его. А тех, кто осмеливается противоречить ему, – на каторгу отправляет».

«Попадались мне его “Двенадцать рассуждений”, – ответил Эврих не без некоторой осторожности. – Я не стал их читать. Сплошное самовосхваление... Оно не показалось мне интересным».

«Ты когда-то оценил мой выговор и спросил, кто научил меня аррантскому языку... Его звали Тиргей Эрхойр, и он составил бы славу аррантской науки, если бы не зависть Кимнота. Я крутил с ним ворот в Самоцветных горах. Он был моим учителем. Потом он погиб».

«И ты хочешь, чтобы я...»

«Да. Таких Кимнотов надо по ветру развеивать. Мелкими брызгами... Я думаю, ты и один с ним справишься, хотя ты не подземельщик, а лекарь. А уж если ты разыщешь Зелхата...»

Эврих встрепенулся:

«Зелхата? Ты тоже полагаешь, он жив?»

«Я почти уверен», – кивнул Волкодав.

Эврих преисполнился вдохновения:

«Так это не мечь, друг варвар! Это святой бой с пустомыслом, чьи писания и злые дела оскорбляют саму сущность науки!»

«Не смей называть меня варваром!» – сказал Волкодав...

...И вот Эврих ехал по невольничьему тракту назад, и седло под ним состояло из одних жёстких углов, а ноздри забивала поднятая копытами пыль, не торопившаяся оседать в стоялом предгрозовом воздухе. Его не оставляло чувство, будто он сделал – или делает, или собирается сделать – какую-то большую ошибку. Какую?.. Мысли о мести заставили его вспомнить кое о чём, и он направил своего мерина поближе к серому Винитару:

– Хочу с тобой посоветоваться, сегванский кунс, ведь ты мореплаватель...

Винитар церемонно наклонил голову:

– Я слышал от людей, вы, арранты, лишь немногим уступаете нам в море... – В устах жителя Островов это была наивысшая похвала. – Но если могу чем-нибудь помочь, спрашивай.

И Эврих спросил:

– Известно ли тебе, кунс, о чудесной скале, прозванной Всадником, топчущим корабли?

Мог ли он предполагать, каков будет ответ!

– Я видел Всадника, когда мы шли Аррантским морем к берегам Шо-Ситайна, – просто сказал Винитар.

Эврих так и ахнул:

– Как же вышло, что ты остался в живых?..

– Он не стал топтать мой корабль, – пожал плечами сегван. – Не знаю уж, почему Он нас пощадил. – Подумал и добавил: – Мне показалось даже, никто больше на «косатке» не видел Его, только я. – И усмехнулся: – Вот видишь, не много я сумел тебе рассказать.

Эврих, волнуясь, бросил на руку полу плаща:

– Дело в том, друг мой, я тоже когда-то видел Его... и даже больше, чем видел. Мы с Волкодавом были на «косатке», погибшей под каменными копытами. Не выплыл никто, лишь

мы, выброшенные волной на Его стремя... мы двое и мальчик, ехавший с нами. Дело происходило посреди моря, но утром мы увидели вблизи берег. А потом... в общем, потом у меня было несколько случаев вспомнить, что якобы Всадник порою ходит неузнанным между людьми и слушает их разговоры. Мне даже начало казаться, будто Он чего-то ждал от меня, но вот чего?... Каким образом я мог Ему послужить?..

Винитар внимательно слушал.

– И вот недавно... – продолжал Эврих. – Ах, сегванский кунс, чего только не отыщет в старых летописях любопытный разыскатель, коему даровано право свободно рыться по древлехранилищам!.. Совершенно неожиданно я наткнулся кое на что, могущее, как мне подумалось, оказаться занятой вестью для Всадника... Но почём знать, как и когда снова пересекутся наши пути? И пересекутся ли? Скажи, кунс, нет ли у твоего народа какого поверья... ну там, дурной приметы – сделай то или не сделай этого, и нарвёшься на Всадника?..

Винитар, подумав, ответил:

– Когда я узнал чужие племена, я скоро перестал верить в приметы, ибо увидел, что людям свойственно толковать одно и то же по-разному. К примеру, мергейты считают проточину на лбу вороного коня чуть ли не раскрытой могилой для его хозяина, а халисунцы, напротив, усматривают в ней верный признак силы и счастья... я же сам убеждался, и не однажды, насколько ошибочно и то и другое. Но у моего народа есть пословица: «Все реки текут в море». Так что посоветую тебе только одно – скажи то, что хочешь сказать, любому ручью...

– Бог ручья передаст мои слова Богу реки, а тот рано или поздно свидится с Морским Хозяином! – подхватил Эврих. Сошуренные глаза уже искали впереди, на кустарниковой пустоши, узкую голубую полоску. – Так, здешние ручьи впадают либо в Сиронг, либо в Малик... Спасибо тебе, кунс!

– Не мне спасибо, – проворчал Винитар. – Это моя бабушка любила так говорить.

Ручей, к которому они подъехали через некоторое время, выглядел очень несчастным. Мало того, что под конец лета почти иссякли питавшие его талые струи, так ещё и люди, переправлявшиеся вброд, беспощадно разворотили и разгваздали русло. После того, как здесь побывал караван Ксоо Таркима, ручеек только-только собрался с силёнками, чтобы наполнить две глубокие колеи, оставленные повозкой, и возобновить течение.

Рассёдланные лошади сразу потянулись к воде. Эврих же, посомневавшись, в какую сторону отойти – выше или ниже брода, – всё-таки отошёл выше, туда, где вода показалась ему светлой и чистой. Он встал на колени и невольно задумался о том, какой долгий путь предстояло пробежать этой воде. Которым из её капель суждено в самом деле влиться в могучий Сиронг? Сколько будет вычерпано вёдрами для кухонь, огородов и бань? Сколько попросту впитается в землю и пополнит невидимые потоки, текущие в недрах?..

– Слушай же, о Всадник, если эта весть когда-нибудь отыщет Тебя... – проговорил он негромко, наклонившись низко к ручью. – Вот что открыли мне летописи Благословенного Саккарема, созданные много столетий назад... Я видел лишь маленький отрывок, не содержащий ни имени тогдашнего шада, ни упоминаний о каких-либо известных событиях, могущих пролить свет на возраст написанного... Собственно, это была даже не летопись, а просто записка сборщика податей, сохранённая лишь ради её древности... по свойству самого незначительного предмета с годами обретать немалую ценность... Записка рассказывала, как некий торговец рабами... давно умерший, о Всадник! – привёз целый корабль невольников, в том числе женщину «из далёкого и диковинного Шо-Ситайна», и заплатил в казну должный налог. На той же страничке эти рабы упомянуты ещё раз. Всех, в том числе женщину, оказавшуюся «слишком дикой» для торговцев прекрасным товаром, перепродали в Самоцветные горы... Я не знаю, о Всадник, о той ли шла речь, которую до сих пор не может позабыть Твоё сердце... но я скорблю вместе с Тобой, где бы Ты сейчас ни был...

Говоря так, Эврих не ждал от ручейка немедленных чудес, подтверждающих правоту Винитара. И, действительно, ничего особенного не произошло. Вода не поднялась вихрем, не плеснула на берег. Лишь переползали по дну, отмечая слабое течение, комочки бурого ила... и маленькая волна, побежавшая вниз, была порождена просто землёй, обвалившейся из-под ладони. Эврих

проследил за нею глазами и почему-то вдруг испугался, что её сейчас выпьют лошади и весть будет потеряна.

Он вернулся к своим спутникам, чувствуя странную и светлую опустошённость, какая бывает по завершении очень большого труда. Или принятия безумного на первый взгляд, но тем не менее безошибочно правильного решения. «Да стори они, мои „Дополнения“... Ожерелье для Ниилит? Может, ещё удастся... А не удастся, она меня простит...»

– Я нашёл, что направил коня не в ту сторону, – весело сообщил он Винитару, Шамаргану, Винойру и Афарге с Тартунгом. – Я, пожалуй, рановато повернул в Саккарем. Этот купец, Ксоо Тарким, определённо может рассказать немало занятного о своих странствиях, и хвала Богам Небесной Горы, что я вовремя спохватился! Я вновь присоединюсь к его каравану и буду говорить с ним по праву, вручённому мне государем шадом... Да и Самоцветные горы стоят того, чтобы на них посмотреть!

Помолчал и добавил:

– Но, опять-таки во имя Богов Небесной Горы, я поеду один.

– Обижаешь, аррант, – сразу сказал Тартунг.

– Прогони меня силой, мой великий и величественный господин, – мило улыбнулась Афарга.

– Тьфу на тебя, лекарь! – сказал Шамарган.

Винитар и Винойр промолчали... «Сделай по его слову и не горюй оттого, что не превратил его дорогу в свою...» – отдалось в памяти у одного. «Если ты ещё зовёшь меня Наставником – езжай отсюда прямо в Мельсину и не задерживайся по дороге!» – вспомнил другой.

А вниз по течению безымянного ручья катилась себе да катилась маленькая волна. Торопливый водяной бугорок не терялся среди ряби, поднятой ветром, и не истаивал в заводях, заросших пышным раkitником. Ему предстоял долгий путь...

Что до Волкодава, он в это время сидел на макушке холма, до которого каравану Ксоо Таркима оставалось ещё ползти и ползти, и с большим изумлением разглядывал некое диво, извлечённое из поясного кошелья. Он расплёл волосы, чтобы по веннскому обыкновению повязать их тесьмой, сунул руку за гребешком... а пальцы неожиданно-негаданно ткнулись в ребро плотного, многократно сложенного листа. Волкодав помнил, что ничего подобного в кошель не убирал. Кто же?... Ему понадобилось лишь слегка повести носом. Шамарган. И когда успел?... Утром Волкодав перетряхивал кошель, выбрасывая всё лишнее, и никакого листка внутри не было. Ну а потом он мог отвлечься и слегка потерять бдительность только однажды. Когда Шамарган объявил себя дерьмом, мусором, отбросами и собрался бежать, а он остановил парня, взяв за плечо...

Неужели и те его речи были всего только лицедейством? Неужели это он так моё внимание отводил?... А я и попался. Как тогда со сребреником, у ворот...

Ну что ж, кажется, ему второй, и последний, раз в жизни прислали письмо... Волкодав развернул лист и начал читать. Написанное сперва привело его в недоумение, он даже не сразу вспомнил, как на палубе «косатки» пересказывал сегванам баснословную книгу про Крылатого Властелина и свои сомнения на её счёт... и как потом Аптахар взялся с ним спорить. Оказывается, Шамарган очень внимательно слушал его. Кто бы мог заподозрить?

Что задаром даётся, то не будет и свято...

Ты во взглядах Бессмертных приговор свой прочёл.

Пусть потешатся властью! Ты вернёшься, Крылатый.

Мы согреем Тебя. Мы исцелим Твою боль.

Пусть упрячут как могут, хоть за краем Вселенной,

И чудовищ приставят самый след сторожить —

Что нам грозная стража, что нам крепкие стены?

Мы придём – или будет просто незачем жить.

Мы придём за Тобою... только б не было поздно
Ускользящий пламень подхватить на лету...
И в слепые глазницы лягут новые звёзды,
Чтоб опять научиться отражать Красоту.

Опустевшее небо над землёю распято,
И ненастные зори, как предвестье конца...
Но затем ли будил Ты наши души, Крылатый,
Чтобы скорбью бесплодной надрывались сердца?!

Кто сказал, будто ныне поведётся на свете,
Чтобы добрых и мудрых ждал терновый венец?
Чтобы стыло в груди и тихо плакали дети,
Когда горькую песню довершает певец?

Кто сказал, что за счастье неизбежна расплата
И нелепо тягаться с жерновами Судьбы?
Зря ли нам от рожденья говорил Ты, Крылатый:
Мы – свободные Люди. Никому не рабы.

Горевать, ожидая хоть каких-то известий,
И склоняться всё ниже? Ну уж нет. Не про нас.
На Небесном Престоле позабыли о чести...
Значит, воля Бессмертных больше нам не указ.

Мы, свободные Люди, не даём на расправу
Тех, кого полюбили, никакому врагу.
А иначе – пустышка наша прежняя слава,
И цена ей копейка на базарном торгу.

За любовь – не казнят! Не обрекают на муку!
Даже Боги на память не наложат печать!
Предавать, продавать – ведь это тоже наука...
И её Ты нам, грешным, позабыл преподать.

А ещё не учил Ты поклоняться из страха
И стреноживать мысль дерзновенный разбег...
Ну так может ли статься, чтоб взошёл Ты на плаху —
И с колен не рванулся ни один человек?

Мы пройдем эти бездны. Разузнаем дорогу.
А не то и проломим створки Врат неземных...
Чтобы смертные Люди заступились за Бога —
Кто сказал, не посмеём?!! Покажите таких!

Наша Правда и Совесть – вот и всё, чем богаты.

И Любовь, о которой с нами Ты говорил.
Мы придём за Тобою. Ты дождись нас, Крылатый.
Мы придём за Тобою. Лишь не складывай крыл.

Горыч, вечно дующий ветер предгорий, шевелил на макушке холма засыхающие травинки.
Прочь цепочкой тянулись отпечатки лап огромной собаки...

– Ну и что! – сказал Шаршава. – Левая, она левая и есть. Главное, десница цела!

Он храбрился. Его рука, порядком-таки изуродованная зубами слишком властного вожака «гуртовщиков пленных», безобразно распухла и нещадно болела. Одна из двух костей, что располагаются ниже локтя, определённо была сломана, да и вторая скорей всего треснула. Застоя с Игрицей, конечно, должным образом зализали раны, остановив кровь, но действовать левой рукой Шаршава почти не мог, и к тому же его донимал лихобойный озноб. Дома он теперь отлёживался бы под одеялом,пил снадобье из травы мышьи-ушки, прогоняющее лихорадку... Куда ж ему деваться посреди леса, да с тремя женщинами и двумя детьми на руках, да с погоней позади?..

Погоня между тем была близко, и, похоже, беглецов спасало пока только то, что набётники, не зная реки, не решались плыть по ночам. Однажды вечером Шаршаве послышался издали не то лай, не то вой. Он посмотрел, как насторожился Застоя, как подняла шерсть Игрица, – и понял, что ему не примерещилось...

Плывать бы на боль, но он толком не мог даже грести, больше правил, а гребли Заюшка с Оленюшкой. Гребли молча, сноровисто и усердно, не жалуясь и его же подбадривая, и Эрминтар пыталась им помогать.

– Так не уйдём... – сказала на том привале сегванка. – Нужно сделать мачту. И парус.

Трое веннов только переглянулись... Конечно, венны, привычные к рекам, время от времени поднимали над своими лодками паруса. Прямые полотнища, натянутые на какую-нибудь прочную жердь. Но делалось это больше ради забавы либо если при попутном ветре пересекали крупное озеро. По болотам, протокам и каменистым, коряжистым речкам их родины путешествовали больше на вёслах, и тут веннам, наверное, не было равных. Но посреди бегства ладить мачту и парус на лодке, никогда не ведавшей того и другого?.. Да не обладая должным умением?..

– Я бы показала... – потупилась Эрминтар.

Терять было нечего, и Шаршава принял решение:

– Показывай, сестрица.

Эрминтар взяла прутик и обозначила на земле возле костра понятный рисунок:

– Такой парус легко поворачивается туда и сюда... Он поможет нам и при попутном ветре, и при противном...

Она хорошо говорила по-веннски. Она спрятала глаза, когда её похвалили: «Я же понимала, рядом с каким племенем будем жить...»

Девки схватили топор, бросились рубить ровные рослые деревца, указанные Эрминтар, и древесные души не сердились на людей, понимая, что их тела берут не из прихоти, а по великой нужде. Шаршава обтёсывал, подгонял одно к другому: только на это он теперь и годился.

Эрминтар ползала на четвереньках, расчерчивая угольком добрый полог, под которым они собирались спать до утра, и псы тыкались любознательными носами в её руку, помогая работе, а кошка охраняла рисунок на песке, чтобы кто-нибудь ненароком не стёр. Потом, не следя за движением ночных звёзд, все трое резали прочную кожу, сгибали для крепости углы, продевали верёвки (какой же венн пускается в путь без верёвок?), и Эрминтар завязывала их красивыми прочными узлами, которых её новые сёстры и брат никогда доселе не видели... Как она безоглядно доверилась им, уходя из деревни, так теперь они доверились ей...

Словом, поздний осенний рассвет встретил на реке лодку, увенчанную небывалой треугольной мачтой, на которой тем не менее бодро надувался косой кожаный парус. Эрминтар сидела у рулевого весла. И распорядилась доставшейся ей корабельной дружиной, временами от волнения сбиваясь на сегванскую мольвь. Что удивительно – все трое, красноглазые от недосыпа, очень скоро начали её понимать.

Шаршава посмотрел на воду, резво бурлившую под лодочным бортом, и восхитился.

– Счастливы мы: есть у нас Прекрасная Эрминтар! – повторил он слова бесстыжего Рахталика, но на сей раз прозвучали они безо всякой насмешки, скорее наоборот – попирая ту злую насмешку.

– Слышали мы ваши сказания, госпожа названная сестрица! – подхватила разумная Заюшка. – У вас ведь как? Если кто был отмечен доблестью и умом, про него обязательно говорится: он был красив! А если кто, никуда не денешься, был пригож, да чёрен душой, обязательно упомянут какие-нибудь воровские глаза! И, сдаётся мне, та давняя Эрминтар, может, тоже ходила, как ты, а самой прекрасной её назвали потом!

Река Шатун творила посильную помощь, быстро неся их к встрече с полноводной Челной.

Судьба явно решила доконать Гвалиора.

Он понял это со всей определённой, когда – а то мало ему было крыс, взявшихся покидать подземелья! – наружу стаями потянулись летучие мыши. Год за годом, если не век за веком, гнездились они и приносили приплод в одних и тех же пещерах... И вот теперь что-то гнало их прочь. Прочь, пока в горах ещё стояло кое-какое тепло и было не поздно найти новые, более безопасные обиталища...

И об этом Гвалиору тоже рассказали рабы. Они даже описали ему зачинщика переполоха в мышиных посёлках. То тут, то там видели большого самца с серебряной грудкой и розовым шрамом на левом крыле. С его-то появления всякий раз и начинался исход.

Гвалиор подумал о том, что старший назиратель вполне может заставить его бегать по выработкам и пересчитывать летучих мышшей, и больше не пошёл к Церагату. Вместо этого он в тот же вечер напился. То есть сначала он просто хлебнул из заветной бутылки несколько лишних глотков... а потом произошло неизбежное. Все мысли о тщательном сбережении припасов показались ему суетными, глупыми и пустыми, а местное пойло, которым придётся пробавляться назавтра, – совсем не таким уж отвратительно-терпким. Он преисполнился лихости, пришёл к выводу, что одна хорошая попойка – дело гораздо более стоящее, чем двадцать маленьких глотков в течение двадцати дней... И почти не останавливался, пока из бутылки не вытекла последняя капля. Когда он убедился, что там вправду ничего больше нет, оплетённая бутылка вывалилась у него из руки, глухо стукнув о каменный пол, а Гвалиор кое-как добрался до лавки и почти сразу уснул.

И, как следовало ожидать, ему приснился всё тот же давно умерший венн, наделённый перед смертью прозвищем Волкодава. Венн пришёл прямо в его домашний покойчик, чего никогда раньше не делал. По сравнению с прежними временами у него прибавилось изрядно седины да перевязь с драгоценным мечом, а в остальном он был всё тот же. Разве что менее оборванный и косматый. Он подсел к нардарцу, собираясь, похоже, вновь начать свои речи, полные невнятных предупреждений...

– Уйди, – сказал ему Гвалиор. – Без тебя тошно... Уйди!

Вместо ответа венн засветил ему полновесную оплеуху. Резкую, жестокую... и очень похожую на ту, что он когда-то уже от него получил... ВЕСЬМА НАЯВУ. Гвалиор вскинулся на лавке, отчасти трезвея, спустил ноги на пол. Выпитое вино ещё вовсю гуляло у него в крови, даруя счастливое забвение разницы между явью и сном, возможным и невозможным. – Вставай, пропойца! – сказал ему Волкодав. – Расковывай людей, кого успеешь, и выводы. Да сам убирайся.

Вино сотворило чудо: нынче Гвалиор вполне его понимал. Не в пример другим ночам, сегодня было внятно каждое слово. Венн поднялся и вышел. Нардарец опустился обратно на лавку и натянул сползшее одеяло, собираясь блаженно и крепко уснуть (пока не разбудит головная боль, всегда после доброй выпивки настигавшая его перед рассветом). Он закрыл глаза, но что-то мешало. То ли свечка, оставшаяся гореть на столе, то ли зуд в обожжённой ударом скуле, то ли ещё что... Его покойчик находился на седьмом уровне, там, где на поверхность выходила одна из «чистых» штолен,

[41]

не предназначенных для рабов. Двадцатилетняя служба сделала Гвалиора старшиной, но не самой высокой руки. Поэтому жил он хотя и не рядом с вечно скрежещущими подъёмниками или воздуховодами, по которым из глубины сочилась неистребимая рудничная вонь, – но и окошка наружу до сих пор не имел, и благодарить за это следовало

господина Церагата. Всё дело было в том, что Гвалиор некогда пригрозил ему, и Церагат не забыл...

Гвалиор лежал на лавке и слушал привычные звуки, отмечавшие круглосуточную жизнь рудника. Голоса громадных колёс, поднимающих вверх тяжёлые бабьи с битой рудой. Далёкий, глухой рёв воды, направляемой к шаровым мельницам хитроумными машинами Кермниса Кнера. И... очень тонкие, почти неуловимые покряхтывания, потрескивания, постанывания... самой горы. Южный Зуб тоже как будто силился что-то сказать ему, Гвалиору, да он, недоумок, всё не находил силы понять.

«Вставай, пропойца. Расковырай людей, кого успеешь, и выводи...»

Он ещё полежал, лениво раздумывая, что бы такое могли означать эти причудившиеся слова, и надеясь всё же уснуть. Сон, однако, не шёл, зато голова начинала ощутимо болеть. Собственно, у Гвалиора, как у всякого старшего надсмотрщика, имелась поясная связка ключей, отмыкавших почти всякую цепь...

«Вставай, пропойца!»

Окончательно поняв, что спать в эту ночь ему не дадут, нардарец оторвал бьющуюся, опухшую скулу от подушки и натянул сапоги. Он решил для начала заглянуть на двадцать третий уровень, к «своим» опасным, колупавшим залежь каких-то окаменелых костей для дешёвых подделок под бирюзу. Гвалиор не сразу сумел нашарить ручку двери и пришёл в ужас, вообразив число лестниц вниз, которые ему предстояло одолеть, по возможности не свалившись. Ноги, по свойству виноградного халисунского вина, слушались плохо. Он для чего-то заранее отцепил от пояса ключи, тут же уронил их и долго шарил впотьмах, поминая Чёрное Пламя и Остывшие Угли. Нашёл наконец – и двинулся обычным путём, для верности придерживаясь за стену.

* * *

Добродетельный купец Ксоо Тарким произвёл на Эвриха довольно странное впечатление. Наверное, так оно и бывает, когда судишь о человеке со слов другого, знавшего с ним двадцать лет назад. Потом сам встречаешь его – и начинаешь гадать, время ли переменяло его, чужое ли мнение оказалось превратно (а каким ещё могло быть мнение сидевшего в клетке подростка), то ли это ты сам всё не так понял?..

Тарким встретил возвращение Эвриха с весёлым недоумением:

– Никак господин Лечитель обнаружил у себя в кошеле ещё одну грамоту от вейгила?..

Шутка получилась довольно жестокая. В сторону Эвриха тотчас обратилось три десятка лиц, одинаковых от въевшейся пыли, и тридцать пар глаз, вспыхнувших полоумной надеждой. Тарким не заметил. Он оглянулся только тогда, когда натянувшаяся цепь ощутимо дёрнула повозку, и туда с руганью устремился Харгелл. Эврих понял – купец вовсе не имел в виду подразнить людей, которых вёл в прижизненную могилу под названием «Самоцветные горы». Он просто пошутил, думать не думая, что невольники могут услышать его слова и испытать едва ли не самое страшное чувство: несбыточную надежду у последнего края. Это была даже не жестокость. Это была следующая ступень, за пределом обычной жестокости. Это было примерно то состояние души, с каким мясник режет горло десятой за день корове, зажатой особым ярмом. Корова для него – не живое существо, обладающее именем и способное ощущать ужас и боль. Она для него – просто будущая колбаса.

Купец был очень польщён вниманием известного всему Саккарему Лечителя, пожелавшего вернуться к каравану нарочно затем, чтобы послушать рассказы о его, Таркима, странствиях. Не видать успеха торговцу, которого Боги забыли наделить бойкостью языка! К тому же Тарким был человек очень неглупый и, поняв свою выгоду, сделался ещё вдвое разговорчивее обычного. Вот только – как пришлось выяснить Эвриху в первый же вечер возле костра – Таркимовы путешествия ограничивались гораздо более скромным перечнем стран, нежели его собственные. Восточный Халисун – Саккарем – Самоцветные горы. И вот так все двадцать с лишним лет. И к тому же, повествуя о том или ином городе, Тарким сразу сбивался на достоинства и недостатки невольников, которых там можно приобрести, или принимался сравнивать цены. Больше он почти ничего не смог поведать ни про Чираху, ни про Астутеран, ни про Шехдад. Даже не упомянул о том, что этот последний когда-то дал Саккарему прославленную шаддаат и одного из самых блистательных Учителей Веры. «Вот так, – думал

Эврих, вспоминая рассказы Волкодава о просвещённом молодом купце, мечтавшем отойти от малопочтенной и небезопасной торговли людьми. – Вот так...»

Жизнь, спасибо ей, давно выучила его не особенно выставлять напоказ свои чувства, и он лишь вежливо осведомился:

– Скажи, благородный сын Ксоо... Ты объездил без малого весь свет, и я вижу, что Боги без скупости наделили тебя красноречием и умом. Я думал составить из твоих рассказов главу недавно начатого труда... – («Да чтоб я сдох, не увидев оливковых рощ Феда, если вправду так сделаю!») – ...Но теперь мне явилось на ум, что ты сам мог бы написать обо всём, что тебе довелось увидеть и пережить. Более того, я знаю, что когда-то тебе было не чуждо такое желание. Мне даже известно, как ты собирался озаглавить будущую книгу: «Пылинка на моих сапогах»...

Эврих намеренно переврал название, но Тарким его не поправил.

– Э!.. – отмахнулся он чашкой с вином-«курёхой», дешёвым и крепким, взятым в путь для надсмотрщиков и для себя. – Каждый в юности думает, что станет если не первым советником шада, то хотя бы вейгиллом... Но меня воистину изумляет твоя осведомлённость, достопочтенный Лечитель! Откуда бы?

Между ними на блюде горкой лежали лепёшки и большая лопасть копчёного мяса, от которой каждый отрезал себе сам. Эврих не был удручён излишней брезгливостью, но, по его мнению, блюдо не помешало бы как следует вымыть. А мясо – крепче коптить или лучше прятать от мух.

– Как говорят у нас дома, рано или поздно ты обнаруживаешь, что мир тесен, – пожал он плечами. – Однажды мне выпало беседовать с человеком, которому случилось встречаться с тобой... Я запомнил его имя, но, если бы даже и вспомнил, оно вряд ли бы что-то сказало тебе, поскольку ваша встреча была недолгой, а лет с тех пор минуло уже с избытком. Скажи лучше, добродетельный сын Ксоо, не случится ли мне послушать твою чудесную каррикату? Тот человек утверждал, будто ты всюду возишь её с собой, дабы наслаждаться музыкой на досуге. Я не поверил ему...

– И правильно сделал, – засмеялся Ксоо Тарким. – Похоже, тот, с кем ты говорил, в самом деле знал меня много лет назад!.. – Отхлебнул из чашки и вздохнул: – Я уже и забыл, как её, мою красавицу, в руках-то держать... Доброе дело – музыка на досуге, но где его взять, досуг? Вот отойду однажды от дел... Тогда, может быть...

Чтобы добраться в Самоцветные горы, Волкодаву не нужен был караван. Он и так слишком хорошо помнил дорогу. Чтобы попасть внутрь, ему не потребовалась серьга-«ходачиха», вдетая в ухо. Стража при воротах стерегла входы-выходы от беглецов, а не от тех, кто пожелал бы проникнуть извне. Чтобы пройти вглубь, Волкодаву не было нужды ни в налобном светильничке, ни тем более в провожатых... Он не был здесь одиннадцать лет, но рудник с тех пор мало переменялся. Разве что длиннее стали забои, да штреки сделались разветвлённой... Он без большого труда разобрался в их хитросплетениях. И, удержавшись от искушений, миновал подземными переходами множество мест, куда звала его память. Он шёл вниз и не задерживался по пути. Вниз, туда, где за бронзовыми воротами ждал Меч. Меч, способный разрубить самые корни Самоцветных гор и отправить их в небытие. Меч плоть от плоти Тёмной Звезды...

Нет, не так. Звёздный Меч.

– Ты что делаешь, сын шлюхи!..

Окрик старшего назирателя застал Гвалиора на двадцать шестом уровне, когда он расстёгивал ошейник, может, двухсотого, а может, двести первого раба: работа у него спорилась.

Расковывать оказалось гораздо веселей, чем приковывать, Гвалиор даже удивлялся про себя, отчего такая замечательная мысль не пришла ему раньше.

Каждому из освобождённых было шёпотом, на ухо, велено пробираться наверх, по пути с помощью инструментов выпуская всех, кого удастся. Иные, утратившие способность соображать или слишком потрясённые случившимся, вообще не двинулись с места, но другие сразу поняли, что к чему, и кинулись к лестницам. Должно быть, шум всё-таки начался, да и как ему не начаться, когда приходит в движение тысячное скопище одичавших людей?.. Где-нибудь

поймали ненавистного надсмотрщика да скинули в отвесную дудку. Или воткнули вниз головой в бадью для подъёма руды...

И, конечно, переполох никак не мог миновать Церагата. Зря ли говорили на прииске, будто никто и никогда не видал его спящим?

И Гвалиор отозвался раздражённо:

– А то сам не видишь. Людей выпускаю!

Старший назиратель, естественно, был не один, а с десятком подручных. Он указал им на Гвалиора, как указывают врага отвыкшим думать собакам:

– Взять!

Прежние собутыльники, каждого из которых Гвалиор знал в лицо и по имени, шагнули к нему... Первого свалил верзила-опасный, ещё остававшийся прикованным. Могучий парень, не успевший отупеть и превратиться в ходячую тень, подхватил увесистый обломок породы – и без лишних слов вогнал надсмотрщику голову в плечи. Как ни странно, этого хватило. Церагат заорал на остальных, и они побежали.

Но побежали не вверх, что вроде бы подсказывал простой здравый смысл. Они опростомыю кинулись куда-то ещё ниже... Уж не на двадцать девятый ли уровень, который старший назиратель и без того каждый день посещал?..

– Без меня иди, Церагат!.. А с меня хватит!.. – крикнул вслед Гвалиор.

Всё это казалось ему невероятно смешным. Он хохотал так, что не сразу попал ключом в скважину очередного замочка.

Вот так просто?.. Да, вот так просто. Если ЗНАТЬ...

Волкодав стоял перед воротами, – или Вратами, лучше сказать? – чей замок захлопнулся полтора десятка лет назад, однажды и навсегда. Тяжеленная рама была не прямоугольной, как у обычных ворот. Бронзовые створки сходились не в плоскости, а под углом, обращённым туда, внутрь... за пределы этого мира. Так, чтобы лучше сдерживать прущую оттуда непредставимую силу. И до сих пор Вратам неплохо удавалось ей противостоять. В ровном, ничем не тревожимом воздухе бывшего забоя золотистый металл даже не особенно потускнел. Лишь по внешнему краю створок и возле петель появилась первая зелень. Да и у неё вид был такой, как будто она не разесть пыталась Врата, а, наоборот, собою законопатить в них самонадеянную щель...

Механизм же замка был залит свинцом сквозь отверстие, предназначенное для ключа. Это отверстие не было сквозным. Но всё равно его для верности ещё и забили тяжёлой бронзовой пробкой.

И вся громада была надёжнейшим образом вмурована, вмазана в стены. Да не в лёгкую пористую породу, служившую ложем опалам – Пламени Недр, как их здесь называли. Врата поставили там, где непрочная каменная пена смыкалась с несокрушимым гранитом. Волкодав помнил разговоры каменотёсов, готовивших для них место. Бронзовые части отливали каждую по отдельности, спускали сюда и уже здесь пристраивали одну к другой так, чтобы всё сооружение покоилось лицевой частью на обтёсанном граните, прилегая к ней с той стороны...

Гранит же был такой, что даже лучшие зубила долго не выдерживали, тупились.

Волкодав невольно взвесил на руке небольшой, но очень тяжёлый мешок, с которым пришёл. Догадка о сущности Самоцветных гор посетила его воистину поздно... Угодив затем в Саккарем, он решил, что ему повезло и здесь он найдёт отменную сталь: в конце концов, эту страну населяли потомки людей, некогда обработавших камни крепости на Чёрных холмах. Да и оружие делали – заглядишься... Но Чираха подтвердила своё звание клопиной дыры. Хорошего инструмента там ковать попросту не умели. А потом всё

покатилось кувырком, и он понял, что снасть для открывания Врат ему придётся добывать прямо на руднике. Это его не обеспокоило. Уж он-то знал: лучшего «сручья» [42]

для работы по металлу и камню, чем могли предоставить Самоцветные горы, не раздобудешь нигде. Так и произошло. В его мешке позвякивало несколько отменных зубил, способных вгрызаться и разбивать любую скалу. Ворота, которым пришлось перекрывать полноразмерный забой, были выше человеческого роста и в добрую сажень шириной. Обколоть их и выворотить из гранита явилось бы чудовищной работой даже для немалой артели, но Волкодав и в мыслях на подобное не замахивался. Ему будет более чем достаточно прорубить малую щёлку. Причём не обязательно пробиваться навывлет. Просто ослабить породу, пустить по ней трещины... а остальное доделает неистовый напор изнутри. Подземный Меч в тысячи раз сильнее тех, что рванулись из-за опаловой глыбы, потревоженной несчастными проходчиками...

Волкодав опустил на колени и стал бережно, вершок за вершком, ощупывать и ослушивать камень, примыкавший к бронзовой раме. Он не умел посылать рудным жилам мысленный зов и улавливать отклик, как делают лозоходцы. Но способность воспринимать голоса недр, указующие на изъян в крепкой породе или предупреждающие о скором обвале, – есть свойство, без которого в Самоцветных горах не выжить исподничему. Это свойство Волкодав и раньше в полной мере знал за собой. И за минувшие годы оно не оставило его, разве что обострилось. Умеющему видеть человеческие намерения камень был тем более готов многое рассказать...

Камень, бесконечно уставший держать на себе Самоцветные горы и скверну, переполнявшую все три Зуба: Большой, Средний и Южный. Волкодав подумал о многих тысячах каторжников, работавших и спавших в тёмных норах забоев. Сколько-то из них – малую толику – успеет выпустить Гвалиор. Кому-то среди этой толики повезёт, и они сумеют выбраться на поверхность... может быть. Но сколько их будет? А сколько уйдёт вместе с рудником и Долиной, уйдёт, проклиная того, кто забрал у них пусть даже такую, но – жизнь? Волкодав был совсем не уверен, что эти люди действительно станут его проклинять... Он слишком хорошо помнил, как сам таскал кандалы. В те времена он с восторгом благословил бы того из Богов, что Своими молниями обрушил бы каторжные подземелья, навсегда стирая их с лика Земли... Где же ему тогда было знать, что и обычный смертный человек способен на это? Более того – мог ли он предположить, что минует время и на месте этого Бога суждено будет однажды оказаться ему самому?..

...Но хотя бы они и проклинали его, задавленные глыбами, погребённые в рушащихся недрах, заживо съеденные жгучими водами, готовыми хлынуть из разверзшихся бездн... Сколько их? Тысячи. Много тысяч. Каждое лето Ксоо Тарким и подобные ему приводят сюда ещё не менее тысячи. И так – год за годом... уже которое столетие. Так вот. Во имя тех мириадов, что вознеслись отсюда к Праведным Небесам девяноста девяти вер. И тех мириадов, что никогда больше не будут проданы сюда...

Я сделаю это.

А между тем камень под медленно шарящими руками вовсе не собирался обнаруживать слабинку. И, что гораздо хуже, Волкодав начал подозревать, что спокойно доискаться её ему не дадут... если она вообще здесь была. Торопливо перебегая от лестницы к лестнице, вниз спешили люди, по крайней мере одного из которых – старшего назирателя Церагата – он хорошо знал.

Волкодав почувствовал себя почти как семь лет назад, когда он лез подземным ходом в замок одного сегванского кунса, носившего прозвище Людоед. Помнится, тогда он всё время думал о мстителях, чей справедливый поход обрывала судьба – у кого за тридевять земель от цели, а у

кого и на самом пороге. И ещё утешал себя тем, что, застряв под землёй, его мёртвое тело, по крайней мере, отравит Людоеду колодец...

Тот раз Боги понаставили у него на пути с избытком дверей, казавшихся неодолимыми, но он сумел их пройти. Иные сам, а одну – с помощью друга... Что же теперь?.. Теперь, когда он воистину пришёл туда, куда должен был прийти?..

Думать об огромности неудачи не было времени. Волкодав положил приготовленные было молоток и зубило и выпрямился, поворачиваясь лицом ко входу в забой. Улыбнулся. Не спеша извлёк из заплечных ножен Солнечный Пламень...

Откуда-то из темноты, треща быстрыми крыльями, возник Мыш. И с пронзительным криком упал ему на плечо, цепляясь коготками за плотную кожу одежды. Свободной рукой Волкодав снял его и подбросил, отсылая в полёт:

– Пропадёшь!

Ничего не получилось. Мыш тотчас вернулся и проворно впутался в волосы, а накрывшую руку весьма чувствительно цапнул за палец. Ну что ж... Волкодав обнял ладонями рукоять и поднял меч перед собой, готовясь встретить тех, чьи шаги отдавались под неровным каменным сводом. И тогда Солнечный Пламень заговорил – во второй, и последний, раз.

– Вечно с тобой так, – отдался в ушах венна голос, похожий на его собственный. – Придумаешь хорощую мысль, а до конца довести не умеешь. Возьми мою силу! И бей!

Как?!

чуть не спросил Волкодав, но мир кругом него уже изменился. Он привык ощущать меч продолжением своих рук, своего тела, своей воли. Но такого высшего единства, как теперь, ему никогда ещё не доводилось испытывать. Он сам стал

железом и сталью, жизнью и смертью, справедливостью Богов, завещанной свыше благородным клинком. Человек не может сколько-нибудь долго выдерживать подобное напряжение, но нужды в этом и не было. Церагат с подручными скатились с последней лестницы и бежали к нему по забою. То есть это им так казалось. На самом деле они двигались медленно-медленно, словно пробиваясь в глубокой плотной воде, их рты раскрывались, исторгая почти остановленный крик...

Солнечный Пламень в руках Волкодава обратился в ржавчину мгновенно и весь, от кончика до рукояти, и невесомой пылью облетел на пол. Волкодав отвернулся от надсмотрщиков и посмотрел на Врата.

И это их-то он собирался нескончаемо долго обкалывать никуда не годным зубилом?.. Два тоненьких – пальцем проткнуть – листика бронзы, вдобавок источенные с той стороны едкими подземными соками – вправленные в пронизанный трещинами, готовый рассыпаться камень... Бить? Было бы тут, что бить. Чихнуть погромче, и они рухнут. Ногой топнуть – развалятся...

Усмехаясь, Волкодав обратил ко Вратам раскрытую ладонь. И ладонью несильно толкнул в ту сторону воздух. Этого хватило вполне и даже с избытком. Створки вдавились и смялись, словно в них со всего маху въехал стенобитный таран. Вдавились, смялись и лопнули, точно скорлупа пустого яйца. За ними сверкала острыми гранями первозданная Тьма.

И время снова обрело свой обычный ход.

Волкодав успел услышать одинокий крик серой птицы, летящей в тумане над великой Светынью.

А больше не было совсем ничего.

То, что происходило теперь на руднике, язык не поворачивался назвать ни побегом, ни бунтом, ни даже восстанием. В общем-то началось всё именно с этого, но, когда Южный Зуб жутко содрогнулся от подошвы до самой вершины и со стоном как бы осел – пока ещё незаметно для глаза, но очень внятно для всех прочих чувств, обостряющихся у жителей подземелий, – население обречённого муравейника как-то сразу перестало делиться на надсмотрщиков и рабов и сделалось просто сообществом людей, пытавшихся спасти свою жизнь. Гвалиор размыкал чьи-то цепи, всей кожей чувствуя, как снизу поднимается... нечто. Не обвал и не потоп, – нечто гораздо худшее...

Окончательное.

Гибель грозила не какому-то отдельному забою или даже нескольким уровням. Южный Зуб просто переставал быть. Медленно и неотвратимо. Надобно думать, в недрах Среднего и Большого тоже почувствовали признаки беды и подняли тревогу. У них там времени будет побольше. Их счастье. Но и там спасутся не все.

Торопливо распотрошив последний замок, Гвалиор следом за рабами выскочил в штрек. Бегущая толпа подхватила его и повлекла к лестницам. Кто-то лез в бадьи, поднимаемые колёсами, ещё крутившимися наверху. Кто-то тащил обессилевшего товарища. Кто-то, наоборот, старался выгадать толику расстояния, сшибив с ног другого. Кто-то уже лежал бездыханным, затоптанный в толчее. У многих цепи выглядели не разомкнутыми, а разбитыми. Пожалуй, таких было большинство. Гвалиор, оглядываясь, побежал вместе со всеми. Одолевав одну из ступенек на следующий уровень, он увидел, как далеко позади, из прохода вниз, ударил прозрачный клинок в сажень шириной. Он коснулся потолка штрека и вошёл в него, почти не встретив сопротивления. Рухнули камни, а по полу штрека покатила кипящая волна пара... или чего-то, отдалённо напоминавшего пар... или чего-то, что вовсе не было паром... У Гвалиора выросли крылья, он взлетел вверх по лестнице гораздо быстрее, чем когда-либо спускался по ней вниз.

Беда рабов была в том, что, проводя всю жизнь в забое, они не знали расположения подземных ходов. Знали только немногие, ещё некоторым успел объяснить Гвалиор. Из этих некоторых хорошо если десяток не удрал сразу наружу, озаботившись направлять людей, толпами поднимающихся снизу. Гвалиор со своими надсмотрщиками, сообразившими, что происходит, присоединился к ним и стал указывать дорогу. Каторжане мелькали мимо, и Гвалиор мог бы поклясться, что многих узнал. В том числе многих из тех, кого давно не было на свете. Он дал бы голову на отсечение, что видел в толпе чернокожего Мхабра и маленького подбиральщика, сегвана Аргилу. Дикая мысль посетила его: что же за бедствие ожидало Самоцветные горы, если даже мёртвые покидали их, не смея остаться?..

Когда людской поток поредел, Гвалиор снялся со своего места на пересечении штреков и выбежал в большой зал. Здесь когда-то была «святая» площадка для поединков надсмотрщика и раба; её давно заровняли по приказу старшего назирателя Церагата, ибо на ней произошёл бой, давший начало опасной рудничной легенде. Отсюда было уже недалеко до Западных-Верхних ворот, означавших спасение. На середине зала Гвалиор услышал сзади испуганные крики заблудившихся – и вернулся, чтобы позвать отставших за собой. Скоро мимо него пробежали двое рабов, саккаремец и вельх. Они тащили на плечах безногого калеку, старого халисунца Динарка. Тот клял их страшными словами, обзывая выродками мулов, опившихся ослиной мочи... и умолял бросить его, не отягощать своего бегства. Гвалиор указал им правильный путь, заглянул в глубину штрека, убедился, что там больше никого не было, – и снова во всю прыть рванул через зал.

И там, посередине, на бывшей «святой» площадке, его догнало то самое нечто, поднимавшееся из растревоженной глубины.

В спину дохнул жар, равного которому нельзя ощутить, даже сунув руку прямо в огонь, и почти тотчас его ступни окунулись в то, от чего исходил этот чудовищный жар. Гвалиор посмотрел вниз, увидел, как мгновенно вспыхнули сапоги, и больше вниз не смотрел. Он вообще перестал о чём-либо думать и просто бежал, срывая голос от ужаса, – так, как никогда в жизни не бежал и уж точно более не побежит. Через «святую» площадку, якобы сработанную некогда то ли Горбатым Рудокопом, то ли Белым Каменотёсом. Дальше через зал и потом в длинную штольню, выводившую к Западным-Верхним...

И только когда ворота остались позади, а под ногами уверенно закрипел снег, Гвалиор опустил глаза посмотреть, есть ли у него ещё ноги. Он увидел, что прочные сапоги сгорели дотла и рассыпались пеплом, и вместе с ними сгорели кожаные штаны до самых колен. Но на ногах остались шерстяные носки, связанные конопатой, и эти носки были целёхоньки. И ноги в них – тоже.

Гвалиор заплакал, давая себе и Божьим Небесам какие-то клятвы, которых не взялся бы осознанно повторить. И побежал дальше, потому что останавливаться на склоне Южного Зуба, уходящего в небытие, было нельзя. Судьба судила ему оказаться одним из последних, кто спасся.

Эврих смотрел в небо, и то, что он там видел, вызывало желание немедленно преклонить колена в молитве. С севера на Самоцветные горы надвигалась туча, которую можно было смело назвать праматерью всех гроз этого мира. Она наводила на мысль о Небесной Горе его веры, седалище и святыне аррантских Богов. Она была громадна, как может быть громадно лишь нечто, порождённое Небесами. Она плыла над величественными, окутанными снеговой дымкой хребтами, и те у её подножия казались кучками песка, насыпанными в детской игре. Она шла со стороны, противоположной солнцу, и оттого казалась особенно непроглядной. Так вот чем разрешалась предгрозовая жара, все последние дни кутавшая, как одеялом, северный Саккарем, вот откуда исходили раскаты далёкого грома, словно бы копившего силы перед наступающей битвой...

– Странно, – сказал купец Ксоо Тарким.

Эврих вздрогнул, возвращаясь к реальности, но оказалось, что торговец рабами имел в виду вовсе не необычность небесных явлений. Его заботили совсем другие дела. Он пояснил: – Здесь нас раньше всегда встречал рудничный распорядитель... Э, а это ещё что такое?.. Его караван одолевал подъём к последнему перевалу. Уже хорошо были видны все три Зуба, подъездные пути и чернеющие ворота штолен на склонах... Вершины покрывал никогда не таявший снег, и ветры высокогорий тревожили его, забавляясь, пуская в полёт тончайшие, пронизанные радужным солнцем плащи. Сегодня эти плащи в самом деле выглядели более чем необычно. Так, как если бы их составляли не ледяные кристаллы, удерживаемые движением воздуха... а пар, бьющий откуда-то снизу.

Вроде бы ко всему привычные лошади, тянувшие повозку, всё неохотнее продвигались вперёд, возница ругался и щёлкал кнутом. Они выбрались на самый гребень перевала... и тут кони остановились уже окончательно, и никто больше не гнал их вперёд.

Теперь были видны зевы не только самых верхних штолен, но и нижние выходы, расположенные почти у подножий... И вот из них-то тугими толстыми струями исходил пар. Караван Ксоо Таркима ещё отделяло от них изрядное расстояние, но и здесь, на другом краю обширной долины, уже начинали чувствоваться толчки. Это не были толчки обычного землетрясения. Где-то отделялись неимоверно громадные глыбы и медленно погружались, плавно падали вниз, и эхо их падения заставляло содрогаться горную дорогу под ногами людей. Кони стояли, крепко упираясь копытами и пригнув головы, как против сильного ветра. Они не срывались бежать, потому что здесь им ничто не грозило и они это знали. Но вот сделать хоть шаг дальше их не заставила бы никакая сила на свете.

Струи пара появлялись из всё новых штолен, выше и выше... Даже горный ветер, напоенный морозом вечных снегов, не мог сразу охладить их и развеять, и они султанами уходили ввысь, собираясь в плотное облако. Там, где они тянулись по склонам, снег и лёд быстро истаявали, обнажая мокрые скалы... И те – или это казалось? – очень скоро начинали терять угловатые очертания, оплывать... Что-то подтачивало горы изнутри, неотвратно пробиваясь наружу. Горный воздух сообщает глазам необыкновенную зоркость, и Эврих обратил внимание на тёмные пятна, расплывшиеся от гор в разные стороны, в том числе и к перевалу, где стоял караван. Аррант не сразу сообразил, что это бежали сотенные, если не тысячные толпы людей. Ему со спутниками выпало присутствовать при окончании истории Самоцветных гор. И поистине страшен был этот конец.

Язва, много веков осквернявшая тело Земли, наконец-то вызрела и собиралась прорваться. Потом Эвриху показалось, будто Южный Зуб, гуще двух других окутанный паром, начал словно бы уменьшаться... Аррант даже зажмурился, смагивая излишнее напряжение... Нет, зрение не обмануло его. Громадная гора проваливалась, падала внутрь себя, уходила вниз, как если бы её подошва утратила под собою опору.

Другое дело, такое движение по самой природе своей не может быть ни стремительным, ни даже быстрым. Так – медленно и величаво – падает громадное дерево, подрубленное в лесу. Так опрокидывается волна, порождённая океанским накатом...

Солнце скрылось, и сразу стало темно. Из грозовой тучи ударила первая молния. Она залила всю долину трепещущим мертвенным светом и пришлась как раз в вершину рушившейся горы. Эврих не был уверен, слышал ли он громовый раскат. Молния заставила его вскинуть голову, и его потрясло то, что он увидел вверху. Облако, образованное поднявшимся паром, на глазах обретало некий внутренний порядок, облик и жизнь. В небесах над горами вставал на дыбы,

бил копытами чудовищный конь, и сидевший в седле не сдерживал разъярённого скакуна. Одна его рука простиралась над гривой жеребца, другая тянулась к мечу...

Средний Зуб, а за ним и гигантский Большой начинали крениться, нависая над проваливавшимся Южным, готовясь уйти туда же, куда уходил он...

Снизу бил уже не просто пар, но струи чего-то более плотного, сверкавшие в свете молний, подобно мечам. Там, где они ударялись о склоны кренящихся гор, могучие скалы взлетали, словно комья грязи, подброшенные пинком, и крошились на лету в пыль.

Эврих увидел лицо Ксоо Таркима. Торговец рабами что-то истошно кричал, размахивая руками и указывая назад, на дорогу, откуда они приехали. Эврих удивился, осознав, что не может разобрать ни звука, и только тут понял, какой силы гром исходил от гибнувших гор. Кажется, Тарким призывал к немедленному и поспешному бегству. Эврих отвернулся от него и снова стал смотреть вдаль.

Прихоть обезумевших ветров на какой-то миг раздвинула погребальный саван пара, окутавший едва не треть горизонта, и Эврих увидел то, о чём рассказывал ему никогда не бывавший там Волкодав: Долину, лежавшую позади рудника. Круглую каменную оспину-«цирк», место странных пузырчатых холмов и роскошного леса, выросшего на идущем снизу тепле. Там обитали Хозяева, там помещалась Сокровищница, собравшая лучшие камни, когда-либо добытые и обработанные в Самоцветных горах... Теперь поперёк Долины пролегла широкая трещина, и из неё многовёрстной стеной вздымался... не огонь, что-то гораздо хуже и смертоносней огня. Лес оставался зелёным лишь у отвесных обрамляющих стен, на остальном пространстве Долины он был чёрен и мёртв, и что там теперь делалось, человеческий ум отказывался постигать. Эврих увидел, как исполинский ломоть земли с холмами и остовами домов откололся от края, утрачивая опору, и начал опрокидываться, точно льдина на вздыбленной половодьем реке...

Камни Сокровищницы, не имевшие выражаемой числами цены, уходили туда, откуда пришли, и с ними уходил их древний Хранитель. Может, он был даже рад такому окончанию своего долгого, слишком долгого века. И уж вовсе не подлежало сомнению, что ни один из смертных ещё не устаивался столь драгоценной гробницы, – и вряд ли удостоится впредь...

А люди снизу всё бежали, отчаянно бежали по рушащейся под ногами земле, – вверх по склонам, туда, где была надежда спастись. Эврих время от времени поглядывал на толпу, волею случая избравшую для бегства подъездной тракт, выведивший как раз к «их» перевалу. Люди успели взобраться достаточно высоко, они были на расстоянии, которое Эврих отважился бы назвать близким. Он уже различал отдельные лица, когда сразу два Зуба – Средний и Большой – всё-таки начали разваливаться и рушиться туда, где раньше стоял Южный, а теперь клокотала поглотившая его прорва – месиво из тающего камня и чего-то, что казалось водой, но, наверное, всё же не было ею, потому что не может, не имеет права быть на свете подобной воды.

Под тяжестью падающих навзничь гор прорва тяжело всколыхнулась... и выстрелила в разные стороны густыми фонтанами этой самой не-воды пополам с камнем и паром. Как лужа, по которой топнул ногой великан.

Один из фонтанов, тяжеловесно взметнувшись, помешкал в измерявшейся сотнями саженей высоте... и начал невыносимо медленно оседать... прямо туда, где из последних сил бежали вверх почти уже спасшиеся люди. Ветер, подувший со стороны гор, стал вдруг ощутимо горячим...

– Афарга!.. – закричал Эврих, но лишь зря надорвал горло. Его голос был так же беззвучен, как и все прочие голоса – кроме голоса Земли, корчившейся в очистительных муках.

Однако крик не понадобился. Афарга увидела то же, что и аррант. С плеч девушки упал на дорогу меховой плащ, которым она укрывалась от горного холода... и в луче света пронзительно вспыхнуло огненно-алое одеяние. Афарга вскинула руки, словно поднимая над головой остроконечный щит своей родины... Его можно было даже увидеть. Там, высоко, где ударились о преграду падавшая из-под облаков смерть. Не зря жили одиннадцать поколений Тех-Кто-Разговаривает-с-Богамы. Их наследница отдавала всё, что было завещано ей ушедшими в Прохладную Тень, и щит выдержал. Клубящаяся смерть стекла по нему и обвалилась на склон гораздо ниже бегущих. Тень Мхабра улыбалась на небесах, видя подвиг младшей сестрёнки.

Афарга зашаталась, у неё ослабели колени. Тартунг подхватил её на руки и увидел, что девушка торжествовала. «Ты видел! – прочитал он по движению губ. – Я могу не только сжигать...»

Потом она закрыла глаза.

А Эврих тщетно искал Волкодава среди спасшихся, достигших наконец каравана.

Между тем Волкодаву уже не было особого дела ни до Самоцветных гор, ни до иных забот и хлопот этого мира. Так оставляют душу переживания дальней дороги, когда человек наконец открывает калитку и возвращается ДОМОЙ.

Его только слегка удивило, когда, шагнув за порог смерти, он не обнаружил себя на уводящем круто вверх каменистом откосе, о котором учила его вера. Камни под ногами окажутся прижизненными поступками, с детства знал Волкодав, и одни будут надёжной опорой твоему восхождению, а другие сразу покатаются вниз...

Ничего подобного: он стоял на цветущем лугу, на роскошной мягкой траве. Он в недоумении оглянулся и увидел этот откос у себя за спиной. И там, далеко внизу, в иных сферах бытия, что-то происходило. Неистово вихрились чёрные и белые облака, били исполинские молнии, вздымались и опадали неправдоподобные тени... Смотреть туда было всё равно что вспоминать позавчерашний сон, к тому же несбывшийся, и Волкодав пошёл вперёд, с наслаждением ступая босиком по тёплой земле. Любопытный Мыш немедленно снялся с его плеча и помчался исследовать новое и необычное место. Он был по-прежнему с Волкодавом, да и могло ли случиться иначе?.. Венн поправил за спиной Солнечный Пламень и двинулся следом за ним. Он едва успел сделать несколько шагов, когда из травы перед ним поднялось величественное Существо. Могучий Пёс такой мудрости и благородства, что захотелось немедленно склониться перед ним до земли, – Волкодав понял, что встречать его вышел сам Предок. Каково же было его изумление, когда Предок... первым поклонился ему. А потом, выпрямившись и встряхнувшись, накинул ему на плечи свою искрящуюся, живым золотом и серебром затканную шубу. Это была величайшая честь, которой Предок мог удостоить Потомка.

Когда беглецы увидели реку Ёль, стало ясно, которая из двух сестёр больше отвечала Матери Светыни и норовом, и красой. Челна, хотя вроде бы давала всему руслу «чело», была неторопливой, мутноватой и сонной. Ёль же падала с севера хрустальным потоком, разогнанным в гранитных теснинах, налетала с такой стремительной удалью, подхватывая сестрицу, что та, ни дать ни взять оробев, в месте слияния давала изрядный крюк к югу. Тут уже от лодки стало совсем мало проку. Течения Ёли ей было не одолеть даже под парусом, тем паче на вёслах.

Одно утешало: от стрелицы

[43]

было уже не так далеко до заветных кулижек. Может, хоть они оградят?..

Лодку загнали в тихую заводь, в заросли ивы, и там тщательно спрятали. Хотя не подлежало сомнению, что если псиглавцы доберутся сюда, то найдут её без труда. А ведь они доберутся. И найдут. Такова была слава этих людей. Встав однажды на след, они его не теряли. И не прекращали погони.

– Были вы мне доброй семьёй... – ступив на берег, сказала Эрминтар. – А теперь не поминайте лихом... Бегите.

В лодке, под парусом, у послушного руля, она в самом деле выглядела прекрасной. Сухой берег вновь сделал её неповоротливой и неуклюжей, негодной к поспешному бегу сквозь лес и кусты, вверх-вниз по каменистым холмам.

Оленюшка покачала головой.

– Мы – венны, – сказала она. – И ты тоже наша теперь.

А у нас сестриц не бросают.

Шаршава, не тратя зря времени, припал на колено:

– Полезай на закорки.

От его левой руки по-прежнему не было проку, но ноги держали крепко. Уж как-нибудь хватит их крепости и на двоих.

Осень богато разукрасила северный лес, подарив вкраплениям лиственной зелени богатство всех мыслимых красок. Красавица Ёль лежала в берегах, словно драгоценное отражение неба. Её сапфирную синеву постепенно затягивала мутно-белёсая пелена. В юго-западной стороне горизонта уже не первый день почти неподвижно стояла ровная стена облаков; сегодня с утра эти облака взялись вдруг набухать, темнея и разрастаясь, и в дыхании ветра начал чувствоваться тот особый острый холод, что предвещает появление снега.

– Буря идёт, – сказала Заюшка.

Они с Оленюшкой несли детей. Псы трусили по пятам, навьюченные поклажей.

– Может, следы заметёт? – понадеялась Эрминтар.

Выросшая на острове посреди моря, она ничего не смыслила в лесной жизни.

– Обязательно заметёт, – сказал ей Шаршава.

Он-то знал, легко ли сбить со следа натасканную ищейку. Тем более такую, какими были «гуртовщики пленных», поколениями охотившиеся на людей. Ещё он, как любой венн, знал травы, отшибающие нюх у собак. Но эти травы нужно было ещё разыскать, собрать, приготовить, на что никто не намерен был давать им время... да и какая сила в них сейчас, в травах, когда всё засыпает, всё готовится под снег уходить?..

Что ж, у него был за поясом добрый дроворубный топор. И в правой руке ещё оставалось достаточно силы. Сразу его не повалят. И, может, хоть кто-то из девок успеет-таки добежать до кулижек. Детей донести...

Тучи разворачивались огромными крыльями. Шаршава оглянулся с вершины холма, и ему померещились в них, очень далеко, мертвенные отсветы молний. Там, на юге, упираясь белой макушкой в самые что ни есть небесные своды, стояла грозовая «наковальня» – только превосходившая всё, что Шаршава до сих пор видел. Тем не менее в воздухе пахло по-прежнему снегом, а не дождём.

Край туч подобрался к солнцу, висевшему по-осеннему низко, и река Ёль обратилась в свинец. Угасли и все прочие краски: надвигалась первая в череде предзимних непогод, после которых от роскошных лесных нарядов останутся одни голые прутья. Ветер стал ощутимо порывистым. Потом на траву начали ложиться густые липкие хлопья. Кузнец вновь обернулся и увидел, что холмы на дальнем берегу Челны сделались едва различимы.

Резче прежнего дохнул ветер и принёс голоса своры, выпущенной по следу.

– Ох... ох-ох-ох... ох... ох-ох-ох... – неторопливо и грозно выводили самые низкие.

– Ах, а-ах! Ах, а-ах! – с кровожадной уверенностью вторили более высокие.

– Иииии-ууууу!!! – тянули самые пронзительные.

Всё вместе складывалось в хор, поистине жуткий и потрясающий. В нём не было слов, но беглецам они и не требовались – и так прекрасно понимали, о чём поют.

Это была древняя, как само время, Песнь Ночи... Песнь длинных клыков и железных челюстей, мозжащих живое. Никому в здравом уме не хотелось бы услышать её у себя за спиной.

Шаршава вздрогнул и побежал, и одновременно с ним побежали храбрые девки. Псы шли рысью, то и дело оглядываясь. У Застой клочкотал глубоко в груди глухой, грозный рык.

Там, где Ёль изгибалась, словно кибить натянутого для выстрела лука, стало окончательно ясно: уйти не удастся.

– Ты ступай, сестрица любимая, – напутствовали девки плачущую Эрминтар. – Поспешай. Деток сбереги...

Заюшка всё пыталась ей объяснить, какую как звали, но поняла, что толку не получится всё равно, и замахала руками: поторопись! Может, успеешь... У них с Оленюшкой тоже было оружие – ножи да топоры, без которых не пускается в странствие ни один правильный венн. Они встали рядом с Шаршавой, перекрывая неровный след Эрминтар. Всех не всех, но кого-нибудь они да положат, а остальных на время займут. Глядишь, таки доковыляет хроменькая до обетованных кулижек...

Застоя с Игрицей, держа пышные хвосты флагами, вышли вперёд. Кто налетит первым, узнает их зубы. И сокрушительную мощь яростных пастей, способных раздробить всё, что в них попадёт. Настоящие веннские волкодавы – это вам не какие-нибудь «гуртовщики пленных», привыкшие ненаказуемо рвать беспомощных и безоружных... Это – воины. Ну?! Кто сунется?!

...А вот и сунутся. Пелена летящего снега многое скрадывала, загораживая от глаз, но плотные тени, равномерно подскакивавшие, как поплавки на волнах, и каждая – с двумя рубиново горящими огоньками, – угадывались сразу и безошибочно.

Вот она, стало быть, и пришла. Последняя битва...

Торопится время, течёт, как песок,
Незваная Гостья спешит на порог... —

всплыло в памяти у Шаршавы.

С деревьев мороз обрывает наряд,
Но юные листья из почек глядят.
Доколе другим улыбнётся заря,
Незваная Гостья, ликуешь ты зря...

Он чуть не запел древнюю Песнь вслух. Крик Оленюшки отвлек и остановил его. Шаршава посмотрел туда, куда указывала её вытянутая рука.

Первым, разорвав быстрыми крыльями снежную пелену, с воинственным воплем пронёсся крылатый зверёк – чёрный, большеухий, пушистый.

А за ним, в струях липкого снега, словно выткавшись из этих струй, возник ещё один пёс...

Хотя нет, всё не так. «Ещё один» – это сказано не про него. Окутанный пепельным саваном метели, к ним без великой спешки приближался кобель, рядом с которым сам Застоя сразу показался безобидным щенком. По траве ступал Пёс из тех, кого немногие счастливые охотники, один раз увидев, потом вспоминают всю жизнь. Гордый, громадный, широкогрудый, одетый в словно бы мерцающую собственным светом, живым золотом и серебром затканную серую шубу...

Страшный справедливостью своей силы.

А на ошейнике, вправленная в крепкую кожу, залепленная снегом, но всё равно явственно видимая, сверкала гранёная бусина.

Подошёл – и Застоя упал перед ним на брюхо, как ничтожный щенок – перед властным повелевать Вожаком...

И только рвавшиеся к добыче «гуртовщики» не почувствовали ничего необычного и не остановились. Собственно, они уже не были собаками в полном смысле слова, разве лишь по внешнему облику, точно так же как и их хозяева, псиглавцы, уже не были в полном смысле людьми. Мчавшиеся на четырёх лапах создания не знали ни чести, ни уважения, ни пощады старым и слабым. Они памятовали только одно. Догони! Разорви! Убей!

Они налетели...

Молодого и ретивого предводителя свалил угодивший между глаз болт, пущенный из самострела. Это обернулась к погоне замаявшаяся удирать Эрминтар. Лежал, оказывается, в её сумке с пожитками не один только вязальный крючок...

Свирепую суку, наметившуюся было в обход, – мстить за дружка, – перехватила Игрица.

Сцепившись, они покатались по забитой снегом траве, крича от раздирающей ярости.

На Застое повисло сразу несколько кобелей. Он ощутил в зубах чьё-то горло – и сдавил, пустив в ход всю мощь челюстей, и выдавил жизнь, как выдавил бы из волка, потому что здесь тоже был не поединок ради чести, а смерть. Его хозяйка замахнулась острым топориком, бросаясь на подмогу любимцу.

Оленюшка воткнула кулак с ножом в разинутую пасть, взметнувшуюся навстречу. Обух в другой руке довершил дело, погасив светящиеся яростью глаза. Может, этого и не хватило бы, но под лопаткой бешеной твари уже торчал второй болт, нацеленный Эрминтар.

Шаршава свой топорик давно потерял и не мог наклониться за ним, потому что тогда его сразу сбили бы с ног. Он сам ухватил пару гладкошёрстных лап, отмеченных бледно-бурыми полосами, – и пошёл охаживать прочих ещё живой тушей, словно дубиной. Он гвоздил и гвоздил, одними костями сокрушая другие, не считая убитых врагов и не замечая ран, достававшихся ему самому, и всё пытался найти глазами Эрминтар, чтобы крикнуть, приказать

ей: «Уходи!..» – ибо понимал, что против своры «гуртовщиков» им не выстоять всё равно. Ещё немного, и их повалят одного за другим, и тогда...

А потом, как-то неожиданно, кругом сделалось пусто. Биться стало не с кем. Кузнец отшвырнул измочаленный остов, утративший даже отдалённое сходство с ладным живым существом, и огляделся.

Две ищейки – кажется, последние уцелевшие, – удирали, поджав хвосты, прочь. Вернулись ли они к своим хозяевам, так и осталось не ведомо никому; дело в том, что псиглавцев с тех пор и самих никто больше не видел. Разбрелись ли они, почувствовав себя ни к чему не пригодными без наводящей страх своры? Или просто погибли, застигнутые суровой зимой посреди чужой и обиженной ими страны?..

...Игрица, поскуливая, облизывала морду Застои, умывала друга от крови. Кобель, не успевший толком отойти от боевого угара, отворачивался, люто озираясь: где? что?.. кого ещё рвать?.. Заюшка бежала туда, где неловко сидела в снегу так и не влезшая на безопасное дерево Эрминтар. Сегванка, бросив самострел, прижимала к груди два тёплых кулька. Кошка выгибала спину, стоя у неё на плече...

И легче лёгкого было определить, в каком месте злее всего кипела неравная битва.

Там теперь стояла на коленях Шаршавина названная сестрица. И обнимала сплошь окровавленного Пса, покоившегося на куче вражеских тел. Было видно, что собаки наёмников налетали на него, как приборой на скалу. И, как тот приборой, откатывались обратно. Кроме тех, что оставались бездыханными лежать на земле. Оленюшка плакала, обнимала своего спасителя и гладила, гладила...

Шептала что-то ему на ухо.

Называла какое-то имя...

Большая летучая мышь сидела у неё на плече, словно у себя дома.

Шаршава увидел, как Пёс приподнял голову и ткнулся носом ей в щёку. А потом... Потом серая шуба под рукой Оленюшки вдруг подалась и стала спадать, открывая израненное и голое человеческое тело. Метель ещё длилась, не давая видеть впереди стену красного леса, но вместе с ветром, сквозь ветер и снег в лица людям с северной стороны веяло чем-то большим, чем просто тепло.

Входите, детушки, входите, долгожданные. Вы здесь дома, вы здесь свои...

По реке Край, именуемой саккаремцами Малик, а соседями-халисунцами – Марлог, прокатился со стороны гор косматый вал наводнения. Он многое смёл и попортил, пощадив только пограничный остров Хайрог и одноимённую деревню на нём, в разное время принадлежавшую то Саккарему, то Халисуну. Жители деревни истово молились, вознося благодарение кто Богине, кто Лунному Небу за то, что им досталось для жительство такое доброе место. И лишь старый мастер, возведший на своём веку не один десяток мостов, удовлетворённо гладил длинную бороду и с торжеством говорил двоим своим молодым нанимателям: «Ну? Убедились, что я вправду знаю, где строительство затевать?..»

Спустя месяцы, когда гнев Богини, излитый на многогрешную землю, окончательно утих и подземные содрогания прекратились, не в меру любопытные люди отправились посмотреть, что же стало на месте каторжного рудника. Снарядил поход солнцеликий шад Саккарема, а возглавил его учёный аррант, Лечитель наследницы по имени Эврих из Феда.

Дорога оказалась местами очень сильно разрушена, а кое-где и завалена. Но любовь к знаниям есть одно из сильнейших человеческих побуждений, и, будучи таковым, не признаёт неодолимых преград. Эврих со спутниками осилили весь путь до конца, несмотря даже на то, что скоро были вынуждены оставить лошадей и день за днём пробираться пешими в глубину горной страны.

Выйдя на достопамятный перевал, они увидели перед собой обширное озеро... Дыхание подземного тепла ещё не дало ему зарости льдом, и даст ли – неведомо. Вода в озере даже под пасмурным небом была ярко-бирюзового цвета. Она не отражала окружающих пиков. Над поверхностью бродили колеблемые воздухом завитки и волокна тумана... Густые испарения обнимали подножие большой скалы, одиноко возвышавшейся посередине.

Со стороны перевала скала напоминала коня, скачущего по предрассветной степи. Верхом на коне сидели двое. Мужчина и женщина.

Походники долго смотрели на них, стоя на изломанном гребне бывшей дороги... Эврих с Тартунгом и Афаргой. Дикерона, Поющий Цветок, Шамарган. Однорукий Аптахар. И кунс Винитар с молодой супругой – кнесинкой Елень.

По пути назад Дикерона вдруг начал скрести пальцами шрамы, бугрившиеся у него на месте глаз, и на чём свет стоит клясть Волкодава.

По одной из бесчисленных дорог степного Шо-Ситайна семенил маленький ослик. На нём ехала маленькая седовласая женщина в серых шерстяных шароварах и синей стёганой безрукавке. Вечер уже зажигал малиновым огнём вершину далёкого Харан Киира. Кан-Кендарат не спеша ехала на восток, навстречу сгущавшейся тени и зеленоватому серебру полной луны, и гадала про себя, встретится ли ей сегодня её Подруга.

Она очень обрадовалась, увидев её впереди, сидевшую на камне возле края дороги. Кан-Кендарат покинула седло, женщины поклонились друг другу и пошли дальше бок о бок, беседуя и смеясь.

И лишь очень внимательный наблюдатель заметил бы, что ни та, ни другая не касалась ногами земли.

В венских землях стояла коренная зима. Дремали занесённые глубоким снегом леса, белыми дорогами лежали укрытые толстым льдом реки, и солнце розовело в морозной дымке, восходя над крышами разбросанных далеко одна от другой деревень.

В такую вот палочую стужу, когда плевков мёрз на лету, к околице рода Синицы вышел чужой человек. Неведомо как продрался он через густые чащобы, не зная пути, и свалился у открытых ворот, потеряв последние силы.

Первыми его нашли, конечно, собаки, на лай прибежали дети, потом взрослые. Человек был близок к смерти, но ещё жив. Венны отнесли его в большой общинный дом, стали отогревать и выхаживать.

Вначале он показался им стариком: измождённое лицо, длинные белые волосы и борода, почти сплошь седая. Он был жестоко простужен, очень кашлял и долго не мог выговорить разумного слова. У него была при себе почти пустая котомка. Единственной вещью, отыскавшейся в ней, был маленький стеклянный светильник. Венны заботились о больном, кормили с ложечки, поили добрыми снадобьями на медвежьем сале и на меду. Когда немочь стала мало-помалу его отпускать, с ним сумел объясниться Горкун, ездивший торговать в стольный Галирад и знавший много разных наречий. Он же, Горкун, определил, что чужой человек был жрецом Богов-Близнецов, мало ведомых веннам. Свидетельством тому было одеяние, красное справа и зелёное слева, когда-то яркое и красивое, но теперь почти утратившее цвета.

Чужой человек, да ещё больной, – что дитя. Венские дети подружились с пришельцем, стали понемногу учить его своему языку. Он оказался понятливым и к первым оттепелям неплохо овладел правильной речью. Однажды он попросил мальчишек смастерить ему костяное писало и надрать гладкой берёсты с поленьев, приготовленных для очага.

– Зачем тебе? – спросили его.

Жрец, раньше звавшийся Хономером, ответил:

– Запишу ваши сказания...

11 января 2000 – 21 июля 2003

Примечания

1

Креж –
береговой обрыв.

2

Пропустовавшая
– о суке: пережившая очередной период готовности к размножению («пустовку»), но не забеременевшая. Поведение подобной собаки, увлечённо «играющей» в материнство, называется ложной беременностью.

3

Рядно
– грубый холст с редким переплетением нитей (отсюда название, произносимое также «редно»), употреблявшийся на мешки и подстилки.

4

Извинь
– безводный спирт, алкоголь, букв. «то, что получается из вина» (натурального, брожёного) после перегонки.

5

Занорыш
– полость в породе, заполненная друзами («щётками») кристаллов.

6

Исподничий

– человек, имеющий дело с работой в глубоком подземелье – «исподе».

7

«Придёт кон»

– этим выражением обозначали наступление рокового момента в судьбе, в особенности смерть.

8

Изветник

– тот, кто обвиняет, жалуется, доносит, и в особенности – несправедливо.

9

Подзимок

– осенний утренний заморозок.

10

Кáболка

– пеньковая (то есть из конопляных волокон) нить толщиной «в гусиное перо», полуфабрикат для изготовления верёвок и тросов.

11

Лазоревый-туск

– старинное название глаукомы. Обычно считается «болезнью пожилых», но бывают и исключения.

12

Торгум Хум.

– Повествование об этом полководце и о различных событиях в Саккареме примерно за десять лет до времени действия настоящего романа читатель может найти в книге Павла Молитвина «Спутники Волкодава» (повесть «Сундук чародея») (СПб.: Азбука, 1996 и позже).

13

Мир по дороге!

– старинное приветствие, благопожелание мирного пути встречному и одновременно как бы напоминание, что все путники на дороге должны быть друг другу товарищами.

14

Бирюч

– здесь: придворный возвеститель особо важных государственных сообщений.

15

Гербослов

– здесь: знаток и толкователь гербов, высший авторитет в спорах, когда кто-то «меряется родством».

16

Выморочное

– движимое и недвижимое имущество, оставшееся после владельца, умершего без наследников.

17

«Кабаны»

– каменные блоки для строительства.

18

Большун
– почти взрослый парень.

19

Подробнее о Тартунге, Афарге и приключениях Эвриха в Мономатане можно прочитать в романах Павла Молитвина «Ветер Удачи» и «Тень Императора» (СПб.: Азбука, 2001, 2002 и позже).

20

Умословие
– логика.

21

Водоёмина.
– Теперь мы говорим «бассейн» такой-то реки.

22

Кляч
– здесь: толстая верёвка.

23

Бежь
– беглый народ, вынужденные переселенцы.

24

Засто́я

– заступник, защитник, букв. «тот, кто заслоняет собой».

25

Прихолить

– привадить кормом, лаской, уходом.

26

Неублюдок

– в старину у любителей кровного собаководства существовало выражение «„поблюсти“ суку», то есть сочетать её с наиболее подходящим, по мнению хозяина, кобелём. Если же собака сбегала и предавалась «свободной любви», получившиеся щенки назывались «неублюдками». Это слово имеет то же значение, что и привычный нам «ублюдок» – выродок, помесь, внебрачный от прыск.

27

Дурноезжий

– о коне: неприятный и ненадёжный в езде, в частности склонный привыкать к одному всаднику и противящийся иным седокам.

28

Шалыга

– подводная мель.

29

Плѣс

– здесь: относительно прямой участок реки между двумя поворотами, имеющий ровное течение.

30

Яр

– высокий, крутой берег реки, часто – вогнутый, подмываемый водой.

31

Крапивное семя, крапивник

– подразумевается, что ругаемый был зачат «при дороге в крапиве», то есть сугубо незаконным и грязным образом.

32

Наладошник

– теперь в ходу французское слово «кастет», означающее «разбиватель голов».

33

Взвóлится

– придёт внезапное желание.

34

Водопряха

– насмешливое прозвище прачек.

35

Правшую, прать

– мять, давить, жать; особенно о старинном способе ручной стирки белья. Отсюда «прачка», а также «попирать» – придавливать, угнетать, унижать.

36

Погодя, погодые
– здесь: климат.

37

С «картинками», «картинки»
– матерные выражения.

38

Вжилъ
– на поправку, к жизни.

39

Златоискр
– минерал авантюрин.

40

Штрек
– горизонтально расположенная горная выработка, не имеющая выхода на поверхность.

41

Штольня
– горизонтально расположенная горная выработка, имеющая выход наружу.

42

Сручье

– инструмент, оснастка, орудие для какой-либо работы.

43

Стрелица

– мыс, образуемый слиянием двух рек (или разделением на рукава). Теперь мы чаще говорим «стрелка».

Мария Васильевна Семёнова

Волкодав: Мир по дороге

Новый роман Марии Семёновой о прославленном Волкодаве, последнем воине из рода Серого Пса!

Цикл романов о Волкодаве давно стал классикой современной российской фэнтези. Книга «Мир по дороге» является прямым продолжением романа «Истовик-камень».

После семи лет в самых страшных заботах Самоцветных гор Волкодав отвоёвывает свободу. Спустя примерно год он пускается в путь, чтобы отдать должное погибшим друзьям и поквитаться с обидчиками. Ему кажется, что тщательно обдуманное путешествие продлится всего лишь несколько месяцев. И что он справится с намеченными делами один, без помощников.

Как же он ошибается...

героическое фэнтези, становление героя
2014

Мария Семёнова
Мир по дороге

МИР ПО ДОРОГЕ – старинное приветствие путешественников. Содержит благопожелание страннику и в то же время намёк, что люди на дороге – своего рода община, «мир», где все помогают друг другу.

Автор сердечно благодарит
Павла Молитвина,
Елизавету Кульчицкую,
Константина Кульчицкого
и
Дмитрия Тедеева
за неоценимую помощь в разработке некоторых реалий

Сидим с тобой по сторонам огня.

Наш кров сегодня – только в небе тучи.

Почти со страхом смотрит на меня

Нежданный мой, негаданный попутчик.

Он для меня – что запертый сундук.

И явно сам никак понять не может,

Несу ли я в неожиданном взмахе рук

Объятье друга? Или острый ножик?

Ты разговор пустой пока что брось...

С рассветом – снова в путь, и, может статься,

Тропинки наши скоро прянут врозь,

Чтоб никогда уже не повстречаться.

Глядишь, мы распростимся завтра днём

И, позабыв недавние тревоги,

Украдкой с облегчением вздохнём,

Что оказалось нам не по дороге.

Как мал тепла и света зыбкий круг...

А дальше – ночь, бескрайняя и злая.

Быть может, ты – мой самый лучший друг,

Да только я о том ещё не знаю?

Я не умею прочитать в огне

Грядущего прозрачные страницы,

Где будем мы стоять спина к спине

И пополам делить глоток водицы.

Пусть всё идёт, как спрядено Судьбой,

Ведь мы ещё совсем чужие люди,

И что там впереди у нас с тобой,

Давай пока загадывать не будем.

Но, дотянувшись из позавчера,

Обоих станет греть в ночи огромной

Далёкий отблеск этого костра,

Что приютил двух странников бездомных.

1. Усмешка Богини

Отгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым мертвенным серебром. Это был уже почти настоящий лес, сменивший мхи и корявые жилистые кустики высокогорья. Низкорослые, невероятно упорные сосенки и берёзки запускали жилистые корни в расщелины камня и льнули к южным, нагрываемым солнцем бокам больших валунов. А тропа, которую они обступали, из

козьей торёнки успела превратиться в хорошую проходимую тропу и готовилась влиться в дорогу, отмеченную следами колёс.

Долина, по дну которой висала тропа, была ровной и гладкой. В давно минувшие времена здесь полз исполинский змей. Земля под его тяжестью проседала и расступалась. По отвесным склонам, нависавшим слева и справа, ещё можно было видеть отметины, оставленные громадными чешуями. Ледяной змей давно покинул эти места и скрылся в горах, присоединившись к скопищу себе подобных, а долина осталась.

К тропинке выбежал ручей, бравший начало у края ледников. Однажды встретившись, они более не расставались. Тропка по-женски рассудительно, явно зная, куда направляется, висала между скалами; ручей то напористо подскакивал к ней, то отбегал прочь. И всё пел, говорил что-то. Словно подбадривал...

Босые ноги не оставляли следов на плотном каменном крошечке. Человек по имени Волкодав шёл вперёд обманчиво-неторопливым, размеренным шагом, изредка оглядываясь на тучу, вползавшую в долину у него за спиной. Катившиеся волны тумана мерцали под лунной размытым серебряным молоком, гоня впереди себя волну холодного воздуха. Волкодав просил, чтобы его не провожали. Однако теперь видел, что за ним присматривали напоследок.

Через несколько сотен шагов тропка нырнула вниз и плавно повернула к югу, так что луна повисла прямо впереди.

И здесь долина вдруг кончилась.

Волкодав остановился у края обрыва. Ручей с разбегу вылетал в пустоту и цельной струёй рушился вниз. Падая, прозрачный столб постепенно вспухал и дробился, разлетаясь белыми звёздами. До реки, рокотавшей внизу, падать было не меньше полуверсты.

Тропинка вела себя осмотрительнее. Помедлив на краю, она принималась осторожно спускаться, закладывая широкие петли вправо и влево. Примерно на середине спуска она обнималась с другой тропинкой, пошире, что приходила с востока. Вместе они становились уже настоящей дорожкой, способной принять маленькую повозку.

Проследив её взглядом, Волкодав заметил чёрную тень мостика, устроенного над речным ложем. После мостика дорожка снова начинала карабкаться вверх, петляя по противоположному склону. Чтобы на её перегибах сумела развернуться повозка, требовались умные, крепкие и неробкие лошадки горской породы. У Волкодава лошади не было.

На миг ему привиделись широкие перепончатые крылья, он подумал о могучих симуранах, привыкших перелетать такие долины, не слишком их замечая... Он погнал эту мысль прочь.

Прошлое следовало оставлять в прошлом.

Смотри вперёд, в будущее. Пока оно не кончится перед тобой, как эта долина.

Помедлив, он сложил наземь заплечный мешок.

Всякая дорога рано или поздно выводит из одного мира в другой. С Этого света на Тот, а иногда и обратно. Волкодав чувствовал, что впереди его ждёт как раз такой переход. Важное дело не признаёт суеты. Молодой венн опустился на колени. Большеухий чёрный зверёк, сидевший у него на плече, неодобрительно чирикнул, подвижный нос шевелился, втягивая ветерок. Волкодав вытащил из поясного кошелька короткозубый костяной гребень и стал развязывать кожаные ремешки, собираясь расплести косы. Так велел обычай его народа, унаследованный от предков. А те хорошо знали, как вести себя воину на пороге нелёгкого дела, требующего сосредоточения духа.

И Здесь, и Там Волкодаву в своё время довелось хлебнуть лиха.

Когда я прошлый раз пересекал границу миров, меня тащили силком. Сегодня я иду по собственной воле.

Всё-таки он оглянулся через плечо, туда, где высоко над заполненной молочным туманом долиной безмолвно царствовали морозные пики. Кажется, здесь было самое последнее место на дороге, откуда у горизонта ещё были видны три громадных зубца. Волкодав знал, что до смертного часа их не забудет.

Держа в руке гребень, он прикрыл глаза и вдруг увидел весь путь, который ему предстоял. Путь был не особенно долгим. С год, вряд ли больше. И почти прямым. Ну там, один-два поворота. Сперва на юг, в Саккарем. И потом ещё на запад...

В это время дуновение ветерка бросило ему в уши отдалённое эхо человеческих голосов. Волкодав насторожился и понял, что никаких приятных встреч эти голоса ему не сулят. Такими голосами в дурном хмелю подзуживают и подначивают друг дружку на разные непотребства, ему ли было не знать!..

Ну вот. А ведь я только-только вышел туда, где можно встретить людей...

Дорого он дал бы за то, чтобы подольше их не встречать.

Молодой венн ещё несколько мгновений сидел неподвижно, потому что происходившее вдалеке его никоим образом не касалось. Но стоило ему вновь поднять руку с гребешком, как мужским голосам ответил женский. В нём не было испуга и боли, женщина спокойно пыталась условить разошедшихся мужиков, но...

Это был голос матери Волкодава.

Голос, отзвучавший для него семь лет назад.

Рассудок твердил, что венна дурачит шалость горного эха. Или какой-нибудь морок, ютящийся на границе миров. Или причуда его собственной памяти. Или...

Да кто ж его слушал!

Гребень полетел обратно в мешок. Волкодав снялся с места слитным движением, не членившимся на разгибание спины и подъём с колен. Снялся и во все лопатки побежал вперёд по тропе.

Чёрный зверёк только фыркнул и крепче вцепился в удобный ремешок на его левой косе, так и оставшейся нерасплетённой. Кожаный «насет» немилосердно мотало, зверёк то и дело распахивал крылья. Тогда становилось заметно, что одно крыло разорвано почти пополам.

Перво-наперво Волкодав увидел костерок под нависшей скалой. Рядом пасся смиренный серенький ослик. Длинноухий безмятежно пощипывал жилистую осеннюю травку. Он ничуть не забеспокоился при виде рослого незнакомца, вылетевшего из-за поворота тропы. У огня лежали расшитые перемётные сумы, войлочная подстилка и смятое одеяло. Недобрые гости потревожили чей-то ночлег. Волкодав мимолётно отметил про себя, что хозяйка осла и мешков – не хозяин, а именно хозяйка – определённо невысокая и хрупкая. Сбавив шаг, он выглянул из-за скалы.

Полная луна светила по-прежнему ярко, бросая резкие тени. Нападавшие – а их было действительно двое – показались венну неразличимыми близнецами. Из таких в Самоцветных горах получались надсмотрщики. Да не совестливые служаки, у которых среди рабов водились друзья, а самые лютые погонялы, гораздые потешиться над безответным невольником. Один из двоих держал в руках... нет, не кнут. Толстое копьё с широким наконечником. Второй поигрывал короткой дубинкой, но больше для остротки. Разбойников ждала лёгкая добыча, на кого тут было особо вооружаться?

От них, спиной к Волкодаву, медленно пятилась тоненькая гибкая девушка в синих шароварах и серой стёганой безрукавке. Лунный свет серебрил густые пепельно-светлые волосы, сколотые на затылке деревянными шпильками. Девушка держала перед собой посох, вскинутый в защитном движении. Ни она, ни разбойники ещё не заметили Волкодава.

– Брось палку-то, дура, – сказал державший копьё. – Смотри, осердимся, на неё и насадим!

– Лучше подумай, как нам понравиться, – хохотнул второй. – Тогда мы тебя, может, и не добьём...

Оба говорили по-саккаремски. Для таких, как они, и в Саккареме, и в соседнем Халисуне водилось одно слово: урлаки.

Девушка со вздохом ответила:

– Так-то вы чтите Богиню, Которой поклоняется здешний народ...

В её голосе по-прежнему не было страха, лишь укоризна, но Волкодав не обратил на это внимания. Он услышал достаточно. Качнулось перед глазами дымнобагровое факельное пламя,

шарахнулись тени по стенам каторжных подземелий. Зверолюдям с кинжалами и кнутами привезли на потеху рабынь... Волкодав молча вышел из-за камней. Девушка начала оборачиваться, но он уже миновал её, убирая себе за спину. Рожи нападавших стали запоздало меняться, сквозь глумливую угрозу пополам с похотью проглянуло удивление, к которому подмешивались начатки испуга. У беззащитной добычи объявился заступник. Да такой, что с ним приходилось считаться. – Шёл бы ты, парень... – утрачивая решимость, проворчал тот, что похлопывал себя по ладони короткой тяжёлой «дубаской».

Копьеносец, возможно, тоже намеревался что-то сказать, но не сказал, поскольку Волкодав двигался прямо к нему. Самому венну казалось, что он так и идёт прежним размеренным шагом, но женщина, опутившая посох, видела, как он метнулся вперёд и пролетел последние шесть шагов одним звериным прыжком.

Копьё высунулось навстречу, но не успело. Острое «железко» ткнуло воздух там, где уже не было человеческой плоти. Волкодав не стал вытаскивать поясной нож, просто потому, что в его роду не держали обычая даже за самые поносные речи платить сразу клинком. Слова – почти всякие – можно и отозвать. А вот разящего лезвия с полдороги не отзовёшь.

Другое дело, что отец Волкодава, успевший преподать сыну эту науку, одним кулаком натворить мог побольше, чем иные – с каким угодно мечом...

Разбойнику въехал в подгрудок стенобитный таран. И превратил его лёгкие в мокрую тряпку, более не способную вбирать воздух. Обидчик женщин отлетел в сторону, роняя копьё. Однако он был куда крупнее костлявого венна и вдобавок привычен к битью. Волкодав весьма заблуждался, полагая, что для вразумления ему хватит одного удара под дых.

Тем не менее копьеносец временно перестал быть угрозой ей. Волкодав крутанулся навстречу второму. Он сделал это как раз вовремя, чтобы уловить движение руки, заносящей дубинку. Урлак действовал не по осознанному намерению, а примерно так, как щёлкает пастью животное, слышавшее кусачую муху. То есть очень быстро. Он не успел сообразить, что нарвался на зверя куда страшнее себя. Рука, вскинутая для удара, хрустнула в локте, пальцы обмякли и разжались, но удар есть удар – «дубаска», надетая темлячком на запястье, ещё продолжала движение, скользнув по рубахе Волкодава и... окончательно вывернув подбитый сустав.

Урлак взвыл.

Вот и пойми, кому из двоих от того удара было больней.

Девушка следила за быстротечной схваткой, опираясь на посох. Если бы Волкодав мог видеть её лицо, он бы удивился выражению спокойного любопытства, смешанного с некоторой брезгливостью. Так взрослый смотрит на безобидную, но злую свару детей, не поделивших игрушку. Когда копьеносец, щерясь и нашаривая оружие, начал подниматься за спиной Волкодава, конец посоха оторвался было от земли, но сразу опустился обратно. Непрошенный защитник успел уловить движение сзади и вовремя оглянуться. Ну, почти вовремя. Кажется, наконечник копья слегка зацепил рукав на левом плече, но это не имело никакого значения, потому что венн больше никого не собирался щадить. Его кулак вмялся головорезу в висок и отправил никчёмную душу на незамедлительный суд той самой Богини, Которую этот саккаремец так скверно чтит.

Второй, у которого за бесполезного запястья свисала «дубаска», уже удирал. Он пригибался, здоровая рука металась подле больной, порываясь прижать её – и не смея, чтобы ещё хуже не стало. Потом, видимо от лютой боли, у саккаремца на какой-то миг померкло в глазах. Он споткнулся и рухнул с тропы под откос. Именно рухнул, прямой, как утратившее опору бревно. Даже не попытался извернуться или спрятать лицо. Падать было не особенно высоко, не больше сажени, но внизу громоздились расколотые валуны. Их каменные углы были гораздо твёрже непокрытой человеческой головы.

Женщина с посохом услышала и поняла донёсшийся снизу звук. Примерно так лопается скорлупа большого, не до конца вызревшего ореха. Женщина только вздохнула. Злая ссора детей опять кончилась непоправимым. Впрочем, она давно уже не надеялась уберечь всех.

Никогда больше двоим выродам саккаремского племени, охочим бесчестить одиноких странниц в ночи, не добраться до Самоцветных гор. Туда, где им вручили бы кнуты и кинжалы, нанимая на проклятую службу...

Волкодав оглянулся, ища глазами девушку, которую поспел оборонить. Нашёл... И то, что он увидел, потянуло у него из-под ног каменистую землю, заставив сесть прямо там, где стоял, – посередине тропы, чего правильному венну, вообще-то, не полагалось бы делать.

Вместо молоденькой девчонки перед ним стояла далеко не юная женщина. Её уже не зазорно было бы честить бабушкой. Волосы, показавшиеся пепельно-светлыми, были высеребрены не лунным светом, а прожитыми годами. Волкодава обманули её движения, гибкие, как у беззаботной девчушки, счастливо не ведающей о старческой косности тела.

А кроме того...

Бросившись в драку, он умудрился самым позорным образом проглядеть ещё двоих человек. Может, именно оттого проглядел, что от них не исходило угрозы. За камнем в лунной тени шевельнулась другая женщина – в платке и длинной рубахе саккаремской горянки. Стоя на коленях, она испуганно обнимала молодого мужчину, беспомощно уронившего светловолосую голову. Парень выглядел жалко. Голый, избитый до чёрных кровоподтёков, он совсем сполз бы на землю, если бы не обнимавшие руки.

Волкодав снова посмотрел на женщину с посохом. Та обводила глазами осквернённую смертью полянку возле скалы и... сокрушённо покачивала головой.

– Малыш, малыш... – наконец выговорила она по-саккаремски.

Волкодав неплохо знал здешний язык, но в первое мгновение уловил лишь, что голос всё-таки не принадлежит его матери. А странница продолжала:

– Зачем ты убил этих несчастных, малыш?

Венн молча смотрел на неё снизу вверх и тщился что-то сообразить, а она со вздохом добавила:

– Да ещё и сам покалечился...

Он вздрогнул и обнаружил, что, оказывается, стискивает пятернёй левое плечо, а между пальцами течет кровь, густая и чёрная при луне. Скверная была рана. Из тех, что нескончаемо сочатся то сукровицей, то гноем и никак не хотят заживать, а сросшись наконец, оставляют багровые пиявки шрамов, высасывающие подвижность и силу.

Кончик посоха легонько прикоснулся к его колену, и венн вскинул глаза.

– Поднимайся, глупенький, – сказала женщина. – Пошли посмотрим, что там у тебя. Сам встанешь?

Белобрысый между тем слабо зашевелился, пытаясь если не подняться, то хотя бы ползти.

Волкодав подошёл к нему, нагнулся и поставил на ноги. Тот охнул, замычал и схватился за его рубашку, но устоять не было силы, голова клонилась на грудь. Венн обхватил его поперёк тела, перенёс к костру и усадил на войлочную подстилку.

– Спасибо, добрый господин, – тихо отозвалась горянка.

У неё из-под сбившегося волосника тоже поблёскивало серебро и на щеках залегли морщины, оставленные прожитыми годами. Но и её голос не был голосом матери Волкодава.

...Двое молодых мужчин и две женщины, годившиеся им в бабки. Все четверо происходили из очень разных народов. Не самое обычное общество, какое можно увидеть ночью в горах, возле костра под скалой. Причём, как вскоре понял венн, остальные трое были знакомы между собой не намного дольше, чем он с ними.

Он сидел у огня, поджав ноги и всё так же стискивая ладонью плечо. Странница, раскрыв кожаный кошель, смешивала в маленькой чашке невесомые блестящие порошки.

Она журила меня, точно мать, она назвала меня малышом, да ещё и глупеньким, почему? И с какой стати мне кажется, что именно такого слова я заслужил?..

Рука – что рука, тьфу на неё, зарастёт, куда она денется. Худшие раны доводилось на себя принимать. А вот повадки женщины были ему непонятны, и это тревожило.

– Так чего ради ты полез не в своё дело, малыш?

Они умышляли на тебя, госпожа, хотел сказать Волкодав, но вовремя сообразил, что сложил губы не для речей, а для свиста, и, спохватившись, почёл за лучшее промолчать. Тем более что вслух рассуждать об очевидном – всё равно без толку.

Странница кивнула, не отрываясь от своих порошков.

– Умышляли, – ни дать ни взять подслушав мысли венна, сказала она. – Но ничего ведь не сотворили. Зачем же ты их убил?

Не в силах понять, Волкодав замолчал ещё крепче прежнего.

Светловолосый, умытый и закутанный в тёплое одеяло, лежал с закрытыми глазами. То ли спал, то ли молча терпел немощ и боль. Странница извлекла откуда-то серебряную трубочку, наполнила её смесью и опустила на корточки. От неё пахло сухими травами, ни одну из которых венн не взялся бы назвать, а ещё – сыромятной кожей и пчёлами. Она улыбнулась Нелетучему Мышу, сидевшему на плече Волкодава. Зверёк на всякий случай развернул крылья, но любопытство пересилило. Он обнюхал протянутую руку и, во всяком случае, позволил прикоснуться к хозяину.

– Это действительно были очень скверные люди, и ты не мог знать, что нам не грозила опасность, – словно оправдывая Волкодава, проговорила странница. – Когда я скажу, отнимешь ладонь и приоткроешь рану, чтобы лекарство проникло внутрь. Сумеешь? Давай.

Пальцы ослабили хватку. На плече распахнулись мокрые красные губы. Полотняный рукав мигом промок до завязок. Волкодав мимолётно подсадовал о рубашке, испорченной в самом начале пути. Больше ни о чём подумать он просто не успел, потому что женщина резко и сильно дунула в свою трубку, и блестящее облачко залепило жадный рот раны.

Лучше бы она ткнула в него головнёй, выхваченной из костра.

Боль вгрызлась в кости и плоть, оборвала дыхание и, вышибая слёзы из глаз, заполнила всё тело от макушки до пяток. Волкодав ахнул и не двинулся с места, потому что дёргаться у лекаря под руками – самое последнее дело. Он уже решил, что эта боль – навсегда, но она постепенно затихла.

К венну неспешно вернулся дар слышать и понимать.

– ...Ласковый, – приговаривала странница. – Но я его берегу для тех, кому он нужней.

Например, для рожениц.

Волкодав скосил глаза посмотреть, есть ли ещё у него левая рука, и увидел, что порошок запер кровь, покрыв рану тугой пузырчатой плёнкой. Лекарка поддела её ногтем. Корочка отвалилась вся целиком, оставив чистую плоть. Не тратя времени даром, женщина смазала рану пахучей липкой смолой. Наверное, это опять было больно, но обух той первой муки настолько добротнo оглушил тело, что Волкодав почти ничего не почувствовал. Смуглые пальцы в затейливых перстнях морщин свели разорванные железом края. Ему опять велено было держать, а в руках женщины появилась иголка.

Всякий зверь понимает, когда ему делают добро. Волкодав уже откуда-то знал: рана заживёт так надёжно и хорошо, как ей, в общем-то, не полагалось, и станет напоминать о себе лишь тоненьким белым швом, совсем незаметным зимой, когда с тела сходит загар.

Странница кончила возиться и умело перевязала плечо.

– Ты куда, малыш? – удивилась она, видя, что Волкодав начал вставать. Спросила так, словно имела на то полное право.

Не надеясь выговорить внятный ответ, Волкодав мотнул головой в сторону тропки.

В самом деле, только мести неуспокоенных душ ему ещё не хватало.

Левая рука была бесполезна, но для того, чтобы оттащить подальше два тела и завалить их камнями, вполне хватило и правой. А то мало тяжёлых глыб он перетаскал там, куда эти двое так и не добрались.

Лекарка между тем склонилась над светловолосым.

Она мудра и многое ведаёт, закидывая на кучу последний валунок, сказал себе венн. Она доверчива и добра. Она слишком готова видеть добро в других, даже во мне. Такие не живут долго на свете, если у них нет защитника. Я пойду с этими людьми и провожу их до какого-нибудь поселения. Мои дела подождут.

Приметив неподалёку заплечный мешок, брошенный кем-то из разбойников, он распутал кожаные тесёмки и вытряхнул содержимое наземь.

Ему под ноги выкатилась деревянная, удивительно благородной формы чашка с костяной ложкой тонкой и красивой работы. Следом выпал ком мягого тряпья. Волкодав тронул его

ногой, и из тряпья, звякнув, выпал серебряный браслет. Венн поднял его. По светлому обручу бежали резные изображения изменчивого лика Луны – от новолуния к полнолунию и обратно. Волкодав никогда прежде не видел таких, но был наслышан. Он развернул тряпье. Оно оказалось мужской рубашкой, смотанной в один ком со штанами. Именно смотанной – кое-как, второпях. Люди так не поступают с одеждой, купленной за деньги. И подавно – с вытканной дома. Волкодав присмотрелся. Крой одежды сильно отличался от саккаремского. А ещё на ткани темнели очень хорошо знакомые пятна. Кровь. Он принюхался. Чужая кровь была достаточно свежей.

Странница покинула костерок и вышла за ним к месту схватки. При луне она снова показалась ему девочкой. Она взяла у него браслет, повертела в руках и сокрушённо сказала:

– Эти несчастные заблудились на пути жизни ещё беспросветней, чем мне казалось вначале. Они подняли руку на жреца!

Или ограбили того, кто прежде них святого человека убил, добавил про себя Волкодав, но вслух ничего не сказал. Чего ради открывать рот, если в том нет крайней нужды.

– Эй, Айсуран! – обернувшись к костру, окликнула странница. – Тут не твоего мальчика одежда? Браслет жреческий?..

Венн запоздало сообразил, что жестоко покалеченный парень в самом деле – насколько за синяками удавалось распознать черты – мог сойти за белобрысого жителя Халисуна. А там, как известно, поклонялись Лунному Небу.

Во дела! Саккаремка наследного врага от разбойников берётся оборонять, по горам его на себе волочёт, как внука родного... Может, на свете что-то стряслось, а я и не знаю?

Вернувшись к костру, странница извлекла из перемётной сумы горшок и сняла с него крышку. Волкодав уловил тёплое дыхание подошедшего теста. Оторвав кусочек, женщина ловко скатала в ладонях колбаску и намотала на палочку. Потом ещё и ещё.

– Мои братья и сёстры служат Кан Милосердной, – сказала она, укрепляя палочки в камнях, чтобы хлебные завитки румянились над дреющими углями. – Мы странствуем во имя нашей Богини, постигая мудрость и красоту мира. Мы смиренно помогаем всякому, кто нуждается в помощи. Люди называют меня Кан-Кендарат.

– О, так ты жрица, – шепотом прошептал белобрысый. – Боги благословили эту тропу...

Он силился улыбнуться, но губы слушались плохо. В щёлочках заплавленных глаз отражалась одна боль.

– Божественный смысл порой ускользает от смертных, – вздохнула мать Кендарат и покосилась через плечо туда, где смутно виднелась большая куча камней. – То, что кому-то – благословение, другому может показаться несчастьем... Ты ведь и сам носишь жреческий браслет, сын Лунного Неба?

От Волкодава не укрылось, с каким напряжённым вниманием горянка Айсуран смотрела на юношу, ожидая ответа. То, что мог произнести халисунец, почему-то очень много значило для неё. Волкодав и сам не отказался бы узнать, какая нелёгкая занесла чужеземного жреца в Саккарем, да ещё в подобную глушь. Он укорил себя за праздное любопытство. Ему ни малейшего дела не было ни до белобрысого, ни вообще до кого из этих людей. Он проводит их до ближайшего жилья и распрощается. Хватит уже и того, что помстившийся голос бросил его в чужую драку... притом зря, если верить этой... как её... Кан-Кендарат.

– Ношу, но не на руке, а лишь в сумке, поскольку у меня нет на него законного права, – по-прежнему шепотом, останавливаясь передохнуть, выговорил халисунец. – Я всего лишь нерадивый сын пекаря... – Он шевельнул рукой с зажатым в ладони браслетом. – Госпожа, ты бросишь его в глубокое озеро, если Лан Лама унесёт Иригойена, младшего в роду Даари? Айсуран вздрогнула и потянулась к нему, словно приготовившись защищать Иригойена от халисунского провожатого душ, вздумай тот прямо сейчас явиться перед ними в свете костра.

– Думается, Праведные Небеса твоей веры тебя всё-таки подождут, – поворачивая палочки другим боком, усмехнулась мать Кендарат. – Ну а ты, почтенная сестра моя? – обратилась она к горянке. – Можем ли мы как-то утолить нужду, выгнавшую тебя из-под крова?

Хлебные колбаски всюду поджаривались, испуская самый лучший, по мнению Волкодава, запах на свете. Нелетучий Мыш уже перебрался хозяину на колено и откровенно облизывался, жадно шевеля носом.

– Я ходила помолиться у святой могилы неподалёку, – тихо ответила Айсуран. – И мне даже показалось, что Богиня, Зрящая на Лозы, меня услышала...

– По ночным горам! – неодобрительно качнула головой Кан-Кендарат. – В одиночку! Должно быть, зря врут люди, будто в ваших краях не слишком спокойно?

Горянка улыбнулась:

– Сама ты не так ли странствуешь, почтенная госпожа?

– Милосердная Кан ограждает меня от опасностей, подстерегающих одинокого путника.

– Твоя Богиня могущественна, но и Заступница Саккарема умеет оградить Своё племя, – с достоинством ответила Айсуран. – Государь Менучер в самом деле ведёт бой с непокорными, так что многие боятся сюда заезжать. Однако мой народ никто не трогал даже во дни Последней войны. Эти горы – наш дом, а чего мне бояться у себя дома?

Волкодав опустил глаза. Где оно, такое место, где мужчина может спокойно отправиться в путь, доподлинно зная, что в его отсутствие избу не сожгут и не ограбят враги, где женщина, встретив в ночных горах чужого мужчину, радушно и безбоязненно говорит ему «здравствуй»?

Волкодав очень хотел бы там жить... Он даже думал когда-то, что его родной дом и был этим сокровенным, Богами оберегаемым местом. Все дети так думают, если только судьба к ним хоть сколько-нибудь справедлива. Теперь ему трудно было поверить, что подобный край существует где-нибудь на земле. И он помнил испуг в глазах Айсуран, когда та смотрела на него после схватки с разбойниками.

Кан-Кендарат поудобнее устроилась на подстилке:

– Удивительные вещи говоришь ты, сестра. Племя, осенённое равной благосклонностью шادا Менучера и его заклятых врагов! Должно быть, вы, подобно виллам, обитаете в орлином гнезде, до которого просто никому не добраться? Или так страшно мстите за любую обиду, что с вами предпочитают не связываться?

К некоторому удивлению Волкодава, Айсуран рассмеялась:

– Всё куда проще, почтенная госпожа. Даже мергейты Гурцата Жестокого понимали вкус вина и его цену. Дело в том, что Богиня вырастила дивную лозу, дающую урожай только в нашей долине. Если увезти черенки, они примутся, зацветут и принесут ягоды, но у гроздьев будет совсем другой вкус. Это знают и нынешний государь, и молодой Тайлар Хум, предводитель бунтовщиков. Вздумай они обрушиться на нашу деревню – и кто год спустя поднесёт им напиток, вызревший под землёй, в запечатанных дзумах?

Злокозненный разум тотчас подсказал Волкодаву ответ.

Другие виноградари, которых можно будет поселить в ваших опустевших домах. Такие же умелые, только более покорные.

Вслух подобные вещи произносить, конечно, не стоило, да он и не собирался.

Не очень понятное, но мощное внутреннее чувство заставило его тотчас отодвинуть эти мысли прочь, словно они, даже не будучи произнесены, могли накликасть беду...

Судя по выражению лица, мать Кендарат подумала примерно о том же. Но вместо того, чтобы пуститься в спор с Айсуран, она неожиданно повернулась к венну.

– Ну а ты, малыш? – спросила она. – Кого нам благодарить за спасение?

Теперь на Волкодава смотрели уже все. Даже приоткрывший один глаз халисунец. Венну сделалось отчётливо неуютно. Может быть, оттого, что в голосе жрицы внятно прозвучала насмешка. Пока он соображал, что могла значить эта насмешка и как вообще отвечать, не сорвавшись снова на свист, странница вдруг добавила:

– Только не говори мне, будто в Самоцветные горы шёл надсмотрщиком наниматься. Драться ты не умеешь.

После этого отвечать расхотелось совсем, и Волкодав промолчал. Если бы у костра сидели одни мужчины, он, пожалуй, просто поднялся бы и ушёл. Благо начал этот путь в одиночку, никому не обещал подмоги и сам не ждал подставленного плеча. В особенности на первых же шагах. Однако он успел решить про себя, что проводит женщин и беспомощного сына пекаря до ближайшего поселения. Поэтому Волкодав просто уставился в костёр и остался сидеть.

Хватит и того, что голоса этих людей, превращённые причудливым эхом в зов матери, помешали мне в последний раз оглянуться на далёкие зубцы и должным образом покинуть их мир. Кажется, непотребство уже начало выходить мне боком. Схватка, кончившаяся отнятием жизни, распоротое плечо, изгаженная рубаха... Чего ждать назавтра, если так дело пойдёт?

Жрица вытащила палочки из земли и стала раздавать хлебные колбаски товарищам по ночлегу. Когда дошла очередь до Волкодава, он, не поднимая глаз, молча помотал головой.

– Вот и мой Кинап такой же молчаливый, – сказала Айсуран. – Прямо слова не вытянешь.
– Молчаливый мужчина всё же лучше болтающего без умолку, – рассудила мать Кендарат. И не стала больше предлагать ему угощение.

На другой день солнце, неторопливо выплывшее из-за плеча горы, застало всех четверых уже в пути. Иригойену пришлось сесть на осла. Парень пытался уверять, что вполне сможет шагать своими ногами, но куда ему было против двух заботливых женщин! Теперь они, негромко беседуя, шли у головы ослика. Волкодав, навьюченный перемётными сумами матери Кендарат, замыкал шествие. Жрица собиралась нести свою поклажу сама, но он просто вскинул котомки на здоровое плечо и пошёл. Странница удивлённо – и опять почему-то насмешливо – подняла брови. Потом улыбнулась Нелетучему Мышу, тотчас взявшемуся обнюхивать сумки. Покачала головой, словно в чём-то усомнившись... И перестала обращать внимание на венна с питомцем. Дорога вилась по северному склону долины. Напротив высилась отвесная, местами даже и нависающая круча высотой никак не меньше версты. По ней длинной полосой розовых лохмотьев тянулось облако, подкрашенное рассветом. И через каждые полсотни шагов, исчезая в этих лохмотьях и вновь показываясь внизу, падала с выступа на выступ белая от пены пряжа ручьёв. Таких же, как тот, вдоль которого Волкодав шагал накануне. Где-то выше таяли под летним солнышком ледники, уже невидимые с дороги. Венн никогда прежде здесь не бывал, но ему рассказывали: дальше ручейков будет становиться всё больше. Когда они станут рекой, надо будет идти против течения – до самой Дымной Долины. Там потоки не падали сверху, а били из-под земли, рождая могучий Сиронг. Волкодав собирался побывать в Дымной Долине. Туда из равнинного Саккарема караванами прибывали богомольцы – поклониться чуду Богини. В месте, где бывает много разных людей, легко разузнать, как добраться до деревни, называвшейся Дар-Дзума, то есть Звонкий Кувшин...

А ведь я целый год обдумывал это путешествие. Вероятно, только затем, чтобы с самого начала всё пошло не по замыслу. Я с первых же шагов заложил крюк далеко в сторону. Да ещё и прислушиваюсь на ходу, как отзывается плечо на каждый из этих самых шагов...

Вот бы знать, это я сам такое беспрочее

[1]

– или премудрые Боги испытывают меня, решая, достоин ли я Их помощи и водительства?..

Он вдруг подумал о том, а не были ли зарытые в землю кувшины, о которых рассказывала горянка, привезены из той самой деревни. Если так, значит всё к лучшему. Не придётся идти в Дымную Долину и говорить с чужими людьми. А плечо заживёт.

– Мы с Кинапом уже оставили позади молодость, но Богиня всё не улыбалась нашему ложу, – рассказывала Айсуран. – Люди помладше нас чаяли появления внуков, а мы никак не могли дожидаться детей...

Не то чтобы мать Кендарат расспрашивала её. Просто жрецы любой веры очень хорошо умеют молчать. Как-то так, что сразу начинают казаться мудрыми и добрыми собеседниками, перед которыми хочется распахнуть душу.

– Потом моему мужу настал черёд отвозить вино в столицу, ко двору благородного Иль Харзака, отца солнцеликого Менучера, – продолжала словоохотливая Айсуран. – И я, конечно, отправилась вместе с ним, ведь не дело это – оставлять мужа без заботы и присмотра на целых пять месяцев! Ты согласна, почтенная?

Мать Кендарат улыбнулась.

– А ещё мне рассказывали о чудесах великого мельсинского храма, где под рукою Богини прозревают слепцы и бросают костыли хромоногие. Я понадеялась, что и мне может достаться частица Её благословения. Так случилось, что мой молчаливый Кинап свёл дружбу с главным поваром шада и стал советовать ему, какие блюда лучше подходят к нашим напиткам.

Уж не тот ли повар, подумалось Волкодаву, потом перечислял нам способы взбивания медовых яиц, пока мы лакомились рудничными крысами...

– Венценосный Иль Харзак радовался новым лакомствам и присылал на поварню знаки своей милости... Так и вышло, что вместо нескольких седмиц мы с Кинапом провели в Мельсине целых два года. Муж мой днями пропадал на кухне дворца, я же запомнила каждый мостовой камень на улицах, что вели к храму. И добрая Богиня услышала мои молитвы. Обратной дорогой мы вернулись уже с доченькой – Итилет.

Итилет. Ясноокая. Какое славное имя...

– Воистину щедрую Богиню чтит саккаремский народ, – кивнула мать Кендарат. – Ваша небесная покровительница знает, как сделать, чтобы хижина стала дворцом.

– Святое слово ты молвишь, добрая госпожа. Наша Итилет выросла умницей и красавицей.

Никто из имеющих дочерей не взыскан от милостей Богини больше, чем мы.

– Никто из имеющих дочерей... – медленно повторила мать Кендарат. – Поправь меня, добрая Айсуран, если я превратно толкую ваши законы. Верно ли говорят люди, будто в Саккаремежитое родителями наследуют лишь сыновья?

И умереть, имея лишь дочерей, всё равно что умереть бездетным, добавил про себя Волкодав. По глубокому убеждению венна, это был не закон, а сущее беззаконие, отдававшее святотатством.

– Верно, – вздохнула горянка. – Поэтому-то я и ходила украшать святую могилу. Вымалить у Богини ещё и сына значило бы самым недостойным образом испытывать Её благосклонность. И я дерзнула молиться лишь о добром муже для моей Итилет. О славном парне, не нашедшем доли в отчем краю. Он пришёл бы к нам и стал ей супругом, а нам в нашей старости – почтительным сыном...

На этом Волкодав перестал слушать. Он дойдёт до деревни, и, может быть, горцы не сочтут за бесчестье сказать ему, где обжигались их подземные думы. Сколько уйдёт времени на то, чтобы задать вопрос и услышать ответ? Седмица, ну, две, вряд ли больше. Вникать в речи женщины, мечтающей ввести в дом наследника, было всё равно без толку. И вообще здешние дела никоим образом его не касались.

Дорога в очередной раз повернула, огибая каменный выступ. Её не зря устроили на бессолнечной стороне. Здесь дольше держался снег, но и ручьёв, готовых размыть хрупкий след человеческого труда, было поменьше.

– А вот и Девичья Грудь! – вытянула руку горянка. – Она видна и у нас, но отсюда кажется ещё величавей. Смотрите, как её целует юный рассвет!

Волкодав вскинул глаза. Далеко на юге, вырастая из размытой пелены облаков, невесомо парили в воздухе два алых лепестка шиповника. Две почти одинаковые горы удивительно правильной формы розовели в свете нового дня.

Пещера. Дымный чад факелов. Крылатые тени, мечущиеся по стенам...

Рассвет в горах ласкает дальний склон,

Как новобрачный – наготу девичью... —

хрипит лежащий на полу человек.

Невольник по прозвищу Пёс стоит рядом с ним на коленях, упокоив его голову у себя на ладонях. Стоять так очень неудобно и больно, но Пёс не шевелится, потому что лежащий на полу умирает. А Пёс – пока ещё нет.

Сперва её ступни лобзает он,

Оставив каждодневные приличья...

Никто не знает, сколько лет стихотворцу. И какое имя он носил в далёкой иной жизни. Попав в рудники, он, по примеру большинства, взял себе какое-то прозвище, но даже оно со временем стёрлось, потому что его стали называть просто Певцом.

Он давно уже не работник. Последние полгода он встать-то не может без посторонней подмоги, какое там рубить или оттаскивать камень. Его давно сбросили бы в отвал, но рабы прячут немощного, и господин Гвалиор им в этом потворствует. Многое в рудничной жизни шло бы ещё хуже теперешнего, если бы не господин Гвалиор.

Вот-вот его ладони обожгут

Округлые предгория коленей,

А взор уже спешит туда, где ждут

Ущелья и таинственные тени...

Костлявая грудь Певца с хрипом поднимается и падает, он с мучительным усилием выталкивает каждое слово. Третьего дня сорвавшийся камень ударил его по спине, как вначале показалось – совсем несильно. Однако вскоре он перестал чувствовать ноги. Постепенно онемение расползлось выше, грозя добраться до сердца. И вот уже мгновения жизни Певца капая в пустоту, словно вода с векового нароста на своде пещеры.

Вся слава мира скрыта в тесной мгле.

Творя свою священную работу,

Рассветный луч восходит по скале

К преддверию божественного грота...

Надсмотрщик Гвалиор стоит у входа в забой. Он с кем-то разговаривает, негромко, но уверенно и твёрдо, так, чтобы сразу было понятно: здесь всё присмотрено, всё идёт своим чередом.

У рудокопа по прозвищу Пёс на руках и ногах кандалы. Его считают опасным. Такая жутковатая слава не возникает на пустом месте, но сейчас по щекам Пса текут слёзы.

И наконец, как песня, в тишине

Уже звенят ликующие крики,

И гордо розовеют в вышине

Атласные нетронутые пики...

Чуть приподняв голову, Пёс встречается глазами с другим каторжником, сидящим подле умирающего. Люди тут грязны до такой степени, что не сразу удаётся разобрать цвет кожи, но всё-таки видно, что Певец сжимает руку чёрного, как сажа, мономатанца. У невольника, бывшего когда-то вождём народа сехаба, на лице страдание. Они с Псом понимают один другого без слов. Они ещё помнят, что рассвет в горах не восходит от подножий к вершинам, а, наоборот, спускается с пиков в долины. Певец же – забыл.

«Мхабр!.. – из последних сил хрипит умирающий. – Как тебе... песня?»

Он судорожно хватая ртом воздух. Дыхание, о котором человек задумываться-то не должен, превратилось для него в тяжкую работу. Скоро она станет непосильной. Совсем скоро. Как только рождение песни окончательно состоится и напряжение отпустит его.

Пёс и чернокожий вновь переглядываются. Третий раб в забое, безногий калека, изо всех сил стучит по неподатливому камню молотком, чтобы тот, кого не пускает сюда господин Гвалиор, слышал: работа идёт. И правда всё под присмотром...

«Ты сложил прекрасную песню, друг мой, – тихо произносит мономатанец. – Мы будем помнить её».

- В чём же чудо вина, столь пришедшегося по вкусу солнцеликому шаду? – спросила любознательная мать Кендарат. Подумала и добавила: – Надеюсь, ты понимаешь, почтенная, что мы не подсылы, явившиеся выведать сокровенные тайны твоего народа?
- О да, – весело кивнула Айсуран, и Волкодав понял, что эта славная женщина чувствует себя в полной безопасности в обществе двоих малознакомых мужчин и удивительной странницы, не нуждающейся в защите от лиходеев. Айсуран же продолжала: – Должно быть, всё врут люди, болтающие, будто семена цветного халисунского хлопка были тайно вывезены из страны в долблёном посохе путешествующего жреца...
- Сказав так, она, кажется, запоздало спохватилась, не наговорила ли при Божьей страннице лишнего, но Кан-Кендарат расхохоталась, ничуть не обидевшись. И даже Иригойен попытался улыбнуться непослушными, распухшими губами.
- Иные, впрочем, утверждают, – выговорил он, – будто мешочек с чудесными семенами был спрятан в роскошном платье высокопоставленной блудницы...
- Теперь смеялись все, кроме венна. Причина их веселья упорно ускользала от Волкодава, зато он вдруг понял, что именно показалось ему неправильным в чертах этого парня. При вполне халисунских светлых волосах и голубых – насколько удавалось разглядеть сквозь заплывшие щёточки – глазах у него было лицо мономатанца. Выпуклые скулы, форма лба, широкие ноздри, рисунок рта, излишне пухлого, на взгляд северянина... Влить бы в эту кожу глубокую медную черноту мибу или сехаба, получился бы благородный молодой вождь. Даже волосы не обязательно перекрашивать. Но черноте неоткуда было взяться, а без неё Иригойен выглядел неправильно и несуразно. Как тот рассвет, который напоследок восславил умиравший в подземелье Певец.
- Коли так, вы, полагаю, слышали, почтенные, – Айсуран обращалась уже к двоим собеседникам, – и о том, что дивные семена на чужбине плодоносили только белым волокном вместо пепельного, чёрного, золотого и красного. Похитители не смогли унести с собой ни тайны полива, ни умений потомственных земледельцев, холивших хлопковые поля!
- Кан-Кендарат задумчиво кивнула:
- Стало быть, всё дело в вашем умении собирать виноград вблизи холодных вершин, где ему расти-то не полагалось бы?
- Предки наших предков, – стала рассказывать Айсуран, – те, что выстроили деревню, однажды искали заблудившуюся овцу... и увидели ещё выше в горах маленькую долину, надёжно

укрытую от злого дыхания ледников, но распахнутую солнцу. Праотец, чьё имя для нас священо, решил, что в долине можно посадить лозы, но не так, как это делают люди низин. Богиня внушила ему мысль выдолбить для каждой каменную колыбельку, в которой лоза свивала бы себе гнездо. Так и было сделано. Лозы охотно росли и сворачивались венками, прячась от холода на груди скал. Но как раз когда пришла пора убирать созревшие гроздья, духи горных льдов наслали заморозок и обратили ягоды в лёд. Ибо, в отличие от некоторых соседей, жертвующих духам льдов и потоков, – с законной гордостью добавила Айсуран, – мы молимся только Матери. Временами духи мстят нам за нашу верность.

Волкодаву рассказывали о призраках, сотканных из снежной крутящейся пелены. От их прикосновения чернеют листья и живая плоть обращается в лёд. Он увидел, как горестно покачала головой мать Кендарат. Видно, тоже представила, каково это – стоять над загубленными трудами нескольких лет жизни.

– Однако Праотец был мудр и не привык падать духом, – приосанившись, продолжала горянка. – Это избалованные благами жители равнин склонны впадать в уныние по каждому пустяку, но нас не так-то просто вынудить опустить руки! Праотец велел сыновьям и внукам собрать заледевшие гроздья и бросить их в давилню как есть. Получился сок, слаще которого люди не пробовали. Когда этот сок перебродил, выстоялся и набрал силу, родилось вино, розовое, как заря на Девичьей Грудь, и душистое, словно мёд горных пчёл. Оно дарует веселье, красноречие и отвагу и никогда не наказывает ничтожеством похмелья. Это – благословение Богини, которым мы взысканы среди всех творящих вино. Пусть-ка тот, кто ревнует к милости солнцеликого Менучера, сперва попробует не то что превзойти наш напиток, – хотя бы повторить!

Мать Кендарат задумчиво проговорила:

– Судя по тому, как свободно ты рассказываешь о том, что зиждит спокойствие и достаток вашего племени, добрая Айсуран, перенять подобное искусство может лишь имеющий золотые руки и чистое сердце. А такому человеку и подсылов снаряжать незачем, он сам уже обрёл своё счастливое ремесло.

Осень щедро принарядила низкорослые кустарниковые леса. Корявые берёзки оделись в золото и вдруг стали ничуть не плоше стройных красавиц из родных чащ Волкодава. Мох на скалах хранил изумрудную зелень, мелкие кустики между корнями берёзок вспыхнули какие закатным багрянцем, какие пурпуром. Лишайники кольцами расползались по скалам – чёрные, жёлтые, серые... Венн шёл по тропе, вбирая босыми ногами тепло нагретых последним солнцем камней, и думал о том, какая всё-таки счастливая страна Саккарем. Ведь если даже здесь, в скудных горах, люди гордились достатком, выращивали виноград, то что же делалось на изобильных равнинах, где никогда не покрывались льдом широкие неторопливые реки?.. Он попытался представить себе жизнь без морозных зим, на земле, которая, едва отдав урожай, снова принимается за свой род...

Всё так, но где-то на равнинах стоит деревня со звонким гончарным названием Дар-Дзума.

Там делают лучшие на свете кувшины. А жители временами попадают в рабство за неведомо как скопившиеся долги. Почему?..

Вечером, когда стали ладить ночлег, Иригойен сам слез с ослика. Ноги еле держали его, но молодой халисунец отправился помогать Волкодаву собирать растопку для костра.

– А вот скажи мне, святой человек, – подошла к нему Айсуран. – Мы, горцы, тёмный народ, мало смыслящий в делах твоей веры. Иные у нас утверждают, будто избранные Лунного Неба водят жён и растят детей, другие же спорят, будто им оставлена лишь неземная любовь. Рассуди нас, святой человек, – за кем правда?

Насчёт тёмных и несмысленных горцев она приbedнялась, конечно. Бабушка Псица некогда объясняла маленькому внуку, звавшемуся в те времена просто Межамировым Щенком: так люди начинают разговор, чтобы собеседник почувствовал себя мудрым и знающим и охотнее дал волю словам.

– И те и те правы, почтенная Айсуран, – улыбнулся халисунец.

Волкодав поймал себя на том, что ему нравится улыбка этого парня, мягкая и немного застенчивая. Он видел такую у очень мужественных людей, не ломавшихся там, где, казалось, выстоять было невозможно.

– Когда-то, давным-давно, – продолжал Иригойен, – людям казалось, что посвятивший себя Лунному Небу должен отдаваться жреческому делу весь целиком: часть внутреннего жара, уделаемая приметам земной жизни, вроде дома и семьи, лишит его служение совершенства. Но потом ударил Камень-с-Небес, и там, где раньше жило сто человек, остался дрожать от холода едва ли десяток. В беде люди потянулись к жрецам за словом надежды и мудрости. Служители Лунного Неба стали кострами, у которых грелся народ. И тогда кто-то задумался: почему землекопы и свинопасы обильно продолжают себя в потомстве, а самым разумным и благим людям должно быть в этом отказано? Так может дойти до того, что народ утратит величие и уподобится запущенному стаду, которое постепенно мельчает и вместо драгоценного руна обрастает дикой щетиной. Обратились за советом к величайшим учителям веры... Так прежний обычай был оставлен прошлому. Ныне, почтенная Айсуран, наши жрецы берут себе жён, и люди ждут, чтобы от них родились толковые дети.

Горянка поблагодарила его и ушла очень довольная.

Иригойен выпрямился, держа в руке несколько сухих веток. Наверное, ему больно было двигаться, но он старался не показывать виду.

– А я, кажется, знаю, чему так радуется наша добрая Айсуран, – сказал он Волкодаву. Тот молча смотрел на него, ожидая продолжения. Сын пекаря превратно истолковал его молчание и спросил:

– Друг мой, понимаешь ли ты речи, с которыми обращаются к тебе люди?..

Друг мой!..

Последний раз вена так называл человек, которого ему не суждено было забыть. Волкодав медленно кивнул.

– Она говорила, что ходила просить о женихе для своей дочери, – сказал Иригойен. – Надо полагать, милая Итилет украшена всеми достоинствами и добродетелями, каких ждут от юной хозяйки, но мужа со стороны ей найти всё равно трудно, ведь они тут, в горах, наверняка друг другу родственники на месяц пути. Вот мать и отправилась с подношениями к святой могиле... А потом, даже до деревни ещё не дойдя, встретила тебя и меня. И вдобавок настоящую жрицу. Пусть иной веры, но та всё равно может освятить свадьбу. Скажи, друг мой, готов ты остаться и прожить здесь всю жизнь до старости? Пестовать детей, мотыжить поле и долбить в скале гнёзда для виноградных лоз?..

Женщины хлопотали у нависающей скалы, месили тесто для хлебных колбасок и обсуждали, какую закваску лучше брать с собой в дорогу. Изюмную, хмелевую или на сыворотке. Волкодав чуть не хмыкнул. Он-то знал истину: закваска даже для пшеничного хлеба должна быть ржаной. И желательной старой. Потому что всякая иная – протухнет, погибнет... и попросту не даст вкусного хлеба.

Знать бы ещё, случится ли мне когда попробовать настоящего хлеба, потому что правильный хлеб на ржаной закваске пекут только на правом берегу Светыни, в западных чашах...

Волкодав вздрогнул и снова задумался о словах Иригойена. Потом выпрямился, с натугой вытаскивая из расселины целое засохшее деревце. Непогода вымыла землю из-под его корней, и деревце превратилось в сухую корягу. Оно не зазеленеет, даже если прямо сейчас посадить его в самый жирный чернозём и поливать по семь раз на дню. Боги, кажется, искушали Волкодава. Обнять прекрасную девушку, остаться в деревне искусников-виноделов, куда не суются враги... пустить корни...

В затылок потянуло холодным ветром. Он отрицательно покачал головой.

– Вот и я о том же, – вздохнул Иригойен. – Я пришёл сюда совсем за другим, да и ты, полагаю, странствуешь не без цели... Но что суть наши намерения перед всевышней волей Небес?.. Ты заметил – она даже на меня смотрит как на возможного зятя, а ведь я халисунец...

Вот ты и оставайся, подумал Волкодав. А мне незачем.

– Иригойен! – окликнула мать Кендарат. – Ты же у нас из семьи пекарей, верно? Иди сюда, рассудишь наш спор.

Волкодав сломал корягу о колено и пошёл следом.

Кан-Кендарат взяла у них собранный хворост, живо наломала тонких веточек... Она до того сноровисто и быстро зажгла огонь, что Волкодав даже не заметил взмаха кресала. Пламя будто само вспыхнуло под руками опытной странницы и сразу уверенно разгорелось. Волкодав подумал о том, что наверняка провозился бы дольше, и положил сверху свою корягу. Когда она развалилась, огонь фыркнул и взвился, и венн увидел в костре руины горящего дома. Это был очень большой дом. Целый замок.

Волкодаву очень не понравилось только место ночлега, облюбованное Айсуран: у слияния нешироких горных дорог. Дорога и так место достаточно скверное, сухопутная река, не принадлежащая берегам и текущая сквозь этот мир, струясь неизвестно откуда и неизвестно куда. И приплыть по этой реке может какое угодно зло. А тут – сливаются две, и на перекрёстке есть место, не принадлежащее даже дорогам. Омут, прорва, дыра! Лучше от неё держаться подальше!

Однако Айсуран явно понимала, что делает.

Волкодав вполне убедился в этом перед рассветом, когда его разбудили отзвуки голосов.

Именно отзвуки, а не звуки. У него был острый слух, способный улавливать тонкие потрескивания и побряхтывания породы задолго до того, как своды и стены действительно начинали стонать, угрожая обвалом. Людям кажется, что такой слух на грани нутряного чутья присущ скорее не человеку, а зверю. Может, люди не так уж и неправы.

Открыв глаза, венн увидел Нелетучего Мыша. Взобравшись на камень, искалеченный пещерный летун тоже смотрел в ту сторону, где Волкодав уловил далёкие голоса.

Что гораздо удивительней, туда, приподнявшись на локте, смотрела и Айсуран. Волкодав немного подумал и понял, что женщина не могла ничего слышать. Она просто ждала.

Вдалеке между тем не перекликались и не кричали. Там пели. Волкодав прислушался. Будить дорожных товарищей и спешно уводить их подальше от перекрёстка расхотелось почти сразу.

Женский голос, сильный и чистый, выводил песенный лад. К нему присоединился низкий мужской. Брал под крыло, бережно обнимал... и нёс к небу, навстречу первым проблескам солнца. И вот уже не один и не два голоса вели чудесную песню, а целый хор.

Невольники в рабском караване так не поют... Да и не ходили по здешним местам рабские караваны. Волкодав представил себе: вот шагают среди скал мужчина и женщина, они поют, смеются и держатся за руки, и оба прекрасны, потому что любимы, счастливы и уверены в своём счастье. А за ними, подпевая, шествует многочисленная родня. Взрослые несут в заплечных мешках одеяла и всякий скарб, подростки погоняют ослов, навьюченных большими корзинами, полными замёрзшего винограда. Скорее добраться к давилям, пока лёд не растаял!

Идёт ли среди сборщиков милая Итилет?.. Надела ли она крашеную одежду или вытащит её из сундука лишь тогда, когда дзумы будут наполнены и придёт время веселиться и праздновать окончание осенних трудов?.. Догадывается ли она, что по молитве матери Богиня привела к её порогу сразу двух женихов?

Нет. Только одного.

– Смотри, как насторожился твой зверёк, – сказала у него за спиной Айсуран. – Сюда идут наши сборщики. Скоро мы услышим их песню.

Шествие виноградарей оказалось точно таким, каким нарисовал его себе Волкодав. Только вместо осликов подростки вели длинношёрстных горных быков, нагруженных большими корзинами. Корзины были закутаны в меховые полсти

[2]

от солнечного тепла. Айсуран с молодой прытью бросилась к широкоплечему седоватому горцу, и венн решил, что это, верно, её немногословный Кинап. Мужчина действительно обнял её так, как обнимают только самых близких: прижал к себе, подхватил – и ноги Айсуран оторвались от земли. Потом они пошли рядом. Женщина, потянувшись к мужнину уху, стала что-то говорить. Вот Кинап быстро посмотрел сперва на Иригойена, потом на Волкодава. Тогда венн понял, о чём у супругов разговор.

Только, в отличие от жены, Кинап скорее выглядел озадаченным. Белоголовый сын наследных врагов – и бродяга с внешностью и повадками висельника. Очень неплохо... От Волкодава не укрылось, что молодой халисунец тоже разглядывает окружившую их толпу, пытается угадать Итилет. Девушек среди горцев насчитывалось не меньше десятка. Все были прекрасны, но ни одна не подбежала к Айсуран, как подобало бы дочери. Волкодав нахмурился и накрыл ладонью Мыша, воинственно развернувшего крылья. Угадывать замыслы Богов – самое последнее дело. И в особенности если это чужие Боги. А уж Богини...

Иригойен порывался идти вместе со всеми. Получалось у него гораздо лучше, чем накануне, но скоро стало ясно, что за крепкими горами ему не угнаться. Волкодав с матерью Кендарат снова посадили его на осла.

– Один весь в синяках, у другого, смотрю, плечо перевязано, – усмехаясь в густую бороду, проговорил подошедший Кинап. – Уж не разнимать ли их вам пришлось, женщины?
– Этого мирного странника зовут Иригойен из рода Даари, – ответила жрица. – Его привёл сюда обет, данный Лунному Небу. Бессовестные люди ограбили его, жестоко избили и бросили умирать. Твоя жена, достойный Кинап, увидела Иригойена и помогла добраться туда, где горел мой костёр. Однако разбойники заметили огонь и вернулись через ущелье, чтобы обогнуть нас. Тогда откуда-то появился этот второй юноша...

Волкодав внутренне съёжился, ожидая, что Кан-Кендарат в очередной раз прокатит его по кочкам. Шёл, поди, в Самоцветные горы надсмотрщиком наниматься, а драться выучиться забыл. Полез, куда не просили. Поубивал зачем-то «несчастных», которых она и без него отвадила бы...

– Он встал на нашу защиту, и лиходеи перестали осквернять собой землю, – сказала мать Кендарат. – Правда, мы пока не слышали его голоса и не знаем, как его называть.

И хорошо, что не знаешь, подумалось венну. Сказал бы я тебе, как собирался: называй меня Волкодавом! – небось такого наслушался бы...

– А я было решил, что это моя неразумная жена своими рассказами о дочери до драки вас довела, – хмыкнул Кинап. Тем не менее он не выпускал Айсуран из объятий, и та льнула к нему, застенчиво пряча глаза, словно девочка, впервые оставшаяся с любимым наедине. – Не сердитесь на неё, почтенные чужеземцы.

– За что же сердиться? – улынулась Божья странница. – Всякая мать, имеющая дочку на выданье, любит о её достоинствах поговорить...

Горец помедлил, посмотрел на жену, потом снова на двоих молодых мужчин... и кивнул. – Наша Итилет в самом деле красива, очень разумна и хозяйка что надо, – проговорил он медленно. – Когда она доит козу, разводит огонь и печёт хлеб, не зная и не догадаешься, что слепая.

Слепая!

Иригойен и Волкодав, не сговариваясь, устали один на другого, и на сей раз венн увидел в глазах халисуна что-то вроде вызова. Стало быть, речь шла не о том, чтобы унаследовать виноградник, десяток овец и огород величиной со столешницу. Айсуран молилась Богине о защитнике и опоре для дочери, чья жизнь проходила в вечных потёмках. Такая проверка, способная отпугнуть корыстного или робкого человека, благородную душу лишь подстегнёт, даруя желание оказаться достойным. И сын пекаря Даари был готов к спору.

Волкодав на вызов не ответил. Он стоял с таким деревянным лицом, словно этот разговор не имел к нему ни малейшего отношения.

Когда отец Итилет отвёл от него взгляд, венн воспринял явное разочарование Кинапа не совсем безразлично, только всё это уже не имело значения, потому что его намерение в отношении негладанных попутчиков было исполнено. Он проводил их хотя и не в деревню, но, во всяком случае, к её жителям. Среди виноградарей им уж точно не грозила никакая беда. А значит, Волкодав был свободен. Он мог хоть прямо сейчас потихоньку уйти в сторону от вереницы вьючных быков.

Немного обождать за скалой... и без дальнейших задержек махнуть на прежнюю дорогу, с которой увела Айсуран. Туда, где в Дымной Долине гремят вспененные потоки и живут люди, способные направить меня дальше...

Пока Айсуран с Кинапом не решили, что их слепой дочери нужнее его свирепая сила, а не кроткое благочестие халисунца.

И пусть думают про него всё, что им угодно.

Когда слева открылась расселина, выглядывшая вполне проходимой, Волкодав придержал шаг. А потом, подгадав, чтобы в его сторону никто не смотрел, – шагнул за большой расколотый валун и покинул дорогу.

Сперва он шёл, перепрыгивая с берега на берег маленького ручейка. Скоро расселина превратилась в теснину. Пришлось лезть, то цепляясь за камни, то враспор, елозя спиной по вылизанной паводками скале. Лезть пришлось долго. К тому времени, когда, подтягиваясь и перебирая руками, венн одолел последний нависший уступ, выбрался на самый верх и сел передохнуть среди облетающих берёзок раза в два ниже тех, что росли у дороги, голоса и пение горцев сделались почти не слышны. Сборщики винограда ушли своей дорогой, прочь из его жизни.

Вот и ладно.

Волкодав огляделся. Стало ясно, что с направлением он не прогадал. Перевалить ближний хребет, вовсе не выглядывший неприступным. Потом, если повезёт, ещё вон тот и...

Он снова был один, и ему это нравилось. Это было правильно и хорошо. Так тому и следовало быть.

Нелетучий Мыш топтался у него на плече, нюхал воздух и беспокойно чирикал.

Волкодав посидел ещё немного, представляя себе, как уже нынешним вечером устроит ночлег за тем дальним хребтом. И никакая путешествующая жрица больше не будет изводить его насмешками и почему-то называть малышом. И горянка в серебряных украшениях не будет перевозносить свою единственную дочь. И сын пекаря с лицом отстиранного в щёлке

[3]

мономатанца не будет шевелить губами, улыбаясь встающей над горами луне...

Человеку не дано по произволу избавляться от воспоминаний, не то бы он уже выкинул из памяти эту никчёмную встречу. Саккарем велик и разнообразен, но деревня у края гор, где день и ночь топят гончарные печи, в нём только одна...

На полпути до гребня Волкодав понял, отчего беспокоился Мыш. И отчего у него самого поселилась в душе смутная царапающая тревога. Такую тревогу производит крохотная заноза, не осязаемая пальцами и ещё не успевшая загноиться. Разуму невдомёк, а нутро уже поняло: пора иголку искать!

Волкодав потянул носом. Ветер нёс запах гари.

Очень слабый. Едва уловимый.

Жуткий и грозный, сулящий беду.

Так пахнет вчерашнее пожарище. Успевшее остыть, начавшее раскисать под ночным дождём...

Мальчик, которого никто никогда больше не назовёт Межамировым Щенком, лежит связанный в траве. Он смотрит, как редуют последние струйки дыма над огромной кучей прогоревших углей. Это всё, что осталось от большого общинного дома, где накануне шла дружная и хлопотливая жизнь. Серые завитки восходят к низкому небу, исчезая в облаках, метущих по вершинам сосен. Наверное, это улетают души людей, которые ещё вчера ходили, смеялись, готовили праздничные наряды, месили тесто для пирогов, о чём-то спорили под уютным вековым кровом. Если скосить глаза, можно разглядеть несколько тел на земле. Вот мокрой паклей торчит седая борода прадедушки. Его ударили копьём, пригвоздив к лавке, где он столько лет рассказывал малышам сказки и выслушивал их детские горести. Много ли надо столетнему старику? Должно быть, он умер сразу. Бабушка Псица, думая, что отец только ранен, всё-таки вытащила его из горящего дома. Она и теперь обнимает его, прикрывая собой. Мальчик видит край её понёвы, бесстыдно задранной выше колен.

Другие тела мало чем отличаются от обгорелого родового столба, поваленного чужими руками в огонь. Потомки словно бы слились со своим Предком в единую плоть, в единую память.

Отцовская кузница, где больше не поют весёлые молоты, стоит за ручьём, её отсюда не рассмотреть. Мамины волосы перепутались с травой по ту сторону общинного дома. Щенок не знает, удалось ли спрятаться хоть кому-то из младших братиков и сестрёнок.

Удачливые хищники, которых ни один язык не повернётся назвать победителями, бродят среди руин. Люди, предавшие тех, кто им доверял, ворошат головни, чтобы не пропустить чего-нибудь ценного. К связанному пленнику они не подходят. Особенно тот, который накануне от его руки по терял брата.

Щенок, навсегда отвыкший скулить, лежит молча и неподвижно.

Идёт дождь...

Уверенность Волкодава, что он действительно проводил двух женщин и покалеченного мужчину в людное и благополучное место, истаяла, как снег по весне. Ветерок, между прочим, тянул примерно с той стороны, куда направлялись сборщики винограда. Венн принялся гадать про себя, что ещё могло породить страшный запах несчастья. Может, где-то неподалёку тлели под землёй залежи камня огневца?.. Волкодав заново втянул воздух. Нет. Горящий огневец тоже тошнотворно воняет, но совершенно не так.

Ноги между тем уже почти бегом несли венна вдоль того самого гребня, который он недавно собирался перевалить не оглядываясь.

Впереди торчал высокий полуразрушенный голец, называвшийся, кажется, Гнилым Зубом. Волкодав знал Большой, Средний и Южный Зубы... а теперь ещё и этот – Гнилой. Вот что получается, когда не удаётся должным образом обставить расставание с миром, который пытаешься покинуть. Оттуда непременно протянется рука. И схватит за шиворот.

Ступни венна давно уже стали нечувствительными к битому камню. Порождая на осыпях маленькие оползни, он обогнул голец – и увидел обжитое урочище, о котором рассказывала Айсуран.

Серебряные пряди ручьёв густо тянулись по скалам, слева и справа обтекая человеческое жильё. Легко брать из них чистую талую воду и нести прямо домой, не спускаясь по крутым тропам в ущелье. Работящие предки выстроили деревню так, как испокон века строят в горах. Домики тесно лепились один к другому, карабкаясь вверх по древнему, плотно слежавшемуся

крутому склону. Место было завидное. Не подберётся ни паводок, ни коварная лавина после обильного снегопада. Зато солнце, не скупясь, прогревает дворы, даже глухой зимой не покидая деревню, не прячась за нависающие вершины. А какая красота, должно быть, открывается с каждого порога солнечным утром вроде теперешнего! Куда ни глянь – величественные пики, то сверкающие серебром, то одетые в клубящиеся, сотканые из снега плащи...

Так оно наверняка и было – до вчерашнего дня. Теперь на месте половины домов виднелись развалины. Дерево в горах – материал дорогой, здесь в основном строят из камня, но даже в каменном доме находится удивительно много всего, способного гореть. Других жилищ огонь вроде бы не коснулся, однако от этого они выглядели не лучше. Двери, сорванные с петель, домашний скарб, раскиданный по дворам...

И тела. Неподвижные тела стариков и малолетних ребятишек, которых сборщики ледяных гроздьев, по обыкновению, безбоязненно оставили дома.

Их было необыкновенно отчётливо видно с дороги. Прозрачный горный воздух делает далёкое близким: на самом деле ещё идти и идти, а кажется – только протянуть руку.

Горцы, вышедшие из-за поворота, словно споткнулись, замерли и потрясённо умолкли, не в силах поверить увиденному.

В полуверсте над ними, у основания Гнилого Зуба, стоял Волкодав. И тоже смотрел на деревню.

Живой удалось обнаружить только одну старуху. Простоволосая, растерзанная, с залитым кровью лицом, несчастная бабка ползала вдоль забора, билась лбом оземь, всхлипывала и без конца бормотала:

– К роднику, к роднику, беги к роднику...

Поначалу Кинап решил, что его мать лишилась рассудка, но душа виноградаря была уже невосприимчива к этой новой боли. Он только что вытащил из-под рухнувшей кровли тело отца. Седая голова старика была сплющена в лепёшку, лицо стало неузнаваемым. Сын увидел лишь знакомую одежду и руку, плохо сросшуюся в запястье. То, что у матери с мясом вырвали из ушей серьги, выглядело наименьшим из несчастий.

Люди растерянно металась туда и сюда, плакали, пытались найти кто родителей, кто внука. Женщина голыми руками разбрасывала головни, под которыми виднелись тонкие косточки. Она выла, как собака на кладбище. Её муж, с белым застывшим лицом, силился приподнять заваленное землёй и камнями бревно. Волкодав с Иригойеном катили тележку, самую большую, какую смогли найти. Укладывали на одрину

[4]

одно тело за другим и свозили на деревенскую площадь.

– Мать Луна, – тихо повторял Иригойен. – Мать Луна...

Ещё старик. Половину лица и левую руку до костей обглодал огонь. Девочка, так и не достигшая возраста, в котором юные соплеменницы Волкодава начинали дарить бусы парням. Какой-то урлак схватил её за волосы и безжалостно швырнул наземь. Беременная красавица, найденная за ворохом переломанных корзин. Нежное лицо ещё хранило выражение детской обиды. Она просилась собирать виноград, но муж и свёкор оставили её дома, сочтя, что пеший переход по горной дороге мог ей навредить. К её ладоням прилипла мука: женщина месила тесто. Сгружая очередное тело, Волкодав заметил, как кто-то принёс из развалин кошку, задыхнувшуюся в дыму, и устроил неподвижный клубочек под рукой мёртвой хозяйки. Ряд тел на маленькой площади делался всё длиннее. Чуть позже будет выбрано место, и уцелевшие выроют в каменистой земле одну могилу на всех.

В единую плоть, в единую память...

Что могли дети и старики противопоставить трём десяткам воинов, вооружённых копьями и мечами?.. Да не простых воинов, а «золотых» из особо натасканной стражи саккаремского шата?..

Когда они явились в деревню, злые и усталые после безуспешной погони за отрядом смутьянов, жители приняли их как добрых гостей. Расстелили чистые скатерти, выложили козий сыр,

свежий хлеб, закололи баранов, предназначенных для своего пира. Ещё бы, ведь те и другие служили как-никак одному хозяину – солнцеликому Менучеру. «Золотые» охраняли его сон и покой, и, наверное, им время от времени тоже перепадало вина, рождавшегося в здешних горах. Видя подозрительность вооружённых пришельцев, мать Кинапа велела распечатать заветную дзуму и попотчевать «золотых» вином, сохранявшимся до внучкиной свадьбы. После двух седмиц впроголодь воины шада нетерпеливо рвали зубами полусырое мясо и глотали чудесное вино из больших кружек, как дешёвое кабацкое пойло.

Потом кто-то из них вознамерился отойти справить нужду... и обнаружил, что ноги стали чужими. И в ужасе заорал: «Отрави-и-или...»

Волкодав это понял частью по следам, частью со слов бабки, которой присутствие сына в какой-то мере вернуло способность думать и говорить.

– Жадность и страх, – дослушав до этого места, вздохнула мать Кендарат. – Вот всё зло этого мира.

Может, под конец расправы, уже выместив на деревне свой испуг и постыдную неудачу с бунтовщиками, шадские урлаки догадались, что на самом деле травить их никто здесь не собирался. Но это уже ничего не могло изменить.

Темноволосый подросток с рукой, застывшей на рукоятке серпа. Мальчишка пытался оборонить деда. Пастуший кобель с чужой кровью на морде. Он никогда не боялся ни разбойников, ни волков. Он и теперь не раздумывая бросился в битву, и только шестая стрела, пробившая сердце, остановила его. Мохнатого воина тоже привезли на площадь и положили к ногам убитых, чтобы почтить его верность.

Женщина с пустыми глазами ходила вдоль ряда тел, размеренно взмахивая полотенцем.

Отяжелевшие мухи неохотно поднимались в воздух – и почти сразу возобновляли свой пир.

Айсуран металась по ступенчатым улочкам и звала дочь.

– Здешняя Богиня могущественна, – с надеждой проговорил Иригойен. – А вдруг Она сотворила чудо и девушка сумела спастись? Или, может, её увели ради её красоты?..

Волкодав пожал плечами и промолчал.

Потом они завернули за угол пустого хлева, откуда уже было слышно журчание родника, и нашли Итилет.

Почему-то они сразу поняли, что это была именно Итилет.

И ещё – хорошо, что первой её увидела не Айсуран.

Длинные, густые, волнистые чёрные волосы разметались по залитым кровью камням. Девушка смотрела в небо широко распахнутыми глазами, сине-зелёными, небывалыми даже для Саккарема, где рождалось много голубоглазых. Насильники бросили покрытое синяками тело в бесстыдной, разломанной позе, но лицо почему-то осталось чистым и безмятежным, лишь поперёк горла тянулась узкая запёкшаяся полоска.

Иригойен с каким-то всхлипом рванул скатерть, которой они застелили одрину, и торопливо прикрыл посмертную наготу Итилет. Сын пекаря весь день держался так храбро, что Волкодав даже удивлялся про себя, но теперь парня затрясло. Он опустился на колени и попытался бережно поднять девушку на руки, и тогда оказалось, что голова у неё почти отсечена и держится лишь на тоненьком лоскутке плоти.

– Мать Луна, – застонал халисунец.

Волкодав нагнулся и поднял обоих. Вместе они уложили Итилет на скорбную тележку, постаравшись хоть как-то расправить исковерканные останки, и повезли на площадь.

Навстречу им, прорезая всеобщий плач, взвился страшный крик Айсуран.

И, словно в ответ, с другой стороны долины, оттуда, где змеилась по склону дорога, прозвучал рог.

Оооо-уууу, выводил рог.

Кинап, размечавший место для могилы, вздрогнул и обернулся, роняя верёвку.

Волкодав спохватился и понял, что перехватил лопату, словно копьё.

Недлинное такое копьё с тяжёлым наконечником и толстым древком. На крупного зверя.

О-у. О-у. О-уууу.

– Это мятежники, – проговорил кто-то, вновь избавив Волкодава от необходимости говорить вслух.

– Враги шада, – едва ли не впервые упустив почёт «солнцеликого», сказал другой мужчина. – Я слышал, их рога поют «Торгум, Торгум» в честь старшего Хума, замученного в мельсинской тюрьме.

Правду сказать, никакого облегчения в голосах горцев не было. Люди, ещё вчера мнившие себя в безопасности – мало ли кто с кем рассорился в далёкой столице, а вино небось любят все, – теперь готовы были ждать беду с любой стороны.

Кинап отряхнул руки и зашагал к дороге. Вечернее солнце ярко освещало полтора десятка всадников, выехавших из-за скал. Если как следует напрячь зрение, можно было рассмотреть даже маленькое знамя с изображением горного кота, распластавшегося в прыжке. Волкодав немного поразмыслил и двинулся за Кинапом. Просто на всякий случай. У горца было лицо человека, которому нечего осталось терять. Человека с таким взглядом лучше не покидать одного, особенно когда предстоит вести разговор и что-то решать. Пришибленный горем кажется потерянным и ко всему равнодушным, но это обманчивое впечатление. Нечаянное слово может стать каплей, которая сломает запруду, и человек наворотит дел.

Всадники выглядели запыхавшимися и усталыми, однако при всём том готовыми к немедленной схватке. Каждый – в кольчуге и со снаряжённым луком в налучи. Кони шли шагом, пофыркивали, тревожно нюхали воздух. Наверное, они всё поняли куда раньше и намного тоньше людей.

Кинап, сопровождаемый несколькими односельчанами, стоял у них на дороге. Он смотрел на молодого предводителя и молчал. И в самом деле, что он мог ему сказать? Благословить дорогу, которая его сюда привела? Так впору бы камнями навсегда её завалить, эту дорогу. Призвать благодатный дождь под ноги высокородному гостю?.. А стал бы этот дождь бешеным ливнем, смыл бы их всех в неворотимую сторону, что «золотых», что этих вот...

– Ты поклонился бы, козопас, – сипло, словно ему песок в горло набился, проговорил знаменосец. – А ну, пади перед комадаром!

Предводитель резко обернулся к товарищу, и тот пристыженно смолк. Названный комадаром растегнул шлем, повесил его на луку седла, спрыгнул с серой кобылы и, тяжело хромя, подошёл к горцам. Рослый, дочерна прокалённый солнцем высокогорья, он выглядел едва ли не ровесником Волкодаву, но высокое звание сидело на нём, как сшитая по мерке одежда. Ещё было видно, что он не первый день проводил в седле и в постоянной готовности к бою. Как многие знатные саккаремцы, он брил бороду и усы, но сейчас его лицо чуть не до глаз заросло щетиной, седой от въевшейся пыли.

Много ли в Саккареме таких молодых военачальников? Пожалуй, только один...

Он не стал спрашивать, что случилось в деревне и кто обидчики. И так было всё ясно. Он лишь скользнул взглядом по лицу Волкодава, ибо тот слишком уж отличался от местных, и негромко обратился к Кинапу:

– Друг мой... Мы только дадим отдых коням и сразу продолжим погоню. Скажет ли кто-нибудь, куда направлялись урлаки?

Кинап вздохнул и ответил:

– Моя мать могла что-то запомнить. Она рада будет рассказать тебе всё, что сумеет, господин Хум.

Люди комадара валились с ног от усталости, но, когда Тайлар Хум приказал всем рыть вместе с горцами могильную яму, ни один даже не заворчал. Может, потому, что предводитель, сбросив кольчугу, первым вытащил из седельной сумки складную походную лопату. Это притом, что одна нога у него еле сгибалась.

Твёрдая каменистая земля подавалась неохотно, но мужчины трудились с тем угрюмым упорством, которому мало что способно противостоять.

– А зол ты копать, – разогнувшись перевести дух, сказал Волкодаву молодой знаменосец по имени Найлик, тот, что пытался учить Кинапа почтительности. – Ты, малый, верно, нездешний? Венну не хотелось с ним разговаривать, и он промолчал. Поняв, что не дожждётся ответа, Найлик передёрнул плечами, криво усмехнулся и вновь взялся за работу.

Когда из-за плеча горы выплыла Луна, уже немного ущербная, но по-прежнему яркая настолько, что по земле протянулись тени и стали различимы цвета, – к яме с рук на руки поплыли тела, закутанные в покрывала, скатерти и ковры. Большие тела и совсем маленькие. На родине Волкодава с похоронами повременили бы до третьего дня, но здесь держались иного

обычая. Он заметил, как Тайлар Хум расправил добротный меховой плащ и постелил его на самое дно, чтобы замученным было хоть немного уютнее в их последнем жилище. Осиротевшие горянки больше не голосили, даже Айсуран, всё баюкавшая на коленях неподвижную дочь.
– Мать Луна... – неожиданно то ли простонал, то ли пропел Иригойен.
Оглянулся не только Волкодав. Слишком странно прозвучало здесь, в саккаремских горах, молитвенное пение халисунского жреца.

Мать Луна! Милосердия полон Твой лик!

Мать Луна! Отзовись на отчаянный крик!

Полно священству твердить нам о происках Тьмы:

Лучше взгляните, что люди творят над людьми!

Волкодав успел испугаться, что парню сейчас заткнут рот. Или, чего доброго, вовсе прибьют, обвинив в срамодействе над мёртвыми. Однако этого не произошло. И жители деревни, и воины мятежного комадара успели слишком многое узнать о жизни и смерти, чтобы, даже не выслушав, закидывать камнями человека, который вместе с ними отдавал последнюю честь мученикам. Ну да, он был халисунец и взывал не к Богине, а к Лунному Небу. И что с того? Среди «золотых», учинивших над деревней расправу, половина были наёмники – сегваны, нарлаки, даже мономатанцы. Но хватало и своих. Саккаремцев. Засыпавших в детстве под те же колыбельные. Обращавших молитвы к той же Богине.

Их принимали в деревне, как добрых гостей.

Платою стала резня стариков и детей.

В кровь превратились багряные струи вина...

Чем, как не кровью, искуплена будет вина?

Чёрное зло отольётся убийцам, дай срок,

Но не вернуть нам шагнувших за смертный порог...

Иригойен пел, плотно зажмурившись, по его щекам текли слёзы. Он протягивал руки к Луне. Волкодаву на миг показалось, будто он держит светильничек или свечку. Но нет, это лишь отблески лунного серебра играли на мокрых ладонях.

Юная дева доверчива к людям была.

Птицу на взлёте вот так подбивает стрела.

Веки смежила невеста, бледна и тиха...

Ей не порадовать мать, не обнять жениха!

Голос Иригойена окреп, обретая звучность и силу. Ту силу, от которой, как думают люди, даже Богам отворачиваться не с руки. Ветер, не проникавший в долину, нёс над серебряными вершинами прозрачные перья кружевных облаков. Свет луны колебался и мерцал, делаясь то ярче, то глуше...

Жизни в трудах не чурался почтенный старик.

Смерти как отдыха чаять давно он привык.

Путь свой окончить достойно и мирно хотел...

Вот он – в крови, среди груды поруганных тел.

Что же за нелюди, чья повернулась рука

Так оборвать предзакатные дни старика?

Рядом – жена, с нею прожил он семьдесят лет.

У очага их царили любовь и совет.

Мать Луна! Путеводным да будет Твой свет!..

Невесомые тени поднимались над разворошённой землёй, шествовали над скалами, над вечными снегами, над голубыми спинами ледников, – в небесную вышину, с которой улыбался им ласковый светоч....

Горестей мелких отбросив обыденный груз,

Да перейдут по мосту из серебряных бус!

Вольных грехов и невольных прости им вину.

Пусть ни единую не потревожат струну Тропки серебряной, вьющейся сквозь облака.

Пусть она будет спокойна, светла и легка.

Мы же, любуясь священным Твоим серебром,

Ныне ушедших помянем одним лишь добром...

* * *

Воинские люди умеют задавать вопросы и умеют слушать ответы. Волкодав лишний раз убедился в этом наутро, когда Тайлар Хум с Найликом взялись расспрашивать старую мать Кинапа. Он даже ощутил к молодому Найлику что-то вроде уважения. Вдвоём с предводителем они ни разу не вынудили бабку сосредоточить свою память на учинённых «золотыми» насилиях, подталкивая её внимание лишь к увиденному и услышанному ещё до попойки. Случайные имена, разрозненные обрывки речей... По ходу дела мятежный комадар с помощником лишь переглядывались и кивали один другому. Они всё больше казались венну двумя следопытами, разгадывающими запутанную цепочку следов. Сторонний человек и в толк не возьмёт, что за мелочь их привлекла: увядший листок, нарушенный мох, торчащая веточка... – а им уже ясно, что за зверь тут прошёл, и в какую сторону, и примерно где у него может быть лёжка.

Ещё Волкодав понял, что «золотые», говорившие о погоне за отрядом бунтовщиков, выдавали желаемое за действительное. На горных тропах шла безжалостная игра в кошки-мышки. Охотником в ней становился не тот, кому этого больше хотелось, а самый удачливый и сметливый.

Наконец Тайлар поблагодарил обессилевшую старуху, низко поклонился ей и отошёл прочь. – Я обещал тебе настигнуть урлаков, – потирая большую ногу, сказал он Кинапу. – Теперь, благодаря твоей почтенной матери, я сделаю это не с маленьким отрядом, а со всем своим войском. Во имя Крови и Стали! Я так и предполагал, что сюда свернула полусотня Верлаха, отправленная по наши головы новым комадаром Байшугом!

– Он, верно, думал, что бросает против нас своих лучших людей, – усмехнулся Найлик. – Хвалёные «золотые» оказались годны только убивать беззащитных!

Собравшиеся горцы молча ждали продолжения. За их спинами сухо блестели глаза женщин, на расцарапанных в знак скорби щеках запеклась кровь.

– Раз они пошли на восток, – начал вслух рассуждать Тайлар, – значит комадар покинул Лурхаб и, скорее всего, сидит в полевой ставке у озера Трон...

Мужчины начали кивать. Кое-кто из них, подобно Кинапу, ездил даже в Мельсину, но большинство не выбиралось из дому дальше верхних пастбищ и заветного виноградника. Тем не менее люди знали, что у озера Трон с давних пор ставили стяг всевозможные завоеватели. Начиная с Цурсога Разрушителя во дни Последней войны. А может, даже и Разрушитель не первым там останавливался. Просто потому, что озёрная долина была единственным на много

седмиц пути местом, пригодным для расположения войска, да ещё и лежала в самом сердце горной страны. Не зря же название озера значило «ключ».

– Байшуг неплохой воин, – проговорил Найлик. – Отваги ему не занимать. Только люди говорят, что шад возвысил его вовсе не за склонность к непроторённым путям...

– Мы возили вино достойному Иль Харзаку, – хрипло прозвучал голос Кинапа. – А потом – его никчёмному сыну. Мы думали, нет разницы, кто сидит на высоком престоле, ведь золото от этого не оборачивается опавшей листвой. Мы думали – где столица, а где наша деревня... – Он вздохнул, тяжело скрипнул зубами, сглотнул и договорил: – Ты тут клялся Кровью и Сталью... Пойдёшь отбирать Ключ у Байшуга, возьми с собой мою кровь и мою сталь...

– И мою, – поддержало сразу несколько голосов.

– И мою!

– И мою!

Вскочили даже две девушки, и матери не стали вызывать к их стыду.

– Нет, – глядя на Кинапа, зарычал Волкодав.

На звук незнакомого голоса обернулись почти все. Мать Кендарат удивлённо подняла брови.

– Ты, добрый человек, здесь сторонний... – начал было Кинап, но Волкодав упрямо мотнул головой:

– Не сули, чего не имеешь. – Слова очень трудно давались ему. – Кровь свою ты прольёшь, да. А стали у тебя нет. Ты не воин. – По его мнению, Кинап должен был уже всё понять, но тот явно не понимал, и венн, переведя дух, мрачно закончил: – Я не сторонний. Ты хотел меня для Итилета. Пусть твоя жена благословит меня мстить.

Иригойен подошёл к нему, встал рядом и поправил:

– Нас.

– Скоро зима, – словно подслушав мысли венна, проговорила Кан-Кендарат. – У тебя, Кинап, половина домов без крыш, а остальные сгорели.

– Ваше горе вызывает к отмщению, но чужеземец прав: вы сумеете только присоединиться к своим павшим у престола Богини, – сказал Тайлар Хум. – Мы, воины, нужны Саккарему лишь в дни беды, а мирные труженики будут нужны всегда... Внуки проклянут моё имя, если я отправлю на гибель тех, кого должен был защитить. Пусть с нами пойдут эти двое и ещё десяток юношей, лучше других умеющих держать в руках луки. И пусть они будут не единственными сыновьями у матерей. А ты, старейшина Кинап, замешивай известь и восстанавливай съестные припасы, пока холод не спустился с вершин.

Владыка Менучер мог назначить главным воинским начальником севера хоть Байшуга, хоть кого угодно другого, но тут стало ясно, что мятежники правильно делали, по-прежнему называя разжалованного Хума своим комадаром. Он говорил ровным голосом, негромко и очень спокойно, но у бородатых мужчин вдвое старше Тайлара как-то сразу пропало желание перечить ему. Людям свойственно чувствовать, где дарёная власть, а где настоящая.

Всё же на лице Кинапа читались неутолённая боль и скрученная узлом гордость отца и мужчины. Может, он вправду взялся бы спорить, но в это время вперёд вышла Айсуран. Иригойен с Волкодавом сразу опустили перед ней на колени.

– Матушка Айсуран, ты заново подарила мне жизнь, – сказал халисунец. – Если бы я не пригодился Итилету в женихи, я звал бы её сестрой.

Волкодав ничего не сказал, он просто наконец понял, откуда долетел к нему голос матери на той горной тропе.

Айсуран обняла их обоих, поцеловала каждого в лоб и заплакала.

И снова вилась по склону ущелья узенькая полоска дороги, зажата между двух круч: слева скалы уносились вверх, справа – вниз, туда, где гремела невидимая с дороги река. Река текла на восток, к озеру Трон. У жителя низинных болот закружилась бы голова, но по утёсам уже не сбегали ручьи, рождённые ледниковой капелью. Да и противоположный склон больше не хотелось измерять отвесными вёрстами. Воздух постепенно утрачивал хрустальную прозрачность, обретая влажную голубизну, позволяющую верней оценивать расстояния. Маленький отряд, пришедший из разорённой деревни, растворился в людском скопище. Молодые горцы, непривычные к многолюдью, слегка робели и невольно жались друг к другу. Их ещё не поставили ни в один из отрядов. Они так и шли вместе с Иригойеном, Волкодавом и матерью Кендарат, схавшей на своём ослике.

«Странствующей жрице никто не указ, кроме Богини, – сказал ей Тайлар Хум. – Но не лучше ли было бы тебе остаться, служительница милосердной Кан? Этим людям пригодится твоё слово...»

«Ты прав, я могла бы им послужить, – кивнула она. – Однако я думаю, что их лучше всяких слов исцелят отстроенные дома и супружеские объятия, призванные посрамлять смерть. А у тебя, комадар, гноится колено, и я не вижу среди твоих спутников толкового лекаря. Если так и будешь выдавливать язву, останешься без ноги...»

Волкодав, которому она уже вытащила из плеча нитки, понял, что ко времени сражения с Байшугом Тайлар успеет позабыть про нынешние боль и озноб.

– А вот скажи мне, сын пекаря Даари, – обратилась Кан-Кендарат к бодро шагавшему халисунцу. – Ты носишь с собой чашу и браслет, но всё время опираешься, когда тебя называют жрецом. А как запоёшь – в любом храме заслушались бы...

– Люди говорят, шад Менучер тоже песни слагает, – встрял проезжавший мимо Найлик. – Только не во славу Богини, а всё больше о горестях сердца.

– Наверно, наложницы стали с ним неприветливы, – отозвался другой всадник. Воины засмеялись.

– Зато его сестрица, говорят, куда как приветлива... – весело заметил Найлик.

Хохот стал пуце. Легенды о развесёлых похождениях прекрасной шаддаат ходили по всему Саккарему.

– А я слышала, Дильбэр раскрывает объятия мужчинам больше для того, чтобы досадить брату, – ровным голосом произнесла мать Кендарат. – Людям кажется, что из чресл благородного Иль Харзака произошли два очень несхожих ростка. И ещё, что именно ей следовало бы родиться мужчиной и взойти на Золотой Трон. Тогда Саккарем по-прежнему называли бы счастливой страной.

Найлик что-то проворчал и толкнул пятками коня, а жрица снова обратилась к Иригойену:

– Значит, это ты, лепёшки разделявая, выучился так петь?

– Я не... – привычно начал Иригойен. Осёкся и покраснел. – Мой прадед, переселенец из Мванааке, – сказал он затем, – выпекал булочки, которых не могли превзойти на состязаниях мастеров. Мой дед зашиб хлебной лопатой подсыла, пришедшего за тайной диких трав, дававших его пряникам непревзойдённый запах и цвет. Мой отец переехал в Гарната-кат...

Волкодава не особенно занимал этот разговор, но тут он наострил уши. Парень, родившийся в халисунской столице, мог оказаться небесполезен.

– ...И угостил сборщиков податей маковыми кренделями, после чего те предложили заплатить за него из своих кошельков, только чтобы он иногда присылал им кренделей. Вот таков, госпожа, род Даари, в котором навряд ли будут гордиться нынешним сыном. Меня учили выбирать нужное масло и сохранять дрожжи, а я, нерадивый, рвался только петь славу Лунному Небу. Я мечтал надеть синее облачение, расшитое серебром...

– Кое-кто сказал бы на это, что слагать гимны можно и у печи, – покачала седой головой мать Кендарат. – А служение усматривать в том, чтобы люди не уходили с твоего порога голодными. Я видела разные народы, и, кажется, только островные сегваны не считают рождение хлеба святым делом, но и то потому лишь, что вместо хлеба у них в ходу ячменное пиво. Зачем тебе понадобилось идти поперёк обычая своей семьи и бросать такой благой промысел?

– Я пытался, – смиренно опустил глаза Иригойен. – Но ты же согласишься, почтенная, что сделаться настоящим мастером и оставить свой след можно только в том ремесле, которому безраздельно посвятишь душу. Мой прадед едва по миру не пошёл, но сложил печи из особого камня, не выпускающего тепло из горнила. И я сам помню, как дед целый год обхаживал галирадского купца, только чтобы тот привёз ему тамошних пряничных досок с изображением диковинных рыб.

Волкодав чуть не фыркнул. Диковинные рыбы были всего-навсего осетрами. Галирадцы вырезали их на липовых досках, что поставляли им венны.

– Мой отец, – продолжал Иригойен, – вскакивал среди ночи, зажигал свечу и принимался рисовать столы с поддонами для битого льда. А потом неделю ругался с камнерезами и поил их вином, чтобы они сделали ему обычную скалку, только гранитную, да выгладили хорошенько. С этой скалкой он три дня не отходил от новых столов, не ел и не спал, так что мать страшилась за его рассудок... но на четвёртое утро испёк слоёные пирожки, которыми самому государю не грех было поклониться.

Волкодав живо представил себе запах и вкус тех пирожков, и в животе заурчало. – Я был тогда мал годами, но помню, как светились у него глаза, – вздохнул Иригойен. – Я чувствовал, что должен пробудить такой же свет в себе самом, но не мог. Меня не называли ни лентяем, ни неумехой, я обещал стать неплохим хлебопёком, но не вдохновенным мастером, как мои предки, а всего лишь тенью в череде пекарей Даари. В нашем промысле мне был отмерен предел, и я понимал, что всю жизнь буду биться об этот предел. Словно курица, вздумавшая летать. А в жреческом деле я не чувствовал над собой непреодолимого свода. Я хотел летать, как они...

И халисунец, задрав голову, посмотрел в синюю бездну, где за облаками скользили тени орлов. Волкодав задумался о смысле его речей. К Межамиру Снегирию приезжали за месяц пути, чтобы заказать то узорные светцы для палат, то хитрые замки для купеческих сундуков, а когда и воинский меч. И вот в кузнице поднимался дым коромыслом, словно там махал молотом сам Бог Грозы, и задорно гудел голос отца, и было весело и жутковато, и захватывало дух от близости тайн, и мама только поспевала кормить мужа с помощниками, и вся деревенская ребятня липла к кузнице – не отгонишь! И русоголовый мальчонка гордо подавал то напильник, то клещи, и мастерил в углу что-то своё, и уворачивался от маминых рук с полотенцем, потому что сажу на щеках казалась ему святым знаком причастности, как клеймо с лапой Предка в день Посвящения. И Межамир тоже не называл своего старшего Щенка ни лодырем, ни белоручкой... Только это было давно. Волкодав по сию пору мог столкнуться с любым замком и запором, мог, как отец, завязать узлом и наново распрямить кочергу... Но и всё. Он знал, что уже не встанет к наковальне и его молот не отзовется отцовскому, умолкшему навсегда. Не запоёт тайных песен, требующих, как и звон угольков в пекарной печи, особого слуха...

А ещё у нас обитал в общинном доме пришлый человек, дедушка Астин Дволфир. Только это было не имя его, а прозвище, означавшее просто «Ученик Близнцов». Он был жрецом, славившим Богов своей веры...

– У Праведных Небес свой замысел на каждого человека, – разогнал его мысли голос матери Кендарат. – Я вот с юности жила во славу Кан Милосердной и мечтала утверждать Её правду посохом странствий, выискивая среди далёких племён крылатые души, способные воспарить к истине. Однако мой народ верит, что путешествовать до конца дней можно лишь после того, как поставишь на ноги внуков. Раньше этот закон казался мне тягостной цепью, но с годами я поняла: сперва отдай долги родившим тебя, наживи собственной мудрости и сумеешь не растерять жара в душе, а без этого нечего и в дорогу пускаться. Может, и у вас есть обычай, требующий сперва утвердить себя в жизни и в каком-нибудь мирском промысле?

Иригойен подумал и ответил:

– Если верить ветхим книгам, что я однажды нашёл на чердаке храма, нечто подобное водилось у нас задолго до падения Камня. Тогда мы кочевали в степи, находя дорогу по звёздам. Как я понял, в то время избранниками Лунного Неба признавались бодрые разумом старики, уже завершившие дневные дела и вознаграждённые любовью людей. Потом первые шулхады стали строить по берегам Гарнаты города и богатые храмы. Тогда людям явил себя учитель веры, достигший старческого совершенства уже в молодые годы. Его звали Сэднику... позже это имя стало у нас нарицательным для жреца. Говорят, дикие птицы клевали крошки у него прямо из рук. Он никогда не обнимал женщину, потому что женщина ничего не могла добавить к его совершенству, и его мудрость не была плодом, вызревшим на ветке долгой жизни: его устами с младенчества вещало Лунное Небо. Удивительно ли, что Сэднику сперва взашей выгоняли из храмов, а потом начали ему подражать, и этот обычай держался до эпохи холода и отчаяния. Теперь сыновья жрецов всего чаще служат в храмах вместе с отцами, после чего занимают их место, ведь они наследники тех, что когда-то становились для людей кострами в ночи. Мать Кендарат слезла с ослика и повела его в поводу, чтобы размять ноги.

– В молодости я могла шагать сутками напролёт... А теперь! – пожаловалась она. – Что бы я только делала без тебя, Серый!

Мягкая мордочка тотчас ткнулась ей в ладонь.

Счастлив тот, чей питомец так доверчиво ищет хозяйскую руку, подумалось Волкодаву.

Божья странница между тем всё не отставала от халисунца:

– Так тебя отправили обратно к хлебным печам из-за того, что ты не сын жреца?

– Нет, конечно. – Иригойен грустно улыбнулся. – Мой отец в конце концов согласился меня отпустить, видя, что я слагаю гимны всё-таки охотнее, чем пеку винные бабы. Он даже дал мне денег, потому что никто не может стать учеником жреца, не пожертвовав на украшение храма... – Молодой халисунец вздохнул, помолчал и продолжил: – Я со всех ног побежал к своему сэднику, держа в руках кошелёк, но судьбе было угодно, чтобы кратчайший путь к храму пролёг через невольничий торг. Там как раз приковывали к общей цепи рабов, купленных в Самоцветные горы. Хозяин каравана бывал у нас в доме, и я подошёл к нему поздороваться. Почтенный Ксоо как раз беседовал с двоими чужестранцами в выцветших походных одеждах: правый рукав красный, левый – зелёный. Они хотели идти вместе с караваном, под защитой вооружённых надсмотрщиков. «Мы творим подвиг ради Богов», – сказал один из них. «Мы ищем единоверцев», – сказал второй. – И выкупаем их из неволи». – «Да чем же вы заплатите хозяевам рудников?» – рассмеялся торговец. – У них в сокровищнице рубины побольше ваших голов и каменные деревья, сочащиеся янтарём...» Что ответили ему чужестранцы, я уже не слышал, потому что кругом меня всё расплылось, как ватрушка в непрогретой печи. Я впервые подумал, что в Самоцветных горах надрываются и гибнут чтящие Лунное Небо. А в нашем храме весь свод выложен был синими плитками, и каждая стоила больше, чем отцу удавалось выручить за день. И между плитками сияли звёзды, выполненные из самого чистого серебра, Луну же представлял золотой диск, ценный не столько золотом, сколько дивной чеканкой, запечатлевшей каждую крапинку и морщинку Её лика...

– Самоцветные горы воистину называют язвой и посрамлением этого мира, – тихо проговорила мать Кендарат. – Людей затягивает туда, как в бездонную прорву, на муки и смерть. Многим кажется, что лучше сразу на виселицу, чем попасть в такой караван.

Волкодав молча смотрел себе под ноги. Лицо у него было деревянное.

– В тот день я до храма так и не дошёл, – сказал Иригойен. – Я вспоминал отчаяние в глазах кандалников, и священство, к которому я так стремился примкнуть, всё больше казалось мне ленивым, сытым и самодовольным. Как они не поймут, что Мать с радостью продаст несколько бусин со Своего платья, дабы спасти сыновей? Я стал пропадать на торгу, разведывая, сколько стоят рабы и слышал ли кто-то о выкупленных. Потом набрался духу и обратился к учителям... – Могу себе представить... – пробормотала мать Кен дарат.

Иригойен кивнул:

– Ты всё верно поняла, госпожа. Мне сказали: грех роптать на звёздные свитки, испещрённые непостижимыми письменами судеб. Уж не вздумал ли ты печься о правнуках тех, кого некогда повергло оружие Халисуна? И потом, сэднику не распоряжаются храмовыми сокровищами, они лишь хранят их по воле дарителей, будь то бедная вдова или полководец, взявший добычу. Если эти богатства и будут однажды пущены в оборот, то по знамению Лунного Неба, а не по воле дурного юнца, возжелавшего себе славы.

Переспорить жреца,

подумал Волкодав. Когда речь шла о безнадёжной затее, сэгваны предлагали вычерпать море, венны – натаскать воды решетом, арранты – переспорить жреца.

– Но когда я вышел оттуда, чувствуя себя циновкой на пороге отхожего места, – продолжал Иригойен, – ко мне подошла женщина с медной серьгой домашней рабыни. «У меня есть сын, добрый мальчик, никому не делавший зла, – сказала она. – Нашему милостивому господину было угодно продать его в рудники, куда отправляют разбойников и убийц. Вот, я скопила немного денег, не знаю, хватит ли их...» Я добавил её горстку монет к тем, что дал мне отец, но заплатить караванщику не смог всё равно. Тогда я пошёл сам по себе. – Иригойен покаянно развёл руками и улыбнулся. – Когда подоспели разбойники, отнимать у меня было почти нечего.

Волкодаву сразу захотелось узнать имя сына рабыни, проданного в халисунской столице, но он не знал, как об этом спросить, и так ничего и не сказал. Ладно, успеется. Битва, в которой его или Иригойена вполне могут убить, произойдёт ещё не сегодня.

Волкодав почти уже решил, что Тайлар Хум, занятый делами целого войска, подзабыл о десятке деревенских стрелков, однако ошибся. У справного полководца вся рать действует как единое тело. Правая рука, левая рука, ноги, уши, глаза. И сердце, знающее, где сейчас каждый его палец. И на что этот палец способен.

До озера Трон оставалось два дневных перехода. Волкодав кормил Мыша остатками хлеба, когда к матери Кендарат, седлавшей своего ослика, подбежал гонец.

– Госпожа, – поклонился он женщине. – Вот слово комадара. Он хочет, чтобы ты встала среди лекарей и возвращала в свиток жизни имена тех, кого поразит оружие недругов.

Все гонцы у Тайлара были одинаковые, как братья. Невысокие, очень смуглые, жилистые и в неизменных ярко-красных рубашках. Чем и кому досадил маленький захоластный народец имури, никто толком не знал, но прежний, ещё до Хума, северный комадар лет десять вёл сущую охоту на быстроногое племя. Темнокожих горцев выслеживали и убивали, как диких зверей. Тайлар, вступив в должность, сразу прекратил облавы и самолично перевешал особо рьяных любителей украшать конскую сбрую ярко-красными ключьями. За это благодарные имури стали его вестниками. Злые языки утверждали, что почти чёрной кожей и своеобразным языком наградили своих потомков отряд находников-меорэ, двести лет назад заблудившийся в диких горах. Имури обижались и доказывали, будто, наоборот, хранят самую древнюю кровь среди всех племён Саккарема. Они держали только вьючных лошадок и считали для себя ззорным садиться в седло, зато играючи пробегали по пятьдесят вёрст. А если требовалось, могли не останавливаться двое суток. Волкодав, пожалуй, тоже так смог бы, только под конец он, скорее всего, от изнеможения и не вспомнил бы, зачем его посылали. Имури не забывали ничего. И никогда.

– И продолжением твоих рук пусть станет сын Даари из Халисуна, – добавил гонец.

– Я... – начал было Иригойен, но поймал взгляд венна, покраснел и умолк.

Он просил у Айсуран благословения для мести и хотел в бой. Ну да, много пользы было бы от него в боевом строю. Примерно как против тех урлаков на горной тропе.

– Десять стрелков из деревни мучеников пусть найдут сотника Горных Призраков по имени Росомаха.

Молодые горцы, напряжённо ожидавшие слова комадара, оживились, стали шушукаться, кто-то заулыбался. Все знали Росомаху. И его ползунов по скалам, незримо и беззвучно возникавших за спиной у врага. Когда их называли героями, Призраки отшучивались и говорили, что завидуют мужеству обычных копейщиков, ведь в начале битвы те первыми встречают удар.

Босоногий вестник огляделся по сторонам. Между прочим, он был совершенно седым, а лицо покрывала густая сетка морщин, но в худом теле жила юношеская лёгкость. По обычаю своего народа он не носил штанов, лишь набедренную повязку. Белую и на удивление чистую.

– Человек с севера пусть получит копьё у Фербака, сотника правой руки.

Добродушно верзилу Фербака, бывшего землепашца, тоже знало всё войско. Волкодав кивнул, посадил Нелетучего Мыша на плечо и поднялся.

Имури уже скользил прочь семящей, обманчивонеторопливой рысцой. Венн смотрел ему вслед, гадая про себя, на что Тайлар Хум позволяет своим гонцам бегать в таких заметных рубашках. На что, если уж так рассуждать, имури, годами вынужденные скрываться, вообще их носят.

– Спасибо хоть не к тыльникам, лепёшки печь... – криво улыбаясь, вздохнул Иригойен.

– И что? – прищурилась Кан-Кендарат. – Много ратники навоюют, если тыльники лепёшек с гороховой похлёбкой не наготовят?

Коли во всём полагаешься на себя, иди к цели один и будь сам себе головой. А прибился к войску – и о том, править тебе боевой колесницей или колёса для неё чинить, оставь решать воеводам. В одиночку Иригойен уже повоевал.

Ещё Волкодав не отказался бы спросить бегуна, верно ли бают люди, что его народ ведут женщины. Но имури был уже далеко.

Ни в одном языке, известном Волкодаву, слово «ключ» не звучало величественно и красиво. Да с чего бы, если подумать? Ключ небось не стол и не ложка, изначально важные в человеческой судьбе. Люди придумали ключи, когда настала пора запирать от чужой жадности двери и сундуки. И названием стало простое слово, обиходное и обыденное. В одних языках – звонкое, в других скрипучее. Несущее отзвук негромкого металлического щелчка. Саккаремский «трон»

стоял сам по себе. Гудящий зов рога, слившийся с собственным эхом, чуть искажённым высокими скальными стенами. Гордый, торжественный и тревожный. Увлекающий душу к чему-то светлому и большому, прочь от мелких дрызг и обид этого мира...

Вода в озере Трон была бирюзовая. Горы вокруг казались царями былых времён, сошедшимися на совет. Изумрудные плащи и золотые короны, сквозь которые проглядывали седые макушки. Роскошные мантии были затканы зеленью уже не кустарниковых, а красных высокоствольных лесов. Среди валунов, спеша к озеру, вели нескончаемую беседу речушки.

В долине было тепло. Конечно, не так, как на равнинах, но дыхание зимы, кутавшей в белые одеяла один перевал за другим, сюда ещё не добралось. И было не так уж трудно понять, о чём грустили, стоя над озером, цари-великаны. Если Волкодав что-нибудь понимал, здесь уже могли плодоносить яблони и орешник. На бирюзовой воде легко было представить лодки, а за лукой дальнего берега, вдоль речки, – деревню с водяной мельницей. Уходит за холмы солнце, над тихой гладью далеко разносятся песни, детский смех, рокот неторопливых жерновов. И конечно, удары кузнечного молота...

Беда только, в долине Трона люди никогда не селились. Они тут сражались и умирали. Вот и сегодня на том берегу шумел, дымил и стучал молотками вражеский лагерь. Ставка комадара Байшуга. Там готовили ужин такие же саккаремцы, как те, которых привёл с собой младший Хум.

Волкодаву дали копьё с толстым древком и длинным, тяжёлым остриём, – для ближнего боя. Металл наконечника, по мнению венна, мог быть и получше, но выбирать не приходилось.

Бери, что дают, да поблагодарить не забудь. Где же напасть доброй стали на целое войско, притом ещё и мятежное, собиравшееся на ходу!.. Древком служил рябиновый ствол, плохо окорённый и не очень прямой. Ничего: на одну схватку и такого хватит. Как и самого ратника, прихотью случайных ветров занесённого в войско опального комадара.

Волкодав украдкой ощупал нательный пояс, сохранявшийся под одеждой. Там, в наглухо зашитом кармашке, лежало самое ценное и святое, что у него было. Оставить при себе? Отдать матери Кендарат? А толку, если доведётся погибнуть?..

Щита у него не было. Весь день он с другими пешцами рыл ловчие ямы и таскал мешки с землёй, возводя укрытия для стрелков, и лишь в сумерках отправился к озёрному берегу, заросшему густым ивняком. Как всякий правильный венн, он умел плести корзины, хотя настоящего мастерства в этом деле и не достиг. Выбрав куст с самыми узкими листьями, Волкодав мысленно повинулся перед ним и вытащил нож, прикидывая про себя, какой изгиб должен быть у щита, чтобы легче соскальзывали и меч, и топор.

Когда он для пробы связал верёвкой концы продольных жердинок, к нему подошёл Иригойен. – Друг мой, – удивился халисунец, – ты решил сделать лук?..

Волкодав мельком посмотрел на него и ничего не сказал. Всё равно без толку что-то объяснять несостоявшемуся жрецу, никогда не державшему в руках боевого лука. Иригойен вздохнул, сел на камень и стал смотреть, как венн, сняв верёвку, пробивает концом ножа щели в толстых прутьях и протаскивает сквозь них чуть подтёсанные поперечины.

У него самого в ладони вьелось что-то зеленоватобурое.

– А я травы собирал, – сообщил он Волкодаву. – Мать Кендарат позволила остаться только троим прежним лекарям, а прочих выгнала палкой и запретила показываться на глаза. Потом велела мне созвать лагерных девок... ну, тех... Показала нам травы и мхи и послала кого на луг, кого в болото, да чтобы дёргали только корни и самые сочные молодые ростки, ведь сейчас осень. Когда мы вернулись, она грозила проклятием повару комадара, потому что он не хотел отдавать ей топлёное масло и половину вина.

Волкодав успел решить, что Иригойен жалуется ему на свою тяжкую долю, но тот вдруг рассмеялся:

– Только как бы повар не проклял её саму, когда увидит, во что она превратила его лучшую деревянную ступу. Теперь ещё месяц все подливы будут кровохлёбкой и сабельником отдавать. Волкодав не припоминал, чтобы Кан-Кендарат назначали старшей над лекарями. Что ж, переставший хромать Тайлар вполне мог дать ей полную волю в деле, которое она так хорошо знала. Потом венн представил себе целомудренного служителя Лунного Неба по пояс в болоте, в окружении шлюх, высоко подоткнувших мокрые подолы, и ему стало смешно. Тем не менее маленькая женщина, похоже, свернула настоящую гору. Отняла небось, кроме ступы, у повара

ещё и самый большой котёл – и наварила в нём зелий. Не таких изошрённых, как тот чудо-порошок, но зато на всех хватит.

– Другие донимали бы комадара жалобами на бездарных помощников и нехватку снадобий, а она лишь огляделась и посмотрела, что у неё под руками, – с тихим восхищением проговорил Иригойен. – Она сказала мне: кто хочет что-то сделать, тот делает. А кто не хочет, придумывает отговорки.

Волкодав согнул вместе концы двух длинных лозин и стал заплетать остов щита вицей, скручивая хлысты «верёвочкой»: так будет прочнее. Между прочим, толочь овощи на подливу в испорченной ступе повару предстояло, только если завтра будет победа. Иригойен же говорил о его страданиях как о деле решённом. Знак какой прочёл на лице Луны? Или просто по чистоте сердца?.. Волкодав не стал спрашивать.

Как и об имени сына невольницы, перед которой Иригойен теперь боялся предстать. Потому что это, по сути, не имело никакого значения.

Когда-то венны тоже воевали между собой. Очень давно, когда они только осваивали доставшиеся им земли. Если охотники замечали в лесу следы чужаков, они старались выведать, откуда те явились. И спустя несколько дней в чужие ворота стучалась вооружённая ватага. Жители выходили навстречу. Ватажники всячески старались устроить их, показывая, чего стоят. Хвалились меткостью стрельбы, плясали без усталости, голыми руками гнули железо. И сказители возглаляли пальцы на струны, прославляя доблесть родовичей.

Жители отвечали как могли, в свой черёд запугивая пришлецов.

Если силы оказывались равны, вернувшиеся ватажники в восторге рассказывали домашним, что за чашами, за большими озёрами у них появились крепкие друзья. Можно ладить ярмарку, можно присматривать невест подросткам парням!

Если у кого-то всё же холодела душа, один род поглощал другой. Принимал слабых в себя, чтобы не сгнули без присмотра. Поэтому не каждый изначальный род сберёт своё имя. Зато все про всех знали, кто где живёт. И от кого чего ждать.

Соседи-сольвенны ещё помнили предков, но отеческие заветы не чтити. У них появились боевые вожди – кнесы – и дружины при них. Эти дружины сходились помериться молодечеством, постучать топориками о шлемы. Но и они стремились не уничтожить друг дружку, а лишь выяснить, кто сильнее, кому быть кнесом, а кому – боярами при нём. Их воинские деяния оставались службой грозным Богам, и Боги творили Свой суд, вознаграждая доблесть и честь.

И только когда сегванам совсем не стало житья на родных Островах и вожди повели племя за племенем на матёрую сушу, которую морской народ называл просто Берегом и которую давно уже поделили между собой другие народы, – только тогда ратное дело наполнилось бесславным стремлением убить, истребить, вырезать врагов под корень. Теперь, стоя против вражеской рати, уже не ждали, пока там подвяжут бороды и зашнуруют доспехи. Победу в бою отныне выгрызали зубами, не разбирая средств и не думая о цене. Могли напасть ночью, сзади, врасплох. Могли поклясться в дружбе – и всадить в спину клинок.

Так обстояло дело в северных краях, по ту сторону гор. Саккарем был древней, богатой и просвещённой страной. Здесь о воинской Правде забыли уже пятьсот лет назад.

Комадар Байшуг, кажется, собирался не битву творить, а, скорее, выпороть непокорных. Он решил обойтись без зачина единоборством. Много чести для бунтовщиков, преступивших долг верности шаду. Урлакам поединка не предлагают. Их вешают без суда и долгого разбирательства.

Когда пропела труба, Волкодав повесил щит на левую руку и стал смотреть, как надвигается с той стороны поля передовой полк.

Пешцы Байшуга выглядели внушительно и грозно. Все – в кожаных доспехах и шлемах. Самые передовые – ещё и при железных нагрудниках. Когда уже можно будет различить черты лиц, из-за их спин с жужжанием взвоятся дротики, слетевшие с копьёметалок [5]

. Тогда передовые опустят копыя и побегут, и холмы содрогнутся от грозного многоголосого рёва «За шада!», рвущегося из перекошенных ртов.

Страшно стоять и смотреть, как на тебя катится такая лавина. Страшно ждать удара, всеокрушающего и неотвратимого: ведь на одном из этих копий, кинжалов, кривых ножей может быть незримо начертано твоё имя.

И вот ты уже чувствуешь себя травинкой росного луга, где взмахивают свистящими клинками косцы. И как ни укрепляй сердце, а взгляд нет-нет да и метнётся в сторону – куда бы сбежать. Это не трусость, а нутряной голос жизни, знать не знающей, во имя чего зовёт воинов боевая труба.

Потом Волкодав попытался представить на месте ратников шада комесов Людоеда. Вот от этих нам могла бы приключиться беда... НАМ! Что, мятежное войско для меня уже стало своим?..

– Зверюшку-то зачем принёс на погибель... – попрекнул венна товарищ по строю, стоявший слева. – Хоть у кашеваров оставил бы!

Голос у парня не то чтобы дрожал, но звучал немного неверно.

Не на погибель,
мог бы сказать ему Волкодав.
Кто в бой идёт за погибелью, тот её только и находит, а мы пришли за победой.
Однако разговоры заводить было некогда. Поэтому он лишь улыбнулся. Нос у него был перебит, во рту не хватало переднего зуба. Зато по сторонам резко выделялись клыки.
Строевой
[6]
улыбнулся в ответ и, кажется, немного приободрился.

Волкодав смотрел на приближавшееся Байшугово воинство и мысленно прикидывал, где труба поднимет наступающих в бег. Ещё его занимало, здесь ли «золотые» из отряда Верлаха. А куда им деваться, конечно, они были здесь. Только небось не в первых рядах, а где-нибудь у шатра комадара.

Ничего... Доберёмся и до шатра...

Мыш топтался у него на плече и временами недовольно шипел. Перед боем Волкодав расплёл и тщательно расчесал волосы. Цепляться за них, как привык пещерный летун, сразу стало неудобно.

Восемьдесят шагов... Семьдесят девять...

Совсем рядом с ним кто-то лихо, с переливами свистнул, точно голубей в полёт посыпал, а потом во всё горло запел:

Сестрёнка у шада собой хороша.

Такую увидишь, сомлеет душа!

Её не насытит один удалец,

Так сказывал нам шо-ситайнский купец...

Люди стали смеяться. Сразу несколько десятков голосов подхватили разбойный припев:

А если не веришь – пойд и проверь!

Тебя не прогонит красотка Дильбэр!

Ратники Байшуга приближались. Волкодав почувствовал, как вспотела рука на копье, и поудобнее перехватил древко.

– Ты его держишь, как мономатанец, – удивился сосед.

И пальцами можно обнять её стан,

Так сказывал нам белобрысый сегван.

В пупке у неё золотое кольцо,

Так сказывал нам Ученик Близнецов! —

гремело над полем.

Блестящие волосы – гуще, чем пух:

Так сказывал нам халисунский пастух.

А грудь – что вершины кочующих дюн,

Так сказывал нам чернокожий колдун!

Сорок шесть... Сорок пять...

Роскошные плечи – нежнее, чем шёлк,

В том клялся весь пятый наёмничий полк!

Тридцать девять...

А если не веришь – пойд и проверь!

Тебя не прогонит красотка Дильбэр!

Какой-то неприятельский сотник закричал своим людям и первым сорвался на бег. После победы его назовут героем, не стерпевшим, чтобы всякая чернь смрадила

[7]

венценосную шаддаат. Надвигавшийся строй сломался и сразу стал гораздо менее страшным. Слитная лавина превратилась в скопище самых обычных людей, уже взопревших в тяжёлой воинской сбруе. Людей смертных и уязвимых.

Это сразу доказали пращники Тайлара, выскочившие из кустов у края болота.

В ответ полетели неприятельские сулицы

[8]

, но опять без команды и редким дождиком вместо смертоносного ливня.

Улыбнётся ли Дильбэр, когда ей расскажут, что песня о её красоте отняла преимущество у войска презренного брата?

Отряд, где стоял Волкодав, тоже непроизвольно заволновался, приподнял колочую щетину копий, но Фербак вовремя рывкнул на подчинённых, призывая к готовности.

Потом с холма позади них прокричала труба.

Пешцы Фербака тут же сделали по несколько шагов каждый – одни в сторону, другие назад, третьи вперёд. Волкодав едва не замешкался, но вовремя вспомнил, кто должен был оказаться у него справа и слева, и торопливо занял нужное место.

Вместо ровного строя перед набегавшими ратниками Байшуга явил себя острый клин. Задние, вооружённые более длинными копьями, утвердили их на плечи передним – поди подступись!

Но вражеских передовых подпирало сзади всё войско, и подступиться пришлось.

Кто-то вбежал в объятия смерти с бешеным криком, выставив перед собой копьё. Кто-то отчаянно пытался остановиться – и не сумел. Волкодав близко увидел сумасшедшие глаза, но не запомнил их цвета. Его рогатина вдвинулась в кожаный доспех как раз под нагрудником. Он сбросил начавшее оседать тело, и в холодном утреннем воздухе от лезвия повалил пар.

Можно бить колуном по полену. А можно – поленом по колуну. Итог будет один: полено расколется.

Пешая рать комадара Байшуга стала неотвратимо распадаться на две неравные части. Одну постепенно разворачивало к прибрежному болоту, навстречу засевшим там пращникам. Другая двигалась в сторону ловчих ям, прикрытых дерниной.

Думай теперь, возвеличенный шадом военачальник, куда посылать конницу!

Клин копейщиков – Тайларова придумка – покачивался, топтался, рычал, терял людей, истекал кровью, но держался. Стоял.

Стоял!

Волкодав прикрывал кого-то ободраным, но ещё годным в дело щитом. И замечал краем глаза, как строевые отводили удары от него самого. На нём уже точилось кровью несколько ран, он даже толком не заметил, когда их получил.

Лютая резня не затягивается надолго, потому что у человеческой души есть предел. Изначальный напор воинов шادا постепенно иссяк, а потом они и вовсе откатнулись назад. Их старшины примеривались к наметившейся неудаче, прикидывали, как выправить дело. Волкодав огляделся и заметил ярко-красное пятнышко, мелькавшее в редколесье. Вестник имури. Венн в жизни своей не видал, чтобы человек бежал с такой быстротой. Мгновением позже он различил двоих всадников, преследовавших бегуна. Они нахлестывали резвых саккаремских коней, но перехватить имури, петлявшего среди сосенок, никак не могли. Волкодав поднял с земли копьёметалку, приладил к ней сулицу – и метнул. Всякий веннский мальчишка пользуется металкой, пока не войдёт в силу для отцовского лука. С первого раза чужое оружие не вполне покорилося ему, но вторая сулица вынесла передового всадника из седла. Его товарища отогнали пращники. Красное пятнышко продолжало мелькать среди деревьев, но гораздо медленней прежнего.

Выбравшись на открытое место, имури свернул в сторону клина. Воины сразу заметили, каким неуклюжим стал прежде летучий шаг бегуна.

– Ты и ты! – рывкнул Фербак. – За ним!

Волкодав и его строевой сорвались с места. На полдороге венн понял, что к ним пыталась добежать женщина. И силы у неё были уже на исходе. Оказавшись рядом, Волкодав подхватил вестницу на руки. Её некогда белая набедренная повязка набрякла кровью из раны в спине, над коленом торчала обломанная стрела. Чутьё на опасность заставило Волкодава прыгнуть в сторону, и весьма вовремя. Там, где он только что стоял, ткнулся в землю очередной дротик. Венн помчался назад, под прикрытие клина, шарахаясь из стороны в сторону, чтобы метатели не могли взять верный прицел.

– Я умру, – узнав склонившегося к ней Фербака, спокойно выговорила имури. Щёки у неё были пепельно-серыми вместо смуглых, на губах пузырилась кровь. – Скажи Хуму: шад иррт...

– Уймись, женщина! – перебил сотник, закручивая на точёном бедре бегуньи ремённый жгут. – Твоя весть не для наших ушей! – И вскинул глаза на Волкодава: – Живо к комадару её!

Венн поудобнее перехватил вестницу, поднялся на ноги и побежал, стараясь держаться кустов. Самодельный щит висел за плечами: какая-никакая, а всё оборона от случайной стрелы. Он слышал, как сзади возобновилось сражение. Ещё шаг и ещё. Потом всё то же чутьё, некогда помогавшее уворачиваться от обвалов, бросило венна на колени. Он согнулся, прикрывая собой худенькую вестницу. Тотчас же его будто обухом огрели по рёбрам. Наконечник, искавший человеческой плоти, косо рванул плетёнку и застрял, растеряв силу. Всё же не зря когда-то Межамиров Щенок целую осень ломал пальцы, пытаясь повторить корзину, купленную у Лосей. Без щита он сейчас заливался бы кровью, гадая, сможет ли подняться.

– Скажи Хуму... – опять начала вестница, но Волкодав вскочил и бросился дальше, и она умолкла, закусив губы.

Она была совсем не тяжела у него на руках. Рану под лопаткой заткнули комочком промасленной шерсти, но сколько крови успело вытечь из разорванных жил?.. Венн катился кувырком, прятался за скалами и перепрыгивал валуны. Он подоспел только похоронить Итилет, но бегунья имури ещё цеплялась за его плечо, он слышал, как свистело её дыхание, и мчался так, словно от этого зависело, будет ли деревня мучеников по-прежнему зваться деревней виноделов.

Потом вражеские стрелы перестали биться рядом о камни. Волкодав понёсся во всю прыть, больше не прячась. Вверх, вверх по склону холма. Рядом со стягом комадара уж верно сыщется лекарь...

Серая кобыла беспокойно плясала, отзываясь на запахи ярости, страха и крови, на глухой гул сражения, доносившийся снизу. Алая рубашка имури без задержки провела Волкодава мимо бдительной стражи. Заметив её, Тайлар заорал «Лекаря сюда!» и спрыгнул с седла, чтобы взять в ладони клонившуюся голову вестницы.

– Ты добежала, сестра!

– Шад иррт сайчел нардари конис

[9]

, – внятно, ясным голосом выговорила бегунья.

Её рука, цеплявшаяся за локоть Волкодава, обмякла и повисла бы, но пальцы, измазанные в крови, успели прилипнуть. Она закрыла глаза. Весть, едва не стоившая жизни придворной рабыне, которую, застукав у дверей, неминуемо отдали бы страже, а потом ещё живую насадили на кол, весть, мчавшаяся через весь Саккарем из уст в уста, потому что доверить её чернилам было слишком опасно, весть, оплаченная кровью быстроногой бегуньи, – эта весть наконец достигла нужных ушей. Всё было сделано на земле.

К тому времени, когда Волкодав вернулся к озёрному берегу и начал искать свою сотню, клин, расколовший пеший порядок Байшуговой рати, уже выполнил назначенный урок [10] и распался. Оба комадара успели выпустить конницу, но боевая удача сегодня была на стороне Тайлара. Клич «За шада!» ещё звучал над озером Трон, но рога, выпевавшие «Торгум, Торгум» и грозное многоголосое «Хум! Хум!», всё уверенней заглушали его.

Копьё Волкодава так и торчало там, где он оставил его. Никому не понадобилось. Вени выдернул его из земли и побежал следом за наступающей ратью. Если Бог Грозы надумает хоть мельком взглянуть на эту долину, не все люди Верлаха будут убиты или, по обычаю насильников и убийц, успеют удрать. Останутся хоть двое-трое и ему на поживу. Волкодав не очень представлял себе, каким образом отличит душегубов, но почему-то не сомневался – сумеет. Должна же быть какая-то справедливость на свете. А иначе и жить незачем.

Заметив сотника Фербака, Волкодав понял, что Божья Правда не совсем оставила этот мир. Собрав своих ратников в сплочённый кулак, бывший пахарь прорубался прямо к шатру полководца. Этот шатёр легко было узнать по золотой пятерне, венчавшей срединный шест. Так велось вроде бы оттого, что комадаров в Саккареме всегда было пятеро. По одному на каждую Украину [11] державы – и ещё один, сражавшийся в море. Как раз когда Волкодав с сожалением понял, что самого Байшуга пленить, похоже, не судьба, из шатра послышался отчаянный девичий визг.

Такой, что у него закружилась перед глазами дымный чад факелов и метнулись стремительные крылатые тени. Зверолюдям, вооружённым кинжалами и кнутами, привезли на потеху рабынь... Он рванул в сторону тяжёлую входную занавесь и нырнул внутрь. Там посреди ковров на полу тускло рдело кольцо, расплывшееся от опрокинутой жаровни с углями. Гораздо больше света вливалось сквозь дыры, пропоротые в матерчатых стенах. Шестёрка нетерпеливых бунтовщиков, оставив ещё длившееся сражение, рылась в сундуках и вспарывала тюки. А самый нетерпеливый уже вминал в пол девушку, захваченную в шатре. Будь у Волкодава время хоть немного задуматься, он проклял бы тот день и час, когда впутался в саккаремский мятеж, сдуру надеясь, что одни люди могут оказаться лучше других. Однако времени у него не было. Несчастная девчонка извивалась и билась под насильником, запутавшись ногами в цепочке, тянувшейся от кольца на лодыжке к тому самому шесту, увенчанному пятернёй. Она даже не могла больше визжать. Одна широкая лапа зажимала ей рот, другая жадно шарилась по её телу, рвала одежду... Волкодав не пригвоздил скота копьём только потому, что неминуемо убил бы и его жертву. Непонятная сила оторвала хищника от добычи, поставила на ноги и развернула, он успел заметить глаза, светившиеся в потёмках шатра, и в лицо ему, дробя кости, врезался стенобитный таран. Его дружки, спасённые жадностью, пересилившей похоть, оглянулись и скопом бросились на Волкодава.

Пятеро на одного – счёт очень неравный, но у венна были железные кулаки и привычка драться в темноте и тесноте. Он не стал звать подмогу. Какая подмога? Пятёрка врагов только превратилась бы в десяток. Кругом саккаремцы, люди одного языка, а он – никто и звать никак...

Тем не менее кто-то из строевых Волкодава заметил, как он метнулся в шатёр. Входная полсть снова взлетела. Венн, неплохо видевший в скудном свете, узнал кое-кого из тех, с кем вместе рубился на острие клина. Раздался яростный крик, что-то вроде «Наших бьют!», и драка в шатре пошла с новой силой.

Пока во главе ближников не вломился Фербак и, пытаясь растащить рычащий клубок, не снёс весь шатёр, обрушив в пыль блестящую пятерню.

Проморгавшись и поняв, что всё кончилось, Волкодав увидел на своих кулаках кровь. И правая скула онемела, рассечённая ударом. Девчонка, полуживая от страха, съёжилась на остатках затоптанного ковра. Чуть поодаль распластался насильник. Со спущенными штанами и мужским орудием, приготовленным к бою, но успевшим сморщиться и обвиснуть. Одна рука поверженного угодила в кучу углей, но мужчина не шевелился. Сердину его лица вмяло так, что только родная мать и признает.

Тайлар Хум смотрел на них с высокого боевого седла. Глаза комадара были двумя осколками чёрного самородного стекла, из которого делают головки для стрел.

– Ты!.. – зарычал он на Волкодава. – Во имя Крови и Стали! Ещё бой идёт, а ты вздумал драться из-за добычи?..

– Он... – начал было Фербак, но венн решил сам за себя постоять.

Нагнувшись к девчонке, он принудил её выпрямиться и оторвать руки от лица.

– Посмотри, комадар! – хрипло выдохнул он. – Посмотри на неё!

Он всего-то хотел сказать, что несчастная пленница была дочерью и сестрой всякой женщине, замученной трусливыми подручными Менучера, и никак не ждал того, что сделалось с Тайларом от его слов.

Комадар вдруг побелел, словно увидев перед собой выходца с того света.

– Девушка из деревни!.. – вырвалось у него, а рука сама собой сотворила знак Богини, отвращающий зло.

Ничего не поняв, венн впервые как следует пригляделся к рабыне. И тоже мало не ахнул.

С нежного, непоправимо заплаканного личика, украшенного свежими синяками, сквозь разводы сурьмы и расплывшихся румян смотрели сине-зелёные глаза, небывало редкие даже для Саккарема.

Глаза Итилет.

Только не устремлённые в неподвижную даль, а полные жизни, слёз и беспомощного страха. И несомненно зрячие.

– Девку в обоз, – овладевая собой, жестяным голосом распорядился Тайлар. – С рук на руки жрице! Остальные – за мной!

Девушку ещё удерживала цепочка, тянувшаяся к поваленному столбу. Волкодав взялся за тонкие витые звенья, и они лопнули в его пальцах, как подгнившие нитки.

Она вздрагивала от каждого внезапного голоса, раздававшегося вблизи костра, и всякий миг ждала для себя ужаса хуже смерти. Мать Кендарат велела ей как следует вымыться, отобрала изорванное платье – пунцовый шёлк, расшитый поддельным жемчугом, бубенцами и дешёвыми блёстками, – и выдала взамен что-то вроде толстого мешка с дырками для рук и головы. И стёганный плащ из своих запасов, с куколом [12]

, прикрыть роскошные волосы. Несомненное сходство с маленькой горянкой сделалось абсолютным. Волкодав изредка косился на девушку и снова смотрел на огнистые закатные облака, за которыми ему всё явственней мерещилась непостижимая усмешка Богини.

– Стало быть, они уехали в Мельсину бездетными, а через два года вернулись с маленькой дочкой, – кивая каким-то своим мыслям, пробормотала мать Кендарат. – Что ты о себе помнишь, дитя?

Длинные ресницы испуганно вспорхнули.

– Эта рабыня сумеет всё, что потребует от неё госпожа...

– В каком краю ты росла?

– Рабыню учили готовить медовые шарики... И воздушные нити, и мельсинское печенье с орехами...

Жрица вздохнула:

– За кашей присмотришь, чтобы не подгорела?

– Рабыня всё сумеет для госпожи...

Волкодав повернулся к ней, и девчонка чуть не бросилась перед ним на колени. Она мало что разглядела во время драки в шатре, но вот то, как снаружи молча влетел большой серый пёс, стрёб насильника и сразу отхватил ему полголовы, запомнила на всю жизнь.

– И ещё эта рабыня обучена девяноста девяти позам, дарующим блаженство...

– Девушке не грех знать, как стать желанной для мужа, – хмыкнула мать Кендарат. – Ну-ка, улыбнись!

Она улыбнулась. Заученно-красивой, как бы застенчивой и в то же время развратной улыбкой, сулившей милостивому хозяину множество лукавых затей.

Невозможно было представить такую на лице Итилет.

– Улыбаться ты не умеешь, – вздохнула мать Кендарат. – Тебя как звать-то, дитяtko?

– Рабыня будет радоваться всякому имени, что даст ей госпожа...

– Дурочка, – беззлобно ругнулась седая женщина. – Как тебя мать называла?

– Рабыня не помнит матери... Только добрых матушек, учивших её насущному для наложницы... Потом её купили для господина Байшуга ради празднования победы...

– А подружки как тебя называли?

– Эртилет, госпожа...

Ну конечно. Ясноокая и Радость-для-Взора. Усмешка Богини становилась всё очевиднее. Быть может, идя по кривой улочке Висельников, Айсуран засмотрелась на двух малюток-близняшек, только что привезённых в какой-нибудь «девичий садок». Так в незаконном Саккареме распоряжались судьбой уличных подкидышей и тех, кого в отчаянии продавала родня. Айсуран с Кинапом собрали все деньги, какие только сумели найти. И хозяин дома наложниц не упустил своей выгоды: продал им слепое дитя.

Венн стал думать о том, что искалечить человека можно очень по-разному. И о том, что почти всё удаётся исправить, пока человек жив. Правда, к нему самому это не относилось. Его на этом свете держали два неисполненных дела. И больше он не позволит себя отвлекать ничему постороннему. Даже саккаремской войне. Или мыслям о девяноста девяти позах.

Подошёл осунувшийся Иригойен, тяжело сел на камень и протянул руки к огню. От него пахло горькими травами, болью, кровью, надеждой.

– Мать Луна, – вырвалось у него, когда он присмотрелся к девчонке.

Войско собиралось. У костра один за другим объявлялись молодые стрелки. После боя их осталось шестеро, остальных сгубило слишком безрассудное молодечество. Четверо выживших надумали остаться с Тайларом Хумом и мстить до конца. Пятого отрядили доставить домой пояса погибших братьев – и подстреленного шестого, нянчившего перебитую руку.

Волкодав хорошо знал, как болят подобные раны. Но даже однорукый Саргел перестал кусать губы, во все глаза глядя на воскресшую Итилет.

Сколько же трудов придётся положить этому забитому существу, прежде чем Айсуран сможет признать в ней ещё одну свою дочь, гордую и свободную. Одна надежда на скромных деревенских парней. Путь до дома неблизкий, глядишь, и научат её улыбаться по-настоящему. А если Волкодаву не померещилась усмешка Богини, может, вернувшейся Итилет ещё вправду придётся выбирать из двух женихов. Ведь теперь люди будут знать, что по крови она им не родня.

Он подошёл за кашей в самый поздний черёд. Сегодня он убивал, но на войне, и веннская Правда разрешала от очистительного поста до её окончания.

Мать Кендарат большим черпаком наполнила его миску.

– Ну а ты? – вдруг спросила она. – Тебя-то как звать будем, малыш?

Венн хотел по обыкновению отмолчаться, но голос матери, долетевший неведомо откуда, вновь шепнул ему на ухо, и он сказал:

– Называй меня Волкодавом.

Когда временами, почти заблудившись во мраке,

Я вдруг устаю оставлять на дороге следы,

Без зова ко мне подбегают большие собаки

И рядом встают, заслоня собой от беды.

Я пальцы вплетаю в колючие жёсткие гривы,

И запах звериный глаголет, что мы ещё живы.

А значит, рыча и пыхтя, обдирая колени,

Хотя бы ползком, опираясь на спины друзей,

Но только вперёд, разгоня зловещие тени,

По рванущей ноги, кремнистой и жёсткой стезе.

Пусть даже мне хочется сдаться на каждом шагу,

Я тех, кто поверил в меня, подвести не могу.

2. Отхожие земли [13]

Уж на что Волкодав не любил горы, но по мере приближения к Дымной Долине даже он взялся вертеть туда-сюда головой. Склоны выглядели так, будто в стародавние времена здесь топтался злой великан. Может, тот самый, что похитил сегванскую красавицу Ордлу, прародительницу островного народа. Пласты земной тверди ломались под ножищами великана, как тонкий лёд. Вставали дыбом, опрокидывались и крошились. Слои чёрного, серого, жёлтого, бурого, рыжего, зеленоватого камня до сих пор ещё не везде допускали на свои грани даже вездесущий

лишайник. И первозданно блестя под морозящим дождём, будто Камень, покорёживший покровы Земли, пробил Небо только вчера. Вот так и ощутишь себя крохотной частицей мироздания, столь огромного, что даже с Богами в нём может приключиться беда.

Распрощавшись осенью с вилами, он предполагал достичь Дымной Долины уже через несколько дней. В итоге уже подходила к концу слякотная саккаремская зима.

Да. А началось всё с того, что я решил проводить до ближайшего поселения двух женщин и беспомощного избитого парня...

Волкодав до сих пор временами гадал, правильно ли он тогда поступил.

Теперь у них с Иригойеном и матерью Кендарат имелась ручная тележка. Там сохранялся под кожаной полстью общий скарб: прочный шатёр, одеяла, тёплая одежда, съестное, котёл, сухие поленья на растопку. Мужчины по очереди катили тележку, жрица ехала на осле, нахохлившись под рогожным плащом. Как и сын пекаря, она родилась в краю, где дождь шёл куда реже здешнего. Холодная сырость была нипочём одному Волкодаву.

Дорога, по которой мерно постукивали деревянные колёса, тоже имела весьма мало общего с горными тропами северного Саккарема. Додревный народ, оставивший по себе лишь очень смутную память, вымостил её гладкими глыбами непроглядно-чёрного камня, очень плотно подогнанными одна к другой. Века, обратившие в прах останки строителей, наградили дорогу глубокими колеями. А ещё на неё через каждые несколько вёрст наступал великан, крушивший здесь землю. Нынешние саккаремцы заваливали овраги землёй и каменной крошкой, пытались заново ладить мостовую. Если сравнивать со старой дорогой, зрелище выходило жалкое. Может, рассуждавшие о людском измельчании были не так уж и неправы...

По тракту взад и вперёд сновали пешие и конные. Кто-то добирался в священную долину пешком, кто-то – в богатом возке. Саккаремцы верили, что молитва в Дымной Долине очищала душу, снимая с неё бремя грехов. А кто решится считать себя совсем свободным от прегрешений?

На обочине заливались слезами две женщины. Одна из них оступилась в мокрую колею и, падая, не уберегла расшитую сумку. Теперь они вытряхивали из неё черепки. Две сестры потратили все деньги на кувшинчик воды из священного потока. Эта вода должна была исцелить больную дочь старшей.

– В твоей стране, – сказал Волкодав.

– Да? – не поворачивая головы, отозвался Иригойен.

Он знал, что продолжение могло последовать очень не скоро. Например, завтра или в лучшем случае на вечернем привале. Однако венн заговорил всего-то через сотню шагов:

– Дорого стоит невольник?

– По-разному, – сказал Иригойен. – Если идёт война и появляются пленники, это время позже называют «временем дешёвых рабов». Сейчас мы живём мирно...

Иные склонны утверждать, что некогда великий и воинственный Халисун попросту захирел, хмыкнул про себя Волкодав.

– ...И поэтому крепкий юноша стоит около сорока тюков.

– Тюков? – переспросила мать Кендарат.

Иригойен охотно пояснил:

– Когда прашуры моей матери стали выращивать хлопок, собранное сноровистым работником за один день было принято оборачивать мешковиной, связывать верёвкой и так взвешивать, чтобы определить плату. Скоро хлопок стал мерилем достатка, и торговцы рыбой или рабами до сих пор договариваются о тюках.

Волкодав попытался прикинуть, сколько халисунских тюков некогда заплатили за него самого. В точности подсчёта он не был уверен, только в том, что цена была смехотворная. Должно быть, самый дешёвый раб каравана едва вернул потраченное на его прокорм. Знали бы покупатели, насколько дорого он в итоге им обойдётся, небось заплатили бы хозяину втрое – только чтобы он его обратно в той же клетке увёз...

– Конечно, невольник, обладающий умениями, стоит дороже, – продолжал Иригойен. – Это может даже искупать телесные немочи. Я видел, как несколько мореплавателей чуть не дрались из-за хромого арранта, умевшего рисовать карты. Тот, кто в конце концов увёл его с торга, выложил двести три тюка серебром. А если мужчина положит глаз на рабыню, принадлежащую другому, и захочет девушку для себя, её владельца может обуять жадность. Тогда цена, как у нас говорят, уносится на бешеных жеребцах.

Говоря так, Иригойен оглянулся на какого-то грешника. Тот, подставляя холодной мороси полуголое тело, полз к святилищу на четвереньках и через каждый шаг целовал землю. Раскаившийся воришка? Неверный муж, чья жена слегла, узнав об измене? Отец десяти дочерей, отчаявшийся взять на руки сына?..

Молодой халисунец чуть не налетел на остановившуюся тележку. Волкодав, чей черёд был её катить, смотрел на старика, сидевшего на обочине.

Это был почтенный, ухоженного вида старик в крепких сапогах и простой, но добротной одежде путешественника. Не нищеврод какой из тех, что во множестве промышляют возле святых мест. Он растерянно озирался кругом, ни дать ни взять позабыв, как здесь оказался. Губы старика шевелились, он поводил в воздухе руками – вот-вот вспомнит, заговорит, – но взгляд оставался пустым.

У его ног лежал заплечный мешок, удобный для пешего странника. Иригойен заметил, что к мешку уже присматриваются двое непотребной наружности бродяг, шатавшихся поблизости. Оба выглядели сущими громилами. Таким впору к состоятельным богомольцам в охранники наниматься, а не попрошайничать у дороги. Волкодав по очереди нашёл взглядом обоих.

Бродяги, смутившись, убралась искать поживу в другой стороне.

Иригойен осторожно тронул старика за плечо:

– Мир по дороге, дедушка... Куда идёшь, к храму или домой?

Особого толка добиться не удалось. Сидевший на камне лишь бессвязно бормотал о воде, Богине и каком-то пироге. Он по-прежнему озирался, словно халисунец был пустым местом. От дождя его белая борода посерела, слиплась сосульками, жидкие волосы пристали к черепу, отчего голова казалась маленькой, но старик не пытался поправить съехавший куколь.

– Даже если он уже шёл домой, лучше ему потерять полдня пути, чем вовсе промокнуть, расхвораться и помереть, – рассудила мать Кендарат.

Мужчины взяли старика под руки и посадили на тележку. Скоро уже должны были начаться постоянные дворы Дымной Долины, где всякого богомольца, располагавшего хоть какими-то деньгами, ждали кров, стол и ночлег у тёплого очага.

Река, вдоль которой пересчитывали древние камни колёса тележки, текла зелёной бирюзой, разбавленной молоком. Считалось, что здесь, в отдалении от храма, она растрчивала священную силу, становясь просто Сиронгом. Зримым свидетельством тому была нарастающая прозрачность воды, уже почти не источавшей пара. Тем не менее вдоль берега чуть ли не сплошным лагерем стояли временные обиталища. От роскошных шатров с мокрыми знамёнами, обвисшими на шестах, до скромных веж

[14]

из камышовых циновок. Люди стремились подольше задержаться вблизи чтимых мест и лишний раз выкупаться в тёплых водах реки. В отличие от большинства рек Саккарема, Сиронг брал своё начало не от слияния ледниковых ручьёв. Его первородные, самые чистые и благодатные потоки были струями кипящих ключей, по воле Богини рвавшихся из земли в Дымной Долине. Как гласило предание, в озеро, клокотавшее у стен храма, могли без вреда для себя окунаться только святые. Обычные люди, не наделённые даром столь близкого общения с Божеством, совершали омовение здесь.

– Совсем как у нас, в Садах Лан, – задумчиво проговорил Иригойен.

Кан-Кендарат слегка наклонилась в седле.

– Я ослышалась или ты говоришь о тех самых Садах?

– Ты верно поняла, госпожа, – сказал Иригойен. – Многие называют наши Сады земным чудом, но изначально они были всего лишь кладбищем на пустынном берегу Гарнаты, по другую сторону от города. Там воздвигали Посмертные Тела первых горожан, и они высились среди

камней и песка. Потом жрецы, молившиеся о мёртвых, привезли туда саженцы вишни, и нам кажется, что не иначе как Мать Луна их вразумила. Когда деревья стоят в цвету, это добрая весть живым от ушедших, это вечная красота Лунного Неба, мимолётно явленная на земле. Плоды же суть овеществлённая молитва всех тех, кто прежде нас взошёл к истинному Свету... Но я не о том. Я хотел сказать, что люди, готовые заплатить, везут в Сады Лан Посмертные Тела своих близких, просто чтобы они провели несколько дней у ног великих усопших... На берегу в это время сворачивали просторный шатёр. Освобождалось хорошее место у галечной косы и укромного омутка возле неё. С обочины дороги, перегораживая один другому подъезд к кострищу и куче мусора, оставленного прежними насельниками, пытались свернуть сразу два возка. Ржали лошади. Охранники и слуги надсаживали лужёные глотки, нимало не стесняясь святостью берега. Ещё чуть, и пустят в ход копейные древки, а там, чего доброго, и вдетые в ножны мечи.

Неужели, посетила Волкодава нечестивая мысль, халисунцы в этих своих Садах тоже дракой решают, чей мертвец первым будет спать рядом с самым древним шулхадом?..

– А что, – подслушала его мысли мать Кендарат, – у вас такое случается?

Иригойен стыдливо вздохнул.

– На то, – сказал он, – в Садах Лан бдит особая стража, хранящая покой. Но такое бывает. И даже похуже. Когда стража прогоняет рабов, пробравшихся для тайного поклонения... Промокшему старику вряд ли по силам была ночёвка в палатке, и Волкодав с Иригойеном вкатили тележку в распахнутые ворота постоянного двора. Здесь те, чей кошелек имел некоторую толщину, могли купить плотный ужин в харчевне и чистую горенку для ночлега. Люди попроще устраивались в большом общем доме с широкими лавками вдоль стен и длинным очагом посередине. Там могло бы плясать весёлое и щедрое пламя. Вместо него тлело несколько скупых маленьких костерков: привозные дрова стоили недёшево, их каждый покупал себе сам. Мать Кендарат, ведавшая походным хозяйством, неодобрительно покачала головой, однако приняла решение раскошелиться. Скоро запах мокрых плащей, развешенных для просушки, сделался ещё гуще. Когда подоспели хлебные колбаски, Иригойен принёс с кухни кружку неразбавленной медовухи для старика. Сделав несколько глотков, тот стал оживать. Хватился своего мешка, взялся сбивчиво благодарить... И наконец смог произнести своё прозвание: Гартешкел.

Волкодав решил про себя, что это хорошее и сильное имя. Впору мужу большухи. Гартешкелами в Саккареме называли камышовых котов, свирепых и скрытных.

Ещё он думал о том, что нынешний ночлег вместе с халисунцем и жрицей вполне мог оказаться последним. Я ведь пришёл сюда не ради знаменитого храма или баснословных ключей, текущих крутым кипятком. Завтра я начну слушать разговоры людей и присматриваться к их посуде. Глядишь, рано или поздно выяснится, по какой дороге идти, чтобы оказаться в Дар-Дзуме. И в том краю у Божьей странницы и сына пекаря вряд ли сыщутся какие-то дела...

Вот странно. А я за полгода уже вроде начал к ним привыкать...

И старика Гартешкела заберут родичи или земляки, уже сейчас, поди, ноги сбившие в поисках отставшего. (Волкодав плохо представлял себе, как они допустили, чтобы бессильный старик остался в одиночестве сидеть у дороги. Но он давно понял: если перебрать хоть половину того, что способна подкинуть жизнь, удивляться разучишься напрочь.)

Так что завтра не завтра, но, может быть, через несколько дней их пути разойдутся. Радоваться ли?..

А ещё в мыслях у него неотвязно присутствовала цена в сорок тюков. Она выглядела неподъёмной. Так сразу и не придумаешь, с какой стороны подступиться...

...Дворовый кобель, маявшийся на цепи и от скуки донимавший постояльцев нескончаемым лаем, этой ночью необъяснимо притих. Он был занят важным делом: пытался распознать тонкий и вроде бы смутно знакомый запах, тянувшийся из общего дома. Когда под утро кобель

залез в будку и свернулся клубком, ему приснились залитые солнцем холмы и могучие серые псы, бегущие через дубраву.

К утру дождь прекратился. Влажная серая пелена, окутавшая горы, немного приподнялась. Наверху стала видна Дымная Долина. Она располагалась как бы на плече горы, немного ниже вершины. Непривычный глаз поначалу видел с дороги лишь облако, улётшееся на склоне. Потом становилось заметно, что ветер не отгонял его в сторону, как другие облака, а лишь вытягивал и нёс длинный, постепенно истончавшийся и рвавшийся хвост. И наконец делалась различима дорога. Она поднималась к долине сперва широкими, потом всё более короткими петлями, чтобы, как говорили, у храма описать круг. Очень зоркие глаза могли даже вычленить разноцветные точки, с муравьиным упорством ползшие по дороге. Одни вверх, другие вниз. Только пешеходы допускались туда.

Ещё накануне Волкодав вовсе не собирался идти к храму саккаремской Богини. Но, поглядев на спутников, своё решение изменил. Ни Иригойен, ни мать Кендарат тоже Ей не молились, однако на гору собирались прямо-таки с радостным нетерпением. Тогда венн сказал себе, что разговоры людей можно слушать не только на постоянных дворах или толкаясь на торгу. Богомольцы небось, останавливаясь перевести дух по ходу непростого подъёма, тоже будут отдыхать за беседами коротать...

– Где твои спутники, почтенный? – обратилась к Гартешкелу Кан-Кендарат. – Скажи, как они выглядят, чтобы мы смогли их узнать?

Старик улыбнулся:

– Я здесь один, сестра. И мне вправду плохо пришлось бы, если бы не доброта твоих сыновей. Сейчас он очень мало напоминал себя вчерашнего, жалкого, мокрого, от холода и слабости едва помнившего собственное имя. По дороге шагал бодрый седовласый мужчина, чья сухая старческая крепость вполне могла выдержать дальнейшее путешествие в одиночку. Волкодав только головой покачал. Вот что делают с человеком тёплый ночлег и крепкая медовуха!

– Они вправду сыновья добрых родителей, но я им не мать, – рассмеялась жрица Кан Милосердной. – Мы держимся вместе потому, что этого пожелала судьба.

– Я и то подметил, что все вы кажетесь чужестранцами, и притом не земляками, – кивнул Гартешкел. – Прости, сестра, но любопытство моё не знает границ. Какие края породили мне на удачу таких добрых людей?

Дорога у них под ногами была вымощена уже позднейшими потомками древних строителей, но почти с таким же искусством. Кто-то даже позаботился сделать подъём ступенчатым, чтобы человек не всё время трудил себя, одолевая кручу, а шёл в основном по ровному месту, лишь иногда делая шаг вверх. Тем не менее справлялись не все. Для ослабевших у каждого поворота были устроены площадки со скамьями для отдыха, прочными и долговечными, каменными или из половинок тёсаных брёвен. На площадках, конечно, всюду сновали торговцы. Некоторые предлагали пирожки и взвар из горшка, гревшегося на переносной жаровне. Другие трясли метёлочками, якобы обмакнутыми в самые что ни есть священные струи. А то – из-под полы – совали даже воду в маленьких кувшинчиках с доподлинной печатью жрецов. У этих торговля шла гораздо хуже, чем у пирожников. Большинство поднимающихся на гору считало себя людьми сведущими и ушлыми и желало платить только за ту воду, которая будет поднята черпаками непосредственно у них на глазах.

Отдыхая, люди пускались в беседы между собой, но Волкодав прислушивался напрасно.

Странники говорили о болезнях родни, о неурожае овощей, о падеже овец, о чьих-то сыновьях, ушедших с войском Тайлара Хума... Звонкое гончарное название Дар-Дзума так и не прозвучало.

Может, я сделал ошибку, решив лезть на эту гору? Может, в самом деле стоило потолкаться на постоянных дворах, где люди больше думают о каждодневном, а не только о своих бедах, вынудивших обратиться к Богине?..

Старик Гартешкел без отдыха прошагал три или четыре петли дороги, разговаривая с матерью Кендарат, но потом вдруг задохнулся и умолк на полуслове, хватаясь за грудь. Иригойен тотчас взял его под локоть, помог сесть. Глаза у Гартешкела опять стали бессмысленными и пустыми, но, по счастью, совсем ненадолго.

– Похоже, я теперь гожусь только молиться Богине, Объятия Раскрывающей, – разминая ладонью рёбра под козухом, сказал он жрице. – Видно, в самом деле пора уже мне переложить бремя старшинства на плечи сына... Или иного достойного, кого мир изберёт. – И улыбнулся: – Вы ступайте, добрые люди, не ждите никчёмного старика. Я тут посижу, отдышусь...

Конечно, они никуда от него не ушли. Мать Кендарат уже держала его свободную руку, надавливая только ей известное место между средним и указательным пальцем. Дыхание Гартешкела постепенно выравнивалось, переставало со свистом рваться из горла. Когда он опёрся о камень рукой, решаясь подняться, Волкодав опустился перед ним на колени и подставил спину: полезай, дед, на закрошни
[15]

Вокруг, кстати, не так уж мало было дюжих молодцов, нёсших на себе не надеявшихся одолеть подъём своими ногами. Кто-то помогал больному или престарелому родичу. Кто-то зарабатывал деньги.

– Здесь, в Саккареме, многие деревни хранят наследное мастерство, – как ни в чём не бывало продолжила разговор жрица Кан. – Есть деревни виноделов, кожемяк, гончаров... А у тебя дома чем занимаются, почтенный?

При упоминании о гончарах Волкодав наострил уши. А что? А вдруг?..

Гартешкел негромко рассмеялся:

– О, моя деревня совсем не так знаменита. У нас не слишком много плодородной земли, так что со времён Последней войны мы живём отхожими промыслами
[16]

. Каждую весну мои дети и внуки разбредаются по чужим краям, надеясь возвратиться с заработком. Я же по долгу старейшины отправляюсь испросить для них благословения Богини...

– Вчера ты упоминал о каком-то пироге, – напомнил Иригойен.

– О да, – с готовностью отозвался старик. – Именно поэтому я намерен приобрести не крохотный кувшинчик, как большинство пришедших сюда, а самый большой жбан. Или два-три поменьше. А всё благодаря тому, что вы, по доброте своей, не позволили здешним ворам унести мой кошелек, – добавил он с виноватой улыбкой. – Согласно обычаю, который свято блюдет моё племя...

– Твоё племя? – с любопытством переспросила мать Кендарат, а Волкодав сразу вспомнил имури.

– Одно из многих, славящих Богиню и именующих себя саккаремцами, – пояснил Гартешкел. – Двести лет назад, во дни Последней войны, мергейты, наводнившие пределы этой страны, по обыкновению всех воинских людей, не обошли своим вниманием женщин. Иных ловили за косы, иные сами ложились с могучими всадниками, ведь женщины всегда тянутся к победителям. Прошло время, мергейтов выдворили обратно в Вечную Степь, и на ребятишек, унаследовавших ореховые глаза, стали коситься. Случалось, полукровок вместе с матерями выживали из родных деревень, поскольку мужчины очень не любят, когда им предпочитают чужеземников... Немало женщин в ту пору ушло от родных очагов, и общая судьба объединила изгнанниц. Вот от тех-то детей, почтенные странники, и пошёл быть мой народ. Он умолк, задумавшись посреди разговора, как бывает со старыми людьми. Выждав, Иригойен решился напомнить ему, о чём шла речь:

– Так ты говоришь, пирог...

– Ах да, пирог, – спохватился Гартешкел и благодарно коснулся его руки. – Женщины долго измеряли шагами дорогу горя и нищеты, пока не оказались у порога того самого края, где мы сейчас обитаем. Наши места доньше считаются диковатыми, а тогда это вовсе был пустынный предел, отхожие земли, мало годные для житья. Племя, в котором было очень мало мужчин, возвело временную святыню во имя Матери Сущего и поставило плетёные шалаши. Люди не роптали на тяготы, одно горе – под конец зимы в коробах со съестным начало проглядывать дно. Матери задумывались, чем станут назавтра кормить детей...

Чувствовалось, что предание о начале своего племени старик излагал далеко не впервые. – Мало весёлого в твоей повести, добрый старейшина, – сказал Иригойен. – Однако я всё равно назвал бы такой народ очень счастливым. Ведь ты рассказываешь нам о матерях, ставших отважными ради детей, и о детях, не пожелавших забыть подвига матерей! – Спасибо тебе на уважительном слове, сын мой... – чуть помедлив, дрогнувшим голосом отозвался Гартешкел. Волкодаву показалось, будто старик украдкой промокнул глаза рукавом. – Если потускневшие зрачки меня не подводят, ты и сам дитя смешанной крови? Иригойен кивнул: – Мой прадед по отцу приехал из Мономатаны... Правда, нас никто не гнал за городские ворота. Может, оттого, что народ возле нашей пекарни начинал толпиться ещё до света.

Да и хлебопёки, многими кадками месившие тесто, сами хоть кого могли в тонкий блин раскатать, добавил про себя Волкодав.

– Что же было дальше с голодными матерями? – спросила жрица Кан. – Верно, Богиня, чьё святилище они воздвигли прежде своих жилищ, указала им дорогу к спасению?

– И вновь ты угадала, сестра, – с гордостью проговорил Гартешкел. – В отчаянии люди обратились к своему жрецу, и тот дал им удививший многих совет. «Соберите праздничное угощение, – сказал он. – Восславьте милость Богини». Хозяйки, только и думавшие, как бы ещё чуть-чуть растянуть пропитание для детей, не ослушались святого человека. Они начисто выскребли все закрома, чтобы сообща испечь большой и пышный пирог. Его начинили мясом последней курицы и двух голубей, яйцами, зеленью и орехами, а сверху сдобрили медовой поливкой

[17]

, и говорят, что во всей деревне не было мужчины, женщины или ребёнка, чьи руки не отпечатались бы на том пироге. Его отнесли в храм и оставили на алтаре, гадая, что же случится завтра...

Волкодав принялся было гадать, как же вознаградила Своих верных Богиня, но вовремя кое-что вспомнил и стал просто ждать продолжения.

– И вот наступило утро, – торжественно произнёс Гартешкел. – И с юга повеяло тёплым ветром, и смыслённый кот одной из хозяек приволок домой гуся, добытого на охоте. Дети сразу схватили пращи и побежали на озеро. Они увидели большой караван диких гусей, остановившийся на кормёжку, и поняли, что не зря вверили себя воле Богини. С тех-то пор мы, как перелётные гуси, каждую весну становимся на крыло, а старших сыновей называем кошачьими именами: Гартешкел, Гартимон, Гартебер. Ещё нам показалось, что на тот жертвенный пирог были возложены грехи женщин, искавших объятий иноплеменников, и невольная осквернённость их детей, рождённых вне благословенного брака. Поэтому каждый год в день весеннего равноденствия мы вновь печём такой пирог и несём его в храм, и каждый старается коснуться его. Ну а тесто, в знак покаяния, ставим на священной воде, доставленной из здешних ключей. – Сухие старческие пальцы легонько сжали плечо Волкодава. – Спусти меня на землю, добрый сын мой. Уже скоро вершина, дальше я должен идти сам.

Вени полагал, что родники, дававшие начало могучему Сиронгу, окажутся увенчаны величественным зданием, однако ошибся. Дорога на каждой своей петле пересекала зеленоватый поток, восходя на каменные горбатые мостики, и наконец миновала отверстие в склоне горы, откуда, собственно, била вода. Последний виток подъёма открыл взгляду круглое озеро, напоминавшее жерла огнедышащих гор, только вместо рдеющего расплава здесь клокотала, вихрилась оттенками зелени жидкая бирюза. Дорога обходила озеро по кругу, после чего людская вереница устремлялась на спуск. Волкодав обратил внимание, что с внутренней стороны круга была воздвигнута частая и высокая, запросто не перескочишь, решётка из одних вертикальных прутьев. Вдоль неё через каждый десяток шагов стояли храмовые охранники.

Ну и правильно,

рассудил про себя венн, вспомнив грешника, целовавшего чёрный камень дороги. Сиганёт такой в кипяток...

Потом он присмотрелся к середине озера и тотчас позабыл и об охранниках, и о решётке. Над круглой дырой, уходившей в сокровенные бездны земли, витали густые облака пара. Они даже не то чтобы срывались с поверхности, они то и дело вспучивали её, вырываясь огромными пузырями, как из горшка, поставленного в слишком горячие угли. Временами ветер рвал плотную пелену. Тогда становилось видно что-то вроде длинного каменного причала, протянутого от дальнего берега. Только причалы обычно опираются на сваи, а тут Волкодав никаких опор не заметил. Узкий каменный язык в полсотни шагов чудесным образом висел над водой, причём, если люди не ввали, с незапамятных пор. Завершался он круглой площадкой с отверстием посередине. Вокруг отверстия вели недвижимый хоровод три тонкие и высокие арки, увенчанные каменным кольцом. Они казались не сложенными, даже не вытесанными, а словно бы вытянутыми всё из того же чёрного камня, для которого за пределами Саккарема не существовало даже названия. Из отверстия исходила тонкая струя пара, отливавшего жемчужным радужным блеском. В арках не было видно никаких завес, но ветер сквозь них словно бы не проникал, подхватывая и развеивая радужную струйку лишь за пределами венца наверху.

На площадке с внешней стороны арок без устали трудились полуголые жрецы с длинными черпаками. Они наполняли их и опоражничали в ведёрки. Те из рук в руки плыли к берегу. Там священную воду разливали в кувшинчики. Их запечатывали сургучной смолой и ещё горячими продавали с лотков.

Деловитая людская возня вдруг показалась Волкодаву чужеродной и оскорбительной для этого воистину древнего места. Люди словно бы нашли что-то, чему не знали цены, и употребили это по своему убогому разумению. Вроде как взяли те самые тюки бесценного халисунского хлопка и выстелили им гнёзда для несушек в курятнике. И вообще ему здесь нравилось чем дальше, тем меньше...

Он понял причину, когда уловил исходивший от воды запах. Очень слабый. И жутковато знакомый.

Неужели возможно, чтобы срамная язва земли, вроде бы оставшаяся далеко-далеко, протянула отравленное щупальце даже сюда? И если так, я-то чего ради сюда пришёл? Неужели только затем, чтобы снова понять: тот мир по-прежнему крепко держит меня?..

Вниз по широким отлогим ступеням старик Гартешкел сошёл сам. Волкодав нёс лишь купленный им действительно объёмистый жбан. Ещё не хватало, чтобы дед расколотил хрупкую посудину и был вынужден лезть в гору за новой!

– Сын мой, – уже в воротах постоянного двора обратился к нему Гартешкел. – Ты оказываешь себя человеком не только порядочным, но также ловким и крепким. Скажи, нет ли у тебя намерения заработать немного денег?

Волкодав от неожиданности даже остановился. Потом медленно кивнул.

– Видишь ли, – принялся степенно объяснять старец, – мы усматриваем свою удачу в том, чтобы жертвенный пирог проносил по деревне чужой человек, непременно чистый душою и непричастный ни к нашим грехам, ни к нашим добрым делам. Понимаешь ли, селение изгнанников давно разрослось, так что речи о том, чтобы всем миром слепить пирог подношения, идти больше не может. Вот уже много лет жёны и дети возлагают долг прикосновения на мужчин, и те стоят вдоль улицы до самых дверей храма, стараясь дотянуться до пирога... Или хотя бы коснуться того, кто несёт его. В своём рвении люди пихают и отталкивают один другого, несущего подношение могут даже сбить с ног... Ты, конечно, понимаешь, что пирог должен достигнуть храма неповреждённым. Потому-то мы всякий раз стараемся нанять человека, которого так запросто не вываляешь в пыли... Я со вчерашнего дня присматриваюсь к тебе, сын мой. У тебя, прости, наружность завязанного любителя кулачной забавы. И ты не погнушался отдать часть своей силы беспомощному. – Гартешкел улыбнулся венну с таким теплом, словно тот впрямь доводился ему родным сыном. – Что-то подсказывает мне: ты не испугаешься ни хватающих рук, ни грехов, перетекающих на пирог.

Ещё несколько шагов Волкодав прошёл молча. Потом проворчал:

– Деревня гончаров. Дар-Дзума.

– Что тебе в ней? – удивился старик.

– От вас далеко?

– Не буду врать тебе, утверждая, будто мы живём прямо на ведущем туда большаке, – сказал Гартешкел. – Край наш, как я уже говорил, расположен достаточно уединённо. Однако часть пути нас в самом деле будут обгонять порожние телеги горшечников. После того как ты побываешь у нас, тебе придётся вернуться к росстаням у Белой Руки и повернуть к западу. Я тебе всё покажу, когда доберёмся туда. Так ты согласен?

Тот раз я тоже решил совсем немного отклониться от намеченного пути...

подумалось Волкодаву. Однако мысль о сорока тюках перевесила. Венн молча кивнул.

– Мы заплатим тебе нардарскими лаурами, известными бесскверной чеканкой, – обрадовался старик. – По целому лауру от каждого двора, а их в нашей деревне шестьдесят три!

Он даже вытащил из кошелья и показал Волкодаву большой сребреник. На монете красовался профиль кониса Мария Лаура: широкий лоб, жёсткие усы, прямой нос. То, как безбоязненно Гартешкел вынул монету, само по себе подкупало. Я, мол, тебе верю, ты меня не ограбишь. Пока венн пытался пересчитать лауры в хлопковые тюки, подал голос Иригойен:

– Ты говоришь, порожние телеги горшечников?..

– Ну да, – обернулся Гартешкел. – А ты разве не обратил внимание на тонкую выделку кувшинчиков, в которых там, наверху, продают священную воду?..

Дождавшись, чтобы предводитель некогда изгнанных удалился в задок

[18]

, к Волкодаву подошла мать Кендарат.

– Он беседовал только с тобой и так, словно ты уже решил сопроводить его в одиночку, – сказала она. – Настолько ли я опротивела тебе, малыш, что ты готов предпочесть одиночество? Пока венн соображал, как на это ответить, вместо него высказался Нелетучий Мышь, по обыкновению сидевший на хозяйском плече. Он пронзительно заверещал и взмахнул здоровым крылом, пытаясь то ли оцарапать жрицу, то ли, наоборот, уцепиться за неё острым когтем на сгибе.

– Значит, ещё немного потерпишь меня, – улыбнулась она.

– Ну и меня тоже, – смущённо кашлянул Иригойен. – Пирог с мёдом и голубятиной!.. У нас таких не пекут...

Если Гартешкел и предпочёл бы видеть подле себя одного Волкодава, он ничем этого не обнаружил. Утвердив на ручной тележке свой мешок и завёрнутый в одеяло глиняный жбан, он уделял основное внимание придорожной торговле. Благо в переполненном пришлым народом городке у подножия Дымной Долины она велась на каждом шагу. С бесчисленных лотков продавалось всё, что угодно. От деревянных изображений трёх арок на круглой площадке до настоящих меорийских дубинок, утыканных зубами акулы.

– Ты присматриваешься к вещам древности, почтенный брат, – заметила жрица. – И похоже, знаешь в них толк! Лоточники приветствуют тебя, как старого друга...

Гартешкел рассмеялся. В это мгновение его легко было представить сидящим под большим деревом, в окружении правнуков.

– Ещё бы я не разбирался в старине, сестра! Видишь ли, наши праматери зачастую уходили из дома, по сути, с пустыми руками, захватывая лишь самое необходимое. Оттого, попадая на торг, мы до сих пор невольно высматриваем вещи, сходные с оставленными когда-то. Я сам в прошлом году купил здесь резной серебряный гребень, украшенный цветами шиповника, точь-в-точь как тот, о котором моей прабабушке рассказывала ещё её бабка. Я принёс его домой и подарил дочери. Мне нравится думать, что это в самом деле тот самый. Пусть и она лет через сорок расскажет правнучке, что с этим гребнем приключилось когда-то.

– Это так, – сказала мать Кендарат. – Может, я слишком мнительна, но мне всё время думается, какими странными путями иные вещи попадают на эти лотки. Неужели ты не боишься нарваться на добытое могильными ворами?

Старик содрогнулся, чуть не выронив красивую костяную ложку, тронутую тёмной желтизной времени.

– Страшные вещи говоришь ты, сестра! Я слышал, осквернители праха готовы разорять даже могилы Среброволосых...

Места упокоения двенадцати сыновей древнего шада, павших ради будущего страны, считались в Саккареме святынями, охранявшими границы державы.

– Люди, способные посягнуть на святое, достойны проклятия, – сказал Иригойен. – Я слышал, иногда оно настигает святотатцев в облике Горных Призраков, не склонных щадить разорителей погребений...

О нескольких подобных расправах ему на привале рассказывали горские парни, отданные под начало сотника Росомахи.

– Увы, алчность могильных воров не знает границ, – вздохнула мать Кендарат. – И горные тропы они знают почти так же, как Призраки.

Гартешкел отставил муравленое

[19]

, всего лишь с несколькими иверинами

[20]

, многоцветное блюдо, которое, кажется, готов был облюбовать.

– Быть может, ты лишила мою жену доброго подарка, но нельзя исключать, что твоя мнительность уберегла нас от скверны. Я ел бы мясо с блюда, по которому недавно ползали могильные черви!

Лоточник подхватил блюдо и зачем-то стал протирать его.

– Ты, дед, ступай себе, куда шёл, – буркнул он. – А чужой товар хулить не моги!

Белая Рука оказалась большой скалой очень светлого камня, испещрённого искорками слюды. Она действительно была похожа на руку, воздетую в отвращающем движении. Казалось, затаившийся под землёй великан предупреждал странников: поворачивайте обратно, дальше хода нет, пропадёте!

– Когда мои предки добрались сюда, они увидели в этом знак и решили, что либо погибнут здесь, либо приживутся и обретут счастье, – сказал Гартешкел. – Им нечего было терять. Поэтому они явили больше мужества, нежели другие переселенцы, коих много было в конце Последней войны. Они пошли туда, куда никто не решался, и сделали никому не нужные земли своей родиной.

Волкодав представил себе измученных женщин, некогда бредших этой же дорогой. Детей с прямыми мергейтскими волосами, по очереди нёсших на руках домашнего кота. Старшие наверняка советовались, не съест ли его, но дети предпочитали сами подкармливать любимца. И никто не знал, что в его честь скоро будут называть первенцев.

После Белой Руки дорога стала всё круче забирать к востоку, огибая высокую горную гряду. Равнина между хребтами, синевшими на горизонте, была на удивление плоской. Здесь росла лишь жёсткая трава, шелестевшая на ветру, а камешки под ногами выглядели обточенными водой. Позже там и сям начали попадаться округлые блюдца соляных озёр. Одни – совсем высохшие. Другие ещё блестели вязкой густой жижей. Грязновато-розовые разводы показывали, как они отдавали влагу и снова набухали водой.

– Странно, – задумался Иригойен. – Саккаремцы очень любят квашеное и солёное. Еда в здешних харчевнях долго казалась мне пересолённой, а другие посетители ещё ворчали на стряпух, ругая их жадность. Здесь вроде должны были бы тесниться возы, гружённые солью...

– Эта соль ядовита и для людей, и для скота, – пояснил Гартешкел. – Только глупые овцы лизут её, но потом у них выпадает руно, и они умирают.

Розоватый оттенок соляных залежей сразу начал казаться Волкодаву зловещим. Прямо как подбой шляпок у некоторых грибов, которые венские бабушки старались пораньше показать детям.

– И ещё вот что, почтенные, – сказал старик и даже остановился, чтобы придать веса словам. – Среди здешних озёр иные ничем не отличаются от прочих, но над ними в воздухе как бы дрожат прозрачные тени. Камень, брошенный в такую тень, не вылетит с другой стороны. Если верить преданию, здесь когда-то искали смерти влюблённые, сошедшиеся без благословения. Кое-кто называет юношу простым конюхом, а девушку – чуть ли не дочерью шада. Другие утверждают, будто она была мергейтской наездницей, он же – Горным Призраком, сбежавшим из своей сотни. Истина нам неизвестна, да она, пожалуй, не так и важна; довольно того, что они устремились к Богине, Объятия Раскрывающей, ибо не видели места для своей любви на этой земле.

Иригойен украдкой присматривался к большим и маленьким блюдцам. Волкодав поймал себя на том же и нашёл, что воздух над ними выглядит совершенно обычным. Зато венн, кажется, понял, отчего так прихотливо петляла по равнине дорога. Должно быть, обходила места, где неосторожного путника могла подстергать гибель.

– Когда их настигла погоня, – продолжал Гартешкел, – девушка, как нередко бывает, оказалась решительней мужчины. Она первая бросилась через солончак... Так вот, почтенные, сколь бы различно легенды ни описывали влюблённых, все они сходятся в одном: люди, выследившие их, вернулись домой поседевшими, юноша же лишился рассудка. Все они больше суток слушали страшный крик, раздававшийся из пустоты...

Волкодав продолжал идти размеренным шагом, толкая тележку. В роду Синицы любили поугать гостей россказнями о Калиновом овраге, где тёмными ночами слышались бесплотные голоса. Белки, жившие на быстром Крупце, никогда не ходили через Каменный брод, потому что после этого людей начинали преследовать несчастья. А Волки знали в ближнем болоте Бучило, которое, если долго вглядываться, показывало картины, имевшие мало отношения к этому миру. Племя изгнанников не хотело вести особых дел с теми, кто некогда выставил за порог его праматерей, и это вполне можно было понять.

– А я-то хотела спросить, отчего верные Мораны не воздвигли здесь храма, – пробормотала мать Кендарат.

– Вот именно, – кивнул старейшина. – Даже тем, кто славит Смерть, трудно молиться Ей, когда Её облик так страшен!

* * *

Мать мечты, провозвестница жизни – Луна! Звёздам нет счёта, но Ты отовсюду видна.

Тысячи лет изумлённо следит человек,

Как беспредельных морей направляешь Ты бег...

Полная луна проплывала за тучами, лишь изредка улыбаясь с небес. Иригойен пел по обыкновению негромко, запрокинув голову и сплетя пальцы.

Вот рыбакам озарила Ты хляби их нив,

И за Тобою послушно приходит прилив.

Рыб косяки ощущают его в глубине,

Чуют безглазые твари на сумрачном дне.

Славят Луну и любя повинуются Ей

Все – от могучих китов до ничтожных червей.

Ждёт терпеливый моллюск, свои створки смежив: Пищу доставит ему благодатный прилив...

Старик Гартешкел прохаживался за спинами Волкодава и матери Кендарат. Он впервые слышал, как поёт Иригойен.

Нынче он берег готов разнести не шутя,

Завтра – как будто несёт в колыбельке дитя.

Опыт веков угадать позволяет одно:

Время, когда на глазах обнажается дно.

Этот порядок, что старше счисления лет,

Не прекратится, пока не преставится свет...

Халисунец благодарно простёр ладони к Луне.

На расстоянье руки мы не видим порой.

Ложе морское назавтра восстанет горой,

Житель пустыни хребет оседлает волны...

Лишь неизменна изменчивость лика Луны!

– Удивительна твоя молитва, – сказал Гартешкел. Все обернулись к нему, и он пояснил:
– Ты ни о чём не просил своё Божество. – Подумал и добавил: – И не утверждал превосходства Лунной веры над прочими...
Иригойен даже растерялся.
– Я просто славлю Матерь, – выговорил он наконец.
Волкодав дождался, чтобы Гартешкел отошёл, и спросил халисунца:
– Ты сам это видел? Море, прилив?
– Видел. Когда ездил с отцом к мономатанской родне. – Помолчал и добавил: – Вот бы там ещё побывать!

А я не видел моря,
хотел сказать Волкодав. Но не сказал, потому что это не имело значения.

Деревня, как нетрудно было предвидеть, обнаружилась в глухом конце долины, в углу, образованном сдвинувшимися хребтами. Посреди котловины, с трёх сторон защищённой высокими скалистыми кряжами, действительно расстилалось мелкое пресноводное озеро, наполовину заросшее камышами, – желанный приют для кочующих диких стад. Дальний берег озера занимала деревня. Её до последнего не было видно благодаря отлогому взгорку, совсем невысокому, но тем не менее успешно прятавшему озеро и селение от глаз конных и пеших. Неудивительно, что те давние переселенцы готовились к голодной смерти в двух шагах от такого пригожего места!

Даже теперь, перво-наперво заметив вдали реденькие дымки очагов, Волкодав чуть не принял их за те самые прозрачные тени, якобы витавшие в воздухе над погибельными местами. Вздвогнув, он лишь со второго взгляда сообразил, что это были просто дымы. Ещё сотня шагов, и стал виден храм спасительницы-Богини, не пожелавшей отвергнуть Своих опозоренных дочерей. Храм был не намного больше обыкновенного дома, но являл как бы изваяние, воздвигнутое в кирпиче. Сидящая женщина в просторном одеянии с куколем, низко спущенным на лицо, готова была принять всех нуждавшихся в ласке и материнском тепле. Здесь старик Гартешкел опустился на колени и лбом коснулся земли.

– Спасибо тебе, дорога, за то, что уже который раз приводишь меня домой...
Волкодав невольно подумал о том, как однажды и сам, если судьба будет хоть сколько-то справедлива, увидит с холма свой родной дом. Сердце стукнуло невпопад. Он знал: это будет почти как в деревне виноградарей, превращённой в деревню мучеников, только ещё хуже. Тех мужчин и женщин он, по крайней мере, не знал живыми и не водил с ними дружбы, не говоря уже о родстве. Что важнее, горцы, надобно думать, уже теперь, засучив рукава, восстанавливают свои дома и свою жизнь. А его родовое селение было как бы дважды мертво, ведь в домах истреблённых успели поселиться чужие.

– Что за умница кот, притащивший к хозяйскому костру тяжёлого гуся, – сказала мать Кендарат. – Тут никак не меньше двух перестрелов!
[21]

...А в остальном деревня была самая обыкновенная. Серенькие саккаремские мазанки, в которых, по мнению венна, не зимовали как следует, а с грехом пополам коротали гнилые здешние зимы. Они тянулись вдоль единственной улицы, упиравшейся в храм. Только один домик стоял особняком – на внешнем берегу озера. К нему вела дорожка, отделявшаяся от большака. Странники стояли как раз на перепутье.

– Ты была права, сестра, – сказал Гартешкел. По загорелой коже от уголков глаз разбежались тёплые лучики.

Волкодав оглянулся на него, не сразу сообразив, что речь идёт вовсе не о коте, а старейшина продолжал:

– Ты глубоко видишь людей, и ты не ошиблась, сочтя, что я был бы рад привести сюда лишь старшего из твоих сыновей. Мы уже давно не чуждаемся сторонних людей, но праздник

подношения на один день возвращает нас в скорбное прошлое. Ты поймёшь меня, если я скажу, что в этот день, единственный в целом году, мы не радуемся гостям.

Волкодав успел обратить внимание, что на улице совсем не было видно людей.

– Мои дети и внуки сейчас предаются посту и раздумьям о горестях нашей давней судьбы, – кивнул Гартешкел. – В полночь прозвучит колокол. Тогда твой сын начнёт свой путь к храму. Мы все будем молиться, чтобы пирог подношения возлёг на алтарь таким же бесскверным, каким вышел из печи. Если наши молитвы будут услышаны, с рассветом хозяйки соберут праздничный пир, и там, сестра, ты с младшим сыном вновь сможешь обнять своего старшего. Но до тех пор, уж ты прости нас, мы просим тебя обождать вот в этом домике у дороги. Мы выстроили его как раз для таких случаев, чтобы сторонние люди, уставшие ютиться в палатках, хотя бы насладились кровом и теплом очага. Там приготовлены дрова, рядом колодец с чистой водой...

– Не унижай себя извинениями, почтенный отец народа! – чуть не до слёз покраснел Иригойен. – Ты лишь следуешь обычаю, завещанному от предков. То, что ты так свято блюдёшь его, делает тебе честь!

Волкодав молча сунул руку за пазуху, где дремал не любивший сырости Мыш. Он знал, что в подобных случаях питомца следовало брать врасплох. Иначе не оберёшься хлопот, отдирая его от кожуха или выпутывая из волос. Оказавшись в руках у матери Кендарат, Мыш для начала схватил её зубами за палец.

У хищного летуна были сильные челюсти и очень немаленькие клыки, раза в полтора крупнее кошачьих. Однако он так и не пустил их в ход. Вместо того чтобы отворить жрице кровь, Мыш рванулся следом за Волкодавом и закричал. Это был жутковатый крик, полный бессильной ярости и отчаяния. Он звучал на удивление громко и долго, даже не верилось, что его испускало существо с голубя величиной. Кан-Кендарат видела, как одеревенела спина размеренно уходившего венна. Волкодав нёс свой мешок и вещи Гартешкела, в том числе драгоценный жбан с водой из Дымной Долины. Он не оглянулся.

– Глупенький, – сказал Иригойен и потянулся погладить Мыша. – Утром ты увидишь хозяина и снова сядешь ему на плечо!

Острые зубы клацнули в полувершке от его пальцев. Иригойен со вздохом впрягся в тележку и покатил её по дороге.

Халисунец ожидал, что в домике, которым пользовались хорошо если раз в год, будет холодно и сыровато, однако ошибся. Стоило шагнуть через порог, как в лицо пахнуло теплом. Внутри оказался даже не обычный открытый очаг, а целая печь с дымоходом, искусно проведённым под широким лежаком. На лежаке пестрели горкой лоскутные одеяла и стоял плетёный поднос: лепёшки, овечий сыр и кувшин напитка, пахнущего яблоками и корицей.

– Странно, – задумчиво проговорила мать Кендарат.

– Что странно, госпожа? – удивился Иригойен, выходящий задать сена ослику.

– Эту печку топили сухим камышом. А в деревне, если обоняние меня не обманывает, топят навозом.

– Здешние люди гостеприимны, – сказал Иригойен. – Ночь покаяния не даёт им пригласить нас к себе, но они хотят, чтобы у нас ни в чём не было недостатка. Смотри, мы сможем даже подтопить печь, если ночь выдастся холодной!

Солнце уже готовилось уйти за равнину, где вилась пройденная путниками дорога. Навстречу, суля непогоду, из-за горизонта вздымались рваные облака. Закат пылал всеми огнями, от ледяного малинового на подбрюшьях верховых туч до жаркого золота по краям облаков, словно бы раскалённых и оплавленных близостью солнца. В долине пока царил затишье, но тучи мяли и комкали бешеные ветры небесных высот, отчего они представляли то кораблями, то колесницами. С севера на долину медленно и неотвратимо падала буря. Чего доброго, к рассвету забросает сухую траву снегом. Пусть на полдня, но всё же...

Видимо, как раз на такой случай жители деревни и снабдили гостей сухими пучками камышовых стеблей, связанных в подобие лёгких поленьев. Одно удовольствие кидать такие в горнило и чувствовать, как печное тепло гонит прочь стылое дыхание непогоды!

– Собаки, – сказала мать Кендарат. – Я оглохла или ты тоже не слышишь собак? Что за деревня, где никто не лает из-под ворот и дети не возятся со щенками?..

Она по-прежнему держала в руках Нелетучего Мыша. Тот больше не кричал, но всякий раз, стоило ей чуть утратить бдительность, делал рывок, пытаясь вывернуться и удрать.

– Может, этих людей некогда травили злыми псами и они до сих пор их не любят, – подумав, нашёл объяснение Иригойен. – Или настолько чтут потомков того добычливого кота, что не хотят чинить им обиду?

– Ну да, – проворчала мать Кендарат. – Только наняли нести свой пирог человека по имени Волкодав!

Она облюбовала подходящую стропилину – ею в отсутствие хорошего строевого леса служила неокорённая жердь, – и, вытянувшись повыше, насколько позволял рост, устроила на ней Мыша. Тот снова ощерил зубы и заскулил, но потом, делать нечего, завернулся в крылья и притих, повиснув вниз головой.

– А ведь он не первый раз мне его поручает, – негромко, словно думая вслух, проговорила жрица. – С чего бы вдруг такое?

Иригойен ещё раз вышел наружу – на случай ненастья закатить под навес тележку, где лежал свёрнутым их походный шатёр. Когда, возвращаясь, он снова открыл дверь, крылья Мыша развернулись. Зверёк мгновенным движением бросился, как показалось халисунцу, ему прямо в лицо. Разорванная перепонка, по обыкновению, подвела. Мыш закувыркался в воздухе, но не удавшийся полёт всё же вынес его за порог. Шлёпнувшись на холодную землю, он мигом перевернулся на лапки и, помогая себе сгибами крыльев, по-жабьи проворно заскакал прочь. От пышного заката осталась лишь зловеще-алая полоска, рдевшая в тучах. Было уже темновато, так что Иригойен поспешил схватить беглеца. Мыш завизжал, снова щёлкнули зубы. Сын пекаря, в сердцах помяная Беззвёздную Бездну, затряс в воздухе расплосованным пальцем. Стянув другой рукой с головы шапку, он накрыл Мыша, отнёс его, кричащего и трепыхающегося, назад в дом, чтобы водворить обратно на жердь.

Мать Кендарат, успев зачем-то распотрошить одно из сложенных у печки поленьев, внимательно рассматривала сухие стебли. Нюхала что-то, растирала на ладони и опять нюхала. Иригойен вынул изо рта прокушенный палец и крепко сжал его, чтобы остановить кровь.

– А может, их псы сидят вместе с хозяевами, в домах, – сказал он жрице.

Та неожиданно фыркнула:

– И тоже скорбят о былых горестях племени...

Иригойен нахмурился:

– Злые слова ты молвишь, служительница Кан Милосердной! Это их вера и их обида... Чем тебе так не угодили здешние жители?

Мать Кендарат вскинула голову. Карие глаза светились, точно угли. Иригойен ещё не видел у неё подобного взгляда.

– Ты сказал! – медленно и значительно выговорила она. – Я не бывала в Халисуне, но почему-то не думаю, чтобы у вас очень любили вечно обиженных. А я, право, не припоминаю, чтобы кто-то так носился со стародавней несправедливостью, как этот старейшина Гартешкел и всё его племя!

– О чём ты? – нахмурился Иригойен. Он не желал сознаваться себе, что сердце глухо и тревожно застучало в груди.

– А ты сам припомни, – посоветовала жрица. – Этот дед, он же как рот ни откроет – всё о том, как они скитались, несчастные, да как с голоду помирали, пока не остановились в здешней долине...

Халисунец потупился:

– У нас говорят: горе народу, чья память коротка, словно овечий хвост. Это и не народ вовсе, а стадо, живущее одним днём, без прошлого и без будущего.

– Я разве покушаюсь на их память? – подалась вперёд мать Кендарат. – Если хочешь знать, моё племя, живущее у края Вечной Степи, тоже досыта нахлебалось крови и горя во дни Последней войны, когда нашествие меорэ нарушило порядок кочевий и все, начиная с мергейтов, стали менять пастушьи посохи на боевые копыя. И мы тоже помним всё, что нам пришлось вытерпеть! Но наши старики, хранящие мудрость, не велят растревлять прежние раны. Они должны отболеть и зажить, а не превращаться в язвы, отравляющие тело! С тех пор двести лет прошло, Иригойен! Мергейты, породившие Гурцата Жестокого, давным-давно стали мирными табунщиками, и нет страны, где не славились бы их кони. Саккаремская держава сильна и свободна, её племена приняли в себя халисунскую, меорийскую, мергейтскую, ещё чью-то

кровь – и стали от этого лишь красивее и богаче! Потомки детей с ореховыми глазами ведут караваны, чеканят серебро и распоряжаются казной солнцеликого шада. И только в этой уединённой деревне по-прежнему мнят себя отверженными и ждут зла от людей, как два века назад!

– Я бы только порадовался, будь всё действительно так, как ты описала, – тихо, не поднимая глаз, возразил Иригойен. – Людям мешаной крови всегда приходится тяжелее...

– Да у кого она не мешаная? – искренне удивилась мать Кендарат. – Спроси любого, откуда повелось его племя, и тебе расскажут о юношах, которые пересекли море или бескрайний лес – и встретили незнакомых красавиц... Впрочем, я не о том. Ты небось по себе знаешь, каково быть полукровкой?

Сын пекаря отвёл глаза и вздохнул:

– В детстве меня каждый день спрашивали на улице, какими зельями выбеливала меня мать и не сберёг ли я чёрного пятнышка где-нибудь на спине. Бывало и так, что мальчишки постарше заворачивали мне рубаху на голову и сдёргивали штаны...

– Но у тебя хватило духу возвыситься и пережить это, – сказала Кан-Кендарат. – Ты потянулся к Лунному Небу, вместо того чтобы затаиться в тёмном углу, раздумывая о своих обидах и прикидывая, как отплатить злом за зло!

Иригойен, взявшийся было за кувшин, разжал пальцы.

– Злом за зло! – тихо повторил он. – Ты хочешь сказать, эти люди, для которых внешний мир по-прежнему полон врагов...

– Я не собираюсь на них попусту наговаривать, но ты же помнишь, как я спросила старейшину, чем живут у него в деревне? Он лишь мельком упомянул отхожие промыслы, но ничего определённого так и не ответил. Я думаю, он ни разу не соврал нам напрямую, но и всей правды не говорил. Такая беседа – своего рода искусство, и я никому не посоветовала бы поворачиваться спиной к человеку, который в нём преуспел... – Она помолчала. – Гартешкел величал меня сестрой, а вас с Волкодавом – своими друзьями, но с друзьями так себя не ведут! При упоминании о хозяине Мыш открыл глаза и протяжно, жалобно запищал.

– Он ни разу не назвал меня по имени, – потерянно пробормотал Иригойен. – И тебя. И Волкодава...

Жрица кивнула:

– Это может ничего не значить, а может быть и очень дурным знаком. Как и то, что нас поселили отдельно и к общему столу звать пока не торопятся. Спорю на своего осла, что даже эта еда была приготовлена в особой печи, не в той, где они пекут свой знаменитый пирог. – Она пристально следила за тем, как Иригойен водружал на румяную лепёшку ломоть пахучего сыра. – И вот ещё что... Я не возьмусь утверждать, будто так уж хорошо знаю местные травы, но вот эта... – и она показала халисунцу сухой стебелёк, вытасченный из «полена», – выглядит крупней и сильней той, которую у нас бросают в жаровню, если кто страдает бессонницей или скверными снами. Как приятно пахнут связки камыша, нагретые у печи, верно? Куда завела нас наша глупость, Иригойен? Может, это деревня воров? Или, помилуй Кан, отравителей и тайных убийц, готовых за плату на такие дела, о которых добрый человек не захочет даже помыслить?

Иригойен уронил лепёшку обратно на поднос. Потом вдруг рассмеялся.

– Я понял: ты испытываешь меня, – сказал он. – В любом человеке можно при желании усмотреть всё, что угодно. Начни вот так рассуждать в безлунную ночь, и сам себя напугаешь до полусмерти! Взять хоть меня: если всё сложить один к одному, выйдет, что я – ходячая беда, меня гнать надо в три шеи, пока я всех своим злосчастьем не заразил. А Волкодав? Мы же его долго считали вовсе немым, он и теперь рот открывает раз в три дня, когда сам захочет. Откуда он на той тропе взялся – доселе не знаем. Какого племени – не ведаем, только то, что по-халисунски и по-саккаремски он говорит так, словно разом здесь и там родился. А выглядит страшней урлаков, которые меня едва не прибили...

Мать Кендарат слушала его, ласково улыбаясь.

– И я ничего не знаю про эту траву, кроме того, что пахнет она в самом деле приятно, – сказал Иригойен. – Госпожа, мы оба следуем за Луной, только я чту Её как Владычицу Неба, а ты видишь в Ней зримый облик Кан Милосердной. Сейчас новолуние, отчего нам с тобой и досаждают такие скверные мысли. Прощу тебя, давай вместе помолимся, чтобы рассеялся этот

морок и утром на пиру мы встретили Волкодава. И чтобы Мыш нас до тех пор насмерть не закусал...

– Молитва не помешает, – кивнула жрица. – Но Та, Которой мы служим, ждёт от нас дел. Никто не обрадуется больше меня, если окажется, что я поглупела от старости и совсем разучилась видеть людей. Тогда мы скажем старейшине, что держали пост из уважения к их обычаю...

Поскольку я всё равно не притронусь к этим лепёшкам и Серому их не дам. – Она так покосилась на манящий лежак, на пёстрые одеяла, что Иригойен понял: ночевать под этим кровом, где витает сладкий сенной дух, она тоже не будет. – Но радоваться мы станем утром, а пока... Волкодав у них там один, а мы здесь, и это нехорошо. Вот что я сделаю: схожу-ка в деревню да посмотрю, что к чему...

– Если они не замышляют худого, им будет обида, – вновь потупился Иригойен.

– Об этом не беспокойся, – усмехнулась седовласая жрица. – Они меня не увидят. И не услышат.

Иригойен хотел сказать, что непременно пойдёт вместе с нею, но успел только открыть рот, когда мать Кендарат вдруг насторожилась и прижала палец к губам, и одновременно под потолком зашипел, разворачивая крылья, Нелетучий Мыш. Потом маленький светильник внезапно погас, словно задутый неосязаемым ветром, и халисунец ощутил на своём запястье предостерегающее пожатие сильных пальцев.

Некоторое время они сидели в темноте, только слушая, как снаружи шумит разошедшийся ветер. Потом за стеной ударил копытом и заревел Серый. И почти сразу начала открываться дверь.

Петли были на диво заботливо смазаны, сидевшие в доме распознали едва слышный скрип дерева по дереву лишь оттого, что ждали его. Зрачки Иригойена успели расшириться, привыкая к почти полному мраку, и он вроде бы заметил громоздкую тень, скользнувшую через порог. А может, просто холодом повеяло от двери?..

Присутствие матери Кендарат, которое он явственно ощущал подле себя, внезапно рассеялось. Что именно содеяла жрица, халисунец так и не понял. Только то, что действовала она с пугающей быстротой. И так уверенно, словно видела в темноте не хуже Мыша. Послышался сдавленный вскрик. Удар тяжёлого барахтающегося тела смахнул Иригойена с лежака. Самым разумным выглядело закатиться в уголок и не высовываться оттуда, но Иригойен, движимый мужской гордыней, попытался схватить упавшего на него человека. За это ему тотчас же досталось кулаком по затылку. Вскользь, но всё равно так, что перед глазами метнулась белая вспышка. Между тем возле двери длилась борьба. Сын пекаря понял, что нападавших было самое меньшее двое...

Всё кончилось так же внезапно, как началось. Снова вспыхнул светильничек. Сам собой, точно повинувшись неслышиму властному слову.

Внутри дома всё было вверх дном. Лепёшки разлетелись по земляному полу, кусок растоптанного сыра белой кляской прилип к сапогу человека, вяло сидевшего под стеной.

Иригойену хватило одного взгляда на его отвисшую челюсть и закаченные глаза, чтобы понять: этот встанет не скоро. Если встанет вообще.

Второй беспомощно распластался, свисая со сломанного лежака. Мать Кендарат придерживала его за левую кисть, вроде бы легонько, но как-то так, что громила в два раза тяжелее её самой не смел шевельнуться.

На груди у него, готовый чуть что вцепиться в глаза, сидел и щерился Мыш.

Жрица мельком посмотрела на торопливо вскочившего халисунца и неожиданно спросила:

– Осталось что-нибудь в кувшине?

Кувшин с отбитым горлышком валялся посреди мокрого пятна, благоухавшего яблоками и корицей. Иригойен нагнулся за ним и обнаружил, что внутри сбереглось немного напитка.

– Вылей ему в рот, – последовал приказ.

Пленник испуганно забился и зарычал, пытаясь противиться. Пальцы женщины едва заметно сдвинулись, усиливая нажим. Из глаз урлака потекли слёзы. Он глотнул раз, другой... Веки дрогнули и закрылись, судорожное дыхание стало ровным, тело обмякло. Жрица ещё что-то сделала с его рукой, но мужчина не пошевелился.

– Крепкое зелье. Но похоже, не смертельное, – сделала вывод мать Кендарат. – Давай, малыш, бросай в печку тростник: пусть сами получают всё то, что приготовили нам!

Вблизи храм – насколько вообще позволительно было судить в ночной темноте – показался Иригойену куда уродливее и грубее, чем издали. Вроде того, как величественный скальный лик, замеченный с другого края долины, по мере приближения оборачивается беспорядочным нагромождением глыб. Заглянув снизу вверх под спущенный куколь, Иригойен почти не сумел разобрать черт, только рот, показавшийся ему слишком большим. А ладони, по воле древних строителей касавшиеся земли, были как две хлебные лопаты, готовые поддеть неосмотрительный ком двуногого теста. Подхватить – и увлечь неведомо куда...

Или это шутило шутики воображение, после нападения готовое всюду видеть только опасность и чужое коварство?

– Уж не Богине ли, Объятия Раскрывающей, они тут поклоняются, – еле слышно шепнула мать Кендарат. – Могла бы я догадаться, какого рода праздники обычно справляют в ночи!

– Не будь к себе слишком строга, – так же тихо отозвался сын пекаря. – Старый хитрец всех нас провёл, не только тебя. Он принудил нас сострадать...

– И желать хоть как-нибудь помочь племени изгнанных, – кивнула жрица. – Между прочим, ты узнал тех двоих в доме? Когда старик сидел у дороги, мы приняли их за воров, подбиравшихся к его кошельку...

– Вот, значит, как, – скрипнул зубами Иригойен. – А мы, доверчивые простаки...

– Увижу, не пожалею, – зловеще пробормотала мать Кендарат. – Оставишь его мне, понял? Ты ему во внуки годишься, а я – такая же старая и седая, мне не стыдно будет чёрствый крендель из него сделать!

Пока было больше похоже, что отбиваться предстояло хорошо если втроем от целой деревни, но Иригойен пообещал.

...А вот вход в храм располагался как надо: в складках мантии, ниспадавшей с колен кирпичного изваяния. Когда отец Иригойена отпустил его, возжелавшего синих одеяний, он привёл домой сироту Мурэна, даровитого и прилежного ученика. Парню велели скрыться под лавкой, на которую уселась старшая женщина в доме. Мурэн выполз обратно на свет между бабкиными ногами, обретая рождение, после которого ни Боги, ни люди уже не могли отказать приёмьшу в родовом имени Даари...

Всё так, только сидела Богиня лицом на восток, к деревне и озеру. А значит, молившиеся внутри обращались к неблагой, закатной стороне света. Это было очевидно с самого начала, но почему же бросилось в глаза только теперь?..

Как в большинстве храмов Богини, здесь не было запирающихся дверей, только арка, перекрытая толстой войлочной полстью. Мать Кендарат прислушалась, потом одним глазом заглянула внутрь и наконец вошла. Иригойен последовал за ней без раздумий.

И на какое-то время разучился не то что говорить – даже дышать.

Храм был очень скудно освещён изнутри, но всё равно сверкал так, как, по слухам, не сверкали даже сказочные забои в Самоцветных горах. Золота, серебра и камней здесь было достаточно, чтобы выкупить все постоянные дворы Дымной Долины. Кубки, блюда, фигурки птиц и зверей. Монеты с печатями незнакомых владык, образа давно забытых Богов... Роскошные храмы халисунской столицы были на самом деле лачугами бедняков. Иригойен не увидел ни одной вещи, которая не завораживала бы тончайшей работой, пожалуй что слишком искусной для человеческих рук.

– Ну и приданое у здешней Богини, – прошептала мать Кендарат. – Кем я готова была посчитать Её верных – тайными отравителями?.. Они ещё хуже. Смотри!

Иригойен обернулся.

Главная молельная стена, у которой располагался алтарь, была оставлена почти голой. Лишь посередине одиноко висело главное сокровище храма. Ничем не украшенный меч с серебристым клинком и простой рукоятью. Рукоять завершалась лапками, вроде бы подразумевавшими камень величиной с куриное яйцо, но камня в них не было.

– Двести лет могильного воровства! – сказала мать Кендарат. – Я помню изображения: это меч одного из Среброволосых! Ну и как по-твоему, отчего здесь не любят собак?

Иригойен услышал и не услышал её. Гораздо больше, чем меч святого воителя, его внимание приковал алтарь.

Тот самый, на который Волкодав – или иной взявшийся заработать шестьдесят три серебряных лаура – обязывался возложить пирог подношения.

Это был необработанный кусок серого камня, каких полно валялось на равнине возле деревни. А стоял он посреди маленького соляного блюдца, только озера здесь никогда не было, соль сюда принесли и тщательно разровняли, обложив по краю белыми камешками. Иригойен ненадолго отвёл глаза, а когда посмотрел снова, камень показался ему не таким, как прежде. Изменившимся. Решив, что всему виной две мерцающие лампадки и сплошной золотой блеск, халисунец взгляделся внимательнее. И заметил словно бы лёгкую рябь, пробегавшую по поверхности камня. Или чего-то, лишь казавшегося каменной глыбой? Иригойен хотел окликнуть мать Кендарат и показать ей недоброе диво, но в это время снаружи прозвонил колокол. Всего один раз.

Тот несправедливо судил о веннах, кто утверждал, будто они стыдились обнажённого тела. Соплеменники Волкодава всего лишь почитали наготу слишком священной для каждодневных приличий. В конце концов, не нагим ли Бог Грозы тридцать лет и три года провисел на цепях, пока томился в плену? А когда до северных чащ докатилась Последняя война, славнейшие герои вышли на бой, как на Божий суд, – без кольчуг, нагими по пояс. И в начале каждого года, когда Светынь принималась ломать лёд, а люди помогали весеннему обновлению кулачной потехой, лучшие бойцы, случалось, сбрасывали рубахи... Как следует затянув набедренную повязку, Волкодав расплёл косы и тщательно расчесал волосы.

Долго ждать не пришлось. Открылась дверь. В сопровождении двух женщин вошёл старейшина Гартешкел. Женщины держали в руках плоскую корзину. Домик сразу наполнился божественным запахом сдобного теста, печёного мяса, яиц, пряностей и орехов. – Ступай, друг мой, пора, – сказал Гартешкел. – Да пребудут с тобой надежды моего племени, видевшего так много лиха. Да сойдут наши горести и грехи на этот пирог и да расточит их материнское прощение на святом алтаре...

Ударил колокол.

Волкодав принял корзину. Дышащий, горячий пирог показался ему живым существом. Поудобнее перехватив ношу, венн двинулся за порог. В глаза тотчас ударил чадный факельный свет. Волкодав прищурился...

Почему он ждал, что увидит благочестивые лица молящихся и руки, робко протянутые для прикосновения? Какое! Урлаки, оставленные лежать у горной тропы, воскресли и явились творить месть, да ещё привели с собой ораву таких же насильников и убийц. Справа и слева не было каменных стен, зверолоуди не сжимали в руках кнутов и кинжалов... но, кажется, только потому, что надеялись обойтись голыми пятернями. В конце улицы, в двух сотнях шагов, виднелся храм.

И голос вроде человеческого, сказавший: вот тебе твоя свобода. Ступай...

Чья-то рука словно клещами впиалась в плечо. Волкодав сбросил её и нырком одолел следующий шаг. По спине прочертила когтистая лапа, тянувшаяся то ли к корзине, то ли к нему самому.

Слишком простая работа, за которую сулят щедро вознаградить, всегда оказывается с подвохом.

Ещё шаг и ещё...

За стенами храма ворочалось и ревело многорукое, многоголосое чудище. Шум медленно приближался. Слишком медленно, по мнению матери Кендарат.

– Дойди, Волкодав, – словно заклинание, повторяла она. – Только дойди...

Бежать навстречу было бы самоубийством, причём вполне бесполезным. А вот если он сумеет достичь храма и хоть ползком, но перебраться через порог, его ещё можно будет спасти. Она даже знала, как это сделать. Или ей казалось, что знала.

– Его собирались встретить жрецы и старейшина, – сказал Иригойен.

Они уже нашли заднюю дверь, через которую те, вероятно, должны были войти, но что с того? Спрятаться негде, значит, придётся сразу давать бой. А там будь что будет.

Рёв на улице нарастал. Чудище приближалось.

Полсть на задней двери откинулась почти без предупреждения. Первым внутрь вошёл Гартешкел – но кто бы теперь узнал старика! Вместо скромно одетого предводителя обездоленных через порог шагнул величавый священнослужитель, весь в золотой парче... не иначе добытой, как и прочее храмовое убранство, из какой-нибудь древней гробницы. Следом появились два одинаковых мужика с литыми загривками. Небось без ломов поднимали каменные плиты в той усыпальнице... Кажется, Гартешкел полагал, что с Волкодавом ещё нужно будет справляться.

– Здорово живёшь, Камышовый Кот, – ласково проговорила мать Кендарат, возникая перед ним из потёмков.

Гартешкел ахнул, обмер, шарахнулся назад. От хрупкой худенькой женщины необъяснимо веяло жутью. Спутники старейшины, наоборот, рванулись вперёд, слаженно выхватывая ножи. Расправа, учинённая матерью Кендарат, оказалась короткой и страшной. Клинки вспороли пустоту: седовласая жрица вроде бы неторопливо, плывущим шагом скользнула за плечо одному из убийц. Того сразу повело, а потом развернуло, вздёрнуло и бросило под ноги второму. Оба упали. Поднялся только один. Он снова ринулся на старую женщину, но вместо удара почему-то обежал её кругом и с разгону въехал лбом в стену, даже не выставив перед собой рук. Его товарищ булькал и хрипел, уткнувшись головой в пол и выгнув спину горбом.

– Ты... кровь... ты осквернила храм... – кое-как выдавил Гартешкел.

– Да? – по-прежнему ласково ответила жрица. Она даже не запыхалась. – Осквернила? Это после того, как вы двести лет губили здесь людей, бросая их на алтарь?

Гартешкел, растеряв всё величие, с перекошенным лицом метнулся к двери, но на его пути встал Иригойен. Схватив первое, на чём сомкнулась рука, он наотмашь ударил старейшину и сбил его с ног.

– Я сказала – оставь его мне! – зарычала мать Кендарат.

Сын хлебопёка положил на пол древний меч, сдёрнутый со стены, и заткнул рот Гартешкелу куском золотой парчи, откровенным от облачения.

– Так я же не сильно... – виновато проговорил он. – Просто чтобы других не всполошил...

Пещера. Дымный чад факелов...

Он ещё стоял на ногах, упрямо отказываясь падать, хотя по всем законам ему давно полагалось бы упасть и испустить дух. Он зажимал рану ладонями, и между пальцами прорывались липкие пузыри. Он твёрдо знал, что у него хватит сил добрести до ворот, ведущих к свободе. Где бы они ни находились, эти ворота.

Сознание меркло, многолетняя привычка брала своё. Ноги переступали короткими шажками, ровно по мерке снятых с них кандалов. Постепенно делалось холоднее. То ли оттого, что приближалась поверхность, выстуженная вечным морозом, то ли из-за крови, которая с каждым толчком сердца уходила из тела и чёрными кляксами отмечала его путь. Почти всюду эти кляксы мигом исчезнут под сотнями тяжело шаркающих ног, – эка невидаль, кровь на рудничных камнях! – но кое-где пятна сохраняются. Рабы станут показывать их друг другу и особенно новичкам, убеждая: легенда о завоевавшем свободу – не вымысел...

А пока он просто шёл, поддерживаемый неведомо какой силой, и вся воля уходила только на то, чтобы сделать ещё один шаг и не упасть. Перед ним проплывали мутные пятна каких-то лиц, но он не мог даже присмотреться как следует, не то что узнать. Шаг. Держись, Волкодав. Держись, не умирай. И ещё шаг. И ещё...

* * *

Даже если бы Гартешкел вырвался наружу и начал громко кричать, призывая на помощь, его бы вряд ли услышали. По улице катился ревуший клубок. Порой от него отделялись похожие на

людей существа, но лишь для того, чтобы сразу вновь броситься в свалку. И кто-то волок на себе всю массу слипшихся тел, упрямо продвигаясь вперёд.

– Дойди, Волкодав, – шептала мать Кендарат.

Когда от криков начали дребезжать по стенам драгоценные чаши, войлочная завеса у входа вдруг тяжело всколыхнулась, успокоилась, снова подалась внутрь – и через порог, прижимая к груди корзину с оторванным ремнём, рухнул Волкодав.

Его чуть не уволокли за ноги обратно, но Иригойен с матерью Кендарат мгновенно вцепились в него и упёрлись так, словно от этого зависела их жизнь, и всё-таки затащили венна к себе.

– Мать Луна, – приглядевшись, простонал Иригойен.

Смотреть на Волкодава было попросту страшно. То есть лучше было вообще не смотреть.

Иригойен, во всяком случае, не смог разобраться, где кончались обрывки набедренной повязки и начинались лохмотья содранной кожи. Халисунец попытался забрать у венна корзину, но сведённые руки не разжимались.

Мать Кендарат опустила на колени.

– Отдай, малыш, – шепнула она.

Забрала корзину и пошла туда, где сидел связанный Гартешкел.

Тот смотрел на неё выпученными глазами.

– Когда ты мёрз у дороги и притворялся больным, ты мне нравился больше, – сказала она. – Вставай, старейшина могильных воров и жрец святотатцев! Сам соверши то, на что обрекал этого человека!

Гартешкел засучил ногами и замычал, но мать Кендарат взяла его за палец, и он вскочил так резво, как только мог, потому что не всякому дано хладнокровно терпеть, когда ломается плоть. Жрица повесила ему на шею пирог и толкнула в сторону алтаря.

Толчок был не особенно сильным, но Гартешкел пошатнулся и ступил через белые камешки. То, что было дальше, человеческому осмыслению не подлежало. Не было ни прозрачной тени, ни ужасного вопля из пустоты. Старейшина упал на алтарь и просто исчез, словно проглоченный. Вместе с пирогом подношения и золотым одеянием, уворованным из могилы жреца.

– Вот так, – сказала Кан-Кендарат и вернулась к Волкодаву. Тот шевелился на полу, силясь подняться. Мышь прыгал вокруг и скулил, не смея коснуться хозяина. – Надо уносить ноги, пока они не догадались, в чём дело!

Распалённая толпа гудела у входа, дожидаясь, чтобы Гартешкел вышел объявить, что жертвоприношение свершилось и можно начинать праздничный пир.

Верный ослик смиренно стоял за кустами в десятке шагов от задней двери храма. Туда Волкодав, скрипя зубами, как-то доплёлся, но это было и всё. Сесть верхом он уже не смог. Обмяк и свалился окончательно.

– А ты, небось, ещё и не бил их в ответ, малыш... – вздохнула мать Кендарат.

Уложила осла, и вдвоём с Иригойеном они с горем пополам затащили Волкодава ему на спину. Венн был хоть и костляв, но тяжёл.

Они не позарились ни на золото, ни на дорогие камни, забрав только то, что, по их общему мнению, никак невозможно было оставить в руках осквернителей праха: меч Среброволосого, святого защитника саккаремских границ.

– Может, где-нибудь найдётся праведный храм... – сказал Иригойен.

Сказал и сразу задумался, как ещё примут жрецы людей чужой веры, явившихся вернуть давно украденную святыню, не кликнут ли стражу. Но об этом лучше поразмыслить попозже, где-нибудь за Белой Рукой. А пока он придерживал Волкодава, сползавшего то на одну сторону, то на другую, и шагал вперёд как можно быстрее.

Примерно на полпути к домику для сторонних людей стало ясно, что первыми, кто заночевал в нём и выжил, они станут навряд ли. Из деревни в их сторону потекла факельная река. Видно, там устали ждать Гартешкела, сунулись в храм... И теперь ни под каким видом не собирались отпускать живыми тех, кто выведет правду.

Иригойен и мать Кендарат переглянулись в потёмках. Было похоже, наступало время прощаться.

Тучи у них над головами озарила изнутри лиловая вспышка. Ослепительно-яркая – и почему-то беззвучная.

Поддавшись внезапному наитию, жрица вскинула голову.

– Бог Грозы!.. – во весь голос воззвала она. – Бог правды, господь героев и кузнецов! Яви Свою справедливость!..

Сначала не произошло совсем ничего. Потом землю и небо над долиной потряс чудовищный по силе удар. Двое людей внизу ещё не успели опустить глаза – и увидели то, что немногим счастливым удаётся узреть один раз за целую жизнь. Крылья вороных коней. Колёса мчащейся колесницы. И пылающую двойным светом секиру, воздетую божественной дланью.

Взмах!

Дорогу прямо перед толпой святотатцев рассекло лезвие лилового пламени. С шипящим треском и грохотом разлетелась земля. На пути преследователей возникла горелая борозда, длинная и широкая. Самый храбрый, а может, самый невезучий перепрыгнул её. И покатился по дороге, корчась, точно одержимый припадком. Он выл, как зверь в капкане, пока не затих.

Взмах!

С неба протянулась тонкая струйка золотого огня и слизнула древний меч прямо из рук халисунца. Иригойена отшвырнуло прочь, он закричал не хуже могильного вора, волосы встали дыбом и окутались искрами... Но ниточка божественной силы уже втянулась в породившие её облака, и сын пекаря встал, потрясённый, потрёпанный, но живой.

Волкодав как следует пришёл в себя только наутро. Закутанный в одеяло, он лежал на тележке, которую катил серый от усталости Иригойен. Рядом ехала на ослике мать Кендарат, невозмутимая, как обычно. Волкодав хотел встать и идти, шевельнулся, вздрогнул, заново выплыл из мрака и понял, что нужно немного повременить.

– В каком же огне калили тебя, друг мой... – вздохнул Иригойен.

Волкодав отвернулся. О том, что с ним случилось, дома сказали бы: отправился по шерсть, да вернулся сам стриженный. Ему было стыдно.

Он провалился пластом ещё полных три дня, почти до Белой Руки. Каждый вечер мать Кендарат чуть не с головы до пят мазала его нарочно сваренным снадобьем. Оно воняло раздавленными травяными клопами и жгло так, что, кажется, проще было сразу помереть... но, видимо, помогало. На четвёртый день Волкодав натянул штаны, позаимствованные у халисунца, оттолкнул его и, одолевая дурнотную слабость, сам впрягся в тележку. Мать Кендарат только головой покачала.

Вечером, выставив хлебные колбаски печься над углями, она спросила его:

– Кто же отпустил тебя, такого дикого и такого глупого, одного через горы?

Волкодав смотрел, как румянилось тесто, и молча гладил льнувшего к нему Мыша. Насмешки были справедливыми, но отвечать не хотелось.

– А ну-ка, попробуй ударить меня, – сказала маленькая седая жрица. – Или пихнуть, как Иригойена. Ну?..

Жизнь предлагает порою нам выстроить башни

До облаков. И рассудку становится страшно.

Этакий труд! Не одна голова поседела!

Разум боится, а руки берутся за дело.

Там, где в грядущем воздвигнуты будут палаты,

Чистое поле впервые тревожат лопаты,

По кирпичу, по бревну, по ведёрку воды
Руки вершат неподъёмные с виду труды.
И поглядите-ка, вот они, крепкие стены:
Были вчера высотой едва по колено,
Нынче уже не достанет до верха рука,
Завтра – и вовсе оставят внизу облака...
Жизнь заставляет покинуть родную берлогу
И отправляет порой нас в такую дорогу,
Что ни конца ей, ни краю не ведает взгляд
И бесполезно гадать – а придёшь ли назад.
Разум скулит, и боится, и кланчит: «Постой!»
Ноги меж тем отмеряют версту за верстой.
Первый ночлег вдалеке от родного предела,
Первый костёр, разожжённый ещё неумело...
И притупляются острые зубы тоски,
И почему-то не так уже трут башмаки.
Солнце восходит, и ночь зажигает огни,
И незаметно в седмицы слагаются дни,

Ждёшь уже края земли, потихоньку гадая,

Как он устроен, а главное – что там, за краем?

И, по дороге не встретив последней стены,

К дому выходишь... Но только – с другой стороны.

3. Дар-Дзума

Издали казалось, что над Дар-Дзумой в жарком мареве позднего саккаремского лета стоит плотная стена облаков, распадающаяся на два слоя. Внизу – плотные дождевые тучи. Над ними – лёгкая волнистая пелена. По мере приближения в нижней гряде становились заметны расселины и ущелья, несвойственные облакам. В очень далёкие времена – вероятно, тогда же, когда возле Дымной Долины топтался злой великан, – здесь расколола подножную твердь стовёрстная трещина, извергавшая огонь и потоки жидкого камня. Даже всемогущая Богиня не смогла сразу исцелить эту рану. Снег, который Она тридцать с лишним лет сыпала с неба, на полпути обращался в пар. Когда же наконец всё успокоилось, вернувшиеся люди увидели на привычном лике земли уродливую отметину. Один её край остался на месте, другой почти отвесно ушёл на такую высоту, что зимой его украшала белая бахрама. Не все дети века беды дожили до рассвета, но в обрыве проточила себе русло река, и уцелевшие разведали по её берегам глину, какой не находили больше нигде. Старинная отметина на лице Саккарема обрела особое название: Шрам. А в Дар-Дзуме начали обжигать лучшую во всей державе посуду.

Надежда заработать шестьдесят три серебряных лаура, приведшая Волкодава в деревню могильных воров, в итоге лишила его всех пожитков – вместе с мешком, куда он их заботливо сложил. Уцелел, прикрытый набедренной повязкой, лишь нательный пояс, с которым венн не расставался ни при каких обстоятельствах. Всё прочее досталось в поживу родичам Гартешкела. Волкодаву было особенно жалко ножа с клинком голубоватой стали, заточкой которого восхитился бы даже непревзойдённый кузнец, Межамир Снегирь. Однако вернуться за Белую Руку Волкодав согласился бы разве только ради Мыша. Остальное измерялось деньгами, то есть, по мнению правильного венна, не заслуживало называться несчастьем. Были бы кости, а мясо можно и нарастить...

Едва ли не на первом же постоялом дворе, где матери Кендарат пришлось развязать кошель, двое мужчин без сговора пошли к хозяину спрашивать, не найдётся ли работы.

Хозяин смотрел на них, досадливо морщась. Тонкокостный, словно изнутри светившийся халисунец показался ему добрым малым, но вряд ли неутомимым работником. Второй, уроженец неведомых земель, за время всего разговора не издавший ни звука и вдобавок разукрашенный следами жестоких увечий, выглядел вовсе конченным человеком. Неудачливым наёмником. Или грабителем, не поделившим с ватажниками добычу. Такого легче представить с кистенем под мостом на большой дороге, чем во дворе с метлой и ведёрком. Тем не менее помощники в хозяйстве были нужны, и хозяин определил обоих в кухонные мужики. Может, рассчитывал на какой-никакой толк от первого и надеялся, не порождая обид, избавиться от второго.

На другой день Волкодав мёл двор, выворачивая мусор из давно забытых углов, а старшая стряпуха гонялась со скалкой за Иригойеном. Тот вздумал советовать ей, как определять готовность опары. Ещё через несколько дней гостям начали подавать оладьи вдвое пышней, чем

в соседних харчевнях. Потом Волкодава, чистившего задок, взялся задира́ть вышибала. Наверно, тоже посчитал чужестранца, нанявшегося на грязную и почти дармовую работу, человеком конченным и потому безответным.

...Схватка, смотреть которую сбежался весь постоялый двор, кончилась тем, что у венна опять заплыл и закрылся один глаз, вышибала же удрал за ворота, смекнув, что в ином случае угрюмый подметальщик его просто убьёт.

Хозяин, наблюдавший из окошка, вышел во двор. Волкодав был уверен, что ему велят немедленно убираться и ни гроша не заплатят, но, к полному недоумению венна, хозяин похвалил его и начал объяснять обязанности вышибалы. Оказывается, так велел обычай, соблюдавшийся всюду, где умели браниться по-саккаремски, по-аррантски и по-мономатански. Человек, приставленный смотреть за порядком, держал своё место, пока его не побеждал более достойный.

Вечером мать Кендарат, как всегда, увела Волкодава за рощу. И в очередной раз показала ему, что драться он не умеет.

Ночь за ночью он падал на свою лежанку, не чуя ни ног, ни рук, только боль в надсаженных сухожилиях и вывернутых суставах. И не знал, что будет вспоминать это саккаремское лето как едва ли не самое счастливое в своей жизни, – с тех самых пор, как ему исполнилось двенадцать.

Волкодаву было известно, что в Дар-Дзуме имелось несколько улиц, по которым ночами ходила вооружённая стража, и дела жителей направлял не старейшина, а наместник шада – вейгил. Тем не менее, по рассказам человека, очень любившего свой дом, венн упорно представлял себе уютную маленькую деревню, населённую дружной семьёй мастеров, с неугасимой печью посередине. Он чуть не остановился, когда поворот дороги открыл впереди целый городок, и немаленький. Полдня потратить придётся, пока весь обойдёшь!

– В твоей стране чтут мёртвых, – сказал он Иригойену.

– Чтут, – кивнул халисунец. – Ибо мы никто без наших предков, глядящих на нас с Лунного Неба.

– Я слышал, – сказал Волкодав, – невольника можно выкупить и после его смерти...

Иригойен вздохнул:

– Та женщина, рабыня, просила меня так поступить, если её сын уже умер.

В воздухе над восточной околицей Дар-Дзумы дрожали едва ли не те самые прозрачные тени, от которых предостерегали путников в долине солончаков. Там день за днём, год за годом держали ровный жар огромные гончарные печи. Топили их камнем огневым, неиссякаемые залежи которого Богине было угодно расположить совсем рядом, в горной стене. Как топливо огневец был очень неплох, только давал изрядно золы. И вонючий, удушливый дым. Поэтому печи стояли с подветренной стороны городка, и за ними серыми курганами громоздились зольные отвалы. В Дар-Дзуме их называли горельниками. Те, что поближе, давно заросли травой и кустами. Те, что подальше, выглядели совсем свежими. Некоторые курились.

– Это дорого? – спросил Волкодав.

Иригойен успел уже привыкнуть к его обыкновению преспокойно возобновлять давно прервавшийся разговор.

– Трудно предугадать, – покачал головой халисунец. – Могут просто бросить рабскую серьгу в огонь и не взять с тебя денег. Но если хозяин жаден и вдобавок поймёт, что это для тебя почему-либо важно... Ты кого-то хочешь выкупить, друг мой?

Шагов двести Волкодав думал, как объяснить.

– Я знал мальчика... – выговорил он наконец.

И снова замолчал так прочно, что Иригойен отважился осторожно спросить:

– Ты... любил этого мальчика? Я слышал про такую любовь...

Волкодав отвернулся. Он тоже слышал про такую любовь. И даже видел её. Там, где она оказывалась единственно доступной ипостасью любви. Он запомнил слова, сказанные человеком воистину мудрым: пусть лучше будет такая любовь, чем совсем никакой.

– Я обидел тебя?.. – испугался Иригойен.

Обижаться было не на что. Но Волкодаву расхотелось ещё что-нибудь спрашивать, и он не ответил. Они молча шагали до того самого места, где дорога становилась главной улицей городка. Мать Кендарат посмеивалась, глядя на них с седла.

Вообще-то, Дар-Дзума если чем и напоминала обычное саккаремское селение, то разве что издали. Вблизи становилось понятно: мастера старинного городка гончаров знали о глине и огне всё, что только можно знать... и ещё немножко. Улица оказалась мощёной, но колёса тележки постукивали не по камням, а по кирпичам, повторить которые чужаку было не легче, чем знаменитое вино из замороженных гроздьев. Эти кирпичи не щербатились, хоть молотком по ним бей, и не очень-то истирались под многими сотнями ног, копыт и колёс. Но на кирпичи мостовой глаз обращал внимание в самую последнюю очередь, настолько удивительные дома виднелись по сторонам, за глинобитными заборами и зеленью древесной листвы.

По обычаю саккаремских селений, окраина была вотчиной народа попроще. Как жили здешние богатеи, трое путешественников пока не видали, но вряд ли зодчие

[22]

выдумали для них нечто превосходившее изобретательность бедноты. Горшечники Дар-Дзумы приспособились жить в этаких ульях. Каждый жилой покойчик, кухня или кладовка представляли собой отдельные строения, больше всего похожие на... большие глиняные горшки. Стены в полтора человеческих роста били из глины прямо с входными отверстиями и выемками под стропила, после чего прокаливали в огне. Затем ладили остроконечную крышу – и готов домик, прочный и долговечный, прохладный летом и хорошо хранивший тепло холодной зимой. А ещё двери здесь делали круглыми, располагали их высоко над землёй и лазили туда-сюда по приставным лесенкам. Не доберётся до съестного ни крыса, ни мышь!

Волкодав крутил головой и думал о том, что здешние жители, вероятно, так же дико косились бы на венские избы, серебристые от дождей и снегов. Те небось казались бы им вправду отлитыми из серебра. В Дар-Дзуме, как и почти всюду в Саккареме, строевой лес был дорог. Ещё он пытался вспомнить, сколько времени когда-то отвёл себе на то, чтобы добраться сюда. Две-три седмицы?..

На торговую площадь, как и положено, выходили самые важные и богатые здания вроде храма Богини. Его ограда не была замкнута воротами; виднелся двор и большое старое дерево, чьи нижние ветви были сплошь увиты яркими платками, лентами, полотенцами. Под деревом, обложившись свитками, сидел юноша в одежде послушника. Большой серый кот то влезал к нему на колени, то щекотал босые ступни. Послушник рассеянно улыбался и гладил любимца, не отрываясь от чтения. Волкодав присмотрелся. У кота не доставало ушей, одного глаза и половины хвоста.

– Смотрите! Во-он там! – окликнул Иригойен.

Венн оглянулся. Вытянутая рука сына пекаря указывала на обветшалую древнюю башню в углу большого двора.

– Вон там! На кирпичах! Знаки Полумесяца!.. – радовался халисунец. – Здесь трудились дети Лунного Неба! Вдруг я в Дар-Дзуме единоверцев найду?

Двор явно принадлежал высокородному вельможе, может, самому наместнику. Створки ворот стояли запахнутыми, свидетельствуя, что любой горожанин может прийти к своему вейгилу с жалобой или просьбой. Как раз когда странники миновали ворота, оттуда на рослом шоситайнском коне выехал всадник в нарядном чёрном кафтане. И тут же взмахнул свистящим хлыстом, поднимая золотистого красавца в галоп.

– Добрый у них наместник... – глядя вслед жестокому человеку, пробормотала мать Кендарат.

Между тем Дар-Дзума определённо сулила в самом ближайшем будущем стать ещё необычнее. Ватага в полсотни человек, уж точно не меньше, корчевала вдоль улицы старинные кирпичи, рыла длинную канаву и укладывала в неё глиняные трубы. Работа шла споро. Чувствовалось, землекопы занимались этим уже который день.

– Простите моё любопытство, добрые люди, – подошёл к ним Иригойен. – Я не первый год путникаю, но подобного не видал! Чем должен увенчаться ваш труд, благословлённый Богиней?

Волкодав остановил тележку и поставил её на упор. Мало ли, вдруг землекопам вздумается обижать халисунца. К тому же его самого разбирало любопытство, хотя в этом он бы нипочём не сознался.

Трудники, однако, только обрадовались возможности перевести дух.
– Посмотри во-он туда, – сказали Иригойену.

С улицы были хорошо видны окружавшие Дар-Дзуму сады желтосливника [23]

и каменная пустошь за ними, тянувшаяся до самой реки. Река, белогривым скакуном вырывающаяся из ущелья в горной стене, за много веков протоптала себе в земле узкое и глубокое ложе. Теперь там трудилось громадное водозаборное колесо. Большие бадьи уходили вниз на добрых десять саженей, где мощный поток наполнял их водой и придавал вращение колесу. Полные бадьи выносило наверх, там они опорожнялись – и по жёлобу вода бежала в селение.

– Это колесо, мы называем его «цорат», изобрели наши мудрые предки, да раскроет им объятия Богиня, – сказал землекоп. Он работал голым по пояс, волосы на мускулистой груди слиплись от пота. – Оно поит нас вот уже больше ста лет, редко останавливаясь для починки. Одна беда – народу у нас год от году всё прибывает, так что воды, бегущей со старого цората, на всех уже недостаточно.

– Если все будут так горячо любить жён, как ты, Бизар, скоро нам придётся искать реку побольше, – засмеялся его товарищ, чернявый и горбоносый. – Она у тебя какого сына ждёт, восьмого? Или девятого? Со счёту не сбились?

Наверное, Бизар мог бы ответить, что отрабатывает за всех, у кого одни дочери, но это значило бы чинить обиду земляку. Он лишь улыбнулся и промолчал.

– Радостно видеть, сколь щедро улыбается Богиня жителям этого края, – когда утих общий хохот, весело проговорил Иригойен. – Значит, вы решили построить новое колесо?

Бизар приосанился, вытер пятерню о штаны, разгладил усы. Жители Дар-Дзумы не считали себя особым народом, но у здешнего люда не только кувшины – даже имена определённо были более звонкими, чем в других краях Саккарема.

– Мы мастера-гончары, халисунец, – с гордостью ответил Бизар. – Богиня, даровавшая нашим предкам способность творить небывалое, не обошла ею и нас. Мы решили взять струю у реки и повернуть её к городу, а там уже по глиняным трубам привести в наши кухни и мастерские!

– Такое есть только в великих и славных городах, и то не во всех, – заверил чернявый.

– А чтобы мы лучше преуспели в строительстве, – пояснил третий, – наш господин вейгил, да прольётся дождь ему под ноги, нанял того, кто всех острее отточил свой разум, возводя постройки и создавая приспособления для разных ремёсел: учёного арранта, господина Кермниса Кнера.

– Он нам уже показывал, как вертеть круг не ногами, а силой воды!

– Он пускает в пруд игрушечный кораблик с вертящейся трубочкой вместо паруса, и тот движется против ветра!

– Аррант говорит, водой можно будет наполнить не просто маленький пруд, а целое озеро!

– Хорошую рыбу в нём развести, может, даже лебедей поселить...

– Мы здесь трубы закапываем, а другие бьют ход в горе, чтобы воду забрать.

На этом Волкодав перестал слушать. Перед глазами встали стены пещеры, а дымы гончарных печей обернулись зловонным факельным чадом...

Их сбросили вниз связанных и избитых, и некоторое время они просто лежали там, ожидая, пока надсмотрщики развернут верёвочную лесенку. Пёс, упавший прямо сверху напарника, лишь сумел перекатиться в сторону. Потом на них замкнули кандалы, свисавшие с рычага ворота, и пинками подняли на ноги.

Рычаг гладок под ладонями Пса. Руки предшественников вылощили тяжёлое бревно, отполировали до блеска. Все эти люди теперь мертвы. Кто попадал сюда, обратно не

выходил. Случись подобное хоть раз, рудничные легенды рассказывали бы об этом. А они такого не помнят.

По дну круглой каменной ямы кольцом пролегает тропинка, вытертая ногами рабов. Ворот должен работать, и вот за спиной у Пса щёлкает в воздухе кнут. Понимая, что следующий удар разорвёт тело от плеча до бедра, он наваливается на бревно. Его напарник тоже делает шаг, просто потому, что под кнутом не берётся за работу лишь мёртвый, но кудрявая голова арранта беспомощно никнет, руки соскальзывают. Ещё немного, и позовут старшего назирателя, чтобы он кивнул и сказал: «Этого заменить!»

Самые страшные слова, которые может услышать каторжник Самоцветных гор.

Псу кажется, что он пытается в одиночку сдвинуть всю гору. Медленно-медленно бревно всё же подаётся. Высоко над головой заводят нескончаемую жалобу косые шестерни механизма, вздрагивает и приходит в движение колесо, поднимающее воду из подземной реки. Надсмотрщики убираются наверх и утягивают за собой лесенку.

Аррант Тиргей изо всех сил пытается толкать ворот, но сил слишком мало. У него получается только следовать за рычагом. Он спотыкается, повисает на цепях и снова встаёт.

«Сядь верхом, – хрипит Пёс. Теперь, когда колесо более-менее разогналось, ему делается полегче. – Отдохни...»

На самом деле больному учёному уже не принесёт облегчения никакой отдых, но Пёс упрямо не хочет даже подпускать к себе мысль, что арранту осталось недолго.

«Я сейчас... Только отдышусь... – виновато бормочет тот, неловко влезая на движущееся бревно. – Тебя могут наказать...»

«Не накажут. Я услышу, если они подойдут».

В подземельях, где нет ни ночи, ни дня, трудно угадать собственный возраст, но другие люди говорят, что ему сравнялось семнадцать. Из них он пять лет уже здесь и успел заслужить славу опасного. С Тиргеем ему легко и просто разговаривать. Хотя один из них родился в заснеженной северной чаще, а другой держал речи в собраниях мудрецов.

Тиргей уже знает, чем отблагодарить и порадовать друга.

«Слушай же, названный брат мой. Я расскажу тебе о рождении и течении рек и о том, почему не иссякают в земле родники...»

Сколько времени понадобилось Волкодаву, чтобы разведать, а главное, пройти дорогу в Дар-Дзуму, – но, оказавшись здесь, в провожатых он более не нуждался. Вот она, улочка, что берёт начало у торговой площади и сворачивает к садам. Вот он, добротный, хозяйскими руками

возведённый забор из глиняных, с соломой замешенных кирпичей. Сразу видно: их выкладывал человек, собиравшийся увидеть здесь внуков. Забор кое-где следовало бы подновить, но Волкодав узнал его всё равно. Доски ворот, высушенные жарким солнцем до костяной белизны...

Венн несколько раз прошёл мимо этих ворот туда и сюда, набираясь решимости. Он даже волосы заранее расчесал. Как перед боем или другим делом, требующим всего человека. Потом постучал.

Никто не ответил. Волкодав подождал, ещё прошёлся по улице, вернулся к воротам. Ему упорно казалось, что из-за соседних заборов на него устремлены любопытные взгляды. Ну и пускай.

Когда во дворе послышался лёгкий шорох шагов, он постучал снова.

Калитку открыла женщина лет на пять постарше его самого, и он мгновенно узнал её черты: выражение глаз, губы, форму лба... хотя никогда прежде не видел. Он узнал женщину, потому что помнил мужчину.

Он поклонился ей:

– Здравствуй, досточтимая Шишины... – Женщина испуганно ахнула, калитка захлопнулась, и договаривать пришлось, обращаясь к белым костям досок: – Я принёс весть о твоём отце...

Калитка немедленно отворилась. Волкодав пригнулся и шагнул во двор. Шишины, миновав пустую собачью конуру, уже исчезала в щели между глиняными башенками, крича:

– Мама, мама!

Венну только тут бросился в глаза её наряд. Не девичий и не женский, без вышивки и украшений. Так в Саккареме одевались обесчещенные. Брошенные жёны, отвергнутые невесты. Волкодав запер калитку и пошёл следом за ней.

Хозяйка дома на заднем дворе ворошила желтосливы, половинками вялившиеся на солнце.

Волкодав коснулся рукой земли:

– Да прольётся дождь тебе под ноги, досточтимая Мицулав...

Обе женщины смотрели на него во все глаза.

– Скажи одно, – прошептала хозяйка. – Он жив?

Волкодав почти пожалел, что вообще явился сюда.

Когда его распинали на стене и спускали шкуру кнутами, и то было легче. Он медленно покачал головой.

У Шишины отчаянно задрожали губы. Одна её ладонь метнулась ко рту, другая заслонила глаза. Ресницы Мицулав остались сухими. Она выпрямилась.

– Уходи, лживый человек, возвращайся туда, откуда пришёл, – сказала она. – Ты не был с ним. Ты не мог его знать. – Потом на её лице мелькнула надежда. – Ты, наверное, хочешь, чтобы я дала тебе денег?

Волкодав вздрогнул и понял, кого она видела перед собой. Законченного лиходея со сломанным носом, выбитым передним зубом и уродливым рубцом на щеке. Висельника, как-то увернувшегося от петли и решившего обратить в деньги случайно подслушанный разговор.

Чтобы оправдаться, ему было достаточно отодвинуть ворот рубахи. Или завернуть рукава. Он не стал унижать ни её, ни себя.

Мыш на его плече подался вперёд, вытянулся, опираясь на сгибы крыльев, и жалобно закричал. Это ненадолго отвлекло Мицулав, собиравшуюся сказать или сделать что-то такое, после чего Волкодаву вправду оставалось бы только уйти.

– Меня продали в тот же караван, – проговорил он негромко. – Только нас, мальчишек, везли в клетке, а он шёл на цепи. Люди не хотели нести в рабство свои имена. Он взял прозвище:

Дистен-Должник. Он показался мне добрым человеком. Разумным и сильным. Потом я нечасто видел его. Он рубил камень глубоко под землёй, добывая огненные опалы. Недра горы разверзлись и проглотили людей. Твой муж, досточтимая, успел выкинуть из забоя мальчика-лозоходца, которого любили рабы, и сказать ему своё имя: Кернгорм. Тогда я решил, если выживу, добраться в Дар-Дзуму. – И он снова поклонился вдове: – Вот, я пришёл... Чем я могу тебе послужить?

Это была невозможно длинная речь. Он не один день её сочинял.

Мицулав подняла глаза. Волкодав увидел, что услышанное состарило её сразу на десять лет. До сих пор она была женой должника, проданного на каторгу. Теперь стала вдовой.

– Сам-то ты как вернулся? – тихо спросила она. – Тебя разыскали и выкупили?

Волкодав покачал головой:

– Я бился с надсмотрщиком. За это вручали свободу.

Приняв какое-то решение, хозяйка опустила на сухое бревно и движением руки пригласила венна сесть рядом с собой.

– К нам пришёл гость, знавший твоего отца, – укоризненно обратилась она к дочери. – Сбегай купи сладкого вина, да смотри про сыр не забудь!

Волкодав открыл рот возразить: хватит, мол, с него и домашней лепёшки, – но вовремя сообразил, что Мицулав просто хотела остаться с ним с глазу на глаз.

Он не ошибся. Шишины всплеснула руками, схватила корзинку и убежала. Тогда хозяйка взяла его за руку, сама распустила тесёмки и увидела то, что он не захотел ей показывать: грубые рубцы на запястье, оставленные кандалами. Вздохнув, женщина снова завязала шнурок и спросила:

– Мой муж говорил, за что его продали?

– Он сказал, что сам себя продал. А потом убил человека, обманом помешавшего ему вернуть долг. Он жалел, что оставил вас с дочерьми. Но не о том, что наказал подлеца.

– С дочерьми?

– Да, госпожа. Шишины и Саянар.

Мицулав грустно улыбнулась. Сильная женщина, не сломленная невзгодами.

– Ты вправду знал Кернгорма, – сказала она. – У нас была младшая дочь, но в пять лет она умерла от болезни, поражающей горло. В ту весну хворали и задыхались многие дети, потому что ветер неделю тянул с зольников. Люди говорили, так случилось оттого, что кто-то в городе совершил дурное дело и не исповедал его. Богиня с трудом прощает подобное... Муж очень любил Саянар и всегда говорил о ней так, словно она должна была вот-вот вбежать со двора... Так мой Кернгорм, значит, сам себя продал?

«Почему же родичи не выкупили тебя?» – спросил Щенок.

Дистен внезапно озлился:

«А твоя семья почему тебя не выкупила? Ты был непочтительным сыном? И с чего это я должен держать ответ перед тобой, мальчишка?..»

Только много лет спустя юному венну было суждено понять причину его гнева...

– Да, госпожа, – сказал Волкодав. – Сначала дом, потом и себя, но дом вернули.

– Узнаю мужа. Он предпочёл сказать кривду, не умея вынести бесчестья. Только врал, как всегда, неуклюже, – негромко проговорила Мицулав. – Слушай же, чужестранец, если вправду хочешь добра. У нашего вейгила, которому ещё Иль Харзак доверил быть в Дар-Дзуме своими устами и правой рукой, жена умерла родами. Сам наместник той осенью поехал в Мельсину и свалился с чёрной заразой. Лекарь шада спас его, но детей иметь вейгил больше не мог. Он ложился со знахарками и платил золотом за мономатанские снадобья, но ничто ему так и не помогло. Единственный сын стал его сокровищем и светом очей. Отец много лет жил лишь для того, чтобы исполнять всякую его прихоть. Когда Нагьяр стал подрастать, люди пожалели, что вейгил не заболел годиком раньше...

Волкодав очень пристально смотрел на неё, и вдова усмехнулась:

– Думаешь, я вновь хочу накликать ветер с отвалов? Спроси любого нашего гончара, тебе скажут то же самое и ещё добавят... Если только самого Нагьяра с друзьями поблизости видно не будет.

Волкодав молча слушал её, пытаясь уяснить, какое отношение избалованный сын вейгила мог иметь к семье Должника.

– Потом мой муж взял у ростовщика денег, – продолжала Мицулав. – Кернгорм мечтал делать муравленую посуду, покрывать её многоцветной поливой, но нужные краски привозят издалека, и стоят они недёшево. Муж продал на торгу кувшины и блюда, украшенные всеми цветами нашего сада, и привёз достаточно денег, чтобы отдать долг и ещё остаться с хорошим прибытком. Он целовал меня, вслух мечтая, как купит новых красок и, может быть, возьмёт толкового ученика. Но в самую ночь его возвращения деньги украли. – Мицулав расправила на коленях и без того опрятный передник. – У нас никогда прежде не запирали дверей... На другой день Нагьяр купил себе шо-ситайнского жеребца, и люди говорили, что его отец удивлялся покупке.

Руки Волкодава медленно сжались в кулаки.

– Ростовщик, добрый человек, знал порядочность мужа. Он дал нам отсрочку, – тихо, ровным голосом рассказывала вдова. – Ещё дважды Кернгорм собирал деньги, чтобы отдать долг, и снова их крали. На третий раз он подстерёг вора, но в темноте тот вырвался и сбежал. Рано утром к нам пришли стражники. Оказывается, мой Кернгорм, в рот не бравший хмельного, накануне затеял пьяную драку, напал на сына вейгила и так его искалечил, что тот вряд ли доживёт до полудня. Туда и дорога! – сказал мой муж. И, не противясь, пошёл с ними в подвал, предназначенный для убийц. Этот подвал всегда стоял пустым, там хранили соленья...

Она замолчала и, взяв длинную палку с поперечиной на конце, снова начала ворошить половинки желтослива, полупрозрачные от жаркого солнца. Она так долго не произносила ни слова, что Волкодав понял: о самом горьком и тяжком Мицулав ему ещё не поведала.

– Когда уходил невольничий караван, – наконец заговорила она, – Шишини побежала проститься с отцом. Она проводила его до реки и в последний раз обняла, и я никогда не устану благодарить торговца, позволившего ей это. Когда она, плача, возвращалась обратно, её увидел Нагьяр. Он тоже ездил посмотреть на караван, потому что был совсем не так болен, как нам сказали... Сколько тебе лет, чужестранец?

– Двадцать... один, – огорошенный внезапным вопросом, запнулся Волкодав.

И немедленно усомнился, правильно ли исчислял собственный возраст. Уже сравнялось? Или только к зиме?..

– Я думала, ты куда старше, – удивилась вдова. – Впрочем, ты, наверное, всё равно способен понять... Наш сосед Бизар отвозил в сад тачку золы, чтобы лучше плодоносил желтосливник... Он нашёл мою дочь и принёс её домой на руках, всю истерзанную и в крови. Я выходила её, но оказалось, что её чрево непраждно. Она не хотела жить осквернённой. Я запретила ей накладывать на себя руки или изгонять плод. Я сказала ей: кровь твоего отца бьётся против нечистого семени. Этот бой видит Богиня, а Она справедлива. Так всё и случилось. Мы назвали мальчика Ирги-Кернгорм, то есть Младший Кернгорм, и в наш дом снова пришла радость.

– Я увижу его? – спросил Волкодав.

– Вот то, о чём я хотела тебя просить, – сказала Мицулав. – Когда родился мой внук, Бизар подарил нам щенка от хорошей сторожевой суки. Люди не могут идти против вейгила и его сына, но если бы не соседи, мы сейчас жили бы не здесь, а возле горельников. Ростовщик Бетаф, узнав о несчастье, простил мне долг мужа... Мы с дочерью торгуем лепёшками и отдаём торговцу вяленый желтослив, но этим летом Ирги объявил себя взрослым, взял Рыжего и пошёл на постоялый двор стеречь сундуки гостей, ведь теперь и у нас можно нарваться на вора. Волкодав насторожился. Он только что был на постоялом дворе, но не видел там ни мальчика, ни собаки.

– Три дня назад, – продолжала Мицулав, – один из молодых вельмож, друзей Нагьяра, пришёл с оцарапанной рукой и стал говорить, будто наш пёс слишком злобен и чуть не разорвал его безо всякой причины. Наместник велел стражникам забрать Рыжего на строительство подгорного хода и посадить там на цепь, а если заартачится, то убить. Ирги сам отвёл пса и остался с ним рядом, сказав, что брата не бросит. Он правда вылитый дед... Такой же упрямый. Я боюсь, как бы с ним не случилось беды, но и за ухо домой вести не хочу, чтобы не ломать его гордость. Прошу тебя, добрый чужестранец, если только ты не совсем стоптал в пути ноги: найди Ирги, расскажи ему, что знал деда. И ещё, что, если он правда взрослый, следовало бы ему уважить и мать с бабкой, а не только своего пса.

Из Дар-Дзумы казалось, что горная стена Шрама была совсем близко, только сады пересечь. Но на деле, по свойству всякой горы, идти до неё оказалось – в самом деле ноги намозолишь. Зато

стало понятно, почему на улочках совсем не видно было прохожих. Все, кто мог держать в руках лопату, лом или кайло, ворочали камни, рыли канал, буравили земные недра. И не только ради заработка, обещанного вейгилом. Вода нужна была каждому. Самые трезвомыслящие уже поговаривали, что наместник наверняка захочет вернуть свои деньги. Чего доброго, на будущий год он увеличит налоги. Или ещё как-то сделает платной воду из новых труб. Как именно, пока было не особенно ясно, но что-нибудь наместник уж точно придумает!

Вдова Мицулав даже немного обиделась на Волкодава, потому что венн сразу собрался и ушёл, не дождавшись обещанного угощения.

«Вот вернусь с твоим внуком, – сказал он ей, – тогда и выпьем вино».

Не сознаваться же, в самом деле, что его словно в спину кто-то подталкивал, шепча на ухо: поспешай! Опыт давно научил его, что к такому шёпоту ниоткуда лучше прислушиваться. Хотя, если по уму, какая беда могла постичь Ирги возле стройки, где работали все его земляки? Оттуда, где начинались осыпи, было хорошо видно, что изначально Дар-Дзума строилась в низменности, где были впервые найдены залежи глины. Старые выработки давно превратились в блестящие под солнцем пруды, на их берегах теснились богатые особняки. Вот усадьба вейгила: сочная зелень, горящая солнечным золотом черепица...

Он увёл Каттая шагов на полсотни в сторону по дороге, туда, где колея заворачивала за скалу. Надсмотрщик Гвалиор проводил их бдительным взглядом, но не окликнул. Рабы часто ходили туда, особенно молодые и ещё не утратившие тщетных надежд.

«Смотри...» – сказал Щенок и вытянул руку.

Дорога здесь вилась по карнизу над глубоким обрывом. В двух саженях под нею в скалу были вделаны бревенчатые опоры, и на них растянута широкая прочная сетка – улавливать всё, что могло вольно или невольно свалиться.

За ущельем поднималась утёсистая гряда. Ни дать ни взять зубастая челюсть дракона. Иные зубы успели выветриться и выщербиться, а другие вовсе выпали вон. И там, где вместо заснеженного камня зияла пустота, открывался вид на долину. Очень далёкую и от этого немного ненастоящую. Долина была круглая, удивительно правильной формы. Каттай глазел, любуясь внезапно представшим чудом. Горный воздух, особенно прозрачный и чистый из-за мороза, позволял многое рассмотреть там, вдали.

«Эта долина... Она вправду... зелёная? Или мне кажется?..»

«Вправду», – сказал Щенок. У него были длинные, ниже плеч, русые волосы. Они торчали из-под тряпья, из которого он смастерил себе подобие шапки. Ветер раздувал грязные спутанные пряди, давно не знавшие иного гребня, кроме пятерни.

Как часто бывает, глаза постепенно привыкали, начиная различать всё больше подробностей. Каттай рассмотрел дом, хороший каменный дом с забором, из-за которого выглядывали кроны фруктовых деревьев. Не удалось только оценить, велик ли был сад, – мешала скала. Каттай, впрочем, не сомневался, что сад был роскошный. Ещё бы!..

А в небе над чудесной долиной, словно знак, нарочно посланный Каттаю, висел узкий лепесток молодого месяца...

«Кто там живёт?» – отчего-то шёпотом спросил Каттай.

Щенок коротко ответил:

«Хозяева».

Волкодав даже головой замотал. Что-то слишком многое в этой Дар-Дзуме тревожило воспоминания, которые он надеялся поглубже похоронить. Здесь не стоило задерживаться. Он сведёт внука к бабке, немного посидит за столом – и уйдёт, оставив нарочно приготовленный кошелек. Он даже заранее знал, где положит его, чтобы честные люди приняли дар. В божнице. Раб по прозвищу Пёс забивал крепь с двумя мельсинскими ворами. Родичи Кернгорма и не заподозрят, что он подходил к домашней кумирне.

...Если же стоять к Дар-Дзуме спиной, хорошо видно было строительство. Груды каменных глыб, с обеих сторон нависшие над ущельем, где внизу гремела река. Длинный прямой канал, у края садов нырявший в большую трубу. Там сейчас всюду дымил огневец. Мастера промазывали и калили последние стыки. Не подлежало сомнению, что перво-наперво свежая речная струя придёт в усадьбу вейгила и в дома других богачей. А с окраинных горюшек вроде той, где ждала внука скромная вдова Мицулав, уличные водоносы ещё долго будут ходить с коромыслами к водогону, питаемому старым цоратом.

Из горной стены прямо на Дар-Дзуму смотрело разверстое жерло неоконченного тоннеля. Волкодав присмотрелся и понял: что-то было не так. Из тоннеля должны были доноситься грохот и шум, торопливой вереницей катиться тачки с породой, туда-сюда сновать люди... Но нет. На стройке царил подозрительная тишина. Где же все?

Дорога повернула, и венн увидел людей.

Побросав сручье

[24]

, они сидели, по саккаремскому обычаю скрестив ноги. Все как будто дожидались чего-то.

– Да благословит вас Богиня, Пот Отирающая, – обратился к ним Волкодав. – Скажите, почтенные, где мне здесь найти внука госпожи Мицулав?

Десяток рук сразу указал ему направление – за большую старую осыпь.

– Там он... вместе со своим Рыжим. Третий день сидит, не уходит.

– Погляди заодно, где уже этот аррант, скоро ли наконец испытает свою машину и к нам выйдет, – добавил другой. – Нас-то он страже велел палками гнать, чтоб не мешали.

Волкодав поблагодарил трудников и обошёл битые глыбы желтоватого камня, заросшие кустарником и травой. Горная стена возносилась к небесам тремя громадными уступами. Нижний был почти сглажен, укрыт плащами осыпей, давними и совсем свежими. Верхний, упирившийся в облака, источенный непогодами, казался стеной полубрушенной крепости, возведённой давным-давно, может, во времена Среброволосых, а может, ещё раньше. Голубая воздушная дымка окутывала древние башни, там, наверху, неумолчно гудел ветер, выводил печальный напев об ушедших временах, о давно забытых героях, о былой славе...

Пёс вправду оказался тёмно-рыжим, с заметной сединой на морде и возле ушей. Предки, пасшие халисунских овец, наградили его густой длинной шерстью, падавшей мягкими шнурами почти до земли, зато масть была словно из дар-дзумских гончарных печей. Он сидел на длинной цепи, тянувшейся из-под тяжёлого, не выдернешь, валуна. Видимо, предполагалось, что он должен был охранять палатки, видневшиеся ближе к стене. Подле пса, крепко обняв его за шею, съёжился темноволосый мальчишка. В двух шагах стоял рослый стражник и, похоже, уговаривал Ирги отойти. Небось давно увёл бы его силой, но стоило придвинуться ближе, как Рыжий молча скалил клыки, и мужчина поспешно отступал на прежнее место.

Стражников, как успел уже понять Волкодав, в Дар-Дзуме нанимали не из местных, чтобы не встали за своих против вейгила. Но этот почему-то по своей воле пытался сделать то, что было поручено Волкодаву.

На другом конце поляны, в десятке саженой, возился с какой-то машиной ещё один воин.

Длинный хобот устройства смотрел как раз туда, где сидели Ирги и Рыжий.

Ещё чуть подальше, у коновязи, перебирали ногами три лошади под богатыми сёдлами. Им что-то не нравилось, они не хотели здесь оставаться. Всех тревожнее ржал горбоносый жеребец золотой масти. Бахрома расшитого чепрака металась по его крупу.

В это время откинулась входная занавесь самого большого шатра, и наружу стремительным летящим шагом вышел, почти выбежал голоногий аррант. Даже будь он иначе одет, даже если бы он принял обычай носить бороду и усы, Волкодав по одной этой походке немедля определил бы в нём сына Аррантиады. И притом высокоучёного. Арранты считали, что бодрость движений свидетельствует о проворном рассудке.

На руках у Кермниса Кнера были толстые кожаные рукавицы. Он бережно нёс большой стеклянный сосуд, почти до краёв полный бурого, с жирными переливами, студня. Студень тяжело колыхался, распространяя запах земляного масла, вываренных костей и ещё чего-то столь же противного.

Снова зашевелилась входная полсть. Из шатра, немного отстав от арранта, выбрались трое, одетые по-саккаремски. Взгляд Волкодава сразу выделил одного. Стройный, тонколицый мужчина в чёрном кафтане мимоходом хлопнул по шее золотого коня. Жеребец испуганно шарахнулся, заложил уши...

Ни один венн не стал бы доверять человеку, от которого так вот шарахается его собственный конь.

Аррант между тем вытряхнул студень в приёмный раструб машины. Воин двумя руками принялся крутить тугой вороток. Так, словно взводил большой самострел. Нетерпеливо сбросив рукавицы, Кермнис Кнер щёлкнул кресалом и поджёг длинный фитиль.

– Отойди, Захаг, или как там тебя! – крикнул он стражнику, всё пытавшемуся столкнуться с Ирги. – И ты оставь пса, пострелёнок, последний раз говорю!

Пёс, чуя опасность, поднялся, в груди глухо зарокотало. Ирги только крепче вцепился в косматую шерсть и отчаянно замотал головой. Трое зрителей засмеялись.

– Ну, как хочешь... – пробормотал аррант и тронул за плечо приставленного к машине. – Давай! Стрелок взял прицел, потянулся за фитилём...

Волкодав не особенно понял, как именно должна была сработать машина, но то, что мальчишке и псу грозило что-то скверное, сомнению не подлежало.

Он шагнул вперёд и встал прямо перед хоботом, готовым извергнуть неведомую гибель.

– Ты что творишь! – по-аррантски сказал он Кермнису Кнеру.

Тот недоумённо оторвал взгляд от устройства, за работой которого напряжённо следил. Вот уж чего он не ожидал от стоявшего перед ним лохматого дикаря, так это благородного выговора, более уместного не в саккаремском захолустье, а на спорах учёных.

– Ты не аррант, – сказал он, забыв от удивления правило разумной беседы: не утверждать очевидного.

Стрелок поспешно разжал руку, уже нашедшую спусковой рычажок.

– Ты похож на сегвана, – прищурился Кермнис Кнер. – Ты ездил в Аррантиаду с купцами или наёмником?

Волкодав хмуро ответил:

– Я не сегван. Я просто знал одного из славнейших в вашей стране.

– Эй! – раздражённо выкрикнул кто-то из зрителей. Молодым вельможам надоело слушать разговор на чужом языке. – Пошёл прочь, сын овцы! Не порти забаву!

А ты меня прогони,

мог бы ответить Волкодав, но не ответил, поскольку ни один правильный венн не станет говорить с теми, кого, может быть, доведётся убить.

– Раз уж твой варварский ум сумел возвыситься до понимания языка учёности и поэзии, – не обращая на них внимания, кивнул Кермнис Кнер, – я расскажу тебе, неблагодарный сегван, что я творю. Вернее, что сотворил. Я изобрёл машину, способную прицельно метать заряды огня. Я

назвал её «сифон», ибо она выталкивает горючую смесь сквозь узкую трубку. Полагаю, на полях сражений ей не будет цены. Это тебе не горшок с горящей смолой, наобум сброшенный со стены! Моя машина бьёт метко, как самострел в руках опытного стрелка. Я поджигал ею деревья и скирды соломы, но скажи, варвар, могу ли я с чистой совестью предлагать сифон боевым комадара́м, ни разу не испытав против живого врага? Этот пёс никак не меньше человека, вставшего на четвереньки, значит, и гореть будет так же. Воин облачён в кожаные доспехи, он же – в густую шерсть, чем достигается примечательное, на мой взгляд, сходство. А мальчик... Я сто раз повторил ему, чтобы он бежал домой и не огорчал мать, но он не уходит. И что я, по-твоему, должен теперь делать?

Волкодав усмехнулся. Медленно и очень нехорошо.

– Ты ведь никогда не сражался, аррант...

На самом деле ему и с Кермнисом Кнером разговаривать совсем не хотелось, но по-другому, похоже, было нельзя, и он говорил.

– Кто обладает оружием мысли, тому незачем идти в бой, варвар. Разве учёный хозяин, которому ты служил, не преподавал тебе этого?

– Если бы ты хоть со стороны видел битву, – гнул своё Волкодав, – ты не уподобил бы вражеского воина ничего не понимающей старой собаке, посаженной на цепь.

Было видно, что нетерпеливому изобретателю начал надоедать этот спор.

– Мне здесь неоткуда взять вражеского воина, – бросил он и, кажется, хотел дать приказ стрелку продолжать начатое, но венн сказал:

– Вели мальчику увести пса домой. Я встану там и покажу тебе, что бывает в бою.

– Согласен! – оживился аррант. И перешёл на саккаремскую речь: – Снимай ошейник со своего блохастого, пострелёнок, и ступай с ним домой!

Ирги вздрогнул и остался сидеть.

– Господин зодчий вернул тебе пса, малыш, – сказал стражник, которого называли Захагом. – Забирай его скорее и уходи!

Руки мальчика завозились в длинной пёсёй шерсти. Он никак не мог расстегнуть тяжёлый ремень.

– Эй, зодчий! – снова возмутился Нагъяр. – Ты отпускаешь злобную тварь, достойную смерти!

Она изувечила моего побратима!

Волкодав смотрел на него даже без ненависти. Ненавидеть можно скверного и жестокого, но всё-таки человека. Особенно такого, которого когда-то было за что любить. Тот, кто пришёл посмотреть, как сгорит его непризнанный сын, человеком, по глубокому убеждению венна, называться не мог. Что можно испытывать к такой ошибке рождения, топчущей землю по явному недосмотру Богов?

– Скажите кто-нибудь сыну вейгила, – уже на ходу проговорил он сквозь зубы. – Будет ему забава получше той, которой он ждал...

Он смотрел на Ирги и отчётливо видел, что бабушка Мицулав не ошиблась. Младший Кернгорм вправду обещал со временем повторить собой деда. У парня были те же глаза. И то же упрямство. Оставалось надеяться, что ему выпадет иная судьба. Волкодав подошёл. Рыжий сперва опустил вздыбленную щетину, потом неуверенно завил хвостом – и припал к земле, обнюхивая сапоги венна, надетые ради похода в дом Мицулав. Кажется, кобель не мог взять в толк, почему стоящий перед ним ходит на двух ногах и вместо серой шкуры облачён в кожу и ткань.

Волкодав нагнулся, потрепал его по голове и отбросил подальше в сторону тяжело звякнувшую цепь. Потом быстрым движением схватил потерявшего бдительность Мыша и вручил его мальчику.

– Твой дед гордится тобой, – сказал он Ирги. – Бегите живо домой. Бабушка ждёт.

– Я провожу, – сказал Захаг.

Венн кивнул, оглянулся и перестал думать о них. Он смотрел на стрелка.

Вот ушёл в отверстие машины зажжённый фитиль... задышали маленькие мехи... рука сдвинула рычажок...

Прицел, отработанный на деревьях и соломенных скирдах, оказался верен. Оставляя в воздухе хвост смрадного, куда там огневцу, жирного дыма, огненный плевок влипился туда, где мгновение назад стоял венн, только человеческой плоти там уже не было. Готовя себя к опасностям и трудам взрослой жизни, маленькие Щенки учились уворачиваться от стрел.

Сперва из детского, почти безобидного лука, потом – из такого, с каким ходили на белку... Волкодав бросался туда и сюда, предугадывал намерения стрелка, пугал и путал его, пластался по камням и перелетал шипящие комья огня...

И каждый шаг нёс его всё ближе к орудию смерти.

Машина, движимая мощной пружиной, метала свои заряды на удивление часто, но Волкодав всякий раз оказывался быстрее. Если бы он посмотрел, то увидел бы, как пятились, прикрывая лица рукавами, Нагьяр и двое молодых вельмож. Некогда уютная поляна за спиной венна превратилась в сплошной костёр. Липкий студень пылал на голой земле. Горящие пятна расплзались во все стороны, и от жара лопался камень.

Но не металась в том пламени, не кричали ещё живые бесформенные комки, облепленные цепким огнём...

Волкодав близко увидел перекошенное страхом лицо стрелка. Воин так бросил рычаг, словно тот вдруг раскалился, и кинулся наутёк. Хобот сифона глянул вниз, но пружина ещё двигала механизм, последовал очередной плевок... Тёмно-красные языки окутали мехи и бачок с запасом горючего. В скалах отдалось эхо – на месте машины взвился гриб чёрного дыма. Во все стороны полетели раскалённые кляксы. Рубашка Волкодава вспыхнула. Трое вельмож с криком бросились прочь.

Всё же венн наступил стрелка. И напуган был таким ударом, что беглец пропахал головой осыпь, забив мелкими камешками себе рот.

Кермнис Кнер подошёл к Волкодаву. Тот уже отшвырнул сорванную рубашку и по наитию сделал единственное, что могло погасить вгрызавшийся в тело огонь: бросился плашмя, прижимаясь к земле.

Впрочем, он всё равно поднялся раньше добротного оглушённого стрелка. На его лице не было ни бровей, ни ресниц. Правое плечо и половину груди покрывали корки песка и каменной крошки, но они не могли скрыть багрового, глубоко вдавленного клейма.

Кермнис Кнер увидел неровный круг и в нём три острых зубца. Так метили опасных каторжников в Самоцветных горах.

– О, – только и сумел выговорить аррант, но потом словно встряхнулся, провёл ладонью по растрёпанным кудрям и сказал: – Ты избил моего человека, варвар, а главное, разрушил сифон. Ты хоть представляешь, какую бездну труда я в него вложил?

То, что досталось стрелку, в понимании венна грешно было называть словом «избил». Если бы он сделал с посрамлением человеческого рода, едва не метнувшим огонь в девятилетнего храбреца, всё, что на самом деле хотел...

– Построил один, построишь и другой, – сквозь зубы сказал он Кермнису Кнеру, но тот, не дослушав, перебил:

– Ладно, сегван, мы в расчёте. Благодаря тебе я теперь знаю, что к огнемётной машине нужно ставить не просто самых метких стрелков. Для этого следует выбирать наиболее решительных и хладнокровных. Необходимо также, чтобы их прикрывали особо отряженные пращники и копейщики... Я буду рад ещё побеседовать с тобой, варвар, овладевший божественной речью учёности. Ты как будто неглуп и, сдаётся мне, стоишь того, чтобы я потратил на тебя время... но сейчас меня призывают дела. Эй, стража, зовите сюда этих бездельников! Я хочу знать, что за дикарское суеверие заставило их бросить работу!

Вот так и сбылось то, чего Волкодав с самого начала подспудно боялся, но, пожалуй, предвидел: пришлось ему в Дар-Дзуме застрять, и не на один день. Ну не мог он оттолкнуть заплаканного мальчишку, когда тот за руку потащил его обратно в бабушкин дом. Водворив Рыжего в конуру, Ирги со всех ног помчался на постоянный двор, и оттуда тоже бегом прибежали Иригойен с матерью Кендарат. И повели себя так, словно Волкодаву предстояло немедленно умереть от ожогов. Жрица даже не устроила ему выволочки за глупость, как он ожидал. Потребовала горячей воды, развела очередное снадобье, вонявшее хуже аррантского студня, и взялась чистить раны, смывая песок и остатки вьёвшейся гадости. Подсела Мицулав и стала мазать ожоги сметаной, купленной для застолья. Две седые женщины действовали слаженно, точно сёстры. Волкодав знай терпел и на всякий случай помалкивал. Было больно, но боли клеймённый каторжник давно уже не боялся. Когда болит, неизменно кажется, что нынешняя боль – навсегда. Но она проходит. Она проходит...

Правда, к утру ему стало до того худо, что он еле выполз наружу из глиняного домика, отведённого для гостей. Усевшись под стеной переждать, пока двор перестанет раскачиваться перед глазами, венн заподозрил, что у матери Кендарат имелись некоторые основания для беспокойства. Похоже, треклятый студень не просто горел, но ещё и был изрядной отравой. К этому времени в доме Мицулав успела перебивать вся улица во главе с могучим Бизаром. Пришёл и стражник Захаг, уже без цветного кушака и кожаной безрукавки.

– Двадцать лет я в наёмниках, – сказал он Волкодаву. – И купцов охранял, и с урлаками дрался на халисунской границе, но здешнему вейгилу ни за какое серебро служить больше не буду. Иначе потом, чего доброго, всей жизни не хватит, чтобы у Богини прощение заслужить.

Вечером, когда смягчилась жара, с горельников вернулась мать Кендарат. Она бывала там почти каждый день; нищие, до которых не было дела ни вейгилу, ни зажиточным горожанам, благословляли её. В этот вечер жрица не стала швырять ученика оземь и отрывать ему руки, ограничившись простым правилом движений.

– Что вы делаете? – удивился Ирги, вышедший на задний двор.

– Молимся, – ответила она.

– Это как?..

– Когда призывают Богов, – стала объяснять Кан-Кендарат, – кто-то устремляет к Ним слово, как наш Иригойен, а кто-то – движение тела. Моя вера учит знать равновесие мира и раскрывать тем, кто тщится нарушить его, неправоту их деяний. Вот смотри. Если кто-нибудь нападёт на меня, он будет повергнут. И не потому, что неудачно напал, а просто потому, что напал. И если Кан будет милостива, он сумеет понять, что зря полез драться... Возьми палку, Волкодав!

Но Младший рассмотрел на повязках свежую кровь.

– Ему больно!

– Это потому, что он двигаться не умеет, – хмыкнула жрица.

Венн улыбнулся.

– Если я не буду шевелиться сейчас, – сказал он мальчику, – потом будет больнее.

Размахнулся палкой так, что Ирги на всякий случай отскочил в сторону... и мать Кендарат, даже не вставая с земли, весьма бережно разложила его между грудями укрытого на ночь желтослива.

– Видишь? – сказала она, легонько придерживая руку венна, воткнутую плечом в пыль и беспомощно распрямлённую. – Его ярость исчерпана. Враг перестал быть врагом, и я могу выпустить его, чтобы он стал мне другом.

У мальчика разгорелись глаза.

– Я тоже хочу так молиться Богине!

Мать Кендарат похлопала по циновке рядом с собой:

– Для начала я научу тебя правильно падать, чтобы земля давала тебе силу, а не отнимала её... Покажи, Волкодав!

– Опять ты, неблагодарный сегван! – сказал Кермнис Кнер. И засмеялся: – Я ещё не собрал новый сифон, чтобы ты мог сломать и его!

Он сидел за деревянным столом, прилаживая к прозрачной склянке изогнутую медную трубку. Когда-то гладкие доски были изрезаны, исписаны аррантскими цифрами, прожжены до дыр.

Волкодав нипочём не сел бы есть за такой стол.

– Я слышал, – сказал он зодчему, – проходчики боятся лезть в водовод, потому что там падают камни.

Он не отказался бы узнать, отчего, упорно называя его сегваном, Кнер почти всякий раз честил его «неблагодарным», но это вполне могло подождать.

Аррант прищурился.

– И ты их заставишь? – поинтересовался он язвительно. – Напугаешь до смерти, как сына вейгила и мою стражу? Право, следующий раз буду требовать, чтобы мне купили для работы невольников...

– Я пойду в забой первым, – хмуро проговорил Волкодав. И добавил: – Если ты хорошо мне заплатишь.

– По рукам! – обрадовался Кнер. Он принимал решения быстро, что также должно было свидетельствовать о недюжинной силе ума. – Идём вместе, варвар! Видят Боги Небесной Горы, даже трусость этих ничтожных не остановит строительства, затеянного ради их же корысти! Они вышли наружу, и аррант бросил на руку воображаемый плащ.

– Понимаешь ли ты величие моего замысла, сын дикого севера?

Волкодав молча кивнул, но Кнер счёл за благо растолковать ему. Он явно наслаждался возможностью поговорить на родном языке, да ещё с человеком, что-то смыслившим в горном деле.

– Когда ход приблизится к завершению, я велю сбросить камни в старое русло. Река поднимется и постепенно затопит ущелье. Вода дойдёт до устья тоннеля и потечёт в город сперва по каналу, затем по трубе, а излишек устремится через плотину. Люди станут приезжать в Дар-Дзуму только ради того, чтобы увидеть, какие чудеса может сотворить образованный разум...

– Ты мог подать воду и по-другому, – сказал Волкодав.

Аррант даже остановился.

– Каким образом?

– Сделать крутящийся вал с большим жёлобом или трубой. Вот такой... – Венн нагнулся, отчего под повязками невыносимо рвануло, и начертил на песке. – Если добавить лопасти, река сама двигала бы вал. Воде покажется, что она течёт вниз, но вращение вала будет всё время её поднимать...

– А-а, самотёчный винт, – кивнул Кнер. – Стариннейшее изобретение. Ещё чем удивишь?

– Или ещё вот так, – продолжал рисовать Волкодав. – Нужна только очень прочная труба и заслонка с сильной пружиной...

Кермнис Кнер пожал плечами и перешагнул рисунок.

– Здоровое зерно, пожалуй, в этом способе есть, – сказал он. – Тот, кто придумал описанное тобой, определённо был не лишён способности мыслить. Но для этих людей я строю то, что наилучшим образом подходит их реке и горам, и скоро они сами смогут это увидеть. В тоннеле Волкодаву не понравилось. И не потому, что снова всколыхнулась скверная память.

– Ещё бы здесь не падали камни, – сказал он Кермнису Кнеру и поскрёб пальцем прожилку на потолке. Посыпалась глина. – Здесь плохая порода. Ненадёжная.

Аррант передёрнул плечами:

– Значит, поставим больше крепей.

– Когда здесь потечёт вода, глина намокнет, – упрямо проговорил венн. – Она станет скользкой и ничего не сможет держать. А крепь сгниют.

– Я думал, вы, лесные варвары, лучше понимаете дерево! – скривил губы Кнер. – Оно пропитано особым составом, который я подбирал несколько месяцев. Эти крепь встретят ещё внуков нынешнего Царя-Солнца, да пошлют ему Боги Небесной Горы сто лет царствования. И потом, неужели ты не понял, что вода никогда не дойдёт в тоннеле до потолка? Здесь, где стоим мы с тобой, она будет нам лишь по колено. Я точно рассчитал её высоту. Остальное сольётся в старое русло.

– А эта задвижка, которую велел сделать наместник...

Она уже стояла возле откоса. Тяжеленный щит из дубовых досок, обитых для прочности листовой медью. На нижнем конце водовода была приготовлена рама и мощное колесо с шестернями и противовесом. Механизм позволял одному человеку поднимать и опускать щит на цепях. Люди не ошиблись. Господин вейгил желал перекрывать и пускать воду по своему произволу и собирался держать при колесе стражника. Там уже маялся бывший стрелок огнемётной машины; острые на язык гончары дали ему прозвище Палёная Рожа. Хотя рожа у него была ободрана просто о камни.

– Ты про запорный щит, варвар? Он-то тебе чем не понравился?

– Если ставить его, – сказал Волкодав, – точно такой должен быть наверху. И в случае чего верхний надо перекрывать первым.

Кермнис Кнер что-то прикинул в уме.

– В твоих словах, – сказал он, – опять присутствует зерно истины. Но лишь зерно. Тот, у кого ты перенимал знания, был умным человеком, но излишне опасливым. Здесь просто неоткуда взяться потоку, способному снести нижний щит. Ход наполнится, только если его перекроют, а вес этой воды запор легко выдержит. Говорю тебе, я всё рассчитал.

Спорить было бесполезно. Волкодав закрыл рот и понял, что имени своего наставника Кермнису Кнеру так и не назовёт. Незачем. Да тот и не спросит.

«Этот больше не работник, – покачал головой старший надсмотрщик. Он был опытен и мог отличить временное нездоровье крепкого раба от воистину последней болезни. Он деловито добавил: – Надо заменить».

Заменить!.. Как ни худо было Тиргею, он расслышал эти слова. Они отдались высоко под сводами пещеры и породили эхо, метнувшееся между стен. Заменить!.. Для каторжника это был приговор. Того, кто переставал быть работником, путь ожидал очень короткий. Его добивали – и одрина увозила тело в отвал.

А на освободившееся место ставили другого раба, покрепче. Ещё не слишком изношенного неволей.

Все те месяцы, что они с венном провели здесь, у ворота, Тиргей предвидел – однажды именно так с ним и произойдёт. Ему казалось, он успел даже примириться с подобной судьбой.

О Боги Небесной Горы!.. Как же он ошибался!.. Как закричало о жизни всё его существо!..

«Я добыю?» – спросил второй надсмотрщик, помладше. Его звали Волк.

Старший кивнул.

Рассказывали, будто в давно прошедшие времена каторжников, приговорённых к замене, попросту вели на отвалы – и удар тяжёлой дубинки настигал их уже там. Иные, в ком дух умирал раньше тела, шли безропотно и погибали без звука. Однако другие являли столь внезапную и яростную волю если не к жизни, то к мести, что от прежнего обычая решено было отказаться. Волк пинком сбросил вниз верёвочную лестницу и ловко соскочил в яму.

Тиргей силился подняться с колен и что-то тихо кричал. Для надсмотрщиков это был бессвязный крик обречённого смерти и сознающего неотвратимость конца. И только Серый Пёс расслышал:

«Нет, брат мой!.. Не пытайся спасти меня!.. Живи... выйди отсюда... прощай...»

Венн так рванул цепи, что поколебались здоровенные зубчатые костыли, глубоко всажённые в бревно. Летучие мышцы с тревожными криками носились над самыми головами людей. Волк со смехом взял арранта одной рукой за волосы, второй – под подбородок... и точным коротким движением сломал ему шею. Равнодушно, деловито, без ненависти и злобы.

Серый Пёс ощутил, как взвизывает из потёмок души и окутывает весь мир багровая пелена. Он вновь рванул цепи, и один костыль вылетел. Каким-то краем сознания он даже чуть удивился, насколько легко это ему удалось.

«Осторожно, Волк, осторожно!..» – закричали сверху.

Венн всё так же молча и жутко рванулся ещё раз. Вылетел второй и последний костыль. Обручи кандалов оставили кровавые вмятины на запястьях, но Серый Пёс не стал отвлекаться на подобные пустяки. Он бросился прямо на Волка. И, как потом говорили, покрыл половину немаленькой ямы одним звериным прыжком.

Кнут старшего хлестнул Серого Пса по ногам. Венн потерял равновесие и упал, но сразу вскочил и, не издав ни звука, опять бросился в бой.

На сей раз его встретили два кнута одновременно. Окровавленного Пса вновь отбросило к стене. После этого он не должен был подняться. Но он поднялся. Новый рывок – молча, напролом, помимо рассудка...

В некогда тихом доме Мицулав, стойкой вдовы Кернгорма-Дистена, теперь было шумно. И весело. Уж всяко повеселей прежнего. Как-то само собой повелось, что вечерами соседи сходились обсудить дела на стройке именно к ней. По негласному сговору люди приносили муку. Каждое утро мать с дочерью замешивали тесто, а когда оно подходило – разделявали и относили в пекарню, устроенную, как и бани, при никогда не гаснувших гончарных печах. Потом спешили с корзинами горячих лепёшек вдоль нацеленного на город канала, туда, где рубили скалу мужчины Дар-Дзумы.

– Малыш, малыш... – ворчала мать Кендарат, меняя Волкодаву повязки. – На тебя тряпок не напасёшься! Вот уж не думала, что ты захочешь пойти работать под землю...

– Я и не хотел.

– Тогда почему?

Венн пожал плечами.

– Там, – сказал он, – хорошо платят.

Спустя день или два в одной из глиняных клеток, где всё равно особо нечего было хранить, обосновался со своим нехитрым скарбом Захаг. Теперь хозяйка двора оставалась дома: было кому проводить Шишины и помочь ей с корзинами. Молодая женщина отводила глаза, а мальчишки наперебой таскали воду и ворошили вяленый желтослив, лишь бы послушать истории о походах и схватках с урлаками, которые Захаг рассказывал Ирги-Кернгорму. Иригойен сунулся было в тоннель, но его засмеяли и выгнали: обойдёмся как-нибудь без худосочных. Тогда халисунец напросился с Захагом и Шишины – посмотреть пекарные печи. Посмотрел. И... на целую седмицу пропал в городе, шатаясь по харчевням и постоянным дворам.

– На что ты несёшь сюда эти булочки и лепёшки, я что, плохие пеку? – выговорила ему строгая Мицулав. – Да ещё не ешь! Надкусишь – и Рыжему отдаёшь. Он и то скоро морду воротить станет. У нас, саккаремцев, так с хлебом не поступают!

Иригойен в ответ застенчиво улыбнулся и попросил у неё немного муки.

На другой день Захага и Шишины, явившихся забирать готовые лепёшки, встретили очень виноватые пекари.

– Прости, дочь Мицулав, мы их того... съели, – потупился старший. – То есть не все... те только, что были на плетёном лотке... Пахли они больно уж необычно, мы попробовали, ну и... Вот тебе за них денежки, чтобы всё было по чести!

И вывалил ей в ладони пригоршню медных монет, среди которых блстели даже два мелких сребреника.

Такая выручка у Шишины редко получалась не то что за маленький отдельный лоток, – за всё, что бывало в корзинах.

– Ты ещё калачи им спеки, – посоветовал Иригойену Волкодав.

Халисунец насторожился:

– Да здесь, поди, таких и пряностей нет, какие вы у себя на севере добавляете...

Пришлось венну объяснять ему, в чём на самом деле состоял секрет калачей: второй раз тесто должно было подходить на льду. Иригойен не поленился найти самый холодный погреб в Дар-Дзуме. И уломать хозяина, ставившего душистое желтосливовое вино, чтобы тот пустил его туда с тестом. Хозяин, ростовщик Бетаф, посулил халисунцу страшные кары на случай, если из-за соседства с хлебной закваской вино перекиснет, но в погреб пустил. Не за просто так, ясное дело, – за два калача. Бетаф слышал от соседей, что случилось в пекарне. Иригойен полдня стучал зубами, глядя, как растёт тесто, поскольку то и дело открывать дверь было не велено. Потом выкатал в ладонях каждую ручку, острым ножом подрезал каждую губу, посыпал щедро мукой... Калачи всё равно получились, по мнению Волкодава, неправильные. Вкусные, но – другие. То ли мука иная была, то ли закваска, то ли печь грела не так, то ли просто руки были не мамыны...

Ростовщик забрал свою долю и велел халисунцу приходить ещё, когда тот пожелает. Иригойен пообещал.

Выясняя, какой хлеб любили в Дар-Дзуме, он свёл знакомство с двумя семьями соплеменников, жившими в городке. Верные Лунного Неба первыми обратили внимание на то, как воробьи подбирали крошки у него прямо с ладоней. Люди пошептались между собой. Затем кто-то осторожно спросил:

– Почему ты ходишь в мирском платье, сын Даари?

Иригойен рассмеялся:

– Вы слишком высоко судите обо мне, добрые люди. Я не сумел стать даже учеником жреца.

– Но ведь ты владеешь храмовым пением, сын Даари?

– Вряд ли моё пение достойно храма. Я просто пытаюсь слагать гимны и пою их, как умею.

– Всё равно, – сказали ему. – Здесь никто не носит синего облачения. Спой для нас, сэднику, когда настанет ночь полнолуния.

Волкодав успел привыкнуть к тому, что песнопения в честь Матери Жизни рождались у Иригойена естественней, чем дыхание. Он даже удивился, заметив, что сын пекаря повадился бродить по двору из угла в угол, что-то бубня и временами хватая большой глиняный черепок, чтобы угольком нанести на него ещё несколько знаков.

– Чем это ты занят? – спросила хозяйка двора.

– Единоверцы попросили меня спеть для них в ночь полнолуния, – смутился Иригойен. – Это будет моя самая первая служба. Я пытаюсь найти достойные слова и боюсь осрамиться.

Мицулав оглядела разбросанные черепки.

– И осрамишься, если я подмету двор, – сказала она. – Вот стена, ровная и шершавая. Ты славный малый, и я не думаю, чтобы моему дому случился вред от знаков твоей веры.

Ещё до вечера половина стены покрылась неряшливыми вереницами халисунских письмён, многократно стёртых тряпкой и заново нанесённых. Когда начали собираться соседи, Младший Кернгорм встал на стражу, следя, чтобы кто-нибудь случайно не испортил труд Иригойена.

– Он будет славить Богиню, Светильник в Ночи Зажигающую, в полнолуние на зольных отвалах, – объяснял Ирги любопытным.

Люди удивлялись и спрашивали, куда приходить и скоро ли полнолуние.

Слышал бы это сам Иригойен, он за голову бы схватился. Но халисунец был занят: испытывал только что обожжённый по его задумке котёл. Хорошенько нагрел посудину над очагом, он смазал её маслом и теперь лепил к стенкам рыбные пирожки. Над маленьким двором уже плыл одуряюще вкусный запах, не нравившийся одному Волкодаву.

– Не сердись, – сказал венн Иригойену. – Наелся рыбы когда-то...

Сын пекаря и сам лишь надкусил своё изделие, удовлетворённо кивнул и остаток вновь отнёс Рыжему. Мать Кендарат задумчиво проводила его взглядом...

Зольные отвалы, или, как их называли в Дар-Дзуме, горельники, считались местным дивом, на которое не считали зазорным полюбоваться приезжие. Днём они курились удушливым беловатым дымком, но после заката, когда над ними появлялось неяркое голубоватое зарево, делались сказочными и таинственными. Волкодав знал, откуда бралось свечение. Камень

огневец горит не как древесина. Оказавшись на воздухе, раскалённая зола жадно впитывает влагу, прет и гниёт, снова превращаясь во что-то горючее. Из-за этого слишком большие отвалы становятся подобием «кабанов», в каких чумазые жигари готовят древесный уголь для больших кузниц. Сверху горельник запекается глинистой коркой, внутри же принимается глеть, да так, что плавится камень. Жар рвётся наружу, горячие воздушные потоки поднимаются из трещин и светятся, точно прозрачные огоньки над болотом. Корка может лопнуть, и тогда горе вздумавшему бродить по отвалам. Пропадёшь, как неудачливый углежог, оступившийся в отверстие «кабана». Только на крик жигаря могут подоспеть друзья и, раскидав брёвна, вытащить бедолагу, – изуродованного, с лопнувшими глазами, но ещё способного выжить. Горельник, плавающийся изнутри, не раскидаешь. Его недра не оставят от человека даже опалённых костей...

Однако ближе к городку о страшном лице дар-дзумского дива сторонний человек мог и не догадаться. Здесь располагались самые старые, повторно отгоревшие и окончательно успокоившиеся курганы. Время сгладило их горбы, укутало склоны густой зеленью. Ветры не допускали сюда тяжёлый смрад. Зато на светящийся голубой туман, плававший над острыми вершинами более свежих отвалов, можно было без усталости любоваться хоть до утра.

Как водится, добрый совет последовал с совершенно неожиданной стороны.

– А ты зажмурься, – сказал Иригойену Волкодав. – Кто тебя лучше всех слушал? Его и представь.

– Друг мой, – удивился сын пекаря, – тебе случалось говорить перед людьми?..

– Нет. Но я знал того, кому доводилось.

Когда сквозь мутную голубизну заструился из-за равнинного окоёма серебряный свет, Иригойен собрался было последовать успокоительному совету и вызвать в памяти лица родителей, терпеливо слушавших его первые гимны... Потом внезапно одумался.

Стыд и срам был ему лишиться вкуса к еде из-за людского суда, если он каждое полнолуние пел для Той, чья любовь была превыше всех земных милостей и искупала все кары!..

Лунное Небо, как чист и прозрачен Твой свет!

В мире дневном ничего удивительней нет.

Ты мириадами всё понимающих глаз

Сквозь покрывала туманов взираешь на нас...

Страха как не бывало. Иригойен простёр руки, не отягощённые ни синим шёлком, ни драгоценным шитьём, и стал выпевать вроде бы самые простые слова...

Солнце горячее людям во благо дано.

Наши дневные дела направляет оно.

Мы размечаем каналы, возводим дома, —

Всё, что вызывает к рассудочной силе ума.

Но, запустив водогон, сосчитав кирпичи,

Мы вдохновенья для песен взыскуем в ночи...

– Он изменился, – шепнула Волкодаву мать Кендарат. – Если я не вовсе ослепла, лунный свет льнёт к нему, точно котёнок!

Венн и сам уже понял, что серебряный огонёк, ещё в деревне мучеников игравший над пальцами Иригойсна, ему вовсе не померещился. Как и то, что довольно заурядный растерянный парень, не сумевший дать отпор двоим урлакам на горной тропе, постепенно становился... каким? Сразу слова-то не подберёшь.

Мать Кендарат подслушала его мысли.

– Мне кажется... он уходит от нас, – шепнула она.

– Плохо это, – проворчал Волкодав.

Жрица вздохнула. У неё стояла перед глазами тонкая нить божественной силы, коснувшаяся халисунца.

– Не нам судить, – сказала она.

И откуда эти двое взялись на её старую голову? Один не щадил себя в мирских трудах, другой – в усилиях духа, обращённого к Небесам. А ей самой – ей-то какой урок хотела преподать Кан Милосердная?..

Круг свой извечный светила торят не спеша,

И языком откровений глаголет душа.

Солнце зовёт за дела приниматься с утра.

Лунная ночь – неожиданных мыслей пора.

Солнечный свет беспристрастен и резок подчас,

Он злободневную истину зрит без прикрас.

Ночью в пределы вселенной уносится взор,

Где выплывается вечных созвездий узор,

Где ещё чуть – и прочитаны будут слова...

И не мешает дневная ему синева.

Голос Иригойена звенел и торжествовал, вплетаясь в лунное серебро. Из потёмков у подножия заросших горельников стали возникать робкие тени. Это были оборванные, серые люди, никогда не приходившие на шумную торговую площадь Дар-Дзумы. Кто без руки, кто без глаза, кто неестественно лысый. Нищие собиратели недогарков и самородной серы, оседавшей из ядовитого пара. Они издали кланялись матери Кендарат. Вот мелькнул рослый мужской силуэт и рядом – детское платьице... Мицулав тихо ахнула, подалась вперёд... Но нет. Показалось... А она-то с неудовольствием наблюдала, как чужеплеменник марал угольком чистую стену...

Днём мы спешим на базар, принимаем гостей,

Ночью – любимой своей зачинаем детей.

В землю вернётся заколотый к пиру телец,

А народится дитя – и бессмертен отец.

День плодоносен, покуда заря не сгорит.

Ночь нам задел до скончания века творит...

Обратно в дом вдовы Иригойен еле доплёлся. Ноги подкашивались, земля с небом норовили поменяться местами. Мать и дочь собрали поздний ужин, но от запаха съестного халисунца замутило, да так, что едва добежал до задка. Когда внутренности наконец успокоились, Иригойен улёгся прямо наземь и даже не почувствовал, как его закутали одеялом. Ночь стояла ясная, к рассвету могло стать прохладно.

Утром он проснулся от негромкого постукивания камней. Открыв глаза, Иригойен оценил положение солнца и пришёл в ужас. Волкодав наверняка давно уже рубил песчаник в тоннеле, Мицулав с Шишини и матерью Кендарат кололи и чистили ядрышки желтослива. Позже их слегка обжарят, разотрут маленькими жерновами, добавят немного мёда и масла... Не пропадут и скорлупки – они отправятся в печь. Каждый народ чтит благодатное растение, готовое накормить и обогреть человека. У соплеменников самого Иригойена это был хлопок, у родичей Волкодава – лён, а у здешнего люда, без сомнения, желтослив.

– Здравствуй, Иригойен, – сказала Шишини. – Можно, я срисую твои письма и вымою стену?

В небе над горной стеной по ночам уже вспыхивали зарницы, и работники торопились что было сил. Скоро там, наверху, зарядят осенние дожди, и еле журчащая, обмелевшая под конец лета река примется реветь, расшатывая скалы величиной с дом. Русло было необходимо перекрыть прежде, чем по теснинам хлынет одичавший поток. Однако прямо сейчас делать это было нельзя, потому что на некоторое время Дар-Дзума должна была остаться совсем без воды. Уже теперь люди досуха вычёрпывали водовод, наполняемый скрипучим старым цоратом: в каждом доме старались сделать запасы. Кермнис Кнер с помощниками дневал и ночевал у реки, ожидая

признаков скорого подъёма воды. При доме вейгила и ещё в нескольких богатых усадьбах имелись пруды, но кого к ним подпустят?..

Завершение тоннеля было не обязательно подгадывать к перекрытию русла, поскольку рукотворному озеру предстояло заполняться не один день, но рубщики спешили вовсю.

Нижнюю часть каменной трубы уже выстлали глиняными корытами, поднимая их на стены на высоту, рассчитанную учёным аррантом. Верхняя часть дудки стала почти вертикальной.

Мостники работали очень споро и вовсю насмешничали, наступая на пятки проходчикам.

Волкодав по-прежнему рубил камень в самом челе, как и обещал Кнеру. Другие артельщики в глаза говорили ему, что работает он за троих. Венн пожимал плечами. Чем хвастаться? Они были гончары, а он семь лет только тем и занят был, что дрался сквозь недра. Да не в мягком здешнем песчанике пополам с жилами глины, а в радужнике [25] и граните.

В толще горы было жарко и душно, люди сбрасывали рубахи. Волкодав слышал несколько раз, как люди потихоньку называли его варнаком [26]

. Однако с расспросами не приставали.

– Не угнаться за тобой, – пропыхтел как-то Бизар.

Он криво улыбался. До появления северянина он считал себя проходчиком хоть куда.

– Меня бы за круг посадили... – хмыкнул в ответ венн.

Усталые артельщики засмеялись.

Наконец Кермнис Кнер и призванный ему на подмогу смотритель цората сообща объявили, что река готова разлиться. Завтра будут сброшены камни.

Вечером в храм Богини сошлось на молитву небывалое количество народа. Когда толпа перестала помещаться даже во дворе, настоятель решил перенести службу на площадь. Там живо сколотили помост. Скоро над городом поплыли слаженные голоса жрецов, взывавших к Богине, Пот Отирающей. Люди подхватывали святые слова. Молитвы звучали всё громче, отзываясь далёким эхом в горной стене.

Сам настоятель не пел, потому что его тотчас скрутило бы кашлем. Он лишь размеренно кивал головой, как бы задавая лад хору, и время от времени грозил пальцем молодому послушнику. Тот никак не мог сохранить подобающей торжественности. Возле помоста устроился большой серый кот. Юноша всё косился на него, помимо воли расплываясь в улыбке.

Кермнис Кнер сидел на застланной коврами скамье рядом с вейгилом и другими почтенными горожанами. Аррант не молился саккаремской Богине, но, движимый любопытством учёного, даже записывал что-то на покрытой воском дощечке.

Волкодав тоже был иноверцем. Однако и он стоял всего в нескольких шагах от почётной скамьи, вместе с артелью передовых рубщиков. Он вполуха слушал жрецов и смотрел на вейгила.

Тот выглядел величавым и осанистым, пока сидел. Но дар-дзумцы помоложе ни разу не видели наместника стоящим во весь рост, да и сюда, на площадь, крепкие слуги доставили его в кресле. После той давней болезни вейгил едва мог ходить.

– Людям не по себе, – сказал он арранту.

– Ещё бы! – ответил Кермнис Кнер. – Как только я сброшу камни, обратного пути не будет.

Простому народу свойственно бояться необратимого.

Сам он, похоже, испытывал только нетерпение и азарт.

– В Саккареме испокон веку устраивают запруды для водяных мельниц, – сказал вейгил. – При начале работ всегда закалывают петуха. Мы поступили так же, не представляя, насколько больше обычных окажется наша плотина. Теперь люди боятся, что она и жертву может потребовать значительнее.

– Что с того? Возле отвалов на окраине болтаются никчёмные люди, – отмахнулся Кнер. – Вели стражникам поймать одного из них. Сбросим дармоеда вместе с камнями.

Вейгил покачал головой:

– Горожане подкармливают нищих обитателей зольников, аррант, считая это благим делом во имя Богини. Нельзя их трогать. Если река рассердится и возжелает подарка, она сама его изберёт.

Волкодав стоял на самом верху горной стены, на макушке одной из тех самых скал, что с равнины казались древними сторожевыми башнями. Пустоши, сады и городок за ними выглядели маленькими и ненастоящими. Волкодав стоял у края теснины и смотрел вниз. Только что рассвело. Из каменной дыры медленно выплывали клочья тумана. Где-то там, в глубине, измеряемой десятками саженей, слышался грозный глухой рёв.

Глыбы громоздились на бревенчатом настиле, с немалой хитростью подпёртом лесинами: наваливай сверху ещё столько же, и, пока не будет исчерпана крепость дерева, брёвна не обрушатся. А выдерни клинышек – и всё посыплется. Необоримая тяга земная увлечёт вниз камень и дерево. Аррант утверждал, будто сам изобрёл такое крепление, но Волкодав видел его близкие подобию в Самоцветных горах. Почём знать? Когда человеческая мысль одолевает сходные преграды, сходным оказывается и решение...

Реку, пока ещё вольно гремевшую внизу, сверху нельзя было разглядеть. Это ущелье словно бы не меч прорубил, а прорезал тонкий поварский нож, наученный обходить кости. Протачивая себе русло, поток вылучивал и уносил более мягкую породу, оставляя твёрдые желваки. Замысел Кермниса Кнера учитывал прихотливость расселины. Вначале полагалось низвергнуться валунам левого берега, где стоял Волкодав. Труднику, смотревшему с другой стороны, следовало досчитать до десяти и только тогда дёргать верёвку, высвобождавшую клин. По мысли арранта, именно при таком порядке сброса камни должны были лечь правильно и хорошо.

Сейчас Кнер стоял, воздев руки, повыше каменной груди. Рядом с ним ждали рукотворного обвала знатные люди Дар-Дзумы. Вейгила дюжие работники доставили в кресле, его сын Нагьяр и другие вельможи прибыли верхом. Волкодав только не особенно понимал, чего ради столько усилий. Чем они собирались здесь любоваться после того, как глыбы ухнут с накатов? Тучами пыли и грязи?..

Простонародье, собравшееся внизу, могло увидеть побольше. Низвергающийся камнепад. Грохот, брызги, обломки... Иссякающий поток, ставший бурным вместо прозрачного... Кермнис Кнер резко опустил руки.

И сразу всё пошло не по замыслу.

Верёвка с левого берега должным образом натянулась... задрожала в воздухе, загудела от напряжения... и не смогла выдернуть клин. Что-то мешало ей. Может быть, камень, удачно скользнувший в щель между брёвнами. Зато на правом берегу взялись считать до десяти не от сброса левобережных камней, а от взмаха Кнеровых рук. И уж у них-то клин выскочил, как смазанный салом. Глыбы шевельнулись, пошли, пошли... и тяжело зарокотали, свергаясь в теснину.

Кермнис Кнер схватился за голову.

– Тупицы! Безграмотные порождения мулов и ослиц! Во имя рассыпавшейся кузницы Вседержителя и наковальни Морского Хозяина, повисшей на облаке! Чего хочешь от меня это стадо баранов, не умеющее выполнить самых простых распоряжений?..

Волкодав уже прикидывал, как спуститься под брёвна, вышибить клин и успеть увернуться от рушащихся камней. Кнер опередил его.

– Ты! – ткнул он пальцем в первого попавшегося землекопа, и Небесам было угодно, чтобы ему попался Бизар. – Бери кувалду и живо туда! Не то всех без заработка оставлю!

Опытных верхолазов он с собой не привёз. А в Дар-Дзуме их отродясь не было.

Добрый сосед Мицулав, отец восьми сыновей, нахмурился и пошёл к краю. Где-то далеко внизу раздражённо ворочался, пытался двигать камни поток. Между ним и людьми плавали потревоженные облака. Быть может, река ждала той самой жертвы, о которой толковали на площади аррант и вейгил.

Волкодав встретил Бизара, держа в руках моток надёжной верёвки.

– Да я сам... – отмахнулся было Бизар, но венн, присев на корточки, принялся обводить его петлями кругом пояса и в шагу. Горшечник не особенно понял, почему тот просто не привязал бечеву к его кушаку, но спорить не стал. Их артель передовых рубщиков только накануне

кончила пробивать отвесную часть водовода. За время работы Бизар успел убедиться: в том, что касалось крутых стен и верёвок, северянин соображал побольше иных.

Он не сдержался, только когда Волкодав начал привязывать ещё две бечеvy:

– А это на что?

Бизару передали кувалду.

– Выдернуть, – проворчал венн.

– Что выдернуть? Клин? Так ведь я...

– Хватит болтать! – раздражённо крикнул аррант. – Лезь, пока я других не послал!

– Тебя, – сказал Волкодав.

Несколько крепких парней начали спускать Бизара. Ватажники смеялись и зубоскалили, расспрашивая горшечника, чем это его так откормила жена. Бизар потел и не отвечал. Под ногами у него раскачивалась пустота.

Волкодав сунул в руки Захагу дополнительную верёвку, вторую взял сам и стал понемногу выпускать её, следя, чтобы не запуталась. Одновременно он отходил в сторону, насколько позволяла обрывистая площадка.

Захаг подозвал ребят из своей ватаги и приставил травить бечеvy.

Скоро накат с тяжёлыми глыбами угрожающе навис над головой Бизара. Подпор был в самом деле устроен надёжно и изобретательно. Вот он, клин с тянущимся от него пеньковым шнуром, вот он, камешек, удачно подпёрший тыльную часть клина. Вздумай кто сделать это нарочно, ведь нипочём не подобрал бы именно такого обломка и не сумел бы так метко воткнуть...

– Шевелись там! – закричал Кнер. Он бесстрашно стоял на самом краю, наклонившись над пропастью и раз за разом дёргая шнур.

Кое-кто из трудников потом говорил, что еле совладал с искушением дать арранту пинка.

Волкодав крепче упёрся ногами в выступ песчаника и наклонился вперёд, готовясь к немедленному рывку.

Бизар всё пытался встать на скалу, но влажный камень не давал опоры ступням. Делать нечего, гончар поднял кувалду, отчего его сразу повело в сторону, сотворил краткую молитву Богине Заступнице – и ударил по камню.

Ничего не произошло.

– Бей!.. – заорал Кнер.

Бизар ударил ещё. Камешек вылетел.

Аррант немедленно рванул шнур.

Клин выскочил. Бизар молча выронил кувалду и крепко зажмурился, прикрывая ладонями голову. Глыбы охнули, просели, заскрежетали. Лавина пошла вниз, сперва медленно.

Мгновением позже во все стороны полетели брёвна, щепки, осколки...

Парни, изначально спускавшие горшечника вниз, смешно повалились один на другого.

Отскочивший камень размозил крепкую бечеvy.

Люди молча смотрели друг на дружку и на размочаленный верёвочный хвост. Никто не решался заговорить первым.

Над тесниной понемногу опадал грязный туман.

Потом заметили, что Захаг с ватажниками и Волкодав что-то тянут из глубины. Люди бросились на подмогу. Дружное усилие, и через край на площадку перевалился Бизар. Серо-бурый от крошки, наполнившей волосы и одежду, с окровавленными руками, избитый и исцарапанный, но живой. Распластавшись вниз лицом, он целовал камни и плакал. Штаны на нём были мокрые.

– Осла мне! – распорядился Кермнис Кнер. – Я должен сам посмотреть, что делается внизу!

Он ездил вверх и вниз по узкой тропке исключительно на осле, полагая, что ослы в горах надёжнее лошадей.

Он ещё не скрылся из виду, когда вблизи раздался смех.

Волкодав поднял голову. Смеялся Вангал, молодой вельможа из тех, что держали стремя Нагьяру:

– Глиномесу неведома смелость воина! Это тебе, скудельник

[27]

, не бабу брюхатить!

Люди отворачивались, отводили глаза.

Волкодав поднялся на ноги.

– Скажите кто-нибудь этому храбрецу, – проговорил он сквозь зубы, – пускай спустится туда на верёвке и поглядит, замкнуло ли реку. А потом портки свои нам покажет...

Вельможа рванул из ножен меч и с невнятным проклятием бросился на него.

Кому-то показалось, будто венн отмахнулся.

Другие потом утверждали, что его противник вдруг присел, словно заламывая лихое коленце свадебной пляски. Но вместо прыжка, так толком и не разогнувшись, боком, неловко, словно падая на бегу, унёсся обратно туда, откуда напал. Его меч звякнул о камни, Вангал дико закричал, не иначе решив, что его разогнали прямо в обрыв...

Вместо смертельного падения неуправляемый бег завершился в заботливых руках слуг.

Двое стражников двинулись было вперёд, но Волкодав стоял в «стойке истины», как называла её мать Кендарат, и подходить к нему без прямого распоряжения почему-то не захотелось.

– Сын мой, – долетел голос наместника.

Волкодав не повернул головы, он и так всё видел и слышал. Вейгил увещевал Нагьяра, что-то яростно доказывавшего ему. Вот наместник отрицательно, с видом окончательного решения покачал головой и махнул рукой слугам, веля нести себя вниз. Волкодав оглянулся и понял причину. Оказывается, у него за спиной поднялся Захаг. И с ним ещё не менее двух десятков гончаров, ставших каменотёсами и проходчиками. Все дюжие, решительные и сердитые.

Поневоле задумаешься и вспомнишь, что вейгил в городке хотя и велик, но не всемогущ, как господин над рабами. И в первую голову поставлен блюсти справедливый закон. И родовитый забияка на самом деле ни царапины не получил...

К несчастью, на том дело не кончилось. Не добившись желаемого и не смея ответить родителю, Нагьяр сорвал зло иначе. Схватил поданный слугой повод золотого коня... и для начала рванул так, что от испуга и незаслуженной боли жеребец сел на задние ноги. А потом выдернул повод из ненавистой руки – и, не разбирая дороги, метнулся прочь.

Слуги и стражники пытались ловить его, но куда там! Все их усилия лишь направили обезумевшего коня к тому самому краю, из-за которого недавно вытаскивали Бизара. Теперь там никого не было.

Кроме...

Волкодав ахнул и начал бежать, уже понимая, что не успеет.

Возле самого обрыва стояла погружённая в свои мысли мать Кендарат. Маленькая женщина задумчиво улыбалась, отслеживая концом посоха тёмные прожилки в камнях...

Золотая молния остановилась в двух шагах перед ней. Жеребец застонал и сунулся мордой ей в руки. Губы, разорванные уздой, кровоточили, на крупе и боках угадывались полоски белой шерсти: здесь хлыст рассекал кожу.

Мать Кендарат обняла голову беглеца и потёрлась щекой о его щёку.

Когда подбежал Волкодав, жрица гладила мягкий нос коня и что-то шептала ему на ухо.

– Потерпи, недолго осталось, – разобрал венн.

Он, впрочем, не был уверен, что говорила она именно это.

Опасливо приблизился стремянный. Золотой жеребец дрожал и закладывал уши, но буянить больше не пытался и послушно дал себя увести.

Волкодав с трудом перевёл дух, хотел обратиться к матери Кендарат... и обнаружил, что опять, как когда-то, изготовился засвистеть.

Тропа неспешно петляла по склону, огибая утёсы. Игрушечные домики Дар-Дзумы постепенно делались всё более настоящими. Кого другого здесь впору было бы вести за руку, но жрица на тропу вообще не смотрела. Она следила взглядом за орлом, скользившим чуть ниже.

– Глупый. Совсем ещё глупый, – сказала наконец она Волкодаву. – Ты сам хоть помнишь, что сделал?

Венн задумался. Потом с удивлением ответил:

– Нет.

Тело в самом деле сотворило... что-то. Помимо рассудка и осознанного намерения. Оно просто ответило на брошенный вызов. И разум тщетно силился вспомнить, как именно.

– Вот я и говорю: совсем глупый, – вздохнула мать Кендарат. И грозно пообещала: – Ничего, вечером вспомнишь... А что я сделала, понял?

– Понял, – сказал Волкодав. – Только не понял как.
Кан-Кендарат усмехнулась и кивнула:
– Такое кан-киро ещё не скоро дастся тебе.
Волкодав крепко задумался.
– А что я должен был сделать? – спросил он затем.
Мать Кендарат ответила не сразу.
– Признаёт ли твоя вера, – издали начала она, – Богов зла и добра и выбор между ними, совершаемый человеком?
Венн понял, к чему она клонит. Его народ не усматривал за пределами смертной жизни вполне совершенных Богов. Сам Хозяин Грозы некогда делал ошибки, а потом расплачивался за них. Не было у веннов и беспросветно-тёмных Богов. Даже Незваная Гостья порой справедливо карала. И милосердно прекращала страдания. Боги веннов были своего рода старшими братьями и сёстрами земных людей. Они шли впереди. Показывали пример...
– У нас, – сказал Волкодав, – говорят так: если сам напортачил, на советчиков не пеняй.
Жрица кивнула.

– Вот смотри, – начала она рассуждать. – Маленький мальчик выстроил из песка крепость. Мимо идут двое, в том возрасте, когда только в стремя вступают
[28]
. Оба хотят себя проявить. Один говорит: а я всё растопчу! Другой утешает малыша и вместе с ним строит крепость лучше растоптанной...

Волкодав молча слушал, ещё не улавливая, в чём суть.
– Потом они чают взрослости и жаждут себя испытать: а на что я осмелюсь? Один ловит слишком доверчивого кота... и обмазывает его горючим маслом для светильников. Другой успевает сдёрнуть с себя кафтан и всю зиму потом колет дрова лекарю, а заодно приобретает верного друга. Что ты скажешь об этом?
– Скажу, – тяжело проговорил Волкодав, – что у первого мать и отец ещё никчёмнее его самого.
– Я не о том. Можно ли сказать, что один выбрал зло, а другой добро?
Волкодав нахмурился:
– Первый, он... Ничего он не выбрал. То есть выбрал... Тот путь, который для него легче. Который оплачивается чужой болью, не своей.
Мать Кендарат остановилась.
– Ты начинаешь понимать, – сказала она. – А я-то уже собиралась продолжить: и вот они подрастают ещё. Один думает, как понравиться девушке, а второй...
– Он не думает, – мрачно проговорил Волкодав. Помолчал и вдруг добавил: – Думать трудно. И больно.
Жрица вздохнула:
– Ну так скажи мне, о чём думал ты? Когда стражу едва не послал на беззащитных людей?
Волкодав открыл рот. И закрыл, так ничего и не ответив.
– А теперь вспомни про меня и бедного Золотко. Между прочим, мне и вставать бы перед ним не пришлось, если бы не ты. Вот так, малыш. Поэтому ты и не знаешь, что сделал. Да не ты даже, а тело твоё. Оно пока сообразительней, чем ты сам, и это скверно. Ты-то думать ещё не скоро научишься... – Кан-Кендарат смотрела вверх, в сторону уже невидимой с тропы площадки возле теснины. – Да я и сама хороша, – вдруг сказала она. – Может, и не надо было мне Золотко успокаивать? Ему ведь жизнь не жизнь, а мука одна. Резвился бы сейчас в счастливых лугах...
Волкодав понял только то, что запутался окончательно.
– Но ты же велела ему потерпеть... Сказала, немного осталось...
Жрица лукаво улынулась:
– Я в самом деле говорила такое?..

В Дар-Дзуме дождей по-прежнему не было, но в горах за Шрамом ночь от ночи всё упорнее гремело и полыхало. Люди бережливо тратили воду, запасённую в больших кувшинах, и ждали, когда река наполнит ущелье. Покамест она поднималась в точном соответствии с вычислениями Кермниса Кнера, но аррант всё равно каждый день поднимался на терпеливом

осле к верхнему концу водовода. Разматывал измерительный шнур, что-то писал, затирает и снова писал на покрытой воском дощечке...

Там даже поставили стражника, вменив ему в обязанность запалить дымный костёр, как только вода вплотную приблизится к жёлобу.

Однажды утром, когда в предрассветных потёмках Кермнис Кнер выехал из-за скалы, навстречу ему поднялся Волкодав.

– Опять ты! – вырвалось у арранта.

– Здравствуй, господин, – на удивление вежливо отозвался клеймённый варнак. – Прошу тебя, прикажи поставить здесь запорный щит. И пускай Палё... смотрителю щитов велят в случае чего непременно сбрасывать верхний прежде нижнего... господин.

Кермнис Кнер жестом отчаяния воздел руки к небесам.

– Во имя страсти Морского Хозяина, превратившей скалы в песок! И чаек, склевавших бусы Прекраснейшей!.. – почти выкрикнул он. – По-твоему, я первый в своей жизни водовод строю? Если я раз или два согласился послушать тебя, это значит, по-твоему, что теперь я без твоих советов шага не сделаю? Вы, сегваны, не просто неблагодарны, вы непочтительный, невежественный и наглый народ!

– Я не сегван, – пробормотал Волкодав, уже понимая, что заговорил с ним очень не вовремя. Кнер же, не слушая, продолжал:

– Если хочешь знать, я проделал главнейшую работу на строительстве замка для вождя твоего племени! Сказать тебе, как он меня за это отблагодарил?

– Моего племени?.. – только и нашёлся переспросить венн.

Мышь у него на плече на всякий случай вытянулся и зашипел.

– Этот предводитель с острова Вечерних Гор, или как там называлась его варварская родина, в самый разгар работ предпочёл мне какого-то проходимца, пообещавшего разрушить холм при посредстве чудесного порошка...

Волкодав больше не раскрывал рта, лицо у него стало деревянное. Сегванский кунс, напавший на род Серого Пса, пришёл с острова Закатных Вершин.

– А ведь это я, – отвязывая измерительный шнур, запальчиво продолжал Кнер, – избобрёл чудесно простой тоннель для воды, способный впустить и выпустить тайного гонца, но погубить любого подсыла! Вот она, сегванская благодарность! Возведение твердыни наверняка приписали другому, обо мне же напоминает лишь россыпь камней над выходом в реку... если Винитар не велел убрать и её. Прочь с глаз моих, сын невежества! Прочь, пока я не велел разбить трубу, ведущую к улице, где тебя приютили!..

Волкодав повернулся и ушёл, не произнеся больше ни звука, и спуск по тропе ему позже вспомнить было не легче, чем то движение у обрыва.

Чудесно простой тоннель в реку...

Способный впустить и выпустить тайного гонца...

Каменная россыпь на берегу...

Знал бы разгневанный зодчий, что венн согласился бы в одиночку прорубить весь водовод только ради того, чтобы в награду услышать эти слова.

Ещё через двое суток, почти ровно в полдень, опять-таки в точном соответствии с обещаниями Кнера, над зубцами горной стены поднялась струйка чёрного дыма. Она означала, что вода коснулась края тоннеля и вот-вот устремится в жёлоб.

Вся Дар-Дзума – кто с ведром, кто с кувшином – выбежала к уличным трубам. Людям казалось, что долгожданная вода должна хлынуть изобильным потоком прямо сейчас. Однако река поднималась неспешно. Только к вечеру удалось дожидаться тоненького мутного ручейка.

Дардзумцы смотрели на него, как на чудо. Старались обмакнуть в «девственную» воду хоть палец, чтобы оставить глинистые разводы на лбу и щеках. Против опасений, тоненькая ниточка не иссыкала. Наоборот, журчала всё увереннее, увеличиваясь прямо на глазах.

Кто-то побежал за лепёшками и вином. Кто-то выволок из кладовки спелую тыкву. Ещё кто-то побежал резать барана. Прямо на древних кирпичках улиц загорелись костры. В Дар-Дзуме начался праздник.

Кажется, во всём городе не ликовал один Волкодав.

– Что невесел, сынок? – спросила его хозяйка двора.

Венн ответил:

– Боюсь я этой воды, госпожа.
– Боишься?.. Почему?

Я семь лет камни рубил, я знаю их норы, мог бы ответить ей Волкодав. Ваша горная стена до сих пор стоит только потому, что раньше вода сразу бежала в реку, падала в ущелье и текла вниз. Теперь реку заперли, она лезет на склоны, а в них глины полно...

Но объяснять было долго, и он лишь сказал:

– Не пришлось бы среди ночи из дому бежать.

Всё-таки Мицулав слово за словом вытянула из него правду о том, что на глине может поскользнуться не только человек, попавший под дождь. После чего рассудила:

– Если впрямь дойдёт до беды, люди могут решить, что это ты, пришлый человек, не в добрый час молвил. Не все же знают тебя, как я, ещё коситься начнут. Я просто поделюсь с женой Бизара и другими соседками, мол, плохой сон увидела и на всякий случай узелок собрала...

Утром вода бежала уже всюду, изливаясь в просторные, хорошо обожжённые чаши, установленные на каждой улице. Вода была ещё очень мутной, на дне чаш быстро скапливалась грязь, её в охотку вычёрпывали, и вроде бы тяжёлая однообразная работа казалась радостной и приятной.

Кермнис Кнер по-прежнему ездил то к плотине, то наверх, ожидая нового торжества своих вычислений. И торжество состоялось. Точно в предсказанный срок по ту сторону пустоши вновь надрывно застонал древний цорат и поплыли по кругу успевшие рассохнуться бадьи. Река полилась через плотину, сбрасывая излишек воды. Струи, бившие в уличные чаши, с этого времени перестали набирать силу. Всё шло как надо.

– Доволен ли ты, наместник? – прилюдно обратился к вейгилу аррант.

– Доволен, – глядя, как между садами и зольниками наполняется рукотворное озеро, ответил вейгил.

Если верить слухам, плата, честь честью отсчитанная зодчему, едва не проломилась дно телеги, запряжённой мохноногими тяжеловозами. Кермнис Кнер с помощниками и охраной сели в сёдла и выехали на дорогу, увозя с собой благопожелания всей Дар-Дзумы.

Гончары, вернувшиеся к станкам и печам, спорили за работой, следовало ли разобрать ставший бесполезным цорат. Или пусть его скрипит, пока сам не развалится?..

Языкатые соседки потихоньку посмеивались над Мицулавом.

Кажется, один Волкодав то и дело просыпался ночами, ожидая далёкого подземного гула. По его убеждению, вейгилу следовало бы удержать арранта в городе до окончания осенних дождей, но кто ж его спрашивал?..

Как водится, беды дождались совсем не с той стороны, откуда чаяли.

Однажды утром Шишини послала сына отыскать Иригойена. Она хотела показать халисунцу только что остывшее после обжига блюдо. Молодая женщина сама выгладила его на отцовском кругу и, не имея денег на краски, несколько дней сидела над блюдом с маленькими писалами, выточными из косточек желтослива. На ночь – опять же отцова наука – она кутала работу влажным тряпьем, чтобы не пересохло нежное тесто.

Теперь все видели, что Шишини перенесла на блюдо письма Иригойена, слагавшиеся в молитву Луне. И получилось у неё до того ловко, что в глине явили себя и Луна, и молящийся человек, вдохновенно простёрший к Ней руки. Шишини умудрилась передать трепетные пламена кругом ладоней и головы, говорившие о предельном напряжении духа. Она даже дерзнула наметить черты божественного лица, придав им выражение великого понимания, мудрости и заботы...

Мастер-горнушник, лысый и словно иссохший от постоянного жара, тоже, как выяснилось, ходил послушать халисунского гимнопевца. Блюдо так понравилось ему, что он сам покрыл его тонкой поливой, обжёт и не взял причитавшихся денег. Зато посоветовал Шишини сделать ещё десяток таких же: «И сам куплю, и перед друзьями похвастанюсь!»

Сейчас Иригойен с другими парнями вычёрпывал муть из уличной чаши. Налюбовавшись маминной работой, Ирги вприпрыжку выскочил со двора... Но только затем, чтобы сразу махнуть обратно прямо через щербатый забор.

– Мама!.. Бабушка!.. Его стражники увели!..
Он так кричал, что на заднем дворе Кан-Кендарат выпустила корчившегося на земле Волкодава.
– Какие стражники? Куда?
– К вейгилу на суд...

Мицулав сразу вспомнила, как уходил муж, и схватилась за сердце. Десять лет назад всё было в точности так же. Среди бела дня и безо всякой вины. И пропал. И не доищешься правды...
Печальная вдова не учла – и, как выяснилось, ещё кое-кто не учёл – лишь того, что времена изменились. Мужчины Дар-Дзумы совсем недавно вместе рубили неуступчивый камень и вбивали под низкие своды деревянные крепи, а их женщины варили кашу на всех в одном огромном котле. С такими людьми сладить было гораздо тяжелее, чем с гончарами, ревниво хранившими друг от друга излюбленные приёмы.

Бывший стражник Захаг только что вернулся после ночной чистки печей, усталый, с обожжённой рукой и весь в разводах золы. Он мечтал ополоснуться в свежей воде и лечь спать, ему даже есть не хотелось. Но и он бросился за ворота вместе с матерью Кендарат, Шишини и Волкодавом.

Улица уже гудела, точно осиное гнездо, по которому стукнули палкой. Иригойена успели полюбить. Мужчины помнили, как он пришёл работать в тоннель, но был осмеян – иди гуляй, обойдёмся без слабосильных. Ребяшня объедалась тестяными колечками, которые он так ловко бросал в кипящее сало. И все ходили послушать, как он славил Луну.

Волкодав, Бизар, Захаг и с ними пол-артели проходчиков сразу помчались переулками к дому вейгила: перехватить стражу. Это не вполне удалось им. Когда они выбежали на площадь, ворота уже закрывались.

Мысль о том, что кроткого песнопевца сейчас засадят в подвал, предназначенный для убийц, бросила Волкодава вперёд и заставила сунуть в щель руки. На каторге ему случалось останавливать и заново разгонять водяной ворот, который пришёлся бы впору Кнеровым тяжеловозам. Створки замерли. Мыш на плече Волкодава яростно закричал, венн увидел дубинку стражника, занесённую размозжить ему пальцы, и успел положить себе – убью, если ударит, – но тут в края створок вцепились ещё и ещё руки, и ворота наново распахнулись. Иригойен растерянно озирался, стоя между двумя конными копейщиками. При виде Волкодава и остальных лицо юноши озарилось, но ненадолго. Что могли поделать его друзья против власти, перед которой он вроде как в чём-то оказался виновен?

Он уходит от нас,
вспомнилось Волкодаву. Потом он посмотрел поверх головы халисунца и увидел вейгила.

Уста и десница Золотого Трона Мельсины сидел в любимом кресле, вынесенном на крыльцо, и смотрел на людей, сокрушённо покачивая головой. Как отец, заставший любимых детей за дурной и опасной проказой.

А рядом с наместником, положив ладонь ему на плечо, стоял храмовый настоятель. Совсем плохо!

Вейгил неторопливо поднял руку. Во дворе как-то сама собой установилась тишина.

– С каких пор, – устало прозвучал его голос, – в Дар-Дзуме взяли обычай силой врывать ко мне во двор?

Люди в некотором смущении начали переглядываться. Потом вперёд вышел Бизар. Но прежде, чем он успел открыть рот, с крыльца раздался смех Вангала:

– Фу-у, это чем тут запахло?

Никто из вошедших во двор ему не ответил. Люди смотрели хмуро и зло. Смешки приятелей Нагьяра скоро затихли.

– Говори, сын мой, и ничего не бойся, – сказал наместник.

– Ты уж не сердись на нас, добрый господин вейгил, – начал Бизар. – Мы народ простой, только глину разумеем да вот ещё молотки, а ты все законы постиг, сколько есть их в нашей державе.

Сделай же милость, господин, растолкуй нам, по какому такому указу смиренного человека вдруг стража уводит?

Волкодав невольно изумился тому, как, оказывается, тонко и красно умел говорить рассудительный и спокойный Бизар. Сам венн так не мог и выучиться не чаял.

Вот кому на самом деле старшинствовать бы в Дар-Дзуме!

- Если тебе, господин, про него худое кто напел, так мы тоже слово замолвим, – поддержали сзади. – А то, сам знаешь, бабы на улицах чего только не наплетут...
- Если ты его песен послушать хотел, он тебя и так бы порадовал!
- Ты называешь, – обращаясь к Бизару, медленно проговорил вейгил, – смирным человеком чужеземного жреца, явившегося к нам насаждать веру своих предков? Тех самых, что некогда залили Саккарем слезами и кровью?
- Стало ясно, что он тоже совсем не случайно начальствовал над людьми. Он был опоясан на должность ещё при отце Менучера. И наверняка сохранит её при новом царствовании, о котором ходили всё более упорные слухи.
- Иригойен не насаждал свою веру, добрый господин мой, – ответил Бизар. – Он...
- Вейгил снисходительно покивал головой:
- Прежде чем так уверенно что-либо утверждать, сын мой, давай присмотримся к тем, кто привёл тебя и других уличан ломать мои ворота. Я вижу перед собой жрицу из-за гор, наверняка состоящую в родстве с проклинаемым народом мергейтов, и дикого язычника, изрядно попортившего крови нашему благодетелю, учёному арранту...
- Чья приверженность храму... – подняв глаза к небу, вполголоса хмыкнула мать Кендарат.

В полутора десятках вёрст от Дар-Дзумы, в верхнем конце затопленной долины, подымавшаяся вода напитала пласт глины, лишив его прочности и сделав, наоборот, скользким, как влажное мыло. Большой пласт земли и камней почти беззвучно сдвинулся с места и начал сползать в воду. Его движение было очень плавным, но оползень оттеснил воду. На поверхности вспух отлогий горб и покатился к плотине.

- Я поневоле вынужден задуматься, – говорил вейгил, – случайно ли ты, Бизар, доводишься тёзкой одному из главнейших заговорщиков, умышлявших на Золотой Трон...
- Менучера больше не зовут солнцеликим, – заметила мать Кендарат.
- Вейгил прихлопнул ладонью по подлокотнику кресла:
- Наш долг – верно служить Золотому Трону и государю, кем бы тот ни был. Теперь я спрашиваю себя, случайно ли пришлые люди, оказавшие себя отъявленными смутьянами, поселились в бывшем доме преступника, осуждённого за насилие, едва не кончившееся убийством...
- Значит, вот как теперь в Саккареме называют оговор, неправый суд и загубленное имя? – негромко, но очень зловеще спросил Волкодав.
- Первоначальная вспышка, бросившая людей на улицу, успела выгореть. Кажется, только у него да ещё у матери Кендарат на лице и в голосе не появилось некоей обречённости: и отступить от друга нельзя, и отстоять не получится... Решиться на открытый бунт? Спасаться потом от не знающих жалости «золотых»?..
- Только у венна и жрицы здесь не было обширной семьи, о которой невольно задумывается человек, взявшийся противостоять власти.
- Наверняка во дворе многие уже гадали, стоит ли чужак-халисунец ссоры с наместником. И многоопытный вейгил, конечно, понимал это лучше всех.
- Говорят, когда-то в стране Богини чинили суд, а не только расправу, – сказала мать Кендарат. – Я слышала, в те благословенные времена было принято сперва заручаться надёжными свидетельствами учинённых злодейств, а человека заточать уже потом. Скажи людям, благородный вейгил, что за вред нанёс этот сын пекаря правоверным людям Дар-Дзумы?

Все наибольшие слоёными булочками объелись, посетила Волкодава неподобная мысль. Он уже знал, какого стражника отшвырнёт первым, каких – потом, если Иригойена всё-таки придётся отбивать силой. Неясно было другое: откуда взялась глухая тревога, прочно поселившаяся внутри. Он понимал только, что к разбирательству она никакого отношения не имела.

Наместник между тем хотел ответить, но настоятель храма положил руку ему на плечо. Все взгляды обратились на жреца. Старик набрал воздуха в грудь... и согнулся в тяжёлом приступе кашля.

Дар-дзумцы почтительно ждали, чтобы он отдышался. Все помнили, как пятнадцать лет назад он стоял на коленях в ядовитом дыму, вымаливая прощение многогрешному городу. Почтения не исполнился один Волкодав, знавший, что по пятнадцать лет лёгкие не выкашливают. Хотя... почём знать, насколько отличалась болезнь жреца от рудничной хвори, едва не убившей его самого?

– Брат мой, облечённый мирской властью, – наконец выговорил настоятель. – Вели своим стражникам отпустить халисунца и больше не налагать на него руки. Это я во всём виноват. По людской толпе прокатился ропот, и опять стало тихо.

– В том, что наш город оставил праведное служение и, прельстившись сладкими песнопениями, обратился к чужеземному поклонению, виноват только я, нерадивый и недостойный, – скорбно продолжал жрец. – Я не умел дать людям ни наставления, ни духовного водительства. Во дворе храма Владычицы завёлся бурьян... Одари же меня, государь и брат мой, местом в подвале для самых подлых людей, чтобы я мог там поразмыслить о своём ничтожестве. Назавтра же выстави меня под плети и отмерь мне их не скупясь, как я заслужил...

В толпе ахнули.

Вейгил поднял руку и кивнул стражникам:

– Ты сказал, брат мой... Отпустите халисунца.

Растерянность Иригойена сразу куда-то делась, он вскинул голову:

– Святой господин мой! Ты совершенен годами, твоё тело извело труды времени и не выдержит наказания. Господин вейгил, отдай мне плети, которые будут отмерены святому старцу!

Бизар шагнул вперёд:

– И мне!

– И мне! – сказал Захаг.

– И мне, и мне! – раздались вдохновенные голоса.

– Никогда не переведутся люди, горадые играть чужим благородством, – со вздохом пробормотала мать Кендарат.

Волкодав едва не шагнул вперёд вместе с другими, но его остановила неестественная тишина, внезапно воцарившаяся за пределами людской суеты. На площади не стало слышно ни голубей, ни воробьёв. За забором притихли гуси. И даже горластый петух на соседней улице словно подавился и смолк.

Над каменной преградой в теснине вздыбился вал высотой в четыре сажени. Бурый, в грязных космах, неуправляемый и страшный. Разгневанная река легко махнула через плотину. Камни величиной с сарай покатались вниз, точно пустые орехи. Вода, вливавшаяся в зев тоннеля струёй примерно по бедро человеку, в мгновение ока взметнулась до потолка. Крепи из привозного дуба, пропитанного особым составом, захрустели, как готовая сломаться лучина. Бывший стражник по прозвищу Палёная Рожа, дремавший в сторожке, проснулся от несусветного грохота и оттого, что лежак под ним ожил и начал брыкаться, точно норовистый осёл. Смотритель щита испуганно вскинулся и увидел небывалый поток, рвущийся из нижнего конца водовода. Земля под ногами дрожала и как будто раскачивалась. Вода выхлестывала наружу чудовищным бурым столбом, начиная вспениваться и дробиться лишь через несколько десятков шагов. Каменные пустоши у подножия скал на глазах оборачивались озером, и оно уже подступало к сторожке.

Палёная Рожа в чём был выскочил вон. Вода неслась к городу, не помещаясь в канал. Тот уже скрылся из глаз, выделяясь лишь бешеной стремниной посередине разлива, как выделяется рвущийся в море поток, взбаламученный половодьем. У края садов вода вливалась в трубу, и просторная труба захлёбывалась. Вот из неё выломало кусок, потом ещё...

Палёная Рожа не знал, почему это произошло, но он помнил, как следовало поступить. К счастью, господин зодчий расположил механизм, управлявший щитом, в двух шагах от сторожки. Сбросив первоначальное оцепенение, смотритель перебежал туда и со всей возможной быстротой завертел колесо. Скрипа цепей не слышно было за рёвом воды.

Противовес, точно рассчитанный Кермнисом Кнером, легко пошёл вверх. Нижняя кромка

запорного щита врезалась в воду. Взвилась сплошная стена брызг. Вертеть колесо сразу стало труднее, но зритель не сдавался. Сейчас щит встанет на место, и всё успокоится. Палёная Рожа успел даже подумать, что его, наверное, наградят...

– Какова твоя вера, сестра? – спросил настоятель.

– Моя вера, – сказала мать Кендарат, – учит, что Небо едино на всех. Людям не легче постичь природу Создавших Нас, чем муравью – вообразить человека. Поэтому каждое племя рассказывает своё, и нет в том греха. Что же до меня, я избрала служение Милосердной Кан, давшей людям свойство сострадать и любить...

Волкодав услышал её хорошо если наполовину, потому что всем телом ощутил тяжкий стон земли, неразличимый для обычного слуха. Одновременно на холме, в нескольких улицах от вейгилова двора, завыл Рыжий. Ему тотчас отозвались собаки по всему городу. По ту сторону изгороди захлопали подрезанные крылья, начался неистовый гогот: с пруда силились взлететь гуси.

– Плотина!.. – закричал Волкодав.

Но это оказался не прорыв воды, подтопившей плотину, а нечто существенно более страшное. Люди обернулись, как раз когда мерный стон цората взвился погибельным воплем, потом резко оборвался – и древнее колесо, тяжеловесно подпрыгнув, пропало из виду. Одновременно стронулось с места нечто настолько громадное, что сама природа вещей как будто обрекала его на незыблемость. Целый кусок горной стены, не менее версты шириной, словно бы разжижился по всей высоте и потёк вниз.

Расстояние делало это пока ещё беззвучное истечение медлительным и почти прекрасным. В толще оползня величаво переворачивались громадные скалы, били во все стороны струи воды и земли, издали похожие на клубы плотного дыма...

Крепости забытых героев окончательно уходили в небытие.

В конюшне за домом наместника ржали, бесились, били копытами кони. Потом затрещало дерево. Люди шарахнулись в стороны, спасаясь из-под копыт безумного табуна, вылетевшего во двор.

– Наверх! – надсаживая голос, закричал Волкодав. – Бегите в холмы! Наверх!..

Уже в самых воротах хлеставший по воздуху чёмбур
[29]

Золотка лёг в ладонь матери Кендарат. Для стороннего глаза это было самое обыденное и простое движение – всего лишь на бегу протянула руку и взялась за верёвку. Маленькая женщина, выросшая на краю Вечной Степи, лёгкой пушинкой взлетела на спину жеребца и тотчас пропала из виду. Золотко иступлённым галопом умчал её прочь. Люди, начавшие выбегать на улицы, видели, как золотой жеребец возглавил табун и понёсся в сторону зольников.

Кто-то уже передавал призыв бежать на холмы. Далеко не все успели понять, что именно произошло, но город постепенно охватывал ужас. Никто не знал, что делать. Хозяйки метались туда и сюда, беспорядочно хватая какие-то вещи. Здоровенный горшечник стоял столбом и, приоткрыв рот, тупо смотрел, как из-за пустошей падает на город бурая вихрящаяся гибель... Мужчина не двигался с места, пока мимо, прижав к груди двухмесячного сынишку, не пробежала жена. Старший сын, взрослый парень, нёс на руках бабушку, дочь тащила корзинку с выводком котят. За девочкой, громко мяукая, бежала трёхцветная кошка. Опамятовавшийся горшечник подхватил кошку и побежал следом за всеми.

На холм, где вдали от зелени и влаги прудов жили небогатые люди вроде вдовы Мицулав.

Потом всё начало происходить одновременно.

По городу хлестнула стена уплотнённого воздуха, летевшая впереди потока. Она ободрала сады, рванула крыши, разметала курятники и выкорчевала старый ясенёк возле храма, увитый обетными полотенцами.

Видели, как вейгил потянулся к сыну, но Нагъяр отбросил руку отца и кинулся наутёк. Бизар и Захаг, подхватив наместника вместе с креслом, бегом потащили его к старой башне на углу его дома. Кто-то шепнул им, что она может устоять. Вейгил пытался слезть с кресла и звал сына.

Видели, как разбежались кто куда младшие жрецы, настоятель же беспомощно плакал, обнимая за шею Иригойена. Халисунец, мотая головой от натуги, на закорках нёс его вверх. Видели, как большой серый пёс, рыча, выхватил из рук дочки ростовщика младенца в пелёнках, и вся семья, уже собравшаяся прятаться в погребе, с криком устремилась в погоню. А ещё видели, как по старым горельникам носился огромный золотой конь. Всадница с седыми растрёпанными волосами кричала до хрипоты, объясняя бездомным, что с курганов нужно бежать как можно быстрее.

Когда поток достиг окружающих Дар-Дзуму садов, добрые деревья, годами видевшие от людей благодарный уход, растопырили ветви и покрепче вцепились в землю корнями. Что мог сделать простой желтосливник против волны грязи и камня в несколько раз выше самой высокой древесной макушки?.. И тем не менее как-то так вышло, что прежнюю мощь сохранил лишь срединный язык оползня, мчавшийся вдоль трубы и канала. Ворвавшись в город, он сметал заборы и, как игрушечные, опрокидывал глиняные дома, дробя их в черепки, унося лёгкие крыши. Улицы исчезали одна за другой, остатков строений уже не отличить было от нагромождений валунов, принесённых потоком. Торговая площадь, где ещё вчера покупали кур и капусту, играли в читимач и резали кошельки, превратилась в озеро жидкой грязи, утратила очертания и перестала существовать. На постоялых дворах несущийся вал погубил двоих купцов. Один до последнего перетаскивал тюки в каменный лабаз, казавшийся ему неприступным. У второго стояла наготове повозка. Возчик даже сумел удержать равновесия лошадей, но, пока хозяин выводил наружу семью, кто-то в чёрном кафтане вскочил на козлы, перехватил вожжи и скинул возчика наземь.

Третий купец накануне привёл в Дар-Дзуму рабов. Копать землю, рубить камень. Купец опоздал, строительство кончилось. Когда земля рванулась из-под ног и послышались тревожные крики, молодой караванщик схватил ключ и бросился отпирать сарай, где дожидались торга невольники. Он успел вовремя и вместе с рабами побежал на высокое место. Потом кое-кто ему говорил, что лучше бы он спас кубышку с деньгами.

Холмы, населённые простонародьем, уже превратились в острова посреди грязевого разлива, а жижа всё прибывала, хотя и помедленней прежнего. На окраине страшно шипело и громыhalo. Там умирали прежде негасимые гончарные печи. Струи пара покачивались в ясном небе. Это отлетала душа прежней Дар-Дзумы. Дворы на холмах, забитые напуганными, плачущими людьми, стояли нетронутые, но прежний город исчезал навсегда. Низину, где стояли особняки, похоронило под несколькими саженьями грязи и битого камня. Исчезла даже крыша дома вейгила. Держалась только древняя сторожевая башня, с которой, по преданию, когда-то начался город. Однако укрылся ли там кто живой – рассмотреть пока не удавалось.

Пройдя город, поток врезался в озеро.

Там, конечно, ещё не успели развести рыбу, но люди уже приходили полюбоваться. Кто-то даже видел пару лебедей, кружившихся над водой.

Удар грязи и камней был страшен. Он поднял волну такой высоты, что на холмах закричали от ужаса. Озеро, можно сказать, взвилось в воздух всё целиком.

И рухнуло на горельники.

Уже затихшие, поросшие зеленью курганы просто смело. Те же, над которыми по ночам восходило голубоватое зарево, вывернуло наизнанку, так что наружу хлынули раскалённые недра. Огненный расплав сдался не сразу. Он бушевал, плевался клочьями горящего камня, к небу восходили струи огня и шаткие столбы дыма, окрашенного жёлто-зелёным... По счастью, сборщиков серы и недогоревшего огнеца там уже не было. Бедняки, предупреждённые золотой всадницей, заблаговременно убрались прочь.

Где-то на самой окраине обречённого города, поток догнал бешено мчавшуюся повозку, запряжённую двумя лошадьми. Переднее колесо налетело на камень. Человек в разорванном чёрном кафтане не успел схватиться за козлы. Грохочущий вал мгновенно похоронил его крик. Потом всё стало постепенно стихать.

Ещё несколько суток разлив медленно густел. Вода впитывалась в сухую землю внизу, утекала на стороны, бежала через пустоши, возвращалась к реке и омывала обломки цората, застрявшие в нескольких верстах от Дар-Дзумы. Люди, разъединённые на холмах, пытались докричаться друг до дружки. Кто-то искал родню, кто-то – знакомых. Мицулав с дочерью стряпали на несколько семей, нашедших приют у них во дворе. Разучившийся говорить Волкодав спускался

к разливу, забираясь дальше, чем это выглядело возможным, и вместе с другими парнями тащил наверх всё, из чего можно было сделать мостки. Створки разбитых ворот, двери, ставни, охапки камыша с размётанных крыш... Ирги-Кернгорм ходил за ним хвостом и упрашивал дать ему первым испытать эти мостки: я лёгкий, я всюду пройду и всё разужаю.

В горной стене, чей неизменный облик встретил и проводил немало человеческих поколений, зияла безобразная, словно выгрызенная, дыра. Целый кусок Шрама по обе стороны от прежней речной теснины просто перестал быть.

Всё получилось в соответствии с худшими предположениями Волкодава. Когда запорный щит, сброшенный Палёной Рожей, перекрыл путь воде, разогнанный поток не смог сразу утихомириться. Напор воды, лишённый выхода, обрушился на стены тоннеля... Песчаник, прослоенный размокшей глиной, выдержать такого не смог. Склон стал разваливаться – и вода, скопившаяся в ущелье, довершила начатое.

Камень и земля, превращённые в жидкое месиво, длинным языком выплеснулись на равнину. Кружащие в небе орлы хорошо видели, что Дар-Дзуму слизнул самый кончик этого языка. Если бы первые поселенцы нашли залежи глины хоть на версту ближе к горам, перекликаться с холмов сейчас было бы некому.

От плотины, возведённой людьми, не осталось даже воспоминания. Утратив часть прежнего русла, река теперь низвергалась водопадом с дальнего края впадины. Дробясь в белую пену, она пролетала не меньше полутора вёрст и била в твердь, прокладывая себе новое ложе.

На третье утро, когда перестали падать последние горельники, Волкодав счёл зыбун достаточно плотным. Люди стали наводить переправу. Постепенно добрались до старой башни и вызволили пятерых человек. Захага, Бизара, Иригойена, вейгила и настоятеля храма. Стариков передали с рук на руки. Бизара окружила плачущая семья. У Захага, к удивлению многих, повисли на шее Ирги-Кернгорм и Шишини. Иригойен сначала шёл сам, но у него никак не получалось удержать равновесие на шатких мостках. Волкодав взял его на руки и понёс. – Сколько хлопот из-за меня, друг мой... – виновато пробормотал халисунец и обмяк, успокоенно закрывая глаза.

Наместник выглядел даже не измотанным, а попросту одряхлевшим. Перво-наперво ему подали большую чашку воды из последних запасов Мицулав, но вейгил покачал головой и отвёл руку Шишини.

– Когда ветер понёс на улицы отравленный дым, мы приняли наказание за тяжкий грех, сокрытый виновным, – трудно выговорил он. – Нынешняя беда много хуже былой, потому что сегодня неисповеданный грех тяготит человека, поставленного хранить в этом городе правду...

– Отдохни, господин, – проворчал Бизар. На нём самом двое суток без еды и воды не оставили видимого следа. – После будем о делах рассуждать.

Вейгил упрямо покачал головой:

– Если не отвести карающую руку Богини, не будет у нас ни времени, ни дел, чтобы о них говорить... Я так любил сына своих чресел, что совсем перестал видеть других детей, вручённых мне благородным Иль Харзаком... Я спускал Нагъяру любые проступки, не сознавая, что растлевал его душу... Мне всё казалось детскими шалостями, я ждал, что он вот-вот повзрослеет... всё поймёт... и прекратит увечить коня... купленного на деньги... похищенные у достойного гончара...

Мицулав выслушала эти слова и лишь устало кивнула. Понадобилось десять долгих лет и разрушение города, чтобы наконец была восстановлена честь её мужа. А теперь у неё даже не было сил обрадоваться как следует.

Волкодав косился на них, сидя возле Иригойена, медленно приходившего в себя на тюфячке у стены. Халисунец временами открывал глаза, широко и счастливо улыбался и начинал рассказывать ему, как правильно обваривать баранки и почему они так называются. Венн понемногу поил его водой из маленького кувшина и думал о том, отчего на самом деле не развалилась старая башня. И не отдал ли Иригойен на это слишком много собственных сил. Потом во двор с воплями ворвалась бесстрашная ребятня, лазившая к снесённому храму. От дар-дзумской святыни не осталось даже руин, но Ирги услышал яростный вой кота, дравшегося с воронами в кроне старого ясеня. Выкорчеванного, унесённого, но не похороненного зыбуном. Перекладывая мостки, мальчишки подобрались ближе и раздвинули ободранные ветви, забытые земляной жижей. Там, погребённый по пояс, умирал на обломанном суку юный послушник. Ребята поползли к нему по скользкому от грязи стволу, они хотели помочь. Послушник всё

тянулся к своему одеянию, оттопыренному на груди. Он пытался говорить, но изо рта текла кровь. Думая прикрыть ему рану, Ирги развязал на юноше пояс и распахнул заскорузлое облачение... На подсохшую поверхность зыбуна посыпались свитки. Мокрые, грязные, в кровавых разводах, но всё-таки не уничтоженные безвозвратно.

Когда парни постарше принесли едва живого послушника на вершину холма, старый жрец взял его за руку и заплакал.

– В Дар-Дзуме будет новый храм, – сказал он. – И новый настоятель, украшенный знаками святого служения...

Волкодав подумал о матери Кендарат с её искусством и чудодейственными порошками, но она была далеко. Старик снял с шеи жреческое ожерелье с куском мутновато-жёлтого камня и надел на послушника. Приложил ладонь юноши к своей груди, закрыл глаза и начал молиться.

– Мать Мира, справедливая и милосердная, если Ты ещё слышишь меня...

По его щекам текли слёзы.

На вершине холма собирались выжившие, все, кто сумел выбраться или был вытаскен из обломков. В самом низу склона, на стороне, противоположной горной стене, Рыжий принялся к продуху в глиняной крыше амбара. Затопленного, но некоторым чудом неповреждённого. Отверстие тут же разбили пошире и увидели внутри молодую женщину. Её одежду и солому кругом пятнала кровь, но молодуха была не просто жива. Она ещё и кормила грудью ребёнка. Во время потопа у женщины начались роды. Явив силу, присущую только матерям, она как-то заползла в амбар и целую седмицу провела с малышом, по сути, в могиле, – чтобы выйти из неё исхудалой, измученной, но с новой жизнью на руках.

Другим жителям Дар-Дзумы повезло меньше. Люди с лицами, замотанными тряпьем, собирали начавшие разлагаться тела. Их относили туда, где прежде был храм, и погребали в общей могиле, вырубленной в затверделой толще потока. Солнце успело превратить жижу в подобие камня. Пригодились и кирпичи, и навыки землекопов.

В ту же общую могилу, согласно его последней воле, опустили старого настоятеля. К тому времени юный послушник по имени Ганглас уже начал садиться. Мицулав, беззлобно бранясь, только поспевала выкидывать крыс, которых безухий кот таскал к его лежку.

Иные из дар-дзумских мошенников, думая поживиться припасами, обратились было к разбою. Зачинщиков нашли со свёрнутыми шеями, остальных удержали от глупостей уважаемые городские воры. Если беда постигает всех, рассудили они, наживаться на горе простых людей есть попрание воровской чести, не подлежащее никакому прощению.

Во взгляде наместника появлялось подобие жизни, только когда поблизости появлялся Ирги.

– Я знал, – шептал старик. – Я с самого начала всё знал...

Ещё через два дня Иригойен и Волкодав нашли мать Кендарат там, где и предполагали: у края окаменевшего потока, в лагере бездомных, спасшихся с горельников. Жрица Кан, по своему обыкновению, была с теми, кому никто другой не брался помочь. Золотко бродил между палатками и шалашами, получая где ласку, где пучок травы, а где и корочку хлеба. Жители курганов называли его священным скакуном, домчавшим вестницу спасения.

Волосы матери Кендарат, обычно сколотые узлом на затылке, были перевязаны простой лентой. Жрица обняла Серого, приведённого двоими друзьями, и расцеловала ослика в мягкий нос.

– Вот добрая спина, которая никогда меня не подведёт, – сказала она. – Стыд мне и позор: я растеряла все шпильки. Видно, слишком стара стала для скачек на бешеных жеребцах...

Почему-то эти слова показались парням очень смешными.

Когда обещают плоды без трудов, это ложь.

На лёгком пути ты награды себе не найдёшь.

Нам всем от рождения боль достаётся в удел;

Страдание примет лишь тот, кто воистину смел.

В нём скрыта свобода, как в тёмном зерне стебелёк.

Не трусь, даже если весь мир потемнел и поблёк.

Любой не единожды шлёпался носом об лёд.

Не всем удалось переплавить паденье в полёт.

Кто, ноготь расплющив, в болото швырнул молоток,

Навряд ли в грядущем скуёт богатырский клинок.

За пальцами плачет девчонка, на пальчике кровь...

Её ли знамёна народ поведут на врагов?

Бегун упражненье забросил с растёртой ногой,

И весть о победе домчит горожанам другой...

А если поэт убоился терзаний души,

Ему мы дадим наилучший совет: не пиши!

4. Муравьи в янтаре

– Иногда я начинаю думать, что в твоей стране вовсе не бывает тепла, – сказала мать Кендарат. – У меня чуть ноги не отнялись, а ты знай себе радуешься!

Она сидела на согретом солнцем валуне, поджав босые ступни. Иригойен хлопотал у костра, а Волкодав стоял по пояс в озере. Вода казалась ему парным молоком. Если бы в середине весны его родная Светынь потекла подобной водицей, венны всерьёз испугались бы скончания света, которое только и мог означать такой непорядок.

Он улыбнулся, набрал полную грудь воздуха и нырнул.

Он плыл под водой, пока лёгкие не начали гореть.

Потом плыл ещё.

Потом ещё чуточку...

Ощувив, что слабеет, он вынырнул. Только так и поймёшь, что человек может седмицами обходиться без пищи, днями не пить воды, но вот без воздуха...

– Нырять ты не умеешь, – достучался до его сознания голос матери Кендарат.

Волкодав обернулся, скидывая голову. Жрица из Вечной Степи, где дождь-то какой следует шёл раза два в году, притом не иначе как по всенародной молитве, взялась объяснять венну, выросшему в краю рек и озёр, что он не способен договориться с водой. Ладно: до встречи с ней он полагал, что умеет и драться, и много чего ещё.

Волкодав несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, как учили когда-то старшие братья, и снова нырнул.

Он размеренно работал ногами. Воздух, запертый внутри тела, постепенно оборачивался смертельной отравой.

Ещё немного.

Ещё чуточку...

Он вынырнул, дождавшись, чтобы радужные круги перед глазами начали ускользать во тьму. Получилось, кажется, ещё хуже, чем первый раз.

– Когда у тебя наконец прибавится хоть капля ума? – спросила мать Кендарат. – Иди-ка сюда. Делать нечего. Волкодав скрутил уязвлённую гордость, вылез из воды и сел против неё.

Нардар был небольшой, но крепкой и, как говорили, зубастой горной страной. Во всяком случае, он издавна граничил с Нарлаком, Халисуном и Саккаремом, и ни одна из этих держав так и не поглотила его. Более того, во всех трёх весьма охотно рассчитывались серебряными нардарскими лаурами, полагая их очень надёжной монетой. Севернее Нардара лежали совсем уже дикие и страшные горы, где не то что люди не жили – даже симуранам не всюду хватало воздуха для полётов.

По счастью, отсюда, с южного пограничья, снежные пики ещё нельзя было рассмотреть. Поэтому Волкодаву даже нравилось здесь. Наконец-то кругом стояли славные дубовые рощи и красные сосновые леса, перемежаемые озёрами и болотами! Здесь даже пахло почти так же, как дома. В Нардаре Волкодаву впервые за долгое время стали сниться хорошие сны. Он просыпался и думал, что это, наверное, не к добру.

– Дыши, как дышишь обычно, – велела мать Кендарат.

Волкодав выпрямил спину, расправил плечи и стал дышать как обычно. Вдох – выдох, вдох – выдох. Кто об этом задумывается, пока не стиснет горло удущье?

Жрица вдруг рассмеялась:

– Неужели ты хочешь меня убедить, что обычно дышишь как женщина?

Волкодав хмуро смотрел на неё.

– Значит, ты просто не умеешь дышать, – вздохнула Кан-Кендарат. – Ну-ка, затаи дыхание. Прямо сейчас.

Сама она сделала то же. Волкодав терпел, пока из глаз не полились слёзы, но с огорчением убедился, что маленькая седая женщина обставила его без видимого усилия. Как говорили дома: не хвались, что силён, встретишь более сильного. Причём там, где не мог и предполагать.

– Я бы нырнула с тобой, чтобы окончательно тебя убедить, – сказала мать Кендарат. – Но эту воду способен выдерживать только сын вечной зимы вроде тебя, я же, боюсь, намертво окоченею, ещё не погрузившись в неё.

Волкодав окончательно исполнился мрачного уныния. Не подлежало сомнению, что она в любой проруби пересидела бы его с лёгкостью.

– Говорят, вёсны в здешних местах редко обходятся без снежных зарядов, – подал голос Иригойен. Мать Кендарат доверила ему хлебные колбаски, и он боялся отойти от костра.

– Типун тебе на язык!.. А ты – сосредоточься. – Твёрдая ладошка легла на живот Волкодава. – Присутствуй во всём, что ты делаешь, каким бы незначительным это дело тебе ни казалось. Вдохни, чтобы надулся живот, ничто другое не должно двигаться, понял?

Волкодав начал втягивать воздух.

– Когда тебе покажется, что ты полон, расширь рёбра. Представь их крыльями, несущими тебя к небу... Только рёбра, я сказала!

Волкодав послушно сосредоточился на своих рёбрах, и там немедленно заболели все старые переломы. Неужели он до сих пор безотчётно оберегал их от лишних движений, даже когда дышал, как ему казалось, всей грудью?..

– А теперь подними ключицы, чтобы в подбородок упёрлись!

Волкодаву показалось, что воздух наполнил даже его шею. Он выдохнул и подумал, что, кажется, до сих пор вправду не умел дышать.

– Я тебе разрешала выдыхать? – рявкнула жрица. – А ну, вдохни снова... Да не торопись, глупый, вот так... Теперь затаись, пока не отсчитаешь восемь ударов сердца... Выдыхать будешь, как вдыхал, только наоборот.

С пятого или шестого раза венн всё проделал в точности, как было велено. Потом сказал:

– Я могу не восемь, а больше.

– Можешь, – кивнула мать Кендарат. – Только коня не поднимают в галоп прямо от коновязи, если не хотят вечером снимать с него шкуру. Хватит с тебя пока и восьми. Твой нынешний предел ещё покажется тебе ничтожным... А теперь иди оденься в сухое, мне смотреть на тебя холодно!

Веннского парня, убоявшегося простыть в мокрых портах, засмеяли бы девчонки, собравшиеся посплетничать у колодца. Однако, если ему приказывает переодеться мать или большуха, он пропустит мимо ушей любые насмешки. Волкодав смиренно поднялся и пошёл доставать из мешка сухие штаны.

На самом деле в Нардар они свернули по воле матери Кендарат.

«Куда теперь?» – спросил Иригойен, когда они покидали Дар-Дзуму.

«Тот мальчик...» – сказал Волкодав.

«Тот мальчик? Ах да...»

«Он мечтал, – сказал венн. – Я исполню».

«Стало быть, ты намерен идти в Халисун, – покачиваясь в седле, сказала мать Кендарат. – В столицу небось?»

От Волкодава не укрылось, как сразу поскутнел Иригойен. Вернувшись в Гарната-кат, он встанет перед потерявшей сына рабыней. Он совестливый малый, для него имеет вес слово, данное невольнице. А ещё Иригойену предстояло явиться домой, где он не был несколько лет. Оправдал ли пасынок надежды пекаря Даари? Или стал таким же отцовским разочарованием, как родной сын?

«В столицу, – сказал Волкодав. – А оттуда на родину».

«Вот что, малыш, – наклонилась в седле мать Кендарат. – До сих пор я следовала за тобой, поскольку твой путь мне любопытен, но сейчас послушал бы ты меня, хорошо? Если возьмём севернее, дороги приведут нас в Нардар...»

«Зачем?»

«Там живёт человек, у которого ты сможешь многому научиться».

«Чему?»

«О-о, это мастер, достигший необычайного совершенства. Я даже не удивлюсь, если ты выберешь его в наставники вместо меня».

«Какого совершенства?» – спросил Волкодав. То, что жрица так легко говорила о его возможном отступничестве, ему весьма не понравилось.

Если я тебе надоел, могла бы прямо сказать...

«Ну, например, он непревзойдённый мастер копья».

«Я никогда не пробовал нардарского хлеба», – с надеждой проговорил Иригойен.

«Если ты так хочешь, пошли», – буркнул Волкодав и сразу принялся гадать, правильно ли поступил. Он опять вознамерился сойти с дороги, которую наметил себе изначально. До сих пор судьба ему этого не спускала. Из какой беды придётся выпутываться на сей раз?..

Покамест они побывали в самом северном городе саккаремской земли. Город назывался Астутеран. По сравнению с ним Дар-Дзума показалась Волкодаву захолустным маленьким городком, каким, в сущности, и была. Венн знал, что по сравнению с блистательной Мельсиной тот же Астутеран считался едва ли не деревней. Это представить было уже сложнее.

В городе мать Кендарат повела их на просторную торговую площадь. Там, на высоком помосте, говорили и пели под музыку лицедей. Они представляли деяния Солнцебога, которого в Саккареме считали младшим сыном Богини. Вот пронеслась по проволоке горящая бочка, изображавшая Камень-с-Небес, вот рассыпалась огненными стрелами, и рослый малый в солнечной короне картинно упал, схватившись за грудь. Набежали кривляющиеся уродцы – надобно полагать, Тёмные Боги – и поволокли страстотерпца в угол помоста. Там было устроено подобие пещеры. С потолка свисали толстые цепи, виднелись покосившиеся решётки. Иригойен смотрел раскрыв рот: у него дома ничего подобного не водилось. Халисунские сэднику лицедейства не одобряли.

Люди ахали, ужасались, кто-то плакал, накрытый эхом стародавнего горя, кто-то радовался мастерской игре, и все ждали продолжения.

Долго ждать не пришлось. На помосте завели пляску сразу несколько юношей, причём половина – в девичьих нарядах, ибо в Саккареме девушки к лицедейству не допускались. Танцоры изображали смертных помощников Солнца, пустившихся на его поиски. Волкодав только головой покачал. Эти люди совершенно не походили на его соплеменников. А ведь всем было известно, что именно дети веннов некогда выручали Светлых Богов!

Ну, положим, к тому, что чуть не каждый народ приписывал честь спасения Солнца именно себе, Волкодав уже привык и спорить не собирался. Но зачем эти парни вырядились в крашенные одежды? На битву – да, святое дело, но в дальний путь?.. Сказителю не грех приврать, чтобы украсить повествование, однако надо же и совесть иметь... Волкодав, поначалу увлечённый представлением, спохватился, проверил, на месте ли кошелек, и нашёл взглядом божественного страдальца, утащенного в «темницу».

Как видно, не предполагалось, что кому-то из зрителей происходившее в подземной пещере может быть интересней мелькания ярких нарядов посередине помоста. Солнцебог, закованный в якобы неподъёмные цепи, оживлённо шептался с тюремщиками и украдкой что-то жевал. Деяния разворачивались своим чередом, слаженно и красиво, но на Волкодава напала тоска. Он перестал следить за лицедейми и принялся рассматривать народ. Зрители, по крайней мере, испытывали не наигранные, а настоящие чувства. На них куда любопытней было смотреть.

Довольно скоро его внимание привлёк человек в простом замшевом кафтане путешествующего купца. Мужчина смотрел представление с седла, остановив коня позади пешей толпы. Широкий лоб, прямой нос, жёсткие усы... Лицо показалось венну смутно знакомым, он явно видел его, но вот где?.. И всадник, и вороной под ним выглядели скорее нардарцами, чем саккаремцами. Конь, которого лошадики называли бы

густым, казался не таким легконогим, как местные скакуны, зато отличался могучими статями и явной свирепостью. Он стоял смиренно, свесив косматую гриву по одну сторону шеи, однако беспечные зрители предпочитали не толкаться вплотную. Рядом, стремя в стремя, позволено было стоять лишь светло-серой в яблоках кобылице. Вот она-то определённо родилась в Саккареме. Дивная лошадка, резвая, ласковая и игривая. И женщина в седле – истинное сокровище и слава народа. Голову всадницы окутывала тонкая кисея, прихваченная серебряным обручем, но ни улыбки, ни блеска глаз спрятать она не могла.

Венн снова посмотрел на её русоволосого спутника. Пожалуй, тот был тоже красив. Но не столько чертами лица, сколько разворотом плеч и осанкой человека, готового к предельному усилию духа и тела.

Волкодав отвёл глаза. Как ни радовало его зрелище чужого счастья, к радости примешивались тревога и горечь. Он слишком хорошо помнил горную дорогу и песню сборщиков ледяных гроздьев. Помнил, как мать относилась в кузницу поздний ужин отцу – и возвращалась с сияющими глазами, словно девчонка, бегавшая проведать жениха... Чем всё кончилось, лучше было вовсе не вспоминать.

С помоста донеслись громкие крики и металлический лязг, зрители ахнули. Волкодав тоже решил посмотреть, что там творится, но не кончил движения, потому что в толпе неподалёку от всадников мелькнуло ещё лицо, и уж его-то венн узнал безошибочно.

Фербак!

Верзла Фербак, согнанный с земли хлебопашец, ставший сотником правой руки в войске Тайлара Хума. Справный воин, по-деревенски рассудительный, бесстрашный и справедливый. Может, и не прирождённый начальник тысячных войск, как мятежный комадар Хум, но без таких, как Фербак, полководцы не одерживают побед. Волкодав скверно запоминал людей, куда хуже, чем пройденные хоть однажды дороги. Однако не узнать человека, под чьим началом ходил в бой, было решительно невозможно. Что он здесь делает, в охранники подался?.. Волкодав начал проталкиваться в ту сторону, даже не подумав, что Фербак может обрадоваться ему куда меньше, чем он – Фербаку...

Да. Бывший сотник заметил его шагов с тридцати, а заметив – кивнул, но при этом на лице Фербака мелькнуло такое неудовольствие, словно Волкодав сапоги у него украл, только изобличить не удалось.

Почему, за что – поди разбери! Венн почувствовал себя глупым псом, который чуть не с визгом бросается приветствовать знакомого человека, а его отпихивают ногой: пошёл вон. Наверное, он всё равно мог подойти и заговорить, но велика ли радость смотреть, как Фербак будет отводить глаза, явно мечтая, чтобы прежнего соратника унесло ветром?

Он тоже кивнул бывшему сотнику, повернулся и ушёл обратно к Иригойену и матери Кендарат. Когда на помосте воздвигли высокий шест с жестяным изображением Солнца, жрица взялась попытываться, хорошо ли Волкодав понял действие. А главное, почему самого страшного из чёрных злодеев зрители принимали теплее, чем светлого Солнцебога.

«Тот был лучшим лицедеём», – сказал Волкодав.

«Что?» – удивилась она.

«Он, по крайней мере, не ел колбасу, когда ему полагалось мёртвым лежать...»

Госпожа Кендарат на него, кажется, тогда рассердилась...

...Волкодав натянул сухие штаны, повесил отжатые на ивовый куст, уселся под сосной и начал правильно дышать, отсчитывая по восемь сердцебиений. Каждый вдох отзывался глухой болью в груди, на выдохе упорно казалось, что внутри сейчас что-то склеится и откажется расправляться.

«Больно?» – спрашивает чернокожий.

Пёс в ответ сплёвывает. И улыбается. Лучше никому не видеть такой улыбки на лице парня четырнадцати лет от роду. На руках у него кандалы опасного, на шее заклёпан ошейник, и он только что крепко получил от Мхабра кулаком. Но мономатанец тоже в кандалах, так что обижаться не на что.

«Когда уже ты ноги как надо ставить начнёшь? – ворчит чёрный великан. – И дышишь, словно девчонке хочешь понравиться, а не врага сокрушить...»

На самом деле они тратят время, отпущенное для сна. В забой едва проникают из штрека отсветы факела. Их едва хватает на то, чтобы зажигать блёстки в неровных жилах златоискра

[30]

, вьющихся по стенам и потолку.

«Эта еловая шишка всё равно ничему выучиться не способна! – ругается третий обитатель забоя. На месте ступней у него обрубки, замотанные тряпьём. Чернокожий Мхабр уже который месяц работает, по сути, за себя и за него, а теперь ещё взялся пестовать никчёмного мальчишку, и калека почему-то не в силах этого пережить. – Во имя Белого Каменотёса! Тебе достался самый тупой сын репоголового племени, молящегося лесным пням! Какого ума или старания ты от него хочешь?!»

Пёс слегка пригибается. Спина и плечи у него страшно изорваны кнутом, и струпья ещё не всюду сошли. Ему полагалось бы умереть запоротым, но вместо этого он стоит на ногах и учится мономатанскому бою. Он перехватывает лом, как копьё, скалит зубы и делает выпад.

Мономатанец разворачивается на носках, плавно и вроде неторопливо, но его кулак вновь безжалостно отшвыривает Пса к стене.

Едва зажившей спиной на твёрдые колючие камни...

Пёс судорожно выгибается, разучившись дышать. Руки немеют, железный лом падает на пол. В тесном забое звон нестерпимо бьёт по ушам.

«Больно?» – спрашивает чернокожий.

Боли не надо бояться. Хотя бы потому, что этот страх, как, впрочем, и всякий другой, лишён смысла. Из него ничто не вырастет, а боль придёт всё равно. Не пытайся от неё убежать. Потеряешь гораздо больше. Прими её. Пусть она станет огнём, который выжигает пустые частицы, оставляя железо...

Торопливое дыхание Пса неожиданно успокаивается. Зрачки, расплывшиеся было во весь глаз, становятся двумя точками.

Не надо бояться.

Он подбирает лом и делает выпад.

Железное остриё обдирает ржавчину с ошейника мономатанца. Летят искры.

«Во имя Беззвёздной Бездны!.. – чуть не со слезами кричит Динарк. – Ты что делаешь, порождение лягушки и слизи?»

«Ты моих родителей не срамословь!» – рычит в ответ Пёс. Бить калеку он, конечно, не станет, но и спускать ему не намерен.

«Хватит, – вскидывает ладонь Мхабр. – Ты, парень, ещё не настиг буйвола, но уже чуешь оставленную им кучу... А теперь спать, пока надсмотрщики не заглянули!»

Лесная дорога, приведшая их на это дивное озеро, спустя несколько дней должна была упереться в ворота селения, называвшегося Рудая Вежа. Где-то в окрестностях Вежи обитал человек, у которого, по словам матери Кендарат, Волкодаву было чему поучиться.
– Ты так уверенно ведёшь нас, госпожа, – сказал Иригойен. – Ты бывала здесь раньше?
– Нет, – покачала головой жрица. – Просто слишком хорошо знаю прежнего друга.

Прежнего друга, повторил про себя Волкодав, кативший тележку, и поневоле опять вспомнил Фербака. На самом деле мы с ним друзьями стать не успели... Тогда почему так обидно?

Дорога очередной раз повернула, следуя вдоль лесистого склона холма. Волкодав остановился. Впереди, между заросшими травкой неглубокими колеями, лицом вниз лежал человек. Его руки и ноги медленно скребли по земле, он силился ползти, но тело слушаться не желало. Иригойен уже бежал к нему, мать Кендарат толкнула пятками ослика... Волкодав вскинул голову, напряжённо прислушиваясь... Нет. Лесные голоса звучали обыкновенно и мирно. Никакая разбойная засада в придорожной чаще не пряталась.

Когда он подкатил тележку, упавшего уже перевернули на спину и стянули с головы куколь плаща. Несчастный прохожий был одет в кафтан глубокого фиолетового цвета, расшитый изысканным белым узором. Волосы, слипшиеся от пота, сперва показались Волкодаву совсем седыми, хотя лицо, обрамлённое мягкой бородкой, выглядело почти юношеским. Человек открыл мутные, по сути, уже неживые глаза и попробовал заговорить:

– Дух род... Дать... Много человек наш род... Эта... Крутить лист...

Саккаремской речью он владел с пятого на десятое. Он понимал, что умирает, и силился сообщить подоспевшим незнакомцам нечто невероятно для себя важное, но вот что?.. Пока Волкодав пытался сообразить, что за листья должны были закрутить соплеменники умирающего, мать Кендарат нахмурилась и вдруг заговорила на языке, которого венн не знал. Его слух выхватил только слово «книга». Благо оно очень сходно звучало почти у всех племён, живших восточнее реки Малик. Причём своё первенство с удивительным жаром отстаивали даже бесписьменные мергейты.

Лицо человека между тем прояснилось, он улыбнулся, пробормотал нечто невразумительное, почему-то отрицательно мотнул головой, его пальцы поползли к горлу, но добраться не успели. Глаза остановились. Человек тихо закашлялся, его челюсть отвисла, изо рта показался язык. Мать Кендарат опустила веки умершему и посмотрела на свою левую ладонь, перепачканную в крови. Что-то привлекло её внимание. Кровь уже не была свежей, она на глазах утрачивала текучесть, обращаясь в густую чёрно-багровую слизь.

И пахла так, как, по мнению Волкодава, крови пахнуть не следовало...

Жрица тоже почувствовала запах. Её передёрнуло, она поспешно вытерла руку о землю.

– Крепкий народ эти сыновья Книги, – задумчиво проговорила она. – Его отравили, кольнув отравленным лезвием. Парень должен был умереть почти сразу, а продержался полсутки!

– Сын Книги? – спросил Иригойен.

– Да, так они себя называют, – кивнула мать Кендарат. – Иноплеменники зовут их ягунцами, по имени их страны – Айрен-Ягун. Злые языки утверждают, будто от избытка учёного благочестия волосы у них седеют прямо в материнской утробе.

Ну надо же...

Волкодав знал, что такое книги. Листы с письменами, запечатлёнными мудрость. Они могли представлять сшитыми стопками в окладах из тонких дощечек, кожи и серебра. А могли – свитками.

Венн взялся было гадать, каким образом люди, пусть даже приверженные письменному слову ещё побольше аррантов, могли возводить свой род к...

И тут его осенило.

Вот, стало быть, о каком кручёном листе вёл речи погибший!

– Этот бедняга попросил нас передать его родичам свиток, – сказала мать Кендарат.

Она расстегнула ворот фиолетового кафтана и, стараясь больше не дотрагиваться до тела, вытащила за ремешок длинный кожаный мешочек. Внутри лежала резная, тонкой работы шкатулка-обляк

[31]

. Если Волкодав что-нибудь понимал – сделанная из большой трубчатой кости. Шкатулка была запечатана с обоих концов.

– Я думаю, свиток очень много для него значил, – сказал Иригойен. – Люди платят кровью своей жизни только за то, что почитают святым! Госпожа, ты позволишь мне хранить свиток, пока мы не встретим ягунцев?

Мать Кендарат пожала плечами:

– Храни, только заверни как следует. Мало ли что.

Иригойен чуть не выронил кожаный тул

[32]

. Потом принёс из тележки длинногорлый дар-дзумский кувшин, сунул в него шкатулку, надёжно заткнул – и по примеру жрицы тщательно протёр руки землёй.

Значит, пырнули отравленным остриём, глядя на кровь, повторил про себя Волкодав. Он уже прикидывал, где у дороги лучше вырыть могилу, чтобы не добралось зверьё. И как отметить погребение, чтобы другие дети Книги могли почтить отважного брата. Кому помешал человек, пытавшийся сберечь священные письма? Если недруги ягунцев охотились за свитком, почему просто не украли его? Почему не подоспели обобрать обессиленного?..

Может, всё выяснится прямо завтра. А может, не выяснится никогда. Мало ли чего он до конца дней своих не узнает. Например, на что нардарскому вельможе, взявшему жену в Саккареме, понадобилось рядиться купцом, а в охранники нанимать Фербака с ребятами. Какая, в сущности, разница?..

Пока Волкодав понимал только, что Небесам было угодно взвалить на него ещё одно дело. От просьбы умирающего так просто не отмахнёшься.

Вот чем дело кончается, когда в очередной раз сворачиваешь с пути...

Деревня оказалась по-родственному похожа на горные селения северного Саккарема, лепившиеся к отвесным утёсам. Однако имелось и отличие. Рудая Вежа не карабкалась на обрывистый холм. Она была в него врезана. Жилища, закрома для припасов, хлева, стойла, даже улочки – всё выбито в каменной толще трудом множества поколений. Деревня числила свою историю со стародавних времён, когда в здешнем краю только обосновались выходцы из Нарлака. Ныне весь холм напоминал увитую зеленью старинную башню с множеством бойниц от подножия до вершины. Закатное солнце наделяло красноватый местный камень величественно-багряным свечением, позади громоздились войлочные зимние тучи. Было видно, как боролись в небесах ветры. Могучие токи с гор стремились вернуть зиму, но с юго-запада, одолевая раскинувшийся на пути Халисун, долетало тёплое дыхание далёкого моря, и облака раскачивались почти на одном месте.

– Я туда не пойду, – сказал Волкодав.

– Почему, малыш? – удивилась мать Кендарат.

До сих пор венн казался человеком очень неприспособленным. Она видела, как он укладывался спать и на общей лавке постоялого двора, и на расстеленном плаще у входа в палатку, и вовсе на голых камнях.

Волкодав очень долго не отвечал. Жрица улыбнулась:

– Ты же не побоялся пойти работать под землю, когда рубили водовод.

– Там мне деньги платили, – ощетинился Волкодав. Он-то думал, что дни, когда его пытались брать «на слабо», давно миновали. – А здесь ещё я им буду платить, чтобы в подземелье пустили?

Иригойен посмотрел на облака.

– Говорят, – заметил он примирительно, – там, внутри холма, есть пещеры с самородным огнём...

Волкодав покивал головой. А то не видал я пещер с самородным огнём!

– Ладно, – сказала мать Кендарат. – Оставь ему шатёр, Иригойен, ночью снег может пойти.

– Не пойдёт, – сказал Волкодав.

– Откуда ты знаешь?

Спросила бы ещё, откуда я знаю, что одна рука у меня правая, а другая – левая. Вслух он ответил:

– Воздух снегом не пахнет.

Подножие холма выглядело обрывистым, не вдруг влезешь. Ну, то есть влезть можно куда угодно, но незамеченным кладовок и жилищ достигнешь навряд ли.

Дорога посолонь

[33]

огибала Рудую Вежу и подходила к селению, как водится во всех добрых местах, с юга. Здесь была устроена неширокая насыпь, восходившая до верха обрывов. Её перекрывали ворота. Перед насыпью располагалась широкая утоптанная площадка. Наверное, здесь устраивали торг, когда приезжали купцы. Сейчас по краю поляны виднелось несколько шатров, у коновязи стояли лошади. Чуть поодаль Волкодав заметил сложенные стопами брёвна, груды камней, приготовленных для основательного строительства, и деревянную треногу. Там рыли колодец. Рудая Вежа не то выселками обрастала, не то обзаводилась постоянным двором. Надо будет наведаться туда утром. В деревне гончаров Волкодав работал как проклятый, но ушёл оттуда почти без гроша, оставив весь заработок Шишини и Мицулав.

То бишь сорок тюков халисунского хлопка выглядели столь же недостижимыми, как и год назад.

Волкодав один за другим вбивал колышки для растяжек шатра, хотя вполне мог обойтись пологом и костром, и пытался понять, что же случилось.

Когда-то я не чаял избавиться от попутчиков, которых нелёгкая дёрнула меня провожать через горы. А теперь со мной не захотел знаться Фербак, да и матери Кендарат я, кажется, надоел... и почему-то заболела душа. Почему? Не этого ли хотел?..

Всё-таки в Рудой Веже обитал не чуждый гостеприимства народ. Постоялый двор здесь только собирались построить, но навес с дармовым хворостом на площадке имелся. В Нардаре чтити веру предков, славивших Священный Огонь.

Может, я оказался нерадивым учеником?.. Мхабр тоже меня всё время ругал. Но он хоть не прогонял меня, пока сам не шагнул в Прохладную Тень...

Я пустился в дорогу, намерившись пройти её в одиночку. Я не хотел никого рядом с собой. Зачем же я встречаю людей, и начинаю любить их, и мне больно, если они отворачиваются?..

Волкодав уже вытаскивал огниво, когда неподалёку прошуршали шаги. Две пары ног и маленькие копытца. И два колеса по листьям и едва прогнувшейся траве.
– Зажигай скорее, малыш, – зябко потёрла руки мать Кендарат.
– Нас не пустили в деревню, – с неловкой усмешкой пояснил Иригойен. – Мы позавтракали сегодня рыбой из озера, и это могло оскорбить их Огонь.
– Вот тебя они бы с радостью приняли, – кивнула жрица. – Ты ведь нос от рыбы воротить. Она улыбалась, но глаза были почему-то грустными. Волкодав чиркнул кресалом. До сих пор в дороге она неизменно сама творила огонь. Что-то должно было крепко огорчить её, раз она вздумала поручить это ему.

Надо думать, огнепоклонники-нардарцы умели ладить очаги и бить из глины печи лишь чуть хуже веннских, но вот в колодцах они равным счётом ничего не смыслили. Собственно, Волкодав понял это ещё вчера, только увидев треногу. Кто же в своём уме берётся колодец копать, не дождавшись не то что сухой осени – даже летнего солнцеворота?..
У него дома колодезную дудку одевали настоящей дубовой колодой, выдолбленной из дулистого дерева. А если опускали в ямину сруб, то опять же из дуба, терпеливо отмоченного и бережно высушенного в тени. Получался колодезь, в котором до середины лета потом держался ледок. У кого дубы не росли – заготавливали вяз, ясень, осину... Работнички, нанятые жителями Рудой Вежи, кроили одежду для дудки из самого негодного дерева. Из берёзы и ели. И к тому же всё это было сырое.

А уж как они эти брёвна скрепляли...

Распорядитель в Самоцветных горах отказывался строить чудесные механизмы Тиргея, обходясь дармовой силой рабов, но ворота у него, по крайней мере, работали. Не заплывали грязью, не гнили и не обрушивались, как предстояло обрушиться этому несчастному колодцу. Волкодав повернулся и пошёл прочь, туда, где рыли землю под основание дома.

– Что не так, добрый молодец? – окликнули сзади.

Волкодав оглянулся. Говорил старший из троих, рыжеусый, кряжистый, с рыжевато-бурыми волосами, неровно побитыми сединой. По обычаю многих нардарцев, он был обут в удобные берестяные лапти с онучами.

Разговаривать с человеком, взявшимся за дело без толку и без поры, не очень хотелось, но тот спрашивал вполне дружелюбно. Хотя мог бы послать, по нардарскому обыкновению, в золу и остывшие угли. Венн хмуро ответил:

– Там, где я рос, колодцы строят не так.

– А где ты рос, парень?

– Далеко, – буркнул Волкодав... и прирос к земле, внезапно поняв, что должен был почувствовать Кермнис Кнер, когда услышал от него аррантскую речь.

Ибо рыжеусый обратился к нему на языке веннов. Да ещё и с таким же, как у него самого, выговором уроженца западных чащ.

Видимо, немое изумление Волкодава говорило само за себя, поскольку человек рассмеялся:

– Во имя Чёрного Пламени, я угадал... Ну и что тебе не так с нашим колодцем?

Мог ли предполагать Волкодав, до какой степени оглушат его несколько слов на родном языке!.. Захотелось убежать в лес и заплакать. А потом – вскинуть руки к облакам и, срывая голос, отчаянно позвать: «Мама!..»

На самом деле он не сильно переменялся в лице, если что и выдавало его, так только глаза.

– У нас углы рубят по-другому, – кое-как выговорил он наконец. – Крепче.

– А покажи как? – заинтересовался рыжеусый. – Мы тут люди простые, велели нам, мы и прикинули по своему разумению...

Если бы не веннская речь, Волкодав непременно заподозрил бы какой-то подвох и просто ушёл. Но он взял топор и стал показывать, что такое коренной шип, полусковородень и крюковая лапа

[34]

. Нардарский топор был, кстати, отменным. Лежал в руке как родной, рубить таким, что плясать: весело и задорно.

Качавшаяся в небесах войлочная стена выплюнула из себя маленькую, но ретивую тучу. Прижавшись к самой земле, тучка побежала на запад. Хлеставшие из неё косые полотнища снега казались серыми занавесями.

– Где по-нашему выучился? – спросил Волкодав.

Рыжеусый, которого остальные называли Муругой, ответил:

– Да приходил сюда один венн... Лет уже десять тому.

Голова опять закружилась. Волкодав показал Муруге пучки серой шерсти, вшитые в оторочку верхней кожаной рубахи:

– А... вот этого не было у него?

Такие же знаки рода имелись и на сапогах, но сапоги он берёт и надевал редко.

Муруга пожал плечами:

– Не поклянусь, но вроде не было.

Волкодав спросил, помолчав:

– Здесь прежде совсем колодцев не строили?

– До недавнего времени добывать воду из земли почиталось за святотатство, – ответил

Муруга. – Теперь вот государь конис велел обустраивать дороги, постоянные дворы

возводить... – Вздохнул и рассмеялся: – Не успели лопату в землю воткнуть, а тут и ты, отколь ни возьмись. И такую рожу кроишь, словно дохлую крысу в миске увидел.

Волкодав много чего мог бы ему порассказать про дохлых крыс. Было время, когда он им весьма даже радовался. Но он лишь сказал:

– Вы, я смотрю, больше из камня строите...

Муруга кивнул:

– Чтобы не оскорблять Священный Огонь, отгораживая Его от пищи.

– Ну и тут клали бы камнем. Только не сейчас, а под конец лета. Колодец будет полней.

– Так велели сейчас, – подал голос один из копателей.

Дело ваше,

хотел было сказать Волкодав, но вместо этого снова обратился к Муруге:

– Тот венн... Что ему было нужно?

Муруга, весёлый человек, коротко хохотнул:

– Много ты хочешь, мальй. Лет-то сколь минуло.

Волкодав молча смотрел на него.

Не ври, рыжеусый. Ты знался с ним не один день. Иначе объяснялся бы, как тот ягунец по-саккаремски.

Под его взглядом глаза Муруги постепенно изменили не только выражение, но едва ли не цвет, на мгновение сделавшись по-веннски серыми вместо карих.

– Он говорил, его невесту сгубили какие-то воры. Он хотел отомстить. Он учился у меня бою на копьях.

Волкодав оглянулся и увидел наблюдавшую за ними мать Кендарат.

Неторопливо приблизившись, жрица сказала ему:

– Вот ты и встретил наставника, о котором я тебе говорила... Мир по дороге, Муруга, если теперь тебе угодно так себя называть.

Её ладонь показалась Волкодаву очень горячей.

Осматриваясь в каменных закоулках Рудой Вежи, Волкодав поневоле вспоминал Самоцветные горы. Как и тамошние выработки, деревня начиналась с пещер, промытых водой. Только, на счастье первых поселенцев, дорогих камней здесь не нашлось. В утробе красного холма не резались из-за добытых богатств и не приковывали цепями рабов. Здесь жили, готовили еду, рожали детей...

В глубинной части Вежи заходим людям, понятно, делать было нечего. А вот просторный подземный зал, когда-то обнаруженный выходцами из Нарлака, стал теперь чем-то вроде общинного чертога, где добрые гости могли и перекусить, и заночевать, надёжно отгородившись от непогоды. Другое дело, теперь, когда нардарский конис готовился принять

Золотой Трон Саккарема, дорога через Рудую Вежу грозила превратиться в оживлённый большак.

Сейчас все лавки и столы в общинном зале были сдвинуты в один угол, чтобы освободить место. Войдя, Волкодав сперва решил, что нардарцы затеяли состязание плясунов. Под неровным каменным сводом расхаживал, поигрывал плечами, хлопал себя по ляжкам, приседал и выламывался задиристого вида малый. Он так клонился в стороны и назад, что взгляд ждал падения, но парень всякий раз выправлялся. Так получается только у горьких забулдыг. А ещё – у воинов и великолепных танцоров.

Потом венн обратил внимание, что парень был мономатанцем. Самым настоящим. Чёрным-пречёрным.

Видно, странные ветра, веявшие над Нардаром, не только веннов сюда заносили...

А на гладком полу виднелись кровавые кляксы. И валялись две длинные палки.

Мономатанец вдруг прекратил пляску, выпрямился и заорал так, что в стенах отдалось эхо: – Ну?! Кто ещё на меня?..

Волкодав вздрогнул и понял, что Самоцветные горы очередной раз явились по его душу.

...Пещера. Дымный чад факелов. Крылатые тени, мечущиеся под потолком...

По краю «святой» площадки, видевшей уже немало поединков, прохаживается молодой надсмотрщик. Лучший выученик и любимец старшего назирателя. Он вооружён кинжалом и тяжёлым кнутом. В рудниках его считают жестоким и очень опасным. Настолько, насколько может быть жесток и опасен сын дикого племени, отошедший от порядка жизни, установленного предками. С ним предпочитают не связываться даже свободные. По мнению многих, он очень хорошо соответствует своему родовому прозвищу: Волк.

Он хлопает себя руками по бёдрам и с широкой ухмылкой обращается к кандальникам:

«Ну что, крысоеды? Хочет кто-нибудь на свободу?..»

«Я!..» – тотчас отзывается молодой вельх, прошедший неполный год под землёй.

Отчаянный, горячий и дерзкий, как многие в его племени...

– Эй, нардарцы! – снова закричал чернокожий. – Я слышал, вы были когда-то племенем храбрецов! Ваши предки в сражениях взяли эту страну, а вы боитесь даже деньги проспорить! Он был одет в короткие штаны и кожаную безрукавку, пламя светильников играло на крепких буграх мышц.

– Не скажешь, почтенный, что нужно этому человеку? – обратился Иригойен к местному жителю, с которым рядом стоял.

– Вот мощна! – Мономатанец подбросил на ладони тяжёлый бархатный мешочек. – В ней двадцать серебряных лауров! Кто хочет побить меня и двадцать раз увидеть своего кониса?

Двадцать лауров, задумчиво повторил про себя Волкодав. Сколько это в хлопковых тюках, по халисунскому счёту?..

Толпа кругом заволновалась и зашумела. Вперёд протискивался крупный белообрый парень с добродушным круглым лицом. Волкодав проследил за тем, как он шёл. Наверняка отменный работник, материна опора. А если через годик-другой ещё и попадёт в хорошие руки, женившись на разумной девчонке, – станет одним из тех, кем белый свет держится. В

деревенской – размахнись, рука! – потасовке такого лучше не злить, но вот прыжков и подкатов вроде тех, что показывал чернокожий, от него навряд ли дождёшься...

– В здешние селения временами наезжают мавутичи, – объяснял Иригойену местный. – Их Владыка посылает сыновей утвердить своё мастерство и стяжать славу. А повезёт, ещё и младшеньких ему привести...

– Какой владыка? – удивился халисунец. – Государь конис?

– Нет, вождь Мавут живёт сам по себе. Он не враждует с Марием Лауром и не зарится на его земли. Мавутичи говорят, он лишь призывает к себе взыскующих силы. К нему идут те, у кого не осталось ни родни, ни надежды...

Молодой нардарец нагнулся за палкой, поплевал на ладони и взялся за неё, как за рукоять кирки или дроворубного топора. Улыбнулся землякам и приготовился к бою.

– Их кто-нибудь побеждал? – спросил Иригойен.

– Бывает, но редко. Я сам один раз видел...

То, что началось дальше, по мнению Волкодава, легко было предугадать. Мономатанец играл с противником, раззадоривал и злил его, поддавался и завлекал: ну, давай, ещё чуть...

Так обхаживают простака опытные игроки в читимач. Ему дают порезвиться, даже выиграть несколько медяков. А потом, когда он исполнится ложной уверенности и сделает весомую ставку...

Чернокожий словно растёкся по полу, змеиным движением проскользил прямо под ноги нардарцу – и стреножил его жестоким ударом в колено. Раздался хруст, зрители отшатнулись, кто-то громко охнул, многие сморщились. Белобрысый скорчился, выронил палку и рухнул ничком. Подтянул ногу, обхватил колено ладонями и стал раскрывать рот, как вытасенная из воды рыба.

Теперь он умрёт, униженный и беспомощный. Как многие прежде него. Как предстоит ещё многим...

Волк подходит и, взяв вельха за волосы, деловито рассекает ему горло.

Кандальник, так и не вернувший свободы, захлёбывается кровью и валится набок, утрачивая достоинство, которое силился сохранить. Тело, уже не направляемое гаснущим сознанием, начинает биться на камнях – некрасиво и непристойно...

Волкодав судорожно напрягся и понял, что ждёт: вот сейчас победитель подойдёт резать горло упавшему.

И зачем я поддался на уговоры матери Кендарат и всё-таки вошёл в проклятое подземелье?..

– Велик и славен Владыка Мавут!.. – вскинув обе палки над головой, заорал победитель. Прославление, выбранное с явным знанием местных языков, звучало как растянутое «Йярр-рхаа». Чем не бое вой клич?

А чёрный боец продолжал:

– Вот какими делает Отец даже никчёмных потомков племён, впавших в ничтожество!.. Чем ответите, нардарцы?

Белобрысого под микитки утаскивали с площадки. Он мотал головой, не позволяя себе взвыть, и силился упираться здоровой ногой. Если ему повезёт, со временем встанет на обе. Вот только вприядку на собственной свадьбе уже не попляшет.

– Ваши предки возвеличивали Священный Огонь походами и поединками! – не унимался мономатанец. – Или вы здесь все выродились и измельчали, как... вот этот?

Волкодав оглянулся. Длинный вытянутый палец указывал на Иригойена.

Краем глаза венн заметил движение там, где стояла мать Кендарат. Но тут халисунец, к его ужасу, начал пробираться вперёд.

– А я-то собирался ближе к вечеру угостить тебя пивом и вволю наговориться о нашем народе, – сказал чернокожему Иригойен. – Если я правильно читаю шрамы Посвящения на твоей коже... ты ведь сехаба?

Сехаба!.. – ахнул про себя Волкодав. «Мой прадед переехал из Мванааке»... Друг мой, почему я не расспросил тебя, пока было время?..

– Да, когда-то я назывался сехаба, – фыркнул чёрный боец. – Теперь я – сын Владыки, а то, что было раньше, растоптали гаяры!

[35]

– Всё же замечание Иригойена не оставило его совсем равнодушным. Он воинственно бросил: – Что толку вспоминать о тех, кто был бесславно рассеян по краю пустынь, а вождь сдался в плен!

– Видит Лунное Небо! – сказал Иригойен и сделал ещё шаг вперёд. – Я не думал драться с тобой, ибо не желал ни твоих денег, ни твоей славы. Однако честь моих и твоих предков взывает к отплате, и тому свидетелем – Наам, слушавший их молитвы... Во имя тех, кого уже не вернуть, – давай палку!

Мономатанец нагибаться не стал. Очень ловко, пальцами босой ноги, он подбросил деревянное оружие и метнул противнику. Иригойен, не иначе исполнившись вдохновения, точным движением взял палку из воздуха. Перехватил двумя руками и поднял над головой, явив стойку, которой Пса когда-то учил кашляющий кандалник.

Его противник присел на полусогнутых ногах, укрывая деревянный меч за бедром.

– Благородный Мхабр добровольно возложил на себя цепи, поверив слову лживого Кешо! – прозвенел голос песнопевца. – Он спасал свой народ! Мы, скромные пекари Гарната-ката, и то знаем об этом. Если ты, сберёгший черноту кожи, не знал, да будет тебе срамно. Если знал и презрел – да будет срамно вдвойне!

Палка чернокожего, с шипением разрывая воздух, взвилась из-за бедра, а ноги сделали три быстрых шага вперёд. Всё это одним слитным движением. Иригойену нечего было и думать защититься от такого удара. Скорее всего, он его толком даже не увидел. Он не попытался прикрыться. Палка мономатанца с размаху обрушилась на его рёбра... Но и оружие Иригойена мелькнуло во встречном ударе. Разогнанное всем телом, оно с деревянным стуком упало на голову противника, примяв курчавые пряди.

Мой дедушка зашиб хлебной лопатой подсыла... – вспомнилось Волкодаву.

Чернокожий ткнулся в каменный пол и остался лежать. Иригойена унесло прочь – прямо на руки Муруге.

Рыжеусый подхватил его и с усмешкой сказал матери Кендарат:

– А я уж было решил, что твой ученик – тот другой, с заплетёнными волосами...

Выходка Иригойена стоила ему двух сломанных рёбер и правой ключицы. Тугая повязка помогла убрать боль, но не вполне. Иригойен сидел очень прямо, улыбался, разговаривал тихо и медленно и вздрагивал, пытаясь смеяться. Однако в кошельке мономатанца действительно оказалось двадцать полновесных сребреников нардарской чеканки. Пересчитав неожиданное богатство, Иригойен пошептался состряпухами, готовившими для гостей, и объявил, что устраивает пирушку.

Вот уж чего Волкодав на его месте нипочём бы не сделал.

– И не смотри на меня так! – сказал ему Иригойен. – Деньги, которые я должен вернуть, я уже отложил!

Венн чуть не спросил его, почему в таком случае он слегка покраснел, но удержался и промолчал.

Теперь все они, в том числе Муруга, сидели за столом в укромном уголке общинного зала.

Нелетучий Мыш, спустившись с хозяйского плеча, лакомился кусочками хлеба, размоченного в

молоке. Нардарцы всё же были не вовсе незаконным народом. Они умели ставить опару и пекли вкусный хлеб. Вот бы они ещё начали сеять у себя рожь...

Наверное, я просто веселиться не умею. Я и на плясовой круг ни за что бы не вышел, потому что в этом нет смысла. Всё обретает смысл, когда кругом семья, а впереди жизнь. А у меня – ни того ни другого.

– Ты привела неплохих пасынков, сестра, – сказал Муруга матери Кендарат. – Они учтивы с людьми и не соблазнились боем ради денег. Правду молвить, от твоего старшего я ждал чего-то подобного. Такие, как он, способны испытывать только несложные чувства вроде ненависти и стремятся к простым целям, ища богатства или земной власти. Неужели ты надеешься толковать ему что-нибудь о возвышении духа?

Вообще-то, мастеров копыа на свете превеликое множество, подумалось венну.

Ну, может, и не превеликое, но не один же Муруга?

Людей, склонных вот так обсуждать его, словно лошадь на ярмарке, он терпеть не мог ещё со времён рабского каравана.

Мать Кендарат лишь улыбнулась в ответ, почему-то очень грустно. Печёная репа, сдобренная маслом и мёдом, остывала перед ней почти нетронутая.

Я дурак, сказал себе Волкодав. Свободные обсуждают раба, как бессмысленную скотину, ибо считают себя безмерно выше невольника. Я уже исполнился враждебности к Муруге, а ведь утром он уважительно расспрашивал меня о рубке углов, так как понял, что здесь я знаю больше. Вот и думай: кто на самом деле поддался гордыне?

А Муруга вдруг обратился к Иригойену почти с теми же словами, что когда-то услышал от наставницы Волкодав:

– Вот ты, защитник чести сехаба... Можешь внятно поведать, что ты содеял?

Халисунец опустил ложку, которую неловко держал в левой руке.

– Спасибо на добром слове, – ответил он рыжеусому. – Ты назвал меня приёмным сыном благородной госпожи и наследником непреклонных сехаба, но на воинский пояс из белых перьев я не посягал никогда. Мои предки уже сто лет назад сменили плетёные щиты на корзины для хлеба. Когда этот несчастный взялся смрадить нашу родню, я отнюдь не понадеялся превзойти его в боевом мастерстве. Я сказал себе: сейчас он покалечит или убьёт меня, но это неважно, потому что один удар я ему всё-таки нанесу. Я встал в «стойку истины», которую показывала госпожа Кендарат, сосредоточился, как над тестом, и перестал обращать внимание, что он делает своей палкой. Я не с ней драться хотел, а наказать его самого. Вот и всё, господин мой.

– А если подумать? – спросила мать Кендарат.

Иригойен подумал. Очень недолго. И вдруг прикусил губу, а глаза подозрительно заблестели.

– Я вёл себя как злобный и тщеславный глупец, – с трудом выговорил он затем. – Я должен был говорить с ним, чтобы мы вышли отсюда обнявшись. И ведь я мог бы сделать это. Но я предпочёл ранить его тело и уязвить гордость...

Рыжеусый поддел ножом ещё комочек мазюни

[36]

. Чувствовалось, что Иригойен перестал быть интересен ему.

– А скажи, старший пасынок, у вас держат рабов? – обратился он к венну. Когда тот неохотно поднял глаза, Муруга добавил: – Судя по отметинам на запястьях и тому, что я помню о твоём соплеменнике, вы умеете только сами в плен попадать.

Волкодав мысленно проклял и Нардар, и Рудую Вежу, и, в первую голову, своё решение очередной раз сойти с намеченного пути. Ему понадобилось страшное усилие, но мать Кендарат смотрела на него, и всё-таки он ответил:

– Ты уразумел наш язык, значит, ведаешь, что «раб» у нас значит «недоросль». Взвзвывая пленника сажает его в самом низу стола. И ждёт, чтобы тот себя утвердил. Смелостью или усердной работой. Совершив это, пленник может остаться или уйти. Его никто не будет держать.

– Ишь ты! – Рыжеусый выпрямился с таким видом, словно услышал нечто действительно для себя важное. – Люди говорят, прежде чем иметь дело с каким-то народом, узнай, как там относятся к женщинам и старикам. Скажи, правда ли, будто ваши мужчины шагу не могут ступить без совета своих баб или, по примеру более просвещённых народов, полагают их пустыми сосудами, в которые мы изливаемся, чтобы продолжить себя потомством?

Мышь оставил недопитое молоко, вздыбил шерсть и угрожающе развернул чёрные крылья.

– Как его звали? – тяжело спросил Волкодав.

– Кого?

– Венна.

Муруга пожал плечами.

– Я не знаю, – сказал он. – Его обида была так велика, что он назвался Извергом, в знак того, что решил не возвращаться к своему племени.

– Если хочешь проверить россказни этого Изверга, – сквозь зубы проворчал Волкодав, – приезжай в наши леса и сам всё посмотри. А чего не поймёшь, тебе растолкуют.

– Может, и приеду, – усмехнулся Муруга.

Мать Кендарат положила обе ладони на стол.

– Малыш, – сказала она. – И ты, былой друг... Послушайте, что скажу. – Она улыбнулась как-то так, что у Волкодава защемило сердце, а Мышь перебежал к ней по столу, приподнялся на стигах крыльев и начал принюхиваться. Жрица погладила его. – Да, ты всё верно понял, храбрый летун... – И повернулась к Муруге: – Тебе следует знать. Я давно уже странствую с этими двоими, которых всё время называют моими приёмными сыновьями, и, право, скучать мне они не давали... Однако ничто не длится вечно. Наши дни вместе приблизились к завершению. Завтра я оседлаю Серого и уеду.

– Матерь Луна!.. – ахнул Иригойен.

Он было вскочил, но боль в сломанной ключице живо усадила его обратно.

Волкодав смотрел исподлобья и молчал.

– Если моё слово для вас обоих что-нибудь значит, – проговорила жрица, – вы останетесь здесь и возьмёте всё то, чему этот наставник сможет вас научить. Обещаете, малыши?

– Да, – сказал Иригойен.

– Нет, – сказал Волкодав.

Не хочу я тебе ничего обещать, мать Кендарат. Ты не ешь, и руки у тебя горячие. И пахнешь ты не пчёлами и медоносными травами, а...

Снаружи поднялся какой-то шум, послышались громкие голоса.

...А пустым ульем, из которого вытряхивают затихший рой...

– Дорогу! Дорогу нашему господину! – раздался у порога знакомый голос.

В общинный чертог во главе мрачных охранников, выглядевших точно беглецы с поля проигранной битвы, стремительно ворвался Фербак.

Почтенные жители Вежи, что-то степенно обсуждавшие за пивом, вскакивали из-за столов, роняли кружки, жались к стенам.

– Дорогу нашему господину!

Волкодав невольно задумался, устроили им или нет при воротах расспрос насчёт вкушения рыбы. В это время через порог шагнул нардарский купец.

Венн едва узнал его. Куда подевался крепкий, уверенный в себе, счастливый мужчина? Он страшно осунулся, лицо стало серым, глаза светились отчаянием, почти победившим упрямством. Тем не менее он нёс на руках жену. Её голова беспомощно клонилась ему на плечо. Она была закутана в меховой плащ, виднелся лишь подол шёлкового платья, украшенный чудесной тканой вставкой, словно состоявшей из множества огненных язычков.

Купец обвёл каменный зал невидящим взглядом и судорожно прижал к себе женщину.

– Она его надела ради веры моей страны, – скрипуче выговорил он и вдруг начал валиться. Фербак первым подхватил его и заорал:
– Лекаря сюда!.. Ради мокрой золы, есть здесь у вас лекарь?!
– Я лекарка, – поднялась мать Кендарат.
– Во имя Богини, Светильник в Ночи Зажигающей!.. Это ты, жрица, – с явным облегчением выдохнул Фербак. Ещё бы ему было не узнать Божью странницу, едва не проклявшую повара мятежного комадара. – Верни в свиток жизни их имена, жрица! Спаси нашего господина! Где-то снаружи страшно закричал конь. Это было не ржание и подавно не визг, а именно крик. Так кричит свирепый боевой жеребец, когда его хозяин падает раненным под копыта. И некого топтать, отмщая за седока, некого рвать оскаленными зубами...

Судя по готовности и быстроте, с которой вежانه передали в большой зал несколько тюфяков, купца здесь видели не первый раз. И определённо любили. Мать Кендарат с Фербаком немедленно выгнали всех лишних, позволив остаться лишь двоим «пасынкам», чья помощь, по словам жрицы, могла ей пригодиться, и почему-то Муруге. Подсев сперва к мужчине, потом к женщине, мать Кендарат у каждого внимательно выслушала живчик, трепетавший возле запястья, понюхала дыхание... и наконец горестно покачала головой.

– А я-то гадала, что за странный враг потратил на безобидного книжника столь могущественный яд, после чего не удосужился даже ограбить его, – пробормотала она. – Похоже, тайный убийца был не совсем уверен в себе. Или прикидывал, как миновать твою бдительную охрану, добрый Фербак, и пробовал разные способы. Он смазал иглу и кольнул ничего не подозревающего прохожего. Может, ещё кому-то подложил отраву в харчевне...

Вот так жить в большом городе, мысленно плюнул Волкодав. Вот так есть кашу, приготовленную чужими руками.

А мать Кендарат продолжала:

– Это хирла, боевой яд мономатанских племён, и я не знаю от него обороны. Если он попадает в рану, человек гибнет почти сразу, как от укуса змеи ндагги, этот яд порождающей. Если его проглотить, смерть приходит на другой день. А взяв отравленный подарок, промучаешься около седмицы. И всё равно это будет очень скверная смерть.

Волкодав вдруг похолодел, невольно вспомнив чёрно-багровую слизь, пропитавшую фиолетовый кафтан. И то, как тщательно оттирала жрица левую руку, измазанную в крови. Если бешеная собака покусает здоровую...

Иригойен тоже смотрел так, словно мать Кендарат должна была рухнуть на пол прямо сейчас. От неё не укрылись их взгляды.

– Не вини себя, храбрый сотник, и не точи кинжал для своего сердца. Не бывает охраны, которой не одолел бы изощрённый убийца. Стрела всегда воюет с бронёй, и в их споре нет победителя. Если слухи не врут, Менучер, более не называемый солнцеликим, тоже не уберётся от яда, а уж как его стерегли...

Судя по лицу бывшего пахаря, острый кинжал не сумеют удержать в ножнах даже очень крепко завязанные ремешки. Знать бы ещё, откуда эта иступлённая преданность? Добейся прежний шад от своих «золотых» хоть вполовину такой...

– Госпожа...

– Да, я тоже умираю, – просто сказала мать Кендарат.

Фербак застонал. Волкодав помнил, как сотник шутил, выдирая из своей кольчуги очередную стрелу.

– Средство есть, – неожиданно произнёс Муруга. Все повернулись к нему, и он сказал, словно продолжая какой-то давний спор: – Вспомни, жрица Милосердной: подобное исцеляют подобным. Разведённый яд порой лечит, а самое животворящее зелье, принятое в излишнем количестве, становится ядом. Спасение от хирлы – в крови человека, сумевшего её побороть.

Фербак вскочил на ноги.

– Спаси их!

Иригойен резко обернулся, охнул и прижал рёбра ладонью. Он спросил:

– Где нам взять такого яду, почтенный?

– Я не знаю, – пожал плечами Муруга. – У меня его нет.

Волкодав ни о чём спрашивать не стал. Двигаясь со всей мыслимой для себя быстротой, он сгрёб запястье матери Кендарат, вздёрнул, разрывая, хлопчатый рукав – и всадил зубы в руку жрицы немного ниже локтя.

Если бешеная собака покусает здоровую, её кровь тоже становится смертоносной...

Страшный удар почти мгновенно отбросил его к стене. Бил Муруга. Уж каких-каких побоев ни принимал на своём веку Волкодав, рыжеусый сумел удивить даже его.

Стражники бросились крутить руки обоим, но Фербак их остановил.

У мастера копья на щеке багровела царапина, прочерченная когтем Мыша.

Венн выпрямился, тщательно облизал разбитый рот и усмехнулся:

– Спасибо, Муруга. Теперь яд у меня не только в желудке, но и в крови. Быстрее управлюсь.

Стажил с волос ремешки и пальцами распустил косы.

Даже огнепоклоннику, гнушающемуся есть рыбу, не прожить совсем без воды. В Рудой Веже она, конечно, была. В одной из природных пещер, приспособленных для человеческих нужд, пробивался сильный родник. Это делало деревню одной из неприступных крепостей, составлявших славу Нардара. Заполнив углубление, выдолбленное в камне, вода, словно убоявшись осквернять собой Вежу, падала в отвесный колодец и уносилась за пределы жилого холма. Всё, что случайно роняли в бурлящий поток, выплывало потом в озере, в нескольких верстах от деревни. Что плавать не могло – волны выносили на берег. Из-за этого озеру дали имя: Находка.

Оно было не особенно широким, не более полуверсты, но весьма длинным. Дорога то сворачивала в лес, то приближалась к самому берегу. Тогда босые ноги шлёпали по мокрому слежавшемуся песку. Наверное, песок хранил малиновую красноту скал, перемолотых льдом и водой, но потёмки оставили в окружающем мире один цвет – серый.

Когда умирал Тиргей, он перво-наперво стал жаловаться на глаза. Ну, не то чтобы жаловаться... Это яд? Или от усталости? Или здесь просто темно?..

На самом деле Волкодав очень неплохо видел и в сумерках, и даже тогда, когда другие подземельщики не могли обходиться без масляных налобных светильничков. Это Предок посылал ему свои качества, оберегая последнего внука.

Вот только сосредоточиться и понять, порядок или беспорядок с глазами, всё не получалось. Наверное, мешал голос Муруги. Тот рысил рядом, размеренно привставая через шаг мохноногой горской лошадки.

– Чернокожие верят, будто ндагги были созданы одним из чтимых ими Богов, справедливым Тахмаангом, на погибель клятвопреступникам. Их герой... забыл, как его звали... А! Сембел. Он стоял перед судьёй и не мог очиститься от навета. На каждую его клятву обидчик давал такую же, и судья поистине не знал, чьё слово весомей.

Больше всего Волкодаву хотелось стащить Муругу с лошади и заткнуть ему рот его же онучами. Венн даже начал поворачиваться к нему, но движения не завершил.

Пусть, пусть несёт всякую чушь. И пусть его болтовня хлещет меня, точно крапивой. Чем хуже, тем лучше.

– Тогда зашевелилась трава, и выползла невиданная змея. Разумный судья понял, что это был знак от Богов. Он велел обоим подойти к ней и дать себя укусить. Выживший стал героем сказания. – Судя по голосу, рыжие усы мастера копья тронула плутовская улыбка. – Надо полагать, кончись тяжба иначе, имя героя было бы... Лебмес, и легенда славилась бы отважные речи истца, непреклонного в правде.

Трое нардарских всадников молча следовали за ними. Другого берега озера нельзя было разглядеть. Там, заваливая снегом землю и воду, быстро ползла очередная снежная туча. В тёмном небе над ней, временами касаясь плотных волн катившегося тумана, висела луна. Почти совсем круглая.

Скоро петь, Иригойен, а у тебя рёбра болят. Нелегко будет...

– Ну а затем появились ловкие люди, – продолжал Муруга. – Они научились собирать змеиный яд, сгущать его и усиливать различными травами, получая смертоносную хирлу... Вероятно, они считают, что таким образом сообщают своему оружию праведность. Скажи, венн, зачем ты снаряжился бежать да ещё и гонишь так, что моя лошадь, смотри, уже в галоп поднялась? Твоё тело либо справится с ядом, либо не справится. Ну и дожидался бы исхода, лёжа на тюфяке!

Ты спрашивала меня после того действия на площади, мать Кендарат. Ты хотела знать, почему в последнем бою тёмные злодеи опять свалили прекрасного Солнцебога и уже добивали его, и тут он вдруг вскочил, засиял и начал их повергать, и люди кричали от восторга, хотя в настоящей схватке так не бывает. Тогда я не ответил тебе, но теперь смог бы. Без боли не достигается возвышение. Если не истязать себя со всей лютостью, не поднимешься ни на ступень. Зато, когда напряжение духа достигает предела, Небеса отзываются и молитва двигает горы. В нас есть это знание, но оно дремлет под спудом, и мы не умеем сказать.

– Тот человек. На дороге, – прохрипел он, не поворачивая головы. – Не умер сразу. Хотел куда-то дойти.

Он старался дышать правильно, как показывали Мхабр и мать Кендарат, но на бегу получалось плохо. Рёбра уже ныли так, словно это он, а не халисунец получил по ним палкой, в груди разгорался костёр.

Чудесно простой ход в реку, способный погубить любого подсыла...

– И сильно ему помогло такое упорство, – фыркнул Муруга. – С чего ты взял, будто у тебя выйдет? Слушай, венн, сейчас нас снегом накроет. Вернулся бы ты в деревню, а? Ещё нам тут мокнуть с тобой...

– Ну и возвращайся, – сквозь зубы зарычал Волкодав. – Я тебя с собой не звал!

Вот ведь забавно. Тело с самого начала словно прикинуло, далёк ли путь кругом озера, и взялось сохранять силы. Ты очень мудрое, тело. Ты пытаешься удержать в себе жизнь, но тебе хочется притулиться в тепле и заснуть, свернувшись клубком, а я этого не позволю. Наддай, тело, наддай. Не береги себя, незачем. Двигайся быстрее. Я не умею вдохновенно молиться и петь, как Иригойен. Мне с трудом даётся кан-киро, которым вызывает к Небесам мать Кендарат. Я умею только терпеть.

– Хватит, венн, – сказал Муруга. – У тебя кровь из носу течёт. Берись за стремя, вернёмся!
– Да пошёл ты! – в очередной раз сбив дыхание, огрызнулся Волкодав. – Под землёй я уже умирал!

– Тебя, госпожа лекарка, словно собака злая куснула, – ворчал Фербак. – Люди прозвищ зря не дают! Как сейчас помню, копьё ему протягиваю, а сам думаю, где только наш Тайлар таких выкапывает. Но чтобы зубами...

Фербак пытался крепиться. Матери Кендарат было в некотором смысле легче. Она велела принести свои сумки, сломала воск на крышке крохотного горшочка, развела содержимое горячей водой – и теперь по капле вливала густую жидкость в ноздри то мужчине, то женщине, то себе. Всякий раз, когда она приподнимала крышечку, в нос Фербаку шибало тухлыми яйцами. На повязке, перетянувшей левую руку женщины, медленно проступало пятно. В отличие от неё, бывший сотник мог только ждать.

Жрица достала из сумки стеклянный пузырёк и неверным движением скovyрнула печать. Внутри было что-то похожее на чёрную смолу, пахнущую проросшими семенами.
– Пооди сюда, – негромко сказала мать Кендарат. – Ты, по-моему, сообразительный малый и к тому же умеешь не потерять головы. Слушай же внимательно, телохранитель... Я надеялась продержаться до утра, но я ошибалась. Сейчас я впаду в забытьё. Продолжай капать – вот так. Это зелье поддерживает силы и замедляет ток крови, уберегая селезёнку и печень. Когда вернётся мой сын, возьми несколько ложек его крови... да смотри, всю из него не выцеди от усердия! – вольёшь в эту склянку, взболтаешь и будешь отмерять, опять же по капле, пока способные очнуться не откроют глаза. – Её голос прерывался, седая голова начала клониться. – Да, и ещё госпоже... госпоже – вдвое, она...

Жрица не договорила. Фербак еле успел подхватить костяную ложечку, выпавшую у неё из руки.

Мышь, оставленный венном, сразу подобрался к матери Кендарат, устроился возле её шеи, обхватил крыльями и тихонько заплакал.

Иригойен с его разбитой ключицей годился лишь молитвы шептать. Сейчас он отдал бы и двадцать лауров с кошельком, и вообще всё, что у него было, за способность капать лекарство. Такая вот цена поединку ради чести сехаба.

Воины под началом Фербака все были смекалистые, как на подбор. Кто-то уже принёс третий тюфяк и осторожно уложил Божью путницу. Она показалась Фербаку совсем бесплотной, черты лица заострились.

– Матерь Луна, защити этих добрых людей, – повторял Иригойен. – Оставь на земле святую наставницу и супругов, благословлённых любовью. Если Тебе нужна жизнь, возьми мою... Спohватившись, саккаремский пахарь пододвинул поближе чёрный горшочек, нахмурился и стал отсчитывать капли. Крохотная ложечка потерялась в его ручище, привыкшей к мотыге и рукояткам сохи.

Венны жили в зимней стране, где люди с прибаутками одолевали мороз. Потом одного из сыновей этой земли долго приучали избегать холода и тщательно хранить каждую крупичу тепла. Так что мать Кендарат была не совсем права, рассуждая о его наследной любви к студёной водице. Этой любви, как и многому другому, ему пришлось учить себя заново.

Волкодав плыл сквозь тёмную дыру в земле, заполненную водой.

Впустить и выпустить тайного гонца, но погубить любого подсыла...

Наверняка это решётка. Опускная решётка-гирса, кованая, с толстыми прутьями. Она появится перед пловцом, когда у того уже не останется времени выплыть обратно, когда удущье начнёт требовать одного: вверх, немедленно вверх! – и пальцы подсыла будут всё слабее дёргать скользкие прутья, пока окончательно не обмякнут в воде, колеблемые лишь течением, а изо рта стаями не вырвутся пузыри.

Значит, решётку нужно сломать...

– Слушай, венн, что скажу, – раздался рядом голос, похожий на человеческий.

Волкодав скосил глаза, не желая оглядываться. Слева реяла очень странная птица. У неё был зубастый клюв и чешуи вместо перьев, а зрачки рдели двумя багровыми каплями. Волкодав шарахнулся, потому что упырь метил сесть ему на плечо, но тот лишь знакомо хохотнул:

– Ты уморишь себя безо всякого толку, а я этого не хочу. Тебе перепало слишком мало яда, твоя кровь не станет лекарством!

Волкодав не ответил. Правильное дыхание слишком дорого стоило, чтобы тратить его в пустой болтовне. Он не сбавлял шагу. Скоро появится решётка, и её нужно будет сломать.

Жители Рудой Вежи не захотели оставаться сторонними зрителями. В общинный чертог пришёл сам старейшина, по-нардарски называвшийся большаком.

– Ради Священного Огня, почему ты не даёшь перенести ко... господина и госпожу в лучшие покои? – спросил он Фербака.

Саккаремец неохотно поднял глаза. Иригойен держал у ноздрей молодой женщины пуховое пёрышко, и сотник боялся лишний раз отвести от него взгляд. Он сипло выговорил:

– Лекарка не велела.

– Во имя золы и мокрых углей! Да кто такая эта дочь Гурцата, чтобы её слушать, когда свои лекари ждут за дверьми? – удивился старейшина.

Вместо Фербака ответил один из охранников:

– Если бы сюда пришли все наши ребята, которых она спасала после боёв, у твоих девок, старейшина, лет пять от женихов не было бы отбою.

Большак чуть не ляпнул, дескать, вот ещё нужда была прививать хорошие нардарские яблони саккаремским держидеревом, но по наступившим временам такие речи не казались уместными, и старейшина промолчал.

Он уже велел принести Фербаку и его людям еды и лучшего пива. Всё это так и стояло нетронутое. Охранники не желали даже переменить одежду, грязную и мокрую после бешеной скачки. Глядя на них, рассуждать о преимуществах нардарских телохранителей перед саккаремскими как-то не поворачивался язык.

Потом явились два неприметной внешности человека, бедно одетые, с одинаковыми взглядами хищных куниц.

– Если людям дневного царства трудно что-то достать или сделать для господина и госпожи, шепни нам, – сказали они Фербаку.

Бывший сотник поблагодарил, и двое очень тихо исчезли.

Птичники в Рудой Веже тоже располагались внутри жилого холма. Когда там затеяли подавать голоса первые петухи, люди стали зажигать факелы, обмотанные смолёной паклей, и потянулись с ними наружу.

Волкодав всё не мог отделаться от крылатой чешуйчатой твари.

– Ради кого ты откраиваешь от своей жизни? – лез в уши назойливый голос, липкий, словно болотная жижа. – Я смотрю, ты, каторжник, совсем не знаешь людей... С чего ты взял, будто тебе оплатят добром или хотя бы скажут спасибо? Те, во имя кого ты лезешь из кожи, в свой черёд палец о палец для тебя не ударят... Да остановись уже наконец! Знай, я загодя сделал противоядие. Думаешь, ты один такой крепкий?.. Я даже выучился сберечь драгоценные капли, делая их нетленными, как муравьи в янтаре. Хочешь, я дам тебе лекарство прямо сейчас? Неужели ты предпочтёшь вернуться к полоумной старухе и умереть ничтожным, так и не познав настоящей силы, не отомстив и не...

Волкодаву надоело выслушивать упыря. Он оскалил зубы и ответил коротким движением на выдохе, под правую ногу. Птица странно забила крыльями, совсем как человек, падающий вместе с конём, и кувырком унеслась прочь.

– ...не узнав, кто был твой родич...

Этих слов Волкодав почти не услышал. Впереди возникла решётка. Он рванулся к ней бешеным звериным прыжком, напролом сквозь тяжёлые кнуты мокрого снега. Он с невероятной ясностью видел преграду. Каждый прут был из обоюдоострого льда. Лунный свет превращал решётку в череду серебряных старинных мечей, числом двенадцать.

А за ней стояла высокая бледная женщина. Босоногая, с седыми распущенными волосами, в скорбной веннской понёве, расшитой белым по белому.

– С дороги!.. – захрипел Волкодав. – Не до тебя!..

Он с налёта высадил прутья. Ледяные мечи рассыпались мириадами радужных бус. По всему телу прокатился огонь, кровеносные жилы превратились в змей и полезли наружу из тела.

Волкодав закричал, ослеп, начал падать вперёд, окунувшись в благословенный холод и увидел вереницу факелов перед воротами Рудой Вежи.

Бледная женщина усмехнулась и отступила с дороги.

Фербака предупредил Мыш. Насторожив уши, чёрный зверёк приподнялся и тонко пискнул, а затем покинул мать Кендарат и заскакал к двери. Только тогда снаружи поднялась суматоха и послышались возбуждённые голоса.

Фербак едва не бросился на порог.

За время саккаремского мятежа он не то чтобы близко сошёлся с нелюдимым северным лесовиком, но узнал его, во всяком случае, достаточно, чтобы понимать: если венн отправился искать смерть, то вернётся не иначе как с куском её мантии в кулаке.

Волкодав шагнул через порог, на ходу засучивая рукав. Нагнулся за Мышом и сел на корточки перед Фербаком. Тот уже ждал его с заветной скляночкой и ножом наготове.

– Режь. Вот здесь, вдоль.

Кровь выглядела так, как положено выглядеть обычной человеческой крови. Не пенилась, не пузырилась, не шипела. С какой стати Фербак ждал чего-нибудь странного? И сам венн, против подсудных ожиданий бывшего сотника, не слишком переменялся. Он даже не казался сильно измотанным. Разве что сидел сплошь мокрый, в волосах таял снег, спереди на рубашке расплылись кровавые разводы, да ещё глаза блестели, пожалуй, несколько диковато. А в остальном – каким уходил, таким и вернулся.

– Цеди, не жалея, – сказал Волкодав. – Молодой госпоже – вдвое!

Фербак тотчас вспомнил недоконченное наставление Кан-Кендарат.

– Что?..

– Она во чреве несёт.

– Погоди, как...

– Запах, – сказал Волкодав. – У неё запах ждущей рождения.

* * *

Светоч небесный, заступница мира людей,

Мать Луна, помоги нам в духовной нужде!

Тихое пение опутывало, увлекало за собой, понемногу вытягивало на поверхность. Волкодаву даже приснилось, что он смотрит на Луну, плывущую в полночной синеве среди редких звёзд. Потом возникло телесное ощущение: мех по голому телу. То, что радовало в детстве, не забывается никогда. Волкодав позволил себе ещё немного полежать с закрытыми глазами, вполне понимая, что долго будет вспоминать эти мгновения. Короткие мгновения, когда всё было хорошо. Всё было хорошо и ничто не гнало его вперёд...

Чуткая совесть отнюдь не находит греха

В том, что целинные степи тревожит соха,

Что по стопам лозоходца, пророка воды,

Лом и лопата в земле оставляют следы.

Новые саженцы мы прививаем в саду

И небывалое семя кладём в борозду,

Чтобы колосья не мог погубить суховей,
Чтобы ломились от яблок опоры ветвей.
Как распознать в чередѣ увлекательных дел,
Где человеческой мысли отмерен предел?..
Мало питья огородам, садам и скоту? —
Чью-то поспешную мысль подхватив на лету,
В плоть облакаем... И русло меняет река.
И не тревожится совесть, не дрогнет рука.
Зримой наградой за точный расчѣт и труды
В город приходят потоки прозрачной воды.
К новой весне вековечный придвинулся круг...
Что ж не оденется зеленью пойменный луг?
Возле сухого колодезя вянут цветы:
Лом землекопа нарушил земные пласты.
Осень настала – и в нагромождение глыб
Горестно тычутся стаи вернувшихся рыб.
Гуси кружат над пустыней, тревожно крича...
Где благодатный разлив, что всегда их встречал?
Кажется, плачут и рыбы, и птицы, и зверь:

«Что же случилось? Куда нам податься теперь?»

Что бы ни утверждала вера огнепоклонников, лучшими покоями в Рудой Веже всё равно считались такие, где имелись окна наружу. Деревянные ставни были распахнуты, лунный свет умывал лицо и левую ладонь Иригойена. Правую руку халисунца удерживала повязка.

Мать Луна! Чья-то леность ходить за водой,

Словно в бреду, обернулась вселенской бедой.

Так почему ни строитель, ни зодчий, ни жрец

Предусмотреть не сумели подобный конец?

Поздняя мудрость – как желчью отравленный мёд...

Даст ли она что-нибудь угадать наперёд?

Мать Луна! Наши жизни вписать помоги

В танец Вселенной, в его вековые круги,

Чтобы потом не пришлось говорить никому

С болью о силе, доставшейся не по уму...

Мать Кендарат сидела на тюфяке у венна в ногах. В свете масляной лампы поблёскивала игла. Жрица зашивала и штопала хлопчатый рукав. Мыш дремал, нахохлившись у неё на плече.

Шевелиться не хотелось. Волкодав посмотрел в темноту между ставнями.
Я что, проспал целые сутки?..

Он помнил, как Фербак торопливо встряхивал склянку. Потом был провал.
– Ты не спрашиваешь про тех двоих, – сказала жрица.

Да ладно, мать Кендарат. А то я тебя не знаю. Пожалуй, сидела бы ты тут так беззаботно, если бы противоядие подействовало не на всех.

– Бывает, плод в утробе забирает на себя всю отраву, но в этот раз вышло наоборот, – сказала она. – Тело матери защитило ребёнка. Полагаю, Дильбэр в должный срок воздвигнет

родильную перекладину, и малыш увидит этот мир живым и здоровым. Ну, может, первые несколько лет ему будет требоваться чуть больше заботы. С другой стороны, не удивлюсь, если наследник вырастет поэтом или пророком...

– Не наследник, а наследница. Кто носит мальчишку, пахнет не так. Погоди-ка... Дильбэр?
Ты сказала – Дильбэр?..

Ему нередко казалось, будто мать Кендарат читает его мысли. На самом деле ей, вероятно, достаточно было взглянуть на его лицо.

Она беззвучно рассмеялась:

– Вот бы знать, есть ли во всей Рудой Веже ещё хоть кто-нибудь, кто до сих пор не понял, что за купца с купчихой охраняет славный Фербак?..

Иригойен закрыл ставни и обернулся:

– Да? А кто они, госпожа?..

Мать Кендарат возвела глаза к потолку и безнадежно всплеснула руками. Волкодав улыбнулся. Ему всегда нравилось иметь дело с людьми умнее себя, но как же приятно, оказывается, иногда встретить кого-то ещё более простодушного.

Он откинул одеяло, рывком сел и закашлялся. Глубоко внутри напряглась жила, непрочная, готовая лопнуть.

– Не нравишься ты мне, – нахмурилась мать Кендарат.

Волкодав вытер рот, украдкой посмотрел на ладонь и ответил:

– Настолько, что ты решила сбегать меня этому Мавуту или как там его?

– Ну хоть это сообразил, – фыркнула она. – Когда ты догадался?

– Когда Иригойен дрался с мономатанцем. Тот временами двигался, как Муруга, – сказал Волкодав. Нахмурился и припомнил: – Он говорил, у него с собой было лекарство... Думаешь, это он подослал тайных убийц?

Мать Кендарат пожала плечами:

– У нового шادا наверняка хватает врагов и без Мавута. Может, даже тех самых, что отправили Менучера на суд Богини Наказующей и Милосердной. – Подумала и добавила: – Теперь сделать это будет труднее.

– Он здесь сейчас? – зловеще спросил Волкодав и потянулся за гребнем. – Муруга этот? Мавут?

К его удивлению, оба расхохотались. Иригойен, конечно, осёкся и скособочился, прижимая рёбра здоровой рукой. Однако улыбаться не перестал.

– Ты же его в озеро закинул вместе с конём, – сказал он венну. – Там следы, где он вылезал.

Только он сразу ускакал прочь и не вернулся в деревню.

– Кому нужен ученик, который самого наставника мог убить, – вполголоса пробормотала мать Кендарат. – Стало быть, не глянулся тебе Мавут?

– Его путь, – сказал Волкодав, – показался мне слишком лёгким. – Он смотрел на Иригойена, отыскивая знакомые черты. – Так вот откуда твой дар...

– Дар? Ты о чём?

Венн заплетал волосы, пропуская одну прядь под другую.

– Вождь Мхабр говорил, перед ним было одиннадцать поколений Тех-кто-разговаривает-с-Богамы...

– Мхабр?!

– Да. Ты с ним в родстве?

– Наши ветви разошлись больше ста лет назад, – опустил глаза Иригойен. – Сейчас я не в большем родстве с вождём, чем всякий другой сехаба. Особенно чистокровный.

Оба, кажется, подумали об одном и том же.

– Тот, с расшибленной головой, может сколько угодно хвастаться своей кожей, – сказал Волкодав. – Не ему рассуждать о вырождении и родстве.

– Он и-зу-верг, – кивнула мать Кендарат. – Я верно произнесла? – И добавила, как бы про себя:

– Родство выплетает узоры, невнятные обыденному рассудку. Откуда нам знать...

Иригойен сел рядом с венном и протянул ему рубашку со штанами. То и другое было добротнo выстирано и даже успело просохнуть.

Сколько же я провалялся?..

– Ты мне всё расскажешь про Мхабра, – сказал Иригойен. – Где ты встретил его?
Волкодав повозился под одеялом, натягивая штаны.
– Я плохой рассказчик...
– Ничего. Ты постарайся.

Жители Рудой Вежи по-прежнему изо всех сил делали вид, будто ни сном ни духом не ведают, что за великий гость едва не умер под их кровом. Простые пастухи, охотники и огородники, может быть, в самом деле не знали. Что до старейшины и других набольших, они просто вели себя как надлежало. Если сыну Нардара, больше всех обогретому Священным Огнём, понадобилось приехать в родную страну без свиты и какого следует войска, всего лишь с десятком охранников и женой, – значит быть по сему, а прочее не их ума дело. Если ему хочется пить в общинном зале с чужеземными рыбоедами, словно он и правда обычный купец, – пускай пьёт.

Бесчисленные обязанности правителя двух держав ещё и не такого могут потребовать. Волкодав двигал туда-сюда непочатую кружку и пытался привыкнуть к тому, что через стол от него сидит один из самых могущественных людей этого мира. Марий Лаур, конис Нардара и будущий шад Саккарема. Солнцеликому и венценосному было лет тридцать пять. Простое загорелое лицо честного воина и смелого полководца. Серые глаза, жёсткие усы, русые волосы... На широком лбу – рубец от раны, защитой, пожалуй, менее опрятно, чем длинный порез на руке Волкодава.

В пупке у неё золотое кольцо: так сказывал нам Ученик Близнецов... неотступно вертелось на уме у венна. Было совестно и всё время казалось, будто Марий вот сейчас припомнит ему лихую кабацкую песню, звавшую войско к победе возле озера Трон. Её не насытит один удалец... Тело матери защитило ребёнка.
Кстати, молодой госпожи с ними за столом не было. Супруг непрерываемо велел ей как следует отдохнуть. У него самого в кружке вместо вина плескалось парное козье молоко. Первейшее, по мнению матери Кендарат, средство для окончательного очищения крови.

– Как мне вас наградить? – спросил Марий.

Отстроить Дар-Дзуму. Пойти войной на Самоцветные горы. Роскошные плечи нежнее, чем шёлк: в том клялся весь пятый наёмничий полк... Вот забота, знает ли он? Наверняка знает...

– По дороге сюда, – ответила за всех троих мать Кендарат, – мы нашли уроженца Айрен-Ягун, умиравшего от того же яда, что достался тебе. Ты знаешь этот народ, государь, ведь ягунцы в родстве с матерью Среброволосых, святых заступников Саккарема. Тот человек, не успевший произнести своё имя, просил передать сородичам древний свиток, сберегаемый возле сердца. Исполни его просьбу, владыка двух держав. Привлеки к себе благословение ещё одного племени. А всё остальное, милостью справедливых Небес, у нас есть.

Выезжала я на ярмарку

Из деревни Милорадовки.

Восходило солнце яркое,

Зажигало в небе радуги.

И весёлые, ретивые —

Только топот переборами —

Мчались кони белогривые

Золотыми косогорами.

И погоды нам погодили,

И махали так сер дечно мне

У речушки Хороводинки,

У большой деревни Встречино.

И летела я, без страху-то,

С этим миром познакомиться,

И душа была распахнута,

И товаров – короб ломится!

А теперь я еду с ярмарки,

Всё путями окаянными,

Не с богатыми подарками,

А с дырявыми карманами.

Где барыш? Одно посмешище.

Кони где? Ау, родимые!

Я плетусь под горку пешая

Вдоль болота Нелюдимого.

Жёлтый лист печально кружится

Позаброшенными тропами.

Вместо тёплых окон дружеских

Огоньки горят над топями.

Не сумела обогнуть его

Та дорога многотрудная —

Гиблый хутор Бесприютино

Возле озера Остудное.

Серый дождь висит полотнами,

Машет лес ветвями голыми.

Ставни мокрые захлопнуты,

Псы хрипят за частоколами.

Вороньё о чём-то каркает

Над горючею осиною...

Что же ты, дорога с ярмарки,

Выдалась такая длинная...

5. Перекати-поле

У Волкодава было одно пустое обыкновение, от которого он не чаял избавиться. Стоило дороге привести его в новое и необычное место, как он сразу начинал прикидывать: а я захотел бы здесь жить? Выстроить дом, услышать в нём голоса детей, выходить каждый день за порог, улыбаться небесам и земле под этими небесами? Привычка была бессмысленной, потому что домашняя жизнь выглядела несбыточней полётов на симуране. Два крылатых пса однажды хоть и с трудом, но всё-таки оторвали от земли тощего каторжника.

Что же касается дома...

Да что толку даже думать об этом.

В халисунской столице Волкодава ждало последнее урочное дело. Потом...

За рекой Гарнатой, за высоким берегом, увенчанным Садами Лан, за равнинами и горами катились в серой мгле студёные волны Светьни. Они заплёскивали на песок, умывая приметную каменную россыпь. И едва маячил в тумане крепкий замок на гранитном холме... А позади замка не было даже тумана. Там не было совсем ничего. Там шерилась острыми гранями первозданная пустота.

Когда всё начиналось, сколько я отводил себе времени, чтобы добраться туда? Самое большее год. Смешно даже вспомнить.

Сложись всё иначе, в Нардаре Волкодав, может, и сумел бы прижиться. Там хоть были леса, чтобы смотреть сквозь хвойные ветки, как плывут облака. И моховые болота, полные морошки и клюквы. И ручьи, где ловилась форель. И крутые каменные гривы, на которых устраивали привалы тучегонители-виллы...

В Халисуне всё было не так. Неправильно и нехорошо. Когда Боги обустроивали земные пределы, кто-то взял воду, предназначенную для двух больших стран, и отдал почти всю одному Саккарему. Из множества рек, бравших начало в горах, в халисунские степи сворачивала только одна – Гарната. Юго-западному углу материка, с двух сторон омывому морем, вроде полагалось бы нежиться под изобильным тёплым дождём, но вдоль почти всего побережья, загораживая дорогу влажным ветрам, стояли горные кряжи. Не очень высокие. Однако тучи напарывались на них и опорожнялись обратно в море, а оставшиеся сворачивали на восток. И уносили драгоценную влагу опять же в Саккарем и Нардар. Срединный Халисун занимали засушливые степи. Людская жизнь льнула к берегам немногочисленных притоков Гарнаты и к большим колодцам, во множестве вырытым вскоре после утраты восточных земель (так здесь называли восстание некогда завоёванного Саккарема). Всё остальное зеленело только весной, а сейчас была глубокая осень.

По дороге бродили пыльные столбы. Здесь Волкодав впервые увидел, как мчалось за окоём перекасти-поле. Одни шары были цельными остовами растений, высохших и отпавших от корня, другие сплетались из разных трав, сцепившихся жёсткими колючими стеблями. Шары катились, легко подпрыгивали, крутились, захваченные вихрями, временами взлетали... Они показались Волкодаву очень зловещими. Во всяком случае, мысли навевали самые нерадостные.

– Совсем как у нас, – с улыбкой вздохнула мать Кендарат. – Точно такие гонит ветер через Вечную Степь... А знаешь ли ты, малыш, зачем перекасти-поле отправляются в странствие? Волкодав невольно задумался. Ничего путного на ум так и не явилось.

– А разве они отправляются? – спросил он затем. – Думается, они просто умерли. У них больше нет корней, чтобы держаться за землю. Они летят по воле ветра и уже не выбирают дороги.

Жрица кивнула:

– Ты прав, но не вполне. Каждый из этих кустиков действительно мёртв, но травяной народец следует по пути, проложенному его пращурами. Зелёные существа высыхают и уносятся через степь, чтобы разбросать созревшие семена.

Мать Кендарат ехала на ослике, Волкодав катил тележку. Среди поклажи, закутав лицо от пыли, спал Иригойен.

То, что происходило с парнем, венны назвали бы одним словом: заплошал.

Так бывает, когда человек слишком часто приближается к черте, за которой нелёгкий труд тела и души оборачивается погибелью. Может, парню чрезмерно досталось ещё от тех двоих, на горной дороге. Потом он дрался и на себе тащил кое-кого тяжёлого в деревне могильных воров. Трудился без отдыха и сна после оползня в Дар-Дзуме. И наконец, получил в рёбра палкой от чёрного бойца в Рудой Веже. Известно же: что одного человека делает только крепче, другого – загоняет в могилу.

Мать Кендарат называла иные причины. Послушать её, Иригойен слишком близко соприкоснулся с Божественной силой, когда небесная молния вынула меч Среброволосого у него прямо из рук. После была башня в Дар-Дзуме, которую, по мнению жрицы, он удержал. И эти его гимны. Иригойен отдавался им с таким жаром и душевным волнением, что потом отлёживался по полдня. А уж как он в Рудой Веже предложил свою жизнь Небесам! Такое, если от всей души, тоже даром не минует...

Волкодав старался катить тележку по возможности бережнее, избегая рытвин и камней. По крайней мере, Иригойен ехал домой.

– На что ты хотела отдать нас этому Мавуту? – негромко обратился он к матери Кендарат.

Она ответила:

– Я хотела, чтобы ты увидел другую сторону выбора. Помнишь?

А то не видел я другую сторону этого выбора, мать Кендарат. Я ещё тебе рассказал бы про тех двоих мальчишек. Потом они опять подрастают и оба решают предаться учёности. И тогда из одного получается Тиргей Эрхойр, а другой становится Кермнисом Кнером. Или ещё по-другому. Обоих дураков продают в Самоцветные горы. И один решает пробиваться в надсмотрщики, потому что жрать вволю дают и даже иногда девок привозят, а другой...

Вслух он спросил:

– Может, ты хотела, чтобы я ему шею свернул?

Она тихо рассмеялась:

– Может, у меня была некоторая надежда, что, присмотревшись к тебе, он сам задумался бы о своём выборе.

Вот уж чего Волкодав совершенно не ожидал. Тем более от неё.

– Это как?

– Помнишь двух мальчиков? – в очередной раз подслушав его мысли, проговорила мать Кендарат. – Один из них устремляет свою жизнь в очень скверное русло, но кто решится утверждать, будто он в пять лет выбрал зло и потом раз за разом следовал своему выбору? Ты

можешь представить, чтобы самый проклинаемый живоде́р и насильник открывал глаза поутру и с удовлетворением думал: о-о-о, какой я злодей, какая гнилая и чёрная у меня душа! Волкодав честно попытался представить. Не получилось.

– И не получится, – кивнула степная жрица. – Все рождаются чистыми и добрыми, все зовут мамку и просят не крови, а молока... И после, даже когда творят жуткие злодеяния, каждый сам для себя – правильный и хороший. Мы придумываем настолько изощрённые оправдания, что только диву даёшься, и всё ради того, чтобы ладить с собственной совестью. Если это перестаёт получаться, человек лезет в петлю... На самом деле мы алчем не добра или зла, а силы. В ком-то эта жажда сильнее, в ком-то глуше, но никто не лишён её вовсе. Есть сила воина, сила красавицы, лицедея, жреца, государя, мастерового, певца... Причём каждый человек глубоко в душе знает, что никакой силы не будет без трудов, лишений и боли. Только кто-то не боится сам поднимать муки и тяготы, а другой не боится доставлять их другим. Вот и вся разница. Волкодав долго молчал. Потом спросил:

– Это ты про Мавута?

– Я очень давно знаю Мавута, – сказала Кан-Кендарат. – Ещё задолго до того, как твой отец присватался к твоей матери, малыш, мы ходили в учениках у одного действительно мудрого человека.

Волкодав невольно принялся гадать, сколько же на самом деле ей лет. Иногда она казалась ему очень старой. Она рассуждала о Последней войне, словно видела двухвековой давности беду своими глазами. А потом взлетала на спину ошалевшему жеребцу и уносила на нём без седла и узды. Или призывала к нему, ученику, милосердие Кан, и он по-прежнему ничего не мог ей противопоставить.

Жрица опять подслушала его мысли.

– Мавут никогда не сумеет постичь всю глубину кан-киро, – толкнув пятками ослика, сказала она. – Это искусство не даётся тому, кто не умеет чувствовать чужую боль как свою. Мавут избрал путь чужой боли. Ты не такой.

Волкодав чуть не ляпнул, что к могуществу не стремится, а на силу и так вроде не жалуется, – но вовремя прикусил язык.

Ещё как стремишься, фыркнет мать Кендарат. Ты же тем только и занят, что хлыстом и шпорами гонишь себя к новым пределам. И добро бы ради чего хорошего...

– У меня была небольшая, но всё же надежда, что Мавут призадумается, встретив человека сильнее себя, идущего по иному пути... – Мать Кендарат посмотрела на спящего Иригойена и улыбнулась. – В этом мальчике тоже живёт немалая сила. Ты вот дал Мавуту отпор, заставив его удрать без оглядки, а наш сын пекаря его просто не заметил бы. Понимаешь, о чём я? Волкодав понимал. И сравнение было не в его пользу. Иригойен действительно как будто не замечал в людях зла. Пока эти самые люди не накидывались на него с кулаками.

– Его сила – в чистоте и правде души, устремлённой к небесному Свету. Помнишь, как он огорчился, осмысливая свою схватку с мономатанцем? Думаешь, Мавут зря затеял тот разговор?... Он хотел понять, кто перед ним, и увидел, что Иригойен – как яблоко на нитке: нипочём не укусишь, только испакостишься своей же слюной.

Тогда он подъехал ко мне, благо случай представился...

– Тогда он подъехал к тебе, а ты его в озере выкупал, – сказала мать Кендарат и вдруг взяла Волкодава за руку. – Но на самом деле всё это не так важно, малыш. Я просто подумала, а вдруг Мавут задержит тебя ещё хотя бы на год... а лучше – на два... Прежде чем ты отправишься на свой север, чтобы отомстить...

Волкодав хотел ответить, но что именно – сразу забыл, поскольку в это время произошло нечто странное. Кругом не было видно ни души, и тем не менее откуда-то долетел женский голос:

Кони резвые мчались бешено

По дороге вдаль, по дороге...

Он звучал как будто очень издалека. И был каким-то...
нечеловеческим.

Волкодав не взялся бы объяснять, но от этого шелестящего голоса у него волосы чуть дыбом не встали. Дорогу совсем близко пересекли сразу несколько крупных шаров перекати-поля. Они показались Волкодаву особенно косматыми, стремительными и страшными. Нипочём не скажешь, что они несли на другой край света готовые прорастающие семена. Такие словно кого-то преследуют, давно сделавшись горькими и пустыми в бесконечной погоне...

Берегись, мужчина и женщина,

Берегись, дитя на пороге...

Заунывный голос то ли подпевал негромкому посвисту ветра, то ли возникал из него, из шороха засохшей полыни и неуспокоенных странствующих шаров...

Пока Волкодав пытался понять, откуда слышится голос, ветер поменял направление. На дороге впереди закружился большой столб пыли и помчался навстречу. Путники невольно заслонили руками глаза, а когда посмотрели снова, между колеями стояла женщина.

Она была в халисунском вдовьем уборе: просторная рубаха без пояса, на голове повойник, из-под него – длинные волосы. Ветер раздувал и вскидывал серые прозрачные пряди. Рослая, очень худая... и с таким неподвижным, неживым взглядом, что Волкодав даже вздрогнул, едва не посчитав её за Незваную Гостью, весьма не ко времени явившуюся забирать его из этого мира. Но нет, перед ним была просто женщина, сама собой идущая через степь.

Венн поклонился.

– Мир по дороге, госпожа, – по-халисунски обратился он к незнакомке. – Ты идёшь одна. Если хочешь, мы проводим тебя.

– Да не коснётся твоих одежд сухой усталости, – добавила мать Кендарат.

Женщина, не отвечая, всмотрелась в лицо Волкодава. У венна опять пробежал по спине мороз.

Незваной Гостьей она, может, и не была, но он давно выучился узнавать смерть, когда видел её. Женщина мимолётно взглянула на мать Кендарат, потом склонилась над тележкой, и ветер тотчас услужливо откинул край плаща с лица Иригойена.

– Славный мальчик, – прошелестел голос. Так мог бы заговорить мёртвый бурьян у дороги. – Но не тот, кто нужен бедной Катим...

Прямо под ногами у неё вновь затеялся вихрь. Поднялась густая пыль, с шорохом закрутилась воронкой, ринулась в глаза... Когда Волкодав стал оглядываться, женщины нигде не было видно. Только пыльный столб уносился вдаль по дороге, сопровождаемый скачущими шарами перекати-поля, да истаявало в голосе ветра заунывное пение:

Что ж ты, дитячко, не отпрянуло,

Что ж ты, милое, зазевалось...

– Кто она?.. – шёпотом спросил Волкодав.

Мать Кендарат плотнее запахла стёганую безрукавку и ответила так же тихо:

– Не знаю. Знаю только, что здесь не обошлось без великого горя и великого гнева.

Иригойен проснулся в тележке, стыдливо заулыбался и свесил ноги наружу.

– А мне такой сон хороший приснился... Я маму видел...

Венн переглянулся с Кан-Кендарат. Иригойену было совестно ехать, он слез и попробовал забрать перекладину у Волкодава, но не сумел даже заставить его разомкнуть пальцы. Тогда он вздохнул и просто пошёл рядом. На его плаще, у плеча, висел крепко прицепившийся репей. Волкодав хотел было сбить его, но передумал.

Конечно, Марий Лаур не отпустил их без достойной награды. На месте ручной тележки в колеях теперь мог бы переваливаться добротный крытый возок, запряжённый выносливыми мулами. Однако все трое слишком хорошо знали: чем безденежней кажешься в дороге, тем оно и лучше. Поэтому трое путешественников, измерявших бесконечные халисунские равнины, выглядели совершенно по-прежнему. Иригойен – всё в том же плаще, который у него когда-то отбирали урлаки. Мать Кендарат – на скромном сереньком ослике. И Волкодав, по обыкновению, босиком. Другое дело, постоянные дворы они теперь выбирали какие почище. Если было из чего выбирать.

– На севере у нас пасут овец, – рассказывал Иригойен. – Там, на возвышенных плоскогорьях, суровые зимы и не может расти лес, зато изобильна трава. Сам я в тех краях не бывал, но оттуда привозят войлоки и несравненное руно, а зимой доставляют баранину. Пастухи кочуют с пастбища на пастбище вместе с отарами. Они возят с собой войлочные жилища, которые легко разбирать и снова натягивать на раскладные решётки...

– Совсем как у нас, – мечтательно повторила мать Кендарат.

Она видела, что Иригойену едва хватает дыхания одновременно говорить и идти. Волкодав уже давно не давал ему катить тележку. Он и теперь придерживал шаг, чтобы халисунец не отставал. Потом вовсе сказал ему:

– Полезай. Отдохни.

Юноша остановился. Он тяжело дышал, лицо вместо смуглого казалось жёлтым, как воск.

– Я могу идти, – выговорил он упрямо. – Только отдышусь...

Волкодав поставил тележку на упор.

– Можешь, – согласился он. – Полезай.

Происходило это не в первый раз. Иригойен знал: спорить было так же бессмысленно, как и отбирать у венна тележку. Он чуть не заплакал от сознания собственного бессилия, но всё же подошёл и уселся.

– Вдоль Гарнаты собирают виноград и разводят коней, – немного погодя продолжил он свой рассказ. – Наше вино рады пить в Нарлаке и Саккареме, что же до лошадей, то они ничуть не уступят прославленному шоситайнскому... Конь по-нашему «хар», родовитые вельможи до сих пор называются всадниками – харраями. Но у нас говорят, что в Последнюю войну столицу спасла не доблесть знатных конников, а ярость рабов, которым дали оружие и пообещали свободу...

Он снова замолчал, переводя дух, и скорбно подумал, что, наверное, скоро станет молчаливее Волкодава. Ему делалось нелегко долго говорить даже сидя. Из-за грудной кости по всему телу распространялась дурнотная слабость. Если он пытался перебороть её, под левую лопатку начинала вонзаться ледяная игла. Тогда подкатывал страх. Снадобья матери Кендарат притупляли иглу, но совсем растопить её не могли.

Всё же Иригойен собирался рассказать ещё и про южный Халисун, где у подножия Прибрежного кряжа радовались солнцу поля пепельного и красного хлопка, но тут Волкодав подал голос.

– Та женщина, – сказал он, по обыкновению, некстати. – Рабыня, что дала тебе денег выкупить сына. Её звали Арзуни.

Он не спрашивал. Он утверждал.

– Откуда ты знаешь?.. – ахнул Иригойен и тотчас вспомнил прежние расспросы Волкодава: «Тот мальчик...»
– Я знал её сына. Каттая, – хмуро глядя себе под ноги, продолжал венн. – Его отец, каменотёс Хетар, тоже родился невольником. Он погиб, когда везли Посмертное Тело прежнего шулхада. Каттай умел слышать камни. Он хотел освободить мать, выкупить тень отца и дать им посмертную свадьбу. Ваш закон это позволяет... Так я слышал.
«Он мечтал. Я исполню, – вспомнилось Иригойену. – Сорок тюков хлопка...»
Вслух он произнёс:
– Как у нас шутят, закон позволяет всё, если это пополнит храмовую сокровищницу или казну государя.

Дорога постепенно сделалась шире, взобралась на отлогий холмик – и впереди показалась деревня. Ни реки, ни озера поблизости видно не было. Как многие халисунские поселения, деревня лежала в низине, где в незапамятные времена под землёй нашли воду. Здешним жителям было как будто совестно, что они забросили обычаи кочевых предков. Невысокие круглые дома повторяли форму разборных жилищ. Там, где за стенами ухаживали небрежно, из-под облупившейся глины проглядывали те самые косые решётки. С другой стороны, в местах, где выростали деревья, люди ими определённо гордились. Можно сказать, здесь их приглашали домой. Стволы с облетевшими ветками торчали прямо из крыш. Увидев это, Волкодав поневоле задумался, как здесь обходятся зимой, когда степь метут свирепые ветры. Раскачиваясь, дерево запросто могло расшатать кровлю, а с ней и весь дом.

Но раз они так поступают, значит жилища зиму за зимой стоят невредимыми. Может, котловина защищает от бурь?.. Надо спросить Иригойена. Хотя какая, в сущности, разница.

Ещё одним зримым свидетельством того, что домики не погрузят на телеги и не увезут на новое место, кругом деревни высился тын. Обильно увешанный конскими и бараньими черепами – как поступают в селениях, где пекутся о здоровье скота.

Вне тына виднелись только две отдельно огороженные мазанки: постоянный двор. В здешних деревенских жилищах не устраивали горниц. Поэтому в одном доме гостей кормили, а в другом – устраивали на ночлег. Под навесом стояла всего одна гружёная телега. Четыре лошади выдёргивали сено из верёвочных сеток. Поневоле вспомнишь насмешки чужестранцев, рассуждавших об упадке некогда великого Халисуна. Во времена, когда из города Гарната-кат в Мельсину мчались посыльные, здешняя дорога была куда оживлённей...

По двору без привязи и ошейника разгуливал большой белый пёс. Длинная шерсть, свалывшаяся грязноватыми шнурами, мела по земле. Он встретил гостей как положено: встал, виляя хвостом, у въезда во двор, обнюхал протянутые руки, дал погладить себя, потрепать по загривку. Его родичи, присматривавшие за отарами, знали всех своих овец и безошибочно выделяли их из скопища на горном лугу. Этот пёс сторожил постоянный двор. Вместо овец ему были вверены гости и вещи гостей. Не подлежало сомнению: окажись кошель или фляга не в том тюке, пёс учует это – и не позволит унести прочь.

Трое путников устроили под навесом Серого с тележкой и пошли в дом.

– Мир по дороге, – входя под кров, поздоровалась за всех троих мать Кендарат.

В отличие от нардарских или саккаремских домов, здесь не было столов и скамей. Лишь чистая скатерть прямо на полу, чтобы ставить на неё блюда, а вокруг – мягкие войлоки. Ближе к двери с мисками на коленях расположились двое охранников и возчик. У скатерти – купец с помощниками и сыном. Угощение, выставленное хозяйкой, было простым, но добротным и вкусным. Пиво, квашенные овощи, пахнущие перцем и чесноком, орехи и вяленые фрукты в меду, полоски жареного теста, горячая просынная каша со шкварками.

Гости ответили на приветствие жрицы лениво и вразнобой, показывая свою важность. Потом купец всё же спросил:

– Вы идёте с востока, добрые странники. Говорят, за рекой Марлог нынче бунт и поля засевают стрелами, а на бахчах вместо дынь желтеют мёртвые головы?

Пограничную реку Марлог саккаремцы именовали Малик, но оба названия означали одно – край.

– На востоке вправду было великое немирье, – ответил Иригойен. – Но мы слышали, что с тех пор, как на Золотой Трон воссел Марий Лаур, прежний конис Нардара, мятежные полководцы сделались его верными комадарами. Мы слышали также, будто простой народ полюбил нового шада и крепко надеется, что его царствование будет мудрым и справедливым.

– А ты, парень, неплохо говоришь на языке Подлунных Пределов, – заметил купец.

Иригойен рассмеялся:

– На этом языке мне бабушка рассказывала про заботливую зайчиху, хитрого паука и храбрую курицу. Я увидел рождение в стольном Гарната-кате, в Синей Сотне. Если ты бывал там, почтенный, то наверняка лакомился хлебом и сдобой из пекарни моего отца!

Торговец придавил вошь, переползавшую по войлоку, и покачал головой:

– Нет, мы из Шофара, где океан принимает поцелуи Гарнаты... Везём аррантские солёные лимоны в Нардар.

– Солёные лимоны? – удивилась мать Кендарат.

– Да, и арранты не готовят без них ни мясо, ни птицу, – пояснил сын купца. – Однажды заложенные в бочонок, они хранятся годами, не утрачивая ни вкуса, ни аромата, и даже ломтик такого лимона, опущенный в котелок, превращает заурядную похлёбку в лакомство, достойное пиршества харраев. Морские сегваны охотятся за кораблями, везущими такой груз.

Из-за полсти, отгородившей очажный угол, высунулась стряпуха.

– Эй, почтенные, а нам кувшинчик таких лимонов не продадите? – поинтересовалась она. И ворчливо добавила: – Вечно вся благодать достаётся детям мулов, живущим под безлунными небесами!

Приказчики засмеялись, а Волкодав вспомнил халисунца Динарка. Вот кто умел ругаться так, что надсмотрщики в забой ходили послушать. Сколько ему было лет?.. Рудничные подземелья быстро делают молодых парней стариками...

...Пещера. Дымный чад факелов. Мечущиеся крылатые тени...

Двадцать второй уровень...

Серый Пёс лежит под стеной, а рядом, вполголоса поминая Белого Каменотёса, возится безногий калека. Где-то неподалёку хлопают кнуты, слышатся вскрики и брань. Мимо торопливо шаркают ноги, вереницей катятся тачки: туда – пустые, обратно – нагруженные породой. Только они везут не обычный каменный лом, какой производят в забоях молотки рудокопов, старательно извлекающих всё ценное. В тачки безо всякого порядка навалены изрядные глыбы. У кого одна крупная, у кого две-три поменьше. Натужно скрипят оси колёс, хрипло дышат и тяжело кашляют люди... Совсем недавно здесь стучали зубилами и кайлами проходчики, дравшиеся в глубину. Рудознатцы распорядителя Шаркута заметили в стене штрека розовый гранит, расчерченный, словно письменами неведомого языка, змеистыми багровыми жилами. Точь-в-точь как тот, что, бывало, нёс в своей толще желваки хвойно-зелёного самоцвета. Опытные подземельщики пытались спорить, доказывая, что жила сразу по трём приметам пустая, но за свои хлопоты дождались только кнутов.

«Каттай бы сразу сказал», – буркнул Пёс, и халисунец в кои веки раз с ним согласился. Все нынешние лозоходцы Шаркута не стоили одного темноволосого мальчика, умевшего звать сокрытое в камне. Каттай удостоился серебряной рабской серьги, позволявшей ходить по всему Южному Зубу. Вооружённые надсмотрщики первыми кланялись робкому маленькому невольнику. Он заново обнаружил опалы, которые считали иссякшими, и сам же попытался прекратить их добычу, расслышав голос опасности, вещавшей из глубины. В тот раз Горбатый Рудокоп увёл за собой из неволи сразу восемнадцать рабов. Каттая успел выкинуть из рушившегося забоя Кернгорм по прозвищу Должник, но мальчик не захотел

отставать от погибших друзей. Куда он подевался, не знали ни Пёс, ни Динарк. Только то, что он больше не войдёт в пятно дымного света, не посоветует, куда изготовилась свернуть самая богатая жила, не вытащит из-за пазухи тайного свёртка с луковкой и куском хлеба...

На двадцать второй уровень без промедления доставили крепи – и в новый забой погнали передовых рубщиков. Таких, как опасный венн с изувеченным халисунцем, только поспевающим колоть глыбы, выломанные напарником.

«Обвал будет», – немедленно предрёк Пёс.

«Во имя дыры в небе, с чего взял?..» – вскинулся халисунец.

«Камень потрескивает. Я слышу...»

Ох, пень лесной, и кто ж такое вслух говорит про забой, где приставлен работать!.. Конечно, они дождались обвала. Молчаливый венн вдруг бросил кувалду, сгрёб Динарка в охапку и бросился с ним под стену. Щелчки и потрескивания, внятные лишь его слуху, вдруг переросли в чудовищный стон, а забой превратился в каменную утробу, исковерканную мукой рождения. Может, кто-то понадеялся на прочность гранита и неудачно расположил крепи... да что теперь гадать. Обоих накрыло и придавило, Динарк успел ощутить присутствие Лан Ламы, небесного провожатого душ, успел преисполниться благодарности за быстрый конец... А потом гора постепенно утихомирилась, и он понял, что обрадовался слишком рано.

Он лежал на неровном полу, а над ним на четвереньках стоял Пёс. И кажется, удерживал глыбу, готовую переломать кости обоим.

Далеко ли до выхода? В какой он стороне? Будут ли разбирать этот завал – или оставят как есть, признав-таки наконец жилу пустой?

И главное, сколько ещё продержится пятнадцатилетний мальчишка?..

Халисунец попытался кричать, но не дождался ответа. Тогда он заплакал.

«Мхабр, чёрная рожа, за что ты меня таким напарником наказал...»

Вот уже два месяца Динарк чувствовал себя сиротой. Хозяйка Тьма оказалась милостива к мономатанцу. Его не добивали надсмотрщики. Ослабевший от кашля, он до последнего пытался работать. Пока не уронил рано поседевшую голову. Пришли двое рабов с лицами, замотанными тряпьём. Пёс помогал им вытащить тело.

Их с Динарком оставили вместе из самого простого расчёта. Если венну больше не придётся заботиться об увечном, беспокойный дикарь опять натворит каких-нибудь дел, а кому оно надо?

И вот теперь они лежали один на другом, зажатые под рухнувшими камнями. Динарк слышал, как у напарника колотилось сердце.

«Рассказывай!..» – вдруг прохрипел Пёс.

«О чём?..»

Пёс не ответил. Динарк всхлипнул, повозился, пытаясь хоть как-то ему помочь... и стал говорить. Про то, как на заре времён Матерь Луна подняла землю из моря, взвихрила приливы и гоняла туда-сюда солёную воду, пока из комочков прибрежного ила не зародились первые люди. Про то, какие узорчатые носки вязала его, Динарка, покойная бабушка. Даже если некоторым чудом над ним распахнутся синие небеса, таких носочков ему уже не носить, разве что на деревянных ногах. Про ухищрения служительниц аррантской Прекраснейшей, смертельно опасные для мужчин. Про то, почему рудокопов в Самоцветных горах никогда не ставят работать по шестеро...

Вот тогда, кажется, сделались слышны шум и удары. Халисунцу и венну всё-таки повезло. Они потом согласились друг с другом, что это было не простое везение. Когда всё успокоилось и к завалу опасно приблизились разбежавшиеся рабы, кто-то начал отваливать кусок гранита, загромаждавший проход. И с розового скола в факельном свете подмигнул синевато-зелёный глазок.

Тогда на двадцать второй уровень спешно поволокли новые крепи и погнали невольников с тачками. Хорошие самородки Зеницы Листвы, годные для гранильных станков, ценились слишком дорого, чтобы ими пренебрегать...

Кто знает! Не иначе Каттай, уйдя в камень, обрёл способность не просто выслеживать камни, но и направлять истечение драгоценных жил. Пройдёт ещё год-другой, и ему станут молиться, как Горбатому Рудокопу с Белым Каменотёсом. Ведь тот самоцвет, ради которого разобрали завал, так и оказался единственным...

Но пока спасённым не до того. Серый Пёс лежит под стеной и выглядит хуже смерти, и калека Динарк хлопчет над ним, попеременно жалуясь и бранясь и что есть силы разминая ему голени. Пёс не откликается, только временами дёргает головой, стучаясь об пол затылком. Под закрытыми веками колыхнется багровая тьма. Оживать всегда больно. Венну кажется, что гора превратила его руки и ноги в кисель, только он не сразу это почувствовал.

«Тьма беспросветная, – неверным голосом выговаривает халисунец. – Нечестивый побег колючего куста, запустившего корень в ежуху! Не моги помирать, слышишь, не смей! Мхабр, смолёная шкура, отвесь ему пинка, не пускай на тот свет! Ах ты, порождение лужи, которую в безлунную ночь напустила горбатая потаскуха...»

Пёс наконец выдавливает сквозь зубы:

«Порождением лужи ты меня уже называл...»

– Нет, я не удостоился облачения, – сказал Иригойен. – Я просто слагаю гимны и, как умею, славлю Луну.

Купец пожал плечами:

– Где же в этой глуши настоящего жреца взять? Да простится мне слово укоризны, они всё больше держатся по городам, возле процветающих храмов... Только знай твердят, как были когда-то для людей путеводными огоньками в ночи. Ты пой себе, сын Даари, а мы слушать станем. Глядишь, и на нас благочестие снизойдёт.

Иригойен перехватил взгляд Волкодава и улыбнулся – застенчиво и вместе с тем задорно. Теперь он был среди единоверцев, а значит, его дару было уготовано новое испытание. Венн поневоле вспомнил, как Иригойен не находил себе места, когда его – ещё не казавшегося таким большим – попросили восславить Луну дар-дзумские халисунцы. Выдержит ли теперь?

К урочному времени во дворе собрались все. Купец с причтом

[37]

, зевающая стряпуха, даже кое-кто из деревни.

Луна показалась не сразу. Некоторое время серебряный лик перекрывали по-зимнему плотные тучи, обложившие окоём. Пока длилась темнота, неожиданно разошёлся и дохнул неживым холодом ветер. Перепрыгнув забор, через двор покатилося крупное взлохмаченное перекаченое поле. Закрутилась, поднялась столбом пыль.

Бесшабашное, окаянное

Колесо родник расплескало...

По двору шла худая женщина в неподпоясанной вдовьей рубахе. Сухими серыми прядями играл ветер. Травяные шары подпрыгивали и крутились у ног. Вот она приблизилась к замершим от ужаса людям, стала заглядывать в лица – одному, другому, третьему...

Халисунцы никого и ничего не боятся так, как разгневанных мертвецов, вспомнилось Волкодаву.

Облака наконец расступились. Степь озарилась почти как днём, от каждой травинки и кочки протянулись крошечные тени.

Лунное Небо, пролей свой серебряный свет!

Блудному сыну подай материнский совет!

Голос Иригойена звучал на удивление чисто и сильно, он торжествовал и звенел, уносясь в синюю высоту. Страшная женщина оглянулась.

Шёл он, ликуя, плутая, дивясь и скорбя,
Думая лучше взглядеться в Тебя и в себя.
Много он встретил и добрых, и страшных чудес,
Видел и дикое поле, и северный лес,
Видел бурливые реки и горы в снегу
И улыбался, как другу, бывшему врагу.
Видел, как судьбы людей обращаются в прах,
Видел, как души коверкают жадность и страх.
И, размышляя о вечном, внезапно постиг,
Как в этой жизни бесценен единственный миг.
И, выпрядая доверия хрупкую нить,
Светоч надежды во тьме научился хранить...

Катим стояла неподвижно, опустив иссохшие руки, и смотрела на Иригойена.

Осень сменилась весной, а лето – зимой,
И возмужавший скиталец вернулся домой.
Вот перед ним вырастает громада стены,
Вот среди яблонь знакомые крыши видны,
Памятный с детства порог... Почему же теперь

Кажется узкой и низкой привычная дверь?
Даже божница как будто и та, и не та,
В тесных домашних покоях царит духота...
Несколько лет в этом доме помимо него
Жизнь протекала. И грустно ему оттого.
Как после битв и скитаний вернуться назад,
В дел каждодневность, в размеренный, мирный уклад?
Да и найдётся ли в городе место ему,
Раз уже взявшему в руки батог и суму?..
Может, поклоны родному отдав очагу,
Снова костёр развести на речном берегу?
Чтобы в заплечном мешке помещалось добро,
Чтоб каждый день – либо пир, либо нож под ребро?
Что потерять, что избрать на оставшийся век:
Звёздный шатёр – или тёплый, надёжный ночлег?
В тёмные воды ступаю, не ведая дна...
Так помоги, посоветуй, праматерь Луна!

Лунный лик ненадолго, как невеста фатой, укрылся проплывающим облаком. Прозрачные края вспыхнули в воцарившейся темноте. Когда свет вернулся, между входом в дом и навесом

никого не было. Никто не шёл вдоль цепочки вросших в землю людей, вглядываясь в бледные лица. Только последнее пережато-поле выпрыгивало за забор.

– Кто она? – тихо спросила мать Кендарат.

Ответила стряпуха.

– Мы называем её Катим... – кое-как выговорила она. Неизменно бойкий язык женщины заплетался от пережитого страха. – Никто не знает, когда и где это случилось, только постигло её жестокое горе... Осталась она вдовой с маленьким сыном. И однажды... Кто говорит – хлопок собирала, кто – в доме возилась, а сыночек возле порога играл. На беду, ехал с ярмарки хмельной купец, гнал коней, вправо-влево не глядя... И не стало мальчонки, сшибло его бешеное колесо, а гостя удалого и след простыл, ускакал, даже не оглянулся. Прибежала Катим... и вскричала лютым криком, взывая к Лунному Небу о мести. И её молитва пустила корни, проросла и дала урожай, ведь не бывает такого, чтобы Луна отвернулась от материнской молитвы... Только у нас говорят: взявший мечь складывает сразу два погребальных костра. Уже не первый век бродит Катим по степи, появляется то здесь, то там, смотрит в лица проезжим... Она непременно узнает злодея, если встретит его, но когда это будет?

Не его, а потомка, подумалось Волкодаву. Вот так-то: живи да помни, что правнукам отдуваться придётся!

– Люди встречают Катим, – продолжала стряпуха, – и самое страшное, что может сделать несведущий, – это предложить её подвезти или проводить.

– Почему? – спросила мать Кендарат.

– Потому, что тогда она будет следовать за тем человеком повсюду, куда бы он ни пошёл, до конца его жизни, и будет смотреть в лица всем, кого он встретит в дороге.

Пока Волкодав раздумывал, как с этим быть и надо ли сознаваться, что он предложил-таки проводить Катим, а значит, по недомыслию привёл страшную гостью в эту деревню, – Кан-Кендарат передёрнула плечами и потёрла ладони.

– Зябко-то как! – сказала она и выдохнула облачко пара. – Смотрите, солнце уже скоро взойдёт. Вставайте, почтенные, разведём пожарче огонь да съедим что-нибудь, прежде чем трогаться в путь!

Гарната-кат был похож на все большие города, разросшиеся из воинских поселений. В середине – крепость правителя. Вокруг – старый город, некогда прибежище мирного люда, спасавшегося от врагов, ныне – самая богатая и самая тесная часть столицы. В его стене несколько ворот, так что стража, досматривающая приезжих, раньше стояла именно там. Однако старый город давно оброс выселками и слободками, – огороды, плетни, зелень садов... Там, где дороги становятся улицами, расположены заставы. Обросшие травой земляные валы, решётчатые створки, сторожки для воинов. Валы, поспешно отсыпанные во дни Последней войны, успели несколько расплыться от времени, но донныне поражали огромностью проделанного труда. Случись новое нашествие, вряд ли они кого-нибудь остановят, разве что ненадолго задержат. Правда, нашествия в обозримом будущем халисунцы не ждали. Милостью Лунного Неба, времена стояли тихие, большими немирьями не отмеченные.

Застав в Гарната-кате было много. Целых семь. Возле тех, в которые упирались крупные большаки, стояли купеческие возы, маялись ожиданием люди, слышалась ругань. После дальней дороги каждому хотелось скорее устроиться в дружеском доме или на постоялом дворе. Вместо этого приходилось браниться с недоверчивой стражей, вскрывать тщательно увязанные тюки, отсчитывать деньги...

Иригойен уверенно свернул с мощёной дороги и повёл спутников задворками на самый берег Гарнаты.

Река, прославляемая сказителями как несравненно могучая, на поверку годилась Светыни в младшие внуки. Песчаный обрыв подмывала самая обычная степная река, заросшая по берегу ивняком. Она поила неширокую полосу земли с городом, пастбищами, виноградниками и лиственными рощами. Эти рощи, видимые на просвет, халисунцы считали лесами и боялись в них заблудиться.

На другом берегу, в основном низменном, поодаль от воды, высились своего рода останцы – невысокие холмы с плоскими вершинами. Волкодав присмотрелся. На одном из холмов густо росли деревья и виднелись какие-то сооружения, непохожие на жильё.

– Это и есть ваши знаменитые Сады Лан? – спросила мать Кендарат.

– Да, – кивнул Иригойен. – И по-моему, там не много прибавилось Посмертных Тел.

По его рассказам Волкодав представлял себе Сады совершенно иными. Гораздо более величественными и таинственными. Воображение рисовало ясную синеву ночи, бесчисленные жертвенные огни, ветви цветущих вишен, суровые каменные лики, одушевлённые колеблющимися пламенами... а надо всем – яркие звёзды и царицу-Луну среди них. Действительность предпочла ограничиться пасмурным предзимним днём, когда впору не о чудесах думать, а редьку и морковь спускать в общинные погреба.

– И шулхад Эрмей там упокоен? – спросил он Иригойена.

– Конечно, ведь он... А откуда ты про него знаешь?

– Каттай говорил.

– Посмертное Тело славного шулхада Эрмея – одно из самых высокочтимых, – помолчав, проговорил Иригойен. – Его считают очень благим. Кое-кто из сэднику полагает, что его следовало бы оградить стеной, ибо стража не поспекает гонять оттуда невольников. Им ведь строго запрещено совершать в Садах поклонение, но они пробираются всё равно... Другие учителя говорят – Эрмей, верно, знал, что творил, оставаясь перед Лунным Небом освободителем смелых рабов... Я сам любил там молиться. Это Тело вправду благое. Рядом с ним всегда тихо и хорошо...

– Покажешь мне его, – сказал венн.

Здесь, где к берегу подходили не улицы, а заулки, застава перекрывала даже не разрыв земляного вала, а перелаз через него. Жёнки ходили на реку стирать бельё, ребятишки – купаться. Ещё бы Иригойену было не знать этот проход!

Стража обратила очень мало внимания на троих путников с ручной тележкой и осликом.

– Всё изменилось, – задумчиво проговорил сын пекаря, когда они уже спускались с внутренней стороны вала. – Раньше я всех знал, кого обычно здесь ставили. А теперь – ни они меня, ни я их...

Слушая его, Волкодав снова, как когда-то в саккаремских горах, представил своё возвращение в родные места и вдруг понял: Иригойену было страшно. Вот и я посмотрю на холмы, по которым бегал мальчишкой, и они покажутся незнакомыми. Вместо дремучих ельников, спускавшихся к доверчивым лесным озёрам, явит себя сплошной ветролом. Выворотни, мешанина стволов, пожухлая хвоя... И сами озёра, точно тело поруганной Итилет. А на месте дубрав предстанут горькие пни – ни жёлудя, ни ростка...

Нет уж. Лучше про такое вовсе не думать. Настанет время помирать, тогда и помрём.

– А каменоломни в какой стороне? – спросил он Иригойена.

– Здесь их много, – удивился тот. – На что тебе?

Денег у них покамест хватало, никакой нужды в зароботке, да ещё таком нелёгком, вроде бы не предвиделось.

– Канара. Там вырубают Посмертные Тела, – сказал Волкодав.

– Эти выработки далеко... – принялся объяснять Иригойен.

Состоятельная семья пекарей Даари жила в старом городе, хотя и не около крепости, где обитали вельможи, а, как приличествовало зажиточным ремесленникам, у самой стены.

Иригойен хотел сразу вести туда своих спутников:

– Срамно мне будет, если вы заночуете не под моим кровом.

Мать Кендарат посмотрела на улицу впереди. Слободки карабкались на довольно крутой склон холма, улица сворачивала и петляла.

– Малыш, мы с Серым устали и не хотим лезть в эту гору, – сказала жрица. – Я с рассвета в седле и уже опасаясь, как бы не рассыпались мои старые кости... Отведи-ка ты нас сперва на хороший постоялый двор, я поставлю осла и сама прилягу, а вы, молодые, сходите налегке.

Волкодава удивила такая бессовестная неправда. Онто знал, легко ли было уморить избранницу Кан. Оставалось лишь гадать о причине, по которой она не хотела идти в дом Даари. По крайней мере, сразу.

– Н-ну ладно... – пробормотал Иригойен. – Тогда вот здесь нам налево...

Собственно, название города означало просто «Кирпич-на-Гарнате», поскольку, если верить легенде, именно здесь халисунцы когда-то взялись строить из кирпича. Они и до сих пор это делали, и делали здорово. Пожалуй, Волкодав нигде ещё не видел столько разного кирпича и такой вычурной кладки, как в старом городе Гарнатаката. Заборы здесь были ничуть не хуже дар-дзумских, высокие и глухие. Они надёжно прятали от стороннего глаза происходившее во дворах, но в городской тесноте дома росли ввысь. Волкодав едва не споткнулся, когда чьё-то жилище показалось ему деревянным, бревенчатым. Он даже вытянулся, стараясь увидеть побольше, и понял свою ошибку. Просто в этом краю, обделённом строевым лесом, кто-то оказался не вовсе чужд понимания жизни и, пользуясь достатком, заказал мастерам особые кирпичи.

Знать бы ещё, как в таком доме живётся...

Улица выглядела совсем пустой. Волкодаву это не нравилось. В приличной веннской деревне, обитатели крепкого рода, навстречу приезжему сразу высыпали бы стар и млад, обняли родича, повели в тепло – кормить, поить и расспрашивать. Когда люди отгораживаются от соседей высокими стенами, как от врагов, значит неправильная у них жизнь.

– При первых шулхадах здесь было становище четырёх сотен воинов, – рассказывал Иригойен. – Всё давно изменилось, но мы до сих пор делим город на Сотни: Синюю, Зелёную, Красную...

– Каттай жил в Зелёной, – сказал Волкодав. – На улице Сломанного Стремени. Знаешь такую? Гарната-кат был гораздо больше не то что Дар-Дзумы или Рудой Вежи – даже саккаремского Астутерана. Венн чувствовал себя весьма неуютно и понимал, что без помощи Иригойена разыщет эту улицу хорошо если к весне.

– Конечно знаю, – ответил тот. – Это по дороге на невольничий торг. Я там часто бывал.

Так-то вот. Невольничий торг. И караваны, уходящие к Самоцветным горам.

– Каттай говорил, в чужую Сотню могли без выкупа не пустить...

– Мой отец грозился оторвать уши всякому, кто вздумает не пускать «чужих» к его лавке. Никто не уходил от него без угощения, даже дети рабов.

– Славный у тебя отец, – сказал венн.

Он много раз помогал матери месить тесто и до сих пор не забыл ни ощущения живого и доброго тепла под ладонями, ни своего тогдашнего убеждения: быть такого не может, чтобы хлебопёк оказался дурным человеком.

– А вот меня раз побили в Зелёной, когда я был мальчишкой, – вздохнул Иригойен. – Люди выдумывают какие угодно различия, чтобы хоть чем-нибудь, но кичиться. И в особенности если на самом деле хвастаться нечем. Помнишь, Камышовый Кот удивлялся, отчего я не твердил о преимуществе нашей веры? А я сказал, что Луна всем поровну светит?.. Вот и тогда мне казалось, что все улицы вымощены одинаковым кирпичом, но, наверное, сыновья тех мальчишек дерутся по-прежнему... Смотри, здесь уже Синяя Сотня!

Никакой внятной границы на земле проведено не было, но соперничество ощущалось. Через забор от «бревенчатого» дома виднелся ещё более диковинный. С беглого взгляда Волкодав посчитал его выступом скальной основы холма, но потом обратил внимание на деревянные ставни. Строители в самом деле использовали скалу, но так ловко нарастили её, где требовалось, диким камнем и кирпичом, что одно сливалось с другим – поди отличи.

– Твой дом тоже такой? – повернулся венн к Иригойену.

Честно говоря, отсюда он этот дом нашёл бы и сам, без подсказок и даже с завязанными глазами. По запаху. Самому лучшему запаху на свете.

Он спрашивал больше оттого, что Иригойен остановился, держась за стену и прижимая к груди ладонь.

Впрочем, его ответ прозвучал почти весело.

– Куда нам... Дом уже был, когда мы его купили. Дед ещё и снёс половину, чтобы пекарню устроить и закрома...

Тут они свернули за угол, и Иригойен, ахнув, снова замер на месте.

– Наш забор!.. – вырвалось у него.

Волкодав посмотрел вперёд. Забор как забор, добротный, глухой, с воротами и калиткой. Может, правда, немного поскромнее соседних.

– Что не так?

– Лавка... – Иригойен попытался указать пальцем. – Тут лавка всегда была... народ толпой, соседи, гости, няньки с детьми... Булочки, пряники, печенье... А теперь просто забор...

Волкодав подошёл к калитке, поднял деревянную колотушку, приделанную на цепочке, и постучал.

Во дворе прошуршали неторопливые шаги. Открылось зарешёченное окошечко, и на венна подозрительно уставился усатый привратник.

– Иди отсюда, голь перекатная. Занято место, – приглядевшись, с явным удовольствием проговорил халисунец. – Господину другие охранники без надобности. Хочешь заработать, ступай на торг, там в караванах завсегда надсмотрщиков не хватает.

Волкодав подумал о том, что эта калитка, сложенная от уличного воря, вряд ли выдержит настоящий удар. Ещё через неё можно было махнуть верхом. Или просто набраться терпения и подождать, пока усатый выйдет на улицу. И тогда уже без спешки, во всех подробностях обсудить, кому на какой торг идти и зачем.

Окошечко стало закрываться.

– Подожди, друг, – протянул руку подоспевший Иригойен. – Сделай доброе дело, привратник, найди хозяина или хозяйку. Скажи, сын вернулся...

К некоторому удивлению Волкодава, усатый захохотал:

– Сын!.. Ещё чего выдумай, бродяга!

Окошко захлопнулось окончательно. Венн хотел было постучать ещё, но передумал. Всё равно без толку.

У Иригойена был вид человека, провалившегося в дурной сон, где всё привычное и родное предстаёт искажённым, незнакомым и страшным. Он-то, дурак, боялся родительской воркотни и попреков, он-то терзался, захочется ли ему остаться под отеческим кровом или опять потянет в дорогу...

– С соседями дружили небось? – хмуро спросил Волкодав.

В третьем по счёту соседском доме привратник наконец вспомнил Иригойена и пустил его внутрь. «А ты, парень, не обижайся, здесь подождёшь», – было сказано Волкодаву. Иригойен, страдая, оглянулся, и венн махнул рукой: ступай, мол, я не обидчивый. На что обижаться? На месте привратника он и сам остерегся бы пускать к хозяйскому порогу недоброго на вид мужика со шрамом на роже, при семивершковом ноже и с летучей мышью, скалящейся на плече... Мало ли с каким сбродом мог спутаться в дороге чистый сердцем господин Даари! Ждать пришлось недолго. Довольно скоро Иригойен вышел наружу в сопровождении старого, сгорбленного домашнего раба. Раб держал в руках пустую корзинку.

– Пять лет почти тебя не было, молодой господин... – кудахтал старик. Увидел Волкодава и даже отпрянул: – А это кто?..

– Мы с ним давно путешествуем вместе, он стал моим братом, – ответил Иригойен. – Называй его Волкодавом.

– Воистину диковинные у тебя друзья, молодой господин... – вздохнул дед, не иначе уверенный, что чужеземец не понимает его речь. – То-то батюшка бы твой удивился...

Похоже, старый слуга знал Иригойена с детства. Волкодав решил, что соседи, впуславшие скитальца, были скорее всего людьми добрыми и приличными. Известно же: в правильном доме и кошка выходит к гостям, не опасаясь пинка, и седобородый раб ворчит на хозяйского сына, блюдя порядок и честь.

Они вернулись к зарешёченному окошку. На сей раз привратник отворил не прекословя.

Волкодав опять остался один.

Он прошёлся по пустынной улице туда и сюда, потом сел под стеной, скрестил ноги и стал правильно дышать. Сперва – так, как учил Мхабр. Затем – как показывала мать Кендарат.

Затаил дыхание и взялся считать удары сердца, только до кругов перед глазами доходить на всякий случай не стал. Получилось, что сегодня он уплыл бы под водой раза в полтора дальше, чем в том озере у Рудой Вежи.

Между каменными заборами гулял ветер, летали мёртвые листья. Волкодаву всё время казалось, будто из-за угла вот-вот выпрыгнет перекасти-поле, а в кружении листьев зашелестит голос, выводящий заунывную песню.
Не надо, Катим. Пожалуйста. Ты его обязательно найдёшь. Только не здесь. И не сейчас.

Он, оказывается, боялся, как бы потомок злодея не сыскался среди родичей Иригойена или его добрых соседей. Каково-то было тем, кто прежде меня предлагал её проводить – и возвращался с этойкой гостьей в родную деревню...

По ту сторону калитки звякнул засов. Волкодав повернул голову, но подниматься не стал, потому что шаги принадлежали не Иригойену. Появился старый раб. В его корзине, прикрытые полотенцем, горкой лежали витые булочки с корицей и мёдом. Дед сердито посмотрел на Волкодава и пошёл прочь, осуждающе тряся бородой.

Венн встал и пошёл следом.

– Погоди, бабушка...

Старик оглянулся и так вцепился в корзину, словно ждал нападения.

– Не про твою честь плюшки! Это внукам моего господина!

– Погоди, бабушка, – повторил Волкодав. Складные речи по-прежнему давались ему с немалым трудом, но, когда нужда заставляла, он делал усилие. – Ты, наверно, всех здесь знаешь... Как мне найти почтенную рабыню Арзуни?

– Что?..

– У неё был муж, каменотёс Хетар, и сын Каттай. Его продали...

Старый раб присмотрелся.

– Ты не Каттай. У того были тёмные волосы. – В поблёкших глазах мелькнула радостная догадка. – Погоди... Каттай, это ты так поседел?

Венн ответил:

– Я принёс почтенной Арзуни вести о её сыне.

Лицо старика не то чтобы смягчилось, скорее, жалко обмякло.

– Что же ты хотел поведать бедной Арзуни?

Бедной Арзуни.

Волкодав испытал очень нехорошее чувство, но всё же ответил:

– Я хотел наполнить её дни гордостью. Каттай почти собрал выкуп для себя и для неё. Он ушёл по лунной тропе, когда его обманули. Я здесь вместо него.

– Возьми булочку, – вдруг всхлипнул старый невольник. – Ради приветливого малыша, который избавил меня от плетей, найдя запропавшуюся монету... Когда уехал молодой господин Даари, Арзуни целый год ходила к восточной заставе смотреть на дорогу. Потом как-то раз она мела пол, присела передохнуть... Мы похоронили её у большака, где она ждала. Ты бери плюшку, сынок...

– Я только знаю улицу, – сказал Волкодав. – Как найти дом?

Вернувшись к воротам, он увидел, что привратник так и стоит в открытой калитке, прислонясь к косяку и сложив на груди руки.

– Ты откуда сам, парень? – спросил он погода.

Волкодав сел на прежнее место:

– С севера. Из-за гор.

– Сольвенн?

– Нет, с верховий. Мы – венны.

– А я из Нарлака, – сказал привратник. – Из Фойрега.

Он оглянулся во двор. Появился Иригойен. Сын пекаря посмотрел на Волкодава, словно не узнавая его, зябко запахнул плащ и побрёл куда-то по улице. Венн поднялся, кивнул привратнику и пошёл следом.

– Мванааке – это далеко? – спросила мать Кендарат.

– За морем, – сказал Иригойен. Он смотрел на Мыша, подбиравшего с блюдечка хлеб, размоченный в молоке. – Корабль минует Аррантиаду и идёт ещё столько же, сколько туда.

– Ну, значит, исполнится твоя мечта. – Жрица невозмутимо заворачивала в сладкий капустный лист кусочек жареной колбасы. – Ты ведь хотел снова там побывать. Я вообще в толк не возьму, о чём ты так убиваешься?

Понадобились две большие кружки горького пива и словесное кан-киро матери Кендарат, прежде чем Иригойен наконец стал говорить, и у Волкодава отвалилась от сердца стопудовая тяжесть. Как выяснилось, родители халисунца были живы и благополучны. Просто мономатанская ветвь семьи после многолетних уговоров сманила белокожего родича на землю предков. Туда, где под рукой дружественного вождя заново собиралось племя сехаба. Год назад славный пекарь сел на корабль с младшими детьми и женой, а дом и пекарные печи оставил приёмному сыну, Мурэну. И тот повёл дело по-своему. Женился на дочери жреца, закрыл уличную лавку, приставил к жерновам рабов. Зато почти все его пряные хлебцы, душистые крендели и рассыпчатую сдобу особые посыльные уносили прямо в крепость, к столу государя. Соседи не сомневались: быть молодому Даари отцом рода новых харраев.

Кан-Кендарат поманила служанку:

– Принеси ещё пива, милая. И скажи там, чтобы колбасок пожарили.

– Я вырос в этом доме, – заикаясь, произнёс Иригойен. – Я в нём каждый кирпич знаю, от чердака до подвала. Помню, где мальчишкой смешную рожицу выцарапал... Как мамыны серьги в саду под кустом спрятал... Брат мне переночевать предложил. В комнате для случайных гостей...

Волкодав слушал, по обыкновению помалкивая. Иригойен был прав. Больно вот так возвращаться в родной дом. И жрица тоже была права. Куда хуже вещи с человеком могут случиться.

– Спору нет, горестно почувствовать себя дома чужим, – продолжала мать Кендарат. – Но скажи-ка по совести: а чего ты ждал? Ты отпросился у отца, чтобы принять сан, потом сорвался путешать и пропал без вести на несколько лет. Они даже не знали, жив ты или погиб. А ты, похоже, хотел, чтобы дома до твоего возвращения время стояло на месте?

Конечно хотел, вздохнул про себя Волкодав. Всякий странник этого хочет. И я тоже хочу. Мне до сих пор снится, что я переплываю Светынь, выхожу на берег и слышу, как звенит молот отца.

Служанка поставила перед ними блюдо шипящих колбасок и пиво в глиняных кружках. Колбаски, между прочим, были отменно вкусны: из конины пополам с жирной бараниной, с перцем и хрустящим луком внутри.

Иригойен низко опустил голову.

Понял ты хоть, от какого срама уберегла нас всех мать Кендарат, остановившись в этой харчевне? Каково было бы тебе разговаривать с побратимом и думать о том, что на улице за воротами мается не только обросший дубовой корой варнак, но и почтенная седовласая жрица? С осликом и тележкой?..

– Мы совершаем поступки и думаем, что всё останется как прежде, – отведав пива, сказала мать Кендарат. – Мы ошибаемся... Вон, кто-то не вовремя дал волю коням, а теперь за его правнуками катится перекати-поле. Ты мог бы сейчас быть хозяином своего дома, но ты выбрал путь святого служения, а стезю пекаря уступил приёмышу. Так о чём горевать? Если бы всё вернуть, ты поступил бы иначе?

Иригойен, не поднимая глаз, покачал головой.

– Во всяком случае, твой дом ещё стоит, – рассудила мать Кендарат. – И между прочим, тебя оттуда не гонят. Радуйся, дурачок!.. Оглянись: кто ещё в этом городе наделён подобной

свободой? Ты можешь поехать в Мономатану и посмотреть, такая ли яркая там Луна, как люди рассказывают. Помнишь, ты нам пел про прилив?.. Захочешь – выстроишь дом и пекарню, как твои пращуры по эту сторону моря. Или можешь остаться, пожертвовать денег на украшение храма и сделаться учеником жреца, как собирался когда-то. А не то отправишься с нами дальше и будешь петь свои гимны, у тебя неплохо это выходит... Сколько всего! Ешь давай, пока не остыло!

Иригойен уткнулся лицом в рукав и заплакал.

Волкодав взял с блюда колбаску и предложил кусочек Мышу, но тому не понравился перец.

Фыркнув, чёрный зверёк перебежал по столу, сунул нос Иригойену в ухо и ласково заворковал.

Что бы ты ни решил, брат мой, ты не один. Ты не один...

Колченогого Динарка любят рабы. Конечно, не только за несравненную меткость, с которой он подбивает камнями здоровенных крыс – лакомство и спасение рудокопов. Утрата ступней, некогда срезанных самородным лезвием, высунувшимся из скалы, сделала его хорошо если половинным работником, но на любой каторге ценят наделённых умением бойко и складно врать. Так, чтобы хоть ненадолго отступили вечные потёмки, рассеялась рудничная вонь, чтобы забрезжило вдалеке нечто знакомое и родное – или, наоборот, чужеродное, поражающее своей непривычностью. Временами, когда из забоя уносят факел, сюда приходят другие рабы. Те, кого надсмотрщики считают благоразумными и не приковывают на отдых. Иногда они садятся около Динарка в кружок, иногда забирают калеку с собой. Тогда Серый Пёс ждёт в одиночестве. Он опасный, его не спускают с цепи. Рабские вечёрки длятся недолго, но халисунец в совершенстве овладел искусством обрывать свои рассказы захватывающим «Ивдруг...». За толковое враньё калеку подкармливают. Почти всякий раз он приносит Псу угощение. Чаще всего – обломок сушёной рыбёшки или крысиный хвост, но бывает, что и кусок сухаря.

Однажды вместе с благоразумными, усадившими Динарка на скрещённые руки, приходит гибкий чернокожий подросток, рудничная «девочка». Он пугливо разглядывает угрюмого Пса. У него глаза отбившегося от матери оленёнка, однако выбирать не приходится. Мальчик послушно садится между Динарком и опасным рабом, к которому, по слухам, без кнута решается подходить только господин Гвалиор.

Пёс тоже разглядывает его, гадая, зачем здесь «девочка». Может, сегодня Динаркразвлекал «внушающих страх» и тайные властители подземной жизни, никогда не работающие сами, прислали ему смазливового паренька в награду за истовое враньё?..

Халисунец притягивает подростка вплотную и что-то шепчет ему на ухо. Тот поворачивается к венну и звонко, вправду по-девчоночьи, нараспев произносит:

«Мхабр, вождь сехаба, взял клятву с этого человека, Динарка, что если тебе суждено будет узнать, то не от него».

Пёс молча ждёт, что будет дальше.

«Да тихо ты», – шикает на мономатанца Динарк. И вновь наклоняется к уху напуганного мальчишки.

«Так вот, я узнал от... Ой, то есть на рудниках поговаривают... болтают, от безделья, должно быть... будто однажды Мхабр зачем-то спас другого раба... сына вшивых му... ой... обречённого смерти».

Халисунец шепчет ещё.

«Тот был непочтительным, ненадёжным и никчёмным юнцом, он кому-то проломил голову из-за лишней рыбёшки, и за это ему вполне заслуженно отсчитали сорок плетей...»

Кандалы Пса издают негромкое звяканье. «Девочка» вздрагивает, пытаясь на всякий случай отодвинуться подальше. Знать бы ему, как всё было на самом деле. Жил-был на свете сегван Аргила, хилый маленький подбиральщик, похожий на большого мышонка: он-то и не получил той рыбёшки... Потом его перевели мести штольню, чтобы протянул и проработал немного подольше. Когда ему перестал сниться родной остров, он пришёл к Псу попрощаться.

«И вот никчёмный дармоед приготовился осквернить смертью забой, но Мхабру ударила в голову мо... ой! Мхабр почему-то не захотел отдавать Хозяйке Тьме его душу. Он помолился своим чёрным Богам и стал творить танец...»

Вот когда глаза опасного вспыхивают зелёным огнём! Робкому «девочке» становится совсем жутко.

«Вождь Мхабр тоже был закован и заклеимён после стычки с надсмотрщиком, поэтому странен был его танец. Он сидел и держал голову запоротого у себя на коленях, и двигались только его плечи и руки, да ещё мышцы на животе. Но другой раб, гораздо более достойный, почему-то увидел настоящую пляску чёрного колдуна, зовущего исцеление к раненому. Он увидел костры, увидел чёрную ночь, золотое пламя и белые перья, услышал голоса барабанов...»

Юный мономатанец вдруг закрывает руками лицо, сгибается, отчаянно всхлипывает. Вроде бы его давно и надёжно отучили от слёз... однако ничего поделать с собой он просто не может.

«Сам ты, малый, какого племени?» – спрашивает Динарк.

«Мибу...» – совсем другим, мальчишеским голосом отвечает подросток.

Халисунец снова наклоняется к его уху.

«Тот достойный раб, что был третьим с ними в забое, сам когда-то участвовал в пляске дождя, и один человек рассказывал ему, как на Островах несутся вприсядку, приманивая косяки рыбы. Но танца подобной силы он никогда прежде не видел...»

Пёс отворачивается, плотно зажмуривая глаза. В его памяти словно приоткрывается дверь. Пёс видит перед собой великана с телом глянцево-чёрным, словно выточенным из камня кровавика. Он стоит гордо и прямо, как подобает воителю, он почти обнажён, словно для священнодействия или боя, лишь кругом головы, на бёдрах и у лодыжек колышутся роскошные перья. Их двое в кругу ночных костров. Вверху немислимо ярко горят мохнатые звёзды, а за стеной огня глухо беседуют барабаны.

Потом великан затевает танец. В его движениях тоже есть речь, и едва живой венн необъяснимо понимает её. Вот танцор припадает к жёсткой траве и, посрамля тягу земную, зависает вытянувшись, поддерживаемый лишь пальцами рук и ног. Почти тотчас взвивается в высоком прыжке, и белые перья кажутся крыльями. Босая нога в прах растирает фигурку человека с кнутом, вылепленную из сырой глины. «Ты осилишь путь, которого не пройти мне...»

Мальчик, гибкий мибу, трясётся и стонет, между пальцами, прижатыми к лицу, сочатся неудержимые слёзы. Пёс понимает: некоторым образом он тоже увидел могущественный танец вождя. Но барабаны и взмахи белых крыльев поведали его душе что-то своё...

Проснувшись утром, Волкодав сразу заметил, что матери Кендарат в комнате нет, а со двора пахнет снегом. Он очень тихо оделся, постаравшись не разбудить Иригойена, и вышел наружу. Снег – немалая редкость для срединного Халисуна – действительно выпал. Да к тому же изрядным, по здешним меркам, слоем в целый вершок. Взрослые ругались и сетовали на греховность наступивших времён. Ребятя визжала и кидалась снежками. Угрюмое небо казалось ещё темнее от земной белизны, с крыш текло. Волкодав пошёл умываться. Снег облеплял и жёг ноги, но эта боль почему-то лишь веселила и радовала. Может, потому, что он волен был, когда захочет, уйти в дом и обуться.

На любом постоялом дворе привечают работающих гостей. Тех, что готовы натаскать дров, вымыть пол и посуду, почистить стойла в конюшне. Иные, особенно безденежные богомольцы, так и путешествуют, отработывая постой. Волкодав взял плетёнку для дров и пошёл на задний двор. Печи как раз топились, стряпухи один за другими сажали в горнила, прямо к огню, большие расстегаи, не требовавшие основательного подового жара. Их лепили из очень тонкого теста и начиняли вчерашними колбасками, сыром, солёными огурцами и крошёными яйцами. По слухам, такие пироги были изобретением нищих, собиравших объедки, но что за беда? Готовились они быстро, постояльцы обжигали рты и требовали ещё. И главное, не пропадали никакие излишки.

Ввиду «лютого мороза» чёрная дверь была ещё и завешена войлоком. Волкодав откинул его, вышел наружу и сразу увидел мать Кендарат.

Больше он ни за что не поверит её жалобам на казнящие холода, любезные только детям вечной зимы!.. Кухонные мальчишки глазели на неё, забыв, зачем вышли. Она невозмутимо совершала утреннее правило, стоя на одной ноге на самом верху поленницы. Понять, как она вообще туда забралась, не потревожив поленьев, Волкодаву так и не удалось. Между прочим, она тоже была босиком. Венн присмотрелся к её следам на снегу. Потом оглянулся на талые пятна своих собственных. Он сразу увидел, в чём разница. Маленькая женщина была, наверное, вдвое легче, но её ступни всё равно должны были промять свежий снег до земли. Так вот, отпечатки оказались едва намечены в рыхлом влажном пуху. У крылечка – поглубже, у поленницы – надо было знать, куда смотреть.

Пока венн стоял столбом, посох прогудел ещё раз и умолк. Жрица спрыгнула наземь. Волкодав как раз успел вскинуть глаза. Он не взялся бы ручаться наверняка, но ему показалось, что он увидел не совсем обычный прыжок. Мать Кендарат как будто не заметила высоты в полтора человеческих роста. Сделала шаг – и сошла вниз, спорхнула, точно золотой листок с ветки. Потопталась, окончательно утверждаясь на снегу, и сказала проглотившему язык Волкодаву: – Вот видишь, и у меня кое-что не совсем ещё получается.

Улица Сломанного Стремени, где некогда жил Каттай, называлась так оттого, что в стародавние времена здесь часто казнили осуждённых злодеев, протаскивая их за конями. Если человек до последнего отстаивал свою невиновность, люди ждали, что верёвки развяжутся или оборвутся. Временами такое действительно происходило, но более других запомнился случай, когда палач полез было в седло, но лопнувшее стремя подвело его три раза подряд. Теперь казни совершались реже. Воров и убийц стало выгоднее продавать в Самоцветные горы. Каттай наверняка видел рабские караваны, уходившие с торга. А потом и сам ушёл с одним из них, чтобы уже не вернуться. Арзуни наказывала ему быть усердным слугой, помогать другим невольникам и чтить милостивого господина. Она связала ему тёплую безрукавку, купила узорчатые сапожки... Решился ли он оставить караван и подбежать к матери, вышедшей из ворот? Было им позволено напоследок обняться?.. Сегодня Каттай предстал бы юношей, как Иригойен. Может, даже сходного сложения. И наверняка – с такой же улыбкой...

Дом Саала Тейекена, хозяина Арзуни, стоял в самом низу крутого и длинного спуска. Плохое расположение, решил Волкодав. Действительно, на створках ворот и на камнях забора виднелись отметины. Кто-то поставил тележку и не проверил упор. Кто-то в такую же, как сейчас, скользкую и слякотную погоду спускался с холма, и кони не смогли удержать грузёный возок... Выше по улице и сейчас стояла телега виноторговца, работники перетаскивали бочонки. Два могучих тяжеловеца, заботливо укрытые попонами, потряхивали головами, лакомясь засыпанным в торбы
[38]
овсом. У этих телега не сдвинется, пока вожжи на козлах висят!

Возле самых ворот венну померещилось движение за спиной, он оглянулся и почти увидел шар перекасти-поля, летевший с крыши на крышу. Он присмотрелся. Нет... показалось... Прежде чем идти сюда, Иригойен вновь наведался к побратиму и теперь нёс плетёную коробку, полную лучших пряников, сдобной мелочи и сладкого печенья. Всего того, чем, по рассказам Каттая, любила побаловаться его милостивая госпожа.

– Ты молчи, – сказала Волкодаву мать Кендарат. – Оставь нам!

Он только кивнул, радуясь про себя, что сегодня обойдётся без разговоров. Да и не подпустили бы его здесь даже к воротам, явись он один.

Господин Саал оказался дома. Родовое имя Иригойена и, конечно, гостинец произвели должное впечатление. Так что скоро Волкодав, стоя за спиной матери Кендарат, разглядывал хозяина дома.

Сухопарый лысый мужчина, по халисунскому обыкновению, полулежал на пёстрых войлоках, облокотившись на подушки. Десять лет назад Саал Тейскен продал Каттая из-за некоторого затруднения в средствах. С тех пор дела этого дома, похоже, не сильно улучшились. Войлоки выглядели потасканными, а расшитые бисером туфли на ногах Тейекена нуждались в починке. К тому же в покоях витал едва уловимый запах болезни. Сопоставив всё это, Волкодав ощутил глухую тоску. Покамест Иригойен с господином Саалом вспоминали старые времена и общих знакомых, но скоро они перейдут к делу, и что тогда?.. Ох, вряд ли медная серьга, вынутая из уха бедной Арзуни, за просто так полетит в огонь...

Хозяин дома хлопнул в ладоши.

– Неси обед, – велел он появившейся чернавке. – Не забудь вина да проводи на кухню охранника моих достойных гостей, пусть его тоже покормят.

– Ты, должно быть, служишь при новом лекаре для госпожи? – спросила стряпуха.

В миске дымилась халисунская пшённая каша, наполненная яйцами, сыром и пряной зеленью, засоленной с лета. Мыш норовил влезть через край. Волкодав, попросив блюдечко, отложил ему, чтобы остыло. Поднял на стряпуху глаза и ответил как есть:

– Нас привело сюда совсем другое дело, почтенная.

– Почтенная!.. – развеселилась она. Как все невольники Халисуна, стряпуха коротко стригла волосы, чтобы сразу видна была серьга. Она оттянула мочку уха. – Это я-то почтенная!

Волкодав зачерпнул каши:

– Ты добра и вкусно кормишь меня, и в этом честь.

Женщина была в зрелых годах, крепкая, дородная и бесстрашная. Венн вдруг представил, как она, небось, потчевала на этой же кухне надсмотрщиков Ксоо Таркима во главе со свирепым Харгеллом. И без раздумий пускала в ход тяжёлую скалку, если кто-нибудь распускал руки.

– В каком же захолюстье, – продолжала она, – тебя так хорошо выучили нашей речи, но забыли объяснить, что рабыни не бывают почтенными?

– В Самоцветных горах, – сказал Волкодав.

Стряпуха бросила половник в котёл, вытерла застиранным передником мокрые руки и уселась против венна на тощий соломенный тюфячок.

– У нас здесь жил мальчик, его продали торговцу рабами...

Волкодав кивнул:

– Он рассказывал мне о своей матери, почтенной Арзуни.

В тесноватой поварне откуда-то стали появляться люди. Стряпухи с приспешницами [39]

, конюхи, домашние слуги, даже привратники. Венн посмотрел на их лица и понял: опять придётся говорить. И говорить много.

– Мы слышаны от общих друзей о гостеприимстве этого дома, – сказала мать Кендарат. – Свидимся ли мы с его благородной хозяйкой?

Тейекен вздохнул и перестал улыбаться.

– Моя жена нынче не расположена к беседам с гостями. Она... слегка приболела.

– Не сочти праздным моё любопытство, достойный сын Саала, но не скажешь ли, в чём состоит нездоровье госпожи? Я странствую во имя Кан Милосердной, и людям кажется, будто я кое-что понимаю в лекарском деле.

– Святая сестра украшена скромностью, – вмешался Иригойен. – Когда мы шли через утраченные земли, она взялась лечить знатного полководца, которому грозила потеря ноги. Месяц спустя тот выбросил трость!

Саал Тейекен успел опрокинуть несколько чаш прекрасного вина, согревающего беседу. А ещё жрецы любой веры действительно знамениты умением слушать. Поэтому люди самым естественным образом рассказывают им такое, что в обычной жизни хранят бережно и ревниво.

– Правду молвить, моя супруга не покидает постели уже несколько лет... – печально проговорил Тейекен. – Каких только врачей у нас не перебивало, но ей год от года становится лишь хуже. Она не может ходить из-за болезненных язв на ногах... и, боюсь, медленно слепнет. Спасибо тебе за сладости, сын Даари, только они и позволяют ей на некоторое время забыть о страданиях... Мне даже советовали отойти от неё и взять другую жену, чтобы не прервалось имя, но, почтенные, мог ли я отослать женщину, с которой прожил почти двадцать лет в согласии и любви?.. По счастью, у меня есть брат, благословлённый многочисленным, и я принял к себе его младшего сына. Это разумный и почтительный мальчик, он уже объезжает с работниками мои виноградники. О лучшем наследнике я не мог бы мечтать. А как его полюбила моя жена, не узнавшая деторождения...

Мать Кендарат переглянулась с Иригойеном и чуть заметно кивнула ему.

– Воистину, – сказал сын пекаря, – слава этого дома в благонравии всех воспитанных и рождённых под его кровом. Люди верно говорят, что у хорошего хозяина и конь доброезжий

[40]

, и невольники старательные. Когда-то подростком я спешил в храм и надумал срезать путь через Зелёную Сотню...

Тейекен понимающе улыбнулся.

– Меня закидали камнями, я плакал от обиды и боли, – продолжал Иригойен. – Но потом появился маленький раб, он вынес мне умыться и помог оттереть с одежды сопли и кровь. Этот мальчик носил твою серьгу, благородный Саал.

– Ты, наверное, про Каттая, – оживился хозяин. – Иногда я почти жалею, что продал его. Впрочем, я не сомневаюсь: мой друг, торговец Ксоо, достойно распорядился его судьбой. – Нам передавали, Каттай всегда верно и старательно служил своим новым хозяевам, – сказала мать Кендарат. – Так вышло, что его забрала ранняя смерть, и тут уже ничего не поделаешь. Но тем, кто добром вспоминает этого мальчика, хочется оказать ему посмертную милость. Мы хотим выкупить тень его матери, благородный Саал, чтобы они могли встретиться на серебряном мосту.

Тейкен откинулся на подушки.

– Предивные чудеса творятся в Подлунных Пределах, – проговорил он почти весело. – Верно люди говорят: засылай вперёд виноградные косточки, и на привале тебя встретят сочные гроздья! Мог ли я угадать, как мне воздастся за попустительство невольнице, переспавшей с каменотёсом!.. Ради нашей встречи, украшенной приятной беседой, я попрошу вас, почтенные, всего о шестидесяти тюках, и можете забирать и мать, и мальчишку.

Иригойен вежливо улыбнулся:

– Моему господину угодно было запомнить, что мальчика он уже продал...

– Нам нужно обсудить твоё щедрое предложение, благородный Саал, и взвесить наш кошелёк, – с достоинством наклонила голову мать Кендарат. – А теперь, если ты не против, я всё же взглянула бы, нельзя ли чем помочь твоей бесценной супруге.

– Он спал в самом потаённом подземелье, у мёртвого озера, сиявшего голубым светом, – рассказывал Волкодав. Ему казалось, он тащил тяжёлые сани, нагруженные дровами. – Каттай улыбался во сне. Он бросил тёплую курточку и башмаки, что ему дали хозяева, и надел безрукавку – мамин подарок.

Стряпуха качала головой и утирала глаза передником. Молоденькие приспешницы всхлипывали так горько, что венну хотелось соврать им в утешение. Но эту науку, как и всякую другую, надо постигать с детства: после не выучишься. И венн только сказал:

– Он хотел её выкупить. Я пришёл вместо него.

Дёрнулась входная полсть, удерживавшая «непотребные» запахи стряпни от проникновения в покои. Мышь на всякий случай развернул крылья, однако появилась всего лишь девчонка на побегушках. На неё зашикали, но бойкая малявка лишь отмахнулась.

– Эй, охранник, твои хозяева с нашим господином прощаются! А мышка у тебя ручная? Можно погладить?..

Снаружи было всё так же сыро и неприятно. К тому же сгущались ранние сумерки. Когда Иригойен и Волкодав с матерью Кендарат вышли на улицу, телега виноторговца стояла на прежнем месте. С неё только-только сгрузили пустые бочонки. Теперь из лавки один за другим выкатывали полные. Погрузчики лавочника хотели управиться как можно быстрее, подручные купца, умаявшись, встали передохнуть. Поэтому бочонки пока складывали просто наземь, подпирая снизу, чтобы не покатались.

Привратник Саал Тейскена, закрыв за гостями калитку, неожиданно взялся отпирать ворота. Снизу приближались два всадника. Мальчик верхом на выносливой лошадке нардарской породы ехал впереди, как и полагалось важному господину. Будущий воин сидел гордо и прямо. Молодой слуга ехал следом, он горбился в седле и зябко прятал лицо.

Кони шли грунью

[41]

, осторожничая на скользком подъёме.

Волкодав успел подумать, что это, должно быть, возвращается с виноградников продолжатель имени Саал...

Ветер, морщивший рябью талые лужи, вдруг загудел и рванул так, что с крыш, разваливаясь в воздухе, целыми лоскутами полетели пласты налипшего снега. Слуга спешился у ворот и побежал вынимать из седла юного господина. Тот не стал дожидаться помощи – слез сам.

Ветер подхватывал ошмётки мокрого снега, закручивал их воронками и выпевал:

Ускакал, ничем не тревожимый,

Недосуг ему оглянуться...

Сверху донёлся предостерегающий вскрик. Волкодав вскинул глаза. Оттуда, подпрыгивая и вертясь, прямо на него мчались два больших перекасти-поля...

Нет!

Два тяжёлых бочонка, сорвавшиеся с укладки!

Работники бежали следом, но догнать не могли. Кто-то из погрузчиков, оступившись, растянулся в талом снегу...

Завизжал Мыш.

Бочонки были двумя снарядами, метко пущенными из катапульты. И не подлежало сомнению, чья воля их направляла. Посреди улицы стояла исхудалая женщина. Ветер трепал просторную рубаху, раздувал волосы.

НЕТ!..

Иригойен вскинул руки в отвращающем движении.

– Мать Луна!..

Волкодав и жрица одновременно сорвались с места. Мать Кендарат устремилась наперерез бочкам. Венн сгрёб мальчишку. Отшвырнуть его было попросту некуда. Волкодав успел только повалить мальчика наземь, прикрывая собой...

Дубовое ядро пронеслось над ним, смазав по волосам, и, более не коснувшись земли, бухнуло в многострадальную стену. Удар вышел глухим, словно между камнем и деревом вклинилось нечто более мягкое. Потом, звякая по мостовой, прокатился пустой обруч. Копыта напуганных коней выбивали дробь уже за углом.

Волкодав выпустил мальчишку и сел. Катим стояла над телом молодого слуги, замершим у стены. Талая жижа под головой парня наливалась густым тёмным багрянцем. Пустой обруч всё не мог успокоиться. Свалился набок, продолжая вертеться. И звенел, звенел без конца...

Запылился след на дороженьке,

Больше дети здесь не смеются...

На иссохшем лице Катим не было ни радости, ни торжества. Она медленно развела руки, воздела над головой... И пропала, рассыпавшись шелестящим облаком сухих листьев. Ветер последний раз закрутил их смерчем, потом разметал в стороны.

Подошла мать Кендарат. Волкодав сперва даже испугался, решив, что она тяжело изранена. С неё обильно текла наземь густая красная влага. Волкодаву понадобилось мгновение, чтобы учуять запах вина и заметить в десятке шагов обломки бочонка, разбившегося о её руку.

Мыш переступал по плечу Волкодава, воинственно топорщил шерсть и плевался.

– Зачем ты вывалял меня в грязи? – сердито спросил мальчик. – Я мог увернуться!

Подбежал Иригойен. Нагнулся к мёртвому, осенил себя знаменем Полумесяца и пробормотал:

– Она отомстила...

– Да, – сказала мать Кендарат. – Она отомстила.

...А в лицо мне – всё снег. Стылый ветер да мокрые хлопья.

Он слепит мне глаза и за ворот по капле течёт.

Так какого рожна я под эти разящие копы

Всё шагаю упрямо вперёд, и вперёд, и вперёд?

Может, где-то меня ожидают у печки пельмени

И заботливый родич усадит поближе к теплу?

Так ведь нет – и зачем, если валит метель на колени,

Я упрямо встаю и опять ковьялю сквозь мглу?

Снежный плащ на плечах набирает всё большую тяжесть,

И не гнутся колени, и в полную грудь не вздохнуть,

А тропа впереди всё никак не становится глаже,

И неведом конец, что собой увенчает мой путь.

Всё, наверно, случится в свой срок и обыденно-просто.

Наметёт непогода ещё один холмик в снегу,

И буран бу дет петь свою песню над вечным погостом,

И лихая позёмка отнюдь не замрёт на бегу.

Грех роптать на судьбу! Не такие, как я, цепенели

И последний поклон отдавали холодной земле.

Я за ними бреду – без надежды и, в общем, без цели,

Путеводной звезды не умея увидеть во мгле.

Но пока я дышу, не дописана эта страница,

И рябиновый посох не выпал ещё из руки.

Вместе с корками мокрого льда отдираю ресницы

И в жестокой усмешке свирепые скалю клыки.

6. Трое в камне

В Халисуне было принято воздавать почести мёртвым.

Волкодав в своё время наслушался ещё от Динарка, как у неблагодарных детей шли прахом все дела и начинались несчастья. И о том, как добрые люди давали погребение незнакомцу, найденному в степи, не подозревая, что обретают незримого покровителя.

Где попало здесь хоронили только рабов. Свободные удостаивались Посмертных Тел. У простого народа скудельницы, вмещавшие толику праха, бывали даже из глины, люди побогаче покупали куски сердолика и яшмы и несли их камнерезам, чтобы затем поместить в домашней божнице. Кое-кто при случае хвастался красотой и дороговизной камней, но такой похвальбы обычай не одобрял.

Для шулхадов и высших вельмож Посмертные Тела ваяли только в граните. Это далеко не самый нарядный и дорогой камень и к тому же сущее проклятие в обработке, но он вечен. Слоистый малахит не выдержит непогод, гладкий мрамор испортят вездесущие птицы, зеленчук

[42]

украдут и распилят бесшабашные воры, а гранит будет стоять.

Величайшие Тела начерно обрубленными доставляли в столицу на катках.

– Это страшная работа, но и благочестивая, – рассказывал Иригойен. Названный брат уговаривал его пожить, однако гимнопевец решил не отставать от друзей. – Раньше лямку возлагали на себя харраи, провинившиеся перед государем. Людям кажется, тогда-то Халисун был велик и вёл свою восточную границу по берегу, с которого виден дым над огненными горами Меорэ. Ныне мы оскудели и жалуемся на утрату земель, а опальные вельможи ставят в лямки рабов.

– Мы увидим, как везут такое Тело? – с любопытством спросила мать Кендарат.

Сын пекаря покачал головой:

– Глыбу для теперешнего шулхада привезли в самом начале правления. Теперь её режут и полируют, и мастеров никто не торопит, чтобы не поторопить и жизненный срок государя. Заканчивая труд, камнерезы оставляют где-нибудь шероховатое пятнышко, чтобы Тело оказалось завершено лишь после кончины шулхада.

Чуть меньшие заготовки везли на огромных прочных телегах. Вроде тех, на которые грузили брёвна в лесистом Нардаре. Таких телег путники встретили уже три. Степная жрица, любившая лошадей, неизменно подходила полюбоваться громадными, до спины рукой не достанешь, неторопливыми и полными достоинства тяжеловозами. «Грешно упускать случай погладить такого коня, – говорила она. – Это придаёт силу». Мощь слаженного движения, послушного малейшей команде возчика, впрямь завораживала, но окованные железом колёса вминались в земную плоть, причём каждое последующее колесо проваливалось чуточку глубже. Они так распахивали дорогу, что едва ли не каждый год её прокладывали заново.

Считалось, что каменоломни Канары располагались в десяти днях пути от столицы. Постоялые дворы и харчевни здесь были передвижные, в тех самых кочевых жилищах, натянутых на косые решётки. Дорога меняла русло, словно прихотливая степная река, и они следовали за дорогой.

Теперь в нательном поясе Волкодава сохранялась маленькая коробочка. Она таила комочек земли из холмика у заставы, где домашняя служанка по имени Арзуни когда-то ждала сына.

В памятный вечер на улице Сломанного Стремени Волкодав с Иригойеном закутали промокшую мать Кендарат своими плащами и только собрались возвращаться на постоянный двор, когда из ворот, не жалея бисерных туфель, к ним выбежал Саал Тейекен.

«Почтенные... Почтенные... – не очень связно повторял он, захлёбываясь слезами. – Куда же вы... Что же вы так... Идёмте скорее, идёмте...»

«А этот человек не вполне лишён совести», – вполголоса заметила жрица.

В Халисуне, как и во многих других странах, избалованных солнечным теплом, зиму коротали кое-как. Вот и в доме Саала в хозяйских покоях довольствовались жаровнями. Единственный сколько-нибудь правильный очаг находился на кухне. Пока мать Кендарат передевалась в сухую одежду, огонь под вмазанными котлами развели такой, что на стенках начал выгорать многолетний налёт, столь ценимый стряпухами.

«Матерь Луна, благослови этот дом, где сегодня совершается столь благое и доброе дело, – негромко произносил Иригойен. – Да пребудут резвыми могучие жеребцы и плодовитыми – смышлённые кобылицы. Да родятся под Лунным Небом хлопок и виноград, да поселятся изобилие и счастье под кровом, где даруют волю рабам...»

Медная серьга, некогда носимая Арзуни, теперь болталась в ухе девчонки на побегушках.

Серьгу быстренько заменили, и милостивый господин Саал бросил её в открытую топку. Руки у него ещё дрожали. Он ни на шаг не отпускал от себя приёмного сына. Тот на всякий случай хмурился, не вполне понимая, в чём дело.

Шустрая девочка всё потирала намятое ухо. Несколько мгновений она провела без невольничьей бирки, и это едва ли не впервые навело её на дерзкие мысли.

«Я, оказывается, ходила со счастливой серьгой, – пробормотала она, думая, что её не услышат. – Я тоже себе легучую мышь поймаю на чердаке!»

Волкодав понимал, что выработки, откуда везли огромные глыбы, по природе своей не могли походить на самоцветные копи. Однако ничего с собой поделывать не мог – помимо разума ждал впереди гор, изгрызенных тесными норами и ответвлениями забоев. На восьмой вечер ему показалось, что над хмурым западным окоёмом явила себя плотная широкая туча. Ветер как раз дул с той стороны, рваные клочья довольно быстро летели над головами, но эта туча не двигалась.

– Вот и Канара, – сказал Иригойен.

Непомерный утёс нарушал ровную степь, вырастая из неё громадным цельным горбом. Словно круглая голова сыра, с одной стороны попорченная мышами. Подойдя ближе, венн убедился, что горы, тревожившие его память, были здесь явлены, можно сказать, своей противоположностью: огромной открытой ямой, выгрызенной в теле Канары. Камень выбирали уступами, плавно сбегавшими к широкому огороженному двору. Середина выломки уже

изрядно заглубилась под землю. Чем ниже, тем чище был камень, тем меньше портили его крупные и мелкие трещины. После каждой непогоды на дне скапливалась вода. Чтобы она не мешала работам, мулы с завязанными глазами вращали две большие черпалки.

Ещё Волкодав ждал стражи. И она здесь, конечно, была, притом весьма нелюбезная. У въезда во двор троих путников окинул оценивающим взглядом бородатый копейщик в стёганке и войлочной шапке.

– Дешёвый камень во-он там, – буркнул он, указывая кожаной рукавицей.

Поодаль громоздился целый холм обломков и щебня. Волкодав невольно поискал глазами подбиральщиков, роющихся в поисках самоцветов, пропущенных другими рабами, но вместо них увидел повозку, нагруженную мешками, и служителя, убиравшего большие весы.

Благоверные халисунцы, не жалевшие денег на то, чтобы полдня выдержать Посмертные Тела своих близких в самых святых местах Садов Лан, не пропускали случая приобщиться хоть маленького кусочка Канары. Прежде обломки пытались красть. Святотатцев ловили и размыкивали конями на улице Сломанного Стремени. Позже кто-то сообразил, что обида родовитым мертвецам творилась невеликая, а выгода казне могла набежать вполне ощутимая.

– Спасибо, добрый страж, но мы здесь не за этим, – ответил Иригойен.

– А зачем ещё? – удивился копейщик.

И правда, кому и что могло здесь понадобиться, кроме камня?

– Скажи нам, добрый страж, в какой стороне мы найдём ватагу мастера Гаугара, с которой по-прежнему не сравнится на этих добычах никакая другая?

Мороза не было, но ветер проникал любую одежду, особенно если стоять на одном месте.

Стражник потёр нос рукавицей:

– На что вам Гаугар?

– Мы надеемся, он укажет нам могилу одного каменотёса, работавшего здесь когда-то.

Копейщик вдруг развеселился.

– Гаугар вам укажет, – хмыкнул он в бороду. – Только не могилу раба, а путь в Беззвёздную Бездну, да выберет, который позаковыристей... Ступайте вон туда, где грузят телегу, там дальше спросите.

Вот уж чего Волкодав ни под каким видом не ждал, так это того, что мастер Гаугар окажется женщиной. Таковую женщину не всякий день встретишь. А удостоившись, не скоро забудешь. Кряжистая седовласая рабыня была сложена почти по-мужски и неимоверно сильна даже на вид. Она годилась в дочери Горбатому Рудокопу, каким того описывали легенды. И зубило в мозолистой руке Гаугар было, судя по звону, из отличнейшей стали. А как она материлась, если что-то, по её мнению, шло криво!..

– Здравствуй, почтенная госпожа, – поклонился ей Волкодав.

Мыш, не жаловавший холодной погоды, выглянул у него из-за пазухи, чихнул и вновь спрятался. Гаугар смерила венна насмешливым взглядом. У неё были маленькие, пристальные ярко-голубые глаза. Она, конечно, заметила длинные волосы Волкодава и то, что он не носил рабской серьги.

– И тебе поздорову, – отозвалась она погодя. Очень неспешно и обойдясь безо всякого «господина».

Ватажники Гаугар держались с тем же достоинством, что их мастер. Таковы люди, которые делают значительную работу, делают её лучше всех и понимают, как нелегко показалось бы на их месте другим.

– Я пришёл издалека, – сказал Волкодав. – Будет ли мне позволено поработать рядом с тобой во имя Хетара, укрепившего своей кровью Посмертное Тело прежнего государя?

Ватага как раз отделяла от утёса глыбу с большой сундук. По разметке уже просверлили глубокие дыры и теперь забивали деревянные клинья, чтобы поливать их кипятком.

– Рядом? Чести много, – с прежней основательностью ответила Гаугар. – Думаешь, запомнил чьё-то имя и я тебе ради этого позволю хороший камень увечить?

Ватажники засмеялись. Мастер ногой пододвинула Волкодаву обломок величиной с башмак:

– Разбей-ка его сперва хотя бы начетверо...

И бросила венну молоток, с одного конца оттянутый и заострённый лопаткой.

Волкодав поймал его, примерился, перехватил поудобней.

– В руках-то держал когда? – насмешливо спросила Гаугар.

У неё запястья были широченные. Как у любого, кто непомерно трудит их с юности, пока тело ещё растёт.

Волкодав молча опустил на корточки. Он не стал спрашивать, что значит «начетверо». И так ясно, что не накрест, а на четыре ровные дольки, пригодные для кладки или на опору для крепи. Ну а «хотя бы»...

Молоток застучал. Заточка лезвия показалась венну непривычной, но он быстро к ней приспособился. Ватажники побросали работу и сгрудились смотреть. Волкодав мельком отметил про себя, что никакие надсмотрщики с кнутами не примчались подгонять нерадивых. Каменотёсов Гаугар уважали и берегли. С ними считались.

Сделав на камне пять поперечных канавок, Волкодав стал их околачивать, постепенно добавляя силы ударам. Молоток порхал и звенел, радостно и свободно. Когда ответный звон камня, едва уловимо меняясь, стал глуше отдаваться в левой руке, Волкодав ещё раз обошёл крайнюю бороздку, потом резко взмахнул молотком. Первая долька щёлкнула и отвалилась ровно и чисто. Потом вторая, третья и так далее до конца.

– Сказано было – начетверо, – буркнула Гаугар. – Слушать надо, что тебе старшие велят, а не своё воротить!

Волкодав усмехнулся:

– Сказано было – хотя бы...

Мастер опять же ногой пододвинула ему ещё камень:

– А вот этот – вдоль пополам.

На венских ярмарках иногда устраивали состязания кузнецов. Давали кусок железа наделать гвоздей. Просили потом из этих гвоздей отковать сплошной лист, да побольше. И всякий, кому было не лень, мог попробовать поцеловать большой молот-балду. Да не просто так, а высунув его сзади над плечом и держа рукоять кувалды за самый конец. Если не знать, что тянуть надо губы к молоту, а не молот к губам, можно очень неплохо раскровенить рот...

Волкодав взял камень и легонько, на пробу, стукнул по нему обушком.

– Не буду. Рассыплется.

Гаугар забрала у него молоток, проверила, не наделал ли неумеха зарубин, и сварливо велела:

– Иди кипяток подноси. Да шевелись там, чтобы не остывало!

...Камень гулко лопнул, и продолговатая «чушка» отделилась от матёрой скалы. Уже седьмая с тех пор, как Волкодав присоединился к ватаге. Когда она будет вытащена и погружена, рубщики Гаугар сядут в ту же телегу и поедут в столицу. На месячный отдых. За подвиг работы им дадут денег, и почти каждого ждала дома семья. Вот такие невольники. Действительно почтенные и гордые своим делом. Или они так работали оттого, что с ними обходились по-человечески?..

– В город, – обрадовалась мать Кендарат. – Хоть узнаю, прислушалась ли к моим советам госпожа Саал!

– Значит, ты распознала её недуг? – спросил Иригойен. И спохватился: – Если не будет в том ущерба для стыдливости госпожи...

– Эта неразумная сама себя загнала на край могилы, – ответила жрица. – За сорок лет жизни она съела столько пряников и печенья, что едва помещается на постели. Её тело утратило внутреннее согласие, данное от рождения. Желудок и почки не могут более выносить сладости, однако рассудок потакает языку, всё так же требующему мёда. От этого и язвы, и тьма, готовая проглотить зрение... Я всё рассказала супругам, но вот послушали они меня? Станет она питаться рыбой, яблоками и капустой?.. Или предпочтёт через год-другой умереть с булочкой за щекой, даже не увидев, как взрослеет приёмный сын, посаженный ей на колени вместо родного?

– Пусть Матерь Луна дарует ей выздоровление, – искренне пожелал Иригойен. – Служанки говорят, она отнюдь не худшая из хозяек!

Мать Кендарат пожала плечами:

– Госпожа Саал не привыкла проявлять упорство и отвергать желания чрева. Если она не справится, Тейкену придётся ограничивать её силой, а на это у него может не хватить твёрдости.

– Наши сэднику говорят: плоть глупа и слаба, – заметил Иригойен.

– Да наставит мне синяков мой собственный посох, малыш, но попался бы мне тот, кто первым придумал противопоставить душу и тело и объявить тело ничтожным! – возмутилась мать Кендарат. – Люди впали в грех пренебрежения совершенствами, которыми взысканы от Богов! Мы так погрязли в невежестве, что готовы пугаться тех, кто хоть на шаг приблизился к постижению тайн!

Иригойен задумался и печально ответил:

– Если ты права, я, наверное, тоже не сохранил вручённого свыше...

– Вернёмся – первым долгом на рынок, – сказала мать Кендарат. – По-моему, я там у одной старухи-травницы видела то, что тебе пригодилось бы. Сходишь со мной?

Они сидели у костерка, присматривая за башмаками и кожаными рукавицами, развешанными на кольях. В котелке над углями томился свиной жир. Позже мать Кендарат добавит к нему щепотку одного из своих порошков, а вечером будет смазывать ободранные ладони, сбитые ноги и плечи, обожжённые верёвкой.

Ватажники Гаугар между тем ещё не победили «чушку», вроде бы отъединённую от скалы. Так почему-то всегда получается при завершении большого труда, когда кажется, что последнее усилие уже сделано и скоро можно будет утереть пот. Где-то в глубине разлом пошёл косо. Глыба цеплялась и ни за что не хотела покидать родное гнездо. Её кое-как удалось приподнять с одного края, и в узкую щель, невозможным образом распластавшись, с зубилом и молотком проник Волкодав.

Гаугар никак не выделяла его среди прочих. И ни о чём не расспрашивала. Даже не поинтересовалась, как звать. Новенький – и довольно с него.

Сейчас из-под глыбы торчали только его ноги и доносилось звяканье молотка. Мыш, оставленный наверху, беспокойно топтался по самому краю, пытаясь заглянуть в щель. Вот раздался громкий хлопок. Мыш ударил крыльями, глыба содрогнулась. Волкодава с удивительной быстротой вытащили наружу. Если бы он ошибся, делая скол, камень мог просесть, и тогда венна не спасло бы никакое проворство ватажников. Ошибка иного рода испортила бы всю «чушку» – зернистый гранит мог расколоться, а значит, начинай всю работу сначала. Не произошло ни того ни другого.

Иригойен выдохнул и потянулся перемешать забытое сало.

Волкодав отряхивался от каменной пыли, забившей волосы и одежду. Лицо у него было пегое, в потёках пота, левая скула расцарапана.

Глыбу снова начали приподнимать, чтобы поставить на временные катки, обвязать верёвками и потихоньку тянуть по каменному карнизу. И дело вновь не заладилось. Что-то продолжало цеплять. Не там, куда лазил Волкодав, а в самом неудобном углу. Туда не было подступа. Гаугар задумчиво обошла «чушку». По всему получалось – что-то предстояло крушить. То ли дорогу, по которой собирались вытаскивать ещё не один груз, то ли бок матёрой скалы, показывавший красивое глазчатое зерно... то ли с таким трудом выломанный камень. Куда ни кинь, всюду клин!

Пока мастер обдумывала, как быть, подошла мать Кендарат:

– Дай я попробую.

Гаугар посмотрела на неё сверху вниз:

– Ты?..

– Как я понимаю, эту глыбу нужно чуть-чуть подать прямо вверх. Здесь нет пространства для рычагов, а когда камень наклоняют, он перестаёт двигаться и грозит лопнуть. Я правильно рассуждаю?

Мастер молча кивнула.

– Если позволишь, – продолжала мать Кендарат, – я поговорю с этим куском скалы и попытаюсь убедить его ненадолго отрешиться от непомерной тяжести, чтобы вы смогли всунуть клинья. Ты ведь не усмотришь в этом бесчестья?

Гаугар никогда не возглавила бы ватагу, не умеет она, когда дело того требовало, принимать помощь. Даже самую диковинную.

– Что нужно от нас? – только и спросила она.

И живо расставила рубщиков по местам с клиньями и верёвками наготове.

Мать Кендарат в свой черёд обошла глыбу. Погладила её. Улыбнулась, примерилась влезть.

Гаугар взяла маленькую жрицу за пояс и без видимого усилия поставила на верхнюю грань.

– Давай, – сказала она, и оглянулась на своих: – А вы закройте-ка рты! Кто помешает госпоже – пришибу!

Скинув мягкие сапожки, мать Кендарат поддернула шаровары и утвердила на холодном камне босые ступни, как-то по-особенному прижав их к граниту.

Закрыла глаза...

Её лицо стало удивительно отрешённым. Следовало знать её так, как знал Волкодав, чтобы понять: в эти мгновения для неё не существовало ни вечного, ни мимолётного, ни возможного, ни невозможного. Всё было едино. Потом она стала танцевать.

Сначала пришло в движение то, что принято называть средоточием:

место, откуда у испуганного человека расползаются стылые ниточки страха. За средоточием последовали бёдра, плечи, руки, колени... и наконец – шея. Ступни жрицы ни на миг не отрывались от камня, но все, кто видел, позже клялись, будто она взвивалась в прыжках, кружилась, выгибалась назад и даже вставала на руки, как ярмарочная канатная плясунья...

Гаугар следила за ней, слегка приоткрыв рот. Волкодаву пришлось тронуть мастера за локоть. Глыба постукивала. Она дрожала и колебалась, едва заметно отрывая от скального основания то один край, то другой... Гаугар схватила за шиворот ближайшего рубщика. Тот вздрогнул, очнулся и торопливо наклонился подложить клин.

Потом людей стало укачивать, словно на корабле в бурю.

Глыба стучала и постепенно приподнималась.

На волосок... ещё на волосок...

Танец матери Кендарат тянул к небесам землю. Человеческое естество без привычки такого выдержать не способно. Твердь ощутимо уходила у ватажников из-под ног, хотя глаза свидетельствовали о её неподвижности.

Ещё на волосок... на полпальца...

Люди ползали на четвереньках, корчась в приступах рвоты. Однако мужики под началом у Гаугар всё же не зря считались самыми крепкими и строптивыми. Под края глыбы входили всё новые клинья, вдвигались глубже и глубже...

Наконец мелкие камни прекратили подскакивать и перекатываться сами собой. Жрица остановилась. Мир покачался ещё немного – и стал постепенно возвращаться к привычному равновесию.

Кое-что у меня не вполне ещё получается, вспомнилось Волкодаву. Он подбежал к «чушке» и успел подхватить на руки пошатнувшуюся Кан-Кендарат.

Глыба стояла на крепко вбитых подпорах, готовая лечь на каточки, опутаться прочными гужами и выехать на грузовой двор.

Венн бережно уложил жрицу на плащи, расправленные Иригойеном у огня. Кто-то принёс сапожки. Волкодав хотел обуть её, но маленькие ступни показались ему совсем ледяными, и он принялся растирать их.

А я-то думал, дурак, это я один чему-то учусь. Сейчас ты шутя сожгла бы в своих жилах тот яд. И за руку бы кусать не пришлось...

Мать Кендарат приоткрыла глаза.

– Вспомни мою неуклюжесть, малыш, когда я снова начну шпынять тебя, – прошептала она. – На самом деле я ничего ещё не знаю и не умею. Настоящий мастер кан-киро направляет истечение силы, струящейся повсюду вокруг, а я расходовала свою. Наставник засмеял бы меня. Как холодно...

Волкодав обнял её и начал тихонько баюкать, устроив седую голову у себя на плече. Гаугар и ватажники молча стояли кругом.

* * *

...Пещера. Дымный чад факелов, проникающих из штрека в тёмный забой.

«При жизни Белый Каменотёс был рабом, таким же, как мы...» – повествует Динарк.

Рудокопы слушают его, собравшись в кружок. Двое новичков, вельх и аррант, прежде слышали только упоминания о Каменотёсе. Остальные рады возможности вновь прикоснуться к тому, что всех здесь объединяет. Из дальнего угла, где в стену вделано кольцо для цепи, поблёскивают глаза Серого Пса.

«Он родился под вольным небом доброй страны, – продолжает Динарк. – Цветущей страны, прекраснее которой нет ни на западе, ни на востоке. Он был халисунцем...»

«Саккаремцем! – тотчас перебивает ревнивый голос. – Он был саккаремцем!»

«Во имя Неизъяснимого! – стискивает кулаки мономатанец. Его почти не видно в потёмках, только зубы и белки глаз. – Он был из племени ранталуков!»

«Тогда его называли бы не Белым, а Чёрным, – подаёт голос господин Гвалиор, по обыкновению стоящий возле входа в забой. – Тихо вы!.. Давай ври дальше, Динарк».

«Мы не знаем его имени, только то, что он был весел и счастлив, – вновь берёт слово безногий. – Когда он решил привести на своё ложе жену, его одарила любовью самая милая красавица во всей округе...»

«Она была беленькой или темноволосой?» – жадно спрашивает аррант.

«Самые красивые – рыжие!» – со знанием дела заявляет вельх.

«Тихо! – снова вмешивается Гвалиор. – Не то всех сейчас разгоню!»

С его ремня свисает свёрнутый кнут, и он очень хорошо умеет им пользоваться.

«На беду, – помолчав для весомости, продолжает Динарк, – у юноши был завистливый брат...»

И он принимается расписывать во всех мелочах, как этот завистник ещё до свадьбы начал засматриваться на возлюбленную счастливого брата, как в его сердце свила гнездо греховная страсть, как он ловко соединил и вывернул наизнанку братнины сетования на государевы поборы, превратив обычные слова в дерзновенные ковы... о которых сам же и нашептал городскому наместнику. Ведь если несчастье постигает старшего брата, кто позаботится о вдове, если не младший?

Динарк действительно отличный рассказчик. И к тому же никуда не торопится. А что ему торопиться? Люди наслаждаются каждым мгновением, смакуя подробности. Никто не стремится скорее услышать завершение повести. Все и так знают, чем кончится дело. Мужа разлучат с женой и продадут в Самоцветные горы. Здесь он чем-то не глянется надсмотрщикам. Те поставят его в самый жуткий забой, где несчастный вскоре и угодит под обвал... А на дороге в это время будут погонять коней раскаявшийся брат и жена, собравшая выкуп за мужа. Тело раба, не дождавшегося спасения, похоронят в подземном зале, выточенном водой, а душа станет являться отчаявшимся каторжникам, одаривая их надеждой.

Безногий не первый год рассказывает про Белого Каменотёса. Однако рудокопам никогда не надоедает слушать его, потому что в устах Динарка старинная повесть раз от раза только обретает новые краски.

С некоторых пор он вплёл в неё сказание о маленьком лозоходце, который считал Белого Каменотёса отчасти своим отцом. Когда перед мальчиком распахнула двери Хозяйка Тьма, Белый Каменотёс дал ему руку и проводил через порог. С тех пор отец и сын вместе являют себя рудничному люду.

«Мальчишку звали Каттай, – с торжеством произносит Динарк. – И уж он-то, не сойти мне с этого места, был халисунцем! А раз так, скажите-ка мне, откуда у него мог взяться отец другой крови и веры?»

«Побьют тебя когда-нибудь, – ворчит Гвалиор. – Изаступаться не буду!»

– Здесь святыня Канары, – сказала почтенная мастер. – Здесь никто больше не смеет вырубать камень.

Над копиями уже догорели угрюмые зимние сумерки. В руке Гаугар полыхал факел. Пламя озаряло высокую гранитную стену. Два века непогод и ветров не сумели зализать на ней раны от сверла и зубила. Если бы не пятна лишайника, отметины казались бы нанесёнными лишь вчера.

Камень здесь был невероятно красив... Вместо обычного для Канары серого дикаря [43]

здесь как будто спеклись красные, пепельные и чёрные комья. За всё время добычи отсюда успешно выломали всего одну глыбу. Из неё было сделано Посмертное Тело для шулхада Эрimea Освободителя. Иные из последующих шулхадов пытались встать вровень с великим предшественником, но камень противился. «Чушки» раскалывались, если не при вырубке, то по дороге, лопались под резами ваятелей и даже при полировке.

– Рабов пороли безо всякой пощады, – сказала Гаугар. – Пока не поняли, что пытаются совершить непотребство, противное Лунному Небу.

Мать Кендарат слушала её, опираясь на руку Волкодава. Даже в рыжем факельном свете она выглядела измождённой и бледной. Завтра, когда нагруженная телега двинется в Гарната-кат, жрице отведут наиболее удобное и почётное место. А захочет, может ехать на спине самого громадного и мощного тяжеловоза, небось не сильно отяготит.

– Теперь здесь наше мольбище. Мы никогда не водим сюда чужих, – снова заговорила Гаугар. – Сейчас новолуние, но, может быть, ты споёшь для нас, молодой сэднику?

– Я не...

– Посвящённые жрецы брезгают служить для рабов. Они не хотят ехать сюда, потому что здесь нет храма со звёздным куполом, выложенным драгоценными плитками. А ты спал вместе с нами и ел из одного котла. Вот мы и решили, что ты, наверное, обойдёшься без храмового убранства.

Иригойен испуганно смотрел на могучую рубщицу.

– Ему случалось петь и в лесу, где его слышали только деревья, и на горелых отвалах, куда собралось полгорода, – вступилась мать Кендарат. – Там были зажиточные гончары и нищие собиратели серы, но ему не было разницы. Однако вам следует знать, праведные каменотёсы, что ваша просьба внезапна, а вдохновение гимнопевца – как невидимая жила в скале. Может отозваться на зов молотка, а может и промолчать.

Гаугар улыбнулась.

– У этой стены уже третий век зывают к Луне и поминают Освободителя, – сказала она. – Мы думаем, наше мольбище старше и святее иных храмов. Подойди к скале, маленький эднику. Поговори с ней. Погладь её ладонями... Может, что-то подскажет...

Иригойен нахмурился, стянул шапку, поклонился и пошёл к стене.

– Не сердись на него, – тихо попросила мать Кендарат. – Когда я забиралась на глыбу, я тоже не знала, получится ли у меня. И тоже честно предупредила об этом.

– Но ты, во всяком случае, попыталась, – ответила Гаугар. – Терпеть не могу тех, кто первым делом заявляет: я не смогу. Да, и скажи мне вот ещё что, маленькая плясунья... Почему ты не затеяла свой танец немного пораньше? Когда твой старший сын полез в щель?

Настал черёд улыбаться матери Кендарат.

– Мне не показалось, чтобы ему что-то грозило.

– А мне не кажется, чтобы ты была таким уж знатоком горного дела.

Жрица приглушённо рассмеялась:

– Зато я хорошо знаю своего приёмного сына. Время от времени он показывает весьма прискорбное безрассудство, но не тогда, когда дело касается рудничной работы.

Волкодав молча стоял подле неё. Опять о нём судили и рядили, словно о тыкве на грядке, но обидно почему-то не было. Может, потому, что обе женщины действительно имели какое-то высшее право так поступать.

– Он, кстати, не совсем косорукий, – сказала Гаугар. – Я бы, пожалуй, взяла его... края обсекать. Где его выучили держать молоток?

– В Самоцветных горах, – сказала мать Кендарат.

Мать Луна! Ты, что блещешь в бескрайней ночи,

Праведный путь среди многих узнать научи!

Иригойен стоял у стены Освободителя, прикинув к ней ладонями и лбом. Глаза гимнопевца были плотно зажмурены, лицо исказилось страданием.

Тёплое лето от века сменяет зима,

И золотому светилу наследует тьма.

Но наступает злосчастное время невзгод,

Чёрные тучи грозят поглотить небосвод,

Жалкий молебен смолкает, впустую допет,

И не спешит в небеса долгожданный рассвет...

Когда люди двести лет приходят в одно и то же место ради молитвы, такое место делается особенным. Оно обретает неслышимый голос и многое может нашептать человеку, умеющему слушать беззвучное. Голос Иригойена странно отражался от скалы, уносясь в низкие тучи, и позже кто-то из рубщиков клялся, будто оттуда ему отвечал дрожащий серебряный свет.

Мать Луна! Ты несёшься в ночных облаках!

Лик Твой туманят утраты, и горе, и страх.

Но и приняв новолуния злое тавро,

Снова нам даришь святое Своё серебро.

Ты не сдаёшься – не след поддаваться и нам!

Смерть и неволю, измену, обиду и срам —

Выдюжим всё! И не будет великой вины,

Если мы выйдем из мрака черны и страшны,

Шерстью звериной покрывшись в холодной ночи,

В грубых руках огонёк сберегая свечи...

* * *

– Лунное Небо создало меня такой, какая я есть, – рассказывала Гаугар. Не спеша отпила пива, разломилла копчёную рыбину и ловко выгащила хребет. – Мать Луна дала мне женское тело, наделив его волей и силой мужчины. Она только не зажгла в моём сердце любово-страстных желаний. Я никогда не хотела ни мужчину, ни женщину. Но однажды в моей ватаге появился Хетар... Я сама выбрала его на торгу, потому что старший назиратель доверяет моему выбору. Хетар начал работать, и скоро я поняла, что значит иметь хорошего сына.

Они сидели под войлочным кровом передвижной харчевни в трёх днях пути от столицы. К ночи вновь подморозило, в дымовое отверстие заглядывали звёзды. Одна голубая, другая красноватая. Их называли Перстами Исполина: созвездие напоминало пятерню, воздетую из-за окоёма. Дома у Волкодава Персты никогда не поднимались так высоко в небо.

Из-под стены за мастером пристально следила рыжая брюхатая кошка. Иригойен и мать Кендарат ели горячую похлёбку. Волкодав – кашу с солёными огурцами.

– Для прежнего шулхада было изготовлено несколько Посмертных Тел. Самое первое ему подарила мать. Я дала твоей душе земное вместилище, сказала она, дам и вечное. Но матери её дитя до седых волос кажется несмышлёнышем, только способным лепетать милые пустяки... Унаследовав прадедовское седло, молодой государь велел изготовить новое Тело, приличное воителю и мужчине, а не младенцу, умершему в пелёнках. Когда же он насытился днями, доблесть полководца в его сердце уступила место набожной мудрости. Тогда мы опять взялись за работу. Нас очень торопили...

– Ты прекрасно рассказываешь, – заметила мать Кендарат. – Не всякого приятно слушать так, как тебя.

Гаугар пожала плечами.

– Моим отцом был собиратель книг из Айрен-Ягун. Он тосковал вдали от семьи и взял себе на ложе рабыню. Говорят, я была смышлёной малышкой. Отец выучил меня чтению, письму и грамотной речи. Это забавляло его. Потом он уехал домой, а нас продал, и я пошла путём сво ей матери.

По ту сторону очага звенели струны и слышались песни, а рядом шла игра. Проворные пальцы игральщика ловко двигали по доске ореховые скорлупки. Игроки угадывали, под какой спрятана горошина. Иногда им это удавалось, чаще – нет. Особенно когда человек, раззадорившись, делал ставку побольше.

– Не люблю этого хорька, – нахмурилась Гаугар. – Он всегда нас здесь встречает. Рано или поздно мои ребята начинают играть на будущий заработок. Каждый хочет привезти жене побольше, но в итоге мне приходится раздавать подзатыльники, чтобы они не спустили последних штанов. Нутром чувствую – натягивает!

[44]

У невольников не могло быть законных жён, их называли хозяйшками, но Гаугар упрямо говорила – жёны.

Оторвав мясистый плавник, она угостила Мыша. Ладонь у неё была широкая, как сковородка. И такая же твёрдая.

Мать Кендарат присмотрелась к игравшим.

– Натягивает, – кивнула она.

– Но как?..

Жрица повернулась к Волкодаву:

– Сходи туда, малыш. Пусть этот бессовестный уйдёт отсюда и больше не возвращается.

Венн молча поднялся.

Гаугар посмотрела ему в спину и бросила кошке кусок рыбьей кожи с хвостом.

– Не убьёт? – спросила она. – Я слышала, хорёк засыпает от выигрыша столичным ворами.

Намаешься замиряться потом.

Впрочем, в её взгляде не было настоящего беспокойства.

Мать Кендарат развела руками и прикрыла глаза:

– Я никогда не упускаю случая его испытать...

Волкодав подошёл к игрокам. Орехи в Халисуне росли очень вкусные и крупные, с яблоко. Твёрдая скорлупа состояла из двух равных половинок, люди победней использовали их как чашки. Скорлупки шустро ёрзали по доске, направляемые опытными руками... Вот только горошина ни под одной из них не перекатывалась. По мнению Волкодава, этого не услышал бы только глухой.

– О, северянин, – обрадовался венну черноволосый рубщик. Он только что проиграл монетку, мелкую часть тюка, называвшуюся коробочкой, и, думая отыграться, поставил ещё две. – Новичкам счастье! Перевернёшь мне скорлупку?

Ладонь венна прижала крайнюю чашечку.

– Открывай, – насмешливо хмыкнул игральщик.
Волкодав поднял на него глаза, и улыбка почему-то увяла.

– Скажите этому охотнику жильничать
[45]
, чтобы сам открыл две другие...

Делать нечего, игральщик повинился.

– Моя взяла! – обрадовался черноволосый.

Игральщик с ненавистью посмотрел на Волкодава и полез за деньгами. Венн подождал, пока он отдаст выигрыш, и поднял оставшуюся скорлупку. Под ней было пусто.

Доска вместе с чашечками полетела в очаг, натягалу схватила сразу дюжина рук. Вытрясли и горошину из рукава, и все деньги из поясной сумки. Иные считали каменотёсов доверчивыми простаками, но тот, кто отваживался обирать их без правды, мог накликать беду.

Волкодав вернулся на свою подстилку и уселся доедать кашу.

– Когда тебя подгоняют, работается скверно, – провожая глазами растерзанную фигуру, исчезающую за дверной полстью, невозмутимо продолжила свой рассказ Гаугар. – Великое Тело воздвигли на медные шары, катившиеся в переносных желобах. Его без промедления облепили малые рубшики: Тело должно было прибыть в Гарната-кат уже готовым к ваянию. Мы шли рядом, потому что наша работа была кончена. Потом левый жёлоб лопнул, шары один за другим уходили в песок, глыба стала крениться. Кто-то падал с неё, кто-то спрыгивал сам. Хетар услышал крик и бросился на подмогу. Камень продолжал двигаться... Хетар вытащил двоих, но сам оступился в рыхлом песке. Его придавило. Когда мы подоспели, его было уже не спасти. Завтра я покажу вам могилу.
Переборы струн сделались громче.

Прославлен в народах владыка Мавут!

Восток и закат ему славу поют.

На полдень и полночь людская молва

Разносит о нём золотые слова.

Когда за рекою случился пожар,

Оттуда послали в соседний Нардар...

– Что такое Нардар? – заорал лихой голос.

Волкодав невольно поморщился. Песня, как и сами мавутичи, сразу ему не понравилась, но мало ли что ему могло не понравиться? Будто не выслушивал он в своей жизни ещё чего похуже. А вот перебивать певца – самое последнее дело. Он ждал, что крикуну немедленно заткнут рот, но ошибся. В ответ раздались такие же наглые голоса:

– А это дыра между болотами и горами, до того нищая и захудалая, что никто не знает, в какой она стороне!.. Йярр-рхаа!

И слышит от верных владыка Мавут,

Что Мария Лаура править зовут...

– Кто такой Лаур? – воинственно прокричал сам же певец.

– Это младший в семье незаконнорождённых, где принято жениться на потаскухах! Йярр-рхаа Мавут!

Волкодав опустил ложку.

Вот едет нардарец по тёмным горам,

И надо ж, какой приключается срам:

Оставшись на пир в деревеньке одной,

Наутро правитель свалился больной.

Неужто и вправду ему суждена

Бездарная смерть от плохого вина?

– Нардарское-то чем провинилось? – буркнула Гаугар.

В ярко-голубых глазах мастера мерцали опасные огоньки.

Могучий Владыка подьмлет своё

Испытанное боевое копьё,

Водой ключевой омывает клинок —

И вот скороход распростёрся у ног.

«Мой сын! К благородному следуй врагу

Да собственных сил не щади на бегу!»

Послушный гонец принимает фиал

И мчится вперёд, как Мавут приказал...

– Кто такой Мавут? – громко спросила мать Кендарат.

– Это облезлый кот, вообразивший себя шулхадом всех тигров!.. – предчувствуя славную потеху, задорно откликнулась Гаугар.

Воцарилась мгновенная тишина. Потом...

Иригойен даже не успел испугаться. Железная пятерня сгребла его за шиворот и отшвырнула под стену, где он и скорчился, прикрываясь руками.

И понеслось!..

Мавутичи ринулись на оскорбительниц прямо через очаг, топчя и раскидывая угли. Волкодав сорвался с места, как будто взлетев прямо с войлока, на котором сидел. Гаугар, широко улыбаясь, схватила в каждую руку по тяжёлой глиняной кружке. Её каменотёсы дружно вскочили, выглядело это так, словно ожили и пришли в движение гранитные скалы Канары. Мать Кендарат осталась сидеть, лишь повернулась навстречу нападавшим. Первый же наскочивший на неё необъяснимо промахнулся с ударом и косо, потеряв верх и низ, вбежал в стенную решётку. Иригойен близко увидел его вытаращенные глаза. Если бы он не наблюдал, чем при каждом удобном случае занимались жрица и венн, он тоже решил бы, что она лишь взмахнула руками навстречу. Гаугар, расколотив обе кружки, вполне обходилась голыми кулаками, мавутичи от неё отлетали. С лица мастера не сходила улыбка. За очагом слышался вой. Дюжий мавутич, убедившись, что преподанное Владыкой почему-то не приносило быстрой победы, достал нож и нацелил его в спину одному из каменотёсов. Теперь бесчестный задира бился то ли в припадке, то ли в неистовой пляске. И выл, словно его на кол сажали. Волкодав взял нож из онемевшей руки и бросил в очаг: доставай, кому охота. Такое уже нельзя было объяснить случаем, как, может быть, казалось принявшим милосердие Кан от рук Её жрицы. Вопли мученика стали последней каплей. Мавутичи снесли входную полсть, скрываясь в ночи.

Иригойен на четвереньках выполз из-под стены, чувствуя себя ничтожным и бесполезным.

Гаугар вытерла руки о штаны и как ни в чём не бывало кивнула матери Кендарат:

– А о вольной для Хетара ты даже не беспокойся. Старший назиратель – сам из наших, вольноотпущенник. Он всё устроит.

Это была самая настоящая «косатка», о каких Серые Псы немало слышали от соседей-сольвеннов, но сами до тех пор не видали. Она мягко ткнулась острым носом в песок, и на берег вышли сегваны.

Суровые лица, исхлестанные ветрами солёных морей, отмеченные укусами холода и боевыми рубцами. Цепкая походка людей, проводящих на корабле гораздо больше времени, чем на сухом берегу. А осанка и особые, безмятежные взгляды говорили о том, что на «косатке» приплыли вовсе не рыбаки.

Сегваны и не скрывали того, что они были воинами.

И они понимали, конечно, что их появление не прошло незамеченным.

Они даже не пытались таиться, потому что это было всё равно бесполезно. Шли по Светыни открыто и возле деревни тоже высадились ясным днём.

Серые Псы встретили их на берегу. Одни мужчины и парни, все при оружии. Равно готовые и к немирию, и к миру, стояли и молча разглядывали пришельцев, ожидая, что скажут.

Вот вперёд вышел плечистый светлородый сегван. Он воздел правую руку, но не тем резким движением, которым, наверное, бросал в бой не умеющих отступить молодцов. Высоко поднятая раскрытая десница лишь означала, что он пришёл с миром.

«Приветствую вас, сыновья славных матерей», – раскатился над тихим берегом рокочущий голос. Веннская молвь была явно непривычна гостю, но говорил он не сбиваясь, твёрдо и раздельно произнося каждое слово.

«И тебе мир по дороге, сын славной матери», – неспешно отозвался большак.

Чуть склонив голову в уважительном поклоне, чужеземец выпрямился и зарокотал дальше:

«Мы пришли с острова Закатных Вершин. Моих отцов называли там кунсами. Мы измерили холодное море, раскинувшееся на седмицы пути. Наши кости заболели от качки, а животы больше не могут принимать рыбу. Будет ли позволено людям кунса Винитария обогреться и обсохнуть у порога веннских земель?»

Сегван замолчал.

Серые Псы не торопились с ответом... К ним не вчера докатилась молва о великой беде, постигшей народ Островов.

О том, как сегваны, не желая ждать, когда начнут умирать от голода дети, род за родом садились на корабли и оставляли родину за кормой. Переселялись на матёрую землю, которую называли попросту – Берег.

И Серые Псы позволили мореходам устроить привал. А когда, немного оглядевшись, те в самом деле заговорили о землях для нового поселения, – венны указали кунсу Винитарю ничейные места на левом берегу Светыни. Кунс сердечно поблагодарил за ласку и тут же отправился ставить за рекой лагерь. Не далее как следующей весной там должна была вырасти сегванская деревня с детьми, жёнками, козами и коровами, перевезёнными с острова Закатных Вершин...

Когда повозки прибыли в Гарната-кат, каменотёсы ни под каким видом не отпустили новых друзей на какой-то там постоянный двор. Рубщики жили общиной, в одном большом доме на окраине города, и в нём, конечно, нашлось место ещё для троих человек.

Общинный дом понравился Волкодаву. Он даже напоминал тот, где поколениями росли дети Серого Пса. Только в веннской деревне главная изба строилась в виде прямой череды

сопряжённых срубов, а здешний оказался замкнут в кольцо. На взгляд Волкодава, получилось правильно и удобно. В просторном внутреннем дворе играли дети, паслись куры, сушилось бельё, рассуждали о чём-то важном хозяйшки...

А не хотел бы я остаться здесь жить?

по давней привычке спросил себя венн.

А что! Мог бы, во всяком случае, задержаться надолго. Рубить камень с ватагой Гаугар. А потом возвращаться под кров, где тебя ждут, где тебе рады... Да. Если бы...

Если бы далеко на севере, на таком же сером, как граниты Канары, каменистом холме не стоял замок вождя по прозвищу Людоед.

Если бы там, на Светыни, не дожидались последнего родича пятьдесят восемь неотомщённых и неупокоенных душ...

Все десять дней поездки Иригойен очень мёрз. Даже меховые плащи не грели его. Он пытался идти рядом с телегой, но сразу начинал отставать. Он чувствовал себя лучше, только сидя на спине добродушного тяжеловоза, правда, тогда его неудержимо клонило в сон.

– Теперь я понимаю, насколько верно поступил мой отец, вернувшийся в страну пращуров, – сказал он Волкодаву. – Холодная зима леденит нашу кровь. Ты проводишь меня в приморский Шофар, когда улягутся зимние бури и я куплю место на корабле?

Последние слова сын пекаря еле выговорил, кое-как справляясь с одышкой.

– Провожу, – пообещал Волкодав.

– А может, вместе поедем? – с надеждой спросил Иригойен.

– Ты окрепни немножко, – проворчал венн. – Там поглядим.

На другой день после праздничной пирушки, устроенной жёнами каменотёсов, мать Кендарат с Волкодавом отправились на рынок. У старухи-травницы была крохотная лавчонка, полная запечатанных горшочков, таинственных склянок и не менее таинственных корешков, развешанных под потолком. Травница была слепорождённой, но любое снабдьё доставала сразу и безошибочно. А ещё по лавчонке разгуливал, валялся вверх пузом, вспрыгивал на колени хозяйке крупный рыжий кот самого добродушного вида. Если верить слухам, вид был обманчив. Кот мгновенно бросался на всякого, протянувшего корыстную руку к хозяйкиному товару. Кто знал – утверждал: когти у него были, что гвозди.

Старуха поздоровалась с матерью Кендарат по имени, едва та перешагнула порог. Волкодав оставил женщин обсуждать свойства трав и вышел наружу.

Рынок в халисунской столице был самый обычный. Ничего такого, чего не встретишь в любом большом городе. В соседнем ряду торговали кислой капустой. Халисунцы заквашивали её со свёклой, перцем и мёдом. Вкусно, но не так, как делали дома. Немного подальше на все голоса расхваливали посуду. Здесь Волкодав задержался. На прилавках стояли стеклянные и глиняные бутылки, кружки всех размеров и форм, а горшки для готовки – не только гончарные, но и белые, удивительно чистой работы. Продавец клялся, будто их везли через Вечную Степь, доставляя из страны с названием, непригодным на человеческом языке. Страшно дорогая посуда путешествовала в прочных корзинах, заботливо переложённая соломой, а дорогу на её удивительную родину частокором сопровождали шесты с головами подсылов, пытавшихся выведать секреты тамошних мастеров.

– Блюда! Блюда для подношений! Вы поставите их на домашний алтарь и удивитесь тому, как скоро будут услышаны ваши молитвы! Блюда, украшенные вдохновенными письменами! Кто грамотный, прочтёт славословие Матери Луне, кто неграмотный, тому другие прочтут!

Подходите, почтенные, всего девять осталось, налетай, торопись!

Волкодав подошёл и убедился, что дела у дар-дзумских гончаров по-прежнему шли неплохо. Во всяком случае, простая и благородная форма блюда показалась ему очень знакомой.

– А вот чашки, на каждой всего одна строка чудотворного гимна! Если вы раздадите их домочадцам и каждый произнесёт часть молитвы, Лунное Небо услышит каждого в отдельности и всех сразу...

– Здравствуй, почтенный, – сказал Волкодав. Теперь он мог сыскать в себе достаточно разговорчивости, чтобы первым обратиться к незнакомому человеку и завести с ним беседу. – Ты, верно, сам грамотный... О чём эта молитва?

– Грамотный? – засмеялся торговец. – Нет, друг мой чужеземец, такой премудрости я не удостоился. Но конечно, прежде, чем предлагать правоверным такую особенную посуду, я посоветовался с боговдохновенными сэднику. Учителя заверили меня, что эти письмена суть порождения благой и искренней веры, и даже пожелали украсить храм одним из моих блюд. – Если я правильно понимаю, – сказал Волкодав, – эта посуда сделана... на востоке? – О, сэднику тоже захотели знать, каким образом в утраченных землях сподобились истинного поклонения, и на это я смог им ответить. Надо тебе знать, друг мой, что лучшие мастеровые и учёные страны за рекой в большинстве своём хранят в жилах нашу халисунскую кровь, хотя зачастую сами не подозревают об этом. Таков, говорят, и мастер Шерешен из городка гончаров у подножия диких гор. Родив семерых дочерей, он молился о сыне. Ты же знаешь, друг, этот их беззаконный обычай...

Волкодав кивнул. По его глубокому убеждению, саккаремское наследование было действительно беззаконным.

– Так вот, – продолжал торговец, – взывал он, как ты понимаешь, к своей лукавой Богине, но кровь не обманешь! – и гончару отозвалось Лунное Небо. Проснувшись среди ночи, мастер тотчас побежал наносить на глину праведные письмена, увиденные во сне. И когда его бабе пришло время рожать, она принесла ему долгожданного сына.

Волкодав снова кивнул. Значит, мастер Шерешен. И кровь, которую не обманешь. Радостно, что Бизар, Шишини, Мицулав и их друзья снова разожгли гончарные печи. Похоже, эти печи горят достаточно жарко, раз теперь у них хватает денег на краски...

Он купил, не торгуясь, большое блюдо, показавшееся ему самым красивым. Блюдо было не разрисовано, а, как то первое, вытиснено маленьким писалом, сделанным из косточки желтослива. И покрыто лишь очень тонкой, почти не блестящей поливой.

Кто теперь в Дар-Дзуме вейгилом, уж не Бизар ли? Никогда я этого не узнаю. И про соплеменника своего, ставшего мавутичем. Мало ли чего я никогда уже не узнаю.

– Ты, почтенный, не кажешься мне похожим на верного Матери Луны, – заворачивая ему покупку в мягкую ветошь, сказал довольный торговец. – Или наш Свет уже достиг и твоей далёкой страны?

– Мы чтим своих Богов и не восстаём на чужих, – ответил Волкодав. – Я хочу порадовать друга.

Когда они с матерью Кендарат вернулись в общинный дом, Иригойен лежал в отведённой для них клетушке, дыша часто и тяжело.

– Упал во дворе, – хмуро пояснила Гаугар. – Из задка шёл и свалился.

– Я не свалился, – кое-как выговорил сын пекаря. – Я отдохнуть сел.

Может, он даже не слишком кривил душой. Плохо было то, что домой его принесли на руках.

Волкодав развернул свой подарок. Иригойен взял блюдо, и его глаза подозрительно заблестели.

– Спасибо, брат мой...

Жрица без промедления отправилась на общую кухню – готовить купленные зелья. Венн вышел с ней вместе.

– Он поправится, госпожа? Ты сможешь его вылечить?

Мать Кендарат грустно вздохнула:

– Иригойен с рождения несёт в себе неприметный с виду изъян...

– Какой?

– Вот у тебя, к примеру, стук сердца размерен, чист и силён. И у меня тоже, благодарение Кан.

А у него сердце трепыхается, словно рыбка на крючке. То колотится, то замрёт.

И постепенно слабеет, докончил про себя Волкодав. Он видел такое в Самоцветных горах, да и позже, когда они шли с войском Тайлара Хума. Если жизнь спрашивает с человека больше, чем тот способен осилить, человек не выдерживает. Кто-то ломается сразу, кто-то догорает постепенно, как свечка, подождённая с обоих концов.

– Будь он просто слаб, путешествие закалило бы его, но оно его вымотало, – сказала мать Кендарат. – Останься он дома... Впрочем... квашни с тестом, печной жар... Не знаю. По крайней мере, он следовал голосу Небес и был счастлив. – Помолчала и добавила: – А нынче ты принёс подтверждение, что странствовал и служил он не зря.

Волкодав опустил голову:

– Иригойену я не только блюдо бы отдал...

В голосе жрицы послышалась горечь:

– Я могу, сосредоточившись, превратить в шрам опасную рану и ускорить заживление сломанной кости. Моё умение далеко от совершенства, и я каждый день бьюсь над тем, чтобы хоть на кончик ногтя раздвинуть его пределы. Но заставить живые черева менять врождённую природу по произволу целителя... Я не знаю, справился бы с этим даже Наставник, которого я мысленно причисляю скорее к Богам, нежели к простым смертным...

Как же мне всю жизнь везло на хороших людей, вдруг подумалось Волкодаву. Даже в рудниках. Хотя считается, что караванщики вроде Таркима пригоняют туда распоследний сброд. Убийц, святотатцев и воров, которым в ином случае дорога была бы только на плаху. Ну а я почему-то встретил на каторге Тиргея, Мхабра, Каттая, Динарка, Кернгорма... Все они остались там, чтобы я мог идти дальше. Неужели я пройду ещё и мимо могилы Иригойена, прежде чем улягусь в свою?.. Зачем, Боги? Что я должен понять?..

Целую седмицу мать Кендарат отпаивала Иригойена свежими снадобьями. Запах у настоек, по мнению Волкодава, был жуткий, а вкус он представить себе и вовсе боялся. Жуть при этом состояла не в запредельной горечи или едкости; просто если лекарство такое, то какова же болезнь?.. Венн долго думал, чем бы помочь. Позаимствовал доску для игры в читимач и потребовал, чтобы сын пекаря его научил.

Вести распространяются быстро. И в особенности когда их разносят рабы. На третий день прибежал названный брат Иригойена. Дети каменотёсов лакомились булочками и печеньем, которые прежде хорошо если видели на хозяйском столе. Приёмьш чуть не со слезами уговаривал гимнопевца перебраться в родительский дом и не позорить семью.

– Люди скажут: вот Даари Мурэн, его больной брат лежал в доме рабов...

Иригойен отказался.

– Не сердись, – проговорил он с улыбкой. – Там только стены. Они не перестали быть для меня священными, но им я уже поклонился. А моя семья – здесь.

Быть может, впоследствии Мурэн с благодарностью вспоминал этот разговор, предназначенный уберечь его от немалого лиха, но будущего предвидеть он не умел – и ушёл опечаленный, низко опустив кудрявую голову.

Бублики и маковые крендельки быстро исчезали с дар-дзумского блюда.

– Так я и не испёк тебе правильных калачей, брат мой, – повернув голову к Волкодаву, вздохнул Иригойен.

Венн пожал плечами:

– Спечёшь ещё. И морской прилив увидишь, если захочешь.

– Если захочу...

– Да, если захочешь, – без усмешки повторил Волкодав. – Ты непобедим. Пока сам не объявишь, что побеждён.

Иригойен взял его за руку:

– Когда

ты

так говоришь, эти слова кажутся камнями, по которым можно идти...

Вечером того же дня он спустил с лежака ноги. Наутро – вышел во двор и пересёк его, ни разу не задохнувшись.

Ещё через три седмицы, когда землю почти уже не покидал лёгкий морозец, в ворота общинного дома постучались двое мужчин. Один из них катил тяжёлую тачку. Гаугар

переговорила с ними, заглянула в тачку, взяла свёрток и, держа его, точно младенца, понесла опять-таки Иригойёну.

– Смотрите! – торжественно провозгласила она.

В её руках свёрток выглядел невесомым, но топчан под его тяжестью жалобно заскрипел.

Полетела в разные стороны мешковина... и маленький светильник озарил чудо.

Для начала Волкодаву бросилось в глаза, что на лоскутном одеяле красовался такой же лоскутный, красно-чёрно-белёсый кругляк бесценного гранита из заповедной выломки, где молились каменотёсы. Лишь потом он увидел образы, врезанные в камень.

Резчики создали не то чтобы изваяние – видимо, опасались расколоть хрупкий и относительно небольшой камень, – но, как всегда, когда труд встречает препятствие, готовая работа лишь выиграла.

Не всякий вельможа или богатый купец достаивался такой красоты.

Тела и лики словно всплывали из глубины камня, из глубины памяти... Каттай – в точности такой, каким последний раз видел его Волкодав, – шёл по дороге, взбираясь на крутой уклон.

Он улыбался и что-то рассказывал, оглядываясь через плечо. Он вёл за собой мужчину и женщину. Смешливого красавца-каменотёса и милую служанку с добрым и бесконечно мудрым лицом. Все трое держались за руки...

А ещё резчики совсем не случайным образом расположили плоскую глыбку. Каменные зёрна с разных сторон переливались немного неодинаково. От этого казалось, что трое в камне шли навстречу дивному свету, уже озарявшему лица...

– Теперь только заплатит жрецу и на украшение храма, – дождавшись, пока люди в клетушке вновь начали дышать, деловито проговорила Гаугар. – Ничего! К весне соберём.

Волкодав негромко заметил:

– Вроде бы в том месте заказано было камень ломать...

– А мы не ломали, – сказала мастер. – Мы всегда ходим туда попрощаться, когда едем в столицу. В этот раз мы пришли и увидели, что стена подарила отломок. Он лежал как раз там, – и Гаугар кивнула на Иригойёна, – где молился этот парнишка.

– Я этого не делала, – улыбнулась мать Кендарат.

Мастер тоже улыбнулась:

– Мы решили уважить волю Освободителя...

– Не надо тратить на жреца, – просипел Иригойён. – А храм... Храм и так в золоте...

Срамно... Перед Богами срамно ещё и с вас брать...

На обратной стороне камня было устроено вместилище праха. Умелые резчики, не первое поколение высекавшие Посмертные Тела, снабдили тайник замечательной крышечкой.

Захлопнешь – и не вскроет никакая сила на свете. Только весь камень расколотить.

Пошарив под одеждой, Волкодав расстегнул и вытащил нательный пояс. Он так долго носил его, что без потайного ремня сразу стало непривычно и неудобно. Достав крохотные коробочки, сберегавшие землю с могил Арзуни и Хетара, венн бережно опустил их внутрь камня. Третий кармашек был зашит намертво. Когда Волкодав его распорол, пламя светильника заиграло в небольшом, с полкулака, дивной воды куске кремнёвого дикаря [46]

. В прозрачной глубине виднелись сосны, убранные густым зимним снегом. Крохотные, но самые что ни есть настоящие.

Самородок отправился по рукам.

– Что это? – спросил Иригойён.

Спасибо тебе, Аргила. Спасибо, брат мой...

– Самоцветные горы стали Каттаю могилой, – сказал Волкодав. – Этот камень оттуда.

Персты Исполина плыли в сияющей темноте. Ветра не было. Обильные звёзды отражались в глади Гарнаты, тревожимой только редкими взмахами вёсел. Ватажники Гаугар решили не ждать священного полнолуния. В главные ночи месяца в Сады Лан наедет жречество, во множестве явятся богомольцы, торговцы и стража, будут чередой идти службы... Вряд ли

полтора десяткам рабов удастся незамеченными пройти через запретные для них Сады да ещё и посетить одно из самых благих и почитаемых Тел!..

Волкодав загодя расплёл и тщательно расчесал волосы: предстояло важное дело. Последнее и главнейшее дело из тех, что он себе положил, пускаясь в дорогу.
Вот только почему я мечтал, дурак, совершить его в одиночку?..

Обрывистый останец, над которым высились изваяния, располагался в полутора верстах от реки. Волкодав старался держаться рядом с Иригойеном, но тот, к некоторому удивлению венна, шёл едва ли не веселее, чем когда-то по дороге в саккаремских горах. Похоже, лекарства матери Кендарат в самом деле придали ему сил. Волкодав даже почувствовал, как слегка отпустила тревога. Жрица ошиблась. Она сама говорила, что иногда ошибается. За зиму Иригойен отдохнёт и окрепнет, гуляя по городу, а весной купит место на корабле. Он будет греться под щедрым солнцем Мономатаны и петь чёрным родичам о морозной Луне над Гарнатой...

Сады Лан расходились от середины кольцами, как круги на воде. По внешнему краю хоронили уважаемых мастеровых. Где-то здесь стояло и родовое Тело пекарей Даари, вместившее прах деда и прадеда Иригойена. Это был простой куб из самого обычного кирпича, украшенный изображением печи и хлебной лопаты. Дальше помещались Тела знатных харраев. Кости потомственных воинов вверялись изваяниям смелых зверей: барсов, медведей, орлов. Человеческого облика были удостоены только шулхады.

Одних запечатали на троне – милостивыми, грозными, благочестивыми, умудрёнными. Другие – царственные воители – вздыбливали свирепых коней, тянули руки к оружию. Третьи, прославленные строительством колодцев и оросительных каналов, простирали указующие длани, разворачивали нетленные свитки...

Волкодав очень хорошо рассмотрел их сквозь голые ветви. Ему вполне хватало скудного света, даруемого звёздами и тонким серпом месяца. Венну показалось, что одно Посмертное Тело, величественное и громадное, выглядело новее других. Уж не оно ли кренилось, соскальзывая с медных шаров, и никак не могло успокоиться, пока не забрало жизнь молодого раба?..

Несколько раз поодаль разливался факельный свет. Это обходила владения мёртвых ночная стража Садов. Копейщики всю зубоскалили и орали непотребные песни. Они не хотели никого оскорбить, им просто было холодно и неудобно в потёмках среди множества усыпальниц. Когда они появлялись, ватажники затаивались, припадая к земле. Однако стража настолько никого не ждала, что покамест всё шло хорошо.

Волкодав не спрашивал, но как-то само собой стало ясно, что Гаугар вела их к Освободителю. Здесь, не иначе стараниями вольноотпущенников, был устроен особенный уголок. Вокруг изваяния клонились разросшиеся кусты. Весной они давали душистый цвет, осенью одевались во все оттенки красного золота. Побуревшая листва держалась на ветках даже теперь, на переломе зимы. Шулхад Эримей сидел на невысоком престоле, задумчиво наклонив голову и уложив на колени руки ладонями вверх. Так, словно только что высыпал в огонь сразу уйму невольничьих бирок. Тонкий свет месяца играл в разноцветных зёрнах гранита, окутывая Освободителя едва заметным сиянием...

– Стража часто заглядывает сюда, но мы успеем, – сказала мастер. – Должны!

Двое каменотёсов прислонились спинами к престолу каменного государя, переплели руки и слегка расставили согнутые колени. Гаугар быстро развернула маленькое Посмертное Тело и оглянулась на Волкодава.

– Лезь!

Голубые глаза под седыми бровями горели свирепым и вдохновенным огнём.

Венн живо вскарабкался на постамент, встал ногами на складки каменной мантии и вложил кусок резного гранита в подставленные руки Освободителя.

Наверное, резчики загодя сняли мерку. А может, угадали её по наитию. Как бы то ни было, овеществлённая мечта Каттая легла в каменные ладони так, словно тут ей и было самое место. Теперь маленький лозоходец был свободен. Он вёл за собой мать и отца, и лунный свет уже касался их лиц.

Иригойен встал на колени перед Телом, хранившим посмертие великого государя. Поцеловал холодный гранит... и тихо запел.

Лунное Небо в короне из тысячи звёзд!

Голос мой скромн, а слог безыскусен и прост...

Волкодав предупредил Мыш. Чёрный зверёк вдруг зашевелился у него за пазухой, вылез на плечо и воинственно зашипел. Держась за каменную руку, Волкодав оглянулся. Не меньше десятка факелов подскакивало вверх-вниз, спешно продвигаясь в их сторону. Звёздная темнота ночи внезапно обернулась дымными сумерками забоя. Зверолюди с кинжалами и кнутами бежали отобрать у Каттая так дорого выкупленную свободу.

Всё же дерзаю с мольбой обратиться к Тебе:

Не откажи улыбнуться смиренной мольбе!

Волкодав спрыгнул наземь и сказал Гаугар:

– Стража идёт.

Мастер тряхнула головой и оскалила зубы:

– Молитву прервать мы им не дадим!

– Вас накажут, – сказала мать Кендарат. – Ваши семьи... Оставьте это нам.

– Нет! – зарычала Гаугар, и Волкодав понял, какого рода ярость два века назад оборонила столицу. – Наши семьи благословили нас. Мы отсюда не побежим!

Каменотёс и служанка – сердечный союз

Не удостоился честных супружеских уз.

Брака невольников не освящает закон:

Он только добрым хозяином будет учтён.

Если ты раб – по господскому слову живи.

Рабская доля злой мачехой стала любви...

Стражники скорым шагом вышли из-за кустов. С ними еле поспедал запыхавшийся жрец. Молодой, невысокого посвящения, в меховом полушубке поверх далеко не нового облачения.

Он, конечно, сразу заметил стриженные головы каменотёсов. И вытянул руку:

– Невольники!.. Прогнать их отсюда!

Волкодав и мать Кендарат выступили вперёд.

– Мир тебе, святой брат, – сказала жрица. – Я тоже следую за Луной, хотя моё поклонение несколько отличается от твоего. И я прошу тебя ради нашей общей Владычицы: не торопись! Здесь во имя Лунного Неба вершится доброе и священное дело, достойное благословения Освободителя!

Волкодав молча стоял рядом. Слова вроде тех, что произнесла мать Кендарат, он придумывал бы до завтра. Только в словах он не очень нуждался. Он просто знал, что надсмотрщики прикоснутся к товарищам по забою, только перешагнув через его мёртвое тело. А это сделать было не так-то легко.

Первым, о Лунное Небо, Твой свет увидал

Каменотёс, угодивший в пути под обвал.

Тяжкую глыбу везли упряжные быки.

Дрогнула глыба... и кровь обагрила катки.

– Прогнать их! – повторил жрец, но почему-то уже не так уверенно.

Сын его страсти был продан. От дома вдали

Дивные камни искал он в глубинах земли.

Думал на волю он выкупить маму с отцом,

Думал почтить наконец их священным венцом.

Но благородство без силы – проигранный бой...

Тьма подземелий его увела за собой.

Спит он теперь у пещерного чудо-ключа,

Струи, как струны, в его сновиденьях звучат...

Лунное Небо, но ведь не отвергнешь же ты

Чистого сердца, стучавшего ради мечты!

Один из стражников вдруг опустил копьё.

– У меня, – проворчал он, – мать вольноотпущенницей была, да примет Лунное Небо её неотягощённую душу! Как по мне, пусть их довершают свою службу и уходят, откуда пришли. Мы, к примеру, их и вовсе не видели. Что такого стряслось, чтобы оскорблять святую землю кровопролитием?

Драться с каменотёсами никому не хотелось. Это небось не домашних рабов, прокравшихся поклониться Освободителю, взашей из Садов выставлять. Одна Гаугар чего стоила. Если она ввязывалась в кабацкую драку, городским лекарям прибавлялось работы. Да и висельник, стоявший рядом с маленькой жрицей, очень уж походил на свирепого волкодава. К такому без палки не подойдёшь. А и с палкой – может, чуть помедленнее, но загрызёт всё равно.

– Святотатство! – не унимался молодой жрец. – Это сын пекаря, он не смеет здесь петь! Он... И тут у него отнялся язык.

Узкий серп месяца покрыло маленькое круглое облачко. Оно вспыхнуло огненным серебром, ненадолго явив в небесах подобие полной Луны. Щедрые лучи омыли изваяние Освободителя... и с его ладоней вдруг поднялись три светлые тени. Улыбчивый мальчик держал за руки мужчину и женщину, готовясь взойти вместе с ними по серебряным ступеням лунной тропы.

– Матерь Луна! Чудо, – одними губами выдохнул жрец и тихо сполз на колени.

Сына в рудник проводив, горемычная мать

Скоро сама позабыла, зачем ей дышать.

Вымела мусор – и тихо присела в углу,

Голову с рабской серьгой опустив на метлу...

Так, как сейчас, Иригойен не пел ещё никогда. Счастлив тот, кто, проведя всю жизнь в храме, один раз услышит пение столь возвышенной силы. Стражники опускались на колени, снимали шлемы с голов. Понимая, что до схватки уже вряд ли дойдёт, Волкодав посмотрел на гимнопевца и увидел, как на последних строках изменилось его лицо. Оно словно бы утрачивало бремя плоти, лучась собственным светом.

Там, где по чёрному бархату жемчугом шьют,

Трое скитальцев нашли долгожданный приют.

Три серебристых дорожки по тёмной воде —

Прочь от неправды и горя, от злобы людей.

Дальше и дальше, сливаясь в сверкающий мост

К вечному небу в прохладном сиянии звёзд.

Чашу страданий земных опорожнив до дна —

К вечному Небу, где правит праматерь Луна!

Иригойен улыбнулся, запрокинул голову и стал валиться навзничь. Волкодав шагнул к нему. Подхватил на руки...

Три светлые тени уносились в лунную высоту, и с ними, обнимая, напутствуя, даруя крылья лететь, восходила четвёртая.

– Как по-твоему, удержится Марий Лаур на Золотом Троне?

В северном Нарлаке, в предгорьях Засечного кряжа, ещё лежал снег, но кругом сосновых стволов уже наметились лунки, солнце ощутимо грело подставленное лицо, и каждый день всё увереннее пели синицы.

– Может, и усидит, – сказал Волкодав. – Он полководец. Значит, сумеет сделать из подданных единое тело. А сам – станет сердцем.

Мать Кендарат повернула другим боком хлебные колбаски, запекавшиеся над углями.

– Дальше на север я с тобой не пойду, – сказала она. – Не хочу смотреть, как ты превращаешься во вторую Катим.

Волкодав молча поднял глаза.

– Ты уже почти превратился в неё, – вздохнула жрица. – Ненавистью нельзя жить, она бесплодна...

Венн долго молчал. Я знаю это, мать Кендарат. Я не живу ненавистью. Я люблю. Свою семью.

– В нашем роду было двадцать восемь женщин и тридцать мужчин, – глухо выговорил он затем. – Теперь нас больше нет.

– Есть ты, – сказала мать Кендарат.

– Нет. Меня тоже нет.

Жрица долго молчала. Потом спросила:

– Помнишь то дерево в Халисуне?

Волкодав медленно кивнул, глядя мимо неё. Сегодня он наконец-то увидел, как жрица разводит огонь. Она лишь подносила руку к растопке, на мгновение сосредотачивалась – и пламя возникало само.

– Степная река изменила течение, и дереву перестало хватать влаги, – погладив пригревшегося на коленях Мыша, сказала мать Кендарат. – Оно могло поискать для себя подземной воды, но поступило иначе. Оно простёрло длинный корень следом за отступившей рекой и выпустило росток. Мы застали прежние ветви и ствол уже увядающими. Дерево употребило всю силу своей жизни на то, чтобы последний росток вытянулся к небу и дал прочные корни. Не смей говорить, что тебя нет, не оскорбляй мать и отца!

Ты права, деревья мудры. Но я-то не дерево, я всего лишь человек. А человек жив, пока живёт его род. Иначе остаётся пустая шкура, из которой вынули душу. Я тоже умер в тот

день, мать Кендарат. Я спел Песню Смерти. Никто во всём свете не ждёт меня у края дороги. Мне некуда возвращаться. И незачем.

– Ты пробудил моё любопытство ещё в Саккареме, малыш. Помнишь, как я впервые обратилась к тебе, а ты в ответ чуть не засвистел?.. Тогда я поняла, что ты наверняка жил в горах среди вилл, а они с кем попало не братаются. Я стала присматриваться к тебе, надеясь, что, может быть, наконец обрету достойного ученика. Когда ты ушёл было с горной дороги, но увидел деревню мучеников и вернулся на помощь, я поняла, что не ошиблась... Или всё-таки я ошиблась, малыш?

Волкодав не ответил. Мать Кендарат сняла с прута подрумяненную колбаску и протянула ему.
– Боги создали нас, чтобы мы смотрели в небо, – сказала она. – Кто-то устремляет ввысь слово, как наш Иригойен...

Иригойен.

Волкодав сразу вспомнил, как держал на руках умолкшего гимнопевца, а по жёсткому, словно гранит, лицу Гаугар катились непривычные слёзы. «Ты не сэднику, ты осёл, не стоящий своего облачения! – кричала она жрецу. – Среди вас был святой!..» А потом кто-то полез забирать Посмертное Тело, чтобы честь честью водворить его в домашнюю божницу каменотёсов. И оказалось, что чудеса той ночи ещё не были исчерпаны. Гранитные руки Освободителя не выпустили резной камень, хранивший образы Каттая, Арзуни и Хетара. Скала приросла к скале, вернувшись в единую плоть, в единую память. Ни при факельном, ни – позже – при дневном свете так и не удалось разобрать, где кончается один камень и начинается другой. Недра в последний раз услышали маленького лозоходца. И отозвались ему.

На погребальный костёр Иригойена провожало полгорода. Гарната-кат обзаводился новой легендой...

– Кто-то устремляет ввысь слово, как наш Иригойен. Кто-то идёт через вдохновение тела, как бегуны имури или мастера кан-киро. Ты же... ты мог бы устремить к Истине всю свою жизнь! Вот что я вижу в тебе, малыш. Сравни себя прежнего и нынешнего!.. Ты достойно прошёл начало пути, но способен ли ты увидеть, какие вершины открываются с того холмика, на который ты поднялся сегодня? Чем пристальней удаётся постичь этот мир и себя, тем шире впереди окоёмы непознанного... И от всего этого ты готов отказаться, чтобы стать поленом в погребальном костре какого-то Людоода?..

Мои братья и сёстры, мать Кендарат. Рождённые и ещё не родившиеся. И те, кого им в свой черёд предстояло родить. Почём ты знаешь, насколько высоко они могли бы взлететь? По-твоему, я чем-то достойней?..

– Я так хотела научиться у тебя мысленной речи вилл...

Ты уже владеешь ею, мать Кендарат.

Она как будто и в самом деле слышала его.

– Тогда... тогда ступай, сын мой. И да благословят Боги твой путь... каким бы он ни был. Волкодав поднялся. Подобрал загодя уложенный заплечный мешок. Поклонился матери Кендарат, коснувшись земли, – так, как не кланялся на её памяти никому и никогда. Мышь взбежал по руке ему на плечо. Волкодав повернулся и зашагал прочь. Он уходил на север. Без тропы, увязая в снегу, но сугробы не могли остановить его.

Мама. Отец... Я иду к вам.

Жрица смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду.

Костёр совсем прогорел. Зябко поёжившись, мать Кендарат подбросила ещё хворосту в почти угасшее пламя.

– Мир по дороге, малыш, – тихо проговорила она. – Я всегда буду с тобой.

Сноски

1

Беспрочее

– человек, от которого не ждут никакого проку.

2

Полсть

– всякий плоский лоскут, плотный стёганый, войлочный или меховой, используемый на подстилку, занавесь или покрывало.

3

Щёлок

– водный настой древесной золы, старинное средство для мытья и стирки.

4

Одрина – здесь:

телега для перевозки мертвых тел.

5

Копьеметалка

– древнейшее изобретение, обычно палка с упором на одном конце, своеобразный «удлинитель» руки. При определённой сноровке позволяет значительно увеличить дальность броска, меткость и убийную силу дротика или тяжёлой стрелы.

6

Строевой – здесь:
сосед по воинскому строю.

7

Смрадить
– срамословить, непристойно поносить.

8

Сулица
– дротик, метательное копьёцо.

9

Имеются в виду события, описанные в повести Павла Молитвина «Сундук чародея».

10

Урок – здесь:
задание, обязательное к выполнению.

11

Украина – здесь:
край, часть страны, в особенности пограничная.

12

Куколь
– капюшон.

13

Отхожие земли
– никому не нужные территории, пребывающие в запустении.

14

Вежа
– всякое временное жилище, особенно сделанное из подручного материала.

15

Закрошни
– обычно мы говорим «на закорки».

16

Отхожие промыслы
– связанные с сезонным уходом из мест постоянного проживания, например зимой из деревни в город на заработки.

17

Полива
– глазурь.

18

Задок
– уборная.

19

Муравленое
– покрытое поливой, глазурованное.

20

Иверина
– выщербина на посуде.

21

Перестрел
– старинная мера длины, обычно равная расстоянию прицельного выстрела из лука, то есть около 200 м.

22

Зодчий
– мастер, занятый строительством
только
из камня и кирпича (от слова «зод» – строительная глина). Таким образом, выражение
«деревянное зодчество» полностью лишено смысла.

23

Желтосливник, желтослив – абрикос.

24

Сручье
– ручной инструмент.

25

Радужник
– лабрадорит, твёрдый камень, иногда с радужным блеском.

26

Варнак
– беглый каторжник.

27

Скудельник
– не вполне одобрительное название гончара. Скудель – глиняные изделия; это слово подчёркивает их хрупкость.

28

В стремя вступают
– сейчас мы такой возраст называем «детсадовским».

29

Чёмбур
– «поводок» для лошади. В отличие от собачьего поводка никогда не снабжается петлёй на конце.

30

Златоискр —
минерал авантюрин.

31

Обляк
– цилиндр.

32

Тул – здесь:
вместилище.

33

Посолонь
– теперь мы сказали бы «по часовой стрелке».

34

Коренной шип, полусковородень, крюковая лапа
– способы соединения углов сруба «без остатка», употребляемые при строительстве колодцев.

35

Гаяры
– подробнее о приключениях с этими животными рассказывается в повести Павла Молитвина «Глаз дракона».

36

Мазюня

– лакомство из редьки, высушенной, растолчённой и смешанной с мёдом. При правильном исполнении получается нечто среднее между халвой и зефиром.

37

Причт – здесь:

всё сообщество, от слова «считать».

38

Торба – здесь:

небольшой мешочек, подвешиваемый лошади прямо на морду, чтобы она могла полакомиться овсом во время перерыва в работе или даже непосредственно на ходу.

39

Приспешники – здесь:

работники на кухне, выполняющие подготовительную работу вроде ошипывания и потрошения дичи.

40

Доброезжий

конь – одинаково послушный под любым седоком, в отличие от дурноезжего, преданного лишь хозяину.

41

Грунь

– лошадиный аллюр, лёгкая рысца.

42

Зеленчук

– другое название минерала нефрита.

43

Дикарь, дикий камень

– другое название гранита.

44

Натягивать – здесь:

делать натяжки, лукавить в игре.

45

Жильничать – здесь:

то же, что жульничать.

46

Кремнёвый дикарь

– горный хрусталь.